

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

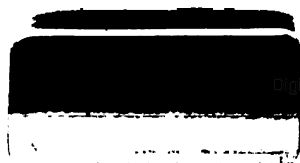
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

БЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 10 ОКТЯБРЬ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

PRESERVATION
COPY ADDED
1/28/88

RGSE

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергия“, Загородный пр., д. 17.
1906.

DK1
B94
v. 10-12
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Движеніе семидесятихъ годовъ по Большому процессу (193-хъ). Старика	1
2. Воспоминанія чайковца (окончаніе). С. С. Синегуба . .	31
3. „Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“ (по неизданнымъ источникамъ). (Продолженіе). М. К. Лемке	80
4. Коронація въ Колымскѣ (изъ воспоминаній). Н. А. Тана . . .	121
5. Самодержавіе Николая I-го и французское общественное мнѣніе. (Окончаніе). Е. В. Тарле	138
6. Первое мая въ Россіи. В. П. Акимова-Махновца	163
7. Процессъ 17-ти народовольцевъ въ 1883 году	193
8. Въ Шлиссельбургѣ. М. В. Новорусскаго	261
9. Эпизодъ изъ жизни В. Г. Бѣлинскаго (по неизданнымъ даннымъ) П. Щ.	280
10. Семья декабристовъ (по неизданнымъ матеріаламъ) М. О. Гершензона	288
11. Историческая бібліографія: П. Кропоткинъ —Записки революціонера— Д. П. Сильчовскаго . Ф. Данъ . Изъ исторіи рабочаго движенія и социаль-демократіи въ Россіи. Е. Д. Кусковой	318
12. Современная гѣтопись	336

стр.

13. **Матеріали, документи и мелкія замѣтки.** (О смерти М. Д. Райко—д-ра Попялковскаго—78. Къ процессу И. М. Ковальскаго—Х. Г. Гринбергъ-Конъ—160. Арестъ И. Н. Мышкина—М. С. Александрова—259).
14. **Отъ Шлиссельбургскаго Комитета** 360
15. **Объявленія** 361
-

Къ этой книгѣ приложены портреты: М. Ф. Грачевскаго, С. Ф. Ковалика, А. В. Буцевича и Н. А. Серно-Соловьевича.

**Сергѣй Филипповичъ
КОВАЛИКЪ.**

Движеніе семидесятихъ годовъ по Большому процессу (193-хъ)¹⁾.

I.

Состояніе общества, предшествовавшее движенію.

Дѣятельность лицъ, участвовавшихъ въ Большомъ процессѣ (193), не покрываетъ всего движенія 1873—4 годовъ, но составляетъ настолько значительную его часть, что можетъ дать полную его характеристику. Это тѣмъ болѣе справедливо, что въ процессъ попали лица, случайно выхваченные изъ среды революціонной молодежи семидесятихъ годовъ на всемъ обширномъ пространствѣ Европейской Россіи.

Въ движеніи участвовало нѣсколько лицъ изъ Нечаевского процесса—Долгушинъ, судившійся въ 70-хъ годахъ особо, Волховской и Голиковъ, одно лицо, имѣвшее нѣкоторыя, частнаго впрочемъ характера, отношенія къ каракозовцамъ—Войнаральскій, одно лицо, осужденное за политическую дѣятельность въ 60-хъ годахъ—Муравскій и наконецъ одно, участвовавшее въ организаціи «Земля и Воля» шестидесятихъ-же годовъ—Рѣчицкій. Несмотря на это, движеніе 70-хъ годовъ не имѣло въ строгомъ смыслѣ слова никакихъ корней въ предыдущихъ движеніяхъ. Нѣтъ никакой возможности констатировать преемственную связь лицъ, участвовавшихъ въ слѣдующихъ одно за другимъ движеніяхъ. Идеиная связь конечно существовала между всѣми общественными и революціонными движеніями, но и ее нельзя считать непосредственной. Идеи, выдвинутыя революціонерами даннаго періода, проникали въ общество, усваивались въ болѣе или менѣе переработанномъ видѣ передовыми людьми и входили въ той или другой степени въ составъ прогрессивнаго міросозерцанія. Революціонеры слѣдующаго періода воспитывались на книгахъ и статьяхъ, написанныхъ въ духѣ этого прогрессивнаго міросозерцанія, и въ свою очередь вырабатывали новыя революціонныя идеи, которыя также проникали въ общество и т. д. Въ нашей литературѣ до сихъ поръ не вполнѣ оцѣнено вліяніе

¹⁾ Статья эта принадлежитъ одному изъ наиболѣе крупныхъ участниковъ процесса 193-хъ. Она предполагаетъ знакомство читателя съ этимъ процессомъ. См. сборникъ Базилевскаго „Госуд. преступленія въ Россіи“, т. III.

Ред.

революціонныхъ идей на міросозерцаніе передовой части общества, а между тѣмъ безъ всякихъ натяжекъ можно доказывать, что творцами идей, входящихъ въ кругъ понятій нашей интеллигенціи, нерѣдко бывали молодые люди, выступавшіе въ разное время на революціонный путь. Вопреки мнѣнію получившаго печальную извѣстность Льва Тихомірова, можно съ большимъ правомъ утверждать, что революціонеры—это начало, а либералы концы ¹⁾. Здѣсь не мѣсто развивать эту мысль—она брошена мимоходомъ, все-же предыдущее разсужденіе направлено лишь къ выясненію того, что для изученія исторіи движенія семидесятыхъ годовъ нѣтъ надобности обращаться къ предшествующимъ движеніямъ, но тѣмъ болѣе необходимо имѣть ясное представленіе объ общественныхъ настроеніяхъ разсматриваемаго періода. Поэтому въ нижеслѣдующихъ строкахъ я попытаюсь обрисовать вкратцѣ состояніе общества и главнымъ образомъ интеллигенціи къ началу семидесятыхъ годовъ.

Шестидесятые годы составили эпоху въ развитіи русскаго общества. Освободительное движеніе прокатилось широкой волной и коснулось самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Къ нему примкнули не только молодежь, но и изъ пожилыхъ людей всѣ тѣ, кто не былъ въ корень развращенъ крѣпостнымъ правомъ и всѣмъ предыдущимъ режимомъ. Въ результатѣ получилось довольно стройное выступленіе въ первый разъ на сцену исторіи такъ называемаго общества, во главѣ котораго стали разночинцы, придавшіе ему демократическій характеръ. Отличительнымъ признакомъ тогдашняго интеллигента была непоколебимая вѣра въ силу человѣческаго ума. Никому въ то время не приходило въ голову вопроса, что важнѣе въ жизни, умъ или чувство. Всѣмъ было ясно, что всякое рѣшеніе ума должно осуществиться въ жизни.

Прекраснымъ образцомъ этой вѣры въ умъ можетъ служить разсужденіе Добролюбова о самодурствѣ. Добролюбовъ рекомендовалъ идейному читателю смѣло вступать въ борьбу съ самодурами, доказывая имъ, съ точки зрѣнія своей идеи, всю неправоту и непоследовательность ихъ. Неоконченный сегодня споръ долженъ продолжаться завтра и въ концѣ концовъ—вѣрилъ Добролюбовъ—самодуръ, не имѣющій никакой идеи, долженъ уступить. Кто помнитъ шестидесятые годы, знаетъ, что такъ было и въ дѣйствительности—нерѣдко заслуженный генераль пассовалъ передъ мальчишко-студентомъ и умѣрялъ проявленія своего самодурства ²⁾. Вѣра въ умъ приводила къ побѣдѣ надъ невѣжествомъ всякаго рода.

Подъ вліяніемъ этой вѣры лидеры шестидесятниковъ смѣло прилагали выработанный умомъ критерій истины къ политическимъ, общественнымъ и экономическимъ отношеніямъ и создавали планы

¹⁾ См. „Начало и конца“ Льва Тихомірова.

²⁾ Извѣстный критикъ „Русской Мысли“ Протопоповъ, начавшій свою литературную карьеру прекрасной статьёй, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ подъ заглавіемъ „Литературная злоба дня“, совершенно ошибочно утверждалъ, что вышеизложенное разсужденіе Добролюбова было плодомъ увлеченія, наивность котораго понятна современному (восьмидесятые годы) гимназисту.

широкихъ реформъ, которыя должны были перестроить на новыхъ началахъ всю жизнь страны. Патріархальныя и совершенно однородныя условія существованія большей части русскаго народа и почти полное отсутствіе промышленности не давали благоприятной почвы для теоріи вѣчной противоположности классовыхъ интересовъ. Реформаторы должны были принять дѣятельное участіе не въ борьбѣ классовъ, а въ борьбѣ культуры съ невѣжествомъ и предрасудками. Создавъ освобожденіемъ крестьянъ условія видимаго равенства всѣхъ гражданъ, шестидесятники должны были думать о дальнѣйшемъ переустройствѣ на началахъ разума всей жизни народа, какъ въ политическомъ, такъ и въ социальномъ отношеніяхъ. О дифференціаціи «политики» и «экономики» еще не могло быть рѣчи—она явилась позднѣе.

Активное выступленіе общества въ шестидесятыхъ годахъ продолжалось, однако, не долго. Полу-реформы, благоразумно данныя правительствомъ, сильно ослабили активность общества и способность его къ инициативѣ. Для болѣе умѣренной части его казалось вѣроятнымъ, что за этими реформами послѣдуютъ другія, которыя уничтожатъ всѣ несовершенства жизни. Самодуръ, побужденный идеей, думала эта часть общества, умеръ окончательно. Однако, не только широкія общія конституціи, но и сравнительно не очень крупныя частичныя реформы въ состояніи произвести расколъ въ обществѣ, не организованномъ въ сильныя политическія партіи. Полу-реформы 60-хъ годовъ, безъ всякаго сомнѣнія, ослабили интенсивность движенія. Ими на половину, если не болѣе, была убита «политика», ибо зачѣмъ жестока политическая борьба, если и безъ нея правительство разумно уступаетъ идейному меньшинству. Еще менѣе можно было ожидать, что правительство, согласившееся на освобожденіе крестьянъ, станетъ рѣзко на защиту господствующихъ классовъ общества и, послѣ надѣленія крестьянъ землею, не допуститъ никакихъ дальнѣйшихъ реформъ экономического характера. «Экономика» поэтому продолжала привлекать умы и выражалась главнымъ образомъ въ народничествѣ того времени, пытавшемся прійти на помощь обездоленному крестьянству и надѣявшемся убѣдить государственныхъ людей (какъ прежде самодура) вести экономическую политику въ интересахъ народа. вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ ослабленія общественной инициативы, все болѣе и болѣе дѣлалась замѣтною тенденція извѣстной части интеллигенціи къ нравственному самоусовершенствованію. Прогрессъ личности въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, казалось, обезпечиваетъ прочность движенія. Знаменитый русскій революціонеръ Бакунинъ считалъ эту тенденцію весьма вредной для общественнаго дѣла вообще и революціоннаго въ особенности. Онъ, между прочимъ, отрицательно относился къ легальной дѣятельности Чернышевскаго, считая его однимъ изъ главныхъ провозвѣстниковъ теоріи нравственнаго самоусовершенствованія личности. Въ общемъ разсужденія Бакунина правильны, но Чернышевскій будилъ столько-же духъ общественной инициативы, какъ и индивидуальнаго прогресса.

Ничто такъ не вредитъ истинной политикѣ, какъ націонализмъ, развращающій болѣе всего господствующую народность. Возбужденіе національной розни, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Австріи, ведетъ къ полной бездѣятельности даже конституціонный механизмъ; тѣмъ болѣе оно заглушаетъ всякія политическія требованія въ странѣ, не пользующейся благами политической свободы. Подъ влияніемъ возбужденнаго національнаго чувства, господствующая народность перестаетъ цѣнить блага политической свободы и предпочитаетъ имъ надѣленіе своихъ соплеменниковъ такими правами и льготами, которыя дали бы имъ несомнѣнный перевѣсъ въ столкновенияхъ хотя и съ менѣе численными, но болѣе культурными народностями. Мы еще недавно были свидѣтелями того, что многіе русскіе люди (теперь они называются «истинно русскими») рукоплескали Бобрикову за подавленіе финляндской свободы. Имъ казалось важнѣе уничтожить преимущества Финляндіи, чѣмъ требовать равной доли свободы и для себя.

Гражданская война 1863 года въ Польшѣ имѣла развращающее влияние на русское общество такого же характера, какъ и репрессіи въ Финляндіи, но по степени значительно ихъ превосходящее. Люди, допускавшіе въ принципѣ право на культурное самоопредѣленіе каждой націи, растерялись, когда началась гражданская война между двумя родственными народами; поддерживать поляковъ имъ казалось несомвѣстимымъ съ чувствами патріотизма, поэтому они, въ большинствѣ, перешли на сторону правительства. Катковъ отлично воспользовался моментомъ и выставивъ «русское» знамя, успѣлъ въ короткое время уловить въ сѣти реакціи массу колеблющихся умовъ. Политика, убитая на половину реформами, была, такимъ образомъ, окончательно добита къ величайшему удовольствію реакціонеровъ, и самодуръ воскресъ. Въ это время въ реакціонномъ лагерѣ, къ которому всегда принадлежало и правительство, началъ складываться въ опредѣленную форму софизмъ, твердо усвоенный такъ называемыми государственными людьми нынѣшняго «конституціоннаго» кабинета, а именно, что экономическія требованія населенія или отдѣльныхъ классовъ его могутъ быть допустимы, какъ не угрожающія общественному порядку, политическія же ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ они ведутъ въ случаѣ удовлетворенія ихъ къ революціи (скорѣе наоборотъ).

Изъ предшествующаго ясно, что ко времени семидесятыхъ годовъ политическіе интересы въ русскомъ обществѣ должны были въ значительной мѣрѣ заглухнуть. Такъ и было въ дѣйствительности. Либерализмъ, кажется, никогда—ни прежде, ни послѣ—не былъ такимъ дряблымъ, какъ въ семидесятыхъ годахъ. Въ связи съ этимъ и общество отличалось необыкновеннымъ безсиліемъ, равнаго которому не было даже въ 80-хъ годахъ. Въ этотъ мрачный періодъ русской жизни, подъ влияніемъ систематической репрессіи, стала проявляться нѣкоторая солидарность общества, какъ единственное оставшееся у него средство самообороны. Ни одинъ изъ возникавшихъ въ 80-хъ годахъ мелкихъ вопросовъ не заста-

валь общество разьединеннымъ. Когда во время министерства Горемыкина не совсѣмъ кстати былъ поднять вопросъ о законности, то почти всѣ органы печати въ своихъ передовыхъ статьяхъ дружно прокричали: законности! законности! Также единодушно откликлась печать на вопросъ о народномъ образованіи и другія мелкія злобы дня. Въ семидесятыхъ годахъ и этой солидарности самообороняющихся нельзя было наблюдать. Какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ былъ полнѣйшій разбродъ по вопросамъ самымъ элементарнымъ. Я здѣсь разумѣю вопросы практическаго характера; что-же касается до принциповъ, то, конечно, въ этомъ отношеніи не могло быть разногласія между людьми передовыхъ направленій.

Болѣе всего объединяло людей прогрессивнаго направленія народничество. Подъ влияніемъ литературы съ одной стороны и всего склада русской жизни съ другой, въ міросозерцаніи передовыхъ людей народническія идеи занимали одно изъ первыхъ мѣстъ. Степень идеализаціи народа находилась, казалось, въ отношеніи, прямо пропорціональномъ со степенью отчужденности интеллигенціи отъ народа, и съ ея стороны замѣтно было страстное желаніе слиться съ народомъ хотя бы въ области идей. Съ упраздненіемъ «политики» образовалось какъ-бы пустое мѣсто въ міросозерцаніи интеллигенціи, и эту пустоту передовые люди стремились заполнить народничествомъ.

Славянофильство, хотя и было побѣждено въ 60-хъ годахъ западничествомъ, но еще не окончательно умерло. Передовые круги общества были не чужды нѣкоторыхъ пережитковъ славянофильскихъ идей. Самые завзятые западники переоцѣнивали, напр., значеніе русской общины и готовы были вѣрить, что въ ней народъ сохранилъ средство обновить не только свою, но и европейскую жизнь. Само собою понятно, что эти пережитки славянофильства еще болѣе толкали русскую интеллигенцію въ сторону народничества.

Послѣ крымской войны появилась масса книгъ, преимущественно переводныхъ, по естествознанію, которое популяризировалось также и въ журналахъ. На этихъ точныхъ знаніяхъ воспитывались шестидесятники съ ихъ вѣрою въ человѣческую умъ. Вѣра эта мало ослабѣла и въ 70-хъ годахъ, но питалась уже изъ другихъ источниковъ. Семидесятники накинудись, главнымъ образомъ, на соціальныя науки. Въ 1870 году появился на русскомъ переводѣ первый томъ «Капитала». Стройностью системы и глубиною критики Марксъ произвелъ на интеллигентную молодежь большое впечатлѣніе, которое по силѣ можно сравнить развѣ съ тѣмъ, которое въ свое время вызвалъ Дарвинъ. Немногіе, конечно, одолѣли Маркса, но идеи его, изложенныя въ «Капиталѣ», стали входить въ общій оборотъ. Другія, болѣе раннія произведенія Маркса оставались неизвѣстными широкой публикѣ; поэтому экономическимъ матеріализмомъ и вопросами исторіософіи семидесятники, читавшіе только 1-й томъ «Капитала», мало занимались. Широко распространилось

лишь чисто экономическое учение Маркса о трудовой цѣнности и взгляды его на отношенія между трудомъ и капиталомъ. Семидесятники ощутили въ своихъ сердцахъ ненависть къ эксплуатаціи труда капиталистами и безъ колебаній признали освобожденіе труда одной изъ первыхъ задачъ всякой прогрессивной программы. Далѣе этого не шло значеніе Маркса и никто изъ семидесятниковъ не признавалъ его отцомъ научнаго социализма. Молодежь того времени и послѣ прочтенія «Капитала» продолжала оставаться на точкѣ зрѣнія такъ называемаго нынѣ «утопическаго» социализма и признавала своими учителями Чернышевскаго, а вскорѣ потомъ Лаврова и Бакунина.

Наибольшее значеніе въ смыслѣ выработки міросозерцанія имѣло для семидесятниковъ сочиненіе П. Л. Лаврова «Историческія письма». Оно будило въ душѣ интеллигента тѣ чувства, которыя были заложены въ ней всею предъидущей исторіей, и призывало къ уплатѣ долга народу за полученное образованіе. На этой книгѣ, можно сказать, воспитывалось цѣлое поколѣніе. Ни одна статья того-же Лаврова, написанная болѣе свободнымъ языкомъ въ нелегальномъ журналѣ «Впередъ», не могла сравниться, въ отношеніи вліянія на молодежь, съ «Историческими письмами».

Извѣстно, что въ странахъ, въ которыхъ отсутствуетъ политическая свобода, а печать задушена въ тискахъ цензуры, наука, одна сохраняющая нѣкоторую, впрочемъ весьма ограниченную долю свободы, становится средствомъ распространенія прогрессивныхъ идей и пріобрѣтаетъ въ нѣкоторой степени партійный характеръ. Лавровъ первоначально выступилъ въ нашей литературѣ, какъ философъ, котораго не признала молодежь, питавшаяся идеями Чернышевскаго и Добролюбова. Нашъ философъ скоро понялъ, что наука въ Россіи должна играть служебную роль, содѣйствуя распространенію идей равенства и свободы. Въ этомъ отношеніи Лавровъ едва-ли не лучше всѣхъ другихъ писателей умѣлъ пользоваться своими научными знаніями.

Не только наука, но и господствующій научный методъ долженъ быть у насъ служить той-же цѣли укрѣпленія передовыхъ идей. Индукція и дедукція пригодны были въ то время, когда наука являлась самоцѣлью. Въ шестидесятыхъ годахъ, въ періодъ широкаго распространенія научныхъ знаній, ни о какомъ другомъ методѣ не могло быть рѣчи. Въ семидесятыхъ годахъ, съ утратою смѣлости въ рѣшеніи основныхъ вопросовъ жизни, въ связи съ отмѣченнымъ выше ослабленіемъ активности общества, нуженъ былъ такой методъ, который окрылилъ бы умъ начинающаго мыслителя и вдохнулъ бы въ него недостающую смѣлость. Къ услугамъ интеллигенціи и явился субъективный методъ, первымъ провозвѣстникомъ котораго явился Лавровъ ¹⁾. Онъ доказываетъ въ

¹⁾ Лавровъ нигдѣ въ своей книгѣ не называетъ своего метода субъективнымъ. Разработкой субъективнаго метода, какъ одного изъ наиболее пригодныхъ для изученія социологій, занялся у насъ П. К. Михайловскій, который поэтому и считается часто творцомъ этого метода.

своихъ «Историческихъ письмахъ», что критически мыслящая личность имѣетъ право свои субъективные идеалы ставить въ главу угла изученія исторіи. Въ процессѣ исторіи, учитъ нашъ мыслитель, мы неизбѣжно видимъ прогрессъ. «Волей или неволей, приходится прилагать къ процессу исторіи субъективную оцѣнку, т. е., усвоивъ, по степени своего нравственнаго развитія, тотъ или другой нравственный идеаль, располагать всѣ факты исторіи въ перспективѣ, по которой они содѣйствовали или противодѣйствовали этому идеалу». Критически мыслящая личность, взвѣсивъ свои силы, должна рѣшиться на борьбу съ установившимися историческими формами общества. Кто строилъ исторію, спрашиваетъ Лавровъ? «Одинокія борющіяся личности». Нашъ авторъ конечно понималъ безсиліе такихъ одиночекъ, поэтому онъ далѣе разъясняетъ читателю, какимъ путемъ «обращались слабыя личности въ общественную силу». Вокругъ личностей образуются партіи, и сила единичная превращается въ силу коллективную.

Теорія Лаврова поднимала энергію мыслящаго интеллигента и укрѣпляла въ немъ вѣру въ свои силы, толкала его на борьбу съ устарѣвшими формами. Гете какъ-то выразился, что объективизмъ присущъ прогрессивнымъ эпохамъ, а субъективизмъ — регрессивнымъ. Если это изреченіе и можно признать въ извѣстной степени вѣрнымъ, то къ семидесятымъ годамъ его слѣдуетъ примѣнить нѣсколько въ другомъ смыслѣ. Въ реакціонную эпоху начала 70-хъ годовъ только субъективизмъ могъ выступить въ качествѣ революціонной силы, объективизмъ могъ-бы только констатировать господство реакціи.

Нигилизмъ имѣлъ немаловажное значеніе для семидесятыхъ годовъ. Появившись въ 60-хъ годахъ, какъ крупная общественная сила, перестроившая взаимныя отношенія личностей въ обществѣ, нигилизмъ, отринувъ авторитеты, расчистилъ почву для воспринятія здороваго прогрессивнаго міросозерцанія. Нигилизмъ продолжалъ существовать и въ началѣ 70-хъ годовъ, но съ обезцвѣченіемъ общества пересталъ играть роль активнаго фактора въ освободительномъ движеніи, ожидая какъ-бы толчка, чтобы снова послужить дѣлу освобожденія родины. Между прочимъ, нигилизмъ содѣйствовалъ сокращенію потребностей интеллигента и облегчалъ образованіе коммунъ для совмѣстной жизни и взаимнаго развитія индивидуумовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что только нигилизмъ обезпечилъ возможность участія женщинъ въ движеніи. Безъ него мужчины и женщины, подчиняясь устарѣлымъ приличіямъ, были-бы слишкомъ разобщены, чтобы работать рука объ руку.

Таковы главнѣйшія условія, при которыхъ выступила на сцену революціонная молодежь въ семидесятыхъ годахъ.

II.

Молодежь ко времени начала семидесятых годов.

Молодежь, группировавшаяся около университетскихъ центровъ, не имѣла къ началу 70-хъ годовъ опредѣленнаго міросозерцанія. Тѣмъ не менѣе она, какъ и во всѣ другія времена, обнаруживала склонность къ прогрессивнымъ идеямъ. Она сильно тяготѣла къ передовому органу печати того времени—«Отечественнымъ Запискамъ». Каждый мѣсяцъ при выходѣ журнала можно было встрѣтить около конторы его студентовъ, торопившихся получить только что отпечатанную и еще не разосланную книжку. Въ числѣ наиболѣе любимыхъ писателей были: Глѣбъ Успенскій, Щедринъ, Михайловскій и Елисеѣвъ. Послѣдній, въ своихъ блестящихъ внутреннихъ обзорѣніяхъ, давалъ руководящую точку зрѣнія на текущія событія.

Радикальное направленіе всегда болѣе другихъ направленій привлекало мыслящую молодежь. За рѣдкими исключеніями, она или принимала радикальную программу или представляла *tabula rasa*. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ часть молодежи, хотя еще не большая, была сѣорганизована въ радикальскіе кружки, которые находились во всѣхъ университетскихъ центрахъ, по одному въ городѣ, а въ Петербургѣ въ количествѣ 15—20. Кружки вели себя довольно конспиративно и окружены были нѣкоторою таинственностью, что, можетъ быть, болѣе всего содѣйствовало ихъ престижу въ средѣ молодежи. Она знала, что въ кружкахъ можно пріобрѣтать книги, но остальные дѣла ихъ были для всѣхъ тайною. Въ дѣйствительности практическая дѣятельность большинства кружковъ была довольно слаба, и строго выработанныхъ программъ у нихъ не было.

Наибольшее значеніе, какъ по числу участниковъ, такъ и по размѣрамъ практической дѣятельности имѣлъ кружокъ Чайковцевъ, образовавшійся изъ такъ называвшейся Вульфовой коммуны. Въ эту коммуну, случайно или сознательно, былъ подобранъ народъ, выдающійся для того времени по своему умственному и нравственному развитію. Сначала она существовала, какъ простая коммуна для общежитія и саморазвитія. Въ періодъ нигилистическаго отрицанія всякихъ предразсудковъ, коммуна рѣшила съѣсть принадлежавшую ей собаку, что—по разсказу бывшаго члена коммуны потомъ эмигранта Александрова—благополучно и исполнила. Реакціонеры изъ правительственнаго лагеря не знали этого факта, иначе они воспользовались-бы имъ на судѣ для очерненія нигилистической молодежи, которую они всячески старались уличить въ развратъ и другихъ безнравственныхъ поступкахъ. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что нигилисты безконечно менѣе повинны въ отступленіяхъ отъ нравственныхъ правилъ, чѣмъ бюрократы и обыватели безъ принциповъ, разрѣшающіе себѣ подъ прикрытіемъ

брачныхъ узъ и разныхъ установившихся приличій самыя противонравственныя поступки. Мужскія сорочки, носившіяся нигилистками, во всякомъ случаѣ, лучше скрываютъ наготу женскаго тѣла, чѣмъ бальные костюмы съ вырѣзками чуть не до пояса. Въ данномъ случаѣ, питаніе собачьимъ мясомъ, если оно имѣло мѣсто, было лишь простымъ испытаніемъ стойкости убѣжденій и свободы отъ предрассудковъ. Этотъ незначительный случай хорошо иллюстрируетъ нравственную силу и стойкость, которая проявили Чайковцы потомъ въ своей практической дѣятельности.

Въ числѣ петербургскихъ радикальскихъ кружковъ былъ кружокъ Долгушина, кончившаго свою жизнь въ Шлиссельбургѣ. Этотъ кружокъ, не доживъ до разгара движенія, первый почувствовалъ неудовлетворенность половинчатою дѣятельностью современныхъ радикаловъ и ранѣе другихъ выступилъ на чисто революціонный путь.

Многіе радикальскіе кружки занимались развитіемъ рабочихъ, которымъ они читали по извѣстной, болѣе или менѣе обдуманной программѣ систематическія лекціи, и, кажется, всѣ кружки до одного—распространеніемъ среди молодежи лучшихъ легальныхъ книгъ. Нити этого предпріятія находились въ рукахъ Чайковцевъ. Имъ удалось съ издателями нѣкоторыхъ книгъ войти въ соглашеніе, по которому эти книги продавались имъ съ большою уступкою. Молодежь того времени не имѣла большихъ денежныхъ рессурсовъ и не въ состояніи была пріобрѣтать такія цѣнныя книги, напр., какъ Біологія Спенсера; въ кружкахъ же она продавалась вмѣсто 4 р. за 1 р. Впрочемъ, дѣятельность провинціальныхъ кружковъ была довольно слаба, а въ Харьковѣ и Казани почти совсѣмъ прекратилась къ началу 70-хъ годовъ. Болѣе или менѣе замѣтной была только работа Петербургскихъ кружковъ, преимущественно Чайковцевъ. Кромѣ нихъ былъ чрезвычайно популяренъ среди петербургскихъ рабочихъ въ 1872 и 73 годахъ нѣкто Низовкинъ. По популярности съ нимъ могъ сравниться развѣ Синегубъ, который изъ всѣхъ Чайковцевъ отличался наибольшимъ успѣхомъ среди рабочихъ. Низовкинъ, хотя и избѣгалъ пропаганды крайнихъ идей, но былъ арестованъ осенью 1873 года среди другихъ революціонеровъ и выдалъ во время дознанія всѣхъ извѣстныхъ ему Чайковцевъ и много другихъ лицъ. У него явилась какая-то манія выдачъ и даже чины, производившіе дознаніе, пытались отдѣлаться отъ него подъ благовиднымъ предлогомъ и не слушать его послѣ того, когда онъ рассказалъ все, что зналъ. Я распространился о Низовкинѣ потому, что далѣе объ немъ не будетъ рѣчи. У Низовкина былъ талантъ популяризаціи, и онъ, кромѣ того, умѣлъ подбирать себѣ помощниковъ, въ числѣ которыхъ обвинитель по процессу 193-хъ называетъ Доводчикова, читавшаго рабочимъ лекціи даже по фізіологіи. На лекціи Доводчикова собирались рабочіе не только съ Выборгской стороны, гдѣ была квартира Низовкина, но и съ Васильевскаго острова и изъ за Невской заставы. На рабочихъ, привлеченныхъ Низовкинымъ, въ свою очередь пытались воздѣй-

ствовать Чайковцы, чтобы привить имъ болѣе радикальные взгляды, а лучшихъ, можетъ быть, ввести даже въ свой кружокъ.

Радикальскіе кружки, казалось, должны были послужить кадрами для начинающагося движенія семидесятыхъ годовъ, но это имъ удавалось лишь въ слабой степени. Впрочемъ, не только въ этомъ случаѣ, но и вообще, приходится наблюдать, что существующія въ данный моментъ организаціи, какъ бы онѣ не готовились къ ожидаемымъ стихійнымъ общественнымъ или народнымъ движеніямъ, не успѣваютъ становиться во главѣ ихъ и направлять движеніе по заранѣе намѣченному плану. Самый большій успѣхъ, который когда либо доставался на долю такихъ организацій, заключался въ томъ, что имъ удавалось, наконецъ, объединиться съ движеніемъ и до нѣкоторой степени руководить имъ, но уже тогда, когда движеніе болѣе или менѣе опредѣлилось. Изъ Петербургскихъ кружковъ это въ извѣстной мѣрѣ удалось только Чайковцамъ, остальные-же кружки или исчезли въ волнахъ движенія, или замкнулись на прежней маленькой программѣ.

Часть учащейся молодежи, разочаровавшись въ россійскихъ университетахъ, направилась въ началѣ 70-хъ годовъ въ Цюрихъ; русская колонія доходила тамъ до 300 человекъ. Большинство мало обращало вниманія на лекціи, читавшіяся мѣстными профессорами, отчасти по незнанію языка, но еще болѣе потому, что искало другой науки, другихъ знаній. Вопросы о судьбахъ человѣчества вообще и родины въ особенности, о томъ участіи, которое каждый человекъ, вѣрующій въ лучшее будущее, долженъ принять въ рѣшеніи этихъ судебъ, всегда привлекали молодежь, здѣсь-же въ свободной странѣ, при неограниченномъ правѣ собраній, они скоро стали обсуждаться съ невѣдомою дотолѣ страстностью. Профессорами въ цюрихской колоніи явились Лавровъ и Бакунинъ. Въ короткое время молодежь набралась революціоннаго духа и раздѣлилась на два враждующіе лагеря, лавристовъ и бакунистовъ. Нѣсколько человекъ бакунистовъ устроили въ Цюрихѣ обширную бібліотеку¹⁾, главнѣйшая часть которой состояла изъ книгъ въ то время запрещенныхъ въ Россіи. Когда въ средѣ молодежи стали обрисовываться два направленія, бібліотека стала яблокомъ раздора между учредителями—бакунистами и «народомъ»—лавровцами. Кромѣ того было не мало и другихъ недоразумѣній, которыя обыкновенно имѣютъ мѣсто между двумя близкими фракціями.

Осенью 1873 года появился правительственный указъ, призывавшій молодежь, проживавшую въ Цюрихѣ, возвратиться въ Россію и угрожавшій, въ случаѣ неисполненія этого требованія, разными репрессіями, вплоть до запрещенія вѣзда въ Россію. Колонія, за немногими исключеніями, рѣшила подчиниться указу. Молодежь, уже настроенная революціонно, рѣшила, что она не имѣетъ права закрывать себѣ путь на родину, гдѣ ея ожидаетъ работа болѣе производительная, чѣмъ за границей. Къ такому рѣшенію подтал-

¹⁾ Библіотека эта теперь находится въ Парижѣ.

кивало молодежь и начавшееся движение въ Россіи, отголоски которые доходили до Цюриха.

Возвратившаяся на родину молодежь, усвоившая готовое революціонное ученіе отъ его основоположниковъ Лаврова и Бакунина, казалось, должна была явиться авангардомъ и даже организаторомъ начавшагося въ Россіи движенія, но этого не случилось. Мѣстные, не уѣзжавшіе за границу дѣятели взяли верхъ и Цюрихцы, между которыми были безспорно выдающіеся люди, принуждены были встать въ ряды, не претендуя на руководящую роль. Мѣстные кружки, не порывавшіе ни на одну минуту съ родиной, съ одной стороны находились въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, будучи принуждены тратить время и силы на самостоятельную разработку революціонныхъ идей, но съ другой стороны имѣли большое преимущество въ томъ, что въ этой работѣ они шли рука объ руку со всей молодежью и успѣли пріобрѣсти надъ ней вліяніе, котораго не имѣли Цюрихцы. Но, быть можетъ, главной причиной второстепеннаго значенія возвратившихся изъ Цюриха молодыхъ людей было то обстоятельство, что они въ громадномъ большинствѣ принадлежали къ лавровскому направленію, которое въ Россіи скоро принуждено было уступить первое мѣсто бакунизму. Этотъ послѣдній почти исключительно былъ представленъ мѣстными кружками, такъ какъ цюрихскіе вожаки его не возвратились въ Россію. Отпаденіе Цюрихцевъ отъ лавризма началось уже тотчасъ по пріѣздѣ ихъ на родину. Такъ напр. Иванъ Яковлевичъ Чернышевъ (Кіевскій), проявившій потомъ большую энергію въ подготовительномъ періодѣ революціоннаго движенія, будучи въ Цюрихѣ завзятымъ лавровцемъ, съ первыхъ-же дней своего пребыванія въ Россіи объявилъ себя бакунистомъ—анархистомъ.

III.

Когда именно началось революціонное движеніе. Безучастность общества. Соціалистическій характеръ движенія.

Едва-ли кто въ состояніи точно установить даже начала революціоннаго движенія 70-хъ годовъ. Сенатъ, судившій участниковъ его въ числѣ 193 человекъ, призналъ, что въ 1872 году четыре лица—Войнаральскій, Коваликъ, Мышкинъ и Рогачевъ, умысливъ образовать тайное сообщество, привлекли къ нему подсудимыхъ. Дата эта опровергается уже тѣмъ, что изъ названныхъ лицъ не было двухъ, которые были-бы между собою знакомы въ 1872 году. Вѣрнѣе опредѣлилъ дату прокуроръ, составившій обвинительный актъ. Онъ считаетъ началомъ движенія осень 1873 года. Прокуроръ знаетъ собственно время арестовъ, которое, если вѣрить въ недреманное око, не могло далеко отстоять отъ времени начала движенія. Броженіе существовало много раньше—доказательствомъ можетъ служить долгушинское дѣло—но я готовъ, хотя и по другимъ мотивамъ, чѣмъ прокуроръ, считать началомъ настоящаго,

стихийнаго движенія осень 1873 года. Около этого времени появился первый печатный органъ русской революціи—журналъ „Впередъ“, издававшійся Лавровымъ въ Цюрихѣ. Почти одновременно отпечатано было евангеліе анархистовъ — „Государственность и анархія“ Бакунина. Кромѣ того лѣтомъ въ большихъ городахъ, за отсутствіемъ молодежи, не могло происходить никакого движенія. Съѣзжается она осенью. Такъ было и въ 1873 году и сейчасъ-же начались постоянныя сходы съ Цюрихцами и безъ нихъ. Изъ этихъ данныхъ явствуется, что осенью 1873 года, если движеніе и не началось, то во всякомъ случаѣ приобрѣло стихійный характеръ.

Движеніе семидесятыхъ годовъ было по существу революціоннымъ. Въ немъ приняла участіе исключительно молодежь, состоявшая преимущественно изъ учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Бакунинъ любилъ подчеркивать это обстоятельство, утверждая, что въ Россіи столько революціонеровъ, сколько учащейся молодежи въ университетахъ, гимназіяхъ и семинаріяхъ (примѣрно 40 тысячъ). Общество стояло въ сторонѣ отъ движенія и долго не догадывалось о немъ, несмотря на начавшіеся аресты. Печать до 1875 года, въ то время, когда среди молодежи все живое пришло въ бурное движеніе, продолжала тоскливо жаловаться на застой. Это объясняется полной обособленностью молодежи. Она всегда знала по журналамъ, что дѣлается въ остальномъ мірѣ, міръ-же не могъ знать, что происходитъ въ ея средѣ. Къ тому-же рознь между „отцами“ и „дѣтьми“, рѣзко выраженная въ 60-хъ годахъ, продолжала существовать лишь въ нѣсколько смягченной формѣ и въ 70-хъ годахъ. Въ общество конечно проникали слухи объ арестахъ то тамъ, то здѣсь, но большинство не имѣло понятія, за что и почему. Газеты въ семидесятыхъ годахъ были слабо распространены и не могли, отчасти и по цензурнымъ условіямъ, оповѣстить общество о томъ, что происходитъ у него чуть не передъ глазами. Между тѣмъ движеніе получало все болѣе и болѣе крупный характеръ, становясь поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русской революціи. Революціонная дѣятельность, переставъ быть случайной, стала сосредоточиваться въ рукахъ партіи, не прекратившей своего существованія, хотя и въ другомъ видѣ, до настоящаго времени.

Обособленіе молодежи отъ остального общества придало движенію необыкновенную силу. Въ семидесятыхъ годахъ молодежь попыталась одна, безъ всякаго содѣйствія склонныхъ къ компромиссамъ старшихъ возрастовъ, порѣшить всѣ проклятые вопросы, не дающіе человѣчеству мирно существовать, и рѣшила возложить на свои плечи всю работу по обновленію міра. Подобно первымъ христіанамъ, она отрекалась отъ міра (привилегированнаго, въ которомъ жила) и собственныхъ выгодъ и могла самоотверженно отдать борьбѣ со зломъ, не заботясь даже о насущномъ хлѣбѣ. Подвигъ, приковывающій при всякихъ условіяхъ наше вниманіе даже въ мелко дѣлѣ, ради котораго онъ совершается, тѣмъ бо-

лѣе импонироваль, когда не вѣдающая личныхъ, эгоистическихъ интересовъ молодежь бралась за рѣшеніе коренного вопроса русской жизни, за переустройство всей государственной и общественной жизни на началахъ свободы и правды. Общество, въ лицѣ лучшихъ своихъ членовъ, въ концѣ концовъ выразило, хотя и заднимъ числомъ, свое сочувствіе геройской молодежи, несмотря на то, что ея намѣчены были революціонныя средства борьбы—единственные, которыя могли быть пущены въ ходъ активнымъ меньшинствомъ.

Выше было показано, что къ началу семидесятыхъ годовъ русская интеллигенція утратила вѣру въ политическую дѣятельность. Молодежь конечно еще болѣе стала отрицать политику и склоняться къ чистому социализму. Изъ трехчленной формулы, завѣщанной великой французской революціей, *liberté* отодвинута была на задній планъ и подчеркнута *egalité*. Въ случайныхъ и нарочитыхъ собраніяхъ интеллигентной молодежи, имѣвшихъ мѣсто до начала движенія, часто дебатировался вопросъ о значеніи конституціи и, большею частью она признавалась не только не необходимой, но даже вредной. Радикалы обыкновенно доказывали, что только социальныя преобразованія могутъ спасти Россію, политическая-же программа ихъ оставалась не ясной.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ молодежь вообще и радикальные ея кружки въ особенности стали все болѣе и болѣе склоняться къ признанію революціоннаго пути единственно спасительнымъ въ борьбѣ за счастье народа и за социалистическій строй жизни. Это сознаніе должно было роковымъ образомъ привести ко включенію въ прежнія программы кружковъ политической борьбы, а затѣмъ и къ полному торжеству политики, что и обнаружилось въ дальнѣйшей эволюціи революціоннаго движенія въ началѣ 80-хъ годовъ. Съ другой стороны народническая тенденція были еще сильнѣе выражены въ міросозерцаніи молодежи, чѣмъ у остальной демократической части русскаго общества 70-хъ годовъ. Это обезпечивало за революціоннымъ движеніемъ социалистическій характеръ. У насъ революція всегда ставитъ своей цѣлью социальный переворотъ и не можетъ быть сведена исключительно на политическія преобразованія, хотя бы и самыя радикальныя.

IV.

Характеристика движенія. Стихійность ею.

Выше было замѣчено, что наиболѣе естественно считать началомъ революціоннаго движенія семидесятыхъ годовъ появленіе программныхъ революціонныхъ изданій. За годъ до выпуска первой книжки „Впередъ“ въ кружкахъ циркулировала литографированная программа журнала, кажется, два раза передѣлывавшаяся. Наиболѣе вліятельный голосъ при ея редактированіи имѣли чайковцы. Лавровъ, будучи безъ сомнѣнія выдающимся мыслителемъ и обладая

большой эрудицией, не въ состояніи былъ проявить творчества въ новой для него области революціонныхъ идей и все время своего участія въ революціонной литературѣ не столько направлялъ молодежь, сколько слѣдовалъ за нею, дошедши со временемъ даже до признанія въ главныхъ чертахъ программы „Народной Воли“:

Принявъ продиктованную Чайковцами программу „Впередъ“, Лавровъ не могъ проводить ее настолько послѣдовательно, чтобы не вызывать никакихъ недоразумѣній у читателей журнала. Въ написанной имъ самимъ руководящей статьѣ перваго номера, подъ заглавіемъ „Знаніе и Революція“ сказался до извѣстной степени прежній Лавровъ, философъ и профессоръ, склонный признать, что наука есть единственная или по крайней мѣрѣ первостепенная сила въ переустройствѣ общества. Значеніе знаній было несомнѣнно преувеличено Лавровымъ, чѣмъ и воспользовались лица болѣе крайняго направленія, раздѣлявшія взгляды Бакунина на революцію. Они, въ то время еще очень немногочисленные и только начавшіе формироваться въ кружки, рѣшили дать сраженіе лавровцамъ по поводу названной выше статьи и собрали въ Петербургѣ большую сходку на квартирѣ-коммунѣ, нанятой на имя Блавдзевича, или Ковалика. Большинство прибывшихъ на сходку были приверженцы Лаврова и между ними и бакунистами начались горячіе споры. На сходкѣ присутствовалъ между прочимъ и Чайковскій, скрывавшійся отъ преслѣдованій жандармовъ, но не выступавшій ораторомъ. Болѣе или менѣе серьезной критикѣ подвергъ статью Лаврова въ длинной рѣчи Каблицъ (Юзовъ). Въ основаніи рѣчи была положена совершенно невѣрная мысль. Каблицъ проводилъ полную аналогію между процессомъ накопленія знаній и таковымъ же процессомъ капитала. Рѣчь несмотря на свою парадоксальность произвела нѣкоторое впечатлѣніе; ею Каблицъ пріобрѣлъ между прочимъ послѣдователя въ лицѣ извѣстнаго потомъ Богдановича—Кобозева и близко къ нему стоявшей Палицыной. Сами бакунисты находили рѣчь Каблицъ слабой и слишкомъ искусственной. Но возраженія были еще слабѣе, и бакунисты одержали первую, впрочемъ довольно слабую побѣду. На ту-же тему вскорѣ происходили пренія въ квартирѣ Кавказцевъ, которые были въ то время послѣдователями Лаврова. На сходкѣ говорили изъ бакунистовъ Коваликъ, Чернышевъ и др. На этой сходкѣ бакунисты укрѣпили занятія позиціи. Обѣ упомянутыя сходки ни по характеру произнесенныхъ рѣчей, ни по всей своей обстановкѣ вообще, не выдѣлялись среди другихъ сходокъ, но я остановился на нихъ потому что онѣ были характерны для той фазы движенія, въ которой анархисты стали развертывать свои силы. Разговоры все время вертѣлись вокругъ центральнаго пункта, на которомъ думали укрѣпиться лавровцы, чтобы помѣшать головокружительному стремленію молодежи изъ университетовъ въ народъ. Среди бакунистовъ были безъ сомнѣнія энергичные люди, но и лавровцы могли похвалиться энергіей, знаніями и вообще всѣмъ, что даетъ перевѣсъ въ спорахъ, но съ перваго-же собранія становилось очевид-

нымъ, что окончательная побѣда останется за анархистами. Она обезпечивалась настроеніемъ молодежи, находившейся въ такомъ приподнятомъ состояніи духа, что малѣйшая искра зажигала порохъ. При такихъ условіяхъ крайнія направленія всегда одерживаютъ верхъ надъ болѣе умѣренными.

Повышенное настроеніе молодежи не поддается описанію, его можно только иллюстрировать примѣрами. Нерѣдко можно было встрѣтить небольшіе кружки самообразования или просто группы молодежи, которые еще ничего не слышали о начавшемся революціонномъ движеніи и тѣмъ не менѣе въ одинъ вечеръ послѣ болѣе или менѣе незначительныхъ словъ, сказанныхъ агитаторами, сразу и окончательно переходили въ революціонный лагерь. Иногда для этого достаточно было прочесть какую-нибудь книжку или даже статью. Примѣромъ можетъ служить быстрый переворотъ, случившійся съ сестрами члена оренбургскаго кружка Федоровича, оставившаго имъ нѣсколько запрещенныхъ книгъ. Изъ переписки, приведенной въ обвинительномъ актѣ, видно, что самъ Федоровичъ пораженъ былъ быстротою перемѣны, которую онъ увидѣлъ при свиданіи съ сестрами. Другой примѣръ: Одинъ молодой студентъ, прослушавъ споры на сходкѣ, задумался надъ вопросомъ, что онъ долженъ дѣлать, пріобрѣтать-ли дальнѣйшія познанія въ высшемъ учебномъ заведеніи, или же немедленно приняться за работу въ народѣ. Когда онъ высказалъ свои сомнѣнія старшему товарищу, тотъ, не имѣя намѣренія повліять на рѣшеніе юноши въ ту или другую сторону, замѣтилъ, что, при отсутствіи вѣры въ свои силы ему ничего не остается другого, какъ продолжать свое ученіе, когда-же явится эта вѣра, то онъ самъ будетъ знать, что ему дѣлать. Юноша тутъ-же постарался заглянуть въ свою душу и объявилъ товарищамъ, что онъ вѣритъ, бросаетъ учебное заведеніе и идетъ въ народъ. Еще одинъ интересный примѣръ. Въ концѣ 1873 или въ началѣ 1874 года Коваликъ посѣтилъ Харьковъ и, не найдя тамъ никакого замѣтнаго движенія, обратился къ бывшему студенту Говорухѣ-Отроку, который ранѣе принималъ участіе въ кружкѣ, занимавшемся распространеніемъ полезныхъ, легальныхъ книгъ, въ это-же время, удалившись отъ всякой общественной дѣятельности, испытывалъ нѣкоторое разочарованіе и начиналъ впадать въ апатію. Разговоръ съ Коваликомъ возбудилъ въ немъ энергію. По желанію своего собесѣдника онъ собралъ десятка два студентовъ, семинаристовъ и гимназистовъ и выступилъ на сходкѣ пропагаторомъ анархіи, съ ученіемъ которой онъ только что самъ познакомился. Въ два—три дня образовался революціонный кружокъ съ болѣе или менѣе опредѣленной программой, нѣкоторымъ раздѣленіемъ труда и собственной небольшой кассой, въ которую члены тащили рубли изъ жалкихъ средствъ, бывшихъ въ ихъ распоряженіи. Очевидно, время направило умы этихъ людей на поиски руководящихъ идей, которыя могли-бы привести въ равновѣсіе ихъ мятушуюся душу и служить маякомъ въ ихъ дальнѣйшей жизни и дѣятельности. Исканіе истины настолько охва-

тило учащуюся молодежь, что его не чужды были юноши, только что начинающие мыслить. Одинъ самый молодой семинаристъ, случайно или по зову товарищей присутствовавшій на описанныхъ собраніяхъ, настолько проникся высказывавшимся мыслями, что тутъ-же отдалъ послѣдній свой рубль въ кассу и только для собственнаго успокоенія спросилъ, не будетъ-ли препятствіемъ къ его вступленію въ кружокъ то обстоятельство, что въ семинаріи онъ имѣетъ единицу за поведеніе.

Во всѣхъ умственныхъ центрахъ почва для революціонной пропаганды была подготовлена всѣмъ предшествующимъ режимомъ вообще и школьнымъ въ частности настолько хорошо, насколько этого могли желать пропагандисты. Не даромъ князь Мещерскій, послѣ одного изъ полученныхъ имъ откровеній, утверждалъ, что наша школа при Толстомъ была школою политическаго разврата. Молодежь вездѣ задыхалась въ тѣсныхъ рамкахъ жизни и школы, обрекающихъ людей на полное ничтожество и тѣмъ самымъ лишавшихъ ихъ всякой возможности уплатить народу, какъ училъ Лавровъ. Поэтому понятно, что анархисты, толкавшіе молодежь изъ школы въ народъ, должны были одержать верхъ надъ лавристами, которые удерживали своихъ адептовъ въ оскверненныхъ храмахъ науки съ цѣлью всесторонней ихъ подготовки къ будущей полезной работѣ.

Въ борьбѣ анархистовъ съ лавровцами, какъ это всегда бываетъ при столкновеніи близкихъ направленій, не обходилось безъ взаимныхъ заподозриваній, насмѣшекъ и т. п., высказываемыхъ отдѣльными, болѣе увлекающимися личностями. Про лавровцевъ рассказывали, что одинъ изъ ихъ генераловъ въ страстномъ желаніи уничтожить анархію, съѣлъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, анархическій листокъ. Генераль, сидя въ вагонѣ и замѣтивъ пристальные взгляды одного пассажира, сталъ будто-бы понемножку жевать и проглатывать анархическую прокламацію. Между лавристами встрѣчались люди, стремившіеся быть *plus royalistes, que le roi mѣme*. Они доводили ученіе Лаврова до абсурда, требуя отъ cadaго интеллигента изученія всѣхъ наукъ по знаменитой классификаціи ихъ въ іерархическомъ порядкѣ, сдѣланной Огюстомъ Контомъ, что сводилось въ сущности къ прохожденію почти всѣхъ факультетовъ университета. Бакунисты ставили это въ упрекъ всѣмъ лавристамъ вообще и стремленіе ихъ къ приобрѣтенію знаній объясняли желаніемъ оправдать свое ничегонедѣланіе и въ то же время сохранить престижъ революціонеровъ. Къ такому-же ничегонедѣланію лавристы, по мнѣнію ихъ противниковъ, приглашали и всю учащуюся молодежь. Болѣе-же всего обвиняли лавристовъ, или правильнѣе ихъ вожаковъ, въ стремленіи къ генеральству. При общей боязни генеральства, свойственной семидесятиникамъ, подчеркивался каждый неправильный шагъ виднаго члена кружка и истолковывался въ смыслѣ желанія его присвоить себѣ власть и вліяніе. Въ наиболѣе активныхъ кружкахъ генеральство, если-бы и существовало, не могло бросаться въ глаза. Лидеры этихъ круж-

ковъ въ своей кипучей дѣятельности не только шли плечемъ къ плечу съ рядовой молодежью, но нерѣдко занимали самыя опасныя позиціи. Поэтому понятно, что обвиненія въ генеральствѣ выдвигались преимущественно противъ лавровцевъ, практическая дѣятельность которыхъ была слабѣе, чѣмъ у анархистовъ. Съ своей стороны лавристы относились недовѣрчиво къ бакунистамъ и обвиняли ихъ въ невѣжествѣ, истолковывая борьбу съ официальной наукой въ смыслъ полнаго отрицанія всякихъ знаній... Одинъ наивный лавровецъ былъ крайне пораженъ, узнавъ, что извѣстный анархистъ, котораго рѣчи онъ слышалъ на сходкѣ, имѣетъ университетскій дипломъ. Всѣ эти и подобныя обвиненія высказывались, разумѣется, въ интимныхъ кругахъ, публичные-же дебаты протекали вполнѣ корректно; борющіяся стороны громили на сходкахъ слабыя стороны направленій, а не недостатки отдѣльныхъ лицъ. Несмотря на нѣкоторыя пораженія, нанесенныя Лавровскому направленію осенью, послѣдователи его къ концу 1873 года были еще въ большинствѣ.

V.

Бакунисты и ихъ главнѣйшіе кружки.

Бакунинъ, исключенный въ 1872 году, по инициативѣ Маркса, изъ Интернаціонала Гаагскимъ конгрессомъ за образованіе въ средѣ союза тайнаго общества, скоро сталъ открыто проповѣдывать свое анархическое ученіе. вмѣсто существующаго государства онъ выдвигалъ идеаль анархіи, т. е. безвластья, осуществляемый въ вольномъ союзѣ общинъ, организованномъ снизу вверхъ. Къ этому ученію стали примыкать бывшіе члены Интернаціонала въ романскихъ странахъ. Къ времени начала русскаго движенія Бакунинъ былъ уже главою анархической партіи въ Италіи и руководилъ дѣятельностью анархистовъ въ Испаніи. Чтобы быть ближе къ Италіи, онъ поселился въ Локарно (кантонъ Тичино), почти сплошь населенномъ итальянцами. За свою предъидушую дѣятельность Бакунинъ былъ осужденъ въ нѣсколькихъ странахъ и не могъ появляться ни въ Францію, ни въ Германію. Въ Италіи ему также было-бы небезопасно жить. Для обезпеченія себѣ большей свободы дѣйствій, Бакунинъ напечаталъ въ газетахъ заявленіе, что онъ удаляется отъ всякой общественной дѣятельности. Это заявленіе однако-же не ввело въ заблужденіе итальянскую полицію, продолжавшую за нимъ зорко наблюдать издали. Въ Локарно онъ занималъ виллу, купленную для него итальянскими анархистами. Здѣсь его часто посѣщали итальянцы и получали необходимыя указанія. Между прочимъ у него постоянно можно было встрѣтить извѣстныхъ потомъ въ Италіи Каффіеро и Коста. Русскіе молодые люди совершали къ нему частыя поломничества, но онъ, избѣгая вредной по его мнѣнію популярности, старался по возможности уклоняться отъ свиданій и охотно принималъ у себя только лицъ, болѣе

или менѣ извѣстныхъ своею дѣятельностью въ Россіи. Правую руку его считался Россъ, проживающій въ то время въ Цюрихѣ.

Одинъ изъ бывшихъ Чайковцевъ Теофанъ Никандровичъ Лермонтовъ, вышедшій изъ кружка по какимъ-то недоразумѣніямъ, задумалъ составить свой собственный кружокъ. Предварительно онъ съѣздилъ за границу, гдѣ видѣлся съ Бакунинымъ и уговорился распространять въ Россіи анархическія идеи и устроить анархическую организацію. Проживая на квартирѣ Сергѣя Филипповича Ковалика, онъ открылъ ему свои планы. Коваликъ, склонный и ранѣе къ анархизму, отправился въ свою очередь къ Бакунину и получилъ тѣ-же инструкціи, что и Лермонтовъ. Независимо отъ нихъ Владиміръ Карповичъ Дебагоріо-Мокріевичъ имѣлъ въ свою очередь свиданіе съ Бакунинымъ и рѣшилъ принять участіе въ организаціи анархической партіи.

На свиданіяхъ съ Бакунинымъ рѣшено было не оглашать его прикосновенности къ русскому революціонному дѣлу. Руководители русской анархической партіи должны были дѣйствовать отъ своего имени, а Бакунинъ — оставаться негласнымъ центромъ, подобно тому, какъ это было устроено въ Италіи и Испаніи. Кромѣ того будущіе организаторы анархической партіи находили нужнымъ въ конспиративныхъ цѣляхъ не посвящать пока членовъ устраиваемыхъ ими кружковъ въ идею общей анархической организаціи и установить ее фактически путемъ взаимныхъ сношеній главъ кружковъ или наиболѣе авторитетныхъ лицъ. Этотъ способъ оправдывался также и настроеніемъ молодежи, стремившейся къ полной индивидуальной самостоятельности и унаслѣдовавшей отъ времени господства радикальскихъ кружковъ боязнъ генеральства. Вмѣстѣ съ генеральствомъ молодежь боялась также и дисциплины, необходимой во всякой правильной организаціи. Революціонная молодежь еще не получила въ то время необходимой и достаточной подготовки для подчиненія партіонной дисциплинѣ и потому отдѣльныя лица, понимавшіе ея значеніе, старались по возможности маскировать свою организаціонную дѣятельность. Они допускали, что личнымъ вліяніемъ на членовъ кружковъ можно достигнуть той общности дѣйствій, которая въ установившихся политическихъ партіяхъ обеспечивается болѣе всего дисциплиною. Планъ анархической организаціи рушился вмѣстѣ съ крушеніемъ кружковъ, члены которыхъ засажены были въ тюрьмы.

Изъ перечисленныхъ выше лицъ Лермонтовъ и Коваликъ дѣйствовали въ Петербургѣ, а Мокріевичъ въ Кіевѣ. Первый собралъ около себя кружокъ изъ новыхъ лицъ, а послѣдніе переорганизовали существовавшіе кружки. Петербургскіе кружки, какъ дѣйствовавшіе въ столицѣ, имѣли большее вліяніе на распространеніе анархическаго ученія въ другихъ городахъ, поэтому составъ ихъ я считаю нужнымъ перечислить подробно.

Въ кружокъ Лермонтова входили слѣдующія лица:

1) Моисей Абрамовичъ Рабиновичъ былъ молодой человекъ лѣтъ 17. Онъ проявлялъ большую энергію и настолько усвоилъ

себѣ опытность агитатора, что представлялся большинству имѣвшихъ съ нимъ дѣло вполне зрѣлымъ человѣкомъ. Въ отсутствіе Лермонтова овъ выступалъ представителемъ кружка, а отчасти и руководителемъ. Въ прежнее время, когда еще не было изобрѣтено такъ называемыхъ аттестатовъ зрѣлости, молодые люди достигали настоящей зрѣлости, т. е. полного развитія умственныхъ силъ раньше, чѣмъ теперь. Это объясняется тѣмъ, что имъ приходилось чуть не съ малолѣтства вести борьбу съ родителями, а часто и борьбу за существованіе и ученіе. Тѣмъ не менѣе слишкомъ раннее развитіе Рабиновича вызывало удивленіе даже со стороны близко знавшихъ его лицъ, и опасеніе какого-нибудь недобраго конца. Опасенія эти сбылись. Просидѣвъ до суда два или три года въ одиночкѣ, Рабиновичъ рѣшилъ, что такая крупная сила, какъ онъ, не должна пропадать даромъ. Онъ задумалъ надуть жандармерию своимъ мнимымъ предательствомъ и, выйдя на волю, продолжать свою революціонную дѣятельность. Насколько въ этомъ планѣ замѣшанъ былъ шкурный интересъ, знаетъ только совѣтъ Рабиновича. Но по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, нужно думать, что онъ въ извѣстной степени по крайней мѣрѣ былъ искрененъ. Онъ предавалъ только людей, которые по его мнѣнію, почти совпадавшему съ дѣйствительностью, уже достаточно были скомпрометированы и участи которыхъ онъ не могъ ухудшить. Въ заявленіи, поданномъ имъ слѣдственной власти, онъ кромѣ того обѣщаль, если его выпустятъ на свободу, воспользоваться своею популярностью среди революціонеровъ, узнать всѣ ихъ планы и выдать правительству. Власти оказались предусмотрительно-недовѣрчивыми и выслушавъ все, что имъ разсказалъ Рабиновичъ, они оставили его до суда въ тюрьмѣ. Во время суда, на одномъ изъ происходившихъ ежедневно митинговъ заключенныхъ (политическіе сидѣли въ одиночныхъ камерахъ дома предварительнаго заключенія, выбили у себя окна и вели общую бесѣду) Рабиновичъ принесть покаяніе передъ товарищами и получилъ формальное прощеніе.... Онъ былъ сильно удрученъ своимъ поступкомъ и будучи сосланъ по суду на житье въ Иркутскую губернію, скоро дошелъ до самаго худшаго вида сумасшествія и умеръ.

2) Софья Александровна Лешернъ фонъ Герцфельдъ — самая старшая женщина-революціонерка. Она во время процесса была въ возрастѣ 40 лѣтъ. Она еще до движенія 70 годовъ имѣла связь съ радикалами. Въ 1872 г. въ имѣніи своей матери въ Новгородской губ. она устроила школу, въ которой учителемъ былъ Долгушинецъ Гамовъ. Впослѣдствіи она снова была изобличена въ революціонной дѣятельности, осуждена на каторгу, по отбытіи которой была отправлена на поселеніе въ Забайкальскую область, гдѣ и умерла въ концѣ 90-хъ годовъ.

3) Варвара Ивановна Ваховская, нынѣ по мужу Бончъ-Осмоловская, была въ то время молодой дѣвушкой. По окончаніи Каменецъ-Подольской гимназіи, гдѣ она уже обращала вниманіе своими выдающимися способностями и интересомъ къ общественнымъ дѣ-

ламъ, она отправилась для завершения образования въ Цюрихъ и вернулась оттуда въ 1873 году ярой анархисткой.

4) Евгенія Константиновна Судзиловская, нынѣ по мужу Волинская, сестра извѣстнаго доктора Росселя (Николая Судзиловскаго), проживающаго нынѣ на Сандвичевыхъ островахъ. Она ранѣ другихъ членовъ кружка отправилась на практическую работу и нѣкоторое время торговала въ лавочкѣ, откуда вела пропаганду между крестьянами.

5) Кириакъ Родіоновичъ Милоглазкинъ, студентъ технологическаго института.

Основатель кружка Лермонтовъ вскорѣ послѣ суда умеръ въ тюрьмѣ.

Въ кружокъ Ковалика входили:

1) Иванъ Павловичъ Блаудзевичъ, студентъ института путей сообщенія, ранѣ былъ въ военной гимназій, откуда долженъ былъ выйти вслѣдствіе пораженія легкаго. Отличался значительными способностями и вдумчивостью, которою можетъ быть въ извѣстной степени обязанъ своему физическому недостатку.

2) Сестра его Клеопатра Павловна Блаудзевичъ, невѣста Ковалика, разставшаяся съ нимъ послѣ ссылки его въ центральную тюрьму, куда никто изъ постороннихъ не допускался. Она отличалась энергіей и рѣшительностью характера; нѣкоторое время для ознакомленія съ жизнью работницъ, она работала на фабрикѣ въ Петербургѣ.

3) Лемени-Македонъ, студентъ технологическаго института, человекъ со средними способностями, но въ высшей степени упорный и настойчивый, умеръ до суда въ заключеніи. Ранѣ всѣхъ членовъ кружка онъ захотѣлъ окунуться въ рабочую жизнь и поступилъ на заводъ простымъ рабочимъ.

4) Фростъ, студентъ, умершій до начала крупныхъ арестовъ и не привлекавшійся къ процессу.

5) Митрофанъ Александровичъ Гриценковъ, студентъ, производилъ впечатлѣніе очень серьезнаго молодого человека и совершалъ нѣкоторыя агитаціонныя поѣздки совмѣстно съ Коваликомъ. На дознаніи онъ давалъ подробныя показанія, хотя, можетъ быть, и не повредившія никому.

6) Николай Ивановичъ Паевскій, студентъ медикъ. Онъ позже другихъ вступилъ въ кружокъ, но скоро проявилъ большую энергію и находчивость, особенно послѣ начавшихся крупныхъ арестовъ, когда онъ появлялся въ разныхъ городахъ Приволжья и внутреннихъ губерній. Во время отсутствія Ковалика изъ Петербурга оставался представителемъ кружка.

7) Александръ Константиновичъ Артамоновъ, студентъ университета. Онъ пользовался извѣстнымъ вліяніемъ въ студенчествѣ и слылъ за человека, въ высшей степени безкорыстнаго и нравственнаго. Судьбѣ угодно было, чтобы именно онъ, будучи избранъ распорядителемъ на одной студенческой вечеринкѣ, забралъ часть выручки безъ вѣдома другихъ распорядителей и передалъ въ револю-

ціонную кассу. Только извѣстныя всѣмъ его нравственныя качества избавили его отъ непріятностей со стороны студентовъ, отрицательно относившихся къ такого рода поступкамъ.

Къ кружку Ковалика принадлежалъ также Каблицъ и другіе, преимущественно женщины. По возвращеніи Ковалика изъ за границы Каблицъ съ компаніей, какъ констатируетъ обвинительный актъ, отдѣлился отъ кружка Ковалика и составилъ свой самостоятельный кружокъ. Кружокъ этотъ заслужилъ ироническое прозвище «вспышкопускателей» за то, что нѣкоторые его члены доводили до крайности значеніе мелкихъ крестьянскихъ бунтовъ. Подобно тому, какъ нѣкоторые юные марксисты измѣряли дѣятельность соціалъ-демократа только количествомъ устроенныхъ имъ стачекъ рабочихъ, вспышкопускатели считали мѣриломъ полезности революціонера количество вызванныхъ имъ мелкихъ бунтовъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ Каблицъ былъ студентомъ въ Кіевскомъ университетѣ и состоялъ въ радикальномъ кружкѣ. Въ 1870 или 1871 году онъ былъ приглашенъ Коваликомъ, избраннымъ въ г. Мглинѣ Черниговской губерніи мировымъ судьей и предсѣдателемъ сѣзда мировыхъ судей, въ секретари сѣзда, откуда и долженъ былъ менѣе чѣмъ черезъ годъ уйти вмѣстѣ съ Коваликомъ. Люди, близко знавшіе Каблицу, характеризовали его, какъ чловѣка способнаго и цѣннаго, но слишкомъ зарывшагося въ книги. Кто-то даже острилъ, что умъ Каблицу блисталъ бы ярче, если бы онъ могъ забыть половину того, что вычиталъ изъ книгъ. Характеристика эта близка къ истинѣ. Уже изъ приведенной выше рѣчи Каблицу видно, что онъ пользовался для выраженія своихъ мыслей, безъ всякой пользы для дѣла, формами и терминами, созданными для другихъ цѣлей извѣстными учеными. Эта черта еще болѣе бросается въ глаза въ статьѣ его напечатанной въ «Недѣлѣ» и подписанной псевдонимомъ Юзовъ, подъ заглавіемъ «Умъ и чувство». Статья, вызвавшая въ свое время рѣзкую отповѣдь со стороны Н. К. Михайловскаго, почти вся состояла изъ цитатъ, выписанныхъ изъ разныхъ ученыхъ книгъ, самому-же Каблицу принадлежали только связки въ родѣ: «но, и, а потому и пр.». Въ этой статьѣ Каблицъ явился неудачнымъ выразителемъ начинавшейся въ семидесятыхъ годахъ реакціи противъ единоличной и безпредѣльной власти «Ума». Семидесятники начинали обращать вниманіе и на роль, которую въ чловѣческихъ дѣлахъ играетъ чувство, а Каблицъ вслѣдствіе этого поставилъ по выраженію Михайловскаго умъ на запятки, какъ лакея, а чувство посадилъ въ карету на барское мѣсто.

Перейдя, во время «диктатуры сердца» изъ нелегальнаго положенія въ легальное, Каблицъ пробовалъ свои силы въ созданіи основъ народничества. Въ трудахъ своихъ по этому вопросу, Каблицъ, полагая, что онъ остается вѣрнымъ хранителемъ традицій 70-хъ годовъ, дѣлалъ ошибку, подобную той, которую онъ допустилъ въ разсужденіяхъ объ умѣ и чувствѣ. Народничество, составлявшее лишь средство для революціонной дѣятельности, онъ

ставилъ цѣлью, и у него ничего не вышло. Система его во всякомъ случаѣ оказалась болѣе уязвимой для критика, чѣмъ система, съ которой потомъ выступилъ другой основоположникъ легальнаго народничества, извѣстный В. В.

Каблицъ и его quasi-ученія разсужденія въ настоящее время забыты, а между тѣмъ онъ, во всякомъ случаѣ, былъ выдающимся человѣкомъ и въ движеніи семидесятыхъ годовъ оставилъ свои слѣды. Между прочимъ онъ былъ однимъ изъ первыхъ революціонеровъ, носившимся съ мыслью о полезности цареубійства. Семидесятники категорически высказывались противъ цареубійства и въ доказательство справедливости своего мнѣнія ссылались на чисто тактическія соображенія. Цареубійство, говорили они, должно вызвать репрессіи, которыя легко могли-бы раздавить широко уже разросшееся, но еще не окрѣпшее движеніе. Впрочемъ, вопросъ этотъ даже не обсуждался на сходкахъ. Каблицъ не велъ пропаганды цареубійства, но въ публикѣ ходили слухи, что онъ, съ цѣлью подготовки какого-то террористическаго акта, ѣздилъ въ Лондонъ. Этотъ слухъ подтверждается указаніемъ, сдѣланнымъ въ обвинительномъ актѣ, что туда были ему переведены деньги въ количествѣ свыше 3000 рублей. Каблицъ, извѣстный у насъ болѣе подъ псевдонимомъ Юзова, умеръ въ 80-хъ годахъ.

Въ кружокъ Каблицы входили:

1) Иванъ Яковлевичъ Чернышевъ, бывший товарищъ Каблицы по Кіевскому университету. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Чернышевымъ, самарцемъ, умершимъ во время слѣдствія, и похороны котораго вызвали небольшую демонстрацію. Иванъ Яковлевичъ Чернышевъ ускользнулъ отъ ареста и скрылся. Возвратившись изъ Цюриха онъ не пропустилъ ни одной сходки и большую часть ихъ собиралъ самъ. Въ этомъ отношеніи никто не могъ сравниться съ нимъ по энергіи и неутомимости, съ которою онъ бѣгалъ по Петербургу. На сходкахъ онъ любилъ говорить, но рѣчи его не были достаточно выразительны.

2) Николай Яковлевичъ Стронскій, студентъ изъ кружка Полтавскаго землячества, умеръ во время суда.

3) Вѣра Павловна Рогачева, урожденная Карпова, вышла фиктивно замужъ, съ цѣлью освободиться отъ власти родителей, за Дмитрія Михайловича Рогачева; впослѣдствіи она вторично вышла замужъ за Иллита-Свитыча, судившагося по процессу Ковальскаго въ Одессѣ. Въ 1873 году Рогачевой было 17 лѣтъ; она всей душой отдавалась дѣлу, но по своему откровенному характеру была мало способна къ конспиративности. Въ Петербургѣ она ходила работать на фабрику, потомъ съ большинствомъ членовъ кружка переѣхала въ Кіевъ, гдѣ и была арестована одновременно съ коммуною.

4) Цвиленева, бывшая писцомъ въ сѣздѣ мировыхъ судей въ Мглинѣ въ то время, когда Каблицъ былъ секретаремъ. Она умерла до процесса.

5 и 6) Сестры Щукины, вышедшія замужъ одна за Каблицу,

другая за Стронскаго. Онѣ получили небольшое приданое, которое цѣликомъ и внесли въ кассу кружка.

Изъ краткихъ свѣдѣній о лицахъ, входившихъ въ составъ только что описанныхъ трехъ кружковъ, можно видѣть, что лица эти ничѣмъ особеннымъ не отличались отъ остальной революціонной молодежи, принявшей участіе въ движеніи. Это большею частью были обыкновенные средніе люди со всѣми достоинствами и недостатками, присущими тогдашней революціонной молодежи. Побѣда анархизма надъ другими течениями объясняется не выдающимся личнымъ составомъ анархическихъ кружковъ, а строгою логичностью ученія и господствующимъ настроеніемъ молодежи.

Кромѣ петербургскихъ кружковъ дѣятельною пропагандою анархическихъ идей занимался Кіевскій кружокъ, организованный Дебагоріо-Мокріевичемъ. Кружокъ имѣлъ довольно многочисленный составъ и представлялся хорошо сплоченнымъ. Мокріевичъ имѣлъ талантъ убѣждать людей. Если онъ начиналъ часто ходить съ какимъ нибудь молодымъ человѣкомъ, то можно было съ увѣренностью ожидать, что совратить его. Дѣятельность кружка будетъ описана ниже, что-же касается самого Мокріевича, то онъ счастливо избѣгъ ареста въ 1874 г. и былъ взятъ значительно позже въ одной кіевской квартирѣ. Мокріевичъ былъ осужденъ на каторгу, но смѣнившись съ однимъ уголовнымъ, бѣжалъ изъ Сибири и затѣмъ проживалъ за границей. Взгляды его рѣзко измѣнились: изъ самаго послѣдовательнаго отрицателя онъ сталъ защитникомъ культурной работы. Онъ, между прочимъ, участвовалъ въ журналѣ «Самоуправленіе» конституціоннаго направленія. Въ бытность свою эмигрантомъ онъ издалъ свои воспоминанія, читающіяся съ большимъ интересомъ ¹⁾).

Почти въ самомъ началѣ организаціи кружка въ него вступилъ молодой человѣкъ Яковъ Васильевичъ Стефановичъ, сынъ священника. Мокріевичъ и другіе сразу оцѣнили его, какъ человѣка, подающаго большія надежды. Вскорѣ онъ сталъ играть видную роль въ кружкѣ и затѣмъ съ частью членовъ отдѣлился отъ Мокріевича и сьорганизовалъ знаменитое Чигиринское дѣло. Во второй половинѣ семидесятихъ годовъ на ряду съ Народной Волей существовала другая фракція подъ названіемъ чернопредѣльцы. Въ ихъ органѣ «Черный Предѣлъ» съ одной стороны и прежде всего развивались народническіе взгляды, съ другой (отчасти) марксизмъ ²⁾). Стефановичъ считался чернопредѣльцемъ, но когда это направленіе стало падать, присоединился къ Народной Волѣ не безъ тайной, повидимому, надежды повліять на дѣятельность Исполнительнаго Комитета въ желательномъ для него направленіи. Сидя въ тюрьмѣ онъ писалъ исторію революціоннаго движенія въ Россіи, которая должна и теперь храниться въ департаментѣ полиціи или

Ред.

¹⁾ Вышли и въ Россіи.

²⁾ Марксизмъ „Чернопредѣльцевъ“ состоялъ лишь въ томъ, что они считали экономическія отношенія фундаментомъ всѣхъ другихъ отношеній.

другомъ надежномъ мѣстѣ. Это было въ началѣ 80-хъ годовъ, когда въ обществѣ ожидали конституціи. Стефановичъ по всей вѣроятности взялся за упомянутый трудъ въ надеждѣ доказать ссылками на факты изъ исторіи революціоннаго движенія, что только конституція можетъ спасти правительство отъ революціи. Во всякомъ случаѣ имя его ручается за то, что онъ не могъ дать жандармамъ никакихъ компрометирующихъ партію матеріаловъ, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ товарищей относились неодобрительно къ дѣлу составленія исторіи движенія для агентовъ правительства. Въ это же приблизительно время Стефановичъ, бывший чернопередѣлецъ, окончательно очистилъ свое міросозерцаніе отъ примѣси народничества и усвоилъ программу социаль-демократизма, или, по крайней мѣрѣ, близкую къ нему.

VI.

Петербургскіе революціонные кружки.

Наряду съ перечисленными чисто анархическими кружками болѣе или менѣе видную роль въ распространеніи и организаціи революціоннаго движенія играли и другіе петербургскіе кружки.

Самымъ старымъ и вліятельнымъ изъ нихъ былъ кружокъ Чайковцевъ, названный такъ по имени Николая Васильевича Чайковского, челоѡвка съ большимъ практическимъ умомъ, много содѣйствовавшего организаціи кружка. Въ такой-же степени справедливо было-бы назвать кружокъ Натансоновскимъ, по имени Марка Андреевича Натансона, находившагося во время разгара движенія 70-хъ годовъ въ ссылкѣ и потому не принимавшаго участія въ первыхъ стадіяхъ движенія. Кружокъ имѣлъ свои средства и огромныя по тому времени связи. Москва, Кіевъ и Одесса находились въ постоянныхъ съ нимъ сношеніяхъ и часто получали отъ него директивы. Ссылныя знаменитости, такъ или иначе, но неизбѣжно попадали подъ опеку кружка. Берви (Флеровскій), написавшій извѣстную въ свое время книгу «Положеніе рабочаго класса въ Россіи», П. Л. Лавровъ, П. Н. Ткачевъ и др. пользовались услугами кружка. Онъ устраивалъ также и побѣги ихъ.

Въ кружкѣ, въ числѣ другихъ, состояли двѣ женщины, Перовская и Ободовская, считавшіяся молодежью 70-хъ годовъ лучшими женщинами въ Россіи. Имъ не уступали по силѣ способностей и характера и нѣкоторыя другія, напр. А. И. Корнилова. Прочіе члены кружка, безъ различія половъ, представляли собою также болѣе или менѣе крупныя силы. Кромѣ Натансона и Чайковского назову Петра Алексѣевича Кропоткина, Сергѣя Михайловича Кравчинскаго (Степняка), Дмитрія Александровича Клеменса, Леонида Эммануиловича Шишко, Сергѣя Силыча Синегуба, Василія Аполлоновича Стаховскаго, Ивана Ивановича Гауэнштейна, Михаила Васильевича Купріанова (умеръ послѣ суда), сестеръ Корниловыхъ, изъ ко-

торыхъ одна Александра Ивановна, нынѣ по мужу Морозъ, судилась по процессу 193, Николая Аполлоновича Чарушина, Анну Дмитріевну Кувшинскую, впоследствии Чарушину, Льва Тихомирова, Драго и пр. Обвинительный актъ въ числѣ членовъ кружка называется и Рогачева, вслѣдствіе близости его къ Кравчинскому, но это не вѣрно. Кравчинскій и Шишко (а также Рогачевъ) были отставными артиллерійскими офицерами, среди которыхъ въ то время можно было встрѣтить людей вполне интеллигентныхъ, убѣжденных прогрессистовъ и даже почти нигилистовъ¹⁾.

Изъ числа перечисленныхъ лицъ Кропоткинъ приобрѣлъ обще-европейскую извѣстность и живетъ въ Англии; Кравчинскій, также не безызвѣстный въ Европѣ, раздавленъ поѣздомъ въ Лондонѣ; Клеменсъ избралъ ученую карьеру; Шишко эмигрировалъ; Синегубъ остался въ Сибири, чтобы дать воспитаніе своему многочисленному семейству; Чарушинъ возвратился въ Вятскую губ., Левъ Тихомировъ, сыгравъ видную роль въ Народной Волѣ, перешелъ въ сотрудники къ г. Грингмуту. Изъ остальныхъ, какъ перечисленныхъ выше, такъ и опущенныхъ, нѣкоторые и теперь участвуютъ въ освободительномъ движеніи. Чайковскій въ началѣ 1874 г. отказался отъ революціонной дѣятельности и принялъ отъ Маликова новую религію—богочеловѣческую. Они потомъ вмѣстѣ устроили въ Америкѣ религіозную коммуну. Послѣ крушенія этого предпріятія Чайковскій поселился въ Англии и присоединился къ анархистамъ. Въ настоящее время онъ проживаетъ за границею. Натансонъ былъ арестованъ за организацію «Земля и Воля» и второй разъ за «Народоправство», но отдѣлался сравнительно легко (если считать легкою десятилѣтнюю ссылку въ Сибири).

Движеніе застало нѣсколько въ расплохъ существовавшіе кружки, въ томъ числѣ и чайковцевъ. Послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ обсужденій, они принуждены были признать анархизмъ, но до самаго послѣдняго времени полного единства въ этомъ отношеніи не достигли. Купріяновъ, напр., никогда не держался этого ученія. Синегубъ, Тихомировъ и Стаховскій арестованы были ранѣе, чѣмъ чайковцы приняли анархическую программу. Самымъ дѣятельнымъ и убѣжденнымъ анархистомъ въ кружкѣ былъ князь Кропоткинъ, оставшійся и доселѣ таковымъ. Записка его, содержащая начатки анархіи, будетъ приведена ниже. Какъ выдающійся мыслитель, Кропоткинъ не только воспринялъ готовое ученіе, но и подвергалъ его дальнѣйшей детальной разработкѣ. Особенно онъ любилъ останавливаться на моментѣ анархическаго переворота и смѣлымъ размахомъ кисти рисовалъ картину глубокаго революціоннаго состоянія человѣчества, предшествующаго торжеству анархіи. Другимъ убѣжденнымъ анархистомъ среди чайковцевъ былъ Чарушинъ.

Ко времени появленія ученія анархіи у чайковцевъ существо-

¹⁾ Полковникъ Лобовъ, бывшій нигилистъ 60-хъ годовъ, былъ однимъ изъ членовъ Цюрихской Колоніи. У него собирались лавровцы.

вала своя болѣе или менѣе разработанная программа революціонной дѣятельности. Это обстоятельство не могло не играть роли задерживающаго фактора въ усвоеніи новаго ученія. Съ другой стороны большіе кружки, какъ и всякія широкія организации, всегда отличаются нѣкоторою косностью и неповоротливостью—имъ трудно приспособиться къ новымъ требованіямъ времени. Всѣ эти обстоятельства были причиною того, что кружокъ не сыгралъ той крупной роли, на которую, казалось, имѣлъ право по всѣмъ своимъ даннымъ. Тѣмъ не менѣе, и онъ внесъ свою лепту—и не малую—въ дѣло распространенія анархическихъ идей. При обсужденіи практическихъ вопросовъ члены его защищали болѣе умѣренные способы дѣятельности и нерѣдко являлись сдерживающимъ началомъ для молодежи, предохраняя ее отъ немедленнаго осуществленія агитаціи въ народѣ съ цѣлью подготовки почвы для всеобщаго возстанія. Допуская въ принципѣ постановку этихъ задачъ, нѣкоторые члены кружка проводили мысль, что, идя въ народъ, молодежь должна прежде всего изучить ту среду, въ которой хочетъ работать и съ которою должна слиться. Кропоткинъ сравнительно рѣдко появлялся на сходкахъ, будучи занятъ пропагандою среди рабочихъ. Кромѣ Кравчинскаго и Чарушина, наибольшую популярность на собраніяхъ молодежи пользовался Клеменсъ. Онъ ранѣе занимался съ рабочими, успѣлъ совершить нѣсколько экскурсій въ крестьянскую среду и прекрасно усвоилъ себѣ народный говоръ. Молодежь чтитъ въ немъ знатока народа и съ удовольствіемъ его слушала. Несмотря на эти качества и ему не всегда удавалось одержать побѣду надъ анархистами, изъ которыхъ еще никто не имѣлъ опыта, вынесеннаго изъ пропаганды въ народѣ. Молодежь неудержимо рвалась впередъ и не всегда была удовлетворена благоразумными рѣчами. Въ этомъ нельзя не видѣть доказательства того, что самая благоразумная осторожность не всегда достигаетъ цѣли въ періоды сильнаго возбужденія умовъ. Извѣстныя дѣйствія, какъ бы они ни казались по существу неблагоразумными, неизбѣжно должны совершиться. Съ точки зрѣнія наибольшей пользы для дѣла наибольшее благоразуміе со стороны зрѣлыхъ людей, быть можетъ, заключается въ полномъ объединеніи не только въ цѣляхъ, но и въ общемъ характерѣ практической дѣятельности съ неблагоразумными горячими головами.

Изъ всего сказаннаго выше очевидно, что главная роль въ распространеніи революціонно-анархическаго движенія по всему лицу русской земли должна была перейти къ болѣе молодымъ анархическимъ кружкамъ и къ отдѣльнымъ убѣжденнымъ анархистамъ въ родѣ Кропоткина.

Подъ вліяніемъ чайковцевъ и анархистовъ образовалось нѣсколько новыхъ кружковъ изъ учащейся молодежи, или-же старыя кружки землячества и самообразованія были направлены на революціонную дѣятельность. Упомяну о главнѣйшихъ изъ нихъ вкратцѣ. Кружокъ артиллеристовъ состоялъ большею частью изъ

бывшихъ воспитанниковъ Михайловскаго артиллерійскаго училища и находился почти исключительно подъ вліяніемъ Чайковцевъ. Еще въ 1872 г. Кравчинскій, Рогачевъ и Шишко имѣли сношенія съ группою воспитанниковъ названнаго училища, преслѣдовавшею цѣли самообразованія. Въ этой группѣ находились между прочимъ: Александръ Давыдовичъ Аитовъ, Николай Никитичъ Тепловъ, Владиміръ Андреевичъ Усачевъ и Михаилъ Дмитріевичъ Нефедовъ. Всѣ они вышли потомъ изъ училища и поступили въ высшія учебныя заведенія. Когда они стали спланиваться въ кружокъ, къ нимъ присоединились Сидорацкій, женившійся на Ободовской—человѣкъ съ большими способностями, но нѣсколько ненормальный, Фоминъ и др. Въ очень близкихъ отношеніяхъ съ ними находился также Александръ Осиповичъ Лукашевичъ, впоследствии по другому дѣлу осужденный на каторгу. Кружокъ былъ хорошо подобранъ и въ цѣломъ представлялъ замѣтную силу.

Для подготовки къ ремеслу артиллеристы подъ руководствомъ или же только при участіи Шишко и другихъ Чайковцевъ устроили первую въ Петербургѣ солидную мастерскую, въ которой интеллигентная молодежь обучалась слесарному дѣлу, а отчасти и революціонному. Мастерская эта имѣла извѣстное значеніе въ исторіи революціоннаго движенія въ Петербургѣ. Въ ней перебивало много народа и она стала своего рода революціоннымъ клубомъ.

Изъ членовъ кружка Тепловъ и Аитовъ вскорѣ отказались отъ чисто революціонной дѣятельности. Подъ вліяніемъ вдохновенной проповѣди Маликова, основателя бого-человѣческой религіи, они, вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, увѣровали, что только пропагандой социализма во имя религіи и непротивленіемъ злу можно спасти народъ и доставить ему счастье. Это не мѣшало прокуратурѣ привлечь ихъ къ большому процессу. Въ настоящее время Аитовъ живетъ въ Парижѣ.

Къ артиллеристамъ были близки Оренбуржцы или Голоушевы, названные такъ по имени одного изъ основателей кружка, Сергѣя Сергѣевича Голоушева. Отецъ его былъ жандармскимъ полковникомъ, а мать поддерживала все время сношенія съ сыномъ—революціонеромъ и въ извѣстной степени сочувствовала ему. Голоушевъ, учась въ Петербургѣ, сохранялъ связи, которыя у него были на родинѣ, въ Оренбургской губерніи. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Оренбургъ онъ познакомился съ лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія Муравскимъ, проживавшимъ тамъ съ 1870 года послѣ отбытія каторги. Муравскій былъ осужденъ въ шестидесятыхъ годахъ по политическому дѣлу и въ разсматриваемое время былъ уже пожилымъ человѣкомъ (около 40 лѣтъ).

Митрофанъ Даниловичъ Муравскій, извѣстный подъ кличкою «Отецъ Митрофанъ», почуявъ начинающееся броженіе умовъ, воспріянулъ духомъ, скоро усвоилъ основную идею движенія 70 годовъ и началъ пропагандировать среди Оренбургской молодежи необходимость идти въ народъ съ цѣлью не только просвѣщенія его, но и подготовки къ возстанію. Ближе всего онъ сошелся съ гимнази-

стомъ Павломъ Орловымъ, впоследствии осужденнымъ по другому дѣлу на каторгу и убитымъ въ Якутскомъ округѣ, гдѣ онъ отбывалъ поселеніе. вмѣстѣ съ Орловымъ Муравскій вошелъ въ кружокъ Оренбуржцевъ, но остался на мѣстѣ, чтобы осуществить свою программу. Вскорѣ онъ отправился въ народъ, странствовалъ по Белебеевскому и Челябинскому уѣздамъ и былъ арестованъ въ Челябинѣ. Не выходя изъ предѣловъ Оренбургскаго края, Муравскій не могъ имѣть сколько-нибудь широкаго вліянія на молодежь. Не имѣя особыхъ организаторскихъ способностей и не обладая выдающимся талантомъ творчества, Муравскій не могъ ни въ какомъ случаѣ стать во главѣ движенія, но по глубинѣ своей натуры и убѣжденности, граничащей съ религиозною вѣрою, безъ всякаго сомнѣнія, оказался-бы виднымъ дѣятелемъ въ крупныхъ центрахъ и привлекалъ бы къ себѣ молодежь своими душевными качествами.

Отецъ Митрофанъ былъ какъ рецидивистъ осужденъ по процессу 193 на каторгу и умеръ въ Андреевской центральной тюрьмѣ, находившейся въ Харьковскомъ уѣздѣ. Сидя въ тюрьмѣ онъ, подъ вліяніемъ размышленій наединѣ и чтенія исключительно духовныхъ книгъ (другихъ не давали), поддался религиозному настроенію и становится «отцомъ» не только по кличкѣ, но и по образу своихъ мыслей. Отрицая всецѣло начинавшійся терроръ, какъ чисто политическое средство борьбы, онъ мечталъ о новаго рода народническо-революціонной дѣятельности, освѣщаемой религіей, не официальной конечно, а такой, какъ она представлялась его уму. Независимо отъ своего религиознаго настроенія Муравскій производилъ на окружающихъ впечатлѣніе угодника или святого. Тюремный священникъ питалъ къ нему глубокое уваженіе и при отпѣваніи его произнесъ рѣчь, въ которой называлъ раба Божія Митрофана святымъ и рекомендовалъ присутствующимъ молить этого святого, чтобы онъ и имъ приуготовилъ царствіе небесное. Къ счастью для священника, въ числѣ присутствовавшихъ не было членовъ жандармеріи и прокурорскаго надзора

Въ кружкѣ Голоушева между прочимъ принимали участіе: Клеопатра Осиповна Лукашевичъ, сестра вышеупомянутаго Лукашевича, присоединившаяся потомъ къ Самарскому кружку, Марья Ивановна Веревокина, невѣста Голоушева, пропагандировавшая среди крестьянъ Оренбургскаго края, Леонидъ Михайловичъ Щиголевъ, Соломонъ Львовичъ Аранзонъ, Леонидъ Рейнгольдовичъ Траубенбергъ, Петръ Петровичъ Воскресенскій и Дмитрій Васильевичъ Федоровичъ.

Всѣ они кромѣ Клеопатры Лукашевичъ, по мужу Осиповой, попали въ Большой процессъ также, какъ и артиллеристы.

Изъ Саратовскаго землячества образовался кружокъ Саратовцевъ, въ которомъ наиболѣе замѣтными личностями были Воронцовъ и Ломоносовъ, оба студенты—медики. Члены кружка своимъ здоровымъ видомъ и соответствующимъ ростомъ производили впечатлѣніе вольныхъ сыновъ степей. Кружокъ считался довольно серьезнымъ, но очень рано распался. Воронцовъ, будучи уже ском-

прометированъ, скрылся, а Ломоносовъ отсталъ. Ихъ дѣло продолжалъ мѣстный кружокъ въ Саратовѣ, состоявшій изъ семинаристовъ и гимназистовъ. Наиболѣе дѣятельнымъ членомъ этого послѣдняго кружка былъ братъ Ломоносова семинаристъ, Петръ Андреевичъ Ломоносовъ.

Еще болѣе, чѣмъ Саратовцы, общали занять видное мѣсто Самарцы, составившіе такъ называемый кружокъ Городецкаго.

Левъ Сергѣевичъ Городецкій, побывавъ на нѣсколькихъ сходкахъ, довольно скоро усвоилъ руководящія идеи движенія. По образу мыслей своихъ онъ ближе всего былъ къ Чайковцамъ и вскорѣ сталъ выступать на сходкахъ противъ крайнихъ анархистовъ — вспышкопускателей. Онъ спорилъ также и съ другими анархистами, проводя въ то-же время въ своемъ кружкѣ чисто-анархическую программу. На сходкахъ онъ какъ-бы мыслилъ вслухъ и самыя возраженія его, казалось, имѣли цѣлью вызвать дальнѣйшее развитіе обсуждаемыхъ мыслей. Это въ связи съ другими качествами Городецкаго и недюжинными его способностями заставляло ожидать, что онъ займетъ извѣстное, болѣе или менѣе видное мѣсто въ движеніи, но этого не случилось. Не успѣвъ проявить вполнѣ своихъ талантовъ, Городецкій былъ рано арестованъ и на допросахъ давалъ болѣе откровенныя показанія, чѣмъ можно было ожидать отъ него.

Въ кружокъ Городецкаго входили также лица, подававшія надежды: студентъ Павелъ Чернышевъ, похороны котораго вызвали демонстрацію, Комовъ и Бухъ, впоследствии осужденные по другимъ дѣламъ.

Городецкій и товарищи сохранили связи съ Самарой и на ряду съ другими пріѣзжими агитаторами содѣйствовали образованію и быстрому росту Самарскаго, мѣстнаго кружка, о которомъ подробнѣе сказано будетъ ниже.

Кромѣ перечисленныхъ выше, въ Петербургѣ было еще нѣсколько земляческихъ кружковъ самообразования, которые въ большей или меньшей степени усвоили себѣ революціонную идею движенія. Такъ существовали Полтавскій, Пермскій кружки и др. Нѣкоторые изъ Полтавцевъ примкнули къ революціонной организаціи; въ числѣ ихъ былъ напр. студентъ Максимовъ, Павелъ Дмитріевичъ, пропагандировавшій среди крестьянъ Полтавской губерніи и судившійся по процессу 193.

Пермяки чрезвычайно медленно усваивали идеи, циркулировавшія среди радикальной молодежи, и участія въ революціонной работѣ не приняли.

Кромѣ всѣхъ описанныхъ кружковъ, рѣшившихся (кромѣ Пермскаго) приступить къ революціонной дѣятельности, въ Петербургѣ было еще нѣсколько кружковъ лавровскаго направленія. Члены этихъ кружковъ посѣщали также сходки, на которыхъ рѣшались революціонные и народническіе вопросы, но во всемъ составляли правую сторону движенія. Они признавали этическую сторону народническо-анархическаго ученія, говорили объ уплатѣ народу долга

и признавали движеніе въ народъ, но лишь въ формѣ занятія извѣстными профессіями, полезными народу: медициной, адвокатурой, учительствомъ и пр., летучую-же пропаганду совершенно отрицали. Такъ какъ лавровцамъ нужно было подготовиться къ указаннымъ профессіямъ и прежде всего окончить университеты, то въ дѣйствительности они, за ничтожными исключеніями, въ народъ не пошли и въ дальнѣйшей революціонной дѣятельности участія не приняли.

Кромѣ лавровцевъ были еще два-три кружка молодежи, которые хотя и признавали конечною цѣлью революцію, но ближайшей задачей для интеллигентной молодежи считали науку. Кружки эти не имѣли никакого значенія. Самый азартъ, съ которымъ они защищали науку, никѣмъ не отрицавшуюся, заставлялъ подозрѣвать, что они опасались тоже увлечься въ сторону практической дѣятельности и громкими фразами думали заглушить закравшіяся въ ихъ душу сомнѣнія.

Старикъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Чайковца.

(Окончаніе ¹⁾).

XX.

Отсутствіе физической работы и живыхъ впечатлѣній чрезвычайно разстраивало нервы, дѣлало душу раздражительной и мнительной. Былъ со мной, напр., такой казусъ.

Отъ тоски я былъ радъ всякому живому существу, почему я прикормилъ прилетавшихъ къ моему окну голубей, которые между двумя рамами на подоконникѣ свили гнѣздо и вывели голубенятъ. Богородцкій не протестовалъ противъ этого, даже и противъ того, чтобы голуби залетали ко мнѣ въ камеру.

Кромѣ голубей, я прикормилъ еще и мышъ.

Каждое послѣ-обѣда я оставлялъ ей у стола и мясца, и хлѣбца, и рису, словомъ, что-нибудь изъ того, что было у меня на обѣдѣ. Послѣ обѣда я ложился на постель и начиналъ смотрѣть въ тотъ уголъ, гдѣ была дырочка подъ нижнимъ плинтусомъ. Въ дырочкѣ появлялась маленькая острая мордочка съ ушками и маленькими черными глазками, и нюхала воздухъ. Затѣмъ маленькой сѣренькой звѣрокъ стремительно пробѣгалъ изъ норки въ противоположный уголъ камеры и оттуда начиналъ свое путешествіе по камерѣ, обнюхивая все попадавшееся по пути—спичку, окурокъ, перо вылетѣвшее изъ подушки; наконецъ, звѣрокъ достигалъ мѣста у стола, гдѣ на полу была приготовлена ему трапеза, и начиналъ угощаться самымъ свободнымъ образомъ. Мѣсяца три, если не больше, мы жили со звѣркомъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Я чувствовалъ какую-то непонятную отраду при появленіи въ камерѣ моего маленькаго друга,—и иногда ночью, улегшись въ постель, я слышалъ подъ подушкою у себя шорохъ, и затаивъ дыханіе, я заглядывалъ осторожно подъ край подушки и видѣлъ тамъ своего дружка въ видѣ маленькаго комочка, настоорожившаго ушки. Но замѣтивши меня, онъ стремглавъ улепетывалъ во свояси. Забирался онъ на постель по краю спущеннаго одѣяла. Когда выпадали

¹⁾ См. Былое кн. 8 и 9.

такіе дни, что мой сѣренкій другъ по какимъ-либо своимъ недосугамъ не показывался въ моей камерѣ,—можетъ быть, вѣроломно измѣнивъ мнѣ, гостилъ у другого заключеннаго,—мнѣ дѣлалось то-скливо на душѣ, какъ это ни смѣшно...

Какъ-то въ одинъ изъ дней свиданія Ларисса пришла въ обѣденное время, такъ что когда я послѣ свиданія вошелъ въ камеру, я нашель на столѣ только-что принесенный обѣдъ. Пообѣдавъ, я, по обыкновенію, отдѣлилъ порціи и для своего маленькаго дружка и сожителя. Звѣрокъ появился, какъ всегда, поѣлъ изъ брошенной ему на полъ снѣди, и отошедши недалеко отъ стола, вдругъ свалился на бокъ, судорожно заерзалъ ножками, затѣмъ вытянулся и околѣлъ...

Я кинулся къ нему. Но чѣмъ я могъ спасти своего друга?! И ужасная мысль охватила мою душу. Я моментально вспомнилъ ходившую на волѣ розсказню, что жандармы отравляютъ заключенныхъ медленнымъ ядомъ, подмѣшивая ядъ въ пищу, постепенно усиливая его дозу. Мышь поѣла моей пищи; того количества яда, какое было въ ея порціи, было, очевидно, вполне достаточно, чтобы ее убить... Несомнѣнно, что меня отравляютъ. Сдѣлавъ такое открытіе, я поднялъ мышъ, подошелъ къ электрическому звонку и далъ протяжный, тревожный, настоятельный звонокъ, который заключенные подавали всегда, когда настоятельно надо было видѣть дежурнаго. На мой звонокъ очень быстро появился присяжный, котораго я про себя звалъ лисицей, и открылъ форточку съ обычнымъ вопросомъ—«что угодно?»

— А вотъ-что, началъ я. Вотъ мышъ. Она поѣла остатковъ отъ моего обѣда и околѣла. Я думаю, что въ моей пищѣ есть ядъ. Попросите ко мнѣ полковника.

Встревоженно захлопнувъ форточку, присяжный полетѣлъ къ полковнику.

Минуть черезъ пять, взволнованный и плохо сдерживая раздраженіе, влетѣлъ въ мою камеру Богородцкій и накинулъ на меня:

— «Что вы это тутъ выдумываете?! Какой ядъ у васъ въ пищѣ?!... Пищей я завѣдываю! Неужели вы думаете, что я могу травить людей?! Какъ вамъ не стыдно!»

Но смекнувъ, вѣроятно, глядя на меня, стоявшаго съ мышью въ рукѣ, что мое душевное состояніе далеко не изъ сладкихъ, онъ уже мягко заговорилъ: «Ну, какъ не стыдно! Даромъ только себя разстраиваете!.. Присяжный,—обратился онъ къ унтеру, — отодвинь стульчакъ!.. Вотъ, для вашего успокоенія смотрите, въ углу бѣлый порошокъ видите? Это—мышьякъ. Такъ много развелось мышей въ камерахъ, что я рѣшилъ ихъ травить. И насыпалъ вездѣ за стульчаками мышьяку,—конечно, когда арестованные гуляли.. Присяжный, убери мышъ и этотъ мышьякъ сейчасъ же долой!»

Я успокоился. Мысль объ отравленіи меня показалась мнѣ самому нелѣпой.. Но бѣднаго моего маленькаго друга я лишился.

Тоскливое сидѣнье безъ перестукиванья и безъ всякихъ сноше-

ній съ товарищами, съ книгою—днемъ, со своею собственною тѣнью на стѣнѣ—ночью, длилось болѣе года.

Желтыя стѣны камеры, превратившейся въ моею воображеніи въ гробъ, въ который я былъ заживо похороненъ; тѣ же безличныя для меня часовые, одни и тѣ же присяжные унтера, все тотъ же съ круглыми глазами, съ красной короткой шеей, съ бритыми грубыми щеками, приземистый усатый Богородцкій,—изо дня въ день все одно и то же надоѣдало до невозможности и съѣдало мою жизнь, какъ ржавчина съѣдаетъ желѣзо,—медленно и упорно.

Ждаль я мучительно суда и не могъ понять, почему меня такъ долго не судятъ?

Но къ этому времени крѣпость стала набиваться заключенными. Это я узнавалъ по тому, что по сторонамъ моей камеры въ ночной тишинѣ я уже слышалъ, какъ ходили сосѣди, — по тому, что стали ходить на прогулку не каждый день, а черезъ день и даже черезъ два,—по тому, что чаще стали раздаваться звонки и шелканья замковъ у камеръ. Да и изъ записокъ жены зналъ я о походѣ, открытомъ «опричниками», какъ называли мы тогда прокуроровъ и жандармовъ, противъ молодежи, двинувшейся въ народъ съ агитационными цѣлями.

Однажды вечеромъ сидѣлъ я за своимъ столикомъ и читалъ книгу. Только слышу, то и дѣло раздается настойчивый глухой стукъ. Кто-то простучить извѣстное число разъ и пріостановится на нѣкоторое время, затѣмъ вновь простучить и опять пріостановится. Я подумалъ, что это неспроста. Сталъ я считать число ударовъ: не выйдетъ-ли буква въ порядкѣ алфавита? Первый рядъ ударовъ, очевидно, ногой объ полъ, далъ мнѣ букву к, второй рядъ—т, третій—о. Получилось слово: кто.—О! какая благодать! Значить можно разговаривать. Я отстукнулъ въ отвѣтъ и сталъ выбивать свою фамилію. И мнѣ было отстукнуто: значить, понялъ товарищъ! Тогда я сталъ отстукивать слово—кто. Получилъ отвѣтъ: Аранзонъ.—Великолѣпно! Слышу стукъ дальше, получается фраза: раздѣлили азбуку, шесть строкъ—пять буквъ. Превосходно! Значить, живемъ! Я взялъ листикъ папиросной бумажки и получилъ:

- 1) а б в г д
- 2) е ж з и к
- 3) л м н о п
- 4) р с т у ф
- 5) х ц ч ш щ
- 6) ы э ю я

Первые удары означали строчку, удары вслѣдъ за ними—букву въ строчкѣ. Съ недѣлю перестукиваніе шло съ задержками и съ заглядываніями въ листикъ,—затѣмъ оно все шло глаже и глаже, наизустъ, съ массою сокращеній, что значительно облегчало разговоръ.

Перестукиванье меня воскресило! Не говоря уже о томъ, что

душа ожила, потому что перестукивание вводило меня въ общение съ міромъ родныхъ по духу, милыхъ, хотя и незнакомыхъ, но уже горячо любимыхъ человѣческихъ существъ, — душа моя, лишенная столь долгое время живыхъ впечатлѣній и изголодавшаяся по нимъ, стала обогащаться и впечатлѣніями, и свѣдѣніями о внѣтюремной жизни, гнетъ одиночества значительно ослабѣлъ; не говоря уже объ этомъ, но перестукивание подняло жизненность моего организма. Въ первую же недѣлю перестукиванія, — а стучалъ я сначала, стоя у изголовья кровати, въ полъ ногою, — у меня явился аппетитъ, котораго я уже давно не испытывалъ; стали исчезать бессонницы, и я началъ спать довольно крѣпко.

Жизнь сдѣлалась много содержательнѣе.

На первыхъ порахъ перестукивание преслѣдовалось нашими тюремщиками. Присяжные унтеръ-офицера подкрадывались потихоньку къ двери, безшумно совывали ключъ въ замокъ форточки и внезапно открывъ ее, что называется, накрывали увлекшагося своеобразной бесѣдой узника.

Вслѣдъ затѣмъ докладывалось полковнику, который прибѣгалъ взбѣшенный, грозилъ разными репрессіями, карцеромъ, отнятіемъ прогулокъ, книгъ, свиданій.

Меня улавливали, главнымъ образомъ, два присяжныхъ унтера: тотъ, котораго я назвалъ про себя Лисицею, и финнъ Фертикъ. Богородцкій являлся и, не смотря на расположеніе ко мнѣ, уговаривалъ не нарушать крѣпостной инструкціи, грозя въ противномъ случаѣ доложить коменданту, что должно было повлечь за собою отнятіе свиданій съ женой, — лишеніе это было бы для меня очень тяжкимъ.

Но развѣ можно было замиравшему человѣку отказаться отъ представившейся возможности жить?!

И перестукиванія продолжались. Къ чести Богородцкаго сказать, ни къ какимъ репрессіямъ онъ не прибѣгъ. По крайней мѣрѣ, что касается лично меня, то унтера перестали меня улавливать, а Богородцкій, зашедши однажды вечеромъ, замѣтилъ мнѣ: «Ну что, — все перестукиваетесь?» — Перестукиваюсь, полковникъ! Грѣшенъ! Да вѣдь жить хочется! Не охота помирать отъ тоски. — Онъ только покачалъ головой, улыбаясь своими круглыми глазками.

XXI.

Въ апрѣлѣ 1875 года узналъ я, наконецъ, почему нѣтъ и нѣтъ суда надо мною.

Какъ то въ камеру около полудня вошелъ Богородцкій съ присяжнымъ, несшимъ мою одежду, и заявилъ мнѣ, что я вызываюсь въ комиссію жандармскаго генералъ-лейтенанта Слезкина.

Въ сопровожденіи присяжнаго и конвойнаго я былъ введенъ въ верхній этажъ того же равелина, въ нижнемъ этажѣ котораго давались мнѣ до сихъ поръ по пятницамъ свиданія. Меня ввели въ большую комнату и оставили на нѣкоторое время одного. Одно

изъ оконъ этой комнаты было у самага пола и выходило на Неву; оно было полукруглое и небольшое и изъ него виднѣлась черезъ Неву набережная и дворцы. Въ другое высокое окно виднѣлась какая-то стѣна.

Минуть около пяти—я былъ одинъ.

Вдругъ отворилась дверь, и на порогѣ появилось фигура жандармскаго офицера, довольно молодого, бритаго съ усами блондина; пристально поглядѣлъ онъ на меня своими смѣлыми и наглыми голубыми глазами,—затѣмъ затворилъ дверь и удалился.

Это былъ, какъ я потомъ узналъ, штабсъ-капитанъ Лѣсникъ.

Спустя нѣсколько минутъ, дверь отворилась опять, и на меня смотрѣлъ пристально уже новый субъектъ, въ военномъ мундирѣ, съ краснымъ воротникомъ; это смотрѣлъ своими небольшими темно-сѣрыми глазами, нѣсколько, какъ бы усталыми, горбоносый, съ опущенными усамы жандармскій подполковникъ Новицкій. Посмотрѣлъ онъ на меня, — и молча удалился. Дверь снова закрылась.

Что сей сонъ значить? подумалъ я. — Придутъ, какъ гоголевскія крысы, поглядятъ и уйдутъ прочь!

Наконецъ, вновь появился Лѣсникъ и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Я былъ введенъ въ одну изъ комнатъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ того корридора, по которому мы шли съ Лѣсникомъ. Здѣсь стоялъ столъ, за которымъ на одномъ концѣ сидѣлъ подполковникъ Новицкій, а на другомъ, визави съ нимъ, сидѣлъ молодой чиновникъ въ штатской формѣ съ синими очками по носу, бритый и несимпатичный. — Это былъ товарищъ прокурора Екатеринбургскаго окруж. суда Шубинъ, прикомандированный на этотъ разъ въ штабъ прокурора Саратовской судебной палаты Жихарева.

Меня пригласили сѣсть за столъ. На столѣ лежала изрядная кучка книжекъ и брошюръ. Указывая на эту кучку, Шубинъ заявилъ, что эти книги и брошюры, въ количествѣ 40 экземпляровъ, взяты у моего ученика рабочаго Степана Зарубаева при арестѣ его въ его родной деревнѣ въ Тверской губ., куда онъ, послѣ того какъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы въ 1875 г., отправился съ цѣлями пропаганды.

На вопросъ о томъ, откуда онъ, Зарубаевъ, получилъ эти книжки, тенденціозныя, противоправительственнаго содержанія, въ большинствѣ изданныя за границей, Зарубаевъ сказалъ, что ихъ далъ ему учитель Синегубъ, и что при первомъ арестѣ въ Петербургѣ онѣ не были у него найдены, потому что хранились въ ящикѣ зарытомъ во дворѣ въ землю, откуда онъ ихъ извлекъ послѣ выхода изъ тюрьмы.

Я никогда такого количества книгъ и брошюръ Зарубаеву не давалъ, да и зналъ навѣрняка, что тѣ книжки, которыя я давалъ Зарубаеву, у него были отобраны при первомъ обыскѣ и мнѣ ихъ показывали на дознаніи. Поэтому я категорически отрицаю показаніе Зарубаева, и заявилъ, что Зарубаевъ вретъ на меня. Я по

заглавіямъ книгъ увидѣлъ, что эти книги даже не были изданы и не могли быть изданы въ бытность мою на волѣ. Тутъ были — «Сказка о четырехъ братьяхъ» Льва Тихомірова, которую онъ писалъ на моей квартирѣ и только весьма незадолго до моего ареста ее кончали въ рукописи; тутъ была «Хитрая механика», о которой я никакого представленія не имѣлъ и которую я только тутъ въ первый разъ увидѣлъ; тутъ были Наумовскіе — «Ежъ», «Мірской учетъ» и «Юровая», — первая двѣ въ 1873 году были журнальными статьями въ Отеч. Зап., и я оттуда читалъ ихъ рабочимъ, а объ «Юровой» я и понятія не имѣлъ. Были и другія книжки, о которыхъ я тоже ничего не зналъ и не слыхалъ. Объ этомъ я заявилъ, т. е. указалъ, что многія изъ книгъ не были изданы отдѣльно, а другія ходили въ рукописяхъ въ бытность мою на волѣ и поэтому дать ихъ Зарубаеву въ заграничномъ изданіи я физически не могъ; я предложилъ Новицкому и Шубину, чтобы они обстоятельно разслѣдовали, когда именно изданы эти книжки. Моимъ увѣреніямъ и совѣту не придали, конечно, никакого значенія и снабженіе Зарубаева 40 экз. тенденціозныхъ революціонныхъ книжекъ сочли за главное основаніе для привлеченія меня къ большому дѣлу, — къ сообществу, раскинувшему свои сѣти по всей имперіи, по всему «отечеству», спасителями котораго явились на этотъ разъ прокуроръ Суд. Палаты огромный Жихаревъ и шефъ жандармовъ, генераль-адъютантъ, почти карликъ, — Потаповъ.

Вотъ почему я не могъ дожидаться суда, обѣщаннаго Геракowymъ по дѣлу, слѣдствіе по которому онъ закончилъ и которое онъ передалъ для составленія обвинительнаго акта прокурору. Мое и Стаховскаго дѣло пристегнули къ большому дѣлу, благодаря показанію Зарубаева. Такія же книжки, какія были взяты у Зарубаева, находились у массы другихъ лицъ, подвергавшихся обыскамъ и аресту впродолженіи 1874 года. Это указывало властямъ на якобы общность злоумышленія.

Исторія же съ показаніемъ Зарубаева была такова. Послѣ того, какъ Зарубаева выпустили въ 1874 году изъ тюрьмы, при чемъ онъ узналъ, что слѣдствіе по моему дѣлу кончено и что мѣсяца черезъ два-три будутъ судить меня, онъ поселился снова за Невской Заставой. Здѣсь онъ столкнулся съ однимъ изъ членовъ Долгушинскаго кружка, съ бывшимъ студент. Технолог. Инстит. и съ моимъ старымъ знакомымъ Чиковымъ. При отъѣздѣ Зарубаева въ деревню лѣтомъ 1874 года (т. е. черезъ $\frac{1}{2}$ года послѣ моего ареста), Чиковъ снабдилъ его упомянутыми выше 40 книжками для пропаганды, съ которыми онъ и былъ арестованъ во второй разъ въ августѣ или въ сентябрѣ мѣсяцѣ. На допросѣ онъ, на вопросъ — откуда у него эти книжки, указалъ на меня, полагая съ полной увѣренностью, что со мной давно уже власти покончили и что я, Стаховскій и Тихоміровъ давно осуждены и пребываемъ въ мѣстахъ злачныхъ. Такимъ указаніемъ на лицо, которое уже осуждено, Зарубаевъ прекращалъ дальнѣйшій разговоръ объ этихъ книжкахъ на допросахъ и дальнѣйшія старанія разузнать, кто именно далъ

ему книжки. О томъ же обстоятельствѣ, что Чиковъ арестованъ и будучи переведенъ изъ крѣпости въ Литовскій замокъ, успѣлъ тамъ ко времени ареста Зарубаева помереть отъ скоротечной чахотки, Зарубаевъ не зналъ. Въ результатѣ получился какъ бы невольный съ его стороны оговоръ меня, что его бѣднугу очень мучило. Когда намъ уже пришлось встрѣтиться на судѣ и объясниться, я успокоилъ его, что не однѣ эти книжки виноваты, а и показанія другихъ лицъ по нашему процессу.

Съ апрѣля 1875 г. жизнь моя въ крѣпости измѣнилась. Свиданья давались уже не въ присутствіи полковника, а въ присутствіи тов. прок. Шубина или штабсъ-капитана Лѣсника, и не тамъ, гдѣ раньше, а въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ производилось дознаніе комиссіи г.-л. Слезкина. Переписка съ женой черезъ ротъ прервалась, и такъ какъ нужды въ папиросной бумажкѣ уже не было, то я бросилъ курить и съ этого началъ перемѣну въ повседневномъ режимѣ.

Я положилъ себѣ ежедневно часа два по утрамъ заниматься гимнастикой, которая, впрочемъ, состояла главнымъ образомъ въ маханіи руками въ различныхъ направленіяхъ, и въ этомъ маханіи я достигъ того, что могъ, не сходя съ мѣста, сдѣлать болѣе 9000 взмаховъ.

Кромѣ того, я выпросилъ у Богородцкаго разрѣшенія мыть полъ въ своей камерѣ, а также и въ пустыхъ камерахъ. Сказать по правдѣ, полы были страшно запущены, слои грязи покрывали ихъ; пыль на стѣнахъ и на корнизяхъ лежала толстыми слоями. Если бы не еженедѣльная баня (на первыхъ порахъ, впрочемъ, когда насъ сидѣло мало; потомъ стали водить рѣже) и не еженедѣльная смѣна бѣлья носильнаго и постельнаго, въ такомъ грязномъ помѣщеніи дѣло безъ паразитовъ не обошлось бы. Богородцкій охотно разрѣшилъ мнѣ мойку половъ, для чего мнѣ были даны и тряпки. Дня четыре я смывалъ насохшую грязь съ пола и нижнихъ карнизовъ, пока достигъ того, что полъ моей камеры, карнизы, подоконникъ, стульчакъ и деревянный шкафчикъ подъ умывальникомъ, были, что называется, идеально чисты. Раковина умывальника была всегда смыта, мѣдный кранъ—сіялъ, стѣны камеры обтерты сухой тряпкой отъ пыли. Каждый день вытиралъ я мокрой тряпкой полъ и всѣ деревянныя части моей камеры. Видъ моей камеры даже Богородцкаго приводилъ въ умиленіе и онъ, какъ-то въ присутствіи доктора, указывая на чистоту моей камеры, сказалъ:

«Вотъ, посмотрите, докторъ! Настоящая тутъ барышня живетъ! Чистота-то какая!»

Перемылъ я полы и во многихъ другихъ камерахъ. Помню поразила меня своей необычайной грязью и запущенностью, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ Рабиновичъ (молоденькій юноша, привлекавшійся по нашему дѣлу; чрезвычайно способный, умный, съ большой памятью; онъ сошелъ съ ума въ Восточ. Сибири). И чего только не было притоптано и приклеено къ полу этой камеры—и окурки, и спички, и перья, и крошки хлѣба и булки, и засохшіе

плевки. Нѣсколько дней я бился надъ этой камерой, пока привелъ ее въ надлежащую чистоту.

Перестукиваніе, маханіе руками и мытье половъ приводили къ тому, что я ѣлъ и спалъ превосходно. Нервы мои укрѣплялись. Тоска почти совсѣмъ меня покинула. Кромѣ того, мнѣ было разрѣшено приобрѣтать молоко, и Богородцкій устроилъ это; я имѣлъ къ обѣду каждый день стаканъ очень хорошаго молока.

И ко времени перевода меня изъ крѣпости въ домъ Предв. Заключенія, я изъ захирѣвшаго, исхудалаго неврастеника, желтаго по цвѣту лица, вялаго и снѣдаемаго тоской до мысли о самоубійствѣ, превратился въ юношу бодрого, почти жизнерадостнаго, съ хорошимъ цвѣтомъ лица. Такъ что тов. прок. Шубинъ, видѣвшій меня въ апрѣлѣ и маѣ 1875 г. на допросѣ и на свиданіи въ крѣпости, увидѣвъ затѣмъ меня въ Д. П. Зак., тоже на свиданіи съ женой, заявилъ мнѣ, что онъ просто пораженъ переменой происшедшей во мнѣ за это время, съ мая 1875 г. по начало 1876 года.

«Я, говорилъ онъ, видя васъ въ крѣпости, былъ увѣренъ, что вы умрете!»

Но богъ не захотѣлъ—и свиньи не съѣли,—и я остался живехенекъ до днесь!

За время сидѣнія въ крѣпости я заново переучилъ гимназическій курсъ математики,—настолько изучилъ французскій и англійскій языкъ, что довольно свободно прочелъ «*Ventre de Paris*» Зола и маленькую исторію Англии Диккенса. Кромѣ того, прочиталъ я массу книгъ. Я прочиталъ что было по русски Брема, Милля, «Капиталь» Маркса (Политич. экон. Милля и «Капиталь» Маркса—прочиталъ вторично, такъ какъ уже былъ знакомъ съ ними на волѣ); налегъ очень на исторію, и по русской исторіи я прочиталъ все, что было въ крѣпостной библіотекѣ (а это былъ самый лучшій ея отдѣлъ)—изъ Костомарова, Соловьева, Сергѣевича, Хлѣбникова, Бестужева-Рюмина и др., всю исторію среднихъ вѣковъ Стасюлевича, не говоря уже о тѣхъ книгахъ, какія приносила мнѣ съ воли жена по различнымъ отраслямъ знанія и по беллетристикѣ.

Первые полтора года сидѣнья я ничего больше не дѣлалъ, какъ только читалъ и читалъ.

Я перечиталъ всѣ старые номера журналовъ «Вѣстника Европы» и «Дѣла», какіе только нашлись въ крѣпостной библіотекѣ; прочиталъ даже нѣсколько разрозненныхъ номеровъ какого-то медицинскаго журнала.

Продолжалъ я читать и потомъ, когда представилась возможность перестукиваться, а въ Д. Пр. Закл. и переписываться съ товарищами. И надо правду сказать, на волѣ я никогда столько не прочелъ бы, сколько въ тюрьмѣ,—и что всего главнѣе, прочитанное невольно продумывалось, такъ какъ отсутствіе впечатлѣній дѣлало прочитанное почти единственнымъ матеріаломъ для мысли. Жизнь не давала бы такой возможности сосредоточиваться на прочитанномъ матеріалѣ, какую давала тишина одиночества и тоска по впечатлѣніямъ и событіямъ.

♦

И какъ было бы тяжело одинокому въ четырехъ стѣнахъ безъ такого друга и спасителя, какъ книга!

И еслибы я обладалъ отъ природы болѣе выдающимися способностями памяти и ума, то по выходѣ изъ тюрьмы я былъ бы энциклопедически образованнымъ человѣкомъ, послѣ прочтенія въ крѣпости и въ Д. П. З. такой массы книгъ какъ по различнымъ отраслямъ человеческого знанія, такъ и по художественной литературѣ. Къ моему огорченію я не сдѣлался таковымъ, но и тѣмъ, что смогли удержать и усвоить мои способности, я обязанъ тюрьмѣ.

XXII.

Во время моего сидѣнія въ крѣпости я удостоился посѣщенія Великаго князя Николая Николаевича Старшаго и шефа-жандармовъ Потапова.

Однажды дверь моей камеры растворилась и послѣ того, какъ она нѣсколько мгновений простояла открытой, въ ней появилась высокая фигура великаго князя. Онъ вошелъ, что называется, царскою походкою, переставляя ноги, не сгибая ихъ, — въ военномъ картузѣ на головѣ, котораго не снялъ во все время разговора, не смотря на то, что въ камерѣ была икона.

Вслѣдъ за нимъ, перескакивая то на одну, то на другую сторону князя, вошелъ въ комнату небольшого роста офицеръ съ серебряными эксельбантами и такими же погонами, его адъютантъ гр. Шуваловъ, тоже не снявшій картуза, вѣроятно, изъ подражанія великому князю.

За этими двумя, съ какимъ-то растеряннымъ видомъ, вошелъ согбенный сѣдой старичекъ съ добродушнымъ лицомъ, нашъ крѣпостной плацъ-маіоръ, а за плацъ-маіоромъ Богородцкій, который, какъ вошелъ, остановился возлѣ умывальника, такъ и остолбѣлъ съ руками по швамъ, съ круглыми неподвижными глазами, устремленными въ пространство.

Дверь притворилась.

Князь и Шуваловъ подошли къ моей койкѣ, на которой я сидѣлъ съ книгой въ рукахъ. Я поднялся.

— Кто? задалъ мнѣ вопросъ князь.

— Фамилію мою угодно вамъ знать или званіе? въ свою очередь спросилъ я князя.

— Фамилія?

— Синегубъ.

— Кто!

— Дворянинъ.

— Давно арестованъ?

— Скоро годъ.

— За что?

— За пропаганду среди рабочихъ.

— Что же говорилъ рабочимъ?

— Говорилъ о ихъ тяжеломъ положеніи и о причинахъ этого безрадостнаго положенія.

— И говорилъ, конечно, что все начальство виновато?

— Нѣтъ, не одно начальство. Причинъ тяжелаго положенія народа много.

— И книжки читалъ?

— Да, читалъ и книжки.

— И все запрещенныя, все запрещенныя! вмѣшиваясь въ разговоръ, произнесъ черноглазый и съ видимымъ недоброжелательствомъ ко мнѣ Шуваловъ.

— У моихъ учениковъ не взято ни одной запрещенной книжки, отвѣтилъ я.

— Отецъ есть? прервалъ насъ князь.

— Есть.

— Служить?

— Нѣтъ.

— Служилъ?

— Да.

— Гдѣ?

— Въ военной службѣ.

— Гдѣ?

— Въ уланахъ.

— Гдѣ?

Я поколебался: что же отвѣчать на это послѣднее: гдѣ? И на удачу отвѣтилъ: онъ участвовалъ въ турецкой войнѣ 28 года.

— Старикъ?

— Да, за восемьдесятъ.

Князь повернулся. Плацъ-маіоръ и Богородскій выскочили изъ камеры. Распахнулась опять дверь.

Князь вышелъ, но, остановившись въ дверяхъ, бросилъ вопросъ еще:

— Когда арестованъ?

— 12-го Ноября 1873 года, отвѣтилъ я—и дверь закрылась.

Князь былъ высокаго роста, стройный и, въ картузѣ, его лицо было куда красивѣе, чѣмъ оно на карточкахъ, гдѣ его портить скошенный лобъ. Красивые большіе голубые глаза, съ оттѣнкомъ грусти, были устремлены почти во все время разговора на окно моей камеры, раза два взглянули эти глаза и на меня и, какъ мнѣ показалось, взглянули не злобно и безъ высокомерія. Да и въ тонѣ разговора, несмотря на болѣе чѣмъ странную отрывочность вопросовъ, безъ мѣстоименія «ты» или «вы», ничего недоброжелательнаго не слышалось. И это посѣщеніе великаго князя не оставило во мнѣ никакого неприятнаго впечатлѣнія и не испортило мнѣ душевнаго настроенія. Напротивъ, какъ неожиданное событіе въ моей, столь бѣдной событіями, тюремной жизни въ одиночкѣ, оно было живымъ впечатлѣніемъ для меня.

И я, ходя въ этотъ день изъ угла въ уголъ моей камеры, вос-

производилъ въ своемъ воображеніи во всѣхъ деталяхъ это неожиданное посѣщеніе великаго князя.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе оставило послѣ себя посѣщеніе шефа жандармовъ Потапова. (Я говорю, шефа жандармовъ Потапова, основываясь на словахъ Богородскаго, котораго я спрашивалъ—кто это меня посѣтилъ?)

Я ходилъ, по обыкновенію, изъ угла въ уголь, и замечтался до самозабвенія. Пронеслось въ моемъ воображеніи дѣтство, со всею его горечью въ школьной жизни, съ большой заброшенностью и въ физическомъ, и въ духовномъ отношеніи. Тѣмъ съ большею отрадою останавливалась мечта на тѣхъ моментахъ дѣтства, которые были отмѣчены ласкою счастья и теплотой людской. И вотъ на этотъ разъ я въ мечтаніяхъ своихъ прожилъ со своимъ отцомъ, котораго въ дѣтствѣ глубоко любилъ, и котораго, несмотря на всю разницу нашихъ міровозрѣній (онъ—крѣпостникъ, дворянинъ, гордящійся «бѣлой костью», я—революціонеръ, народникъ) и потомъ всегда неволью любилъ, и безпредѣльно добрая душа котораго всегда меня плѣняла,—мнѣ, кажется и до днесь, что болѣе добраго и мягкаго человѣка я не встрѣчалъ больше на своемъ жизненномъ пути.

И вотъ въ ту минуту, какъ я любящею мечтою жилъ со своимъ отцомъ и въ своемъ шаганіи отошелъ отъ двери къ противоположной стѣнѣ камеры, дверь отворилась, и ко мнѣ быстро подошелъ маленькій, черненькій, съ черными, подернутыми блескомъ какой-то злости, глазами, генераль, на погонахъ котораго стояла буква А. II.

Я, еще не стряхнувшій съ себя мечтательно любящаго настроенія, скрестивъ руки, смотрѣлъ сверху-внизъ на этого маленькаго генерала. Онъ былъ не только меньше ростомъ меня, но даже меньше Богородскаго, который въ это время стоялъ на вытяжку у двери.

— Какъ ваша фамилія? спросилъ, глядя на меня своими злыми глазами, генераль.

— Синегубъ.

— А званіе ваше?

— Дворянинъ.

— Вы чегниговской губегніи? (генераль сильно картавилъ).

— Нѣтъ, Екатеринославской.

— А въ Чегниговѣ нѣтъ у васъ бгата?

— Кажется, тамъ мой двоюродный братъ судебнымъ слѣдователемъ.

— Вы когда агестованы?

— 12 Ноября 1873 года.

— Это за пропаганду среди габочихъ?

— Да, за пропаганду.

Генераль, глядя въ упоръ на меня, покачалъ головой.

— А отецъ у васъ есть.

— Да, есть!

— Служить гдѣ нибудь?

— Нѣтъ, онъ—помѣщикъ,—живетъ въ деревнѣ своей. Онъ ужъ глубокой старикъ! съ любовью въ голосѣ, еще, очевидно подѣ влияніемъ предыдущаго настроенія, отвѣтилъ я.

— А!.. генераль снова покачалъ головой и, повернувшись, направился къ двери; тутъ онъ на порогѣ приостановился и, искрививъ свой ротъ въ поганую улыбку, произнесъ:

— Хогошъ! хогошъ!.. утѣшилъ стагика, нечего сказать! и скрылся.

Дверь захлопнулась и я, какъ человѣкъ, которому плюнули неожиданно въ душу, оставался нѣкоторое время огорошеннымъ въ своемъ углу.

Проклятый маленькій генераль отравилъ мнѣ весь день.

Я шагаль по своей камерѣ, и въ душѣ моей поднималась горечь, болѣзненно мучительная горечь! Я никакъ не могъ себѣ простить,—съ чего это я вздумаль говорить съ нимъ объ отцѣ такимъ тономъ любви, словно съ человѣкомъ, въ которомъ можно было найдти сочувствіе этому тону?!

— «Вотъ онъ, палачъ, плюнулъ мнѣ въ душу за этотъ тонъ!» говорилъ я себѣ. «Плюнулъ, захлопнулъ дверь и скрылся! Да и плюнулъ-то отошедши отъ меня на благородную дистанцію!»

И долго спустя потомъ, я не могъ вспомнить спокойно этой сцены, и когда переживаль ее въ мечтѣ своей,—я надолго портилъ себѣ этой мечтой настроеніе.

XXIII.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 года, послѣ двухлѣтняго сидѣнія въ Петропавловкѣ, я былъ перевезенъ въ Д. П. З., такъ какъ слѣдствіе по большому процессу было передано прокурорамъ. Подѣ наблюденіемъ прокурора Саратовской суд. палаты Жихарева, получившаго за наше дѣло—«за спасеніе отечества» — званіе сенатора, и его помощниковъ Шубина, Меркулова, Мясоѣдова слѣдствіе производилось въ зданіи Петербургскаго Окружнаго суда и др. судебныхъ учрежденій, слѣдователемъ, кажется, если не ошибаюсь, Перфильевымъ.

Въ первые дни по прибытіи въ Д. П. З. я былъ просто убитъ,—такъ удручающе подѣйствовала на меня обстановка Предварилки. Я уже успѣль привыкнуть къ большой высокой камерѣ, безъ матовыхъ стеколъ въ окнѣ, по которой я имѣль возможность шагать изъ угла въ уголъ, что прямо стало моей потребностью. А тутъ? Камера въ 4 шага по діагонали изъ угла въ уголъ, въ три шага шириною. Камера загромождена кроватью, столикомъ, табуреткой, раковинной умывальника, стульчакомъ, согрѣвающей трубой и полками для посуды — такъ, что ходить по ней нѣтъ возможности. Чтобы хоть нѣсколько свободнѣе ходить по камерѣ, надо было бы каждый разъ опускать столикъ и табуретку, поднимать кровать,—а это была возня надоѣдливая и мало дававшая

узику простора. Камера была такъ низка, что, ставъ на табу ретку, привинченную къ стѣнѣ, я могъ достать рукой до потолка. Двойная желѣзная рама въ окнѣ была съ матовыми стеклами. Правда, она могла быть нѣсколько пріотворена сверху на всю длину очень коротенькой цѣпочки, прикрѣпленной къ ней и къ внѣшнему косяку окна; пріотворялась оконная рама для очистки воздуха, если вентиляціи при помощи отверстія внизу одной изъ стѣнъ и отверстія вверху надъ дверью камеры въ корридоръ было недостаточно. Въ отверстіе отъ пріоткрытой рамы можно было видѣть кое-что во дворѣ, если залѣзть на раковину умывальника, устроенную подъ подоконникомъ.

Словомъ, на первыхъ порахъ я почувствовалъ себя дѣйствительно въ гробу, надъ которымъ нависаль не полукруглый, а ввидѣ крыши сводъ. Послѣ же перваго свиданія съ женой, — свиданія въ темной клѣтушкѣ съ двумя густыми рѣшетками, которая освѣщалась сверху черезъ рѣшетку же даже днемъ свѣтомъ газового рожка, — послѣ свиданія, при которомъ я не только не могъ поцѣловать руку моей жены, а даже не могъ ясно разсмотрѣть черезъ рябь рѣшетки ея лицо, — я впалъ прямо въ отчаяніе.

Пища, которой кормили арестантовъ въ Предварилкѣ, сравнительно съ крѣпостной, показалась на первыхъ порахъ просто отвратительной. Каждое утро отворялась часовъ въ семь утра форточка въ двери и надзиратель произносилъ въ нее: «кипяточку!» Желаящій пить чай подавалъ свою оловянную миску или чайникъ, если имѣлъ таковой, и одинъ изъ двухъ арестантовъ (уголовныхъ), возившихъ по галлереймъ огромный котель съ кипяткомъ, наполнялъ поданную посуду. Кто имѣлъ чай, заваривалъ и пилъ чай, кто не имѣлъ, обходился кипяткомъ. На день полагалось три фунта чернаго хлѣба; на обѣдъ давалась миска щей или супа, куда опускалась столовая ложка рѣзаннаго кусочками варенаго мяса, а затѣмъ — каша гречневая или пшенная. Вечеромъ опять кипяточекъ. На первыхъ дняхъ мнѣ не успѣли еще доставить денегъ съ воли, и я не зналъ, кромѣ того, возможно ли въ Предварилкѣ имѣть свои деньги, — поэтому былъ безъ чаю и сидѣлъ на казенной пищѣ. Отвратительный черный хлѣбъ, много хуже крѣпостного, вызывалъ у меня мучительную изжогу, что еще больше угнетало меня и вгоняло въ меланхолю.

Но это состояніе длилось недолго. Уже черезъ недѣлю пребыванія въ Предварилкѣ я увидѣлъ, что она заключаетъ въ себѣ много такого, что дѣлало ее неизмѣримо цѣннѣе, съ моей точки зрѣнія, Петропавловки. Правда, камера была куда болѣе похожа на гробъ, чѣмъ крѣпостная, но я въ ней былъ признаваемъ болѣе человѣкомъ, чѣмъ въ крѣпости: я сидѣлъ въ этой камерѣ въ своей одеждѣ и въ своемъ бѣльѣ, а не въ арестантскомъ; я имѣлъ свой чайникъ, свой стаканъ или кружку; я имѣлъ у себя свое маленькое хозяйство. Хотя газъ гасился въ 9 часовъ вечера, но я имѣлъ право купить свои свѣчи и сидѣть хотя до утра; я имѣлъ право не только читать книги, но и писать, такъ какъ по правиламъ

Предварилки заключенный могъ имѣть письменныя принадлежности въ камерѣ—перо, карандашъ, чернила, бумагу (эту послѣднюю сче- томъ, въ тетради, пронумерованной и скрѣпленной подписью кого либо изъ начальниковъ тюремныхъ). На свои деньгя могъ заказывать обѣдъ у тюремнаго повара, могъ выписывать черезъ надзи- рателя всякую снѣдь, а съ разрѣшенія доктора даже могъ имѣть въ камерѣ виноградное вино.

Съ воли для заключеннаго могли приносить и книги, и одежду, и всякія угошенія.

Но всего важнѣе была полная возможность сношенія съ то- варищами и сношенія съ волей! Было еще удобство, какого въ крѣпости не было, это возможность посѣщать церковь, гдѣ госу- дарственныхъ преступниковъ вводили въ особыя клѣтушки, изъ которыхъ они черезъ небольшое, менѣе полчетверти въ квадратѣ, отверстіе съ рѣшеткой, могли созерцать, что происходило въ храмѣ. Такъ какъ стѣнки этихъ клѣтушекъ были очень тонки, и хоро- шимъ гвоздемъ ихъ можно было легко пробуравить, то это давало возможность намъ, пришедшимъ въ церковь, поговорить и пошеп- таться другъ съ другомъ; а изъ нѣкоторыхъ клѣтушекъ черезъ отверстіе можно было видѣть — при ввѣдѣ въ церковь и выводѣ изъ нея,—товарища, видѣть, правда, на мгновеніе, но и это давало большую отраду.

Однажды, въ то время, когда подкатилъ къ моей камерѣ котель съ супомъ и я, получивъ мясо, подалъ въ форточку свою миску для супа,—молодой арестантъ, наливъ мнѣ супу, и пользуясь тѣмъ, что надзиратель отошелъ къ сосѣдней камерѣ съ другимъ арестан- томъ, раздѣлявшимъ мясо, бросилъ мнѣ черезъ открытую еще форточку бумажный шарикъ, щелкнувъ ловко пальцами и произ- неся, почему-то, «баронъ Фитингофъ!»

Я моментально поднялъ шарикъ, и какъ только закрылась фор- точка, я развернулъ его: это была записка отъ моего люби- маго друга Тигрыча, (т. е. Льва Тихомирова). Писалъ онъ пока немного, но указывалъ на возможность пользоваться арестанти- комъ при подачѣ кипятку, обѣда или щетки съ воскомъ для на- тиранія асфальтоваго пола камеры, что должны были дѣлать сами заключенные. Впрочемъ, арестантиками мы пользовались весьма недолго, такъ какъ ихъ смѣняли постоянно другіе, но за то среди младшихъ надзирателей оказались истинные наши друзья и истин- ные наши благодѣтели. Они не только передавали записки изъ камеры въ камеру, но носили записки и на волю, конечно, за это имъ платили.

Хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Фасюра и морякъ Мель-никовъ, совершали это безкорыстно, они отъ всякой платы рѣши- тельно отказывались.

Все таки, несмотря на значительныя облегченія по сравненію съ крѣпостнымъ режимомъ, тоска въ концѣ концовъ водворялась въ душу и иногда бывали дни, когда рѣшительно не зналъ, куда себя дѣвать. Все надоѣдало до невозможности... И это тягостное состоя-

ніе все чаще и все больше овладѣвало душой въ первый день пребыванія въ Предварилкѣ. Но съ наступленіемъ 77 года въ Предварилкѣ совершилось много такого, что значительно оживило заключенныхъ. Мы пережили неожиданныя и крупныя событія, хотя и съ довольно трагическимъ характеромъ.

XXIV.

Въ 1876 году въ Предварилкѣ были совершены два покушенія на побѣгъ.

Я расскажу ихъ такъ, какъ я ихъ помню, хотя легко можетъ быть, что въ частностяхъ я буду ошибаться. Надѣюсь, что меня поправятъ тѣ товарищи по заключенію, которые помнятъ эти событія лучше.

Выше я сказалъ, что между младшими надзирателями Предварилки у насъ были истинные друзья; съ ихъ помощью, по инициативѣ двухъ выдающихся въ революціонной средѣ людей: Сергѣя Ковалика и Порфирія Войнаральскаго, были устроены двѣ попытки бѣгства.

Чтобы можно было осуществить затѣянное, надо было выполнить нѣсколько предварительныхъ условій.

Всѣхъ галлерей съ одиночными камерами было шесть, и четыре изъ нихъ составляли одинъ ярусъ, а двѣ—другой, отдѣлявшійся отъ перваго яруса потолкомъ.

Оказалось, что третья галлерейя перваго яруса упиралась своимъ балкономъ въ наружную стѣну Предварилки, въ ту стѣну, огромныя матовыя окна которой выходили на улицу (или на Шпалерную, или на Кировую,—забылъ). При этомъ балконъ оканчивался какъ разъ подъ однимъ изъ этихъ оконъ. Окно было створчатымъ и запиралось на замокъ, ключъ отъ котораго находился всегда у дежурнаго старшаго надзирателя. Отъ середины этого же балкона, къ той же стѣнѣ, шло колѣно его, оканчивавшееся площадкой, на которой помѣщается столъ и стулъ. Это—мѣстопробываніе дежурнаго старшаго надзирателя. Надъ столомъ его висѣли крупныя стѣнные часы; сюда былъ проведенъ электрической звонкъ изъ конторы, гдѣ пребывали дежурные помощники управляющаго Д. П. Закл. Тутъ же всю ночь горѣлъ газовый рожокъ; тутъ же дежурный старшій надзиратель (ихъ было два въ 1-мъ ярусѣ и 2 во второмъ) дремалъ по ночамъ на своемъ стулѣ, въ упованіи, что одинъ изъ неспавшихъ троихъ младшихъ надзирателей всегда успѣетъ его разбудить, въ случаѣ появленія начальства.

На означенное окно обратилъ свое вниманіе Коваликъ, сидѣвшій на третьей галлерей и сообщилъ запиской о своемъ открытіи своему пріятелю Войнаральскому. У этихъ двухъ энергичнѣйшихъ дѣятелей среди агитаторовъ 1874 года тотчасъ же зародилась мысль устроить побѣгъ. Съ помощью двухъ надзирателей—Баранова на третьей галлерей, и Иванова на четвертой (изъ жандармовъ и котораго

мы съ любовью звали «наше золото») они обсудили обстоятельно, какъ осуществить эту мысль.

Для этого надо было, во 1-хъ, украсть у старшаго надзирателя ключъ, которымъ онъ запиралъ камеры съ государственными преступниками; дѣло въ томъ, что ключемъ младшихъ надзирателей можно было отпереть только тѣ камеры, которыя ручкой придѣланной къ замку были заперты на два взвода; камеры же съ государственными преступниками запирались еще старшимъ надзирателемъ съ помощью особаго ключа на третій взводъ и могли быть отперты только этимъ ключемъ. Ключъ этотъ всегда хранился у старшаго надзирателя и только старшій надзиратель отпиралъ наши камеры. Нужно было, слѣдовательно, ловко стибрить у старшаго надзирателя ключъ, снять съ него восковой слѣпокъ и заказать по немъ на волѣ соответствующій ключъ. Всей душой сочувствовавшій Ковалику и Войнаральскому и очень ловкій надзиратель Барановъ взялся обдѣлать это и обдѣлалъ самымъ превосходнымъ образомъ. Ключъ былъ готовъ и переданъ Войнаральскому, такъ какъ онъ въ качествѣ больного пользовался льготой имѣть форточку въ двери открытой день и ночь, для большей вентиляціи и большаго доступа воздуха изъ корридора. Высунувши руку изъ форточки, было легко отпереть ключомъ камеру.

Во 2-хъ, надо было отобрать у старшаго надзирателя еще и ключъ отъ створчатаго окна на улицу, къ которому подходила колѣномъ третья галлерей.

Въ 3-хъ, надо было усыпить въ ночь побѣга снотворнымъ снадобьемъ дежурнаго старшаго надзирателя и младшаго надзирателя 2 галлерей (на 1-й галлерей тогда не было надзирателя, такъ какъ тамъ не сажали заключенныхъ, вслѣдствіе полной непригодности камеръ для житья). Барановъ выполнилъ и эти два условія.

Коваликъ и Войнаральскій, подготовивъ все для побѣга, не хотѣли воспользоваться возможностью бѣжать только для себя,—а предложили еще нѣсколькимъ товарищамъ. Пожелали принять участіе въ побѣгѣ Кропоткинъ, сильно захирѣвшій въ тюрьмѣ, Волховскій, тоже то и дѣло болѣвшій, Тихомировъ, Шишко и Чарушинъ. Не помню—были ли еще участники въ этомъ. Весьма возможно, что въ числѣ ихъ былъ еще и Муравскій.

Въ одну изъ ночей, когда на четвертой галлерей былъ Ивановъ, а на третьей Барановъ, когда пробило два часа, Войнаральскій отперъ своимъ ключемъ камеру черезъ форточку. Я, зная о совершившемся, сидѣлъ близъ своей открытой форточки и съ замираніемъ сердца въ темнотѣ своей камеры ждалъ исхода затѣяннаго предпріятія.

Войнаральскій прошелъ по четвертой галлерей къ камерамъ Волховскаго, Тихомирова и Чарушина; спустившись въ 3 галлерей выпустили Ковалика и Шишко, со 2 галлерей выпустили Кропоткина. Затѣмъ вся компанія сгрудилась на площадкѣ третьей галлерей подъ завѣтнымъ окномъ. Уже его открыли, уже стали укрѣплять веревки изъ полосъ простыни за перила галлерей... На своей

площадкѣ спалъ на стулѣ подѣ газовымъ рожкомъ старшій надзиратель Ефимовъ, угощенный снотворнымъ снадобьемъ. Вдругъ я слышу,—мимо моей камеры пробѣжалъ шепча довольно ясно русское ругательство «Наше золото». Очевидно, что-то стряслось! Дѣйствительно стряслось: Ефимовъ неожиданно проснулся, и такъ какъ съ его площадки превосходно была видна площадка, гдѣ столпились бѣгуны, то онъ сразу увидѣлъ неподходящую тамъ компанію и бросился туда со всѣхъ ногъ. Дѣло сорвалось. На подмогу къ бѣгунамъ ринулись Павловъ и Барановъ и стали урезонивать Ефимова не поднимать тревоги. Кое какъ уломали его, правда, съ условіемъ заплатить ему за молчаніе 500 руб. съ ручательствомъ Баранова и Иванова и съ условіемъ, чтобы всѣ вышедшіе изъ камеръ возвратились туда обратно, что съ горькимъ чувствомъ и пришлось выполнить.

Ефимовъ всѣхъ ихъ вновь заперъ своимъ ключемъ, но почему-то не смекнулъ отобрать поддѣльный ключъ, и онъ остался у Войнаральскаго.

По полученіи на волѣ отъ жены Войнаральскаго 500 р., Ефимовъ недѣли черезъ полторы уволился отъ службы въ д. пр. закл. Черезъ недѣли двѣ-три ушелъ изъ д. п. з. и «наше золото». Но Барановъ остался и какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ надзирательствовать на третьей галлерей и носить записки на волю. На мѣсто Иванова на четвертой галлерей поступилъ молодой надзиратель Ерофеевъ, сразу вступившій съ нами въ дружественныя отношенія, хотя объ устройствѣ побѣга кого-либо изъ насъ не дерзалъ и думать. На третьей галлерей вторымъ надзирателемъ, кромѣ Баранова, поступилъ новый, молодой, бравый морякъ Мельниковъ, развитый и уже сильно задѣтый «тлетворнымъ» духомъ. И онъ не замедлилъ вступить въ дружескія отношенія съ политическими.

Такимъ образомъ, на первыхъ четырехъ галлерейхъ половина младшихъ надзирателей были пріятели «политиковъ». Они носили записки на волю, передавали записки, книги и пр. изъ камеры въ камеру.

Изъ четырехъ старшихъ надзирателей, только одинъ маленькій, сѣдой, усатый Даниловъ—въ 5 и 6 галлерей,—передавалъ записки отъ заключеннаго къ заключенному, за что мы выписывали ему табакъ и чай,—остальные были сущія собаки,—шпіоны, наушники передъ начальствомъ, старавшіеся и сами изображать изъ себя маленькихъ помазанниковъ божіихъ.

Такъ какъ поддѣльный ключъ остался въ рукахъ Войнаральскаго, а на третьей галлерей оставался Барановъ, то неугомонные Коваликъ и Войнаральскій не могли успокоиться и не сдѣлать еще попытки бѣжать.

Дѣйствительно Барановъ вновь взялся отпереть завѣтное окно и усилить кого надо. И вотъ, какъ кажется, въ апрѣлѣ 1876 года (хотя можетъ быть я ошибаюсь), въ одну прекрасную ночь Войнаральскій и Коваликъ вышли изъ камеръ, подошли къ окну третьей галлерей и Коваликъ благополучно спустился на панель улицы, зашелъ за уголъ и сталъ поджидать товарища.

Сталь спускаться Войнаральскій, но не достигнувъ сажени полторы до земли, принужденъ былъ оторваться отъ веревки и, повернувъ при этомъ ступню, хромя спѣшить за уголь. Дѣло въ томъ, что въ тотъ моментъ, какъ фигура Войнаральскаго скользнула по веревкѣ вдоль стѣны, въ улицу выѣхала извозчья пролетка, на которой ѣхалъ съ вечерки подвыпившій офицеръ Чечулинъ. Какъ только онъ увидалъ спускавшуюся изъ окна тюрьмы фигуру, онъ поднялъ тревогу, зова городоваго. Раздался свистокъ, появились еще городовые и по указанію Чечулина бросились за уголь, куда скрылся Войнаральскій, присоединившійся уже къ Ковалику. И, конечно, ихъ рабовъ божіихъ поймали и вмѣстѣ съ Чечулинымъ они очутились въ полицейскомъ участкѣ, гдѣ къ великому своему отчаянію Чечулинъ узналъ въ одномъ изъ бѣгуновъ своего хорошаго знакомаго Войнаральскаго! Говорили потомъ, что бѣдный Чечулинъ чуть съ ума не сошелъ отъ горя и сознанія того, что онъ былъ причиною поимки двухъ государственнымъ преступниковъ. Ковалика и Войнаральскаго привезли вновь въ д. пр. заключенія, но очень скоро перевели ихъ въ Петропавловку.

Вслѣдствіе этого побѣга, надзиратели Ерофеевъ и Мельниковъ, дежурившіе въ 12 часовъ въ ночь побѣга, были арестованы по подозрѣнію въ устройствѣ этого побѣга и изъ нашихъ сторожей были превращены въ нашихъ товарищей по заключенію. Ихъ посадили въ одиночныя камеры д. п. з. Ерофеевъ былъ этимъ обстоятельствомъ довольно удрученъ; Мельниковъ же по прежнему былъ здоровъ и веселъ. Конечно, мы дѣлали всевозможное, чтобы смягчить ихъ участь: съ воли наши дамы, истинныя благодѣтельницы всѣхъ тогда заключенныхъ въ д. п. з., приносили имъ и деньги, и угощенья,—и мы дѣлились съ ними всѣмъ, чѣмъ могли. Мы обучили ихъ перестукиванью, привлекли ихъ въ свои, уже тогда функционировавшіе клубы.

Продержавъ въ заключеніи не болѣе полугода, ихъ освободили, не привлекая ни къ какой отвѣтственности, такъ какъ никакихъ доказательствъ ихъ участія въ устройствѣ побѣга обнаружено не было, ибо, и дѣйствительно, они объ побѣгѣ ровнехонько ничего не знали.

Все устраивавшій и все знавшій Барановъ прелюбополучно оставался надзирателемъ и только послѣ второго побѣга онъ вскорѣ перепросился надзирателемъ въ общія камеры, гдѣ я видѣлъ его еще осенью 1877 года.

XXV.

За демонстрацію 6 декабря 1876 года на площади Казанскаго собора, въ числѣ другихъ былъ арестованъ и осужденъ на 15 лѣтъ каторги—Боголюбовъ¹⁾. Съ его именемъ связана такъ называемая «треповская исторія», съ которой въ свою очередь связанъ знаменитый процессъ Вѣры Засуличъ.

¹⁾ Емельяновъ.

Треповская исторія разыгралась въ Предварилкѣ въ 1877 году лѣтомъ, уже не только послѣ осужденія, но и утвержденія приговора надъ «декабристами», которые оставались пока въ Предварилкѣ, ожидая съ часу на часъ перевода ихъ въ Литовскій замокъ для отправки въ Сибирь или въ одну изъ харьковскихъ централокъ.

Чтобы ясно представить себѣ все происшедшее во время треповской исторіи, надо познакомиться съ порядками, существовавшими въ д. п. з. и прежде всего съ его устройствомъ.

Д. пр. закл.—это неправильный многоугольникъ. Устроены онъ такъ, что стѣны корпуса его замыкаютъ собою довольно обширную площадку; это его дворъ, изъ котораго можно было выйти на улицу черезъ одну только арку съ воротами. На этотъ дворъ выходили окна одиночныхъ камеръ всѣхъ шести галлерей и окна камеръ общихъ, а также и окна конторы и лазарета съ одиночными камерами. Посреди двора была воздвигнута невысокая башня, отъ которой, какъ отъ центра, были расположены по радіусамъ своеобразныя камеры, узкія у входа ихъ и расширяющіяся къ окружности. Узкая часть такой камеры заключала въ себѣ дверь, черезъ которую впускали узника, а широкая—была рѣшетчатая; по бокамъ же были стѣны глухія. Крыши эти камеры не имѣли, и стоявшій на башенкѣ, словно пожарный на каланчѣ, надзиратель, могъ обзрѣвать камеры и могъ видѣть, что дѣлалось внутри ихъ. Мы называли эти камеры—«законами». Законы служили мѣстомъ прогулки для заключенныхъ въ одиночныя камеры и, главнымъ образомъ, для государственныхъ преступниковъ, которыхъ никогда въ общія камеры не садили и которые, поэтому, общими прогулками по правиламъ тюрьмы не пользовались.

Такъ какъ большинство одиночныхъ камеръ было занято государственными преступниками, главнымъ образомъ, тѣми, которые привлекались по нашему процессу (193-хъ) и которые просидѣли въ одиночкахъ въ ожиданіи суда очень долго (я, Тихомировъ и Стаховскій сидѣли съ конца 1873 г., другіе съ начала и со середины 1874 г. за малыми исключеніями), то мы, заключенные, считали себя вправѣ перестать покоряться арестантской инструкціи. Это наше непокорство Леонидъ Дическуло выразилъ въ такой краткой формулѣ: «насъ законопачиваютъ, а мы расконопачиваемся!» И мы, дѣйствительно, начали расконопачиваться по всѣмъ направленіямъ.

Прежде всего мы нарушили строгое тюремное предписаніе—не разговаривать другъ съ другомъ, и къ перестукиванью мы присоединили—«клубы».

Со стороны эти клубы могли бы показаться не особенно интереснымъ мѣстамъ, но для людей лишенныхъ въ продолженіи цѣлыхъ годовъ права и возможности разговаривать съ близкими сердцу друзьями и товарищами по «неволѣ» и по дѣлу, клубы представляли нѣчто столь привлекательное, милое и драгоценное, что открытіе ихъ влило въ замиравшія отъ тоски сердца и души благодатную струю жизни и отрады.

Съ 6-го этажа до перваго шли трубы; по обѣ стороны каждой трубы располагались стульчаки, колѣна которыхъ вливались въ трубу. Открывши крышку стульчака, и промывъ его раковину водой, каждыя 12-ть одиночныхъ камеръ могли безпрепятственно разговаривать. Мы этимъ воспользовались, и вотъ группа товарищей, могшихъ разговаривать въ одну и ту же трубу — составляла одинъ клубъ, другая такая группа—другой клубъ и т. д.

Такимъ образомъ, разговоръ производился съ помощью перестукиванья и съ помощью трубъ въ клубахъ. Такой установившійся у насъ порядокъ былъ воспѣтъ Дмитриемъ Ивановичемъ Соловьевымъ, бывшимъ нѣкогда редакторомъ издававшагося въ 70-хъ годахъ небольшого журнальчика «Сіяніе» (насколько помнится—иллюстрированнаго). Это стихотвореніе онъ прислалъ мнѣ черезъ надзирателя, за подписью—«маркизь Донъ-Капустосъ». Къ сожалѣнію, память моя сохранила только два куплета изъ этого остронаго стихотворенія, которые тутъ и привожу.

Стукъ по стѣнамъ... стукъ по трубамъ...
Нѣмой разговоръ...
Засѣданія по клубамъ...
Въ воздухѣ—топорь!..
Жизнь безъ дѣла и движеня.
Въ камерѣ морозъ...
И желудка несваренье...
И

Стихотвореніе это—очевидная пародія на Фетовское «Шопоть, робкое дыханье, трели соловья»...

Учрежденіе «клубовъ» было крупнѣйшимъ нарушеніемъ тюремныхъ правилъ,—но начальство сразу же опѣшило, сообразивъ, что съ «симъ зломъ» ему рѣшительно ничего не подѣлать. Заключенныхъ сотни и слѣдовательно сотни соклубистовъ,—не хватить надзирателей для прекращенія засѣданій по камернымъ клубамъ, тѣмъ болѣе, что засѣданія открывались преимущественно по вечерамъ, послѣ ужина, когда гасился газъ и надзиратели ослабѣвали въ своей бдительности, одолѣваемые сномъ отъ скуки и безсмысленнаго торчанія на галлереѣ.

Такъ какъ бороться съ клубами было физически невозможно, то внутренняя администрація Предварилки, поерепенившись сначала, вскорѣ махнула на клубы рукой и молча признала фактъ ихъ существованія.

Второе крупное нарушеніе тюремной инструкціи проявили мы въ томъ, что поотвинчивали тяжелыя оконныя желѣзныя рамы и снимали ихъ долой. Это давало намъ возможность не только разговаривать другъ съ другомъ, сидя на подоконникахъ, но, что всего отраднѣе было для насъ, мы могли видѣть многихъ изъ товарищей! Въ открытыя окна мы могли слушать пѣніе,—а у насъ были хорошіе пѣвцы—Бенецкій, Жебуневъ Сергѣй, Соловьевъ, Поповъ и др., при случаѣ мы могли прослушать вдохновенную рѣчь Мышкина.

И съ этимъ зломъ тюремная администрація подѣлать ничего не могла.

Заключенные днемъ снимали рамы, а на ночь снова ставили ихъ на мѣсто, вволюшку наиздѣвавшись и вдосталь наговорившись другъ съ другомъ.

Изъ окна былъ виденъ весь дворъ и башенка съ загонами, гдѣ, какъ въ клѣткахъ звѣринца звѣри, такъ гуляли товарищи, съ которыми можно было перемахиваться (вмѣсто перестукиванья), а сидѣвшимъ внизу можно было даже перекидываться фразами.

Третье нарушеніе тюремной инструкціи заключалось въ томъ, что мы, открывъ окна, позаводили такъ называемыхъ у насъ— «коней». «Кони» это шнурки, изъ мотауза, которые мы провели изъ окна въ окно, отъ сосѣда къ сосѣду и внизъ, и въ бокъ. Съ помощью этихъ коней мы могли передавать товарищамъ рѣшительно все и записки, и книги, и угощенья, получаемыя съ воли, и одежду.

Съ «конями» начальство повело сначала упорную борьбу. Оно посылало сторожей съ огромными пожарными лѣстницами обрывать «коней» крючками; во время отсутствія заключеннаго, надзиратели входили въ камеру и уничтожали коней.

Но на мѣсто сорванныхъ «коней» появлялись новые и на глазахъ у начальства, созерцавшаго дѣянiя заключенныхъ изъ оконъ канцеляріи, мы преспокойно продолжали пересылать на «коняхъ» не только мелкія вещицы, но и штаны, и сапоги.

Зло нарушенія инструкціи начинало принимать въ глазахъ начальства слишкомъ большіе размѣры; у него начала накапливаться досада, но чаша его терпѣнія переполнилась, когда ко всѣмъ указаннымъ выше нарушеніямъ инструкціи мы присоединили новое.

Обыкновенно, мы покорно гуляли въ загонахъ. Загоновъ было 17-ть, но въ загоны выводили гулять одновременно не однихъ государств. преступниковъ, а и уголовныхъ арестантовъ, сидѣвшихъ въ одиночкахъ, пока шло слѣдствіе по ихъ дѣламъ. Уголовныхъ разсаживали по загонамъ такъ, чтобы они раздѣляли другъ отъ друга государственныхъ и чтобы послѣдніе не могли во время прогулки перестукиваться и разговаривать, черезъ тонкія стѣнки загоновъ. Въ одинъ разъ на прогулкѣ въ загонахъ находилось 9 государственныхъ и 8 уголовныхъ.

Мы смекнули, что стоитъ намъ перелѣзть черезъ рѣшетку загона во дворъ Предварилки и мы будемъ гулять вмѣстѣ, всѣ 9-ть, по этому двору, а не бѣгать взадъ и впередъ въ одиночку по короткому загону. Мы могли бы тогда не только издали видѣть другъ друга, но и пожать руку, и обнять другъ друга и посмотреть другъ другу съ любовью въ дружескія очи. Мы и стали поступать такъ: каждаго изъ насъ по одиночкѣ надзиратель выводилъ изъ камеры, впускалъ въ загонъ и запиралъ дверь загона на засовъ. Затѣмъ, мы всѣ девять гуляющихъ преспокойно перелѣзали черезъ рѣшотку загона и начинали гулять вмѣстѣ. Надзиратель, стоявшій на башенкѣ, сладить съ 9 человекъ не могъ; начальство, въ лицѣ того

или другого дежурнаго помощника управляющаго Д. П. Зак., приходило, увѣщевало, грозило взысканіями,—но все это ни къ чему не приводило: 9-ть человекъ гуляли вмѣстѣ положенныя имъ для прогулки двадцать минутъ и возвращались спокойно въ свои камеры.

Въ концѣ концовъ, какъ намъ казалось, начальство примирилось и съ этимъ зломъ. Надзиратели просили насъ только, чтобы мы заходили въ загоны, а тамъ, молю, какъ знаете. Мы такъ и сдѣлали: въ загоны заходили, насъ надзиратели запирали, а потомъ мы перелѣзали во дворъ.

Дѣло шло довольно мирно, пока управляющимъ Д. П. З. былъ полковникъ Ѳедоровъ, человекъ, какъ кажется, довольно добропорядочный. Но онъ, къ несчастью, лѣтомъ отправился въ отпускъ, а его временно замѣстил Курнѣевъ, изъ питерскихъ полицейскихъ. Онъ тотчасъ же доложилъ о найденныхъ имъ безпорядкахъ въ Д. П. З. градоначальнику Трепову, подъ главнымъ завѣдываніемъ котораго находился Д. П. З.

И вотъ, утромъ, въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1877 года (въ іюнѣ или іюлѣ), когда многіе изъ насъ, а въ томъ числѣ и я, сидѣли на подоконникахъ, а въ загоны была введена партія товарищей, въ которой былъ и Боголюбовъ, вошелъ во дворъ въ сопровожденіи Курнѣева и надзирателей — самъ Треповъ, въ сѣромъ генеральскомъ пальто на опашку.

Въ то время, какъ входилъ Треповъ, почти всѣ гулявшіе въ загонахъ товарищи успѣли уже перелѣзть во дворъ, и только одинъ, почтенный по наружности и спокойствію нрава Кадьянъ флегматично перелѣзалъ черезъ рѣшетку загона.

Треповъ остановился. Кадьянъ спокойно опустился на землю и подошелъ къ остальнымъ товарищамъ по прогулкѣ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ остальныхъ товарищей стоялъ Боголюбовъ.

Когда генераль вмѣстѣ съ Курнѣевымъ проходили мимо гуляющихъ, всѣ, а въ томъ числѣ и Боголюбовъ, поклонились ему, приподнявъ шляпы. Треповъ прошелъ дальше по двору. Курнѣевъ на ходу негромко что-то докладывалъ ему. Надо полагать, объяснялъ ему—кто былъ въ числѣ гуляющихъ, и конечно, объяснилъ ему при этомъ, что поодаль отъ остальныхъ стоявшій Боголюбовъ уже осужденъ и приговоренъ къ каторгѣ. Я говорю, что надо полагать, что именно было такое указаніе на Боголюбова, такъ какъ генераль, какъ только выслушалъ то, что докладывалъ ему Курнѣевъ, быстро повернулся и прямо направился къ Боголюбову.

— „Ты какъ смѣешь стоять предо мною въ шапкѣ!“ крикнулъ во весь голосъ Треповъ, и не успѣлъ Боголюбовъ опомниться отъ совершенно неожиданнаго наскока, какъ Треповъ съ крикомъ „шапку долой!“ размахнулся правой рукой съ цѣлью сбить съ Боголюбова шапку. Ударилъ-ли онъ Боголюбова по головѣ, или Боголюбовъ, инстинктивно увертываясь отъ удара, взмахнулъ въ сторону головой, но во всякомъ разѣ шапка съ головы Боголюбова слетѣла.

Сидѣвшіе въ это время на окнахъ товарищи видѣли эту сцену, слышали крики Трепова, многимъ показалось, что Треповъ Боголюбова ударилъ, и всѣ они, какъ по электрическому току, крикнули въ одинъ разъ: „Палачъ! мерзавецъ Треповъ! Вонъ подлецъ!“ Всѣ, сидѣвшіе спокойно въ камерахъ, услыхавъ неистовый крикъ товарищей, бросились къ окнамъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, присоединились къ бунту. Крикъ сотенъ голосовъ, стукъ въ желѣзные наружные подоконники,—шумъ былъ невообразимый.

Треповъ стоялъ во дворѣ и безсильно металъ злобные взгляды на всѣ шесть этажей Предварилки. И когда шумъ нѣсколько стихъ, Треповъ крикнулъ Курнѣву, указывая на Боголюбова: „Увести его и выпоротъ.“ Боголюбова подхватили два надзирателя, одинъ изъ которыхъ по росту подходилъ Боголюбову подъ локоть только,— и увели его. Вслѣдъ за нимъ удалился Треповъ съ Курнѣвымъ.

Въ Предварилкѣ поднялся сущій адъ. Около трехсотъ сидѣвшихъ въ одиночныхъ камерахъ подняли стукъ въ подоконники и въ двери камеръ. Въ двери, обитыя желѣзомъ, били тяжелыми рамами.

Минуть черезъ двадцать-тридцать явился вновь во дворъ Курнѣвъ и нагло сообщилъ сидѣвшимъ во 2-й галлерей, что Боголюбова выпороли. Ему дѣйствительно дали 13 ударовъ розгами.

Послѣ этого извѣстія поднялся новый взрывъ неистовствъ. Кричали, били оловянной посудой въ желѣзные подоконники, били рамами въ двери, ломали у кого хватало силы все, что только могло быть исковеркано и изломано въ камерахъ. Тогда Треповъ выслалъ на заключенныхъ въ одиночныхъ камерахъ отрядъ городскихыхъ.

Поснимавъ съ груди свои номера, городовые подъ предводительствомъ помощниковъ управляющаго Куриленка, Кутайсова и Константиновскаго и трехъ старшихъ надзирателей ходили по всѣмъ галлерейамъ. Гдѣ раздавался стукъ въ то время, какъ они подходили, та камера отпиралась помощниками или надзирателями, свора городскихыхъ врвалась въ камеру, и начиналось битье и топтанье ногами заключеннаго. Избитаго выволакивали изъ камеры и тащили въ карцеръ. Нѣкоторые пострадали очень сильно. Такъ, арестованный по нашему дѣлу Петропавловскій (Каронинъ) былъ избитъ городовыми, которыми предводительствовалъ Куриленко, и этотъ послѣдній билъ извѣстнаго писателя по головѣ коробкой съ камерными ключами, когда его вталкивали въ карцеръ. Рабочаго Ковалева по процессу 50-ти избili жестоко, стащивъ его съ подоконника, на который онъ вскочилъ, какъ только свора городскихыхъ появилась на порогѣ его камеры. Онъ ухватился руками за желѣзную рѣшетку окна и крикнулъ товарищамъ: «братцы! бьютъ!»

Его ухватили городовые за ноги и стали рвать внизъ; руки Ковалева не выдержали и онъ съ высоты подоконника свалился лицомъ на раковину умывальника и потомъ на полъ, гдѣ его избili такъ, что изъ карцера, куда его уволокли, его въ тотъ же

день перевели въ лазаретъ, гдѣ онъ и пролежалъ болѣе недѣли. Избили и хвораго въ то время Волховскаго. Вѣчный труженникъ, не могшій, кажется, и часу пробыть безъ работы, онъ постоянно хворалъ, въ особенности головными болями, и въ нѣкоторые дни къ этимъ болямъ присоединялась абсолютная глухота, такъ что съ нимъ ни говорить, ни перестукиваться нельзя было. Въ послѣднее время передъ треповской исторіей онъ сидѣлъ въ самой угловой камерѣ 4 галлерей и былъ на положеніи больного и, если не помѣщенъ былъ въ лазаретъ, то лишь потому, что въ лазаретѣ одиночныя камеры всѣ были заняты.

День треповской исторіи—былъ однимъ изъ дней абсолютной глухоты для Волховскаго; онъ ничего не слышалъ, лежалъ хворый и читалъ. Что-то ему понадобилось отъ надзирателя и онъ позвонилъ. Въ Предварилкѣ позвонить можно было только разъ, при чемъ изъ стѣны у двери выскакивала дугообразная желѣзная пластинка, по которой ходившій по галлерѣ надзиратель и узнавалъ, изъ какой камеры звонили.

Такъ какъ надзиратель зачастую почему-либо звяканья выпадающей пластинки не слышалъ и по галлерей не прохаживался, а гдѣ-нибудь сидѣлъ или бесѣдовалъ съ надзирателемъ же или заключеннымъ, то, чтобы привлечь наконецъ вниманіе надзирателя, позвонившій заключенный начиналъ стучать ногой въ дверь. Такъ случилось и на этотъ разъ. Позвонивъ и подождавши нѣкоторое время, но видя, что надзиратель не идетъ, Волховскій, по обычаю, сталъ стучать ногой въ дверь. Какъ на грѣхъ въ это время въ томъ концѣ галлерей, гдѣ былъ Волховскій, проходилъ отрядъ городовыхъ подъ предводительствомъ помощн. управл. Кутайсова. Услыхавъ стукъ въ камерѣ Волховскаго, не взирая на то, что Волховскій былъ на положеніи больного, о чемъ Кутайсовъ не могъ не знать, онъ впустилъ въ его камеру городовыхъ. Изумленнаго Волховскаго, ничего не вѣдавашаго, что происходило вокругъ, больного и на этотъ разъ глухого, схватили городовые за руки и поволокли въ карцеръ и пока вели въ карцеръ, били его по больной головѣ своими кулачищами. Мнѣ потомъ этотъ золотой и рѣдкій по душѣ человекъ рассказывалъ: «И бьютъ-то, вѣдь, подлещи непременно по головѣ,—словно это ни на что негодная для человека посудина!»

Меня не побили только потому, что въ тотъ моментъ, какъ проходили городовые по галлерей, я, уставши отъ взмаховъ тяжелой желѣзной рамой при стучаньи въ дверь, въ которой я попортилъ и оконце, и форточку, и желѣзную обивку, сидѣлъ на кровати и едва могъ отдышаться. Мой же сосѣдъ, рабочій Семеновъ, только что отдохнувшій и принявшійся за стукъ, былъ избитъ и заточенъ въ карцеръ.

Въ этотъ день мы ничего не ѣли съ утренняго чая,—и не потому только, что не до ѣды было, а и потому, что къ нашимъ камерамъ обѣда и кипятка не «подкатывали», такъ какъ надзиратели боялись подходить къ камерамъ, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ

нихъ, которые не были нашими друзьями. Мы бунтовали до вечера.

Это былъ день, въ который приходили къ намъ на свиданья родные и знакомые. Свиданья въ это время давались не только съ родными, но и со знакомыми; такъ Говоруха-Отрокъ имѣлъ свиданія съ Михайловскимъ, Тихомировъ съ Соней Перовской, числившейся тогда его невѣстой. Свиданія давались уже прямо въ камерахъ безъ всякихъ свидѣтелей и по нѣскольکو часовъ подрядъ.

Пришедшіе въ этотъ день на свиданіе не были допущены и, стоя еще на улицѣ, слышали крикъ, стукъ и гулъ, несшійся изъ Д. Пр. З. Узнавъ о происходившемъ бунтѣ, они, конечно, способствовали тому, что и вообще объ этомъ узнали въ городѣ.

Вечеромъ товарищи, узнавъ объ ужасномъ положеніи товарищей запертыхъ въ карцеръ,—о Ковалевѣ и Волховскомъ, нуждавшихся въ докторѣ, о кн. Циціановѣ, который очутился въ ужасномъ карцерѣ, гдѣ онъ не только задыхался до обмороковъ, но гдѣ черезъ $\frac{1}{4}$ часа у него на деснахъ появились язвы,—откомандировали меня къ началству съ требованіемъ освободить товарищей изъ карцеровъ, если не всѣхъ, то хоть больныхъ, а остальныхъ дозволить намъ накормить и напоить; нѣкоторыхъ заключенныхъ томила въ карцерѣ жажда, и имъ подавали воды.

Курнѣва почему-то уже не было, и меня, по заявленію надзирателя, вызвалъ старшій помощникъ управляющаго Д. П. З.—Бобылевскій, замѣнявшій управляющаго. Я предъявилъ ему требованіе товарищей. Онъ обусловливалъ выпускъ товарищей изъ карцеровъ —прекращеніемъ шума. Я ушелъ, ничего не обѣщавши, такъ какъ товарищи не уполномочивали меня соглашаться на какія бы то ни было условія со стороны начальства.

Вскорѣ, впрочемъ, мы узнали, что Ковалевъ и Циціановъ въ общемъ лазаретѣ и имъ оказана медицинская помощь, и что Волховскій, какъ и другіе товарищи (Голоушевъ, Смирновъ, Петропавловскій, Грачевскій и др.) уже находятся въ своихъ камерахъ.

На другой день мы съ утра подняли снова стукъ и грюкъ. Въ этотъ день я получилъ отъ Муравскаго (по нашему дѣлу) записку, въ которой «дѣдъ», какъ мы его звали (нѣкоторые называли его «отцомъ»), предлагалъ обратиться къ товарищамъ съ совѣтомъ прекратить бесполезный шумъ и перестать бить «неодушевленные предметы», а постараться бить «предметы одушевленные»,—и начать это съ Трепова, а кончить помощниками управляющаго, которые проявили особую ревность при избіеніи заключенныхъ, какъ, напр., Куриленко. Для этого надо было успокоиться на недѣлку, по крайней мѣрѣ, и показать, что все вошло въ свою норму. Затѣмъ, нѣскольکو человекъ напишутъ каждый отъ себя, какъ это практиковалось и раньше, заявленія градоначальнику о необходимости улучшенія пищи, или о разрѣшеніи имѣть инструменты для занятія въ камерѣ ремесломъ и т. п. Такъ какъ на такія заявленія Треповъ являлся лично въ Д. П. З. и заходилъ въ камеру къ подавшему заявленіе для выслушанія личныхъ объясненій, то къ

кому онъ къ первому зайдетъ, тотъ и долженъ неожиданно кинуться на Трепова и чѣмъ попало и какъ съумѣетъ исковеркать его фізіономію; послѣ этого начать избіеніе помощниковъ управляющаго. Я нашелъ планъ Муравскаго довольно подходящимъ и, по соглашенію съ нимъ, послали черезъ коней въ этомъ духѣ записку за его и моею подписью ко всѣмъ товарищамъ. Не помню сейчасъ ясно, наша ли записка подѣйствовала такъ, что тюрьма утихла, или тогда же было получено извѣстіе съ воли, что «партія, выпоровшая товарища прокурора Поскочина», проситъ тюрьму успокоиться, такъ какъ она беретъ на себя отомстить Трепову за его поруганіе надъ Боголюбовымъ и всей тюрьмой. Какъ бы то ни было, наша тюрьма утихла. Но тюремное начальство не утихло. На четвертый или на пятый день послѣ бунта, оно стало обходить камеры, и у кого камеры оказались особенно попорченными въ какомъ бы-то ни было отношеніи, того низводили въ камеры на первую галерею,—въ камеры полутемныя и сырыя, равносильныя карцерамъ.

Низвели и меня, несмотря на то, что я въ это время числился на положеніи больного. Просидѣвъ двое сутокъ въ сырой съ заплеснѣвшими стѣнами камерѣ, у меня очень сильно разболѣлась правая нога,—въ родѣ ревматизма что-то. Я позвалъ доктора и просилъ, чтобы онъ приказалъ перевести меня, какъ больного, въ сухую камеру. Докторъ съ сожалѣніемъ сказалъ, что онъ безсиленъ это сдѣлать, что теперь тюремная администрація никакихъ снисхожденій проявлять не намѣрена, и посоветовалъ написать заявленіе прокурору окружного суда, тоже имѣвшему отношеніе къ Д. П. З., что я и сдѣлалъ. На четвертый день меня вызвали къ т. пр. окр. суда Платонову, который сталъ меня спрашивать о томъ, что я знаю о произведенномъ побоищѣ и о заключенныхъ въ карцерѣ. Все, что я узналъ за это время, я разсказалъ ему весьма охотно, такъ какъ Платоновъ не скрывалъ передо мною своего порицанія и негодованія на поведеніе Трепова и всей тюремной администраціи въ совершившейся исторіи. Тѣмъ не менѣе, меня все таки оставили въ камерѣ 1-й галереи, ибо по словамъ Платонова—«пока» все дѣло въ рукахъ администраціи, а не судебной власти. Я понялъ, почему помощники управляющаго Константиновскій и Куриленко такъ нагло и хамски-начальственно держали себя въ эти дни.

Наконецъ, день на пятый—шестой сидѣнья на 1-й галереѣ, Константиновскій вошелъ въ мою камеру и, насколько могъ любезно, предложилъ мнѣ выбрать любую свободную камеру въ любой галереѣ. Я нѣсколько былъ удивленъ: что сей сонъ значитъ? Но воспользовался предложеніемъ и попросился на 6 галерею, гдѣ сидѣлъ въ это время Тихомировъ, въ сосѣдную съ нимъ пустую камеру, чтобы поближе быть къ своему любимому другу.

Вся любезность тюремной администраціи на этотъ разъ обяснилась очень скоро тѣмъ, что по дѣлу о треповской исторіи было назначено слѣдствіе, которое и было поручено слѣдователю

по особо важнымъ дѣламъ Книриму. Впрочемъ, слѣдствіе это было прекращено, а дѣло засунуто подъ сукно, и еслибы не Вѣра Засуличъ, то никогда бы треповская исторія не выползла на судъ общественный.. Но и планъ дѣда Муровскаго не былъ приведенъ нами въ исполненіе, мы не стали избивать «одушевленные» предметы и бунтъ прекратили, такъ какъ съ воли было получено извѣстіе, что за насъ отомстятъ.

Вскорѣ, къ тому же, намъ, привлеченнымъ къ процессу 193-хъ, были вручены обвинительные акты. Съ одной стороны обвинительный актъ вызвалъ, по инициативѣ «дѣда», составленіе опроверженія лжи тамъ нагроможденной, для чего всякій изъ обвиняемыхъ присылалъ «дѣду» свои указанія, въ чемъ составитель акта налгалъ; съ другой стороны, актъ побудилъ насъ приступить къ рѣшенію вопроса, какъ держать себя на судѣ. Рѣшено было обратиться судъ въ арену ознакомленія общества съ нашими стремленіями и съ тѣмъ, какъ мы дѣйствовали, и явиться обвинителями народныхъ враговъ. Каждый изъ кружковъ, вошедшихъ въ составъ 193-хъ обвиняемыхъ,—чайковцы, киевляне, одесситы, саратовцы и др.,—стали съ этою цѣлью готовить рѣчь. Лично я брался за произнесеніе рѣчи отъ кружка чайковцевъ и занялся составленіемъ рѣчи, обдумываніемъ ея, перепиской по поводу ея съ друзьями: Тихомировымъ, Волховскимъ, Стаховскимъ, Куприяновымъ, а на волѣ съ Соней Перовской, которая даже во время процесса не была арестована и на судъ приходила съ воли.

XXVI.

18-го сентября 1877 года наконецъ-то наступилъ день долгожданнаго суда! Сначала 193-хъ подсудимыхъ выводили въ судъ, засѣдавшій въ зданіи окружнаго суда, всѣхъ вмѣстѣ, такъ-что мы занимали не только мѣсто залы, предназначенное для подсудимыхъ, и часть котораго носила у насъ названіе—«голговы», но и всѣ мѣста для публики. Для всей многочисленной стражи нашей мѣста въ залѣ не оставалось и только кое-гдѣ торчало изъ нея по нѣсколько фигуръ, между стѣнами и мѣстомъ, гдѣ были мы.

На «голгову» обыкновенно приводили Ковалика, Войнаральскаго, Рогачева, Рабиновича, Костюрина и еще кого-то, но кого, теперь не помню.

Пока шло чтеніе обвинительнаго акта и совершался приводъ многочисленныхъ свидѣтелей къ присягѣ, насъ приводили всѣхъ 193-хъ въ залъ суда, но когда окончилась эта процедура, особое присутствіе сената, въ распорядительномъ засѣданіи, порѣшило раздѣлить насъ на 17 группъ и начать разбирательство дѣла по группамъ.

Это постановленіе вызвало взрывъ негодованія у подсудимыхъ и, по возвращеніи въ этотъ день изъ суда, между подсудимыми вездѣ по клубамъ состоялись рѣшенія—протестовать противъ суда. Правда, къ протесту пристали далеко не всѣ, но съ увѣренностью

можно сказать, что за протестъ было никакъ не менѣ половины подсудимыхъ. Протестъ долженъ былъ заключаться въ заявленіи суду, что мы его не признаемъ, и что допущенное имъ раздѣленіе насъ на группы нарушаетъ наше право знать все, что происходитъ на судѣ, а слѣдовательно и интересы нашей защиты. Сначала было постановлено не идти на судъ, когда явятся приглашать туда, и прежде всего должны были это сдѣлать тѣ, которые входили въ составъ первой группы. Въ первую же группу попали, между прочимъ, всѣ бывшіе на лицо члены чайковского кружка.

Я отчетливо помню, что было рѣшено возложить заявленіе протеста на одного изъ чайковцевъ;—посланный долженъ былъ заявить протестъ отъ всѣхъ подсудимыхъ съ требованіемъ оставить насъ въ покоѣ въ тюрьмахъ и судить насъ заочно, какъ судьямъ будетъ угодно. Выборъ палъ на меня. Я приготовилъ такую маленькую рѣчь: «Я заявляю особому присутствію Правительствующаго сената отъ себя и отъ всѣхъ товарищей, уполномочившихъ меня на это, что мы не признаемъ вашего суда, такъ какъ вы нарушили наши права и интересы нашей защиты. Мы требуемъ судить насъ заочно и просимъ оставить насъ въ нашихъ тюрьмахъ, гдѣ мы столько лѣтъ ожидали хотя бы приличнаго суда—и не дождались». Въ день, назначенный для судебного засѣданія, я, по приглашенію тюремныхъ властей идти въ судъ, вышелъ изъ камеры въ галлерею и внизу попалъ въ кучку непротестующихъ, которые шли туда же. Помощникъ управляющаго и надзиратель, выпускавшіе меня изъ камеры, были удивлены, что я безъ всякихъ возраженій и разговоровъ пошелъ въ судъ, въ то время, какъ большинство изъ первой группы заявляли о своемъ нежеланіи идти въ судъ и оставались въ своихъ камерахъ. Тюремная власть, не зная, какъ имъ быть съ протестантами, оставляли ихъ въ покоѣ, пока изъ суда не было приказано тащить протестантовъ въ судъ силою, если они не пойдутъ добромъ.

Когда я пришелъ въ судъ, я былъ введенъ на «голгову». На прежнихъ мѣстахъ сидѣла публика. На голговѣ сидѣли уже Рогачевъ и Рабиновичъ, которыхъ притащили силою, раньше, чѣмъ привели меня. Я заявилъ протестъ отъ себя и отъ пославшихъ меня товарищей, въ словахъ приведенныхъ мною выше. И лишь окончивъ я свою маленькую рѣчь, какъ предсѣдатель суда Петерсъ заявилъ: „вонъ его!“ Меня подхватили два жандарма и поволокли, но прежде чѣмъ успѣли вывести меня за рѣшетку, Петерсъ крикнулъ снова: „Вы будете отвѣчать на вопросы?“—Нѣтъ, я съ такимъ судомъ не хочу разговаривать.—„Вонъ его!“ заоралъ Петерсъ и меня вывели. Въ то время, какъ меня вытаскивали изъ залы суда, Рогачевъ и Рабиновичъ, перевѣсившись черезъ барьеръ голговы, въ свою очередь кричали суду: „Мы присоединяемся къ протесту Синегуба! требуемъ вывести и насъ изъ суда!“ Петерсъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія, пока Рабиновичъ не крикнулъ: „вы не судьи—а опричники“, а Рогачевъ не обозвалъ судъ—шемякинимъ судомъ. Тогда вывели изъ суда и ихъ. Изъ подсудимыхъ женщинъ,

сидѣвшихъ далеко отъ насъ на противоположной сторонѣ отъ Голговы, нѣкоторыя (я помню Кувшинскую и Сашу Корнилову) тоже закричали, что онѣ присоединяются къ заявленному мною протесту, но Петерсъ только грубо крикнулъ въ ихъ сторону: „А вы тамъ—сидите!“

Мое представительство отъ товарищей не было признано судомъ, и въ этотъ день силкомъ таскали въ судъ всѣхъ подсудимыхъ, приставшихъ къ протесту, и кого-то даже на рукахъ принесли солдаты, такъ какъ не могли заставить идти. Всѣ приводимые протестанты произносили по адресу суда или оскорбленія, или даже цѣлыя рѣчи. Изъ числа подсудимыхъ первой группы наиболѣе остроумную и ѣдкую рѣчь по отношенію къ суду произнесъ Волховскій; произнесъ при томъ подъ самый носъ суду, такъ какъ пользуясь своей глухотой, Волховскій добился того, чтобы председатель призвалъ его съ мѣста подсудимаго къ самому судейскому столу.

Надо отдать справедливость суду, что, по его распоряженію, всѣхъ протестантовъ, послѣ того, какъ они заявили протестъ, больше въ судъ уже не таскали, но пока разбиралось дѣло группы, каждый разъ передъ засѣданіемъ суда въ форточку камеры просовывалась голова надзирателя и раздавался вопросъ: „въ судъ пожелуете?“ Встрѣтивъ отрицательный отвѣтъ, форточку захлопывали и подсудимыхъ оставляли въ покоѣ. По окончаніи судебного слѣдствія по первой группѣ, въ ночь съ 11 на 12 ноября 1877 г., нѣсколько человекъ, показавшихся властямъ почему-то наиболѣе ярыми протестантами, перевели изъ Д. П. З. въ Петропавлов. крѣпость. И я туда попалъ снова послѣ 2 лѣтняго пребыванія въ Д. П. З. Впрочемъ, попали потомъ туда и другіе менѣе ярые протестанты и даже вовсе къ протесту не присташіе, какъ напр. Тимофей Квятковскій, братъ Александра Квятковскаго, повѣшеннаго за участіе во взрывѣ Зимняго дворца въ 1880 году.

Въ означенную выше ночь, часамъ къ двумъ, стали насъ выводить сонныхъ изъ камеръ. Коваликъ, Рогачевъ, Сажинъ, Волховскій, Максимовичъ и я были сведены внизъ и сгружены въ одной комнатѣ. Мы недоумѣвали—что съ нами думаютъ сдѣлать? У многихъ изъ насъ рождалась мысль,—ужь не задумали-ли жандармы везти насъ въ III отд. и тамъ драть за оскорбленія, нанесенныя сенату? По правдѣ сказать, эта мысль леденила мою душу,—такое насиліе надъ собой я не перенесъ бы; это было бы для меня смертнымъ приговоромъ. А Сажинъ, напр., смотрѣлъ на это довольно просто и говорилъ: „Что же? вѣдь это такой же актъ насилія, какъ и заковка въ кандалы, какъ избіеніе кулаками и ногами въ камерахъ, какъ изсѣченіе шашкой! Актъ насилія надо мной—беззащитнымъ и безоружнымъ—нисколько меня не позорить, въ какой бы формѣ не проявился,—такой актъ позорить насильниковъ, а не меня.“—Отъ разума я вполне соглашался съ мнѣніемъ этого замѣчательно умнаго и сильнаго душою человека,

но чувство мое никакъ не могло помириться съ мыслью быть выпоротымъ. И пока я, посаженный въ карету, не увидѣлъ, что меня везутъ къ Петропавлов. крѣпости черезъ Николаевскій мостъ,—я былъ приговоренъ къ смерти.

Въ карету посадили меня вмѣстѣ съ Анатолиемъ Фаресовымъ, съ которымъ ѣхать было мнѣ не особенно пріятно, такъ какъ не задолго до суда я съ нимъ основательно разругался и прекратилъ съ нимъ знакомство за тѣ дикія и неосновательныя съ его стороны нападки на молодежь и за ту враждебность ко всему нашему движенію, которые сталъ выказывать Фаресовъ въ бесѣдахъ и въ перепискѣ со мной.

За время сидѣнія въ одиночкѣ онъ перемѣнилъ свое радикальное направленіе на земско-либеральное. Перемѣна, какъ мнѣ казалось, была совершенно искренняя, но меня злило его просто скверное отношеніе къ убѣжденіямъ и стремленіямъ своихъ бывшихъ единомышленниковъ, до такой степени скверное, что я, разговаривая съ нимъ однажды въ клѣтушкахъ церкви Д. П. З., вспылить и рѣзко замѣтилъ ему, что ему остается только присоединиться къ жандармамъ въ искорененіи насъ и въ борьбѣ съ нами. На что онъ мнѣ рѣзко же замѣтилъ: „Нѣтъ я буду бороться съ вами всѣми силами души, но не насиліемъ, а словомъ“!

Такую же враждебность и такую же перемѣну фронта проявилъ и Говоруха-Отрокъ. Этотъ всѣ революціонные кружки молодежи, кромѣ, впрочемъ, чайковцевъ,—мѣшалъ съ грязью. Объ чайковцахъ онъ говорилъ мнѣ: „собственно и вы всѣ нуль въ политическомъ отношеніи, но ужъ очень вы симпатичныя люди!“ Какъ извѣстно, Говоруха-Отрокъ ударился даже не въ земство, а прямо въ катковщину и сталъ подъ знамя „Русск. Вѣстника“.

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что ни Фаресовъ, ни Говоруха-Отрокъ все время суда не считали согласнымъ съ честью не пристать къ протесту противъ суда, нарушившаго наши права. Правда, во время суда Говоруха-Отрокъ былъ еще далеко отъ катковщины и находился, повидимому, въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Н. К. Михайловскимъ, который приходилъ даже къ нему на свиданіе въ Д. П. З., гдѣ и я видѣлъ вблизи знаменитаго писателя. Говорили, что и Михайловскій не особенно симпатизировалъ дѣятельности сидѣвшей тогда въ тюрьмахъ радикальной молодежи; а побывавъ на нашемъ процессѣ во время нашего протеста, будто бы, выразился объ насъ, что мы со своимъ протестомъ напомнили ему дикарей, пытавшихся закрыть шапками жерла выставленныхъ противъ нихъ пушекъ.

XXVII.

Въ концѣ марта 1878 года намъ въ камеры Петропавловской крѣпости былъ доставленъ печатный приговоръ судившаго насъ Особ. Пр. Сената. Я и Стаховскій были приговорены Особ. Пр. Сената къ 9 лѣтней каторгѣ въ крѣпостяхъ, но относительно

насъ двоихъ судъ постановилъ ходатайствовать передъ царемъ о замѣнѣ каторги поселеніемъ въ Сибири въ мѣстахъ, не столь отдаленныхъ.

Мой незабвенный защитникъ Владиміръ Николаевичъ Герардъ, котораго я называлъ про себя—„чистокровнымъ джентльменомъ“, и отъ котораго не успѣлъ отказаться во время своего протеста передъ судомъ, почему онъ и посѣщалъ меня въ крѣпости вплоть до вхожденія приговора въ законную силу, побывавъ у меня послѣ объявленія приговора, поздравилъ меня съ избавленіемъ отъ каторги.

„Ну, это еще бабушка на двое сказала“, смѣясь замѣтилъ ему я, вполне, впрочемъ, не сомнѣваясь въ душѣ, что ходатайство суда будетъ царемъ уважено.

Владиміръ Николаевичъ горячо сталъ увѣрять меня, что никогда царь въ ходатайствѣ суда не отказываетъ, что до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, такого случая не было. Увы! на этотъ разъ незабвенный Влад. Ник. ошибся! Царь не уважилъ ходатайства суда относительно цѣлыхъ 12 человекъ.

Судъ приговорилъ Мышкина, Ковалика, Войнаральскаго, Рогачева и Добровольскаго къ 10 лѣтней каторгѣ, меня, Шишко, Чарушина, Союзова, Квятковскаго—къ 9 лѣтней, Сажина и Брешковскую къ 5 лѣтней. Судъ не ходатайствовалъ только за одного Мышкина, такъ какъ Мышкинъ—де отягчилъ свое преступленіе покушеніемъ на убійство казака въ Якутской области, при его неудачной попыткѣ освободить Чернышевскаго. Обо всѣхъ остальныхъ ходатайствовалъ о замѣнѣ каторги—Ковалику, Войнаральскому, Рогачеву и Муравскому поселеніемъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, мнѣ—поселеніемъ въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ; Шишко, Чарушину, Союзову, Квятковскому—житьемъ въ Сибири безъ лишенія всѣхъ правъ, а лишь съ ограниченіемъ, Сажину и Брешковской—ссылкой въ одну изъ отдаленныхъ губ. Европейской Россіи. Но относительно всѣхъ этихъ лицъ царь ходатайство не уважилъ и лишь приказалъ засчитать намъ годы сидѣнія въ одиночкахъ въ срокъ каторги. Отсюда получился курьезъ, что я, по мнѣнію суда болѣе виновный и заслужившій даже по ходатайству болѣе тяжелаго наказанія, чѣмъ Квятковскій (я лишился всѣхъ правъ и ссылался на поселеніе, Квятковскій шелъ на житье съ огранич. правъ) наказывался легче. По приказанію царя мы оба шли въ каторгу, но изъ моихъ 9 лѣтъ каторги сразу высчиталось 4 года 8 мѣсяцевъ сидѣнья до приговора и мѣсяцъ въ дорогѣ, а у Квятковскаго, много позже арестованнаго и просидѣвшаго только 1½ года, исключались только эти послѣдніе да мѣсяцъ дороги.

Говорили въ то время, что мы были обязаны отклоненіемъ ходатайства суда царемъ шефу жандармовъ Мезенцеву и министру юстиціи Лалену, которые, возмутившись мягкостью приговора,—помилуйте! одинъ только Мышкинъ изъ 193 подсудимыхъ угодили на каторгу безъ всякаго ходатайства!—представили царю свои соображенія на счетъ невозможности такого скандала. Чуть не пять лѣтъ

мудрили надъ созданиемъ процесса, спасая отечество, создали процессъ-монстръ въ 193 человекъ, нашумѣли на весь русскій миръ, и вдругъ! гора мышъ родила: изъ всѣхъ крамольниковъ, представшихъ предъ сенаторами, даже съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ, только одинъ оказался безповоротно достойнымъ каторги. Скандаль.

Жихаревъ, Желеховскій, Палень и Потаповъ (тогда уже спятившій съ ума и замѣненный Мезенцевымъ)—терпѣли, очевидно, полное фiasco. Этого допустить нельзя было. И вотъ мы 12-ть явились козлами отпущенія съ цѣлью хоть нѣкотораго смягченія скандала.

Хотя намъ и былъ объявленъ приговоръ, но до іюля мѣсяца насъ и не думали отправить въ мѣста назначенія и мы все продолжали пребывать въ Петропавловкѣ. Правда, относительно насъ осужденныхъ крѣпостной режимъ былъ смягченъ чрезвычайно. Намъ не только дали въ камеры бумагу и карандаши, а желающимъ и грифельныя доски, но позволяли передавать черезъ присяжныхъ унтеръ-офицеровъ другъ другу и книги, и угощенія, которыя намъ доставляли съ воли родные и знакомые. Мало этого, намъ разрѣшили гулять совмѣстно группами не менѣе 9 человекъ заразъ, и мы, перестукиваясь, группировались для прогулокъ по своему желанію, что дало намъ возможность перезнакомиться другъ съ другомъ поближе.

Вмѣстѣ съ нами былъ въ это время въ крѣпости и осужденный по нашему процессу — Теофанъ Лермонтовъ. Вскорѣ по привозѣ его во второй разъ въ крѣпость изъ Предварилки, онъ захворалъ воспаленіемъ верхнихъ оболочекъ спинного мозга и, благодаря тюремной обстановкѣ и плохому медицинскому уходу, постепенно умиралъ. Въ хорошіе майскіе и іюньскіе дни кровать Лермонтова выносились и ставились у стѣнки той баньки, которая была посреди крѣпостного нашего двора—садика,—и не могшій уже совершать прогулокъ ходя, Лермонтовъ лежалъ на ней, а возлѣ него были товарищи тѣхъ группъ, которыя выпускались на прогулку. Такъ какъ Лермонтовъ былъ одинъ изъ большихъ почитателей моей музы,—онъ, вообще, питалъ слабость къ поэтамъ,—то я иногда садился на его кровать и, окруженный товарищами, читалъ громко свои стихи къ немалой усладѣ больнаго.

Лермонтовъ былъ далеко незаурядный человекъ. Обладая большимъ умомъ и феноменальной памятью, что давало ему возможность запоминать цѣлыя отрывки изъ сочиненій Милля, Лассалья, Миртова, Добролюбова, Чернышевскаго, Дарвина, Спенсера и массы другихъ прочитанныхъ имъ серьезныхъ сочиненій, не говоря о беллетристикѣ, Лермонтовъ, обладая даромъ слова, могъ въ спорѣ засыпать противника массою ссылокъ на авторитеты, иногда съ подлиннымъ цитированіемъ ихъ наизусть. Бывало въ рѣчахъ своихъ онъ, безсознательно для себя, говорилъ словами этихъ авторитетовъ какъ своими собственными. На волѣ это покоряло ему свѣжую молодежь и онъ, несомнѣнно, былъ одинъ изъ воротилъ въ кружкахъ

молодежи въ 70—73 годахъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ былъ нѣкоторое время въ кружкѣ чайковцевъ, но чайковцы, нетерпимые къ нѣкоторымъ его неригористическимъ наклонностямъ, разошлись съ нимъ.

Помню я, какъ въ одну изъ прогулокъ, возлѣ кровати Лермонтова въ группѣ гуляющихъ шли дебаты о дѣяніяхъ Стефановича и Дейча въ Чигиринскомъ у. Кіевской губ. Объ этомъ только-что было получено нами извѣстіе и было свѣжей темой нашихъ размышленій и толковъ. Я и Лермонтовъ не одобряли способа, которымъ добились Стефановичъ и Дейчъ образования дружинъ среди крестьянъ Чигиринскаго у. Они дѣйствовали съ помощью обманныхъ золотыхъ грамотъ, яко-бы, отъ царя добытыхъ, а такая ложь передъ народомъ казалась намъ не только не дозволительной съ этической точки зрѣнія, но и большой политической ошибкой, такъ какъ ею у крестьянъ лишь закрѣплялось то пагубное заблужденіе относительно царя, которое является въ Россіи однимъ изъ величайшихъ тормазовъ для освобожденія народа. Насколько мнѣ помнится, то среди сидѣвшихъ тогда въ крѣпости по нашему дѣлу почти у всѣхъ было такое отношеніе къ способу дѣйствія Стефановича и Дейча, и лишь относительно одного Муравскаго—нашего «дѣда»,—я помню, что онъ одобрялъ и способъ ихъ дѣйствія. Правда и то, что все-таки большой успѣхъ Стефановича и Дейча, ихъ ловкость и энергія подкупали всѣхъ насъ и значительно смягчали и наше отношеніе къ способу ихъ дѣйствія и во всякомъ разѣ въ нашемъ представленіи ихъ образы были окружены ореоломъ героевъ и крупныхъ борцовъ за народное дѣло.

Бѣдный Лермонтовъ былъ назначенъ къ ссылкѣ въ одну изъ отдаленныхъ губ. Европ. Россіи, былъ изъ крѣпости переведенъ въ Литовскій замокъ, а оттуда посаженъ на поѣздъ, несмотря на то, что онъ, что называется, дышалъ уже на ладонь. Недалеко отѣхавъ отъ Питера, онъ умеръ въ вагонѣ и трупъ его былъ обратно привезенъ въ Питеръ и похороненъ начальствомъ невѣдомо гдѣ. Также невѣдомо гдѣ похоронило крѣпостное начальство и дорогого моего друга, котораго я глубоко полюбилъ съ первыхъ дней нашего съ нимъ знакомства, Михрюту Купріянова. Этотъ, выдающийся по своему необычайному уму, юноша умеръ въ крѣпости въ іюнѣ 1878 г., какъ говорили, отъ воспаленія брюшины, или какъ заподозрѣвалъ полковникъ Богородцкій—отъ отравленія спичками. По крайней мѣрѣ Богородцкій, сообщившій мнѣ о смерти Михрюты, выразилъ мнѣ это свое подозрѣніе. Можетъ быть его подозрѣніе и было справедливо. Въ силу наследственности (отецъ сошелъ съ ума, мать—отравилась, прабабушка со стороны отца—уморила себя голодомъ) Купріяновъ былъ склоненъ къ душевному заболѣванію. Сидя въ одиночномъ заключеніи онъ заболѣвалъ одно время забвеніемъ именъ существительныхъ. Въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ этого года его сестра Надежда, съ которой онъ былъ очень друженъ и которая до разгрома кружка чайковцевъ состояла въ числѣ его членовъ, умерла отъ родильной горячки, и эта смерть люби-

мой сестры сильно потрясла его. Я нѣсколько разъ гулялъ съ нимъ въ крѣпостномъ садикѣ и, послѣ смерти сестры, замѣтилъ значительную переменѣну въ его душевномъ настроеніи. Въ одну изъ послѣднихъ съ нимъ прогулокъ я обратился къ нему даже съ вопросомъ—здоровъ ли онъ? Онъ имѣлъ видъ больного и очень печальнаго человѣка. Онъ сказалъ, что чувствуетъ себя уже нѣсколько дней нездоровымъ, но что ему противно звать доктора. Больше мнѣ не пришлось уже его видѣть и въ одно изъ июньскихъ утръ ко мнѣ зашелъ Богородцкій въ камеру и заявилъ конфиденціальнымъ тономъ, что Купріяновъ въ эту ночь умеръ. На смерть ему я написалъ эти стихи:

Гнета не снесъ ты судьбиною даннаго,
Смерть замѣнила тюрьму!
Ахъ, воскресить тебя друга желаннаго
Гдѣ же я силы возьму?
Такъ неотступно желанье напрасное
Въ сердцѣ скорбящемъ моемъ,
Чтобъ твои умныя очи прекрасныя
Прежнимъ зажглися огнемъ!
Вновь чтобъ проснулася мысль твоя сильная,
Чистыя думы твои,
Вновь чтобъ забилося сердце обильное
Силою гордой любви!
Чтобы пришелъ ты къ намъ снова сіяющій
Блескомъ здоровья и силъ—
Чтобы ты вновь, на добро уповающій
Съ нами борьбу раздѣлилъ.
Боже мой! гнетомъ желанья безсильнаго
Тяжко сдавило мнѣ грудь!
Ахъ! ужъ не вырвать изъ мрака могильнаго
Друга,—назадъ не вернуть!

Стихи эти я прочиталъ товарищамъ во время прогулки,—и произвелъ ими впечатлѣніе ¹⁾. Пересланные на волю они были потомъ напечатаны въ сборникахъ пѣсенъ, издававшихся за границей.

XXVIII.

Во время этихъ совмѣстныхъ прогулокъ въ крѣпостномъ садикѣ я близко узналъ еще одного замѣчательнаго въ революціонной, средѣ человѣка—Феликса Волховскаго, чудный образъ котораго и сейчасъ стоитъ, какъ живой, передъ моими глазами и при воспоминаніи о которомъ сердце мое переполняется глубокою и нѣжною любовью.

Несмотря на то, что онъ въ то время не былъ еще старымъ человѣкомъ,—ему было не болѣе 32 лѣтъ, онъ уже былъ значи-

¹⁾ Долженъ замѣтить, что много времени спустя, уже въ 90-хъ годахъ, въ числѣ другихъ своихъ стихотвореній я представилъ на судъ поэта П. Я. и это мое стихотвореніе, которое онъ, какъ впрочемъ и большинство моихъ стиховъ, совершенно забравалъ.

тельно съѣдъ и убѣлили его молодую голову годы тюрьмы и неустанныго труда. Участникъ еще въ нечаевскомъ процессѣ 1869 г., по которому онъ высидѣлъ никакъ не менѣе двухъ лѣтъ въ одиночкѣ, онъ въ 1874 г. былъ привлеченъ къ нашему процессу. Онъ былъ провинціальнымъ членомъ кружка чайковцевъ и жилъ въ Одессѣ. Сгруппировавъ вокругъ себя кружокъ изъ молодежи, въ которомъ, между прочимъ, состояли тогда членами Соломонъ Чудновскій, Андрей Франжоли, Лангансъ, Дическуло, Макаревичъ, Глушковъ, Жебуневъ Сергѣй, Желябовъ,—онъ, обладавшій какой-то чудодѣйственной силой обаятельности, беззавѣтно привязалъ къ себѣ это юношество и отправилъ многихъ изъ нихъ на пропаганду въ деревни Екатеринославской и Херсонской губ. Но когда начался походъ саратовскаго прокурора Жихарева, вдохновлявшагося изъ Питера шефомъ жандармовъ Потаповымъ и министромъ юстиціи Паленомъ, противъ страшной крамолы, раскинувшей свои сѣти по всѣмъ градамъ и весямъ Руси, то и Феликсъ Волховскій, и его кружокъ попались въ лапы опричниковъ и были заточены въ одиночныя тюрьмы сначала провинціальныя, а потомъ—въ столичныя.

Другого столь обаятельнаго человѣка, который при первой же встрѣчѣ съ нимъ заполнялъ сердце, какъ Феликсъ Волховскій, я зналъ на своемъ вѣку только одного еще—Екатерину Брешковскую.

Я не разъ задумывался надъ этимъ свойствомъ этихъ людей: гдѣ и въ чемъ таился источникъ этой обаятельности, которая сразу покорила душу и уже на этомъ фонѣ всѣ ихъ недостатки, всѣ шероховатости ихъ совѣмъ стирались и исчезали? Признаюсь, я не рѣшилъ этого психологическаго вопроса.

Феликсъ Волховскій обладалъ необычайно живымъ, полнымъ блеска остроуміемъ умомъ, чудной памятью большимъ образованіемъ, рѣдкимъ даромъ рассказчика и талантомъ писателя и поэта. Быть въ его обществѣ, даже когда онъ выходилъ на прогулку хворымъ, составляло большое наслажденіе. Неугомонный умъ, даже во время жестокихъ головныхъ болей, которыми онъ часто страдалъ въ тюремномъ заключеніи, вѣчно сверкалъ остроуміемъ, живостью и находчивостью. Онъ былъ притомъ необычайно нѣжный, ласковый и тонко деликатный человѣкъ. Но только не съ врагами,—должень оговориться. Передъ врагами онъ совершенно преобразовывался и становился безпощаденъ и дерзокъ. Онъ меня поражалъ еще одной чертой—это необыкновенной трудоспособностью. Вѣчно эта голова работала. Волховскій безъ дѣла, когда онъ остается одинъ въ своей тюремной камерѣ,—невозможное явленіе; всегда онъ то за книгой, то за писаніемъ. Онъ принималъ участіе въ литературѣ какъ въ легальной, такъ и въ нелегальной, и писалъ и прозой, и стихами (кромѣ оригинальныхъ стиховъ, онъ печаталъ и переводныя). По внѣшнему виду онъ не производилъ впечатлѣнія крѣпкаго, здороваго человѣка, но умные, черные глаза его, своимъ вѣчно юнымъ блескомъ, говорили ясно, что въ его удлинненномъ

прямой, съ походкой, которую я называлъ царскою, съ широкой и длинной бородой, съ крутымъ нависшимъ лбомъ, съ густыми бровями, изъ подъ которыхъ глядѣли чудные синіе глаза, серьезные и грустные,—онъ невольно останавливалъ на себѣ вниманіе и сразу внушалъ къ себѣ почтеніе.

Умный, много про себя передумавшій и перестрадавшій человекъ, принадлежавшій, какъ однажды выразился про него Волховскій въ разговорѣ со мной, «къ породѣ жвачныхъ», въ томъ смыслѣ, что всякое горѣ свое онъ пережевывалъ про себя и никогда отъ него нельзя было услышать ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго нытья, онъ былъ мало разговорчивъ и совершенно былъ чуждъ той черты, которая присуща людямъ—«спорщикамъ». При общемъ разговорѣ или спорѣ онъ слушалъ, но если не раздѣлялъ какого-нибудь высказываемаго при этомъ мнѣнія, то ограничивался тѣмъ, что вставлялъ въ разговоръ короткія замѣчанія, всегда яркія и полныя значенія. Кромѣ того, онъ былъ ядовито остроуменъ. Такъ какъ онъ слегка заикался передъ тѣмъ, какъ съядовитничать, то его остроты приобрѣтали въ разговорѣ особый характеръ, какъ я называлъ,—характеръ стрѣлы. Если дѣдъ на мигъ запнулся въ рѣчи, значитъ, сейчасъ вылетитъ изъ его устъ сатирическая стрѣла,—и дѣйствительно, она вылетала ѣдкая, мѣткая и острая, зачастую сразу освѣщавшая предметъ дебатовъ съ такой стороны, которая или совершенно упускалась изъ виду, или значеніе которой не усматривалось съ достодолжной ясностью и полнотой.

По всему своему душевному складу это былъ непримиримый врагъ всякаго насилія и всякаго неравенства, серьезный и беззащитный другъ всѣхъ угнетенныхъ.

Это, впрочемъ, онъ доказалъ всю свою жизнью со дня юности до того момента, когда его замучили въ одной изъ харьковскихъ централокъ.

Мало онъ видѣлъ радости въ своей жизни, мало пожилъ онъ и на волѣ. Со студенческой скамьи онъ попалъ въ каторжныя работы и былъ въ Сибири въ одной каторжной тюрьмѣ съ Чернышевскимъ. Лѣтъ тридцати пяти-шести онъ вернулся въ Россію, хотя и былъ поселенцемъ, съ разрѣшенія начальства къ матери въ Уфимскую губ., но не болѣе какъ черезъ годъ былъ снова арестованъ. Отсидѣвъ въ одиночкѣ около 4-хъ лѣтъ, онъ по процессу 193-хъ былъ приговоренъ къ каторгѣ, и хотя судъ ходатайствовалъ о замѣнѣ десятилѣтней каторги ссылкой на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири, царь ходатайства не уважилъ. Это обстоятельство лишало дѣда всякой надежды на близкую возможность быть на свободѣ и, какъ показалось мнѣ и Волховскому, дѣдъ послѣ объявленія приговора въ окончательной формѣ—заскорбѣлъ, заскорбѣлъ про себя, не выдавъ этой скорби ни передъ кѣмъ изъ людей ни однимъ словомъ,—и только похудѣлъ дѣдъ сильнѣе, и грустные глаза его стали еще скорбнѣе. Да, такой приговоръ оказался для него смертнымъ приговоромъ,—онъ централки не вынесъ и умеръ, не выдавъ больше и призрака свободы.

Мало зналъ онъ воли, но всѣ минуты своей недолгой свободы онъ отдалъ всецѣло на служеніе народу. Но и въ стѣнахъ тюрьмы онъ былъ въ числѣ тѣхъ, элементовъ, которые спасаютъ души заключенныхъ отъ пагубнаго дѣйствія долговременныхъ мукъ тюрьмы, поддерживаютъ въ нихъ способность борьбы съ нравственными и физическими пытками, которымъ подвергаютъ ихъ проклятые палачи.

«Дѣдъ» былъ источникомъ энергіи въ тюрьмѣ.

Въ Д. П. З., при нападеніяхъ тюремнаго начальства на заключенныхъ, при отставаніи условій на существованіи въ тюрьмѣ, при вопросѣ, какъ отозваться и реагировать на выходки судебныхъ властей, на то или другое общественное явленіе, внѣ тюрьмы совершившееся,—я глубоко увѣренъ въ томъ,—у каждаго товарища по заключенію являлся всегда вопросъ: «а что скажетъ дѣдъ?»

Даже можно было не соглашаться съ дѣдомъ, вступать съ нимъ въ дебаты устные или письменные, но знать то, что думаетъ дѣдъ по данному жгучему обстоятельству, было такою же для насъ необходимостью, какъ въ сумерки необходимъ источникъ свѣта, когда нужно во что бы то ни стало разобрать написанное.

Нѣкоторые изъ заключенныхъ, вступившіе съ дѣдомъ въ переписку или имѣвшіе счастье попасть въ одинъ съ нимъ клубъ, обязаны ему своимъ полнымъ духовнымъ возрожденіемъ и искренно считали и называли его своимъ духовнымъ отцомъ.

Если бы такихъ людей, какъ дѣдъ, Волховскій, Мышкинъ, Брешковская, не было среди плѣнныхъ борцовъ за освобожденіе родины, плѣнные не вынесли бы гнета и, что всего важнѣе, подъ ихъ вліяніемъ плѣнные не переставали быть борцами даже въ тюрьмѣ. Эти люди—были конденсаторами боевой энергіи, безъ которыхъ энергія боевой плѣнной, массы неизбѣжно изсякла бы подъ давленіемъ неволи и тоски. Они охраняли душу живу въ гонимыхъ и терзаемыхъ борцахъ за освобожденіе родины.

Да будетъ же свѣтла на вѣки память о нихъ!

XXIX.

Когда насъ изъ Предварилки вновь привезли въ крѣпость, въ ней сидѣли подслѣдственные — Натансонъ, Шамаринъ, Габель и Тютчевъ. И въ то время, какъ мы, послѣ объявленія приговора, пользовались различными льготами (общими прогулками, общеніемъ другъ съ другомъ, намъ были разрѣшены письменныя принадлежности, разрѣшено было получать съ воли не только книги, но и всякія угощенія,—и тѣми и другими мы могли дѣлиться другъ съ другомъ), подслѣдственные же подвергались всей тяжести крѣпостнаго режима. Къ нашему перестукиванію, къ разговорамъ и даже къ пѣнью въ форточки оконъ начальство относилось равнодушно и не преслѣдовало за это. Этимъ пользовались, конечно, и подслѣдственные, и начальство не имѣло возможности лишить ихъ

этого, хотя отъ времени до времени и наскакивало на нихъ за это. Но подслѣдственные пожелали пользоваться и всѣми остальными льготами, т. е. полнымъ общеніемъ съ нами осужденными и общими прогулками съ нами. И заявили въ этомъ смыслѣ начальству свое требованіе. Они, впрочемъ, поставили и другое требованіе, что въ случаѣ невозможности удовлетворить ихъ первое требованіе, чтобы ихъ перевели въ другія мѣста заключенія, въ которыхъ для подслѣдственныхъ нѣтъ такого режима, какъ въ крѣпости. Въ случаѣ же отказа со стороны начальства удовлетворить выставленныя требованія, они рѣшили начать голодовку. Начальство категорически отказало имъ въ удовлетвореніи требованій и они заголодали.

Чтобы поддержать ихъ въ борьбѣ съ начальствомъ, объявили голодовку и мы—осужденные.

Мы мотивировали свою голодовку тѣмъ, что не можемъ ѣсть, разъ мы знаемъ, что наши товарищи по заключенію голодаютъ, и прекратимъ голодовку, какъ только прекратятъ голодать они.

Внѣ стѣнъ тюрьмы наша голодовка вызвала большую тревогу среди нашихъ родныхъ и знакомыхъ. Матери, жены, невѣсты, сестры, отцы и братья стали осаждать III Отдѣленіе, главнымъ образомъ шефа жандармовъ Мезенцева, настоятельными просьбами успокоить насъ и удовлетворить требованія заключенныхъ, не дать имъ довести себя до голодной смерти.

Нѣкоторымъ изъ родственниковъ нашихъ Мезенцевъ, какъ говорили тогда, отвѣчалъ: «Пусть умираютъ: я приказалъ заказать гроба!».

Три дня мы отказывались отъ пищи, ничего не ѣли, хотя воду изъ-подъ крана пили. Я туго перевязывалъ животъ длиннымъ триугольнымъ платочкомъ, предназначеннымъ для повязки шеи, ложился на кровать и старался, вообще, какъ можно меньше двигаться. Мнѣ казалось, что именно эти средства способствовали тому, что я не чувствовалъ ни малѣйшаго позыва ѣсть.

Хотя Мезенцевъ фрондирующе и заявилъ нѣкоторымъ изъ нашихъ родственниковъ (двумъ или тремъ матерямъ) о приказаніи заготовить для насъ гроба, тѣмъ не менѣе на четвертый день нашей голодовки въ крѣпость явился его адъютантъ генераль-маіоръ Бачмановъ.

Богородцкій почему-то привелъ его ко мнѣ.

Въ мою камеру, вмѣстѣ съ Богородцкимъ, вошелъ хорошо, мощно-сложенный, еще далеко нестарый, очень выхоленный генераль, съ ласковыми манерами и голосомъ, съ синими глазами съ поволокой.

Онъ усѣлся на табуретку, а я присѣлъ на кровать, возлѣ которой установился въ почтительной позѣ Богородцкій. Генераль вынулъ порттабакъ и любезно предложилъ мнѣ папироску. Я отказался, заявивъ, что курю мало и не нарушаю положенной нормы.

Бачмановъ спросилъ меня,—почему мы объявили голодовку, чѣмъ мы недовольны?

Я объяснилъ ему, что дѣло не въ насъ, что мы никакихъ требованій отъ себя не предъявляемъ. Мы—осужденные—просто не можемъ ѣсть, когда тутъ же возлѣ насъ, такіе же узники, какъ и мы, быть можетъ, на волосокъ отъ смерти.

— Я думаю, генераль, что и вы, если бы были на нашемъ мѣстѣ, не смогли бы ѣсть, зная, что за стѣнкой вашей камеры—товарищъ по судьбѣ умираетъ съ голоду,—говорю я.

— Ну, понятно! разумѣется! Я вполнѣ понимаю васъ!—увѣрялъ генераль.

— Тѣмъ болѣе, продолжаю я, что вотъ хоть я, напр., просидѣвшій безъ суда въ этой же крѣпости болѣе двухъ лѣтъ, вполнѣ понимаю всю тяжесть положенія подслѣдственныхъ товарищей и всей душою сочувствую ихъ желанію облегчить это положеніе.

— А что же они желаютъ?—спрашиваетъ Бачмановъ.

— Они желаютъ, чтобы имъ дозволено было имѣть общеніе съ нами, съ осужденными, что нисколько не повліяетъ ни въ какомъ отношеніи на ходъ слѣдствія по ихъ дѣлу,—или чтобы ихъ перевели, по крайней мѣрѣ, въ другія мѣста заключенія, гдѣ режимъ менѣе тяжелъ для подслѣдственныхъ, чѣмъ тутъ въ крѣпости.

— А вы какъ узнали о ихъ желаніи?

— Обычнымъ нашимъ путемъ,—перестукиваніемъ.

— А вы давно уже въ заключеніи?

— Болѣе 4-хъ лѣтъ.

— Ахъ! Боже мой! и все въ одиночномъ заключеніи?! это—ужасно!.. Но теперь ваше дѣло уже окончено?

— Да, окончено.

— И къ чему вы приговорены?

— Приговоренъ сенатомъ къ 9-ти годамъ каторжныхъ работъ.

— Ахъ! Боже мой!.. Такъ все таки я попросилъ бы васъ, а черезъ васъ и вашихъ товарищей, прекратить вашу голодовку.

— Мы не можемъ прекратить голодовку, пока будутъ голодать подслѣдственные.

— А если ихъ требованіе о переводѣ ихъ въ другія мѣста заключенія будетъ удовлетворено, тогда вы прекратите голодовку?

— Да, конечно. У насъ тогда не будетъ резона голодать.

— Въ такомъ разѣ я попрошу васъ объявить товарищамъ, что я—адъютантъ шефа жандармовъ—уполномоченъ удовлетворить требованіе подслѣдственныхъ, и сегодня же они будутъ переведены въ другія мѣста заключенія, какъ они того хотятъ.—Генераль всталъ и, любезно улыбаясь, спросилъ: вы какъ сообщите товарищамъ? Постучите имъ, да?

— Да, вѣрнѣе всего, что постучу.

— А не постучите ли вы имъ сейчасъ, пока я здѣсь у васъ?

— Нѣтъ, я ужь потомъ постучу. Сейчасъ, сказать по правдѣ, я буду стѣсняться васъ.

— Жаль! ну, какъ хотите! Мнѣ любопытно было посмотрѣть,

какъ это вы перестукиваетесь... Прощайте! Желаю вамъ отъ души всякаго добра; всякаго добра! Повѣрьте, отъ души желаю!..

Когда Бачмановъ ушелъ, я, спустя нѣкоторое время, созвалъ стукомъ ближайшихъ товарищей къ форточкамъ оконъ и сообщилъ имъ о посѣщеніи Бачманова и о томъ, что онъ прикажетъ сегодня же перевести въ другія тюрьмы подслѣдственныхъ, о чемъ и просилъ увѣдомить всѣхъ голодающихъ.

Мы чувствовали себя, нѣкоторымъ образомъ, побѣдителями. Начали ожидать увоза изъ крѣпости подслѣдственныхъ товарищей. Тѣ изъ насъ, которые сидѣли внизу и которые могли въ окна своихъ камеръ слышать стукъ колесъ экипажа, подъѣзжавшаго къ воротамъ нашего зданія,—слыхали этотъ стукъ. Щелканье замковъ въ нѣкоторыхъ камерахъ и шаги уходящихъ по корридору, свидѣтельствовали, что увозъ подслѣдственныхъ начался. Съ помощью перестукиванья мы стали вызывать подслѣдственныхъ, никто изъ нихъ не отвѣчалъ,—значить, ихъ въ камерахъ нѣтъ. Очевидно, ихъ изъ крѣпости увезли! Итакъ—побѣда за нами!

Въ виду того, что желанія подслѣдственныхъ удовлетворены, по камерамъ ходитъ полковникъ Богородцкій и спрашиваетъ насъ—не пожелаемъ ли мы пообѣдать? Конечно, пообѣдать весьма намъ желательно, тѣмъ болѣе, что и причины отказываться отъ обѣда нѣтъ. Намъ приносятъ обѣдъ. Я ѣмъ съ большимъ аппетитомъ и черезъ нѣкоторое время послѣ обѣда готовъ кричать—«караулъ!» отъ нестерпимой рѣзи и боли въ желудкѣ. Требую доктора. Докторъ закатываетъ мнѣ лошадиную дозу касторки...

XXX.

Прошло два или три дня. Въ эти дни были свиданія. На свиданіи я получилъ записку, въ которой меня увѣдомляли, между прочимъ, о томъ, что Сергѣй Кравчинскій задумалъ убить Мезенцева въ отомщеніе за насъ, за его жестокость къ намъ во время нашей голодовки, за то, наконецъ, что онъ насъ надулъ, и подслѣдственныхъ перевели по его приказанію не въ другія мѣста заключенія, а въ рavelинахъ той же крѣпости. И всѣ они очутились изъ подслѣдственнаго отдѣленія въ рavelинахъ, кромѣ Тютчева, котораго изъ крѣпости перевели въ одну изъ полицейскихъ тюремъ. Какъ оставшіеся въ рavelинахъ, такъ и Тютчевъ продолжали и тамъ, начатую ими, голодовку.—Это сообщеніе о подслѣдственныхъ удалось провѣрить черезъ крѣпостную стражу.

Поднялся вопросъ о возобновленіи и нами голодовки, такъ какъ мы оказались не побѣдителями, а самымъ подлымъ образомъ надутыми людьми.

Противъ возобновленія голодовки высказалось нѣсколько заключенныхъ, въ томъ числѣ и я. Я былъ противъ возобновленія голодовки по слѣдующимъ соображеніямъ.

Изъ сообщеннаго съ воли было видно, что наша голодовка вызываетъ намѣреніе совершить террористическій актъ убійства

Мезенцева. Я же былъ противъ начинанія террористической борьбы вообще, а тѣмъ болѣе противъ такихъ актовъ, которые мотивируются тюремными исторiями изъ-за смягченiя тюремнаго режима въ томъ или другомъ мѣстѣ заключенiя.

Если наша тюремная голодовка изъ-за общихъ прогулокъ и пр. является причиною террористическаго акта, который вызоветъ тяжкiя реакцiонныя воздѣйствiя на все общество, я прекращаю голодовку и призываю къ тому же и товарищей. Я поэтому сталъ возражать противъ возобновленiя голодовки.

Затѣмъ я написалъ большое посланiе Кравчинскому, какъ старому другу, въ которомъ убѣждалъ его отказаться отъ мысли убивать Мезенцева, и высказалъ ему, почему я считаю въ данный моментъ выступленiе на террористическiй путь несвоевременнымъ и политически ошибочнымъ. Я и сейчасъ ясно помню тѣ доводы, которые я выставлялъ противъ начинанiя террористической борьбы вообще и въ частности противъ убiйства Мезенцева и которые состояли въ слѣдующемъ:

Нашъ девизъ—«все для народа при помощи самого народа»,—поэтому всякое наше дѣянiе должно быть понятно народу и должно вызвать его сочувствiе.

И то и другое можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда дѣянiе партiи будетъ основываться на интересахъ народа, будетъ непосредственно изъ нихъ вытекать.—Наша же партiя—партiя народная—едва начала свое существованiе. Цѣлымъ рядомъ политическихъ процессовъ на нее, наконецъ, обращено вниманiе, такъ называемаго общества, которое стало проникаться несомнѣннымъ сочувствiемъ къ намъ: мы въ его глазахъ окружены ореоломъ мученичества. И покуда этотъ именно ореолъ одно изъ сильнѣйшихъ завоевательныхъ нашихъ орудiй по отношенiю къ «обществу».

Что же касается народной рабочей среды, то наша партiя едва-едва лишь стала проникать въ эту среду и далеко еще въ ней не укрѣпилась; для огромнаго большинства народа—наша партiя совершенно неизвѣстная величина, и то, что мы дѣлаемъ—остается для народа или совсѣмъ невѣданнымъ, или непонятнымъ, или не вызываетъ его сочувствiя. Наша партiя не можетъ еще пока свои дѣянiя, а въ особенности террористическiя, мотивировать чисто народными интересами, такъ какъ насъ народъ еще не знаетъ и потому мы и не можемъ еще явиться въ его глазахъ защитниками его интересовъ. Наша задача—проникать въ народъ и все больше и больше охватывать его своимъ влiянiемъ. Это—единственная наша задача и никакой другой у насъ—у народной партiи—не можетъ быть. Но для такой задачи нужна обширная партiя, а обширностью, количествомъ членовъ народная партiя, къ сожалѣнiю, похвастать пока не можетъ.

Начинать же намъ борьбу «огнемъ и мечемъ», т. е. террористическую борьбу, съ такой огромной организованной силой, какою является наше правительство, за котораго и темнота народныхъ массъ, у котораго и миллионъ солдатъ, у котораго, словомъ,

огня и меча значительно больше, чѣмъ у народной партіи,—начинать такую борьбу, по меньшей мѣрѣ, не расчетливо. Что прозойдетъ оттого, что будетъ убитъ Мезенцевъ?

Вѣдь, у правительства такихъ Мезенцевыхъ хоть прудъ пруди: одного убили,—тотчасъ же полсотни новыхъ такихъ же готово занять его мѣсто. А наша партія будетъ принуждена отдать, вслѣдъ за убійствомъ, сотни! Будутъ эти сотни гнить въ тюрьмахъ, падать духомъ въ дебряхъ Сибири отъ неволи, отъ нужды и полной оторванности отъ жизни по душѣ; огромная ихъ часть будетъ превращена въ абсолютно бесполезныхъ, заживо вычеркнутыхъ злую силою изъ списка живыхъ борцовъ за народное дѣло. Мезенцева можно сдѣлать изъ любого бутыря, изъ любого жандарма. А сотни членовъ народной партіи сразу не замѣнить новыми. Чтобы человекъ выработался въ члена народной партіи—надо время, надо извѣстный путь развитія. И рисковать отдать за одного Мезенцева сотни своихъ—это ужасно! Для немногочисленной, едва начавшей зарождаться народной партіи, это была бы почти смертельная рана.

Во 2, убійство Мезенцева вызоветъ реакцію, которая упадетъ не только на нашу партію, но и на общество, да, пожалуй, отчасти и на народъ. «Общество», которое только что начало поднимать голову и устами нашихъ защитниковъ на судахъ стало выражать свое недовольство правительству за нашу гибель, за мучительство, которое надъ нами учиняется, оно при видѣ реакціонной гидры струситъ, забьется въ свои заячьи норы, и мы потеряемъ то, что приобрѣли въ формѣ его сочувствія. И какъ бы мы пренебрежительно не относились къ этому обществу, но должны признать, что оппозиціонно настроенное, оно для насъ много цѣннѣе, чѣмъ настроенное по заячьи.

Въ 3, затрата силъ на террористическій актъ (въ данномъ случаѣ на убійство Мезенцева), не связанный съ понятными для народа и съ истинными его интересами, не этими интересами мотивированный,—для народной партіи есть затрата неосновательная, не соответствующая настоящей главной задачѣ партіи непосредственного воздѣйствія на народную среду.

На основаніи этихъ соображеній я даже «заклиналъ» Сергѣя всѣмъ для него святымъ не совершать убійства Мезенцева, въ особенности, по такому ничтожному въ государственномъ отношеніи поводу, какъ наша голодовка изъ-за общенія подслѣдственныхъ съ осужденными.

Получивъ мое письмо, Кравчинскій заказалъ передать мнѣ, что онъ отвѣтитъ мнѣ обстоятельно, но, къ моему сожалѣнію, онъ уже не успѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ дня черезъ три-четыре меня увезли въ Сибирь.

Это мое посланіе прочтала и Соня Перовская и тоже заказала передать мнѣ, что подписывается подъ моимъ письмомъ обѣими руками.

Впрочемъ, долженъ замѣтить, что впоследствии я измѣнилъ

свое отношеніе къ террору. Я призналъ его, во 1-хъ, роковымъ неизбѣжнымъ явленіемъ въ русской политической жизни,—ничѣмъ неотвратимымъ рефлексомъ живого государственнаго организма на жгучія муки гнета и насилія, чинимаго надъ нимъ жестоко, безпощадно и систематически организованной шайкою уголовныхъ преступниковъ—убійцъ, воровъ, лгуновъ, развратниковъ,—въ рукахъ которыхъ очутилась государственная власть; во 2-хъ, только террористическіе факты оживляли вниманіе замиравшаго политически общества и фиксировали его на главномъ элѣ русской жизни—самодержавной бюрократіи и полицейскомъ произволѣ; только террористы вносили жгучую струю въ организмъ угасаващаго политически народа и затемняли ореолъ святости и неприкосновенности того, что всѣ были склонны считать совершенно незаслуженно святымъ и неприкосновеннымъ.

То обстоятельство, что Соня Перовская еще въ 1878 г., какъ мнѣ сообщали тогда, раздѣлявшая тогдашнее мое отношеніе къ террору, уже 1881 г. была казнена, какъ главная участница и организаторъ въ главныхъ террористическихъ дѣянiяхъ, включая убійство Александра II, еще болѣе утвердило меня въ роковомъ характерѣ террора на Руси.

Терроръ такой же неизбѣжный спутникъ русскаго деспотизма, какъ безработица неизбѣжный спутникъ капитализма. Я даже думаю, что и разсуждалъ я въ 1878 году не въ террористическомъ духѣ лишь потому, что былъ изолированъ тюремными стѣнами отъ реальныхъ воздѣйствій русской жизни. Будь я на волѣ, вращайся я въ сутолокѣ боевой жизни русскихъ народниковъ,—и русская жизнь неизбѣжно привела бы меня къ террору.

Впослѣдствіи я узналъ, что Кравчинскій задумалъ казнить Мезенцова не только за отношеніе къ намъ во время нашей голодовки, но и за утвержденіе по его настоянію царемъ приговора надъ Ковальскимъ, разстрѣляннымъ въ Одессѣ, и за всѣ ужасы въ харьковскихъ центральныхъ тюрьмахъ, которымъ подвергались заключенные тамъ товарищи по внушенію изъ Питера Мезенцовымъ.

XXXI.

Юль близился къ двадцатымъ числамъ. Начальство начало отправлять осужденныхъ изъ крѣпости партіями. Въ крѣпость пріѣзжали чиновники губернскаго правленія, и осужденныхъ на каторгу выводили по одиночкѣ въ помещеніе, гдѣ они засѣдали, а тамъ приведеннаго раздѣвали до гола, ставили подъ мѣрку для опредѣленія роста, записывали затѣмъ имѣвшіися на его тѣлѣ примѣты. По этимъ даннымъ составляли, такъ называемый, статейный списокъ каторжника.

Уже были увезены Мышкинъ, «Дѣдъ», Рогачовъ, Коваликъ и Войнаральскій; уже мы получили извѣстіе о неудавшейся попыткѣ освободить Войнаральскаго, при переводѣ его изъ Харькова въ централку, Увезли Шишко, Союзова, Волховскаго, Сажина и др.

Причемъ бѣднаго Сажина, совершенно неожиданно, отдѣлили отъ партіи по прибытіи ея въ Москву, и въ то время, какъ другихъ увезли въ Сибирь (Шишко и Союзова на каторгу въ Кару), Сажина препроводили въ харьковскую централку, хотя ему изъ назначенныхъ пяти лѣтъ каторги оставалось только не болѣе 2¹/₂ лѣтъ.

Впрочемъ, я увѣренъ, что этотъ рѣдкой душевной силы чело-вѣкъ, съ твердымъ характеромъ и непреклонной волей, не особенно былъ убитъ такой шуткой надъ нимъ со стороны опричниковъ. — «Что-жъ, по всей вѣроятности сказалъ онъ, смѣясь своими не-большими, умными и пронизательными глазами, — бываетъ и хуже!» И дѣйствительно, онъ въ своей жизни видалъ и не такіе ужасы. Для пережившаго, въ качествѣ непосредственнаго участника въ уличной борьбѣ парижскихъ коммунаровъ, всѣ ужасныя расправы версальцевъ, централка, пожалуй, могла показаться лишь не со-всѣмъ удобнымъ мѣстомъ принудительнаго отдохновенія. Въ централѣ его продержали чуть не цѣлый годъ лишній! Лѣтъ черезъ 11, послѣ того, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ въ крѣпостномъ дворикѣ, я встрѣтился съ нимъ въ Сибири (въ Читѣ) въ 1889 г., и нашель его все такимъ же живымъ, бодрымъ и мощнымъ. Централка, какъ и предварительная тюрьма, были тягостны для него только тѣмъ, что приходилось быть ему безъ настоящаго дѣла, безъ хлопотъ и живой работы, — «а то бы все ничего, пожалуй, терпѣть можно!» А вотъ безъ хлопотъ и живого дѣла и ноги у него нить начинаютъ, и поясницу ломить, и съ головой не сладить, то и дѣло болитъ! И ужъ тутъ никакая медицина не поможетъ. Но—дано ему дѣло, и черезъ день-два ужъ онъ сверкаетъ своими умными глазами, ужъ всѣ хвори, какъ рукой сняло, и голова и руки работаютъ, и проявляетъ онъ свое свойство, какъ фокусникъ Пинети, быть въ одно и то же время въ нѣсколькихъ мѣстахъ и усматривать своими пронизательными глазами, черезъ его бѣлыя очки, сразу все, что творится во всѣхъ четырехъ сторонахъ горизонта. Бакунинъ считалъ его (по заграничному—мистера Росса), какъ сообщалъ мнѣ Мачтетъ, — «своей правой рукой» по дѣламъ анархистской фракціи Интернаціонала въ Женевѣ. (Съ Мачтетомъ мнѣ пришлось довольно долго сидѣть въ одномъ клубѣ въ Д. П. З. въ 1876 г.). Усталый, находчивый, дальновидный и въ то же время чело-вѣкъ крупнаго и властнаго характера, Сажинъ принадлежалъ къ числу людей, которые вызываютъ глубокую и беззавѣтную къ себѣ привязанность со стороны однихъ, и не менѣе глубокую ненависть со стороны другихъ. Мнѣ рассказывали, къ сожалѣнію я забылъ кто именно, что знаменитый въ свое время авторъ «Отщепенцовъ» писатель Соколовъ такъ привязался за границую къ Сажину, что не только готовъ былъ за него положить голову свою на плаху, но при немъ нельзя было молвить слова неодобрительнаго о Сажинѣ, — кроткій по характеру Соколовъ впадалъ въ бѣшенство при защитѣ своего обожаемаго! Лично я, съ тѣхъ поръ какъ узналъ Сажина въ тюрьмѣ, искренно всегда

любилъ его, какъ человѣка крупнаго и дѣльнаго на всякомъ поприщѣ, чуждаго всякихъ мелочныхъ чувствъ, превосходнаго товарища. Во всякомъ дѣлѣ на него можно было положиться, какъ на каменную гору, и въ простомъ житейскомъ, и въ рискованномъ революціонномъ.

Наконецъ, въ ночь съ 21 на 22 іюля, около 12 часовъ ночи вошли въ мою камеру Богородцкій и присяжный унтеръ-офицеръ, котораго я звалъ харьковцемъ, и предложили мнѣ слѣдовать за ними. Въ халатѣ и чиркахъ поплелся я за ними и былъ введенъ въ тотъ аппартаментъ, гдѣ раньше производилось дознаніе Слезкинымъ и гдѣ не задолго до этого дня чиновники губернскаго правленія раздѣвали и осматривали меня, чтобы записать мои примѣты.

Это довольно длинный залъ. Здѣсь стоялъ длинный столъ, за которымъ при слабомъ освѣщеніи лампъ засѣдало три или четыре чиновника. Въ полумракѣ у двери, въ которую мы вошли, стоялъ жандармскій унтеръ-офицеръ, возлѣ котораго остановился и мой харьковецъ; нѣсколько поодаль красовался высокій брюнетъ съ черными усами и съ черными большими конскими глазами, жандармскій поручикъ Петровъ, возлѣ котораго остановился Богородцкій.

Между столомъ, за которымъ сидѣли чиновники, и этой группой людей, находилась какая-то небольшого роста фигура въ черномъ штатскомъ платьѣ. У ногъ этой фигуры находились желѣзная наковальня и молотокъ. На близъ стоящемъ отъ этой фигуры стулѣ лежала арестантская одежда, и на спинкѣ стула висѣли кандалы. Фигура подошла ко мнѣ и промолвила—«пожалуйте!»

Я подошелъ къ стулу.

— Сбросьте вашу одежду! говоритъ фигура.

Я сбрасываю.

— Вотъ рубаха,—надѣньте.

Надѣваю неприятно колющуюся жесткую рубаху.

Далѣе слѣдуютъ такіе же подштанники, затѣмъ—сѣрые суконные штаны, затѣмъ сѣрый халатъ съ бубновымъ желтымъ тузомъ на спинѣ.

— Сядьте на полъ, говоритъ фигура.

Я сажусь.

Фигура накладываетъ мнѣ на ноги кандалы. Въ залѣ водворяется полная тишина,—и въ этой тишинѣ рѣзко начинается раздаваться стукъ о наковальню молотка, заклепывающаго кандалы. Присутствующая публика не шевельнется,—словно этотъ звукъ ударилъ этихъ людей по сердцу, и оно на время приостановилось въ своемъ біеніи.

Неужели всѣмъ имъ—и чиновникамъ, и Богородцкому, и Петрову, и двумъ унтеръ-офицерамъ—было тяжело видѣть, какъ человѣка заковываютъ въ цѣпи,—юношу,—вымученнаго въ тюрьмѣ, не убійцу, не вора, не преступника? Неужели?

Кандалы заклепаны. Чирки надѣты на ноги, обернутыя въ портянки.

— Встаньте, прерываетъ молчаніе фигура.— Вотъ вамъ ремень, — подвяжите цѣпы.

— Однако,— какъ неловко,— улыбаясь, говорю я.

— Надо привыкать! говоритъ фигура, подавая мнѣ сѣрую круглую безъ козырька фуражку, которую я тутъ же надѣваю на голову.

Итакъ, я готовъ: потомственный дворянинъ по высочайшему повелѣнію подвергнуть заковкѣ въ кандалы, находясь еще за десятокъ тысячъ верстъ отъ мѣста каторги.

Жандармскій поручикъ Петровъ говоритъ: «Юдинъ,— прійми!», а самъ направляется къ чиновникамъ и наклоняется надъ какой-то бумагой.

Высокій, румяный, красивый и франтоватый Юдинъ подходитъ ко мнѣ: «Пожалуйте сюда!» и уводитъ меня черезъ боковую дверь въ маленькую комнату, гдѣ сидѣлъ и, очевидно, ждалъ насъ еще жандармъ простой.

Подъ ихъ конвоемъ я выхожу за ворота, гдѣ стоитъ обыкновенная извозчичья карета.

Къ воротамъ вышли Богородцкій и мой харьковецъ. Я подхожу къ дверцѣ кареты.

— Прощайте, господинъ Синегубъ. Дай Богъ вамъ здоровья! напутствуетъ Богородцкій.

— Прощайте, баринъ, прощайте баринъ, трогательно восклицаетъ харьковецъ, нѣсколько разъ кланяясь мнѣ на прощанье.

Тронутый ихъ добрыми напутствіями, я посылаю самъ отъ души лучшія прощальныя пожеланія и сажусь въ карету между двумя жандармами. Меня повезли на вокзалъ Николаевской дороги.— Въ каретѣ меня вдругъ поразила мысль: «Странно! Я— въ кандалахъ, въ полной арестантской аммуниціи, а для харьковца— я все таки остался баринъ!» «Прощайте, баринъ» кричалъ онъ мнѣ на прощанье и не замѣчалъ всей ироніи, скрытой въ его прощальномъ привѣтствіи.

С. Синегубъ.

О смерти Мих. Дм. Райко.

(16 авг. 1882 г.)

Въ очеркѣ жизни и дѣятельности П. С. Поливанова, изд. Мягкова („Александровскій равелинъ“, стр. 143) рассказывается, что когда при попыткѣ Поливанова совмѣстно съ Райко освободить изъ Саратовской тюрьмы своего товарища М. Новицкаго, 16 авг. 1882 г. они помчались отъ острога по Московской улицѣ, телѣжка при поворотѣ наскочила на тумбу и опрокинулась: „вскочивъ на ноги, Поливановъ и Райко, отстрѣливаясь, пытались прорваться сквозь кругъ нападающихъ (тюремный конвой и сбѣжавшійся на шумъ выстрѣловъ народъ), но было уже поздно спастись: вскорѣ всѣ трое были сшиблены съ ногъ и жестоко избиты. Райко прожилъ послѣ расправы только часть“.

Такимъ образомъ согласно этому сообщенію смерть Райко послѣдовала отъ нанесенныхъ ему жестокихъ побоевъ.

Мнѣ совершенно случайно пришлось быть свидѣтелемъ вскрытія трупа убитаго Райко.

Я только что кончилъ въ этомъ году гимназію и пріѣхалъ на двѣ недѣли погостить въ Саратовъ, въ семьѣ своего дяди М. С. Бѣлявскаго, бывшаго городонымъ врачомъ г. Саратова. 16 авг. дядя, пріѣхавши вечеромъ изъ города на дачу, сообщилъ, что „въ этотъ день была совершена попытка освободить изъ мѣстнаго острога политическаго заключеннаго. „Преступникъ“, во время прогулки, перескочивши тюремную ограду, сѣлъ въ поджидавшую его у ограды телѣжку, и экипажъ быстро помчался... Выстрѣломъ конвойнаго, пытавшагося задержать бѣглецовъ, одинъ изъ соучастниковъ побѣга, одѣтый кучеромъ, былъ *убитъ*, при чемъ телѣжка опрокинулась“...

Въ качествѣ будущаго медика меня очень интересовала процедура вскрытія трупа, и я упросилъ дядю взять меня съ собой на вскрытіе..

Въ полицейскомъ сараѣ на столѣ лежалъ трупъ молодого человѣка въ новой суконной поддевкѣ, запачканной грязью.

Интеллигентное лицо, бѣлое тѣло съ тонкой кожей, въ особенности тонкое нижнее бѣлье, выдавало, что подъ кучерской поддевкой кроется не простолюдинъ...

Отсутствіе медицинскихъ познаній въ то время лишало меня возможности сознательно слѣдить за актомъ судебно-медицинскаго осмотра и вскрытія. Помню, однако, что наружныхъ поврежденій (ссадинъ, кровоподтековъ,

синяковъ) на тѣлѣ не оказалось и что по заключенію врача, производившаго вскрытіе (М. С. Б—скаго) смерть послѣдовала отъ нанесенной конвойнымъ *оместральной* раны въ голову.

Рана, нанесенная Райко, несомнѣнно была смертельная и потому сообщеніе, будто Райко и Поливановъ, вскочивши на ноги, пытались прорваться, очевидно, грѣшить противъ истины. Сопоставляя въ своей памяти слышанный тогда мною разсказъ Б—скаго о побѣгѣ съ данными вскрытія,—на сколько онѣ уцѣлѣли въ моей памяти,—я предполагаю, что, по всей вѣроятности, раненый смертельно Райко, падая изъ телѣжки, судорожно натянулъ или рванулъ возжи, отчего телѣжка опрокинулась... Новицкій и Поливановъ могли встать на ноги и, отстрѣливаясь, пытаться прорваться сквозь цѣпь преслѣдователей, но Райко, смертельно раненый, вѣроятно, лежалъ уже безъ сознанія...

Совершенно спокойное его лицо,—какъ сохранилось оно въ моей памяти,—не искаженное предсмертной судорогой, говорило скорѣе даже за то, что смерть была, вѣроятно, моментальной.

Возможно, конечно, что вмѣстѣ съ Поливановымъ и Новицкимъ подвергся жестокимъ побоямъ и испускающій духъ Райко, но расправа могла быть совершена, очевидно, уже надъ трупомъ!..

Д-ръ Мед. Попялковскій.

22 іюля 1906 г.

„Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“.

(По неизданнымъ источникамъ).

(Продолженіе ¹⁾).

Арестъ А. И. Ничипоренка и письма М. А. Бакунина. Арестъ Н. А. Потѣхина.

8-го августа Потаповъ сообщилъ комиссіи рядъ интересныхъ бумагаъ, касавшихся новаго лица—*Андрея Ивановича Ничипоренка*. Было ясно, что послѣдній находился въ сношеніяхъ съ «русскими изгнанниками». Все это открылось, благодаря любезности австрійскаго министра полиціи, предупредительно подѣлившагося съ русскимъ правительствомъ своими интересными свѣдѣніями.

Вотъ что писалъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ фонъ-Рехбергъ Іоганнъ-Бернгардъ, графу Ревертеру 18 іюня н. с. 1862 года. Черезъ Пескіеру проѣзжалъ русскій подданный, по паспорту кол. регистраторъ Андрей Ничипоренко. При обыскѣ его въ бюро пограничной полиціи найдены итальянскія прокламаціи и большое количество писанныхъ по-русски, призывавшихъ къ пожертвованіямъ въ «общій фондъ» Герцена и Огарева. Послѣ отъѣзда его изъ Пескіеры въ Венецію и Триестъ, были получены свѣдѣнія, что въ тотъ же обыскъ найдены еще нѣсколько незапечатанныхъ писемъ, оставленныхъ имъ, вѣроятно, для того, чтобы они не попались въ руки австрійскаго правительства. По этимъ письмамъ видно, что Ничипоренко — одинъ изъ выдающихся помощниковъ революціонныхъ эmissаровъ. Напримѣръ, два рекомендательныхъ письма Саффи къ Гарибальди и Пеллаци, три Бакунина къ Гарибальди же и др. «Во всѣхъ этихъ письмахъ, сообщалъ графъ Рехбергъ,—Ничипоренко представленъ не только, какъ искренній другъ Герцена и Бакунина, но и какъ лицо, къ которому можно имѣть

¹⁾ См. „Видное“, № 9.

**Николай Александрович
СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧЪ.**

полное довѣріе относительно исполненія возложенныхъ на него порученій; открываются также указанія на дѣйствія и возбужденія славянской пропаганды, коей планы направлены нынѣ же на возстаніе въ Богеміи и должны распространиться послѣ первой удачи на Моравію и Венгрію и на провинціи турецко-славянскія». Поэтому Рехбергъ просилъ Ревертера извѣстить обо всемъ этомъ русское правительство и прибавлялъ, что объ арестованіи Ничипоренка въ Австріи и въ Турціи сдѣланы уже соотвѣтствующія распоряженія.

Направляя копию этой бумаги въ комиссію, Потаповъ сообщилъ, что русское правительство не успѣло арестовать Ничипоренка на своей границѣ, и онъ проѣхалъ въ Полтавскую губернію, но что тамъ, въ Прилуцкомъ уѣздѣ, 28 іюля онъ найденъ, арестованъ и уже препровожденъ въ Петропавловскую крѣпость.

Нѣкоторое время спустя Потаповъ прислалъ въ комиссію нѣсколько литографированныхъ листовъ — это были копии писемъ, отобранныхъ австрійскою полиціей у Ничипоренка и любезно изготовленныхъ ею для полицействовавшего сосѣда...

Приведу всѣ эти документы въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ уже въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и — оговариваюсь — не всегда вполне соотвѣтствующемъ оригиналу.

Первое (по-русски) — записка М. А. Бакунина на его визитной карточкѣ: «Другу Налбандову отъ Герцена, Огарева и меня общій и сердечный поклонъ. Просимъ мы васъ принять подателя сего. А. И. Ничипоренко, какъ нашего друга, къ которому вы можете имѣть безусловно такое же довѣріе, какъ къ намъ самимъ. Hôtel du Louvre, 228».

Второе — французское письмо Бакунина «генералу Гарибальди».

10 мая 1862 г. Лондонъ.

10. Paddington Green W.

«Беру смѣлость направить къ вамъ друга и соотечественника, который прямо пріѣхалъ изъ Россіи и который можетъ дать вамъ всевозможныя свѣдѣнія о томъ, что нынѣ происходитъ въ нашемъ отечествѣ. Это человекъ испытанной скромности и осторожности, справедливый и умный, хорошо поставленный, чтобы знать многое, и который все дѣло представить вамъ въ настоящемъ видѣ. Герценъ его знаетъ хорошо, и, вѣроятно, будетъ тоже рекомендовать.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Россія идетъ быстрыми шагами къ революціи. Когда она разразится? Вотъ вопросъ. Можетъ въ 1863 году, можетъ нѣсколько лѣтъ позже. Мы употребляемъ всѣ возможныя усилія, чтобы ее ускорить и соединить съ движеніемъ живыхъ народовъ Европы. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я вамъ жаловался на затрудненія со стороны Польши, нынче мы сдѣлали большой шагъ: по моему воззванію, изъ самой Польши присланъ намъ полякъ. Мы нашли, чего искали такъ долго въ польской эмиграціи и всегда тщетно; сердце и умъ широкій и ясный, не романтическій; однимъ словомъ, истиннаго представителя нынѣшнихъ

интересовъ и положенія Польши. Представитель молодого поколѣнія, которое поняло, что весь польскій вопросъ въ крестьянинѣ. Мы подадимъ другъ другу руку, и съ той минуты будемъ работать вмѣстѣ. Наша цѣль, это уничтоженіе Московско-Петербургской централизаціи, эмансипація и совершенная свобода, автономія и независимость польскихъ провинцій, и не польскихъ, которыя составляютъ Россійское государство; война на смерть и истребленіе Австрійской имперіи; точно также, какъ и противъ Турецкой, отчасти и противъ Пруссіи, насколько она состоитъ изъ польскихъ провинцій,—и общая федерація всѣхъ славянскихъ народовъ. Мы желали бы подать руку мадьярамъ и очень желали бы, чтобы они отказались отъ идеи преобладанія надъ прочими славянскими народами и вмѣсто того, чѣмъ стремиться къ основанію Венгерскаго королевства, чтобы бросить всѣхъ венгерскихъ славянъ въ станъ австрійскаго дома, мы желали бы, чтобы они поняли, что для нихъ одно средство выйти побѣдителями,—это составить федерацію изъ всѣхъ славянскихъ племенъ Венгріи, т. е. мадьяръ, румынъ и славянъ. Совершенное равенство этой федераціи могло бы сдѣлать ее какъ бы оболочкой для всѣхъ восточныхъ, болѣе обширныхъ федерацій.

«Вотъ наши мечты, общія; и, можетъ, наступитъ время, что вы призваны будете быть посредникомъ, играть эту великую роль между всѣми славянскими племенами, такъ дурно соединенными, и безъ единства коихъ Австрія никогда не можетъ быть побѣждена. Что я проповѣдую теперь, это соединеніе славянъ съ мадьярами, во что бы то ни стало, даже еслибы современемъ они сдѣлались нашими врагами,—потому что они никогда не могутъ быть такъ опасны и могущественны, какъ австрійцы.

«Я долгомъ считаю изложить вамъ наши мысли, чтобы объяснить присылку къ вамъ подателя сего письма. Еще разъ скажу, онъ вполне заслуживаетъ вашего довѣрія, столько-же, сколько считаете насъ самихъ достойными онаго. Онъ пользуется вполне нашимъ. Мы желали сколько возможно соединить нашу націю съ вашей. Италія, по положенію, интересамъ и сравнительной юности, настоящій другъ славянъ. Намъ дѣлится будетъ нечего, а сражаться будемъ противъ общаго врага, Австріи. Мы простираемъ нашу вражду немного далѣе, чѣмъ вы; мы естественные враги нѣмцевъ. Ненависть славянъ къ нѣмцамъ равняется ненависти итальянцевъ къ Австріи. Такъ же, какъ послѣдняя способствовала уничтоженію Италіи, также ненависть нѣмцевъ способствуетъ уничтоженію славянъ. Напримѣръ, еслибы Наполеонъ III вздумалъ идти на Рейнъ, что совсѣмъ не невозможно, мы нашли бы это несправедливымъ по теоріи, но противиться этому положительно не стали бы; напротивъ, воспользовались бы (неразборчиво), чтобы ниспровергнуть Австрію, чтобы освободить польскія провинціи въ Пруссіи и ввести революцію въ Россію. Откуда начнется движеніе? Подастъ-ли сигналъ честолюбіе и внутреннія обстоятельства Франціи? Будетъ-ли это внезапное возстаніе народовъ итальянскаго, мадьярскаго, сла-

вянского, армянскаго и греческаго? будетъ-ли это, все таки, русская революція? Вотъ въ чемъ вопросъ. По крайней мѣрѣ, употребимъ все стараніе, чтобы эти возстанія способствовали и достигли одной цѣли: совершенное освобожденіе Италіи, возстаніе и освобожденіе всего Востока. Не нужно Австріи и нѣмецкаго владѣчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не нужно и царизма и имперіи въ Россіи. На мѣсто всего этого автономія и федерація всѣхъ свободныхъ народовъ.

«Дѣло великое, но не невозможное. Есть минуты, въ которыя только мелкое и умѣренное неисполнимо.

«Начнемъ съ соединенія славянъ съ итальянцами.—Молодой человекъ, переговоривши съ вами, отправится въ Вѣну; оттуда въ Прагу; онъ пройдетъ всю Венгрію до Сербіи; наконецъ изъ Бѣлграда онъ отправится въ Галацъ, потомъ въ Малороссію, гдѣ онъ будетъ работать для устройства этого чуднаго края, *Украины*, не польской, не московской, но самой по себѣ, населенной 15 милл. душъ смышленнаго народа.

«Генераль, если вы находите истинно полезнымъ соединеніе славянъ съ Италіей, если вы имѣете вѣру въ дѣйствительность и пользу нашего дѣйствія, если вы имѣете къ намъ довѣріе, то говорите съ нимъ также откровенно, какъ вы бы говорили съ нами. Это человекъ, котораго мы испытали и который оказалъ намъ, т. е. нашему дѣлу, большія услуги. Скажите ему, чего вы желаете; сдѣлайте ему порученія въ тѣ города, которые онъ посѣтитъ; назовите ему людей, которыхъ онъ долженъ видѣть, и скажите ему, можетъ ли онъ и насколько употребить ваше имя и представить насъ славянамъ, какъ вашихъ вѣрныхъ союзниковъ и друзей; онъ не перейдетъ границы и не скажетъ ничего ни больше, ни меньше. Я васъ попрошу особенно сказать ему ваше мнѣніе о вопросѣ, который, мнѣ кажется, чрезвычайно важнымъ.

«Предположимъ, что Австрія готовится къ войнѣ противъ васъ или противъ Франціи, даже противъ обѣихъ вмѣстѣ; вѣроятно, будутъ дѣлать новый наборъ. Я знаю изъ хорошихъ источниковъ, что нашлось бы много молодыхъ людей, которые рѣшились бы дезертировать, *если бы они были увѣрены*, что найдутъ въ Италіи не только пріютъ, но что будутъ приняты въ итальянскіе легіоны; и когда объявится война, вы изъ нихъ составите легіоны,—чешскіе, словакскіе, кroatскіе и сербскіе и т. д. Если бы мы были увѣрены, что это дѣло возможно, мы стали бы работать для приготовления его; но не можемъ взять на себя послать людей въ изгнаніе, не обезпечивъ ихъ кускомъ хлѣба.

«Я прошу у васъ извиненія, генераль, что такъ долго бесѣдовалъ съ вами. Мнѣ остается только пожать вамъ руку и поблагодарить за дружескую записку.

«Вамъ преданный

М. Бакунинъ.

«Позвольте дать вамъ на всякій случай вѣрный адресъ.

London. Miss W. Welzche. For remitting to miss Eliza Jones. 10. Paddington Green W.

«P. S. Другъ, о которомъ я вамъ говорю, податель этого письма, называется *Андрей Ничипоренко*. Онъ, вѣроятно, явится къ вамъ въ сопровожденіи другого русскаго, добраго малаго, но нѣсколько неосторожнаго и болтливаго. Герценъ въ своемъ письмѣ, конечно, будетъ вамъ его рекомендовать, но только изъ вѣжливости. Но мы просимъ вашего довѣрія только другу Ничипоренко, который въ этомъ дѣлѣ гораздо умнѣе».

Третье—нѣмецкое письмо Бакунина къ Фрику, а для австрійскаго и русскаго правительствъ—неизвѣстно кому адресованное.

12 мая 1862 г. Лондонъ.
Paddington Green. W.

«Мой любезный, хотя лично не знакомый мнѣ другъ, письмо, которое вы писали Адольфу, точно также, какъ и старая, испытанная дружба моя съ вашимъ братомъ, даетъ мнѣ право обратиться къ вамъ письменно.

«Податель сего мой лучшей другъ, сельскій житель, т. е. по настоящему малороссъ. Прошу васъ имѣть къ нему полное довѣріе, которое онъ вполнѣ заслуживаетъ; и я ручаюсь за него, какъ за человѣка осторожнаго, твердаго характера и нами всѣми хорошо испытаннаго. Онъ можетъ многое сообщить вамъ о настоящемъ положеніи Россіи. Онъ явится къ вамъ сейчасъ послѣ свиданія съ Гарибальди, и потому сообщить вамъ и съ этой стороны много интереснаго; я съ нимъ посылаю вамъ открытую, но отнюдь не для печати или распространенія написанную статью къ вашему брату о славянскихъ дѣлахъ. Изъ нея вы узнаете наше направленіе и нашъ взглядъ. Все остальное и подробности сообщить вамъ мой другъ. Все, что знаю о васъ, заставляетъ меня надѣяться, что мысли наши одинаковы, и что вы признаете полезнымъ соединиться съ нами. Я предлагаю вамъ воспользоваться этимъ случаемъ; время намъ устроиться. Гроза близка, и когда она разразится, поздно будетъ думать о приготовленіяхъ, тогда мы должны будемъ дѣйствовать, но чтобы дѣйствовать, мы должны знать, куда, съ кѣмъ и съ какими силами. Вотъ почему нужно устройство и общее пониманіе другъ друга. Если вы раздѣляете это убѣжденіе, пріѣзжайте и привозите нѣсколько вѣрныхъ друзей въ Лондонъ, чтобы воспользоваться выставкой, такъ какъ я, вы сами вѣроятно понимаете, не могу явиться въ Прагу. Хорошо было бы, если бы вы угсворили нѣсколькихъ хорватовъ и сербовъ на подобную же поѣздку.

«Если вы предпримете эту поѣздку, то начинайте устройство съ Богомъ. Ищите не многихъ, но выбирайте людей энергическихъ, просвѣщенныхъ, не честолюбивыхъ, осторожныхъ и особенно съ вліяніемъ на народъ и на молодежь. Большая осторожность нужна въ этомъ первомъ выборѣ, потому что коварный, даже слабый или болтливый членъ можетъ испортить все дѣло. Прежде всего утвер-

дитесь въ Богеміи, потомъ можете распространяться, въ Моравію, Венгрію и даже въ турецко-славянскія земли. Больше необходимое передасть вамъ мой другъ. Будьте очень осторожны съ этимъ письмомъ; сожгите его по прочтеніи, и если хотите, то съ согласія моего друга можете показать его двумъ, и не болѣе, какъ тремъ, испытаннымъ друзьямъ и то если таковыя окажутся въ Прагѣ. Точно такъ прошу васъ быть осторожнымъ съ личностью моего друга, для того, чтобы черно-желтая полиція не узнала, что русскій, занимающійся славянскими дѣлами и интересующійся ими, мой другъ и посѣщаетъ васъ. Не говорите о немъ ни съ кѣмъ безъ его положительнаго разрѣшенія. Извините, что я вамъ это напоминаю. Но осторожность есть душа всякаго предпріятія. Тогда только будутъ намъ довѣрять, когда будутъ знать, что мы никого не компрометировали. Что же касается до открытаго письма, то вы можете показать его всѣмъ по вашему усмотрѣнію, не говоря, что вы получили его черезъ кого нибудь или по почтѣ. Прежде всего мы должны думать о вѣрномъ средствѣ вести переписку. Вы должны мнѣ прислать одинъ или два невинныхъ адреса, чтобы я могъ безъ опасенія писать къ вамъ въ Прагу и получать отъ васъ письма. Вы должны сейчасъ выдумать символическій языкъ, и прислать мнѣ въ родѣ словаря. Мой другъ сообщитъ вамъ мой адресъ.

«Теперь прощайте, и да пособитъ Духъ Славянской будущности.

«Вашъ другъ, если вы этого желаете,

М. Бакунинъ.

«Держите какъ можно меньше бумагъ, жгите все, что нѣтъ непремѣнной нужды сохранять».

Четвертое — приложение къ только что приведенному письму, статья въ видѣ открытаго письма Бакунина къ брату Фрика; она напечатана уже мною на стр. 255—264 августовской книжки «Былого».

Пятое—нѣмецкое письмо Бакунина Куслиану, правительствамъ же тоже неизвѣстно кому адресованное.

„20 мая 1862 г.

«Любезный братъ.

«Диктую и даже на нѣмецкомъ языкѣ, по причинѣ, которую ты, вѣроятно, одобришь; впрочемъ, совершенно надежный человекъ передастъ тебѣ записку моего сочиненія тоже на нѣмецкомъ языкѣ, которая тебѣ объяснитъ все.

«По твоей развившейся въ эти два года открытой политической дѣятельности, я имѣю право считать тебя за достойнаго, энергическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожнаго славянина. Вышлите намъ изъ вашей среды, на вашъ счетъ, представителя, журналиста также какъ политика, какъ безпристрастнаго, такъ и талантливаго че-

ловѣка, какъ Курелаць. Старую разорванную сѣть надо опять соединить, и на основаніяхъ перваго славянскаго конгресса.

«Не сомнѣвайся, не имѣй недостатка въ предосторожности, намъ можетъ вскорѣ понадобится правдивый докладъ о вашемъ положеніи.

«Будь здоровъ, уничтожь это письмо, не забывай насъ и помоги, сколько позволятъ силы, нашему общему дѣлу. Подателю сего, во всякомъ случаѣ, съ полнымъ довѣріемъ передай твой собственный взглядъ, ваши надежды и цѣли. Шафарикъ и Штуръ воскреснутъ въ насъ».

Пятое—нѣмецкое письмо Бакунина неизвѣстному адресату:

12 мая 1862 г. Лондонъ.
10 Paddington Green. 10.

«Помните ли, любезный другъ, нашу встрѣчу на желѣзной дорогѣ въ маѣ 1848 г., когда оба ѣхали въ Прагу на славянскій конгрессъ? Помните ли наше житье вмѣстѣ во время конгресса въ Прагѣ? Гдѣ Притца? Остался ли онъ добрымъ славяниномъ? Что вы все тотъ же, я это знаю; что до меня касается, то я, не смотря на 8-ми-лѣтнее заключеніе въ тюрьмахъ и 4-хъ-лѣтнее изгнаніе въ Сибири, не только что не измѣнилъ своимъ старымъ чувствамъ, напротивъ, они еще глубже и больше. Нынѣ я не буду пробовать примирять славянъ съ нѣмцами, какъ дѣлалъ это въ Богеміи въ 1849 г. Впрочемъ, вы узнаете мои мысли изъ открытаго письма, которое я вручилъ сельскому жителю и моему другу; вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте его вамъ отрекомендовать. Онъ другъ, которому вы безусловно можете довѣриться; было бы приятно, если бы вы съ нимъ сошлись, и вмѣстѣ съ тѣмъ помогли бы ему познакомиться съ добрыми славянами и поближе узнать состояніе славянъ.

«Мой другъ дастъ вамъ мой адресъ.

М. Бакунинъ».

Затѣмъ, письмо Герцена и Огарева отъ 12 мая 1862 года, объ открытіи сбора въ «общій фондъ», напечатанное на отдѣльныхъ листочкахъ и помѣщенное тогда же одновременно и въ «Колоколъ». Вотъ оно:

«Въ отвѣтъ на нѣсколько писемъ, полученныхъ изъ Россіи, мы считаемъ нашей обязанностью сказать, что мы готовы учредить при редакціи «Колоколъ» сборъ денегъ, предназначаемыхъ на *общее наше русское дѣло*; мы беремъ на себя не только обязанность храненія денегъ, но и тяжелую отвѣтственность употребленія ихъ. Что мы поступимъ съ полной чистотой и полнымъ вниманіемъ, въ этомъ, вѣроятно, предлагающіе прислать деньги не сомнѣваются. Само собою разумѣется, что мы будемъ вести строгую отчетность и отдадимъ *ясный отчетъ* тогда, когда онъ будетъ возможенъ.

12 мая 1862 г.

*Александръ Герценъ.
Николай Огаревъ».*

Наконецъ, два письма знаменитаго итальянскаго эмигранта—Саффи. Первое къ секретарю Гарибальди—Беллаци отъ 11 мая 1862 г.:

«Любезный Беллаци!

«Г. Ничипоренко отличный русскій патриотъ и другъ Герцена и Бакунина, представится генералу Гарибальди съ письмами къ нему отъ Герцена, Бакунина и меня. Желая быть полезнымъ генералу по связямъ своимъ и свѣдѣніямъ о славянскомъ племени, онъ, какъ молодой человѣкъ, исполненный патриотическихъ чувствъ и познаній, можетъ оказать важныя услуги. Послѣ кратковременнаго путешествія по Италіи, онъ побѣдетъ по славянскимъ землямъ вдоль Дуная и потомъ въ Европейскую Турцію и въ Грецію. Генераль можетъ воспользоваться его предложеніемъ съ полнымъ къ нему довѣріемъ, я же его рекомендую тебѣ, чтобы ты предупредилъ генерала о его великодушномъ предложеніи и о желаніи объясниться съ генераломъ. Остаюсь любящимъ тебя другомъ.

А. Саффи».

Второе—къ самому Гарибальди:

«Эти строки вамъ представить русскій патриотъ г. Ничипоренко, котораго рекомендую вамъ отъ своего имени и отъ имени друзей, Герцена и Бакунина. Онъ можетъ оказать весьма важныя услуги дѣлу народной эмансипаціи по знаніямъ своимъ о славянской народности. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Италіи, Ничипоренко собирается предпринять путешествіе по придунайскимъ землямъ, и вы можете воспользоваться его связями и дѣйствіями во всемъ, въ чемъ, по вашему благоусмотрѣнію, сочтете нужнымъ. Пользуясь случаемъ и пр. Вашъ покорный слуга

А. Саффи».

Читатель видитъ, что, дѣйствительно, Ничипоренко везъ очень важныя бумаги, и неизвѣстно, чѣмъ бы закончилось подготовляемое тогда славянское движеніе, еслибы не арестъ «почталіона», бросившаго приведенныя письма подъ скамейку на станціи Пескьерѣ.

Ничипоренко, какъ увидитъ читатель, не игралъ особенно выдающейся роли въ политическомъ движеніи шестидесятыхъ годовъ, но, благодаря довѣрію Герцена, бывшаго убѣжденнымъ въ его «большомъ характерѣ», исполнялъ кое-какія порученія. Въ романѣ «Некуда» Лѣсковъ облилъ его (названнаго Пархоменко) помоями, думая такимъ простымъ способомъ отвести ихъ отъ защищаемаго имъ всѣми силами Бени; въ «Загадочномъ же человѣкѣ» онъ просто наклеветалъ на него. Къ Лѣскову мы еще вернемся, а теперь намъ не слѣдуетъ забыть указаніе самого Кельсіева на Ничипоренко, какъ на одного изъ лондонскихъ корреспондентовъ, считавшагося тогда однимъ изъ передовыхъ петербургскихъ дѣятелей. При этомъ Кельсіевъ называетъ его «личностью несимпатич-

ною», но отдаетъ ему должное, именно какъ корреспонденту, говоря, что доставляемые имъ свѣдѣнія всегда были вѣрны и замѣчательны.

Теперь комиссіи предстояло изловить то таинственное лицо, которое ѣхало къ Гарибальди вмѣстѣ съ Ничипоренкомъ и на которое Бакунинъ не совсѣмъ то полагался. Опытный ищейка Потаповъ имѣлъ уже у себя свѣдѣнія, что это былъ акцизный чиновникъ, писатель *Николай Антиповичъ Потѣхинъ*. Комиссія постановила арестовать его немедленно. Въ серединѣ августа Потѣхина арестовали и тоже привезли въ Петропавловку.

Арестъ маркиза де-Траверсе, О. М. Бѣлозерскаго и П. П. Лялина.

8-го же августа Потаповъ сообщилъ комиссіи, что маркизь *де-Траверсе* арестованъ и отправленъ въ Петропавловскую крѣпость. 12-го числа жандармскій полковникъ Дурново прибылъ на квартиру брата жены Траверсе—правителя особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, камергера Шидловскаго, для осмотра бумагъ маркиза, но ничего подозрительнаго не нашель.

Одна комната, за неимѣніемъ ключей, чтобы отворить ее, была тогда же опечатана. На слѣдующій день ее удалось открыть, найти бумаги и отправить ихъ въ III отдѣленіе. Государственный контролеръ, генераль Н. Н. Анненковъ, сообщилъ кн. Голицыну, что маркизь служить въ его вѣдомствѣ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій VI класса и аттестуется хорошо.

24-го іюля на хуторѣ въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи былъ арестованъ *Олимпій Михайловичъ Бѣлозерскій*. Переписки при немъ никакой не оказалось, но зато нашли три книги: «Опытъ состоянія Россіи» изд. въ Лондонѣ на франц. языкѣ, «Θора» т. е. законъ Моисеевъ, берлинское изданіе въ переводѣ Мандельштама, и Вольтерова «Дѣвственница» («La pucelle»). 7 августа онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость.

11 августа въ деревнѣ Ивановкѣ Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, арестованъ бывший членъ харьковскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу *Пименъ Петровичъ Лялинъ*, и къ 20 августа тоже заключенъ въ Петропавловку. Ни запрещенныхъ книгъ, ни подозрительныхъ писемъ при немъ не нашли, но комиссія признала обвиненія, падашія на Лялина, столь важными, что предписала Потапову отобрать *всѣ* его бумаги. Сейчасъ же были запрошены мѣстныя власти о поведеніи этого семидесятилѣтняго старика. Жандармскій полковникъ сообщалъ Потапову, что Лялинъ «человѣкъ строгой жизни, въ сношеніяхъ съ другими честенъ и благороденъ, характера энергическаго, преданъ занятіямъ, особенно, какъ членъ губернскаго по крестьянскому дѣлу присутствія, занимался и писалъ очень много; выказывалъ себя постоянно противъ всѣхъ неблагонамѣренныхъ идей молодежи; общее мнѣніе совершенно въ его пользу». Губернаторъ писалъ

почти то же самое министру внутреннихъ дѣлъ. Поиски бумагъ обнаружили письма какой-то Хрущевой, гдѣ она выражала сочувствіе «Колоколу», долгоруковской «Будущности» и пр., и самый «Колоколь», «Будущность» и переписанный № 3 «Великорусса».

Итакъ, понемногу, комиссія собирала всѣхъ въ крѣпость, твердо вѣруя, что отыщеть корень и всѣ нити пропаганды.

Корреспонденція Н. А. Серно-Соловьевича.

Теперь вернемся къ Серно-Соловьевичу, томившемуся въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Братъ его Владиміръ рѣшилъ просить свиданія и обратился за этимъ 9 августа къ Потапову. Тотъ передалъ просьбу на усмотрѣніе комиссії и кстати препроводилъ ей перехваченное при перлюстраціи письмо Константина Серно-Соловьевича къ брату Александру, уѣхавшему еще раньше за границу. Константинъ писалъ, что, помня ихъ условіе, телеграфировать, въ случаѣ неприятностей для Николая, онъ не могъ этого сдѣлать, потому что не нашель адреса. Теперь, узнавъ его, сообщаетъ объ арестѣ Николая. «Во все время обыска онъ былъ совершенно покоенъ; только маленькій румянецъ покрывалъ его щеки; онъ увѣрялъ меня, что ничего особеннаго нѣтъ и что онъ увѣренъ, что его скоро выпустятъ». 8 іюля онъ, Константинъ, былъ у Потапова, чтобы узнать, гдѣ Николай, и просить свиданія. Жандармскій самодержецъ отвѣтилъ, что братъ въ крѣпости, но свиданія невозможны. На просьбу доставить Николаю бѣлье тоже полученъ отказъ. Далѣе Константинъ пишетъ: «Потаповъ разспрашивалъ меня, гдѣ ты; я отвѣчалъ, что положительно не знаю; потомъ я узналъ, что въ слѣдственной комиссії сказали, что старшій братъ не такъ опасенъ, но что другіе опаснѣе и что только что ты вернешься—тебя возьмутъ. Прошу тебя, любезный Саша, не пріѣзжай куда въ Петербургъ».

Комиссія радовалась, имѣя въ рукахъ это письмо. Она призвала Константина Серно-Соловьевича и учинила ему допросъ, остановившись главнымъ образомъ на томъ, почему же братья ожидали чего нибудь неладнаго съ Николаемъ? На это былъ полученъ отвѣтъ: «Обѣщаніе писать брату было вслѣдствіе закрытія магазина въ первый разъ; что касается совѣта не возвращаться въ Петербургъ, то онъ данъ потому, что Александръ очень боленъ, но хотѣлъ вернуться, если магазинъ будетъ закрытъ. Объ арестованіи его въ случаѣ возвращенія говорилось по городу». Мало узнала комиссія, но, всетаки, приобщила перлюстрированное письмо къ дѣлу. Что касается свиданія Николая съ Владиміромъ, то комиссія отказала въ его просьбѣ, разрѣшивъ, однако, написать черезъ нее обо всемъ, что нужно сообщить Николаю.

Тогда же до свѣдѣнія комиссії дошло, что наканунѣ ареста Николай Серно-Соловьевичъ передалъ ящикъ съ какими то бумагами Трубникову, издателю «Биржевыхъ Вѣдомостей». Постановлено

было отобрать ящикъ и осмотрѣть. Но оказалось, что былъ переданъ не ящикъ, а свертокъ акцій, облигацій и кредитокъ, и не Трубникову, а сестрѣ его жены—Вѣрѣ Васильевнѣ Ивашевой.

Владиміръ написалъ брату письмо, на которое Николаемъ написанъ слѣдующій отвѣтъ:

«Отвѣчаю тебѣ, дорогой другъ, на письмо твое отъ 7 сентября.

1. *Довѣренность* посылаю, я прибавилъ къ ней *право передачи* другому лицу; это необходимо на тотъ случай, еслибы тебѣ пришлось почему либо—отъѣзду, неохотѣ, болѣзни—поручить дѣла кому нибудь другому. Кромѣ того, сколько мнѣ помнится, у меня были *два* довѣренности по дому: одна на *управленіе*, другая на *залогъ и продажу*. Справься, пожалуйста, въ бумагахъ, такъ ли.

2. Принявъ участіе въ конкурсѣ Власова, изучи хорошенько свои права и обязанности. Это ты найдешь въ *сводѣ законовъ* т. XI, объ учрежд. коммерческаго суда. Св. З. есть въ библіотекѣ. Вообще позволь мнѣ дать тебѣ совѣтъ—при всякомъ дѣлѣ обращаться къ своду З. и прочитывать подлежащія статьи. Это на всю жизнь принесетъ пользу.¹⁾

3. Страховыя деньги, дѣйствительно, внесены впередъ по 1865 г. *Полисы* находится въ правленіи Гор. Кред. Общ. Кстати, надо взять полисы на застрахованные мною во время пожаровъ *магазинъ и библіотеку*. Всѣ русскія общества отказались принять на страхъ и потому пришлось обратиться къ иностраннымъ. *Отказные документы* русскихъ обществъ надо сохранить. Квитанціи иностр. общ. частью у Пыпина, частью, кажется, въ моемъ сундукѣ. Агенты общ. помѣщаются въ 1-мъ стр. общ., въ Петерб. стр. общ. или 2-го стр. общ.—надо взять *4 полиса*.

4. Сдача помѣщенія Крону возбуждаетъ во мнѣ много думъ. Что можетъ быть характеристичнѣе: закрытая читальня смѣняется пивной. Недостаетъ, чтобы сняли мою квартиру подъ б.....! Вѣдь одна—неизбѣжное дополненіе другой (т. е. пивная и другое заведеніе). Снимщики подъ пивную буквально осаждали меня... Мѣсто для нихъ раздольное, но я упорно отказывалъ: вѣдь только слава, что пивная или портерная—въ сущности, тотъ же кабакъ. Впрочемъ, тутъ дѣйствовали чисто индивидуальныя побужденія. Меня корбила мысль объ этомъ страшномъ растлѣніи народа, я не хотѣлъ служить ему своимъ домомъ. Признаюсь, я предпочелъ бы *другое* торговое заведеніе не только при равныхъ условіяхъ, но даже по той цѣнѣ, за какую при мнѣ ходила лавка, т. е. 400 р. въ годъ. Впрочемъ, я уже предоставилъ тебѣ быть полнымъ хозяиномъ. Если не является другихъ наемщиковъ на лавку, значитъ, ей придется долго стоять пустою: это значитъ бояться вѣхъ въ помѣщеніе, бывшее запечатаннымъ, стало быть «несчастное». Въ такомъ случаѣ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ придется волею-неволею впустить хоть пивную. Но во всякомъ случаѣ при этомъ

¹⁾ Очевидно, Серно-Соловьевичъ хотѣлъ этимъ сказать, чтобы брать его, стоя на формально-правовой точкѣ, добивался кое-чего въ его пользу.

не премини принять слѣдующія предосторожности: 1) условливайся не съ цѣловальникомъ, а лично съ *Крономъ*, съ которымъ заключи контрактъ, 2) контрактъ не *дольше*, какъ на годъ, 3) и при томъ самый *строжайшій*, т. е. не въ смыслѣ притѣсненія, а въ томъ, чтобы оградить свой домъ отъ разврата. Справься въ Св. Зак. въ *уст. обв акцизъ питейномъ* и *уст. о благоустройствѣ и благоучиніи* и не отступай ни на іоту отъ требованій закона. *Недопущеніе* дѣвокъ, азартныхъ игръ, буйства и т. п. непременно должно быть *оговорено* въ контрактѣ съ предоставленіемъ владѣльцу права, въ случаѣ нарушенія этихъ условий, требовать *смыны* сидѣльца, а потомъ *отказатъ* отъ квартиры ранѣе срока. 4) При составленіи контракта *посоветуйся* съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ домовладѣльцевъ, имѣющихъ въ домѣ трактиръ или подобное заведеніе, 5) недурно *прислать мнѣ* черновой.

«А самое главное, чтобъ дворникъ держалъ ухо остро! Если подручный пьетъ—смѣни его. Потолкуй съ булочникомъ нашимъ; не удастся ли ему водворить въ этой пивной нѣмецкіе порядки; онъ, вѣрно, будетъ *habitué*, такъ какъ не разъ пытался склонить меня въ пользу пивной, говоря: *Das kann ja doch sehr austandig werden*». Пусть же постарается обв *austand' ъ*.

5. Въ числѣ принадлежностей бывшей читальной не забудь *газовый аппаратъ*. Если его не купить снимщикъ лавки, то, пока въ немъ нѣтъ надобности, пусть остается въ его пользованіи, но въ контрактѣ надо оговорить, что онъ—наша собственность, и въ случаѣ нужды, какъ газометръ, такъ и трубы и рожки могутъ быть *сняты нами*. Стоимость нашихъ аппаратовъ показана въ счетѣ мастера, находящемся, вѣроятно, вмѣстѣ съ прочими счетами книжной лавки въ магазинѣ.

6. Деньги, данныя мусорщику, надо будетъ *зачестъ* при расчетѣ. Сдѣлай ему новый расчетный листъ.

7. Облигація, вышедшая въ тиражъ, если не ошибаюсь, принадлежитъ къ разряду *сентябрьскаго* срока—стало $\frac{0}{100}$ уже нельзя получить. При случаѣ увѣдомь меня о курсѣ облигацій и о твоихъ дѣйствіяхъ по этой операціи.

8. Въ отвѣтъ о 280 р. $\frac{0}{100}$ по Шлоссеру боюсь ошибиться, не надѣясь на память. Насколько помню, эти 280 р. должны быть взяты изъ денегъ за проданнаго Шлоссера и обращены на уплату $\frac{0}{100}$ въ Гор. Кред. Общ. А можетъ быть эти деньги уже зачтены въ счетъ по Шлоссеру и въ такомъ случаѣ не требуютъ никакого распоряженія. Просмотрѣвъ счета, ты увидишь, которое изъ двухъ предположеній истинно. Шлос. для перевода получилъ, за что несказанно благодаренъ. Цѣлый день сижу надъ нимъ, но результаты относительно количества работы пока не соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ. Перевожу не болѣе 8-10 печатныхъ стр. въ день. Стало быть, полученныя 200 стр. будутъ готовы черезъ три недѣли. ¹⁾

¹⁾ Серно-Соловьевичъ издавалъ извѣстное сочиненіе Шлоссера, которое для скорости переводилось сразу нѣсколькими: Чернышевскимъ, В.А. Обручевымъ. М. И.

9. О Бирж. вѣдом. я неточно выразился: я именно и подразумевадь объявленія. Въ маленькой комнатѣ сдѣлать полки и, если можно, безъ большихъ хлопотъ, замѣнить плиту маленькой желѣзной печью; шкафъ мой можно вынести.

10. Пожалуйста, чтобы *изданія* наши были хорошо *просмотрны*. Въ дѣтской книжкѣ тѣма ореограф. ошибокъ, я нѣкоторыя исправиль, но прочель бѣгло. «О пищѣ» надобно *поторопить*. Какъ только первые листы пройдутъ черезъ цензуру, надо заплатить переводчику 100 рублей. Въ первомъ письмѣ писалъ о статьяхъ Якушкина, которая должны быть изданы подъ заглавиемъ: *Путевыя письма, ч. 2-я*. Условіе съ нимъ у Пыпина. Статьи у меня *въ* или *на* столѣ въ магазинѣ: все печатное: *Соврем., Основа, Сѣв. Пч., Совр. Лѣтоп.*, остальные надо собрать какъ я писалъ¹⁾.

«Вопросы твои далеко не пугаютъ меня; напротивъ, они доказываютъ мнѣ, дорогой другъ, не только крайнюю внимательность и истинную братскую заботливость, но и отличную дѣятельность твою. Заботы о дѣлахъ сильнѣе всего тревожили меня, и теперь, благодаря тебѣ, я совершенно покоенъ на этотъ счетъ. Зато же какъ и благодарю тебя мысленно каждый день. Извѣстіе о маменькѣ весьма успокоило меня. Я совершенно здоровъ и бодръ духомъ. Обнимаю родныхъ, еще разъ сердечно благодарю тебя и горячо, братски жму руку.

Твой Николай Серно-Соловьевичъ.

«Скажи Пыпину, что какъ только начнется дѣятельная подписка на СПб. Вѣд., пусть производитъ конторщику тотъ же окладъ, какъ другому приказчику, т. е. 40 р. въ мѣс., кушанье и чай.

«Черезъ какую контору посланы книги въ *Екатеринбургскую гимназію* и исправила ли комиссія *Перевозчикъ* путаницу съ транспортами въ *Вятку* и *Черниовъ*? и не упустили изъ виду написать туда?»

Однако, комиссія не нашла удобнымъ отправленіе этого письма и постановила приобщить его къ дѣлу, сообщивъ коменданту крѣпости объ объявленіи Серно-Соловьевичу, что письма его съ подобными выраженіями отправляемы не будутъ.

Всѣ письма на имя братьевъ Серно-Соловьевичей и магазина доставлялись съ почты въ III Отдѣленіе, а оттуда въ комиссію и передавались по адресу только тогда, если не заключали въ себѣ ничего маломальски подозрительнаго.

Такимъ образомъ были задержаны и подшиты къ дѣлу слѣдующія четыре письма:

И. С. Тургенева.

*12 іюля 1862 г.
С. Спасское.*

«Милостивый Государь, Николай Александровичъ, спѣшу благодарить Васъ за скорую и обязательную высылку денегъ г-жѣ Бут-

Михайловымъ, самимъ Серно-Соловьевичемъ и другими. Въ крѣпости эта раб та продолжалась.

¹⁾ Первое письма Серно-Соловьевича изъ крѣпости въ дѣлѣ вѣтъ.

кевичъ; я имѣю уже извѣстіе отъ нея, что она ихъ получила. Также прошу Васъ сдѣлать мнѣ одолженіе и сохранить у себя въ конторѣ письма, которыя могутъ прійти на мое имя въ Петербургъ, такъ какъ я недѣли черезъ три тамъ буду. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи

Ив. Тургеневъ».

А. А. Чернесова.

*11 іюля 1862 г.
Лондонъ.*

«Неимовѣрно быстро проходитъ здѣсь время между осмотромъ выставки и посѣщеніемъ народныхъ гульбищъ. Рѣшительно минутами считаешь свободное время. Подѣлиться впечатлѣніемъ рѣшительно некогда. Потому, не отнимая у тебя много времени на чтеніе моихъ каракуль, скажу только, что здѣсь житье отличное, я здоровъ и благополученъ. Ты спрашиваешь объ одномъ господинѣ, рекомендованномъ тебѣ письмомъ. Онъ человекъ очень хорошій, знающій свое дѣло, на него можно положиться. Пожалуйста, давай мнѣ какія нибудь порученія, только за это пиши что нибудь о Россіи. Я начинаю понимать *mal du pays*. Я получилъ письмо отъ Саши изъ Берлина и ничего изъ него не могъ понять. Напиши, пожалуйста, что подѣлывается у васъ въ Питерѣ.

Твой А. Ч.

Л. П. Шелгуновой.

Пароходъ „Работянка“.

«Добрѣйшій другъ мой Серно. Пишу Вамъ наскоро и вотъ почему: мы въ Тюмени сѣли на такой пароходъ, который не долженъ стоять въ Тобольскѣ болѣе двухъ часовъ. Мы все и жалѣли, что не успѣемъ повидаться съ кѣмъ хотимъ¹⁾. Намъ начали разспрашивать и такъ какъ здѣсь причина нашего желанія провести нѣсколько часовъ въ Тобольскѣ показалась очень уважительной, намъ и устроили вотъ что: пересадили и меня и Н. В.²⁾ на другой пароходъ, который придетъ туда часами шестью раньше. Вы вѣрно догадываетесь, съ кѣмъ хотимъ мы видѣться; онъ обогналъ насъ между Пермью и Екатеринбургомъ. Родной мой и милый Серно, чѣмъ дальше я уѣзжаю, тѣмъ больше и больше думаю о Васъ и люблю Васъ; образки я не ношу потому, что на одной станціи стала мыться, сняла ихъ и чуть было не забыла, это такъ меня перепугало, что я ихъ сняла, но теперь, всетаки, не оставила ихъ и взяла съ собой. Переводить я начала, и думала, что трудно, однако же нѣтъ, нисколько. Хорошій мой, голубчикъ, не забывайте же меня и думайте хоть столько же, сколько я думаю о Васъ. Пишите мнѣ побольше».

1) Съ М. И. Михайловымъ.

2) Мужа ея.

Н. В. Шелгунова.

Иркутскъ.

29 июля 1862 г.

«Добрѣйшій Николай Александровичъ, извините, что позволяю себѣ беспокоить Васъ. Дѣлаю это потому, что мнѣ нельзя поступать иначе, и потому, что Вы на меня не разсердитесь за это. Да и въ самомъ дѣлѣ, къ кому мнѣ обратиться?»

«Путь скверный; Сибирь—Сибирь и силъ, какъ говорятъ сосланные сюда; жарко и трясетъ, ѣсть нечего, въ гостиницахъ и на станціяхъ деруть, но ѣдемъ и ужъ недалеко до мѣста! Черезъ недѣлю или десять дней остановимся. По поводу моей фамиліи вышло въ Иркутскѣ маленькое недоразумѣніе со стороны полиціи. Потребовали мой видъ—что здѣсь никогда не водилось, и продержали его въ полиціи дня два. Оказалось, что ищутъ графа Шуазея. А онъ проѣхалъ въ Забайкалье около 12 числа.

«Странныя вѣсти дошли до насъ: «Современникъ» и «Русское Слово» запрещены. Надолго ли? Не слѣдуетъ ли думать, что имъ и совсѣмъ не позволятъ существовать?»

«Есть у меня статья у Благосвѣтлова: «Кто лучше». Отдавалъ ее Александръ Александровичъ ¹⁾). Какая участь постигла ее? Въ какіе журналы писать? Не явятся ли сборники? Не ожилъ ли «Вѣкъ»? Теперь бы, кажется, можно, деньги найдутся. Жаль, если «Вѣкъ» угаснетъ.

«Стоитъ ли завести большую статью, листовъ въ 10, о бѣдности и о разныхъ теоріяхъ и системахъ правительственныхъ мѣръ къ ея уничтоженію—куда можно будетъ помѣстить ее? Если некуда—незачѣмъ и тратить время.

«Что дѣлаетъ и гдѣ А. А? ²⁾ Когда Вы ждете его возвращенія? Говорятъ, Ваша читальня закрыта.

«Вотъ рядъ вопросовъ, на которые намъ интересно бы получить отвѣты. Будьте такъ добры, не пропустите ни одного, и если моя статья осталась безъ кормила и весла, введите ее въ какую нибудь журнальную гавань, за приличное, разумѣется, вознагражденіе.

«Самъ я буду странствовать въ Забайкальѣ, а письма прошу адресовать такъ—ихъ ко мнѣ перешлютъ: Забайкальской области, черезъ станцію Шелопугинскую въ Казаковскій золотой промыселъ, Его Высокоблагородію Петру Ларіоновичу Михайлову ³⁾. И только.

«Жена здорова и очень, очень Вамъ кланяется. Я равнодушно, но еще въ большемъ количествѣ «очень».

«А скучно по Петербургу—здѣсь тоска и сердце болитъ, читая газетныя извѣстія—чего они тамъ взваливаютъ пожары на студентовъ!»

¹⁾ Графъ Серно-Соловьевича.

²⁾ Моему брату сосланнаго М. И.

«Будьте здоровы. До свиданія. Непремѣнно жду отвѣта. Простите, что дѣлаю Вамъ лишніе хлопоты, посылая письмо страховымъ: слишкомъ дорожу отвѣтомъ.

Н. Шелуновъ».

Разумѣется, эти письма были приняты во вниманіе...

Допросы Владимірова, Петровскаго и Шибаета.

14, 16 и 20 сентября были сдѣланы три допроса Владимірову.

Въ Россію онъ проѣхалъ изъ Лондона въ первыхъ числахъ декабря 1861 г., а изъ Петербурга въ Москву, на мѣсто,—въ концѣ марта 1862 г. Отъ разговоровъ съ Герценомъ, Кельсіевымъ и другими о политикѣ не уклонялся, потому что искалъ этимъ пополнить свое ехудное образованіе. «Кельсіевъ уговорилъ меня дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ правительства. При прощаньѣ я не далъ слова, но и не откачался». Пріѣхавъ въ Россію, много разсказалъ объ эмигрантахъ пріятелю Аркадѣеву и устроилъ ему полученіе «Колокола». Потершись по дѣламъ службы среди помѣщиковъ и купцовъ, пришелъ къ заключенію, что идеи пропагандистовъ и русской молодежи—ошибка и потому всякую политику бросилъ. Ни Герценъ, ни другіе не дѣлились съ нимъ никакими своими планами. При отъѣздѣ Герценъ очень просилъ сообщить въ Петербургѣ, напримѣръ, Кавелину, что онъ никогда не поручалъ Бени собирать подписи къ адресу на имя государя о дарованіи конституціи. Кромѣ того, онъ просилъ устроить подписку въ пользу Бакунина. Бени сказалъ Владимірову, что онъ не собираетъ никакихъ подписей и ничего объ адресѣ не знаетъ. О Бакунинѣ никому не заикнулся, какъ только узналъ отъ издателя «Биржевыхъ Вѣдомостей» Скачкова, бывшаго съ нимъ въ берлинскомъ университетѣ, что «это недостойный человѣкъ»...

Кельсіевъ очень много говорилъ съ нимъ объ оппозиціонномъ настроеніи раскольниковъ. Онъ же просилъ какъ то взять ему мѣсто на пароходѣ въ Норвегію, куда хотѣлъ ѣхать для распространенія лондонскихъ изданій, но почему то потомъ отказался отъ своего намѣренія. Пріятелямъ Аркадѣеву и Журавлеву послалъ по экземпляру листка «Земская Дума». Ничипоренко иногда получалъ отъ него газеты и книги. Что касается портрета Герцена, то, уѣзжая въ Москву, онъ передалъ Евгенію Печаткину портреты двухъ дочерей и сына Герцена и просилъ его передать ихъ вмѣстѣ съ даннымъ раньше портретомъ самого Александра Ивановича Ветошникову. Письмо Герцена отъ 7 декабря ему передалъ на вокзалѣ уже Кельсіевъ и, пріѣхавъ въ Петербургъ, Владиміровъ передалъ его Ничипоренку, прося все сдѣлать вмѣсто него. Потомъ Ничипоренко вернулъ письмо. Письмо Огарева написано къ кому то по просьбѣ самого Владимірова въ видѣ рекомендаціи для скорѣйшаго полученія мѣста. Кажется, оно адресовалось къ г. Запаснику, бывшему часто у Герцена во время изу-

ченія въ Лондонѣ банковской системы. Деспотизмомъ въ черновомъ письмѣ назвалъ арестъ студентовъ и высылку профессора Павлова.

На дополнительномъ допросѣ Владиміровъ показалъ, что Кельсіевъ просилъ его уничтожать свои портреты гдѣ бы и у кого бы онъ ихъ не увидѣлъ въ Россіи. Однажды Ничипоренко просилъ Владимірова переслать въ Лондонъ 60 фунтовъ стер.: часть Бакунину, остальное женѣ Кельсіева. Онъ переслалъ ихъ Суздальцеву и просилъ распредѣлить по усмотрѣнію Ничипоренка. Кромѣ того, Ничипоренко отослалъ черезъ него семь или восемь писемъ въ Лондонъ, всѣ писанныя его рукой. Затѣмъ Владиміровъ увѣрялъ комиссію въ своей полной благонадежности, сообщивъ, однако, что когда то подписался на адресъ государю.

Комиссія была довольна откровенностью Владимірова и поручила полковнику Дурново произвести тщательное разслѣдованіе прикосновенности къ дѣлу всѣхъ только что названныхъ лицъ.

Тѣмъ временемъ рѣшено было допросить Петровскаго.

Онъ показалъ, что въ 1860 году вышелъ въ отставку и жилъ уроками и сотрудничествомъ въ воронежскихъ «Филологическихъ Запискахъ».

Съ Кельсіевымъ познакомился въ Петербургѣ года четыре назадъ черезъ покойнаго товарища Сабурова. Еще раньше арестованія Ветошникова получилъ отъ него одно письмо, переданное неизвѣстнымъ. Тамъ Кельсіевъ просилъ сотрудничать въ «Колоколѣ» и «Общемъ Вѣчѣ», но Петровскій не сталъ и отвѣчать. О пріѣздѣ Кельсіева въ Россію ровно ничего не зналъ, пока Кельсіевъ не пришелъ къ нему и не склонялъ участвовать въ «Сборникѣ» по расколу. Сколько онъ пробылъ въ Москвѣ—не знаетъ, но помнитъ, что останавливался въ гостиницѣ Чельшевой и имѣлъ паспортъ на имя турецкаго подданнаго Василія Яни. Изъ указанныхъ имъ лицъ, Петровскій познакомился только съ Шibaевымъ. При отъѣздѣ Кельсіева въ Лондонъ Петровскій обѣщалъ ему помочь по «Сборнику», но не для возбужденія раскольниковъ противъ правительства, что совершенно бесполезно.

«При пріѣздѣ своемъ въ Москву Кельсіевъ говорилъ мнѣ, что въ Петербургѣ онъ познакомился съ кружкомъ тамошнихъ сектантовъ и старообрядцевъ, что еще раньше пріѣзда въ Россію онъ познакомился съ нѣкоторыми раскольниками въ Пруссіи, гдѣ у нихъ существуетъ печатаніе книгъ церковныхъ, что кромѣ того, онъ думаетъ познакомиться съ поморцами, изъ которыхъ нѣкоторые были у него въ Лондонѣ. Меня собственно его пріѣздъ пободрилъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ расколомъ, ибо онъ обѣщалъ познакомить меня съ духовенствомъ раскольничьимъ, съ архіепископами, отъ которыхъ я бы могъ самымъ лучшимъ образомъ узнать о современномъ состояніи раскола».

Но вотъ черезъ десять дней послѣ этого допроса, 5 октября, Петровскій вдругъ рѣшилъ быть вполнѣ чистосердечнымъ и въ отмѣну всего показаннаго раньше сдѣлалъ новыя показанія...

Впервые онъ познакомился съ Кельсиевымъ въ мартѣ 1862 г. черезъ младшаго изъ братьевъ Орфано, Александра. Послѣдній пришелъ и сказалъ, что наканунѣ узналъ отъ князя Павла Петровича Трубецкого, что Кельсievъ въ Москвѣ ищетъ человѣка, хорошо знакомаго съ расколомъ, которому бы можно было предложить помочъ въ распространеніи его изданій и доставленіи новыхъ свѣдѣній. Орфано спросилъ его, не возьметъ ли онъ на себя эту миссію. Петровскій согласился, и они отправились къ Трубецкому. Тамъ былъ какой-то неожиданный гость и ихъ направили на квартиру Орфано, сказавъ, что туда слѣдомъ явится и Кельсievъ. Дѣйствительно, Кельсievъ пришелъ съ Алексѣемъ Александровичемъ Козловымъ. Дома былъ и братъ Орфано; подошелъ и Трубецкой. Кельсievъ сдѣлалъ Петровскому предложеніе лично и получилъ согласіе. Потому что они видѣлись каждый день. Бывала у Петровскаго и Марія Александровна Челищева, но только какъ случайно тогда гостившая у него. У Кельсиева бывали Шibaевъ и Сивовъ, но Петровскій ихъ не встрѣчалъ. Планъ Кельсиева—«соединить различныя согласія раскола и секты въ одну дѣятельность—пропаганду какъ сочиненій ихъ расколуучителей, которыя онъ предполагалъ издавать въ Лондонѣ, такъ равно и его заграничныхъ изданій: «Сборника» и пр. и тѣмъ самымъ распространять какъ эти послѣднія, такъ и идеи, въ нихъ заключающіяся». Приѣздъ же въ Россію имѣлъ цѣль: «найти людей, согласныхъ содѣйствовать его намѣренію, устроить и обезпечить правильныя и постоянныя сношенія и, наконецъ, достать денегъ на предполагаемыя изданія». Денегъ, однако, Кельсievъ не досталъ.

Знакомствъ Петровскій почти никакихъ не успѣлъ завести, потому что сначала искалъ мѣста, а потомъ собирался жениться. На третій день послѣ свиданія съ Кельсievымъ, послѣдній познакомилъ Петровскаго съ Шibaевымъ, сказавъ, что черезъ него онъ уже познакомится съ Александромъ Львовичемъ Сивовымъ и какимъ то «Семеномъ Семеновичемъ». Но по отъѣздѣ Кельсиева, Шibaевъ отъ этого уклонился. Тогда Петровскій самъ сошелся съ ними въ Кремль на святой, когда бывають собесѣдованія съ раскольниками. Потому что онъ дважды не засталъ Сивова дома, а тотъ его. «Семень Семеновичъ» его избѣгалъ. Петровскій утверждалъ, что эти лица были неискренни, обѣщая Кельсievу всякое содѣйствіе, потому что имъ хотѣлось только одного—видѣть напечатанными свои раскольничьи книги.

Оставляя свой лондонскій адресъ и нѣсколько рукописей на имя Тимофѣевой, Кельсievъ просилъ переслать ихъ ему черезъ Виктора Ивановича, Касаткина съ которымъ посовѣтовалъ познакомиться, что Петровскій и сдѣлалъ. Самъ Кельсievъ познакомился съ Касаткинымъ въ 1860 г. въ Лондонѣ. А. А. Котляревскій узналъ о приѣздѣ Кельсиева въ Москву въ день его отъѣзда изъ нея. Кожанчикова видѣлъ у него одинъ разъ. Къ Ничипоренку Петровскій писалъ, по просьбѣ Кельсиева, о высылкѣ для послѣдняго денегъ, чтобы онъ могъ выѣхать изъ Москвы въ Петербургъ.

Намѣренія ихъ не были осуществлены даже и частью, потому что Петровскій скоро убѣдился, что «въ различныхъ даже наиболѣе удаленныхъ отъ православія согласіяхъ раскола, нѣтъ вообще раздраженія противъ правительства и нѣтъ желанія силой достигнуть торжества своихъ вѣрованій; характеръ почти всѣхъ согласій по преимуществу пассивный, и слова апостола, что гонимая церковь—правая, часто повторяются ими». Онъ подѣлился этимъ своимъ заключеніемъ съ Кельсиевымъ, писавшимъ ему трижды: первое письмо у Шibaева, второе—порвано, а третье—арестовано у Ветошникова.

Показанія Петровскаго были, разумѣется, очень цѣнны. Они вскрывали важные факты, между которыми крупнѣйшимъ былъ смѣлый пріѣздъ Кельсѣева не только въ Петербургъ, но и въ Москву; III Отдѣленіе прозвало его и потому Потаповъ хотѣлъ хоть теперь показать свое усердіе и очень допытывался на допросахъ всякихъ мелочей.

Къ массѣ лицъ, названныхъ комиссіи раньше, теперь прибавилась еще цѣлая группа, чуть было не избѣжавшая правосудія... Мало того, что открывались уже всѣ инициалы и ребусы, но были и новыя лица. Пока занимались ихъ отысканіемъ, комиссія продолжала допросы, все болѣе и болѣе дававшіе ей твердую почву.

27 и 28 сентября былъ допрошенъ Шibaевъ, назвавшій себя «двадцатисемилѣтнимъ старообрядцемъ-поповцемъ». Онъ сознался, что видѣлъ Кельсѣева въ пріѣздъ того въ Москву и черезъ него познакомился потомъ съ Петровскимъ, Касаткинымъ, Трубецкимъ, Афанасьевымъ и Козловымъ. Касаткинъ говорилъ ему, что имѣетъ сообщниковъ въ лицѣ петербургскаго литератора Максимова, и тверскихъ дворянъ—Унковскаго и Европеуса, и что у него есть знакомства въ III Отдѣленіи, гдѣ онъ можетъ, въ случаѣ надобности, похлопотать о старообрядцахъ. Шibaевъ показалъ также, что Кельсѣевъ останавливался въ Петербургѣ у Кожанчикова и Николая Серно-Соловьевича, къ которымъ просилъ направлять и всѣ рукописи для заграничной печати. Фамиліи Кельсѣева Шibaевъ такъ и не зналъ. Любопытно, что Шibaевъ утверждалъ, что Кельсѣевъ брюнетъ, а Петровскій—что блондинъ. Надо думать, что Кельсѣевъ, не чуждый нѣкоторой утрировки въ конспираціи, надѣвалъ парикъ брюнета для сношеній съ нѣкоторыми лицами, потому что нельзя же допустить, чтобы Шibaевъ ошибался, совершенно, однако, не отказываясь отъ знакомства съ нимъ.

Артуръ Бени. Арестъ Воронова. Допросы Бѣлозерскаго, Серно-Соловьевича, Траверсе и Лялина.

Изъ новыхъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу, благодаря откровенности Владимірова, Петровскаго и отчасти Шibaева, прежде всего было обращено вниманіе на великобританскаго подданнаго *Артура Бени*. 21 сентября комиссія просила Потапова уредить за нимъ

секретный надзоръ. Въ тотъ же день было постановлено произвести обыски у *Аркадьева* и *Журавлева*.

2 октября III отдѣленіе доставило въ комиссію особую записку о Бени, котораго характеризовало, какъ «человѣка замѣчательныхъ способностей». По его свѣдѣніямъ, до пріѣзда въ Россію подъ осень 1861 г. Бени былъ въ короткихъ, даже дружескихъ отношеніяхъ съ Герценомъ. «Теперь онъ много полемизируетъ съ нимъ въ письмахъ и настолько полюбилъ Россію, что собирается принять русское подданство». Видя такой аттестатъ, комиссія рѣшила просить Потапова «пригласить къ себѣ Бени и предложить ему объяснить сношенія свои съ Герценомъ и узнать, неизвѣстны ли ему другія лица въ Петербургѣ, бывшія въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами, равно не видался ли онъ съ пріѣзжавшимъ сюда изъ Лондона, въ мартъ нынѣшняго года, Василиемъ Кельсіевымъ».

Ниже намъ придется говорить довольно много о Бени, а пока я считаю нужнымъ сказать лишь нѣсколько словъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ имя это было знакомо очень многимъ. Теперь, на порядочномъ отдаленіи оцѣнка его становится легче, потому что она можетъ основываться уже на документахъ, и труднѣе—потому что многіе штрихи, опредѣляющіе личныя качества, стерлись отъ времени. Во всякомъ случаѣ можно и должно категорически отрицать прежде всего какія-то дружественныя отношенія между Герценомъ и Бени, о которыхъ есть данныя въ литературѣ и «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза. Никакой дружбы между ними не было, со стороны Герцена не было даже и полного довѣрія. Послѣдующій матеріалъ—тому доказательство. Затѣмъ тоже не менѣе категорическому отрицанію подлежитъ серьезность Бени, какъ политическаго, вѣрнѣе—революціоннаго работника. Онъ, было, подошелъ къ дверямъ этого поприща, но потомъ сразу отвернулся отъ нихъ, промѣнявъ опасную дорогу на спокойный путь рядомъ съ такими господами, какими были Лѣсковъ, П. С. Усовъ, Мельниковъ-Печерскій и прочіе. Это все, что можно сказать о немъ, оставляя въ сторонѣ и всякіе неprovѣренные на его счетъ слухи.

4 октября былъ сдѣланъ допросъ Бѣлозерскому. Онъ показалъ, что воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, а съ 1849 г. служилъ въ артиллеріи; выйдя въ отставку въ 1857 г., съ января 1862 г. поступилъ управляющимъ имѣніемъ Джурича и вскорѣ поѣхалъ, по его порученію, за границу. Въ Лондонъ прибылъ въ срединѣ мая и пробылъ тамъ дней сорокъ, познакомившись съ Герценомъ, Огаревымъ, Бакунинымъ и Кельсіевымъ. Протратившись и позадолжавъ небольшую сумму и боясь англійскихъ законовъ о должникахъ, онъ обратился къ Бакунину, какъ къ старому артиллеристу, съ просьбой о помощи. Тогда то Бакунинъ и познакомилъ его съ остальными эмигрантами. Съ Кельсіевымъ онъ сошелся, чтобъ просить его содѣйствія по распространенію муки Джурича, такъ какъ вся торговля Самарской губерніи въ рукахъ раскольниковъ. Для сближенія съ послѣдними онъ и привезъ «Ѳору». О планахъ русскихъ изгнанниковъ онъ ровно ничего не знаетъ.

10 октября Потаповъ сообщилъ комиссіи, что обыскъ у Аркадьева сдѣланъ, но бумаги еще не разобраны¹⁾. А на слѣдующій день онъ далъ знать, что въ Тифлисѣ арестованъ долго отыскиваемый бывшій учитель Кубанской гимназіи *Вороновъ* и отправленъ въ Петропавловку.

Наконецъ, 16 октября былъ сдѣланъ первый допросъ Николаю Серно-Соловьевичу. Привожу отвѣты его полностью; вопросы ясны сами собой.

«Николай Александровичъ Серно-Соловьевичъ, изъ потомственныхъ дворянъ; 27 лѣтъ; православный, на исповѣди бываю; холостъ; имѣю мать, трехъ братьевъ, сестру, дѣда, бабу, многихъ дядей и тетокъ, мать по болѣзни находится за границей, остальные родные частью въ Петербургѣ, частью въ другихъ мѣстахъ; недвижимаго имущества не имѣю; воспитывался въ Александровскомъ лицѣѣ, кончилъ курсъ въ 1853 г.; постоянное мое жительство въ Петербургѣ; занимался службою, литературою, науками, книжною торговлею, служилъ въ государственной канцеляріи и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ первой былъ старшимъ помощникомъ экспедитора, перейдя во второе былъ командированъ дѣлопроизводителемъ въ калужскій комитетъ по крестьянскому дѣлу и потомъ состоялъ при земскомъ отдѣлѣ; въ отставку съ декабря 1859 г. по домашнимъ обстоятельствамъ. Подъ судомъ и слѣдствіемъ не былъ.

«О всѣхъ родныхъ свѣдѣній не имѣю; изъ ближайшихъ знаю, что два брата въ Петербургѣ, третій братъ отправился весною, по болѣзни, за границу, а сестра была во время моего ареста съ мужемъ въ Черниговской губерніи. О послѣднихъ двухъ лицахъ, т. е. братѣ и сестрѣ, дальнѣйшихъ свѣдѣній не имѣю, гдѣ они теперь.

«Получивъ воспитаніе въ лицѣѣ, служивъ въ двухъ вѣдомствахъ, будучи акціонеромъ различныхъ компаній, участвуя, какъ уполномоченный матери, въ дворянскихъ и городскихъ собраніяхъ, занимаясь науками, литературою и торговлею, я имѣю въ Россіи, а преимущественно въ мѣстѣ своего постоянного жительства весьма большое знакомство въ кругахъ, принадлежащихъ къ моимъ занятіямъ и положенію; поводомъ къ знакомствамъ этимъ послужили однородная дѣла и занятія, сношенія обусловливаются тѣми же дѣлами и занятіями. За границей я былъ нѣсколько разъ, частью для свиданія съ матерью, частью для ученыхъ финансовыхъ занятій. Поэтому за границей я знакомъ, съ одной стороны, съ множествомъ лицъ, съ которыми встрѣчался въ путешествіяхъ, съ другой—съ государственными людьми или учеными, съ которыми ознакомили занятія.

«Съ лондонскими изгнанниками и ихъ сообщниками сношеній не имѣю, злоумышленной пропаганды противъ правительства не распространялъ, никакихъ сообщниковъ не знаю и не знаю.

¹⁾ На допросѣ Аркадьева показалъ, что получивъ листокъ „Земская Дума“, сейчасъ же уничтожилъ его. За нимъ былъ учрежденъ полицейскій надзоръ.

«Въ продолженіе моей жизни близкихъ знакомыхъ было большое количество, такъ что я не могу съ точностью упомянуть и назвать этихъ лицъ. Что касается до переписки, то она находится въ рукахъ комиссіи».

Комиссіи очень не понравились эти очень уклончивые отвѣты и она просила Серно-Соловьевича дать ихъ въ иномъ, болѣе опредѣленномъ видѣ. Тогда онъ написалъ. «Не находя ничего неумѣстнаго въ правдѣ, такъ какъ всѣ мои бумаги были взяты при моемъ арестѣ, а корреспонденція послѣ ареста не доходитъ до меня, я могу только повторить прежнія свои показанія».

Возмущенная комиссія вынесла опредѣленіе: «предъявить Серно-Соловьевичу 183 ст. св. законовъ уголовныхъ т. XV и если онъ за этимъ не согласится, дать требуемаго отъ него показанія, то, не домогаясь такового, составить о семъ актъ для приобщенія къ дѣлу». Но Серно-Соловьевичъ игнорировалъ комиссію и молчалъ.

Въ тотъ же день, 16 октября, былъ допрошенъ и маркизь де-Траверсе. Онъ показалъ, что родился въ 1829 г., воспитывался въ Александровскомъ лицѣѣ, который окончилъ въ 1850 г. Женатъ на М. Н. Шидловской. Съ Бакунинымъ былъ въ перепискѣ исключительно о его женѣ, которую узналъ еще во время службы въ Сибири. Лялина знаетъ давно. Приѣхавъ изъ Лондона, передалъ ему письмо Бакунина черезъ Налбандяна. Въ Лондонѣ ѣздилъ въ январѣ 1862 г., познакомился тамъ съ Герценомъ и его друзьями исключительно съ цѣлью узнать «имѣютъ ли отношенія здѣшнія прокламаціи къ прокламаціямъ лондонскимъ». «Стоитъ припомнить, что сестра моя замужемъ за бывшимъ оберъ-полицеймейстеромъ и это любопытство мое весьма извинительное»—писалъ маркизь. Бакунинъ увѣрилъ его, что петербургскія прокламаціи не печатаются въ Лондонѣ и обѣщалъ ему сообщать обо всемъ, что будетъ предпринимаемо лондонскими пропагандистами (sic?!). Съ Кельсиевымъ познакомился и далъ ему черезъ Бакунина 300 рублей безъ отдачи, но, по просьбѣ Кельсиева, передалъ эти деньги Ничипоренку въ Петербургѣ.

Въ другой разъ Траверсе признался, что зналъ о поѣздкѣ Кельсиева въ Россію, но не вѣрилъ возможности ея совершенія. Затѣмъ онъ пояснилъ, что познакомился съ Ничипоренкомъ черезъ Виктора Павловича Гаевского, съ которымъ былъ въ лицѣѣ. Уѣзжая за границу, Ничипоренко сказалъ, что письма въ Лондонъ надо передавать теперь Гаевскому, у котораго тамъ есть рука. Одно письмо и было отправлено. Гаевскій потомъ разсказалъ маркизу, что Кельсievъ останавливался у Ничипоренка, состоящаго агентомъ лондонскихъ эмигрантовъ. Любопытно, какъ характеризовалъ ихъ хотѣвшій отдѣлаться отъ крѣпости маркизь:—«Кто знаетъ частную жизнь Бакунина—а я ее довольно хорошо знаю— тотъ не увлечется его идеями. Герценъ противъ меня предупрежденъ кѣмъ то, Огарева я только видѣлъ, а о Кельсievѣ не стоитъ говорить»... Затѣмъ чувствуя, что Гаевскій и Налбандянъ выданы имъ съ головой, маркизь счелъ нужнымъ прибавить, что первый изъ нихъ

возмущался «Молодой Россіей», а второй—исключительно торговый человѣкъ.

На просьбу отца Траверсе о свиданіяхъ съ сыномъ вмѣсто заблѣвшей жены послѣдовалъ отказъ.

Черезъ нѣсколько дней комиссія съ легкостью получила отъ маркиза еще нѣкоторыя указанія, напримѣръ, что съ Герценомъ его познакомилъ Дмитрій Каншинъ, сынъ откупщика; что письмо, посланное въ Лондонъ Ничипоренку, привезъ ему изъ Москвы Любенковъ. На вопросъ комиссіи, что бы сдѣлалъ Траверсе, если бы узналъ, что связь русскихъ и заграничныхъ прокламацій несомнѣнна, маркизъ имѣлъ наглость отвѣтить: «исполнилъ бы долгъ мой и донесъ кому слѣдуетъ»...

Лялинскія показанія тоже производятъ непріятное впечатлѣніе.

Во время харьковскихъ губернскихъ дворянскихъ выборовъ «убѣждалъ дворянство не составлять никакого адреса и не дѣлать никакой демонстраціи». Молодежь всегда удерживалъ отъ демократическихъ идей, увидя въ 1849 г., къ чему онѣ привели за границей. Герценъ вреденъ своею дѣятельностью. Въ іюнѣ 1862 г. написалъ Бакунину, съ которымъ познакомился въ Томскѣ, въ 1856 г., бывъ тамъ по дѣламъ. Бакунинъ тогда былъ очень признателенъ государю за милость, оказанную многимъ политическимъ преступникамъ, но «разговоры» его были непріятны. Теперь, узнавъ, что онъ уже въ Лондонѣ, Лялинъ написалъ ему съ двумя цѣлями: первая—отклонить Бакунина отъ дружбы съ Герценомъ, вторая—узнать, какими путями дѣйствуетъ послѣдній, чтобы сообразно съ этимъ бороться съ его пропагандой. «Я не скрываю, что въ этомъ письмѣ я помѣстилъ нѣкоторыя выраженія, несогласныя съ моими понятіями и противорѣчащія тому, какъ я пишу и говорю публично, но я помѣстилъ эти выраженія съ тою цѣлью, чтобы, принаравливаясь къ духу Бакунина, вызвать его на откровенность, которая могла бы быть полезна для него самого, такъ равно могла бы открыть возможность противодѣйствовать пропагандѣ, дѣйствующей во вредъ благосостоянію нашего общества». За незнаніемъ адреса Бакунина адресовалъ письмо Носкову, съѣду по имѣнію, въ Ахень. Въ заключеніе Лялинъ просилъ освободить его на поруки.

Прежде чѣмъ допрашивать Кожанчикова, комиссія ждала получить матеріалъ для вопроса отъ жандармскаго полковника Дурново. Вотъ что онъ сообщилъ ей. Кожанниковъ ѣздилъ въ Москву какъ разъ во время пребыванія тамъ Кельсіева и держитъ эту поѣздку въ большомъ секретѣ. Останавливался онъ у своего пріятеля, тоже книгопродавца—Базунова. Въ Петербургѣ у него бываетъ много народу. Серно-Соловьевича, Аксакова и Ничипоренка знаетъ въ лицо и прислуга. Въ теченіе мѣсяца у него часто бывалъ какой то господинъ, по примѣтамъ похожій на Кельсіева. Дурново хотѣлъ во что бы то ни стало узнать о визитахъ Кельсіева и для этого подослалъ къ управляющему Кожанчикова—Свириденку — шпіона, переодѣтаго французскимъ кондукторомъ,

который на чистомъ французскомъ языкѣ огорошилъ Свириденко вопросомъ: не знаетъ ли онъ, гдѣ найти Яни, очень нужнаго по важному дѣлу? Но маневръ не удался: Свириденко не растерялся и, подумавъ, отвѣтилъ: «эта фамилія мнѣ незнакома». Шпіонъ удалился несолоно хлебавши. Что касается пребыванія Кельсіева у Серно-Соловьевича, то объ этомъ ничего узнать нельзя, потому что вся его тогдашняя прислуга у него уже не живетъ и выѣхала изъ Петербурга.

На этомъ миссія Дурново въ Петербургѣ была признана пока законченной и его командировали въ Москву съ разбитнымъ полицейскимъ Мироновичемъ, потомъ такъ прославившимся по процессу Сарры Беккеръ. Оттуда Дурново сообщилъ, что Кельсіевъ жилъ въ Москвѣ съ 29 марта до 7 апрѣля. Оказывается, что онъ бывалъ почти ежедневно у служащаго въ московскомъ архивѣ Александра Николаевича Афанасьева. Кельсіева сопровождалъ какой то красивый блондинъ. У Афанасьева въ это время бывало довольно много народу: братья Орфано, Яковъ Анисимовичъ Ошмянцевъ, Трубецкой, Козловъ и др. Самъ Афанасьевъ вообще держитъ себя подозрительно. Съ Козловымъ очень коротки братья Юлій и Иванъ Мистинскіе, съ Козловымъ—Челишева и Свириденко. О Касаткинѣ почти ничего узнать не удалось. Трубецкой держитъ себя весьма надменно, и крестьяне и дворяне недовольны имъ, какъ мировымъ посредникомъ. Козловъ, Орфано и Ошмянцевъ одѣваются по-русски. Солдатенковъ, Большаковъ и Сивовъ подозрѣній не внушаютъ. Затѣмъ Дурново сообщилъ ужъ безусловный вздоръ: въ октябрѣ 1862 г. Кельсіевъ снова былъ въ Москвѣ и останавливался въ той же гостиницѣ.

Допросы Потѣхина и Ничипоренка.

Между тѣмъ комиссія дѣлала свое дѣло — допрашивала всѣхъ, кого засадила въ крѣпость.

20 октября былъ вызванъ Потѣхинъ. Онъ показалъ, что ему 27 лѣтъ, холостъ, воспитывался въ московскомъ университетѣ, кончилъ его въ 1858 г. и уѣхалъ лѣчиться за границу, потомъ жилъ въ Парижѣ. Вскорѣ за тѣмъ получилъ мѣсто по откупамъ у Кокорева въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ и пробылъ въ качествѣ главнаго ревизора до іюня 1860 г., когда былъ вызванъ Кокоревымъ въ Петербургъ и получилъ въ управленіе его главную контору. Въ сентябрѣ того же года онъ, однако, оставилъ тяготившее его мѣсто и отдался литературѣ, пока не получилъ казеннаго мѣста по акцизу въ Полтавской губерніи, гдѣ и служилъ до апрѣля 1862 г., когда поѣхалъ за границу, чтобы приглядѣться тамъ къ взиманію акциза и побывать на лондонской всемірной выставкѣ. Вернулся въ Россію въ послѣднихъ числахъ мая.

Ничипоренка онъ зналъ въ числѣ многихъ другихъ литераторовъ. За границую познакомился съ Герценомъ, у котораго встрѣтилъ Огарева, Мартыанова и Бакунина. Хотѣлось «анализировать

эти личности». Переписки съ ними никогда не велъ. О письмѣ Бакунина къ Гарибальди ничего не знаетъ, но самъ просилъ Герцена или Бакунина дать рекомендательное письмо къ Гарибальди, потому что зналъ, что иначе не увидѣлъ бы всемірно извѣстнаго «генерала».

За границу поѣхалъ вмѣстѣ съ Ничипоренкомъ, сослуживцемъ по полтавскому акцизу, потому что дорожилъ его знаніями англійскаго и нѣмецкаго языковъ. Выѣхавъ изъ Петербурга, они прихватили еще съ собой Николая Степановича Курочкина, доѣхавшаго съ ними только до Берлина. Оттуда, познакомившись съ купцами Кандинскимъ и Сабашниковымъ, они вчетверомъ поѣхали въ Лондонъ. Ничипоренко предупредилъ Кельсіева, чтобы она подготовила имъ недорогое помѣщеніе ¹⁾. По пріѣздѣ всѣ четверо пошли къ ней и получили адресъ нанятой для нихъ квартиры. Вечеромъ Ничипоренко вошелъ въ комнату Потѣхина съ письмомъ къ Герцену, въ которомъ просилъ свиданія, и предложилъ ему написать такое же. Потѣхинъ послѣдовалъ совѣту. Герценъ отвѣтилъ имъ, что ждетъ въ такой то день вечеромъ. У самага подѣзда они встрѣтили Альбертини. Потѣхинъ задержался съ нимъ въ передней, а Ничипоренко былъ уже въ кабинетѣ Герцена. Въ этотъ разъ они познакомились съ Бакунинымъ, Огаревымъ, сыномъ и дочерью Герцена. Пообѣдали въ тотъ день въ ресторанѣ съ Бакунинымъ и Альбертини. Бакунинъ предложилъ Потѣхину заняться распространеніемъ ихъ изданій, но получилъ отказъ. Послѣ этого, разумѣется, Герценъ и Бакунинъ отказались рекомендовать его Гарибальди. Наканунѣ отѣзда изъ Лондона Ничипоренко, Потѣхинъ, Бакунинъ, Герценъ и Огаревъ сошлись въ ресторанѣ Кюна, гдѣ и распрощались. Но, придя поздно ночью домой, Ничипоренко отправился къ Бакунину, сказавъ Потѣхину, что ему слѣдовало за нимъ неудобно.воротясь, онъ сказалъ, что Бакунинъ рекомендуетъ его Гарибальди въ томъ письмѣ, гдѣ пишетъ и о немъ (это, разумѣется, былъ только благовидный отказъ). Поѣхали. До Пескіеры все шло благополучно. Тамъ по обыкновенію отобрали паспорта, а вещи приняли на таможду. Ничипоренко растерялся и поблѣднѣлъ. Потѣхина осмотрѣли внимательно и возвратили паспортъ. Вдругъ Кандинскій передалъ ему бумажникъ Ничипоренко. «Зачѣмъ?»—«Не знаю». Потѣхинъ развернулъ бумажникъ, увидѣлъ ассигнаціи и нѣсколько писемъ и рѣшилъ скорѣе вернуть ихъ черезъ Кандинскаго же Ничипоренку. Тотъ нехотя взялъ и скрылся. Черезъ нѣсколько минутъ Потѣхина позвалъ кто то въ ту комнату, гдѣ былъ Ничипоренко. Очень растерянный, онъ сказалъ ему: «что вы со мною сдѣлали! тутъ ле-

¹⁾ Въ Кенигсбергѣ Ничипоренко встрѣтилъ Кельсіева, съ которымъ они и продолжали путь до Берлина. Курочкинъ звалъ, съ кѣмъ они ѣдутъ, а Потѣхину Кельсіевъ былъ представленъ, какъ юный молодецъ, ищущій по свѣту правой вѣры. Кельсіевъ въ это время хлопоталъ объ устройствѣ въ Кенигсбергѣ особаго контрабанднаго депо для перевозки лондонскихъ изданій („Заря“, 1871 г. июнь, 25).

жать важныя вещи!». Затѣмъ быстро вынулъ изъ бумажника нѣсколько писемъ и разорвалъ ихъ, а остальные бросилъ въ темный уголъ, подъ скамейку. Затѣмъ онъ былъ осмотрѣнъ, и всѣ четверо благополучно сѣли въ поѣздъ и направились по Италиі. Приѣхали въ Венецію. Вдругъ Ничипоренко объявилъ, что ѣдетъ въ Триестъ, а оттуда черезъ Константинополь въ Одессу. Такъ и сдѣлалъ, удививъ всѣхъ внезапной перемѣной маршрута. Потомъ Потѣхинъ встрѣтилъ Ничипоренка уже на мѣстѣ службы.

Это откровенное признаніе въ связи со всѣмъ, ранѣе извѣстнымъ, дало достаточный матеріалъ для допроса самого Ничипоренка, который и былъ произведенъ 25 октября.

Онъ родился въ 1837 г., въ с. Подлицахъ Прилукскаго уѣзда Полтавской губерніи; учился въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, которое окончилъ въ 1857 г. и поступилъ въ кабинетъ его величества, гдѣ служилъ до конца 1861 г., оттуда перешелъ въ департаментъ податей и сборовъ, а въ іюлѣ 1862 г.—занялъ должность акцизнаго надзирателя прилукскаго уѣзда.

Предупредивъ, что все его показаніе «искренно и чистосердечно», Ничипоренко продолжалъ. Въ коммерческомъ училищѣ былъ друженъ съ писателемъ Аверкіевымъ и Кельсіевымъ. По окончаніи училища эти отношенія прервались, а потомъ о Кельсіевѣ онъ уже ничего не зналъ. Черезъ товарища по училищу, Ашмарина, онъ узналъ, что жившій въ Лондонѣ Владиміровъ, тоже воспитанникъ коммерческаго училища, посылаетъ ему вырѣзки изъ англійскихъ газетъ и «Колокола». Ничипоренко просилъ выслать такой матеріалъ и ему. Владиміровъ исполнилъ просьбу и какъ то сообщилъ Ничипоренку, что Кельсіевъ ищетъ переводчика евангелія на мало-россійскій языкъ. Ничипоренко отправился къ Шевченку. Тотъ обѣщалъ переговорить кое съ кѣмъ, но потомъ отвѣтилъ, что переводъ они хотятъ издать сами и при томъ въ Петербургѣ.

Служа въ столицѣ, Ничипоренко слушалъ лекціи въ университетѣ и преподавалъ бухгалтерію нѣкому Шредеру, у котораго познакомился съ Гаевскимъ, а у профессора Березина—съ Кавелинымъ. Живя у профессора Вернадскаго въ качествѣ наставника его сына, Ничипоренко познакомился съ Лѣсковымъ, приѣхавшимъ изъ Кіева и тоже жившимъ нѣкоторое время у Вернадскаго. Черезъ Лѣскова онъ познакомился съ Курочкинымъ, Траверсе, Громекой, Писаревскимъ, Мельниковымъ и другими. Николай Курочкинъ, Альбертини, Громека и Гаевскій брали у него «Колоколь». Въ началѣ 1861 г. Ничипоренко отправилъ черезъ Владимірова въ Лондонъ два письма Кельсіеву. Лѣтомъ того года приѣхалъ изъ Лондона Бени и привезъ ему рекомендательное письмо отъ Кельсіева.

Наскучивъ жить въ Петербургѣ и сойдясь съ Бени, они поѣхали по Россіи, чтобы побывать подольше въ Полтавской губерніи. Въ Москвѣ они были у Каткова и графини Сальясъ, въ Орловской губерніи заѣхали къ братьямъ Якушкинымъ и познакомились, че-

резъ Бени, съ Тургеневымъ ¹⁾. Поживъ въ деревнѣ, Ничипоренко увидѣлъ, что въ Петербургѣ масса лжи и натянутости въ либеральномъ настроеніи общества. Эта мысль тамъ еще приходила ему въ голову; въ ней его поддерживалъ литераторъ Максимовъ. Однако, надо было ѣхать въ столицу, чтобы искать мѣста на родинѣ. Въ это время Ничипоренко отпривилъ Владимірову пять писемъ Гаевского и четыре Альбертини и одно письмо Щапова Кельсіеву. Вскорѣ вернулся изъ Лондона Бени и привезъ «Колоколь». Два номера Ничипоренко далъ Гаевскому. Затѣмъ пріѣхалъ изъ-за границы маркизъ Траверсе и передалъ ему письмо Кельсіева и 300 рублей для него. Кельсіевъ въ письмѣ просилъ деньги эти оставить у себя впредь до увѣдомленія.

Въ это время «съ внутреннимъ переворотомъ, который во мнѣ развился, я сталъ искать и соотвѣтственной дѣятельности и сталъ сотрудникомъ «Сѣверной Пчелы», газеты консервативной, но болѣе правдивой»... Какъ то сидя въ редакціи, Ничипоренко увидѣлъ мальчика отъ Бени. Вышелъ къ нему и вдругъ—передъ нимъ стоитъ Кельсіевъ. Было устроено свиданіе его съ Максимовымъ, но при разныхъ точкахъ зрѣнія на расколъ они ни къ чему не пришли. Максимовъ свелъ Кельсіева съ Кожанчиковымъ, и они условились поѣхать въ Москву. На другой или на третій день Кельсіевъ, по совѣту Герцена, перебрался къ Серно-Соловьевичу. Гдѣ онъ бывалъ и что дѣлалъ за время пріѣзда—Ничипоренко не знаетъ. Изъ 300 рублей онъ взялъ у него 50, а 150 просилъ послать въ Лондонъ его женѣ черезъ Владимірова, уже пріѣхавшаго въ Петербургъ. Самъ Владиміровъ о пріѣздѣ Кельсіева тогда ничего не зналъ. На Николаевскій вокзалъ Ничипоренко проводилъ Кельсіева лично. Вскорѣ онъ получилъ изъ Москвы его письмо съ просьбой послать 50 рублей Петровскому. Затѣмъ Ничипоренко заболѣлъ и слегъ въ постель. Кельсіевъ вернулся изъ Москвы, забѣжалъ къ нему и, сказавъ, что уѣзжаетъ въ Лондонъ, ушелъ.

Лѣтомъ Ничипоренко самъ собрался за границу. Передъ отъѣздомъ къ нему зашелъ Николай Серно-Соловьевичъ, просилъ розыскать въ Кенигсбергѣ Кельсіева и сказать ему, что письмо его получено и что или онъ, или братъ Александръ пріѣдутъ. Ничипоренко все это исполнилъ и взялъ отъ Кожанчикова письмо къ Герцену, въ которомъ тотъ просилъ разрѣшенія на изданіе въ Россіи его прежнихъ сочиненій. Герценъ просилъ передать, что право это уже принадлежитъ Серно-Соловьевичу. Въ Берлинѣ онъ спрашивалъ Кельсіева о поѣздкѣ, но тотъ ничего не рассказывалъ. Изъ Лондона Ничипоренко уѣхалъ раньше возвращенія туда

¹⁾ Поѣздка эта, въ которую они проѣхали Тверь, Москву, Нижній-Новгородъ и другіе города, на самомъ дѣлѣ для собиранія подписей къ адресу о дарованіи Россіи конституціи, не привела ровно ни къ какимъ результатамъ; подлинникъ адреса Бени хранилъ потомъ у себя, а когда Ничипоренко поѣхалъ въ Лондонъ, то захватилъ его показать Герцену и другимъ. Кельсіевъ говоритъ, что видѣлъ этотъ документъ съ нѣсколькими подписями.

Кельсіева, много колесившаго по Европѣ на пути изъ Россіи въ Англию. Весь разсказъ Потѣхина о путешествіи ихъ правиленъ.

Когда Бакунинъ узналъ маршрутъ Ничипоренко изъ Лондона на Парижъ, Италию и Одессу, то предложилъ ему рекомендательныя письма, выразилъ желаніе, чтобы онъ повидался съ Гарибальди и для этого далъ письма свои и Саффи, сказавъ, что Герценъ пришлетъ ему въ Парижъ письмо къ Серно-Соловьевичу и Гарибальди. Бакунинъ упорно заводилъ разговоры о пропагандѣ, но Ничипоренко «ему отвѣчалъ двусмысленно, ни да, ни нѣтъ, потому что считалъ, что начинать споръ и дѣлать опроверженія это значитъ только терять слова» передъ человѣкомъ, который дошелъ до того, что сталъ ругать нѣмецкую науку...

Въ Парижѣ Ничипоренко дѣйствительно получилъ отъ Герцена записку съ письмомъ къ Серно-Соловьевичу и съ десяткомъ воззваній о пожертвованіяхъ въ «общій фондъ». Все это онъ передалъ Тургеневу для передачи Серно-Соловьевичу. Къ Гарибальди не поѣхалъ и вообще рѣшилъ съ нимъ не видѣться. Послѣ того, какъ у него были отобраны въ Пескиерѣ воззванія объ «общемъ фондѣ», Ничипоренко рѣшилъ ѣхать въ Россію, чтобы самому прибыть туда, а не быть привезеннымъ въ качествѣ арестанта. «Я съ чистымъ сердцемъ ѣхалъ въ Россію, потому что у меня никакихъ не было черныхъ мыслей и глупыхъ намѣреній. Въ Малороссію я ѣхалъ единственно за тѣмъ, чтобы служить честно государю и отечеству, помогать роднымъ и въ тиши заниматься науками».

Черезъ нѣсколько дней Ничипоренко прибавилъ, что самъ проводилъ Кельсіева къ Серно-Соловьевичу, потому что тотъ не зналъ послѣдняго въ лицо и боялся ошибиться. Въ Петербургѣ Кельсіевъ пробылъ 5—6 дней, а въ Москвѣ—около двухъ съ половиною недѣль. Щаповъ писалъ не Кельсіеву, какъ онъ показалъ раньше, а кн. Вяземскому отвѣтъ на его стихотвореніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Затѣмъ черезъ мѣсяць, уже въ концѣ ноября, Ничипоренко еще кое что добавилъ и пояснилъ, вызванный на это вопросами комиссіи. Такъ, онъ показалъ, что всѣ письма Бакунина уничтожилъ или выбросилъ; что относительно пропаганды въ Малороссіи не имѣлъ ни съ кѣмъ никакихъ разговоровъ; что Кожанчиковъ и Кельсіевъ поѣхали въ Москву въ одномъ поѣздѣ; что онъ не говорилъ Владимірову, что исполнилъ всѣ порученія Герцена, изложенныя въ письмѣ послѣдняго къ Владимірову, а сказалъ только, что поговоритъ о Бени съ Альбертини, Громекой и Николаемъ Курочкинымъ. При передачѣ Тургеневу въ Парижѣ письма Герцена къ Серно-Соловьевичу, присутствовалъ Налбандянъ, которому Ничипоренко вручилъ карточку Бакунина.

Не даромъ Тургеневъ въ письмѣ къ Герцену отъ 12 февраля 1863 года, т. е. послѣ всѣхъ этихъ показаній Ничипоренко, говорилъ; «Ничипоренко всѣхъ и все выдаетъ». Иначе этихъ правдивыхъ показаній и назвать, разумѣется, нельзя.

Конечно, комиссія торжествовала: она понимала уже почти весь ходъ сношеній съ пропагандистами...

Бумаги и допросъ Налбандяна.

Теперь время вернуться къ Налбандяну, котораго мы оставили, какъ только его привезли изъ Нахичевани въ Петропавловскую крѣпость.

Сначала о тѣхъ армянскихъ бумагахъ, которыя были взяты при его арестѣ.

Они очень негладко переведены тѣмъ же Аскархановымъ, который познакомилъ комиссію съ «поваренной книгой». Прежде всего письмо Свачьянца изъ Константинополя отъ 14 мая 1862 г. Тамъ, между прочимъ, было написано:

«Письмо Ваше отъ 9 мая изъ Парижа получилъ. Присланное письмо къ *г. Мартиросу* ¹⁾ донинѣ еще недоставлено ему: прошу не гнѣваться на это, но выслушать спокойно и со вниманіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы оставили нашъ городъ, я стараюсь получить то, о чемъ говорили *г. Мартиросу*; тогда можно будетъ смѣло доставить ему мое письмо. Но тщетно. Безконечные вопросы въ народѣ и дѣла тѣхъ людей, къ которымъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я имѣлъ довѣріе, а нынѣ не имѣю, такіе люди обезкураживаютъ меня. Думаю, что сказать—*имѣемъ здѣсь банкира*, когда мы его не имѣемъ, поставить меня въ критическое положеніе, да и товарищи наши не позволяютъ сообщить такого рода дѣло тому человѣку, который, какъ цѣлое общество полагаетъ, можетъ переведить. Подумайте хорошенько и напишите ко мнѣ, слѣдуетъ ли вручить ему мое письмо. Я совершенно спокоенъ на счетъ вашихъ распоряженій, до меня касающихся. Старался я имѣть здѣсь ложа братства (Отелло) и получилъ позволеніе открыть ее. Эта ложа, подъ именемъ Гайкъ или Оріонъ, будетъ состоять подъ покровительствомъ Англій, отъ которой также получено позволеніе, предоставляющее этому братству право созывать тайныя собранія, въ родѣ франкмасонской ложи, но попроще ея. Цѣль этого братства состоитъ въ томъ, чтобы имѣть попеченіе о неимущихъ и больныхъ братьяхъ и снабжать ихъ деньгами. Когда, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, наша ложа не въ силахъ будетъ помогать бѣднымъ и больнымъ братьямъ, тогда главная лондонская ложа должна помогать намъ деньгами. Поступающій въ братство долженъ внести полфунта стерлинговъ и еженедѣльно по шести пенсовъ. По предмету учрежденія благотворительнаго общества встрѣчаются со стороны нѣкоторыхъ лицъ препятствія, но не непобѣдимыя: полагаю, что это черезъ нѣсколько дней войдетъ въ порядокъ. Собрали мы довольно денегъ. Письма къ внѣшнимъ агентамъ еще не отправлены; это возбудитъ въ васъ негодованіе, я и самъ негодую на то, но слѣдовало такъ; на дняхъ все будетъ отправлено. Съ Каталянцомъ я выдаю: онъ очень хорошій, но смиренный человѣкъ. Нужно было бы имѣть здѣсь нѣсколько лицъ вашего закала, тогда

¹⁾ Взятое курсивомъ получить объясненіе ниже.

заранѣ воспользовались бы. Прибылъ сюда изъ Тороса (Тавра) одинъ монахъ; я старался войти съ нимъ въ сношеніе и съ трудомъ могъ созвать двадцать или тридцать челоѣкъ; мы дали ему денегъ, частью я, частью одинъ изъ пріятелей, на покупку учебныхъ книгъ и на дорожныя издержки, на счетъ же остальныхъ обѣщаль постараться для нихъ. Апатія для меня смерть, я также думаю, какъ и вы. Нашъ народъ мало трудится и трудится надъ такимъ дѣломъ, которое вы презираете; при вопросѣ о любви къ своей націи всѣ говорятъ громко, но у однихъ эта любовь лицемерная, а у другихъ пустая; когда же нужно дѣйствовать, тогда нѣтъ никого. Отъ этихъ разсказовъ не должно намъ отчаяваться: я намѣренъ трудиться всегда, хотя знаю, что отъ этого труда скоро постарѣю».

Читатель, разумѣется, понялъ, что на самомъ дѣлѣ рѣчь шла не о масонской ложѣ, а о революціонной организаціи армянъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и взятый у Налбандяна шифръ, имѣющій очень большое значеніе для дешифрированія вообще его переписки, извѣстной соотечественникамъ. Привожу его полностью:

Открыть торговый домъ — сосредоточить и умножить войска. У побережья Чернаго моря имѣть мѣсто—въ Трапезонтѣ имѣть одного комиссіонера. Имѣть тамъ банкира—имѣть тамъ комитетъ. Покупать ленъ—съ горцами начать переговоры и заключить союзъ. Бумагопашество—въ Киликіи водворить колонію. Европейскій курсъ—рука помощи отъ европейскихъ государствъ. Имѣть кредитъ—издавать газету. Самсона пріятель—Россія. Бейрутскій пріятель—Франція. Манчестерскій пріятель—Англія. Женевскій пріятель—Италія. Константинопольскій пріятель—Персія. Триестскій пріятель—Польша. Парижскій пріятель—«нельзя расшифровывать иенимени»—написаль Аскархановъ, получившій, очевидно, отъ кого-то соотвѣтствующую инструкцію. Но потомъ кто-то написаль—Чарторижскій. Лондонскій пріятель—Герценъ. Ливорнскій пріятель—Гарибальди. Фабрикаторъ—публицистъ. Большой—Арменія. Хлопчагая бумага—Киликія. До жатвы выдать деньги—возбудить національность. Для покупки товара—для возстанія. Мартиросъ—Мадзини. Алминкаръ—Бакунинъ. Часы—штыковое ружье. Хронометръ—пушка. Послать индиго—склонить англичанъ сдѣлать высадку въ Киликіи. Пашня для посѣва индиго—Александретта. Возвысить цѣну на товары—собирать деньги. Мука—Порохъ. Пшеница—ядро.

Ясно кажется, о чемъ писалъ Свачьянецъ Налбандяну...

Наконецъ, у него былъ взятъ маршрутъ путешествія, очень важный для всякаго, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ пространствомъ, на которомъ Налбандянь дѣйствовалъ въ качествѣ энергичнаго агента—пропагандиста. Я не буду приводить всѣхъ датъ, но упомяну лишь всѣ пункты его остановокъ въ хронологическомъ порядкѣ: 15 іюня 1860 г. Петербургъ, Москва, Нахичевань, Тифлисъ, Ечмиадзинъ, Тифлисъ, Поти, Трапезонтъ, Константинополь, Мессина, Неаполь. 27 декабря 1860 г. Генуя, Парижъ, Лондонъ,

Парижъ, Лондонъ, Парижъ, Марсель. 20 апрѣля 1861 г. Александрія, Каиръ, Аденъ, Цейлонъ, Мадрасъ, Калькута, Александрія. 29 сентября 1861 г. Іерусалимъ, Александрія, Смирна, Константинополь, Марсель. 2 января 1862 г. Парижъ, Лондонъ, Парижъ.

На допросахъ 13, 16, 18, 23, 24 и 25 октября Налбандянъ разсказалъ свою біографію, уже извѣстную читателю, и затѣмъ очень уклончиво отвѣчалъ на вопросы комиссіи. Хафафова зналъ съ дѣтства. Въ Лондонѣ познакомился съ Герценомъ, Бакунинымъ и Огаревымъ. Отношеній съ ними никакихъ не имѣлъ, если не считать хлопотъ о выпискѣ жены Бакунина изъ Сибири въ Тверскую губернію, для чего познакомился съ Тургеневымъ и Траверсе. Только что приведенное письмо и шифръ объяснялъ конечно такъ, что это самыя невинныя вещи, напимѣръ, что константинопольскіе армяне желаютъ при помощи Мадзини перейти въ итальянское подданство и т. д.

Комиссія очень была недовольна ловкостью сочинявшаго всякія легенды Налбандяна и отказала его брату, Лазарю, въ свиданіяхъ съ заключеннымъ. Только настойчивыя представленія, что свиданіе необходимо для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ по наслѣдственному процессу нахичеванцевъ, веденному Налбандяномъ въ Индіи, склонили комиссію дать имъ чисто дѣловое свиданіе.

Допросы Воронова и Бени.

25 февраля былъ допрошенъ Вороновъ.

Онъ показалъ, что родился въ 1832 году, вдовъ, воспитывался въ гимназіи, а потомъ въ харьковскомъ университетѣ, который кончилъ въ 1853 г. Затѣмъ учительствовалъ въ разныхъ городахъ до смерти жены въ 1861 г., а послѣ побѣхалъ путешествовать и въ мартѣ 1862 г. выѣхалъ за границу. Сотрудничалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ «Русскомъ Словѣ», «Журналѣ для воспитанія» и «Одесскомъ Вѣстникѣ». Въ Лондонѣ на выставкѣ былъ въ апрѣлѣ и не имѣлъ намѣренія знакомиться съ эмигрантами, но случайно познакомился съ Бакунинымъ. Рядомъ съ Вороновымъ въ отелѣ жилъ Н. П. Морозовъ, командированный для подготовки къ кафедрѣ харьковскимъ университетомъ, и заболѣлъ ¹⁾. Онъ посѣтилъ его и встрѣтилъ тамъ Бакунина. Бакунинъ хотѣлъ курить, но у Морозова это было запрещено докторомъ. Вороновъ предложилъ ему свою комнату. Тамъ М. А. сталъ упрекать его, что онъ ни съ кѣмъ изъ нихъ не познакомился. Разговоръ перешелъ на «Колоколъ», который Вороновъ подвергъ критикѣ, доказывая, что онъ очень далекъ отъ реальныхъ условій русской жизни и пр. Бакунинъ нашелъ его мнѣніе справедливымъ и сказалъ, что Герценъ былъ бы очень благодаренъ, если бы лично могъ выслушать его.

¹⁾ Въ августѣ 1863 г. Морозовъ вернулся въ Россію и преподавалъ въ университетѣ физіку.

Но въ первое посѣщеніе свое Вороновъ не нашелъ случая поговорить съ Герценомъ, отрываемымъ все время гостями, и потому было назначено особое свиданіе за обѣдомъ. Герценъ неохотно слушалъ его и подъ конецъ ушелъ къ себѣ въ комнату, оставивъ Воронова съ Огаревымъ. Бакунинъ не обращалъ на это вниманія и нѣсколько разъ просилъ Воронова устроить перевозку контрабанды «Колокола» на Кавказъ. Для этого онъ просилъ его заѣхать въ Парижъ къ пріятелю Налбандяну и поговорить съ нимъ. Передъ самымъ отъѣздомъ Вороновъ получилъ отъ Бакунина два письма: Налбандяну и Траверсе, но не передалъ ихъ.

Комиссія приняла эти показанія къ свѣдѣнію. Одновременно она просила Потапова собрать свѣдѣнія «объ образѣ жизни, занятіяхъ и политическомъ направленіи» Ашмарина, Альбертини, Николая Курочкина, Громеки, Максимова, Щапова и Кожанчикова и учредить за ними секретный надзоръ. Черезъ нѣсколько дней такая же просьба была возбуждена относительно Хрущевой, Александра Ивановича Носкова и Подлѣснаго.

4 ноября Потаповъ прислалъ комиссіи показаніе Бени и сообщилъ отъ себя его біографическія данныя. Бени сынъ пастора мѣстечка Томашева-Мазовецкаго, Варшавской губерніи; мать англичанка, родился въ Лондонѣ, воспитывался въ петроковской гимназіи. Въ 1857 г. переѣхалъ въ Англію и принялъ великобританское подданство. Послѣ смерти покровительствовавшей тетки, переѣхалъ въ Парижъ слушать курсъ медицины. Познакомившись тамъ съ золотопромышленникомъ Томашевскимъ, пріѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ въ 1860 г., чтобъ вскорѣ ѣхать на работу въ Сибирь¹⁾. Средства Томашевскаго были чѣмъ-то разстроены и Бени пришлось остаться въ Петербургѣ безъ копѣйки²⁾. Тогда онъ обратился къ В. С. Курочкину, съ которымъ познакомился еще въ Лондонѣ, и черезъ него и Тургенева вошелъ въ кругъ литераторовъ, особенно близко сойдясь съ Ничипоренкомъ. Потомъ уѣзжалъ ненадолго въ Лондонъ и, вернувшись въ концѣ сентября 1861 г., сталъ сотрудничать въ «Сѣверной Пчелѣ» При этомъ Потаповъ сообщалъ, что, ѣхавъ въ Россію съ «соціалистическими воззрѣніями», заимствованными у Герцена, Огарева и Кельсіева, Бени увидѣлъ, что все это фантазіи и потому навлекъ на себя подозрѣніе, что онъ агентъ тайной полиціи.

А что же писалось самимъ Бени?

Съ Герценомъ старался познакомиться уже въ 1857 г., т. е. съ самаго начала пребыванія своего въ Англіи. Всѣ теоріи знаменитаго эмигранта казались очень симпатичными. Однажды, въ концѣ 1858 г., въ магазинѣ иностранныхъ книгъ Роланда онъ встрѣтилъ Герцена и рекомендовался, какъ служащій въ военномъ министерствѣ. Былъ вскорѣ у Герцена раза два-три и познакомился съ семействомъ и Огаревымъ. «Въ основныхъ политическихъ принци-

¹⁾ На самомъ дѣлѣ Бени рассчитывалъ заняться тамъ пропагандой.

²⁾ На самомъ дѣлѣ Томашевскій просто раздумалъ приглашать Бени.

пахъ я сдѣлался его ученикомъ и всякій разъ, когда ему случилось заговорить о болѣе общихъ предметахъ, я слушалъ его съ глубокимъ уваженіемъ и вниманіемъ». Бени вѣрилъ, что Россія можетъ осуществить идеалы социализма. Въ іюлѣ 1859 г. онъ оставилъ службу и переѣхалъ въ деревню. Въ это время познакомился съ Кельсіевымъ на почвѣ перевода Пятикнижія ¹⁾). Когда пріѣзжалъ изъ деревни въ Лондонъ, всегда посѣщалъ Герцена. Изъ польской эмиграціи знакомъ только съ Шульчевскимъ, секретаремъ и главнымъ руководителемъ лондонскаго комитета партіи Чарторижскаго. Многіе поляки участвуютъ въ печатаніи и книжной торговлѣ Герцена. Что касается плановъ послѣдняго относительно Россіи, то подробно Герценъ никогда съ нимъ объ этомъ не говорилъ да, вѣроятно, и плановъ никакихъ не имѣлъ. Переѣзжая въ 1860 г. въ Парижъ, Бени просилъ у Герцена рекомендательныхъ писемъ и получилъ два: къ кн. Долгорукову, издателю «Будущности», и Тургеневу. Разъ Герценъ прислалъ ему письмо съ просьбой передать его Мѣрославному. Послѣдній выразилъ удивленіе, зачѣмъ Бени, полякъ по отцу, знакомится съ русскими. Переѣхавъ въ Россію и поживъ здѣсь, Бени ясно увидѣлъ, что «не только социалистическіе планы Герцена, но даже болѣе умѣренные требованія «Велико-русса» смѣшны и преждевременны въ Россіи».

Когда до него дошли слухи о подозрѣніяхъ въ шпіонствѣ, одновременно онъ узналъ о болѣзни второй тетки, жившей въ Англіи. и потому рѣшился ѣхать въ Лондонъ и, если возможно, вынудить у Герцена какое нибудь письменное или другое ручательство въ своемъ прежнемъ знакомствѣ съ нимъ и въ томъ, что онъ считаетъ его неспособнымъ на подобное дѣйствіе». Онъ не скрылъ отъ Герцена о перемѣнѣ своихъ политическихъ взглядовъ и получилъ отъ него категорическій отказъ, мотивированный тѣмъ, что у Герцена нѣтъ такихъ людей въ Петербургѣ, которые могли бы реабилитировать Бени въ общественномъ мнѣніи.

Перву здѣсь показанія Бени.

Онъ дѣйствительно выѣхалъ въ Лондонъ неожиданно. Въ сентябрѣ 1861 г. онъ вручилъ проѣзжавшему черезъ Петербургъ въ Парижъ Тургеневу большое письмо къ Герцену, о которомъ Иванъ Сергѣевичъ увѣдомлялъ Александра Ивановича 7 октября н. с. Герценъ получилъ письмо только 18 ноября и на другой же день отвѣчалъ Бени, но не кончилъ отвѣта и, повидимому, потому, что въ періодъ его составленія и переписки Бени самъ былъ уже въ Лондонѣ и имѣлъ съ Герценомъ личный разговоръ. Изъ черновика отвѣта Герцена, который я привожу ниже, можно видѣть, что Бени и лично говорилъ съ нимъ о двухъ предметахъ: о собираніи подписей подъ составленнымъ имъ адресомъ государю о дарованіи конституціи и о реабилитированіи своего имени. Что касается перваго, то вотъ что писалъ Герценъ:

¹⁾ Объ этомъ знакомствѣ Кельсіевъ разсказалъ на стр. 4—5 іюньской книги «Зари», 1871 г.

«Письмо Ваше пришло, какъ Вы знаете теперь, только вчера, слишкомъ черезъ два мѣсяца. Отвѣчать прежде, стало, я не могъ, но обстоятельства были таковы, что вреда отъ этого нѣтъ. Предполагаемый вами адресъ могъ бы при теперешней реакціи погубить васъ и многихъ. Адресъ умѣренный, о которомъ вы пишете, можетъ и недурень сходя о главномъ вопросѣ: о выкупѣ крестьянскихъ земель, тамъ и не упомянуто), но вы врядъ ли успѣете что нибудь сдѣлать. Вы сами въ письмѣ дотронулись до больного мѣста. Такія предпріятія удаются только кореннымъ жителямъ; вы слишкомъ чужды русской средѣ. Если мысль вашего адреса соотвѣтствуетъ потребностямъ общества, она пойдетъ, для нея вамъ, стало, нечего дѣлать. Недостаточно имѣть вѣрную мысль, надобно ясно знать средства подъ руками. Вы говорите о успѣхѣ распространенія «Колокола» и о затрудненіяхъ адреса—ясно, что вы можете дѣлать и чего вы не сдѣлаете до тѣхъ поръ, пока вы не приобретете дѣйствительнаго права гражданства между русскими и дѣйствительнаго знанія всѣхъ (пропускъ слова) русской жизни. Говоря объ адресѣ, вы давали чувствовать, что это согласно съ нашимъ мнѣніемъ. Вѣроятно, вы говорили съ людьми, очень мало читающими «Колоколь»: они вамъ прямо сказали бы, что мы не можемъ соглашаться, послѣдовательно, на такой адресъ, а можемъ только *не мѣшать* ему, такъ какъ не мѣшаемъ Долгоруковской конституціи. На счетъ книгъ и «Колокола» мы говорили. Двѣ такія вещи, какъ тайная пропаганда книгъ и явная или полуявная агитація—несовмѣстимы... 1).

Ясно, что Герценъ не прочь былъ имѣть Бени агентомъ, самое большое—по распространенію своихъ изданій, потому что эту работу онъ поручалъ иногда людямъ и совсѣмъ мало знакомымъ.

Но, какъ мы уже знаемъ изъ показаній Ничипоренка, Бени не внялъ совѣту Герцена и, обольщая себя успѣхомъ, пустился съ Ничипоренкомъ по Россіи для собиранія подписей подъ своимъ адресомъ...

Что касается отвѣта Герцена (уже устнаго) на просьбу о реабилитаціи, то въ подтвержденіе показанія Бени приведу слова Кельсиева: «Герценъ отказалъ ему въ подобнаго рода удостовѣреніи и отказался отъ всякой съ нимъ солидарности» 2).

Возвращаемся къ показаніямъ Бени.

Въ первыхъ числахъ декабря 1861 г. онъ вернулся въ Петербургъ. «Подозрѣніе на мой счетъ возросло до того, что почти всѣ мои здѣшніе знакомые отъ меня отвернулись». Тогда, весною 1862 г., онъ написалъ Герцену отреченіе отъ всѣхъ заимствованныхъ у него взглядовъ, и послалъ его черезъ П. Алексѣева, уѣзжавшаго въ Лондонъ, но просилъ опустить его гдѣ нибудь въ Англіи въ почтовый ящикъ. Письмо было адресовано къ родственнику Бени — Кливеленду, который и долженъ былъ передать его

1) Письма К. Д. Кавелива и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену, Женева 1892 г., стр. 142.

2) «Заря», 1871 г., июнь, стр. 21.

по назначенію. Отвѣта не получилось. Желая доказать Герцену, что онъ челоѣкъ не личностей, Бени написалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» письмо, въ которомъ, нисколько не касаясь самого Герцена, возставалъ противъ неприличнаго тона катковской «Замѣтки» по адресу издателя «Колокола».

О прїѣздѣ въ Россію Кельсіева весною 1862 г. Бени узналъ только въ сентябрѣ и то стороной.

Допросъ Петровскаго. Бумаги Траверсе.

Я уже говорилъ, что полковникъ Дурново сообщалъ комиссіи о вторичномъ прїѣздѣ Кельсіева въ Москву въ сентябрѣ 1862 г., т. е. въ самый разгаръ веденнаго уже слѣдствія. Въ началѣ ноября Дурново повторилъ свое сообщеніе и уже въ совершенно утвердительной формѣ. Очевидно, и комиссія и III Отдѣленіе были этимъ очень встревожены, и потому рѣшено было командировать немедленно въ Москву молодца-Дренякина...

Тѣмъ временемъ работа продолжалась.

10-го ноября Петровскій заявилъ, что брнета Кельсіева, о которомъ говоритъ Кожанчиковъ, онъ не знаетъ и категорически утверждаетъ, что Кельсіевъ блондинъ, что ни онъ, ни Трубецкой, ни братья Орфано, Козловъ и Ошмянцевъ во время прїѣзда Кельсіева у Афанасьева не бывали; что Кельсіевъ бесѣдовалъ съ Петровскимъ всегда наединѣ, а при другихъ говорилъ о пустякахъ.

16-го ноября комиссія имѣла въ рукахъ еще новый интересный матеріалъ, а именно нѣсколько писемъ, отобранныхъ Дренякинымъ у маркизы Траверсе, по указанію маркиза; они хранились въ его кабинетѣ, въ конвертѣ съ надписью «Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной».

Помимо тѣхъ писемъ Бакунина, которая напечатаны мною въ іюльской книжкѣ «Былого» на страницахъ 199—201, 203—204, 206—207 [четыре письма къ Н. С. Бакуниной], 204—206 [Налбандяну], 201—202 [Маткевичу], 197—199 [К. Б. Кукелю], 207—208 (Тургеневу) и 195—197 [своей женѣ], въ конвертѣ были еще и слѣдующія.

Письмо Александра Александровича Бакунина къ Михаилу Александровичу:

13-ю пятница 1862 года.

Флоренція.

«Здравствуй Миша, я ѣду въ Россію; хотѣлъ бы видѣть тебя, но денегъ у меня теперь 160 франковъ; какъ быть, не знаю.—Жду отъ тебя письма; теперь я къ твоимъ услугамъ; подумай и рѣши, какъ и что мнѣ дѣлать? Изъ дому не получаю ни строчки, что съ ними не знаю.—У меня пока въ головѣ Tabula Rasa; т. е. я не имѣю никакой опредѣленной цѣли, но за то я и ничѣмъ не связанъ; рѣшеніе мое принести по силамъ и возможности пользу на общее дѣло; а потому и ѣду въ Россію, если нѣтъ особенной

нужды вамъ во мнѣ здѣсь, или гдѣ бы то ни было.—Я здоровъ и силенъ и бодръ, и жду твоего совѣта; вы меня видѣли, хотя и не въ нормальномъ видѣ, но все же можете обо мнѣ судить, и слѣдовательно воспользоваться моимъ предложеніемъ, какъ заблагоразсудите, а я не отказываюсь ни отъ какого; пиши же мнѣ поскорѣе, я жду твоего письма. До свиданья.

Твой братъ А. Бакунинъ.

«Поклонись отъ меня Герцену и Огареву и Мартьянову, и послѣднему отъ меня скажи, что онъ и съ земскимъ царемъ далеко не уѣдетъ; времена Атиллъ и Гунновъ далеко ушли; а вотъ если бы онъ придумалъ чѣмъ избавиться или сойтись народу съ войскомъ—другое дѣло. До свиданія, да не сердись на меня за мое молчаніе; мнѣ было не до себя и не до васъ и ни до кого въ мірѣ. Виновать и каюсь, но не раскаиваюсь; пожалуйста же пиши, до свиданья.

Твой А. Б.»

На послѣдней страницѣ подлинника рукою М. А. Бакунина написано:

«Милая Natalie. Еще нѣсколько словъ. Прилагаю письмо къ генералу Кукелю—вѣроятно, твоему знакомому—въ Иркут. (*написанное перечеркнуто*).

«Прилагаю письмо къ Antonie ¹⁾—ради Бога, перешли его немедленно въ Иркутскъ.—Если нѣтъ курьера, если не знаешь случая, то обратись за совѣтомъ и помощью къ молодому маркизу де-Траверсе, который, вѣроятно, успѣлъ съ тобой познакомиться. Онъ живетъ въ Гончарной улицѣ, въ домѣ Прокоповича.

«Съ Маткевичемъ ты можешь познакомиться черезъ Спасовскаго ²⁾, адвоката братьевъ».

Затѣмъ очень цѣнное письмо жены Михаила Бакунина къ мужу, любопытное именно въ силу полного отсутствія подобныхъ писемъ въ литературѣ о «вѣчномъ бунтарѣ»:

14-го іюня 1862 г.

«Милый другъ Michel,

«Жду позволенія съ Петербурга, чтобъ ѣхать къ тебѣ, я не знаю, когда я съ тобою увижусь, грустно очень грустно; покамѣстъ я воображала себя совершенно свободной, я спокойно ждала случая, чтобъ поѣхать къ тебѣ, но теперь, когда я знаю, что хоть бы ихъ тысячу представилось, я все таки не могу ѣхать,—такъ тяжело, что передать трудно. Но все же мы съ тобою увидимся во что бы ни стало, никто не въ состояніи намъ помѣшать; будь увѣренъ, что самое мое сильное и неизмѣнное желаніе, это быть съ тобою вмѣстѣ и по возможности составить твое счастье.

¹⁾ Женя.

²⁾ В. Д. Спасовича.

«До свиданія, мой милый дорогой другъ. Любящая и уважающая тебя *Бренчанинова* ¹⁾).

Наконецъ, любопытное письмо Н. В. Альбертини литератору Степану Степановичу Громекъ, сдѣлавшемуся изъ жандармовъ герценовскимъ корреспондентомъ...

16/4 апрѣля 1862 г.

«Пишу къ вамъ, дорогой Степанъ Степановичъ, чрезъ моего добраго лондонскаго знакомаго, Налбандова. Пользуюсь этимъ слушаемъ, чтобъ сказать вамъ многое, чего иначе нельзя было сказать. Ежели чего-нибудь не скажу, за кратковременностію срока, остающагося мнѣ для написанія письма,—то вамъ доскажетъ самъ Налбандовъ, человѣкъ вполнѣ пользующійся уваженіемъ лондонскихъ русскихъ.

«Прежде всего о «Русскомъ Вѣстникѣ», о моемъ, а болѣе всего о вашемъ участіи въ немъ.—Степанъ Степановичъ, ради Бога подумайте о томъ, что вы дѣлаете. Вы и Катковъ—элементы не соединимые. Вамъ нельзя быть вмѣстѣ. Вы понимаете вещи тѣмъ чутьемъ, которое всегда есть у людей съ сердцемъ. «Русскій Вѣстникъ» все понимаетъ не иначе, какъ холоднымъ разсудкомъ; онъ разсуждаетъ, когда надо чувствовать. Какъ же вамъ итти вмѣстѣ съ Катковымъ. Вѣдь можно удивляться его уму, его знаніямъ, логичности его выводовъ, заключеній, стройности хода его мышленія, ловкости оборота въ мысли, въ словъ; но сердце ваше всегда будетъ далеко отъ него. У васъ *никогда* не будетъ съ нимъ сочувственныхъ сторонъ. Онъ васъ мало-по-малу *подчинитъ* (именно, *подчинитъ*) своему холодному міросозерцанію.—Вы потеряете ту теплоту чувства, которая даетъ такую силу вашимъ словамъ; вы начнете резонировать. Вы научитесь этому мало-по-малу въ вашихъ частныхъ съ нимъ сношеніяхъ, въ вашихъ работахъ съ этимъ человѣкомъ, который такъ ловко умѣетъ свою мысль, мысль сухую, ученую, кабинетскую, навязывать людямъ, къ нему близкимъ.—Вспомните, какъ часто вы расходились съ «Русскимъ Вѣстникомъ». Въ чемъ былъ этотъ разладъ?—Ежели вы хорошенько анализируете всѣ случаи, то найдете, что разладъ именно былъ въ томъ, что «Р. В.» относился къ дѣлу съ холоднымъ педантизмомъ ученаго, тогда какъ вы своимъ сердцемъ чуяли, проводили другого рода стороны, недоступныя «Русскому Вѣстнику». Вспомните студенческую исторію. Ваши отношенія къ ней и «Русскаго Вѣстника» должны показать вамъ, въ чемъ ваше несходство.

«Что же, и вы готовы отказаться отъ того дара, который составляетъ вашу силу?—Въ вашемъ талантѣ есть одна родственная черта съ нашимъ величайшимъ публицистомъ ²⁾, это—то, что вы оба много понимаете сердцемъ. Теперь поставьте же рядомъ Каткова и Герцена, спросите себя, что у нихъ родственнаго, и могутъ

¹⁾ Подпись была условная.

²⁾ Герценовъ.

ли они работать въ одномъ журналѣ? ¹⁾—Что вы скажете? На мѣсто Герцена поставьте себя,—дѣло будетъ тоже самое, и выводъ тотъ же. Не даромъ онъ васъ такъ любить; не даромъ говорилъ какъ-то, что вотъ бы отдохнуть ему, а «Колоколь»—еслибъ только можно было—пусть бы издавалъ Громека ²⁾. Онъ чуетъ въ васъ родственную себѣ натуру, онъ видитъ васъ ясно.

«Но есть еще другая сторона дѣла. У Каткова вы будете работникъ подчиненный, подвластный,—что бы онъ тамъ ни говорилъ и какія бы ни были его условія.—У Краевского какъ вы были, такъ и будьте, и будете въ газетѣ ³⁾ больше, чѣмъ гдѣ нибудь,—какъ панъ, какъ набольшій. Что лучше для васъ?»

«Но есть и еще нѣчто. Въ газетѣ Каткова вашъ талантъ изсякнетъ отъ тѣхъ причинъ, о которыхъ я говорилъ выше. Случится то же, что случилось бы, еслибъ вы поступили нѣкогда въ «Сѣверную Почту» ⁴⁾, хоть и отъ другой причины,—тамъ отъ внѣшней невозможности говорить свободно, здѣсь отъ незамѣтнаго для васъ подчиненія чужому уму, который вы уважаете. Въ *Голосъ* вы будете свободны. Вашъ талантъ найдетъ себѣ просторъ, найдетъ арену, какая для васъ нужна. Тутъ онъ раскроется, какъ только онъ можетъ раскрыться при благопріятныхъ условіяхъ. Тамъ вы только жалкимъ образомъ раздѣлите крушеніе стараго судна, которое уже начало гнить и съ которымъ, на послѣднихъ его порахъ, вы будете имѣть неблагоприятное связать свою участь. Здѣсь вы сами капитанъ,—сами строитель корабля,—сами осначиваете его, сами устраиваете его, какъ знаете,—и корабль вашъ новенькій, отправляется въ путь съ попутнымъ вѣтромъ. Будетъ неудача, сядетъ онъ на мель, разобьетъ его,—будетъ ваша вина, ваша бѣда,—но, по крайней мѣрѣ, не останется на вашей совѣсти упрека себѣ въ томъ, что имѣли неблагоприятное дырявому кораблю поручить свою участь.

«Значеніе Каткова—падаетъ. Многочисленна ли его партія? Съ какою злобою говорятъ о немъ наши лучшіе люди? Или вы, можете быть, хотите спасти его, пожертвовать своимъ именемъ для поддержанія авторитета Каткова?—Это благородно. На это, я знаю, вы способны.—Но я, любя васъ, вижу прежде всего опасности для васъ отъ этого союза. Вы авторитета его не поддержите, а себя погубите.

«Наконецъ, въ 130 № «Кол.» вы получите и еще одинъ аргументъ противъ вашей рѣшимости пристать къ Р. Вѣст.—*«Къ какой мы принадлежимъ партіи?»*—Возмутительна, какъ не возмутительны статьи Чичерина.—Вѣдь *наши шутовскія партіи*—возму-

¹⁾ Когда Альбертини писалъ эти строки, Катковъ уже вступилъ на поле патріотической брани по адресу Герцена.

²⁾ Разумѣется, Герценъ говорилъ такіа вещи въ шутку, которой Альбертини не разобралъ.

³⁾ Съ января 1863 г. Катковъ готовился издавать „Московскія Вѣдомости“, Краевскій—„Голосъ“.

⁴⁾ Предшественница „Правительственнаго Вѣстника“.

тили васъ,—вѣдь рѣшимость *не принадлежать даже и къ серьезнымъ партіямъ, если бы онъ когда нибудь явился*,—не есть ваша рѣшимость. Вѣдь этотъ холодный доктринаризмъ, развивающій теорію консерватизма въ обществѣ, гдѣ все перестраивается и перерабатывается, не находитъ въ васъ сочувственной струны.—Какъ же вы пойдете со всѣмъ этимъ рука объ руку.

«Степанъ Степановичъ, ежели ваше рѣшеніе непоколебимо, то вы извините меня,—что я рѣшилъ все это высказать. Моѣ сердечныя отношенія къ вамъ, моя искренняя любовь къ вамъ давали, казалось, право мнѣ сказать вамъ это все. Но ежели ваше рѣшеніе еще не принято окончательно, если это такъ только,—то я въ восторгѣ, что мое мнѣніе объ этомъ пунктѣ сошлось съ вашимъ.

«Мнѣ кажется, что ежели даже вы и дали слово Каткову, то отказаться вамъ есть еще полная возможность. Вы давали его, ничего не зная о *Голосѣ* (Тутъ виновать, конечно, Андрей Ал., ¹⁾—своею несчастною страстью секретничать; хотя бы онъ тутъ, наконецъ, убѣдился, что секретничать съ людьми близкими къ дѣлу никогда не слѣдуетъ). Теперь, когда очутился *Голосъ*, вы силою самаго положенія дѣлъ принадлежите *Голосу*. Есть основаніе взять слово назадъ. Да и времени къ тому же еще много. Катковъ вашимъ отказомъ не будетъ поставленъ въ затруднительное положеніе.

«Мнѣ представляются тѣ соображенія, которыя заставили васъ пойти на союзъ съ Катковымъ. Для васъ безотрадно положеніе литературы. Тамъ Чичеринъ, Павловъ и всѣ приспѣшники правительства; тутъ ярое свистуны ²⁾. Въ срединѣ стоитъ маленькая кучка людей «*Отеч. Зап.*» и гигантъ Катковъ. Катковъ и мы сходимся между собою въ одномъ пунктѣ: какъ онъ, такъ и мы равно далеки и отъ Чичерина, и отъ свистуновъ,—но и только въ этомъ одномъ пунктѣ. Во всемъ остальномъ между нами *должна* быть пропасть непроходимая. Васъ смущаетъ то, что мы сила невидная, незамѣтная, даже не сила, а такъ себѣ что-то, а Катковъ сила признанная. Изъ за одной отрицательной стороны Каткова,—изъ за того, что онъ—не Чичеринъ и не свистуны,—да еще изъ за того, что онъ сила, вы примыкаете къ нему, забывая, что васъ отталкиваетъ въ положительной сторонѣ Каткова. Но вотъ вамъ мое убѣжденіе.—Пойдемте смѣло въ *Голосъ*, съ вѣрою,—и мы, можетъ-быть, приобрѣтемъ силу, т. е. вы ее приобрѣтете. Не вливайте новаго вина въ старые мѣха; смотрите, чтобъ вино не смѣшалось съ грязью. А лучше пойдете-ка съ своимъ виномъ съ новыми мѣхами,—можетъ быть,—и будетъ вино знатное.

«Хотѣлъ писать и одругомъ кое о чемъ, но ужъ некогда. Другой разъ.

«Вотъ только самое необходимое.

«Здѣсь нужны свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Бѣлоруссіи и Ма-

¹⁾ Краевскій.

²⁾ Ключка согрудничковъ „Современника“.

лоруссіи. Объ одной изъ нихъ вы можете добыть отъ человѣка близкаго; о другой—скажите, кому найдете возможнымъ.

«Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать многоуважаемой Катеринѣ Федоровнѣ ¹⁾ мое глубокое уваженіе, а вашихъ милыхъ дѣтей поцѣлуйте за меня крѣпко.

Вашъ Н. А.

«Многоуважаемому и добрѣйшему Ипполиту Федоровичу, ежели, только онъ въ Петербургѣ, передайте мой низжайшій поклонъ.

«НВ. Вы не повѣрите, какъ тяжело отозвалось здѣсь ваше извѣстіе о *союзѣ* съ Катковымъ. Вѣдь, этотъ союзъ—ежели только вы не шутите,—объяснилъ для А. И. ²⁾ паденіе такихъ людей, какъ друзья его Евг. Коршъ, Кетчеръ, нынѣшнихъ друзей Чичерина. Это все отъ того, по его словамъ, что у насъ *дѣйствительно* нѣтъ еще политическаго чутья и политической честности.

«Какъ вы видите, я выступаю противъ васъ совсѣми возможными аргументами. Есть еще одинъ. Вамъ дорого ваше честное имя.—Для меня ваше честное имя очень дорого. Вотъ именно поэтому вамъ не слѣдуетъ быть съ Катковымъ.—Настанетъ время, когда быть съ Катковымъ будетъ также безчестно, какъ быть Чичеринымъ,—потому что оба они равно враги нашего движенія.

«Вотъ вамъ все.

«Откуда у васъ такой примирительный взглядъ? *Все люди честные?*—Да вамъ то именно нужно видѣть въ нихъ подлецовъ, чувствовать ихъ такими; чувствовать ихъ *подлость въ данную минуту*,—и тогда вы будете противъ нихъ страшною силою.

«Вонъ оно, видите ли уже теперь, куда пошло, ³⁾—на признаніе честности въ Чичеринѣ, Соловьевѣ. Да вы забываете, что кромѣ мѣщанской честности есть другая,—честность политическая, честность общественнаго дѣятеля; та честность, которая всякаго порядочнаго человѣка заставляетъ произносить съ уваженіемъ имя Михайлова, имена 13 тверскихъ посредниковъ, хотя бы самъ и не былъ того мнѣнія, что Михайловъ. А для нихъ, для вашихъ *честныхъ людей*, что такое *Михайловъ*—безголовый свистунъ? Тверскіе дворяне—что? Шутовское явленіе?

«Полно, не отъ васъ бы слушать такія вещи.

«Я началъ такъ любезно, а кончилъ съ сердцемъ. Сами виноваты. Вы должно быть тамъ расхандрились.

«*Наше Время*, хотя и поздно, но всетаки пришлите съ первою оказіею».

Читатель, вѣроятно, недоумѣваетъ, какимъ образомъ попали всѣ эти письма къ маркизу де-Траверсе. Очень просто: пріѣхавъ въ Петербургъ, Налбандянъ вручилъ ихъ ему съ просьбой передать по назначенію, т. е. Н. С. Бакуниной, но маркизь счелъ за лучшее оставить ихъ у себя...

Разумѣется, комиссія понимала истинную цѣну этихъ докумен-

¹⁾ Жена Громеки.

²⁾ Герцель.

товъ и представила по этому случаю всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ особо указала на то, что въ перепискѣ съ Бакунинимъ состоитъ начальникъ штаба войскъ, въ Восточной Сибири расположенныхъ, генераль-маіоръ Б. К. Кукель ¹⁾. Александръ II хотѣлъ посадить Кукеля въ крѣпость, и только заступничество выдвинувшаго его Н. Н. Муравьева-Амурскаго спасло этого симпатичнаго администратора отъ каземата. Все ограничилось отставкой и опалой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мих. Лемке.

¹⁾ П. А. Кропоткинъ рассказываетъ въ своихъ „Запискахъ революціонера“, что, будучи назначенъ къ Кукелю адъютантомъ, онъ очень быстро сталъ съ нимъ въ дружескія отношенія и пользовался библіотекой генерала, получавшаго всѣ лучшіе русскіе журналы и имѣвшаго полную коллекцію лондонскихъ изданій Герцена.

Коронація въ Колымскѣ.

(Изъ воспоминаній).

Колымская эпопея есть только небольшая часть огромной и трагической ссыльно-каторжной исторіи. Но въ своемъ родѣ она необыкновенно характерна. Фантастическая страна, заброшенная гдѣ-то на крайнемъ сѣверѣ, почти за предѣлами Азіи, имѣла свои особые нравы и даже преимущества. Въ Колымскѣ былъ предѣлъ, дальше идти было некуда, развѣ топить людей въ полярномъ морѣ. И этотъ географическій предѣлъ русскаго царства отчасти уже находился за предѣломъ власти русскаго правительства. Ибо даже его безконечно длинныя лапы, вѣтвистыя, какъ у осьминога, не хватаютъ такъ далеко, за 12,000 верстъ. Или если и хватаютъ, то сѣверная зима отмораживаетъ имъ концы щупальцевъ и лишаетъ ихъ осязанія.

Колымская ссылка отчасти была самоотрицаніемъ. Еще одинъ шагъ и можно было попасть въ Америку. Пора описать эти удивительныя условія безъ недомолвокъ и безъ сокращеній и поставить нѣкоторыя точки надъ политическими і. Я передамъ здѣсь одинъ небольшой эпизодъ во всей его неприкосновенности, только измѣнивъ имена тѣхъ, кто еще живъ и здравствуетъ.

Когда въ общезитіи упомянешь Колымскъ, всегда задаютъ вопросъ, какой Колымскъ, Верхній, Средній или Нижній. Между тѣмъ всѣ три Колымска составляютъ одинъ и тотъ же Колымскій округъ. Средне-Колымскъ есть центральный пунктъ округа и считается городомъ. Въ немъ восемьдесятъ два дома, пятьсотъ жителей и столько же собакъ. Нижне-Колымскъ есть селеніе на пятьсотъ верстъ внизъ по рѣкѣ Колымѣ, Верхне-Колымскъ лежитъ на пятьсотъ верстъ вверхъ по рѣкѣ; это даже не селеніе, а только церковь и при ней три дома: два поповскихъ и одинъ дьячковскій.

Ссылные съ самаго начала завоевали себѣ право разъѣзда по округу и почти каждый изъ нихъ считалъ непремѣннымъ долгомъ посѣтить всѣ три Колымска. Но наша общественная жизнь сосредоточивалась въ городѣ Средне-Колымскѣ, и именно къ этому пункту относится мой разсказъ.

Это было въ маѣ 1893 года, на четвертый годъ моего пребыванія въ Колымскѣ. Насъ было больше пятидесяти человекъ, боль-

шей частью административныхъ. Мы дѣлились на двѣ категории,— краткосрочныхъ и долгосрочныхъ. Краткій срокъ означалъ крайнюю молодость, случайный арестъ и отсутствіе вины, даже съ полицейской точки зрѣнія. Напримѣръ, изъ Одессы была прислана цѣлая партія юношей, вѣрнѣе говоря, подростковъ. Старшему во время ареста было семнадцать лѣтъ, младшему—четырнадцать съ половиной. Ссылали ихъ по словамъ приговора «за знакомство съ революціонерами».

Краткому сроку впрочемъ предшествовало долгое тюремное заключеніе, часто болѣе двухъ лѣтъ. Хожденіе по этапнымъ мытарствамъ отъ Москвы до Колымска длилось иногда еще дольше и въ концѣ концовъ эти юноши прибывали въ Колымскъ, какъ разъ во время, чтобъ праздновать свое совершеннолѣтіе.

Долгосрочные были восьмилѣтніе и десятилѣтніе. Мнѣ напримѣръ передъ ссылкой жандармскій полковникъ сказалъ: «Десять лѣтъ это задатокъ. А за дальнѣйшее я вамъ ручаюсь». Наши впрочемъ не унывали и даже въ Сибири вели съ начальствомъ малую войну. Иные попали въ Колымскъ уже по сибирскимъ дѣламъ за этапные споры или за мѣстные протесты.

Нѣсколько человекъ принадлежали къ знаменитой ссыльной партіи, которая на всѣхъ тридцати этапахъ отъ Томска до Иркутска устроила послѣдовательно тридцать протестовъ. Однимъ изъ членовъ этой партіи былъ Н. Л. Зотовъ, впоследствии повѣшенный въ Якутскѣ. Этапная дорога была ужасная, грязная, голодная, съ мошкаррой въ лѣсу и съ клопаму на ночлегѣ. Конвойные офицеры были пьяны, а солдаты лѣзли драться, однимъ словомъ, въ поводахъ для протеста недостатка не было. Въ заключеніе партія была жестоко избита въ Иркутскѣ и предана суду за сопротивленіе конвою. Слѣдствіе было заочное и тянулось необыкновенно долго. Судъ тоже заочный. Года черезъ два наши товарищи въ Колымскѣ получили изъ Иркутска приговоръ, осуждавшій ихъ на разные сроки тюремнаго заключенія. Исправникъ былъ поставленъ въ тупикъ, такъ какъ въ Колымскѣ не было тюрьмы. Въ концѣ концовъ мы выручили его. Тюрьма была замѣнена домашнимъ арестомъ. Подъ арестное помѣщеніе мы уступили большую залу нашего общаго дома. Исправникъ платилъ намъ за наемъ, также за освѣщеніе и отопленіе этой тюрьмы.

Казенныя деньги пришлись намъ весьма кстати, ибо наши дѣла были очень запутаны. Приѣхали мы зимою. Ничего у насъ не было. Все пришлось заводить вдругъ. Пищу и дрова нужно было по мѣстному обычаю запасти сразу вплоть до іюня. Въ городскихъ лавкахъ не было ни мяса, ни рыбы. Пришлось ѣхать за припасами къ якутамъ на озера и къ чукчамъ на тундру и везти съ собой товары для обмѣна. Не мудрено, что мы въ первую же зиму влѣзли въ неоплатные долги къ мѣстнымъ купцамъ. Потомъ мы эти долги платили изъ скуднаго казеннаго пособія, но никакъ не могли не то что уплатить, а даже сократить итогъ. Каждые полгода староста дѣлалъ подсчетъ и все выходила почему то одна и та же

роковая цифра: три кола на брата (111 рублей). Послѣ подсчета староста принимался загонять экономію на нашихъ желудкахъ, пока дѣло не доходило до открытаго возмущенія. Въ обыкновенное время мы получали на завтракъ кусокъ такъ называемаго бѣлаго якутскаго масла, сбитаго и замороженнаго вмѣстѣ съ пахтаньемъ, и шестую часть небольшого ржаного хлѣбца. Староста начиналъ колоть масло мельче и печь хлѣбы еще меньшаго размѣра. Мы съ своей стороны понемногу забирали свои завтраки за день или за два впередъ. Мало-по-малу самые голодные и настойчивые входили въ неоплатные долги на 20, 30 и даже 50 завтраковъ. Такіе должники мутили общественное мнѣніе не хуже Катилины въ Римѣ и требовали амнистіи. Но послѣ амнистіи три кола снова являлись во всей неприкосновенности. Поэтому мы ничего не имѣли противъ этого новаго тюремнаго пособия.

Нечего говорить, что ни о какомъ дѣйствительномъ арестѣ рѣчи не было. Нѣкоторые изъ «арестованныхъ» уѣзжали въ дальнія поѣздки на мѣсяць и на два. А залой мы пользовались по-прежнему.

Впрочемъ въ видѣ тюремнаго символа полиція ежедневно прислала намъ стражу, точнѣе говоря—одного стража. Это былъ какой нибудь молодой казакъ, который заявлялъ, что онъ «на вѣсти присланъ» и садился на лавку въ нашихъ сѣняхъ или въ кухнѣ, поминутно вскакивая и вытягиваясь во фронтъ, когда кто нибудь проходилъ мимо. Впрочемъ, добратъся до кухни было для казака дѣло вовсе не легкое. Дворъ у насъ былъ большой, крѣпко загороженный. Калитка была далеко отъ домовой двери, а у калитки постоянно лежали злыя собаки. Въ Колымскѣ ѣздятъ на собакахъ, и въ нашемъ дворѣ было десятка полтора псовъ. Эти псы были мѣстной породы, часто куплены у тѣхъ же колымскихъ сосѣдей, но попадая на нашъ дворъ, они тотчасъ же задирали носъ и объявляли непримиримую вражду всѣмъ остальнымъ жителямъ городка,—двуногимъ и четвероногимъ. Якуты входили въ нашъ дворъ съ опаской и еще отъ калитки начинали громко кричать и вызывать подмогу. Замѣчательно, что въ то же самое время къ каждому новому товарищу, пріѣзжавшему изъ Якутска, тѣ же собаки ласались, какъ къ старому пріятелю.

Наиболѣе зловреднымъ нравомъ отличалась Дамка, та самая, которую такими розовыми красками описалъ мой товарищъ Н. Осиповичъ въ одномъ изъ своихъ рассказовъ. Эта Дамка не лаяла, не бросалась. Она только подходила сзади и хватала зубами за икру.

Едва очутившись на нашемъ дворѣ, недѣли черезъ двѣ или черезъ три, она цапнула за ногу своего собственнаго прежняго хозяина.

Особенно не любили наши собаки вѣстовыхъ казаковъ. быть можетъ, отчасти и потому, что казаки эти были вѣчно голодны и заявляли притязаніе на часть пищи изъ нашего дневнаго оборота. Пища на сѣверѣ вещь серьезная и нелегко добываемая. Даже на кости изъ супа были три партіи претендентовъ. Во первыхъ такъ называемая

артель жигановъ изъ нашего собственнаго состава. Обѣденныя порціи были невелики и жиганы всегда чувствовали голодъ. Они имѣли право на всѣ кухонные остатки, а также на испорченные продукты изъ общей кладовой. Вторая партія претендентовъ на кости были туземные прихлебатели и приживалки съ вѣстовымъ казакомъ во главѣ. Собакамъ принадлежала только третья очередь. Немудрено, что онѣ не любили туземныхъ гостей.

Съ утра до вечера казакъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, скучаль, заглядывалъ въ кухню и ожидалъ съѣстной подачки. Въ сущности говоря, онъ стерегъ только котель съ мясомъ. Стоило дежурному зазѣваться, верхній кусокъ мяса тутъ же переходилъ изъ котла прямо въ кожаный карманъ верхней одежды нашего казеннаго сторожа. Иные для этой цѣли приносили съ собою подъ платьемъ особый желѣзный крючекъ, которымъ мѣстныя женщины переворачиваютъ мясо въ котлѣ. Впрочемъ казенный вѣстовой при случаѣ старался быть полезнымъ. Особенно это относилось къ рубкѣ дровъ для кухни. Рубка дровъ лежала на обязанности нашихъ очередныхъ дежурныхъ. Дѣло это на сильномъ январскомъ морозѣ довольно неприятное. Выйдетъ какой нибудь юноша въ валенкахъ и худыхъ рукавицахъ и начнетъ тюкать топоромъ. А казакъ ужъ тутъ, подстерегаетъ случай. Чуть дежурный отложилъ на минуту топоръ, казакъ за топоръ, и начинаетъ дѣйствовать съ несравненнымъ проворствомъ туземцевъ во всѣхъ домашнихъ работахъ. Иной дежурный поретивше, желая исполнить свой долгъ до конца, начнетъ отнимать топоръ у услужливаго казака, а тотъ не даетъ, рубить. Въ нѣсколько минутъ цѣлая груда дровъ нарублена, и казакъ уже таскаетъ на кухню охапку за охапкой. Тогда ему обезпечена полная обѣденная порція.

Таково было наше тюремное заключеніе въ Колымскѣ. Хотя оно и не имѣетъ прямого касательства къ моему разсказу, но я описалъ его для того, чтобы сразу объяснить мѣстныя отношенія. Дѣло въ томъ, что начальство и казаки одинаково насъ боялись. Насъ было много, жили мы всѣ вмѣстѣ, крѣпко держались другъ за друга. Люди мы были новые, съ мѣстной точки зрѣнія совершенно непонятные. Въ добавокъ при каждомъ былъ присланъ особый формуляръ, въ которомъ были прописаны разные страхи. Въ прежнія времена начальство имѣло привычку преувеличивать своихъ противниковъ и расписывать ихъ разными суздальскими красками. Противниковъ было мало и поле зрѣнія не было достаточно наполнено. Жандармы и полиція смотрѣли въ микроскопъ. Теперь противниковъ много, поле зрѣнія переполнено, начальство преуменьшаетъ и смотритъ въ телескопъ. Все старается утѣшить себя, что бѣда еще не такъ велика.

Какъ бы то ни было, по отношенію къ намъ Колымское начальство держалось тактики оборонительной и пассивной. Если угодно, Колымскъ былъ первой русской республикой, гораздо раньше Дебальцевской, Читинской, Пятигорской и иныхъ. Обиходъ былъ именно тотъ же самый. Наша община существовала сама по себѣ, а начальство само по себѣ. Отношенія между нами были то

дружественныя, то враждебныя. Иногда доходило до полного разрыва.

Столкновенія случались все больше по праздникамъ и по табельнымъ днямъ.

Помню, однажды, на Александра Невского, начальство устроило выпивку и зажгло иллюминацію. Наши немедленно въ видъ политической демонстраціи устроили контръ-выпивку, и послѣ того иллюминацію погасили и всѣ площадки стащили съ забора. Начальство съ своей стороны заперлось въ полицейскомъ домѣ и не выходило до полночи.

Впрочемъ, отношенія были большей частью дружественныя. Исправникъ былъ изъ петербургскихъ околоточныхъ и пріѣхалъ въ Колымскъ прямо съ Невского. Онъ былъ вдовъ, игралъ въ карты, пилъ горькую и жестоко скучалъ. Отъ скуки онъ сталъ читать книги, принимался даже за Маркса, но не осилилъ. Читалъ онъ зимою за поемъ, запретя и дня три не выходить, все съ книгой сидитъ и даже не спитъ.

Однако, гораздо охотнѣе онъ игралъ въ винтъ. Винтъ—игра сибирская, особенно цѣнная для полярныхъ городовъ. Въ зимніе вечера—либо давиться, либо козырять съ присыпкой въ маломъ шлемѣ въ бубнахъ. Въ Колымскѣ винтили всѣ, полиція, купцы и мы ссыльные. У насъ былъ свой кругъ, и случалось, винтили мы жестоко, по двое сутокъ и по 48 роверовъ сряду. Провинтимъ такихъ два дня, а потомъ баста на цѣлый мѣсяць. А между тѣмъ въ полицейско-купеческомъ кружкѣ винтеровъ было немного и часто за разбѣздами не хватало четвертаго партнера. Тогда начиналась медленная агонія. Исправникъ ходилъ по улицѣ и старался поймать политическаго партнера. А у насъ, бывало, какъ на грѣхъ, винтовая полоса уже прошла. На карты смотрѣтъ противно. Ходитъ исправникъ, ловитъ партнера. Встрѣтитъ на улицѣ, пристанетъ.—«Пожалуйста, пойдете, на три роверочка!»—А какое на три. Только войди, двери на запоръ, хочешь не хочешь, играй. Отговариваешься отъ него, а онъ все ноетъ и за рукавъ тянетъ. Пока потеряешь терпѣнье, дашь ему тычка, вырвешь рукавъ и бѣжать домой, а онъ гонится сзади не за тычкомъ, а за партнеромъ, до самой двери.

Особенно сумасбродная жизнь бывала у насъ весною. Трудно описать полярную весну понятными чертами для того, кто ее не испыталъ. Зеленой весны нѣтъ въ полярныхъ широтахъ. Пока рѣки не вскрылись, деревья все обнажены. Потомъ вскроются рѣки, листья распустятся въ три дня и начинается лѣто.

Но въ сѣверныхъ широтахъ есть другая весна, ярко-бѣлая, вся въ снѣгу и въ морозѣ, залитая рѣжущимъ свѣтомъ, до снѣжной слѣпоты, до солнечнаго одуренія.

Еще такъ недавно тянулась долгая зимняя ночь. Выйдешь въ полдень изъ избы, посмотришь на югъ, на краешкѣ неба горитъ тусклая заря, не горитъ, мерцаетъ, да тутъ же и погаснетъ. Не

живешь, цѣпенѣешь. Дыханье мерзнетъ и скрипитъ отъ холода, лошадь пройдетъ вся въ бѣломъ облакѣ, занесенная инеемъ.

Ледъ на рѣкѣ трехаршинной толщины, лопнетъ отъ мороза, какъ будто пушка выстрѣлитъ. Потомъ опять тихо, темно, тайга не шелохнется, все умерло и даже вѣтеръ умеръ и надъ печной трубой стоитъ высокій, прямой, сверху кудрявый столбъ дыма и тоже не гнется, какъ будто застылъ или умеръ. И кажется, что вѣчно такъ будетъ, холодъ, тьма, тишина, смерть.

Однако, съ половины января замѣтно, что день прибавляется. Что дальше, то замѣтнѣе. 9 марта—равноденствіе, отъ солнца до солнца 12 часовъ, а въ концѣ марта заря съ зарей сходится. Съ половины апрѣля уже день не гаснетъ, только съ утра до вечера онъ ярко-золотой, а съ вечера до утра ярко-розовый. Днемъ на припекѣ снѣгъ таетъ, а въ тѣни зимній холодъ. Около полудня талая вода журчитъ, ручьи звенятъ и роются подъ снѣгомъ, а ночью все сковано, морозъ градусовъ въ тридцать. И все-таки всѣмъ существомъ ощущаешь воскресеніе природы и эта весна, какъ чудный праздникъ, солнечно-яркій и свѣтло-нарядный. Какъ будто каждый разъ самъ рождаешься на свѣтъ вмѣстѣ съ оживающей тундрой и тайгой.

Въ маѣ солнечный блескъ какъ бы ожесточается. На рѣкахъ и озерахъ снѣгъ сходитъ и гладкій ледъ блеститъ, какъ жесткое зеркало. Въ полночь большое красное солнце стоитъ на краю гладкаго ледяного горизонта и жжетъ его своимъ колючимъ блескомъ и не можетъ сжечь. Кругомъ протянулись багровыя полосы, пучки золотыхъ нитей. Все красно и расплавлено, все какъ будто пламенѣетъ, самый воздухъ горитъ и не сгораетъ...

Солнце, блескъ, а ѣды нѣтъ. Запасы съѣдены. Жители выскребли изъ амбаровъ послѣднія крохи, якуты подтянули пояса, гложутъ рыбы головы и запиваютъ кирпичнымъ чаемъ, чернымъ и густымъ, какъ смола. Собаки отпущены на волю, благо ѣздить нельзя, дороги испортились. Никто ихъ больше не кормитъ. Отъ голоду онѣ качаются на ходу и лаютъ беззвучно, какимъ то хриплымъ шопотомъ.

Провизія у всѣхъ оскудѣла, даже у начальниковъ и у поповъ. Кое у кого есть мясо, но оно вывѣтрилось и прогоркло. Мука есть, но жиръ вышелъ, и жарить не на чемъ. Все, что осталось, безвкусно, какъ трава.

У насъ, впрочемъ, и безвкусное подобралось. Каждый день за столъ садятся пятьдесятъ человѣкъ, не считая постороннихъ. Не напасешься на такую ораву. Теперь негдѣ купить, если бы даже было на что. Что запасли съ осени, съѣли. Староста начинаетъ сокращать выдачу. Мы съ своей стороны получаемъ молчаливое право дѣлать набѣги на его кладовыя и похищать все, что скольконибудь пригодно для ѣды. Что у волка въ зубахъ, то Егорій даль!..

Острѣе всего послѣдняя недѣля передъ вскрытіемъ рѣки. Ночи нѣтъ. *Вчера и завтра* слились въ одно сплошное *сегодня*. Дни путаются

и какъ то выпадаютъ изъ недѣли. Въ одной недѣлѣ четверга не было, въ другой воскресенья. Никто не спитъ, ни солнце, ни люди, ни собаки, ни птицы въ кустахъ. Собаки и люди бродятъ у рѣки и стерегутъ воду, какъ голодныя чайки. Ибо въ водѣ «ожива». первая рыба, которая оживить отошавшаго жителя. Вдоль закраины льда уже явилась «заберега», узкая полоска талой воды. Съ каждымъ днемъ она все шире, но матерой ледъ приросъ къ берегу, никакъ не можетъ отстать, выпятиться коробомъ и всплыть на верхъ. Какъ только ледъ пройдетъ, рыба хлынетъ валомъ и начнется лѣтній праздникъ.

А перелетная птица уже летитъ мимо, утки всѣхъ сортовъ, сухія и водяныя, мелкія и крупныя, черныя турпаны, сѣрыя шилохвости, савки, лутки, чирки, гуси-казарки и гуси-гуменники, крахали, лебеди кликуны, гагары всѣхъ видовъ. Днемъ и ночью, безъ передышки, стая за стаей тянется къ сѣверу на тундренныя озера. Гамъ, крикъ, клекотъ, звонъ крыльевъ, трубные звуки лебедей. У кого есть ружье, тотъ сидитъ на мысу, стережетъ добычу. Но птицы знаютъ колымскіе нравы и надъ городомъ взлетаютъ кверху. Къ тому же мѣстныя ружья плохи и «въ летячую птицу» вовсе не попадаютъ, а только «въ сидячую». Наши тоже ходятъ съ ружьями, иной разъ убьютъ утку или гуся, но что значитъ одинъ гусь на всю компанію. Съ утра до вечера думаемъ только объ ѣдѣ. Все идетъ въ дѣло: рыба, кожа, черныя комя прѣлой муки, рыбій жиръ, остатки собачьяго корму, салныя свѣчи. Свѣчи нерѣдко бывали такъ называемыя «утопшія». Староста выливалъ ихъ изъ сала коровъ, утонувшихъ въ болотѣ, а чтобы онѣ не оплывали, подмѣшивалъ къ салу разной химической дряни. Но намъ было все равно. Иногда онъ грозилъ, что подмѣшаетъ мышьяку, но угрозы этой ни разу не исполнилъ.

Весна 1893 года была для насъ памятною другихъ. Въ эту весну изъ Якутска неожиданно пріѣхалъ старшій совѣтникъ областного управленія Сальниковъ съ разными порученіями отъ губернатора Скрыпицына.

Сальниковъ даже для Якутска былъ человѣкъ совершенно необыкновенный.

Начать съ того, что въ немъ было вершковъ двѣнадцать росту и больше восьми пудовъ вѣсу. Брюхо у него было огромное, какъ бочка. Эту бочку можно было налить до верху спиртомъ, безъ особаго вреда для ея хозяина. По женской части Сальниковъ тоже былъ ходокъ. Онъ былъ холостъ, но жилъ семейно съ одной изъ своихъ любовницъ, замуженной женщиной. Законный мужъ жилъ тутъ же и дѣти безразлично называли папой и того и другого.

Съ другой стороны Сальниковъ былъ въ то время единственный человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ на казенной службѣ въ Якутской области. Жители, впрочемъ, не вѣрили, что онъ окончилъ настоящій университетъ, и пустили слухъ, что въ сущности это не Сальниковъ, а нѣкій бродяга, который убилъ настоящаго Сальникова, завладѣлъ его бумагами и поступилъ на службу.

Въ Сибири такія дѣла бывали, но этотъ Сальниковъ былъ настоящимъ. По образованію онъ былъ юристъ и попалъ въ Якутскъ судебнымъ слѣдователемъ, но на одномъ допросѣ погорячился, ударилъ подслѣдственного кулакомъ и убилъ его наповаль. За такой подвигъ Сальниковъ и самъ попалъ подъ судъ, но въ Восточной Сибири такія дѣла тянутся подолгу и кончаются ничѣмъ. Тѣмъ временемъ Сальниковъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и быстро дослужился до старшаго совѣтника.

Первое порученіе, данное губернаторомъ Сальникову, состояло въ томъ, чтобы открыть новый торговый путь изъ Гижигинска въ Колымскъ. Губернаторъ посмотрѣлъ на карту, прикинулъ, что изъ Гижиги до Колымска близко, а Гижига стоитъ на морѣ, стало быть, туда приходятъ пароходы, — и послалъ своего совѣтника открывать новый путь напрямикъ, какъ вороны летаютъ. Это обыкновенный бюрократическій методъ. Николай I по этому методу построилъ Николаевскую желѣзную дорогу, а графъ Сергѣй Витте Манджурскую соединительную линію съ вѣткой на Портъ-Артуръ. Въ данномъ случаѣ отъ Колымска до Гижиги дѣйствительно было недалеко, верстъ 600 или 650, но ѣздить было невозможно, ибо на Гижигинской тундрѣ лошади пропадаютъ отъ безкормицы.

Сальниковъ, впрочемъ, порученіе исполнилъ, въ Гижигу пробрался на лошадяхъ, но лошадей по дорогѣ растерялъ. Изъ Гижиги онъ вернулся съ большими трудностями вмѣстѣ съ чукотскимъ кочевьемъ. Чукотскій олонскій староста Омрелькутъ вывезъ его на собственныхъ оленяхъ. Ѣхать было тяжело. Три олени упряжки пали одна за другой подъ грузнымъ совѣтникомъ. По прибытіи въ городъ на радостяхъ начальство устроило балъ. На балу Омрелькутъ напился и раздѣлся до нага. Когда его хотѣли убрать, онъ изъявилъ претензію выѣхать изъ залы верхомъ на казакѣ точно также, какъ толстый начальникъ ѣхалъ на его оленяхъ. Сальниковъ призналъ справедливость притязанія и велѣлъ своему деньщику подставить спину.

За рѣкою противъ города, откуда пришелъ чукотскій караванъ, Сальниковъ распорядился поставить столбъ съ надписью: *Дорога генерала Скрипицына*. Скрипицынъ въ то время былъ только статскій совѣтникъ. Нечего говорить, что купцы по этой дорогѣ не поѣхали, а года черезъ три и столбъ завалился.

Впрочемъ, путешествіе Сальникова началось лѣтомъ, мѣсяца черезъ три послѣ описываемой мной весны.

Второе порученіе Сальникова касалось ревизіи казенныхъ суммъ и всего полицейскаго управленія. Такія ревизіи въ Сибири производятся быстро и легко, можно сказать, въ промежутки между двухъ карточныхъ сдачъ. Подсчеты ведутся на мѣлокъ, повѣрка магазиновъ на глазомѣръ. Сальниковъ съ исправникомъ поладили безъ затрудненій.

Знаетъ только ночь глубокая,
Какъ поладили они...

Третье порученіе касалось насъ, ссыльныхъ. До якутскихъ вла-

стей дошли свѣдѣнія, что мы забрали слишкомъ много воли. Получить эти свѣдѣнія было немудрено. Съ каждой почтой изъ Колымска въ Якутскъ посылались доносы. Ихъ писали попы и дьячки, отставной казачій командиръ, отданный подъ судъ за растрату и отсиживавшійся отъ своего дѣла въ Колымскѣ, какъ въ неприступной крѣпости, уголовные поселенцы и купеческіе приказчики.

Сальникову было поручено во-первыхъ изслѣдовать справедливость доносовъ, во-вторыхъ изыскать мѣры къ нашему обузданію, а заодно и обслѣдовать вопросъ объ уменьшеніи казеннаго пособія, которое намъ ежемѣсячно выдавалось и безъ котораго мы должны были погибнуть голодной смертью.

Я охотно вѣрю, что Сальниковъ выѣхалъ изъ Якутска въ самомъ черносотенномъ настроеніи и съ искреннимъ желаніемъ обуздать и урѣзать. Но дѣло въ томъ, что дорога отъ Якутска до Колымска тянется на 3000 верстъ и обладаетъ секретомъ всеобщаго демократическаго уравненія. Каждому одинаково холодно, тоскливо и неудобно. Лѣсныя избушки одинаково стынуть и дымать, особенно знаменитая Бездверная, первая съ юга. Колючій вѣтеръ не разбираетъ лицъ, морозъ забирается въ самыя именитыя кости. Когда испытаешь все это на собственной шкурѣ, охота подтягивать и урѣзывать какъ то отходить назадъ.

Сальниковъ ѣхалъ, мерзъ, голодалъ и постепенно изъ чернаго становился краснымъ.

На пути между Якутскомъ и Колымскомъ лежитъ Верхоянскъ. Сальниковъ остановился въ Верхоянскѣ на одинъ день. Ему нужно было лекарство, немного пряностей и сухихъ овощей, ибо для большей легкости онъ взялъ съ собой весьма мало припасовъ. Все это онъ могъ достать только у политическихъ ссыльныхъ. Допускаю также, что ему хотѣлось увидѣть человѣческаго лица, не гнусныя и не рабскія, какъ у встрѣчавшихъ его чиновниковъ, услышать слово, нестѣсненное искательствомъ и страхомъ. И за этимъ тоже приходилось обращаться къ политическимъ ссыльнымъ.

Однимъ словомъ Сальниковъ пріѣхалъ въ Колымскъ совсѣмъ краснымъ, можно сказать, лѣвымъ кадетомъ.

Вмѣсто обузданія онъ старался войти съ нами въ добрыя и пріятельскія отношенія. Онъ уже говорилъ не о сокращеніи, а напротивъ о возможномъ увеличеніи казеннаго пособія.

На второй день по прибытіи Сальниковъ снялъ мундиръ и надѣлъ красную рубаху. Вмѣстѣ съ мундиромъ онъ какъ бы сбросилъ на время чиновничью часть своей души и вернулъ себѣ старую студенческую душу той эпохи, когда онъ распѣвалъ съ друзьями:—«Будемъ пить за того, кто «Что дѣлать» писалъ», хаживалъ на кулачные бои съ мѣщанами, но еще никого не убивалъ кулакомъ.

Мы, однако, оставались холодны къ этому превращенію и держались насторожѣ. Мы предвидѣли, что на обратномъ пути Сальниковъ перемѣнитъ свою краску въ той же самой постепенности и, достигнувъ Якутска, представить губернатору Скрипицыну самый черносотенный рапортъ и такимъ образомъ исполнить третье порученіе.

Сальниковъ, какъ водится, остановился у исправника. Почти тотчасъ же по его прїѣздѣ началось непрерывное пьянство Со-вѣтникъ и исправникъ пили сами и поили другихъ. На Колымѣ водки не знаютъ, а пьютъ спиртъ и притомъ не очищенный. Онъ стоитъ дорого, два, три и даже пять рублей за бутылку. Впрочемъ исправникъ приготовился къ прїѣзду ревизора и припасъ пять флягъ спирту. Фляга это плоскій боченокъ, приспособлен-ный къ перевозкѣ вьюкомъ и вмѣщающій три ведра.

Несмотря на дороговизну колымскіе жители страстно привер-жены къ выпивкѣ. Они готовы отдать за глотокъ спирту послед-нюю лисью шкурку, даже последнюю ѣду. Если бы хватило, они были бы готовы опиться до смерти. Общее мнѣніе гласитъ: «за рю-мочку не жалко дать вырѣзать кусокъ тѣла». Особенно цѣнится выпивка въ голодную пору.

— На тощакъ сильнѣе разбираетъ,—говорятъ жители.—Голод-ный отъ запаху пьянъ...

Не мудрено, что все наличное мужское населеніе городка льну-ло къ пирующему начальству. Сальниковъ поилъ всякаго, но дѣсти-вые и запуганные обыватели не удовлетворяли его. Ему хотѣлось настоящаго человѣческаго общества. Хмѣль у него былъ ласковый и болтливый. Ему нужны были слушатели для его «дружескихъ рѣчей».

Изъ нашего общества иные тоже были бы непрочъ выпить, осо-бенно весною на солнышкѣ. Но пировать съ филистимлянами была не подходящая статья. По отношенію къ мѣстнымъ филистимля-намъ наше общество дѣлилось на три партіи. Крайніе лѣвые дер-жались замкнуто и непримиримо. Легкомысленная часть держалась болѣе примирительно и даже не гнушалась филистимскаго хлѣба-соли. Центръ колебался между той и другой тактикой. Вес-ною впрочемъ всѣ партіи мѣшались. Люди соединялись въ случай-ныя группы, бродили по городу 48 часовъ кряду, потомъ падали отъ усталости и засыпали на цѣлыя сутки.

Это было четырнадцатаго мая утромъ. Мы побывали на рѣчномъ берегу, потомъ взобрались на косогоръ и пошли по узкой дорожкѣ мимо кладбища и церкви. Это была единственная полоска город-ской земли, пригодная для прогулокъ. По обѣ стороны ея были кочки, лужи воды, корявый кустарникъ, пни и прочіе тому по-добные предметы мѣстной городской жизни.

Насъ было человѣкъ десять. Были мои близкіе пріятели, Грим-бергъ и Скальскій. Гримбергъ былъ родомъ еврей, плотный и чер-ный, похожій на негра. Онъ былъ человѣкъ удалый и страшный спорщикъ. Въ этомъ человѣкѣ сидѣли двѣ души, одна—воина, дру-гая—казуиста. Первая толкала Гримберга на головоломныя дѣла. По поводу второй мы говорили, что Гримбергъ любитъ положить въ фундаментъ инфузорию и построить на ней вавилонскую башню. Лѣтъ черезъ пять, когда Гримбергъ, наконецъ, вернулся въ Россію, обѣ стороны его духа нашли себѣ примѣненіе. Во-первыхъ онъ сталъ писателемъ экономистомъ и принялъ дѣятельное участіе въ

полемика по поводу борьбы классовой, профессиональной и профессионально-политической. Вместе с тем Гримберг погрузился с головой в пропаганду и агитацию, вел кружки, читал рефераты, въезжал через границу, сидел в тюрьме.

Скальский был высокой и блокурий, с холодной головой, сдержанный и страстный. После, в России, Скальский сильно развернулся, а в тюрьме он сидит до сих пор. Оба они, и Гримберг, и Скальский, теперь принадлежат к «меньшевикам».

Кроме этих двух был еще Полозов, донской казак, огромный и грузный, хотя все-таки меньше Сальникова, Илья Жигатов, щедушный, злой и спокойный, Черноусов, печальный резонер, Крафт, Мартениус и другие.

У церкви дорожка расширялась и переходила в площадку. На площадке было сборище. Это Сальников и К^о пировали на открытом воздухе. Повидимому, они расположились на самой дороге не без умысла. Это была как бы застава, для того, чтобы задерживать всех прохожих и привлекать их к участию в пиршествѣ.

Сальников сидел в центре группы на опрокинутом боченке, другой боченок стоял перед ним в виде стола. Оба эти боченка были пустые. Третий был наполовину полон спиртом. В одной из клепок его было круглое отверстие, крепко заткнутое деревянной втулкой. Исправник сидел возле Сальникова на связке хвороста; другие полицейские чины уселись прямо на землю. Кругом толпились казаки и мещане. Они попеременно смотрели на начальство и на боченок такими откровенными, наивно-вождевшими взглядами. На боченке, изображавшем стол, стоял большой медный чайник, видимо налитый спиртом, и несколько стаканов и чайных чашек.

Закуски не было видно, но поодаль горел костер. У костра примостился железный треножник, а на треножнике стояла большая железная сковорода.

В прибрежной воде были замечены мелкие сѣти. В эти сѣти могли попасться развѣ шурята и окуни. На Колымѣ в другое время такую мелочь не считают даже за рыбу. Но теперь каждая такая рыбка имѣла тотчас же попасть на сковороду и превратиться в жаркое.

В России, как известно, выпивают, закусывают селедкой, потом вспоминают, что рыба плавает, и по этому поводу снова выпивают. Здесь только выпивали, а рыба тем временем действительно плавала в воде.

Свернуть с дорожки было некуда. Мы пошли прямо на костер.

— Гуляете?—начал Сальников, поднимая к нам свое широкое лицо и любвеобильные глаза.

— Да!—отозвался Жигатов.—А вы, выпиваете?

— Да-а!—в свою очередь вздохнул Сальников.—Не хотите ли с нами?

— По какому случаю пирь?—спросил Жигатовъ. — Къ завтра готовитесь?

— А завтра что?—невинно спросил Сальниковъ.

— Завтра годовщина коронаціи.

— Скажите,—воскликнулъ Сальниковъ,—а я забылъ!..

— Сохрани Богъ,—вырвалось у него при взглядѣ на наши нахмуренныя лица.—Мы такъ себѣ пьемъ... Выпейте съ нами за компанію...

Жигатовъ посмотрѣлъ на Полозова, потомъ на Гримберга. Гримбергъ неожиданно усмѣхнулся. Ему пришла въ голову блажная мысль.

— Знаете, Иванъ Дмитричъ,—сказалъ онъ.—Мы бы можетъ и выпили. Но намъ не совсѣмъ ловко пировать въ такой день. Развѣ, если условіе поставить.

— Какое условіе?—живо спросилъ Сальниковъ. — Я заранѣе согласенъ.

— Чтобъ этотъ праздникъ вышелъ, какъ антиправительственная манифестація.

— Манифестація!—воскликнулъ Сальниковъ,—отъ всего сердца.

Онъ такъ ударилъ по боченку кулакомъ, что всѣ стаканы звякнули, потомъ взялъ одинъ стаканъ и грузно поднялся на ноги.

— Слушайте, звѣри! (это относилось не къ намъ, а къ жителямъ, а можетъ быть также и къ собакамъ, стоявшимъ поодаль въ такомъ же напряженномъ ожиданіи).

— Сколько жертвъ было принесено во имя идеи. Эти жертвы не пропали даромъ. На алтарѣ пылаетъ пламя, вольное слово надъ міромъ гремитъ. Пью за русскую идею! Да здравствуетъ республика!

Онъ говорилъ совершенно искренно. Быть можетъ, онъ даже забылъ, что онъ казенный совѣтникъ, и думалъ въ эту минуту, что онъ студентъ среди студентовъ, ссыльный среди ссыльныхъ, жертва, пострадавшая за „русскую идею“.

— Да здравствуетъ республика!—дружно отозвался нашъ хоръ.

— Ура!—подхватили казаки,—публика!..

Началось нѣчто гомерическое, тройной крѣпости, какъ спиртъ, стоявшій предъ нами въ чайникѣ и боченкѣ. Сальниковъ обнимался съ Гримбергомъ, Жигатовъ съ исправникомъ. Потомъ Сальниковъ и Полозовъ пробовали поднимать другъ друга на поясахъ. Скальскій плясалъ русскую вмѣстѣ съ маленькимъ смѣшнымъ старичкомъ изъ отставныхъ казаковъ.

Старичка по уличному звали Гагарой за кривыя ноги и пронзительный голосъ. Гагара плясалъ плохо, кривыя ноги путались и заплетались.

Скальскій ухалъ и вскрикивалъ: — Вы, мертвые, дѣлай! и его холодное лицо странно противорѣчило этому буйному веселью.

Изъ дальнѣйшаго мнѣ памятни только отдѣльные эпизоды.

Гримбергъ и Сальниковъ сидятъ рядомъ на землѣ. Гримбергъ глядитъ на костеръ. Костеръ весь пылаетъ. Сковорода стоитъ уже не на треножникѣ, и прямо на пылающихъ вѣткахъ.

Казакъ, наконецъ, поймали шуку. Ее сейчасъ будутъ жарить.

— Это огонь!—говорить Гримбергъ.

— На алтарѣ пылаетъ пламя—отвѣчаетъ Сальниковъ.

— Пылаетъ,—соглашается Гримбергъ. — Костеръ пылаетъ. Это я понимаю.

— Живеть, пылаетъ, а мы что?.. Мы прозябаемъ въ этомъ холодномъ гробу...

— Я хочу сообщить съ этимъ огнемъ, — внезапно вскрикиваетъ онъ и вскакиваетъ на ноги и подбѣгаетъ къ костру. Къ нашему величайшему изумленію онъ поднимаетъ полы и садится прямо на сковороду.

Мы тоже вскакиваемъ и успѣваемъ сдернуть его съ костра. Онъ не потерпѣлъ особаго ущерба.

— Сидите смирно!—увѣщаетъ его Сальниковъ,—экая горячка!.. Огонь душевный ярче, огонь внутренній.

Но Гримбергъ не слушаетъ.—Я хочу сгорѣть — упорно повторять онъ,—испепелиться, по вѣтру развѣяться.

Улучивъ минуту, онъ вскакиваетъ и опять бросается на костеръ.

— Отстань,—кричитъ онъ мнѣ свирѣпо,—каменное сердце!..

Жигатовъ и исправникъ стоятъ другъ противъ друга.

— Давай, выпьемъ на брудершафтъ!—предлагаетъ исправникъ.

— Отстань!

— А какая это у васъ трубка, — переводитъ исправникъ разговоръ на другую тему.—Новенькая? Покажите.

— Глиняная,—отрывисто отзывается Жигатовъ,—не про вашу честь.

Лицо исправника принимаетъ упрямое выраженіе. Внезапнымъ движеніемъ онъ вырываетъ у Жигатова трубку изо рта и бросаетъ ее далеко въ сторону.

Глаза Жигатова вспыхиваютъ злымъ огнемъ. Онъ протягиваетъ руку, срываетъ съ исправника шапку и бросаетъ ее вслѣдъ за трубкой.

Лицо исправника темнѣетъ.

— Ты чего?—ворчитъ онъ.—Я тебѣ могу въ морду дать..

— А я тебѣ въ другую!

— Ха ха ха!—краткая вспышка полицейской злобы кончается смѣхомъ.—Сергѣй, подними шапку!..

Молодой казакъ, деньщикъ исправника, молча и проворно приноситъ начальственную шапку.

— Трубку подними!—приказываетъ Жигатовъ.

— Не смѣй!—кричитъ исправникъ. Сергѣй безпомощно разводитъ руками.

— Егорша, подними трубку!

Егорша—городской нищій. Такихъ нищихъ двое. Оба зовутся Егорши. Одинъ—Егорша Худой, другой—Егорша Тунгусъ. Оба они тутъ и оба кормятся подачками изъ нашей столовой.

Егорша Тунгусъ поднимаетъ трубку и приноситъ Жигатову.
Теперь очередь исправника разводить руками.—Тутъ я ничего не могу подѣлать!—говоритъ онъ.—Это ваши люди.

Сальниковъ и Черноусовъ сидятъ рядомъ на землѣ. Черноусовъ странный человѣкъ. Молодецъ, прекрасный работникъ, мастеръ на всѣ руки, съ виду веселый и даже разговорчивый, но въ сущности безнадежно-грустный. Когда онъ выпьетъ, эта грусть выходитъ наружу. Въ душѣ его есть что-то надломленное. Лѣтъ черезъ пять Черноусовъ перебрался въ Иркутскъ и тамъ въ два года внезапно состарился, посѣдѣлъ и даже одряхлѣлъ. Теперь, онъ, кажется, умеръ.

— Я былъ человѣкъ вольный,—говоритъ Черноусовъ,—а теперь я арестантъ.

„Прилетали къ соловью два сокола,
заводитъ онъ пріятнымъ и протяжнымъ голосомъ,

„Взяли, взяли соловья къ себѣ домой,
„Посадили его въ клѣточку,
„За серебряну рѣшеточку“.

Онъ поетъ, какъ плачетъ, но лицо его спокойно.

— Не плачьте!—говоритъ Сальниковъ и плачетъ самъ. Слезы катятся градомъ по его лицу.

— Я цѣню вашу муку!—говоритъ онъ.—Дайте пожать вашу мужественную руку.

— Будьте вы прокляты!—отзывается Черноусовъ.

— Ужъ ты пой, воспѣвай, соловей,
При кручинѣ утѣшай насъ молодцовъ...

— Гринбергъ измѣнилъ направленіе своихъ мыслей и отъ огня перешелъ къ водѣ. Только что онъ изображалъ Жанну д'Аркъ, теперь перешелъ на роль Офеліи. Онъ бродитъ по поясъ въ ледяной заберегѣ. Я хожу по песку у самой воды и стараюсь выманить его на берегъ, какъ русалку. Я помню, что у него большая нога, и это приключеніе можетъ кончиться для него печально. Но онъ упорствуетъ.

— Ура!—кричитъ онъ,—сейчасъ ледъ тронется. Я уплыву вмѣстѣ съ полою водой...—На волю изъ душнаго плѣна, на волю, на буйную волю...

Дальше мои воспоминанія прерываются. Знаю только, что мы трое съ Гринбергомъ и Скальскимъ очутились въ нашей общественной библиотекѣ, занимавшей отдѣльную избу. Изба эта была заперта висячимъ замкомъ, ключъ отъ замка лежалъ у Гринберга въ карманѣ.

Мы забрались внутрь, заснули на полу и проснулись на другой день послѣ полудня и съ тяжелой головой. Но страннѣ всего было то, что дверь оказалась по прежнему заперта на замокъ и ключъ лежалъ у Гринберга въ карманѣ.

Бр!.. Скверно!..

Наше празднованіе въ сущности было преждевременно. Короначію слѣдовало праздновать только на слѣдующее утро. Въ должный часъ городской протоіерей отецъ Алексѣй явился въ церковь служить молебень. Въ церкви никого не было. Только двѣ старухи стояли у стѣны, да еще подсудимый командиръ, котораго Сальниковъ почему то не взлюбилъ и не принималъ его къ себѣ. Сальниковъ утверждалъ, что отъ командира душно пахнетъ.

Отецъ Алексѣй тоже былъ въ своемъ родѣ достойнъ примѣчанія. Это былъ маленькій попикъ, круглый, колочій, съ хмурымъ лицомъ и непріятнымъ смѣхомъ. У отца Алексѣя было семейное горе. Его попадья открыто для всего города жила съ помощникомъ исправника. Въ Колымскѣ господствуютъ нравы совершенно содомскіе.—У насъ вода такая!—говорятъ жители въ объясненіе и спокойно переходятъ всѣ границы приличія. Отецъ Алексѣй тѣмъ не менѣе долго не зналъ о своемъ несчастіи, но когда наконецъ узналъ, то ничего не сказалъ и не сдѣлалъ, только сталъ скучать и задумываться. Мало-по-малу онъ совсѣмъ повихнулся и наконецъ въ одинъ праздничный день послѣ службы онъ вышелъ на амвонъ и возгласилъ: Православные христіане, выслушайте мою проповѣдь! Ти-ни-ни!..

Въ церкви произошло смятеніе. Отецъ Алексѣй ушелъ изъ церкви, пересталъ служить и скоро умеръ.

Но теперь отцу Алексѣю было не до проповѣди.

— Гдѣ люди?—спрашивалъ онъ яростнымъ голосомъ.

— Спать—объяснилъ командиръ.—Только сейчасъ легли.

— А начальство гдѣ?

— Тоже спать!—сказалъ командиръ,— всю ночь съ политическими пьянствовали, а насъ съ вами не звали.

Не долго думая, отецъ Алексѣй принялъ драматическую позу и провозгласилъ анафему «граду сему и жителямъ его и правителямъ его», затѣмъ демонстративно отряхнулъ прахъ съ ногъ своихъ и ушелъ изъ церкви.

Вечеромъ Сальникову доложили объ анафемѣ. Онъ разсвирѣпѣлъ, тутъ же взялъ листъ бумаги и сталъ строчить:

— Сего числа городской протоіерей отецъ Алексѣй Трифоновъ, прѣидя въ церковь въ возбужденномъ видѣ, вмѣсто установленнаго молебна произнесъ хульные слова, о чемъ почтительнѣйше доношу вашему преосвященству, и прочая и прочая.

Изъ всего этого дѣла ничего не вышло. Во-первыхъ, отецъ Алексѣй и подсудимый командиръ написали по встрѣчному доносу. А во-вторыхъ, почта ушла только черезъ два мѣсяца и неизвѣстно, были ли доносы дѣйствительно отправлены въ Якутскъ. Почту за дѣлывалъ Сальниковъ и онъ могъ уничтожить всѣ три доноса.

Такъ мы отпраздновали коронацію въ 1893 году.

Лѣтомъ, какъ сказано выше, Сальниковъ отправился въ Гижигу, а осенью вернулся обратно. Въ январѣ мѣсяцѣ онъ вернулся въ Якутскъ, и въ числѣ прочихъ рапортовъ представилъ также соображенія о нашемъ обузданіи.

Плодомъ этихъ соображеній поздней весной 1894 года, ровно черезъ годъ послѣ описаннаго мною праздника, исправникъ получилъ секретный циркуляръ о томъ, чтобы по возможности обуздать наше право разъѣздовъ по Колымскимъ пустынямъ.

Мы впрочемъ прочли этотъ циркуляръ раньше исправника. Почта по обыкновенію пришла въ растерзанномъ видѣ. Оболочки пакетовъ истерлись въ труху. Газетные номера, казенныя бумаги и частныя письма перемѣшались въ одну общую груду. Разобрать эту груду, какъ слѣдуетъ, могли только мы, ссыльные. Мы перетряхали Правительственный Вѣстникъ и Сенатскія Вѣдомости номеръ за номеромъ, вылавливали оттуда письма и казенныя предписанія и раскладывали все это по именамъ и категориямъ. Скальскій отличался особеннымъ искусствомъ въ этой области. Иное имя онъ опредѣлялъ по единственной уцѣлѣвшей буквѣ, подобно тому какъ Кювье по единственному зубу опредѣлялъ породу ископаемаго животнаго.

Поэтому мы первые прочли секретный циркуляръ, но прочитавъ передали его исправнику. Онъ тоже прочелъ, ничего не сказалъ, и спряталъ циркуляръ въ столъ.

Не знаю, что онъ отвѣтилъ въ Якутскъ «генералу Скрипичну». Поздней осенью пришло извѣстіе поважнѣе этого циркуляра. О нашей Колымѣ лучше сказать: не осенью, а раннею зимою, ибо рѣка стала уже въ двадцатыхъ числахъ сентября.

Была темная ночь съ морозомъ и вьюгой. Мы съ Скальскимъ шли по той же городской тропинкѣ, направляясь домой. Внезапно мимо насъ промчался верховой и повернулъ къ полицейскому дому.

— Нарочный изъ Якутска,—мелькнуло у насъ въ головѣ. Въ такое время такъ скакать могъ только нарочный.

— Кто умеръ?—крикнулъ я въ догонку всаднику. Спѣшныя нарочныя присылались только въ случаѣ смерти высокопоставленныхъ особъ.

— Царь умеръ,—донеслось спереди.

— Гдѣ убили?—крикнулъ Скальскій на весь городъ. По старой памяти 1881 года намъ показалось, что мартовская трагедія повторилась.

— Самъ умеръ,—глухо донеслось изъ темноты.

Эта смерть произошла естественнымъ путемъ.

На другой день вьюга утихла. Въ ясномъ небѣ взошло зимнее солнце. У насъ на душѣ тоже было свѣтлѣе. Жандармскіе генералы и полковники, отправляя насъ въ ссылку, все разсчитали, только не разсчитали смерти. Тринадцатилѣтній кошмаръ кончился для насъ и для всей Россіи. Начиналась эпоха бессмысленныхъ мечтаній. Правда, мы досидѣли до конца срокъ своей ссыльной неволи;

но мы смотрѣли впередъ и души наши были свободны. Ибо кто чувствуетъ себя свободнымъ, тотъ уже свободенъ.

Еще Мирабо сказалъ: «Враги ваши кажутся вамъ великими, потому что вы стоите на колѣняхъ. Встаньте съ колѣнь!..»

Нынѣ колѣнопреклоненная Россія стала вставать на ноги. Скоро она поднимется во весь свой огромный ростъ.

Танъ.

Самодержавіе Николая I-го и французское общественное мнѣніе.

(Окончаніе 1).

VI.

Книга Кюстина, являющаяся лишь собраніемъ путевыхъ набросковъ, впечатлѣній и размышленій изъ области политической философіи,—возбудила чрезвычайно большою интересъ не только во Франціи, но и въ Англіи, и даже въ Германіи (тамъ, гдѣ цензура ее пропустила). Не только искренность тона, живость изложенія была тому причиною: Кюстинъ первый, въ сущности, заставилъ европейскую публику вспомнить, что Николай царствуетъ не только надъ поляками; что въ Россіи страдаютъ и русскіе; что есть не только «польскіе ужасы», но и «русскіе ужасы». Отсутствіе явнаго протеста въ Россіи заслоняло весьма сильно этотъ фактъ отъ глазъ европейскаго общества. Кюстинъ попробовалъ разогнать этотъ туманъ,—и показать самодержавіе *en chair et os*, какъ и чѣмъ оно живетъ на самомъ дѣлѣ,—а не въ изображеніи казенныхъ хвалителей.

Интересъ къ Россіи замѣтно оживился, и въ 1844 году вышла въ Англіи, а въ 1845 году была переведена на французскій языкъ начальникомъ отдѣленія французскаго министерства торговли — Ноблэ—трехтомная книга о Россіи и Николаѣ 2). Переводчикъ прямо ставитъ въ связь появленіе и переводъ этой книги съ интересомъ, возбужденнымъ книгою Кюстина въ Англіи и Франціи. И, дѣйствительно, авторъ неоднократно ссылается на Кюстина, показанія котораго онъ обильно дополняетъ и подтверждаетъ своими собственными, хотя отмѣчаетъ нѣсколько неточностей въ разсказѣ Кюстина (въ тѣхъ частяхъ книги послѣдняго, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ нашей темѣ и поэтому не были нами затронуты).

Въ книгѣ видны, дѣйствительно, признаки долгаго пребыванія

1) См. „Былое“ сентябрь.

2) *Révélation sur la Russie ou l'empereur Nicolas et son empire en 1844, par un résident anglais. Ouvrage traduit de l'anglais par M. Noblet et annoté par M. Cyprien Robert. vols: I—III. Paris, 1845.*

въ Россіи и внимательныхъ наблюденій надъ русскою жизнью. И предъ читателемъ—абсолютизмъ выступаетъ въ какихъ то апокалиптическихъ формахъ—проклятiя, тяготѣющаго надъ миллионами одичалыхъ, несчастныхъ, униженныхъ рабовъ, не смѣющихъ даже жаловаться на свою участь. Авторъ настаиваетъ, что *нелзя* сравнить «несчастій шестидесяти миллионъ русскихъ подданныхъ» съ несчастнымъ положеніемъ какого бы то ни было класса, напр., въ Англии: онъ горячо доказываетъ, что русскій деспотизмъ сотворилъ для своихъ жертвъ такой адъ, который стоитъ *внѣ* всякихъ европейскихъ сравненій. Безпощадность режима, холодная и всегда одинаковая, рельефно отгѣняется авторомъ: «впродолженіе девятнадцати лѣтъ его царствованія всего 7 человекъ были приговорены къ смерти, что не мѣшаетъ тому, что, въ дѣйствительности, отъ руки палача въ его царствованіе погибло, вѣроятно, больше, нежели во всѣ остальные царствованія вмѣстѣ. Правда, уже не рубятъ головы, не сажаютъ на колъ, какъ прежде, не привѣшиваютъ на желѣзный крюкъ; но цѣлыми отрядами польскихъ плѣнниковъ сѣкли до тѣхъ поръ, пока не наступала смерть. За политическіе проступки (онъ имѣетъ тутъ ввиду бунтъ военныхъ поселеній, а также «увѣщаніе» уніатовъ) тысячи людей подвергаются наказанію кнутомъ или плетью, которые обрываютъ мускулы и обнажаютъ кости отъ мяса длинными полосами; они умираютъ день или два спустя или, если временно остаются живы, то погибаютъ еще до прибытія въ Сибирь, куда ихъ немедленно посылаютъ. Расправы эти съ врагами онъ считаетъ болѣе жестокими, чѣмъ расправы Бирона. И такъ какъ этотъ режимъ пользуется неслыханными въ былые вѣка средствами угнетенія, то нашъ авторъ полагаетъ, что онъ осуществляетъ то, о чемъ Неронъ римскій могъ лишь мечтать. «Россію», пишетъ нашъ авторъ, «можно назвать страной лжи по преимуществу. Главное дѣло для управляемыхъ состоитъ въ томъ, чтобы обманывать агентовъ правительства; для агентовъ правительства—въ томъ, чтобы обманывать императора; для императора—въ томъ, чтобы одной части народа внушить вѣрованіе въ своемъ (Николая) небесномъ избранничествѣ и что онъ—есть представитель Бога на землѣ, живое Провидѣніе,—а другой части народа—внушить идею, что онъ человекъ рока, противъ счастья и власти котораго всякое сопротивленіе было бы тщетно». Воззрѣніе на внутреннюю политику правительства необычайно пессимистично: «Николай не улучшаетъ,—онъ съ каждымъ днемъ ухудшаетъ положеніе человека въ своемъ государствѣ». Въ искреннія намѣренія царя по части борьбы съ крѣпостнымъ правомъ, коренною язвою русской жизни, авторъ не вѣритъ: «Императоръ, самый крупный собственникъ во всей имперіи,—аболиціонистъ по отношенію къ рабамъ *друшхъ* собственниковъ». Авторъ не находитъ страннымъ, что всякія попытки улучшить положеніе вещей въ Россіи—остаются на бумагѣ: онъ почти всегда затрагиваютъ, по существу дѣла, «сложные интересы» самодержавія, а поэтому и ничѣмъ не кончаются, ибо царь—всемогущъ.

Особая глава посвящена главному орудію деспотизма: политической полиціи. Авторъ отмѣчаетъ культъ шпіонства въ Россіи. Только за высшія заслуги, за громкіе подвиги даютъ почетное добавленіе къ фамиліи: и вотъ, рядомъ съ Дибичемъ-Забалканскимъ и Паскевичемъ-Эриванскимъ,—вниманіе читателя обращается на Шервуда-Вѣрнаго, получившаго это названіе за предательство и шпіонство. Много говорится объ «арміяхъ шпіоновъ», о колоссальныхъ денежныхъ средствахъ, о безграничныхъ полномочіяхъ, которыми располагаетъ начальникъ 3-го отдѣленія. Тутъ же, какъ водится, прибавлены фантастическіе рассказы о чудесахъ, совершаемыхъ 3-мъ отдѣленіемъ съ людьми, которые кажутся ему «опасными». Правда, вмѣсто выдумокъ о дамѣ, взятой съ бала и проведенной четырнадцать лѣтъ въ Сибири безъ объясненія причинъ и т. п., авторъ смѣло могъ бы рассказать много ничѣмъ не уступающихъ дѣйствительныхъ фактовъ въ томъ же родѣ. *Оклеветать* третье отдѣленіе мудрено, ибо всякая клевета, въ концѣ концовъ, сбивается на *смяченіе* истины и кажется не клеветою, а апологіею.

Авторъ категорически, изъ вѣрнаго источника, сообщаетъ, что за границею русское шпіонство процвѣтаетъ: въ одномъ Парижѣ шпіоновъ, слѣдящихъ за пребывающими тамъ русскими,—сто пятьдесятъ человекъ. Много говоритъ онъ о вымогательствахъ, которыя пускаетъ въ ходъ 3-е отдѣленіе относительно богатыхъ людей; еще больше говоритъ онъ о продажности и гнусности общей полиціи. (Между прочимъ рассказано о преступленіи петербургскаго будочника, убивавшаго и грабившаго людей; по словамъ автора, это дѣло «получило необычную огласку». Вѣроятно, рѣчь идетъ о томъ самомъ дѣлѣ, за *разговоръ* о которомъ Герцена Николай сослалъ въ Новгородъ).

О личной храбрости Николая авторъ мнѣнія не столь опредѣленнаго, какъ другіе писатели. Онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, будто и 14-го декабря, и въ польскую войну царь держался внѣ сферы огня. Вообще же онъ признаетъ природный эгоизмъ одною изъ коренныхъ чертъ его характера, обусловливающихъ многіе его поступки и общее направленіе его политики. Во всякомъ случаѣ онъ не видитъ ничего, что бы Николай принесъ въ жертву для блага народа. Даже о правосудіи въ судебныхъ дѣлахъ, онъ заботится будто бы постолько, поскольку онъ не заинтересованъ въ томъ или иномъ исходѣ дѣла. «Всѣ его заботы, *когда его фамиліиные интересы это позволяютъ*,—направлены, къ улучшенію матеріальнаго состоянія его народа»,—замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ. «Суровость и мстительность», отсутствіе милосердія—считаетъ онъ также характерными свойствами Николая.

Мы оттого остановились на этомъ французскомъ переводѣ англійской работы,—что эти «*Révélations*» вмѣстѣ съ книгою Кюстина оказали очень замѣтное, вполне ясно опредѣлимое вліяніе на сформированіе во Франціи мнѣнія о николаевскомъ режимѣ, о характерѣ этого режима не только въ Польшѣ, но и въ коренной

Россіи. О книгахъ же Н. Тургенева ¹⁾ и Ивана Головина ²⁾ мы, конечно, въ предлагаемой статьѣ говорить не имѣемъ никакого основанія: эти книги не только написаны не французами, но и сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на французскую литературу о николаевской Россіи—не оказали.

VII.

Конецъ царствованія Луи-Филиппа не отмѣченъ во Франціи особеннымъ интересомъ къ Николаю и Россіи. Даже стоны Польши стали доноситься все глуше и производили уже меньшее впечатлѣніе.

Легкая салонная болтовня Меримэ ³⁾ не можетъ идти (по содержательности и по оказанному ею вліянію) въ сравненіе съ книгою Кюстина, но, конечно, имя автора не могло не привлечь читателей. Авторъ ко всему относится съ легкою игривостью, шуткою и беззаботною ироніей; къ русскому правительству, впрочемъ, онъ сохраняетъ отношеніе полной независимости. Въ предисловіи онъ шутливо жалуется (явно намекая на ярость вызванную въ Петербургѣ книгою Кюстина), что, вотъ, прежде лучше было рассказывать о путешествіяхъ, нежели въ новое время. Такъ, Шарэнъ описалъ политику шаха персидскаго, Марко-Поло разоблачилъ великаго могола,—и «это не смущало ни въ чемъ пищеваренія этихъ высокихъ величествъ»,—а въ новое время того и гляди такого рассказчика уже никогда въ страну вторично не пустять. Теперь «они слушаютъ голосъ прессы и боятся его: они освѣдомляются о новомъ произведеніи печати и, если заглавіе возбуждаетъ ихъ тревогу, они его пробѣгаютъ съ лихорадочнымъ безпокойствомъ, которое охватываетъ актера при видѣ фельетона». Точка зрѣнія Меримэ такова. Человѣку, пріѣхавшему въ Россію, приходится жить въ тяжелой атмосферѣ, отъ которой онъ задыхается,—но нужно «предоставить Россіи устраиваться какъ ей угодно и быть счастливою по своему»,—и не слѣдуетъ мѣшаться со своею критикою. Иначе Россія можетъ иностранцу отвѣтить какъ одна женщина въ комедіи: «Зачѣмъ вы вмѣшиваетесь? Мнѣ нравится быть битой» (стр. XII). Въ Россіи Меримэ «не ненавидитъ абсолютное правительство», по крайней мѣрѣ относится къ нему «какъ благосклонный зритель»; *любитъ* же онъ въ Россіи «свѣжую икру». Такова его *profession de foi*.

Вся книжка написана въ подобномъ тонѣ, въ тонѣ болтающаго и порхающаго легкомыслія. Нашего туриста больше занимаетъ быть и пейзажи, нежели политика и соціальныя особенности. И его больше, нежели кого-либо, сбиваетъ съ толку молчаніе, отсут-

¹⁾ La Russie et les russes (3 vols) 1847.

²⁾ La Russie sous Nicolas I (1845).

³⁾ Une année en Russie, lettres à M. Saint-Marc Girardin par Henri Merimée. Paris 1847.

стві слышнаго протеста, и встрѣчая что-либо возмутительное, онъ, по собственному признанію, склоненъ думать, что, можетъ быть, для Россіи тутъ ничего возмутительнаго нѣтъ. Онъ—большой любитель русскаго языка, но читать нечего: газеты въ Петербургѣ—тоже самое, говоритъ онъ, что была Gazette de France при Людовикѣ XIV, —т. е. собраніе казенныхъ сообщеній, приказовъ и т. п.; литераторамъ позволяютъ только браниться между собою. Слова «республика, хартія, конституція» такъ преслѣдуются цензурою, что по мнѣнію Меримэ не одинъ честный гражданинъ Кіева или Владиміра можетъ умереть со счастливою мыслью, что на вашингтонскомъ тронѣ сидитъ монархъ божьею милостію. Вообще русскія газеты сдѣланы столь спокойными, что даже чтеніе ихъ можно рекомендовать для успокоенія нервовъ. Русскую исторію онъ называетъ мартирологомъ, но, опять таки, убѣжденъ почему-то, что «угнетеніе и пытки» Россія переносила съ охотою, съ увлеченіемъ. И онъ глубоко убѣжденъ, что Россія не только обожала, но и продолжаетъ обожать абсолютную власть (стр. 83). «Казарма господствуетъ здѣсь надъ всѣмъ соціальнымъ строемъ, пишетъ онъ (стр. 93),—но и это съ согласія «Россіи», ибо она имѣетъ настроеніе «вродѣ древняго Рима». Этотъ методъ разсужденія примиряетъ нашего автора со всѣмъ, что онъ видитъ въ Россіи. Но тамъ и сямъ проскальзываетъ лъ немъ пониманіе объективнаго значенія самодержавія для страны, которая имъ пользуется; такъ, онъ «дрожитъ», когда слышитъ, какъ иногда русскіе, наиболѣе просвѣщенные, говорятъ спокойно о тѣхъ или иныхъ хотя бы частичныхъ переменѣхъ; онъ пугается этого спокойствія, «ибо Богъ знаетъ, что останется цѣлымъ, разъ уже приблизятъ молотъ къ этому зданію, которое имѣетъ новый фасадъ и проѣденный червями корпусъ». И тутъ же, какъ бы забывая объ этомъ, Меримэ продолжаетъ восхищаться военною мощію Россіи, ея величіемъ и вліяніемъ на міръ,—и настаивать, что слава и могущество дѣлаютъ русскихъ подданныхъ счастливыми.. „Фасадъ“ николаевскаго строя, очевидно, обладалъ способностью гипнотизировать даже людей, разгадавшихъ, что за нимъ скрывается!

Иногда случалось Меримэ слышать и кое-какія жалобы (къ сожалѣнію, онъ не говоритъ объ этомъ точнѣе), но, повидимому, и онѣ не разубѣдили его въ правдивости основного его воззрѣнія,— что нечего подданныхъ Николая жалѣть, если они сами себя не жалѣютъ...

Нѣсколько оживилась вражда къ Николаю въ свободомыслящей прессѣ подъ вліяніемъ извѣстій объ участи Кракова. На этотъ разъ вражда подогрѣвалась и раздраженіемъ французской дипломатіи, не скрывавшей своего протеста предъ поступкомъ восточныхъ державъ. Сразу умолкли тѣ и безъ того немногіе голоса, которые говорили

о возможности лучших отношений между Россіей и Франціей ¹⁾).

Если уничтоженіе краковской республики при дѣятельномъ участіи Николая подняло противъ него во французской оппозиціонной прессѣ бурю негодованія,—зато подобно тому, какъ послѣ нападеній Кюстина нашелся у Николая безкорыстный защитникъ, въ лицѣ Николая Греча, случайно бродившаго въ парижскомъ пассажѣ, случайно купившаго книгу Кюстина, и случайно опубликовавшаго по поводу этой книги свое негодованіе,—такъ и теперь, въ 1847 г. не вытерпѣло ретивое у нѣкоего Онорэ Арнуля, и онъ мужественно выступилъ въ печати на защиту Николая Павловича. Главная тема его размышленій—это, конечно, Краковъ,—и онъ находитъ, что присоединеніе Кракова къ Австріи имѣетъ свои выгоды для поляковъ «съ религіозной точки зрѣнія»: ²⁾ поляки-католики и австрійцы—тоже католики; и вообще, гибель Кракова не заключаетъ въ себѣ ничего такого, чѣмъ стоило бы возмущаться. Дальше идутъ укорищенные размышленія по тому поводу, что оппозиціонныя газеты, вообще, плохо и невѣрно судятъ о Николаѣ, обнаруживаютъ къ нему упорную вражду—и не видятъ, что необходимо стремиться къ франко-русскому союзу. «Мы громко заявляемъ, франко-русскій союзъ—есть единственный приемлемый прочный и вѣрный», восклицаетъ Арнуль ³⁾. Николай любитъ французовъ: «посмотрите, не есть ли онъ уже—провидѣніе нашихъ ученыхъ, нашихъ артистовъ? Онъ поощряетъ искусства, вознаграждаетъ роскошно, по царски за полезныя открытія» и т. д. И, кромѣ того, за него говорятъ привлекательныя черты выбранныхъ имъ министровъ: «Выборъ министровъ обнаруживаетъ въ императорѣ Николаѣ глубокое знаніе людей и обстоятельство и превосходный тактъ». «Много-ли у насъ во Франціи государственныхъ людей», въ истинномъ вдохновеніи продолжаетъ авторъ: «которыхъ мы могли-бы противопоставить г-ну Нессельроде? или князю Ванильчикову? (такъ Арнуль называетъ Васильчикова). Много ли у насъ безкорыстныхъ, способныхъ

¹⁾ Укажемъ кстати на самое достопримѣчательное изъ такихъ немногихъ примитивныхъ писаній, появившихся въ сороковыхъ годахъ: на книгу „De la Russie et de la France, entretiens politiques par un inconnu (Paris, 1842).

Странное впечатлѣніе производитъ эта анонимная книга „О Россіи и Франціи“. Авторъ—пропагандируетъ заключеніе франко-русскаго союза, причемъ во имя этого патріотическаго предпріятія относится къ самодержавію не только съ подобающею случаю учтивостію (какъ его соотечественники 50 лѣтъ спустя), но и съ нѣкоторымъ жаромъ. Въ этой книгѣ больше всего отражается тотъ престижъ военной силы самодержавія, который бесспорно стоялъ тогда въ глазахъ публики необычайно высоко. Имѣя въ виду эту цѣль дипломатическаго сближенія „Неизвѣстный“ пытается реабилитировать и русскій абсолютизмъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ. Видно, что русскіе обыватели страстно обожаютъ Николая, и что абсолютизмъ—наилучшій для Россіи образъ правленія. Авторъ горячо протестуетъ противъ того, чтобы Николай уподоблялся „марокскому султану“,—но фактовъ въ пользу русскаго самодержавія не представляетъ никакихъ, а расплывается въ водянистыхъ размышленіяхъ о царизмѣ, какъ возможномъ орудіи цивилизаціи въ Россіи.

²⁾ La vérité sur l'empereur Nicolas et les journaux français. Par Honoré Arnoul. (Paris, 1847), стр. 13-я.

³⁾ Ibid, стр. 27.

и преданныхъ администраторовъ, какъ графъ Вронченко, министръ финансовъ? какъ г. Уваровъ, министръ народнаго просвѣщенія? и вы называете варваромъ такого монарха!» Брошюрка кончается совѣтомъ французской журналистикѣ не увлекаться «сплетнями» и «очерненіемъ» російскаго императора. — Объ этомъ голословномъ и трескучемъ наборѣ фразъ, озаглавленномъ столь кричащимъ образомъ («Правда объ императорѣ Николаѣ и французскія газеты»), мы упомянули больше затѣмъ, чтобы показать, въ какое затруднительное положеніе попадали неумѣлые защитники Николая Павловича, когда имъ нужно было сойтъ que сойтъ измыслить факты въ пользу своего тезиса: Арнуль, напримѣръ, искренно повидимому полагаетъ, что оказываетъ Николаю Павловичу цѣнную услугу, освѣщая его блескомъ лучей, исходящихъ отъ Вронченки, Васильчикова, Нессельроде и Уварова: другихъ фактическихъ указаній— въ его брошюрѣ никакихъ нѣтъ,—этотъ «выборъ министровъ»— гвоздь защиты царя отъ хулителей.

Подводя итоги всему сказанному, мы можемъ отмѣтить, что литература о Николаѣ I довольно отчетливо освѣтила предъ французскою публикою то, что старались скрыть официальные, дипломатическія недомолвки: уже до 1848—49 гг.—Николай предсталъ предъ Франціей какъ смертельный, неутомимый и неумолимый врагъ свободы и правъ гражданина не только въ раздавленной Польшѣ, но и въ Россіи, во имя якобы «величія» которой работали Нессельроде и Паскевичи. Общественное мнѣніе было вполне подготовлено къ тому, что самодержавіе всегда вмѣшается всюду, гдѣ возможно будетъ поддержать чужое рабство. Кризисъ 1848—49 гг. принесшій русско-венгерскую войну,—уже не далъ ничего новаго для характеристики Николая I: венгерскій походъ былъ лишь логическимъ выводомъ изъ всего, что къ этому времени уже знали о царѣ французы.

VIII.

Во время общеевропейскаго кризиса 1848—49 гг., особенно-же съ весны 1849 года, когда Николай сталъ обнаруживать явныя намѣренія вмѣшаться въ европейскія дѣла и послать армію въ Венгрію,—грозное значеніе для Европы русскаго самодержавія ярко предстало предъ общественнымъ сознаніемъ. Достаточно просмотрѣть такія умѣренныя, и отчасти, реакціонныя газеты, какъ «Temps» и «Journal des Debats» за первые мѣсяцы 1849 года, чтобы оцѣнить то раздраженіе, смѣшанное съ живѣйшимъ безпокойствомъ, которое внушалъ Николай французскимъ руководящимъ буржуазнымъ кругамъ своею надменною политикою и явнымъ желаніемъ властно вліять на судьбы Европы. Венгерская же кампанія 1849 года только усилила эти чувства. За эпоху 1848—49 гг. сначала европейскіе троны, а потомъ сама революція по очереди оказывались безсильными и побѣжденными, и одна только сила—сила русскаго царя оставалась въ полномъ обладаніи всегдашняго престижа. Это-

то особенно пугало и беспокоило. И кромѣ того, даже Турцію считали ¹⁾ болѣе близкою къ духу вѣка и къ гуманности, нежели петербургское правительство, которое только тѣмъ и отозвалось на современныя движенія, что грозило залить ихъ кровью русскихъ солдатъ. Беспокойство это особенно усиливалось тою, часто подчеркиваемою мыслью, что въ самой Россіи ни на какія революціонныя потрясенія, которыя могли бы остановить поднятую руку Николая, надѣяться нѣтъ возможности. О дѣлѣ Буташевича-Петрашевскаго Европа узнала только то, что угодно было русскому правительству опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Тщетно искали мы во французскихъ газетахъ 1849—50 гг. какихъ-нибудь самостоятельныхъ извѣстій объ этомъ дѣлѣ. Въ ежегодникѣ „*Annuaire des deux Mondes*“, задавшемся цѣлью давать сводку важнѣйшимъ происшествіямъ въ разныхъ странахъ Европы, мы находимъ слѣдующія строки о петрашевцахъ ²⁾: «Было невозможно, чтобы революціонный кризисъ не подѣйствовалъ съ 1848 года на русское воображеніе, столь впечатлительное и столь живое. При абсолютномъ рѣжимѣ проекты нововведеній, естественно, принимаютъ форму заговоровъ. На самомъ дѣлѣ, тайное общество образовалось въ Петербургѣ: съ какимъ положительнымъ намѣреніемъ? Неизвѣстно. Но несомнѣнно, съ общей и смутной мыслью дойти до насильственнаго дѣйствія противъ правительства, то есть противъ императорскихъ особъ: это характеръ, который принимаютъ естественно всѣ заговоры въ Россіи. Общество было открыто втеченіе 1849 года, и двадцать одинъ членъ ассоціаціи былъ присужденъ къ разстрѣлу». Въ примѣчаніи перечислены осужденные, а затѣмъ «*Annuaire*» продолжаетъ: «императоръ, ознакомившись съ рапортомъ аудиторіата, счелъ долгомъ смягчить наказаніе; но смягченіе совершилось въ драматическихъ формахъ, которыя нравятся абсолютнымъ правительствамъ и которыя свойственны также личному характеру императора. Двадцать одинъ осужденный были выведены на мѣсто казни, въ присутствіи войскъ, собранныхъ какъ бы для того, чтобы присутствовать при трагическомъ спектаклѣ. Тутъ, читаютъ приговоръ къ смерти, затѣмъ были сдѣланы всѣ приготовления къ казни; наконецъ, въ послѣдній моментъ является адъютантъ, который объявляетъ арестантамъ, что императоръ ихъ помиловалъ. Взамѣнъ, они лишены всѣхъ гражданскихъ правъ и осуждены, сообразно со степеню виновности cadaquo, одни—къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ или въ крѣпостяхъ, другіе къ зачисленію въ армію послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго заключенія. Это событіе было официально объявлено манифестомъ, опубликованнымъ 6 января 1850 года. Такова была единственная стычка, которую имѣлъ царизмъ съ революціоннымъ духомъ внутри имперіи съ 1848 года. Какъ видятъ, этотъ заговоръ зародился въ мелкомъ служащемъ дворянствѣ и въ буржуазіи. Замѣтятъ также,

¹⁾ См. напр., «*Temps*», 7 Mai 1849.

²⁾ *Annuaire des deux Mondes*. Année 1850 (Paris 1851), стр. 754.

что въ немъ участвовали только русскіе и не было поляковъ. Въ этомъ двойномъ отношеніи онъ былъ благоразумно разсчитанъ; но что отнимало у него всю его важность,—это то, что онъ былъ задуманъ въ европейскомъ революціонномъ духѣ; онъ вдохновлялся идеями, которыя обращались въ Германіи, въ Италіи, въ Венгріи,—безъ особеннаго безпокойства насчетъ того, созданы ли (эти идеи) для Россіи». Такъ же, какъ и здѣсь,—былъ съ небылицею насчетъ петрашевцевъ была распространена всюду въ Европѣ, куда только, вообще, дошла вѣсть объ этомъ дѣлѣ. Но, конечно, не петрашевцы могли интересовать Европу въ этомъ страшномъ 1849 году. Усмиреніе Венгріи при помощи русскихъ войскъ наполнило негодованіемъ всѣхъ независимо мыслившихъ людей. Для какой-то надобности,—быть можетъ, для извѣстнаго воздѣйствія на слишкомъ уже взволнованное общественное мнѣніе Европы, «въ самыхъ высшихъ кругахъ» Россіи необычайно сурово и демонстративно порицали казни и издѣательства, которыми австрійское правительство отмстило венграмъ послѣ побѣды русскихъ войскъ надъ возставшими. Едва ли удалось этимъ маневромъ кого-нибудь обмануть, ибо одновременно русское правительство совмѣстно съ австрійскимъ задумало заставить султана выдать венгерскихъ и польскихъ инсургентовъ, бѣжавшихъ въ Турцію. Франція и Англія поддержали султана, и онъ рѣшительно отказалъ въ этомъ требованіи. Такъ, и пришлось ретироваться ни съ чѣмъ. Эта дипломатическая неудача вызвала во французскомъ обществѣ взрывъ злорадства... Настроеніе, такъ ярко впослѣдствіи сказавшееся въ 1854 году, уже явно давало себя чувствовать. Но страхъ, все болѣе усиливающийся, не покидалъ европейское общественное мнѣніе. Можно сказать, что со времени паденія Наполеона, съ 1814 года, сила Россіи никогда такъ высоко не цѣнились въ Европѣ, какъ въ 1849—51 гг. О тенденціяхъ же этой силы никто никогда и не заблуждался, особенно послѣ усмиренія Венгріи: «говорили, что царь со времени революцій этихъ послѣднихъ двухъ лѣтъ намѣренъ стать великимъ префектомъ полиціи Европы; да, префектомъ полиціи съ посохомъ и тѣрою, такъ же, какъ со шпагою»,—читаемъ мы въ томъ же умѣренномъ и сдержанномъ «Ежегодникѣ», который уже цитировали. Та же оторопь предъ силою царизма сказывается и во всей французской прессѣ этихъ лѣтъ; въ прогрессивныхъ органахъ это чувство смѣшивается со злобою, въ реакціонныхъ и умѣренныхъ съ почтеніемъ и какъ будто съ завистью къ блаженному «порядку» въ Россіи, который обнаруживаетъ такую стойкость. «Revue des deux Mondes», ¹⁾ напр., все доискиваясь до причины непомѣрнаго, нигдѣ въ Европѣ не бывавашаго могущества монархической власти въ Россіи, находитъ, что «царизмъ имѣетъ двойной базисъ»,—а именно «религіозную власть» и «панславизмъ». Правительство русское, думаетъ журналъ, держится прежде всего страхомъ, а также «энтузіазмомъ», внушаемымъ своимъ подданнымъ. «Поддерживать въ

¹⁾ Revue des deux Mondes, 1850, 15 Mars, стр. 1102—1103.

сердцѣ подданныхъ этотъ духовный терроризмъ—вотъ постоянная забота русскаго правительства». Тутъ журналъ ссылается на Мицкевича, рассказывающаго, что Минихъ во время войны противъ турокъ отдалъ приказъ по войскамъ, *встрѣчавшій* солдатамъ заболѣвать чумою подъ страхомъ быть за это погребенными заживо. И все это не прелятствуетъ журналу относиться къ царизму съ робкимъ почтеніемъ: не надо, впрочемъ, забывать, что для буржуазіи, для правящихъ слоевъ тогдашней Франціи,—Франціи, пережившей іюньскіе дни и вступившей въ періодъ реакціи,—«префектъ полиціи», даже не фигуральный, а самый «настоящій» былъ желаннымъ героемъ дня. Отсюда—*почтеніе*; а ужъ *оторопь*—вслѣдствіе неизвѣстности, не захочетъ ли царизмъ, уничтожая революцію, за одно уже уничтожить и Европу?

Французская реакція, особенно усилившаяся къ концу второй республики, отразилась и на литературѣ о Россіи. Ненависть къ николаевскому режиму во имя свободолубія уже перестаетъ казаться, ненависть къ Николаю, какъ къ дипломатическому врагу Франціи и противнику возстановленія бонапартовской династіи *еще* не начинаетъ проявляться. Къ этому времени относятся кое-какія совершенно безцвѣтныя работы о Россіи, о которыхъ либо совсѣмъ не стоитъ упоминать, либо можно сказать нѣсколько словъ. Такова напр., книга Мармье ¹⁾, вышедшая почему-то въ двухъ изданіяхъ, и являющаяся собраніемъ писемъ путешественника изъ Россіи. Географія, этнографія, исторія очень его занимаютъ и поглощаютъ большую часть работы. Есть кое-какія замѣчанія, указывающія, что передряга съ Кюстиномъ не прошла даромъ для французскихъ путешественниковъ: полицейскій генералъ, очаровательно принявшій Мармье, приставилъ къ нему шпіоновъ. Полиція носитъ въ Россіи форму зеленую—цвѣтъ надежды, и голубую—цвѣтъ небесной лазури,—замѣчаетъ Мармье,—и является эта полиція скрытымъ и всемогущимъ механизмомъ. «Человѣкъ, котораго вы двадцать разъ встрѣчали бродящимъ походкою фланера по проспекту или читающимъ съ весьма важнымъ видомъ газеты въ кафе Беранже» вдругъ можетъ явиться къ вамъ и потребовать вашего отъѣзда въ 24 часа. Но увы! Мармье констатируетъ, какъ и другіе путешественники, что полиція очень нѣжно относится къ ворами и мошенникамъ, лишь бы «они не дѣлали шума». Но, въ общемъ, Мармье совершенно повидимому безразличенъ къ „деспотизму“, который, и по его заявленію, царитъ въ Россіи. Отсутствіе общественнаго протеста въ Россіи заставляеть его не останавливаться на ужасахъ николаевщины въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ,—а о Польшѣ онъ говоритъ съ явнымъ состраданіемъ, и ужасается предъ тѣмъ желѣзнымъ игомъ, которое давить несчастную страну: разговоры съ поляками все-таки просвѣтили его отчасти, а разговоры съ русскими, попадавшимися ему въ Россіи, не могли не сбить его

¹⁾ Lettres sur la Russie, la Finlande et Pologne, par X. Marmier (Paris 1851).

съ толку; очевидно, онъ все встрѣчался съ «патріотами» узаконеннаго образа, или съ людьми, видѣвшими въ немъ французскаго сотрудника Бенкендорфа и Дуббеля: ибо рисковано было тогда говорить не только о Николаѣ Павловичѣ, но даже о будочникѣ, *уличенномъ* въ Петербургѣ въ убійствѣ и грабежѣ.

IX.

Война 1853—55 гг. породила, вообще, довольно много книгъ и памфлетовъ о Россіи—либо справочнаго характера, либо враждебно-шовинистическаго. Особаго интереса и та, и другая группа печатныхъ произведеній о Россіи для насъ не представляетъ. Слѣдуетъ замѣтить, что памфлеты черпаютъ свое фактическое содержаніе большею частью либо изъ Кюстина, либо изъ *Révélations* (уже отмѣченнаго перевода съ англійскаго, вышедшаго въ 1845 году). Главный позоръ Россіи—«самодержавный кнутъ»—играетъ, конечно, видную роль въ памфлетной литературѣ. Скажемъ нѣсколько словъ о двухъ-трехъ образчикахъ.

Въ книгѣ «Кнутъ и русскіе»¹⁾ Жерманъ де-Ланьи (лично побывавшій въ Россіи) высказываетъ о русскомъ самодержавіи рядъ мнѣній, успѣвшихъ, повидимому, стать къ концу царствованія Николая I ходячими во французскомъ обществѣ. Авторъ говоритъ, что прежде, при Иванѣ IV и Петрѣ I цари травили людей дикими животными и собственноручно рубили головы. «Теперь—варварство такое самое, какъ нѣкогда, только оно облекается въ болѣе лицемерная—и осмѣлюсь сказать—въ болѣе цивилизованная формы». Онъ настаиваетъ, что о Россіи распространяются въ Европѣ часто невѣрныя представленія,—благодаря самимъ русскимъ. «Привычка къ притворству и лести заходитъ у нихъ такъ далеко, что всѣ безъ исключенія дѣлаются тамъ сообщниками правительства съ цѣлью обманывать и вводить въ заблужденіе самую грубою ложью путешественниковъ», которые иначе могли бы узнать истину. Переходя къ жгучему вопросу о томъ, кто желаетъ въ Россіи воевать,—авторъ замѣчаетъ, что ни солдаты, ни крестьяне—ибо тѣ и другіе—безсловесные рабы и если бы ужъ возымѣли мысль о крестовомъ походѣ,—то противъ непосредственныхъ своихъ угнетателей. (Не надо забывать, что російская дипломатія въ 1853 году особенно много разглагольствовала о ревностномъ и благочестивомъ стремленіи, внезапно обуявшемъ вѣрноподанныхъ Николая Павловича, бороться за ключи отъ Гроба Господня). Такъ кто же хочетъ войны? Духовенство? Но авторъ смѣется надъ этою мыслью. «Царь управляетъ церковью, какъ онъ управляетъ свою армію и своими рабами». Царя въ синодѣ представляетъ «одинъ изъ его адъютантовъ, кавалерійскій офицеръ», «генераль Протасовъ управляетъ духовенствомъ, какъ полкомъ». Дворянство? Оно

¹⁾ Le Knout et les russes. Moeurs et Organisation de la Russie, par Germain de Lagny. Paris, 1853. (стр. 324).

въ такомъ же рабствѣ у царя, какъ всѣ другіе обитатели Россіи. Таково мнѣніе французскаго публициста объ участи русскаго народа въ подготовкѣ той войны, которую придворные лакеи всѣхъ ранговъ, мундировъ и рясы пытались изображать «народною» и «священною».

Очевидно, логика фактовъ оказалась могущественнѣе официальной лжи наиболѣе лживаго изъ всѣхъ тогдашнихъ правительствъ: не только одного Ланьи не удалось обмануть русскому самодержавію; мы встрѣчали въ политической прессѣ Франціи и Англіи того времени аналогичныя мнѣнія—о полной непричастности русскаго народа къ войнѣ, затѣянной отъ его имени.

Самодержавіе рисуется Ланьи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Полиція, главное орудіе власти,—всесильна, и человѣку, живущему въ Россіи, рекомендуется во избѣжаніе неприятностей,—быть ко всему и всѣмъ вполне равнодушнымъ: «быть гуманнымъ—настолько же воспрещено, какъ разговаривать о политикѣ». (Можно подумать, что Ланьи зналъ о неприятностяхъ, постоянно причинявшихся доктору Гаазу московскими властями). Произволь такъ, что «исчезновенія людей весьма часты. Результатъ ли это преступленій, или дѣйствіе таинственнаго царскаго правосудія, или мечь могущественныхъ лицъ этой страны? Никто не можетъ сказать». Полиція воруетъ, дѣлаетъ всякія беззаконія,—но вовсе не охраняетъ безопасности гражданъ: все ея вниманіе направлено на политическое шпіонство. «Полиція больше занимается мыслями каждаго, чѣмъ безопасностью всѣхъ». Если въ Россіи собираются три человѣка,—двое изъ нихъ шпіоны, — говорятъ (по увѣренію автора) сами русскіе.

«Россія—огромная казарма»,—резюмируетъ авторъ. Онъ приводитъ во всѣхъ подробностяхъ примѣры наказанія кнутомъ, шпирутенами, плетьюми,—и картина николаевскаго самодержавія выходитъ въ общемъ весьма живою (несмотря на нѣкоторыя утвержденія анекдотическаго характера,—впрочемъ, бывшія «на границѣ вѣроятнаго» въ тѣ времена). Любопытно, что о личности Николая авторъ хорошаго мнѣнія, и въ этомъ смыслѣ отличается отъ большинства независимыхъ писателей, занимавшихся тогдашнею Россіею. Для характеристики невѣжества касательно политическихъ тенденцій русскаго общества, отмѣтимъ упорно повторяемое утвержденіе о какихъ то много разъ якобы повторявшихся «вплоть до 1848 года» попыткахъ аристократіи и чиновниковъ—свергнуть или убить царя,—всегда кончавшихся неудачею, благодаря его мужеству и хладнокровію. Очевидно, тутъ мы имѣемъ дѣло съ «фольклорными» отзвучками 14-го декабря и дѣла петрашевцевъ: въ перепечатанномъ на Западѣ официальномъ извѣщеніи о петрашевцахъ—обозначены были чины участниковъ, что и сбило съ толку, повидимому, не одного Ланьи.

Маленькій шовинистическій памфлетъ Люрэна «Le Mannequin Russe»¹⁾ имѣетъ цѣлью уподобить всецѣло Россію манекену и

¹⁾ Le Mannequin russe. Pamphlet, par Louis Lurin (Paris 1854).

этимъ успокоить людей, боящихся наступившаго уже военного столкновения съ Николаемъ. Армія, флотъ, правосудіе, религія, администрація, правительство, цивилизація—все это въ Россіи будто бы автоматы — безсловесныя машины, повинующіяся своему господину. Жизни никакой въ Россіи нѣтъ, есть только маріонетки и автоматы, и ихъ 60 милліоновъ,—повторяетъ авторъ на всѣ лады. Законъ, правосудіе, судьи—все это въ Россіи лишь поддѣлки и украшенія, ибо для манекеновъ это не нужно, а рабство, неподвижность, молчаніе, страхъ—это все—настоящее. Таковы мнѣнія автора...

Въ заключеніе упомянемъ еще объ одномъ памфлетѣ, появившемся ужъ тогда, когда военный провалъ николаевского режима сталъ на очереди дня.

Вышедшая въ началѣ крымской войны и быстро потребовавшая новаго изданія книга Фредерика Лакруа ¹⁾ имѣла шумный успѣхъ, самыя распространенныя газеты, начиная съ «Figaro», ее обильно цитировали и, вообще, она, безспорно, оказала вліяніе на общественное мнѣніе. Въ основу ея положена «рукопись одного дипломата, долго жившаго въ Россіи», а также замѣтки путешественниковъ, очень приближенныхъ къ императору и двору; пользовался авторъ и раньше вышедшими сочиненіями о Россіи. Книга написана въ весьма спокойномъ тонѣ, съ подчеркнутымъ стремленіемъ къ полному безпристрастію. Хорошія стороны національнаго характера Лакруа отмѣчаетъ съ видимымъ удовольствіемъ. Согласно съ своимъ заявленіемъ въ предисловіи,—авторъ старательно исключилъ изъ книги всякія «личности», все, что касалось характеристики Николая и членовъ императорской фамиліи, — ибо цѣлью его было прежде всего говорить объ учрежденіяхъ страны, а не о личности ея обладателя.

Лакруа посвящаетъ самодержавію спеціальную главу (Le despotisme). Онъ настаиваетъ, что Россія — болѣе деспотическое государство, нежели Персія и Турція, даже болѣе, нежели Китай. Всюду, говоритъ онъ, абсолютизмъ смягчался хоть какими-нибудь традиціями, учрежденіями и т. п. въ Россіи же ничего подобнаго нѣтъ. При этомъ, «у русскихъ—деспотическій принципъ вооруженъ съ головы до ногъ», армія «удесятеряетъ его силу», и авторъ отмѣчаетъ весьма понятную заботливость Николая объ этомъ орудіи его власти. «Русское правительство есть идеаль деспотической власти; можно даже сказать, идеаль, отягченный всѣмъ самымъ чудовищнымъ, самымъ необычайнымъ, что только можетъ породить злоупотребленіе властью». Приводя примѣры самыхъ дикихъ и звѣрскихъ насилій русскаго абсолютизма надъ человѣческимъ достоинствомъ, честью, жизнью, надъ здравымъ смысломъ, надъ всѣми понятіями о правѣ и нравственности, Лакруа не перестаетъ напоминать, что все это лишь необходимыя, логическія послѣд-

¹⁾ Les Mystères de la Russie. Tableau politique et moral de l'empire russe, par M. Frederic Lacroix. Deuxième edition. Paris, 1854.

ствія русской политической системы. «Странности, противорѣчія, даже безуміе—все это понятно у судьи, который произноситъ свои приговоры по прихоти дурныхъ или хорошихъ страстей и можетъ послать человѣка на смерть подъ вліяніемъ тяжелаго сна или дурного пищеваренія». «Съ русскимъ деспотизмомъ споръ невозможенъ. Приказъ, подписанный или отданный господиномъ, не лѣтъ, невѣроятенъ; ничего не значить, исполненіе должно послѣдовать немедленно. То, что царь говоритъ—*должно* быть хорошо, то, что онъ хочетъ—должно быть выполнимо». Конечно, въ главѣ о самодержавіи почетное мѣсто авторъ отводитъ кнуту (le Knout), «сквозь-строю» (который пишется у него такъ: skross-stroï), палкамъ, сѣченью и т. д. и т. д.

Характерно, что большая часть иностранцевъ также говорила о кнутѣ и палкахъ непосредственно вслѣдъ за анализомъ основъ нашей политической самобытности. Авторъ не лжетъ, не преувеличиваетъ въ своихъ описаніяхъ; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствуетъ, что ему прямо могутъ не повѣрить на Западѣ. «Россия—классическая страна чудесъ; здѣсь происходятъ вещи столь необычайныя, что тотъ, кто не знаетъ этой удивительной страны, отнесетъ ихъ къ области сказокъ и лжи», говоритъ онъ. Въ доказательство онъ приводитъ желаніе Николая, чтобы сгорѣвшій Зимній дворецъ былъ выстроенъ въ одинъ годъ. «Этотъ *tour de force* былъ исполненъ; но изъ шести тысячъ рабочихъ, занятыхъ этимъ трудомъ втеченіе суровѣйшей зимы, большое число умерло отъ переутомленія и холода». Авторъ отмѣчаетъ тѣ страхи, которымъ подвержена эта самая жестокая и неограниченная власть. Страшную силу этой власти (въ тѣ времена), полнѣйшее отсутствіе оппозиціи, всеобщее рабство, самое полное, самое унизительное, самое восточное рабство всего народа предъ своимъ владыкою—онъ признаетъ всецѣло; «русская знать лежитъ на животѣ предъ самодержцемъ», замѣчаетъ онъ. И все таки—власть неспокойна; она бдитъ, подслушиваетъ, шпионитъ, варварски караетъ за малѣйшій проблескъ свободной мысли. «Ни въ одной странѣ шпионство не организовано лучше, нежели въ Россіи. Въ Петербургѣ стѣны имѣютъ уши»; въ каждомъ домѣ, въ каждомъ публичномъ мѣстѣ—шпионы и предатели. «Почтовая тайна—естъ чистѣйшая фикція. Никакая печать не священна для русской полиціи. И это признается (полиціею) громко, гласно, какъ самая простая вещь». Частные люди, даже знать, иногда прямо боятся получать письма иначе, какъ по почтѣ, именно оттого, что почта, по крайней мѣрѣ, прочитываетъ и цензируетъ письма, а если получишь чрезъ посыльнаго—то тамъ вдругъ окажется что нибудь неблагонадежное! Даже слуги великой княгини Елены Павловны убоялись какъ-то принять письмо посланное ей англичаниномъ Рэксомъ—не по почтѣ, а чрезъ лакея. «Всѣ русскіе воспитаны въ суевѣрномъ страхѣ предъ тѣмъ, что напоминаетъ идею власти. Повиноваться и молчать, обожать самодержца, если возможно,—бояться его, если нѣтъ другого чувства, отречься отъ себя самого, чтобы

все отдать требующимъ властителямъ, подавить всякій порывъ ума или сердца къ независимости, примириться съ тѣмъ, чтобы втеченіе всей своей жизни быть только солдатомъ подъ ружьемъ, пользоваться слухомъ и зрѣніемъ, только чтобы видѣть и слышать приказанія или разрѣшенія власти, обречь себя на роль нѣмого въ области политики, исторіи, философіи и религии, приучиться къ притворству, къ обману, къ лести и низости—таковъ катехизисъ, по которому русскіе учатся общественной жизни». Безграничное раболѣпіе знати предъ царемъ особенно поражаетъ Лакруа. «Царь есть центръ стремленія всѣхъ мыслей, ось, вокругъ которой движется все это странное общество. Нужно дѣлать столько вещей, чтобы ему понравиться, и избѣгать столько, чтобы его не разгнѣвать, что этотъ смертный богъ, въ нѣкоторомъ родѣ, составляетъ единственную заботу русской знати. Тѣ, которые его не любятъ,—боятся его». Удивляетъ нашего автора то, «что въ Россіи демонстративныя изъявленія любви подданныхъ къ монарху — обязательны»; на орденъ онъ смотритъ лишь какъ на средство сдѣлать всѣ эти «преданности» болѣе ретивыми. Въ то время какъ въ другихъ странахъ, пишетъ онъ, орденъ предназначенъ для вознагражденія заслугъ предъ отечествомъ, «въ Россіи это—средство вознаградить за низость и возбудить честолюбіе придворныхъ». Лживость при дворѣ онъ констатируетъ страшнѣйшую. «Императоръ и хотѣлъ бы не быть обманываемымъ, но всегда имъ будетъ; печальная участь ! Онъ даже не узнаетъ никогда въ точности положенія своихъ обширныхъ владѣній, какія провинціи страдаютъ, какія части населенія жалуются, какихъ улучшеній требуютъ тѣ или другія части имперіи». Обманъ русскихъ царедворцевъ, длаяшійся «изъ царствованія въ царствованіе», Лакруа считаетъ такимъ невообразимымъ, что европейцу даже и понять трудно всѣ размѣры этой наглой царедворческой лжи. Только лесть этихъ вельможъ по размѣрамъ своимъ можетъ сравниться съ ихъ лживостью. «Развѣ неизвѣстно, что въ 1837 году знатной провинціи рѣшила превратить домъ,—въ которомъ остановился царь во время одного своего путешествія, — въ часовню, гдѣ бы ежедневно возносились молитвы о сохраненіи дней этого государя?» Лакруа не видитъ никакой перемѣны даже въ способахъ лести и обмана при Николаѣ I — сравнительно съ эпохою, напр. Екатерины: если знаменитое путешествіе Екатерины на югъ было обставлено всевозможными бутафорскими деревнями и театральнымъ благополучіемъ, то при путешествіи Николая съ императрицею въ Одессу,—по всей дорогѣ власти устраивали аналогичныя декораціи, кокетливо разукрашивали постройки и т. д.¹⁾ Во всемъ этомъ удостоивъри автора *очевидцы* этихъ стараній преданныхъ властей — два французскихъ путешественника, случайно находившихся на мѣстѣ дѣйствія. Предательство при дворѣ также приводитъ Лакруа въ недоумѣніе своею обнаженностью и безцеремонностью.

¹⁾ „Тотъ же корыстный шарлатанизмъ, тѣ же льстивыя уловки, тѣ же стратемы — и при путешествіи вышшняго самодержца въ тѣ же губерніи“, говоритъ онъ.

«Деспотизмъ принижаетъ всѣхъ тѣхъ, которые подвергаются его дѣйствию», онъ оподляетъ характеры и ожесточаетъ сердца до того, что дѣлаетъ ихъ чуждыми всякому чувству милосердія, деликатности и благородства. «Въ Россіи, какъ только какой нибудь придворный впадаетъ въ немилостей,—всѣ отъ него отдаляются. Нѣтъ у него уже друзей, покровителей; всю округу подвергшейся заклятію особы образуется пустыня; это—Каинъ послѣ своего преступленія, это—средневѣковой отлученный, которому отказывали въ водѣ и соли, и прикосновенія котораго боялись».

Въ картинѣ, рисуемой Лакруа, вся русская жизнь, по мысли правительства, *должна* быть ничѣмъ инымъ, какъ только эманацией, исходящей отъ самодержца; и въ матеріальной и въ духовной области никто и ничто не должно имѣть самостоятельнаго существованія. «Самодержецъ есть самъ по себѣ и папа, и соборъ. Онъ рѣшаетъ самые трудные богословскіе вопросы, модифицируетъ богослуженіе, какъ желаетъ, заставляетъ принять новыя вѣрованія, декретируетъ святыхъ—и отставляетъ ихъ. Императоръ Николай настолько хорошо понимаетъ, что религія, какъ на нее смотреть и какъ ее практикуютъ въ его имперіи, необходима для его деспотизма, что онъ безжалостенъ ко всему тому, что можетъ посягнуть на это основаніе его могущества».

Въ обрисовкѣ дикой, неистовой свирѣпости полиціи относительно народа, ея безграничной продажности, продажности всей администраціи сверху до низу, Лакруа сходится съ другими авторами. И онъ не видитъ возможности для абсолютизма помочь бѣдѣ, хоть немного измѣнить администрацію къ лучшему. «Зло неизлѣчимо. Впрочемъ, царь и не попытается его излечить; онъ слишкомъ заинтересованъ въ сохраненіи этого порядка вещей, чтобъ не стараться его поддержать. Очевидно, что если бы его подчиненные агенты поднялись въ нравственномъ отношеніи, то онъ бы нашель въ нихъ безконечно менѣ послушанія и готовности исполнять его деспотическія приказанія». Больше всего возмущаетъ нашего автора, что эта самая, столь безжалостная и свирѣпая полиція «относится съ совершенно отеческою снисходительностью къ вограмъ», съ которыми входитъ въ соглашеніе насчетъ дѣлежа добычи...

Другія части книги Лакруа не относятся непосредственно къ нашей темѣ. Безотрадное впечатлѣніе отъ всей картины,—картины глубочайшаго рабства, гдѣ рабы душатъ и угнетаютъ другъ друга,—и всѣ вмѣстѣ являются безсловеснымъ стадомъ въ рукахъ общаго владыки, гдѣ власти сверху до низу творятъ неслыханныя преступленія—это впечатлѣніе отъ книги Лакруа должно было смягчиться (съ точки зрѣнія его тогдашнихъ французскихъ читателей)—новою нотой, почти невѣдомою его предшественникамъ: онъ очень скептически относится къ арміи и флоту Николая I и не вѣритъ въ ихъ жнимую несокрушимость. Вспомнимъ славянофила и патріота Хомякова, который въ Крымскую кампанію тоже *не желалъ* побѣды русской арміи,—и воздадимъ должное тому строю, который умѣлъ объединить на единомъ чувствѣ и враговъ Россіи, и ея дѣтей: ибо, ко-

нечно, будь книга Лакруа какимъ нибудь чудомъ доступна тогда Хомякову,—онъ, можетъ быть, кое-съ чѣмъ не согласился бы или оскорбился,—но для него *тоже* мрачность общей картины *смятилась бы* надеждою, что силы Николая I окажутся не такими огромными, какъ ихъ рисовала легенда...

X.

Нужно сказать, что литература о Россіи въ періодъ Крымской войны, вообще, не такъ интересна тутъ для насъ, какъ можно было-бы ожидать: за вычетомъ шовинистической брани противъ непріятели мало что остается такого, что стоило бы сколько нибудь подробно отмѣтить. Больше всего это перепѣвы Кюстина, «Révélations» и другихъ старыхъ книгъ.

Анонимная книга о Россіи «La Russie et la Turquie devant l'Europe» ¹⁾, несмотря на свои 478 страницъ, не говоритъ ничего маломальски обстоятельнаго о Николаѣ и его режимѣ. Она больше занята дипломатическою исторіею 1853—54 г.г., турецкими дѣлами, значеніемъ восточной войны для Европы и пр. О Николаѣ I даются свѣдѣнія отрывочныя и безпорядочно разбросанныя. Онъ очень крѣпкаго здоровья. Любитъ носить мундиръ дивизионнаго генерала вообще, любитъ военныхъ, и всякій разъ, какъ Франція отправляла къ нему посломъ генерала,—царь встрѣчалъ его съ большой симпатіей. Поддерживаетъ очень суровую дисциплину не только въ арміи, но и въ своей семьѣ, и при дворѣ, и среди всѣхъ, кто его окружаетъ и пр. и пр., все въ такомъ же родѣ. Составилось лубочное представленіе объ отношеніи русскихъ къ Николаю, вѣчно повторявшееся всѣми, кто долженъ былъ наскоро написать о немъ, что подъ перо попадетъ: онъ считается отцомъ своего народа, послѣ царя Небеснаго народъ обожаетъ его больше всего. «Лучшій день для русскаго въ его жизни—это когда его императоръ обращается къ нему съ словомъ», и т. д. Все это находимъ и въ названной книжкѣ; впрочемъ ея авторъ такъ торопится перейти къ своей непосредственной темѣ,—что личность Николая и русскій режимъ затронуты у него въ самой бѣглою, поверхностною, конспективною формѣ. Это—справочная книжка для большой публики, написанная по поводу войны и предназначенная для ориентировки читателя газетъ, чтобъ удобнѣе было слѣдить за происшествіями.

Книга Дюссье ²⁾, профессора Сень-Сирскаго военнаго училища, разсматриваетъ начавшійся конфликтъ съ военной точки зрѣнія и съ этой же стороны Россія его исключительно интересуется. Для

¹⁾ Полное заглавіе: „La Russie et la Turquie devant l'Europe. Aperçu historique sur ces deux états. Gouvernement, religion, moeurs et coutumes Portraits de Nicolas I et d'Abdul-Medjid. Testament politique et authentique de Pierre le Grand. Causes de la guerre actuelle. Campagnes de 1853—1854. Paris (Morel éditeur), 1854.

²⁾ Force et faiblesse de la Russie au point de vue militaire, par L. Dussieux, professeur à l'école impériale militaire de Saint-Cyr. Paris 1854.

насъ тутъ любопытны лишь нѣкоторыя мелькомъ высказанныя соображенія автора о россійскомъ самодержавіи. Онъ не надѣется на скорый миръ, какія бы пораженія ни пришлось потерпѣть Россіи: «самодержцы не приучили насъ къ тому, чтобы мы видѣли, что они принимаютъ въ расчетъ потери и убытки, налагаемые войною на ихъ подданныхъ». Это по части матеріальныхъ послѣдствій пораженія; что же касается моральныхъ, то здѣсь дѣло устраивается еще проще: потерянное сраженіе объявляютъ выиграннымъ, и «вмѣсто траура—заставляютъ служить благодарственное молебствіе». Идетъ дальше рѣчь и о «варварскомъ преслѣдователѣ польскихъ католиковъ и униатовъ» и тому подобные комплименты, но по существу не говорится почти ничего. Бюрократію русскую онъ характеризуетъ такъ: «русская бюрократія—формалистична, погружена въ бумажное производство, ей свойственна волокита. Она нагла и алчна». Вообще же авторъ, несмотря на свою вражду къ Россіи, пользовался по видимому, только благопріятными русскому правительству трудами (Чихачевымъ, Демидовымъ, Гакстгаузеномъ), а поэтому небольшая главка о русскомъ правительствѣ у него вышла очень блѣдной и невѣрно въ смыслѣ фактовъ. Если Дюссье хотѣлъ дать справочную книгу о Россіи, то Баро Рулонъ задался болѣе широкою цѣлью ¹⁾: онъ указываетъ на Россію какъ на могучаго и страшнаго врага Европы и въ доказательство излагаетъ русскую исторію. Книга написана подъ вліяніемъ Кюстина, на котораго авторъ и ссылается. На подданныхъ Николая шовинистъ-авторъ смотритъ какъ на «стадо», управляемое «кнутомъ»—и въ войнѣ союзниковъ противъ Россіи усматриваетъ самозащиту цивилизаціи противъ варварства. Эта книга—отраженіе взглядовъ клерикальной части французскаго общества, которую, какъ сказано, Николай Павловичъ вооружилъ уже давно противъ Россіи преслѣдованіемъ польской церкви и униатовъ; клерикалы ненавидѣли его поэтому не меньше, нежели прогрессисты: этотъ оригинальный «блокъ» общественнаго мнѣнія Франціи удалось устроить только одному Николаю изъ всѣхъ крупныхъ и мелкихъ абсолютныхъ монарховъ тогдашней Европы.

Скажемъ два слова о книгѣ, хотъ и не французомъ написаной, — но слѣды вліянія которой отразились на памфлетахъ и памфлетныхъ статьяхъ, посвященныхъ личности царя 54—55 г.г. Книга «La Vérité sur l'empereur Nicolas» ²⁾—написана, безспорно, русскимъ человѣкомъ,—за котораго и выдаетъ себя анонимъ. Онъ глубочайшимъ образомъ ненавидитъ Николая, считаетъ его лицемѣромъ и утверждаетъ, что какъ во время декабрьскихъ событій 1825 г., такъ и въ эпоху бунта военныхъ поселеній государь проявилъ будто-бы малодушіе. Онъ подчеркиваетъ какъ выдающіяся черты его характера — деспотизмъ и лицемѣріе. Авторъ отмѣчаетъ также жесто-

¹⁾ Dangers pour l'Europe. Origine progrès et l'état actuel de la puissance russe. Question d'orient au point de vue politique, religieux et militaire, par C. H. Barault-Bouillon (Paris 1854).

²⁾ La vérité sur l'empereur Nicolas. Histoire intime de sa vie et de son regne, par un russe. Paris, 1864 (319 страницъ).

кость «онъ дошелъ до того, что единственный между всѣми современными государями, онъ часто усиливаетъ наказанія, къ которымъ приговариваютъ судебныя мѣста и военные суды».

Эта книга прямо и непосредственно повліяла, между прочимъ, на «Исторію» Николая, написанную Огюстомъ Роланомъ и вышедшую въ свѣтъ уже въ 1855 году ¹⁾. Роланъ тоже настаиваетъ на тенденціи Николая не смягчать, а усиливать суровость судебныхъ приговоровъ, и приводитъ разсказъ о княгинѣ Сангушко, умолявшей Николая о смягченіи участи мужа, котораго отправляли въ ссылку въ Сибирь, — причемъ выслушавъ мольбу, Николай велѣлъ принести приговоръ и собственноручно приписалъ: *«пшк.мв!»* Въ книгѣ упоминается о многихъ звѣрствахъ режима; говорится объ «умиротвореніи» Польши, о томъ, какъ было приказано забирать дѣтей у нуждающихся лицъ въ Польшѣ — и отдавать ихъ въ кантонисты, причемъ, чтобы установить списокъ жертвъ, полицейскіе комиссары предварительно пригласили всѣхъ нуждающихся дать о себѣ и своихъ семьяхъ свѣдѣнія, якобы для раздачи имъ вспомошествованій ²⁾ и т. п. Любопытно, что авторъ, повторяя вмѣстѣ съ другими мнѣніе о чувствительности Николая къ отзывамъ иностранной печати, утверждаетъ, что его больше всего беспокоятъ именно газеты, а не книги, — *«исключая книгу 1. Кюстина»*. Роланъ повторяетъ извѣстіе русскаго анонима (о которомъ мы только что говорили), — что Николай старательно собираетъ все появляющееся о немъ на иностранныхъ языкахъ: книги, брошюры, альбомы съ наклейками газетныхъ вырѣзокъ — все это хранилось въ его кабинетѣ и постоянно пополнялось. Русскій консулъ въ Санъ-Франциско получилъ орденъ Станислава только за то, что прислалъ Николаю номеръ газеты съ извѣстіемъ съ Сандвичевыхъ острововъ: въ газетѣ излагался разговоръ американскаго представителя съ мѣстнымъ королемъ Камегамехою, въ каковомъ разговорѣ шла рѣчь о Николаѣ Павловичѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что французскія газеты 1854—55 г.г., нападая на Николая, больше повторяли то, что было имъ извѣстно изъ 30—40-хъ г.г., вариировались лишь тѣ факты и впечатлѣнія, — какіе дала публикѣ охарактеризованная выше литература о Николаѣ. Впрочемъ, нападки эти, такъ сказать, имѣли преимущественно на сей разъ шовинистическое направленіе и происхожденіе: Николая громили за «ненасытное честолюбіе», за стремленіе «поглотить Турцію» и т. д. — О деспотизмѣ и произволѣ — газетамъ, выходившимъ въ свѣтъ при режимѣ Морни и Персиньи, — говорить уже было не столь ловко, какъ при Людовикѣ Филиппѣ или при второй республикѣ.

Во всякомъ, случаѣ, — ни одна война Наполеона III (ни, даже, война съ Австріей 1859 г.) не была принята такъ сочувственно

¹⁾ Auguste Rolland, Histoire politique et anecdotique du czar Nicolas I, empereur des russes (Paris 1885).

²⁾ Rolland. Histoire polit. et anec. du czar Nicolas I, стр. 61.

даже непримиримыми врагами французскаго императора, — какъ именно война противъ Николая. Сидѣвшій въ тюрьмѣ республиканецъ и революціонеръ Барбесъ — съ живѣйшимъ удовольствіемъ узналъ о войнѣ съ Россіей (и даже, одно его частное письмо съ выраженіемъ этихъ чувствъ, — перехваченное администраціей, было причиною того, что Наполеонъ III его помиловалъ). Консервативная часть общества вспоминала уніатовъ, ссылку ксендзовъ въ Сибирь, засѣканіе до смерти католическихъ монахинь; республиканцы и социалисты говорили о столпѣ всевѣчной реакціи, о разгромѣ Польши, объ усмирении Венгрии — и всѣ радовались, съ изумленіемъ видя, что ихъ суевѣрный страхъ предъ «русскимъ колоссомъ» былъ напрасенъ...

О русскихъ солдатахъ, тысячами безропотно гибнувшихъ въ Крыму — въ Парижѣ думали такъ же мало, какъ и въ самомъ Петербургѣ. Самодержавіе уже научило Европу ненавидѣть тотъ народъ, который больше всего отъ этого самодержавія страдалъ, изъ котораго оно такъ хищнически высасывало жизненные силы. Немного было во время войны голосовъ, отмѣтившихъ, что не надо смѣшивать Россію съ тѣми, кто ею управляетъ¹⁾. Чтобы указать на одинъ такой голосъ и, вмѣстѣ съ тѣми, чтобы разставаясь съ нашею темою, дать читателю понятіе о популярной ходячей оцѣнкѣ николаевскаго режима, какъ она сложилась окончательно въ этой роковой, заключительный моментъ его существованія, — мы скажемъ нѣсколько словъ о самомъ выдающемся изъ французскихъ юмористическихъ сборниковъ эпохи Крымской войны.

XI.

Вышедшая въ 1854 году карикатурная исторія Россіи, иллюстрированная Гюставомъ Дорэ²⁾ является, вообще, образчикомъ тѣхъ общихъ представленій о Россіи, какія были въ это время распространены въ средней публикѣ на Западѣ. Кнутъ, нагайки, цѣлыя страницы кроваво-красныхъ пятенъ, пытки, рабы лежащія связанными «пачками» на карточномъ столѣ, гдѣ игроки ихъ проигрываютъ и выигрываютъ — вотъ главное содержаніе иллюстрацій. Конечно, дипломатической злобѣ дня — и Николаю Павловичу, — отведено чрезвычайно много мѣста. Вотъ «большой балъ при русскомъ дворѣ», гдѣ изображенъ Николай, а вокругъ него — спины придворныхъ, ибо они такъ низко кланяются, что головъ совсѣмъ не видно. Подпись гласитъ, что изъ этого рисунка всякій можетъ убѣдиться въ справедливости «уже весьма распространеннаго мнѣнія», будто царь превосходитъ ростомъ всю свою націю. Вотъ — театр:

¹⁾ Хотя о непричастности русскаго народа къ объявленію войны, объ отсутствіи народа въ этомъ смыслѣ — говорилось.

²⁾ Histoire dramatique, pittoresque et caricaturale de la Sainte Russie (Paris, 1854).

въ ложѣ, надъ которой прикрѣплены двѣ перекрещивающіяся нагайки съ черепомъ посрединѣ, стоитъ фигура; всѣ зрители стоятъ безъ шапокъ и у всѣхъ взоры устремлены къ этой ложѣ; капельмейстеръ изъ оркестра лицомъ обращенъ къ стоящей массѣ и дирижируетъ имъ палочкой, — а сзади, на сценѣ, изображены «французскіе артисты, весьма удивленные тѣмъ, что имъ предпочтительно даютъ играть роль зрителей». Далѣе, съ прямой ссылкой на Кюстина, изображенъ лежащій въ постели путешественникъ, а изъ стѣны, изъ подъ стола, изъ подъ пола, изъ занавѣсокъ выглядываютъ шпионы. Въ нѣкоторыхъ карриатурахъ подчеркивается изобиліе шпионовъ женскаго пола въ тогдашней Россіи. Лживость военныхъ донесеній также отмѣчена: на одномъ рисункѣ изображены горцы, сваливающіе на идущихъ внизу русскихъ солдатъ уничтожающія весь отрядъ глыбы, — а на другомъ — блестящая иллюминація въ Петербургѣ по поводу этой «побѣды», сообразно съ донесеніемъ генерала Остенъ-Сакена. Вообще, лживость и раболѣпіе бюрократіи отмѣчены нѣсколько разъ. На стр. 161-й напр., изображенъ Николай, а предъ нимъ губернаторы помахиваютъ кадильницами, изъ коихъ исходитъ еиміамъ, одинъ же изъ нихъ стоитъ на колѣняхъ и лицомъ прижался къ николаевскимъ ботфортамъ. Особенно злобны карриатуры, осмѣивающія самоувѣренность, царившую въ высшихъ сферахъ Россіи предъ этой страшной Крымской войной. Книга издана въ 1854 году — но тамъ есть зловѣщее предсказаніе: лежитъ бумага съ надписью: «объявленіе Франціи—войны», а подъ бумагою подпись: «извѣщеніе о кончинѣ императора Николая I». Частая въ русскихъ официальныхъ устахъ угроза 1812-мъ годомъ, т.-е. возможностью его повторенія, — какъ извѣстно, такъ пріѣлась, что ничего кромѣ насмѣшекъ уже не вызывала (это обстоятельство, между прочимъ, отмѣчено было спустя нѣсколько лѣтъ и нашимъ Добролюбовымъ). На стр. 187 изъ игрушечнаго сундучка выскакиваетъ на пружинкѣ фізіономія страшнаго вида, у которой на лбу изображена цифра: 1812. — на знамени въ рукѣ: 1812, и, даже, въ раскрытой пасти та же цифра: 1812. Предъ сундучкомъ хохочетъ французскій солдатъ, а подъ карриатурой подпись: «Le diable des petits enfans». Впрочемъ не надъ народомъ тутъ смѣялись; къ народу русскому злобы нѣтъ. Вотъ изображены погибающіе въ бою русскіе солдаты, которыхъ гонятъ прямо на французскіе штыки чьи-то руки съ нагайкою; одинъ французскій солдатъ говоритъ другому: «пощадимъ эти бѣдныя жертвы, которыя противъ своей воли борятся съ нами».

Такъ, жалостью къ русскому народу и презрительнымъ смѣхомъ надъ внезапно обнаружившимся безсиліемъ его угнетателей и мучителей, кончается эта французская литература «сказаній иностранцевъ» о николаевскомъ режимѣ, которую мы пытались охарактеризовать въ настоящемъ очеркѣ. Страхъ и ненависть къ режиму — смѣнились отвращеніемъ и презрѣніемъ. Но, даже, для краснаго словца и въ разгарѣ войны — враги не всегда включали въ эти чувства *весь* русскій народъ: — они оставили его въ сторонѣ. Они къ

нему *никакъ* не отнеслись, ибо онъ въ ихъ глазахъ тогда былъ *ничтъмъ*. Впрочемъ, вѣдь всѣ министры Николая I и онъ самъ рѣшительно никогда ничего противъ такого мнѣнія иностранцевъ о русскомъ народѣ имѣть не могли и не имѣли: вѣдь они и сами въ сущности всецѣло этого мнѣнія придерживались.

Въ дни, когда русскій народъ освобождается отъ вѣками тяготѣвшаго надъ нимъ режима, находятся люди, которые выражаютъ глубокомысленныя опасенія насчетъ «паденія русскаго престижа», «расчлененія Россіи» и прочихъ ужасовъ, грозящихъ государству въ случаѣ его окончательной эмансипаціи отъ абсолютистскаго ига. Мы видѣли, каковъ былъ истинный характеръ того «престижа», которымъ пользовалась Россія, пока она находилась на положеніи вотчины; тѣ «свободы, генія и славы палачи», о которыхъ писалъ Лермонтовъ, — убивали однимъ фактомъ своего существованія и свободу, и геній, и славу страны. Они дѣлали Россію и жалкою, и въ концѣ-концовъ, слабою, — и не ихъ вина, если имъ не удалось превратить ее въ Турцію окончательно. На ихъ бѣду — русскій народъ оказался великимъ народомъ — и оставаться вотчиною не пожелалъ.

Евгеній Тарле.

Къ процессу И. М. Ковальскаго.

Нѣсколько сходовъ по поводу того, въ какой формѣ устроить демонстрацію во время суда надъ Ковальскимъ и его товарищами, не дали никакихъ результатовъ и не привели ни къ какому соглашенію, такъ что вопросъ остался открытымъ, и предоставлено было каждому дѣйствовать на свой рискъ и страхъ, если сами событія не укажутъ ясную для всѣхъ форму, но собраться у зданія суда рѣшили всѣ. И дѣйствительно съ самаго утра въ день суда (19-го іюля 1878 года) со всѣхъ сторонъ къ зданію, гдѣ долженъ былъ происходить судъ, стала стекаться публика. Къ самому зданію собственно насъ не допускали, и мы собрались на противоположной сторонѣ, около трактира Попудова. Когда насъ собралось всего еще только человекъ 30—40, явился приставъ „Каракатица“ и сталъ „убѣдительно“ просить насъ разойтись. Его осмѣяли, и онъ ушелъ ни съ чѣмъ. За нимъ явился съ тѣмъ же предложеніемъ полицеймейстеръ, потомъ еще кто-то. Грозили разогнать насъ пожарнымъ насосомъ; затѣмъ, окруживши насъ предварительно казаками, заявили намъ, что если, послѣ троекратнаго приказанія разойтись, этого приказанія не исполнимъ, въ насъ будутъ стрѣлять. Но всѣ эти угрозы не подѣйствовали, и насъ въ концѣ концовъ все-таки оставили въ покоѣ, получивши только наше согласіе на то, чтобъ не стоять толпой, а гулять по тротуару небольшими группами и не пытаться переходить на ту сторону, гдѣ судъ. На это мы согласились, и полиція удалилась, а взамѣнъ ея вскорѣ появилось достаточное количество шпионовъ всякаго вида, болѣе или менѣе подходящаго къ виду студента тогдашняго времени: въ косовороткахъ, синихъ очкахъ, широкополыхъ шляпахъ и т. д.; но большей частью сейчасъ же узнаваемые, они съ гикомъ и смѣхомъ выпроваживались изъ круга.

5 дней дежурили мы у суда. Кто имѣлъ обязательныя занятія, уходилъ и опять возвращался. Кто занятій не имѣлъ, тотъ и совсѣмъ не уходилъ до поздняго вечера, когда въ судѣ кончались засѣданія. Тутъ же въ трактирѣ закусывали, пили чай и сюда же приходили изъ суда во время перерывовъ тѣ немногіе счастливыя, которые, подъ видомъ родственниковъ подсудимыхъ, были допущены въ судъ. Они дѣлали доклады обо всемъ, что тамъ происходитъ и опять уходили туда, а тутъ комментировали ихъ доклады, дѣлали предположенія, догадки на счетъ приговора и волновались.

Съ каждымъ днемъ публики все прибавлялось и прибавлялось. На пятый день къ вечеру народу ужъ собралось очень много. Говорили потомъ, что во время приговора около суда было тысячи три человекъ, но я думаю,

что это преувеличено, хотя къ этому времени собралась масса посторонней публики—то ли сочувствующихъ, то ли просто любопытствующихъ. Въ обѣдъ на пятый день докладчикъ нашъ сообщилъ намъ, что пренія сторонъ окончены, судъ удалился для совѣщанія и къ вечеру можно было ждать приговора. Волнующее ожиданіе охватило всѣхъ, и это состояніе съ каждой минутой становилось напряженнѣе. Будутъ или не будутъ смертные приговоры? Этотъ вопросъ гвоздемъ сидѣлъ въ головѣ. Вся публика высыпала изъ трактира на улицу и выстроилась на тротуарѣ противъ суда. Сюда пригнана была масса казаковъ, которые выстроились на лошадяхъ лицомъ къ намъ сплошнымъ рядомъ съ пиками, направленными прямо въ насъ, чуть не касаясь насъ. Казалось, при малѣйшей попыткѣ сдѣлать хоть маленькое движеніе впередъ, неминуемо наткнешься на казацкую пику. На противоположной сторонѣ разставлены были солдаты съ ружьями. Сколько времени мы тутъ простояли противъ мордъ казацкихъ лошадей и пикъ—не знаю; знаю только, что ожиданіе было самое томительное. На казаковъ и на ихъ пики никто, я думаю, и не смотрѣлъ. Всѣ глаза направлены были на окна суда. Вотъ зажглись огни, мелькають какія-то фигуры. Напряженная тишина. Слышно только стукъ копытъ казацкихъ лошадей, которыхъ казаки осаживають отъ времени до времени немного назадъ, когда онѣ ужъ слишкомъ къ намъ приближаются. Вдругъ съ противоположнаго тротуара раздается пронзительный, нервно вздрагивающій женскій голосъ, въ которомъ слышатся рыданія: „Ковальскому смертная казнь! Ковальскому смертная казнь!“ Это кричала Галина Чернявская, которая, выбѣжавъ первой изъ суда и не имѣя возможности за войскомъ и казаками перебраться на нашу сторону, извѣщала насъ оттуда о приговорѣ. Этотъ крикъ какъ волшебствомъ въ одинъ мигъ перебросилъ насъ на ту сторону. Какъ мы тамъ очутились, какъ не напоролись на устремленная на насъ пики—я не могу понять и теперь. Знаю только, что я увидѣла себя среди огромной толпы около большого камня, на которомъ стояла Галина Чернявская и все тѣмъ же душой надрывающимъ голосомъ продолжала выкрикивать: „Ковальскому смертная казнь! Ковальскому смертная казнь!“ Въ отвѣтъ на это съ разныхъ сторонъ послышались крики: „Шемякинъ судъ! Башибузуки! Палачи!“ и т. п. Тутъ солдаты вышли изъ своей пассивной роли и прикладами стали оттѣснять насъ въ боковую улицу. При этомъ одинъ изъ солдатъ, вошедши въ азартъ, ударилъ прикладомъ маленькаго мальчика лѣтъ пяти, который стоялъ тутъ же не вдалекѣ около какой-то лавочки. Бывшій въ эту минуту вблизи отъ этого мѣста и видѣвшій эту возмутительную выходку Виттенбергъ ¹⁾ отвѣтилъ на нее выстрѣломъ изъ револьвера въ солдата, послѣ чего въ насъ сдѣлано было два залпа, которыми убито было двое и ранено еще, кажется, двое. Стрѣляли еще нѣкоторые другіе съ нашей стороны, но раньше ли залповъ солдатъ, одновременно ли или послѣ—я ужъ не могу сказать. Остановиться подбирать убитыхъ и раненыхъ не было никакой возможности; сзади напирала толпа и подгоняли прикладами солдаты. Перешагнувъ черезъ упавшихъ, отодвигались дальше. Черезъ двѣ три улицы солдаты насъ оставили, и мы толпой отправились на Приморскій бульваръ,

¹⁾ Повѣшенъ въ 1879 г. въ Николаевѣ.

Ред.

гдѣ удивленная такимъ появленіемъ мирно гуляющая публика, окружившая насъ изъ любопытства, услышала такую рѣчь: „Господа! Вы вотъ тутъ гуляете, веселитесь, а недалеко отсюда, на Гулевой улицѣ людей приговариваютъ къ смертной казни, другихъ прямо на улицѣ убиваютъ. Неужели это васъ не возмущаетъ?“ и т. д. въ этомъ родѣ. Но стали появляться какія-то темныя личности съ очень ясными намѣреніями, и мы разсыпались кто куда. Въ эту же ночь начались массовые аресты, которые продолжались и въ послѣдующіе дни. Сначала арестовывали извѣстныхъ почему либо полиціи „подозрительныхъ“ лицъ, затѣмъ хватали прямо на улицѣ всякаго, на кого бывшіе на Гулевой шпіоны указывали, что онъ тамъ былъ во время демонстраціи. Для этого по городу разъѣзжали и расхаживали патрули, а съ ними шпіонъ, по указанію котораго они и хватали. Относительно Ковальскаго все-таки надѣялись, что его помилуютъ; какъ-то не вѣрилось еще, что къ политическому преступнику, не цареубійцѣ, примѣнять смертную казнь, но 2-го августа мы узнали, что онъ казнень.

Хр. Г. Гринбергъ-Копъ.

Первое мая въ Россіи.

Въ декабрь 1888 года, на конгрессѣ въ С.-Люи, Американская Федерация Труда постановила организовать 1-го мая 1890 г. повсемѣстно манифестацію рабочихъ съ цѣлью громко заявить о своихъ требованіяхъ въ области рабочаго законодательства.

Въ іюнь 1889 года въ Парижѣ состоялся первый международный социалистическій конгрессъ, который рѣшилъ устроить въ опредѣленный день международную демонстрацію рабочихъ, такъ чтобы во всѣхъ странахъ и во всѣхъ городахъ въ одинъ и тотъ же день рабочіе провозгласили свою солидарность, предъявивъ правительствамъ одно и то же требованіе законодательнаго сокращенія рабочаго дня до 8-ми часовъ. Въ виду рѣшенія Американской Федерации Труда этимъ условленнымъ днемъ было избрано первое мая.

„Рабочимъ различныхъ націй поручалось выполнить это рѣшеніе тѣмъ способомъ, который окажется возможнымъ при специальныхъ политическихъ условіяхъ ихъ страны“—гласила резолюція. На конгрессѣ присутствовали также и делегаты отъ двухъ русскихъ социалистическихъ организаций—социалдемократической и народовольческой; но едва ли кто нибудь на конгрессѣ разсчитывалъ, что „спеціальныя политическія условія“ Россіи оставляютъ какіе бы то ни было способы для осуществленія этого постановленія международного конгресса. Однако, мы, граждане Россіи, не только съ честью выполнили нашу обязанность, но, какъ мнѣ думается, въ специально тяжелыхъ условіяхъ нашей дѣятельности придали демонстраціи перваго мая своеобразный характеръ, болѣе соответствующій идеямъ Парижскаго Конгресса, чѣмъ характеръ западноевропейскихъ майскихъ демонстрацій.

Что русская делегация сама не считала это постановленіе конгресса относящимся къ Россіи, видно изъ того, что въ

90-омъ году, на который была назначена первая международная демонстрація, русскія социалистическія группы не сдѣлали ничего для проведенія въ жизнь этой идеи у насъ, въ Россіи. Въ подробномъ отчетѣ о Парижскомъ Конгрессѣ, помѣщенномъ въ 1-мъ номерѣ „Соціалдемократа“ и написанномъ въ явно агитационномъ тонѣ, постановленію о демонстраціи перваго мая отведено всего шесть строкъ. Вотъ онѣ.

„Принято также рѣшеніе, предлагающее рабочимъ всѣхъ странъ организовать въ пользу 8-ми-часового рабочаго дня повсемѣстную манифестацію, именно 1-го мая 1890 года, такъ какъ этотъ день еще раньше назначенъ былъ для такой же манифестаціи на конгрессѣ Американской Федерациі Труда“.

Вотъ и все. Между тѣмъ эта книжка вышла въ февралѣ 1890 года, т. е. всего за два мѣсяца до первомайской манифестаціи.

Международная манифестація перваго мая 1890 г. была величественной и импонировала какъ врагамъ, такъ и друзьямъ рабочаго движенія. „Въ майской манифестаціи приняли участіе тѣмъ или другимъ способомъ работники всѣхъ цивилизованныхъ странъ до маленькой земледѣльческой Норвегіи включительно“, читаемъ мы во второй книжкѣ „Соціалдемократа“, въ статьѣ Г. Плеханова „Даже въ Варшавѣ варварскій гнетъ нашего правительства не помѣшалъ рабочимъ русской части Польши заявить свою солидарность съ рабочимъ классомъ Запада“.

Объ этомъ важномъ событіи редакція „Соціалдемократа“ получила свѣдѣнія, которыя и приведены въ вышеуказанной статьѣ, въ примѣчаніи на стр. 55.

„Уже за нѣсколько недѣль до перваго мая по фабрикамъ и мастерскимъ рабочіе начали поговаривать о необходимости присоединенія къ международному празднеству. По мѣрѣ приближенія перваго мая возрастало оживленіе въ средѣ рабочихъ, они съ интересомъ слѣдили за всѣми газетными извѣстіями объ агитаціи въ пользу восьмичасового дня на западѣ. Революціонное общество „Пролетаріатъ“ напечатало и распространило въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ прокламацію, въ которой приглашало рабочихъ достойно отпраздновать день перваго мая. По фабрикамъ начались совѣщанія, толки, сговоры. Рабочіе сочувственно говорили о „четвергѣ“. Наступило первое мая. Въ желѣзнодорожныхъ механическихъ мастерскихъ не работали 5-ое и 7-ое отдѣленія. Фабрики Handke (200—300 чел.), Kerphan (300), Orthwein (200), Gostinsky (число неизвѣстно) и другія стояли. На фабрикахъ Norblein, Praget, Putzer, Lilpor и др. не работала часть работниковъ. Кромѣ того не работало много ремесленниковъ. Энергичнѣе всего показали себя рабочіе изъ Mechaniczných Warsztatów: видя, что ихъ остальные товарищи продолжаютъ работать, они собрались передъ зданіемъ фабрики

и потребовали, чтобы тѣ немедленно бросили работу; въ окна фабрики полетѣли даже камни; явилась полиція, были произведены аресты. Что касается интеллигенціи, то она горячо помогала рабочимъ, доказательствомъ чему служатъ аресты изъ ея среды. Общее число арестовъ простирается до 20, въ томъ числѣ десять рабочихъ. Противъ своего обыкновенія полиція вела себя довольно сдержанно; патрулей не было никакихъ; за то шпіоны явились въ изобилии”.

Эти обстоятельства, естественно, заставили русскихъ социалистовъ сознать свою ошибку, признавъ, что если наши польскіе товарищи смогли откликнуться на призывъ Парижскаго Конгресса, то „тѣмъ или инымъ способомъ“ могли бы это сдѣлать и русскіе рабочіе, и социалдемократы-интеллигенты напрасно не помогли имъ въ этомъ.

Какъ я уже сказалъ, редакція „Социалдемократа“ сдѣлала также эту ошибку, удѣливъ вопросу о манифестаціи всего пять холодныхъ строкъ. Послѣ перваго мая 1890 года она помѣстила, въ августѣ, большую статью Плеханова (18 стр.) о манифестаціи перваго мая, гдѣ собраны интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ готовились къ этому дню, и какъ провели его объюдающія стороны, буржуазія и пролетаріатъ. Сознаніе своей ошибки Плехановъ выразилъ въ формѣ рѣзкихъ упрековъ русской интеллигенціи: „странное въ самомъ дѣлѣ явленіе, во всемъ мірѣ нѣтъ „интеллигенціи“, которая бы столько кричала о своихъ социалистическихъ наклонностяхъ, и въ то же время едвали гдѣ нибудь есть интеллигенція до такой степени „беззаботная“ на счетъ рабочаго движенія, какъ именно наша русская „интеллигенція“! Зная русскихъ рабочихъ, мы не сомнѣваемся въ томъ, что между ними было много людей съ сочувствіемъ слѣдившихъ за агитаціей въ пользу восьмичасоваго рабочаго дня. Майскій праздникъ, конечно, нашелъ бы себѣ сочувственный откликъ въ сердцахъ многихъ русскихъ пролетаріевъ. Но что сдѣлала „интеллигенція“ для того, чтобы облегчить имъ выраженіе солидарности съ ихъ западноевропейскими братьями?.. Россія по обыкновенію оказалась самой отсталой страной въ революціонномъ отношеніи. Передъ нашими глазами совершалось движеніе, подобнаго которому не знаетъ исторія, но мы были слишкомъ „интеллигентны“, чтобы принять въ немъ какое нибудь участіе“... „Мы обязаны позаботиться о томъ, чтобы въ будущей майской манифестаціи такъ или иначе приняли участіе и русскіе рабочіе. Какимъ именно образомъ можемъ мы взяться за исполненіе своей обязанности, объ этомъ, разумѣется, неудобно разсуждать печатно. Но что при доброй волѣ она легко исполнима, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію“.

Это было написано по методу, который впоследствии тов. Ленинъ охарактеризовалъ такъ: „мы предпочитаемъ защищаться, нападая“! Въ самомъ дѣлѣ, эти упреки къ русской интеллиген-

ции прежде всего относятся къ самому Г. Плеханову, который какъ интеллигентъ, какъ социалдемократъ и какъ членъ русской делегаціи на Парижскомъ Конгрессѣ, больше чѣмъ кто нибудь могъ и долженъ былъ „облегчить русскимъ рабочимъ“ эту ихъ трудную задачу. Но онъ тогда ничего для этого не сдѣлалъ. Но уже въ слѣдующемъ году, организація, издававшая „Социалдемократъ“, рѣшила выпустить брошюрку о международной демонстраціи и это выполнилъ Плехановъ.

Книжечка состоитъ изъ 32 страницъ малаго формата ¹⁾. Указавъ на то, что „во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы и Америки вотъ уже второй годъ происходитъ 1-го мая большія демонстраціи рабочихъ“, авторъ отмѣчаетъ, что „буржуазія очень боится этихъ демонстрацій“, во 1-хъ потому, что онѣ „не ровень часъ“ грозятъ превратиться въ революцію рабочаго класса, во 2-хъ потому, что сокращеніе рабочаго дня до 8-ми часовъ, котораго требуютъ рабочіе на этихъ демонстраціяхъ, очень выгодно для рабочихъ, очень не выгодно для буржуазіи. „Посмотримъ въ чемъ тутъ дѣло, говоритъ авторъ, почему выгоденъ для рабочихъ короткій рабочій день?“ Затѣмъ авторъ посвящаетъ половину книжки (16 стр.) выясненію этого вопроса. Далѣе сообщаются краткія свѣдѣнія о продолжительности рабочаго дня на Западѣ и о майской демонстраціи, какъ средствъ борьбы за сокращеніе рабочаго времени (стр. 21—25). Еще далѣе отмѣчаются преимущества политической свободы и тѣ препятствія, которыя, несмотря на превозглашенные принципы свободы, западно-европейская буржуазія ставитъ рабочему классу.

Только на 28 страницѣ авторъ говоритъ: „но довольно о другихъ странахъ. Поговоримъ о Россіи. Какъ поступать русскимъ рабочимъ въ виду всемірнаго рабочаго праздника 19-го апрѣля. Собственно говоря, мы не хотѣли рѣшать этотъ вопросъ. Мы хотѣли только разсказать русскимъ рабочимъ о томъ, чего добиваются ихъ заграничные товарищи. Скажемъ одно: очень полезно было бы русскимъ рабочимъ принимать участіе во всемірномъ рабочемъ праздникѣ“. „Правда, жестоко наказывалъ бы ихъ за такое участіе. Но вѣдь вонъ въ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго тѣ же порядки и та же полиція, что и въ Россіи, а сумѣли же польскіе рабочіе отпраздновать 19-е апрѣля“. „Выходить на улицу, дѣлать демонстрацію пока не стоитъ: слишкомъ много потеряли бы мы людей, но не ходить на работу въ день 19-го апрѣля вполнѣ возможно. Наконецъ, всѣ понимающіе дѣло рабочіе должны хотъ на тайныхъ собраніяхъ праздновать великій день“.

Такимъ образомъ, эта брошюра была не агитаціонной, а почти

¹⁾ Рабочая Библіотека. Выпускъ пятый. „Ежегодный всемірный праздникъ рабочихъ“ Г. Плеханова. Цѣна 5 коп. Женева. Типографія „Социалдекрата“.

исключительно пропагандистской; да иной, конечно, она и не могла быть тогда.

Въ этотъ самый годъ петербургскіе рабочіе осуществили то, о чемъ говорилъ Плехановъ въ указанной брошюркѣ.

Въ ближайшее воскресенье послѣ Перваго Мая они собрались вмѣстѣ на тайную вечерю. Именно религиозной торжественностью и глубокимъ идеализмомъ звучать всѣ четыре рѣчи, произнесенныя рабочими на этомъ собраніи. Это были рѣчи вполне сознательныхъ социалдемократовъ и вполне интеллигентныхъ рабочихъ¹⁾.

„Сегодняшній день долженъ для насъ неизгладимо остаться у каждаго въ памяти. Только сегодня въ первый разъ намъ пришлось собраться со всѣхъ концовъ Петербурга на это скромное собранье и въ первый разъ слышать отъ товарищей рабочихъ горячее слово, призывающее на борьбу съ нашими сильными политическими и экономическими врагами“. „Мы твердо должны надѣяться на нашу побѣду. Намъ стоитъ только вооружить себя сильнымъ оружіемъ,—а это оружіе есть знаніе историческихъ законовъ развитія человѣчества, — тогда мы всюду побѣдимъ врага. Никакія его притѣсненія и высылки на родину, заточеніе насъ въ тюрьмы и даже высылки въ Сибирь не отнимутъ у насъ этого оружія. Мы всюду найдемъ поле побѣды, всюду будемъ передавать свое знаніе: на родинѣ своимъ крестьянамъ, а въ тюрьмахъ будемъ объяснять арестантамъ, что они тоже люди и имѣютъ всѣ человѣческія права, чтобы они сознали эти права, передали свое знаніе другимъ и организовали ихъ въ группы. Въ этомъ залогъ нашего успѣха!“ (Первая рѣчь).

„На насъ, какъ на болѣе развитыхъ рабочихъ, лежитъ обязанность выяснитъ рабочимъ причины, по которымъ они находятся въ такомъ скверномъ положеніи, и указать выходъ изъ него. Къ чести нашей, я могу сказать, что мы дѣйствительно сознали свои обязанности и несмотря на всѣ препятствія и угрозы нашего подлаго правительства, мы стараемся по мѣрѣ своихъ силъ и способностей развивать окружающихъ насъ рабочихъ“. (Рѣчь вторая).

Въ третьей рѣчи ораторъ изложилъ требованія, которыя теперь составляютъ программу минимумъ социалдемократической партіи. „Въ настоящее время—продолжалъ онъ—намъ остается только возможность, заняться развитіемъ и организаціей рабочихъ, возможностью, которою, надѣюсь, мы и восполь-

¹⁾ Рабочая Библіотека. Выпускъ 6. „Первое Мая 1891 года. Четыре рѣчи рабочихъ, произнесенныя на тайномъ собраніи съ приложеніемъ адреса петербургскихъ рабочихъ Н. В. Шелгунову и предисловіемъ Г. Плеханова. Женева 1892 г. Типографія „Соціалдемократа“.

зуемся, несмотря ни на какія препятствія и угрозы нашего правительства. А для того, чтобы наша дѣятельность была какъ можно плодотворнѣе, намъ необходимо стараться умственно и нравственно развивать себя и другихъ и болѣе энергично дѣйствовать для того, чтобы окружающіе насъ люди смотрѣли на насъ, какъ на людей умныхъ, честныхъ и смѣлыхъ и потому съ большимъ довѣріемъ относились бы къ намъ и ставили бы насъ въ примѣръ себѣ и другимъ*.

„Братья! говорилъ четвертый товарищъ; будемъ пользоваться этой первой занимающейся на горизонтѣ нашей русской жизни свѣтлой минутой нашего душевнаго наслажденія. Мы начинаемъ пробуждаться отъ вѣкового нашего сна, и это уже есть часть внесенная русскими работниками въ общій прогрессъ. Въ 1848 году въ первый разъ раздалось: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединитесь!“ Умъ человѣческій, сѣятель этой великой истины, раскинулъ свое сѣмя чуть не по всему земному шару, а со времени 60-хъ и 70-хъ годовъ и въ нашу забитую Русь, вначалѣ преимущественно въ ряды нашей учащейся молодежи, нашихъ самыхъ лучшихъ друзей, а черезъ нихъ проникаетъ и къ намъ. Будемъ же друзья бороться за истину, не отступимъ шага назадъ до самой своей смертной агоніи“.

Въ предисловіи къ этимъ рѣчамъ Плехановъ съ восторгомъ констатируетъ, что „рабочіе ясно высказали свою программу, они ясно показали, что какъ въ области политики, такъ и въ области экономіи они ни на волосъ не отклоняются отъ великихъ задачъ западнаго пролетаріата. Благодаря этому всякаго рода программные споры чрезвычайно упрощаются“.

Конечно, было увлеченіемъ сказать: „рабочіе высказали свою программу“. Эти рабочіе, какъ они и сами это отмѣтили, были учениками революціонеровъ-интеллигентовъ и очевидно принадлежали къ той самой школѣ, къ которой принадлежалъ и Плехановъ; но его увлеченіе и радость болѣе чѣмъ понятны намъ; какимъ энтузіазмомъ полны его строки: „въ наиболѣе развитыхъ кружкахъ русскихъ рабочихъ сознаніе задачъ рабочаго класса теперь уже приняло настолько опредѣленныя формы, что нашему брату, революціонеру— „интеллигенту“ остается лишь принять ихъ къ свѣдѣнію и руководству, навсегда прекративъ свои многолѣтнія исканія самой лучшей изъ всѣхъ возможныхъ программъ“.

Здѣсь даже въ Плехановѣ, этомъ „единственномъ европейцѣ между русскими социалистами“, какъ отозвался о немъ старый швейцарскій социалдемократъ Грейлихъ, сказался русскій интеллигентъ, надъ которымъ онъ всегда такъ много смѣялся и самое имя котораго писалъ не иначе какъ въ кавычкахъ.

Мнѣ неизвѣстно, какъ отпраздновали петербургскіе рабочіе на слѣдующій годъ первое мая; я нашелъ объ этомъ только краткое сообщеніе безъ приведенія фактовъ въ одной агитаціон-

ной брошюркѣ „Искры“: „Въ 1892 году тайное празднество пов-
торилось въ Петербургѣ“¹⁾.

Но за то въ этомъ году первое мая ознаменовалось не ме-
нѣе важнымъ событіемъ, чѣмъ собраніе Петербургскихъ рабо-
чихъ въ предыдущемъ году. Я имѣю въ виду собраніе и рѣчи
еврейскихъ рабочихъ въ Вильнѣ²⁾. Авторъ предисловія къ
этимъ рѣчамъ совершенно справедливо отмѣчаетъ въ нихъ ясное
классовое сознание, самостоятельно продуманныя мысли и по-
ложенія международного рабочаго социализма, глубокое сознание
солидарности интересовъ всѣхъ рабочихъ, страстное стремленіе
къ знанію и самообразованію, страстную жажду борьбы, готов-
ность на всѣ жертвы, на самопожертвованіе во имя своихъ убѣ-
жденій, гордое сознание историческаго призванія пролетаріата и
непоколебимую увѣренность въ побѣдѣ. Эти черты гораздо
болѣе важно отмѣтить, чѣмъ программную выдержанность рѣ-
чей: вѣдь программные тезисы можно усвоить, какъ школьникъ
усваиваетъ азбуку, но чувства, инстинкты слагаются только въ
тажелой школѣ жизни, зависятъ отъ всего ея уклада. Пioniры
соціалистическаго рабочаго движенія въ Россіи, носившіе въ себѣ
тѣ мощныя духовныя силы, которыя не зависятъ отъ знанія и
часто бываютъ достояніемъ даже неграмотныхъ людей, однако
же сознавали всѣ превосходства образованія и потому въ каж-
дой рѣчи мы находимъ апофеозъ науки. Еврейскій рабочій даже
еще въ большей степени является апологетомъ разума; но не
всегда видятъ, что еврейскій рабочій также является глубоко
идеалистичнымъ и подѣ часть даже сентиментальнымъ.

„Мы того мнѣнія, говоритъ одинъ ораторъ-рабочій на жар-
гонѣ, что только наука и собственная энергія могутъ вывести
изъ мрака къ свѣту жизни. Свѣтъ науки 19-го вѣка указываетъ
намъ дорогу. Наука управляетъ нашимъ кораблемъ какъ опыт-
ный, благоразумный и дальновидный капитанъ. Какъ любящая
мать наука перенесетъ насъ въ цѣлости черезъ океанъ
слезъ и горя въ страну жизни. Счастливъ тотъ, чье мужество
не падаетъ, чье сердце не содрогается ни при громѣ пушекъ,
ни при блескѣ вражескихъ мечей, ни тогда, когда буря гро-
зитъ разорвать парусъ бѣднаго корабля!...“ Мнѣ жалко пре-
рывать цитату этой красивой и сильной рѣчи! Еще нѣсколько
строкъ.

„Такой человѣкъ выступаетъ всегда совершенно открыто и
свободно говорить правду, не страшась ни тюрьмы, ни крѣ-
пости, ни Сибири, ни рудниковъ, ни заряженныхъ ружей, ни
даже самой смерти. Разъ мы одѣлись въ панцырь человѣчности
и въ броню совѣсти, — они могутъ, сколько имъ угодно, гре-
мѣть изъ пушекъ, осыпать насъ градомъ пуль: мы будемъ

¹⁾ „Пролетарскій Праздникъ“ Изд. „Искра“, апрѣль 1903 г. 16 страницъ.

²⁾ „Первое мая 1892 года. Четыре рѣчи еврейскихъ рабочихъ съ предисловіемъ“,
Женева 1893 г. Тип. „Соціалдемократической Библиотеки“ стр. XXV + 27.

стоять несокрушимой стѣной, о которую разобьются ядра, сломаются мечи и слугители ада утомятся, наконецъ, тиранить насъ!...“

Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ и еврейскій пролетаріатъ доказалъ, что эти слова не были только словами!

„Развѣ подлые буржуа въ состояніи своими тѣлесными глазами остановить ходъ небесныхъ свѣтилъ? Нѣтъ! А они мечтаютъ убить душу, смѣшные богатыри! Духъ хотѣть они заковать въ цѣпи! Одинъ лучъ свѣта разсѣетъ самый густой мракъ!.. Такіе люди, какъ Желябовъ, останутся до конца первыми героями на страницахъ русской исторіи, — это записано не чернилами, а кровью ихъ сердца“.....

Революціонеры 70-хъ и 80-хъ годовъ умирали на висѣлицахъ съ увѣренностью, что „изъ ихъ костей поднимется мститель суровый“. Они не ошибались.

На этомъ собраніи говорили также двѣ работницы, и въ рѣчи одной изъ нихъ были уже ясно выражены новые методы борьбы, едва тогда возникавшіе: агитація на почвѣ экономической борьбы за освобожденіе рабочаго класса; до этого времени социалдемократы ограничивались кружковой пропагандой своихъ идей среди рабочихъ.

Указавъ на „печальное положеніе“ рабочаго класса въ Россіи и призывая къ борьбѣ, виленская работница продолжала: „Но, конечно, каждый человѣкъ долженъ измѣрить свои силы, онъ не долженъ браться за то, чего онъ не въ состояніи сдѣлать. Мы хорошо знаемъ, что все сразу передѣлать мы не можемъ; поэтому мы должны бороться пока съ нашими ближайшими врагами, съ которыми намъ приходится сталкиваться каждый день, съ нашими хозяевами. Мы должны стараться основать кассы и заботиться объ ихъ расширеніи; мы должны устраивать стачки. Но, устроить стачку! Насъ пугаетъ самое это слово. Мы изъ за этого можемъ совсѣмъ лишиться мѣста! Да, друзья, я это вполне чувствую и понимаю. Я знаю, что значитъ для нашего брата—рабочаго лишиться мѣста. Но у насъ не должны опускаться руки при первой неудачѣ. Мы должны преслѣдовать нашу цѣль до конца жизни“.

* * *

Въ слѣдующемъ, 1893 году, въ празднованіи Перваго Мая приняли участіе Латышскіе рабочіе. Какъ сообщаетъ „Жизнь“: „Въ 1893 году 12 сознательныхъ рабочихъ, представителей рабочихъ кружковъ разныхъ фабрикъ, отпраздновали Первое Мая подъ открытымъ небомъ за Либавскимъ озеромъ“¹⁾.

О томъ, какъ прошелъ день Перваго Мая въ Петербургѣ въ 1893 году и 1894 и въ 1895 я, къ сожалѣнію, не могъ найти въ литературѣ никакихъ указаній. Я и самъ провелъ эти годы въ Петербургѣ, но у меня не сохранилось никакихъ воспоминаній

¹⁾ „Первое Мая 1902 года“. Изданіе Соц.-дем. Орг. „Жизнь“ стр. 19.

объ этомъ днѣ; правда, я былъ тогда еще молодымъ студентомъ, но и тов. Петербуржецъ, въ это время уже принимавшій непосредственное участіе въ агитаціи, ничего не упоминаетъ въ своей книжкѣ о маевкахъ этихъ лѣтъ; поэтому я склоненъ думать, что онѣ не были отпразднованы въ Петербургѣ.

Только еврейскіе и польскіе рабочіе неизмѣнно изъ году въ годъ ознаменовывали день Перваго Мая. По свѣдѣніямъ „Очерковъ по исторіи социалистическаго движенія въ Русской Польшѣ“¹⁾, въ 1890 году около 10.000 рабочихъ въ Варшавѣ бросили работу. Перваго Мая 1891 года „бросили работу около 8.000 человекъ и провинціи не остались праздными зрителями: въ Лодзи забастовала текстильная фабрика Познанскаго (3 т. чел.), въ Жирардовѣ бездѣйствовали громадныя текстильныя фабрики въ теченіе цѣлой недѣли. Тамъ около 9.000 рабочихъ приняло участіе въ стачкѣ, которая поразила властей своей выдержкой и спокойствіемъ. Рабочіе рѣшили не давать полиціи повода вмѣшиваться въ ихъ дѣла и только неистовство баши-бузукъ вывело ихъ изъ равновѣсія. Начались уличныя схватки между стачечниками и полиціей, а затѣмъ были вызваны войска и подъ личнымъ предводительствомъ Варшавскаго губернатора Медема приступили къ избіенію беззащитныхъ. Было убито нѣсколько рабочихъ; это была первая бойня, учиненная правительствомъ надъ польскимъ пролетаріатомъ“.

„Перваго Мая 1892 года Варшава отступила на второй планъ, а Лодзь стала средоточіемъ движенія; въ Лодзи остановились всѣ фабрики и заводы, а рабочее населеніе въ 100.000 человекъ двинулось стройно по городу, требуя восьмичасоваго рабочаго дня, увеличенія платы и политической свободы. Заранѣе собранные въ городѣ войска и казаки начали небывалую рѣзню и безчинства. Къ вечеру порядокъ былъ восстановленъ, а на улицахъ города осталось 36 труповъ демонстрантовъ“.

„Первое Мая 1893 года нельзя назвать удачнымъ. Бросили работу каменьщики да рабочіе кожевеннаго производства. Крупныя заводы и фабрики работали, такъ какъ подъ давленіемъ полиціи явились почти всѣ рабочіе; за то фабрики съ малымъ количествомъ рабочихъ почти всѣ пріостановили работу. Работу бросило въ общемъ 7—8 тысячъ. Въ другихъ фабричныхъ центрахъ Царства Польскаго Первое Мая прошло почти незамѣтно“.

Точно также еврейскіе рабочіе ежегодно, начиная съ 1892 года, собирались Перваго Мая на тайныя собранія. Въ 1893 году въ Вильнѣ собранія были устроены по отдѣльнымъ профессиональнымъ союзамъ; на всѣхъ ихъ было до 400 человекъ.

* * *

1) Biblioteka pol. par. soc. Proletaryat № 8 1904. Львовъ.

О празднествѣ 1894 года не имѣется никакихъ данныхъ. Не знаю, чѣмъ объяснить этотъ странный перерывъ движенія. Всѣ перипетіи идейной борьбы, совершавшейся въ сознательныхъ слояхъ пролетаріата, отражались на томъ, какъ былъ проведенъ этотъ день; тѣмъ болѣе досаденъ поэтому недостатокъ свѣдѣній о немъ.

Для еврейскаго рабочаго движенія въ этомъ отношеніи особенное значеніе имѣло Первое Мая 1895 года, которое справедливо считается „поворотнымъ пунктомъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія“. Собранія были организованы въ Вильнѣ, Минскѣ, Варшавѣ и Сморгони. Въ Вильнѣ было уже около 500 организованныхъ въ кассы рабочихъ, изъ нихъ 250 были созваны на два собранья по 125 человекъ въ каждомъ. На обоихъ было выставлено красное знамя и на немъ были сдѣланы на еврейскомъ языкѣ надписи требованій пролетаріата. Очень характерно для стадіи экономизма, которую въ это время переживало еврейское движеніе, что эти требованія были непосредственными, практическими, чисто экономическими: „Мы боремся за десятичасовой рабочій день, за повышение платы, за лучшее обращеніе“. Произнесены были рѣчи о революціонной дѣятельности за истекшій годъ и о значеніи Перваго Мая. Затѣмъ, сверхъ намѣченнаго порядка дня, тов. Мартовъ говорилъ о политическомъ положеніи Россіи и о политическихъ задачахъ пролетаріата. Организаторы собранія не безъ опасеній рѣшились сдѣлать этотъ шагъ: они не были увѣрены, что собравшіеся, воспитанные на экономической борьбѣ, отнесутся сочувственно къ политическимъ тенденціямъ. Но ихъ опытъ убѣдилъ ихъ, что уже можно, а слѣдовательно и необходимо расширить задачи агитаціи среди рабочихъ: политическая рѣчь была встрѣчена рабочими очень сочувственно.

На другой день было устроено собраніе агитаторовъ, на которомъ присутствовало 40 человекъ и гдѣ была произнесена рѣчь тѣмъ же товарищемъ, въ послѣдствіи изданная за границей, а въ настоящее время и въ Россіи ¹⁾.

Какъ справедливо отмѣчено въ предисловіи къ заграничной брошюрѣ, рѣшающимъ обстоятельствомъ, продиктовавшимъ содержаніе этой рѣчи, является „выступленіе на арену борьбы рабочихъ массъ, видоизмѣнившее и самую постановку вопроса о политической свободѣ въ Россіи. Теперь главная задача російской социалдемократіи заключается не въ отвлеченной проповѣди нашихъ политическихъ идеаловъ, а въ практическомъ умѣннн связать политическую агитацію съ повседневной борьбой рабочихъ массъ за улучшеніе своего экономическаго положенія“.

¹⁾ „Поворотный пунктъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія“. Изд. Союза Рус. Соц. Дем. Женевы 1900 года. Материалы для исторіи еврейскаго рабочаго движенія. Изд. „Трибуна“. СПБ. 1906 г.

Для осуществленія этой задачи приходилось руководствоваться въ своей дѣятельности не только общими принципами научнаго социализма, но и конкретнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ и насущными потребностями рабочаго движенія на данной ступени, его развитія и въ данномъ районѣ; поэтому авторъ рѣчи „долженъ рѣшительно признать, что цѣль дѣйствующихъ въ еврейской средѣ социалдемократовъ состоитъ въ томъ, чтобы создать специальную еврейскую организацию, которая явилась бы руководительницей и воспитательницей еврейскаго пролетаріата въ борьбѣ за экономическое, гражданское и политическое освобожденіе“.

Въ этой рѣчи впервые была опредѣленно сформулирована задача, которую, впоследствии блестяще осуществилъ Бундъ, и потому маевка 1895 года является вѣхою еврейскаго рабочаго движенія.

Въ этомъ году и московскіе рабочіе присоединились къ празднованію Перваго Мая. „Въ этотъ день впервые собрались они въ числѣ двухсотъ человекъ. Въ рѣчахъ, сказанныхъ на этой сходкѣ (многія рѣчи говорились рабочими) выражалась надежда, что русскіе рабочіе, выступившіе позднѣе другихъ на борьбу съ капитализмомъ, воспользуются примѣромъ своихъ заграничныхъ собратьевъ, преодолѣютъ всѣ препятствія на своемъ пути и скоро найдутъ надлежащее мѣсто во всемирной арміи пролетаріата. Здѣсь впервые для Москвы открыто была высказана мысль о необходимости организаци и боевой рабочей кассы. Единогласно было рѣшено ежегодно устраивать собранія въ день Перваго Мая“¹⁾.

* * *

До 1896 года только польскіе социалисты выпускали прокламаціи ко дню Перваго Мая и только польскіе рабочіе могли устроить открытыя демонстраціи на улицахъ: польское движеніе является старѣйшимъ въ Россіи. Въ 1896 году прокламаціи появились также и въ Петербургѣ.

„Это былъ скромный листокъ, отпечатанный на мимеографѣ въ количествѣ 3,000 экземпляровъ. Съ величайшими трудностями, — пишетъ Волжанскій, но намъ удалось распространить его на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ Петербурга и мы торжествовали. А когда черезъ мѣсяць послѣ этого вспыхнула знаменитая стачка 1896 г., рабочіе говорили намъ, что первымъ толчкомъ къ ихъ объединенію былъ нашъ маленькій, скромный майскій листокъ“²⁾.

Всѣ эти рѣчи и прокламаціи нашихъ маевокъ произно-

¹⁾ „Рабочее движеніе въ Москвѣ“ Работникъ №№ 3—4. Женева 1897. Отъ Центральнаго Комитета Московскаго Рабочаго Союза.

²⁾ З. Волжанскій, „Волна“ № 6 (газета фракціи большинства) 1 мая 1906 г.

сились и писались разными людьми и въ разныхъ мѣстахъ, на разныхъ языкахъ. Едва-ли когда-нибудь дважды подъ рядъ одни и тѣ же лица вмѣстѣ проводили этотъ день: въ тюрьмѣ и ссылкѣ пѣвцы праздника весны вспоминали, что было въ прошломъ году Перваго Мая. Тѣ, кто говорилъ и писалъ, въ массѣ случаевъ не знаютъ, что говорилось раньше на этомъ праздникѣ и кто будетъ продолжать ихъ рѣчи. И однако неоспоримая преемственность связываетъ событія этого дня изъ году въ годъ.

Въ моей коллекціи социалдемократическихъ прокламацій лежатъ майскіе листки каждый въ отдѣльномъ конвертѣ, въ архивномъ гробу, раздѣленные десятками другихъ листковъ выпущенныхъ въ теченіе года отъ мая и до мая. И вотъ, когда я вынулъ ихъ, развернулъ и положилъ рядомъ, они ожили, свидѣтели прошлаго, и кажется, что всѣ они — сосѣдніе листы одной и той же книги и по нимъ можно читать страницу за страницей повѣсть нашей томительно тягостной и упорной борьбы.

Прокламація 1896 года въ Петербургѣ была первою майскою прокламаціей въ Россіи, за исключеніемъ Царства Польскаго. Она была создана на рубежѣ между періодомъ чистой проповѣди социализма и свободы и періодомъ агитаціи, призывовъ къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ. Этотъ переходный характеръ отпечатался на ней ярче, чѣмъ самые штрихи ея буквъ, черные на бѣломъ.

Прокламація очень длинна и занимаетъ 3¹/₂ страницы писчей бумаги; и не только своими размѣрами, но и содержаніемъ она походитъ на брошюрку—дань только что пережитому тогда періоду пропаганды.

„Товарищи, посмотримъ внимательно на наше положеніе, говоримъ прокламація, оглянемся на ту обстановку, гдѣ мы проводимъ свою жизнь. Что мы увидимъ? Мы работаемъ много, мы создаемъ несмѣтныя богатства, золото и ткани, парчу и бархатъ, добываемъ изъ нѣдръ земли желѣзо и уголь, строимъ машины, сооружаемъ корабли и дворцы, проводимъ желѣзныя дороги. Все богатство міра создано нашими руками, добыто нашимъ потомъ и кровью. По справедливости мы должны бы были жить въ хорошихъ квартирахъ, носить хорошее платье и уже во всякомъ случаѣ не нуждаться въ хлѣбѣ насущномъ. Но наша заработная плата едва хватаетъ на то, чтобы существовать“.

Далѣе прокламація говоритъ о безысходной нуждѣ и безрадостной жизни рабочаго, о томъ какъ западноевропейскій пролетаріатъ ведетъ свою борьбу и, въ частности, какъ онъ демонстраціей Перваго Мая заявляетъ о своихъ правахъ и о своей волѣ.

Въ прокламаціи ничего не говорится о политической борьбѣ,

о политических задачах рабочего класса. Только пять последних словъ показываютъ, что авторы прекрасно помнили объ этихъ задачахъ, но намѣренно, по тактическимъ соображеніямъ, не коснулись ея.

„Товарищи! если мы будемъ дѣйствовать дружно и единодушно—такъ кончается листокъ—то недалеко то время, когда и мы, сомкнувшись въ стройные ряды, будемъ въ состояніи открыто присоединиться къ этой общей борьбѣ всѣхъ рабочихъ всѣхъ странъ безъ различія вѣры и племени противъ капиталистовъ всего міра. И поднимется наша мускулистая рука, падуть позорныя цѣпи неволи; поднимется на Руси рабочій народъ и затрепещутъ сердца капиталистовъ и *всѣхъ прочихъ враговъ рабочаго класса*“. (Курсивъ мой).

Въ Москвѣ изъ-за коронаціи весною 1896 года была такая усиленная слѣжка, что майскій праздникъ отпраздновать не удалось.

Зато въ Нижнемъ Новгородѣ были выпущены двѣ майскихъ прокламаціи, а въ Саратовѣ рабочіе устроили сходку и говорили рѣчи подъ краснымъ знаменемъ.

Еврейскими товарищами въ этомъ году Первое Мая отпраздновано особенно дружно. Въ Варшавѣ передъ Первымъ Мая была распространена особо изданная брошюра, объясняющая значеніе рабочаго праздника: маленькая брошюрка по специальному поводу и здѣсь была предтечей прокламаціонной литературы. А въ Бѣлостокѣ появилось и воззваніе. Въ Минскѣ въ праздникъ участвовало 300 человекъ; въ Вильнѣ 540. На красныхъ знаменахъ было написано: „Мы боремся за свободу стачекъ, забраній, слова и печати“. Это былъ уже шагъ впередъ отъ прошлогоднихъ чисто экономическихъ лозунговъ, но измѣненіе политическаго строя и тутъ еще не было указано въ числѣ задачъ борьбы.

Въ Царствѣ Польскомъ частичныя забастовки произошли въ Варшавѣ, Радомѣ, Кельцахъ, Люблинѣ, Пабіаницахъ, Лодзи, Ченстоховѣ и Домбровѣ.

Заграничная организація социалдемократовъ, „Группа Освобожденія Труда“ выпустила майскій листокъ. Съ тѣхъ поръ русскіе социалдемократы за границую ежегодно издавали къ этому дню специальныя брошюры. Листокъ 1896 года состоялъ изъ 12 страницъ in 4°, и имѣлъ на двухъ страницахъ символическую картину Дреера „Рабочій Праздникъ“ — торжественная процессія рабочихъ со знаменемъ и ангеломъ міра на колесницѣ. Это былъ майскій номеръ издававшагося тогда за границей вепериодическаго сборника „Работникъ“.

* * *

Мы видимъ, такимъ образомъ, что обычай праздновать Первое Мая, хотя только въ крупнѣйшихъ центрахъ движенія

и хотя медленно, но входилъ въ обычай. Въ 1897 году появились впервые еврейскія майскія прокламаціи; онѣ были разбросаны въ Варшавѣ (1,500 шт.), въ Бѣлостокѣ (200); въ Вильнѣ ихъ расклеили на стѣнахъ города въ ночь съ 17 на 18 апрѣля. Собранія были въ Варшавѣ (200 чел.), Бѣлостокѣ (300), Минскѣ (300) и Ковнѣ. Вильна весь день 19 апрѣля была занята войсками. Патрули демонстрировали передъ населеніемъ значеніе этого дня. При такихъ условіяхъ виленимъ рабочимъ не было возможности устроить собраніе; но это имѣло неожиданные результаты: спропагандированные рабочіе, не зная что предпринять, стали стекаться со всѣхъ концовъ Вильны въ городской садъ и собрались въ такомъ количествѣ, что садъ принялъ праздничный видъ. Рѣчи не были произнесены, но молчаливо каждый чувствовалъ себя соединеннымъ здѣсь съ товарищами по дѣлу; празднество это стало называться „молчаливой демонстраціей“ и оно явилось первымъ шагомъ къ выступленію еврейскихъ рабочихъ на путь уличныхъ демонстрацій.

Польская социалистическая партія (P. P. S.) выпустила рядъ воззваній по обыкновенію и въ этомъ году, но, насколько можно судить по источникамъ, которыми я располагаю, этотъ день ничѣмъ другимъ не ознаменовался въ польскомъ рабочемъ движеніи.

Въ Петербургѣ тоже былъ выпущенъ майскій листокъ. Мнѣ не удалось узнать, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ написанъ; чувствуется однако, что онъ составленъ не тѣми людьми, которые выпустили предыдущій.

„Это не такой праздникъ, товарищи — говоритъ листокъ по поводу предстоящей маевки — о которыхъ говорятъ намъ въ церквахъ попы; это не праздникъ смиренія, покорности и молитвы; это праздникъ борьбы съ эксплуататорами и притѣснителями всѣхъ странъ и названій; праздникъ борьбы, который рано или поздно станетъ праздникомъ побѣды“. „Ежегодно передъ Первымъ Мая проникаются трепетомъ наши враги, начиная съ мелкихъ фабрикантовъ и кончая могущественными Они сознаютъ, что ихъ господству скоро конецъ, они чувствуютъ, что ежегодныя празднованія Перваго Мая—словно смотры и маневры рабочихъ батальоновъ; это удары топора подрубающаго сукъ, на которомъ они сидятъ, это стукъ молотка, заколачивающаго крышку ихъ гроба“.

Мнѣ кажется совершенно ошибочной эта мысль.

Мы, русскіе социалисты, не мало скитались за это время по Западной Европѣ; съ энтузіазмомъ присоединялись мы къ собраніямъ и демонстраціямъ нашихъ товарищей въ Германіи, Австріи, Италіи, Швейцаріи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Англии, Швеціи и Норвегіи. Да позволено мнѣ будетъ здѣсь сказать, что наши запросы остались неудовлетворенными. Сколькихъ изъ насъ охватывало тоскливое чувство на маевкахъ въ Западной Европѣ, когда за кружкою пива на загородной прогулкѣ това-

рищи равнодушно выслушивали рѣчь о какихъ нибудь злободневныхъ продѣлкахъ буржуазіи... „Это не такой праздникъ какъ всѣ другіе!..“ Да? А онъ становится совсѣмъ такимъ же!

Можетъ быть только что сказанное противорѣчить высказанному выше мнѣнію, что этотъ листокъ есть сосѣдняя страница изъ той же книги съ петербургскимъ майскимъ листкомъ предыдущаго года? Нѣтъ не противорѣчитъ. Въ этихъ двухъ первыхъ майскихъ прокламаціяхъ уже сказались, уже намѣтились тѣ два—еще не принципа, но—оттѣнка, настроенія, которые уже съ тѣхъ поръ возникли въ нашей партіи, и затѣмъ развивались и крѣпли, слагались въ два различныхъ міровозрѣнія, которыя теперь, въ критическую минуту противостоятъ другъ другу внутри нашей партіи и окончательная борьба которыхъ предстоитъ при свѣтѣ политической свободы.

Но несмотря на это различіе въ тенденціяхъ, прокламація 1897 года только продолжаетъ дѣло прокламаціи 1896 года. Она дѣлаетъ совершенно тотъ же переходъ, который сдѣлали рѣчи еврейскихъ социалдемократовъ съ 1895 до 1896 годовъ: отъ чистаго экономизма къ „такъ называемому экономизму“. Идея борьбы противъ существующей политической системы самодержавія еще и здѣсь не высказана, но уже выражены пожеланья, неосуществимыя при этомъ режимѣ.

„Такъ будемъ же твердо и неуклонно продолжать разъ начатое дѣло. Будемъ объединяться, будемъ организоваться съ тѣмъ, чтобы заставить силами, потребовать себѣ тѣхъ *первыхъ политическихъ правъ*, безъ которыхъ невозможна никакая широкая борьба: *права устраивать стачки, собранія, союзы и права открыто и свободно говорить и писать о своихъ нуждахъ, т. е. свободы слова и печати*“.

Соотвѣтствие между Петербургомъ и Вильной такъ велико, точно виленскіе товарищи (на годъ раньше!) только резюмировали петербургскія прокламаціи:

1895 годъ: „мы боремся за десятичасовой рабочій день, за повышение платы, за лучшее обращеніе!“

1896 годъ: „Мы боремся за свободу стачекъ, собраній, слова и печати!“

Это—надписи на майскихъ знаменахъ въ Вильнѣ; это же—резюме петербургскихъ прокламацій на годъ позднѣе; это же—какъ мы увидимъ, требованія всѣхъ другихъ прокламацій въ одномъ городѣ раньше, въ другомъ позднѣе, черезъ нѣсколько лѣтъ. Для антисемитовъ это доказываетъ, что тайное еврейское общество руководило всѣмъ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи. Для насъ же это признакъ того, что революціонное движеніе среди пролетаріата русскаго, польскаго, еврейскаго, латышскаго, литовскаго, армянскаго, грузинскаго и проч. и проч. развивалось съ закономѣрностью явленій природы и у отдѣльныхъ національностей нашего государства является лишь проявленіемъ одного и того же интернаціональнаго рабочаго движенія,

совершающагося подѣ общими для всѣхъ гражданъ Россіи политическими условіями...

Въ этомъ году впервые появились майскія прокламаціи въ Кіевѣ.—Онѣ, какъ ласточки весны, разлетались по всей Россіи, и мы теперь слѣдимъ за ихъ полетомъ. Кіевская майская прокламація была довольно длиннымъ листомъ, подписаннымъ Кіевскимъ Союзомъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса.

„Товарищи, завтра по заграничному календарю Первое Мая, говоритъ листокъ, завтра миллионы рабочихъ всего свѣта будутъ праздновать великій майскій праздникъ рабочихъ“. „Завтра, вѣроятно, не одна тысяча русскихъ рабочихъ будетъ праздновать этотъ день“. „Присоединимся же и мы, кіевскіе рабочіе, ко всемірному рабочему празднику Перваго Мая. Отпразднуемъ и мы, чѣмъ можемъ, этотъ великій день. Пусть каждый изъ насъ забудетъ свои частныя, мелкія дѣла и проникнется мыслью, что онъ членъ общей рабочей семьи, борець за общее, великое рабочее дѣло. Пусть скорѣе наступитъ то счастливое время, когда въ день Перваго Мая мы открыто и смѣло выйдемъ на улицу, развернемъ рабочее знамя и громко воскликнемъ: Да, здравствуетъ Первое Мая—всемірный праздникъ рабочихъ! Да здравствуетъ борьба за свободу и счастье!“

Такимъ образомъ листокъ апеллируетъ „къ сердцу“ рабочаго, и его личности, индивидуальности и разъясняетъ ему его задачи. Таковъ былъ прошлогодній Петербургскій листокъ.

Кіевскіе рабочіе не оставили безъ отвѣта этотъ призывъ. Объ этомъ повѣствуетъ „Письмо ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ“, выпущенное Кіевскимъ Союзомъ Борьбы и помѣченное 19-ымъ мая: „Кіевскіе рабочіе! Перваго Мая у насъ въ Кіевѣ произошло необыкновенное событіе. 530 желѣзнодорожныхъ рабочихъ бросили послѣ обѣда работу и отправились по домамъ или за городъ, гдѣ они за дружеской бесѣдой и веселыми пѣснями провели остающуюся часть дня“. Далѣе указывается все значеніе этого факта открытаго присоединенія рабочихъ Кіева къ международному празднованію Перваго Мая. „Между нами есть не мало людей, говорится далѣе, понимающихъ значеніе майскаго праздника, но Первое Мая до сихъ поръ праздновалось лишь тѣмъ, что рабочіе собирались вечеромъ послѣ работы по нѣсколько человекъ и бесѣдовали про свою тяжелую жизнь, про постоянныя обиды. Явно Первое Мая до сихъ поръ не праздновалось у насъ въ Кіевѣ. Кіевскіе рабочіе! мы всѣ должны быть благодарны желѣзнодорожнымъ товарищамъ за то, что они первые бросили работу въ нашъ праздникъ. Будемъ же готовиться сами и готовить нашихъ менѣ сознательныхъ товарищей къ слѣдующему майскому празднику“.

Въ этомъ году группа „Освобожденіе Труда“ выпустила за границей, какъ и въ предыдущемъ году, Майскій листокъ въ 4 страницы in 4°. Въ первой статьѣ посвященной нашимъ майскимъ требованіямъ сказано: „Петербургскіе рабочіе! Посту-

дите съ этимъ закономъ (объ 11^{1/2} часовомъ рабочемъ днѣ) такъ, какъ вы уже поступали съ цѣлымъ рядомъ русскихъ законовъ: бросьте его въ лицо царскому правительству. Русскіе рабочіе! Поддержите вашихъ петербургскихъ товарищей въ этой борьбѣ! Потребуемъ: *десятичасового рабочаго дня, свободы слова и собраній, свободы стачекъ, свободы союзовъ*“.

Написанное здѣсь курсивомъ въ оригиналѣ напечатано очень крупнымъ жирнымъ шрифтомъ, каждое требованіе на отдѣльной строчкѣ съ небольшими комментаріями. Этотъ листокъ былъ изданъ Плехановымъ, Аксельродомъ и Засуличъ, тѣми самыми, которые черезъ четыре года, въ 1901 году, позволили Мартову въ редактируемой ими „Зарѣ“ назвать „измѣной международному пролетариату“ выставленіе въ день Перваго Мая требованія десятичасового, а не восьмичасового дня. О низверженіи самодержавія тоже здѣсь не говорилось. Такимъ образомъ издатели листка безусловно подчинялись духу времени, который они въ послѣдствіи всѣми правдами и неправдами дискредитировали.

* * *

Мы переходимъ къ 1898 году. Незадолго до маевки, въ мартѣ, произошелъ въ Минскѣ съѣздъ представителей Петербургскаго Союза Борьбы, Кіевской Группы, Рабочей Газеты, Екатеринославскаго Союза Борьбы ¹⁾ и Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза Йольши и Россіи (Бунда), на которомъ было провозглашено существованіе Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Это было лишь формальнымъ признаніемъ факта существованія политическаго движенія новаго социалистическаго направленія въ Россіи. Въ этомъ все историческое значеніе перваго съѣзда. Формы, созданныя имъ, были тотчасъ же разрушены полиціей, и до 1902 года не было Центральнаго Комитета Партіи. Однако же партія, какъ политическое теченіе, росла и крѣпла и сыграла важную роль въ освободительной борьбѣ русскаго народа и всѣхъ народовъ Россіи.

Перваго Мая отъ имени Партіи было издано первое общее для всей Россіи социалдемократическое возваніе. Оно могло и должно было формулировать общія требованія пролетариата Россіи и оно это сдѣлало. По бокамъ его было напечатано: „Восьмичасовой рабочей день, Политическая свобода“. Заключивалась прокламація требованіями: „свободы стачекъ, слова, печати, собраній и союзовъ; свободы совѣсти и вѣроисповѣданій; равноправія всѣхъ національностей“... Это было повтореніемъ требованій прошлаго года, но къ этому было прибавлено впервые въ социалдемократическихъ прокламаціяхъ: „мы требуемъ созыва парламента, куда народъ будетъ посылать своихъ

¹⁾ Во многихъ документахъ преданныхъ гласности Е. С. Б. не были упоминаются по конспиративнымъ соображеніямъ.

выборныхъ людей путемъ общаго, тайнаго, прямого и равнаго для всѣхъ выбора“.

Навѣки останется историческимъ фактомъ, что социалдемократическая Партія среди безпросвѣтнаго мрака реакціи 90-хъ годовъ первая понесла широкимъ кругамъ пролетаріата лозунги, которые, къ счастью нашей родины, теперь стали достояніемъ всего народа! Эта партія поэтому съ полнымъ основаніемъ заявляла въ первомъ своемъ манифестѣ, что она „продолжаетъ дѣло и традиціи всего предшествовавшаго революціоннаго движенія въ Россіи и, ставя главнѣйшею изъ ближайшихъ задачъ Партіи всецѣло завоеваніе политической свободы, социалдемократія идетъ къ цѣли ясно намѣченной еще славными дѣятелями старой Народной Воли“.

Таково общее значеніе этого важнаго для нашей партіи документа. Переходя затѣмъ къ изученію его внутренней структуры, нельзя не замѣтить въ немъ рѣзкихъ чертъ опредѣленнаго теченія въ нашей партіи; это именно: обособленіе политическихъ правъ въ самодовлѣющую группу интересовъ и отсутствіе указаній на специфическіе стимулы дѣятельности революціоннаго пролетаріата. Такъ, думается мнѣ, слѣдуетъ охарактеризовать эти черты; но когда эта прокламація появилась, ее не упрекали въ этомъ, но находили, что она „неудачно составлена“ и не производитъ впечатлѣнія на рабочихъ.

Правда, прокламація начинается сообщеніемъ, что „сегодня рабочіе всего міра“ „выставляютъ требованіе восьмичасоваго рабочаго дня“, и „въ то время какъ за границей рабочіе привѣтствуютъ Первое Мая въ торжественномъ шествіи съ пѣснями и знаменами, свободно и громко заявляютъ о своихъ требованіяхъ, мы, русскіе рабочіе, вынуждены тайкомъ устраивать свои собранія, рискуя при этомъ своей свободой и безопасностью“. Но вся остальная часть прокламаціи говоритъ лишь о преимуществахъ западноевропейскаго политическаго строя надъ русскимъ и о необходимости политической борьбы. Прокламація поэтому носитъ чисто радикальный характеръ. Невольно спрашиваешь себя, чѣмъ отличается эта прокламація отъ прокламацій, напримѣръ, Астырева? Единственно тѣмъ, что Астыревъ писалъ безконечно сильнѣе и прекраснѣе.

Эта прокламація была составлена отъ имени Центральнаго Комитета Партіи петербургскими товарищами, такъ называемую группою „Стариковъ“. Кроме того Петербургскій Союзъ Борьбы выпустилъ свою мѣстную майскую прокламацію. Не можетъ не представить высокаго интереса сравненіе этихъ двухъ документовъ, написанныхъ на одну и ту же тему, въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же городѣ, членами одной и той же партіи, но принадлежащими къ двумъ идейнымъ теченіямъ, тогда еще не сознавшимъ своей принципиальной об-

особленности ¹⁾. Даже планъ, по которому написаны обѣ прокламаціи, одинаковъ. Въ довершеніе всего составители прокламаціи Союза Борьбы видимо руководились конструкціей прокламаціи предыдущаго года, написанной въ стилѣ прокламаціи Центрального Комитета. И однако тонъ этихъ воззваній совершенно оригиналенъ.

„Не такъ давно праздникъ Перваго Мая былъ для насъ мало понятенъ“, такъ начинается прокламація Союза Борьбы; „но теперь каждый изъ насъ уже знаетъ какой это праздникъ“. Подобно прошлогодней прокламаціи и здѣсь Первое Мая названо праздникомъ борьбы, но эта борьба охарактеризована какъ „медленная, тяжелая, но вѣрная“; по словамъ прокламаціи эта борьба направлена противъ хозяевъ и противъ правительства, которое названо „вѣрнымъ другомъ, помощникомъ и охранителемъ хозяевъ“. Уже по этимъ мелочамъ легко узнать школу. Мнѣ кажется, что если бы мнѣ дали такую прокламацію, не сказавъ кѣмъ, когда и гдѣ она написана, я безъ труда угадалъ бы это.

Далѣе говорится о демонстраціяхъ западноевропейскихъ рабочихъ въ день Перваго Мая, говорится то самое, что и въ прошломъ году, и что въ прокламаціи Центрального Комитета, но опять едва уловимые штрихи создаютъ совершенно другое впечатлѣніе: „въ этотъ великій день“ „рабочіе собираются дружными отрядами подъ краснымъ знаменемъ“, и „хозяева смотрятъ со страхомъ и удивленіемъ на эту растущую силу“. „Рабочіе оповѣщаютъ весь міръ объ успѣхахъ своей борьбы“ и „громко призываютъ въ свои ряды отсталыхъ“. „Мы быстрымъ шагомъ догоняемъ нашихъ заграничныхъ братьевъ, и они обращаются къ намъ съ привѣтливой улыбкой и зовутъ за собою и радуются побѣдамъ новыхъ, давно жданныхъ товарищей“.

Далѣе больше половины прокламаціи отведено вопросамъ экономической борьбы рабочихъ въ Россіи и затѣмъ дѣлается выводъ, что „правительство своими преслѣдованіями только сильнѣе зарождаетъ въ нашихъ сердцахъ жажду свободы, жажду низвергнуть съ себя постылое иго гнетущей нужды и безпривія“. „Пусть великій день Перваго Мая будетъ для всѣхъ насъ сигналомъ, призывающимъ къ объединенію и борьбѣ“.

Вмѣсто „требованій“ формулированы слѣдующія задачи: „будемъ добиваться сокращенія рабочаго дня и повышенія заработной платы, права стачекъ, права объединяться въ союзы; устраивать кассы, собранія; свободы слова и печати, свободы политической“.

Такимъ образомъ къ требованіямъ прошлаго года присоединилось одно новое: „свободы политической“; это очень неопредѣленное выраженіе, но въ текстѣ прокламаціи ея противоправительственный характеръ уже ясно виденъ. Однако несомнѣнно, что эта прокламація еще не рѣшалась ясно формулировать за-

¹⁾ Первый былъ перепечатанъ въ № 8, а второй въ № 9—10 „Листка Работника“. Изданіе Союза Рус. Соц.-дем. Женева, июль и ноябрь 1898 года.

дачу низверженія самодержавія, какъ это дѣлала прокламація Центрального Комитета.

Значеніе маевки въ этой прокламаціи разсматривается не какъ актъ борьбы, но какъ „сигналь“, символъ. Въ этомъ чувствуется что-то родственное съ рѣчами петербургскихъ рабочихъ на первой маевкѣ и что-то чуждое другой прокламаціи, выпущенной одновременно. Такъ и чудится, что если бы авторы ихъ стояли здѣсь рядомъ, какъ лежатъ рядомъ ихъ воззванія, одни бы сказали: „бланкисты“, а другіе „идеалисты“!..

Кіевскій Союзъ Борьбы выпустилъ общепартійную первомайскую прокламацію. Она была напечатана въ типографіи „Рабочей Газеты“ совершенно въ такомъ видѣ, какъ и для Петербурга. Измѣнена только подпись.

Въ этомъ году и Харьковъ примкнулъ къ нашему празднованію. За городомъ было устроено нѣсколько собраний, на которыхъ присутствовало по нѣскольку десятковъ человѣкъ на каждомъ. Но майскихъ листковъ еще не было, хотя къ этому времени прокламаціи уже появлялись въ Харьковѣ. „Май 1898 года, если не ошибаемся, впервые праздновался харьковскими рабочими заслуживающимъ упоминанія образомъ“¹⁾.

Отозвался и Ивано-Вознесенскъ; его Первое Мая прошло оживленно и обнаружило здоровый ростъ рабочихъ организацій.

Въ Костромѣ²⁾ былъ перепечатанъ майскій листокъ Петербургскаго Союза Борьбы.

Впервые въ этомъ году была выпущена майская прокламація въ Екатеринославѣ.

Въ Полтавѣ ремесленники устроили собраніе, на которомъ однимъ рабочимъ была произнесена рѣчь, напечатанная въ № 4 „Рабочей Мысли“.

Въ Одессѣ давно уже зрѣла мысль о маевкѣ; къ ней готовились еще въ 94 году, и только аресты 28 января разстроили планы. Теперь тамъ появились прокламаціи и были разбросаны по городу.

Тифлисскіе рабочіе праздновали Первое Мая за городомъ въ ущельяхъ.

Группа „Освобожденіе Труда“ выпустила брошюру въ 32 страницы³⁾. Въ ней помѣщена прекрасная „сказка—правда“ „Сонъ подъ Первое Мая“, которая впоследствии много разъ была переиздана за границей и въ Россіи⁴⁾. Впереди брошюры—небольшое предисловіе Плеханова. Полезно отмѣтить двѣ мысли, высказанныя имъ при этомъ и имѣющія интересъ съ точки зрѣнія исторіи развитія нашей партіи.

Русскіе рабочіе „должны праздновать день Перваго Мая.

1) „Рабочее движеніе въ Харьковѣ“. Изд. Союза Рус. Соц.-Дем. Женева 1900 г.

2) „Рабочее движеніе въ Костромѣ“. Изд. Союза Рус. Соц.-Дем. Женева 1902 г.

3) „Работникъ“. „Майскій Листокъ 1898 года“ Женева.

4) Теперь всѣмъ извѣстно, что брошюра эта написана Е. Д. Кусковой. Появившаяся съ именемъ автора „въ дни свободы“ и въ Россіи (въ изд. „Рѣчи“), брошюра эта нынѣ снова запрещена.

Разумѣется, говоритъ Плехановъ, у насъ нельзя устраивать демонстраціи: если бы теперь у насъ понимающіе дѣло рабочіе вышли на улицу со знаменами въ день Перваго Мая (19 апр.), ихъ перестрѣляли бы солдаты и перехватала бы полиція и отъ этого ослабѣла бы сила нашихъ рабочихъ“.

Но товарищи въ Россіи въ это время уже готовились къ устройству демонстрацій и „молодой“ заграничный „Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ“, состоявшій изъ лицъ сравнительно незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшихъ изъ Россіи, выразилъ это въ своихъ резолюціяхъ о демонстраціяхъ вообще и первомайскихъ въ частности въ томъ же 1898 году, осенью. Такимъ образомъ какъ разъ въ это время русское рабочее движеніе перешло въ своемъ развитіи грань, за которой стали уже возможны первые приемы политической борьбы, демонстраціи, до сего времени признававшіяся въ партіи невозможными.

Кромѣ того это опровергаетъ ложную мысль, много разъ высказанную въ печати, будто бы въ періодъ такъ называемаго экономизма ортодоксы выдвигали демонстраціи, какъ методъ политической борьбы, но не были поддержаны активными работниками этого періода. Дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ.

Вторая мысль Плеханова, которую слѣдуетъ отмѣтить, выражена слѣдующими словами. „Чѣмъ скорѣе проснутся наши рабочіе, тѣмъ скорѣе придетъ и у насъ то время, когда рабочіе будутъ имѣть законное право открыто собираться и громко говорить о своихъ нуждахъ. А когда у нихъ будетъ это право, тогда имъ уже много легче будетъ бороться со своими хозяевами и тогда уже скоро поймутъ они, какъ положить конецъ хозяйскому гнету и какъ завести такіе порядки, при которыхъ не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни капиталистовъ на наемныхъ работниковъ“.

Здѣсь говорится, что рабочіе для достиженія соціализма должны завоевать себѣ предварительно нѣкоторыя права: право собраній, свободу слова. При этомъ не упоминается, что между этими правами находится право народа законодательствовать черезъ посредство своихъ депутатовъ. Это умолчаніе о нивверженіи самодержавія, какъ ближайшей задачѣ рабочаго движенія являлось типичнымъ для періода, къ которому относится эта брошюра. Противники этой тогдашней методы писать прокламаціи и листки называли ее „теоріей частичныхъ политическихъ правъ“ и рѣзко осуждали ее, высмѣивали на ихъ взглядъ ненужную осторожность; недосказанность они называли замалчиваніемъ и обманомъ рабочаго класса. Въ числѣ этихъ рѣзкихъ критиковъ періода „такъ называемаго экономизма“ былъ и Плехановъ. Поэтому и интересно отмѣтить, что критикуя *post factum* такъ называемый экономизмъ, онъ самъ неоднократно служилъ ему.

Въ Царствѣ Польскомъ этотъ день прошелъ по обыкновенію еще болѣе оживленно, чѣмъ въ центральной Россіи. Польская

Соціалистическая Партія (P. P. S.) выпустила воззванія на польскомъ и еврейскомъ языкѣ. Варшавскіе рабочіе дружно откликнулись на этотъ призывъ и устроили внушительную, прекрасно организованную демонстрацію въ Уяздовскихъ Аллеяхъ, гдѣ собралось около двухъ тысячъ рабочихъ; арестованные при этомъ были скоро выпущены. Такая же точно демонстрація была устроена въ Сосновицахъ. Лодзь молчала. Тяжелыя жертвы 1893 года подавляли въ ней движеніе; но послѣдующія лодзинскія событія, въ особенности событія 1905 года, показали, что то было затишьемъ передъ бурей.

Бундъ издалъ на жаргонѣ 10.000 прокламацій и двѣ брошюры, „О Первомъ Мая“ и „Сонъ подъ Первое Мая“. Кромѣ того мѣстные комитеты издали свои прокламаціи, въ Минскѣ (800) и Бѣлостокѣ (500). Воззванія Центрального Комитета были распространены въ Варшавѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Гроднѣ, Бѣлостокѣ, Лодзи, Витебскѣ и въ двѣнадцати мѣстечкахъ. Прокламація эта на русскомъ языкѣ нигдѣ напечатана не была. Она очень длинна (12 тысячъ буквъ) и носитъ характеръ маленькой брошюрки. Въ ней подчеркивается общность дѣла еврейскихъ, русскихъ и польскихъ рабочихъ и выставляются тѣ самыя требованія, что и въ общепартійной прокламаціи, т. е. не только права общественной и личной свободы, но и участіе народа въ законодательствѣ. Но здѣсь въ еврейскихъ прокламаціяхъ эти требованія были выдвинуты всѣмъ ходомъ развитія идей и потому являлись лишь ближайшимъ шагомъ впередъ, какъ это видно изъ приведенныхъ мною справокъ о лозунгахъ Перваго Мая 1892, 93, 95, 96 и 97 годовъ. Поэтому составители прокламаціи могли крѣпко связать эти требованія съ насущными, реальными интересами движенія. Прокламація подписана такъ: „Центральный Соціалдемократическій Комитетъ. Типографія Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Польшѣ и Литвѣ“.

Кіевская Группа Соціалистовъ-Револуціонеровъ также выпустила прокламацію къ Первому Мая; если не ошибаюсь, это была ихъ первая майская прокламація ¹⁾. Въ ней не формулированы требованія, но разъяснено значеніе этого дня. Тамъ говорится между прочимъ: „Гдѣ шумными манифестаціями, гдѣ многолюдными сходками, гдѣ многочисленными собраніями рабочіе всѣхъ странъ привѣтствуютъ близкихъ и отдаленныхъ товарищей и бросаютъ вызовъ общему врагу“. Въ слѣдующемъ номерѣ „Русскаго Рабочаго“ (февраль 1899 г.) корреспондентъ изъ Кіева, описывая предмайскую кампанію, добавляетъ: „день Перваго Мая прошелъ на этотъ разъ благополучно для царизма и капитализма“. (Курсивъ мой). Мы увидимъ впоследствии, что этотъ взглядъ на Первое Мая, какъ на день, который, „не ровень часъ“—какъ говорилъ Плехановъ—не пройдетъ „благо-

¹⁾ Эта прокламація перепечатана въ „Русскомъ Рабочемъ“ Изд. Союза Рус. Соц. Рев. Лондонъ. Октябрь 1898 г.

получно для царизма и капитализма“, всегда развивался социалистами революционерами. Къ сожалѣнію, впрочемъ, я долженъ отказаться отъ подробнаго разсмотрѣнія первомайскихъ прокламацій соц. рев., такъ какъ не имѣю ихъ въ достаточномъ количествѣ.

Такъ ширилось наше великое дѣло, постепенно охватывая всю Россію. Майскій праздникъ уже былъ важнымъ явленіемъ въ общественной жизни и правительству уже съ нимъ считалось, разумѣется, по своему: арестами и репрессіями. Прежде въ революціонной средѣ ждали арестовъ къ Рождеству и Пасхѣ; теперь стали ждать къ Первому Мая. Къ этому дню въ 1898 году было произведено въ Россіи, по подсчету „Рабочаго Дѣла“, до тысячи арестовъ.

* * *

1899 годъ продолжалъ дѣло прошлыхъ лѣтъ и, когда, Перваго Мая, были подведены итоги, можно было отмѣтить не только прогрессъ движенія, но и ускорѣніе самаго темпа его; празднованіе Перваго Мая изъ кружкового и тайнаго начинало становиться массовымъ и открытымъ.

Съ этой точки зрѣнія, однако, все еще оставалось передовымъ рабочее движеніе окраинъ Россіи: польское, еврейское, латышское; но русское движеніе, позже возникшее, развивалось въ томъ же направленіи, что и подтвердилось въ послѣдующіе годы грандіозными демонстраціями въ Харьковѣ, Тифлисѣ, Петербургѣ, затѣмъ въ другихъ городахъ, и, наконецъ, во всѣхъ промышленныхъ центрахъ Россіи.

Въ 1899 году Первое Мая совпадало съ понедѣльникомъ на русской Пасхѣ. Польская Соціалистическая Партія назначила демонстрацію на воскресенье въ Уяздовскихъ Аллеяхъ. Партія заранѣе выпустила прокламаціи и даже воззваніе къ дворникамъ, указывая ихъ нужду и призывая помогать рабочимъ въ ихъ борьбѣ за лучшую долю. Въ 5 часовъ вечера въ назначенное мѣсто стеклось нѣсколько тысячъ рабочихъ; полиція старалась остановить движеніе, но толпа дважды прорвала цѣпь полицейскихъ. Казаки, наконецъ, окружили демонстрантовъ, но цѣль ихъ уже была достигнута.

Двѣ тысячи домбровскихъ углекоповъ прошли по улицамъ Домброва съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ; казаки явились и здѣсь, но дѣло обошлось безъ ихъ вмѣшательства. Шествіе длилось полтора часа.

Либавскіе рабочіе—латыши праздновали Первое Мая и по русскому и по западноевропейскому календарю. Они связали свою забастовку съ нѣсколькими мѣстными требованіями повышения заработной платы и сокращенія рабочаго дня. „Эта демонстрація является первымъ блестящимъ шагомъ въ переходѣ отъ интенсивной кружковой пропаганды къ экстенсивной массовой агитаціи“, говорить одинъ хроникеръ латышскаго рабочаго

движенія ¹⁾. Это вѣрно. Но вѣрно и то, что при этомъ, какъ выражается въ одной своей рѣчи Вандервельдъ, „на терніяхъ окружающихъ нашъ путь пришлось потерять ключья отъ нашего знамени“. Чтобы убѣдить всю массу рабочихъ примкнуть къ демонстраціи въ честь великой идеи социализма, пришлось выставить еще и непосредственныя требованія. Мы отчасти уже видѣли и увидимъ снова, что эта тактика была присуща движению и въ другихъ городахъ Россіи, какъ переходная ступень. Этого едва ли можно было избѣгнуть. Но поскольку этотъ практическій приѣмъ отразился на теоретическихъ соображеніяхъ и ограничивалъ значеніе Перваго Мая актами непосредственной борьбы, онъ несомнѣнно имѣлъ также и отрицательное значеніе.

Забастовка Перваго Мая стараго стиля скоро приняла въ Либавѣ характеръ всеобщей стачки и 5-го мая вылилась въ грандіозную демонстрацію 20 тысячъ рабочихъ. Процессія обошла весь городъ. „Рабочіе были въ восторгѣ, говоритъ хроникеръ, и полны надеждъ. Весь городъ находился въ необычайно возбужденномъ состояніи; ничего подобнаго либавцы не переживали раньше“... „Ни раньше, ни послѣ этого замѣчательнаго дня“ — сказано въ статьѣ, которую я цитирую; но теперь это уже устарѣло. Правительству не хотѣло понять глубокаго смысла тогдашнихъ событій, повторявшихся во всей странѣ и „послѣ этого замѣчательнаго дня“ Либава, какъ и вся Россія, пережила дни еще болѣе замѣчательныя. Еще ли мало и теперь?

Бундъ выпустилъ 3.300 экземпляровъ майскаго номера *Arbeiterstimme* и 12 тысячъ прокламацій, распространенныхъ въ Вильнѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Вѣлостокѣ и Варшавѣ. Въ Вильнѣ была устроена въ Городскомъ саду демонстрація, въ которой участвовало до тысячи рабочихъ; было поднято красное знамя, пропѣта Марсельеза, раздавались крики „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ политическая свобода!“ Мы видимъ, такимъ образомъ, что лозунгъ „частичныхъ политическихъ правъ“ былъ оставленъ и замѣненъ требованіемъ уничтоженія самой системы политическаго строя, самодержавія. Майскій праздникъ и на этотъ разъ лишь оповѣстилъ о новой стадіи развитія, въ которую вступило еврейское рабочее движеніе.

А въ Петербургѣ требованія нарастали, казалось, съ досадной медлительностью. Конечно, эта медлительность была относительной: въ теченіе трехъ лѣтъ—1897, 98, 99—развивалась и крѣпла идея политическихъ правъ, которыя формулировались все сильнѣе и полнѣе изъ году въ годъ, какъ это видно по майскимъ прокламаціямъ. Въ этомъ году здѣсь все еще—дань практицизму—выставляется требованіе десятичасоваго дня, повторяется требованіе прошлаго года свободы стачекъ, собраній, союзовъ, отмены административныхъ высылковъ. Но вмѣсто туманнаго прошлогодняго требованія „и политической свободы“,

¹⁾ Первое Мая 1902 г. Изд. Соц.-дем. Орг. „Жизнь“ стр. 22.

теперь мы находимъ слѣдующія строки: „Наши западноевропейскіе товарищи при помощи стачекъ и союзовъ, упорной борьбой за участіе въ изданіи законовъ добились десяти, девяти и даже восьмичасового рабочаго дня и хотя отчасти участвуютъ въ управленіи своей страной. Теперь на своемъ знамени Перваго Мая они всѣ выставляютъ какъ свое ближайшее насущное требованіе: восьмичасовой рабочей день и всеобщее избирательное право; и время, когда они добьются своего, уже не далеко. Мы, рабочіе Россіи, идемъ по тому же пути“ (курсивъ мой). Такимъ образомъ, косвенно формулированъ лозунгъ всеобщаго избирательнаго права. Мысль цѣплялась и ползла впередъ медленно, но за то не отрывалась отъ жизни массъ. Нельзя упрекать вожаковъ того времени въ медлительности: они сами давно были республиканцами въ душѣ и социалистами. Имъ ничто не было болѣе легкимъ и ничто болѣе желательнымъ, какъ видѣть эти свои мечты выраженными въ прокламаціяхъ; но если бы только они поддались тогда искушенію этихъ мечтаній, тотчасъ перестали бы они быть вожаками, ихъ прокламаціи стали бы выраженіемъ лишь ихъ собственныхъ взглядовъ, взглядовъ маленькой группы энтузіастовъ, и потеряли бы всякое значеніе.

Прокламація Петербургскаго Союза Борьбы была отпечатана въ Типографіи „Рабочей Мысли“ и была украшена рисункомъ.

Въ прокламаціи Московскаго Комитета Партіи были выставлены тѣ же самыя требованія и самый текстъ написанъ въ томъ же духѣ, какъ и въ Петербургѣ. Сказанное относится и къ листкамъ Кіевскимъ, Екатеринославскимъ и Донскимъ. Слѣдовательно, несмотря на отсутствіе Центральнаго Комитета Партіи, прокламаціи были выпущены хотя и отдѣльно Комитетами Партіи, но по общему соглашенію.

Очевидно, что ссылка на политическія требованія западноевропейскихъ рабочихъ и признаніе общности съ ними нашихъ требованій попали въ Петербургскую прокламацію не какъ литературная фраза, а намѣренно, какъ осторожное заявленіе желаній русскихъ рабочихъ. Въ Московской прокламаціи эта самая мысль выражена такъ: „Всѣ (западные европейскіе рабочіе) единодушно требуютъ одного и того же: на красномъ знамени пролетаріата написано теперь его ближайшее требованіе, восьмичасовой рабочей день. Задачи рабочихъ въ Россіи тѣ же, что и нашихъ западноевропейскихъ товарищей, но онѣ еще много сложнѣе и труднѣе. Намъ приходится еще добиваться того, что въ другихъ странахъ давно завоевано рабочими, какъ ихъ законное право. Тамъ, въ Европѣ, рабочіе успѣли уже добиться политическихъ правъ и хотя отчасти руководятъ судьбами своей страны, мы же живемъ еще какъ рабы“.

Московская прокламація заканчивается возгласомъ: „да здравствуетъ социалдемократическое рабочее движеніе въ Россіи“,

„да здравствуетъ международная социалдемократія!“ Это тоже было большимъ шагомъ впередъ для массовой прокламаціи.

Другую майскую прокламацію написалъ одинъ московскій рабочий, но она поздно была переслана за границу для напечатанія и попала только въ августовскую книжку „Рабочаго Дѣла“ (№ 2—3). Тамъ выставлены требованія „восьмичасового рабочаго дня и правъ политическихъ, то есть свободы союзовъ, сходокъ, слова и печати“. Это „то есть“ здѣсь очень характерно: разъясняя понятіе политическихъ правъ, авторъ не включаетъ въ ихъ число право управлять страной черезъ посредство депутатовъ. Эта неизданная прокламація отмѣняетъ тотъ шагъ впередъ, который дѣлала прокламація изданная комитетомъ. Однако комитетъ о ней отзывался вполне сочувственно (см. корреспонденцію изъ Москвы въ № 6 „Рабочаго Дѣла“) и даже не отмѣчалъ ея недочета; это показываетъ, что обѣ прокламаціи раздѣляли только одинъ шагъ.

Въ Кіевѣ задолго до Перваго Мая обсуждался вопросъ, какъ его отпраздновать. Въ принципѣ было рѣшено готовиться къ манифестаціи. Но ее устроить не удалось. Была издана печатная майская прокламація въ 10-ти тысячахъ экземпляровъ, призывавшая къ забастовкѣ съ тѣми же требованіями что въ Петербургѣ и Москвѣ; она расклеивалась и разбрасывалась по улицамъ. „По примѣру прошлыхъ лѣтъ — сообщаетъ Кіевская газета „Впередъ“ — Первое Мая праздновалось небольшими кружками; только отъ Греттера человекъ 50 собралось въ Кадетской Рошѣ и расположившись у желѣзнодорожнаго полотна бесѣдовали о значеніи этого дня“. „По городу ѣздили патрули; въ участкахъ дежурили двѣ роты; Перваго Мая патрули были поставлены у всѣхъ заводовъ“¹⁾. Два собранія были открыты полиціей, на нихъ арестовано 80 рабочихъ и красное знамя.

Красный заголовокъ прокламаціи заявлялъ о стремленіи рабочихъ къ восьмичасовому рабочему дню; но такъ какъ прокламація призывала къ немедленной забастовкѣ, то, какъ непосредственное требованіе, въ заключеніе прокламаціи было выставлено требованіе десятичасового дня. Это многое разъясняетъ въ полемикѣ, вызванной въ нашей партійной литературѣ прокламаціями этого года и ихъ требованіями²⁾.

Въ слѣдующемъ послѣ мая номерѣ „Впередъ“³⁾ мы находимъ интересное мнѣніе Кіевскихъ товарищей о принципиальномъ значеніи Первомайскихъ демонстрацій.

„Извѣстно, говорятъ они, что Перваго Мая, въ день величайшаго нашего праздника, во многихъ мѣстахъ рабочіе не ограничиваются забастовкой и предъявленіемъ требованій, а еще

¹⁾ „Впередъ“. Газета Кіевскихъ Рабочихъ. № 6 май 1899 года.

²⁾ В. П. Иваншинъ въ статьѣ о Первомъ Мая 1899 года защищалъ эти прокламаціи см. „Раб. Дѣло“, № 2 — 3, августъ 1899 г. Мартовъ рѣзко ихъ осуждалъ. См. „Зарю“ № 2 — 3.

³⁾ „Впередъ“ № 7 Сентябрь 1899 г.

устраиваютъ шествія съ красными знаменами и цѣсками; они устраиваютъ, такимъ образомъ, демонстрацію и цѣль ея вовсе не та, чтобы увеличить свои требованія или тутъ же получить какую нибудь уступку, а та, чтобы открыто показать, насколько они воодушевлены общей идеей, чтобы публично выразить свое несогласіе съ существующимъ порядкомъ“.

Эти строки, мнѣ кажется, хорошо выражаютъ взглядъ, который, какъ я старался отмѣчать, все время сквозилъ болѣе или менѣе ясно въ прокламаціяхъ одного изъ теченій социал-демократіи. Этотъ взглядъ не получили теоретическаго обоснованія и былъ побѣжденъ въ практической дѣятельности другимъ теченіемъ. Но мнѣ кажется, что онъ былъ правиленъ, и что наша партія къ нему вернется.

Майскіе листки Кіевского Комитета были распространены въ этомъ году въ Таращахъ, Черкасахъ, Бобринской, Кременчугѣ, Полтавѣ, Черниговѣ, Жмеринкѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Фастовѣ, Черкасахъ и Полтавѣ были устроены рабочими собранія, на которыхъ были произнесены рѣчи.

На электрической станціи читался открыто рабочими Майскій номеръ „Рабочаго Дѣла“. Механикъ Данилевскій далъ знать объ этомъ полиціи. Полиція явилась, составила протоколъ и предложила Данилевскому казаковъ.

Я указывалъ, когда Кіевъ, когда Харьковъ примкнулъ къ общему дѣлу; а вотъ въ этомъ году Донской комитетъ выступилъ на поле нашей дѣятельности. Его прокламаціи появились во многихъ центрахъ промышленности Донецкаго Бассейна и въ Ростовѣ. Какъ уже было сказано, онѣ выставляли общія съ другими городами требованія. 27-го апрѣля эти прокламаціи были распространены въ Маріуполѣ. Корреспондентъ „Впередъ“, изъ Маріуполя говоритъ, что „хотя онѣ немного опоздали со своими требованіями сокращенія рабочаго дня до 10 часовъ, такъ какъ такой рабочей день уже введенъ на одномъ изъ здѣшнихъ заводовъ, а на другомъ работаютъ 10½ часовъ, онѣ все таки не прошли совершенно безслѣдно. Въ ночь на Первое Мая весь Мартеновскій цехъ на старомъ заводѣ бросилъ работу требуя прибавки. Ихъ, хотя и съ трудомъ упростили проработать ночь, чтобы хоть выпустить металлъ изъ печей; за то на воротахъ вывѣсили объявленіе, что Мартеновскіе рабочіе имѣютъ право праздновать Первое Мая“.

Въ Кривомъ Рогѣ тоже были разбросаны прокламаціи. На Донецкомъ чугуноплавильномъ заводѣ онѣ вызвали сильное волненіе и администрація завода вызвала войска 1).

Въ Екатеринославѣ воззваніе было написано и напечатано въ 3 тысячахъ экземпляровъ самими рабочими; въ немъ были выставлены впервые для Екатеринослава „политическія“ требованія и говорилось о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ; читатель

1) „Южный Рабочій“ № 1, Екатеринославъ, январь 1900 года.

помнить однако, что это были только „частичныя политическія требованія“. На собраніи присутствовало около 100 человекъ ремесленныхъ рабочихъ. Прокламаціи были разбросаны по всему городу и во всѣхъ предмѣстьяхъ. Около всѣхъ заводовъ были собраны войска, полиція и казаки. На мосту черезъ Днѣпръ, отдѣляющемъ городъ отъ окрестныхъ заводскихъ поселковъ, находился многочисленный отрядъ полицейскихъ, не пропускавшій рабочихъ въ городъ. Рабочіе Брянскаго завода, придя утромъ Перваго Мая на работу, объявили, что съ обѣда работать не будутъ; тотчасъ явился губернаторъ, полицеймейстеръ, жандармскій полковникъ, но ничего не могли подѣлать. Рабочіе желѣзнодорожнаго цеха свой заработокъ за этотъ день отдали въ пользу голодающихъ ¹⁾.

Въ Тифлисъ маевка была отпразднована снова въ ущельяхъ.

Въ Харьковѣ майскіе листки были распространены почти во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, по словамъ уже цитированнаго отчета. Аресты начались только послѣ маевки. Перваго Мая мѣстность прилегающая къ заводамъ была занята войсками; а за городомъ въ это время происходили собранія, на которыхъ присутствовало 150 человекъ; на нихъ пѣлись революціонныя пѣсни, произнесены были рѣчи и обсуждались тактическіе вопросы: о кассахъ, бібліотекахъ, о кружковой пропагандѣ и массовой агитаціи. Была распространена Майская Картина „Рабочаго Дѣла“ и имѣла большой успѣхъ: рабочей со знаменемъ пришелъ въ кузницу и зоветъ товарищей бросить работу. Символическая же картина Густава Доре „Марсельеза“, изданная на слѣдующій годъ также „Рабочимъ Дѣломъ“, по словамъ отчета не имѣла успѣха.

Въ Одессѣ было собраніе 60 организованныхъ рабочихъ, на которомъ были произнесены рѣчи. Въ Саратовѣ „Группа Соціал-демократовъ“ распространила гектографированныя майскія воззванія.

Заграницей былъ выпущенъ майскій номеръ „Рабочаго Дѣла“, 16 страницъ текста in 4° и картина. Въ первой статьѣ выяснялось „общее значеніе Перваго Мая для пролетаріата всѣхъ странъ“. Далѣе, въ статьѣ Кричевскаго „май русскаго пролетаріата“, къ международнымъ требованіямъ восьмичасового дня и уничтоженія милитаризма присоединялись политическія требованія; приэтомъ впервые для заграничныхъ майскихъ листовъ выставлено требованіе демократической конституціи. Такимъ образомъ — иронія судьбы — такъ называемые экономисты расширяли „частичныя политическія требованія“, формулированныя Плехановымъ въ предыдущемъ и пред-предыдущемъ году въ майскихъ листкахъ, до дѣйствительныхъ политическихъ требованій. Далѣе шла статья Иваншина съ краткимъ очеркомъ

¹⁾ „Рабочее движеніе въ Екатеринославѣ“. Изд. Союза Рус. Соц. Дем. Женева 1900 г.

развитія рабочаго движенія въ Россіи; въ ней уже вполне ясно формулированъ взглядъ на это развитіе, впоследствии ставшій отправнымъ пунктомъ въ дѣятельности и идейной борьбѣ Союза Русскихъ Соціалдемократовъ. Слѣдующая статья говорила о социализмѣ, какъ конечной цѣли рабочаго движенія. Статья оканчивалась такъ: „Майскій праздникъ есть не только борьба за восьмичасовой рабочій день, за общій миръ между народами и за политическую свободу. Майскій праздникъ есть также борьба за ускореніе побѣды социализма“.

Наконецъ шла статья Незнамова (Теплова) „Майскій праздникъ рабочихъ и борьба за избирательное право въ Австріи“ и маленькій рассказъ „Стачка“.

Такъ писали „Экономисты“. Читателю можетъ показаться противорѣчивымъ это сочетание явно политическихъ и социалистическихъ лозунговъ съ кличкою „экономистовъ“. Здѣсь не мѣсто разъяснять это недоумѣніе и я могу только сказать, что кличка „экономисты“ была дана извѣстному теченію русской социалдемократіи ея противниками и совершенно не соответствовала содержанию взглядовъ этой школы.

Какъ видно изъ описанія событій этого года, празднованіе Перваго Мая распространилось уже очень широко къ этому времени. Правительство знало это и усиливало гоненія. Въ предыдущемъ году, впервые послѣ застоя 80-хъ годовъ и послѣ начала социалдемократическаго движенія оно произвело всероссийскіе аресты, заперевъ въ тюрьму болѣе тысячи гражданъ. Въ 1899 году оно пошло дальше. Передъ и тотчасъ послѣ Перваго Мая были арестованы въ Петербургѣ до 250 человекъ, произведено много арестовъ и обысковъ въ Москвѣ, въ Кіевѣ взято 176 человекъ и сдѣлано до 500 обысковъ, въ Гомелѣ 15 арестовано и 30 обыскано, въ Одессѣ взято 200 человекъ, 2 рабочихъ взято въ Уфѣ наканунѣ Перваго Мая ¹⁾.

Но это уже казалось недостаточнымъ; движеніе становилось массовымъ и единичными, хотя бы и многочисленными арестами, его уже нельзя было остановить. Правительство рѣшило противъ массоваго освободительнаго движенія создать массовое реакціонное движеніе, организовать „черныя сотни“. Первый опытъ правительство сдѣлало въ Николаевѣ въ день Маевки, 19 апрѣля. Рабочее движеніе въ Николаевѣ дѣлало быстрые успѣхи. Къ концу 1897 года тамъ было уже 200 организованныхъ рабочихъ и всѣ рабочіе интересовались ихъ пропагандою. Въ ночь съ 21 на 22 января 1898 года были произведены первые въ Николаевѣ массовые аресты, но и они не остановили событій, и вотъ въ 1899 году въ Николаевѣ была разыграна прелюдія къ будущимъ событіямъ въ Кишиневѣ, Гомелѣ, Одессѣ и Бѣлостокѣ.

1) Раб. Дѣло № 2—3, статья Иваншина.

Погромъ распространился изъ Николаева на Каховку и посадь Березнеговатый. „Попустительство мѣстныхъ властей и натравливаніе православныхъ „благодѣтелей“ привели къ дикимъ разгромамъ жилищъ еврейской бѣдноты, насиліямъ надъ еврейской массой. Полиція и войско въ первые дни совершенно не вмѣшивались и дали полную волю неистовствамъ озвѣрѣвшей толпы. Охранялись только богачи да правительственныя зданія. Буйства были прекращены военной силой лишь тогда, когда толпа принялась грабить дома богатыхъ и присутственныя мѣста“ ¹⁾).

Власти сочли тогда однако нужнымъ замаскировать свое участіе въ погромѣ; нѣкоторые громилы были арестованы и присуждены къ наказаніямъ, правда, очень незначительнымъ. Но смыслъ этого событія уже тогда былъ совершенно вѣрно понятъ революціонерами, и обозрѣватель „Южнаго Рабочаго“ въ 1-омъ номерѣ уже правильно оцѣнилъ его.

„Въ то самое время, писалъ онъ, когда во всемъ мірѣ изъ конца въ конецъ его, не исключая и самодержавной Россіи, происходилъ праздникъ всѣхъ эксплуатируемыхъ безъ различія національностей; когда на всѣхъ языкахъ міра рабочіе заявляли о своей солидарности и рѣшимости вести борьбу за освобожденіе отъ эксплуатаціи и деспотизма,—въ Николаевѣ произошли рабочіе беспорядки, имѣвшіе характеръ еврейскихъ погромовъ. Совпаденіе беспорядковъ съ днемъ 19-го апрѣля (Перваго Мая) невольно наталкиваетъ на мысль, не хотѣло ли правительство и его услужливые агенты помѣшать празднованію этого дня сознательными рабочими, устроивъ еврейскій погромъ? А если наша догадка имѣетъ основанія, то доскажемъ и другую нашу мысль, что еще быть можетъ неоднократно правительству будутъ удаваться подобные ходы“...

Дѣйствительность превзошла всѣ эти догадки.

Вл. Анимовъ-Махновецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Раб. Дѣло № 2—3, статья Сибиряка (Теплова)

Процессъ 17-ти народовольцевъ въ 1883 году.

Читатели встрѣчали уже много разъ на страницахъ «Былого» громкія въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи имена Богдановича, Буцевича, Грачевскаго, Теллалова, Савелія Златопольскаго Анны Корба и другихъ дѣятелей, приговоренныхъ къ тяжкимъ карамъ въ 1883 году. Отчетъ о процессѣ этихъ лицъ опубликованъ не былъ: правительство ограничилось напечатаніемъ лишь самаго краткаго извлеченія изъ обвинительнаго акта да приговора суда. Въ нелегальной литературѣ было напечатано также весьма немного по этому поводу свѣдѣній: по недостатку, конечно, матеріаловъ, дѣло ограничилось напечатаніемъ лишь обвинительнаго акта (и то безъ 5-й главы) да рѣчей на судѣ нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ. Между тѣмъ, этотъ процессъ, на ряду съ процессомъ 20-ти, о которомъ въ «Быломъ» уже сообщены обширныя свѣдѣнія, представляетъ въ высокой степени важное событіе въ судьбахъ народовольческаго движенія. Мы имѣемъ нынѣ возможность дать читателямъ не только полный обвинительный актъ по процессу 17-ти народовольцевъ, но также и другіе матеріалы, къ нему относящіеся. Въ настоящей книгѣ «Былого» мы печатаемъ пока лишь полный обвинительный актъ и приговоръ по этому дѣлу. Въ слѣдующихъ мы дадимъ остальные, имѣющіеся у насъ матеріалы, относящіеся къ этому процессу и сверхъ того воспоминанія по этому же поводу участника процесса 17-ти—Александра Васильевича Прибылева.

Ред.

Обвинительный актъ,

конныя предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ: 1) дворянинъ Юрій Николаевъ Богдановичъ, 32 лѣтъ; 2) Елизаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, 25 лѣтъ; 3) сынъ дьякона Михайлъ Федоровъ Грачевскій, 33 лѣтъ; 4) Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ 29 лѣтъ; 5) сынъ священника Яковъ Васильевъ Стефановичъ, 30 лѣтъ; 6) Лебединскій мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Калужный, 24 лѣтъ; 7) дочь священника Надежда Семёовна Смирницкая, 30 лѣтъ; 8) крестьянинъ Ми-

ской губерніи Автопъ Степановъ Борейша, 24 лѣтъ; 9) ветеринарный врачъ Александръ Васильевъ Прибылевъ, 24 лѣтъ, 10) жена ветеринарнаго врача Раиса Львова Прибылева, 25 лѣтъ; 11) дочь священника Марія Александрова Юшкова, 22 лѣтъ; 12) лишенный всѣхъ правъ состоянія Михаилъ Филмоновъ Клименко, 26 лѣтъ; 13) жена потомственного почетнаго гражданина Анна Павлова Корба, 28 лѣтъ; 14) дворянка Антонина Игнатьева Лисовская, 24 лѣтъ; 15) отставной лейтенантъ флота Александръ Викентьевъ Будевичъ, 32 лѣтъ; 16) дочь купца Хася Гершева (она же Христина Григорьева) Гринбергъ, 24 лѣтъ и 17) дочь священника Парасковья Семенова Ивановская, 30 лѣтъ.

I.

Приговорами, состоявшимися въ 1880 и 1881 г. г. какъ въ гражданскихъ такъ и въ военныхъ судебныхъ установленіяхъ, признано существованіе тайнаго преступнаго сообщества, именующаго себя „русской социальво-революціонной партіей“, стремящагося, путемъ насильственнаго переворота, къ испроверженію государственнаго порядка и общественнаго строя и совершняго, для достиженія означенной цѣли, рядъ самыхъ тяжкихъ преступленій, завершившихся злодѣяніемъ 1-го марта 1881 г.

Значительное число членовъ вышеозначеннаго преступнаго сообщества, присвоившаго себѣ также наименованіе „партіи народной воли“ уже осуждено С.-Петербургскимъ Военнымъ Окружнымъ Судомъ въ октябрь 1880 года (дѣло о 16 лицахъ). Особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената въ мартъ 1881 года (дѣло о злодѣянніи 1-го Марта) и въ февраль 1882 г. (дѣло о 20 лицахъ).

Не всѣ однако члены революціоннаго сообщества могли быть осуждены приговорами означенныхъ судебныхъ установленій. Нѣкоторымъ членамъ сообщества удалось скрыться отъ преслѣдованія и они, оставаясь на свободѣ, продолжали свою преступную дѣятельность, на что указывали съ одной стороны, появлявшіяся отъ времени до времени подпольныя изданія, а съ другой — новыя проявленія преступной дѣятельности сообщества.

Вслѣдствіе сего розыски, направленные къ задержанію скрывавшихся революціонныхъ дѣятелей, а также къ обнаруженію ихъ новыхъ единомышленниковъ, продолжались непрерывно и привели, начиная съ конца 1881 года, къ задержанію, между прочимъ, 17 лицъ, розыскивавшихся по прежнимъ дѣламъ или вновь примкнувшихъ къ такъ называемой „партіи народной воли“.

Задержаніе означенныхъ 17 лицъ произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

16 Декабря 1881 г., подъ именемъ Рязанскаго мѣщанина Александра Семенова, былъ задержанъ Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, розыскивавшійся какъ лицо, участвовавшее въ покушеніи на цареубійство подъ г. Александровскомъ. По обыску какъ при Телаловѣ, такъ и въ квартирѣ его, по средней Мѣщанской улицѣ д. № 20, было найдено огромное количество преступныхъ изданій. Спустя два дня послѣ ареста Телалова, при выясненіи сношеній послѣдняго, былъ задержанъ въ г. С.-Петербургѣ пропагандаровавшій среди рабочихъ молодой человекъ, назвавшійся крестьяниномъ Алексѣемъ Николаевымъ и оказавшійся впо-

слѣдствіи крестьяниномъ Минской губерніи Автономъ Степановымъ Борейшею, бывшимъ студентомъ Технологическаго Института, проживавшимъ подъ именемъ Игнатьева по Англійскому проспекту, въ домъ № 60.

6 февраля, въ г. Москвѣ, въ квартиру лица, задержаннаго по обвиненію въ государственномъ преступленіи, явился съ тюкомъ преступныхъ изданій неизвѣстный человекъ, назвавшійся дворяниномъ Михайломъ Огрызко, у котораго были найдены бумаги, указывавшія на принадлежность задержаннаго лица къ „партиі народной воли“. Именовавшійся Огрызко оказался сыномъ священника Яковомъ Стефановичемъ, бѣжавшимъ вмѣстѣ съ другими лицами изъ Кіевского тюремнаго замка, гдѣ онъ содержался по обвиненію въ организаціи преступнаго сообщества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда.

Вслѣдъ за симъ въ Москвѣ былъ произведенъ рядъ арестовъ выдающихся членовъ сообщества. Первымъ арестованъ проживавшій въ домѣ Бычкова, по Садовой улицѣ, подъ именемъ Прозоровскаго, дворянинъ Юрій Богдановичъ, который подъ фамиліею Кобозева былъ хозяиномъ сырной лавки по малой Садовой улицѣ въ г. С.-Петербургѣ, изъ которой была заложена подъ полотномъ улицы мина, предназначавшаяся для совершения злодѣянія 1-го марта 1881 года. Проживавшая вмѣстѣ съ Богдановичемъ подъ именемъ его жены, неизвѣстная женщина, успѣла скрыться.

Вскоръ затѣмъ 23-го марта 1882 года, по Прогонному переулку, въ домѣ № 5, была открыта квартира, въ которой проживали въ качествѣ хозяевъ ея, по пастору на имя супруговъ Беневоленскихъ, бѣжавшіе изъ административной ссылки: мѣщанинъ города Лебедина Иванъ Васильевъ Калужный и дочь священника Надежда Семенова Смирницкая. По обыску въ квартирѣ названныхъ лицъ, былъ найденъ складъ фальшивыхъ видовъ на жительство, печатей и т. п., а также разныя запрещенныя изданія.

Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяць спустя былъ арестованъ на улицѣ, проживавшій по Армянскому переулку, въ домѣ Грачева, по подложному виду на имя Богодѣлова, Елисаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, розыскиваемый въ качествѣ лица, причастнаго къ покушенію на царевичство подъ г. Москвой въ 1879 году.

Послѣ вышеизложенныхъ арестовъ, произведенныхъ въ Москвѣ, розыски, предпринятыя въ г. С.-Петербургѣ, привели къ обнаруженію въ ночь на 5 іюня 1882 года, по 11 линіи Васильевскаго Острова, въ домѣ № 24, такъ называемой „конспиративной“ квартиры, гдѣ изготовлялся динамитъ и метательные снаряды. Въ означенной квартирѣ проживали въ качествѣ хозяевъ ветеринарный врачъ Александръ Васильевъ Прибылевъ и его жена Ранса Львова и, въ качествѣ кухарки, дочь священника Марія Александрова Юшкова, подъ именемъ крестьянки Савиной. Одновременно съ обнаруженіемъ конспиративной квартиры, были арестованы и занимавшія ее лица, а также приходившія туда двѣ личности, проживавшія: одна въ Фонарномъ переулкѣ, въ домѣ № 9, подъ фамиліею Галиновскаго, а другая въ Николаевской улицѣ, въ домѣ № 1, подъ именемъ Бармалъева, причемъ Галиновскій оказался розыскиваемымъ по обвиненію въ участіи въ злодѣяніи 1-го марта сыномъ дьякона Михайломъ Грачевскимъ, а Бармалъевъ — бѣжавшимъ изъ ссылки, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія Михайломъ Клименко. Одновременно съ задержаніемъ вышепоименованныхъ лицъ, были

арестованы и находившіеся съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ: жена потомственнаго почетнаго гражданина Анна Павлова Корба, проживавшая въ д. № 22, по Дровяному переулку, по подложному паспорту на имя Розановой, дочь купца Хася Гершева, она же Христина Григорьева Гринбергъ, жившая въ домъ № 24, по Кирочной улицѣ, подъ фамиліею Каммеръ, и лейтенантъ флота Александръ Викентьевъ Буцевичъ. Гринбергъ оказалась той самой „Христиной“, на преступную дѣятельность которой были получены указанія при изслѣдованіи приготовленій къ царевубійству дѣломъ 1880 года въ С.-Петербургѣ.

20-го іюня 1882 года, въ квартиру лица, арестованнаго по обвиненію въ государственномъ преступленіи, явилась женщина, назвавшаяся дворянкой Элеонорой Милошевичъ. Означенная женщина была задержана и оказалась дворянкой Антониной Игнатьевой Лисовской, розыскиваемой по дѣлу о покушеніи на кражу, посредствомъ подкупа, изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства.

Наконецъ во время производства розысковъ, направленныхъ къ раскрытію попытокъ такъ называемой „партіи народной воли“ организовать революціонные кружки въ Сѣверо-Западномъ краѣ, 13-го сентября 1882 г., въ г. Витебскѣ, была открыта квартира, въ которой предполагалось устроить тайную типографію. Въ тотъ самый день, когда была обнаружена упомянутая квартира, въ нее явилась только что прибывшая по желѣзной дорогѣ розыскиваемая по прежде упавшимъ на нее обвиненіямъ, дочь священника Парасковья Ивановская, которая и была арестована подъ именемъ жены коллежскаго ассесора Надежды Руничъ.

Всѣ вышепоименованныя лица, за исключеніемъ Борейши, Прибыловой и Юшковой, категорически признали свою принадлежность къ преступному сообществу, именуемому себя „партіей народной воли“ а Парасковья Ивановская признала себя сверхъ того и членомъ „исполнительнаго комитета“.

Изъ остальныхъ обвиняемыхъ — Борейша призналъ, что принималъ близкое участіе въ дѣлахъ „партіи народной воли“, Прибылова, отвергая свою принадлежность къ революціонному сообществу, объяснила, что вполнѣ сочувствуетъ, однако, его дѣятельности, а Юшкова заявила, что поступленіе ея въ конспиративную квартиру въ качествѣ кухарки не было строго обдумано и что до этаго времени она никакихъ сношеній съ революціоннымъ сообществомъ не имѣла.

Собранными по отношенію ко всѣмъ вышеназваннымъ 17 обвиняемымъ данными установлено, что независимо отъ общаго для всѣхъ обвиненія въ принадлежности къ террористическому сообществу, на вѣкоторыхъ изъ привлеченныхъ къ настоящему дѣлу лицъ падаютъ еще обвиненія въ участіи въ отдѣльныхъ преступленіяхъ, совершенныхъ для достиженія цѣлей общества.

Означенныя отдѣльныя преступныя дѣянія относятся къ періоду времени съ 1877 года по 1882 годъ.

II.

Организація въ 1877 году преступнаго тайнаго сообщества въ средѣ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

Со времени введенія положенія 1867 г. о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, между крестьянами Черкаскаго и Чигиринскаго Уѣздовъ, Кіевской губерніи возникли волненія, выразившіяся въ стремленіи къ измѣненію условій, созданныхъ означеннымъ положеніемъ въ смыслъ равномернаго распредѣленія земли между мужскимъ населеніемъ означенныхъ уѣздовъ въ размѣръ отъ 5-ти до 15 десятинъ на душу.

Подобныя волненія, поддерживаемыя частію непониманіемъ самаго положенія, а главнымъ образомъ недѣльными слухами о сокрытіи чиновниками „Царскаго Указа“ о всеобщемъ передѣлѣ земли,—до 1877 г. не заходили, однако, далѣе единичныхъ случаевъ сопротивленій при люстраціонныхъ работахъ и разнаго рода ходатайствъ со стороны крестьянъ.

Въ началѣ 1877 г. подобное положеніе дѣлъ въ упомянутыхъ уѣздахъ подъ влияніемъ лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемой „русской социально-революціонной партіи“, значительно измѣнилось, и, принявъ болѣе острый характеръ, выразилось въ организаціи въ предѣлахъ Чигиринскаго уѣзда преступнаго сообщества подъ названіемъ „тайная дружина“, имѣвшаго цѣлью подготовить вооруженное возстаніе для захвата и раздѣла не принадлежащихъ крестьянамъ земель. Возстаніе должно было сопровождаться нападеніемъ на помѣщиковъ, духовенство, представителей другихъ сословій и установленнымъ правительствомъ властей.

Въ „Высочайшей тайной грамотѣ“, приложенной къ уставу общества, вышеизложенныя цѣли сообщества объяснялись и оправдались слѣдующимъ образомъ.

По словамъ грамоты, Государь Императоръ давно уже даровалъ крестьянамъ для пользованія всю землю, съ освобожденіемъ отъ платежа какихъ либо податей, но помѣщики, духовенство и чиновники, изъ корыстныхъ видовъ, скрыли Царскій Указъ по этому предмету. Далѣе изъ указа видно, что такъ какъ помѣщикамъ помогаетъ Наслѣдникъ Престола, то Государь безсиленъ привести свою волю въ исполненіе, а потому вынужденъ издать настоящій тайный манифестъ, на основаніи котораго крестьяне должны собраться тайно отъ властей въ особое сообщество, заготовить оружіе, затѣмъ возстать противъ помѣщиковъ и другихъ лицъ, отнять у нихъ землю силою и раздѣлить таковую поровну.

Устанавливая организацію сообщества, упомянутый „уставъ“ опредѣлялъ раздѣленіе „тайныхъ дружинъ“ на кружки, состоящіе изъ 25 членовъ крестьянъ живущихъ въ одномъ околоткѣ, каковымъ кружкамъ присвоивалось наименованіе „Староствъ“.

Для вступленія въ подобное староство требовалось выполненіе приложенной къ уставу присяги, при двухъ поручителяхъ, которые обязывались убить того, за кого ручаются, въ случаѣ если онъ измѣнитъ дѣлу и выдастъ его тайну, такъ какъ, по выраженію „манифеста“, „измѣнниковъ не

должно щадить и всякій кто умертвить предателя совершить доброе и богоугодное дѣло“.

Вступившій такимъ образомъ въ старство, признавался дружинникомъ, обязаннымъ заготовить ратище или пику для возстанія. Старство управлялось выборными старостами, на обязанности которыхъ лежалъ надзоръ за дружинниками, вербовка новыхъ членовъ и приведеніе таковыхъ къ присягѣ; кромѣ того старосты составляли „старостную раду“, выбиравшую изъ среды себя атамана, черезъ посредство котораго дружина сносилась съ такъ называвшимися „царскими комиссарами“. „Всею дружиною земли русской“, по выраженію устава, долженъ былъ заправлять совѣтъ комиссаровъ, какъ состоявшій изъ лицъ, избранныхъ самимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ“. Приказанія комиссара какъ личныя, такъ и переданныя черезъ атамана, должны были исполняться старостами и дружинниками безпрекословно; въ случаяхъ особыхъ нарушеній комиссару предоставлялось даже право прозвененія смертныхъ приговоровъ.

Созданное распространеніемъ такового подложнаго отъ имени Государя Императора манифеста преступное сообщество возникло, какъ оказалось впоследствии, не по инициативѣ самихъ крестьянъ, а вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ нихъ, будучи посланы въ 1875 г. за участіе въ прежнихъ волненіяхъ по Чигиринскому уѣзду въ Кіевъ, подъ надзоръ полиціи, были вовлечены въ сообщество предложеніями и настояніями незнакомца молодого человѣка, называвшагося „государевымъ комиссаромъ Дмитріемъ Найдю“. Послѣдній, предъявивъ крестьянамъ приобщенныя къ настоящему дѣлу „царскія бумаги“, успѣлъ склонить ихъ принять присягу на служеніе дѣлу сообщества. Затѣмъ, по подстрекательству того же Найдю, упомянутые крестьяне въ своемъ селеніи Шабельникахъ, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ стали собирать дружины, причемъ именовавшій себя Найдю неоднократно предпринималъ поѣздки по деревнямъ и селамъ Чигиринскаго уѣзда, организуя сообщество и поддерживая въ крестьянахъ рѣшимость къ вооруженному возстанію въ недалекомъ будущемъ.

Въ скоромъ времени сообщество настолько увеличило число своихъ членовъ, что старосты выбрали изъ среды себя атамана и составили особые списки дружинниковъ, которые и передали упомянутому „комиссару“, а также заготовили пики, установили пароль „Воздвиженъ“ и быстро стали разносить пропаганду бунта по окрестнымъ селамъ. Распространившись далеко за предѣлы Шабельницкой волости, сообщество охватило села и деревни 12 другихъ волостей и къ половинѣ 1877 г. насчитывало уже около 1000 членовъ. Вслѣдствіе сего, признавая свою организационную дѣятельность оконченною, сообщество рѣшило начать свои дѣйствія съ 1-го Октября 1877 года.

Между тѣмъ ранѣе сего, начиная съ марта мѣсяца того же года, до подлежащихъ властей стали доходить свѣдѣнія, указывавшія на существованіе среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда преступнаго сообщества, которое вскорѣ и было обнаружено, причемъ 3-го сентября, въ деревнѣ Талалаевкѣ, былъ задержанъ самъ „комиссаръ Найдя“, оказавшійся сыномъ священника Яковомъ Стефановичемъ.

При производствѣ нѣслѣдованія по этому дѣлу было установлено, что ближайшими помощниками Стефановича въ дѣлѣ организациіи сообщества

были рядовой Лейба Дейчъ и дворянинъ Иванъ Бохановскій, состоявшіе также какъ и самъ Стефановичъ членами Кіевскихъ революціонныхъ кружковъ.

Вышеизложенныя обстоятельства установлены исполнѣ пріобщенными къ дѣлу вещественными доказательствами, отобранными при обыскахъ во время производства по сему дѣлу слѣдствія, а именно: 1) подложнымъ манифестомъ, 2) уставомъ сообщества съ приложенною къ нему присягою и 3) спискомъ лицъ, входившихъ въ составъ староствъ и именъ и прозваній присяжныхъ и ихъ поручителей, а равнымъ образомъ и приговоромъ Правительствующаго Сената, разсматривавшимъ по существу дѣло объ означенномъ тайномъ сообществѣ въ отношеніи привлекавшихся къ оному лицъ, за исключеніемъ лишь трехъ главныхъ организаторовъ „тайной дружины“— Стефановича, Дейча и Бохановскаго, которые въ маѣ 1878 г. бѣжали изъ Кіевского тюремнаго замка при содѣйствіи нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Михаила Фроленко.

Дѣятельное участіе названныхъ лицъ въ организаціи преступнаго сообщества, отчасти уже признанное, какъ упомянуто выше, Правительствующимъ Сенатомъ исполнѣ устанавливается по отношенію къ обвиняемому Стефановичу его собственнымъ сознаніемъ, даннымъ при слѣдствіи, до совершения побѣга, а также показаніями нѣкоторыхъ осужденныхъ и допрошенныхъ по сему дѣлу лицъ.

Объясненія Стефановича и этихъ лицъ заключаются въ нижеслѣдующемъ.

Признавая фактъ составленія и распространенія подложнаго отъ имени Государя Императора манифеста и организованія среди крестьянъ тайнаго сообщества, Стефановичъ показалъ, что узнавъ о волненіяхъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ, онъ рѣшилъ принять въ нихъ участіе, мечтая, по его выраженію, возбудить возстаніе и въ другихъ частяхъ государства. Узнавъ, что нѣкоторые изъ крестьянъ высланы уже въ Кіевъ подъ надзоръ полиціи, онъ, Стефановичъ, розыскалъ одного изъ нихъ, а именно: Лазаря Тевенику и черезъ него познакомился съ другими его односельчанами. Придя, изъ бѣсѣды съ крестьянами, къ заключенію, что они возбуждены противъ властей и даже не довѣряютъ Наслѣднику Престола, считая своимъ защитникомъ лишь Самого Государя Императора, Стефановичъ рѣшилъ воспользоваться такимъ настроеніемъ крестьянъ и составилъ соотвѣтствующіе, по его мнѣнію, сему настроенію „тайную грамоту“ и „уставъ тайной дружины“, которые, по отпечатаніи ихъ за границею, при посредствѣ Дейча, были привезены осенью 1876 года въ Кіевъ. Въ Филипповъ постъ того же года, Стефановичъ вновь розыскалъ вышеупомянутыхъ крестьянъ и, предъявивъ послѣднимъ составленные имъ документы, объяснилъ, что былъ у Государя и получилъ отъ него приказаніе передать крестьянамъ, что Царь одинъ для нихъ ничего сдѣлать не можетъ, потому что ему въ томъ препятствуютъ Наслѣдникъ и дворяне, вслѣдствіе чего, Государь повелѣваетъ составить тайныя дружины, заготовить оружіе и дѣйствовать открытою силою. Крестьяне, послѣ нѣкоторыхъ увѣщаній, изъявили свое согласіе вступить въ сообщество, и затѣмъ Стефановичъ привелъ ихъ къ присягѣ по составленному имъ самимъ присяжному листу въ особо нанятомъ для этой цѣли домѣ, на Житомирской улицѣ, гдѣ вновь разъяснилъ уставъ и грамоту и затѣмъ предло-

жили крестьянамъ отправиться въ свои селенія и набирать членовъ дружины.

Первоначально на родину отправился только Лазарь Тененика, который, вернувшись въ Кіевъ, сообщилъ, что односельчане его требуютъ личнаго пріѣзда Стефановича для разъясненія смысла устава. Стефановичъ, однако, не поѣхалъ самъ на мѣсто, а снабдилъ Тененику печатнымъ уставомъ съ приказаніемъ передать таковой грамотному Ефиму Олейнику, съ которымъ онъ, Стефановичъ, познакомился за это время, съ тѣмъ, чтобы Олейникъ набиралъ членовъ дружины и приводилъ ихъ къ присягѣ. На Ѳоминной недѣлѣ Тененика, по условію, вновь явился въ Кіевъ, откуда Стефановичъ съ Тененикою и съ другимъ своимъ товарищемъ отправились по желѣзной дорогѣ въ гор. Черкассы, а оттуда на лошадяхъ въ деревню Разсошницы къ крестьянину Охнменко. Въ домѣ послѣдняго Стефановичъ читалъ собравшимся крестьянамъ печатанную тайную грамоту и по требованію Ефима Олейника, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, принялъ присягу въ удостовѣреніе того, что они также члены дружины; здѣсь же Олейникъ былъ избранъ атаманомъ, такъ какъ въ это время было уже составлено до 20-ти староствъ. Затѣмъ, передъ отъѣздомъ своимъ изъ деревни Разсошницы, Стефановичъ толковалъ смыслъ устава, выразилъ требованіе о заготовленіи пикъ и передалъ Ефиму Олейнику и Ивану Писковому два экземпляра печатаннаго устава и нѣсколько формъ присяги. Съ конца мая и по августъ 1877 года, Стефановичъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ крестьянами въ разныхъ мѣстностяхъ Черкаскаго и Чигиринскаго уѣздовъ, причемъ снабжалъ крестьянъ экземплярами устава и деньгами какъ для кассы дружины, такъ и для другихъ нуждъ, такъ напримѣръ для жены Лазаря Тененики, который въ то время былъ уже арестованъ. Послѣднее свиданіе было назначено на 29 сентября, но оно не могло состояться по случаю ареста Стефановича.

Въ заключеніе своего показанія Стефановичъ объяснилъ, что во все время сношенія его съ крестьянами онъ называлъ себя Государевымъ комиссаромъ Дмитріемъ Найдю.

Отставной унтеръ-офицеръ Ефимъ Олейникъ и крестьянинъ Лазарь Тененика дали подробныя объясненія о своей дѣятельности въ организаціи сообщества, при чемъ изложили таковую согласно съ обстоятельствами, указанными Стефановичемъ.

Изъ означенныхъ показаній, между прочимъ, видно, что комиссаръ Наида, уговоривъ Лазаря Тененику и другихъ его односельчанъ вступить въ сообщество, заставилъ ихъ прежде всего принять присягу, стоя на колѣняхъ передъ Крестомъ и Евангеліемъ, при чемъ предварительно самъ выполнилъ, по требованію крестьянъ, ту же клятву и затѣмъ уже прочелъ и разъяснилъ имъ тайную грамоту, напечатанную на большомъ листѣ съ золотыми краями и съ печатами Государя и комиссаровъ. Въ означенной грамотѣ, по удостовѣреніямъ Олейника и Тененики, говорилось о необходимости вооруженнаго возстанія. Изъ тѣхъ же показаній далѣе оказывается, что, по вступленіи въ сообщество Олейника, онъ первый приступилъ къ приводу крестьянъ къ присягѣ, которая затѣмъ стала выполняться днемъ и ночью по разнымъ домамъ, такъ что къ 1-му марта вступившихъ въ сообщество членовъ оказалось 250 человекъ. Вслѣдствіе этого въ ночь на 1-е марта дружинники собрались въ степи, около мѣстности „Раскопана-

Могила“ и выбрали 10-ть старостъ. По передачѣ впоследствии списковъ дружинниковъ комиссару Найдѣ, послѣдній уговаривалъ крестьянъ непременно набрать къ Покрову дню (1-е октября) три общества по 500 человекъ каждое, что, по его словамъ, должно было составить округъ.

Крестьяне Иванъ Писковой, Антошъ Комаренко и Андрей Приходько признали полную справедливость обстоятельствъ, указанныхъ въ предыдущихъ показаніяхъ въ отношеніи дѣятельности крестьянъ и комиссаровъ по организациіи сообщества „тайная дружина“.

При задержаніи Стефановича въ 1877 году и доставленія его въ гор. Кіевъ, онъ былъ предъявленъ Олейнику, Писковому, Тененикѣ и Комаренко, которые признали въ немъ того самаго комиссара Дмитрія Найдѣ, о которомъ они упоминали въ своихъ показаніяхъ.

Бѣжавшій, какъ уже было сказано выше, до окончанія настоящаго дѣла, Яковъ Стефановичъ вновь былъ задержанъ въ Москвѣ 6 февраля 1882 г. подъ фамиліей дворянина Огрызко. По предъявленіи ему упадающаго на него по Чигиринскому дѣлу обвиненія, Стефановичъ призналъ себя виновнымъ въ организациіи тайнаго сообщества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда и подтвердилъ данныя имъ въ 1877 г. по означенному дѣлу показанія.

III.

Покушеніе на цареубійство и приготовленія къ нему, предпріятыя: 1) близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи, 18 ноября 1879 года; 2) близъ гор. Москвы, 19 ноября того же года и 3) въ гор. С.-Петербургѣ, лѣтомъ 1880 года.

Послѣ липецкаго сѣзда и во исполненіе принятыхъ на немъ рѣшеній, среди „народовольцевъ“ закипѣла работа. Государственный преступникъ Степанъ Ширяевъ принялся за изготовленіе динамита для нуждъ сообщества, государственный преступникъ Александръ Михайловъ занялся изысканіемъ близъ Москвы, на линіяхъ Николаевской или Московско-Курской желѣзныхъ дорогъ мѣста, удобнаго для производства варьва Императорскаго побѣда; другіе же видные дѣятели сообщества, въ концѣ сентября 1879 года сѣхались въ гор. Харьковѣ для ближайшаго обсужденія подробностей плана, который неминуемо-бы привелъ къ желанной цѣли—цареубійству.

1.

Изъ показаній умершаго обвиняемаго Гольденберга, между прочимъ, видно, что въ 20-хъ числахъ сентября 1879 года въ Харьковѣ прибыли кромѣ него, Гольденберга, еще Николай Колодквичъ, Андрей Желябовъ, называвшійся среди мѣстнаго кружка „Борисомъ“, Баранниковъ (Кошурниковъ) и Прѣсняковъ, которые привезли съ собой около 3-хъ пудовъ динамита, рабочіе: Окладскій и Тихановъ и Татьяна Лебедева. По пріѣздѣ въ Харьковъ, Гольденбергъ познакомился съ бывшимъ студентомъ горнаго института, севастопольскимъ мѣщаниномъ Петромъ Абрамовымъ Телаловымъ, получившимъ затѣмъ въ Харьковѣ прозвище „старосты“, и вскорѣ

съ нимъ сблизился. По просьбѣ Гольденберга, желавшаго ознакомиться съ настроеніемъ харьковскаго кружка, знакомыми его, Гольденберга, въ квартирѣ учителя Маныча была устроена сходка, на которой присутствовалъ и Телаловъ, при чемъ Гольденбергъ произнесъ рѣчь съ цѣлью познакомиться съ сочувствовавшую революціонному движенію учащуюся молодежь съ программой вновь народившейся „партіи народной воли“. Впослѣдствіи была вновь устроена сходка на квартирѣ студента Осипова, на которой говорилъ Желябовъ и присутствовали почти всѣ вышеупомянутые, прибывшіе въ Харьковъ революціонные дѣятели, въ томъ числѣ и Телаловъ. Кромѣ означенныхъ сходокъ, имѣвшихъ цѣлью ознакомленіе молодежи съ террористической программой, съѣхавшіеся въ Харьковъ „народовольцы“ рѣшили приступить къ приготовленіямъ къ взрыву Императорскаго поезда еще въ двухъ мѣстахъ, кромѣ Москвы, а именно: подъ Александровскомъ, по линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, и подъ Одессой. Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовления для приведенія своихъ замысловъ въ исполненіе, сообщники разѣхались въ избранные ими мѣста: Желябовъ, Якимова, прибывшая къ этому времени въ Харьковъ, Тихановъ и Окладскій—въ Александровскъ, Татьяна Лебедева, съ частью привезеннаго въ Харьковъ и хранившагося у Гольденберга динамита—въ Одессу, гдѣ уже находился Михаилъ Фроленко; Гольденбергъ—въ Москву для принятія участія въ начатомъ уже тамъ подкопѣ, а Телаловъ, посвященный во всѣ замыслы и вступившій въ это время въ ряды народовольцевъ, остался въ Харьковѣ для организаціи мѣстныхъ революціонныхъ кружковъ и для содѣйствія, въ чемъ окажется нужнымъ, находившимся въ разныхъ пунктахъ соумышленникамъ.

Участіе Телалова въ преступныхъ замыслахъ вышепоименованныхъ лицъ и содѣйствіе его успѣшному осуществленію задуманнаго царевубійства, кромѣ оговора его Гольденбергомъ и фактовъ посѣщенія имъ, совместно съ Гольденбергомъ и Желябовымъ, квартиры нѣкоторыхъ студентовъ, подтверждается еще слѣдующими обстоятельствами, удостовѣренными при дознаніи подлежащими свидѣтельскими показаніями:

1) Въ половинѣ октября 1879 г., Телаловъ вмѣстѣ съ Гольденбергомъ, привезли на квартиру студента Кузнецова завернутый въ рогуху предметъ, оказавшійся землянымъ буравомъ, съ просьбой спрятать таковой на нѣкоторое время; не имѣя возможности хранить буравъ у себя, Кузнецовъ передалъ его товарищу своему Сыцяню, у котораго онъ и находился до конца октября, когда Иванъ Окладскій потребовалъ его отъ Кузнецова и увезъ въ Александровскъ.

2) По окончаніи совѣщаній, уѣзжая изъ Харькова въ Москву, Гольденбергъ поручилъ Телалову, оставленный на своей квартирѣ члоданъ съ динамитомъ, передать Желябову при проѣздѣ его черезъ Харьковъ, для чего привелъ Талалова въ свою квартиру и просилъ хозяйку, акушерку Сикорскую, передать чемоданъ Телалову по его требованію. При проѣздѣ Желябова въ Александровскъ, Телаловъ получилъ чемоданъ отъ Сикорской и передалъ его на вокзалъ желѣзной дороги на назначенію.

3) Черезъ нѣсколько дней послѣ покушенія 19 ноября подъ Москвой, Телаловъ просилъ Сыцяню принять къ себѣ на храненіе нѣкоторыя вещи и въ тотъ же вечеръ привезъ къ нему на квартиру двѣ спирали Румкорфа.

пучек изолированной проволоки, коробочку съ запалами, два заряженныхъ револьвера и три кинжала, каковыя предметы были отобраны у Сыцянка по обыску 27 ноября 1879 года.

Независимо отъ сего, изъ показанія Гольденберга видно, что во время харьковскихъ сходокъ, прибывшій въ Харьковъ рядовой Лейба Дейчъ, возбудилъ вопросъ о томъ, что такъ какъ царубійство должно совершиться очень скоро, то этимъ событіемъ желательно было воспользоваться не только террористамъ, для ихъ политической цѣли, но и для цѣлей всей „революціонной партіи“. Вслѣдствіе чего было предложено напечатать „манифесты“ для распространенія ихъ въ народъ послѣ царубійства, а для успѣшнаго достиженія этой цѣли, имѣть своихъ людей по деревнямъ. Съ этимъ вопросомъ близко соприкасался Телаловъ, которому было извѣстно содержаніе и цѣль манифестовъ и который долженъ былъ подыскать людей, на мѣстахъ, годныхъ для распространенія революціонныхъ воззваній.

Все вышеизложенное удостоверяется приговорами: С.-Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда и Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣламъ о 16 и 20 лицахъ, осужденныхъ за государственныя преступленія; показаніями умершаго обвиняемаго Григорія Гольденберга; государственныхъ преступниковъ: Степана Ширяева и Ивана Окладскаго; протоколомъ обыска у Сыцянка, и показаніями студентовъ Блюнова, Кузнецова и Сыцянка, а также акушерки Сикорской.

Задержанный въ С.-Петербургѣ 16-го декабря 1881 г. подъ именемъ Семенова, Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, признавая свою принадлежность къ тайному сообществу, именуемому себя „партіей народной воли“, подтверждалъ въ общихъ чертахъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, относящіяся до его преступной дѣятельности осенью 1879 г. Разбирая отдѣльныя событія, Телаловъ, въ показаніи своемъ, призналъ свое участіе какъ на сходкахъ, на которыхъ Гольденбергъ и Желябовъ знакомили молодежь съ программой „партіи народной воли“, такъ въ совѣщаніяхъ, на которыхъ велись съ нимъ, Телаловымъ, переговоры объ удобнѣйшемъ храненіи разныхъ, доставленныхъ въ Харьковъ орудій и приспособленій, предназначавшихся для задуманныхъ уже тогда посягательствъ на царубійство. Далѣе Телаловъ призналъ, что согласившись содѣйствовать планамъ злоумышленниковъ, онъ передалъ Кузнецову на храненіе буравъ, увезенный впоследствии въ Александровскъ, а затѣмъ въ концѣ октября, передалъ Желябову на вокзалѣ желѣзной дороги динамитъ, оставленный Гольденбергомъ на квартирѣ Сикорской, при чемъ тогда же узналъ определенно отъ Желябова, какия именно мѣста избраны для посягательства на царубійство, по пути слѣдованія Государя Императора изъ Крыма въ С.-Петербургъ. Наконецъ, нѣсколько дней спустя послѣ московскаго покушенія, онъ, Телаловъ помѣстилъ на квартиру къ Сыцянку спирали Румкорфа, запалы, проволоки и оружіе.

2.

Какъ уже было сказано выше, въ октябрь 1879 г., Гольденбергъ уѣхалъ изъ Харькова въ Москву для принятія участія въ работахъ по подкопу полотна Московско-Курской желѣзной дороги. Въ началѣ ноября участниками этого злодѣянія были получены свѣдѣнія, что Государь Императоръ,

въ виду дурной погоды, прослѣдуетъ съ южнаго берега Крыма сухимъ путемъ. Въ виду возникшихъ опасеній, что наличнаго динамита будетъ недостаточно для успѣшнаго взрыва Императорскаго повода подь Москвой, а также въ виду того, что по случаю измѣненія пути слѣдованія Государя Императора дальнѣйшія приготовленія къ царубійству подь Одессой становились излишними, Гольденбергъ былъ отправленъ 9 ноября въ Одессу, съ цѣлью перевезти имѣвшійся тамъ динамитъ въ Москву. Въ Одессѣ Гольденбергъ остановился у Колодкевича, проживавшаго подь именемъ Сидоренко, отъ котораго и получилъ динамитъ. Во время пребыванія своего въ Одессѣ Гольденбергъ видѣлся въ квартирѣ Колодкевича съ извѣстнымъ ему еще ранѣе за члена исполнительнаго комитета Савеліемъ Соломоновымъ Златопольскимъ, съ которымъ, равно какъ и съ Колодкевичемъ, говорилъ о московскомъ подкопѣ, и, между прочимъ, указывалъ на недостатокъ имѣющагося для сего дѣла денежныхъ средствъ. На слѣдующій день послѣ этого разговора, 13 ноября, Златопольскій пришелъ снова въ квартиру Колодкевича и передалъ Гольденбергу 300 рублей для московскаго предпріятія. Въ тотъ же день Гольденбергъ выѣхалъ изъ Одессы въ Москву, а на слѣдующій день былъ арестованъ въ Елисаветградѣ съ динамитомъ и деньгами.

13 апрѣля 1882 года, въ гор. Москвѣ былъ задержанъ подь именемъ Богольцова Елисаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, который, признавъ себя членомъ „партіи народной воли“, объяснилъ, что оговоръ его Гольденбергомъ совершенно доженъ, что ни о какихъ замыслахъ на царубійство, осенью 1879 года, ему извѣстно не было, и что въ началѣ ноября 1879 г., въ присутствіи Гольденберга, на квартирѣ Колодкевича онъ передавалъ деньги, но не Гольденбергу и не 300 руб., а Колодкевичу, 500 руб., которые ему были переданы послѣднимъ на храненіе.

3.

Неудавшіяся покушенія на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, осенью 1879 г., въ виду принятаго на липецкомъ съѣздѣ рѣшенія, побудили участниковъ преступнаго сообщества предпринять новыя приготовленія для достиженія своей злодѣйской цѣли.

Весною 1880 г., въ г. Одессѣ и, лѣтомъ того же года, въ С.-Петербургѣ, приготовлялись два посягательства на жизнь Государя Императора, большая часть участниковъ которыхъ осуждена уже приговорами Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣламъ: о злодѣянн 1-го Марта 1881 г. и о 20 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ. Относительно приготовленія въ гор. С.-Петербургѣ, государственный преступникъ Меркуловъ объяснилъ, что катаясь лѣтомъ 1880 года въ лодкѣ съ Грачевскимъ, Желябовымъ, Пресняковымъ, Баранниковымъ, Александромъ Михайловымъ и Тетеркой, онъ, Меркуловъ, слышалъ происшедшій между названными лицами разговоръ о необходимости заложить динамитъ подь какой-то мостъ по Гороховой улицѣ съ цѣлью посягнуть на жизнь Государя Императора. При этомъ Баранниковъ, по словамъ Меркулова, предполагалъ примѣнить одновременно со взрывомъ моста и метательные снаряды. Изъ содержанія означеннаго разговора Меркуловъ заключилъ, что покушеніе было уже рѣшено ранѣе сего, между упомянутыми ли-

цами. Впослѣдствіи Меркуловъ видѣлъ Желябова, подѣхавшаго въ лодкѣ къ пристани близъ сада Михайловскаго Дворца, при чемъ бывшіе съ нимъ въ лодкѣ Тетерка и Баранниковъ объяснили Меркулову, что ѣдали доставать динамиту изъ подъ моста на Гороховой улицѣ, но безуспѣшно.

По изслѣдованіи dna Екатерининскаго канала подъ каменнымъ мостомъ и близъ него, 4 мая и 6 июня 1881 г., были обнаружены 4 гутаперчевыя подушки, наполненныя чернымъ динамитомъ, въ количествѣ около 7 пудовъ, съ западными стаканами въ одной парѣ подушекъ.

По осмотру экспертами заключающагося въ подушкахъ чернаго динамита, между прочимъ, было установлено, что по химическому своему составу, означенный динамиту близко подходитъ къ динамиту, вынутому изъ мины, которая была заложена подъ Малуя Садовую улицу изъ лавки Козева.

Государственный преступникъ Макаръ Тетерка, подтвердивъ въ общихъ чертахъ показаніе Меркулова, присовокупилъ, что всѣ приготовленія къ взрыву были окончены и въ назначенный день Желябовъ, при содѣйствіи его, Тетерки, долженъ былъ произвести взрывъ, но къ назначенному времени онъ, Тетерка, по немѣнью часовъ, на мѣсто свиданія не явился, а въ тотъ же самый день въ Бозѣ почившій Государь Императоръ благополучно прослѣдовалъ на южный берегъ Крыма.

Изъ всѣхъ участниковъ означеннаго преступленія, оставался нерозысканнымъ лишь сынъ дьякона Михаилъ Федоровъ Грачевскій. Будучи задержанъ въ С.-Петербургѣ въ ночь на 5 июня 1882 г. Грачевскій, признавъ свою принадлежность къ тайному сообществу, именуемому „партіей народной воли“, отъ разъясненія своей преступной дѣятельности отказался.

IV.

Покрушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства.

Въ декабрѣ 1880 г., въ г. Кишиневѣ, по Варфоломѣевскому переулку, во дворѣ Швейцарской гостинницы, во флигелѣ, рядомъ съ Губернскимъ Казначействомъ поселились неизвѣстные мужчина и женщина подъ именемъ супруговъ Мироненко, у которыхъ въ качествѣ кухарки проживала также какая-то неизвѣстная личность, не предъявившая мѣстной полиціи своего вида на жительство.

Вскорѣ по пріѣздѣ, означенныя лица своею крайне уединенною жизнью обратили на себя вниманіе полиціи, а послѣ того, какъ паспорта Мироненко были осмотрѣны полиціей, они немедленно, въ январѣ 1881 г., выѣхали изъ Кишинева, несмотря на то, что квартира была нанята ими на годъ.

Впослѣдствіи обнаружилось, что въ одной изъ комнатъ квартиры Мироненко былъ прорѣзанъ полъ и въ образовавшемся отверстіи въ полтора аршина длиною и $\frac{3}{4}$ аршина шириною, начаты подкопъ подъ Казначейство, заемынный ко времени его обнаруженія рыхлою землею, причемъ и самое отверстие въ полу оказалось заложенымъ отрубками половыхъ досокъ, а образовавшіяся про этой работѣ щели, замазанными и закрашенными.

Приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, послѣдо-

вавшими ²/₁₅ февраля 1882 г. по дѣлу о 20 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, уже установлено: а) что означенный подкопъ совершенъ лицами, принадлежащими къ тайному сообществу, присвоившему себѣ названіе „русской соціально-революціонной партіи“, съ цѣлью похищенія изъ Казначейства денегъ, необходимыхъ сообществу для достиженія его цѣлей, причемъ начатая работа не могли быть доведены до конца по причинамъ, независявшимъ отъ участниковъ преступленія и б) что кромѣ супруговъ Мироненко, оказавшихся государственными преступниками Михаиломъ Фроленко и Татьяною Лебедевою, въ упомянутомъ подкопѣ принимали также участіе государственные преступники Фриденсонъ и Василій Меркуловъ. Изъ показанія Меркулова видно, что покушеніе на кражу денегъ изъ Кишиневскаго Казначейства было сдѣлано по указанію нынѣ казненаго преступника Желябова и что въ Одессѣ была приготовлена квартира, въ которой могли бы скрыться участники подкопа въ случаѣ успѣшнаго совершенія кражи изъ казначейства.

Всѣ участники означеннаго преступленія уже осуждены приговоромъ Правительствующаго Сената, за исключеніемъ проживавшей въ квартирѣ Мироненко, въ качествѣ кухарки, неизвѣстной женщины, личность которой не была обнаружена до послѣдняго времени, такъ какъ всѣ имѣвшіяся въ отношеніи ея указанія сводились лишь къ тому, что она женщина молодая и называлась „Анна“, „Ганька“ и „Кіевская“.

По задержаніи 20 іюня 1882 г. дворянки Антонины Игнатьевой Лисовской, она, признавая свою принадлежность къ террористическому сообществу, показала, что съ конца 1880 г. до половины января 1881 г. проживала въ Кишиневѣ въ качествѣ кухарки у Мироненко подъ именемъ „Анны“, съ дѣлю совершенія посредствомъ подкопа похищенія денегъ изъ мѣстнаго казначейства, при чемъ и принимала непосредственное участіе въ земляныхъ работахъ. Отъ дальнѣйшихъ объясненій по существу упадающаго на нее обвиненія—Лисовская отказалась.

По предъявленіи Лисовской мѣщанамъ Семену и Аннѣ Галахинымъ и Приставу г. Кишинева Дунскому, означенныя лица признали въ ней ту самую женщину, которая проживала въ г. Кишиневѣ въ квартирѣ супруговъ Мироненко въ качествѣ кухарки послѣднихъ.

V.

Злодѣяніе 1 марта 1881 года.

Неуклонно преслѣдуя мысль о цареубійствѣ, члены преступнаго сообщества, именующаго себя „партіей народной воли“, въ виду неуспѣха, постигшаго сдѣланнаго для достиженія этой цѣли весной и лѣтомъ 1880 г. приготовленія, въ концѣ того же года, собравшись въ С.-Петербургѣ, умыслили вновь посягнуть на священную жизнь въ Возѣ почившаго Государя Императора.

Для успѣшнаго осуществленія на этотъ разъ своихъ злодѣйскихъ замысловъ, вожаки сообщества рѣшили привлечь къ дѣлу всѣ наличныя силы террористической фракціи и примѣнить къ новому покушенію, родившуюся уже ранѣе сего мысль совмѣстнаго дѣйствія взрыва, путемъ подкопа одной

изъ улицъ столицы при пробѣздъ Государя Императора, и метательныхъ снарядовъ, изобрѣтеніемъ и усовершенствованіемъ системъ которыхъ были озабочены такъ называемые „техники“ сообщества.

Наиболѣе удобное мѣсто для совершенія злодѣяній было выбрано на основаніи указаній, доставленныхъ особымъ „отрядомъ“, систематически слѣдившимъ подъ руководствомъ нынѣ казненной государственной преступницы Перовской, за выѣздами почившаго Монарха и за обычнымъ путемъ слѣдованія Его Императорскаго Величества по улицамъ столицы. Выборъ палъ на Малую Садовую улицу и велѣдъ затѣмъ сообщество немедленно приступило къ осуществленію задуманнаго плана.

Въ началѣ декабря 1880 г. подвальное помѣщеніе въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ было нанято подъ сырную лавку за 1200 р. въ годъ, крестьяниномъ Евдокимомъ Ермолаевымъ Кобозевымъ, который тотчасъ же, при посредствѣ нанятыхъ имъ рабочихъ, принялся отдѣлывать помѣщеніе.

Въ первой комнатѣ, имѣвшей выходъ на Малую Садовую улицу, были устроены: прилавокъ и вдоль задней и боковыхъ стѣнъ полки, забранныя внизу досками, а самыя стѣны были оклеены обоями. Въ сосѣднемъ отдѣленіи подвала, имѣвшемъ два окошечка на Малую Садовую улицу и предназначавшемся для жилья, были также сдѣланы разныя поправки и, между прочимъ, наружная стѣна была обшита тесомъ.

7 Января 1881 г. Евдокимъ Кобозевъ вмѣстѣ съ женщиной, называвшейся его женой Еленой Федоровой, переѣхалъ въ новое помѣщеніе изъ дома № 11 по Невскому проспекту, гдѣ онъ проживалъ съ женой въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ крестьянкой Маргаритой Афанасьевой.

Вскорѣ послѣ открытія лавки, называвшіеся супругами Кобозевыми обратили на себя вниманіе какъ сосѣднихъ торговцевъ, такъ и мѣстной полиціи неумѣлымъ веденіемъ дѣла, приемами и привычками, несоотвѣтствовавшими ихъ занятію и несвойственными простымъ торговцамъ. Кобозевъ казался человѣкомъ, стоявшимъ гораздо выше состоянія, жена же его ходила въ шляпкѣ, курила папиросы и часто не ночевала дома.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстная полиція обратила вниманіе на то обстоятельство, что лавку Кобозевыхъ посѣщали какіе-то подозрительные люди, которые, уходя поздно ночью, видимо старались не быть замѣченными дворниками. Одна изъ такихъ личностей, будучи прослѣжена околочнымъ надзирателемъ Исаемъ Дмитриевымъ, скрылась отъ него на извозчикъ-лихачѣ.

Вслѣдствіе павшаго по вышеуказаннымъ основаніямъ на лавку Кобозевыхъ подозрѣнія, въ помѣщеніи лавки, 28 февраля 1881 г. былъ произведенъ мѣстной полицією, при участіи техника Мравинскаго, осмотръ, который однако не далъ никакихъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе во время осмотра, по удостовѣренію бывшаго участковаго пристава Теглева и дворника Самойлова, Кобозевъ казался смущеннымъ и былъ блѣденъ „какъ смерть“.

Все изложенное удостовѣрено показаніями спрошенныхъ при дознаніи: бывшаго пристава Теглева, помощника его Лерепланда, управляющаго домомъ графа Менгдена Петерсона, дворника Самойлова, околочнаго надзирателя Дмитриева, Маргариты и Екатерины Афанасьевыхъ и государственнаго преступника Рысакова, а равно протоколами осмотровъ домовыхъ книгъ дома графа Менгдена по Малой Садовой ул. и д. № 75 по Невскому проспекту.

4-го марта 1881 г., вследствие заявленія дворниковъ дома графа Менгдена о томъ, что содержатель сырной лавки Кобозевъ съ женой скрылись изъ занимаемаго ими помѣщенія, а въ самой лавкѣ найдена сырая земля и орудія землекопанія, былъ произведенъ новый осмотръ означенной лавки. На этотъ разъ по прибытіи на мѣсто Судебнаго Слѣдователя, въ жиломъ отдѣленіи подвала, смежномъ съ лавкой, подъ ближайшимъ къ ней окномъ былъ обнаруженъ проломъ наружной стѣны и подкопъ подъ Малую Садовую улицу.

По осмотру судебнымъ слѣдователемъ, при участіи экспертовъ, какъ внутренности лавки и смежныхъ къ ней помѣщеній, такъ и самого подкопа, оказалось слѣдующее: въ самой лавкѣ, въ стоявшихъ въ ней бочкѣ и кадкѣ и за обшивкой нижней части задней и боковыхъ стѣнъ, было усмотрѣно значительное количество земли; такая же земля была найдена подъ сидѣньемъ дивана, въ жиломъ отдѣленіи подвала, а рядомъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, оказалось 9 деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ землей. Большая куча земли, прикрытая сверху слоемъ сѣна и 6 мокрыхъ мѣшковъ, въ которыхъ повидимому носили землю. Кромѣ сего въ разныхъ мѣстахъ были найдены землекопательные и минные инструменты. Въ жиломъ помѣщеніи, подъ первымъ отъ входа окномъ, часть деревянной обшивки наружной стѣны свободно отодвигалась, обнаруживая отверстие въ стѣнѣ, ведущее въ подземную галлерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени подъ полотно улицы.

Въ отверстіи оказалась гальваническая батарея и стеклянка съ жидкостью для снаряженія батареи, а отъ послѣдней шли вдоль по минѣ проводы, оканчивавшіеся зарядомъ, состоявшимъ изъ чернаго динамита въ количествѣ около двухъ пудовъ, заключеннаго въ стекляной бутылки и жестяномъ цилиндрѣ. По заключенію эксперта, генераль-маіора Федорова, система заряда и запаловъ вполне обезпечивала взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до 2½ сажень въ діаметрѣ, а въ сосѣднихъ домахъ были бы вышиблены оконныя рамы и могли бы обвалиться печи и потолки.

Паспортъ, по которому проживали Кобозевы, оказался подложнымъ, а настоящіе Евдокимъ Ермолаевъ Кобозевъ и жена его Надежда Свиридова, а ве Елена Федорова, проживающими—Кобозевъ въ г. Воронежѣ, а жена его въ деревнѣ на родинѣ.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи преступной дѣятельности сообщества, именующаго себя „партіей народной воли“, были получены указанія какъ на личности, скрывавшіеся подъ именемъ супруговъ Кобозевыхъ, такъ и на ближайшихъ участниковъ подкопа, выведеннаго изъ нанятой Кобозевыми лавки.

Приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, состоявшимся 9/12 февраля 1882 г. по дѣлу о 20 лицахъ, осужденныхъ за государственныя преступленія, признано, что подъ именемъ Елены Федоровой Кобозевой проживала государственная преступница Анна Васильева Якимова.

Изъ показаній осужденнаго по упомянутому дѣлу Василія Меркулова были почерпнуты данныя къ установленію личности, именованной Кобозевымъ, который оказался дворяниномъ Юріемъ Николаевымъ Богда-

**Михаил Федорович
ГРАЧЕВСКИЙ.**

новичемъ, разыскивавшимся уже по обвиненію въ государственномъ преступленіи.

Независимо отъ сего изъ показаній того же Меркулова оказалось, что кромѣ руководства предпріятіемъ, именованнаго Кобозевымъ принималъ и непосредственное участіе въ работахъ по подкосу и первый, вмѣстѣ съ государственнымъ преступникомъ Баранниковымъ (Порфиріемъ), приступилъ къ пролому наружной стѣны подвала.

13 марта 1882 г., въ Москвѣ былъ задержанъ проживавшій подъ именемъ сына надворнаго совѣтника Прозоровскаго дворянинъ Юрій Богдановичъ, въ которомъ свидѣтели: Теглевъ, Лерепландъ, Новиковъ, Самойловъ, Ульяновъ и Екатерина Афанасьева признали лицо, имѣющее большое сходство съ именованнымъ Кобозевымъ, а Маргарита Афанасьева признала въ немъ положительно того самаго Кобозева, который въ концѣ 1880 г. нанималъ у нея меблированную комнату въ домѣ ⁷⁵/₁ по Невскому проспекту.

Привлеченный къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, дворянинъ Юрій Николаевъ Богдановичъ, признавая свою принадлежность къ организаціи партіи „народной воли“ и свое участіе въ злодѣйскомъ преступленіи 1-го марта 1881 г. въ качествѣ хозяина сырной лавки въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ, гдѣ онъ, проживалъ подъ именемъ Кобозева, отъ дальнѣйшаго разъясненія своей преступной дѣятельности отказался.

Одновременно съ приготовленіемъ къ подкосу въ Малой Садовой улицѣ, нѣкоторые члены преступнаго сообщества занялись подготовленіемъ второй части злодѣйскаго плана — организаціей вспомогательнаго нападенія посредствомъ метательныхъ снарядовъ.

Какъ уже было сказано выше, мысль о примѣненіи метательныхъ снарядовъ, въ качествѣ вспомогательнаго средства, при взрывѣ посредствомъ мины какой-нибудь мѣстности во время проѣзда Государя Императора, зародилась среди царубійцъ значительно ранѣе: такъ государственный преступникъ Баранниковъ, при обсужденіи въ началѣ лѣта 1880 г. проекта взрыва Каменнаго моста, предлагалъ употребить въ дѣло и метательные снаряды.

Такой взглядъ на метательные снаряды, какъ на вспомогательное, а не главное средство къ совершенію царубійства объяснялся тѣмъ обстоятельствомъ, что разрушительная сила новаго изобрѣтенія „техниковъ партіи народной воли“ не была еще испытана.

Подобнаго взгляда на метательные снаряды держался, какъ это видно изъ собственныхъ его объясненій, и одинъ изъ изобрѣтателей употребленныхъ впервые 1-го марта 1881 г. снарядовъ, нынѣ казненный государственный преступникъ Кибальчичъ.

Ближайшую организацію нападенія съ метательными снарядами принялъ непосредственно на себя казненный государственный преступникъ Андрей Желябовъ. Занимаясь устройствомъ среди учащейся молодежи особыхъ группъ для революціонной агитаціи между фабричными рабочими, Желябовъ организовалъ осенью 1880 г. особый, такъ называемый, „террористическій отдѣлъ“, имѣвшій ближайшей цѣлью охрану рабочихъ кружковъ отъ шпіоновъ. Въ составъ названнаго отдѣла, малочисленнаго по числу своихъ членовъ, вошли нѣкоторые вновь примкнувшія къ революціонному

сообществу лица изъ среды учащейся молодежи и нѣкоторые болѣе интеллигентные рабоче.

Для совѣщаній съ лицами, вошедшими въ составъ „террористическаго отдѣла“, Желябовъ указалъ квартиру въ д. № 27/1 по Троицкому переулку, гдѣ съ 15 сентября 1880 г. и по 17 февраля 1881 г. проживали подъ именемъ супруговъ Николаевыхъ государственные преступники: Геся Гельфманъ и Макарь Тетерка.

Въ этой квартирѣ, около половины февраля 1881 г., Желябовъ, по показанію Рысакова, „кликнулъ кличъ“, вызывая добровольцевъ для совершенія, посредствомъ метательныхъ снарядовъ, покушенія на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича. На вызовъ Желябова откликнулись четыре человѣка, которые 1-го марта, вооруженные снарядами, ожидали проѣзда почившаго Монарха сначала въ Малой Садовой улицѣ, а затѣмъ на Екатерининскомъ каналѣ.

Приговорами Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о злодѣянн 1-го марта и о 20 лицахъ, обвинявшихся въ государственномъ преступленн, установлено, что вышеозначенными четырьмя метальщиками были: бывшій студентъ Технологическаго Института Игнатій Гриневицкій, бросившій смертоносный для Государя Императора снарядъ и умершій отъ полученныхъ при взрывѣ ранъ; вынѣ казенные государственные преступники: Николай Рысаковъ и Тимофей Михайловъ, и избавленный по особому Монаршему милосердію отъ смертной казни Иванъ Емельяновъ.

По собственному показанію государственной преступницы Геси Гельфманъ, квартира ея въ Троицкомъ переулкѣ была „конспиративною“. Изъ этой квартиры Гельфманъ прямо переѣхала въ д. № 5, по Телѣжной улицѣ, гдѣ была устроена новая квартира, спеціально предназначенная для тѣхъ участниковъ злодѣянн 1-го марта, которые должны были дѣйствовать метательными снарядами. Въ этой послѣдней квартирѣ Кибальчичъ объяснялъ заговорщикамъ устройство снарядовъ; въ ту же квартиру, утромъ 1-го марта, Перовская и Исаевъ принесли четыре снаряда, при чемъ Перовская, начертивъ на конвертѣ приблизительный планъ мѣстности, указала метальщикамъ и самый порядокъ дѣйствія.

Изъ показанія Перовской, Рысакова и Емельянова видно, что весь унѣхъ задуманнаго злодѣянн былъ рассчитанъ на взрывъ мины въ Малой Садовой улицѣ—на „центральный ударъ“, какъ назвала его Перовская, въ ожиданн котораго метальщики должны были стоять на четырехъ углахъ Малой Садовой, не входя однако въ нее и только послѣ того какъ раздастся „звукъ“ должны были проникнуть въ Малую Садовую и бросить свои снаряды. Измѣненн въ обычномъ пути слѣдованія Государя Императора въ Михайловскій манежъ побудило Перовскую подать заговорщикамъ условленный заранѣе сигналъ, по которому они должны были перейти на набережную Екатерининскаго канала и тамъ дѣйствовать съ одними лишь снарядами.

Тяжкія пораненія, повлекшія за собой мученическую кончину въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, и болѣе или менѣе опасныя поврежденія, полученныя 20 лицами, изъ числа Свиты Его Императорскаго Величества и находившихся на набережной прохожихъ, имѣвшія послѣдствіемъ смерть нѣкоторыхъ изъ нихъ, — горестной дѣйстви-

тельностью своей—доказали, что разрушительная сила снарядовъ, изготовленныхъ такъ называемыми „техниками“ шайки царевубійць, превзошла ожиданія самихъ изобрѣтателей этого смертоноснаго орудія.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи злодѣянія 1 марта 1881 г., усилія производившихъ дознаніе въ одинаковой мѣрѣ были направлены на обнаруженіе какъ непосредственныхъ исполнителей злодѣянія, такъ и тѣхъ лицъ, которыя принимали участіе въ изобрѣтеніи и снаряженіи упомянутыхъ снарядовъ, а также къ открытію квартиръ, въ которыхъ изготовлялись снаряды.

24 января 1881 г., при производствѣ дознанія, возникшаго вслѣдствіе ареста государственнаго преступника Александра Михайлова, были получены указанія, что въ началѣ 1880 года „террористы“ имѣли въ Петербургѣ двѣ квартиры, изъ коихъ въ одной, помѣщавшейся въ домѣ № 37 по В. Подъяческой улицѣ, приготовлялся динамитъ, а въ другой, въ домѣ № 11 по Подольской улицѣ помѣщалась тайная типографія. Въ первой изъ этихъ квартиръ проживали неизвѣстныя лица подъ именами Григорія Еремѣева, Анны Давыдовой и Маріи Поликарповой, а во второй: Василій Агатескуловъ, жена его Надежда Семенова и Евгенія Климовичъ. Въ ближайшихъ отношеніяхъ къ означеннымъ квартирамъ находились осужденные нынѣ государственные преступники: Исаевъ, Кибальчичъ, Якимова, Терентьева, Желябовъ и Колодквичъ, а также розыскивавшіеся до послѣдняго времени Грачевскій и Ивановская.

Осмотрами домовыхъ книгъ въ вышеуказанныхъ домахъ удостовѣрено, что Еремѣевъ, Давыдова и Поликарпова проживали въ д. № 37 по В. Подъяческой улицѣ съ 5 января по 15 іюня 1880 г., а Агатескуловъ съ женой и Евгеніей Климовичъ проживали въ домѣ № 11 по Подъяческой улицѣ съ 8 мая по 23 іюля 1880 г.

Означенныя свѣдѣнія подтвердились, въ главныхъ своихъ частяхъ, показаніями государственныхъ преступниковъ: Исаева, Якимовой и Лебедевой, признавшихъ жительство свое въ д. № 37 по В. Подъяческой улицѣ, и Кибальчича и Терентьевой, удостовѣрившихъ фактъ проживанія ихъ д. № 11 по Подольской улицѣ—перваго подъ именемъ Агатескулова, а втораго—подъ именемъ Климовичъ. Кромѣ того Кибальчичъ призналъ, что посѣщалъ квартиру Исаева въ д. № 37 по В. Подъяческой улицѣ.

Давая нѣкоторыя разъясненія по дѣлу о злодѣянн 1 марта, государственный преступникъ Кибальчичъ, между прочимъ, показалъ, что входя вмѣстѣ съ двумя лицами въ составъ такъ называемаго „техническаго отдѣла“, онъ, вмѣстѣ съ этими лицами, участвовалъ въ изобрѣтеніи и снаряженіи метательныхъ снарядовъ, взрывы которыхъ причинили смертельныя пораненія почившему Монарху.

Григорій Исаевъ, въ свою очередь, признавъ свое участіе въ приготовленіи динамита, употребленнаго при взрывѣ Зимняго Дворца и заложенаго подъ Каменнымъ мостомъ, объяснилъ, что изобрѣтеніе системы воспламененія метательныхъ снарядовъ посредствомъ стеклянныхъ трубочекъ, наполненныхъ сѣрной кислотой, принадлежить ему.

Изъ вышеизложенныхъ же показаній Рысакова видно, что 1 марта Утромъ два метательныхъ снаряда были принесены въ Телѣжную улицу Исаевымъ.

При дальнѣйшемъ ходѣ изслѣдованія получились болѣе опредѣленные указанія на личность третьяго техника, оказавшагося сыномъ дьякона Михайломъ Федоровымъ Грачевскимъ.

Государственный преступникъ Меркуловъ, въ ряду сдѣланныхъ имъ разоблаченій, въ отношеніи Михаила Грачевскаго, извѣстнаго среди революціонныхъ дѣятелей подъ прозвищемъ „птицы“, между прочимъ показалъ: 1) что квартиру Геси Гельманъ, въ д. № 27/1 по Троицкому переулку, гдѣ помѣщалась типографія „Рабочей Газеты“, въ числѣ другихъ лицъ, посѣщала и Грачевскій, который приносилъ съ собою какія-то жестянки, при чемъ ему, Меркулову, приходилось часто видѣть въ этой квартирѣ жестяные обрѣзки разной величины; 2) что въ началѣ 1881 г. онъ, Меркуловъ, вмѣстѣ съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, Гриневицкимъ, Рысаковымъ и Тимофеемъ Михайловымъ ѣздили въ Парголово пробовать метательные снаряды, изъ коихъ одинъ былъ принесенъ на мѣсто, назначенное для сбора, близъ Клиники Видіе, Грачевскимъ и переданъ имъ Кибальчичу и 3) что Грачевскій посѣщала какую-то конспиративную квартиру, помѣщавшуюся въ Могилевской улицѣ.

Посѣщеніе Грачевскимъ квартиры Гельманъ, кромѣ Меркулова, подтвердилъ и обвиняемый по настоящему дѣлу Антонъ Борейша.

При изслѣдованіи же послѣдняго указанія Меркулова оказалось, что, съ 21 іюля и по 3 ноября 1880 г., въ д. № 2/126 по Могилевской улицѣ, проживала вѣкій Вуженицкій съ женою и кухаркой Марфой Васильевой, причѣмъ дворникъ означеннаго дома Мартыанъ Васильевъ признавалъ въ государственныхъ преступникахъ Исаевъ и Терентьевой Вуженицкаго и Васильеву, которые 3-го ноября вмѣстѣ съ женою Вуженицкаго внезапно скрылись изъ квартиры.

Людмила Терентьева признала фактъ проживанія своего подъ именемъ Васильевой.

2 мая 1881 г., подъ именемъ Костецкой, была задержана въ С.-Петербургѣ на улицѣ, дворянка Людмила Терентьева; а 5 мая было обнаружено, что Терентьева подъ именемъ Трофимовой, проживала въ д. № 42/14 по Подольской улицѣ, въ квартирѣ Верейскихъ мѣщанъ Григорія и жены его Надежды Пришибинныхъ, которые, однако, до прибытія полиціи успѣли скрыться.

По осмотру квартиры Пришибинныхъ, въ одной изъ комнатъ былъ найденъ типографскій станокъ со всѣми принадлежностями для печатанія, разныя изданія преступнаго содержанія въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, носившіе на себѣ слѣды недавней отпечатки, разныя рукописи революціоннаго характера и множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности, изъ которыхъ обратили на себя особое вниманіе: 1) девять стеклянныхъ банокъ, наполненныхъ чернымъ динамитомъ въ количествѣ около 4-хъ пудовъ, совершенно сходнымъ по своему химическому составу съ динамитомъ, извлеченнымъ изъ мины, подведенной подъ М. Садовую улицу; 2) готовый метательный снарядъ, устроенный по той же системѣ, какъ и снаряды, употребленные при злодѣяннн 1-го марта; 3) граната, заряженная порохомъ и картечью съ проведеннымъ къ ней стоппиномъ; 4) яды: опій, стрихнинъ и цианистый калий; 5) два кивжала. стилеть и 9-ть такъ называемыхъ финляндскихъ матро-

скихъ ножей, 6) два револьвера, патроны къ нимъ и значительное количество дроби; 7) бланки для письменныхъ видовъ и 8) разныя шифрованныя письма и записки.

Обвиняемый по настоящему дѣлу Антонъ Борейша, признавъ свое участіе въ типографскихъ работахъ въ квартирѣ именованныхъ Пришибинными, въ которой онъ проживалъ довольно долгое время, заявилъ, что еще до 1-го марта, въ комнатѣ, гдѣ помѣщался типографскій станокъ, хранилась корзина съ взрывчатыми веществами, которой ему было запрещено касаться. — Описывая свое пребываніе въ квартирѣ Пришибинныхъ, планъ которой онъ начертилъ при дознаніи наизусть, Борейша, между прочимъ, указалъ, что 1-го марта 1881 г. вечеромъ, въ типографію пришелъ Исаевъ и принесъ съ собою рукописную прокламацію „къ рабочимъ“ по поводу событія 1-го марта, которую какъ онъ, Борейша, такъ и Пришибины и Исаевъ печатали всю ночь. При этомъ всѣ они удивлялись, что въ городѣ такъ тихо. 3-го марта, вечеромъ, по требованію Пришибина, снабдившаго Борейшу деньгами, послѣдній выѣхалъ въ Москву, при чемъ провожавшій его Пришибинъ искалъ между отъѣзжавшими „нѣмца“, оказавшагося впоследствии государственнѣмъ преступникомъ Лангансомъ, чтобы познакомить его съ Борейшей.

По предъявленіи дворникамъ дома № 42/14 по Подольской улицѣ Ананію Зорину, Прокопію Яковлеву и Федору Ульянову задержанныхъ по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ сына дьякона Михаила Грачевскаго и дочери священника Парасковьи Ивановской, всѣ названные свидѣтели признали въ нихъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя съ ноября 1880 г. и по май 1881 г. проживали въ означенномъ домѣ подъ именемъ и по паспорту верейскихъ мѣщанъ, супруговъ Пришибинныхъ.

Дворникъ дома № 11 по Подольской улицѣ, крестьянинъ Ивановъ, по предъявленіи ему Парасковьи Ивановской, призналъ въ ней лицо вполне похожее на жену Агатескулова (Кибальчича), проживавшую въ означенномъ домѣ, какъ уже выше сказано, съ 8-го мая по 23-го іюля 1880 г.

Обвиняемые Михаилъ Грачевскій и Парасковья Ивановская отказались отъ всякихъ объясненій по поводу участія ихъ въ злодѣяніи 1-го марта, но при этомъ Ивановская признала себя членомъ „исполнительнаго комитета“, а Грачевскій сознался въ томъ, что подъ именемъ Пришибина проживалъ въ конспиративной квартирѣ въ домѣ № 42/14 по Подольской улицѣ, съ ноября 1880 г. и по май 1881 г.

VI.

Преступная дѣятельность сообщества послѣ 1-го марта 1881 года.

Вслѣдъ за совершеніемъ злодѣянія 1-го марта стали появляться издавія подпольной печати, въ которыхъ, отъ имени революціоннаго сообщества, заявлялось, что несмотря на аресты важнѣйшихъ членовъ организаціи, сообщество намѣрено продолжать свою преступную дѣятельность и стремиться къ достиженію прежде намѣченной цѣли. Подтверженіемъ такой рѣшимости сообщества не сходить съ излюбленнаго имъ кроваваго пути явилось отобранное у Петра Телалова, при его задержаніи, письмо, частью зашифрованное, и предназначавшееся, какъ это оказалось впоследствии, для государственнаго преступника Александра Михайлова.

Приступить немедленно къ выполнению своихъ замысловъ сообщество оказалось, однако, не въ силахъ. Ослабленное многочисленными арестами, оно прежде всего принялось за организационную работу, съ цѣлью пополнить свои ряды; послѣдствіями сего явилось вступленіе выдающихся дѣятелей народнической фракціи въ составъ террористическаго сообщества и образованіе „общества краснаго креста народной воли“. Въ началѣ 1882 года, сообщество вновь приступило къ выполнению своей программы и ознаменовало свою дѣятельность новымъ убійствомъ, совершеннымъ 18-го марта 1882 г., надъ производившимъ по Высочайшему повелѣнію дознанія о государственныхъ преступленіяхъ генералъ-майоромъ Стрѣльниковымъ, а затѣмъ, тѣмъ же года, приступило къ изготовленію динамита и металлическихъ снарядовъ, необходимыхъ для предстоявшихъ злодѣвій.

Въ отношеніи каждаго изъ вышепоименованныхъ видовъ дѣятельности террористическаго сообщества, разслѣдованіе обнаружило слѣдующія данныя:

I.

Сближеніе террористическаго сообщества съ дѣятелями народнической фракціи.

При задержаніи Якова Стефановича, у послѣдняго были отобраны письма эмигранта Лейбы Дейча, изъ которыхъ между прочимъ оказалось, что Стефановичъ перешелъ изъ народнической фракціи въ террористическое сообщество.

Яковъ Стефановичъ, въ разъясненіе сего обстоятельства, показалъ слѣдующее: во время пребыванія его, Стефановича, за границей къ нему нѣсколько разъ обращались съ предложеніемъ возвратиться въ Россію, но онъ всегда отклонялъ подобныя предложенія, такъ какъ считалъ невозможнымъ сплотить въ серьезную организацію чернопредѣльческія (народническія) силы и вести работу рядомъ съ „сильной, окрѣпшей въ борьбѣ и богатой традиціями организаціей народной воли“. Въ послѣднее время Стефановичъ пришелъ къ убѣжденію, что существованіе народническаго направленія на почвѣ практической дѣятельности стоитъ въ зависимости отъ соглашенія съ организаціей террористическаго сообщества. Призывая затѣмъ, что весной 1881 г., почва для такого соглашенія существовала болѣе чѣмъ когда либо, Стефановичъ, получивъ новое предложеніе пріѣхать въ Россію, на этотъ разъ согласился исполнить обращенную къ нему просьбу и, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1881 г., перешелъ русскую границу. Послѣ переговоровъ въ г. Москвѣ какъ съ чернопредѣльцами, такъ и съ нѣкоторыми представителями сообщества „партіи народной воли“, въ числѣ которыхъ находились: обвиняемые по настоящему дѣлу Богдановичъ и Грачевскій и нерозысканные до настоящаго времени Левъ Тихоміровъ и жена государственнаго преступника Баранникова, Стефановичъ пришелъ къ заключенію о возможности для него вступить въ ряды террористическаго сообщества. Желая склонять къ тому же другихъ членовъ народнической фракціи, Стефановичъ отправился съ этой цѣлью въ г. С.-Петербургъ, гдѣ видѣлся съ отставнымъ мичманомъ Анатоліемъ Булановымъ и другими изъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ, назвать фамиліи которыхъ Сте-

фановичъ не пожелать. Старанія Стефановича остались не безуспѣшными, и какъ Булановъ, такъ и большинство петербургскихъ чернопередѣльцевъ изъявили согласіе войти въ составъ „партіи народной воли“, надѣясь найти въ ея средѣ работу, не противорѣчащую ихъ убѣжденіямъ. Примѣру своихъ петербургскихъ товарищей послѣдовали и народники, проживавшіе въ другихъ городахъ Имперіи и вслѣдствіе сего, въ теченіе зимы 1881—1882 г., личный составъ террористическаго сообщества продолжалъ пополняться вступающими въ него чернопередѣльцами.

Такое показаніе Якова Стефановича находить себѣ подтвержденіе какъ въ содержаніи отобранныхъ у него при обыскѣ писемъ, такъ и въ доказанныхъ посѣщеніяхъ Стефановичемъ Буланова осенью 1881 г. въ С.-Петербургъ. Последнее обстоятельство признано и самимъ Булановымъ.

Осуществившееся, такимъ образомъ, сліяніе значительнаго числа народниковъ съ террористическимъ сообществомъ усилило безъ сомнѣнія последнее, но тѣмъ не менѣе приливъ новыхъ, еще не испытанныхъ членовъ не могъ замѣнить для сообщества потерю дѣятелей, закаленныхъ въ террористической борьбѣ.

Вслѣдствіе сего было признано необходимымъ учредить въ составѣ „партіи народной воли“ новое общество, которое могло бы служить орудіемъ для освобожденія изъ заключенія и ссылки наиболѣе полезныхъ членовъ сообщества и для возвращенія послѣднихъ къ ихъ прежней преступной дѣятельности.

Учрежденіемъ, удовлетворяющимъ вышеуказанной цѣли, явилось „общество революціоннаго краснаго креста“.

II.

[Общество Краснаго Креста Народной Воли.]

Объявленіе о возникшемъ въ составѣ такъ называемой социальнореволюціонной партіи общества краснаго креста появилось въ № 7 подпольнаго изданія „Народная Воля“, вышедшемъ 23-го декабря 1881 года, при чемъ было указано и на цѣль общества, состоящую въ оказаніи матеріальной и нравственной поддержки всѣмъ лицамъ, подвергшимся гоненію за свободу мысли и совѣсти.

Не задолго передъ симъ, 16 декабря, при задержаніи обвиняемаго Петра Телалова у него были отобраны рукописный уставъ „общества освобожденія“, къ числу задачъ котораго, кромѣ матеріальной и нравственной помощи „всѣмъ лицамъ подвергшимся гоненію и пострадавшимъ за свободу мысли и совѣсти“ отнесена организація побѣговъ и освобожденіе лицъ заключенныхъ.

Существованіе обнаруженной такимъ образомъ новой преступной организаціи подтвердилось и отобранными у Якова Стефановича письмами эмигранта Дейча, въ которыхъ также упоминается о вновь возникшемъ обществѣ краснаго креста, при чемъ изъ тѣхъ же писемъ видно, что означенное общество вмѣло заграничей своими представителями эмигрантовъ: Петра Лаврова и Вѣру Засуличъ.

Яковъ Стефановичъ объяснилъ, что не принадлежа къ организаціи

краснаго креста, онъ тѣмъ не менѣе вполне сочувствовалъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ названнымъ сообществомъ, а потому и принялъ участіе въ устройствѣ его заграничнаго отдѣла и вступилъ по этому поводу въ письменные переговоры съ Петромъ Лавровымъ и Вѣрою Засуличъ.

Изъ показаній жены ссыльнаго Надежды Маковой видно, что организаторомъ „общества краснаго креста“ въ Россіи былъ Юрій Богдановичъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ котораго сложился московскій отдѣлъ общества. Независимо отъ сего Макова удостовѣрила, что Богдановичъ рассказывалъ ей, въ концѣ 1881 г., о томъ, что онъ недавно возвратился изъ Сибири, гдѣ также есть агентъ общества „краснаго креста“ нѣкто Юферовъ.

Показаніе Надежды Маковой подтверждается: во 1-хъ) найденной у Богдановича сигнатуркой отъ лекарства, отпущеннаго на имя Гаховича изъ аптеки въ г. Томскѣ; во 2) установленнымъ при разслѣдованіи настоящаго дѣла пребываніемъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1882 г. въ г. Томскѣ личности, именовавшей себя почетнымъ гражданиномъ Михаиломъ Гаховичемъ и въ 3) найденными у Михаила Грачевскаго шифрованными записками, оказавшимися рядомъ адресовъ, проживающихъ въ Сибири и въ Европейской Россіи лицъ, въ числѣ которыхъ находится и адресъ Іоны Юферова въ г. Томскѣ.

При производствѣ по Высочайшему повелѣнію особаго дознанія о сообществѣ „краснаго креста народной воли“, у привлеченнаго къ означенному дознанію крестьянина Тобольской Губерніи Станислава Ярошинскаго была найдена шифрованная записка, въ которой обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: « Клименко вѣроятно арестованъ, что повело къ обыскамъ Тюмени и Екатеринбургa, откуда узнали о насъ. . . . »

Найденное у Ярошинскаго шифрованное письмо написано привлеченнымъ къ дознанію о „красномъ крестѣ“ сыномъ священника Петромъ Орловымъ, адресъ котораго также оказался въ шифрованныхъ запискахъ Грачевскаго.

Сопоставленіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ дѣла съ побѣгомъ Михаила Клименко изъ Сибири, лѣтомъ 1881 года, приводитъ къ заключенію, что изъ числа найденныхъ у Михаила Грачевскаго адресовъ, нѣкоторые относились до лицъ, принадлежащихъ къ организаціи „общества краснаго креста“, и что Клименко бѣжалъ изъ мѣста ссылки при содѣйствіи означенной организаціи.

Возвращенный такимъ образомъ, при содѣйствіи общества „краснаго креста“ изъ Сибири, Михаилъ Клименко не замедлилъ проявить свою дѣятельность, участвуя въ новомъ преступленіи, совершенномъ во имя задачъ, преслѣдуемыхъ социальнo-революціоннымъ сообществомъ.

III.

Убійство Генераль-Майора Стрѣльникова.

18 Марта 1882 года, въ городѣ Одессѣ, на Николаевскомъ бульварѣ, въ 9 часовъ пополудни, выстрѣломъ изъ револьвера былъ убитъ Военный Прокуроръ Кіевскаго Военно-Окружнаго Суда Генераль-Майоръ Стрѣльни-

ковъ, находившійся въ г. Одессѣ, для производства по Высочайшему повелѣнію дознаній о государственныхъ преступленіяхъ.

Выстрѣлъ былъ направленъ сзади въ голову въ то время, когда генералъ Стрѣльниковъ сидѣлъ на одной изъ скамеекъ боковой аллеи бульвара, обращенной къ Приморской улицѣ.

Судебно-медицинскимъ вскрытіемъ установлено, что рана, нанесенная Генералу Стрѣльникову, принадлежа къ разряду безусловно смертельныхъ, должна была повлечь моментальную смерть.

Убийца, тотчасъ послѣ выстрѣла въ генерала Стрѣльникова, побѣжалъ съ бульвара на Приморскую улицу и успѣлъ сѣсть въ пролетку, съ которой поджидалъ его одинъ изъ его соучастниковъ. Скрыться однако преступники не успѣли и, не смотря на оказанное ими вооруженное сопротивление, были задержаны при содѣйствіи собравшейся толпы.

Арестованныя лица назвали себя одинъ, дворяниномъ Косогорскимъ, а другой сыномъ Тифлискаго гражданина Степановымъ.

Признавая свою принадлежность „къ партіи народной воли“, назвавшіеся Косогорскимъ и Степановымъ, показали, что убійство генерала Стрѣльникова, рѣшенное еще два года тому назадъ, совершено ими по порученію „исполнительнаго комитета“, такъ какъ генералъ Стрѣльниковъ своею дѣятельностію вообще и въ особенности успѣшнымъ преслѣдованіемъ революціонныхъ дѣятелей на югѣ, представлялъ непреодолимое препятствіе къ осуществленію цѣлей сообщества.

Приговоромъ Одесскаго Военно-Окружнаго Суда, согласно которому означенные государственные преступники казнены, установлено, что пролетка, на которой предполагали скрыться убійцы генерала Стрѣльникова, равно какъ и запряженная въ пролетку лошадь, были приобрѣтены Косогорскимъ и Степановымъ при дѣятельномъ участіи третьяго лица, не принимавшаго, однако, непосредственнаго участія въ самомъ убійствѣ, лишь по взаимному соглашенію убійць.

Первое указаніе на участіе въ дѣлѣ третьяго лица было получено при задержаніи убійць и вытекало изъ вопроса назвавшагося Косогорскимъ о томъ, арестованъ-ли ихъ третій товарищъ.

Полученное такимъ образомъ указаніе на третьяго участника убійства нашло себѣ подтвержденіе при изслѣдованіи обстоятельствъ, непосредственно предшествовавшихъ совершенію убійства.

Свидѣтельскими показаніями было установлено, что именовавшій себя Степановымъ, 17-го марта 1882 г., при содѣйствіи мѣщанина Барбашева, нанявъ дрожки у крестьянина Баранова и купилъ за 215 руб. лошадь у крестьянина Сидантьева, при чемъ въ означенныхъ сдѣлкахъ принималъ участіе еще другой молодой человекъ, небольшого роста, черноватый, съ маленькою бородкой, но не тотъ, который называлъ себя Косогорскимъ. Кромѣ сего, показаніями прислуги Крымской гостиницы, въ которой проживали какъ покойный генералъ-маіоръ Стрѣльниковъ, такъ и именовавшій себя Степановымъ, выяснено, что послѣдняго посѣщалъ какой-то неизвѣстный молодой человекъ.

Именовавшій себя Степановымъ призналъ, что при наймѣ пролетки и покупкѣ лошади, вмѣстѣ съ нимъ находился одинъ его знакомый, который, зная о планѣ убійства, не былъ однако обязанъ принимать въ немъ не-

посредственного участія и хотя передъ совершеніемъ преступленія катался вмѣстѣ съ нимъ, Степановымъ, въ пріобрѣтennomъ ими сообща экипажѣ, но вышелъ изъ экипажа при въѣздѣ въ городъ съ Молдаванки.

Впослѣдствіи было обнаружено, что осужденные: Степановъ—государственный преступникъ Халтуринъ, виновникъ взрыва, произведеннаго въ Зимнемъ Дворцѣ 5-го февраля 1880 г., а Косогорскій—бывшій вольнослушатель С.-Петербургскаго Университета, сынъ коллежскаго секретаря Желваковъ; личность же третьяго соучастника названныхъ лицъ въ убійствѣ генерала Стрѣльникова оставалась невыясненною, до открытія, лѣтомъ минувшаго года, въ 11 ливніи Васильевскаго Острова, конспиративной квартиры и до задержанія лицъ, посѣщавшихъ означенную квартиру.

Задержанный въ ночь на 5-е іюня подъ именемъ Бармалѣва, лишенный всѣхъ правъ состоянія, государственный преступникъ Михаилъ Филимоновъ Клименко, признавая свою принадлежность къ „партіи народной воли“, сознался въ участіи въ убійствѣ генерала Стрѣльникова и далъ по этому поводу слѣдующее показаніе: послѣ побѣга, въ маѣ 1881 г. изъ Сибири, куда былъ сосланъ по приговору Кіевскаго Военно-Окружнаго Суда, онъ, Клименко, прибылъ въ Москву и тамъ вступилъ въ сношеніе съ членами преступнаго сообщества; въ февралѣ 1882 г. ему было предложено отправиться въ Одессу для организаціонныхъ работъ, чѣмъ онъ охотно воспользовался, рассчитывая изъ Одессы бѣжать за границу. По прибытіи въ Одессу, онъ нашелъ тамъ нѣкоторыхъ революціонныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ и Халтурина, съ которымъ сталъ встрѣчаться ежедневно, обѣдая вмѣстѣ въ кухмистерской. Однажды при такой встрѣчѣ, Халтуринъ сообщилъ ему, что рѣшено убить генерала Стрѣльникова, что онъ, Халтуринъ, будетъ ближайшимъ участникомъ этого преступленія и что такъ какъ оно будетъ совершено по такому же плану, какъ убійство генерала Мезенцева, то необходимо пріобрѣсти дрожки и лошадь. Противъ означеннаго плана онъ, Клименко, представлялъ возраженія, но безуспѣшно. По приглашенію Халтурина онъ, Клименко, отправился съ нимъ къ барышнику для покупки лошади, которая и была куплена въ его присутствіи, при чемъ, такъ какъ у Халтурина не оказалось нужной суммы денегъ, то онъ, Клименко, далъ на эту покупку бывшіе у него 100 рублей. Послѣ пріѣзда въ Одессу Желвакова, Халтуринъ сообщилъ Клименко, что днемъ убійства назначено 18-го марта и что въ совершеніи этого преступленія праметь участіе Желваковъ. Въ самый день убійства онъ, Клименко, вмѣстѣ съ Халтуринимъ проѣхался на купленной лошади по городу, а затѣмъ отправился на бульваръ, а Халтуринъ поѣхалъ на Приморскую улицу, гдѣ, въ условленномъ мѣстѣ, долженъ былъ ждать Желвакова; на бульварѣ онъ, Клименко, присутствовалъ при совершеніи убійства и видѣлъ, какъ Желваковъ и Халтуринъ были задержаны, послѣ чего онъ оставался еще нѣсколько дней въ Одессѣ, откуда уѣхалъ, боясь быть арестованнымъ.

Имѣющимися въ дѣлѣ данными удостовѣряется, что Клименко, въ описываемый имъ періодъ времени, дѣйствительно находился въ г. Одессѣ и входилъ въ сношенія съ нѣкоторыми революціонными дѣятелями въ квартирѣ мѣщанинъ Симановичъ, при чемъ, изъ показанія свидѣтеля оберъ-офицерскаго сына Дмитрія Петрова видно, что розыскиваемая по обвиненію въ государственномъ преступленіи Вѣра Филиппова говорила ему, Петрову, что

Клименко прибылъ въ Одессу по „спеціальному дѣлу“, а греческая подданная Логаноуло объяснида, что Клименко, проживавшій у нея на квартирѣ подъ фамиліею Петрова, выѣхалъ съ квартиры совершенно неожиданно вечеромъ 21-го марта, въ ея отсутствіе, передавъ ключъ дворнику.

По предъявленіи Клименко крестьянину Баранову и мѣщанину Барбашеву, они призвали въ немъ полное сходство съ лицомъ, присутствовавшимъ при покупкѣ Халтуринымъ лошади, при чемъ, какъ тотъ, такъ и другой присовокупили, что означенное лицо передало Халтурину недостававшіе у него для уплаты за лошадь 100 руб.

IV.

Весной 1882 года было получено свѣдѣніе о томъ, что въ г. С.-Петербургѣ прибыли для организаціонныхъ работъ нѣкоторые изъ выдающихся революціонныхъ дѣятелей. Предпринятымъ для выясненія сего обстоятельства розыскомъ было установлено, что проживавшій въ д. № 9 по Фонарному переулку, подъ именемъ дворянина Галиновскаго неизвѣстный чело-вѣкъ имѣлъ частыя сношенія съ женщиной, именовавшей себя вдовой почетнаго гражданина Розановой и молодымъ чело-вѣкомъ, называвшимся дворяниномъ Бармалѣевымъ, изъ которыхъ первая жила по Дворяному переулку въ д. № 22, а послѣдній въ Николаевской улицѣ въ д. № 1. Галиновскій постоянно встрѣчался съ Розановой и Бармалѣевымъ на улицахъ, при чемъ они вели между собой переговоры, тщательно стараясь при этомъ скрываться. Названныя лица въ то же время встрѣчались съ многими другими то въ городѣ на улицахъ, то на загородныхъ гуляньяхъ, при тайственной и повидимому заранѣе условленной обстановкѣ, а также посѣщали нѣкоторыхъ лицъ на ихъ квартирахъ. Къ числу личностей, имѣвшихъ такимъ образомъ сношенія съ Галиновскимъ и его знакомыми, принадлежали лейтенантъ флота Александръ Буцевичъ, проживавшій по Малой Мастерской улицѣ въ д. № 3, и женщина, жившая подъ именемъ дворянки Каммеръ, въ д. № 24, по Кирочной улицѣ. Установленное за выше названными лицами наблюденіе выяснило также, что квартиры Галиновскаго и Розановой какъ будто старательно скрывались и не посѣщались никѣмъ. Дальнѣйшими наблюденіями было обнаружено, что Галиновскій и Бармалѣевъ часто посѣщали квартиру ветеринарнаго врача Прибылева, по 11 линіи Васильевскаго Острова въ д. № 24, при чемъ неоднократно привозили въ означенную квартиру разные предметы, покупаемые въ аптекарскихъ складахъ и въ магазинахъ хирургическихъ инструментовъ.

Вслѣдствіе добытыхъ такимъ образомъ данныхъ, а также въ виду того, что паспорта, по которымъ проживало большинство выше названныхъ лицъ, оказались подложными, въ ночь на 5 іюня 1882 года, были произведены аресты Галиновскаго, Розановой и Бармалѣева, а также Буцевича и Каммеръ. Одновременно съ означенными арестами былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ супруговъ Прибылевыхъ, при чемъ кромѣ послѣднихъ была задержана жившая у нихъ въ качествѣ кухарки женщина, именовавшая себя крестьянкой Маріей Савинной.

Вслѣдъ за симъ было обнаружено, что подъ именемъ Галиновскаго

скрывался розыскивавшийся по обвиненію въ государственномъ преступленіи Михаилъ Грачевскій, а подъ именемъ Бармадѣва—бѣжавшій изъ ссылки Михаилъ Клименко; что подъ фамиліями Розановой и Каммеръ проживали жена потомственнаго почетнаго гражданина Анна Корба и дочь купца Хася (онъ же Христіана) Гринбергъ, а также, что Марія Савина—дочь священника Марія Юшкова.

Осмотромъ квартиры Прибылевыхъ вполне установлено, что въ ней находилась лабораторія, въ которой приготавлились динамитъ и метательные снаряды.

Квартира Прибылевыхъ, какъ оказалось по осмотру, состояла изъ 4-хъ комнатъ, передней, кухни и ванны; изъ нихъ три комнаты были жилыя, четвертая же была занята лабораторіей. Въ комнатѣ, служащей лабораторіей, полъ обитъ войлокомъ и сверху клеенкой, а въ одномъ углу комнаты прикрытъ кромѣ того досками; въ этой комнатѣ находились комодъ, столъ и табуретки; на комодѣ видны слѣды недавнихъ химическихъ работъ, а на ближайшемъ къ комоду окнѣ, лежали записки о приготовленіи взрывчатыхъ веществъ, раскрытыя на той страницѣ, гдѣ излагается наставленіе о приготовленіи динамита.

При ближайшемъ же осмотрѣ, съ участіемъ экспертовъ, всего находившагося въ квартирѣ Прибылевыхъ, слѣдующіе предметы обратили на себя особое вниманіе:

А) въ комнатѣ, служившей лабораторіей: коробки отъ бертолетовой соли, сѣрнистая сурьма, смѣсь бертолетовой соли съ сурьмой, фарфоровыя ступки съ остатками приготовлявшихся въ нихъ взрывчатыхъ веществъ, коробка съ составомъ для приготовленія стопина, гуттаперчевые и стеклянные ареометры для опредѣленія плотности, стеклянная трубка, наполненная сѣрной кислотой, четыре химическихъ стаканчика съ остатками гремучаго студня, такой же стаканъ, наполненный нитроглицериномъ, пробирные и химическіе стаканчики, флаконъ съ ртутью, напильники, ножницы, обрѣзокъ рейсфедера съ пригнанной къ нему свинцовой пробкой, приготовленной для капсюля, корзина и въ ней мѣшокъ съ аміачной селитрой и свертокъ съ хлопчатобумажной свѣтильней, три пустыхъ бутылки изъ подъ дымящейся азотной кислоты, бутылъ изъ подъ глицерина, бутылъ изъ подъ сѣрной кислоты, корзина съ машинкой для приготовленія мороженаго, бутылка со спиртомъ въ 90%, двадцати фунтовая бутылъ съ сѣрной кислотой въ корзинкѣ, банка съ сѣрной кислотой, цинковый сосудъ, служащій для охлажденія, три стеклянныхъ сосуда и въ одномъ изъ нихъ тревожникъ и разныя сосуды, употребляемые въ химическихъ лабораторіяхъ.

Въ ящикахъ комода, стоявшаго въ лабораторіи, оказались: широкосильнѣ въ пашкахъ, около четырехъ фунтовъ чернаго динамита, вата, гуттаперчевыя трубки и плоскій цинковый сосудъ эллиптической формы, съ двумя отверстиями: одно для наполненія, а другое для приспособленія его къ произведенію взрыва; сосудъ этотъ начиненъ бѣлой массой, при чемъ на стѣнкахъ его видны слѣды дѣйствія разъѣдающаго вещества. Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ принадлежностей лабораторіи, въ той же комнатѣ найденъ черный шнурокъ съ крючкомъ, повидимому приспособленный для ношенія чего либо на шеѣ.

Б) Въ комнатѣ, служившей спальней, въ нижнемъ ящикѣ комода най-

день вполне готовый и заряженный метательный снаряд съ припаяннымъ къ нему крючкомъ, устроеннымъ для ношенія снаряда на шнуркѣ.

В) Въ комнатѣ, гдѣ помѣщался кабинетъ, въ гардеробномъ шкафу найдены четыре бутылки съ нитроглицериномъ въ количествѣ около 30 фунтовъ и мужское и женское платье, прожженное кислотами. Между мужскимъ платьемъ оказались, между прочимъ, брюки и пиджакъ. Въ той же комнатѣ находились книги и записки о составѣ и изготовленіи взрывчатыхъ веществъ и запаловъ. Здѣсь же найдены два небольшихъ ящика-со шрифтомъ и штампъ съ готовымъ наборомъ печатнаго заголовка „Листокъ добровольнаго сбора редакціи Народной Воли“.

Г) Въ кухнѣ оказался паяльный приборъ и цинковыя трубочки, подобныя тѣмъ, которыя входятъ въ составъ снаряда, найденнаго въ спальнѣ.

По заключенію эксперта мииннаго офицера лейтенанта Смирнова, найденный въ квартирѣ Прибылевыхъ метательный снарядъ, по внутреннему устройству своему, вполне соответствуетъ тѣмъ снарядамъ, какіе были употреблены при злодѣяніи 1-го марта, по внѣшней же своей формѣ, онъ представляетъ цинковый цилиндрическій сосудъ съ отдѣльною крышкою. Такая форма придана снаряду повидимому для того, чтобы метальщикъ могъ носить его на груди.

Въ разъясненіе устройства конспиративной квартиры Прибылевыхъ и отношенія къ ней обвиняемыхъ, дознаніемъ обнаружены нижеслѣдующія данныя:

Изъ показанія Грачевскаго видно, что въ половинѣ апрѣля 1882 г. онъ какъ „членъ технической группы“ получилъ отъ „исполнительнаго комитета“, чрезъ его агента, порученіе организовать техническую школу для обученія нѣсколькихъ лицъ приготовленію взрывчатыхъ веществъ, начиная съ гремучей ртуті и до пироксилина и видовъ динамита, употребляемыхъ въ боевыхъ дѣлахъ партіи, а также устройству минъ и метательныхъ снарядовъ. Принявъ сдѣланное ему отъ „исполнительнаго комитета“ предложеніе, Грачевскій занялся присканіемъ лица, въ квартирѣ котораго можно бы было устроить вышеупомянутую школу, и остановилъ свой выборъ на Прибылевѣ и на невѣстѣ послѣдняго Раисѣ Гросманъ. Получивъ согласіе названныхъ лицъ, Грачевскій поторопилъ ихъ свадьбу, послѣ которой они поселились въ Серапинской гостинницѣ и стали прискивать удобную для своихъ цѣлей квартиру, которая и была найдена на Васильевскомъ островѣ по 11 линіи въ д. № 24. Денежныя средства на устройство квартиры были даны Грачевскимъ, который также озаботился присканіемъ лица, пригоднаго для роли кухарки Прибылевыхъ и привелъ къ нимъ для этой цѣли Марію Юшкову, снабдивъ послѣднюю фальшивымъ паспортомъ. Въ устроенной такимъ образомъ квартирѣ Грачевскій, по его словамъ, предполагалъ читать только демонстративныя лекціи, но затѣмъ получилъ отъ агента „исполнительнаго комитета“ предложеніе помѣстить на квартиру Прибылевыхъ остатки отъ прежнихъ запасовъ динамита, пироксилина и гремучей ртуті, а также заняться приготовленіемъ динамита въ томъ количествѣ, которое окажется возможнымъ. Прибылевы согласились исполнить и послѣднее предложеніе „исполнительнаго комитета“ и вслѣдствіе сего, Грачевскій перевезъ въ ихъ квартиру, найденные въ послѣдней предметы, послѣ чего и было приступлено къ изготовленію динамита, въ чемъ, равно

какъ и въ лекціяхъ, принимали участіе нѣсколько лицъ, назвать которыхъ Грачевскій не пожелалъ. Относительно найденнаго въ квартирѣ Прибылевыхъ метательнаго снаряда Грачевскій объяснилъ, что таковой былъ имъ приготовленъ для одной изъ послѣднихъ демонстративныхъ лекцій, а не для боевыхъ цѣлей, для которыхъ снарядъ и не былъ пригоденъ, потому что не будучи герметически закрытъ, не былъ обезпеченъ отъ вбирания въ себя влажности воздуха. Другой небольшой снарядъ, наполненный чернымъ динамитомъ, могъ, по словамъ Грачевскаго, служить только для заплаты какого либо помѣщенія отъ вторженія постороннихъ лицъ и такъ какъ стѣнки снаряда были изъѣдены газами динамита, то Грачевскій имѣлъ намѣреніе его уничтожить. Въ заключеніе своего показанія Грачевскій объяснилъ, что проживавшія въ конспиративной квартирѣ женщины, Раиса Прибылева и Марія Юшкова занимались исключительно содержаніемъ въ опрятности квартиры и въ лекціяхъ и работахъ никакого участія не принимали.

Объясненія Грачевскаго о негодности для дѣла метательнаго снаряда опровергаются заключеніемъ эксперта, миноваго офицера лейтенанта Смирнова, а показанія Грачевскаго о характерѣ производившихся въ конспиративной квартирѣ работъ и объ отношеніяхъ къ послѣднимъ Прибылевой и Юшковой не вполне согласуются съ нижеизложенными показаніями прочихъ обвиняемыхъ.

Ветеринарный врачъ Александръ Прибылевъ показалъ, что получивъ отъ „исполнительнаго комитета“, черезъ посредство Грачевскаго, предложеніе устроить на два мѣсяца квартиру для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, онъ изъявилъ на такое предложеніе свое согласіе и 7-го мая нанялъ и устроилъ для означенной цѣли, на средства партіи, квартиру, въ которой и поселился съ женой и съ Юшковой, именованной Савиной. Цѣль, для которой „исполнительный комитетъ“ находилъ нужнымъ заготовить взрывчатые вещества, не была ему, Прибылеву, извѣстна и работа производилась пока лишь съ цѣлью опыта; къ изготовленію же нужнаго количества взрывчатыхъ веществъ полагали приступить въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Въ лабораторіи, кромѣ проживавшихъ въ квартирѣ лицъ, работали, по словамъ Прибылева, еще Грачевскій и приведенный послѣднимъ Клименко; въ квартиру же приходила еще разъ или два Гринбергъ, которая, насколько помнится Прибылеву, принесла найденные у него два ящика съ типографскимъ шрифтомъ и штампъ съ наборомъ печатнаго заголовка листка добровольнаго сбора „народной воли“.

Къ такому показанію Прибылевъ присовокупилъ, что записки и сочиненія о взрывчатыхъ веществахъ были принесены Грачевскимъ, который давалъ и денежные средства на покупку нужныхъ для лабораторіи матеріаловъ.

Раиса Прибылева, объясняя, что и ей не было извѣстно съ какою именно цѣлью изготовлялись взрывчатые вещества, показала, что она принимала участіе въ изготовленіи означенныхъ веществъ и что найденные въ квартирѣ вата, глицеринъ, сосуды, въ которыхъ промывался нитроглицеринъ, и нѣкоторые другіе предметы, были куплены лично ею. Относительно метательнаго снаряда Прибылева объявила, что таковой былъ, насколько она помнитъ, принесенъ въ квартиру уже готовымъ. Признавъ затѣмъ свое

знакомство съ Грачевскимъ и Клименко, Прибылева заявила, что Гринбергъ не знаетъ.

Марія Юшкова объяснила, что перешла на нелегальное положеніе 17 мая, когда и получила отъ Прибылева паспортъ на имя Савиной. Съ означеннымъ паспортомъ Юшкова, по ея словамъ, сперва отправилась въ меблированную комнату на Гончарной улицѣ, а уже оттуда, по пропискѣ вида, перѣехала на жительство въ квартиру Прибылевыхъ, гдѣ участіе ея, Юшковой, въ изготовленіи взрывчатыхъ веществъ, заключалось въ промываніи нитроглицерина. Признавъ затѣмъ, что войлокъ и клеенка для обивки пола лабораторіи были куплены ею, совместно съ Райсой Прибылевой, Юшкова присовокупила, что метательныхъ снарядовъ она въ квартирѣ не видала, и что она Грачевскаго, Клименко и Гринбергъ не знаетъ.

Михаилъ Клименко показалъ, что вскорѣ послѣ пріѣзда его въ С.-Петербургъ, въ концѣ мая 1882 г. онъ встрѣтился съ Грачевскимъ, послѣ чего тотчасъ же отправился съ нимъ въ квартиру Прибылевыхъ для участія въ изготовленіи динамита. Съ того времени, онъ, Клименко, сталъ ежедневно посѣщать означенную квартиру для работъ въ лабораторіи, причемъ привозилъ туда и нужные для работъ матеріалы. Пояснивъ затѣмъ, что главное его занятіе состояло въ приготовленіи нитроглицерина, Клименко призналъ, что метательный снарядъ былъ изготовленъ, какъ образецъ, въ квартирѣ Прибылева.

Участіе Клименко въ приготовленіи взрывчатыхъ веществъ, помимо его сознанія, доказывается найденными въ квартирѣ Прибылевыхъ брюками Клименко и оказавшимися на рукахъ послѣдняго желтоватыми пятнами и поврежденіями кожи, происшедшими, по заключенію врачей, отъ дѣйствія кислотъ и преимущественно азотной кислоты.

Близкое участіе въ устройствѣ конспиративной квартиры Прибылевыхъ принимала Анна Корба. Изъ показанія послѣдней видно, что первоначальные переговоры съ Прибылевымъ объ устройствѣ означенной квартиры велись ею, Корба, съ вѣдома Грачевскаго, и что послѣдній принялъ на себя дальнѣйшія сношенія съ Прибылевымъ лишь послѣ того, какъ ей удалось уговорить Прибылева устроить въ своей квартирѣ динамитную мастерскую. По словамъ Корба, Прибылевъ согласился устроить у себя конспиративную квартиру только въ виду краткосрочности дѣла, такъ какъ квартира была нужна только мѣсяца на полтора.

Хася (она же Христина) Гринбергъ признала, что была три раза въ квартирѣ Прибылевыхъ и знала о производившихся въ ней работахъ, хотя участія въ нихъ не принимала. Въ одно изъ посѣщеній квартиры Прибылевыхъ, Гринбергъ, какъ это видно изъ ея показанія, принесла найденные при обыскѣ два ясеневыхъ ящика съ шрифтомъ. Далѣе, изъ показанія Гринбергъ оказывается, что она знакома съ Грачевскимъ съ 1878 г. и видѣлась съ нимъ до послѣдняго времени, а также, что она знаетъ Анну Корба, о которой однако отказалась давать какія либо показанія.

Александръ Буцевичъ, признавая свое знакомство съ Грачевскимъ и Анной Корба, показалъ, что считая экономическую и политическую революцію неизбежной, онъ примкнулъ къ „партіи народной воли“, стремящейся къ такому перевороту; что отношенія его, Буцевича, къ партіи выражались въ знакомствѣ съ ея представителями, въ полученіи запрещенныхъ изъ

даній и во временномъ ихъ храненіи, и что въ практическія предпріятія партіи онъ посвященъ не былъ. Относительно совмѣстимости своего воинскаго званія съ принадлежностію къ революціонному сообществу, Буцевичъ объяснилъ, что считаетъ себя обязаннымъ, въ качествѣ русскаго офицера, защищать интересы Россіи и ея представителя Государя Императора до тѣхъ поръ, пока интересы Россіи и ея Государя солидарны между собою, но что когда означенные интересы окажутся не совмѣстимыми, то онъ, Буцевичъ, признаетъ своимъ долгомъ стать на сторону народа. Далѣе изъ показанія Буцевича объ его отношеніяхъ къ Грачевскому и Корба оказы вается, что Буцевичъ познакомился съ Корба въ мартъ или апрѣль 1882 г. черезъ посредство лица, назвать которое онъ не пожелалъ, а затѣмъ уже черезъ Корба завелъ знакомство и съ Грачевскимъ. Съ Корба онъ, Буцевичъ, встрѣчался только на улицахъ, а съ Грачевскимъ, который былъ и у него на квартирѣ, онъ видѣлся преимущественно у одного своего знакомаго, при чемъ велъ съ Грачевскимъ бесѣды только „теоретическаго характера“.

Михаилъ Грачевскій, признавая свое знакомство съ Клименко, Гринбергъ и Буцевичемъ, объяснилъ, что познакомился съ послѣднимъ въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1882 г. и продолжалъ съ нимъ знакомство „въ интересахъ партіи“. Отъ болѣе подробныхъ объясненій своихъ отношеній къ названнымъ лицамъ, а также къ Аннѣ Корба и Юшковой, Грачевскій отказался.

Показаніями чиновъ полиціи, наблюдавшихъ за всѣми вышепоименованными лицами, установлено, между прочимъ, что квартиру Грачевскаго въ домѣ № 9 по Фонарному переулку, посѣщала только одна Корба и что Буцевичъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, имѣлъ свиданіе съ Грачевскимъ на улицахъ Васильевскаго Острова.

Одновременно съ арестованіемъ Грачевскаго, Буцевича, Корба и Гринбергъ у названныхъ лицъ были произведены обыски, по которымъ найдено слѣдующее:

1) У Грачевскаго—большое число экземпляровъ революціонныхъ изданій, руководство къ минному искусству, чертежи къ этому руководству, 36 слѣпковъ съ печатей разныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, гербовая бумага, паспорта и другіе документы, гербовыя марки, списокъ предметовъ, купленныхъ для миннаго дѣла, три программы организаціи революціонныхъ группъ, десять рукописей прогнуправительственнаго характера, револьверъ, патроны, кинжалъ и кастетъ. Между вышеупомянутыми рукописями обращаютъ на себя особое вниманіе: а) разсужденіе о необходимости лучшей организаціи партіи для болѣе успѣшной борьбы съ правительствомъ; б) разсужденіе о необходимости слиянія польской партіи съ русскою, для одной общей революціонной цѣли и в) воззваніе къ офицерамъ русскою арміи, начинающееся словами: „товарищи по оружію“, каковымъ воззваніемъ офицеры приглашаются стать на сторону революціонной партіи для ниспроверженія Самодержавнаго правительства.

2) У Буцевича—около 400 экземпляровъ разныхъ печатныхъ и гектографированныхъ изданій преступнаго содержанія, между которыми находятся газеты: „Народная Воля“, „Черный Передѣлъ“, „Земля и Воля“, журналы: „Впередъ“, „Набатъ“, программы „исполнительнаго комитета“ и про-

Александръ Викентьевичъ
БУЦЕВИЧЪ.

кламаціи, издавныя отъ имени „исполнительнаго комитета“ по поводу разныхъ преступленій террористическаго характера и царубійства 1-го марта 1881 года. Кромѣ того у Буцевича найдены три кастета.

3) У Корба—принадлежности ручнаго типографскаго станка, 57 экземпляровъ фотографическихъ карточекъ государственныхъ преступниковъ и большое количество запрещенныхъ изданій, а также рукописи, при чемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ оказались въ конвертѣ съ надписью „для редакціи“.

4) У Гринбергъ - около 500 экземпляровъ разныхъ запрещенныхъ изданій, программы „исполнительнаго комитета“ и брошюры преступнаго содержанія.

VII.

Вспомогательная дѣятельность Калюжнаго и Смирницкой на нѣ лицъ, за вѣдывавшихъ паспортнымъ бюро соціально-революціоннаго сообщества.

23 марта 1882 года, въ гор. Москвѣ, по Прогонному переулку, въ домѣ Волковой, была обнаружена конспиративная квартира, хозяевами которой оказались: бывшій студентъ Харьковскаго Университета Иванъ Васильевъ Калюжный и дочь священника Надежда Семенова Смирницкая, проживавшіе въ означенномъ домѣ, съ 27 сентября 1881 г. по виду на имя супруговъ Ивана Федосѣева и Надежды Николаевой Беневоленскихъ.

Прибывшіе для производства обыска въ означенной квартирѣ полицейскіе чины застали Калюжнаго на лѣстницѣ, ведущей изъ нижняго этажа дома въ мезонинъ, гдѣ помѣщалась самая квартира; Смирницкая же заперлась въ квартирѣ и отказалась открыть входную дверь, которая, вслѣдствіе сего, была взломана. Вошедшія въ квартиру лица, производившія обыскъ, застали Смирницкую сидѣвшею на диванѣ и рвавшю какія-то бумаги, клочками которыхъ былъ усыянъ полъ обѣихъ комнатъ, составляющихъ квартиру, въ желѣзной же печкѣ былъ найденъ пепелъ отъ сожженной бумаги.

При обыскѣ были обнаружены различныя принадлежности для составленія подложныхъ видовъ на жительство, уже изготовленные паспорта, бланки различныхъ правительственныхъ учрежденій, а также различныя противоправительственныя изданія и т. п.

При подробномъ осмотрѣ найденныхъ въ квартирѣ Калюжнаго и Смирницкой предметовъ, въ числѣ таковыхъ оказались между прочимъ: 1) 96 фальшивыхъ печатей разныхъ правительственныхъ мѣстъ и учрежденій; каждая печать была завернута въ клочекъ бумаги, на которомъ набросанъ проектъ предполагавшагося къ составленію письменнаго вида; 2) подушка, напиганная составомъ, употребляемымъ для оттиска печатей; 3) нѣсколько листовъ вошеной бумаги; 4) 270 экземпляровъ формъ видовъ на жительство и другихъ документовъ; 5) 116 чистыхъ бланковъ, употребляемыхъ для письменныхъ видовъ, выдаваемыхъ разными мѣстами и учрежденіями; 6) 31 экземпляръ готовыхъ письменныхъ видовъ; 7) пять пакетовъ съ гербовыми марками, въ числѣ которыхъ находились и марки, употребляемые при пропискѣ паспортовъ въ гор. С.-Петербургѣ и Москвѣ; 8) значительное

количество экземпляров различных №№ „Народной Воли“, „Черного Передъла“ и „Рабочаго Листка Зерно“, а также различных прокламацій, въ томъ числѣ 111 экземпляровъ программы „исполнительнаго комитета“, 172 экземпляра воззванія „Русскому рабочему народу“ и т. д.; 9) различные рукописи противоположительнаго содержанія, изъ которыхъ нѣкоторыя очевидно предназначались для печати; въ одной изъ такихъ рукописей царевубійство одобряется какъ средство для ниспроверженія существующаго государственнаго порядка; 10) студенческая масса, по химическому изслѣдованію оказавшаяся массою, употребляемою для гектографовъ.

Найденные въ квартирѣ Калюжнаго и Смирницкой предметы не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ означенной квартирѣ помѣщалось паспортное бюро, снабжавшее подложными видами на жительство членовъ революціоннаго сообщества.

Такое назначеніе конспиративной квартиры Калюжнаго и Смирницкой подтверждается нижеслѣдующими обстоятельствами дѣла:

Между видами на жительство, найденными въ квартирѣ Калюжнаго и Смирницкой, оказался клочекъ свидѣтельства на имя вдовы титулярнаго совѣтника Маріи Казимировны Г—ской. Дознаніемъ установлено, что означенный клочекъ составляетъ часть подложнаго свидѣтельства Кременчугскаго городского полицейскаго управленія отъ 3 іюля 1881 г. за № 7549, на имя Маріи Казимировны Гаевской и что по этому виду, въ началѣ 1882 г. проживала въ г. Вильно обвиняемая Антонина Лисовская.

По предъявленіи Лисовской вышеупомянутаго клочка документа, она показала, что таковой дѣйствительно составляетъ часть того свидѣтельства, по которому она проживала въ г. Вильно, и что свидѣтельство это было ею уничтожено, за исключеніемъ означенной части, переданной ею лицу, называть которое она, Лисовская, отказалась.

Въ числѣ фальшивыхъ печатей была найдена также печать Бобруйскаго полицейскаго управленія. Дознаніемъ выяснено, что подобная же печать была приложена къ подложному виду на жительство, выданному будто бы изъ Бобруйскаго полицейскаго управленія 8 іюня 1881 г. за № 4544, на имя дворянина Михаила Викентьева Огрызко, по каковому виду проживалъ въ г. Москвѣ обвиняемый Яковъ Стефановичъ.

Обвиняемые Иванъ Калюжный и Надежда Смирницкая, признавая свою принадлежность къ социальнo-революціонному сообществу „народной воли“, заявили, что занимаются „революціонными дѣлами“ и живутъ на средства, получаемыя отъ „партіи“. Отъ всякихъ дальнѣйшихъ показаній по существу дѣла они отказались. Равнымъ образомъ Смирницкая отказалась отъ всякихъ объясненій по поводу найденныхъ въ ихъ квартирѣ предметовъ. Калюжный же показалъ, что часть означенныхъ предметовъ составляетъ его собственность, а прочіе принадлежать революціонному „бюро“, что нѣкоторыя изъ найденныхъ бумагъ писаны его, Калюжнаго, рукой и что видъ на имя Беневоленскихъ, по которому онъ проживалъ вмѣстѣ съ Смирницкой, подложный.

Послѣднее обстоятельство, по провѣркѣ его дознаніемъ, вполне подтвердилось.

УШ.

**Принадлежность обвиняемых къ преступному сообществу.
Свѣдѣнія о личности каждаго изъ нихъ.**

Въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ разслѣдованіемъ обнаружены не вошедшія въ предшествующіе отдѣлы данныя, изобличающія означенныхъ лицъ въ принадлежности къ социально-революціонному сообществу.

Такого рода данныя, а также свѣдѣнія о личности каждаго изъ обвиняемыхъ заключаются въ нижеслѣдующемъ:

1.

Юрій Николаевъ Богдановичъ, 32 лѣтъ, дворянинъ Псковской губерніи, холостъ.

По окончаніи курса въ землемѣрно-таксаторскихъ классахъ въ г. Псковѣ, вступилъ въ 1869 г. на службу, въ качествѣ Великолуцкаго уѣднаго землемѣра. Въ 1871 году вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, гдѣ былъ вольнослушателемъ Медико-Хирургической Академіи откуда, по его собственному выраженію, вышелъ вслѣдствіе требованій революціоннаго дѣла. Въ 1874 г., во время голода въ Самарской губерніи, Богдановичъ, какъ это видно изъ его показанія, обошелъ голодавшія мѣстности и подъ впечатлѣніемъ видѣнныхъ имъ бѣдствій рѣшилъ посвятить себя народному дѣлу.

Для того, чтобы стать ближе къ народу, онъ въ теченіи 1874 года изучалъ кузнечное мастерство въ кузницѣ, устроенной братомъ его, Николаемъ Богдановичемъ, въ селѣ Воронинѣ, Торопецкаго уѣзда, Псковской губерніи. Въ Воронинѣ, одновременно съ Юріемъ Богдановичемъ, проживали: нынѣ казенный государственный преступникъ Александръ Соловьевъ и государственный преступникъ Адрианъ Михайловъ. Въ 1875 и 1876 гг. Богдановичъ принималъ участіе въ сѣздахъ представителей революціоннаго движенія, происходившихъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Для осуществленія выработанной на послѣднемъ изъ означенныхъ сѣздовъ, такъ называемой „народнической программы“, Богдановичъ великимъ постомъ 1877 г. прибылъ въ г. Самару, гдѣ поселился вмѣстѣ съ обвинявшимся въ государственномъ преступленіи дворяниномъ Александромъ Ивановымъ Иванчиннымъ-Писаревымъ.

По показанію Писарева, онъ, въ теченіи 1877 г. подъ именемъ Григорія Ивановича Лебединцева, занималъ мѣсто писаря сначала въ Богдановскомъ, а затѣмъ въ Страховскомъ волостныхъ правленіяхъ, причемъ въ обоихъ этихъ мѣстахъ Юрій Богдановичъ, подъ именемъ Мартына Николаевича Платонова, былъ его помощникомъ.

Въ началѣ мая 1878 г. Богдановичъ прибылъ въ Саратовъ, гдѣ, подъ именемъ Витевскаго, занимался въ продолженіи 7 мѣсяцевъ у мѣстнаго нотариуса Праотцева, а затѣмъ отправился въ Вольскъ, гдѣ, по рекомендаціи Праотцева, работалъ короткое время въ конторѣ нотариуса Флорова. Лѣтомъ 1878 г., Богдановичъ, по настоянію Вольскаго уѣднаго предводителя дворянства Флорова, былъ назначенъ писаремъ въ Царевщинское во-

лостное правленіе, каковую должность занималъ впродолженіи 8 мѣсяцевъ. Въ Царевщинѣ Богдановича посѣщали: нынѣ казенный государственный преступникъ Соловьевъ, служившій подъ именемъ Печкарева писаремъ Стригайскаго волостнаго правленія, и Иванчинъ-Писаревъ, занимавшій такую же должность въ Балтайскомъ волостномъ правленіи и проживавшій по виду на имя Александра Ивановича Страхова; видѣмъ этимъ Писарева, по его показанію, снабдилъ Богдановичъ. Кромѣ того Богдановича посѣщали: розыскиваемая по обвиненію въ государственномъ преступленіи Вѣра Филиппова и сестра ея, нынѣ осужденная Евгенія Фигнеръ, которыя проживали въ селѣ Вязиновѣ, гдѣ первая исполняла должность фельдшерицы.

Произведеннымъ членомъ С.-Петербургской Судебной Палаты Шуйскимъ предварительнымъ слѣдствіемъ о тайномъ сообществѣ, стремившемся испровергнуть существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, а также дознаніями по поводу ареста въ С.-Петербургѣ Вѣры Чепурновой и о пребываніи государственнаго преступника Соловьева въ Самарской и Саратовской губерніяхъ установлено, что Богдановичъ со всѣми вышеупомянутыми лицами, т. е. съ Соловьевымъ, Филипповой, Фигнеръ и Иванчинымъ-Писаревымъ находился въ близкихъ, т. е. дружескихъ отношеніяхъ.

Весною 1879 г. Богдановичъ выѣхалъ изъ Саратова и отправился въ С.-Петербургъ, куда прибылъ 1-го апрѣля, т. е. наканунѣ покушенія Соловьева. Желая избѣгнуть ареста, такъ какъ послѣ событія 2 апрѣля его начали усиленно розыскивать, Богдановичъ уѣхалъ въ провинцію и возвратился въ Петербургъ лишь осенью того же года. Здѣсь онъ узналъ о новой программѣ, принятой на лицеекомъ съѣздѣ. Въ 1880 г., получивъ приглашеніе „исполнительнаго комитета“ принять участіе въ приготвленіи къ царевубійству, Богдановичъ поселился въ домѣ графа Менгдена, по Малой Садовой улицѣ, гдѣ подъ именемъ крестьянина Кобозева, нанялъ сырную лавку, изъ которой былъ выведенъ подкопъ подъ полотно улицы.

Проживъ, послѣ 1-го марта, мѣсяца 1½ или 2 въ Петербургѣ, Богдановичъ переѣхалъ въ Москву для новой организаціонной работы и затѣмъ, какъ сказано выше, ѣздилъ въ Сибирь. Въ Москвѣ Богдановичъ проживалъ подъ именемъ Прозоровскаго, въ домѣ Вочкова, на Садовой улицѣ, и тамъ былъ арестованъ 10-го марта 1882 года.

2.

Обвиняемый Михаилъ Федоровъ Грачевскій, сынъ дьякона Саратовской епархіи, 33-хъ лѣтъ, женатъ, воспитывался на счетъ родителей къ Саратовской Духовной Семинаріи, а затѣмъ поступилъ въ Технологическій Институтъ, но въ обонхъ заведеніяхъ курса не окончилъ.

Привлекался къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи и въ 1878 году былъ приговоренъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената къ аресту на 1 мѣсяць, а вполсѣдствіи былъ высланъ въ административномъ порядкѣ въ Архангельскую губернію; въ 1879 г. съ мѣста ссылки бѣжалъ.

До своего ареста, послѣдовавшаго 5-го іюня 1882 года, Грачевскій про-

живалъ въ Петербургъ подъ именемъ дворянина Могилевской губерніи Августина Андреева Галиновскаго, причемъ осмотромъ книги на записъ жильцовъ въ домъ № 9 по Фонарному переулку удостовѣрено, что въ означенномъ домѣ онъ поселился 28-го марта 1881 года, а до того, въ теченіи 3-хъ дней, проживалъ въ д. № 17 по Гороховой улицѣ.

3.

Обвиняемая Парасковья Семенова Ивановская, 30 лѣтъ, дочь священника Тульской епархіи, дѣвица. Первоначальное образованіе получила въ Тульскомъ женскомъ Духовномъ Училищѣ и по окончаніи въ 1872 году курса въ немъ, выдержала экзаменъ на званіе домашней учительницы.

Съ 24-го января и по 24-е марта 1881 года, Ивановская проживала въ Москвѣ, въ гостинницѣ „Европа“ и въ домѣ Пановой, по Введенскому переулку, подъ именемъ дворянки Черниговской губерніи Анны Марченко. Изъ показанія крестьянки Акулины Шибинковой, служившей кухаркой у Ивановской и у проживавшаго съ ней подъ именемъ Леонида Марченко дворянина Поддубенскаго, видно, что супруговъ Марченко посѣщали обвиняемые по настоящему дѣлу Калюжный и Богдановичъ.

Изъ дѣла видно, что съ 7-го августа и по 5 сентября 1882 г. Ивановская проживала въ г. Харьковѣ, въ д. Чувеляева, по Троицкому переулку, подъ именемъ жены губернскаго секретаря Фроловой.

Ивановская была арестована 13-го сентября 1882 г., тотчасъ по прївѣздѣ своемъ въ г. Витебскъ, гдѣ она остановилась въ квартирѣ еврея, проживавшаго по подложному паспорту. При задержаніи обвиняемая предъявила паспортъ на имя жены коллежскаго ассесора Надежды Александровы Руничъ, оказавшійся по провѣркѣ подложнымъ. По обыску у назвавшейся Руничъ были, между прочимъ, найдены: листокъ добровольнаго сбора въ пользу редакціи „Народной Воли“, и рецептъ доктора Вышинскаго, въ Харьковѣ, на имя Фроловой.

4.

Влисаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій былъ задержанъ 19 апрѣля 1882 года, въ гор. Москвѣ, по Малой Лубянкѣ, подъ именемъ оберъ-офицерскаго сына Константина Николаева Богольцова. По обнаруженіи его квартиры оказалось, что онъ проживалъ по аттестату, выданному Вѣлостоко-Сокольскимъ Съѣздомъ Мирowych Судей за № 153.

По обыску у Златопольскаго былъ найденъ листокъ для сбора пожертвованій въ пользу „краснаго креста партіи народной воли“ и свидѣтельство Одесскаго Полиціейстера за № 3570 на имя дочери канцелярскаго слуги Анны Кватковской.

Первоначальныя свѣдѣнія о революціонной дѣятельности Златопольскаго были получены изъ показанія умершаго обвиняемаго Григорія Гольденберга, знавшаго Златопольскаго съ 1874 г. По показанію Гольденберга, Златопольскій въ 1879 г., проживая въ Одессѣ, находился въ близкихъ сношеніяхъ съ государственными преступниками Колодкевичемъ, Фроленко и Арончикомъ и около этого времени былъ избранъ въ члены такъ назы-

ваемого „исполнительнаго комитета“. По словамъ Гольденберга, Савелій Златопольскій принадлежалъ къ числу видныхъ дѣятелей революціоннаго сообщества и даже былъ въ Одессѣ „главнымъ центромъ“. Государственный преступникъ Меркуловъ, въ ряду сдѣланныхъ имъ разоблаченій, между прочимъ, показалъ, что посѣщая квартиру Геси Гельфманъ въ д. № 27/1 по Троицкому переулку, онъ тамъ встрѣчалъ Савелія Златопольскаго, носившаго кличку „Савки“.

Обвиняемый по настоящему дѣлу Антонъ Борейша, подтвердивъ указаніе Меркулова на посѣщеніе Златопольскимъ „конспиративной квартиры“ Гельфманъ, добавилъ, что видалъ Златопольскаго и въ квартирѣ Пришибинныхъ, гдѣ помѣщалась тайная типографія „Народной Воли“, при чемъ Златопольскій въ означенной квартирѣ сдѣлалъ фальшивую полицейскую визировку на его, Борейши, паспортъ.

Привлеченные къ дознаніямъ въ Кіевѣ и Одессѣ по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ и спрошенные по настоящему дѣлу въ качествѣ свидѣтелей: казакъ Петлицкій и дворяне Саранчевъ и Масловъ показали, что въ концѣ 1880 года, одинъ изъ нихъ, Петлицкій, встрѣчалъ Златопольскаго въ Кіевѣ, въ квартирѣ одного революціоннаго дѣятеля и при встрѣчахъ толковалъ съ нимъ о замышлявшемся тогда убійствѣ офицера отдѣльнаго корпуса жандармовъ Судейкина, причемъ Златопольскій давалъ по сему предмету практическіе совѣты и указанія. Послѣ вѣсколькихъ свиданій, Златопольскій объявилъ, что исполненіемъ предположеннаго преступленія надо пока приостановиться, чтобы не помѣшать задуманному въ Петербургѣ болѣе серьезному террористическому предпріятію и во всякомъ случаѣ не приступать къ дѣйствию безъ его, Златопольскаго, разрѣшенія. Въ январѣ 1881 г. Масловъ и Саранчевъ встрѣчали Златопольскаго въ Одессѣ, причемъ онъ велъ усиленную агитацію въ духѣ программы партіи „Народной Воли“. Изъ Одессы Златопольскій уѣхалъ въ февралѣ 1881 года.

Осмотромъ подлежащихъ домовыхъ книгъ удостовѣрено, что Златопольскій, подъ именемъ Богодѣлова, въ періодъ времени съ 23 мая по 21 октября 1881 г., проживалъ въ С.-Петербургѣ, въ гостинницѣ „Россія“; съ 22 по 29 декабря 1881 г., въ Москвѣ, тоже въ гостинницѣ „Россія“; съ 4 января по 4 марта 1882 г., снова жилъ въ Петербургѣ, а затѣмъ переехалъ въ Москву, гдѣ и жилъ до своего ареста, по Армянскому пер. въ домѣ Грачева.

Привлеченный къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, Златопольскій, сознавшись въ принадлежности къ партіи „народной воли“, призналъ, между прочимъ, и посѣщенія имъ квартиры Геси Гельфманъ въ Троицкомъ переулкѣ, куда онъ, по его словамъ, ходилъ для свиданій съ Грачевскимъ.

Изъ дѣла видно, что Савелій Соломоновъ Златопольскій, Елисаветградскій мѣщанинъ, 25 лѣтъ отъ роду, холостъ; по окончаніи въ 1873 году Николаевской гимназіи, поступилъ въ Технологическій Институтъ, но въ 1875 г., по болѣзни вышелъ, не окончивъ курса.

5.

Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, 29 лѣтъ отъ роду, холостъ. По окончаніи гимназическаго курса, поступилъ въ 1870 году въ Горный Институтъ, откуда, за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ,

былъ исключенъ въ 1874 году и сосланъ въ административномъ порядкѣ въ Костромскую губернію. Въ 1875 году Телаловъ былъ возвращенъ изъ ссылки и до 1879 года проживалъ въ Симферополѣ, а въ концѣ означеннаго года перешелъ на „незаконное“ положеніе и сталъ жить, по его собственнымъ словамъ, на средства революціоннаго сообщества.

16-го Декабря 1881 года Телаловъ былъ задержанъ въ Петербургѣ подъ именемъ рязанскаго мѣщанина Семенова, причемъ при немъ были найдены: кнѣжалъ безъ ноженъ, нѣсколько экземпляровъ печатныхъ произведеній подпольной печати и разныя записки и рукописи, изъ коихъ обратили на себя особое вниманіе: 1) уставъ тайнаго революціоннаго сообщества, входящаго въ составъ „партіи народной воли“, озаглавленнаго „обществомъ освобожденія“, о которомъ уже было сказано выше; 2) программа польской соціально-революціонной партіи, помѣченная 18 Ноябремъ 1881 года, въ которой проводится мысль объ объединеніи революціонеровъ польскихъ съ русскими; 3) письмо, адресованное лицу, находящемуся въ заключеніи, начинающееся словами: „Дорогой Саша, дорогой другъ“ и подписанное „Твоя Анна“, и 4) выписки изъ артиллерійскаго журнала, трактующія о приготовленіи, примѣненіи и дѣйствіи боевыхъ ракетъ.

По обыску въ квартирѣ Телалова, въ д. № 20 по Средне-Мѣщанской улицѣ было найдено: 3 револьвера съ патронами къ нимъ, шрифтъ въ двухъ деревянныхъ ящикахъ, множество рукописей преступнаго содержанія и около 700 печатныхъ экземпляровъ разныхъ запрещенныхъ изданій. По предъявленіи эксперту, завѣдывающему лабораторіей Михайловской Артиллерійской Академіи, Генераль-Майору Федорову записей, относящихся къ приготовленію и дѣйствію ракетъ, послѣдній заявилъ, что свѣдѣнія эти выписаны изъ артиллерійскихъ журналовъ, изъ статей общедоступныхъ, и что ракеты, о которыхъ говорится въ выпискахъ, вслѣдствіе неправильнаго своего полета, могутъ быть употребляемы только противъ массъ людей. Относительно письма за подписью „Анна“ дознаніемъ, какъ объ этомъ будетъ изложено ниже, установлено, что оно писано Анной Корба и предназначалось для передачи содержавшемуся въ то время въ С.-Петербургской крѣпости нынѣ осужденному государственному преступнику Александру Михайлову.

Изъ показаній обвиняемаго по настоящему дѣлу Борейши и привлекавшагося къ дознанію о распространеніи преступной пропаганды среди Петербургскихъ рабочихъ, бывшаго студента Кампанца, а равно и квартирной хозяйки послѣдняго—Прусской подданной Фазель, видно, что съ конца 1880 г. Телаловъ въ Москвѣ и Петербургѣ занимался организаціей систематической пропаганды между рабочими и, между прочимъ, въ послѣднее время, въ С.-Петербургѣ стоялъ во главѣ кружка лицъ изъ учащейся молодежи, занимавшихся такой пропагандой и собиравшихся для обсужденія вопросовъ, касающихся ихъ дѣятельности въ квартирѣ Кампанца.

Кромѣ сего изъ показаній Борейши видно, что въ Ноябрь 1881 года онъ видѣлъ Телалова въ портерной лавкѣ вмѣстѣ съ Златопольскимъ, носившимъ въ это время кличку Филиппа Данилова.

Осмотрами домовыхъ книгъ удостовѣрено, что съ 29 Сентября 1880 года и до Августа 1881 года Телаловъ, подъ именемъ Семенова, проживалъ въ

Москвѣ, сначала въ „Торговой гостинницѣ“, а затѣмъ на Маросейкѣ въ домѣ Хвоцинскаго, въ Августѣ 1881 года онъ переехалъ въ Петербургъ, гдѣ также подъ именемъ Семенова первоначально проживалъ въ гостинницѣ „Москва“, а затѣмъ до дня своего ареста, въ д. № 20 по Средней Мѣшчанской улицѣ.

6.

Анна Павлова Корба, урожденная Мейнгардтъ, 32 лѣтъ отъ роду, жена потомственного почетнаго гражданина, по происхожденію дворянка, воспитывалась и жила въ домѣ своихъ родителей до выхода въ 1868 году замужъ. Живя въ 1877 году въ г. Минскѣ, она разсталась съ мужемъ и въ концѣ означеннаго года отправилась въ Румынію въ качествѣ сестры милосердія и, пробывъ тамъ до весны 1878 года, возвратилась въ Петербургъ, гдѣ заболѣла тифомъ. Выздоровѣвъ, обвиняемая прожила нѣсколько времени въ имѣніи своей сестры, а лѣтомъ 1879 года прибыла снова въ Петербургъ и проживъ нѣкоторое время съ мужемъ, окончательно съ нимъ разошлась. Съ осени 1879 года и до 1-го Февраля 1880 года Анна Корба служила въ правленіи закавказской желѣзной дороги и въ это время познакомилась съ женой государственнаго преступника Баранникова—Маріей Кошурниковой. Сойдясь съ послѣдней ближе, Корба поселилась съ ней на одной квартирѣ и черезъ нее завязала сношенія съ членами преступнаго сообщества. По отъѣздѣ Кошурниковой изъ Петербурга, обвиняемой сообщили, что Кошурникова разыскивается полиціей, вслѣдствіе чего она, Корба, опасаясь преслѣдованія, въ началѣ 1880 года выѣхала изъ Петербурга и затѣмъ, перейдя на нелегальное положеніе, стала жить, по ея собственнымъ словамъ, на средства „партіи народной воли“.

Обвиняемая Корба была арестована въ ночь на 5 Юня 1882 года въ домѣ № 22 по Дровяному переулку, гдѣ она проживала съ 25 Февраля того же года подъ именемъ вдовы почетнаго гражданина Софьи Розановой, причемъ отобранннй у нея паспортъ на это имя оказался по провѣркѣ подложнымъ; до переѣзда же въ эту послѣднюю квартиру, Корба подъ тѣмъ же именемъ жила съ 16 Января въ д. № 23 по М. Морской улицѣ.

Изъ дѣла видно, что по сличеніи почерка письма, отобраннаго у Телалова, за подписью „Твоя Анна“, съ почеркомъ руки Анны Корба, эксперты пришли къ заключенію, что письмо это писано послѣдней.

Обвиняемая Корба признала, что означенное письмо писано ею и предназначалось содержавшемуся въ то время въ С.-Петербургской крѣпости нынѣ осужденному государственному преступнику Александру Михайлову.

По доставленіи Анны Корба въ С.-Петербургскую крѣпость по обыску въ ея одеждѣ было найдено 5 записокъ, писанныхъ упомянутымъ Александромъ Михайловымъ изъ мѣста заключенія.

7.

Александръ Викентьевъ Буцевичъ, отставной флота лейтенантъ, привлеченный къ дознанію въ бытность свою на дѣйствительной службѣ, послѣдніе 7 лѣтъ состоялъ при Министерствѣ Путей Сообщенія; 32 лѣтъ отъ роду, вдовецъ. Окончилъ курсъ въ Морскомъ училищѣ и въ Морской Ака-

демин, а затѣмъ въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія. До дня своего ареста, 5 Юня 1882 года, обвиняемый проживалъ въ д. № 3 по Малой Мастерской вмѣстѣ со своей матерью, сестрами и малолѣтней дочерью.

Изъ дѣла видно, что въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у обвиняемаго по настоящему дѣлу Грачевскаго, было найдено рукописное воззваніе преступнаго содержанія къ „товарищамъ по оружію“, причемъ, по сличеніи почерка, коимъ оно писано, съ почеркомъ руки обвиняемаго Буцевича, экспертъ пришелъ къ заключенію, что воззваніе писано послѣднимъ.

Обвиняемый Буцевичъ съ своей стороны призналъ, что воззваніе было переписано имъ съ другой рукописи, предназначавшейся для распространенія въ печати.

8.

Хася Гершева, она же Христина Григорьева, Гринбергъ въ 1878 г., въ гор. Одессѣ поступила въ качествѣ работницы въ сапожную мастерскую австрійскаго подданнаго Янковича, но чрезъ три дня была удалена изъ мастерской, потому, что проводила время въ разговорахъ съ рабочими, которыми, по выраженію свидѣтеля Янковича, толковала о свободѣ и давала читать книги. Вскорѣ послѣ выбитія Гринбергъ изъ мастерской, на ея имя было получено изъ гор. Николаева, Херсонской губерніи, за подписью „Феливка“ письмо, въ которомъ выражена просьба сообщить подробности о вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ при производствѣ обыска въ квартирѣ Виттенъ (дѣло о государственныхъ преступникахъ Ковальскомъ, Виташевскомъ и другихъ). Изъ показанія бывшаго матроса Николая Фоменко видно, что въ 1877—1878 г.г. въ обществѣ лицъ, пропагандировавшихъ среди матросовъ въ гор. Николаевѣ, вращалась нѣкая молодая дѣвушка по имени Христина.

Гринбергъ признала, что была знакома съ Николаемъ Фоменко и что была работницей въ магазинѣ Янковича, но при этомъ объяснила, что поступила къ послѣднему исключительно съ цѣлью изучить башмачное ремесло и отошла отъ него потому, что онъ предъявилъ условія, на которыя она не могла согласиться.

Государственный преступникъ Меркуловъ, давая подробныя показанія о приготовленіяхъ къ царубійству въ гор. С.-Петербургѣ лѣтомъ 1880 г., между прочимъ, объяснилъ, что въ означенное лѣто ему приходилось нѣсколько разъ кататься на лодкѣ съ ближайшими участниками упомянутыхъ приготовленій, при чемъ, однажды, когда онъ ѣдиль въ лодкѣ съ Желябовымъ, Прѣсняковымъ, Тетеркой, Грачевскимъ и Баранниковымъ, съ ними были еще двѣ женщины, изъ которыхъ одну звали „Христей“.

Гринбергъ признала, что дѣйствительно лѣтомъ 1880 года она каталась съ нѣсколькими лицами, въ числѣ которыхъ былъ Меркуловъ, но назвать остальныхъ, бывшихъ въ лодкѣ лицъ, отказалась.

Изъ показанія мѣщанки Евдоки Хлѣбниковой оказывается, что въ 1881 году, въ гор. Одессѣ, у нея на квартирѣ проживала женщина подъ фамиліей Спекторовой. Когда пришло извѣстіе о злодѣяніи 1-го Марта, Хлѣбникова тотчасъ же сообщила своимъ жильцамъ объ ужасномъ событіи, на что Спекторова отозвалась словами: „что-жъ за важное дѣло, что Царя убили“. Обвиняемая Гринбергъ признала, что проживала въ г. Одессѣ подъ фамиліей Спекторовой.

Михаилъ Грачевскій призналъ свое знакомство съ Гринбергъ и посѣщенія послѣдней, а Савелій Златопольскій объяснилъ, что знаетъ Гринбергъ съ давнихъ поръ, какъ свою землячку.

Гринбергъ 24 лѣтъ отъ роду, еврейка, дѣвица, купеческая дочь, уроженка г. Николаева Херсонской губ., гдѣ и воспитывалась въ частномъ пансіонѣ. Изъ дѣла видно, что Гринбергъ подѣ именемъ дворянки Елисаветы Каммеръ проживала въ Петербургѣ съ 24 Августа 1881 года и до Мая 1882 г. въ д. № 24 по Кирочной улицѣ, а съ послѣдняго времени и до ареста 3-го Іюня 1882 г. въ № 16 по Сергіевской улицѣ.

9.

Михаилъ Филимоновъ Клименко, 26 лѣтъ отъ роду, уроженецъ Бессарабской области; по происхожденію дворянинъ, холостъ. По окончаніи курса наукъ въ Одесской Ришельевской гимназіи, поступилъ въ Новороссійскій Университетъ, изъ котораго перешелъ въ Кіевскій—Св. Владиміра, но курса въ немъ не окончилъ, такъ какъ въ 1880 году былъ арестованъ по обвиненію въ принадлежности къ тайному преступному сообществу. Состоявшимся въ томъ же году приговоромъ Кіевского Военно-Окружнаго Суда былъ осужденъ по лишеніи всѣхъ правъ состоянія къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, но по конфирмаціи этого приговора Кіевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ Генераль-Губернаторомъ, сосланъ на поселеніе въ Сибирь, откуда бѣжалъ въ маѣ 1881 года.

10.

Александръ Васильевъ Прибылевъ, 24 лѣтъ отъ роду, сынъ священника, уроженецъ г. Камышлова, Пермской губерніи, женатъ на Розаліи, (нареченной при св. крещеніи Раисой) Гросманъ. Воспитывался первоначально въ Екатеринбургской и Пермской гимназіяхъ, а затѣмъ окончилъ курсъ при Медико-Хирургической Академіи съ званіемъ ветеринарнаго врача. Въ 1878 году былъ арестованъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ.

11.

Раиса Львова Прибылева, 25 лѣтъ отъ роду, еврейка, принявшая православіе, жена ветеринарнаго врача, уроженка Кіевской губерніи, Черкаскаго уѣзда. Окончила курсъ частной гимназіи въ гор. Одессѣ, а затѣмъ, по прибытіи въ Петербургъ, поступила на женскіе врачебные курсы, въ числѣ слушательницъ которыхъ и состояла до своего ареста.

Изъ дѣла видно, что Прибылевы вступили въ бракъ 2-го мая 1882 г., а 14-го того же мая переѣхали на жительство въ конспиративную квартиру въ домъ № 24 по 11 линіи Васильевского Острова.

12.

Марія Александрова Юшкова, 22 лѣтъ, дочь священника Черниговской епархіи, до 18 лѣтъ проживала съ родителями въ Черниговѣ, гдѣ окончила курсъ женской гимназіи, а по прибытіи, затѣмъ, въ Петербургъ, послѣдо-

вательно окончила фельдшерскіе и маринскіе акушерскіе курсы. Изъ дѣла видно, что обвиняемая Юшкова съ 7 мая и по день своего ареста, 5 іюня 1883 года, подъ именемъ мѣщанки Савиной проживала въ квартирѣ Прибылева въ домѣ № 24 по 11 линіи Васильевского Острова.

13.

Надежда Семенова Смирницкая, 30 лѣтъ, дѣвица, дочь священника Киевской епархіи, воспитывалась дома. Съ 1878 года, вращаясь въ Киевскихъ революціонныхъ кружкахъ, находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ убитымъ при вооруженномъ сопротивленіи властямъ Иваномъ Ивичевичемъ и участвовала на сходкахъ, на которыхъ обсуждались разныя террористическія предпріятія и въ томъ числѣ убійство князя Крапоткина. По словамъ Гольденберга, Смирницкая, послѣ совершенія имъ упомянутого преступленія, хлопотала о принсканіи ему убѣжища, безопаснаго отъ преслѣдованій полиціи.

Въ маѣ 1879 года Смирницкая, за принадлежность къ образовавшемуся въ Киевѣ преступному кружку подъ названіемъ „Пифійникъ“, была выслана административнымъ порядкомъ въ Сольвычегодскъ, откуда, однако, впоследствии скрылась.

14.

Иванъ Васильевъ Калужный, 24-хъ лѣтъ отъ роду, холостъ, Лебединскій, Харьковской губерніи, мѣщанинъ. По окончаніи курса Сумской классической гимназіи, поступилъ въ Харьковскій Университетъ, но за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, до окончанія курса былъ высланъ въ городъ Вологду, откуда скрылся въ мартѣ 1880 года.

Съ 27 сентября 1881 года и до дня ареста—23 марта 1882 года, Калужный и Смирницкая проживали въ Москвѣ въ домѣ Волковой, по Прогонному переулку, по подложному паспорту на имя супруговъ Беневоленскихъ. Свидѣтельница, крестьянка Елена Васильева, служившая кухаркой у обвиняемаго по настоящему дѣлу Юрія Богдановича, во время жительства его въ Москвѣ подъ именемъ Прозоровскаго, признала въ Калужномъ лицѣ, посѣщавшее Прозоровскаго.

15.

Сынъ священника Яковъ Васильевъ Стефановичъ, послѣ побѣга изъ Киевскаго тюремнаго замка, отправился, какъ это видно изъ его собственнаго показанія, за границу, откуда возвратился въ Россію въ іюнь 1879 г. прямо въ С.-Петербургъ, гдѣ вступилъ въ образовавшееся тогда революціонное сообщество подъ названіемъ „земля и воля“, а послѣ распаденія такового на двѣ фракціи: „народной воли“ и „чернаго передѣла“, примкнулъ къ послѣдней. Вслѣдъ за симъ Стефановичъ отправился въ Одессу, гдѣ, проживая подъ чужимъ именемъ, занимался пропагандой между рабочими. Послѣ покушенія на царубійство 19 ноября 1879 г., Стефановичъ, боясь быть арестованнымъ, уѣхалъ изъ Одессы въ С.-Петербургъ, откуда въ концѣ декабря 1879 г., вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Дейчемъ.

уѣхалъ за границу. Проживая за границей и оставаясь вѣрнымъ тенденціямъ „чернаго передѣла“, Стефановичъ поддерживалъ сношенія лишь съ петербургскими своими единомышленниками, которымъ омазалъ услугу напечатаніемъ за границею 2-хъ номеровъ газеты „Чернаго Передѣла“ и доставленіемъ русскихъ заграничныхъ, противоправительственныхъ изданій. Возвратившись въ Россію, Стефановичъ, какъ уже сказано выше, вступилъ въ „партію народной воли“ и содѣйствовалъ ея сліянію съ чернопредѣльцами, а также учрежденію заграничнаго отдѣла вновь возникшаго общества краснаго креста. Кромѣ сего Стефановичъ посвятилъ свою дѣятельность изданію за границей для Россіи журналовъ и книгъ революціоннаго содержанія и вступилъ по этому вопросу въ переписку съ эмигрантами Лавровымъ, Плехановымъ и Дейчемъ. За означенное дѣло Стефановичъ, по его словамъ, взялся съ тѣмъ большою охотою, что, по его мнѣнію, такъ называемая серьезная революціонная литература въ послѣдніе годы была совершенно заброшена. Организациія „народной воли“ принимала на себя расходы по вышеназванному предпріятію, овъ же, Стефановичъ, являлся только посредникомъ между нею и той частью русской эмиграціи, которая была готова помочь издательскому дѣлу. По условію между обѣими сторонами упомянутыя изданія не должны были носить партіоннаго характера, что давало возможность привлечь къ этому дѣлу такихъ извѣстныхъ эмигрантовъ какъ Плехановъ, Лавровъ, Вѣра Засуличъ и друг., не раздѣляющихъ программы „народной воли“.

При предъявленіи Стефановичу фотографическихъ карточекъ лицъ, привлеченныхъ къ настоящему дѣлу, овъ призналъ свое знакомство съ Богдановичемъ, Грачевскимъ, Телаловымъ, Корба, Златопольскимъ и кромѣ того объяснилъ, что овъ встрѣчался въ Москвѣ съ Калужнымъ и Парасковьею Ивановскою, съ которыми однако познакомиться еще не успѣлъ.

Въ разъясненіе и подтвержденіе вышеизложеннаго показанія Стефановича по поводу его литературнаго предпріятія за границей, дознаніемъ выяснено, что еще въ ноябрѣ 1881 года полиціей, путемъ розысковъ, были получены два №№ „Народной воли“, предназначавшихся для отсылки за границу; на одномъ изъ означенныхъ №№ оказалась надпись, въ которой лицо, подписавшееся словомъ „редакторъ“ предлагало отпечатать этотъ №. Кромѣ того къ этимъ №№ была приложена записка, въ которой „редакція“ поручала перепечатаніе приложеннаго № „Народной Воли“, а также № 4 „Чернаго Передѣла“ какому-то Евгенію и сообщала послѣднему условія, на которыхъ перепечатаніе могло быть допущено.

Стефановичъ призналъ, что приведенная надпись на № „Народной Воли“ и записка къ Евгенію писана имъ, при чемъ послѣдняя была адресована Дейчу. По словамъ Стефановича овъ подписался „редакторъ“ и „редакція“ единственно для того, чтобы требованіе, изложенное въ запискѣ, представлялось болѣе авторитетнымъ.

По осмотру бумагъ и другихъ предметовъ, отобранныхъ у Стефановича при его задержаніи, а также вятыхъ по обыску въ его квартиру, слѣдующіе изъ нихъ оказались имѣющими значеніе для дѣла: 1) 449 печатныхъ экземпляровъ воззванія подъ заглавіемъ: „Соборное уложеніе христіанскаго братства“. Воззваніе это состоитъ изъ двухъ частей: въ одной изъ нихъ заключается приглашеніе всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій вступать

въ тайное сообщество, носящее названіе: „Христіанское братство“; во второй части воззванія изложена самая организація сообщества, при чемъ задачею ставится борьба съ существующимъ правительственнымъ порядкомъ, а конечною цѣлью—ниспроверженіе этого порядка; 2) 314 печатныхъ экземпляровъ воззванія подъ заглавіемъ: „Соборное посланіе христіанскаго братства ко всѣмъ чтущимъ святое ученіе Христа“. Въ означенномъ воззваніи доказывается, что „существующее правительство и всѣ его установленія и законы, какъ основанные на неправдѣ, подавленіи и гоненіи свободнаго исканія истины, слѣдуетъ считать незаконными и противными заповѣдямъ Божиимъ и свободѣ и духу христіанскаго ученія“; 3) 368 экземпляровъ бумажныхъ обложекъ, очевидно предназначенныхъ для вышеупомянутаго воззванія съ печатнымъ заглавіемъ: „Соборное посланіе христіанскаго братства ко всѣмъ чтущимъ святое ученіе Христа“; 4) шесть экземпляровъ прокламацій, помѣченныхъ 2 марта 1881 года отъ комитета „народной воли“ „къ честнымъ мірянамъ, православнымъ крестьянамъ и всему народу русскому“. Въ названныхъ прокламаціяхъ предлагается крестьянамъ отправлять своихъ ходяковъ къ вновь вступившему на престолъ Государю Императору Александру III съ заявленіемъ о своихъ нуждахъ и съ ходатайствомъ объ удовлетвореніи таковыхъ; 5) одинъ № газеты „Черный передѣлъ“ и нѣсколько брошюръ противъ-правительственнаго содержанія; 6) нѣсколько писемъ, между которыми обращаетъ на себя вниманіе весьма пространное письмо изъ за границы отъ 21-го января (2-го февраля), начинающееся словами: „Дорогой мой братъ“ и относящееся по своему содержанію до разныхъ предметовъ революціонной дѣятельности, при чемъ многія мѣста этого письма зашифрованы; 7) сургучный отгискъ печати „христіанскаго братства“, съ надписью славянскими буквами „справедно у Бога воздати скорбь оскорбляющимъ“; 8) оказавшійся подложнымъ билетъ Бобруйскаго городского полицейскаго управленія отъ 8 іюня 1881 г. за № 4574 на имя дворянина Михаила Викентьева Огрызко.

По поводу всего найденнаго у него при обыскѣ, Стефановичъ, уклоняясь отъ разъясненія какъ зашифрованныхъ мѣстъ въ письмахъ, такъ и вообще ихъ содержанія, показалъ, что всѣ запрещенныя изданія онъ получилъ случайно на храненіе отъ своего знакомаго, который, опасаясь обыска, не могъ оставлять ихъ въ своей квартирѣ. Что же касается писемъ, то хотя таковыя и были обращены къ нему, Стефановичу, но относятся къ другимъ лицамъ, и имѣютъ, по его словамъ, коллективное значеніе.

Осмотромъ домовою книги по дому Нобеля въ гор. Москвѣ въ 1 уч. Пятницкой части, а также показаніями свидѣтелей установлено, что съ 31 января 1882 г. по день ареста, Стефановичъ проживалъ въ означенномъ домѣ по подложному виду на имя Огрызко.

Осенью 1879 г., передъ совершеніемъ покушеній на цареубійство въ Москвѣ и Александровскѣ и приготовленій къ этому злодѣянію въ Одессѣ, Стефановичъ, по показанію умершаго обвиняемаго Григорія Гольденберга, находился въ Россіи и проживалъ въ Одессѣ. Въ это время Стефановичъ, по словамъ Гольденберга, зная о готовившихся посягательствахъ на жизнь почившаго Монарха, возбуждалъ среди своихъ единомышленниковъ вопросъ о распространеніи въ народъ, послѣ удачнаго покушенія манифе-

стовъ, призывающихъ крестьянъ отправить своихъ ходоковъ къ вновь вступившему на престолъ Государю Императору съ заявленіемъ о своихъ нуждахъ. По удостовѣренію Гольденберга подобнаго содержанія манифесты были уже тогда изготовлены и находились у Стефановича.

Въ разъясненіе приведенныхъ указаній Гольденберга, Стефановичъ показалъ, что ему, какъ не состоявшему въ организаціи „народной воли“, осенью 1879 г. не могло быть извѣство о готовившихся тогда посягательствахъ на царубійство, но, что находясь въ Россіи и зная, что сформировавшийся тогда „исполнительный комитетъ“ поставилъ себѣ цѣлью совершеніе царубійства, онъ, Стефановичъ, въ интересахъ чернопередѣльской партіи, дѣйствительно возбуждалъ вопросъ о манифестѣ, упоминаемомъ Гольденбергомъ.

Яковъ Стефановичъ, какъ это видно изъ его объясненій и изъ собранныхъ о немъ свѣдѣній, 29 лѣтъ отъ роду, сынъ священника, уроженецъ Черниговской губерніи; по окончаніи курса гимназій, поступилъ въ Кіевскій университетъ, но будучи на 2 курсѣ, скрылся, вслѣдствіе обвиненія его въ преступныхъ сношеніяхъ съ дворяниномъ Жебуневымъ, привлечавшимся къ дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи; затѣмъ былъ привлеченъ, какъ выше упомянуто, къ дѣлу объ организаціи преступнаго сообщества въ средѣ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, и послѣ побѣга изъ Кіевского тюремнаго замка, въ маѣ 1878 года, скрылся за границу.

16.

Крестьянинъ Минской губерніи, Пинскаго уѣзда, Антонъ Степановъ Борейша, выражая раскаяніе въ прежнихъ своихъ заблужденіяхъ, показалъ, что по окончаніи курса въ Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ, онъ, въ 1877 году, поступилъ въ Технологическій Институтъ, но, не чувствуя призванія быть техникомъ, вышелъ со второго курса, намѣреваясь поступить въ Петровскую Земледѣльческую Академію, куда, однако, не былъ принятъ; послѣ того онъ изучалъ практически сельское хозяйство подъ руководствомъ бывшаго профессора Энгельгардта въ имѣніи послѣдняго, а затѣмъ, въ январѣ 1880 года возвратился въ Петербургъ и сталъ прискивать себѣ работу. Поиски эти не были особенно успѣшны, вслѣдствіе чего ему приходилось испытывать большой недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ. Находясь въ такомъ положеніи, онъ познакомился съ бывшимъ студентомъ Технологическаго Института Игнатіемъ Гриневицкимъ, который впоследствии принялъ участіе въ злодѣяніи 1-го марта 1881 г. и умеръ отъ ранъ, полученныхъ при взрывѣ брошеннаго имъ саряда. Сначала это знакомство ограничивалось встрѣчами, а засимъ онъ, Борейша, поселился вмѣстѣ съ Гриневицкимъ и прожилъ на одной съ нимъ квартирѣ до августа 1880 г. Затѣмъ Гриневицкій, переселившись въ отдѣльную квартиру, продолжалъ посѣщать его, Борейшу, и однажды сдѣлалъ ему предложеніе заняться пропагандой среди рабочихъ, на что онъ отвѣтилъ, что готовъ принять на себя это дѣло лишь послѣ того, какъ ближе познакомится съ основными началами политической экономіи. Въ декабрѣ 1880 г. тотъ же Гриневицкій предложилъ ему принять участіе въ работахъ тайной типографіи „Рабочей Газеты“, послѣ чего, приведя его въ трактиръ, познакоми-

милъ тамъ съ государственнымъ преступникомъ Колодковичемъ, съ которымъ онъ, Борейша, отправился въ квартиру Гесси Гельфманъ, по Троицкому переулку, и съ этого времени сталъ тамъ работать на типографскомъ станкѣ. Въ типографіи ему приходилось встрѣчать многихъ нелегальныхъ лицъ, въ томъ числѣ и государственнаго преступника Исаева. Въ концѣ декабря, квартира по Троицкому переулку была оставлена и его занятія въ типографіи прекратились. Въ первыхъ числахъ января Исаевъ, являсь къ Борейшѣ, предложилъ ему работать въ тайной типографіи „Народной Воли“ и повелъ его въ домъ № 14/42 по Подольской улицѣ, въ квартиру, занимаемую Грачевскимъ, гдѣ онъ и работалъ, какъ уже сказано выше, до начала 1881 г. 3-го или 4-го марта онъ, Борейша, вмѣстѣ съ государственнымъ преступникомъ Лангансомъ выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Москву, гдѣ познакомился съ Телаловымъ, отъ котораго и сталъ получать средства къ жизни, а когда Телаловъ собрался уѣхать изъ Москвы, то свелъ его съ нѣкимъ „Александромъ“, который продолжалъ снабжать его, Борейшу, денежными средствами и далъ ему нелегальный видъ. Находясь въ Москвѣ до сентября 1881 года онъ, Борейша, при посредствѣ Телалова, завѣстнаго ему тогда подъ именемъ Петра Николаевича, познакомился съ нѣсколькими нелегальными лицами, въ томъ числѣ съ Калюжнымъ и принималъ участіе въ обсужденіи плана пропаганды среди рабочихъ, но никакимъ практическимъ дѣломъ не занимался. Въ сентябрѣ онъ переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ опять встрѣтилъ Телалова; послѣдній свелъ его на квартиру студента Кампанца на Васильевскомъ островѣ, гдѣ собирались сходки лицъ, преступною дѣятельностью которыхъ руководилъ Телаловъ. На означенныхъ сходкахъ толковали о способѣ пропаганды среди рабочихъ, а также было сдѣлано распредѣленіе занятій пропагандой по районамъ города, причемъ ему, Борейшѣ, была отведена мѣстность за Нарвской заставой. Знакомясь затѣмъ съ рабочими, Борейша въ теченіи 1881 г. снабжалъ ихъ запрещенными изданіями, получаемыми отъ Телалова.

При задержаніи Борейши, у него были отобраны 7 номеровъ „Рабочей Газеты“, рукопись подъ заглавіемъ „Эксплоатація рабочихъ на Балтійскомъ заводѣ“ и нѣсколько адресовъ лицъ, проживающихъ въ разныхъ городахъ. Упомянутая рукопись содержитъ въ себѣ описаніе притѣсненій, какимъ подвергаются рабочіе со стороны управляющаго.

Обвиняемый Борейша объяснилъ, что отобранные у него номера „Рабочей Газеты“, онъ получилъ отъ Телалова, а адреса приобрѣлъ совершенно случайно съ цѣлью пользоваться ими для рассылки прокламацій и подпольныхъ изданій.

Привлеченные къ дѣлу о преступной пропагандѣ среди Петербургскихъ рабочихъ, бывшіе студенты Петербургскаго Университета Кампанецъ и Судаковъ признали, что въ квартирѣ перваго изъ нихъ происходили сходки, посѣщаемыя Телаловымъ и Борейшею.

Мѣщанинъ Александръ Малаховъ призналъ въ Антонѣ Борейша лицо, приходившее для пропаганды среди рабочихъ въ портерную, содержащую имя, Малаховымъ, по Большой Дворянской улицѣ.

Осмотромъ домовыхъ книгъ, а также показаніями ряда свидѣтелей удостовѣрено, что Борейша проживалъ: съ іюня по сентябрь 1880 г. въ

С.-Петербургъ, по Вознесенскому проспекту, въ домъ Лихачева, подъ своимъ настоящимъ именемъ, вмѣстѣ съ бывшимъ студентомъ Гриневскимъ; съ 6-го апрѣля по 6-е сентября 1881 г. въ Москвѣ, подъ именемъ Горбунова, въ Александрійскомъ подворьѣ, по Садовой улицѣ, въ домъ Ерохина, и по Фурманному переулку въ д. № 140, а съ 20 сентября 1881 г. и по день ареста, въ С.-Петербургѣ по Англійскому проспекту въ д. № 60 подъ именемъ Игнатьева.

17.

Антонина Игнатьева Лисовская, 24 лѣтъ, дворянка, уроженка Волынской губерніи, воспитывалась въ Устюжской жецкой прогимназіи, на казенный счетъ; въ послѣднее время, по ея объясненію, жила на средства „партіи народной воли“.

По показанію обвинявшагося въ государственномъ преступленіи умершаго сына купца Григорія Гольденберга онъ, послѣ совершения убійства харьковскаго губернатора князя Крапоткина, скрывался въ Кіевѣ въ квартирахъ лицъ, принадлежавшихъ къ революціонному сообществу, и тамъ встрѣчался съ Антониной Лисовской.

Дворянинъ Александръ Родзевичъ, привлекавшійся къ дознанію объ организаціи революціоннаго кружка въ средѣ учащейся польской молодежи („польская гмина социалистовъ“), спрошенный въ качествѣ свидѣтеля по настоящему дѣлу, показалъ, что Антонину Лисовскую онъ встрѣчалъ на сходкахъ, происходившихъ осенью 1880 года въ г. Кіевѣ. На сдѣланное ей въ то время предложеніе вступить въ польскій кружокъ, Лисовская, по показанію Родзевича, отвѣчала отказомъ и заявила, что принадлежа къ „партіи народной воли“ не сочувствуетъ мирной пропагандѣ, а признаетъ лишь террористическую дѣятельность.

По показанію обвиняемаго Антона Борейши, онъ встрѣчался съ Лисовской, въ іюль и августъ мѣсяцахъ 1881 г., въ Москвѣ, гдѣ она жила подъ видомъ жены революціоннаго дѣятеля извѣстнаго ему, Борейшѣ, подъ именами „Александръ съ бородой“, „Феофанъ“ и „Архипъ Арсеньевъ“.

Осмотромъ домовыхъ книгъ, а также показаніями свидѣтелей установлено, что Лисовская проживала въ слѣдующихъ городахъ по подложнымъ видамъ: въ апрѣлѣ 1881 г. подъ именемъ дочери священника Красношвцевой, въ г. Варшавѣ, откуда скрылась вслѣдствіе того, что обратила на себя вниманіе мѣстной полиціи; въ началѣ 1881 года, подъ именемъ дворянки Милашевичъ, въ Москвѣ; въ началѣ 1882 г. подъ именемъ Гаевской въ Вильно и подъ именемъ Милашевичъ въ Минскѣ въ мартѣ 1882 г. и съ половины мая по 1 іюня того же года въ г. Витебскѣ.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что во время проживанія Лисовской подъ именемъ Гаевской въ Вильно, въ означенномъ городѣ велась революціонная пропаганда лицами, принадлежащими къ сообществу, именуемому себя партіей „народной воли“, а также устраивалась тайная типографія.

Признавая, что она дѣйствительно проживала въ Вильно подъ именемъ Гаевской, Лисовская относительно принадлежности своей къ революціонной организаціи въ Сѣверо-Западномъ краѣ никакихъ объясненій дать не желала.

Въ квартирѣ обвиняемыхъ Калужнаго и Смирницкой, при производствѣ въ ней обыска, между прочими видами на жительство былъ найденъ, какъ уже сказано выше, ключекъ того самаго документа на имя Гаевской, по которому Лисовская проживала въ Вильно.

На основаніи всего вышавложеннаго:

I.

1) Дворянинъ Псковской губерніи, Юрій Николаевъ Богдановичъ, 33 лѣтъ; 2) Елисаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златовольскій, 25 лѣтъ; 3) сынъ дьякона Михаилъ Федоровъ Грачевскій, 33 лѣтъ; 4) Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, 29 лѣтъ; 5) сынъ священника Яковъ Васильевъ Стефановичъ, 30 лѣтъ; 6) Лебединскій мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Калужный, 24 лѣтъ; 7) дочь священника Надежда Семенова Смирницкая, 30 лѣтъ; 8) крестьянинъ Мѣвской губерніи, Антошъ Степановъ Борейша, 24 лѣтъ; 9) ветеринарный врачъ Александръ Васильевъ Прибылевъ, 24 лѣтъ; 10) жена ветеринарнаго врача Ранса Львова Прибылева, 25 лѣтъ; 11) дочь священника Марія Александрова Юшкова, 22 лѣтъ; 12) лишенный всѣхъ правъ состоянія Михаилъ Филимоновъ Клименко, 26 лѣтъ; 13) жена потомственнаго почетнаго гражданина Анна Павлова Корба, 28 лѣтъ; 14) дворянка Волынской губерніи, Антонина Игнатьева Лисовская, 24 лѣтъ; 15) отставной лейтенантъ флота Александръ Викентьевъ Буцевичъ, 32 лѣтъ; 16) дочь купца Хася Гершева (она же Христина Григорьева Гринбергъ), 24 лѣтъ и 17) дочь священника Парасковья Семенова Ивановская, 30 лѣтъ; обвиняются въ томъ, что вступили въ тайное сообщество, именуемое себя „русскомъ социальнo-революціонною партіею“, имѣющее цѣлью испровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, при чемъ преступная дѣятельность означеннаго сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, въ убійствахъ и покушеніяхъ на убійство должностныхъ лицъ и въ приготовленіяхъ къ совершенію новыхъ злодѣяній такого же характера.

II.

Изъ числа вышепоименованныхъ лицъ, нижеслѣдующія обвиняются въ томъ, что дѣйствуя для достиженія вышеуказанной преступной цѣли упомянутого сообщества:

1) Телаловъ—а) зная о приготовлявшемся посягательствѣ на Священную жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Лозово-Севастопольской желѣзной дороги близъ г. Александровска, Екатеринославской губерніи, для успѣшнаго совершенія задуманнаго злодѣянія, помѣсилъ на квартирѣ другого лица земляной буравъ, завѣдомо для него, Телалова, долженствовавшій служить для заложения мины подъ полотно желѣзной дороги и передалъ нынѣ казенному государственному преступнику Андрею Желябову чемоданъ съ динамитомъ, долженствовавшимъ завѣдомо для него, Телалова, служить

для взрыва Императорскаго поѣзда; б) послѣ совершенія 18 ноября 1879 г. описаннаго выше покушенія на цареубійство подѣ г. Александровскомъ, скрыть въ квартирѣ другого лица нѣкоторые предметы, завѣдомо для него, Телалова, служившіе для совершенія вышеозначеннаго покушенія.

2) Златопольскій — въ ноябрѣ 1879 г., зная о притоговлявшемся подѣ г. Москвою покушеніи на Священную жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Московско-Курской желѣзной дороги, для содѣйствія успѣшному выполненію означеннаго преступнаго замысла передалъ одному изъ участниковъ онаго деньги въ количествѣ 300 руб. сер.

3) Грачевскій—лѣтомъ 1880 г. участвовалъ вмѣстѣ съ другими лицами въ обсужденіи плана посягательства на цареубійство посредствомъ взрыва въ С.-Петербургѣ Каменнаго моста при провѣздѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича.

4) Юрій Богдановичъ, Грачевскій и Ивановская — согласились между собою и съ другими лицами, нынѣ уже осужденными, посягнуть на Священную жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ а) взрыва полотна одной изъ улицъ столицы при провѣздѣ Его Императорскаго Величества и б) метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, при чемъ въ исполненіе такого умысла:

Богдановичъ нанялъ подѣ именемъ крестьянина Кобозева подвальную лавку въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ и провелъ изъ нея подѣ означенную улицу подкопъ съ устроенною въ немъ миною, которая не была взорвана лишь потому, что въ назначенный для цареубійства день, 1 марта 1881 г., Государь Императоръ изволилъ прослѣдовать не по Малой Садовой улицѣ, а по набережной Екатерининскаго канала, гдѣ вооруженные метательными снарядами единомышленники его, Богдановича, и причинили посредствомъ означенныхъ снарядовъ Государю Императору тяжкія пораненія, повлекшія за собою мученическую кончину Его Императорскаго Величества.

Грачевскій — участвовалъ вмѣстѣ съ другими лицами въ изобрѣтеніи и изготовленіи метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, при посредствѣ которыхъ и было совершено злодѣяніе 1 марта 1881 г.

Грачевскій и Ивановская—въ періодѣ времени съ 6 ноября 1880 г. по май 1881 г. были подѣ именемъ мѣщанъ Пришибинныхъ хозяевами такъ называемой конспиративной квартиры на углу Подольской улицы и Малаго Царскосельскаго проспекта въ д. № 42/14, гдѣ хранились взрывчатыя вещества и помѣщалась тайная типографія подпольнаго органа сообщества „Народная Воля“, въ каковой типографіи 1 марта 1881 г. и были отпечатаны преступныя воззванія по поводу совершившагося того же числа злодѣянія.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о нак. изд. 1866 г.

Сверхъ перечисленныхъ обвиненій нижепоименованныя лица обвиняются еще въ томъ, что для способствованія достиженію вышеуказанной преступной цѣли тайнаго сообщества, именующаго себя „русской соціально-революціонной партіей“:

I.

Клименко — согласившись вмѣстѣ съ другими лицами лишить жизни производившаго по Высочайшему повелѣнію дознаніе о государственныхъ преступленіяхъ Генераль-Маіора Стрѣльникова, даль часть денежныхъ средствъ, нужныхъ для совершенія означеннаго преступленія, при чемъ лично въ убійствѣ 18 марта 1882 г. Генераль-Маіора Стрѣльникова не участвовалъ.

II.

Лисовская—въ видахъ доставленія названному преступному сообществу денежныхъ средствъ, умыслила вмѣстѣ съ другими лицами похитить казенныя суммы изъ Кишиневскаго губернскаго казначейства и для сего въ декабрь 1880 г. и въ январь 1881 г. участвовала въ проведеніи подкopa подъ зданіе означеннаго казначейства, но намѣренія своего по независѣвшимъ отъ нея обстоятельствамъ не успѣла привести въ исполненіе.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 9, 13, 1454 и 1647 улож. о нак.

Независимо отъ вышензложенныхъ преступленій обвиняются:

Стефановичъ—въ томъ, что а) въ 1877 г. организовалъ среди крестьянъ Чагиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи тайное сообщество, имѣвшее цѣлью насильственнымъ путемъ совершить захватъ земель, принадлежащихъ другимъ, кромѣ крестьянскаго, сословіямъ для раздѣла таковыхъ земель между крестьянами и б) для осуществленія указаннаго въ предъидущемъ пунктѣ преступленія составилъ подложный будто бы за подписаніемъ въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича манифестъ, который и употребилъ какъ средство для склоненія крестьянъ къ поступленію въ вышеуказанное сообщество.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 318 и 291 улож. о нак.

Клименко — что будучи сосланъ въ Сибирь на поселеніе по приговору Кіевского Военно-Окружнаго Суда, бѣжалъ лѣтомъ 1881 г. изъ мѣста ссылки.

Преступленіе это предусмотрѣно 808 ст. XIV Т. Уст. о ссыльныхъ.

По вышензложеннымъ обвиненіямъ, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему во 2 день февраля 1883 г., и на основаніи ст. 1031 и 1052 уст. угол. суд. 2-й ч. XV Т. Св. Зак. изд. 1876 г. по продолж. 1879 г. поименованные выше: Юрій Богдановичъ, Михаилъ Грачевскій, Савелій Златопольскій, Петръ Телаловъ, Парасковья Ивановская, Яковъ Стефановичъ, Александръ Буцевичъ, Антонъ Вореяша, Александръ Прибылевъ, Раиса Прибылева, Марія Юшкова, Иванъ Калужный, Надежда Смирницкая, Михаилъ Клименко, Антонина Лисовская, Анна Корба и Хася (она же Христина) Гринбергъ предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Составленъ марта 2 дня 1883 г. въ г. С. Петербургѣ.

Подлинный подписалъ: Товарищъ Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената *В. Желеховскій*.

ПРИГОВОРЪ.

1883 года $\frac{\text{Марта } 28}{\text{Апрѣля } 5}$ дня.

По Указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ Особомъ Присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ въ слѣдующемъ составѣ:

Г. Первоприсутствующій Сенаторъ Д. С. Синеоковъ-Андреевскій.

Г.г. Сенаторы: П. К. Жерве, Н. И. Ягнъ, А. И. Сивацынъ, А. В. Вьлостокій, А. Д. Ватурия; Предводители дворянства: Смоленскій Губернскій князь Е. В. Оболенскій, Волоколамскій уѣздный—Д. С. Сиягинъ, С.-Петербургскій городской голова И. И. Глазуновъ и Путиловскій волостной старшина А. А. Шарыпинъ.

При исп. об., Оберъ-Секретаря В. В. Поповъ и исп. об. Помощника Оберъ-Секретаря Н. И. Куницынъ.

Въ присутствіи Товарища Оберъ-Прокурора В. А. Желеховскаго и Товарища Прокурора С.Петербургской Судебной Палаты П. Г. Островскаго.

Слушалъ дѣло о дворянинѣ Юріи Богдановичѣ и другихъ въ числѣ 17 лицъ, преданныхъ суду Особого Присутствія, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему во 2-й день Февраля 1883 г. и на основаніи ст. 1031 и 1052 Уст. Угол. Судопр., 2 ч. XV т. Св. Зак., изд. 1876 г. по прод. 1879 г., по обвиненію во вступленіи въ тайное сообщество, имѣющее цѣлю ниспровергнуть существующій въ Имперіи государственный и общественный строй и въ разныхъ другихъ преступленіяхъ, направленныхъ къ достиженію вышеуказанной преступной цѣли.

Разсмотрѣвъ дѣло и судебное слѣдствіе и выслушавъ пренія сторонъ, Особое Присутствіе Правительствующаго Сената находитъ: изъ показаній государственныхъ преступниковъ, умершаго Гольденберга и казеннаго Рысакова обнаружилось, что послѣ неудавшагося 2 Апрѣля 1879 года посягательства на жизнь въ Возѣ почившаго Государя Императора, среди русскихъ революціонеровъ образовалось тайное сообщество, имѣющее цѣлю, путемъ насильственнаго переворота, ниспровергнуть существующее въ Имперіи государственное и общественное устройство. Сообщество это, принявшее названіе партіи „Народной Воли,“ возникло еще до убійства въ 1878 году Генераль-Адъютанта Мезенцова и покушенія 2-го Апрѣля 1879 г., но получило окончательную организацію дѣломъ 1879 г., на сѣздѣ въ гор. Липецкѣ Тамбовской губерніи. Главнымъ средствомъ для достиженія упо-

мянутой цѣли участниками съѣзда признано убійство должностныхъ лицъ и царубійство. На послѣдовавшихъ затѣмъ слодкахъ въ Харьковѣ злоумышленниками выработанъ планъ систематическаго посягательства на жизнь покойнаго Государя помощью взрывчатыхъ веществъ. Во исполненіе этого плана послѣдовать цѣлый рядъ злодѣяній, имѣвшихъ цѣлью царубійство и завершившійся ужаснымъ событіемъ 1-го Марта 1881 года. Для пріобрѣтенія необходимыхъ для осуществленія цѣлей преступнаго сообщества средствъ, лѣтомъ 1879 г., незадолго до Липецкаго съѣзда, было сдѣлано нѣкоторыми членами сообщества похищеніе изъ Херсонскаго Казначейства, посредствомъ подкупа, денегъ около 1¹/₂ милліона рублей, затѣмъ, зимою 1880—1881 г. тѣмъ же способомъ, сдѣлано было покушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Казначейства. Въ Мартѣ 1882 г. было совершено убійство производившаго по Высочайшему повелѣнію дознаніе о государственныхъ преступленіяхъ Генераль-Маіора Стрѣльникова, а въ Маѣ мѣсяцѣ того же года устроена въ Петербургѣ лабораторія, для взрывчатыхъ веществъ и метательныхъ снарядовъ. Участники тайнаго сообщества мало-помалу были обнаружены и нынѣ преданы суду обвинительной властью въ числѣ 17-ти лицъ, а именно: дворянинъ Юрій Николаевъ Богдановичъ, 33 лѣтъ, мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, 29 лѣтъ, мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, 25 лѣтъ, сынъ дьякона Михаилъ Федоровъ Грачевскій, 33 лѣтъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія Михаилъ Филимоновъ Клименко, 26 лѣтъ, отставной флота лейтенантъ Александръ Викентьевъ Буцевичъ, 32 лѣтъ, сынъ священника Яковъ Васильевъ Стефановичъ, 30 лѣтъ, дочь священника Прасковья Семенова Ивановская, 30 лѣтъ, жена потомственнаго почетнаго гражданина, изъ дворянъ, Анна Павлова Борба, 28 лѣтъ, крестьянинъ Антонъ Степановъ Вореяша, 24 лѣтъ, мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Калужный, 24 лѣтъ, ветеринарный врачъ Александръ Васильевъ Прибылевъ, 24 лѣтъ, дворянка Антонина Игнатьева Лисовская, 24 лѣтъ, дочь купца Хася Гершева (Христина Григорьева) Гривбергъ, 24 лѣтъ, дочь священника Надежда Семенова Смирницкая, 30 лѣтъ, дочь священника Марія Александрова Юшкова, 22 лѣтъ, и жена ветеринарнаго врача Раиса Львова Прибылева, 25 лѣтъ. Всѣ вышеозначенныя лица обвиняются въ томъ, что вступили въ тайное сообщество людей, которые, съ цѣлью ниспроверженія существующаго въ Имперіи государственнаго и общественнаго строя, проявили свою преступную дѣятельность въ убійствахъ, покушеніяхъ на убійство должностныхъ лицъ, въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы Государя Императора Александра Николаевича кончившихся убійствомъ въ Воѣзъ почившаго Государя и въ приготовленіяхъ къ совершенію новыхъ злодѣяній такого же свойства. Нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ лицъ обвиняются кромѣ того въ отдѣльныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ достиженію цѣли означеннаго преступнаго сообщества. А именно: 1) Телаловъ, въ томъ, что, зная о приготовлявшемся посягательствѣ на священную жизнь Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ города Александровска Екатеринославской губерніи, въ видахъ успѣшнаго совершенія задуманнаго злодѣянія, помѣстивъ на квартиру другаго лица земляной бурвкъ, долженствовавшій завѣдомо для него, Телалова, служить для заложения мины подъ полотно

желѣзной дороги, и передалъ казенному въслѣдствіи государственному преступнику Андрею Желябову чемоданъ съ динамитомъ, предназначавшимся, также завѣдомо для Телалова, для взрыва Императорскаго поѣзда, и что послѣ покушенія (18 Ноября 1879 года) на цареубійство подъ гор. Александровскомъ, о коемъ сказано выше, скрылъ въ квартирѣ другого лица нѣкоторые предметы (спирали Румкорфа, запалы, проволоки и оружіе), завѣдомо для Телалова служившіе для совершения сего покушенія; 2) Златопольскій, въ томъ, что, зная о приготовлявшемся въ Ноябрь 1879 г. подъ гор. Москву, посягательствѣ на жизнь въ Воезѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Московско-Курской желѣзной дороги, для содѣйствія успѣшному выполнению преступнаго замысла цареубійства, передалъ одному изъ участниковъ въ злоумышленіи деньги въ количествѣ 300 рублей; 3) Богдановичъ въ томъ, что, согласившись съ другими лицами посягнуть на Священную жизнь Государя Императора Александра Николаевича, для исполненія такого преступнаго умысла, нанялъ подъ именемъ крестьянина Кобозева подвальную лавку въ домѣ графа Менгдена, по Малой Садовой улицѣ въ С.-Петербургѣ и провелъ изъ нея подъ ту улицу подкопъ съ приспособленіемъ въ подкопѣ заряженной динамитомъ мины для варыва улицы въ одинъ изъ проѣздовъ по ней Государя Императора и хотя взрывъ не былъ произведенъ, но потому лишь, что въ назначенный для цареубійства день 1 Марта 1881 г. было совершено соумышленниками Богдановича преступное посягательство, жертвою котораго палъ въ Воезѣ почившій Государь Императоръ, сдѣлавшее ненужнымъ взрывъ въ Малой Садовой улицѣ; 4) Грачевскій въ томъ: а) что лѣтомъ 1880 г. участвовалъ вмѣстѣ съ другими лицами въ обсужденіи плана посягательства на цареубійство посредствомъ взрыва въ С.-Петербургѣ Каменнаго Моста, на Гороховой улицѣ, при проѣздѣ черезъ него въ Воезѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича; б) что согласившись съ другими лицами посягнуть на Священную жизнь Государя Императора Александра Николаевича, изготовлялъ для совершения сего преступления, совместно съ другими единомышленниками, такого рода метательные взрывчатые снаряды, при посредствѣ которыхъ было совершено злодѣяніе 1 Марта 1881 г. и в) Грачевскій вмѣстѣ съ Ивановскою въ томъ, что содержали, въ періодъ времени съ 6 Ноября 1880 года по Май 1881 года, подъ именемъ мѣщанъ Пришибинныхъ, такъ называемую конспиративную квартиру, на углу Подольской и Малаго Царскосельскаго проспекта д. № 42/14, гдѣ хранили взрывчатыя вещества, долженствовавшія служить къ осуществленію умысла совершить цареубійство и содержали въ той же квартирѣ тайную типографію, принадлежавшую упомянутому тайному сообществу, въ которой 1-го Марта 1881 г. были отпечатаны преступныя воззванія по поводу совершившагося того же числа злодѣянія; 5) Лисовская въ томъ, что, для предоставленія сообществу необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, она, по соглашенію съ другими лицами, поселилась въ 1880 году, подъ ложнымъ именемъ Анны, въ Швейцарской гостиницѣ г. Кшиинева и, съ цѣлью тайнаго похищенія хранящихся въ губернскомъ казначействѣ денегъ, приступила къ работамъ по прорытію подкопа подъ зданіе казначейства, но начатыя работы не могли быть доведены до конца по причинамъ, отъ нея независимымъ, и 6) Кли-

менко въ томъ, что, не принимая лично участія въ совершеніи убійства Генераль-Маіора Стрѣльникова, но зная объ умыслѣ на это преступленіе, далъ умыслившимъ оное лицамъ деньги, сказанному сообществу принадлежавшія, для покупки лошади, на которой убійцы должны были скрыться послѣ совершенія преступленія. Наконецъ Клименко и Стефановичъ обвиняются сверхъ того въ отдѣльныхъ преступленіяхъ, не имѣющихъ отношенія къ дѣлямъ вышеупомянутаго тайнаго преступнаго сообщества, именно: Клименко въ томъ, что, будучи сосланъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, въ Сибирь на поселеніе, бѣжалъ оттуда лѣтомъ 1881 года и задержанъ въ 1882 г. въ С.-Петербургѣ; Стефановичъ въ томъ, что въ 1875 г. организовалъ среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, тайное сообщество, имѣвшее цѣлью насильственнымъ путемъ совершить захватъ земель, принадлежавшихъ другимъ, кромѣ крестьянскаго, сословіямъ, для раздѣла ихъ между крестьянами, и составилъ для осуществленія сего преступленія подложный манифестъ будто бы за подписомъ въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, употребивъ манифестъ этотъ какъ средство для склоненія крестьянъ къ поступленію въ означенное преступное сообщество.

Приступая къ обсужденію виновности подсудимыхъ, Особое Присутствіе находитъ:

Богдановичъ сознался въ принадлежности къ означенному выше тайному сообществу, имѣющему цѣлью ниспровергнуть государственный и общественный строй.

Сознаніе его подтверждается и тѣми его дѣйствіями, предпринятыми въ интересахъ сообщества, которыя обнаружены по настоящему дѣлу. Еще въ 1871 году Богдановичъ прекратилъ свои учебныя занятія вслѣдствіе требованій, по его собственному выраженію, революціоннаго дѣла. Въ 1875 и 1876 годахъ принималъ участіе въ сѣздахъ представителей революціоннаго движенія, происходившихъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ казенными впослѣдствіи государственными преступниками Соловьевымъ, Желябовымъ и другими; проживалъ въ разныхъ городахъ подъ различными фальшивыми именами. Весною въ 1879 г. прибылъ въ С.-Петербургъ 1-го апрѣля наканунѣ покушенія Соловьева.

Послѣ совершившагося злодѣянія 1-го марта, Богдановичъ озабочился усиленіемъ состава сообщества, значительно ослабленнаго многочисленными арестами, и организацію сообщества „краснаго креста партіи народной воли“, долженствующаго служить средствомъ къ оказанію матеріальной и нравственной поддержки лицамъ, подвергшимся преслѣдованію отъ правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ служить орудіемъ къ освобожденію изъ заключенія и ссылки членовъ сообщества. Равнымъ образомъ Богдановичъ сознался въ томъ, что въ концѣ 1880 г. поселился въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ, гдѣ подъ именемъ крестьянина Кобозова нанялъ подвальную лавку, изъ которой былъ выведенъ подкопъ подъ полотно улицы, съ приспособленіемъ въ подкопѣ заряженной мины для взрыва улицы въ одинъ изъ проѣздовъ по ней Государя Императора Александра Николаевича. Сознаніе Богдановича подтверждается фактомъ подкопа съ приспособленіемъ мины, удостовереннымъ актомъ осмотра. Такимъ обра-

зомъ виновность Богдановича въ преступленіяхъ, по обвиненію въ которыхъ онъ преданъ суду, представляется вполне доказанною.

Виновность Телалова въ принадлежности къ означенному тайному преступному сообществу доказана сознаниемъ его въ семь преступленій, а равно участіемъ его въ дѣлахъ сообщества, вполне обнаруженнымъ по дѣлу. По собственнымъ словамъ его, онъ перешелъ на нелегальное положеніе въ 1879 г. и сталъ жить на средства сообщества, называясь разными подложными именами. Въ концѣ 1879 г., онъ принималъ участіе на сходкахъ членовъ сообщества, Гольденберга, Колодкевича, Желябова, Прѣснякова и др., съѣхавшихся въ Харьковъ, на которыхъ, между прочимъ, обсуждался планъ царевубійства и рѣшено было приступить къ приготовленіямъ ко взрыву Императорскаго поѣзда подъ Александровскомъ по линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги и подъ Одессою. Съ конца 1880 г. Телаловъ въ Москвѣ и Петербургѣ занимался организаціей систематической пропаганды между рабочими и, между прочимъ, въ послѣднее до ареста время стоялъ въ С.-Петербургѣ во главѣ кружка лицъ изъ учащейся молодежи, занимавшихся такой пропагандой и собиравшихся для обсужденія вопросовъ, касающихся ихъ дѣятельности, въ квартирѣ Кампанца. Во время ареста Телалова, при немъ найдены были, между прочимъ, нѣсколько экземпляровъ, напечатанныхъ въ тайной типографіи, программа польской революціонной партіи, въ которой проводилась мысль объ объединеніи революціонеровъ польскихъ и русскихъ, выписки изъ артиллерійскаго журнала, трактующія о приготовленіи, примѣненіи и дѣйствіи боевыхъ и всякихъ другихъ ракетъ. Экспертъ заявилъ, что выписки эти сдѣланы изъ статей артиллерійскаго журнала общедоступныхъ и что ракеты, о которыхъ говорится въ выпискахъ, могутъ быть употребляемы только противъ массы людей. Въ квартирѣ Телалова найдено, между прочимъ, три револьвера съ патронами къ нимъ, шрифтъ въ двухъ ящикахъ, множество рукописей преступнаго содержанія и около 700 печатныхъ экземпляровъ разныхъ запрещенныхъ изданій. Виновность Телалова, въ содѣйствіи къ осуществленію задуманнаго плана царевубійства, въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена выше, доказывается также сознаниемъ Телалова, а равно показаніями государственныхъ преступниковъ Гольденберга и Сыцяно, и свидѣтелей Блинова, Кузнецова и Сикорской, и протоколомъ обыска у Сыцяно.

Виновность Златопольскаго въ принадлежности его къ помянутому тайному сообществу доказывается собственнымъ его признаніемъ, а также проявленіемъ усиленной дѣятельности въ интересахъ сообщества; онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ государственными преступниками Гольденбергомъ, Колодкевичемъ, Фроленко, Арончикомъ и Гесей Гельфманъ. Проживалъ въ разныхъ городахъ подъ вымышленными именами. Государственный преступникъ казакъ Пеглицкій показалъ, что Златопольскій, въ концѣ 1880 г., въ Кіевѣ, въ квартирѣ одного злоумышленника, гдѣ рѣчь шла объ убійствѣ офицера отдѣльнаго корпуса жандармовъ Судейкина, объявилъ, что исполненіемъ предполагаемаго преступленія надо пока приостановиться, чтобы не помѣшать задуманному въ Петербургѣ болѣе серьезному террористическому предпріятію и, во всякомъ случаѣ, не приступать къ дѣйствію безъ его, Златопольскаго, разрѣшенія. Достоверность

показаній всѣхъ означенныхъ лицъ по дѣлу не опровергнута. Содѣйствіе Златопольскаго къ осуществленію плана царубійства выразилась фактически, по собственному его показанію, данному на судѣ, въ томъ, что зная о приготовлявшемся подъ Москвою покушеніи на Священную жизнь Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Московско-Курской желѣзной дороги, для успѣшнаго выполнения сего преступнаго замысла, передалъ Гольденбергу 300 руб., что подтверждается и показаніемъ Гольденберга. Поэтому, обвиненіе Златопольскаго и въ семъ отношеніи доказано.

Винность Грачевскаго въ принадлежности къ указанному выше тайному сообществу доказывается признаніемъ его и тѣми дѣйствіями, которыя имъ дѣйствительно проявлены. Въ 1878 году онъ былъ приговоренъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената къ аресту на одинъ мѣсяцъ за храненіе запрещенныхъ изданій, а послѣ побѣга въ 1879 году изъ мѣста административной ссылки, проживалъ въ С.-Петербургѣ по подложному паспорту. Независимость отъ него, когда нѣкоторые члены сообщества, какъ видно изъ показаній Рысакова, рѣшили употребить, для достиженія преступной цѣли царубійства, кромѣ подкоповъ, еще и метательные взрывчатые снаряды, и для совѣщаній по этому предмету указана была казеннымъ впослѣдствіи государственнымъ преступникомъ Желябовымъ квартира Геси Гельфманъ, куда сходились злоумышленники, то въ числѣ ихъ бывалъ и Грачевскій, какъ это удостовѣрено показаніями Меркудова и Борейши. Притомъ Грачевскій самъ призналъ себя техникомъ преступнаго сообщества. Далѣе Грачевскій былъ хозяиномъ, подъ именемъ Прашибяна, такъ называемой конспиративной квартиры на углу Подольской улицы и Малаго Царкосельскаго проспекта д. № 42/14, въ которой проживалъ съ ноября 1880 г. по май 1881 г. Здѣсь содержалась тайная типографія, въ которой печаталась газета, такъ называемая „Народная Воля“ и прокламація къ рабочимъ по поводу событія 1-го марта, а также найдены разныя изданія преступнаго содержанія, носившія слѣды недавней отпечатки, разныя рукописи революціоннаго характера и множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности, изъ которыхъ важнѣйшіе: 1) девять стеклянныхъ банокъ, наполненныхъ чернымъ динамитомъ въ количествѣ около 4 пудовъ, сходящимъ по химическому составу съ динамитомъ, извлеченнымъ изъ мины, подведенной подъ Малую Садовую улицу, метательный снарядъ, устроенный по той же системѣ, какъ и снаряды, употребленные при злодѣяніи 1-го марта, граната, заряженная пороховъ и картечью, съ проведеннымъ къ ней стпномъ. Въ другой квартирѣ Грачевскаго, гдѣ онъ проживалъ въ послѣднее предъ арестомъ время, по Фонарному переулку, д. № 9, при обыскѣ найдено, между прочимъ, тоже большое число экземпляровъ изданій преступнаго содержанія, руководство къ минному искусству, чертежи къ этому искусству, 36 слѣпковъ съ печатей разныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, списокъ предметовъ, купленныхъ для миннаго дѣла, три программы организаціи революціонныхъ группъ, десять рукописей противоправительственнаго характера; въ числѣ рукописей находилось, между прочимъ, воззваніе къ офицерамъ русской арміи, каковымъ воззваніемъ офицеры приглашаются перейти на сторону сообщества для испроверже-

ніа Самодержавнаго Правительства. Наконецъ Грачевскій прискиваетъ пригодное лицо (Прибылева) для устройства конспиративной квартиры, въ которой выдѣлываетъ и учить другихъ выдѣлывать взрывчатыя вещества.

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ, устраняющихъ всякое сомнѣніе въ принадлежности Грачевскаго къ означенному выше преступному сообществу, находеніе въ квартирѣ его динамита такихъ же свойствъ, какъ и найденный въ минѣ, устроенной въ подкопѣ на Малой Садовой улицѣ, метательнаго снаряда, подобнаго употребленному при совершеніи злодѣянія 1-го марта и посѣщеніе квартиры Геси Гельманъ, гдѣ между заговорщиками происходили совѣщанія по предмету изготовленія этихъ послѣднихъ снарядовъ, доказываютъ виновность Грачевскаго въ изготовленіи, вмѣстѣ съ другими лицами, для совершенія царевубійства вышеупомянутыхъ снарядовъ и храненіи предназначавшихся для той же преступной цѣли взрывчатыхъ веществъ. Равнымъ образомъ представляется доказанною собственнымъ признаніемъ Грачевскаго, согласнымъ съ другими данными дѣла, виновность его въ напечатаніи 1-го марта, по поводу совершеннаго въ этотъ день царевубійства, въ принадлежавшей преступному сообществу типографіи, возбуждающихъ къ бунту прокламацій. Обвиненіе же Грачевскаго въ участіи съ другими лицами въ обсужденіи плана посягательства на царевубійство посредствомъ взрыва Каменнаго моста, при проѣздѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, должно быть устранено. Оно отвергается самимъ Грачевскимъ и основано единственно на показаніи государственнаго преступника Меркулова, объяснявшаго, что, катаясь однажды лѣтомъ въ 1880 г. въ лодкѣ съ Грачевскимъ, Желябовымъ, Прѣсняковымъ, Баранниковымъ, Александромъ Михайловымъ и Тетеркой, онъ, Меркуловъ, слышалъ происходившій между ними разговоръ о необходимости заложить динамитъ подъ какой-то мостъ по Гороховой улицѣ, съ цѣлью посягнуть на жизнь Государя Императора. Но другіе участники въ подобныхъ прогулкахъ въ лодкѣ не подтвердили показаніе Меркулова, относящееся къ Грачевскому. При такихъ условіяхъ показаніе Меркулова не представляется достаточнымъ къ обвиненію Грачевскаго въ семъ послѣднемъ преступленіи.

Виновность Клименко въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣющему цѣлью ниспровергнуть существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, въ пособничествѣ къ убійству Генералъ-Маіора Стрѣльникова, въ видахъ содѣяствія къ осуществленію вышеозначенной цѣли сообщества, и въ побѣгѣ съ поселенія изъ Сибири, куда онъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сосланъ былъ по приговору Кіевскаго военно-окружнаго суда по обвиненію въ недонесеніи о тайномъ сообществѣ,—доказывается признаніемъ Клименко, согласнымъ съ прочими обстоятельствами дѣла.

Виновность Буцевича въ принадлежности къ тому же тайному сообществу подтверждается признаніемъ его въ семъ преступленіи, сношеніями его съ подсудимыми Корба и Грачевскимъ и найденными при обыскѣ въ квартирѣ его около 400 экземпляровъ разныхъ печатныхъ и геотографическихъ изданій преступнаго содержанія, между которыми находятся газеты Народная Воля, Черный Передѣлъ, Земля и Воля, журналы: Впередъ, Набать, программы исполнительнаго комитета и прокламація, изданныя отъ имени исполнительнаго комитета по поводу разныхъ преступленій террори-

стического характера и царевубійства 1 марта 1881 г. Весьма существеннымъ доказательствомъ того, что Будиновичъ былъ проникнутъ интересами преступнаго сообщества служить то обстоятельство, что отобранное у Грачевскаго рукописное воззваніе „къ товарищамъ по оружію“, возмутительное содержаніе котораго вкратцѣ указано выше, писано рукою Будиновича.

Виновность Стефановича: а) въ принадлежности къ тайному сообществу, стремящемуся къ ниспроверженію насильственнымъ путемъ государственнаго и общественнаго строя; б) въ организаціи въ 1877 г. среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда тайнаго сообщества, имѣвшаго цѣлью насильственнымъ путемъ совершить захватъ земель, и в) въ составленіи подложнаго манифеста, будто бы за подписаніемъ въ Воезѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича и употребленіи сего манифеста, какъ средства къ успѣшному осуществленію организаціи этого тайнаго сообщества,—доказывается слѣдующими обстоятельствами: 1) показаніемъ самого Стефановича, который объяснилъ, что въ послѣднее время, онъ, Стефановичъ, пришелъ къ убѣжденію, что существованіе народническаго направленія на почвѣ практической дѣятельности стоитъ въ зависимости отъ соглашенія съ организаціей террористическаго сообщества. Поэтому, получивъ предложеніе прійхать въ Россію, онъ согласился исполнить обращенную къ нему просьбу, перешелъ русскую границу въ сентябрѣ 1881 г. и, переговоривъ въ числѣ другихъ съ Богдановичемъ и Грачевскимъ, затѣмъ въ непродолжительномъ времени вступилъ въ ряды террористическаго сообщества и склонилъ къ тому же многихъ другихъ чернопередѣльцевъ; 2) показаніемъ Гольденберга, что Стефановичъ передалъ ему прокламацію, предназначавшуюся къ распространенію въ случаѣ, еслибы задуманное злоумышленниками царевубійство близъ г. Александровска совершилось; 3) отобранными у Стефановича 449 печатными экземплярами воззванія подъ заглавіемъ „Соборное Уложеніе Христіанскаго Братства“, каковое воззваніе приглашаетъ всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій вступить въ тайное сообщество, носящее названіе „Христіанское Братство“, задачей котораго ставится борьба съ существующимъ правительственнымъ порядкомъ, а конечною цѣлью — ниспроверженіе сего порядка; 4) письмомъ, относящимся по своему содержанію до разныхъ предметовъ революціонной дѣятельности; 5) присоединеннымъ къ дѣлу объ организаціи тайнаго сообщества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда подложнымъ манифестомъ отъ имени Государя Императора, уставомъ общества съ приложенною къ нему присягою и спискомъ лицъ, вступившихъ въ тайную дружину.

Виновность Ивановской въ принадлежности къ тому же тайному сообществу, имѣющему цѣлью произвести насильственнымъ путемъ переворотъ въ государственномъ устройствѣ, доказана сознаніемъ ея въ томъ, близкими ея сношеніями съ казеннымъ уже государственнымъ преступникомъ Кибальчицемъ и подсудимымъ Грачевскимъ, съ которыми она проживала въ одной квартирѣ, съ первымъ съ 8 мая по 23 іюля 1880 г. по Подольской улицѣ д. № 11, со вторымъ,—подъ именемъ жены Пришибина (Грачевскаго), — съ ноября 1880 года по май 1881 г. Участіе Ивановской въ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ осуществленію замысла о царевубійствѣ и участіе въ напечатаніи 1 марта, по поводу совершеннаго въ этотъ день царевубійства, возбуждающихъ къ бунту прокламацій, доказывается тѣми

же данными, которые обнаружены по обвинению въ томъ же преступленіи Грачевскаго по поводу содержанія имъ квартиры подъ именемъ Пришибина на углу Подольской улицы и Малаго Царскосельскаго проспекта въ домѣ № 42/14, гдѣ, какъ сказано выше, существовала тайная типографія, и гдѣ найдено множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности.

Винность Корба въ принадлежности къ тому же тайному сообществу подтверждается слѣдующими данными, обнаруженными по дѣлу: 1) она создалась въ семь преступленій, показавъ, что, послѣ того, какъ познакомилась съ женою государственнаго преступника Баранникова, въ періодъ времени съ осени 1879 г. по 1-е февраля 1880 г., и чрезъ нее завязала сношенія съ членами преступнаго сообщества, она перешла на нелегальное положеніе и стала жить на средства партіи народной воли; 2) вещественными доказательствами: при обыскѣ въ квартирѣ Корба найдены принадлежности ручнаго типографскаго станка; 57 экземпляровъ фотографическихъ карточекъ государственныхъ преступниковъ; большое количество запрещенныхъ изданій и рукописи съ надписью на конвертахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: „для редакціи“. При обыскѣ Телалова, у него найдено написанное къ государственному преступнику Александру Михайлову письмо отъ Корба, въ которомъ предсказывалось совершеніе коваго царубійства, и 3) близкимъ сношеніемъ съ подсудимымъ Грачевскимъ, которому она содѣйствовала учредить конспиративную квартиру для приготовленія взрывчатыхъ веществъ.

Борейша сознался въ принадлежности къ тому же тайному сообществу, выразивъ раскаяніе въ прежнихъ своихъ заблужденіяхъ; онъ показалъ, что въ С.-Петербургѣ занимался работами въ тайныхъ типографіяхъ, помѣщавшихся въ квартирахъ Геси Гельфманъ и Пришибинныхъ (Грачевскаго и Ивановской), что принималъ участіе въ печатаніи прокламацій „къ рабочимъ“ по поводу событія 1 марта, и что въ Петербургѣ занимался пропагандой среди рабочихъ въ отведенной ему мѣстности за Нарвской заставой и снабжалъ ихъ запрещенными изданіями. При задержаніи Борейши у него были отобраны 7 номеровъ Рабочей газеты, рукописи подъ заглавіемъ: „эксплоатація рабочихъ въ Балтійскомъ заводѣ“ и нѣсколько адресовъ лицъ, проживавшихъ въ разныхъ городахъ.

Также признали свою принадлежность къ означенному выше преступному сообществу: Калюжный, Смирницкая и Лисовская, причѣмъ первый объяснилъ, что онъ принадлежитъ къ „организаціи“ этого сообщества. Содѣйствіе Калюжнаго и Смирницкой къ осуществленію задачъ тайнаго сообщества выразилось въ томъ, что они содержали въ Москвѣ, на средства сообщества, такъ называемое „паспортное бюро“, изъ котораго выдавались подложные виды на жительство членамъ преступнаго сообщества. При осмотрѣ квартиры были обнаружены различныя принадлежности для составленія подложныхъ видовъ на жительство, изготовленные паспорта, бланки разныхъ правительственныхъ мѣстъ, а также различныя противуправительственныя изданія и рукописи такого же содержанія, изъ коихъ въ одной царубійство одобряется, какъ средство для ниспроверженія государственнаго порядка.

Дѣятельность Лисовской, проживавшей въ разныхъ мѣстахъ подъ лож-

ными именами и по подложнымъ паспортамъ, выразилась въ томъ, что она, съ цѣлью предоставленія сообществу необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, поселилась въ г. Кишиневѣ и, согласившись съ другими сообщниками похитить хранящіяся въ Кишиневскомъ губернскомъ казначействѣ деньги, приступила къ работамъ по прорытію подкопа подъ зданіе казначейства, но начатыя работы не могли быть доведены до конца, по причинамъ отъ нея независящимъ. Въ семъ послѣднемъ преступленіи Лисовская также созналась и виновность ея въ ономъ должна быть признана доказанною.

Виновность Прибылева и Прибылевой въ принадлежности къ тому же тайному сообществу доказывается показаніемъ ихъ и слѣдующими, выяснившимися по дѣлу обстоятельствами: 1) Грачевскій показалъ, что въ половинѣ апрѣля 1882 года, онъ, какъ членъ технической группы, получилъ отъ исполнительнаго комитета порученіе организовать техническую школу для обученія нѣсколькихъ лицъ приготовленію взрывчатыхъ веществъ, употребляемыхъ въ боевыхъ дѣлахъ партіи, а также устройству минъ и метательныхъ снарядовъ. Принявъ такое предложеніе, онъ, Грачевскій, занялся присканіемъ лица, въ квартирѣ котораго можно было бы устроить школу и остановилъ свой выборъ на Прибылевыхъ, которые и согласились устроить для означенной цѣли квартиру на Васильевскомъ островѣ, въ 11-й линіи, въ домѣ № 24. Онъ же, Грачевскій, прискалъ лицо, пригодное для роли кухарки и привелъ къ нимъ Марію Юшкову, снабдивъ послѣднюю фальшивымъ паспортомъ на имя Маріи Савиной. Въ устроенной такимъ образомъ, на средства, данныя Грачевскимъ, квартирѣ предполагалось читать только демонстративныя лекціи. Но затѣмъ получено было отъ агента исполнительнаго комитета предложеніе помѣстить остатки отъ прежнихъ запасовъ динамита, пироксилина и гремучей ртути, а также заняться изготовленіемъ динамита въ томъ количествѣ, которое окажется возможнымъ. Прибылевы согласились исполнить и послѣднее предложеніе исполнительнаго комитета, вслѣдствіе чего онъ, Грачевскій, перевезъ тѣ остатки въ ихъ квартиру. Затѣмъ приступлено было къ изготовленію динамита, въ чемъ, равно какъ и въ лекціяхъ, принимали участіе нѣсколько лицъ. Были приготовлены два метательныхъ снаряда, одинъ для демонстративныхъ цѣлей, а другой небольшой снарядъ для защиты какого-либо помѣщенія отъ вторженія постороннихъ лицъ; 2) Корба показала, что она прискала Прибылева, уговорила его устроить въ своей квартирѣ динамитную мастерскую и свела съ Грачевскимъ; при этомъ Корба объяснила, что Прибылевъ согласился устроить у себя конспиративную квартиру только въ виду краткосрочности дѣла, такъ какъ квартира была нужна лишь мѣсяца на полтора; 3) Прибылевъ показалъ, что онъ, согласившись на предложеніе Грачевскаго устроить на два мѣсяца конспиративную квартиру для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, нанялъ ее 7 мая 1882 г., устроилъ квартиру на средства партіи, и поселился съ женою и Юшковой (Савиной). Цѣль, для которой исполнительный комитетъ находилъ нужнымъ заготовить взрывчатая вещества, ему неизвѣстна. Работа, въ которой принималъ участіе и онъ, Прибылевъ, производилась лишь для опыта; къ изготовленію же взрывчатыхъ веществъ полагали приступить въ слѣдующемъ мѣсяцѣ; 4) осмотромъ квартиры Прибылевыхъ съ участіемъ эксперта, было уста-

новлено, что въ ней находилась лабораторія, въ которой приготавлились динамитъ и метательные снаряды. Въ квартирѣ найдены были, между прочимъ: около 4 фунтовъ чернаго динамита; 4 бутылки съ нитроглицериномъ въ количествѣ около 30 фунтовъ; готовый и заряженный метательный взрывчатый снарядъ, съ припаяннымъ къ нему крючкомъ, устроеннымъ для ношенія снаряда в а шнуркѣ и черныи шнурокъ съ крючкомъ; 5) Прибылева показала, что она знаетъ о существованіи тайнаго сообщества, къ которому принадлежитъ Грачевскій, сочувствуетъ цѣлямъ того общества и принимала участіе въ выдѣлкѣ взрывчатыхъ веществъ. Принятіе Прибылевыми участія въ такомъ предпріятіи въ интересахъ преступнаго сообщества, по распоряженію одного изъ членовъ онаго, представляется ничѣмъ инымъ, какъ вступленіемъ въ это сообщество.

Виновность Гринбергъ въ принадлежности къ тому же сообществу доказана также собственнымъ ея въ томъ сознаниемъ. Она показала, что знаетъ Грачевскаго и была знакома съ Прибылевымъ, что посѣщала квартиру на Васильевскомъ островѣ, въ 11 линіи, въ домѣ № 24, раза три, знала о производившихся въ ней работахъ и принесла однажды два небольшихъ ящика съ шрифтомъ и штампъ съ готовымъ наборомъ печатнаго заголовка „Листокъ добровольнаго сбора редакціи Народной Воли“ и что въ Петербургѣ проживала подъ именемъ дворянки Каммеръ. При обыскѣ квартиры Гринбергъ, въ ней найдено 500 экземпляровъ разныхъ запрещенныхъ изданій, программы исполнительнаго комитета и брошюры преступнаго содержанія.

Юшкова не сознается въ принадлежности къ означенному выше сообществу, а объясняетъ, что поступленіе ея въ квартиру Прибылевыхъ, въ качествѣ кухарки, составляетъ поступокъ недостаточно обдуманной; что увлекшись мыслью познакомиться съ революціонными дѣятелями, она надѣялась встрѣчать ихъ въ квартирѣ Прибылевыхъ, и что до рѣшительнаго шага примкнуть къ революціонной партіи или отступить отъ нея, она хотѣла присмотрѣться къ ихъ дѣламъ. Подобное объясненіе представляется правдоподобнымъ, ибо по дѣлу не открывается никакихъ слѣдовъ преступной ея дѣятельности, напротивъ оказывается, что, имѣя нынѣ 22 года, она 18-ти лѣтъ кончила курсъ въ Черниговской женской гимназіи, а затѣмъ, прибывъ въ Петербургъ, послѣдовательно окончила курсы фельдшерскіе и акушерскіе, слѣдовательно занята была учебнымъ дѣломъ. Вслѣдствіе сего имѣтъ достаточныхъ основаній признать ее виновною во вступленіи въ это сообщество. Но тѣмъ не менѣе нельзя допустить, чтобы она не знала о цѣли сообщества, къ которому принадлежали Прибылевы и занимавшіеся работами въ квартирѣ Прибылевыхъ - Грачевскій и Клименко, и о средствахъ, употребляемыхъ сообществомъ для достиженія намѣченной имъ цѣли, ибо въ квартирѣ Прибылевыхъ приготавливались именно тѣ средства, которыми пользуется преступное сообщество, т. е. динамитъ и метательные снаряды. Юшкова участвовала даже въ работахъ по изготовленію взрывчатыхъ веществъ. Вслѣдствіе сего нельзя не признать ее виновною въ томъ, что не принадлежа къ вышеозначенному тайному сообществу, стремящемуся къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя, но зная о цѣли, къ которой стремится это сообщество, и средствахъ, употребляемыхъ имъ для достиженія сей цѣли, вступила, подъ непринадлежащимъ

ей именемъ, въ качествѣ кухарки, въ квартиру Прибылевыхъ, гдѣ и участвовала въ приготовленіи для означеннаго сообщества взрывчатыхъ веществъ.

Установивъ факты виновности подсудимыхъ и обращаясь къ опредѣленію наказанія за совершенныя ими преступленія, Особое Присутствіе находитъ, что всѣ подсудимые, кромѣ Юшковой, за вступленіе въ тайное общество, имѣющее цѣлью ниспровергнуть государственныя и общественныя стѣны, а Юшкова—за принятіе участія въ дѣйствіяхъ того общества съ знаніемъ о цѣли сихъ дѣйствій, подлежатъ по 249 ст. Улож. лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни (1 п. 17 ст. Улож.) Тому же наказанію подлежатъ на основаніи 241, 242 и 243 ст. Улож. Богдановичъ, Телаловъ, Грачевскій, Златопольскій и Ивановская за каждое изъ совершенныхъ ими преступныхъ дѣяній, имѣвшихъ главною задачею цареубійство, для достиженія цѣлей вышеупомянутаго тайнаго сообщества. По существу этого наказанія, оно остается неизмѣннымъ и по совокупности преступленій этихъ послѣднихъ пяти подсудимыхъ (152 ст. Улож.). Точно также наказаніе по 249 ст. Улож. должно остаться неизмѣннымъ и по отношенію къ подсудимымъ Грачевскому, Ивановской, Лисовской, Стефановичу и Клименко, виновнымъ—Грачевскій и Ивановская—по 251 ст. Улож. въ напечатаніи возбуждающихъ къ бунту прокламацій, Лисовская—по 1647 и 114 ст. Улож. въ покушеніи на тайное похищеніе денегъ изъ Кишиневскаго казначейства, Стефановичъ—по 318 ст. Улож. въ организаціи преступнаго тайнаго сообщества въ средѣ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда и 291 ст. Улож. въ составленіи подложнаго манифеста, и Клименко—по 1454, 13 и 121 ст. Улож. въ не необходимомъ пособничествѣ къ убійству Генераль-Маіора Стрѣльникова и по 808 ст. XIV т. Уст. о ссылки въ побѣгъ изъ мѣста ссылки за предѣлы Сибири, такъ какъ преступленіе, предусмотрѣнное въ 249 ст. Улож., по важности наказанія, покрываетъ всѣ остальные преступныя дѣянія означенныхъ пяти подсудимыхъ. Переходя затѣмъ къ опредѣленію самой отвѣтственности подсудимыхъ, Особое Присутствіе находитъ, что Богдановичъ, Телаловъ, Грачевскій, Златопольскій, Будевичъ и Клименко подлежатъ наказанію, опредѣленному въ 1 п. 17 ст. Улож., безъ всякаго смягченія: Богдановичъ, Телаловъ, Грачевскій и Златопольскій—потому, что они были одними изъ самыхъ видныхъ дѣятелей преступнаго сообщества и, кромѣ того, изъ нихъ Богдановичъ принималъ рѣшительныя мѣры къ осуществленію преступнаго умысла о цареубійствѣ, а Грачевскій, Телаловъ и Златопольскій оказали къ тому содѣйствіе; Клименко, какъ участвовавшій въ одномъ изъ важныхъ террористическихъ предпріятій, именно: въ убійствѣ Генераль-Маіора Стрѣльникова; Будевичъ какъ офицеръ, измѣнившій знамени и своему Царственному вождю. Стефановичу и Ивановской Особое Присутствіе признаетъ возможнымъ, на основаніи 135 ст. Улож. и 744 ст. Уст. Угол. Суд., понизить слѣдующее по 1 п. 17 ст. Улож. наказаніе на одну степень, назначивъ имъ, по 1 степ. 19 ст. Улож., лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылки безъ срока: Стефановича—въ каторжныя работы въ рудникахъ, и Ивановскую—на заводахъ, въ виду того, что Стефановичъ хотя и имѣетъ за собою много лѣтъ революціонной дѣятельности, но таковая не имѣла террористическаго характера и при томъ вступленіе Стефановича въ вышеозначенное преступное сообщество, отно-

сящееся ко времени недавнему. было результатомъ настояній видныхъ членовъ сообщества, приглашавшихъ постоянно въ теченіи трехъ лѣтъ Стефановича вступить въ такъ называемую партію „народной воли“, а Ивановская постоянно находилась подъ влияніемъ прежде Кибальчича, а потомъ Грачевскаго, обнаружившихъ наиболѣе настойчивости и преступной воли въ разныхъ преступныхъ предпріятіяхъ для цѣлей сообщества, къ которому они принадлежали. Остальнымъ всѣмъ подсудимымъ Особое Присутствіе, на основаніи 135 ст. Улож. и 744 ст. Уст. Угол. Суд., полагаетъ понизить наказаніе, опредѣленное въ 1 п. 17 ст. Улож., на двѣ степени, назначивъ оное по 2 степ. 19 ст. Улож. подсудимымъ: Корба—въ высшей мѣрѣ, а всѣмъ прочимъ—въ низшей, т. е. лишивъ ихъ всѣхъ правъ состоянія, Корбу сослать въ каторжныя работы на заводахъ (73 ст. Улож.) на двадцать лѣтъ, а подсудимыхъ Борейшу, Калюжнаго, Прибылева, Лисовскую, Гринбергъ, Смирницкую, Прибылеву и Юшкову—на пятнадцать лѣтъ; Борейшу, Калюжнаго и Прибылева—въ рудникахъ, а Лисовскую, Гринбергъ, Смирницкую, Прибылеву и Юшкову—на заводахъ (73 ст. Улож.) При этомъ пониженіи наказанія, Особое Присутствіе руководствуется относительно Корба тѣмъ, что хотя она принадлежитъ къ числу главныхъ дѣятелей преступнаго сообщества и участвовала въ устройствѣ квартиры для изготовленія взрывчатыхъ веществъ, но, какъ видно изъ дѣла, дѣйствовала не вполнѣ самостоятельно, а подъ влияніемъ Грачевскаго и другихъ не менѣе закоренѣлыхъ государственныхъ преступниковъ. Причемъ нельзя не принять во вниманіе предшествовавшую преступленію благотворительную дѣятельность ея, выражающуюся въ устройствѣ въ г. Минскѣ общества вспомошествованія бѣднымъ учащимся и въ служеніи въ качествѣ сестры милосердія въ послѣднюю войну; Борейши—тѣмъ, что не имѣлъ въ преступномъ сообществѣ особаго значенія и что не принималъ участія ни въ одномъ изъ террористическихъ дѣйствій сообщества, а исполнялъ порученія второстепеннаго свойства, впоследствии же чистосердечно раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ; Калюжнаго—тѣмъ, что будучи молодъ и необладая твердымъ характеромъ, подпалъ подъ влияніе энергическихъ и настойчивыхъ членовъ преступнаго сообщества и вообще игралъ второстепенную роль въ средѣ своихъ соумышленниковъ; Прибылева—тѣмъ, что былъ вовлеченъ въ преступное сообщество, вступленіе въ которое послѣдовало въ весьма недавнее время; Лисовской—тѣмъ, что дѣйствія ея въ интересахъ преступнаго сообщества ограничились, какъ показываетъ дѣло, покушеніемъ на тайное похищеніе изъ Кишиневскаго губернскаго казначейства денегъ; Гринбергъ—тѣмъ, что дѣятельность ея по дѣламъ преступнаго сообщества весьма незначительна; она проявилась лишь въ храненіи печатныхъ изданій преступнаго содержанія и въ принесеніи въ квартиру Прибылевыхъ двухъ ящиковъ съ шрифтомъ и штампомъ съ готовымъ наборомъ печатнаго заголовка „Листокъ добровольнаго сбора редакціи Народной Воли“, Смирницкой—тѣмъ, что не оказала участія ни въ какихъ дѣйствіяхъ террористическаго свойства; Прибылевой—тѣмъ, что была вовлечена въ преступное сообщество съ одной стороны Грачевскимъ, а съ другой—примѣромъ своего мужа и что состояла въ сообществѣ весьма недолгое время; Юшковой—тѣмъ, что поступленіе ея въ квартиру Прибылевыхъ въ качествѣ кухарки представляется поступкомъ необдуманномъ съ достаточной

строгостью, легко объясняемымъ ея молодостью (22 года) и легкомысліемъ и что въ устройствѣ квартиры она не участвовала.

Опредѣливъ такимъ образомъ слѣдующія по закону подсудимымъ наказанія, Особое присутствіе въ виду особенныхъ обстоятельствъ, касающихся Прибылевой, Борейши, Юшковой и Гринбергъ и заключающихся въ томъ: по отношенію къ Прибылевой,—что, при своемъ увлекающемся характерѣ, она особенно была склонна подчиниться вліянію другихъ лицъ, въ данномъ случаѣ—Грачевскаго и ея мужа, въ отношеніи Борейши,—что онъ выразилъ чистосердечное раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и пожалѣлъ о совершенныхъ имъ преступленіяхъ, въ отношеніи къ Юшковой,—что при молодости своей и недостаткѣ житейской опытности, ей не легко было оградить себя отъ посторонняго вліянія и что при всемъ томъ она не рѣшилась однако прямо вступить въ преступное сообщество, а въ отношеніи Гринбергъ,—что она вовлечена въ сообщество другими, воспользовавшимися ея молодостію и не будучи причастна ни къ одному изъ дѣйствій террористическаго характера, вообще имѣла въ сообществѣ маловажное значеніе, находить справедливымъ, на основаніи 153 и 154 ст. Улож. и 775 ст. У. У. С., ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи слѣдующаго означеннымъ подсудимымъ по закону наказанія, назначеніемъ Прибылевой каторжныхъ работъ на заводахъ, по 7 степ. 19 ст. Улож., на четыре года, а Борейшѣ, Юшковой и Гринбергъ, по 1 степ. 20 ст. Улож.,—ссылки на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, съ лишеніемъ притомъ всѣхъ правъ состоянія.

По сямъ соображеніямъ особое присутствіе опредѣляетъ:

1) Подсудимыхъ: дворянина Юрія Богдановича, 33 лѣтъ, мѣщанина Петра Телалова, 29 лѣтъ, мѣщанина Савелія Златопольскаго, 25 лѣтъ, сына дьякона Михаила Грачевскаго, 33 лѣтъ, лишеннаго всѣхъ правъ состоянія Михаила Клименко, 26 лѣтъ, и отставнаго лейтенанта флота Александра Буцевича, 32 лѣтъ, на основаніи 241, 242, 243, 251, 249, 1454, 152 ст. Улож. о наказ. и 808 ст. Уст. о ссылк., лишивъ всѣхъ правъ состоянія, подвергнуть смертной казни, черезъ повѣшеніе; 2) сына священника Якова Стефановича, 30 лѣтъ, и дочь священника Прасковью Ивановскую 30 л., на основаніи 241, 242, 243, 249, 251, 291, 318, 152, 135 и 73 ст. Улож. о наказ., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы безъ срока: Стефановича—въ рудникахъ, а Ивановскую—на заводахъ; 3) жену потомственнаго почетнаго гражданина, изъ дворянъ, Анну Корба, 28 лѣтъ,—на основаніи 249, 135 и 73 ст. улож. о наказ., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на двадцать лѣтъ; 4) подсудимыхъ: крестьянина Антона Борейшу, 24 лѣтъ, мѣщанина Ивана Калюжнаго, 24 лѣтъ, ветеринарнаго врача Александра Прибылева 24 л., дворянку Антонину Лисовскую, 24 лѣтъ, дочь купца Хасю (Христину) Гринбергъ, 24 лѣтъ, дочь священника Надежду Смирницкую, 30 лѣтъ, дочь священника Марію Юшкову, 22 лѣтъ, и жену ветеринарнаго врача Раису Прибылеву, 25 лѣтъ, на основаніи 249, 1647, 152, 135, 114 и 73 ст. Улож. о наказ., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на пятнадцать лѣтъ, Борейшу, Калюжнаго и Прибылева въ рудникахъ, а Гринбергъ, Лисовскую, Смирницкую, Юшкову и Прибылеву—на заводахъ; 5) на основаніи Уст. Угол. Суд. 945 ст. п. 1 настоящій приговоръ, въ отношеніи дворянъ Богдановича, Лисовской,

Корба и отставного флота лейтенанта Будевича, представить, чрез министра юстиціи, на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества на предметъ лишенія ихъ всѣхъ правъ состоянія, а Буцевича и лишенія ордена Св. Станислава 3-й степени; 6) участь подсудимыхъ Борейша, Гринбергъ, Юшковой и Прибылевой, во вниманіе къ особеннымъ, уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствомъ, на основаніи 153, 154 ст. Улож. о наказ. и 775 ст. Уст. Уг. Суд., повергнуть въ порядкъ, указанномъ въ послѣдней статьѣ, на монаршее Его Императорскаго Величества милосердіе съ ходатайствомъ, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству повелѣть: Прибылеву сослать къ каторжныя работы на заводахъ на четыре года, а Борейшу, Гринбергъ и Юшкову сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, съ лишеніемъ этихъ 4-хъ подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія; 7) возмѣщеніе судебныхъ, по настоящему дѣлу, издержекъ, по приведеніи ихъ въ надлежащую извѣстность, на основаніи 990, 991, 992 и 993 ст. Уст. Угол. Суд., обратитъ на всѣхъ вышепоименованныхъ виновныхъ, съ круговою ихъ друга за друга отвѣтственностію; въ случаѣ же несостоятельности ихъ, принять, согласно 999 ст. того же устава, на счетъ казны, и 8) съ вещественными доказательствами по настоящему дѣлу поступить на основаніи 777 ст. Уст. Угол. Судопроизводства.

Шестеро приговоренныхъ къ смертной казни прожили съ петлей на шеѣ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, и лишь 28-го мая смертная казнь была замѣнена имъ безсрочными каторжными работами. Нѣкоторые изъ остальныхъ осужденныхъ также получили незначительныя смягченія приговора, и лишь Стефановичу срокъ каторжныхъ работъ былъ уменьшенъ до 4-хъ лѣтъ. Приговоренные къ смертной казни были заточены въ казематы, гдѣ *встѣ безъ исключенія* и окончили дни свои: Телаловъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, а Богдановичъ, Буцевичъ, Клименко, Грачевскій и Златопольскій въ Шлиссельбургѣ. Изъ остальныхъ осужденныхъ окончили жизнь самоубійствомъ на Карѣ Калужный и Смирницкая. Тамъ же скончалась и Лисовская. Нѣтъ въ настоящее время въ живыхъ и Раисы Прибылевой. Такимъ образомъ, изъ *семнадцати* осталось *семь*...

Ред.

Арестъ И. Н. Мышкина.

Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ, какъ извѣстно, арестованъ въ Вилуйскѣ, куда онъ пріѣхалъ подъ видомъ жандармскаго офицера, съ подложнымъ предписаніемъ касательно Н. Г. Чернышевскаго. Принято думать, что эта попытка освобожденія Чернышевскаго окончилась неудачей благодаря случайности: Мышкинъ, будто-бы, неправильно надѣлъ аксельбанты и тѣмъ выдалъ себя. На самомъ дѣлѣ причина ареста была иная.

Въ архивѣ Олекминскаго окружнаго полицейскаго управленія хранится переписка между Якутскимъ Областнымъ Правленіемъ и Олекминскимъ исправникомъ по поводу ареста Мышкина. Я имѣлъ случай видѣть подлинникъ этой переписки и тогда же сдѣлалъ изъ нея выписки. Въ январѣ 1904 г. я послалъ за границу изложеніе всего дѣла съ указаніемъ именъ, датъ и номеровъ каждой бумаги, а черновики копій пришлось уничтожить. Посланное мною сообщеніе нигдѣ не было напечатано, — оно, очевидно, пропало. Считаю нелишнимъ возстановить факты по памяти. При этомъ будутъ неизбежны пропуски, частности могутъ быть переданы неточно, но за вѣрность основныхъ фактовъ ручаюсь.

Переписка начинается съ бумаги на имя олекминскаго исправника. Въ ней сообщается о побѣгѣ неизвѣстнаго, явившагося подъ именемъ жандармскаго офицера Мещеринова въ Вилуйскѣ, арестованнаго тамъ, отправленнаго подъ конвоемъ въ Якутскъ и скрывшагося съ дороги. Исправнику предписывается произвести розыски. Вместе съ тѣмъ излагаются и обстоятельства ареста въ слѣдующемъ видѣ.

Незадолго до пріѣзда Мещеринова въ Вилуйскѣ, тамошній исправникъ получилъ письмо отъ своего помощника, объѣзжавшаго округъ. Помощникъ писалъ, что онъ встрѣтилъ Мещеринова и сомнѣвается въ его званіи по слѣдующимъ мотивамъ: 1) Мещериновъ ѣхалъ безъ казаковъ (должностныхъ лицъ въ глухихъ мѣстахъ Якутской области обыкновенно конвоируютъ казаки); 2) онъ сказалъ, что ѣхалъ черезъ Олекминскъ, но ничего не могъ рассказать объ олекминскомъ исправникѣ и проч., слѣдовательно не видался съ олекминскими чинами, что для

должностного лица невѣроятно; 3) онъ сказалъ, что ѣдетъ взять Чернышевскаго по предписанію иркутскихъ властей, между тѣмъ существовалъ циркуляръ никого не допускать къ Чернышевскому безъ особаго предписанія якутскаго губернатора. Кромѣ того въ бумагѣ упоминается о *недавнемъ* предписаніи усилить наблюденіе за Чернышевскимъ. Предупрежденный помощникомъ, виллюйскій исправникъ арестовалъ мнимаго жандармскаго офицера тотчасъ по его пріѣздѣ въ Виллюйскъ.

Во второй бумагѣ олекминскій исправникъ извѣщается, что бѣжавшій съ дороги мнимый Мещериновъ вновь задержанъ. Далѣе слѣдуютъ вопросы: какимъ образомъ олекминская полиція могла не знать о проѣздѣ Мещеринова черезъ городъ? Кто далъ ему лошадей? Предписывается впредь не допускать проѣзда частныхъ лицъ по олекминско-виллюйскому тракту. Отвѣта олекминскаго исправника я не помню,—кажется его и не было. Во всякомъ случаѣ въ отвѣтѣ не было ничего характернаго, и остается невыясненнымъ вопросъ: дѣйствительно ли Мышкинъ проѣхалъ черезъ Олекминскъ, или онъ повернулъ съ Лены раньше, напримѣръ, въ Мухтуѣ или близъ Нохтуйска.

Наконецъ, въ третьей бумагѣ якутскій губернаторъ сообщаетъ олекминскому исправнику объ отвѣтѣ, полученномъ изъ 3-го отдѣленія на донесеніе объ арестѣ Мещеринова. 3-е отдѣленіе сообщаетъ, что арестованный долженъ быть на самомъ дѣлѣ отставнымъ подпоручикомъ Грибоѣдовымъ, и что съ нимъ въ Сибири должна находиться нѣкая Зинаида Апсентова.

По этому поводу нужно сказать, что въ 90-хъ годахъ я встрѣчалъ въ Петербургѣ старика Грибоѣдова (нынѣ умершаго), на котораго указывали, какъ на человѣка, который въ молодости ѣздилъ съ Мышкинымъ въ Сибирь освобождать Чернышевскаго ¹⁾. Фамилія Зинаиды Апсентовой я нигдѣ въ печати не встрѣчалъ.

Изъ рассказаннаго мною явствуется съ очевидностью, что еще задолго до пріѣзда Мышкина въ Виллюйскъ у петербургской полиціи имѣлись агентурныя свѣдѣнія не только о томъ, что существуетъ намѣреніе освободить Чернышевскаго, но отчасти и о лицахъ, задумавшихъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ виду этого предписано было усилить наблюденіе за сидѣвшимъ въ виллюйской тюрьмѣ Чернышевскимъ. Попытка Мышкина была, такимъ образомъ, заранѣе обречена на неудачу, какъ по причинѣ освѣдомленности полиціи, такъ и въ виду особенныхъ условій жизни въ пустынной Якутской области ²⁾.

М. Александровъ.

¹⁾ Это невѣрно. Въ то время, когда Мышкинъ уѣхалъ въ Сибирь, Грибоѣдовъ скрылся за границу и, не зная мѣстоахожденія послѣдняго, власти почему-то заподозрѣли, что онъ отправился въ Сибирь. *Ред.*

²⁾ Надо думать, что вложенныя въ этой замѣткѣ обстоятельства, вызвавшія арестъ Мышкина, не были извѣстны и ему самому. Тѣмъ цѣннѣе, конечно, въ историческомъ отношеніи замѣтка М. С. Александрова. *Ред.*

Въ Шлиссельбургѣ ¹⁾.

Пища духовная.

XXVIII.

Я выдѣлилъ въ особую главу нашу духовную пищу.

Въ началѣ я уже называлъ нѣсколько книгъ, читанныхъ мною въ первый годъ заточенія, и тѣмъ далъ уже читателю нѣкоторое понятіе о характерѣ нашей умственной пищи. Съ теченіемъ времени она разнообразилась все больше и больше. Такъ какъ самъ я не стоялъ на высотѣ всѣхъ знаній и не могъ перечестъ всего, что находилось въ нашемъ распоряженіи, то мнѣ необходимо сойти съ личной почвы для того, чтобы ознакомить читателя полнѣе съ нашей сокровищницей знанія и, можно сказать, съ главнымъ жизненнымъ нервомъ, поддерживавшимъ въ насъ душу живу, охранявшимъ насъ отъ окончательнаго душевнаго разложенія.

На первыхъ порахъ, когда весь день, за исключеніемъ 2-хъ часовъ прогулки, проводился въ камерѣ, читалось особенно много. Запасъ книгъ небольшой и число нечитанныхъ быстро сокращалось.

Поэтому при каждомъ визитѣ кого-нибудь изъ Петербурга мы засыпали посѣтителей заявленіями о присылкѣ книгъ, заявленія эти дѣлались разнo. Одни просили прислать «что нибудь по исторіи», «что нибудь по естествознанію». Другіе называли прямо тѣхъ или другихъ авторовъ, которыхъ знали по старой памяти. Если генералъ былъ въ духѣ и не пьянъ, или плотно и пріятно позавтракалъ передъ визитомъ, онъ относился внимательно къ нашимъ заявленіямъ и приказывалъ своему адъютанту тутъ же записать ихъ. Затѣмъ мы ждали приблизительно съ полгода результатовъ и обыкновенно на одну изъ пяти просьбъ получали то или другое удовлетвореніе.

Въ первый же годъ моей жизни посѣтилъ насъ Шебеко, тов. мин., завѣдующій полиціей, только что назначенный на мѣсто извѣстнаго своей жестокостію Оржевскаго, котораго прогнали въ Вильну послѣ нашего процесса. Со мной и Лукашевичемъ Шебеко

¹⁾ См. „Былое“ кн—4, 6, 7 8 и 9.

былъ тогда необыкновенно любезенъ. Товарищи острили по этому поводу, что онъ намъ обязанъ повышеніемъ и потому старался выразить намъ признательность за нашу услугу. Съ предупредительной улыбкой онъ спрашивалъ у меня, не могу ли я сдѣлать какого нибудь заявленія. И когда я сказалъ, что мнѣ желательно было-бы получить полный сводъ законовъ, онъ даже просіялъ отъ удовольствія, точно я польстилъ ему этой просьбой.

— Помилуйте, отвѣтилъ онъ: у насъ тамъ они даромъ валяются! Пришлемъ, непременно пришлемъ!

И приказалъ адъютанту записать.

Но за всѣ 18 лѣтъ я такъ и не добился этого свода, хотя еще раза два повторялъ эту просьбу разнымъ лицамъ. Очевидно имъ совсѣмъ не хотѣлось, чтобъ мы вычитали тамъ что-нибудь насчетъ своихъ «правовъ» и затѣмъ цитатами оттуда повергали въ смущеніе своихъ высокихъ посѣтителей. Это дѣвственное невѣдѣніе законовъ систематически поддерживалось въ нашихъ душахъ вплоть до послѣдняго года, вопреки явному требованію, что никто не долженъ отговариваться ихъ невѣдѣніемъ. Зато любопытно было слышать, когда мѣстное начальство называло *закономъ* тотъ или другой § своей инструкціи. Когда въ 1903 году вышло новое уложеніе о наказаніяхъ, мы стали просить свою администрацію купить намъ его. Смотритель (Правоторовъ) общалъ, будучи въ Петербургѣ, спросить разрѣшенія у директора, которымъ былъ тогда Лопухинъ, юристъ, и, можно думать, поборникъ и насадитель юридическихъ знаній. По словамъ Правоторова бесѣда его съ директоромъ на этотъ счетъ была кратка, но вполне ясна.

— Заключенные говорятъ, что вышло новое уложеніе и просятъ купить его имъ.

— Да вышло. Вотъ оно лежитъ (и показалъ экземпляръ его). Но оно къ нимъ не относится, а потому и читать его имъ нѣтъ надобности.

Эта аргументація была особенно замѣчательна тѣмъ, что въ скоромъ времени это уложеніе примѣнено было именно къ однимъ политическимъ преступленіямъ, и значить должно бы относиться только къ намъ и никому другому.

Послѣ паденія Плеве намъ, все-таки, наконецъ, купили его. Однако, эта охрана насъ отъ язвы законности была совершенно излишней. У насъ все-таки были въ библіотекѣ и старое уложеніе, и уставъ о ссыльныхъ, и судебные уставы, полученные нами помимо департамента, откуда мы могли вычитать сколько угодно опасныхъ для нихъ цитатъ. Да болѣе откровенные изъ нихъ и не смущались этимъ, а прямо заявляли: «къ этой тюрьмѣ никакіе законы не относятся». И дѣйствительно, наивно было разсуждать о законности въ тюрьмѣ, гдѣ ровно 10 л. просидѣлъ на каторжномъ положеніи штабсъ-капитанъ М. Ф. Лаговскій, посаженный туда безъ всякаго суда и слѣдствія и несшій совершенно одинаковую участь съ лицами, приговоренными по суду къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ.

XXIX.

Пока книги присылались намъ изъ департамента натурой, мы всецѣло завистѣли отъ его усмотрѣнія и смотрѣли на свои книжныя хлопоты какъ на лотерею: авось вытащишь выигрышный билетъ и тебѣ пришлютъ какъ разъ то, чего ты хотѣлъ и что требуется тебѣ настоятельно по ходу твоихъ занятій. А не пришлютъ, такъ похорони и свои умственные запросы и стремленія, какъ ты похоронилъ все остальное.

Но когда, съ 1897 г., намъ ассигновали опредѣленную сумму на выписку книгъ (именно 140 р.), наше положеніе при этомъ улучшилось очень мало. Мѣстный полковникъ либо разрѣшалъ, своею властью, покупать все, что мы закажемъ, либо нѣтъ, смотря по вѣянію въ высшихъ сферахъ. Но чаще составленный нами списокъ книгъ, которыя мы хотѣли бы купить на ассигнованныя деньги, отправлялся въ департаментъ, гдѣ валялся не менѣе полугода и возвращался къ намъ съ урѣзками, въ которыхъ никакой проникающій умъ не могъ усмотрѣть ни системы, ни основаній. Запрещенныя нынче книги мы нарочно записывали снова на будущей годъ и получали разрѣшеніе. Это полное отсутствіе руководящей мысли при запрещеніи и разрѣшеніи было очевидно даже нашимъ жандармамъ, которые въ книгахъ вообще были столько же свѣдущи, какъ и въ китайскомъ языкѣ. Спросишь, бывало, офицера, завѣдующаго покупкой книгъ:

— Ну, скажите пожалуйста, почему запретили мнѣ „Полное географическое описаніе нашего отечества подъ ред. Семенова?“

— А вы, отвѣчаетъ онъ хладнокровно, напишите ее опять въ слѣдующій разъ, и тогда получите разрѣшеніе.

Даже Гефдингъ, очерки психологіи, былъ запрещенъ однажды. Всякій, у кого только бывалъ обыскъ, — а у кого-то теперь онъ не бывалъ? — знаетъ изъ практики, до чего невѣжественны въ книжныхъ вещахъ полицейскіе и жандармскіе агенты, ищущіе въ вашей бібліотекѣ чего-нибудь предосудительнаго. Изъ нашихъ списковъ, посылавшихся въ департаментъ, мы имѣли неоднократно случай вывести убѣжденіе, что ихъ командиры, засѣдающіе въ департаментѣ, не менѣе невѣжественны. Когда ваши духовные интересы находятся въ рукахъ бурбона, облеченнаго неограниченною властью и высоко о себѣ думающаго и въ то же время круглаго невѣжды, — вы замѣчаете это на каждомъ шагу, потому что самоувѣренный бурбонъ постоянно попадаетъ въ просакъ. Если бы вы могли удовлетворять свои духовные запросы иными путями, независимо отъ него, то это зрѣлище своимъ глубокимъ комизмомъ доставило бы вамъ много развлеченія. Но мы были всецѣло въ ихъ рукахъ, постоянно чувствовали грубое прикосновеніе къ невиннѣйшимъ интеллектуальнымъ интересамъ, и потому намъ было не до смѣху.

Стоитъ ли прибавлять, что область социальныхъ наукъ пользовалась особымъ вниманіемъ нашихъ властей и что громадное боль-

шинство ихъ запрещеній обрушивалось именно въ эту сторону. Тутъ запрещались книги исключительно за то, что въ своемъ заглавіи содержали терминъ „соціальный“. Никакому, напр., даже департаментскому невѣждѣ не пришло бы въ голову запрещать намъ Исторію древняго Рима. Но когда вышла въ свѣтъ, недавно, *соціальная* исторія древн. Рима, и мы выписали ее, понятно намъ запретили.

Это дало поводъ Г. А. Лопатину какъ-то предложить намъ— изгнать изъ нашихъ списковъ разъ навсегда терминъ „соціальный“, а писать вмѣсто него „салициловый“. Онъ же неоднократно пикировался по этому поводу съ департаментскими чиновниками, живописуя въ письмахъ къ своему брату ихъ безграмотность, безстыдство и наглость. Письма, конечно, читались въ Петербургѣ и возвращались ему обратно съ увѣдомленіемъ, что такое письмо отправлено быть не можетъ, и съ требованіемъ передѣлать его.

XXX.

Но курица по зернышку клюетъ, да съта бываетъ, говоритъ пословица. И несмотря на всѣ эти препоны, у насъ кое-что понакопилось. Все, что ни попадало къ намъ, оставалось у насъ и составляло вкладъ въ нашу библіотеку. Помаленьку, изъ года въ годъ, она расширялась, и къ концу нашей жизни въ ней считалось не менѣе 3,000 томовъ.

Образованію такой библіотеки больше всего помогли намъ журналы, гдѣ въ объявленіяхъ и библіографическихъ отдѣлахъ мы находили заглавія книгъ, и благодаря которымъ могли до нѣкоторой степени стоять на уровнѣ современныхъ знаній въ любой отрасли наукъ.

Съ цѣлью постоянно слѣдить за книжными новинками, мы выписывали много лѣтъ подрядъ «Извѣстія книжныхъ магазиновъ Вольфа», которыя давали намъ почти тотчасъ послѣ выхода даже въ такіе дни, когда не давали никакихъ журналовъ, кромѣ строго научныхъ.

Во избѣжаніе вторженія въ нашу библіотеку какого-нибудь поборника помраченія, который могъ бы приказать изъять лишнія книги, мы въ послѣднее время стали всячески сжимать каталогъ, веденіе котораго находилось всецѣло въ нашихъ рукахъ. Для этого авторъ съ многотомными и многообразными сочиненіями записывался обязательно подъ однимъ №. Такъ подъ однимъ № стояли сочиненія Спенсера, Милля, Маколея, Карѣва, Золя, Дюма, Мопасана, Диккенса, М. Твэна, Шекспира и др. Точно также журналы разныхъ лѣтъ, но одного названія, числились подъ однимъ №. И все-таки у насъ было свыше 2000 номеровъ. Отдѣлъ изящной литературы, въ первые годы рѣшительно не разрѣшавшейся намъ, былъ особенно богатъ. Почти всѣ выдающіеся заграничные романисты были въ полномъ собраніи, и часто на двухъ языкахъ. Рус-

скихъ было мало. Но ихъ легко было достать изъ канцеляріи, откуда намъ давали даже Горькаго, правда послѣ многократныхъ обращеній. Отказы всегда аргументировались тѣмъ, что Горькаго не любятъ въ департаментѣ.

Каталогъ трудами Стародворскаго въ 1902 г. былъ разбитъ на много отдѣловъ, и въ каждомъ у насъ можно было найти кое что достойное вниманія. Тамъ были: лингвистика, медицина, физика и математика, зоологія, ботаника, геологія, анатомія и физиологія, юридич. науки, статистика, беллетристика, путешествія и пр. Человѣку съ универсальнымъ, хотя и диллетантскимъ интересомъ, жаловаться особенно не приходилось. Къ сожалѣнію, это богатство образовалось для насъ довольно поздно. Силы значительно ослабѣли. Интересъ къ знанію, безжизненному и непродуктивному, постепенно охладѣвалъ. И то, что въ молодые годы схватывалось и усваивалось въ мѣсяцы, теперь приходилось изучать годы. П. В. Карповичъ, первый свѣжій человѣкъ, появившійся у насъ послѣ долгаго застоя, выразилъ рѣзкое порицаніе составу нашей бібліотеки.

Для него, искавшаго отвѣтовъ почти исключительно на современные запросы общественной жизни, наша бібліотека давала слишкомъ мало. Онъ только что оторвался отъ богатыхъ книгохранилищъ Европы и не переживалъ нашего прежняго убожества. Извѣстное дѣло: другая точка зрѣнія,—другія и сужденія.

XXXI.

Опасенія же наши насчетъ изыятій и сокращеній изъ нашей бібліотеки имѣли подъ собой серьезныя основанія. Въ 1889 г. П. Н. Дурново, бывши у насъ съ визитомъ, усмотрѣлъ у кого-то въ камерѣ Исторію французской революціи Кинэ и полюбопытствовалъ заглянуть въ нашъ каталогъ. Тамъ было десятка два названій, которыя ему очень не понравились, почти исключительно изъ книгъ, привезенныхъ съ собой въ тюрьму нѣкоторыми изъ товарищей. Ранѣе этого ихъ разрѣшено было внести въ нашу бібліотеку, теперь же онъ приказалъ ихъ изыять. Такъ какъ книги тогда были единственнымъ содержаніемъ нашей жизни, то почти всѣ мы были буквально потрясены этимъ бессмысленнымъ распоряженіемъ. Намъ казалось это началомъ возврата къ старому, когда кромѣ религіозныхъ книгъ не давали никакихъ, и когда люди готовы были идти на всякую крайность, вплоть до самоубійства, лишь бы избавить себя отъ такого ідиотскаго прозябанія.

«Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ это», думалось и теперь почти каждому. Положеніе казалось настолько серьезнымъ и внушающимъ опасенія, настроеніе наше было такъ тревожно и безнадежно, что почти безъ всякихъ соглашеній, дѣлать которыя тогда было невозможно при нашей изолированности, рѣшено было выразить протестъ единственнымъ доступнымъ тюремъ способомъ—голодовкой.

Какъ ни бессмысленнымъ кажется для многихъ этотъ самоубійственный способъ дѣлать неприятности своему врагу своимъ бокомъ, онъ имѣетъ за себя много резонновъ. И самый фактъ его частой повторяемости въ наши дни служить лучшимъ аргументомъ въ его пользу. Чтобы судить о голодовкѣ правильно, нужно принять во вниманіе импульсы, подѣ какими складывается рѣшимость прибѣгнуть къ ней. Обыкновенно она является результатомъ не холоднаго обдуманнаго вывода, а какого-нибудь сильнаго аффекта, назрѣвавшего постепенно въ тюремномъ положеніи или возникшаго сразу, благодаря случайной причинѣ, какъ это было у насъ. Слѣдовательно, къ сужденію о ней не приложимы доводы разсудка людей, небывавшихъ въ подобномъ положеніи. Но помимо этого, голодовка имѣетъ за себя и объективное основаніе, потому что она воздѣйствуетъ на людей, отъ усмотрѣнія которыхъ всецѣло зависитъ устранить или не устранить причину голодовки. Во многихъ случаяхъ, гдѣ причина голодовки лежитъ въ простой и даже незаконной небрежности, она даетъ лишній стимулъ для лицъ, вѣдающихъ судьбы людей и совершенно не думающихъ о нихъ.

А самое главное,—она, какъ и всякій ненормальный и выходящій изъ ряда вонъ пріемъ, чревата всякими неожиданностями. Благодаря этому, мѣстная администрація, которая присутствуетъ при ходѣ этой драмы, теряетъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Для нея, какъ для всѣхъ вообще чиновниковъ, дороже всего эта именно увѣренность и это отсутствіе опасеній. А тутъ вдругъ ей приходится 5, 6, 7, 8, 9 дней, изъ минуты въ минуту переживать подѣ этой гнетущей мыслью и постоянно тревожить себя вопросомъ: а какъ-то посмотритъ высшее начальство, которое обыкновенно съ важностью отмалчивается, какъ на самую голодовку, такъ и на могуція произойти изъ нея неожиданности.

Девять жуткихъ дней провели и мы среди разнообразныхъ ощущеній, сопровождающихъ муки голода. Девять длинныхъ дней, изъ часу въ часъ, изъ минуты въ минуту мы переживали сложныя и мучительныя чувства, наединѣ съ самими собой, ничѣмъ не занятые и не отвлекаемые отъ болѣзненнаго самосозерцанія. Чтобы не измѣнить тона объективнаго рассказчика, я не внесу и въ этотъ драматическій эпизодъ лирическихъ нотъ. Физиологія давно и совершенно точно описала процессъ голоданія и всѣ связанныя съ нимъ психическія явленія. Къ этому я не прибавилъ-бы здѣсь ни одной детали.

Послѣдніе дни всѣ мы (въ голодовкѣ не участвовали кажется только четверо), лежали почти безъ движенія, какъ больные. Пищу перестали ставить мнѣ какъ и другимъ съ перваго же дня, какъ я отказался отъ нея и сказалъ вахмистру: «вѣдь все равно я буду выливать въ ватерклозетъ; такъ зачѣмъ же попусту изводить ее?»

На 8-й кажется день Буцинскій, и безъ того на половину больной, окончательно свалился. Докторъ зашелъ къ нему и сказалъ, что ничѣмъ не можетъ помочь, пока больной самъ намѣренно изводитъ себя. Въ то же время Стародворскій вскрылъ себѣ

гвоздемъ артерію на рукѣ съ цѣлю самоубійства и выпустилъ нѣсколько стакановъ крови, но былъ во время усмотрѣнъ. Вышло, такимъ образомъ, что мы, болѣе крѣпкіе, спекулируемъ на жизнь болѣе слабыхъ, или болѣе порывистыхъ. Не всѣ подумали объ этомъ заранѣе. Но когда такая перспектива стала воочію передъ глазами всѣхъ на самомъ порогѣ роковой развязки, отъ нея быстро отшатнулись. Изъ нашего угла, гдѣ были самые немощные, Буцинскій и Морозовъ, вышло предложеніе объ окончаніи протеста, и голодовку прекратили. Только Вѣра Николаевна да Юрковскій голодали еще лишнихъ два дня, пока не сдались на просьбы товарищей.

Какъ часто бываетъ, непосредственныхъ результатовъ она не принесла никакихъ, развѣ только расшатала окончательно здоровье Буцинскаго, который затѣмъ недолго протянулъ. Но безслѣдно она не прошла, и какъ одно изъ звеньевъ въ ряду причинъ, подкапывавшихъ суровые тюремные порядки, она сыграла свою роль. Возвратовъ къ старому въ книжномъ дѣлѣ не было, и никогда больше не повторялось въ нашей жизни это вторженіе въ бібліотеку съ цѣлю производить въ ней сокращенія. И это несмотря на то, что въ ней накопилось, безъ вѣдома департамента, не мало книгъ, которыя были бы выброшены оттуда безъ всякаго милосердія любимъ ретивымъ охранителемъ. Нѣсколько книгъ были записаны даже въ каталогъ не подъ своимъ заглавіемъ.

Отобранныя же книги мы получили полностью года черезъ 3 отъ Пахаловича, который принесъ ихъ изъ канцеляріи, гдѣ все это время онъ лежалъ неприкосновенными и, разумѣется, безъ всякаго употребленія.

Зачѣмъ былъ продѣланъ этотъ экспериментъ *in anima vili*?

XXXII.

Какъ и во всей русской жизни, руководимой исключительно взглядомъ начальства, у насъ этотъ «взглядъ» особенно рельефно отражался на бібліотечномъ дѣлѣ. Чего не разрѣшалъ одинъ директоръ, то разрѣшалъ другой, его преемникъ. Продуктъ его разрѣшенія, книга, разъ сданная, лежала неприкосновенною въ бібліотекѣ. Ее всегда можно было взять и читать вторично, даже третично. Она не теряла вдругъ своей цѣнности. Всякій новый бурбонъ, запрещающій купить новыя книги вродѣ имѣющихся у насъ, не касался того, что уже было. Если бы онъ каждый разъ перебиралъ бібліотеку сообразно своимъ вкусамъ, намъ житья не было-бы.

Не то съ журналами. Старые прочитанные журналы не могли возбуждать никакого интереса. Намъ нужны были новыя. И запрещеніе касающееся ихъ обрушивалось на насъ всюю тяжестью, создавая такую атмосферу лишенія, величины котораго, можетъ быть, не представлялъ себѣ ясно и самъ запретитель. Даже митро-

полить, вообще сдержанный и несклонный выражать осужденіе по адресу начальства, при посѣщеніи насъ въ іюлѣ 1904 г. назвалъ запрещеніе намъ журналовъ безцѣльной жестокостью.

Первый свѣжій журналъ намъ дали, должно быть, въ 1890 г. Этотъ, съ позволенія сказать, журналъ былъ «Паломникъ», и далъ намъ его священникъ по моей личной просьбѣ. Какъ ни мизерно его содержаніе, и какъ ни мало оно соответствуетъ нашему міровоззрѣнію, но его читали всѣ поголовно. До такой степени сильно было желаніе видѣть бумагу, недавно вышедшую изъ типографіи, въ тщетной надеждѣ найти тамъ какіе-нибудь отголоски общественной жизни. Отголоски эти, правда, находили, точнѣе истолковывали. И начитавшись такого журнала за цѣлый годъ, люди увлекающіеся спѣшили съ заключеніемъ:

— Ну, и ханжество же разлито всюду по Россіи.

У каждаго до такой степени сильна была потребность быть сыномъ своего времени, а не исторической категоріей, витавшей только въ области историческихъ временъ, что самый видъ года 1890, доселѣ нигдѣ больше невиданный въ печати, былъ уже пріятенъ. Это было какъ бы ниточкой, которая привязывала насъ къ современности. Вмѣстѣ съ этимъ ослаблялось одно изъ самыхъ тяжелыхъ чувствъ—чувство насильственной отрѣшенности.

Это была первая ласточка. Весны она, еще не дѣлая, но за нею со временемъ прилетѣли другія. Въ 1892 г. мы уже имѣли разные иллюстрированные журналы за прошлый годъ. И сколько же ихъ было тогда! Нива, Звѣзда, Сѣверъ, Историческій Вѣстникъ, Живописное Обозрѣніе, Природа и Люди, Родина, Лучъ, Развѣдчикъ, даже Будильникъ или Стрекоза и др. въ этакомъ родѣ. Изъ департамента прислали намъ серію «Нивъ» лѣтъ за 5—6. Остальные журналы собирались тутъ же отъ служащихъ. Часть выписывалась въ канцелярію. Ихъ давали якобы для переплета: переплетная мастерская въ это время была въ полномъ ходу и нѣсколько лицъ работали тамъ почти непрерывно. Гангартъ получилъ формальное разрѣшеніе давать намъ иллюстрированные журналы кажется уже потомъ, послѣ того, какъ такая выдача ихъ въ переплетную вошла въ обычай.

Журналы давали въ началѣ января разомъ за весь годъ. И при такомъ обиліи ихъ, да при страстномъ желаніи найти въ нихъ какъ можно больше интереснаго, мы поглощали массу дребедени и тратили на просмотръ ихъ столько времени, что послѣ этого стали, должно быть, значительно глупѣе. Чтеніе серьезное отошло на задній планъ, а такіе, съ позволенія сказать, органы, которыхъ ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ не сталъ бы въ руки брать, здѣсь не только бралъ, но и читалъ, соблазняемый ихъ свѣжестью. Думалось, что все, что ново, то и есть послѣднее слово. Къ тому же, о чемъ бы тамъ ни говорилось, все это были отголоски жизни, которая дразнила насъ своею недоступностью.

На первыхъ порахъ дали, можетъ быть, не всѣ названные журналы. Пока ихъ было мало, старался слѣдить за всѣми ими. Но

въ концѣ концовъ наплывъ ихъ былъ такъ великъ (всякому унтеру и даже родственнику унтера хотѣлось переплестъ ихъ на даровщинку!), что скоро послѣдовало насыщеніе. А потому нѣкоторые поступали прямо въ переплетную и ихъ просматривали развѣ только тѣ, кто работаль надъ ними. И только позднѣе, иногда черезъ годъ, я узнаваль изъ отчета всю бездну премудрости, изливавшейся надъ нами.

Позднѣе, когда мы стали работать за плату, а охотниковъ сидѣть въ переплетной не было, эта бездна значительно сократилась.

XXXIII.

Какъ только совершился этотъ наплывъ, почувствовалась надобность въ особомъ должностномъ лицѣ, которое вѣдало бы приемъ и сдачу этого литературнаго матеріала, а, главное, распределение его между жаждущими читать. Сдѣлать это было нелегко, потому что всякому хотѣлось снять сливки какъ можно скорѣе. Поэтому на тѣ журналы, гдѣ хроника была содержательнѣе, спросъ былъ со всѣхъ сторонъ. Устроить же частый обмѣнъ въ тюрьмѣ, не переставшей еще быть одиночною, было совсѣмъ не легко. И нашъ библіотекаръ превратился въ «бухгалтера движенія», который пускаль журналы въ ходъ, регулироваль его, слѣдилъ за правильностью и при малѣйшемъ уклоненіи направляль ихъ опять на должный путь.

Для этого выработался практикой такой приемъ. Предварительно библіотекаръ спрашиваль всѣхъ посредствомъ подписного листа, содержащаго списокъ выданныхъ ему смотрителемъ журналовъ: кто какой желаетъ читать ранѣе и на сколько времени думаетъ брать. Положимъ, одни хотѣли читать прежде «Сѣверь», другіе «Звѣзду», третьи «Живописное Обзорѣніе» (и того до 150 №№), и большинство склонялось одолѣвать по 5 №№ въ день.

Тогда библіотекаръ расчленяеть всѣхъ своихъ кліентовъ на группы, сообразно ихъ желаніямъ, журналъ тоже разбивается на пучки или ежедневныя порціи, положимъ въ пять №№, каждая порція заключается въ особую папку, на которой наклеивается списокъ читателей по порядку, опредѣленному жребіемъ (т. н. маршрутъ) и первая папка cadaго изъ 3-хъ журналовъ сдается вахмистру для раздачи по номерамъ (въ официальныхъ сношеніяхъ мы именовались не фамиліями, а номерами). На друдой день онъ выпускаеть вторья папки (съ №№ 6—10), на третій— третьи (№№ 11—15) и т. д. Если насъ 21 чел. то на 7-й день въ движеніи будетъ уже 21 папка. Каждый, прочитавши свою порцію, отправляетъ ее далѣе по маршруту черезъ вахмистра, для чего въ папку вкладываетъ билетикъ съ номеромъ лица, слѣдующаго за нимъ. По этимъ №№ дежурные и разносили папки, обыкновенно во время раздачи утренняго чая.

Но нерѣдко случалось, что дежурный ошибется и передасть

папку не тому адресату (прочитавши напр. 11 вмѣсто 17). Межъ тѣмъ истинный адресатъ, не получая должнаго, бьетъ тревогу и требуетъ свою пропажу у бібліотекаря. Тотъ пускается на поиски и дѣлаетъ это стукомъ, потому что въ первое время никакой другой способъ опроса не допускался. Стукъ не всякій услышитъ или не всякій пойметъ, папки не оказывается, и бібліотекарь теряется въ догадкахъ, куда она могла пропасть. Благодаря разсѣянности нѣкоторыхъ, она залеживалась иногда у нихъ по нѣсколькимъ дней. Въ свою очередь нарушеніе единичное могло повести за собой путаницу въ дальнѣйшемъ движеніи, распутывать которую становилось еще труднѣе. Нервные люди при этомъ нервничали. И всѣ подобныя мелочи иногда давали тонъ нашей обыденной жизни.

Но если нарушеній не было и все шло правильно, то каждый получалъ свою порцію, иногда двѣ, даже три, если журналовъ накопилось много. Получалась непрерывная цѣпь, которая, какъ и всякій круговоротъ, затягивала человѣка и давала ему иллюзію обязанности—прочесть ежедневно положенное, несмотря ни на какія случайныя увлеченія ремесленными либо огородными работами. Приходишь иногда послѣ какой-нибудь тяжелой работы, весь изломанный, въ грязи и поту. Но вмѣсто отдыха сначала проглоти свою порцію духовой пищи, иначе ты, навѣрное, никогда не вернешь ее къ себѣ.

XXXIV.

Горемыкинъ, послѣ своего визита въ 1896 г., разрѣшилъ намъ всѣ журналы безъ исключенія за прошлый годъ, независимо отъ ихъ иллюстрированности. И мы стали покупать Вѣстникъ Европы, Міръ Божій, Русское Богатство, Revue des Revues, Review of Reviews, Научное Обзорѣніе, Хозяинъ. Послѣдніе два, впрочемъ, были разрѣшены и раньше, какъ научныя и техническія. Гангартъ давно уже выписывалъ для насъ Ремесленную газету, чертежи и рисунки которой много помогли намъ въ развитіи столярныхъ и токарныхъ вкусовъ и навыковъ. Давалъ онъ ее намъ не считаясь со временемъ и циркулярами, прямо по мѣрѣ выхода. А когда это упростилось, мы выпросили у него и «Ниву» на тѣхъ же основаніяхъ и читали ее всегда изъ недѣли въ недѣлю до марта 1902 г., т. е. почти 10 лѣтъ подрядъ. Давалъ онъ ее свободно потому, что въ ней почти не было хроники, ради которой и дѣлались эти сроковыя ограниченія. Далѣе, самъ департаментъ по нашей просьбѣ присылалъ, начиная съ 1894 г., Вѣстникъ Финансовъ, по полугодію или по третямъ, нарушая, такимъ образомъ, самолично то предписаніе о прошломъ годѣ, которое онъ давалъ. Примѣръ былъ заразителенъ, и потому мѣстная администрація не особенно была строга на счетъ годичнаго возраста журналовъ и стала давать сначала «Хозяинъ» и «Научное Обзорѣніе,» а затѣмъ и другіе все въ болѣе свѣжемъ видѣ.

Департаментъ же разрѣшилъ намъ въ 1898 году выписать еже-недѣльное изданіе Times'a и такимъ образомъ окончательно сгладилъ разницу между журналомъ и газетой. Въ виду этого Обухъ безпрепятственно выдалъ въ 1900 году 1-го января «Новое Время» за прошлый годъ, правда въ разрозненномъ видѣ, но все же въ большемъ количествѣ номеровъ. Если же прибавить сюда періодическія изданія, которыя мы стали получать черезъ доктора Безроднова изъ подвижного музея учебныхъ пособій (Начало, Жизнь, Новое Слово, Образование), то можно сказать, что въ отношеніи періодической печати въ послѣднее время мы были обставлены недурно и періодъ 1898—1901 гг. нужно назвать «эпохой просвѣщенія» въ нашемъ уныломъ и замкнутомъ мірѣ. Недоставало только свѣжей газеты, да и то годъ или два получался Сынъ Отечества (1899—1900), не считая еще газеты-журнала «Петербургъ», которая сама себя называетъ самой маленькой газетой. Любопытно, что я не встрѣчалъ рѣшительно нигдѣ объявленій объ изданіи этого «журнала», выходившаго тогда 3 раза въ недѣлю, кромѣ Ириновскаго вокзала на Охтѣ, откуда ѣздить въ Шлиссельбургъ. Простая ли это случайность? Эти газеты, равно какъ и Times постепенно стали выдавать намъ по мѣрѣ ихъ выхода.

XXXV.

Одновременно съ этими послабленіями насчетъ современныхъ свѣдѣній въ печати, окружающіе насъ унтера перестали держать языкъ за зубами и помаленьку втянулись въ откровенныя бесѣды съ нами, какъ на темы изъ мѣстной жизни, такъ и на общественныя. Свою администрацію они всегда цѣнили по достоинству и посвящали насъ во всѣ детали ихъ финансовыхъ операций (съ ремонтомъ, поставками и пр.), именуя ихъ обычнымъ теперь въ печати грубымъ терминомъ, т. е. воровствомъ. Особенно, когда настала Бурская война и сочувствіе Бурамъ неволью сблизило насъ, мы не рѣдко читали съ ними на корридорѣ «сарая» какъ свою газету, такъ и ту, которую они приносили съ собой. За чтеніемъ слѣдовало обсужденіе и пренія. Но каждый разъ какъ мы старались подчеркнуть выгоды англійскаго способа правленія сравнительно съ русскимъ, они стыдливо опускали глаза въ землю. Изрѣдка только какой-нибудь ретивый изъ нихъ, увлекшись перечисленіемъ неправдъ, чинимыхъ русскими властями, неожиданно восклицалъ:

— Бить ихъ надо, такихъ сякихъ!

Мы смѣялись, но видѣли, что это только одно «плѣнной мысли раздраженіе», и что послѣ этой вспышки увлекшійся жандармъ можетъ самъ на себя донести со слезами раскаянія.

Ихъ «политическую зрѣлость» я лучше всего охарактеризую, рассказавши свою бесѣду съ однимъ такимъ велерѣчивымъ хулителемъ русскихъ порядковъ. Въ Шлиссельбургѣ только что ввели

казенную продажу водки, и онъ ругаль ее какъ только могъ. Я возражалъ, начитавшись Вѣстника Финансовъ, гдѣ ее перевозносили выше небесъ. При этомъ я разсказаль описанную тамъ экспертизу, когда десятокъ свѣдущихъ винопійцъ перепробовали въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ водки всѣхъ русскихъ заводовъ и единогласно вынесли резолюцію, что лучше казенной водки нѣтъ. Унтеръ спокойно выслушалъ и еще покойнѣе сказалъ:

— Да если бы меня пригласили туда, то и я сказалъ бы, что лучше казенной нѣтъ.

На мое удивленіе и вопросъ: «почему?» онъ столь же невозможно отвѣтилъ, какъ бы удивляясь моей наивности:

— Да вѣдь за это чины и ордена даютъ!

XXXVI.

Начитавшись только что полученныхъ журналовъ, наша публика стремилась въ «клубъ», чтобы облегчить себя отъ излишняго бремени. Одинъ читаль одно, другой другое, иной читаль черезчуръ бѣгло и въ головѣ у него не осталось отчетливыхъ воспоминаній. Начинается порывистый обмѣнъ «новостей»: А слышали?.. А читали?.. и т. д.

Если слышали или читали всѣ собесѣдники, оказывается иногда, что кто-нибудь не дочиталь или поняль неправильно. Загорается споръ, идетъ провѣрка другъ друга и затѣмъ неизбежное пари: увѣряю, что тамъ такъ сказано... Другой увѣряеть, что сказано иначе. Затѣмъ бѣгутъ домой или къ сосѣдямъ на розыски печатнаго первоисточника, и истина возстановляется.

Получалась, такимъ образомъ, иллюзія переживанія «современныхъ событій». Эта иллюзія заставляла спорщиковъ забывать, что событіе, о которомъ они говорятъ, описано, можетъ быть, еще годъ назадъ и давно кануло въ лету, и что, въ частности, спорить горячо и судить о современности по тѣмъ обрывкамъ ея, которые совершенно случайно проникали въ печать, было очень рискованно.

Подобно тому, какъ по Паломнику нельзя было составить никакого сужденія о современности, нельзя его было составить и по тогдашнимъ газетамъ. Для лицъ, безусловно отрѣзанныхъ отъ живого общенія и отъ слуховъ, питавшихъ русское общество въ то время, онѣ давали чрезвычайно убогій матеріаль. Сейчасъ, какъ я пишу эти строки, всѣ газеты заполнены телеграммами и сообщеніями политическаго характера. Если бы правительство было въ силахъ сейчасъ водворить ту же цензуру, какая была тогда, всѣ газеты содержали бы массу свѣдѣній о вскрытіи рѣкъ, объ открытіи навигаціи, о пожарахъ и наводненіяхъ, о приѣздѣ и отъѣздѣ градоправителей и т. д. въ этакоемъ родѣ. И читатель, читающій въ какомъ-нибудь Шлюшинѣ подобную хронику, былъ бы лишень всякихъ свѣдѣній о самыхъ животрепещущихъ интересахъ, которыми волнуется сейчасъ все общество. Въ частности, сатири-

ческая пресса показала, какіе сюжеты въ ней преобладаютъ съ разрѣшенія и безъ разрѣшенія цензуры.

Если вообще русскій читатель того времени читалъ больше между строкъ, то въ частности мы должны были усиленнымъ творчествомъ воображенія создавать эту междустрочную хронику. Чтеніе періодическихъ изданій давало, такимъ образомъ, новое поприще къ обнаруженію этого творчества. И такъ какъ оно проявлялось не у всѣхъ одинаково и не у всѣхъ въ одномъ направленіи, то мы очень часто, благодаря этой субъективной предпосылкѣ, вычитывали изъ однихъ и тѣхъ же изданій различныя вещи. Особенно рѣзко это сказалось въ послѣдній годъ, когда двое изъ нашихъ товарищей, слишкомъ «патріотически» настроенныхъ, принимали за чистую монету все, что официально сообщалось о войнѣ, и потомъ жестоко спорили со скептиками. Послѣдніе смотрѣли на это, какъ на сплошное вранье и судили «героевъ» Ялу, Портъ-Артура и всѣхъ прочихъ такъ, какъ они заслуживали съ общеисторической точки зрѣнія, которая гласитъ: истиннаго героизма не ищи въ арміи того государства, которое основано на кнутѣ, невѣжествѣ и безправіи, и гдѣ сверху до низу все продажно и лживо.

XXXVII.

Я не могу перечислить всѣхъ періодическихъ изданій, которыя перебывали у насъ въ разное время. Списокъ ихъ вышелъ бы довольно длиннымъ. Въ началѣ 1902 года мы получали каждый день по какому-нибудь новому изданію за текущей годъ, не считая тѣхъ, которые давались гуртомъ за прошлый годъ. Это были: Times, Harmsworth Magazine, Review of Reviews, Gartenlaube, Illustration europaiene, «Хозяинъ», «С.-Петербургъ» и «Нива». Въ 1901 г. сверхъ того получались «Климатъ» (Демчинскаго) и «Журналъ Птицеводства».

Я завѣдовалъ въ это время книжнымъ дѣломъ и уже привыкъ получать ежедневно что-нибудь новенькое, какъ вдругъ случился нашъ крахъ, и всѣ выдачи сразу же были приостановлены. Перепугавшееся начальство, которому навѣрное сообщили о готовящейся ревизіи, стало усиленно отбирать у насъ всякую литературу, еще недавно наполнявшую наши камеры. вмѣстѣ съ кипами газетъ «Новое Время» и «Россія» Гудзь поусердствовалъ отобрать даже сборники «Нивы» «Литературное приложение». Въ одинъ день мы вдругъ сѣли какъ раки на мели.

Чего стоило намъ приспособиться въ эти дни къ такому лишенію, едва ли стоитъ распространяться объ этомъ. Въ тюрьмѣ всякое новое отнятіе на фонѣ общихъ лишеній чувствуется особенно интенсивно. Такое же лишеніе, какое теперь надъ нами разразилось, было невообразимо тягостно. Только благодаря тому, что весь интересъ у насъ сосредоточился на участи Вѣры Николаевны, сорвавшей погону съ Гудзя, мы могли сравнительно легко пере-

нести первыя недѣли кризиса. А когда тревога за Вѣру Николаевну стала стихать и мы успокоивались на мысли, что дѣло окончится ничѣмъ, радость отъ такой развязки нѣсколько вознаградила насъ за литературныя утраты. Къ тому же мы имѣли уже основаніе думать, что репрессіи надъ нами есть результатъ событій «на волѣ», и что если это есть отместка *намъ*, то, очевидно, за что-то серьезное, сдѣланное *имъ*.

XXXVIII.

Въ первое время, пока политика Плеве еще не опредѣлилась въ отношеніи насъ, намъ обѣщали вернуть отнятое въ недалекомъ будущемъ. Но затѣмъ всякія обнадеживанья скоро прекратились: очевидно, не тѣмъ запахло въ воздухѣ. Продолжали давать по инерціи только „Хозяинъ“, какъ журналъ, трактующій объ улучшеніи и проч. матеріяхъ, имѣющихъ непосредственное приложеніе къ нашей жизни. Но и въ немъ сначала начали вырѣзать хронику, а потомъ и совсѣмъ прекратили выдачу подъ тѣмъ предлогомъ, что «Хозяинъ» пересталъ выходить. Въ свое же время мы узнали, что это было неправда, но невыданныхъ номеровъ Яковлевъ такъ и не возвратилъ, несмотря на всѣ хлопоты.

Остались у насъ только строго научные журналы: Knowledge (ежемѣс.), Naturwissenschaftliche Wochenschrift (еженед.) Chemical News (еженед.) и Журналъ Физико Химическаго Общества (ежемѣс.). Иностранные журналы выдавали намъ вскорѣ послѣ ихъ выхода, но съ нѣкоторой задержкой, ссылаясь на то, что они просматриваются. По словамъ смотрителя, англійскіе журналы просматривалъ кто-то изъ англичанъ съ мѣстной фабрики, принадлежащей англійской К^о. И намъ горько было слышать, что нашелся англичанинъ, способный исполнять обязанности сыщика въ интересахъ нашихъ жандармовъ. Въ Knowledge'ѣ нерѣдко были вырваны листы съ объявленіями, очевидно рукою импровизованной цензуры.

Даже „Извѣстія“ Вольфа были запрещены въ это время. Но что извѣстія! Это все-таки періодическій органъ. Запретили даже календари—всѣ, кромѣ отрывныхъ. Мы смѣялись, что нами править, должно быть, тайное общество, которое не допускаетъ, чтобы мы знали ихъ имена, печатающіяся обыкновенно въ календаряхъ.

Въ началѣ 1904 г. я какъ то при свиданіи спросилъ Яковлева прямо:

— Вѣдь Вы не дадите мнѣ календарь Гатцука? при чемъ для наглядности указаль тутъ же на этотъ календарь за 1901 г.

— Нѣтъ, не дамъ, отвѣчалъ онъ столь же опредѣленно.

— Тогда не дадите ли мнѣ вотъ этой статистической таблицы, которая къ нему прилагается ежегодно? Все остальное можете оставить у себя.

Онъ обѣщаль. Черезъ нѣсколько дней я получилъ этотъ Календарь за 1904 г. Изъ него вырвано было все, что указывало на современность, въ томъ числѣ и „сказаніе объ открытіи мощей

Св. Серафима Саровскаго*. Конечно, это было усердіе мѣстныхъ властей, но они правильно рѣшили, что открытіе мощей есть дѣло политическое, и потому сказаніе о немъ, какъ обо всемъ политическомъ, не должно быть допущено до насъ.

Въ это время мнѣ не давали даже церковныхъ Вѣдомостей, официальнаго органа св. Синода, который я уже много лѣтъ получалъ отъ священника регулярно. А такъ какъ нельзя было привести никакого резона о такомъ отказѣ, то зритель принесъ мнѣ отвѣтъ якобы отъ лица священника, къ которому я отправилъ его съ просьбой:

— «Батюшка въ этомъ году не выписывалъ ихъ!»

Это была явная ложь, одна изъ тѣхъ лжей, которыя приходилось скрѣпляя сердце выслушивать отъ нихъ ежедневно во всѣхъ дѣловыхъ сношеніяхъ.

На другой годъ я видѣлся со священникомъ наединѣ, и потому этотъ резонъ было неудобно повторить. Поэтому общались Церковныя Вѣдомости выдать, но послѣ спеціального просмотра. И вотъ начинается этотъ просмотръ и тянется затѣмъ цѣлые мѣсяца. Лѣнныя и отупѣлыя, они даже такой работы не могли сдѣлать безъ сильнаго долговременнаго напряженія. Вырывать что-нибудь изъ „св. отцовъ“ было черезчуръ зазорно, поэтому они задерживали цѣлые Мѣсяцы, если тамъ встрѣчалось что нибудь недопустимое съ ихъ точки зрѣнія.

На мой прѣмой вопросъ къ Правоторову:

— Да почему это вы даже Синодскія Вѣдомости не можете выдать полностью?

Онъ отвѣчалъ съ особой многозначительной интонаціей:

— Нельзя! Все они лѣзутъ туда, куда ихъ не спрашиваютъ. Это значило: позволяютъ себѣ судить о чемъ-то другомъ, выходящемъ изъ сферы узко церковной. Это неразвитое дитѣ такъ забавно и такъ недипломатично отразило на себѣ все то, чему оно слышало въ департаментскихъ сферахъ, что мнѣ оставалось только поучаться при видѣ того, какъ одно охранное вѣдомство, присвоившее себѣ монополію охранительныхъ функцій, ревниво смотритъ на вторженіе въ свою область другого охранительнаго вѣдомства. Подобное этому, говорятъ, можно встрѣтить только въ глухой провинціи, гдѣ постоянно пикируются между собой власти полицейская и жандармская—изъ за наградъ и добычи, перебиваемыхъ другъ у друга.

За эти цѣлые два года намъ выдали еще, кромѣ названныхъ, только два техническихъ журнала, одинъ англійскій, другой американскій, которые выписывались, очевидно, англичанами, служащими на Шлисс. хлопчатобумажной фабрикѣ. Вѣроятно владѣльцемъ этихъ изданій было то же самое лице, которое оказывало услуги Яковлеву, производя досмотръ нашихъ собственныхъ англійскихъ журналовъ.

Такъ какъ за 1902 г. нами уже были выписаны до катастрофы «Миръ Божій» и «Русское Богатство», то намъ въ концѣ концовъ вы-

дали ихъ. Но, Боже мой, что это были за журналы. По устному полномочию отъ департамента, на которое ссылались наши власти, они вырвали изъ нихъ не только всю хронику, но и всѣ статьи, которыя, на ихъ просвѣщенный вкусъ, казались „неудобными“. Вырваны были даже такія статьи, какъ „Биконсфильдъ, государственный дѣятель“. Не одно поколѣние русскихъ писателей пережило много мучительныхъ часовъ, проводя продукты своей мысли сквозь цензуру. Но никому и никогда еще не приходилось переносить такой цензуры, какъ эта. Она, какъ и всюду, тоже была неодинакова: на усердіе зрителя мы жаловались сверхусердствующему Яковлеву, и тотъ иногда обнаруживалъ „великодушіе“, и приносилъ самолично то цѣлую хронику, болѣе невинную, за какой-нибудь одинъ мѣсяць, то цѣлую статью. Не нужно и добавлять, что всѣ журналы послѣ такой операціи распадались на отдѣльные листочки и вообще имѣли самый невозможный видъ.

И все-таки жажда новизны была такъ сильна въ насъ, что она пересиливала отвращеніе къ такому изуродованію и къ ежедневнымъ хлопотамъ по поводу каждой вырванной вещи. А потому мы и на слѣдующій годъ выписали тѣ же журналы на деньги, ассигнованныя намъ на книги, хотя и получали за свои деньги меньше половины печатныхъ листовъ. Вырвань былъ даже разсказъ Вересаева „На поворотѣ“.

XXXIX.

Особенно тщательно охраняли насъ въ 1904 г., съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, отъ всякихъ свѣдѣній о войнѣ и даже отъ самыхъ намековъ на войну.

О началѣ войны мы узнали уже въ февралѣ того же года по газетному обрывку, который подсунуть былъ однимъ изъ нашихъ добрыхъ геніевъ. Такой же геній подсунулъ намъ и свѣдѣніе объ убійствѣ Сипягина, которое вовсе не было занесено вѣтромъ, какъ ошибочно огласилъ это М. Ю. Ашенбреннеръ, самъ не знавшій этого. Затѣмъ, по лицамъ унтеровъ, читавшихъ газеты ежедневно на нашихъ глазахъ, мы слѣдили за ходомъ военныхъ дѣйствій. И, признаться, судили о немъ совершенно правильно. На лицахъ ихъ ежедневно читалось одно и тоже:

— Никакого успѣха!

Только о смерти Макарова мы узнали изъ журнала Ф. Х. общества, причѣмъ тамъ была вырвана цѣликомъ статья, посвященная ученымъ заслугамъ этого адмирала. Но гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ и какъ онъ умеръ, ничего не было извѣстно. За весь 1904 г. больше мы не узнали ничего. Въ письмахъ всякій намекъ на войну тщательно вымарывался. Попову писали, что его тетка ухаживаетъ за больными и *ранеными*: послѣднее слово было густо замазано чернилами. Но и тутъ однажды не досмотрѣли и въ письмѣ къ Вѣрѣ Николаевнѣ пропустили строку, что ея родственникъ докторъ отправился на войну. Это дало намъ по-

воть заговорить съ начальствомъ о войнѣ открыто. Конечно, они отрицали самый фактъ ея существованія, и Голубчикъ готовъ былъ клясться и божиться, что никакой войны у насъ нѣтъ.

Наконецъ мы дожили до того, что война и формально объявилась. Это было въ ноябрѣ 1904 г., когда намъ опять возвратили разрѣшеніе, на самомъ дѣлѣ никогда официально не отмѣнявшееся, читать журналы за прошлый годъ. Кому мы были обязаны этой реставраціей правъ, я не знаю. Яковлевъ, конечно, приписывалъ это себѣ. Но мы уже слишкомъ хорошо знали, что онъ могъ только лишать да отнимать, а отнюдь не возвращать. Даже и здѣсь онъ постарался изгнать газеты окончательно изъ этого разрѣшенія, а прошлый годъ истолковалъ въ узко буквальномъ смыслѣ, т. е. выдавалъ то, что вышло изъ печати ровно годъ тому назадъ. Сначала онъ хотѣлъ выдавать такъ изъ недѣли въ недѣлю; но потомъ смягчился и сталъ давать разомъ за мѣсяцъ, причемъ въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца мы получали все, что печаталось въ будущемъ мѣсяцѣ прошлаго года.

XI.

Установилась весьма своеобразная иллюзія, какъ будто мы очутились на такой отдаленной планетѣ, до которой свѣтовые лучи достигаютъ ровно черезъ годъ. Мы слѣдили шагъ за шагомъ, съ полной постепенностью, за рядомъ событій и такъ входили въ курсъ дѣла, что готовы были считать ихъ за самоновѣйшія. Также спрашивали другъ друга: что новаго? и также передавали другъ другу „свѣдѣнія“ о томъ, что было годъ назадъ. То, что мы читали сейчасъ, намъ казалось совершившимся въ теченіи этого мѣсяца. А то, что читали въ прошлый разъ, представлялось совершившимся мѣсяцъ тому назадъ.

Когда Портъ-Артуръ уже палъ и разразилась Мукденская катастрофа, когда окончательно и для слѣпыхъ стали явны полныя неудачи русскаго оружія, мы только что приступили къ чтенію перваго мѣсяца войны и къ описанію тѣхъ всеобщихъ „ликованій“, которыми будто-бы повсюду было встрѣчено объявленіе войны. Едва ли кто-нибудь въ Россіи, кромѣ насъ, имѣлъ случай перечитывать всѣ „патріотическія“ завыванія первыхъ дней войны—въ то время, когда крушеніе надеждъ было уже полное и когда лакейство и глупость смиренномудрствующихъ писателей выступало съ особенной назидательностью. Особенно, когда суемысліе они выдавали за волю и намѣреніе Божества.

Сами жандармы подъ вліяніемъ пораженій и событій внутренней жизни стали разговорчивѣе и начали передавать устно кое-что о самыхъ послѣднихъ новостяхъ, о которыхъ прочесть мы могли-бы только черезъ годъ. Такимъ образомъ мы узнали главное и про Мукденъ, и про походъ Рождественскаго, и про Цусиму.

Послѣ всякаго наиболѣе крупнаго краха дежурные, у которыхъ

въ груди билось солдатское сердце, не могли сдержать своего негодованія и, не взирая на строжайшій запретъ, увлекались разговорами промежъ себя такъ громко, что кое-что долетало и до насъ. И доставалось же тутъ злосчастному Куропаткину, этому недавнему идолу, баловню судьбы и надѣждѣ Россіи! Офицера то же разсказывали многое, преимущественно по «Новому Времени».

Потомъ подъ вліяніемъ газетъ, рѣчи нашихъ унтеровъ стали дышать укоризной по адресу бюрократіи. И особенно забавно было слышать эти укоры изъ устъ нашего вахмистра, который самъ былъ типичнѣйшимъ воплощеніемъ бюрократическаго режима въ своей сферѣ.

— Ну, думалось при этомъ, „Царство, раздѣлившееся на ся не-премѣнно запустѣетъ“.

Наконецъ, лѣтомъ 1905 г. доходили до моихъ ушей такія рѣчи о самодержавіи и ограниченіи его, читанныя унтерами въ газетахъ, за которыя прежде насъ въ Сибирь ссылали. Было очевидно, къ чему идетъ. Вскорѣ мы получили и положеніе о Булыгинской Думѣ въ № Правительств. Вѣстника, который былъ намъ данъ по специальной просьбѣ. Единственнымъ же свѣжимъ періодическимъ органомъ были только «Извѣстія» Вольфа, гдѣ мы читали необыкновенныя для насъ вещи о *свободѣ* совѣсти, печати и пр. Наконецъ, получили даже книжку «Конституціонное государство»—сборникъ статей, трактовавшихъ въ общедоступной формѣ вещи, совершенно невольительныя для русской печати.

И все это время у насъ одинъ глазъ былъ устремленъ на вопросы текущаго момента, а другой съ прежней постепенностью перечитывалъ битву при Тюренченѣ, Цзинжоу, Вафангоу, Дашичао, Ляоянѣ, вплоть до Шахэ, послѣ ознакомленія съ которой мы вышли на волю. Подробностей о взятіи Портъ-Артура, Мукденской и Цусимской катастрофѣ мнѣ такъ и не пришлось читать до сихъ поръ.

XLI.

Въ настоящій моментъ, когда ликвидировали въ Шлиссельбургѣ охранявшее насъ жандармское управленіе, наша бібліотека, какъ говорятъ, перевезена въ департаментъ полиціи и, вѣроятно, далеко не въ полномъ составѣ. Смотрѣли на нее, какъ на казенное имущество, и поступали, конечно, соотвѣтственно этому. Между тѣмъ въ ней, по самой скромной оцѣнкѣ, было по крайней мѣрѣ рублей на 500 нашихъ собственныхъ книгъ.

Кромѣ тѣхъ книгъ, которыя присылались изъ департамента, а затѣмъ покупались на ассигнованныя намъ деньги, въ нашу бібліотеку вошли:

1) книги, привезенныя съ собой многими товарищами. Ихъ насчитывалось болѣе 150 названій.

2) Книги, купленныя на деньги, оказавшіяся у нѣкоторыхъ изъ товарищей при доставкѣ ихъ въ Шлиссельбургъ, въ томъ числѣ

и на деньги, вырученныя отъ продажи костюма и проч. вещей Карповича. Костюмы же всѣхъ прочихъ, въ томъ числѣ и мой, какъ говорятъ, были преданы сожженію.

3) Книги, которыя мы покупали на свои заработанныя суммы. Напр. въ одномъ 1904 году было затрачено не менѣе 25 руб. изъ этихъ суммъ. Такъ оплачены были напр. десяти томныя воспоминанія Фабра (*Souvenirs entomologiques*) и журналъ физико-хим. общества.

4) Книги, пожертвованныя намъ частью черезъ подвижной музей изъ Петербурга, частью черезъ Пахаловича и др. чиновъ администраціи.

Я еще не говорилъ, что Пахаловичъ вообще доставлялъ намъ много книгъ для чтенія. Откуда онъ ихъ бралъ, мнѣ неизвѣстно; но онъ охотно и въ изобиліи доставлялъ ихъ, на русскомъ и франц. языкахъ и притомъ большею частью такого сорта, какихъ мы не могли разсчитывать получить оффиціальнымъ путемъ. Отъ него напр. мы могли получать все главное по политической экономіи, начиная съ Маркса, который въ то время, особенно въ жандармскомъ вѣдомствѣ, считался настоящимъ жупеломъ. До этого, отдѣлъ политич. экономіи у насъ представленъ былъ исключительно Шторхомъ, забытымъ русскимъ экономистомъ временъ Александра I, и Тьеромъ съ его трактатомъ «о собственности». Многія изъ доставленныхъ черезъ Пахаловича книгъ, въ томъ числѣ и три тома свода законовъ, поступили совсѣмъ въ нашу бібліотеку.

Іюнь 1906 г.
Выборгъ.

М. Новорусскій.

Эпизодъ изъ жизни В. Г. Бѣлинскаго.

(По неизданнымъ даннымъ).

I.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1848 года въ Петербургѣ случилось слѣдующее происшествіе.

Въ домъ Буданиной, что по Гороховой улицѣ между Садовой и Семейнымъ мостомъ было подано письмо или, какъ въ то время говорили, „пашквиль“. Подаль письмо неизвѣстный молодой человѣкъ, по описанію, „средняго роста, лицо бѣлое, носикъ острый, въ сѣрой шинели, фуражка à la poika“. Письмо было доставлено въ III-е отдѣленіе и доложено начальнику его графу А. Ф. Орлову. Повидимому, въ намѣренія автора какъ разъ и входило, чтобы шефъ жандармовъ (онъ же начальникъ III отдѣленія) прочелъ это письмо. Письмо же заключало въ себѣ обращеніе къ графу Орлову нижеслѣдующаго содержанія ¹⁾:

О р л о в ѣ !

Ни древняя, ни средняя, ни новая исторія не передаютъ намъ столь поучительнаго примера тому, что совершается въ наше время! — Западъ просвещенной Европы, отъ Франціи до Россіи, взволновался—ринулся къ ниспроверженію властей.— Что причиною такого бурнаго, всеобщаго возстанія народовъ противу властей? — сами власти! — Законы, которыми охраняется безопасность, созидаются щастіе и благоденствіе народа, парализованы властями! — Жадность къ обогащенію, неправосудіе и наглое самовластіе повелителей народовъ, а равно и тѣхъ, которые окружаютъ троны ихъ, эти надменные памятники злополучнаго народа, угнетаютъ все, что ниже ихъ, и что поручено ихъ власти, все это, въ безуміи своемъ, вздумали считать неравными имъ созданіями Божіими, не изъ того же, будто бы, матеріала, какъ и они, созданными, а какими то презрѣнными тварями, или вещами, стоящими внѣ природы человѣческой, сработанными неискуснымъ мастеромъ, или случайною игрою природы.—Сверхъ того, захвативъ себѣ всѣ преимущества и отличія, народу оставили только тяжкій кровавый трудъ и горькую нищету.

Вотъ источникъ, изъ котораго по Западу Европы пролился бурный потокъ, угрожающій теперь, справедливо парализовать личныя власти и со-

¹⁾ Приводимъ съ сохраненіемъ правописанія.

крушить ихъ могущество. Народы долго стонали подъ бременемъ необузданнаго самовластія!—Этому стону не внимали Цари, усыпленные своими кромешниками—что остается дѣлать измученному народу? Употребить свою силу противу беззаконной силы властей! Нарушителей закона, Божескаго и человѣческаго, злоупотребителей власти, — низпровергнувъ ихъ, установить новый порядокъ, согласный съ благомъ народа, порядокъ, пользу котораго ближе знаетъ и чувствуетъ самъ народъ, ибо цари, до безчувственнаго опьяненія упившись своимъ величіемъ, забыли, что они цари, подобныхъ имъ человѣковъ.

Не дерзость, не безуміе, какъ реветъ Николай, а светлое благоразуміе, просіявшее изъ света наукъ, угрожаетъ подобнымъ возстаніемъ, не Россіи, а мерзкимъ властямъ въ Россіи—урокъ данный властямъ просвѣщенными народами запада, долженъ быть прочитанъ имъ и у насъ въ Россіи, ибо между нашими властями есть люди, вышедшіе изъ вонючей грязи, и эти-то люди, не по достоинству и прямой заслугѣ отечеству, поднявшись изъ ничтожества на опасную высоту власти, смотрятъ съ нее на все и на всѣхъ, что ниже ихъ, съ презрѣніемъ давятъ, угнетаютъ все въ угрожденіе своему обожаемому кумиру. Такъ! урокъ этотъ неизбѣжно долженъ выполниться и разразиться надъ пустыми и надутыми головами властолюбцевъ — будетъ! и будетъ тоже въ Россіи, если еще не въ сильнѣйшемъ, какъ на западѣ, разгарѣ озлобленнаго народа русскаго, страшнаго на поляхъ битвы, ужаснаго въ пылу мятежа противу разсвирѣпѣвшаго беззаконія властей. Истые по крови и вѣрѣ угнетенные русскіе, должны ожидать этой минуты, какъ благословенія небесъ!... стонъ народовъ услышанъ небесами на Западѣ Европы!...

Орловъ! ты хвалишься дружбою къ Николаю! скажи ему, что ежели не-хочетъ онъ, чтобы царствованіе его заключилось позоромъ и низверженіемъ

....., то пусть ежели его благо неразрывно съ благомъ русскихъ, какъ говоритъ онъ всенародно пусть предупредить у насъ ужасную грозу, которая поучительно поднялась съ Запада Европы, — пусть вникнетъ въ дѣйствія своихъ обаятелей кромешниковъ, подлыхъ министровъ— пусть приклонитъ слухъ свой къ воплю обиженныхъ, угнетенныхъ и слѣдовательно раздраженныхъ противу властей, а такихъ у насъ, къ несчастію, много! очень много!— пусть добросовѣстно — съ заботливымъ вниманіемъ заглянетъ въ разные низшіе и высшіе, до сената и далѣе суды,—эти торжища юстиціи, въ которыхъ правосудіе продается публично, ненаказанно — пусть для блага народа истребитъ разсвирѣпѣвшее тамъ зло неправосудія и лихоимства — пусть вникнетъ, какъ непрестанными налогами на разные предметы ограбляется народъ въ пользу своего властелина и его любимцевъ— впрочемъ что объ этомъ плодитъ слова напрасно—Царская Славянка, есть свѣжій, подлый памятникъ несправедливости и насилія , памятникъ постыдный для жадности . . . , ненасытившагося еще ограбленіемъ народа!

Будетъ!... и будетъ такъ.. а некакъ думаетъ Николай съ своими кромешниками!.. Сѣмя искусною рукой брошенное въ подготовленную землю, при тщательномъ и неусыпномъ надзорѣ, хотя и будетъ можетъ быть полито кровью, однако выростетъ, принесетъ желаемый плодъ и жатву обильную!..

Такъ судьбы раздраженнаго народа вступили нынѣ въ славную борьбу съ судьбою царей, — сладко, беззаботно уснувшихъ въ объятіяхъ неограниченнаго самовластиа, тиранскаго для человѣчества... народы вышли уже изъ младенческой колыбели—возмужали—нельзя теперь убаюкивать ихъ ничтожными ласками—эфемерными обѣщаніями, однимъ словомъ безстыдно обманывать, а въ случаѣ устрашать силою власти, которая, предъ глазами всего свѣта, замаралась въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ!

Начинается борьба страшная, великая; но давно и глубоко обдуманная, восторжествуетъ надъ ложными земными Богами, подлою лестію такъ названными, которые сдѣлались презрѣнными и отвратительными въ глазахъ угнетенныхъ народовъ!..

Разумейте Цари! что гласъ народа есть Гласъ Божій, покаяйтесь яко съ народомъ Богъ.

Истый Русскій.

Не знаемъ, какое впечатлѣніе произвела на Орлова эта своеобразная прокламація, содержание которой стало извѣстнымъ III-му отдѣленію. Кѣмъ бы ни было написано это обращеніе, оно во всякомъ случаѣ характерно для настроенія извѣстной, весьма незначительной, конечно, части общества въ 1848 году.

Дѣлу съ „пашквилемъ“ или, точнѣе, дѣлу „о безыменномъ письмѣ съ возмутительными предсказаніями насчетъ будущаго въ Россіи“ былъ данъ ходъ. III-е отдѣленіе рѣшило разыскать автора. На письмѣ Л. В. Дуббельтъ положилъ слѣдующую помѣтку: „спросить Булгарина“, а на запискѣ о лицѣ, подбросившемъ письмо, его же рукой помѣчено „искать въ типографіяхъ.“

Вѣрный другъ III-го отдѣленія Ф. В. Булгаринъ пустилъ въ ходъ свои критическія способности и весьма скоро, на основаніи критическаго анализа, представилъ рукопись, озаглавленную имъ весьма деликатно: „догадки“. На самомъ дѣлѣ „догадки“ представляли сплошной доносъ. Вотъ онѣ:

Д о г а д к и .

1. Письмо непремѣнно писано человѣкомъ, владѣющимъ хорошо Русскимъ языкомъ.—Еслибъ мнѣ пришлось поправлять слогъ, едва ли я нашель бы что поправить.—Относительно правописанія очевидно, что *яти* (ѣ) поставлены *умышленно* не на своихъ мѣстахъ.—Писалъ письмо Русскій человѣкъ, а Русскіе, не знающіе основательно грамматики, по свойству Русскаго произношенія,—смягчающаго букву *е* и всегда ставятъ *ь*, тамъ гдѣ должно быть *е*. Въ письмѣ напротивъ *ѣ* поставлены иногда правильно; а чаще вмѣсто *ь*—стоитъ *е*. Слово *Кромешники* находящееся въ письмѣ доказываетъ, что Авторъ занимался Русскою Исторіею—ибо это слово не употребляется ни въ разговорѣ, ни въ Изящной словесности—и первый Карамзинъ ввелъ его въ Исторію, означая словомъ *Кромешники* (правильно *кромѣшники*) тѣлохранителей Царя Іоанна Васильевича Грознаго, названныхъ *отричниками*. *Кромѣшникъ*—то же что *злой душъ*, отъ тьмы *кромѣшнїя* т. е. *ада*.

2. Воспоминаніе о покупкѣ Государемъ Славянки могло превратиться въ преступленіе только въ головѣ человѣка близкаго къ кругу Графини Воронцовой-Дашковой. Бабушка Графа В. А. Соллогуба, извѣстнаго писателя,

урожденная Нарышкина, тетка покойнаго Кириллы Александровича Нарышкина, слѣдовательно, Графъ В. А. Соллогубъ близкій родственникъ Графини Воронцовой-Дашковой. Не говорю, что Соллогубъ писалъ письмо—но какъ у него бывають. Литературныя Собранія, равно и у Князя Одоевскаго, на которыхъ собираются всѣ сотрудники и издатели Отечественныхъ Записокъ и Современника, т. е. писатели, такъ называемой натуральной школы, то невозможно, чтобъ въ этихъ собраніяхъ не было рѣчи о Славянкѣ, занимавшей все высшее общество.—Тутъ у одного изъ присутствующихъ въ собраніи могла родиться мысль о мнимой несправедливости, оказанной Графинѣ Воронцовой-Дашковой.

3. Болѣе и смѣлѣе другихъ вопіють нынѣ въ пользу революцій. молодой писатель Бутковъ, сотрудникъ Отечественныхъ записокъ и Современника, авторъ юмористическаго сочиненія: „Петербургскія Вершины“. Некрасовъ, издатель Современника (одинъ изъ трехъ издателей: два другіе суть Цензоръ Никитенко и Иванъ Ивановичъ Панаевъ)—и несчастный Фейгинъ, пріятель Краевскаго, который часто обѣдаетъ у Фейгина. Фейгинъ почитаетъ себя обиженнымъ и раззореннымъ несправедливостью. Бутковъ родомъ изъ мѣщанъ, былъ прежде письмоводителемъ или домашнимъ Секретаремъ у Фейгина и писалъ дѣловыя бумаги и проэкты, подъ его диктовку. У Фейгина есть идеи—но онъ не знаетъ Русскаго языка, хотя страстный охотникъ морать бумагу.

Этотъ Бутковъ, года за два предъ симъ, явился ко мнѣ, въ самомъ несчастномъ видѣ. Я его призрѣлъ, далъ денегъ, напечаталъ нѣсколько его статей, но замѣтивъ въ немъ безпокойный духъ и революціонныя правила, за которыя онъ въ нашей редакціи прозванъ ожесточеннымъ, я посовѣтовалъ ему оставить Сѣверную Пчелу и перейти къ Краевскому и Никитенкѣ, по сходству образа мыслей—что онъ и сдѣлалъ, и принять въ обѣ редакціи. Иногда Бутковъ заходитъ въ редакцію Сѣверной Пчелы, къ нашему корректору, кажется подсылаемый Либеральною партіей: однажды я засталъ его въ редакціи—и онъ до моего прихода объявилъ,—что жизнь моя находится въ опасности и что при первомъ возмущеніи меня убьютъ, какъ приверженца Правительства. Мои корректоры и писцы пересказали мнѣ это, въ шутку въ присутствіи Буткова и я также, шутя, возразилъ: „если будетъ бунтъ—Бутковъ защититъ меня и поставитъ у моего дома почетную стражу“.—Недѣли черезъ двѣ послѣ этого—я получилъ, черезъ городскую почту, грозное письмо, въ которомъ угрожаютъ убить меня, если я не перестану писать въ защиту Самодержавія.

Некрасовъ самый отчаянный коммунистъ: стоитъ прочесть стихи его и прозу въ С.-Петербургскомъ Альманахѣ, чтобъ удостовѣриться въ этомъ. Онъ страшно вопіетъ въ пользу революцій.

4. Названіе Государя въ письмѣ Нѣмцемъ—приводитъ невольно къ заключенію, что письмо писано человѣкомъ незнающимъ Нѣмецкаго языка—ибо эти люди у насъ болѣе прочихъ вопіють противу Нѣмцевъ, ненавидятъ ихъ и подобно шайкѣ Рылѣва считаютъ Царскую фамилію Нѣмецкою. Таковы Бутковъ и Некрасовъ.

Мѣры къ отысканію автора письма.

1. Мнѣ кажется, что лучше всего начать съ того, что уже было сдѣлано, когда къ фельдфебелямъ были разосланы возмутительныя письма, а именно забрать всѣ рукописи у издателей газетъ и журналовъ и въ Конторѣ Края, издателя Справочнаго Энциклопедическаго Лексикона. Особенное вниманіе должно обратить на Отечественныя записки (печатаемыя въ типографіи Глазунова), Современникъ (печатается у Праца въ домѣ Греча), Русскій Инвалидъ (въ Военной Типографіи) и Литературную Газету (не знаю гдѣ, ибо не вижу газеты) и пересмотрѣть и сравнить рукописи Буткова и Некрасова.

2. Бутковъ и Некрасовъ любятъ оба выпить, а Бутковъ таскается по трактирамъ и недавно едва не былъ схваченъ за вранье, какъ онъ самъ рассказывалъ въ редакціи Сѣверной Пчелы. Некрасовъ ведетъ себя повыше и упивается шампанскимъ, и упившись вретъ.—Нельзя ли найти человѣка, который бы напоилъ ихъ и пораспросилъ.

3. Славянка—въ письмѣ есть такое явное указаніе, что можно навѣрно предполагать, что письмо вышло изъ круга, въ которомъ находятся люди близкіе къ обществу Графини Воронцовой-Дашковой, а слогъ письма доказываетъ, что оно писано Литераторомъ. А какъ у насъ только одинъ Литературный кругъ, именно издателей и сотрудниковъ Отечеств. Записокъ и Современника, къ которому примкнули два человѣка изъ общества Графини Воронцовой-Дашковой—именно Соллогубъ и Князь Одоевскій—то въ этомъ кругѣ и должно отыскивать автора письма.

4. Полагаю, что этимъ однимъ письмомъ не ограничится партія. Весьма полезно было бы, еслибъ во всѣхъ лавочкахъ и мѣстахъ гдѣ принимаются письма на городскую почту были штемпели съ нумерами, т. е. чтобъ каждое мѣсто имѣло свой номеръ или пожалуй букву, и получивъ письмо, тотчасъ клеймило его, чтобъ узнать изъ какого мѣста прислано письмо. Это облегчило бы розысканія.

З а к л ю ч е н і е.

Не дай Богъ никого довести до бѣды подозрѣніемъ, но зная характеристику непокойныхъ людей и ихъ отношенія, легче добраться до истины и найти виновнаго. Авторъ письма такой злодей, что по моему мнѣнію хуже убійцы.—Не дерзаю представлять моихъ мнѣній, но мнѣ кажется, что въ нынѣшнее время Государю Императору неслѣдовало бы одному прогуливаться пѣшкомъ раннимъ утромъ во кругъ Дворца, загроможденномъ лѣсами со стороны Большой Милліонной и по пустой Дворцовой Набережной. Революціонеры во всей Европѣ боятся *одного* Императора Николая Павловича; Прусская и Австрійская Польши объаты уже пламенемъ; въ Русской Польшѣ страхъ держитъ всѣхъ въ покоѣ; въ Россіи есть революціонные фанатики, не хуже французскихъ, что доказываетъ и *письмо*. Спокойствіе миллионновъ людей зависитъ отъ *одного лица*—и это лицо—отвѣтственно предъ Богомъ и человѣчествомъ за наше счастье и спокойствіе. Точно такъ, какъ фанатики озлоблены противу Наполеона,—Нынѣ озлоблены противу Императора

Николая Павловича—и невѣрять, чтобы Россія не вмѣшалась въ дѣла Европы. Самъ Король Прусскій, въ своей Прокламаціи, объявилъ, что опасность угрожаетъ Германіи съ *двухъ сторонъ*. Какія же это стороны:—Разумѣется: *Франція* и *Россія*.—А какъ не повѣрить Королю Прусскому, бывшему вѣрному союзнику Россіи?—Развѣ чужіе края не могутъ выслать эмиссаровъ: Примемъ это ужасное *письмо*, какъ предостереженіе, ниспосланное провидѣніемъ, и упавъ предъ престоломъ, воскликнемъ: *осторожность!*

Не входя въ детальныя розысканія по совѣту Булгарина, III-е отдѣленіе рѣшило почеркъ „пашквиля“ сравнить на первыхъ порахъ съ почерками двухъ литераторовъ: Н. А. Некрасова и В. Г. Бѣлинскаго. Съ этой цѣлью Михаиломъ Максимовичемъ Поповымъ, бывшимъ школьнымъ учителемъ В. Г. Бѣлинскаго, были написаны приглашенія явиться въ III-е отдѣленіе и Некрасову и Бѣлинскому.

Н. А. Некрасовъ на приглашеніе поспѣшилъ отвѣтить слѣдующимъ письмомъ.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаилъ Максимовичъ!

Въ отвѣтъ на приглашеніе Ваше, честь имѣю увѣдомить Васъ, что я явлюсь въ третье отдѣленіе въ понедѣльникъ слѣдующей недѣли, т. е. послѣ завтра.

Принося Вашему Превосходительству глубокую благодарность за великодушное предувѣдомленіе о причинѣ приглашенія, — имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью

Вашего Превосходительства
Милостиваго Государя
Покорнѣйшій Слуга
Н. Некрасовъ.

27 марта 1848 г.
СПБ.

2.

Извѣстно, что послѣдніе мѣсяцы своей жизни В. Г. Бѣлинскій былъ уже очень боленъ, слабъ, рѣдко вставалъ съ постели. Къ страданіямъ болѣзни присоединились еще терзавшія его нервы цензурная нападки и, наконецъ, полицейскія. Въ февралѣ 1848 года Михаилъ Максимовичъ Поповъ, бывший наставникъ Бѣлинскаго, а въ это время довѣреннѣйшій чиновникъ Л. В. Дубельта, прислалъ своему ученику приглашеніе явиться въ III отдѣленіе къ Л. В. Дубельту, который „желалъ бы познакомиться“ съ критикомъ“. Приглашеніе это перепугало больного Бѣлинскаго и его друзей. Онъ самъ уже былъ такъ слабъ, что не могъ двинуться изъ дома и отвѣтилъ Попову, что онъ боленъ и явится, лишь только поправится. 27 марта послѣдовало подтвержденіе перваго письма. М. М. Поповъ писалъ:

„Слышалъ я, что прежняя записка моя нѣсколько напугала васъ, милостивый государь Виссаріонъ Григорьевичъ.

Въ приглашеніи васъ нѣтъ другой причины, кромѣ того, что Леонтій Васильевичъ желаетъ познакомиться съ вами.

Вы, какъ литераторъ, пользуетесь извѣстностію; объ васъ часто говорятъ: очень естественно, что управляющій III-мъ отдѣленіемъ и членъ цензурнаго комитета желаетъ узнать васъ лично и даже сблизиться съ вами*.

Въ слѣдующихъ строкахъ М. М. Поповъ повторялъ приглашеніе явиться въ III отдѣленіе ¹⁾).

Биографы Бѣлинскаго, въ томъ числѣ и А. П. Пыпинъ ²⁾, не зная настоящихъ причинъ, вызвавшихъ письмо и приглашеніе Бѣлинскаго, строили различныя предположенія. Но дѣло было очень просто: III-е отдѣленіе заподозрило въ авторствѣ „пасквиля“, между прочимъ, и Бѣлинскаго. Его хотѣли поразспросить по этому поводу, а кстати и посравнить его почеркъ съ почеркомъ пасквиля. Съ этой цѣлью и было послано приглашеніе.

27-го же марта Бѣлинскій отправилъ М. М. Попову слѣдующее письмо (до сихъ поръ неизданное).

Милостивый Государь
Михаилъ Максимовичъ.

Изъ послѣдней вашей ко мнѣ записки я увидѣлъ, что вы не получили моего отвѣта на первую,—отвѣта, который я вручилъ вашему же посланному. Это обстоятельство вдвойнѣ для меня неприятно и прискорбно: и вы и Его Превосходительство Леонтій Васильевичъ можетъ думать, что я отлыниваю и какъ будто хочу притаиться несуществующимъ въ этомъ мірѣ, потому что и не являюсь и не даю отъ себя никакого отзыва. Если бы я и дѣйствительно предвидѣлъ себѣ въ этомъ приглашеніи бѣду, — и тогда такая манера избѣгнуть ея была бы слишкомъ дѣтскою и смѣшною. Ваша первая записка сначала точно привела меня въ большое смущеніе и даже напугала, тѣмъ болѣе, что нервы у меня все это время такъ раздражены, что и менѣе важныя обстоятельства дѣйствуютъ на меня тяжело и болѣзненно; но потомъ я скоро успокоился, тѣмъ болѣе, что былъ увѣренъ въ доставленіи вамъ моего отвѣта. Въ немъ писалъ я къ Вамъ, что, по болѣзни, не выхожу изъ дому. Я и теперь еще не оправился, и докторъ запретилъ мнѣ ходить до тѣхъ поръ, пока не просохнетъ земля и не установится теплая погода. Теперь же для меня, какъ для всѣхъ чахоточныхъ, самое опасное время: чуть простудишься слегка, и опять появляются ранки на легкихъ, какъ это уже не разъ со мною было. Конечно, я не въ постелѣ, и только безъ опасности для моего здоровья не могу выйти изъ дому, но въ крайности выйти могу. Только въ такомъ случаѣ, я очень боюсь, что Его Превосходительство, вмѣсто того, чтобы, изъ разговора со мною, узнать, что я за человекъ, узнаетъ только, какъ я кашляю до рвоты и до истерическихъ слезъ. И ваше послѣднее письмо застало меня въ актѣ рвоты, такъ что я ужъ и не знаю, какъ я смогъ расписаться въ книгѣ о полученіи. Со спины моей не сходятъ мушки да горчичники, и я съ трудомъ хожу по комнатѣ. Смѣю надѣяться, что такія причины могутъ мнѣ дать право, не боясь навлечь на себя дурного мнѣнія со стороны Его Превосходительства, отсрочить мое съ нимъ свиданіе еще на нѣкоторое время, пока не устано-

¹⁾ Приглашенія въ III отдѣленіе В. Г. Бѣлинскаго въ 1848 году напечатаны въ „Русской Старинѣ“ (т. XXXVI, 1882 г., ноябрь, стр. 434—435).

²⁾ См. его книгу: „В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка“ СПб. 1876 т. II стр. 330—331.

вится весна и я не почувствую себя хоть немного крѣпче. Будьте добры, Михаилъ Максимовичъ, какъ Вы прежде бывали ко мнѣ добры, потрудитесь увѣдомить меня, могу ли я поступить такъ. Меня пользуетъ главный докторъ Петропавловской больницы г. Тильманъ: онъ можетъ подтвердить справедливость моихъ словъ о состояніи моего здоровья.

Въ надеждѣ вашего отвѣта, имѣю честь остаться вашимъ, Милостивый Государь, покорнымъ слугой В. Бѣлинскій.

27 марта, 1848 г.

Но III-му отдѣленію не столь важно было личное знакомство съ Бѣлинскимъ. Почеркъ его такъ же, какъ и почеркъ Некрасова, былъ совсѣмъ не похожъ на почеркъ обращенія къ Орлову, поднятаго въ домѣ на Гороховой. На этомъ основаніи М. М. Поповъ докладывалъ Л. В. Дубельту:

Изъ писемъ Бѣлинскаго и Некрасова Ваше Превосходительство изволить усмотрѣть, что почерки ихъ не сходны съ почеркомъ безымяннаго письма.

Бѣлинскому я уже отвѣчалъ, чтобы онъ не беспокоился и пожаловалъ къ Вашему Превосходительству, когда дозволить его здоровье, хотя бы черезъ мѣсяцъ или черезъ два.

Для дальнѣйшихъ розысковъ, не лучше ли испросить разрѣшенія графа: потребовать отъ Краевскаго и Никитенко по одной подлинной рукописи, изъ старыхъ или изъ новыхъ, всѣхъ сотрудниковъ О. З. и Совр.; а послѣ, если здѣсь ничего не найдемъ, потребовать рукописи отъ Края. Предложить можно поставить то, что Ваше Превосходительство, какъ членъ комитета подъ предсѣдательствомъ кн. Меншикова, встрѣчаетъ надобность, разсмотрѣть черновыя рукописи всѣхъ сотрудниковъ, дабы видѣть, что въ нихъ было уничтожаемо и пропускаемо цензурой. Комитетъ уже не тайна для литературы.

Но графу А. Ф. Орлову рвеніе его подчиненныхъ показалось, очевидно, чрезмѣрнымъ, и происки Булгарина не принесли желаннаго плода. По докладѣ ему всѣхъ обстоятельствъ произведеннаго отдѣленіемъ слѣдствія графъ не выразилъ согласія на предложенный Булгаринымъ и Поповымъ планъ дѣйствія.

На докладной запискѣ Попова Дубельтъ написалъ: „графъ не согласенъ“. Тѣмъ и кончилось дѣло о „возмутительномъ письмѣ“.

п. щ.

Семья декабристовъ.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Михаилъ Федоровичъ Орловъ, его тесть Н. Н. Раевскій—герой 12-го года, пушкинскій „Демонъ“ А. Н. Раевскій, М. Н. Волконская, урожденная Раевская, Кишиневъ въ 1821 году, Одесса въ 1825-мъ и слѣдствіе надъ Орловымъ и Волконскимъ въ 1826 году:—кто любитъ жизнь Пушкина и знаетъ исторію декабристовъ, тому эти имена и цифры говорятъ много. И тотъ знаетъ также, что эти лица, какъ разъ въ эти годы, связаны между собой не только родственными узами, но составляють въ совокупности какъ-бы историческую ячейку, видную и типичную для того времени. Изобразить строеніе и быть такой ячейки, рассказать безъ притязаній, *какъ отразился въ ея судьбахъ основной историческій процессъ данной эпохи*,—это, вѣроятно, наиболѣе совершенный изъ всѣхъ не-художественныхъ способовъ воспроизвести характеръ какого-нибудь минувшаго времени. Именно такова задача предлагаемыхъ страницъ. Нарисовать такую картину можно, разумѣется, только на основаніи достаточнаго числа непосредственныхъ документовъ, современныхъ событіямъ,—и въ настоящемъ случаѣ это оказалось возможнымъ: сотни писемъ, поблекшихъ отъ времени, сохранили намъ не только память дѣлъ и отношеній, но до извѣстной степени и самую атмосферу тогдашней жизни. Эти письма когда-то вскрывались дрожащими отъ волненія руками и сами трепетали жизнью, но долетѣвъ до цѣли и передавъ вѣсть, они падали на землю, какъ голубь, охваченный сномъ. Почти чрезъ вѣкъ они оживаютъ для насъ. Это не воспоминанія и не лѣтопись; это рассказываетъ о себѣ день за днемъ сама жизнь, само взволнованное ея чувство, сама работающій надъ нею умъ. До сихъ поръ мы знаемъ хорошо, т.-е. по непосредственнымъ матеріаламъ, только три момента изъ исторіи декабристовъ: 1) ихъ политическіе взгляды въ разгаръ движенія—по ихъ уставамъ и проектамъ, 2) ихъ психологію во время слѣдствія—по ихъ показаніямъ, и 3) ихъ психологію въ поздней ссылкѣ, въ 50-хъ годахъ, когда большинство изъ нихъ писало свои мемуары.

Намъ не достаетъ одного, и, можетъ быть, самаго важнаго звена: мы никогда не сумѣемъ понять правильно движеніе декабристовъ, пока не уяснимъ себѣ пятимной исторіи ихъ роста и сформированія.

I.

Когда въ 1816 году М. Ѳ. Орловъ окончательно вернулся въ Россію, ему было всего 28 лѣтъ, но онъ успѣлъ уже сдѣлать блестящую карьеру ¹⁾. Сынъ младшаго брата екатерининскихъ Орловыхъ, онъ воспитывался въ аристократическомъ пансіонѣ аббата Николая, юношей вступилъ въ Кавалергардскій полкъ, быстро выдвинулся въ Отечественной войнѣ и уже въ 1812 году былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ государю. Александръ полюбилъ его; ему поручилъ онъ въ 1814 году заключить капитуляцію Парижа, его-же послалъ затѣмъ въ Данію для заключенія договора о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи, назначилъ его генераль-маіоромъ своей свиты и держалъ въ большой близости къ себѣ. Дорога Орлова вела, казалось, круто вверхъ. У него было въ избыткѣ все, что нужно для успѣховъ въ свѣтѣ: молодость, знатность, богатство, расположение царя, открытый и смѣлый характеръ, прекрасная, представительная наружность. Между тѣмъ, всѣ эти дары фортуны не пошли ему въ прокъ и его дальнѣйшая жизнь сложилась, въ смыслѣ карьеры, вполне неудачно. По пріѣздѣ въ Петербургъ его звѣзда очень скоро идетъ на уклонъ,—и, надо замѣтить, это вовсе не было дѣломъ случайности, а произошло въ силу естественной логики вещей.

Дѣло въ томъ, что Орловъ, подобно большинству будущихъ декабристовъ, вернулся изъ французскаго похода обуянный самымъ пламеннымъ патриотизмомъ и жаждой дѣятельности на пользу родины. Онъ принадлежалъ, повидимому, къ числу самыхъ нетерпѣливыхъ. Н. И. Тургеневъ, сблизившійся съ нимъ за границей, характеризуетъ его такъ: „Подобно всѣмъ людямъ съ живой и пылкой душою, но безъ устойчивыхъ идей, основанныхъ на прочныхъ знаніяхъ, онъ увлекался всѣмъ, что поражало его воображеніе“. Какъ-разъ сблизженіе съ Тургеневымъ въ 1815 году, въ Нанси, дало сильный толчекъ его либеральнымъ стремленіямъ. У насъ есть только очень смутныя свѣдѣнія объ адресѣ къ царю, который составилъ Орловъ по своему возвращеніи въ Россію ²⁾. Это была петиція объ уничтоженіи крѣпостнаго права; кромѣ самого Орлова, ее подписали многіе высшіе сановники, въ томъ числѣ Васильчиковъ, Воронцовъ и Блудовъ. Дальнѣйшая судьба этого адреса неизвѣстна, но для

¹⁾ Факты вѣвшей біографіи М. Ѳ. Орлова см. въ *Остаф. арх.* т. I, стр. 457—9, и *Рус. Біограф. Слов.*, т. Об—Оч, 1905, ст. г. А. Петрова; здѣсь же и бібліографія.

²⁾ Записки С. Г. Волконскаго, I изд., стр. 407.

Орлова онъ повидимому не имѣлъ никакихъ неприятныхъ послѣдствій: отношеніе къ нему царя осталось дружественнымъ по-прежнему. Болѣе точныя данныя имѣются о другой либеральной попыткѣ Орлова, относящейся къ 1817 году. Весною этого года, т. е. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи въ Петербургъ ¹⁾, онъ былъ избранъ въ члены безпечнаго и веселаго литературнаго общества „Арзамасъ“. По заведенному обычаю всякій новоизбранный долженъ былъ произнести надгробное слово одному изъ членовъ, конечно, живому. Въмѣсто этого Орловъ выступилъ съ серьезной рѣчью, въ которой указывалъ, что недостойно мыслящихъ людей заниматься пустяками и литературными препирательствами, когда кругомъ такъ много нужнаго дѣла, и умолялъ своихъ сочленовъ дать дѣятельности общества иное, болѣе патриотическое направленіе. Онъ предлагалъ съ этой цѣлью двѣ мѣры: во-первыхъ, завести журналъ, „когда статьи новостью и смѣлостью идей пробудили-бы вниманіе читающей Россіи“, во-вторыхъ, предоставить каждому изъ живущихъ не въ столицѣ членовъ учредить въ мѣстѣ его пребыванія филиальное общество подъ руководствомъ главнаго, и такимъ образомъ покрыть всю Россію сѣтью отдѣленій ²⁾. Этотъ широкій планъ не встрѣтилъ достаточнаго сочувствія среди членовъ и остался втунѣ, но мысль о журналѣ получила ходъ и не была осуждена только потому, что правительство отказало въ разрѣшеніи. До насъ дошла программа этого предполагаемаго журнала. Первое мѣсто въ немъ долженъ былъ занимать политическій отдѣлъ, который брали на себя Орловъ, Н. Тургеневъ и Д. Сѣверинъ; цѣлью его ставилось „распространеніе идей свободы, приличныхъ Россіи въ ея теперешнемъ положеніи, согласныхъ со степенью ея образованія, не разрушающихъ настоящаго, но могущихъ приготовить лучшее будущее“ ³⁾. Какъ извѣстно, всѣ первыя попытки совмѣстной дѣятельности у будущихъ декабристовъ носили именно такой—просвѣтительно-реформаторскій, а не революціонный характеръ.

Потерпѣвъ неудачу въ „Арзамасѣ“, Орловъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно. Способъ дѣйствія напрашивался самъ собою, въ соотвѣтствіи съ духомъ времени и примѣромъ Западной Европы. Позднѣе, на допросѣ 1826 года, Орловъ показывалъ, что образцомъ ему служилъ Тугендбундъ: по примѣру послѣдняго онъ задумалъ образовать тайное общество, „составленное изъ самыхъ честныхъ людей, для сопротивленія лихоимству и другимъ безпорядкамъ, кои слишкомъ часто обличаются во внутреннемъ управленіи Россіи“ ⁴⁾. Слѣдуя увлеченію,

¹⁾ Зимой и весною 1815—16 г. Орловъ по болѣзни провѣлъ въ Парижѣ, лѣто—на водахъ въ Барежѣ, и въ Петербургъ вернулся въ ноябрѣ 1816 г.

²⁾ Н. Тургеневъ, „La Russie et les Russes“, I, 172—3, Вигель, нов. изд., ч. V, 51—52.

³⁾ Бумаги Жуковскаго, см. Отчетъ И. Публ. Библ. за 1887 г., приложеніе, стр. 82.

⁴⁾ „Записка о тайномъ обществѣ“, представленная Орловымъ слѣдственной комиссіи 1826 г., Довнаръ-Запольскій, *Мемуары декабристовъ*, 1906, стр. 3 и 25.

овладѣвшему тогда передовымъ слоємъ русскаго общества, онъ хотѣлъ придать предполагаемому кружку полумасонскій характеръ и съ этой цѣлью привлечь къ своему замыслу графа Дмитріева-Мамонтова, сильно интересовавшагося русскимъ масонствомъ. Къ нимъ примкнуло еще нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ Н. И. Тургеневъ; союзъ долженъ былъ называться Обществомъ Русскихъ Рыцарей, и Орловъ собирался представить его уставъ на утвержденіе царя. Извѣстно, что завязавшіеся было переговоры между Орловымъ и Александромъ Муравьевымъ о сліяніи этого общества съ возникшимъ незадолго Союзомъ Спасенія, не привели ни къ чему, да и самое общество Русскихъ Рыцарей въ концѣ концовъ не состоялось ¹⁾.

Всѣ эти патріотическія затѣи Орлова, слѣдовавшія одна за другой на краткомъ промежуткѣ меньше чѣмъ въ годъ (съ конца 1816 по конецъ 1817 г.), свидѣтельствовали о такомъ кипучемъ усердіи къ общему благу, которое, при личной близости Орлова къ императору, недолго могло оставаться безнаказаннымъ. И дѣйствительно, скоро Орловъ нарвался на крупную непріятность.

Подобно большинству позднѣйшихъ декабристовъ, онъ соединялъ съ просвѣщеннымъ либерализмомъ горячее чувство національнаго достоинства, доходившее подчасъ до того, что Н. И. Тургеневъ, европеецъ до мозга костей, мѣтко называлъ патріотизмомъ рабовъ. Это чувство, заставлявшее Орлова сердиться на Карамзина за то, что онъ въ началѣ своей „Исторіи“ не помѣстилъ какой-нибудь гипотезы о происхожденіи славянъ, „лестной родословному чванству народа русскаго“ ²⁾, было въ 1817 году тяжело оскорблено дарованіемъ конституціи Польшѣ и слухами о намѣреніи Александра отдѣлить отъ Россіи Литву. Этотъ самый слухъ едва не довелъ Якушкина до царубійства, а Орловъ составилъ записку къ государю, направленную противъ эмансипаціи Польши, и началъ собирать подписи въ кругу генераловъ и сановниковъ. Императоръ, узнавъ заблаговременно объ этомъ предпріятіи, призвалъ Орлова и потребовалъ составленную имъ записку; Орловъ, конечно не желая выдавать тѣхъ, кто подписался подъ нею, отказался представить ее, заявивъ, повидимому, что она у него пропала ³⁾. Это было послѣднее свиданіе царя съ его бывшимъ любимцемъ. Вскорѣ затѣмъ Орловъ былъ удаленъ въ Кіевъ на должность начальника штаба при 4-мъ корпусѣ, которымъ командовалъ тогда Н. Н. Раевскій. Въ Кіевѣ онъ прожилъ съ лишнимъ два года, и слѣдующій его служебный этапъ—назначеніе въ Киши-

¹⁾ *Русск. Стар.* 1904 года, мартъ, 491; апрѣль, 26. Тургеневъ I, 222—224. *Докладъ слѣдств. ком.* по дѣлу 14 дек.

²⁾ Остаф. арх. I, 347 и 653.

³⁾ *Русск. Стар.* 1904, мартъ, 491—2, Тургеневъ, I, 86, Якушкинъ 45. „Записка“ Орлова, у Д. -Запольскаго, лит. соч., стр. 3.

невъ начальникомъ дивизіи въ 1820 году—быль новой почетной ссылкой, наполовину, впрочемъ, добровольной.

II.

Его письма за кievскій періодъ представляютъ драгоценный матеріалъ для характеристики настроенія и образа мыслей его сверстниковъ объ эту пору. Что представлялъ собою будущій декабристъ около 1819 года, т. е. въ разгаръ дѣятельности Союза Благоденствія, объ этомъ приходится судить вообще только по показаніямъ декабристовъ на слѣдствіи 1826 г., да по ихъ воспоминаніямъ, записаннымъ еще десятки лѣтъ поздиѣе. И тотъ, и другой родъ свидѣтельствъ, конечно, не даютъ вѣрной картины; въ нихъ надо учитывать забывчивость, сознательный и иногда тенденціозный подборъ чертъ, наконецъ, невѣрное освѣщеніе въ зависимости отъ иной, новой точки зрѣнія на вещи. Здѣсь же предъ нами современные и завѣдомо-непосредственные показанія, субъективность которыхъ только повышаетъ ихъ цѣну.

„Живу спокойно,—пишетъ Орловъ изъ Кіева сестрѣ (по мужу Безобразовой) ¹⁾—а чтобы быть счастливымъ, ты знаешь, мнѣ уже давно не нужно ничего другого, какъ не быть несчастнымъ. Эта философія отнюдь не должна удивлять тебя во мнѣ. Я вижу славу вдали, и можетъ быть когда-нибудь я добуду немного ея. Жить съ пользою для своего отечества и умереть оплакиваемый друзьями—вотъ что достойно истиннаго гражданина, и если мнѣ суждена такая доля, я горячо благодарю за нее Провидѣніе“.—Тутъ все типично: и этотъ стоицизмъ при едва сдерживаемомъ избыткѣ силъ, и готовность принести себя въ жертву общему благу, и мечты о славѣ, явно навѣяныя республиканскими героями Плутарха, и, можетъ быть, болѣе всего—потребность изліянія всѣхъ этихъ чувствъ въ чело-вѣкѣ уже давно вышедшемъ изъ юности (Орлову было въ это время лѣтъ 30), въ генераль-маіорѣ и начальникѣ штаба. Еще характернѣе слѣдующее его письмо къ самому Безобразову, мужу сестры, отъ 26 марта 1819 г. Рѣчь идетъ о борьбѣ, которую приходится вести Безобразову на его служебномъ посту въ Тамбовѣ. „Вѣрю,—пишетъ ему Орловъ по-русски,—вѣрю, сколь трудно тебѣ бороться съ устроеннымъ неустройствомъ нашего внутренняго правленія, и что система злодѣевъ, соединенныхъ тѣсно для избѣжанія несчастья, сильнѣе, нежели порывы одного отъ всѣхъ оставленнаго гражданина... Рано или поздно честность, умъ и добродѣтель должны взять верхъ, и сіе время, можетъ быть, не такъ отдаленно, можетъ быть на

¹⁾ Это, какъ и всѣ дальнѣйшія письма, цитируемыя въ настоящей статьѣ безъ указанія источника, печатаются здѣсь впервые, съ рукописныхъ подлинниковъ, и—гдѣ не оговорено противное—въ переводѣ съ франц. языка.

закатъ нашихъ дней увидимъ мы, любезный другъ, сіе дивное преобразование отечества нашего и ступимъ въ гробъ утѣшенной ногой (sic). Я о семъ только и думаю, и посреди разлитія всѣхъ пороковъ вижу съ упованіемъ добродѣтельную молодежь, возрастающую съ новыми правилами и безъ старыхъ предразсудковъ“.

„Я лѣнивъ немножко писать,—продолжаетъ онъ; да и къ тому же рѣдко пишу и по осторожности. Чѣмъ болѣе близки ко мнѣ и къ сердцу моему тѣ, съ коими бесѣдую, тѣмъ болѣе льются мои мысли, и тѣмъ откровеннѣе я пишу. Сіе стремленіе откровенности предъ нынѣшнимъ осторожнымъ вѣкомъ не есть добродѣтель: Она часто губить, да и самъ я уже нѣсколько разъ страдалъ отъ себя. Мнѣ друзья говорятъ: „неужели ничто тебя не исправитъ?“ Я имъ отвѣчаю: „да гдѣ-жъ порокъ? докажите, что дурно,—я исправлюсь“. Я думаю, что я правъ. Можетъ быть я останусь долго, можетъ быть и всегда въ моемъ ничтожествѣ, но по крайней мѣрѣ, ежели какой-нибудь благопріятный вѣтръ поведетъ меня выше, то принесу въ даръ Отечеству безпорочную жизнь и характеръ чуждый всѣмъ подлостямъ нынѣшняго вѣка“. Въ концѣ письма онъ обращается къ сестрѣ. „Благодарю тебя, любезная сестра, за присланную попку. Я ею покрою любимаго коня, а ежели-бъ открылось какое-нибудь средство стать грудью за Россію, то въ минуты отдохновенія подъ чистымъ сводомъ небесъ самъ лягу на нее и буду вспоминать о любезной сестрѣ. Пиши ко мнѣ и поцѣлуй всѣхъ дѣтей. Дай Богъ вамъ счастья и покоя, а мнѣ жизни бурливой за родную страну“.

Воинственныя нотки, звучація въ этихъ письмахъ, вовсе не были простой данью романтизму. Мы увидимъ сейчасъ, что всѣ эти приготовления „стать грудью за Россію“, это ожиданіе „благопріятнаго вѣтра“ имѣли для самого Орлова совершенно реальный смыслъ: онъ вполне сознательно ставилъ свое будущее въ зависимость отъ неминуемаго и близкаго общаго переворота. За два года онъ успѣлъ далеко передвинуться влѣво; теперь его занималъ уже не вопросъ объ искорененіи, съ одобренія верховной власти, лихоимства и прочихъ золъ, а вопросъ о коренномъ злѣ русской жизни—о безконтрольности и произволѣ этой самой власти, и по свойственной ему пылкости онъ считалъ эту задачу разрѣшимой сейчасъ-же, безъ всякой подготовки. Въ томъ же 1819 году Денисъ Давыдовъ, тогда начальникъ штаба по сосѣдству, въ Кременчугѣ, писалъ другому пріятелю Орлова, знаменитому вполѣдствіи П. Д. Киселеву: „Мнѣ жалокъ Орловъ съ его заблужденіемъ, вреднымъ ему и бесполезнымъ обществу; я ему говорилъ и говорю, что онъ болтовнею своею воздвигаетъ только преграды въ службѣ своей, которою онъ могъ-бы быть истинно полезнымъ отечеству. Какъ онъ ни дюжъ, а ни ему, ни бѣшеному Мамонову не страшнута абсолютизма въ Россіи“. Еще рельефнѣе письмо Киселева къ

самому Орлову того же времени: „Всѣ твои сужденія, въ теоріи прекраснѣйшія, на практикѣ неисполнимы. Многіе говорили и говорятъ въ твоемъ смыслѣ; но какая произошла отъ того кому польза? Во Франціи распри заключились тиранствомъ Наполеона... Вездѣ идеологи—вводители новаго въ цѣли своей не успѣли, а лишь дали предлогъ къ большому и новому самовластію правительствъ... Ты знаешь и увѣренъ, сколь много я тебя уважаю; но мысли твои неправильны и, конечно, съ сердцемъ твоимъ не сходны. Неудовольствія, грусть, сношенія съ краснорѣчивыми бунтовщиками и, сознаюсь, несправедливое бездѣйствіе, въ которомъ ты оставленъ,—вотъ тому причины. Скинь съ себя тебѣ неприличное. Не словами, но дѣломъ будь полезенъ; оставь шайку крикуновъ и устрями отличныя качества свои на пользу настоящую. Преобразователемъ всего не каждому быть можно; но я повторяю: каждому опредѣлено, каждому предназначено увеличивать блаженство общества, а ты, Орловъ, отъ добраго отшельцемъ быть не долженъ. Въ сужденіяхъ моихъ могу ошибаться, но цѣль моя благонамѣренная, и потому одинакая съ твоею. Разница въ томъ, что ты даешь волю воображенію твоему, а я ускромнѣю свое; ты ищешь средствъ къ улучшенію участи всѣхъ—и не успѣешь, а же—нѣсколькихъ только,—и успѣть могу. Ты полагаешь, что исторгнуть должно корень зла, а я—хоть срѣзать дурныя вѣтви. Ты опредѣляешь себя къ великому, а я—къ положительному“¹⁾.

Тутъ было, конечно, очень много честолюбія, понятнаго при такомъ избыткѣ силъ; но оно безусловно подчинялось идеѣ, т. е. направлялось исключительно на цѣли общаго блага, съ презрѣніемъ отвергая обычную мишуру чиновъ и почестей. Когда весною 1819 г. открылась вакансія начальника штаба гвардіи, и друзья Орлова въ Петербургѣ захотѣли выставить его кандидатуру на эту видную должность, онъ рѣшительно отвергъ ихъ предложеніе „Что мнѣ дѣлать въ Петербургѣ?—писаль онъ по этому поводу А. Раевскому.—Какъ я возьму на себя должность, которую оставить можно только вслѣдствіе опалы, занимать—только по милости. Вы меня знаете: похожь ли я на царедворца и достаточно ли гибка моя спина для раболѣпныхъ поклоновъ? Едва я займу это мѣсто, у меня будетъ столько же враговъ, сколько начальниковъ. Нѣтъ, милый другъ, я охотно уступаю моимъ соискателямъ всѣ почести, спасая свою честь. Да и то сказать: есть-ли тутъ повышеніе? Вѣдь и мѣсто начальника штаба я взялъ не такъ, какъ дѣлаются столаромъ или каретникомъ. Это не ремесло, и мнѣ вовсе не хочется на всю жизнь замкнуться въ узкій кругъ заботъ объ изготовленіи плановъ, задуманныхъ другими или мною для другихъ, смотря по характеру моихъ начальниковъ. Конечно, лучше быть начальникомъ главнаго штаба, чѣмъ начальникомъ

¹⁾ Русск. Стар. 1887, июль, стр. 228 и сл.

бригады, но еще лучше командовать дивизией. Поэтому я оставлю свое нынешнее мѣсто развѣ только для того, чтобы принять командованіе, а не для того, чтобы повиноваться другому, потому что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ начальниковъ я предпочитаю того, кому сейчасъ подчиненъ. Но оставимъ этотъ разговоръ о предметѣ, который меня вовсе не занимаетъ. Желаю всякаго благополучія старому и новому начальникамъ штаба гвардіи, но предпочитаю мое ничтожество ихъ величію...

„Я далъ нѣсколькимъ лицамъ то же порученіе, что вамъ, именно—узнать, начинаютъ-ли забывать меня? Вы одинъ поняли меня и отвѣчали мнѣ въ смыслѣ моего вопроса. Что вы пишете о моемъ положеніи при дворѣ, это я зналъ заранее и нисколько этому не удивляюсь. У меня хватаетъ самолюбія вѣрить, что я останусь ненужнымъ до тѣхъ поръ, пока направленіе внутренней политики не заставитъ призвать къ дѣламъ людей благомыслящихъ и умѣющихъ видѣть дальше своего носа. Вѣрьте мнѣ: всѣ, кто сейчасъ дѣйствуетъ, истощаются въ безплодныхъ усиліяхъ. Еще не настало время, когда старанія будутъ вознаграждаться обильными послѣдствіями. Пусть иные возвышаются путемъ интригъ: въ концѣ концовъ они падутъ при всеобщемъ крушеніи, и потомъ они уже не поднимутся, потому что тогда будутъ нужны чистые люди. Я понимаю, что мои слова нѣсколько загадочны, но ихъ смыслъ мнѣ вполне ясенъ, и можетъ быть когда-нибудь и вы признаете правильной мою точку зрѣнія и всю мою систему. Можетъ быть также я не увижу даже зари того прекраснаго дня, о которомъ мечтаю, но отъ того моя система не станетъ менѣе вѣрной для тѣхъ, кто переживетъ меня.

„Такъ думаютъ только немногіе—и въ этомъ-то наше несчастье. Найдись у насъ десять человѣкъ истинно благомыслящихъ и вмѣстѣ даровитыхъ, все приняло бы другой видъ. Что до меня, то я чувствую довольно силы въ самомъ себѣ, чтобы служить не для карьеры, а изъ гражданскаго долга. Вѣдь чего я въ сущности хочу? Нѣсколько болѣе широкой сферы дѣятельности, потому что я чувствую въ себѣ больше способностей, чѣмъ могу примѣнить въ моей обстановкѣ. Что-жъ! я буду ждать, буду ждать, если нужно, и десять лѣтъ. Это будетъ мнѣ только впрокъ, такъ какъ энтузіазма, основаннаго на любви къ принципамъ, я не утрачу, и приобрѣту разсудительность, являющуюся всегда плодомъ опыта. Итакъ, больше не говорите со мною тѣмъ языкомъ, какимъ написано ваше послѣднее письмо. Улыбка фортуны не значитъ для меня ничего, событіе—все*. Въ заключеніе—у него просьба къ Раевскому: „Вы такъ хорошо вывѣдали, что я значу при дворѣ; теперь узнайте, какъ относится ко мнѣ общественное мнѣніе. Лыщу себя мыслью, что на этотъ разъ ваши свѣдѣнія окажутся болѣе утѣшительными. Или, можетъ быть, я ошибаюсь?“

III.

Однако, въ ожиданіи „событія“ не приходилось сидѣть сложа руки—и Орловъ съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Кіевѣ дѣятельно принимается за общественную работу. Будучи по роду своей должности отрѣзанъ отъ непосредственнаго общенія съ солдатами, онъ не могъ примѣнять свои гуманныя убѣжденія въ предѣлахъ самой службы, какъ позднѣе въ Кишиневѣ, и его усилія естественно направились, главнымъ образомъ, на дѣло просвѣщенія.

Уже въ мартѣ 1818 года онъ обращается къ комитету „Общества начальнаго образованія въ Парижѣ“ (*Société d'instruction élémentaire*) съ любопытнымъ письмомъ, текстъ котораго дошелъ до насъ ¹⁾; оказывается, что 22 февраля 1816 г. онъ былъ выбранъ членомъ этого общества, цѣль котораго заключалась въ устройствѣ школъ по способу взаимнаго обученія. Онъ пишетъ, что, будучи назначенъ начальникомъ штаба въ Кіевѣ, онъ засталъ здѣсь ланкастерскую школу на 40 кантонистовъ, учрежденную ген. Раевскимъ. Теперь, принявъ это дѣло въ свои руки, онъ довелъ контингентъ учащихся до 600 человекъ. Обращаясь къ комитету французскаго общества, онъ проситъ считать его и впредь членомъ послѣдняго и не отказать ему въ поддержкѣ; онъ хотѣлъ-бы завязать правильныя сношенія съ комитетомъ, и на первый разъ проситъ выслать ему всѣ отчеты общества и лучшія сочиненія о методѣ Ланкастера.

Орловъ оказался пионеромъ этого дѣла въ Россіи. Ланкастерская метода тогда только начинала прививаться у насъ,—самое „Общество учрежденія училищъ по способу взаимнаго обученія“ было основано только въ 1819 г., и Кіевская школа, созданная усиліями и личными затратами Орлова, послужила образцомъ для всѣхъ военно-сиротскихъ училищъ. Въ 1819 г. число учениковъ дошло въ ней до 800 чел., и учебная программа, въ отличіе отъ другихъ аналогичныхъ школъ, не ограничивалась уже чтеніемъ, письмомъ и счетомъ, а обнимала и грамматику, катехизисъ и священную исторію. На посѣщавшихъ ее школа производила самое выгодное впечатлѣніе. Анонимный корресподентъ „Рус. Инвалида“ писалъ въ № 85 за 1819 г., что стараніями генераловъ Раевского и Орлова это заведеніе приведено въ такую степень совершенства, „что видѣть его и не восхищаться онымъ были бы двѣ совершенно несомнѣнныя идеи“. Еще восторженнѣе отзывается о школѣ Орлова извѣстный И. Р. Мартосъ, посѣтившій ее въ 1820 г. Онъ нашелъ въ ней уже 1800 учащихся, распределенныхъ на 8 классовъ; по его свидѣтельству, сюда присылались для обученія канто-

¹⁾ Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1896 г., стр. 192—5.

нисты изъ многихъ другихъ мѣсть, и обученными здѣсь учителями уже были открыты такія-же школы въ Москвѣ, Могилевѣ и Херсонѣ, такъ что эта школа, говоритъ Мартосъ, является, такъ сказать, „маткою взаимнаго обученія въ Россіи“ 1).

Въ связи съ ланкастерской методой стоитъ и дѣятельность Орлова въ кievскомъ отдѣленіи Библейскаго общества. Въ августѣ 1819 года, будучи выбранъ вице-президентомъ отдѣленія, онъ произнесъ въ торжественномъ собраніи общества обширную, тщательно составленную рѣчь, которая по содержанию сдѣлала-бы честь и любому общественному дѣятелю нашего времени. Поблагодаривъ за избраніе и съ горячимъ сочувствіемъ очертивъ просвѣтительныя заслуги Библейскаго общества, онъ выступилъ съ предложеніемъ, которое открывало обществу совершенно новое поле дѣятельности: онъ предлагалъ устроить въ Кіевѣ бесплатную приходскую школу всеобщаго обученія для сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей числомъ до 300 человѣкъ и содѣйствовать возникновенію такихъ-же школъ въ другихъ городахъ. Вся рѣчь дышала искреннимъ энтузіазмомъ къ дѣлу просвѣщенія массъ и смѣлымъ либерализмомъ. Говоря о противникахъ, которыхъ вѣроятно встрѣтитъ его предложеніе, Орловъ мастерски изобразилъ нравственный обликъ обскуранта. Эти люди, говорилъ онъ, вездѣ и всегда одинаковы. Любители не добродѣтелей, а только обычаевъ отцовъ нашихъ, хулители всего новаго, враги свѣта и стражи тьмы, они — настояція исчадія средневѣковаго варварства. Во Франціи они гонятъ свободомысліе и противятся введенію представительнаго строя; въ Германіи они защищаютъ остатки феодальныхъ правъ; въ Испаніи они раздуваютъ костры инквизиціи, въ Италіи возстаютъ противъ распространенія Св. Писанія; наконецъ, наша исторія полна ихъ усилій противъ возрожденія Россіи. Они были личными врагами нашего великаго преобразователя и бунтовали противъ него московскихъ стрѣльцовъ; при Елизаветѣ они порицали уничтоженіе смертной казни, при Екатеринѣ хулили ея Наказъ, и еще теперь, когда лучи просвѣщенія начинаютъ озарять наше отечество, они употребляютъ всѣ старанія, чтобы вернуть его къ прежнему невѣжеству и оградить отъ вторженія наукъ и искусствъ. Эти политическіе старовѣры убѣждены, что они — избранники, которымъ всѣ остальные люди обречены

1) *Кіев. Стар.* 1897 г., июль—авг., стр. 65 и сл. Записка Мартоса о школѣ Орлова любопытна и какъ показатель тѣхъ великихъ надеждъ, какія возлагало тогда наше общество на ланкастерскую систему въ смыслѣ быстрого просвѣщенія массъ. Онъ пишетъ: „Смотря на сей превосходи́йшій способъ, въ нашъ вѣкъ мношеству доставленный, переходить скорыми шагами изъ тьмы во свѣтъ, открывающій великолѣпные виды къ дальнѣйшему просвѣденію, нельзя не сказать: вотъ наступили послѣднія времена невѣжества, которое стремглавъ падеть въ бездну, какъ Луциферъ, со всѣми темными легіонами своими; а божественный Свѣтъ ума, коего всѣ желаютъ съ несотсѣю, взлѣдетъ на верхъ круга народныхъ смысловъ и будетъ озарять всѣхъ и вся, такъ удобно и легко, какъ озаряетъ вселенную свѣтъ солнца“.

въ рабство самимъ Промысломъ, и въ этой увѣренности они присваиваютъ себѣ всѣ дары небесныя и земныя, всякое превосходство, а народу предоставляютъ одни труды и терпѣніе; отсюда родились всѣ тиранническія системы правленія, начало которыхъ слѣдуетъ искать не столько въ честолюбіи самихъ властелиновъ, сколько въ изобрѣтательности льстящихъ имъ и друзей невѣжества ¹⁾).

Для того времени рѣчь Орлова была незауряднымъ явленіемъ, и она имѣла большой успѣхъ. Якушкинъ и И. И. Дмитріевъ рассказываютъ, что она распространилась во множествѣ списковъ. Вяземскій былъ въ восторгѣ: „Ну, батюшка, ораторъ!—писалъ онъ А. И. Тургеневу.—Онъ и тебя за поясъ заткнулъ: не прогибайся! Вотъ пустили козла въ огородъ! Да здравствуетъ Арзамасъ! Я въ восхищеніи отъ этой рѣчи... Орловъ недоожиннаго покроя. Наше правительство не выбирать, а удалять умѣетъ съ мастерскою прозорливостію“. Тургеневу рѣчь показалась ужъ слишкомъ смѣлой; отдавая должное пылкому патриотизму Орлова, онъ рѣшительно осуждалъ его легкомысленный радикализмъ. „Лучшее въ М. Орловѣ есть страсть его къ благу отечества. Она сберегаетъ въ немъ душу его, благородную и возвышенную. Но недостатокъ въ учебномъ образованіи вездѣ замѣтенъ: вотъ школа аббата Николая! Умъ и сердце въ немъ свои, а ученье, т. е. недостатки въ ономъ, принадлежатъ образу воспитанія... Я отдаю справедливость его чувству, которое изливается изъ прекрасной души. Вездѣ ищетъ онъ пользы отечества, вездѣ мечтаетъ о возможномъ благѣ его. Я бы держалъ его близъ государя, но держалъ бы на привязи, ибо въ немъ нѣтъ ничего обдуманнаго, а опытъ доказалъ уже намъ, какой успѣхъ отъ несозрѣлыхъ плановъ, отъ желанія обратить въ дѣйство все, что сверкнетъ въ головѣ, не озаренной свѣтильникомъ государственныхъ познаній и наблюдений... Нѣтъ, пусть служитъ Орловъ нѣкоторое время внутри Россіи, пусть узнаетъ ее лучше насъ—и тогда, если сохранить жаръ къ добру, пусть приѣдетъ сюда согрѣвать оледенѣлыя члены членовъ Государственнаго Совѣта et comp.“ Однако Вяземскій упорно продолжалъ защищать рѣчь Орлова,—и даже въ литературномъ отношеніи, заявляя, что отъ пера, очиненнаго шпагою, большаго требовать нельзя ²⁾).

Если уже и до того Орловъ представлялъ собою очень замѣтную величину въ кругу либерально-настроенной молодежи, то эта рѣчь, ходившая по рукамъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, должна была еще увеличить его популярность. Около этого же времени немало толковъ вызвали два его письма къ Д. Вутурлину по поводу выхода въ свѣтъ книгъ послѣдняго о

¹⁾ Рѣчь Орлова напечатана въ Сборникѣ Им. Рус. Ист. Об., т. 78, 1891 г., стр. 519—528.

²⁾ Остаф. арх. I, 299, 306, 297, 346.

русскихъ военныхъ походахъ въ XVIII столѣтїи. Эти письма замѣчательны горячимъ протестомъ противъ крѣпостного права¹⁾. Такъ, осуждая общій духъ славословія, проникающій все „Вступленіе“ Бутурлина, онъ говоритъ: „Другъ мой! Нѣтъ никого на свѣтѣ, кто-бы болѣе меня привязанъ былъ чувствомъ къ славіи Отчезства! но не время теперь самимъ себя превозносить. Ты видишь все съ высокой точки умозрѣнія — съ поля сраженія. Войди въ хижину бѣднаго Россїянина, истощеннаго отъ рабства и несчастія, и извлеки оттуда, ежели можешь, предвозвѣщеніе будущаго величія!“ Та-же мысль повторяется и во второмъ письмѣ: „Россія подобна исполнѣну ужасной силы и величины, изнемогающему отъ тяжкой внутренней болѣзни“. Любопытны слѣдующія строки, характеризующія политическіе взгляды Орлова: „Все твое разсужденіе (о датчанахъ) основано на ложномъ правилѣ. Датчане, вручивъ самовластіе одному человѣку, не исполнили сего, чтобы спасти независимость ихъ отъ внѣшнихъ враговъ; но единственно, чтобы избавиться отъ самовластія многихъ. Они вольнымъ переходомъ передались изъ рукъ нѣсколькихъ олигарховъ въ руки одного деспота. Я тутъ ничего великаго не вижу, кромѣ великаго непонятія о достоинствѣ народа вообще и о достоинствѣ человѣка въ частномъ отношенїи. Хотя говоря о семъ предметѣ ты старался зацѣпить всѣ нѣжнѣйшія струны моего сердца; но правила моей жизни, которыя заключаются въ истинной и непреклонной ненависти къ тиранству, не позволили мнѣ вдаться въ разставленныя тобою сѣти. Я остался непоколебимымъ въ моемъ мнѣнїи, и если бъ былъ датчаниномъ, то проклиналъ бы то мгновеніе, въ которое предки мои подвергли меня игу деспотизма, такъ точно, какъ Россїянинъ долженъ проклинать тотъ несчастный законъ, который осудилъ на рабство большую часть нашихъ согражданъ“.

Всѣ ати рѣчи и письма, и самая дѣятельность Орлова въ Кіевѣ доставили ему почетную извѣстность. Мы увидимъ дальше, какое видное мѣсто онъ сразу занялъ въ Союзѣ Благоденствія. Но уже въ началѣ 1819 г., когда въ „Вѣстникѣ Европы“ появилась безъ подписи первая статья Каченовскаго, направленная противъ „Исторїи“ Карамзина („Письма отъ Кіевскаго жителя къ другу“), ее не задумались въ Москвѣ приписать Орлову²⁾; Якушкинъ, познакомившійся съ нимъ только въ 1820 г., уже раньше много слышалъ о немъ отъ своихъ друзей, какъ о человѣкѣ „высшаго разряда“, а Волконскій называетъ его „свѣтиломъ среди молодежи“. Въ самомъ Кіевѣ онъ быстро сосредоточилъ вокругъ себя все, что было наиболѣе образованнаго и передоваго какъ въ русскомъ, такъ и въ польскомъ мѣст-

¹⁾ Письма Орлова къ Бутурлину не напечатаны; за сообщеніе ихъ принимаю благодарность П. Е. Щеголеву.

²⁾ Остаф. арх. I, 192.

номъ обществѣ. Въ его домѣ стали собираться замѣчательный кружокъ людей, которыхъ объединяли увлеченіе европейской образованностью и свободными формами политическаго быта и страстные мечты объ обновленіи Россіи. Въ эту атмосферу весною 1819 г. попалъ Волконскій, пріѣхавшій на контракты въ Кіевъ и остановившійся по старой пріязни у Орлова. Нѣсколько недѣль, проведенныхъ имъ здѣсь, по его словамъ, опредѣлили его дальнѣйшую участь: ежедневныя общенія съ Орловымъ и его кружкомъ, говоритъ онъ, „оказали сильное вліяніе на меня, развили во мнѣ чувства гражданина, и я вступилъ въ новую колею убѣжденій и дѣйствій. Съ этого времени началась для меня новая жизнь“. Дѣйствуя въ Кіевѣ, Орловъ вмѣстѣ съ тѣмъ конечно не порывалъ связей и со столичными друзьями, велъ переписку съ Вяземскимъ, Раевскимъ, обоими Тургеневыми и др., и Н. И. Тургеневъ въ срединѣ 1819 года посылалъ ему на просмотръ проспектъ задуманнаго имъ политическаго журнала ¹⁾.

И все-таки онъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ, томился и рвался вонъ изъ этой обстановки; душа жаждала подвиговъ, — не этой медленной работы на общее благо, а именно „бурной жизни за родную страну“. Надуманный стоицизмъ тутъ мало помогаль. „Золотые дни моей молодости уходятъ, — пишетъ онъ А. Раевскому въ томъ-же 1819 году, — и я съ сожалѣніемъ вижу, какъ пылъ моей души часто истощается въ напрасныхъ усиліяхъ. Однако не заключайте отсюда, что мужество покидаетъ меня. *Одно событіе* — и все измѣнится вокругъ меня. Дунеть вѣтеръ, и ладья вновь поплыветъ. Кому изъ насъ вѣдомо, что можетъ случиться? На все готовый, я понесу въ уединеніе или на арену дѣятельности чистый характеръ, — преимущество, которымъ не многіе могутъ гордиться въ нынѣшній вѣкъ.“

IV.

Командиромъ 4-го корпуса, т. е. ближайшимъ начальникомъ Орлова въ Кіевѣ, былъ, какъ уже сказано, старикъ Раевскій. Орловъ былъ свой человѣкъ въ его семьѣ, и эта близость привела скоро къ женитьбѣ молодого генерала на старшей дочери Раевского, Екатеринѣ Николаевнѣ. Со старшимъ сыномъ Раевского, Александромъ, служившимъ эти годы въ Петербургѣ, Орловъ былъ друженъ еще по боевому товариществу и совмѣстной жизни во Франціи: мы видѣли выше, что между ними шла переписка уже въ 1819 году. Съ другой стороны, Пушкина Орловъ зналъ еще по Петербургу, а съ младшимъ изъ Раевскихъ, Николаемъ, Пушкинъ былъ уже до своей ссылки на югъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. — Такъ завязался

¹⁾ Остаф. арх. I. 260.

узелъ, въ которомъ жизнь Пушкина на нѣкоторое время сплелась съ жизнью Раевскихъ и Орлова.

Когда будетъ написана биографія Пушкина, Раевскимъ и Орлову будетъ отведено въ ней видное мѣсто. Въ теченіе четырехъ лѣтъ (1820 — 24) вліяніе разныхъ членовъ этой семьи было доминирующимъ въ его жизни. Сначала четырехмѣсячное путешествіе со всѣми Раевскими на Кавказъ и въ Крымъ, затѣмъ двухлѣтняя близость съ Орловымъ въ Кишиневѣ, наконецъ, тѣсная дружба съ Александромъ Раевскимъ въ Одессѣ, и на придачу долгая влюбленность въ одну изъ барышень Раевскихъ, должны были ярко отразиться на развитіи Пушкина,— и это какъ разъ въ тѣ годы, когда окончательно складывались его характеръ и мировоззрѣніе. Наибольшую важность представляетъ здѣсь, конечно, рядъ личныхъ вліяній,—а это были, каждая въ своемъ родѣ, все богатые и самобытные индивидуальности; но важны и тѣ общія идейныя теченія, съ которыми онъ столкнулся въ этомъ кругу. Только пять лѣтъ назадъ кончилась Отечественная война, гдѣ старикъ Раевскій былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, гдѣ Орловъ связалъ свое имя съ капитуляціей Парижа, гдѣ и Александръ Раевскій получилъ свое боевое крещеніе; въ нихъ навѣрное еще не совсѣмъ остыло патриотическое и военное одушевленіе тѣхъ дней, и ихъ рассказы были для Пушкина живою лѣтописью эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ нихъ же въ Кишиневѣ и Каменкѣ онъ соприкоснулся непосредственно съ тѣмъ общественнымъ движеніемъ, которое привело затѣмъ къ 14-му декабря. Такимъ образомъ, чрезъ эту семью шли оба главныхъ вліянія, которыя опредѣлили политическую мысль Пушкина: монархическій патриотизмъ 12-го года и революціонная идеологія декабристовъ. Если прибавить къ этому, что и съ Байрономъ Пушкинъ познакомился благодаря Раевскимъ, то ихъ важная роль въ исторіи его жизни и творчества будетъ очевидна.

Центральной фигурой этого Пушкинскаго кружка былъ, конечно, самъ Раевскій, человекъ выдающійся не только по военному таланту, но и по высокимъ душевнымъ качествамъ, прекрасный цѣлностью и прямою натурой и полнымъ отсутствіемъ аффектаціи, очаровавшій двухъ нашихъ поэтовъ — Батюшкова въ 1814 г. и Пушкина въ 1820-мъ. Послѣдній съ восторгомъ отзывался о его ясномъ умѣ, свободномъ отъ предрасудковъ, сильномъ характерѣ, простой и прекрасной душѣ, готовой на участіе и дружбу. Мы увидимъ дальше, какъ много нѣжности таилъ въ себѣ подъ суровой оболочкой этотъ знаменитый русскій генераль, такъ похожій на античнаго полководца ¹⁾.

Въ серединѣ мая 1820 г. Раевскій съ младшимъ сыномъ Николаемъ и двумя дочерьми-подростками, въ томъ числѣ Маріей,

¹⁾ Сколько-нибудь сносною биографію Раевского нѣтъ; библіографію см. въ Рус. Вѣстн. 1898 г., мартъ.

будущей декабристкой Волконской, пустился въ путь изъ Кіева на Кавказскія воды, куда уже до нихъ прибыль, чтобы лечить старую рану въ ногѣ, его старшій сынъ, Александръ. Какъ извѣстно, этой скромной лечебной поѣздкѣ суждено было стать исторической: въ Екатеринославѣ, по пути изъ Кіева на Кавказъ, Николай Раевскій младшій (т.-е. сынъ) разыскалъ своего петербургскаго пріятеля Пушкина, только-что пріѣхавшаго въ ссылку и лежавшаго здѣсь въ жестокой лихорадкѣ, и съ согласія Инзова Раевскіе увезли съ собою молодого поэта на Кавказъ и потомъ въ Крымъ. Эта встрѣча въ Екатеринославѣ едва-ли была случайной. Раевскіе безъ сомнѣнія знали, что въ Екатеринославѣ найдутъ Пушкина. 7 мая одна изъ дочерей, Екатерина Николаевна, посылая изъ Петербурга письмо брату Александру въ Кіевъ, объясняетъ въ *P. S.*, почему оно идетъ почтою: „мама забыла послать его съ Пушкинымъ“, а изъ писемъ старика видно, что въ Екатеринославъ они пріѣхали въ 10 ч. веч. и уѣхали изъ него на другой день послѣ завтрака; между тѣмъ молодой Раевскій еще въ тотъ-же вечеръ успѣлъ разыскать Пушкина и къ полудню уладилъ его поѣздку.

Четыре мѣсяца, проведенные Пушкинымъ на Кавказѣ и въ Крыму среди Раевскихъ, принадлежать къ счастливейшимъ днямъ его жизни. Въ сентябрѣ, рассказывая въ письмѣ къ брату объ этой поѣздкѣ, онъ писалъ: „Суди, былъ-ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край, природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море: другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского“.

Въ эти мѣсяцы, когда Пушкинъ (какъ онъ вспоминалъ уже много позднѣе) подолгу сиживалъ на берегахъ Подкумка съ Александромъ Раевскимъ,—у послѣдняго шла дѣятельная переписка съ Орловымъ, остававшимся въ Кіевѣ.

30 мая 1820 г Орловъ пишетъ ¹⁾: „Я обѣщаль писать и посылать газеты. И то, и другое исполняю, въ надеждѣ, что твои обѣщанія также исполнятся, любезный Александръ Николаевичъ. Ожидать буду твоего отвѣта съ нетерпѣніемъ, помня, что онъ мнѣ дастъ подробное понятіе о положеніи того края, въ которомъ ты основалъ свою жизнь на нѣкоторое время“. „Новостей политическихъ мало,—пишетъ онъ далѣе.—Говорятъ, что въ Римѣ открытъ заговоръ и что по сему случаю 35 тыс. австрійцевъ выступили къ сему городу... Вездѣ огонь живетъ подъ пещомъ, и я очень думаю, что 19-й вѣкъ не пробѣжитъ до четверти безъ развитія какихъ-нибудь странныхъ происшествій“. На дняхъ пріяТЕЛЬСКІЕ рассказы пояснили ему многое, но эти извѣстія онъ не можетъ довѣрить бумагѣ. „Когда увидишь

¹⁾ По-русски, какъ и слѣдующія письма.

Алексѣя Петровича (Ермолова), бей ему отъ меня челомъ. Поклонъ и простого римскаго гражданина не долженъ быть отвергнутъ римскимъ проконсуломъ, какова бы ни была его слава“. Въ концѣ письма характерная просьба—отвѣчать по-русски. О томъ же просить потомъ однажды Пушкинъ изъ Кишинева брата.

19 июня Орловъ пишетъ: „Посылаю тебѣ нѣсколько газетъ, въ которыхъ найдешь все то-же, что и прежде, то есть безконечные споры между гасителями, коихъ не должно пускать тушить, и свѣтилами, коимъ не должно позволять жечь.

„Я, наконецъ, назначенъ дивизионнымъ командиромъ. Прощаюсь съ мирнымъ Киевомъ, съ симъ городомъ, который я почиталъ сперва за политическую ссылку, и съ коимъ не безъ труда расстаюсь. Милости твоего батюшки всегда мнѣ будутъ предостоять и я едва умѣю выразить, сколь мнѣ прискорбно переходить подъ другое начальство. Но должно было рѣшиться. Иду на новое поприще, гдѣ самъ буду настоящимъ начальникомъ“.

Последнее сохранившееся письмо, отъ 13 октября, любопытно, какъ свидѣтельство полной зрѣлости мысли въ области конкретныхъ политическихъ вопросовъ.

„Любезный другъ, благодарю за твое занимательное письмо изъ Крыма, которымъ я тѣмъ болѣе быть доволенъ, что оно писано по-русски и довольно-чистымъ русскимъ языкомъ. Извѣстія о Грузіи и о подвигахъ или намѣреніяхъ Ермолова весьма важны, но мнѣ кажется, что со всѣмъ его умомъ онъ довершить общаго успокоенія той страны не въ состояніи. Такъ-же трудно поработить чеченцовъ и другіе народы того края, какъ сгладить Кавказъ. Это дѣло исполняется не штыками, но временемъ и просвѣщеніемъ, котораго и у насъ не избыточно. При паденіи листовъ сдѣлаютъ еще экспедицію, поведать нѣсколько народа, разобьютъ толпу неустроенныхъ враговъ, заложатъ какую-нибудь крѣпостцу и возвратятся во-свояси, чтобы опять ожидать осени. Этотъ ходъ дѣла можетъ принести Ермолову большія личныя выгоды, а Россіи никакихъ. Впрочемъ, я не его виню. Обстоятельства и прежнія мѣры начальниковъ и предмѣстниковъ его сдѣлали изъ Грузіи въ отношеніи нашего Отечества, такъ сказать, политическую фистулу. Черезъ оную Россія потеряла много крови и соковъ. Но со всѣмъ тѣмъ въ этой непрерывной войнѣ есть что-то величественное, и храмъ Януса для Россіи, какъ для древняго Рима, не затворяется. Кто кромѣ насъ можетъ похвастаться, что видѣлъ вѣчную войну?“

V.

Когда Пушкинъ въ сентябрѣ, разставшись съ семьей Раевскихъ, пріѣхалъ въ Кишиневъ, куда его начальникъ Инзовъ

тѣмъ временемъ перевелъ свою канцелярію изъ Екатеринослава, онъ уже засталъ здѣсь Орлова, который, наконецъ, послѣ пятикратнаго отказа, получилъ дивизію, именно 16-ую пѣхотную дивизію второй арміи, стоявшую въ Кишиневѣ. Этимъ назначеніемъ онъ былъ обязанъ ходатайству главнокомандующаго 2-ой арміи, гр. Витгенштейна, и давней дружбѣ съ Киселевымъ, который въ то время состоялъ начальникомъ штаба при Витгенштейнѣ. Очевидно, ему съ большой неохотой вручали активное командованіе, да и то лишь возможно дальше отъ центра, въ далекой и некультурной окраинѣ.

Какъ свидѣтельствуя письма, Орловъ выѣхалъ изъ Кіева въ Кишиневъ 10 іюля 1820 г. Въ Тульчинѣ, по пути изъ Кіева на мѣсто новой службы, онъ сталъ членомъ Тайнаго общества. Его приняли Фонъ-Визинъ, Пестель и Юшневскій. Позднѣе, на слѣдствіи по дѣлу 14 декабря, онъ заявлялъ, что къ вступленію въ Союзъ Благоденствія его побудили ихъ упреки, „что зная всѣ ихъ тайны и имена многихъ, не великодушно мнѣ не раздѣлять ихъ опасности“¹⁾. Это звучитъ правдоподобно,—и во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ вступилъ въ тайное общество безъ мысли объ активной революціонной дѣятельности. Въ одномъ изъ лѣтнихъ писемъ къ А. Раевскому на Кавказѣ, сообщая о своей встрѣчѣ съ С. И. Тургеневымъ, онъ съ большимъ сочувствіемъ отзывался о перемѣнѣ, происшедшей въ Тургеневѣ: „Правила оставилъ тѣ-же, но скромность въ выраженіяхъ, постепенность въ желаніяхъ, принятіе плана жизни и службы доказываютъ, что наступило время зрѣлости и что разумокъ взялъ перевѣсъ надъ пылкостью страстей“. Эти слова характеризуютъ настроеніе самого Орлова. Конечно и онъ остался тотъ же и все такъ же вѣрилъ въ неизбежность „событія“, но все яснѣе становилось ему, что надо запастись терпѣніемъ, что для „событія“ нужно особенное стеченіе обстоятельствъ, котораго, можетъ быть, придется еще долго ждать; а пока нельзя же было жить все на бивуакахъ, надо было подумать о томъ, чтобы „принять планъ жизни и службы“. Сюда присоединялось еще и личное соображеніе: онъ уже давно любилъ Екат. Ник. Раевскую и какъ-разъ теперь готовился просить ея руки. Итакъ, онъ ѣхалъ въ Кишиневъ съ мыслью о болѣе прочномъ устройствѣ, и мы видѣли, какъ доволенъ онъ былъ своимъ новымъ назначеніемъ, которое открывало ему сравнительно широкій просторъ для мирной культурной дѣятельности. Въ томъ самомъ письмѣ, которымъ онъ извѣщалъ А. Раевского о своемъ переводѣ въ Кишиневъ, онъ писалъ: „Политика запружена и Богъ знаетъ когда потечетъ. Я также строю умственную насыпь, чтобъ запрудить мысли мои. *Пускай покоятся до времени*“.

Имъ пришлось покоиться недолго. Осенью этого же года,

¹⁾ М. В. Довнаръ-Запольскій, *Мемуары декабристовъ*, 1906 г., стр. 6.

когда рѣшенъ былъ вопросъ о созывѣ на январь въ Москву виднѣйшихъ членовъ Союза Благоденствія,—въ числѣ предлагаемыхъ участниковъ съѣзда былъ намѣченъ и Орловъ, и хотя онъ вступилъ въ тайное общество всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, его участіе признали настолько важнымъ, что Якушкинъ, ѣхавшій по этому дѣлу въ Тульчинъ, долженъ былъ нарочито, съ письмомъ отъ Фонъ-Визина, захватить въ Кишиневъ, чтобы пригласить на съѣздъ Орлова.

Въ своихъ запискахъ Якушкинъ подробно описалъ и это первое свое знакомство съ Орловымъ, и роль послѣдняго на московскомъ съѣздѣ. Его правдивость стоитъ внѣ сомнѣній, но и здѣсь, какъ во всякихъ мемуарахъ, надо строго различать три вещи: 1) объективные факты, 2) отношеніе къ нимъ автора въ моментъ самаго дѣйствія, и 3) его отношеніе къ нимъ въ моментъ писанія. Записки свои Якушкинъ писалъ много лѣтъ спустя; его рассказъ проникнутъ явнымъ недружелюбіемъ къ Орлову, и это его отношеніе часто рѣзко противорѣчитъ не только самимъ фактамъ, которые онъ передаетъ, но и его собственному *тогдашнему* отношенію къ этимъ фактамъ, поскольку оно явствуетъ изъ его же рассказа.

Такъ, его рассказъ съ совершенной очевидностью свидѣтельствуетъ о томъ, что Орловъ произвелъ на него какъ нельзя болѣе выгодное впечатлѣніе, и не только какъ симпатичный человѣкъ, располагавшій къ себѣ добротою и ласковостью обхожденія, но и какъ убѣжденный и крайне цѣнный членъ тайнаго общества. Онъ рассказываетъ, что на его увѣщанія пріѣхать въ Москву Орловъ отвѣчалъ, что пока навѣрное обѣщать не можетъ, и съ своей стороны звалъ его къ Давыдовымъ въ Каменку, куда самъ ѣхалъ съ Охотниковымъ. Якушкину очень не хотѣлось, да и незначѣмъ было, ѣхать въ Каменку, но когда Охотниковъ шепнулъ ему, что, ѣдучи съ ними, онъ легче уговоритъ Орлова,—Якушкинъ рѣшился ѣхать къ Давыдовымъ и, пріѣхавши, прожилъ у нихъ все время, что и Орловъ, т. е. цѣлую недѣлю; при прощаніи Орловъ дѣйствительно далъ ему слово пріѣхать на съѣздъ въ Москву. Надо знать непоколебимую убѣжденность Якушкина и его твердый характеръ, чтобы понять смыслъ этого эпизода. Очевидно, узнавъ Орлова лично, онъ счелъ его присутствіе на съѣздѣ дѣломъ исключительной важности.

О поведеніи Орлова на этомъ съѣздѣ существуетъ два диаметрально-противоположныхъ показанія. Одно принадлежитъ Якушкину, въ другомъ совпадаютъ три другихъ участника съѣзда — Волконскій, Граббе и Н. Тургеневъ. Якушкинъ рассказываетъ, что Орловъ привезъ писанный проектъ условій, на которыхъ онъ соглашался быть членомъ Общества; именно, онъ предлагалъ перейти къ крайнимъ революціоннымъ дѣйствіямъ и прежде всего завести тайную типографію и фабрику фальшивыхъ ассигнацій. Разумѣется, его планъ вызвалъ только общее

изумленіе; „но ему,—говорить Якушкинъ,—того-то и нужно было. Помолвленнй на Раевской, въ угодность ея роднымъ онъ рѣшился прекратить всѣ сношенія съ членами Тайнаго Общества; на возраженія наши онъ сказалъ, что если мы не принимаемъ его предложеній, то онъ никакъ не можетъ принадлежать къ нашему Тайному Обществу. Послѣ чего онъ уѣхалъ и ни съ кѣмъ изъ насъ болѣе не видался“.

О такомъ предложеніи Орлова ни однимъ словомъ не упоминаютъ трое другихъ участниковъ съѣзда. Волконскій,—какъ мы видѣли, старый другъ Орлова—съѣхался съ нимъ (и Охотниковымъ) въ Тульчинъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать на съѣздъ въ Москву. Проѣздомъ чрезъ Кіевъ, рассказываетъ онъ, Орловъ рѣшился сдѣлать давно задуманный шагъ—просить руки Екат. Ник. Раевской. Переговоры шли черезъ А. Н. Раевского, и послѣдній поставилъ ему кореннымъ условіемъ выходъ изъ тайнаго общества, такъ что, выѣзжая изъ Кіева, Орловъ былъ въ нерѣшительности, что ему дѣлать. Обстоятельства указали ему выходъ. На съѣздѣ съ самаго начала получено было извѣщеніе отъ петербургской думы, что правительство слѣдитъ за дѣйствіями тайнаго общества и что поэтому благоразумнѣе будетъ формально закрыть общество и дѣйствовать каждому въ одиночку. Такъ и было рѣшено, и къ этому рѣшенію прикнулъ Орловъ. То же самое рассказываютъ о съѣздѣ и роли Орлова Тургеневъ и Граббе, причемъ первый сообщаетъ, что Орловъ съ самаго начала заявилъ о своемъ намѣреніи выйти изъ общества, а второй добавляетъ, что предложеній, приписываемыхъ Якушкинымъ Орлову, послѣдній не дѣлалъ, иначе ихъ слышали бы всѣ—„тѣмъ болѣе, что его слова непременно принимались съ напряженнымъ вниманіемъ“¹⁾.

Показаніе Якушкина настолько противорѣчитъ духовному облику Орлова и всѣмъ фактамъ его дальнѣйшей жизни (между прочимъ, и позднѣйшимъ отношеніямъ къ нему такихъ непреклонныхъ революціонеровъ, какъ Охотниковъ или В. Э. Раевскій), что его приходится совершенно отвергнуть²⁾. На такое низкое лицемѣріе Орловъ былъ неспособенъ, да ему и не простили бы его. Ошибка объясняется просто: Якушкинъ, очевидно запамятовавъ, слѣдовалъ въ этомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній запискѣ тайнаго агента Грибовскаго, составленной, конечно, на основаніи доносовъ и сплетенъ³⁾. Дѣло было безъ сомнѣнія такъ, какъ изобразилъ его Волконскій. Предъ нами письмо

¹⁾ Сравни показаніе Комарова,—Довнаръ-Запольскій, цит. соч., стр. 34—35.

²⁾ Въ письмѣ къ редактору „Колокола“ по поводу выхода въ свѣтъ записки Якушкина Н. И. Тургеневъ говоритъ, между прочимъ: „Я нахожу также нѣсколько неосновательныхъ и невѣрныхъ рассказовъ о другихъ лицахъ, кромѣ меня, и именно о Мих Орловѣ“ (*Колоколъ*, № 155, отъ 1 февр. 1863 г.).

³⁾ См. *Записки* И. Д. Якушкина, стр. 53, в *P. Star*. 1872, VI, стр. 602.—Кромѣ того: Тургеневъ, *La Russie et l. R.*, I 118. Волконскій 410—12, *P. Star*. 1873 маръ, 374 и 1872 май 775 слл.

Орлова къ сестрѣ отъ 12 февраля (1821 г.) изъ Кіева; извѣщая сестру о свой помолвкѣ съ Раевской, онъ извиняется, что изъ Москвы не заѣхалъ къ ней въ Ярославль: „нетерпѣніе узнать исходъ моего предложенія заставило меня слѣшить обратно“. Очевидно, по пути въ Москву онъ сдѣлалъ предложеніе чрезъ А. Раевского, который обѣщалъ приготовить ему отвѣтъ къ обратному проѣзду; значитъ дѣло было за согласіемъ Екат. Ник. и ея родителей.

VI.

Свадьба состоялась 15 мая 1821 года. Въ Кишиневѣ молодые зажили на широкую ногу, занявъ два смежныхъ дома и держа свой столъ открытымъ для всей военной молодежи. Орловъ быть не только самое важное послѣ намѣстника лицо въ городѣ и не только большой баринъ и аристократъ, но и чело-вѣкъ высоко стоявшій надъ толпою по образованности, характеру и убѣжденіямъ. Вигель въ нѣсколькихъ злобныхъ строкахъ очень живо изображаетъ кишиневскую обстановку Орлова: „Прискорбно казалось не быть принятымъ въ его домѣ, а чтобы являться въ немъ, надобно было болѣе или менѣе раздѣлять мнѣнія хозяина... Два демагога, два изувѣра, адъютантъ Охотниковъ и майоръ Раевскій съ жаромъ витійствовали. Тутъ были и Липранди... На бѣду попался тутъ и Пушкинъ, котораго сама судьба всегда совала въ среду недовольныхъ. Семь или восемь молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба извѣстныхъ семействъ... съ чадолубіемъ были воспріаты. Къ ихъ пылкому патриотизму, какъ помыль къ розѣ, стали прививаться тутъ западный либерализмъ. Передъ своимъ великимъ и неудачнымъ предпріятіемъ нерѣдко посѣщалъ сей домъ съ другими соумышленниками князь Александръ Ипсиланти... Все это говорилось, все это дѣлалось при свѣтѣ солнечномъ, въ виду цѣлой Бессарабіи“. Вигель не преувеличиваетъ: все, что мы знаемъ о кишиневской жизни Орлова, показываетъ, что онъ дѣйствительно былъ здѣсь центромъ политическаго вольнодумства, а его домъ—какъ бы либеральнымъ клубомъ. О степени этого вольнодумства можно судить по тому, что всѣхъ ближе къ Орлову были въ Кишиневѣ два крайнихъ радикала—его адъютантъ Охотниковъ и извѣстный В. Ѳ. Раевскій ¹⁾.

¹⁾ Біографія В. Ѳ. Раевского написана П. Е. Щеголевымъ и издана отдѣльно въ 1905 г. О рано умершемъ Охотниковѣ извѣстно мало; вотъ его любопытная характеристика, слѣланная М. Ѳ. Орловымъ въ письмѣ къ женѣ (Орловъ пишетъ изъ своей калужской деревни въ апрѣлѣ 1823 г.): „Охотниковъ пробылъ здѣсь два дня, и все раскритиковалъ, все разбранивъ, изложивъ всѣ свои философскія воззрѣнія, увозить теперь это письмо, съ тѣмъ, чтобы сдать его на почту въ Кожельскъ или Мещовскъ. Не знаю ничего веселіе этого воплощеннаго нравственнаго совершенства, которое оговариваетъ всякій чужой поступокъ и беретъ на себя роль ходячей совѣсти своихъ друзей. Въ сущности онъ прекраснѣйшій и достой-

Въ этомъ домѣ Пушкинъ былъ едва-ли не ежедневнымъ гостемъ ¹⁾.

„У насъ, — пишетъ Екат. Ник. брату Александру (конецъ 1821 г.), — безпрестанно идутъ шумные споры — философскіе, политическіе, литературные и др.; мнѣ слышно ихъ изъ дальней комнаты. Они заняли бы тебя, потому что у насъ немало оригиналовъ“. „Пушкинъ, — пишетъ она въ другой разъ (12 ноября 1821 г.), — больше не корчитъ изъ себя жестокаго, онъ очень часто приходитъ къ намъ курить свою трубку и разсуждаетъ или болтаетъ очень пріятно. Онъ только что кончилъ оду на Наполеона, которая, по моему скромному мнѣнію, хороша, сколько я могу судить, слышавъ ее частью одинъ разъ“. „Мы очень часто видимъ Пушкина, который приходитъ спорить съ мужемъ о всевозможныхъ предметахъ. Его теперешній конекъ — *вѣчный миръ аббата Сенъ-Пьера*. Онъ убѣжденъ, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворятъ вѣчный и всеобщій миръ и что тогда не будетъ проливаться иной крови, какъ только кровь людей съ сильными характерами и страстями, съ предприимчивымъ духомъ, которыхъ мы теперь называемъ великими людьми, а тогда будутъ считать лишь разрушителями общественнаго спокойствія. Я хотѣла-бы видѣть, какъ-бы ты сцѣпился съ этими спорщиками“ (23 ноября 1821 г.). Во время одной отлучки жены изъ Кишинева Мих. Ѳед., разсказывая ей въ письмѣ, какъ проходитъ его день, писалъ: „Къ обѣду собираются мои пріятели. Послѣ обѣда иногда ѣзжу верхомъ. Третьяго дня поѣхалъ со мною Пушкинъ и грохнулся о-земь. Онъ умѣетъ ѣздить только на Пегасѣ, да на донской клячѣ“. 8 декабря 1822 г. Екат. Ник. пишетъ брату: „Посылаю тебѣ письмо, кажется отъ Пушкина; его принесла г-жа Тихонова... Пушкинъ послалъ Николаю отрывокъ поэмы, которую не думаетъ ни печатать, ни кончать. Это странный замыселъ, отзывающійся, какъ мнѣ кажется, чтеніемъ Байрона. — Его дали Муравьевымъ, которые привезутъ его тебѣ“ ²⁾. Это были, конечно, „Братья-разбойники“. Въ Кишиневѣ пріѣзжали къ Орловымъ родные — Раевскіе, Давыдовы, все люди уже близкіе Пушкину, и самъ онъ ѣздилъ съ Орловыми въ Кіевъ и Каменку къ ихъ роднымъ; словомъ, онъ сталъ какъ бы пріемнымъ членомъ семейства.

нѣйшій человекъ, и я люблю его отъ всей души, но у него привычка говорить другому въ лицо самая грубая истина, не догадываясь, что каждая изъ нихъ бьетъ того словно обухомъ по головѣ“. Сравн. отзывъ Липранди, Р. Арх. 1866 № 8—9. стр. 1252.

¹⁾ Что Орловъ зналъ его еще изъ Петербурга, доказывается письмомъ Орлова къ А. Н. Раевскому на Кавказъ, отъ 8 іюля 1820 г., — гдѣ есть „поклонъ юному Аруету Пушкину“.

²⁾ Отмѣчу здѣсь-же для полноты слѣд. строки изъ письма М. Ѳ. Орлова къ жевѣ изъ Кіева отъ 29 мая 1824 г.: „Пушкинъ былъ посланъ на сараячу. Онъ воевалъ съ нею и послѣ весьма трудной кампаніи *вчера вернулся*, отступивъ предъ несмѣтнымъ неприятелемъ“.

VII.

Однако вернемся къ Орлову. Мы видѣли, съ какими мыслями онъ ѣхалъ въ Кишиневъ: новая должность открывала ему большій просторъ для гуманитарной дѣятельности и, главное, ставила его въ непосредственное общеніе съ „народомъ“ въ лицѣ сѣрой солдатской массы. На эту массу и направилось теперь все его вниманіе. Его первой заботой по принятіи начальства надъ 16-й дивизіей было категорически запретить употребленіе на ученьяхъ палокъ, шомполовъ и тесаковъ, его вторымъ дѣломъ—призвать В. О. Раевского къ управленію уже раньше учрежденной при дивизіи ланкастерской школой. И затѣмъ въ продолженіе всего двухлѣтняго времени своего командованія дивизіей онъ широко и энергично дѣйствовалъ въ этихъ двухъ направленіяхъ. Онъ не только совершенно искоренилъ жестокость въ обращеніи съ солдатами, но и всѣми мѣрами старался пробуждать въ нихъ чувство человѣческаго достоинства,—напримѣръ, принималъ жалобы относительно наказаній, которымъ они подвергались со стороны ихъ ближайшаго начальства, и наряжалъ слѣдствія по такимъ дѣламъ. Дивизионная ланкастерская школа подъ руководствомъ В. О. Раевского развилась блестяще, и то, что дѣлалось въ ней и что вскорѣ погубило Раевского, дѣлалось, конечно, съ вѣдома и одобренія Орлова. Не ограничиваясь Кишиновомъ, Орловъ основывалъ рядъ такихъ же училищъ въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ дикой тогда Бессарабіи, гдѣ были расположены отдѣльныя части его дивизіи, и тратилъ на нихъ немало собственныхъ денегъ.

Военные нравы въ тогдашней Россіи были жестоки. Въ той-же Бессарабіи, кромѣ 16-ой, Орловской, дивизіи, стояла другая—17-ая, которою командовалъ Желтухинъ. Чтобы получить наглядное представленіе о положеніи русскаго солдата въ то время, достаточно прочесть небольшую „записку“ о происшествіи, случившемся въ этой дивизіи въ 1822 году, хранящуюся въ Военно-ученомъ архивѣ. Въ маѣ этого года корпусный командиръ Сабанѣвъ, обративъ вниманіе на участвовавшіе побѣги изъ 17-ой дивизіи, гдѣ изъ одного только Екатеринбургскаго полка за шесть недѣль бѣжало 28 человѣкъ, поручилъ майору Липранди и аудиторю Маркову произвести слѣдствіе. Допросивъ пять человѣкъ дезертировъ, Липранди такъ излагалъ ихъ показанія:

„1-е. Жители продовольствовали ихъ такъ дурно, что солдаты терпѣли даже голодъ.

2-е. Ученье слишкомъ изнурительное производится два раза въ день, во время коего всегда по нѣскольکو человѣкъ падаютъ во фронтъ отъ сильной затыжки на груди ранцевыхъ ремней и за малѣйшую ошибку, начиная отъ дивизионнаго командира до

последняго унтеръ-офицера бьютъ. Одинъ изъ нихъ показалъ, что когда зашли по отдѣленіямъ направо, унтеръ-офицеръ замѣтилъ его въ ошибкѣ и билъ до тѣхъ поръ по шеѣ и лицу, пока упалъ безъ чувствъ; вообще, унтеръ-офицеры даютъ по нѣскольکو сотъ палокъ. Сверхъ всего этого по вечерамъ учатъ ихъ пунктикамъ изъ рекрутской школы.

3-е. Содержаніе аммуниціи въ требуемой чистотѣ, разоряя ихъ, затрудняетъ до невѣроятности. Ранцы во всей дивизіи выворочены и лакируются сапожною ваксою на собственный счетъ солдатъ; перевязи и портупей натираютъ бѣлымъ воскомъ послѣ мѣлу. Въ случаѣ же невыполненія по неимѣнію денегъ и иныхъ средствъ таковыхъ требованій, наказываютъ жестоко, какъ, напримѣръ, 2-й гренадерской роты капитанъ за невычищеніе воскомъ перевязи наказалъ одного изъ нихъ 300 ударами палокъ.

4-е. Сія самая причина вынудила ихъ бѣжать; къ чему 1-й гренадерской роты рядовой, служащій 12-ть лѣтъ, бывшій уже въ двухъ войнахъ и имѣющій три раны, прибавилъ, что онъ хотѣлъ застрѣлиться, но какъ христіанинъ предпочелъ умереть отъ руки басурмановъ и потому бѣжалъ, зная, что они рѣжутъ головы; но имѣя несчастье быть пойманнмъ, просить, чтобъ его разстрѣляли.

5-е. Бѣжавшихъ 17-й дивизіи за границей въ Молдавіи очень много, такъ что почти въ каждомъ селеніи встрѣчаешь русскаго—многіе изъ нихъ турками взяты и будутъ доставлены.

6-е. Второй баталіонъ Екатеринбургскаго полка содержитъ караулъ въ Липканахъ и Хотинѣ, что отстоявши сутки въ караулѣ въ Липканахъ идутъ въ Хотинъ и прійдя послѣ полуночи начинаютъ чистить аммуницію и утромъ вступаютъ снова въ караулъ. Въ этотъ-же день дѣлаютъ и ученье для того, что генераль Желтухинъ, несмотря ни на какія обстоятельства, требуетъ, чтобы резервные баталіоны равнялись въ ученьи дѣйствующимъ“.

На этомъ черномъ фонѣ дѣятельность Орлова выдѣляется яркимъ пятномъ. Читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ здѣсь два образчика Орловскихъ приказовъ по дивизіи; съ той поры прошло 80 лѣтъ, но и теперь военные нравы еще далеко не достигли того уровня человѣчности, какой ставилъ себѣ цѣлью Орловъ. Вотъ одинъ изъ его первыхъ приказовъ, изданный 3 августа 1820 года, т. е. черезъ недѣлю или двѣ по его прибытіи въ Кишиневъ.

„Вступивъ въ командованіе 16 пѣхотною дивизіею, я обратилъ первое мое вниманіе на пограничное расположеніе оной и на состояніе нижнихъ чиновъ. Разсматривая прежній ходъ дѣлъ, я удивился великому числу бѣглыхъ и дезертировъ. Устрашился, увидѣвъ, что начальство для прекращенія побѣговъ принуждено было приступить къ введенію смертной казни въ сей дивизіи, тогда какъ она казнъ въ мирное время цѣлой

Россіи неизвѣстна. Сіе должно доказать каждому и всѣмъ, сколь велико то зло, для искорененія котораго принята правительствомъ столь строгая мѣра, противная столь общему обычаю Отечества нашего.

„Побѣги въ войскахъ могутъ случиться отъ многихъ разныхъ причинъ, изъ коихъ главнѣйшія суть:

1) Недостатокъ въ пищѣ и пропитаніи. Я не думаю, чтобъ нашелся хотя одинъ чиновникъ въ дивизіи, который осмѣлился не допустить солдату слѣдующую ему пищу, положенную правительствомъ; но ежели сверхъ чаянія моего, таковыя злоупотребленія существуютъ гдѣ-либо въ полкахъ ввѣренной мнѣ дивизіи, то виновные недолго отъ меня скроются, и я обяжусь передъ всѣми честнымъ моимъ словомъ, что предамъ ихъ военному суду, какаго бы званія и чина они не были, всѣ прежнія ихъ заслуги падутъ предъ сею непростительною виною, ибо нѣтъ заслугъ, которыя могли бы въ такомъ случаѣ отвратить отъ преступнаго начальника тяжкаго наказанія.

2) Послабленіе военной дисциплины. Симъ разумѣю я нѣкоторый духъ безпечности и нерадѣнія, въ частныхъ начальникахъ тѣмъ болѣе предосудительный, что примѣръ ихъ дѣйствуетъ быстро на самихъ солдатъ, порождаетъ въ сихъ послѣднихъ лѣнность и отъ лѣнности всѣ пороки. Я прошу гг. офицеровъ заняться крѣпко своимъ дѣломъ, быть часто съ солдатами, говорить съ ними, внушать имъ всѣ солдатскія добродѣтели, пецись о всѣхъ ихъ нуждахъ, давать имъ примѣръ дѣятельности и возбуждать любовь къ Отечеству, поручившему имъ свое храненіе и свою безопасность.

Когда солдатъ будетъ чувствовать все достоинство своего званія, тогда однимъ разомъ прекратятся многія злоупотребленія, а отъ сего перваго шага будетъ зависѣть все устройство дивизіи. Большая часть солдатъ легко поймутъ таковыя наставленія, они увидятъ попеченіе начальства и сами почувствуютъ свои обязанности. Я самъ почитаю себѣ честнаго солдата и другомъ и братомъ.

3) Слишкомъ строгое обращеніе съ солдатами и дисциплина основанная на побояхъ. Я почитаю великимъ злодѣемъ того офицера, который, слѣдуя внушенію слѣпой ярости, безъ осмотрительности, безъ предварительнаго обличенія, часто безъ нужды и даже безъ причины употребляетъ ввѣренную ему власть на истязаніе солдатъ. Я прошу гг. офицеровъ подумать о слѣдующемъ: отъ жестокости и несправедливости въ наказаніяхъ можетъ родиться отчаяніе, отъ отчаянія произойти побѣгъ, а побѣгъ за границу наказывается смертью; слѣдовательно начальникъ, который жестокостью или несправедливостью побудитъ солдатъ къ побѣгу, дѣлается настоящимъ его убійцею; строгость и жестокость суть двѣ вещи разныя, одна прилична тѣмъ людямъ, кои сотворены для начальства, другая свойственна тѣмъ только, коимъ никакого начальства поручать не должно.

Симъ правиломъ я буду руководствоваться, и гг. офицеры могутъ быть увѣрены, что тотъ изъ нихъ, который обличится въ жестокости, лишится въ то же время навсегда команды своей.

„Изъ сего приказа моего легко можно усмотрѣть, въ какомъ духѣ я буду командовать дивизіею. Въ слѣдующихъ приказахъ я дамъ на сей предметъ положительныя правила, но я желаю, чтобы прежде всего гг. начальники вникнули въ мое намѣреніе, и убѣдившись въ необходимости такого съ солдатами обращенія, сдѣлались бы мнѣ сподвижниками въ учрежденіи строгой, но справедливой дисциплины.

„Предписываю въ заключеніе прочитатъ приказъ сей войскамъ въ каждой ротѣ самому ротному командиру, для чего, буде рота разбѣяна по разнымъ квартирамъ, то сдѣлать общій объѣздъ онымъ. Ежели при объѣздѣ полковъ солдаты по спросѣ моемъ скажутъ, что имъ сей приказъ не извѣщенъ, то я за сіе строго взыщу съ ротныхъ командировъ. Подлинный написалъ Генераль-маіоръ Орловъ I-й“.

Другой приказъ Орлова относится къ январю 1822 г., т. е. къ послѣднимъ днямъ его командованія 16-ой дивизіею:

„Думалъ я до сихъ поръ, что ежели нужно нижнимъ чинамъ дѣлать строгіе приказы, то достаточно для офицеровъ просто объяснить ихъ обязанности, и что они почтутъ за счастье исполнять всѣ желанія и мысли своихъ начальниковъ; но къ удивленію моему вышло совсѣмъ противное. Солдаты внемлютъ одному слову начальника; сказали: побѣги васъ безчестять, и побѣги прекратились. Офицеровъ напротивъ того просилъ неотступно укротить ихъ обращеніе съ солдатами, заниматься своимъ дѣломъ, прекратить самоуправныя наказанія, считать себя отцами своихъ подчиненныхъ; но и по сихъ поръ многіе изъ нихъ, несмотря ни на увѣщанія мои, ни на угрозы, ни на самыя строгіе примѣры, продолжаютъ самоуправное управленіе ввѣренными имъ частями, бьютъ солдатъ, а не наказываютъ, и не только пренебрегаютъ исполненіемъ моихъ приказовъ, но не уважаютъ даже и голоса самого главнокомандующаго.

„Въ Охотскомъ пѣхотномъ полку гг. маіоръ Вержейскій, капитанъ Гимбутъ и прапорщикъ Понаревскій жестокостями своими вывели изъ терпѣнія солдатъ. Общая жалоба нижнихъ чиновъ побудила меня сдѣлать подробное изслѣдованіе, по которому открылись такія неистовства, что всѣхъ сихъ трехъ офицеровъ принужденъ представить я къ военному суду. Да испытываютъ они въ солдатскихъ крестахъ, какова солдатская должность. Для нихъ и для имъ подобныхъ не будетъ во мнѣ ни помилованія, ни состраданія.

„И что жъ? лучше ли былъ баталіонъ отъ ихъ жестокости? ни частной выправки, ни точности въ маневрахъ, ни даже опрятности въ одѣяніи я ничего не нашель; дисциплина упала, а

нѣтъ солдата въ баталіонѣ, который бы не почувствовалъ своими плечами, что есть у него начальникъ.

„Послѣ сего примѣра, кто меня увѣрить, что есть польза въ жестокости и что русскій солдатъ, сей достойный сынъ отечества, который въ цѣлой Европѣ почитаемъ, не можетъ быть доведенъ безъ побоевъ до исправности? Мнѣ стыдно распространяться болѣе о семъ предметѣ, но пора быть увѣреннымъ всѣмъ тѣмъ гг. офицерамъ, кои держатся правиламъ и примѣрамъ Вержейскаго и ему подобныхъ, что я имъ не товарищъ и они заблаговременно могутъ оставить сію дивизію, гдѣ найдутъ во мнѣ строгаго мстителя за ихъ незаконные поступки.

„Обратимся къ нашей военной исторіи: Суворовъ, Румянцевъ, Потемкинъ, всѣ люди, приобрѣтшіе себѣ и отечеству славу, были друзьями солдатъ и пеклись объ ихъ благосостояніи. Всѣ же изверги, кои одними побоями доводили ихъ полки до наружной исправности, всѣ погибли или погибли; вотъ примѣры, которые ясно говорятъ всѣмъ и каждому, что жестокое обращеніе съ нижними чинами противно не только всѣмъ правиламъ, но и всѣмъ опытамъ. Въ заключеніе всего объявляю по Дивизіи: 1-е, г. Маіору Вержейскому отказать отъ баталіона, а на мѣсто него назначаю 32-го Егерскаго полка маіора Юмина, 2-е, г. капитану Гимбуту отказать отъ роты, 3-е, г. прапорщику Понаревскому отказать отъ всякаго рода команды, 4-е, всѣхъ сихъ офицеровъ представляю къ военному суду и предписываю содержать на гауптвахтѣ подъ арестомъ впредь до разрѣшенія начальства.

„Кромѣ сего по дѣлу оказались менѣ виноватыми слѣдующіе офицеры, какъ-то: поручику Васильеву въ уваженіе того, что онъ молодыхъ лѣтъ и билъ тесаками нижнихъ чиновъ прежде приказовъ г. главнокомандующаго, г. корпуснаго командира и моего, маіорамъ Карчевскому и Данилевичу, капитану Парчевскому, штабсъ-капитанамъ Станкевичу и Гнилосинову, поручикамъ Калковскому и Тимченкѣ и подпоручику Китицину за самоуправныя наказанія, за битье изъ собственныхъ своихъ рукъ, дѣлаю строгій выговоръ. Объявляю имъ двѣ вещи: первую, что такъ какъ многіе изъ нихъ не спрошены комиссією, то могутъ они, если чувствуютъ себя невинными, рапортомъ прямо на мое имя требовать суда, но тогда подвергнутся всѣмъ послѣдствіямъ онаго, и 2-е, что ежели еще за ними откроются такыя поступки, то подвергнутся участи Вержейскаго, Гимбута и Понаревскаго.

„Предписываю приказъ сей прочитать по ротамъ и объявить совершенную мою благодарность нижнимъ чинамъ за прекращеніе побѣговъ въ теченіе моего командованія“.

Когда, позднѣе надъ Орловымъ было наряжено слѣдствіе, ему между прочимъ былъ поставленъ въ вину случай съ рядовымъ Суярченкой, и вотъ какъ самъ Орловъ излагалъ это дѣло

въ своемъ отвѣтномъ донесеніи. Во время смотра 31-го егерскаго полка при опросѣ 9-ой роты рядовой Алексѣй Суярченко заявилъ ему, что ротный командиръ, поручикъ Турчаниновъ, ударилъ его эфесомъ въ бокъ такъ сильно, что онъ долго не могъ дышать. Орловъ вызвалъ Турчанинова въ кругъ роты и пригрозилъ, что отниметь у него команду; Турчаниновъ извинился, прося приписать свой поступокъ минутной вспыльчивости, а не обычаю обращаться жестоко съ нижними чинами. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, Орловъ, отославъ поручика, опросилъ роту, и когда всѣ солдаты единогласно подтвердили ему, что не имѣютъ никакой другой жалобы на своего ротнаго командира, онъ снова призвалъ Турчанинова въ кругъ роты и сказалъ ему:

— Вы счастливы, что командуете честными солдатами, которые не хотѣли воспользоваться гнѣвомъ моимъ противъ васъ. Ваша участь зависѣла отъ нихъ. Ежели-бъ одинъ рядовой еще пожаловался на васъ, то послѣ примѣра вашей вспыльчивости, въ коемъ вы сами предо мною сознались, я былъ бы принужденъ отдать васъ подѣ слѣдствіе и отнять роту. Помните мое снисхожденіе и старайтесь на будущее время не употреблять законопротивныхъ наказаній.

VIII.

Не прошло и года, какъ имя командира 16-ой пѣхотной дивизіи сдѣлалось какъ-бы нарицательнымъ. Разумѣется, объ немъ пошла *двойная* слава. Какъ смотрѣли на него подчиненные и солдаты, объ этомъ, можно сказать, художественно свидѣтельствуешь донесеніе тайнаго агента изъ Кишинева, 1821 года. Въ ланкастерской школѣ, сообщаетъ онъ, учатъ „кромѣ грамоты“ „и толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи“. „Нижніе чины говорятъ: дивизионный командиръ (т. е. Орловъ) нашъ отецъ, онъ насъ просвѣщаетъ. 16-ю дивизію называютъ орловщиной... Липранди (подполковникъ, членъ тайнаго общества) говоритъ часовымъ, у него стоящимъ: „не утаивайте отъ меня кто васъ обидѣлъ, я тотчасъ доведу до дивизионнаго командира. Я вашъ защитникъ. Молите Бога за него и за меня. Мы васъ въ обиду не дадимъ, и какъ часовые, такъ и вѣстовые наставленіе сіе передайте одинъ другому“ ¹⁾. Здѣсь характерно и отношеніе къ Орлову Липранди. Еще болѣе, интимнѣе преданъ ему былъ Охотниковъ, а В. Ѳ. Раевскій въ мартѣ 1822 года изъ Петровпавловской крѣпости писалъ кишиневскимъ друзьямъ:

*Скажите отъ меня Орлову,
Что я судьбу мою сурову
Съ терпѣніемъ мраморнымъ свосилъ,
Нигдѣ себѣ не измѣнилъ.*

¹⁾ *Рус. Стар.* 1883 декабрь, 657—8.

Очевидно, ему еще и тутъ было нужно и дорого одобреніе Орлова.

А начальство Орлова, ближнее и дальнее, смотрѣло на него косо и позаботилось учредить за его дивизіей секретный надзоръ. Прежде всего, его дивизія сильно отставала по фронтовой части, потому что безъ смертнаго боя нельзя было вдолбить знаменитые три учебныхъ шага; а затѣмъ, въ штабѣ 2-ой арміи, къ которой принадлежала дивизія Орлова, уже знали о неблагонадежности В. Ѳ. Раевского. Начальникомъ этого штаба былъ Киселевъ, искренно любившій и уважавшій Орлова, но державшійся правила, что „въ службѣ нѣтъ дружбы“.

Надо думать, что Сабанѣвъ, корпусный командиръ, т. е. ближайшій начальникъ Орлова, ждалъ только перваго случая, чтобы освободиться отъ него. Такимъ случаемъ и явился небольшой бунтъ въ Камчатскомъ полку, входившемъ въ составъ Орловской дивизіи. Узнавъ объ этомъ происшествіи отъ самихъ ослушниковъ, Орловъ приказалъ бригадному командиру Пущину произвести слѣдствіе, а самъ въ тотъ-же день, какъ и предполагалъ заранѣе, выѣхалъ къ больной женѣ въ Кіевъ. Тайно извѣщенный Сабанѣвъ нагрянулъ изъ Тирасполя на слѣдующій день, когда Пущинъ еще и не начиналъ слѣдствія, и, не заставъ Орлова, поднялъ шумъ ¹⁾. Это было въ декабрѣ 1821 года, всего чрезъ полгода послѣ женитьбы Орлова. Въ высшихъ военныхъ сферахъ началось противъ него дѣло, еще болѣе осложнившееся послѣ того, какъ въ февралѣ слѣдующаго года Киселевъ рѣшился наконецъ арестовать В. Ѳ. Раевского по обвиненію въ преступной пропагандѣ среди солдатъ.

Орлова обвиняли въ томъ, что онъ распустилъ дисциплину въ своей дивизіи, потакаетъ солдатамъ, ведетъ понибратство съ подчиненными, ввѣрилъ учебныя заведенія первому вольнодумцу въ арміи. Ему ставились въ вину, между прочимъ, и приведенные выше два его приказа, а также чтеніе ихъ передъ ротами. Разобрать дѣло было поручено Киселеву. Онъ не приписывалъ Орлову преступныхъ замысловъ,—онъ только обвинялъ его въ слабости и чрезмѣрной добротѣ, которою-де пользовались люди, какъ Раевскій, для достиженія своихъ цѣлей; и еще болѣе онъ осуждалъ „фальшивую филантропію“ Орлова, утверждающаго, „что нравственные способы приличнѣе и полезнѣе тѣхъ, которые невѣждами употребляются“; все хорошо въ мѣру, говорилъ Киселевъ: не надо калѣчить людей, но и палки у унтеръ-офицеровъ незачѣмъ отнимать, да и вообще „мечтанія Орлова хороши въ теоріи, но на практикѣ никуда ни годятся“. Сабанѣвъ и слышать не хотѣлъ объ оставленіи Орлова дивизионнымъ командиромъ, и самъ Киселевъ соглашался, что Орлову 16-ой дивизіей болѣе командовать нельзя ²⁾.

¹⁾ Воспоминанія Липранди, *Р. Арх.* 1866 № 10, стр. 1438—41.

²⁾ Сборн. И. Р. Истор. Общ., т. 78, стр. 90—118. Заблоцкій-Десятовскій, *Графъ П. Д. Киселевъ*, т. I, стр. 158 слл.

Киселевъ предлагалъ Орлову почетный выходъ—проситься въ отпускъ, „на воды“, а тамъ ему дадутъ другую дивизию; но Орловъ заупрямился и требовалъ формальнаго суда. Дѣло тянулось почти полтора года и получило большую огласку, повидимому—даже и за предѣлами Россіи. „Сабанѣвъ думалъ, что однимъ ударомъ меня сшибетъ, — писалъ Орловъ А. Раевскому.—Ударить и подуль въ пальцы: самъ себя ушибъ. Онъ надѣялся, что при первомъ случаѣ я отклонюсь отъ командованія дивизіи и испугаюсь, но я самъ требовалъ изслѣдованія, и тогда онъ взялся за клевету“. Орловъ жилъ въ это время то въ Кишиневѣ, то въ Кіевѣ, то въ своей калужской деревнѣ. Онъ чувствовалъ себя совершенно правымъ. Вскорѣ послѣ происшествія въ Камчатскомъ полку и тотчасъ послѣ ареста Раевского, онъ писалъ женѣ изъ Тульчина, куда поѣхалъ для разговора о своемъ дѣлѣ съ главнокомандующимъ 2-ой арміи, гр. Витгенштейномъ: „Мой планъ защиты совсѣмъ готовъ у меня въ головѣ, и если только разумъ способенъ одерживать верхъ надъ слѣпымъ, неразумнымъ и своекорыстнымъ усердіемъ,—я думаю, что настоящій случай докажетъ мою правоту съ полной ясностью и что Сабанѣвъ своей опрометчивостью лишилъ себя всякаго права на расположеніе нашихъ общихъ начальниковъ“ (16 февр. 1882). А въ ноябрѣ онъ писалъ кн. Вяземскому: „Дѣло мое идетъ и продолжается. Чужіе края и отечество наполнились странными слухами, и посреди общаго вранья трудно постичь настоящій ходъ дѣла. Объ ономъ я распространяться не буду, но вообрази себѣ собраніе глупой черни, смотрящей на воздушный шаръ. Одни говорятъ—это чортъ летитъ, другіе—это явленіе въ небѣ, третьи—чудеса, и пр. и пр. Спускается балонъ, и что-жъ? Холстина, надутая газомъ. Вотъ все мое дѣло. Когда шаръ спустится, вы сами удивитесь, что такъ много обо мнѣ говорили. Впрочемъ все сіе дѣло меня крѣпко ожесточило и тронуло до крайности. Ежели я достигъ равнодушія, то черезъ сильную борьбу“¹⁾).

Онъ не сдавался на увѣщанія Киселева, настаивалъ на судѣ, требовалъ вопросныхъ пунктовъ, а тѣмъ временемъ Киселеву пришлось по семейнымъ дѣламъ внезапно уѣхать за-границу, гдѣ онъ пробылъ до начала 1823 года,—и дѣло Орлова было рѣшено уже, повидимому, безъ его участія: приказомъ отъ 18 апрѣля, Орловъ былъ лишенъ дивизіи и назначенъ состоять по арміи—„то-есть по фабрикѣ, и заниматься своими дѣлами. Это самое,—писалъ онъ женѣ,—они могли-бы сдѣлать уже годъ назадъ“. Фактически онъ командовалъ дивизіей только полтора года. Его военная карьера, такъ блестяще начавшаяся, была кончена. Новаго назначенія ему не дали, и ближайшіе три года, до ареста въ концѣ 25-го года, онъ занимался приведеніемъ въ порядокъ своего имѣнія и стекляно-фарфороваго завода въ Ма-

¹⁾ Рус. Арх. 1884, 4, стр. 391.

сальскомъ уѣздѣ, жилъ то въ деревнѣ, то въ Москвѣ, ѣздилъ въ Крымъ и т. д. ¹⁾ Онъ былъ, повидимому, на самомъ дурномъ счету въ смыслѣ политической благонадежности, и его не спускали съ глазъ. Въ собственноручной запискѣ Александра I, найденной послѣ его смерти въ его кабинетѣ, среди шести видныхъ генераловъ, наиболѣе зараженныхъ пагубнымъ духомъ вольномыслія и являющихся какъ-бы главными очагами заразы въ арміи, названъ и Орловъ ²⁾, а позднѣе, въ концѣ 1825 г., Дибичъ доносилъ, что Орловъ, содѣйствуя распространенію тайнаго общества въ арміи, старался, но тщетно, заодно съ сыновьями генерала Раевского заразить черноморскій флотъ ³⁾. Этотъ глупый доносъ основывался безъ сомнѣнія на томъ, что лѣтомъ 1825 г. Орловъ ѣздилъ въ Крымъ съ цѣлью купить участокъ земли на Южномъ берегу. Тамъ, между прочимъ, онъ въ Симферополѣ свидѣлся съ давнимъ пріятелемъ—Грибоѣдовымъ.

М. Гершензонъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Вотъ вкратцѣ любопытныя цифровыя данныя о его состояніи и о тогдашнихъ цѣнахъ. Въ іюлѣ 1822 г. онъ сообщаетъ женѣ расчетъ, по которому хотѣлъ бы продать это имѣніе съ заводомъ, если бы нашелся покупатель: 230 заводскихъ рабочихъ—по 1 тыс. руб., 500 крестьянъ—по 300 руб., 23.000 десятинъ—по 30 руб., постройки—70.000 руб., инструменты—50.000, матеріалъ—100.000, а всего 1.290.000, но если бы дали миллионъ, то взялъ бы.

²⁾ *Рус. Стар.* 1883, дек., стр. 659.

³⁾ Шильдеръ, *Николай I*, т. I, стр. 238.

Историческая библіографія.

- П. Кропоткинъ. „Записки революціонера“. Съ предисловіемъ Георга Брандеса. Издательство „Свободная мысль“. Спб. 1906. VIII + 435 + 7 нумер. стр. in-12°. Цѣна 1 руб.
- „ „Записки революціонера“. Съ предисловіемъ Георга Брандеса. Съ англійскаго. Переводъ Діонео, подъ редакціей автора. Единственное изданіе, разрѣшенное для Россіи авторомъ, пересмотрѣнное и дополненное имъ. Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб. 1906. XVI + 472 стр. in - 8°. Цѣна 1 р.

Князь П. А. Кропоткинъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей русскаго революціоннаго движенія 70-хъ годовъ. Это—геніальный человѣкъ. Будучи самымъ крупнымъ дѣятелемъ, — по уму, знаніямъ и способностямъ кружка „Чайковцевъ“, — онъ занимался пропагандой соціально-революціонныхъ идей среди петербургскихъ фабричныхъ рабочихъ. Съѣздивъ въ 1872 г. за-границу, кн. Кропоткинъ поступилъ тамъ въ члены Интернаціонала; въ томъ-же году онъ вернулся назадъ въ Петербургъ и съ того времени уже не сходилъ съ разъ и навсегда избраннаго имъ революціоннаго пути, занимаясь въ то же время и научной дѣятельностью. Въ науку онъ внесъ много цѣннаго. Такъ, изучая (1862—67 гг.) Амурскій край, Маньчжурію и Восточную Сибирь ¹⁾, будучи секретаремъ отдѣленія физической географіи Рус. Геогр. Общества, Кропоткинъ напечаталъ въ изданіяхъ этого общества ²⁾ рядъ крупныхъ работъ по геологіи и географіи этихъ странъ, а, посѣтивъ съ научной цѣлью Финляндію, онъ въ своемъ трудѣ (напечатанномъ уже въ то время, когда авторъ сидѣлъ за семью замками въ мрачной Петропавловской крѣпости ³⁾) впервые научно доказалъ, что Швеція, Финляндія и значительная часть Россіи въ ледниковый періодъ представляли собой (какъ теперь Гренландія), страну, покрытую сплошнымъ льдомъ и вѣчнымъ снѣгомъ. Этотъ послѣдній незаконченный трудъ легъ въ основаніе

¹⁾ См. рядъ его статей по географіи, орографіи и геологіи этихъ странъ въ „Запискахъ“ и „Извѣстіяхъ“ Вост.-Сибирск. Отдѣла Рус. Геогр. Общества и въ „Русск. Вѣстникѣ“ М. П. Каткова за 1862—67 гг..

²⁾ См. „Записки Рус. Геогр. Общества“ кн. III и V, 1873—75.

³⁾ См. „Записки Рус. Геогр. Общества“ 1876 г.

установленнаго научно воззрѣнія на геологическое прошлое Россіи. Да и впоследствии, уже будучи эмигрантомъ и анархистомъ, Кропоткинъ обработалъ большую часть отдѣла о Россіи въ знаменитой всеобщей географіи его друга—анархиста Элизэ Реклю.

Арестованный въ 1874 году, Кропоткинъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Переведенный оттуда, по случаю болѣзни, въ военно-сухопутный госпиталь, онъ, съ помощью своихъ товарищей по революціонному дѣлу, убѣжалъ оттуда. Описаніе его побѣга (стр. 309—319 по изд. «Своб. мысли» и 332—342 по изд. «Знанія») представляетъ собою одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ «Записокъ» и читается съ захватывающимъ интересомъ.

Въ общемъ, «Записки революціонера» князя Кропоткина представляютъ собою не только весьма цѣнный матеріалъ для исторіи нашего революціоннаго движенія семидесятыхъ годовъ, но являются также и замѣчательнымъ произведеніемъ въ художественно-литературномъ отношеніи. Съ большимъ талантомъ рисуетъ авторъ бытъ и нравы «дореформенной», крѣпостной Россіи сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, московскую и деревенскую жизнь того времени (по художественному мастерству многія страницы здѣсь напоминаютъ «Семейную хронику» и «Дѣтскіе годы Багрова внука», хотя описываемыя обоими, столь различными по убѣжденіямъ, авторами времена отдѣлены цѣлымъ полустолѣтіемъ). Хорошо и ярко описаны также пробужденіе Россіи послѣ севастопольскаго погрома, воспитаніе автора въ пажескомъ корпусѣ, придворная жизнь, которую авторъ видѣлъ въ качествѣ камеръ-пажа, странствованія автора по Сибири въ 60-хъ годахъ, кружокъ «чайковцевъ» и ихъ революціонная пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ, пребываніе автора во французской центральной тюрьмѣ Клэрво (въ 1883—86 гг.) и пр., и пр. Мы не приводимъ здѣсь выписокъ и цитатъ изъ книги Кропоткина, такъ какъ это безъ нужды удлиннило бы нашу рецензію, тѣмъ болѣе, что публика и безъ насъ оцѣнитъ эту замѣчательную книгу. Рѣдко, очень рѣдко появляются у насъ такія книги,—это *garî nantes in gurgite vasto*, по выраженію одного древняго писателя.

Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о двухъ лежащихъ передъ нами изданіяхъ «Записокъ революціонера». Мы сравнивали оба эти изданія съ лондонскимъ изданіемъ 1902 года. Оказалось, что оба рецензируемыя изданія представляютъ собою перепечатку текста лондонскаго изданія, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (стр., 115, 123, 126, 127, 369, 372 въ изд. «Своб. Мысли» и стр. 123, 134, 135, 395 и 398 въ изд. «Знанія») сдѣланы пропуски противъ лондонскаго изданія. Очевидно, пропуски эти сдѣланы по цензурнымъ соображеніямъ. Въ изданіи «Своб. Мысли» эти пропуски обозначены нѣсколькими строками точекъ. Въ изданіи же «Знанія» на стр. 395 и 398 эти пропуски ничѣмъ не обозначены, а на стр. 123, 134 и 135 авторъ замѣнилъ эти пропуски новыми вариантами. Въ этихъ двухъ-трехъ вариантахъ да въ прибавкѣ одной фразы объ Эли Реклю (450 въ изд. «Знанія») и за-

ключаются всё «дополненія» въ изданіи «Знанія». Во всемъ-же остальномъ оба русскія изданія представляютъ перепечатку лондонскаго изданія 1902 года. Къ изданію же „Знанія“ приложено предисловіе автора, датированное декабремъ 1905 года (въ Лондонѣ).

Д. П. Сильчевскій.

Ф. Данъ. *Изъ исторіи рабочаго движенія и социаль-демократіи въ Россіи 1900—1904 г.г.* Изд. Донской Ръчи. Книжка г. Дана написана въ 1904 г. къ Амстердамскому международному социалистическому конгрессу. Бросается въ глаза именно это обстоятельство: книга написана для европейцевъ, сдержанно, почти объективно, съ большимъ количествомъ важныхъ для исторіи конкретных фактовъ. Факты подобраны добросовѣстно и довольно полно изображаютъ картину развитія рабочаго движенія отъ стачки на отдѣльной фабрикѣ до массоваго политическаго выступленія въ 1903 году. Что касается ея идейнаго содержанія, то въ немъ—при томъ-же видимомъ стремленіи къ объективности — сквозятъ тѣмъ не менѣе рѣзкія полемическія ноты, по которымъ легко узнать не объективнаго изслѣдователя всѣхъ теченій социаль-демократической мысли и практики въ Россіи, а лишь представителя извѣстной фракціи. Г. Данъ — представитель „меньшевизма“. Авторъ, выпуская свою книгу въ 1906 г., не нашелъ нужнымъ сдѣлать въ ней измѣненій примѣнительно къ измѣнившимся условіямъ какъ снаружи, такъ и внутри партіи. По его словамъ „и сейчасъ еще ближайшее прошлое накладываетъ на все свой отпечатокъ“. Совершенно вѣрно. На социаль-демократіи, какъ партіи, сыгравшей видную роль въ движеніи 1905—6 г., это прошлое висѣло и виситъ до сихъ поръ мертвымъ камнемъ и понять его можно лишь съ точки зрѣнія тѣхъ условій, въ которыхъ ей пришлось развиться. Книга автора, поэтому, не только не теряетъ, но выигрываетъ въ свой цѣнности отъ того, что въ ней наиболѣе цѣльно, безъ всякой переработки, отпечатлѣлось это прошлое. „Періодъ, истекшій со времени послѣдняго международного конгресса (Парижскаго), былъ знаменательной эпохой въ жизни всего русскаго общества, и въ частности рабочаго движенія и руководящей имъ Р. С. Д. партіи“, такъ начинается авторъ свою книгу. Изъ дальнѣйшаго изложенія мы однако видимъ, что закономѣрно развивающееся русское рабочее движеніе не нашло въ социаль-демократіи своей руководительницы. Во второй половинѣ 90-хъ годовъ рабочее движеніе — въ формѣ стачекъ—принимаетъ широкіе размѣры. Какъ пользуется этими стачками социаль-демократія? Руководить-ли ими? Нѣтъ. „Не нужно забывать, что, при отсутствіи свободы печати и систематическомъ подавленіи цензурой свѣдѣній о рабочемъ движеніи и при почти полномъ отсутствіи профессиональныхъ союзовъ, огромное большинство стачекъ возникаетъ и протекаетъ чисто стихійно... Партійнымъ организациямъ, во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ не удалось подчинить своему руководству все стачечное движеніе, для этого не хватаетъ ни силъ, ни средствъ, ибо самое простое — на европейскій масштабъ—вмѣшательство социаль-демократіи въ ходъ стачки. при условіяхъ нелегальной дѣятельности, предполагаетъ сравнительно огромную затрату революціонной энергіи“. Кромѣ „условія“ мѣшало вмѣшательству социаль-демократіи въ чисто-рабочія дѣла и „концентрированіе вниманія ея за послѣдніе годы, главнымъ образомъ на непосредственной политической

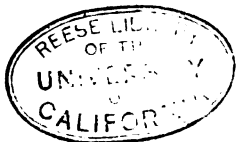
агитаціи и борьбѣ, и уже на второмъ съѣздѣ партіи былъ поставленъ вопросъ объ исправленіи этой односторонности“ (стр. 9). Но, быть-можетъ, эта „односторонность“ давала возможность партіи быть руководительницей политическаго движенія пролетаріата? Посмотримъ. Первыя политическія демонстраціи организуются студентами, а первая демонстрація въ Петербургѣ (въ мартѣ 1901 г.) организуется во имя требованія академической свободы. Рабочій классъ не остается безучастнымъ зрителемъ этого *общественнаго* движенія. Вскорѣ-же онъ присоединяется къ демонстрирующей интеллигенціи, а затѣмъ уже сами социалъдемократическіе комитеты организуютъ демонстраціи. *Присоединеніе* широкихъ рабочихъ массъ къ демонстрирующей русской демократіи наглядно устанавливало неразрывную связь въ самодержавной Россіи социалъдемократическаго и демократическаго движеній. Дальнѣйшее развитіе движенія показало, что только благодаря этой связи могла такъ могуче разразиться русская революція, такъ побѣдоносно итти противъ абсолютизма.

Узкія рамки нелегальныхъ партійныхъ комитетовъ не позволяли имъ не только руководить, но и слѣдить (при отсутствіи свободы печати) за ходомъ рабочаго движенія. А между тѣмъ условія русской жизни—политическій гнетъ и развивающійся капитализмъ—гнали рабочихъ по пути широкихъ массовыхъ и легальныхъ организацій. Въ этомъ своемъ стремленіи къ легальности, къ естественной своей формѣ—массовому проявленію, наше рабочее движеніе заглянуло на минуту... въ участокъ. Какъ это ни странно, но полицейскій участокъ былъ въ 1901 году колыбелью той формы организаціи, которая въ 1905 году выступила въ лицѣ Совѣта раб. деп. во главѣ русской революціи. Мы говоримъ о попыткѣ чиновника московскаго охраннаго отдѣленія, Зубатова, „сорганизовать“ рабочій классъ въ участкѣ и... во славу самодержавія. Онъ, дѣйствительно, его сорганизоваль... на свою гибель. Найдя легальную форму для своего существованія рабочій классъ смелъ и Зубатова и его иезуитскіе замыслы. Авторъ достаточно полно обрисовываетъ эту страницу изъ исторіи рабочаго движенія (стр. 41—44). Онъ забылъ только упомянуть, что организація Зубатова называлась: „Совѣтъ рабочихъ механическаго производства“. Въ 1905 году совѣтъ рабочихъ депутатовъ уже не механическаго производства, а всего рабочаго класса Петербурга показалъ гг. изъ охраннаго отдѣленія, любителямъ широкихъ массовыхъ организацій, куда идетъ рабочій классъ, легализированный въ своихъ проявленіяхъ. Войдя въ участокъ забытымъ рабомъ самодержавія, отдавшись на время „руководству“ Зубатова, онъ вышелъ оттуда уже въ 1903 году закаленнымъ борцомъ, стихійно рвущимся къ осуществленію *своихъ собственныхъ задачъ*. Урокъ ясенъ: можно купить за деньги отдѣльнаго рабочаго и развратить его до предательства, но нельзя купить *цѣлый классъ*, нельзя заставить его *предать* свои интересы... Самодержавіе не могло помѣшать стихійному развитію рабочаго движенія, но оно сильно мѣшало его организаціи. Оно до сихъ поръ мѣшало и мѣшаетъ созданію классовой пролетарской партіи, крайне несовершеннымъ прообразомъ которой былъ „Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ“ 1905 года. А между тѣмъ созданіе классовой партіи было по словамъ Дана „основной проблемой“, стоящей передъ русской социалъдемократіей. Къ разрѣшенію этой основной проблемы и стремилась все время соц. дем. партія, въ этомъ стремленіи—ея исторія. Какъ же рѣшалась эта проблема? „Въ отличіе

отъ западно-европейскаго рабочаго движенія, русская социальдемократія выступила вначалѣ на историческую сцену не какъ организациа передоваго слоя пролетаріата, въ процессѣ политической борьбы пришедшаго къ сознанию своихъ классовыхъ интересовъ; она родилась, прежде всего, какъ организациа части революціонной интеллигенціи, разочаровавшейся въ прежнихъ методахъ борьбы за свободу и понявшей, что въ капиталистически развивающейся Россіи только пролетаріатъ можетъ дать надежную опору для борьбы съ самодержавнымъ строемъ* (стр. 57).

Въ этомъ характерѣ *зарожденія* русской социальдемократіи и лежитъ тотъ мертвый камень, который тянетъ ее къ интеллигентскимъ образованіямъ и мѣшаетъ ей стать истинно-классовой партией *самого* рабочаго класса. Костюмъ былъ сшитъ раньше, чѣмъ нашелся субъектъ, которому онъ пришелся-бы впору. Вотъ почему и въ книгѣ Дана мы постоянно встрѣчаемся съ этими интеллигентскими начинаніями, выдаваемыми за задачи соц. дем. рабочей партіи. Г. Данъ излагаетъ, однако, эти задачи съ невозмутимой серьезностью. „За послѣдніе годы болѣе серьезно былъ поставленъ вопросъ о надлежащей теоретической и практической подготовкѣ учащихся къ той роли пропагандистовъ и агитаторовъ, которую они должны впоследствии выполнять въ рядахъ партіи. Не говоря уже о студентахъ-социальдемократахъ, имѣющихъ свои организации при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и учащихся старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній—мужскихъ и женскихъ—организовывались за послѣдніе годы довольно прочно. Размѣры нашего очерка не позволяютъ намъ долѣе останавливаться на этомъ вопросѣ; поэтому мы ограничимся указаніемъ, что эти гимназическіе кружки не только посвящаютъ свое время теоретическому изученію социализма, но—особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ не имѣется высшихъ учебныхъ заведеній,—оказываютъ весьма серьезныя практическія услуги организациамъ социальдемократической партіи; изъ своей среды они выдѣляютъ не только исполнителей чисто-техническихъ функций, но подчасъ и пропагандистовъ для рабочихъ и кружковъ“ (стр. 56 — 7). Это писалось въ 1904 году, т. е. въ самый разгаръ стихійнаго рабочаго движенія, когда передъ партией стоялъ вопросъ не объ организации „гимназистовъ“ и даже уже не о пропагандѣ въ рабочемъ классѣ, а объ организации массъ для самостоятельнаго рѣшенія своихъ дѣлъ. вмѣсто того, чтобы искоренять уродливое явленіе нашей жизни—участіе гимназистовъ, которымъ еще нужно изученіе алгебры и грамматики, въ роли пропагандистовъ задачъ рабочаго класса,—партія ставитъ себѣ задачей ихъ организацию и подготовку!... Мы остановились на этой мелочи, потому что она характерна для внутренней жизни партіи. Образованная изъ интеллигентовъ, „разочаровавшихся“ въ другихъ методахъ борьбы, изъ студентовъ, гимназистовъ,—партія вѣчно искала сближенія съ новой силой русской жизни, пролетаріатомъ. Она мечтала о немъ, она служила ему, она жертвовала собой ради его счастья, но... она не была имъ. не была партией пролетаріата, какими являются западно-европейскія партіи, выросшія изъ рабочаго движенія, а не для него. Только исходя изъ этой точки зрѣнія,—ненормальнаго образованія партіи—и можно разобратъся въ тѣхъ распряхъ, которыя раздирали ее во все время ея существованія. Не имѣя возможности слиться съ рабочимъ классомъ въ силу условій русской жизни, партія постепенно сложилась въ конспиративную организацию

профессиональных революционеров для пропаганды среди рабочих. Но, вѣдь, пропагандировать нужно что нибудь. Когда пропагандистъ живетъ и питается не только книжной теоріей, но и самимъ движеніемъ, его пропаганда является синтезомъ теоріи и жизни, чистой идеи и конкретныхъ фактовъ. Его рѣчь образна, его лозунги задѣваютъ самыя живыя струны живой, а не абстрактной человѣческой души. Наконецъ, пропагандистъ можетъ оперировать съ книжной теоріей надъ небольшимъ кружкомъ наиболѣе интеллигентныхъ рабочихъ, но масса требуетъ иныхъ приѣмовъ пропаганды, идетъ за иными вождями. Долго и упорно толковала рабочимъ социальдемократія о прибавочной стоимости, о капитализмѣ и социализмѣ, о демократической республикѣ и прочихъ нужныхъ, но холодныхъ абстрактныхъ вещахъ; пришелъ сыщикъ—Зубатовъ и его помощникъ Шаевичъ. Заговорили они объ экономическихъ нуждахъ и широкой для ихъ защиты организаціи,—и масса встала и пошла. Еще рѣшительнѣе пошла она за другимъ темнымъ человѣкомъ, за Гапономъ. А масса свѣтлыхъ, самоотверженно преданныхъ дѣлу социализма лицъ не могли увлечь за собой *ни разу* болѣе или менѣе широкихъ слоевъ рабочаго класса. Секретъ въ томъ, что Зубатовъ и Гапонъ готовили не отдѣльныхъ умныхъ рабочихъ, а врѣзались въ толщу рабочаго класса; они несли ему не квинтъ-эссенцію научнаго социализма, а интересы дня, интересы его жизни. Полицейская прикосновенность позволяла имъ дѣлать это дѣло въ широкомъ масштабѣ, что недоступно было подпольной партіи, спрятанной не только отъ полиціи, но и отъ широкихъ массъ рабочаго класса. Но послушаемъ автора. „Основой партійной организаціи являются мѣстные комитеты и группы... Каждый мѣстный комитетъ, состоящій обыкновенно изъ 5—6, рѣдко болѣе, членовъ, самостоятельно пополняетъ свой составъ въ случаѣ выбытія изъ него членовъ или нужды въ людяхъ. Комитетъ организуетъ группы пропагандистовъ и агитаторовъ, а также различныя техническія группы... Другъ съ другомъ района, нерѣдко съ большимъ ущербомъ для дѣла, весьма мало связаны изъ-за соображеній конспиративнаго характера. Пропаганда ведется въ небольшихъ рабочихъ кружкахъ (человѣкъ въ 10), по заранѣе намѣченному плану. Однако, недостатокъ подходящихъ интеллигентныхъ силъ и полицейскія трудности не позволяли до сихъ поръ поставить это дѣло такъ, какъ того требуетъ его важность. Съ одной стороны пропагандисты изъ интеллигентной молодежи часто оказываются недостаточно подготовленными къ выпавшей на ихъ долю функціи, съ другой—вслѣдствіе невозможныхъ полицейскихъ условій занятія часто ведутся нерегулярно, бросаются на серединѣ намѣченнаго курса и т. д.“ (стр. 79). Но, можетъ быть, благодаря хорошо налаженному интеллигентскому аппарату, хорошо велась агитація? „Агитація велась за послѣдніе годы очень оживленно, но, главнымъ образомъ, посредствомъ прокламацій. Устраивать агитаціонныя собранія, въ которыхъ рабочіе принимали-бы живое участіе въ разработкѣ политическихъ вопросовъ, препятствовали, прежде всего, полицейскія условія. Кромѣ того, стремленіе охватить агитаціоннымъ словомъ, хотя бы въ самой общей формулировкѣ, возможно большую массу рабочихъ заставляло отдавать предпочтеніе прокламаціямъ и *подчасъ забывать о всей важности политическаго воспитанія передоваго слоя рабочихъ, воспитанія, достигаемаго активнымъ участіемъ этихъ рабочихъ въ детальномъ обсужденіи текущихъ политическихъ вопросовъ и въ выработкѣ*

того политическаго поведенія, котораго долженъ держаться рабочий классъ въ каждомъ данномъ случаѣ.

Благодаря такой постановкѣ агитаціи создалось въ значительной мѣрѣ такое положеніе, что даже передовые слои пролетаріата не столько *активно* участвуютъ въ выработкѣ и направленіи дѣятельности партіи, сколько *пассивно* воспринимаютъ и, по мѣрѣ возможности, приводятъ въ исполненіе лозунги, выработанные безъ ихъ *сознательнаго* участія и даваемые „сверху“ комитетомъ. Съ другой стороны, стиснутая въ узкія рамки прокламаціи агитація поневолѣ должна ограничиваться „схематизированіемъ“, постановкой политическихъ вопросовъ въ ихъ самомъ общемъ видѣ; а между тѣмъ, только знакомство съ самимъ механизмомъ политическихъ событій, съ ихъ движущими пружинами и сложной обстановкой можетъ дать пролетаріату, въ лицѣ его передовыхъ слоевъ, возможность настолько оріентироваться въ политической жизни страны, чтобы умѣть всегда и всюду найти линію, соответствующую классовымъ интересамъ пролетаріата. Наконецъ, агитація, какъ она сложилась за послѣдніе годы, имѣла еще одинъ очень существенный недостатокъ. Силою вещей она велась почти всегда *post factum*; разъясняла (поскольку разъясняла) смыслъ уже происшедшихъ событій, не *задаваясь целью* подготовить *активное и сознательное вмѣшательство* пролетаріата въ ту пеструю смѣну событій политической жизни, которыхъ можно было ожидать впереди“ (стр. 80, курсивъ вездѣ нашъ). Можно подумать, что все это писалъ не г. Данъ, а злой „критикъ“ социалдемократіи, — экономистъ, ревизионистъ... Мы сдѣлали эту длинную выдержку, т. к. она чрезвычайно важна; она отвѣчаетъ на вопросъ, поставленный нами выше: руководила-ли партія политическимъ движеніемъ пролетаріата? Оказывается — нѣтъ, не руководила; она лишь *post factum* разъясняла событія. Это печальное признаніе не останавливаетъ, однако, автора отъ жестокой и чрезвычайно пристрастной критики „экономизма“, особенно развившагося именно въ тотъ періодъ, который характеризуется стихійнымъ развитіемъ широкаго стачечнаго движенія. „Сущность экономизма, послѣдовательной выразительницей котораго была газета „Рабочая Мысль“ (осн. въ 1897 г.) сводилась, въ общихъ чертахъ, къ представленію, что борьба за политическую свободу есть дѣло буржуазіи, „чисто-рабочіе“ же интересы требуютъ, прежде всего, борьбы профессиональной, борьбы лишь съ непосредственно осязаемыми массой притѣсненіями и за непосредственно ею сознаваемые интересы. Въ конечномъ счетѣ такая постановка вопроса сводилась къ ограниченію самостоятельности рабочаго движенія лишь сферою профессиональной борьбы и отказу отъ организаціи самостоятельной *политической* рабочей партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ социализма въ его научномъ видѣ“ (ст. 59). Такъ характеризуетъ авторъ экономизмъ. Недобросовѣстность подобной характеристики была бы очевидна для всякаго, считающаго себя „экономистомъ“, если бы авторъ не оговорился: „сами сторонники „экономизма“ не дѣлали этихъ крайнихъ выводовъ изъ занятой ими позиціи и не понимали всего ея политическаго значенія“. Оказывается, они — не понимали, но поняла ее г. Данъ и еще... „марксистская фракція, которая и эти выводы отчетливо формулировала въ своемъ „символѣ вѣры“ (Credo ¹⁾). Эта фракція положила

¹⁾ Здѣсь не лишнимъ будетъ рассказать, „какъ дѣлается исторія“. Никакой „фрак-

начало тому чисто-либеральному направленію, которое представлено теперь органомъ г. Струве („Освобожденіе“). (стр. 59—60) Пишущій исторію г. Данъ мало освѣдомленъ о сущности „Освобожденія“. Политическій журналъ, первоначально безъ всякой политической организаціи, возникъ по инициативѣ не русскихъ ревизионистовъ, а русскихъ земцевъ. Рѣшительно ничего общаго съ ревизионизмомъ журналъ не имѣлъ. Его задача была внѣ рабочаго класса и состояла въ томъ, чтобы будить широкое общественное мнѣніе, организовывать общественныя силы. Ревизионизмъ мыслимъ лишь въ нѣдрахъ социаль-демократической партіи. Ничего социаль-демократическаго въ организаціи „Союза Освобожденія“ не было. Это была не прочная, на долгое время разсчитанная организація, а временное политическое образованіе, противопоставленное самодержавному абсолютизму. Уже 17-ое октября сдѣлало ненужнымъ подобное соединеніе. Передъ немногими русскими ревизионистами стоялъ въ 1900 г. вопросъ: или биться въ сѣтяхъ большевизма и меньшевизма въ безплодной растратѣ силъ, или-же сдѣлать дѣйствительно политическое дѣло, помогая организаціи трудно-соединяемыхъ элементовъ буржуазной демократіи исключительно въ цѣляхъ политическихъ выступлений. Дальнѣйшее показало, что идея была правильной

ціи“, писавшей „Credo“ никогда не существовало, а было вотъ что. Жили за границей два человека, N. N. и M. M. Они сражались съ „ортодоксіей“ русской социальдемократіи, будучи однако горячо преданы идеѣ социальдемократической рабочей партіи и интересамъ рабочаго движенія въ Россіи. Никакого политическаго движенія рабочихъ въ Россіи въ то время не было. Было стачечное движеніе чисто экономическаго характера. Сначала „Бундъ“, потомъ „Рабочая Мысль“, потомъ N. N. и M. M., потомъ „Рабочее Дѣло“ начали настаивать на томъ, что, если соц.-дем. партія хочетъ быть партией рабочихъ, она должна подойти къ нимъ, исходя не изъ абстрактныхъ ученій Маркса и Энгельса, а изъ *изъ непосредственныхъ интересовъ*. Затѣмъ: опараться должна эта партія не на вѣрныя людей, за границей сидящихъ, а на *самодѣятельность рабочихъ*, въ какомъ бы видѣ эта самодѣятельность не выражалась, хотя бы, напримѣръ, въ видѣ похоронныхъ касокъ. Въ то время такая самодѣятельность только и выражалась въ стачкахъ на экономической подкладкѣ и кое-гдѣ на попыткахъ организовать професіон. движеніе. „Экономисты“ были поклонниками самодѣятельности массъ въ ея различныхъ видахъ, и формулировали это главнымъ образомъ въ статьѣ г. N. N., напечатанной въ „Vademecum“ъ Г. В. Плехановымъ. Статья называется: „Отвѣтъ на брошюру Аксельрода: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социальдемократовъ“. Вся статья написана въ доказательство необходимости исходить въ образованіи партіи изъ интересовъ рабочихъ. Въ ней говорится, что „сознаніе рабочихъ не глѣсто, дѣлать изъ котораго „ми“ (интеллигенты) призваны по собственному образу и подобию. „Мы“ и „наши“ усилія могутъ лишь дополнять то, чему учитъ рабочаго жизнь“. (Vademecum, стр. 49) Или: „исторія дѣлается массами, поэтому сознаніе только массъ является историческимъ факторомъ“. и т. д. Эти, подобныя и шаблонныя для современной психологіи вещи, тогда были приняты за злой „экономизмъ“, а авторъ (N. N.) подвергнутъ анафемѣ. Проклятые истинными социальдемократами N. N. и M. M. уѣхали въ Россію, во на границѣ N. N. былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ. Въ Петербургъ-же пріѣхалъ и M. M. и подъ влияніемъ заграничной распри съ правѣтельными продолжалъ бесѣды на острые темы марксизма и рабочаго движенія въ Петербургской литературной средѣ, въ которой тогда еще было довольно много „ортодоксовъ“.

и организация выросла. Никогда никакой рабочей политикой „Освобождение“ не задавалось, никогда на очень нечистоплотную критику с. д. не отвѣчало, чтобы не увеличивать тѣхъ дразгъ, которыя не возвышали, а унижали русскую интеллигенцію. Въ нѣдрахъ же „Союза Освобождения“ ревизионисты высказывались *принципально* противъ организациі Союзомъ рабочихъ массъ: не классовая организация не можетъ организовывать класса. Выводить изъ „Credo“ буржуазный либерализмъ можетъ лишь тотъ, кто читалъ „Credo“ не для идей, а... для ругательствъ. Но что это были за страшныя слова, написанныя въ ужасномъ „Credo?“ Приглашеніе понять задачи *русской* политики и не переносить чужихъ задачъ и чужихъ формулъ на русскую почву. Самую ужасную для русскихъ марксистовъ въ этомъ „Credo“ была слѣдующая мысль: „Разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву... Политическая невинность русскаго марксиста—интеллигента, скрытая за головными разсужденіями на политическія темы, можетъ сыграть съ нимъ скверную штуку“. „Credo“ самымъ рѣшительнымъ образомъ приглашало не тратить силъ на игру въ „самостоятельную рабочую партію“, образованіе которой невозможно въ русскихъ политическихъ условіяхъ, и отдаться борьбѣ за политическую свободу, *не разединяя рабочий классъ въ этой борьбѣ отъ другихъ борющихся слоевъ народа.*

Что-же касается „принципальнаго отказа экономистовъ отъ политической борьбы“ (стр. 60), то эта нехорошая неправда принадлежитъ къ числу тѣхъ полемическихъ приѣмовъ, которые такъ сильно компрометируютъ с. д. партію. Въ статьѣ противъ Аксельрода Н. Н. констатируетъ, что „у насъ есть теперь (1898 г.) рабочее движеніе, но оно не носитъ *еще* политическаго характера“ и говоритъ далѣе: „до сихъ поръ (до 1898 г.) въ Россіи не было политической агитациі, и мы полагаемъ, что для нея еще нѣтъ въ Россіи мѣста. Сколько времени пройдетъ еще до того момента, когда отъ полити-

Однажды послѣ горячаго спора къ М. М. обратились съ просьбой сформулировать кратко свои взгляды на спорные вопросы, чтобы удобнѣй было въ спорѣ опереться на что либо стройное и цѣльное. М. М. одинъ, безъ всякихъ соучастниковъ, набросалъ спѣшно и не для печати краткое изложеніе своихъ взглядовъ. Бумаженка была взята кѣмъ то изъ участниковъ спора. Прошло нѣкоторое время. Авторъ „взглядовъ“ на бумаженкѣ совсѣмъ забылъ объ ея существованіи. Его другъ Н. Н. все еще сидѣлъ въ тюрьмѣ и не подозрѣвалъ, въ какую исторію попадетъ М. М. Вдругъ въ одинъ прекрасный день въ руки М. М. попадается „Протестъ“ 17 социалъдемократовъ противъ какого то еретическаго „Credo“. М. М. читаетъ и съ изумленіемъ видитъ, что это „Credo“—ничто иное, какъ его бумаженка, съ наскоро набросанными для спора положеніями. Изумленію его не было предѣловъ, когда затѣмъ, въ дальнѣйшемъ, это несчастное „Credo“ стало историческимъ документомъ, социалъдемократія была объявлена въ опасности, а сами авторы (увы, у соц. дем. тогда множились въ глазахъ!) злѣйшими врагами социалъдемократіи. Кто это „Credo“ напечаталъ, кто на бумаженкѣ поставилъ это заглавіе (въ подлинникѣ—заголовокъ не было), М. М. и до сихъ поръ не знаетъ. Все изложенное—точно, такъ какъ авторомъ „Credo“ была я, пишущая эти строки. За подписью М. М. въ *Vademecum*’ѣ опубликованы мои частныя письма къ членамъ „Группы Освобождения Труда.“

Е. К.

ческой пропаганды мы сможем перейти къ политической агитаціи? Мы этого не знаемъ. Быть можетъ, моментъ этого наступитъ черезъ годъ, быть можетъ черезъ 10 лѣтъ. Но несомнѣнно, что въ данную минуту никто изъ практическихъ дѣятелей движенія серьезно не думаетъ о политической агитаціи и не считаетъ ее своевременной“ (Vademecum, стр. 51—2). Ожиданія N. N. сбылись. Черезъ 3 года, въ 1901 г., начались политическія демонстраціи. Черезъ 5 лѣтъ, въ 1903 г. произошла первая всеобщая забастовка, организованная въ Одессѣ Шаевичемъ. Черезъ 7 лѣтъ, въ 1905 году, совершилась великая русская революція, въ которой пролетаріатъ въ лицѣ желѣзнодорожнаго союза и Совѣта раб. деп. сыгралъ такую рѣшающую роль. Все это не помѣшало г. Дану въ 1904 г., въ докладѣ с. д. партіи на международный конгрессъ, утверждать грубую... неправду, смѣшивая констатированіе факта—притомъ вѣрное констатированіе факта—съ принципиальнымъ опредѣленіемъ задачъ движенія. Пролетаріатъ не велъ въ 1898 г. прямой политической борьбы, онъ велъ только косвенную борьбу съ самодержавіемъ путемъ развитія своей *коллективной* самодѣятельности и *массовою нарушеніемъ законовъ*, изданныхъ самодержавнымъ правительствомъ противъ его интересовъ (см. у N. N. въ Vademecum чѣ стр. 55—57) Констатированіе этого факта г. Данъ на международномъ социалистическомъ конгрессѣ выдалъ за принципиальный отказъ экономистовъ отъ политической борьбы...

Тутъ же г. Данъ даетъ намъ интересную справку о силахъ соц. дем. партіи въ то время. Въ 1900 г. дѣйствовало: 6 комитетовъ, 3 группы и въ 9 городахъ дѣлались „попытки“ социалъдемократической агитаціи и пропаганды. Въ 1904 г., въ 50 губ. Евр. Россіи, безъ Кавказа и Сибири, с. д. партія насчитывала 29 комитетовъ, 11 мѣстныхъ группъ (стр. 53—5). Комитеты обыкновенно состояли изъ 5—6 человекъ, рѣдко болѣе. Группы, вѣроятно, имѣли вдвое менѣе членовъ. Въ такомъ случаѣ активныхъ социалъдемократовъ работало:

въ 1900 г.	63 чел.
„ 1904 г.	207 чел.

Конечно, еще меньше активныхъ соц.-демок. въ 1898 г., когда экономисты констатировали отсутствіе политическаго рабочаго движенія. Съ ростомъ соц.-демократ. силъ появилась возможность перейти отъ политической агитаціи къ организаціи политическихъ демонстрацій (1901 г.). Данъ говоритъ о нихъ: „Скоро, однако, начали обнаруживаться и отрицательныя стороны такого движенія (демонстрацій). Прежде всего, какъ ни велико бывало иногда скопленіе зрителей, и какъ ни мало было среди нихъ сочувствующихъ демонстрантамъ, активныхъ участниковъ демонстрацій обыкновенно было не особенно много, въ лучшемъ случаѣ нѣсколько сотенъ. Благодаря этому, демонстранты почти никогда не могли дать успѣшнаго отпора полиціи и казакамъ, набрасывающимся съ нагайками и звѣрски избивавшимъ всѣхъ, попадавшихъ подъ руку... Кромѣ избіенія демонстрантовъ, демонстраціи всегда сопровождались массовыми арестами, а такъ какъ огромное большинство участниковъ стояло въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ съ партійными организаціями, и трудно было при такомъ публичномъ выступленіи соблюдать всѣ правила конспираціи (конспирація при публичномъ выступленіи ! Р. Е. К.),—аресты эти нерѣдко вели къ разрушенію

организаций, созданных съ такимъ трудомъ“. Поэтому, с.-д. партія рекомендовала осторожность, „совѣтуя обратить усиленное вниманіе на лучшую подготовку и организацию демонстрацій и не стремиться во чтобы то ни стало множить ихъ число“ (стр. 26—7). Если осторожность нужна была въ 1902—4 г., то тѣмъ большую осторожность въ ненужной растратѣ силъ слѣдовало соблюдать въ 1898—900 г.г., въ періодъ „экономизма“, когда силъ у партіи было въ нѣсколько разъ менѣе, чѣмъ въ послѣдующій періодъ „Искры“.

Въ своемъ изложеніи г. Данъ совершенно игнорируетъ вліяніе *количественнаго* роста силъ на тактику партіи и формы самодѣятельности рабочихъ. Что можно сдѣлать съ 1000 людьми, то является фразой у 10 человекъ. Вообще въ экскурсіяхъ г. Дана въ исторію партіи мы напрасно стали бы искать философію ея развитія; эти экскурсіи дѣлаются имъ въ цѣляхъ фракціонной полемики, той полемики, которая наложила такую своеобразную печать на всю литературу партіи.

Къ сожалѣнію, эта полемика не ограничилась областью литературы. Она безжалостно врѣзалась въ жизнь, въ само рабочее движеніе. Г. Данъ спокойнымъ тономъ рассказываетъ намъ самую черную страницу въ исторіи социал. дем. интеллигенціи, — разрушеніе организацией „Искры“ рабочихъ социалъдемократическихъ организаций, созданныхъ въ періодъ „Рабочаго Дѣла“. Экономизмъ вполне послѣдовательно привелъ къ образованію рабочихъ группъ, простой численный ростъ которыхъ неизбежно долженъ былъ вывести рабочее движеніе на арену политической борьбы. „Эпоха экономизма и „Рабочаго Дѣла“, говоритъ г. Данъ, оставила въ наслѣдіе организацию, опирающуюся на небольшой сравнительно слой лучше оплачиваемыхъ рабочихъ. Вся организациа была построена, или, по крайней мѣрѣ, должна была быть построенной, на принципѣ выборности. Но такъ какъ дѣйствительно массовые выборы при наличныхъ условіяхъ были совершенно невозможны, то на дѣлѣ выборы бывали лишь выраженіемъ воли небольшого круга обученныхъ рабочихъ, который примыкалъ къ комитету“ (стр. 64—5). Какъ извѣстно во всѣхъ странахъ ядро соц. дем. движенія составляютъ *обученные* рабочіе, аристократія рабочаго класса, наиболѣе культурный слой рабочихъ. Въ русскомъ рабочемъ движеніи руководящую роль играютъ рабочіе механическихъ заводовъ и типографій. Поэтому возмущаться составомъ этихъ комитетовъ не приходится. Самъ г. Данъ, формулируя въ 1904 г. задачи будущаго, говоритъ: „Все должно быть направлено къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, передовые слои пролетаріата становились активными участниками и творцами партійной политики“ (стр. 80). Зачѣмъ-же было въ 1900 г. разрушать организациа передовыхъ слоевъ пролетаріата и уничтожать ихъ участіе въ партійной жизни? Ссылка на защиту ими своихъ профессиональныхъ интересовъ—пустая фраза, которая могла быть убѣдительна только для анти-экономической фракціи с. д. интеллигенціи. Причину надобно искать въ другомъ мѣстѣ. Подъ флагомъ „Искры“ создавалось не рабочее движеніе, а организациа революціонеровъ-спеціалистовъ (стр. 68). „Организационный планъ „Искры“ состоялъ въ созданіи партійной организациа профессиональныхъ революціонеровъ“ (стр. 66). А рабочія с. д. организациа—во славу единой россійской с. д. партіи—были разрушены. Были уничтожены ячейки, изъ которыхъ могла вырости настоящая с. д. рабочая партія. Такъ понимала с.-д.

интеллигенція задачу созданія классовой рабочей партіи.—Теперь эта мрачная страничка исторіи принадлежит прошлому. Теперь опять становится на очередь вопросъ о созданіи рабочей, а не интеллигентской и гимназической соц.-демократіи. Разрушивъ организациі рабочихъ, „Искра“ насадила организациі гимназистовъ. Теперь, въ 1906 г., повидимому, начинается *обратная* работа. Ставятся на очередь тѣ самая задачи, къ разрѣшенію которыхъ было приступлено въ 1898—900 г.г.,—задачи, оттертыя побѣдою интеллигентской фракціи профессиональныхъ революціонеровъ въ рядахъ социальдемократіи.

Г. Данъ прекрасно нарисовалъ намъ картину „партіи“, вынужденной руководить рабочимъ классомъ не по слѣдамъ событій, не предупреждая ихъ, а *post factum*. Чтобы рабочей классъ сложился въ партію, нужно, наконецъ, оставить интеллигентское строительство и найти тѣ *живыя* и *конкретныя* рабочія организациі, лишь соединеніе которыхъ создаетъ намъ партію. Рабочій классъ, столь единодушно выступавшій въ русской революціи, еще не создалъ прочныхъ организациі для защиты своихъ повседневныхъ классовыхъ интересовъ. Эти организациі лишь строятся. Только исходя изъ этой самодѣльной постройки, можно намѣтить черты той партіи, которая будетъ истинно рабочей, которая будетъ вести рабочей классъ къ единообразному проявленію его какъ класса не *post factum*, а передъ событіемъ.

Уже у г. Дана есть указанія на это самостоятельное строительство рабочего класса—профессиональные союзы. Въ 1903 г. возникъ союзъ московскихъ типографскихъ рабочихъ. Этотъ союзъ началъ съ чисто экономической организациі и очень скоро принялъ программу Р. С. Д. Р. партіи. Данъ не упоминаетъ о деклараціи, которая была написана по этому поводу. Типографщики заявляли, что они—социальдемократы, но никакого большевизма и меньшевизма не знаютъ, а такъ какъ существующая соц.-дем. организациа есть соединеніе двухъ враждующихъ фракціи, то они и предпочитаютъ пока остаться просто социальдемократами. Кромѣ того указывалось, что вѣчные провалы партійныхъ интеллигентовъ могутъ помѣшать ихъ строительству. Въ 1904 г. Данъ пишетъ: «нерѣшеннымъ остается и вопросъ о возможномъ и желательномъ организационномъ отношеніи такихъ профессиональныхъ союзовъ къ партіи». (стр. 46). Въ 1906 г. на этотъ вопросъ можно дать отвѣтъ: при малѣйшемъ намекѣ на политическую свободу профес. союзы растутъ съ невѣроятной быстротой и почти всѣ оказываются социаль-демократическими. Классовое расслоеніе въ Россіи зашло такъ далеко, что иначе и быть не можетъ. Союзъ Московскихъ типографовъ сыгралъ въ 1905—6 г. выдающуюся революціонную роль, — тредъ-юнионистскій характеръ не помѣшалъ ему быть ультра-политическимъ, когда этого потребовали условія. Отсюда выводъ: профес. союзы, въ которые такъ охотно и скоро организуется русской рабочей классъ, могутъ въ то же время быть ячейками для будущей политической рабочей партіи. Благодаря своему рѣзко-классовому характеру русскіе союзы *социаль-демократичны по существу*, и при малѣйшей возможности образованія политической партіи войдутъ въ нее въ качествѣ полноправныхъ членовъ и опредѣлятъ собою ее. Другимъ русломъ, по которому пойдетъ строительство партіи, будетъ созданіе политическихъ клубовъ рабочихъ, библиотечныхъ организациі и кружковъ саморазвитія рабочихъ. Объединеніе рабочихъ для удовлетворенія ихъ духовныхъ интересовъ въ клубы и кружки имѣетъ для

партии, пожалуй, даже большее значение, чѣмъ профессиональные союзы. Для сложенія партии изъ такихъ ячей рѣшающее значеніе будутъ имѣть выборы въ русской парламентъ, когда онъ будетъ, наконецъ, завоеванъ. Вообще условіемъ образованія самостоятельной рабочей партии по прежнему—какъ и во времена Credo—является сверженіе бюрократическаго произвола и установленіе хотя бы minimum'a политической свободы. Это—задача все еще обще-демократическая, а не социаль-демократическая. До тѣхъ же поръ, пока Habeas corpus не будетъ основнымъ условіемъ русской жизни, г. Дану придется еще написать много книжекъ о серьезныхъ задачахъ «партии»—въ организаціи гимназистовъ и объ агитаціи среди рабочихъ...
post factum.

Книга читается съ большимъ интересомъ и мы желаемъ ей широкаго распространенія. Она наводитъ на многія размышленія, не безполезныя въ наше время обезцѣненія всѣхъ старыхъ цѣнностей...

Е. Нусова.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

- Изданія О. Н. Поповой.
В. Гюго. На баррикадѣ. Ц. 20 к.
А. В. Метіеръ. Въ поискахъ правды и смысла жизни. Очеркъ изъ исторіи русскаго масонства. Ц. 30 к.
Сергѣевъ-Ценскій. Убійство. Ц. 2 к.
С. Лозинскій. Революція 1848 г. въ Венгрии. Ц. 12 к.
Теодоръ Липпсъ. Руководство къ психологіи пер. съ нѣм. М. А. Лихарева. Ц. 1 р. 50 к.
В. Вологдинъ. Народная школа и рабочій классъ. Ц. 8 к.
Темы жизни. Еженедѣльное изданіе 1906 г.
№ 1. Вып. I. А. Луначарскій. Очеркъ развитія интернаціонала. Ц. 10 к.
Вып. II. В. Тотоміанецъ. Профессіональные союзы рабочихъ. Ц. 5 к.
Вып. III. А. Ельницкій. Георгій Валентинов. Плехановъ. Ц. 7 к.
№ 2. Вып. I. I. Ларскій. Общество будущаго. Ц. 6 к.
Вып. II. А. Е. Лоцикій. Избирательная система Государственной Думы. Съ диаграммами Ц. 12 к.
№ 3. Вып. I. Б. Веселовскій. Земскіе либералы.
Вып. II. Л. Клейнбортъ. Въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Ц. 7 к.
Вып. III. М. Ашешовъ. Александръ Николаевичъ Радищевъ. Ц. 8 к.
№ 4. Вып. I. Л. Гуревичъ. 9 января. По даннымъ анкетной комиссіи. Ц. 10 к.
Вып. II. П. Румянцевъ. Освободительное движеніе и Государственная Дума.
Вып. III. П. Л. Берлинъ. Первый нѣмецкій парламентъ. Ц. 10 к.
№ 5. Вып. I. П. Масловъ. Русская революція и народное хозяйство. Ц. 5 к.
Вып. II. Б. Веселовскій. Крестьянскіе бунты. Ц. 6 к.
Вып. III. М. Боголѣповъ. Война и финансы. Ц. 5 к.
№ 6. Вып. I. Д. Зайцевъ. Государственное страхование рабочихъ. Ц. 8 к.
Вып. II. В. Вологдинъ. Чему жизнь рабочихъ учить. Ц. 6 к.
Вып. III. А. Ельницкій. Первое мая въ Россіи. Ц. 8 к.
№ 7. Вып. I. В. Львовъ. Девяностые годы и творчество В. Вересаева. Ц. 12 к.
Вып. II. I. Давыдовъ. Какъ расходуются народныя деньги. Ц. 5 к.
Вып. III. К. Пономаревъ. Пролетаріатъ на Кавказѣ. Ц. 7 к.
№ 8. Вып. I. П. Румянцевъ. Крестьянство и социаль-демократія. Ц. 5 к.
Вып. II. А. Глѣбовъ. Общественныя работы. Ц. 12 к.
№ 9. Вып. I. А. Ельницкій. Первые шаги рабочаго движенія въ Россіи. Ц. 12 к.
№ 10. М. Боголѣповъ. 9 миллиардовъ рублей. Ц. 5 к.
№ 11. Н. Коробко. Свобода совѣсти. Ц. 5 к.
№ 12—13. А. Ульяновскій. Женщины въ процесѣ 50-ти. Ц. 15 к.
№ 14. Н. Димъ. Сельскій пролетаріатъ въ Россіи. Ц. 12 к.
Домашке. Аграрная реформа „Образоват. Библиот.“. Ц. 50 к.

- Русское Свободное Слово № 2 Полное собр. сочинений, запрещенных русской цензурой гр. Л. Н. Толстого т. II Ц. 65 к.
- Верхолетовъ. Рабочіе въ Германіи подъ ред. пр.-доц. Н. А. Рожкова изд. „Колоколь“. Ц. 15 к.
- Н. Н. Фирсовъ. Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. Изд. Т-ва Вольфъ. Ц. 30 к. СПб. 1906 г.
- Издания Л. Ф. Маркса:
- Э. С. Шифферсъ. Самоучитель шахматной игры. Ц. 2 р.
- А. Н. Плещеевъ. Стихотворенія изд. 4-ое.
- О. П. Петровъ. Русская стенографія. Ц. 1 р. 50 к.
- З. А. Рагозина. Исторія одной души. Ц. 80 к.
- Омулевскій. Сочиненія т. I и II. Ц. 1 р. 50 к. томъ.
- Бар. Н. Н. Торнау. Атласъ по отечествовѣдѣнію ч. II Сибирь и Туркестанъ. Ц. 1 р. 20 к.
- Ө. Ө. Нелидовъ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы; Библ. „Свободная Россія“ № 28. Ц. 1 р. 50 к.
- А. Пыпинъ. Характеристика литературн. мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ год. Историческіе очерки изд. 3-ье. Ц. 3 р.
- Книгоиздательство „Общественная Польза“:
- П. Е. Щеголевъ. Первый декабрь въ Владимірѣ Раевскій 2-ое изд. Ц. 30 к.
- П. Эль. Соціально-сатирическіе этюды. Ц. 80 к.
- Н. А. Бородинъ. Государственная Дума въ цифрахъ. Ц. 25 к.
- К. Марксъ. Революція и контръ-революція въ Германіи съ пред. Каутскаго. Ц. 25 к.
- Л. Васильевскій (Плохоцкій). Современная Польша и ея политическія стремленія. Ц. 50 к.
- Этьенъ Бюиссонъ. Всеобщая стачка съ прил. статьи Н. Кудрина Всеобщая забастовка. Ц. 15 к.
- Жоржъ Вейль. Исторія соціального движенія во Франціи пер. М. Брагинскаго. Ц. 1 р. 80 к.
- Искра за два года. Сборникъ статей. Ц. 2 р. 25 к.
- Дневникъ падшей. Ц. 70 к.
- Изданіе Д. Е. Жуковскаго.
- Куно Фишеръ. Исторія новой философіи т. I Декартъ, его жизнь, сочиненія и ученіе.
- Книгоизд. Мягкова „Народная Мысль“.
- К. Гюисманъ, Л. де-Брунеръ и Л. Бертранъ. 75 лѣтъ буржуазнаго господства. Перев. съ изд. Бельг. раб. парт. М. Мирсоне. Ц. 50 к.
- А. Веберъ. Налоги пер. съ фр. Лидова. Ц. 30 к.
- Л. Бертранъ. Исторія кооперации въ Бельгіи вып. II съ иллюстр. т. I ч. 3-ья изд. „Колоколь“.
- Д. И. Курскій. Англійскій рабочий. Ц. 5 к. изд. „Колоколь“.
- Гуго Бергъ. Долой безработицу! Съ пред. Вильбранта книгоизд. „Свободная Пресса“. Ц. 25 к.
- Дм. Самойловъ. О рабочихъ профессиональныхъ союзахъ М. 1906 г. Ц. 25 к. Книгоизд. „Молодая Россія“.
- М. Якобій. Къ аграрному вопросу М. 1906 г. Ц. 15 к.
- За книжкой № 4. 1906 г. Ц. 7 к. Обзоръ новыхъ книгъ и книжнаго дѣла изд. „Святель“.
- М. Нордау. Ложь капиталистическаго строя, пер. съ нѣм. С. Кувшинскаго. Книгоизд. „Народная Трибуна“. Ц. 20 к.
- Журналъ Русская Историческая Библіотека № 3. Процессъ шестнадцати террористовъ 1880 г. Подъ ред. и съ прим. В. Бурцева. Ц. 60 к. Складъ при книгоизд. „Донская Рѣчь“.
- Книгоиздательство „Донская Рѣчь“:
- Викторъ Гюго. Клодъ Ге. Ц. 3 к.
- Катехизисъ рабочаго пер. Куликера. Ц. 3 к.
- А. Пругавинъ. Петропавловская крѣпость. Ц. 5 к.
- Послѣдній день Коляева. Ц. 3 к.
- Е. А. Звягинцевъ. До чего нужда довела крестьянъ. Ц. 5 к.

- Министры слуги народа вып. I. Ц. 3 к.
Пѣсни борьбы. Стихотворенія. Ц. 8 к.
И. П. Бѣлоконскій. За что и почему?
О. Волькенштейнъ. Вопросъ о всеобщей забастовкѣ въ Германіи.
Н. А. Кабановъ. Какъ улучшить крестьянское хозяйство.
Ламенне. Слово вѣрующаго. Ц. 6 к.
Изданія Глаголева.
Парвусъ. Россія и революція. Ц. 1 р.
Л. Г. Дейчъ. 16 лѣтъ въ Сибири. Ц. 1 р.
В. К. Агафоновъ. Наука и жизнь. Складъ въ кн. маг. „Обществ. Польза“. Ц. 1 р.
Изданія Т-ва И. Д. Сытина:
Пр. Довнаръ-Запольскій Тайное общество декабристовъ. Ц. 1 р.
Пр. Александръ Трачевскій. Наполеонъ I, первые шаги и консульство
1764—1804 г. Ц. 1 р. 25 к.
Р. Пельманъ. Очеркъ греческой исторіи въ связи съ источниковѣдѣніемъ
Изд. Об-ва вспомоц. оконч. курсъ наукъ на СПб. В. Ж. К. Ц. 2 р.
Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго т. I и т. IX СПб. 1906 г.
Газеты: Голось солдата № 1 1906 г. Изд. Воен. Орг. Пет. Ком. пар. С.—Р.
Пролетарій №№ 1, 3, 4 1906 г. Орг. Моск. и Пет. Ком. Р. С.—Д. Р. П.
Солдатская газета № 1 изд. Ц. К. пар. С.—Р. 1906 г.
Казарма № 7. Орг. Воен. Орг. при Пет. Ком. Р. С.—Д. Р. П.
Буревѣстникъ № 1 1906 г. Органъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ.
Событія дня № 4, 6 и 7. Рига 1906 г.
Голось солдата № 11—12 и 15. Рига Риж. С.—Д. Воен. организ.
Листокъ № 2 Еврейск. С.—Д. раб. пар. „Пойалей-Ціонъ“.
Трудъ № 1—2 Рабочая газета Пет. Ком. пар. С.—Р. сент. 1906 г.
Голось Пролетарія № 1 12 сент. 1906 г. Р. С. Д. Р. П.
Красноярскій рабочій №№ 1, 3, 4 и 5 1905 г. Р. С.—Д. Р. П.
Бюллетень № 1, 2, 4 Красн. Ком. Р. С.—Д. Р. П. (окт., нояб. и дек. 1905 г.).
Летучій листокъ № 10 и № 11 июнь 1906 г. Иркут. Ком. Р. С.—Д. Р. П.
Нарвскій рабочій листокъ 23 сент. 1906 г. № 1. Изд. Нарвск. района
Р. С.—Д. Р. П.
Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ № 10 14 дек. 1905 г.
Голось солдата № 1 Военно-револ. газета Тамбовъ 15 сент. 1906 г.
Еженедѣльный Листокъ № 1 21 мая и № 4 Всероссійск. Воен. Союзъ
Сов. Батум. Гарнизона 1906 г. Пар. с.—р.
Соціалдемократъ № 2 Рабочая газета ноябрь 1904 г. годъ I.
Robotnik Organ P. P. S. №№ 156—178, 181—191. 1906 г.
Gazeta Ludowa Organ P. P. S. № 15 Lipca 1906 г.
Der deutsche Arbeiter in Polen № 9 Organ P. P. S. Lodz sept 1906 г.
Lodzianin № 21 Lodzki org P. P. S. 13 wrzesnia 1906 г.
Der Bund № 10 и 11 Organ. Всеоб. Евр. Раб. Союз. въ Л. П. и Р. 1905 г.
Zihna Latwijos Dildewums ¹⁵/₉ 1906 г.
Сборникъ „Воля“ Нагасаки.
7 листовъ Краснояр. Ком. Р. С.—Д. Р. П. (окт.—декабрь 1905 г.).
7 листовъ Краснояр. Ком. Р. С.—Д. Р. П. (май—июль 1906 г.).
3 листка Том. Ком. Р. С.—Д. Р. П. (июнь, июль и авг. № 93, 100 и 101 1905 г.).
2 листка Ком. Краснояр. „Союза учащихся“ 1905 г. (декабрь).
Бюллетень № 1 Ком. Красн. „Союзъ учащихся“ дек. 1905 г.
Свѣтъ № 1 и 2 (дек. 1905 г.) орг. Крас. Ком. „Союза учащихся“.
Нѣсколько листовъ, резолюцій и воззваній солдатъ служ. и раб. Сиб.
ж. д. окт.—дек. 1905 г.
Конфискованные №№ „Приволжскаго Края“ № 215 и прил. къ №№ 39,
40 и 218
Волна № 8. 14 мая 1906 г. Саратовъ.
Народный Листокъ № 1 мая 1906 г. и № 2 СПб.
Матушка-Волга № 1 1906 г. Нижній-Новгородъ.
„Къ свободѣ!“ № 2 Иванъ Вольный. Говорить совѣсть. Будущіе люди.
Книгоизд. П. Оленина. Ц. 3 к.

- 5 листовъ 1905 г. Всеоб. Евр. Раб. Союза въ Л. П. и Р.
6 листовъ 1905 г. Вил. Ком. Бунда.
16 брошюръ на еврейскомъ языкѣ изд. Бунда.
18 брошюръ различныхъ заграничныхъ изданій. Всеоб. Евр. Раб. Союза
и Р. С.-Д. Р. П.
25 различ. брошюръ и листовъ изд. Р. Р. С. въ Варш. и Лодзи.
Революционный бюллетень № 1 Фед. Ком. Разр. С.-Д. орг. Латыш. с.-д.
р.-б. 27 нояб. 1905 г.
Обязательныя постановленія. Того же изд. 6 дек. 1905 г.
1 мая ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ парт. С.-Д.
Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Россіи апр. 1902 г. Конф. пред. ком.
Р. С.-Д. Р. П. С.П.Б. Ком. (Союзъ Борьбы) Ц. К. Бунда, Союзъ южн. орг.
"Искра", Союзъ русскихъ с.-д. за границей и Заг. Ком. Бунда.
Нѣсколько листовъ Костр. Ком. и Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 1905 г.
Нѣсколько листовъ къ солдатамъ отъ Совѣта Батум. и отъ Сов. Тифлис.
гарниз.
Посланіе къ русскому крестьянскому рабочему народу отъ Георгія Га-
пона 1905 г.
Борьба разгорается! Област. Ком. Закавказ. союза пар. С.-Д. 4 сент. 1906 г.
Ко всѣмъ гражданамъ Баку и его районовъ (на 3 языкахъ по поводу од-
нодн. забаст. 4 сент.) отъ Бак. орг. Р. С.-Д. Р. П., Бак. Ком. п. с.-р., Арм.
федер. "Дашнакятскій" Бак. Ком. арм. с.-д. орг. Мусульм. с.-д. организ. "Гум-
мать" Мусульм. с.-р. организ. "Ифтиганъ".
Ко всему народу, Ком. С.-Д. Фр. Гос. Думы, Ком. Тр. Гр. Г. Д., Ц. К. Р. С.-Д.
Р. П., Ц. К. пар. С.-Р., Ц. К. П. П. С., Ц. К. Вс. Евр. С. въ Л. П. и Р.
Къ Петербургскому пролетариату Ц. К. пар. С.-Р. 25 июля 1906 г.
Извѣщеніе отъ Ком. Тр. Гр. Гос. Думы. авг. 1906 г.
Товарищи! выбирайте въ С. Р. Д. отъ мастер. Балт. ж. д. Ком. пар. С.-Р.
Товарищи-солдаты! 2 листка Испол. Ком. Кроншт. Воен. Рев. Орг. пар.
С.-Р. 8 ав. 1906 г.
Уставъ и листокъ партій Академ. порядка студ. Имп. Унив. Св. Владим.
Граждане! Генерала Мина болѣе нѣтъ Ц. К. п. С.-Р. 18 ав. 1906 г.
Извѣщеніе 2-го съѣзда Закавказ. Област. Союза пар. С.-Р.
Товарищи! Закавказск. Ком. пар. С.-Р.
Манифестъ ко всему русскому крестьянству Ком. Тр. Гр. Г. Д. Ком.
С.-Д. ф. Г. Д. Всер. Кр. Союзъ, Ц. К. пар. С.-Р. Ц. К. пар. Р.-С.-Д. Р. П., Всер.
Желѣзнодорож. Союзъ.
Пролет.-рабочій и крестьянинъ, готовься! Сѣв.-Кавк. Минераловод. раб.
союзъ пар. С. Р. 4 июля 1906 г.
Отвѣтъ черносотенцамъ. Риж. С.-Д. Воен. Орг. авг. 1906 г.
Нѣсколько листовъ Кавказ. Обл. Ком. Бак. орг. п. С.-Р., Тиф. Ком.
пар. С.-Р. и Кубан. Ком. пар. С.-Р.
Нѣсколько листовъ къ солдатамъ Ком. Воен. Рев. Орг. Варш. Воен.
Окр. авг. и сент. 1906 г.
Товарищи фельдшера! Союзъ Кавказ. Воен. фельдшеровъ 18 сент. 1906 г.
Трудящійся народъ! Отд. Всер. Кр. Союзъ Подольск. губ.
2 листка къ солдатамъ Воен. орг. пар. С.-Р.
Нѣсколько листовъ къ солдатамъ Воен. Орг. при П. К. Р. С.-Д. Р. П.
Къ обществу. Общество помощи полйт. ссыльн. и заключ. (Красный
Крестъ).
Памяти Владиміра Мазурина Исп. Ком. сппоз. фр. с.-р. сент. 1906 г.
Къ солдатамъ, казакамъ и матросамъ Бак. орг. пар. с.-р. 21 сент. 1906 г.
Ко всѣмъ самарскимъ рабочимъ ав. 1906 г. Сам. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Военно-полевые суды. Оппоз. фракц. С.-Р. сент. 1906 г.
Зинаида Васильевна Конопляникова Изд. Сѣв. Обл. Ком. пар. С.-Р.
Товарищи! Отъ унив. гр. С.-Р. П. П. С. Ст. Тр. Гр. С.-Д. партіи Литвы
сент. 1906 г.
Нѣсколько лист. Всер. Кр. Союза и Всерос. Желѣзнодорож. Союза 1905 г.
Манифестъ по войскамъ арміи и флота. Военный Союзъ.
Нѣсколько воззваній Союза Кавказскихъ офицеровъ.

Граждане! Бат. Ком. Всер. союз. Мусульм. р. п., Ц. Р. Ком. арм. фед.,
Бат. Ком. Груз. Рев. пар. соц.-фед., Бат. Ком. пар. С.-Р., Б. К. Р. С.-Д. Р. II.
Отъ партіи с.-р. къ казакамъ Куб. гр. с.-р.
Не давайте солдатъ! Обл. Ком. Центр. Обл. пар. с.-р. сент. 1906 г.
Наши товарищи—экспроприаторы. Оппоз. фрак. С.-Р. сент. 1906 г.
Товарищи—артиллеристы! Артиллер. 3-ей бриг. Воен. рев. орг.
Правительство, Дума и революція. Изд. Ц. К. Евр. Соціалист. раб. пар.
Извѣщеніе о первомъ учредительномъ съѣздѣ еврейск. соціалист. раб.
пар. апр. 1906 г.
Государственная Дума. Ко всѣмъ еврейскимъ рабочимъ Литов. района
Ком. евр. раб. пар. „Поалей-Ціонъ“.
Письмо къ членамъ партіи по вопросу о созывѣ экстр. съѣзда Ц. К. Р.
С.-Д. Р. II. 19 Авг. 1906 г.
Товарищи! Армавир. гр. Съв.-Кавказ. союза Р. С.-Д. Р. II. апр. 1906 г.
Что дѣлать съ помѣщиками и съ начальствомъ, которое ихъ защищаетъ?
Крестьян. Орг. Симф. Ком. Тавр. Союза пар. С.-Р. сент. 1906 г.
Нѣсколько листовъ изд. Коканскаго и Туркест. Комитетовъ пар. С.-Р.

Редакція очень просить издателей, редакторовъ и авторовъ высылать ей приостановленныя по суду или администраціей, а также изъятія изъ продажи, изданія періодическія или неперіодическія.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ получено:

1) Изъ Балты отъ г. Шахермана	90 р. — к.
2) Изъ Решта (Персія) сборъ съ русско-армянскаго вечера	424 „ 56 „

Итого . 514 р. 56 к.

Деньги отправлены по назначенію.

Современная лѣтопись.

Въ теченіе сентября въ газетахъ находимъ нижеслѣдующія сообщенія о приговорахъ по политическимъ дѣламъ и смертныхъ казняхъ:

1) Москва, 1 сентября. Въ 4 часа утра во дворъ московской губернской тюрьмы *былъ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ* военно-полевого суда надъ бывшимъ студентомъ Владиміромъ Мазуринымъ, 24 лѣтъ.

2) Въ Бѣлой Церкви, 1 сентября. Вчера, въ 3 часа дня, военно-полевымъ судомъ *Смолянскій и Пашиковскій приговорены къ расстрѣлу*. Въ 3 часа ночи, 1 сентября, *приговоръ приведенъ въ исполненіе*. Оба лица обвинялись по дѣлу о грабежѣ банка.

3) Въ Одессѣ, 1 сентября. Военнымъ судомъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 6 лѣтъ 8 мѣсяцевъ мѣщанинъ Махлисъ за участіе въ разбойничьемъ нападеніи на магазинъ столярныхъ принадлежностей.

4) Въ С.-Петербургѣ, 31 августа. Въ военно-окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ слушалось дѣло по обвиненію молодого солдата 92 пѣхотнаго печерскаго полка Кутузова въ распространеніи среди войскъ сужденій, возбуждающихъ къ нарушенію обязанностей воинской службы, по 131 ст. уголовного уложенія. Военно-окружной судъ призналъ Кутузова виновнымъ и приговорилъ его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе.

5) Въ Митавѣ, 2 сентября. Военно-полевой судъ *приговорилъ латышей Знодса и Берзиса* за ограбленіе казеннаго виннаго склада въ Фрайенбургѣ, причѣмъ похищены 3.900 р., и за грабежъ въ имѣніяхъ — *къ повѣснѣю*, а Шельта—къ четырехлѣтней каторгѣ.

6) 2 сентября въ I отд. СПб. окружнаго суда слушалось дѣло мѣщ. Карапета Задикова, обвинявшагося въ вооруженномъ сопротивленіи полиціи. Судъ приговорилъ Задикова въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ.

7) Въ Тифлисѣ, 2 сентября. Въ кавказскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло четырехъ нижнихъ чиновъ мингрельскаго полка, выдѣленное изъ общаго производства о 20 нижнихъ чинахъ, за болѣзнію подсудимыхъ. Одинъ оправданъ, трое приговорены въ дисциплинарный батальонъ отъ 3-хъ до 2-хъ лѣтъ за неисполненіе приказаній начальства.

8) Въ Варшавѣ, 2 сентября. Вчера въ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло Стефана Фурнала и Эдуарда Колацкаго, обвиняемыхъ въ разбоѣ по предварительному соглашенію съ другими лицами. Судъ приговорилъ Фурнала къ каторжнымъ работамъ на 29 лѣтъ, а Колацкаго оправдалъ.

9) Въ Кирсановкѣ, 3 сентября. Кончилось дѣло о поджогѣ и разграбленіи имѣнія „Ворнекъ“ въ ноябрѣ прошлаго года. Четверо приговорены въ арестантскія роты на 3½ года, шестеро къ заключенію въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ, остальные оправданы.

10) Въ Кіевѣ, 3 сентября. Военно-окружнымъ судомъ *приговоренъ къ разстрѣлянію* подпоручикъ 5 сапернаго батальона *Жадановскій*, признанный главнымъ участникомъ сапернаго бунта въ Кіевѣ. Приговоръ представляется на усмотрѣніе командующаго войсками. 7 сентября *командующимъ войсками смертная казнь* подпоручику Жадановскому, обвиняемому въ участіи въ возстаніи саперовъ въ ноябрѣ 1905 г., *замѣнена безсрочной каторгой*.

11) Въ Москвѣ, 3 сентября. Въ исходѣ третьяго часа, въ губернскомъ тюремномъ замкѣ *приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ 19-лѣтнимъ рабочимъ Евгеніемъ Зетревымъ*, осужденнымъ наканунѣ военно-полевымъ судомъ за вооруженное сопротивленіе при задержаніи. Зѣтревъ игралъ довольно крупную роль въ организаціи всѣхъ вооруженныхъ нападеній и въ стрѣльбѣ въ полицейскихъ.

12) Въ Варшавѣ, 3 сентября. *Приведенъ въ исполненіе приговоръ военно-окружнаго суда о смертной казни черезъ повѣшеніе надъ Станиславомъ Бржезнякомъ*, за вооруженное нападеніе на казенную винную лавку и убійство сидѣльца, и надъ *Шасі Рудницкимъ*, за покушеніе на убійство околоточнаго надзирателя.

13) Въ Варшавѣ, 5 сентября. Военно-окружный судъ приговорилъ крестьянъ Кватека и Нитку къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ за участіе въ разбойномъ нападеніи на казенную винную лавку въ Варшавѣ. Деятнадцати-лѣтній Выгодный за нападеніе въ Лодзи на казацкій патруль приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 10 лѣтъ.

14) Въ Варшавѣ, 5 сентября *разстрѣляны революціонный агитаторъ и грабитель Сермолинъ и террористъ Силинъ*, который овладѣлъ въ мятежные дни мѣстечкомъ Фрауэнбургъ, обложилъ жителей податями, набралъ себѣ отрядъ тѣлохранителей и держалъ населеніе въ страхѣ.

15) Временный военный судъ въ крѣпости Свеаборгъ, выслушавъ дѣло о фельдшерѣ 2-го финляндскаго стрѣлковаго полка Иванѣ Яковлевѣ и нижнихъ чинахъ морскихъ командъ свеаборгскаго порта, всего въ числѣ 98 человекъ, призналъ виновными фельдшера Яковлева и 87 нижнихъ чиновъ морскихъ командъ свеаборгскаго порта въ томъ, что сговорившись между собою, они согласились принять участіе въ явномъ возстаніи свеаборгской крѣпостной артиллеріи, съ цѣлью завладѣть свеаборгской крѣпостью, чтобы заставить правительство исполнить требованіе трудовой партіи. Судъ *приговорилъ подсудимыхъ: 1) Ивана Яковлева, 2) Кузина, 3) Неня (онъ же Навалъ), 4) Кумбакова, 5) Яценкова, 6) Роговицкаго, 7) Муравьева, 8) Назарова, 9) Парфенова, 10) Елизарова, 11) Цезовскаго, 12) Ермохина, 13) Николайчука, 14) Татарченко, 15) Соловьева, 16) Большакова и 17) Санцевича—къ смертной казни черезъ разстрѣляніе; Б) 53 человекъ—къ каторжнымъ работамъ на различные сроки: В) 18 человекъ—къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на сроки отъ 5 до 6 лѣтъ и Г) остальныхъ 11 человекъ судъ оправдалъ.*

Приговоръ этотъ утвержденъ командиромъ 22-го армейскаго корпуса

и въ отношеніи приговоренныхъ къ смертной казни приведенъ въ исполненіе 5 сего сентября.

16) Въ Москвѣ, 7 сентября, въ 2 часа дня, пять молодыхъ людей совершили нападеніе на магазинъ представителя сѣвернаго стекольнаго общества, Франка, находящійся на Лубянской площади, и, забравъ изъ кассы 400 рублей, бросились бѣжать, но всѣ они были переловлены, одинъ изъ нихъ раненъ полицейскими и деньги были отобраны.

Всѣ пять молодыхъ людей были преданы военно-полевому суду, который *приговорилъ: подсудимыхъ Морозова, 19 лѣтъ, Волкова 20 лѣтъ, Смирнова 21 года и Гаврилова 20 лѣтъ* къ смертной казни черезъ повѣшеніе и Кондакова къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ.

9 сентября на разсвѣтѣ приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе.

17) Въ С.-Петербургѣ 7 сентября въ главномъ военномъ судѣ слушалась кассационная жалоба крестьянъ Густава Якобсона, Александра Зекке и мѣщанина Жанко Штрауманъ, приговоренныхъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе временнымъ военнымъ судомъ въ Митавѣ.

Главный военный судъ оставилъ ихъ кассационную жалобу безъ послѣдствій. 28 сентября Якобсонъ, Зекке и Штрауманъ казнены.

18) Въ Одессѣ 7 сентября. Военно-полевымъ судомъ *приговоренъ къ смертной казни разстрѣляніемъ Леонъ Тарло*, убившій при задержаніи городского и дворника и ранившій другого городского. *Сегодня, въ 12 часовъ дня, въ зданіи тюрьмы приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

19) Въ Одессѣ 8 сентября. Военный судъ призналъ Шабатова, Хутадзе и Водочказе виновными въ разбойномъ, по предварительному соглашенію, нападеніи на ресторанъ въ загородномъ саду „Аркадія“, сопровождавшемся похищеніемъ 3000 рублей. Шабатовъ приговоренъ къ каторгѣ безъ срока, Хутадзе срокомъ на 20 лѣтъ, Водочказе на 15 лѣтъ.

20) 7 сентября въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ слушалось дѣло по обвиненію крестьянина Тверской губерніи Терентія Богданова въ убійствѣ городского.

Военно-окружный судъ призналъ Богданова виновнымъ и приговорилъ его къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, но постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ ея каторгой на 20 лѣтъ.

21) Въ Варшавѣ 8 сентября. Въ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло *Яна Гуральчика*, обвиняемаго въ разбоѣ, въ сообществѣ съ другими необнаруженными лицами. Признавъ его виновнымъ, судъ *приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*

12 сентября смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе.

22) Во Владивостокѣ 8 сентября въ засѣданіи сессіи иркутской судебной палаты рассматривалось политическое дѣло Федоровича, обвинявшагося въ распространеніи прокламацій социаль-демократическаго характера. Федоровичъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на 8 мѣсяцевъ, съ зачетомъ времени пребыванія въ предварительномъ заключеніи.

23) Въ Кѣльцахъ 8 сентября. *Приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ* военно-полевого суда надъ двумя преступниками, задержанными въ андреевскомъ уѣздѣ: *Цабой и Гловацкимъ*; оба разстрѣляны.

24) Въ Мариуполѣ 9 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *По-*

мошайбушкина, ограбившаго казенную винную лавку и стрѣлявшаго въ сидѣльца, къ *смертной казни черезъ разстрѣляніе*. Сегодня *приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

25) Въ Черниговѣ 8 сентября. Изъ числа обвинявшихся 41 человекъ крестьянъ въ разгромѣ имѣнія Мортонна приговорены 34 къ тюремному заключенію, отъ 4 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ, съ лишеніемъ правъ, семь человекъ оправданы.

26) Въ Екатеринославѣ 9 сентября. Выѣздной сессіей суда въ Новомиосковскѣ, по дѣлу объ аграрныхъ безпорядкахъ изъ 161 обвиняемыхъ 61 оправданы, 100 приговорены къ тюрьмѣ отъ 6 до 8 мѣсяцевъ, многіе съ лишеніемъ правъ.

27) Въ Кіевѣ 10 сентября. Кассационныя жалобы присужденныхъ къ смертной казни Прокофьева и Пиневача, ограбившихъ винную лавку, и Рудановскаго, участвовавшаго въ вооруженномъ нападеніи на магазинъ Здроевскаго, оставлены главнымъ военнымъ судомъ безъ уваженія. 19 сентября *приговоръ приведенъ въ исполненіе: Рудановскій, Пиневиичъ и Прокофьевъ повѣшены*.

28. Въ Вильнѣ 10 сентября. Военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло нижнихъ чиновъ желѣзнодорожнаго баталіона ефрейторовъ *Стародубица и Брюкова, писаря Фурманскаго и рядового Видешина* по обвиненію въ подстрекательствѣ на станціи Барановичи къ вооруженному возстанію во время декабрьской забастовки *приговорилъ обвиняемыхъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе*. Защитникомъ капитаномъ Сазоновымъ подана кассационная жалоба.

29) Въ Луганскѣ 11 сентября. Сегодня въ 5 ч. утра *приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ разбойникомъ Черноплатовымъ*. Его товарищъ приговоренъ къ безсрочной каторгѣ.

30) Въ Верхнеднѣпровскѣ 11 сентября. Окружнымъ судомъ съ сословными представителями разсмотрѣно въ Верхнеднѣпровскѣ первое изъ дѣлъ о погромахъ, произведенныхъ крестьянами въ уѣздѣ въ 1905 г. За разгромленіе экономіи Филиппова приговорены къ заключенію въ арестантскія отдѣленія четверо на два года и четверо на 6 мѣсяцевъ.

31) Въ Вильнѣ 11 сентября. Военно-окружный судъ приговорилъ мѣщанина Таубмана за принадлежность къ „Бунду“ и храненіе оружія къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ четыремъ годамъ каторжной работы.

32) Въ Екатеринбургѣ 11 сентября. Судебная палата разсмотрѣла дѣло десяти политическихъ преступниковъ, обвинявшихся въ изготовленіи и храненіи взрывчатыхъ снарядовъ. Трое приговорены къ каторжнымъ работамъ, шестеро въ ссылку на поселеніе, одинъ оправданъ.

33) Въ Одессѣ 11 сентября. Военный судъ приговорилъ анархистовъ Финкельштейна и Глазова къ каторжнымъ работамъ на 6 лѣтъ. Берковича и Пружанскаго къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Всѣ 4 обвиняемыхъ осуждены за разбойничье нападеніе на складъ машинъ Левицкаго.

34) Въ Кіевѣ 11 сентября. *Крестьянинъ Шаранъ* за убійство пристава Сосницкаго уѣзда *приговоренъ военно-окружнымъ судомъ къ повѣшенію*. Командующій войсками *казнь замѣнилъ каторгой на 20 лѣтъ*.

35) Въ Кѣльцахъ 11 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *ше-*

стеречь убійца крестьянина села Домашевидъ къ *разстрѣлянню*. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

11 сентября *разстрѣляны*: *Валиура, Боринкій, Кубацкій, Мишталъ и Москва*; первые 4—жители Къльць, пятый—деревни Маслово, Кълецкаго уѣзда.

36) 11 сентября въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло двухъ нижнихъ чиновъ финскаго стрѣлковаго полка Эпштейна и Лобанова. Они обвиняются въ агитаціи и пропагандѣ среди войска въ г. Выборгѣ.

Судъ призналъ ихъ виновными и приговорилъ къ лишенію воинскаго званія, всѣхъ правъ и ссылкѣ на поселеніе.

37) 11 сентября въ особомъ присутствіи спб. судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло о германской подданной Вѣрѣ Эдуардовнѣ Штольтерфордъ и сынѣ кол. ассесора Борисѣ Федоровичѣ Другановѣ по обвиненію ихъ по 2 ч. 126 ст. угол. улож.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія судебная палата, признавъ обоихъ подсудимыхъ виновными по 126 ст. уг. ул., приговорила ихъ къ лишенію всѣхъ правъ и къ ссылкѣ въ каторжныя работы, каждаго на 15 лѣтъ.

38) Въ Одессѣ 12 сентября. Приговореннымъ военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе—Гитису, Чичкину, Мелигитину и Вобеву смертная казнь замѣнена каторжными работами на разные сроки.

39) 12-го сентября, на разсвѣтъ совершена въ Москвѣ по *приговору военно-полевого суда* *ночная смертная казнь*: повѣшенъ рабочій *Семенъ Грачевъ*.

40) 12 сентября въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ въ закрытомъ засѣданіи слушалось дѣло называющаго себя Викторомъ Васильевымъ по обвиненію въ убійствѣ ген. Козлова.

Судъ призналъ Васильева виновнымъ и приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Раннимъ утромъ 19 сентября въ шлиссельбургской крѣпости былъ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ неизвѣстнымъ, именовавшимъ себя на судѣ Викторомъ Васильевымъ, убившимъ по ошибкѣ, 1 іюля въ Петергофѣ ген.-м. Козлова, который былъ принятъ за ген.-л. Д. Ф. Трепова.

41) Въ Батумѣ 12 сентября. Выѣздная сессія тифлисской судебной палаты приговорила Рогожника за противоправительственную пропаганду среди солдатъ къ ссылкѣ на поселеніе; Гогинайшвили за вымогательство денегъ у фирмы „Шутцъ и Циммерманъ“—къ тюремному заключенію на полтора года.

42) Въ Гельсингфорсѣ 12 сентября. Временнымъ военнымъ судомъ въ Свеаборгѣ вынесенъ приговоръ по дѣлу нижнихъ чиновъ свеаборгской мѣстной роты, участвовавшихъ въ возстаніи, въ числѣ 174 подсудимыхъ. *Четире изъ нихъ приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.*

43) Въ Перми 12 сентября. За убійство въ минувшемъ году двухъ казаковъ на мотовилихинскомъ заводѣ военный судъ *приговорилъ Запольскаго къ смертной казни черезъ повѣшеніе*, причемъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ ему этого наказанія каторгой; Иванова—къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ. Сивелевъ оправданъ.

44) Въ Луганскѣ 12 сентября. *по приговору военно-полевого суда разстреляны трое грабителей: Мальцевъ, Денисовъ и Лекотовъ*, мѣстные воры по профессіи.

45) Въ Кіевѣ 13 сентября. Военно-окружный судъ, рассмотрѣвъ дѣло по обвиненію *Якобсона* въ покушеніи на убійство городского при ограбленіи денежныхъ пакетовъ у почтальона, и *Денисюка*, ограбившаго того же почтальона, *приговорилъ перваго къ смертной казни черезъ повѣшеніе*, а втораго къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ.

46) 13 сентября въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію рабочаго путиловскаго завода *Ивана Тедзинскаго* въ убійствѣ городского 13 іюля этого года.

Судъ призналъ Тедзинскаго виновнымъ и приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

47) Въ Тифлисѣ особое присутствіе судебной палаты приговорило къ ссылкѣ на поселеніе *Марію Суверову*, обвинявшуюся въ храненіи бомбъ и агитаціи въ войскахъ.

48) Въ Сосновицахъ 13 сентября. Въ Бендинѣ *разстреляны приговоренный военно-полевому суду Лавковичъ*, обвинявшійся въ покушеніи на ограбленіе кассы фабрики въ Сгржемещицахъ и въ вооруженномъ сопротивленіи при его задержаніи.

49) Въ Одессѣ 13 сентября. *Военный судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе* анархиста-коммуниста *Израиля Покотилова*, убившаго директора южно-русскаго общества печатнаго дѣла *Кирхнера*.

Судъ постановилъ ходатайствовать передъ командующимъ войсками о смягченіи участи подсудимаго. Ходатайство оставлено безъ послѣдствія *22 сентября приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

50) Въ Варшавѣ 14 сентября въ окружномъ судѣ разбиралось дѣло о *Мечиславѣ Янишевскомъ*, *Петрѣ Вржосѣ*, *Григоріи Конопкѣ* и *Антонѣ Ващукѣ*, обвиняемыхъ въ разбоѣ, сопровождавшемся вооруженнымъ нападеніемъ на воинскій конвой и убійствомъ одного конвойнаго и ямщика. Признавъ ихъ виновными, судъ приговорилъ *Вржоса* и *Конопку* къ безсрочной каторгѣ, *Янишевскаго* и *Ващука* къ 20 годамъ каторги.

Въ тотъ же день разсматривалось дѣло о мѣщанинѣ *Михаилѣ Кукульскомъ*, обвиняемомъ въ участіи въ сообществѣ, составившемся для насильственнаго измѣненія установленнаго въ Россіи государственнаго строя. Судъ приговорилъ *Кукульскаго* къ пятнадцати годамъ каторги.

51) Въ Асхабадѣ 14 сентября по дѣлу о безпорядкахъ, бывшихъ 13 іюня среди нижнихъ чиновъ втораго закаспійскаго стрѣлковаго баталіона, военно-окружный судъ вынесъ сегодня резолюцію: на каторжныя работы приговорены: одинъ безсрочно; десять—на двадцать лѣтъ, одинъ—на четыре года; четверо—къ арестантскимъ отдѣленіямъ отъ двухъ до 5 лѣтъ, одинъ къ дисциплинарному батальону на одинъ годъ; сто двадцать—отъ трехъ до восьми недѣль ареста на хлѣбъ и на воду. Десять оправданы.

52) Въ Кѣльцахъ 14 сентября военно-полевой судъ *приговорилъ грабителей Газа, Беньямовича и Тененбаума къ смертной казни*. 15 сентября на разсвѣтъ *смертний приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

53) Въ Новороссійскѣ 14 сентября. *Преданный военно-полевому суду за-*

держанный преступникъ, участвовавшій въ ограбленіи сборщика въ казенной винной лавкѣ и ранившій городского, сегодня утромъ расстрѣлянъ.

54) Въ Ригѣ, 14 сентября. Приговоромъ военно-полевого суда ченстоховскіе мѣщане *Адамусъ и Дебальскій*, бросившіе въ вагонъ трамвая бомбу, *присуждены къ смертной казни.*

15 сентября, *приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ* надъ Адамусомъ и Дебальскимъ.

55) Екатеринославъ, 15 сентября. Судебная палата, рассмотрѣвъ дѣла Гоца, Литвиненко и Руденко, обвиняемыхъ по 126 и 129 статьямъ, приговорила первыхъ двухъ къ году крѣпости. Руденко оправданъ.

56) 15 сентября, въ петербургской судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію слушательницы женскаго медицинскаго института В. Балинской и студента военно-медицинской академіи Голованова въ принадлежности къ партіи социалистовъ-революціонеровъ и распространеніи прокламацій среди войскъ. Палата признала ихъ виновными и приговорила къ 2 годамъ заключенія въ крѣпости, съ зачетомъ времени предварительнаго заключенія—съ 19 декабря 1905 года.

57) Въ Къльцахъ, 15 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *Осипа Дуду* за убійство жителя деревни Бялогонъ Миллера къ *смертной казни черезъ повѣшеніе*

58) Къльцы, 16 сентября. Приговоренные полевымъ судомъ къ смертной казни *Осипъ Дуда*, убійца Миллера въ деревнѣ Бялогонъ и *Францъ Врона*, совершившій нѣсколько грабежей въ олькушскомъ уѣздѣ, *сегодня на разсѣтъ расстрѣляны.* (ПА).

59) Батумъ, 16 сентября. Военно-полевой судъ приговарялъ *Кылдзе* за ограбленіе духана къ *смертной казни черезъ расстрѣпаніе.* Въ виду молодости и неопытности преступника генераль-губернаторъ *замѣнилъ казнь каторгой на 12 лѣтъ.* Другой обвиняемый, Сванидзе, оправданъ.

60) Въ Варшавѣ, 16 сентября, военнымъ судомъ приговорены *Фридриховскій*—къ *смертной казни* за вооруженное нападеніе на лавку, *Войцехъ*—къ арестантскимъ ротамъ на три года, за покушеніе на жизнь солдата, *Добриагъ*—къ ссылкѣ на поселеніе за распространіе прокламацій. *Ольковскій* и *Манель* оправданы.

Приговоръ военно-полевого суда *о повѣшеніи Романа Фридриховскаго* *приведенъ въ исполненіе.*

61) Въ Варшавѣ, 17 сентября. За убійство земскаго стражника военнокружный судъ приговорилъ Подчасскаго и Михалыка къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ, Адамовича же къ безсрочной каторгѣ.

62) Кронштадтъ, 17 сентября, въ 1 ч. дня временнымъ военнымъ судомъ вынесена резолюція по дѣлу о матросскомъ мятежѣ, коей бывшій членъ Государственной Думы Оникко приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ на поселеніе; крестьяне Драничевъ, Рыбаковъ, Федоровъ—оправданы; *изъ нижнихъ чиновъ флота 19 человекъ приговорены къ смертной казни черезъ расстрѣпаніе*, 12 человекъ приговорены къ каторжнымъ работамъ безъ срока, 23 человекъ на 20 лѣтъ, 7 человекъ на 15 лѣтъ, 8 человекъ на 10 лѣтъ, 60 человекъ на 6 лѣтъ, 22 человекъ на 4 года, 429 приговорены въ арестантскія отдѣленія и въ тюрьму гражданскаго вѣдомства на разные сроки. Всѣ осужденные лишены воинскаго званія.

Оправдано 129 человекъ, кромѣ вышеперечисленныхъ вольныхъ. Приговоръ посланъ на утверженіе и. д. коменданта, генералу Адлербергу.

Приговоръ по дѣлу о матросскомъ бунтѣ въ Кронштадтѣ уже подтвержденъ комендантомъ крѣпости.

21 сентября. *Приговоръ надъ матросами, признанными къ смертной казни, приведенъ въ исполненіе сегодня въ 6 часовъ утра* за городомъ, близъ Батарен Литке. Исполнителями приговора были матросы.

63) Въ Вѣлостоки, 17 сентября. Незвѣстный, покушавшійся вчера на убійство городского, оказался мѣщаниномъ Ломжинской губерніи, *Степаномъ Вычинскимъ. Военно-полевымъ судомъ онъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

64) Въ Ревелѣ, 17 сентября. Крестьянинъ Августъ *Линдоръ* приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. *18-го приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

65) Саратовъ, 18 сентября. Скутельминъ, тяжело ранившій начальника гурмы Штадова, военнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни. Судь постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ смертной казни 15-ти-лѣтней каторгой.

66) Бахмутъ, 17 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *четыре*х ограбившихъ казенную винную лавку въ Новоселовкѣ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

67) Тамъ же. Военно-полевымъ судомъ приговорены *два злоумышленника*, за ограбленіе вѣровскаго волостнаго правленія, къ смертной казни черезъ повѣшеніе. 18 сентября на разсвѣтѣ приведенъ въ исполненіе *смертный приговоръ надъ грабителями* казенной винной лавки въ селѣ «Новоселовкѣ» и вѣровскаго волостнаго правленія. *Всѣ шестеро разстрѣляны.*

68) Въ Либавѣ, 18 сентября. Въ субботу морской полевой судъ приговорилъ 23 матросовъ за бывшіе безпорядки на суднѣ „Рига“ къ каторжнымъ работамъ на разные сроки.

69) Въ Бахмутѣ, 18 сентября. Военно-полевой судъ, за ограбленіе въ поселкѣ Никитовка хлѣбной лавки Ипатова, *приговорилъ къ повѣшенію трехъ* человекъ. *Приговоръ* сегодня утромъ *приведенъ въ исполненіе.*

70) Въ Москвѣ, 19 сентября, военный судъ приговорилъ рядового софійскаго полка Попова за распространеніе прокламацій въ дисциплинарный батальонъ на 2 года.

71) Въ Кутансѣ, 19 сентября. *Приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ* военно-полевого суда *надъ Ясономъ и Багетомъ Пракадзе*, обвинявшимися въ разбойномъ нападеніи на большой дорогѣ.

72) Въ Благовѣщенскѣ, 19 сентября. Временный военно-окружной судъ, рассмотрѣвъ дѣло 30 нижнихъ чиновъ 21 восточно-сибирскаго полка, обвиняемыхъ въ возстаніи и неповиновеніи начальству, приговорилъ шестерыхъ къ смертной казни, трехъ къ каторгѣ, 19 къ дисциплинарнымъ баталіонамъ, двое оправданы. Приговоръ направленъ на конфирмацію главнокомандующему.

73) Въ Варшавѣ, 20 сентября. Военный судъ рассмотрѣлъ вчера дѣло о крестьянахъ *Жуковскомъ, Ткачикѣ, Бропурѣ и Литвинскомъ*, обвиняемыхъ въ разбойничьемъ ограбленіи виновныхъ лавокъ и принадлежности къ пар-

тія, стремящейся къ ниспроверженію революціоннымъ путемъ государственнаго строя, а также дѣло о мѣщанинѣ Войцманѣ, обвиняемомъ въ покушеніи на убійство желѣзнодорожнаго сторожа. Судъ приговорилъ *перемѣть четырехъ къ смертной казни черезъ повѣщеніе*, а послѣдняго къ ссылкѣ въ каторгу на 8 лѣтъ.

74) Въ Кронштадтѣ, 20 сентября въ военно-морскомъ судѣ разсмотрѣно дѣло по обвиненію матроса гвардейскаго экипажа Николая Мусоргина въ распространеніи среди нижнихъ чиновъ прокламаціи революціоннаго характера. Мусоргинъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 5 лѣтъ, съ замѣной заключеніемъ въ дисциплинарный батальонъ на тотъ же срокъ.

75) Въ Херсонѣ, 20 сентября. *Семь участниковъ* нападенія на каховское отдѣленіе петербургскаго международнаго банка *приговорены* военно-полевымъ судомъ къ *разстрѣлянію*. *Приговоръ приведенъ въ исполненіе*; остальные два участника присуждены къ 20 годамъ каторжныхъ работъ.

76) Въ Одессѣ, 20 сентября. Военный судъ приговорилъ къ каторжнымъ работамъ на 13 лѣтъ 5 мѣсяцевъ мѣщанина Ефимова, бросившаго бомбу въ бакалейный магазинъ Рейдена, отказавшагося дать деньги въ пользу анархистовъ-коммунистовъ.

77) Въ Батумѣ, 20 сентября. *По приговору военно-полевого суда* вчера въ оградѣ тюрьмы *казненъ рецидивистъ*, совершившій грабежъ на улицѣ.

78) Въ Кѣльцахъ, 20 сентября. Утромъ, по приговору военно-полевого суда, *разстрѣляны трое грабителей: Иванъ Малиновскій, Францъ Банковскій и Иванъ Шукевичъ*.

79) Въ Митавѣ, 20 сентября. Разстрѣляны по приговору военно-полевого суда *латыши Бразманъ и Фрейманъ*, явившіеся въ домъ Вилькса и застрѣлившіе на глазахъ матери двадцатилѣтняго сына.

80) Въ Калишѣ, 20 сентября. *Приговоръ* военно-полевого суда о *разстрѣляніи мѣщанина Рутта* за нападеніе на часового въ Здунской Волѣ *приведенъ въ исполненіе*.

81) Въ Благовѣщенскѣ, 20 сентября. Временный военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло обвиняемыхъ по 129 и 130 ст. угол. улож. делегатовъ амурскаго казачьяго населенія, приговорилъ одного къ шести, 3-хъ къ четыремъ годамъ каторги, 8-хъ къ ссылкѣ на поселеніе, 7-хъ къ тремъ годамъ, 5-хъ къ одному году крѣпости. Въ числѣ осужденныхъ восемь учителей, 9 делегатовъ оправданы. *Приговоренъ за убійство къ смертной казни осмыленно-поселенецъ Гелюшвили*.

82) Въ Новочеркасѣ, 20 сентября. Привлеченный къ отвѣтственности по 129 ст. поддесауль Кузнецовъ осужденъ палатой къ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ.

83) Въ Севастополь, 20 сентября. По дѣлу о безпорядкахъ на броненосцѣ «Три Святителя», при приготовленіи къ стрѣльбѣ по крѣпостной артиллеріи во время безпорядковъ въ іюнѣ мѣсяцѣ изъ 17 подсудимыхъ (четверо скрылись) двое присуждены къ каторгѣ, четверо къ арестантскимъ ротамъ, пятеро въ дисциплинарный баталіонъ. Одинъ оправданъ.

84) Въ Варшавѣ, 20 сентября. За участіе въ нападеніи на кассу общества взаимнаго кредита въ Варшавѣ окружный судъ приговорилъ Славинскаго и Плоскаго къ каторжнымъ работамъ—перваго на 14, второго на 9 лѣтъ.

85) Въ Екатеринославѣ, 21 сентября. Военно-полевомъ судомъ разбира-лось дѣло Басова и Михова объ ограбленіи въ селѣ Новыя Кайдаки лавочки. *Басовъ приговоренъ къ разстрѣлу. Приговоръ* сегодня въ 6 часовъ утра *при-веденъ въ исполненіе. Миховъ оправданъ.*

86) Въ Кіевѣ, 21 сентября. Военно-окружной судъ, разсмотрѣвъ дѣло по обвиненію пяти человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ рядовыхъ, въ кражѣ совмѣстно съ часовыми, скрывшимися отъ суда, 60 казенныхъ винтовокъ изъ склада 19 запаснаго баталіона въ Житомирѣ, приговорилъ къ каторгѣ двоихъ на 6 лѣтъ, а троихъ на два года.

87) Въ Вильнѣ, 21 сентября. Военно-окружной судъ приговорилъ рядо-вого Хайтмана, по обвиненію его въ оскорбленіи унтеръ-офицера и под-стрекательствѣ къ возстанію, къ лишенію воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія и къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ.

88) 21-го сентября, въ сиб. главномъ военномъ судѣ разсматрива-лась кассационная жалоба по дѣлу крестьянъ Эриста Знатса, Фрица Бер-зинга и Яниса Пелите, приговоренныхъ временнымъ военнымъ судомъ въ Митавѣ—первыхъ двое къ смертной казни черезъ повѣшеніе, а третій—въ каторгу на 4 года. Главный военный судъ оставилъ жалобу безъ послѣд-ствій.

89) Въ Саратовѣ, 21 сентября. Судебная палата съ участіемъ сослов-ныхъ представителей приговорила крестьянина Сидоренко къ заключенію въ тюрьму на 1 годъ съ зачетомъ 8 мѣсяцевъ, проведенныхъ въ тюрьмѣ до суда, за передачу въ Царицынѣ прокламацій нижнимъ чинамъ бендер-скаго полка «Воззваніе къ солдатамъ» и за храненіе въ квартирѣ прокла-мацій. Сидоренко обвинялся по 129 и 132 ст. угол. улож.

90) Въ Орлѣ, 22 сентября. Мѣщанинъ Тимофеевъ, обвиняемый въ при-надлежности къ сообществу съверо-западной организаціи социаль-револю-ціонеровъ, приговоренъ харьковскою судебной палатой къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

91) Военно-полевой судъ въ городѣ *Гарволинѣ* приговорилъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе *Симона Николайчука* за грабежъ и убійство *Якова Гурая*. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

92) Саратовъ, 22 сентября. Судебной палатой съ сословными предста-вителями судился крестьянинъ Пчелинцевъ, которой въ октябрѣ и декабрѣ прошлаго года въ селѣ Петровскѣ подговаривалъ новобранцевъ не идти на службу. Пчелинцевъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на 11 мѣ-сяцевъ съ зачетомъ 8 мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ предварительномъ заключеніи.

93) Въ Митавѣ, 22 сентября. Военнымъ судомъ *Адамовичъ* и бывший ученикъ реальнаго училища *Грингофъ* приговорены за террористическіе разбой къ смертной казни.

94) Въ Москвѣ. 22-го сентября. Въ судебной палатѣ разсматрива-лось дѣло о сынѣ священника Пономаревѣ, мѣщанинѣ Зилотинѣ и кре-стьянкѣ Варгазиной. Обвиняемые были арестованы третьяго декабря прош-лаго года, при чемъ у нихъ были найдены принадлежности приготовленія бомбъ. Варгазина оправдана, Пономаревъ и Зилотинъ приговорены къ за-ключенію въ крѣпости на 4 года каждый, съ зачетомъ десяти мѣсяцевъ предварительнаго заключенія.

95) Въ Варшавѣ, 21 сентября. Военный судъ, рассмотрѣвъ дѣло о крестьянахъ Франкъ, Зюльковскомъ, Сикорѣ и Прухнякѣ, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство земскихъ стражниковъ, приговорилъ къ каторжнымъ работамъ: перваго на 6 лѣтъ и трехъ на 3 года.

96) Въ Холмѣ, 22 сентября. Крестьянинъ ново-александрійскаго уѣзда *Посанъ 26 лѣтъ, обвиняемый въ разбой и грабежь сегодня утромъ разстрѣлянъ по приговору военно-полевого суда.*

97) Варшава, 22 сентября. Варшавскій военно-окружной судъ, разобравъ дѣло Мартина Митько, обвиняемаго въ вооруженномъ сопротивленіи законнымъ требованіямъ стражниковъ, приговорилъ его къ шести годамъ каторжныхъ работъ.

98) Новочеркасскъ, 22 сентября. Казакъ Авдѣевъ за произнесеніе рѣчей противъ отправки на службу казаковъ приговоренъ судебной палатой къ заключенію на годъ и 8 мѣсяцевъ.

99) Въ Стародубѣ, 22 сентября. Приговоромъ особаго присутствія кievской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, обвиняющіеся по статьямъ 51, 126, 103 и 130 уг. ул., политическіе присуждены къ заключенію въ крѣпости безъ зачета тюремнаго заключенія: бывшая фельдшерница Роза Русина студентъ Федоръ Лагутенко, волостной старшина Егоръ Куриленковъ на 3 года, бывший студентъ Владиміръ Суница на 2 года. Другіе обвинявшіеся политическіе еврей Самуилъ Кричевскій и Евсей Винчиковъ скрылись. Учитель Юсифъ Лосикъ безслѣдно исчезъ изъ залы суда.

100) Въ Митавѣ, 22 сентября. Дѣло о 30 латышахъ и литовцахъ, которые въ декабрѣ прошлаго года помощью собравшихся шаекъ вытѣснили всѣ власти изъ Виндавы, окончилось обвиненіемъ 14 подсудимыхъ. Изъ нихъ д. с. с. Шистовскій приговоренъ на основаніи 125 статьи улож. о нак. къ заключенію въ крѣпости на 3 мѣсяца, Крузинъ къ каторгѣ на 4 года, семеро другихъ обвиняемыхъ къ ссылкѣ на поселеніе, а остальные къ заключенію въ тюрьмѣ,

101) Въ Новочеркасскѣ, 22 сентября. За распространеніе листовъ антиправительственнаго характера среди солдатъ и за произнесеніе такихъ же рѣчей среди казаковъ палатой осуждены урядникъ Турковъ—къ заключенію въ крѣпость на полтора года и штатскіе Повоцковъ и Пѣшковъ—на одинъ годъ каждый.

102) Въ Одессѣ, 22 сентября. Военный судъ приговорилъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы безъ срока младшаго писаря полевого жандармскаго эскадрона Ускурскаго, обвинявшагося въ нанесеніи оскорбленія прапорщику Федоренко, вѣхавшему на трамваѣ вмѣстѣ съ ротой модлинскаго полка.

103) Въ Керчи, 22 сентября. Судебной палатой за оскорбленіе полицеймейстера и коменданта города по поводу безпорядковъ 9 января приговорены обвиняемые Смуткова и Берцтрамъ къ тюремному заключенію на 6 мѣс. каждый.

104) Въ Ченстоховѣ, 22 сентября. По приговору военно-полевого суда *разстрѣляны 10 человекъ за участіе въ разныхъ грабежахъ и насиліяхъ.* Изъ нихъ семеро люди молодые, трое старше 40 лѣтъ.

105) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 23 сентября. Приговоромъ военно-окруж-

наго суда рабочій сормовскихъ заводовъ Локастовъ, стрѣлявшій въ полѣ въ инженера Русакова, приговоренъ къ тюремному заключенію на 5 лѣтъ.

106) Въ Москвѣ 23 сентября состоялся военно-полевой судъ, которому былъ преданъ московскимъ Генераль-губернаторомъ бывшій студентъ, мѣщанинъ города Ефремова, *Пироговъ*, по обвиненію въ томъ, что 21 сентября на станціи Бородино, московско-брестской жел. дор. онъ при преслѣдованіи его, отстрѣливаясь изъ револьвера, однимъ выстрѣломъ убилъ наповаль желѣзнодорожнаго жандарма Павлова, другимъ—ранилъ кондуктора Труханскаго. *Военно-полевой судъ приговорилъ Пирогова къ смертной казни чрезъ повѣшеніе*. Казнь будетъ совершена въ воскресенье на разсвѣтѣ.

107) Перновъ, 23 сентября. Полевой судъ вчера приговаривалъ къ *разстрѣлянію лемзальскихъ мѣщанъ Дегеля и Улискаго, крестьянина Адамсона* за ограбленіе и раненіе лайсарскаго дворохозяина Тохва. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе немедленно.

108) Зугдиды, 23 сентября. *Шотія приговоренъ* военно-полевымъ судомъ къ *разстрѣлянію* за вооруженное сопротивленіе полиціи.

109) Тафлисъ, 23 сентября. Военно-полевой судъ *приговорилъ къ смертной казни* черезъ *повѣшеніе жителя* Кутаисской губерніи *Серадзе*, ограбившаго казначея гимназіи. 29 сентября *приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

110) 23 сентября петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ приговоренъ къ разстрѣлу рядовой новочеркаскаго полка Матвѣевъ. Онъ обвинялся въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ офицеру. Между тѣмъ выяснилось, Матвѣевъ участвовалъ въ японской войнѣ и былъ награжденъ за отличіе георгіевскимъ крестомъ. Приговоръ уже подтвержденъ помощ. главнокомандующаго и долженъ быть приведенъ въ исполненіе 25 сентября.

111) Въ Владивостокѣ, 23 сентября. Кончился военно-полевой судъ надъ лицами, ограбившими сибирскій банкъ. *Пятеро приговорены къ смертной казни*; шесть оправданы. Приговоръ идетъ на конфирмацію.

112) Въ Одессѣ, 23 сентября. Военный судъ приговорилъ къ тюремному заключенію на 2 года унтеръ-офицера перекопскаго полка, Топчіева, оскорбившаго офицера въ маѣ сего года, во время безпорядковъ среди нижнихъ чиновъ, возвращавшихся на родину съ театра войны и выразившихъ недовольство по поводу недоброкачественности подавнныя солонины.

113) Въ Орлѣ, 23 сентября. Здѣсь обвинялись 55 крестьянъ малоархангельскаго уѣзда за участіе въ разгромѣ скопомъ экономіи Леонтьевыхъ. Харьковская судебная палата 22 оправдала, Кулешева приговорила на 3 съ половиной года, Бѣликова на 2 года въ исправительныя арестантскія отдѣленія, еще одного на 1 годъ, малолѣтняго участника на 4 мѣсяца, а всѣхъ остальныхъ на 10 мѣсяцевъ въ тюрьму.

114) Въ Варшавѣ, 23 сентября. По дѣлу 6 крестьянахъ Левандовскомъ и Бертранде, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство жандармскаго унтеръ-офицера, судъ приговорилъ перваго къ каторжнымъ работамъ на 4 года, а втораго оправдалъ.

115) Рига, 26 сентября. Разсмотрѣвъ вторично дѣло о *пяти грабителяхъ*, военно-полевой судъ приговорилъ *Смурисса, Нетте, Красовскаго и Дреймана*, совершившихъ цѣлый рядъ вооруженныхъ грабежей, къ *смертной казни*; Кальнинъ оправданъ. При первомъ разборѣ 3 были оправданы

а 2 приговорены къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ. *Генераль-губернаторъ*, въ виду несовершеннолѣтїа и чистосердечнаго раскаянїа *Смургиса*, замѣнилъ ему смертную казнь *двадцатилѣтней каторгой*. 27 сентября въ 4 часа утра *приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ осужденными: Нэтто, Красовскимъ и Дрейманомъ*. Смургису казнь замѣнена 20-лѣтней каторгой.

116) Въ Варшавѣ, 24 сентября. По приговору военно-полевого суда *преданы вчера смертной казни черезъ разстрѣляніе дезертиръ Вдовиченко и Ференсъ* за вооруженное нападеніе на чиновъ полицїи, *и черезъ повѣшеніе крестьянинъ Чубашекъ* за разбой въ лавкѣ и стрѣльбу изъ револьвера въ преслѣдовавшихъ его лицъ.

117) Въ Сѣдлецѣ, 24 сентября. Въ Гарволинѣ по приговору военно-полевого суда *казненъ Криеръ* за вооруженный грабежъ ласкаржевской гмины.

118) Въ Варшавѣ военно-полевой судъ *приговорилъ къ смертной казни слесаря Наковскаго* за убійство окологороднаго надзирателя. 26 сент. *приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

119) Послѣ трехдневнаго разбирательства въ московской судебной палатѣ закончилось разсмотрѣніе, при участїи сословныхъ представителей дѣла о бывшихъ студентахъ Бергѣ и Сахаровѣ и рабочихъ Конуровскомъ, Савосинѣ и Климовѣ, обвинявшихся въ участїи въ вооруженномъ возстанїи, убійствѣ городского, пораненїи окологороднаго надзирателя. Палата приговорила Конуровскаго, по лишенїи всѣхъ особыхъ правъ, къ заключенїю въ арестантскїя отдѣленїа на четыре года; бывший студентъ Сахаровъ и Савосинъ приговорены къ заключенїю въ крѣпости: первый на 8 мѣсяцевъ второй на одинъ годъ. Климовъ и бывший студентъ Бергъ оправданы.

120) 25 сентября въ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненїю рядового 3-го финляндскаго стрѣлковаго полка Стефана Коцмановскаго въ агитаціи среди войскъ. Судъ призналъ Коцмановскаго виновнымъ и на основанїи п. 1 и 2 ст. 130 уголов. улож. приговорилъ его къ лишенїю воинскаго званїа и къ ссылкѣ на поселеніе.

121) Въ Благовѣщенскѣ, 25 сент. Временный военно-окружный судъ по дѣлу объ убійствѣ часовыхъ дѣлъ мастера Шаривебера *приговорилъ подсудимыхъ Пазішкевича, Еяспева, Рябова и Юдину къ смертной казни черезъ повѣшенїе*: подсудимыхъ Емельянова, Пучвина, Муздину и Иванову къ ссылкѣ на каторжные работы.

122) За убійство и грабежъ въ деревнѣ Сваты гарволинскаго уѣзда, по постановленїю полевого суда, *разстрѣлянъ въ Гарволинѣ крестьянинъ Николайчикъ*.

123) Въ Кутаисѣ, 25 сентября. По приговору полевого суда, за ограбленїе фургончиковъ *разстрѣлянъ Несторъ Кварая*. Второй обвиняемый—не совершеннолѣтній Бокучава, только присутствовавшій при грабежѣ, но не принимавшій активнаго участїа, оправданъ.

124) Ревель, 26 сентября. По приговору военно-полевого суда, въ 6 ч. утра *казненъ крестьянинъ Мадисъ Примецъ* за вооруженный разбой на большой дорогѣ.

125) Сѣдлецъ, 26 сентября. Въ городѣ Гарволинѣ въ 6 час. утра по *приговору военно-полевого суда казненъ глава разбойничей шайки, оперировавшей въ ласкаржевской гминѣ, Стефанъ Серанскій*.

126) Кутаисъ, 26 сентября. — Осужденные за разбой по приговору военно-полеваго суда жители Кутаисскаго уѣзда, *Герасимъ Юбидзе и Калистратъ Тураделидзе* — *разстрѣляны*.

127) Въ Вильяѣ, 26 сентября. Военно-окружный судъ приговорилъ рядового Маневича за распространеніе прокламацій среди войскъ къ лишенію воинскаго званія, всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе.

128) Въ Варшавѣ 25 сент. въ военномъ судѣ разсматривалось дѣло о мѣщанахъ Коккъ, Ромацкомъ, Ротштейнѣ и мѣщанкахъ Лейманъ и Брамст, обвиняемыхъ въ принадлежности къ еврейской социалистической партіи „Бундъ“, поставившей себѣ цѣлью ниспроверженіе насильственнымъ путемъ существующаго образа правленія въ Россіи. Судъ приговорилъ: перваго къ каторжнымъ работамъ на 2 года 8 мѣсяцевъ, двухъ послѣдующихъ къ ссылкѣ на поселеніе. Обѣ женщины оправданы.

129) Въ Варшавѣ, 27 сентября. Въ военномъ судѣ разсматривалось вчера дѣло Новака, Боруцкаго и Домбровскаго, обвиняемыхъ въ убійствѣ городского и покушеніи на убійство солдата. Первыхъ двухъ судъ оправдалъ, а *Домбровскаго приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе*.

130) Въ Лодзи, 27 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *пятерыхъ грабителей*, оперировавшихъ въ Лосскомъ уѣздѣ, къ *смертной казни черезъ разстрѣляніе*. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

131) Ковна, 27 сентября. По дѣлу о Билевичѣ, Станкевичѣ, Чейлытько, Скршитускомъ и Баталинѣ, обвинявшихся въ разбой съ цѣлью вымогательства денегъ для политическихъ цѣлей и убійствѣ купца Рабиновича, согласно вердикту присяжныхъ засѣдателей, окружный судъ приговорилъ къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ въ каторжныя работы Билевича на 8 лѣтъ, Станкевича на 5 лѣтъ и 4 мѣсяца, Скршитусскаго на 4 года, Баталинъ и Чейлытько оправданы.

132) Въ Петербургѣ рабочій Калашниковъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что навесъ дневальному при исполненіи обязанностей легкую рану, при сознаніи послѣдствій своего дѣянія.

Спб. военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло въ засѣданіи 27 сентября, приговорилъ *Калашникова къ смертной казни*, но постановилъ ходатайствовать передъ главнокомандующимъ о смягченіи наказанія.

133) Москва, 27 сентября. Въ судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей разсматривалось дѣло крестьянина Андрианова, обвиняемаго по 100 ст. ул. Ему приписывалось, что онъ во время декабрьскаго возстанія портилъ желѣзнодорожные пути, чтобы помѣшать провозу въ Москву войскъ. Палата признала его виновнымъ въ участіи въ скопищѣ, препятствовавшемъ движенію повозовъ, и приговорила по 123 ст. къ заключенію въ тюрьму на годъ съ зачетомъ предварительнаго девятимѣсячнаго заключенія.

134) Въ Вильяѣ, 27 сентября. Судебная палата, разсмотрѣвъ сегодня политическія дѣла мѣщанина Колесника и мѣщанки Чижиковой по обвиненію въ храненіи бомбъ и оружія, приговорила перваго къ каторжнымъ работамъ на четыре года, вторую палата оправдала.

135) Сосновицы, 27 сентября. Въ *Бендинѣ разстрѣляны по приговору военнаго суда Иосифъ Бембасъ, Францъ Супернакъ, Осипъ Заюнцъ и Теофила Ендрушекъ*.

136) Въ Вильнѣ, 27 сентября. Судебная палата разсмотрѣла дѣла по обвиненію въ принадлежности къ тайному сообществу и въ храненіи взрывчатыхъ веществъ мѣщанъ Хаи Чижикъ и Калмана Талесника, въ квартирахъ которыхъ найдено по 4 бомбы. Чижикъ оправданъ, а Талесникъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 4 года.

137) Черниговъ, 27 сентября. Окружный судъ по дѣлу о разгромѣ и поджогѣ построекъ въ октябрѣ прошлаго года въ имѣніи гродненскаго предводителя дворянства, Кровольскаго-Гриневскаго, приговорилъ двухъ крестьянъ къ каторжнымъ работамъ на шесть лѣтъ, 30—къ отдачѣ въ арестантскія роты отъ одного года до 6 лѣтъ, 12—къ тюремному заключенію отъ 8 мѣсяцевъ до 2½ лѣтъ. Десять оправданы.

138) Въ Кіевѣ, 28 сентября. Военно-окружной судъ разсмотрѣлъ дѣло крестьянъ села Грузскаго, путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, Калины, Шешени, Роточенко, Мищенко и Гзелезяка, обвинявшихся въ умышленномъ убійствѣ въ декабрѣ 1905 г., въ селѣ Грузскомъ, полицейскаго урядника Геля и въ покушеніи на убійство пристава Китайцева и стражника Счастливцева. По первому обвиненію всѣ оправданы, по второму обвиненію первые трое признаны виновными, *причемъ Калина приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе*, а Шшень и Роточенко къ каторгѣ на 15 лѣтъ; остальные оправданы.

139) Сосновицы, 28 сентября. Арестованные въ Сосновицахъ на Дембовой горѣ 5 обвинявшихся въ принадлежности къ боевой организаціи, полевымъ судомъ приговорены: женщина—къ каторжнымъ работамъ, *четверо мужчинъ—къ смерти*.

140) Калишъ, 28 сентября. Въ Ленчицѣ въ 8 ч. 50 м. утра *разстрѣляны* по приговору военно-полевого суда *Андрей Свѣнтославскій и Людвигъ Пашлюкъ* за вооруженный грабежъ.

141) Въ Васильковѣ, 28 сентября. Сегодня состоялся военно-полевой судъ надъ крестьяниномъ села Романовки Ивановъ Чупринымъ, за нахождение у него 5 бомбъ въ Фастовѣ. Чуприна приговорили къ 15-тилѣтней каторгѣ.

142) Въ Царицынѣ. 28 сентября. Временный военно-окружной судъ, разсмотрѣвъ дѣло нижнихъ чиновъ бобруйскаго полка, обвиняемыхъ въ устройствѣ демонстраціи при предъявленіи экономическихъ требованій командиру полка, приговорилъ 7 нижнихъ чиновъ къ отдачѣ въ дисциплинарный баталіонъ на 2 года и 2 мѣсяца, 6—на 2 года съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и 4-хъ аресту на 20 дней; трое нижнихъ чиновъ оправданы.

143) Кіевъ, 28 сентября. Военно-окружной судъ *приговорилъ* за бросаніе бомбы въ банкирскій домъ Ратнера въ Житомирѣ: *Полонскаго къ повѣшенію, Быка—къ каторжнымъ работамъ на 8 лѣтъ*. Лумельскій и Гальбинъ оправданы.

144) Въ Кіевѣ. Судебная палата приговорила Дину Нейманъ къ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ за революціонную пропаганду въ войскахъ. Обвинявшійся въ революціонной пропагандѣ среди крестьянъ Бѣлкинъ присужденъ къ заключенію въ крѣпость на 1½ года.

145) Рига, 29 сентября. Военно-полевой судъ по дѣлу о пораненіи и убійствѣ городскихъ приговорилъ *Шпринга и Валдейма къ смертной казни*,

Берзина и Луяна, къ заключенію въ тюрьму на 8 лѣтъ, а остальныхъ обвиняемыхъ оправдалъ.

30 сентября. Смертный приговоръ военно-полевого суда надъ *Шпрингомъ* и *Вальдеймомъ* приведенъ въ исполненіе.

146) Въ Ревелѣ, 29 сентября. Военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ два дѣла, изъ которыхъ одно политическое (распространеніе въ войскахъ прокламацій), приговорилъ: по первомъ дѣлу портного Кокмана къ ссылкѣ на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ.

147) Въ Юзовкѣ, 29 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *шестерыхъ* изъ 12 членовъ шайки, терроризировавшей населеніе, къ *смертной казни*.

30 сентября. По приговору военно-полевого суда *ночью разстрѣляли 6 террористовъ*. Остальные 6, обвиняемыхъ по тому же дѣлу, оправданы за недостаткомъ уликъ, но привлекаются къ уголовной отвѣтственности по другимъ преступленіямъ.

148) Въ Кѣльцахъ, 30 сентября. По приговору военно-полевого суда *разстрѣяны два грабителя, изъ нихъ—одинъ русскій*.

149) Митава, 30 сентября. Военный судъ приговорилъ *латышей Тиллина и Предена* за вооруженный разгромъ винной лавки къ *смертной казни*.

150) Въ Луганскѣ, 30 сентября. По приговору военно-полевого суда *разстрѣяны двое* за динамитное покушеніе въ Павловскѣ.

151) Въ Варшавѣ, 30 сентября. Военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло о *крестьянницѣ Мотель*, обвиняемомъ въ вооруженномъ нападеніи на патруль и нанесеніи тяжелой раны городовому, *приговорилъ его къ смертной казни* черезъ *повѣшеніе*.

152) Вильна, 30 сентября. Судебная палата приговорила мѣщанина Останова за бросаніе бомбы въ третій участокъ съ цѣлью убійства помощника пристава Соколовскаго къ шести годамъ тюремнаго заключенія.

153) Въ Прибалтійскомъ краѣ, 2 сентября въ Феллинѣ военно-полевой судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ разстрѣяніе *Ганса Пента и Ганса Линденберга*, оказавшихъ вооруженное сопротивление кеппоскому водостному старшинѣ при попыткѣ задержать ихъ, причемъ убитъ былъ одинъ крестьянинъ и ранены двое. *Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ тотъ же день*, на сѣнокосѣ усадьбы Лойгу, въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ совершено было преступленіе. При исполненіи приговора присутствовала огромная толпа окрестныхъ жителей.

154) — Въ Добленѣ, Курляндской губ., 3 сентября по подозрѣнію въ участіи въ нападеніяхъ *разстрѣяны рабочій Озолъ*. 4 сентября *разстрѣяны сапожники Бакусъ* и еще одинъ неизвѣстный мѣстный рабочій, тоже по подозрѣнію въ нападеніяхъ.

155) По дорогѣ отъ Огрескална драгуны въ сосѣдней усадьбѣ Сежасъ замѣтили трехъ вооруженныхъ лицъ, пившихъ у колодца воду. Драгуны пустились въ карьеръ и двухъ изъ нихъ поймали, а одинъ удралъ. Пойманныхъ отправили въ Эссенгофъ, гдѣ они были подвергнуты допросу, а *потомъ разстрѣяны* и погребены на мѣстномъ кладбищѣ; но черезъ нѣсколько дней солдатами были вырыты трупы и сфотографированы.

156) — Фестенъ. 6 сентября вечеромъ, по словамъ „Латвія“, драгунами арестованы 2 члена веявской волости Типайнъ и Лѣпинъ, изъ которыхъ

первоо разстрѣляли въ тотъ же день, а другою лишь на другой день. Оба они, какъ слышно, разстрѣляны потому, что съ недѣлю тому назадъ на какомъ то празднествѣ поссорились съ нѣкимъ Р. и хотѣли его убить.

157) Въ Рубажской волости арестовано 5 лицъ. 13 сентября разстрѣявъ усадьбобладѣлецъ Кинигъ, недавно выпущенный изъ тюрьмы.

158) Въ Невальгской волости *разстрѣляны солдатами чѣкій Боба.*

159) Въ Ригѣ, 18 сентября. На-дняхъ въ Кокенгаузенѣ застрѣленъ солдатами при попыткѣ къ бѣгству революционеръ, обвинявшійся въ убійствѣ корнета Колянинова.

160) Въ Кокенгаузенѣ 14 сентября, — какъ сообщаетъ „Balss“, — на берегу Двины экзекуціоннымъ отрядомъ *разстрѣляны пять человекъ.*

161) Рига, 21 сентября. Изъ Шрундена, гольдингенскаго уѣзда, сообщаютъ, что тамъ въ послѣднее время карательными отрядами *разстрѣляно 10 человекъ. Въ Паммельнѣ, того же уѣзда, пять человекъ.*

162) Въ Цесвайнской волости *разстрѣляны* по подозрѣнію въ участіи въ сожженіи имѣнія Кальценау, нѣкій *Круикисъ.*

Въ Рудбаусской волости экзекуціонный отрядъ *разстрѣлялъ 3-хъ лицъ.* Послѣ этого начальникомъ отряда было заявлено, что если грабежи будутъ повторяться, то будутъ разстрѣляны шесть лицъ и т. д.

163) Въ Пильтенѣ, 24 сентября, въ усадьбѣ Веждукъ, во время обыска, по словамъ „Мусу Лайки“, драгунами *разстрѣляны слабоумный батракъ.*

Въ теченіе сентября печать подвергалась нижеслѣдующимъ преслѣдованіямъ:

1) Въ Тифлисѣ, 31 августа. Приостановлено на неопредѣленное время изданіе грузинской газеты „Иверія“.

2) Тамъ же, 31 августа. По распоряженію тифлискаго генераль-губернатора конфискованъ сатирическій журналъ „Комаръ“. Редакторъ Давидяцъ арестованъ. Типографія опечатана.

3) Тамъ же, 2 сентября. По распоряженію генераль-губернатора, закрыта газета „Обновленіе“.

4) Въ Кіевѣ, 2 сентября. Редакторъ „Кіевскихъ Отголосковъ“ приговоренъ начальникомъ края къ мѣсячному аресту.

5) Въ Вишнѣ, 3 сентября. Редакція бѣлорусской газеты „Наша Доля“ за помѣщеніе въ первомъ номерѣ, отъ 1 сентября, ложныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ правительства и за перепечатаніе замѣтки о доходахъ Императорской фамилии, оштрафована генераль-губернаторомъ на 200 рублей.

6) Въ Ставрополѣ, 3 сентября. По распоряженію генерала Литвинова, закрыты обѣ частныя газеты „Сѣверно-Кавказскій Край“ и „Братство“. Типографіи ихъ опечатаны.

7) Въ Вяткѣ, 4 сентября. Князь Горчаковъ издалъ 2 сентября цѣлыхъ шесть обязательныхъ постановленій. Однимъ изъ нихъ воспрещается: „распространять такія произведенія печати, которыя по своему содержанію могутъ вызвать недовѣріе къ правительственной и общественной власти или возникновеніе волненій въ населеніи“.

8) Въ Петербургѣ, 4 сентября. Въ четвертомъ часу ночи, въ типографію П. П. Сошкина, гдѣ печатается газета „Современная Россія“, явился приставъ и предъявилъ редактору-издателю газеты Н. Г. Молоствову распоря-

женіе градоначальника о приостановкѣ газеты на основаніи положенія чрезвычайной охраны. Газета „Современная Россія“ разсыпалась подписчикамъ приостановленной газеты „Современная Жизнь“ и успѣла выпустить всего 3 номера.

9) Въ Варшавѣ. По распоряженію генераль-губернатора приостановлено изданіе „Новой Газеты“. Редактору приостановленнаго еженедѣльника „Снопъ“ оберъ-полиціймейстеръ, по распоряженію военной власти, предложилъ въ теченіи 3 дней выѣхать за предѣлы края.

10) Въ Петербургѣ. Редакторъ приостановленной газеты „Современная Жизнь“ получилъ единовременно копія съ обвинительныхъ актовъ по слѣдующимъ преступленіямъ: въ № 94 газеты „Совр. Жизнь“ за статью „Впечатлѣнія Дна“—4 п. 129 ст. угол. улож. и п. 6 ст. 5 отд. VIII врем. правилъ; въ № 100 за примѣчаніе въ отдѣлѣ „Печать“ и перепечатку воззванія офицера К.—5п. 129 ст. угол. улож. и 6 ст. VIII отд. врем. прав.; въ № 108, 111 и 113—за статьи и замѣтки—1 и 5 п. ст. 129.

11) Въ Полтавѣ, 4 сентября. Редакторъ лубенской газеты „Хлиборобъ“, Шеметь, привлекается къ отвѣтственности за изданіе газеты явочнымъ порядкомъ.

12) Въ Ригѣ, 4 сентября. Особое присутствіе судебной палаты приговорило редактора „Рижскихъ Вѣдомостей“ Витвицкаго за перепечатаніе выдержки изъ декабрьскаго воззванія рабочихъ организацій по ст. 129 улож. о наказ. къ заключенію въ тюрьму на одинъ мѣсяць.

13) 4 сентября отъ всѣхъ редакторовъ московскихъ періодическихъ изданій администраціей отобрана подписка въ томъ, что они не будутъ поименно называть въ печати тѣхъ офицеровъ, которые въ качествѣ членовъ входятъ въ составъ военно-полевыхъ судовъ.

14) Въ Петербургѣ 4 сентября въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію редактора-издателя газеты „Радикаль“ присяжнаго повѣреннаго М. С. Маргуліеса.

Подсудимому инкриминировался цѣлый рядъ статей помѣщенныхъ въ №№ отъ 1 до 6-го, на которомъ и прекращено было самое изданіе газеты.

Палата вынесла обвинительный приговоръ, назначивъ установившуюся норму редакторской кары—1 годъ крѣпости.

Кромѣ того, подсудимому запрещено въ теченіи 5 лѣтъ быть редакторомъ или издателемъ какого бы то ни было періодическаго изданія, а газету „Радикаль“ закрыть навсегда.

На приговоръ палаты будетъ принесена касаціонная жалоба.

15) Тамъ же, 4 сентября, утромъ, чинами полиціи отбирались у газетчиковъ номера новой газеты „Свобода и Жизнь“.

16) Тамъ же, 5-го сентября конфискована послѣдняя книжка журнала „Русское Богатство“.

17) Тамъ же. Въ ночь съ 5 на 6 сентября въ типографію Воейкова явилась полиція съ предписаніемъ градоначальника о закрытіи газеты „Военный Голосъ“. Часть номеровъ была уже готова, ихъ уничтожили, наборъ рассыпали, стереотипы разбили.

На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ газета „Военный Голосъ“ приостановлена.

18) Въ Кіевѣ, 6 сентября. По распоряженію генераль-губернатора, зак-

рыта газета „Кіевскіе Отголоски Жизни“ на время военного положенія въ Кіевѣ.

19) Въ Варшавѣ. По распоряженію временнаго генераль-губернатора прекращено на время военного положенія изданіе еженедѣльника „Пшеглендъ Польскій“.

20) Въ Тифлисъ. Редакторъ журнала „Встань спящіи“ свящ. Врихневичъ приговоренъ на годъ въ крѣпость; редакторъ газеты „Гвоздь“ приговоренъ на годъ въ крѣпость.

21) Въ Петербургѣ, 6 сентября редакціи „Журнала для всѣхъ“ было предъявлено постановленіе г. слб. градоначальника, изданное на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, въ силу котораго журналъ пріостанавливается на неопредѣленное время. Одновременно послѣдовао распоряженіе о конфискаціи двухъ послѣднихъ книгъ журнала.

22) Въ Симферополѣ, 6 сентября. Редакторъ „Жизни Крыма“, бывшій членъ государственной думы князь Оболенскій, привлекается къ суду по 129 ст., за корреспонденцію изъ села Балокъ.

23) Въ Варшавѣ, 7 сентября. По распоряженію варшавскаго генераль-губернатора, прекращено на время военного положенія изданіе газеты „Золотой Рогъ“.

24) Въ Петербургѣ 7 сентября, въ 8 ч. вечера, въ книгоиздательство „Донская Рѣчь“ (Лиговка, 44) явился помощникъ пристава съ подобающей свитой и предъявилъ предписаніе слб. цензурнаго комитета по дѣламъ печати, о конфискаціи брошюры „Сонъ подъ 1 мая“. В. Кусковой. Конфисковано 400 экзем. Характерно, что книга эта издана въ ноябрѣ 1905 г., а предписаніе объ „изъятіи“ послѣдовало въ сентябрѣ 1906 г.

25) Въ Самарѣ, 7 сентября. Редакторъ „Самарской Газеты“ Костеринъ приговоренъ судебной палатой къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы съ замѣною штрафомъ въ 500 руб. и воспрещеніемъ редакторства на 5 лѣтъ. Газета закрыта навсегда.

26) Въ Севастополѣ запрещена Скрыдловымъ розничная продажа газ. „Товарищъ“.

27) Въ Петербургѣ, 7 сентября. Послѣдній (35-й) номеръ еженедѣльнаго журнала: „Хроника Еврейской Жизни“ конфискованъ на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ за статью о сѣдлецкихъ событіяхъ.

28) Въ Варшавѣ. Конфискованъ 35-й номеръ польской газеты „Еврейская Жизнь“. Пріостановлена на время военного положенія газета „Еврейскій Голосъ“.

29) Въ Тифлисъ, 8 сентября. Пріостановлена армянская газета „Зангъ“; типографія опечатана; редакторъ высылается.

30) Въ Кіевѣ, 8 сентября. Генераль-губернаторомъ пріостановленъ на время военного положенія, издающійся священникомъ Кмитой журналъ „Отклики сельскихъ пастырей“.

31) Въ Петербургѣ 8 сентября приставъ 2 участка литейной части прибылъ въ помѣщеніе книгоиздательства Н. Глаголева (Невскій просп., 92) съ предписаніемъ старшаго инспектора по дѣламъ печати наложить арестъ на только что выпущенную издательствомъ книгу Парруса: „Россия и революція“, въ количествѣ 10.200 экз. Послѣ произведеннаго во всѣхъ помѣще-

ніяхъ издательства обыска, арестовано 657 экз., остальные книги оказались распроданными.

32) Въ Вильнѣ, 8 сентября. Редакторъ литовской газеты „Naugase Gardupe“ г-жа Брозайгисъ, вслѣдствіе отказа заплатить штрафъ въ 200 рублей, наложенный на нее за напечатаніе невѣрныхъ свѣдѣній о доходахъ императорской фамиліи, подвергнута аресту на одинъ мѣсяць.

33) Въ Петербургѣ. — Редакторъ намѣченнаго къ выпуску журнала „Голосъ Безработнаго“ получилъ заявленіе о томъ, что петербургскій градоначальникъ не нашелъ возможнымъ разрѣшить журналъ съ подобнымъ названіемъ.

34) Тамъ же 7 сентября, въ 7 час. вечера, въ типографіи „Надежда“ конфискованъ № 12 „Голоса Приказчика“.

35) Тамъ же. 9-го сентября комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на № 1 журнала „Хлѣбъ и работа“ и на № 9 „Журналъ Для Всѣхъ“ (сентябрь).

36) Тамъ же. Конфискована недавно вышедшая въ свѣтъ брошюра Ст. Струмилина „Долой забастовщиковъ!“ изд. „Новой библиотеки“.

37) 9-го сентября корреспонденты кievскихъ газетъ „Кievская Газета“ и „Торговая Газета“, житомирской „Волянь“ а рижской „Дюнацейтунгъ“ сообщили своимъ редакціямъ содержаніе статей „Рѣчи“ и „Страны“ о провокаціи на 11-е сентября черносотенной газетой „Объединеніе“ бойни. Администрація телеграфа, свесшись съ „къмъ слѣдуетъ“, вычеркнула это сообщеніе изъ телеграммъ корреспондентовъ, не предупредивъ ихъ объ этомъ и не возвративъ платы за телеграммы.

38) Опрежденіями судебной палаты, состоявшимися 18 сентября, утверждены наложенные комитетомъ по дѣламъ печати аресты на журналъ „Миръ Божій“ за напечатаніе въ № 8 статей: „Политическое обозрѣніе“, „Армія и Общество“ и „Христосъ въ Варшавѣ“, причемъ редакторъ г. Ватшовъ привлекается къ отвѣтственности по 73, 4 и 5 п. п. 129 ст. уг. улож. и 6 ст. VIII отд. закона 24 сентября 1905 г., а также на брошюры: „Златкинъ. Рядовой Огибаловъ“, „Саблина. Женщина-работница“, „Крамалюкъ“. „Новая нагорная проповѣдь“, „Шлихтеръ. Государственная Дума и ея роль въ освободительномъ движеніи“ и „Некрасовъ. Кто не желаетъ дать народу ни земли, ни воли“.

39) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбуждены вопросы о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности слѣдующихъ лицъ: 1) редактора газеты на латышскомъ языкѣ „Peterburgas Lara“ Ю. А. Равингъ, — по п. 4 ст. 129 угол. улож., съ наложеніемъ на № 43 газеты ареста; 2) редактора-издателя газеты „Переломъ“ Н. А. Демчинскаго, по п. 1 ст. 129 угол. улож., и 3) редактора-издателя „St. Peterburger Zeitung“ П. П. фонъ-Кюгельгена и отвѣтственнаго редактора той же газеты К. П. фонъ-Кюгельгена, — по п. 1 ст. 129 угол. угод.

40) 10 сент. петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на нижеслѣдующія произведенія печати:

1) П. Крапоткина „Хлѣба и воли“, съ предисловіемъ Элизэ Реклю, Книгоиздательство „Свободная Мысль“. 2) Н. Ленина „Пересмотръ аграрной программы рабочей партіи“ № 1. Петербургъ. 3) О баррикадной и уличной

борьбѣ. Ал. Арабидзе. 4) Е. Кускова „Сонъ подь первое мая“ (сказка-права). Изданіе Н. Парамонова.

Тѣмъ же комитетомъ наложены аресты на брошюры подь заглавіемъ:

1) „Русское свободное правительство, Вѣлостокскій погромъ“. 2) „Передъ грозой“, сборникъ изъ газетъ Сѣверная Россія“. 3) И. Индивида „О. Виконтъ“. Анархическій индивидуализмъ. 4) „Разказы изъ русской исторіи“ Шишко. 5) А. А. Николаева „Крестыанская бібліотека“ № 2. Первая Государственная Дума. 6) Ф. Волховской, „Друзья среди враговъ. Изъ воспоминаній стараго революціонера“.

41) Царскосельскій исправникъ и земскій начальникъ 2-го участка прибыли въ Лисинскую волость и отобрали отъ всѣхъ подписчиковъ газеты „Usi Inceri“ подписку, что они не будутъ больше получать этой газеты. Газета „Usi Inceri“ — прогрессивнаго направленія.

42) Въ Петербургѣ комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра Льва Дейча „къ 25-тилѣтію марта 1881—1906 г.“

43) Сегодня отъ всѣхъ редакторовъ московскихъ періодическихъ изданій администраціей отобраена подписка въ томъ, что они не будутъ поименно называть въ печати тѣхъ офицеровъ, которые въ качествѣ членовъ входятъ въ составъ военно-полевыхъ судовъ.

44) По постановленію судебной палаты, приостановлено изданіе журнала „Наше Слово“, органа „Бунда“.

45) Въ Варшавѣ редактору приостановленной газеты „Курьеръ Новый“ предложено въ теченіе пяти дней выѣхать за предѣлы Царства Польскаго. По распоряженію генераль-губернатора приостановлено на время военнаго положенія изданіе газеты „Новины“, юмористическаго журнала „Стрѣла“ и другого журнала, выходящаго безъ названія.

46) Московскій градоначальникъ пригласилъ къ себѣ редактора газеты „Новые Дни“ и объявилъ ему, что онъ сдѣлалъ представленіе генераль-губернатору о закрытіи газеты на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ.

47) Въ Кіевѣ, 11 сентября. Кіевскій комитетъ по дѣламъ печати предписалъ конфискацію иллюстрированныхъ открытокъ, изображающихъ Таврическій дворецъ и содержащихъ текстъ выборскаго воззванія.

48) Во Владивостокѣ, 12 сентября. Военно-окружнымъ судомъ вынесена резолюція о бывшемъ редакторѣ журнала „Природа и люди Дальняго Востока“, а также газеты „Далекій Край“, обвиняемомъ по второму пункту 132 статьи новаго уголовнаго уложенія. Редакторъ приговоренъ на полтора года въ крѣпость.

49) Въ Елисаветградѣ, 13 сентября. Генераль-губернаторъ приостановилъ на седьмомъ номерѣ за вредное направленіе „Вѣстникъ Свободы“, замѣтившій „Новую Волну“, направленія партіи народной свободы.

50) 13 сентября, въ петербургскомъ окружномъ судѣ слушалось извѣстное дѣло дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лаврова, обвинявшагося въ составленіи и распространеніи воззванія, возбуждающаго одну часть населенія противъ другой, по 1036 ст. уложенія о наказаніяхъ. Судъ призналъ Лаврова виновнымъ и приговорилъ его къ низшей мѣрѣ наказанія — штрафу въ 100 рублей, а при несостоятельности — аресту на 10 дней.

51) Въ Ярославль, 13 сентября. Конфискованъ вчерашній номеръ „Сѣверной Рѣчи“.

52) Въ Астрахани, 14 сентября. Губернаторомъ возстановлена цензура. Цензируютъ вице-губернаторъ и три чиновника. Конфисковано четыре выпуска газетъ.

Редакторъ „Вѣстника Сибири“ приговоренъ къ 1 году крѣпости.

53) Въ Одессѣ, 14 сентября. Генераль-губернаторомъ воспрещена розничная продажа газеты „Вѣче“, въ виду помѣщенія вымышленныхъ сообщеній изъ Одессы, возбуждающихъ вражду между частями населенія.

Въ Иркутскѣ, 15 сентября. Генераль-губернаторъ приостановилъ издаваніе газеты „Восточная Сибирь“.

54) Въ Кіевѣ, 13 сентября. Генераль-губернаторъ оштрафовалъ редактора газеты „Кіевская Рѣчь“ на 1,000 руб.

Въ Петербургѣ 14 сентября ночью, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, изданіе газеты „Переломъ“ приостановлено.

55) Въ Варшавѣ, 16 сентября.—Редактору приостановленнаго юмористическаго журнала „Муха“ предложено выѣхать за предѣлы Царства Польскаго въ мѣста, гдѣ не введено особое положеніе или заграницу. Онъ избралъ выѣздъ заграницу, куда и вывезенъ. Арестованъ редакторъ юмористическаго журнала „Бонкъ“.

56) Въ Луганскѣ, 18 сентября. Телеграммой военнаго генераль-губернатора приостановлена на все время военнаго положенія газета „Донецкая Рѣчь“.

57) Въ Москвѣ, 18 сентября. Газета „Новые Дни“ приостановлена, на основанія положенія о чрезвычайной охранѣ.

59) Въ Харьковѣ, 18 сентября. Редакторъ „Южнаго Края“, Воронежскій, оштрафованъ генераль-губернаторомъ на 3.000 рублей,

60) Въ Петербургѣ 18 сентября полиція явилась въ помѣщеніе редакціи „Перелома“ и конфисковала всѣ находившіеся тамъ экземпляры газеты.

61) Тамъ же 18 сентября, въ помѣщеніе книгоиздательства „Впередъ“ (на Караванной) явилась полиція и конфисковала 190 экземпляровъ брошюры Кр—кова — „Программа занятій въ кружкахъ высшаго типа (конспектъ лекцій)“, цѣна 8 копѣекъ.

62) Тамъ же № 2 „Хлѣба и работы“, журнала безработныхъ, такъ же какъ и № 1-й, былъ конфискованъ полиціей въ день выхода.

63) Тамъ же. По распоряженію цензурнаго комитета въ типографіи М. Лундорфъ и К. (Морская, д. 19), арестована брошюра „Карменъ. За что?“, изданіе книгоиздат. „Впередъ“.

64) Тамъ же. 21 сентября с.-петербургскимъ комитетомъ наложенъ арестъ на № 27 „Сегодня“ и № 67 газеты „Товарищъ“.

64) Въ Петербургѣ отдано распоряженіе о конфискаціи газеты „Товарищъ“ отъ 21 сентября, послѣдняго номера латышской газеты „Таугасъ Тезибасъ“ и всѣхъ имѣющихся въ продажѣ послѣднихъ номеровъ еженедѣльника „Голосъ Печатника“.

65) Въ Баку 20 сентября. Высылается изъ предѣловъ Баку сотрудникъ „Русскаго Слова“ Полюсукъ за извращеніе, какъ значителся въ приказѣ генераль-губернатора, происходящихъ въ городѣ событій.

66) Въ Тифлисѣ 21 сентября. Закрыта вновь народившаяся армянская

соціально-демократическая газета „Норхоскъ“. Типографія, гдѣ печаталась газета, закрыта.

67) Въ Кіевѣ 21 сентября. Редакторъ газеты „Народъ“ Лашнюковъ, обвинявшійся по 128 и 129 статьямъ, признанъ виновнымъ лишь по 128 ст. и приговоренъ къ году заключенія въ крѣпости.

68) 22 сентября въ спб. окружномъ судѣ разсматривалось дѣло редактора-издателя журнала „Рабочій Миръ“ Архангельскаго, привлеченнаго къ отвѣтственности за статью Варвары Авчинниковой: „Итоги“, помѣщенную въ № 4 названнаго журнала. Судъ приговорилъ В. Архангельскаго къ 2 мѣсяцамъ и 15 днямъ тюремнаго заключенія.

69) Въ Петербургѣ комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на первый выпускъ сборника „Народно-соціалистическое обозрѣніе“.

70) Въ Полтавѣ 21 сентября. Конфискованъ сегодняшній номеръ „Чернозема“. Газета больше не выходитъ въ виду отказа типографіи отъ дальнѣйшаго печатанія.

71) Въ Симферополѣ 23 сентября. Редакторъ „Жизни Крыма“, бывший членъ государственной думы, князь Оболенскій, за статью по поводу казни Шмидта, судебной палатой приговоренъ къ заключенію въ арестномъ домѣ на три мѣсяца.

72) По постановленію петербургскаго комитета по дѣламъ печати наложенъ арестъ на слѣдующія произведенія печати: 1) Мартовъ. Рабочее дѣло въ Россіи, 2) Кропоткинъ и Дж. Вернсъ. Всеобщая стачка. 3) Эльснеръ, Дуэль передъ судомъ общества. 4) Швецовъ (С. Марусинъ) „Въ ожиданіи казни“. 5) Кр—ковъ. „Программа занятій въ кружкахъ высшаго типа“. 6) Танъ. „Стихотворенія“. 7) Петрищевъ. „Триста лѣтъ“, 1806—1906, 9) 3-й сборникъ изд. „Многоточіе“.

73) Судебнымъ слѣдователемъ въ г. Ригѣ привлеченъ къ отвѣтственности по 129 ст. угол. улож. мировой судья рижско-вольмарскаго уѣзднаго съѣзда Чехихинъ за составленіе напечатанной въ газетѣ „Прибалтійскій Край“ статьи подъ заглавіемъ „Тягчайшая изъ забастовокъ“.

74) Ѳ. М. Онишко будетъ привезенъ въ Ставрополь для участія въ разборѣ дѣла о напечатаніи въ ставропольской газетѣ „Голосъ“ „Письма въ села“. Обвиняется Ѳ. М. Онишко по 129 ст. одновременно съ редакторомъ „Голоса“ В. С. Красновымъ.

75) 25 сентября, въ 12 часовъ ночи, по распоряженію московскаго градоначальника, на московскомъ вокзалѣ николаевской желѣзной дороги закрытъ газетный кіоскъ контр-агентства А. С. Суворина за продажу журналовъ „На распутьи“ и „Произволь“.

76) 25 сентября с.-петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на № 203 „Всеобщей маленькой газеты“ въ С.Петербургѣ.

77) Въ Читѣ закрыты „Тайга“ и „Голосъ Забайкалья“.

78) Въ Петербургѣ 27 сентября въ 9 ч. утра, въ типографію „Общественная Польза“ (Больш. Подъяческая, 39) явилась полиція и конфисковала по распоряженію петербургскаго комитета по дѣламъ печати, № 72 газеты „Товарищъ“, въ количествѣ 3000 экземпляровъ. Одновременно было конфисковано 286 экземпляровъ въ конторѣ газеты (Невскій, 19).

79) Въ Харьковѣ 27 сентября. Редакторъ рабочей газеты „Союзъ“ оштрафованъ генераль-губернаторомъ за призывъ къ забастовкѣ на тысячу руб.

80) Въ Тифлисѣ 27 сентября. Генераль-губернаторомъ приостановлена на время военнаго положенія газета „Тифлисскій Листокъ“ за сообщеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ властей.

81) Въ Вильнѣ 27 сентября. Сегодня генераль-губернаторомъ наложенъ штрафъ въ 300 рублей съ замѣной арестомъ на два мѣсяца на редакторовъ издающейся въ Вильнѣ на еврейскомъ жаргонѣ газеты „Volks-Zeitung“.

82) С.-Петербургскій градоначальникъ на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ приостановилъ издающійся въ Петербургѣ еженедѣльный журналъ „Еврейская Жизнь“. Поводомъ къ запрещенію наданія послужила напечатанная въ послѣднемъ номерѣ этого журнала корреспонденція изъ Сѣдлеца.

83) Въ Петербургѣ въ среду 27 сентября, въ 11 час. вечера, въ конторѣ журнала „Вѣстникъ Жизни“ былъ конфискованъ № 11 этого журнала. Полиція нашла всего 24 экземпляра.

84) Определеніемъ судебной палаты, состоявшимся 28 сентября, приостановлено изданіе выходящей въ Петрозаводскѣ газеты „Олонекскій Край“, а противъ редактора газеты, старшаго фабричнаго инспектора Олонекской губ. В. В. Дмитріева, возбуждено уголовное преслѣдованіе по 2, 3 и 6 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе статей, возбуждающихъ къ неповиновенію закону и борьбѣ съ правительствомъ и проч.

85) Въ Кіевѣ 28 сентября. Судебной палатой при предсѣдателѣ Кривцовѣ и прокурорѣ Рыжовѣ редакторъ „Кіевскихъ Отголосковъ“ Гармашевъ приговоренъ къ годичному заключенію въ крѣпости за перепечатку воззванія рабочихъ депутатовъ думы. Гармашевъ признанъ виновнымъ по статьѣ 129 пункты 2 и 6.

86) Въ Петербургѣ 29 сентября на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, по постановленію градоначальника приостановлено изданіе газеты „Народъ“. Номеръ отъ 29 сентября потому не вышелъ.

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

Съ 3 мая по 15 октября 1906 г. поступило въ Шлиссельбургскій фондъ: отъ г-жи Яковлевой—5 р.; неизвѣстнаго—1 р.; Н. А. Рубакина—10 р.; А. И. Чеховскаго—10 р.; Марія Лешеръ—10 р.; М. Ж.—3 р.; А. Аристовой—10 р.; И. Д. Балашова—1 р.; Л. Ф. Пантелѣва—90 р.; Е. С. Волковой—70 коп.; В. П. Водовозовой—400 р.; г-на А—на (гонораръ за статью въ „Народномъ Вѣстникѣ“)—23 р. 79 к.; подпоручика В—скаго—1 р. 50 к.; чрезъ В. Д. Лебедеву отъ товарищей Алексѣя Лашеева—27 р. 20 к.; отъ В. Θ. Коммисаржевской—400 р.; Кириллова—10 р.; А. Бухарцева—10 р.; чрезъ А. Ф. Волкова отъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными—36 р. 60 коп. М. Л. Лихтенштадтъ—10 р.; г-жи Черем—ской 11 р.; г-на Панкратова (гонораръ за статью въ „Выломъ“)—15 р.; чрезъ редакцію „Вылого“ отъ NN—8 р.; Н. И. Торгашева—50 р.; В. В. Каллаша—10 р. Итого 1.153 р. 79 к., а съ прежде поступившими всего: деньгами 3.039 р. 65 к. + 100 финск. марокъ и процентными бумагами 4.000 руб.

О поступленіи всѣхъ этихъ пожертвованій Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ жертвователей. Приемъ пожертвованій продолжается (адресъ казначея Комитета: Сиб., Троицкая, 11, кв. 22)

Казначей Н. Анненскій.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я :

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОРТРЕТОВЪ И КАРТИНЪ

В. П. ВОДОВОЗОВОЙ.

Невскій пр., 19, книжный магазинъ «Наша Жизнь».

Поступили въ продажу:

- 1) Альбомъ «Шлиссельбургская крѣпость». 8 рис. Ц. 75 к.
- 2) Портреты бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ: Антонова, Балашова, Волкенштейнъ, Гершуни, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Новорусскаго, Поливанова, Иванова, Каляева, Карповича, Попова, Сазонова, Стародворскаго, Фигнеръ. Ц. 35 к.

Доходъ отъ изданія поступить въ Шлиссельбургскій Комитетъ.

Готовятся къ печати портреты:

ТРИГОНИ, ФРОЛЕНКА, МЫШКИНА, АШЕНБРЕННЕРА.

— ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО. —

Книгоиздательство „ПРОМЕТЕЙ“.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редація и предисловіе П. Е. Щеголева.
XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія — книжный магазинъ „ПРОМЕТЕЙ“, С.-Петербургъ,
Загородный, 28.

НОВАЯ КНИГА:

Издание Е. и И. Леонтьевыхъ

Исторія социализма въ монографіяхъ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НОВѢЙШАГО СОЦІАЛИЗМА

Н. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго, Э. Бернштейна

въ двухъ томахъ.

Вышелъ II томъ; ц. 1 р. 50 к. * I-й томъ печатается.

КАЖДЫЙ ТОМЪ ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ ЗАКОНЧЕННОЕ ЦѢЛОЕ.

Складъ изданія при типографіи М. М. Стасюлевича: Спб. Вас. Остр. 5 лин., д. 28., продажа повсемѣстно въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Скидка книгопродавцамъ: въ Спб.—20%, въ провинціи—25%.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ „ЗА РУБЕЖОМЪ“,

Международное социалистическое обозрѣніе.

Журналъ издается при постоянномъ сотрудничествѣ П. Б. АКСЕЛЬРОДА и при участіи М. Балабанова, С. Волменштейна, К. Гана, Парвуса, А. Потресова, Б. Смирнова, М. Сурскаго и др.

Первый номеръ журнала выйдетъ въ началѣ ноября.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ 4 р., на три мѣсяца 1 р. Отдѣльные номера по 20 к.

Подписка и объявленія принимаются: въ главной конторѣ и редакціи (Спб., 7-я Рождественская ул., д. № 28, кв. 1) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ „Начало“ (Б. Никитская, 22); въ Кіевѣ: у А. А. Соколовскаго (Крещатикъ, 42); въ Одессѣ: у В. Я. Морозова (Пушкинская, 24); въ Екатеринославѣ: у Г. Я. Левенсона (Проевская, 79); въ Харьковѣ: у А. Поддубнаго (Рымарская, 19). Коммиссіонеры удерживаютъ 5% подписной платы.

Въ конторѣ журнала „За рубежомъ“ (Спб. 7-я Рожд. д. 28, кв. 1) продаются №№ 1, 2, 3, 4 и 5 журнала „Звено“.

Редакторъ-издатель А. Каганъ-Шабшай.

Николай Морозовъ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЯ и ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены:

Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина;
Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я. А. Чахова, и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Пармонова. Складъ—Лиговская ул., д. № 44.

Въ книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“ (Лиговская, 44)

поступили въ продажу

а) Картины изъ Французской революціи:

1) Взятіе Тюльери. 2) Столкновение республиканцевъ съ вандейцами.
3) Защита позиціи. 4) Наполеонъ въ Совѣтъ 500. 5) Клятва въ національн. собраніи. 6) Разстрѣлъ коммунаровъ и др.

б) Картины съ выставокъ 1906 г.

1) Послѣ погрома. 2) Очистка площади. 3) Обмыскъ. 4) „Не ходи“.
5) „Вы жертвою пали...“ 6) Случайная жертва. 7) „Безумство храбрыхъ...“

в) Портреты:

1) Крапоткинъ. 2) Лавровъ, 3) Морозовъ. 4) Волкенштейнъ. 5) Пет-
рашевскій и др.

г) Отдѣльныя картины:

1) Свобода ведетъ народъ. 2) Стачка углекоповъ. 3) Забастовщикъ
и др. Цѣна 20 коп.

ЖУРНАЛЬ „РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

(ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ ВЪ РОССИИ).

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4 и 5. Въ нихъ помѣщены:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. **ТОМЪ ПЕРВЫЙ**. 1825—1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Цѣна 75 к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакцію и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева**. Цѣна 60 к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакцію **В. Л. БУРЦЕВА**. Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ предисловіемъ **В. Я. БОГУЧАРСКАГО**. Цѣна 50 к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакцію **В. Л. Бурцева**. Выпускъ 2-й. Цѣна 50 к.

Печатаются:

6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ**. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. (1877 г. Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.). (выидеть въ ближайшемъ будущемъ).

7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сборникъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. **ТОМЪ ТРЕТІЙ**. (1877 г. процессъ 193-хъ и др.). (выидеть въ ближайшемъ будущемъ).

8) „Революционная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**.

9) „Литература партіи Народной Воли“. Въ двухъ выпускахъ. **ТРЕТЬЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“, подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**.

10) Убіеніе императора Павла. (Разказы современниковъ).

11) Пестель, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ. **Н. П. Павлова-Сильванскаго**.

Лица, подписавшіяся на „Государственныя преступленія въ Россіи“ на условіяхъ объявленныхъ въ декабрь 1905 года, получаютъ за внесенную ими плату **первый, второй и третій** тома „Государств. преступленій“ и **три** тома приложеній къ нимъ. („Матер. для исторіи револ. движенія въ 60-хъ годахъ“, „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ и „Литература партіи Народной воли“). Всего **шесть** томовъ.

Всѣ остальные изданія „Русской исторической Библиотекы“ приобретаются не путемъ подписки на нихъ, а каждое особо.

„Библиотека Освободительной Борьбы“.

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (Л. МЕЛЬШИНЪ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ отъ изданія поступить въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

№ 3.

Вѣра Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна 20 коп.

Складъ изданій: 1) въ редакціи журнала «Былое», Знаменская, 19. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Лиговская ул., д. № 44. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ **НОВАЯ КНИГА:**

МАДЦЗ

1

Литературно-публицистическій сборникъ.

Изданіе А. ЛУГОВОГО.

СОДЕРЖАНІЕ:

Максимиліанъ — Императоръ Мексиканскій. Политическая трагедія. — Предисловіе. — Прологъ. Картины 1-я и 2-я. (Объ 8-ми рисунками) А. ЛУГОВОГО.
Шелетокъ. Изъ варіантовъ воспоминаній. Рассказъ. В. ИЛИЧЪ-СВИТЫЧА.
Изъ ночныхъ видѣній. Стихотвореніе В. УМАНОВА-КАШЛУНОВСКАГО.
Боги и люди. Сонетъ Е. Д.
Боги и люди. На мѣлѣ Гейне. Стихотв. изъ „Недопѣтыхъ гдѣсь“ М. Н. Соймазова.
Дневникъ освободнаго человека. (9-е января 1906 г. и др.) А. ЛУГОВОГО.
Усть Унтманъ. Изчисло и дем. крагя въ его поэзіи. К. ЧУКОВСКАГО.
Радищевъ и Екатерина II. Эпизодъ изъ исторіи „дерзновенныхъ книгъ“. Е. ЛЯЦКАГО.
Китай или мы. Анонимная брошюра. А. Л.

Цѣна 1 руб. 33 коп.

Склады изданій въ О.-Петербургѣ: 1) у издателя А. А. Тихонова (А. Лугового), Пятакъ, Родово-стенская, д. 8, и 2) въ Товарищ. „Общественная Польза“, Б. Подъячесская, 39.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Г. Чернышевскаго

въ 10 томахъ, большого формата, съ 4 портретами

(470 печ. листовъ, т. X въ 2 книгахъ).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

Цѣна 18 руб. безъ пересылки.

СОДЕРЖАНІЕ: Критика и библиографія.—Очерки Гоголев. періода русской литературы.—Статьи по крестьянскому вопросу.—Статьи экономическія.—Политика.—Лессингъ.—Милль, переводъ и примѣчанія.—Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности.—Романы «Что дѣлать?» и «Прологъ».—Письма безъ адреса.—Произведенія, написанныя въ Сибири.—Драмы и повѣсти.—Дневникъ.—Библиографическій указатель.—4 портрета: 1853, 1859, 1864 и 1888 гг.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова: **Петербургъ**—Литейный просп. 46; **Москва**—Моховая ул., д. Баженова; **Варшава**—Новый Свѣтъ, 69; **Вильна**—Большая ул., д. Гордона.

При покупкѣ изъ склада допускается **разсрочка** платы не менѣе 2 р. въ мѣсяць, причемъ каждые 2 р. даютъ право на полученіи одной книги, начиная по порядку съ т. I.

До 1 ноября 1906 г. сохраняется прежняя цѣна 15 р. безъ перес.

Вышло въ свѣтъ 3-е изд. романа **Н. Г. Чернышевскаго:**

Что дѣлать?

Ц. 1 р., безъ пересылки. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова. Печатается и выйдетъ въ августъ романъ Н. Г. Чернышевскаго: „ПРОЛОГЪ“, съ порт. автора 1864 г. Цѣна 1 руб., безъ пересылки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на историческій журналъ „БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая бібліографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; Ю. М. Антоновскій; І. В. Аптекманъ; кн. А. М. Аргунинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуринскій; В. Я. Богучарскій; А. К. Бороздинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Вѣлоконскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Водозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; Н. Л. Геккеръ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Х. Г. Гринбергъ-Конъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатъевскій; А. И. Зунделевичъ; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ; Л. Н. Клейнбортъ; Д. А. Клеменць; Е. Н. Ковальская; Ф. Я. Конъ; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Кропоткинъ; В. Ф. Костюринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; Е. Е. Лазаревъ; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; И. Д. Лукашевичъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкій; И. И. Майновъ; О. С. Миноръ; И. Л. Манучаровъ; М. Маньковскій; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милоковъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсянко-Куликовскій; Г. Ф. Осмоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелъевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; И. А. Рубановичъ; Н. А. Рубакинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семеновскій; С. С. Синегубъ; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; М. Н. Тригони; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковскій; В. М. Черновъ; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шишко; Л. Я. Штернбергъ; П. Е. Щеголевъ, П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на 1/2 года 4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 руб.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Лиговская улица, домъ № 44. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Знаменская, 19. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
 { П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ Редакціи.

Кромѣ окончанія статей **Старика**, **В. П. Акимова-Махновца**, **М. О. Гершензона**, **М. В. Новорусскаго**, **В. А. Старосельскаго** и **М. К. Лемке** въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предположены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣдующія статьи: **Н. А. Морозовъ**—Возникновеніе «Народной Воли» (Липецкій и Воронежскій съѣзды 1879 г.); **М. Ф. Фроленко**—Коментарій къ ст. Морозова „Возникновеніе Народной Воли.“ **П. Е. Щеголевъ**—Агитаціонная литература декабристовъ и **С. А. Муравьевъ**—Апостоль (историко-психологическій этюдъ); **А. Бахъ**—Воспоминаніе народовольца **М. С. Александровъ**—„Группа народовольцевъ“ (1891—1894 г.); **С. П. Богдановъ**—**Е. С. Семяновскій**—одинъ изъ первыхъ карійцевъ; **М. Ю. Ашенбреннеръ**—Воспоминанія (60-е и 70-е годы); **Л. Э. Шишко**—**М. Р. Гоць** (памяти дорогого друга); **И. Л. Мануcharовъ**—Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ; **Е. Е. Лазаревъ**—Гавайскій сенаторъ; **А. О. Лукашевичъ**—Въ народы! **Ф. Л. Ястржембскій**—Записки петрашевца; **Э. Ралли**—Изъ воспоминаній о **М. П. Драгомановѣ**; **В. А. Вейнштокъ**—Акатуйскій рудникъ; **С. А. Жебуневъ**—Страница изъ воспоминаній; **А. В. Прибылевъ**—Воспоминанія о процессѣ 17 народовольцевъ; **І. Д. Лукашевичъ**—Дѣло 1 Марта 1887 года; **П. Н. Переверзевъ**—Экспедиція Рененкампа; **А. Л.**—Организація «Рабочее Знамя»; **А. И. Столбовъ**—**Л. Ф. Яновичъ** въ ссылкѣ; **Л. Н. Гартманъ**—Изъ воспоминаній; **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній. Отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: **М. П. Драгоманова**, **П. Н. Ткачева**, **П. И. Войнаральскаго**, **Д. М. Рогачева**, **П. А. Алексѣева**, **Н. В. Чайковскаго**, **В. А. Осинскаго**, **Д. А. Лизогуба**, **Н. И. Колодкевича**, **Е. С. Семяновскаго**, **Г. А. Попко**, **П. Г. Зайчневскаго**, **С. Л. Бардиной**, **А. А. Квятковскаго**, **А. К. Соловьева**, **Р. А. Стеблина-Каменскаго**, **Н. А. Морозова**. **Г. А. Лопатина**, виды Карійской и Акатуйской каторги, и проч.

ОПЕЧАТКИ.

Въ сентяб. книжкѣ въ ст. **Н. А. Геккера** „Политическая каторга на Карѣ“ вкралась опечатка: на стр. 81-й 3-я строка снизу напеч. „раствориться“ вмѣсто „развиться“, и на стр. 82-й 17-я стр. снизу „одинокая“ вмѣсто „однобокая“ и 4-я строка снизу „хорошая“ вмѣсто „хоровая“.

БЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 11 НОЯБРЬ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія „Енергія“, Загородный 17.

1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. „Группа народовольцевъ“ (1891—1894 гг.) М. С. Александрова	1
2. Движеніе семидесятихъ годовъ по Большому процессу. (<i>Продолженіе</i>). Старика	30
3. Революція 1848 года и Москва	73
4. Первое мая въ Россіи. (<i>Продолженіе</i>). В. П. Анимова-Махновца	78
5. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Е. С. Семяновскій—одинъ изъ первыхъ карійцевъ. С. Б. Богданова	100
6. Обвинительный актъ по процессу Е. С. Семяновскаго	119
7. Предсмертное письмо Е. С. Семяновскаго къ отцу	126
8. Продѣлки и поддѣлки властей	128
9. Въ Шлиссельбургской крѣпости (<i>продолженіе</i>). М. В. Новорусскаго	131
10. Семья декабристовъ. (<i>Окончаніе</i>). М. О. Гершензона	162
11. Между былымъ и настоящимъ	190
12. „Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“ (<i>продолженіе</i>). М. К. Лемке	194
13. Процессъ 17 лицъ въ 1883 году (<i>отрывокъ изъ воспоминаній</i>) А. В. Прибылева	221
14. Изъ „обзора“ за 1882 годъ, составленнаго департаментомъ полиціи	244
15. Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи (<i>окончаніе</i>) В. А. Старосельскаго	262
16. Карійская пѣсня, приписываемая Минакову. Н. А. Виташевскаго	279
17. М. Р. Гоць (памяти дорогаго друга). Л. Э. Шишко	283

	стр.
18. Афанасій Афанасьевичъ Спандони. (<i>Некрологъ</i>) Н. Л. Гекнера	293
19. Историческая библиографія: 1. <i>Г. Энгель и В. Горюховъ</i> . Изъ исторіи студенческаго движенія.—2. Матеріалы по исторіи студенческаго движенія— Сергѣя С. З. М. Лядовъ . Исторія російской с.-д. рабочей партіи. В. В. Португалова . 4. <i>А. Цитронъ</i> . 72 дѣя перваго русскаго парламента. В. Русина . 5. <i>Н. Росточкая</i> . Потемкинскіе дни въ Одессѣ. 6. Рабочій ежегодникъ. М. Ольминскаго . 7. <i>Дебогорій-Мокріевичъ</i> . Воспоминанія Д. П. Сильчевскаго	307
20. Письма въ редакцію	330
21. Современная лѣтопись	331
22. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. („Дѣло о неприличномъ поступкѣ Пушкина—28. Ученый Комитетъ и Бѣлинскій. Анатолія Кремлева —159. Къ дѣлу В. И. Засуличъ —278. Къ біографіи А. А. Бестужева-Марлинскаго . Б. Л. Модзалевскаго —306).	346
23. Объявленія	346

Къ этой книгѣ приложены портреты: **П. И. Войнаральскаго**, **Д. М. Рогачова**, **Е. С. Семяновскаго**, **М. Θ. Орлова** и (въ текстѣ) **А. А. Спандони**.

Редакція проситъ исправить опечатку, вкравшуюся въ передачу факсимиле подъ портретомъ **М. А. Бакунина** съ женой въ іюльской книгѣ. Надпись подъ этимъ портретомъ нужно читать: „Съ нею увидите (а не увидаюсъ) скоро—но со мною Богъ знаетъ гдѣ и когда—сердцемъ же будемъ всегда вмѣстѣ“. Портретъ съ такой надписью Бакунинъ далъ своимъ родственникамъ.

На 1907 годъ
открыта подписка на историческій журналъ
„Б Ы Л О Е“.

Журналъ—внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія—издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева по слѣдующей программѣ.

Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Биографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

Историческая библиографія.

Въ журналѣ помѣщаются — на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ — портреты дѣятелей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движенія.

Въ 10 книжкахъ „Былого“ за 1906 годъ были помѣщены, между прочимъ, слѣд. статьи: В. П. Анимовъ-Махновецъ — 1-е мая въ Россіи. М. А. Антоновичъ — Арестъ Чернышевскаго. М. Ю. Ашенбреннеръ — Двадцать лѣтъ въ Шлис. тюрьмѣ и Военная организація пар. Нар. Воли. В. Я. Богучарскій — 1-е марта — 3 апрѣля 1881 года и Событіе 1 марта и Н. К. Михайловскій. В. Л. Бурцовъ — Сѣверно-русскій рабочій Союзъ. И. П. Бѣлоконскій — Изъ воспомин. объ А. И. Желябовѣ. А. И. Бяловесскій — Изъ прошлаго. П. И. Вейнбергъ — 4 апрѣля 1866 года. Н. А. Виташевскій — Первое вооруженное сопротивленіе, первый военный судъ и Централка. И. И. Волковъ — Народов. пропаганда среди москов. рабочихъ въ 1881 году. М. О. Гершензонъ — Къ характеристикѣ Чаадаева и Семья декабристовъ. Герасимовъ — Питомецъ воспитательнаго дома. Дж. Гильомъ — М. А. Бакунинъ. М. Р. Гоць — С. В. Зубатовъ. Н. Л. Генжеръ — Политич. каторга на Карѣ. Х. Г. Гринбергъ-Конъ — Къ процессу Ковальскаго. Л. Я. Гуревичъ — Народ. движ. въ Петербургѣ 9 января 1905 года. И. С. Дмабадари — Въ неволѣ. М. П. Драгомановъ — Автобиографія. Д-чъ — Арестъ Нечаева. В. С. Иличъ-Свитычъ — Мое знакомство съ Ковальскимъ. С. А. Ивановъ — Изъ воспоминаній о 1881 г. и Возникновеніе и паденіе Дурноселовки. С. А. Ивановъ-Борейша — Воспоминанія о Перовской и Первая типографія Народной Воли. М. В. Корольковъ — Поручикъ Кречетовъ — шлис. узникъ XVIII вѣка. Ф. Я. Конъ — У подножія висѣлицы. М. И. Лемно — Дѣла бр. Критскихъ, Михайлова, Писарева, Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и др. О. С. Любатовичъ — Далекое и Недавнее. Н. А. Морозовъ — Изъ Шлис. мотивовъ (стих.). И. Л. Манучаровъ — Мой процессъ и Эпизодъ изъ

жизни въ Шлис. крѣп. Манлецова-Дегаева—Судейкинъ и Дегаевъ. О. С. Миноръ—Якутская драма 1889 г. Н. Я. Николадзе—Освобождение Чернышевскаго. М. В. Новорусскій — Въ Шлиссельб. крѣпости. Надинъ—Стрѣльниковскій процессъ. Г. Ф. Осмоловскій—Карійская трагедія. М. Р. Поповъ—Къ біографіи И. Н. Мышкина и Земля и Воля наканунѣ Воронеж. съѣзда. В. С. Панкратовъ—Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1881—1884 гг. А. П. Прибылева—Корба. С. П. Дегаевъ—По поводу письма Исп. К-та къ Александру III и Къ портрету Желябова. Плохоцій—Польская партія „Пролетаріатъ“ и „Пролетаріатъ“ передъ судомъ. З. Ралли—С. Г. Нечаевъ. С. Ф. Русова—Мартынъ Лангансъ. Н. Р.—Событіе 1 марта и Н. В. Шелгуновъ. В. И. Семевскій—Вопросъ о преобразованіи гостроя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Н. Сильванскій—Пестель предъ Верх. Угол. судомъ. Д. В. Стасовъ—Каракозовскій процессъ. А. А. Спандони—Страница изъ воспоминаній. Л. С.—Изъ воспоминаній студента-солдата. С. А. Савинкова—Годы скорби. С. С. Синегубъ—Воспоминанія чайковца. В. А. Старосельскій—Крестыанское движеніе въ Кутаисской губерніи. Старинъ—Движеніе 70-хъ годовъ по Большому процессу (193-хъ). М. Н. Тригопи—Мой арестъ въ 1881 году и Послѣ Шлиссельбурга. Е. В. Тарле—Самодержавіе Николая I-го и франц. обществ. мнѣніе. Н. А. Тамъ—Коронація въ Колымскѣ. А. В. Тырковъ—Къ событію 1 марта 1881 года. М. Ф. Фролошъ—Милость и Побѣгъ Алеши Поповича. В. Н. Фигнеръ—Шлиссельб. узница Л. А. Волкенштейнъ. А. Р. Хирьяковъ—Событіе 1 марта и Л. Н. Толстой. М. Н. Чернышевскій—Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго. П. Е. Щеголевъ—П. Г. Каховскій, Сем. Олейничукъ, Событіе 1 марта и В. С. Соловьевъ. Эпизодъ изъ жизни Бѣлинскаго. В. Е. Якушкинъ—Изъ бумагъ декабриста Якушкина.

Кромѣ того были помѣщены неизданныя произведенія Герцена, Шевченко, Лермонтова, Никитина, Огарева, Поливанова, Саблина и др. Письма Чернышевскаго, Тургенева, Салтыкова, Бакунина, Петрашевскаго, Желябова, Зотова, Гаусмана, Коганъ-Бернштейна и мн. др.; Матеріалы (между прочимъ отчеты о процессахъ 20-ти и 17 народовольцевъ), рѣдчайшія революціонныя изданія и др. документы, характеризующіе освободительное движеніе.

Въ 1907 году между многими другими статьями будутъ напечатаны:

М. Ю. Ашенбреннеръ—Воспоминанія (60-ые и 70-ые годы); А. Бахъ—Воспоминанія народовольца; В. Я. Богучарскій—Декабристъ М. С. Лунинъ; В. Л. Бурцевъ—Изъ воспоминаній; И. П. Бѣлоушинскій—Земское движеніе до образованія „Союза Освобожденія“; В. А. Вейнштонъ—Акатуевскій рудникъ; М. О. Гершензонъ—Западные друзья Герцена; В. А. Даниловъ—Изъ воспоминаній; С. А. Жебушевъ—Изъ воспоминаній; А. И. Иванчинъ-Писаревъ—Побѣгъ князя Кропоткина; Н. И. Юрданскій—Миссія П. С. Ванновскаго; Нафiero—Воспоминанія; Коваленко—11 дней на „Потемкинѣ“; Платонъ Лебедевъ—Красные дни въ Нижнемъ Новгородѣ; М. Н. Лемие—Процессы Митрофана Муравскаго, Сунгурова, Блюммера, Головина, кн. Долгорукова и др. (по неизданнымъ архивнымъ даннымъ); Е. Е. Лазаревъ—Гавайскій сенаторъ; А. О. Лунашевичъ—Въ народъ!; І. Д. Лунашевичъ—Дѣло 1 марта 1887 года; И. Л. Манучаровъ—Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ; Н. А. Морозовъ.—Изъ воспоминаній; П. Н. Переверзевъ—Экспедиція генерала Ренненкампа; М. Р. Поповъ—Изъ моего революціоннаго прошлаго; А. С. Пругавинъ—Декабристъ въ монаст. тюрьмѣ. Л. Ф. Пантелеевъ—Дѣла давно минувшихъ дней (арестъ, ссылка и пр.); З. Ралли—Изъ воспоминаній о Драгомановѣ и Бакунинѣ; И. А. Рубановичъ—Дѣло Гоца въ Италіи и Савицкаго во Франціи; С. А. Савинкова—Изъ воспоминаній; С. Г. Сватиновъ—Очерки по исторіи студенческаго движенія; В. И. Семевскій—Безпорядки въ л.-гв. Семеновскомъ

полку въ 1820 году; Е. П. Семеновъ. Народовольческіе кружки въ Одессѣ; Э. А. Серебряновъ—Революціонеры во флотѣ; Н. П. Стародворскій — Дегаевъ и Судейкинъ. Изъ воспоминаній; Е. В. Тарле—Каннингъ и Николай Тургеневъ и Герценъ и газета Прудона; Н. А. Танъ—Послѣдній періодъ „Народной Воли“ М. Ф. Фроленко — Воспоминанія о Воронежскомъ и Липецкомъ съѣздахъ; Л. Ш. Страница изъ исторіи идейныхъ теченій въ „Народной Волѣ“. П. Е. Щеголевъ—Агитаціонная литература декабристовъ и Конецъ императора Павла (историческое разслѣдованіе); Ф. Л. Ястрембскій—Записки петрашевца; Записки императора Николая I о 14 декабря, неизданныя произведенія А. И. Герцена и др.

Будутъ напечатаны также: „Сводъ указаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о госуд. преступленіяхъ“ (полностью); Докладъ (официальный) о дѣлѣ В. И. Засуличъ; Разгромъ тверского земства (извлечение изъ доклада г-на Штюрмера); Къ исторіи русской „конституціи“ (официальные матеріалы и документы); Обзоры по дѣламъ политическимъ за разные годы (изъ изданій д-та полиціи); Отчеты о процессахъ, не бывшіе въ печати (дѣло 1 марта 1887 г., военныхъ кружковъ 1887 и др.); рѣдчайшія революціонныя изданія, письма разныхъ общественныхъ дѣятелей, документы и очерки по исторіи освободительнаго движенія послѣднихъ двухъ лѣтъ, и т. д.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—8 руб.; на 1/2 года (съ 1 янв. по 1 июля)—4 руб.; на 1/4 года (съ 1 янв. по 1 апр.)—2 руб. Переѣзна адреса—30 коп. (При переѣзнѣ адреса контора проситъ подписчиковъ сообщать старый адресъ, внесенную сумму и срокъ подписки). Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—1 руб., для покупающихъ въ конторѣ—85 коп., для выписывающихъ изъ конторы—1 р. 10 коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльныя книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—(ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44 и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“—въ Москвѣ (Срѣтенка, Ащеуловъ переулочъ, 13), Кіевѣ (Крещатикъ, 27), Ростовѣ на Д. (Казанская, 42) и Одессѣ (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое“ проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписки годовой экз. журн. будетъ, стоитъ только 8 р. 50 к. вмѣсто тепереш. 10 р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., причѣмъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Знаменской ул. д. 19.

Личныя объясненія съ редакторами—по понед., вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій,
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7. Въ нихъ помѣщены:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. **ТОМЪ ПЕРВЫЙ**. 1825—1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Цѣна 75 к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакцію и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева**. Цѣна 60 к.

4) „Былое“—журналъ, издававшийся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакцію **В. Л. Бурцева**. Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго**. Цѣна 50 к.

5) „Былое“—журналъ, издававшийся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакцію **В. Л. Бурцева**. Выпускъ 2-й. Цѣна 50 к.

6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ**. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. (1877 г. Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.). Цѣна 1 р.

7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сборникъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. **ТОМЪ ТРЕТІЙ**. (1877 г. Процессъ 193-хъ и др.). Цѣна 1 руб.

Печатаются:

8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**.

9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“, подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Выпускъ первый.

10) Тоже самое. Выпускъ второй.

11) Убійство императора Павла. (Разказы современниковъ).

12) Пестель, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ.

Н. П. Сильванскаго.

13) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго**.

14) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева**.

15) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская (матеріалы для біографіи). Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева**.

Лица, подписавшіяся на „Государственныя преступленія въ Россіи“ на условіяхъ, объявленныхъ въ декабрь 1905 года, получаютъ за внесенную ими плату первый, второй и третій тома „Государств. преступленій“ и три тома приложеній къ нимъ. („Матер. для исторіи револ. движенія въ 60-хъ годахъ“, „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ и „Литература партіи Народной Воли“). Всего шесть томовъ.

Всѣ остальные изданія „Русской исторической Библиотеки“ приобрѣтаются не путемъ подписки на нихъ, а каждое особо.

Дмитрій Михайлович
РОГДЧЕВЪ.

„Группа народovolьцевъ“.

(1891—1894 г.г.).

I.

Общее положеніе.

Нынѣшняя молодежь врядъ ли знаетъ, сколько презрительнаго смысла вкладывалось лѣтъ десять тому назадъ въ слово «восьмидесятникъ»,—то есть человѣкъ восьмидесятихъ годовъ. Заслуженное презрѣніе! Конецъ восьмидесятихъ годовъ минувшаго вѣка—одинъ изъ самыхъ мрачныхъ, самыхъ, казалось, безнадежныхъ и безотрадныхъ періодовъ новѣйшей русской исторіи. И всетаки находились люди, довольные своей эпохой, довольные самими собою, возглашавшіе съ гордостью: «шире дорогу, восьмидесятникъ идетъ!»

Восьмидесятникъ пришелъ не сразу. На почвѣ разложенія народническаго міросозерцанія и паденія народovolьческой революціонной организаціи возникали разнаго рода убогія и одностороннія теченія. Въ революціонномъ лагерѣ на мѣсто цѣльной, хотя и ошибочной, народovolьческой программы стали пользоваться признаніемъ въ разныхъ кружкахъ исключительно отдѣльные кусочки программы: появились чистые террористы; создались группы, признававшія только военные заговоры или только роль либеральнаго «общества» (Протопоповъ восклицалъ: «все для народа, *ничего посредствомъ* народа!»). Явились даже проповѣдники исключительно возстанія съ самозванцемъ (въ родѣ Пугачева) во главѣ.

Революціонныя задачи мельчали, типъ революціонера вырождался. Помню прямо удручающее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ чтенія прокламаціи «общества десятикопѣечниковъ», образовавшагося въ Петербургѣ. Они завели собственную тайную типографію. Съ огромнымъ рискомъ для себя, въ моментъ сильнѣйшихъ цензур-

ныхъ гоненій, основатели общества выпускаютъ листокъ, въ которомъ объясняютъ торжество реакціи отсутствіемъ денегъ у революціонеровъ и приглашаютъ создать широкую организацію для взноса по 10 копѣекъ въ мѣсяцъ съ каждаго члена! (Зима 1884—1885 г.г.).

Чистые террористы сгруппировались вокругъ Александра Ильича Ульянова. Судя по личнымъ воспоминаніямъ, могу сказать, что террористическое настроеніе этихъ лѣтъ не можетъ быть названо иначе, какъ настроеніемъ отчаянія. Идея террора носилась въ воздухѣ, смыслъ его резюмировался словами: «лучше погибнуть на эшафотѣ, чѣмъ влачить нынѣшнее существованіе. Авось хоть наша смерть встряхнетъ общество». Кружокъ Ульянова окончилъ существованіе въ мартѣ 1887 года. Говорили—и судя по многимъ признакамъ, говорили справедливо,—что полиція была съ самаго начала прекрасно освѣдомлена о дѣлахъ кружка; тѣмъ не менѣе она допустила, чтобы трое студентовъ вышли 1 марта на Невскій проспектъ съ разрывными снарядами. Здѣсь ихъ арестовали. Въ результатъ пятеро (Ульяновъ, Шевыревъ, Осипановъ, Андреюшкинъ и Генераловъ) были повѣшены, многіе осуждены на каторгу,—въ томъ числѣ Новорусскій и Лукашевичъ, вышедшіе изъ Шлиссельбурга въ октябрѣ 1905 года.

Возникшее на развалинахъ народовольчества единственно жизненное социаль-демократическое теченіе не пользовалось большимъ успѣхомъ. Гораздо болѣе широкимъ потокомъ разлилось по всей Россіи толстовство, «боевымъ» лозунгомъ котораго было непротивленіе злу насиліемъ. Рядомъ съ этимъ приобретаетъ все болѣе широкій успѣхъ, если можно такъ выразиться, государственное народничество: надежда на осуществленіе народническихъ пожеланій переносится съ интеллигенціи на самодержавное правительство. Приклонскій, популярный одно время писатель, горячо доказывалъ, что министры быстрѣе и лучше, чѣмъ кто бы то ни было, способны проводить реформы на благо народа (крестьянскій банкъ, фабричная инспекція и т. под.).

Само собой разумѣется, что все это разложеніе и измельчаніе не могло не отразиться на печати того времени. Много говорить о ней я не стану, укажу только одинъ-два факта.

Въ «литературно-политическомъ» ежемѣсячномъ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» появилась статья профессора Фортунатова подъ заглавіемъ: «Къ вопросу объ откармливаніи скота зимой въ нечерноземныхъ губерніяхъ». Въ высшей степени характерная для того времени статья! Замѣтите: рѣчь идетъ не о скотоводствѣ вообще, даже не объ откармливаніи скота вообще, а только объ откармливаніи его въ нечерноземныхъ губерніяхъ, только зимой! Но и такой вопросъ въ цѣломъ показался профессору слишкомъ большимъ,—онъ пишетъ только «къ вопросу» и имѣетъ смѣлость посылать статью въ литературно-политическій ежемѣсячникъ, а редакція журнала проявила достаточно безтактности, чтобы преподнести такую статью своимъ читателямъ. Кажется, трудно идти

дальше по пути разложенія и измельчанія въ области «литературно-политическихъ» вопросовъ.

А вотъ образчикъ изъ области этической.

Въ 1889 году въ Карійской каторжной тюрьмѣ политическая заключенная Надежда Константиновна Сигида дала пощечину смотрителю. Личныхъ мотивовъ у нея не было,—она хотѣла своею смертью добыть облегченіе для товарищей по заключенію. Русскіе чиновники дѣйствительно предали смерти героическую женщину,—но смерти совсѣмъ особаго рода. Генераль-губернаторъ баронъ Корфъ отдалъ приказъ сѣчь Надежду Константиновну. Палачи исполнили приказаніе чловѣка-звѣря, и въ тотъ же день Сигида скончалась, — по увѣренію врачей отъ разрыва сердца.

Случай этотъ своей чудовищной жестокостью выдѣлялся даже на фонѣ того жестокаго времени; онъ надѣлалъ порядочнаго шума за границей. Вскорѣ вышелъ законъ, отмѣняющій тѣлесное наказаніе для женщинъ, осужденныхъ на каторгу.

Теперь слушайте дальше.

Сотрудникъ «Русскаго Богатства» Южаковъ поѣхалъ на постройку Южно-Уссурійской желѣзной дороги. Вскорѣ онъ выпустилъ книжку путевыхъ впечатлѣній: «Доброволецъ, Петербургъ. Дважды вокругъ Азіи». Въ ней мы встрѣчаемъ горячую апологию строителя уссурійской желѣзной дороги инженера Урсати, будто бы пострадавшаго за правду. А какой хорошій чловѣкъ былъ Урсати и какъ высоко цѣнило его начальство,—Южаковъ иллюстрируетъ тѣмъ фактомъ, что баронъ Корфъ при встрѣчѣ поцѣловалъ Урсати. Южаковъ, когда писалъ свою книгу, не могъ не знать о случаѣ съ Сигидой...

И вотъ на фонѣ общаго разложенія, опошленія и измельчанія, явились люди, провозгласившіе себя идеологами своей эпохи, гордо называвшіе себя восьмидесятниками! Это—проводники малыхъ дѣлъ, старательно отмѣчавшіе «свѣтлыя явленія» русской жизни: тамъ то открылась новая народная школа, такой то купецъ завѣщалъ столько то на богадѣльню, и тому подобное.

Справедливость требуетъ сказать, что и культъ малыхъ дѣлъ, и проповѣдь непротивленія злу встрѣчали довольно энергичной отпоръ со стороны эпигоновъ умиравшей эпохи: Шелгунова и Михайловскаго. Въ кругахъ сколько-нибудь осмысленной интеллигенціи слово «восьмидесятникъ» почти тотчасъ стало ругательнымъ словомъ, а споры съ послѣдователями Льва Толстого какъ то сразу прекратились къ зимѣ 1890—91 года, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ. Бѣда была всетаки въ томъ, что кругъ людей, которыхъ можно хоть съ натяжкой назвать интеллигентными, сократился до невѣроятно узкихъ предѣловъ; да и въ этихъ кружкахъ преобладало такъ называемое культурническое теченіе. Лозунгъ культурниковъ можно резюмировать кратко: исполняй честно свои профессиональныя обязанности, не выходи изъ рамокъ закона, но отъ благотворительной дѣятельности съ дозволенія начальства (школы, столовая) не отказывайся. Само собой разумѣется, что

вы тщетно стали бы искать у культурниковъ политическаго смысла, а тѣмъ менѣе—политической программы. Честно лечить, не ворожать при постройкѣ мостовъ,—даже проповѣдь такой «программы» свидѣтельствовала объ интеллигентности выше средней.

Для характеристики общаго уровня учащейся молодежи расскажу эпизодъ, близко мнѣ извѣстный. Случилось это въ Петербургѣ зимой 1891—2 учебнаго года.

Студентъ-технологъ, Ник. собрался на Рождество въ Воронежъ; одинъ изъ членовъ воронежскаго землячества передалъ ему письмо, въ которомъ дѣлился съ воронежскимъ товарищемъ петербургскими новостями. По возвращеніи изъ Воронежа Ник. обратился къ своимъ товарищамъ-студентамъ съ заявленіемъ слѣдующаго содержанія.

— Получивъ для передачи письмо, я вскрылъ конвертъ и увидѣлъ, что письмо носитъ политически-компрометирующій характеръ. Я отправился съ нимъ къ судебному слѣдователю, потомъ къ знакомому мировому судѣ, но они посовѣтовали мнѣ сжечь письмо, что я и сдѣлалъ. Теперь я поднимаю вопросъ: терпимъ ли въ землячествѣ чловѣкъ, который могъ послать такое письмо?

Нашлось во всемъ землячествѣ 4—5 чловѣкъ, которые въ отвѣтъ поставили вопросъ: терпимъ ли въ землячествѣ чловѣкъ, распечатывающій чужія письма? Землячество отвѣтило, что не считаетъ себя въ правѣ входить въ оцѣнку нравственнаго поведения членовъ. О гнусности попытки доноса даже рѣчи не могло подняться, — поставить такъ вопросъ значило бы заранѣе оправдать доносчика.

На студенческихъ вечеринкахъ самой популярной пѣснью была безсмысленная «У попа была собака». Помню удручающее впечатлѣніе, которое произвела на меня «нелегальная» вечеринка подъ новый 1891 годъ. Какой-то студентъ произнесъ рѣчь, въ которой горячо развивалъ тезисъ: «Если ты врачъ, то будь прежде всего врачомъ, если инженеръ—то прежде всего будь хорошимъ инженеромъ!» Оратору горячо аплодировали. Высшіе женскіе курсы были преобразованы, получили въ директора нѣкоего Кулина и были прозваны кулинарными. Курсистки устраивали вечера, закрытые для мужчинъ, и проводили эти вечера въ танцахъ. Ходило много разказовъ о новомъ поколѣніи студентовъ, объ ихъ колоссальномъ невѣжествѣ. Замѣчалось новое явленіе: студенты проходили университетскій курсъ съ «репетиторами».

Какъ я уже упоминалъ, литература измельчала до невозможности. Кажется, въ ту эпоху не выдвинулось вообще ни одной новой литературной силы. Въ частности среди социаль-демократовъ дѣло обстояло не лучше. Мартовъ, Ленинъ, Старовѣръ, Вл. И—нъ (Владимиръ Павловичъ Иванъшинъ) и другіе были еще юношами-студентами. Горькій, Андреевъ выдвинулись позже. И теперь всякій, знающій социаль-демократическую среду, можетъ замѣтить рѣзкій возрастный скачекъ отъ бывшихъ членовъ Группы Освобожденія Труда къ прочимъ соредакторамъ старой Искры, редакторамъ Рабочаго Дѣла, Борьбы и т. под.

Почва для политической агитации отсутствовала. Обрушившись съ гонениемъ на политическихъ враговъ и противниковъ, правительство предприняло рядъ «либеральныхъ» мѣръ: отмену соляного налога и подушной подати, учрежденіе фабричной инспекціи и крестьянскаго банка и т. под. Налоги, правда, росли, но бюджетъ былъ приведенъ въ равновѣсіе, даже съ избыткомъ прихода надъ расходами. Во внѣшней политикѣ успѣхъ слѣдовалъ за успѣхомъ, и дѣло завершилось франко-русскимъ союзомъ.

Публицистика отсутствовала. Суррогатомъ ея пытались сдѣлать статистику. Вычисленіе вольно-экономическаго общества, правда, показало чудовищный фактъ, что сборъ хлѣба въ Россіи даеть въ среднемъ 1,6 фунта въ день на человѣка. Но на однихъ статистическихъ вычисленіяхъ не далеко уѣдешь въ дѣлѣ агитации. При такихъ условіяхъ всякая попытка осуществить планы широкой политической организациі была обречена на неудачу. Это и показалъ опытъ такъ называемой Сабунаевской организациі.

Бѣжавшій изъ Восточной Сибири народоволецъ Сабунаевъ съ вернувшимся изъ Сибири наборщикомъ Трофимовымъ¹⁾, Вас. Сем. Гусевымъ и нѣкоторыми другими устроилъ съѣздъ на Волгѣ. Рѣшили возстановить партію Народной Воли. Въ организацию вошли: 1) Московскій кружокъ: Анзоровъ, Яблочковъ, Каратыгинъ (умеръ въ Крестахъ) и другіе; 2) Ярославскій кружокъ (Левъ Граціановичъ Осинскій умеръ въ Крестахъ); 3) Костромской кружокъ, главнымъ образомъ семинаристовъ; 4) въ Казани кружокъ Трофимова; 5) въ Саратовѣ Анатолій Владиміровичъ Сазоновъ, только что вернувшійся изъ Березова; 6) въ Воронежѣ кружокъ Петра Павловича Мануйлова, товарища Сазонова по ссылкѣ²⁾. Были, кажется еще кружки или связи въ Нижнемъ Новгородѣ, Самарѣ, Астрахани, Рязани и нѣк. другихъ городахъ.

Не успѣла еще ничѣмъ проявить себя новая организациа, какъ въ ней начался разладъ. Поводъ далъ Гусевъ. На доволжскомъ съѣздѣ онъ былъ проѣздомъ изъ Сибири. Проходное свидѣтельство имѣлъ въ Петрозаводскѣ. Проѣзжая черезъ Петербургъ, онъ прописался здѣсь по этому свидѣтельству. Полиція потребовала немедленнаго выѣзда. Но онъ успѣлъ войти въ сношенія съ кружкомъ петербургскихъ народовольцевъ (Истоминъ, Фойницкій, Бѣляевъ, Кочаровскій и др.). Вдругъ полиція замѣняетъ требованіе о выѣздѣ Гусева подпиской о невыѣздѣ изъ Петербурга. Гусевъ былъ въ восторгѣ. Сабунаевъ, напротивъ, рѣшилъ, что перемѣна пове-

¹⁾ Былъ арестованъ по дѣлу типографіи на Рижскомъ проспектѣ въ Петербургѣ. Послѣ ссылки былъ въ Казани, затѣмъ перешелъ на нелегальное положеніе. Вновь арестованъ въ Ригѣ, умеръ отъ тифа въ Иркутской тюрьмѣ, по пути на новую ссылку.

²⁾ Перебывалъ съ 70-хъ годовъ въ нѣсколькихъ университетахъ, поводъ былъ и лучшемъ по политическимъ причинамъ. Въ Березовѣ попалъ по Воронежскому дѣлу. Въ 1890 г. арестованъ, отбылъ около двухъ лѣтъ въ крѣпости и въ Крестахъ. Въ 1894 вновь арестованъ въ связи съ дѣломъ „Народнаго Права“. Умеръ въ Тамбовѣ.

денія полиціи объясняется тѣмъ, что Гусевъ попалъ въ провокаторскія лапы; онъ потребовалъ, въ интересахъ безопасности организациі, чтобы Гусевъ немедленно покинулъ Петербургъ и разорвалъ съ террористами. Гусевъ отказался,—и этимъ было положено начало распаденію организациі.

Повидимому, предположеніе Сабунаева о наличности провокаціи въ петербургскомъ кружкѣ террористовъ было справедливо. Весной 1890 г. кружокъ провалился, а попутно были арестованы Мануйловъ въ Воронежѣ, Сазоновъ въ Саратовѣ и нѣк. другія лица, уже нѣсколько мѣсяцевъ раньше порвавшія связи съ Гусевымъ и вовсе не вступавшія въ сношенія съ петербуржцами.

Въ теченіе 1890 г. шли аресты, закончившіеся (кажется въ декабрѣ) арестомъ Сабунаева въ Костромѣ. Организациія безслѣдно исчезла. Кажется, это была послѣдняя, сколько-нибудь крупная народовольческая организациія. Безслѣдность ея исчезновенія объясняется отсутствіемъ въ то время почвы для политической агитаціи.

Характерно, между прочимъ, что въ памяти у меня не осталось ни одного случая принципиальнаго обсужденія вопросовъ въ этой организациі. Программа и тактика казались вполнѣ ясными и законченными, — продолжать дѣло Народной Воли. Молчаливо предполагалось, что никакого пересмотра принциповъ не требуется.

Между прочимъ, стоить отмѣтить, что въ рукахъ Воронежскаго кружка была легальная типографія въ одномъ уѣздномъ городѣ. Съ вѣдома хозяина наборщикомъ въ нее поступилъ нелегальный Трофимовъ. Онъ успѣлъ отпечатать только программу Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли, безъ всякихъ измѣненій. Типографія эта никогда не была обнаружена полиціей, но перестала печатать нелегальныя изданія за распаденіемъ организациі.

II.

Среди рабочихъ.

Еще до своего перваго ареста въ декабрѣ 1885 года я имѣлъ два кружка петербургскихъ рабочихъ: кружокъ наборщиковъ, полученный отъ только что образовавшейся социаль-демократической группы (т. наз. Благоевской), и кружокъ на заводѣ Берда (Франко-русскій), полученный отъ «Союза молодежи партіи Народной Воли».

Въ 1890 году мнѣ удалось, по возвращеніи въ Петербургъ, очень скоро отыскать представителей обоихъ кружковъ.

Наборщикъ, съ которымъ я возобновилъ знакомство, растерялъ къ этому времени всѣ свои связи. Онъ не былъ ни разу въ рукахъ полиціи, хотя сохранилъ отъ 70-хъ годовъ ¹⁾ революціонныя

¹⁾ Онъ былъ распробандированъ Жарковымъ, который впоследствии сталъ предателемъ и былъ убитъ за выдачу типографіи Чернаго Передѣла въ Петербургѣ.

убѣжденія и продолжалъ группировать вокругъ себя рабочую молодежь. Въ то же время онъ оказывалъ существенныя услуги въ дѣлѣ постановки типографіи Группы Народовольцевъ. Назвать его имя я пока не считаю удобнымъ, хотя по своимъ услугамъ революціонному дѣлу и по своей вѣрности убѣжденіямъ онъ вполне заслуживаетъ быть упомянутымъ въ исторіи петербургскаго рабочаго движенія. Замѣчу еще, что онъ не сталъ социальдемократомъ, хотя и былъ организаторомъ того кружка, который занимался подъ руководствомъ Благоевской группы.

Изъ числа членовъ бывшаго народовольческаго кружка на заводѣ Берда я возобновилъ знакомство съ Гаврииломъ Александровичемъ Мефодіевымъ. Въ это время (осень 1890) онъ работалъ въ мастерскихъ Варшавской желѣзной дороги и былъ членомъ социаль-демократической рабочей организаціи. Изъ того же кружка былъ въ той же организаціи старикъ Крутовъ, но съ нимъ мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось возобновить знакомства.

Возвращусь на минуту къ Благоевской группѣ. Съ самаго своего появленія она обособилась отъ народовольческихъ кружковъ принципиально и организаціонно. Но фактическое обособленіе въ работѣ было еще мало проведено. Только этимъ, да развѣ еще недостаткомъ интеллигентскихъ силъ, и можно объяснить передачу кружка наборщиковъ мнѣ, не скрывавшему своего тяготѣнія къ народовольчеству. Были и другіе подобные случаи,—напримѣръ, съ Семеновъ Орловымъ (застрѣлился въ Орлѣ). Мнѣ только однажды случилось быть на официальномъ собраніи лицъ, которые подъ руководствомъ группы вели занятія съ рабочими. Изъ этого собранія помню только, что поднимался вопросъ объ объединеніи всѣхъ рабочихъ черезъ рабочихъ же представителей кружковъ, то есть объ образованіи центрального, практическаго рабочаго кружка. Вопросъ, помнится, былъ рѣшенъ отрицательно по характерной для того времени причинѣ: рабочіе сами отказались, изъ конспиративныхъ соображеній, отъ непосредственнаго общенія между кружками разныхъ заводовъ.

Какъ шло въ дальнѣйшемъ рѣшеніе этого вопроса,—не знаю. Но фактъ тотъ, что въ 1890 центральный кружокъ уже существовалъ. Городъ былъ разбитъ на районы. Отъ cadaго района въ центрѣ былъ одинъ представитель. Онъ не избирался райономъ, а намѣчался самимъ центральнымъ кружкомъ изъ числа рабочихъ даннаго района и затѣмъ, выражаясь нынѣшнимъ жаргономъ, кооптировался.

Изъ рабочихъ, игравшихъ видную роль въ это время, кромѣ Мефодіева, могу назвать слѣдующихъ лицъ.

Николай Богдановъ и Александръ Филимоновъ—слесаря. Они были вскорѣ арестованы на карточной фабрикѣ за Невской заставой. Потомъ жили въ Воронежѣ. Богдановъ былъ послѣ того еще разъ арестованъ,—послѣдній разъ кажется въ январѣ 1906 года въ Воронежѣ. Также не разъ подвергался арестамъ Петръ Морозовъ (умеръ въ Екатеринославской тюрьмѣ). Далѣе—ткачъ Θεодоръ Афа-

насевъ, убитый черносотенцами въ «дни свободы» въ Ивановъ-Вознесенскѣ. Наконецъ, виднымъ членомъ центра былъ кузнецъ изъ Экспедиціи Заготовленія Госуд. Бумагъ Егоръ Афанасьевичъ Афанасьевъ, онъ же Климановъ. Онъ былъ арестованъ, если не ошибаюсь, въ 1891 году по дѣлу Бруснева, отбылъ ссылку, сильно бѣдствовалъ послѣ ссылки (въ Ревелѣ, Одессѣ), наконецъ пристроился въ Керчи. Въ дни «свободы» онъ постоянно выступалъ ораторомъ на митингахъ, за что и сосланъ въ Вологодскую губернію; скоро по прибытіи въ ссылку скрылся.

Вообще рабочая среда богата идейными борцами, которые въ теченіе десятковъ лѣтъ, «отъ колыбелы до могилы», не теряютъ энергіи. Священная обязанность партіи рабочаго класса—хранить въ памяти имена этихъ неумолимыхъ борцовъ и публиковать при первой возможности свѣдѣнія объ ихъ благородной дѣятельности.

Возвращаюсь къ организациі петербургскаго рабочаго центра. Кромѣ представителей районовъ въ кружокъ входилъ одинъ (ни въ какомъ случаѣ не болѣе) представитель интеллигенціи. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, такимъ представителемъ былъ кончающій технологъ Михаилъ Ивановичъ Брусневъ, социаль-демократъ. Вообще, вся организациія работала подъ руководствомъ социаль-демократической интеллигенціи. Въ 1891 году Брусневъ окончилъ курсъ и уѣзжая изъ Петербурга,—странное дѣло!—ввелъ въ центральный кружокъ меня, народовольца, какъ представителя отъ интеллигенціи. До сихъ поръ не знаю, чѣмъ объяснить это: то ли «всѣ господа разѣхались на дачу»,—то ли онъ замѣтилъ то, чего я самъ не замѣчалъ еще,—мою принципиальную близость къ социаль-демократіи. Я «представлялъ» нѣсколько мѣсяцевъ, оставаясь въ сторонѣ отъ социаль-демократической интеллигенціи и вообще не будучи членомъ какой бы то ни было организациі. Затѣмъ сблизился съ технологомъ социаль-демократомъ N, членомъ интеллигентской организациі, очень энергичнымъ и толковымъ работникомъ. Увидавъ, что этотъ человекъ отдаетъ всѣ свои силы рабочему дѣлу, я предложилъ ему замѣстить меня въ центральномъ кружкѣ. Я считалъ, что онъ больше меня имѣетъ право быть тамъ представителемъ интеллигенціи.

При мнѣ и по моей рекомендаціи была приглашена въ центральный кружокъ, въ качествѣ представительницы Выборгскаго района, швея Наталья Александровна Григорьева, выдѣлявшаяся своей энергіей. Въ 1894 году она была арестована и сослана въ Восточную Сибирь. Въ 1905 году я встрѣтилъ ея имя въ спискѣ сидящихъ въ Одесской тюрьмѣ. Интересно было бы знать ея дальнейшую судьбу.

Касса центральнаго кружка пополнялась главнымъ образомъ взносами самихъ рабочихъ. Въ то время числилось въ ней нѣсколько сотъ рублей, но изъ этой суммы около 600 р. были взяты въ заемъ интеллигентами на изданіе (не доведенное до конца) литографскимъ способомъ Протоколовъ Парижскаго Конгресса. Деньги эти, кажется, такъ и не были возвращены рабочимъ.

Въ литературѣ, подходящей для пропаганды, ощущался сильнѣйшій недостатокъ. По старой памяти брошюровались въ синюю обложку статьи изъ журналовъ,—это велось съ начала 80-хъ годовъ. Говорили, что рабочіе изъ массы не охотно берутъ эти брошюры, объявляя ихъ на основаніи знакомой обложки «пашковскими». (Пашковцы—секта, основанная полковникомъ Пашковымъ и служившая темой многихъ разговоровъ въ рабочихъ слояхъ Петербурга). Былъ въ Петербургѣ кажется единственный экземпляръ изданной на югѣ нелегальной брошюры «Борьба общественныхъ силъ». Авторомъ этой брошюры былъ Богоразъ (извѣстный нынѣ писатель Тань). По ироніи судьбы или по отсутствію болѣе подходящей литературы, петербургскіе социаль-демократы брали эту брошюру за основу занятій въ наиболѣе сознательныхъ рабочихъ кружкахъ, сдѣлавши лишь предварительно размѣтки и кое-что выбросивъ изъ брошюры. Уже позже были получены брошюры Группы Освобожденія Труда и очень плохо изданная (по слухамъ въ Казани) брошюра Дикштейна «Кто чѣмъ живетъ» (кажется съ передѣлками).

Я уже упоминалъ, до какой степени паденія дошла въ то время интеллигенція. Лицъ, даже изъ студенчества, готовыхъ сколько-нибудь служить рабочему дѣлу, нужно было считать единицами. Въ то время какъ въ началѣ 80-хъ годовъ, по общему правилу, не хватало рабочихъ кружковъ, чтобы занять всѣхъ интеллигентовъ, теперь наблюдалось какъ разъ обратное явленіе. Точно передъ глухой стѣной стояли люди, которые пытались увеличить притокъ интеллигентскихъ силъ. Поэтому мнѣ довольно страннымъ показался рассказъ Акимова ¹⁾ о томъ, какъ онъ или его товарищи искали связей съ рабочими.

Въ это время на немногочисленныхъ петербургскихъ социаль-демократовъ произвела сильнѣйшее впечатлѣніе статья Вѣры Засуличъ въ журналѣ или сборникѣ Социаль-Демократъ о революціонерахъ изъ буржуазной среды. Въ статьѣ доказывалось на основаніи опыта западно-европейской исторіи, что молодежь изъ буржуазной среды революціонна только до сверженія абсолютизма, до удовлетворенія политическихъ требованій буржуазіи. Хотя въ Россіи абсолютизмъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ, статья В. Засуличъ была принята, какъ теоретическое объясненіе упадка русской интеллигенціи. Было рѣшено (рассказываю все это на основаніи частныхъ бесѣдъ), что и впредь интеллигенція не будетъ поставлять идеологовъ рабочаго класса, что данные студенты—социаль-

¹⁾ Въ его извѣстной брошюрѣ „Очеркъ развитія с.-д. въ Россіи“. Акимовъ юнымъ студентомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, кажется, въ 1893 г. и поступилъ въ Технологическій Институтъ, студенты котораго никогда не прерывали связей съ рабочими.

Полутно отмѣчу, что Акимовъ въ своей книгѣ вспоминаетъ о смерти отъ чихотки члена Благоевской группы Харитонова, который благополучно здравствуетъ и теперь.

демократы—последніе могокани (изъ интеллигенціи) социаль-демократизма въ Россіи, что поэтому они должны всѣ силы употребить на созданіе Бебелей изъ рабочей среды, должны дать хоть самой небольшой кучкѣ рабочихъ самое полное, глубокое и всестороннее социаль-демократическое образованіе. Примѣнительно къ этому была составлена программа занятій, начинавшаяся съ астрономіи и физики, идущая черезъ исторію культуры и такъ далѣе—до социализма. Такимъ образомъ политическая задача дѣятельности среди рабочихъ сводилась къ педагогикѣ. Конечно, въ этомъ не была виновата статья Вѣры Засуличъ,—къ даннымъ выводамъ толкала людей вся политическая ситуація того времени,—полная невозможность политической агитаціи по отсутствію матеріаловъ для нея въ самой жизни.

А кто же долженъ былъ завоевывать въ Россіи политическую свободу? Предполагалось, что это сдѣлаетъ наша буржуазія. Рано или поздно она неизбежно вступитъ въ конфликтъ съ абсолютизмомъ на почвѣ вопроса о государственныхъ доходахъ и расходахъ (этотъ выводъ изъ общихъ положеній марксизма былъ вскорѣ подтвержденъ Плехановымъ въ брошюрѣ «Всероссійское Раззореніе»). Что касается до рабочаго класса, то предполагалось, что не его дѣло завоевывать политическую свободу, онъ долженъ лишь подготовиться къ тому, чтобы воспользоваться въ свое время свободой, завоеванной буржуазіей. Вопросъ о роли пролетаріата въ завоеваніи политической свободы былъ однимъ изъ пунктовъ нашего тогдашняго разногласія съ социаль-демократами. На практикѣ то или иное рѣшеніе его претворялось въ діаметрально-противоположное отношеніе къ вопросу о политической агитаціи среди рабочихъ.

Стоитъ отмѣтить еще одинъ выводъ, который дѣлали изъ вышеуказанныхъ положеній тогдашніе, впрочемъ, немногіе молодые петербургскіе марксисты.—«Если роль завоевателя политической свободы принадлежитъ буржуазіи,—говорили они,—то мы должны всѣ силы употребить на организацію буржуазіи и агитацію въ ней, такъ какъ завоеваніе политической свободы—самый насущный и неотложный интересъ пролетаріата». Если не ошибаюсь, Плеханову пришлось печатно бороться противъ этого вывода, не нашего, а наскольکو мнѣ извѣстно, своего непосредственнаго выраженія въ печати.

Что касается народовольческой интеллигенціи въ ея отношеніи къ рабочему классу, то здѣсь все для нихъ казалось яснымъ,—стоило только слѣдовать старой программѣ. Дебатовъ внутри народовольческой организаціи по этому вопросу не поднималось. Между тѣмъ споры наши съ марксистами производили на насъ свое вліяніе: молчаливо дѣлалась уступка за уступкой, и въ результатѣ въ головахъ получался порядочный сумбуръ.

Возвращаясь къ положенію дѣла среди рабочихъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ публичномъ выступленіи,—первомъ выступленіи, имѣвшемъ политической оттѣнокъ. Я

имѣю въ виду ихъ участіе въ демонстраціи на похоронахъ Шелгунова весной 1891 года.

Неизвѣстно, какъ и когда возникла среди рабочей организаціи мысль поднести адресъ умирающему Шелгунову. Въ депутаціи участвовалъ упомянутый уже мною Гавр. Ал. Мефодіевъ. Посѣщеніе Шелгунова и разговоръ съ нимъ произвели на Мефодіева потрясающее впечатлѣніе. Привѣтливый, чуткій къ запросамъ читательской души, ветеранъ освободительнаго движенія, на вершинѣ своей славы умирающій въ убогой квартирѣ гдѣ то на второмъ дворѣ, очаровалъ посѣтителей, которые слишкомъ хорошо знали, что такое нужда. Когда Мефодіевъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, сильно волнуясь, рассказалъ подробности разговора съ Шелгуновымъ, у меня, — каюсь въ этомъ, — хватило безтактности замѣтить:

— Вѣроятно Шелгуновъ скоро умретъ. Нужно будетъ рабочимъ демонстративно участвовать въ его похоронахъ.

— Ахъ, не говорите теперь объ этомъ, — со слезами въ голосѣ воскликнулъ Мефодіевъ.

Къ сожалѣнію, «говорить» пришлось очень скоро...

Вѣсть о смерти Шелгунова разнеслась въ пятницу поздно вечеромъ, на литературномъ вечерѣ въ залѣ городской думы. Въ субботу вечеромъ я сообщилъ объ этомъ Мефодіеву. Онъ вскипѣлъ негодованіемъ:

— Почему вы не сообщили въ обѣдъ? Всѣхъ можно было бы оповѣстить на работѣ. А теперь... я не знаю адресовъ. Какъ быть?

Тѣмъ не менѣе въ воскресенье утромъ въ квартирѣ и на узкой лѣстницѣ дома, гдѣ жилъ Шелгуновъ, можно было замѣтить въ толпѣ интеллигенціи до десятка рабочихъ. Мефодіевъ и еще кое-кто попали на фотографическій снимокъ. Тутъ же на лѣстницѣ была рѣшена надпись на лентахъ къ вѣнку: «Указателю пути къ свободѣ и братству — отъ Петербургскихъ рабочихъ». Тотчасъ всѣ вмѣстѣ отправились покупать вѣнокъ, — сначала на Садовую, потомъ на Казанскую. Остановили выборъ на вѣнкѣ съ темно-зелеными дубовыми листьями. Нашлись пути отпечатать надпись на лентѣ, минуя полицейскую цензуру.

Хоронили Шелгунова въ понедѣльникъ, — рабочій день. Тѣмъ не менѣе къ выносу явились и рабочіе. Публика хотѣла нести гробъ на рукахъ, — полиція стала грубо отрывать руки отъ ручекъ гроба. Былъ моментъ, когда трупъ чуть не выпалъ на мостовую. Пришлось подчиниться требованію полиціи. Но тутъ моментально были разобраны вѣнки (до 50), уже сложенные было на катафалкѣ. Положеніе, съ полицейской точки зрѣнія, еще ухудшилось: не задолго передъ тѣмъ вышло прямое запрещеніе носить вѣнки на рукахъ, о гробѣ же ничего не было сказано. Полиція стала волноваться больше прежняго, настроеніе публики росло, отношенія обострялись. Н. К. Михайловскій уговаривалъ молодежь подчиниться требованію властей. Какой то молодой господинъ громко произнесъ:

— Публика не хочетъ демонстраціи!

— Переодѣтые сыщики не хотятъ,—послышалось въ отвѣтъ изъ толпы.—Господинъ возмутился и произнесъ внушительно:

— Знаете ли вы, кто я?.. Я—сынъ Шелгунова!

Тѣмъ не менѣе, молодежь настояла на своемъ, и вѣнки поднялись надъ головами, вытянувшись длинной лентой.

— Рабочихъ впередъ!—послышались возгласы, и суровый вѣнокъ съ дубовыми листьями открылъ шествіе. Вокругъ него сгруппировалось десятка полтора рабочихъ.

Путь съ Воскресенскаго проспекта на Волково лежалъ по Знаменской. Но процессія дала большой крюкъ, прошедши по Литейному, Невскому и Николаевской. У Обводнаго канала примкнула новая группа рабочихъ. Для петербургской интеллигенціи,—даже для многихъ изъ числа наиболѣе революціонно настроенныхъ людей,—участіе рабочихъ въ похоронахъ было полной неожиданностью. Вообще, мало кто подозрѣвалъ, что сѣмена революціонной пропаганды 70-хъ и 80-хъ годовъ принесли уже обильные плоды, что среди петербургскихъ рабочихъ не прекращался ростъ сознательности и организованности даже въ самые мрачные годы чуть не поголовнаго отступничества интеллигенціи.

За участіе въ похоронахъ Шелгунова были высланы изъ Петербурга Г. А. Мефодіевъ (уликой послужилъ фотографическій снимокъ), его братъ (имени не помню), старикъ Крутовъ, работавшій въ это время на Балтійскомъ заводѣ, и десятка три учащихся.

Въ маѣ того же года состоялось первое въ Петербургѣ, тайное собраніе рабочихъ, посвященное празднованію перваго мая. Устроено оно было центральнымъ кружкомъ, въ которомъ представителемъ отъ интеллигенціи состоялъ еще Брусневъ. Фактъ собранія хранился въ глубокой тайнѣ. Только осенью одинъ изъ рабочихъ рѣшился дать текстъ рѣчей знакомой учительницѣ воскресной школы за Невской заставой. Отъ учительницы рѣчи попали въ руки только что образовавшагося народовольческаго кружка (будущей «Группы») и тотчасъ изданы на гектографѣ, къ большому неудовольствію социаль-демократической петербургской интеллигенціи. Затѣмъ рѣчи были перепечатаны за границей Группой Освобожденія Труда.

Съ выступленіемъ народовольческой организаціи (январь 1892 г.) отношенія между интеллигентскими кружками обоихъ теченій обострились. Въ рабочей средѣ единство организаціи сохранялось. Хотя въ центральномъ кружкѣ представляли социаль-демократъ, но приглашенія, исходящія отъ него, заниматься въ отдѣльныхъ кружкахъ, обращались постоянно и къ народовольцамъ, вѣроятно за недостаткомъ интеллигентныхъ силъ среди социаль-демократовъ. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло вплоть до большихъ арестовъ въ апрѣлѣ 1894 года.

Въ 1893 году Группой Народовольцевъ была печатно издана написанная рабочимъ К. съ завода Сименса и Гальске брошюра «Братцы-товарищи!» Она имѣла успѣхъ среди рабочихъ. Интеллигенція упорно не хотѣла вѣрить, чтобы рабочій могъ написать та-

кую вещь. На самомъ же дѣлѣ текстъ не былъ измѣненъ ни на юту, не было сдѣлано никакихъ поправокъ. Даже явная ошибка (отожествленіе парламента съ російскимъ сенатомъ) была пропущена ради сохраненія принципа неприкосновенности литературы, исходящей отъ рабочихъ.

Въ 1894 году отношенія между интеллигенціей еще болѣе обострились изъ-за вопроса о рабочей газетѣ. Какъ разъ къ этому времени соц.-демократическая интеллигенція потеряла своихъ, кажется лучшихъ, товарищей. Оставшіеся упорно стояли на старой, педагогической точки зрѣнія. Газету они считали не своевременной, въ виду неизбѣжныхъ арестовъ изъ-за нея. Рабочіе же чувствовали потребность въ органѣ и потому довольно охотно откликнулись на призывъ доставлять хронику съ фабрикъ и заводовъ. Народовольческая рабочая подгруппа рѣшила, для перваго опыта, издать гектографированный Рабочій Сборникъ, имѣя въ виду перейти затѣмъ къ изданію печатной газеты Голосъ Рабочихъ. Мнѣ было поручено написать вступительную статью для сборника.

Въ это время шли у рабочей подгруппы (а м. б. и у группы—точно не помню) переговоры съ медицинскимъ кружкомъ о совмѣстномъ издательствѣ. Мой проектъ вступительной статьи встрѣтилъ рѣзкій протестъ со стороны медиковъ. Отрицательный отзывъ былъ формулированъ двумя словами:

— Это—плекхановщина!

Чтобы не потерять медиковъ, пришлось всюду, гдѣ говорилось объ интересахъ рабочихъ и ихъ задачахъ, вставить слова «и крестьянъ», кое-что было сглажено, и медики удовлетворились.

Когда вышелъ Рабочій Сборникъ съ некрологомъ Энгельса и съ моей искаженной «плекхановщиной», интеллигентные социаль-демократы увидѣли въ немъ демагогическую попытку поддѣлаться подъ социаль-демократовъ; они не поняли того, чего мы и сами еще не понимали,—что мы уже далеко эволюционировали отъ народничества въ сторону марксизма.

Здѣсь можетъ быть не будетъ неумѣстно, для иллюстраціи только что сказаннаго мною объ эволюціи, упомянуть о дальнѣйшей судьбѣ пяти членовъ первоначальнаго состава центрального кружка Группы Народовольцевъ. Изъ ихъ числа трое стали социаль-демократами, одинъ—соціалистомъ-революціонеромъ. Пятый (А. А. Федуловъ) работалъ въ Группѣ во второй періодъ ея дѣятельности (послѣ 1894 года), когда Группа сдѣлала рѣзкій поворотъ въ сторону социаль-демократіи.

III.

Образованіе Группы Народовольцевъ. Ея издательская дѣятельность.

Неурожайный 1891 годъ наглядно передъ всѣми обнаружилъ то, что раньше замѣчали только профессиональные ученые, статистики

и экономисты: онъ показалъ, что крестьянство раззорено, что блестящій государственный бюджетъ покоится на зыбкой почвѣ. Неурожай вызвалъ голодовку въ 20 губерніяхъ. Правительственная ссуда на продовольствіе и обѣменіе достигла 150 милліоновъ рублей. Министръ финансовъ Вышнеградскій, пользовавшійся репутацией беззащитнаго биржевика,—и тотъ вынужденъ былъ заявить, что дальнѣйшее повышеніе налоговъ невозможно. На мѣсто Вышнеградскаго былъ поставленъ еще болѣе беззащитный С. Ю. Витте.

Массовыя извѣстія о широко разлившемся голодѣ нѣсколько всколыхнули спавшую интеллигенцію. Началось филантропическое движеніе въ пользу устройства столовыхъ. Добросердечная учащаяся молодежь, еще чуждая опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ, откликнулась на призывъ о помощи голодающимъ. Начался сборъ денегъ, подготовка къ отѣзду въ деревню. Въ 1892 г. многіе вернулись изъ деревни съ опредѣлившимся революціоннымъ настроеніемъ.

Той же осенью 1891 года въ Петербургѣ, среди молодежи старшихъ курсовъ, стала зарождаться мысль объ организаціи въ политическое общество. Въ октябрѣ было нѣсколько небольшихъ собраній на Пушкинской улицѣ. Опредѣлилась тенденція образовывать «общество», которое займется между прочимъ и агитаціонной издательской дѣятельностью. Изданія должны выходить съ девизомъ «памяти Герцена». Однако въ самомъ обществѣ нашлись лица, душѣ которыхъ такой девизъ говорилъ слишкомъ мало... На первыхъ же шагахъ обнаружилась и крайняя неконспиративность «общества». Тогда члены его, болѣе социалистически и революціонно настроенные, рѣшили принять мѣры. Они подняли агитацію по поводу одного факта крайней неконспиративности, убѣдили «общество» прекратить свое существованіе, а сами рѣшили создать болѣе тайную и болѣе революціонную организацію,—какую именно, нѣкоторые еще сами не знали.

Вопросъ: кто же мы?—поднялся только послѣ разрушенія «общества». Отвѣтъ «народовольцы»—не всѣми былъ принятъ съ одинаковымъ удовольствіемъ, но недовольные подчинились общему рѣшенію. Такъ, безъ особо тщательнаго сговора по вопросу о принципахъ, образовалась «Группа Народовольцевъ».

Чуть ли не на первомъ же собраніи опредѣлилось, что Группа, во первыхъ, имѣетъ связь съ рабочими, а во вторыхъ—можетъ получить въ свое распоряженіе шрифтъ. Наличностью этихъ двухъ обстоятельствъ опредѣлилось направленіе дѣятельности Группы. Среди ея членовъ не было ни литераторовъ, ни лицъ, сколько-нибудь знающихъ типографское дѣло. Тѣмъ не менѣе, главное вниманіе съ первыхъ дней было обращено на постановку типографіи. Это въ тѣ времена казалось очень крупнымъ дѣломъ,—публика совсѣмъ отвыкла отъ свободнаго печатнаго слова. Техническія трудности не пугали, разъ было рѣшено, что типографія нужна. Въ отношеніи литературныхъ силъ всѣ надежды покоились

на доставкѣ рукописей со стороны, главнымъ образомъ, отъ профессиональныхъ литераторовъ.

Ради курьеза можно было бы рассказать кучу анекдотовъ о первыхъ шагахъ Группы на поприщѣ типографской дѣятельности,— о томъ, какъ изобрѣтался типъ портативнаго станка, какъ учились набирать люди, въ первый разъ въ жизни увидавшіе шрифтъ и т. п. Чтобы разомъ покончить съ техническими вопросами, отмѣчу только два обстоятельства. Во первыхъ, до самаго ареста типографщики обходились безъ верстатокъ. Во вторыхъ, ощущался постоянный недостатокъ въ буквахъ заглавныхъ и рѣдкихъ (щ, ю, я, ф); въ силу недостатка шрифта въ задачу редакціи входило подгонять статью подъ имѣющийся въ наличности шрифтъ: изъ-за недостатка, напримѣръ, буквы э приходилось вытравлять слова: этотъ, поэтому,—и соответственно измѣнять все построеніе фразъ. Единственная въ своемъ родѣ редакторская работа!

Что касается надежды на профессиональныхъ литераторовъ, то тутъ насъ ждало много разочарованій. По своей наивности мы думали, что при невѣроятныхъ цензурныхъ условіяхъ достаточно возможности печататься безъ цензуры, чтобы перья литераторовъ заскрипѣли во всю. Оказалось же, что даже среди видныхъ сотрудниковъ прогрессивнѣйшихъ по тому времени изданій создалось «принципіальное» отрицаніе свободной печати, мотивируемое тѣмъ, что такая печать ведетъ къ «напраснымъ» жертвамъ! Рядомъ съ этимъ обнаружилось и принципіальное расхожденіе, дотолѣ незамѣтное для насъ въ ту пору повсемѣстнаго мрака, когда всѣ кошки сѣры. Пришлось браться за перо самимъ членамъ Группы.

Какъ бы то ни было, къ концу декабря 1891 года удалось оборудовать станокъ со всѣми принадлежностями, добыть шрифтъ, даже набрать двѣ прокламаціи; 1 января 1892 года все это было принесено въ частную квартиру, изъ которой на этотъ только день, подъ предлогомъ праздника, была удалена прислуга. Работали весь день, ночь и часть слѣдующаго дня непрерывно. Сначала дѣло долго не шло на ладъ. Работающіе не знали даже, что бумагу передъ печатаніемъ нужно мочить, и дошли до этого своимъ умомъ. Когда печатаніе кончилось (1000 + 625 листовъ), часть станка, менѣе цѣнная и оказавшаяся не вполне приспособленной, была сожжена, все прочее тотчасъ разнесено съ квартиры.

Изъ двухъ прокламацій первая была составлена Н. К. Михайловскимъ. Вотъ она полностью:

Свободное Слово.

Милліоны голодныхъ простираютъ сытымъ руки за помощью; мы кладемъ въ эти простертыя руки гроши. Правительство принимаетъ разнообразныя, энергическія мѣры для предотвращенія бѣдствія; выдаютъ ссуды и вспомошествованія на продовольствіе, на обсъмененіе полей, на прокормленіе скота; устанавливаются льгот-

ные тарифы на проѣздъ голодающихъ и движеніе хлѣбныхъ грузовъ; запрещается вывозъ хлѣба за границу; предпринимаются общественныя работы; открывается приемъ пожертвованій, учреждается особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ наслѣдника. Но отношеніе общества къ голоду остается вялымъ...

Правительство учреждаетъ наконецъ государственную лотерею, чтобы привлечь частныя средства на помощь голодающимъ, заинтересовавъ общество шансами выигрыша, возбудивъ въ немъ алчность. Такъ низко пали «потомки Минина и Пожарскаго», еще недавно не жалѣвшіе ни денегъ, ни своей крови на чужое дѣло освобожденія «славянскихъ братьевъ»! Или не братья наши стонутъ отъ горя, пухнуть отъ болѣзни, умираютъ отъ голода? Или у насъ вмѣсто сердецъ карманы, изъ которыхъ можно вынуть пять рублей только въ обмѣнъ на надежду въ сто тысячъ?

Мы не вѣримъ въ эту низость русскаго общества. Билеты государственной лотереи будутъ раскуплены, но учрежденіе ея останется оскорбленіемъ, незаслуженно нанесеннымъ обществу рукою правительства. Не пять милліоновъ, которые получатся развращающимъ средствомъ государственной лотереи, дало бы общество, если бы былъ предоставленъ просторъ его лучшимъ, великодушнымъ чувствамъ. Чистое дѣло требуетъ чистыхъ рукъ, а правительство боится развязать чистыя руки. Принимаемая имъ чрезвычайныя мѣры показываютъ, что оно сознаетъ чрезвычайность бѣдствія. Не можетъ быть ничего тревожнѣе запрещенія вывоза хлѣба или учрежденія особаго комитета. Но въ то же время изъ опасенія тревоги печать не смѣетъ свободно говорить о размѣрахъ бѣдствія, и въ Петербургѣ запрещается публичное чтеніе о голодѣ корреспондента «Новостей» Михневича. Саратовскому губернатору, генералу Косичу, достаточно было заслужить довѣріе общества, чтобы получить другое назначеніе. Благотворительная дѣятельность семьи гр. Толстого ограждается только именемъ знаменитаго романиста. Открыто предлагаемая помощь отвергается, если предлагающіе требуютъ гарантіи, что помощь дойдетъ по назначенію. Люди, желающіе подавать милостыню, должны просить разрѣшенія и не всегда получаютъ его. Люди, желающіе кормить голодающихъ, должны почти тайкомъ пробираться въ деревню...

Правительство, вооруженное всѣми средствами усиленной охраны, наполнившее Сибирь и тюрьмы подозрительными людьми, боится революціонной пропаганды. Правительство, отнявшее у насъ всѣ реформы Александра II, лишившее общество участія въ государственной жизни, довело Россію до голода. Такое правительство не можетъ рѣшить предстоящую задачу своими силами. Бѣдствіе еще только начинается. Только съ весны обнаружатся его настоящіе размѣры потрясеніемъ всѣхъ основъ экономической жизни. Чѣмъ оно кончится, если правительство не измѣнитъ своихъ отношеній къ обществу, — государственнымъ банкротствомъ, новымъ терроромъ, политическимъ обезсиленіемъ и раздробленіемъ Россіи, народнымъ бунтомъ, потопленнымъ въ народной крови, — предвидѣть нельзя.

Но еще есть время...

Мы вѣримъ въ русскую землю. Мы вѣримъ, что она хранитъ въ себѣ достаточный запасъ силы. Спасеніе русской земли въ ней самой, а не въ министрахъ, генераль-губернаторахъ и губернаторахъ...

Генераль-губернаторы, министры и губернаторы привели Россію къ самому краю пропасти. Пора призвать другихъ людей. Только созывъ выборныхъ представителей земли и свободное обсужденіе настоящаго положенія разсѣютъ вялость и недоувѣріе общества, сдѣлаютъ ненужными развращающія лотереи, вызовутъ энтузіазмъ самоотверженія, который всегда спасалъ Россію.

Январь, 1892 г.

Текстъ второй прокламаціи былъ написанъ А. А. Федуловымъ, затѣмъ подвергся передѣлкамъ и поправкамъ на общемъ собраніи Группы. Вотъ эта прокламація:

Отъ Группы Народовольцевъ.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ правительство и революціонеры, ставши лицомъ къ лицу, помѣрились силами въ смертельной схваткѣ одинъ на одинъ. Общество смотрѣло на нее издали, лишь робко заявляя свое сочувствіе борцамъ за его же свободу, а народъ безмолвствовалъ... Революціонеры, увѣренные, что страна дѣйствительно жаждетъ свободы, сдѣлали тогда все, что было въ ихъ силахъ, чтобы только вывести свою родину на прямую дорогу. Для этого надо было устранить первую помѣху на пути развитія,—и съ невиданною энергіей они пошли прямо къ цѣли—къ устраненію самодержавія, — и устранили самодержавіе. Нѣсколько свободныхъ рѣчей въ печати, нѣсколько петицій отъ земствъ, да пожалуй общее втихомолку, про себя, сочувствіе революціонерамъ, и... общество малодушно смолкло.

Тогда съ сердечной болью за родину, со страхомъ за ея будущее, съ глубокой тоской по павшимъ товарищамъ, уцѣлѣвшіе революціонеры принуждены были отступить на шагъ и дать дорогу правительству.

Теперь ему ничто не мѣшало бы обнаружить свое стремленіе поднять хоть нѣсколько,—хотя бы постепенными реформами,—культурный уровень страны и тѣмъ на дѣлѣ проявить свою способность управлять ею. вмѣсто этого правительство очертя голову пятило назадъ и народъ, и интеллигенцію. Бросивъ на произволъ судьбы народное благосостояніе и не допуская интеллигенціи къ народу, не давая ей возможности хоть сколько-нибудь послѣдовательно содѣйствовать росту культурности даже въ своей собственной средѣ, правительство только и предпринимало, не стѣсняясь никакими расходами, всевозможныя мѣры къ обузданію.

Держась только благодаря безкультурности народа, малокуль-

турности общества и малодушію интеллигенціи въ ея цѣломъ, опираясь на штыки и полицію, самодержавіе, этотъ анахронизмъ и историческая нелѣпица, производило надъ страной долгій, мучительный экспериментъ. Результаты его на лицо: народъ доведенъ до голода. Правительство, которому грозитъ финансовый крахъ, безсильно помочь ему даже временно. Общество, запуганное и отвыкшее интересоваться общественными вопросами, пока боязливо молчить...

Но чувство смятенія начинаетъ охватывать понемногу всѣхъ, недовольство грозитъ стать общимъ... Пора же положить конецъ произволу, пора прекратить дикое самоуправство правительства. Оно само себѣ подписываетъ смертный приговоръ, революціонеры силою вещей вызываются опять на историческую сцену: приходитъ, наконецъ, время, когда сами обстоятельства требуютъ отъ нихъ непосредственнаго вмѣшательства въ историческую жизнь страны. Надо быть имъ наготовѣ, насторожѣ...

Немедля поэтому,—въ провинціи и въ столицахъ,—вездѣ, гдѣ только есть люди революціонно настроенные, они должны сплотиться, сьорганизоваться сначала въ мѣстныя группы, потомъ уже и въ одну общую,—должны теперь же озаботиться подготовленіемъ всѣхъ средствъ, какія только нужны для революціонной дѣятельности. Старые революціонеры, не измѣнившіе конечно революціонному дѣлу, могутъ сыграть въ этомъ, покамѣстъ организаціонномъ, движеніи большую роль: они должны взять на себя инициативу дѣла. Рука объ руку съ ними будутъ дѣйствовать и всѣ тѣ, которые только и ждутъ того, чтобы вступить въ ряды революціонеровъ (реакція многихъ успѣла привести къ этому).

Настанетъ благоприятный моментъ для начала революціонной борьбы, и сьорганизованная партія рѣшитъ тогда вступить въ открытую борьбу съ самодержавіемъ, руководимая мыслью о благѣ народномъ, волнуемая памятью о павшихъ революціонерахъ, завѣщавшихъ намъ бороться съ правительствомъ, биться до конца.

Январь, 1892 г.

Трудно, почти невозможно, выяснить теперь сколько-нибудь детально, какое впечатлѣніе произвело на публику содержаніе этихъ прокламацій. Но самый фактъ ихъ появленія заставилъ говорить о себѣ. Больше всего порадовала насъ замѣтка въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», куда листки были посланы съ надписью «для отзыва», въ замѣткѣ сообщалось о полученіи «мерзкаго листка», свидѣтельствующаго о томъ, что «гидра революціи поднимаетъ голову». Эти возраженія вошли тотчасъ въ нашъ разговорный обиходъ. Въ февральскомъ номерѣ «Вѣстника Европы» появилось стихотвореніе Жемчужникова, которое можно было истолковать, какъ привѣтствіе издателямъ листовъ. Заграницей, въ изданіи «Кружка старыхъ народовольцевъ» листки были перепечатаны (по поводу недавнихъ прокламацій. 6 марта 1892 года. Женева. Вольная русская типографія) съ прибавленіемъ статьи Ивана Сер-

гѣвскаго.—«Снова какъ будто проносится дыханіе революціи, и Россія пробуждается отъ сна. Жадно ловишь первые звуки протеста»,—писалъ Сергѣевскій.

Далѣе, по поводу листка, написаннаго Н. К. Михайловскимъ, Сергѣевскій говоритъ: «Уже то обстоятельство, что русскіе либералы обращаются къ вольному станку въ странѣ произвола, заставляетъ насъ предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ людьми серьезными и убѣжденными. Но какъ жаль, что содержаніе ихъ прокламаціи остается позади революціоннаго факта напечатанія ея безъ разрѣшенія цензора».

По поводу второго листка Сергѣевскій говоритъ: «Наши товарищи не даромъ, конечно, назвали себя народовольцами. Народная Воля вошла въ русскую исторію не только партіей революціонной, но и социалистической... Только вялостью политической борьбы въ современной Россіи мы и можемъ объяснить, что группа нашихъ товарищей подчеркиваетъ именно борьбу съ самодержавіемъ... и оставляетъ въ тѣни борьбу съ современнымъ экономическимъ строемъ во имя социализма».

Отношенія между Группой и Н. К. Михайловскимъ скоро прекратились. По поводу перваго листка Михайловскій выразилъ двойное неудовольствіе: во первыхъ, была по оплошности пропущена одна малозначущая фраза; во вторыхъ, одновременно, тѣми же техническими средствами, изданъ листокъ отъ имени народовольцевъ, чѣмъ устанавливается компрометирующая авторовъ Свободнаго Слова политическая связь. Однако, Михайловскій доставилъ въ маѣ еще второй листокъ, начинающійся словами: «Высочайшимъ указомъ, даннымъ на имя Правительствующаго Сената, голодъ считается прекратившимся». Членамъ Группы показалось зазорнымъ набирать своими руками такую казенную фразу, они предложили вариантъ: «По царскому повелѣнію голодъ считается прекратившимся». Михайловскій не согласился ни на какія измѣненія, и прекратилъ сношенія. Возможно, что на него повліяли въ этомъ рѣшеніи и общанія членовъ болѣе умѣренной, возникавшей тогда, такъ называемой «партіи Народнаго Права».

Одной изъ первыхъ заботъ Группы было разсѣять глубоко укorenившійся въ публикѣ взглядъ на народовольчество, какъ на теченіе исключительно террористическое. Съ этою цѣлью была переиздана на изобрѣтенномъ студентами «черномъ гектографѣ» брошюра «Подготовительная работа партіи». Стали подумывать и о переизданіи «Программы Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли».

Въ это же время (въ февралѣ 1892 г.) получено было отъ извѣстнаго литератора и статистика Николая Михайловича Астырева предложеніе издать рядъ писемъ къ крестьянамъ по поводу голода. Предложеніе было принято, проектъ перваго письма одобренъ съ небольшими сокращеніями.

Въ концѣ февраля была налажена квартира для печатанія приблизительно въ теченіе мѣсяца. На самомъ дѣлѣ работали около

трехъ недѣль. Маленькій техническій опытъ уже имѣлся, и потому дѣло пошло на ладъ, насколько оно могло ладиться въ неумѣлыхъ рукахъ, при первобытныхъ техническихъ средствахъ. Были отпечатаны:

1) «Народовольческая Программа» (около 1000 экз.). Программѣ предпослано нѣсколько словъ отъ издателей. Объяснено, что подъ этимъ заглавіемъ Группа Народовольцевъ издаетъ принятую ею Программу Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли съ нѣкоторыми измѣненіями, «обусловленными временемъ», но «не измѣняя основныхъ принциповъ народовольчества». «Выполнить эту программу въ *цѣломъ*,—говорится далѣе,—пользуясь *всѣми* средствами революціонной борьбы—дѣло, конечно, *партіи*, а не группы... До сихъ поръ еще смѣшиваютъ народовольчество съ терроризмомъ. Между тѣмъ, какъ можно видѣть и изъ программы, надо отличать народовольчество вообще, какъ оно опредѣляется *принципіально*, отъ тѣхъ формъ, въ которыя оно можетъ вылиться при извѣстныхъ обстоятельствахъ». На самомъ дѣлѣ программа претерпѣла измѣненія именно въ своей принципіальной части. Въ первой же фразѣ: «по основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы социалисты и народники»—были выкинуты слова «и народники». Не имѣя въ рукахъ подлинниковъ обѣихъ программъ, я не могу послѣдовательно выяснитъ всѣ измѣненія, которыя, по мнѣнію Группы, были «обусловлены временемъ». Но общій характеръ измѣненій,—ослабленіе специфически-народническаго духа программы,—виденъ уже изъ приведеннаго мною примѣра передѣлки первой фразы.

2) «Первое письмо къ голодающимъ крестьянамъ»,—составленное Астыревымъ (около 1800 экз.). Письмо довольно длинное, разъяснительнаго характера, написанное очень простымъ, популярнымъ языкомъ: подписано: «Мужицкіе доброхоты». Это первое письмо было и послѣднимъ, такъ какъ въ апрѣлѣ Астыревъ былъ арестованъ. Его продержали въ тюрьмѣ около 4 лѣтъ и освободили только послѣ удостовѣренія врачей о безнадежномъ состояніи здоровья. Черезъ мѣсяць-два по освобожденіи Николай Михайловичъ скончался въ Москвѣ отъ гипертрофіи сердца.

3) «Письмо къ молодежи» (500 экз.), составленное А. А. Федуловымъ. Это—горячо написанный призывъ организовать подъ знаменемъ Народной Воли.

Эта вторая серія была первоначально распространена въ Ростовѣ на Дону, Харьковѣ и Москвѣ, а потомъ уже въ Петербургѣ. Довольно значительный транспортъ былъ захваченъ въ Москвѣ при арестѣ Астырева.

Группа стала готовиться къ лѣтней «типографской кампаніи». Но время шло, а литературныхъ матеріаловъ не поступало. Не было и хроники для задуманной газеты. Пришлось братья за перо кому-нибудь изъ членовъ самой Группы. Всѣ надежды были возложены на А. А. Федулова, уже испробовавшаго свои силы на двухъ прокламаціяхъ. Онъ поневолѣ взялся за перо. Лѣтомъ былъ отпечатанъ «Летучій Листокъ Группы Народовольцевъ». Онъ за-

ключаль въ себѣ всего три статьи; но по размѣрамъ каждая статья могла бы быть изданной въ видѣ отдѣльной брошюры. Первая и третья статьи были написаны А. А. Федуловымъ, вторая—доставлена со стороны. Авторъ ея—статистикъ П—ъ. Она была написана въ умѣренно-либеральномъ тонѣ, съ преклоненіемъ передъ Лорисъ-Меликовымъ, съ отрицательнымъ отношеніемъ къ «крайнимъ партіямъ», какъ выражался авторъ. но главнымъ ея содержаніемъ была критика правительственной политики, и Группа нашла возможнымъ напечатать ее, вытравивши по возможности политически-умѣренный духъ. Въ публикѣ имѣла успѣхъ какъ разъ только именно эта статья. Листокъ въ цѣломъ былъ принятъ довольно холодно. Что касается П—а, то, какъ курьезъ, можно отмѣтить, что онъ, по его выраженію, «не замѣтилъ» особенно большой передѣлки своей статьи.

Осень и зиму 1892—3 гг. типографія бездѣйствовала за отсутствіемъ матеріала, силъ и средствъ для печатанія. Только въ апрѣлѣ было приступлено къ печатанію № 2 «Летучаго Листка». Онъ былъ помѣченъ днемъ пролетарскаго праздника 1 мая; предполагалось выпустить номеръ именно къ этому дню. Но полицейская тревога,—случайный арестъ одного лица,—вынудила оборвать печатаніе на срединѣ номера. Возобновить работу удалось только въ іюнѣ, а отпечатанный номеръ былъ распространенъ въ іюлѣ (первоначально въ Москвѣ, Рязани, Кіевѣ и Одессѣ). Лѣтомъ же отпечатаны двѣ брошюры: «Александръ III (къ десятилѣтію коронаціи)» и «Братцы-товарищи». Обѣ брошюры, хотя и напечатаны лѣтомъ, но помѣчены октябремъ,—и только въ этомъ мѣсяцѣ были распространены (первоначально въ Н. Новгородѣ, Орлѣ, Кіевѣ и Воронежѣ). Брошюра объ Александрѣ III написана литераторомъ, опубликованіе имени котораго пока несвоевременно. «Братцы-товарищи» составилъ рабочій К—ъ, впослѣдствіи попавшій въ ссылку. Обѣ брошюры были встрѣчены публикой сочувственно.

Это были послѣднія изданія, вышедшія изъ типографіи Группы перваго періода (до большихъ арестовъ въ апрѣлѣ 1894 года). Самая типографія въ 1894 году арестована не была. Группа обновленнаго состава завела новую технику, а старая хранилась про запасъ до 1896 года, когда и та и другая попала въ руки полиціи.

VI

Мѣры предосторожности. Арестъ. Приговоръ.

Я уже упоминалъ, что постановка нелегальной типографіи въ Россіи была для того времени дѣломъ исключительной важности,—можно даже сказать, дѣломъ новымъ. Публика успѣла совсѣмъ отвыкнуть отъ свободнаго печатнаго слова. Постановка типографіи считалась дѣломъ безнадежнымъ при данныхъ полицейскихъ усло-

вияхъ. Тѣмъ сильнѣе должно было быть впечатлѣніе отъ первыхъ листовъ и на публику, и на полицію. Слѣдовало ожидать, что Департаментъ Полиціи сосредоточитъ главное свое вниманіе на поискахъ типографіи. Найти ее казалось не труднымъ, такъ какъ въ рукахъ Департамента имѣлся огромный сыскной аппаратъ, сохранившійся отъ временъ Народной Воли; а количество революціонной публики было теперь ничтожно до смѣшного, каждый революціонеръ былъ на виду. Были на виду у полиціи и всѣ члены Группы. Всѣ они были еще ранѣе политически скомпрометированы, привлекались по тому или иному дѣлу. Переходъ на нелегальное положеніе былъ для нихъ невозможенъ по недостатку средствъ и связей и по отсутствію паспортовъ. Приходилось, такимъ образомъ, работать подъ самымъ носомъ полиціи. Съ другой стороны, было важно продержаться какъ можно дальше, чтобы разсѣять прочно укоренившееся представленіе о полицейскомъ всевѣдѣніи и всемогуществѣ. Не стану подробно описывать всѣ мѣры предосторожности, принимавшіяся Группой. Отмѣчу два основныхъ принципа, проводившихся въ интересахъ безопасности.

Во-первыхъ, было положено то правило, что чѣмъ *опаснѣе* работа (независимо отъ ея важности) тѣмъ обязательнѣе, чтобы ее исполняли сами члены центральной Группы. Изъ этого вытекало второе правило: «имѣть какъ можно меньше пособниковъ, исполнителей, укрывателей и т. п.» Добываніе шрифта, краски, бумаги, перевозка и переноска типографскихъ принадлежностей, печатаніе, — все это исполнялось по возможности самими членами Группы.

Во-вторыхъ, было обращено особенное вниманіе на такъ называемыхъ «революціонныхъ сплетниковъ». Это—типъ людей, которые сами дѣла не дѣлаютъ, но интересъ жизни которыхъ—собираніе и распространеніе интересныхъ новостей изъ подпольнаго міра. Бывшій префектъ полиціи въ Парижѣ Андріе разсказываетъ, что наибольшія услуги дѣлу сыска оказываютъ не агенты, состоящіе на жалованьи, а бессознательные агенты, разносящіе новости изъ безкорыстнаго любопытства. Полиціи, имѣющей связи съ бессознательными агентами (а добыть такія связи легче всего), остается только выслушивать отвѣты на вопросъ «что новаго?» и жать, гдѣ не сѣяла. Группа старалась выяснить себѣ наличныхъ «революціонныхъ сплетниковъ» и принимала противъ нихъ самую строгія мѣры предосторожности.

И эти мѣры были не напрасны. Нужно было видѣть петербургскую интеллигенцію въ январѣ—февралѣ 1892 года, чтобы понять глубокую вѣрность замѣчаній Андріе о бессознательныхъ сыщикахъ! Точно муравьи изъ потревоженнаго муравейника, забѣгала публика изъ дома въ домъ, учиня самый тщательный сыскъ, собирая улики, то нападавая на слѣдъ, то теряя его. Было въ высшей степени забавно слушать, когда не подозрѣвающий правды «революціонный сплетникъ» передавалъ члену Группы «самую послѣднюю», «самую достовѣрную» новость, о мѣстонахожденіи типографіи и

о составѣ Группы ¹⁾). Но комичность, въ данномъ случаѣ, положенія сплетниковъ не должна замѣтять ихъ дѣйствительной роли въ революціонномъ движеніи.

Когда прошелъ первый угаръ добровольческаго сыска, не давши никакихъ результатовъ, стали обнаруживаться попытки раскрыть составъ Группы посредствомъ специальныхъ пріемовъ: предложеній, спроса, слуховъ. Укажу на примѣрахъ сущность этихъ пріемовъ.

Предложенія. Предлагалась обыкновенно какая-нибудь специальная услуга,—шрифтомъ, деньгами и т. под. Предлагающій ищетъ человѣка, который могъ бы «передать». Лицамъ, имѣвшимъ дѣло съ Группой, было поручено никогда не принимать такихъ предложеній, не снесшись предварительно съ членами организациі. Разскажу одинъ случай. Студентъ Т., пользовавшійся репутацией милаго, честнаго, но немного легкомысленнаго товарища, дѣлая предложенія на право и на лѣво, между прочимъ наталкивается и на членовъ организациі:

— У меня есть источникъ для добыванія шрифта,—говоритъ онъ,—не имѣете ли связей съ Группой? У нея очевидно мало шрифта.

— Къ сожалѣнію, не имѣю,—отвѣчаетъ членъ организациі.

Черезъ недѣлю кромѣ шрифта предлагается уже и американскій станокъ, а еще черезъ недѣлю, уже другому члену организациі, Т. сообщаетъ, что образовался кружокъ для изданія нелегальной литературы, что у кружка уже есть 500 р., которые онъ хотѣлъ бы передать Группѣ.

По обстоятельствамъ оказалось возможнымъ сдѣлать провѣрку. Съ общаго согласія Группы студенту Т. одинъ изъ его знакомыхъ отвѣтилъ, что онъ имѣетъ возможность передать деньги. Тогда Т. ударилъ отбой: встрѣтились затрудненія, понадобилась отсрочка, деньги оказалось возможнымъ дать только въ долгъ и т. д. Вскорѣ выяснилось, что близкій родственникъ Т. служитъ въ охранкѣ.

Спросъ. Агентъ полиціи черезъ своего безсознательнаго пособника предъявляетъ систематическій и значительный спросъ на литературу. Предполагается, «что слѣдя за передатчикомъ и его знакомыми, можно дойти до центрального склада. Если принято оплачивать литературу, то агентъ старается взять ее въ долгъ. При нѣкоторомъ вниманіи возможно бываетъ открыть, дѣйствительно ли литература, идущая черезъ данное лицо, распространяется въ публикѣ, или же она поступаетъ непосредственно въ полицейскій архивъ. Усиленный спросъ практиковалъ, между прочимъ, провокаторъ Кузкинъ, но въ силу особыхъ условій склада не могъ выяснитъ его мѣсто-нахожденія.

¹⁾ Въ наши дни (1906 г.) роль революціонныхъ сплетниковъ и безсознательныхъ агентовъ, по слухамъ, довольно успѣшно исполняется газетными хроникерами. Говорятъ, что нелегальнымъ организациямъ постоянно приходится бороться съ этимъ родомъ политическаго сыска.

Слухи. Сенсационные ложные слухи пускаются однимъ изъ агенто́въ; другимъ агента́мъ поручается «ловить» эти слухи. По быстротѣ передачи и источнику пойманнаго слуха можно устанавливать связи. Напримѣръ, полиція не могла установить интеллигенто́въ, съ которыми имѣла связь Н. А. Григорьева, обойденная провокаторомъ Штр—номъ. Григорьеву ночью арестуютъ, приводятъ въ участокъ. Приставъ оставляетъ комнату, «забывши» на столѣ телеграмму: «изъ-за границы имѣютъ прибыть революціонеры Иванъ Чугуновъ и Елена Корнѣева; обыскать и арестовать.» Затѣмъ Григорьеву отпускаютъ. Она должна конечно сообщить о телеграммѣ интеллигентамъ, тѣ будутъ всѣхъ предупреждать о грозящемъ арестѣ. Шпіоны среди интеллигенціи поймаютъ слухъ и устанавливать, съ кѣмъ знакома Григорьева. Группѣ былъ извѣстенъ этотъ пріемъ, и продѣлка полиціи не дала въ данномъ случаѣ результатовъ.

Благодаря принятымъ предосторожностямъ Группа оставалась не открытой въ теченіе двухъ лѣтъ, хотя и вела интенсивную работу среди рабочихъ, привлекая все новыя интеллигентныя силы. Около Рождества 1893 года черезъ центральный рабочій кружокъ былъ полученъ кружокъ саморазвитія, во главѣ котораго сталъ провокаторъ, впослѣдствіи опубликованный, маляръ изъ Новаго Адмиралтейства Вас. Кузмичъ Кузкинъ. Онъ объявилъ себя старымъ народовольцемъ, познакомился съ другимъ пожилымъ рабочимъ, бывшимъ ссыльнымъ, провокаторомъ Боб-ымъ (за Невской Заставой). Оба они довольно быстро вошли въ довѣріе молодежи; пришлось и мнѣ сталкиваться съ ними. Такимъ образомъ интеллигентскій кружокъ (если прибавить вышеупомянутаго шпіона Штр-на, съ Выборгской стороны) оказался окруженъ довольно тѣснымъ кольцомъ провокаторо́въ. Началась усиленная слѣжка въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. 21 апрѣля произведены массовые аресты, но наиболѣе близкій къ Кузкину студентъ Борисъ Львовичъ Зотовъ началъ «возстановлять связи.» Въ маѣ произведены дополнителные аресты, въ томъ числѣ и Зотова.

Ни типографія, ни складъ не были найдены.

На дознаніи вопросъ о Группѣ. Народовольцевъ вовсе не фигурировалъ. Арестованные обвинялись только въ пропагандѣ среди рабочихъ и въ изданіи гектографированнаго Рабочаго Сборника. Приговоры по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ не находились ни въ какомъ соотвѣтствіи съ ихъ ролью въ организаціи, хотя городскіе сплетники сильно помогали полиціи, всюду распространяя слухи, что арестована именно Группа. Въ связи, очевидно, съ этими сплетнями или на основаніи ихъ въ заграничныхъ изданіяхъ дважды фигурировала моя фамилія, оба раза съ сообщеніемъ ложныхъ факто́въ.

Въ брошюрѣ Бахарева «Какъ держать себя на допросахъ» мнѣ, «главѣ» народовольцевъ, приписывается черезчуръ снисходительное отношеніе къ дачѣ молодежью компрометирующихъ показаній на допросахъ. Это облыжное обвиненіе тѣмъ менѣе основа-

тельно, что какъ разъ воспоминаніе о поведеніи молодежи въ нашемъ дѣлѣ являлось для меня постояннымъ предметомъ гордости и утѣшенія въ долгіе дни одиночки. *Вся внутренняя жизнь организаціи осталась нераскрытой.* Если и были случаи излишнихъ показаній, то только со стороны лицъ, хотя и работавшихъ, но еще не введенныхъ ни въ Группу, ни въ кружокъ для занятій съ рабочими. Одинъ студентъ—первокурсникъ, очень хорошій, но очень молодой и неопытный человекъ, далъ правда лишнія показанія обо мнѣ, но потомъ по собственной инициативѣ взялъ эти показанія обратно. По переводѣ моемъ изъ крѣпости въ Д. П. З. онъ тотчасъ написалъ мнѣ объ этомъ, страшно мучимый упреками совѣсти и опасеніями,—не повредилъ ли онъ мнѣ. Мнѣ онъ дѣйствительно не могъ повредить, а самостоятельное взятіе показаній обратно достаточно характеризовало его нравственную личность. Мнѣ только и оставалось, что всячески успокоить измученнаго одиночкой и угрызениями совѣсти товарища. Обобщать этотъ фактъ, выводить заключеніе о снисходительномъ вообще отношеніи къ дачѣ показаній нѣтъ оснований.

Другой разъ, въ брошюрѣ Акимова «Очерки изъ исторіи социаль-демократіи въ Россіи», мнѣ приписывается руководящая роль въ Группѣ. По совѣсти не могу принять на себя этого комплимента. Играть руководящую роль въ глазахъ полиціи—вовсе не значить играть такую же въ дѣйствительности.

Черезъ 21 мѣсяць по арестѣ, 24 января 1896 года послѣдовалъ въ административномъ порядкѣ приговоръ по нашему дѣлу. Изъ массы арестованныхъ я могу припомнить только слѣдующихъ лицъ.

1) Зотовъ Борисъ Львовичъ, братъ казненнаго въ Якутскѣ, студентъ университета IV курса, сотрудникъ «Русскаго Богатства» (въ библиографическомъ отдѣлѣ). Умеръ до приговора отъ чихотки.

2) Ивановъ Константинъ Николаевичъ, студентъ-технологъ. Сосланъ въ Вилюйскъ на 8 лѣтъ. Къ организаціи не принадлежалъ: не задолго до арестовъ первый разъ пошелъ познакомиться съ рабочими.—Изъ Вилюйскаго округа бѣжалъ (первый въ исторіи удачный побѣгъ изъ тѣхъ мѣстъ); примкнулъ къ социаль-революціонерамъ; случайно арестованъ въ Харьковѣ, возвращенъ въ 1902 году въ Вилюйскъ. Отличался физической силой и выносливостью, и умеръ въ Якутскѣ отъ случайной болѣзни.

3) Окольскій Викторъ, студентъ-технологъ. Къ организаціи не принадлежалъ, съ рабочими не занимался. Не знаю, въ чемъ онъ обвинялся; я въ первый разъ увидѣлъ его только въ ссылкѣ, въ Якутскѣ, куда онъ былъ отправленъ на 8 лѣтъ.

4) Бѣлецкій Николай Георгіевичъ, студентъ-медикъ, членъ «рабочаго» кружка, благополучно отбылъ свои 8 лѣтъ ссылки въ Якутскую область (Вилюйскъ).

5) Сушинскій Михаилъ Гавриловичъ, членъ «рабочаго» кружка, студентъ-медикъ, сосланъ на 8 лѣтъ въ Киренскъ; бѣжалъ, аре-

станованъ на границѣ, не открылъ своего имени, возвращенъ въ Сибирь, какъ уголовный; вновь бѣжалъ съ дороги изъ-подъ стражи, жилъ въ Женевѣ и Парижѣ.

6) Браудо Василій Исаичъ,—окончившій университетъ, арестованъ черезъ годъ послѣ нашего ареста. Получилъ 8 лѣтъ Восточной Сибири. Съ пути (изъ Иркутска) возвращенъ въ Петербургъ въ виду новыхъ обвиненій (Гр. Нар. второго періода, иначе—дѣло Лахтинской типографіи). Его продержали еще два года въ тюрьмѣ, затѣмъ повторили приговоръ—8 лѣтъ. Отбывалъ ссылку въ Олекминскѣ, частью въ Киренскѣ и въ Енис. губ. Въ началѣ 1906 года вновь арестованъ въ редакціи газеты Новая Жизнь, въ іюлѣ выпущенъ на поруки.

7) Федуловъ Александръ Александровичъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Группы, освобожденъ за отсутствіемъ уликъ въ декабрѣ 1895 г., работалъ въ Группѣ второго періода, эмигрировалъ передъ арестомъ Лахтинской типографіи весной 1896 года. Бывшій студентъ.

8) Келлеръ Максимъ, студ. ун., занимался съ рабочими, ссылка въ Арх. губ. на 5 лѣтъ.

9) Галецкій—студентъ-медикъ, ссылка въ Арх. губ. на 5 лѣтъ. Въ организациі не работалъ, былъ знакомъ только съ товарищами по академіи Сушинскимъ и Бѣлецкимъ, жилъ съ ними у одной квартирной хозяйки. Въ чемъ могли его обвинить—не понимаю.

10) Крамеръ—о немъ приходится повторить все то же, что сказано о Галецкомъ.

11) Никитинскіе, братья, Александръ и Андрей Ив., студенты университета. Пять лѣтъ ссылки въ Арх. губ. Въ чемъ обвинялись, не знаю.

12) Скабичевскій Александръ Александровичъ, сынъ писателя, студентъ университета; пять лѣтъ Енисейской губерніи.

13) Чермакъ Левъ Карловичъ, завѣдующій статистикой Петербургскаго Губ. Земства; ссылка на три года въ Степной край. Вновь арестованъ въ Омскѣ въ 1903 году по приказанію ген.-губ. Сухотина; дѣло кончилось ничѣмъ.

14) Александровъ Мих. Степ., земскій статистикъ; обвинялся въ пропагандѣ среди рабочихъ и въ привлеченіи молодежи къ этому дѣлу. Приговоръ: три года тюрьмы и 5 лѣтъ Восточной Сибири (Олекминскѣ).

15) Александрова Екат. Мих. Приговоръ: 5 лѣтъ Вологод. губ. (Сольвычегодскѣ).

16) Фаддѣевъ Александръ Ив., крестьянинъ; 5 лѣтъ Архангельской губерніи.

17) Григорьева Наталья Александровна, швея; 5 лѣтъ Енисейской губ. (село Казачинское).

Всего по нашему дѣлу было арестовано сотни двѣ людей, привлечено, какъ говорили, 64 человекъ. Изъ этихъ 64 приблизительно двѣ трети не имѣли никакого отношенія къ организациі; множе-

ство фамилій я услышалъ въ первый разъ на допросахъ. Что касается провинціальныхъ связей, то ни одна изъ нихъ не была открыта, ни одинъ человекъ не былъ арестованъ.

Изъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ Группѣ, но не арестованныхъ по нашему дѣлу, могу назвать теперь только троихъ.

1) Фрелихъ Ник. Ник., присяжный повѣренный изъ Нижняго Новгорода, членъ Группы. Впослѣдствіи арестованъ по другому дѣлу, отбылъ 5 лѣтъ Восточной Сибири. Умеръ въ 1905 году въ Крыму.

2) Фейтъ Андрей Юльевичъ, врачъ. Арестованъ по дѣлу Группы Народовольцевъ (періодъ Лахтинской типографіи) въ 1896 году, получилъ 2 года тюрьмы и 8 лѣтъ Восточной Сибири (Киренскъ, Забайкалье). Въ декабрѣ 1905 вновь арестованъ въ Петербургѣ, въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Лѣтомъ 1906 г. освобожденъ, въ августѣ опять арестованъ.

3) Ергинъ Алекс. Александровичъ, окончилъ СПб. Ун.; арестованъ въ декабрѣ 1895 г. (соц.демократы, такъ называемые «декабристы»). Затѣмъ привлеченъ къ дѣлу Лахтинской типографіи. Приговоръ: 2 года тюрьмы (съ зачетомъ части предварительнаго заключенія) и 8 лѣтъ Восточной Сибири.

Вотъ все, что я считаю возможнымъ въ настоящее время сказать о лицахъ, работавшихъ въ Группѣ или обвиненныхъ въ принадлежности къ организаціи. О прочемъ лучше помолчать, памятуя, что російская амністія, какъ и російская конституція, носятъ самобытный характеръ.

М. С. Александровъ.

„Дѣло о замѣчаніи, сдѣланномъ коллежскому секретарю Александрѣ Пушкину въ неприличномъ поступкѣ въ Каменномъ театрѣ“.

1818—1819 гг.

На 3 листахъ.

Приводимъ со всевозможной точностью неизданное до сихъ поръ «дѣло» о Пушкинѣ, заглавіе котораго выписано выше. «Дѣло» состоитъ всего изъ двухъ бумагъ. Первая адресована с.петербургскимъ полицеймейстеромъ Горголи къ управлявшему въ то время Иностранной Коллегіей совѣтнику коллегии П. Я. Убри, непосредственному начальнику по службѣ Пушкина. Вторая бумага представляетъ отвѣтъ Убри полицеймейстеру. Первое отношеніе находится въ «дѣлѣ» въ подлинникѣ, второе—въ такъ называемомъ «отпускѣ» или черновикѣ.

П. Щ.

I.

Милостивый государь мой

Петръ Яковлевичъ!

20-го числа сего мѣсяца служащій въ Иностранной Коллегіи Переводчикомъ Пушкинъ бывъ въ каменномъ театре въ Большомъ Бенуарѣ во-время Антракту пришелъ изъ онаго въ креслы и проходя между рядовъ кресель остановился противъ сидѣвшаго Коллежскаго Советника Перевощикова съ женою, почему Г. Перевощиковъ просилъ его проходить далѣе, но Пушкинъ принявъ сіе за обиду наделалъ ему грубости и выбранилъ его неприличными словами.

О поступке его уведомляя Ваше превосходительство,—съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

Вашего Превосходительства
покорный слуга

Иванъ Горголи.

№ 15001

23 Декабря 1818 г.

Его Пре—ву П. Я.

Убри.

Вверху, карандашемъ, рукою Убри написано:

„J'ai parlé à M. Pouschkin et je l'ai pressé de se moderer a l'avenir ce qu' il a promis“.

II.

Горголи.

Отъ П. Я. Убри.

М. Г. мой Иванъ Савичъ!

Въ слѣдствіе отношенія Вашего Превосходительства отъ 23-го минувшаго декабря подъ № 15001. Я не оставилъ сдѣлать строгое замѣчаніе служащему въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскому Секретарю Пушкину на счетъ неприличнаго поступка его съ Коллежскимъ Совѣтникомъ Перевошиковымъ, съ тѣмъ, чтобы онъ воздержался впредь отъ подобныхъ поступковъ; въ чемъ и далъ онъ мнѣ обѣщаніе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою

Петръ Убри.

№ 64.
Генваря 9 дня
1818 г.

Движеніе семидесятихъ годовъ по Большому процессу (193-хъ).

(Продолженіе ¹⁾)

VII.

Кружки московскіе и провинціальныя.

Изъ кружковъ, возникшихъ или преобразовавшихся подъ вліяніемъ движенія въ Москвѣ и провинціи скажу нѣсколько словъ о пяти слѣдующихъ: Московскомъ, Кіевскомъ, Одесскомъ, Самарскомъ и Харьковскомъ.

Въ Москвѣ съ давнихъ поръ существовали радикалы, которые до извѣстной степени подготовили въ студенчествѣ почву для революціонной пропаганды. Александръ Васильевичъ Долгушинъ старался и въ извѣстной мѣрѣ успѣлъ утилизировать Московскій радикализмъ для новаго рода дѣятельности—революціонной пропаганды въ народѣ. Изъ Петербурга онъ перенесъ свою штабъ-квартиру въ Москву, имѣлъ близкія отношенія съ тамошними радикалами и привлекъ одного изъ нихъ—Гамова—въ свою среду.

Кстати замѣчу здѣсь, что въ настоящемъ очеркѣ я не имѣю намѣренія описывать дѣятельность Долгушинцевъ, которые въ своей революціонной дѣятельности практиковали почти такіе-же приемы, какъ и участники большого процесса. Долгушинцы не дожили до начала широкаго движенія молодежи (сидѣли въ тюрьмѣ) и потому не могли принять въ немъ участія. Они года на два на три опередили движеніе и были какъ-бы піонерами новаго рода революціонной дѣятельности, но не только не всколыхнули молодежи, но ушли на работу почти не замѣченные ею. На одной почвѣ, питаясь одними и тѣми-же соками, произрастаетъ много отдѣльныхъ стебельковъ; одни изъ нихъ, вслѣдствіе разныхъ случайныхъ причинъ, созрѣваютъ раньше, но этимъ не оказываютъ никакого вліянія на остальныя растеньица, приносяція плодъ въ предназначенное имъ время. Такъ и Долгушинцы были первыми колосьями на нивѣ народнической интеллигенціи, которая продолжала созрѣвать совершенно самостоятельно.

¹⁾ См. „Былое“, Октябрь.

Къ концу 1873 года мы застаемъ московскую молодежь, вращающейся главнымъ образомъ около двухъ центровъ — университета и Петровской земледѣльческой академіи. Первая изъ этихъ группъ состояла не изъ однихъ студентовъ университета и раньше стала принимать опредѣленную фізіономію, соотвѣтствующую духу времени. Это была довольно обширная группа, въ которой можно было прослѣдить вліяніе прежняго радикализма. Въ ней перебивало нѣсколько видныхъ дѣятелей изъ Чайковцевъ, болѣе всего Клеменсъ и Кравчинскій; Войнаральскій былъ въ довольно близкихъ съ ней отношеніяхъ. Нѣкоторые изъ Петровцевъ также принимали въ ней участіе, напр. Аносовъ и Фроленко, извѣстный впоследствіи народоволецъ. Изъ этой группы, съ участіемъ нѣсколькихъ постороннихъ ей лицъ, образовался революціонный кружокъ для пропаганды въ народѣ. Въ кружкѣ между прочими были: братья Аркадакскіе, Николай Алексѣевичъ Саблинъ, застрѣлившійся въ мартѣ 1881 года, Николай Александровичъ Морозовъ, въ то время талантливый юноша, только что окончившій гимназію, впоследствіи извѣстный шлиссельбуржецъ, и Олимпіада Григорьевна Алексѣева. Подъ вліяніемъ пропаганды Чайковцевъ кружокъ намѣтилъ себѣ первоначальную, довольно умѣренную программу, признавая главною цѣлью движенія въ народѣ ознакомленіе со средою и подготовку себя къ дальнѣйшей дѣятельности. Попытки анархистовъ толкнуть кружокъ къ болѣе активной дѣятельности потерпѣли полное фіаско.

Изъ членовъ кружка Саблинъ, Морозовъ и Алексѣева проживали одно время въ Ярославской губерніи въ мастерской, устроенной въ деревнѣ Иванчинымъ-Писаревымъ. Здѣсь они вмѣстѣ съ докторомъ Добровольскимъ и Потоцкою занимались и революціонною пропагандою среди крестьянъ.

Петровская земледѣльческая академія уже въ семидесятыхъ годахъ имѣла репутацию самаго оппозиціоннаго изъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ ней сохранялась память о Нечаевѣ и революціонерахъ, вышедшихъ изъ ея среды. Студенты пользовались относительной свободой; общежитіе при академіи укрѣпляло связи между студентами, будучи мѣстомъ, въ которомъ они могли свободно собираться. Въ немъ при случаѣ могли находить убѣжище и пріѣзжіе агитаторы. При этихъ условіяхъ начавшееся революціонное движеніе не могло не затронуть сравнительно большого числа студентовъ. Оно между прочимъ коснулось и студента Богусскаго, единственнаго поляка ¹⁾, принимавшаго нѣкоторое участіе въ движеніи. Агитаторы задумывались о привлеченіи въ революціонную среду студентовъ-поляковъ, обучавшихся въ русскихъ университетахъ, но вслѣдствіе отчужденности польскихъ кружковъ не могли получить къ нимъ доступа. Изъ обвинительнаго акта видно, что упомянутый выше Богусскій условливался съ Коваликомъ о

¹⁾ Если не считать Студзинскаго, не принадлежавшаго къ польскимъ кружкамъ и выступившаго нѣсколько позднѣе.

напечатані прокламаціи къ полякамъ, очевидно съ цѣлю привлеченія ихъ къ революціонному движенію.

Петровскую академію посѣщали агитаторы изъ болѣе видныхъ петербургскихъ кружковъ. Анархисты имѣли здѣсь болѣе успѣха, чѣмъ въ описанной выше группѣ. Изъ мѣстныхъ дѣятелей наиболѣе видными были Фроленко и Аносовъ. Послѣ ряда собраній, происходившихъ въ общежитіи, сталъ формироваться кружокъ, въ которомъ между прочимъ приняли участіе кромѣ упомянутаго Николая Михайловича Аносова, студенты: Алексѣй Егоровичъ Знаменскій, Александръ Андреевичъ Малиновскій, Михаилъ Гавриловичъ Соловцовскій и умершеі вскорѣ Цвѣтковъ и Дружининъ.

Михаилъ Федоровичъ Фроленко проявлялъ уже тогда большую активность и кажется одинъ изъ всѣхъ москвичей не замыкался въ тѣсныя рамки мѣстнаго кружка, а принималъ участіе въ организаціи движенія и въ другихъ городахъ. Такъ онъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ кievскимъ кружкомъ Мокрѣвича, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Остальные члены кружка ушли въ народъ для пропаганды и были арестованы на мѣстахъ своей дѣятельности.

Оба московскіе кружка имѣли близкія отношенія съ Войнаральскимъ, работали въ мастерской, устроенной имъ и нѣкоторые въ типографіи Мышкина.

Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ, начавшій свою революціонную дѣятельность въ Москвѣ, открылъ первоначально вмѣстѣ съ нѣкимъ Вильдэ, а потомъ, весной 1874 года отдѣльно, при помощи Войнаральскаго, типографію, въ которой печатались въ большомъ числѣ революціонныя изданія и разныя запрещенныя книги. Въ типографіи работали студенты и преимущественно интеллигентныя женщины, принимавшіе участіе въ революціонномъ движеніи. Поэтому типографія являлась какъ-бы третьимъ центромъ въ Москвѣ. О Мышкинѣ подробнѣе будетъ сказано ниже. Изъ работавшихъ въ типографіи назову: Соловцовскаго, Малиновскаго (петровцы), Супинскую, Прушакевичъ, Фетисову, Ермолаеву. Они работали въ особой комнатѣ, куда не допускались непосвященные въ дѣло рабочіе. Отпечатанные листы тотчасъ-же уносились изъ типографіи.

Въ семидесятыхъ годахъ Кіевъ имѣлъ уже репутацію одного изъ наиболѣе революціонныхъ городовъ въ Россіи. Настроеніе мѣстной молодежи вполне оправдывало эту репутацію. Какъ революціонный центръ, Кіевъ имѣлъ въ описываемое время болшее значеніе, чѣмъ первопрестольная Москва. Революціонное движеніе протекало въ немъ самостоятельно, почти безъ всякаго вліянія со стороны петербургскихъ кружковъ, но, само собою разумѣется, проходило всѣ тѣ формы, хотя быть можетъ и въ болѣе рѣзкомъ видѣ, которыми характеризовалось движеніе въ Петербургѣ.

Къ началу движенія въ Кіевѣ существовалъ кружокъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ чайковцамъ и получавшій отъ нихъ для распространенія легальныя книги. Кружокъ былъ организованъ на подобіе радикальскихъ кружковъ Петербурга и по

немногу занимался съ рабочими. Въ кружкѣ участвовали Эмме, Иванъ Федоровичъ Рашевскій, г-жа Ширмеръ, имѣвшая ранѣе въ городѣ публичную бібліотеку, Аксельроде, братья Левенталь и др. Кружокъ не проявлялъ большой активности, но охватывалъ своимъ вліяніемъ сравнительно большой кругъ молодежи. Когда въ Россіи начали обрисовываться два революціонныхъ направленія, лавровское и анархистское, дѣятели обоихъ пытались придать кружку направленіе, къ которому они сами принадлежали. Для пропаганды лавровскихъ идей пріѣзжалъ въ Кіевъ докторъ Воронцовъ, со стороны же анархистовъ дѣйствовали Дебагоріо-Мокріевичъ. — Пропаганда лавризма не могла привлечь къ себѣ страстныхъ киевлянъ. Изъ кружка только Эмме и отчасти Рашевскій принимали въ большей или меньшей степени ученіе Лаврова, болѣе же молодой элементъ сочувствовалъ анархіи. Кружокъ распался и скоро пересталъ играть роль въ движеніи. Мокріевичъ сблизился съ Аксельроде и братьями Левенталь и обучалъ ихъ сапожному мастерству. Лурье также тяготѣлъ къ Мокріевичу и къ анархіи. Въ это-же время (зимой 1873 г.) Мокріевичъ сблизился съ Стефановичемъ. Мало-по-малу около него сталъ сформировываться новый кружокъ чисто анархическаго направленія. Къ кружку принадлежали: Аксельроде, Стефановичъ, Дейчъ, Ходько и Ѳекла Донецкая (перешедшіе оба изъ американскаго кружка), Лурье, Марья Александровна Колѣнкина (впослѣдствіи осужденная по другому дѣлу и вышедшая замужъ за сына смотрителя Петропавловской крѣпости Богородскаго, также сосланнаго по политическому дѣлу въ Сибирь), Малинка, Дробязгинъ, Чубаровъ (всѣ трое потомъ были казнены) Студзинскій (впослѣдствіи осужденный до дѣлу Ковальскаго), извѣстная Вѣра Ивановна Засуличъ, Викторъ Костюринъ, перешедшій изъ одесскаго кружка, Анна Макаревичъ (жена члена одесскаго кружка Волховскаго, Макаревичъ, урожденная Розенштейнъ, вышла впослѣдствіи замужъ за извѣстнаго итальянскаго социалиста), Гориновичъ, обли-тый потомъ за предательство сѣрной кислотой, Николай Бухъ, бывшій членъ самарскаго кружка и осужденный впослѣдствіи на каторгу, Марья Ковалевская, урожденная Воронцова (сестра извѣстнаго Воронцова, осужденная потомъ на каторгу и отравившаяся послѣ истязанія въ карійской тюрьмѣ Сигиды). Въ кружокъ попалъ какимъ то образомъ и извѣстный предатель Курицынъ. Послѣ покушенія на жизнь Гориновича явились нѣкоторыя разногласія въ кружкѣ, усилившіяся еще болѣе, когда Стефановичъ вмѣстѣ съ Дейчемъ (впослѣдствіи къ нимъ присоединился и Бохановскій), задумали своеобразное чигиринское дѣло. Кружокъ раздѣлился еще до начала этого дѣла, и вмѣстѣ съ Стефановичемъ ушли кромѣ Дейча, Колѣнкина и Засуличъ. Оба кружка пережили арестный погромъ 1874 года и дотянули свое существованіе до начала террора.

Когда революціонное движеніе въ Россіи приняло опредѣленную фізіономію, и молодежь готовилась уже или даже и начала свое путешествіе въ народъ, въ Кіевѣ стали собираться какъ члены уже организовавшихся кружковъ, такъ и одиночки, по-

чему либо тяготѣвшіе къ югу. Между прочимъ въ Кіевъ переселился почти весь кружокъ Каблица. Изъ одиночекъ появилась Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, урожденная Ве-риго, уже тогда начинавшая играть видную роль въ средѣ молодежи. Предрасположенная по условіямъ воспитанія къ идеализму, она съ юныхъ лѣтъ увлекалась передовыми идеями и старалась быть полезной народу. Между прочимъ въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ она принимала участіе въ земскихъ дѣлахъ Мглинского уѣзда Черниговской губерніи и по ея инициативѣ демократическое земство, уже начавшее подвергаться разгрому, избрало въ міровые судьи Ковалика. Земское дѣло не могло всецѣло поглотить Брешковскую и, потому она, особенно послѣ окончательнаго разгрома Мглинского земства, продолжала искать дѣла, чтобы отдать ему всѣ свои силы и способности. Начавшееся революціонное движеніе открыло для нея широкое поле дѣятельности, и она посвятила революціи всю свою дальнѣйшую жизнь. Съ начала 1874 года она переѣхала въ Кіевъ, гдѣ особенно сошлась со Стефановичемъ и Фишеромъ. Съ первымъ она ходила вмѣстѣ въ народъ для пропаганды. Въ кружкахъ молодежи Стефановичъ былъ извѣстенъ подъ кличкою «сына», данною вслѣдствіе того, что въ народѣ его принимали за сына Брешковской, которой въ то время было уже лѣтъ 30.

Значительно ранѣе, еще въ то время, когда движеніе едва намѣчалось, пріѣхала въ Кіевъ сестра Брешковской Ольга Константиновна, по мужу Иванова. Она не имѣла опредѣленнаго міросозерцанія, но была женщина въ высшей степени добрая и чуткая. Въ квартирѣ ея поселилось нѣсколько студентовъ, и всѣ жильцы составили одну семью, жившую на началахъ, напомилавшихъ коммуны. Число жильцовъ въ этой коммунѣ то увеличивалось, то уменьшалось, коммуна перемѣнила нѣсколько квартиръ и продолжала свое существованіе и послѣ смерти Ивановой. Всякій интеллигентъ, имѣвшій знакомыхъ въ числѣ жителей коммуны, могъ свободно въ ней остановиться на такое время, какое ему нужно. Тѣмъ болѣе имѣли доступъ въ коммуны пріѣзжавшіе революціонеры, которые легко могли получить рекомендацію къ одному изъ членовъ коммуны, также болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ революціонному движенію. Члены кіевского кружка Мокріевича также постоянно посѣщали коммуны, а иногда и жили въ ней. Скоро коммуна сдѣлалась штабъ-квартирой революціонеровъ. Кружокъ Каблица почти цѣликомъ переселился въ Кіевъ и большинство его членовъ, само собою разумѣется, поселилось въ коммунѣ. Здѣсь же временно проживали члены другихъ кружковъ. Всѣ они безъ всякаго принужденія подчинялись порядку, который самъ собою установился въ коммунѣ. Собственно говоря коммуна была только общей квартирой, въ которой каждый временный жилецъ получалъ мѣсто для спанья, хотя бы и на полу, и простой обѣдъ. Коммуна не имѣла никакихъ собственныхъ средствъ и существовала только благодаря взаимной товарищеской поддержкѣ.

Вслѣдствіе отсутствія всякой организаціи въ коммуны могли попадать люди, не отличающіеся высотой нравственнаго типа. Такъ кромѣ Гориновича—первой жертвы расправы съ предателями—въ коммуны вошелъ нѣкій Ларіоновъ, Петръ Ѳедоровичъ, который своимъ мнимымъ или дѣйствительнымъ экстазомъ и преданностью революціи и народу вызвалъ интересъ къ себѣ со стороны революціонеровъ. Онъ, едва посвященный самъ въ дѣло, вскорѣ писалъ уже такія письма къ начинающимъ революціонерамъ: «Мнѣ одному изъ смертныхъ пришлось дѣйствительно обрѣсти микроскопической уголокъ этого рая, это полное «дивнаго огня», правды и честности дѣло... ..Я не могу самъ теперь ничего написать про извѣстное, въ настоящую минуту слившееся съ моимъ существованіемъ «дѣло», для этого нужно перечитать тебѣ все посѣянное представителями русской заграничной прессы... Въ будущемъ я не откажусь помазать тебя муромъ посвященія. Конечно, если получу убѣжденіе, что ты съ теплою вѣрою послушаешь моего глагола и не какъ луда или разбойникъ, а какъ другъ, братъ, а главное человѣкъ».

Какъ было не повѣрить человѣку, выражающемуся подобнымъ образомъ, особенно въ то, полное энтузіазма время? Ларіоновъ поселился въ коммуны и былъ принятъ въ кружокъ Мокріевича. Послѣ небольшого промежутка святой, апостольской жизни, Ларіоновъ сталъ обнаруживать своимъ поведеніемъ «ветхаго» человѣка, особенно это проявилось въ его любовной интрижкѣ, въ которую, по словамъ прокурора-обвинителя, вмѣшались члены коммуны и уговорили жертву Ларіонова не препятствовать его ласкамъ въ виду положительныхъ его заслугъ. Это само собою разумѣется сплошная выдумка, и Ларіоновъ въ дѣйствительности не совершилъ никакого поступка, за который его и всю коммуны можно было бы заклеить позоромъ, но тѣмъ не менѣе чувствовалась низменность натуры Ларіонова, заставлявшая знакомыхъ перешептываться о немъ. Это перешептываніе превратилось потомъ въ родъ нелѣпыхъ слуховъ, которые слѣдственные власти подбирали вездѣ, гдѣ могли, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Дальнѣйшіе упреки, посылаемые обвинителемъ коммуны за яко-бы безнравственное ея поведеніе, настолько нелѣпы по своей формѣ, что заставляютъ читателя скорѣе увѣрять въ злой умыселъ прокуратуры, чѣмъ въ безнравственное поведеніе коммуны. Такъ обвинитель добылъ показанія отъ яко-бы свидѣтелей, которые слышали: одинъ—что въ коммуны спали по двѣ-три пары мужчинъ и женщинъ, другой, что такихъ паръ было пять-шесть, а третій, что мужчины и женщины спали въ перемежку, мужчина, потомъ женщина, затѣмъ опять мужчина и т. д. Слѣдуетъ удивляться строгому порядку, соблюдавшемуся въ коммуны—ни одного лишняго мужчины и непременно въ перемежку.

Само собою понятно, что все это сплошная инсинуація, къ которой уже съ давнихъ поръ любятъ прибѣгать агенты правительства, чтобы очернить всѣхъ тѣхъ, кто по нравственному уровню своему стоитъ значительно выше ихъ.

Вздорность утверждений обвинительного акта между прочимъ хорошо видна изъ одного, приведеннаго въ немъ примѣра, яко-бы доказывающаго, что коммунисты далеко не были мирно настроены по отношенію другъ къ другу. По словамъ прокурора Каблиць и Фишеръ «дрались между собою на вилкахъ»?!

Одинъ изъ членовъ такъ называемой кievской коммуны, Василий Александровичъ Бенецкій, хотя и участвовалъ въ соглашеніи большинства товарищей по большому процессу протестовать противъ суда и отказаться отъ защиты, тѣмъ не менѣе, въ виду исключительности положенія кievлянъ, выставленныхъ прокуратурою какими-то нравственными уродами, пригласилъ въ защитники Евгения Утина, поручивъ ему защищать коммуну, а не личность кліента. Утинъ, въ блестящей рѣчи, сказанной передъ особымъ присутствіемъ Сената, легко распуталъ грубо сотканную паутину, въ которую прокуратура думала затянуть свои жертвы и доказалъ, что члены коммуны были не исчадіемъ ада, а порядочными и нравственными людьми. Послѣ рѣчей Утина и другихъ талантливыхъ адвокатовъ всѣмъ стало понятно, что та грязь, которую удалось уловить составителю обвинительнаго акта (товарищу оберъ-прокурора сената Желеховскому), процѣживая чистое движеніе 70 годовъ чрезъ слѣдовательскія сита, происходила не отъ самаго движенія, а отъ ситъ, не отличавшихся, какъ оно, чистотою. Послѣ сказаннаго можно оставить безъ всякаго опроверженія утверженіе прокурора, что дѣятели коммуны Брешковская, Фишеръ и Тетельманъ ѣздили въ Мглинской уѣздъ, чтобы добыть отъ одной помѣщицы довѣренность на продажу ея имѣнія и воспользоваться деньгами, которыя могутъ быть выручены при самой продажѣ. Я, конечно, не стану отрицать возможности совершенія безнравственныхъ поступковъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, примкнувшихъ къ революціонному движенію не только въ Кіевѣ, но и во всѣхъ другихъ городахъ—въ семьѣ, какъ говорится, не безъ урода,—но не подлежитъ сомнѣнію, что идейныя группы, готовыя во всякую минуту на самопожертваніе, не представляютъ сколько нибудь благоприятной почвы для развитія разврата и составленія плановъ уголовныхъ преступленій.

Чтобы покончить съ Ларіоновымъ, скажу, что кромѣ чисто-политическаго преступленія, онъ обвинялся еще въ кражѣ лошади, на которой бѣжалъ изъ Вологодской губерніи, и въ полученіи въ свою пользу денегъ изъ керченскаго казначейства по довѣрью крестьянъ. Оба эти преступленія, если они и носили дѣйствительно, какъ утверждаетъ обвинитель, уголовный характеръ, тѣмъ не менѣе были совершены до вступленія Ларіонова въ революціонный кружокъ.

Какъ бы то ни было, значительное большинство революціонеровъ, избравшихъ своею штабъ-квартирою Кіевскую коммуну, отличались не дюжинною энергіею, проявили большую работоспособность и во всякомъ случаѣ не ослабили репутаціи Кіева, какъ одного изъ крупныхъ революціонныхъ центровъ.

Въ Одессѣ, съ самаго начала движенія, дѣло приняло иной оборотъ, тѣмъ въ остальныхъ городахъ Россіи. Несмотря на

южный темпераментъ одесситовъ, все движеніе протекало у нихъ съ наименьшею, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, страстностью.

Броженіе охватило въ Одессѣ широкіе круги молодежи, но не носило специально революціоннаго характера—по крайней мѣрѣ въ началѣ —и приняло своеобразныя формы: наряду съ проповѣдью революціи въ томъ видѣ, какъ это происходило во всѣхъ крупныхъ центрахъ, въ Одессѣ имѣла нѣкоторый успѣхъ пропаганда вегетаріанизма, которую велъ одинъ французъ—докторъ. Онъ думалъ обновить міръ перемѣною всего образа жизни человечества и приглашалъ своихъ послѣдователей переселиться въ теплыя страны, гдѣ можно было бы ходить безъ одежды и питаться фруктами, и тамъ основать на социалистическихъ началахъ новое человеческое общество. Французъ былъ сильно обиженъ Бакунинымъ, отвѣтившимъ ему на проповѣдь вегетаріанизма короткой репликой, что въ нашъ вѣкъ слѣдуетъ питаться буржуазнымъ мясомъ, и думалъ своею мирною пропагандою, главнымъ образомъ среди студенчества, взять верхъ надъ имѣющей по его мнѣнію кровавый характеръ пропагандою анархіи. У доктора былъ десятокъ другой послѣдователей, которыхъ обыкновенно высмѣивали студенты, когда они въ студенческой столовой требовали себѣ фасоли и т. п. растительной пищи. Кромѣ непосредственныхъ послѣдователей ученія были еще въ сравнительно небольшомъ количествѣ и сочувствующіе или просто интересовавшіеся личностью доктора.

Другой небольшою кружокъ или вѣрнѣе группа собиралась около Ковальскаго, казненнаго впоследствии за первое въ Россіи вооруженное сопротивленіе обыску ¹⁾). Ковальскій совершенно отрицалъ революціонные пути дѣятельности и единственно спасительнымъ считалъ сектанство. Онъ хорошо изучилъ предметъ и съ каждымъ готовъ былъ подѣлиться своими знаніями, но не имѣлъ популярности—нѣкоторые даже считали его маниакомъ. Впоследствии онъ перемѣнилъ свои взгляды и сталъ убѣжденнымъ революціонеромъ.

Какъ ни малы были круги, увлекавшіеся вегетаріанствомъ и сектами, но тѣмъ не менѣе самая наличность ихъ свидѣтельствовала о нѣкоторомъ разбродѣ мысли, невозможномъ въ средѣ съ сильно повышеннымъ настроеніемъ. Это настроеніе явилось послѣ, но въ началѣ движенія зимою 1873 года его еще не было.

Одесскій революціонный кружокъ также имѣлъ фязіономію отличную отъ другихъ такихъ же кружковъ. Это объясняется по всей вѣроятности выше упомянутыми условіями среды, въ которой ему приходилось дѣйствовать, а можетъ быть и нѣкоторыми личными особенностями лидера кружка Волховскаго и его ближайшихъ сотрудниковъ. Кружокъ мало интересовался анархическимъ ученіемъ и продолжалъ свое существованіе и дѣятельность почти въ такомъ-же видѣ, какъ это было въ радикальскій періодъ, предшествовавшій движенію, замѣтно усиливъ только дѣятельность

¹⁾ Это не совсѣмъ точно: первое вооруженное сопротивленіе оказала ~~о~~сужденнѣ по процессу 50-ти кн. Циціановъ. *Ред.*

среди рабочихъ. Для этихъ послѣднихъ были устроены небольшія школы, въ которыхъ члены кружка, со всею возможною въ то время конспиративною, постепенно развивали рабочихъ, подготавливая ихъ къ революціи. Пропагандой среди интеллигенціи кружокъ мало занимался, но умѣлъ улавливать выдающихся людей, которыхъ и вводилъ въ свою среду. Такъ онъ принялъ въ свои члены въ концѣ 1873 г. Желябова, впоследствии одного изъ самыхъ видныхъ народовольцевъ. Интересно было видѣть съ какою скромностью и благоговѣніемъ слушалъ Желябовъ рѣчи Волховского и другихъ старшихъ по времени вступленія въ кружокъ членовъ его. Огонекъ, потухавшій въ Желябовѣ въ то время, когда онъ находился въ составѣ кружка, тотчасъ же вспыхивалъ за предѣлами. Хотя Желябовъ и былъ исключенъ изъ университета, но онъ продолжалъ принимать участіе въ студенческихъ дѣлахъ и на происходившихъ по поводу ихъ собраніяхъ рѣзко обрывалъ признанныхъ студенчествомъ авторитетовъ, если не раздѣлялъ ихъ взглядовъ.

Скромнымъ и тихимъ человѣкомъ Желябовъ оставался и на большемъ процессѣ, предоставляя руководить товарищами другимъ лицамъ, съ которыми онъ никогда не вступалъ въ состязаніе. Такъ-же скромно онъ около двухъ лѣтъ просидѣлъ въ деревнѣ и только, почуявъ въ себѣ силу, онъ вскорѣ послѣ окончанія процесса, занялъ подобающее ему мѣсто въ партіи.

Въ кружкѣ Волховскаго, кромѣ Желябова, принимали участіе слѣдующія лица: Жолтановскій, Ольга Разумовская, по мужу Романовская ¹⁾, Вильгельмъ Лангансъ, впоследствии занявшій видное мѣсто въ партіи «Народная Воля», Франжолі, Леонидъ Аполлоновичъ Дическуло, Петръ Маркеловичъ Макаревичъ, Викторъ Федоровичъ Костюринъ, перешедшій потомъ въ Кіевскій кружокъ, и Леонидъ Ивановичъ Голиковъ.

Феликсъ Вадимовичъ Волховской принималъ участіе въ Нечаевскомъ процессѣ и имѣлъ, до начала движенія 70-хъ годовъ, нѣкоторую извѣстность въ радикальныхъ кругахъ. Обладая большою эрудиціею, онъ въ то же время не былъ лишенъ и организаторскихъ способностей и владѣлъ слогомъ. Во время большого процесса онъ составлялъ для нелегальныхъ листовъ бюллетени обо всемъ, происходившемъ на судѣ. Отправленный по суду на житье въ Томскую губернію, онъ принималъ участіе въ издававшейся въ Томскѣ «Сибирской Газетѣ», былъ высылаемъ на Востокъ и, совершивъ удачный побѣгъ, поселился въ концѣ концовъ въ Лондонѣ.

¹⁾ Романовскій, учитель Каменецъ-Подольской гимназіи, вошелъ въ 1871 году въ составъ кружка, имѣвшаго цѣлью основать въ Америкѣ настоящую коммуну, и въ качествѣ пионера вмѣстѣ съ извѣстнымъ потомъ писателемъ Григоріемъ Александровичемъ Мачетомъ и шестидесятникомъ Рѣвницимъ-Логиновымъ уѣхалъ въ Америку, чтобы выбрать мѣсто поселенія. Пробуя свой револьверъ во время скитаній по Западной Америкѣ, Рѣвницій печально убилъ Романовскаго. Американцы судьи оставшихся въ живыхъ товарищей судомъ Лиича, но торжественно оправдали ихъ. Рѣвницій скоро возвратился въ Россію и, будучи арестованъ въ Николаевскѣ Самарской губерніи, лишилъ себя жизни.

Здѣсь онъ принималъ участіе въ «Листкѣ Фонда Вольной Русской прессы» и занимался другими литературными работами. Взгляды его дѣлались со временемъ болѣе умѣренными и онъ сталъ склоняться къ конституціонализму.

Костюринъ былъ еще очень молодъ, когда сблизился съ Волховскимъ. Изъ всѣхъ членовъ кружка только у Костюрина замѣтна была какъ бы нѣкоторая внутренняя неудовлетворенность и исканіе болѣе крайнихъ направленій. Это сквозило въ его рѣчахъ, когда онъ защищалъ общую программу кружка. Вскорѣ онъ дѣйствительно перешелъ къ самымъ крайнимъ взглядамъ и поступилъ въ самый лѣвый изъ существовавшихъ кружковъ — Кіевскій. Здѣсь онъ замѣшанъ былъ въ покушеніи на жизнь Гориновича и осужденъ на каторгу (по особому процессу). Впослѣдствіи онъ принялъ участіе въ Сибирской прессѣ и отдался литературѣ. Въ Тобольскѣ онъ издавалъ (фактически) газету «Сибирскій листокъ», которая потомъ перешла въ собственность его жены; газета, конечно, была все время прогрессивная. Въ Тобольскѣ онъ принялъ участіе въ нынѣшнемъ освободительномъ движеніи и высланъ на сѣверъ.

По составу своему кружокъ Волховского былъ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ кружковъ. Члены въ него подбирались съ большою осторожностью и послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго испытанія. Въ этомъ кружкѣ можно было наблюдать проявленія партійной дисциплины, столь рѣдкой въ описываемое время.

Необыкновенная конспиративность, съ которою велись всѣ дѣла кружка, казалось, на долго гарантировала его существованіе. Но волна движенія, охватившаго вмѣстѣ съ другими городами и Одессу, подымалась настолько высоко, что никакія искусственныя сооруженія, никакія плотины не могли устоять. Конспиративность кружка тоже кое гдѣ порвалась, и свѣденія о его дѣятельности проникали за стѣну, которою онъ себя окружилъ. Между прочимъ о кружкѣ кое-что извѣстно было нѣкому Георгію Трудницкому. Онъ выдалъ правительству все, что зналъ о революціонерахъ, не пощадивъ и кружокъ Волховского. Трудницкій скоро раскаялся въ своемъ поступкѣ и въ порывѣ отчаянія лишилъ себя жизни.

Кружокъ имѣлъ болѣе или менѣе близкія отношенія къ такъ называемымъ Сень-Жебунистамъ—группѣ, состоявшей изъ трехъ братьевъ Жебуневыхъ—сплотившихся еще въ Цюрихѣ. Сень-Жебунисты долго отказывались слиться съ общимъ движеніемъ и вступить на чисто революціонный путь, но въ концѣ концовъ усвоили общую программу того времени. Эта-то группа и приняла въ свою среду названнаго выше Трудницкаго, который и выдалъ ее. Сергѣй и Владиміръ Жебуневы были арестованы, а Николай скрылся.

Самарскій кружокъ образовался изъ кружка самообразования, въ которомъ принимали участіе гимназисты. Кружокъ изучалъ литературу и науки, начиная отъ химіи и кончая соціологіей. Особенно занимали его вопросы объ ассоціаціяхъ и улучшеніи быта рабочихъ. Духъ отрицанія все болѣе и болѣе крѣпъ въ кружкѣ и, когда

до Самары стали доходить отклики начинающагося революціоннаго движенія, члены кружка быстро усвоили себѣ обычную въ то время программу революціонеровъ. Самый составъ кружка увеличился вслѣдствіе принятія новыхъ членовъ. Дѣятельность кружка особенно усилилась съ прїѣздомъ Городецкаго съ товарищами, которые были своими людьми въ кружкѣ. Вскорѣ въ Самару начали прїѣзжать анархисты. Войнаральскій, практическая программа котораго вполнѣ отвѣчала анархическому ученію, также посѣщала Самару, ходилъ вмѣстѣ съ Осташкиными къ пильщикамъ и вмѣстѣ съ Селивановымъ путешествовалъ по губерніи для пропаганды въ селахъ. Семинаристы тоже заинтересовались прїѣзжающими революціонерами и зашевелились. Нѣкоторые изъ нихъ вступили потомъ въ кружокъ. Вообще все молодое и живое поднялось въ Самарѣ на ноги—образовался настоящій революціонный муравейникъ. Самара 1874 года во всякомъ случаѣ не могла разочаровать революціонеровъ въ той вѣрѣ ихъ въ Поволжье, которая заставила многихъ изъ нихъ избирать ареной своей агитаторской дѣятельности расположенныя по Волгѣ губерніи. Самарцамъ удалось привлечь къ своему дѣлу и нѣсколькихъ обывателей, въ числѣ которыхъ былъ Ѳоминскій, дававшій пріютъ въ своемъ постояломъ дворѣ прїѣзжимъ революціонерамъ.

Изъ членовъ кружка назову слѣдующихъ лицъ: Егора Егоровича Лазарева, эмигрировавшаго послѣ суда и нынѣ проживающаго въ Швейцаріи, Виктора Александровича Осташкина, Василя Васильевича Филадельфова, Владиміра Осипова, Ивана Ивановича Бѣлякова, Никифора Ивановича Емельянова. Въ кружкѣ были: крестьяне, такъ называемый нынѣ третій элементъ (служащіе въ земствѣ), учителя и даже одинъ лакей (Павель Александровъ.).

Кружокъ пробовалъ свои силы въ народѣ. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ пропагандистовъ былъ Н. И. Емельяновъ, крестьянинъ. У него отчасти у самого, отчасти черезъ Александра было много связей въ средѣ крестьянства, чѣмъ онъ и пользовался въ цѣляхъ пропаганды. Не получивъ сколько нибудь широкаго образованія, Емельяновъ развилъ себя чтеніемъ, особенно запрещенныхъ книгъ, и былъ убѣжденнымъ народникомъ-революціонеромъ. Анархія, какъ ученіе, его мало занимала, но онъ съ наивностью простой души глубоко вѣрилъ въ успѣхъ пропаганды. Скептиковъ онъ пытался разбивать такими аргументами: я оставлю послѣ себя (если арестуютъ) самое меньшее двухъ сознательныхъ, способныхъ къ дальнѣйшей пропагандѣ крестьянъ, каждый изъ нихъ сдѣлаетъ тоже и такимъ образомъ черезъ небольшое число лѣтъ даже въ глухой деревнѣ будутъ сознательные революціонеры, при помощи которыхъ легко будетъ произвести социальный переворотъ.

Самарскій кружокъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ выдающихся кружковъ, работавшихъ въ глухой провинціи, вдали отъ университетскихъ центровъ.

Въ противоположность Самарскому, Харьковскій кружокъ не представлялъ собою ничегѣ замѣчательнаго ни по своей дѣятель-

ности, ни по личностямъ, входившимъ въ его составъ; тѣмъ не менѣ исторія его образованія въ высшей степени интересна въ томъ отношеніи, что наглядно показываетъ силу революціоннаго вихря, роковымъ образомъ захватывающаго въ свой круговоротъ даже самыхъ среднихъ, но лишь бы молодыхъ и честныхъ людей.

Кружокъ, какъ упомянуто выше, образовался по инициативѣ лица, пріѣхавшаго въ Харьковъ лишь на нѣсколько дней (Ковалика). Вѣсть о пріѣздѣ агитатора съ быстротой молніи облетѣла учащихъся, и кружокъ закончилъ свою организацію въ бытность Ковалика.

До 1874 года Харьковъ былъ однимъ изъ самыхъ глухихъ въ революціонномъ отношеніи городовъ, а студенчество—однимъ изъ самыхъ мирныхъ и отсталыхъ въ Россіи, могшимъ сравниться только съ Казанскимъ. До пріѣзда Ковалика въ Харьковъ уже былъ прочитанъ № 1 журнала «Впередъ», не прозвѣдшій почему-то особаго впечатлѣнія на молодежь. По крайней мѣрѣ чтеніе не вызвало не только сходокъ, но даже коллективнаго обсуждения прочитаннаго въ небольшихъ группахъ. Самый кругъ лицъ, прочитавшихъ «Впередъ», былъ весьма ограниченъ. Трудно допустить, что Харьковская молодежь была не подготовлена къ воспріятію ученія Лаврова, поэтому остается предположить, что въ Харьковѣ случайно не нашлось человѣка, обладающаго агитаторскими способностями и умѣющаго перевести на практическую почву идеи, развивавшіяся въ журналѣ. Въ пріѣздѣ Ковалика дѣло обстояло иначе и результаты получились другіе.

Юрій Николаевичъ Говоруха-Отрокъ, узнавши отъ Ковалика, что революціонное движеніе быстро развивается въ Россіи, отдался новому для него дѣлу со всей энергіей, на которую былъ способенъ, и на первое время сталъ руководителемъ кружка. Кружокъ имѣлъ цѣлый рядъ сходокъ. На первой изъ нихъ, по свидѣтельству обвинительнаго акта, Говоруха доказывалъ ненормальность существующаго политическаго и экономическаго строя. Этотъ строй долженъ быть поэтому уничтоженъ революціей. Въ то же время ораторъ утверждалъ, что физическій трудъ есть единственно честный трудъ и звалъ слушателей въ народъ для революціонной дѣятельности, имѣющей конечною своею цѣлью возстаніе. На другой сходкѣ Говоруха развивалъ уже мысль о необходимости устрашенія правительства и привилегированныхъ классовъ и на вопросъ одного изъ семинаристовъ, какъ это сдѣлать, будто-бы отвѣтилъ: «да я самъ сейчасъ зарѣжу прокурора». Видимая абсурдность этого отвѣта показываетъ еще разъ, насколько ненадежными показаніями руководствовался прокуроръ при составленіи обвинительнаго акта. Между тѣмъ къ услугамъ его былъ обильный матеріалъ, собранный дознаніемъ. Большинство членовъ кружка и вообще лицъ, бывавшихъ на сходкахъ, и во главѣ ихъ самъ Говоруха, давали подробныя показанія обо всемъ, что имъ было извѣстно. Кружокъ въ полномъ составѣ не приступилъ къ практической дѣятельности и потому не могло существовать такихъ дѣлъ, которыя требовали строгой тайны, болтовня-же о сходкахъ почему-то не казалась

харьковцамъ предосудительною. Одно показаніе, данное съ полною откровенностью жандармамъ, вызвало рядъ другихъ подобныхъ-же показаній. Какъ-бы то ни было, но данныя, приведенныя въ обвинительномъ актѣ, послужили однимъ изъ главныхъ матеріаловъ при составленіи этого очерка Харьковскаго кружка.

Говоруха представлялъ собою типъ разочарованнаго лишняго человекѣ. Подъ вліяніемъ новыхъ идей онъ на время воспрянулъ духомъ, но оживленіе и подъемъ энергіи продолжались у него не долго. Скоро онъ сталъ устраняться отъ руководства кружкомъ и даже отъ всякой дѣятельности. Говоруха между прочимъ имѣлъ склонность къ литературѣ. Изъ тюрьмы онъ посылалъ Н. К. Михайловскому какой-то написанный имъ рассказъ и получилъ благословеніе знаменитаго критика на дальнѣйшую литературную дѣятельность. По выходѣ изъ тюрьмы Говоруха пристроился однако не къ передовымъ органамъ печати, а къ реакціонной газетѣ «Южный Край», издававшейся въ Харьковѣ и за свою постоянную травлю въ ней студенчества получилъ пощечину отъ одного изъ студентовъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ революціонеромъ, Говоруха умеръ реакціонеромъ или по меньшей мѣрѣ участникомъ въ реакціонной литературѣ.

По устраненіи Говорухи главная роль въ кружкѣ перешла къ Николаю Михайловичу Баркову, студенту Харьковскаго университета. Онъ продолжалъ развивать въ кружкѣ программу революціонной дѣятельности въ анархическомъ духѣ. Онъ вмѣстѣ съ другими агитировалъ въ средѣ ветеринаровъ, по словамъ обвинительнаго акта онъ также доказывалъ необходимость уничтоженія правительства, считая его, а не личность царя, виновнымъ во всѣхъ несовершенствахъ общественнаго строя. «Члены Царствующаго дома, по его словамъ, должны быть устранены, т. е. должны, потерявъ вліяніе, поступить въ разрядъ всѣхъ другихъ гражданъ». Барковъ вмѣстѣ съ семинаристомъ Спѣсивцевымъ и ветеринаромъ Емельяновымъ ходилъ въ сосѣднее село для пропаганды рабочимъ революціонныхъ идей, но рабочіе будто-бы отказались отъ предложенныхъ имъ нелегальныхъ книгъ. Во время главенства Баркова окончательно завершилась организація кассы, получившей начало еще при Коваликѣ. Въ кассу поступили деньги отъ розыгрыша въ лотерею разныхъ книгъ и отъ продажи революціонныхъ изданій. Весь фондъ кассы состоялъ изъ 170 рублей.

Барковъ тоже недолго игралъ руководящую роль, которая постепенно переходила къ ветеринарамъ. Среди нихъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ былъ Калужный.

Анархисты издали слѣдили за развитіемъ кружковъ въ Харьковѣ. Въ апрѣлѣ 1874 г. въ Харьковъ пріѣхалъ, по порученію Ковалика, Рабиновичъ, съ книжками и деньгами. Въ это же приблизительно время Харьковскій кружокъ былъ введенъ въ зачаточную революціонную организацію (общую кассу), о которой будетъ сказано ниже. Пріѣздъ Рабиновича вызвалъ оживленіе, сходки участились и самый кругъ лицъ, причастныхъ къ движенію, расширился.

На сходкахъ сталъ играть замѣтную роль ветеринаръ Лебедевъ подъ именемъ Долинскаго, застрѣлившійся во время производства дознанія. Въ одномъ изъ перехваченныхъ писемъ ветеринара Михаила Михайловича Серебрякова, судившагося по процессу 193, между прочимъ читаемъ: «Въ Харьковѣ духъ нашей братіи и вообще *всѣхъ* измѣнился къ лучшему; всѣ интересуются крайне подпольною литературою. Дѣло Долгушина не сходить съ языка, всѣ трактуютъ, возмущаются, приходятъ въ препирательства и просто зачитываются Цюрихскими изданіями. Но все это пахнетъ чѣмъ-то навѣянными извнѣ, временною экзальтаціею, а не продуманными убѣжденіями».

На лѣто члены Харьковскихъ кружковъ, какъ первоначальнаго, такъ и ветеринарнаго разъѣхались, нѣкоторые поселились въ деревняхъ и пробовали свои силы въ народѣ. Семинаристъ Михаилъ Феоктистовичъ Спѣсивцевъ перебрался въ Пензу, гдѣ вступилъ въ сношенія съ Войнаральскимъ и принималъ участіе въ мѣстномъ кружкѣ, затѣмъ онъ появляется въ Самарской губерніи. Барковъ уѣхалъ въ Екатеринославскую губернію, ходилъ тамъ по деревнямъ и начиналъ уже разочаровываться.

По отношенію ко многимъ дѣятелямъ харьковскихъ кружковъ Серебряковъ былъ правъ, утверждая, что они были временно экзальтированы. Весь семинарскій кружокъ не выдерживалъ строгой критики, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія способности его членовъ къ продолжительной революціонной работѣ. Главы этого кружка также расписались въ полной неумѣлости вести дѣло. Но характерности всей исторіи возникновенія и дальнѣйшаго существованія кружка заключается именно въ томъ, что при крайней его неустойчивости и слабости входящихъ въ него силъ, онъ сыгралъ крупную роль въ дѣлѣ революціонизированія Харьковской молодежи. Только со времени появленія на сцену кружка Харьковъ измѣняетъ установившуюся за нимъ репутацію: изъ тихаго города онъ становится однимъ изъ революціонныхъ центровъ, въ которомъ правительство сочло даже нужнымъ посадить послѣ Турецкой войны особаго генералъ-губернатора.

Нѣкоторую, впрочемъ довольно слабую связь съ Харьковскими кружками имѣлъ Викторъ Александровичъ Даниловъ. Обвинительный актъ констатируетъ, что онъ уѣхалъ изъ Харькова на Кавказъ на средства кружка.

Имѣя около 20 лѣтъ отъ роду, Даниловъ отправился въ Цюрихъ и поступилъ въ Политехникумъ, гдѣ занимался науками и принималъ слабое участіе въ жизни русской колоніи. Онъ всегда отличался оригинальностью, которая не позволяла ему слѣдовать по пути обыкновену для людей его круга. Въ то время, когда въ русской колоніи кипѣла бурная жизнь и обитатели ея дѣлились на двѣ враждующія партіи, Даниловъ не присталъ ни къ одной и со всею страстностью, на которую былъ способенъ, отдался изученію русскаго сектанства, долженствующаго, по его мнѣнію, сыграть крупную революціонную роль въ Россіи. Когда колонія разъѣхалась,

онъ остался въ Цюрихѣ, но потомъ и самъ бросилъ науки и возвратился въ Россію, чтобы осуществить свою завѣтную идею—вести народъ къ революціи черезъ сектанство. Проживъ нѣкоторое время въ Харьковѣ, онъ отправился на Кавказъ къ молоканамъ. Онъ довольно долго оставался въ средѣ сектантовъ, сошелся съ ними и пользовался у нихъ уваженіемъ.

Мирная дѣятельность среди сектантовъ не могла удовлетворить активной природы Данилова, и онъ сталъ искать революціонныхъ путей дѣятельности. Возвратившись въ Харьковъ, онъ во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ собралъ небольшой кружокъ революціоннаго характера, въ которомъ наиболѣе виднымъ членомъ былъ юный Александръ Осиповичъ Сыцяно, сынъ харьковскаго профессора, кончившій свою жизнь въ 90 годахъ самоубійствомъ въ Воронежской тюрьмѣ. Кружокъ былъ арестованъ и преданъ суду, приговорившему Данилова къ каторжнымъ работамъ на 4 года. Отбывъ этотъ срокъ, онъ вышелъ на поселеніе. Съ этого времени начинается его скитаніе. Онъ бѣгалъ, былъ снова водворяемъ въ ссылку и становился чѣмъ-то въ родѣ революціоннаго бродяги. Въ это время ему пришлось совершить нѣсколько путешествій вмѣстѣ съ партіями политическихъ арестантовъ. Такимъ образомъ онъ составилъ себѣ большое знакомство съ революціонными дѣятелями разныхъ эпохъ и приобрѣлъ себѣ много поклонниковъ среди молодыхъ революціонеровъ. Собственно съ этого времени и начинается его слава. Самъ онъ еще болѣе революціонизировался. Революція стала его единственною профессіей и въ бумагахъ, подаваемыхъ начальству, онъ подписывался не иначе, какъ «плѣнный социалистъ».

Въ отношеніи своихъ личныхъ потребностей онъ былъ строгимъ ригористомъ и не позволялъ себѣ не только никакихъ излишествъ, но считалъ даже роскошью обыкновенную пищу политическихъ арестантовъ. Стараясь приготовить для нихъ, насколько позволяли средства, вкусный и здоровый обѣдъ, онъ самъ питался обѣдками или же варилъ себѣ какую-то похлебку изъ травъ. Въ своемъ собственномъ питаніи онъ придерживался вегетаріанства, но не обыкновеннаго, а своеобразнаго, какъ и все, что онъ дѣлалъ. Во время своего содержанія на Карѣ, онъ, какъ и всѣ товарищи, имѣлъ право на расходованіе 75 копѣекъ въ мѣсяцъ на чай, сахаръ, табакъ и пр., но не тратилъ на себя ни копѣйки и время отъ времени задавалъ угощеніе своимъ сожителямъ по камерѣ въ видѣ пироговъ и т. п. Это показываетъ, что у него, какъ и у всѣхъ высоко-нравственныхъ людей, наряду со строгими принципіальными требованіями къ себѣ была самая широкая снисходительность къ мелкимъ человѣческимъ слабостямъ.

По природѣ своей Даниловъ долженъ бы былъ явиться въ міръ въ качествѣ нравственнаго учителя, а между тѣмъ судьба сдѣлала его революціонеромъ по профессіи. Въ этомъ противорѣчii заключается причина какъ его силы, такъ и слабости. Молодежь увлекалась имъ какъ героемъ, не имѣвшимъ обычныхъ человѣческихъ

недостатковъ, люди-жъ видавшіе всякіе виды относились къ нему съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, какъ къ человѣку, который не въ состояніи осуществить на практикѣ тѣ великія революціонныя задачи, которыя онъ себѣ ставилъ. Въ своей революціонной дѣятельности онъ всегда являлся больше проповѣдникомъ, чѣмъ организаторомъ. Отсюда понятно, что на Карѣ, гдѣ собрано было много выдающихся людей, Даниловъ не имѣлъ той популярности, которой онъ пользовался въ арестантскихъ партіяхъ, состоявшихъ большею частью изъ молодежи.

Послѣ долгихъ странствованій, Даниловъ былъ водворенъ въ Колымскомъ краѣ. Здѣсь онъ наконецъ почувствовалъ, что организъмъ его, начинавшій изнашиваться, не въ состояніи далѣе выносить тѣхъ лишеній, которымъ онъ себя подвергалъ добровольно. Онъ долженъ былъ разрѣшить себѣ вино и елей, т. е. питаться, какъ всѣ обыкновенные смертные. Но и здѣсь онъ сохранилъ свою своеобразность, поселившись одинъ далеко отъ остальныхъ товарищей въ Верхне-Колымскѣ. Сначала онъ все получаемое казенное пособіе затрачивалъ на выписку книгъ философскаго содержанія, которыми и зачитывался въ уединеніи, но потомъ онъ сталъ вести обыкновенную жизнь якута—скотовода, помогая бѣднымъ якутамъ совѣтами и матеріальными средствами. Этотъ періодъ его жизни описанъ Таномъ въ рассказѣ, подъ заглавіемъ «Ожилъ». Авторъ описываетъ возрожденіе Данилова къ новой жизни. Собственно говоря, съ точки зрѣнія прежняго Данилова, рассказъ правильнѣе было бы назвать «Умеръ».

VIII.

Выдающіеся одиночки: Войнаральскій, Рогачевъ, Мышкинъ и Маликовъ.

Въ предъидущихъ главахъ данъ очеркъ наличныхъ силъ революціоннаго движенія въ лицѣ организованныхъ кружковъ. Очеркъ былъ бы не полонъ, если бы я умолчалъ о наиболѣе выдающихся одиночкахъ, принимавшихъ болѣе или менѣе видное участіе въ движеніи.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся людей того времени былъ Порфирій Ивановичъ Войнаральскій, незаконный сынъ княгини Кугушевой, принявшій фамилію своего отца, прочтенную наоборотъ, отъ конца къ началу, съ прибавленіемъ «скій». (Вонойральскій, потомъ передѣланную для благозвучія на Войнаральскій).

За участіе въ студенческомъ движеніи 1861 года онъ былъ высланъ изъ московскаго университета на сѣверъ, въ возрастѣ около 17 лѣтъ. Будучи студентомъ, онъ стоялъ ближе всего къ группѣ, извѣстной потомъ подъ именемъ Каракозовцевъ. Въ этой группѣ были земляки Войнаральскаго, съ которыми онъ поддерживалъ нѣкоторыя отношенія почти до своей смерти. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ возвратился изъ ссылки на родину въ Городищенскій

уѣздъ, Пензенской губерніи, гдѣ былъ избранъ мировымъ судьей, но продержался недолго, не будучи утвержденъ, какъ и Коваликъ; въ этой должности Сенатомъ ¹⁾).

Войнаральскій не принадлежалъ ни къ какому опредѣленному кружку. Предавшись всею душою революціонному дѣлу, онъ съ первыхъ же шаговъ встрѣтился на избранномъ имъ пути со многими кружками и не слился окончательно ни съ однимъ. О близости его къ московскимъ кружкамъ, а черезъ нихъ и къ Чайковцамъ, уже было упомянуто. Онъ былъ также своимъ членомъ въ кружкахъ: Саратовскомъ, Самарскомъ, Пензенскомъ и Тамбовскомъ, участвуя вмѣстѣ съ Рогачевымъ въ организаціи двухъ послѣднихъ.

Войнаральскій не умѣлъ отдаваться захватившему его дѣлу на половину. Разъ онъ ступилъ на революціонный путь, онъ отдавалъ революціи всѣ свои силы и матеріальныя средства. Его личное состояніе, доходившее до 40 тысячъ рублей, было достояніемъ революціи. Правда не всѣ его деньги были употреблены на дѣло, которому онъ служилъ—часть пристала къ рукамъ распорядителей, которыхъ онъ долженъ былъ назначить, когда былъ вмѣстѣ со своею женою арестованъ. Въ обвинительномъ актѣ сохранилась характерная черта для Войнаральскаго и всѣхъ вообще дѣятелей движенія 70-хъ годовъ. Въ мастерской, устроенной на его средства въ Москвѣ, онъ повѣсилъ на стѣнкѣ сумку съ деньгами (400—500 руб.) и всякій изъ постоянныхъ посѣтителей мастерской могъ свободно опустить руку въ сумку и брать столько денегъ, сколько ему было нужно.

По природѣ своего ума Войнаральскій не былъ теоретикомъ. Обладая яснымъ умомъ, онъ быстро усваивалъ сущность всякой новой идеи или новаго ученія, но его болѣе всего интересовала практическая сторона дѣла—способы ихъ осуществленія. Даже въ самый разгаръ своей дѣятельности, онъ никогда не объявлялъ себя послѣдовательнымъ анархистомъ, а между тѣмъ по образу своихъ дѣйствій онъ былъ несомнѣнно таковымъ. Войнаральскій былъ по преимуществу практикъ, интересовавшійся болѣе всего матеріальными слѣдами своей работы. Въ средѣ интеллигенціи онъ устраивалъ мастерскія, типографіи, агентуры, въ народѣ — лавочки, постоянные дворы и разные притоны для пропагандистовъ. Сѣтью такихъ, связанныхъ между собою пунктовъ, онъ мечталъ покрыть весь районъ Повольжья, куда онъ перенесъ главную свою дѣятельность.

Независимо отъ этой дѣятельности чисто организаціоннаго характера, Войнаральскій стремился испытать свои силы на пропагандѣ революціонныхъ идей въ народѣ. Получивъ отъ Самарскихъ пильщиковъ адреса крестьянъ, способныхъ сочувственно отнестись

¹⁾ Войнаральскаго и Ковалика публика считала какъ бы двумя близнецами (въ родѣ Стефановича и Дейча) и иногда даже перепутывала ихъ фамиліи и дѣятельность. Поводъ къ этому данъ былъ не только нѣкоторымъ сходствомъ ролей, которыя они играли въ движеніи, но еще болѣе ихъ одинаковымъ общественнымъ положеніемъ. Въ ссылкѣ они дѣйствительно были близки между собою, но во время своей революціонной дѣятельности шли разными путями, сходявшимися, впрочемъ, въ одной точкѣ.

къ проповѣдуемымъ имъ идеямъ, Войнаральскій въ сопутствіи Селиванова обошелъ два уѣзда Сызранскій и Корсунскій. Затѣмъ въ сообществѣ Надежды Юргенсонъ ходилъ въ Ставропольскій уѣздъ, гдѣ былъ временно арестованъ сельскими властями (объ этомъ будетъ упомянуто ниже). Войнаральскій остался очень доволенъ результатами своихъ путешествій. Ему между прочимъ удалось устроить нѣсколько новыхъ пунктовъ для предполагаемой сѣти.

Войнаральскій былъ окончательно арестованъ въ Самарѣ въ концѣ іюля 1874 г. и вскорѣ былъ увезенъ въ Москву, а затѣмъ и въ Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость. Ко времени начала слѣдствія, во главѣ котораго стоялъ сенаторъ, Войнаральскій и другіе заключенные были переведены въ Домъ предварительнаго заключенія. Здѣсь онъ и Коваликъ составили планъ побѣга и въ одну, уже довольно свѣтлую, петербургскую ночь пытались осуществить его. Съ воли устройству побѣга помогли Григорій Александровичъ Мачтетъ и Орестъ Мартыновичъ Габель ¹⁾. Когда бѣглецы спускались на простыняхъ по стѣнамъ тюрьмы, ихъ увидѣлъ инженеръ Чечулинъ, возвращавшійся навеселѣ изъ клуба, нѣкогда самъ сидѣвшій по политическому дѣлу въ крѣпости. Онъ поднялъ тревогу, и бѣглецы, уже садившіеся на извозчика, были пойманы и препровождены вмѣстѣ съ Чечулинымъ въ участокъ. Этотъ послѣдній раскаивался въ своемъ поступкѣ и увѣрялъ, что онъ принялъ спускавшіяся по стѣнѣ фигуры за уголовныхъ преступниковъ.

Судъ приговорилъ Войнаральскаго, наравнѣ съ другими «зачинщиками» Коваликомъ, Рогачевымъ и Мышкинымъ къ 10 лѣтней каторгѣ, но ходатайствовалъ о замѣнѣ наказанья ссылкой на поселеніе. Только Мышкинъ былъ исключенъ изъ ходатайства, какъ совершившій «уголовное» преступленіе, отстрѣливаясь въ Вилійскѣ отъ ловившихъ его казаковъ. Въ это время была оправдана присяжными засѣдателями Вѣра Засуличъ, стрѣлявшая въ Трепова—отца. Это обстоятельство настроило «Звѣздную Палату» того времени на воинственный ладъ, и подъ ея давленіемъ Министръ Юстиціи Паленъ сдѣлалъ соотвѣтствующій докладъ Государю. Ходатайство суда не было уважено и только время предварительнаго заключенія—для Рогачева два года, а для остальныхъ четыре—было зачтено въ срокъ каторги ²⁾.

Въ концѣ 1878 года Войнаральскій, Коваликъ, Рогачевъ и Муравскій по Высочайшему повелѣнію были закованы въ Петропавловской крѣпости въ кандалы и подъ усиленнымъ конвоемъ отправлены въ Харьковъ, а оттуда по одиночкѣ въ Ново-Борисоглѣбскую или Андреевскую централку, отстоящую отъ Харькова въ 50 верстахъ. Зная приблизительно время отправки каторжанъ въ централку, революціонеры рѣшили отбить одного изъ нихъ во время слѣдованія въ Андреевку. Нападеніе было произведено въ то

¹⁾ Габель по крайней мѣрѣ былъ арестованъ по дѣлу о побѣгѣ.

²⁾ Черезъ нѣкоторое время это же было продѣлано съ Сажинымъ, доставленнымъ также въ Андреевскую централку.

время, когда везли Войнаральскаго. Нападавшіе ранили одного изъ сопровождавшихъ арестанта жандармовъ, другой же въ это время всею тяжестью своею налегъ на ноги Войнаральскаго и тройкѣ удалось ускакать.

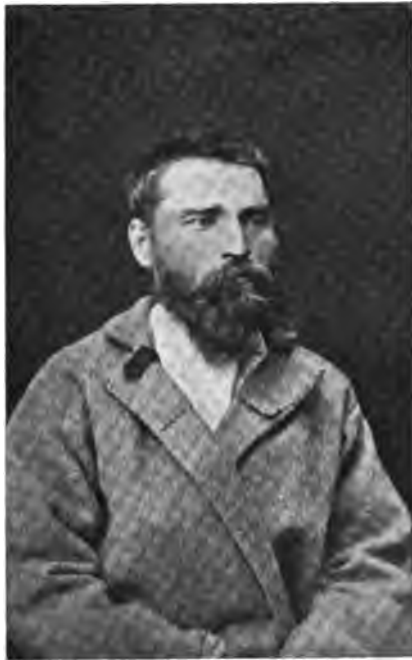
Войнаральскій съ товарищами просидѣлъ въ централкѣ, въ одиночномъ заключеніи, около двухъ лѣтъ. Только въ самое послѣднее время ихъ заключенія разрѣшены были прогулки по двое. Въ либеральный періодъ Лорисъ-Меликова, арестанты изъ обѣихъ централокъ—Андреевской и Печенѣжской—были переведены въ Мценскую пересыльную тюрьму, а оттуда, за исключеніемъ Сажина, отправленнаго изъ Иркутска прямо на поселеніе, въ Карійскую каторжную тюрьму ¹⁾. На Карѣ болѣе чѣмъ вѣрноподданная администрація продолжала произвольно держать Войнаральскаго (равно Рогачева и Ковалика) въ кандалахъ, полагая, что она слишкомъ ничтожна, чтобы имѣть право толковать Высочайшее повелѣніе, данное только на время слѣдованія въ Харьковъ.

Товарищи Войнаральскаго, какъ по путешествію на Кару, такъ и на самой Карѣ, быстро оцѣнили практическія его способности и обыкновенно избирали его въ старосты, какъ для веденія артельного хозяйства, такъ и для сношеній съ начальствомъ.

По отбытіи срока каторги, сокращеннаго на основаніи существующихъ положеній, Войнаральскій въ 1883 году былъ отправленъ на поселеніе въ Верхоянскій округъ Якутской области, расположенный близъ сѣвернаго полярнаго круга. Въ первое время онъ жилъ въ якутскихъ стойбищахъ, въ собственной юртѣ, занимаясь по-немногу адвокатурой и мыловареніемъ. Приготовить самое простое мыло оказалось дѣломъ въ высшей степени труднымъ. Зола, получавшаяся въ мѣстѣ жительства Войнаральскаго, какъ содержащая мало щелочи, была непригодна для мыловаренія и пришлось нарочито выжигать золу изъ тополя, растущаго въ разстояніи 300 верстъ. Войнаральскій жилъ какъ простой якутъ, питался молочными продуктами и мясомъ. Онъ дѣлалъ опыты посѣва ячменя, но не получилъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. И здѣсь судьба свела его съ Коваликомъ, высланнымъ въ тотъ же Верхоянскій округъ и занимавшимся въ городѣ печными работами и плотничествомъ. Впослѣдствіи Войнаральскій тоже переѣхалъ въ Верхоянскъ и сосредоточилъ въ своихъ рукахъ торговлю, которою ранѣе занимались немногочисленные тамъ политическіе.

Вскорѣ ему удалось переѣхать въ г. Якутскъ, гдѣ онъ получилъ возможность пріобрѣтать въ болѣе широкомъ размѣрѣ въ кредитъ необходимые товары, отправлявшіеся въ Верхоянскъ на лошадахъ вьюкомъ. Но политическіе были плохими торговцами, и Войнаральскій скоро прогорѣлъ, превратившись изъ купца въ обыкновеннаго ссильнаго, живущаго на жалкое денежное пособіе отъ

¹⁾ Не попали на Кару четыре человѣка, страдавшіе психическимъ разстройствомъ: Боголюбовъ, который подвергся истязанію по приказанію Тренина а что Засуличъ и явилась мстительницей), Довецкій, Плотниковъ и Соколовскій.

Порфирій Ивановичъ -
ВОЙНАРАЛЬСКІЙ.

казны. Положеніе его было тѣмъ болѣе тяжело, что въ это время онъ былъ уже семейнымъ человѣкомъ и имѣлъ четверыхъ дѣтей.

Первая его жена не послѣдовала за нимъ въ ссылку и осталась въ Россіи съ единственной дочерью, родившеюся въ тюремной камерѣ въ Самарѣ. Между мужемъ и женою произошло охлажденіе еще до судебного приговора, послѣ-же него никакія свиданія не допускались въ централкѣ, такъ что, даже и въ случаѣ желанія, жена не могла въ началѣ слѣдовать за Войнаральскимъ. Съ теченіемъ времени Войнаральскій сталъ совершенно равнодушнѣ къ женѣ, но дочь, взятую на воспитаніе близкимъ ему человѣкомъ, онъ продолжалъ любить и часто вспоминать.

Такимъ образомъ въ Верхоянскѣ Войнаральскій явился и по закону и въ дѣйствительности на правахъ холостого человѣка. Онъ сошелся съ якуткой, бывшей у него въ услуженіи, и, когда явились дѣти, женился на ней. Она была совершенно простая, неграмотная якутка, никогда не владѣвшая вполнѣ русскимъ языкомъ. Превращеніе изъ купчихи снова въ бѣдную якутку для нея было вѣроятно чувствительнѣе, чѣмъ для самого Войнаральскаго, но она безропотно несла свой крестъ. Положеніе семьи было тѣмъ труднѣе, что Войнаральскій не чуждъ былъ склонности къ выпивкѣ и злоупотребленіемъ спиртными напитками во время своего купеческаго благосостоянія нѣсколько подорвалъ свое слабое вообще здоровье.

Ликвидировавъ торговлю, Войнаральскій съ семьєю поселился въ сѣверной части Якутскаго Округа на Алданѣ, гдѣ земледѣліе было очень слабо развито. Здѣсь онъ между прочимъ занялся кропотливымъ изслѣдованіемъ роста хлѣба въ этомъ холодномъ краѣ и помѣстилъ большую статью въ журналѣ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство», издающемся на средства Министерства Земледѣлія.

Когда, по инициативѣ Клеменса, бывшаго консерваторомъ музея въ Иркутскѣ, сооружена была на средства Сибирякова научная экспедиція изъ ссыльныхъ для изученія Якутскаго края и вліянія золотопромышленности на бытъ якутовъ, Войнаральскій отнесся отрицательно къ постановкѣ ея работъ. Онъ предложилъ свой планъ организаціи экспедиціи, невстрѣтившій сочувствія, и на отрѣзъ отказался отъ всякаго участія въ ней. Изъ ближайшихъ товарищей Войнаральскаго участіе въ экспедиціи принялъ Коваликъ, жившій уже въ то время въ Иркутской губерніи, въ самомъ-же Якутскомъ округѣ работали на жалкія средства, ассигнованныя на ихъ долю, многіе ссыльные изъ мѣстныхъ, а изслѣдованіе отдаленнаго Колымскаго края приняли на себя Танъ (Богоразъ) и Іохельсонъ.

Въ 1897 году Войнаральскій получилъ право вернуться въ Европейскую Россію. Сохранивъ бодрость духа во всѣхъ перипетіяхъ своей ссыльной жизни, онъ оживлялся еще болѣе при мысли, что скоро увидитъ родину, гдѣ можетъ снова всѣ свои силы посвятить служенію тому дѣлу, отъ котораго былъ насильственно оторванъ

болѣе 20 лѣтъ назадъ. Онъ между прочимъ мечталъ и о совмѣстной работѣ съ любимой дочерью, теперь взрослою дѣвушкою.

Послѣдующій короткій періодъ жизни Войнаральскаго былъ полонъ трагизма. Уѣзжая изъ Якутска по недостатку средствъ одинъ, онъ условился съ женою относительно послѣдующаго выѣзда ея съ дѣтьми и о встрѣчѣ съ ними въ извѣстномъ мѣстѣ; самъ-же онъ тѣмъ временемъ долженъ былъ добыть для нея денегъ и для сокращенія расходовъ совершить путь волокомъ съ Лены на Ангару, минуя Иркутскъ. Не получивъ отвѣта отъ жены на посланную телеграмму, онъ нѣкоторое время поджидалъ ее на волокѣ и, такъ какъ навигація скоро должна была прекратиться, отправился одинъ водою въ Красноярскъ. Только здѣсь онъ узналъ о смерти жены и о томъ, что добрые люди везутъ двухъ его дѣтей—остальныхъ двухъ (младшихъ) онъ, еще будучи въ Якутскѣ, отдалъ якутамъ на воспитаніе.—Не падая духомъ, Войнаральскій продолжалъ свое путешествіе съ прежней вѣрой въ свои силы. Въ Россіи онъ совершилъ революціонное турнэ по главнѣйшимъ городамъ, собиралъ молодежь, старался вдохнуть въ нее начинавшую оскудѣвать по его мнѣнію вѣру въ революцію и надѣялся связать въ болѣе крѣпкую организацію разрозненные революціонные кружки. Молодежь вообще хорошо принимала старика, сохранившаго пылъ юности, но онъ встрѣтилъ противодѣйствіе своимъ планамъ со стороны социаль-демократовъ, этой новой силы, которую онъ еще мало зналъ. Онъ вѣрилъ, что ему удастся преодолѣть это противодѣйствіе и удваивалъ усилія...

Дни его однако уже были сочтены. Организмъ его, надорванный въ ссылкѣ, не могъ долго выдерживать того страшнаго напряженія духовныхъ силъ, въ которомъ онъ находился все время своего путешествія по Россіи. Сильное нервное возбужденіе лишило его сна и добило его слабое здоровье. Не успѣвъ окончить своего объѣзда, онъ скоропостижно скончался въ г. Купянскѣ Харьковской губерніи на рукахъ своей старой знакомой по ссылкѣ Марьи Ипполитовны Легкой, урожденной Тихоцкой.

Двое дѣтей Войнаральскаго, сынъ и дочь, привезены были въ Россію уже послѣ смерти Войнаральскаго и помѣщены на воспитаніе въ извѣстную интеллигентную колонію на Кавказѣ.

Дочь свою отъ первой жены Войнаральскому не удалось увидѣть. Семья, которая ее воспитала, принадлежала къ другому лагерю и встрѣтила Войнаральскаго очень холодно.

Дочь также не проявила никакого интереса видѣть своего отца. Онъ затаилъ эту жестокою обиду въ своемъ сердцѣ и еще съ большимъ одушевленіемъ принялся за начатое дѣло.

Дмитрій Михайловичъ Рогачевъ—Митька, какъ его часто называли—получилъ военное образованіе; окончивъ артиллерійское училище, онъ былъ произведенъ въ офицеры и служилъ въ артиллеріи, какъ и младшій его братъ, повѣщенный въ 84-мъ году. Въ 1873 году онъ былъ уже въ отставкѣ. Будучи уроженцемъ Орловской губерніи, онъ нѣкоторое время послѣ выхода своего

въ отставку, вращался между орловскою молодежью и познакомился между прочимъ съ молодою нигилисткою Вѣрою Павловною Карповою, подчинившеюся его умственному вліянію. Чтобы освободить ее отъ власти родителей, онъ, какъ упомянуто выше, вступилъ съ нею въ фиктивный бракъ, послѣ чего каждый изъ супруговъ пошелъ своею дорогою.

Рогачевъ получилъ революціонную закваску еще въ училищѣ, вмѣстѣ съ Кравчинскимъ, Шишко и др. Ко времени начала движенія 70 годовъ онъ уже выработалъ свое міросозерцаніе и былъ убѣжденнымъ революціонеромъ-народникомъ. Черезъ Кравчинскаго онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ чайковцами, но въ кружокъ ихъ не былъ принятъ.

Рогачевъ не имѣлъ крупнаго организаторскаго таланта, но былъ выдающимся работникомъ. Вліяя на окружающую его молодежь, онъ всегда оставался первымъ между равными, въ претендуя на какую-нибудь исключительную роль. Агитаторомъ, въ строгомъ смыслѣ слова, онъ не былъ, но имѣлъ талантъ проповѣдника и популяризатора. Никто лучше его не могъ доказать учащейся и стремящейся къ самообразованію молодежи полную непригодность официальной науки для настоящаго, не игрушечнаго только дѣла. Подборомъ доказательствъ, расположенныхъ въ извѣстной системѣ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ приводилъ своихъ собесѣдниковъ къ признанію, что никакая легальная дѣятельность невозможна въ Россіи при существующихъ условіяхъ, тѣмъ-же, кого не убѣдила живая рѣчь, онъ предлагалъ продолжать свое самообразование чтеніемъ книгъ въ порядкѣ составленнаго имъ систематическаго каталога.

Революціонная дѣятельность Рогачева имѣла перемежающійся характеръ. Потолкавшись въ интеллигентныхъ кружкахъ, онъ отправлялся для пропаганды въ народъ и послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ путешествій снова возвращался въ города. Здѣсь онъ какъ-бы отдыхалъ и набирался силъ для дальнѣйшей работы въ народѣ.

Рогачевъ появлялся во многихъ кружкахъ въ Петербургѣ, посѣщалъ вмѣстѣ съ Кравчинскимъ московскія собранія молодежи, принималъ дѣятельное участіе вмѣстѣ съ Войнаральскимъ въ Пензенскомъ, Тамбовскомъ и Саратовскомъ кружкахъ. Въ Саратовѣ онъ чуть не былъ захваченъ въ распахъ во время сна въ квартирѣ учителя, но въ то время, когда жандармы входили для обыска въ дверь, онъ успѣлъ выскочить въ окно (вмѣстѣ съ Коваликомъ и Фаресовымъ) безъ шапки и сапогъ. Въ такомъ видѣ онъ могъ найти себѣ пріютъ только въ домѣ терпимости, одинаково открытомъ и для вѣрноподанныхъ и для революціонеровъ.

Еще болѣе, чѣмъ въ средѣ интеллигенціи, Рогачевъ работалъ въ народѣ. Обладая хорошимъ здоровьемъ и крупной силой, онъ не только не отказывался, но искалъ физической работы. Вмѣстѣ съ Кравчинскимъ онъ работалъ въ ноябрѣ 1873 года въ Тульской губерніи въ качествѣ пильщика. Здѣсь оба они были арестованы,

но имъ удалось бѣжать. Послѣ этого Рогачевъ бурлачилъ по Волгѣ. Въ теченіе почти двухъ лѣтъ онъ успѣлъ перебивать во многихъ мѣстностяхъ и зналъ народъ въ совершенствѣ. Открытое симпатичное лицо и сердечность, съ которой онъ относился къ каждому встрѣтившемуся на его пути человѣку, привлекали къ нему слушателей. Они не подозрѣвали, что видятъ передъ собою человѣка другого класса—дворянина и интеллигента—и относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Рогачевъ никогда не жаловался на неудачи въ народѣ.

Во время своихъ странствованій Рогачевъ былъ нѣсколько разъ арестованъ сельскою полиціею, но успѣвалъ благополучно убѣгать. О побѣгахъ его создались настоящія легенды, и имя его было однимъ изъ самыхъ популярныхъ среди интеллигентной молодежи. Правительству наконецъ удалось арестовать его въ 1876 г. и прочно засадить въ тюрьму.

Жизнь его въ заключеніи протекала такъ-же, какъ и всѣхъ другихъ арестованныхъ. Въ централкѣ онъ вмѣстѣ съ Муравскимъ, жизнь котораго описана раньше, поддавался религіозному настроенію. Подъ вліяніемъ ли этого настроенія, или вслѣдствіе нѣкотораго разстройства нервовъ, въ немъ замѣчалась небольшая, впрочемъ, физическая вялость, которая быстро прошла съ переѣздомъ въ Мценскъ. Здѣсь онъ исцѣлился отъ всѣхъ своихъ недуговъ. Онъ былъ первымъ силачемъ въ тюрьмѣ и уступалъ только своему брату, пріѣзжавшему къ нему для свиданій.

На Кару онъ явился бодрый физически и нравственно. Какъ краткосрочный, онъ не думалъ о побѣгѣ, но въ качествѣ добровольца принималъ участіе въ подземныхъ работахъ, начатыхъ за-долго до его пріѣзда съ цѣлью подготовить массовый побѣгъ. По своей выдающейся силѣ онъ неизбѣжно долженъ былъ принять участіе въ перенесеніи изъ тюрьмы въ мастерскую кровати, въ ящикѣ которой спрятанъ былъ Мышкинъ, совершившій первый побѣгъ изъ политической Кары.

Послѣ того, какъ администрація открыла исчезновеніе Мышкина и товарищей, въ тюрьму проникли слухи, что начальство готовитъ погромъ, долженствующій уничтожить всѣ завоеванныя послѣ продолжительной борьбы права полусвободной карійской республики. Ожиданіе погрома вызвало необыкновенное оживленіе среди каторжанъ. Рѣшено было сопротивляться до послѣдней крайности. Рогачевъ былъ избранъ главнокомандующимъ. Онъ организовалъ своего рода боевую дружину, безъ оружія только, которая должна была забаррикадировать всѣ входы и не впускать непріятеля. Начальство однако перехитрило каторжанъ. Не появляясь въ теченіи нѣсколькихъ дней въ тюрьмѣ, оно успокоило или вѣрнѣе усыпило ея обитателей, и затѣмъ ночью, когда все спало крѣпкимъ сномъ, нагрянуло съ массою вооруженныхъ солдатъ. Каторжане безъ сопротивленія сдались въ плѣнъ и были разведены по разнымъ тюрьмамъ-клоповникамъ, гдѣ всячески издѣвались надъ заключенными. Режимъ, установившійся въ этихъ клоповникахъ,

продолжался и въ общей тюрьмѣ, по переселеніи туда арестантовъ. Тюрьма была вынуждена объявить голодовку ¹⁾, которая продолжалась 13 дней и не достигла серьезныхъ результатовъ.

При распредѣленіи домашнихъ работъ между заключенными Рогачевъ обыкновенно выбиралъ самую тяжелую изъ нихъ. Однажды, послѣ мытья половъ, онъ простудился, получилъ воспаленіе легкихъ и умеръ въ цвѣтѣ силъ. Это было во второй половинѣ 80-хъ годовъ.

По натурѣ своей Рогачевъ былъ идеалистъ. Онъ даже во время наибольшаго увлеченія революціонной дѣятельностью не могъ оторвать своей мысли отъ вопросовъ этики и въ часы досуга продолжалъ мечтать о нравственномъ самоусовершенствованіи. Въ этихъ мечтахъ онъ забывалъ лишенія, которыя испытывалъ въ своихъ не всегда легкихъ странствованіяхъ въ народѣ. Идеалистомъ онъ остался до конца жизни и сошелъ въ могилу окруженный любовью товарищей.

Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ уже извѣстенъ читателямъ русскихъ журналовъ по нѣсколькимъ очеркамъ, посвященнымъ ему, поэтому я не имѣю намѣренія сообщить о немъ полныя біографическія свѣдѣнія и коснусь главнымъ образомъ тѣхъ обстоятельствъ его жизни, которыя извѣстны мало или совсѣмъ неизвѣстны. Поэтому же я обойду молчаніемъ и его знаменитую попытку къ похищенію Чернышевскаго изъ вилуйской тюрьмы.

Мышкинъ прошелъ суровую школу кантонистовъ и собственнымъ трудомъ проложилъ себѣ дорогу къ жизни. Развитіемъ своимъ онъ также обязанъ исключительно самому себѣ; ремесло его— онъ былъ правительственнымъ стенографомъ при окружномъ судѣ,— только въ нѣкоторой степени могло облегчить процессъ его развитія.

Во время своей революціонной дѣятельности Мышкинъ былъ извѣстенъ только немногимъ, соприкасавшимся съ нимъ по дѣлу лицамъ. Кипучая энергія, съ которой онъ брался за всякое дѣло, еще не успѣла создать ему широкой популярности. Онъ никогда не былъ главаремъ движенія и не могъ имъ быть по своему характеру. Ораторскія способности его до суда не имѣли случая проявиться, и никто изъ самыхъ близкихъ къ нему людей не подозревалъ, какой крупный талантъ таится въ немъ. Собственно говоря, онъ только два раза въ своей жизни выступалъ передъ публикою въ качествѣ оратора: первый разъ на судѣ, когда онъ, несмотря на постоянные перерывы предсѣдателя, не только сумѣлъ высказать все то, что хотѣлъ, но и успѣлъ мастерски охарактеризовать въ нѣсколькихъ словахъ революціонное движеніе 70-хъ годовъ. Собственно съ этой рѣчи и начинается популярность Мышкина. Судъ по своему засвидѣтельствовалъ ему свое уваженіе, отнеся его къ числу самыхъ главныхъ организаторовъ движенія. Второй разъ

¹⁾ Войнарьскій не считалъ ее дѣлесообразною и вмѣстѣ съ меньшинствомъ не участвовалъ въ ней.

онъ сказалъ прочувствованное слово въ Иркутской тюремной церкви при отпѣваніи Дмоховскаго, товарища Долгушина. Объ этой рѣчи разсказалъ М. Р. Поповъ въ «Быломъ». Ораторъ не можетъ существовать безъ толпы. Мышкина могла вдохновить только толпа, въ частныхъ же разговорахъ онъ былъ довольно вялымъ собесѣдникомъ, подыскивающимъ надлежащія слова и чуть-чуть не заикающимся. Мышкинъ-собесѣдникъ и Мышкинъ-ораторъ, казалось, были двумя противоположностями.

Точно также, но въ другомъ отношеніи, Мышкинъ преобразился подъ вліяніемъ охватившей его идеи. Самая обыкновенная «идея», которая не даетъ покоя арестанту,—это побѣгъ. Въ обыкновенное время, когда умъ Мышкина не былъ занятъ выношеннымъ въ уединеніи планомъ побѣга, онъ представлялся нервнымъ человѣкомъ, способнымъ по ничтожному поводу совершить самый рискованный для него шагъ. Въ это время онъ казался начальству самымъ опаснымъ и вреднымъ агитаторомъ и неблагодежнымъ человѣкомъ. Но какъ только въ головѣ его слагался планъ, онъ становился неузнаваемъ. Спокойствіе его, казалось, нельзя было ничѣмъ нарушить, общественно-тюремныя дѣла переставали его занимать и въ случаяхъ конфликтовъ съ администраціей онъ старался держаться примирительной политики, а до конфликтовъ пытался предупредить ихъ. Въ это время между арестантами трудно было найти другого такого благонадежнаго человѣка, какъ Мышкинъ; друзья Мышкина сразу догадывались, что это за благонадежность.

Такъ какъ Мышкинъ не принадлежалъ къ привилегированнымъ сословіямъ, то приговоръ о немъ суда подлежалъ немедленному исполненію, и онъ вскорѣ дѣйствительно былъ увезенъ въ Печенѣжскую централку ¹⁾, гдѣ ужъ сидѣло болѣе 20 человѣкъ. При отсутствіи всякихъ сношеній съ волей, арестантъ, одѣтый въ казенную куртку, съ бритой головой и кандалами на ногахъ и не имѣющій при себѣ никакихъ инструментовъ, казалось, не могъ даже помышлять о побѣгѣ. Но Мышкинъ, ориентировавшись въ централкѣ, сдѣлался «благонадежнымъ», слѣдовательно онъ нашелъ планъ. Ему удалось гдѣ-то раздобыть гвоздь, онъ имѣлъ въ распоряженіи своемъ половую щетку и въ переплетной мастерской, гдѣ каторжане подъ надзоромъ стражника могли работать по одиночкѣ, скралъ кусокъ коленкору. Гвоздемъ онъ вскрылъ половицу и пользовался имъ-же для подкопа, изъ щетки сдѣлалъ себѣ парикъ, а изъ коленкору сшилъ костюмъ, хотя и не франтовской, но не похожій на арестантскій. Долго онъ работалъ, пока довелъ подкопъ до наружной стѣны своей одиночной камеры. Ему оставалось пройти еще одинъ или два аршина и онъ могъ выскочить на тюремный дворъ, войти незамѣченнымъ въ тюремную церковь, а оттуда безъ дальнѣйшихъ приключеній выйти за тюремную ограду.

¹⁾ Объ этой централкѣ см. статью Джабадари въ „Быломъ“. Ранѣе жизнь въ Печенѣгахъ была описана въ брошюрѣ „Заживо-погребенные“.

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Мышкину. Но планъ его рухнулъ, не доведенный до конца. Надзиратель, заглянувъ въ волчекъ (стеклышко въ двери), замѣтилъ отсутствіе Мышкина въ камерѣ и, войдя, нашелъ его на мѣстѣ преступленія—онъ оканчивалъ подкопъ.

По пути въ Сибирь Мышкинъ составилъ планъ побѣга съ этапа, но самъ не пожелалъ имъ воспользоваться и выпустилъ товарища по путешествію, «Ваничку» Мартыновскаго, для себя-же выжидалъ другого благопріятнаго случая, который представился ему однако только на Карѣ. Здѣсь, посовѣтовавшись съ болѣе близкими ему товарищами, онъ рѣшилъ бѣжать, не считаясь съ тѣмъ, что въ тюрьмѣ въ двухъ камерахъ велись общественные подкопы, чрезъ которые предполагалось въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ совершить массовой выходъ изъ тюрьмы. Зачѣмъ, вполне справедливо рассуждалъ Мышкинъ, ожидать неизвѣстно сколько времени выполненія сомнительнаго плана побѣга, когда можно было навѣрняка бѣжать сейчасъ? Кромѣ того вслѣдъ за нимъ и другіе могли воспользоваться, какъ это потомъ и случилось, его планомъ. Мышкинъ былъ вынесенъ въ мастерскую, находившуюся за оградой тюрьмы, въ кровати, требующей яко-бы починки, Рогачевымъ и Коваликомъ, и остался тамъ незамѣченный конвоемъ. Спутникъ его Хрущовъ просто запуталъ счетъ, который вели конвойные по числу приходившихъ въ мастерскую и тоже остался въ ней. Ночью оба скрылись и были арестованы, спустя мѣсяць, во Владивостокѣ.

Дальнѣйшая судьба Мышкина извѣстна: онъ, какъ и многіе другіе, нашелъ преждевременную могилу въ Шлиссельбургѣ.

Выше было упомянуто о нервности Мышкина. Подъ влияніемъ неблагопріятныхъ условій она доходила иногда до такой степени, что его можно было признать психически разстроеннымъ. Когда онъ далъ пощечину зрителю Печенѣжской тюрьмы, само начальство признало его дѣйствовавшимъ въ невмѣняемомъ состояніи и, не совершая надъ нимъ никакой расправы, ограничилось тѣмъ, что перевело его въ Андреевскую тюрьму, гдѣ онъ попалъ въ лучшія условія и скоро оправился. Здѣсь онъ пользовался обществомъ Рогачева, Ковалика, Войнаральскаго и Сажина, съ которыми имѣлъ общія прогулки и вскорѣ вмѣстѣ со всѣми отправленъ былъ во Мценскъ, гдѣ окончательно поправилъ свое здоровье.

Насколько Мышкинъ былъ близокъ къ психическому разстройству, это въ настоящее время трудно сказать. Съ одной стороны существуютъ уровновѣшенные люди, которые считаютъ ненормальнымъ всякаго, кто во имя идеи отказывается отъ доступныхъ ему благъ жизни и идетъ на вѣрную смерть. Съ этой точки зрѣнія Мышкинъ былъ самымъ ненормальнымъ. Съ другой стороны во время продолжительной своей жизни въ средѣ товарищей во Мценскѣ и на Карѣ онъ ни разу не обнаружила такой нервности, которая сколько нибудь напоминала-бы психическое разстройство. Не будучи психіатромъ, я на основаніи своихъ наблюденій пришелъ къ заключенію, что самый надежный признакъ, по которому

можно узнать психически разстроеннаго человѣка, это когда онъ, безъ вполнѣ достаточныхъ основаній, притворяется сумасшедшимъ. Мышкинъ однажды въ своей тюремной жизни симулировалъ сумасшедшаго, но я не знаю степени основательности причинъ, по которымъ онъ дѣлалъ это. Изъ его разсказовъ мнѣ показалось, что вполнѣ достаточныхъ причинъ для симуляціи не было. Но такъ это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ многіе могутъ засвидѣтельствовать, что послѣ выхода своего изъ централки Мышкинъ былъ вполнѣ здоровъ, какъ тѣломъ, такъ и духомъ.

Въ семидесятыхъ годахъ въ кругахъ молодежи пользовался сравнительно большою, хотя и не всегда положительной (въ смыслѣ одобренія его міросозерцанія) популярностью человѣкъ уже не первой молодости—Маликовъ. Онъ безъ всякаго сомнѣнія принадлежалъ къ прогрессивному направленію, былъ въ такой же степени, какъ и все передовое общество, народникомъ, но тѣмъ не менѣе не только не пошелъ нога въ ногу съ начинающимся движеніемъ, но пытался повернуть его на другой путь.

Всякое движеніе можно уподобить замкнутому току съ болѣе или менѣе сильнымъ электрическимъ напряженіемъ, оказывающимъ свое вліяніе на большія массы народа или общества. Главный токъ по сосѣдству съ собою вызываетъ индукціонные токи или боковыя теченія, по характеру своему рѣзко отличающіяся отъ основного движенія. Если это послѣднее явилось результатомъ назрѣвшихъ въ широкихъ слояхъ потребностей высшаго порядка, то оно захватываетъ въ кругъ своего вліянія всѣхъ идейныхъ людей. Боковыя теченія поэтому не могутъ имѣть въ основаніи своемъ какой бы то ни было идеи. Эти, явившіяся вслѣдствіе индукціи, теченія такъ же могутъ поднимать энергію, какъ и главныя, но не въ состояніи измѣнить мыслей, выработанныхъ при другихъ условіяхъ жизни. Такимъ образомъ боковыя теченія въ предполагаемомъ случаѣ должны имѣть въ большей или меньшей степени черносотенный характеръ, что мы и наблюдаемъ въ настоящее время. Если же идейное движеніе распространяется только на извѣстную часть общества, какъ это было въ 70-хъ годахъ, то боковыя теченія зарождаются также на идейной почвѣ. Мыслители боковыхъ теченій пытаются разрѣшить влекущія общество вопросы иначе, чѣмъ дѣятели главнаго теченія, и чаще опираясь на нравственное ученіе съ болѣе или менѣе полнымъ отрицаніемъ внѣшнихъ формъ общественной жизни. Пока господствуетъ главное движеніе, боковыя теченія не могутъ имѣть широкаго распространенія, но потомъ съ наступленіемъ затишья или расцвѣтають, если они сколько-нибудь жизненны, какъ толстовство въ 80 годахъ, или умирають, какъ Маликовское.

Въ 1873 году Маликовъ получилъ откровеніе, что истинная религія есть бого-человѣческая. Каждый человѣкъ есть богъ, поэтому въ ближнихъ мы должны любить и почитать божеское достоинство. Боги должны оставить старыя грѣховныя пути и вести чело-вѣчество впередъ только словомъ убѣжденія, при полномъ непро-

тивленіи злу. Съ такимъ ученіемъ Маликовъ выступилъ въ самый разгаръ революціоннаго движенія.

Всѣ условія, кромѣ главнаго, а именно революціоннаго настроенія молодежи, казалось благопріятствовали распространенію ученія Маликова. Оно затрогивало самыя возвышенныя струны человѣческаго сердца и имѣло своимъ апостоломъ такого даровитаго оратора и извѣстнаго человѣка, какъ Маликовъ. Онъ раньше пострадалъ за убѣжденія и въ описываемое время проживалъ въ Орлѣ. Въ томъ же городѣ жилъ якобинецъ Зайчневскій, отбывшій каторгу въ 60 годахъ. Ограничивая свою задачу только нѣкоторымъ революціонизированіемъ молодежи, онъ подробно не развертывалъ своего якобинскаго міросозерцанія и лишь вносилъ свои поправки въ рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ того времени. Русская молодежь никогда не могла понять якобинизма, поэтому Зайчневскій былъ для Маликова мало опаснымъ конкурентомъ. Молодежь толпилась около Маликова, такого-же какъ и она, народника, съ которымъ у нея были общія симпатіи и антипатіи. Къ нему пріѣзжали интеллигенты, не только посторонніе движенію, но и пристроившіеся уже къ революціи — словомъ всѣ тѣ, въ сердцахъ которыхъ копошился еще червь сомнѣнія. Около Маликова сталъ собираться кружокъ послѣдователей, среди которыхъ наиболѣе замѣтны были члены кружка артиллеристовъ Тепловъ и Аитовъ, сестра литератора Пругавина и др. Вслѣдъ за ними въ новую религію увѣровалъ извѣстный революціонный дѣятель Чайковскій. Дѣло, казалось, начинало принимать серьезный оборотъ. Кромѣ настоящихъ послѣдователей Маликова можно было встрѣтить въ разныхъ кружкахъ лицъ, болѣе или менѣе ему сочувствовавшихъ. Когда все это становилось извѣстнымъ въ широкихъ кругахъ молодежи, революціонеры пришли въ нѣкоторые безпокойство и поняли, что необходимо оказать какое нибудь сопротивление нарождающемуся ученію. Большая часть ограничивалась впрочемъ полемикою съ сочувствующими Маликову, а нѣкоторые, и въ числѣ ихъ Клеменсъ, ѣздили въ Орель, чтобы на мѣстѣ оцѣнить опасность, и тамъ естественно устраивались въ присутствіи вѣрующихъ и молодежи вообще диспуты съ Маликовымъ. Диспуты въ большинствѣ случаевъ оставались безрезультатны; по мнѣнію присутствовавшихъ логика была на сторонѣ революціонеровъ, но сочувствіе большинства на сторонѣ Маликова.

Безпокойство революціонеровъ въ сущности не имѣло твердой почвы. Не было никакихъ основаній опасаться, что боковое теченіе пересилитъ главное. Напротивъ, при внимательномъ отношеніи къ вопросу нельзя было не видѣть, что все новое ученіе держится только талантомъ Маликова. Въ самомъ дѣлѣ, если Маликовъ и пріобрѣталъ много прозелитовъ, то его послѣдователи не пріобрѣли ни одного. Надо было признать одно изъ двухъ: если движеніе 70 годовъ жизненно, то должно потерпѣть полное фіаско боковое теченіе, если же оно восторжествуетъ, то революціонное движеніе должно признать себя несостоятельнымъ. У революціонеровъ не

могло быть двухъ отвѣтовъ на вопросъ и потому они въ концѣ концовъ махнули рукою на ученіе Маликова и предоставили ему умереть естественною смертию.

Переходъ Маликова съ оппозиціоннаго пути на почву непритивленія злу не избавилъ его отъ преслѣдованій со стороны жандармовъ. Онъ былъ арестованъ и пристегнуть къ дознанію по политическому дѣлу, закончившемуся процессомъ 193-хъ. Обаяніе личности Маликова и его широкая извѣстность привлекли на допросъ его много жандармовъ и прокуроровъ. Тутъ же присутствовалъ и самъ генераль Слезкинъ, въ рукахъ котораго было сосредоточено все дознаніе.

Спрошенный о виновности, Маликовъ сначала отвѣчалъ вяло, но мало-по-малу вдохновился и въ блестящей рѣчи развилъ основы своего ученія. Въ серединѣ рѣчи генераль махнулъ рукою и сказалъ своимъ подчиненнымъ, что Маликова можно выпустить. Такъ практикъ сыскаго дѣла оцѣнилъ значеніе новой религіи, проповѣдью которой послѣдователи ея думали обновить міръ.

Чрезъ нѣкоторое время послѣ своего освобожденія Маликовъ вмѣстѣ съ Чайковскимъ отправились въ Америку и основали тамъ общину, которая просуществовала недолго. Оба апостола возвратились Маликовъ въ Россію, а Чайковскій въ Западную Европу. Дальнѣйшія подробности о Маликовѣ можно найти въ посвященной его памяти статьѣ Фаресова.

Кромѣ очерченныхъ выше лицъ движеніе 70 годовъ выдвинуло много другихъ, оставившихъ свой слѣдъ въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. Къ этой категоріи принадлежатъ: Натансонъ, Кравчинскій, Сажинъ, Клеменсъ, Брешковская, Коваликъ и много другихъ; изъ нихъ Кравчинскій уже извѣстенъ русской публикѣ, а остальные находятся еще въ живыхъ и производятъ оцѣнку ихъ я считаю преждевременнымъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые могутъ принимать участіе въ современномъ освободительномъ движеніи.

Въ заключеніе замѣчу, что какъ-бы ни была велика роль всѣхъ лицъ, упомянутыхъ выше, они не могутъ быть признаны творцами, или, какъ полагалъ судъ, зачинщиками движенія. Только люди старой исторической школы и чиновники воспитанные бюрократіей, всегда неподготовленной къ пониманію новыхъ явленій жизни, могутъ считать крупныя стихійныя движенія результатомъ замысла и агитаціи нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ.

IX.

Дальнѣйшая характеристика движенія.—Народничество.

Познакомивши читателя съ наличными силами движенія, должнаю его характеристику, уже данную въ общихъ чертахъ въ IV главѣ.

Подготовительный періодъ движенія продолжался съ осени 1873 до весны 1874 года. Въ этотъ короткій промежутокъ времени—полгода съ небольшимъ—движеніе постоянно измѣняло свою форму, поэтому для болѣе яснаго его пониманія необходимо подраздѣлить подготовительный періодъ на три части: 1) чисто народническое движеніе; 2) постоянное революціонизированіе движенія и выработка программъ и 3) окончательная организація движенія и переходъ на путь практической дѣятельности.

Само собою разумѣется, что въ дѣйствительности не могло быть такого рѣзкаго разграниченія промежуточныхъ ступеней движенія, какое дано въ предъидущей схемѣ: Въ теченіе всего подготовительнаго періода можно было одновременно наблюдать и народничество, и выработку программъ, и организацію, но въ каждое данное время преобладали тѣ или другія характерныя черты, оправдывающія предлагаемое подраздѣленіе.

Выше было показано, что передовая часть общества семидесятыхъ годовъ была склонна къ народничеству. Молодежь, идущая всегда въ самыхъ переднихъ рядахъ общества, должна была тѣмъ болѣе воспринять народническое міросозерцаніе. Сильно возбужденный интересъ къ народу убивалъ и безъ того слабый въ то время интересъ къ политикѣ. Къ чему конституція и разныя политическія свободы, если народъ голодаетъ? При существовавшихъ условіяхъ жизни, молодежь не могла воспитать въ себѣ политическіихъ интересовъ. Цензура не давала прессѣ останавливаться на фактахъ, вызывавшихъ стремленіе къ политической борьбѣ. Газеты были распространены весьма слабо, отличались сухостью и наводили скуку, поэтому мало читались молодежью. Она не хотѣла знать того, что въ жизни Европы политической вопросъ ставился ранѣе или одновременно съ социальнымъ, и мечтала только о разрѣшеніи послѣдняго. Она съ большимъ интересомъ изучала теоріи Оуэна, Сенъ-Симона, Фурье и др. и вообще склонялась къ утопическому социализму, полагая, что онъ восторжествуетъ, какъ только люди поймутъ его. Особенную цѣну въ глазахъ молодежи приобрѣли чистыя социалистическія идеи, безъ примѣси политики, во время затишья между Нечаевскимъ дѣломъ и движеніемъ семидесятыхъ годовъ. Хорошей иллюстраціей въ этомъ отношеніи можетъ служить образовавшийся въ 1871 году довольно большой американскій кружокъ, который предпочелъ социализмъ даже народничеству. Кружокъ понималъ, что при существующихъ политическихъ условіяхъ, онъ не можетъ работать для своего народа и потому рѣшилъ начать обновленіе человѣчества устройствомъ коммуны въ свободной Америкѣ. Какъ только началось движеніе, открывшее перспективы дѣятельности въ средѣ русскаго народа, всѣ до одного члены кружка присоединились къ движенію и въ Америку не поѣхали. Въ описываемое время были въ большомъ ходу коммуны—общезитія и артели, болѣе или менѣе социалистическаго характера... Примѣромъ могутъ служить студенческія коммуны и Петербургская сапожная артель, устроенная передовою женщиною Смит-

тень, изъ этой артели взять былъ Войнаральскимъ членъ ея Пельконенъ для завѣдыванія мастерской въ Саратовѣ. Молодежь находила въ социализмъ единственное утѣшеніе въ той пустотѣ жизни и мысли, которыя были дѣломъ государственной мудрости нашихъ правителей.

Съ началомъ движенія прежде всего оживились народническія тенденціи молодежи. Въ ея міросозерцаніи народничество стало занимать центральное мѣсто. Молодежь уже начинала смутно сознавать, что все старое міросозерцаніе должно быть перестроено, но пока ограничивалась тѣмъ, что подчеркивала свое народничество. Сильная вѣра требуетъ дѣлъ, безъ которыхъ она рискуетъ остаться мертвой. Народническія тенденціи, достигнувъ извѣстной интенсивности, также требовали поступковъ, переходя отъ слова къ дѣлу. Слово—объ уплатѣ долга народу—было уже давно произнесено учителемъ молодежи П. Л. Лавровымъ и глубоко запало въ ея душу, но оставалось неясно, какое же именно нужно дѣло. Не имѣя готовыхъ политическихъ идеаловъ, которые могли бы послужить критеріемъ при рѣшеніи этого вопроса, молодежь могла обратиться за помощью только къ этикѣ, къ идеалу нравственному. Прежде всего человекъ долженъ быть честенъ, сказала она себѣ; нельзя пользоваться тѣмъ, что не составляетъ достоянія всѣхъ людей. Поэтому долой всякое привилегированное положеніе! Требованіе это обсуждалось съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ душѣ cadaго молодого человека въ той или другой формѣ возникалъ вопросъ, имѣеть-ли онъ, какъ нравственное существо, право, и въ какой степени, пользоваться унаслѣдованными отъ предковъ преимуществами богатства, культуры и образованія. Приподнятое настроеніе подсказывало самыя радикальныя рѣшенія. Каблицъ, какъ было упомянуто выше, накопленіе знаній считалъ столь же безнравственнымъ, какъ и накопленіе въ частныхъ рукахъ капиталовъ. Вопросы о знаніяхъ и культурѣ не всѣми разрѣшались такъ радикально, но въ отношеніи матеріальныхъ благъ не было двухъ мнѣній. Никто не имѣеть права пользоваться этими благами въ большей степени, чѣмъ народъ или представитель его, рабочій—вотъ единогласное мнѣніе передовой молодежи того времени. Но такое общее рѣшеніе не удовлетворяло многихъ. Имъ казалось, что необходимо установить точную норму потребностей интеллигента-народника, и по этому вопросу созывался рядъ собраній. Выступавшіе ораторы подвергали подробному разсмотрѣнію каждую человѣческую потребность и искали той законной мѣры, въ какой она могла быть удовлетворяема. Возникали даже вопросы, честно-ли ѣсть мясо, когда народъ питается вообще растительною пищею. Послѣ самаго детального обсужденія всѣхъ мелочей, большинство склонялось къ признанію, что интеллигентъ имѣеть право на удовлетвореніе своихъ потребностей въ той мѣрѣ, въ какой ихъ удовлетворяетъ простой чернорабочій или вообще получающій наименьшую заработную плату. Что требовалось отъ интеллигента, то почему-то не было обязательно для рабочаго, получающаго болѣе высокое вознагражденіе за свой квалифицированный трудъ и питаю-

щагося нерѣдко лучше, чѣмъ бѣдный студентъ. Такой рабочей оставался честнымъ, тогда какъ интеллигентъ, имѣющій равныя съ нимъ потребности, заслуживалъ упрековъ. Очевидно нравственное ученіе само по себѣ не въ состояніи рѣшить тѣхъ вопросовъ жизни, которые связаны съ данными формами общественного строя.— Тамъ, гдѣ этика оказывалась безсильной, молодежь прибѣгала къ помощи народническихъ идеаловъ. Народъ она знала въ большинствѣ случаевъ только по книжкамъ и потому страшно его идеализировала. Крайніе народники были даже увѣрены, что народъ самъ укажетъ интиллигенту, желающему слиться съ нимъ, что онъ долженъ дѣлать и куда направить свои силы. Менѣе крайніе чувствовали, что у нихъ должна быть кое какая программа для работы среди народа, но не могли удачно сформировать ее. Для этого имъ нужна была помощь болѣе опытныхъ людей, знавшихъ дѣйствительныя нужды народа и возможные способы дѣятельности въ его средѣ. Такіе люди и явились въ лицѣ отдѣльныхъ радикаловъ-революціонеровъ и членовъ радикальныхъ кружковъ, уже усвоившихъ, или по меньшей мѣрѣ начинавшихъ усвоивать революціонныя ученія Лаврова и Бакунина. Подъ ихъ вліяніемъ сходки оживились и стали чуть-ли не ежедневнымъ явленіемъ. Несмотря на самый мирный повидимому характеръ сходокъ, на нихъ велась борьба двухъ направленій, одного чисто народническаго и другого революціоннаго, но еще недостаточно опредѣлившагося. Борьба эта во многихъ отношеніяхъ напоминала борьбу западниковъ и славянофиловъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Народническая молодежь въ сущности не имѣла ничего общаго съ отживавшими славянофилами, но у нея была одна черта, свойственная также и славянофиламъ: она обожала свой народъ и отъ него и только отъ него ожидала новаго откровенія. Подобно славянофиламъ, она также не знала, что именно она должна дѣлать въ народѣ. При самомъ поверхностномъ обсужденіи этого вопроса, мысль невольно наталкивалась на препятствія, которыя ставитъ правительство всякой просвѣтительной работѣ въ народѣ. Естественно возникалъ вопросъ, возможна-ли какая-нибудь правильная дѣятельность въ полицейской вотчинѣ, именованной Россійскимъ Государствомъ. Народники, не будучи въ состояніи справиться съ этимъ вопросомъ, закрывали на него глаза и надѣялись, что въра ихъ въ народъ подскажетъ имъ, что именно слѣдуетъ дѣлать. Революціонеры явились въ среду народнической молодежи съ самой широкой формулой отрицанія. Весь существующій строй, какъ экономическій, такъ и политическій, говорили они, никуда не годенъ, и потому единственно возможная дѣятельность въ народѣ и вмѣстѣ съ народомъ это окончательное, вплоть до самаго основанія, разрушеніе этого отжившаго строя. Революціонеры въ своихъ проповѣдяхъ являлись до нѣкоторой степени тѣмъ-же, чѣмъ были западники въ 60 годахъ—ученіе свое они получили съ запада и должны были вести борьбу съ самобытностью народниковъ—этихъ новыхъ славянофиловъ.

При всемъ различіи основныхъ точекъ зрѣнія у борящихся стонъ, ихъ сближала безграничная любовь къ народу, подсказывавшая имъ иногда одинаковыя, или почти одинаковыя мнѣнія. Нѣкоторые, а можетъ быть, и большинство революціонеровъ, какъ Лавровскаго, такъ и Бакунинскаго направлений, вѣрило, что русскій народъ, сохранившій одинъ, несмотря на всѣ историческія превратности своей судьбы, общину и не испытавшій вредныхъ послѣдствій капитализма, увидитъ первый осуществленіе на землѣ социализма. Здѣсь слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что Лавровцы и тѣмъ болѣе Бакунисты не считали общину панацеей, защищающей народъ отъ всѣхъ бѣдъ, и только полагали, что черезъ общину легче осуществить социалистическій строй, чѣмъ безъ нея. Эти упованія революціонеровъ на русскій народъ настолько сближали ихъ съ народниками, что казалось шла не борьба, а взаимное согласованіе направлений чисто-народническаго и революціоннаго.

Побѣда, между тѣмъ, все болѣе и болѣе склонялась на сторону революціонеровъ и была въ концѣ концовъ не менѣе рѣшительна, чѣмъ западниковъ надъ славянофилами. Но между этими двумя побѣдами существуетъ и крупная разница. Побѣжденные новыми западниками народники вошли полноправными членами въ кружки побѣдителей и окончательно съ ними слились, славянофилы-же 60-хъ годовъ, выбитые изъ своихъ позицій, чаще всего становились реакціонерами и продолжали борьбу съ передовыми западниками уже на другомъ фронтѣ.

Во многихъ случаяхъ можно наблюдать, что чѣмъ дальше мы отъ ходячихъ мнѣній, тѣмъ ближе къ истинѣ. Ходячее мнѣніе по отношенію къ движенію 70-хъ годовъ, хотя и недостаточно опредѣлилось, но склоняется къ тому, что это было скорѣе мирное, чѣмъ революціонное движеніе чисто-народническаго характера. Ошибочность этого мнѣнія происходитъ отъ смѣшенія двухъ моментовъ. Движеніе, революціонное по существу, имѣло чисто народническую форму. Студенты и гимназисты бросали европейскіе костюмы, одѣвались въ поддевки и шли въ народъ; отсюда ходячее мнѣніе заключало, что и существо движенія народническое. Нѣкоторые пошли далѣе и утверждали, что революціонеры 70-хъ годовъ боролись не только за интересы народа, но и за его мнѣнія. Въ данномъ случаѣ смѣшиваются двѣ фазы движенія. Какимъ образомъ анархистъ, напр., могъ подчиняться мнѣніямъ народа, если онъ, прежде всякаго знакомства съ народомъ, усвоилъ, какъ непреложный догматъ, космополитическое ученіе объ анархіи, какъ о самомъ совершенномъ строѣ общества, и шелъ въ народъ съ программой, выработанною секціей Юрской федераціи, русскою только по имени? Палень въ своей секретной запискѣ о революціонной пропагандѣ, распространявшейся въ тридцати сличкомъ губерніяхъ, былъ ближе къ истинѣ, признавая за движеніемъ революціонный характеръ.

X.

Революціонизированіе движенія и выработка программъ.

Побѣда революціоннаго направленія, о которомъ сказано выше, еще не была завершена вполнѣ къ концу народническаго періода движенія. Часть молодежи еще не была вполнѣ убѣждена въ правильности точки зрѣнія революціонеровъ. Проповѣдь непрерываемои борьбы съ государственною властью на первый разъ ошеломила эту часть молодежи, и ей нужно было время, чтобы переварить слышанное. Это время она и получила въ самомъ началѣ разсматриваемаго въ настоящей главѣ періода, когда продолжались начатая еще въ предыдущемъ періодѣ разсужденія объ устройствѣ мастерскихъ. Разсужденія эти не вызывали рѣзкаго столкновения мнѣній. Всѣ въ принципѣ были согласны въ томъ, что прежде чѣмъ идти въ народъ, необходимо изучить какое нибудь ремесло и привыкнуть къ физическому труду. Нѣкоторыя разногласія встрѣчались впрочемъ и при разговорахъ на эту тему. Не вполнѣ еще отказавшіеся отъ чистаго народничества молодые люди смотрѣли на дѣло съ этической точки зрѣнія: только при знаніи ремесла можно жить совершенно самостоятельно, не ложась въ конечномъ подсчетѣ на шею народа. Революціонеры-же видѣли въ знаніи ремесла главнымъ образомъ средство сойтись съ народомъ, не вызывая въ немъ подозрѣній въ какомъ-либо зломъ умыслѣ.

Выше была отмѣчена тенденція народнической молодежи рѣшать простые вопросы слишкомъ по кабинетному, какъ это было, на примѣръ, при установленіи меню интеллигента, уплачивающаго свой долгъ народу. При обсужденіи вопроса о ремеслѣ случилось нѣчто подобное. Признаніе ремесла обязательнымъ для cadaго интеллигента безъ исключенія, независимо ни отъ его индивидуальныхъ качествъ, ни отъ степени его здоровья, вызвало толки о томъ, какое ремесло менѣ всего вредитъ здоровью и потому наиболѣе пригодно для интеллигентовъ. Этому вопросу посвящена была почти цѣлая сходка. Одни высказывались за кузнечество, другіе за сапожное мастерство и т. д., пока одинъ агитаторъ не сорвалъ вопроса, замѣтивъ, что самое вредное ремесло революціонное, потому что влечетъ за собою каторгу и висѣлицу.

Послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ разсужденій, кружки приступили къ устройству мастерскихъ или обученію ремесламъ на дому. Въ Петербургѣ была устроена слесарная мастерская артиллеристами при участіи Чайковцевъ. Москва не отстала отъ Петербурга. Дебагоріо-Мокрѣевичъ обучалъ товарищей сапожному дѣлу на частной квартирѣ и т. д.

Мастерскія усердно посѣщались интеллигентами, не только своего, но и чужихъ кружковъ. Молодежь хотѣла, какъ можно скорѣе, завоевать себѣ право на физическій трудъ, которое она, казалось, приобрѣтала изученіемъ ремесла. Впрочемъ, мастерскія

имѣли обыкновенно и другое значеніе: онѣ служили центромъ для пропаганды и агитаціи. Въ мастерской артиллеристовъ перебивала масса народа и несомнѣнно часть его получила въ ней свое революціонное воспитаніе.

Устройствомъ мастерскихъ, задуманныхъ еще народниками, была выполнена послѣдняя, ясная для всѣхъ, часть ихъ программы, Интеллигентъ, изучившій ремесло, могъ уже считать себя рабочимъ, имѣющимъ доступъ во всякую народную среду. Далѣе самъ собою возникалъ вопросъ, что дѣлать въ народѣ, вопросъ, на который народники не имѣли отвѣта. Поэтому выработка программъ стала дѣломъ рукъ исключительно революціонеровъ; чистое народническое направленіе въ это время окончательно сходитъ со сцены. Если еще и оставались непреклонные народники, то они перестали появляться на сходкахъ. Почти одновременно съ чистыми народниками стали сходить со сцены Лавровцы ¹⁾; теперь на сходкахъ можно было встрѣчать лишь отдѣльныхъ представителей этого направленія. Такимъ образомъ поле сраженія осталось за революціонерами, признавшими себя анархистами.

Не слѣдуетъ забывать, что какъ революціонныя идеи, такъ и временные лозунги движенія вырабатывались въ борьбѣ направленій или, по меньшей мѣрѣ, мнѣній. Побѣдившее мнѣніе имѣло тѣмъ большее значеніе для широкихъ круговъ молодежи, чѣмъ сильнѣе была предшествовавшая ему борьба. Теперь, когда на очередь выступила разработка программы, борьба должна была происходить, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ одного направленія — анархическаго.

Анархизмъ не дѣлился на толки, такъ какъ всѣ были согласны въ пониманіи основныхъ его положеній. Но, по аналогіи съ французскими республиканцами, анархистовъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: коренныхъ и своего рода *gallies*, т. е. присоединившихся. Подъ первыми нужно понимать отдѣльныхъ дѣятелей и кружки, сьорганизовавшіеся во имя анархіи и бросившіеся въ движеніе съ цѣлью пропаганды этого ученія. Сюда, главнымъ образомъ, относятся три петербургскихъ и одинъ кievскій кружокъ (Мокріевича). Въ категорію вторыхъ слѣдуетъ отнести всѣ тѣ кружки, которые усвоили анархію уже въ то время, когда они имѣли свою радикальную или даже революціонную программу и во имя ее работали. Сюда относятся, прежде всего, Чайковцы, а также и большинство старыхъ кружковъ (напр., Одесскій Волховскаго) или новыхъ, состоявшихъ подъ ихъ вліяніемъ (напр. артиллеристы). Между этими двумя видами анархизма и началась борьба при выработкѣ новой и общей для всѣхъ программы революціонной дѣятельности.

Борьба, какъ и прежде, велась не съ глазу на глазъ, а передъ

1) Объ этомъ разсказано въ VI главѣ. Между Лавровцами и народниками было нѣкоторое сродство, такъ что Лавровецъ часто бываетъ въ то-же время и народникомъ. Въ предыдущемъ изложеніи я старался не смѣшивать ихъ между собою, такъ какъ я имѣлъ цѣлью охарактеризовать направленія, а не лица.

лицомъ всего народа, т. е. на сходкахъ при участіи всѣхъ желающихъ. Дѣло происходило обыкновенно такимъ образомъ: агитаторы изъ Бакунистовъ (коренныхъ) и Чайковцевъ или другихъ старыхъ кружковъ приходили на собраніе въ какой-нибудь молодой кружокъ, который уже приобщился къ движенію, но не сталъ еще твердо на революціонную почву. Ставился какой-нибудь частный вопросъ программнаго характера и начинались горячіе дебаты. Тутъ происходилъ, можно сказать, публичный турниръ, имѣвшій цѣлью привлеченіе каждымъ изъ борющихся на свою сторону слушателей. Послѣдніе тоже участвовали въ спорахъ, поддерживая то одну, то другую сторону.

Спорили о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: о степени подготовленности интеллигенціи для дѣятельности въ народѣ, о формѣ этой дѣятельности, о значеніи агитаціи и пропаганды, о преимуществахъ летучей пропаганды, о степени революціонности народа, о значеніи мелкихъ бунтовъ, о роли въ народѣ женщинъ-пропагандистокъ и т. д., наконецъ даже о способѣ организаціи революціонеровъ.

Послѣдній вопросъ былъ возбужденъ Рабиновичемъ, доказывавшимъ, что организація должна имѣть характеръ строго-централистскій ¹⁾, но онъ по молчаливому согласію борющихся сторонъ скоро былъ снятъ съ очереди. Молодежь, не имѣвшая никакой политической опытности и знавшая только отрицательныя стороны генеральства, склонна была видѣть въ проповѣди централизаціи и дисциплины замаскированное желаніе лишить ее свободы самоопредѣленія—этого права, которое, казалось, должно принадлежать каждому развитому человѣку—и подчинить ее новымъ генераламъ. Что-же касается другихъ, перечисленныхъ выше, вопросовъ, то они были предметомъ самаго внимательнаго обсужденія и трактовались на многихъ сходкахъ.

При обсужденіи вышеупомянутыхъ вопросовъ коренные анархисты стояли за такой способъ ихъ разрѣшенія, который не препятствовалъ-бы осуществленію немедленной и самой активной дѣятельности въ народѣ. Они поэтому признавали, что молодежь, усвоившая анархическое ученіе, вполне готова для практической дѣятельности, что народъ не только созрѣлъ для пониманія пропагандируемыхъ ему идей, но имѣетъ въ своей средѣ достаточное количество лицъ, способныхъ стать активными революціонерами, что агитація поэтому имѣетъ большее значеніе, чѣмъ пропаганда, что мелкіе бунты, естественно вспыхивающіе въ крестьянствѣ, воспитываютъ революціонныя чувства въ народѣ и готовятъ

¹⁾ Вопреки тому, что принято думать объ анархистахъ, здѣсь кстати замѣтить, что Бакунинъ и его послѣдователи признавали строгую централизацію наилучшей формой организаціи, которая только и могла быть противопоставлена сильной и тоже централистской организаціи современнаго государства. На первое время анархисты считали полезнымъ, чтобы центральная организація не объявляла открыто о своемъ существованіи и составила изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ анархистскихъ кружковъ.

его къ общему возстанію, что летучая пропаганда захватываетъ большій кругъ лицъ и потому, въ цѣляхъ только пропаганды въ народъ, нѣтъ надобности осѣдать крѣпко и на долго въ опредѣленныхъ мѣстахъ, и т. д. «Присоединившіеся» придерживались вообще болѣе умѣренныхъ взглядовъ и соблюдали большую осторожность въ рѣшеніи практическихъ вопросовъ. Въ доказательство правильности своей точки зрѣнія они ссылались на свой опытъ, коренные-же анархисты по ихъ мнѣнію мало знаютъ народъ, разсуждаютъ больше по книжкамъ и прежде какихъ-нибудь рѣшительныхъ дѣйствій должны потолкаться въ народъ и хорошенько его изучить.

Присоединившимся, особенно изъ среды Чайковцевъ, нельзя отказать ни въ эрудиціи, ни даже въ талантахъ, но у нихъ чувствовалась часто нѣкоторая двойственность. У нихъ было свое достаточно разработанное міросозерцаніе, въ которое анархическое ученіе насильственно вторглось и заставило себя признать. Точно также у нихъ были намѣчены и практическіе способы дѣятельности, которые теперь требовалось пересмотрѣть, чтобы согласовать съ новымъ ученіемъ. Вслѣдствіе этого у нихъ замѣчались нѣкоторыя колебанія—оружіе свое въ борьбѣ они какъ-бы держали не твердыми руками. Наоборотъ коренные анархисты, считая себя апостолами новаго ученія, свободно, безъ всякихъ оглядокъ назадъ, развивали его до послѣднихъ, хотя бы и самыхъ крайнихъ, выводовъ. Въ движеніи они все время играли роль крайней лѣвой.

Молодежь, особенно во времена движеній, не любитъ останавливаться на полдорогѣ и слѣдуетъ за тѣмъ, кто доводитъ свою идею до логическаго конца. Она всегда рукоплещетъ рѣшительному отрицанію стараго и широкимъ обобщеніямъ, служащимъ основаніемъ новому. Ее нельзя смутить сомнѣніями въ осуществимости идеи въ данное время—на эти сомнѣнія она отвѣчаетъ: приналяжемъ крѣпче и цѣль будетъ достигнута. Отсюда понятна побѣда революціонеровъ надъ лавровцами и народниками. Этимъ же въ значительной степени объясняется перевѣсъ сравнительно малочисленныхъ коренныхъ анархистовъ надъ присоединившимися. Перевѣсъ этотъ сталъ сказываться довольно рано. Бывало, что молодежь, во время обсужденія какого-нибудь вопроса, соглашается съ ораторами изъ присоединившихся, но потомъ на слѣдующую сходку приходитъ со взглядами коренныхъ анархистовъ. Въ большинствѣ сходовъ побѣда не склонялась ни на чью сторону, но тѣмъ не менѣе коренные анархисты усиливались. На нѣсколькихъ сходкахъ они терпѣли даже видимое пораженіе—это случалось тогда, когда по вопросу, касающемуся выясненія условий крестьянской жизни, отъ присоединившихся выступалъ ораторъ, бывавшій въ народѣ и умѣвшій противъ теоретическихъ положеній своихъ противниковъ удачно приводить конкретные факты. Но и эти случаи поражений не на долго задерживали распространеніе крайнихъ анархическихъ идей.

Само собою понятно, что дѣленіе анархистовъ на коренныхъ и галііеs только приблизительное и даже схематическое. Въ старыхъ кружкахъ были также убѣжденные анархисты, смѣло идущіе въ своихъ выводахъ до логическаго конца. Первое мѣсто между такими анархистами занимаетъ Кропоткинъ. Онъ безъ сомнѣнія былъ тоже «коренной», но въ періодъ обсужденія программныхъ вопросовъ, будучи занятъ пропагандою среди рабочихъ, мало появлялся на сходкахъ. Другимъ убѣжденнымъ анархистомъ былъ Чарушинъ, также какъ и Кропоткинъ, принадлежавшій къ кружку Чайковцевъ. Оба они въ практическихъ вопросахъ занимали большую частью срединную позицію между крайними и болѣе осторожными анархистами. Въ рѣшеніяхъ вопросовъ они конечно не могли далеко отходить отъ своего кружка, но особенно Кропоткинъ велъ анархическую пропаганду среди членовъ этого послѣдняго. Еще ранѣе Кропоткинъ составилъ записку подъ заглавіемъ «Должны-ли мы заниматься разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя». Эта записка имѣетъ анархическій характеръ и въ ней уже до извѣстной степени виденъ будущій послѣдовательный анархистъ. Вотъ содержаніе ея въ томъ видѣ, какъ она изложена въ обвинительномъ актѣ:

Доказавъ цѣлымъ рядомъ доводовъ непригодность всѣхъ существующихъ формъ государственной жизни, авторъ предоставляетъ народу разрѣшеніе вопроса объ идеалѣ будущаго строя. «Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какимъ образомъ народъ можетъ осуществитъ свой идеалъ, авторъ записки находитъ, что единственнымъ для сего путемъ представляется насильственный социальный переворотъ, который не ограничился бы только ниспроверженіемъ государственности, но и уничтожилъ бы весь существующій социальный и экономическій строй народной жизни; всѣ мирные пути прогресса отвергаются въ запискѣ и признаются даже вредными. Для подготовленія социальной революціи въ Россіи необходимо образовать революціонную организацію, основными положеніями которой должны служить: полнѣйшее равенство всѣхъ ея членовъ, отсутствіе всякаго подчиненія всѣхъ одному или нѣсколькимъ лицамъ, отрицаніе обмана и насилія въ взаимныхъ отношеніяхъ и въ то же время признаніе обмана и насилія ¹⁾ вполне разумными и необходимыми средствами въ отношеніяхъ членовъ организаціи къ правительственной власти и представителямъ капитала. Подготовительная дѣятельность революціонной организаціи должна быть направлена главнымъ образомъ на увеличеніе числа ея единомышленниковъ въ средѣ крестьянства и городскихъ рабочихъ посредствомъ дѣятельной пропаганды своихъ воззрѣній и усиленія недовольства противъ правительства. Участіе въ революціонной организаціи учащейся молодежи отвергается запиской. Въ организаціи должны быть принимаемы только тѣ представители упомянутой

¹⁾ Здѣсь составитель обвинительнаго акта, повидимому, не совсѣмъ точно излагаетъ записку.

молодежи, которые, бросивъ науку, отправятся въ народъ для пропаганды, отрѣшившись отъ всей своей предъидущей жизни не только въ принципѣ, но и во внѣшней формѣ, оставивъ всѣ свои привычки и поставивъ себя вполнѣ въ положеніе рабочаго. Люди изъ народа признаются авторомъ записки наиболѣе надежными и полезными революціонерами. Для подготовленія такихъ дѣятелей агитаторы должны поселиться между крестьянами и вести осѣдлую пропаганду посредствомъ сближенія съ народомъ ¹⁾. Для приведенія въ извѣстность результатовъ пропаганды и выработки дальнѣйшихъ мѣръ, въ запискѣ рекомендуется устройство періодическихъ сѣздовъ агитаторовъ, а затѣмъ авторъ записки обращаетъ особенное вниманіе на подготовку революціонныхъ дѣятелей изъ городскихъ рабочихъ, которые, возвращаясь на родину, могутъ распространять между крестьянами социальныя идеи, усвоенныя отъ агитаторовъ. Кромѣ устной пропаганды, признанной наиболѣе цѣлесообразною, авторъ допускаетъ и пропаганду литературную, въ видахъ которой организація должна озаботиться изготовленіемъ и распространеніемъ въ народѣ книгъ, въ родѣ рассказовъ о сильныхъ и выдающихся личностяхъ изъ народа, картинъ безвыходности современнаго социальнаго строя и т. п. Стачки рабочихъ и устройство артелей не одобряются авторомъ, такъ какъ означенныя мѣры въ свою очередь служатъ средствомъ къ скопленію капиталовъ и въ результатѣ оказываютъ вредное вліяніе на народъ. Мѣстныя волненія между рабочими (и крестьянами) и сопротивленіе властямъ признаются имѣющими для народа «воспитательное» значеніе въ смыслѣ революціонномъ, почему, не совѣтуя агитаторамъ возбуждать (искусственно?) подобныя явленія, дабы не отвлекать ими народа отъ стремленія къ достиженію главной цѣли—всеобщаго возстанія во имя кореннаго переворота—авторъ находитъ тѣмъ не менѣе полезнымъ не препятствовать ихъ развитію, если только они вызываются естественнымъ путемъ. Въ заключеніе авторъ опредѣляетъ отношенія русской революціонной организаціи къ международной ассоціаціи рабочихъ и къ русскимъ эмигрантамъ, причемъ, заявляя полное сочувствіе къ дѣятельности секцій федералистовъ и преимущественно ея русскихъ представителей, вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ *полной* ²⁾—(курсивъ обвинителя) солидарности со всѣми партіями эмигрантовъ, признавая, что русская народная революціонная партія должна самобытно развиваться среди Русскаго Народа».

Записка предназначалась для Чайковцевъ, которыми и были

¹⁾ Это не совѣтъ ясно. Повидному рѣчь идетъ о томъ, что для привлеченія отдѣльныхъ лицъ изъ народа въ революціонную организацію, нельзя ограничиваться летучей пропагандой, и необходимо осѣсть въ народѣ и сблизиться съ этими лицами.

²⁾ Въ программѣ цюрихской секціи содержится отрицаніе религіи—атеизмъ. Ни Кроштинскіе, ни русская молодежь не считали цѣлесообразнымъ затрагивать религіозныя чувства народа. Уже по этому не могло быть и рѣчи о полномъ согласіи съ федералистской, а не со всѣми партіями эмигрантовъ, какъ формулируетъ обвинитель. Со всѣми партіями никто не можетъ согласиться.

приняты главнѣйшія ея положенія. Пространныя объясненія автора по отношенію къ организациі—полное равенство, отсутствіе обмана и насилья—очевидно вызваны боязнью, чтобы не повторились ошибки нечаевской организациі. Казалось-бы вмѣсто всѣхъ этихъ азбучныхъ истинъ достаточно было сказать, что организациія должна состояться изъ людей, строго подобранныхъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Отсутствіе упоминанія о дисциплинѣ также характерно для описываемаго времени. Всѣ вопросы, затронутые запиской въ томъ или другомъ видѣ, обсуждались на сходкахъ. Окончательная программа, къ которой на нихъ приходили, по существу мало отличалась отъ предлагаемой въ запискѣ. Совѣтъ Кропоткина не заниматься разсмотрѣніемъ будущаго идеальнаго строя слѣдуетъ понимать не въ народническомъ смыслѣ, требующемъ подчиненія тому идеалу, который хранить народъ, а въ смыслѣ безцѣльности обсуждения деталей. Самъ Кропоткинъ былъ убѣжденный анархистъ и не отказался бы отъ своего убѣжденія, если бы его не раздѣлялъ народъ, напротивъ, онъ старался бы привести народъ къ признанію анархіи идеаломъ будущаго строя. На сходкахъ молодежь пробовала выяснять себѣ разныя детали анархическаго строя общества. Между прочимъ было потрачено много времени на выясненіе вопроса, что дѣлать съ общиною, если она, пользуясь своею полною самостоятельностью, откажется присоединиться къ какому нибудь общему предпріятію всѣхъ союзныхъ общинъ, напримѣръ проведенію черезъ ея территорию желѣзной дороги, и тѣмъ сдѣлаетъ невозможнымъ самое предпріятіе. Вопросы этого рода выдвигались лицами, не принявшими еще окончательно анархическаго ученія. Анархисты по мѣрѣ возможности старались отвѣтить на нихъ, но отвѣты ихъ въ сущности сводились къ тому, что если отдѣльныя общины не идутъ ни на какія соглашенія съ союзомъ остальныхъ общинъ, то, слѣдовательно, общество еще не дозрѣло до полнаго осуществленія анархіи. Споры эти именно и показали на практикѣ бесплодность разсмотрѣнія подробностей будущаго анархическаго строя. Въ концѣ концовъ молодежь приняла программу русской секціи юрской федераціи, выбросивъ изъ нея пунктъ объ атеизмѣ. Программа была приложена къ книгѣ «Государственность и анархія». Программа была краткая и не входила совершенно въ неразрѣшимыя теоріей подробности.

Выше изображено, какъ разрѣшались разныя практическія вопросы въ Петербургѣ и притомъ въ главномъ руслѣ анархическаго теченія. Отдѣльныя лица и даже кружки болѣе или менѣе уклонялись отъ наиболѣе типичнаго способа ихъ рѣшенія. Одни, какъ, напр., Каблицъ, уклонялись влѣво, доходя до апоѳеоза мелкихъ крестьянскихъ бунтовъ, другіе, напротивъ, останавливались на болѣе умѣренныхъ рѣшеніяхъ, чѣмъ даже большинство присоединившихся. Приведу изъ обвинительнаго акта одинъ изъ такихъ болѣе правыхъ взглядовъ по собственному показанію представителя ихъ, Льва Городецкаго.

Члены его кружка (Самарцевъ) «были того мнѣнія, что революція въ Россіи должна произойти сама собою, въ силу историческаго хода вещей, вслѣдствіе чего считали своею задачею—содѣйствовать посредствомъ устной и книжной пропаганды (объ агитаціи ни слова!) сознанию народомъ идеала своего будущаго устройства (конечно анархіи). Для осуществленія такой задачи члены кружка рѣшили идти въ народъ подъ видомъ простыхъ рабочихъ, разыскивать недовольныхъ настоящимъ положеніемъ вещей и дѣйствовать на нихъ слѣдующимъ образомъ: развивая и выясняя, устно или чтеніемъ, существующее уже недовольство, указывать на возможность выхода изъ настоящаго тяжелаго положенія лишь при условіи единодушнаго образа дѣйствій со стороны народа, въ доказательство чего ссылаться на бунты Стеньки Разина и Пугачева; затѣмъ изъяснять, что, дѣйствуя совокупными силами всего народа, слѣдуетъ добиваться общиннаго землевладѣнія, свободнаго перехода изъ одной общины въ другую и самоуправления¹⁾, а потому и уничтоженія правительства и администраціи; вопросъ о существованіи Верховной Власти предполагали не затрагивать, такъ какъ само собою подразумѣвалось, что таковая будетъ уничтожена въ виду ея несомнѣннаго сопротивленія требованіямъ народа. Каковою предполагалась устная пропаганда, таковою-же должна была быть и книжная; самую пригодною для послѣдней книгой признавалась «Исторія одного французскаго крестьянина», а также считалось полезнымъ распространять въ народѣ рассказы въ родѣ «Митюхи», «Дѣдушки Егора» и пр., какъ указывающіе на вредное вліяніе эксплуатаціи на народъ; книги-же «Стенька Разинъ» и «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» были признаны годными исключительно для лицъ болѣе или менѣе развитыхъ, какъ-то: народныхъ учителей, семинаристовъ и гимназистовъ»²⁾.

При всякомъ рѣшеніи практическихъ вопросовъ, если и не высказывалось, то подразумѣвалось, что дѣятельность въ народѣ возможна только для лицъ, вполне ставшихъ въ положеніе рабочаго или крестьянина. Это была аксіома, не вызывавшая никакихъ споровъ, признанная также и въ запискѣ Кропоткина. Революціонеры, проповѣдывавшіе народникамъ необходимость кореннаго разрушенія существующаго строя и неутомимую революціонную борьбу, силою вещей должны были принять отъ народниковъ эту аксіому. Только при условіи выполненія ея требованій, революціонеры могли объединить всю передовую молодежь и оставить замѣтный слѣдъ въ исторіи. Молодежь въ первый разъ выступила широкимъ строемъ на подмостки исторіи и только рядомъ подвиговъ и актовъ самопожертвованія могла запечатлѣть въ памяти слѣдующихъ поколѣній факты и событія изъ своей жизни и дѣятельности. Подвигъ

¹⁾ Это—неумѣлое вложеніе прокурора или самого Городецкаго ученія анархіи о вольномъ союзѣ вольныхъ общинъ снизу вверхъ.

²⁾ Изложеніе здѣсь мнѣнія о значеніи нѣкоторыхъ нелегальныхъ книгъ принадлежитъ исключительно кружку Городецкаго.

же былъ дѣйствительно великъ: молодежь, чуть не поголовно, отказывалась отъ всѣхъ выгодъ своего привилегированнаго положенія, бросала семью и школу и шла на безконечныя лишенія, которыя она, полуголодная и плохо одѣтая, должна была претерпѣвать въ народѣ. Кто въ состояннн измѣритъ величину только одной жертвы—отказа отъ дальнѣйшаго образованія со стороны интеллигентнаго человѣка, готоваго считать знанія превыше самой жизни? Оставляя въ сторонѣ дѣйствительные успѣхи, достигнутые вслѣдствіе превращенія въ рабочаго или крестьянина, нельзя не констатировать полной цѣлесообразности совершенія этого подвига.

Сжиганіе кораблей, т. е. добровольное оставленіе университетовъ и всякихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, соединенное съ рѣшимостью отказаться и отъ другихъ выгодъ своего положенія, началось чуть-ли ни съ первыхъ дней движенія. Въ описываемый-же періодъ каждый день приносилъ извѣстіе, что такіе-то молодые люди сожгли свои корабли. Рядомъ съ этимъ все болѣе и болѣе усиливалось отрицательное отношеніе молодежи къ интеллигенціи. Кропоткинъ признавалъ учащихся и вообще интеллигентовъ, не превратившихся въ рабочихъ, непригодными для организаціи, молодежь-же шла дальше и считала ихъ вообще никуда негодными. Ругательства по адресу интеллигенціи раздавались такъ-же часто, какъ во время расцвѣта марксизма. Само собою понятно, что порицанія исходили отъ любви, а не изъ враждебнаго къ интеллигенціи чувства. Порицающая молодежь быть можетъ сильнѣе любила интеллигенцію, чѣмъ славословящая ея часть, подобно тому, какъ болѣе всего любитъ свое отечество самый рѣзкій обличитель его недостатковъ, а не слащавый патриотъ.

Не столько разумъ, сколько какой-то инстинктъ общественно-группового (или партійнаго) самосохраненія велъ молодежь къ подвигамъ и самоотрицанію. Этотъ же инстинктъ заставлялъ и высказываться при выборѣ профессіи за самую низкія изъ нихъ. Лавровцы считали наиболѣе удобными для пропагандиста изъ интеллигенціи профессіи врача, фельдшера, учителя, и т. п. Часть анархистовъ также признавала эти профессіи весьма удобными для пропагаторской и вообще революціонной дѣятельности въ народѣ, но большинство считало самой почтенной роль чернорабочаго или въ крайнемъ случаѣ мастерового. Профессіи, не соединенныя съ жертвами, мало привлекали молодежь.

При обсужденнн способовъ дѣятельности въ народѣ, молодежь неизбежно приходила къ опредѣленію своего отношенія къ правительству. Она не могла не понимать, что всякая пропаганда или агитация непременно вызоветъ со стороны правительства противо-дѣйствіе и репрессіи, и потому естественно приходила къ выводу о необходимости уничтоженія правительства, а до того о непрестанной борьбѣ съ нимъ. Формы этой борьбы подробно же намѣчались, но неизбежность ея уже никѣмъ не отрицалась. Одно изъ популярнѣйшихъ потомъ средствъ борьбы—терроръ—не признавалось исключительно по соображеніямъ тактическаго характера.

Отсюда очевидно, что идея политической борьбы не была чужда движению семидесятых годов. Чрезвычайно распространено мнѣніе, что анархисты отрицають политику вообще, но это далеко не вѣрно. Анархисты дѣйствительно относятся отрицательно къ участию въ легальной политической дѣятельности напр. въ парламентахъ, но могутъ-ли они, стремясь къ уничтоженію государственныхъ властей, не понимать значенія политической борьбы? Въ неподлежащемъ опубликованію уставѣ ¹⁾ европейскихъ анархическихъ организацій, главою которыхъ былъ Бакунинъ, содержался между прочимъ пунктъ, позволяющій участіе въ политическихъ выборахъ и парламентѣ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія организаціи.

Многими цитатами изъ обвинительнаго акта можно было-бы доказать, что вопросъ о политической борьбѣ (нелегальной) возникъ въ отдѣльныхъ кружкахъ довольно рано. Даже мирный Говоруха по словамъ обвинителя собирался зарѣзать прокурора. Такимъ образомъ движеніе семидесятыхъ годовъ, начавшееся съ отрицанія политики, весьма скоро приходитъ къ своеобразному признанію ея. Собственно говоря о политикѣ вообще не было рѣчи, но политическая борьба признавалась однимъ изъ способовъ дѣятельности. Анархисты, допускавшіе свое участіе въ мелкихъ бунтахъ, производимыхъ крестьянами, безъ всякаго сомнѣнія смотрѣли на это участіе, какъ на одинъ изъ видовъ политической борьбы.

Движеніе, начавшееся въ семидесятыхъ годахъ, продолжалось почти 10 лѣтъ. Программы нѣсколько разъ измѣнялись, но политика, или вѣрнѣе политическая борьба все болѣе и болѣе выдвигалась впередъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно вспомнить требовавшіеся программами: «Земли и Воли» дезорганизацію правительства и «Народной Воли» терроръ. Поэтому одной изъ заслугъ движенія 70-хъ годовъ слѣдуетъ признать воскрешеніе начавшей было замирать «политики» вообще и цѣлесообразности политической борьбы въ частности.

Старикъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Уставъ этотъ, выкраденный, по словамъ Бакунина, тремя русскими анархистами, не принадлежавшими къ организаціи, былъ въ извлеченіи напечатанъ ими въ одной прокламаціи, заглавія которой я не помню, выпущенной къ русской молодежи въ 1873 году.

Революція 1848 года и Москва.

Послѣ февральской революціи русское правительство весьма обезпокоилось, какъ бы это событіе не произвело гибельнаго вліянія на русскихъ людей. Отовсюду, отъ всѣхъ агентовъ были затребованы рапорты о состояніи умовъ и о движеніи въ народѣ. Изъ Москвы былъ полученъ цѣлый рядъ донесеній, не столько интересныхъ для характеристики дѣйствительнаго положенія вещей, сколько любопытныхъ по стилю, по истинѣ специфическому, и по личности доносителя, необыкновенно рельефно выступающей изъ-за этихъ строкъ. Многія подробности какъ будто выхвачены изъ произведеній М. Е. Салтыкова. Беремъ на удачу три изъ нихъ:

I.

Секретно.

Здѣсь, думаю, какъ и всюду, всѣ разговоры превратились въ толки о Франціи; но здѣсь въ Благоговѣйной Царелюбивой Москвѣ, дай Богъ чтобы и всюду такъ было, говорятъ съ презрѣніемъ о Парижскихъ происшествіяхъ. Какъ сладостно вѣрному доложить о вѣрныхъ русскихъ чувствахъ, слышать одинъ сердечный голосъ и не слышать ни одного отголоска, увлекающагося безуміемъ Французовъ. По крайней мѣрѣ, съ радостію даже побожусь, что, мнѣ не случилось ни самому, ни чрезъ другихъ, ничего иного слышать. Вѣдь много бывало въ Парижѣ здѣшнихъ, а не замѣтно сочувствія къ тамошнему. Вотъ какіе толки по выслушаніи отъ кого либо изъ рассказывающихъ что читаль о событіяхъ въ Франціи: „Чего тамъ и ждать, гдѣ нѣтъ Вѣры“.

О Людовикѣ-Филиппѣ выражаются не какъ о Монархѣ, а какъ о человѣкѣ, надъ коимъ совершилось слово Божіе: „въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится и Вамъ“. Что какъ онъ изгналъ законную династію Бурбоновъ, такъ и самъ изгнанъ. Бранятъ Ламартина, котораго набожные Meditation читали съ наслажденіемъ, вспомнили когда онъ какъ поклонникъ Святаго Гроба привезъ воды изъ Іордана для купели тогда Новорожденнаго Герцога Бордоскаго, а теперъ, въ числѣ распорядителей въ неизбѣжныхъ безпорядкахъ гибельнаго безначалія.

Добрая Москва, твердо основаніе ее въ Святой Вѣрѣ къ Богу, въ дѣтской приверженности къ Помазанику, Царю Великому Законному, любви

къ Коему, слита въ душахъ съ Закономъ Православной Вѣры. Кто не согласится, что и въ Москвѣ люди, а въ людяхъ и грѣхи и страсти, но основаніе твердо. Посмотрите теперь во время поста, какъ умиленно видѣтъ толпы, но куда идущіе? Въ Церковь, на молитву, на исповѣдь, къ Святому Божественному причащенію. Молотся, исповѣдая чистую Вѣру; а кто вѣрить, тотъ вѣренъ.

Москва. 6-го Марта 1848 года.

II.

Секретно.

Впечатлѣніе, произведенное Манифестомъ, возвѣстившимъ о смутахъ на западѣ Европы, были слезы восторженныхъ русскихъ чувствъ. Я пріѣхалъ въ Дворянскій клубъ въ ту минуту, когда шель вопросъ, каждаго тутъ бывшаго, къ пріѣзжающему знакомому: „Читали ли?“ „и у насъ есть Манифестъ (ибо слышали предварительно о немъ)“. Да чтожь вы поопоздали, вотъ одинъ изъ членовъ прекрасно придумалъ какъ столпились въ газетной, что прочиталъ вслухъ“. Слыша это, сильно билось во мнѣ приверженное сердце, я слезливъ въ радости, а совладѣлъ съ моими глазами, чтобъ съ осторожною зоркостью видѣтъ глаза другихъ и у многихъ видѣлъ ихъ влажными. Свидѣтельствуюсь Богомъ всемогущимъ, что лещъ никогда не управляла ни языкомъ, ни перомъ моимъ; покойный отецъ мой удалилъ отъ души моей это зло; продолжаю писать какъ истинно видѣлъ, какъ слышалъ; я слышалъ и весьма замѣтно было что голосъ дребезжалъ въ отзывахъ о Франціи, Австріи и Пруссіи, но когда рѣчь возвращалась къ Манифесту, рѣчи становились тверды; твердость какъ бы почерпалась изъ самаго Манифеста, онъ такъ всѣмъ былъ по сердцу, какъ будто каждый участвовалъ въ написаніи его. Тутъ услышался отъ кого то вопросъ: „кто бы писалъ его?“ Этотъ вопросъ издавна существуетъ при сильныхъ впечатлѣніяхъ отъ того, что изложеніями получили извѣстность въ 1812 году Шишковъ и прочіе. Я былъ на этотъ разъ превращенъ въ молчаніе, въ слухъ, сердце мое жаждало одного отвѣта и услышался желаемый отвѣтъ: „кому писать это? безъ сомнѣнія Самъ писалъ“. Таково было видѣнное мною впечатлѣніе, гдѣ, выражусь просто, каждой росъ душою, чувствовалъ что онъ русскій, что онъ сынъ Воззавшаго къ сердцамъ русскихъ — и видно было, что для русскаго сердца небывать иныхъ воззваній, кромѣ Того, чье сердце Помазавшаго Его. Истинно этотъ Манифестъ былъ утверждающимъ, освящающимъ помазаніемъ сердца.

Такъ истинно, такъ я видѣлъ, я слышалъ.

Не могу притомъ скрыть переливая въ сердце мое каждое слово Вашего драгоценнаго довѣрія и „чтобъ я писалъ со всею откровенностью“ чтобъ недоложить что послѣ послышался при вопросахъ кто бы писалъ? одного какаго то отзывъ: „чай Киселевъ писалъ“. — Тонъ этого отзыва кажется заключалъ въ себѣ ясную иронию на этого сановника. Безъ сомнѣнія до Васъ доходило, что дворянство нелюбитъ его, потомъ слышны были тѣ же отзывы объ Манифестѣ уже не въ клубѣ и слѣдующія слова о Государѣ: „да приласкай онъ Дворянство такъ Ей Богу все двинется куда только прикажетъ“.

Въ среднемъ сословіи и черни поняли такъ: но лучше употреблю и выраженіе ихъ: „вотъ союзныя Державы отъ насъ отказались и Французъ идетъ на насъ войною“ и по этому нѣкоторые изъ Дворянъ, желающіе умничать (но все съ благонамѣренными сердцами) поумничали въ сужденіяхъ, что Манифестъ прекрасный, но что будто на что было писать его, на что употребить было слово что дерзость *угрожаетъ* и Россіи, вотъ это слово *угрожаетъ* немногимъ не понравилось, но и это самое умничество о выраженіи, не выражаетъ ли только пустое умничество, а однакожь показываетъ русское сердце если не по уму, то въ чувствахъ.

Я считаю что лучшіе агенты для чиновника — это добрыя дѣла, коимъ онъ былъ исполнителемъ отъ Благодарительнаго Начальства, — благодарность рѣдка, но неподкупна, когда самъ исполнитель неподкупенъ, вотъ изъ такихъ ходитъ комнѣ одинъ старикъ хлѣбникъ (но не мой) Сидоръ, который и къ Вамъ хаживалъ; у него большая семья, большая артель; истинно случилось же такъ, что когда я ему объяснилъ въ чемъ дѣло, и онъ мнѣ сказалъ: ну Баринъ, спасибо, вѣдь я почти во всѣ трактиры ставлю хлѣбъ такъ если будутъ врать, что всѣ на насъ войной идутъ, я вѣдь не назову тебя, а скажу что они по пусту тревожатся и войны никакой у насъ нѣтъ; случилось же такъ, что на другой же день вышла газета съ статью изъ С. Петербурга объясняющею точно такъ толки и эту статью для народа вообще довольны.

Ни о дерзкихъ, ни о ропотныхъ сужденіяхъ здѣсь нѣтъ слуховъ; вырываются въ гостинныхъ выраженія: не было бы чего? но слава Богу невидна никакого основанія къ опасеніямъ; утѣшительно то, что не къ русскимъ клонятся предположенія возможностей, а все къ Полякамъ, Дай Богъ, чтобъ ничего и небыло основательнаго для опасеній, но какіе слухи даже изъ вздорныхъ будутъ позначительнѣе непременно съ неограниченною искренностію доложить.

Здѣсь много говорили и въ гостинныхъ, что Графъ Алексѣй Федоровичъ ¹⁾ посланъ въ Вѣну и такъ утвердительно говорили, что по тамошнимъ слухамъ сердце боялось, пусть хоть и теперь утверждаютъ это, но Ваше милостивое письмо, изъ котораго видно, что Графъ въ С. Петербургѣ, втайнѣ мною хранимое, успокоило приверженнаго.

26 Марта 1848 г. № 8. Москва.

Его Превосходительству Леонтію Васильевичу Дубельту.

III.

Секретно

При приказаніи Вашемъ отъ 23-го Марта дозволивъ мнѣ писать неофициальнымъ письмомъ, Вы какъ будто милостиво угадали: что у меня ~~остался~~ глаза сильный ревматизмъ, такой, что сегодня мнѣ поставили ~~широкую~~ мушку къ затылку и что я долженъ даже докладывать Вамъ, дискусію, ко-
ему писарю, въ вѣрности и глубокой скромности коего не имѣю ~~причины~~ сомнѣваться.

¹⁾ Орловъ, шефъ жандармовъ и начальникъ III отдѣленія.

Гед.

И пишу къ Вамъ съ неограниченною искренностію какъ къ отцу родному, прося Васъ нисколько не думать о моей простудѣ и неостанавливаться удостаивать меня Вашими приказаніями. И съ больнымъ глазомъ, Господь не лишаетъ меня свѣта душевнаго, и въ ревматизмѣ, я пламенно усерденъ въ вѣрноподданической службѣ и убѣждаю Васъ при поставленной мнѣ шпанской мушкѣ на затылкѣ, ни какъ небрить мнѣ затылка отъ Вашего драгоценнаго мнѣ довѣрія.—Третьяго дня принесли мнѣ повѣстку о секретномъ пакетѣ, это было воскресенье и по правиламъ почтъ получить нельзя было—получилъ вчера а сегодня доношу Вамъ въ отвѣтъ—кажется нельзя поспѣшать.

Коротенькое, но заключающее въ себѣ важность, приказаніе Ваше, я прочиталъ не разъ и затаивъ отъ всѣхъ въ душѣ моей тайну вопроса, хотя и былъ тотчасъ готовъ отвѣтствовать Вамъ: что касательно политическихъ въ Европѣ обстоятельствъ, здѣсь благодареніе Господу въ народномъ духѣ ничего дурного не видно и не слышно; но желалъ провѣрить изыскиваемая мною основательныя свѣденія и поѣхалъ какъ будто пить чай къ здѣшнему Головѣ, богачу и владѣтелю огромной фабрики Лепешкину. Я небалуу купцовъ частыми посѣщеніями за ихъ визиты и особенно Лепешкинъ тѣмъ болѣе радъ моимъ пріѣздомъ, и когда нѣтъ никого, бѣседуетъ со мною довольно искренно.—

Извлеченіе изъ разговора съ нимъ Вамъ яснѣе покажетъ незамѣтную для хозяина дома провѣрку моихъ свѣденій о духѣ народа. Начало всякаго разговора теперь, чужіе края—такъ и началось, потомъ онъ *за келью* сталъ говорить о непомѣрной слабости Щербатова къ Лужину ¹⁾ о затрудненіяхъ головы Градскаго, имъ угождать, а потомъ что прошедшій вторникъ Щербатовъ ²⁾ присылалъ за нимъ и просилъ его, что какъ до него дошли свѣденія, что будто нѣкоторые фабриканты хотятъ ссылатъ фабричныхъ, то чтобъ убѣждать ихъ оставить и чтобъ они не притѣсняли ихъ въ расчетахъ. Голова въ слѣдствіе этаго созвалъ (кажется онъ назвалъ) старостъ, которые имѣютъ вліяніе на фабрики, и они доставили черезъ нѣсколько дней свѣденія что никто недумаетъ ссылатъ фабричныхъ и расчетовъ притѣснительныхъ нигдѣ нѣтъ. Такъ и доложилъ Лепешкинъ Щербатову *призвывая его*: что никто изъ купцовъ несылаетъ рабочихъ а къ Пасхѣ они сами въ свои селенія отходятъ и послѣ Святой недѣли, недѣли черезъ двѣ, судя по разливамъ рѣкъ, они опять возвращаются. Лепешкинъ самъ непонимаетъ съ чего Щербатовъ это взялъ, а мнѣ это дало прямой случай взойти съ Головою въ разговоръ о фабричныхъ; Фабричные говорили Лепешкинъ думали что будетъ война, но боялись не Французовъ и не войны, а большаго рекрутскаго набора; а теперь, благодарятъ Бога, что нѣтъ набора, а какъ слышали о французахъ то право закипѣли русскимъ духомъ такъ поговаривая: „вѣдь ужъ было, что у нихъ закружилась голова на руси—такъ видно опять захотѣлось отвѣдать каковы русскіе,“ и вообще Лепешкинъ говоритъ „что такъ тихо; такъ ведутъ себя что лучше требовать нельзя.“ прибавлю еще что и въ иностранцахъ, магазинщикахъ и ре-

¹⁾ Московскій оберъ-полицеймейстеръ того времени.

²⁾ Московскій генералъ-губернаторъ.

месленникахъ, замѣтно не только сожалѣніе но даже омерзеніе къ переводамъ случившимся за границей.

Дай Богъ чтобъ я и впредь Вамъ могъ докладывать таковыя свѣденія о русскомъ духѣ. Ей Богу теперь все тихо, *и русскихъ въ души Богъ и Царь* что этаго тверже и верте что *это здѣсь всему основаніе*. Простите мнѣ мою неограниченную искренность Батюшка Леонтій Васильевичъ, всѣ единогласно отдають цѣну Москвѣ, что при безтолковости Щербатова и неспособности Лужина быть оберъ-полиціймейстеромъ, все держится внутреннею привязанностію къ Царю и личною привязанностію къ ВЕЛИКОМУ Духу ГОСУДАРЯ.—Батюшка, уладьте чтобъ Лужина хоть Егермейстеромъ сдѣлали, но дайте на это мѣсто человѣка достойнаго, вѣдь Лужина просто презируютъ просто говорятъ: чего и ждать отъ него когда его баба била по рожѣ, офицеры говорили ему грубости, и даже купецъ поставщикъ полиціи дровъ Иванъ Васильевъ Волковъ ему въ домѣ Щербатова и при Щербатовѣ въ глаза дерзко правду высказалъ, выражаясь именно: „ошибаешься молодой Генераль.“ И Лепешкинъ также рассказывалъ это, если Вы объ этомъ другихъ спросите то помирволятъ, если спросите Лепешкина, скажетъ какъ купецъ что онъ и мнѣ неговаривалъ; а напишите ко мнѣ: чтобъ я отъ него попросилъ искренняго свѣденія о состояніи здѣшняго управленія въ отношеніи къ Думѣ онъ бы отъ меня не отдѣлался чтобъ не написать къ Вамъ, когда бы въ письмѣ ко мнѣ изволили сказать: что это останется въ глубокой тайнѣ, которую и онъ хранить обязанъ—что бы Вы не узнали, особенно еслибъ молвили объ его умѣ ибо онъ очень самолюбивъ.—Но ни въ какомъ случаѣ не дѣлайте на мѣсто Лужина, здѣшнихъ Полиціймейстеровъ, ей Богу, ни одинъ неспособенъ, да попробуйте перемѣстить Вашего С.-Петербургскаго въ Москву, а здѣшняго къ Вамъ, тогда ближе разсмотрите.

Повторяю мое всепокорнѣйшее извиненіе что самъ не пишу, ибо наклонится не могу и лѣвой глазъ опухъ, я и вчера имѣлъ опухоль, но вѣроятно это бросилось къ глазу при возвращеніи вечеромъ отъ Лепешкина, отъ сырости, когда ѣхалъ по мосту черезъ Москву рѣку, которой, ледъ уже прошель.

30-го Марта 1848 года Москва.

Первое мая въ Россіи.

(Продолженіе ¹⁾).

Мы побозрѣли уже десятокъ лѣтъ празднованія въ Россіи Перваго Мая. Не одна тысяча людей отдала свою свободу для торжества этого праздника свободы. Многіе и совсѣмъ погибли въ этой борьбѣ, не дождавшись зари; но тѣ, кто остался, можетъ быть истомленнымъ, усталымъ, но живымъ тѣломъ и духомъ, тотъ видитъ теперь, что жертвы не были напрасными.

Уже въ 1900 году безвѣстный поэтъ могъ воскликнуть:

Праздникъ свѣтлый и свободный,
Славься первый майскій день!
Нашъ союзъ международный
Новымъ блескомъ ты одѣнь!
Надъ Ураломъ и Кавказомъ,
Надъ Невой и надъ Днѣпромъ
Пусть нашъ голосъ грянетъ разомъ
Какъ весенній первый громъ!

Да, въ день Перваго Мая теперь уже раздавался во всѣхъ концахъ Россіи смѣлый голосъ рабочаго класса среди гнетущей тишины порабощенной страны. Дальше я уже не могу останавливаться на тайныхъ собраніяхъ въ этотъ день и на всѣхъ прокламаціяхъ, едва ли удастся мнѣ даже указать на всѣ ихъ, такъ ихъ стало много. Но годъ за годомъ, то въ томъ, то въ другомъ городѣ, маевка оканчивалась яркою вспышкой, которая черезъ все огромное пространство нашей родины подавала знакъ жизни освободительнаго движенія всѣмъ чающимъ свободы. Не только неволей, но кровью своею платили борцы за этотъ знакъ своимъ братьямъ. Объ этихъ искрахъ, теперь разгорѣвшихся въ пожаръ, я долженъ здѣсь говорить.

Какъ мы уже видѣли, первые вступили въ Россіи на путь открытыхъ демонстрацій польскіе рабочіе, за ними еврейскіе, потомъ латышскіе. Въ 1900 году ихъ дѣло продолжали рус-

¹⁾ См. „Вѣлое“, октябрь.

скіе рабочіе, харьковцы. Мы знаемъ, что на двухъ маевкахъ до этого наши харьковскіе товарищи говорили въ прокламаціяхъ и на тайныхъ собраніяхъ о значеніи Перваго Мая. Въ этомъ году брошюры, разъясняющія значеніе майскаго праздника, появились въ серединѣ апрѣля. За недѣлю до Перваго Мая выпущены были прокламаціи, призывавшія не работать въ этотъ день. Въ листкахъ были выставлены слѣдующія требованія: свободы печати, слова, стачекъ, союзовъ, повышенія платы, восьмичасового дня и „участія народа въ управленіи“.

Полиція и жандармы принимали свои обычныя мѣры, и въ ночь на Первое Мая были арестованы 7 рабочихъ паровозостроительнаго завода.

Утромъ желѣзнодорожные рабочіе предъявили свои требованія; тотчасъ явились казаки; но рабочіе все-же вышли толпой изъ мастерскихъ, подняли красное знамя и двинулись процессіей, направляясь въ другой конецъ города для встрѣчи съ паровозостроительными рабочими. У мостика, ведущаго въ городъ, полиція загородила имъ дорогу; шествіе двинулось въ обходъ; при этомъ были остановлены работы на гончарномъ заводѣ Бернгейма; появились казаки и послѣ нѣсколькихъ стычекъ выхватили изъ толпы и арестовали около 400 человекъ. Между тѣмъ на Паровозостроительномъ заводѣ забастовало механическое отдѣленіе; узнавъ о движеніи желѣзнодорожниковъ, забастовщики вошли въ сборную мастерскую и тамъ остановили работу; къ нимъ присоединились рабочіе кузнечнаго и литейнаго цеха, а также и модельной мастерской; толпа вышла на улицу и направилась къ Бельгійскому заводу и заводу земледѣльческихъ машинъ Гельфериха Саде. Изъ красныхъ рубахъ сдѣлали знамена и заплѣли революціонныя пѣсни. Въ узкомъ переулкѣ на демонстрантовъ напали казаки и увели въ казармы около 200 человекъ, разогнали толпу. Всего до 10.000 рабочихъ приняли участіе въ этой демонстраціи.

Петербургъ еще и въ этомъ году не выступалъ открыто. Мы видимъ, что петербургскія прокламаціи начинали принимать ясно выраженный политическій характеръ; въ 1900 году въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ; были выпущены двѣ майскія прокламаціи каждая въ 5.000 экземпляровъ, одна 18 апрѣля, другая 1-го мая. Въ первой изъ нихъ ¹⁾ говорилось: „что ни дѣлаютъ . . . и жандармы, министры и шпіоны, наше дѣло идетъ впередъ; тихо, неслышно растетъ могучая сила и настанетъ день нашего Перваго Мая. Мы развернемъ наши знамена, на которыхъ будутъ блестѣть при весеннемъ солнцѣ наши требованія: долой самодержавіе! да здравствуетъ свобода! право составлять союзы и собранія!“

¹⁾ Подписи на этой прокламаціи нѣтъ; въ заголовкѣ помѣчено: „Трудовая группа“ шрифтомъ: „Рабочее Знамя“. Шрифтъ Лондонской типографіи Говарда Эштона

право думать и верить какъ хочешь! Восемь часовъ работы! Да здравствуетъ побѣда правды и рабочаго класса!”

Второй листокъ расчитанъ очевидно на менѣе сознательные круги; въ немъ не формулированы требованія, но листокъ ссылается на первую прокламацію: „наши заграничные товарищи празднуютъ Первое Мая, бросая работу, устраивая уличные демонстраціи и собранія, какъ мы это указали въ первомъ листкѣ“. О правительствѣ и здѣсь говорится вполне опредѣленно, какъ о врагѣ народа: „докажемъ же и мы, товарищи, фабрикантамъ и ихъ подлomu правительству, что и мы—сила“. „Первое Мая—выраженіе единенія и силы рабочихъ“; „ничего такъ не боится буржуазія и ея правительство, какъ этого праздника“.

И такъ—вотъ моментъ, гдѣ спаяны двѣ послѣдовательныя стадіи въ развитіи петербургскаго рабочаго движенія, поскольку вообще можно говорить о границахъ періодовъ въ одной сплошной эволюціи, съ тою точностью, съ какою реальное движеніе отражалось въ нашей очень чуткой прокламаціонной литературѣ. Этимъ моментомъ было Первое Мая 1900 года: по ту сторону—борьба за гражданскія права, за „частичныя политическія права“, „экономизмъ“; по сую сторону—борьба за участіе во власти, за право устанавливать права.

Вотъ краткая хроника событій Майскаго праздника 1900 года. О Харьковѣ и Петербургѣ я уже говорилъ. Въ Москвѣ также была выпущена прокламація. Въ Кіевѣ готовились къ демонстраціи, но ее не удалось организовать; прокламаціи были напечатаны на красной бумагѣ въ собственной типографіи; на собраніи было болѣе 100 человекъ. Въ Ростовѣ прокламаціи распространилъ Донской Комитетъ; въ нихъ выставлены требованія законодательной охраны труда и 8-ми часового дня, а также „свободы союзовъ, стачекъ, собраній, слова, печати, неприкосновенности личности и участія въ изданіи законовъ“. Такимъ образомъ о конституціи говорится, не упоминая этого слова; но и то, что, по словамъ корреспондента изъ Ростова, было высказано въ прокламаціяхъ, „впервые вызвало въ большинствѣ сочувственные отзывы“¹⁾. Въ Екатеринославѣ предмайскія прокламаціи были выпущены 13 апрѣля и привели къ провалу типографію и аресту 80 лицъ; взяты были красныя знамена, приготовленные для демонстраціи; демонстрація поэтому не удалась, но 18 апрѣля были расклеены по городу 340 красныхъ плакатъ и 200 бѣлыхъ листовъ. Въ Одессѣ были распространены прокламаціи „Южнаго Рабочаго“, 16-го и 17-го апрѣля были массовые обыски, а послѣ Перваго Мая было арестовано около 120 человекъ; однако майское собраніе прошло благополучно, на немъ присутствовало болѣе 100 человекъ.

Улицы Варшавы Перваго Мая были заполнены войсками,

¹⁾ Листокъ Рабочаго Дѣла № 1, июль 1900 года.

казаками, жандармами и полиціей. Несмотря на это по призыву Польской Соціалистической Партіи и Бунда двадцатитысячная толпа рабочихъ собралась въ Уздовскихъ Аллеяхъ и двинулась къ памятнику Мицкевича. Три работницы, взявшись за руки, шли впереди шествія; манифестанты пѣли „Красное Знамя“ и „Варшавянку“ и несли знамя; пѣлый рядъ стычекъ произошелъ съ казаками, борьба народа съ войсками длилась до 10 часовъ вечера. Впослѣдствіи князь Имеретинскій выразилъ свою сердечную благодарность командовавшему полкомъ генералу Комарову за „умѣнье и распорядительность“ при дѣйствіяхъ противъ манифестантовъ. Жалкіе люди! Они взяли въ этотъ день въ плѣнъ 2.000 рабочихъ и работницъ и думали, что побѣдили! Но грандіозная демонстрація достигла всѣхъ пѣлей, какія только могли себѣ ставить демонстранты.

Въ Домбровѣ полиція произвела обыски даже въ подземельяхъ угольныхъ копій: самыя нѣдра земли теперь уже таили опасность господствующимъ! Несмотря на все, ко дню Перваго Мая во всемъ округѣ были расклеены прокламаціи; многотысячная толпа устроила демонстрацію и безпрепятственно прошла по улицамъ, хотя войска шли за толпою. Ораторъ въ теченіе четверти часа говорилъ свою рѣчь.

Лодзь вздохнула въ этотъ день послѣ столькихъ лѣтъ кошмара кровавой бойни 1893 года. Уличную демонстрацію не рѣшились устроить, но на фабрикахъ день прошелъ съ большимъ оживленіемъ, а улицы города были украшены красными флагами съ бѣлыми надписями. Въ лѣсу состоялось собраніе 300 еврейскихъ рабочихъ и работницъ.

Бундъ издалъ къ этому дню майскій номеръ „Рабочаго Голоса“ и прокламацію Центрального Комитета; кромѣ того вышли воззванія отъ Лодзинскаго, Варшавскаго, Виленскаго, Минскаго и Бѣлостокскаго комитетовъ Бунда. Въ прокламаціи Центрального Комитета выставляется требованіе Конституціи; мы увидимъ позже, что Бундъ и вся партія не остановилась на требованіи конституціи и пошла дальше въ своихъ политическихъ лозунгахъ.

Въ Вильнѣ произошла демонстрація, въ которой приняли участіе тысяча рабочихъ; отмѣчено присутствіе христіанскихъ рабочихъ среди демонстрантовъ. Въ Креславкахъ демонстрацію устроили 300 рабочихъ. Въ Двинскѣ было собраніе въ 150 человекъ. Въ Витебскѣ произошла всеобщая забастовка. Союзъ щетинщиковъ собралъ изъ разныхъ мѣстечекъ до 600 своихъ членовъ и отпраздновалъ Первое Мая. Въ Минскѣ демонстранты, идя по улицамъ, кричали: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ Въ Гроднѣ было собраніе 130 рабочихъ съ красными знаменами.

Въ Тифлисѣ „развернули красное знамя съ портретами Маркса, Энгельса и Лассала и говорили рѣчи. Мы возвращались въ городъ увѣренные въ нашемъ будущемъ, возбужденные жаждою

того дня, когда мы открыто выступимъ и во всеуслышаніе потребуемъ политическую свободу и заявимъ свою солидарность съ пролетаріатомъ всѣхъ странъ и національностей; года три подрядъ мы, тифлисскіе рабочіе, праздновали Первое Мая за городомъ въ ущельяхъ; признаться, намъ надоѣло праздновать, прачасъ!..¹⁾

Мы сейчасъ увидимъ, что тифлисскіе товарищи не долго ждали дня, о которомъ здѣсь такъ горячо говорится.

* * *

Въ 1901 году на двухъ полюсахъ Россіи, въ Тифлисъ и Петербургъ, вспыхнуло Первое Мая. Друзья поняли эти сигналы, но не враги. Они не понимаютъ и теперь, что совершилось и что совершается. А между тѣмъ, вотъ какія краснорѣчивыя событія произошли еще тогда.

Въ Тифлисъ демонстрація была назначена на первое воскресенье послѣ заграничнаго 1-го Мая, на 22-ое апрѣля. За недѣлю передъ тѣмъ вышла прокламація, объяснявшая значеніе маевки, и затѣмъ ихъ выпустили еще нѣсколько. Рабочіе уже настолько были подготовлены къ мысли о демонстраціи предыдущими маевками, что брали прокламаціи на расхватъ и распространяли ихъ очень широко.

Правительство знало о томъ, что готовится. Полкамъ были розданы боевые патроны; съ 15-го апрѣля драгуны, казаки и даже артиллерія демонстрировали по городу; на площадяхъ солдаты расположились бивуаками, сборища даже изъ трехъ человекъ разгонялись полиціей. Можно-ли было лучше популяризировать предстоящее событіе? И можно-ли было лучше обнаружить безсиліе правительства, когда демонстрація все же удалась? Или, можетъ быть, правительство и тутъ считало себя побѣдителемъ?

„Толпа рабочихъ, говорить уже цитированная брошюра о Тифлисскомъ рабочемъ движеніи, три тысячи человекъ, смѣшанныхъ съ солдатами, полицейскими, жандармами и съ мирными покупателями и продавцами, возбужденно ждали сигнала, краснаго знамени. Величественно и грозно поднялось оно надъ головами толпы, четко и ясно провозглашая политическую свободу, восьмичасовой рабочейъ день и призывъ: рабочіе всѣхъ странъ—соединяйтесь! Какая торжественная минута! Всѣ рабочіе, снявъ шапки, отдали земной поклонъ знамени и затѣмъ раздался дружный возгласъ: Да здравствуетъ политическая свобода! Впервые кавказкія вершины за сто лѣтъ услышали требованіе свободы, и сѣдой Казбекъ повторилъ: „Свобода!..“

Далѣе все пошло обычнымъ путемъ: налетѣли казаки, стали бить, рубить, забирать въ плѣнъ. Горстка храбрецовъ отчаянно

¹⁾ „Изъ Тифлисскаго Рабочаго Движенія“. Разсказъ рабочаго. Тип. „Искра“. Женева, февраль, 1902 г.

защищала знамя. Сорокъ человекъ было арестовано, въ томъ числѣ 17 рабочихъ и три курсистки; раненыхъ саблями было 24, большинство въ голову и знаменосецъ въ томъ числѣ.

Другая „побѣда“ была одержана въ этомъ году правительствомъ въ связи съ маевкой въ Петербургѣ ¹⁾. Обуховцы уже въ предыдущемъ году пытались организовать празднованіе Перваго Мая. Въ этомъ году это имъ отчасти удалось: 15% всѣхъ работавшихъ на заводѣ не вышли въ этотъ день на работу. Это еще небольшой успѣхъ, но разжечь изъ искры пламя взяла на себя администрація и правительство. Небольшая часть рабочихъ завода, бастовавшихъ въ этотъ день, составляла однако не малое число сознательныхъ людей — 1500 рабочихъ. Ихъ поступокъ, требовавшій риска и пожертвованія непосредственными интересами ради простого заявленія своей солидарности съ международнымъ рабочимъ движеніемъ, несомнѣнно имѣлъ бы большое значеніе въ жизни всего Обуховскаго завода; но правительство придало ему своими репрессіями всероссійское значеніе. Я не отрицаю, оно не могло поступить иначе, оставаясь правительствомъ деспотіи, но въ этой роковой для него необходимости — признакъ исторической силы развитія рабочаго движенія.

Начальникъ завода, подполковникъ Ивановъ уволилъ за празднованіе Перваго Мая 26 рабочихъ, казавшихся ему самыми неблагонадежными. Сначала онъ хотѣлъ расчитать всѣхъ неявившихся на работу Перваго Мая, но ихъ оказалось слишкомъ много. Обуховцы не выдали своихъ товарищей, пострадавшихъ за общее дѣло; они всѣ бросили работу и предъявили начальству свои требованія: восьмичасового дня и приѣма обратно уволенныхъ товарищей. Толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ вышла на Шлиссельбургскій трактъ, но была остановлена полиціей и конными жандармами. По словамъ обвинительнаго акта „толпа вела себя крайне вызывающимъ образомъ и осыпала бранью и насмѣшками чиновъ полиціи, по адресу же патрульныхъ раздавалась площадная ругань и крики, что ни полиція, ни солдаты ничего не значатъ. Скопленіемъ народа окончательно было прекращено всякое уличное движеніе и остановленъ проѣздъ конныхъ патрулей, которымъ толпа опускала на головы брусья шлагбаума; подошедшій же вагонъ конной желѣзной дороги съ чинами полиціи былъ засыпанъ градомъ заранее заготовленныхъ камней. Заперевъ и забаррикадировавъ изнутри ворота карточной фабрики, толпа стала бросать камни и кирпичи; жандармы и конная стража принуждены были отступить. Захвативъ пѣшихъ городовыхъ, полицеймейстеръ Полибинъ три-

¹⁾ „Обуховцы. Майскія волненія на Обуховскомъ заводѣ“, съ предисловіемъ Кричевскаго. Изд. Союза Рус. Соц.-дем. Женева 1901 г.—„Процессъ Обуховскихъ Рабочихъ“. Изд. Спб. Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Женева 1901 г. Тип. Союза Рус. Соц.-Дем.

жды тщетно пытался подойти къ воротамъ съ цѣлью ихъ выломать: большинство сопровождавшихъ его городскихъ получили ушибы, а самъ онъ былъ сбитъ съ ногъ ударами камней. Вытребовавъ эскадронъ жандармовъ, двѣ роты пѣхоты и отрядъ городскихъ, Полибинъ выстроилъ прибывшую на мѣсто морскую команду и открылъ огонь вдоль проспекта“...

Къ суду были привлечены 37 лицъ; изъ нихъ только 8 оправдано. „Правительство мстило борцамъ. Каторга имъ за то, что они осмѣлились требовать и добиваться лучшей жизни! Каторга имъ, тюрьма, арестантскія роты, за то что дерзнули они открыто грудью своей встрѣтить пули и пашки солдатъ!“—говорилъ Петербургскій Комитетъ въ прокламаціи своей въ октябрѣ послѣ суда.

„Было пять часовъ утра—писаль присужденный къ 6 годамъ каторги Анатолій Гавриловъ, когда читали приговоръ, отъ котораго поднялся плачъ и надолго, а можетъ быть навѣчно неизгладимая печаль“... „Идемъ въ міръ отъ людей отверженныхъ! даже нашихъ побѣдоносныхъ дѣвицъ и тѣхъ не миновала эта горькая участь“.

Двѣ дѣвушки-работницы, обѣ 18-ти лѣтъ, были приговорены судомъ къ тюрьмѣ—Лидія Бурчевская на 1½ года и Марфа Яковлева на три... Вѣроятно правительство считало себя удовлетвореннымъ. „Пусть же на каторгѣ суровой и холодной и въ душевой тюрьмѣ вамъ свѣтитъ и грѣетъ васъ надежда, что цѣною своихъ страданій вы приблизили день освобожденія всего рабочаго класса“. Этими словами напутствовала прокламація Петербургскаго Комитета вырванныхъ изъ нашихъ рядовъ врагами товарищей.

Задолго до Перваго Мая комитеты Петербурга, Кіева, Харькова, Ростова, Тифлиса, Симферополя, Центральный Комитетъ Бунда, Заграничный Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ, группа „Искры“ и группа „Южнаго Рабочаго“ рѣшили выпустить общую майскую прокламацію съ требованіями 8-ми часового дня, политическихъ избирательныхъ правъ, политической свободы, съ призывомъ къ забастовкамъ и демонстраціямъ. 40 тысячъ этихъ прокламацій взяли напечатать въ Россіи типографіи Искры и Южнаго Рабочаго. Союзу поручено было составить и напечатать въ 10 тысячахъ экземплярахъ брошюру, разъясняющую подробно эти требованія. Кромѣ этого Союзъ доставилъ до 18-го апрѣля въ Петербургъ, Москву, Кіевъ, Харьковъ, Ивано-Вознесенскъ, Ростовъ, Тифлисъ и Саратовъ 10 тыс. своихъ прокламацій, 2½ тысячи № 6-го „Листка Рабочаго Дѣла“ съ изложеніемъ февральскихъ и мартовскихъ событій 1901 года и 3 тыс. отдѣльнаго оттиска передовой статьи этого листка, „Историческій Поворотъ“ Кричевскаго. 22 человекъ отправились въ апрѣлѣ въ Россію изъ-за границы и перевезли всю эту литературу, имѣя по 30 фунтовъ каждый. Трое нелегальныхъ,

поѣхавшихъ съ этою цѣлью, руководили этимъ дѣломъ, увѣнчавшимся полнымъ успѣхомъ.

Между тѣмъ полиція напрягала всѣ силы, чтобы помѣшать нашей работѣ. Хотя уже тюрьмы были переполнены въ мартовскіе дни, аресты возобновились къ серединѣ апрѣля. Въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Россіи было произведено не менѣе 600 арестовъ помимо огромнаго количества обысковъ.

Общепартійная прокламація призывала „заявить протестъ противъ современнаго общественнаго и государственнаго порядка“. Прокламація носитъ ясно выраженный социалистическій характеръ и рѣзко враждебно говоритъ о самодержавіи. „Товарищи, говоритъ она, если мы дѣйствительно хотимъ отдохнуть когда-нибудь отъ нашихъ страданій, мы должны начать рѣшительную борьбу за наше освобожденіе отъ самодержавія. До сихъ поръ вы боролись подъ знаменемъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи противъ хозяйскаго гнета на фабрикахъ. Теперь Рабочая Партія зоветъ васъ въ день Перваго Мая, на-ряду съ требованіемъ 8-ми часового рабочаго дня, провозгласить требованіе политической свободы, созыва выборныхъ отъ народа для управленія государствомъ и контроля надъ министрами“.

Легко видѣть огромное превосходство этой прокламаціи надъ общепартійною прокламаціей 1898 года. Въ политическомъ отношеніи она не такъ ярка, точнѣе, не такъ рѣзка, но въ ней чувствуется близость къ жизни и пролетарскій духъ: теперь только задачи указанныя въ общепартійной прокламаціи 1898 года стали соответствовать стадіи развитія рабочаго движенія и они могли быть выражены въ формѣ не радикальной. Русское рабочее движеніе теперь находилось на той стадіи, на которой еврейское было въ 1898 году, и бросается въ глаза удивительное сходство между прокламаціей Центрального Комитета Бунда въ 1898 году и общепартійною 1901 года: онѣ были обѣ созданы одною и тою же стадіей развитія рабочаго движенія.

А Бундъ? Бундъ шель уже дальше. Русскія прокламаціи призывали рабочихъ къ борьбѣ; еврейскія заявляли, что „наша теперешняя жизнь—одна непрерывная борьба, борьба, которая насъ оживляетъ и одушевляетъ, улучшаетъ наше положеніе, дѣлаетъ насъ смѣлыми и безстрашными“. „Съ гордой надеждой, съ чувствомъ радости, съ ликованіемъ мы можемъ встрѣтить нашъ святой праздникъ“. Прокламація представляла тѣ же требованія, что и русская, но называла вещи своимъ именемъ: „Долой самодержавіе! Долой враговъ демократіи и социализма! Мы требуемъ конституціи и всѣхъ гражданскихъ правъ! Да здравствуетъ Первое Мая! Да здравствуетъ международная социалдемократія!“ Еврейское рабочее движеніе стояло на той позиціи, на которую становилось русское.

Польскія социалдемократическія прокламаціи оканчивались возгласомъ: „Да здравствуютъ борющіеся русскіе рабочіе! Да

здравствуетъ политическое братство русскихъ и польскихъ рабочихъ! Долой Самодержавіе! Да здравствуетъ конституція!“ Въ Варшавѣ 15 тыс. рабочихъ участвовали въ демонстраціи. Въ Лодзи социалистическія организаціи не рѣшились призывать къ демонстраціи и организовали мирную сходку. Но на эту сходку явилось 30 тыс. рабочихъ!

Нѣтъ возможности описать здѣсь всѣ проявленія майскихъ событій за этотъ годъ. „Въ 1901 году не было почти ни одного фабричнаго центра, говорить одна брошюра о первомъ маѣ ¹⁾, гдѣ не появлялись бы въ этомъ году майскія прокламаціи, гдѣ не стояло бы на готовѣ войско, гдѣ не были бы произведены жандармами десятки арестовъ для предотвращенія маевки. Пролетарскій праздникъ сталъ уже въ Россіи грознымъ днемъ для всѣхъ враговъ рабочаго класса, днемъ надежды для всѣхъ угнетенныхъ, для всѣхъ чающихъ свободы и свѣта!“

Въ „Искрѣ“, въ № 8 Листка Рабочаго Дѣла и въ Последнихъ Извѣстіяхъ Бунда имѣются описанія событій Перваго Мая за 1901 годъ въ Петербургѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Ростовѣ, Тифлисѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Лодзи, Ковнѣ, Сморгони, Витебскѣ, Двинскѣ, Бѣлостокѣ, Ригѣ, Либавѣ, Митавѣ, Одессѣ, Керчи, Симферополѣ.

* * *

Въ мартѣ 1902 года въ Бѣлостокѣ состоялась конференція представителей комитетовъ и организацій Россійской Соціал-демократической Рабочей Партіи, принявшая рѣшеніе создать Организационный Комитетъ для созыва 2-го съѣзда Партіи и выпустить общую для всей Россіи Майскую прокламацію. Только двое изъ участниковъ этой конференціи уцѣлѣли; остальные были арестованы прежде, чѣмъ успѣли уѣхать изъ Бѣлостока и были послѣ долгаго тюремнаго заключенія отправлены въ Сибирь. Но рѣшенія ихъ были исполнены нашею Партіей.

Прокламація вышла въ нѣсколькихъ изданіяхъ и была распространена по всей Россіи. „Да здравствуетъ Россійская Соціалдемократія! Да здравствуетъ восьмичасовой рабочий день! Да здравствуетъ политическая свобода! Долой самодержавіе!“ Такъ заканчивалась прокламація. „Чтобы открыто и съ успѣхомъ добиться улучшеній въ своей жизни — говорила она — мы должны добиваться политической свободы; безконтрольное самодержавное управленіе должно уступить мѣсто демократіи, т. е. управленію страны собраніемъ выборныхъ отъ всего народа“. Здѣсь не употреблено слово конституція, можетъ быть случайно, а можетъ быть даже потому, что оно еще казалось рѣзкимъ даже тогда, когда его содержаніе—ограниченіе само-

¹⁾ „Пролетарскій праздникъ“ изд. Искры, апрѣль 1903.

державія—было уже провозглашено. Но можетъ быть авторы сознательно отъ него уклонились по другой причинѣ? Во всякомъ случаѣ это умолчаніе какъ бы ставило на очередь внесеніе въ прокламацію по вопросу о формѣ государственнаго управленія формулы социалдемократической программы минимумъ, требующей большаго, чѣмъ ограниченіе самодержавія.

Какъ я уже нѣсколько разъ отмѣчалъ, въ первомайскихъ прокламаціяхъ высказывались два существенно различныхъ взгляда на характеръ этого праздника. Одни видѣли въ немъ актъ борьбы, которая, усиливаясь изъ году въ годъ, въ одно прекрасное первое мая, „когда наступитъ *наше* Первое Мая“, превратится въ генеральную битву съ защитниками существующаго строя. Другіе считали этотъ день днемъ „недѣланья“, днемъ обновленія, когда всѣ сторонники великаго международнаго движенія, оставивъ обычное теченіе жизни, отдаются общему порыву нашихъ желаній, подводять итоги прошлаго, размышляютъ о задачахъ будущаго, провозглашаютъ свои идеалы. Въ этой мирной, но могучей демонстраціи признаютъ сторонники этого взгляда всю силу и значеніе нашего праздника.

Какъ же смотреть на это прокламація, о которой идетъ рѣчь? Она выражается неясно и неопредѣленно.

„Товарищи, говоритъ она, годъ отъ году въ майскомъ праздникѣ въ Россіи участвуетъ все болѣе и болѣе рабочихъ. Постарайтесь, чтобы празднованіе этого года было шире и громче, чѣмъ когда либо. Пусть всякій рабочий не работаетъ въ день Перваго Мая (18 апрѣля), а въ день назначенный комитетомъ пусть каждый явится на демонстрацію“. „Встанемъ дружно и сплоченно въ день Перваго Мая и заявимъ протестъ рабочаго класса противъ безправія“. Здѣсь, какъ будто, рѣчь идетъ о мирной демонстраціи.

Но далѣе говорится: „Покажемъ же всѣмъ желающимъ свободы, что мы готовы добывать ее въ бою, что мы намѣрены бороться за нее до послѣдней капли крови“. „Помните, что отъ числа участниковъ зависитъ успѣхъ демонстраціи. Сотни лицъ разгонитъ полиція, съ тысячами справится вооруженная сила, но противъ десятковъ тысячъ будетъ безсильно и царское воинство“. „Самодержавіе идетъ навстрѣчу своей гибели. Вблизи часъ расплаты за всѣ его вѣковые грѣхи противъ народа, противъ Россіи“. Этимъ день Перваго Мая какъ бы назначается для боя, который приведетъ къ успѣху, когда въ немъ примутъ участіе „десятки тысячъ“.

Эта неопредѣленность и двойственность, какъ мы увидимъ дальше, постепенно исчезала въ послѣдующіе годы и уступала мѣсто боевому тону майскихъ прокламацій до тѣхъ поръ, пока, въ 1905 году, не обнаружилась полная несостоятельность этого взгляда на нашъ праздникъ.

Хроникѣ событій и въ этомъ году и въ послѣдующихъ излагать не приходится, въ 1-хъ потому, что она становится къ началу девятисотыхъ годовъ слишкомъ сложной, во 2-хъ потому, что интересующіеся деталями этого дѣла безъ особыхъ затрудненій смогутъ найти подробныя свѣдѣнія въ газетахъ: Искра, Революціонная Россія и Послѣднія Извѣстія Бунда. За 1902 годъ въ этихъ газетахъ имѣются описанія первомайскихъ событій въ Баку, Батумѣ, Бердичевѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Витебскѣ, Гомелѣ, Двинскѣ, Екатеринославѣ, Иркутскѣ, Канскѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Ковнѣ, Красноярскѣ, Кременчугѣ, Лодзи, Минскѣ, Могилевѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Новозыбковѣ, Одессѣ, Перми, Петербургѣ, Прилукахъ, Ригѣ, Ростовѣ, Саратовѣ, Сормовѣ, Тифлисѣ, Томскѣ, Харьковѣ, Читѣ, Яновѣ, Ялтѣ... Движеніе такимъ образомъ стало поистинѣ всероссійскимъ. Но требуютъ specialнаго упоминанія событія въ Саратовѣ, Сормовѣ, Нижнемъ, Вильнѣ.

Въ Саратовѣ небольшая группа лицъ, большею частью уже состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи, сошлась въ ближайшее послѣ Перваго Мая воскресенье на базарѣ; человекъ 30, собравшись, запѣли революціонныя пѣсни, подняли знамена, три красныхъ съ революціонными лозунгами и одно черное съ надписью: „Балмашовъ казненъ, вѣчная память герою“. Скоро къ нимъ примкнуло еще человекъ 50, которые и составили ядро демонстраціи; вокругъ нихъ двигалась многочисленная толпа.

„Зрѣлище было весьма эффектное—пишетъ корреспондентъ Революціонной Россіи,—я наблюдалъ его въ цѣломъ изъ виднаго мѣста. Издали вся толпа представляла одно импозантное цѣлое, густую массу народа, надъ головами котораго плавно колыхались черное и красныя знамена“. „Толковъ по городу—масса, добавляетъ онъ, и эта цѣль всякой подобной демонстраціи можетъ считаться достигнутой“.

Искрѣ писали по этому поводу: „демонстрацію нельзя назвать неудачной; демонстрантамъ удалось пройти съ развернутыми знаменами довольно значительное пространство, и знамена развѣвались по крайней мѣрѣ въ теченіе 20 минутъ“.

Полиція проявила особую тактику: она въ формѣ вела себя сдержанно и корректно, но полицейскіе въ штатскомъ и сыщики „занимались избіеніемъ“. „Впечатлѣніе получалось такое, будто происходитъ драка среди публики. Но всѣ пострадавшіе отъ защищавшихся демонстрантовъ оказались переодѣтыми жандармами и городовыми“ (Искра).

Саратовскіе товарищи вели себя чрезвычайно мужественно и, будучи уже арестованными, обращались къ солдатамъ съ рѣчами и пѣли революціонныя пѣсни. Они были отданы на судъ Судебной Палатѣ и присуждены къ ссылкѣ на поселеніе.

„Карайте демонстрантовъ, которые мирно выступили съ требованіями рабочаго класса!—писалъ въ прокламаціи Саратовскій комитетъ по поводу суда надъ демонстрантами. Этимъ

вы научите рабочихъ прибѣгать не къ мирнымъ демонстраціямъ, а выходить на открытый бой съ вами, на бой съ оружіемъ въ рукахъ на улицахъ, на баррикадахъ. Чѣмъ строже вы будете раздѣльваться съ мирными демонстрантами, тѣмъ скорѣе наступитъ рѣшительный бой!"

Здѣсь эта демонстрація-маевка характеризуется какъ мирное заявленіе желаній. Само правительство противъ нашего желанія превращаетъ ее въ „бой“. Какъ ни парадоксально будетъ это звучать, но надо сказать, что мы побѣдили правительство, заставляя его совершать насилія надъ нами! Оно боялось этого, оно не рѣшалось насъ судить открыто; желая запугать насъ карами, оно однако скрывало отъ народа свои жестокости. Но мы заставили его снять маску: то, чѣмъ оно думало запугать— оно скрывало, а мы разглашали! Мы стали открыто проявлять естественныя права человѣка и гражданина: свободу слова, печати, собраній, организацій—несмотря на то, что юридически у насъ не было этихъ правъ. Правительство, чтобы подавить естественное, имѣло лишь одно средство—насиліе: вступить на путь открытаго насилія и вызвать съ нашей стороны отвѣтъ насиліемъ, вызвать насъ на битву—таковъ единственный выходъ для правительства. Но для насъ битва не только не является единственнымъ способомъ борьбы, но, наоборотъ, она для насъ самое рискованное дѣло: какъ грубая физическая сила, правительство было и есть сильнѣе насъ и не симъ побѣдить его наше движеніе.

То самое, что произошло въ Саратовѣ, произошло также въ Нижнемѣ и въ Сормовѣ. Даже по словамъ обвинительнаго акта демонстрація въ Нижнемѣ была устроена единственно „съ цѣлью дерзостнаго порицанія самодержавной власти и установленнаго закономъ образа правленія“. Эту цѣль демонстранты преслѣдовали мирными средствами, они „учинили шествіе по городскому бульвару съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, выкинувъ красное знамя съ надписью: „долой самодержавіе“ и дозволили себѣ неоднократно кричать: да здравствуетъ политическая свобода, долой самодержавіе!“ И противъ этой горстки людей, которая, по выраженію обвинительнаго акта, „скоро составила толпу въ 30 приблизительно человекъ“, правительство великой державы было бессильно. Оно, конечно, могло бы раздавить всю эту „толпу“, но оно знало, что этимъ оно вступаетъ хотя и на единственный остающійся для него, но опасный путь, и оно скрывало свои дѣйствія, переодѣвало своихъ агентовъ, такъ что, какъ гласитъ обвинительный актъ, „наблюдавшіе за происходившимъ изъ квартиры инженера Майдановича на Семинарской площади свидѣтели Александръ Майдановичъ и инженеръ Николай Антоновичъ удостовѣряютъ, что во время борьбы нападавшими несомнѣнно являлись демонстранты, при чемъ полиція вела себя осторожно и спокойно“.

Въ Сормовѣ демонстрація была гораздо болѣе многочисленной и была устроена рабочими: „Огромная толпа демонстрантовъ, пишутъ Послѣднія Извѣстія, направилась по большой дорогѣ отъ Сормовскаго завода и шла все время съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ; когда же она на своемъ пути поравнялась съ войсками, то пройдя мимо всего строя оторопѣвшихъ солдатъ, стройно и тихо повернула и пошла обратно, а затѣмъ, дойдя до завода, разошлась по домамъ. Только одинъ рабочий-знаменосецъ не захотѣлъ уходить домой и остался до тѣхъ поръ, пока его не окружили и не арестовали“.

Здѣсь не было „битвы“, но демонстрація, по словамъ Послѣднихъ Извѣстій, производила впечатлѣніе какого-то грандіознаго торжества“. „Всѣ только и говорятъ о томъ, что произошло въ Сормовѣ Перваго Мая“, заявляетъ прокламація Нижегородскаго комитета; она сообщаетъ также о томъ, какъ устроилась демонстрація: толпа рабочихъ начала было громить заводскую контору и канцелярію пристава. „Но скоро на мѣсто происшествія явилась толпа сознательныхъ рабочихъ. Что вы дѣлаете, говорили они; разгромомъ заводской конторы мы не добьемся ничего. Мы должны другими путями добиваться уничтоженія теперешняго несправедливаго порядка“. И они предложили устроить демонстрацію. „Народъ стоялъ по обѣ стороны улицы сплошною толпой; видъ демонстраціи такъ дѣйствовалъ на нее, что нѣкоторые, слыша стройное пѣніе, не могли удержаться отъ слезъ“.

Такъ прошло Первое Мая въ Поволожьѣ, въ коренныхъ русскихъ городахъ. Это были проявленія новыхъ методовъ борьбы, и мы должны были здѣсь хотя бы вкратцѣ описать ихъ. Но это самое въ западномъ краѣ было уже обычнымъ явленіемъ; тамъ правительство уже отбросило свою осторожность и прибѣгло къ новымъ опытамъ „предупрежденія и пресѣченія“.

Вильна уже задолго до Перваго Мая казалась была на военномъ положеніи. „Патрули развѣзжаютъ по улицамъ, вызвана еще сотня казаковъ“,—пишутъ Послѣднія Извѣстія. „Пороховые и оружейные склады охраняются двойными нарядами; пѣлый батальонъ готовъ къ выступленію по первому требованію; офицера ночуютъ въ казармахъ“.

Въ день Перваго Мая,—пишетъ Искра, съ утра всѣ дворники дежурили у воротъ съ дубинами въ рукахъ; въ оживленныхъ центрахъ на каждомъ перекресткѣ кромѣ городскихъ стояли околоточные надзиратели; весь городъ принялъ особый видъ, всякій ходилъ, какъ бы озираясь по сторонамъ. Въ 5½ часовъ вечера Валь, впереди полусотни казаковъ, выѣхалъ осмотрѣть „позиціи“. Въ 7 часовъ стало собираться много народу; на Большой тротуары положительно запружены; на Нѣмецкой улицѣ всѣ окна домовъ были раскрыты, балконы черны отъ стоявшей на нихъ публики; около Малаго театра выстроились казаки, а за ними пѣхота“.

„Три смѣльчака выскочили изъ Еврейской улицы. Одинъ изъ нихъ съ краснымъ фонаремъ крикнулъ: долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода! Въ ту же минуту онъ былъ сшибленъ съ ногъ и буквально истерзанъ. Изъ толпы стали выходить лица съ красными фонарями; они были схвачены и избиты, а одного изъ нихъ убили“.

„Въ то же время въ Городскомъ театрѣ посыпались въ публику прокламаціи и разноцвѣтныя бумажки съ надписью: Поздравляемъ народъ съ праздникомъ Перваго Мая. Валъ былъ также въ театрѣ и къ нему въ ложу тоже попало нѣсколько такихъ штукъ. Раекъ былъ оцѣпленъ и 35 человекъ арестовано“.

Вотъ и все, что сдѣлали наши виленскіе товарищи въ этотъ день. И однако, „Искра“ совершенно справедливо замѣчаетъ, что демонстрацію можно считать удавшейся. Что оставалось дѣлать фонъ-Валю? Онъ принялъ чудовищныя мѣры предосторожности, онъ былъ грозною силою, могущею все сокрушить, и однако демонстрація удалась, онъ былъ ея безсильнымъ зрителемъ; болѣе того, онъ и его штабъ своимъ присутствіемъ, своими дѣйствіями только усугубляли значеніе событій“. Въ безсильной злобѣ онъ глумился надъ своими плѣнными политическими врагами.

„На другой день послѣ манифестаціи, пишетъ корреспондентъ Послѣднихъ Извѣстій, арестованныхъ вывели изъ кутузки на дворъ. Фонъ Валъ осыпалъ ихъ площадною руганью, а затѣмъ прокуроръ произнесъ официальную рѣчь: „Пусть не думаютъ эти мальчишки, что ихъ кто-нибудь боится: ихъ всѣхъ сейчасъ такъ выпорятъ, что другой разъ они не придутъ демонстрировать“. По окончаніи этой рѣчи принесли доску, специально приспособленную для этой экзекуціи: одна дощечка подпирала подбородокъ, другая вкладывалась въ ротъ, чтобы нельзя было кричать. По-очередно брали всѣхъ и раздѣвали; одинъ казакъ садился на голову, другой на ноги, а два казака стояли съ обѣихъ сторонъ и сѣкли; давали по 25 ударовъ, а нѣкоторымъ 50. При экзекуціи присутствовали: фонъ-Валь, прокуроръ, полицеймейстеръ Назимовъ, врачъ Михайловъ, пристава Снитко и Кончевскій, околоточный Мартыновъ“. „Мы выставяемъ къ позорному столбу этихъ лицъ“ заявляла прокламація, выпущенная за общую подписью Виленскаго Комитета Бунда, Виленскаго Комитета Соціалдемократіи Царства Польскаго и Литвы, Литовской Соціалдемократической Партіи“.

Въ этой прокламаціи, прекрасно написанной, есть нѣсколько строкъ, характеризующихъ взглядъ виленскихъ товарищей на демонстраціи. Вотъ эти строки.

„Въ западно-европейскихъ странахъ голосъ рабочихъ раздается въ парламентахъ, народъ можетъ свободно высказываться о своихъ нуждахъ на собраніяхъ, въ газетахъ и въ книгахъ. Мы всего этого лишены! Намъ остается только одно: вынести

свой протестъ на улицу, открыто передъ всѣмъ міромъ провозгласить наши требованія“.

„Напрасно гнусное правительство распространяетъ черезъ своихъ прислужниковъ слухи, что въ день Перваго Мая—въ мирный международный праздникъ пролетариата—рабочіе будутъ жечь, грабить и убивать капиталистовъ, устраивать погромы. Оно клеветаетъ въ надеждѣ вызвать къ намъ вражду“. „Во время демонстрацій даже слѣбные прозрѣваютъ и общество начинаетъ намъ сочувствовать; на демонстраціяхъ правительство выступаетъ во всей своей отвратительной наготѣ и вызываетъ къ себѣ ненависть и презрѣніе; вотъ почему правительство расправляется такъ жестоко съ демонстрантами“. „Мы боремся мирными средствами, въ наши задачи не входитъ пролить чело-вѣческой крови; но... терпѣніе имѣетъ свои границы!..“

Границы были перейдены. Рабочій еврей Гиршъ Лекертъ явился выразителемъ царившаго настроенія, онъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ въ фонъ-Валя; генераль былъ раненъ въ руку и въ ногу. Лекертъ былъ повѣшенъ.

Сѣченіе розгами въ маѣ этого года повторилось въ Минскѣ, Екатеринбургѣ и на Воткинскихъ заводахъ въ Вятской губерніи. Это было очевидно системой, новымъ первомайскимъ опытомъ реакціи. „Режимъ массового примѣненія розги, писала по этому поводу Искра, одновременно проявился на западѣ, на востокѣ и на югѣ Россіи, среди великорусскаго, малорусскаго и еврейскаго населенія“...

* * *

На праздникъ Перваго Мая 1903 года лежитъ мрачная тѣнь Кишиневскихъ событій. Опытъ Сипягина въ Николаевѣ 18-го апрѣля 1900 года Плеве повторилъ въ этомъ году въ Кишиневѣ. Документы, опубликованные въ „Освобожденіи“, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ужасный погромъ былъ совершенно сознательно и планомерно подготовленъ полиціей; впрочемъ бесполезно это доказывать теперь, когда передъ глазами нехѣтъ раскрывается кровавая исторія Бѣлостокскаго погрома.

Кишиневскій погромъ начался въ воскресенье 6-го апрѣля т. е. всего за 12 дней до заграничнаго Перваго Мая. По всей Россіи полиція заявляла, что Кишиневскій погромъ есть актъ ненависти вѣрноподданнаго христіанскаго населенія къ евреямъ-революціонерамъ. Въ „Бессарабцѣ“, органѣ Крушевана, въ этомъ, такъ сказать, официальномъ органѣ погромщиковъ, было прямо заявлено, что „Кишиневскій погромъ является отвѣтомъ христіанскаго населенія на еврейское революціонное движеніе“ Еврейскій пролетаріатъ дѣйствительно шелъ все время въ авангардѣ всенароднаго, всероссійскаго освободительнаго движенія, этого не могли ему простить власти; этого никогда не

должны забывать мы, русскіе люди, послѣ того какъ налге отечество будетъ освобождено отъ деспотизма.

Повсюду въ другихъ городахъ полицейскія власти предупреджали, что отвѣтомъ на демонстрацію Перваго Мая будетъ погромъ. Соціалисты были поэтому поставлены передъ тяжело нравственною отвѣтственностью, призывая и въ этомъ году пролетаріатъ всѣхъ націй Россіи демонстрировать Перваго Мая. Передъ лицомъ этой отвѣтственности во многихъ городахъ демонстраціи были отмѣнены. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ Кіевѣ къ демонстраціи готовились за долго до 18-го апрѣля. Но „Еврейскій комитетъ самообороны“ выпустилъ гектографированное воззваніе ко всѣмъ революціоннымъ организаціямъ, прося не устраивать Перваго Мая демонстраціи.

„Это заставило насъ—писать корреспондентъ Революціонной Россіи—еще разъ обсудить дѣло. Мы нашли, что опасенія погрома неосновательны, что настроеніе рабочихъ—лучшій залогъ для того, что демонстрація будетъ носить рѣзко выраженный антиправительственный характеръ, тѣмъ болѣе, что большинство рвущихся на борьбу, это—фабрично-заводскіе рабочіе, русскіе. Еще въ четвергъ 17-го апрѣля вечеромъ Комитетъ Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ имѣлъ официальные переговоры съ Комитетомъ Россійской Соц.-дем. Рабочей Партіи, во время которыхъ было условлено о мѣстѣ и часѣ демонстраціи“. Но въ пятницу вечеромъ социалдемократической комитетъ выпустилъ прокламацію отмѣняющую назначенную на воскресенье демонстрацію, „мотивировка—возможность погрома!“

Изъ Одессы въ Последнія Извѣстія сообщено: „Одна изъ главныхъ причинъ, помѣшавшихъ празднованію Перваго Мая, это—Кишиневскія событія. Администрація грозила превратить демонстрацію въ погромъ, если она гдѣ либо произойдетъ. Отношеніе несознательной массы къ организованнымъ рабочимъ крайне враждебное“.

Изъ Житомира туда же сообщалось: „Кишиневская бойня всѣхъ ошеломила. Полиція усиленно распространяетъ слухи о томъ, что, если будетъ демонстрація, то произойдутъ погромы“.

Кромѣ „черныхъ сотенъ“ войска и полиція повсемѣстно готовились во всеоружіи встрѣтить врага. Объ этомъ единодушно сообщаютъ корреспонденты всѣхъ газетъ со всѣхъ концовъ Россіи. Это было официальнымъ признаніемъ всероссійскаго значенія Перваго Мая. Однако же крупныя, блестящія демонстраціи произошли въ этомъ году на Кавказѣ, въ одинъ и тотъ же день, въ воскресенье 27 апрѣля, по рѣшенію Кавказскаго Союза Комитетовъ въ Тифлисѣ, Баку, Батумѣ и Кутаисѣ; произошли онѣ также въ Варшавѣ и Томскѣ.

Но демонстраціи лишь одно изъ проявленій первомайскаго движенія. Если это проявленіе было во многихъ случаяхъ не допущено, то за то отказы отъ работъ въ этотъ день, тайныя

собрания, распространение прокламаций—приняли колоссальные размеры. Въ русскихъ заграничныхъ газетахъ я нашелъ сообщенія о событіяхъ, связанныхъ съ праздникомъ Перваго Мая, изъ слѣдующихъ шестидесяти трехъ мѣстъ: Астрахань, Баку, Батумъ, Бердичевъ, Вѣлостокъ, Варшава, Венденъ, Вильна, Виндава, Витебскъ, Вольмаръ, Вологда, Вятка, Гомель, Двинскъ, Донецкій Бассейнъ, Добрянка, Екатеринбургъ, Екатеринославъ, Житомиръ, Иркутскъ, Кайданы, Кіевъ, Кишиневъ, Ковно, Кострома, Креславль, Кутаисъ, Либава, Лодзь, Ляды, Минскъ, Митава, Могилевъ, Москва, Николаевъ, Нижній, Одесса, Орша, Ларичи, Пермь, Петербургъ, Пинскъ, Поневѣжъ, Ревель, Рига, Ростовъ, Рѣжица, Самара, Саратовъ, Смоленскъ, Сормово, Сновскъ, Сувалки, Сѣдлецъ, Тверь, Тифлисъ, Томскъ, Тукумъ, Тула, Харьковъ, Шавли, Шаты, Юрьевъ...

Если читателю показалось скучнымъ чтеніе этого длиннаго перечня городовъ, то пусть онъ вспомнитъ, что все это аванпосты, которые мы укрѣпляли и защищали на глазахъ у одного изъ сильнѣйшихъ въ мірѣ правительствъ, что за каждымъ изъ этихъ названій оказывается долгая, упорная, кропотливая, опасная работа. Каждый экземпляръ прокламаций, какъ дитя, требовалъ за собою сложнаго ухода, а ихъ было распространено по Россіи къ одному только этому дню *больше миллиона*. Сколько было предварительныхъ собраний и сходокъ, и сколько силъ требуетъ каждая? Сколько было поднято красныхъ знаменъ и сколько геройства видѣло каждое?

Одинъ только Организационный Комитетъ выпустилъ триста тысячъ майскихъ прокламаций. Та его прокламація, которая очевидно предназначалась быть прочитанной въ самый день Перваго Мая, является совершенно выдающимся произведеніемъ этого рода литературы.

„Какъ? и сегодня также, товарищи?“ такъ начиналась эта замѣчательная прокламація. „Сегодня, въ день Перваго Мая, также стоите вы у станковъ, вы, живые слуги мертвыхъ слугъ хозяина, машинъ? И въ этотъ день пришли вы, измученные люди, еще не отдохнувъ послѣ вчерашнаго трудового дня, послѣ многихъ тяжелыхъ рабочихъ дней! Пришли закаливать сталь для ружей, изъ которыхъ въ васъ станутъ стрѣлять, отдѣлывать колеса машинъ, которымъ станутъ служить ваши дѣти; пришли, чтобы и сегодня, какъ и во многіе дни вашей жизни, работать для тѣхъ, кто гнететъ и порождаетъ васъ!..“

„И вотъ вы стоите за работою, блѣдные, вялые отъ полуголодной жизни, истомленные отъ непосильной работы. На улицу! На улицу возьмемъ мы васъ, товарищи! Остановите вертящіяся колеса! Тушите огни въ печахъ! Давайте тревожный сигнальный гудокъ!“

„Но вы сурово склоняете свои лица надъ станками и уходите мыслями въ работу и наполняете весенній воздухъ шумомъ хлопотливаго труда. „Уйдите, уйдите!“ говорите вы намъ...

„мы работаемъ, мы работаемъ! оставьте насъ, мы добываемъ свой хлѣбъ. Уйдите! Оставьте насъ!“

„Нѣтъ! мы не уйдемъ безъ васъ, товарищи!“

И далѣе прокламація вспоминаетъ, какъ много разъ уже рабочіе во всѣхъ концахъ Россіи вступали въ борьбу за свободу свою, за свободу всего народа; указываетъ, что въ этотъ день пролетаріатъ всего міра выступаетъ передъ врагомъ, какъ единая армія.

„И развѣ вы не чувствуете, какъ крѣпнуть ваши силы отъ того, что гдѣ то за сотни и тысячи верстъ борются невѣдомые вамъ братья? Они родились подъ чужимъ небомъ, они говорятъ чужимъ вамъ языкомъ, они живутъ по своимъ непохожимъ на ваши обычаямъ. Но они—рабочіе. Они чувствуютъ, какъ и вы, тяготу своей жизни. И вотъ исчезаютъ эти сотни и тысячи верстъ, какъ будто падаютъ перегородки разныхъ странъ, и вы, рабочіе всѣхъ странъ, мыслите одни мысли, живете однимъ чувствомъ, однимъ могучимъ крикомъ требуете лучшей жизни!“

„Сегодня нашъ рабочій праздникъ, праздникъ борьбы. Кто не выходитъ сегодня бороться, тотъ измѣняетъ дѣлу борьбы“. „Каждая страна на переключкѣ выступаетъ впередъ и говоритъ: я здѣсь! И развѣ, когда назовутъ сегодня имя Россіи, она отвѣтитъ молчаніемъ?“ „Такъ станемъ же въ ряды! Потребуемъ вмѣстѣ съ другими 8-ми часового рабочаго дня для рабочихъ всѣхъ странъ. Потребуемъ политической свободы для насъ. Долой самодержавіе! Да здравствуетъ самодержавіе народа! Да здравствуютъ рабочіе депутаты будущаго русскаго парламента! Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день! Да здравствуетъ майскій праздникъ! На улицу, товарищи!“

Въ смыслѣ лозунговъ, или, какъ у насъ принято говорить, требованій эта прокламація еще не заканчивала эволюціи майскихъ листковъ, за которой мы слѣдили въ этой статьѣ: здѣсь политическіе лозунги взяли перевѣсъ и не оставили мѣста социалистическимъ; кромѣ того и въ области политики не поставлено точки, не произнесено имени демократической республики. Въ прокламаціи Центральнаго Комитета Бунда этихъ пробѣловъ уже нѣтъ.

Указавъ на „радостную и яркую картину“, которую представляетъ праздникъ „соціализма, священнаго идеала настоящей свободы, равенства и братства“, прокламація говоритъ, что требованіе 8-ми часового дня, выставленное рабочими въ этотъ день, вытекаетъ изъ сознанія, что „человѣкъ не для того живетъ, чтобы работать, но работаетъ для того, чтобы жить“. Такимъ образомъ прокламація входитъ въ кругъ бытовыхъ вопросовъ сознательнаго рабочаго и лишь затѣмъ касается „русской тираніи и деспотическаго государства“, которое „виситъ еще какъ грозныя черныя тучи на широкомъ и глубокомъ небѣ нашего социалистическаго праздника“. „Вотъ почему, за-

ключаетъ прокламація, для насъ Первое Мая имѣеть особое значеніе: кромѣ общихъ социалдемократическихъ требованій, мы выставляемъ еще наши спеціальныя требованія—демократической республики, въ которой каждый человѣкъ безъ различія націи и религіи могъ бы—насколько это вообще доступно въ буржуазномъ обществѣ—свободно развивать свои физическія и нравственныя силы“.

Далѣе прокламація переходитъ къ практическимъ указаніямъ—въѣдъ прокламація есть актъ агитаціи, она должна быть призывомъ и опредѣленнымъ дѣйствіемъ. „Праздникомъ, днемъ борьбы должно быть для насъ Первое Мая“, говоритъ она. „Всеобщей забастовкой должны мы праздновать Первое Мая“. „Въ этотъ день мы должны открыто выносить нашу борьбу на улицу, чтобы показать еще яснѣе нашу революціонную энергію, смѣлость и готовность умереть за наши требованія и священный идеалъ. Гдѣ только возможно, мы обязаны съ красными знаменами, съ революціонными пѣснями пройти по улицамъ и возвѣститъ всему міру, что мы скоро разрушимъ нашей революціонной войной желѣзную стѣну деспотизма“.

Заканчивается прокламація такъ: „Да здравствуетъ международная пролетарская солидарность и социализмъ! Долой самодержавіе, да здравствуетъ демократическая республика!“

Эта прокламація, не будучи выдающимся литературнымъ произведеніемъ, съ точки зрѣнія лозунговъ и своего построенія является совершенно развитымъ законченнымъ типомъ социалдемократическихъ майскихъ воззваній; мы увидимъ, что на слѣдующій годъ общепартійная прокламація достигла того же уровня.

Напротивъ, съ точки зрѣнія своихъ философскихъ тенденцій, она остается еще очень неопредѣленной. Вожаки Бунда все время находились подъ двойственнымъ вліяніемъ высокоразвитаго еврейскаго рабочаго движенія и болѣе сильной, чѣмъ у нихъ теоретической мысли русскихъ социалдемократовъ. Бундовская интеллигенція русифицирована, отсюда ея неспособность явиться теоретическимъ выразителемъ глубоко оригинальнаго еврейскаго пролетарскаго движенія, отсюда отсутствіе у нея собственной социалдемократической программы и преклоненіе передъ отсталую русскую программу.

Прокламація совершенно правильно—на мой взглядъ правильно, но неудачно по мнѣнію моихъ фракціонныхъ противниковъ—товарищей по партіи—характеризуетъ, хотя и въ самой краткой, общей формѣ, причины, задачи и цѣли нашего движенія. „Милліоны рабочихъ всѣхъ націй всего міра—говоритъ прокламація—объединенные общими мыслями, надеждами и стремленіями выступаютъ какъ одинъ человѣкъ противъ капиталистическаго міра насилія, гнета и эксплуатаціи“. „Пролетаріатъ вдунетъ новый духъ въ общественный организмъ“, стремясь къ тому, чтобы каждый человѣкъ могъ свободно раз-

вивать свои физическія и нравственныя силы“, чтобы добиться настоящей свободы, равенства и братства“. Однако авторы не смогли проникнуться сами этимъ „новымъ духомъ“ и указать путь, по которому долженъ идти пролетаріатъ. Этотъ путь названъ „борьбою“, тѣмъ неопредѣленнымъ терминомъ, который еще объединяетъ собою оба теченія въ нашей богатой первомайской прокламаціонной литературѣ. „Нашей революціонной волной мы разрушили желѣзную стѣну деспотизма“—это такая же бессодержательная формула, какъ и слово „борьба“. Но эта неопредѣленность была слѣдствіемъ съ одной стороны расхожденія взглядовъ массы и вожаковъ на задачи Перваго Мая и съ другой—тѣсной связи вожаковъ Бунда съ рабочимъ движеніемъ, связи, которая не позволила бундовскимъ майскимъ прокламаціямъ, точно выражая взгляды вожаковъ, оторваться отъ жизни пролетаріата, какъ это случилось—мы это увидимъ—съ русскими майскими прокламаціями послѣднихъ лѣтъ.

Петербургскій Комитетъ также уже говоритъ о республикѣ въ своемъ „воззваніи ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ и работницамъ“. Оно начинается эпиграфомъ: „вставай, поднимайся рабочій народъ, вставай на врага братъ голодный!“ и заканчивается такъ: „Русскіе рабочіе! въ день Перваго Мая бросайте работу всѣ сразу и покажите и его правительству, что то время уже не за горами, когда вы отомстите за все, и за убитыхъ рабочихъ Ростова и Златоуста, и за разстрѣлянныхъ по приказу голодныхъ крестьянъ, за многія тысячи убитыхъ. Во имя вашихъ погибшихъ товарищей дайте себѣ въ день Перваго Мая клятву не успокоиться до тѣхъ поръ, пока не сотрете съ лица земли ихъ убійцъ, пока не уничтожите проклятыя вашей родины, самодержавія! Да здравствуетъ народная республика! Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день! Да здравствуетъ социализмъ!“

На майскомъ праздникѣ этого года побѣднымъ шествіемъ представилось развитіе рабочаго движенія въ Россіи. Всѣ мѣры правительства, отъ розогъ до погромовъ, оказались тщетными, и ему оставалось только позаимствовать у своего врага методы агитаціи. Уже въ предыдущемъ году, подавивши безумно жестокими средствами демонстраціи еврейскихъ рабочихъ, агенты правительства сами организовали дозволенный начальствомъ майскій праздникъ въ Минскѣ, при небрежливомъ содѣйствіи еврейскихъ націоналистовъ, сіонистовъ. Въ настоящемъ году полицейскіе легализаторы рабочаго движенія выпустили въ Харьковѣ нелегально свою прокламацію къ рабочимъ, старающуюся дискредитировать въ глазахъ рабочихъ все освободительное движеніе въ Россіи. Безполезно добавлять, каковы были послѣдствія этой нелегальной монархической агитаціи.

Однако правительство, кажется, было довольно результатами своей дѣятельности. „Разсказываютъ—сообщаетъ Освобожденье (№ 24, стр. 421)—что въ петербургскихъ чиновныхъ сферахъ

очень довольны Кишиневскими звѣрствами: одинъ лишь погромъ—говорятъ тамъ—и демонстраціи какъ рукой сняло. Эта похвальба немного преждевременна; цѣлый рядъ свѣдѣній показываетъ, что несмотря на застраиваніе полиціи, демонстраціи все же состоялись; дѣятельность полиціи будетъ имѣть лишь одинъ результатъ: укрѣпленіе революціонныхъ организацій и ростъ революціоннаго движенія“.

Чѣмъ же объясняется „похвальба“ правительства? Демонстраціи еще состоялись, но въ настроеніи рабочихъ массъ уже было замѣтно нерасположеніе превратить этотъ день въ день битвы. Прокламаціи въ этомъ году, какъ мы видѣли, громче чѣмъ когда либо призывали на улицу, но рабочіе инстинктивно угадывали, что этотъ день менѣе чѣмъ всякій другой благоприятенъ для боя. Петербургское движеніе и на этотъ разъ оказалось наиболѣе развитымъ по сравненіи съ другими русскими городами и эта тенденція въ немъ обнаружилась особенно замѣтно, противорѣчіе между настроеніемъ массъ и лозунгами прокламацій особенно рѣзко.

Мы видѣли, что прокламація Петербургскаго Комитета была болѣе боевою, чѣмъ даже прокламація Организационнаго Комитета; она, на ряду съ прокламаціей Центральнаго Комитета Бунда, по своимъ лозунгамъ завершила даже развитіе нашихъ майскихъ прокламацій отъ экономики къ политикѣ. И въ то же время петербургскіе товарищи первые замѣтили и заявили, что рабочія массы не пойдутъ на демонстрацію Перваго Мая въ этомъ году. 9-го мая, т. е. послѣ неудачи маевки, корреспондентъ Искры (№ 41) писалъ: „Комитетъ рѣшилъ демонстраціи не устраивать, такъ какъ было извѣстно, что полиція приняла угрожающія мѣры, а между тѣмъ и настроеніе массъ не обѣщало въ этомъ году сколько нибудь внушительной демонстраціи, такъ что пошлм бы одни организованные рабочіе и, конечно, стали бы жертвой полиціи“.

Изъ многихъ городовъ корреспонденты сообщаютъ, что „комитетъ по нѣкоторымъ соображеніямъ рѣшилъ демонстраціи не устраивать“, но только петербуржцы высказали не колеблясь эти соображенія. Полиція была безсильна помѣшать демонстраціямъ, но имъ мѣшало нѣчто другое: стремленіе всѣхъ социалистическихъ организацій придать этимъ демонстраціямъ характеръ рекогносцировокъ, имѣющихъ превратиться, въ одинъ прекрасный годъ, въ битву.

Этотъ ошибочный взглядъ на задачи первомайскихъ демонстрацій, какъ я уже однажды отмѣтилъ, опредѣленнѣе всего былъ формулированъ въ прокламаціяхъ и статьяхъ социалистовъ-революціонеровъ и сначала проскальзывалъ въ туманныхъ фразахъ отдѣльныхъ социалдемократическихъ воззваній, но съ развитіемъ политическаго радикализма сталъ въ нашихъ прокламаціяхъ господствующимъ.

Въ этомъ году „Революціонная Россія“ помѣстила въ своемъ

номеръ (23) отъ перваго мая передовую статью, гдѣ высказала взглядъ на значеніе этого дня. „День Перваго Мая, говоритъ статья, могъ бы у насъ уподобиться тѣмъ праздникамъ, которые праздновались первыми христіанами въ римскихъ катакомбахъ. Тамъ, въ сырыхъ подземельяхъ, при слабомъ мерцаніи огоньковъ, собирались они, чтобы въ молитвахъ излить свою наболѣвшую душу. Но рабочіе не хотятъ быть только мучениками. Они хотятъ грудью встрѣтить врага, гордо развернуть свое красное знамя. И праздникъ Перваго Мая превращается въ пока неравную борьбу, чаще всего въ бойню“.

Эта мысль высказана также въ прокламаціи кievскихъ социалистовъ-революціонеровъ. „Пусть этотъ день, говоритъ прокламація, будетъ для насъ не только днемъ великаго социалистическаго праздника; пусть станетъ онъ днемъ борьбы, днемъ смѣлаго и рѣшительнаго нападенія на правительство. Въ день борьбы за конечное освобожденіе человѣчества, въ день Перваго Мая, пусть раздастся на улицахъ и площадяхъ подержанный вооруженною рукою грозный крикъ: Долой Самодержавіе!“

Этотъ взглядъ былъ усвоенъ и социалдемократическими организаціями. Но онъ былъ ошибочнымъ и привелъ къ тому, что „настроеніе массъ не обѣщало скольконибудь внушительныхъ демонстрацій“.

Вл. Анимовъ-Махновецъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Е. С. Семяновскій—одинъ изъ первыхъ карійцевъ.

Евгеній Степановичъ Семяновскій былъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго при Спб. окруж. судѣ, я познакомился съ нимъ не за долго до моего и его ареста въ 1875 г. Мнѣ хотѣлось бы воскресить память объ этомъ замѣчательномъ по уму и нравственному складу человѣкѣ, погибшемъ еще совсѣмъ молодымъ въ далекой ссылкѣ, на карійской каторгѣ. Къ сожалѣнію, я мало зналъ Евгенія Степановича на волѣ и могу рассказать объ его судьбѣ только послѣ его ареста и въ ссылкѣ, въ которой мы находились вмѣстѣ. Но я надѣюсь, что люди, знавшіе его на волѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, пополнятъ этотъ пробѣлъ. Семяновскій жилъ мало,—арестованъ 25 лѣтъ,—но своей беззавѣтной преданностью великому освободительному движенію, своей нравственной чистотой онъ заслужилъ, чтобы люди не забыли о немъ. Это былъ человѣкъ не только выдающійся по своему уму, образованію, это былъ въ высшей степени обаятельный человѣкъ по всему своему складу. Кто хоть разъ съ нимъ побесѣдовалъ, того неотразимо влекло къ нему. Мягкій, почти женственный характеръ, аристократизмъ въ привычкахъ и вкусахъ, все это служило только украшеніемъ его, и простые люди, также какъ и люди съ высокимъ образованіемъ чувствовали себя съ нимъ просто, и бесѣда съ нимъ всегда вызывала на откровенность, всегда хотѣлось подѣлиться съ нимъ радостями и горестями. Никто не боялся показать ему свою душу, какъ она есть, со всѣми недостатками и убожествами. Но всѣ эти прекрасныя качества не дѣлали его слабымъ. Самъ строгій въ своей жизни, онъ строго стоялъ на стражѣ правды и справедливости. При своемъ многостороннемъ образованіи, громадной начитанности, онъ былъ скромнень, можетъ быть, больше, чѣмъ нужно, былъ въ высшей степени деликатенъ и въ спорахъ старался не побить своего оппонента неотразимыми аргументами, а убѣдить въ истинности своего взгляда, и это кажется всегда ему удавалось, конечно съ тѣмъ, кто искалъ правды.

Прежде, чѣмъ рассказать о жизни Евг. Степ. въ ссылкѣ, я долженъ рассказать, какъ я съ нимъ познакомился. Въ 1873 г. меня изъ Пскова перевели въ Петербургъ въ Главный Штабъ военнымъ

писаремъ. Въ Главномъ Штабѣ было нѣсколько человѣкъ писарей изъ семинаристовъ, поступившихъ вольноопредѣляющимися. Это были юноши, свободное время по большей части проводили въ чтеніи и спорахъ объ общественныхъ вопросахъ. Я получилъ маленькое образованіе, но чтеніе всегда было моимъ любимымъ занятіемъ и я много читалъ безъ разбору, безъ всякой системы. Споры моихъ товарищей меня заинтересовали, но я стоялъ ниже ихъ по своему развитію и не могъ принимать участія въ ихъ дебатахъ. Я сталъ искать, кто бы мнѣ помогъ разобраться, что надо читать и что не надо. Этому помогъ одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, Михаилъ Павловичъ Овчинниковъ, окончившій духовную семинарію. Онъ познакомилъ меня со студентами мед.-хир. академіи. Это были радикальные кружки, гдѣ велись по вечерамъ бесѣды, гдѣ я получалъ нелегальную литературу и тамъ же мнѣ указывали, что брать изъ бібліотеки. Кромѣ меня на бесѣды приходили и рабочіе. Меня неотразимо влекло на эти бесѣды, я чувствовалъ, что это именно тотъ путь, на которомъ моя жизнь получаетъ смыслъ, въ моей жизни намѣчалась цѣль, къ которой я могу радостно стремиться. Я крестьянинъ по происхожденію и мнѣ казалось, что въ социалистическомъ строѣ народъ найдетъ свое счастье. Мнѣ не надо было говорить о тяжелой жизни народа, я видѣлъ ее самъ, я видѣлъ, какъ народъ работаетъ до изнеможенія, работаетъ только для того, чтобы заплатить подати и оброкъ помѣщику,—самъ же онъ жилъ хуже рабочаго скота. Грязная, курная изба, пища грубая, не питательная, мясо только въ годовые праздники, отсутствіе медицинской помощи, поголовная безграмотность. Просвѣта не было видно никакого. Начальства было хотя и меньше, чѣмъ сейчасъ, но начальство было грубо, съ мужикомъ не считалось, о человѣческомъ достоинствѣ никто не думалъ. Начальствомъ считался всякій, надѣвшій сюртукъ, мужикъ былъ загнанъ, забитъ. Въ матеріальномъ отношеніи ему часто хуже жилось, чѣмъ въ крѣпостное время. И вотъ вдругъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ открылась чудная, свѣтлая картина будущей жизни, не за гробомъ, а здѣсь на землѣ. Я глубоко увѣровалъ въ возможность этой жизни, я уже видѣлъ впереди народъ счастливымъ, разумнымъ. Но я зналъ, что народъ еще темень, что его не легко сдвинуть. Я видѣлъ, что путь къ осуществленію свѣтлаго социалистическаго идеала труденъ и мнѣ онъ не представлялся яснымъ. Я съ убѣжденіемъ, съ одушевленіемъ говорилъ о возможности другого, справедливаго строя жизни, но практической программы дѣятельности у меня не было, не было ея, кажется, и у моихъ руководителей; моя аргументація была слаба. Это парализовало мою дѣятельность, я не смѣло и неумѣло выступалъ въ роли пропагандиста. Я не могъ на этомъ помириться и началъ высказывать своимъ руководителямъ о необходимости создать что-нибудь въ родѣ школы пропагандистовъ. Необходимо, чтобы во главѣ этой школы сталъ человѣкъ хорошо образованный, который сѣумѣлъ бы дать систематическія знанія будущимъ пропагандистамъ по общественнымъ вопросамъ. Эта мысль была одо-

брена и въ одной конспиративной квартирѣ на Петербургской сторонѣ меня познакомили съ Евг. Степ. Семяновскимъ. Евгений Степановичъ былъ уже ознакомленъ съ моими запросами и я условился съ нимъ, что приду къ нему на другой день съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ товарищей ¹⁾. Я пригласилъ съ собою Савченко, который былъ тоже знакомъ съ нелегальной литературой. Литературу эту онъ получалъ отъ Богушевича, чиновника главнаго штаба, и Богушевичъ, уѣзжая въ Новгородъ для пропаганды, просилъ меня поддерживать Савченко. Савченко былъ южанинъ и разговоръ у Семяновскаго вертѣлся, главнымъ образомъ, на именахъ южныхъ общественныхъ дѣятелей. Въ этотъ день въ главномъ штабѣ была получена телеграмма объ арестѣ въ Новгородѣ Богушевича и нѣсколькихъ военныхъ. У Семяновскаго мы условились, что я зайду на квартиру Богушевича предупредить его мать и сестру объ арестахъ въ Новгородѣ. У Семяновскаго я взялъ послѣдній № газеты «Впередь», издававшейся Лавровымъ въ Лондонѣ и нѣсколько брошюръ, и мы съ Савченко отправились. Дорогой я передалъ Савченко брошюры и газеты, чтобы онъ унесъ домой, а самъ отправился въ квартиру Богушевича. Это было около 11 час. вечера. Въ квартирѣ я узналъ, что только что ушли полицейскіе и жандармы, которые дѣлали обыскъ и забрали всѣ бумаги Богушевича. Къ счастью, полицейскаго не было оставлено въ квартирѣ, но засиживатся не приходилось и я отправился домой. Вечеромъ же Савченко передалъ мнѣ брошюры и газеты. На слѣдующій день я былъ свободенъ отъ дежурства и оставался въ помѣщеніи. Когда всѣ писаря ушли на занятія, я съ товарищемъ Щербаковымъ начали читать вслухъ газету «Впередь». Приблизительно черезъ полчаса въ нашу комнату вошли экзекуторъ и фельдфебель, подошедшіе такъ тихо, что мы не слышали. Щербаковъ сейчасъ же вышелъ, а я хотъ и сунулъ подъ подушку газету, но экзекуторъ это замѣтилъ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, какую газету я читалъ. Я назвалъ и подалъ ему газету. Спросилъ, гдѣ взялъ. Я отвѣтилъ, что купилъ у разносчика. Онъ мнѣ сказалъ, что это газета запрещенная и сейчасъ же съ фельдфебелемъ вышли. По ихъ уходѣ я сунулъ брошюры подъ шкафъ, изорвалъ записки и бросилъ въ нетопившійся каминъ. Продѣлавъ все это, я сейчасъ же направился къ выходу, но въ корридорѣ я увидѣлъ, что опять идетъ экзекуторъ. Я вернулся въ свою комнату. Вслѣдъ за мной вошли экзекуторъ и фельдфебель и я былъ арестованъ и отведенъ въ карцеръ при главномъ штабѣ. Это было 27 августа 1875 г. Въ мое отсутствіе въ моемъ комодѣ сдѣлали обыскъ, но ничего не было найдено. О Семяновскомъ я не безпокоился, такъ какъ рѣшительно никакихъ подозрѣній, что сдѣланъ доносъ, у меня не являлось. Обо мнѣ начали заботиться: изъ маленькаго карцера меня перевели въ большой, принесли обѣдъ, чай, а къ вечеру подушку и постель.

¹⁾ Имѣлось въ виду вербовать пока въ школу пропагандистовъ военныхъ писарей главныхъ управленій.

Это крайне озадачило старика сторожа. Онъ привыкъ видѣть, что объ арестованныхъ обыкновенно не проявляется никакихъ заботъ, и все повторялъ: Господи, что жъ это такое? Никогда этого не бывало, и спрашивалъ меня, что я набѣдокурить и утѣшалъ, что это ничего, завтра выпустятъ. Но завтра пріѣхала карета съ жандармскимъ офицеромъ и двумя конными жандармами. Меня торжественно увезли въ 3 отдѣленіе.

Тамъ тов. прокурора Поскочинъ снялъ съ меня допросъ. Относительно газеты я показалъ то же самое, что купилъ у разносчика. Это показалось невѣроятнымъ и присутствовавшій при допросѣ жандармскій полковникъ убѣждалъ меня показать правду, что это облегчитъ мое наказаніе, а иначе грозитъ жестокая кара.

Я остался при своемъ показаніи. На вопросъ о знакомыхъ я назвалъ нѣсколько безразличныхъ знакомыхъ, которые оказались не нужны Поскочину. Онъ спросилъ, знакомъ ли я съ Вышегородскимъ и Крыловымъ, учившимися въ то время въ учительской семинаріи на Васильевскомъ островѣ. Я сказалъ, что знаю ихъ, такъ какъ они служили вмѣстѣ со мной въ Глав. Штабѣ. Знакомства съ Богушевичемъ я тоже не отрицалъ. На вопросъ, ходилъ ли я предупреждать родныхъ Богушевича о его арестѣ, я отвѣтилъ отрицательно. На вопросъ, знакомъ ли я съ Семяновскимъ, я тоже отвѣтилъ отрицательно, но сердце мое уже сжалось, я почувялъ, что творится что то неладное, но мысль о шпіонствѣ Савченко все таки мнѣ не пришла въ голову. Такъ далекъ я былъ отъ мысли подозрѣвать людей въ такихъ гнусныхъ поступкахъ. Поскочинъ издѣвался надо мной, что я такъ быстро забываю своихъ знакомыхъ и совѣтовалъ припомнить. Я оставался при своемъ. Съ Семяновскимъ у насъ было условлено, что въ случаѣ ареста, я долженъ объяснить свое знакомство съ нимъ тѣмъ, что я ходилъ къ нему подготовляться къ экзамену на классный чинъ. Почему то мнѣ показалось это показаніе неправдоподобнымъ, хотя я дѣйствительно готовился, но безъ посторонней помощи, и я не сдѣлалъ этого показанія. Я боялся впасть въ противорѣчіе съ Семяновскимъ и потому отрицалъ знакомство съ нимъ.

Этимъ я могъ повредить Семяновскому, хотя вся моя забота была теперь сосредоточена на томъ, чтобы какъ нибудь не впутать его въ мое дѣло. Конечно, всѣ мои объясненія ни къ чему бы не повели, такъ какъ Семяновскій также, какъ и я, былъ арестованъ по доносу Савченко. Но тогда я этого еще не зналъ, и судьба Семяновскаго меня страшно безпокоила.

Послѣ допроса меня отвели въ камеру при 3-мъ отдѣленіи, гдѣ я содержался мѣсяцъ. Камера была просторная, съ двумя окнами, пишу давали очень хорошую, два раза въ день чай съ бѣлымъ хлѣбомъ и даже папиросы. Давали и книги «Русскій Вѣстникъ» и др., въ этомъ же родѣ. Прислуживали два жандарма, которые на всѣ вопросы отвѣчали полнымъ молчаніемъ.

Въ корридорѣ ходилъ часовой.

Нижнія стекла въ окнахъ были замазаны мѣломъ, и съ полу нельзя было видѣть, кто проходитъ по двору.

Но какъ то, поднявшись на окно, я увидѣлъ, что провели Семяновскаго. У меня сердце упало. Потомъ я уже узналъ отъ самого Семяновскаго, что его арестовали 28 авг. 1875 г. Недѣли черезъ двѣ меня опять повели къ допросу. Спросили, не желаю ли я добавить свои показанія. Я сказалъ, что мнѣ нечего больше сказать. Меня опять увели. Какъ то разъ спросили, не желаю ли я сходить въ баню. Я съ удовольствіемъ согласился. Жандармъ долго вель меня вдоль глухой стѣны, въ которой не было ни оконъ, ни дверей. Наконецъ, мы подошли къ двери, въ которую и вошли. У меня мелькнула мысль, что здѣсь отчехвостятъ меня, и стало жутко. Оказалось, меня ввели въ комнату, гдѣ была ванна. Жандармъ приготовилъ воду и я отлично вымылся. Дни казались мнѣ бесконечно длинными и я много ходилъ изъ угла въ уголъ. Я представлялъ, что меня сошлютъ въ Сибирь, въ глушь, какъ я тамъ буду жить, что непременно буду тамъ охотиться.

Картины одна заманчивѣй другой пробѣгали въ моихъ мечтахъ. Мнѣ не казалось страшно. Но часто мнѣ приходило въ голову, что меня освободятъ и непременно весной. Будетъ тепло и я поѣду въ деревню, къ матери. Буду вести тамъ пропаганду среди крестьянъ. Я представлялъ, какъ легко крестьяне будутъ усваивать социалистическія идеи, и организациі одни грандіознѣе другой возникали въ моемъ разгоряченномъ воображеніи. Но все таки было скучно, а до весны далеко. Свиданій не давали, и я не зналъ, знаютъ ли даже мои родные о моемъ арестѣ. Оказывается, братъ мой, Тимофей, жившій въ Пензенской губ., узнавъ о моемъ арестѣ, бросилъ тамъ службу и пріѣхалъ въ Петербургъ. Пытался въ 3-мъ отдѣл. получить разрѣшеніе на свиданіе со мной, но ему было отказано. Черезъ мѣсяцъ меня перевели въ домъ предварительнаго заключенія.

Сначала мнѣ показалась очень мрачной камера, похожая на гробъ, но потомъ я освоился. Мнѣ показалось, что здѣсь лучше. Надзиратели не молчатъ и хоть въ разговоры не пускаются, но отвѣчаютъ на вопросы.

Стали давать прогулки изрѣдка, въ двѣ недѣли разъ. Политическихъ здѣсь еще немного было, но во дворѣ не было еще знаменитыхъ клѣтокъ для прогулки, расположенныхъ кругомъ будки для надзирателей, и насъ выводили гулять во дворъ, гдѣ мы и гуляли вдоль стѣнъ, по одному. Скоро мнѣ дали и свиданіе съ братомъ въ католической церкви въ присутствіи тов. прокур. и жандармскаго офицера. Свиданіе съ любимымъ братомъ меня несказанно обрадовало, но присутствіе чуждыхъ намъ людей стѣсняло насъ и мы говорили о пустякахъ, перебѣгая съ одного на другое. Свиданіе было не болѣе $\frac{1}{4}$ часа. /

Потомъ начали давать свиданія въ школѣ въ присутствіи одного тов. прокурора, ктсрый садился на передней партѣ, а мы на задней, и говорили уже, не стѣснясь. Я всегда съ благодарностью

вспоминаю этого тов. прокурора. Потомъ стали давать свиданія два раза въ недѣлю: одинъ разъ черезъ двойную рѣшетку, а другой разъ личное. Клѣтки, въ которыхъ помѣщались заключенные, были расположены въ два ряда, между ними сидѣлъ тов. прокурора за письменнымъ столомъ. Въ этомъ же промежуткѣ между клѣтками давались и личныя свиданія заразъ нѣсколькимъ лицамъ. Прокурору не было никакой возможности слѣдить за разговорами, и благодаря этому эти свиданія были пріятны и непринужденны.

Но вслѣдствіе долгаго одиночнаго заключенія нервы были такъ напряжены, что вызовъ на свиданіе всегда сильно потрясалъ, и къ роднымъ выходилъ въ возбужденномъ состояніи.

Съ Семяновскимъ мнѣ удалось сговориться, и я на предварительномъ слѣдствіи призналъ знакомство съ нимъ, хотя это было совсѣмъ лишнее дѣло.

Этимъ я можетъ быть только ускорилъ окончаніе слѣдствія, а я и Семяновскій страшно хотѣли, чтобы дѣло поскорѣе такъ или иначе кончилось. На слѣдствіи выяснилось, что Савченко сдѣлалъ на меня доносъ начальству Главнаго Штаба въ тотъ день, когда я пригласилъ его съ собою къ Семяновскому, и донесъ, что я пригласилъ его къ интеллигентному человѣку. Начальство велѣло ему идти со мной и потомъ донести, какіе были у насъ разговоры. Генералитетъ Главн. Штаба блестяще проявилъ жандармскія наклонности. Начальникомъ Главн. Штаба былъ графъ Ѳедоръ Логгиновичъ Гейденъ, а помощниками его были генералы Мещериновъ и Клугинъ.

26 августа 1875 г. Савченко шелъ со мной къ Семяновскому уже какъ Иуда, и сердце мнѣ этого не подсказало.

На слѣдствіи, при очной ставкѣ, Семяновскій обратилъ вниманіе, что у Савченко была другая форма и спросилъ, что значить эта перемѣна. Савченко разсказалъ, что послѣ моего ареста писаря Главн. Штаба стали его преслѣдовать.

Повидимому онъ пожаловался начальству, и начальство предложило ему перевестись въ жандармское управленіе, если онъ хочетъ. Онъ выразилъ желаніе и былъ переведенъ. И это единственный свидѣтель, по показаніямъ котораго насъ осудили на 11 л. въ каторжную работу въ крѣпостяхъ съ лишеніемъ правъ. Слѣдствіе производилъ членъ судебн. палаты Гераковъ. Сестра Богушевича на слѣдствіи не показала, что я приходилъ предупредить ее объ арестѣ ея брата. Но Гераковъ записалъ ея показаніе совершенно иначе; выходило, что я приходилъ предупредить. Это было при мнѣ. Я это замѣтилъ г. Геракову, но онъ строго объявилъ, что г-жа Богушевичъ именно это показала. Оробѣвшая дѣвушка подписала показаніе и на судѣ въ Особ. Прис. Прав. Сената подтвердила подписанное ею показаніе. Все это показывало, что на правосудіе намъ разсчитывать было нечего. Но мы всетаки еще не теряли надежды.

Въ особенности относительно Семяновскаго я питалъ большія

надежды, такъ какъ, кромѣ оговора Савченко, противъ него не было рѣшительно никакихъ уликъ.

Вотъ почему мы и защищались на судѣ. На слѣдствіи оказалось еще, что въ бумагахъ Богушевича было найдено мое письмо, въ которомъ я сообщалъ ему, что М. въ Москвѣ, а С. въ больницѣ. На требованіе объяснить, кто эти лица, я заявилъ, что отказываюсь назвать ихъ, чтобы не причинить имъ непріятности. Тогда Гераковъ говоритъ, что это Мышкинъ и Семяновскій. Я утверждалъ, что нѣтъ. Гераковъ спросилъ, въ какой больницѣ былъ С., можетъ быть въ Петропавловской? Я сказалъ, что не помню. Были опрошены всѣ больницы, между проч. и Петропавловская (такая оказалась въ Петербургѣ). Оказалось, что Семяновскій нигдѣ въ больницѣ не лежалъ. Съ Мышкинымъ я встрѣтился только разъ и писалъ я не о немъ. Подъ иниц. М. я писалъ о Михаилѣ Овчинниковѣ, а С. былъ Семень Ивановичъ Козельскій, студ. М.-Х. акад., сидѣвшій тогда въ тюрьмѣ по политическому дѣлу, но мѣсяца черезъ четыре освобожденный. Въ октябрѣ намъ былъ врученъ обвинительный актъ. Я и Семяновскій обвинялись въ распространеніи соц.-рев. идей и въ ниспроверженіи существующаго порядка вещей, по 251 ст. улож. о наказ. и я кромѣ того кажется по 249 ст. въ оскорбленіи величества на томъ основаніи, что въ № «Впередъ», который у меня забрали, была оскорбительная для величества статья. 26 и 27 октября 1877 г. насъ судили въ Особ. Прис. Прав. Сената въ зданіи Сената.

Къ намъ присоединили новгородцевъ, хотя связи не было рѣшительно никакой, такъ какъ ни я, ни Семяновскій никого изъ нихъ не знали, а Богушевичъ умеръ до суда въ тюрьмѣ. Изъ Новгорода привлекались рядовой Захаръ Богдановъ (мой однофамилецъ), офицеръ Дьяковъ, юнкера Мышкинъ (братъ Ипполита Мышкина) и Бужинскій. Они были мало распропагандированы и сваливали другъ на друга, такъ что впечатлѣніе получалось непріятное.

Кромѣ того, еще привлекался технологъ Соломонъ Желѣзнякъ, жившій гдѣ-то на югѣ. У Семяновскаго была найдена почтовая росписка, благодаря которой у него и сдѣланъ обыскъ, нашли брошюру «Хитрая Механика», за имѣніе которой онъ и привлекался къ суду. На судѣ было немного публики. Семяновскаго защищалъ Герардъ, сказавшій блестящую рѣчь, а меня защищалъ Матросовъ, по назначенію суда.

Савченко (шпіонъ) подтвердилъ на судѣ свои показанія, что Семяновскій передалъ мнѣ газету «Впередъ» и какія-то брошюры. Кромѣ этого оговора сыщика противъ Семяновскаго не было больше рѣшительно никакихъ уликъ. Относительно меня Савченко показалъ, что я познакомилъ его съ Семяновскимъ и что я у Семяновскаго взялъ газету «Впередъ» и брошюры и ходилъ предупреждать Бугушевичъ. Богушевичъ показала, что я приходилъ предупредить ее объ арестѣ брата. Писарь Щербаковъ показалъ, что онъ зашелъ ко мнѣ спросить какую-то книгу, но видя, что я

читаю, присѣлъ на мою кровать, чтобы подождать, когда я дочитаю статью, что читаль я про себя, а не въ слухъ и затѣмъ ушелъ, когда взошелъ экзекуторъ. Экзекуторъ показаль, что онъ засталъ меня съ газетой въ рукахъ, но не слышалъ, чтобы я читаль вслухъ Щербакову. Сторожъ показаль, что онъ видѣлъ въ каминѣ какія-то изорванныя клочки бумаги, а къмъ они брошены, онъ не знаетъ. Онъ затопилъ каминъ и клочки бумаги сгорѣли. Этотъ старикъ былъ лѣтъ 30 сторожемъ въ помѣщеніи писарей Главнаго Штаба и бѣдняга заплакаль, когда увидѣлъ меня на скамьѣ подсудимыхъ. Вотъ всѣ свидѣтели противъ меня и Семяновскаго, всѣ улики въ потрясеніи основъ. Щербаковъ показываетъ, что я не читаль, экзекуторъ показываетъ, что онъ не слышалъ, чтобы я читаль вслухъ Щербакову, но когда судъ ставиль вопросы, то на вопросъ, читаль ли я Щербакову, судъ вынесъ резолюцію, что я читаль вслухъ Щербакову. Значить распространіе есть. На вопросъ, давалъ ли Семяновскій мнѣ газету «Впередъ», вопреки моему категорическому утвержденію, что я отъ Семяновскаго газеты не получаль, судъ вынесъ резолюцію, что Семяновскій мнѣ газету даваль. Основы потрясены. Если бы я до тѣхъ поръ не былъ революціонеромъ, я неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться таковымъ на судѣ. Возмутить чувство справедливости нельзя было больше, какъ такимъ издѣвательствомъ надъ правосудіемъ. Прокуроръ требоваль смертной казни для меня (измѣна присягѣ) и кажется 15 лѣтъ каторжной работы для Семяновскаго. Судъ уравниль насъ. Онъ приговориль насъ обоихъ на 11 лѣтъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, а затѣмъ на вѣчное поселеніе въ Сибири. По выходѣ изъ суда братъ Семяновскаго, Александръ Степановичъ, совѣтоваль подать апелляціонную жалобу. Евгению Степановичу, очевидно, не хотѣлось, очень ужъ онъ былъ возмущенъ, но вслѣдствіе настояній брата онъ колебался и поставиль въ зависимость, какъ я рѣшу. Я высказаль, что это бесполезно, что обращаться къ палачамъ за справедливостью даже неловко какъ-то, но если Евгений Степановичъ этого хочеть, то я попрошу защитника написать апелляціонную жалобу. Въ концѣ концовъ мы рѣшили не подавать апелляціонной жалобы. Семяновскому потомъ говорили, что сенаторы раздѣлились, часть ихъ была за оправданіе, но вѣдь были и «сословные представители»! Это хитрая выдумка бюрократіи. Юристъ хотя бы и лакействующій еще можетъ смутиться явной несправедливостью, но чѣмъ смутится избранное самодержавіемъ трио изъ предводителя дворянства, городского головы и волостного старшины. Голосъ первоприсутствовавшаго сенатора Петерса также много значиль въ отправленіи правосудія. Да къ тому же, говорятъ, Министръ Юстиціи графъ Паленъ бѣгалъ около полуотворенныхъ дверей совѣщательной комнаты и все повторяль: «неужели оправдаютъ, неужели оправдаютъ?» Всѣ мѣры были приняты, и отечество спасено! Обвиняль насъ товарищъ оберъ прокурора Сената Роде.

Противъ Захара Богданова не было выставлено обвиненіемъ

свидѣтелей. Онъ обвинялся въ томъ, что ругалъ царя, читалъ будто бы солдатамъ въ казармахъ въ Новгородѣ революціонныя брошюры. Его присудили къ семилѣтнимъ каторжнымъ работамъ на заводахъ, а потомъ на вѣчное поселеніе въ Сибири. Дьяковъ осужденъ на годъ въ крѣпость главнымъ образомъ за то, что рѣзко выражался на судѣ. Мышкинъ и Бужинскій осуждены къ содержанію въ военной тюрьмѣ на три мѣсяца. Желѣзнякъ приговоренъ тоже къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца.

Черезъ мѣсяць намъ объявили приговоръ въ окончательной формѣ. Даже прокуроръ въ Д. П. З. возмущался жестокимъ приговоромъ.

Насъ продолжали содержать въ Д. П. З.

Послѣ суда, черезъ нѣсколько дней, я спрашивалъ Евгенія Степановича въ предварилкѣ, какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ говорилъ, что чувствуетъ какую-то слабость, чисто физическую, что ему не хочется читать, не хочется говорить и хочется только лежать.

Въ разговорахъ въ нашемъ клубѣ (черезъ ватерклозетную трубу) не разъ говорилось, что такой срокъ въ каторгѣ вынести нельзя, и что такой приговоръ все равно, что смертный приговоръ. Оказалось вѣрно не для всѣхъ. Мы тогда о каторгѣ и о Сибири вообще знали очень мало. Главнымъ образомъ представление о каторгѣ у насъ было по «Запискамъ изъ М. Д.» Достоевскаго. Со мной въ одномъ клубѣ были въ 76 г. Михаилъ Грачевскій, Михаилъ Державинъ, Всеволодъ Лопатинъ, офицеръ Аитовъ и рабочій Николай, а фамилію не помню.

Мнѣ и Семяновскому управляющій Д. П. З. усердно предлагалъ подать прошеніе о помилованіи и увѣрялъ, что есть очень много шансовъ, что мы будемъ помилованы совершенно. Евгеній Степановичъ мнѣ говорилъ потомъ, что будто-бы сенаторы, судившіе насъ, высказывали, что мы навѣрное будемъ помилованы, если подадимъ прошенія. Къ Семяновскому подсылали еще кого-то, но кого, я не помню. Конечно, о подачѣ прошеній съ нашей стороны и рѣчи не могло быть. Въ декабрѣ 1876 г. въ Д. П. З. привезли арестованныхъ за казанскую демонстрацію 6 декабря. Это насъ сильно взбудоражило и до нѣкоторой степени ободрило.

Въ періодъ 1873—75 гг. было масса арестованныхъ по всей Россіи, изъ которыхъ былъ потомъ составленъ знаменитый процессъ 193-хъ. Аресты разстраивали кружки, затрудняли сношенія. Много народу перешло на нелегальное положеніе. Все клонилось къ тому, что мирная дѣятельность пропагандистовъ дѣлалась болѣе трудной и мало продуктивной. Нелегальнымъ въ особенности было трудно что-нибудь дѣлать, такъ какъ приходилось переѣзжать съ мѣста на мѣсто, чтобы отклонить подозрѣнія отъ себя. Иногда нелегальные желали сами, чтобы ихъ арестовали, такъ какъ невозможно было что-нибудь дѣлать. Нужны были большія средства, а средствъ не было. Деньги были нужны и для помощи сидящимъ въ тюрьмахъ. Но о террорѣ въ 75—76 гг. еще не было разгово-

ровъ. Выстрѣлъ въ 77 г. Вѣры Засуличъ въ П-Б-го градоначальника Трепова насъ поразилъ. Мы были уже на Карѣ, когда узнали объ этомъ. Но этотъ фактъ мы объяснили исключительно мстостью и не подозревали, что это начало новаго направленія въ революціонной дѣятельности. Мы еще не знали тогда, что покушеніе на Трепова было уже задумано организаціей и Попко (умершій на Карѣ) съ другими товарищами искали момента, чтобы убить Трепова за истязаніе Боголюбова, осужденнаго въ каторгу за казанскую демонстрацію. Но Засуличъ, не зная о замыслахъ Попко, предупредила его.

Процессъ Засуличъ имѣлъ громадное, знаменательное значеніе. Оправданіе ея на судѣ присяжныхъ было отвѣтомъ общества на самодержавную политику. Правительство никогда уже не прибѣгало къ суду общества по политическимъ дѣламъ, какъ не обращается къ суду присяжныхъ и до сего времени. Вся Россія была объявлена неблагонадежной въ политическомъ отношеніи. Правительству не на кого было опереться въ своемъ угнетеніи народа, кромѣ штыковъ. Это не могло насъ не ободрить, мы съ надеждой смотрѣли на будущее и намъ легче было переносить тяжелую ссылку.

Семяновскаго перевели изъ Д. П. З. въ Литовскій тюремный замокъ кажется въ январѣ 1877 г., а меня въ мартѣ того же года. Семяновскаго вывозили на площадь, гдѣ на эшафотѣ ему прочитали приговоръ и переломили надъ его головой шпагу. Это кажется была послѣдняя публичная казнь. Меня водили въ Управленіе воинскаго начальника, гдѣ при барабанномъ боѣ провели между двумя рядами выстроенныхъ солдатъ въ казармѣ, прочитали приговоръ, еще разъ пробилъ барабанъ и затѣмъ опять увезли въ Д. П. З.

Когда въ мартѣ меня перевели въ Литовскій замокъ, тамъ уже находились политическіе, кромѣ Семяновскаго, Акимовъ, бывшій ж.-д. контролеръ, осужденный на поселеніе въ Сибирь, Розановъ, бывшій сельскій учитель, осужденный на поселеніе, Захаръ Богдановъ, по нашему процессу, Альбовъ, лѣсничій, осужденный на поселеніе, Терентьевъ и Тефтулъ, осужденные въ каторгу за пропаганду въ Одессѣ. Это былъ рядъ мелкихъ процессовъ осенью 1876 г.

Насъ разсадили въ разныя камеры вмѣстѣ съ уголовными, но днемъ камеры были отворены въ корридоръ и мы свободно видѣлись между собою. Большая часть уголовныхъ были молодые солдаты, осужденные за нарушеніе дисциплины въ каторгу. Это были совершенно неспорченный народъ и странно было видѣть ихъ арестантами. Къ государственнымъ они относились съ уваженіемъ. Когда насъ перевели въ другой корпусъ, государственныхъ помѣстили въ двухъ отдѣльныхъ камерахъ, солдаты подобрались въ одну большую камеру. Какъ то разъ они устроили чай и пригласили насъ въ качествѣ гостей и были ужасно рады, что мы пришли къ нимъ и не смотримъ на нихъ, какъ на преступниковъ. Но и настоящіе

уголовные относились къ государственнымъ съ уваженіемъ. Режимъ въ Литовскомъ замкѣ былъ строгій, но съ государственными были все-таки вѣжливы. Мы были пока въ своей одеждѣ, къ намъ пропускали книги, но уже съ разборомъ. Какъ то разъ не позволили передать мнѣ сочин. Некрасова, потому что не было надписи: «дозволено цензурою», а помощникъ смотрителя не слыхалъ про такого писателя, и брату пришлось обратиться къ градоначальнику, который и пропустилъ. Свиданія давались два раза въ недѣлю. Я сидѣлъ въ одной камерѣ съ Семяновскимъ и Терентьевымъ. Предметами разговоровъ были преимущественно политическія темы. Мы ожидали, что насъ пошлютъ въ Харьковскую каторжную тюрьму (централку) и будущее намъ рисовалось въ ужасномъ видѣ. Никто изъ насъ не рассчитывалъ когда нибудь выйти на волю. Семяновскому принесли пилку и мы начали пилить рѣшетку. Но я нечаянно уронилъ пилку, достать ее было невозможно, и это страшно меня взволновало. Я опять увидѣлъ себя виновникомъ на пути къ освобожденію Семяновскаго. Онъ всячески утѣшалъ меня и говорилъ, что отъ имѣнія пилки далеко еще до свободы. Предпріятіе дѣйствительно казалось мало осуществимымъ. Общій корридоръ выходилъ въ переулокъ, но въ корридорѣ всегда находился надзиратель. Во дворѣ также находились часовые. Въ апрѣлѣ 1877 г. Семяновскаго увезли отъ насъ неизвѣстно куда, и я началъ ожидать своей очереди. Въ концѣ апрѣля 1877 г. меня заковали въ тѣсные кандалы, обрили половину головы, одѣли въ арестантскій костюмъ и отправили въ пересыльную тюрьму, а черезъ два дня, 1 мая, увезли на Николаевскій вокзалъ съ двумя конвойными. Братъ вышелъ меня провожать, какъ выходилъ провожать и другихъ государственныхъ, отправляемыхъ въ Сибирь. Терентьевъ рассказывалъ, что онъ ужасно былъ растроганъ, когда мой братъ перекрестилъ его при отходѣ поѣзда. Меня везли въ пассажирскомъ вагонѣ 3-го класса. Въ Москвѣ помѣстили въ какой то части, въ довольно чистой камерѣ, позволили купить, что нужно изъ съѣстнаго. Немного денегъ у меня было при себѣ. Черезъ два дня меня отправили съ новыми конвойными до Владиміра. Тамъ тоже меня продержали два дня, но въ такомъ клоповникѣ, что я и до сихъ поръ не могу вспомнить безъ ужаса.

Изъ Владиміра съ новыми конвойными отправили до Нижняго, гдѣ помѣстили въ пересыльной тюрьмѣ. Тамъ я, къ величайшей радости, встрѣтилъ Семяновскаго, Терентьева, Альбова и Телье. Мы просидѣли тамъ двѣ недѣли. Было довольно свободно, а главное мы начинали думать, что насъ повезутъ не въ Харьковскую тюрьму, а въ Сибирь. О каторгѣ въ Сибири мы знали очень мало, но намъ казалось, что это все-таки лучше. Въ Нижнемъ рѣшался важный вопросъ, какъ насъ отправить, на пароходѣ или на лошадахъ. Изъ Питера пришло распоряженіе отправить на почтовыхъ лошадахъ по одному съ 2-мя жандармами. Далѣе насъ везли отъ губернскаго города до губернскаго. Жандармы мѣнялись. Семяновскій вѣхалъ впереди и я уже встрѣтилъ его только на Карѣ. Въ

Перми меня свирѣпо встрѣтилъ полицеймейстеръ, наговорилъ грубостей, но камеру дали хорошую, свѣтлую и чистую въ центральной тюрьмѣ. Когда перевалили Уральскій хребетъ, на станціяхъ меня часто утѣшали, что въ Сибири будетъ лучше, свободнѣе и большой обиды я не встрѣчу. Особенно сочувственно относились поляки, которые нерѣдко встрѣчались, какъ содержатели станцій. Въ Томскѣ меня встрѣтили особенно тепло помощникъ смотрителя тюрьмы и караульный офицеръ,—оба молодые. Послѣ приѣма въ конторѣ они сейчасъ же оба пришли ко мнѣ въ камеру, рассказали, кого провозили впередъ и предложили свой ужинъ.

Мнѣ приходилось уже въ дѣйствительности убѣждаться, что въ Сибири къ намъ отнесутся человѣчнѣе, чѣмъ въ Россіи. Въ Красноярскѣ меня опять продержали двѣ недѣли въ пересыльной тюрьмѣ, такъ какъ не хватало жандармовъ возить по одиночкѣ. Но я былъ не одинъ. Кромѣ меня сюда подвѣхали Терентьевъ, Тефтулъ и Телье. Смотритель Островскій (полякъ) старался по возможности смягчить наше положеніе. Къ намъ приходилъ губернский прокуроръ Долгушинъ, сынъ котораго Николай былъ осужденъ тоже въ каторгу за тайную типографію въ Москвѣ, но содержался въ Харьковской центральной тюрьмѣ, режимъ которой, какъ извѣстно, отличался страшной жестокостью. Старикъ горько жаловался, что правительство само нарушаетъ законы. Бѣдный старикъ, такъ ему и не пришлось дожидаться своего сына.

Въ Иркутскѣ меня продержали два мѣсяца, что было крайне томительно. Заключение нѣсколько скрашивалось тѣмъ, что я встрѣтился тамъ съ Новаковскимъ, осужденнымъ на поселеніе за Казанскую демонстрацію. Я нѣкоторое время сидѣлъ съ нимъ въ одной камерѣ. Онъ большой спорщикъ, и у насъ велись нескончаемые споры по политическимъ вопросамъ. Сюда же подвезли Николаева, сосланнаго по Нечаевскому процессу. Онъ уже кончилъ каторгу на Карѣ, ему было только 24 года. Его ссылали въ Верхоянскъ. Отъ него я узналъ только, что меня ожидало на Карѣ, и что Семяновскій уже тамъ. Въ сентябрѣ меня отправили вмѣстѣ съ Тефтуломъ на Кару. Было уже холодно, особенно ночью, и мы сильно мерзли дорогой.

Изъ Срѣтенка насъ везли на лодкѣ. По рѣкѣ уже шла шуга.

27 сентября 1877 г. насъ привезли на Усть-Кару. Здѣсь я впервые увидѣлъ каторжную тюрьму. Это была женская тюрьма. Она была мрачна. Кончился нашъ далекій путь, но я не радовался этому. Сердце у меня сжалось. Что то ожидаетъ насъ здѣсь, гдѣ намъ суждено провести долгіе годы. Но я былъ еще молодъ, красивые виды окружающей мѣстности привлекли мое вниманіе, и я на нѣкоторое время забылъ о нетихой пристани, къ которой мы причалили. Насъ отправили дальше, на Нижній промыселъ, гдѣ жилъ комендантъ Кононовичъ.

Насъ отвели на гауптвахту, гдѣ я встрѣтилъ раньше пріѣхавшихъ Семяновскаго, Терентьева, Захара Богданова и Петра Гаври-

ловича Успенскаго, сосланнаго по Нечаевскому процессу. Радость наша была велика. Мы опять вмѣстѣ. Евгений Степановичъ удивился, что я такъ поправился за дорогу.

Въ вольной командѣ находились Алексѣй Кириловичъ Кузнецовъ, сосланный по Нечаевскому процессу. Онъ завѣдывалъ дѣтскимъ пріютомъ. Ишутинъ, по Каракозовскому дѣлу, былъ совсѣмъ больной человѣкъ и лечился на Усть-Карѣ, но жилъ внѣ тюрьмы. На Кару его перевели изъ Акатуя послѣ 11 л. одиночнаго заключенія.

Александра Ивановна Успенская жила въ своемъ домикѣ на Нижнемъ промыслѣ съ маленькимъ сыномъ Викторомъ. Вскорѣ по моемъ пріѣздѣ Ишутинъ и Кузнецовъ зашли къ намъ на гауптвахту. Ишутинъ былъ веселъ, остроуменъ и не казался ненормальнымъ.

Гауптвахта была нашей тюрьмой. Здѣсь помѣщался карауль изъ казаковъ. По одну сторону караульной комнаты была камера, въ которой помѣщались Успенскій и Семяновскій, а по другую, гдѣ помѣщались Тефтуль, Терентьевъ, Зах. Богдановъ и я. Наше помѣщеніе состояло изъ большой, всегда холодной комнаты и двухъ карцеровъ, которые служили намъ спальнями. Я помѣстился въ одномъ карцерѣ съ Терентьевымъ. Пищу мы готовили себѣ сами въ голландкѣ, которая была между нашими спальнями. Мнѣ удалось привезти 100 р., которые намъ очень пригодились. Семяновскому приносили обѣдъ отъ Александры Ивановны. Успенскій ходилъ въ пріютъ заниматься съ дѣтьми, хотя официально онъ числился въ столярномъ цехѣ.

Семяновскій каждый день въ сумеркахъ приходилъ къ намъ, становился на мою койку спиной къ печкѣ и мы вели безконечные разговоры о Россіи. Съ воли намъ приносили газеты и мы могли слѣдить за тѣмъ, что тамъ дѣлается. Терентьевъ и Тефтуль недурно пѣли малороссійскія пѣсни, и Семяновскій любилъ послушать. Иногда мы задавали пиръ въ праздникъ, который ознаменовывался чѣмъ нибудь въ родѣ пирога и появлялся семейный чай съ сахаромъ. Обыкновенно же мы пили кирпичный чай и безъ сахара. Къ намъ приходили Евг. Степ. и Петръ Гавриловичъ. Послѣ обѣда было непременно пѣніе и оживленные разговоры. Такъ какъ двора у насъ не было, то прогуливаться насъ выводили прямо на улицу, и мы съ конвойными съ полчаса дѣлали довольно длинные концы по дорогѣ.

Когда получились газеты съ отчетомъ о процессѣ 193-хъ, мы были поражены мягкостью приговора и часто спрашивали другъ друга, за что же насъ такъ жестоко? И мнѣ, и въ особенности Семяновскому не трудно было установить связь съ большимъ процессомъ своими показаніями, и тогда мы могли бы отдѣлаться совсѣмъ легко. Но могли и не присоединить насъ, такъ какъ въ нашемъ процессѣ было много военныхъ, и правительство вѣроятно хотѣло особенно строго покарать насъ, «дабы другимъ военнымъ не повадно было» заниматься революціей. Процессъ 193-хъ насъ сильно взбудоражилъ. Подсудимые на судѣ своимъ поведеніемъ по-

Евгеній Степановичъ
СЕМЯНОВСКІЙ.

казали правительству, что они не считают себя послѣдними, взятыми въ плѣнъ, что за ними остаются дѣятели, и революція не умретъ. Казалось, что и общественное мнѣніе на сторонѣ революціонеровъ и что правительство начинаетъ уже считаться съ нимъ. „Голосъ“ не писалъ уже «что могутъ сдѣлать 11 человекъ въ такомъ необъятномъ государствѣ, какъ Россія?», какъ писалъ послѣ Долгушинскаго процесса. Это ободряло насъ, мы съ надеждой смотрѣли въ будущее и вѣрили, что дорогое намъ дѣло справедливости будетъ расти и развиваться въ нашей отчизнѣ, и произволу настанетъ конецъ.

Въ январѣ 1878 г. получило распоряженіе отъ Иркутскаго генераль-губернатора, чтобы насъ разсадить по разнымъ промысламъ, по одному, и посылать на разнѣзныя работы вмѣстѣ съ уголовными. Намъ было тяжело разставаться другъ съ другомъ. Меня увезли на самый верхній промыселъ, называемый «Амуръ». Тамъ посадили на такую же гауптвахту, какъ и на Нижнемъ, но уже карцеръ держали въ заперти, а тамъ было такъ тѣсно, что можно было только лежать или сидѣть, ходить было негдѣ. Пищу я получалъ изъ общей уголовной тюрьмы, изъ общаго котла. «Баланда» была невкусная и съ тараканами, но арестанты всегда присылали мнѣ побольше кусокъ мяса. По положенію полагалось 40 зол. на человекъ, а хлѣба было больше, чѣмъ достаточно. Зах. Богданова помѣстили на Верхнемъ промыслѣ въ такомъ же карцерѣ, какъ и меня. Тефтуль былъ увезенъ въ такъ называемую новую тюрьму. Семяновскій и Терентьевъ оставлены на Нижнемъ промыслѣ и зачислены въ столярный цехъ. Семяновскій и Терентьевъ не были закованы, какъ привилегированные, хотя это была конечно любезность полковника Кононовича, который вообще относился къ намъ гуманно. Когда мы сидѣли еще на Нижнемъ, привезли Агапова, рабочаго ткача. Онъ сразу же былъ провезенъ на «Амуръ». Но когда меня туда перевели, то Агапова перемѣстили на Верхній промыселъ.

На работу съ Верхняго промысла и съ «Амура» ходили въ одинъ разрѣзъ, расположенный между этими двумя станами, такъ что въ разрѣзѣ я встрѣчался съ Зах. Богдановымъ и Агаповымъ. Мы были поставлены въ разныя артели. Работа состояла въ сниманіи торфовъ. Торфами называется весь тотъ пластъ земли, который лежитъ надъ золотоноснымъ пластомъ. Золотоносные пески возились на машину и промывались вольными рабочими, а торфа снимались арестантами. Зимой вырабатывались почти исключительно иловатая породы. Ломами, кайлами и желѣзными клиньями ила скальваются легко, но гдѣ выступить глина или рѣшниковатая порода, тамъ уже работа трудная и потому такія мѣста по возможности оставлялись до весны, когда эти породы снимались уже таликами. Торфа относились въ отвалъ носилками. Въ артели ставилось по 8 человекъ. Артели дѣлились на полносильныхъ и малосильныхъ. Первымъ назначалось выработать куб. саж. торфовъ мерзлотой, а послѣднимъ $\frac{1}{2}$ куб. саж. Работа эта была посильная. Вольные рабочіе обыкновенно вырабатываютъ значительно больше. Конечно

они и питаются лучше и не истощены долгимъ сидѣньемъ въ тюрьмѣ. Но случалось все таки, что арестанты иногда не выработывали свой «урокъ», и тогда ихъ нещадно сѣкли здѣсь же въ разрѣзѣ.

Весной 1878 г. привезли А. Н. Бибергалья, осужденнаго за Казанскую демонстрацію на 15 л. въ каторжныя работы. Съ Бибергалемъ пріѣхала и его жена А. А., которая поселилась на Среднемъ промыслѣ. Бибергалья помѣстили на Верхнемъ промыслѣ, куда и меня перевели, а Зах. Богданова и Агапова перевели на Амурь. На работу мы выходили уже четверо въ одинъ разрѣзъ вмѣстѣ съ уголовными. Въ разрѣзѣ мы устроили себѣ шалашъ, въ которомъ могли укрываться въ непогоду. Комендантъ Кононовичъ требовалъ, чтобы мы неуклонно выходили каждый день на работу, но самую работу съ насъ требовали не строго, мы выносили нѣсколько носилокъ валуновъ изъ разрѣза въ отвалъ. Свободнаго времени у насъ было много, и мы брали съ собой книги и читали въ шалашѣ. Здѣсь же мы варили себѣ въ котелкѣ обѣдъ и чай. Такое привилегированное положеніе не нравилось смотрителю тюрьмы Касперову и онъ поставилъ насъ вновь въ артели съ уголовными и при томъ въ разныя. Случилось, что въ первый же день нашей работы въ артеляхъ одну изъ нихъ перепороли чуть не всю за невыработку. Мы заявили смотрителю, что не будемъ работать въ артеляхъ. Смотритель пожаловался коменданту, и Кононовичъ въ наказаніе лишилъ А. Н. свиданій съ женой, а мнѣ не велѣлъ выдавать деньги, присланныя братомъ. Мы послали письменныя объясненія Кононовичу, въ которыхъ объяснили свой отказъ работать въ артеляхъ тѣмъ, что, благодаря намъ, артели не выработываютъ свой урокъ и за это ихъ подвергаютъ жестокому наказанію. Наказаніе для насъ было отмѣнено, и мы вновь таскали камни изъ разрѣза. Пребываніе въ разрѣзѣ съ 4-хъ час. утра до заката солнца было утомительно, и мы предложили смотрителю, что будемъ выработывать сколько приходится на насъ четвертыхъ, если смотритель будетъ отпускать насъ домой, т. е. въ нашу тюрьму, сейчасъ же по окончаніи выработки. Смотритель согласился, и мы къ часу по полудни выработали свою часть. Смотритель былъ въ разрѣзѣ, и Бибергаль пошелъ къ нему, чтобы онъ принялъ отъ насъ урокъ. Смотритель сказалъ, что мы должны находиться въ разрѣзѣ до вечера и онъ конвоя намъ не дастъ. Тогда Бибергаль заявилъ ему, что въ такомъ случаѣ онъ ни вершка не получитъ отъ насъ. Цѣлый день мы лежали въ шалашѣ и читали.

Въ 1878 же году привезли Бобохова Серг. Ник. и помѣстили на Среднемъ промыслѣ на гауптвахтѣ. Къ осени этого же года привезли сосланныхъ по процессу 193-хъ С. С. Синегуба, Л. Э. Шишко, Ник. Апол. Чарушина, Тимофея Алекс. Квятковскаго и Ив. Осип. Союзова. Ихъ помѣстили на Нижнемъ промыслѣ вмѣстѣ съ Семяновскимъ и Успенскимъ. Съ ними пріѣхали жена Синегуба Лар. Вас., жена Чарушина Анна Дмитр. и жена Квятковскаго Алекс. Григор. Жены поселились въ частныхъ домикахъ на Нижнемъ промыслѣ.

Въ концѣ 78 же г. была привезена и Ек. Конст. Брешковская, которая была сейчасъ же отпущена въ вольную команду, такъ какъ ей приходилась не долго быть на Карѣ. Она поселилась у А. И. Успенской.

Осенью 78 г. я просилъ отправить меня въ лазаретъ, находившійся на Нижнемъ. Конвой подвелъ меня сначала къ гауптвахтѣ, и мнѣ удалось повидать Семяновскаго и вновь прибывшихъ. Въ лазаретѣ лежалъ сильно больной Ишутинъ. Я могъ навѣщать его, такъ какъ палаты на день не закрывались. Ишутина навѣстила Брешковская и рассказала намъ новости. Ишутинъ не могъ сосредоточиться на одномъ предметѣ въ разговорахъ и часто перебѣгалъ съ одного предмета на другой. Бесѣдовать съ нимъ было тяжело. Только разъ онъ увлекся своей теоріей государственнаго устройства и развивалъ ее послѣдовательно, при чемъ обнаружилъ большую начитанность. О своемъ дѣлѣ онъ не рассказывалъ. О немъ могъ бы многое рассказать докторъ Влад. Яков. Колосовъ, который уже началъ помѣщать свои воспоминанія о Карѣ въ «Русскомъ Богатствѣ».

Лѣтомъ 78 г. насъ расковали, а передъ Пасхой въ 79 г. освободили въ вольную команду всѣхъ, кромѣ Бибергалья и Бобохова. Радость наша была велика. Мы свободно могли видѣться съ товарищами, ходить въ лѣсъ, а окрестности на Карѣ чудныя. Сначала чувствовалось какъ-то неловко, что нѣтъ конвоя. Только долго просидѣвшій въ тюрьмѣ пойметъ, какое глупее чувство радости охватывало, когда мы съ Верхняго промысла пошли безъ конвоя къ своимъ товарищамъ на Нижній промыселъ. Погода стояла прекрасная. На Среднемъ мы зашли къ А. А. Бибергалю и она тоже пошла съ нами. Товарищи насъ ожидали и встрѣтили насъ на половинѣ дороги. Трудно себѣ представить болѣе радостную встрѣчу. Мы были еще молоды, хотѣлось смѣяться, прыгать, спрашивали, перебивали другъ друга, не давая кончить, и уже спрашивали о другомъ. Всѣ вмѣстѣ мы отправились на Нижній къ Алекс. Иван. Это было въ самый день Пасхи и А. И. угощала насъ всякими сластями и радовалась вмѣстѣ съ нами. П. Г. Успенскій тоже былъ освобожденъ.

Я, Терентьевъ и Тефтуль должны были жить на Верхнемъ промыслѣ и могли уходить только по запискѣ смотрителя тюрьмы. Мы купили себѣ за 40 р. домикъ и развели огородъ. На Нижній мы ходили часто. Семейные товарищи расселились въ разныхъ домикахъ. Семяновскій жилъ у Успенскихъ, потомъ перешелъ къ Квятковскимъ и позже къ Чарушинымъ. Шишко все время жилъ у Чарушиныхъ. Союзовъ устроился въ банькѣ Успенскаго и бралъ столярные заказы. Позднѣе въ этой банькѣ жилъ Синегубъ. Мы жили всѣ дружно и часто собирались вмѣстѣ. Шишко, Терентьевъ и Тефтуль недурно пѣли малороссійскія пѣсни. Семяновскій любилъ послушать и иногда даже подпѣвалъ, но это ему плохо удавалось. Въ спорахъ Семяновскій всегда одерживалъ верхъ и другіе всегда съ нимъ соглашались въ концѣ концовъ. Успенскій какъ-то

разъ не выдержалъ и воскликнулъ: «да дайте же Вы, Евг. Степ., хоть разъ одержать надъ Вами побѣду». Что, конечно, всѣхъ разсмѣшило.

Вопросъ о побѣгѣ у насъ обсуждался, и было рѣшено, что если мы бѣжимъ, то этимъ уничтожимъ для будущихъ нашихъ товарищей возможность выйти въ вольную команду. Сторонники побѣга были, но они согласились съ большинствомъ. Военные суды надъ народовольцами уже начались, и мы знали, что къ намъ скоро начнутъ прибывать большія партіи.

Дѣйствительно, въ 80-мъ году прибыла первая большая партія, которую помѣстили въ Среднекарійской тюрьмѣ. Тюрьма состояла изъ двухъ громаднхъ камеръ, раздѣленныхъ сѣнями. Окна тюрьмы выходили на улицу, и съ другой стороны былъ обширный дворъ, обнесенный высокими палями (тынъ). Во дворѣ была кухня и баня.

Бибергаль и Бобоховъ, сидѣвшіе послѣ нашего освобожденія въ вольную команду вмѣстѣ на гауптвахтѣ на Среднемъ, были переведены въ общую съ другими политическими тюрьму. Вскорѣ за первой партіей прибыла вторая.

Большая часть изъ вновь прибывшихъ была уже съ народовольческимъ направлениемъ. Завязалась дѣятельная переписка съ тѣми изъ нашихъ товарищей, которые жили на Нижнемъ. Всѣ мы, прибывшіе раньше, не могли стать на точку зрѣнія народовольцевъ и относились къ террору отрицательно. Мы не считали партію настолько сильной, чтобы она могла выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ еще сильнаго правительства. Доводы въ пользу пропаганды фактами для насъ не были убѣдительны. Намъ думалось, что революціонныя силы быстро истощатся, и можетъ наступить реакція. Мы, конечно, не думали, что революція совершится какъ-то мирно, но народъ еще слишкомъ косный, массы совсѣмъ еще мало затронуты революціонными идеями, и нужно продолжать мирную пропаганду среди рабочихъ и крестьянъ. Доходившія до насъ вѣсти о террористическихъ фактахъ намъ казались скорѣе актами мести за жестокую расправу съ политическими, чѣмъ политическимъ терроромъ. Мы, конечно, не могли не сочувствовать такимъ фактамъ. Правительство должно было увидѣть изъ этихъ фактовъ, что народъ вышелъ изъ рабскаго состоянія и если не народъ, то лучшая его часть возмущена до крайней степени произволомъ царскаго деспотизма, и всегда найдутся самоотверженные люди, которые вступятъ въ борьбу съ особенно рьяными слугами этого деспотизма.

Покушеніе Вѣры Засуличъ на убійство Трепова, убійство Мезенцова, кн. Крапоткина не могли казаться намъ ни чѣмъ инымъ, какъ только актами чистой мести. Вотъ почему мы не смотрѣли на эти факты, какъ на политической терроръ. Только когда уже начались покушенія на царя, намъ пришлось измѣнить свой взглядъ и признать поворотъ, совершившійся въ революціонной дѣятельности. Впрочемъ о перепискѣ вольнокомандцевъ съ вновь прибывшими товарищами, я надѣюсь, напишутъ товарищи Шишко и Сине-

губь, которые стояли ближе къ этимъ сношеніямъ, лучше знаютъ и лучше меня сумѣютъ изложить этотъ моментъ въ нашей карійской жизни.

Во всякомъ случаѣ, это различіе во взглядахъ на терроръ породило нѣсколько натянутыя отношенія между нами и тюрьмой, хотя никто изъ насъ рѣшительно не думалъ ставить эти споры на личную почву, и я отлично знаю, что всѣ мои товарищи, жившіе внѣ тюрьмы, относились съ любовью и уваженіемъ къ товарищамъ, находившимся въ тюрьмѣ.

Въ декабрѣ 80 г. пришла инструкція Лорисъ-Меликова, знаменитаго творца не менѣе знаменитой конституціи; по этой инструкціи вольная команда для политическихъ уничтожалась и мы, уже выпущенные на свободу, должны быть вновь посажены въ тюрьму. Кононовичъ объявилъ это на Нижнемъ пром. Семяновскій былъ подкошенъ этимъ. Онъ пришелъ къ намъ на Верхній съ Шишко и съ Чарушинымъ или Синегубомъ, не помню, и сообщилъ эту вѣсть. Мы начали обсуждать, возможенъ ли побѣгъ среди жестокой Забайкальской зимы. Для всѣхъ насъ было очевидно, что это тоже самоубійство, только болѣе мучительное. Евг. Степ. заявилъ, что онъ рѣшительно не можетъ помириться, что онъ, какъ баранъ, самъ пойдетъ въ тюрьму, да и все равно онъ увѣренъ, что ему не вынести еще три года, которые приходится просидѣть еще въ тюрьмѣ, и онъ рѣшилъ кончить самоубійствомъ. Это было ужасно. Мы не знали, что дѣлать. Какіе же убѣдительные доводы мы могли привести нашему дорогому товарищу, что онъ долженъ жить. Онъ ужасно страдалъ катарромъ желудка, у него былъ порокъ сердца, и онъ могъ ходить только очень тихо. Если бы онъ хоть сколько нибудь вѣрилъ въ возможность побѣга, мы, конечно, согласились бы съ нимъ бѣжать, но онъ находилъ это бессмыслицей. И это дѣйствительно была бы бессмыслица. Бѣжать было невозможно. Праздники Рождества мы провели вмѣстѣ на Нижнемъ. 30 декабря вечеръ мы всѣ провели у Синегуба въ Дѣтскомъ пріютѣ, которымъ онъ завѣдывалъ тогда. Шли оживленные споры философскаго характера, въ которыхъ Евг. Степ. принималъ горячее участіе. Трудно было подумать, что онъ окончательно остановился на мысли о самоубійствѣ. Поздно вечеромъ со мной сдѣлалась истерика. Лариса Васильевна Синегубъ уложила меня, и я не помню, что потомъ было.

Новый годъ мы встрѣчали у П. Г. Успенскаго. Собралась вся наша компанія. Я шелъ туда съ Семяновскимъ и на крылечкѣ задержалъ его. Я спросилъ его, отказался ли онъ отъ своей ужасной мысли. Онъ отвѣтилъ уклончиво, но тогда мнѣ показалось, что онъ бросилъ эту мысль. Здѣсь опять таки за весь вечеръ рѣшительно нельзя было подумать, что Евг. Ст. живетъ послѣдній вечеръ. Онъ былъ оживленъ, весело шутилъ. Когда зашелъ разговоръ о томъ, что дѣлается въ Россіи, Евг. Ст. сказалъ, что надо признать, что народовольцы сдѣлали очень много и что намъ приходится измѣнить свой взглядъ на терроръ. Свой взглядъ онъ

измѣнилъ, конечно, не въ этотъ вечеръ и это было видно изъ разговоровъ съ нимъ, но въ этотъ вечеръ, какъ то вышло само собой, что онъ высказался категорически. При наступленіи новаго года, онъ предложилъ мнѣ, Синегубу и Шишко выпить брудершафтъ. Мы горячо поцѣловались. Мнѣ онъ сказалъ, что мы давно бы должны перейти на ты и только взаимная деликатность мѣшала этому.

Мы разошлись далеко за полночь. Семяновскій, Шишко, Соколовъ и я пошли ночевать къ Чарушинымъ, гдѣ Семяновскій и жилъ. Онъ помѣщался въ отдѣльной комнаткѣ. Уходя спать, онъ сказалъ, что это, кажется, первый день, сколько онъ помнитъ себя, что онъ не прочиталъ ни строчки. Мы легли въ залъ. Утромъ, чуть разсвѣтало еще, что-то шелкнуло. Я бросился въ комнату Семяновскаго. Онъ выстрѣлилъ себѣ въ високъ, лежа на кровати. Револьверъ валялся на полу. Онъ еще конвульсивно двигалъ рукой.

Не стало прекраснаго товарища, самоотверженнаго борца за свободу, за счастье народа, у котораго не было другихъ желаній, другихъ мыслей, какъ только бороться съ ненавистнымъ правительствомъ, угнетающимъ народъ. Я не знаю человѣка, въ которомъ такъ гармонично соединились бы всѣ прекрасныя качества, какъ въ Семяновскомъ.

Черезъ часъ насъ увели въ тюрьму. Семяновскій оставилъ письмо къ отцу, въ которомъ онъ проситъ простить его за причиняемое горе. Письмо онъ закончилъ словами, что онъ умираетъ съ полнымъ сознаниемъ, что онъ не сдѣлалъ ошибки въ своей жизни и что дѣло народнаго освобожденія, дѣло справедливости, оставалось дорогимъ для него до послѣдней минуты его жизни. На письменномъ столѣ лежала газета «Недѣля», которую онъ, очевидно, читалъ ночью, въ послѣдніе часы своей жизни.

С. Б. Богдановъ.

Москва.
30 марта 1906 г.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ,

коимъ предаются суду Особого Присутствія Правительствующаго Сената рядовой 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Захаръ Богдановъ, Портупей Юнкеръ того же полка Эдмундъ-Евгеній Петровъ Бужинскій, Прапорщикъ того же полка Константинъ Александровъ Дьяковъ, Помощникъ присяжнаго повѣреннаго кандидатъ правъ С.-Петербургскаго Университета Евгений Степановъ Семяновскій, Портупей Юнкеръ исполняющій обязанности кондуктора Новгородской Инженерной дистанціи Григорій Никитинъ Мышкинъ, писарь Главнаго Штаба Степанъ Богдановъ Богдановъ и студентъ технологическаго института Соломонъ Желѣзнякъ. ¹⁾

1875 года августа 18 дня, въ восьмомъ часу вечера, въ трактирномъ заведеніи, содержимомъ крестьяниномъ Михаиломъ Елистратовымъ и находящемся въ г. Новгородѣ, по лазаревской улицѣ противъ казармъ, гдѣ квартировалъ 85-й пѣхотный Выборгскій Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полкъ, находились рядовые того полка изъ вольноопредѣляющихся Викторъ Рудольфовъ Югансонъ и Петръ Михайловъ Летюхинъ и писарь Константинъ Ивановъ Соликовъ. Въ то время, какъ названные нижніе чины пили чай, въ трактиръ вошелъ рядовой 11-й роты того же полка Захаръ Богдановъ, который притворившись пьянымъ, сѣлъ на диванъ около стола, за коимъ помѣщались вольноопредѣляющіеся и Соликовъ. Немного посидѣвъ, Захаръ Богдановъ сказалъ про себя: „ахъ какъ дурно быть пьянымъ“. Затѣмъ онъ обратился къ Югансону съ просьбою, чтобы послѣдній приказалъ подать свѣчу. На вопросъ Югансона, зачѣмъ нужна свѣча, Захаръ Богдановъ выразилъ, что имѣетъ показать ему, Югансону, „какія то данныя“; на это Югансонъ замѣтилъ, что свѣчи не нужно, такъ какъ достаточно свѣтло. Тогда Захаръ Богдановъ подаль Югансону завернутый въ сѣрую бумагу свертокъ, сказавъ: „вотъ прочтите.“ Югансонъ, развернувъ свертокъ, увидѣлъ въ немъ четыре брошюры, изъ коихъ три имѣли слѣдующія заглавія: „Исторія четырехъ братьевъ“, „Исторія крестьянина“ и „Хитрая механика“. Зная, что содержаніе этихъ сочиненій преступное, Югансонъ тотчасъ же отдалъ ихъ обратно Захару Богданову, сказавъ: „такого рода книгъ я не только не буду читать, но даже и держать въ рукахъ.“ На это Захаръ Бог-

¹⁾ Обвинительный актъ этотъ опубликовать не былъ.

Ред.

дановъ возразилъ: „а вы боитесь, а я такъ не боюсь.“ Объ этомъ происшествіи было доведено до свѣдѣнія полковаго начальства, по сообщенію котораго, послѣдовавшему 21 августа, приступлено къ производству дознанія. Привлеченный къ отвѣтственности рядовой Захаръ Богдановъ, не отвергая вышеизложенныхъ обстоятельствъ, между прочимъ, объяснилъ, что преступныя изданія онъ, Захаръ Богдановъ, получилъ отъ чиновника Богушевича, съ которымъ сошелся въ трактирѣ купца Ивана Петрова. 25-го августа задержанъ въ Новгородѣ, прибывшій туда изъ С.-Петербурга, отставной дѣлопроизводитель сарапульскаго уѣзднаго воинскаго начальника Коллежскій Регистраторъ Николай Михайловъ Богушевичъ, причемъ у него Богушевича, между прочимъ, найдены: 1) номера 1, 2, 3 и 4 преступнаго періодическаго изданія озаглавленнаго: „Работникъ“, „Газета для русскихъ рабочихъ“, и 2) записная книжка, въ которой между разными адресами значится: „Богдановъ 11 р. 85.“ Богушевичъ на допросѣ, сознаваясь въ томъ, что 11-го августа передалъ рядовому Захару Богданову преступныя сочиненія, между прочимъ, объяснилъ, что самъ получилъ эти изданія отъ неизвѣстнаго человѣка и что онъ, Богушевичъ, не зналъ о преступности содержанія этихъ книгъ, когда передавалъ ихъ Захару Богданову. Между тѣмъ при произведенномъ того же числа обыскѣ квартиры, которую Богушевичъ занималъ въ С.-Петербургѣ, были, между прочимъ, найдены слѣдующія сочиненія преступнаго содержанія: 1) два экземпляра брошюры „Хитрая механика“, 2) три экземпляра сочиненія „Сказка о копѣйкѣ“, 3) одинъ экземпляръ книги „Въ память столѣтія о пугачевщинѣ“, 4) номера 1, 4, 5, 6, 7 и 9 періодическаго изданія „Впередъ.“ Тѣсныя отношенія Богушевича съ исполняющимъ обязанности кондуктора новгородской инженерной дистанціи Портулей Юнкеромъ Григоріемъ Никитинымъ Мышкинымъ и оговоръ обвиняемаго Захара Богданова послужили основаніемъ для привлеченія Мышкина къ слѣдствію по обвиненію въ томъ, что онъ, Мышкинъ, зная о распространеніи Богушевичемъ преступныхъ сочиненій, не довелъ о томъ до свѣдѣнія правительства. Обвиняемый Мышкинъ сознался въ томъ, что распространеніе Богушевичемъ вредныхъ изданій въ Новгородѣ было ему, Мышкину, извѣстно, а также и въ томъ, что онъ, Мышкинъ, зналъ и о передачѣ Богушевичемъ части этихъ сочиненій рядовому Захару Богданову. При этомъ Мышкинъ, однако же, объяснилъ, что онъ распространяемыхъ Богушевичемъ сочиненій не читалъ и потому съ точнымъ содержаніемъ таковыхъ знакомъ не былъ, хотя и предполагалъ, что онѣ запрещенныя. Но это послѣднее объясненіе Мышкина вполнѣ опровергается собранными при дознаніи и слѣдствіи данными, не только обнаруживавшими существованіе между Мышкинымъ и Богушевичемъ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній, но и положительно доказывающими, что Мышкинъ безотлучно находился вмѣстѣ съ Богушевичемъ въ теченіи всего двухдневнаго пребыванія послѣдняго въ Новгородѣ и даже былъ въ трактирѣ Ивана Петрова именно въ то время, когда Богушевичъ передалъ тамъ Захару Богданову преступныя сочиненія. Этого послѣдняго обстоятельства впрочемъ не отвергаетъ и самъ обвиняемый Мышкинъ, между прочимъ, сознавшійся также и въ томъ, что Богушевичъ, уѣзжая изъ Новгорода, просилъ его, Мышкина, не только „справляться о томъ, какъ поступить Богдановъ съ книгами“, но и вообще прислушиваться къ толкамъ въ Новгородѣ и, въ случаѣ надобности, из-

вѣстить его, Богушевича. Кромѣ сего Мышкинъ признался и въ томъ, что Богушевичъ передъ отъѣздомъ изъ Новгорода общалъ вновь туда самъ прѣхать, или же прислать довѣренное лицо, у котораго будетъ пароль «12 Августа.» По обвиненію въ знаніи о распространеніи Богушевичемъ книгъ преступнаго содержанія и недонесеніи о томъ начальству, кромѣ Мышкина привлечены еще къ слѣдствію Прапорщикъ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Константинъ Александровъ Дьяковъ и Портупей Юнкеръ того же полка Эдмундъ-Евгеній Петровъ Бужинскій. Обвиняемый Бужинскій, сознавая въ томъ, что имѣлъ сношенія съ Богушевичемъ, между прочимъ, показалъ слѣдующее: Богушевичъ, во время своего пребыванія въ Новгородѣ 11 и 12 августа, посѣщаль квартиру, занимаемую имъ, Бужинскимъ, вмѣстѣ съ Прапорщикомъ Дьяковымъ. При этомъ посѣщеніи Богушевичемъ, во время разговора, имѣвшаго предметомъ положеніе рабочихъ, передалъ ему, Бужинскому, три номера періодическаго изданія „Впередъ“ и брошюры озаглавленныя „Хитрая механика“ „Емелька Пугачевъ,“ говоря, что сочиненія эти могутъ разъяснить ему, Бужинскому, вопросы, составлявшіе предметъ бесѣды ихъ. Уходя, Богушевичъ общалъ доставить ему, Бужинскому, еще другія подобныя же сочиненія, сказавъ, чтобы онъ, Бужинскій, довѣрился лицу, которое черезъ нѣкоторое время прѣдетъ и скажетъ „12 Августа.“ При этомъ посѣщеніи Богушевича въ квартирѣ находился и Прапорщикъ Дьяковъ. Полученныя отъ Богушевича сочиненія, по объясненію Бужинскаго, хранились въ комодѣ до тѣхъ поръ, пока обвиняемый этотъ не уѣхалъ въ отпускъ въ Полоцкъ—куда онъ и увезъ часть полученныхъ отъ Богушевича изданій; другую же часть оныхъ взялъ къ себѣ Прапорщикъ Дьяковъ. Обвиняемый Дьяковъ, не отвергая вышеизложенныхъ обстоятельствъ, не только сознался въ томъ, что бралъ изъ комода переданныя Богушевичемъ Бужинскому сочиненія, въ томъ числѣ озаглавленное: „Хитрая механика“, но даже объяснилъ, что нѣкоторое время часть этихъ изданій носилъ при себѣ, пока таковыя не уничтожилъ. Въ то время, какъ въ Новгородѣ производилось дознаніе о распространеніи преступныхъ изданій между чинами 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка, было обнаружено распространеніе подобныхъ сочиненій въ С.-Петербургѣ между нижними чинами главнаго штаба. Тождество сочиненій, которыя были распространяемы въ С.-Петербургѣ и Новгородѣ и обнаруженная связь обвиняемыхъ въ С.-Петербургѣ съ Богушевичемъ, указывавшая на отношеніи ихъ именно по предмету распространенія преступныхъ изданій, послужили основаніемъ для соединенія производствъ новгородскаго и с.-петербургскаго въ одно предварительное слѣдствіе. Распространеніе преступныхъ сочиненій въ С.-Петербургѣ сопровождалось слѣдующими обстоятельствами: 25 августа писарь главнаго штаба Степанъ Богдановъ Богдановъ передалъ писарю того же штаба Афонасію Федотову Савченкѣ для прочтенія номеръ шестой періодическаго изданія „Впередъ“ и пять рукописныхъ тетрадокъ, заключающихъ въ себѣ сочиненіе озаглавленное „Изъ огня, да въ полымя“. Савченко, усмотрѣвъ изъ содержанія этихъ сочиненій, что таковое преступнаго свойства, передалъ оба изданія исправляющему должность экзекутора главнаго штаба Подполковнику фонъ-Рибену. На другой день Степанъ Богдановъ предложилъ Савченкѣ познакомиться съ тѣмъ лицомъ, отъ котораго можно получить подобныя со-

ника приче́мъ онъ, Захаръ Богдановъ, зналъ, что содержаніе этихъ сочиненій, въ томъ числѣ озглавленнаго „Хитрая механика,“ преступное, и, предлагая таковыя сочиненія, въ томъ числѣ озаглавленное „Хитрая механика,“ Югансону, имѣлъ намѣреніе распространить содержаніе оныхъ; каковыхъ предложенныхъ имъ, Захаромъ Богдановымъ, рядовому Югансону сочиненій, въ томъ числѣ озаглавленнаго „Хитрая механика,“ послѣдній отъ него, Захара Богданова, не принялъ, зная, что сочиненія сіи содержанія преступнаго; 2) исполняющій обязанности кондуктора новгородской инженерной дистанціи Портупей Юнкеръ Григорій Никитинъ Мышкинъ въ томъ, что онъ, зная о распространеніи отставнымъ дѣлопроизводителемъ сарапульскаго воинскаго уѣзднаго начальника Коллежскимъ Регистраторомъ Николаемъ Михайловымъ Богушевичемъ запрещенныхъ изданій, а также о передачѣ названнымъ Богушевичемъ рядовому 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Захару Богданову такихъ сочиненій, въ томъ числѣ озаглавленнаго „Хитрая механика,“ содержаніе коихъ, въ томъ числѣ озаглавленнаго „Хитрая механика,“ ему, Мышкину, было извѣстно, и, имѣвъ возможность довести о семъ до свѣдѣнія правительства, таковой обязанности своей не исполнилъ; 3) Портупей Юнкеръ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Эдмундъ Евгений Петровъ Бужинскій въ томъ, что онъ, получивъ отъ отставнаго дѣлопроизводителя сарапульскаго уѣзднаго воинскаго начальника Коллежскаго Регистратора Николая Михайлова Богушевича преступныя сочиненія, въ томъ числѣ брошюру, озаглавленную „Хитрая механика,“ преступное содержаніе коихъ, въ томъ числѣ брошюры, озаглавленной „Хитрая механика,“ было ему, Бужинскому, извѣстно и, имѣвъ возможность довести о семъ до свѣдѣнія правительства, таковой своей обязанности не исполнилъ и переданныхъ ему, Бужинскому, Богушевичемъ преступныхъ сочиненій, въ томъ числѣ озаглавленнаго „Хитрая механика,“ кому слѣдуетъ не представилъ, а часть оныхъ увезъ въ Полоцкъ, впрочемъ безъ доказанной цѣли распространенія; 4) Прапорщикъ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Константинъ Александровъ Дьяковъ въ томъ, что онъ, зная о передачѣ отставнымъ дѣлопроизводителемъ сарапульскаго уѣзднаго воинскаго начальника Коллежскимъ Регистраторомъ Николаемъ Михайловымъ Богушевичемъ Портупей Юнкеру 85-го пѣхотнаго Выборгскаго Генераль-Адъютанта Графа Адлерберга 1-го полка Эдмунду Евгению Петрову Бужинскому преступныхъ сочиненій, въ томъ числѣ брошюры, озаглавленной „Хитрая механика,“ содержаніе каковыхъ сочиненій, въ томъ числѣ брошюры, озаглавленной „Хитрая механика,“ было ему, Дьякову, извѣстно, и, имѣвъ возможность довести о семъ до свѣдѣнія правительства, таковой обязанности своей не исполнилъ и сочиненій тѣхъ кому слѣдуетъ не представилъ, а часть оныхъ даже нѣкоторое время при себѣ носилъ, впрочемъ безъ доказанной цѣли распространенія, а затѣмъ уничтожилъ; 5) Помощникъ присяжнаго повѣреннаго кандидатъ правъ с.-петербургскаго университета Евгений Степановъ Семяновскій въ томъ, что онъ передалъ писарю главнаго штаба Степану Богданову Богданову номера шестой и тринадцатый періодическаго изданія „Впередъ“, брошюру, озаглавленную „Хитрая механика“, и рукописное сочиненіе подъ названіемъ „Изъ огня, да въ

полямиа“, причеъ онъ, Семяновскій, зналъ преступное содержаніе этихъ сочиненій и, передавая эти сочиненія Степану Богданову Богданову имѣлъ намѣреніе распространить содержаніе оныхъ; б) писарь главнаго штаба Степанъ Богдановъ Богдановъ а., въ томъ, что онъ передалъ писарю главнаго штаба Афонасію Федотову Савченкѣ номеръ шестой періодическаго изданія: „Впередъ“ и рукописное сочиненіе подъ названіемъ: „Изъ огня, да въ полямя“, причеъ онъ, Степанъ Богдановъ Богдановъ зналъ преступное содержаніе оныхъ сочиненій, и, передавая эти сочиненія Афонасію Федотову Савченкѣ, имѣлъ намѣреніе распространить содержаніе оныхъ; б., въ томъ, что онъ, Степанъ Богдановъ Богдановъ, читалъ вмѣстѣ съ писаремъ главнаго штаба Александромъ Щербаковымъ отобраннй отъ него, Степана Богданова Богданова, исправляющимъ должность экзекутора главнаго штаба Подполковникомъ фонъ-Рибеномъ номеръ тринадцатый періодическаго изданія „Впередъ“, причеъ онъ, Степанъ Богдановъ, имѣлъ намѣреніе познакомить вышеназваннаго Щербакова съ содержаніемъ означеннаго тринадцатаго номера періодическаго изданія „Впередъ“, преступность коего ему, Степану Богданову, была извѣстна; 7) студентъ технологическаго института Соломонъ Моисеевъ Желѣзнякъ въ томъ, что онъ хотя и безъ доказанной цѣли распространенія, но и безъ разрѣшенія вышшаго начальства имѣлъ у себя одинъ экземпляръ брошюры, озаглавленной „Хитрая механика“, преступное содержаніе которой было ему, Желѣзняку, извѣстно. По содержанію своему преступныя сочиненія, распространеніе коихъ составляетъ предметъ настоящаго дѣла, не только состоятъ изъ оскорбительныхъ и направленныхъ къ колебанію общественнаго довѣрія отзывовъ о дѣйствующихъ въ Имперіи законахъ, постановленіяхъ, распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій и о должностныхъ лицахъ Имперіи, сужденій, оспаривающихъ обязательную силу законовъ, одобряющихъ и оправдывающихъ воспрещенныя ими дѣйствія съ цѣлію возбудить къ законамъ неуваженіе, а также воззванія, направленные къ возбужденію вражды между сословіями государства, но даже заключаютъ въ себѣ статьи, отзывы и сужденія, помѣщенные съ цѣлію возбудить неуваженіе къ Верховной Власти, къ личнымъ качествамъ Государя и къ управленію Его государствомъ, особливо же на слѣдующихъ мѣстахъ: а., брошюра „Хитрая механика“ со словъ: „ну какъ, къ слову, не поблагодарить тутъ нашего нынѣшняго Царя батюшку...“ (на страницѣ девятнадцатой) — до конца книги, б., номеръ тринадцатый періодическаго изданія: „Впередъ“ статья, озаглавленная „изъ Саксоніи“ (отрывки изъ двухъ корреспонденцій) I. II, в., номеръ шестой періодическаго изданія „Впередъ“ статья, озаглавленная „изъ села Александровскаго“. Кромѣ того сочиненіе, озаглавленное „Хитрая механика“, также заключаетъ въ себѣ, со словъ „не любилъ я таковыя рѣчи Степана“ (на страницѣ двадцать восьмой) до конца брошюры, отзывы и сужденія, помѣщенные съ цѣлію возбудить къ явному неповиновенію Верховной Власти.

Посему дѣянія вышеназванныхъ обвиняемыхъ по признакамъ своимъ соотвѣтствуютъ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ слѣдующими статьями уголовного закона: а) дѣянія Захара Богданова и Евгенія Сѣмяновскаго 2 ч. 245 и 2 ч. 251 ст. улож. о наказ.; б) дѣянія Степана Богданова — 2 ч. 245 ст. улож. о наказ., дѣянія Мышкина, Бужинскаго и Дьякова — 15, 2 ч.

245 и 2 ч. 251 ст. улож. о наказ.; в), дѣяніе Желѣзняка — 4 ч. 245 и 4 ч. 252 ст. улож. о наказ. По обвиненію въ таковыхъ, ими содѣланныхъ преступленіяхъ, вышеназванные обвиняемые Захаръ Богдановъ, Григорій Мышкинъ, Эдмундъ-Евгеній Бужинскій, Константинъ Дьяковъ, Евгеній Семяновскій, Степанъ Богдановъ и Соломонъ Желѣзнякъ предаются, на основаніи 2 ст. Высочайше утвержденного 7 іюня 1872 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, суду особаго присутствія Правительствующаго Сената, для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Составленъ въ г. С.-Петербургѣ. іюня 26 дня 1876 года.

Подлинный подписалъ Членъ Консультациі, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, Статскій Совѣтникъ Владиміръ Роде. Съ подлиннымъ вѣрно-Помощникъ Оберъ Секретаря *В. Поповъ*

Предемертное письмо С. С. Семяновскаго къ отцу¹⁾.

Нарійскіе промыслы. Ночь съ 31 декабря 1880 г. на 1-ое января 1881 г.

Дорогой отецъ! пишу тебѣ только что вернувшись съ товарищескаго собранія, гдѣ всѣ мы провожали старый годъ и встрѣчали новый. Встрѣтили мы этотъ годъ въ грустной, удручающей обстановкѣ. Ты, вѣроятно, уже получилъ письмо жены одного изъ моихъ товарищей, которую я просилъ сообщить тебѣ, что отнынѣ намъ не дозволяется ни съ кѣмъ переписываться, ни съ кѣмъ—даже съ родителями. Какъ ни бессмысленно и безчеловѣчно это запрещеніе, но насъ ожидало нѣчто еще худшее, нѣчто, о чемъ я ровню ничего не зналъ, когда писалось то письмо. Дней десять спустя послѣ объявленія запрещенія писать письма намъ объявили, что всѣ мы возвращаемся назадъ въ тюрьму и должны быть закованы въ кандалы. Насъ всего девять человѣкъ мужчинъ, а именно: Шипко, Чарушинъ, Квятковскій, Успенскій, Союзовъ, Богдановъ, Терентьевъ, Тефтуль и я, и всѣ мы вотъ уже года два пользовались сравнительною свободою, живя внѣ тюрьмы. Уже съ самаго того дня, когда намъ объявили приказъ Лорисъ-Меликова, запрещающій писать письма, мы ждали чего-либо въ этомъ родѣ, потому что въ приказѣ былъ пунктъ, заставившій догадываться, что въ покоѣ насъ не оставятъ. Завтра мы должны снова отправиться въ тюрьму. Если бъ не доброе къ намъ расположеніе полковника Кононовича, насъ бы арестовали и посадили тотчасъ же послѣ полученія приказа; но онъ довѣряетъ намъ и далъ намъ нѣсколько дней, чтобъ устроить свои дѣла. Мы воспользовались этой льготой, чтобъ собраться въ послѣдній разъ на свободу, проводить старый и встрѣтить новый годъ. А я воспользуюсь этимъ еще и для другой дѣли. Не знаю—составитъ ли она злоупотребленіе довѣріемъ полковника Кононовича или нѣтъ, но еслибъ я составила—все равно я ее непремѣнно выполняю.

Кто нибудь, прочитавъ слова „они возвращаются назадъ въ тюрьму“, подумаетъ о насъ, пожалуй, какъ о баранахъ, покорно подставляющихъ глотки подъ ножъ мясника. Но подобное предположеніе было бы жестоко невѣрнымъ. Единственное средство выйти изъ нашего положенія это—бъ-

¹⁾ Подлинника письма Семяновскаго или копія съ него у насъ нѣтъ. Письмо это мы помѣщаемъ въ переводѣ съ англійскаго изъ книги Кенана „Siberia and the exile system“, 1891, p. 210.

Ред.

жать, но какъ бѣжать при температурѣ въ 35 градусовъ мороза и безъ всякой предварительной подготовки побѣга? Почему мы не готовились къ побѣгу—тебѣ извѣстно, если ты получилъ мое августовское письмо.

Лично я рѣшилъ попытаться бѣжать, если распоряженіе возвратитъ насъ назадъ въ тюрьму получится весной, когда побѣгъ былъ бы возможенъ, и бѣжать не подѣ давленіемъ минуты, а серьезно подготовившись. Но случилось иначе. Между тѣмъ я чувствую, что мои физическія силы исчезаютъ съ каждымъ днемъ. Я сознаю, что мое недомоганіе отразится на моихъ умственныхъ способностяхъ, и что мнѣ грозитъ опасность обратиться въ полнаго идиота даже при условіи вѣнчуремной жизни. Возникаетъ вопросъ, что же станетъ со мною въ тюрьмѣ? Вся моя жизнь держалась на надеждѣ вернуться когда нибудь въ Россію и служить всѣми силами моей души дѣлу правды и справедливости, которымъ я давно уже всего себя посвятилъ; но какъ возможно такое служеніе для человѣка и физически и духовно разбитаго? И когда надежды на подобное служеніе у меня отняты, что мнѣ остается? Личное самооправданіе? Но пока то еще наступитъ моментъ чего нибудь подобнаго полному удовлетворенію такого желанія, меня десять разъ подвергнуть пыткѣ. Поэтому я пришелъ къ заключенію, что жить болѣе не для чего и что я, наконецъ, заслужилъ право положить предѣлъ страданіямъ, ставшимъ безцѣльными и бесполезными. Жизнь мнѣ давно уже надоѣла, смертельно надоѣла и только мысль о родинѣ удерживала меня до сихъ поръ отъ самоуничтоженія. Я знаю, что страшно огорчу брата Сашу, тебя и всѣхъ, кто меня любитъ, но развѣ вашей любви не хватитъ на то, чтобъ простить самоубійство человѣку, измученному до послѣдней степени? Поймите меня, ради Бога! За послѣдніе годы меня вѣдь буквально до смерти замучили. Ради всего дорогого вамъ—простите меня. Вы же знаете, что мои послѣднія мысли вамъ принадлежатъ, что имѣй я хоть немножко болѣе силъ, я бы жизнь отдалъ, чтобъ только сохранить васъ отъ дальнѣйшей муки; но силы мои истощились. Мнѣ ничего не остается, какъ либо съ ума сойти, либо умереть; и послѣднее во всякомъ случаѣ лучше перваго.

Прощай же навсегда мой дорогой, добрый всегда добромъ поминаемый мною чтимый отецъ и другъ! Прощай Саша и ты мой младшій братъ, котораго я такъ мало знаю. Помните, что лучше умереть даже такъ, какъ умираю я, нежели жить, не сознавая себя человѣкомъ принципа и чести!

Еще разъ прощайте! Не поминайте лихомъ вашего несчастнаго сына и брата, который даже и въ несчастія находитъ утѣшеніе. *Евгений.*

Продѣлки и поддѣлки властей.

Въ 1863 году Виленскимъ, Ковенскимъ и Гродненскимъ генераль-губернаторомъ было получено конфиденціальное предложеніе министерства внутреннихъ дѣлъ о поднесеніи Императору Александру II благодарственныхъ адресовъ отъ имени крестьянъ Сѣверо-западнаго края за освобожденіе ихъ манифестомъ 19 февраля 1861 года отъ крѣпостной зависимости. Тутъ же рекомендовалась, чтобы въ этихъ адресахъ были крестьянами выражены и ихъ вѣрнопоподданическія чувства.

Генераль-губернаторъ Сѣверо-западнаго края, получивъ предложеніе министерства, сдѣлалъ, конечно, съ своей стороны необходимое распоряженіе, такъ-что во всѣхъ волостяхъ и въ болѣе крупныхъ сельскихъ поселеніяхъ мировые посредники говорили крестьянамъ рѣчи по прилагаемому образцу, высланному министерствомъ генераль-губернатору, и наводили крестьянство на мысль, послать Императору благодарственный адресъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженія вѣрнопоподданическихъ чувствъ. Адресъ былъ составляемъ также, какъ и рѣчь мировыхъ посредниковъ, по приложенному министерствомъ образцу.

Нечего и говорить, что все совершилось по предписанному министерствомъ. Кстати замѣтить, что министромъ внутреннихъ дѣлъ въ это время былъ графъ Валуевъ, а генераль-губернаторомъ Сѣверо-западнаго края графъ Муравьевъ.

У насъ находится въ рукахъ и образецъ рѣчи, и образецъ адреса императору. И то и другое мы воспроизводимъ здѣсь съ *печатныхъ* подлинниковъ. Вотъ они:

(ОБРАЗЧИКЪ).

Р Ъ Ч Ъ

къ временно-обязаннымъ крестьянамъ, по случаю полученія ими полной личной свободы, 19-го февраля 1863 года.

Привѣтствую васъ, друзья мои, отъ всей полноты души, съ восторгомъ привѣтствую васъ величайшимъ счастьемъ, какое только можетъ быть даровано человѣку на землѣ, привѣтствую васъ съ полученіемъ той свободы, которая нынѣ дарована вамъ незабвеннымъ во вѣки нашимъ Благодѣтелемъ нашимъ Царемъ-Отцомъ, человѣколюбивѣйшимъ Александромъ II. Прежде вы не имѣли этой свободы, дѣлали то, что вамъ было приказано, тамъ, гдѣ указано, тогда, когда у васъ свой бѣдный хлѣбъ валился съ колоса, прежде вы были почти не люди; теперь, о радость! вы свободны, еще разъ съ восторгомъ привѣтствую васъ.

Вы знаете, мои братья, кому вы обязаны этимъ счастьемъ, я уже назвалъ вамъ Имя незабвеннаго Освободителя вашего; чтожъ вы принесете ему въ даръ за Его къ вамъ отеческую любовь, за освобожденіе васъ отъ недавней неволи? Онъ ничего отъ васъ не требуетъ, кромѣ взаимной любви и молитвы.

Осѣни же себя нынѣ, всякая душа русская, православная, крестнымъ знаменіемъ, пади на колѣна и отъ всей души помолись Богу о ниспосланіи твоему Освободителю, твоему Моисею, всего лучшаго на землѣ и на небѣ не забывай его въ своихъ молитвахъ, когда только молишься Богу, и завѣщай эту молитву своимъ дѣтямъ и внукамъ, въ вѣки-вѣчные.

Но есть еще одинъ способъ сколько нибудь возблагодарить вашего Освободителя. Душа его теперь болѣзнуетъ отъ возстанія противъ Него вашихъ недавнихъ владѣльцевъ—польскихъ; они хотятъ отдѣлить нашъ край отъ родной и единовѣрной Россіи, вырвать его отъ покровительства православнаго Царя русскаго, вашего Освободителя и, можетъ быть, снова закабалить васъ въ то тяжкое рабство, отъ котораго вы нынѣ освобождены Имъ. Они уже просили объ этомъ Царя и даже осмѣлились сказать въ этой просьбѣ, что вы сами желаете отдѣлиться отъ Него, отъ Россіи и присоединиться къ Польшѣ. Вижу ваше всеобщее негодованіе при одномъ извѣстии объ этой гнусной, взведенной на васъ клеветѣ предъ вашимъ Освободителемъ, вѣрю отъ всей души, что васъ оклеветали предъ Царемъ

нашимъ; но Онъ-то, Отецъ нашъ, почему знаетъ, что это клевета, какъ Онъ отвѣтитъ клеветникамъ, что это клевета, пока мы сами не скажемъ, что это точно клевета. Чтожь намъ дѣлать, спросите вы? А вотъ что: напишемъ на бумагѣ, что насъ предъ Царемъ оклеветали, что мы клянемся за себя и наше потомство жить и умереть подъ властію нашего Освободителя и Его преемниковъ русскихъ Государей, въ одной семьѣ съ родною и единовѣрною намъ Россією, а Польши и польскихъ пановъ и знать не хотимъ,—и пошлемъ эту бумагу къ самому Царю. ¹⁾

(ОБРАЗЧИКЪ).

АДРЕСЪ НА ИМЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

(Послѣ краткаго титула, какой употребляется на великомъ выходѣ съ прибавкою на концѣ: *Освободителю народа русскаго отъ крепостной зависимости*, писать):

въ знакъ глубочайшей признательности (отъ того-то общества, села).

Вѣрноподданнѣйшій Адресъ.

Мы нижеподписавшіеся, предъ лицомъ Бога всевидящаго и правосуднаго, въ Его храмѣ, въ торжественный и приснопамятный день нашего освобожденія отъ неволи, симъ свидѣтельствуемъ и клянемся нашему Всемилостивѣйшему Освободителю, Великому Государю Императору Александру Николаевичу въ томъ, что люди недобрые оклеветали насъ предъ Нимъ, когда сказали, что мы желаемъ присоединиться къ Польшѣ, и что всѣ мы и наши потомки желаемъ жить и умереть подъ властію незабвеннаго нашего Царя-Отца Александра II и Его преемниковъ, въ неразрывномъ единеніи съ родною и единовѣрною намъ Россією, и никакой Польши и поляковъ знать не хотимъ. 19 февраля 1863 года. ²⁾

(Слѣдуютъ подписи грамотныхъ буквами, не грамотныхъ—крестами, а на концѣ подпись священника и причта).

¹⁾ Когда послѣ этой рѣчи послѣдуетъ взрывъ единодушнаго согласія на подпись адреса, тотчасъ же предъ явить его и подписывать. Можно это сдѣлать и послѣ молебна, но лучше предъ молебномъ. Рѣчь должна быть читана на память, безъ тетрадки, а во всякомъ разѣ безъ печатнаго лоскутка, потому что весь процессъ дѣла долженъ быть покрытъ глубокою тишиною для враговъ нашихъ, довѣдомю одному Богу.

²⁾ Адресы въ тотъ же день могутъ быть препровождены къ благочиннымъ, для отсылки Архипастырю, а имъ уже будутъ препровождены къ генералъ-губернатору для передачи Государю Императору. Адресы и частію поученія можно развообразить какъ угодно. Дѣло тутъ не въ краспорѣчи.

Въ Шлиссельбургской крѣпости ¹⁾.

Отношенія внѣшнія и внутреннія.

I.

Для управленія нашей тюрьмой образовано было съ самаго начала ея основанія Шлиссельбургское жандармское управленіе. Во главѣ его стоялъ полковникъ въ званіи начальника, а рядомъ съ нимъ два помощника его—старшій и младшій. Первый былъ, собственно, смотрителемъ тюрьмы; второй же завѣдывалъ ея хозяйственной жизнью, въ томъ числѣ нашей кухни, а затѣмъ, по мѣрѣ образованія денегъ разныхъ категорій въ нашемъ распоряженіи, и этими деньгами.

Фактически начальникомъ тюрьмы былъ, конечно, не смотритель, а полковникъ, снабженный свыше спеціальной инструкціей, которой мы никогда не видали, но о ней мы постоянно слыхали—всякій разъ, какъ замышляли какое нибудь новшество, еще не допускавшагося въ нашей жизни.

— «Ничего не подѣлаешь: *наша* инструкція рѣшительно не позволяетъ разрѣшить вамъ это»....

— «Эхъ, господа, если бы вы знали нашу инструкцію!»....

— «Да такъ ли еще слѣдовало бы по инструкціи!»....

Словомъ, инструкція стояла на каждомъ шагу, какъ нѣкое пугало или чудище, коимъ пугаютъ малыхъ ребятъ—всякій разъ, какъ они начинаютъ надоедать взрослымъ. Надоедать же мы, разумѣется, не ослабѣвали.

На основаніи этой инструкціи мѣстная администрація сочиняла инструкцію и для насъ, по временамъ мѣняя ее: въ первый разъ она была гектографированная, потомъ печатная, и наконецъ писаная на машинѣ. Она вывѣшивалась у каждаго въ камерѣ; но мы почти тотчасъ же срывали ее и уничтожали въ удостовѣреніе того, что считается съ ней мы не намѣрены. Тѣмъ болѣе, что она ни разу не была никѣмъ подписана, и значитъ являлась въ нѣкоторомъ родѣ подпольнымъ произведеніемъ.

¹⁾ См. Былое № № 4, 6, 7, 8, 9 и 10.

При управленіи состояли еще докторъ, фельдшеръ и священникъ, и конечно канцелярія, въ которой орудовалъ писарь, простой унтеръ-офицеръ.

Въроятно, нѣкоторыя дѣла рѣшались у нихъ коллегіально. Но какъ и во всякой бюрократической коллегіи, въ концѣ концовъ вершителемъ всѣхъ судебъ являлся главный начальникъ, личность котораго всегда накладывала замѣтный отпечатокъ на весь нашъ режимъ.

Въ распоряженіи нашего начальника находилось еще до 30 человекъ унтеровъ, которые несли внутреннюю стражу какъ въ самой тюрьмѣ, такъ и на дворѣ,

Только эти лица и пользовались правомъ постоянного входа на нашъ тюремный дворъ и имѣли возможность видѣть насъ въ лицо. Впрочемъ священникъ допускался только въ томъ случаѣ, если его кто-нибудь позоветъ. Тюремной церкви вовсе не было, а въ крѣпостную, которая стояла какъ разъ у насъ подъ окнами, никого изъ насъ не пускали, какъ не пускали и вообще никого изъ насъ изъ предѣловъ тюремнаго двора.

II

Кромѣ названныхъ лицъ, въ каждый «ванный» день приводили къ нашимъ дамамъ въ ванную комнату женщину, обыкновенно жену вахмистра. Но намъ, мужчинамъ, видѣть ее удавалось лишь изрѣдка и украдкой, такъ какъ принимались тщательныя мѣры предосторожности, чтобы какънибудь мы не встрѣтились съ нею случайно на корридорѣ либо на дворѣ.

Такія-же мѣры предосторожности принимались и противъ встрѣчи со слесаремъ, который нерѣдко приходилъ въ тюрьму по дѣламъ своей профессіи. Но всякій шагъ не предусмотритишь. Поэтому видали и мы его, а онъ, навѣрное, зналъ cadaго изъ насъ.

Рабочихъ же наемныхъ, приходившихъ «съ воли», всегда тщательно отъ насъ прятали: мы еще могли видѣть ихъ тайкомъ, они же насъ едвали, развѣ только издали. Въ послѣдніе же два года, крамола, очевидно, расползлась повсюду. Яковлевъ выдумывалъ особыя хитроумныя приспособленія, чтобы насъ не увидали каменщики, перекладывавшіе трубы на крышахъ зданій, отстоявшихъ отъ нашей тюрьмы на 50 саж. и болѣе.

Приходилъ еще изрѣдка на нашъ дворъ, точно также по надобностямъ своей профессіи, военный инженеръ. Но въ такомъ случаѣ насъ предварительно «убирали» со двора и запирали дома, такъ что мы только изъ своихъ оконъ видѣли его на дворѣ или на стѣнѣ крѣпости.

Затѣмъ, почти каждый годъ, а иногда и дважды въ годъ, пріѣзжалъ изъ Петербурга ктонибудь изъ высшихъ чиновъ, обыкновенно со свитой, о чемъ администрація наша всегда была предупреждена, а въ послѣдніе 10—12 лѣтъ регулярно предупреждала

и насъ. Все это были, конечно, лица «своего» круга, т. е. [изъ жандармскихъ или департаментскихъ сферъ. Изъ болѣе извѣстныхъ именъ у насъ были: П. Н. Дурново, Галкинъ-Врасскій, Оржевскій, И. Н. Дурново (преемникъ Толстого), генераль Шебеко, Горемыкинъ, генераль Петровъ, Зволянскій, генераль Пантелѣевъ, Святополкъ-Мирскій и фонъ-Валь.

Изъ лицъ совершенно другого круга за всѣ 21 годъ насъ посѣтилъ только митрополитъ Антоній (9 іюля 1904 г.) и старушка княжна М. М. Дондукова-Корсакова. Послѣдняя получила специальное разрѣшеніе и посѣщала насъ многократно лѣтомъ 1904 г. и 1905 г. Причемъ свиданія съ нею происходили сначала при полукрытыхъ дверяхъ и при явномъ подслушиваніи, а потомъ, когда ей удалось добиться отмены такого унижительнаго порядка,—при закрытыхъ дверяхъ и при тайномъ подслушиваніи.

Вѣроятно, нѣкоторыя особы высокаго ранга имѣли право, въ силу своего званія, дѣлать визиты къ намъ. Когда пріѣзжалъ въ крѣпость Куропаткинъ (кажется въ 1902 г.) въ званіи военнаго министра, неимѣвшій никакого отношенія къ нашей тюрьмѣ, то мѣстная администрація, на всякій случай, приготовилась къ встрѣчѣ его и предупредила насъ объ этомъ. Но онъ не зашелъ. Всѣ же остальные, хотя бы и состоящіе при департаментѣ, допускались только въ томъ случаѣ, если предъявляли полковнику соответствующую грамоту, безъ которой онъ имѣлъ право отказать всякому, не взирая на его чинъ.

Наши родные, конечно, ни разу не были допущены туда. И на специальную просьбу М. Р. Попова—дозволить его матери, въ виду ея престарѣлаго возраста, повидаться съ сыномъ въ послѣдній разъ и проститься передъ смертію, послѣдовалъ рѣшительный отказъ. Передъ этимъ она не видала его болѣе 20 лѣтъ.

III.

За 21 годъ тамъ смѣнилось 6-ть полковниковъ: Покрошинскій, Добродѣевъ, Кореневъ, Гангардтъ, Обухъ и Яковлевъ. Точно также 6 старшихъ помощниковъ и болѣе 8 младшихъ, 6 докторовъ, не считая четверыхъ пріѣзжавшихъ изъ Петербурга для временнаго исправленія должности, пока подыскивался кандидатъ на освободившуюся вакансію.

Изъ унтеровъ нашелся только одинъ, который безсмѣнно прослужилъ тамъ 21 годъ, да и туда пріѣхалъ еще изъ равелина. Остальные всѣ служили болѣе или менѣе короткіе сроки, служили, конечно, по собственному желанію. Смѣны были для насъ болѣею частью всегда неожиданны: одно знакомое лицо дежурнаго перестало появляться, а появилось другое незнакомое. Вотъ и все. Такимъ образомъ передъ нашими глазами за все время прошло ихъ не менѣе 100 человѣкъ.

Всѣ вышепоименованныя лица были единственными людьми, ко-

торыхъ мы видѣли за всѣ 21 годъ. Я не считаю солдатъ, несшихъ наружную охрану, стоявшихъ на часахъ на стѣнѣ, состоявшихъ при кухнѣ и употреблявшихся для уборки двора и тюрьмы. Намъ всѣхъ они видѣли, но заговаривать съ нами имъ строжайше было запрещено. И нѣкоторые изъ нихъ впадали чуть не въ панической ужасъ, если неожиданно обращался къ нимъ съ какимъ-нибудь невиннымъ вопросомъ. До какой степени можно запугать солдата, которому, по самому званію его, должна быть и смерть не страшна!

И все таки, какъ и всюду на свѣтѣ, жизнь брала свое, разрушая людскія убѣжденія, и въ средѣ солдатъ мы находимъ своихъ друзей. Одинъ изъ нихъ даже взялся однажды (въ 1902 г.) передать письмо Попова на почту, но сдѣлавъ это такъ неумѣло, что былъ арестованъ и, вѣроятно, строго наказанъ. Мы же всѣ за такую дерзость были немедленно лишены прежнихъ льготъ.

Остальное населеніе крѣпости состояло изъ женщинъ и дѣтей, которыхъ мы отлично видѣли изъ своихъ оконъ, они же намъ никогда не видали. И только при выходѣ того или другаго изъ насъ на свободу давали волю своему естественному любопытству и выглядывали откуда-нибудь изъ за угла, чтобъ хоть однимъ глазомъ взглянуть на выпускаемую жарь-птицу, сидѣвшую взаперти невѣдомое число лѣтъ и недоступную глазу обыкновеннаго смертчаго.

IV.

Объ отношеніи къ намъ унтеровъ я уже кое-что говорилъ рѣе. Вообще они были слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ нашего главнаго дирижера и безпрекословно, безъ всякихъ разсужденій, исполняли всякое его велѣніе. И не мудрено. Они получали по 30 руб. въ мѣсяцъ жалованья при готовой квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи и даже одеждѣ. По крайней мѣрѣ полушубки зимой имъ давались казенные.

Дѣлать же имъ было рѣшительно нечего. Днемъ они фланировали около насъ, большею частію съ газетой въ рукахъ; ночью же, особенно въ послѣдніе годы, спали почти безпробудно, несмотря на то, что спать на дежурствѣ имъ строжайше запрещалось. Людямъ ихъ категоріи, полу-грамотнымъ и отвыкшимъ отъ крестьянскаго труда, не легко было подыскать другое, столь же сытое существованіе. И они сами хорошо сознавали это. Даже когда строгости усилились, какъ-то въ 1903 г. одинъ сѣдобородый унтеръ сознавался предо мной откровенно:

— «Житье наше хорошее: дай Богъ всякому!»

Назначались они къ намъ, должно быть, департаментомъ, конечно, послѣ тщательнаго испытанія ихъ благонадежности. Уволить же ихъ могъ самъ полковникъ во всякое время по собственному усмотрѣнію, хотя, можетъ быть, не безъ верховной санкціи изъ Петербурга.

А такъ какъ своимъ мѣстомъ они очень дорожили, то угроза увольненіемъ въ рукахъ начальника всегда была самымъ могучимъ орудіемъ, которымъ онъ держалъ ихъ ежедневно въ слѣпомъ подчиненіи. И когда дежурный, во исполненіе воли своего начальника, чего нибудь не допускалъ или что нибудь запрещалъ, то никакіе резоны съ нашей стороны не оказывали на него ни малѣйшаго вліянія. Даже болѣе. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ у него было свое мнѣніе, явно несогласное съ мнѣніемъ начальства. И тѣмъ не менѣе, самое нелѣпое распоряженіе находило всегда въ ихъ лицѣ самыхъ покорныхъ исполнителей. Вахмистръ Муравскій, стоявшій лѣтъ 8 твердо на своемъ посту, какъ вѣрный стражъ и оберегатель всякихъ послѣднихъ начальственныхъ предписаній, неоднократно сознавался въ минуты откровенности:

— «Эхъ, еслибъ я былъ министромъ! Я бы прописалъ вамъ... напр. выпустилъ васъ всѣхъ здѣсь на островѣ, и кормитесь сами чѣмъ и какъ хотите».

Особенно забавно было наблюдать это во время переменъ вѣяній, когда вдругъ запрещалось что-нибудь, что еще вчера было дозволено, или дозволялось то, что вчера пресѣкалось, какъ преступленіе. Въ томъ и другомъ случаѣ унтеръ сохранялъ истуканообразную невозмутимость и ни однимъ жестомъ не выдавалъ своего субъективнаго отношенія къ велѣніямъ властей: одобряетъ ли онъ то, что было вчера, или то, что введено сегодня.

Вообще для любознательнаго антрополога много поучительнаго было въ наблюденіи за этой породой російскихъ гражданъ, которые органически неспособны были понять, что законно и что незаконно. Всѣ они отъ высшихъ до низшихъ, съ законами никогда не церемонились.

— «У насъ, вѣдь, не Англія!» глубокомысленно и назидательно изрекалъ ротмистръ Гудзь. И мы постоянно слышали, какъ они называли «закономъ» то инструкцію, то послѣднюю бумагу изъ департамента, то устный приказъ того или другаго бурбона.

Говорятъ, впрочемъ, что и самые опытные юристы за послѣдніе годы не могли точно рѣшить, что нужно считать закономъ въ примѣненіи къ такому государству, какъ русское.

V.

Позднѣе уже, когда режимъ ослабѣлъ и унтера стали болѣе разговорчивы съ нами, они не стѣснялись критиковать и поносить свое начальство съ присущею русскому человѣку развязностью. И тогда нѣкоторые сознавались, что они люди маленькіе, что съѣсть ихъ ничего не стоитъ, а дѣться имъ некуда. Словомъ, приносили оправданія, коими споконъ вѣка оправдываетъ себя всякій палачъ, жандармъ и полицейскій и всякій вообще агентъ власти, которому приходится возмущаться душой противъ безнравственныхъ ея велѣній и оправдывать себя мистическими терминами служебнаго долга и присяги.

Любопытнѣе всего, что въ тѣ времена, когда они боялись говорить намъ что бы то ни было изъ области высшей политики и сообщать о перемѣнахъ, происходящихъ внѣ нашихъ стѣнъ, они не боялись выдавать намъ свое непосредственное начальство и спокойно рассказывали о ихъ внутреннихъ и семейныхъ дрязгахъ или о ихъ недобросовѣстномъ хозяйничаньи въ тюрьмѣ и крѣпости. Очевидно, это не было предусмотрѣно начальственными запрещеніями и не входило въ понятіе нарушенія долга службы.

Въ свою очередь офицеры держались той же самой тактики въ отношеніи высшихъ сферъ. Особенно живописенъ здѣсь былъ совершенно безпardonный Яковлевъ, называвшій неприличными терминами не только департаментскихъ чиновниковъ, но и самого носителя верховной власти.

Но такое отношеніе къ своей власти не имѣло ничего общаго съ духомъ критики, который овладѣваетъ человѣкомъ при революціонномъ настроеніи и возвышаетъ его индивидуально. Тогда онъ неспособенъ оставаться безсмысленнымъ исполнителемъ и играть роли, обезличивающія человѣка.

И всетаки, нужно отдать имъ честь: несмотря ни на что, ихъ дисциплинѣ можно было во многихъ случаяхъ позавидовать и пожалѣть, что она не всегда оказывается на лицо въ массовыхъ выступленіяхъ въ дни революціонной борьбы и въ средѣ, не затрогнутой военной выправкой.

VI.

Удивительнѣе всего, что ихъ дисциплина не страдала отъ взаимнаго шпионства другъ за другомъ, на которомъ основана вся система надзора.

Каждый долженъ былъ доносить на каждого, независимо отъ его подчиненности. Получалась своеобразная картина:

Полковникъ могъ въ одну минуту прогнать подчиненнаго ему унтера. Но унтеръ могъ предупредить его и, донеся въ департаментъ на какія-нибудь отступленія отъ инструкціи, надѣлать ему не мало неприятностей.

Въ первое время, какъ только начали колебаться наши суровые устои, многіе изъ нихъ въ широкой степени пользовались своими полномочіями по части доноса. И департаментъ, благодаря этому, постоянно зналъ всѣ мелочи нашей жизни. Но зато и полковникъ находился всегда подъ угрозой выговора. Потомъ Гангардтъ хвалился, что онъ вывелъ изъ моды эти доносы. Какъ это онъ сдѣлалъ, я доподлинно не знаю, но, вѣроятно, не безъ поощренія со стороны самого департамента, который могъ, наконецъ, понять, какой развратъ онъ вноситъ подобной политикой въ среду своихъ вѣрныхъ и надежныхъ стражей.

Когда эти доносы прекратились, а «послабленія» и «льготы» усилились, нѣкоторые правовѣрные унтера громко ворчали на

допускаемая новшества. Всюду вѣдь есть врожденные консерваторы, о которыхъ еще Милль написалъ въ своей логикѣ: «всякій тупоголовый человѣкъ есть непременно консерваторъ». Одинъ изъ такихъ у насъ не могъ напр. долго помириться съ тѣмъ, что намъ стали выдавать чай натурой, прямо изъ магазина, и въ торговой же укупоркѣ.

— «До чего дошло!» негодовалъ онъ: «чай даютъ прямо изъ магазина! Они развернуть четвертушку, а тамъ, вдругъ, прокламація!».

Прокламація въ ихъ пониманіи была, конечно, одна, а именно преступная. И этому хулителю новыхъ порядковъ казалось особенно опаснымъ появленіе въ нашемъ герметически замкнутомъ учрежденіи какой-нибудь прокламаціи, хотя бы на мотивъ современной: «чего хотятъ люди, которые ходятъ съ краснымъ знаменемъ». Это было еще то старое невинное время, когда прокламація была событіемъ, а чтеніе ея «дѣяніемъ»!

Когда другому, менѣе ретивому критику либеральныхъ дѣйствій нашей администраціи въ шутку мы предложили донести на насъ въ департаментъ, онъ съ горечью въ голосѣ отвѣтилъ:

— «Да, донеси... А оттуда напишутъ не твое это дѣло!».

Очевидно, онъ уже испыталъ это на опытѣ.

Но послѣ того, какъ «донесенія» прекратились, зависимость ихъ отъ своего ближайшаго начальства еще болѣе усилилась: крѣпкая власть торжествовала на всѣхъ пунктахъ и всегда грубо третировала вѣрныхъ исполнителей своихъ повелѣній.

За это лишеніе ихъ доносительныхъ функций они однажды оплатили сразу своему мѣстному начальству, когда въ 1902 г. Сипягинъ прислалъ своего адъютанта по случаю происшедшихъ у насъ «беспорядковъ», связанныхъ съ письмомъ Попова, о которомъ я упомянулъ выше. Онъ допросилъ всякаго унтера по одиночкѣ о нашихъ порядкахъ и, судя по послѣдствіямъ, они не церемонились въ изображеніи ихъ и рассказали всю подноготную про «ослабленія» и «отступленія», какія у насъ допускались. Особенно не пощадили они Гудзя, который донималъ ихъ больше всего ежечасными визитами въ тюрьму и ежечаснымъ же требованіемъ «чести»—каждый разъ, сколько бы онъ ни проходилъ. Въ результатѣ ихъ дружескихъ усилій смотритель Гудзь и начальникъ управленія Обухъ были уволены и замѣщены новыми лицами (Правоторовъ и Яковлевъ).

VII.

Несмотря на слѣпую дисциплину, на совершенно одинаковую зависимость, чреватую роковыми для насъ неожиданностями (сдѣлаютъ все, что ни прикажутъ), наши унтера не были простыми машинами, реагирующими всегда одинаково на одинаковое давленіе рычага. Индивидуальность и у нихъ все же сказывалась постоянно.

Изъ цѣлой толпы солдатъ, взятыхъ наудачу, всегда можно выдѣлать при первомъ знакомствѣ наиболѣе жестокихъ, наиболѣе злобныхъ и мстительныхъ, которые при всякомъ рѣшительномъ столкновеніи готовы сверхъ должнаго и положеннаго по уставу наддать еще кое-что и отъ себя.

По многу лѣтъ мы жили со своими унтерами неразлучно, и потому имѣли достаточно времени, чтобы распознать каждаго изъ нихъ во всѣхъ отношеніяхъ. По природѣ это были, несмотря на свой мундиръ, обыкновенные русскіе мужики—изъ тѣхъ, что добровольно ловятъ «сицилистовъ» и доставляютъ становому, частію по своему неразумію, частію потому, что это поощряется властями, а власти вообще имъ импонируютъ. При другой обстановкѣ, съ большинствомъ изъ нихъ легко было бы имѣть разныя дѣловыя и хозяйственныя отношенія, не находя въ нихъ ничего сугубо отталкивающаго.

Между тѣмъ въ тюрьмѣ, естественно, между нами и ими былъ хроническій антагонизмъ, причемъ съ нашей стороны въ отношеніи ихъ чувствовалось постоянное раздраженіе, такъ какъ именно они были непосредственными исполнителями приказовъ, которые несли лишеніе, отнятіе, прекращеніе, затрудненіе и запрещеніе. И никакое возраженіе съ ихъ стороны, что они тутъ не причемъ, что они только работаютъ за кусокъ хлѣба, согласно принятому на себя обязательству, не могло дѣйствовать на насъ, потому что впечатлѣніе отъ ихъ исполнительныхъ функций, т. е. отъ ихъ ежедневныхъ пресѣченій и предупрежденій, дѣйствовало сильнѣе резонанса, которыми они передъ нами оправдывались.

VIII.

Обыкновенно дежурный наблюдалъ за тѣмъ, чтобы мы не выходили изъ сферы запрещеній, которыя въ данное время всюду опутывали насъ. Если запрещено было намъ перестукиваться, онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы не покушались на это. Если запрещено было сноситься письменно,—чтобъ мы не бросали записки черезъ заборъ къ сосѣду. Если запрещено быть втроемъ,—чтобъ не сходились. Если запрещено останавливаться при встрѣчахъ на дворѣ или на коридорѣ,—чтобъ не дѣлали этого, и т. д. и т. д.

При малѣйшемъ покушеніи съ нашей стороны проявить свою волю, несогласную съ указанными рамками, онъ долженъ былъ немедленно воспрепятствовать нарушенію, или-же позвать другого свободнаго дежурнаго, чтобъ тотчасъ же доложить о «безпорядкѣ» вахмистру. Смотря по характеру дѣла, вахмистръ или являлся самъ водворять порядокъ, или-же давалъ знать смотрителю, который опять таки, смотря по характеру дѣла, или приказывалъ махнуть рукой на пустякъ, нестоющій разбирательства, или являлся самъ для разбора дѣла и возстановленія нарушенныхъ нормъ, или же докладывалъ начальнику управленія. Въ исключительныхъ случаяхъ самъ являлся на мѣсто дѣйствія.

Весьма нерѣдко зрителя звали и мы сами, если намъ казалось, что унтеръ злоупотребляетъ властью и отъ себя ли, по приказу ли, пресѣкаетъ тамъ, гдѣ мы не желали встрѣчать ни малѣйшихъ пресѣченій. Тогда происходила бурная сцена. Слышалось вдругъ:

— «Это что еще за новость? Позвать сюда зрителя! Подать сюда зрителя! Чтобъ живо пришелъ сюда зритель!» и т. п. Если кипѣніе произошло очень бурное, унтера спокойно молчать. Если не очень, то прибѣжавшій немедленно вахмистръ вставляетъ свое трезвое слово:

— Звать его я не имѣю права, а могу только доложить...

Тѣмъ не менѣе, зритель является немедленно, бурю выдерживаетъ самолично и обыкновенно въ концѣ ея изрекаетъ резолюцію, создающую какой нибудь компромиссъ, съ которымъ взбунтовавшійся готовъ помириться.

Нерѣдко такія сцены происходили въ тѣхъ случаяхъ, когда администрація дѣлала пробные шаги къ лишенію насъ той или другой льготы. Унтерамъ дается тайный приказъ, и они «не допускаютъ». Происходитъ вспышка. Смотря по ея силѣ и опасности для общаго спокойствія, администрація торгуется, иногда совсѣмъ отмѣняетъ только что данный приказъ, сваливши все на унтера, который будто-бы отъ себя задумалъ это стѣсненіе, или не понялъ данныхъ ему инструкцій.

Кромѣ экстренныхъ донесеній въ дѣлахъ, не терпящихъ отлагательства, ежедневно дѣлались дежурными общіе и детальныя доклады о проведенномъ днѣ и о замѣченныхъ нарушеніяхъ. Причемъ принимающій донесеніе вахмистръ или зритель давалъ соответствующіе директивы для дѣйствій дежурнаго на будущее время въ аналогичныхъ обстоятельствахъ.

Понятно, что при такихъ порядкахъ отъ личности дежурнаго много зависѣло. Онъ могъ замѣчать и не замѣчать, въ зависимости отъ степени бдительности и отъ желанія быть бдительнымъ. Могъ и замѣтивши доносить, или смотрѣть сквозь пальцы. Словомъ, тоже, что и во всякой тюрьмѣ, гдѣ заключенные отлично знаютъ свойства каждаго дежурнаго и пользуются ими въ своихъ интересахъ. Если задумывается заранѣе какое нибудь «правонарушеніе», то принимается въ соображеніе, кто именно стоитъ на дежурствѣ въ данномъ мѣстѣ и въ данный часъ.

«Нарядъ» на дежурство составлялся для нихъ вахмистромъ на цѣлую недѣлю. Но намъ онъ не былъ извѣстенъ. Самыя фамиліи унтеровъ мы узнавали случайно, и знали почти половину ихъ, иныхъ награждали прозвищами, но были и просто безымянные. Гудзь особенно тщательно скрывалъ ихъ фамиліи. И когда я однажды попросилъ технологию, принадлежавшую сыну унтера Власова, съ которымъ я предварительно договорился объ этомъ, и фамилію котораго я зналъ съ незапамятныхъ временъ, Гудзь тщательно запечаталъ своей печатью первый листъ книги, гдѣ была фамилія. На мой вопросъ: «къ чему это? Что за бѣда, еслибъ узналъ фамилію?» онъ отвѣтилъ:

— «Да, сначала вы узнаете фамилію, а потомъ еще что нибудь; смотришь, вы ужъ и очень много знаете!»

Съ нашими фамиліями даже бывали курьезы. Всѣ унтера прекрасно знали всѣхъ насъ не только по именамъ, но и по отчествамъ. Но должны были не показывать виду, что это имъ извѣстно, называть-же насъ не иначе, какъ по номерамъ. Если-же я посылаю что нибудь своему товарищу и называю его по фамиліи, дежурный дѣлаетъ иногда невинное лицо и говоритъ: «я не знаю такого», или «а кто это такой?» въ ожиданіи, что я назову адресата по номеру.

IX.

Такъ ужъ всегда бываетъ, что когда злая собака не дають проходу прохожему, то послѣдній бьетъ именно ихъ, а не хозяевъ, которые ихъ содержатъ и дѣлаютъ злыми. Приходилось и намъ воевать со своими унтерами, и нерѣдко со всею рѣзкостью, какая могла прорваться послѣ многократныхъ ежедневныхъ и ежечасныхъ мелочныхъ придирокъ.

Къ этому вынуждали, большею частію, сами наши власти. Любезничая при личныхъ встрѣчахъ, заглазно они третировали насъ какъ арестантовъ, съ которыми церемониться особенно не приходилось и потому, когда имъ требовалось чего нибудь лишить насъ, или въ чемъ нибудь подтянуть, они дѣлали это большею частію тайно и экспромтомъ. Въмѣсто того, чтобы наканунѣ формально и гласно объявить, что такая-то «льгота» съ завтрашняго дня прекращается, они давали просто официальное приказаніе унтерамъ—съ завтрашняго дня пресѣкать то, что вчера дозволялось.

Понятное дѣло, всякій прохожій, привыкшій многократно мирно и безмятежно проходить по извѣстному мѣсту, склоненъ выйти изъ себя, если завтра онъ встрѣтитъ здѣсь загородку, либо цѣпныхъ собакъ, готовыхъ разорвать его на части. Такъ какъ наши унтера были все-же разумныя существа и притомъ не всѣ одинаковые, а были и такіе, которые готовы были при случаѣ и отъ себя лично учинить какую-нибудь неприятность, то естественно, что каждый изъ насъ, встрѣтивши неожиданную препону, набрасывался прежде всего на того, кто загораживаетъ дорогу своей особой.

Получалась сцена, болѣе или менѣе бурная, въ зависимости отъ такта и сдержанности унтера. Несмотря на все разнообразіе характеровъ и на всю сдержанность, которую многие обладали, не было изъ нашей среды ни одного человѣка, котораго бы не вывели изъ себя ни разу такія отношенія и доведя до бѣлаго каленія не заставили пережить нѣсколько жгучихъ минутъ крайняго возбужденія и острой вспышки. Очевидно, въ самомъ существѣ тюремныхъ отношеній лежало то, чтобы насъ раздражали, а мы раздражались.

Первымъ буферомъ въ такихъ случаяхъ бывалъ всегда дежур-

ный. Зато, какъ же радовался, бывало, иной откровенный унтеръ, что такая-то сцена случилась не въ его дежурство или не въ его участкѣ! Очевидно, имъ солоно приходилось всегда при такой оказіи!

При воспоминаніи объ этихъ отношеніяхъ, предо мной проходитъ галерея лицъ, угрюмыхъ и открытыхъ, злобныхъ и добродушныхъ, мстительныхъ, равнодушныхъ, убѣжденныхъ гонителей и тюремщиковъ и совершенно безразличныхъ. Отъ этой галереи лицъ, стоявшихъ возлѣ меня безотлучно сомкнутымъ кольцомъ болѣе 18 лѣтъ, ежедневно зависѣлъ каждый короткій шагъ моей укороченной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мое доброе настроеніе и, значитъ, мое времяпрепровожденіе.

Послушные только голосу своего начальства, они менѣе всего заботились именно о моемъ душевномъ спокойствіи и о томъ, какъ тотъ или другой актъ ихъ служебнаго усердія дѣйствуетъ на мою психику. Подчасъ, и нерѣдко, казалось даже, что они и приставлены то ко мнѣ специально затѣмъ, чтобы постоянно раздражать и допекать, и тѣмъ создавать атмосферу непрерывныхъ огорченій, чтобы какъ можно вѣрнѣе осуществить идеаль пенитенціарной тюрьмы, въ задачи которой входитъ мученіе, а не успокоеніе.

X.

Я говорю о среднемъ, такъ сказать, нормальномъ и постоянномъ характерѣ отношеній съ унтерами, и при томъ о времени *моего* пребыванія въ тюрьмѣ. Ранѣе этого, по разсказамъ товарищей, они дѣйствовали въ буквальномъ смыслѣ какъ бесловесныя твари, потому что никогда не произносили ни одного слова, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по мановенію пальца Ирода, набрасывались чисто по звѣрски, вязали, били, стучали въ заслоны, чтобы лишить возможности сосѣдей перестукиваться другъ съ другомъ, и вообще дѣйствовали активно, вызывая и наносили страданіе вполне сознательно и даже съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ.

Теперь, когда тотъ или другой министръ старается сдѣлать невинную мину по поводу избіеній въ участкахъ и тюрьмахъ, приписывая это злоупотребленію низшихъ агентовъ, мы, пережившіе всѣ ужасы длительныхъ и сложныхъ репрессій, можемъ торжественно и всенародно удостовѣрять, что низшіе агенты,—того же ранга, какъ въ участкахъ и проч. тюрьмахъ,—дѣйствовали всегда согласно волѣ и «предначертанію высшихъ властей». И эти послѣдніе, отъ скромнаго жандармскаго полковника Покрошинскаго, до блестящаго жандармскаго генерала Оржевскаго, умѣли дѣлать такую же добрую мину, какую теперь дѣлаютъ персоны болѣе крупнаго калибра.

Мы воочію убѣдились въ этомъ, переживши переломъ, котораго сейчасъ добивается вся Россія, когда избіенія прекратились, хотя всѣ низшіе агенты оставались безсмѣнно на своихъ мѣстахъ. И

видѣли, какъ тѣ же самыя лица, которыя вчера еще горѣли желаніемъ учинить надо мной какое нибудь грубое насиліе, сегодня становились разговорчивы, любезны, обходительны и деликатны. Точь въ точь какъ маріонетка, которую дернули за другой шнурокъ.

Затѣмъ мѣнялись лица, младшія и старшія и самыя старшія, сидящія наверху; бывали изъ нихъ и жестокіе, и мягкіе, бывали и такіе, которые открыто выражали сожалѣніе о невозможности заковать насъ въ кандалы, и такіе, которые угрожающе кричали на весь коридоръ, какъ Шебеко:

«Полковникъ, плети! плети, плети!»

Но лозунгъ «не бить» оставался въ силѣ, и никто ни разу за чѣлыхъ 15 лѣтъ насъ пальцемъ не тронулъ.

XI.

Унтера подавали намъ чай или кипятокъ, хлѣбъ и вообще пищу, бѣлье спальное и носильное, книгу, бумагу, дѣлали ванну, отворяли и затворяли дверь при входѣ и выходѣ, разогрѣвали клей, варили клейстеръ, передавали инструменты, порученія и записки, матеріалы и вообще разныя покупки. Въ виду этого неудивительно, если они въ концѣ концовъ превратились въ особый родъ лакеевъ или «коридорныхъ» въ гостинницѣ, которые исполняютъ роль «услужающихъ» при господахъ и получаютъ за это на чай. Въ эпоху бѣльшаго либерализма, когда самъ Гудзь, дѣлая имъ внушеніе, говорилъ откровенно: «не они ради васъ живутъ здѣсь, а вы ради нихъ, и потому вы *должны...*» эти служебныя отношенія выступали особенно рельефно.

И вообще, чѣмъ меньше съ нихъ требовалось въ порядкѣ охраны, тѣмъ больше требовалось въ порядкѣ услуги. Большинство изъ нихъ были вовсе не въ претензіи отъ такой замѣны, потому что требованія начальства держали ихъ подъ угрозой кары, требованія же наши не угрожали ничѣмъ, кромѣ легкихъ взаимныхъ попрековъ между ними. И это несмотря на то, что по мѣрѣ ослабленія репрессій, расширялись и разнообразились наши нужды, а значить и наши притязанія.

А когда установились такія отношенія, что я просилъ или заявлялъ, а они приносили или исполняли, тогда трудно было имъ удержаться въ границахъ и исполнять только то, что они обязаны были по складу нашей жизни и только тогда, когда просьба объ этомъ была выражена въ вѣжливой формѣ. Они были не только мужики, т. е. люди, вѣками порабощенные, съ инстинктами раба, но и солдаты, т. е. недавно нарочито дисциплинированные въ систематическомъ исполненіи чужихъ приказаній и привыкшіе къ тому, чтобы эти приказанія выражались властно, т. е. рѣзко и грубо. А потому они вовсе не претендовали на тѣхъ изъ насъ, кто обходился съ ними круто. Вѣдь смотритель, котораго они ни капли не уважали, обходился съ ними неизмѣримо хуже. Мы же,

какъ общее правило, были вѣжливы и обходительны съ ними, и нерѣдко платили имъ какъ могли за ихъ услуги натурой, т. е. какими нибудь издѣліями, когда это позволялось, или огородными овощами, до которыхъ они, какъ многосемейные, были особенно лакомы! Когда Яковлевъ строжайшее запретилъ имъ брать у насъ что бы то ни было, овощи они все же брали, хотя съ большой оглядкой.

XII.

Неудивительно при этомъ, что несмотря на писанныя инструкціи, повелѣвавшія намъ «безпрекословно исполнять распоряженія дежурнаго унтеръ-офицера», жизнь, слѣдуя своей собственной логикѣ, слагалась какъ разъ наоборотъ, и господами и командирами надъ ними постепенно сдѣлались мы. Но такъ какъ они были не только лакеи по натурѣ, но при этомъ служили еще законному господину по найму, и охраняли его интересы отъ нашихъ покушеній на нихъ, то получалась самая удобная комбинація для того, чтобы мы въ минуты раздраженія третировали ихъ по собачьи, а они злобствовали на насъ и, будучи наружно послушными, исподтишка старались всячески напакостить намъ.

Такъ и жили мы постоянно, точно кошка съ собакой, то мирясь и добродушничая, то воюя.

И хотя были изъ нихъ 2—3 человѣка, которые тяготились обязанностью открывать передъ нами незамкнутую дверь или дѣлать другія подобныя вещи, которыя каждый изъ насъ и самъ могъ бы сдѣлать, но и такіе были, собственно, лакеями въ душѣ. И не было изъ нихъ ни одного человѣка съ истинныхъ самоуваженіемъ, который запротестовалъ бы серьезно противъ своей двусмысленной роли и бросилъ ее съ негодованіемъ, вовсе не желая прислуживать лицамъ, которыхъ за глаза онъ зоветъ арестантами, каторжниками или преступниками.

Очевидно, какъ ни называй людей, и какъ ни лишай ихъ правъ и преимуществъ своего званія, а высшая индивидуальность всегда будетъ господствовать надъ низшей и подчинять ее себѣ, независимо отъ официальныхъ рамокъ и указокъ. Такъ было у насъ, такъ и всюду было съ политическими заключенными. И правительство, чтобы парализовать эти неизбежные результаты, всегда прибѣгало или къ частой смѣнѣ своихъ вѣрныхъ стражей, плохо вѣря въ незыблемость ихъ преданности, или же окружало ихъ свирѣпыми угрозами и страхомъ немедленнаго возмездія за малѣйшее уклоненіе отъ пути долга, т. е. отъ интересовъ тѣхъ, кто сейчасъ у власти.

Но нужно отдать справедливость нашимъ унтерамъ, ихъ служеніе намъ никогда не выходило изъ границъ, за коими оно становится съ ихъ точки зрѣнія преступнымъ. Быть можетъ, здѣсь все дѣло только въ деньгахъ. И продажныя души, которыя надѣваются и носятъ мундиръ только потому, что за это хорошо пла-

тятъ, едва ли бы было трудно перекупить, давши имъ другое болѣе соблазнительное и не менѣе прочное обезпеченіе.

Такъ какъ унтера выходили отъ насъ и замѣнялись новыми по одиночкѣ, то каждый вновь поступившій, какъ бы тщательно онъ ни вызубрилъ свою инструкцію, при выходѣ на дежурство совмѣстно съ другими старшими унтерами, тотчасъ замѣчалъ, что инструкція особъ статья, а уклады нашей жизни—особъ статья, и что течетъ она по своимъ особеннымъ законамъ, а вовсе не по писаной бумажкѣ. Поэтому онъ тотчасъ же подвергался «обрусенію», обращался въ новую вѣру и уже не осмѣливался предъявлять намъ требованій, которыя давно стали въ нашихъ глазахъ нетолько устарѣлыми, но и смѣшными. Въ крайнемъ случаѣ, его, при первой же попыткѣ проявить свое усердіе, такъ недвусмысленно осаживали, что онъ долго послѣ этого ломалъ голову надъ соотношеніемъ между писанымъ закономъ и неписанымъ.

XIII

Почти такому же обученію нужно было подвергать и каждого зрителя—новичка. Тотъ являлся въ первый разъ съ большимъ вѣсомъ и апломбомъ. Отъ него еще вѣяло полномочіями, только что полученными въ департаментѣ, и онъ дѣлалъ обыкновенно одну или двѣ попытки къ водворенію «порядка» и къ проявленію только что полученной власти, которая отуманила его голову. Но такъ какъ онъ брался за дѣло ретиво, то все кончалось обыкновенно скандаломъ. А такъ какъ онъ не хотѣлъ доводить до свѣдѣнія департамента, что съ его поступленіемъ начались въ тюрьмѣ небывалыя прежде «исторіи», то быстро успокаивался и оставлялъ завоеванный ранѣе «безпорядокъ» въ прежнемъ видѣ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, портить себѣ кровь, когда такъ легко и спокойно можно лежать дома по цѣлымъ днямъ, показываясь въ тюрьмѣ только на нѣсколько минутъ во время раздачи обѣда и ужина и получать за это заслуженныя 3¹/₂ т. руб. жалованья? Такъ обыкновенно и вели себя послѣдніе два зрителя, умудренныя жизнію и опытомъ предшественника.

Полковникъ Гангардтъ, который больше всѣхъ своихъ предшественниковъ допускалъ у насъ новшества и «ослабленія», уходя на другое мѣсто, попробовалъ, было, водворить старый порядокъ, мотивируя это тѣмъ, что онъ долженъ сдать тюрьму въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ принялъ ее отъ своего предшественника. Но изъ этого все равно ничего не вышло. Слишкомъ мало мы склонны были поступаться тѣмъ, чѣмъ уже пользовались фактически.

Дѣло въ этомъ отношеніи стояло всегда одинаково, сколько бы ни было повторныхъ попытокъ. Можно было произвести «переворотъ» тайно, давши приказъ унтерамъ завтра вести все по новому. Но тогда «бунтъ» былъ бы неизбѣженъ. Или же пуститься съ нами въ дипломатію и начать переговоры о сокращеніи тѣхъ или дру-

гихъ льготъ. Въ дипломатіи же верхъ всегда оставался за нами. При этомъ начальство какъ бы случайно зондировало почву, слишкомъ ли мы дорожимъ той или другой льготой и способны ли пойти въ защиту ея на открытую войну. Мы же всегда ставили ему на видъ, что вѣдь терять намъ нечего... Словомъ, въ великомъ и ничтожномъ политика есть политика, и черты ея тѣ же.

XIV.

Чѣмъ были унтера въ отношеніи своего непосредственнаго начальства, тѣмъ было это послѣднее въ отношеніи начальства департаментскаго. Трудно, почти невозможно, говорить и не проговориться.

Нѣчто подобное практиковалось у насъ постоянно въ отношеніи нашихъ офицеровъ съ тѣхъ поръ, какъ они стали разговаривать съ нами. Правда, немного у насъ было охотниковъ до этого рода спорта. Но были любители, которые пользовались всякимъ случаемъ встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ для того, чтобы кстати интервьюировать ихъ и позондировать почву насчетъ текущаго момента. Какъ ни осторожны и сдержанны они были, но, конечно, проговаривались. Ихъ собственныя сужденія и взгляды были неинтересны. Но они отражали на себѣ взгляды либо только что вычитанные изъ *своей* газеты, т. е. изъ Новаго Времени, либо вчера привезенныя изъ департамента. И то, и другое знать было любопытно.

Сплошь и рядомъ тотъ или другой изъ нихъ скажетъ какое нибудь неожиданное beau mot, которое даетъ намъ забаву на цѣлый день. Когда при Плеве стали насъ подтягивать, а фонъ-Валь не обинуясь изрекъ, что здѣсь должны быть водворены «старые порядки» (т. е. запрещены книги, работы, сношенія и проч.), смотритель Правоторовъ въ одномъ изъ обычныхъ такихъ разговоровъ сдѣлалъ признаніе, что «они стремятся къ идеалу», т. е. хотятъ поставить нашу тюрьму на возможно высшую степень тюремнаго, а значитъ, и одиночнаго совершенства. Всякіе, оказывается, бьвають идеалы! Но въ то же время всякому человѣку, даже и жандарму, свойственно стремленіе къ нему!

Особенно много проговаривались они въ послѣдній годъ насчетъ хода военныхъ дѣйствій. Откровенничать они, все же, не желали, да, можетъ быть, и сами изъ Новаго Времени не могли хорошенько знать о настоящемъ положеніи дѣла, а все таки невольно выдавали правду. Такъ, когда Портъ-Артуръ былъ уже взятъ, Яковлевъ на прямой вопросъ объ этомъ ничего не отвѣтилъ. А когда затѣмъ сталъ объяснять причины военныхъ неудачъ, то спокойно сказалъ:

— «Ничего не подѣлаешь: одинъ только путь, по которому приходится посылать все необходимое для арміи».

Для насъ, ровно ничего не знавшихъ о войнѣ, стало очевидно, что другой путь, т. е. морской, былъ совершенно закрытъ.

XV.

Отношенія наши съ мѣстной администраціей были въ корнѣ фальшивыя. Безсильному и порабощенному вездѣ остается въ удѣль только хитрость и скрытность.

Сила была не на нашей сторонѣ, и гдѣ нельзя было взять открытой стычкой, убѣжденіемъ или дипломатіей, приходилось брать хитростью, т. е. продѣлывать за спиной и за глазами все то, что запрещалось дѣлать явно. Любопытно, что многіе изъ нихъ (особенно Гудзь и Обухъ) сами поощряли такую политику и взыскивали только за то, что они *лично* видѣли. «Дѣлай, да не попадайся», было ихъ девизомъ.

Даже прямой какъ палка и тупой какъ бревно Соколовъ, и тотъ, утомившись въ борьбѣ противъ стука, въ концѣ концовъ училъ В. С. Панкратова:

— «Стучи, но чтобы тебя не видѣли и не слышали!»

Я помню, какъ Обухъ, проходя по корридору не въ свое время, случайно увидаль меня въ мастерской Вѣры Николаевны, гдѣ мы вмѣстѣ съ нею разводили какую-то краску. Дверь, какъ всегда, была открыта настежь. Гудзь счелъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе по этому поводу, но не за то, что я былъ тамъ, — это онъ не могъ считать преступленіемъ, — а за то, что былъ тамъ *тогда*, когда проходилъ мимо полковникъ. На это наивное разсужденіе можно было только отвѣтить:

— «Вы бы предупредили»...

Обыкновенно и предупреждали. Смотритель предупреждалъ о пришествіи полковника, а полковникъ о пріѣздѣ кого-нибудь изъ Петербурга.

Очевидно на такое поведеніе, практикуемое нами добровольно, во избѣжаніе бесплодныхъ и раздражающихъ словопреній, они не могли быть въ претензіи. Гдѣ все сводится къ показной сторонѣ, тамъ только ей и придаютъ значеніе.

Для насъ же самихъ это не казалось надувательствомъ. Всякая правомѣрная и вполнѣ нормальная дѣятельность неизбежно становится подпольной, разъ ей ставятъ насильственные и ничѣмъ не оправдываемыя преграды.

XVI.

Въ свою очередь сами они, несмотря на торжество грубой силы, не находили въ себѣ достаточно физическаго мужества, чтобы опираться только на нее, не считаясь ни съ какими принципами. При всякомъ случаѣ, подъ то или другое распоряженіе свое или департаментское, они старались подвести какое нибудь разумное или этическое основаніе. А такъ какъ такихъ основаній подыскать было не легко, то они выдумывали ихъ и доходили въ изобрѣтеніи лживыхъ доводовъ до самаго откровеннаго безстыдства.

Благодаря этому, вести съ ними какіе-нибудь переговоры и разсужденія было настоящей пыткой. Врали они на каждомъ шагу, врали систематически, врали неумѣло и неумно, какъ артисты, которымъ ухищряться особенно нечего, врали кстати и некстати, по важному дѣлу и безъ всякаго дѣла, старшіе и младшіе, врали по нашему запросу, врали и по собственной инициативѣ, врали намъ, врали и другъ другу.

Какъ они еще могли существовать и работать вмѣстѣ въ этой атмосферѣ сплошной и безысходной лжи!

Унтеръ иногда откровенно сознавался, какъ онъ совралъ вахмистру; вахмистръ, какъ онъ совралъ смотрителю; смотритель только и дѣлалъ, что водилъ за носъ начальника управленія. А тотъ, разумѣется, оперировалъ подобнымъ же образомъ съ департаментомъ.

Можно представить себѣ послѣ этого, какіе отчеты доставляли они этому учрежденію! И что писалось въ ихъ книгахъ, хозяйственныхъ и иныхъ, шнуровыхъ и скрѣпленныхъ печатями! Можно представить себѣ, что лично передавалось ими въ Петербургъ, и въ какомъ видѣ они рисовали тамъ и насъ, и нашу жизнь!

Когда кто-то изъ товарищей, возмущенный особенно наглою ложью вахмистра, заявилъ объ этомъ Гудзю, тотъ не смущаясь отвѣтилъ:

— «Если-бы онъ не вралъ, то и не служилъ бы въ жандармахъ»!

Характерно, именно, формальное признаніе этого. Что весь корпусъ жандармовъ пропитанъ лживостью, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался, кто хоть разъ имѣлъ неудовольствіе познакомиться съ нимъ. Недаромъ же онъ пользуется всеобщимъ презрѣніемъ, каковой аттестатъ выдалъ ему даже самъ знаменитый Ренненкампфъ. Даже цѣлая юридическая коммиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ, несмотря на свою бюрократическую лояльность, принуждена была сознаться, что слѣдствіе, ведомое жандармами, чаще всего «не соотвѣтствуетъ дѣйствительности».

Но всякому, даже лжецу, свойственно прикидываться честнымъ. Здѣсь же цинизмъ полный и оголтѣлый: лжемъ не только по случаю, либо увлеченію, а по принципу. Служба требуетъ постоянной лживости, значитъ ложь составляетъ служебный долгъ, строгое исполненіе котораго гарантируется торжественной присягой, освященной церковью. А этотъ терминъ «служебный долгъ» звучитъ такъ возвышенно и такъ торжественно, что въ умахъ даже и не жандармскаго калибра можетъ смѣло покрывать и затмевать житейскія условности, вродѣ какой-то правдивости, и придавать всему черному и грязному видимость чистоты и невинности.

Что такое правдивость? Что такое «слово благороднаго офицера»? Оно нужно только въ домашнемъ обиходѣ, да и то среди недалекихъ людей. Врагамъ же всегда всѣ лгутъ, начиная съ самаго министра иностранныхъ дѣлъ. Что же дѣлать цѣлому корпусу, который непрерывно ведетъ войну и для котораго всякій обыватель всегда можетъ оказаться «врагомъ»?

И чрезвычайно рѣдко случалось, чтобы кто-нибудь изъ нихъ на прямой и неудобный для нихъ вопросъ отвѣтилъ:

«Этого я вамъ не могу сказать»; или:

«Отвѣчать на подобный вопросъ мнѣ запрещаетъ моя инструкция». Отвѣтъ почти всегда получался немедленный и всегда лживый. Отвѣчали всегда смотря въ глаза съ наглой откровенностью, безъ малѣйшихъ слѣдовъ смущенія. И когда ложь была очевидная и явная для всякаго младенца, я невольно опускалъ глаза при видѣ такого безстыдства и поскорѣе давалъ понять, что разговоръ послѣ этого считаю поконченнымъ.

Любопытнѣе всего, что и высшіе и низшіе лгуны чаще всего выдвигали на сцену наши собственные интересы: точь въ точь какъ губернаторъ, налагающій veto на земское постановленіе, который никогда не скажетъ, что онъ дѣлаетъ это въ силу негласнаго распоряженія изъ Петербурга, или въ интересахъ своей карьеры, а непременно приплететъ сюда государственныя нужды и пользы. Кажется, не было ни одного запрещенія, дѣлая которое у насъ не ссылались бы на наше собственное душевное спокойствіе или тѣлесное здравіе. Читать романъ или газеты, писать роднымъ или видѣться съ ними, перестукиваться другъ съ другомъ—всего этого нельзя дѣлать, главнымъ образомъ, потому, что все это причиняетъ намъ лишнее безпокойство и волненіе. А топить теплѣе печи, давать намъ кофе, или устроить кузницу—все это разрушительно можетъ повліять на наше здоровье.

Понятно, что всякій лгунъ въ то же время хлопоталъ о томъ, чтобы мы вѣрили ему на слово. И самый отчаянный и виртуозный изъ нихъ, Яковлевъ, любилъ часто повторять:

— «Слово мое вѣрно».

На этомъ его часто ловили, требуя настойчиво, чтобы онъ исполнилъ то или другое обѣщаніе, которое у него случайно сорвалось съ языка.

XVII.

Это было самое тяжелое въ нашемъ положеніи съ того времени, какъ всякіе крайніе эксцессы съ ихъ стороны совершенно прекратились. Откровенной грубости и жестокости всякаго сорта можно было дать отпоръ. Откровенная грубость и жестокость по самому существу своему таковы, что моментально вызываютъ рѣзкую вспышку и, значить, ведутъ, такъ сказать, дѣло къ прекращенію. Надъ такими натурами, каковы были у насъ, система откровенныхъ репрессій физически не могла долго практиковаться.

Елейное же вранье, ежедневно превращаясь въ новыя и новыя благовидныя формы, вползало всюду гадомъ и вызывало только чувство безгилливости и отвращенія. Какъ ни понятно и ни интенсивно оно было, оно вело къ другимъ болѣе сложнымъ рефлексамъ, чѣмъ явный и безцеремонный гнетъ. А такъ какъ жить, все-таки, было надо, и водить дѣла съ людьми подобной категоріи

было неизбежно, то было неизбежно таить въ себѣ это чувство, производить надъ собой постоянное нравственное насилие и обращаться къ людямъ, отъ которыхъ все нутро отворачивалось съ явнымъ омерзениемъ.

Индивидуальность и здѣсь много значила, и мѣстные власти могли многое попускать отъ себя. Но попускали они, конечно, съ оглядкой и всегда держали носъ по вѣтру, прислушиваясь къ вѣяніямъ въ высшихъ сферахъ.

Зависимость нашихъ льготъ и вообще порядковъ отъ этихъ вѣяній была такъ велика, что по настроенію мѣстнаго начальства мы довольно точно опредѣляли настроеніе сферъ. Если полковникъ, или смотритель былъ особенно разговорчивъ и любезенъ, мы говорили, что дѣлишки идутъ недурно. Если же тотъ или другой былъ угрюмъ, сердитъ или невнимателенъ, мы заключали, что наши фонды стоятъ плохо.

Нѣкоторые изъ насъ были особенно склонны предаваться иллюзіямъ въ ту или другую сторону и гадать по этимъ «внутренностямъ животныхъ». И какъ ни серьезны и ни внушительны бывали подчасъ эти признаки сами по себѣ, все же злоупотребленіе ими доходило иногда до смѣшнаго, когда забывалось, что и у нашего начальства, какъ и у всякаго смертнаго, можетъ быть несвареніе желудка, картежный проигрышъ или непріятность съ женой—причины весьма серьезныя для угрюмаго вида, но съ политикой вовсе не связанныя.

Когда не было никакихъ вѣстей съ воли, всѣ наши новости сводились къ посѣщенію кого-нибудь изъ насъ администраціей.

— «Кто былъ, и зачѣмъ?—Что говорилъ, и какъ выглядѣлъ?»

И эти свѣдѣнія давали прочный базисъ для какихъ-нибудь высшихъ заключеній, на которыя никогда не скупилась наша праздная творческая фантазія. И какъ ни курьезны подчасъ были эти заключенія, въ общемъ, мы часто угадывали истину, точно также, какъ угадывало ее и все русское общество, которое, не будучи посвящено въ политику сферъ, тѣмъ не менѣе умѣло улавливать кое-что въ зловѣщемъ молчаніи ихъ. У насъ же при этомъ проникаемость постепенно развивалась до виртуозности.

Когда въ жандармскомъ присутствіи идетъ «дознаніе» и ради него ведется праздный разговоръ между опытнымъ и прожженнымъ докой и допрашиваемымъ новичкомъ, каждое слово и каждое сужденіе послѣдняго даетъ матеріалъ въ руки этихъ слѣдователей для соотвѣтствующихъ заключеній.

Къ числу тюремныхъ лишеній, т. е. страданій отрицательнаго характера, присоединялось еще одно неизбежное страданіе, положительное, происходящее отъ необходимости сожительствовавать въ подчиненныхъ отношеніяхъ съ людьми, каждый разговоръ съ которыми оставлялъ слѣды нравственной тошноты, подчасъ столь же тягостной, какъ и тошнота физическая.

Такова уже участь всѣхъ новаторовъ, что ихъ отдають обыкновенно въ руки распинателей и палачей, т. е. людей вырождаю-

щихся, съ полнымъ отсутствіемъ моральнаго чувства и съ неистощимымъ запасомъ безчеловѣчія.

О нашихъ главныхъ распинателяхъ мы не могли сказать въ извиненіе и оправданіе: «не вѣдятъ бо что творять», потому что они прекрасно знали, что дѣло, которое они творять, у всѣхъ развитыхъ людей и народовъ называется гнусностью.

Но я долженъ оговориться: преждевременная ли старость, или слишкомъ продолжительное пребываніе въ этой отвратительной атмосферѣ алчности, лжи и насилій, притупили во мнѣ естественное чувство негодованія. И я пишу эти строки безъ должнаго душевнаго трепета, обязательнаго для всякаго здороваго чловѣка. А потому я увѣренно могу заявить, что эти строки продиктованы не чувствомъ застарѣлой мести и злобы въ отношеніи людей, которые, какъ ни какъ, были только простыми орудіями, а чувствомъ правдивости, отъ которой больше всего я боюсь уклониться.

XVIII.

„Даже въ лучшихъ людяхъ есть нѣчто отвратительное; и даже лучший чловѣкъ есть нѣчто, что должно преодолѣть“.

Ницше.

Обойти молчаніемъ наши внутреннія отношенія другъ къ другу было бы большимъ опущеніемъ. Входить же въ анализъ ихъ, по самому существу дѣла, чрезвычайно затруднительно и я, признаюсь, совсѣмъ теряюсь передъ этой задачей.

Мы прожили вмѣстѣ полъ жизни, точнѣе—лучшую пору своей жизни. За этотъ долгій, долгій промежутокъ времени можно было пережить очень много. И едва-ли кто будетъ такъ наивенъ, что вообразить, будто весь этотъ длинный и тягостный путь былъ усѣянъ только розами взаимной дружбы и взаимныхъ привязанностей.

Многіе совсѣмъ не знали другъ друга ранѣе, сошлись и познакомились въ тюрьмѣ, среди тюремнаго бездѣлья и будничной прозы. Сошлись люди въ самую бурливую пору своей жизни, въ условіяхъ вѣчно раздражающихъ и озлобляющихъ, куда лучъ радости и оживленія почти не заглядываль, и гдѣ хмуря и непривѣтливыя лица можно было встрѣтить чаще, чѣмъ лица, дышашія довѣрчивостью и дружелюбіемъ.

Когда чловѣка постоянно терзають невзгоды, и въ душѣ тревожно, больно и раздражительно, отъ какихъ-бы причинъ это ни зависѣло, онъ невольно выражаетъ это и на своемъ лицѣ, которое тогда разучивается отвѣчать съ радушіемъ и улыбаться привѣтливо при встрѣчахъ и обращеніи съ самыми близкими для него товари-

шами. Послѣдніе же, при видѣ хмураго лица, инстинктивно сами хмурятъ брови, даже если собственное самочувствіе у нихъ совершенно удовлетворительно.

Пока мы были молоды и разъединены, мы страстно стремились другъ къ другу. Юность всегда вѣдь общительна, склонна къ сердечнымъ и проч. изліяніямъ, весьма экспансивна и отзывчива, жизнерадостна, довѣрчива и легковѣрна.

XIX.

Поэтому, вначалѣ, пока мы еще сидѣли изолированно, у насъ постоянно были раскрыты братскія объятія, и мы готовы были включить въ нихъ всякаго, кто получилъ себѣ на долю рѣдкое счастье—засѣсть въ Шлиссельбургѣ милостью Плеве, Дурново, или Толстого. *Живого* человѣка мы или не знали вовсе, или знали по тѣмъ дѣловымъ или недѣловымъ встрѣчамъ, которыя среди молодежи обыкновенны, и въ которыхъ люди съ первой встрѣчи сближаются необыкновенно быстро, но и расходятся затѣмъ безъ сокрушенія.

Въ своемъ сосѣдѣ, къ которому мы пылали самой искренней любовью, большею частью мы знали не человѣка, а только политическое или социальное знамя, стоятъ подъ которымъ и охранятъ которое одинаково считали общею честью и общимъ дѣломъ. Но подъ всякимъ знаменемъ можно стоятъ, ходить, бороться, вообще дѣйствовать, а не сидѣтъ сложа руки безъ движенія. Мы же обречены были именно на бездѣйствіе.

И если-бы кто зналъ, какъ трудно бездѣйствовать долгое время подъ знаменемъ! Кто нейдетъ впередъ, неминуемо идетъ назадъ. Здѣсь, какъ и на велосипедѣ: нужно или катиться, или падать.

Неудивительно, что знамя, само по себѣ достаточное орудіе для сближенія людей въ активной жизни, не могло служить такимъ орудіемъ въ жизни пассивной.

Въ первые года, пока пассивность этой жизни не была еще вполне оцѣнена нами, и пока отголоски только что смолкшей борьбы звучали у всѣхъ созвучно и одинаково интенсивно, мы жили совмѣстно этимъ недавнимъ прошлымъ. Оно у всѣхъ насъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, было общее и при томъ не только самое дорогое само по себѣ, но и одинаково увѣнчанное ореоломъ: смертнаго или каторжнаго приговора. Въ сосѣдѣ чувствовался не только собрать по оружію, товарищъ по цѣлямъ всей жизни, но и мученикъ за идею, пострадавшій можетъ быть сильнѣе и больше, чѣмъ я самъ, и потому съ моей стороны достойный удивленія и особой симпатіи за ту доблесть и нравственное мужество, съ которымъ все это онъ перенесъ непоколебимо, и котораго не сложили ничѣмъ и до сихъ поръ.

Стойкость въ настоящемъ и прошломъ и вѣрность «святымъ завѣтамъ» юности, которымъ не суждено было восторжествовать,

но которые во всемъ своемъ грозномъ величїи перешли къ слѣдующему поколѣнію, была единственнымъ душевнымъ свойствомъ, при наличности котораго, казалось, дружба обезпечена навѣки, а солидарность упрочена нерушимо.

XX.

Еще задолго до того, какъ мы увидали другъ друга въ лицо, мы собирали свѣдѣнія о всѣхъ сидящихъ съ нами подъ одной крышей, и знали каждый о каждомъ все, что полагалось и считалось достаточнымъ знать, т.-е. что совершилъ, за что судился, въ чемъ обвинялся, какъ допрашивался и какъ защищался. Казалось, всѣ эти данныя, разъ онѣ удовлетворительны, составляли всю сущность человѣка и, при наличности ихъ, все наше сердце открывалось для него и онѣ имѣлъ право на наше безграничное расположеніе.

Собирать такія свѣдѣнія посредствомъ стука было крайне затруднительно. Естественно, ограничивались этимъ малымъ и самымъ существеннымъ. Уже значительно позднѣе, и то какъ-нибудь случайно, узнавалось, кто онѣ по происхожденію, по профессіи, по образованію и по семейному состоянію.

Соотвѣтственно этому, симпатїи, скопившіяся въ душѣ и не находившія нигдѣ приложенія, щедро разсыпались направо и налево. Заочно мы чувствовали себя прочной единой неразрывной семьей, узы которой, казалось, становились еще тѣснѣе отъ общей тягости тюремныхъ узъ. И въ сознаніи этой солидарности мы почерпали громадныя силы для перенесенія нашихъ невзгодъ, которыя каждый несъ и чувствовалъ не только за себя, но и за другихъ, и притомъ какъ бы на глазахъ другихъ.

— «Тяжело... Что за пустяки! Вонъ такой-то чувствительнѣе тебя; онѣ потерялъ больше и страдалъ больше тебя, межъ тѣмъ вовсе не охаетъ и не вздыхаетъ, стыдись!..

И чувство стыдливости за легкій приступъ малодушія дѣлало свое дѣло, побѣждало врага и вселяло бодрость и даже умиленіе. «На людяхъ и смерть красна». Въ толпѣ солидарныхъ лицъ всегда вѣдь индивидъ способенъ на нѣчто большее, и нерѣдко можетъ совершенно превзойти себя.

Я упоминалъ уже ранѣе, какое самочувствіе явилось у меня тотчасъ, какъ только меня привели въ новую тюрьму и я почувствовалъ себя въ ней точно въ общежитіи, благодаря одному только присутствію въ однѣхъ стѣнахъ со мной большой толпы товарищей.

XXI.

Это былъ самый лучший, можно сказать—завидный періодъ нашей внутренней жизни.

Мудрые люди давно думаютъ, что для того, чтобы быть съ людьми въ прекрасныхъ отношеніяхъ, нужно отойти отъ нихъ на

нѣкоторое разстояніе. Издали всѣ неровности и шероховатости сглаживаются, а все непріятное становится менѣ замѣтнымъ.

Мы сидѣли всѣ подъ одной крышей и бокъ - о бокъ. Но такъ какъ были изолированы стѣнами, то были точно вдали другъ отъ друга. А небольшія фразы, которыми обмѣнивались посредствомъ стука, вначалѣ очень рѣдкія, были столь кратки, что если-бы ихъ написать на бумагѣ, получилось бы за цѣлую недѣлю одно письмо— въ родѣ того, какимъ обмѣниваются другъ съ другомъ добрые знакомые, разъединенные сотнями верстъ.

Отрѣзанные отъ всего живого, мы были *остльм* другъ для друга. Всякій изъ насъ оставилъ на волѣ одного или нѣсколькихъ лицъ, которыхъ онъ любилъ больше всего на свѣтѣ... Какъ ни свѣжа еще была разлука, эта разлука была на вѣки. За исключеніемъ двухъ товарищей, сроки всѣхъ превышали 10 лѣтъ. А это—такой промежутокъ, въ теченіи котораго чрезвычайно легко утратить всѣхъ близкихъ лицъ. Хорошая же половина состояла изъ безсрочныхъ, которымъ иной департаментскій законникъ откровенно говорилъ:

— «Вы приговорены безъ срока? Ну, и сидѣть будете безъ срока!»

У cadaго почти въ душѣ была рана, требующая долгаго врачеванія и нѣжнаго прикосновенія. У cadaго почти былъ уголокъ въ душѣ, особенно чувствительный ко всякаго рода взаимности и теперь совершенно праздный.

У cadaго изъ насъ, сверхъ того, было не только любящее сердце въ широкомъ смыслѣ, но и вообще натура эмоціональная, склонная къ чувствительности, и необыкновенно отзывчивая. Только прокуроры въ цѣляхъ своей карьеры и согласно своей профессіи расписывали насъ извергами, бездушными «исчадіями», лишенными всѣхъ нормальныхъ сердечныхъ движеній, свойственныхъ человеку въ футлярѣ, никогда не мечтавшему ни о государственныхъ переворотахъ, ни о нарушеніи прописной морали. Чувствительность у cadaго было молодая и чуткая. Разочарованій мы почти не знали. А холодный скепсисъ, удѣлъ старости, еще не зарождался подъ нашими черепами.

Поэтому, какъ нельзя болѣе естественно было перенести всѣ освободившіяся симпатіи на своихъ случайныхъ спутниковъ подневольной жизни, которые отнынѣ и, можетъ быть, навсегда должны замѣнить для меня и родителей, и братьевъ, и сестеръ, и друзей, и ближнихъ и дальнихъ, и родину и человечество.

Время была ничѣмъ не занято. Политическія чувства, недавно еще составлявшія преобладающій тонъ жизни, отошли на задній планъ за ненужностью. Оставалось немножко размышлять, немножко мечтать и сантиментальничать.

Соотвѣтственно такому состоянію, мы всѣ вдругъ прозрѣли поэтическими очами и стали писать стихи. Даже я, никогда не умѣвшій связать и пары строкъ въ рифму, теперь обрѣлъ въ себѣ поэтическій даръ и рифмовалъ не хуже другихъ. Можно сказать,

только лѣнивый не писалъ стиховъ. На Парнасѣ бывали почти всѣ. Даже болѣе: Парнасѣ сдѣлался мѣстомъ, куда лазили на спортъ, изъ ухарства и соревнованія, шутя и зубоскала и всячески забавляясь.

Въ стихахъ мы изливали избытки чувствъ, оставшихся безъ употребленія, стихами утишали сердечныя боли, свои и своихъ со-сѣдей и друзей, посвящали ихъ другъ другу, даже дебатировали и полемизировали ими, и вообще разряжали атмосферу, черезчуръ пересыщенную эмоціями. Въ стихахъ рассказывались воспоминанія, стихами воспроизводилось прошлое, стихами же отзывались и на злобу дня. А такъ какъ эта злоба была очень мизерная, то цвѣты поэзіи, которыми старались подкрасить ее, принимали особый пикантный характеръ, возмущавшій иногда поклонниковъ стараго искусства, недопускавшихъ его профанациі. Когда напр. послѣ долгой голодухи въ наше меню впервые проникла такая рѣдкость, какъ макароны, одинъ поэтъ сложилъ въ честь ихъ прочувствованное стихотвореніе, которое начиналось такъ:

О благодѣтельныя власти,
Какія вы даете сласти.

XXII.

Присутствіе дамъ въ нашей средѣ еще больше насыщало атмосферу сантиментами и вносило въ нее особый оттѣнокъ нѣжности, неизбежно проявляющійся всюду, гдѣ есть дѣти и женщины. И одна Людмила Александровна, доброе сердце которой у всѣхъ насъ было притчей въ языцѣхъ, навѣрное унесла въ могилу отъ этой эпохи огромную коллекцію сувенировъ, связанныхъ съ этимъ напоромъ чувствъ, неимѣвшихъ примѣненія и также безсильно бывшихъ въ судорогахъ неволи, какъ безсильно билась и наша мысль, запертая въ клѣтку и лишенная самыхъ элементарныхъ средствъ для продуктивной и бодрой дѣятельности.

«Быль молодцу не укоръ». Къ тому же теперь вѣдь это уже давно минувшіе дни. А потому можно спокойно сознаться, что въ отношеніи дамъ чувства у насъ были нѣсколько особаго характера, чѣмъ въ отношеніи другъ друга. Мы были хоть и въ могилѣ, но все-таки живыми людьми. А живому человѣку, особенно молодому, свойственны и соотвѣтствующія волненія. Напротивъ, было-бы совершенно противоестественно, если-бы оставаясь всю жизнь подъ одной крышей, ежедневно чувствуя присутствіе женщины, а потомъ и видя ее, мы оставались холодны, какъ трупъ, и невозмутимы, какъ истуканъ.

И кто знаетъ? Не было ли у правительства, посадившаго въ одну тюрьму мужчинъ и женщинъ на режимъ одиночества, спеціальныхъ цѣлей внести въ эту тюрьму овыи родъ мученій, еще не испытанныхъ древностью и неизвѣстныхъ въ арсеналѣ инквизиціи?

Въ среду мужчинъ такое отношеніе къ дамамъ вносило нѣкоторый отгѣнокъ соперничества, которое иногда проявлялось въ формахъ не вполне корректныхъ и принесло всѣмъ намъ не мало горькихъ минутъ. Но было бы грубой ошибкой отнести, какъ самое соперничество, такъ и слѣдствія, вытекавшія изъ него, исключительно насчетъ половыхъ отношеній. Когда вся жизнь течетъ ненормально, неизбѣжны въ ней и ненормальныя чувства, и горькія минуты. И весьма вѣроятно, что и въ томъ случаѣ, если бы въ нашей средѣ дамъ вовсе не было, намъ суждено было пережить много совершенно аналогичныхъ настроеній и волненій, которыя развились бы тогда на какой-нибудь другой почвѣ.

Что же касается самихъ дамъ, то можно легко вообразить, что избытокъ преклоненія и нѣжныхъ чувствъ, которыми ихъ окружали, доводилъ ихъ до раздраженія и вызывалъ чувство досады чаще, чѣмъ всякое другое. Всякое изилишество всегда приноситъ горькіе плоды. Но касаться этой стороны я совершенно не вправѣ, да къ тому же и общественнаго интереса она вовсе не представляетъ.

XXIII.

Я уже упоминалъ, какую роль сыгралъ этотъ избытокъ социальныхъ и альтруистическихъ чувствъ и связанное съ ними стремленіе другъ къ другу въ разрушеніи всяческихъ преградъ ко взаимнымъ сношеніямъ.

Но когда преграды всѣ были сломлены, наши чувства совершенно неожиданно для насъ потерпѣли крушеніе и даже сдѣлали эволюцію совсѣмъ въ обратную сторону.

Прежде мы знали одно только имя, или человѣка подъ знаменемъ. Прежде политическое въ товарищѣ заслоняло передъ глазами всѣ остальные его свойства. Мы знали его съ одной только стороны. Все остальное какъ бы само собой подразумевалось.

Но этотъ періодъ скоро прошелъ. При личныхъ встрѣчахъ мы узнали другъ въ другѣ живого человѣка, который, какъ это постоянно бываетъ, не походилъ на воображаемаго, узнали тогда, когда ореолъ прошлаго значительно поблекъ, когда чувства окружавшія его, были изжиты и замѣтно остыли, и когда текущая жизнь постоянно подсовывала намъ мелочи житейскаго обихода, къ совмѣстному веденію и рѣшенію которыхъ мы были вовсе не подготовлены ни личнымъ опытомъ, ни живыми примѣрами.

Когда въ этихъ будничныхъ рамкахъ мы увидали живого человека, казавшагося еще вчера чуть не вершителемъ судьбы Россіи, мы были поражены крайней неожиданностью и глубоко разочарованы. Между тѣмъ будничныя рамки отнынѣ были постоянными рамками для нашихъ душевныхъ проявленій, въ которыхъ, естественно, не могло оказаться ничего ни великаго, ни возвышеннаго. И отнынѣ, какъ бы вздорны и мелочны ни были и эти рамки, и эти душевныя движенія, они должны были неминуемо составлять все содержаніе нашей жизни...

Чрезвычайно рѣдко бываютъ люди,—если только они бываютъ,—гармонически развитые, у которыхъ одни чувства не погашали бы и не заглушали другихъ, или одно и то же чувство одинаково проявлялось во всѣхъ возрасты и при всѣхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни. Люди находчивые въ исключительныхъ и необыкновенныхъ обстоятельствахъ теряются передъ пустыми задачами повседневной жизни. И наоборотъ: прекрасно лавирующие среди этихъ послѣднихъ совсѣмъ теряютъ голову въ рѣшительныя минуты. Люди мужественные до самопожертвованія бываютъ боязливы передъ какой-нибудь ничтожной житейской непріятностью. Люди, способные отказать отъ всѣхъ житейскихъ соблазновъ и утѣхъ, неспособны пожертвовать ничтожной мелочью или блестящей бездѣлушкой, которая въ данную минуту овладѣла ихъ воображеніемъ. И наоборотъ: чрезвычайно добрые и уступчивые въ мелочахъ тотчасъ становятся скупы и расчетливы, какъ только нужно бываетъ поступиться чѣмъ-нибудь посерьезнѣе.

XXIV.

Эти простыя и повседневныя истины, прекрасно извѣстныя каждому изъ житейскаго опыта, были совершенно неизвѣстны намъ, младенцамъ въ практикѣ жизни; когда свои возвышенныя мечты пришлось намъ прилагать къ житейской дѣйствительности и провѣрять ихъ на ней. Всякая другая, болѣе сложная и серьезная дѣйствительность могла легко вынести эту провѣрку: мы всѣ доказали, что на серьезныя-то вещи мы способны.

Наша же дѣйствительность была не только не серьезна, но и гнетуща, и не только гнетуща, но и сплошь неестественна. Уже не говорю о томъ, что дамы у насъ носили навозъ въ носилкахъ и рубили топоромъ, а мужчины шили, вязали иглой и стряпали. Это, конечно, пустяки и привожу ихъ только ради курьеза. Нѣтъ неестественность была совсѣмъ другого сорта. Всякое общее дѣло, какъ бы оно ни было ничтожно, для своего успѣха требовало общественнаго рѣшенія и общественнаго осуществленія. Мы же составляли, такъ сказать, общество въ идеѣ, а не въ натурѣ, потому что въ натурѣ мы все время были разъединены и считали верхомъ свободы, если бъ человѣкъ могли сойтись вмѣстѣ обсуждать свои дѣла и, порѣшивши на чемъ-нибудь, уступить это мѣсто для другой шестерки, которая могла рѣшить то же дѣло, какъ разъ наоборотъ.

Благодаря этому, невозможно было ни убѣждать другъ друга, ни уяснять положеніе вещей. Благодаря этому неизбѣжны были ложные шаги, сомнительные опыты и вѣчныя недоразумѣнія, связанные со взаимными непріятностями. А такъ какъ народъ у насъ былъ по природѣ горячій,—одиночка же не только не располагала къ сдержанности, а напротивъ отучала отъ нея и держала всѣхъ въ состояніи хроническаго раздраженія,—то при всякомъ взаимномъ

столкновени горячность переходила въ рѣзкость, вызывала соотвѣтствующій откликъ съ другой стороны, обостряла неудовольствія и порождала вѣчныя размолвки и вѣчные «инциденты».

Притомъ же каждый, живя постоянно съ глазу на глазъ со своимъ я, привыкши къ самоуглубленію и самосозерцанію, совершенно утратилъ способность входить въ нужды и чувства другихъ, быть внимательнымъ къ нимъ и дѣлать необходимыя уступки, вызываемыя всякимъ общежитіемъ. Вслѣдствіе этого получался тотъ постоянный диссонансъ, съ очень серьезными дефектами, который ставилъ иногда нашу тюрьму на одинъ уровень съ домомъ умалишенныхъ. И жаль, что не было въ то время у насъ психіатра, который позондировалъ бы у всякаго подъ черепомъ и вообще въ центральной нервной системѣ!

XXV.

Кто самъ живалъ или слыхалъ о жизни политическихъ ссыльныхъ или эмигрантовъ, и русскихъ и иностранныхъ, тому покажется все это въ порядкѣ вещей. Что подобныя исторіи—въ порядкѣ вещей и во всякой другой социальной сферѣ, объ этомъ я ужъ лучше умолчу. Онѣ тамъ меньше замѣтны лишь потому, что каждому открывается полный просторъ—перемѣнить и мѣсто, и лицъ, и самую арену дѣятельности во всякую нужную минуту и даже заблаговременно.

Но надо быть справедливымъ: мы имѣли въ свою пользу больше извиняющихъ обстоятельствъ, чѣмъ кто бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. И безнадежность положенія, и болѣзненная нервность, требующая чисто психіатрическаго ухода, и наконецъ полная невозможность выпрыгнуть изъ тѣсной навязанной обстановки, перемѣнить хоть на короткое время и ее, и надоѣвшія до оуптнѣнія лица,—все это свойственно было только намъ, и въ полной мѣрѣ исключительно намъ. Были ли у насъ натуры исключительныя и героическія, объ этомъ не намъ судить. Но если бы и такъ, наивно думать, что такимъ натурамъ не свойственны слабости обыкновенныхъ смертныхъ.

Нужно сказать еще, что наиболѣе печальные спутники, порхавшіе вокругъ нашего «общежитія», относились къ тому времени, когда мы только что приступили съ неумѣлыми руками къ организаціи нашей промышленной и вообще хозяйственной жизни, и приступили въ самый неудобный для насъ моментъ: нѣкоторые способы ко взаимному общенію были уже дозволены намъ, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это нужно было для дѣла, хотя въ совершенно достаточныхъ размѣрахъ для нанесенія словесныхъ обидъ и огорченій.

Позднѣе, когда мы свое имущество и свои владѣнія такъ или иначе подѣлили и пользованіе ими урегулировали, когда сношенія наши расширились и стали почти безпрепятственными (за исклю-

ченієм *общихъ* собраній, которыя никогда не допускались) и когда мы узнали другъ друга во всѣхъ подробностяхъ, наши взаимныя столкновенія почти совершенно исчезли. Шероховатости сгладились. Каждаго каждый зналъ въ натурѣ, а не въ заоблачной фантазіи, бралъ его какъ онъ есть, со всѣми достоинствами и недостатками, и имѣлъ съ нимъ дѣло постольку, поскольку симпатизировалъ однимъ и брезговалъ другими. А затѣмъ старался обходить всѣ подводные камни, близъ которыхъ въ прошлые годы случались какія нибудь аваріи.

Съ возрастомъ мы немного поумнѣли и поостыли. Кипѣніе въ крови, если и происходило, то не столь бурное. Привыкли смотрѣть на многія вещи трезво, и естественно увидали то, что и должны были увидать, т. е., что наши товарищи по счастью и несчастью— не простая заурядная натуры, которыми легко и смѣло можно пренебречь въ случаѣ сосѣдскихъ неудовольствій, а люди во всѣхъ отношеніяхъ весьма богато одаренные, общеніе съ которыми не только неизбѣжно въ силу подневольныхъ условій, но и вполне желательно и пріятно само по себѣ.

Въ то же время, благодаря привычкѣ быть постоянно на людяхъ, такъ какъ многіе лѣтомъ почти цѣлые дни проводили въ компаніи 3—5 лицъ, составъ которыхъ постоянно мѣнялся,—главные недостатки, нажитые одиночкой, сгладились или исчезли, и наши взаимоотношенія вошли почти въ нормальную колею.

XXVI.

Въ годы общественныхъ начинаній, когда наша общественность зарождалась и ей никакъ не удавалось родиться, рѣдкій изъ насъ послѣ какихъ-нибудь особенно громкихъ выступленій, сопровождавшихся „инцидентами“, не забирался опять въ свою скорлупу, гдѣ онъ чувствовалъ себя анахоретомъ и мизантропомъ.

Но время проходило и брало свое: уязвленія рубцевались, зажили и забывались, и вчерашній анахоретъ, взывавшій къ небесамъ о томъ, чтобы они обрушились на грѣшную землю, опять являлся міру и становился болѣе или менѣе частымъ и, конечно, желаннымъ гостемъ „толкучки“, потому что толкучка всегда была бѣдна людьми.

Бывало это и со мной лично. Впрочемъ самъ я вообще проводилъ болѣе или менѣе замкнутую жизнь. Благодаря большей сдержанности и уравновѣшанности характера, я, можетъ быть, рѣже входилъ въ конфликты и потому менѣе другихъ вынесъ «дружескихъ» репримандовъ. Да, наконецъ, гдѣ и какая жизнь совершенно обходится безъ нихъ?

Какъ и всякій другой, съ однимъ я былъ болѣе близокъ, чаще встрѣчался, разсуждалъ, спорилъ и откровенничалъ, чѣмъ съ другими. Но всегда чувствовалъ, что настоящее сближеніе между людьми можетъ развиваться и упрочиться только на какомъ-нибудь общемъ

дѣлѣ, постоянно поддерживающемъ и закрѣпляющемъ общность чувствъ, идей и симпатій.

А именно дѣла-то этого у насъ и не было, и его-то жаждали мы больше всего и упорнѣе всего.

XXVII.

Въ концѣ же концовъ, мы, какъ водится, тѣсно сжились другъ съ другомъ и разстались добрыми товарищами. Особенно этому помогли послѣдніе 2¹/₂ года, когда мы опять вступили въ эру репрессій и намъ угрожала не только безнадежность, которую явно стали подчеркивать («выходъ отсюда зависитъ де отъ васъ самихъ, и *только* отъ васъ»), но и новый циклъ страданій, о которыхъ мы давно уже успѣли забыть, а заботливое начальство успѣло вспомнить и вздыхало о нихъ съ сожалѣніемъ, обѣщая вернуть ихъ обратно.

И вообще слишкомъ ощутительно и постоянно было давленіе, подъ которымъ мы жили. Оно невольно сплывало насъ независимо отъ мимолетныхъ и преходящихъ огорченій.

И мы вышли дружеской семьей, съ чувствами сердечной пріязни другъ къ другу, и въ тѣмъ болѣе приподнятомъ настроеніи, что выходили мы, старики, всѣ сразу, и не имѣли несчастья пережить муки выходившихъ ранѣе насъ, которые покидали въ тюрьмѣ всѣхъ старыхъ товарищей и потому не могли радоваться свободѣ, ожидающей только ихъ лично.

Нашъ возрастъ уже не таковъ, чтобъ давать мѣсто изліяніямъ и экспансивности. Но, быть можетъ, я не ошибусь, если сдѣлаю обобщеніе и скажу за всѣхъ, что мы разстались другъ съ другомъ въ Петропавловской крѣпости не безъ истинной грусти, сознавая, что расстаемся, быть можетъ, на вѣки. Чувствовалось, что предъ каждымъ открывается совершенно новая жизнь, сложная и богатая необычайнымъ обиліемъ впечатлѣній, сулящая новыя связи и новыя дружескія отношенія, за которыми старья совершенно поблекнутъ и станутъ только предметомъ досужихъ и рѣдкихъ воспоминаній.

Выборгъ,
Іюль 1906 г.

М. Новорусскій.

Ученый Комитетъ и Бѣлинскій.

Въ настоящее время, когда повсюду происходитъ повидимому генеральная переоценка всѣхъ общественныхъ цѣнностей, понятій и величинъ, представляется вполне своевременнымъ вытаскивать „за ушко да на солнышко“ тѣ или другіе замѣчательные, возведенные въ перль созданія, результаты дѣятельности отъ начальства поставленныхъ надъ наукой и литературой опекунскихъ учреждений.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пріѣхавъ въ Пензу для участія въ четвертомъ великаго русскаго критика В. Г. Бѣлинскаго, я случайно познакомился съ вышедшей въ Пензѣ книжкой И. Ф. Кузьмина—„Пензенская губернія“. Составитель книжки—учитель двухкласснаго сельскаго училища, а самая книжка представляетъ собой нечто среднее между сборникомъ и мѣстнымъ альманахомъ, такъ какъ говоритъ и о географіи мѣстности, даже съ задачами для учениковъ, и о дѣланіи стекла и мыла, и объ исторіи края, и о замѣчательныхъ его уроженцахъ.

Просматривая книжку, я былъ крайне изумленъ, увидя, что о Бѣлинскомъ составитель книжки счелъ возможнымъ сказать только въ подстрочномъ примѣчаніи по поводу письма Буслаева (стр. 89) и притомъ буквально только слѣдующее: „Висс. Григ. Бѣлинскій (род. въ 1811 году, умеръ въ 1848 году) былъ сынъ чембарскаго уѣзднаго врача, учился сначала въ чембарскомъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ пензенской гимназіи. Когда Буслаевъ поступилъ въ первый классъ гимназіи, прежній учитель русскаго языка выбылъ, а новаго опредѣлить не успѣли. Тогда на нѣсколько мѣсяцевъ гимназическое начальство поручило обучать учениковъ гимназисту Бѣлинскому, который уже кончилъ курсъ въ это время, но оставался въ Пензѣ, потому что не имѣлъ средствъ ѣхать въ Москву, гдѣ намеревался поступить въ университетъ“. Выходило, что Бѣлинскій только тѣмъ и былъ замѣчателенъ, что ловко подвернулся начальству для обученія гимназистовъ русскому языку.

И рѣшилъ изслѣдовать корень вещей—и наконецъ мнѣ удалось получить документъ, все объяснившій. Оказалось, что бѣдный альманахъ въ свое время поступалъ на просмотръ Особаго Отдѣла такъ называемаго Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія—и, рассмотрѣвъ этотъ альманахъ въ засѣданіи 27 мая 1894 г., Особый Комитетъ постановилъ о Бѣлинскомъ такой приговоръ, что еслибъ составитель книжки былъ большепутливаго права, Бѣлинскій не попалъ бы и въ подстрочное примѣчаніе.

Приговоръ особаго отдѣла „ученаго комитета“ о Вѣлинскомъ занесенъ въ журналъ отдѣла 27 мая 1894, № 903, ст. XIII. Указавъ на нѣкоторыя „неточности“, „необстоятельности“ и т. п. въ разныхъ мѣстахъ альманаха, особый отдѣлъ не считаетъ этихъ замѣчаній „важными“, а переходя къ Вѣлинскому, говоритъ буквально слѣдующее:

„Но вотъ два замѣчанія болѣе важныя: первое касается рѣчи автора на стр. 140 объ извѣстномъ Вѣлинскомъ. Дѣлая отзывъ объ этомъ писателѣ, г. Кузьминъ ограничивается только слѣдующей характеристикой: „Вѣлинскій оставилъ послѣ себя 12 томовъ сочиненій, въ которыхъ содержится много умныхъ разсужденій и прекрасныхъ мыслей о разныхъ предметахъ“. Вѣдь это—рекомендація книги для учениковъ,—между тѣмъ сохрани богъ нашу школу и неопытную юность отъ соприкосновенія съ Вѣлинскимъ! Въ послѣдній и самый шумный періодъ своей дѣятельности это былъ завзятый проповѣдникъ невѣрія и грубаго матеріализма, невидѣвшій ничего добраго въ Россіи и ждавшій спасенія для нея отъ всесвѣтной революціи. Конечно, полная крайность такого рода воззрѣній и вождельній не могла найти себѣ мѣста въ тѣхъ 12 томахъ его сочиненій, о которыхъ говоритъ авторъ разсматриваемой рукописи и которые прошли сквозь цензуру. Чтобы понимать Вѣлинскаго и судить о немъ, надобно заглянуть въ другіе памятники его литературной дѣятельности, въ его переписку съ друзьями и между прочимъ въ знаменитое письмо его къ Гоголю. Тутъ Вѣлинскій обнаруживается весь, какъ онъ есть и былъ. Да и въ тѣхъ 12 томахъ, о которыхъ сдѣлалъ такой лестный отзывъ г. Кузьминъ, не мало содержится непригоднаго для молодого незрѣлаго читателя. Достаточно вспомнить хоть то мѣсто его критики сочиненій Пушкина, гдѣ онъ изрыгаетъ хулу на прекрасный образъ Татьяны за ея въ высшей степени чистыя отношенія къ Онѣгину. Кажется, что, если говорить о Вѣлинскомъ въ такомъ краткомъ трудѣ, какъ разсматриваемый теперь трудъ г. Кузьмина, назначенный притомъ для школъ нисшихъ, то достаточно ограничиться упоминаніемъ лишь о томъ, что Вѣлинскій родился тамъ то и тогда то, а еще лучше вовсе о немъ не упоминать“. Затѣмъ особый отдѣлъ дѣлаетъ свое второе „замѣчаніе“ объ упомянутомъ въ рукописи Огаревѣ: „Объ этомъ дѣятелѣ нельзя совсѣмъ говорить въ книгѣ, которую будутъ читать ученики“.

На подлинномъ журналѣ тогдашній товарищъ министра князь Волконскій 20 іюля 1894 г. сдѣлалъ собственноручную надпись: „Согласенъ“.

Въ этомъ приговорѣ все—начиная съ тона, которымъ написанъ журналъ, продолжая специфическими выраженіями и приемами и кончая резолюціей товарища министра—все такъ характерно, что комментаріи становятся совершенно излишними.

Вотъ какимъ лицамъ и учрежденіямъ ввѣрялась опека надъ наукой и литературой великаго русскаго народа!

Анатолій Кремлевъ.

Семья декабристовъ.

(Окончаніе ¹⁾).

VIII.

Александръ Раевскій жилъ эти годы въ Одессѣ, куда въ серединѣ 1823 г. переѣхалъ и Пушкинъ. Они прожили здѣсь вмѣстѣ годъ въ тѣснѣйшей дружбѣ, если только можно назвать дружбой взаимное тяготѣніе двухъ противоположныхъ натуръ. Раевскій заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться подробно.

Одинъ изъ людей, знавшихъ его въ тѣ годы, говоритъ: „Этотъ Раевскій дѣйствительно имѣлъ въ себѣ что-то такое, что придавливало душу другихъ. Сила его обаянія заключалась въ рѣзкомъ и язвительномъ отрицаніи“. Другой—Вигель, ненавидѣвшій его страстно и глубоко, какъ только и можетъ человекъ ненавидѣть самого себя въ своемъ прообразѣ,—называетъ его адскимъ смѣшеніемъ самолюбія, коварства и злобы, говоритъ о его презрѣннн къ людямъ и глубочайшемъ эгоизмѣ, о его твердомъ умѣ, лишенномъ благородства. И даже родной отецъ, этотъ прекрасный, цѣльный и умный человекъ, нѣжно любившій всѣхъ своихъ дѣтей, съ болью свидѣтельствовалъ, что у Александра — „холодное, себялюбивое сердце“. Вотъ отрывокъ изъ его письма къ старшей дочери, писаннаго въ 1820 году: „Съ Александромъ живу въ мирѣ,—но какъ онъ холоденъ! Я ищу въ немъ проявленія любви, чувствительности, и не нахожу ихъ. Онъ не разсуждаетъ, а споритъ, и чѣмъ болѣе онъ неправъ, тѣмъ его тонъ становится непріятнѣе, даже до грубости. Мы условились съ нимъ никогда не вступать ни въ споры, ни въ отвлеченную бесѣду. Не то, чтобы я былъ имъ недоволенъ, но я не вижу съ его стороны сердечнаго отношенія. Что дѣлать! таковъ ужъ его характеръ, и нельзя ставить ему это въ вину. У него умъ на изнанку; онъ философствуетъ о вещахъ, которыхъ не понимаетъ, и такъ мудритъ, что вся-

¹⁾ См. Вилое, октябрь.

кій смыслъ испаряется. То-же самое съ чувствомъ: онъ очень любить Николашку ¹⁾ и безпрестанно его цѣлуетъ, но онъ такъ-же любилъ и цѣловалъ Аттилу ²⁾. Отъ него зависитъ, чтобы я его полюбилъ или, вѣрнѣе, чтобы я открылъ ему мою любовь. Я думаю, что онъ не вѣритъ въ любовь, такъ какъ самъ ея не испытываетъ, и не старается ее внушить. Я дѣлаю для него все, когда только есть случай, но я скрываю чувство, которое побуждаетъ меня къ этому, потому что онъ равнодушно принимаетъ все, что бы я ни дѣлалъ для него. Я не сержусь на него за это. Дѣлай и ты такъ, Катенька; онъ тебя любить настолько, насколько способенъ любить. Говорю тебѣ это для того, чтобы тебѣ не пришлось страдать отъ ошибки, тягостной для нѣжнаго сердца. Николай будетъ, можетъ быть, легкомысленъ, надѣлаетъ много глупостей и ошибокъ; но онъ способенъ на порывъ, на дружбу, на жертву, на великодушіе. Часто одно слово искушаетъ сто грѣховъ“.—Въ этомъ портретѣ недостаетъ одной существенной черты: старикъ не могъ знать того сарказма, которымъ обычно дышала рѣчь Александра,— для этого онъ слишкомъ импонировалъ сыну. Но вотъ двѣ мимоходомъ брошенныхъ замѣтки, которыя дополняютъ портретъ. Въ 1823 году Орловъ пишетъ А. Н. Раевскому изъ Москвы: „Я не видѣлъ здѣсь никого, кромѣ моихъ родныхъ, и всѣ мои сношенія съ ними представляли собою одно непрерывное изліяніе нѣжныхъ чувствъ—вещь, я знаю, тошнотворная для твоего стоическаго сердца“; а въ 1841 г. тотъ-же Орловъ пишетъ женѣ, что только-что былъ съ Эвансомъ у Александра и что его дѣвочкѣ лучше: „Онъ осыпалъ насъ обоихъ сарказмами; это хорошій знакъ: если къ нему вернулись его сарказмы, это показываетъ, что къ его дочкѣ возвращается здоровье“.

Любопытно, что этотъ другъ Пушкина и прототипъ пушкинскаго „Демона“ и наружностью удивительно походилъ на того гетевскаго друга Мѣрка, который послужилъ моделью для Мефистофеля: онъ былъ высокъ и худъ, почти костлявъ, съ небольшою головою, длиннымъ и острымъ носомъ, очень широкимъ съ тонкими губами ртомъ и маленькими изжелта-карими глазами, которые блестяли сквозь очки наблюдательнымъ и слегка насмѣшливымъ взглядомъ; „онъ всегда,—прибавляетъ очевидецъ,—(я думаю, даже когда спалъ) сохранялъ саркастическое выраженіе“ ³⁾.

Раевскій былъ, конечно, очень уменъ. Пушкинъ, послѣ перваго сближенія съ нимъ на Кавказѣ, писалъ о немъ, что онъ будетъ „болѣе, нежели извѣстенъ“, а на словахъ, какъ передавали слышавшіе, выражался еще рѣшительнѣе: „при тогдаш-

¹⁾ Ребенокъ-черкесь, пріемльшъ А. Н. Раевского, который зналъ его 3-хъ лѣтъ раненаго съ Кавказа и на колѣняхъ привезъ въ Кіевъ.

²⁾ Собака.

³⁾ *Рус. Стар.* 1899 май, 241.

немъ всеобщемъ ожиданіи политическихъ переменъ во всѣхъ углахъ Европы, Пушкинъ говорилъ объ А. Раевскомъ, какъ о человѣкѣ, которому предназначено, можетъ быть, управлять ходомъ весьма важныхъ событій“ ¹⁾. Это былъ ясный, холодный и твердый умъ, гордый и независимый, казавшійся на первый взглядъ непобѣдимымъ. Его сила заключалась въ необыкновенной остротѣ взгляда, съ которою онъ подмѣчалъ иррациональное: никакое противорѣчіе, никакая туманность мысли, никакой капризъ воли не ускользалъ отъ него, онъ мгновенно вскрывалъ невинную хитрость бѣдной души человѣческой и безжалостно казнилъ ея самообманъ однимъ словомъ, одной язвительной насмѣшкой. Онъ не зналъ иллюзій, былъ недоступенъ имъ и по злему инстинкту неутомимо охотился за ними въ другихъ. И такъ какъ всякое чувство—иллюзія и капризъ, то передъ его взоромъ не могло уцѣлѣть ни одно нравственное чувство: онъ обдавалъ холодомъ энтузіазмъ и шутя показывалъ элементарный эгоизмъ на днѣ всякаго благородства. Пушкинъ такъ изображаетъ Раевского-демона:

Неистощимой клеветой
Онъ Провидѣнье искушалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Но умъ, лишенный способности чувствовать силу и красоту иррациональнаго въ мірѣ,—плоскій и скудный умъ, и таковъ, при всей своей остротѣ, былъ умъ Раевского. Высшія сферы человѣческаго духа были для него закрыты. Вигель говоритъ по поводу его отношеній къ Пушкину: „позсія была ему дѣло вовсе чуждое, равнодѣрно и нѣжныя чувства, въ которыхъ видѣлъ онъ одно смѣшное сумасбродство“. Это подтверждается документально. Извѣстно, что первая пѣсня „Онѣгина“ не понравилась Раевскому: онъ ждалъ отъ нея романтизма и, по выраженію Пушкина, „порядочно не расчухалъ“. Въ мартѣ 1825 года, когда онъ страдалъ безсонницей, сестра прислала ему для развлечения рукопись „Горе отъ ума“ (онъ былъ пріятель съ Грибоѣдовымъ), и вотъ что онъ писалъ ей затѣмъ: „Твоя глупая пьеса, которую я читалъ всю эту ночь, отвратительна во всѣхъ отношеніяхъ; двѣ-три мѣткія черты не составляютъ картины и не могутъ искупить ни отсутствіе плана, ни нелѣпость характеровъ, ни жесткость и безпорядочность версификаціи, достойной Тредьяковскаго. Меня всегда удивляетъ, какъ Грибоѣдовъ, съ его острымъ умомъ, становится тяжелъ и нелѣпъ, лишь только возьметъ въ руки перо“.

¹⁾ Анненковъ, А. С. *Пушкинъ въ Александровскую эпоху*, В. Евр 1874 янв., 8.

Въ атмосферу этого-то ума, какъ раскаленное желѣзо въ холодную воду, погрузился Пушкинъ. Это были два человѣческихъ типа въ необыкновенно яркихъ проявленіяхъ, двѣ противоположныя нравственныя стихіи: наивысшая полнота переживаній — и скудость разсудочной мысли, нераздѣльность порыва — и чувство, парализованное въ корнѣ, наивное ясновидѣніе — и жалкая пронизательность разсудка. Но глубокая мудрость Пушкина была безоружна, какъ голый ребенокъ, а трезвый умъ Раевского былъ вооруженъ всѣмъ оружіемъ логики; и случилось то, что всегда случается въ такихъ случаяхъ: умный покорить мудраго, и какъ всегда — на минуту. Пушкинъ ясно говоритъ:

Но, *одолевъ мой умъ въ борьбѣ,*
Онъ сочелъ меня неволью
Своей таинственной судьбѣ.

Иначе и не могло быть. На сторонѣ Раевского были два великихъ преимущества: первое — та непоколебимая увѣренность, которая всегда присуща абсолютному скептицизму; эта увѣренность сообщала его отрицанію неотразимую убѣдительность, его сарказму — страшную остроту. Второе — то, что та стихія, которой Раевскій былъ олицетвореніемъ, жила и въ самомъ Пушкинѣ. Потому что холодная расчетливость ума присуща поэту даже въ большей степени, чѣмъ среднимъ людямъ: безъ нея какъ могъ-бы онъ мѣрять, отбрасывать, шлифовать формы? Она обуздана въ немъ высокой настроенностью духа и несетъ лишь служебную роль, но въ ней — опасное искушеніе.

Пушкинъ самъ въ чудесныхъ строкахъ описалъ свою дружбу съ Раевскимъ ¹⁾. Во власти, которую пріобрѣлъ надъ нимъ Раевскій, было какое-то навожденіе, и самому Пушкину чудились здѣсь дьявольскія чары. Отъ него вѣяло на Пушкина дыханіемъ смерти:

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.

Юзефовичъ рассказываетъ, что Пушкинъ, ходившій къ Раевскому обыкновенно по вечерамъ, выговорилъ себѣ право тушить свѣчи, чтобы разговаривать съ нимъ свободнѣе въ потьмахъ. И въ то же время Пушкинъ жадно слушалъ эти рѣчи, онъ упорно повторяетъ:

Непостижимое волненіе
Меня къ лукавому влекло...
Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ...

Въ чемъ-же была тайна этого очарованія? Что сообщало

¹⁾ „Демонъ“, черновыя наброски этого стихотворенія, и варианты XLV строфы I гл. „Огнѣнна“.

такую сладость бесѣдамъ? Предъ Пушкинымъ открывалась здѣсь новая, неожиданная точка зрѣнія на міръ. Въ своей наивной мудрости онъ ощущалъ до сихъ поръ міръ, какъ неразгаданную увлекательную тайну, и жадно смотрѣлъ вокругъ и вглядывался въ бездонную глубь бытія, ища разгадать эту тайну; а Раевскій давно разгадалъ ее и зналъ все съ полной ясностью:

Онъ общалъ..
Истолковать мнѣ все творенье
И разгадать добро и зло..

Каждой своей улыбкой, каждымъ мимолетнымъ сарказмомъ онъ говорилъ поэту: всѣ твои мысли о жизни — вадоръ; ты видишь въ ней глубину и тайну, потому что одураченъ романтическимъ бредомъ. Взгляни трезво, и ты увидишь, что вся она — смѣсь немногихъ простыхъ и въ сущности дрянныхъ элементовъ.

Эта пошлая мудрость была — бы безвредна для Пушкина, если бы въ немъ самомъ не было задатковъ того-же рационализма, да если бы еще раннія страданія не ожесточили его самого и не научили презирать людей. Но голосъ внутри его сочувственно откликался на цинизмъ Раевского; „Я сталъ взи- рать его глазами“, — говоритъ Пушкинъ,

Съ его неясными словами
Моя душа звучала въ ладъ.

И казалось, секретъ дѣйствительно разгаданъ; но, Боже мой, какъ жалко было то, что открылось, и съ какой безконечной грустью Пушкинъ говоритъ: „*Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ!*“!

Но и самъ Раевскій былъ глубоко несчастливъ. Гдѣ-то за семью замками эгоизма и холодной рассудочности въ его душѣ жила большая острая нѣжность, и я думаю, когда онъ спалъ, его лицо не сохраняло саркастическаго выраженія, а принимало отпечатокъ мучительной скорби, и еще рѣзче становилась морщина между бровей, унаслѣдованная имъ отъ отца. Во время его близости съ Пушкинымъ въ Одессѣ ему было 28 лѣтъ; съ 15 лѣтъ онъ велъ походную жизнь, сначала при отцѣ, потомъ адъютантомъ при Воронцовѣ во Франціи, въ 1818 году служилъ на Кавказѣ и жилъ въ одной палаткѣ съ Ермоловымъ, въ 1820-мъ былъ товарищемъ Чаадаева по адъютантству при Васильчиковѣ. Теперь онъ полковникомъ праздно жилъ въ Одессѣ. Онъ переѣхалъ туда вслѣдъ за Воронцовымъ, назначеннымъ на постъ Новороссійскаго генераль-губернатора, — переѣхалъ потому, что любилъ жену Воронцова. Она была ему сродни и давно близка: она была дочерью графини Браницкой, приходившейся ему, кажется, троюродной теткой и не чайшей въ немъ души. Онъ часто гостилъ у Браницкой въ ея царственныхъ помѣстьяхъ (ей принадлежала Бѣлая Церковь и въ трехъ верстахъ Александрія съ чуднымъ дворцомъ), и какъ разъ въ 1822 году долго

жилъ у нея одновременно съ Воронцовой. Въ это время, повидимому, онъ и полюбилъ ее. Лѣтомъ этого года онъ писалъ сестрѣ изъ Александрии, что среди царящей тамъ скуки его единственное утѣшеніе—Воронцова: „Она очень пріятна, у нея мѣткій, хотя и не очень широкій умъ, а ея характеръ—самый очаровательный, какой я знаю. Я провожу съ нею почти весь день“. Будучи издавна близокъ и съ мужемъ, онъ въ Одессѣ занялъ въ ихъ домѣ родственное положеніе. О происходившемъ здѣсь существуютъ только смутныя свѣдѣнія. Вигель какъ очевидецъ и П. Капнистъ—по рассказамъ современниковъ ¹⁾ передаютъ, что Раевскій для прикрытія своего чувства къ графинѣ воспользовался Пушкинымъ: Пушкинъ не замедлилъ влюбиться въ Воронцову, и на него-то обратилась вся подозрительность, а потомъ и ненависть мужа. Вигель прибавляетъ, что, не довольствуясь этимъ, Раевскій еще разжигалъ безнадежную страсть Пушкина и съ дьявольскимъ злорадствомъ тѣшилъ его восторгами и мукой.

Все это можетъ быть, но достовѣрно то, что Раевскій самъ глубоко страдалъ. Въ сентябрѣ 1825 года онъ писалъ сестрѣ: „Милый другъ, я все такъ-же печаленъ, какъ всегда, мое существованіе безсмысленнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и я не вижу никакой утѣшительной надежды ни съ какой стороны“. И въ позднѣйшихъ своихъ письмахъ къ ней онъ безпрестанно повторяетъ то-же. Отъ Пушкина не ускользнула удивительная красота чувства, овладѣвшаго Раевскимъ, этого нѣжнаго цвѣтка, распцвѣтшаго въ безводной пустынѣ: уже нѣсколько лѣтъ спустя онъ по-своему рассказалъ эту исторію, возведя въ перль созданія и демона—Раевскаго, и Воронцову—молодую, счастливую мать, чей быстрый, нѣжный взглядъ и улыбку устъ съ удивленіемъ вспоминалъ потомъ даже Вигель и чью всегда нѣсколько склоненную внизъ головку Пушкинъ такъ часто чертилъ перомъ въ своихъ тетрадяхъ.

Въ дверяхъ Эдема ангелъ нѣжный
 Главой поникшею сіялъ,
 А демонъ мрачный и мятежный
 Надъ адской бездною леталъ.
 Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
 На духа чистаго взиралъ,
 И жаръ невольный умиленья
 Впервые смутно познавалъ.
 Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ
 И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
 Не все я въ мірѣ ненавиждѣлъ,
 Не все я въ мірѣ презиралъ.

¹⁾ *Русская Старина* 1899, май, 243.

IX.

Въ январѣ 1825 года въ Кіевѣ состоялась свадьба между будущимъ декабристомъ кн. С. Г. Волконскимъ и Маріей Николаевной Раевской, сестрой Александра. Въ своихъ Запискахъ Волконскій рассказываетъ, что будучи давно влюбленъ въ М. Н. и рѣшивъ наконецъ сдѣлать предложеніе, онъ повелъ дѣло чрезъ своего друга Орлова, причемъ категорически заявилъ, что если его принадлежность къ Тайному обществу будетъ признана помѣхою въ полученіи руки М. Н., то онъ, хотя съ болью, предпочтетъ отказаться отъ своего счастья, нежели замѣнить своимъ убѣжденіемъ. Однако согласіе было дано. Раевской было 17 лѣтъ, ему 36. Она съ грустью шла подъ вѣнецъ, покоряясь отцовской волѣ. „Мои родители,—говоритъ она,—думали, что обещали мнѣ блестящую по свѣтскимъ воззрѣніямъ будущность“.

Извѣстіе о 14-мъ декабря застало Орлова въ Москвѣ. Принимать-ли онъ послѣдніе 2—3 года какое-нибудь прямое участіе въ дѣлахъ Тайнаго общества, объ этомъ ничего неизвѣстно. Повидимому, отъ активной дѣятельности онъ держался въ сторонѣ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ поддерживалъ самыя тѣсныя отношенія съ нѣкоторыми виднѣйшими членами общества, быть освѣдомленъ, такъ сказать, объ ежедневномъ ходѣ дѣлъ въ московскомъ кружкѣ и въ Южномъ обществѣ и пользовался большимъ престижемъ среди заговорщиковъ. Событія, разыгравшіяся въ московскомъ кружкѣ 16—18 декабря, доказываютъ, что московскіе, а отчасти и петербургскіе заговорщики придавали большое значеніе участію Орлова, и что первые, идя къ нему, были заранѣе увѣрены въ его полномъ сочувствіи ихъ дѣлу.

Изъ пейзажнаго разсказа Якушкина можно извлечь слѣдующія фактическія свѣдѣнія, подтверждаемые и другими показаніями ¹⁾).

Когда получено было въ Москвѣ Семеновымъ письмо отъ Пущина съ извѣстіемъ о томъ, что въ Петербургѣ рѣшено сдѣлать попытку возстанія, на первомъ предварительномъ совѣщаніи между Якушкинымъ, Фонъ-Визинимъ, Шереметьевымъ и Митьковымъ (въ ночь съ 15 на 16 декабря) условлено было созвать на завтра (или на 18-ое) московскихъ членовъ къ Митькову и пригласить на это собраніе Орлова. Между тѣмъ Нарышкинъ выпросилъ у Семенова письмо Пущина, чтобы показать его Орлову, „какъ принимавшему участіе въ дѣлахъ общества и по своей скромности ему извѣстному“; притомъ, и самъ Пущинъ писалъ, чтобы его письмо показали Орлову. Вечеромъ

¹⁾ *Общ. свѣдѣнія о движеніи въ Россіи*, т. 1, статья В. П. Семенова, стр. 46 и сл., Якушкинъ 74 и сл., Докладъ слѣд. ком., и пр.

17-го декабря Фонъ-Визинъ пріѣхалъ къ Орлову и показалъ ему это письмо. На утро, рассказываетъ Якушкинъ, Фонъ-Визинъ проситъ его (Якушкина) непременно побывать у Орлова и привести его вечеромъ къ Митькову. Въ это время въ Москвѣ уже всѣ знали о неудачномъ исходѣ событія 14 декабря. Пріѣхавъ къ Орлову подъ Донской, Якушкинъ вошелъ къ нему со словами: *Eh bien, général, tout est fini*. Орловъ протянулъ ему руку и съ увѣренностью отвѣчалъ: *Comment fini? Ce n'est que le commencement de la fin*. Тутъ вошелъ незнакомый Якушкину Мухановъ, который, рассказавъ подробности о многихъ петербургскихъ заговорщикахъ, арестованныхъ послѣ 14-го числа, сказалъ, что надо во что бы ни стало выручить ихъ и что онъ поѣдетъ въ Петербургъ и убьетъ императора; при этихъ словахъ Орловъ всталъ, подошелъ къ Муханову, взялъ его за ухо и поцѣловалъ въ лобъ. Якушкинъ уговаривалъ Орлова поѣхать къ Митькову, гдѣ всѣ его ждали, но Орловъ отвѣчалъ, что не можетъ пріѣхать, такъ какъ сказанъ больнымъ, чтобы не присягать сегодня: „а между тѣмъ,—пишетъ Якушкинъ,—онъ былъ въ мундирѣ, звѣздѣ и лентѣ, и можно было подумать, что онъ возвратился отъ присяги“. Совѣщаніе у Митькова прошло безъ толку, и въ ближайшіе дни московские заговорщики начали присягать; такъ, 20 декабря принесъ присягу Фонъ-Визинъ. 21-го декабря первымъ въ Москвѣ былъ арестованъ Орловъ и тотчасъ отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость; прочихъ московскихъ взяли только погода, Якушкина, напримѣръ,—лишь спустя три недѣли.

27 декабря былъ арестованъ въ полку младшій Раевскій—Николай, 29-го въ Бѣлой Церкви—Александръ, 7-го января въ Умани взятъ Волконскій, жена котораго родила пять дней назадъ, и къ числу этихъ арестованныхъ надо присоединить еще В. Л. Давыдова изъ Каменки, брата по матери старику Раевскому. Такимъ образомъ изъ одной этой семьи взято было пять человѣкъ. 5 января, еще не зная объ арестѣ Орлова, и до ареста Волконскаго и Давыдова ¹⁾, старикъ Раевскій писалъ другому брату, П. Л. Давыдову, что оба его сына взяты и увезены въ Петербургъ. „Если сіе происшествіе и огорчительно, по крайней мѣрѣ, не нарушаетъ моего спокойствія: на снѣговой мойхъ я имѣю надежду,—ты знаешь, братъ Петръ, что я безъ основанія утверждать не стану, но отвѣчаю за ихъ невинность, за ихъ образъ мыслей и за ихъ поступки... Вотъ, братъ милый, несчастливья обстоятельства. Мѣры правительства строги, но необходимы, говорить нечего; со всѣмъ тѣмъ, время для всѣхъ вообще чрезвычайно грустное“ ²⁾.

¹⁾ Кн. П. В. Долгоруковъ въ своемъ некрологѣ кн. С. Г. Волконскаго (*Колоколъ* № 212, отъ 15 янв. 1866 г.) говоритъ, что послѣ 14-го декабря старикъ Раевскій уговаривалъ Волконскаго бѣжать за-границу, но тотъ не послушался его и 7 января поѣхалъ въ Умань, гдѣ и былъ взятъ.

²⁾ Записки кн. Волконской, „Приложенія“, стр. 124.

14 января 1826 г. оба брата Раевскіе изъ заключенія написали сестрѣ Екатеринѣ Николаевнѣ (т. е. Орловой). Александръ писалъ ей: „Мы спокойны и здоровы и тревожимся только о тебѣ. Ради Бога, береги себя, не поддавайся отчаянью... У насъ есть книги, помѣщеніе хорошее, и мы ждемъ отца, который долженъ теперь скоро пріѣхать“. Это письмо изъ-за разныхъ формальностей было отправлено только 16-го; въ промежуткѣ Раевскіе получили отъ сестры часы и деньги. 18-го А. Н. уже опять писалъ сестрѣ: „Спасибо, милый другъ, за твое письмо отъ 13-го. Только чрезъ тебя мы и получаемъ извѣстія о нашей семьѣ. Я очень радъ, что отецъ рѣшилъ остаться на контракты; это доказываетъ, что онъ не беспокоится о насъ больше, чѣмъ слѣдуетъ; это съ его стороны знакъ довѣрія къ намъ. Удивляетъ меня только, что до сихъ поръ отъ него нѣтъ прямыхъ извѣстій... Что до насъ, то мы здоровы и терпѣливо переносимъ свое заключеніе, такъ какъ у насъ есть книги, удобная комната, деньги и хорошая пища, которую намъ приносятъ изъ трактира“. На слѣдующій день, 19 января, А. Раевскій уже извѣщалъ сестру, что и онъ, и братъ свободны.

Они дѣйствительно не были ни въ чемъ замѣшаны и ихъ арестовали только по огульному доносу, основанному, конечно, на ихъ родственной близости съ Орловымъ, В. Л. Давыдовымъ, Волконскимъ и другими обвиняемыми. Слѣдствіе обнаружило ихъ полную непричастность къ заговору, и ихъ отпустили. Въ запискахъ Лорера есть любопытный рассказъ о допросѣ Раевскихъ Николаемъ. Призвавъ ихъ къ себѣ, царь сказалъ Александру Раевскому: „Я знаю, что вы не принадлежите къ тайному обществу; но, имѣя родныхъ и знакомыхъ тамъ, вы все знали и не увѣдомили правительство; гдѣ же ваша присяга?“ Александръ Раевскій, одинъ изъ умнѣйшихъ людей нашего времени, смѣло отвѣчалъ государю: „Государь! Честь дороже присяги; нарушивъ первую, человекъ не можетъ существовать, тогда какъ безъ второй онъ можетъ обойтись еще“¹⁾.

Мы знаемъ, что обычно такіе отвѣты приводили Николая въ ярость. Какъ-бы то ни было, Раевскихъ онъ рѣшилъ помиловать какъ въ виду ихъ невинности, такъ и ради заслугъ, высокаго положенія и завѣдомой лояльности ихъ отца. Но въ то же время онъ захотѣлъ использовать и это помилованіе; оправданіе Раевскихъ должно было путемъ соответственной инсценировки получить характеръ публичнаго назиданія, стать какъ бы отрицательной казнью. И вотъ, 20 января оба Раевскихъ были удостоены чрезвычайно любезнаго приѣма на аудіенціи; царь поручилъ Александру написать отцу объ ихъ освобожденіи и о готовящемся на его имя указѣ, обнадежить ихъ насчетъ Орлова и предложить Александру, который уже нѣсколько лѣтъ не служилъ, вновь поступить на службу или быть камер-

¹⁾ Рус. Арх. 1874, I, 389.

геромъ. Раевскій, поблагодаривъ, отговорился плохимъ состояніемъ здоровья, а въ письмѣ къ отцу, гдѣ онъ на слѣдующій день описывалъ эту аудіенцію, онъ признается, что не желалъ бы воспользоваться „никакою милостію до тѣхъ поръ, пока участь мужей моихъ сестеръ не будетъ окончательно рѣшена“. 23 января былъ подписанъ и затѣмъ опубликованъ въ газетахъ высочайшій рескриптъ на имя старика Раевского: „Съ особеннымъ удовольствіемъ могу увѣдомить васъ, что слѣдственная коммисія, разсмотрѣвъ поведение сыновей вашихъ, нашла ихъ совершенно невинными и непричастными къ обществу злоумышленниковъ, и что я первый душевно радуюсь, что дѣти столь достойнаго отца совершенно оправдались. Пребываю, впрочемъ, всегда къ вамъ благосклоннымъ. Николай“. Сверхъ того, отъ Слѣдственной коммисіи былъ выданъ А. Н. Раевскому „Аттестатъ“ о его невинности ¹⁾.

Х.

Теперь Александръ Раевскій настойчиво звалъ отца въ Петербургъ, потому что дѣла Орлова и особенно Волконскаго принимали очень серьезный оборотъ. Николай, конечно, издавна зналъ о политическомъ вольнодумствѣ Орлова и о влияніи, которымъ онъ пользовался въ оппозиціонныхъ кругахъ общества. Имя Орлова встрѣтилъ онъ и въ той собственноручной запискѣ Александра I, которая нашлась въ кабинетѣ покойнаго императора; а слѣдствіе на первыхъ-же порахъ дало всѣкій фактической матеріалъ для обвиненія. Открылось, что однажды, говоря о Пестелѣ, властолюбіе котораго внушало заговорщикамъ, какъ извѣстно, большія опасенія, Трубецкой сказалъ:

— Должно будетъ послать Орлова во 2-ую армію, и сила Пестеля исчезнетъ.

— Да развѣ Орловъ нашъ?—спросилъ Рытѣевъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Трубецкой,—имъ владѣютъ Раевскіе; но тогда по неволѣ будетъ нашъ.

Далѣе было дознано, что наканунѣ мятежа, 13-го диктаторъ—Трубецкой послалъ Орлову въ Москву письмо съ кавалергардскимъ офицеромъ Свистуновымъ, который въ пути, узнавъ о событіи 14-го декабря, сжегъ это письмо. По показанію Трубецкого, онъ въ этомъ письмѣ, не упоминая о причинахъ, звалъ Орлова въ Петербургъ, но прибавлялъ: „Если быть чему-нибудь, то будетъ и безъ васъ, какъ при васъ“. Это показывало, что заговорщики во всякомъ случаѣ имѣли основаніе считать Орлова своимъ единомышленникомъ и придавали большое значеніе его поддержкѣ. О томъ-же свидѣтельствовала открывшаяся на допросахъ исторія Пущинскаго письма. Самъ Трубецкой на

¹⁾ Рескриптъ и аттестатъ напечатаны въ „Приложеніяхъ“ къ Запискамъ кн. Волконской, стр. 128.

вопросъ слѣдственной комиссіи, чѣмъ была обусловлена его рѣшимость сдѣлать такое предложеніе Орлову, отвѣчалъ: „Рѣшился я сдѣлать столь опасное предложеніе ген.-м. Орлову по причинамъ, кои я уже и прежде объяснялъ: то есть что ген.-м. князь С. Г. Волконскій сказывалъ мнѣ по пріѣздѣ моемъ въ Кіевъ, что хотя ген.-м. Орловъ теперь и не вмѣшивается ни во что и отъ всѣхъ обществъ отсталъ, но въ случаѣ нужды можно на него надѣяться, и что я и самъ полагалъ что ген.-м. Орловъ, котораго образомъ мыслей столь гласенъ былъ прежде, по какимъ-нибудь причинамъ только притаился, но образа мыслей своего не перемѣнилъ“ ¹⁾. Но главное обвиненіе противъ Орлова состояло въ томъ, что когда Никита Муравьевъ сообщилъ ему о рѣшеніи Якубовича убить императора, онъ не донесъ властямъ.

Орловъ былъ привезенъ въ Алексѣевскій равелинъ 29 декабря, а на слѣдующій день Николай велѣлъ Сукину перевести его на офицерскую квартиру, „давъ свободу выходить, прохаживаться и писать, что хочетъ, но не выходя изъ крѣпости“ ²⁾. 31 декабря Бенкендорфъ наединѣ снялъ съ него допросъ въ крѣпости. 4 января Орловъ по требованію Николая представилъ въ слѣдственную комиссію обширную записку о своемъ отношеніи къ Союзу Благоденствія и къ членамъ тайнаго общества. Это была чрезвычайно искусная апологія, гдѣ все фактически вѣрно, но все такъ сопоставлено и освѣщено, что получается картина очень далекая отъ истины. Она написана въ тонѣ отвращенія и ужаса передъ безумствомъ заговорщиковъ; самое несправдливое въ ней,—ея аффектированное чистосердечіе и благородство подчеркиваемое на каждой страницѣ. Изъ дополнительныхъ запросовъ, поставленныхъ Орлову слѣдственной комиссіей въ ближайшіе дни, видно, что она не придавала большой вѣры его запискѣ ³⁾.

9 января статсъ-секретарь Вилламовъ, фактотумъ императрицы и свой человѣкъ во дворцѣ, записалъ въ своемъ дневникѣ, со словъ шталмейстера Самарина, сцену допроса М. О. Орлова царемъ ⁴⁾. Позвавъ Орлова въ свой кабинетъ, Николай сказалъ ему:

— Въ этотъ моментъ съ тобой говорить не императоръ, но Николай Павловичъ.

Они усѣлись.

— Ты любишь моего покойнаго брата; ты знаешь, что онъ

¹⁾ Довнаръ-Запольскій, цит. соч., стр. 311.

²⁾ Собственноручныя повелѣнія Николая на имя ген.-ад. Сукина, *Былое* 1906, май, 202.

³⁾ Эта записка, какъ и дополнительныя показанія Орлова, напечатаны въ сборникѣ М. В. Довнаръ-Запольскаго, *Мемуары декабристовъ*, 1906, стр. 1—26. Въ предыдущемъ изложеніи мы пользовались ею съ величайшей осмотрительностью.

⁴⁾ Восшествіе имп. Николая I (Изъ дневн. Г. И. Вилламова), *Рус. Стар.* 1899, мартъ, стр. 670—671.

тебя любилъ также; ты ему обѣщаль оставить это сообщество. Что же ты сдѣлалъ? Вотъ письмо, которое ты писалъ послѣ своего обѣщанія. Что ты можешь отвѣтить? Честный человекъ сдерживаетъ свое слово, и т. д. Говори, что можешь сказать?

Орловъ не далъ никакого отвѣта, несмотря на дружественныя увѣщанія императора, который, наконецъ поднялся и сказалъ ему:

— Теперь императоръ приказываетъ тебѣ: иди прочь!—При этомъ государь показалъ Орлову дверь. Сконфуженный Орловъ хотѣлъ что-то пробормотать, но императоръ, показывая дверь, сказалъ ему:

— Императоръ не повторяетъ; теперь ты станешь отвѣчать въ крѣпости на вопросы комиссіи.

Этотъ неудавшійся допросъ могъ-бы сильно повредить Орлову,—но дѣло скоро разъяснилось, какъ видно изъ слѣдующаго письма А. Н. Раевского къ сестрѣ Орловой. „Милый другъ,—писалъ онъ,—теперь я могу подробнѣе рассказать тебѣ исторію Михаила. Дѣло въ томъ, что онъ принадлежалъ къ первому обществу, которое по своимъ замысламъ было гораздо менѣе преступно, нежели второе, такъ что большая часть тѣхъ, кто принадлежалъ къ нему, уже освобождены. Но противъ него было еще другое обвиненіе, болѣе тяжкое,—это сообщенія, сдѣланныя ему въ Москвѣ Никитой Муравьевымъ, и письмо, которое долженъ былъ показать ему Фонъ-Визинъ. Въ послѣдней винѣ его оправдало простое сопоставленіе датъ; что-же касается перваго обвиненія, то тутъ его вполне оправдываетъ то моральное освѣщеніе, въ которомъ представилъ ему дѣло Никита. Исторія Мемнона совсѣмъ его не касается—тутъ онъ чистъ. Главная ошибка Михаила та, что онъ вехорошо велъ себя съ императоромъ, не отвѣчалъ какъ слѣдовало на его дружескія увѣщанія; онъ оскорбилъ его лично. Но потомъ Михаилъ объяснился: причиною его молчанія было присутствіе Левашева. Теперь это дѣло поправлено“.

„Моральное освѣщеніе“ заключалось въ томъ, что, сообщая Орлову о намѣреніи Якубовича, Муравьевъ настойчиво-де говорилъ о необходимости всячески помѣшать этому безумію ¹⁾, такъ что Орловъ будто-бы и весь разговоръ принялъ за хитрость съ цѣлью снова завлечь его въ тайное общество, чтобы посредствомъ его вліянія предотвратить злодѣйства и несчастія. Это было хорошо придумано, но, конечно, ни этотъ отводъ, ни разъясненія причины своего молчанія на царскомъ допросѣ не спасли-бы Орлова: мало-ли людей, гораздо менѣе заподозрѣнныхъ, чѣмъ онъ, ушли въ Сибирь по дѣлу 14-го декабря! Но онъ имѣлъ могущественнаго заступника въ лицѣ своего брата Алексѣя.

А. Ѳ. Орловъ былъ года на два старше Михаила, такой-же

¹⁾ Такъ показалъ на слѣдствіи и самъ Муравьевъ.

изъ себя богатырь и красавецъ, такая же открытая и талантливая натура, но уже умомъ и жестче сердцемъ. Не портя своей карьеры вольнодумствомъ, напротивъ—искореняя его и въ подчиненныхъ, онъ въ противоположность брату быстро и безъ задержекъ шелъ въ гору, давно уже былъ генераль-адъютантомъ и пользовался дружескимъ расположеніемъ великихъ князей. Мятежъ 14 декабря засталъ его командиромъ конногвардейскаго полка. Извѣстно, какъ много Николай былъ обязанъ своей побѣдою въ этотъ день преданности и рѣшимости Орлова; онъ первый изъ полковыхъ командировъ явился со своимъ полкомъ на Сенатскую площадь и первый повелъ его въ атаку на карре мятежниковъ. 25 декабря Алексѣю Орлову пожаловано было графское достоинство, и съ этихъ дней въ теченіе всего царствованія Николая онъ былъ, какъ извѣстно, ближайшимъ другомъ и довѣреннымъ послѣдняго.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ съ первой же минуты слѣдствія началъ дѣйствовать въ пользу брата. Выпросивъ себѣ у Николая разрѣшеніе посѣщать брата въ тюрьмѣ невозбранно ¹⁾ и будучи непрерывно освѣдомленъ о ходѣ допросовъ, онъ могъ во-первыхъ сообщать Михаилу нужныя свѣдѣнія о поведеніи другихъ подсудимыхъ и руководить его показаніями; кромѣ того, онъ безъ сомнѣнія и прямо просилъ за него Николая. Этимъ было сразу обусловлено благоприятное отношеніе царя къ М. Ѳ. Орлову, выяснившееся уже на аудіенціи братьевъ Раевскихъ 20 января, такъ что въ томъ письмѣ, уже цитированномъ выше, гдѣ А. Н. Раевскій описывалъ отцу эту аудіенцію, онъ уже могъ сообщить успокоительныя извѣстія объ Орловѣ: „Его величество велѣлъ мнѣ передать тебѣ относительно Орлова, что хотя онъ и виновенъ и былъ однимъ изъ первыхъ соучастниковъ этого общества, но не раздѣлялъ его преступныхъ замысловъ, и вся его вина заключается въ томъ, что онъ не открылъ того, что зналъ по этому поводу. Его величество отозвался о немъ весьма милостиво, сказавъ, что сдѣлаетъ все возможное, дабы облегчить его участь; я не имѣю болѣе никакихъ опасеній относительно нашего дорогого Михаила; пріѣхавъ сюда, ты довершишь остальное“.

„Что до Волконскаго,—продолжаетъ тутъ-же А. Н.,—то его дѣло гораздо хуже. Его величество сказалъ мнѣ, что онъ даже не достоинъ того участія, которое ты вѣроятно оказываешь ему, и велѣлъ мнѣ предупредить тебя объ этомъ“. Въ концѣ письма онъ опять съ явной тревогой возвращается къ положенію Волконскаго и опять просить отца пріѣхать: „ты можешь своими просьбами много облегчить участь Волконскаго, а слѣдовательно и Маши ²⁾“.

¹⁾ Это разрѣшеніе было ему дано на слѣдующій день послѣ водворенія М. Ѳ. Орлова въ Алексѣевскомъ равелинѣ, 30 декабря (*Былое*, тамъ-же, стр. 202).

²⁾ Письмо А. Н. Раевскаго къ отцу отъ 21 янв. 1826 было впервые напечатано (въ русскомъ переводѣ) въ *Рус. Стар.* 1884 г., май, и затѣмъ перепечатано

XI.

А Марія Николаевна лежала въ это время, тяжело больная послѣ родовъ, въ усадьбѣ отца, Болтышкѣ Киевской губ. Она ничего не знала; когда, приходя въ себя, она спрашивала о мужѣ, ей говорили, что онъ уѣхалъ по дѣламъ службы въ Молдавію. Старикъ Райскій не рѣшался оставить ее одну съ матерью, и въ то-же время рвался въ Москву, чтобы успокоить Екатерину Николаевну, которой въ ея состояніи (она была беременна) и при ея постоянной нервозности тревога за мужа могла причинить серьезный вредъ,—и оттуда въ Петербургъ, чтобы выяснитъ положеніе дѣлъ, и, если надо, похлопотать за Орлова и Волконскаго. Наконецъ, въ 20-хъ числахъ января мы видимъ его уже въ Петербургѣ; по пути онъ конечно останавливался въ Москвѣ. Какъ видно, ему тотчасъ была дана аудіенція, и онъ спѣшилъ успокоить Е. Н. „Милый, безцѣнный другъ мой Катенька,—писалъ онъ,—ничего тебѣ новаго еще не скажу, но въ полной надеждѣ на хорошей конецъ, кромѣ брата Василя (Давыдова) и Волконскаго. Прочти письмо мое къ матери, запечатай и отправь по почтѣ. Завтра надѣюсь увидѣть твоего мужа. Волконскому будетъ весьма худо, онъ дѣлаетъ глупости, запирается, когда все извѣстно. Что будетъ съ Машенькой! Онъ срамится. Государь оказалъ мнѣ: „въ первый разъ что я буду ими доволенъ (т. е. Давыдовымъ и Волконскимъ), въ награжденіе имъ позволю тебя видѣть“.

Чтобы не оставлять долго женщинъ однѣхъ, старикъ 3 февраля отправилъ прямо къ нимъ въ Болтышку младшаго сына, Николая. Царь позволилъ ему (какъ и А. Н. Раевскому) навѣститъ Орлова въ тюрьмѣ. Видѣлъ-ли онъ и Волконскаго, мы не знаемъ. Въ столицѣ онъ пробылъ недолго; онъ уѣхалъ, по видимому, 7 февр., но не къ себѣ, а къ дочери въ Москву, оставивъ въ Петербургѣ Александра, который долженъ былъ слѣдить за ходомъ дѣлъ и освѣдомлять о нихъ семью. Александръ самъ былъ очень мрачно настроенъ: его мучилъ страхъ за судьбу сестры Маши, мучилъ вообще разгромъ, постигнувшій столькожъ родныхъ и друзей, мучила разлука; въ его письмахъ къ сестрѣ, Орловой, за это время то и дѣло встрѣчаются такія строки: „Самъ я все еще боленъ, свѣдаемъ скукой и очень печаленъ“, или: „Что до меня, то я боленъ и несчастенъ больше, чѣмъ могутъ выразить слова“.

Орловъ писалъ женѣ изъ крѣпости 3—4 раза въ недѣлю и получалъ столько-же писемъ отъ нея; А. Н. Раевскій пишетъ ей каждые четыре дня, съ экстрапочтою. Е. Н., сначала соби-

въ „Приложеніяхъ“ къ Запискамъ вн. М. Н. Волконской, въ обоихъ случаяхъ—съ пропускомъ приводимыхъ здѣсь въ текстъ словъ Николая I о Волконскомъ; предъ нами подлинныя письма.

равшаяся въ Петербургъ, довольно скоро успокоилась на счетъ мужа и осталась въ Москвѣ; да и для всей семьи, оглушенной на первыхъ порахъ, уже въ концѣ января было ясно, что тяжелый ударъ грозитъ только Машѣ, 18-лѣтней, больной Машѣ. И въ письмахъ А. Н. къ Орловой—на первомъ планѣ дѣло Волконскаго и участь Маши. 12 февраля, вернувшись отъ А. О. Орлова, чрезъ котораго онъ добывалъ свѣдѣнія, А. Н. пишетъ: „Дѣло Михаила будетъ кончено чрезъ четыре недѣли навѣрное; стало быть, тебѣ незачѣмъ прїѣзжать сюда. Что до Маши, то ея дѣла отчаяно плохи, какъ и дѣла Василя; для нихъ нѣтъ никакой надежды“. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого А. Н. представлялся при дворѣ, и 16-го онъ сообщаетъ сестрѣ: „Государь велѣлъ мнѣ передать тебѣ его привѣтъ, императрица также. Все это хорошія предзнаменования для Михаила, потому что для бѣдной Маши мнѣ ничего не было сказано“. Два дня спустя онъ пишетъ ей длинное письмо, полное подробностей о дѣлѣ: „Михаилъ не въ вѣдѣніи слѣдственной комиссіи; онъ былъ допрошенъ только разъ, въ своей комнатѣ Бенкендорфомъ. Карюю ему послужить его заключеніе и, вѣроятно, отставка. Какъ видишь, тебѣ не о чемъ тревожиться; его не отпускаютъ только потому, что есть и другіе члены, какъ напримѣръ Александръ Муравьевъ, замѣшанные не болѣе Михаила, но нужные для очныхъ ставокъ, почему ихъ и держатъ до окончанія слѣдствія, а если освободить Михаила, то пришлось бы освободить и остальныхъ. Что касается Волконскаго, то нѣтъ такого ужаса, въ которомъ онъ не былъ бы замѣшанъ; къ тому же, онъ держитъ себя дурно—то высокомерно, то униженно, чѣмъ слѣдуетъ. Его всѣ презираютъ, каждую минуту въ немъ открываютъ ложь и глупости, въ которыхъ онъ принужденъ сознаваться. Бѣдная Маша!“¹⁾ 12 марта А. Н. пишетъ: „Насчетъ Волконскаго не могу сообщить тебѣ ничего хорошаго; теперь онъ ведетъ себя, по слухамъ, какъ фанатикъ идеи; но я не ручаюсь, что завтра онъ опять не начнетъ хныкать“. И безпрестанно въ своихъ письмахъ онъ повторяетъ: „Бѣдная Маша!“ „Мнѣ страшно подумать, что ждетъ бѣдную Машу“, и т. п. И Орловъ 1 апрѣля писалъ женѣ: „Нынче день рожденія бѣдной Маши. Что я могу прибавить къ этому, кромѣ того, что въ страхѣ за нее я повторяю эту короткую молитву: *Умилосердись, Господи, надъ участію Ма-*

¹⁾ Мы знаемъ теперь, на что намекаетъ послѣдними словами А. Раевскій: это, во-первыхъ, исторія вскрытія Волконскимъ пакета, адресованнаго Киселеву, которую передаетъ въ своихъ Запискахъ кн. Волконская, во-вторыхъ, ложь, въ которой уличала его слѣдственная комиссія. Въ „Донесеніи“ послѣдней читаемъ: „По всему видно, что и дѣятельнѣйшіе въ Тайномъ обществѣ, точно не стыдясь, обманывали другъ друга. Такъ г.-м. кн. С Волконскій сообщалъ Пестелю, что онъ подговорилъ многихъ офицеровъ изъ всѣхъ полковъ 19 ой дивизіи... называлъ нѣкоторыхъ будто-бы принятыхъ имъ... и послѣ долженъ былъ признаться, что все было имъ вымышленно изъ тщеславія, для доказательства его преступнаго усердія“.

Михаилъ Федоровичъ
ОРЛОВЪ.

шеньки! ¹⁾). Одинъ Богъ можетъ дать ей довольно душевной силы, чтобы стать выше своей участи“.

Старикъ Раевскій вернулся въ Болтышку въ послѣднихъ числахъ февраля, когда Марія Николаевна уже начала поправляться. Какъ разъ въ отсутствіе отца ей наконецъ рѣшились сказать правду. Узнавъ, гдѣ мужъ, она тотчасъ рѣшила ѣхать въ Петербургъ, и несмотря на свою болѣзнь и весеннюю распутицу, пустилась въ дорогу съ двухмѣсячнымъ ребенкомъ; оставивъ его по пути у гр. Браницкой въ Александріи, она прямымъ путемъ, минуя Москву, двинулась дальше, а слѣдомъ за нею послѣшла мать. 6 апрѣля А. Раевскій писалъ Орловой: „Мама пріѣхала сегодня утромъ, Мама здѣсь со вчерашняго вечера. Ея здоровье лучше, чѣмъ я смѣлъ надѣяться, но она страшно исхудала и ея нервы сильно разстроены. Бѣдная, она все еще надѣется. Я буду отнимать у нея надежды только съ величайшей постепенностью: въ ея положеніи необходима крайняя осторожность“. А отецъ изъ Болтышки 14-го писалъ ей въ догонку (по-русски): „Неизвѣстность, въ которой о тебѣ, милый другъ мой Машенька, я нахожусь, мнѣ весьма тягостна. Я знаю все, что ожидаетъ тебя въ Петербургѣ. Трудно и при крѣпкомъ здоровьи переносить таковыя огорченія. Отдай себя на волю Божию! онъ одинъ можетъ устроить судьбу твою. Не забывай, мой другъ, въ твоёмъ огорченіи милаго сына твоего, не забывай отца, мать, братьевъ, сестеръ, кои всѣ тебя такъ любятъ. Повинуйся судьбѣ; совѣтовъ и утѣшеній я никакихъ болѣе тебѣ сообщить не могу“.

XII.

И вотъ началась та изумительная борьба, гдѣ слабой женщиной-полуребенку противопоставленъ былъ цѣлый заговоръ мужской хитрости и настойчивости и гдѣ въ концѣ концовъ воля сердца все-же одержала верхъ. Наши письма даютъ возможность прослѣдить перипетіи этой борьбы. Всѣ нити заговора держалъ въ своихъ рукахъ Александръ Раевскій; отецъ и старшая сестра, Орлова, дѣйствовали съ нимъ заодно, слѣдуя его указаніямъ. Ихъ цѣль была—не дать Маріи Николаевнѣ послѣдовать за мужемъ въ ссылку; а для этого нужно было вопервыхъ устроить такъ, чтобы она узнала о приговорѣ какъ можно позже, по возможности—когда осужденные уже будутъ отправлены въ ссылку, во-вторыхъ, оградить ее отъ вліянія мужниной семьи, такъ какъ легко было предвидѣть, что Волконскіе какъ разъ станутъ внушать ей рѣшимость раздѣлить судьбу мужа; въ началѣ апрѣля, когда она пріѣхала въ Петербургъ, уже всѣ знали, что болѣшую часть подсудимыхъ ждетъ Сибирь,

¹⁾ Эти слова написаны по-русски.

и нѣкоторыя жены уже готовились послѣдовать за своими мужьями.

Въ этой борьбѣ М. Н. стояла совсѣмъ одна, ни отъ кого не встрѣчая дружеской поддержки или совѣта. Обѣ семьи—и мужнина, и своя—дѣйствовали корыстно, и корысть дѣлала ихъ жестокими, устраняла простоту и тепло отношеній. Свекровь, оберъ-гофмейстерша Волконская, была „въ полномъ смыслѣ слова придворная дама“; она ни разу не съѣздила къ сыну къ тюрьму, такъ какъ это свиданіе „убило-бы ее“. Приѣхавъ въ Петербургъ, М. Н. сразу почувствовала себя во враждебной средѣ. Ея первой мыслью было, конечно, просить свиданія съ мужемъ. Волконскій понималъ и отчасти зналъ, что между нимъ и женою стали ея родные; недаромъ онъ не получилъ отъ нея до сихъ поръ ни одной вѣсточки: значить, отъ нея все скрываютъ. Еще до приѣзда жены въ Петербургъ онъ писалъ изъ Алексѣевского рavelина сестрѣ Софьѣ Григорьевнѣ: „Уже нѣкоторыя изъ женъ просили и получили разрѣшеніе слѣдовать за своими мужьями къ мѣсту ихъ назначенія, о которомъ онѣ будутъ предувѣдомлены. Выпадетъ-ли мнѣ это счастье, и неужели моя обожаемая жена откажетъ мнѣ въ этомъ утѣшеніи? Я не сомнѣваюсь въ томъ, что она съ своимъ добрымъ сердцемъ всѣмъ мнѣ пожертвуетъ, но я опасаясь постороннихъ вліяній, и ее отдалили отъ всѣхъ васъ, чтобы сильнѣе на нее дѣйствовать. Если жена приѣдетъ ко мнѣ на свиданіе, то я бы желалъ, чтобы она приѣхала безъ своего брата, иначе ее тотчасъ-же увезутъ отъ меня. Врачъ былъ-бы при этомъ нужнѣе“¹⁾.

По волѣ императора, А. Ѳ. Орловъ самъ отвезъ ее въ крѣпость на свиданіе съ мужемъ, и при ней дѣйствительно былъ врачъ. Это свиданіе было единственнымъ. Инстинктивно ища въ комъ-нибудь опоры, М. Н. хотѣла дожидаться любимой сестры мужа, Софьи, съ которою не была знакома и которая на время отлучилась изъ Петербурга. Но А. Раевскій сталъ убѣждать ее, что ей необходимо ѣхать назадъ къ сыну: слѣдствіе кончится еще не скоро—можно-ли оставлять ребенка такъ долго на чужихъ рукахъ? Что же касается Софьи Волконской, то они несомнѣнно встрѣтятъ ее въ дорогѣ (С. Г. Волконская ѣхала изъ Вѣлева, сопровождая тѣло императрицы Елизаветы Алексѣевны).

Ничего не подозревая, М. Н. сдалась на эти увѣщанія и рѣшилась ѣхать, съ цѣлью привезти ребенка въ Петербургъ. Раевскій поѣхалъ съ нею; отнынѣ онъ уже не отпуститъ ее ни на шагъ. Они поѣхали на Москву, чтобы повидаться съ сестрой, Орловой; здѣсь М. Н. была принята императрицей. Раевскій устроилъ такъ, что съ Софьей Волконской они разѣхались. Въ Александріи они застали ребенка блѣднымъ и слабымъ послѣ привитія оспы. Теперь Александръ становится фор-

1) „Записки“ вв. С. Г. Волконскаго, прилож., стр. 453.

менно тюремщикомъ сестры. Въ Александріи для нея потянулись долгіе мѣсяцы ожиданія и неизвѣстности. При ней находилась еще сестра Софья, гр. Воронцова съ дѣтьми тоже была здѣсь. А. Н. удерживалъ М. Н. подѣ тѣмъ предлогомъ, что теперь незначѣтъ ѣхать, что надо подождать рѣшенія дѣла, а самъ скрывалъ отъ нея всѣ получаемыя письма, изъ которыхъ она могла бы узнать что-нибудь о ходѣ слѣдствія. 18-го мая онъ пишетъ Орловой: „Маша здорова, а ея сынъ прелестень... Хотя она и ни о чемъ не догадывается, однако большую часть времени она проводитъ при своемъ ребенкѣ, а когда есть чужіе, то выходитъ только къ завтраку или обѣду; я не мѣшаю ей въ этомъ, потому что нахожу это удобнымъ. При ней все время Соня; ты знаешь, какой я плохой утѣшитель, благодаря моему рѣзкому характеру. Графиня Браницкая относится къ ней съ трогательной добротой. Новаго нѣтъ ничего. Жду извѣстій отъ Бенкендорфа или Алексѣя насчетъ духовнаго завѣщанія, какъ мы условились“. „Пиши для меня одного, — просить онъ 1 іюня.— Впрочемъ, я вскрываю всѣ письма, адресованныя Машѣ, потому что письма тетушки иной разъ такъ зажигательны, что я не могу отдавать ихъ ей“. 9-го іюня онъ пишетъ другой сестрѣ, Еленѣ, которая жила при Орловой въ Москвѣ: „Спасибо за твои письма, милый другъ; только скажи Катѣ, чтобы она не писала Машѣ ничего, относящагося до приговора и суда; она забываетъ, что если бы только Маша подозрѣвала близость суда, то не было бы возможности удержать ее здѣсь. Необходимо, чтобы она узнала все какъ можно позже. Послѣдніе дни она очень грустна; не знаю, что дѣлать съ этимъ, потому что подавать ей ложныя надежды было-бы жестоко. Я рѣшилъ вообще не говорить съ нею обо всей этой грустной исторіи. Ея сынъ здоровъ,—это большое счастье“. „Маша съ каждымъ днемъ грустнѣе,—пишетъ онъ недѣлю спустя.—Она сердится на меня за то, что я не говорю съ нею о дѣлѣ ея мужа, и жалуется на это Сонѣ; но я предпочитаю навлекать на себя ея несправедливыя упреки, нежели внушать ей ложныя надежды... Со дня на день ждемъ гр. Воронцова, который привезетъ намъ извѣстія“. 22-го іюня онъ пишетъ отцу: „Дорогой отецъ, въ своихъ письмахъ ко мнѣ ты говоришь о приговорѣ, о категоріяхъ и пр., и Катя тоже, поэтому я не могу показывать вашихъ писемъ Машѣ, которая, по моему мнѣнію, не должна ничего знать до окончательнаго рѣшенія. Пожалуйста, пишите ей отдѣльно, не говоря ничего, а мнѣ—со всѣми возможными подробностями. До сихъ поръ я получалъ достовѣрныя свѣдѣнія благодаря письмамъ Воронцова къ его семьѣ, но теперь онъ пріѣхалъ и мы уже ничего не будемъ получать изъ Петербурга. Браницкая уѣзжаетъ въ Москву въ первой половинѣ іюля. Машѣ не хочется оставаться здѣсь безъ графини, и я ей ничего не говорю объ этомъ, исключая того, что ты къ тому времени вѣроятно вернешься... Вотъ письмо Бенкендорфа. Предупреждаю тебя, что

это человекъ грубый и наглый со своими подчиненными; поэтому нельзя вполнѣ довѣрять его словамъ. Когда ты будешь ближе къ Одессѣ, ты самъ сможешь гораздо лучше уладить дѣло“

Наконецъ судъ былъ конченъ, и 12-го іюля подсудимымъ объявленъ приговоръ. 24-го іюля А. Раевскій писалъ сестрѣ: „Видишь, какъ я былъ правъ, рѣшивъ остаться съ Машей, потому что она каждую минуту можетъ узнать о своемъ несчастіи и о всѣхъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, которыми оно сопровождалось... Хотѣлъ писать тебѣ много, но моя голова пуста. Я не думалъ, что разжалованіе и ссылка Волконскаго такъ разстроятъ меня; я былъ готовъ къ этому, да и никогда не любилъ этого человека, а между тѣмъ мнѣ больно и за него, не говоря уже о Машѣ. Не забудь напомнить отцу о денежныхъ дѣлахъ сына Маши. Волконскій написалъ завѣщаніе, оно должно быть у министра юстиціи; для этого надо обратиться къ Бенкендорфу“.

Раевскій не торопился сообщать сестрѣ о приговорѣ; онъ ждалъ, конечно, пока Волконскаго отправятъ въ ссылку. Во всякомъ случаѣ, главное было сдѣлано; теперь надо было обдумать вторую половину дѣла, именно—дальнѣйшее положеніе Маши и ея сына. И этотъ вопросъ онъ считалъ нужнымъ рѣшить также не справляясь о ея собственныхъ желаніяхъ, съ тою-же деспотической непреклонностью воли, съ какою онъ раньше рѣшилъ, что ей не слѣдуетъ вѣхать за мужемъ. 31-го іюля онъ пишетъ Орловой: „Только-что получилъ письмо отъ несчастнаго Волконскаго, копію котораго прилагаю здѣсь. Я принимаю отвѣтственность; которую онъ возлагаетъ на меня, принимаю не столько ради него и его довѣрія ко мнѣ, сколько ради Маши, потому что несмотря на несчастіе, постигшее этого человека, я чувствую къ нему только жалость. Теперь намъ надо внимательно обсудить вопросъ о томъ, что должна дѣлать Маша. Покажи мое письмо отцу и попроси его взвѣситъ мои доводы безъ предубѣжденія“. Тутъ онъ подробно разбираетъ нѣсколько плановъ устройства М. Н. на зиму съ точки зрѣнія удобства для нея и присутствія надлежащей медицинской помощи для ея ребенка; затѣмъ онъ продолжаетъ: „Не отнесись легко къ вопросу о мѣстѣ жительства Маши и о врачѣ для ея ребенка. Помни, что въ этомъ ребенкѣ все ея будущее, помни о страшной отвѣтственности, которая падетъ на насъ, если мы не примемъ всѣхъ мѣръ предосторожности, какія въ нашей власти. Мы должны строго руководиться наиболѣе благоприятными вѣроятностями, а онѣ всѣ или за кн. Репнину, или за Одессу. Что касается ея самой, ея воли, то когда она узнаетъ о своемъ несчастіи, у нея конечно не будетъ никакихъ желаній. Она сдѣлаетъ и должна дѣлать лишь то, что посоветуютъ ей отецъ и я. Заклинаю тебя показать мое письмо отцу цѣликомъ и не поступать по собственному усмотрѣнію; если ты не

сдѣлаешь этого, я напишу прямо отцу. Надо дѣйствовать разсудительно и оставить въ сторонѣ всѣ мелкія соображенія“.

Итакъ, М. Н. и теперь еще ничего не знала, хотя со времени приговора прошло уже три недѣли. Наконецъ, 26-го іюля Волконскій былъ отправленъ въ ссылку. Теперь больше не было смысла скрывать отъ нея правду, и, вѣроятно, въ началѣ августа А. Н. сообщилъ ей все сразу—и приговоръ, и ссылку. Но какъ грубо онъ обманулся въ своемъ увѣренномъ предвидѣніи! Онъ былъ убѣжденъ, что, узнавъ о своемъ великомъ горѣ, она истаеетъ въ слезахъ и впадетъ въ полное безсиліе, а случилось обратное: горе не только не парализовало ея воли, но, напротивъ, вдругъ, какъ это всегда бываетъ съ женщинами, стянуло въ одну точку всѣ тайныя силы ея существа, и она явила зрѣлище такой непреклонной энергіи въ достиженіи своей цѣли, какой невозможно было ожидать отъ 18-лѣтней избалованной женщины.

Въ своихъ „Запискахъ“ М. Н. рассказываетъ, что, узнавъ о приговорѣ, она тотчасъ объявила брату, что послѣдуетъ за мужемъ; А. Н., которому нужно было ѣхать въ Одессу, сказалъ ей, чтобы она не трогалась съ мѣста до его возвращенія, но она на другой же день послѣ его отъѣзда уѣхала съ ребенкомъ въ Петербургъ. Она поѣхала не прямо въ столицу, а въ Яготинъ Полтавской губ., къ брату мужа Репнину; этотъ братъ, Николай Григорьевичъ, былъ въ дѣтствѣ переименованъ высочайшимъ указомъ по дѣду, за прекращеніемъ рода Репниныхъ, въ князя Репнина. М. Н. нашла шурина больнымъ; какъ только онъ поправился, всѣ, т. е. онъ съ женою и М. Н. съ ребенкомъ, пустились въ Петербургъ ¹⁾.

Раньше ея прибыль туда ея отецъ, старикъ Раевскій. 23-го октября онъ писалъ Орловой ²⁾: „Государь принялъ меня милостиво вмѣстѣ съ императрицей; они ѣхали гулять. Государь хотѣлъ увѣдомить, когда ему угодно будетъ пожаловать аудіенцію, чего и дожидаюсь.—Я жду Машеньку съ сыномъ вмѣстѣ съ княгиней Репниной всякую минуту. Буду ее удерживать отъ вліянія эгоизма Волконскихъ.“ А 5-го ноября онъ сообщаетъ брату, П. Л. Давыдову: „Вчера съ пріѣхала дочь моя Машенька. Ее Репнина обманомъ склонила отправиться сюда, будто старуха Волконская ³⁾ ѣдетъ къ сыну; но я все это привелъ въ порядокъ“. Последняя записка старика помѣчена 20-го ноября: „Дѣла мои приводятъ къ концу, но все еще дней пять пробить долженъ, pour toucher un peu d'argent для Машенькинаго путешествія, которое будетъ, какъ я думаю, въ январѣ. Государь утвердилъ духовную Волконскаго, итакъ ничто меня болѣе не задержитъ“.

Изъ „Записокъ“ М. Н. мы знаемъ, при какихъ условіяхъ

¹⁾ *Русская Старина*, 1878, іюнь, стр. 337.

²⁾ По-русски, какъ и дальнѣйшія его письма.

³⁾ У Раевского здѣсь описка: „Репнина“.

она уѣзжала въ Сибирь, какъ черство относились къ ней родные мужа, не позаботившіеся даже снабдить ее всѣмъ необходимымъ для страшнаго путешествія. Она уѣхала, оставивъ ребенка на попеченіи свекрови и невѣстокъ и давъ слово отцу, что вернется черезъ годъ. Она поѣхала чрезъ Москву и пробыла здѣсь два дня; здѣсь 26-го декабря Зинаида Волконская устроила для нея музыкальный вечеръ, на которомъ былъ и Пушкинъ и который такъ трогательно описанъ другимъ присутствовавшимъ поэтомъ, Веневитиновымъ. По немногимъ строкамъ въ ея „Запискахъ“ Некрасовъ создалъ чудную картину ея свиданія съ Пушкинымъ на этомъ вечерѣ:

Печальна была наша встрѣча. Поэтъ
Подавленъ былъ истиннымъ горемъ.
Припомнилъ онъ игры ребяческихъ лѣтъ
Въ далекомъ Юрзуфѣ надъ моремъ.
Покинувъ привычный насмѣшливый тонъ,
Съ любовью, съ тоской безконечной,
Съ участіемъ брата напутствовалъ онъ
Подругу той жизни безпечной.
Со мной онъ по комнатѣ долго ходилъ,
Судьбой озабоченъ моею,
Я помню, родные, что онъ говорилъ,
Да такъ передать не сумѣю:
„Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смѣлымъ терпѣньемъ богаты;
Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
Пусть васъ не смущаютъ утраты!
Повѣрьте, душевной такой чистоты
Не стоитъ сей свѣтъ ненавистный.
Блаженъ, кто мѣняетъ его суеты
На подвигъ любви безкорыстной!“

и т. д., но кто не помнитъ этихъ строкъ?

Она ѣхала съ лакеемъ и горничной. 1-го января Александръ Раевскій писалъ сестрѣ Орловой: „Путешествіе Маши довольно плохо обставлено; при ней нѣтъ ни одного надежнаго человѣка. Не понимаю, какъ можно было не принять всѣхъ надлежащихъ мѣръ; кажется, стоило позаботиться. Кромѣ того, она ѣдетъ съ взвинченной головой; я предпочелъ бы, чтобы она предприняла эту побѣдку только изъ сознанія долга, а не по чувствительному порыву. Теперь Богъ знаетъ, когда она вернется“.

Глубоко и сильно было горе отца. Оно сломило его крѣпкую натуру, и онъ недолго пережилъ разлуку съ Машей. Уцѣлѣли два его письма къ старшей дочери, писанныя вскорѣ послѣ отъѣзда Волконской. Ихъ невозможно читать безъ волненія.

„Ты не совсѣмъ справедливо судишь, мой другъ, Катенька, — пишетъ онъ 20-го марта 1827 г.—И ты также нѣсколько подвержена экзальтаціи, но энтузіазмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ,

до нѣкоторой степени, есть даръ Божій, переступая же черту, обращается въ сумашествіе.

„Если бъ я зналъ въ Петербургѣ, что Машенька ѣдетъ къ мужу безвозвратно и ѣдетъ отъ любви къ мужу, я бъ и самъ согласился отпустить ее навсегда, погresti ее живую; я бъ ее оплакалъ кровавыми слезами, и не менѣе отпустилъ бы ее. Если бъ ты была въ ея несчастномъ положеніи, я бъ сдѣлалъ то же.

„Возвратясь изъ Петербурга, я узналъ отъ брата твоего и сестеръ, что М. имъ говорила, что мужъ бываетъ ей несносенъ. Мужъ и отецъ, погубивъ жену, какъ погубилъ Волконскій, терять въ свои права на сердце жены своей; священные и свѣтскіе законы уничтожаютъ справедливо бракъ. Но если изъ-за этого сердце жены влечетъ ее къ мужу, какъ я полагалъ М., тогда никто не долженъ препятствовать ей въ исполненіи ея желаній. Я то и сдѣлалъ, но полагалъ не безъ причины послѣ, что она знала, что она ѣдетъ навсегда, и что она меня обманывала.—Письмо ея, вчера полученное, доказываетъ мнѣ противное, — но не менѣе она не чувству своему послѣдовала, побѣхавъ къ мужу, а вліянію волконскихъ бабъ, которыя похваляли ея геройству увѣрили ее, что она героиня,—и она побѣхала, какъ дурочка. Нельзя мнѣ не негодовать на нее: она должна имѣть болѣе довѣренности ко мнѣ и къ моему разуму, чѣмъ къ сквернымъ В—мъ; мнѣ и спокойствіе, и слава ея должны быть драгоценны. Если бъ я могъ надѣяться, что ея заблужденіе не исчезнетъ, тогда-бъ я не жалѣлъ о ея поступкѣ; но это не въ существѣ вещей, а между тѣмъ она единороднаго своего сына оставила безъ слезинки!

„Мой другъ! сердце отца не можетъ сохранить долго огорченія своего на дѣтей своихъ, и источникъ онаго доказываетъ привязанность мою къ ней. Я не показалъ ей ни капли онаго и никому не далъ подозрѣвать его, кромѣ тебя. Адресуясь съ онымъ къ тебѣ, я выбралъ того, кто не будетъ возбуждать его. Мой другъ, если-бы ты знала, что мнѣ стоитъ Машенька здоровья, ты бъ извинила мою чувствительность.

„Письмо ея отъ 29-го января, писанное изъ Иркутска, принесло не малое утѣшеніе. Или она не знаетъ, что ей не позволено будетъ возвратиться, или сіе запрещеніе существуетъ только для удержанія женъ несчастныхъ отъ поѣздки въ Сибирь. Милосердый Государь нашъ не будетъ наказывать несчастныхъ и невинныхъ жертвъ своей любви къ мужьямъ за оную, и конечно чрезъ нѣкоторое время имъ позволено будетъ возвратиться. Дай Богъ мнѣ дожить до этого! Я тебѣ говорю, мой другъ, что письмо ея усладило мою горестъ, и въ самую нужную для сего минуту, ибо за часъ до полученія онаго я писалъ къ Машенькѣ, и писалъ въ первый еще разъ по ея отъѣздѣ“.

Второе письмо писано мѣсяцемъ позже, 17 апрѣля.

„Неужто ты думаешь, мой другъ Катенька, что въ нашей семьѣ нужно защищать Машеньку, Машеньку, которая, по моему мнѣнію, поступила хотя неосновательно, потому что не по одному своему движенію, а по постороннему вліянію дѣйствуетъ, но не менѣе она въ несчастіи, какого въ мірѣ жесточе найти мудрено, мудрено и выдумать даже. Неужто ты думаешь, что могутъ сердца наши закрыться для нея? Но полно и говорить объ этомъ. Въ письмахъ своихъ она все оправдываетъ свой поступокъ, что доказываетъ, что она не совсѣмъ увѣрена въ добротѣ онаго. Я сказалъ тебѣ, мой другъ, одинъ разъ: ѣхать по любви къ мужу въ несчастіи—почтенно. Не будемъ возвращаться къ этому предмету. Дай Богъ, чтобы наша несчастная Машенька осталась въ этомъ заблужденіи, ибо опомниться было бы для нея еще бѣльшимъ несчастьемъ“¹⁾.

И точно для того, чтобы довершить свой портретъ, онъ пишетъ въ концѣ этого письма по поводу отставки А. П. Ермолова: „Ермоловъ заслужилъ свое огорченіе, но не могу не жалѣть объ немъ. Онъ не великодушень, поэтому будетъ несчастливъ: привыкши быть виднымъ человѣкомъ, ничтожность его будетъ ему мучительна“. Самъ Раевскій не любилъ громкихъ почестей и всего охотнѣе, по словамъ его біографа, „терялся въ сельскомъ убѣжищѣ среди семейства своего“.

XIII.

Орловъ отдѣлался легко: полугодичнымъ комфортабельнымъ заключеніемъ въ крѣпости, да увольненіемъ со службы. Лореръ рассказываетъ, что А. Ѡ. Орловъ выбралъ для ходатайства за брата ту минуту, когда царь шелъ приобщаться. Сначала Николай отказалъ ему, но А. Ѡ. Орловъ просилъ, умолялъ, обѣщалъ за прощеніе брата посвятить Николаю всю свою жизнь,—и царь наконецъ уступилъ. „Ночью,—говоритъ Лореръ,—пріѣхалъ за М. Орловымъ возокъ, и такъ какъ онъ недалеко отъ меня сидѣлъ въ казематѣ, то я видѣлъ, какъ Подушкинъ сильно суетился, какъ одѣли генерала въ шубу, какъ его съ низкими поклонами усаживали и увезли“²⁾.

Герценъ безъ сомнѣнія былъ правъ, сказавъ позднѣе, что если М. Ѡ. не попалъ въ Сибирь, то это была *не его вина, а его брата*. Не будь Николай I такъ обязанъ Алексѣю Орлову и, главное, не нуждайся онъ и дальше въ немъ, онъ не выпустилъ бы изъ своихъ рукъ Михаила. Есть вѣскія основанія думать, что онъ считалъ М. Ѡ. Орлова однимъ изъ главныхъ *закулисныхъ* виновниковъ заговора; это, конечно, о самомъ Николаѣ рассказываетъ Розень, что по окончаніи суда надъ декабристами „одно очень важное лицо сказало своимъ приближеннымъ:

¹⁾ Последняя фраза написана по-французски.

²⁾ „Изъ записокъ декабриста“, Рус. Бог. 1904, мартъ, стр. 55.

„Орлова слѣдовало-бы повѣсить перваго“¹⁾. Точно такъ же думалъ вел. кн. Константинъ Павловичъ; когда Николай написалъ ему, что Орловъ знаетъ о намѣреніи Якубовича, онъ отвѣчалъ 14 іюня 1826 г.: „Одна вещь удивляетъ меня—говорю тебѣ это прямо: именно, поведеніе Орлова, и какъ онъ съумѣлъ выйти сухимъ изъ воды и избѣгнуть суда“²⁾. И еще много позднѣе, въ декабрѣ 1832 г., когда былъ открытъ въ Тифлисѣ заговоръ, имѣвшій цѣлью вернуть Грузіи независимость, Николай писалъ Паскевичу: „Г.-м. кн. Чавчавадзе былъ всему извѣстенъ и, кажется, игралъ въ себѣ дѣль роль, сходную съ Михайлою Орловымъ по дѣлу 14-го декабря“³⁾.

16 іюня 1826 г. относительно М. Ѳ. Орлова послѣдовала высочайшая резолюція: „во уваженіе прежней отличной его службы и вмѣняя въ штрафъ шестимѣсячное содержаніе въ крѣпости“, приказано отставить его отъ службы съ тѣмъ, чтобы и впредь никуда не опредѣлять, и съ обязательствомъ безвыѣздно жить въ деревнѣ; мѣстному-же начальству имѣть за нимъ бдительный тайный надзоръ⁴⁾. 19 іюня Орловъ былъ уже въ Москвѣ, въ объятіяхъ своей жены. Она родила чрезъ нѣсколько часовъ послѣ его приѣзда. 30 іюня, извѣщая свою сестру о своемъ освобожденіи и о благополучномъ рожденіи дочери, онъ пишетъ: „Слѣдственно всѣ мои несчастія кончились, слава Богу, и могу я надѣяться на спокойную и счастливую жизнь въ семейственномъ кругѣ. Что-же касается до помысловъ о службѣ и блестящемъ состояніи въ обществѣ, вы знаете такъ же, какъ и я, что въ душѣ моей всѣ таковыя мысли давно уже исчезли. Спокойствіе и счастье въ умѣренности, вотъ мой удѣль. Онъ не хуже удѣла прочихъ для благоразумнаго“.

Спокойствіе и счастье въ умѣренности—какъ это было далеко отъ мечтаній о бурной жизни за родную страну, отъ надеждъ на „событіе“! Правда, въ эту минуту Орловъ ошибался: какъ челоуѣку, спасшемуся изъ кораблекрушенія, ему казалось, что на свѣтѣ нѣтъ ничего желаннѣе тихой пристани и семейнаго очага. Но онъ не догадывался, какъ скудно окажется это счастье въ умѣренности и какъ будетъ онъ томиться до конца. Лучше бы ему было не спастись такъ удачно.

Ближайшіе годы онъ жилъ въ своей калужской деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ, заводомъ и политической экономіей. Въ 1831 году онъ сдѣлалъ попытку выйти опять на сцену: онъ обратился къ Николаю съ просьбой позволить ему вступить въ военную службу рядовымъ. Николай велѣлъ сообщить ему, что ему разрѣшается жить въ Москвѣ и чтобы прислалъ своего сына для воспитанія въ Пажескомъ корпусѣ; на это

¹⁾ Баронъ А. Е. Розень, *М. Н. Муравьевъ, Рус. Отар.* 1884, янв., стр. 69.

²⁾ Швальдеръ, *Николай I*, примѣч. № 519.

³⁾ *Рус. Арх.* 1897, янв., стр. 9.

⁴⁾ *Астаф. арх.* I стр. 459, и Швальдеръ, *Николай I*, стр. 447.

Орловъ отвѣчалъ, что съ благодарностью принимаетъ разрѣшеніе жить въ Москвѣ, сына-же своего хочетъ воспитать самъ¹⁾.

И вотъ онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ купилъ и великолѣпно отдѣлалъ себѣ большой домъ на Пречистенкѣ. Здѣсь онъ и прожилъ до смерти, все время подъ тайнымъ надзоромъ; лишь незадолго до смерти, въ 1841 г. ему былъ дозволенъ и въѣздъ въ Петербургъ. Онъ занялъ видное мѣсто среди московскаго общества, войдя въ кругъ тѣхъ передовыхъ людей, которые собирались въ салонахъ Свербеевой, Елагиной или у него самого. Всѣхъ ближе онъ былъ съ Чаадаевымъ; ихъ связывала долготѣняя дружба и общность положенія. Орловъ пользовался большимъ уваженіемъ молодежи, какъ либераль и западникъ. У него бывалъ молодой Герценъ, и Пушкинъ, наѣзжая въ Москву, знакомился у него съ литературной молодежью изъ „Моск. Наблюдателя“.

Герценъ художественно изобразилъ Орлова въ послѣдній періодъ его жизни²⁾. Герценъ познакомился съ нимъ въ началѣ 30-хъ годовъ. „Тогда онъ былъ еще красавецъ: „чело, какъ черепъ голый“, античная голова, оживленныя черты и высокій ростъ придавали ему истинно что-то мощное. Именно съ такою наружностью можно увлекать людей. Возвращенный изъ ссылки, но не прощенный, онъ былъ въ очень затруднительномъ положеніи въ Москвѣ. Снѣдаемый самолюбіемъ и жадной дѣятельности, онъ былъ похожъ на льва, сидящаго въ клеткѣ и не смѣвшаго даже рычать. Faute de mieux онъ окружилъ себя небольшимъ кругомъ знакомыхъ и проповѣдывалъ тамъ свои теоріи; главное лицо по талантамъ и странностямъ занималъ въ этомъ кругу Чаадаевъ. Подавленное честолюбіе, глубокая увѣренность, что онъ могъ-бы дѣйствовать съ блескомъ на высшихъ правительственныхъ мѣстахъ и воспоминаніе прошедшаго, желаніе сохранить его какъ нѣчто святое, ставило Орлова въ непрерывное колебаніе. „Стереть прошедшее“ и явиться какою-то Магдалиной,—говорилъ одинъ голосъ; „не сходить съ величественнаго пьедестала, который данъ ему прошедшимъ интересомъ и оставаться окруженнымъ ореоломъ оппозиционности“,—говорилъ другой голосъ. Отъ этого Орловъ дѣлалъ непрерывныя ошибки, вовсе безъ нужды и безъ пользы громогласно иной разъ унижался и приобреталъ одинъ стыдъ. Ибо тѣ, передъ которыми онъ это дѣлалъ, не довѣряли ему, а тѣ, которые были свидѣтелями, теряли уваженіе... И въ самомъ дѣлѣ, непріятно было видѣть на московскихъ гуляньяхъ и балахъ Михаила Федоровича въ то время, какъ всѣ его товарищи ныли и уничтожались на каторгѣ. Орловъ не умѣлъ носить трауръ, который ему повелѣвала благопристойность высшая“.

„Отъ скуки Орловъ не зналъ, что начать. Пробовалъ онъ и

¹⁾ Изъ писемъ Крестина, *Р. Арх.* 1884, № 6, стр. 148.

²⁾ *Соч.* Герцена, русск. изд. т. VI, стр. 4 сл., т. II стр. 131.

хрустальную фабрику заводить, на которой дѣлались средне-вѣковыя стекла съ картинами, обходившіяся ему дороже, чѣмъ онъ ихъ продавалъ, и книгу онъ принимался писать „О кредитѣ“¹⁾, нѣтъ, не туда рвалось сердце, но другого выхода не было. Левъ былъ осужденъ праздно бродить между Арбатомъ и Басманной, не смѣя даже давать волю своему языку“.

Герценъ оставилъ Орлова въ 1834 г. и снова увидѣлъ уже незадолго до его смерти, въ 1841-мъ: „Онъ на меня сдѣлать ужасное вліяніе: что-то руинное, убитое было въ немъ. Работавши 7 лѣтъ и все по пустому, чтобъ получить поприще, онъ убѣдился, что тамъ никогда не простятъ, что ни дѣлай. А юное поколѣніе далеко ушло и съ снисхожденіемъ (а не съ увлеченіемъ) смотрѣло на старика. Онъ все это чувствовалъ и глубоко мучился, занимался отдѣлкой дома, стекляннымъ заводомъ, чтобъ заглушить внутренней голосъ, но не выдержалъ“.

Орловъ умеръ въ Москвѣ въ 1842 г., 18 марта, въ день сдачи Парижа.

„Онъ умеръ спокойно, величаво,—говоритъ Герценъ.—Все путное въ Москвѣ показало участіе къ больному, даже незнакомые. Отдѣлили, поняли, благословили въ путь. Толпа народу была на отпѣваніи и проводила его. Послѣ его смерти полиція опечатала бумаги и отослала въ Петербургъ“.

Внуки Орлова хранятъ листокъ бумаги, гдѣ рукою Чаадаева написанъ проектъ надгробной надписи другу: „Здѣсь покоится прахъ ген.-м. М. Ѡ. Орлова. Современники помнили, что онъ участвовалъ въ достославномъ увѣнчаніи всенародной войны противъ Франціи, подписавъ 1814 года, марта 18, сдачу Парижа. Друзья любили его добрую душу. Боже, помидуй эту добрую душу! Родился 1788 года, скончался 1842 года, марта 18“. Иного рода эпитафію написалъ ему Герценъ въ „Быломъ и Думахъ“:

„...Въ Люцернѣ есть удивительный памятникъ; онъ сдѣланъ Торвальдсеномъ въ дикой скалѣ. Во впадинѣ лежитъ умирающій левъ; онъ раненъ на смерть, кровь струится изъ раны, въ которой торчитъ обломокъ стрѣлы; онъ положилъ молодецкую голову на лапу, онъ стонетъ, его взоръ выражаетъ нестерпимую боль; кругомъ пусто, внизу прудъ, все это задвинуто горами, деревьями, зеленью; прохожіе идутъ, не догадываясь, что тутъ умираетъ царственный звѣрь.“

„Разъ какъ-то долго сидя на скамьѣ противъ каменнаго страдальца, я вдругъ вспомнилъ мое послѣднее посѣщеніе Орлова...“

¹⁾ Книга Орлова „О государственномъ кредитѣ“ вышла анонимно въ 1833 г. и позднѣе (1840) была переведена на нѣм. яз., см. *Рус. Арх.* 1899, I, 633—4.

А остальные наши герои?

Гроза 14 декабря убила ихъ всѣхъ, но по разному. Если Орлова она отравила ядовитыми газами, которые медленно убивали его въ продолженіе 16 лѣтъ, то старика Раевского она контузила на смерть. Онъ умеръ въ сентябрѣ 1829 г. Онъ давно простилъ свою Машеньку. Онъ дѣлалъ выговоры сыну Николаю, который въ своихъ письмахъ къ сестрѣ никогда не посылалъ поклона Волконскому ¹⁾; а наканунѣ смерти онъ сказалъ одному изъ своихъ друзей, указывая на портретъ М. Н., висѣвшій въ его комнатѣ: „Вотъ самая удивительная женщина, какую я видѣлъ“ ²⁾.

Александръ Раевскій такъ и не вернулся больше на службу и всю свою остальную жизнь проходилъ „отставнымъ камергеромъ“. Онъ вернулся въ Одессу и жилъ то здѣсь, то у Браницкой, смотря по тому, гдѣ жила Воронцова. Въ 1828 г. эта исторія кончилась: ее кончилъ Воронцовъ, и такъ же грубо, какъ четыре года назадъ съ Пушкинымъ. Что собственно произошло, мы не знаемъ, но въ одинъ прекрасный день графъ Воронцовъ послалъ письменное заявленіе полицеймейстеру одесскому о томъ, что Раевскій, встрѣтивъ его супругу на загородной прогулкѣ, преслѣдовалъ ее своими любезностями; онъ жаловался, какъ *частный человекъ* (а онъ былъ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ), угрожая въ то же время прибѣгнуть къ высшей власти, если не получитъ удовлетворенія.—Получивъ эту бумагу, полицеймейстеръ лично отправился къ Раевскому, который счелъ нужнымъ дать письменный отзывъ. Онъ отвѣчалъ, что не говорилъ графинѣ ничего дерзкаго. „Мнѣ весьма прискорбно,—писалъ онъ,—что графъ Воронцовъ вмѣшиваетъ полицію въ семейственныя свои дѣла, и чрезъ то даетъ имъ столь неприятную гласность. Я покажу болѣе умѣренности и чувства приличія, не распространяясь далѣе о такомъ предметѣ. Что же касается до донесеній холопій его сятельства, то оныя совершенно ложны“.

Въ это время старикъ Раевскій еще былъ живъ. О дальнѣйшемъ ходѣ дѣла краснорѣчиво повѣствуетъ его письмо на имя Николая I отъ 12 іюля 1828 г.:

„В. и. в., всемилостивѣйшій государь, графъ Воронцовъ извѣщаетъ меня письмомъ, что сынъ мой, по высочайшему вашему повелѣнію, высланъ изъ Одессы въ Полтаву за разговоры его противъ правительства и военныхъ дѣйствій, *отправды ваясь предо мною, что онъ сему не причиною.*

„Тридцать съ лишнимъ лѣтъ я знаю графа Воронцова.

„Несчастливая страсть моего сына къ графинѣ Воронцовой вовлекла его въ поступки неблагоразумныя, и онъ непростительно виноватъ предъ графинею.

¹⁾ Воспоминанія М. В. Юзефовича, *Рус. Арх.* 1880, III, стр. 432.

²⁾ *Рус. Стар.* 1878, іюнь, 338.

„Графу Воронцову нужно было удалить моего сына, по всей справедливости, что могъ онъ сдѣлать образомъ благороднымъ: графиня Браницкая могла о семъ просить васъ для спокойствія семейнаго. Но онъ не разсудилъ сего. Графъ Воронцовъ богатъ, военный генераль-губернаторъ, можетъ деньгами и другими награжденіями найти кого донести и присягнуть въ чемъ угодно графу Воронцову.

„Всемилоствѣйшій государь, сынъ мой не въ состояніи говорить ни мыслить противъ правительства; накажите его за его неблагоразуміе, но не по клеветѣ, на него взнесенной; первое можетъ его ввести въ разсудокъ, а послѣднее—погубить; если же я обманулъ васъ, я преступникъ, накажите меня по винѣ моей.

„Имѣю счастье быть и проч. Николай Раевскій, генераль-отъ-кавалеріи“ ¹⁾.

Въ Полтавской губ. А. Н. оставался заточеннымъ довольно долго; еще годъ съ лишнимъ спустя онъ только по спеціальному разрѣшенію могъ съѣздить оттуда къ умирающему отцу. Потомъ онъ получилъ право жить въ столицѣ, поселился въ Москвѣ, женился, и даже на богатой, скоро овдовѣлъ и затѣмъ весь отдался воспитанію своей малютки-дочери „Сашокъ“. Потомъ и дочь выросла и вышла замужъ (за гр. Ностица), и уже не на что было тратить остатокъ такъ безцѣльно растраченныхъ душевныхъ силъ. Послѣднія нѣсколько лѣтъ онъ жилъ въ Ниццѣ, гдѣ и умеръ на 74 году, 23 октября 1868 г. И отца, и мужа, и братьевъ, и всѣхъ сестеръ пережила Екат. Ник. Орлова, умершая только въ 1885 году.

М. Гершензонъ.

¹⁾ *Рус. Стар.* 1885, ноябрь, стр. 402—3.

Между былымъ и настоящимъ.

(Изъ розыскныхъ дѣлъ N—скаго жандармскаго правленія). ¹⁾

Псевдонимы революціонныхъ дѣятелей.

- „Абрамсонъ“, онъ же „Давидовичъ“.—Медемъ, Владиміръ Давидовъ.
- „Абсолютъ“.—Стасова, Елена Дмитріева.
- „Адольфъ“.—Шерговъ, онъ же Шереговъ, Михаилъ Ивановъ.
- „Александровъ“.—Милюковъ, Павелъ Николаевъ.
- „Акимовъ“.—Махновецъ, Владиміръ Петровъ.
- „Анисимовъ“.—Князь Долгоруковъ, Петръ Дмитріевъ.
- „Анскій“.—Раппопортъ, Соломонъ (Шлема) Ароновъ.
- „Ася“.—Кнунянцъ, Богданъ Мердзаджановъ.
- „Арганьянецъ“.—Гогеля, Георгій Ильинъ.
- „Афанасьевъ“.—Дейчъ, Левъ Григорьевъ.
- „Барабанъ“.—Гурскій, Маріанъ Григорьевъ.
- „Батуринскій“.—Бурцевъ, Владиміръ Львовъ; эмигрантъ.
- „Богучарскій“.—Яковлевъ, Василій Яковлевъ.
- „Борисъ“ („Сѣверскій“, „Ниль“, „Глѣбовъ“).—Носковъ, Владиміръ Александровъ.
- „Браунъ“.—Вечеславъ, Михаилъ Георгіевъ.
- „Брукеръ“.—Махновецъ, Лидія Петровна.
- „Бюловъ“.—Мандельбергъ, Викторъ, врачъ.
- „Бѣлова“.—Брешковская, Екатерина.
- „Валентинъ“.—Валлахъ, Мееръ (Максъ), Генохъ Мовшевъ.
- „Василенковъ“ или „Басиленковъ“.—Локерманъ, Александръ Самойловъ, кличка Адамъ Юрьевичъ.
- „Василій Ивановичъ“.—Щеколдинъ, Федоръ Ивановъ.
- „Веніаминъ“.—Савинковъ, Борисъ.
- „Викторовъ“.—Ногинъ, Викторъ Павловичъ.
- „Волковъ“, онъ же „Бѣлкинъ“, онъ же „Мартынъ“.—Розановъ, Владиміръ.
- „Воробьевъ“.—Липкинъ, Федоръ Андреевъ.
- „Вѣра“.—Рерихъ, Екатерина.
- „Галерка“.—Луначарскій, Анатолій.
- „Гарденинъ“.—(„Кудринъ“, „Рудинъ“) —Черновъ, Викторъ Михайловъ.

¹⁾ Воспроизводя доставленный намъ документъ безъ комментариевъ, не можемъ, однако, не замѣтить, что, напр. В. Л. Бурцевъ *никогда* подъ псевдонимомъ Батуринаскаго не писалъ и *никогда* эту фамилію ни для какихъ цѣлей не носилъ. Существовать въ спискѣ, сколько намъ извѣстно, и другія столь же грубыя ошибки. Словомъ, нашимъ сыщикамъ до Лекоковъ еще далеко...

Ред.

- „Горскій“.—Вольскій, Владиміръ Казиміровъ.
„Глѣбовъ“.—Яковлевъ, Василій Яковлевичъ.
„Глѣбовъ“ („Ниль“).—Носковъ, Владиміръ Александровъ.
„Груздевъ“.—Блюменфельдъ, Іосифъ Соломоновъ, румынск. подданный.
„Гусевъ“ („Лебедевъ“).—Драбкинъ, Шмая Веніаміновъ.
„Донъ“.—Гуревичъ, Федоръ Ильинъ.
„Дементьевъ“.—Бассовскій, Іосифъ Берковъ.
„Динамитъ“.—Лазаревъ, Веніаминъ.
„Диканскій“.—Азефъ Евно.
„Доневичъ“.—Гуревичъ, Эмануиль-Мендель Львовъ.
„Дядинька“ („Носаръ“, „Василій Ивановичъ“).—Щеколдинъ, Федоръ Ивановъ.
„Егоровъ“.—Юрьевъ, Капитонъ Григорьевъ.
„Жена“.—Селянко, Александра Африкановна, рожд. Битрюмова.
„Заславскій“.—Вейнштокъ, Викторъ Александровичъ.
„Землячка“.—Трелина Зинаида.
„Звѣръ“ („Розенбергъ“ и „Соколъ“).—Дешина, Зинаида.
„Исааковъ“.—Гольдманъ, Михаилъ Исааковъ.
„Игнатъ“ („Павловичъ“).—Красиковъ Петръ Ананьинъ.
„Ильинъ“ (Ленинъ).—Ульяновъ, Владиміръ Ильинъ.
„Инсаровъ 1-й“.—Лалаянцъ, Исаакъ Христофоровъ.
„Инсаровъ 2-й“ или „Николай Инсаровъ“.—Раковскій, Кристо Георгіевичъ рум. подд.
„Каинъ“.—Соколовъ, Михаилъ.
„Катя“ („Ленина“).—Ульянова, Надежда Константинова.
„Кирова“.—Засуличъ Вѣра Ивановна.
„Клименко“.—Гурскій, Маріанъ Григорьевъ.
„Коганъ“.—Дейчъ, Левъ Григорьевъ, до православія Лейба Гершковъ.
„Кольцовъ“.—Гинцбургъ, Берко Абрамовъ.
„Комовъ, А. И.“.—Юделевскій, Яковъ (Янкель) Лейзеръ Лейзеровъ.
„Конявскій“.—Малиновскій.
„Конягинъ“, онъ же „Лошадь“.—Гальперинъ, Левикъ Хаимовъ.
„Костичъ“ („Костя“).—Гальберштадтъ, Сура-Рейзель Самсонова.
„Корнъ“.—Кочурихинъ, Николай Ивановъ.
„Красновскій, Миша“.—Сайфетъ Мойше Эліевъ.
„Краснопольскій“.—Раппопортъ.
„Куликовскій“.—Бассовскій, Берковъ.
„Лазаръ“.—Балеръ Лейзеръ Шмулевъ.
„Лабукъ Мейеръ“.—Минесъ Мееръ Мовшевъ.
„Ларинъ Юрій“.—Лурье, Михаилъ Соломоновъ.
„Лидовъ“ („Людковъ“).—Лейтайзенъ, Гавріиль Давыдовъ.
„Лидинъ“ („Лядовъ“).—Мандельштамъ, Маршинъ Львовъ.
„Литвиновъ“.—Валлахъ Максъ Генохъ Мовшевъ.
„Лѣсенко“.—Леманъ, Инна Гермогенова, рожд. Смидовичъ.
„Люсня“.—Баронъ Келлеръ-Краузе.
„Мапъчикъ“.—Кокосовъ, Геннадій Ивановъ.
„Макаръ“.—Александровъ, Иванъ Платоновъ.
„Максимъ“.—Новаковскій, Яковъ.
„Маркъ“.—Гальперинъ, Левикъ.

- „Мартовъ“, онъ же „Сергѣевъ“.—Цедербаумъ, Юлій Осиповъ.
„Мартыновъ“.—Пикеръ Саулъ Самуиловъ.
„Мартынъ“.—Розановъ, Владиміръ.
„Матреновъ“.—Смидовичъ, Петръ Гермогеновъ.
„Настасья Ивановна“ („Стихія“).—Радченко, Любовь Николаевна, рожд. Баранская.
„Никифоровъ“.—Веденяпинъ, Максимъ.
„Невзоровъ“, онъ же „Рязановъ“.—Нахамкисъ Евгений Юрій Овша Моисеевъ
„Нагребецкій“.—Бурцевъ, Владиміръ.
„Олинъ“.—Лейстинскій, Пантелеймонъ Ивановъ.
„Ортодоксъ“.—Аксельродъ, Любовь Николаева.
„Павловъ“.—Миндлинъ.
„Перова“. Бончъ-Бруевичъ, Вѣра Михайловна, урожд. Величина.
„Петербургецъ, К.“ и „Петербургецъ, А.“ („Короневскій“).—Мужъ и жена проживающіе въ Лондонѣ и извѣстные тамъ подъ именемъ „Таръ“ или „Тара“. Онъ бывший редакторъ „Рабочей Мысли“.
„Петровскій“.—Сомовъ, Осипъ Ивановъ.
„Полетаевъ“, прежде „Грачъ“.—Бауманъ, Николай Эрнестовъ.
„Поповъ“.—Гуревичъ, Абрамъ Нафтиліевъ Герцевъ.
„Ровичъ“.—Полинковскій, Іосъ Мордуховъ.
„Розинъ“.—Милль, Іосель.
„Рудниковъ“.—Райхесбергъ, проф. Бернск. унив.
„Рузовъ“.—Орловъ, Александръ Георгіевъ.
„Рядовой“.—Малиновскій, Александръ Александровъ.
„Рязановъ“.—Гольдендахъ, Давидъ Симка Беровъ Зельмановъ.
„Самсоновъ“.—Вольскій, Давидъ Казиміровъ.
„Серебровъ“.—Зильберфарбъ Гецель Говсѣевъ.
„Спасскій“.—Чичинадзе, Николай Александровъ.
„Старикъ“.—Плехановъ, Георгій Валентиновъ.
„Старичекъ“ (въ 1902 г.).—Крохмаль, Викторъ Николаевъ.
„Старовѣръ“.—Потресовъ, Александръ Николаевъ.
„Сѣверскій, Борисъ Николаевъ“.—Носковъ, Владиміръ Александровъ.
„Тагъ“.—Таршисъ, Іосиль Оріоловъ.
„Ташкентецъ“.—Веденяпинъ, Михаилъ Александровъ.
„Тодоровъ“.—Иковъ Владиміръ Константиновъ или Пайкисъ Александръ.
„Тоня“.—Блюменфельдъ, Іосифъ; секретарь Центр. Ком. Рос. Соц.-Дем. Р. партіи въ Берлинѣ, сторонникъ меньшинства.
„Тимофей“ („Юдинъ“).—Капельзонъ, Цѣмахъ Мордуховъ.
„Троцкій“.—Бронштейнъ, Левъ-Лейба Давыдовъ.
„Устиновъ“.—Лозинскій, Евгений Іустиновъ.
„Ульрихъ“.—Іудко-Наркевичъ, Фома Витольдовъ.
„Фоминъ“ („Загорскій“).—Крохмаль, Викторъ Николаевъ.
„Фроленко“.—Мальцманъ, Борисъ Шмулевъ.
„Фройка“.—Рахландъ, Фроимъ Хееровъ.
„Фруктъ“.—Лебедевъ, Борисъ Николаевъ.
„Черноземъ“.—Авдѣевъ Михаилъ.
„Шарко“.—Елизарова, Анна Ильина, урожд. Ульянова.
„Шварцъ“.—Воровскій, Воцлавъ Феофилъ.

„Шведъ“.—Мееровичъ.

„Швейдъ, Евгения Давыдова“.—Милашевская, Марія Ивановна.

„Эммануиловъ“.—Корневскій, Маркусь.

Псевдонимы революціонныхъ организацій.

„Борисъ“.—Боевая организація партіи социалистовъ-революціонеровъ.

„Боря“.—Большинство.

„Вѣра“.—Вѣстникъ Русской Революціи.

„Коля“.—Петерб. Ком. соц. дем. раб. партіи.

„Лида“.—Аграрно-соціалистическая лига.

„Миша“.—Меньшинство.

„Надя“.—Обозначаетъ въ Бурцевской группѣ народовольцевъ.

„Рая“.—Революціонная Россія.

„Фаустъ“.—Центральный Комитетъ.

„Фекла“.—Искра.

„Функель“ (въ перепискѣ „Бунда“).—Искра.

Условные термины.

„Сапоги“.—Иногда паспортъ.

„Таня“.—Транспортъ нелегальныхъ изданій.

„Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“.

(Продолженіе.) ¹⁾.

Показанія Кожанчикова, Ничипоренка, Бени и Гаевского. Дренинская работа.

Комиссія выжидала дѣйствій Дреникина и рѣшила, что какъ только узнаетъ, что онъ приступилъ въ Москвѣ къ обыскамъ, обыскать въ Петербургѣ *Дмитрія Ефремовича Кожанчикова*, доставить его къ оберъ-полицеймейстеру и сдѣлать подробный допросъ, на который вызвать Бени и Максимова.

22 ноября къ Кожанчикову нагрянули съ обыскомъ, но ничего подозрительнаго не нашли. На допросѣ онъ отрекся отъ знакомства съ Кельсиевымъ и поѣздки съ нимъ въ Москву и вообще не обнаружилъ говорливости. Желая дѣйствовать на него, какъ на вѣрующаго человѣка, Кожанчикова долго увѣщевалъ попъ, но, несмотря на это, 4 декабря онъ лишь подтвердилъ предыдущее показаніе. Дали очную ставку съ Ничипоренкомъ—Кожанчиковъ остался при своемъ.

Черезъ четыре дня послѣ очной ставки Ничипоренко далъ комиссіи очень цѣнныя указанія, въ которыхъ обнаружилъ способности сыщика. Онъ рекомендовалъ попытаться отъ Максимова всего, чтобы обнаружить участіе въ дѣлѣ Кожанчикова. Относительно же Гаевского его совѣтъ былъ таковъ: поискать въ его бумагахъ или въ банкѣ переводное письмо (вексель), адресованное на лондонскій торговый домъ отъ здѣшняго торговаго дома Винекена, съ бланковою надписью Тиблена. Отысканіе такого векселя въ архивѣ самого Гаевского или въ банковскомъ дастъ твердое указаніе, что Ничипоренко отослалъ такимъ образомъ деньги въ Лондонъ. При этомъ Ничипоренко добавилъ, что онъ на очной ставкѣ умышленно умолчалъ пока о двухъ доказательствахъ: первое—Кожанчиковъ далъ ему 100 рублей передъ отъѣздомъ за гра-

¹⁾ См. „Вѣло“ №№ 9 и 10.

ницу на приобретение сочинений Кельсиева, и второе—письмо Герцена къ Владимірову Ничипоренко передалъ Гаевскому, на что тотъ сказалъ—«хорошо». Не преминулъ онъ и сообщить еще, что вспомнилъ, что подложный паспортъ Кельсіеву досталъ Налбандянъ.

Допрошенный Бени сознался, что Кельсіевъ былъ у него въ первый день прїѣзда въ Петербургъ и въ день отъѣзда въ Москву; о цѣли прїѣзда онъ не спросилъ, опасаясь быть ложно понятымъ въ виду слуховъ о своемъ шпионствѣ. Когда Кельсіевъ сказалъ, что хочетъ видѣть Ничипоренко, Бени послалъ за нимъ мальчика въ редакцію «Сѣверной Пчелы». Подписей ни на какой адресъ не собиралъ, денегъ для Бакунина—тоже. Комиссія признала нужнымъ, учредить за нимъ строгій надзоръ... 28 ноября Бени обратился къ ней съ прошениемъ, въ которомъ писалъ, что «убѣдившись уже съ нѣкотораго времени, что его занятія, какъ литературныя, такъ и ученныя, дѣлаютъ Россію болѣе выгоднымъ для него мѣстопребываніемъ, чѣмъ Англія, и имѣя вслѣдствіе этого намѣреніе поступить въ русское подданство», онъ узналъ, что, состоя подъ слѣдствіемъ, не можетъ сдѣлать этого теперь же. Поэтому онъ проситъ разрѣшить ему ходатайствовать о поступленіи въ русское подданство. При этомъ Бени прибавлялъ, что хорошо понимаетъ, что избавленъ отъ мѣръ административнаго воздѣйствія и именно потому «желалъ бы добровольно отказаться отъ этого преимущества именно теперь, когда подобный шагъ могъ бы служить по крайней мѣрѣ нравственнымъ доказательствомъ его желанія продолжать его прежнія занятія и совершенной безвредности его дѣйствій».

Комиссія объявила, что разрѣшеніе этого прошенія не входитъ въ ея компетенцію.

Читатели, можетъ быть, помнятъ, что взять былъ сначала на подозрѣніе а потомъ и просто на сугубое наблюденіе *Викторъ Павловичъ Гаевскій*, котораго только и поджидали изъ-заграницы. Еще въ октябрѣ у него на квартирѣ былъ сдѣланъ тщательный обыскъ, послѣ котораго всѣ бумаги опечатали и сдали въ III отдѣленіе, а книги запечатали въ сараѣ. Гаевскій вернулся въ срединѣ ноября и сейчасъ же запросилъ кн. Голицына, въ чемъ его обвиняютъ.

Изъ бумагъ его комиссія обратила вниманіе на два письма: одно Панаевой, другое—Касаткина.

1. «Успокойтесь; Антоновичъ, развѣ взять, то сейчасъ, потому что въ 2 часа дня сегодня видѣли Чернышевскаго, который былъ спокоенъ, а это невозможно было бы при арестованіи Антоновича. Очень желаю, чтобъ вы скорѣе выздоровѣли. Сейчасъ поѣдутъ къ Антоновичу, чтобы быть совершенно увѣренными, что арестованія не было. *Ав. Панаева*».

2. «Многоуважаемый
Викторъ Павловичъ.

«Такъ какъ я остаюсь въ Питерѣ до воскресенья, а четвергъ занятъ у васъ, да и я забылъ, что обѣщался быть въ этотъ день

въ клубѣ, то позволѣте мнѣ побесѣдовать съ вами въ пятницу, или въ субботу. Назначеніе того или другого дня зависитъ отъ васъ, объ чемъ вы и черкнете мнѣ. За оттискъ вашей статьи душевно благодаренъ. О Вадимѣ ¹⁾ до сихъ поръ—ни слуху ни духу».

Преданный вамъ.

В. Касаткинъ.

28 марта
1862 г.

Перваго декабря Гаевскому былъ сдѣланъ допросъ. Онъ категорически отрицалъ всякія свои сношенія съ заграничной эмиграціей и полученіе вырѣзокъ изъ «Колокола». Правда, получалъ отъ Ничипоренка «Колоколъ», но возвращалъ въ этотъ же день. Съ Кельсіевымъ никогда не видѣлся. Вообще Гаевскій рѣшилъ взять смѣлостью отрицанія. На очной ставкѣ съ Ничипоренкомъ онъ велъ себя точно также, между тѣмъ, по словамъ П. А. Ефремова, онъ самъ присутствовалъ при передачѣ Ничипоренкомъ письма Гаевскому... Временно его рѣшили оставить въ покоѣ.

Черезъ нѣсколько дней Потаповъ сообщилъ комиссіи, что у Траверсе наблюдаются признаки умопомѣшательства и что его помѣстили уже въ военно-сухопутный госпиталь...

Дренякинъ работалъ.

Прежде всего по его просьбѣ комиссія увѣдомила министра иностранныхъ дѣлъ, что она не ручается за сохранность важныхъ государственныхъ актовъ въ московскомъ архивѣ, если не будетъ обращено должное вниманіе на служашаго тамъ литератора Афанасьева ²⁾... Разумѣется, на него было обращено это должное вниманіе и заявлено, что если онъ не оправдается совершенно отъ подозрѣнія въ неблагонамѣренныхъ дѣйствіяхъ, то будетъ немедленно уволенъ.

22 и 23 ноября Дренякинъ произвелъ обыски у Челищевой, кн. Трубецкаго, Афанасьева, Козлова и Ошмянцева, ничего подозрительнаго не нашелъ и потому ограничился подписками о невыѣздѣ. Къ Орфано былъ командированъ полковникъ Дурново. При этомъ «любитель не бюрократическихъ способовъ сыска», Дренякинъ писалъ Потапову, что нарочно не арестовалъ помянутыхъ лицъ, избѣгая пока шума, но что, если правительство признаетъ арестованіе необходимымъ, то пусть только сообщитъ ему объ этомъ шифромъ—и все сдѣлается очень тонко и хорошо.

На допросѣ Афанасьевъ категорически отрицалъ знакомство съ Кельсіевымъ, котораго, по словамъ П. А. Ефремова, принялъ у себя весьма сухо. Трубецкаго и Шибаева знаетъ, а Козлова—только въ

¹⁾ Шевцовъ В. Кельсіева.

²⁾ Любопытно, что Афанасьеву не было поставлено въ вину изданіе „Народника русскихъ летидъ“, вышущее имъ въ 1859 г. въ Лондонѣ; оно совершенно ускользнуло отъ вниманія III отдѣленія и комиссія.

лицо. Касаткинъ участвовалъ въ его «Библиографическихъ Запискахъ» 1858—1859 г.

Челищева о прїѣздѣ Кельсіева въ Россію не знала ничего, пока не арестовали Петровскаго. Тоже самое показали Ошмянцевъ, Козловъ, Трубецкой и братья Орфано.

Очевидно, надо было заставить ихъ всѣхъ говорить, и потому Голицынъ приказалъ пригласить ихъ въ Петербургъ, куда они и прїѣхали безъ особаго надзора. Но на допросахъ комиссіи всѣ прїѣхавшіе москвичи ровно ничего не прибавили къ сказанному Дренякину...

4 декабря былъ допрошенъ вытребованный для этого *Дмитрій Васильевичъ Камшинъ*, 33 лѣтъ, воспитывавшійся въ лицей. Съ Герценомъ онъ познакомился въ Лондонѣ, гдѣ жилъ въ одномъ отелѣ съ Траверсе; оба они въ пропагандѣ не принимали никакого участія.

7 декабря Голицынъ доложилъ государю о необходимости вызвать изъ-заграницы Александра Серно-Соловьевича, Кельсіева, Тургенева, Касаткина и Черкесова, и получилъ высочайшее одобреніе этой мѣры. Немедленно были сдѣланы всѣ соотвѣтствующія распоряженія по министерству иностранныхъ дѣлъ.

15 декабря Голицынъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ о томъ, что слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ бумагахъ Афанасьева найдена копія секретнаго доклада о раскольникахъ. Александръ II написалъ: «необходимо».

Одновременно въ Рыбинскѣ былъ допрошенъ товарищъ Владимірова Журавлевъ, показавшій, что какъ только онъ получилъ экземпляръ прокламаціи «Земская Дума», такъ сейчасъ же его уничтожилъ. За Журавлевымъ приказано было учредить строгій полицейскій надзоръ.

Показанія Серно-Соловьевича.

Теперь вернемся къ Серно-Соловьевичу.

5, 8 и 11 декабря ему были сдѣланы второй, третій и четвертый допросы. Повидимому, онъ рѣшилъ измѣнить свою тактику и на этотъ разъ не уклонился отъ нѣкоторыхъ объясненій.

«У меня были два торговыхъ заведенія: книжный магазинъ и бібліотека для чтенія на Невскомъ проспектѣ, открытыя мною однимъ въ концѣ прошлаго года, и книжная лавка съ читальней¹⁾, теперь уже не существующія, вслѣдствіе закрытія этихъ заведеній правительствомъ. Оставшіеся книжный магазинъ съ бібліотекой принадлежатъ мнѣ одному. Комиссіонерами моими въ различныхъ городахъ Россіи книгопродавцы. За границей комиссіонеровъ не имѣю.

«Бумага о которой идетъ рѣчь въ этомъ вопросѣ, недоконченный черновой проектъ всеподданнѣйшаго письма къ Государю Императору, которое я имѣлъ намѣреніе написать и представить его

¹⁾ Она открыта была А. А. Слѣпцовымъ.

величеству въ такомъ случаѣ, еслибы успѣлъ вполнѣ обработать набросанный въ общихъ чертахъ законодательный проектъ, названный мною проектомъ Уложения Императора Александра II. Письмо и проектъ не были поданы и даже окончены. Поводомъ къ написанію этихъ бумагъ были слѣдующія обстоятельства. Въ 1858 г. я имѣлъ счастье подать Государю Императору письмо; въ немъ не заключалось никакого общаго, органическаго проекта, а только отдѣльныя, въ общихъ словахъ выраженныя предположенія по разнымъ вопросамъ и очеркъ общаго положенія дѣлъ въ государствѣ, очеркъ далеко не свѣтлый. Несмотря на это, Государь Императоръ принялъ письмо весьма милостиво и повелѣлъ покойному предсѣдателю государственнаго совѣта, кн. Орлову, благодарить меня отъ имени его величества за «откровенное изложеніе настоящаго положенія дѣлъ», какъ сказано было въ высочайшей резолюціи на моемъ письмѣ. Съ тѣхъ поръ я сталъ думать, что составленіе не критической только замѣтки записки, а положительнаго органическаго проекта, имѣющаго въ виду пользу и благо отечества, было бы принято его величествомъ безъ неудовольствія. Затѣмъ два совершенно случайныя обстоятельства побудили меня начать составленіе помянутыхъ бумагъ. Первое изъ нихъ былъ разговоръ съ генераль-губернаторомъ кн. Суворовымъ. Я, между прочимъ, сообщилъ ему о моемъ прежнемъ всеподданнѣйшомъ письмѣ и резолюціи Государя Императора. Кн. Суворовъ сказалъ: «Государь Императоръ только и думаетъ о народномъ благѣ и всѣ искренно любящія отечество должны содѣйствовать ему въ достиженіи его благихъ намѣреній». Вскорѣ послѣ этого у меня былъ другой разговоръ съ г. предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Я справлялся объ участи одной написанной мною финансовой статьи. Г. Предсѣдатель сказалъ, что моя статья была представлена его величеству. Изъ общаго характера этого разговора я вынесъ впечатлѣніе, что моя статья не могла понравиться его величеству. Я боялся, что нѣсколько мыслей, не вполнѣ развитыхъ, не представлявшихъ общей системы, дадутъ невѣрныя понятія о моемъ образѣ мыслей и стремленіяхъ. Эти два случайныхъ разговора окончательно установили во мнѣ давнишее намѣреніе—и я приступилъ къ составленію проекта уложения и всеподданнѣйшаго письма.

«Въ городѣ какъ то разнесся слухъ, оказавшійся неосновательнымъ, будто г. Щаповъ, извѣстный профессоръ и литераторъ, подвергнется неприятностямъ за какую то журнальную статью. Не помню, кому то пришла мысль написать отъ имени литераторовъ прошеніе къ г. министру народнаго просвѣщенія, прося, чтобы онъ принялъ во вниманіе ученныя заслуги и болѣзненное положеніе г. Щапова. Я подписался, уговорилъ подписать брата Александра, гг. Николая Потѣхина и Андрея Ничипоренко, такъ какъ въ письмѣ или прошеніи къ г. министру ничего предосудительнаго не заключалось. Но потомъ мысль эта осталась безъ исполненія или потому, что слухъ оказался неосновательнымъ или потому, что кто то замѣтилъ, что мы вовсе не имѣемъ права подавать министру про-

шенія отъ многихъ лицъ. Знакомство мое съ гг. Николаемъ Потъ-хинимъ и Андреемъ Ничипоренко какъ говорится, чисто шапочное, основанное на нѣсколькихъ встрѣчахъ. Съ студентомъ Гюбнеромъ, сколько припомню не знакомъ, можетъ быть и случилось какъ-нибудь встрѣтиться—при моихъ обширныхъ сношеніяхъ, но во всякомъ случаѣ не припомню и объ образѣ мыслей и занятій его ничего не знаю. Лично г. Щапова я не знаю.

«Кѣмъ сообщена и написана эта записка (о баронѣ Фирксѣ—*М. Л.*) рѣшительно не припомню, имѣлъ ее безъ всякой цѣли, вѣроятно случайно.

«Объ этомъ (о фактѣ, сообщенномъ въ статьѣ «Крѣпостники грамотности», напечатанной на стр. 193—194 сентябрьской книжки—*М. Л.*) я узналъ изъ городскихъ слуховъ и хотѣлъ помѣстить статью въ вѣдомостяхъ, но не помѣстилъ, сколько помню, потому, что не счелъ слухъ достовѣрнымъ источникомъ.

«Брошюра польская попала какъ нибудь случайно—польскаго языка не знаю совершенно.

«Статью (брошюру по крестьянскому вопросу, выпущенную за границей—*М. Л.*) я въ цензуру не представлялъ, но г. государственный секретарь, имѣвшій въ то время главный надзоръ за литературою по крестьянскому вопросу сказалъ мнѣ, что никакихъ замѣчаній о положеніи 19 февраля печатать нельзя. Цѣль моя изложена въ предисловіи. Изучивъ довольно основательно крестьянскій вопросъ, я видѣлъ, что рѣшеніе неудовлетворительно, свѣдѣнія публикуемая въ вѣдомостяхъ о ходѣ дѣла въполнѣ оправдывали мой взглядъ: величайшая, благодѣтельнѣйшая мѣра для народа и всего государства приводилась въ исполненіе военною силою, наказаніями, ссылками, даже пролітіемъ крови. Я былъ убѣжденъ, что въ этомъ виновато чисто недоразумѣніе, неправильная постановка вопроса. По моему убѣжденію, подкрѣпляемому тѣмъ, что я слышалъ со всѣхъ сторонъ, подкрѣпляемому общимъ ходомъ дѣлъ—только выкупъ могъ быть благопріятнымъ для всего государства рѣшеніемъ вопроса. Составивъ полный проектъ и не имѣя возможности напечатать его въ Россіи, я рѣшился напечатать его за границей. Я такъ глубоко былъ убѣжденъ, что предлагаемая мною мѣра клонится къ истинной пользѣ государства, что счелъ истиннымъ долгомъ передъ отечествомъ напечатать свои предположенія. Послѣдствія доказали, что мой взглядъ былъ правиленъ. Я далекъ отъ мысли, чтобъ мой проектъ хотя насколько нибудь повліялъ на послѣдующія распоряженія правительства: я хочу только сказать, что я правильно смотрѣлъ на положеніе дѣлъ. Въ 1861 г. я указывалъ на три капитальныя мѣры существенно необходимыя для Россіи: выкупъ, заграничный заемъ и общественныя губернскіе банки. Въ 1862 г. были приняты нѣкоторыя мѣры, относившіяся къ развитію кредитныхъ учрежденій съ губерніяхъ, былъ заключенъ заемъ и дозволены выкупныя сдѣлки владѣльцамъ барщинныхъ помѣстій. Только въ моемъ проектѣ всѣ эти мѣры были въ общей связи и системѣ, оттого, смѣю думать, дѣйствія ихъ были

бы значительнѣе. Что касается до послѣдней фразы статьи, то смыслъ ея вотъ какой: все послѣднее пятилѣтіе доказываетъ, что Россія выступаетъ на новую дорогу. Правительство своими преобразованіями доказываетъ, что считаетъ прежній порядокъ неудовлетворительнымъ. Внутренняя общественная жизнь требуетъ еще большихъ преобразованій—о чемъ ежедневно пишутъ во всѣхъ газетахъ, журналахъ, говорятъ во всѣхъ сферахъ общества, упрекая общество, т. е. самихъ себя, въ апатіи, лѣни и т. п. Чтобъ реформы были дѣйствительно успѣшны, нужно чтобъ въ Россіи прибавилось силъ: нравственныхъ и матеріальныхъ, чтобъ тѣ, которые равно ничего не дѣлаютъ или трудятся непроизводительно, сдѣлались не только потребителями, но и производителями. Для этого нужно имѣть не только много внутреннихъ силъ, но и много смѣлости, такъ какъ придется бороться со многими предрасудками. Вотъ кратцѣ моя мысль.

«Эта статья («Мысли вслухъ», напечатанная на стр. 190—193 сентябрьской книжки—*М. Л.*) была мною написана для журнала «Вѣкъ». Она должна была служить отвѣтомъ на одну изъ статей г. Чичерина, потому касалась общихъ теоретическихъ началъ. Не раздѣляя взглядовъ школы, началъ которой держится этотъ писатель, я высказалъ нѣсколько противоположныхъ ей положеній, имѣющихъ общій характеръ. Статья не была напечатана или потому, что была возвращена мнѣ редакціею, или по случаю прекращенія «Вѣка».

«Г. Тургеневъ передалъ мнѣ рукопись напечатанной уже теперь книжки «Дневникъ дѣвочки» сочинительница которой г-жа Буткевичъ.

«Съ г. Тургеневымъ я познакомился именно по поводу сдѣланнаго имъ мнѣ предложенія издать эту книгу. Вѣроятно г. Тургеневъ, не имѣя постоянной квартиры въ Петербургѣ, далъ своимъ знакомымъ адресъ моего магазина. Никакихъ другихъ отношеній съ г. Тургеневымъ я не имѣю, кромѣ переговоровъ объ изданіи «Дневника дѣвочки».

«Съ г. Долгоруковымъ я вовсе не знакомъ и не имѣлъ никакихъ сношеній. Журнала его «Правдивый» я даже никогда не видѣлъ. Почему онъ прислалъ его мнѣ—не знаю. До моего ареста я не получалъ отъ него никогда его журнала.

«О какомъ господинѣ говорится въ письмѣ Черкесова—не знаю.

«Я не могу припомнить, кто такая женщина, писавшая письмо и потому не знаю лицъ, упоминаемыхъ въ немъ, ни обстоятельствъ, о которыхъ въ немъ идетъ рѣчь.

«Съ г. Шелгуновымъ я знакомъ потому, что онъ нанималъ квартиру въ домѣ моей матери, которымъ я завѣдовалъ. Онъ служилъ кажется въ корпусѣ лѣсничихъ, но вышелъ въ отставку. Знаю, что онъ уѣхалъ въ Сибирь, но въ какое именно мѣсто и съ какою цѣлью не знаю, кажется имѣя въ виду какое то частное мѣсто. Статья, о которой онъ пишетъ, была написана имъ для журнала «Русское слово», содержаніе мнѣ неизвѣстно. Кто Петръ

Ларионовичъ Михайловъ, и почему надо адресовать къ нему письма—не знаю, вѣроятно это знакомый Шелгунова, имѣющей постоянное мѣстопробываніе.

«Братъ мой Александръ, человекъ въ высокой степени болѣзненный, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ онъ заболѣвалъ около тридцати разъ и при томъ такъ, что доктора всякій разъ боялись за его жизнь. За границу его отправили насильно, при томъ пользовавшіе его доктора (Команъ, Вейде и временно Эккъ) настоятельно требовали, чтобы онъ остался за границей до совершеннаго выздоровленія,—онъ упорно хотѣлъ возвратиться послѣ одного курса. Комиссія могла видѣть изъ моихъ писемъ къ другому брату Владиміру, что я выражалъ сильное опасеніе о здоровьѣ брата Александра. Болѣзнь сдѣлала его въ высшей степени мнительнымъ и слабонервнымъ. Безъ сомнѣнія, получивъ извѣстіе о моемъ арестованіи, совершенно неожиданное и внезапное и къ тому же неопредѣленное, такъ какъ едвали писавшій могъ указать причину ареста—братъ Александръ былъ сильно потрясенъ. Можетъ быть, возобновилъ болѣзненный припадокъ, угрожавшій его жизни.

«Сколько я помню, ни литераторъ Тургеневъ, ни другое лицо не доставляло мнѣ письма и записки отъ Герцена и другого лица. Я дѣйствительно имѣлъ намѣреніе издать сочиненія Герцена писанныя имъ въ Россіи и даже подалъ объ этомъ прошеніе г. предсѣдателю комиссіи цензурнаго комитета, въ которомъ просилъ разрѣшенія условно, то есть если получу дозволеніе на изданіе отъ автора, или лицъ, имѣющихъ право на эту литературную собственность, но сколько помню, не входилъ еще съ г. Герценомъ въ сношенія по этому предмету, кажется, потому, что хотѣлъ обстоятельнѣе узнать, кому принадлежитъ законное право собственности на эти сочиненія.

«Означенныхъ объявленій (посланныхъ Ничипоренкомъ черезъ Тургенева—*М. Л.*) я не только не получалъ, но и не видалъ, обстоятельства о которыхъ здѣсь упоминается, мнѣ совершенно неизвѣстны,

«Весьма можетъ быть, что я писалъ лондонскому книгопродавцу Трюбнеру, прося его переговорить объ этомъ дѣлѣ при случаѣ съ Герценомъ. Герценъ не говоритъ, что отвѣчаетъ на мое письмо къ нему, а просто на мое письмо, въ которомъ спрашиваю согласія. Сношеній съ нимъ, и съ другими лондонскими пропагандистами, въ томъ числѣ и съ Кельсіевымъ, не имѣлъ.

«Предъявленное мнѣ письмо, писанное различными почерками, не имѣющее подписи и неизвѣстно къ кому адресованное, откуда и когда написанное, мнѣ вовсе неизвѣстно и я не признаю достовѣрнымъ, чтобы оно было писано ко мнѣ. Всѣ обстоятельства, о которыхъ въ немъ упоминается, мнѣ вовсе неизвѣстны.

«Всѣ означенныя здѣсь обстоятельства (пріѣздъ Кельсіева и пр.—*М. Л.*) мнѣ совершенно неизвѣстны.

«Предъявленное мнѣ неподписанное письмо (Кельсіева къ Серно-Соловьевичу—*М. Л.*) писано неизвѣстною рукою, говоритъ объ об-

стоятельствахъ совершенно неизвѣстныхъ. Я вовсе не отношу его къ себѣ. Съ Кельсиевымъ, которому комиссія приписываетъ его, я не знакомъ и никакихъ дѣлъ никогда не имѣлъ».

Комиссія такъ была возмущена неискренностью Серно-Соловьевича, что отказала даже въ просьбѣ Константину брату, уволенному изъ лица, выдать ему заграничный паспортъ. Разумѣется, здѣсь постарался Потаповъ, направивши прошеніе на уваженіе комиссії.

11 декабря, вечеромъ, придя уже въ казематъ, Серно-Соловьевичъ написалъ дополнительное показаніе. Онъ заявилъ въ немъ, что подумавъ, сомнѣвается, чтобы письмо писалъ Черкесовъ и, чтобы отвести подозрѣніе отъ своего пріятели, Николай Александровичъ сочинилъ цѣлый рассказъ, который я и привожу, въ увѣренности, что читатели не будутъ въ претензіи на эту деталь.

«Весь 1860 годъ я провелъ за границей, изучая финансовую науку. Въ концѣ года былъ въ Парижѣ и обыкновенно ходилъ завтракать въ Café de la Bourse, находившееся близко биржи и потому удобное для моихъ занятій. Мой третій братъ, проѣзжая черезъ Парижъ, въ hyerés, остановился на два дня въ томъ же отелѣ, гдѣ я стоялъ, и уговорилъ меня пойти съ нимъ въ Café Монмогансу, (если не ошибаюсь), гдѣ обыкновенно бывало много русскихъ. На другой день братъ уѣхалъ, я остался. Дня черезъ два въ Café de la Bourse подходитъ ко мнѣ незнакомецъ и по-русски проситъ передать газету. Когда я посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, онъ вступилъ въ разговоръ, объясняя, что слышалъ, какъ я говорилъ съ другимъ господиномъ въ Монмогансу и узнавъ, что я хожу въ Café de la Bourse, нарочно пришелъ познакомиться со мной, такъ какъ судя по нѣсколькимъ моимъ отзывамъ, слышаннымъ имъ въ Café Монмогансу, между нами должна быть симпатія. Я спросилъ его фамилію. Онъ замялся и сказалъ: «это щекотливый для меня вопросъ». Я изъясилъ удивленіе и назвалъ себя. Тогда онъ разсыпался въ комплиментахъ, благословлялъ судьбу, сведшую насъ и сказалъ, что онъ здѣсь подъ именемъ Михайлова, но что настоящая его фамилія другая, что онъ мнѣ сообщить ее, когда сойдемся поближе, что онъ уѣхалъ изъ Россіи по политическимъ дѣламъ. Затѣмъ этотъ господинъ сталъ преслѣдовать меня, несмотря на явное мое нежеланіе быть съ нимъ знакомымъ. Сверхъ того, постоянно зазывалъ къ своей кузинѣ, какъ онъ называлъ Alexandrine или Сашѣ, о которой сочинилъ цѣлую исторію. Мать ея русская, отецъ былъ полякъ, они эмигрировали, когда она была ребенкомъ, потомъ она вышла замужъ за венгерскаго магната, который былъ убитъ въ итальянскую кампанію, сражаясь за Италію. Я подъ предлогомъ своихъ занятій упорно отговаривался. Однажды онъ пришелъ въ Café съ чрезвычайно красивою женщиной, это была кузина, она обошлась со мной, какъ со стариннымъ пріятеlemъ, говоря, что такъ много слышала обо мнѣ отъ своего брата. Спросила, говорю ли я по-венгерски, и послѣ отрицательнаго отвѣта продолжала по-французски, но не

особенно хорошо, русскій она совсѣмъ забыла, а нѣмецкій знаетъ, но ненавидитъ. На мой взглядъ она показалась какою-нибудь смѣшанною еврейкою. Спросила бутылку дорогого вина, я велѣлъ дать другую, настаивала, чтобы весь день провела съ ними, я отклонилъ, но долженъ былъ обѣщать вечеръ. Дала адресъ въ Rue de St. Nonoge. Михайловъ просилъ позволенія заплатить за меня, я конечно отказался, затѣмъ они очень скоро ушли. Мнѣ подали счетъ за двѣ бутылки. Вечеромъ я конечно не пошелъ къ нимъ и даже рѣшилъ перемѣнить Café. Рано утромъ на другой день ко мнѣ въ отель входитъ неожиданно Михайловъ, страшно претендуетъ, что я не сдержалъ слово, и располагается у меня какъ дома, смотритъ книги, бумаги. Между прочимъ, вдругъ спрашиваетъ, взяли съ меня за вино вчера, и, узнавъ, что взяли за ихъ бутылку, вошелъ въ пафосъ и сталъ просить пойти вмѣстѣ въ Café, обѣщая сдѣлать тамъ скандалъ, такъ какъ онъ заплатилъ и за меня. Я отклонилъ предложеніе, говоря, что не охотникъ до скандаловъ. Въ разговорѣ онъ сообщилъ, что думаетъ переселиться въ Лондонъ и просилъ рекомендательное письмо къ Герцену. Я отвѣчалъ, что не знакомъ съ нимъ, но, по его мнѣнію, мое имя было такъ извѣстно, что Герценъ даже не зная меня лично, уважитъ мое письмо. Я опять выразилъ сомнѣніе, представляя, что мои литературные труды не важны, письмо къ государю вѣроятно не особенная заслуга въ глазахъ Герцена, а больше ему неоткуда знать обо мнѣ. Вообще господинъ этотъ былъ крайне навязчивъ и наглъ и говорилъ мнѣ «ты» и *mon chér*, хотя я ему отвѣчалъ «вы». Наконецъ я выпроводилъ его, сказавъ, что долженъ идти, запретилъ трактирному лакею пускать его ко мнѣ, и перемѣнилъ café. Этимъ я на нѣсколько дней спался, но однажды вечеромъ, въ театрѣ, они подходятъ ко мнѣ и кузина заявляетъ, что во что бы то ни стало, дѣлаетъ меня на вечеръ плѣнникомъ, приглашаетъ послѣ театра играть въ карты и посмотреть, какъ я отдѣлаюсь на этотъ разъ. Мнѣ уже сильно наскучили эти преслѣдованія, потому я отвѣтилъ довольно рѣзко: «а вотъ какъ: я вамъ скажу, что крайне удивляюсь, что женщина, называющая себя вдовою венгерскаго магната, не имѣетъ достаточно такта и гордости, чтобы перестать навязывать свое знакомство человѣку, видимо уклоняющемуся отъ него»—и ушелъ не дожидая отвѣта. Это наконецъ избавило меня отъ преслѣдованій, къ тому же я скоро уѣхалъ. Всему этому происшествію я не придавалъ никакого серьезнаго значенія, считая его попыткой завлечь и обобрать молодого человѣка.

«Прошло больше года, я совсѣмъ забылъ о немъ, но въ началѣ нынѣшней весны получаю изъ Лондона письмо незнакомой руки съ неразборчивою подписью. Авторъ пишетъ мнѣ, какъ короткому приятелю, на «ты», говоритъ, что онъ Михайловъ, но переселясь теперь въ Лондонъ, принялъ польскую фамилію, въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ, какъ онъ выразился—«съ нашимъ общимъ другомъ А. И.» поздравляетъ меня съ открытіемъ магазина и желая доказать свою дружбу, рекомендуетъ золотого человѣка, Орловскаго, который

явится ко мнѣ съ запиской отъ него, онъ можетъ мнѣ служить секретаремъ и факторомъ, способности его я скоро оцѣню и все что имѣю пересылать Герцену могу сообщать ему, Орловскому, онъ будетъ пересылать своему пріятелю, а тотъ передавать Герцену, кузина его Саша, пріѣдетъ въ Петербургъ и на дѣлѣ докажетъ, что я былъ о ней невѣрнаго мнѣнія. Теперь она въ Берлинѣ. Орловскій будетъ знать ея адресъ, она не сердится на меня и всякій присланный мною будетъ принять, какъ другъ. Къ сожалѣнію эта наглость до того разсердила меня, что я, прочтя письмо, тутъ же скомкалъ и изорвалъ его въ мелкіе клочки. Съ недѣлю спустя ко мнѣ на квартиру явился незнакомый господинъ, рекомендуясь Орловскимъ, и показывая письмецо, въ которомъ значилось, что предъявитель его тотъ самый Орловскій, о которомъ уже было писано, къ кому обращаться не означено, подпись неясная. Я прежде всего спросилъ адресъ Орловскаго, онъ отвѣчалъ уклончиво и не далъ, я объявилъ, что мѣста для него у меня нѣтъ, и чтобъ онъ сообщилъ своему пріятелю, что если-бы я имѣлъ намѣреніе дать ему, Орловскому, мѣсто, то послѣ такого письма, какъ написалъ его пріятель, отказался бы отъ своего плана. Онъ поспѣшно взялъ со стола рекомендательную записку и ушелъ. Это было кажется въ маѣ. Съ тѣхъ поръ я ни о комъ изъ этихъ лицъ извѣстій не имѣлъ. Письмо упоминаемое въ вопросѣ комиссіи, говорящее о рекомендованномъ человѣкѣ и о Сашѣ, по содержанію своему могло быть написано этимъ самымъ человѣкомъ. Само по себѣ и это письмо не имѣло бы для меня никакого значенія, но нѣкоторыя другія обстоятельства, между прочимъ, присылъ въ мой книжный магазинъ *по почтѣ послѣ моего ареста* объявленій о газетѣ Долгорукова, естественно заставляютъ меня опасаться различныхъ тайныхъ козней. Потому я и счелъ необходимымъ довести объ этомъ обстоятельстве до свѣдѣнія комиссіи».

Допросы Н. А. Серно-Соловьевича, его прислуги и Борщова.

Черезъ два дня послѣ дополнительнаго показанія, Николая Серно-Соловьевича призвали опять на допросъ, но онъ былъ твердъ и на всѣ увѣщанія комиссіи показать правду отвѣчалъ тѣмъ же, что показывалъ и раньше, а въ подтвержденіе справедливости сказаннаго о письмѣ, привезенномъ Ветошниковымъ, просилъ съ нимъ очной ставки, хорошо, конечно, зная, что она ровно ничего противъ него не дастъ. Въмѣсто этого сама комиссія въ тотъ же день дала ему очную ставку съ Ничипоренкомъ, на которой оба обвиняемые остались при своихъ показаніяхъ. Затѣмъ комиссія рѣшила вызвать для допроса лакея, кухарку и артельщика Серно-Соловьевича, а также и брата его Константина. 20-го декабря послѣдній показалъ, что ѣздила домой изъ лица только по воскресеньямъ, никакого Кельсиева у брата не видалъ и ничего о немъ

не слыхаль. Относительно кухарки Леоновой, лакея Игнатъева (тогда служившаго уже дворникомъ въ его домѣ въ Нарвской части) и артельщика Бѣлова Николай Серно-Соловьевичъ ничего не имѣлъ противъ допроса ихъ подѣ присягой, увѣренный, что хорошо скрылъ концы кельсиевскаго пребыванія у себя ¹⁾.

Леонова показала, что поступила къ Серно-Соловьевичу въ услуженіе въ октябрѣ 1861 г. и жила до апрѣля слѣдующаго года. Во время великаго поста у барина жили: Илья Борщовъ весь постъ, Черкесовъ половину поста и какой то «молодой человекъ», пріѣхавшій неизвѣстно откуда, прожилъ около недѣли и куда уѣхаль—ей неизвѣстно, но помнитъ, что уѣхаль до Пасхи.

Онъ былъ средняго роста, худощавый, бѣлокурый, безъ бороды и усовъ; ходилъ въ статскомъ платьѣ. Прислуживаль ему лакей Михайло Игнатъевъ.

Послѣдній показаль, что ничего не знаетъ о пріѣздѣ человека, называемаго комиссіей «Василіемъ Ивановичемъ». Тоже самое сказалъ и Бѣловъ.

Затѣмъ спросили Серно-Соловьевича, думая, вѣроятно, что, узнавъ о предварительныхъ допросахъ прислуги, онъ покажетъ всю правду. Но Н. А. сказалъ, что не помнитъ, останавливался ли у него кто нибудь, кромѣ Борщова и Черкесова. Тогда ему дали очныя ставки съ тремя только то допрошенными. Ставка съ Леоновой ровно ничего не прибавила; на ставкѣ съ Игнатъевымъ Серно-Соловьевичъ только замѣтилъ, что въ домѣ его матери останавливался Василій Ивановичъ Мягковъ, это единственный ихъ знакомый «Василій Ивановичъ». Что было дѣлать комиссіи? Оставалось еще одно средство: перекрестныя очныя ставки самой прислуги. Такъ и сдѣлали. Оказалось, что Леонова хорошо знаетъ Мягкова

¹⁾ Въ сожженомъ изданіи „Сочиненій“ Шелгунова есть, между прочимъ, такія строки о прислугѣ Серно-Соловьевича:

„Когда я перѣхаль къ Серно-Соловьевичамъ, у нихъ служилъ какой то необыкновенный лакей: изящный, красивый, съ салонными манерами, говорившій интеллигентнымъ языкомъ. Все это было подозрительно, а въ особенности никому не нравилась внимательность, съ которой интеллигентный лакей относился къ разговорамъ. Николай Серно-Соловьевичъ, болѣе довѣрчивый, смотрѣлъ на интеллигентнаго камердинера довольно безразлично, но Александръ думаль иначе и былъ склоненъ подозрѣвать въ немъ не простаго лакея, получавшаго жалованіе только отъ Серно-Соловьевичей. Конечно, въ этомъ шекотливомъ вопросѣ не могли не принять участіе друзья, которые и позаботились обставить Серно-Соловьевичей прислужой болѣе подходящей. По рекомендаціи друзей, мѣсто интеллигентнаго лакея заняль деревенскій паренъ въ красной русской рубашкѣ и штанами въ сапоги бутылками, взятый изъ одного книжнаго магазина; а въ кухарки была откомендована дѣвушка (уже не молодая) изъ вѣрной и хорошей мѣщанской семьи. Судя по тому, что Кельсиевъ успѣль уѣхать благополучно, нужно думать, что пріѣздъ его сдѣлался извѣстнымъ уже послѣ и всего вѣроятнѣе по чьей нибудь неосторожной откровенности. . . . Черезъ нѣсколько времени былъ арестованъ и деревенскій паренъ и взята къ допросу и „вѣрная“ кухарка. Паренъ долго не дѣлаль никакихъ показаній и говорилъ, что ничего не знаетъ, но вѣрная кухарка оказалась всезнающей, и на очныхъ ставкахъ съ парнемъ запальчиво, съ налетомъ уличала его въ томъ, что онъ говорить неправду, что къ Серно-Соловьевичамъ ходили такія то и такія то лица“.

и настаиваетъ, что у нихъ жилъ другой «Василій Ивановичъ». Тогда и Игнатъевъ прибавилъ, что напоминаетъ, что у нихъ останавливался «Василій Ивановичъ», но не Мягковъ.

Комиссія такъ была афропирована неудачными очными ставками, что рѣшилась на обычное средство, употребляемое въ такихъ случаяхъ. О немъ мы узнаемъ изъ слѣдующаго протокола:

«1862 года декабря 10 дня, высоч. учрежденная въ С.-Петербургѣ слѣдствен. комиссія, въ присутствіи гг. членовъ ея, генераль-майора Огарева и д. ст. с. Гедда, по приводѣ къ присягѣ временно обязаннаго крестьянина Тульской губ. Крапивенскаго уѣзда деревни Сороченки, Михайла Игнатъева, приступила къ отобранію отъ него показанія. Первоначально Игнатъевъ заперся въ знаніи тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ его разспрашивали, отзываясь, что онъ не помнитъ или не знаетъ и видимо давалъ уклончивые отвѣты. Когда же, наконецъ, послѣ долгихъ изворотовъ смысла своихъ словъ, Игнатъевъ написалъ показаніе, то д. ст. сов. Гедда прочелъ оное и *послѣ каждой фразы* спрашивалъ его: «такъ ли?». На эти вопросы Игнатъевъ отвѣчалъ: «такъ» и подписалъ свое показаніе. Когда за симъ былъ призванъ надворный сов. Серно-Соловьевичъ и на очной ставкѣ съ Игнатъевымъ сталъ подтверждать прежніе свои отвѣты, то и Игнатъевъ, видимо желая согласоваться съ показаніями Серно-Соловьевича, отозвался, что останавливался ли въ квартирѣ послѣдняго Василій Ивановичъ—не помнитъ; когда же члены и *самъ Серно-Соловьевичъ* убѣдили Игнатъева, что въ показаніи своемъ онъ ясно выразилъ, что Василій Ивановичъ останавливался у Серно-Соловьевича зимой, то Игнатъевъ позволилъ себѣ сказать, что *члены комисіи наговорили ему о пребываніи Василія Ивановича у Серно-Соловьевича*. На предложеніе членовъ, чтобы Игнатъевъ написалъ о семъ въ актѣ очной ставки, онъ далъ показаніе, въ которомъ, въ отмѣну перваго, объяснилъ, что онъ не помнитъ, останавливался ли Василій Ивановичъ у Серно-Соловьевича. Послѣ сего Игнатъеву дана была очная ставка съ вдовою Леоновою и когда сія послѣдняя уличала его, что въ посту, кромѣ Борщова и Черкесова, дѣйствительно останавливался у нихъ еще третій молодой человекъ, которому Игнатъевъ прислуживалъ, тогда онъ подтвердилъ прежнее свое показаніе о томъ, что Василій Ивановичъ дѣйствительно остановился въ показанное Леоновою время».

Ясно, что допросъ чинился «съ пристрастіемъ».

На слѣдующій день Серно-Соловьевичъ написалъ еще дополнительное показаніе, которое имѣетъ интересъ, но, разумѣется, не по существу дѣла.

«Возвратясь послѣ допроса въ свою комнату, я, напрягая свою память, вспомнилъ, что у меня, дѣйствительно, проживало короткое время, зимою, лицо, о которомъ я совершенно забылъ, такъ какъ наши отношенія были такого рода, что память о нихъ почти изгладилась во мнѣ. Вспомнивъ о немъ, я хотѣлъ тотчасъ возвратиться въ комиссію, для дополненія показанія, но мнѣ было сказано, что уже присутствіе кончилось».

«Обстоятельства знакомства съ помянутымъ лицомъ были слѣдующія: по окончаніи слѣдствія надъ бывшими студентами здѣшняго университета, въ городѣ были слухи (оказавшіеся справедливыми), что многимъ изъ заключенныхъ молодыхъ людей негдѣ пристать. Потому я далъ свой адресъ кому то изъ профессоровъ (кому именно, не помню), прося, въ случаѣ нужды, прислать ко мнѣ кого нибудь изъ молодыхъ людей, такъ какъ у меня есть возможность принять къ себѣ кого нибудь на короткое время. Вслѣдствіе этого ко мнѣ былъ присланъ молодой человекъ, наружность котораго соотвѣтствуетъ описанной Леоновой; спалъ онъ, дѣйствительно, въ холодной комнатѣ. Фамилію и имя его я забыть¹⁾, такъ какъ видался съ нимъ весьма рѣдко, потому что я проводилъ цѣлый день въ магазинѣ, а онъ у товарищей. Ходить онъ въ штатскомъ платьѣ, именно, если не ошибаюсь, ему дано было платье изъ числа пожертвованныхъ публикою, такъ какъ онъ не имѣлъ здѣсь никого изъ родныхъ и не имѣлъ денегъ. Пробылъ онъ у меня недолго, но не могу сказать опредѣлительно, сколько именно времени. Онъ былъ опредѣленъ въ какое то губернское заведеніе, куда и отправился отъ меня; сколько могу припомнить, заведеніе это не университетъ, а, кажется, одинъ изъ губернскихъ лицеевъ. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ о немъ никакого извѣстія. Какъ сказалъ уже, имени его не помню, можетъ быть, его, дѣйствительно, зовутъ Василиемъ Ивановичемъ, можетъ быть, что я, говоря съ помянутымъ Игнатъевымъ, служившимъ у меня въ комнатахъ, назвалъ этого молодого человека Василиемъ Ивановичемъ или по разсѣянности (такъ какъ у меня было много хлопотъ съ помянутымъ жильцомъ, Васильемъ Ивановичемъ Мяковымъ, по случаю его дѣлъ съ кварталомъ), или просто забывая его имя. Я тогда весь былъ погруженъ въ дѣла вновь открытаго магазина и во множество другихъ моихъ семейныхъ дѣлъ, такъ что былъ разсѣянъ въ остальныхъ маловажныхъ для меня предметахъ. Фактъ пребыванія у меня этого молодого человека былъ извѣстенъ мѣстному полицейскому начальству, которое, кажется, и дало ему денегъ на проѣздъ въ его новое заведеніе. Сколько припомню, ни Борщова, ни Черкесова во время пребыванія молодого человека у меня не было».

Комиссія игнорировала это показаніе, надо сознаться, очень недурно заматавшее слѣдъ Кельсіева, и дала Серно-Соловьевичу очную ставку еще съ бывшимъ его дворникомъ, Ефимомъ Тихоновымъ, но тотъ обманулъ ожиданія комиссіи, показавъ, что поступилъ на пятой недѣлѣ поста и объ остановкахъ Борщова, Черкесова и «Василія Ивановича» ровно ничего не помнитъ²⁾.

Не больше дала и очная ставка Серно-Соловьевича съ Ничипо-

¹⁾ Николай Михайловичъ Соколовскій.

²⁾ На самомъ дѣлѣ Борщовъ жилъ у Серно-Соловьевича съ 22 января 1862 г. по 20 мая, Черкесовъ—съ 4 октября 1851 г. по 4 января слѣдующаго и еще нѣсколько дней въ посту, а студентъ Соколовскій—съ первыхъ чиселъ декабря 1861 г. до 11 января, когда уѣхалъ въ Нѣжинъ.

ренкомъ, показавшимъ за нѣсколько дней до того, что онъ хорошо помнитъ, какъ въ день приѣзда Кельсіева изъ Москвы, въ страстную субботу, къ нему, Ничипоренку, пришелъ Серно-Соловьевичъ, не раздѣваясь взялъ деньги Кельсіева и ушелъ, сказавъ, что Кельсіевъ сегодня же уѣзжаетъ изъ Россіи. Это было показано въ исправленіе ранѣ сдѣланной ошибки, будто бы Кельсіевъ зашелъ за деньгами самъ. Это совершенно справедливое показаніе Серно-Соловьевичъ, разумѣется, отрицалъ, и потому очная ставка ничего не дала.

Позже, уже въ январѣ 1863 г., надворный совѣтникъ *Илья Григорьевичъ Борщовъ*¹⁾ былъ отысканъ въ Петербургѣ и привлеченъ къ допросу. Оказалось, что онъ кончилъ лицей въ 1853 году, а тогда занимался уже естественными науками; въ 1857—1858 гг. былъ командированъ академіей наукъ въ ученую экспедицію, а по возвращеніи оттуда получилъ ученую командировку за границу. Отношенія его съ Н. А. Серно-Соловьевичемъ были всегда хорошія. Жилъ онъ у него въ 1862 г. около четырехъ мѣсяцевъ, но кромѣ Черкесова не помнитъ, чтобы кто нибудь останавливался у нихъ. На очной ставкѣ Борщова съ Ничипоренкомъ послѣдній заявилъ, что именно его то онъ и видѣлъ у Серно-Соловьевича, когда пришелъ къ нему съ Кельсіевымъ. Борщовъ сказалъ, что видѣлъ Ничипоренку, но безъ кого бы то ни было. Привлеченные снова къ допросу Леонова и Игнатъевъ, кухарка и лакей Н. А., показали, что не знаютъ, видѣлся ли Борщовъ съ «Василіемъ Ивановичемъ», потому что онъ почти не бывалъ дома.²⁾

Допросы Гаевского, Кожанчикова, Щапова и Траверсе.

11 декабря князь Голицынъ сообщилъ Потапову о желаніи комиссіи, чтобы въ Москву, въ помощь полковнику Дурново, былъ командированъ надзиратель петербургской полиціи штабсъ-капитанъ Мионовичъ, уже отличившійся энергичною дѣятельностью въ прошлую командировку.

Въ ожиданіи дѣйствій этихъ двухъ молодцовъ комиссія продолжала разслѣдованіе.

13 декабря снова былъ вызванъ для допроса Гаевскій, къ которому приступили, по совѣту Ничипоренка, относительно векселя съ бланкомъ Тиблена. Гаевскій продолжалъ тактику отрицанія и на этотъ разъ заявилъ, что ровно никакихъ дѣлъ съ Тибленомъ не имѣлъ и ни о какомъ векселѣ не знаетъ. На вопросъ комиссіи, что значитъ фраза въ письмѣ Касаткина: «О Вадимѣ ни слуху, ни духу», Гаевскій сказалъ, что вскользь упомянулъ Касаткину о слухѣ, будто Кельсіевъ приѣзжалъ въ Россію, и на это Касаткинъ

1) Потомъ профессоръ кіевскаго университета.

2) Тучкова-Огарева говоритъ, будто Борщовъ такъ понравился Герцену, что тотъ не переставалъ твердить, что онъ былъ бы счастливъ, еслибы судьба послала его дочери такого мужа. (стр. 200 „Воспоминаній“).

отвѣтилъ фразой, называя Кельсіева его заграничнымъ литературнымъ псевдонимомъ. Снова ему была дана очная ставка съ Ничипоренкомъ, но Гаевскій ничего не прибавилъ. Тогда призвали Николая Тиблена, котораго Гаевскій разумѣется обо всемъ предупредилъ¹⁾. Онъ сказалъ, что, можетъ быть, и бралъ въ банкирскомъ домѣ Винекена въ мартѣ 1862 г. переводное письмо на Лондонъ въ 41 фунтъ, но не помнитъ, Гаевскому же никакихъ векселей не передавалъ.

Потерпѣвъ неудачу съ Гаевскимъ и Серно-Соловьевичемъ, обратились къ безпокоившему комиссію Кожанчикову. Но тотъ былъ очень кратокъ: съ Траверсе познакомился еще въ Москвѣ въ 1856 г. и не подозрѣвалъ о его знакомствѣ съ лондонскими пропагандистами; Ничипоренку денегъ никакихъ не давалъ, Касаткина въ Москвѣ не видѣлъ. Очная ставка съ Ничипоренкомъ ничего не прибавила...

Комиссія видѣла, что періодъ разслѣдованія самъ собой приходитъ къ концу, и обремененная массою другихъ дѣлъ, обусловленныхъ срочностью производства, рѣшила закончить его возможно быстрѣе и нашла нужнымъ 24 декабря испросить высочайшее повелѣніе на отдѣленіе этого дѣла отъ другихъ и на передачу его въ сенатъ.

Въ эти послѣдніе дни своего владычества она допросила, наконецъ, и *Щапова*. Въ виду историко-біографическаго интереса, призову его показаніе полностью:

«Аванасій Прокопьевъ Щаповъ, сынъ пономаря, отъ роду мнѣ 31 годъ, вѣроисповѣданія православнаго, на исповѣди и у св. причастія бываю ежегодно, не женатъ, имѣю брата, сестеръ и родственниковъ, находятся они въ Иркутской губерніи. Недвижимой собственности не имѣю. Курсъ кончилъ въ Казанской духовной академіи; послѣ того прожилъ въ Казани, 4 года бакалавромъ казанской духовной академіи, потомъ полгода въ казанскомъ университетѣ. Въ настоящее время на службѣ не состою. Потомъ былъ подъ судомъ или подъ арестомъ по поводу панихиды въ Казани на куртинѣ 10 апрѣля 1861 года. Высочайше помилованъ. Дѣло о панихидѣ производилось, какъ мнѣ кажется, въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. канцеляріи, а потомъ въ свят. синодѣ. Содержался я подъ арестомъ сначала въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. канцеляріи, а потомъ въ I-й адмиралтейской части.

¹⁾ Въ дѣлѣ есть нѣкоторыя указанія на біографію Тиблена, игравшаго скромную роль въ движеніи того времени. Сынъ артиллериста, онъ не кончилъ гимназіи и перешелъ въ Михайловское артиллерійское училище, откуда вышелъ офицеромъ въ севастопольскую кампанію раненъ и перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ на должность секретаря директора департамента общихъ дѣлъ. Видя затѣмъ въ отставку, открылъ на Васильевскомъ островѣ типографію, проданную въ 1862 г. Жена въ дочери доктора Задлера, сыну котораго и продалъ свою типографію. Тогда занимался книгоиздательствомъ. Въ началѣ 1862 г. до III Отдѣленія дошла слухи, что Тибленъ въ сношеніяхъ съ Герценомъ и его товарищами, а, по словамъ покойнаго теперь уже литератора Пятковского, сказаннымъ имъ неосторожно въ интимномъ обществѣ, наборщики типографіи Тиблена разносили по городу воззванія. Всѣ эти обвиненія не подтвердились.

«Никакого письма я не передавалъ коллежскому регистратору Андрею Ничипоренко для отправления въ Лондонъ къ Кельсіеву. Не было рѣшительно никакого повода и предмета для письма къ Кельсіеву. Никогда съ Кельсіевымъ я не знакомился и не имѣлъ рѣшительно никакихъ надобностей знакомиться: едва знаю о существованіи его.

«Съ Ничипоренкомъ только случайно видѣлся гдѣ-то разъ, кажется, въ Шахматномъ литературномъ клубѣ, не имѣлъ съ нимъ никакихъ отношеній и не отправлялъ никакого письма къ Кельсіеву, переписки съ Кельсіевымъ вовсе не было никакой и отъ Кельсіева не получалъ никакого письма. О Кельсіевѣ только по наслышкѣ слыхалъ».

На очной ставкѣ съ Ничипоренкомъ Щаповъ отрицалъ его показаніе о передачѣ ему написанной имъ статьи по поводу стихотворенія кн. Вяземскаго.

На этомъ для Щапова все и кончилось.

Жена маркиза Траверсе просила князя Голицына ускорить выясненіе степени участія въ дѣлѣ ея больного мужа, и потому комиссія запросила главнаго госпитальнаго врача, можно ли призвать маркиза на дополнительный допросъ. Тотъ отвѣтилъ, что въ виду все еще неопредѣленности истиннаго состоянія здоровья Траверсе, полагалъ бы невозможнымъ привозъ его въ крѣпость, а желательнымъ допросъ въ стѣнахъ госпиталя. 5 января два члена комиссіи поѣхали туда и узнали кое-что новое. А именно: бывъ у Герцена вмѣстѣ съ Каншинымъ, маркизъ передалъ ему письмо мирового посредника къ дворянамъ, списанное имъ въ Псковѣ съ копій бывшей у Большева и просилъ напечатать его въ «Колоколѣ». Зачѣмъ найденныя у него уже послѣ письма Бакунина (напечатанныя въ октябрьской книжкѣ „Былое“ на стр. 114—116) были въ его столѣ— не знаетъ, но помнитъ, что доставилъ ихъ ему докторъ Бушъ. Хотѣлъ передать ихъ Н. С. Бакуниной, но за отъѣздомъ ея въ деревню не успѣлъ. Письмо Альбертины къ Громеку получилъ отъ Налбандяна, а жены Бакунина—по почтѣ, о другихъ письмахъ ничего не помнитъ.

Въ тотъ же день Траверсе были даны очныя ставки съ Гаевскимъ и Кожанчиковымъ, но какъ и многія другія, онѣ ничего новаго не выяснили.

Разумѣется, комиссія просила Потапова разыскать Буша и представить ей для допроса ¹⁾. Тогда же Гаевскому была возвращена его обширная бібліотека, отданная на просмотръ члену комиссіи Каменскому; удержаны были только три какія-то сочиненія Герцена.

¹⁾ Докторъ Богданъ Ивановичъ Бушъ былъ старшимъ врачомъ 16 флотскаго экипажа и вернулся изъ за границы въ началѣ августа 1862 г. По сообщенію оберъ-полицеймейстера—„либеральныхъ идей въ немъ не замѣчается“.

Дѣло въ сенатѣ. Письмо Касаткина.

31 декабря 1862 г. государь согласился на передачу этого дѣла въ сенатъ. 18 января 1863 г. министр юстиціи Замятнинъ увѣдомилъ объ этомъ общее собраніе сената.

А пока министр собирался писать сенату, комиссія получила въ свое распоряженіе очень интересный документъ, попавшій ей въ руки, повидимому, благодаря щедрости русскаго правительства, никогда не жалѣвшаго денегъ на подкупъ заграничныхъ чиновниковъ всякаго ранга. Это было письмо Касаткина къ Огареву отъ 7 января н. с. 1863 г. Вотъ оно:

«Поздравляю васъ и А. И. ¹⁾ съ новымъ годомъ, потому что не жду отъ него гадостей прошлого и вѣрю въ лучшее будущее.

«Черезъ десять дней ѣдетъ отсюда одинъ русскій съ женой въ Питерь и потомъ въ Москву. Онъ беретъ кое что захватить съ собой и передать кому нужно *словесно* все, что ему будетъ поручено. Не найдется ли у васъ какихъ-нибудь порученій и слѣдуетъ ли отдать ему вашъ адресъ, который переписанъ въ двухъ экземплярахъ, для Петербурга и Москвы.

«Послѣднее время у меня была только дѣловая переписка и потому пока ничего не могу сообщить вамъ особенно важнаго. Серно-Соловьевичу пишутъ, что дѣло Николая Александровича и Николая Гавриловича ²⁾ вовсе не подвигается впередъ; вѣрно, ихъ еще долго протомятъ.

«Сообщу вамъ разсказъ здѣшняго попа, который съ недѣлю вернулся ихъ Россіи.

«Къ сожалѣнію, его *нельзя* напечатать, потому что схватятъ и попа и достанется тѣмъ двумъ русскимъ, которымъ онъ сообщалъ его. Попъ ѣздилъ въ Россію собирать на построеніе церкви въ Женевѣ. Время для этого было выбрано неудачно—и онъ обратился къ разнымъ властямъ помочь ему. Между прочимъ Филаретъ взялся сказать объ этомъ государынѣ (въ бытность ея въ Москвѣ). М. А.—на дала слѣдующій отвѣтъ: церкви въ Женевѣ не зачѣмъ строить, потому что, заведи въ Женевѣ церковь, такъ русскіе будутъ больше останавливаться въ этомъ *вольномъ* городѣ, а въ республикѣ имъ не житье и хорошему они не научатся, а привезутъ съ собой опасныя мысли. Передавая этотъ отвѣтъ попу, самъ Филаретъ пожималъ плечами. Петербургскій Суворовъ думаетъ объ этомъ не такъ, потому что помогъ попу въ дѣлѣ сбора.

«Изъ Москвы, между прочимъ, плачевная новость. Н. М. Щ. ³⁾ закрываетъ свой магазинъ къ новому году. Разладица дошла между «отцами» и «дѣтьми» до *нес plus ultra*. «Отцы» не посовѣстились

¹⁾ Герцена.

²⁾ Чернышевскаго.

³⁾ Николай Михайловичъ Щепкинъ, державшій въ Москвѣ свой книжный магазинъ.

все взвалить на шею одного Щ., который и долженъ за это порядочно поплатиться; это главнѣ всего разрушаетъ всѣ планы добраго дѣла. Щ. думаетъ сдѣлаться мировымъ судьей.

«Книга чичеринской наглости выше ¹⁾. Первой статьей въ ней письмо его къ А. И. Хороши родители, нечего сказать. Теперь уже ни ихъ, ни ихъ адъютантовъ, чай, не своротишь съ колеи, въ которой они увязли. Остается желать, чтобы они завязли въ ней съ головой.

«А каковъ московскій лордъ-мэръ!? На колѣняхъ встрѣтилъ е. в. ²⁾. Онъ, вѣрно, подумаль, что если ужъ становился (будучи головой же) на колѣни передъ Сѣчинскимъ въ номерахъ «Крыма», то встать передъ А. Н. и подавно слѣдуетъ.

«А, впрочемъ, вѣдь и одинъ изъ «отцовъ» становился на колѣни да еще передъ портретомъ А. Н.

«Будьте здоровы, *душевно преданный*».

Письмо это съ несомнѣнностью устанавливало виновность Касаткина, имя котораго, хотя и не подписанное, комиссіи было почему-то извѣстно.

Обыскъ и арестъ Любенкова и ходъ дѣла въ сенатѣ.

Первымъ распоряженіемъ сената ³⁾ было освобожденіе на поруку изъ крѣпости Бѣлозерскаго по ходатайству его брата, Василія Михайловича.

Черезъ недѣлю министръ юстиціи прислалъ въ сенатъ акты допросовъ отставнаго гвардіи штабсъ-капитана *Николая Владиміровича Любенкова*, произведенныхъ въ Москвѣ жандармскимъ полковникомъ Воейковымъ 3 мѣ, и сообщилъ, что сдѣлано распоряженіе о заключеніи Любенкова въ Петропавловскую крѣпость и объ обыскѣ въ имѣніи его отца, отставнаго генерала.

Воейковъ доносилъ Потапову, что 13-го января онъ исполнилъ данное ему предписаніе «со всей возможною осторожностью и деликатностью». Это значило, что знакомый съ Любенковымъ квартальный надзиратель, прапорщикъ Крушинскій, подъ предлогомъ «гостей» пригласилъ его къ себѣ. Тамъ же былъ и Воейковъ, сообщившій Любенкову о порученіи своего начальства и сказавшій, что не является прямо къ нему на домъ, чтобы не испугать старика отца и семейство. Затѣмъ они тихонько отправились на квартиру Любенкова, сдѣлали тамъ обыскъ въ присутствіи брата его Льва, взяли съ Николая подписку о невыѣздѣ изъ Москвы и

¹⁾ Рѣчь идетъ о книгѣ Б. Н. Чичерина — «Нѣсколько современныхъ вопросовъ», вышедшей въ свѣтъ въ концѣ 1862 года. Въ ней на первомъ мѣстѣ стояло письмо Чичерина къ Герцелю, предварительно напечатанное въ „Колоколѣ“.

²⁾ Его Величество.

³⁾ Составъ I-го отдѣленія 5 департамента былъ въ то время слѣдующій: первоприсутствовавшій Каріолинъ-Пинскій. сенаторы: Карпѣевъ, Веневитиновъ, Беръ, Лукашъ и П. М. Донауровъ.

пригласили его для допроса въ канцелярію оберъ-полицеймейстера. Самъ Любенковъ очень тревожился, что дѣлалъ неприятность маркизу Траверсе, которому привезъ одно письмо для Бакунина.

На допросѣ онъ показалъ, что родился въ 1834 г., въ 1851 г. произведенъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, въ сентябрѣ 1861 г. поѣхалъ прокатиться въ Германію, Италію, Францію и Англію и недѣлю пробылъ на лондонской выставкѣ. Въ это время дважды былъ у Герцена и видѣлъ много народу. Бакунинъ очень просилъ передать письмо Траверсе. Потомъ, уже изъ Россіи, онъ самъ писалъ Бакунину, на имя Громилова, о правительственныхъ слухахъ и о назначеніи Константина Николаевича въ Царство Польское.

Обыскъ въ имѣніи отца Любенкова не далъ никакихъ результатовъ.

2 февраля петербургскій генераль-губернаторъ кн. Суворовъ сообщилъ сенату о томъ, что врачъ госпиталя, психіатръ Балинскій, находитъ необходимымъ, чтобы маркизъ Траверсе имѣлъ ежедневныя прогулки. Сенатъ разрѣшилъ ихъ, но подѣ известнымъ надзоромъ.

Въ тотъ же день кн. Суворовъ доводилъ до свѣдѣнія сената о просьбѣ Кожанчикова съѣздить на десять дней въ Москву. Надѣясь изъ этой поѣздки извлечь что нибудь и для себя въ смыслѣ выясненія личныхъ сношеній Кожанчикова, сенатъ разрѣшилъ и эту просьбу, взявъ только съ А. А. Краевского, на котораго выборъ палъ по соглашенію съ Кожанчиковымъ, ручательство, что Кожанчиковъ вернется по первому требованію.

6 февраля сенатъ заслушалъ словесное прошеніе Ветошникова о разрѣшеніи ему свиданія съ родственниками и съ тѣми, съ кѣмъ онъ видѣлся раньше, когда дѣло было въ рукахъ комиссіи, и прошеніе Николая Серно-Соловьевича и Ветошникова о допущеніи ихъ къ чтенію и рукоприкладству записки о нихъ сената. Всѣ эти просьбы были удовлетворены. Любопытно, что никто изъ другихъ обвиняемыхъ въ этомъ громадномъ дѣлѣ не просилъ о томъ, на что имѣлъ несомнѣнныя права: на прочтеніе сенатской записки, которая должна была вѣнчать все дѣло—настолько было велико незнаніе своего права, настолько многихъ подавляла обстановка заключенія....

Тутъ-же маленькое замѣчаніе: читатель помнитъ, что въ качествѣ привлеченныхъ къ дѣлу былъ и И. С. Тургеневъ. Я нигдѣ не буду касаться документовъ, къ нему относящихся, потому что всѣ они приведены въ замѣткѣ г. Безроднаго, напечатанной въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за этотъ годъ.

12 февраля Налбандянъ просилъ объ отдачѣ его на поруки и о продолженіи свиданій, какъ было и до передачи дѣла въ сенатъ. Сенатъ опредѣлилъ: первую просьбу имѣть въ виду, вторую—удовлетворить.

Въ тотъ же день Павелъ и Владиміръ Потѣхины просили отдать имъ на поруки брата Николая. Тогда же было доложено все-

подданѣйшее прошеніе Фанни Ферклундъ о разрѣшеніи ей слѣдовать за Ветошниковымъ въ ссылку, какъ за отцомъ ея ребенка, и быть обвинчанной съ нимъ до отправки въ Сибирь. Сенатъ положилъ имѣть прошеніе въ виду при окончаніи дѣла и опредѣленіи наказанія Ветошникову.

20 февраля были разрѣшены свиданія Бѣлозерскому и Петровскому, а первому еще и чтеніе книгъ.

26 февраля въ сенатъ явился Альбертини и далъ подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга.

Сенатъ почти два мѣсяца выискивалъ составъ преступленія всѣхъ обвиняемыхъ и только въ засѣданіи 4 марта приказалъ: Ветошникова, Николая Серно-Соловьевича, Владимірова, Петровскаго, Ничипоренко и Лялина—содержать по прежнему въ крѣпости до окончанія дѣла; Бѣлозерскаго, Потѣхина, Воронова и Любенкова—отдать на поруки; съ Бени, Гаевского, Максимова и Каншина взять подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга. Относительно всѣхъ другихъ—оставить ихъ пока на свободѣ, но подъ надзоромъ полиціи.

6 марта кн. Суворовъ увѣдомилъ сенатъ, что государь разрѣшилъ Налбандяну, Петровскому и Бѣлозерскому свиданія только съ родственниками. А оберъ-полицеймейстеръ увѣдомилъ сенатъ, что литераторъ Максимовъ въ Петербургъ все еще не пріѣзжалъ, потому что командированъ морскимъ министерствомъ на Кавказъ ¹⁾.

Тогда же министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ, что Черкесовъ проситъ разрѣшить ему остаться за границей до полного излѣченія.

14 марта сенатъ опредѣлилъ вызванныхъ въ Петербургъ Аркадьева, Афанасьева, Козлова, братьевъ Орфано и Трубецкого обязать подпиской явиться въ сенатъ по первому требованію и на этомъ условіи разрѣшить имъ жить, гдѣ пожелаютъ.

Записка Гаевского и допросъ Альбертини и Максимова.

19 марта Гаевскій представилъ въ сенатъ обстоятельную объяснительную записку, въ которой весьма ловко сумѣлъ доказать, что комиссія обратила все свое вниманіе на голословныя противъ него обвиненія, совершенно оставивъ безъ вниманія обстоятельство, его оправдывающія. Самымъ убѣдительнымъ должно было показаться первое доказательство: комиссія обвиняла его въ томъ, что и онъ ѣздилъ на «поклоненіе» въ Лондонъ, а между тѣмъ приложенный къ запискѣ заграничный паспортъ этого не подтверждаетъ; мало

¹⁾ Немедленно дано было знать морскому министру и получено отъ него увѣдомленіе, что приказано по всѣмъ Черноморскимъ и Каспійскимъ портамъ, чтобъ сдѣлано было распоряженіе о немедленномъ его возвращеніи въ Петербургъ. Дѣйствительно, вскорѣ Максимовъ пріѣхалъ въ Астрахань и на другой же день былъ отправленъ въ Петербургъ. 10-го іюня съ него была уже взята подписка о невыѣздѣ.

того, онъ даже не визированъ въ тѣхъ городахъ Европы, откуда можно отправиться въ Лондонъ... (Замѣчу, что Гаевскій ѣздилъ въ Лондонъ съ паспортомъ одного изъ своихъ друзей)... Затѣмъ Гаевскій писалъ, что, служа въ канцеляріи статсъ-секретаря у принятія прошеній, т.-е. у того же Голицына, семь лѣтъ, онъ ничего не видѣлъ о ней въ «Колоколѣ», слѣдовательно, ничего туда не сообщалъ, потому что, разумѣется, если-бы былъ корреспондентомъ, то не преминулъ бы воспользоваться очень интереснымъ матеріаломъ своего мѣста службы. Гаевскій указывалъ также, что «эти темныя личности заслуживаютъ мало довѣрія». «Ничипоренко, старавшійся облегчить тяжесть павшихъ на него обвиненій, разложивъ ее на возможно большее число лицъ, и поощряемый слѣдователями, поразилъ своимъ нравственнымъ цинизмомъ всѣхъ, не исключая даже пользовавшихся его мнимыми услугами». «Траверсе—душевно-больной». Вотъ каковы его обвинители. Между тѣмъ кн. Голицынъ долженъ знать его, потому что всегда хвалилъ его, давалъ секретныя порученія и видѣлъ его не менѣе 200 разъ. Ничипоренко видѣлъ его только 10 разъ, значитъ, князь довѣряетъ какому-нибудь Ничипоренку въ 20 разъ болѣе, чѣмъ самому себѣ... Гаевскій призналъ только за собой двѣ вины: полученіе отъ Ничипоренка двухъ-трехъ номеровъ «Колокола» и доставку Траверсе письма, полученнаго самимъ по почтѣ. Между тѣмъ, только за это Голицынъ уже уволилъ его со службы.

16 апрѣля сенатъ допросилъ *Альбертини*. Онъ воспитывался въ 3-й московской реальной гимназіи, потомъ въ московскомъ университетѣ, который кончилъ кандидатомъ юридическаго факультета въ 1851 г. Содержитъ себя гонораромъ съ «Отечественныхъ Записокъ». Отъ Ничипоренка «Колокола» не получалъ; Кельсіеву никогда не писалъ. Иногда въ литературныхъ кружкахъ слышалъ, какъ Ничипоренко читалъ вслухъ «Колоколъ». Кельсіева узналъ только въ Лондонѣ. Живя тамъ пять мѣсяцевъ въ 1862 г., онъ часто бывалъ у Герцена и разъ видѣлъ тамъ Потъкина. «Разъ, дѣйствительно, выпилъ за обѣдомъ лишнее—объ этомъ и писалъ Бакунинъ». Близкихъ отношеній съ изгнанниками не имѣлъ и о планахъ ихъ ничего не знаетъ. Громокъ писалъ потому, что узналъ, что онъ далъ за него согласіе Каткову, даже не спросивъ его разрѣшенія. Налбандяна очень уважаютъ въ Лондонѣ Мартыяновъ, Ковалевскій и Фрикъ. О польскихъ губерніяхъ писалъ Громокъ, думая дать о нихъ свѣдѣнія въ англійскія газеты, а не въ «Колоколъ». Каткова и Чичерина «считаетъ врагами нашего прогрессивнаго движенія», потому что они были противъ судебной и земской реформы. Что подъ конецъ своего пребыванія онъ не видѣлся уже съ Герценомъ и другими его товарищами—можно ясно видѣть изъ его писемъ къ Краевскому, которыя и представляютъ для этого сенату.

— Вотъ они:

I.

7 іюля 1862 г.

«Посылаю вамъ, многоуважаемый Андрей Александровичъ, продолженіе статьи. Это—примѣчанія къ присланному дня три назадъ комитетскому отчету. Конецъ этихъ примѣчаній явится, должно быть, послѣ завтра. Прочитавши ихъ, вы убѣдитесь въ слѣдующемъ: во-первыхъ я старался, чтобъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя сообщаю, ни одного пункта для читателей не осталось необъясненнымъ. Поэтому примѣчанія эти, собственно, составляютъ мою главную работу. Во-вторыхъ, вы увидите, что для нихъ мнѣ пришлось залѣзть въ самую глубь, въ самую тину англійскихъ законовъ; а это дѣло для меня было весьма не легкое. Это объяснить вамъ, отчего такъ долго я не писалъ статей. Кажется, простая штука—информаціонный процессъ, на примѣръ, — а двое адвокатовъ не могли мнѣ объяснить его хорошенько, конечно, не потому, чтобъ они сами его не знали, а потому, что они слишкомъ сильны въ своемъ крючкотворствѣ, и крючки-то для нихъ важнѣе сущности. То же самое и въ ихъ юридическихъ книжкахъ.—Въ этомъ главная трудность.

«На дняхъ я переѣзжаю опять въ Лондонъ, на свою старую квартиру; позаймусь еще съ мѣсяцъ въ British Museum,—чтобъ дополнить матеріалы для статей о народныхъ школахъ,—единственно превосходныхъ школахъ въ Англии (ни университеты англійскіе, ни частныя школы—grammos schools и industrial schools не могутъ дать намъ ничего для соображеній, для поученія) и единственно заслуживающихъ нашего вниманія; желательно было-бы, чтобъ и въ нашихъ народныхъ школахъ, ежели онѣ должны скоро явиться,—принята была англійская система, съ тѣми, конечно, измѣненіями, которыя для нихъ окажутся необходимыми.—Но объ этомъ будетъ рѣчь послѣ.

«Мнѣ все кажется, что все то, что я теперь дѣлаю для англійскихъ законовъ о печати, будетъ собственно для насъ, русскихъ, толченіемъ воды въ рѣшетѣ. Трудно представить себѣ, чтобъ въ настоящее время можно было достигнуть отмѣны цензуры: послѣдняя мѣра относительно надзора за типографіями и книжными лавками, запрещеніе журналовъ,—общее направленіе дѣлъ,—все показываетъ, что не въ духѣ либеральныхъ реформъ будутъ новыя распоряженія и новыя мѣры.—Но можетъ быть, я и ошибаюсь,—и желалъ бы, чтобъ это такъ.

«Прочиталъ наконецъ я и «Молодую Россію»: Кто-то изъ русскихъ, не знаю, кто именно—въ Café de la Regence далъ мнѣ прочесть ее. Право, не знаю, что вы, въ Петербургѣ, нашли въ ней такого страшнаго. Это—глупость, которая не могла имѣть ни какого вліянія,—и способна только возбудить сожалѣніе къ той молодежи, которая набила себѣ голову французскими революціонными идеями заднихъ годовъ.—Подымать изъ-за этого гвалтъ въ

обществѣ, а особенно въ литературѣ, право, не стоитъ. — На дняхъ мнѣ попались англійскіе подобныя же листки сороковыхъ годовъ: какихъ только тамъ нѣтъ воззваній, — а кто же на нихъ обращалъ здѣсь вниманіе? Право, надобно пожить въ Англии, чтобъ отвыкнуть отъ пустыхъ страховъ, отвыкнуть отъ привычки придавать значеніе печатной строкѣ.

«А у насъ, у насъ-то, Господи, какія творятся вещи. Право, страшно и возвращаться въ Россію. — А все-таки, вы не повѣрите, Андрей Александровичъ, какъ мнѣ хочется вернуться поскорѣе. Такъ и рвусь туда. — туда; — работаю теперь съ какою-то лихорадочною поспѣшностью, только чтобъ все кончить скорѣе и пуститься въ путь.

«Въ Россіи обвиняють все и всѣхъ. Какъ мнѣ кажется, обвиненія эти не основательны.

«А плохую штуку сдѣлало правительство, запретивши журналы на время. — Ежели ничто у насъ не перемѣнится, то когда пройдетъ этотъ срокъ и снова воскреснутъ опаленные журналы, они привлекутъ къ себѣ огромную массу подписчиковъ, — а не опаленные останутся ни при чемъ, — потеряютъ, можетъ быть, половину. Это исторія весьма плохая, — какъ для правительства, такъ и для умѣренно прогрессивныхъ журналовъ. — Тутъ ужъ надобно было или вовсе не запрещать, или ужъ запретить совсѣмъ, такъ чтобъ и духу не осталось. — Вы конечно не подумаете, чтобъ я когда-нибудь оправдывалъ такую звѣрскую штуку. Я только говорю, что этого требовала бы *послѣдовательность* съ точки зрѣнія тѣхъ людей, которые уже рѣшились запрещать журналы. — Полумѣра же не годится никуда и разразится особенно вредно надъ тѣми журналами, которые не гнутъ сильно ни на ту, ни на другую сторону. — Впрочемъ, въ восемь мѣсяцевъ можетъ еще многое измѣниться.

«Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ мы должно быть увидимся. — Кланяюсь всѣмъ и желаю вамъ всякаго благополучія.

‡Вамъ искренно преданный

Н. Альбертини.

«Напишите, ради Бога, отвѣтъ о статьѣ Росселя.

«Въ іюльской книжкѣ Cornhill Magazine явилось начало новаго романа Джоржа Элліота, автора „Адама Буда“ — называется „Ромола“. Романъ историческій — дѣйствіе въ Италіи, во Флоренціи, въ концѣ XV вѣка. Первые пять главъ весьма интересны. Не посылаю вамъ вырѣзокъ единственно потому, что братъ Темиряева, переводчика нашего, говорилъ мнѣ, что онъ послалъ уже къ брату. Слѣдовательно вещь въ вашемъ распоряженіи».

II.

Лондонъ, 1 августа 1862 г.

«Запоздалъ я присылкой конца своей статьи, многоуважаемый Андрей Александровичъ; но надѣюсь, ни мало не помѣшалъ этимъ напечатанію первой половины ея въ іюльской книжкѣ. Вѣдь не можетъ же быть, чтобъ вся статья такъ ужъ и могла попасть цѣ-

ликомъ въ одну книжку. Въ это время мною была продолжаема другая статья, начатая еще прежде,—тоже о журналистикѣ—статья, въ которой рассказывается, что англійской журналистикѣ было плохо, пока она не заставила уважать себя,—а когда пришло уваженіе къ ней, то ужъ не трудно было получить и все, что хотѣлось. Эта статья будетъ кончена уже въ Россіи. Тамъ же будутъ приготовлены къ печати и статьи о школахъ, для которыхъ матеріаловъ у меня множество.

«Воротиться въ Россію какъ можно скорѣе—мнѣ страшно хочется. А между тѣмъ есть еще пробѣлы, которые надо пополнить,—а пополнить ихъ на мѣстѣ не будетъ средствъ. Жить то здѣсь уже стало невыносимо. Въ послѣднее время я живу, почти никого не видя, почти одинокій. Говорю—одинокій, потому что очень рѣдко вижу русскихъ, со многими изъ нихъ я разошелся въ мнѣніяхъ до того, что даже какъ-то неловко съ ними встрѣтиться, другіе—пошлые дураки. Жду, не дождусь того времени, когда опять буду съ вами, съ Степаномъ Семеновичемъ ¹⁾, Степаномъ Степановичемъ ²⁾, Константиномъ Николаевичемъ ³⁾. Тамъ хоть мы и спорили часто, но какъ-то все шло и все оканчивалось по душѣ. Съ другими не такъ,—поспоришь, вотъ ужъ и разошелся совсѣмъ, и ужъ трудно встрѣтиться и протянуть руку другъ другу. Такъ то бываетъ всегда съ людьми, отданными фанатической мысли. Богъ съ ними, съ такими людьми.

«Мое участіе въ „Голось“,—насколько для этого нужно мое желаніе—не подлежитъ, многоуважаемый Андрей Александровичъ, никакому сомнѣнію,—послѣ того, какъ вы объяснили мнѣ роль и значеніе въ газетѣ Скарятина, котораго здѣсь уже называли *главнымъ редакторомъ*. Вотъ такъ то и все, и обо всемъ то тутъ толкуютъ такіе вздоры.

«Поклонитесь отъ меня всѣмъ моимъ добрымъ знакомымъ, кого увидите,—и скажите имъ одно,—что я жду не дождусь времени, когда увижу ихъ.

«Искренно преданный вамъ

Н. Альбертини.

«P. S. Прошу васъ,—отвѣтите мнѣ, пожалуйста, на это письмо. Отвѣтъ вашъ можетъ еще застать меня въ Лондонѣ ежели будетъ написанъ немедленно. Я буду ждать вашего письма».

Козырнувши этими двумя письмами, доказывавшими, что Альбертини вмѣстѣ съ большинствомъ русскаго общества послѣ майскихъ дней 1862 года шарахнулся вправо, онъ такъ закончилъ свое показаніе:

«Долга чести, вѣрноподданической преданности Государю Императору, полного уваженія къ закону и полной готовности испол-

¹⁾ Дудышьявъ.

²⁾ Громека.

³⁾ Вестужевъ-Рюминъ.

нить его во всякое время я не забывалъ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ. Самымъ полнымъ ручательствомъ въ этомъ можетъ послужить все мое прошлое, хорошо извѣстное всѣмъ людямъ, съ которыми я находился въ сношеніяхъ. Настоящія, истинныя и постоянныя мои мнѣнія о такихъ дѣйствіяхъ, какъ преступленіе Михайлова, можно видѣть изъ многочисленныхъ статей моихъ политическаго содержанія, напечатанныхъ въ разное время въ «Отечественныхъ Запискахъ». Преступникъ, подобно Михайлову, покусившійся поколебать спокойствіе въ государствѣ, возбуждаетъ въ каждомъ честномъ челоѣкѣ ужасъ и отвращеніе»...

На очной ставкѣ съ Ничипоренкомъ Альбертини остался при всѣхъ показаніяхъ. Онъ былъ отпущенъ съ миромъ.

10 іюля допросили Максимова, сказавшаго, что съ издателемъ его сочиненій, Кожанчиковымъ, онъ не поддерживалъ личныхъ отношеній, Кельсіева не знаетъ, въ Лондонѣ никогда не былъ. Очная ставка Максимова съ Ничипоренкомъ дала неожиданный результатъ: Ничипоренко вдругъ написалъ: «Я отказываюсь какъ въ отношеніи сказаннаго мною относительно г. Максимова, такъ и въ отношеніи другихъ лицъ, имѣвшихъ со мною очныя ставки и не согласившихся съ моими показаніями, хотя и теперь подтверждаю все, касающееся меня лично»...

Эффектъ былъ большой... Сенаторы не ожидали, что изъ ихъ рукъ выпадетъ такая масса драгоцѣнныхъ уликъ и обвиненій.

Помѣшательство Траверсе. Вызовъ изъ за-границы. Законъ о награжденіи доносчиковъ. Смерть Ничипоренка.

28 іюля губернаторъ и нѣсколько чиновниковъ свидѣтельствовали умственныя способности Траверсе и тоже были поражены: онъ обвинялъ государя въ сношеніяхъ съ Бакунинымъ и въ распространеніи прокламацій, клеветалъ на вѣрность своей жены и пр. Ясно было, что маркизь совершенно уже ненормаленъ... Его помѣстили въ домъ для умалишенныхъ, по истеченіи шести недѣль снова освидѣтельствовали и признали нужнымъ подвергнуть опять шестинедѣльному испытанію...

Въ іюлѣ были получены, наконецъ, всѣ «повальные обыски» о поведеніи обвиняемыхъ; они были вполне для нихъ благопріятны; любопытно, что обыскъ о Налбандянѣ подписанъ сотней нахичеванцевъ, что указываетъ на широкое къ нему уваженіе и на желаніе реабилитировать его.

Въ серединѣ сентября министръ иностранныхъ дѣлъ уведомилъ сенатъ, что благодаря безобразной туринской полиціи, Черкесовъ и Николай Серно-Соловьевичъ до сихъ поръ еще не розысканы и потому не знаютъ о призывѣ ихъ въ Россію ¹⁾. Тогда же гене-

¹⁾ Значитъ, прося отсрочки заграничнаго паспорта, Черкесовъ еще и не знаетъ о привлеченіи его къ дѣлу.

ральный консулъ въ Лондонѣ увѣдомилъ министерство, что, несмотря на вызовъ, сдѣланный въ мартѣ въ газетѣ „Times“, ни Касаткинъ, ни Кельсievъ не явились въ консульство, да, навѣрное, и не явятся. Въ сентябрѣ вызовъ былъ повторенъ.

Въ октябрѣ Бени просился съѣздить въ Царство Польское къ больной матери. Сенатъ отдалъ это на усмотрѣніе кн. Суворова, а послѣдній отпустилъ Бени, взявъ съ него подписку о возвращеніи по первому требованію ¹⁾

Видя, что послѣ отказа отъ сдѣланныхъ показаній Ничипоренко и сумасшествія Траверсе, въ рукахъ его остается не очень то много уликъ, правительство рѣшилось на возмутительную мѣру, облеченную въ форму закона. А именно постановлялось, что:

«1. Обо всѣхъ лицахъ, которыя при производствѣ объ нихъ дѣлъ высочайше учрежденною въ С.-Петербургѣ слѣдственной комиссіе покажутъ полное раскаяніе и готовность способствовать къ открытію преступленій, дѣлать особыя представленія Его Величеству.

«2. Равно повергать на всемилостивѣйшее воззрѣніе участь и тѣхъ раскаявшихся и сознавшихся, о коихъ дѣла, по окончаніи производства въ комиссіи, переданы къ судебному разсмотрѣнію и находятся въ настоящее время въ правительствующемъ сенатѣ. При чемъ поставить въ обязанность суду: при заключеніи приговора объяснять отдѣльно и вкратцѣ, въ какой мѣрѣ означенныя лица способствовали къ открытію преступленій.

«3. Объ отставномъ штабъ-капитанѣ Петровскомъ и другихъ подобныхъ ему лицахъ, преданныхъ уже суду правительствующаго сената, которые показали полное раскаяніе и готовность способствовать къ открытію преступленій, дѣлать особыя представленія Его Величеству»...

Трудно придумать что-нибудь возмутительнѣе такого покровительства доносителю... Разумѣется, сенатъ сейчасъ же вошелъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи на поруки Петровскаго, котораго и взялъ на поруки Д. Д. Дашковъ...

Показаній никакихъ получить, однако, не удалось: кто былъ непорядоченъ или малодушенъ—все уже рассказалъ, люди порядочные и твердые, разумѣется, не хотѣли купить свою относительную свободу цѣною будущаго другихъ... Это былъ лучший отвѣтъ, но милостивое разрѣшеніе...

На другой день въ крѣпости умеръ Ничипоренко...

Сенатъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и сталъ вести дѣло къ окончанію.

Мих. Лемке.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

¹⁾ Въ началѣ января 1864 г. онъ вернулся въ Петербургъ.

Процессъ 17 лицъ въ 1883 году.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

— Пожалуйте! — сказалъ надзиратель Дома Предварительнаго Заключенія, открывъ дверь въ мою камеру 4-й галлерей этой образцовой тюрьмы.

Намъ всѣмъ уже было извѣстно, что на дняхъ Особое Присутствіе Правительствующаго Сената приступитъ къ разбору нашего дѣла. Около недѣли тому назадъ, или нѣсколько больше, всѣхъ насъ, кромѣ женщинъ и Стефановича, привезли изъ Петропавловской крѣпости въ Домъ Предв. Заключенія, корпусъ котораго былъ смежнымъ съ корпусомъ суда, и разсадили по разнымъ камерамъ и галлереймъ. Здѣсь издавна существовалъ обычай переводить на время политическаго процесса всѣхъ его участниковъ поближе къ коридорамъ, ведущимъ въ судъ; при этомъ имѣлись въ виду и большія удобства при постоянныхъ передвиженіяхъ изъ тюрьмы въ судъ и обратно разомъ такого большого количества заключенныхъ, и наименьшій шумъ, обращающій на себя вниманіе и, естественно, возбуждающій товарищей подсудимыхъ, и большая легкость сношеній защиты со своими кліентами, и пр., а всѣмъ этимъ требованіямъ наиболѣе удовлетворялъ конечно рядъ камеръ нижняго этажа Дома Пр. Заключенія.

Эта еще новая тогда тюрьма, построенная по западно-европейскому образцу, на меня, какъ вѣроятно и на другихъ заключенныхъ, производила впечатлѣніе гостинницы послѣ девятимѣсячнаго пребыванія въ сырыхъ и темныхъ казематахъ Петропавловской крѣпости. Недаромъ малолѣтняя дѣвочка нашего товарища по процессу Буцевича, когда приводили ее на свиданіе къ отцу, говорила ему: «въ какой гадкой гостинницѣ живешь ты, папа!» Бѣдному ребенку казалось плохой гостинницей то, что для ея отца было мѣстомъ отдыха послѣ крѣпостного сидѣнья и что при томъ было для него послѣднимъ отдыхомъ, какъ это оказалось впоследствии!..

Эти дни, оставшіеся до начала суда, изобиловали свиданіями обвиняемыхъ съ родными; очевидно, администрація сама безсозна-

тельно желала чѣмъ нибудь скрасить ихъ для заключенныхъ, не безъ основанія предполагая, что для' большинства эти дни были послѣдними днями пребыванія въ „первобытномъ“ (безъ лишенія гражданскихъ правъ) состояніи съ нѣкоторой возможностью общенія съ близкими людьми, а для нѣкоторыхъ и послѣдними днями жизни...

Имѣю основаніе дѣлать такое предположеніе потому, что неоднократно и отъ самихъ представителей власти, и отъ близкихъ людей на свиданіяхъ, въ свою очередь обмѣнивавшихся впечатлѣніями о процессѣ съ властью имѣющими, слышалъ мнѣніе, составившееся о подсудимыхъ на основаніи знакомства съ ними по дѣлу и лично. Эта, своего рода, рекомендація процесса заключалась въ томъ, что главное впечатлѣніе, производимое обвиняемыми, было впечатлѣніе людей съ душой и сердцемъ, къ которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя примѣнить эпитетовъ кровожадности и звѣрства, какими обвиненіе пыталось надѣлать участниковъ предшествовавшихъ террористическихъ процессовъ.

Говорили, что первый процессъ (первомартовцевъ) отличался строгой выдержанностью типа террориста, пользующагося судомъ какъ трибуной, чтобы освѣдомить общество возможно шире съ альфой и омегой своего направленія; представители его поражали своей убѣжденностью; процессъ далъ теоретиковъ партіи «Народной Воли», теоретиковъ террора въ лицѣ Желябова, Перовской, Кибальчича. Второй процессъ 20 лицъ въ 1882 г. выдвинулъ по преимуществу теоретиковъ и практиковъ партійной программы и организаціи въ лицѣ Ал. Михайлова и др.; третій же процессъ 17 лицъ, не блистая талантами теоретической обосновки и партійной организаціи, равно какъ и не имѣя задачъ стоявшихъ передъ первомартовцами, знакомилъ публику, поскольку она имѣла возможность знакомиться съ подсудимыми по свѣдѣніямъ проникающимъ въ нее черезъ судъ, защиту и родственниковъ обвиняемыхъ, съ представителями террора. Таково было общее мнѣніе, глухо доходившее и до объектовъ его.

Не мнѣ судить, насколько справедлива такая репутация процесса вообще, но долженъ сказать, что многое могло говорить въ пользу такой его оцѣнки.

Начать съ того, что здѣсь былъ огромный процентъ женщинъ, подчасъ помимо ихъ воли вносящихъ извѣстную степень чувства и душевной мягкости въ ихъ отношенія къ окружающему; въ самомъ дѣлѣ, на 10 ч. мужчинъ тутъ было 7 ч. женщинъ, тогда какъ на предыдущемъ процессѣ 20-ти ихъ было всего 3.— Затѣмъ, настроеніе нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, какъ Корба и особенно Грачевскаго, было таково, что также располагало ихъ, и безъ того людей въ высшей степени сердечныхъ, къ особой душевной мягкости; причина такого настроенія объясняется ихъ страстнымъ желаніемъ сколько возможно понизить отвѣтственность ихъ болѣе молодыхъ товарищей, о чемъ эти послѣдніе и не подозревали тогда, и что болѣе подробно выясняется въ гото-

вящихся мемуарахъ другого участника процесса 17. Наконецъ обширный кругъ родныхъ и знакомыхъ нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, какъ Прибылева (Роза Львовна, урожденная Гросманъ), Корба и Буцевичъ, сумѣлъ заинтересовать общество участниками этого процесса не только какъ представителями крайняго разрушительнаго направленія, но и какъ людьми въ широкомъ смыслѣ этого слова; съ другой стороны тѣмъ же порядкомъ и съ той-же точки зрѣнія неизбѣжно должны были познакомиться съ ними и предержавшій власти: и общество, и власти привыкли смотрѣть на подсудимыхъ безъ особо предвзятой точки зрѣнія, и не усматривая со стороны ихъ агрессивныхъ попытокъ на слѣдствіи и судѣ, видѣли въ нихъ обыкновенныхъ, даже очень симпатичныхъ людей, волею историческихъ судебъ попавшихъ на скамью подсудимыхъ. Кромѣ того Юрій Богдановичъ—участникъ подкупа на Малой Садовой, хозяинъ знаменитой сырной лавки Кобозевыхъ—придавалъ своеобразный колоритъ всему процессу, возбуждая интересъ и вниманіе общества, и отвѣчая на нихъ присущей ему корректностью поведенія, мягкостью своею характера и всегда окружающими его симпатіями со стороны лицъ входящихъ съ нимъ въ сношенія.

Но важнѣе всего конечно то, что процессъ 17 былъ поставленъ въ разбираемомъ отношеніи въ исключительное положеніе. Съ одной стороны идея террора и программа партіи были достаточно выяснены на предыдущихъ процессахъ, почему главари процесса 17-ти могли касаться ихъ въ гораздо меньшей степени; съ другой стороны процессъ этотъ не могъ выставить выдающихся ораторовъ, которые бы легко справились съ этой задачей. Такимъ образомъ на долю участниковъ процессовъ 1-го марта и 20-ти въ 82 г. выпало скрыть, замаскировать всѣ свои душевные качества, всю силу ихъ любви къ человѣчеству, всю степень самопожертвованія, какими обычно отличались видные революціонеры того времени, и выступать передъ обществомъ съ грозной проповѣдью террора, оправдать его въ самомъ крайнемъ его проявленіи. Задача неблагодарная для дѣятелей этихъ процессовъ, но выполненная ими блистательно, съ полнымъ самозабвеніемъ. Въ совершенно противуположныхъ, но и несравненно болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ оказались участники процесса 17. Они могли явиться самими собою—несравненно больше, чѣмъ это можно было сдѣлать ихъ товарищамъ въ предыдущихъ процессахъ. И въ этомъ лежитъ корень впечатлѣнія, производимаго ими на окружающихъ. Какъ бы то ни было, вырисовывавшійся такимъ образомъ характеръ подсудимыхъ—главныхъ лицъ всей судебной драмы, проходящей передъ глазами русскаго общества—обуславливалъ и ихъ поведеніе на судѣ, которое въ общемъ было вполнѣ корректно, даже мягко и поражало отсутствіемъ всякаго задора, и мнѣ хочется сказать—какъ бы носило на себѣ отпечатокъ тона знаменитаго письма Исполнительнаго Комитета къ Императору Александру III, послѣ 1 марта 1881 г.

Другъ о другѣ мы знали мало въ дни предшествовавшіе суду.

Только женщины были въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, такъ какъ могли сносятся между собою путемъ летучей почты; режимъ ихъ содержанія былъ нѣсколько слабѣе. Впрочемъ, и намъ удавалось узнать кое-что другъ о другѣ, благодаря значительнымъ послабленіямъ обычныхъ тюремныхъ строгостей, что объяснялось тоже приближеніемъ суда.

Въ камеры часто заходили побесѣдовать съ обвиняемыми и защитники, и чины тюремнаго вѣдомства, и сама прокуратура даже, въ лицѣ, напр., тов. прок. при Д. П. З. борона Рауша. Помню, какъ однажды внезапно отворилась дверь моей камеры, и въ нее прошелъ окруженный соотвѣтственной свитой самъ прокуроръ судебной палаты, будущій министръ юстиціи—Муравьевъ. Не знаю, что побудило его посѣтить меня въ моемъ уединеніи, и мнѣ не удалось установить, посѣщаль ли онъ также другихъ товарищей или сдѣлалъ это исключеніе только для моей особы. Какъ бы то ни было, для меня было ясно, что прокуроръ судебной палаты или дѣлаетъ это исполняя свою обязанность, какъ шаблонъ, или его загнало въ наши камеры праздное любопытство. Это было очевидно уже по одному тому, что, какъ оказалось, ему отъ меня не было ничего нужно. Онъ обратился ко мнѣ съ фразой и предложеніемъ, показавшимся мнѣ совершенно не нужными.

«Прошу васъ, сказалъ онъ, употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы на судѣ не было слезъ. Лучше я разрѣшу вамъ столько свиданій, сколько вы хотите, но необходимо, чтобы судъ прошелъ безъ такого рода сценъ».

Я пожалъ плечами и далъ понять прокурору, что меня удивляетъ его предположеніе, что, кажется, я плакать не собираюсь и что дѣло, надѣюсь, пройдетъ гладко безъ какихъ либо экстраординарныхъ мѣръ. Фраза очевидно относилась къ роднымъ, часть женскаго элемента которыхъ усиленно хлопотала о разрѣшеніи присутствовать на засѣданіяхъ суда.

Съ прокуроромъ судебной палаты мы все же были старые знакомые. Впервые я видѣлъ его, когда просилъ разрѣшенія на свиданіе съ однимъ изъ товарищей, случайно,—какъ Эзопъ шедшій въ баню и попавшій въ «классическій» участокъ, оказавшійся въ Домѣ Пр. Закл. Это было въ 81 году. Затѣмъ, въ самые первые дни ареста, когда насъ еще держали при жандармскомъ управленіи, не успѣвъ составить постановленія о заключеніи въ крѣпость, онъ ввелъ въ мою камеру какое-то чрезвычайно высокопоставленное лицо, о значеніи и имени котораго, благодаря полной безгласности нашего конвоя, мнѣ такъ и не удалось освѣдомиться. Тогда онъ вбѣжалъ впереди всей свиты этой особы съ возгласомъ:—«Встаньте, милостивый государи!». Вопросъ этой особы, при томъ единственный, былъ также для меня неожиданъ и казался тогда мнѣ столь же ненужнымъ, какъ вышеописанное обращеніе самого прокурора передъ судомъ.—«Вы практиковали?»—спрашивалъ онъ меня, у котораго арестовали конспиративную квартиру, на одно обородованіе каковой нужны были мѣсяцы... Послѣ этого я не имѣлъ удо-

вольствія видѣть г. будущаго министра юстиціи вплоть до нашихъ предпроцессныхъ дней.

Самый процессъ представлялъ для насъ огромный интересъ. Я нисколько не ошибусь, если скажу, что большинство его участниковъ жили только надеждой скорѣе явиться на скамьѣ подсудимыхъ. Не говорю уже о томъ, что многіе должны были интересоваться окончательнымъ выясненіемъ своей доли. Для каждаго создавалось такое положеніе, что періодъ суда долженъ быть наилучшимъ періодомъ всей оставшейся имъ жизни, для многихъ интереснѣйшимъ моментомъ изъ всего, что осталось еще пережить.

Лично мнѣ какъ-то не приходилось удѣлять много времени на думы о предстоящей участи. Не то, чтобы я отклонялъ отъ себя мысль о смерти, которая, разумѣется, не могла быть мнѣ въ моемъ положеніи желанной, и не то, чтобы я серьезно вѣрилъ, что въ данный моментъ избѣгу таковой... нѣтъ—просто какъ-то не хотѣлось думать о томъ, что будетъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, и все вниманіе сосредоточивалось на текущихъ моментахъ. Когда мой защитникъ, посѣщая меня и не слыша съ моей стороны вопросовъ, относящихся къ предстоящей мнѣ участи, самъ заговаривалъ, что я не такъ засѣлъ, какъ тотъ или другой изъ моихъ товарищей по дѣлу, очевидно, желая показать этимъ, что на мою долю должна выпасть меньшая степень взысканія, я какъ-то пропускалъ это соображеніе мимо ушей и быстро переводилъ разговоръ на другія темы, болѣе меня интересовавшія. Но мало-по-малу для меня все же стало очевиднымъ, что мнѣ грозитъ, быть можетъ, наименьшая кара среди всѣхъ моихъ товарищей по процессу, и потому мысль о тѣхъ, кому не избѣжать суроваго приговора, все больше и больше укоренялась въ головѣ, и становилось больно и какъ-то стыдно, что, находясь въ данный моментъ въ одинаковыхъ условіяхъ, я не буду имѣть чести идти съ ними до конца и вынужденъ отдалиться отъ нихъ, такъ сказать, вправо.

Хотѣлось бы сдѣлать ихъ менѣе виновными, хотѣлось, чтобы они стали въ такое же положеніе, въ какомъ были мы, чтобъ имъ не грозилъ по крайней мѣрѣ смертный приговоръ... Но сдѣлать это было невозможно и душа не переставала болѣть за тѣхъ, участь которыхъ была предрѣшена и представлялась ужасною... Душевное настроеніе временами дѣлалось мрачнымъ, тогда его не въ силахъ былъ разогнать интересъ къ предстоящему появленію на судѣ. Такое настроеніе поддерживалось, вѣроятно, и тяжестью предшествовавшаго тюремнаго содержанія (а оно могло быть и еще хуже!), которое многимъ заключеннымъ уже тогда подорвало силы и здоровье, о чѣмъ въ общихъ чертахъ другъ о другѣ мы были освѣдомлены...

Наши родные и знакомые съ воли не переставали оказывать намъ всевозможные знаки вниманія, и это трогало насъ до глубины души. Чего, чего не приносили они намъ, чѣмъ не баловали заключенныхъ! Казалось, не было, не могло существовать препятствій

къ исполненію малѣйшаго, едва выраженнаго нами желанія. Приходилось быть осторожными на свиданіи и слѣдить за собой, чтобы не прорвалось какое-нибудь неловкое слово, которое можно истолковать какъ желаніе, которое, каково бы оно ни было, будетъ приведено въ исполненіе. Но, къ сожалѣнію, даже и въ этомъ отношеніи не всѣ мы были въ одинаковыхъ условіяхъ. Кое-кто изъ насъ и вовсе не имѣлъ близкихъ людей, которые могли бы о нихъ позаботиться и иногда побаловать ихъ, что всегда необыкновенно цѣнится заключенными и доставляетъ имъ много невиннаго удовольствія и радости. Какъ могли, мы исправляли эту несправедливость и неравномѣрность распредѣленія благъ и завели для этой цѣли внутреннія передачи, поскольку позволялъ это тюремный режимъ.

Итакъ, немногіе дни, оставшіеся намъ до начала суда, прошли незамѣтно, быстро, наполненные свиданіями, разговорами, разспросами о ходѣ жизни за послѣдніе мѣсяцы и даже за цѣлый годъ, когда всѣ мы были оторваны отъ нея такъ основательно. А жизнь за это время шла своимъ чередомъ, совершался обычный круговоротъ событій крупныхъ и мелкихъ, въ которомъ мы уже не могли участвовать и о которомъ узнавали съ огромнымъ интересомъ, какъ о чемъ-то для насъ далеко, безконечно далеко, до насъ теперь какъ бы не касающемся..

Наступилъ наконецъ и день суда. Это было 28 марта 1883 г.

Съ утра загромыхали двери сосѣднихъ камеръ. Этотъ шумъ то приближался, то удалялся. Очевидно подсудимыхъ выводили не по порядку камеръ, а по какому-то особенному выбору. Дошла очередь и до меня. Опять любезное приглашеніе: «Пожалуйте!» и я отправился въ сопровожденіи двухъ надзирателей.

Въ среднемъ корридорѣ Дома предв. закл., между мужскимъ и женскимъ отдѣленіемъ, каждый изъ насъ находилъ неожиданную по оживленію картину. Вдоль всего корридора разставлены жандармы въ полномъ вооруженіи, съ шашками на-голо, между ними подсудимые; каждый изъ этихъ послѣднихъ находился между жандармами справа и слѣва. По корридору свободно ходили только чины тюремной администраціи, офицеръ, командовавшій жандармами, и нѣсколько защитниковъ, участвовавшихъ въ процессѣ и спустившихся изъ залы суда, чтобы еще разъ повидаться передъ разборомъ дѣла со своими кліентами. Разговоры, кромѣ мелкихъ отрывочныхъ фразъ, не было; очевидно по обычаямъ тюрьмы этого не полагалось. Слѣдомъ за мной изъ женскаго отдѣленія были выведены Прибылева, Гринбергъ, Корба и каждая была поставлена на соответственное мѣсто между двухъ жандармовъ. Скоро раздалась команда:—«Направо—кругомъ!» и вся колонна стражи сдѣлала полъ-оборота направо, лицомъ къ двери, ведущей въ глубь зданія. Намъ оставалось послѣдовать ихъ примѣру. Офицеръ нашелъ необходимою сдѣлать громкое предупрежденіе конвою, въ дѣйствительности имѣвшее въ виду подсудимыхъ. «Заложить патроны, держать оружіе на готовѣ!», кажется, сказалъ онъ, обращаясь къ

своей командѣ.—Ого!—раздалось со стороны конвоируемыхъ: было ясно, что предупрежденіе дошло по своему адресу. — «Шагомъ маршь!»—и процессія двинулась длинной, извивающейся лентой по узкимъ, часто темнымъ корридорамъ, то поднимаясь, то иногда спускаясь на нѣсколько ступенекъ. Во главѣ ея шла Корба, а замыкалъ ее Борейша. Подсудимые были разставлены въ такомъ порядкѣ, въ какомъ имъ предназначено было сидѣть на двухъ скамьяхъ, причемъ сперва заполнялась нижняя скамья, а затѣмъ верхняя. Часть конвоировавшихъ жандармовъ расположилась сбоку скамей.

Порядокъ, въ которомъ размѣстили подсудимыхъ въ первый день, сохранялся до конца суда, вплоть до прочтенія приговора въ окончательной формѣ. На первой нижней скамьѣ сидѣли, считая отъ стола присутствія: Корба, Лисовская, Смирницкая, Гринбергъ, Прибылева, я и Буцевичъ; на второй верхней скамьѣ порядокъ былъ слѣдующій: Богдановичъ, Грачевскій, Ивановская, Златопольскій, Стефановичъ, Теллаловъ, Калюжный, Клименко, Юшкова и Борейша. Впереди подсудимыхъ расположились ихъ защитники: Стасовъ, Еше, Королевъ, Андреевскій, Граціанскій, Александровъ, Кедринъ, Коробчевскій, Холева, Спасовичъ и Гросманъ¹⁾. Сенаторы, составлявшіе судъ, съ первоприсутствующимъ Синеоковымъ-Андріевскимъ во главѣ, сидѣли за лѣвой половиною стола, а сословные представители за правой, ближайшей къ подсудимымъ половиною стола присутствія; здѣсь же на концѣ приютился секретарь суда, а противъ подсудимыхъ и защиты черезъ всю залу за отдѣльнымъ столомъ возсѣдалъ грозный прокуроръ Желеховскій, уже знаменитый обвинитель по процессу 193-хъ, и его помощникъ товарищ прокурора Островскій. Передъ столомъ присутствія на отдѣльномъ небольшомъ столикѣ лежали всѣ вещественныя доказательства, которыхъ было не Богъ вѣсть какъ много, а сзади присутствія на особыхъ креслахъ возсѣдали заинтересованные ходомъ дѣла высшіе чины юстиціи, тогдашній министръ Набоковъ, прокуроръ палаты Муравьевъ и пр. Если къ сказанному прибавить почти совершенно пустыя скамьи, предназначенныя для публики, на которыхъ кой-гдѣ сидѣли лица, такъ или иначе причастныя къ судебному міру, судебныя пристава, полиція, чины охраны и пр. (исключеніе было сдѣлано для матерей Буцевича и Прибылевой, которыя дѣйствительно присутствовали на многихъ засѣданіяхъ), то описаніе внѣшней обстановки суда, вѣроятно одинаковой для всѣхъ процессовъ этого рода, будетъ исчерпано.

¹⁾ Стасовъ — защитникъ Грачевскаго, Полетаевъ—Клименко, Еше —Корба, Королевъ и Александровъ—Богдановича (рѣчь произносилъ первый, такъ какъ Александровъ былъ занятъ другимъ процессомъ), Андреевскій—Калюжнаго, Граціанскій—Златопольскаго и Гринбергъ, Кедринъ — Буцевича и Стефановича, Коробчевскій—Юшковой, Холева—Ивановской; Спасовичъ—Прибылевыхъ; Гросманъ, братъ подсудимой—Прибылевой. Теллаловъ, Лисовская, Смирницкая и Борейша были безъ защитниковъ.

Мрачная торжественность, написанная на лицахъ «высокаго» суда, призваннаго произнести непрекаемый и суровый приговоръ, заранѣе предрѣшенный, нѣсколько дѣланная суровость и враждебность лицъ прокуратуры, озабоченной предстоящей задачей обвинить во что бы то ни стало, и полное равнодушіе, маска безсердечія, индиферентизма,—я сказалъ-бы—животная тупость выраженія лицъ, непрічастныхъ къ дѣлу (чиновъ полиціи, охраны и лицъ за столомъ присутствія) плохо гармонировали съ оживленными, веселыми, обрадованными свиданіемъ съ товарищами лицами подсудимыхъ. Лица подсудимыхъ хранили, правда, черты болѣзненности и истощенія—результатъ физическихъ и нравственныхъ лишений за время предварительнаго заключенія,—но они были жизнерадостны, и сказывающееся въ этомъ душевное состояніе, видимо, передавалось защитѣ, которая несомнѣнно вся относилась къ подсудимымъ вполне сочувственно.

А многіе изъ послѣднихъ производили тягостное впечатлѣніе. Златопольскій, прежде всегда живой, здоровый и сильный, поражалъ необычайной для него полнотой, одутловатостью и блѣдностью лица, что заставляло предполагать начало ненормальности сердечной работы; его голосъ сдѣлался необыкновенно тихимъ, едва слышнымъ. Клименко, много перенесшій уже на своемъ еще непродолжительномъ вѣку, сохранившій и здѣсь остатки своей спокойной жизнерадостности, которой отличался и подкупалъ въ свою пользу еще такъ недавно, наканунѣ ареста, теперь былъ страшно истощенъ, сильно исхудалъ и видимо много страдалъ. Бѣдняга Клименко, благодаря своей приобрѣтенной въ крѣпости болѣзни (dysentery), былъ вынужденъ даже пропустить не одно засѣданіе суда, что, конечно, для него было тяжело. Своей худобой и истощеніемъ поражали большинство и особенно Богдановичъ, Калюжный, Борейша, Теллаловъ, Смирницкая, Лисовская. На лицѣ Грачевскаго кромѣ того написана мука душевная, тяжесть которой въ такихъ сильныхъ характеромъ и волей людейъ тѣмъ больнѣе поражаетъ окружающихъ. Онъ страдалъ, приписывая себѣ одному гибель своихъ болѣе молодыхъ товарищей, судьбою которыхъ и былъ озабоченъ. Тѣмъ тяжелѣе было видѣть, что теперешнее состояніе Грачевскаго было рѣзкимъ контрастомъ съ сильнымъ, мужественнымъ и стойкимъ Грачевскимъ, коимъ онъ былъ тоже еще такъ недавно, передъ арестомъ. Женщины сохранились лучше,—онѣ содержались въ Домѣ Предв. Заключенія. Не производилъ особо болѣзненнаго впечатлѣнія Стефановичъ, который свое предварительное заключеніе отбывалъ при Департаментѣ Полиціи.

Немедленно по приводѣ въ залу суда начались разговоры подсудимыхъ и знакомства между тѣми, кто впервые встрѣтился здѣсь (москвичи—петербуржцы). Потребность обмѣняться мыслями съ товарищами—братьями не только по предстоящей участи, но особенно по убѣжденіямъ и единомыслію,—вслѣдъ за продолжительнымъ одиночнымъ заключеніемъ, была настолько велика и естественна, что было бы странно, еслибы она не проявилась даже во-

преки прямому запрещенію суда, даже съ рискомъ на репрессіи. Это очевидно понимала судебная администрація и, сколько помню, ни разу формально не ставила препятствія такому естественному и неизбежному общенію подсудимыхъ, сидящихъ бокъ о бокъ другъ съ другомъ. Только одинъ разъ за всѣ дни суда было выражено желаніе, чтобы подсудимые разговаривали меньше, такъ какъ это мѣшало самому производству дѣла, но и это заявленіе было сдѣлано не официально, а черезъ посредство или защиты, или инымъ какимъ-то путемъ. Этимъ разговорамъ, этому общенію, обмѣну мыслями всѣ предавались такъ страстно, что нерѣдко пропускали очень важные моменты дѣлопроизводства, чего иногда было уже невозможно и поправить. Къ тому же всѣ подсудимые (кромѣ Грачевскаго и Клименко) были совершенные новички въ судебныхъ разбирательствахъ, не знали, что и въ какіе моменты полагалось заявлять суду, не умѣли использовать данныя судебного производства въ интересахъ ли защиты, или въ интересахъ большаго освѣщенія партійной и своей собственной индивидуальности. Такъ, въ послѣдніе дни процесса не рѣдко спрашивали другъ друга, почему не сказано то или другое, не очерчена та или другая сторона дѣятельности или факта. Но необходимо добавить также, что этимъ недочетамъ много помогало и общее равнодушіе къ окончательному рѣшенію суда, которое казалось и предрѣшеннымъ и неизбежнымъ...

Усиленная бесѣды въ полголоса начались съ перваго момента вступленія въ залъ судебного засѣданія. Чтеніе обвинительнаго акта, уже извѣстнаго намъ во всѣхъ деталяхъ, давало возможность переговариваться непрерывно; дальнѣйшій ходъ разбирательства прерывалъ разговоры только въ интересные для всѣхъ моменты, какъ-то: рѣчи и объясненія подсудимыхъ, рѣчи защиты, почему либо интересные допросы свидѣтелей, экспертовъ и пр., и, само собой разумѣется, эти разговоры замѣтно утихли къ послѣднимъ моментамъ процесса, занятымъ «послѣднимъ словомъ» подсудимыхъ и ожиданіемъ вердикта суда.

Дни суда были богаты инцидентами, привлекавшими къ себѣ всеобщее вниманіе. Одни изъ нихъ отличались своею серьезностью, даже не были лишены нѣкотораго трагизма, иные были комичны. Такъ, на второй день суда Клименко обратился поочередно ко всѣмъ товарищамъ съ предупрежденіемъ, что ему, какъ бѣжавшему изъ Сибири и уже ранѣе того лишенному «всѣхъ правъ состоянія» ¹⁾, кромѣ общаго приговора будетъ назначено наказаніе плетми, но что эта прибавка къ приговору есть простая формальность и потому онъ проситъ товарищей не придавать ей никакого значенія и по поводу ея не волноваться и не беспокоиться. Это предупрежденіе было принято съ суровымъ молчаніемъ,

¹⁾ Клименко судился въ 1880 г. въ Кіевѣ, по приговору В. О. Суда былъ сосланъ съ лишеніемъ правъ на поселеніе, откуда бѣжалъ въ 1881 году.

но можно себѣ представить, какое впечатлѣніе могло произвести оно! Это было напоминаніе, что скоро, очень скоро, каждый изъ подсудимыхъ окажется лишеннымъ своей воли и желанія, будетъ на положеніи простой вещи, и даже хуже, въ положеніи вьючнаго и безъотвѣтнаго животнаго, которое все чувствуетъ, и которое могутъ погонять, бить и даже наказывать плетью и розгой! Въдъ никто изъ насъ не былъ знакомъ сколько нибудь детально съ положеніемъ, къ которому всѣ мы шли неизбѣжно и, конечно, чрезвычайно многое, связанное съ «лишеніемъ правъ», должно было насъ поразить, какъ оно и оказалось впоследствии. Да! это предупрежденіе Клименко произвело удручающее впечатлѣніе, и нельзя сказать, чтобы оно было излишне, не кстати!..

Среди свидѣтелей былъ нѣкто Родзевичъ. Онъ, кажется, былъ выставленъ обвиненіемъ для доказательства виновности Лисовской. Это былъ молодой человѣкъ, съ крайне несимпатичными привычками глазами и съ печатью Каина на лицѣ и на всей приниженной и боязливой фигурѣ. Было извѣстно, что Родзевичъ ¹⁾ когда то, еще не такъ давно, участвовалъ въ мелкихъ революціонныхъ кружкахъ западнаго края, но что въ настоящее время онъ чуть ли не состоитъ на жалованьи у охраннаго отдѣленія. Поэтому было естественно, что жандармское управленіе, а за нимъ и нашъ «высокій» судъ видимо старались затемнить его біографію, несмотря на усилія Лисовской обнаружить ее во всей прелести, съ цѣлью указать, какими свидѣтелями не брезгуетъ обвиненіе. Буцевичъ нѣсколько зналъ Родзевича, и ему захотѣлось помочь Лисовской. Съ этой цѣлью онъ вмѣшался въ допросъ свидѣтеля и рассказалъ, что Родзевичъ, какъ ему положительно извѣстно, жилъ у своего дяди пастора на полномъ готовомъ содержаніи, ни въ чемъ слѣдовательно не нуждаясь, и въ то же время не гнушался пользоваться, какъ неимущій, деньгами изъ грошовыхъ суммъ революціоннаго кружка, въ которомъ числился членомъ. Буцевичъ, самъ идеально чистый человѣкъ, полагалъ, очевидно, что такая характеристика свидѣтеля совершенно уронитъ достовѣрность его показаній въ глазахъ суда; но судъ не понялъ чистоты намѣреній Буцевича и съ недоумѣніемъ спрашивалъ его, зачѣмъ онъ это говорить; Буцевичъ первоначально затруднился отвѣтомъ, но потомъ громко заявилъ, что говорить это въ интересахъ истины. Это оригинальное *qui pro quo* на секунду развеселило всѣхъ.

Въ числѣ свидѣтелей обвиненія былъ хозяинъ моей студенческой квартиры Аркадій Петровичъ Н. Очевидно онъ долженъ былъ доказать суду, что нерѣдко видалъ у меня въ квартирѣ Хр. Гринбергъ. Для суда видимо не очень было важно, чтобы этотъ фактъ былъ подтвержденъ и чтобы свидѣтель былъ допро-

¹⁾ Мнѣ кажется, что Родзевичъ, спровоцировавшій польскую организацію въ Петербургѣ въ 1881 г., былъ другое лицо, не свидѣтель по процессу 17, хотя не могу утверждать этого положительно.

шенъ; поэтому прокуроръ не выразилъ желанія вводить его въ залу суда. Но мнѣ и Гринбергъ очень хотѣлось увидѣть добраго Аркадыя Петровича, съ которымъ оба мы были нѣкогда большими друзьями, и мы условились настоять на его допросѣ. Не знаю, доставили-ли мы этимъ удовольствіе нашему свидѣтелю, но онъ своей знакомой намъ фигурой и доброй сочувственной полуулыбкой живо напомнилъ намъ уже отошедшія въ глубь и канувшія въ вѣчность добрыя и еще не старыя времена, чѣмъ доставилъ намъ много удовольствія. Его допросъ былъ коротокъ, онъ дѣйствительно установилъ наше знакомство, и мы тутъ-же, немедленно, оба подтвердили, что этого обоюднаго знакомства отрицать и не думали.

Калюжный съ присущей ему живостью и никогда его не оставившимъ юморомъ рассказывалъ, какъ онъ отъ скуки пытался «отвести» отъ суда одного изъ сенаторовъ, и какъ былъ радъ, когда нашель наконецъ въ списокъ сенаторовъ имя, дававшее хотя тѣнь основанія. Это былъ сенаторъ Жерве. Калюжный тотчасъ же настроилъ отводъ на томъ основаніи, что Жерве былъ попечителемъ Харьковскаго округа, когда Калюжный, будучи Харьковскимъ студентомъ, былъ исключенъ и высланъ за студенческіе беспорядки. Ясно, что Жерве не можетъ быть безпристрастнымъ къ подсудимому, нѣкогда высланному имъ студенту. Причина отвода была всетаки признана недостаточной, о чемъ онъ и получилъ скоро официальное увѣдомленіе, но инцидентъ далъ нѣкоторую пищу живому и гибкому уму Калюжнаго, вынужденному оставаться въ принудительномъ бездѣйствіи одиночки. Калюжный нѣкогда былъ въ административной ссылкѣ, бѣжалъ оттуда вмѣстѣ съ Смирницкой, былъ сподвижникомъ Богдановича въ его объѣздѣ Сибири для организациі Краснаго Креста, освобожденія заключенныхъ и устройства побѣговъ и одновременно съ нимъ былъ арестованъ въ Москвѣ. Это былъ нервный, подвижной, жизнерадостный и крайне милый, симпатичный человѣкъ, весь какъ бы сотканный изъ благороднѣйшихъ стремленій и горячихъ самоотверженныхъ порывовъ. До конца своей жизни онъ оставался убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ, альтруистомъ и революционеромъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Не будучи теоретикомъ-ораторомъ, онъ на судѣ предоставилъ теоретизировать своимъ старшимъ товарищамъ и самъ ограничился лишь нѣсколькими словами, характеризующими причины, такъ часто вырабатывающія революціонеровъ изъ среды молодежи, имѣвшей несчастье подпасть подъ удары суроваго режима безпardonнѣйшаго произвола. Мнѣ довелось присутствовать при послѣднихъ минутахъ жизни этого дорогого товарища, и память объ немъ сохранится у меня навсегда, и не умретъ въ душѣ всѣхъ, когда либо знавшихъ его... Онъ погибъ самовольно, борясь и протестуя противъ грубаго произвола, продолжавшаго его преслѣдовать въ стѣнахъ каторжной тюрьмы, почти наканунѣ его освобожденія. Онъ погибъ въ той карійской драмѣ, которая совмѣстно съ нимъ

унесла въ могилу и его сестру — молодую несчастную дѣвушку Марию Калюжную, и его жену—Надежду Смирницкую.

Буцевичъ, бывший моимъ сосѣдомъ слѣва, часто и много разговаривалъ съ нами, былъ очень веселъ, шутилъ и смѣялся, и первые дни, повидимому, совершенно не предполагалъ, что вердиктъ суда будетъ къ нему такъ жестоко несправедливъ. Онъ рассказывалъ между прочимъ, при какихъ обстоятельствахъ ему пришлось дать показаніе, по его мнѣнію, наиболѣе для него тягостное. Существенныхъ, настоящихъ уликъ, кромѣ подозрѣваемыхъ сношеній съ Грачевскимъ, противъ него не было, и Буцевичъ былъ увѣренъ вначалѣ, по его словамъ, что онъ не можетъ быть даже привлеченъ къ суду. Но принадлежность къ партіи онъ все же не отрицалъ. На одномъ изъ допросовъ къ нему пришелъ прокуроръ палаты Муравьевъ; снимавшій допросъ съ Буцевича жандармскій полковникъ передалъ листъ прокурору, который по прочтеніи его обратился къ Буцевичу съ такимъ вопросомъ: «какимъ образомъ случилось, что вы, нося мундиръ государя, измѣнили ему и вступили въ заговоръ противъ него?»—Буцевичъ частію былъ захваченъ въ расплохъ, частію разсердился, справедливо усмотрѣвъ особую ядовитость въ предложенномъ вопросѣ; полагая при томъ, что ведетъ съ прокуроромъ простой разговоръ, а не подвергается допросу, отвѣчалъ:— «Я готовъ былъ служить государю и служилъ ему до тѣхъ поръ, пока его интересы не расходились съ интересами народа, служить которому я всегда считалъ своимъ первымъ и прямымъ долгомъ; когда же я увидѣлъ и убѣдился, что интересы царя и народа разошлись, я счелъ себя обязаннымъ перейти на сторону послѣдняго».

— Запишите эти слова въ ваши показанія,—мягко сказалъ прокуроръ.

Буцевичъ не нашелъ для себя возможнымъ отказаться отъ только что произнесенныхъ словъ, его въ высокой степени чистая и прямая натура не терпѣла разногласій слова и дѣла, и сказанная фраза безъ колебаній была занесена въ допросный листъ и скрѣплена подписью автора. Трудно думать, конечно, чтобы это обстоятельство было роковымъ или сколько нибудь рѣшающимъ судьбу Буцевича, но самъ онъ придавалъ этому факту извѣстное значеніе, хотя въ дѣйствительности былъ очень далекъ отъ угрожающаго ему приговора. Онъ даже шуточно сопоставлялъ во время суда его и мой предполагаемые приговоры, предупреждалъ меня, что даже и каторги не увижу я, какъ своихъ ушей, но что онъ и моя жена несомнѣнно проживутъ еще, хотя и въ далекихъ краяхъ:—«Ну что-жъ, говорилъ онъ ей, самое большее, что мнѣ могутъ дать, это лѣтъ 8, а вамъ какъ женщинѣ и того менѣе, и въ результатѣ еще много жизни впереди, хотя и въ Сибири!».

Буцевичъ былъ однимъ изъ лучшихъ друзей Суханова, судившагося и разстрѣляннаго за годъ до нашего процесса, и именно Сухановъ ввелъ его въ Исполнительный Комитетъ партіи. И Буцевичъ въ партіи высоко и прочно держалъ знамя, вложенное въ

его руку Сухановымъ, до тѣхъ поръ пока не изнемогъ подѣ тяжестью преслѣдованій, такъ обильно и такъ щедро выпадающихъ на долю всѣхъ друзей и дѣятелей освободительнаго движенія нашей многострадальной родины... Онъ кончилъ морскую академію и былъ одно время прикомандированъ къ вѣдомству путей сообщенія; за это время онъ успѣлъ окончить курсъ института путейцевъ и всего лишь за двѣ недѣли до ареста подалъ прошеніе объ отставкѣ изъ военной службы съ цѣлью укрѣпиться въ званіи и службѣ инженера. Сдѣлай онъ это раньше, онъ былъ бы всего лейтенантомъ въ отставкѣ во время ареста, и бюрократизмъ суда не имѣлъ бы почвы обрушиться на него со всей суровостью приговора, въ концѣ концовъ сведшаго его въ могилу, какой обычно прилагается къ людямъ военнаго званія на политическихъ процессахъ.

Грачевскій былъ однимъ изъ видныхъ представителей Исполнительнаго Комитета, не столько въ области теоретической разработки вопросовъ, сколько въ сферѣ примѣненія теории къ практикѣ. Онъ отличался также опредѣленностью своего направленія, ясностью сознанія поставленныхъ передъ нимъ партіей задачъ, искренностью и беззавѣтной преданностью дѣлу грядущаго освобожденія обездоленныхъ массъ. Грачевскій былъ однимъ изъ первыхъ, въ практическомъ умѣ котораго возникла идея террора, и съ этой идеей онъ бѣжалъ изъ Пинеги и Архангельска, чтобъ развить ее и поддержать въ формировавшемся уже къ тому времени Исп. Комитетѣ. Онъ былъ практикъ до мозга костей. Техникъ по образованію, онъ естественно взялъ на себя въ партіи опредѣленную чисто техническую роль и всегда былъ правой рукой Кибальчича, помогая ему, приводя въ исполненіе его научныя и теоретическія указанія. Судьбѣ было угодно къ концу его дѣятельности выдвинуть его на роль организатора, когда ряды партіи значительно порѣдѣли и ея корифеи погибли... Недюжинныя способности Грачевскаго позволили бы ему и здѣсь проявить себя съ надлежащей пользою, но на его бѣду къ этому времени въ немъ сказалась естественная усталость послѣ столь продолжительной неутомимой работы, закончившейся катастрофой 81 года; къ этому присоединилось еще чисто случайное заболѣваніе. Все это вмѣстѣ сломило даже такого выносливаго и сильнаго человѣка, какъ Грачевскій, и онъ на моментъ утратилъ способность правильно ориентироваться. Прямой и сильный характеръ Грачевскаго доставилъ ему въ партіи увѣренное и солидное положеніе, и всей своей жизнью, даже самой трагической смертью своей, онъ доказалъ беззавѣтную преданность общему дѣлу и силу своего характера вполнѣ оправдалъ возлагшіяся на него партіей надежды.

Подѣ суровой внѣшностью стойкаго революціонера-террориста однакоже скрывались неисчислимыя богатства душевной красоты и сердечное отношеніе къ людямъ. Считая себя виновникомъ провала въ 82 году, Грачевскій пережилъ тяжелую душевную драму какъ за 9 мѣсяцевъ предварительнаго заключенія, такъ и во время суда. Его рѣчь, его послѣднее слово носили на себѣ отпечатокъ

той душевной муки, какую долженъ былъ испытывать этотъ необыкновенно сильный характеромъ человекъ, приписывая себѣ гибель ряда молодыхъ людей. Старушка мать Прибылевой, для которой быть можетъ была ясна драма переживаемая Грачевскимъ и которая во всякомъ случаѣ видѣла его попытки сколько нибудь облегчить участь ея любимой дочери цѣною самообвиненія, просила меня передать ему горячій привѣтъ, выражающей ея, какъ бы материнское къ нему отношеніе. Грачевскій былъ глубоко тронуть этимъ привѣтомъ и не нашелъ сразу на него надлежащаго отвѣта. Только на другой день онъ растроганнымъ голосомъ просилъ меня передать ей, что часто смотритъ на нее во время судопроизводства и видитъ въ ней его собственную старушку мать, которую ему не суждено больше обнять ни разу въ жизни... ¹⁾

Процессъ быстро приближался къ концу. Съ обычнымъ опросомъ подсудимыхъ было покончено скоро; не затянули дѣла и допросы свидѣтелей, экспертовъ и пр. Ни на слѣдствіи, ни здѣсь на судѣ подсудимые не отрицали дѣйствительныхъ, правдивыхъ фактовъ своего участія въ разнообразныхъ дѣлахъ и возставали только противъ явно ложныхъ и провокаторскихъ попытокъ прокуратуры, нагромождавшей улики на уликахъ для вящаго обвиненія. Обвиненія были разнообразны. Всѣ обвинялись, какъ члены партіи «Народной Воли», нѣкоторые, какъ члены ея Исп. К—та; надъ многими тяготѣли обвиненія въ непосредственномъ участіи въ рядѣ террористическихъ фактовъ, имѣвшихъ опредѣленную цѣль—цареубійство. Самое старое дѣло относилось еще къ 1877 году—дѣло Стефановича, какъ организатора Чигиринскихъ крестьянъ при посредствѣ пресловутой золотой грамоты, и самое молодое дѣло—дѣло динамитной мастерской на Васильевскомъ Островѣ въ 1882 году, организованной Грачевскимъ и Корба. Это послѣднее дѣло, объединявшее собою 6—7 чел. подсудимыхъ, и по своему характеру и по своей сравнительной новизнѣ, заняло не малую долю судопроизводства. На судѣ въ концѣ концовъ не выяснилась цѣль, съ какою создавалась мастерская, хотя нельзя сказать, чтобы усилія Грачевскаго и Корба привели судъ къ убѣжденію, что онъ

¹⁾ Михаилъ Грачевскій первоначально былъ сельскимъ учителемъ, а затѣмъ служилъ машинистомъ на одной изъ юговосточныхъ желѣзныхъ дорогъ; захваченный общимъ движеніемъ 70-хъ годовъ, онъ былъ арестованъ и привлеченъ къ процессу 193-хъ. Оправданный по суду послѣ очень продолжительнаго предварительнаго одиночнаго заключенія, онъ отправился на юж., частію чтобы поправить свое разстроеное здоровье, частію для подысканія себѣ вновь какой либо службы. Послѣднее ему удалось, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ всякаго повода онъ вновь былъ арестованъ и отправленъ въ административную ссылку въ Пинегу Архангельской губерніи. Отсюда онъ бѣжалъ, преодолевъ всѣ трудности перехода въ осеннюю дождливую погоду черезъ лѣса и тундры Архангельской губерніи, и вновь былъ схваченъ при переправѣ черезъ С.-Двину и препровожденъ въ г. Архангельскъ. Здѣсь, немного не доѣзжая до города, ему опять удалось уйти, обманувъ бдительность своей стражи, и на этотъ разъ вполне удачно. Переждавъ нѣкоторое время въ самомъ Архангельскѣ, Грачевскій наконецъ благополучно добрался до Петербурга, нашелъ своихъ старыхъ товарищей по дѣлу и немедленно вступилъ въ ряды активныхъ революціонеровъ.

имѣлъ дѣло только съ *учебной* мастерской, у которой не было никакого опредѣленнаго объекта ея дѣятельности. Несмотря на всю горячность, съ какою Грачевскій пытался убѣдить судъ, что это дѣло всей своей тяжестью должно лечь только на его плечи, такъ какъ онъ одинъ былъ и инициаторомъ и исполнителемъ предприятия, и что работавшіе въ мастерской дѣлали это лишь съ учебными цѣлями, не имѣя въ виду какого либо опредѣленнаго факта, судъ, повторяю, не казался убѣжденнымъ въ этой мысли и смотрѣлъ на дѣло болѣе реально и, конечно, болѣе правильно. Утвержденіямъ Грачевскаго особенно противорѣчила оказавшаяся на лицо въ мастерской совершенно снаряженная, готовая къ употребленію новаго образца бомба. Тѣмъ не менѣе на судъ ни разу не было упомянуто лицо, для котораго она на самомъ дѣлѣ готовилась.

Выслѣживая мастерскую, Судейкинъ, конечно, попалъ въ цѣль удачно, но все же онъ надѣялся при этомъ выиграть гораздо больше, чѣмъ выигралъ на самомъ дѣлѣ. Онъ полагалъ, что захватитъ здѣсь все ядро русской революціи, и раскинулъ свои сѣти возможно шире. Аресту мастерской, что составляло лишь одинъ эпизодъ изъ общаго провала 82 года, онъ придавалъ преувеличенное значеніе, какъ это ясно изъ тѣхъ предосторожностей, какія онъ принялъ при этомъ. Соответственно тому же и общая молва придавала этому эпизоду не подобающую окраску. Говорили объ захватѣ рѣшительно всѣхъ вожаковъ партіи, объ исключительной опасности, сопровождавшей арестъ мастерской, о найденныхъ здѣсь бомбахъ въ причудливой формѣ шляпъ, о множествѣ проводовъ для взрывовъ на разстояніи, и пр.—Въ дѣйствительности дѣло происходило много проще.

Исполнительный комитетъ, рѣшивъ совершить казнь надъ Судейкинымъ, черезъ Грачевскаго предложилъ Прибылевымъ основать конспиративную квартиру для приготовленія динамита и снаряда съ этой спеціальной цѣлью и, попутно, для приготовленія взрывчатыхъ веществъ на запасъ; при этомъ, правда, имѣлось въ виду также создать техникувъ, недостатокъ которыхъ въ партіи къ тому времени ощущался очень замѣтно, и, такимъ образомъ, утвержденіе Грачевскаго на судѣ, что квартира имѣла назначеніе *учебной* мастерской, не было лишено нѣкотораго справедливаго основанія. Дѣйствительно, мастерская, снабженная всѣмъ необходимымъ, включая сюда лабораторскую посуду, реактивы, учебники и пр. за 1½ мѣсяца своего существованія смогла приготовить достаточное количество запаснаго нитроглицерина, который оставалось только смѣшать съ индифферентнымъ веществомъ, продѣлала всѣ опыты изготовленія гремучаго студня, гремучей ртути и пр., изготовила ихъ въ необходимомъ на первый разъ количествѣ и сдѣлала совершенно новый, оригинальнаго образца снарядъ, вполне готовый къ употребленію. Знаменитому шпіону Судейкину, сжигаемому тайнымъ тшеславіемъ и, быть можетъ, уже тогда мечтавшему начать свою большую игру съ революціонерами и съ русскимъ правительствомъ,

такимъ образомъ была объявлена безпощадная война, и въ этой войнѣ побѣдилъ Судейкинъ.

Дѣло взяла на себя нѣкая г-жа О., хорошо знакомая съ Судейкинымъ. Объ этомъ знакомствѣ зналъ Исп. Ком. и рѣшилъ имъ воспользоваться для убійства Судейкина, какъ главнаго россійскаго шпіона. Это было тоже страстное желаніе со стороны отдѣльныхъ лицъ найти замѣстителя погибшему Клѣточникову, желаніе, наталкивающее партію въ ея поискахъ достойныхъ для такой огромной роли лицъ на людей въ родѣ С. Дегаева и г-жи О. ¹⁾. Въ этомъ сказывалась, конечно, извѣстная степень дезорганизаціи партіи, ея безсиліе передъ лицомъ страшной репрессіи послѣ 81 года, когда она была обезкровлена безпримѣрнымъ кровопусканіемъ, гибелью большинства сильныхъ и незамѣнимыхъ дѣятелей. Оставшіеся еще въ живыхъ, не складывавшіе оружіе, но сильно утомленные работники, какъ Златопольскій, Грачевскій и др., не могли продолжать дѣло съ былымъ напряженіемъ, энергіей и осмотрительностью, которая служили залогомъ успѣха каждаго предпріятія. Утомленный Грачевскій, начиная дѣло противъ Судейкина, врага опытнаго, окрыленнаго надеждами, внушенными ему его тщеславіемъ, еще больше поднявшаго голову въ виду замѣтной для него слабости партіи, не могъ противопоставить новымъ приемамъ борьбы должной осмотрительности и скоро попалъ въ ловушку, ловко ему разставленную, и увлекъ за собою все, что было съ нимъ связано.

Судейкинъ оставилъ шпіонажъ неожиданнымъ для революціонеровъ способомъ. Получивъ данныя, быть можетъ, отъ той-же О. (не какъ сознательный доносъ, а благодаря ея болтливости), о пребываніи въ Петербургѣ членовъ Исп. К-та, онъ оставилъ ихъ на свободѣ и, ловко слѣдя за ними, скоро узналъ всѣ ихъ связи. При этомъ не было вовсе обычнаго шаблоннаго бѣганья и подглядыванія за намѣченными лицами; этотъ старый приемъ онъ замѣнилъ совершенно новымъ. Шпіоны въ мундирахъ околodочныхъ надзирателей были разставлены на разныхъ перекресткахъ города; имъ достаточно было отмѣтить въ своихъ книжкахъ, совершенно незамѣтнымъ образомъ, что выслѣживаемый ими человекъ (обыкновенно извѣстный имъ подъ особымъ названіемъ по мѣсту его жительства—василеостровскіе хозяева—Прибылевы, Фонарный—Грачевскій, Дровяной (переул.)—Корба, и т. д.) въ такой-то часъ прошелъ въ такомъ-то направленіи, чтобы затѣмъ при сопоставленіи всѣхъ такихъ данныхъ получилась полная и точная картина дѣйствій за цѣлый день каждаго выслѣживаемаго. Предусмотрѣть такой ходъ было не легко, а утомленіе Грачевскаго и его болѣзнен-

¹⁾ О. была сослана административно въ Сибирь, гдѣ вышла замужъ за нѣкоего П. (игравшаго, кажется, очень незавидную роль по одному изъ южныхъ процессовъ, также отправленнаго въ 83 г. въ ссылку) и вмѣстѣ съ нимъ куда-то исчезла изъ Сибири, когда они оба получили возможность выѣхать въ Россію.

ное состояніе въ эти мѣсяцы только способствовали успѣху Судейкина. О., которая вызвалась взять на себя дѣло выслѣживанія Судейкина и, запутавшись въ сѣтяхъ разставленныхъ ей этимъ ловкимъ шпіономъ, быть можетъ, играла даже двойную игру, въ самую критическую минуту отказалась отъ выполнения взятой на себя задачи подъ болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ.

Больной, утомленный Грачевскій, неоправдывавшая довѣрія партіи О. и опытный, ловкій, съ новыми способами слѣжки Судейкинъ— таково было соотношеніе силъ передъ погромомъ лѣтомъ 82 года.

Отказъ О. былъ сигналомъ къ этому полному разгрому, и на другой же день, послѣ того, какъ Грачевскій, самолично возившій снарядь, привезъ его обратно въ мастерскую, самъ Грачевскій, Корба, Буцевичъ, Гринбергъ, Клименко и цѣлый рядъ связанныхъ съ ними лицъ были арестованы. Это было въ ночь съ 4 на 5 іюня. Мастерская со всѣми ея обитателями взята утромъ часовъ въ 10 на слѣдующій день; Судейкинъ, очевидно опасаясь приступить къ этому аресту ночью, рѣшилъ утромъ примѣнить здѣсь цѣлый рядъ предосторожностей. Во 1-хъ онъ подослалъ полотеровъ, которымъ якобы было нужно натирать полы и которые оказались также шпіонами Судейкина, во 2-хъ, войдя въ квартиру подъ видомъ мастера печника, онъ предварительно убѣдился въ собственной безопасности и только послѣ этого при помощи полотеровъ и стоявшей въ засадѣ полиціи быстро схватилъ и такъ сказать обезвредилъ всѣхъ обитателей квартиры. Теперь уже можно было влупить черезъ парадную дверь въ помещеніе весь полицейскій генералитетъ, включая сюда и обычнаго эксперта по взрывчатымъ веществамъ генерала Федорова; до этого момента весь генералитетъ, очевидно, стоялъ на лѣстницѣ. Ни о тайныхъ проводахъ для взрывовъ на разстояніи, ни о множествѣ бомбъ въ разнообразныхъ формахъ, ни о какой-либо опасности на самомъ дѣлѣ не могло быть и рѣчи. Безъ большого шума, хотя и при многочисленной полиціи, обитатели квартиры были отвезены въ тюрьму. Впечатлѣніе дѣйствительной опасности всего этого эпизода пережилъ, кажется, одинъ только человекъ—жилецъ того же дома, старый холостякъ чиновникъ, занимавшій квартиру какъ разъ надъ мастерской. По крайней мѣрѣ онъ сейчасъ же послѣ ареста, узнавъ на какомъ вулканѣ онъ жилъ, не подозрѣвая того, немедленно съѣхалъ на другую квартиру подальше отъ старой.

Наканунѣ вечеромъ Грачевскій вышелъ изъ мастерской довольно рано, такъ какъ работы были кончены, а за новыя рѣшено было приняться черезъ день, два отдыха, и ночью былъ арестованъ. Клименко оставался приблизительно до полуночи и взять противъ мастерской у почтоваго ящика, когда онъ хотѣлъ опустить частное письмо по просьбѣ М. А. Юшковой.

Судопроизводство шло своимъ чередомъ. Мало-по-малу окончи-

лись какъ допросы свидѣтелей, такъ и показанія экспертовъ, и стороны приступили къ судовому разбирательству.

Походъ противъ подсудимыхъ открылъ товарищъ прокурора Островскій, передавшій затѣмъ слово своему принципалу Желеховскому. Рѣчи обоихъ прокуроровъ не отличались талантливостью. Это были шаблонныя обвинительныя рѣчи, нагромождавшія одно обвиненіе на другое относительно каждаго подсудимаго, рѣчи, поставившія себѣ заранѣе цѣль какъ можно больше сконцентрировать улики, сгустить темныя краски на каждомъ отдѣльномъ лицѣ, представить каждаго подсудимаго въ возможно мрачномъ свѣтѣ. Обычная картина обвиненія, которое строить все свое зданіе лишь на фактахъ внѣшняго проявленія личности, не вдается въ оцѣнку внутреннихъ причинъ ихъ поступковъ, не разбирается въ фазисахъ психологическаго развитія, не углубляется мысленно ни въ философію ихъ міровоззрѣнія, ни въ тѣ соціально-политическія условія жизни, которыя порождаютъ столь сильныхъ и огромныхъ по своему значенію въ будущемъ лицъ, каковы главные подсудимые всѣхъ террористическихъ процессовъ.

Эта послѣдняя задача была дѣломъ отчасти защиты и главнымъ образомъ самихъ подсудимыхъ.

Однакоже первая, т. е. защита, только поверхностно знакомая съ личностями, никогда не жившая въ ихъ средѣ и ихъ жизнью, хотя идейно и сочувствующая имъ, бываетъ всегда связана оффициальностью своего положенія, въ нѣкоторомъ родѣ зависимостью отъ суда, и потому ихъ можетъ встать на совершенно объективную точку зрѣнія. Ей больше всего приходится довольствоваться характеристиками подсудимыхъ, въ отвѣтъ на характеристики, создаваемая обвиненіемъ, и частію опроверженіемъ фактическихъ неточностей. Другое дѣло—подсудимые, стоящіе лицомъ къ лицу съ своимъ исконнымъ врагомъ, отъ котораго нельзя ждать, не говоря уже—пошады, но даже справедливой, объективной оцѣнки фактовъ. Подсудимые въ этомъ положеніи вынуждены взять на себя всю тяжесть задачи посредствомъ враждебнаго имъ суда оповѣстить *urbi et orbi*, какъ объ основахъ ихъ міропониманія, такъ и о тѣхъ путяхъ, какіе они считаютъ единственно пригодными и возможными для достиженія своей конечной цѣли — торжества социализма.

Изъ рѣчей защитниковъ необходимо отмѣтить нѣкоторыя.

Кедринъ одновременно велъ защиту Буцевича и Стефановича и потому произнесъ двѣ рѣчи, діаметрально противоположныя по впечатлѣнію, произведенному ими на слушателей. Его первая рѣчь была въ своемъ родѣ поэма въ защиту молодой погибающей жизни, и онъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы охарактеризовать своего кліента, съ которымъ онъ успѣлъ основательно познакомиться за время процесса, съ самой лучшей стороны, такъ старательно затушеванной и замолчанной обвиненіемъ. Недаромъ и Буцевичъ по окончаніи этой рѣчи, въ теченіе которой онъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, заявилъ своимъ сосѣдямъ, что гораздо охотнѣе выслу-

шаль бы двѣ или три обвинительныя рѣчи, чѣмъ одну такую рѣчь защиты. Наоборотъ, вторая рѣчь Кедрина была сухимъ перечнемъ фактическихъ опроверженій обвиненія и на слушателей скорѣе производила впечатлѣніе вынужденной защиты, не опирающейся на внутреннее убѣжденіе оратора, и какъ-бы указывала на отсутствіе у него большихъ симпатій къ кліенту. Характеризуя общее направленіе Стефановича, онъ всецѣло приравнивалъ его къ социалистамъ-реформаторамъ въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова, ничего не имѣющимъ общаго съ «народовольчествомъ». Недаромъ послѣ этой рѣчи защитника, нѣкоторые изъ подсудимыхъ громко обратились къ Стефановичу съ прямымъ требованіемъ высказаться и опровергнуть мнѣніе о немъ защиты, что онъ въ своемъ послѣднемъ словѣ и попытался сдѣлать.

Положеніе Королева было очень трудно. Его кліентъ Богдановичъ занималъ на судѣ настолько опредѣленную позицію, что защитѣ собственно оставалось только внести нѣсколько фактическихъ поправокъ къ обвиненію. При томъ эти поправки были такъ незначительны по сравненію съ главными фактами, не отрицавшимися подсудимымъ, что останавливаться на нихъ прямо не стоило. И Королевъ ограничился общей характеристикой своего кліента на основаніи личнаго съ нимъ знакомства за время процесса, и эта характеристика, конечно, была діаметрально противоположна той, какую объ немъ составило себѣ и въ какой пыталось убѣдить судъ обвиненіе.

Коробчевскій въ красивой рѣчи въ защиту Юшковой, единственный изъ всѣхъ защитниковъ, нашелъ возможнымъ просить для своей кліентки полного оправданія.

Рѣчь нашего защитника—Владимира Даниловича Спасовича сохранилась въ подлинникѣ и, быть можетъ, будетъ при случаѣ воспроизведена въ печати. Какъ всякая рѣчь этого оригинальнаго оратора, она носила на себѣ отпечатокъ несомнѣннаго ума и таланта, но въ то же время не была лишена нѣкоторой, я бы сказалъ, жестокости по отношенію къ лицамъ, не являющимся его кліентами, если-бы не зналъ вполне опредѣленно, что нѣкоторая часть нападокъ Спасовича на Грачевскаго была инспирирована самимъ Грачевскимъ. Очевидно этотъ приемъ нѣсколько смягчалъ, уравнивалъ то мучительное душевное состояніе Грачевскаго, о которомъ я говорилъ выше. Узнать обо всемъ этомъ мнѣ пришлось много позже. Другая отличительная черта рѣчи Спасовича заключалась въ его нападкахъ на организацію; какъ ни были острыми его попытки доказать фиктивность существованія «Исп. Ком.—та», онъ произвели непріятное и удручающее впечатлѣніе на всѣхъ подсудимыхъ безъ исключенія. Съ Спасовичемъ впервые я видѣлся въ крѣпости, куда онъ пришелъ познакомиться со мною, когда для него окончательно выяснилось, что онъ беретъ насъ съ женой подъ свою защиту. Послѣ этого мы съ нимъ видѣлись много разъ, но разговоровъ, относящихся къ дѣлу, у насъ было немного; все казалось ясно и достаточно просто, чтобъ стоило тратить на

это много времени. Онъ часто освѣдомлялся у меня о разныхъ лицахъ изъ революціоннаго міра, прошедшихъ передъ его глазами на предыдущихъ процессахъ больше всего его интересовалъ Александръ Михайловъ, въ которомъ онъ видѣлъ поразительный для него образъ человѣка удивительной революціонной стойкости и убѣжденности, до крайняго самозабвенія преданнаго интересамъ своего дѣла.—«Были замѣчательные люди и до него, говорилъ Спасовичъ, но ни въ одномъ изъ нихъ нельзя было усмотрѣть такой чистоты убѣжденія, такой преданности дѣлу, такого безпредѣльнаго посвященія всего себя исключительно интересамъ партіи, какъ у Александра Михайлова.» Я отвѣчалъ ему, что такое же впечатлѣніе производилъ Александръ Михайловъ и на своихъ товарищей. Несмотря на незначительность нашихъ дѣловыхъ разговоровъ, у моего защитника, надо думать, выработался взглядъ, что онъ сѣмъбѣтъ убѣдить судъ вынести мнѣ довольно слабый приговоръ. Для меня это было ясно изъ того заявленія, съ какимъ онъ обратился ко мнѣ немедленно послѣ прочтенія приговора. Какъ сейчасъ помню взволнованнаго Спасовича, обернушагося ко мнѣ съ протянутой рукой, какъ только замолкли слова предсѣдателя, читавшаго приговоръ.—«Я этого не ожидалъ, я этого никакъ не ожидалъ!»—почти прошепталъ онъ мнѣ... Странно, что меня мой приговоръ нисколько не удивилъ и былъ принятъ мною совершенно хладнокровно. Еще нѣсколько разъ я видѣлся съ моимъ защитникомъ. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ, чтобъ убѣдиться, что его роль около меня, такъ сказать, окончена, и его услуги для меня больше не потребуются. Онъ вошелъ ко мнѣ въ камеру и прямо началъ со словъ:—«Ну, мы конечно никакихъ прошеній подавать не будемъ!»—«Конечно не будемъ»,—отвѣчалъ я и крѣпко пожалъ его руку, такъ какъ усмотрѣлъ въ его вопросѣ сочувственное къ себѣ отношеніе. Въ послѣдній разъ Спасовичъ пришелъ проститься, такъ какъ послѣ этого его уже ко мнѣ, какъ къ осужденному, не пропускали. Крайне растроганный, со слезами на глазахъ онъ обнялъ меня и самымъ искреннимъ и сердечнымъ тономъ желалъ мнѣ возможнаго благополучія. Я выражалъ надежду на возможность когда-нибудь съ нимъ встрѣтиться уже въ обновленной Россіи.

Считаю для себя невозможнымъ даже въ простомъ пересказѣ приводить здѣсь рѣчи подсудимыхъ; это слѣдовало-бы сдѣлать возможно детальнѣе, полнѣе, такъ какъ говорившіе отнюдь не имѣли въ виду своей защиты, а преслѣдовали цѣль принципіальнаго выясненія взглядовъ партіи; а это конечно требуетъ особенно бережнаго отношенія въ передачѣ даже оттѣнковъ сказаннаго, для чего необходимо имѣть подъ руками надлежащій матеріалъ. Исторія не преминетъ воспроизвести эти рѣчи съ подобающей точностью, если еще можно надѣяться, что они сохранились гдѣ-нибудь въ правительственныхъ архивахъ или у частныхъ лицъ—современниковъ процесса.

Среди нашихъ товарищей по дѣлу, какъ мною указано выше, не было ораторовъ, которые могли-бы въ свободной и красивой формѣ излагать и отстаивать принципы партіи, тѣ принципы, за которые они жертвовали не только своей свободой, но и самой жизнью. Русь нашего времени вырабатывала борцовъ, смѣлыхъ и беззаветныхъ, но ораторы среди нихъ появлялись только случайно... Тѣмъ не менѣе Богдановичъ, Златопольскій, Грачевскій считали своимъ долгомъ открыто сказать суду, за что они шли на смерть, и, въ предѣлахъ возможнаго для себя, пытались изложить свои взгляды на положеніе забитой и угнетенной страны и выяснить роль революціоннаго движенія, какъ освободительнаго шествія массъ изъ подъ гнета самодержавно бюрократическаго произвола. Трудность положенія усугублялась для говорившихъ еще и тѣмъ, что предсѣдатель суда нерѣдко останавливалъ каждого, суживая еще больше границы его рѣчи. Златопольскій былъ даже вынужденъ прекратить рѣчь чуть не въ самомъ ея началѣ, и совершенно отказаться отъ своего слова. Корба, хотя и прерываемая, успѣла сказать свое слово; оно воспроизведено съ точностью Кенаномъ, которому ея рѣчь была сообщена свободными товарищами, и кажется, это—единственная рѣчь, попавшая въ печать въ неискаженномъ видѣ. Только Теллаловъ, этотъ симпатичный и опытный пропагандистъ и ораторъ, въ оцѣнкѣ котораго, какъ человѣка и революціонера, во всей революціонной средѣ того времени не было ни малѣйшаго разногласія ¹⁾, нашелъ нужнымъ совершенно отказаться отъ защитника и велъ свою защиту очень толково и умѣло самъ. Его обширная рѣчь распадалась на двѣ половины,—фактическую и принципиальную; въ первой онъ опровергалъ всѣ искусственныя утвержденія, обвиненія и лживыя показанія его свидѣтелей—шпіоновъ, а во второй—въ живой, красивой и необыкновенно трогательной картинѣ, обрисовалъ положеніе русскаго революціонера, силою суроваго русскаго режима вынужденнаго обращаться къ крайнимъ революціоннымъ мѣрамъ воздѣйствія на правительство, поставившее себѣ цѣлью задавить и уничтожить въ странѣ всякую живую мысль, всякое стремленіе къ свободѣ и равенству. Его рѣчь произвела сильное впечатлѣніе не только на подсудимыхъ, наперывъ старавшихся пожать его руку, но и на самый судъ, который казался взволнованнымъ прошедшей передъ его глазами яркой и безыскусственной картиной.

Кончились рѣчи. Подсудимые удалены изъ залы засѣданій на время совѣщанія суда. Ихъ новое появленіе въ ней имѣло цѣлью только выслушать уже состоявшійся приговоръ въ первоначальной, а затѣмъ и въ окончательной формѣ, и 5-го апрѣля драма закончилась, обрекая однихъ на смерть, другихъ на изгнаніе ²⁾.

Не радостно, какъ въ первый день процесса, и молча шли

¹⁾ Ни раньше, ни позже нельзя было встрѣтить человѣка, который не отивался бы объ немъ иначе какъ съ восторгомъ.

²⁾ Приговоръ по этому процессу приведенъ въ октябрьской книгѣ „Билого“.

подсудимые изъ залы судебного засѣданія въ свою тюрьму, какъ молча они только что выслушали постановленіе суда. Одинъ за другимъ исчезали они, по мѣрѣ приближенія къ камерамъ, съ тѣмъ, чтобы со многими изъ товарищей уже никогда болѣе не встрѣтиться. У послѣднихъ камеръ мы остановились втроемъ съ Буцевичемъ и Грачевскимъ. Буцевичъ продолжалъ успокаивать насъ, говоря, что въ самые послѣдніе дни онъ уже ясно видѣлъ, куда клонится его дѣло, и настолько успѣлъ подготовиться къ самому худшему исходу, что окончательный приговоръ не поразилъ его. Слабое утѣшеніе и для насъ и для самого Буцевича! Заинтересованный и сочувственно-взволнованный проводникъ-надзиратель пытался узнать у насъ о приговорѣ Буцевичу. Грачевскій молча провелъ рукою по шеѣ и только на новый вопросъ непонявшаго жеста надзирателя коротко сказалъ ему:—«наградили веревочкой!»— Грустная улыбка Буцевича была ему отвѣтомъ.

Мы попрощались въ послѣдній разъ.

Черезъ нѣсколько дней приговоренныхъ къ смерти, а также Ивановскую и Корба, снова увезли въ крѣпость, откуда двухъ послѣднихъ впрочемъ скоро возвратили,—всѣ остальные оставались въ Домѣ предварительнаго заключенія.

Прошло 1½ или 2 мѣсяца, въ теченіе которыхъ всѣ приговоренные къ смертной казни ожидали ее со дня на день—вѣроятно, высшая форма пытки, на которую только могутъ быть способны мечь и произволь—и только тогда приговоръ былъ подтвержденъ: приговоренные къ смерти помилованы вѣчной каторгой ¹⁾, Стефановичу вѣчная каторга замѣнена 8-лѣтней и Лисовской 15-ти-лѣтняя—4-хъ-лѣтней. Послѣдняя была возмущена этой милостью, громко заявила, что не просила и не желаетъ милости, и требовала, чтобы ея заявленіе было передано тѣмъ, кто вздумалъ такимъ образомъ распорядиться ея судьбою ²⁾.

Прошло еще 2 съ небольшимъ мѣсяца. Снова передвиженіе въ камеры нижняго этажа, снова громыханье замками открывающихся

¹⁾ Эта замѣна смертной казни не каторгой, а вѣчнымъ заключеніемъ въ мѣшкахъ Шлиссельбургской крѣпости, какъ это оказалось въ дѣйствительности, могла назваться „милостью“ только по недоразумѣнію. Послѣдствія, конечно, извѣстныя читателю, доказываютъ справедливость этого. Въ самомъ дѣлѣ, смерти послѣ длительной агоніи послѣдовали въ такомъ порядкѣ: прежде всего умеръ Теллаловъ еще въ Петропавловской крѣпости въ томъ же 1883 году; за нимъ послѣдовали: Клименко, повѣсившійся въ Шлиссельбургѣ въ октябрѣ 1884 г., Буцевичъ, умершій отъ чахотки тамъ же въ апрѣлѣ 1885 г., Златопольскій въ декабрѣ 1885 г., Грачевскій (сжегъ себя) въ Шлиссельбургѣ въ октябрѣ 1887 г. и Богдановичъ тамъ же отъ чахотки въ юлѣ 1888 г.

²⁾ Антонина Яковлевна Лисовская вмѣстѣ съ нами была отправлена въ карійскіе рудники, гдѣ вскорѣ у нея обнаружился общій туберкулезъ. Впущенная въ вольную команду, она уже не вставала съ постели и умерла въ 1885 году, одновременно съ лечившимъ ее въ началѣ болѣзни товарищемъ д-ромъ Веймаромъ.

и запирающихся дверей, снова стереотипное приглашение:—пожалуйте!—на этотъ разъ уже въ баню, гдѣ обряжаютъ въ настоящій, отнынѣ присвоенный намъ костюмъ, стригутъ и брѣютъ головы, заковываютъ въ кандалы... Въ видѣ утѣшенія—заявленіе помощника зрителя, что для меня должны были заказать не только отдѣльный арестантскій костюмъ, такъ какъ существующіе размѣры для меня не пригодны, но даже и отдѣльные кандалы. Итакъ цѣпи по особому заказу! Долгонько-ли придется услаждать себя ихъ непривычнымъ звономъ?!

Дальше—особая комиссія, свидѣтельствующая здоровье, ростъ; записываніе примѣтъ осужденныхъ, и на другой день отправка за тысячи верстъ.

Прошло 23 года,—почти $\frac{1}{4}$ вѣка. Какое множество перемѣн! Не говоря уже о смѣнѣ поколѣній, какая смѣна идей, настроеній, переоцѣнка всѣхъ цѣнностей! Что такъ недавно еще каралось правительствомъ, какъ преступленіе, а для массы проходило незамѣченнымъ, теперь въ проснувшемся сознаніи общества признается актомъ участія въ освободительномъ движеніи; что вчера квалифицировалось, какъ отжившій анахронизмъ, сегодня почитается спасительнымъ!

Еще не вполне затихъ шумъ той революціонной грозы, которая разразилась надъ нашей родиной, доселѣ спавшей безмятежнымъ сномъ подъ гнетомъ тяжелаго произвола. Эта гроза знаменуетъ собою конецъ и этому сну, и этому произволу. Повѣяло могучимъ дыханіемъ свободы, пришла пора ликвидаціи стараго, отжившаго, ненавистнаго прошлаго... и истерзанная, изстрадавшаяся родина не досчитывается многихъ и многихъ борцовъ за новый строй политической и соціальной жизни, за идеалы человѣческой правды и справедливости...

Теперь, когда можно подвести хотя отчасти итоги погибшимъ борцамъ въ общемъ освободительномъ движеніи Россіи, изъ процесса 17 оказывается въ живыхъ только 7 человѣкъ; остальные, замученные въ казематахъ Шлиссельбурга и рavelина или до смерти искалѣченные режимомъ каторги, не видѣли этой занимающейся заріи свободы и счастья, ради которыхъ они такъ беззаветно отдали свою богатую идеалами жизнь; ихъ не коснулось трепетное и знойное дыханіе надвигающейся великой всероссійской революціи. А за одно это они, еслибъ могли, охотно пожертвовали бы своей жизнью вторично.

А. Прибылевъ.

Изъ „обзора“, составленнаго департаментомъ по- лиціи за 1882 годъ.

„Дѣло о лицахъ, принадлежащихъ къ руководящему кружку такъ называемой террористической фракціи тайнаго сообщества, именующаго себя русскою соціально-революціонною партією, а также и о ближайшихъ пособникахъ ихъ.“

Произведенные въ С.-Петербургѣ и Москвѣ съ ноября 1881 г. и по апрѣль 1882 г. аресты главныхъ дѣятелей террористическаго кружка, извѣстнаго подъ названіемъ Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли, хотя и были чувствительными для него потерями, разстроили и ослабили его дѣятельность, но не остановили ея. Съ весны текущаго года центръ тяжести этой дѣятельности, передвинувшейся послѣ злодѣянія 1-го марта изъ Петербурга въ Москву, былъ снова перенесенъ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ по свѣдѣніямъ, добытымъ розыскными полицейскими органами, имѣлъ мѣстопробываніе Михаилъ Грачевскій, одинъ изъ главныхъ участниковъ всѣхъ преступленій, задуманныхъ или совершенныхъ террористическою организаціею въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Изъ показанія нѣкоторыхъ арестованныхъ лицъ о немъ было извѣстно, что онъ не только членъ Исполнительнаго комитета, но и спеціально завѣдуетъ въ немъ отдѣломъ террористическихъ предпріятій, а потому всѣ усилія сыскной полиціи были напряжены главнымъ образомъ къ розысканію этого опаснаго революціоннаго дѣятеля.

Михаилъ Грачевскій, сынъ діакона села Березовки, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи, родился въ 1849 г. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ Аткарскомъ уѣздномъ духовномъ училищѣ, откуда перешелъ въ Саратовскую гимназію, но по прошествіи двухъ лѣтъ вышелъ изъ нея, не окончивъ курса. Затѣмъ Грачевскій поступилъ учителемъ въ сельскую школу въ селѣ Лопуховкѣ, Камышинскаго уѣзда, но вскорѣ оставилъ ее, и, поселясь у зятя своего, Федора Скворцова, управляющаго имѣніемъ кн. Щербатова въ селѣ Ельшанкѣ, Саратовскаго уѣзда, въ 1871 г. женился на одной изъ своихъ бывшихъ ученицъ, крестьянкѣ Людмилѣ Борисовой. Вскорѣ послѣ женитьбы онъ опредѣлился слесаремъ въ мастерскія Грязе-Царицынскій желѣзной дороги и, послѣдовательно занимая на ней должности конторщика, начальника дистанціи, помощника машиниста и

машиниста, жилъ въ продолженіи всего этого времени на станціи Чертково и въ г. Борисоглѣбскѣ.

Въ маѣ 1874 г. Грачевскій оставилъ жену, къ которой съ тѣхъ поръ не возвращался, и отправился въ С.-Петербургъ. Тамъ онъ держалъ экзаменъ на вольнослушателя въ Технологической институтъ, но не вступилъ въ это заведеніе, а опредѣлился слесаремъ на заводъ Струбинскаго, что на Обводномъ каналѣ. Въ ноябрѣ того же года онъ переселился въ Москву.

Грачевскій впервые былъ задержанъ полиціей въ 1875 г. по слѣдующему поводу. Въ Москвѣ познакомился онъ съ рабочимъ фабрики Губнера Николаемъ Скворцовымъ и при его посредствѣ сталъ хлопотать о мѣстѣ слесаря на той же фабрикѣ. 18-го января 1875 г., пригласивъ Скворцова въ трактиръ, онъ угостилъ чаемъ его и пришедшаго съ ними лавочника Степана Ноздрина и сталъ имъ говорить: „что правительство притѣсняетъ народъ и тратитъ непроизводительно народныя деньги, что правительство вовсе не нужно и что если бы народъ управлялся самъ, то жилъ бы богато“. При этомъ онъ передалъ Ноздрину „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, „Сказку о 4-хъ братьяхъ“ и „Стеньку Разина“. За это Грачевскій тутъ же задержанъ находившимся въ трактирѣ полицейскимъ и въ теченіи 1875, 1876 и 1877 г.г. содержался въ Московскихъ частныхъ домахъ и въ Домѣ предварительнаго заключенія въ С.-Петербургѣ. Преданный суду Особаго присутствія Правительствующаго сената по дѣлу 193-хъ, онъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, „что безъ разрѣшенія надлежащаго высшаго начальства имѣлъ у себя книги, по содержанію своему направленныя къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной“ и присужденъ къ аресту на 3 мѣсяца, причѣмъ въ числѣ прочихъ подсудимыхъ, участь его была повергнута особымъ присутствіемъ на монаршее милосердіе съ ходатайствомъ о вмѣненіи ему въ наказаніе предварительнаго ареста.

Въ январѣ 1878 г. Грачевскій былъ освобожденъ изъ подъ стражи съ правомъ свободнаго выбора мѣстожителства, но съ подчиненіемъ полицейскому надзору. Онъ поступилъ помощникомъ машиниста на Курско-Харьково-Азовскую желѣзную дорогу и проживалъ въ г. Бѣлгородѣ, но вскорѣ перейдя на службу Одесско-Кишиневской желѣзной дороги, поселился въ Одессѣ. Оттуда его выслали по распоряженію III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи въ августѣ 1878 г. административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губ. и водворили сначала въ г. Холмогорахъ, а потомъ въ Пинежъ. Годъ спустя, а именно въ августѣ 1879 г. Грачевскій бѣжалъ, но былъ взятъ и отправленъ въ Холмогорскую тюрьму, а потомъ въ Архангельскъ. Не доѣзжая 5-и верстъ до Архангельска онъ бѣжалъ снова и въ этотъ разъ ему удалось скрыться.

Въ 1880 г. Грачевскій оказался въ С.-Петербургѣ и принялъ дѣятельное участіе въ цѣломъ рядѣ террористическихъ предпріятій, организаторомъ которыхъ былъ Желябовъ. Такъ онъ вмѣстѣ съ прочими заговорщиками обсуждалъ во время прогулки, совершенной на лодкѣ, планъ царубійства посредствомъ заложения мины подъ Каменнымъ мостомъ, а въ февралѣ 1881 г. съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, Рысаковымъ, Тимофеемъ Михайловымъ, Емельяновымъ и Меркуловымъ ѣздилъ въ Парголово испытывать метательные снаряды. Въ это время онъ жилъ въ Подольской улицѣ въ д. № 42, гдѣ въ квартирѣ, занимаемой имъ подъ именемъ Пришибина

вмѣстѣ съ Прасковьей Ивановскою и Людмилой Терентьевой, находилась тайная типографія „Народной Воли“. По арестъ Терентьевой на улицѣ 2-го мая 1881 г. квартира эта и помѣщавшаяся въ ней типографія 6-го мая была обнаружена полиціей, но Грачевскій и Ивановская въ самый день обыска успѣли скрыться.

Съ тѣхъ поръ слѣдъ Грачевскаго былъ потерянъ. Вновь удалось напасть на него весною 1882 г. въ С.-Петербургѣ. По даннымъ, добытымъ наблюденіемъ, явилось основаніе предположить, что лицо, проживающее по Фонарному переулку въ д. № 9, кв. № 59 подъ именемъ дворянина Августина Галиновскаго, былъ Грачевскій. Предположеніе это подтвердилось: арестованный въ ночь съ 4-го по 5-е іюня мнимый Галиновскій дѣйствительно оказался Грачевскимъ. При произведенномъ въ квартирѣ его обыскѣ обнаружено до 37 слѣпковъ печатей разныхъ присутственныхъ мѣстъ и общественныхъ учрежденій, различное количество гербовой бумаги для изготовленія подложныхъ свидѣтельствъ, экземпляры „Народной Воли“, рукописи и письма преступнаго содержанія, револьверъ, патроны, ножъ, кистень и т. п.

Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ наблюдая за Грачевскимъ полиція тщательно слѣдила за всѣми лицами, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе. Такимъ образомъ выяснено было, что Грачевскій часто встрѣчался и видѣлся съ одними и тѣми же личностями, хотя изъ числа ихъ его самого на квартирѣ посѣщала лишь одна женщина. Съ прочими же Грачевскій видѣлся либо у нихъ на квартирахъ, либо на заранѣе условленныхъ пунктахъ на улицахъ города и въ загородныхъ мѣстахъ. Одновременно съ обыскомъ и арестомъ Грачевскаго въ ту же ночь съ 4-го на 5-ое іюня были произведены обыски и у всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ.

Были обысканы и задержаны:

1) Проживавшій на Васильевскомъ островѣ, въ 11 линіи, въ д. № 24 ветеринарный врачъ Александръ *Прибылевъ*, его жена Раиса, урожденная *Гроссманъ* и служанка ихъ Марія Савина, оказавшаяся дочерью протоіерея Марію *Юшковую* ¹⁾.

2) Въ Дровяномъ переулкѣ въ д. № 22, кв. № 22, подъ именемъ вдовы

¹⁾ *Прибылевъ*, Александръ, сынъ священника гор. Камышлова, Пермской губ., родился въ 1856 г., воспитывался въ гимназіяхъ Екатеринбургской и Пермской и въ Медико-Хирургической Академіи, въ 1878 г. участвовалъ въ беспорядкахъ произведенныхъ студентами этой Академіи и въ подачѣ адреса Государю Наслѣднику Цесаревичу; окончилъ курсъ съ званіемъ ветеринарнаго врача; въ 1882 г. женился на дѣвицѣ Раисѣ Гроссманъ.

Прибылева, Раиса (Роза), урожденная Гроссманъ, еврейка, дочь врача, статскаго совѣтника Гроссмана, служащаго въ Одесскомъ медицинскомъ управленіи; уроженка Киевской губ., Черкаскаго уѣзда, родилась въ 1857 г.; воспитывалась въ частной гимназіи въ г. Одессѣ; жила нѣкоторое время въ Гейдельбергѣ съ отцомъ и занималась медициною, поступила слушательницей на врачебные курсы въ С.-Петербургѣ; передъ вступленіемъ въ бракъ приняла православіе.

Юшкова, Марія, дочь протоіерея; родилась въ Черниговѣ, въ 1860 г.; окончила курсъ въ Черниговской женской гимназіи, а также фельдшерскіе и Маринскіе курсы въ С.-Петербургѣ; въ 1879 г. проживала въ С.-Петербургѣ по Б. Дворянской ул. д. № 19, въ квартирѣ дочери священника Маріи Барышпольской, адресъ которой найденъ въ числѣ бумагъ, отобранныхъ въ Воронежѣ у мѣщанина Василія Тулисова, привлекавшагося въ 1879 г. къ дознанію о революціонной пропагандѣ въ Воронежской губ.

потомственного почетнаго гражданина Софїи Розановой, жена Швейцарскаго подданнаго Анна Корба ¹⁾).

3) Въ Измайловскомъ полку по 10 ротѣ, въ д. № 9, кв. № 5, подъ именемъ дворянина Бармалѣва, бѣжавшій изъ мѣста ссылки государственный преступникъ Михаилъ Клименко ²⁾).

4) Въ Малой Мастерской, въ д. № 3, кв. № 6, флота лейтенантъ Александръ Буцевичъ ³⁾).

5) Въ Новой Деревнѣ по Средней улицѣ, на дачѣ № 75, майоръ 9-го Лубенскаго гусарскаго полка Николай Тихоцкий ⁴⁾).

¹⁾ Корба, Анна, дочь инженера дѣйствительнаго статскаго совѣтника Павла Мейнгарда, родилась въ 1851 г. римско-католическаго вѣроисповѣданія, воспитывалась въ родительскомъ домѣ; въ 1868 г. вышла замужъ за Швейцарскаго подданнаго инженера Виктора Корба; въ 1876 г. живя съ мужемъ въ Минскѣ, принимала дѣятельное участіе въ сборѣ пожертвованій въ пользу русскихъ добровольцевъ въ Сербіи; съ мая по октябрь 1877 г. занималась въ Минскѣ же устройствомъ мѣстныхъ госпиталей Краснаго Креста и въ тоже время изучала фельдшерское искусство въ военномъ госпиталѣ и двухъ городскихъ больницахъ; въ октябрѣ 1877 г. отправилась въ Румынію и въ Бухарестѣ была принята въ число сестеръ милосердія Благовѣщенской общины, занималась перевязкою раненыхъ на повозкахъ отъ Бухареста до русской границы; по возвращеніи въ С.-Петербургъ, въ маѣ 1878 г. заболѣла тифомъ и поступила въ больницу. По выходѣ изъ нея проживала у сестеръ своихъ частью въ С.-Петербургѣ, частью въ Курской губ.; въ маѣ 1879 г. снова сошлась съ мужемъ, но прожила съ нимъ всего одинъ мѣсяцъ и окончательно его покинула, начала даже безобразное дѣло въ Евангелической Консисторіи, но въ разводѣ ей было отказано, получила мѣсто въ Правленіи Поти-Тифлисской желѣзной дороги съ жалованьемъ 40 р. въ мѣсяцъ, но оставила его въ началѣ 1880 г., когда окончательно вступивъ въ социально-революционное сообщество, перешла на нелегальное положеніе.

²⁾ Клименко, Михаилъ, дворянинъ Полтавской губ., родился въ 1856 г.; воспитывался въ Одессой гимназій и на медицинскомъ факультетѣ Кіевскаго университета, но былъ исключенъ изъ него на два года за участіе въ безпорядкахъ происходившихъ въ немъ въ мартѣ 1878 г.; былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей Кіевскаго социально-революціоннаго кружка и 21-го іюня 1880 г. приговоромъ Кіевскаго военно-окружнаго суда присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія исылкѣ на поселеніе въ болѣе отдаленнаго мѣста Сибирь; бѣжалъ изъ г. Киренска, Иркутской губ., въ маѣ 1881 г.

³⁾ Буцевичъ, Александръ, сынъ коллежскаго совѣтника; родился въ г. Цсковѣ въ 1849 г.; воспитывался въ Институтѣ путей сообщенія и въ морскомъ училищѣ, по выпускѣ изъ котораго въ 1872 г. произведенъ въ мичманы во флотъ, служилъ въ 3-емъ флотскомъ экипажѣ, затѣмъ былъ прикомандированъ въ гидрографическому департаменту морскаго министерства, а въ 1876 г. откомандированъ въ распоряженіе министра путей сообщенія для работъ по описи и промѣру главнѣйшихъ рѣкъ и озеръ Россіи; въ 1876 г. произведенъ въ лейтенанты и женился на дочери булочнаго цеха мастера Маріи Гейнрихъ, но овдовѣлъ; съ 1875 г. и по 1879 г. находился въ навигаціонно-описной партіи при гидрографическомъ изслѣдованіи рѣки Сѣверной Двини; въ послѣднее время занималъ въ министерствѣ путей сообщенія мѣсто старшаго помощника начальника изысканій по устройству порта въ г. Николаевѣ.

⁴⁾ Тихоцкий, Николай, дворянинъ Харьковской губ., родился въ дер. Благодарное, Кулянскаго уѣзда, той же губ., въ 1849 г.; воспитывался въ г. Харьковѣ въ частномъ пансіонѣ; въ 1865 г. поступилъ на службу юнкеромъ въ 9-й Лубенскій гусарскій полкъ; въ званіи эскадроннаго командира участвовалъ съ полкомъ въ войнѣ 1877—78 гг.; состоялъ въ чинѣ майора; въ октябрѣ 1881 г. вслѣдствіе столкновенія съ полковникомъ командиромъ взялъ 11-ти мѣсячный отпускъ и пробылъ 3 мѣсяца въ мѣнѣи матери, въ Харьковской губ.; въ мартѣ 1882 г. прибылъ въ Петербургъ.

6) По Сергіевской улицѣ, въ д. № 16, кв. № 14, подъ именемъ дворянки Елизаветы Каммеръ, дочь купца Христина *Гримбергъ* ¹⁾.

7) По Фурштадтской ул., въ д. № 12, кв. № 8, домашняя учительница Александра *Орлова* ²⁾.

8) Въ Дворянской ул., въ д. № 17, подъ именемъ дочери отставного поручика Надежды Кушваренко, жена губернскаго секретаря Надежда *Гориновичъ* ³⁾.

9) Въ Таврической ул., въ д. № 17, кв. № 15, дочь маіора Лидія *Шапаровская* ⁴⁾.

10) По Невскому проспекту, въ д. № 94, въ меблированныхъ комнатахъ, вдова коллежскаго ассесора Ольга *Кучина* ⁵⁾ и проводившій ночь у нея кандидатъ лѣсоводства Иванъ *Морозъ* ⁶⁾.

11) На углу Николаевской и Невскаго, въ д. № 1—69, кв. № 12, дворянинъ Антонъ *Латицкій* ⁷⁾.

¹⁾ *Гримбергъ*, Христина, еврейка, дочь купца, родилась въ г. Николаевѣ, Херсонской губ., въ 1858 г.; воспитывалась въ Одессѣ въ частномъ пансіонѣ; прибыла въ С.-Петербургъ въ 1880 г. и вступивъ въ социально-революціонное сообщество перешла на нелегальное положеніе.

²⁾ *Орлова*, Александра, дочь священника, уроженка Калужской губ., родилась въ 1858 г., воспитывалась въ Калужской женской гимназіи, слушала педагогическіе курсы въ С.-Петербургѣ и окончила ихъ съ званіемъ домашней наставницы.

³⁾ *Гориновичъ*, Надежда, дочь коллежскаго секретаря Николая Андрущенко, уроженка Полтавской губ. родилась въ 1861 г. окончила курсъ въ Кіевскомъ институтѣ и 2 года слушала высшіе женскіе курсы въ С.-Петербургѣ, вышла замужъ за сына губернскаго секретаря Гориновича; въ 1881 г. вѣсть съ мужемъ выслана изъ С.-Петербурга за неимѣніе опредѣленныхъ занятій; въ мартѣ 1882 г. жила съ нимъ въ Москвѣ подъ именемъ супруговъ Хоменко; по задержанію мужа въ Москвѣ въ концѣ апрѣля прибыла въ С.-Петербургъ.

⁴⁾ *Шапаровская*, Лидія, дочь маіора, уроженка г. Еваторинославля, родилась въ 1859 г.; окончила курсъ въ Еваторинославской женской гимназіи, имѣетъ званіе домашней учительницы, прибыла въ С.-Петербургъ въ маѣ 1882 г. и поступила учительницей въ женскую гимназію Стояниной.

⁵⁾ *Кучина*, Ольга, вдова коллежскаго ассесора, содержавшаго въ Кіевѣ торговую контору; воспитывалась въ Саратовскомъ институтѣ; имѣетъ постоянное жителство въ Москвѣ, гдѣ содержитъ игрушечную лавку; въ 1879 г., проживая въ имѣніи своемъ Кастроль, Лугскаго уѣзда, С.-Петербургской губ., нынѣ еѣ проданномъ, была привлечена къ дознанію по обвиненію въ сношеніяхъ съ лицами, политически неблагонадежными, подвергнута обыску и содержалась подъ стражемъ въ С.-Петербургѣ съ 2-го по 18-ое сентября и по распоряженію временнаго С.-Петербургскаго генераль-губернатора отдана подъ надзоръ полиціи; въ маѣ 1881 г. находилась на квартирѣ у слушательницы врачебныхъ женскихъ курсовъ Розаліи Личкусъ во время производства въ квартирѣ этой обыска (Розалія Личкусъ, какъ извѣстно, обвинялась въ сношеніи съ террористами и согласно Высочайше утвержденному докладу министра юстиціи въ 1882 г. выслана въ западную Сибирь административнымъ порядкомъ съ учрежденіемъ за ней полицейскаго надзора на 5 лѣтъ); тогда же у Кучиной также произведенъ былъ обыскъ, но за необнаруженіемъ ничего подозрительнаго дѣлу не было дано дальнѣйшаго хода; прибыла въ С.-Петербургъ весной 1882 г. для продажи своего имѣнія.

⁶⁾ *Морозъ*, Иванъ, дворянинъ, Подольской губ., родился въ 1856 г., римско-католическаго вѣроисповѣданія; воспитывался въ Ровенскомъ реальномъ училищѣ и въ Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи, гдѣ окончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента лѣсоводства; въ началѣ 1882 г. прибылъ въ С.-Петербургъ.

⁷⁾ *Латицкій*, Антонъ, дворянинъ, уроженецъ Минской губ., римско-католическаго вѣроисповѣданія, родился въ 1858 г.; воспитывался въ Тульской гимназіи, по

12) По Екатерингофскому проспекту, д. № 6, кв. № 44, бывший студентъ СПб. университета Соломонъ *Быховскій* ¹⁾.

13) По Ивановской ул., д. № 18, кв. № 14, сынъ титулярнаго совѣтника Николай *Андреевъ*, жена его Надежда была арестована нѣсколько позже, по возвращеніи изъ Самары въ С.-Петербургъ ²⁾.

14) По Вознесенскому проспекту, въ д. № 30, кв. 7, подъ именемъ супруговъ Селезневыхъ, скрывавшіяся государственныя преступники отставной поручикъ Алексѣй *Томинъ* ³⁾ и дѣвица Пелагея *Бончъ-Осмоловская* ⁴⁾ (по отчиму Виноградова).

Кромѣ того произведенъ былъ обыскъ въ квартирѣ по Фурштатской ул., въ домъ № 40 у выбывшихъ изъ Петербурга старшаго адъютанта 1-го армейскаго корпуса капитана Михаила Савельева и жены его Лидіи.

окончаніи курса въ которой поступилъ на математическій факультетъ Московскаго университета; получилъ степень кандидата математическихъ наукъ и, живя въ Москвѣ, готовился къ магистерскому экзамену; въ февралѣ 1880 г. привлекался къ дознанію по обвиненію въ храненіи газеты „Народная Воля“ (дѣло это разрѣшено административнымъ порядкомъ и Лапичскому сдѣлано было строгое внушеніе).

¹⁾ *Быховскій*, Соломонъ, еврей, уроженецъ Кіевской губ., родился въ 1851 г.; воспитывался въ Каменецъ-Подольской гимназій, а по окончаніи въ ней курса перешелъ въ СПб. университетъ, но курса въ немъ не окончилъ; въ 1879 г. состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ извѣстнымъ пропагандистамъ: Левентаю, Аксельроду, Бурсаку, Бужинскому и др., но за недостаткомъ уликъ къ дознанію не привлекался; съ 1879 г. подчиненъ негласному надзору; въ ноябрѣ 1879 г. задержанъ во время слѣдованія императорскаго поѣзда на станціи Тосна Николаевской жел. дор. вмѣстѣ съ бывшимъ студентомъ Симановскимъ, сосланнымъ влослѣдствіи административнымъ порядкомъ въ Вятскую губ.; содержался подъ стражею, но дальнѣйшей отвѣтственности не подвергался, до января 1882 г. служилъ въ военномъ министерствѣ въ отдѣлѣ отчетности за минувшую войну.

²⁾ *Андреевъ*, Николай, сынъ титулярнаго совѣтника, уроженецъ г. Перемышля, Калужской губ., родился въ 1853 г.; воспитывался въ Калужской гимназій и Московскомъ техническомъ училищѣ, но курса не окончилъ; въ бытность въ училищѣ провелъ одно лѣто на практикѣ на Рижско-Вяземской жел. дор.; въ январѣ 1882 г. женился въ Москвѣ на купеческой дочери Надеждѣ Фирсановой; въ С.-Петербургѣ прибылъ вмѣстѣ съ женою, въ мартѣ 1882 г., нанявъ квартиру, снова выѣхалъ въ концѣ апрѣля съ женою же; въ концѣ мая одинъ возвратился въ С.-Петербургъ.

Андреева, Надежда, урожденная Фирсанова, купеческая дочь, родилась въ Москвѣ въ 1856 г., окончила курсъ въ 3-й Московской женской гимназій; при выходѣ замужъ получила отъ матери своей, состоящей во второмъ бракѣ за Московскимъ купцомъ Потаповымъ, въ приданое 25 тыс. руб.

³⁾ *Томинъ*, Алексѣй, дворянинъ, уроженецъ г. Луха, Костромской губ., родился въ 1859 г.; воспитывался въ Ярославской военной прогимназій; по окончаніи въ ней курса, въ 1875 г. поступилъ вольноопредѣляющимся въ лейбъ-гвардіи Волынской полкъ, а затѣмъ въ Кіевское юнкерское училище, гдѣ въ 1878 г. окончилъ курсъ по второму разряду; произведенъ въ офицеры въ 98-й пѣхотный Дертпскій полкъ; въ 1879 г. былъ арестованъ за преступную пропаганду между нижними чинами этого полка, но бѣжалъ изъ Виленской центральной тюрьмы за границу; въ Женевѣ имѣлъ сношенія съ эмигрантами и вступилъ въ социально-революціонное сообщество; возвратился въ Россію въ концѣ 1880 г. и съ тѣхъ поръ проживалъ нелегально.

⁴⁾ *Бончъ-Осмоловская*, Пелагея, незаконорожденная, не приписанная ни къ какому сословію, уроженка Могилевской губ. Климовичскаго уѣзда, дер. Шестерки, родилась въ 1861 г.; воспитаніе получила въ домѣ матери, надзирательницы Александровской больницы въ г. Кіевѣ; вступивъ въ социально-революціонное сообщество, жила нелегально сначала въ Одессѣ, а затѣмъ въ Москвѣ, гдѣ въ февралѣ 1882 г. была задержана подъ именемъ Ольги Виноградовой на вокзалѣ Московско-Ярославской желѣзной дороги; въ мартѣ выслана къ отчиму своему Виноградову, въ г. Рославль, Смоленской губ.

Наблюденіе за подозрительными лицами производилось одновременно въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, въ виду того обстоятельства, что выяснены были дѣятельныя сношенія между злоумышленниками въ обѣихъ столицахъ и частые переѣзды ихъ изъ одной въ другую. Въ ту же ночь съ 4-го на 5-ое іюня была обыскана и задержана въ Москвѣ Любовь *Макаренко* ¹⁾, проживавшая на одной квартирѣ съ арестованнымъ въ С.-Петербургѣ Антономъ Лапицкимъ, а также посѣтившій ее, въ день обыска учитель приходскаго училища Александръ *Пановъ* ²⁾, жившій въ Москвѣ подъ именемъ дворянина Павла Сыромятникова.

Въ С.-Петербургѣ за квартирами арестованныхъ лицъ также было учреждено наблюденіе и 20 іюня въ квартирѣ Орловой задержана женщина, назвавшаяся Элеонорою Милошевичъ, но оказавшаяся дворянкою Волинской губ. Антоніною *Лисовскою* ³⁾, розыскиваемой съ 1878 г. по обвиненію въ различныхъ государственныхъ преступленіяхъ. Въ той же квартирѣ 5-го іюля былъ арестованъ дворянинъ Оттокаръ *фонъ Зейдлицъ* ⁴⁾.

На основаніи данныхъ, частью добытыхъ наблюденіемъ, частью же почерпнутыхъ изъ показаній задержанныхъ лицъ или изъ отобранныхъ у нихъ бумагъ, въ теченіи лѣта 1882 г. были арестованы:

Въ Москву:

Сынъ подполковника Александръ *Лискій* ⁵⁾.

Отставной поручикъ Алексѣй *Литвиновъ* ⁶⁾.

Приказчикъ бумажнаго магазина Варгунна, С.-Петербургскій цеховой Николай *Латышевъ*.

Мѣщанинъ г. Лука Костромской губ., Василій *Шуцкинъ*.

Слушательница фельдшерскихъ курсовъ Ксенія *Волошина*.

Дѣвицы Ванда и Марія *Петкевичъ*.

Студентъ Московскаго университета Наумъ *Гольдинъ*.

¹⁾ *Макаренко*, Любовь, дочь губернскаго секретаря, родилась въ 1859 г.

²⁾ *Пановъ*, Александръ, мѣщанинъ г. Острогожска, Воронежской губ., родился въ 1859 г.

³⁾ *Лисовская*, Антонина, дворянка, уроженка села Жаборицы, Новоградъ-Волинскаго уѣзда, Волинской губ., дочь Игнатія Лисовскаго, въ 1863 г. сосланнаго въ Сибирь за участіе въ польскомъ мятежѣ и нынѣ водвореннаго въ Великомъ-Устюгѣ Вологодской губ., римско-католическаго вѣроисповѣданія, родилась въ 1858 г., воспитывалась въ Устюжской женской прогимназіи; въ 1873 г. съ матерью и сестрой возвратилась въ Кіевъ и жила съ ними до 1875 г., затѣмъ поступила въ качествѣ домашней наставницы къ землевладѣльцу Ковтоискаго уѣзда, Черниговской губ., Лихошерстому; съ 1876 по 1877 г. служила въ Кіевѣ въ частной торговой конторѣ; вступивъ въ социально-революціонное сообщество, перешла на нелегальное положеніе.

⁴⁾ *Зейдлицъ*, Оттокаръ, фонъ, дворянинъ, лютеранскаго вѣроисповѣданія родился въ Москвѣ въ 1842 г.; воспитывался въ С.-Петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, вышелъ изъ него, не окончивъ курса въ 1862 г., женился на дѣвицѣ Маріи Штраухъ; служилъ бухгалтеромъ въ различныхъ частныхъ учрежденіяхъ; въ 1876 г. ѣздилъ добровольцемъ въ Сербію; въ послѣднее время служилъ бухгалтеромъ въ одномъ изъ венскихъ банковъ.

⁵⁾ *Лискій*, Александръ, сынъ подполковника, родился въ 1858 г.; проживалъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ подъ именемъ Константина Пантусова.

⁶⁾ *Литвиновъ*, Алексѣй, изъ солдатскихъ дѣтей, уроженецъ г. Оренбурга, родился въ 1855 г., воспитаніе получалъ въ Оренбургской военной прогимназіи и въ тамошнемъ юнкерскомъ училищѣ; поступилъ на службу въ 159 пѣхотный Гурійскій полкъ; вышелъ въ отставку въ октябрѣ 1881 г. и поселился въ Москвѣ.

Въ Кіевѣ:

Жена капитана Лидія *Савельева* ¹⁾. По доставленіи ея въ Петербургъ была задержана и мужъ ея, адъютантъ штаба 1-го армейскаго корпуса *Михаилъ Савельевъ* ²⁾.

Студентъ института инженеровъ путей сообщенія *Николай Ивановъ* ³⁾.

Въ Черниговской г.:

Бывшій студентъ СПб. университета Левъ *Луговскій* ⁴⁾.

Въ Волынской губ.:

Кандидатъ естественныхъ наукъ *Василій Кульчицкій* ⁵⁾.

Въ Воронежѣ:

Дочь капитана *Зинаида Зацѣпина* ⁶⁾.

Въ Одессѣ:

Дѣлопроизводитель городской управы *Николай Драго* ⁷⁾ и австрійская подданная *Сесилія Гаммеръ* ⁸⁾.

¹⁾ *Савельева*, Лидія, жена капитана, адъютанта штаба 1-го армейскаго корпуса, родилась въ 1857 г., воспитывалась въ Псковской женской гимназій, а также прошла педагогическіе курсы въ С.-Петербургѣ; вышла замужъ за капитана *Михаила Савельева*; въ томъ 1881 г. проживала на дачѣ въ дер. Тойло, близъ станціи Лева Балтійской жел. дор. вѣдѣтъ съ сестрою лейтенанта Буцевича и держала съ нею общее хозяйство; имѣеть брата, воспитателя Кіевской военной гимназій *Калашникова*.

²⁾ *Савельевъ*, Михаилъ, сынъ отставнаго генераль-маіора, родился въ С.-Петербургѣ въ 1853 г., воспитывался во 2-й СПб. военной гимназій и въ 1-мъ Военномъ Павловскомъ училищѣ, въ 1871 г. выпущенъ въ офицеры; въ чинѣ капитана числится по армейской пѣхотѣ и состоялъ старшимъ адъютантомъ штаба 1-го армейскаго корпуса.

³⁾ *Ивановъ*, Николай, сынъ купца, родился въ г. Кіевѣ въ 1860 г.; воспитывался въ Кіевской классической гимназій, а затѣмъ въ реальномъ училищѣ, гдѣ и окончилъ курсъ; состоитъ студентомъ института инженеровъ путей сообщенія.

⁴⁾ *Луговскій*, Левъ, мѣщанинъ г. Городня, Черниговской губ., родился въ 1860 г., воспитывался въ Черниговской гимназій, а по окончаніи въ ней курса поступилъ въ СПб. университетъ; въ 1881 г. за участіе въ студенческой сходкѣ, происходившей 13 марта, уволенъ изъ университета съ лишеніемъ права на годъ поступать въ высшее учебное заведеніе; въ маѣ того же года проживалъ съ мастерами *Егоромъ Корляковымъ*, привлеченнымъ къ дознанію о революціонной пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ; подвергался обыску и отданъ подъ гласный надзоръ полиціи.

⁵⁾ *Кульчицкій*, Василій, сынъ священника, уроженецъ Волынской губ., родился въ 1854 г., первоначальное воспитаніе получалъ въ Житомирской семинаріи; кончилъ курсъ въ СПб., университетѣ со степенью кандидата естественныхъ наукъ; въ 1878 г. привлекался къ дознанію по дѣлу о типографскомъ шрифтѣ, отобранномъ у студента *Медико-Хирургической Академіи Григорія Исаева*, но такъ какъ шрифтъ этотъ оказался переплетнымъ, то отъ отвѣтственности освобожденъ; состоитъ преподавателемъ въ частномъ реальномъ училищѣ инженера *Муханова* въ С.-Петербургѣ.

⁶⁾ *Зацѣпина*, Зинаида, дочь отставнаго капитана, родилась въ г. Воронежѣ въ 1861 г., сестра ея *Надежда* замужемъ за студентомъ *Якимовымъ*, братомъ привлеченнаго къ дознанію о воспитанникѣ Воронежскаго училища *Ивановѣ*.

⁷⁾ *Драго*, Николай, дворянинъ Черниговской губ., родился въ 1852 г.

⁸⁾ *Гаммеръ*, Сесилія, родилась въ 1863 г.

Всѣ вышеозначенныя лица и нынѣ содержатся подъ стражей за исключеніемъ супруговъ Савельевыхъ, Кучиной, Андреевой и Шапаровской, освобожденныхъ до внесенія ими денежныхъ залоговъ, а также Волошиной, сестеръ Петкевичъ, Гольдина и Шишкина, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи.

Дознаніе подтвердило обнаруженную наблюденіемъ связь между этими лицами и совмѣстное преслѣдованіе большинствомъ изъ нихъ преступныхъ дѣлей. Разберъ отобранныхъ у нихъ книгъ, бумагъ, допросы ихъ и свидѣтельскія показанія дозволяютъ признать выясненными нижеслѣдующія обстоятельства:

Въ апрѣлѣ 1882 г. группа террористовъ, присвоившая себѣ названіе Исполнительнаго Комитета, рѣшила устроить въ С.-Петербургѣ техническую школу и мастерскую для ознакомленія членовъ преступнаго сообщества съ миннымъ искусствомъ и для приготовленія гремучей ртути, пироксилина, динамита и другихъ взрывчатыхъ веществъ. Осуществленіе этого предпріятія взялъ на себя Грачевскій. Онъ предложилъ дѣвицѣ Гросманъ быть хозяйкою той квартиры, гдѣ должна быть устроена означенная мастерская. Та выразила согласіе подъ условіемъ, что въ дѣлѣ приметъ участіе и женихъ ея, ветеринарный врачъ Прибылевъ¹⁾. При содѣйствіи Грачевскаго, помогавшаго имъ денежными средствами, свадьба ихъ состоялась въ концѣ апрѣля. Вскорѣ послѣ свадьбы они переехали въ Серапинскую гостинницу и начали прискивать подходящую квартиру. Выборъ ихъ и Грачевскаго палъ на квартиру въ 3-мъ этажѣ домъ № 24 по 11 линіи Васильевскаго острова. Они наняли ее и переехали 7-го мая, получивъ отъ Грачевскаго деньги на наемъ квартиры и на первоначальное обзаведеніе. При этомъ приняты были мѣры величайшей предосторожности. Раиса Прибылева уѣзжала въ Ямбургъ съ дѣлюю увѣрить родныхъ и знакомыхъ въ томъ, что она покинула Петербургъ. Въ качествѣ служанки Грачевскій помѣстилъ къ Прибылевымъ Марію Юшкову, снабдивъ ее подложнымъ паспортомъ на имя Уманской мѣщанки Савиной. Такъ какъ паспортъ былъ новый, то Юшкова, по совѣту Грачевскаго, помѣщалась сперва въ меблированныхъ комнатахъ близъ вокзала Николаевской жел. дороги и лишь по пропискѣ паспорта въ участкѣ переехала на квартиру Прибылевыхъ.

Квартира эта состояла изъ 5-ти комнатъ и кухни; изъ нихъ три комнаты: кабинетъ, зало и третья, въ которой была устроена лабораторія, выходили окнами на улицу; спальня, прихожая, и кухня были во дворъ. Въ прихожей за перегородкою помѣщалась ванна. Черная лѣстница отдѣляла кухню отъ прихожей.

Подробный осмотръ квартиры Прибылевыхъ произведенъ былъ 6 го іюня начальникомъ жандармскаго управленія г. С.-Петербурга въ присутствіи прокурора С.-Петербургской судебной палаты и при участіи экспертовъ по химіи, физикѣ и минному дѣлу.

Въ комнатѣ, гдѣ помѣщалась лабораторія, полъ обитъ былъ войлокомъ, а поверхность его клеенкой. Изъ мебели въ ней стояли лишь комодъ, столъ,

¹⁾ Такъ показывается Прибылева; Грачевскій же, напротивъ, утверждаетъ, что обрѣтлся сначала къ Прибылеву, а потомъ, и черезъ него, къ его невѣстѣ.

покрытой клеенкой и простой табуретъ. На обѣихъ окнахъ были опущены шторы. На комодѣ, покрытомъ двумя листами бумаги, лежали слѣдующіе предметы, составлявшіе принадлежность химической лабораторіи: бертолетова соль, сѣрнистая сурьма, сѣрная кислота, составъ для изготовленія стопина, гремучій студень, нитроглицеринъ, гуттаперчевыя трубки, стеклянныя трубочки и воронки, пробирные стаканчики, напильницъ, остро-зубцы, плоскозубцы, медицинскій термометръ, ареометръ для измѣренія плотности и разные другіе инструменты. Въ верхнемъ ящикѣ комоды: пироксилинь въ шашкахъ призматическихъ размѣровъ; резиновыя подушки съ чернымъ динамитомъ въ количествѣ около 4 фунтовъ, жестянка, наполненная взрывчатою смѣсью изъ пироксилина и нитроглицерина, приготовленнаго для гремучаго студня, на листѣ бумаги отмѣтки различныхъ предметовъ, необходимыхъ для изготовленія взрывчатыхъ веществъ. Въ среднемъ ящикѣ: трубки резиновыя, стеклянныя и латунныя; ручныя тиски, кронциркуль, цинковая пластинка, вата и мелкіе гвозди. Нижній ящикъ комоды былъ весь наполненъ ватой. На столѣ стояли: вѣсы Роберваля съ французскимъ разновѣсомъ, бутылъ съ остатками сѣрной кислоты, напильники, круглозубцы, трубки металлическія и стеклянныя, изъ нихъ одна наполненная сѣрной кислотой и запаянная съ обѣихъ концовъ. Подъ поломъ: аптекарскіе вѣсы съ роговыми чашками. На полу помѣщались свертки и мѣшки съ гигроскопическою ватой, амміачной селитрой, камфорой, поташемъ, нашатыремъ, стклянка съ ѣдкимъ кали, двадцатифунтовая бутылъ съ сѣрной кислотой, пятифунтовая банка съ дымящеюся азотною кислотой, двѣнадцатифунтовая банка съ сѣрной кислотой, пустыя бутылы изъ подъ разныхъ кислотъ, различныя сосуды и инструменты. Въ ванной комнатѣ: стеклянный батарейный стаканъ съ нитроглицериномъ въ количествѣ около пяти фунтовъ, два другихъ такихъ же стакана пустыхъ, мѣшокъ съ двууглекислымъ натромъ, разные сосуды и инструменты. Во всѣхъ прочіихъ комнатахъ найдены также бутылы съ кислотами, инструменты и большое число печатныхъ и рукописныхъ руководствъ и книгъ объ изготовленіи взрывчатыхъ веществъ. Висѣвшее въ шкафу, въ спальнѣ, мужское и женское носильное платье, равно какъ и полъ въ большей части комнатъ были изѣданы кислотами. Въ нижнемъ же ящикѣ комоды, также стоявшаго въ спальнѣ, найденъ завернутый въ бѣльѣ снарядъ, состоящій изъ цинковаго сосуда, наполненнаго чернымъ динамитомъ и гремучимъ студнемъ, съ припаяннымъ къ нему крючкомъ. Онъ былъ названъ экспертами за виолнѣ снаряженный и годный для дѣйствія метательный снарядъ, крючекъ же повидимому долженъ былъ служить для носенія сосуда при помощи шнура съ металлическою петлею, найденною въ лабораторіи.

По объясненію Грачевскаго, въ квартирѣ Прибылевыхъ предполагалось сначала лишь читать демонстративныя лекціи по пиротехникѣ для обученія нѣкоторыхъ лицъ, назначенныхъ Исполнительнымъ Комитетомъ, но впоследствии туда были перенесены, находившіяся въ распоряженіи общества, остатки черного и магнезійнаго динамита, пироксилина и гремучей ртуты и рѣшено заняться производствами динамита для пополненія запасовъ. Начали съ изготовленія нитроглицерина какъ одной изъ составныхъ частей всѣхъ видовъ динамита, и работа эта была окончена ко времени

ареста Прибылевыхъ. Что же касается до метательнаго снаряда, то Грачевскій утверждаетъ, что онъ не былъ изготовленъ въ мастерской, а принесенъ имъ въ квартиру Прибылевыхъ уже готовымъ, для поясненія читавшихся въ ней лекцій; для дѣйствія же онъ не годится, ибо не будучи герметически задѣланъ, не былъ обезпеченъ отъ вбирания въ себя влаги изъ атмосферы, между тѣмъ какъ одинъ изъ составныхъ его элементовъ, а именно азотно-кислый аммоній, въ высшей степени гигроскопиченъ, а при вѣкоторой влагѣ этотъ родъ динамита теряетъ свои взрывчатыя свойства. Впрочемъ эксперты опровергаютъ такое объясненіе, утверждая, что присутствіе влаги въ динамитѣ, которымъ наполненъ означенный метательный снарядъ, весьма незначительно, такъ что оно не могло лишить его взрывчатыхъ свойствъ.

Кромѣ Грачевскаго, участіе въ изготовленіи взрывчатыхъ веществъ, по собственному сознанію, принималъ и Прибылевъ. Жена его и Юшкова также признались въ содѣйствіи, которое оказывали этому дѣлу; первая—покупая войлокъ, клеенку, вату, глицеринъ и сама занималась устройствомъ лабораторіи, а вторая—участвуя въ самомъ приготовленіи взрывчатыхъ веществъ, при чемъ руководствовалась литографированными записками.

Грачевскій отказался назвать прочихъ лицъ, помогавшихъ ему въ изготовленіи динамита, или приходившихъ въ конспиративную квартиру для слушанія лекцій по пиротехникѣ. Дознаніемъ однако установлено, что къ числу этихъ лицъ принадлежалъ Клименко, платье котораго носило на себѣ слѣды кислотъ, а часть этого платья даже хранилась въ квартирѣ Прибылевыхъ. Обстоятельство это подтверждаетъ и Раиса Прибылева. По собственному сознанію, квартиру эту посѣщала и дѣвица Гринбергъ, о близости которой къ главнымъ террористическимъ дѣятелямъ въ одномъ изъ своихъ показаній упоминалъ уже государственный преступникъ Меркуловъ, называвшій ее „Христиною“.

Но самымъ близкимъ къ Грачевскому лицомъ, самою ревностною и дѣятельною его помощницею была Анна Корба, которая видѣлась съ нимъ едва ли не каждый день и одна посѣщала его на его квартирѣ.

Анна Корба принадлежитъ къ семейству давно уже извѣстному своею политическою неблагонадежностью. Изъ шести дочерей инженера Путей Сообщенія Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Мейнгарда, лишь три, вышедшія замужъ за гг. Бернацкаго, Попова и Штанге, не принимали дѣятельнаго участія въ преступной пропагандѣ. Четвертая сестра, жена инженера Марія Лешернъ фонъ Герцфельдтъ, съ половинны семидесятихъ годовъ, знакомая съ Александромъ Ивановичымъ Писаревымъ, жила въ Саратовской губерніи и за-границей, гдѣ была близко знакома съ государственнымъ преступникомъ Дмитріемъ Клеменцомъ, Вѣрою Фидиповою, Александромъ Соловьевымъ, Юріемъ Богдановичемъ и др.; разыскиваемая по дѣлу о 58-ми лицахъ; обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, она въ 1881 г., послѣ ссылки Иванчина-Писарева административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь, послѣдовала за нимъ туда и добровольно явившись къ начальнику Енисейскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія просила дозволить ей раздѣлить участь Писарева. Млад-

шая сестра Анны Корба, дѣвица Ольга Мейнгардъ, была наставницей въ школахъ, послѣдовательно учрежденныхъ въ Филлидіи, Тверской губерціи, и въ послѣднее время въ Закавказскомъ краѣ вдовою студента Быкова, воспитывающею въ нихъ дѣтей извѣстныхъ государственныхъ преступниковъ и лицъ политически неблагонадежныхъ.

По словамъ Корба, въ социально-революціонное сообщество ввела ее жена государственнаго преступника Марія Баранникова, урожденная Оловенникова, съ которой она познакомилась въ 1879 г. послѣ окончательнаго разрыва съ мужемъ и даже поселилась съ ней на одной квартирѣ. Съ самаго начала своей преступной дѣятельности Корба стала въ близкія отношенія къ главнымъ руководителямъ террористическаго кружка, преимущественно къ Александру Михайлову. Еще въ 1879 году къ ней адресовала Вѣра Филиппова отправлявшася изъ Одессы въ С.-Петербургъ Дмитрія Петрова, одного изъ одесскихъ пропагандистовъ, и просила ее свести Петрова съ Александромъ Михайловымъ. По задержаніи своемъ, Михайловъ написалъ къ ней изъ заключенія нѣсколько записокъ, частью зашифрованныхъ, въ которыхъ передавалъ ей содержаніе своего допроса и сущность данныхъ имъ показаній. Кромѣ того о Корба, какъ о видномъ членѣ сообщества, упоминается въ запискѣ, найденной въ ночь на 3-е Марта 1881 года въ квартирѣ государственныхъ преступниковъ Саблина и Гельфманъ. Наконецъ ею, какъ оказалось, писана записка, обращенная къ Александру Михайлову, найденная у задержаннаго въ декабрь 1881 года въ С.-Петербургѣ, Теллалова и приписывавшаяся доселѣ Аннѣ Макаревичъ. Въ запискѣ этой Корба сообщала, между прочимъ, Михайлову, что она находится на Кавказѣ. Хотя въ показаніи своемъ она и отрицаетъ пребываніе въ этомъ краѣ, но есть основаніе предполагать, что она посѣщала находящуюся тамъ младшую сестру свою.

При обыскѣ въ квартирѣ Корба найдены: ручной типографскій станокъ, около сотни различныхъ революціонныхъ изданій и нѣсколько замѣтокъ, писанныхъ ея рукою и разложенныхъ въ конвертахъ съ надписью на нихъ: „для редакцій“. Въ одной изъ этихъ замѣтокъ указывается на необходимость „выставить наше единодушіе. На сторонѣ 1-го Марта была вся революціонная партія до единого человѣка, не исключая и чернопредѣльцевъ. Все общество ликовало и въ особенности на окраинахъ крестьянство во- „сторгалось 1-мъ Марта“. Другая замѣтка говорить: „что Исполнительный „Комитетъ не поручалъ Халтурину участвовать лично въ Стрѣльницкомъ „дѣлѣ; напротивъ, съ него было взято слово, чтобы онъ оставался организаторомъ его. Желваковъ, юноша съ честной и возвышенной душой, но „честныхъ и чистыхъ юношей много на Руси: они составляютъ большинство молодежи цѣлаго поколѣнія“. Наконецъ третья замѣтка упоминаетъ о воззваніяхъ „къ народу“, въ которыхъ „слѣдовало бы напомнить народу крѣпостное право и указать ему, что рабство отняло у него привычку „къ самоуправленію и свободѣ“. Изъ этихъ замѣтокъ можно заключить, что Корба принимала участіе въ изданіи печатнаго органа террористическаго кружка „Народная Воля“.

Другимъ лицомъ, съ которымъ Грачевскій поддерживалъ постоянныя сношенія и имѣлъ частыя свиданія, былъ флота лейтенантъ Александръ Бudevичъ.

Будевичъ показаль на допросѣ, что принадлежитъ къ партіи „Народной Воли“ съ Января 1882 г., что знакомство его съ Корба произошло въ Апрѣлѣ и было вызвано желаніемъ его сойтись съ личностью болѣе знакомою со средствами партіи и „сильнѣйшею въ идейномъ смыслѣ“, тѣмъ тѣ лица, съ которыми ему ранѣе приходилось сталкиваться; что Корба познакомила его съ Грачевскимъ; что свиданія его съ Корба происходили на улицѣ и у себя дома и, наконецъ, на квартирѣ его хорошихъ знакомыхъ, капитана Савельева и жены его. Изъ числа другихъ арестованныхъ лицъ Будевичъ призналъ свое знакомство лишь съ Андреевымъ, но отказался объяснить цѣль этого знакомства и обстоятельства, при которыхъ оно произошло.

По словамъ Будевича, онъ признаетъ неизбѣжность въ Россіи революціи политической и экономической, а потому и примкнулъ къ партіи „Народной Воли“, какъ къ единственной партіи, раздѣляющей тотъ же взглядъ. Онъ сдѣлать это по необходимости, за неизбѣннѣмъ выбора, ибо, въ противномъ случаѣ, ему оставалось бы „желая революціи, сидѣть сложа руки“. Но, сочувствуя цѣлямъ партіи, онъ не одобрялъ насильственныхъ средствъ, къ которымъ она прибѣгала, ничего не зная о нихъ и не рѣшившись бы принять въ нихъ участіе. Тѣмъ не менѣе, онъ считалъ себя обязаннымъ, „быть прямымъ или косвеннымъ пособникомъ партіи во всѣхъ пунктахъ ея программы и пропагандировать экономическую и политическую революцію до тѣхъ поръ, пока Россія не стала конституціоннымъ государствомъ“.

Въ томъ же духѣ составлено писанное рукою Будевича и найденное въ бумагахъ Грачевскаго воззваніе „къ офицерамъ русской арміи, отъ центра военной организаціи партіи Народной Воли“. Въ этомъ и въ другомъ воззваніи „къ представителямъ русской арміи“, также найденномъ у Грачевскаго, войско призывается содѣйствовать къ ограниченію Самодержавной Власти.

Указанія на существованіе военнаго революціоннаго кружка встрѣчались нерѣдко какъ въ показаніяхъ разныхъ лицъ, такъ и въ доставляемыхъ агентурнымъ путемъ свѣдѣніяхъ. Въ началѣ 1881 г. отъ имени этого кружка было напечатано обращеніе къ тогдашнему Военному Министру Графу Милютину. Съ тѣхъ поръ всѣ полученныя о кружкѣ свѣдѣнія сводятся къ тому, что цѣль кружка—введеніе въ Россіи конституціоннаго устройства, а союзъ съ организаціей Народной Воли лишь компромисъ, не влекущій за собою солидарности съ террористической ея дѣятельностью. Существуетъ предположеніе, что кружокъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ офицеровъ: моряковъ, артиллеристовъ и саперъ и можно допустить, что къ числу ихъ принадлежалъ и Будевичъ.

Нѣсколько иной характеръ участія въ организованныхъ Грачевскимъ предпріятіяхъ другого офицера, задержаннаго въ ночь на 5-ое іюня, а именно майора 9-го Лубенскаго гусарскаго полка Николая Тихоцкаго.

Въ семействѣ Тихоцкаго насчитывается рядъ членовъ болѣе или менѣе частныхъ къ соціально-революціонному дѣлу. Одинъ братъ Николая, Викторъ Тихоцкій еще въ 1874 г. привлекался къ Долгушинскому дѣлу, былъ отданъ подъ судъ особаго Присутствія Правительствующаго Сената. Освобожденный судомъ отъ отвѣтственности, Викторъ Тихоцкій былъ въ 1879 г. снова преданъ суду Харьковскаго Военнаго суда за присутствіе на сход-

кахъ, устроенныхъ въ гор. Харьковѣ Гольденбергомъ, Колодкевичемъ, Вврою Филипповой и др., но судъ и въ этотъ разъ оправдалъ его. Другой единоутробный братъ Виктора и Николая Тихоцкихъ, Эммануиль Воронецъ, за принадлежность къ социально-революционному сообществу высланъ былъ административнымъ порядкомъ изъ Харькова въ Олонецкую губернію. Уже послѣ его высылки, Гольденбергъ, въ одномъ изъ своихъ показаній, назвалъ его въ числѣ прочихъ лицъ присутствовавшихъ на сходкахъ, на которыхъ обсуждался планъ убійства Харьковскаго Губернатора Князя Крапоткина. На мѣстѣ ссылки Воронецъ женился на другой участницѣ въ этомъ преступленіи, также высланной въ Олонецкую губернію, Зинаидѣ Воскресенской. Въ Ноябрь 1881 г. оба они, согласно постановленію Особаго Совѣщанія, оставлены подъ надзоромъ полиціи на пять лѣтъ и высланы въ Западную Сибирь.

Самъ однако Николай Тихоцкій до послѣдняго времени не принималъ участія въ преступной дѣятельности своихъ братьевъ. Служа въ Лубенскомъ гусарскомъ полку съ 1863 г., онъ въ продолженіи минувшей войны командовалъ въ немъ эскадрономъ и лишь осенью 1881 г., по неудовольствію на полкового командира, оставилъ полкъ, взявъ одиннадцатимѣсячный отпускъ. Не имѣя собственнаго состоянія, онъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни, до февраля прожилъ въ деревнѣ у матери, а затѣмъ поѣхалъ въ Харьковъ. Тамъ онъ, по собственному сознанию, посѣщалъ портерныя, трактиры и проводилъ время въ пьянствѣ и за карточной игрой. Въ это время ему было сдѣлано предложеніе лицомъ, назвавшимся Константиновымъ, вѣхать въ С.-Петербургъ, за что ему были обѣщаны значительныя деньги. Онъ согласился. Въ Москвѣ Константиновъ познакомилъ его съ Грачевскимъ, отъ котораго Тихоцкій получилъ 1.000 р. Съ этими деньгами онъ прибылъ въ С.-Петербургъ 17-го марта и остановился въ меблированныхъ комнатахъ въ д. Кононова въ Кирпичномъ переулкѣ. Предлогомъ къ пребыванію его въ С.-Петербургѣ служили хлопоты о присканіи мѣста. Съ этою просьбою онъ обращался къ прежнимъ своимъ знакомымъ, большею частію военнымъ. По наступленіи лѣта, онъ переѣхалъ на дачу въ Старую Деревню и въ теченіи мая нѣсколько разъ бывалъ въ Петергофѣ, гдѣ посѣщалъ своихъ бывшихъ сослуживцевъ, обѣдалъ у знакомыхъ морскихъ офицеровъ на Императорской яхтѣ „Александрія“, ко всѣмъ обращался съ просьбой содѣйствовать ему въ присканіи мѣста, но въ этомъ не успѣлъ. Жилъ Тихоцкій на деньги, получаемыя отъ Грачевскаго, который, по словамъ его, кромѣ 1.000 р., полученныхъ въ Москвѣ, въ разное время выдалъ ему 575 руб. Грачевскій часто видѣлся съ Тихоцкимъ, посѣщалъ его на его квартирѣ, а также назначалъ ему свиданія на улицѣ и общественныхъ гуляніяхъ, между прочимъ въ саду „Аркадія“. Тихоцкій утверждаетъ, что знаетъ Грачевскаго, лишь подъ фамиліей Болдырева. Грачевскій также заботился о присканіи Тихоцкому мѣста, что явствуетъ изъ того, что старшій адъютантъ штаба 1-го армейскаго корпуса капитанъ Савельевъ призналъ въ Тихоцкомъ офицера, откомендованнаго ему Буцевичемъ и являющагося къ нему съ ходатайствомъ о прикомандированіи къ штабу означеннаго корпуса.

Что касается до самого капитана Савельева, то дознаніемъ выяснено лишь, что квартира его служила мѣстомъ свиданія Грачевскаго съ Буцевичемъ, давнимъ и близкимъ знакомымъ жены Савельева.

Допросъ Николая Андреева и произведенный у него обыскъ не обнаружили уликъ его преступной дѣятельности. Между тѣмъ, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, онъ играетъ важную роль въ террористической организаціи и самое переселеніе его съ женою изъ Москвы въ С.-Петербургъ вызвано особымъ порученіемъ, возложеннымъ на него руководителями террористическаго кружка. Женившись въ Январѣ 1882 г. на богатой московской купеческой дочери Надеждѣ Фирсановой и взявъ за нею въ приданое 25000 р., Андреевъ въ мартѣ прибылъ въ С.-Петербургъ и нанявъ квартиру, обмоблировалъ ее, а затѣмъ вмѣстѣ съ женою выѣхалъ въ Москву, оттуда въ Воронежъ, Саратовъ, Самару, а въ концѣ Мая вернулся въ С.-Петербургъ. Пребываніе свое въ С.-Петербургѣ онъ объяснилъ намѣреніемъ открыть здѣсь, на средства жены, торговую контору. Дознаніе установило знакомство его съ Грачевскимъ, Корба и Буцевичемъ.

Кромѣ лицъ выше перечисленныхъ, въ прямыхъ сношеніяхъ съ Грачевскимъ находились также Александръ Липскій, Левъ Луговскій, Василій Кульчицкій и Алексѣй Литвиновъ. Рукою Липскаго писано воззваніе, найденное въ бумагахъ Грачевскаго и обращенное отъ партіи „Народной Воли“ къ товарищамъ, конимъ скоро „предстоитъ предстать передъ судомъ“. Въ воззваніи этомъ утверждается, между прочимъ, „что ничто не можетъ устранить и остановить товарищей—даже висѣлица. Русскій революціонеръ, столкнувшись съ деспотизмомъ, умѣетъ умирать. Частъ справедливой мести застанетъ врага внезапно и тогда въ страхѣ и безпамятствѣ не принадлежатъ къ партіи будутъ давить, пожирать другъ друга“. Луговскій, бывшій сожитель Маріи Юшковой, писалъ къ Грачевскому длинное письмо, найденное при обыскѣ у послѣдняго, въ которомъ упрекалъ его за назначеніе, данное Юшковой, сопряженное съ такою для нея опасностью. Въ письмѣ этомъ заслуживаютъ вниманія выраженія, которыми Луговскій характеризуетъ Грачевскаго: „ты человекъ черствый, односторонній и забылъ вторую заповѣдь: не сотвори себѣ кумира, ты создалъ себѣ кумира, ты обратилъ дѣло въ идола Молоха, котораго только и можно было умиловать кровавыми жертвами невинныхъ младенцевъ. Я, наоборотъ, думаю и убѣжденъ въ томъ, что дѣло не Молохъ и подобныя жертвы оскорбляютъ его и тѣхъ, кто ихъ приносятъ. Человекъ не долженъ унижаться до позорнаго сравненія съ машиной. Ты убилъ въ себѣ человека, требуешь отъ меня того же“. Въ заключеніе Луговскій объясняетъ, „что онъ отдалъ дѣло свое счастье и отдаетъ и самого себя и свою жизнь“. Что же касается до Кульчицкаго и Литвинова, то они принадлежатъ къ числу лицъ, съ которыми часто видѣлся Грачевскій.

По вызову Грачевскаго прибыла въ С.-Петербургъ изъ Москвы и жена задержаннаго тамъ въ апрѣлѣ 1882 г. Василя Гориновича, Надежда Гориновичъ.

Хотя Надежда Гориновичъ и успѣла скрыться въ Москвѣ изъ квартиры, въ которой былъ задержанъ мужъ ея, но полиція вскорѣ напала на ея слѣдъ вслѣдствіе перехваченной шифрованной записки, писанной мужемъ къ ней изъ тюрьмы и отправленной на имя слушательницы фельдшерскихъ курсовъ Ксеніи Волошинской.

При обыскѣ у послѣдней найдена была часть переписки супруговъ Гориновичъ, а учрежденное за квартирой Волошиной наблюденіе привело

къ задержанію сестеръ Маріи и Ванды Петкевичъ и студента Гольдина. Между тѣмъ Надежда Гориновичъ отправилась въ С.-Петербургъ и вступила въ сношеніе съ большею частію лицъ, причастныхъ къ настоящему дѣлу. Свиданія ея съ Грачевскимъ происходили въ квартирѣ студента Института Инженеровъ Путей Сообщенія Иванова.

Около того же времени, а именно въ апрѣлѣ и маѣ 1882 г., подъ различными предлогами, прибыли въ С.-Петербургъ изъ Москвы Александра Орлова, Лидія Шапаровская, Ольга Кучина и Иванъ Морозъ. Всѣ они находились въ сношеніяхъ между собою, а также съ главными руководителями террористическаго кружка: Корба, Бudevичемъ, Клименко и Андреевымъ. Морозъ, близкій знакомый Андреева, бывший шаферомъ у него на свадьбѣ, видѣлся и съ Грачевскимъ.

Въ квартирѣ Шапаровской найдено при обыскѣ нѣсколько бланковъ для паспортовъ и множество революціонныхъ изданій. Въ числѣ бумагъ ея была записка съ отмѣченными на ней именами: Дмитрія Драго и Сесилии Гаммеръ въ Одессѣ. О Драго извѣстно изъ показаній Петрова, что онъ въ январѣ 1882 г. въ квартирѣ Маріи Симановичъ свелъ Вѣру Филиппову съ Клименко, пріѣзжавшихъ въ Одессу „по особенному дѣлу“.

Въ квартирѣ Орловой была задержана, какъ уже сказано выше, давно розыскиваемая по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ и проявившая преступную дѣятельность свою въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи Антонина Лисовская.

Подобно Корба и Тихоцкому, Лисовская принадлежитъ къ семейству, многіе изъ членовъ котораго состоятъ въ числѣ социальна-революціонныхъ дѣятелей. Отецъ ея, за участіе въ польскомъ мятежѣ 1863 г., высланъ былъ изъ Кіевской губ. въ Сибирь, а впоследствии водворенъ въ Великомъ Устюгѣ. Вологодской губ.; братъ Генрихъ и сестра Вицентина привлекались къ дознанію о польскихъ социальна-революціонныхъ гминахъ въ Кіевѣ и Варшавѣ и въ началѣ 1882 г. по Высочайшему повелѣнію высланы—первый въ Восточную Сибирь на пять лѣтъ, а вторая въ Западную—на три года. О самой Антонинѣ Лисовской, въ 1878 и 1879 г.г. слушавшей высшіе женскіе курсы въ Кіевѣ, упоминалъ въ своихъ показаніяхъ Гольденбергъ, называвшій ее „пропагандисткою, сочувственно относящеюся къ фракціи террористовъ и участвовавшюю въ дѣлѣ предоставленія средствъ политическимъ заключеннымъ. Въ 1881 г. она проживала въ Варшавѣ подъ именемъ Краснопѣвцевой, а въ 1882 г. въ Вильнѣ подъ фамиліями Гаевской и Яворской и принимала участіе въ организаціи социальна-революціонныхъ гминъ. Вскорѣ послѣ задержанія Лисовской, въ той же квартирѣ Орловой, арестованъ бывший бухгалтеръ одного изъ Вилеяскихъ банковъ Оттокаръ фонъ-Зейдлицъ. Задержанная вслѣдъ за нимъ, любовница его, Анисья Алексѣева подробно рассказала объ отношеніяхъ Лисовской къ Зейдлицу и о преступной дѣятельности послѣдней. По словамъ Алексѣевой, Лисовская подъ именемъ Анны Ивановой и въ сопровожденіи неизвѣстнаго Александра въ первый разъ появилась въ домѣ у Зейдлица около Рождества 1881 г., и въ теченіи двухъ мѣсяцевъ неоднократно посѣщала его подъ предлогомъ уроковъ бухгалтеріи. По отъѣздѣ ея изъ Вильны, къ Зейдлицу явился съ письмомъ отъ нея Иванъ Доманскій. По рекомендаціи Доманскаго, въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ 1882 г., Зейдлица посѣщали разныя подозритель-

ныя лица, извѣстныя подъ именами: „Маріи Николаевны“, „Николая Степановича“, „Ядвиги Антоновой Одаховской“, и „Маріи Павловны Люстивой“. О сношеніяхъ Зейдлица съ Иваномъ Лампе можно заключить изъ того обстоятельства, что у послѣдняго при обыскѣ найдены с.-петербургскіе адреса Зейдлица. Въ послѣднее время Зейдлицъ часто отсутствовалъ изъ Вильны и, наконецъ, переселился сначала въ Москву, а потомъ въ С.-Петербургъ, оставивъ Алексѣевой паспортъ на имя вдовы секретаря Саратовскаго Окружнаго Суда Пономаревой, тотъ самый, подъ которымъ проживала въ Москвѣ вмѣстѣ съ Юріемъ Богдановичемъ, жена государственнаго преступника Марія Баранникова.

Изъ числа прочихъ задержанныхъ лицъ обращаютъ особенное вниманіе на себя арестованные въ С.-Петербургѣ, подъ именемъ супруговъ Селезневыхъ, Алексѣй Ѳоминычъ и Пелагея Бончъ-Осмоловская, въ квартирѣ которыхъ, кромѣ разныхъ революціонныхъ изданій, найдены также различныя принадлежности для поддѣлки паспортовъ.

Послѣ бѣгства своего, въ сентябрѣ 1879 г., изъ Виленской центральной тюрьмы, Ѳоминычъ искалъ убѣжища въ Женевѣ и тамъ познакомился съ нѣкоторыми эмигрантами, между прочимъ съ Стефановичемъ. Онъ возвратился въ Россію осенью 1880 г. и весь 1881 г. провелъ въ Кіевѣ и Одессѣ. Въ послѣднемъ городѣ онъ жилъ съ Пелагеей Бончъ Осмоловской, извѣстной подъ именемъ Ольги Виноградовой, и занимался преступной пропагандою. Въ декабрѣ 1881 г. онъ, по вызову Стефановича, переданному ему Филипповою, отправился въ Москву вмѣстѣ съ Осмоловскою, но жилъ тамъ отдѣльно отъ нея по паспорту и подъ именемъ Костенецкаго. Въ С.-Петербургъ прибылъ онъ лишь 20-го мая сего года, вызванный изъ Москвы Осмоловскою и поселясь съ нею, вступилъ въ сношенія съ с.-петербургскими злоумышленниками.

При обыскѣ, произведенномъ въ Москвѣ у Любови Макаренко, найдено нѣсколько свидѣтельствъ полицейскихъ управленій съ печатами Московскаго Оберъ-Полицеймейстера, бланки Губернаторовъ: Подольскаго, Волынскаго и Пензенскаго, два метрическихъ свидѣтельства Полтавской Духовной Консисторіи на имя Петра и Ивана Шаровыхъ, подложныя печати разныхъ правительственныхъ учрежденій и множество рукописей и писемъ. Въ числѣ послѣднихъ замѣчательны два письма Вѣры Засулицы изъ Женевы, писанныхъ въ мартѣ или апрѣлѣ 1882 г., и въ которыхъ она сообщаетъ террористическому кружку свѣдѣнія о ходѣ русской социально-революціонной пропаганды за границей. Обыскомъ у учителя Панова, задержаннаго въ квартирѣ Макаренко, обнаружено нѣсколько №№ „Народной Воли“, программа и воззваніе сообщества, рѣчь на судѣ государственнаго преступника Суханова и некрологъ государственнаго преступника Дюховскаго, предназначенный къ печатанію въ „Народной Волѣ“. Дознаніе выяснило сношенія Панова съ Орловой во время бытности послѣдней въ Москвѣ, гдѣ она проживала на одной квартирѣ съ Надеждою Андреевою, сестрою Николая Андреева.

Въ Москвѣ были также арестованы приказчикъ Николай Латышевъ и мѣщанинъ гор. Луха Василій Шишкинъ, дядя Алексѣя Ѳомина, уличенные въ томъ, что Шишкинъ познакомилъ съ Ѳоминымъ Латышева, а послѣдній передалъ Ѳомину два свидѣтельства, добытыя имъ изъ Купеческой Управы, которыя были найдены при обыскѣ въ квартирѣ Грачевскаго.

Московскіе аресты вызвали по всей вѣроятности исчезновеніе въ Москвѣ изъ дома Шильдбаха, Мясницкой части, трехъ лицъ, проживавшихъ въ немъ по подложнымъ свидѣтельствамъ на имя: губернскаго секретаря Дмитрія Кологрива, жены его Анны и прислуги мѣщанки Чернскаго уѣзда, Маріи Кожуховой. Въ оставленной имъ квартирѣ оказались: типографскій ставокъ съ желѣзною доскою и разными къ нему принадлежностями, мѣшокъ съ шрифтомъ, разныя преступныя изданія, револьверъ и два небольшихъ мѣшка съ пулями.

Разсматривая въ совокупности выясненныя настоящимъ дознаніемъ обстоятельства, нельзя не видѣть въ нихъ новаго подтвержденія того, что руководство преступной дѣятельности террористовъ исходило до послѣднихъ времени изъ одного общаго центра. Такимъ центромъ, до 1-го марта 1881 г., служилъ С.-Петербургъ, затѣмъ уцѣлѣвшіе отъ Мартовскихъ арестовъ важные дѣятели сообщества сгруппировались на нѣкоторое время въ Москвѣ; послѣ нѣсколькихъ серьезныхъ арестовъ, произведенныхъ тамъ въ началѣ сего года, извѣстные государственной полиціи члены руководящаго кружка террористовъ снова появляются въ Петербургѣ. По задержаніи Грачевскаго и его сообщниковъ, въ порѣдѣвшихъ рядахъ злоумышленниковъ, избѣгнувшихъ до сихъ поръ ареста, вниманіе полиціи, главнымъ образомъ, привлекаютъ нижеслѣдующія лица: Левъ Тихоміровъ, Марія Баранникова, Галина Чернявская, Прасковья Ивановская и Вѣра Филиппова. Названныя лица едва ли не послѣднія изъ оставшихся на свободѣ и не подвергнутыхъ заслуженной карѣ членовъ кружка, сплотившагося на Липецкомъ съѣздѣ и совершившаго рядъ злодѣяній, изъ коихъ ближайшимъ къ намъ, по времени, было убійство Генералъ-Маіора Стрѣльникова. Преступленіе это было организовано Халтуринимъ, при дѣятельномъ участіи Вѣры Филипповой, которая, послѣ казни Халтурина и задержанія Грачевскаго, можетъ быть почитаема одной изъ наиболѣе опасныхъ дѣятельницъ центральнаго кружка террористовъ, присвоившаго себѣ названіе „Исполнительнаго Комитета“. Къ обнаруженію ея, главнымъ образомъ, направлены всѣ розыски.

Въ продолженіи всей майской трети 1882 г. совершенно прекратилась дѣятельность подпольныхъ типографій социальнаго-революціоннаго сообщества и не появилось ни одного листка или воззванія“.

Крестьянское движение въ Кутаисской губерніи ¹⁾.

(Окончаніе).

IV.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ, принимая постъ Кавказскаго Намѣстника, вѣрилъ въ близость обновленія государственнаго строя Россіи и надѣялся временно успокоить возбужденное населеніе Кавказа либеральнымъ управленіемъ, отмѣной законоположеній, направленныхъ противъ кавказскихъ національностей, введеніемъ земскаго самоуправленія типа 1864 г. и смѣной администраціи. Но у графа не было ни опредѣленной политической программы, ни выработанной тактики. Пригласивъ своимъ сотрудникомъ по управленію гражданской частью либерала шестидесятника Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирея, онъ въ то-же время парализовалъ его дѣятельность назначеніемъ самостоятельнаго завѣдывающаго полиціей на Кавказѣ реакціонера генерала Ширинкина. Извѣстье объ этомъ назначеніи и отвѣтъ графа на привѣтственную рѣчь городского головы въ день вѣзда въ Тифлисъ на тему «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ» произвела тяжелое впечатлѣніе даже на умѣренныхъ либераловъ, зачарованныхъ его обращеніемъ къ населенію изъ Петербурга и секретнымъ распоряженіемъ объ ослабленіи репрессій.

Борьба за вліяніе между ближайшими сотрудниками и совѣтниками графа при его безпринципности до-нельзя способствовала водворенію въ краѣ полнаго хаоса и широкаго произвола: каждая губернія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отдѣльные уѣзды, управлялись по особымъ законамъ или помимо законовъ, по усмотрѣнію; военныя, особыя и пр. положенія вводились и отмѣнялись безъ видимыхъ основаній. Либеральныя начинанія стѣснялись реакціонными мѣрами и наоборотъ. Въ этотъ именно періодъ хаоса и мнѣ пришлось неожиданно для себя 5 мѣсяцевъ управлять Кутаис-

¹⁾ Вѣдое, сентябрь.

ской губерніей. Я принялъ предложенный мнѣ постъ послѣ большихъ колебаній и долгихъ переговоровъ, заручившись полнымъ одобреніемъ моей программы, изложенной не только въ личныхъ бесѣдахъ съ графомъ, но и въ особой докладной запискѣ (27 мая 1905 г.), въ которой, между прочимъ, я утверждалъ, что революціонное движеніе въ Кутаисской губ., возникшее на почвѣ общегосударственныхъ и мѣстныхъ экономическихъ и правовыхъ неустойствъ, можетъ быть успокоено только путемъ широкихъ общегосударственныхъ и областныхъ демократическихъ реформъ, и что «задача администратора при этихъ условіяхъ сводится къ исползованію общаго подъема сознанія интеллигентнаго общества и народныхъ массъ съ цѣлью возможно плодотворной и спокойной разработки насущныхъ вопросовъ общественной жизни для участія въ предстоящей творческой работѣ по государственному устройству Россіи».

Въ числѣ выставленныхъ мною условій значились слѣдующія:

1) Военное положеніе и всякія охраны должны быть немедленно отмѣнены.

2) Агенты администраціи, проявившіе усердіе въ сферѣ произвола, подлежатъ увольненію,

3) Административные аресты, высылки и прочія репрессіи по отношенію къ политическимъ прекращаются,

4) Функционировавшія въ деревняхъ до введенія военнаго положенія выборныя судебная и административная организациі могутъ возобновить свою дѣятельность безпрепятственно,

5) Власти будутъ проявлять полную терпимость къ сходкамъ, митингамъ и демонстраціямъ, когда они не угрожаютъ личной и имущественной безопасности обывателей (погромомъ),

6) Дѣйствія жандармской полиціи должны быть строго согласованы съ дѣйствіями губернатора.

Мое назначеніе состоялось въ началѣ іюля, но, не имѣя объ этомъ официальнаго увѣдомленія, я не вступалъ въ должность до 1-го августа.

16-го іюля въ совѣщаніи, на которомъ приглашенными общественными дѣятелями и членами совѣта подъ предсѣдательствомъ Намѣстника должны были быть рассмотрѣны проектированныя канцеляріей его основанія земскаго самоуправленія въ Закавказьѣ, мнѣ пришлось впервые встрѣтиться и столкнуться на критикѣ проекта съ г. Ширинкинымъ, злымъ врагомъ всякаго прогресса и злымъ гениемъ графа.

Распоряженіе объ отмѣнѣ военнаго положенія въ Кутаисской губ. и о расформированіи Ріонскаго отряда, несмотря на данныя мнѣ обѣщанія, запоздало на нѣсколько дней, и городъ Кутаисъ находился подъ военной охраной до 11 августа.

Крупные землевладѣльцы, часть горожанъ, преимущественно старые чиновники и войско ожидали этого событія съ нескрываемымъ неудовольствіемъ, достигшимъ апогея 7 августа, когда среди бѣлаго дня въ центрѣ города, въ городскомъ саду, при большомъ

стеченіи гуляющей публики и охранѣ былъ убитъ полковникъ Ходецкій, баталіонный командиръ Куринскаго полка. Убійца скрылся на глазахъ у всѣхъ. Въ появившихся прокламаціяхъ, подписанныхъ «группой солдатъ социаль-демократовъ Куринскаго и Потійскаго полковъ», смертный приговоръ Ходецкому объяснялся какъ актъ возмездія, вызванный его строгимъ отношеніемъ и репрессіями по отношенію къ участникамъ группы, послѣдовавшими вслѣдъ за возложеніемъ вѣнка на гробъ виднаго члена мѣстной социаль-демократической организаціи кн. Александра Цулукидзе. Въ городѣ распространился слухъ, что той-же организаціей приговорены къ смерти еще нѣсколько офицеровъ того-же полка и что во время похоронъ въ процессію будутъ бросать бомбы. Въ ближайшіе послѣдующіе за убійствомъ полк. Ходецкаго дни вблизи лагеря Куринскаго полка на проѣзжей дорогѣ были найдены два трупа поселянъ. Молва приписывала ихъ смерть мести куринцевъ. Возбужденіе и той и другой стороны росло. Похороны прошли въ строгомъ порядкѣ, но тревога не улеглась до тѣхъ поръ, пока Куринскій и Потійскій полкъ не были выведены изъ Кутаисской губ.

Взамѣнъ этихъ полковъ и войскъ Ріонскаго отряда были присланы одинъ пластунскій батальонъ, по два батальона Кубинскаго и Навагинскаго полковъ и части 33-й дивизіи (изъ Кіевской губ.), Бессарабскій и два батальона Херсонскаго полка, пулеметная рота, три батареи.

33-я дивизія была укомплектована запасными для отправленія на Дальній Востокъ, а затѣмъ направлена на Кавказъ. Войска эти шли «вновь завоевывать» Закавказье и были изумлены, заставъ мирное населеніе.

Часть этихъ силъ, предназначенная для охраны линіи желѣзной дороги, состоящая въ завѣдываніи, вполнѣ самостоятельномъ, Главнаго Штаба Кавказскихъ войскъ, а позднѣе Жандармскаго Упр. Зак. ж. д., была расквартирована на вокзалахъ и служила причиной постоянныхъ осложненій между озлобленными обстановкою и скучающими войсками и пассажирами. Другая часть, расквартированная въ городахъ и мѣстечкахъ, служила угрозой обывателямъ и разоряла ихъ, вызывая непомѣрные расходы на приспособленіе помѣщеній и удовлетвореніе другихъ нуждъ, относимыхъ закономъ на населеніе при передвиженіи и расквартированіи войскъ.

Несмотря на это, новый режимъ былъ встрѣченъ населеніемъ сочувственно, и опасенія гг. аграріевъ, что съ упраздненіемъ репрессій крестьяне разорятъ ихъ гнѣзда, не сбылись.

Митинги устраивались чаще прежняго, но проходили безъ осложненій. Народные суды и другія организаціи, о которыхъ я упомянулъ выше, вышли изъ подполья и получили нѣкоторое право гражданства. Число политическихъ убійствъ сократилось, а разгромы прекратились совсѣмъ.

Я ѣздилъ по губерніи безъ всякой охраны, собиралъ сходы и встрѣчалъ повсемѣстно радушный привѣтъ. Однако, довѣріе насе-

ленія ко мнѣ не распространялось вверхъ на власть имущихъ. Отъ нихъ оно ожидало только предательскихъ актовъ. Дѣйствія умиротворительныхъ комиссій и сопровождающихъ ихъ отрядовъ въ сосѣдней Тифлисской губ. и Тифлисскія побоища, событія въ армяно-татарскихъ районахъ восточнаго Закавказья и наконецъ сплошныя репрессіи въ Батумской области давали постоянно богатый матеріалъ для оцѣнки политики графа на Кавказѣ и отнюдь не способствовали насажденію несбыточныхъ мечтаній о возможности достиженія мирнымъ путемъ неотложныхъ реформъ.

Отношеніе населенія къ правительству ясно обрисовалось на выборахъ уполномоченныхъ для разсмотрѣнія проекта земской реформы въ уѣздныхъ и губернскихъ комиссіяхъ и въ оцѣнкѣ манифеста 6 августа.

Въ составъ этихъ комиссій входили представители всѣхъ имущихъ классовъ; они избирались по куріямъ. Выборы были прямыя въ уѣздныя и двустепенныя въ губернскія комиссіи. Проектъ уполномочивалъ уѣздныя комиссіи высказаться по вопросу о желательности введенія мелкой земской единицы, намѣтить ея предѣлы, пересмотрѣть положеніе 1864 г. и проектировать измѣненія и дополненія, вытекающія изъ мѣстныхъ условій жизни, провѣрить списки имѣющихъ цензъ и пр. Губернскія комиссіи должны были сдѣлать общую сводку работамъ уѣздныхъ и весь матеріалъ передать въ канцелярію Намѣстника.

Осуществленіе реформы назначалось на январь 1906 г.

Проектъ, какъ и все исходившее изъ нѣдръ канцелярій со времени пресловутой «весны», заключалъ много внутреннихъ противорѣчій, но онъ далеко выходилъ за предѣлы вождедѣній мѣстныхъ людей всѣхъ классовъ конца девяностыхъ и начала девятисотыхъ годовъ, когда даже дѣйствующее во внутреннихъ губерніяхъ земское положеніе было-бы принято съ восторгомъ. Теперь въ 1905 году либеральный проектъ уже никого не удовлетворялъ.

Періодъ выборовъ и засѣданій комиссій прошелъ бурно. На выборы представителей отъ крестьянскихъ обществъ созывались по 2—3 сельскихъ общества. Ораторами выступали какъ сторонники реформы изъ лагеря умѣренныхъ, такъ и представители крайнихъ лѣвыхъ партій.

Многія сельскія общества отказались отъ участія въ комиссіи, мотивируя отказъ недовѣріемъ къ самодержавному режиму и узкосословнымъ характеромъ предлагаемой реформы. Резолюціи большинства всѣхъ крестьянскихъ избирательныхъ собраній, вѣрнѣе многочисленныхъ митинговъ, сошлись на томъ, что мѣстное самоуправленіе, не основанное на принципѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права при существующемъ государственномъ строѣ было-бы жалкимъ палліативомъ, безсильнымъ измѣнить къ лучшему крестьянскую долю. Онѣ утверждали, что бюрократія, предлагая теперь земскую реформу, имѣла скрытую цѣль привлечь въ свой лагерь буржуазію и менѣе стойкихъ изъ крестьянъ и полумѣрами остановить освободительное движеніе.

Признавая полезнымъ въ цѣляхъ агитаціи участие въ избирательныхъ собраніяхъ, большинство предлагало бойкотировать комиссіи изнутри. На тѣхъ-же собраніяхъ былъ объявленъ бойкотъ и булгинской Государственной Думѣ.

Земскія комиссіи функционировали во всѣхъ уѣздахъ, но лишь въ одномъ изъ нихъ обсуждался предложенный канцеляріей проектъ. Остальные ограничились декларацией принциповъ, которые должны лечь въ основу демократическихъ органовъ самоуправления.

Основываясь на опредѣлившемся въ уѣздахъ мнѣніи не бойкотировавшаго меньшинства, губернская комиссія разработала и представила проектъ безусловнаго демократическаго самоуправленія, въ сферу компетенціи котораго входили, какъ хозяйственно-экономическія, такъ и административныя функціи; губернскія земства признавались излишними; мелкія земскія единицы и уѣздныя земства вѣдали всѣми дѣлами самостоятельно; объединяющимъ началомъ, по проекту, должно было служить областное всекавказское земское собраніе въ Тифлисъ.

Авторами проекта были федералисты и умѣренные. Соціалъ-демократы вышли изъ состава губернской комиссіи на второмъ или третьемъ засѣданіи, послѣ неудавшейся попытки сорвать работы. Администрація не вмѣшивалась ни во время выборовъ, ни въ дѣла комиссій. Возможныя осложненія предупреждались или устранялись самимъ обществомъ и только въ одномъ пунктѣ губерніи— въ с. Абаша, они вызвали кровопролитіе при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ селѣ была ярмарка, и слѣдовательно большое скопленіе окрестнаго населенія, размѣстившагося у родственниковъ и знакомыхъ. Воскресный день, пріѣздъ гостей и вызванное ярмаркой оживленіе располагали многихъ къ выпивкѣ и къ вечеру количество лицъ, возбужденныхъ виномъ, было значительнымъ. Невдалекѣ отъ Абашы, въ м. Ново-Сенаки въ этотъ день (6 сентября) заканчивала свою работу уѣздная земская комиссія и уполномоченные отъ Абашскаго и смежныхъ обществъ, въ количествѣ 5—6 человекъ, возвращались въ поѣздѣ домой, напѣвая революціонныя пѣсни. Присутствующіе случайно, въ количествѣ пассажировъ, 2 офицера, ѣхавшихъ изъ г. Поти, и жандармскій унтеръ-офицеръ арестовали ихъ въ купѣ вагона 2-го класса и приставили караулъ.

Подгулявшая ярмарочная толпа, поджидавшая поѣзда и своихъ уполномоченныхъ на вокзалѣ, узнала объ этомъ и потребовала освобожденія арестованныхъ и, получивъ полное удовлетвореніе, устроила освобожденнымъ бурную овацію, сопровождавшуюся обычной на празднествахъ стрѣльбою изъ револьверовъ и возгласами.

Принявъ стрѣльбу за нападеніе на почтовый вагонъ, 3 нижнихъ чина, стражникъ и жандармскій унтеръ-офицеръ отвѣтили на нее залпами изъ оконъ вагоновъ прямо въ толпу. Тогда опасаясь дальнѣйшихъ агрессивныхъ дѣйствій со стороны желѣзнодорожной воинской охраны, расквартированной на станціи Самтреди, нѣсколько человекъ изъ толпы отцѣпили паровозъ и принудили машиниста везти ихъ по направленію къ этой станціи; проѣхавъ нѣ-

сколько верстъ, они отправили локомотивъ дальше, а сами разобрали въ нѣсколькихъ мѣстахъ путь, сдѣлавъ движеніе ожидаемаго воинскаго поѣзда невозможнымъ. Оставленный на пути сторожъ и красные флаги устраняли опасность крушенія. Последствіемъ этой мѣры было то, что войска изъ Самтреды, принужденные идти значительную часть пути пѣше, прибыли въ Абашу, когда возбужденіе улеглось, и толпа разсѣялась частью по сосѣднимъ деревнямъ, частью по кукурузникамъ, унеся съ собою убитыхъ (свыше 10-ти) и раненыхъ. Рѣдкая стрѣльба съ обѣихъ сторонъ, т. е. со стороны лицъ, скрывшихся въ кукурузныхъ посѣвахъ и прибывшихъ войскъ продолжалось и ночью.

Абашское происшествіе между прочимъ доказало нелицепріятное отношеніе нашего суда.

Составленный судебнымъ слѣдствіемъ актъ осмотра вагоновъ подтверждалъ фактъ стрѣльбы въ поѣздъ; доказательствомъ служили найденные имъ многочисленные (свыше ста) пулевые отверстія и слѣды на стѣнкахъ вагоновъ. При вторичномъ осмотрѣ тѣхъ-же вагоновъ по моему распоряженію, найденъ только одинъ пулевой слѣдъ у корниза крыши одного изъ вагоновъ. Всѣ оконныя стекла, за исключеніемъ одного, выбитаго очевидно ударомъ локтя, оказались цѣлыми ¹⁾.

Во избѣжаніе возможныхъ споровъ поѣздъ былъ сфотографированъ съ обѣихъ сторонъ.

Абашская перестрѣлка не вызвала никакихъ внѣшнихъ проявленій народнаго гнѣва.

Убитыхъ похоронили безъ обычной въ этихъ случаяхъ торжественности ²⁾, тѣмъ не менѣе это произвело на общество глубокое впечатлѣніе. Возможность безцѣльныхъ кровавыхъ столкновений, устраненная, какъ казалось, новымъ курсомъ, была доказана. Мое представленіе намѣстнику о необходимости привлеченія къ суду самовольныхъ охранителей «порядка» встрѣтило рѣшительный отпоръ со стороны ген. Ширинкина, и я получилъ замѣчаніе ³⁾.

¹⁾ Окна въ вагонахъ устроены такъ, что рама со стекломъ опускается лишь до половины.

²⁾ Августовскій погромъ въ Тифлисѣ былъ тоже отмѣченъ днемъ однодневной забастовкой и панихидой по убитымъ.

³⁾ Противникомъ новаго курса былъ конечно не одинъ г. Ширинкинъ. Враждебный лагерь образовала вся бюрократія, какъ таковая. Не болѣе какъ черезъ недѣлю послѣ вступленія въ исполненіе обязанностей губернатора, о моихъ дѣйствіяхъ жандармами производилось уже тайное дознаніе, причиной которому послужилъ слѣдующій инцидентъ: Трое горожанъ и въ ихъ числѣ С. Джанаридзе, избранный впоследствии депутатомъ въ Госуд. Думу, гуляя въ городскомъ саду, читали про себя поднятую тамъ-же прокламацію. Всѣ трое были арестованы подошедшими полицейскими стражниками и доставлены въ участокъ. При арестованіи стражники везли себя дерзко. Узнавъ объ этомъ, я освободилъ задержанныхъ и арестовалъ стражниковъ. Переписка объ этомъ моемъ преступленіи тянулась мѣсяца жандарма Жандармское управленіе допрашивало всѣхъ подчиненныхъ мнѣ-же чиновъ полиціи и наконецъ дѣло было прекращено обычнымъ порядкомъ, т. е. постановленіемъ прокурора (прокуроръ, начальникъ жандармскаго управленія и губернаторъ) *отъ имени представителя.*

Конец сентября и начало октября протекали бурно, но не ознаменовались особыми осложнениями. Крестьяне убрали кукурузу съ арендованных земель и уплатили аренду согласно договору, но временно-обязанные наотрѣзъ отказались отъ взноса галлы (часть урожая за право пользования землей). Большинство помѣщиковъ, несмотря на тяжелыя матеріальныя условія, въ которыхъ они очутились, не протестовали, сознавая, что насильственныя мѣры, направленные противъ 24 тысячъ дымовъ временно-обязанныхъ, вызвали-бы общій взрывъ негодованія и сдѣлали-бы невозможнымъ ихъ пребываніе въ селахъ. Доказательства были на лицо въ смежномъ Горійскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи. Тамъ въ сентябрѣ дѣйствовала умиротворительная комиссія съ ген. Амилахвари (корпусный командиръ) и кн. Петромъ Грузинскимъ во главѣ ¹⁾.

Комиссію сопровождалъ всюду сборный отрядъ изъ казачьихъ, драгунскихъ и пѣхотныхъ частей. Непокорныя селенія наказывались экзекуціей и штрафами.

Уступая силѣ, крестьяне отдавали помѣщику галлу, но послѣ ухода отряда забирали всю наличность изъ помѣщичьихъ амбаровъ, а усадьбы сжигали.

Интересно, что вслѣдъ за умиротворительной комиссіей всегда подвигались агитаторы. Они поддерживали въ массахъ духъ сопротивленія и придавали имъ стойкость.

Въ половинѣ октября, приблизительно въ теченіе мѣсяца ген.

Второе такое-же дѣло возникло по инициативѣ прокурорскаго надзора, которому крайне не понравились мои распоряженія по тюрьмѣ.

Замѣчу, что они были строго законными и отмѣняли только произволъ. Секретное дознаніе, вызванное нечистоплотнымъ допросомъ одного изъ товарищей прокурора, если не ошибаюсь, не было закончено до моего увольненія отъ службы.

Какъ бы странно, но тюрьма не переносила присутствія прокурорскаго персонала и во всѣхъ случаяхъ, когда въ стѣнахъ ея возникало какое-либо недоразумѣніе, я принужденъ былъ улаживать его или лично, или черезъ полицеймейстера Климентова, гуманнаго и симпатичнаго работника.

Болѣе-менѣе нормальныя отношенія съ прокурорскимъ надзоромъ у меня установились только съ прїѣздомъ изъ Кіева вновь назначеннаго прокурора (Н. А. Толпыго), послѣдовательнаго сторонника законности, но къ тому времени уже судъ бездѣйствовалъ окончательно.

Въ будущемъ я надѣюсь подробнѣе ознакомить читателей „Былого“ съ тѣми условіями бюрократической среды, съ которыми мнѣ пришлось столкнуться въ качествѣ представителя либеральнаго режима. Здѣсь замѣчу лишь, что они парализовали всякое нешаблонное начинаніе, что вся бюрократическая машина настолько-же непригодна для работы внѣ сферы репрессій и произвола, насколько непригоденъ паровой молотъ для тканья матерій. Отнимите у нея эти рычаги и сила ея погибнетъ. Ясно, что обновленіе личнаго состава чиновниковъ не сдѣлаетъ бюрократію работоспособной внѣ создавшаго ее режима, да и самая возможность подобнаго обновленія по частямъ сомнительна. Въ бюрократическомъ организмѣ всѣ звенья связаны столь прочно, что безъ коренной ломки нельзя выключать ихъ по одиночкѣ. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ я передалъ суду нѣсколько человекъ, — двухъ стражниковъ полицейской стражи за стрѣльбу по наущенію въ собравшейся крестьянской сколѣ въ с. Гванкити, Шаропаискаго уѣзда, въ результатъ которой были убиты и ранены, одного уѣзднаго начальника (Кегамова) за превращеніе власти и истязанія народа и двухъ полицейскихъ приставовъ за то же, но всѣ они несмотря на несомнѣнныя улики были возстановлены въ правахъ и служатъ понынѣ.

¹⁾ Оба — крупнейшіе помѣщики въ уѣздѣ.

Ширинкинъ выслалъ изъ Горійскаго уѣзда въ Архангельскую и др. губерніи около 600 человекъ ¹⁾.

Вѣсти о расправахъ въ Горійскомъ уѣздѣ быстро распространились по селамъ Кутаисской губ. и поддерживали возбужденное настроеніе. Но эти вѣсти имѣли лишь второстепенное значеніе. И безъ нихъ общій подъемъ былъ очень великъ.

Въ сентябрѣ начались кое-какъ занятія въ среднихъ школахъ, но несмотря на предоставленныя учащимся льготы, на нѣкоторое давленіе со стороны родителей и существенныя улучшения въ методахъ преподаванія, они прерывались постоянными вспышками молодежи. Въ низшихъ школахъ къ занятіямъ даже не приступали. Учебный персоналъ, не довольствуясь предоставленнымъ сельскимъ школамъ правомъ преподаванія на родномъ языкѣ, потребовалъ радикальныхъ измѣненій программы.

На митингахъ выяснилось отношеніе крестьянства къ предстояшему въ ноябрѣ рекрутскому набору. Кое-гдѣ на митинги собиравшись съ оружіемъ въ рукахъ. были случаи нападенія изъ засады и разоруженія стражниковъ полицейской стражи.

На участкѣ Закавказ. жел. д. западнѣе ст. Самтредіи неизвѣстные вооруженные остановили въ пути товарный поѣздъ и, велѣвъ оберъкондуктору отпереть указанный ими вагонъ, взяли изъ него ящики съ револьверными патронами.

Участились и уголовныя преступленія: хорошо вооруженные хулиганы, пользуясь общимъ броженіемъ, нерѣдко прикрывались политическимъ знаменемъ.

Гурія, имѣвшая наиболѣе совершенную народную организацію, боролась съ грабежами успѣшно, но ея порочные члены, изгнанные за предѣлы уѣзда, нашли убѣжище въ Чіатурскихъ рудникахъ и въ сообществѣ съ хулиганствующимъ элементомъ Имеретіи, совершали грабежи въ Чіатурахъ, въ Шаропани, въ Квирилахъ, въ Кутаисѣ и др. мѣстахъ. Въ Чіатурахъ была ограблена почтовая контора на 40 тысячъ рублей, присланныхъ марганцепромышленниками для расплаты съ промысловыми рабочими, тамъ-же дважды ограбили одного изъ марганцепромышленниковъ, въ Кутаисѣ среди бѣла дня на людной улицѣ, въ центрѣ города, отняли у артельщика Азовско-Донск. банка сундукъ съ деньгами, пересылаемыми въ казначейство. Въ Квирилахъ ограбили и убили кассира товарной станціи Залдастанова. Только одно изъ этихъ преступленій было отчасти раскрыто полиціей, и ей удалось найти похищенный сундукъ съ деньгами Азовско-Донск. банка; но похитители скрылись. Однако и эта волна грабежей шла недолго. Въ концѣ октября и въ ноябрѣ большинство грабителей было изловлено, и многіе изъ нихъ казнены населеніемъ. Полиціи доставались только трупы разстрѣлянныхъ; ихъ приносили и укладывали на большихъ проѣзжихъ дорогахъ.

¹⁾ По манифесту объ амнистіи всѣ высланные вскорѣ были возвращены назадъ, частью съ пути, частью съ мѣсть ссылки.

Теперь, въ моментъ общей подавленности и затишья, не художнику трудно набросать полную картину октябрьскихъ переживаній. Надвигалась стихія и всѣ чувствовали ея мощь, вѣрили, что она порветъ и размететъ оковы, въ которыхъ задыхалась жизнь: ждали только сигнала. Онъ послѣдовалъ 14 октября.

15-го октября какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ началась полная политическая забастовка. Въ 12 часовъ дня прекратилось желѣзнодорожное движеніе, закрылись магазины, рестораны, скрылись биржевые извозчики, водовозы... улицы опустѣли. Забастовали многіе мелкіе служащіе въ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ. Работали только хлѣбопекарни. Телеграфъ большей частью бездѣйствовалъ, такъ какъ крестьяне перерѣзывали провода и чинить поврежденія было трудно; между тѣмъ, стоустая молва распространяла слухи о кровопролитномъ столкновеніи въ Гуріи и о невѣроятныхъ событіяхъ въ Тифлисѣ и въ столицѣ...

Попытки къ восстановленію движенія силами желѣзнодорожнаго батальона тоже не привели къ цѣли. На 3-й или 4-й день забастовки изъ Кутаиса по направленію къ Батуму былъ отправленъ воинскій поѣздъ съ двумя ротами Кубинскаго полка для охраны пути, но на пятой верстѣ, на крутомъ изгибѣ пути онъ потерпѣлъ страшное крушеніе. Неопытный военный машинистъ шель съ большой скоростью и наскочивъ на развинченный рельсъ, долго не могъ задержать поѣзда. Десять или двѣнадцать солдатъ пали жертвою этого крушенія, но мартирологъ этимъ не закончился. Обезумѣвшіе солдаты, выскочивъ изъ вагоновъ, открыли стрѣльбу по собравшимся на большомъ разстояніи за р. Ріономъ окрестнымъ поселянамъ и убили нѣсколько человѣкъ.

Ѣхавшіе въ поѣздѣ офицеры показали на судебномъ слѣдствіи, что въ моментъ крушенія вагоны были обстрѣляны изъ толпы, но этотъ фактъ при мнѣ не былъ установленъ. Арестованные изъ толпы послѣ допроса были освобождены.

Описанное событіе, тревожные слухи, оторванность отъ міра и сознаніе значенія переживаемаго политическаго момента довели нервы до наивысшаго напряженія. Время тянулось мучительно медленно. Каждый день казался вѣчностью.

21-го октября днемъ начальникъ почтово-телеграфной конторы Рябчинскій сообщилъ мнѣ по телефону, что въ Тифлисѣ полученъ какой-то манифестъ; а вечеромъ того-же дня я узналъ его содержаніе изъ дошедшихъ къ намъ отрывковъ агентской телеграммы. Ее принималъ съ аппарата самъ Рябчинскій и настолько растерялся, что обратился ко мнѣ съ запросомъ не долженъ-ли онъ хранить тайну впредь до моихъ распоряженій.

Я затребовавъ провѣрки и восстановленія пропусковъ, но состояніе телеграфа было таково, что ждать скорыхъ отвѣтовъ было трудно. Пришлось распространить вѣсть въ томъ видѣ, въ какомъ она была получена и горожане узнали о ней черезъ часъ. Всюду, куда было возможно, были разосланы отпечатки, изготовленные

на мимеографѣ ¹⁾. Возстановленный текстъ получился лишь черезъ 2—3 дня.

21-го вечеромъ впервые поступила просьба о разрѣшеніи устройства митинга въ городскомъ саду на основаніи правилъ о собраніяхъ 12-го октября; до манифеста эти правила бойкотировались.

На митингахъ 22-го и 23-го октября многотысячная толпа горожанъ обсуждала значеніе акта 17-го октября. Надъ трибуной ораторовъ развѣвались красныя знамена рабочей партіи, но слабыя попытки устройства демонстративныхъ шествій были безъ труда простой просьбой удержаны 22-го полицеймейстеромъ Климентовымъ, а 23-го мною. Оба митинга закончились къ 3-мъ часамъ дня и горожане разошлись въ полномъ порядкѣ.

Манифестъ 17-го октября не удовлетворилъ массы. Ихъ основное требованіе всеобщаго избирательнаго права—не осуществилось. Не было также и намека на амнистію по политическимъ проступкамъ, и волненіе не улеглось. Вотированныя резолюціи не оставляли въ этомъ сомнѣнія, но у многихъ народилась вѣра въ возможность дальнѣйшей мирной борьбы. Она исчезла такъ же быстро, какъ и зародилась. Но объ этомъ будетъ ниже. ¹

Митинги по полученіи манифеста собирались и въ селахъ. Опишу одинъ изъ нихъ.

На 22-е октября былъ назначенъ въ с. Сапаро въ 2-хъ верстахъ отъ м. Квирилы, административнаго центра Шаропанскаго уѣзда вооруженный митингъ. Было предложено придти всѣмъ у кого есть хоть какое-либо оружіе для учета силъ, на которыя въ данной мѣстности можно рассчитывать въ случаѣ необходимости перехода къ вооруженному возстанію. Митингъ предполагался очень многолюдный. Не сочувствующая революціонному движенію часть населенія ожидала его съ трепетомъ. Ходили вздорные слухи, что вооруженные крестьяне соберутся одновременно изъ деревень въ мѣстечкѣ, разрушать правительственныя учрежденія и желѣзнодорожный вокзалъ. Многие боялись грабежей.

Настроеніе казачьей сотни и пѣхотныхъ ротъ расположенныхъ по линіи желѣзной дороги, вслѣдствіе забастовки и этихъ слуховъ, было слишкомъ нервнымъ и вызывало справедливыя опасенія весьма вѣроятнаго кровопролитія. При такихъ условіяхъ въ ночь съ 21-го на 22-е была доставлена телеграмма ²⁾ губернатора съ извѣстіемъ о манифестѣ. Несмотря на забастовку, она была отпечатана утромъ 22-го на русскомъ и грузинскомъ языкахъ и распространена среди населенія.

Собравшіеся въ Сапаро участники митинга послали къ уѣздному начальнику делегатовъ съ просьбой *разрѣшить* имъ собраться въ Квирилахъ; разрѣшеніе послѣдовало. Митингъ былъ необыкновенно многолюднымъ и продолжался болѣе шести часовъ. Говорили

¹⁾ Всѣ типографіи до губернской включительно бастовали.

²⁾ Для того, чтобы сохранить хотя бы одинъ проводъ телеграфа, приемъ частныхъ депешъ былъ прекращенъ за нѣсколько дней до описываемаго дня.

о смыслѣ и значеніи манифеста и переживаемаго момента; было рѣшено не прекращать забастовки до тѣхъ поръ, пока не будутъ получены извѣстія изъ Россіи о дальнѣйшей революціонной тактикѣ пролетаріата.

Вечеромъ рабочіе ст. Шаропань возвращались изъ Квириль по домамъ съ красными флагами и революціонными пѣснями. Увидѣвъ флаги и услышавъ пѣсни, офицеръ Тенгинскаго полка, охранявшій ст. Шаропань, выстроилъ солдатъ и далъ распоряженіе, стрѣлять. Къ счастью, онъ во время отмѣнилъ свое распоряженіе, и дѣло на этотъ разъ обошлось безъ кровопролитія; однако въ ту же ночь возбужденные солдаты обстрѣляли дома селенія, выпустивъ болѣе 200 выстрѣловъ, которыми, впрочемъ, никто не былъ раненъ.

Съ 24 октября забастовка въ губерніи прекратилась, но поѣзда пошли только до Кутаиса, такъ какъ западнѣе, какъ увѣрили, путь и телеграфъ были сильно повреждены. На самомъ дѣлѣ движеніе на западномъ участкѣ не возстановливалось съ цѣлью затрудненія доступа въ Гурію карательной экспедиціи, если-бы таковая была послана. Судьба идущей во главѣ движенія Гуріи тревожила всѣхъ, такъ какъ проникшія оттуда вѣсти говорили объ уничтоженной повстанцами сотнѣ казаковъ, о гибели уѣзднаго начальника и мирового судьи и т. п. Было очевидно, что, если молва и преувеличила событія, то все-же тамъ произошло нѣчто серьезное. Въ числѣ повстанцевъ тамъ было до двухсотъ военныхъ дезертировъ съ трехлинейными ружьями. Были и бомбы.

Не получая никакихъ свѣдѣній отъ мѣстной администраціи, я рѣшилъ немедленно и лично разслѣдовать положеніе дѣла и выѣхать въ Гурію въ экипажѣ. На почтѣ въ Самтреди, на границѣ Гуріи, мнѣ удалось выяснитъ сущность происшедшихъ осложненій. Новыя, заслуживающія довѣрія свѣдѣнія подтверждали фактъ столкновенія, но уничтоженіе сотни пластуновъ и смерть уѣзднаго начальника и судьи оказались вымысломъ. Тутъ-же, въ Самтреди я получилъ телеграмму отъ вице-губернатора о распоряженіи намѣстника, объявлявшемъ Кут. губ. на военномъ положеніи и о назначеніи ген.-губернаторомъ начальника 20-ой дивизіи ген.-лейт. Н. Ѳ. Шишковскаго. Продолжать службу при военномъ положеніи я счелъ невозможнымъ и на слѣдующій день вернулся въ Кутаисъ.

Какова-же была моя досада и удивленіе, когда дома я засталъ вторую телеграмму Намѣстника, отмѣнившую сдѣланное распоряженіе! На слѣдующій день я вновь выѣхалъ въ Гурію. Моими спутниками были чиновникъ особыхъ порученій, знакомый гуріецъ и камердинеръ. Характерно, что моя поѣздка безъ полицейской или военной охраны разсматривалась мѣстными русскими какъ безразсудный актъ, опасный и роняющій престижъ власти! Мнѣ предсказывали плѣнъ или смерть. Приемъ, оказанный мнѣ гурійцами, не оставлялъ желать ничего лучшаго: я ѣздилъ окруженный почетной охраной изъ крестьянъ, велъ бесѣды съ ихъ представителями и пользовался истинно грузинскимъ гостепріимствомъ.

Въ сел. Чахатаури мнѣ сообщили подробности перваго акта

разыгравшейся драмы. 16 октября гурійцы окружили полицейскій домъ и почтовую контору и потребовали отъ полицейскихъ стражниковъ выдачи оружія. Произошла перестрѣлка, въ результатѣ которой 2 стражника были убиты, 2 ранены; овладѣвъ оружіемъ и забравъ въ плѣнъ остальныхъ стражниковъ, они скрылись.

Узнавъ объ этомъ инцидентѣ, уѣздный начальникъ Лазаренко во главѣ сотни пластуновъ отправился изъ г. Озургетъ въ сел. Чахатаури.

Не задолго передъ этимъ Лазаренко, перепуганный событіями, выслалъ разными путями ко мнѣ и въ Батумъ цѣлый рядъ пакетовъ съ просьбами о присылкѣ въ уѣздъ, въ подкрѣпленіе квартировавшему тамъ баталіону пластуновъ, горной батареи и 2-хъ конныхъ казачьихъ сотенъ. *Всѣ пакеты были перехвачены*, и въ населеніи сложилась увѣренность въ неизбежности разгрома.

Выступленіе Лазаренко съ пластунами подтвердило эту увѣренность, и гурійцы рѣшили принять бой.

На разсвѣтѣ въ день прихода отряда въ сел. Чахатаури они арестовали пристава и увезли его въ горы, въ сел. Суреби. Этотъ арестъ, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, былъ вызванъ желаніемъ избавить пристава, противъ котораго не было злобы, отъ необходимости участія въ карательной экспедиціи Лазаренко. По показанію пристава, котораго освободили изъ плѣна черезъ нѣсколько дней, съ нимъ обращались хорошо и предоставляли возможныя удобства.

Отрядъ засталъ село пустынь. Тамъ оставались лишь мировой судья съ женою, врачъ, начальникъ почтовой конторы и персоналъ пріемнаго покоя. Коренные жители ушли въ горы. Дѣлать было нечего и, отдохнувъ въ теченіе ночи, Лазаренко съ отрядомъ отправился въ обратный путь. Съ нимъ поѣхали мировой судья съ супругой.

20 октября къ ночи отрядъ, имѣя впереди авангардъ изъ полицейскихъ стражниковъ и обозъ, подошелъ къ горному перевалу Насакерали и здѣсь былъ встрѣченъ размистами ¹⁾.

Въ авангардъ бросили бомбы, которыми были убиты и ранены нѣсколько стражниковъ и казаковъ.

Нѣсколько казаковъ были плѣнены.

Отрядъ Лазаренко свернулъ въ сторону, на открытое мѣсто у рѣки и провелъ тамъ ночь, а утромъ занялъ позицію на удобномъ для обстрѣла мѣстности холмѣ и приготовился къ битвѣ.

Размисты частью расположились на сосѣднемъ лѣсистомъ склонѣ, частью же окружили отрядъ. Къ нимъ присоединились и безоружные крестьяне, присутствіе которыхъ придавало осажденнымъ видъ многочисленной рати. Размисты стояли на такомъ разстояніи, что ихъ пули не долетали до пластуновъ. Стрѣляли изрѣдка. Пулями казаковъ было убито двое. Третій погибшій изъ гурійцевъ былъ застрѣленъ своими-же за мародерство. Такъ протекъ день 21 октября;

¹⁾ Цители — разми — красная дружина, боевая революціонная дружина.

вечеромъ въ станъ размистовъ прибылъ гонецъ съ манифестомъ и вслѣдствіе этого ночью осаждавшіе разсѣялись.

Въ то-же время, т. е. 21-го днемъ озургетскіе пластуны, узнавъ о происшедшемъ, отправили на выручку осажденнымъ вторую сотню. По пути этой сотней было убито нѣсколько человѣкъ крестьянъ, но озлобленіе среди казаковъ достигло предѣла, когда они встрѣтили отрядъ Лазаренка, подвигавшійся къ Озургетамъ съ ранеными и убитыми.

Раздѣлившись на два отряда, они сожгли около ста дворовъ въ расположенныхъ по пути селахъ. Черезъ нѣсколько дней всѣ плѣнные были доставлены въ городъ. Они содержались отлично и въ плѣну почитались гостями. Въ бытность мою въ Озургетахъ я слышалъ объ этомъ отъ батальоннаго командира. Всего пострадавшихъ въ Насакеральской стычкѣ пластуновъ и полицейскихъ стражниковъ было восемь человѣкъ.

Почти одновременно съ Насакеральской стычкой было произведено нападеніе на стражниковъ, ѣхавшихъ на вагонеткѣ по желѣзнодорожной линіи близъ Нотанеби, закончившееся тремя или четырьмя жертвами.

Во время поѣздки, въ селеніи Нагомари вліятельные уполномоченные отъ сельскихъ обществъ вручили мнѣ резолюцію, опредѣляющую отношеніе гурійцевъ къ манифесту и ихъ дальнѣйшую тактику. Манифестъ 17 октября признавался хотя и не удовлетворяющимъ многимъ основнымъ требованіямъ народа, но все-же *конституціоннымъ* актомъ, вслѣдствіе чего бойкотъ, объявленный несуществующему больше самодержавному правительству, становился анахронизмомъ, но онъ отмѣнялся лишь при томъ условіи, если образъ дѣйствій правительства будетъ дѣйствительно конституціоннымъ. Дальнѣйшую борьбу за осуществленіе политическихъ идеаловъ народа при наличности конституціи гурійцы находили возможнымъ вести парламентскимъ путемъ.

Въ тотъ-же день вечеромъ я получилъ увѣдомленіе о новомъ уклоненіи курса въ политикѣ графа Воронцова. Объявленное и тотчасъ отмѣненное, почти наканунѣ, военное положеніе безъ всякой видимой причины возстановлялось опять. Недовѣріе народа къ власти получило новое основаніе. Вѣсть о военномъ положеніи распространилась всюду и взволновала населеніе губерніи. Движеніе на всемъ западномъ участкѣ желѣзной дороги остановилось.

На станціи Самтреди, гдѣ мнѣ пришлось провести ночь съ 30 на 31-е октября на пути изъ Гуріи въ Кутаисъ, рано утромъ ко мнѣ пришли выборные отъ жителей мѣстечка и желѣзнодорожныхъ рабочихъ съ просьбою разрѣшить митингъ и разъяснить имъ манифестъ 17 октября. Часа черезъ три на площади близъ церкви собралось много тысячъ имеретинъ и мингрельцевъ изъ окрестныхъ селъ и желѣзнодорожные служащіе ¹⁾. Въ центрѣ круга, образованнаго участниками митинга, на столѣ стоялъ ораторъ; возлѣ него

¹⁾ Самтредскія мастерскія—вторыя по численности послѣ тифлисскихъ.

на скамьѣ сидѣлъ предсѣдатель митинга. Предсѣдатель велъ запись ораторовъ, слѣдилъ за очередью и велъ собраніе въ образцовомъ порядкѣ. Тишина возстановлялась ударами карандаша по столу. На митингѣ были и русскіе, не знающіе грузинскаго языка. Въ виду этого каждая рѣчь произносилась по-грузински и по-русски или переводилась съ одного языка на другой. Знающіе оба языка слѣдили за точностью перевода и вносили поправки.

Манифестъ былъ прочтенъ тоже на двухъ языкахъ и послѣдовавшіе за чтеніемъ обращенные ко мнѣ изъ толпы вопросы свидѣтельствовали о высокой степени сознательности слушателей.

Въ заключеніе митингъ вотировалъ резолюцію, по смыслу тождественную съ гурийской, но съ добавленіемъ, что объявленное военное положеніе и предстоящія репрессіи въ Гурии, если онѣ не будутъ отмѣнены, послужатъ лучшимъ доказательствомъ эфемерности нашей конституціи и побудятъ населеніе вернуться къ остающейся нынѣ революціонной тактикѣ.

Собравшіеся предложили мнѣ поѣздъ до Тифлиса и обратно и просили принять мѣры къ устраненію угрожающихъ Гурии бѣдствій. Черезъ часъ я выѣхалъ въ Кутаисъ на экстренномъ поѣздѣ, сопровождаемый делегатами отъ всѣхъ службъ дороги. Стоя у оконъ въ смежномъ съ моимъ вагонѣ, они при помощи знаковъ переговаривались съ дорожными сторожами и узнавали состояніе пути. Только съ такимъ составомъ поѣздъ могъ рассчитывать дойти благополучно до Тифлиса во время забастовки.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Самтреді, на полустанкѣ, стоялъ воинскій поѣздъ, везшій изъ Тифлиса въ Гурию первый эшелонъ карательнаго отряда ген. Алиханова-Аварскаго. Машиниста и кондукторскую бригаду замѣняли нижніе чины желѣзнодорожнаго баталіона.

На полпути въ Михайловѣ я засталъ второй такой-же поѣздъ. Здѣсь солдаты, преимущественно запасные, били прикладами какого-то рабочаго. Приказаніе батальоннаго, а затѣмъ и полковаго командира подѣйствовали не сразу и вызвали нескрываемый ропотъ солдатъ. Настроеніе войска было угрожающимъ.

День спустя одинъ изъ двухъ воинскихъ поѣздовъ, идущихъ другъ за другомъ вслѣдъ, по винѣ замѣнявшаго начальника станціи Дзирулы офицера, потерпѣлъ на станціи крушеніе. Перепуганные солдаты открыли ружейный огонь и перестрѣляли работавшихъ вблизи на поляхъ крестьянъ (5—6 человекъ). Въ ихъ числѣ былъ мальчикъ со штыковой раной.

Мой пріѣздъ въ Тифлисъ задержалъ выѣздъ въ Кутаисскую губ. помощника Намѣстника ген. Маламы съ тремя представителями Тифлискаго Общества изъ Гурийскихъ дворянъ, имѣвшій цѣлью успокоеніе общественнаго мнѣнія. Поѣздъ для ген. Маламы *былъ наряженъ стачечнымъ комитетомъ* и уполномоченный комитетомъ машинистъ С. Долидзе отдалъ по телеграфу распоряженіе по станціямъ о безпрепятственномъ пропускѣ этого поѣзда. Телеграмму Долидзе показывалъ мнѣ въ засѣданіи у Намѣстника гене-

раль Ширинкинъ. Поѣздка комисіи не состоялась, такъ какъ надобность въ ней миновала. Да и по существу она была задумана неосторожно: ни ген.-лейт. Малама, ни тѣмъ болѣе остальные члены комисіи, представители бойкотируемаго дворянства, не могли разсчитывать на какой-бы то ни было успѣхъ въ населеніи.

Въ Тифлисѣ для меня выяснилась причина непонятныхъ колебаній въ тактикѣ графа, всей этой странной комедіи съ военнымъ положеніемъ. Она вытекала изъ борьбы двухъ партій приближенныхъ. Къ одной изъ нихъ, требовавшей сохраненія status quo ante, присоединилось общественное мнѣніе.

Въ короткій промежутокъ времени графъ получилъ нѣсколько петицій отъ городовъ Кутаиса, Поти, Тифлиса и др.; пріѣхали депутаціи отъ думы, дворянства, отъ Кутаисскихъ чиновниковъ, отъ крестьянскихъ сельскихъ обществъ Юрской Кахетіи и пр.

Живописная группа выборовъ отъ крестьянъ верхомъ подѣхала къ дворцу въ то время, когда вопросъ объ отмѣнѣ карательной экспедиціи въ Гурію по моему ходатайству былъ почти рѣшенъ. Успокоенные депутаты уѣхали ликуя.

Окончательное рѣшеніе вопроса послѣдовало только въ вечернемъ засѣданіи. Графъ общалъ мнѣ немедля отозвать посланнаго войска, замѣнить пластунскій батальонъ въ Озуретахъ другою воинской частью, отмѣнить военное положеніе и предать забвенію Насакеральское дѣло.

Опасность дальнѣйшаго пребыванія въ Гуріи раздраженныхъ пластуновъ и крайне недисциплинированныхъ, недовольныхъ призывомъ на службу запасныхъ, коими были укомплектованы части карательнаго отряда, было столь очевиднымъ, что распоряженія объ отозваніи тѣхъ и другихъ послѣдовали на слѣдующій же день; я поручился за то, что вслѣдствіе¹⁾ состоявшагося рѣшенія забастовщики встанутъ на работу и доставятъ войска обратно въ Тифлисъ безъ замедленій. Это ручательство вызвало ядовитыя замѣчанія Ширинкина.

Мой специальный поѣздъ (делегатскій), привезенныя резолюціи и полученная у графа личная телеграмма во время забастовки въ его представленіи казались дополнительными противъ меня уликами.

Засѣданіе, отмѣнившее военное положеніе въ Кутаисской губ., закончилось 2 Ноября около 11 часовъ ночи¹⁾; къ этому времени въ гостинницѣ меня ожидали уже представители прессы, члены пріѣхавшихъ депутацій и просто интересующіяся лица. Радость была искренней и, несмотря на крайнее утомленіе, я могъ закончить пріемъ все прибывающихъ съ привѣтствіями и поздравленіями лишь поздней ночью.

Утромъ 3-го ноябра желѣзнодорожные рабочіе, служащіе депо и мастерскихъ и часть Тифлискаго пролетаріата, всего — тысячъ

¹⁾ Въ тотъ-же день состоялось распоряженіе объ отмѣнѣ военнаго положенія и расформированіи карательнаго отряда въ Карталиніи (Горійскій уѣздъ, Тифлисской губерніи).

десять человекъ, провожали меня со станціи Тифлисъ. Поѣздъ отбылъ очень медленно подъ звуки духового оркестра изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и нѣсколькихъ хоровъ. Горячія сердечныя рѣчи ораторовъ покрывались привѣтственными кликами многотысячной толпы провожавшихъ. Такая же встрѣча ожидала меня въ Михайловѣ и въ Квирилахъ. Въ Гори мы застали вокзалъ запруженнымъ войсками, и во избѣжаніе осложненій горійцы ограничились выраженіемъ ихъ чувствъ присылкою депутаціи. Въ предѣлахъ Кутаисской губерніи мы были уже ночью. Станціи и полустанки освѣтились смоляными факелами. На перронахъ стоялъ народъ, женщины, дѣти въ праздничныхъ одеждахъ со свѣчами въ рукахъ... Сердечныя рѣчи, простыя, но искреннія и общая радость были моею наградой за посильное исполненіе долга.

День 3-го ноября сталъ навсегда однимъ изъ памятныхъ радостныхъ дней въ моей жизни.

В. Старосельскій.

Карійская пѣсня, приписываемая Минакову.

Въ мое время (1882—1883 гг.) на Карѣ была очень популярна пѣсня, которую я теперь воспроизвожу. Говорили, что и слова, и музыка этой пѣсни принадлежать Минакову. Въ то время онъ еще былъ на Карѣ, и лишь впоследствии его перевели въ Шлиссельбургъ, гдѣ, какъ извѣстно, онъ былъ разстрѣлянъ за то, что ударилъ одного изъ своихъ тюремщиковъ.

Для лицъ, интересующихся словами больше, чѣмъ музыкой, считаю нужнымъ привести пѣсню здѣсь отдѣльно отъ мелодіи. Вотъ она:

Прости, несчастный мой народъ,
Простите, добрые друзья!
Мой часъ насталъ, палачъ ужъ ждетъ,
Уже колышется петля!

* * *

И если прежде не вполне
Тебѣ на пользу я служилъ,—
Прости, народъ, теперь ты мнѣ:
Тебя я искренно любилъ!

* * *

Прости... прости... Петля ужъ жметъ,
Въ глазахъ темно... Холонетъ кровь...
Ура! Да здравствуетъ народъ,
Свобода, разумъ и любви!

Я долженъ сказать, что не встрѣчалъ непреложныхъ указаній на то, что приводимая пѣсня,—назовемъ ее «На Эшафотѣ»,—принадлежитъ Минакову. И я даже не могу припомнить, отъ кого именно я слышалъ, что Минаковъ—авторъ словъ и композиторъ мелодіи. Но съ другой стороны я утверждаю, что при мнѣ никогда и никто не приписывалъ ея другому кому-нибудь и даже не возражалъ противъ предположенія, что она — плодъ творчества Минакова.

НА ЭШАФОТЪ.

КАРІЙСКАЯ ПѢСНЯ, ПРИПИСЫВАЕМАЯ МИНАКОВУ.

Moderato.

Записаль Н.А.ВИТАШЕВСКІЙ.

p *più mosso*
Про-сти, не-счаст-ный мой на-родъ! Про-сти, ге,
p
до-бры-е дру-зья! Мой часъ на-сталъ, па-лачъ ужъ ждетъ,
ritardando *a tempo*
mf *risoluto* *dim* *p*
У-же во-лы-шет-ся пет-ля, У-же ко-лы-шет-ся пет-ля.
p
И е-сли пре-жде не-впол-нѣ- Те-бѣ на
agitato
f
поль-зу я слу-жилъ, Про-сти, на-родъ, те-перь ты мнѣ:
ritardando *a tempo*
p
Те-бя я ис-крен-но любилъ! Те-бя я ис-крен-но любилъ!
mf
Про-сти... Про-сти... Пет-ля ужъ жметъ... Въ гла-захъ тем-
p *accel.* *ff*
но... хо-ло-нетъ кро-вь... У-ра!... Да ад-рав-ству-етъ на-родъ,
a tempo *ritardando*
f
Сво-бо-да, ра-зумъ и лю-бовь! Сво-бо-да, ра-зумъ и лю-бовь!

24 Сентября 1906 г.

„Кресты“

Насколько я знаю Минакова и понимаю слова и музыку пѣсни «На Эшафотѣ», я легко допускаю, что Минаковъ могъ ее написать. Несомнѣнная наличность чувства, но чувства неглубокаго и не ярко (я бы даже сказалъ: немного вульгарно) выраженнаго—вотъ признаки, по которымъ я допускаю принадлежность этой пѣсни Минакову.

Но если даже пѣсня эта ошибочно приписывается Минакову, то все же опубликованіе ея представляетъ извѣстный интересъ, такъ какъ почти несомнѣнно, что она является продуктомъ творчества Кары, и во всякомъ случаѣ каріицы ее очень любили,—охотно пѣли и слушали.

По отношенію къ интерваламъ мелодіи, за безусловное соотвѣтствіе написаннаго мною теперь тому, что я когда-то слышалъ на Карѣ, я готовъ поручиться. Мелодію эту я очень часто вспоминалъ въ теченіи всѣхъ 23 лѣтъ, протекшихъ со времени выхода моего съ Кары, и нерѣдко про себя напѣвалъ.

Что касается ритма, то, какъ извѣстно, у самоучекъ онъ довольно часто хромаетъ, и здѣсь мнѣ пришлось уже не только «припоминать», но и согласовывать то, что я слышалъ когда-то отъ разныхъ лицъ, съ извѣстными законами ритмическаго сочетанія звуковъ въ мелодіи. Насколько удачно справился я со своею задачею,—объ этомъ пусть судятъ другіе.

То же самое долженъ сказать и относительно принятой мною нюансировки.

Наконецъ, касаясь тональности, въ которой приводится предлагаемая мелодія, замѣчу, что мое музыкальное чувство подсказываетъ мнѣ, что лучше всего пѣсня выходила бы въ *до-мажорной* гаммѣ. И когда я ее записывалъ для себя въ первый разъ, то взялъ именно эту тональность. Но для воспроизведенія въ печати я предпочелъ написать пѣсню въ *си-бемоль-мажорной* гаммѣ. Руководился я при этомъ слѣдующимъ соображеніемъ.

Голосъ у Минакова былъ необыкновенно мягкій, прямо-таки бархатный басъ,—*basso cantante*. Но онъ не отличался ни силой, ни высотой. И я полагаю, что Минаковъ не могъ исполнять ее въ тональности *до-мажоръ*: у него не хватило бы голосу взять *fa*. При обычномъ, не усиленномъ напряженіи своего органа Минаковъ бралъ, вѣроятно, совершенно свободно лишь *ми-бемоль*. А мнѣ хотѣлось записать мелодію именно такъ, какъ она исполнялась Минаковымъ. Такимъ образомъ, всю мелодію, которая, какъ я сказалъ, лучше всего выходила бы въ *до-мажорной* гаммѣ, пришлось понизить на одинъ тонъ,—а это значитъ написать мелодію въ *си-бемоль-мажорной* гаммѣ. Такимъ образомъ, мелодія въ томъ видѣ, какъ она мною здѣсь приводится, представляетъ собою точное воспроизведеніе того, что я слышалъ, не только по своей музыкальной конструкціи, но и по тональности, въ которой, по всей вѣроятности, мы, каріицы, слышали ее въ исполненіи Минакова.

Не трудно было бы гармонизировать эту, въ сущности довольно простую мелодію. Но это для читателей «Былого» не представило

бы интереса, такъ какъ было бы уже лично моимъ творчествомъ позднѣйшаго происхожденія, ничего общаго съ жизнью и настроеніемъ карійцевъ не имѣющимъ. Замѣчу, впрочемъ, что гармоническія сочетанія звуковъ сопровождающаго инструмента для этой пѣсни у меня уже намѣчены; и аккомпаниментъ будетъ мной обработанъ для сборника русскихъ пѣсенъ и романсовъ, изображающихъ душевное состояніе въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ и въ изгнаніи,—если только этотъ сборникъ когда-нибудь мнѣ удастся выпустить въ свѣтъ.

Н. Виташевскій.

25 сентября 1906 г.
„Кресты“.

М. Р. Гоць.

(Памяти дорогого друга).

Я не буду говорить о молодомъ Михаилѣ Рафаиловичѣ Гоць, какимъ онъ былъ въ періодъ ранней юности. Объ этой порѣ его жизни намъ расскажутъ другіе его товарищи. Я познакомился съ Гоцемъ въ то время, когда онъ пріѣхалъ за-границу, послѣ своей долготной ссылки, уже прострѣленный солдатской пулей въ Якутскѣ и похоронившій свою молодость въ Акатуйскомъ острогѣ.

Первый разъ я встрѣтилъ Гоца въ Парижѣ, на засѣданіи той небольшой комиссіи, которой были поручены подготовительныя работы, связанная съ постановкой памятника на могилу Лаврова. Я увидѣлъ вошедшаго среди уже начавшагося засѣданія незамѣтнаго по виду человѣка, небольшого роста, съ очень простыми манерами. Многія выдающіяся и даже блестящія стороны Гоца никогда не бросались сразу въ глаза. Это былъ очень скромный человѣкъ и одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые совершенно не заняты сами собою. Мы встрѣтились съ нимъ, какъ старые товарищи.

Вскорѣ послѣ того онъ привлекъ мое вниманіе на рефератѣ о Михайловскомъ, читавшемся въ Парижѣ однимъ социаль-демократомъ. Гоць вошелъ въ залу въ серединѣ реферата, но попросилъ слова сейчасъ же послѣ его окончанія и сталъ говорить видимо безъ всякой подготовки. Его рѣчь была очень проста и лишена политическихъ рѣзкостей, но онъ указалъ референту на упущенныя имъ стороны въ социологическихъ построеніяхъ Михайловскаго, причемъ ссылался на тексты и цитировалъ на память нѣкоторыя резолюціи нѣмецкой социалистической партіи. Слушатели не могли не обратить серьезнаго вниманія на эту простую рѣчь представителя несоціалдемократической мысли.

Тогда, какъ въ Россіи, такъ и среди эмиграціи, только что еще начинало возстановляться идейное теченіе, прерванное реакціей

послѣ-народовольческаго періода, и Гоцъ былъ однимъ изъ первыхъ теоретиковъ, которые открыто взяли въ свои руки наслѣдственное знамя семидесятыхъ годовъ. Тѣ, кто еще не забылъ этой, столь близкой къ намъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уже столь далеко ушедшей отъ насъ эпохи начала девятисотыхъ годовъ, должны знать, что для такого выступленія требовалось въ то время нѣкоторое идейное мужество, въ которомъ, впрочемъ, у Гоца никогда не было недостатка.

Немедленно же послѣ своего прїѣзда за-границу Гоцъ принялъ самое дѣятельное участіе въ литературной и матеріальной постановкѣ новаго теоретическаго органа «Вѣстника Русской Революціи». Въ области теоретической мысли, всегда игравшей огромную роль въ русскомъ революціонномъ движеніи, всякому новому теченію приходилось пробивать себѣ дорогу среди почти непреступныхъ твердынь социалдемократической ортодоксіи. Необходимо было носить въ своемъ сознаніи вполне законченную, стройную систему міросозерцанія, чтобы противопоставить ее твердо-установившимся идейнымъ навыкамъ огромнаго большинства въ составѣ русскаго общественнаго движенія. Мы всѣ хорошо помнимъ еще, съ какою увѣренностью въ своемъ теоретическомъ превосходствѣ относились тогда признанные властители думъ къ новымъ и странно звучащимъ словамъ людей, «которыхъ всѣхъ можно было посадить на одномъ диванѣ». Но надо было также видѣть, съ какимъ спокойнымъ юморомъ и веселымъ блескомъ въ своихъ умныхъ глазахъ относился Михаилъ Рафаиловичъ Гоцъ къ этому традиціонному идейному высокомерію. Рѣдкая устойчивость мысли и неисчерпаемый запасъ умственной энергіи составляли одинъ изъ его отличительныхъ признаковъ. Я не zapomню, чтобы Гоцъ, хотя-бы на одну минуту, былъ удрученъ зрѣлищемъ великой и, какъ казалось иногда, непобѣдимой армады теоретическихъ противниковъ. Его никогда не покидала въ этой, сначала очень неравной, борьбѣ веселая улыбка и часто очень остроумная шутка. Быстро начавшееся тогда возстановляться и организоваться социальное-революціонное направленіе въ русскомъ общественномъ движеніи, нашло въ немъ одного изъ своихъ наиболѣе стойкихъ и надежныхъ членовъ-основателей.

Скоро его квартира, въ Парижѣ, сдѣлалась сборнымъ пунктомъ, куда заходили не только друзья и единомышленники, но также и люди другого социалистическаго лагеря, заинтересованные его появленіемъ среди эмиграціи. Вѣчно занятый, вѣчно торопившійся, вѣчно озабоченный предпріятіями въ Россіи, съ которою онъ велъ постоянныя сношенія, Гоцъ никогда не хлопоталъ о привлеченіи къ себѣ людей, никогда не старался сдѣлать свой домъ центромъ движенія; это дѣлалось само собою, въ силу присущихъ ему свойствъ, въ силу его огромныхъ и разностороннихъ способностей. Это былъ одинъ изъ тѣхъ революціонныхъ дѣятелей, по отношенію къ которымъ движеніе какъ-бы всецѣло сливается съ ихъ собственнымъ существованіемъ. Черезъ нѣсколько недѣль

послѣ своего прїѣзда, за границу, Гоцъ уже не имѣлъ своей личной жизни; она исчезла совершенно, она была вытѣснена безъ остатка партійными дѣлами и партійными интересами. У него, въ буквальномъ смыслѣ слова, не было ни одной свободной минуты, въ теченіе которой онъ могъ бы подумать о самомъ себѣ, даже о своихъ теоретическихъ работахъ. Только во время прїѣзда его родныхъ, съ которыми его связывали очень тѣсныя отношенія, онъ запералъ квартиру и исчезалъ съ нашего горизонта. Это было неотвратимо: въ этомъ случаѣ онъ уже не принадлежалъ самому себѣ.

Мы всѣ, окружавшіе Гоца, привыкали смотрѣть на него не какъ на извѣстную индивидуальную единицу, со своими особыми чертами и привычками, а какъ на воплощеніе нѣкоторыхъ общихъ индивидуальныхъ свойствъ, связанныхъ съ данной общественной программой и данной общественной дѣятельностью. Въ немъ не замѣчалось, въ сферѣ партійной жизни, никакихъ личныхъ стремленій, никакихъ слабостей, прежде всего уже потому, что въ немъ вообще не замѣчалось никакихъ проявленій собственной личной жизни. Это былъ на рѣдкость умный, широко образованный, живой, отзывчивый, страстный, неумолимо-требовательный въ вопросахъ достоинства и чести—сторонникъ даннаго общественнаго направленія, и ничего больше. Все остальное исчезало въ немъ безслѣдно. Гдѣ-бы вы ни встрѣтили его и сколько бы времени ни провели съ нимъ, вы никогда не могли замѣтить въ немъ ничего, кромѣ одной этой общественной стороны его жизни. Онъ шелъ въ типографію, читалъ корректуры, писалъ или шифровалъ письма, принималъ безконечное число посѣтителей, торопился на какое-нибудь собраніе и т. д.—словомъ все его существованіе было безраздѣльно поглощено тѣми или другими его партійными функціями. Но наиболѣе характерною особенностью въ этомъ образѣ жизни, свойственномъ болѣе или менѣе всѣмъ серьезнымъ общественнымъ дѣятелямъ, была та удивительная черта Гоца, въ силу которой онъ какъ-бы совсѣмъ *не замѣчалъ* этого полнаго отсутствія личныхъ элементовъ въ своей жизни и, внутренно, нимало не протестовалъ противъ этого. Такого рода существованіе соотвѣтствовало его второй натурѣ; оно лежало въ основѣ всего его жизненнаго строя. Съ самой своей ранней молодости онъ приучилъ себя жить исключительно интересами высшаго порядка, интересами общественныхъ идеаловъ, безмѣрными страданіями настоящаго и безмѣрными радостями будущаго общественнаго строя.

Эта незамѣтная, быть можетъ, съ перваго взгляда, но очень важная особенность *внѣ-личнаго* существованія, когда она проявляется въ такихъ исключительныхъ размѣрахъ, въ какихъ она проявлялась у Михаила Гоца, свойственна лишь рѣдкимъ, избраннымъ натурамъ, «дѣлателямъ новой жизни», и она именно составляла основную черту духовнаго облика Михаила Гоца. Ею опредѣлялся весь его жизненный путь, и она именно связывала его духовно съ лучшими русскими людьми, со всѣми лучшими представителями русскаго общественнаго движенія,—съ тѣми, ино-

гда безвѣстными, а иногда прославившимися, великими подвижниками русской земли, которыми красится многотрудная русская общественная жизнь. Одни изъ этихъ людей умирали въ Россіи, другіе умирали за границей, но для всѣхъ для нихъ, при данныхъ условіяхъ жизни русскаго народа, не было проложено ни даже самой узенькой тропинки къ личному счастью; для всѣхъ для нихъ преждевременная могила составляла одну и ту же неминуемую ближайшую пристань. Они были связаны съ многострадальной жизнью русскаго народа не идейной только, но органическою, кровною связью.

То обстоятельство, что Михаилъ Гоць умеръ на далекой чужбинѣ, а не на своей родинѣ,—въ Берлинскомъ хирургическомъ госпиталѣ, а не на Якутской висѣлицѣ, или не на дворѣ старой Шлиссельбургской тюрьмы—составляло лишь совершенно непредвидѣнную случайность; причемъ, по несчастью, эта случайность не только не облегчила для него, но лишь, во много разъ, увеличила безмѣрную тяжесть его жизни.

И при всемъ томъ, это была въ высшей степени жизнерадостная натура, полная энергии и разнообразныхъ силъ. Въ немъ были большіе задатки многосторонняго и счастливаго личнаго существованія; въ немъ были большія способности къ воспріятію художественныхъ красотъ жизни; въ немъ были богатые умственные способности, тянувшія его въ теоретическія сферы, къ спокойнымъ радостямъ идейнаго творчества. Но все это было отброшено имъ въ сторону; все это было подавлено въ немъ громадною волною общественныхъ бѣдствій въ Россіи, и онъ, безъ малѣйшихъ колебаній, отрекся даже отъ самыхъ чистыхъ, отъ самыхъ возвышенныхъ источниковъ личнаго существованія.

Особенно велика была для него та жертва, въ силу которой онъ долженъ былъ махнуть рукою на запросы своего большого теоретическаго ума. Онъ обладалъ выдающимися умственными силами: огромною памятью, способностью критическаго анализа и несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ. Въ тѣхъ его бѣглыхъ журнальныхъ замѣткахъ, для которыхъ онъ, съ большимъ трудомъ, находилъ иногда время, можно видѣть признаки такой широкой начитанности и такого литературнаго блеска и одушевленія, которые свойственны лишь крупнымъ писателямъ. Въ періодъ своей вынужденной бездѣтельности, скитаясь по сибирскимъ тюрьмамъ, а затѣмъ, живя въ ссылкѣ въ Западной Сибири, онъ имѣлъ время много читать и завелъ у себя большую библіотеку; онъ уже сблизился на практикѣ съ теоретическими занятіями, онъ уже конкретно заинтересовался изслѣдованіемъ теоретическихъ вопросовъ и имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ данные для выдающейся литературной дѣятельности. Даже въ періодъ интенсивной партійной жизни онъ не разставался со своей библіотекой, выписывалъ вновь выходящія книги и все еще питалъ надежду, когда-нибудь, вернуться къ прерваннымъ теоретическимъ и литературнымъ работамъ;—хотя, иногда, сознавая всю призрачность этихъ надеждъ,

онъ съ нѣкоторою болью въ душѣ говорилъ, что уже не можетъ слѣдить больше за наукой и превращается въ чистаго практика.

Эта очень тяжелая духовная жертва для такой богато-одаренной натуры, это закланіе своего внутренняго я—составляли, быть можетъ, самое осязательное проявленіе его беззавѣтнаго самоотреченія; онъ зарывалъ въ землю свои лучшіе таланты. Кто знакомъ съ практической стороной революціоннаго движенія, съ повседневными требованіями конспиративной работы, тотъ знаетъ, сколько мелкихъ предосторожностей и какую огромную затрату времени они налагаютъ даже на своихъ главныхъ руководителей. Помимо тѣхъ драматическихъ моментовъ, которые бывають связаны съ ходомъ крупныхъ революціонныхъ предпріятій, цѣлыя недѣли и цѣлые мѣсяцы въ заграничной жизни Гоца уходили на непрерывную, утомительную и часто раздражающую суету все болѣе и болѣе расширявшагося текущаго дѣла. Онъ рѣдко могъ дочитывать въ одинъ приемъ газетныя статьи, не говоря уже о журналахъ и книгахъ; у него на квартирѣ, не умолкая, звенѣлъ звонокъ, и его нервы доходили подчасъ до крайняго напряженія. Но онъ отдалъ всего себя въ распоряженіе данныхъ, неизбѣжныхъ условій и безропотно несъ свою общественную службу,—лишь изрѣдка поглядывая съ грустной улыбкой на заставленные книгами полки своей бібліотеки. «У насъ есть кому писать и безъ меня»—говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ: «пусть пишетъ В., а я буду оберегать его отъ черной работы».

Къ сожалѣнію, Гоць былъ незамѣнимый для партіи человекъ именно въ области чисто-практическихъ функцій. Съ большими теоретическими силами онъ соединялъ въ себѣ рѣдкія дѣловыя способности: большую ясность ума и быстроту соображенія, которыя позволяли ему немедленно же и не колеблясь принимать необходимыя рѣшенія. Его точная, никогда не измѣнявшая ему память и постоянное вниманіе къ подробностямъ, полное отсутствіе разсѣянности и какая-то неисчерпаемая умственная энергія дѣлали его способнымъ слѣдить за всѣми сторонами дѣла, держать въ своихъ рукахъ множество отдѣльныхъ отраслей, переходить въ теченіи цѣлаго дня отъ одного предмета къ другому и никогда не терять головы, никогда даже не терять терпѣнія и своего обычнаго веселаго огонька въ глазахъ.

Имѣя во главѣ того или другаго предпріятія Михаила Гоца, можно было не бояться ни крупныхъ промаховъ, ни мелкихъ упущеній. Десятки лицъ обращались къ нему ежедневно за совѣтами и указаніями и всегда находили опредѣленный отвѣтъ. Это былъ идеальный практикъ. Прекрасно понимая практическую сторону дѣла, онъ никогда не слускался съ высоты принципиальныхъ требованій; тщательно охраняя матеріальные интересы партіи, онъ никогда не руководился денежными разсчетами; очень горячій по темпераменту, вспыхивавшій какъ порохъ при всякомъ волнующемъ событіи, онъ никогда не терялъ здраваго взгляда на вещи. Его роль представителя центральнаго комитета партіи за границей,

какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала всѣмъ этимъ выдающимся его способностямъ.

Но заграничная дѣятельность не могла удовлетворить его. Когда въ 1903 году движеніе въ Россіи стало все болѣе и болѣе расширяться, онъ сталъ готовиться къ отъѣзду туда. Онъ не разъ говорилъ мнѣ, вполне опредѣленно, объ этихъ своихъ намѣреніяхъ, и—не удержи его тяжелая, смертельная болѣзнь—ничто въ мірѣ, никакія соображенія о партійныхъ интересахъ не могли бы заставить его отказаться отъ рѣшенія принять непосредственное участіе въ еще болѣе важныхъ партійныхъ дѣлахъ, въ самомъ центрѣ движенія. Но судьба рѣшила иначе; вмѣсто полного простора революціонной дѣятельности, вмѣсто полного примѣненія его рѣдкихъ активныхъ способностей и его огромной духовной энергіи, она готовила ему, по истинѣ, страдальческой конецъ.

Его болѣзнь развивалась довольно медленно, и первое время обнаруживалась лишь мучительными болями, которыя принимались за ревматическія; только теперь, зная происхожденіе этихъ болей, обусловленныхъ давленіемъ опухоли на центры спинного мозга, можно себѣ представить, до какой степени онѣ были мучительны. Скоро Гоцъ могъ засыпать только съ помощью морфія, но все еще крѣпился и ни въ чемъ не измѣнялъ своей обычной жизни. Такъ какъ онъ не любилъ говорить о своей болѣзни, такъ какъ онъ могъ попрежнему заниматься дѣлами, могъ даже попрежнему шутить и смѣяться, блистая часто своимъ милымъ, незлобивымъ остроуміемъ, то постороннему человѣку трудно было догадаться о его болѣзни. Предполагалось, что онъ сильно простудился въ сырой неаполитанской тюрьмѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ все шло какъ будто по старому. Но вотъ пришло время, когда его непрекращавшіяся мучительныя боли, особенно усилившіяся при дурной погодѣ, сдѣлали для него пребываніе въ Женевѣ совершенно невозможнымъ, и онъ долженъ былъ уѣхать въ болѣе южный климатъ. Затѣмъ настало время, когда появились явные признаки прогрессирующаго паралича: сначала отнялись ноги, потомъ была парализована вся нижняя часть тѣла, потомъ даже руки—и Гоцъ оказался навсегда прикованнымъ къ постели.

Тогда наступилъ послѣдній, страдальческой, и вмѣстѣ съ тѣмъ героической періодъ его жизни, длившійся болѣе двухъ лѣтъ; наступилъ періодъ борьбы его духа съ ужасною смертельною болѣзью. Эта болѣзнь не оставляла его въ покоѣ ни на одинъ день, причемъ, непрерывно мучая его, она въ то же время медленно, но неуклонно отнимала у него, одну за другой, отдѣльныя части его физическаго существованія; а вмѣстѣ съ ними отнимались также, все въ большей и большей степени, источники всей его индивидуальной жизни: терялась даже самая возможность для него сознавать себя живымъ существомъ и сохранять какія-либо надежды на дальнѣйшія личныя перспективы. Все, что касалось личной жизни, умерло тогда для него не только идейно, въ силу его собственнаго рѣшенія, но уже и реально, физически, въ

силу безвозвратнаго разрушенія. Будь у него хоть въ сколько-нибудь значительной степени развита личная сторона жизни, занимай она хоть сколько-нибудь значительное мѣсто во всемъ его предшествовавшемъ двадцатилѣтнемъ существованіи—такая безнадёжная утрата всѣхъ ея органическихъ источниковъ и мотивовъ несомнѣнно должна была бы проявиться полнымъ упадкомъ духовной энергіи, полной потерей интереса къ окружающему. Разъ разрушено самое физическое существованіе человѣка, то конечно вмѣстѣ съ тѣмъ разрушены и всѣ связанные съ этимъ существованіемъ личные интересы—даже самыхъ возвышенныхъ категорій.

Вотъ почему, люди, съ обычной долею въ ихъ психикѣ чисто личныхъ жизненныхъ стимуловъ, такъ рѣзко мѣняютъ свою духовную физиономію при всякой серьезной, а тѣмъ болѣе смертельной болѣзни; вотъ почему эти люди дѣлаются неузнаваемы для своихъ окружающихъ.

Но у Гоца не было этихъ личныхъ стимуловъ жизни; они были давно уже, въ теченіе всего его двадцатилѣтняго революціоннаго служенія, отодвинуты далеко назадъ, въ самый укромный уголокъ его очень дѣятельнаго существованія. Мы всегда имѣли предъ собою чрезвычайно живого, возбужденнаго, даже страстнаго человѣка; вся его повседневная жизнь была проявленіемъ никогда не изсякавшаго запаса внутренней энергіи; по своей подвижности и неутомимости онъ выдавался даже среди своихъ очень дѣятельныхъ и энергичныхъ сотоварищей; но весь этотъ неизсякаемый запасъ энергіи и жизненнаго интереса, вся эта кипучая дѣятельность существовали въ немъ какъ бы помимо его собственной личности, вполне независимо отъ всякихъ личныхъ ея мотивовъ; они существовали въ немъ въ силу другихъ, болѣе общихъ, внѣ-личныхъ стремленій, давно поборовшихъ въ немъ основныя личныя побужденія, давно поставившихъ его на высоту общечеловѣческаго внѣ-личнаго существованія.

И вотъ, когда болѣзнь убила въ немъ физическаго человѣка, эта другая сторона его жизни, не бросавшаяся сразу въ глаза, не всегда даже замѣтная при нормальныхъ условіяхъ, выступила ярко наружу. Въ этомъ полу-умирающемъ, на три четверти физически уничтоженномъ, укороченномъ, изсохшемъ, измученномъ тѣлѣ, мы имѣли предъ собою того же самаго Михаила Гоца, того же самаго борца и дѣятеля, не измѣнившагося ни въ одномъ изъ своихъ основныхъ свойствъ, не потерявшаго ни единой черты своего прежняго духовнаго облика. Это былъ все тотъ же умный, проницательный, горячій, иногда насмѣшливый и негодующій, иногда веселый и шутильвый, представитель русскаго общественнаго движенія.

Въ этомъ отношеніи болѣзнь ничего не измѣнила въ его существованіи. Около его постели или кресла происходили партійныя совѣщанія и обсуждались самыя серьезныя предпріятія; къ нему, попрежнему, ѣхали изъ Россіи делегаты центральнаго комитета и представители отвѣтственныхъ организацій; когда онъ возвращался

въ Женеву, онъ попрежнему руководилъ изданіемъ партійнаго органа;—словомъ, въ тѣ немногіе часы жизни, которые онъ еще могъ отвоевывать у своей болѣзни, онъ оставался прежнимъ Гоцомъ, прежнимъ неизмѣннымъ товарищемъ по дѣлу. Когда онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, укрытый пледомъ, когда вы видѣли его характерную голову съ высокимъ лбомъ и горящими глазами, когда вы слышали его громкій голосъ и слушали его рѣчь, далекую отъ личныхъ тревогъ и печалей, вы легко могли забыть о его болѣзни. Трехлѣтнія мучительныя страданія и все болѣе и болѣе выяснявшаяся перспектива близкой смерти не могли сломить въ немъ его прежняго духа. Ужасная болѣзнь безжалостно уничтожала на вашихъ глазахъ дорогое и любимое живое существо, но она не могла еще отнять дѣятельнаго члена у партіи. Это была удивительная картина торжества духовной энергіи и беззавѣтно-преданнаго сердца надъ разрушительными силами смерти.

Но болѣзнь все болѣе и болѣе развивалась, слабыя надежды на возможность выздоровленія все болѣе и болѣе исчезали, и неминуемый конецъ приближался. Въ началѣ лѣта 1906 года Гоць въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ уже опустѣвшую тогда Женеву, откуда вся прежняя партійная жизнь была перенесена въ Россію. Около его постели собирались теперь лишь рѣдкіе набѣжавшіе гости, а немногимъ остававшимся за границей друзьямъ было еще тяжелѣе смотрѣть на послѣднія потухавшія искры дорогого существованія.

Я часто видѣлся съ Гоцемъ во время его болѣзни, но я никогда не замѣчалъ на его лицѣ выраженія скорби или отчаянія. Обыкновенно онъ встрѣчалъ приходившихъ веселой улыбкой; затѣмъ шли разговоры о чемъ угодно, но только не о немъ самомъ и ни о его положеніи: «Эхъ, оставимъ это; надоѣло!»—такъ чаще всего обрывалъ онъ краткія сообщенія о ходѣ своей болѣзни. Но даже помимо его собственныхъ словъ и жестовъ, въ самомъ выраженіи его лица, въ его голосѣ, въ его глазахъ вы никогда не могли бы подмѣтить признаковъ подтачивающаго его внутренняго упадка духа. Тотъ же живой тонъ, та же вспыхивающая страстность, то же веселое, незлобивое остроуміе. Но вотъ, въ эти послѣднія недѣли его жизни, въ этотъ послѣдній его пріездъ въ Женеву и на его настроеніи уже стала отражаться набѣгающая тѣнь смерти. Изрѣдка, не всегда еще, съ перерывами прежней бодрости и одушевленія, она начинала накладывать свою тяжелую руку на его обычный душевный строй, пересиливать его большую душу, одолѣвать его больное сердце. Такъ-то, однажды, подходя незамѣтно къ тому мѣсту въ саду отеля, гдѣ онъ одинъ лежалъ въ своемъ креслѣ, я уловилъ на его лицѣ выраженіе такой печали и такой глубокой тоски, что первую минуту мнѣ трудно было сдержать свое волненіе...

Да, онъ конечно страдалъ въ эти послѣдніе дни своей жизни. Даже онъ, такъ хорошо защищенный отъ личныхъ страданій, такъ далеко отбросившій отъ себя тревоги личной жизни, не могъ вполне освободиться отъ ощущеній своего собственнаго личнаго не-

счастья; даже онъ долженъ былъ временами испытывать ту, ничѣмъ не скрашиваемую, ничѣмъ неоправдываемую, никому ненужную, чисто личную боль, какой сопровождается всякое чисто-личное горе... Но вѣдь онъ никогда и не рассчитывалъ на полную чашу одной удачѣ и радостей въ своей жизни.

Михаиль Гоць былъ въ очень ранней молодости оторванъ отъ всѣхъ житейскихъ удобствъ и радостей, былъ загнанъ въ необитаемыя мѣста Сибири, подвергся самому беспощадному насилію, разстрѣливался солдатскими пулями, просидѣлъ цѣлые годы въ каторжной тюрьмѣ и наконецъ сдѣлался жертвой мучительной болѣзни;—но развѣ онъ промѣнялъ бы эту свою жизнь на какую угодно сумму личного благополучія? Въ Россіи теперь ежедневно погибаютъ люди, полные силъ и молодости, погибаютъ добровольною смертью. Спрашивается: развѣ могло бы поддерживаться такое положеніе вещей, развѣ Россія могла бы выставить такое неисчерпаемое количество часто безмолвнаго и безвѣстнаго одушевленія, если бы носители его не находили для себя извѣстнаго эквивалента, еслибы они не заключали въ самихъ себѣ, въ своей собственной груди, того источника внутренняго спокойствія и душевнаго равновѣсія, которому должны были бы позавидовать самыя счастливыя маленькіе люди въ своей счастливой маленькой жизни?

Да, конечно, Михаилъ Гоць пережилъ много душевной муки и перенесъ много личныхъ несчастій; и тѣмъ не менѣе это былъ одинъ изъ избранниковъ на землѣ, одинъ изъ ея счастливѣйшихъ сыновъ—ибо онъ носилъ въ своемъ сердцѣ источники самыхъ высокихъ человѣческихъ радостей.

Но мало этого: ему было суждено также подойти очень близко къ источникамъ другихъ еще болѣе объективныхъ и болѣе общихъ радостей, связанныхъ съ результатами общественнаго движенія въ Россіи. Ему было суждено дожить до того момента русской общественной жизни, когда въ ней уже начинали воочію осуществляться далекія мечты, далекія надежды его болѣе раннихъ и менѣе счастливыхъ предшественниковъ. Для тѣхъ людей, которые, подобно Гоцу и въ той же степени, какъ онъ, дѣйствительно отдають всю свою жизнь, всѣ свои лучшія силы на дѣло народнаго освобожденія,—вопросы личного существованія, конечно отступаютъ на второй планъ. Но это великое дѣло народнаго освобожденія, эта великая социальная задача народнаго пробужденія въ Россіи, вначалѣ движенія, являлась неизмѣримо трудной, почти недостижимой. Громадныя политическія и стихійныя препятствія заграждали къ ней всякій доступъ; всѣ первоначальныя героическія усилія, направленныя противъ этихъ препятствій, разбивались вначалѣ какъ бы безслѣдно. Многие такіе же сильные умы и такія же великія сердца пошли на эту борьбу и погибли «безъ трепета и безъ надеждъ впереди». Цѣлыя десятилѣтія проходили безъ замѣтныхъ результатовъ, цѣлыя поколѣнія смѣняли одно другое на одной и той же губительной, истребляющей всѣ молодыя силы Россіи и, повидимому, бесплодной работѣ. Погибали лучшіе люди, умирали самыя избран-

ныя сердца, а народныя массы все еще оставались, повидимому, такими же чуждыми и далекими, такими же неподвижными и недостижимыми... И вотъ, въ это тяжелое мучительное время, гораздо труднѣе было умирать русскимъ лучшимъ людямъ, безъ твердой увѣренности въ успѣхъ, безъ осязаемыхъ результатовъ, передаваемыхъ преемникамъ.

Но теперь, эти тяжелыя времена миновали; результаты великаго общественнаго движенія въ Россіи стали ясно очерчиваться впереди, и русскія народныя, рабочія массы стали наконецъ пробуждаться на нашихъ глазахъ,—и стали пробуждаться въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ сознаниемъ своихъ собственныхъ великихъ массовыхъ народныхъ задачъ, что еще въ очень неотдаленную отъ насъ эпоху трудно было даже мечтать о такихъ огромныхъ успѣхахъ.

Для людей подобныхъ Гоцу, для людей, которые вкладывали въ свои лучшія надежды не въ дѣло завоеванія одной политической конституціи, которые ожидали отъ Россіи, взамѣнъ отданныхъ ей безчисленныхъ жертвъ, непосредственнаго приступа къ осуществленію ближайшихъ трудовыхъ требованій—и только въ этой цѣли находили оправданіе для понесенныхъ невозвратныхъ и неоцннимыхъ потерь,—въ глазахъ такихъ людей эта наступившая полоса великаго массоваго движенія въ Россіи имѣла совсѣмъ особую цѣну. Это была та степень удовлетворенія, та степень внутренняго успокоенія и духовной радости, по сравненію съ которыми даже ужасы переживаемой теперь общественной агоніи теряли свой зловѣщій характеръ. Пусть будетъ брошено еще много дорогихъ жертвъ на неизбѣжную борьбу, пусть будетъ пережито еще много тревогъ и мученій, но вѣдь это уже конецъ, это уже послѣднія кровавыя жертвы, послѣднія невозвратныя потери. Пристань уже видна, развязка неизбѣжна,—и она въ рукахъ у самихъ проснувшихся, сознательныхъ массъ трудового народа. Этого великаго завоеванія русскаго освободительнаго движенія не въ силахъ теперь не только отнять, но даже сколько нибудь серьезно ослабить никакія темныя силы.

Таковы были послѣднія, радостныя впечатлѣнія, которыми озарялась потухавшая личная жизнь Михаила Гоца. Онъ былъ достаточно приготовленъ всѣмъ своимъ прошлымъ, чтобы достойно оцѣнить эти впечатлѣнія, и онъ оцѣнилъ ихъ въ полной мѣрѣ. Съ этими безконечно радостными мыслями, съ этимъ облегченнымъ чувствомъ, послѣ долгихъ лѣтъ мучительной тревоги и мучительныхъ ожиданій, онъ спокойно сошелъ со сцены жизни. Онъ много страдалъ, но онъ не былъ несчастнымъ. Онъ умеръ удовлетвореннымъ во всѣхъ основныхъ запросахъ своей души...

Л. Шишко.

Афанасій Афанасьевичъ Спандони.

(Некрологъ).

Онъ умеръ въ своей любимой Одессѣ, къ которой стремился всей душой, о которой пламенно мечталъ во время своихъ частыхъ невольныхъ и многолѣтнихъ разлукъ съ роднымъ городомъ. Онъ умеръ въ разгарѣ революціи, которой онъ отдалъ всѣ лучшіе годы своей жизни и наступленія которой онъ жаждалъ всѣми помыслами своего покойнаго ума, всей жаждой своей мятежной души. Но онъ не дождался полнаго торжества свободы, однимъ изъ неутомимыхъ борцовъ которой онъ былъ съ юныхъ лѣтъ. Онъ умеръ среди своихъ, окруженный товарищами и друзьями, интересы которыхъ одни были ему понятны и стремленія которыхъ одни были ему дороги. Но его проводили чуждые ему люди и прахъ его почтили своимъ присутствіемъ тѣ, кого онъ больше всего ненавидѣлъ и на борьбу съ которыми онъ отдалъ свое здоровье и жизнь...

Афанасій Афанасьевичъ Спандони умеръ въ 3¹/₂ часа ночи съ 14-го на 15-ое октября с. г. отъ паралича сердца. Ему было всего 52 года и болѣзнь (сердечная жаба), которая свела его безвременно въ могилу, явилась въ результатѣ его многолѣтнихъ скитаній по тюрьмамъ и ссылкамъ, всей его недолгой, но полной лишеній и страданій жизни. Тихо и медленно, невидимо для стороннихъ глазъ, развивалась она въ организмѣ, неуклонно и фатально подтачивая корни и безъ того хрупкаго, неустойчиваго здоровья. Небольшого роста, слабый и тщедушный, Афанасій Афанасьевичъ еще со второй ссылки страдалъ разными болѣзнями, которыя истощали его и безъ того некрѣпкій организмъ. И для товарищей, привыкшихъ его видѣть всегда недомогающимъ, всегда борющимся съ тѣмъ или инымъ недугомъ, ничего новаго не представлялось въ болѣзненныхъ проявленіяхъ послѣдняго времени. Но для врачей онъ съ перваго раза казался удивительными и мало понятными. Одинъ изъ профессоровъ, при первомъ осмотрѣ его, былъ пораженъ старческимъ перерожденіемъ тканей, когда узналъ, что больному всего 52 года и все прошлое его было такъ далеко

отъ всякихъ излишествъ жизни и отъ злоупотребленій ея благами. И только, когда *curriculum vitae* пациента сталъ ему извѣстенъ, яснѣ опредѣлился для него и самый генезисъ болѣзни...

Да, это было въ своемъ родѣ богатое прошлое! Перенести *четыре* ссылки подрядъ одну за другой и, въ томъ числѣ, 8 лѣтъ Карійской и Акатуевской каторжной жизни и почти столько же поселенія въ Сибири,—для этого нужно было имѣть покрѣпче и посылнѣе организмъ, чѣмъ тотъ, какимъ обладалъ покойный Афанасій Афанасьевичъ. Нужно было обладать безъ особаго ущерба тѣ лишенія физическаго и моральнаго характера, съ которыми сопряжены неизбѣжно шествія и переходы по сибирскимъ этапамъ, многіе годы жизни въ одиночкахъ или въ тѣсныхъ, переполненныхъ людьми тюрьмахъ, а также многолѣтнее томленіе въ каторжной вольной командѣ или въ глухихъ безжизненныхъ городишкахъ сибирской ссылки. Достаточно тутъ принять во вниманіе только чисто матеріальную сторону этихъ невзгодъ, чтобы легко представить себѣ, какъ могли отразиться на здоровьѣ слабаго чловѣка почти *тридцать* лѣтъ заточенія и ссылки, слѣдовавшихъ непрерывно одна за другой. Отсутствіе какого-либо комфорта и культурныхъ удобствъ, нужда въ самомъ необходимомъ и обязательное постоянное недоѣданіе, вотъ первыя, такъ сказать, примитивныя условія этого тяжелаго существованія. Другихъ сторонъ его можно пока и не касаться...

Революціонная дѣятельность А. А. Спандони началась въ ранней его молодости. Ему было лѣтъ двадцать, когда онъ впервые принялъ участіе въ революціонныхъ кружкахъ Одессы. Будучи вольнослушателемъ одесскаго университета, онъ уже активно и вплотную примкнулъ къ тѣмъ кружкамъ революціонной молодежи, которые группировались вокругъ Ковальскаго и его сотрудниковъ. Послѣ суда надъ Ковальскимъ и извѣстной демонстраціи на Гулевой площади въ 1878 году, онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Устюгъ Вятской губ., гдѣ онъ прожилъ въ тѣсной и небольшой компаніи ссыльныхъ недолго, такъ какъ вскорѣ былъ возвращенъ въ Одессу. Но и свободой ему пришлось насладиться недолго. Въ Одессу онъ попалъ въ моментъ большого революціоннаго оживленія, когда южная организация «Земли и Воли», нетерпѣливая и активная, приняла уже ярко террористическую окраску и ознаменовала свою дѣятельность рядомъ громкихъ фактовъ. Къ этимъ кружкамъ примкнулъ немедленно, по своемъ возвращеніи изъ ссылки, молодой и полный бодрости Афанасій Афанасьевичъ. Въ это же время свирѣпствовалъ знаменитый Панютинъ, правая рука и вдохновитель тогдашняго генераль-губернатора Тотлебена. Спандони былъ привлеченъ къ большому политическому дѣлу, разбиравшемуся въ Одессѣ въ 1879 г. въ военно-окружномъ судѣ и закончившемуся казнью Чубарова, Лизогуба и др. Въ іюлѣ 1879 г. онъ уже былъ въ Мценскѣ, въ центральной тюрьмѣ пересыльной тюрьмы того времени, откуда съ большой партіей такихъ же, какъ и онъ,

административно ссыльныхъ, большею частью одесситовъ, онъ отправленъ былъ въ Восточную Сибирь. Осенью того же года, онъ прибылъ на мѣсто назначенія—въ городъ Верхоленскъ, гдѣ и пробылъ почти два года. Это было первое изъ серьезныхъ испытаній, выпавшихъ на его короткій многострадальный вѣкъ. Въ этомъ маленькомъ, глухомъ и заброшенномъ городишкѣ, похожемъ скорѣе

Афанасій Афанасьевич
СПАНДОНИ.

на большую сибирскую деревню, онъ томился и изнывалъ ужасно, непрерывно жалуясь въ своихъ письмахъ на пустоту и скуку тамошней жизни, на недостатокъ дѣятельности и работы, на отсутствіе какихъ-либо высшихъ интересовъ. Но онъ былъ еще молодъ и полонъ жажды знанія, и поэтому годы этой второй ссылки ему пригодились въ смыслѣ серьезной научной подготовки и приобрь

тенія нужной для дальнѣйшей революціонной дѣятельности начинности.

Въ 1881 году, во время «диктатуры» Лорисъ-Меликова, Афанасій Афанасьевичъ вернулся въ Одессу. Немного времени ему нужно было, чтобы познакомиться съ новѣйшимъ революціоннымъ движеніемъ. Онъ всецѣло присоединился къ партіи «Народной Воли» и оказался вполнѣ ко времени и къ мѣсту послѣ страшныхъ потерь, которыя понесла партія въ продолженіи года, слѣдовавшаго за 1 марта. Въ началѣ лѣта 1882 г. мы застаемъ его въ Кіевѣ въ качествѣ представителя (или, какъ тогда говорилось, агента) Исполнительнаго Комитета Народной Воли. Къ этому времени относится краткая характеристика покойнаго, которую мы находимъ въ книжкѣ Туна «Исторія революціоннаго движенія въ Россіи», съ примѣчаніями Л. Э. Шишко. Она принадлежитъ товарищу его по революціонной дѣятельности въ Кіевѣ, г. Баху. «Къ этому же времени,—пишетъ авторъ этихъ воспоминаній,—относится и мое знакомство со Спандони, который тогда только что вернулся изъ ссылки и считался всѣми за очень способнаго революціонера. Дѣйствительно, у него было много выдержанности, конспиративности и умѣнія отлично опредѣлять людей»... Понятно, что эти качества и другія выдающіяся его способности, какъ человѣка и революціонера, дали ему быстрый ходъ по іерархической лѣстницѣ тогдашней централистической организаціи. Къ концу этого года онъ является однимъ изъ ближайшихъ и самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Вѣры Николаевны Фигнеръ. Въ качествѣ члена Исполнительнаго Комитета онъ устраиваетъ въ Одессѣ большую партійную типографію. Но въ декабрѣ того же года онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Дегаевымъ, Суровцевымъ и Маріей Калужной по дѣлу этой же открытой полиціей типографіи. Съ этого момента начинается длинный мартирологъ его скитаній по тюрьмамъ и этапамъ. Мы не будемъ останавливаться тутъ на предательствѣ Дегаева, которое упекло и его въ каторгу, ни на самомъ процессѣ, въ которомъ онъ участвовалъ вмѣстѣ съ другими жертвами пресловутой Дегаевщины. Объ этомъ лучше всего прочесть превосходныя воспоминанія самого покойнаго Афанасія Афанасьевича, напечатанныя въ майской книжкѣ «Былого». Судился онъ въ 1884 году вмѣстѣ съ Вѣрой Николаевной Фигнеръ, М. Ю. Ашенбреннеромъ и казненными по этому же процессу Рогачевымъ и Штротенбергомъ. Изъ присужденныхъ къ каторгѣ по этому дѣлу только онъ и Чуйко избавились отъ страшной участи быть замурованными въ темныхъ склепахъ Шлиссельбургской крѣпости. Какъ больные и сравнительно краткосрочные, они въ видѣ льготы и снисхожденія были отправлены на Кару. Почти цѣлый годъ шествовали они по этапамъ до новаго мѣста назначенія. Замученный почти трехгодичнымъ сидѣніемъ въ одиночкахъ и «на каторжномъ положеніи» въ Петропавловской крѣпости, Афанасій Афанасьевичъ нѣсколько оправился только въ дорогѣ. Все же временами онъ чувствовалъ себя плохо и въ одномъ изъ писемъ къ близкому человѣку онъ жаловался на

плохое здоровье, при чемъ признавался, что страшно хочется жить и отнюдь умирать не собирается. «Какъ хочется въ Россію!»—восклицаетъ онъ,—до сумасшествія хочется! Дай срокъ, вернемся еще въ Россію и будемъ дѣла ломать и еще въ третій разъ въ Сибирь поидемъ... Ну, а чѣмъ чортъ не шутить, можетъ быть еще до революціи проскриплю»... Эти прорицательныя и почти буквально сбывшіяся слова онъ писалъ въ декабрѣ 1885 г. съ дороги, изъ Забайкальской области. Въ маѣ 1886 года онъ прибылъ на Кару.

Онъ пришелъ къ намъ въ самую глухую пору русской дѣйствительности. Это было начало общественнаго упадка, разгаръ «смуты умовъ» и тѣхъ горестныхъ измѣнъ и отступленій, которыми ознаменовалась эпоха реакціи и разочарованія 80-хъ годовъ. Это было время послѣднихъ усилій Народной Воли, послѣднихъ напряженій разгромленныхъ и разсѣянныхъ революціонныхъ силъ въ тяжелой и неравной борьбѣ съ потрясеннымъ уже самодержавіемъ, но вновь окрѣпшимъ и поднявшимся, чтобы нанести революціи свой послѣдній, но чувствительный ударъ. И тѣ жертвы этой борьбы, которыя попадали къ намъ, не могли не приносить съ собою отпечатка утомленія и ослабленія, слѣдствъ унынія или разочарованія. Такъ же и наша карійская политическая тюрьма, хотя и заброшенная въ лѣсныя дебри и ущелья Забайкальскихъ горъ, не могла все же не отражать—даже весьма точно и достаточно—своевременно всѣхъ новѣйшихъ теченій умственнаго и политическаго настроенія въ Россіи. Отразились на ней и всѣ отрицательныя явленія этой эпохи смуты и упадка. Но прибывшій къ намъ новичекъ, этотъ маленькій, хрупкій и болѣзненный каторжанинъ, стоялъ выше своего времени, стоялъ выше всѣхъ текущихъ настроеній и теченій. Этотъ плѣненный маленькій воинъ изъ большой разбитой арміи далеко не былъ разочарованъ, ни подвергнутъ унынію или какому бы то ни было раскаянію. Онъ не привезъ съ собою ни тѣни сожалѣнія о пройденномъ пути, ни капли отрицанія по адресу того дѣла, за которое онъ и его товарищи боролись до послѣдней своей крайности. Онъ высоко держалъ знамя Народной Воли и никогда ни на одну минуту не выпускалъ его изъ своихъ слабыхъ рукъ, доказывая всѣмъ горячо и пламенно его правоту, его неминуемое торжество, хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ. Онъ сразу внесъ оживленіе въ наше притихшее и нѣскольکو приунывшее общество. Во многихъ онъ поднялъ упавшую бодрость и приникшія надежды, другимъ онъ далъ матеріалъ для новыхъ размышленій, а въ общемъ онъ обновилъ и обострилъ живой обмѣнъ мнѣній, поддержалъ нашъ интересъ къ жизни, къ грядущимъ событіямъ. Всегда отзывчивый и горячій спорщикъ, никогда не пропускавшій безъ возраженія ни одного слова, задѣвающаго интимную сторону его міросозерцанія, всегда готовый на словесный бой до хрипоты и изнеможенія, онъ служилъ у насъ мишенью теоретическихъ и принципіальныхъ нападокъ, но и самъ же первый всегда бросался въ битву, вызывая на бой противника и не спуская ему ни въ чемъ, разъ это касалось его святая святыхъ, самыхъ доро-

гихъ для него идеаловъ и упованій. А эти послѣднія лежали въ его непоколебимой вѣрѣ въ торжество революціоннаго дѣла, въ его глубокомъ убѣжденіи въ правотѣ той революціонной программы и тѣхъ революціонныхъ задачъ, которая ставила тогда партія Народной Воли. Въ этой беззаветной защитѣ теоретическихъ обоснованій партійной программы, вплоть до излюбленныхъ имъ ссылокъ на Лаврова и Михайловскаго, такъ и въ его яростныхъ нападкахъ на другія направленія, онъ былъ неутомимъ и неисчерпаемъ. Отсюда его непрестанные и горячіе споры, кончавшіеся иногда конфликтами. Но проходили минуты увлеченія и горячности и онъ не помнилъ зла и раздраженія и опять готовъ былъ вступить съ тѣми же противниками въ новый словесный бой. Особенно же не давали ему покоя новыя, хотя и слабыя еще тогда, теченія марксизма, которыя едва пробивались въ нашей народнической средѣ. Они раздражали и волновали его ужасно, и онъ направлялъ на нихъ всю силу своего полемическаго задора, весь запасъ своего отрицательнаго къ нимъ отношенія. Впослѣдствіи, на поселеніи и «на волѣ», въ Россіи, онъ истрачивалъ на полемику съ ними свои послѣднія физическія силы. И часто, хватаясь за грудь, задыхаясь, изнемогая отъ сердечнаго припадка, онъ горячился и кричалъ, стараясь убѣдить своего неуступчиваго противника. Еще больше волновали его и сердили разныя проявленія реакціи, вѣянія упадка и «непротивленія злу» въ 80-хъ годахъ, пропаганда чистого экономизма въ 90-хъ и, наконецъ, хулиганство и черносотенство послѣдняго времени. Приводимъ лишь первые попавшіеся на память примѣры. Можно сказать безъ преувеличенія, что эти «болѣзни своего времени» превращались въ болѣзнь его тѣла, разбивали его слабое сердце, разлагали и безъ того истощенныя его ткани...

Въ сентябрѣ 1890 года, когда наша политическая каторжная тюрьма на Карѣ была упразднена, а всѣ наши товарищи, окончившіе сроки «испытанія» и «исправленія», были выпущены въ вольныя команды, Афанасій Афанасьевичъ былъ отправленъ въ Акатуй вмѣстѣ съ остальными 12 карійцами, еще не кончившими упомянутаго срока. Къ счастью, не долго пришлось ему прозябать въ царствѣ «шестиглазаго», въ тяжелой атмосферѣ уголовной каторги. Въ слѣдующемъ (1891) году онъ вернулся къ своимъ товарищамъ и водворился въ вольной командѣ на Карѣ. Онъ опять очутился въ своей родной стихіи, и объ этихъ годахъ изгнанія онъ вспоминаетъ всегда охотнѣе, чѣмъ о другихъ. Въ вольной командѣ на Карѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ и на поселеніе вышелъ, кажется, въ 1894 г. (быть можетъ, въ началѣ 1895 г.). Онъ былъ поселенъ въ г. Селенгинскѣ Забайкальской области. Это очень глухой и заброшенный въ глубь тайги городишка, почти на самой границѣ съ Китаемъ. Жилось въ немъ гораздо хуже, чѣмъ 15 лѣтъ тому назадъ въ Верхоленскѣ, и не только потому, что въ немъ совсѣмъ не было ссыльныхъ и, стало быть, не съ кѣмъ было душу отвести одинокому заброшенному интеллигенту, но и, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что отстоялъ онъ далеко отъ Москов-

скаго тракта,—этой питательной артеріи Сибири, снабжавшей ее умственной и всякой духовной пищей. Почта доходила туда чуть-ли не разъ въ мѣсяцъ, а въ распутицу прекращалось всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ. Оглядѣвшись кругомъ и увидѣвъ, въ какую берлогу онъ попалъ, Афанасій Афанасьевичъ сталъ энергично изыскивать всякіе пути и способы, чтобы скорѣе выбраться оттуда. Въ концѣ концовъ это ему удалось и въ 1896 году онъ уже жилъ въ г. Верхнеудинскѣ Забайкальской области, между Читой и Иркутскомъ. Лѣтомъ этого года, проѣздомъ изъ Забайкалья въ Иркутскъ, я навѣстилъ Верхнеудинскаго отшельника. Его жизнь, дѣйствительно, похожа была на отшельническую, потому что и въ этомъ городѣ не было ссыльныхъ, а Афанасій Афанасьевичъ любилъ только общество своихъ, людей близкихъ ему по духу и по общимъ интересамъ и терпѣть не могъ общенія съ обывателями, со всѣмъ ихъ скучнымъ и будничнымъ обывательскимъ обиходомъ. Поэтому, хотя онъ чувствовалъ себя довольно здоровымъ и бодрымъ и настроеніе у него было сравнительно уравновѣшенное и благодушное, но все же онъ жаловался на скуку и пустоту тамошней жизни, въ особенности на недостатокъ общества, подъ чѣмъ нужно было разумѣть, главнымъ образомъ, невозможность отвести душу въ спорахъ, обмѣняться съ равными себѣ мыслями и впечатлѣніями по текущимъ вопросамъ и злобамъ дня. Все же настоящее свое житіе онъ ставилъ несравненно выше Селенгинскаго и прежде всего потому, что жилъ при большой дорогѣ и могъ видѣться съ проѣзжающими товарищами, имѣть своевременно почту, письма, газеты и журналы. Да и заработокъ легче было здѣсь достать въ видѣ уроковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, вмѣстѣ съ строящейся желѣзной дорогой ему удалось продвинуться къ самой Читѣ. Здѣсь онъ провелъ послѣдніе годы своего поселенія, въ тѣсной средѣ своихъ старыхъ друзей и товарищей, среди тѣхъ самыхъ людей, большинство которыхъ еще не такъ давно составляло, такъ называемую, вольную команду на Карѣ. Отсюда же онъ и выѣхалъ въ Европейскую Россію.

Афанасій Афанасьевичъ вернулся на родину въ 1902 году, но пріѣхать и жить въ Одессѣ ему не разрѣшили. Онъ долженъ былъ поселиться въ ближайшемъ изъ большихъ городовъ, въ Кишиневѣ, и тотчасъ же началъ мечтать о переѣздѣ въ Одессу. Какъ и всегда, онъ именно мечталъ только объ улучшеніи своего положенія, волновался и много говорилъ по этому поводу, но практическихъ мѣръ не принималъ для его измѣненія, потому что не умѣлъ, да и не привыкъ онъ самъ о себѣ заботиться: какъ устроится, такъ и будетъ, авось, устроится къ лучшему. Но благодаря его столь очевидной болѣзненности и явной нуждѣ въ леченіи, не такъ то трудно было устроить ему этотъ вожелѣнный переѣздъ и добиться, хотя бы временнаго, разрѣшенія жить въ Одессѣ. Впослѣдствіи оно могло бы быть продлено. Такъ оно и было: жилъ онъ и поживалъ въ своемъ любимомъ городѣ отъ одного до другого разрѣшенія, купаясь въ родной стихіи уличнаго шума, наслаждаясь движеніемъ

большого суетливого города. Но вскорѣ дала себя знать и почувствовать и обратная сторона этой шумной многолюдной жизни, глухой къ чужимъ страданіямъ и чуждой всему, что выходитъ за предѣлы ея промышленныхъ и коммерческихъ интересовъ. Вернувшись въ этотъ полумилліонный Вавилонъ, послѣ двадцати пяти съ лишнимъ лѣтъ скитанія, онъ не нашель въ немъ ни пріюта, ни привѣта, и на старости лѣтъ долженъ былъ искать грошеваго заработка. Выбирать не приходилось, и онъ взялъ первое, что ему попало—мѣсто за 30 руб. въ мѣсяцъ въ одной страховой конторѣ. Онъ жилъ тогда недалеко отъ меня, и я видѣлъ, какъ онъ по утрамъ спѣшилъ мимо моихъ оконъ на службу. Мучительно больно и обидно было видѣть, какъ этотъ больной, изможденный старикъ,—состарили его не годы,—долженъ былъ отучаться отъ своихъ привычекъ, напимѣръ, отъ настоятельной потребности спать до поздняго часа, вызванной его безпрестанной бессонницей, или отъ привычки ѣсть въ опредѣленные часы, отдыхать послѣ ѣды, выработанной постояннымъ его болѣзненнымъ состояніемъ. И все это отбросивъ въ сторону, онъ вынужденъ былъ, ради жалкаго заработка, не обезпечиваваго его существованія,—долженъ былъ тянуться за другими молодыми и полными силъ служащими, сидѣть съ ними наравнѣ съ ранняго утра до 4-хъ часовъ дня, гнуть свою больную спину надъ чуждыми ему и непонятными выкладками чужихъ дивидендовъ. Больно и обидно было за этого стараго заслуженнаго воина, за ветерана революціи, обреченнаго на мелкую борьбу за существованіе. Обидно было и за всѣхъ тѣхъ, которые могли и не хотѣли придти ему на помощь, которые могли и не хотѣли поддержать этого уходящаго отъ насъ страдальца...

Конечно, друзья и товарищи покойнаго сдѣлали все, что могли, чтобы скрасить и облегчить его одинокую и невеселую жизнь. Они всячески старались быть полезными ему въ матеріальномъ отношеніи. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ приходилось считаться съ его подозрительностью и мнительностью, съ его крайней щепетильностью въ денежныхъ дѣлахъ и во всемъ, что касалось товарищеской помощи, которую онъ всегда цѣнилъ очень высоко, но принимать которую онъ считалъ для себя преждевременнымъ и зазорнымъ. И сколько хитрости и всякихъ дипломатическихъ подходовъ требовалось для того, чтобы оказать ему маленькую услугу въ самыя трудныя минуты его нужды и лишеній. Когда же въ этихъ крайнихъ случаяхъ помощь извнѣ къ нему приходила, наконецъ, онъ всегда долго волновался по этому поводу, сердился и брюзжалъ, обвиняя ближайшихъ къ нему въ томъ, что они «здѣсь руку приложили»...

Особенно же онъ цѣнилъ моральную и духовную поддержку товарищей. Я уже сказалъ, что общеніе съ тѣми, которыхъ онъ считалъ «своими», было для него той родной и натуральной стихіей, безъ которой онъ жить не могъ. Оно было ему также необходимо, какъ теплый воздухъ юга, какъ волнующій шумъ одесскихъ улицъ, какъ поднимающій прибой обновляющейся жизни. Само

по себѣ, оно одно уже составляло огромную нравственную поддержку для одинокаго и столь общительнаго человѣка, какимъ былъ Афанасій Афанасьевичъ. Но особенно цѣнили онъ общество старыхъ товарищей и друзей. Оно было ему дорого и по тѣмъ воспоминаніямъ, которыя связывались съ ихъ знакомствомъ и съ общими переживаніями. Можно сказать, что душу свою онъ отводилъ только въ обществѣ этихъ старыхъ и близкихъ ему людей. Съ тѣми же изъ нихъ, которые были отъ него далеко, онъ поддерживалъ постоянную переписку. И по тому маленькому наслѣдію, которое осталось послѣ него и которое все состоитъ изъ обширной коллекціи фотографическихъ карточекъ и объемистой груды писемъ, можно судить о томъ, какъ культивировалъ онъ и лелѣялъ свои интимныя отношенія къ друзьямъ. Все оно обнаруживаетъ его крайнюю и безпокойную заботливость о сохраненіи каждой вещи, о бережномъ и ревнивомъ отношеніи къ каждому листочку, къ каждой мелочи. Память о немъ его старыхъ друзей и товарищей и всякій знакъ вниманія къ нему съ ихъ стороны въ послѣднее время очень трогали чуткаго и болѣзненно настроеннаго Афанасія Афанасьевича. И особенно дорога была ему старая нѣжная дружба къ нему со стороны Вѣры Николаевны Фигнеръ. Дружба эта была большой поддержкой для него въ самые послѣдніе годы. Расположеніе къ нему Вѣры Николаевны было для него выше всего на свѣтѣ и всякій знакъ, каждое выраженіе этой симпатіи прибавляли ему здоровья, бодрости и настроенія. Полученіе отъ нея письма или фотографической карточки было для него цѣлымъ ликованіемъ, большимъ и шумнымъ праздникомъ. Съ этой получкой онъ обѣгалъ своихъ друзей, дѣлился съ ними радостью подарка, сообщалъ наиболѣе поразившія или тронувшія его фразы и слова изъ писемъ. Однимъ изъ яркихъ мечтаній его послѣднихъ лѣтъ было свидѣться съ далекимъ любимымъ другомъ, со всѣми своими старыми товарищами...

Такъ или иначе, но кое-какъ онъ устроился въ своей любимой Одессѣ и былъ доволенъ, что его, по крайней мѣрѣ, не трогаютъ, и что, зарабатывая свои 30 руб. въ мѣсяцъ, онъ можетъ «безбѣдно» и, по его мнѣнію, даже съ комфортомъ поддерживать свое существованіе. Но не очень долго пришлось ему наслаждаться этимъ относительнымъ покоемъ. Не обошлось и на этотъ разъ безъ вмѣшательства и вторженія въ его жизнь привычной для покойнаго административной опеки. Въ іюлѣ 1905 г., послѣ извѣстныхъ «Потемкинскихъ дней» въ Одессѣ, по распоряженію генераль-губернатора Карангозова, онъ былъ высланъ въ Вологду на 3 года. И это безъ всякой съ его стороны вины, лишь по подозрѣнію, что такой старый, всѣмъ извѣстный революціонеръ, какимъ былъ Афанасій Афанасьевичъ Спандони, не могъ однимъ своимъ присутствіемъ въ Одессѣ не вліять на ходъ событій въ ней, не могъ не быть «зачинщикомъ» проявившагося революціоннаго движенія. Пришлось ему и еще разъ расплачиваться за свои старые грѣхи. Пришлось поплатиться за старую, всѣмъ извѣстную репутацію. Словомъ, пришлось

ему отбывать и *четвертую* ссылку. Къ счастью, она окончилась раньше срока. Послѣ амнистіи, сопровождавшей нашу «конституцію», онъ вернулся въ Одессу, чтобы уже больше не покидать ее никогда...

Вологодская ссылка окончательно подорвала ослабѣвшія силы Афанасія Афанасьевича. Ко всѣмъ прочимъ недугамъ онъ присоединилъ еще въ Вологдѣ схваченный тамъ ревматизмъ. Вернулся онъ совсѣмъ больнымъ и разбитымъ. Всѣ его прежнія болѣзни отодвинулись на задній планъ, и онъ сталъ жаловаться на боль и стѣсненіе въ груди. Врачи безъ затрудненія констатировали у него сердечную жабу и предсказали возможность скорого печального конца. Весной этого года онъ пролежалъ нѣкоторое время въ клиникѣ, а часть лѣта прожилъ на дачѣ. Но его тянуло въ городъ: онъ не могъ жить безъ шума и сутолоки городского движенія, онъ не могъ жить одной растительной жизнью, посвящая всего себя уходу за собой. Оторванный отъ жизни, онъ буквально задыхался безъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыми такъ богатъ каждый наступающій день. Онъ жаждалъ все знать и видѣть и боялся упустить малѣйшую черточку, какую либо каплю изъ обильнаго дождя событий и фактовъ, которые сыпались каждый день, каждый часъ. Онъ хотѣлъ видѣть и слышать все, наблюдать все непосредственно, воочию, такъ сказать, ощупывая явленія собственными руками, измѣряя ихъ собственными глазами. И эта жажда жизни поглощала у него въ послѣднее время даже его любовь къ природѣ, его страсть къ общенію съ внѣшнимъ міромъ, полнымъ красоты и гармоніи. Его тянуло на улицу, въ шумъ и движеніе, въ непосредственную близость съ людьми простой и обыденной жизни. И ему казалось, что среди этой сутолоки жизни, въ этой жаркой, накаленной атмосферѣ городского лѣта онъ чувствуетъ себя гораздо лучше и здоровѣе. Быть можетъ, это былъ самообманъ, сладкая, убаюкивающая иллюзія, быть можетъ, сердце его не выдержало усиленной работы крови и оно перестало биться, какъ только наступили осенніе туманы и холодъ, сжавшіе и безъ того суженные сосуды...

Вспоминая эти послѣдніе дни, можно сказать только одно съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ: замученному человѣку не пришлось еще мучиться думою о завтрашнемъ днѣ. Больному и изстрадавшемуся борцу не пришлось бороться болѣе за обезпеченіе своего существованія. Старые друзья и товарищи приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы избавить его отъ необходимости тратить послѣднія силы на грошевой заработокъ, а тутъ подоспѣла и небольшая ежемѣсячная пенсія, устроенная ему его товарищемъ — акатуевцемъ, извѣстнымъ писателемъ. Кромѣ того, они всячески старались уговорить его приняться за леченіе или, по крайней мѣрѣ, переѣхать въ болѣе теплыя мѣста. Но онъ самъ отклонялъ всѣ эти планы и, если говорилъ о переѣздѣ куда нибудь, то всегда въ такомъ тонѣ, по которому легко было понять, что все это одни только разговоры, и что съ Одессой добровольно онъ никогда не разстанется. Въ самыхъ же откровенныхъ своихъ разговорахъ, а именно, въ бесѣдахъ съ однимъ лицомъ, которому покойный оставилъ свои

предсмертныя распоряженія, онъ всегда настаивалъ на безнадежности своего недуга, на близости конца и напрасныхъ стараніяхъ предотвратить неизбѣжное. И говорилъ онъ обо всемъ этомъ съ необыкновеннымъ спокойствіемъ и мужествомъ...

До послѣдней же минуты Афанасій Афанасьевичъ оставался самимъ собой, тѣмъ самымъ живымъ, чуткимъ и отзывчивымъ, общительнымъ и общественнымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ всегда. Еще наканунѣ своей смерти онъ былъ въ театрѣ. А за нѣсколько дней до этого онъ велъ горячій и увлекательный споръ съ однимъ своимъ политическимъ противникомъ, яростный и подный огня споръ, живо напоминавшій мнѣ его споры, его безконечные споры въ камерахъ нашей Карійской тюрьмы... Нужно тутъ-же прибавить, что, по возвращеніи своемъ изъ Сибири, Афанасій Афанасьевичъ не принималъ активнаго участія въ современной революціонной борьбѣ. Но ея ходъ и движеніе, ея успѣхи и пораженія, ея судьбы въ будущемъ и всѣ ея перипетіи въ настоящемъ интересовали его всецѣло и всегда. Его симпатіи были выражены опредѣленно и ярко и направлялись по адресу той изъ борющихся партій, которая являлась непосредственной преемницей завѣтовъ и стремленій Народной Воли, которая продолжала борьбу ея за свободу народа, за дѣло всѣхъ трудящихся. И въ этомъ напряженномъ его вниманіи къ успѣхамъ новѣйшихъ народовольцевъ, въ этой его горячей и беззавѣтной симпатіи къ завоеваніямъ революціи лежала одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ покойнаго борца и страдальца за свободу русскаго народа. Афанасій Афанасьевичъ, больной и бездѣятельный, оставался все же до послѣдняго своего дня прежнимъ революціонеромъ, старымъ народовольцемъ. На жизнь и ея перемѣны онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія этого своего народовольства. Онъ любилъ свой народъ, и освобожденіе его отъ политическаго рабства было его первой, самой пламенной мечтой. Поэтому не мало радости и лучезарнаго свѣта влилось въ утомленную душу этого стараго народолюбца, когда онъ воочію увидѣлъ, что это освобожденіе уже началось и что завѣтъ дорогой ему «Народной Воли»: *Carthago delenda est* уже началъ осуществляться въ жизни. Воистину, стали сбываться его мечты изъ письма 1879 года о томъ, чтобы дожить, «проскрипѣть» до революціи. Онъ дожилъ до нея, старый боецъ, одинъ изъ орловъ великой освободительной рати. Но онъ ушелъ слишкомъ рано, горячій и нетерпѣливый застрѣльщикъ великаго авангарда русской революціонной арміи. Ему не довелось видѣть полную и прочную побѣду свободы, окончательное торжество двуединной русской правды,—правды—истины и правды—справедливости, которую возвѣстилъ любимый имъ публицистъ, а проводили въ жизнь, любимые друзья—единомышленники...

Н. Генкеръ.

Къ біографіи А. А. Бестужева-Марлинскаго.

I.

Въ только-что вышедшемъ прекрасномъ трудѣ Н. А. Котляревскаго о двухъ декабристахъ-поэтахъ достаточно подробно разсказанъ эпизодъ изъ Дербентской жизни Бестужева, причинившій ему такъ много неприятностей: это—смерть дѣвицы Ольги Нестерцовой отъ нечаяннаго пистолетнаго выстрѣла въ квартирѣ Бестужева. Кромѣ указанія на любопытную статью г. Козубскаго, дополняющую разсказъ г. Котляревскаго („Русск. Арх.“ 1905 г., № 11, стр. 458—470) и оставшуюся, кажется, ему неизвѣстною, могу привести еще одно письмо Бестужева къ нѣкому, неизвѣстному мнѣ по фамилии, офицеру Куринскаго полка Іосифу Ивановичу, касающееся того-же печальнаго случая съ Нестерцовой и лишній разъ доказывающее невинность въ немъ Бестужева. Приписка на письмѣ принадлежитъ штабсъ-капитану Ивану Петровичу Жукову, „доброму малому и очень неглупому“, по выраженію Бестужева („Русск. Вѣстн.“ 1861 г. т. XXXII, стр. 444, 445), который жилъ съ нимъ въ Дербентѣ въ одномъ домѣ.

„Если-бъ вы знали любезнѣйшій Іосифъ Ивановичъ всѣ хлопоты и бѣды павшія на меня въ послѣдній мѣсяць, вы бы не обвиняли меня ни въ забывчивости къ друзьямъ, ни въ лѣности.

Во-первыхъ по случаю изданія моихъ повѣстей вышла ссора съ сестрою моею и издателемъ, и она взяла на себя продажу, ибо въ самомъ дѣлѣ начало оной было весьма невыгодно. Печать и бумага стоили вдвое нежели я полагаю, нежели должно. Потомъ сбавили цѣны—такъ что я не получу и половины того, что мнѣ обѣщали. Надо было расчитываться—и дѣлать новыя порученія, однимъ словомъ хлопотъ куча.

Потомъ на квартирѣ у меня случилось важное несчастіе. Ко мнѣ ходила дѣвушка Ольга—она рѣзвась кинулась на подушки—тамъ, какъ вы знаете, всегда лежалъ заряженный пистолетъ—онъ выстрѣлилъ внезапно и ранилъ ее въ плечо. Несчастная отъ сего черезъ 50 часовъ умерла. Мнѣ очень жаль ее. Но кромѣ того нашлись мерзавцы, которые желаютъ погубить меня и наводятъ подозрѣніе, не смотря на то, что больная и слѣдователямъ и 20-ти особамъ подробно расказала, какъ все случилось. Это меня огорчаетъ за людей—которые столь злобны, что хотятъ гибели и безъ того полуутопшему. Впрочемъ Богъ и моя невинность мнѣ защита—да и въ высшемъ начальствѣ я надѣюсь найти болѣе справедливости, чѣмъ въ своемъ ближайшемъ, которое изъ ненависти къ коменданту ста-

рается меня угнести. — Теперь мнѣ плохо будетъ въ баталіонѣ! — Терпи казакъ будешь Атаманъ. Вотъ пословица годная — и для васъ, любезный товарищъ. — Будьте здоровы и пожелайте мнѣ спокойствія. Вамъ преданный Александръ Бестужевъ.

8 марта 1833.

Есть въ „Инвалидѣ“, что въ вашъ полкъ назначенъ командиромъ Ф. Клюке. Онъ скоро будетъ“.

Приписка Ив. П. Жукова.

„И я свидѣтельствую мое усердное почтеніе любезнѣйшему Іосифу Ивановичу, и прошу его вѣрить истинной моей дружбѣ; жалѣю душевно, что мы не можемъ жить вмѣстѣ, тогда-бъ все таки намъ веселѣе было сносить грусть изгнанія—но терпѣніе, можетъ быть, скоро участь наша улучшится; а до тѣхъ поръ возложимъ наше упованіе на промыслъ Всевышняго. Желая Вамъ совершеннаго здоровья, а что еще важнѣе въ нашихъ обстоятельствахъ, душевнаго спокойствія, остаюсь душевно уважающій Васъ Иванъ Жуковъ.

Я слышалъ, что въ Шурѣ нѣтъ курительнаго табаку, а у меня много, почему и посылаю къ Вамъ 3 фунта турецкаго“.

Упоминаемая въ письмѣ Бестужева сестра его — Елена Александровна; она завѣдывала въ это время, между прочимъ, изданіемъ „Русскихъ повѣстей и разсказовъ“ своего брата.

Ф. Клюке — полковникъ Францъ Карловичъ Клюки-фонъ-Клюкенау; 31 января 1833 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Куринскаго пѣхотнаго полка, изъ коего въ 1834 г. переведенъ былъ въ Апшеронскій полкъ; скончался въ 1851 г., въ чинѣ генераль-лейтенанта (см. о немъ „Русск. Стар.“ 1874 г. т. XI, XII и 1876 г., т. XV и XVI).

II.

Въ дополненіе къ напечатанному въ „Русск. Старинѣ“ 1881 г. (т. XXXII, стр. 886—897) письму Бестужева къ графу Дибичу (срав. у г. Котляревскаго стр. 166), привожу служащее откликомъ на это письмо отношеніе управляющаго главнымъ штабомъ графа А. И. Чернышева къ главноуправляющему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ графу Паскевичу-Эриванскому.

13 апрѣля 1829 г. № 270.

Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ государственнаго преступника Александра Бестужева, осужденнаго по приговору верховнаго уголовного суда въ каторжную работу и потомъ, изъ единаго монаршаго милосердія, сосланнаго въ Сибирь на поселеніе, опредѣлить на службу рядовымъ въ одинъ изъ дѣйствующихъ противъ непріятели полковъ кавказскаго отдѣльнаго корпуса по усмотрѣнію Вашего Сіятельства, съ тѣмъ, однако-же, что, въ случаѣ оказаннаго имъ отличія противъ непріятели, не былъ онъ представляемъ къ повышенію, а доносить только на Высочайшее благовозврѣніе, какое именно отличіе будетъ имъ сдѣлано.

Сообщая Вашему Сіятельству сію Высочайшую волю, для зависящаго

№ 11.

20

отъ Васъ исполненія, имѣю честь увѣдомить, что Александръ Бестужевъ будетъ доставленъ къ Вамъ фельдъегеремъ Богомоловымъ, который отправленъ за нимъ въ мѣсто его ссылки.

Къ сему имѣю честь присовокупить, что, по опредѣленіи Бестужева въ полкъ рядовымъ, должно имѣть за нимъ тайный бдительный надзоръ и согласно сообщенной отъ меня Вашему Сіятельству Высочайшей волѣ, отъ 30 ноября прошедшаго года № 635, о состоящихъ во ввѣренномъ Вамъ корпусѣ офицерахъ, бывшихъ прикосновенными къ дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, доносить немедленно, коль скоро усмотрѣно будетъ въ поведеніи Бестужева какое-либо отступленіе отъ порядка.

Въ августѣ Бестужевъ былъ доставленъ въ Тифлисъ и зачисленъ въ 41-й Егерскій полкъ.

Сообщ. Б. Л. Модзалевскій.

Историческая библиографія.

Г. Энгель и В. Гороховъ. *Изъ исторіи студенческаго движенія (1899—1906)*.
Изданіе В. К. Сердаковскаго. СПБ. 1906, с. 128, ц. 50 коп.

Въ этой книгѣ, представляющей совмѣстный трудъ двухъ авторовъ, глава о студенческомъ движеніи съ сентября 1900 по декабрь 1902 г. написана г. Гороховымъ, остальные же главы принадлежатъ г. Энгелю. Появленіе этой книги нельзя не привѣтствовать. Это первая попытка вкратцѣ изложить и осмыслить студенческое движеніе за послѣднія 7 лѣтъ. Принимаемая во вниманіе то большое значеніе въ развитіи русскаго освободительнаго движенія, которое имѣли студенческіе беспорядки, нельзя не пожелать, чтобы эта область русской новѣйшей исторіи была подробно изслѣдована и освѣщена. Тѣмъ болѣе, что наступилъ моментъ, когда студенческое движеніе, какъ таковое, сыграло свою роль и окончательно растворилось въ широкомъ потокѣ общенароднаго революціоннаго движенія. Г.г. Гороховъ и Энгель пытаются въ своей книгѣ, во первыхъ, изложить, во вторыхъ, объяснить студенческое движеніе съ 1899 г. по 1906 г. Нужно сказать, что изложенію самаго движенія авторы отвели слишкомъ мало мѣста. Мало того, они позабыли добавить въ оглавленіи, что они пишутъ о студенческомъ движеніи въ С.-Петербургѣ, и даже вѣрнѣе—въ петербургскомъ университетѣ. Но и при такомъ ограниченіи темы нельзя не указать на цѣлый рядъ пробѣловъ. Авторы, упоминая о студенчествѣ 90-хъ годовъ, рисуютъ его массой политически совершенно индифферентной, забывая о московскихъ беспорядкахъ 1896 г., о демонстраціи въ 1897 г. на Казанской площади по поводу трагической гибели М. Ѳ. Вѣтровой въ Петропавловской крѣпости, о дѣятельности московскаго союза землячествъ и с.-петербургской „Кассы взаимопомощи студентовъ университета“ (особенно съ 1897 г.). Затѣмъ, г. Энгель, описывая весьма интересное движеніе 1899 г., ограничивается нѣсколькими страничками, тогда какъ онъ могъ-бы использовать обширный матеріалъ, заключающійся въ майскомъ правительственномъ сообщеніи (1899 г.), въ докладѣ ген. Ванновскаго, въ двухъ сборникахъ изданныхъ Чертковымъ въ Лондонѣ и другимъ лицомъ въ Берлинѣ и мн. др. Ни слова не сказано о сходкѣ 7-го февраля 1900 г. и *последнемъ* (сорванномъ) актѣ 8 февр. того-же года. Не говоря о томъ, что беспорядки на этомъ актѣ и послѣдовавшая за нимъ сходка были отголоскомъ беспорядковъ 1899 г. и протестомъ противъ изгнанія лучшихъ профессоровъ и сотенъ студентовъ, полезно было-бы отмѣтить, что съ 8-го февраля 1900 г.

стали невозможны официальные праздники официальной науки. Говоря о студенческом движении по 1902-й годъ нужно было отмѣтить немаловажное значеніе традиционныхъ „вечеринокъ“ 8-го февр., влияніе которыхъ на студенчество отмѣтилъ даже Ванновскій въ своемъ докладѣ. Въ описаніи осенняго движенія 1900 г. пропущены октябрьскія волненія студентовъ Лѣсного Института по поводу попытки охраннаго отдѣленія черезъ посредство агента Статковскаго завести провокатора въ Институтъ, „единственномъ въ то время—по компетентному сообщенію г. Статковскаго—высшемъ учебномъ заведеніи СПб., гдѣ у охраны не было „своихъ“ людей“. Затѣмъ, вѣроятно по случайнымъ причинамъ, вовсе пропущенъ моментъ движенія въ СПб. университетѣ, непосредственно предшествовавшій сдачѣ студентовъ въ СПб. въ солдаты, и описаніе самой сдачи въ солдаты. Этотъ незаурядный моментъ заслуживалъ-бы вниманія. Говоря о движеніи осенью 1901 г., г. Гороховъ совершенно не упоминаетъ о волненіяхъ въ Электротехническомъ Институтѣ въ началѣ ноября по поводу вторженія полиціи въ Институтъ съ цѣлью ареста студента. Говоря объ отвѣтѣ, данномъ Ванновскимъ московскому студенчеству, г. Гороховъ не приводитъ подлинныхъ его словъ, хотя они очень характерны. Не приводитъ г. Гороховъ и рѣчи Ванновскаго 19 ноября 1901 г. къ студентамъ СПб. университета. Авторъ отмѣчаетъ смѣхъ, которымъ сходка 20-го ноября встрѣтила одну изъ поданныхъ, но не поставленныхъ на голосованіе резолюцій, говорившую о необходимости конституціи. Но дѣло въ томъ, что смѣхъ вызвало не требованіе конституціи, а форма резолюціи, гласившей дословно: „Студенты СПб. унив., собравшись и т. д., . . . постановили: требовать у подлежащаго начальства введенія въ Россіи конституціи“! Та же сходка привѣтствовала аплодисментами заявленіе предсѣдателя, что если отбросить явно нелѣпую форму, то несомнѣнно, что всѣ присутствующіе согласны съ сущностью подобной резолюціи. Въ изложеніи г. Энгеля дѣятельность такъ называемой „Кассы радикаловъ“ начинается съ послѣднихъ чиселъ января 1902 г., тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, въ это время была выпущена декларация этой группы, самая же группа „радикаловъ“ образовалась вслѣдъ за сходками по поводу гнусной выходки кн. Мещерскаго, въ октябрѣ, благодаря соединенію „Союза студентовъ университета“ съ лицами, вышедшими изъ состава „Кассы взаимопомощи“. Эта группа „радикаловъ“ (или „ораторовъ“) руководила всѣмъ ноябрьскимъ движеніемъ 1901 г. въ СПб. унив., выдвинувъ своего предсѣдателя и своихъ ораторовъ. Ея дѣятельность приобрѣла такое сочувствіе студенчества, что, когда въ концѣ января 1902 г. совершенно анонимная „соціалъ-демократическая группа Дѣло“ попыталась использовать возбужденное состояніе студенчества и созвать сходку, то достаточно было нѣсколькихъ словъ бывшаго предсѣдателя сходокъ и завѣдомаго члена „Кассы радикаловъ“, чтобы толпа изъ 500—600 чел. студ. безпрекословно разошлась, въ ожиданіи, что призывъ на сходку послѣдуетъ отъ „Совѣта старостъ“ или отъ „Кассы радикаловъ“! Мы могли бы значительно умножить указанія на то, что пропущено авторами книги, и что имъ необходимо было-бы пополнить во 2-мъ изданіи. Нельзя не замѣтить, что о студенчествѣ въ 1906 году не сказано ни слова.

Переходя затѣмъ къ оцѣнкѣ движенія, которую дѣлають авторы книги, нельзя не замѣтить, что, излагая движеніе по печатнымъ матеріаламъ.

авторы не всегда критически отнеслись къ этимъ матеріаламъ. Такъ, г. Энгель, скомкавши изложеніе движенія 1899 г., находитъ возможнымъ разсказывать о группѣ „студентовъ-демократовъ А.“, хотя, если мы не ошибаемся, „группа“ эта состояла чуть ли не изъ одного человѣка. Если даже и не соглашаться со схемой движенія, проведенной въ книгѣ, то нужно все-же признать, что авторы вполне объективно отнеслись къ имѣвшемуся у нихъ подъ руками матеріалу. Книга Энгеля и Горохова особенно интересна для молодежи, явившейся этой осенью въ громадномъ числѣ въ столицу, и ей мы совѣтуемъ ознакомиться съ тѣмъ, за что и какъ боролись ея предшественники.

Что касается приложений къ книгѣ, то среди нихъ мы не нашли извѣстной деклараціи сосланныхъ въ 1902 г. студентовъ (напечатана въ „Освобожденіи“ 1902); списки пострадавшихъ за студенческіе безпорядки весьма неполны, такъ, напр., о 1899 г. нѣтъ ни слова, не названы уволенные въ 1900 г. за ноябрскія сходки; не указаны пострадавшіе за сходки и демонстраціи весной 1901 г.; нѣтъ списка старостъ 1901 г.; очень нецеломъ списокъ сосланныхъ и посаженныхъ въ тюрьму по приговору Особого Совѣщанія „за подготовленіе уличныхъ демонстрацій“ весной 1902 г.; такъ напр. не упомянуты вовсе А. В. Ивановъ (юр.) посланный на 4 г. въ Якут. обл., а равно и технологъ Скрышникъ 1-ый, и многіе другіе. Цѣну въ 50 коп. за 128 страницъ небольшого формата нельзя не признать чрезмѣрно высокою.

Сергій С.

Матеріалы по исторіи студенческаго движенія въ Россіи. Выпускъ I. Извлеченіе изъ книги *А. И. Георгіевскаго* „Краткій очеркъ правительственныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ“, Издательство „Свободная Мысль“ Лондонъ—С.-Петербургъ. 1905, 135+I. ц. 40 к.

Выпускъ II. Докладъ комиссіи московскаго университета 1901 г. о причинахъ студенческихъ волненій. Изд. „Свободная Мысль“, 1906, 101+I. цѣна 35 к.

Объ вышеназванныя книги дословно перепечатаны съ книгъ, вышедшихъ подъ тѣмъ-же названіемъ въ Штутгартѣ, въ 1902—1903 г., въ изданіи редакціи „Освобожденія“. Книгоиздательство „Свободная Мысль“ выпустило лишь въ первой изъ названныхъ книгъ предисловіе и примѣчанія, написанныя П. Б. Струве. Перепечатка обѣихъ книгъ произведена книгоиздательствомъ „Свободная Мысль“ безъ разрѣшенія бывшаго редактора „Освобожденія“. Если по отношенію къ запискѣ профессоровъ Московскаго университета, представляющей изъ себя историческій документъ, и не было необходимости испрашивать у кого-бы то ни было разрѣшеніе, то по отношенію къ *извлеченію*, сдѣланному П. Б. Струве изъ книги Георгіевскаго, заставило разрѣшеніемъ г. Струве было необходимо. Впрочемъ, едва-ли можно было ожидать отъ издательства, которое присвоило себѣ наименованіе уже существовавшей фирмы и продолжаетъ этимъ наименованіемъ пользоваться, несмотря на заявленный въ печати („Рус. Вѣд.“ за авг. 1906) протестъ, которое упорно перепечатываетъ (къ тому-же, съ искаженіями) произведенія П. Кропоткина, несмотря на его протесты, едва-ли можно было ожидать отъ по-

добнаго издательства соблюденія правилъ литературной этики. Издательство не позаботилось снабдить изданные имъ матеріалы предисловіемъ, которое выясняло-бы широкій публикѣ смыслъ и значеніе этихъ документовъ. Матеріалы по студенческому вопросу изданы „Свободной Мыслью“ небрежно и напечатаны на плохой бумагѣ, какъ, впрочемъ, и всё до сихъ поръ вышедшія въ свѣтъ изданія этой фирмы. Цѣна (40 к. за вып. I, и 35 к. за вып. II)—непомѣрно высокая.

Что касается содержанія изданныхъ „Свободной Мыслью“ матеріаловъ, то оно весьма интересно, хотя въ настоящее время студенческое движеніе растворилось въ великомъ освободительномъ движеніи и потеряло острый интересъ, присущій ему въ теченіе долгихъ лѣтъ. Студенческое движеніе въ Россіи, какъ одна изъ формъ освободительнаго движенія, ведетъ свое начало отъ московскихъ безпорядковъ 1857 г. Въ этомъ году отрядъ полицейскихъ ворвался въ студенческую квартиру, гдѣ въ то время собрались земляки, студенты университета, и подъ предлогомъ поисковъ скрывшагося въ эту квартиру вора произвелъ обыскъ. Студенты протестовали, такъ какъ по университетскому уставу полиція обязана была вызвать въ этомъ случаѣ депутата отъ университета, присутствіе котораго гарантировало интересы студента отъ произвола администраціи. Полиція жестоко избивала студентовъ и сволокла ихъ въ участокъ. Тогда въ Московскомъ университетѣ собралась первая сходка, которая послала депутацію къ ректору и попечителю съ требованіемъ оградить студенчество отъ произвола полиціи. Генералъ-губернаторъ Москвы Закревскій телеграфировалъ Александру II: „Студенты бунтуютъ“ и получилъ въ отвѣтъ: „Не вѣрю“. Назначенная по высочайшему повелѣнію коммиссія выяснила виновность полиціи, и низшіе чины понесли наказаніе. На докладѣ объ этомъ дѣлѣ императоръ Александръ II написалъ: „Я знаю, что московская полиція—свинья!“ Такимъ образомъ, благодаря закономѣрному и благожелательному отношенію къ студентамъ верховной власти, дѣло кончилось для студентовъ благополучно. Но вслѣдъ за тѣмъ начался рядъ отдѣльныхъ студенческихъ безпорядковъ въ Кіевѣ, Казани, на почвѣ столкновенія студентовъ съ военными, съ профессорами и т. п. Въ 1858 г. произошли значительные безпорядки въ Харьковскомъ университетѣ, съ первой студенческой забастовкой, тоже на почвѣ защиты студентами личной неприкосновенности своихъ товарищей, грубо нарушенной администраціей. Въ университетахъ появились и быстро окрѣпли кассы взаимопомощи, землячества. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ студенты начали издавать, съ разрѣшенія начальства, „Сборникъ“ произведеній студентовъ, а для редактированія „Сборника“ избраны были студентами редакторы, вскорѣ превратившіеся въ представителей отъ факультетовъ и курсовъ. Сходки стали обычнымъ явленіемъ. Студенчество устроило первый въ Россіи судъ присяжныхъ, разбиравшій дѣло о нарушеніи довѣрія, совершенномъ однимъ изъ редакторовъ. Организация студенчества на почвѣ его корпоративныхъ нуждъ шла при сочувствіи и помощи высшихъ лицъ учебной администраціи. Въ Кіевѣ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ попечитель Пироговъ, въ С.-Петербургѣ кн. Щербатовъ. Но положеніе дѣлъ, создавшееся въ университетахъ, не могло долго длиться. Въ университетахъ студенты привыкали къ свободѣ объединяться въ союзы для самообразованія, взаимопомощи, къ свободѣ слова, собраній, даже къ свободѣ печати, потому что

они занялись изданіемъ различныхъ литографированныхъ сочиненій и журналовъ, недозволенныхъ общей цензурою. Словомъ, создавалось положеніе какого-то свободнаго государства въ царствѣ самодержавнаго произвола. Университетскія свободы и вольности кончались за университетскими дверями. Въ университетѣ не было никакихъ свободъ. Вполнѣ естественно, что студенчество, подвергаясь въ университетѣ воздѣйствію наравнѣ съ прочими обывателями, бурно протестовало. Но протестъ этотъ опять-таки происходилъ въ стѣнахъ университета. Понятное дѣло, что власть, отнюдь не желавшая поступаться своимъ неограниченнымъ правомъ усмотрѣнія и произвола, прежде всего постаралась устранить возникшую аномалію. Студенты за проступки свои въ стѣнѣ университета стали съ 1859 г. подвергаться воздѣйствію не университетскаго начальства, а полиціи. Такъ какъ студенты видѣли, между прочимъ, въ форменной одеждѣ признакъ принадлежности своей къ особой корпораціи, то 14 янв. 1860 г. студенческая форма была отмѣнена, дабы студенты ничѣмъ не отличались отъ прочихъ обывателей. Затѣмъ обращено было вниманіе и на новые порядки, создавшіеся въ университетѣ. Правила 31 мая 1861 г. отмѣнили всѣ студенческія вольности (право сходокъ, организацій, и т. п.), а также ограничили доступъ въ университетъ для бѣдняковъ. Попытка примѣнять правила на дѣлѣ вызвала громадныя беспорядки, охватившіе С.-Петербургскій, Московскій, Кіевскій и Казанскій университеты. Студенты собирались на сходки, обсуждали петицію на имя императора, и наконецъ, вынесли свой протестъ на улицу. Произошли первыя уличныя демонстраціи, и неразрывныя съ ними въ Россіи побоища, аресты, высылки и т. п. Этими беспорядками 1861 г. начались тѣ студенческія волненія, которыя непрерывно, съ небольшими періодами затишья, охватывали высшія учебныя заведенія Россіи.

Книга А. И. Георгіевскаго, бывшаго предсѣдателя ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, написана въ 1891 г. и посвящена изложенію мѣръ, принятыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за 30-ти лѣтній слишкомъ періодъ борьбы правительства съ студенчествомъ. Книга эта была издана, какъ весьма секретный документъ для высшихъ сановниковъ имперіи, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Мало того, большая часть экземпляровъ была отобрана обратно у лицъ, которымъ она была дана. Такъ боялась бюрократія обнародованія ея собственныхъ дѣйствій противъ молодежи. Одинъ изъ немногихъ удѣлѣвшихъ экземпляровъ (чуть-ли не одинъ изъ семи!) попалъ въ руки редактора „Освобожденія“, который счелъ своимъ долгомъ опубликовать то, что такъ тщательно скрывала отъ общества правящая бюрократія. Нѣкоторыя извлеченія изъ книги Георгіевскаго были, если не ошибаемся, напечатаны въ ученыхъ запискахъ Новороссійскаго университета года 2 тому назадъ. Желательно, конечно, чтобы книга г. Георгіевскаго была переиздана въ полномъ видѣ съ надлежащимъ предисловіемъ и поясненіями, безъ которыхъ далеко не все будетъ понятно читателямъ изъ широкой публики.

Но и въ томъ видѣ, въ какомъ книга г. Георгіевскаго издана „Свободной Мыслью“, она представляетъ большой интересъ. Изъ нея читатель увидитъ, какъ постепенно создавало самодержавное правительство атмосферу казармы и сыска въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тутъ есть все:

и „связь и взаимность въ совокупныхъ дѣйствіяхъ университетскаго и полицейскаго начальствъ“; и ограниченіе доступа вольнослушателей, „самаго опаснаго и ненадежнаго элемента“, и препятствія къ доступу въ высшія учебныя заведенія инородцевъ (поляковъ, евреевъ), а также бѣдняковъ; и воспрещеніе корпоративнаго устройства студенчества, запрещеніе сходокъ, организацій, землячествъ; и воспрещеніе студенческой взаимопомощи, воспрещеніе студентамъ устраивать вечера, концерты и т. п.; и судъ правленія, увольненіе а исключеніе изъ университета, высылка и ссылка студентовъ; и, наконецъ, проекты усмирительныхъ домовъ для учащейся молодежи и проекты сдачи ея въ солдаты и въ дисциплинарные батальоны. Изъ книги г. Георгіевскаго читатель узнаетъ, что сдачу студентовъ въ солдаты, начало которой положилъ имп. Александръ I указомъ 1811 г., которую практиковали Николай I, Александръ II, и Александръ III въ отдѣльныхъ случаяхъ и възаконно, предполагалось узаконить еще въ 1882 г.; читатель узнаетъ, какіе доводы *за* и *противъ* этой мѣры приводились „сановниками“ участниками Особаго Совѣщанія 1882 г. по вопросу объ усмиреніи студентовъ. Читатель узнаетъ, что сдача студентовъ, примѣненная въ 1901 году, была завѣтной и давней мечтой бюрократіи. Словомъ, несмотря на неудовлетворительное изданіе „Свободной Мыслью“ книги г. Георгіевскаго, мы горячо рекомендуемъ ознакомиться съ нею всякому, кто интересуется исторіей студенческаго движенія въ Россіи.

Большой интересъ также представляетъ докладъ комиссіи, избранной Совѣтомъ Московскаго университета 28 февр. 1901 г. для выясненія причинъ студенческихъ волненій и мѣръ къ упорядоченію университетской жизни. Этотъ докладъ относится къ тѣмъ временамъ, когда студенческое движеніе, недавно еще прошедшее черезъ грандіозные безпорядки 1899 г., снова вспыхнуло, подъ вліяніемъ сдачи въ солдаты 183 студ. Кіевскаго и 28 студ. Петербургскаго университета, и было вынесено на улицу въ видѣ ряда демонстрацій. Широкое общественное движеніе, выступленіе рядомъ со студенчествомъ сознательнаго пролетаріата, выстрѣлъ Карповича,—все это заставило правительство отступить и объявить эпоху „сердечнаго попеченія“. Эта эпоха ознаменовалась цѣлымъ рядомъ записокъ, мѣній, докладовъ профессоровъ и профессорскихъ коллегій, которыя были написаны частью по собственному почину, а частью по призыву правительства. Всѣ эти записки и доклады были похоронены вскорѣ въ архивахъ, когда „сердечное попеченіе“ замѣнилось для студентовъ тюрьмой и ссылкой въ Сибирь. Докладъ комиссіи московскаго совѣта профессоровъ избѣжалъ этой печальной участи. Онъ былъ напечатанъ въ № 1 „Вѣстника Русской Революціи“, изданіи партіи социалистовъ-революціонеровъ, а потомъ отдѣльно изданъ редакціей „Освобожденія“. Въ „Докладѣ“ интересны—историческія очеркъ безпорядковъ въ Московскомъ университетѣ, сводка мѣній профессоровъ, инспекціи и студенчества о причинахъ безпорядковъ и о средствахъ къ ихъ устраненію. Интересно также сопоставить выводы „Доклада“ съ заявленіями 71-го профессора, опубликованными въ концѣ февраля 1901 г. въ московскихъ газетахъ, въ видѣ увѣщанія бунтующимъ студентамъ. Всѣмъ интересующимся студенческимъ движеніемъ мы рекомендуемъ ознакомиться съ московскимъ „Докладомъ“ 1901-го года.

Сергій С.

М. Лдовъ. „Исторія російской социаль-демократической рабочей партіи“. Ч. I: Возникновеніе социаль-демократическаго движенія въ Россіи (1883—1897 г. г.). Книгоизд. „Колоколь“. Стр. 163. Ц. 50 коп. СПб. 1906.

Социаль-демократическое движеніе возникло у насъ въ Россіи не въ процессъ развитія классоваго движенія пролетаріата, не какъ одна изъ формъ этого развитія, но какъ одно изъ теченій социаль-политической мысли въ средѣ интеллигенціи. Марксизмъ появился у насъ въ то время, когда рабочій классъ не обнаруживалъ почти никакихъ признаковъ социаль-политическаго существованія. Онъ воспринятъ былъ быстро, даже страстно интеллигентной молодежью, искавшей выхода изъ—казалось—безконечныхъ глухихъ сумерекъ русской жизни. Социаль-демократическая доктрина, какъ она сложилась къ тому времени (начало 90-хъ г. г.) въ Германіи, почти безъ всякихъ измѣненій, сразу перевезена была на русскую почву и вскорѣ сдѣлалась достояніемъ довольно многочисленныхъ интеллигентскихъ, и, въ частности, революціонныхъ, круговъ. Ученіе объ революціонной и революціонной мисси пролетаріата было настоящимъ открытіемъ путеводной звѣзды для русской революціи. Оно значительно расширило горизонты общественно-политической мысли и совершенно обновило почву для надеждъ революціонеровъ, придавъ ей гораздо большую прочность, чѣмъ то было при прежнемъ культѣ героевъ и интеллигентнаго единоборства съ самодержавнымъ правительствомъ. Окрыленная этимъ внезапно засіявшимъ передъ ней просвѣтомъ, революціонная молодежь всеми своими помыслами и упованіями обратилась къ рабочему классу. Если послѣдній въ широкихъ своихъ массахъ спалъ тогда еще сномъ забитаго подневольнаго существа съ почти первобытнымъ уровнемъ культурнаго развитія, то это нисколько не смущало пионеровъ-марксистовъ. Они вѣрили, что въ ихъ рукахъ имѣется дѣйствительно нить Ариадны, которая выведетъ наконецъ несчастную страну къ свѣту и свободѣ. Вполнѣ естественно, что въ этомъ увлеченіи интеллигенція не могла предусмотрѣть всѣхъ тѣхъ трудностей, которыя обнаружились впоследствии, какъ только ей пришлось на дѣлѣ разрѣшать задачу организаціи пролетарскихъ массъ въ единую политическую силу, на европейскій манеръ.

Для этого у нея прежде всего не было никакого опыта, ни достаточнаго собственнаго политическаго воспитанія. Поднявъ знамя возстанія противъ социальнаго политическаго романтизма народниковъ, русскіе марксисты не замѣчали долгое время, что они сами продолжаютъ стоять на высотахъ готовой социалистической доктрины и что она измѣнила только обличье романтизма, но существо его удержали. Мѣнялся только предметъ увлеченія, но характеръ увлеченія оставался тотъ же.

Г. В. Плехановъ, являющійся однимъ изъ первыхъ литературныхъ вождей новаго движенія и его наиболѣе талантливымъ выразителемъ еще въ 1890 г. во второй книжкѣ своего „Социаль-демократа“, подвергнувъ во „внутреннемъ обзорѣ“ безпощадной критикѣ знаменитое письмо М. К. Цибриковой къ Александру III, какъ характерное проявленіе романтизма русскихъ „либераловъ“, противопоставлялъ этому марксизмъ, какъ *единственную формулу* политической мысли и призывалъ черезъ марксизмъ *европеизировать* наше политическое міросозерцаніе. Съ той поры прошло уже больше пятнадцати лѣтъ, но, можно смѣло сказать, что этотъ процессъ

европеизации политики русских оппозиционеров (включая, конечно, революционные элементы) далеко еще не завершился. Мы еще только присутствуем при нем, еще только переживаем его, быть может, наиболее драматическая перипетия. В частности, и сама социаль-демократия успела за эти пятнадцать лет пережить по пути к этой европеизации сложную и разнообразную эволюцию, пройти целый ряд,—не этапов—движение развивалось скорее зигзагами,—но направлений. Устремившись сначала в рабочая массы с пропагандой социаль-демократической доктрины, она занялась устройством кружков рабочих, социалистов *in spe* и *in teoia*. Образовался постепенно слой рабочей интеллигенции, начинавший жить общественной жизнью. Но когда естественный рост рабочего класса, совпавший с общим подъемом в странах промышленной жизни, вызвал стихийное стачечное движение за сокращение рабочего дня и др. улучшения условия труда,—социаль-демократия живо почувствовала свою теоретичность, и оставив высоты социалистической теории, спустилась в агитацию на почву ежедневных экономических нужд рабочих. Усложнявшаяся действительность ставила сама собой на очередь вопрос—о том, как суметь перевести стихийно развивавшееся рабочее движение в русло организованного классового и—неизбежно—политического развития. На этой почве в среде социаль-демократии возникли разногласия, которые, чем дальше, тем все больше и больше обострялись и углублялись, так что даже октябрьская революция не уничтожила их. В социаль-демократии продолжают бороться два течения—реалистическое, старающееся организовать пролетарское движение при помощи коллективного опыта масс, развив в этих последних до максимума их способность к самостоятельности, ¹⁾—и другое—романтическое, уповающее на стихию, полагающее, что раз дан рабочий класс и дана социалистическая доктрина,—то все само собой приложится и требуется лишь сплоченная группа (или партия) единомысленных соц.-демократов („профессиональных революционеров“), чтобы можно было руководить всей классовой политикой пролетариата. Таковы—в грубых, конечно, чертах,—„наша разногласия“, разделяющая уже лет 8 русскую социаль-демократию, возникшая, можно сказать, почти при самом прикосновении социаль-демократии с рабочим классом...

Даль ли г. М. Лядов, книжка которого лежит перед нами, достаточно безпристрастную и вдумчивую историю этих зигзагов и перипетий, легкой абрис которой мы отметили в вышеприведенных строках? *Не дал*, ибо и не задавался этой, казалось бы, столь заманчивой задачей. „Автор предлагаемого труда—говорит он сам о себе в своем предисловии—никогда не был кабинетным теоретиком, не был также профессиональным партийным литератором; всю свою деятельность он провел рядовым партийным работником. И если теперь он берет за работу, которая возлагает на него столь большую ответственность, то только потому, что придерживается убеждения, что действительная фактическая история нашей партии, охватывающая всю будничную ее жизнь, ту

¹⁾ Мы отмечаем, разумеется, только общие тенденции течения, не касаясь конкретного проявления этих тенденций.

жизнь, которая приготавлила выводы теоретикамъ, лишь *post factum* освѣщавшимъ ее, должна и можетъ быть написана только практикомъ. Партийный историкъ-теоретикъ долженъ явиться послѣ историка-практика, и оная уже завершить, обработаетъ и освѣтитъ работу послѣдняго. Роль историка-практика—собрать матерьялъ, свести въ одно свой опытъ, свои наблюденія“ (стр. 6—7).

Этимъ указаніемъ авторъ далъ, такимъ образомъ, самъ отвѣтъ на поставленный нами вопросъ. Если только что цитированное противопоставленіе „историка-практика“—„историку-теоретику“ имѣетъ какой либо смыслъ, то, конечно, только тотъ, что *субъективная* исторія противопоставляется здѣсь исторіи *объективной*, исторіи *научной* (поскольку, разумѣется, партийность не мѣшаетъ этой научности). Г. Лядовъ самъ отказался, такимъ образомъ, дать попытку научной исторіи социаль-демократическаго движенія въ Россіи и свелъ свою задачу къ изложенію матерьяловъ, находящихся у него въ распоряженіи, какъ давнишняго члена партіи.

Нечего, значитъ, и предъявлять къ его работѣ требованія научности. Его книга—не исторія, а памфлетъ „партийнаго работника“, страстно преданнаго своимъ фракціоннымъ догмамъ. Но и въ тѣхъ предѣлахъ, которые отвелъ самъ себѣ г. Лядовъ, его работа могла бы имѣть свой интересъ, если принять во вниманіе тѣ рекомендательныя оговорки, которыя сдѣлалъ авторъ въ томъ же предисловіи по своему личному адресу. „Въ то время, какъ Дубасовы заканчивали завоеваніе и сожженіе Москвы, читаемъ мы тамъ,—автору этой работы пришла въ голову мысль, что неизбежное возрожденіе реакціи можетъ окончательно смести и безъ того уже рѣдкую фалангу немногочисленныхъ свидѣтелей первыхъ шаговъ нашей революціонной дѣятельности“... „О первыхъ шагахъ нашей дѣятельности у насъ нѣтъ литературныхъ памятниковъ, поэтому, опытъ и наблюденія этого періода исчезнуть безслѣдно, если очевидцы не поторопятся занести ихъ на бумагу... Ни въ одномъ архивѣ мы не найдемъ первыхъ мѣстныхъ прокламацій, первыхъ русскихъ с.-дем. изданій, не говоря уже о такпхъ цѣнныхъ памятникахъ, какъ различные проекты уставовъ, проекты агитаціонной работы и т. д. *Все это и заставило автора поторопиться со своей попыткой написать исторію партіи*“ (5, 7 стр.). Положа руку на сердце, приходится, однако, сказать, что читатель, подготовленный такого рода завлекательнымъ предисловіемъ, по прочтеніи самой книги долженъ испытать въ большой степени разочарованіе. Во всей книгѣ г. Лядова можно найти очень мало данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы о томъ, что авторъ обладалъ при выполненіи своей работы какими-то особенно цѣнными матерьялами. Въ громадной своей части книжка представляетъ собой простую компіляцію изъ тѣхъ печатныхъ матерьяловъ, которые въ свое время были известны въ широкихъ слояхъ интеллигенціи. Авторъ все время опирается на работы Акимова, Плеханова, Кольцова, Рязанова, статьи Ленина, брошюрку: „Объ агитаціи“ и т. п. Матерьяловъ, т. сказать личнаго характера, основанныхъ на личномъ опытѣ и наблюденіяхъ автора—мы почти не видимъ, быть можетъ, потому, что авторъ придерживается въ своемъ изложеніи фельетонно-памфлетнаго тона и гораздо больше спорить, чѣмъ сообщаетъ и излагаетъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что какихъ-либо *новыхъ цѣнныхъ матерьяловъ фактическаго харак-*

тера, по сравненію съ тѣмъ, что было писано до него другими авторами, мы не находимъ. Съ другой стороны бросается въ глаза, что относительно нѣкоторыхъ фактовъ и явленій социаль-демократической исторіи, авторъ имѣетъ свѣдѣнія несомнѣнно понаслышкѣ. Укажемъ хотя бы на то, что авторъ ошибочно называетъ въ числѣ первыхъ легальныхъ соц.-дем. органовъ—„Самарскую Газету“, которая никогда таковой не была. Авторъ, очевидно, имѣлъ тутъ въ виду другую газету—„Сам. Вѣстникъ“, выходившій, въ качествѣ соц.-дем. органа, въ теченіе всего пяти мѣсяцевъ (1896—1897 г.г.) и приостановленный правительствомъ. Попадаютъ и др. недочеты въ томъ же родѣ. Это, конечно, мелочи, но въ исторической работѣ было бы очень желательно ихъ избѣгать. Во всякомъ случаѣ это не свидѣтельство о томъ, что авторъ во всемъ пользовался первоисточниками.

Къ сожалѣнію, работа г. Лядова несвободна отъ гораздо болѣе грубыхъ промаховъ, чѣмъ указанные неточности. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, авторъ оказывается совершенно неподготовленнымъ къ роли историка русской общественности. Такъ, на стр. 156—157 г. Лядовъ сообщаетъ намъ слѣдующее: „Въ моментъ подъема промышленности (т. е. значить во вторую половину 90-хъ г.г.—В. П.) русская европеизированная промышленная буржуазія должна, была почувствовать себя стѣсненной самодержавно-полицейскимъ строемъ нашего государства. Она не могла простить самодержавію удара, нанесеннаго ей русско-германскимъ торговымъ договоромъ, заключеннымъ въ интересахъ нашихъ аграріевъ. Въ обложеніи промышленныхъ предпріятій 3-хъ проц. сборомъ и во введеніи квартирнаго налога она усматриваетъ грозныхъ предвѣстниковъ перехода къ подоходному налогу... Политическая свобода нужна была и крупной буржуазіи“. Нужно ли говорить, какъ сгущены краски въ этой характеристикѣ политической обстановки 90-хъ годовъ, какъ мало онѣ соответствуютъ дѣйствительному положенію вещей? Въ самомъ дѣлѣ,—гдѣ нашелъ нашъ авторъ оппозиціонное настроеніе у нашей крупной буржуазіи 90-хъ г.г., времени, которое, наоборотъ, можно считать эпохой самаго трогательнаго алльянса крупной буржуазіи съ самодержавіемъ. Эпоха разцвѣта Виттевскаго вліянія, эпоха промышленнаго оживленія, эпоха торжества всероссійскаго купечества на Нижегородскомъ съѣздѣ, эпоха возникновенія дальневосточныхъ авантюръ,—гдѣ тутъ было мѣсто политической оппозиціи капитала? Если какой изъ владѣльческихъ элементовъ и проявлялъ тогда нѣкую фронтду, то это были, разумѣется, сельскіе хозяева, тѣ же земцы, выливавшіе свое оппозиціонное настроеніе въ ходатайствахъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, проектахъ всеобщаго обученія, или, наконецъ,—протестахъ противъ протекціонизма въ экономической политикѣ. Достаточно напомнить, наконецъ, тотъ фактъ, что Витте, тогдашній кумиръ и ходатай крупной буржуазіи, „свергъ“ министерство Горемыкина ничѣмъ инымъ, какъ своей запиской противъ земства, противъ его возможной политической роли.

Впрочемъ, недоразумѣніе (скажемъ такъ) г. Лядова слишкомъ очевидно само собой, чтобы на немъ стоило останавливаться подробно. Но позволительны ли подобныя „недоразумѣнія“ даже для „историка-практика“?

Къ числу такого же рода недоразумѣній, являющихся результатомъ недостаточно вдумчиваго отношенія къ вопросу, мы должны отнести и слѣдующее. Г. Лядовъ, въ качествѣ фракціоннаго памфлетиста, очень рѣзко осуж-

дасть то критическое направлѣніе въ русскомъ марксизмѣ, которое обнаружилось въ концѣ 90-хъ годовъ. Въ своемъ политическомъ настроеніи противъ этого „ревізіонизма“ авторъ заходитъ такъ далеко, что такъ таки en toutes lettres объявляетъ его идеологіей крупной буржуазіи, идеологіей, разумеется, по существу глубоко контръ-революціонной ¹⁾. И автора совершенно не смущаетъ то обстоятельство, что эта самая „идеологія“, этотъ самый ревізіонизмъ, въ сосѣдней съ нами Германіи, странѣ, все же болѣе высокаго сравнительно съ нами социальнаго и политическаго развитія,—является достояніемъ социаль-демократіи, хотя бы и праваго ея крыла. Какимъ образомъ, то, что для Германіи составляетъ умѣренный социаль-демократизмъ, можетъ быть у насъ, при нашемъ абсолютическомъ строе,—контръ-революціоннымъ и крупно-буржуазнымъ? Разумеется, достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы понять, какую степень опречетчивости и политическаго увлеченія разрѣшаетъ себѣ нашъ „историкъ—практикъ“...

Наше заключеніе сводится къ слѣдующему: книга г. Лядова—не исторія, а памфлетъ. Кому интересны политическія произведенія въ „большевистскомъ“ духѣ,—тотъ пусть читаетъ и книжку г. Лядова,—она не хуже, не лучше другихъ въ этомъ родѣ, но для интересующагося дѣйствительно серьезной исторіей нашей социаль-демократіи—рекомендовать эту работу было-бы рискованно. Будетъ гораздо лучше, если читатель ознакомится съ тѣми самыми литературными матерьялами, которыми пользовался г. Лядовъ; ихъ не такъ много да и въ литературномъ (какъ и во многихъ другихъ) отношеніи они написаны куда болѣе зрѣло, чѣмъ памфлетъ г. Лядова...

В. Португаловъ.

А. Цитронъ. 72 дня перваго русскаго парламента. СПб. 1906.

Государственная Дума, просуществовавъ 72 дня, отошла въ область исторіи—не въ ту отдаленную область, изъ которой нѣтъ уже возврата къ реальной жизни, а въ близкую еще современникамъ вчерашняго дня область „былого“, въ которой накопилось уже много памятниковъ борьбы за идею російскаго народоправства. Дума не умерла, а лишь онали первые лепестки этого экзотическаго для суровой русской дѣятельности цвѣтка, валежяннаго демократической Россіей и побитаго сивѣлымъ морозомъ реакціи. Поэтому, первую русскую Думу нужно не забывать, ибо она, все таки, несмотря на роспускъ депутатовъ, представляетъ самую реальную дѣятельность, а характеризовать. Характеристика нашего парламента лучше всего можетъ выяснитъ, насколько онъ являлся въ своей дѣятельности отраженіемъ воли всей страны, и какъ велика, слѣдовательно, его жизненность. Разсматриваемая книга г. Цитрона и представляетъ собою одну изъ такихъ характеристикъ, сдѣланныхъ при томъ и не по случаю и не послѣ закрытія Думы, а во время разгара ея работъ, когда ея дѣйствія опѣивались и характеризовались подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ той кипучей работы, которая въ теченіе 72 дней происходила въ Таврическомъ дворцѣ.

Г. Цитронъ—парламентскій журналистъ и свои литературные избранья

¹⁾ Ср. стр. 157—158 его книги.

о Думѣ дѣлать изо дня въ день, отмѣчая въ своихъ бѣглыхъ очеркахъ каждый выдающійся моментъ въ жизни нашего парламента. Этимъ, по нашему мнѣнію, и интересна его книга. Онъ собралъ въ ней эти живыя свидѣтельства только что прерванной борьбы, и въ нихъ, даже помимо своей воли, отразилъ всю живучесть народнаго представительства, разъ оно облечено въ реальную форму депутатскаго мандата.

Извѣстная инсинуація крайнихъ правыхъ, увѣрявшихъ, что всѣ наказы и резолюція крестьянскихъ обществъ, сотнями посылавшіяся въ Трудовую группу, сфабрикованы трудовиками, опровергнута уже самымъ разнообразіемъ и многочисленностью этихъ замѣчательныхъ посланій: никакія усилія, ни самая богатая фантазія отдѣльныхъ лицъ не въ силахъ были бы создать этихъ своеобразныхъ документовъ народнои нужды и глубокой вѣры въ народныхъ представителей. Но еще лучшимъ опроверженіемъ этой клеветы можетъ служить слѣдующая картина, нарисованная авторомъ съ живою натурою:

Въ кулуарахъ собрались ходоки, посланные костромскими крестьянами въ Думу со словеснымъ наказамъ. Это, описываетъ ихъ Цитронъ, „три совершенно бѣлыхъ старика костромича, въ рваныхъ зипунахъ и дырявыхъ сапогахъ, лица въ морщинистыхъ складкахъ, глаза скорбные и печальные“.

— Сказало намъ наше кологривское общество—началь самый старый—такъ и такъ, придете вы въ Питерь и скажите нашимъ выборнымъ Ивану Егорычу и Федору Иванычу насчетъ всего, что на сходѣ рѣшили: чтобы крѣпко стояли, на чемъ посланы.—Опять таки, выгоны и сѣнокосы, чтобы назадъ отдать намъ: нашимъ отцамъ, они, еще какъ воля была, дадены были... И чтобы они, выборные наши, противъ божскаго установленія не шли, чтобы ни казней, ни мучительства не допустить. Чтобы отъ земскихъ мѣръ ослобонить. А что ежели oprичъ того противъ выборныхъ нашихъ пойдутъ, то вертаться имъ домой. Дома сами все порѣшимъ.

Въ этой эпически простой и образной рѣчи умѣщается вся крестьянская программа; этими простыми словами ходоки выразили всѣ упованія русскаго крестьянства, всю вѣру его въ могущество Думы. Для будущаго историка первой Государственной Думы этотъ набросокъ дастъ для уясненія настроенія народныхъ массъ гораздо больше, чѣмъ обстоятельный трактатъ о дѣятельности самой Думы.

А вотъ, напримѣръ, набросокъ „Разоблаченія Урусова“ (стр. 124). Авторъ приводитъ только внѣшнюю сторону того засѣданія, въ которомъ князь Урусовъ, бывший товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ при П. Н. Дурново, произнесъ свою знаменитую рѣчь о погромной лабораторіи, устроенной въ вѣдрахъ департамента полиціи. Но читая этотъ очеркъ, живо вспоминаешь о запросѣ 8 мая министру внутреннихъ дѣлъ и о той бурѣ, которую вызвалъ отвѣтъ П. А. Столыпина на этотъ запросъ. Основываясь на официальныхъ данныхъ—на рапортѣ министру внутреннихъ дѣлъ тайнаго совѣтника Макарова отъ 15 февраля, Дума указывала въ своемъ запросѣ, что департаментъ полиціи печаталъ въ специально оборудованной для этого типографіи и распространялъ воззванія, призывающія къ избіенію инородцевъ и интеллигенціи, а помощникъ начальника екатеринославскаго губернскаго жандармскаго управленія ротмистръ Будоговскій поддерживалъ сношенія съ александровской русской боевой дружиной—погромной организаціей

але упечатать и распространить цѣлый рядъ воззваній народъ собраться, заготовиться оружіемъ, косами, вилами евреевъ и „крамольниковъ“; этотъ же Будоговскій, предсто... шляры этихъ воззваній департаменту полиціи, сообщалъ при этомъ, „они приносятъ существенную пользу въ дѣлѣ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ“; за эти подвиги Будоговскій былъ награжденъ начальствомъ. Отвѣчая на этотъ запросъ, П. А. Столыпинъ вынужденъ былъ признать справедливость этихъ фактовъ и лишь общалъ, что они болѣе не повторятся. Но то, что сообщилъ вслѣдъ за Столыпинымъ въ своей рѣчи князь Урусовъ, превзошло всякія ожиданія. „Еще осенью 1905 г. (и кажется до вступленія въ должность октябрьскаго министерства)—говорилъ кн. Урусовъ, въ Петербургѣ въ домѣ № 16, на Фонтанкѣ, заработалъ въ какой то отдаленной комнатѣ департамента полиціи печатный станокъ, приобретенный на средства департамента, на казенныя суммы. Къ станку былъ приставленъ жандармскій офицеръ—въ штатскомъ платьѣ,—Коммисаровъ, который съ нѣсколькими помощниками усердно готовилъ ранѣе упомянутыя воззванія. Тайна существованія этой подпольной типографіи была такъ хорошо соблюдена, и дѣйствія ея организаторовъ были столь конспиративны, что не только въ министерствѣ, но и въ самомъ департаментѣ полиціи мало кто о ней зналъ. Между тѣмъ, работа сообщества, органамъ котораго служила типографія, очевидно шла успѣшно, такъ какъ на вопросъ лица, случайно напавшаго на слѣдъ организаціи, о ходѣ дѣла, Коммисаровъ отвѣчалъ: „погромъ устроимъ какой угодно, угодно—на 10 человекъ, а угодно—на 10 тысячъ“. Господа, эта фраза историческая (въ залѣ среди депутатовъ большое движеніе). Къ свѣдѣнію депутатовъ—киевлянъ добавлю, что въ Кіевѣ на 3 февраля былъ назначенъ погромъ на „10 тысячъ“, но его удалось предотвратить“ (большое движеніе).

Предсѣдатель Совѣта министровъ испыталъ, какъ говорятъ, сильнѣйшій припадокъ нервной астмы, когда ему сообщены были рассказанные сейчасъ факты. Онъ вызвалъ къ себѣ Коммисарова, который доложилъ ему о своихъ дѣйствіяхъ и о своихъ полномочіяхъ, а черезъ нѣсколько часовъ въ департаментѣ не было болѣе ни станка, ни воззваній, ни оригинала—осталась пустая комната. И вотъ почему никто, въ томъ числѣ и министръ внутреннихъ дѣлъ, не будетъ имѣть возможности удовлетворить законное желаніе Думы—узнать имена тѣхъ, именно, тѣхъ лицъ, которыя объединили дѣйствія организаціи, обезпечивали ей безнаказанность, магически дѣйствовали на умы полицейскихъ и другихъ правительственныхъ чиновниковъ и даже дали возможность добиваться повышения и наградъ для тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались наиболѣе дѣятельными“.

Большинство очерковъ г. Цитрона знакомитъ читателя не съ самою работою Думы, не съ дѣловою стороною ея кратковременнаго существованія, а съ тѣмъ настроеніемъ, которое существовало тогда какъ въ самой Думѣ, такъ и около нея, и эта особенность разсматриваемой книги составляетъ, по нашему мнѣнію, наибольшую ея цѣнность. О дѣятельности Думы, несомнѣнно, будетъ написана не одна книга, да и стенографическіе отчеты ея засѣданій даютъ достаточный матеріалъ для сужденія о ней. Но никакой трактатъ не въ состояніи будетъ передать настроеніе Думы и всего общества такъ, какъ это можетъ быть сдѣлано подъ непосредственнымъ

впечатлініємъ журналиста; для будущаго историковъ бѣглыхъ очерковъ нымъ матеріаломъ. Весьма жаль только, что г. Цицаментъ. Этимъ, пополнивъ свою задачу, увлекся подъ конецъ несвоей: ней эти живыя, политика, навязавъ оппозиціоннымъ депутатамъ совершенно же помимо ихъ съ Куропаткинымъ. Если Куропаткинъ уступалъ яцъ разъ оцінку за позиціей благодаря негодности своей тактики и недоброка, власти боевыхъ средствъ, то депутаты повинны только въ томъ, что бюрократы противопоставили ихъ нравственной силѣ грубую физическую силу, для борьбы съ которою пригодна только такая же сила.

В. Русинъ.

Н. Ростоцкая. Потемкинскіе дни въ Одессѣ. СПб. 1906. Книгоиздательство „Нашъ Голосъ“. Ц. 8 коп.

Горячо, талантливо написанная брошюра. Рассказывается о томъ, что пережила Одесса въ іюнѣ 1905 года, во время пребыванія въ порту взбунтовавшагося броневосца „Князь Потемкинъ Таврической“. Авторъ, — самъ участникъ событій, — очень критически относился къ дѣятельности революціонныхъ организацій въ данный критическій моментъ. „Мы, участники, всё ясно чувствовали только одно: то, что вчера казалось отдаленнымъ будущимъ или вѣрной, но абстрактной истиной, встало вдругъ передъ нами во всей своей конкретной дѣятельности. Вчера мы думали и сомнѣвались, сегодня мы должны были уже рѣшать и дѣйствовать, вчера мы подготавливались и мечтали о далекой побѣдѣ, — сегодня мы должны были сразу двинуться и завоевывать“.... Авторъ послѣдовательно передаетъ ходъ событій и выясняетъ вопросъ о томъ, насколько „мы“ проявили способность рѣшать и дѣйствовать, почему не успѣли двинуться, почему не умѣли завоевывать.

М. Ольминскій.

Вл. Дебагорій-Мокріевичъ. „Воспоминанія“. Книгоиздательство „Свободный Трудъ“ А. И. Жуковой и М. А. Полубояриновой. Спб. 1906. 598 + II стр. in 8°. Цѣна 1 р. 50 к.

Это преинтересная книга, безспорно написанная очень живо и талантливо. Написана она, судя по нѣкоторымъ указаніямъ автора, во второй половинѣ 90-хъ годовъ,

Въ своихъ воспоминаніяхъ авторъ (родившійся въ 1848 году) рассказываетъ безъ утайки и безъ прикрасъ, но просто и правдиво, всю свою жизнь, начиная съ дѣтства и школьныхъ лѣтъ вплоть до своего побѣга изъ Сибири (куда онъ былъ сосланъ на каторгу) за границу въ 1881 году.

Владиміръ Карповичъ Дебагорій-Мокріевичъ принадлежалъ къ числу выдающихся революціонныхъ дѣятелей семидесятыхъ годовъ, — того достопамятнаго времени, когда пылкою и благородною русскою молодежью, (подъ влияніемъ, съ одной стороны, П. Л. Лаврова („Историч. письма“ и „Впередъ“), а съ другой знаменитаго М. А. Бакунина, — овладѣло неудержимое стремленіе освободить свою родину, свой родной народъ отъ экономическаго и политическаго гнета. Результатомъ этого стремленія и явилась, какъ извѣстно, революціонная пропаганда молодежи въ народъ („народохождение“,

по выраженію г. Дебагорія-Мокріевича), имѣвшая мѣсто въ семидесятихъ годахъ. Пропаганда дала отрицательные результаты. Нашъ тогдашній народъ оказался вовсе неподготовленнымъ къ немедленной революціи, какъ о томъ мечтали тогдашніе пропагандисты. Вслѣдствіе этого иные разочаровались въ народъ, другіе же, болѣе стойкіе, перешли къ другимъ формамъ и способамъ революціонной борьбы, въ результатъ чего явился терроръ, начавшійся съ выстрѣла В. И. Засуличъ въ генерала Трепова (въ январѣ 1878 года). Терроръ достигъ своего кульминаціоннаго пункта 1-го марта 1881 года.

Къ этому-то замѣчательному въ новѣйшей исторіи времени и относится большая часть „Воспоминаній“ г. Дебагорія-Мокріевича. Описавъ годы, проведенные имъ сперва въ немировской, а затѣмъ въ каменецъ-подольской гимназіи, авторъ повѣствуетъ о своихъ юношескихъ, студенческихъ (1866 и послѣдующіе) годахъ, проведенныхъ имъ въ кievскомъ университетѣ, затѣмъ переходить къ своему народничеству, а далѣе и къ самому своему хожденію въ народъ съ революціонными цѣлями, съ опредѣленною идеей—поднять бунтъ и такимъ образомъ добиться въ Россіи соціальной революціи и политическаго освобожденія Россіи. Самая революціонная пропаганда г. Дебагорія-Мокріевича и его товарищей происходила въ Кіевской губерніи. Но предварительно (въ 1873 г.) авторъ съѣздилъ за границу—въ Швейцарію, гдѣ познакомился съ Бакунинымъ и съ благословеніемъ, такъ сказать, этого великаго анархиста, отправился на революціонную борьбу на Руси. Бакунинъ рассказывалъ ему о своемъ пребываніи въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ, для развлеченія, онъ занимался тѣмъ, что кормилъ крошками хлѣба голубей на окнѣ своей одиночной камеры.

Интересно мнѣніе Бакунина о тогдашнихъ (1873 года) русскихъ революціонерахъ. „Бакунинъ, — говоритъ г. Дебагорія-Мокріевичъ, — возражалъ мнѣ, въ заключеніе вдругъ воскликнулъ: „Да что русскіе!?!.. Всегда они отличались стадными свойствами! Теперь они всѣ анархисты! На анархію мода пошла, а пройдетъ нѣсколько лѣтъ—и можетъ быть ни одного анархиста среди нихъ не будетъ!“— Эти слова—добавляетъ авторъ—глубоко врѣзались въ моей памяти и часто приходилось мнѣ потомъ ихъ вспоминать и видѣть въ нихъ пророческое значеніе.

Прощаніе г. Дебагорія-Мокріевича съ Бакунинымъ тоже вышло интереснымъ. Авторъ рассказываетъ объ этомъ такъ: „Бакунинъ высчиталъ по путеводителю количество денегъ, необходимыхъ для моего путешествія, и потребовалъ, чтобы я показалъ ему свой кошелекъ. Напрасно я старался убѣдить его, что денегъ у меня достаточно, и я въ нихъ не нуждаюсь. Онъ все таки настоялъ на своемъ: кошелекъ свой я долженъ былъ въ концѣ концовъ показать ему. До требуемаго количества не хватило тридцати съ небольшимъ франковъ.

— Я остановлюсь въ Богеміи. Тамъ у меня есть пріятель, у которыхъ я могу взять денегъ, сколько мнѣ понадобится,—объяснялъ ему я.

— Ну, ну, рассказывай!—возразилъ Бакунинъ. Онъ вытащилъ изъ стола небольшую деревянную коробочку, отворилъ ее, сопя отсчиталъ тридцать съ лишнимъ франковъ и передалъ мнѣ.

Мнѣ было очень неловко принимать эти деньги, однако я принужденъ былъ ихъ взять.

— Хорошо, по прїѣздѣ въ Россію я вышлю—проговорить я.

Но Бакунинъ только сопѣлъ и, глядя на меня, только улыбался.

— Кому? Мнѣ вышлешь?—спросилъ наконецъ онъ; потомъ добавилъ: это я дамъ тебѣ не свои деньги.

— Кому же ихъ переслать въ такомъ случаѣ?

— Большой же ты собственникъ! Да отдай ихъ на русскія дѣла, если ужъ хочешь непременно отдать.

Мы простились, и я выѣхалъ изъ Локарно.

Возвратясь на родину, г. Дебагорій-Мокрїевичъ энергично принялся за революціонную работу въ Кіевѣ и въ Кіевской губернии, и эта работа продолжалась до 11 февраля 1879 г., когда авторъ былъ арестованъ жандармскимъ капитаномъ Судейкинымъ (служившимъ тогда въ Кіевѣ) вмѣстѣ съ М. П. Ковалевской и П. А. Орловымъ въ квартирѣ шпионки Бабичевой, курсистки кіевскихъ женскихъ курсовъ, вкравшейся въ довѣріе кіевскихъ революціонеровъ, но состоявшей на жалованьи у жандармовъ. Арестъ и предшествовавшее ему передъ этимъ вооруженное сопротивленіе въ другой квартирѣ и въ другомъ домѣ со стороны товарищей автора описаны имъ необыкновенно живо и увлекательно.

Далѣе послѣдовали тюрьма, военный судъ и ссылка на каторгу, на пути къ которой г. Дебагорій-Мокрїевичъ и бѣжалъ, и пройдя разныя мытарства и приключенія, спасся за границей.

Въ книгѣ г. Дебагорія масса интересныхъ эпизодовъ, характеристикъ и подробностей, какъ бытовой, такъ и революціонной русской жизни семидесятыхъ годовъ, причемъ обрисованъ ярко и мѣтко рядъ болѣе или менѣе крупныхъ тогдашнихъ революціонныхъ дѣятелей. Но, понятно, что въ журнальной рецензіи невозможно исчерпать того богатаго матеріала, которыми изобилуетъ эта книга. Если бы можно было выписать всѣ интересные мѣста изъ этой книги, то, чего добраго, пожалуй, пришлось бы переписать всю книгу, а такъ какъ это немислимо, то я и совѣтую читателямъ „Былого“ самимъ прочесть „Воспоминанія“ извѣстнаго революціонера семидесятыхъ годовъ.

Въ заключеніе отмѣчу, что при чтеніи настоящей книги непріятно поражаетъ масса опечатокъ (иногда даже искажающихъ и смыслъ самой рѣчи), пестрящихъ сплошь всю книгу.

Д. П. Сильчевскій.

Рабочій Ежегодникъ. Годъ I. Книгоиздательство „Альманахъ“. Петербургъ 1906 г. ц. 60 к.

Въ составленіи Ежегодника принимали участіе многія, наиболѣе видныя, литературныя силы социалдемократіи: В. Засуличъ, Мартовъ, Луначарскій, Кольцовъ и другіе. К. Каутскій специально для Ежегодника написалъ статью: „Международное значеніе русскаго пролетаріата“. Большинство статей представляетъ значительный интересъ и теоретическій, и историческій, и справочный. Обстоятельно составлены: мѣсяцесловъ революціоннаго движенія, временникъ революціонныхъ событій за 1905 годъ и мартирологъ. Въ послѣднемъ перечислены всѣ смертныя приговоры и смертныя казни,

начиная съ декабристовъ; приговоры распредѣлены по роду „преступленій“, подсчетъ сдѣланъ по январю 1906 года.

Изъ статей по исторіи движенія отмѣтимъ слѣдующія:

Ю. Каменевъ даетъ сжатый очеркъ исторіи россійской социалдемократической рабочей партіи,—главнымъ образомъ исторію борьбы принциповъ. Въ статьѣ М. Лунца „Фабричное законодательство въ Россіи“ прослѣжено вліяніе рабочаго движенія на развитіе этого законодательства; всѣ данныя, приводимыя авторомъ, подтверждаютъ правильность его вывода: „партійная политическая борьба и профессиональные союзы—вотъ силы, которыя обезпечать пролетаріату необходимые ему фабричные законы“.

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить обзоры за богатый событіями 1905 годъ: Клейнборта „Россійская социалдемократія“; Б. Веселовскаго „Крестьянское движеніе“; Тотоміанца „Стачки въ Россіи“; Б. Веселовскаго „Роль земства“; Г. Гроссмана „1905 годъ за границей“ и др. По исторіи рабочаго движенія слѣдуетъ отмѣтить статью А. Коллонтай „Рабочее движеніе въ Финляндіи“. Въ біографическомъ отдѣлѣ находимъ очерки жизни Маркса, Энгельса, Лассала, Каутскаго, Вебеля, Гёда и Лафарга.

Статистическій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ между прочимъ данныя по избирательной статистикѣ, статистикѣ пролетаріата и статистикѣ стачекъ.

Въ справочномъ отдѣлѣ находимъ свѣдѣнія о фабричномъ законодательствѣ, правила объ обществахъ, собраніяхъ и профессиональныхъ союзахъ, объ избирательныхъ правахъ и,—характерно для рабочаго ежегодника нашихъ дней!—правила о порядкѣ свиданія съ заключенными въ Петербургѣ...

Тщательно составленный и хорошо изданный, довольно объемистый (свыше 300 страницъ) Ежегодникъ представляетъ собою очень полезную книгу для всякаго, интересующагося общественными дѣлами вообще и рабочимъ движеніемъ въ частности.

М. Ольминскій.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

- Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой, гр. Л. Н. Толстого т. III. № 3.
- Изданія „Библиотеки для всѣхъ“ О. Н. Рутенбергъ:
Георгъ Герронъ. Отъ революціи къ революціи. Уроки парижской коммуны 1871 г.
Г. Плехановъ. Генрикъ Ибсенъ. Ц. 25 к.
Г. Плехановъ. Къ вопросу о революціонной тактикѣ. Сила и насиліе. Ц. 5 к.
- Рихардъ Кальверъ. Христіанство и соціалдемократія. Ц. 5 к.
Книгоиздательство „Святель“:
Полезныя для всѣхъ свѣдѣнія № 4. Свѣдѣнія о землѣ въ Россіи сост. Л. Никифоровъ. Ц. 3 к.
Толковый словарь въ помощь при чтеніи газетъ, журналовъ и книгъ. Сост. Н. А. 2-ое изд. Ц. 7 к.
- Изданія „Равенство“:
Михаилъ Бакунинъ. Богъ и государство. Ц. 50 к. М. 1906 г.
Стенька заяцъ. Какъ мужики остались безъ начальства. Сказка. Ц. 5 к.
Жакъ Гравъ. Умиращее общество и анархія. Ц. 1 р. 1906 г.
- Изданія „Свободная Коммуна“:
Заявленіе передъ судомъ Жоржа Этьевана. 1906 г.
Новомірскій. Манифестъ анархистовъ-коммунистовъ.
Изданія „Истина“:
„Непримиримый“. Тактика интернац. С.-д. въ борьбѣ съ анархистами. Ц. 15 к.
- Книгоиздательство „Свобода“:
Элизе Реклю. Эволюція, революція и идеаль анархизма. М. 1906 г. Ц. 40 к.
Русскій рабочій союзъ. Ц. 3 к.
П. Крапоткинъ. Безначальный коммунизмъ и экспроприація М. 1906 г. Ц. 10 к.
- П. Кропоткинъ. Анархія, ея философія и идеаль. Воспоминанія о М. Бакунинѣ. М. 1906 г. Ц. 25 к.
П. Кропоткинъ. Узаконенная месть, именуемая правосудіемъ. М. 1906 г.
Книгоиздательство „Солидарность“:
Андрэ Жираръ. Анархія, и В. Э. Идеи революціоннаго анархизма среди французскаго пролетаріата. М. 1906 г. Ц. 12 к.
Себастьянъ Форъ. Преступленія Бога. Ц. 15 к. М. 1906 г.
Политическая энциклопедія под. ред. Слонимскаго т. I вып. 3-й.
Евг. Мазепикъ. Волостной писарь, Разсказъ, Кадниковъ. 1906 г. 25 к.
Евг. Мазепикъ. Повѣсти и разсказы изъ сельской жизни, Кадниковъ 1906 г. Ц. 1 р.
- Бой-Котъ. Пѣсни о четырехъ свободахъ. Кн-во „Прогрессъ Нашей Жизни“. СПБ. 1906 г. Ц. 10 к.

Е. А. Валле де Барръ. „Свобода“ русской печати (послѣ 17 окт. 1905). Самара 1906 г. Ц. 50 к.

И. М. Любомудровъ. Введение въ науку о справедливости Герб. Спенсера, составлено по Отто Гауппу. Ковровъ 1906 г. Ц. 15 к.

Издания О. Н. Поповой:

Теодоръ Липпсъ. Руководство къ психологii. Перев. съ нѣм. М. А. Лихарева. Ц. 1 р. 50 к.

Вильгельмъ Блоссъ. Исторiя германской революцiи 1848 г. Перев. Радомыльскаго подѣ ред. Луначарскаго. 1907 г. Ц. 1 р. 20 к.

Н. А. Рожковъ. Какъ произошло и какъ развилось самодержавiе въ Россii. СПб. 1907 г. Ц. 6 к.

Темы жизни № 15. П. Кричевскiй. Восьмичасовой рабочей день Ц. 15 к.
Ивановъ - Разумникъ. Исторiя русской общественной мысли т. I и II за оба тома 3 р. Изд. помѣщ. въ книж. скл. М. М. Стасюлевича СПб. 1907 г.
С. И. Игнатьевъ. Куланайпа акциземъ синбень (О налогахъ). Ц. 3 к.
Изд. газ. „Хипоръ“. Казань 1906 г.

Крестьянскiе наказы Самарской губ. (Опытъ собиранiя материаловъ русской революцiи). Со вступ. статьей А. А. Васильева и В. А. Кудрявцева. Изд. въ конторѣ газеты „Самарскiй Курьеръ“.

Книгоиздательство „Вѣрный Путь“:

Александръ Златкинъ. Земля, Разказъ. Ц. 2 к. 1906 г.

Александръ Златкинъ. Въ натурѣ. Разказъ. Ц. 1 к.

Ольговичъ. Что сказала деревня первой Государственной Думѣ (27 апрѣля—9 июня). 1906 г. Ц. 4 к.

О. Волькенштейнъ. Кому и зачѣмъ нужно всеобщее избирательное право. 1906 г. Ц. 4 к.

Эльве. Для чего нужно народное образование СПб. 1906 г. Ц. 4 к.

Издание редакцiи журнала „Русское Богатство“:

С. А. Савенкова. Годы скорби. (Воспоминанiя матери). СПб. 1906 г. Ц. 15 к.

П. Лавровъ. Задачи позитивизма и ихъ рѣшенiе. Теоретики 40-хъ годовъ въ наукѣ о вѣрованiяхъ СПб. 1906 г. Ц. 40 к.

Григ. Бѣлорѣцкiй. Безъ идеи. (Изъ разказовъ о войнѣ). СПб. 1906 г. Ц. 75 к.

Амфитеатровъ. Сказанiя времени. СПб. 1907 г. Ц. 1 р.

Гессенъ. О жизни евреевъ въ Россii. К-во „Общественная Польза“ Ц. 75 к.

Марксъ и Энгельсъ наканунѣ ихъ историческаго выступленiя. К-во „Новый голосъ“.

М. Ковалевскiй. Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патрiархальной монархii къ парламентаризму. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.

Библиотека „Юнаго Читателя“:

С. Русова. Рылѣвъ. Пѣвецъ и мученикъ свободы Ц. 5 к.

Отто Эрнстъ. Исторiя молодой жизни. Пер. В. Исполотовой. Ц. 20 к.

Среди дикарей. Биографич. разказъ Виктора Окса. Ц. 15 к.

М. Собинина. Въ рѣкахъ и прудахъ. Ц. 15 к.

Э. Пименова. Эринъ—Изумрудный островъ. Ц. 20 к.

Э. Пименова. Небесная имперiя. Ц. 25 к.

П. Телли. Изъ жизни уличнаго мальчика. Ц. 5 к.

Б. Зуттнеръ. Долой оружiе. Ц. 15 к.

В. Лензенъ. Во славу Божiю. Ц. 15 к.

Е. Колтоновская. Поборница справедливости (Э. Оржешко). Ц. 5.

Ал. Алтаевъ. Подѣ знаменемъ башмака. Ц. 50 к.

Крэнъ. Джонъ Халифаксъ. Ц. 20 к.

Францискъ Пизарро и завоеванiе Перу. Ц. 20 к.

С. Р. Микуловъ. На крестахъ. Ц. 30 к.

Кампфмейеръ. Измѣненiя въ теорii и практикѣ социал-демократii Перев. съ нѣмецкаго Шутикова СПб. 1906 г. Ц. 25 к. К-во Е. Д. Мягкова „Колоколь“.

- К-во „Молодая Россія“:
Популярная библиотека № 10. Сергѣй Самагинъ. Изъ прошлаго М 1906 г. Ц. 3 к.
Популярная библиотека. № 11. Сборникъ стихотвореній. Составилъ Дѣдусъ. Ц. 8 к. М. 1906 г.
Юлій Словацкій. Ангелли пер. В. Высоцкаго. Ц. 25 к.
Джонъ Лондонъ. На днѣ. Очеркъ изъ жизни лондонскихъ бѣдняковъ. Пер. съ нѣм. Е. Гурвичъ М. 1906 г. Ц. 75 к.
П. Умбреттъ. Значеніе и задачи центральныхъ бюро профессиональныхъ союзовъ. Перев. съ нѣм., со вступ. стааьей В. Гриневича: Организация и задача центральныхъ бюро въ Россіи“. К-во „Молоть“. Ц. 30 к. СПб. 1906 г.
Книгоиздательство „Впередъ“:
М. Ольминскій. Памяти погибшихъ. СПб 1907 г. Ц. 10 к.
Н. Ленинъ. Соціалдемократія и избирательныя солгашенія. Ц. 6 к.
Сергѣй Мининъ. Письмо къ пролетарію. (О программѣ и партіи с.-р.) съ прилож. статьи П. О. О трудовой и потребительной нормѣ. Ц. 5 к.
К. Каутскій. Мангеймскій партейтагъ пер. съ нѣм. Ц. 3 к.
Отвѣтъ польскихъ социаль-демократовъ Плеханову по вопросу о чрезвычайномъ създѣ рос. с.-д. р. п. СПб. 1906 г. К-во „Новая Волна“.
Н. Ленинъ. Выступленіе Мартова и Череванина въ буржуазной печати. СПб. Ц. 5 к. К-во „Пролетарское Дѣло“.
Л. Андреевъ. Памяти Владиміра Мазурина. СПб. 1906 г. Ц. 3 к.
Газеты: Впередъ № 2 Суббота ²³/₉ и № 3 отъ 7 окт. 1906 г. Орг. Моск. Пет. Пермск. Курск. и Моск. Окр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Голось Пролетарія № 2 ²⁸/₉ и № 3 ¹⁸/₁₀ Орг. Выборскаго района Р. С.-Д. Р. П.
Трудъ № 3 и № 4 Изд. Пет. Ком. парт. с.-р. Окт. 1906 г.
Казарма № 3 отъ ⁴/₄, № 8 отъ ⁹/₁₀ и № 9 отъ ²⁹/₁₀ Орг. Воен. Орг. при П. К. Р. С.-Д. Р. П.
Robotnik, Organ P. P. S. №№ 192, 193 и 196.
Военный Листокъ. Изд. Таврич. Союза пар. с.-р. № 5 1 окт. 1906 г.
Борьба № 1. 9 сен. 1906 г. Изд. Ц. К. С.-Д. Латыш. Края.
Листки „Хлѣбъ и Воля“ Орг. коммун. анархист. № 1 ³⁰/₁₀ 1906 г. London.
Воля Политич. общест. и литерат. газета. Изд. с.-р. № 71 ⁴/₁₀ и № 72 ⁹/₁₀ 1906 г. Японія Нагасаки.
Пролетарій № 5. Суб. 30 сент. 1906 г. Орг. Моск. Петер. Московскаго Окруж. Перм. и Курскаго Комит. Р. С.-Д. Р. П.
Партійныя извѣстія № 1 22 окт. 1906 г. Изд. Ц. К. партіи с.-р.
Солдатская Мысль № 1 (сент.) и № 2 (окт.) Изд. Воен. Орг. Петер. Воен. Окр. п. с.-р. 1906 г.
Уфимскій рабочій № 2 и № 3 Еженед. изд. Уфим. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 15 и 22 окт. 1906 г.
Солдатская Газета № 3. Изд. Ц. К. пар. с.-р. 8 окт. 1906 г.
Соціалдемократъ № 3. Изд. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 13 окт. 1906 г.
Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ № 5 3 нояб. 1905 г.
По поводу обращенія депутатовъ къ народу Костр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Три конституціи или три порядка государственнаго устройства. Изд. газ. „Пролетарій“ Р. С.-Д. Р. П.
2 листка Тульскаго Ком. пар. с.-р.
2 листка Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 1905 г.
Не давайте солдатъ. Обл. Ком. Центр. Орг. пар. с.-р. Изд. Тав. Союз. Ком. п. с.-р. сент. 1906 г.
Ко всему народу. Моск. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
2 листка федератив. Ком. рижскихъ с.-д. рабочихъ организ. 1906 г. июнь.
Веп Адер. Смѣлость слова и трусость мысли. Изд. Витеб. Евр. с.-д. р. п.
По поводу выступленія Бунда изъ р. с.-д. р. п. Изд. Мин. орг. Ком. Пойалей-Ціонъ 1904 г.
9 января. Сборникъ для провинціи. Изд. гр. с.-р. СПб. 1905 г.
2 листка Ц. К. Углич. Орг. при П. К. Р. С.-Д. Р. П.
Товарищи! Царское правительство отдало подъ судъ Сов. Раб. en П. К. Р. С.-Д. Р. П.

- Къ кронштадскимъ матросамъ и солдатамъ. Исп. Ком. Воен. и Рабоч. Орг. Р. С.-Д. Р. П.
- О внутренней войнѣ. } Изд. Орг. Воен. при П. К. Р. С.-Д. Р. П. 1906 г.
Дворянскій царь. }
- Еще одна жертва! Организ. солдатъ новочеркас. полка. Изд. В. О. при П. К. Р. С.-Д. Р. П. окт. 1906 г.
- Солдатская доля. Воен. Орг. П. К. Р. С.-Д. Р. П.
- Письмо крестьянина о рекрутскомъ наборѣ. Изд. В. О. при П. К. Р. С.-Д. Р. П. окт. 1906 г.
- Гг. депутаты Трудовой Группы. Раб. Орг. П. К. пар. с.-р. май 1906 г.
- Солдатская Бесѣда. Изд. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.
- Примѣрный уставъ боевой дружины. Изд. Цент. Крестьян. Ком. при Ц. К. пар. с.-р. М. 10 окт. 1906 г.
- Откуда берутся и куда идутъ народныя деньги. }
Къ товарищамъ. } Барнаульск. Ком. Р. С.
Манифестъ ко всѣмъ рабочимъ Россіи отъ депутатовъ-рабочихъ въ Гос. Думѣ. } Д. Р. П. июнь 1906 г.
- Ко всѣмъ учащимся среднеучеб. заведеній Царства Польскаго. Товарищи! Варшава 12 окт. 1906 г.
- Въ годовщину. Товарищи! Коалиц. союз. мѣстныхъ ученическихъ революц. организацій Баку.
- Не дадимъ царю солдатъ. Оппоз. орг. с.-р. Исп. Ком. Оппоз. Орг. с.-р. 17 окт. 1905—1906 г. Изд. Обл. Комит. Закавказ. Союза п. с.-р. 17 окт. 1906 г.
- Товарищи граждане! Бат. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 17 окт. 1906 г.
- Манифестъ къ арміи и флоту. Отъ Тр. Гр. С.-Д. фракціи. Изд. Бат. Ком. п. с.-р. 12 июня 1906 г.
- Товарищи солдаты! Воен. Орг. при Бат. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 15 окт. 1906 г.
- Товарищи граждане! Бат. Ком. Закавказ. Союза п. с.-р. 17 окт. 1906 г.
- Товарищи солдаты. Совѣт. Батум. Гарнизона Всеросс. Воен. Союза.
- Ко всѣмъ гражданамъ Объединен. Ком. Казачьей Орг. Р. С.-Д. Р. П. и Новочеркасской гр. Р. С.-Д. Р. П. Новочерк. 17 окт. 1906 г.
- 14 различныхъ листковъ Организ. Ком. СПб. Университ. и др. 1901 г.
- Къ войскамъ Финляндіи Воен. Орг. Р. С.-Д. Р. П. въ Финляндіи 14 окт. 1906 г.
- О поручикѣ Шиффсъ Воен. Орг. при П. К. Р. С.-Д. Р. П.
- Бюллетени Перваго Всероссийскаго Делегатск. съѣзда желѣзнодорожныхъ служащихъ №№ 1, 3, 6 и 9.
- До селянъ Украинск. Полт. Ком. Р. С.-Д. Р. П. июнь 1906 г.
- Къ солдатамъ Полт. Ком. пар. с.-р. июнь 1906 г.
- Готовьтесь! Главн. Ком. Укр. С.-Д. Спилки Р. С.-Д. Р. П. июнь 1906 г.
- Товарищи и граждане! Полт. Ком. Р. С.-Д. Р. П. окт. 1906 г.
- Ко всѣмъ солдатамъ. Объедин. Ком. с.-д. организ. г. Полтава. „30 окт. въ Москвѣ при покушеніи“ Обл. Ком. Цент. обл. пар. с.-р.
- Къ партійнымъ организаціямъ Ц. К. пар. с.-р. июль 1906 г.
- Що треба, а чо не треба робити. Укр. С.-Д. Р. П. Полт. Ком. авг. 1906 г.
- Нѣсколько листковъ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 1905 г.
- Товарищи, солдаты, матросы, рабочіе и всѣ граждане. Совѣт. Ком. пар. с.-р. сент. 1906 г.
- Къ рабочимъ и крестьянамъ. Пенз. Губ. Ком. пар. с.-р. Пенз. гр. с.-д. р. п., Пенз. Бюро Всер. Кр. Союза. Пенз. желѣзнодорож. союзъ.
- Братья крестьяне! Всерос. Крестьян. Союзъ.
- Отчетъ Бакин. Ком. парт. с.-р. за сент. 1906 г.
- Нѣсколько листковъ Русскаго Собранія 1905 г.
- 13 листковъ Муром. группы, пар. с.-р. 1905 и 1906 г.
- Ко всему трудовому народу Обл. Ком. п. с.-р.
- Нѣсколько листковъ Нижегород. Ком. п. с.-р. 1906 г.
- Постановленія Владим. Губ. Съѣзда июль 1906 г. Влад. Губ. Ком. п. с.-р.
- Граждане 20 февр. соберется вторая Гос. Дума. Группа избирателей 1 нояб. 1906 г.

Письма къ товарищамъ Област. Ком. закавказ. с.-д. раб. организ
15 окт. 1906 г.
Къ избирателямъ Центр. Изб. Ком. Бат. орг. Р. С.-Д. Р. П. 25 окт. 1906 г.
Товарищи-революціонеры Батум. раб. синдикат. анархистовъ коммуни-
стовъ „Интернаціоналъ“ 25 окт. 1906.
Отчетъ Бат. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Товарищи солдаты! Ростовль въ тюрьмѣ Всерос. Воен. Союз. Тип. Бат.
К. пар. с.-р.
17 ноября въ П—бургѣ. (Прокламація 1886 года по поводу Добролюбов-
ской демонстраціи).
Чего ожидать отъ коронаціи (брошюра 1883 г. С. Н. Кривенко, напечат.
въ летуч. типогр. „Народной Воли“).
Къ тов. рус.-соц. Жен. 3 ноября 1881 г.
Практ. работа группы „Народной Воли“ 27 июня 1883 г.
Листокъ по поводу разстрѣла Неустроева въ Иркутскѣ 1883 г.
Прокламація Исп. Ком. по поводу казни Судейкина.
Къ русской интеллигенціи 19 февр. 86 г. Изд. груп. народниковъ.
Къ бѣлорусской интеллигенціи прокл. 1885 г.
Программа органа „Чистый социалистъ“.
Прилож. къ листку Народной Воли № 1 (20 авг. 1883 г.).
Листокъ Н. В. № 1 (20 июля 83 г.).
2-ое прил. къ № 1 журн. „Студенчество“ (1883 г.).
Программа Вѣстника Н. В. (1883 г.).
Народная Воля №№ 10 и 11—12.
Уставъ о-ва страх. отъ административнаго и фабр. произвола (1886 г.).
Свобода №№ 1—2, 3, 5 (Женева 1888).
Самоуправленіе № 2 (1888).
Своб. слово №№ 6—7 1884 г.
Летучій листокъ З. и В. № 2.
Къ обществу 1902. Изд. „Кассы радикаловъ“.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ получено:
Изъ Николаева, за картину, разыгранную въ лоттереею отъ
NN—120 рублей.
Изъ Балты, отъ г. Шафермана—50 руб.
Деньги переданы по назначенію.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Приготовляя къ печати большую біографію Ф. М. Достоевскаго, обращаюсь за помощью ко всѣмъ, кто имѣетъ письма Федора Михайловича и воспоминанія о немъ. Всѣ, чтущіе память Достоевскаго и любящіе его, не могутъ не пожелать, чтобы новая *большая* біографія Ф. М. Достоевскаго, какой теперь еще не имѣется, вышла бы какъ можно болѣе многосторонней и исчерпывающей. Въ виду этого очень прошу, всѣхъ лицъ, обладающихъ *неизданными письмами Достоевскаго и другими біографическими матеріалами—воспоминаніями и сообщеніями,*—какъ бы не казались они мало-содержательными,—прислать мнѣ ихъ *для снятія копій.* Такъ-же прошу лицъ, *печатавшихъ когда либо и что либо о Достоевскомъ,* воспоминанія, письма, статьи и замѣтки (*особенно въ газетахъ*) сообщить мнѣ названіе, годъ и №№ изданія, гдѣ написанное имя было помѣщено, а если возможно, то прислать самое изданіе (если эта газета) для снятія копій. Все присылаемое мнѣ я скопирую и самымъ скорымъ и аккуратнымъ образомъ ращу обладателямъ.

Само собою разумѣется, что доставленный матеріалъ, который я использую въ моей біографіи Достоевскаго, я, по напечатаніи ея и по соглашеніи съ издателемъ, смогу также и оплатить.

Всѣмъ, кто отзовется на призывъ, заранѣе выражаю глубочайшую благодарность. Пусть этимъ путемъ, люди, знающіе Достоевскаго, имѣющіе письма и сообщенія о немъ, почтять память великаго русскаго гевія.

А. С. Глинка (Волжскій).

II.

Подготовляя къ печати работу о жизни, дѣятельности и времени Николая Гавриловича Чернышевскаго, позволяю себѣ обратиться съ просьбою о содѣйствіи ко всѣмъ лицамъ, которыя могли бы сообщить какія либо воспоминанія, свѣдѣнія, записки, письма или иные матеріалы, имѣющіе отношеніе къ Чернышевскому, къ ближайшимъ товарищамъ его по журналу „Современникъ“ и къ вліянію дѣятельности Чернышевскаго на общество и литературу.

Авторамъ замѣтокъ и статей по этому предмету, помѣщенныхъ въ малодоступныхъ изданіяхъ (заграничныхъ и провинціальныхъ, особенно сибирскихъ) буду весьма благодаренъ за присылку и этого рода матеріала или по крайней мѣрѣ бібліографическихъ о немъ указавій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приношу искреннюю благодарность лицамъ уже подѣлившимся нѣкоторыми данными о Чернышевскомъ.

Адр.: Нижній Новгородъ, редакція „Нижегородскаго Листка“ Васплію Евграфовичу Чешихину.

Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ).

P. S. Просьба къ редакціямъ журналовъ и газетъ (особенно провинціальныхъ) о перепечаткѣ настоящаго письма.

Современная лѣтопись.

Въ теченіе октября зарегистрированы нижеслѣдующіе смертныя приговоры и смертныя казни:

1) Въ Кутансѣ, 1 октября. За разбой, по приговору полевого суда, въ Квирилахъ, казнены крестьяне—*Мелитонъ Схиладзе и Димитрій Тапатадзе.*

2) Въ Варшавѣ, 1 октября. Приговоръ Домбровскаго къ смертной казни распоряженіемъ генераль-губернатора замѣненъ ссылкой въ каторжныя работы на 20 лѣтъ.

3) Въ Квѣльцахъ, 2 октября. Утромъ, по приговору военно-полевого суда, *разстрѣляны грабитель Капуснякъ.*

4) Въ Кіевѣ, 2 октября. — Военно-окружнымъ судомъ *приговорены къ повѣшенію: Воймарскій и Вареникъ* за вооруженное нападеніе на ювелирный магазинъ Нейдерфа въ Кіевѣ.

5) Въ Ташкентѣ, 2 октября. — Военно-окружный судъ, приговорившій убійцу прокурора Шарыгина Бодрицкаго къ повѣшенію, ходатайствовалъ передъ командующимъ войсками о помилованіи преступника по молодости лѣтъ и личнымъ условіямъ, смягчающимъ вину. Генералъ Маціевскій замѣнилъ смертную казнь 20-лѣтней каторгой.

6) Въ Кокандѣ, 3 октября. — Сегодня въ 4 часа дня въ стѣнахъ тюрьмы по приговору военно-полевого суда *повѣшены два туземца, оказавшіе вооруженное сопротивление при задержаніи и убившіе полицейскаго.*

7) Въ Ростовѣ-на-Дону, 3 октября. Участники ограбленія конторы Фридбергъ—*три еврея и трое христіанъ по приговору военно-полевого суда разстрѣляны.*

8) Въ Варшавѣ, 3 октября. По приговору военно-полевого суда, утвержденному начальникомъ Гарволинскаго гарнизона, казнены крестьяне *Криеръ, Николайчукъ, Новекъ, Прочекъ и Серапскій* за вооруженное нападеніе и грабежъ въ Новой-Александрин. По приговору полевого суда *разстрѣляны за грабежъ и разбой крестьяне Песлякъ и Вознякъ.*

9) Въ Либавѣ, 3 октября. Крестьяне *Янъ Преденъ и Яковъ Туликъ, ограбившіе въ Либавѣ винную лавку, временнымъ военнымъ судомъ въ Митавѣ приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*

10) Въ Ригѣ, 3 октября. По приговору военно-полевого суда *разстрѣляны въ имѣніи Нитау рижскаго уѣзда пять грабителей: Аналитъ, Рудзитъ, Знотинъ, Адамсонъ и Миндербъ.*

11) Въ Петербургѣ. Приговоренному военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе бывшему рабочему Путиловскаго завода Цедзинскому, по обвиненію въ убійствѣ городского, 3 октября замѣнена смертная казнь безсрочной каторгой.

12) Въ Варшавѣ, 3 октября. По приговорамъ военно-полевыхъ судовъ за участіе въ грабежахъ казнены въ *Андреевъ, Клясицкой губ.—двое.*

13) Въ Особомъ присутствіи Ташкентской судебной палаты 6 сентября слушалось дѣло инженера Соколова, годъ тому назадъ приговореннаго военно-полевымъ судомъ къ смертной казни, и электротехника Симонова, обвиняемаго по 3 п. 129 ст. Резолюціей палаты Соколовъ оправданъ, а Симоновъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ.

14) Въ Варшавѣ, 5 октября. Утромъ въ цитадели казненъ черезъ повѣшеніе Мотель, приговоренный военно-окружнымъ судомъ за покушеніе на патруль.

15) Изъ мѣстечка Нерфъ Лифлянд. губ. сообщаютъ о *разстрѣляніи* по приговору военно-полевого суда *крестьянина Асбера* за вооруженное нападеніе.

16) Въ Телавѣ, 5 октября. Въ пятомъ часу по приговору военно-полевого суда разстрѣлянъ въ оградѣ тюрьмы убійца городского.

17) Изъ мѣстечка Цабельнъ Лифлянд. губ. сообщаютъ о *приговорахъ къ смертной казни военно-полевымъ судомъ 19-лѣтняго Гаили* за поджогъ Стенденскаго лѣсничества.

18) Въ Екатеринославѣ, 6 октября. Трое анархистовъ братья Липманъ и Лapidусъ, напавшіе съ цѣлью ограбленія на еврея Могильницкаго, *военно-полевымъ судомъ приговорены къ разстрѣлянію.* Въ 5 час. утра *приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

19) Въ Москвѣ, 7 октября. Военно-полевымъ судомъ *приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе Михайловъ*, убившій на московско-курской жел. дорогѣ жандарма Ломачева.

20) Въ Кіевѣ, 8 октября. Военно-окружнымъ судомъ соучастникъ казеннаго Рудановскаго Зинченко, обвинявшійся въ вооруженномъ сопротивленіи полиціи при арестѣ его на улицѣ, *приговоренъ къ смертной казни*, при чемъ судъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ казни ссылкой въ каторжные работы на 15 лѣтъ.

21) Въ Митавѣ, 6 октября. *Разстрѣяны латыши Зютеъ и Берзинъ* за ограбленіе въ концѣ прошлаго года винной лавки въ Фрауенбургѣ, съ похищеніемъ 3,000 рублей, и за участіе въ другихъ грабежахъ. Вожакъ шайки Пукударсъ приговоренъ къ четырехлѣтней каторгѣ, *еврей Аренсбургъ* за пораненіе городского—къ *смертной казни.*

22) Въ Красноярскѣ, 8 октября. Трое неизвѣстныхъ, назвавшихся Петромъ Сергѣевымъ, Андреемъ Стасенковымъ и Федоромъ Лышковскимъ, въ квартирѣ которыхъ обнаружено около пуда динамита и двѣ готовыя бомбы, приговорены военно-полевымъ судомъ къ 15-лѣтней каторгѣ каждый.

23) Въ Митавѣ, 8 октября. Разстрѣяны въ виндавскомъ уѣздѣ два брата Трейлоны.

24) Въ Умані, 8 октября. Окружнымъ судомъ законченъ разборъ дѣла объ аграрныхъ беспорядкахъ въ Нерубайкѣ, гдѣ стражниками былъ убитъ одинъ крестьянинъ и ранено 19. Предано суду 22 крестьянина, двое оп-

равданы. Приговорены къ тюремному заключенію 16 человекъ на 10 мѣсяцевъ и 4 человекъ на 6 мѣсяцевъ.

25) Въ Варшавѣ, 9 октября. Вчера военно-полевымъ судомъ *приговоренъ къ смертной казни Винклеръ*, обвинявшійся въ покушеніи на ограбленіе кассировъ варшавскихъ трамваевъ и въ нанесеніи огнестрѣльныхъ ранъ городовому, отъ которыхъ тотъ скончался. Сегодня *приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

26) Въ Либавѣ, 9 октября. Задержанный полиціей при вооруженномъ нападеніи на пивоварню завода Рамзай грабитель *Рейтольдъ сегодня полевымъ судомъ приговоренъ къ повѣшенію*. 10 октября *К. Рейтольдъ разстрѣлянъ въ крѣпости*.

27) Въ Тифлисѣ, 9 октября. Вчера военно-полевой судъ *приговорилъ крестьянина Козмѣва къ повѣшенію за убійство и пораненіе*.

28) Въ Ревель, 9 октября. Смертная казнь крестьянину Вильдену, по приговору военно-окружнаго суда за разбойническое нападеніе на крестьянку, замѣнена генераль-губернаторомъ каторжными работами на 20 лѣтъ.

29) Въ Андиганѣ, 10 октября. *Утромъ повѣшены трое грузинъ*, приговоренныхъ военно-полевымъ судомъ къ смертной казни за похищеніе у фирмы Крафтъ 50,000 р.

30) Въ Екатеринославѣ, 10 октября. *Горбуновъ* ограбившій на 9,000 р. жельзнодорожнаго артельщика и ранившій его, *военнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни*.

31) Въ Кіевѣ, 10 октября. Генераль-губернаторъ замѣнилъ Полонскому, виновному въ бросаніи бомбы въ Житомирѣ и Калинѣ, виновному въ покушеніи на пристава, смертную казнь пожизненной каторгой.

32) Въ Петербургѣ, рядовому новочеркасскаго полка Матвѣеву, приговоренному къ разстрѣлу за оскорбленіе офицера, смягчено наказаніе безсрочной каторгой.

33) Въ Вильнѣ, 10 октября. Въ военно-окружномъ судѣ сегодня разбиралось дѣло по обвиненію Шухатовича, Шварца и Осаковского въ убійствѣ въ Слонимѣ стражника. Всѣ трое признаны виновными и *приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе*.

34) Въ Тифлисѣ, 11 окт. Полевой судъ приговорилъ къ повѣшенію за вооруженное сопротивленіе *мѣшанина Гуджабидзе*. 13 окт. *приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

35) Въ Одессѣ, 11 октября. Военный судъ *приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе потомст. почетнаго гражданина Козакевича*, обвинявшагося въ разбойномъ нападеніи съ цѣлью грабежа.

36) Въ Митавѣ, 10 октября. Вчера по приговору полевого суда *разстрѣлянъ террористъ Папендикъ*.

37) Въ Митавѣ, 12 октября. Засѣдающій почти ежедневно военный судъ *приговорилъ латгиса Штромбаха*, за участіе въ вооруженномъ нападеніи на драгунъ въ декабрѣ 1905 г., къ смертной казни. *Приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

38) Въ Ташкентѣ, 12 октября. Убившій Курицына Гринбергъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, 16 октября командующимъ войсками смертный приговоръ убійцѣ доктора Курицына, Гринбергу, замѣненъ вѣчной каторгой.

39) Въ Екатеринославѣ, 12 октября. Арестанты Потемкинъ и Савченко, задушившіе въ арестантскомъ отдѣленіи товарища Переваленко, *приговорены къ повѣшенію*.

40) Въ Ригѣ, 13 октября. По приговору военно-полевого суда *присуждены* вчера поздно вечеромъ къ *смертной казни Душасъ, Озолинъ и Гайлицъ*, Оправданъ Михельсонъ, привлеченный къ суду по оговору первыхъ.

41) Въ Варшавѣ, 13 октября. По *приговору военно-полевого суда разстрѣляны Олмшевскій, Бляховичъ и Гржибовскій*, покушавшіеся на убійство земскаго стражника 7 октября, въ деревнѣ Раковѣ, подъ Варшавой.

42) Въ Саратовѣ, 14 октября. Смертный приговоръ Скутельмину, стрѣлявшему въ начальника тюрьмы Шаталова, замѣненъ 15-лѣтней каторгой.

43) Въ Ригѣ, 13 октября. Вчера въ 4 часа дня *разстрѣляны по приговору военно-полевого суда* въ Кокенгузенѣ близъ Риги *грабители Калынинъ, Ариуль*. Оправданъ Залить.

44) Въ Перновѣ, 14 октября. По приговору военно-полевого суда въ 7 час. утра *разстрѣляны убійцы урядника Лаура*—крестьяне *Кириштейнъ, Бульбергъ и Грейлобъ*.

45) Въ Юзовкѣ, 14 октября. Вчера въ поселкѣ Дмитріевкѣ *разстрѣляны по приговору военно-полевого суда злоумышленникъ* за вооруженное нападеніе на магазинъ.

46) Въ Екатеринославѣ, 14 октября. Военный судъ *приговорилъ Цитровскаго и Щербакова*, подозрѣваемыхъ въ грабѣжъ и стрѣлявшихъ въ жандармовъ и солдатъ при арестѣ на станціи „Мальцево“, къ *повѣшенію*.

47) Въ Таганрогѣ, 14 октября. 11 октября въ поселкѣ Николаевскомъ на землѣ Михалкова *по приговору военно-полевого суда казнены крестьяне Алтуховъ и Корниловъ* за вооруженные грабежи.

48) Въ Люблинѣ, 14 октября. Сегодня по приговору военно-полевого суда *разстрѣляны за убійство и грабежъ въ любленскомъ уѣздѣ Худзикъ и Ривка*.

49) Въ Юрьевѣ, 14 октября. Троекратно присужденному военнымъ судомъ къ смертной казни Гольденбергу казнь замѣнена 20-лѣтней каторгой.

50) Въ Севастополѣ, 15 октября. Вчера въ 5 час. вечера убитъ начальникъ охраннаго отдѣленія Михайловъ. *Задержанный убійца*, отказавшійся назвать себя, военно-полевымъ судомъ *приговоренъ къ смертной казни*. *Приговоръ ночью приведенъ въ исполненіе*.

51) Въ Кутаисѣ, 15 октября. За разбойничье нападеніе, по приговору военно-полевого суда, *разстрѣляны разбойникъ Ной-Гонейридзе*.

52) Въ Тифлисѣ, 16 октября. По приговору военно-полевого суда въ Сигнахѣ *разстрѣляны двое лицъ за покушеніе на убійство и пораненіе стражника*.

53) Въ Петербургѣ, 16-го октября закончились засѣданія военно-полевого суда по дѣлу объ обвиненіи одиннадцати лицъ въ ограбленія 386 тысячъ у казначея с.-петербургской портовой таможи. Судъ призналъ виновными: именовавшаго себя „Сертьемъ“, Исаака *Рабиновича*, Евгенія *Эйхенбаума*, Ивана *Мишина*, Александра *Кочеткова* (онъ-же Сомовъ и Розенбергъ), Ивана *Толмачева*, Сергѣя *Голубева*, и Павла *Дорофьева*, и постановилъ: *подвергнуть названныхъ восемь лицъ смертной казни черезъ повѣшеніе*. Что же касается подсудимыхъ Никиты Лебедева, Афанасія Михайлова и Нико-

лая Варишкина, обвиняющихся по тому же дѣлу, то судъ опредѣлилъ: за недостаточностью очевидности учиненія ими преступнаго дѣянія возвратить дѣло о нихъ для направленія въ обычномъ порядкѣ.

Приговоръ приведенъ въ исполненіе 18 октября въ Кронштадтѣ рано утромъ въ форть № 6 Сѣвернаго фарватера.

54) Въ Кронштадтѣ. Во время засѣданій военно-временнаго суда въ Кронштадтѣ по дѣлу о возстаніи матросовъ было задержано пять лицъ, которыя за намѣреніе бросить бомбу въ помѣщеніе, гдѣ засѣдалъ судъ, были преданы военно-полевому суду.

17 октября *судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни и приговоръ приведенъ въ исполненіе. Среди казенныхъ рядовые: Константинъ Власовъ, Алексѣй Ипатовъ, рабочий Вячеславъ Тубилевичъ и двѣ женщины: Анастасія Мамаева и Анна Венедиктова.*

55) Въ Петербургѣ. 18 октября, по приговору военно-полевого суда *подвергнутъ смертной казни Василій Топориковъ* (онъ-же Соловьевъ). *Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе вмѣстѣ съ осужденными тѣмъ же судомъ участниками ограбленія казначея портовой таможни.*

Василій Топориковъ обвинялся въ вооруженномъ нападеніи, съ цѣлью ограбленія, на мелочную лавочку на Архангельской ул., по Выборгской сторонѣ, но былъ задержанъ постовымъ городовымъ.

56) Въ Варшавѣ, 16 октября. Въ военномъ судѣ разсматривалось дѣло *Сурда и Янкевича*, обвинявшихся въ вооруженномъ нападеніи въ ильецкомъ уѣздѣ на винныя лавкичъ нанесеніи тяжелой раны солдату. *Оба приговорены къ смертной казни.* Крестьяне Франкъ и Сикоръ, обвинявшіеся въ разбоѣ въ Люблинѣ и убійствѣ нижняго чина, приговорены: первый—къ безсрочной каторгѣ, второй—къ каторгѣ на 20 лѣтъ. Баллертъ, обвинявшійся въ стрѣльбѣ въ проходившій патруль, приговоренъ въ арестантскія отдѣленія на три года. 23 октября *смертный приговоръ надъ Янкевичемъ и Сурдою приведенъ въ исполненіе.*

57) Въ Липовцѣ, 17 октября. Бѣглый каторжникъ *Дубовый* и рецидивисты-воры *Негода, Болибрюхъ и Глибоцкій* за два вооруженныхъ нападенія съ цѣлью грабежа *приговорены военно-полевымъ судомъ къ смертной казни.* Сегодня въ 6 час. утра *приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

58) Въ Кѣльцахъ, 18 октября. Полевой судъ *приговорилъ* крестьянина *Казимира Дыжсу* за убійство дѣсника самсоновскаго дѣсничества *къ смертной казни.* 20-го *приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

59) Въ Екатеринославѣ, 17 октября Екатеринославскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ преданы военно-полевому суду крестьяне Александровскаго уѣзда: Елисей Доля, Пантелеймонъ Чичикало, Василій Гавичъ и Трофимъ Таранъ по обвиненію въ разгромѣ имѣнія землевладѣльца Ивана Михайловича Морозова и истязаніи послѣдняго. *Доля и Таранъ приговорены къ разстрѣлянію, остальные оправданы.*

60) Дубно, 17 октября. Военно-окружнымъ судомъ *Ткачукъ и Демчукъ* за убійство казеннаго сборщика Маканова *приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*

61) Въ Иркутскѣ приговорены къ смертной казни: за безпорядки въ тюрьмѣ *одинъ политическій и четверо уголовныхъ.*

62) Въ Сухумѣ, 18 октября. Военно-полевой судъ, разсмотрѣвъ дѣло о нападеніи мингрельцевъ *Джанджау* и *Шерозія* на домъ крестьянина, *приговорилъ* *перваго* къ *смертной казни* черезъ разстрѣліаніе, а второго оправдалъ.

63) Въ Ригѣ, 19-го октября. Въ окружномъ судѣ слушалось дѣло о нападеніи на городского, совершенного Абситомъ, Земгалемъ, Югансономъ кассированное главнымъ военнымъ судомъ, первымъ приговоромъ Абсита былъ оправданъ, Земгалъ и Югансонъ приговорены къ смертной казни. Сегодня въ окружномъ судѣ Абсита оправданъ вторично, Земгалъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 6 лѣтъ, Югансонъ на 4 года.

64) Въ Ревелѣ Смертная казнь крестьянину Вильдену по приговору военно-окружного суда за разбойническое нападеніе на крестьянку замѣнена генераль-губернаторомъ каторжными работами на 20 лѣтъ.

65) Въ Екатеринославѣ, 19 октября. *Трое главарей шайки*, переодѣтыхъ въ форму полицейскихъ, *приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни* черезъ повѣшеніе.

66) Въ Лодзѣ, 19 октября. По приговору военно-полевого суда разстрѣляны въ Бендинѣ *Антонъ Михно* за умышленное убійство въ гроецкомъ дѣсу *Маріаны Стемпея* и за покушеніе на убійство нѣкоего *Регальскаго*.

67) Въ Екатеринославѣ, 19 октября. — Вчера въ Александровскѣ, по приговору военно-полевого суда, *разстрѣляны двое крестьянскихъ парней*, ограбившихъ и истязавшихъ *Морозова*.

68) Въ Тукумѣ, 20 октября по приговору военно-полевого суда *разстрѣляны предводителъ лѣсныхъ братьевъ Анскальнъ*.

69) Въ Ригѣ, 20 октября. Военно-полевой судъ *приговорилъ* *крестьян Петруца и Титова* за нападеніе и нанесеніе тяжкихъ пораненій городскому къ *смертной казни*. *Андреевскій* и *Кузнецовъ* оправданы. *Приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

70) Въ Владивостокѣ, 21 октября. Военнымъ судомъ *приговорены къ повѣшенію двое хунгузовъ* пойманныхъ въ моментъ грабежа въ домѣ *Подгорбускаго*. *Приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

71) Въ Минскѣ, 22 октября. Военно-полевой судъ *приговорилъ* *ячина Шалая*, покушавшагося на ограбленіе лавки въ мѣстечкѣ *Раковѣ* и ранившаго при этомъ лавочницу, къ *смертной казни* черезъ повѣшеніе. *23-го приговоръ приведенъ въ исполненіе*. Повѣшеніе было замѣнено разстрѣліаніемъ.

72) Въ Сосновицы, 22 октября. Въ Бендинѣ *разстрѣляны по приговору военно-полевого суда Бартошевичъ*, обвинявшійся въ грабежахъ.

73) Въ Ригѣ, 23 октября. Военно-полевой судъ приговорилъ членовъ группы коммунистовъ-анархистовъ—*Симина, Подзина, Шафрона, Гоффе и Левина*, совершившихъ нѣсколько крупныхъ вооруженныхъ грабежей, къ *смертной казни*. *24-го смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

74) Въ Кутаисѣ, 23 октября. Вчера въ Квирилахъ рѣшеніемъ полевого суда *переданы смертной казни Саишарадзе и Гелесіани*, обвинявшіеся въ грабежѣ.

75) Полевымъ судомъ въ Наткенсгофѣ, близъ Вендена, за ограбленіе трехъ ворчмъ *приговорены къ смертной казни Зейманъ, 2 брата Древинкъ,*

Саррингъ, Бергольцъ, Михельсонъ, Смурисъ. Вчера въ 5 ч. приговоръ приведенъ въ исполненіе.

76) Въ Кіевѣ, 23 октября. Командующій войсками утвердилъ приговоръ о повѣшеніи *Якобсона*, участника нападенія на почтальона, разносящаго деньги. Повѣшеніе замѣнено разстрѣляніемъ. Приговоръ приведенъ въ исполненіе 30 октября.

77) Въ Екатеринославѣ, 23 октября. На разсвѣтъ разстрѣляны *Василій Короткій*, приговоренный военно-полевымъ судомъ къ смертной казни за нападеніе на казенныя винныя лавки и частное имущество въ селѣ Кайдаки.

78) Въ Варшавѣ, 23 октября. Приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ военно-полевого суда надъ *Станиславомъ Блоссомъ*, покушавшимся на убійство 19 октября мясника и убившимъ пытавшагося его задержать Гольдберга.

79) Въ Кутно, 24 октября. Разстрѣляны три участника шайки грабителей, грабившей польщичковъ.

80) 24 октября. Въ Сухумѣ разстрѣляны, по приговору военно-полевого суда *Жанжаловъ*, обвинявшійся въ рядѣ грабежей.

81) Въ Екатеринославѣ, 25 октября. Вчера разстрѣляны *Анфиловъ* и *Амбрушевичъ*, осужденные военно-полевымъ судомъ за ограбленіе артельщика *Иванова*.

82) Въ Варшавѣ, 24 октября. Военный судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе *Шпитальника, Познера, Стаховича* и *Банковскаго* и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ *Смолинскаго*,—обвиняемыхъ въ убійствѣ въ маѣ мѣсяцѣ помощника пристава *Ковалева*.

83) Въ Одессѣ, 25 октября. Судебная палата за участіе въ революціонномъ сообществѣ, пользовавшемся для преступныхъ цѣлей взрывчатыми веществами, приговорила къ каторжнымъ работамъ подсудимыхъ *Стоярова* и *Панцулая*—на 8 лѣтъ, бригадира *Вѣтрюка* и *Глуценко*—на 6 лѣтъ, *Вольпера*—на 4 года; *Маріи Завьяловой*, обвинявшейся въ покушеніи на убійство надзирателя *Шакарманъ*, смертная казнь замѣнена безсрочной каторгой.

84) Въ Екатеринославѣ, 26 октября. По дѣлу о захватѣ въ декабрѣ станціи Мечетная и Пологи военнымъ судомъ приговорены двое къ смертной казни, трое къ каторгѣ и четверо, къ ссылкѣ въ Сибирь. Постановлено ходатайствовать о замѣнѣ первымъ смертной казни каторжными работами.

85) 26 октября, въ главномъ военномъ судѣ разсматривались кассационныя жалобы приговоренныхъ къ смертной казни—кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ—*Веймарскаго* и *Вареника* за нападеніе на ювелирный магазинъ и—временнымъ военнымъ судомъ въ Екатеринославѣ—*Горбунова* за нападеніе на желѣзнодорожнаго артельщика. Всѣ жалобы оставлены главнымъ судомъ безъ удовлетворенія.

86) Въ Тифлисѣ, 26 октября. Военно-полевой судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе *Семена Меликяна*, обвинявшагося въ вооруженномъ нападеніи совмѣстно съ другими, скрывшимися грабителями, на домъ *Павлова*. 28 окт. приговоръ приведенъ въ исполненіе.

87) Въ Калишѣ, 27 октября. Въ тюрьмѣ сегодня въ 1 часть ночи казненъ по приговору военно-полевого суда Войцехъ Яблоковскій за умышленное убійство рабочаго Гаевского, совершенное 25 октября въ 5 часовъ вечера.

88) Въ Тифлисѣ. 28 октября. По приговору военно-полевого суда, въ Вагаршанатѣ разстрѣляны трое, покушавшіяся на убійство полицейскаго стражника.

89) Въ Ригѣ. 27 октября. Военно-полевой судъ приговорилъ Юриенсона, за нападеніе на городового, къ смертной казни; приговоръ приведенъ въ исполненіе.

90) Въ Тифлисѣ, 27 октября. Житель селенія Ковартъ, Ованесовъ, преданный военно-полевому суду за убійство татарина, приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.

91) Въ Полтавѣ, 28 октября. Военно-полевой судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе рабочаго Илью Фоменко за нанесеніе раны, съ цѣлью убійства, начальника движенія желѣзной дороги.

92) Въ Варшавѣ, 28 октября. Военно-окружной судъ, вторично разсмотрѣвъ дѣло жителей Новоминска Войцеховскаго, Яворскаго, Шамборскаго, Шубы и Піорункевича, обвиненныхъ въ убійствѣ начальника новоминскаго уѣзда Юнацкевича, приговорилъ къ каторгѣ, перваго—къ безсрочной и троихъ къ двадцатилѣтней. Піорункевичъ оправданъ. Всѣ они были въ іюль приговорены къ смертной казни, но вслѣдствіе кассационной жалобы главный военный судъ отмѣнилъ приговоръ.

93) Въ Сосновицѣ, 28 октября. Въ Бендинѣ разстрѣляны по приговору военно-полевого суда Клепражакъ, обвинявшійся въ грабежахъ.

94) Въ Тифлисѣ, 29 октября. По приговору военно-полевого суда въ Эривани разстрѣляны Аветикьянцъ за покушеніе на жизнь часового.

95) Въ Тифлисѣ, 30 октября. Братья Богратъ и Николай Меликовы по приговору военно-полевого суда разстрѣляны за вооруженное нападеніе на купца Громова.

96) Въ Петербургѣ, 29 октября. Въ главномъ военномъ судѣ разсматривалась кассационная жалоба крестьянина Жухатовича, Шварца и Осоковского, приговоренныхъ виленскимъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за убійство стражника. Главный судъ постановилъ, кассационную жалобу оставить безъ послѣдствій.

97) Въ Луганскѣ, 30 сентября. Въ 5 час. утра по приговору военно-полевого суда разстрѣляны двое за динамитное покушеніе въ Павловскѣ.

98) Въ Красноярскѣ, 30 октября. Трое нижнихъ чиновъ 31 полка за нанесеніе ударовъ фельдфебелю и пораненіе офицера приговорены военно-полевымъ судомъ къ смертной казни. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

99) Въ Новой Бухарѣ, 31 октября. Задержанные полиціей въ Новой Бухарѣ трое кавказцевъ, ограбившихъ агента фирмы „Бродскій“ въ Чарджуѣ, приговорены военнымъ судомъ одинъ къ повѣшенію, а двое къ пожизненной каторгѣ.

100) Въ Кіевѣ, 30 октября. Военно-окружной судъ приговорилъ крестьянъ Биленькаго и Маринича за вооруженное нападеніе на экономію Кузминскаго, житомирскаго уѣзда, къ повѣшенію, постановивъ ходатайствовать о смягченіи. Палата приговорила къ двумъ годамъ заключенія въ крѣпости крестьянина Королькова за агитацію среди крестьянъ села Терновки, кро-

левецкаго уѣзда, а также Ермиленко, у котораго при обыскѣ найдена чекочная книжка конотопской организаціи социаль-демократической рабочей партіи, принадлежности для печатанія и партійная литература.

Изъ «Прибалтійскаго Края» сообщаютъ:

101) Въ Мариенбургѣ, 1 октября, разстрѣляны два лица по подозрѣнію въ участіи въ ограбленіи мѣстной корчмы.

102) Въ мѣстечкѣ Дубенаа, фридрихштадтскаго уѣзда, что войска изловили давно разыскиваемаго главара лѣстныхъ братьевъ Августа *Мазера* и его двухъ сообщниковъ 27 сентября, по приговору военно-полевого суда, *все трое были разстрѣляны на берегу Двины.*

103) Въ Фестенѣ, 3 октября. Утромъ у Толкинскаго православнаго кладбища, *разстрѣляны нѣкій Мауринъ*, арестованный еще лѣтомъ и теперь лишь привезенный изъ Виденена въ Толку.

104) Въ Митавѣ, 14 октября. *Разстрѣляны* около Цабельна вожакъ банды Алкснекъ.

105) 16 окт. Въ Эненварденѣ *разстрѣляны нѣкій Биллотъ*, за которымъ насчитываютъ 22 убійства и вооруженныхъ нападеній.

106) Въ Митавѣ *разстрѣляны одинъ* изъ нападавшихъ на гольдингенскую почту. 5 остальныхъ преданы военно-полевному суду.

107) 22 октября. Карательный отрядъ въ Даленѣ застрѣлилъ свояка иствинашагося предводителемъ грабителей Вебрандта, Лаздина. Лаздина застрѣлили потому, что онъ отказывался сообщить, гдѣ въ настоящее время находится Вебрандтъ.

108) 25 октября. Въ Даленѣ, Карательнымъ отрядомъ *былъ разстрѣлян нѣкій Рагуль*, на котораго пало подозрѣніе въ политическихъ преступленіяхъ.

109) 25 октября. Подъ Митавой *разстрѣляны двое рабочихъ*, завода акціонерной компаніи Бекера въ Либавѣ, руководившіе тайной организаціей, имѣвшей задачей держать всѣхъ рабочихъ въ Либавѣ въ извѣстной сплоченности для революціонныхъ цѣлей.

110) Карательная экспедиція 23 октября у Пулькарна (имѣние Левисъ офъ-Межара), въ 24 верстахъ отъ Риги застрѣлила двухъ даленцевъ: *И. Бримана* изъ усадьбы „Скуяны“ и *М. Крузе* изъ усадьбы „Шунупасъ“. Кромѣ того, гѣлесному наказанію подвергнуто очень много жителей, такъ что въ рѣдкой усадьбѣ нѣтъ стоновъ и плача.

111) Въ видавскомъ уѣздѣ карательной экспедиціей *разстрѣляны два мѣстныхъ усадебовладѣльца* по подозрѣнію въ поджогѣ, оказавшемся неосновательнымъ.

112) Въ Ленерварденѣ *разстрѣлянъ* крестьянинъ *Лавдовскій*, обвинявшійся въ грабежѣ.

Военно-полевой судъ *приговорилъ* въ Сецесъ-Серекѣ къ *смертной казни* черезъ *разстрѣленіе* нѣкоего *Винтина*, силой заставившаго мѣснаго почтальона везти его на своихъ лошадаяхъ и похитившаго послѣ того у почтальона поль-штофа водки. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Печать въ октябрѣ подверглась нижеслѣдующимъ преслѣдованіямъ:

1) Въ Тифлисі, 1 октября. Приостановлена грузинская газета „Григали“. Редакторъ арестованъ и высылается изъ предѣловъ генераль-губернаторства.

2) Въ Петербургѣ, 1 октября конфискованъ вышедшій въ этотъ день еженедѣльникъ к.-д. партіи „Вѣстникъ народной свободы“.

3) Тамъ-же 2 октября, въ виду состоявшагося распоряженія о конфискаціи сентябрьской книжки журнала „Русское Богатство“, былъ произведенъ обыскъ въ помѣщеніяхъ редакціи и типографіи, гдѣ печатается журналъ. Въ редакціи найдено всего 4 экземпляра книжки журнала.

4) Въ Кіевѣ, 2 октября. Генераль-губернаторомъ сдѣлано распоряженіе объ изытаніи изъ обращенія на время военнаго положенія „Всеобщей Газеты“.

5) Въ Петербургѣ. Выпускъ II сборника подъ названіемъ „Народно-соціалистическое обозрѣніе“ конфискованъ 2 октября. При этомъ полиція въ типографіи не нашла ни одной книжки, на квартиру же писателя А. В. Пѣшехова при обыскѣ арестованъ одинъ экземпляръ II выпуска сборника.

6) Въ Кіевѣ, 3 октября. Генераль-губернаторомъ приостановлена газета „Кіевскій Голосъ“ на время военнаго положенія.

7) Въ Тифлисѣ, 3 октября. Распоряженіемъ генераль-губернатора приостановлена газета „Тифлисскій Телеграфъ“ за вредное направленіе.

8) Въ Петербургѣ. По распоряженію комитета по дѣламъ печати 4-го сентября былъ наложенъ арестъ на 7-й и 8-й №№ „Журнала для всѣхъ“; затѣмъ черезъ нѣсколько дней на 9-й № и, наконецъ, 30-го сентября—на 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й №№ этого года и на № 12-й 1905 г.

Такимъ образомъ всѣ №№ этого года конфискованы.

9) Въ Тифлисѣ, 4 окт. Генераль-губернаторомъ закрыта за вредное направленіе „Лѣтопись патріотическаго общества“.

10) Въ Петербургѣ, 4 октября, въ 10 час. утра, въ книжный магазинъ „Трудъ“ явилась въ большомъ количествѣ полиція и произвела въ магазинѣ обыскъ. Полиція особенно усердно искала номера с.-д. газеты „Пролетарій“, два номера котораго найдены въ какой-то корзинѣ.

11) Въ Вильно, 4 октября. Въ камерѣ судебного слѣдователя арестованъ и препровожденъ въ тюрьму редакторъ еженедѣльной газеты „Der Neue Weg“ Зибель по обвиненію по обвиненію по 129 ст. за передовую статью „Военные погромы“.

12) Въ Варшавѣ, 7 октября. Редакторъ „Еврейскаго Голоса“ Вейцманъ подвергнутъ въ административномъ порядкѣ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ за напечатаніе письма изъ Сѣдлеца о бывшихъ тамъ безпорядкахъ.

13) Въ Москвѣ, 5 окт. На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ приостановлена газета „Послѣдняя Вечерняя Почта“.

14) Тамъ-же полиціей произведенъ обыскъ въ книгоиздательствѣ „Новое Товарищество“. Книгоиздательство закрыто. Завѣдующіе имъ г-нъ и г-жа Высоцкіе, а также и всѣ приходившіе въ магазинъ во время обыска арестованы.

15) Въ Петербургѣ. Ночью на 6 октября чины охранной и наружной полиціи произвели обыскъ въ Сѣверномъ книжномъ складѣ, находящемся въ д. № 134, по Невскому проспекту. Приступивъ къ обыску, полиція устроила у входа засаду. По окончаніи обыска складъ былъ опечатанъ, а самъ завѣдующій склада арестованъ и препровожденъ въ охранное отдѣленіе.

16) Въ Томскѣ, 7 октября. Приостановлена на 3 недѣли газета „Сибирская Жизнь“. Поводомъ послужило сообщеніе невѣрныхъ свѣдѣній о военно-полевыхъ судахъ, напечатаніе статей, возбуждающихъ къ прекращенію занятій въ учебныхъ заведеніяхъ, и, наконецъ, оглашеніе данныхъ произ. водящагося слѣдствія.

16) По распоряженію цензурнаго комитета конфискованы брошюры, Нотлау М. „Излишняя отвѣтственность и солидарность въ борьбѣ рабочаго класса“ К-ва „Свободное соглашеніе“ и М. Пьеро. „Синдикализмъ и революція“ К-ва „Просторъ“.

17) Въ Петербургѣ, 6 октября во 2-мъ отдѣленіи уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената слушалось кассационная жалоба бывшаго редактора газетъ „Наша Жизнь“ и „Народное Хозяйство“ и журнала „Вѣстникъ Свободы“ В. В. Водовозова, обвинявшагося по ст. 129 угод. улож. и п. 6 ст. 5 отд. VIII закона о печати 24 ноября 1905 года и приговореннаго къ 1 году крѣпости. Сенатъ, отмѣнивъ часть приговора, оставилъ въ силѣ приговоръ за напечатаніе „Постановленія делегатскаго съѣзда 6—10 ноября 1905 г.“; такимъ образомъ, рѣшеніе палаты о заключеніи Водовозова на 1 годъ въ крѣпость осталось въ силѣ.

18) Тамъ же 6 октября въ окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію редакторовъ газеты „Страна“ проф. Иванюкова и проф. М. Ковалевскаго по 6 ст. VIII времен. прав. о печати 24 ноября 1905 г. Окружный судъ призналъ ихъ виновными и приговорилъ къ аресту на 2 недѣли.

19) Въ Лодзи, 5 октября. Редакторъ-издатель „Лодзинскаго Листка“ Зонеръ приговоренъ петроковскимъ окружнымъ судомъ за напечатаніе статьи, въ которой нанесено оскорбленіе арміи, къ двухвѣдѣльному аресту.

20) Въ Москвѣ, 8 октября. Произведенъ обыскъ въ редакціи „Новый Путь“.

21) Въ Кіевѣ, 9 октября. Бывшій редакторъ газеты „Народъ“ за оскорбленіе бранными словами въ своей газетѣ гр. С. Ю. Витте и П. Н. Дурново приговоренъ окружнымъ судомъ къ аресту при тюрьмѣ на три недѣли.

21) Главное управленіе по дѣламъ печати наслжило арестъ на слѣдующія изданія—брошюры: 1) „Вѣлостокскій погромъ“ изд. Рус. Своб. Издательства, 2) „Передъ грозой“ изд. газ. Сѣверная Россія 3) Виконтъ Анархическій индивидуализмъ, 4) П. Степановъ „Домой вернуди“ 5) „За вѣру, царя и отечество“ и 6) журналы „Истина“.

22) Въ Таганрогѣ, 9 октября. Сегодня новочеркасской палатой разбирались дѣла редактора „Таганрогскаго Вѣстника“ Чумаченко, сотрудника Градусова по 129 и 51 и Селезнева по 134 ст. Чумаченко и Градусовъ оправданы. Селезневъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ срокомъ на одинъ мѣсяць.

23) Московскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбуждены вопросы о судебномъ преслѣдованіи періодическихъ изданій „Желѣзнодорожная жизнь“, „Народная газета“ и „Литературные вечера“, а также порнографическихъ изданій „Веселая сваха“ и „Клико“.

24) Въ Самаркандѣ, 9 октября. По распоряженію туркестанскаго генералъ-губернатора приостановлена газета „Новый Самаркандъ“; типографія газеты запечатана; въ редакціи произведенъ обыскъ.

25) Въ Москвѣ Губернское присутствіе привлекаетъ къ отвѣтственности три петербургскія газеты: „Страну“, „Рѣчь“ и „Око“, за напечатаніе ложнаго сообщенія о происшедшемъ, якобы, похищеніи призванныхъ списковъ изъ присутствія.

26) Въ Кіевѣ. Въ окружномъ судѣ разсматривались литературныя дѣла бывшихъ редакторовъ „Кіевскихъ Откликовъ“ профессора Лучицкаго и Саликовскаго. Лучицкій оправданъ, Саликовскій по двумъ дѣламъ приговоренъ къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы.

27) Въ Петербургѣ Комитетомъ по дѣламъ печати конфискованы брошюры: 1) Иорданскій „Задачи революціи“. Изданіе Сергѣя Дѣмина. и 2) Григорій Бѣлорѣцкій „Везъ идеи“. Изданіе „Русское Богатство“.

28) Тамъ же Комитетомъ по дѣламъ печати конфискованы брошюры: Лафаргъ. „Вѣра въ Бога“. Изданіе „Колоколь“ и „На разныя темы“. Изданіе „Книжныя новости“.

29) Московскимъ генераль-губернаторомъ, на основанія чрезвычайной охраны, приостановлено изданіе „Народной Газеты“ и издававшейся при ней газеты „Старообрядецъ“, которыя являлись органами прогрессивнаго старообрядчества.

30) Въ Петербургѣ. На основанія положенія о чрезвычайной охранѣ градоначальникомъ приостановлено изданіе ежедневной газеты „Петербургское Эхо“. № 4 этой газеты конфискованъ.

Редакторъ газеты „Петербургское Эхо“, г. Вишневъ, привлекается къ отвѣтственности по 4 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 3 статьи „Наброски“, „О герояхъ“. Кроме того, возбужденъ вопросъ о подложности помѣщеннаго въ томъ же номерѣ документа по дѣлу о казненномъ въ Москвѣ Звѣревѣ.

31) Въ Кіевѣ, 10 октября. Генераль-губернаторъ на время военнаго положенія воспретилъ продажу газеты „Вѣче“.

32) Въ Варшавѣ, Приостановленъ журналъ „Политыкъ“.

33) Въ Петербургѣ. Въ ночь съ 13 на 14-е октября полиція конфисковала въ помѣщеніи редакціи журнала „Русское Свободное Слово“ (Троицкая ул. № 6), вышедшій на-дняхъ 3-й томъ сочиненій гр. Л. Н. Толстого, въ которомъ помѣщены слѣдующія статьи: „Такъ что же намъ дѣлать?“ „Исповѣдь“, „Къ политическимъ дѣятелямъ“, „Возстановленіе ада“, „Стыдно“ и „Требованія любви“. Всѣ эти статьи, напечатанныя въ другихъ изданіяхъ, до сихъ поръ конфискованы не были.

34) Въ Тифлисѣ, 17 октября. Генераль-губернаторомъ закрыты газеты „Кавказская Жизнь“ и „Тифлисъ“.

35) Въ Петербургѣ, 17 октября. Конфискованы и отбирались у газетчиковъ №№ „Товарища“ и „Ока“.

36) Ярославль, 17 октября. Редакторъ „Сѣвернаго Голоса“ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Коварскій за неуваженіе къ Верховной власти особымъ присутствіемъ московской судебной палаты приговоренъ къ штрафу въ 500 рублей, съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, тюремнымъ заключеніемъ на 6 мѣсяцевъ.

37) Симферополь, 17 октября. Конфискованы мѣстныя газеты за исключеніемъ органа октябристовъ.

38) Въ Самарѣ, 17 октября. Сегодня, 17 октября конфискованъ номеръ

„Самарскаго Курьера“. Полиція ночью остановила печатаніе „Самарской Луки“.

39) Въ Вильно, 17 октября. Сегодняшній номеръ „Свободнаго Слова“ конфискованъ за передовую статью по поводу 17 октября; редакторъ привлекается по 129 ст.

40) Въ Красноярскѣ. По распоряженію администраціи закрыта газета „Енисейскій Край“.

41) Въ Верхнеудинскѣ, 18 октября. 15-го октября временнымъ генераль-губернаторомъ приостановлена газета „Сибирское Слово“ вслѣдствіе вреднаго направленія.

42) Въ Полтавѣ, 18 октября. Особое присутствіе харьковской палаты, разсмотрѣвъ пять дѣлъ редактора „Полтавскихъ Думокъ“ Екатерины Гулькевичъ, приговорилъ ее къ трехмѣсячному заключенію въ крѣпости. Газета закрыта навсегда.

43) Въ Омскѣ, 19 октября. 18 октября приостановлены газеты „Степной Пionеръ“ и журналъ „Да будетъ свѣтъ“, типографія закрыта. Владѣлецъ типографіи редакторъ-издатель „Степного Голоса“, горный инженеръ Корнѣевъ высланъ.

44) Въ Подтавѣ, 19 октября. Редакторъ журнала „Наканунъ“ Зеленская, привлеченная по первому и пятому пунктамъ 129 статьи, приговорена палатой къ заключенію въ крѣпости на три мѣсяца. Изданіе журнала прекращено.

45) Въ Москвѣ. № 4 „Студенческой газеты“ отъ 18 октября конфискованъ.

— Комитетъ по дѣламъ печати привлекъ къ отвѣтственности „Студенческую Газету“ по 129 и 133 ст.ст., за восхваленіе преступленій.

— Комитетомъ по дѣламъ печати привлекаются къ отвѣтственности: по 129 ст. журналы „Наше Дѣло“ и „Техникъ“; по 285 ст. журналъ „Русская Мысль“ по 1001 ст. (за порнографію) „Почта Амура“ и „Судебной Газеты“ по 129 и 133 ст. уг. ул.

46) Въ Петербургѣ, 19 октября. Конфискованъ только что вышедшій № 12 журнала „Вѣстникъ Жизни“.

Конфискованъ весь только что отпечатанный номеръ 23-й газеты „Неделя“.

47) Въ Лодзи, 20 октября. Петроковскій судъ приговорилъ редактора „Kurjer Łódzski“, Максюрскаго, за напечатаніе статьи о бѣлостокскомъ погромѣ, къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы.

48) Въ Петербургѣ, 20 октября. Былъ произведенъ обыскъ въ помѣщеніи книгоиздательства О. Н. Рутенбергъ. Конфискованъ 31 экземпляръ брошюры „Христіанство и социаль-демократія“.

49) Въ Петербургѣ. Определеніемъ судебной палаты, состоявшимся 23 октября, приостановлено изданіе журнала „Хлѣбъ и работа“.

Комитетомъ по дѣламъ печати конфискованы брошюры. Андреа Коста: „Что такое социализмъ“ и Александръ Новиковъ: „Пролетаріатъ въ современной борьбѣ“.

50) Въ Тифлисі. Закрыта газета „Отголоски“ и редакторъ ея высланъ.

51) Въ Петербургѣ, 20 октября. Старшимъ инспекторомъ типографій

конфискована въ количествѣ 5,000 экземпляровъ въ тип графин „Грамотность“ брошюра „П. Кропоткинъ. Анархія и ея мѣсто въ социалистической эволюціи“.

52) Тамъ же. Определеніемъ судебной палаты, состоявшимся 20 октября, приостановлено изданіе журнала „Ткачъ“ за напечатаніе въ № 8 статей: „Англійская депутація и русская черная сотня“ и „Судъ впереди“. Редакторъ журнала привлекается къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. угол. улож.

53) Тамъ же. Комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на брошюры: „Чего ждать отъ современнаго движенія“. Книгоиздательство „Свѣточъ“ г. Тарь, „Очеркъ петербургскаго движенія 90-хъ годовъ“. Книгоиздательство „Новый мѣръ“ и Вандервельде „Социализмъ и земледѣліе“. Изданіе журнала „Образованіе“.

54) Тамъ же. Въ воскресенье, 22 октября, въ типографіи „Трудъ и Польза“ (Садовая, 32) полиціей былъ произведенъ обыскъ, третій въ текущемъ мѣсяцѣ. Арестовано около 10 тыс. экземпляровъ печатавшагося № латышской соц.-дем. газеты „Zihna“ („Борьба“); полиція захватила стереотипъ и бумагу съ барабана.

55) Въ Ригѣ, 23 октября. Латышская газета „Beedris“ приостановлена администраціей.

56) Ежедневная газета „Царскосельская Жизнь“ распоряженіемъ петербургскаго губернатора прекращена за „вредное направленіе“.

57) Въ Шуѣ, 22 октября. Конфискованъ сегодняшній номеръ „Ивановзенскаго Дневника“.

58) Въ Казани, 24 октября. Приостановлена на неопредѣленное время социаль-демократическая газета „Волжскій Курьеръ“. Редакторъ ея Плетневъ привлекается по 128 ст. ул. къ отвѣтственности.

59) Въ Петербургѣ, 23 октября. Въ судебной палатѣ слушалось дѣло литератора Хирьякова, обвинявшагося по 132 ст. уг. ул. за выпускъ революціоннаго гимна „Впередъ“. Палата признала Хирьякова виновнымъ въ составленіи сочиненія, призывающаго солдатъ къ неисполненію ихъ обязанностей, но не получившаго распространенія, и приговорила его къ заключенію въ крѣпость на 1 мѣсяцъ.

60) Въ Вильнѣ, 24 октября. Конфискованы очередные номера газетъ „Свободное Слово“ и „Сѣверо-Западный Голосъ“.

61) Въ Петербургѣ, 25 октября. Днемъ отрядъ полицейскихъ съ приставамъ во главѣ явился въ типографію „Будущность“ по 2-й Рождественской ул., и произвелъ тщательный обыскъ Типографіа опечатана.

62) 24 октября. Въ московской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей назначено было къ слушанію дѣло редактора-издателя газеты „Вѣче“ Оловяникова, обвинявшагося по 103 ст. уг. ул. и 1024 ул. о нак. Заочнымъ приговоромъ Оловяниковъ присужденъ къ двухмѣсячному заключенію въ крѣпости.

63) Въ Петербургѣ. Департаментъ полиціи сообщилъ прокурорскому надзору о привлеченіи къ отвѣтственности редактора газеты „Сегодня“ за сообщеніе въ вышедшемъ 13 октября номерѣ ложныхъ свѣдѣній о томъ, что будто бы при разборѣ дѣла о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ было опу-

бликовано письмо Лопухина къ Столыпину. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, письмо это на судѣ опубликовано не было.

64) Въ Петербургѣ. Старшимъ инспекторомъ типографій Бутовскимъ отдано распоряженіе о принятіи мѣръ къ конфискаціи только что вышедшаго № 10 журнала „Всемирный Вѣстникъ“. Полиціей произведенъ обыскъ въ типографіи, причѣмъ конфисковано нѣсколько сотъ экземпляровъ журнала.

65) Тамъ же. Конфискована недавно вышедшая брошюра Л. Шишко. „Разказы изъ русской исторіи. Часть третья“.

66) Въ Петербургѣ. Постановленіемъ комитета по дѣламъ печати наложено арестъ на нижеслѣдующія брошюры: 1) „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“, „Пролетаріатъ и его конечная цѣль“ (программа максимума), 2) „На чьей сторонѣ правда“, 3) „Чиновничій законъ и народное право“, 4) „Народно-соціалистическое обозрѣніе“, 5) Роза Люксембургъ. „Русская революція“, переводъ И. Гуревича, 6) Арцыбашевъ. „Кровавое пятно въ деревнѣ“. Разказы, 7) М. А. Бакунинъ. Полное собраніе сочиненій Т. I, подъ редакціей А. И. Бакунина.

Московской судебной палатой утверждены аресты на нижеслѣдующія брошюры: 1) О. Наумовъ „Правда о черной сотнѣ“, подъ редакціей прив.-доцента Н. А. Рожкова; 2) Н. Ленинъ „Роспускъ думы и задачи пролетаріата“ и 3) на книгу „Сборникъ извѣстій крестьянск. депутатовъ и трудовой Россіи“.

67) Въ Черниговѣ, 25 октября. Редакторъ „Десны“ Галимскій за перепечатку изъ газеты „Дума“ воззванія трудовой группы государственной думы приговоренъ кievской судебной палатой къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ.

68) Въ Симферополѣ, 25 октября. Бывшему депутату думы князю Оболенскому воспрещено редактировать „Жизнь Крыма“. Сегодняшній номеръ съ письмомъ Лопухина конфискованъ.

69) Въ Москвѣ. Приостановлена газета „Железнодорожная Россія“ на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ.

70) Въ Петербургѣ, 25 октября. Въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію редактора газеты „Русь“ г. Крамалея за цѣлый рядъ помѣщенныхъ въ редактируемой имъ газетѣ статей.

Палата, отвергнувъ обвиненія по 129 ст., признала г. Крамалея виновнымъ лишь по п. в. ст. 5 отд. VIII временныхъ правилъ и приговорила его къ аресту на 3 мѣсяца.

71) Въ Москвѣ. По распоряженію московскаго генераль-губернатора изданіе старообрядческой газеты „Народное Благо“ приостановлено.

72) Въ Полтавѣ 27 октября. Противъ бывшаго члена думы Тесли возбуждено уголовное преслѣдованіе по 1040 ст. за напечатаніе въ мѣстной газетѣ „Колоколь“ „Письма на родину“.

73) Въ Петербургѣ, 29 октября. Старшій помощникъ участка литейной части явился въ помѣщеніе книгоиздательства Н. Глаголева съ предписаніями старшаго инспектора по дѣламъ печати наложить арестъ на книгу Л. Мартова, „Пролетарская борьба въ Россіи“, съ предисловіемъ П. Аксельрода, и на уже ранѣе арестованную книгу Парвуса— „Россія и революція“, такъ какъ въ № 44 „Око“ помѣщено объявленіе книгоиздательства Н. Гла-

голева о продажъ книгъ, въ числѣ которыхъ находится и книга Парвуса, подлежащая аресту. Послѣ произведеннаго во всѣхъ помѣщеніяхъ издательства обыска, арестовано только 16 экз. книги Л. Мартова.

74) Въ Одессѣ, 30 октября. Генераль-губернаторъ созвалъ редакторовъ здѣшнихъ газетъ и обязалъ ихъ подпиской не помѣщать статей, а также перепечатокъ, въ которыхъ проявляется тенденціозное отношеніе къ выборамъ въ государственную думу. За неисполненіе указаннаго распоряженія редакторы, а также завѣдывающіе отдѣлами газеты будутъ подвергаться штрафу въ три тысячи рублей или соотвѣствующему аресту.

75) Въ Петербургѣ. Въ ночь съ 29 на 30 октября полиція конфисковала 164 экземпляра книги „Дѣло 1 марта 1881 года“, со статьей и примѣчаніями Льва Дейча. Книга эта вышла еще въ ноябрѣ 1905 года и до сего времени конфискаціи не подвергалась.

76) Въ Петербургѣ. Департаментъ полиціи сообщилъ прокурору суда о привлеченіи къ ответственности редактора „Петербургской Газеты“ за напечатаніе 18 октября статьи подъ названіемъ „Судъ надъ бомбистами-грабителями“.

77) Въ Петербургѣ. Комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на нижеслѣдующія произведенія печати: 1) Комперъ-Морель „Задачи пропаганды въ деревнѣ“, 2) Листокъ „Бабочка“ № 1, 3) „Взятіе Бастиліи“, 4) А—др. Новиковъ „Наши братья“, 5) Алексѣй Златкинъ „Земля“, 6) Новоторжскій „Что такое правовое государство“, 7) Сознательная Россія вып. I, 8) Е. Тач—нъ Отвѣтъ В. Чернову, 9) „Къ организаціи трудового общества“, 10) „Пролетаріатъ въ современной борьбѣ“, 11) „На разныя темы“, К-во „Книжныя Новости“, 12) Л. Мартовъ „Политическія партіи въ Россіи“ 3-й годъ. К-во А. Витоль, 13) Эд. Цалитъ Революція и контръ-революція изд. Злетинъ, 14) Революціонныя пѣсни изд. Я. Крумина, 15) № 2 журналъ „Для смѣха“, № 154 евр. газеты „Пазманъ“, №№ 5, 6, 7, 8 и 9 журнала „Наше Слово“, № 7 журнала „Шутенокъ“. Утверждены судебными установленіями аресты на брошюры: 1) В. Асиянъ „Бѣднота—отъ темноты, темнота—отъ бѣдноты“ изд. „Трудового Т-ва“, 2) „Смерть агитатора“, 3) Русскій рабочій союзъ К-во „Свобода“, 4) „Письмо анархиста—брату рабочему“ К-во „Солидарность“, 5) „Открытое письмо рабочимъ социаль-демократамъ и социаль-революціонерамъ“, 6) Популярная бібліотека № 12 К-во „Новое Тв-о“, 7) Новоторжскій „Значеніе правъ на землю для рабочаго класса“, 8) К. Чужой „Примирились“. 9) Газета „Земля, и Трудъ“ № 3, 4 и опредѣленіемъ окруж. суда постановлено уничтожить отпечатанный въ Кіевѣ листокъ „Людямъ нашего времени“ изд. Содружества патріотическихъ русск. рабочихъ.

78) Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на брошюры: 1) „Въ борьбѣ“ сборникъ, К-во „Ворьба“, 2) Андреа Коста „Что такое социализмъ“, 3) „Сознательная Россія“ вып. II, 4) Тропкій „Наша революція“ и 5) А. С. Абрамовъ „Деревенскіе очерки“ К-во „Свободная Жизнь“.

79) Въ Петербургѣ, 28 окт. Въ типографіи „Трудъ“ конфискована газета „Два пути“ издательства „Духа не угашайте“.

Книгоиздательство Н. Е. Парамонова „Донская Рѣчь“.

Главный складъ: Ростовъ н-Д. Казанская, 42.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Лиговская, 44, кв. 22. Москва, Ащеуловъ пер., д. 13. Кіевъ, Кре-
шатикъ, д. 27, кв. 13. Одесса, Колодезный пер., д. 4, кв. 29.

№	цѣна.	№	цѣна.
201 ² Вѣлоконскій—Голодь, вымираніе и невѣжество русс. нар., какъ слѣдствіе полицейскаго строя.	3	236 Семевскій—Изъ исторіи общест. теч. въ 40 г.	15
202 ² Новиковъ—Какъ должны писат. законы	5	237 Б. С. Трудъ и Капиталь	6
203 В. Алексѣевъ—Народовластіе.	15	238 ² Князьковъ—Какъ начался раск. русской церкви	25
204 В. Алексѣевъ—Земскіе соборы.	10	239 Лассаль—Сущн. конституціи	8
204 ² Вальевъ—Уничт. пост. арміи и воен. судовъ	12	240 ² Федоровъ—Къ вопр. о воинской повинности въ Россіи	8
205 Малонъ—Интернаціональ	8	241 Созывъ народныхъ представ.	10
205 ² Процессъ Жирондистовъ	8	242 Лассаль—Программа работник.	8
206 Вѣлковскій—Самоупр. и земство	5	243 Шатрианъ—Исторія крестьянина	20
207 Булгакова—Японія и японцы	20	244 Рожковъ—Ист. крѣп. пр. въ Рос.	10
208 Алексѣевъ—Изъ ист. верх. власти	15	245 Прокоповичъ—Аграрное движ.	5
209 А. Ѳ. Быкова—Англія и англч.	15	246 Милоковъ—Верховн. и шляхет.	15
210 Б. Б.—Великая франц. револ.	15	247 Карѣевъ—Франц. писат. XVIII в.	10
211 Всеобщ. избир. право на Западѣ	5	248 Бебель—Государство будущаго.	10
212 Гауптманъ—Ткачи	12	249 К. Каутскій—Соціалн. реформа	25
213 Горбуновъ—Гарантіи личн. своб.	10	250 Жилищный вопросъ	10
214 И. Дитятинъ—Екатериn. Комис.	15	251 Зомбартъ—Соціализмъ въ XIX в.	15
215 И. Дитятинъ—Роль челобитій.	15	252 Зомбартъ—Раб. движ. въ XIX в.	20
216 Дубровскій—Юль 1830 г. во Фр.	7	253 Гра—Марсельцы	25
217 Живаго—Освобожд. Швейцаріи	6	254 Котляревскій—Совѣщ. представ.	4
218 Звягинцевъ—Общ. движ. въ Рос.	15	255 Гэдъ—Коллективизмъ	4
219 К. Каутскій—Ирландія	7	256 Сторожевъ—Биогр. Грановскаго	10
220 Каутскій—Прот. клас. интерес.	15	257 Марксъ—Гражданская война	10
221 Каутскій—Разв. формъ государ.	7	258 Либкнехтъ—Отъ обор. къ напад.	10
222 Кизеветтеръ—Изъ исторіи зак. въ Россіи	15	259 Шиппель—Профес. рабоч. союзы	10
223 Кизеветтеръ—Русское общество въ XVIII столѣтіи	15	260 Голубевъ—Роль земства	12
224 Кизеветтеръ—XIX в. въ ист. Рос.	10	261 Н. Щепкинъ—Земская и город. Россія о народномъ представит.	10
225 Кизеветтеръ—Протоп. Аввакумъ	8	262 Милоковъ—Исконныя начала	5
226 Кизеветтеръ—Кузнецъ—Гражд.	10	263 Дживелеговъ—Отвѣтств. минис.	3
227 Н. Карышевъ—Эконом. бесѣды	15	264 Амичисъ—Студенты и соц. вопр.	5
228 Струмилинъ—Слово къ кр. бѣд.	10	265 Общественное движ. въ Японіи	6
229 ² Нордау—Мон., конст. и респ. ложь	3	266 Якушкинъ—Государствен. Дума	3
230 Лангманъ—Бартель Туразеръ	15	267 Голубевъ—Крест. въ Гос. Думѣ.	3
231 Мякотинъ—На зарѣ рус. общест.	15	268 Пр. изб. закон. въ Учред. соб.	3
232 Петрушевскій—Вел. харт. вольн.	15	269 Жбанковъ—Когда въ Рос. окон. тѣлесныя наказанія	3
233 Пругавинъ—Протл. Шлис. крѣп.	5	270 Семейскій—Кр. пр. въ пр. Щедр.	20
234 Прокоповичъ—Длина рабоч. дня	5	271 Русская исторія ч. I	10
235 Строевъ—Моск. гос. передъ реф.	10	272 " " " II	12
		273 Бахъ—Экономическіе очерки	10

№	цѣна.
274	48-й годъ въ Германіи . . . 12
275	Экон. положеніе еврейск. прол. 4
276	Мирбо.—Дурные пастыри . . . 10
277	Сватииковъ—Общ. движ. въ Рос. 60
278	Вересаевъ—Честнымъ путемъ. 7
279	Либкнехтъ—Рѣчь о налогахъ. 4
280	Книга русскаго рабочаго . . . 12
281	Тунъ—Ист. револ. движ. въ Рос. 50
282	Госуд. устр. въ зап-евр. стран. 6
283	Мятинги въ Англіи 10
284	Страхованіе рабочихъ 15
285	Парижс. ком. 1870—1871 гг. 10
286	Кеннанъ—Сибирь и каторга . . . 25
287	Волкенштейнъ—Борьба за нар. предст. въ Англіи 15
288	Революція въ Вѣнѣ 3
289	Каутскій—Аграр. вопр. въ Рос. 3
290	Рубакинъ—Русск. исторія ч. I. 15
291	" " " " ч. II. 18
292	" " " " " ч. III. 20
293	Туровъ—Восьмич. раб. день . . . 3
294	Права и обязан. англійск. гражд. 10
295	Вернштейнъ—Формы хоз. жизни. 8
296	Приказчатій вопросъ въ Рос. . . . 4
297	Васильевъ—Что такое отечест. 8
298	Мазовецкій—Процессъ пролет. . . . 6
299	Мартовъ—Пролетар. праздн. 4
300	Жоресъ и Гэдъ—Так. с.-демокр. 5
301	Толстой—Исповѣдь 15
302	Сатуринъ—Ирландія 15
303	Кропоткинъ—Къ молодежи 4
304	Ярошъ—Послѣдній король 20
305 ²	Мазовецкій—Полит. пар. въ Пол. 12
306	Иеллинекъ—Бюджетное право . . . 6
307	Государственныя преступ. т. I. 150
308	Матеріалы револ. движенія. т. II. 75
309	Кабановъ—О налогахъ 2
310	Князьковъ—Освобожд. крест. 15
311	Каутскій—Всеобщ. стач. и соц. 4
312	Петровскій—Изб. кам. въ св. гос. 4
313	Эрятье—Револ. студ. въ Фран. 4
314	Быкова—Гос. уст. С.-А. Штат. 20
315	Отъ деревни до парламента 6
316	Дитятинъ—Ког. воз. рознь въ Рос. 20
317	Роль—Какъ происх. рев. на Зап. 35
318	Петровъ—Прогрес. экомон. пар. 8
319	Организованный трудъ 8
320 ²	М. Р. Поповъ—Биогр. Мышкина. 5
321	Существуетъ ли барщина 5
322	Давъ—Раб. дв. и с.-дем. въ Рос. 15
323	Смер. Имп. Павла I (ред. Щегол. 60
324	Процессъ 16-ти (ред. Бурцева) 60
325	Морозовъ—Стихотворенія 25

№	цѣна.
326	Послѣд. заявл. русск. либер. . . . 7
327	Жоресъ—Всеобщ. стачка 3
328	Сатуринъ—Индія и ея горе 15
329	Кавелинъ—Изъ ист. земел. соб. . . . 4
330	К. Шиндтъ—Везр. и бор. съ ней. 10
331	Каутскій—Памяти Маркса
332	Бернштамъ—Якутскій процессъ 15
333	Таньскій—Междун. солд. прол. . . .
334	Реклю—Анархія 3
335	Герровъ—Суда. день капитализ. 6
336	Алексѣевъ—Самодержавіе 4
338	Лафаргъ—Всеобщая стачка 3
340	Малатеста—Немного теоріи 2
342	Сатуринъ—Герм. Имп. и народъ. 3
343	Волкенштейнъ—Воп. о всеоб. заб. 1 1/2
344	Сатуринъ—Исторія одной стач. 4
345	Министры Слуги народа 3
346	Пѣшехоновъ—Осн. зад. агр. реф. 3
347	Послѣдній день Каляева 3
348	Дубровскій—Бур. и пролет. въ іюльск. дни во Франціи 8
349	Пругавинъ—Петропав. крѣп. 5
350	Кайдановъ—Декабристы 10
	Павловъ—Фабр. законодат. и его разв. въ Россіи. 5
	Арну—Народъ и прав. Коммуны. 50
	Рубакинъ—Русская истор. ч. III. 20
	Былое (издав. загр.) вып. 1 50
	" " " " " вып. 2 50
	Былое—историческій журналъ кн. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI по 1 р.
	В. Алексѣевъ—Отвѣст. минис. 4

Отклики современности.

Статьи Мартова, Потресова, Дана, Кольцова и др.	{ кн. I 20 II 35 III 25 IV 30 V 25
---	--

Народный Вѣстникъ.

Статьи Кудрина, Максимова, Шишко, Чернова, Шведова, Тана и др.	{ кн. I 10 II 10 III-IV 15 V 10 VI 10 VII 10
--	---

Народная Жизнь.

Статьи Кудрина, Максимова, Шишко, Чернова, Шведова, Тана и др.	{ кн. I 6 II 6 III 6 IV 6 V 6
--	---

№	цѣна.	№	цѣна.
1	Короленко—Пріемышъ	2	54 ² Звѣг.—До чег. нужд. дов. крест.
2	Дмитріева—Майна-вира	3	53 ² Мирбо—Война
3	Чариковъ—Маленьк. грѣшникъ.	1	55 Короленко—Черкесь
4	Андреевъ—Баргам. и Гараська.	1 ^{1/2}	56 Вересаевъ—Звѣзда (вост. сказ).
5	Кретперъ—Истор. чер. сюртука.	1	57 Телешевъ—Противъ обычая
6	Крандіевская—Для души	2	58 Яблоновскій—Въ консультаціи
7	Чариковъ—Свинья.	2	59 Пѣсни труда
8 ²	Н.-Данченко—Старый замокъ	3	60 Темный—Сироткинъ
9	Свирскій—Забракованный	2	61 Кранд.—Только часть и др.
10 ²	Костинъ—Ошибка	3	разс.
11	Дмитріева—Ее всѣ знаютъ	3	61 ² Сазановъ—Въ пути
12	Станюковичъ—За „Щупленьк.“	2	62 Вунинъ—Надъ городомъ
13	Митропольскій—Вода.	2	63 Измайловъ—Мать
14	Серафимовичъ—Мссть	3	64 Станюковичъ—Эмигрантъ
14 ³	Курочкинъ—Принцъ Лутова	6	65 Избр. стихотв. Надсона
15	Мельшинъ—Искорка	3	66 Андреевъ—Ангелочекъ
16	Мельшинъ—Чортовъ Яръ	4	67 Андреевъ—Жили-были
17	Андреевъ—Гостинецъ.	2	68 ² Слово вѣрующ.
18	Андреевъ—Петька на дачѣ	2	69 Серафимовичъ—Въ камышахъ.
19	Дмитріева—Мама на войнѣ	3	70 ² Вѣлоконскій—За что и почему.
20	Андреевъ—Въ Сабуровѣ	2	71 Яблоновскій—Завѣтная мечта.
21	Вѣлоконскій—Страховка	2	72 Прислжп. засѣдателямъ
22	Ивашева—Мой день	2	73 Вересаевъ—Къ спѣху.
23	Короленко—Ночью.	5	74 Серафимовичъ. На льдинѣ
24	Тимковскій—Среди людей	5	75 Мельшинъ—Маленькіе люди
25	Русова—Біографія Гарибальди	4	76 ² Франко—Лѣса и пастбища
26	Отч. Пар. не выуч. грам.	3	77 ² Яковлева—Свидѣтель
27	Златовратскій—Мечтатели	4	78 ² Катехизисъ рабочаго
28 ²	Н.-Данченко—Махмудкины дѣти	3	79 ² Русова—На счастлив. остров.
29	Ожешко—Гедали	3	80 Короленко—Соколинецъ
30	Юшкевичъ—Ханника и Юська.	2	81 ² Маньковск.—У поднож. висѣд.
31	Вересаевъ—Въ пути	1	82 Елеонскій—Огорченіе
32	Франко—Самъ виновать	1 ^{1/2}	83 Русова—Братья Гракни
33	Алексѣевъ.—Изъ-за хлѣб. насущ.	1 ^{1/2}	84 Телешевъ—Нужда.
34	Серафимовичъ—Стрѣлочникъ	3	84 ² В. Гюго—Клодъ Ге.
35	Вересаевъ—Въ сухомъ туманѣ	2	85 Народолецъ—Почему крест.
36	Митропольскій—Отсрочка	1	требуютъ земли и воли
37	Яблоновскій—Удружилъ.	1	86 ² Молодая жизнь
38	Франко—Хорошій заработокъ	1	87 Золя—Кровь.
39 ²	Мать (съ армянскаго)	1 ^{1/2}	88 ² Вѣлоконскій—Фейга
40	Остов—Поденщикъ	2	89 Узпенскій—Будка.
41	Некрасовъ и Никитинъ	4	90 Короленко—Мгнов. и огоньки
42	Вунинъ—Байбаки	3	91 Пѣсни мира. Сборн. стихотвор.
43	Петровскій—Не дался	1	91 ² Кондурушкинъ—Забастовка
44	Дмитріева—Бѣлыя крылья	2	92 ² Вѣлоконскій—Дерев. консп.
45	Серафимовичъ—Въ бурю	3	93 Вѣлоконскій—Страшное мѣсто.
46	Яблоновскій—Конокрадъ	3	94 Мирбо—Бродяга
47	Франко—На днѣ	9	95 ² Гези—Ант. Матъе (жизнь руд.)
48 ²	Какъ сицил. крест. боролись.	6	96 Тимковскій—Травля
49	Н.-Данченко—Воскрес. пѣснь	5	97 Наживинъ—Волось Мадовны
50	Вересаевъ—Повѣтріе	4	98 Франко—Къ свѣту
51	Вѣлоконскій—Деревня Печальн.	3	99 Чариковъ—Въ отставку.
52	Дмитріева—Волки	3	100 Зарницы—Сборникъ стихотвор.

№	цѣна.	№	цѣна.
101	1	150 ²	4
102 ²		Кабановъ—Какъ улучшить крестьянское хозяйство	4
	3	151 ²	6
		Клочковъ—Крестьянство и воля	6
103	5	152 ²	3
		Бѣгство короля	3
104	5	153	3
		Что такое государств. роспись	3
105	5	153 ²	1 1/2
		Джаво (перев. съ армянск.)	1 1/2
106	1 1/2	154	1
		Областное народоправіе	1
107	2	155	2
		Національна рада	2
108	1 1/2	156 ²	1 1/2
		Взятіе Бастиліи	1 1/2
109	3	157	3
		Свѣтъ... Свѣтъ... Свѣтъ...	3
110	4	158	4
		Какъ французы добыли свободу	4
111 ²	7	159	3
		Л. Толст.—Неуж. это такъ надо?	3
112	4	160	1
		Л. Толстой—О смертной казни	1
113	7	161	4
		Новиковъ—Женщ. тов.-мужч.	4
114	20	162	1
		Что такое тайная под. голосовъ	1
115	3	163	4
		Радловъ—Котлоchiaсть Ваня	4
116	3	164	6
		Проектъ основ. закона о землѣ	6
117	1 1/2	165	3
		Журавлевъ—Убійство	3
118	3	166	3
		Юшкевичъ—Ловко Гемъ	3
119	5	167	8
		Пѣсни борцовъ—Сборн. стих.	8
120	7	168	1 1/2
		Конопницкая—Юзефово	1 1/2
121	1 1/2	169	4
		Таня—Истин. народн. предст.	4
122	3	170	1
		Дѣти рабочихъ	1
123	1	171	3
		Серафимовичъ—Подъ землей	3
124	6	172	1 1/2
		О. Зновицкій—Въ чертѣ осѣдл.	1 1/2
	3	173	2
		Ив. Наживинъ—Братья	2
125	3	174	2
		Ивановичъ—Не понравилось	2
126	4	175	
		Русова—Свободная республика Швейцаріи	5
127	4	176	15
		Партія и крест. въ Госуд. Думѣ	15
128	1 1/2	177	15
		Новиковъ—Враги народа	15
129	3	178	4
		Г. Джорджъ, его жизнь и ученіе	4
130	6	178 ²	2
		Костинъ—Одинъ	2
131	2	179	
		Шевченко—Избранныя стихотвор. (малор.)	3
132	2	180	5
		Поливановъ—Кончился	5
133	3	181	
		Какъ мужикъ въ долгу остался	
134	3	182	9
		Не въ моготу	9
135	3	183	
		Почему бѣдна Россія	
136	1	184	2
		Пѣсни рабочихъ	2
137	1	185	2
		Ибаньскъ—Долж. лицо (палачъ)	2
138	5	186	2
		Товарищъ, не измѣняй	2
139	2	187	1
		Народный трибунаъ—Бабефъ	1
139 ²	2	187 ²	5
		Радловъ—Семень	5
140	1 1/2	188	4
		Объщанія правительст. о землѣ	4
141	1 1/2	189	1
		Почему треб. свободы личности	1
142	1 1/2	190	1
		Для чего треб. своб. сходовъ	1
143	2	191	4
		Англійскіе раб. прежде и теп.	4
144	3	192	1 1/2
		Какъ господа 1-е Мая празднов.	1 1/2
145	1 1/2	193	2
		Что видно въ подз. трубу	2
146	7	194	4
		Что сказали наши пред. Царю	4
147	3	195	
		Что министры сказали народн. представителямъ	2
148	2		
149	3		

№	цѣна.	№
196	3	9 «Вы жертвою пали въ борьбѣ ро ковой»
197	1	10 «Безум. храбр. поемъ мы пѣсню»
198 ¹	5	11 «Не ходи»
198 ²	5	12 «Обыскъ»
198 ³	5	13 «Очистка площади»
198 ⁴	5	14 «Послѣ погрома»
198 ⁶	5	15 «Шлиссельбургъ»
198 ⁷	5	16 Каменный мѣшокъ
198 ⁹	5	17 Группа ссыльных
198 ¹⁰	5	18 Клятва въ Национальн. Собр.
198	5	19 Взятие Бастили
199	7	20 Защита республ. своихъ позиц.
200	6	21 Столкновение въ Вандеѣ
200 ²	5	22 Засѣданіе коммуны
401		23 Разстрѣлъ коммунаровъ
402	8	24 Наполеонъ въ Совѣтъ 500
403	4	25 Забастовка
404	5	26 Передъ забастовкой
405	1	27 Стачка углекоповъ
406	12	28 Послѣ работы
407	1	29 Возстаніе въ Бретани
408	2	30 Марсельеза
409	20	31 Баррикада
411	6	32 Свобода велеть народъ
		33 Сборъ податей
		34 Въ одиночномъ заключеніи
		35 Всюду жизнь
		36 Девятое Января
		37 Портретъ Горькаго
		38 Портретъ Мельшина
		39 На баррикадѣ
		40 Разстрѣлъ вождей исп. револ.
		41 Республ. армія при Риволи Случайная жертва

Цѣна 20 копеекъ.

Картины и портреты.

1	Портретъ Кротокина	20
2	» Лаврова	20
3	» Морозова	20
4	» В. Фигнеръ	20
5	» Л. Волкенштейнъ	20
6	» Петрашевскаго	20
7	» Перовской	20
8	» Желябова	20

Лица, выписывающія на 3 р., за перес. въ Евр. Россіи не платятъ. Книжные склады пользуются 30% скидкой
Выписывающіе изъ Ростовскаго склада на 20 р. въ Евр. Россіи за пересылку
по желѣзной дор. не платятъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я :

„БЫЛОЕ“

ЖУРНАЛЬ

издававшійся за границею подъ редакціей

Вл. Льв. Бурцева.

СОДЕРЖАНІЕ перваго выпуска.

1. Отрывокъ изъ завѣщанія Гриневицкаго; 2. Памяти Гриневицкаго; 3. Три письма Исполнительнаго Комитета „Народной Воли“ къ Рошфору, Гартману и К. Марксу; 4. Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, П. Кропоткина; 5. Революціонный Петербургъ; 6. Статьи изъ „Народной Воли“ и „Рабочей Газеты“; 7. Процессъ 20-ти В. Бурцева; 8. Завѣщаніе А. И. Баранникова; 9. Завѣщаніе А. Д. Михайлова; 10. Казнь П. Е. Суханова; 11. Письмо П. В. Карповича; 12. Изъ воспоминаній Л. Гартмана; 13. Программа рабочихъ—членовъ партіи „Народной Воли“; 14. О сѣверно-русскомъ рабочемъ союзѣ и пр.

СОДЕРЖАНІЕ втораго выпуска.

1. Изъ жизни саратовскихъ кружковъ Н. Волкова; 2. Два письма С. Г. Ширяева; 3. Воспоминанія о С. М. Кравчинскомъ, Рабочаго; 4. „Воспоминанія пропагандистки“ Е. Брешковской; 5. Пропаганда среди рабочихъ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1882-84 г.г.; 6. Памяти Каховскаго; 7. Международный конгрессъ въ Хурѣ; 8. „М. Л. Михайлову“ стих. Н. Огарева; 9. „Узнику“ стих. Н. Утина; 10. Прокламации 60-хъ г.г.; 11. Дѣло С. Г. Нечаева; 12. „Южно-Русскій Рабочій Союзъ въ 1880-81 г.г.“ Ел. Ковальской; 13. „Взрывъ царскаго поѣзда въ 1879 г.“ князя Д. Л. Оболенскаго; 14. „Завѣщаніе Юрія Богдановича“ (стих.).

Цѣна за каждый выпускъ 50 коп.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.
РУССКАЯ ПРАВДА
Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редація и предисловіе П. Е. Щеголева.
XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія — книжный магазинъ „ПРОМЕТЕЙ“, С.-Петербургъ,
Загородный, 28.

А. Н. Радищевъ.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

Редація Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева.

Точное воспроизведеніе перваго изданія 1790 года, свѣренное съ рукописью, представленною Радищевымъ въ Управу благочинія. Портретъ Радищева, сдѣланный гелиографурой съ оригинала. Факсимиле заглавной и первыхъ четырехъ страницъ перваго изданія. Вступительныя статьи Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. Приложеніе съ приложеніемъ нѣкоторыхъ неизданныхъ матеріаловъ.

LXXX + 4 нем. + 296. * Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія въ т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъячская, д. 39).

П. Е. Щеголевъ.

Первый декабристъ Владимиръ Раевскій.

Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка.

2-ое изданіе т-ва „Общественная Польза“ (Сиб., Б. Подъячская, 39).

80 стр. Цѣна 30 коп.

П. Е. Щеголевъ.

А. С. Грибоѣдовъ и декабристы.

Исслѣдованіе (по архивнымъ матеріаламъ).

Съ приложеніемъ факсимиле подлиннаго дѣла о Грибоѣдовѣ производившагося въ Слѣдственномъ Комитетѣ 1825—1826 г. и хранящагося въ Государственномъ Архивѣ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (Сиб., Невскій, 40).

Цѣна 10 рублей.

БЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 12 ДЕКАБРЬ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Энергія“, Загородный, 17.
1906.

СОДЕРЖАЕНІЕ.

	СТР.
1. Возникновеніе „Народной Воли“ (изъ воспоминаній о Липецкомъ и Воронежскомъ сѣздахъ). Н. А. Морозова	1
2. Коментарій къ статьѣ „Возникновеніе Народной Воли“. М. Ф. Фроленко	22
3. Изъ литературныхъ воспоминаній. Н. С. Русанова	37
4. Движеніе семидесятихъ годовъ по Большому процессу. (Окончаніе). Старика	56
5. Л. Ф. Яновичъ въ ссылкѣ. А. И. Столбова	85
6. Смерть Л. Ф. Яновича. М. С. Ольминскаго	97
7. Страницка изъ исторіи рабочаго движенія (памяти Н. В. Шелгунова). В. С. Голубева	105
8. Николай Павловичъ Щедринъ. М. Р. Попова	123
9. Первое мая въ Россіи. (Окончаніе). В. П. Акимова-Махновца	131
10. „Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“. (Окончаніе). М. К. Лемке	160
11. Въ Шлиссельбургской крѣпости. (Окончаніе). М. В. Новорусскаго	205
12. Рѣчи подсудимыхъ въ процессѣ 17-ти	239
13. По поводу процесса 17-ти. А. П. Прибылевой-Корбы	249
14. Документы по Чигиринскому дѣлу	259
15. Изъ исторіи „конституціонныхъ“ вѣяній въ 1879—1881 годахъ. П. Е. Щеголева	261
16. Историческая библіографія. 1. А. А. Титовъ .—Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи 1901 г.—2. Докладъ П. С. Ванновскаго о студенческихъ беспорядкахъ 1899 г. Сергѣя Св. —3. Ю. Стекловъ . Историческое подготовленіе русской социаль-демократіи.—4. Н. Батуричь . Очеркъ исторіи социаль-демократіи въ Россіи.— М. Ольминскаго .—5. Маньковскій . У подножія висѣлицы. В. Б.	288

	СТР.
17. Современная Лѣтопись	300
18. Матеріалы, документи и мелкія замѣтки. (Уставъ мѣстной центральной группы партіи „Народной Воли“.— 34. Николай I-й въ заботахъ о декабристахъ—54. Изъ тюремной статистики. П. Л.—82. Изъ лѣтописей Шлиссельбургской крѣпости (1835 г.). П. Щ.—101. Репортъ агента о похоронахъ Салтыкова—122. Павелъ I-й въ его приказахъ по арміи—158. Письмо Пушкина къ П. А. Осиповой. Н. Лернера—235. По поводу статьи „Стрѣльникоискій процессъ“ (письмо въ редакцію) Алексѣя Попельницкаго—285).	
19. Объявленія	317

Къ этой книгѣ приложены портреты Н. А. Морозова, Л. Ф. Яновича, Н. П. Щедрина, Н. К. Михайловскаго и Н. В. Шелгунова (неизданный).

Подъ статью А. И. Столбова „Л. Ф. Яновичъ въ ссылкѣ“ по случайности не поставлена подпись автора.

На 1907 годъ открыта подписка на историческій журналъ **„БЫЛОЕ“.**

Журналъ—внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія—издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева по слѣдующей программѣ.

Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

Историческая бібліографія.

Въ „Быломъ“ за 1906 годъ были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: В. П. Анимовъ-Махновець—1-е мая въ Россіи. М. А. Антоновичъ—Арестъ Чернышевскаго. М. Ю. Ашенбрэннеръ—Двадцать лѣтъ въ Шлис. тюрьмѣ и Военная организація пар. Нар. Воли. В. Я. Богучарскій—1-е марта—3 апрѣля 1881 года и Событіе 1 марта и Н. К. Михайловскій. В. Л. Бурцевъ—Сѣверно-русскій рабочій Союзъ. И. П. Бѣлоносскій—Изъ воспоминаній А. И. Желябовъ. А. И. Бяловскій—Изъ прошлаго. П. И. Вейнбергъ—4 апрѣля 1866 года. Н. А. Виташевскій—Первое вооруженное сопротивленіе, первый военный судъ и Централка. И. И. Волновъ—Народов. пропаганда среди москов. рабочихъ въ 1881 году. М. О. Гершензонъ—Къ характеристикѣ Чаадаева и Семья декабристовъ. Герасимовъ—Питомецъ воспитательнаго дома. Дж. Гильомъ—М. А. Бакунинъ. М. Р. Гоць—С. В. Зубатовъ. Н. Л. Геккеръ—Политич. каторга на Карѣ. Х. Г. Гринбергъ-Копъ—Къ процессу Ковальскаго. Л. Я. Гуревичъ—Народ. движ. въ Петербургѣ 9 января 1905 года. И. С. Джаббандари—Въ неволѣ. М. П. Драгомановъ—Автобіографія. Д—чъ—Арестъ Нечаева. В. С. Иличъ-Святичъ—Мое знакомство съ Ковальскимъ. С. А. Ивановъ—Изъ воспоминаній о 1881 г. и Возникновеніе и паденіе Дурноселовки. С. А. Иванова-Борейша—Воспоминанія о Перовской и Первая типографія Народной Воли. М. В. Корольковъ—Поручикъ Кречетовъ—шлис. узникъ XVIII вѣка. Ф. Я. Копъ—У подножія висѣлицы. М. И. Лемме—Дѣла бр. Критскихъ, Михайлова, Писарева, Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и др. О. С. Люботовичъ—Далекое и Недавнее. Н. А. Морозовъ—Изъ Шлис. мотивовъ (стих.). И. Л. Манучаровъ—Мой процессъ и Эпизодъ изъ жизни въ Шлис. крѣп. Махлацова-Дегаева—Судейкинъ и Дегаевъ. О. С. Миноръ—Якутская драма 1889 г. Н. Я. Николадзе—Освобожденіе Чернышевскаго. М. В. Новорусскій—Въ Шлиссельб. крѣпости. Надниъ—Стрѣльниковскій процессъ. Г. Ф. Осмоловскій—Карійская трагедія. М. Р. Поповъ—Къ біографіи И. Н. Мышкина и Земля и Воля наканунѣ Воронеж. сѣзда. В. С. Панцратовъ—Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1881—1884 гг. А. П. Прибылева-Корба. С. П. Дегаевъ—

По поводу письма Исп. К-та къ Александру III и Къ портрету Желябова. Плохочій—Польская партія „Пролетаріатъ“ и „Пролетаріатъ“ передъ судомъ. З. Ралли — С. Г. Нечаевъ. С. Ф. Русова — Мартынъ Лаггансъ. Н. Р. — Событіе 1 марта и Н. В. Шелгуновъ. В. И. Семеновскій—Вопросъ о преобразованіи государства въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Н. Сильванскій — Пестель предъ Верх. Угол. судомъ. Д. В. Стасовъ — Каракозовскій процессъ. А. А. Спандони—Страница изъ воспоминаній. Л. С.—Изъ воспоминаній студента-солдата. С. А. Савинкова — Годы скорби. С. С. Синегубъ — Воспоминанія чайковца. В. А. Старосельскій—Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи. Стариць—Движеніе 70-хъ годовъ по Большому процессу (193-хъ). М. Н. Тригоии—Мой арестъ въ 1881 году и Послѣ Шлиссельбурга. Е. В. Тарле—Самодержавіе Николая I-го и франц. обществ. мнѣніе. Н. А. Танъ — Коронація въ Колымскѣ. А. В. Тырковъ—Къ событію 1 марта 1881 года. М. Ф. Фроленко — Милость и Побѣгъ Алеши Поповича. В. Н. Фигнеръ—Шлиссельб. узница Л. А. Волкенштейнъ. А. Р. Хирьяновъ - Событіе 1 марта и Л. Н. Толстой. М. Н. Чернышевскій—Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго. П. Е. Щеголевъ—П. Г. Каховскій, Сем. Олейничукъ, Событіе 1 марта и В. С. Соловьевъ, Эпизодъ изъ жизни Бѣлинскаго. В. Е. Янушинъ—Изъ бумагъ декабриста Якушкина.

Кромѣ того были помѣщены неизданныя произведенія Герцена, Шевченко, Лермонтова, Никитина, Огарева, Поливанова, Саблина и др. Письма Чернышевскаго, Тургенева, Салтыкова, Бакунина, Петрашевскаго, Желябова, Зотова, Гаусмана, Коганъ-Бернштейна и мн. др.; Матеріалы (между прочимъ отчеты о процессахъ 20-ти и 17 народовольцевъ), рѣдчайшія революціонныя изданія и др. документы, характеризующіе освободительное движеніе.

Въ 1907 году между многими другими статьями будутъ напечатаны:

М. Ю. Ашенбреннеръ—Воспоминанія (60-ые и 70-ые годы); А. Бахъ—Воспоминанія народовольца; В. Я. Богучарскій—Декабристъ М. С. Лунинъ; В. Л. Бурцевъ—Изъ воспоминаній; И. П. Бѣлоконскій—Земское движеніе до образованія „Союза Освобожденія“; В. А. Вейнштокъ—Акатуевскій рудникъ; М. О. Гершензонъ—Западные друзья Герцена; В. С. Голубевъ — Государственная Дума 1906 года; В. А. Даниловъ — Изъ воспоминаній; С. А. Жебуневъ — Изъ воспоминаній; А. И. Иванчинъ-Писаревъ — Побѣгъ князя Кропоткина; Н. И. Юрданскій — Миссія П. С. Ванновскаго; Кафіеро—Воспоминанія; Коваленко—11 дней на „Потемкинѣ“; Е. Д. Куסיова—Политическая партія въ 1906 году; Ллатонъ Лебедевъ—Красные дни въ Нижнемъ Новгородѣ; М. К. Лемме—Процессы Митрофана Муравскаго, Сунгурова, Блюммера, Головина, кн. Долгорукова и др. (по неизданнымъ архивнымъ даннымъ); Е. Е. Лазаревъ—Гавайскій сенаторъ; А. О. Лунашевичъ—Въ народъ!; И. Л. Манучаровъ — Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ; Н. А. Морозовъ.—Изъ воспоминаній; Э. И. Пенарскій—Рабочій Петръ Алексѣевъ (изъ воспоминаній); П. Н. Переверзевъ—Экспедиція генерала Ренненкампа; М. Р. Поповъ — Изъ моего революціоннаго прошлаго; С. Н. Прокоповичъ—Формы и результаты аграрнаго движенія въ 1906 году. А. С. Пругавинъ — Декабристъ въ монаст. тюрьмѣ. Л. Ф. Пантелѣевъ—Дѣла давно минувшихъ дней (арестъ, ссылка и пр.); З. Ралли—Изъ воспоминаній о Драгомановѣ и Бакунинѣ; М. А. Рубановичъ—Дѣло Гоца въ Италіи и Савицкаго во Франціи; С. А. Савинкова—Изъ воспоминаній; С. Г. Сватиковъ— Очерки по исторіи студенческаго движенія; В. И. Семеновскій—Волненія въ л.-гв. Семеновскомъ полку въ 1820 году; Е. П. Семеновъ Народовольческіе кружки въ Одессѣ; Э. А. Серебряновъ—Революціонеры во флотѣ; С. Сомовъ—Рабочее движеніе въ Петербургѣ въ 1906 году; М. П. Стародворскій—Дегаевъ и Судейкинъ. Изъ воспоминаній; П. Б. Струевъ—Заграничный журналъ „Освобожденіе“ (изъ моихъ воспоминаній); Е. В. Тарле—Каннингъ и Николай Тургеневъ;—Герценъ и газета Прудона; Н. А. Танъ—Послѣдній періодъ „На-

родной Воли" М. Ф. Фроленко—Воспоминанія о Воронежскомъ и Липецкомъ сѣздахъ; Л. Ш.—Страница изъ исторіи идейныхъ теченій въ „Народной Волѣ“. П. Е. Щеголевъ — Агитаціонная литература декабристовъ; — Конецъ императора Павла (историческое разслѣдованіе); Ф. Л. Ястржембскій—Записки петрашевца; Записки императора Николая I о 14 декабря, неизданныя произведенія А. И. Герцена и др.

Будутъ напечатаны также: „Сводъ указаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о госуд. преступленіяхъ“ (полностью); Докладъ (оффиціальны) о дѣлѣ В. И. Засуличъ; Разгромъ тверского земства (извлечение изъ доклада г-на Штюрмера); Къ исторіи русской „конституціи“ (офиціальныя матеріалы и документы); Обзоры по дѣламъ политическимъ за разные годы (изъ изданій д-та полиціи); Отчеты о процессахъ, не бывшіе въ печати (дѣло 1 марта 1887 г., военныхъ кружковъ 1887 и др.); рѣдчайшія революціонныя изданія, письма разныхъ общественныхъ дѣятелей, документы и очерки по исторіи освободительнаго движенія послѣднихъ двухъ лѣтъ. и т. д.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Въ журналѣ помѣщаются — на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ — портреты дѣятелей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движенія.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—8 руб.; на 1/2 года (съ 1 янв. по 1 июля)—4 руб.; на 1/4 года (съ 1 янв. по 1 апр.)—2 руб. Переменная адреса—30 коп. (При переменной адреса контора проситъ подписчиковъ сообщать старый адресъ, внесенную сумму и срокъ подписки). Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—1 руб., для покупающихъ въ конторѣ—85 коп., для выписывающихъ изъ конторы—1 р. 10 коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльныя книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—(ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44 и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“—въ Москвѣ (Срѣтенка, Ащеуловъ переулочъ, 13), Кіевѣ (Крещатикъ, 27), Ростовѣ на Д. (Казанская, 42) и Одесѣ (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое“ проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способъ подписки годовой экз. журн. будетъ, стоитъ только 8 р. 50 к. вмѣсто тепереш. 10 р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., при чемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Знаменской ул. д. 19.

Личныя объясненія съ редакторами—по понед., вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій,
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Иѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты „Былого“ за 1906 годъ.

ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7. Въ нихъ помѣщены:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). **ТОМЪ ПЕРВЫЙ**. 1825—1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Цѣна 75 к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакцію и съ примѣчаніями В. Л. Бурцева. Цѣна 60 к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакцію В. Л. Бурцева. Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ предисловіемъ В. Я. Богучарскаго. Цѣна 50 к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакцію В. Л. Бурцева. Выпускъ 2-й. Цѣна 50 к.

6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ**. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). (1877 г. Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.). Цѣна 1 р.

7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сборникъ подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). **ТОМЪ ТРЕТІЙ**. (1877 г. Процессъ 193-хъ и др.). Цѣна 1 руб.

Печатаются:

8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).

9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“, подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Выпускъ первый.

10) Тоже самое. Выпускъ второй.

11) Убіеніе императора Павла. (Разказы современниковъ).

12) Пестель, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ.

Н. П. Сильванскаго.

13) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ В. Я. Богучарскаго.

14) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ предисловіемъ В. Л. Бурцева.

15) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская (матеріалы для біографіи). Съ предисловіемъ В. Л. Бурцева.

Лица, подписавшіяся на „Государственныя преступленія въ Россіи“ на условіяхъ, объявленныхъ въ декабрь 1905 года, получаютъ за внесенную ими плату **первый, второй и третій** тома „Государств. преступленій“ и три тома приложенийъ къ нимъ. („Матер. для исторіи револ. движенія въ 60-хъ годахъ“, „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ и „Литература партіи Народной Воли“). Всего **шесть** томовъ.

Всѣ остальные изданія „Русской исторической Библиотеки“ приобретаются не путемъ подписки на нихъ, а каждое особо.

Николай Александрович
МОРОЗОВЪ.

Возникновеніе „Народной Воли“.

(Изъ воспоминаній о Липецкомъ и Воронежскомъ сѣздахъ
лѣтомъ 1879 года).

I.

Редакторамъ „Былого“.

Дорогіе друзья! Вы взяли съ меня слово написать вамъ исторической очеркъ событій, предшествовавшихъ возникновенію «Народной Воли», и особенно Липецкаго сѣзда, имѣвшаго такое перво-степенное значеніе въ исторіи освободительнаго движенія конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Чѣмъ болѣе я думаю о возложенной вами на меня задачѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ ея чрезвычайной трудности для меня. Для того, чтобы дать дѣйствительно исторической этюдъ какого-нибудь общественнаго событія, нужно быть строго объективнымъ, нужно смотрѣть на него со стороны, а не какъ одинъ изъ активныхъ участниковъ, какимъ былъ я.

Въ такихъ случаяхъ невольно будешь или преувеличивать свою собственную роль и роль своихъ сторонниковъ, или, желая поставить при ней, какъ выражаются физики, поправочный коэффициентъ, невольно впадешь въ обратную ошибку.

Точно также трудно изложить объективно и роль своихъ тогдашнихъ противниковъ, выразить ясно и правильно внутренніе мотивы ихъ дѣйствій, нигдѣ не становясь къ нимъ несправедливымъ.

Вотъ почему, несмотря на данное мною вамъ прошлой весной обѣщаніе, я все не рѣшался взяться за перо. Но обѣщанное всегда надо исполнять, и вотъ я принимаюсь теперь за эскизъ исторіи Липецкаго и Воронежскаго сѣздовъ, въ надеждѣ, что если въ моемъ разсказѣ окажутся какіе-либо недостатки, то кто-либо изъ оставшихся въ живыхъ товарищей сдѣлаетъ къ нимъ надлежащія поправки и дополненія.

II.

**Событія въ обществѣ „Земли и Воли“, предшествовавшія
Липецкому съѣзду.**

Основныя причины, вызвавшія Липецкій съѣздъ въ той самой необычной формѣ, въ какой онъ былъ осуществленъ частью членовъ нашей революціонной организаціи «*Земля и Воля*», заключались—насколько я могу ориентироваться во внутренней жизни этого тайнаго общества,—въ теоретическихъ разногласіяхъ между двумя его фракціями. Къ одной изъ нихъ, которая часто называла себя по инициативѣ нашего кievскаго товарища Осинскаго - *Исполнительнымъ Комитетомъ Русской Соціально-Революціонной Партіи*, принадлежалъ, между прочими, я самъ съ Александромъ Михайловымъ, а къ другой, называвшей себя «*народниками*», мой товарищъ по редактированью органа «Земли и Воли» Плехановъ и его бывшій сторонникъ Михаилъ Поповъ.

Теоретическія разногласія неизбѣжно должны возникать въ исторіи всякой революціонной организаціи. *Тайное общество*, стремящееся къ осуществленію какихъ-либо политическихъ или общественныхъ идеаловъ, подчиняется въ своемъ развитіи, насколько я могъ замѣтить изъ опыта всей своей жизни и дѣятельности, совершенно опредѣленнымъ законамъ.

Ихъ дѣйствіе мнѣ ясно представляется, когда я обобщаю себя исторію трехъ революціонныхъ организацій, въ которыхъ мнѣ пришлось участвовать: Большаго Общества Пропанды 1873—74 годовъ, Земли и Воли 1878—79 годовъ и Народной Воли 1879—81 годовъ.

Не всѣ революціонныя общества оканчиваютъ полный циклъ своего развитія, подобно тому, какъ не всякій человекъ умираетъ естественной смертью, но каждое стремится воспроизвести этотъ циклъ по внутреннимъ психологическимъ мотивамъ своихъ участниковъ.

Первый періодъ развитія тайнаго общества есть тотъ, который непосредственно слѣдуетъ за его возникновеніемъ. Это періодъ его молодости. Если общество не явилось на свѣтъ мертворожденнымъ, въ немъ въ это время почти не бываетъ руководителями никакихъ «знаменитостей» изъ прежнихъ движеній. Оно обыкновенно возникаетъ въ деспотическихъ странахъ среди учащейся молодежи, вся жизнь которой еще впереди. Прежніе выдающіеся дѣятели большею частью не присоединяются къ нему въ этотъ періодъ, такъ какъ еще не увѣрены, что новое общество представляетъ изъ себя нѣчто серьезное и оправдываетъ рискъ вступленія. Часто они вовсе не знаютъ объ его существованіи, потому что я говорю здѣсь исключительно о *тайныхъ* обществахъ, возникающихъ въ тяжелые періоды абсолютизма и политическихъ го-

нений. Точно также остаются въ сторонѣ и всѣ честолюбивые люди, ищущіе въ своей дѣятельности не осуществленія великодушныхъ идеаловъ, а своего собственнаго возвеличенія.

Благодаря такому исключительному подбору членовъ, полныхъ молодости, энергіи, энтузіазма и самоотверженности, первый періодъ развитія характеризуется наиболѣе кипучей дѣятельностью, но эта дѣятельность не всегда бываетъ практична по причинѣ неопытности молодыхъ членовъ.

Второй періодъ начинается въ то время, когда спасшіеся отъ арестовъ, бѣжавшіе изъ ссылки и освобожденные изъ тюремъ товарищи пріобрѣтаютъ извѣстный запасъ опытности. Въ этотъ моментъ, характеризующійся присутствіемъ въ обществѣ скрывающихся отъ правительства членовъ, начинается наиболѣе серьезная эпоха дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ и теоретическія разногласія относительно того—держаться ли стараго пути, или итти по новому, болѣе цѣлесообразному.

Если къ этому времени организація успѣла совершить серьезныя дѣла, къ ней теперь начинаютъ присоединяться отдѣльныя личности и изъ прежнихъ выдающихся дѣятелей и вносятъ въ нее пріобрѣтенную опытомъ серьезность и дѣловитость. Затѣмъ въ нее начинаютъ стремиться и честолюбцы, и если проникаютъ, то ихъ партійность начинается вредно отзываться на дальнѣйшей дѣятельности общества. Вмѣсто борьбы съ первоначальнымъ внѣшнимъ врагомъ начинается борьба между собою отдѣльныхъ фракцій и ихъ вождей, и поглощаетъ, наконецъ, собою большую часть энергіи и силъ первоначальныхъ и новыхъ членовъ.

Распаденіе общества на двѣ части является въ это время большимъ благомъ, такъ какъ всѣ честолюбивые руководители остаются при старой «уже испытанной и пріобрѣтшей популярность» программѣ, а за новую оказываются главнымъ образомъ, искренніе и безкорыстные энтузіасты, не заботящіеся о томъ, популярно или нѣтъ то, что они считаютъ справедливымъ или нужнымъ для осуществленія своего идеала. Но эти энтузіасты бываютъ въ то же время уже и опытными дѣятелями, и, такимъ образомъ, новое общество, возникшее изъ дѣленія стараго, имѣетъ всѣ шансы на совершеніе очень серьезныхъ дѣлъ въ освободительномъ движеніи своей страны, а сторонники старой программы быстро сходятъ со сцены.

Всѣ эти соображенія относительно законовъ, управляющихъ развитіемъ тайныхъ обществъ въ періодъ политическихъ гоненій, не разъ приходили мнѣ въ голову еще въ то время, когда и я, какъ отдѣльный членъ общества „Земли и Воли“, невольно участвовалъ въ ихъ осуществленіи.

Послѣ трехлѣтняго заключенія я вышелъ на свободу въ январѣ 1878 года, на слѣдующій день послѣ того, какъ раздался выстрѣлъ Вѣры Засуличъ. *Большое Общество Пропанды*, къ которому я

принадлежалъ съ 1874-го года, уже погибло въ непосильной борьбѣ съ абсолютизмомъ, не встрѣтивъ въ народныхъ массахъ активнаго содѣйствія своимъ дѣламъ. Попытка оставшихся членовъ возобновить его, при помощи выпущенныхъ вмѣстѣ со мною товарищей по заключенію, оказалась безплодной. Большинство ихъ или устали, или разочаровались въ своей прежней программѣ, или затерялись гдѣ-то въ глубинѣ Россіи. Я же присоединился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ одному молодому обществу, находившемуся еще въ первомъ періодѣ своего развитія и потому не имѣвшему въ публикѣ даже оффиціального названія. Его мы называли кружкомъ Натансона, (хотя Натансонъ и былъ уже сосланъ), а посторонніе давали ему шутовское имя «*Кружка Троилодитовъ*», т. е. пещерныхъ людей, такъ какъ мѣстожителюства его членовъ не зналъ почти никто изъ посторонней публики. Эти «*Троилодиты*» и превратились затѣмъ въ общество „Земли и Воли“, такъ какъ немедленно послѣ моего вступленія они предоставили свою типографію для изданія журнала „*Земля и Воля*“, редакторами котораго были вначалѣ Кравчинскій, я и мой старый товарищъ по *Большому Обществу Пропан-дистовъ*, К., хотя онъ и не состоялъ въ то время членомъ Кружка Натансона.

Но Кравчинскій убилъ этой осенью шефа жандармовъ Мезенцева, послѣ того, какъ тотъ настоялъ на исполненіи смертнаго приговора надъ Ковальскимъ. Ему нельзя было жить въ Петербургѣ и онъ былъ отправленъ нами за границу, сейчасъ же по выходѣ № 1 „*Земли и Воли*“. Черезъ четыре мѣсяца былъ арестованъ К., и къ февралю 1879 года изъ первоначальныхъ редакторовъ „Земли и Воли“ остался одинъ я. Въ соредакторы мнѣ были послѣдовательно назначены обществомъ Плехановъ и Тихоміровъ, но всѣ мы оказались въ то время имѣющими очень мало общаго между собою и по теоретическимъ воззрѣніямъ, и по вопросу о средствахъ, какія мы считали пригодными для освобожденія своей родины.

Я всей душой стремился къ борьбѣ съ самодержавіемъ и монархизмомъ вообще, а наилучшимъ средствомъ для этого считалъ способъ Вильгельма Телля и Шарлоты Корде. Я только хотѣлъ обобщить этотъ способъ въ своеобразную систему „*нео-партизанства*“, чтобы обезпечить свободу слова, печати и общественной дѣятельности для всѣхъ передовыхъ политическихъ и общественныхъ партій. Всякое другое средство борьбы представлялось мнѣ безнадежнымъ среди окружавшаго насъ произвола и насилія. Въ этомъ отношеніи я болѣе всего сходился тогда съ представителемъ Кіевской группы „*Земли и Воли*“ Валеріаномъ Осинскимъ. Плехановъ, наоборотъ, видѣлъ въ то время все спасеніе въ проповѣди социалистическихъ идей и тайной агитаціи среди крестьянскаго населенія и рабочихъ. Тихоміровъ же стоялъ по срединѣ между нами, говоря, что и то и другое одинаково важно, и, наконецъ, написалъ статью въ защиту крестьянскаго террора, т. е. избіенія крестьянами мелкихъ властей, чего не признавалъ полезнымъ ни я, ни Плехановъ.

Все это вызывало рядъ постоянныхъ столкновений въ редакціи „Земли и Воли“. Чтобы нѣсколько уладить дѣло, мнѣ было представлено обществомъ, по настояніямъ самаго энергичнаго изъ его дѣятелей, Александра Михайлова, издавать свой собственный органъ подъ названіемъ „Листокъ Земли и Воли“. Въ немъ я могъ свободно излагать свои взгляды, а въ „Земль и Воля“, редакторомъ которой я попережнему оставался, я долженъ былъ писать лишь статьи, не имѣющія отношенія къ новому способу борьбы. Но это, конечно, нисколько не помогло уладить дѣло, а только ставило меня въ привилегированное положеніе среди остальныхъ соредаторовъ. Разногласія у насъ были неизбѣжны. Сама русская жизнь фатально вела нашу организацію къ переходу на новую дорогу, проповѣдникомъ которой въ печати оказался въ то время я. Тайная пропаганда въ широкихъ размѣрахъ въ періоды жестокихъ политическихъ гонений, какія совершались въ концѣ 70-хъ годовъ, была сама по себѣ абсурдомъ. Всякій пропагандистъ для своей проповѣди естественно долженъ искать еще не початыхъ, т. е. несогласныхъ съ нимъ, или мало развитыхъ въ общественномъ смыслѣ людей, иначе его пропаганда будетъ простой фикціей. Но разыскивая такихъ людей, онъ неизбѣжно очень скоро натолкнется на человѣка, который не будетъ держать въ секретѣ того, что ему говорили, и кто ему говорилъ, и такимъ образомъ предасть его.

Всѣ попытки активной пропаганды общества „Земля и Воля“ скоро кончились гибелью, а изъ спасшихся значительная часть убѣждалась въ необходимости бороться съ оружіемъ въ рукахъ съ тѣмъ общественнымъ строемъ, который погубилъ ихъ товарищей за проповѣдь идей, которыя они считали справедливыми. Въ результатѣ произошло то, что большинство членовъ петербургской группы „Земли и Воли“ стали, какъ я тогда выражался, неопартизанами, т. е. превратились въ боевую дружину, боровшуюся съ оружіемъ въ рукахъ за политическую свободу для всѣхъ. Они выпускали свои предупрежденія и заявленія отъ имени „Исполнительнаго Комитета Русской Соціально - Революціонной Партіи“, печать которой я хранилъ у одного изъ старѣйшихъ литераторовъ того времени.

Тѣ же, которые все еще не рѣшались выговорить страшный для нихъ, но выдвигаемый самой жизнью девизъ: *борьба за политическую свободу*, по большей части, осуществляли ту же программу, но только не возводя ее въ теорію. Они говорили, что только мстятъ своимъ врагамъ за погубленныхъ ими товарищей, но что главное средство борьбы, къ которому мы должны призывать всѣхъ, есть по прежнему: *идти въ народъ, въ деревни*. Это они и проповѣдовали вездѣ среди молодежи, особенно настаивая на томъ, что въ случаяхъ вооруженной борьбы личность царя и членовъ царской семьи должны быть неприкосновенны. Открытыя дѣйствія противъ царя, говорили они, вызвали бы взрывъ фанатизма противъ пропагандистовъ въ крестьянствѣ и дали бы по-

вѣдь правительству прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ, которыя сдѣлали бы совершенно невозможной всякую социалистическую пропаганду въ народѣ: гораздо лучше было бы поднять народъ отъ имени самаго царя, какъ пытались сдѣлать годъ тому назадъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ Дейчъ и Стефановичъ. Представительный же образъ правленія привелъ бы, по ихъ мнѣнію, только къ развитію буржуазіи въ Россіи, какъ это случилось во всѣхъ иностранныхъ монархіяхъ и республикахъ. Рабочему народу онъ принесъ бы только вредъ.

Съ этимъ большинство изъ насъ, какъ республиканцевъ въ душѣ, не могло согласиться, и потому въ нашей петербургской группѣ начался такой же расколъ, какой уже былъ у насъ въ редакціи „Земли и Воли“. Во главѣ противниковъ новаго пути сталъ Плехановъ и мой будущій товарищъ по Шлиссельбургской крѣпости, Михаилъ Поповъ.

Когда въ Петербургъ явился Соловьевъ и заявилъ обществу „Земли и Воли“ черезъ Александра Михайлова о своемъ намѣреніи сдѣлать покушеніе на жизнь Александра II, раздоръ между двумя нашими партіями достигъ крайней степени. Александръ Михайловъ, доложивъ на собраніи о готовившемся покушеніи, просилъ предоставить въ распоряженіе Соловьева (фамилію котораго онъ не счелъ возможнымъ сообщить на общемъ собраніи) лошадей для бѣгства послѣ покушенія и кого нибудь изъ членовъ общества, чтобы исполнять обязанности кучера.

Произошла бурная сцена, при которой „народники“, какъ называли себя будущіе члены общества „Черный Передѣлъ“, съ криками требовали, чтобы не только не было оказано никакого содѣйствія пріѣхавшему на цареубійство, но чтобы самъ онъ былъ схваченъ, связанъ и вывезенъ вонъ изъ Петербурга, какъ сумасшедшій.

Но большинство оказалось другого мнѣнія, и объявило, что хотя и не будетъ помогать Соловьеву отъ имени всего общества, въ виду обнаружившихся разногласій, но ни въ какомъ случаѣ не запретитъ отдѣльнымъ членамъ оказать ему посильную помощь. „Народники“ объявили, что они сами въ такомъ случаѣ помѣшаютъ исполненію проэкта, и одинъ изъ нихъ даже воскликнулъ среди общаго шума и смятенія, что самъ убьетъ „губителя народническаго дѣла, если ничего другого съ нимъ нельзя сдѣлать!“.

Плехановъ держался болѣе тактично, чѣмъ остальные сторонники старой программы на этомъ бурномъ засѣданіи, на которомъ неизбежность распадѣнія общества „Земли и Воли“ сдѣлалась очевидной почти для каждаго изъ насъ. Онъ требовалъ только, чтобы Михайловъ сообщилъ обществу фамилію этого пріѣхавшаго, но послѣдній объявилъ, что послѣ того, что онъ здѣсь слышалъ, сообщить ее стало совершенно невозможно.

— „Я знаю его фамилію, — воскликнулъ одинъ изъ присутствующихъ, это — Гольденбергъ!“.

Гольденбергъ дѣйствительно пріѣхалъ изъ Кіева за нѣсколько

дней до Соловьева съ той же самой цѣлью, но мы его отговорили, считая, что онъ, какъ еврей, можетъ вызвать такимъ поступкомъ рядъ еврейскихъ разгромовъ со стороны тѣхъ элементовъ народа, которые теперь называются хулиганами. Затѣмъ мы ставили ему на видъ, что антисемиты воспользуются этимъ, чтобы исказить смыслъ его поступка.

— „Не разувѣрай“, — шепнулъ Михайлову одинъ изъ присутствовавшихъ на совѣщаніи, — „пусть гоняются за Гольденбергомъ, а Соловьевъ тѣмъ временемъ успѣетъ все сдѣлать“. Вскорѣ послѣ этого собраніе разошлось. Кто-то изъ насъ почти тотчасъ же побѣждалъ предупредить Гольденберга, что ему грозитъ въ Петербургѣ большая опасность и что онъ долженъ немедленно уѣхать на нѣкоторое время въ провинцію. Это Гольденбергъ тотчасъ же и сдѣлалъ.

Когда на слѣдующій день мы, сторонники политической борьбы, сошлись между собою, мы долго и серьезно обсуждали положеніе дѣлъ. Я стоялъ за то, что если разрывъ, какъ это выяснилось вчера, сталъ неизбеженъ, то самое лучшее окончить его какъ можно скорѣе, для того, чтобы и у той и у другой фракціи развязались руки для практической дѣятельности. Квятковскій и Михайловъ тоже присоединились ко мнѣ, хотя и выставили мнѣ на видъ практическія затрудненія, которыя должны будутъ возникнуть при раздѣлѣ общихъ фондовъ организаціи, образовавшихся изъ пожертвованій богатыхъ членовъ той и другой группы. Эти фонды накопились съ самага времени возникновенія „Земли и Воли“ и достигали теперь нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, отчасти въ земельныхъ имуществвахъ, отчасти въ капиталахъ. При тратахъ на текущія дѣла, конечно, не могло производиться никакихъ форменныхъ счетовъ, а потому и осуществленіе раздѣла представлялось затруднительнымъ. Пожертвованія деньгами и имуществомъ считались безвозвратно отданными въ организацію вмѣстѣ съ жизнью самихъ жертвователей. Но такъ какъ сдѣлать это форменнымъ путемъ было немыслимо, то капиталы „временно“ оставались въ распоряженіи того, кто владѣлъ ими ранѣе. Когда были нужны средства на какое-либо предпріятіе, мы говорили кому-либо чтобы онъ превратилъ въ наличныя деньги нужную сумму и она поступала затѣмъ ко мнѣ, въ *кассу на текущія дѣла*.

Наконецъ, рѣшили, что лучше всего будетъ предоставить каждому взять въ свою группу то, что у него осталось къ данному времени, т. е. возвратить каждому наличный остатокъ отъ его пожертвованій, не принимая въ расчетъ, чьи средства больше трагитались до сихъ поръ на дѣла организаціи.

Мы всѣ соглашались, что помогать Соловьеву, предоставивъ самовольно въ его распоряженіе лошадь и кого-либо изъ насъ въ видѣ кучера для бѣгства съ Дворцовой площади, мы не имѣемъ права, послѣ выраженныхъ «народниками» протестовъ. Но помогать ему въ качествѣ частныхъ лицъ сейчасъ же взяли Александръ Михайловъ, Квятковскій и нѣкоторые другіе.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней у нихъ состоялось специальное совѣщаніе съ Соловьевымъ, гдѣ онъ объявилъ, что рѣшилъ дѣйствовать въ одиночку, пожертвовавъ своей жизнью. Все, что было ему дано нашей группой, это большой сильный револьверъ особой системы, купленный однимъ изъ насъ случайно черезъ доктора Веймара, въ домѣ котораго помѣщалось *Центральное Депо оружія*, да еще нѣсколько граммовъ сильного яда, для того, чтобы не отдаваться живымъ въ руки oprичниковъ.

1-го Апрѣля 1879 г. онъ простился со всѣми своими знакомыми въ квартирѣ Александра Михайлова. Все, что случилось на слѣдующій день, уже извѣстно изъ его процесса.

Когда послѣ этого покушенія, взволновавшаго всю Россію, борьба между двумя фракціями *«Земли и Воли»* снова обострилась, опять поднялся старый вопросъ о неизбежности ея распадѣнія. Но мое предложеніе ускорить раздѣлъ, которое я и самъ дѣлалъ съ тяжелымъ чувствомъ въ душѣ, опять встрѣтило сильныя возраженія. Дѣло въ томъ, что чувство товарищества было среди насъ слишкомъ сильно, несмотря на существующія принципиальныя разногласія. Мысль, что послѣ раздѣла мы будемъ почти чужими другъ для друга, подавляла насъ. Вотъ почему, хотя мы всѣ и были давно убѣждены въ неизбежности близкаго распадѣнія *«Земли и Воли»*, ни у кого изъ насъ не хватало силы взять на себя инициативу.

— Пусть сторонники старой программы сами предложатъ намъ условія раздѣла, рѣшили мы и стали продолжать совмѣстную дѣятельность какъ и прежде, подъ именемъ *«Исполнительнаго Комитета Русской Соціально-Революціонной партіи»*, хотя на душѣ у всѣхъ было страшно тяжело, а руки для практической дѣятельности были на половину связаны.

Но дальнѣйшія событія скоро сами рѣшили дѣло.

Въ одномъ изъ *«Листковъ Земли и Воли»*, составленіе которыхъ, какъ я уже говорилъ, принадлежало мнѣ единолично, я въ первый разъ попробовалъ дать въ печати теоретическія основы уже практиковавшагося въ Россіи новаго рода революціонной борьбы по способу Вильгельма Телля и Шарлоты Корде. Это было въ передовой статьѣ озаглавленной: *«По поводу политическихъ убійствъ»*, и напечатанной, насколько помню, въ двойномъ, третьемъ и четвертомъ номерѣ моего маленькаго журнала ¹⁾. Тамъ я называлъ этотъ способъ «осуществленіемъ революціи въ настоящемъ», «однимъ изъ самыхъ цѣлесообразныхъ средствъ борьбы съ произволомъ въ періоды политическихъ гоненій». Слова *«терроризмъ»*, уже практиковавшагося въ публикѣ, я нарочно избѣгалъ въ этой статьѣ, такъ какъ оно мнѣ чрезвычайно не нравилось, да и дѣйствительно не подходило къ дѣлу. Правленіе путемъ террора цѣликомъ при-

¹⁾ Упоминаемая Н. А. Морозовымъ статья помѣщена въ соединенномъ 2 и 3 № *«Листка Земли и Воли»*, безъ особаго заголовка, но подъ датой „Петербургъ, 15 марта 1879 г.“. Эта статья перепечатана въ сборникѣ В. Базилевскаго *«Революціонная журналистика 70-хъ годовъ»*.
Ред.

надлежало правительству, и мы, по моему убѣжденію, только боролись съ нимъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но это названіе, къ моему сожалѣнію, быстро распространилось въ публикѣ, такъ что впослѣдствіи я и самъ употребилъ его въ заглавіи моей брошюры: «*Террористическая борьба*» (вмѣсто первоначально даннаго ей названія: «*Нео-партизанская борьба*»), да еще на судѣ, гдѣ я объявилъ себя «*террористомъ по убѣжденіямъ*».

Моя статья въ «*Листокъ Земли и Воли*» произвела сильное волненіе среди сторонниковъ старой программы. Плехановъ, стоявшій тогда во главѣ этой фракціи, заявилъ, какъ мнѣ передавали, въ публикѣ:

— „Этотъ «*Листокъ Земли и Воли*» поддѣлка. Я, какъ одинъ изъ редакторовъ «*Земли и Воли*», ничего не знаю о его выходѣ, и никогда не допустилъ бы ничего подобнаго. Главная цѣль «*Земли и Воли*» есть не политическая борьба съ правительствомъ, а пропаганда социалистическихъ идей и агитація среди крестьянъ и рабочихъ“.

Когда я встрѣтился съ нимъ потомъ и заговорилъ объ этомъ *Листкѣ*, котораго я, дѣйствительно, не успѣлъ ему предварительно показать (такъ какъ два раза не засталъ его дома), Плехановъ мнѣ сказалъ, что для улаженія недоразумѣній между нами существуетъ только одно средство: собрать съѣздъ всѣхъ членовъ «*Земли и Воли*», и пусть они рѣшатъ, кому изъ насъ быть выразителемъ ея программы. Я тотчасъ согласился съ этимъ. Плехановъ и Поповъ, который былъ тогда дѣятельнымъ помощникомъ Плеханова, сейчасъ же уѣхали въ провинцію, чтобы изложить мѣстнымъ товарищамъ положеніе дѣлъ въ петербургской группѣ.

Но изложеніе спорнаго вопроса одной изъ заинтересованныхъ сторонъ всегда и неизбежно бываетъ односторонне. Плехановъ же и Поповъ по самой своей природѣ были агитаторами, и потому понятно, что послѣ ихъ объѣзда всѣ провинціальныя члены возстали на меня и на тѣхъ, кто поддерживалъ новую программу дѣятельности. Весной 1879 года мы получили, не помню отъ кого изъ двоихъ, грозное посланье, гдѣ говорилось, что всѣ работающіе въ народѣ требуютъ созыва общаго съѣзда организациі въ какомъ-либо изъ городовъ центральной Россіи, для того, чтобы насъ судить и исключить изъ своей среды, какъ людей неподходящихъ по духу.

Я живо помню, какъ мы всѣ были взволнованы этимъ письмомъ. То, что мы считали неизбежнымъ, но боялись осуществить, теперь совершалось помимо нашей воли. Никому изъ насъ не приходило въ голову даже и мысли, что мы можемъ склонить на свою сторону кого либо изъ дѣятелей въ народѣ, такъ рѣзко и рѣшительно проводились въ письмѣ ихъ мнѣнія.

Что намъ теперь дѣлать? задавали мы себѣ вопросъ. Большинство будетъ на сторонѣ старой программы и насъ просто исключать. Организуемся же поскорѣе, и даже ранѣе съѣзда, такъ чтобы тотчасъ послѣ исключенія изъ «*Земли и Воли*», мы сразу выступили, какъ готовая боевая организациія, и тотчасъ же начали дѣятельность въ новомъ духѣ.

Каждый лишній день намъ казался лишней отсрочкой, и мы тотчасъ же написали приглашенія немногимъ извѣстнымъ намъ выдающимся дѣятелямъ въ новомъ духѣ, какъ принадлежащимъ, такъ и непринадлежащимъ къ *«Земль и Воля»*. Мы создали ихъ на совѣщаніе въ Липецкѣ, который представлялся намъ удобнымъ, какъ по причинѣ находящагося въ немъ курорта, такъ и потому, что изъ него легко было переѣхать въ Воронежъ, уже назначенный провинціальными товарищами, какъ мѣсто для общаго съѣзда организацій *«Земли и Воли»* и для суда надъ нами.

Намъ такъ хотѣлось собрать побольше сторонниковъ со всей Россіи, что мы пригласили туда также и Гольденберга, застрѣлившаго не задолго передъ этимъ харьковскаго губернатора князя Кропоткина за жестокое обращеніе съ политическими заключенными въ Харьковской Центральной Тюрьмѣ. Относительно его приглашенія было нѣсколько возраженій, такъ какъ нѣкоторые находили его не совсѣмъ самостоятельнымъ и легко поддающимся всякому гипнозу.

III.

Липецкій съѣздъ (съ 17 по 20 іюня 1879 г.).

Въ началѣ іюня 1879 г. всѣ подходящія лица были увѣдомлены и съѣздъ былъ назначенъ на семнадцатое число.

Я не буду здѣсь рассказывать романтической обстановки Липецкаго съѣзда, нашего появленія въ городѣ въ видѣ больныхъ, пріѣхавшихъ лѣчиться, засѣданія на пняхъ и стволахъ свалившихся деревьевъ въ окружающихъ лѣсахъ, куда мы брали для виду нѣсколько бутылокъ съ пивомъ и газетныхъ свертковъ съ закусками, для того чтобы придать нашимъ собраніямъ видъ простыхъ пикниковъ. Цѣль настоящаго очерка изложить лишь идейное значеніе Липецкаго съѣзда.

Къ 17 іюня собралось насъ въ Липецкѣ около 14 человекъ. Это были почти всѣ наличныя силы нашей боевой организаціи, наводившей столько страха на современное намъ самодержавное правительство сто-милліонной Россіи. Изъ нашей петербургской группы *«Земли и Воли»* пріѣхали, кромѣ меня: Александръ Михайловъ, Марія Ошанина, Баранниковъ, Квятковскій, Тихоміровъ.

Изъ постороннихъ лицъ явились: Ширяевъ, какъ наиболѣе выдающийся членъ незадолго передъ тѣмъ основаннаго нами въ Петербургѣ самостоятельнаго общества: *«Свобода или Смерть»*, а изъ провинціи Колодкевичъ, Желябовъ, Фроленко и Гольденбергъ, вызванный изъ Кіева.

На первомъ же засѣданіи Квятковскій и Михайловъ приступили къ чтенію уже заранѣе составленной мною начерно программы и устава новаго общества, къ которому они передъ этимъ сдѣлали нѣсколько дополненій. Сущность этого документа я помню довольно хорошо, такъ какъ переписывалъ черновикъ передъ этимъ раза

два, и потому увѣренъ, что если окончательно принятый уставъ и программа Липецкаго съѣзда когда нибудь найдутся въ затеряншемся архивѣ *Исполнительнаго Комитета Народной Воли* (который я хранилъ все время у покойнаго нынѣ литератора), то они будутъ мало чѣмъ отличаться отъ моего современнаго изложенія.

Вся программа состояла лишь изъ нѣсколькихъ строкъ приблизительно такого содержанія:

Наблюдая современную общественную жизнь въ Россіи, мы видимъ, что никакая дѣятельность, направленная къ благу народа, въ ней не возможна вслѣдствіе царящаго въ ней правительственнаго произвола и насилія. Ни свободнаго слова, ни свободной печати для дѣйствія путемъ убѣжденія въ ней нѣтъ. Поэтому всякому передовому общественному дѣятелю необходимо прежде всего покончить съ существующимъ у насъ образомъ правленія, но бороться съ нимъ невозможно, иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Поэтому мы будемъ бороться по способу Вильгельма Телля до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ такихъ свободныхъ порядковъ, при которыхъ можно будетъ безпрепятственно обсуждать въ печати и на общественныхъ собраніяхъ все политическіе и социальныя вопросы и рѣшать ихъ посредствомъ свободныхъ народныхъ представителей.

До тѣхъ же поръ, пока этого нѣтъ, мы будемъ считать за своихъ друзей всѣхъ тѣхъ, кто будетъ сочувствовать намъ и помогать въ этой борьбѣ, а за враговъ всѣхъ тѣхъ, кто будетъ помогать противъ насъ правительству.

Въ виду того, что правительство въ своей борьбѣ съ нами не только ссылаетъ, заключаетъ въ тюрьмы и убиваетъ насъ, но также конфискуетъ принадлежащее намъ имущество, мы считаемъ себя въ правѣ платить ему тѣмъ же и конфисковать въ пользу революціи принадлежащія ему средства. Имущества же частныхъ лицъ или обществъ, не принимающихъ участія въ борьбѣ правительства съ нами, будутъ для насъ неприкосновенными.

Эта программа была нарочно составлена такой коротенькой, такъ какъ я изъ опыта всей своей прежней дѣятельности убѣдился, что чѣмъ больше деталей заключается въ программѣ, тѣмъ болѣе даетъ она пунктовъ для возраженія постороннимъ критикамъ. На Липецкомъ съѣздѣ она была принята единогласно, и было постановлено напечатать ее въ первомъ же номерѣ будущаго органа преобразованнаго Исполнительнаго Комитета. Но это потомъ не было исполнено, благодаря противодѣйствію Тихомірова, написавшаго черезъ два-три мѣсяца, уже въ Петербургѣ, свою собственную программу, казавшуюся ему болѣе удовлетворявшей современнымъ требованіямъ. Онъ добился въ послѣдующемъ декабрѣ согласія большинства петербургской группы Народной Воли на ея напечатанье въ третьемъ номерѣ *«Народной Воли»* вмѣсто первоначальной Липецкой программы. Приведенная же мною коротенькая декларация Липецкаго съѣзда, несмотря на усиленную защиту меньшинства, такъ и осталась въ архивѣ знакомаго литератора, гдѣ я хранилъ всѣ документы.

Теперь послѣ смерти его во время моего заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости она находится, не знаю гдѣ.

На томъ же собраніи Липецкаго съѣзда началось обсужденіе устава преобразованнаго Исполнительнаго Комитета, который затѣмъ сталъ называть себя *Исполнительнымъ Комитетомъ партіи Народной Воли*, такъ какъ въ виду возникшихъ разногласій мы не считали себя въ правѣ дѣйствовать болѣе отъ имени всей социальна-революціонной партіи того времени. Теперь я помню изъ Липецкаго устава только слѣдующіе параграфы:

§ 1 ? — *Въ Исполнительный Комитетъ можетъ поступать только тотъ, кто согласится отдать въ его распоряженіе всю свою жизнь и все свое имущество безвозвратно, а потому и объ условіяхъ выхода изъ него не можетъ быть рѣчи.*

§ 2 ? — *Всякій новый членъ Исполнительнаго Комитета предлагается подъ ручательствомъ трехъ его членовъ. Въ случаѣ возраженій, на каждый отрицательный голосъ должно быть не меньше трехъ положительныхъ.*

§ 3 ? — *Каждому вступающему читается этотъ уставъ по параграфамъ. Если онъ не согласится на какой-нибудь параграфъ, дальнѣйшее чтеніе должно быть тотчасъ же прекращено, и баллотирующійся можетъ быть отпущенъ только послѣ того, какъ дастъ слово, хранить въ тайнѣ все, что ему сдѣлалось извѣстно во время чтенія, до конца своей жизни. При этомъ ему объявляется, что съ нарушившимъ слово должно быть поступлено какъ съ измѣнникомъ.*

§ 4 ? — *Члену Исполнительнаго Комитета можетъ быть данъ отпускъ, срочный или на неопредѣленное время по рѣшенію большинства, но съ обязательствомъ хранить въ тайнѣ все, что ему извѣстно. Въ противномъ случаѣ онъ долженъ считаться за измѣнника.*

§ 5 ? — *Всякій членъ Исполнительнаго Комитета, противъ котораго существуютъ у правительства непровержимыя улики, обязанъ отказаться въ случаѣ ареста отъ всякихъ показаній, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ назвать себя членомъ Комитета. Комитетъ долженъ быть не видимъ и не досягаемъ. Если же непровержимыхъ уликъ не существуетъ, то арестованный членъ можетъ и даже долженъ отказаться отъ всякихъ сношеній съ Комитетомъ и постараться выпутаться изъ дѣла, чтобъ и далье служить црлямъ общества.*

§ 6 ? — *Членъ Комитета имѣетъ право съ вѣдома организациі поступать въ члены постороннихъ тайныхъ обществъ, чтобъ по возможности направлять ихъ дѣятельность въ духъ Комитета, или привлекать ихъ къ нему въ вассальныя отношенія. При этомъ онъ имѣетъ право хранить въ тайнѣ ихъ дѣла, пока они не вредятъ црлямъ Комитета, а въ противномъ случаѣ немедленно долженъ выйти изъ такого общества.*

§ 7 ? — *Никто не имѣетъ права назвать себя членомъ Исполнительнаго Комитета внѣ его самого. Въ присутствіи постороннихъ онъ долженъ называть себя лишь его агентомъ.*

§ 8 ? — *Для завѣдыванья органомъ Исполнительнаго Комитета*

выбирается на общемъ създѣ редація, число членовъ которой опредѣляется каждый разъ особо.

§ 9 ? — Для заведыванья текущими практическими дѣлами выбирается распорядительная комиссія изъ трехъ человекъ и двухъ кандидатовъ въ нее, на случай ареста кого либо изъ трехъ до новаго общаго създа. Комиссія должна лишь строго исполнять постановленія създовъ, не отступая отъ программы и устава.

§ 10 ? — Для храненія документовъ, денежныя суммъ и т. д. назначается секретарь, который долженъ держать въ тайнѣ мѣсто, гдѣ они хранятся.

§ 11 ? — Членъ Исполнительнаго Комитета можетъ привлечь постороннихъ сочувствующихъ лицъ къ себѣ въ агенты, съ согласія распорядительной комиссіи. Агенты эти могутъ быть первой степени съ меньшимъ довѣріемъ и второй съ большимъ, а самъ членъ Исполнительнаго Комитета называетъ себя передъ ними агентомъ третьей степени.

Большинство параграфовъ этого устава я помню до сихъ поръ довольно хорошо, какъ свое собственное произведеніе, которому я придавалъ очень важное значеніе. Они выражали собою духъ будущей боевой организациі. Только пунктъ объ агентахъ первой и второй степени былъ составленъ не мной, а прибавленъ, если не ошибаюсь, Тихоміровымъ. Затѣмъ были внесены Михайловымъ, Квятковскимъ и Желябовымъ еще съ десятокъ параграфовъ, содержанія которыхъ я теперь уже не помню.

На мое замѣчаніе на създѣ, почему агенты первой степени должны быть съ самымъ малымъ довѣріемъ, тогда какъ съ перваго взгляда это кажется наоборотъ, Тихоміровъ мнѣ отвѣтилъ: «Для того чтобъ никакой агентъ не могъ знать, сколько степеней еще остается ему пройти для того, чтобы достигнуть самому комитета.»

Эта первая попытка централистическаго устройства еще тогда мнѣ очень не понравилась, такъ какъ основой крѣпости организациі я считалъ товарищескій духъ, а не іерархическое устройство. Но большинство согласилось на это дополненіе, которое впрочемъ не имѣло въ будущемъ никакого серьезнаго значенія. «Исполнительный Комитетъ» былъ боевой группой партіи «Народной Воли». Къ партіи этой могъ причислять себя всякій сочувствующій, но въ ея боевую и руководящую группу онъ могъ быть зачисленъ только по выбору ея самой. Параграфъ объ агентахъ двухъ степеней настолько мало примѣнялся, что за все время моего пребыванія я зналъ только одного—Клѣточникова. Онъ оставался все время агентомъ, въ виду своего званія секретаря тайной полиціи, непозволявшаго ему принимать участія въ собраніяхъ Комитета, или познакомиться со всѣми его членами, во избѣжаніе риска для себя.

Во все время моего пребыванія въ «Исполнительномъ Комитетѣ» уставъ этотъ не подвергался никакимъ измѣненіямъ. Онъ исполнялся всегда довольно строго, за исключеніемъ пункта, опредѣляв-

шаго поведеніе членовъ на допросахъ. Этотъ параграфъ почти всегда нарушался послѣ ареста, такъ какъ плохо соотвѣтствовалъ героическому настроенію большинства членовъ новаго общества. Отказываться отъ принадлежности къ своей организаціи, «выпутываться» попавъ въ тюрьму, хотя-бы и съ цѣлью «дальнѣйшаго служенія цѣлямъ общества», оказалось для большинства совершенно невозможнымъ. Мысль, что ихъ *могутъ принять* за испугавшихся или малодушныхъ, казалась имъ до того невыносимой, что они забывали въ эту минуту обо всякихъ параграфахъ и уставахъ. Большинство объявили себя по уставу агентами третьей степени, но затѣмъ излагали цѣликомъ всю свою дѣятельность въ Комитетѣ, не касаясь лишь дѣятельности товарищей. Чтеніе такихъ героическихъ признаній, хранящихся въ архивахъ государственной полиціи, произвело на меня потомъ во время слѣдствія надъ нами самое трогательное впечатлѣніе. Я самъ не дѣлалъ ничего подобнаго во избѣжаніе нарушить духъ нашего Липецкаго устава, но я невольно забывалъ, что эти признанія не послѣдовательны съ точки зрѣнія заговорщика, обязавшагося держать втайнѣ всѣ дѣла своей организаціи, я забывалъ при ихъ чтеніи, что они обглаголи дѣло слѣдователя.

На второмъ засѣданіи Липецкаго съѣзда уставъ былъ окончательно принятъ и единогласно утвержденъ. Редакторами будущаго органа выбрали меня и Тихомірова. Затѣмъ приступили къ выборамъ трехъ лицъ въ распорядительную комиссію.

Тутъ въ первый разъ сказалось очень сильно неудобство организовать тайное общество на централистическихъ началахъ. Если-бъ собраніе состояло только изъ нашей петербургской группы, то, понятно, не было бы никакихъ недоразумѣній, и мы выбрали бы въ распорядительную комиссію наиболѣе осторожныхъ и практическихъ товарищей. Но теперь оказалось не то.

Изъ вновь поступившихъ иногороднихъ лицъ почти никто не зналъ, кто чѣмъ занимался въ нашей петербургской группѣ, и потому составъ распорядительной комиссіи оказался не совсѣмъ тотъ, какого мы ожидали. Мы, петербуржцы, сговорились выбрать одного изъ южанъ, Фроленко, не разъ уже принимавшаго участіе въ различныхъ практическихъ предпріятіяхъ «Земли и Воли», и онъ былъ избранъ всѣми нашими голосами. Остальные же два баллотировались нами лишь по предварительному совѣщанію съ южанами, чтобы удовлетворить общему настроенію. Благодаря этому въ комиссію попалъ, кромѣ Александра Михайлова, котораго всѣ мы очень желали, также и Тихоміровъ, котораго многіе изъ насъ считали вялымъ и непрактичнымъ. Но онъ былъ южанинъ родомъ, обладалъ старообразной внушительной внѣшностью, и потому за него особенно стояли южане, а подъ ихъ вліяніемъ подали голоса и мы, хотя въ душѣ и не были вполнѣ довольны этимъ выборомъ. Разочарованный неполной удачей баллотировки, кто-то изъ присутствующихъ, кажется Александръ Михайловъ, уже безъ совѣщаній заявилъ, что должность секретаря общества

и хранителя его бумаг слѣдуетъ оставить за мной въ виду того, что я завѣдую этимъ въ «Землѣ и Волѣ,» и я остался по общему согласію, безъ голосованія закрытыми билетами.

На третьемъ и послѣднемъ засѣданіи Липецкаго съѣзда, посвященнаго обсужденію будущихъ предпріятій общества, Александръ Михайловъ произнесъ длинный обвинительный актъ противъ императора Александра II-го. Это была одна изъ самыхъ сильныхъ рѣчей, какія мнѣ приходилось слышать въ своей жизни, хотя Михайловъ по природѣ и не былъ ораторомъ.

Въ ней онъ припомнилъ и ярко очертилъ сначала хорошія стороны дѣятельности императора: его сочувствіе къ крестьянской и судебной реформамъ, а затѣмъ приступилъ къ изложенію его реакціонныхъ преобразованій, къ которымъ прежде всего относилъ замѣну живой науки мертвыми языками въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и рядъ другихъ мѣропріятій назначенныхъ имъ министровъ. «Императоръ уничтожилъ во второй половинѣ царствованія, говорилъ Михайловъ, почти все то добро, которое онъ позволилъ сдѣлать передовымъ дѣятелямъ шестидесятихъ годовъ подъ впечатлѣніемъ Севастопольскаго погрома».

Яркій очеркъ политическихъ гоненій послѣднихъ лѣтъ заканчивалъ эту замѣчательную рѣчь, въ которой передъ нашимъ воображеніемъ проходили длинныя вереницы молодежи, гонимой въ Сибирскія тундры за любовь къ своей родинѣ, исхудалыя лица заключенныхъ въ тюрьмахъ и невѣдомыя могилы борцовъ за освобожденіе. «Должно ли ему простить за два хорошія дѣла въ началѣ его жизни все то зло, которое онъ сдѣлалъ затѣмъ и еще сдѣлаетъ въ будущемъ?» спрашивалъ Михайловъ въ заключеніе,— всѣ присутствующіе отвѣтили: «нѣтъ!»

Съ этого момента вся послѣдующая дѣятельность большинства опредѣлилась въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ она стала теперь достояніемъ исторіи: рядъ покушеній на жизнь Императора Александра II-го и ихъ финалъ 1-го марта 1881 года.

Липецкій съѣздъ былъ объявленъ закрытымъ. На другой день мы отправились въ Воронежъ, группами по два или три человѣка, подобно тому, какъ ѣхали и на Липецкій съѣздъ.

IV.

Воронежскій съѣздъ (съ 21 по 24 іюня 1879 г.).

Въ Воронежѣ мы застали уже всѣхъ представителей «народничества» изъ провинціи. Главнѣйшая ихъ часть были пропагандисты изъ Саратовской губерніи, вмѣстѣ съ которыми пріѣхали и мои давнишніе друзья, Вѣра Фигнеръ и Софья Перовская, занимавшія тогда нейтральное положеніе между двумя фракціями «Земли и Воли».

Собранія общества были назначены на лѣсистыхъ островахъ рѣки Воронежъ, внизъ по ея теченію и въ прилегающихъ къ ея

берегамъ лѣсахъ. На нихъ мы являлись, точно также какъ и въ Липецкѣ, подъ видомъ гуляющихъ компаній горожанъ, отправляясь въ назначенное время въ лодкахъ или пѣшкомъ по берегу.

Съ тяжелымъ чувствомъ пришла наша группа на первое изъ засѣданій этого съѣзда, гдѣ мы ожидали себя исключенія. Особенно тяжело чувствовалъ себя я, какъ главный обвиняемый. Но въ то же время внутреннее чувство говорило мнѣ, что какъ-бы ни отнеслись ко мнѣ товарищи по «*Земль и Волю*» но я не могъ ни писать, ни поступать иначе. Я чувствовалъ, что поступалъ во всѣхъ нашихъ столкновеніяхъ не такъ, какъ было выгодно лично для меня, а такъ, какъ находилъ полезнымъ для успѣха освободительнаго движенія, и говорилъ въ своихъ статьяхъ все, что думалъ, не заботясь о томъ, окажется ли это ортодоксальнымъ съ точки зрѣнія окружающихъ меня, или подвергнется ихъ осужденію. При томъ же я зналъ, что если буду исключенъ, то со мною удалятся и всѣ наиболѣе близкіе для меня товарищи, и что мы сейчасъ же начнемъ свою новую дѣятельность какъ уже готовая организациія.

На Воронежскій съѣздъ насъ собралось человекъ двадцать пять. Здѣсь были почти всѣ члены «*Земли и Воли*». Остальные прислали свои мнѣнія письменно.

Какъ только мы поздоровались другъ съ другомъ и расположились въ кружокъ на раскинутыхъ пальто и на стволѣ лежащаго дерева, поднялся Александръ Михайловъ и заявилъ, что здѣсь въ Воронежѣ есть нѣсколько людей, уже давно работавшихъ вмѣстѣ съ «*Землей и Волей*», хотя и не принадлежащихъ къ ея составу.

— Было бы очень желательно знать и ихъ мнѣніе въ нашихъ спорныхъ вопросахъ. Это Фроленко, Колодкевичъ и Желябовъ, только что пріѣхавшіе въ Воронежъ. Я предлагаю принять ихъ въ члены *Земли и Воли*.

Вся наша группа поддержала это предложеніе, такъ какъ намъ хотѣлось имѣть для себя побольше сторонниковъ. Именно потому мы и привезли съ собою этихъ трехъ человекъ, которыхъ знали почти всѣ въ *Земль и Волю*. Отправляясь на засѣданіе, мы ихъ оставили невидимо ждать въ отдаленіи.

«*Народнической группа*» тотчасъ же предложила принять троихъ и съ ихъ стороны. Оказалось, что и тѣ тоже ждали по другую сторону лѣса.

Мы едва удержались, чтобы не разсмѣяться при видѣ такого соотвѣтствія, и тотчасъ согласились на ихъ кандидатовъ, а они на нашихъ. И тѣ и другіе были немедленно приведены на засѣданіе.

Тогда Плехановъ, поднявшись со своего мѣста и прислонившись къ стволу большого дерева, сказалъ:

— Я прежде всего прошу Морозова прочесть свою статью въ Листкѣ *Земли и Воли* по поводу политическихъ убійствъ.

Уже давно готовый къ этому, я вынулъ изъ кармана соотвѣт-

ствующій номеръ листка и твердымъ голосомъ прочелъ свою статью, хотя и очень волновался внутренно.

— Вы слышали, господа,—сказалъ Плехановъ.—Это ли наша программа?

Наступило тяжелое молчаніе, продолжавшееся съ полъ-минуты. Но вдругъ оно было прервано одобрительнымъ возгласомъ Фроленко, воскликнувшимъ, что именно такъ и нужно писать передовыя статьи въ революціонныхъ органахъ.

Плехановъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно, и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Неужели, господа, вы всѣ такъ думаете?

Не нашлось ни одного голоса, который осудилъ бы мою статью. До такой степени мысли, выраженныя мною въ ней, были подготовлены жестокими гоненіями того времени на всякую попытку дѣятельности въ народѣ.

Только Поповъ спросилъ меня, признаю ли я этотъ способъ борьбы общимъ методомъ?

Я ему отвѣтилъ, что считаю этотъ способъ допустимымъ только въ періоды политическихъ гоненій, когда всякія другія средства борьбы съ произволомъ являются практически невозможными. Какъ только будетъ обезпечена свобода слова и низвергнуть абсолютизмъ, сейчасъ же нужно будетъ дѣйствовать исключительно убѣжденіемъ.

Кто-то изъ саратовцевъ, которыхъ мы считали крайними врагами новаго пути, сказалъ:

— Въ нашей старой программѣ *Земли и Воли* допускаются на равныхъ правахъ, какъ политическая дѣятельность въ городахъ, такъ и пропаганда социалистическихъ идей въ народѣ.

Всѣ, за исключеніемъ четырехъ человѣкъ, согласились, что это такъ и должно быть, и что въ моихъ статьяхъ нѣтъ никакихъ противорѣчій со старой программой общества.

Мы, липецкіе, съ изумленіемъ переглянулись между собою. Приѣхавъ въ Воронежъ, мы ожидали совсѣмъ не этого. Наше положеніе какъ уже сьорганизованной группы, стало дѣлаться затруднительнымъ: *мы оказались тайнымъ обществомъ въ тайномъ обществѣ!*

Плехановъ нѣкоторое время стоялъ молча. Отношеніе деревенскихъ членовъ *Земли и Воли* къ новому направленію было для него, очевидно, совершенно неожиданно.

— Въ такомъ случаѣ, господа,—сказалъ онъ глухимъ и печальнымъ голосомъ,—здѣсь мнѣ больше нечего дѣлать. Прощайте!

Онъ медленно повернулся и началъ удаляться въ глубину лѣса. Мнѣ показалось, что онъ съ усиліемъ держится на ногахъ.

Разрывъ съ привычнымъ товарищемъ по дѣятельности былъ слишкомъ тяжелъ. Вотъ онъ идетъ, мелькнуло у меня въ головѣ, куда то въ глубину лѣса, одинокій, безъ сторонниковъ... Что съ нимъ будетъ, что онъ будетъ дѣлать?

Мы, ожидавшіе изгнанія, вдругъ, безъ всякаго труда, оста-

лись побѣдителями, а онъ, считавшій себя все время побѣдителемъ, оказался неожиданно побѣжденнымъ. У меня къ горлу подступали слезы.

— Господа! нужно его возвратить,—воскликнула Вѣра Фигнеръ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Александръ Михайловъ взволнованнымъ голосомъ,—какъ это ни тяжело, но мы не должны возвращать его.

Я и другіе тоже быстро овладѣли собою и присоединились къ его мнѣнію, такъ какъ перспектива дальнѣйшихъ споровъ по поводу каждой новой статьи и cadaго новаго практическаго предпріятія слишкомъ пугала насъ. Четыре изъ петербургскихъ сторонниковъ Плеханова, особенно рѣзко возражавшіе противъ покушения Соловьева, вскочили со своихъ мѣстъ, чтобъ идти за нимъ, но потомъ снова сѣли, тихо переговариваясь между собою. Ни одинъ изъ нихъ не удалился съ собранія вслѣдъ за Плехановымъ.

Кто-то предложилъ рѣшить голосованіемъ, считать ли теперь Плеханова принадлежащимъ къ организаціи. Значительное большинство высказалось за то, что его нужно считать добровольно выбывшимъ изъ *«Земли и Воли»*. Если онъ вновь пожелаетъ возвратиться, то нужно будетъ отнести къ нему, какъ ко всякому другому поступающему, т. е. потребовать у него согласія на программу и уставъ и подвергнуть баллотировкѣ по общимъ правиламъ. Такъ закончилось первое засѣданіе Воронежскаго съѣзда *«Земли и Воли»*.

Очутившись въ большинствѣ, мы назначили новое собраніе только черезъ день. Отсрочка эта была для насъ совершенно необходима для того, чтобъ обсудить свое положеніе. Постановленія Липецкаго съѣзда предполагали насъ совершенно самостоятельной группой.

Собравшись на слѣдующій день особо въ лѣсу, мы рѣшили не уходить изъ *«Земли и Воли»*, но настоять на томъ, чтобъ *«Исполнительный Комитетъ»* во всѣхъ своихъ практическихъ дѣлахъ пользовался полной автономіей и имѣлъ свой особый органъ.

Все это и было очень легко получено на слѣдующемъ засѣданіи Воронежскаго съѣзда. Я уже упоминалъ, что наша группа, вмѣстѣ съ Киевскимъ отдѣленіемъ *«Земли и Воли»*, во главѣ котораго стоялъ Валеріанъ Осинскій, уже нѣсколько мѣсяцевъ фактически пользовалась автономіей и выпускала прокламаціи подъ тѣмъ же именемъ *«Исполнительнаго Комитета»*. Такъ мы называли себя и на Липецкомъ съѣздѣ. Съ лѣта 1878 г. мы даже обладали своей печатью, на которой были выгравированы скрещенные кинжалъ, револьверъ и топоръ, а кругомъ ихъ надпись: *«Исполнительный Комитетъ Русской Соціально-Револуціонной Партіи»*. Печать эта со времени моего присоединенія къ *«Земль и Волю»* т. е. съ осени 78-го года хранилась у меня въ нашемъ архивѣ вмѣстѣ съ остальными документами (теперь вмѣстѣ съ архивомъ она неизвѣстно гдѣ находится). Благодаря этому даже самое имя *«Исполнительный Комитетъ»* могло остаться за нами безъ измѣненія, и та же самая печать могла служить намъ и въ будущемъ.

Фракція Плеханова послѣ его ухода потеряла всякую энергію, и мы огромнымъ большинствомъ были утверждены въ оспаривавшемся до тѣхъ поръ «народниками» правѣ называть себя «Исполнительнымъ Комитетомъ» и пользоваться своей печатью. Намъ дали не только полную автономію, но право принимать на свой рискъ въ «Исполнительный Комитетъ» новыхъ членовъ, не принадлежащихъ къ «Земль и Воля».

Единственнымъ условіемъ по отношенію къ этимъ лицамъ было не сообщать имъ интимныхъ подробностей о дѣятельности Земли и Воли, пока они не будутъ приняты въ ея члены. Такимъ образомъ все, что мы постановили на Липецкомъ съѣздѣ, было наконецъ легализировано въ «Земль и Воля», хотя остальные члены Воронежскаго съѣзда даже и не подозревали объ нашихъ совѣщаніяхъ въ Липецкѣ.

Воронежскій съѣздъ былъ закрытъ, насколько помню, послѣ третьяго или четвертаго засѣданія, гдѣ были приняты въ «Землю и Волю» по моему предложенію Вѣра Засуличъ и нѣсколько другихъ членовъ, предложенныхъ различными лицами. Изъ этихъ новыхъ членовъ Дейчъ и Стефановичъ, тотчасъ присоединившіеся къ группѣ «народниковъ», сильно способствовали потомъ окончательному распаденію «Земли и Воли».

На этомъ же послѣднемъ засѣданіи были разрѣшены нѣкоторые второстепенные вопросы; пересмотрѣнъ уставъ «Земли и Воли», и выбрана распорядительная комиссія изъ трехъ лицъ для завѣдыванья практическими дѣлами. Я по прежнему былъ оставленъ хранителемъ печати и всѣхъ документовъ общества, а также и его денежныхъ суммъ. Редактированье журнала «Земля и Воля» было снова поручено мнѣ и Тихомірову.

V.

Распаденіе «Земли и Воли» на «Черный Передѣлъ» и «Народную Волю».

Когда мы вернулись въ Петербургъ, нѣкоторымъ казалось, что всѣ важнѣйшія недоразумѣнія улажены и что распаденіе общества ограничилось выходомъ изъ него одного Плеханова. Но это было не такъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ оказалось, что наши прежніе противники въ петербургской группѣ держатся отъ насъ обособленной компаніей, и по прежнему считаютъ Плеханова своимъ членомъ, сообщая ему всѣ интимныя дѣла общества въ противность уставу. Къ нимъ присоединились подъ вліяніемъ Стефановича также Дейчъ и Вѣра Засуличъ. Присоединеніе Засуличъ къ «народнической» группѣ было намъ особенно тяжело. Мы провели ее на Липецкомъ съѣздѣ въ полной увѣренности, что она будетъ сторонницей новаго способа борьбы, въ которомъ мы тогда видѣли все спасеніе Россіи отъ губившаго ее абсолютизма. Но она

была чрезвычайно дружна со Стефановичемъ и Дейчемъ, и перейдя вмѣстѣ съ ними къ нашимъ противникамъ, вдругъ окружила ихъ ореоломъ въ глазахъ благоговѣвшей передъ ней учащейся молодежи.

Наши противники сразу почувствовали за собою новую силу и снова сдѣлались требовательными по отношенію къ намъ. Стефановичъ началъ вербовать себѣ сторонниковъ среди лицъ, имѣвшихъ тѣсныя сношенія съ «*Землей и Волей*», и завербовалъ въ томъ числѣ хозяйку нашей типографіи Крылову. Въ одинъ прекрасный день она заявила, что пока она находится въ типографіи, она не позволитъ печатать ни одной статьи въ новомъ направленіи, такъ какъ политическая свобода будетъ способствовать развитію буржуазіи и такимъ образомъ пойдетъ во вредъ рабочему народу.

Всѣ мои усилія переубѣдить ее оказались тщетными, такъ какъ она не была самостоятельной мыслительницей, а отстаивала лишь то, что ей внушали люди, подъ вліяніе которыхъ она попадала. Теперь же она была цѣликомъ подъ вліяніемъ Стефановича и Плеханова. Не чувствуя себя въ силахъ возражать на мои доводы о необходимости политической свободы для самой социалистической дѣятельности въ народѣ, она впадала въ истерику. Въ концѣ всѣхъ переговоровъ съ нею мнѣ приходилось лишь бѣгать за холодной водой, чтобъ успокоить ее хоть немного. Мой соредакторъ Тихоміровъ и Александръ Михайловъ то же пробовали говорить съ нею, но бросили всѣ попытки въ виду ихъ бесполезности еще задолго до меня.

Благодаря такому положенію дѣлъ въ типографіи, изданіе «*Земли и Воли*» оказывалось теперь фактически неосуществимымъ, несмотря на то, что всѣ остальные наборщики стояли за новое направленіе. Цѣлыхъ два мѣсяца послѣ Воронежскаго съѣзда вся дѣятельность общества ухилила на улаживанье ежедневно возникавшихъ внутри его недоразумѣній между двумя фракціями, собиравшимися отдѣльно въ окрестностяхъ Петербурга. Всякая идейная и практическая революціонная дѣятельность совершенно прекратилась. Несмотря на всѣ усилія соединить несоединимое, у насъ ничего не выходило. Всѣ связующія нити между двумя группами рвались, какъ паутина, при первой попыткѣ начать какое либо серьезное дѣло. У большинства товарищей все болѣе и болѣе терялась ровность характера. Стали возникать несправедливыя нареканія однихъ лицъ на другихъ, и интриги одной фракціи противъ другой.

Къ октябрю 1879 года взаимныя недоразумѣнія дошли до такой степени, что не оставалось ничего другого, какъ назначить уполномоченныхъ для осуществленія раздѣла. Обѣ фракціи были объявлены независимыми обществами, дѣйствующими вполнѣ самостоятельно, безъ права называть себя «*Землей и Волей*». Уставъ «*Земли и Воли*», всѣ ея печати и документы остались въ нашемъ распоряженіи какъ у большинства, а капиталы общества было рѣшено раздѣлить поровну. Фактически всѣ они (за исключеніемъ средствъ Лизогуба, погибшихъ послѣ его казни для организациі)

отошли къ фракціи Стефановича и Плеханова, такъ какъ у нихъ оказались почти всѣ состоятельные члены общества, которые и передали туда все, что имъ принадлежало. Ихъ группа назвала себя «*Чернымы Передѣломъ*» или «*народниками*» въ знакъ того, что главная цѣль ихъ общества есть *передѣлъ* всѣхъ земель Россіи *начерно* между общинниками-крестьянами. Мы же назвали себя партией «*Народной Воли*» или «*народовольцами*» въ знакъ того, что непосредственная наша цѣль была замѣна существующаго самодержавнаго режима представительнымъ, основаннымъ на проявленіи воли всего народа. Народная воля должна была рѣшить потомъ всѣ политическіе и соціальные вопросы при свободномъ представительномъ правленіи. Пользуясь уже готовымъ уставомъ, мы сейчас же начали свою боевую и литературную дѣятельность въ новомъ духѣ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ изъ вновь устроенной тайной типографіи въ Саперномъ переулкѣ былъ выпущенъ первый номеръ «*Народной Воли*».

При раздѣлѣ «*Земли и Воли*» намъ не досталось ни копѣйки изъ ея матеріальныхъ средствъ, но мы были полны энергіи и энтузіазма. Къ намъ сейчасъ же присоединилось нѣсколько чловѣкъ изъ молодежи, принесшихъ вмѣстѣ съ собою и небольшія средства на первыя практическія дѣла. Мы вдругъ, казалось, ожили: наши руки были развязаны, а ничего другого намъ не было нужно въ это время.

Николай Морозовъ.

8 Августа 1906 г.

Комментарій къ статьѣ Н. А. Морозова „Возникновеніе Народной Воли“.

Отъ редакціи. Одновременно съ Н. А. Морозовымъ мы обращались съ просьбой дать свои воспоминанія о Липецкомъ и Воронежскомъ сѣздахъ къ другому участнику этихъ событій М. Ф. Фроленко. Его воспоминанія будутъ напечатаны нами въ одной изъ книгъ «Былого» за 1907 годъ. По полученіи рукописи Н. А. Морозова, мы послали ее М. Ф. Фроленко и получили отъ него нижеслѣдующіе комментаріи къ статьѣ Н. А. Морозова. Эти комментаріи были просмотрѣны послѣднимъ и вызвали съ его стороны нѣкоторыя замѣчанія, которыя мы и помѣщаемъ въ примѣчаніяхъ.

Дорогіе друзья!

На дняхъ я получилъ статью Морозова о Липецкомъ и Воронежскомъ сѣздахъ и, согласно Вашему желанію, рѣшаюсь сдѣлать къ ней нѣкоторыя добавленія, хотя, по правдѣ сказать, дѣлаю это съ большой неохотой, боясь, какъ-бы не было это принято за полемику съ авторомъ. Единственно, что мною руководить,—долженъ поэтому добавить,—это желаніе освѣтить предметъ, вышеуказанныя историческія явленія съ возможно большаго числа сторонъ, и желаніе подойти къ нему поближе. Морозовъ, какъ редакторъ и писатель, хорошо изобразилъ то, что происходило тамъ, у нихъ въ редакціи и между редакторами, но онъ мало коснулся улицы, такъ сказать. Этотъ пробѣлъ я хотѣлъ-бы заполнить. Тонъ-то задавала улица, и редакція только являлась откликомъ улицы, ея выразительницей, какъ со стороны политиковъ, такъ и со стороны народниковъ. Улица же начала переходить къ новому способу борьбы съ правительствомъ гораздо раньше, чѣмъ ея дѣйствія нашли своихъ литературныхъ истолкователей. Въ Одессѣ, Кіевѣ, въ концѣ 71-го г. уже начинается ходить мысль о необходимости открыть походъ противъ правительства въ лицѣ

хотя-бы мелкихъ его агентовъ. На Пасху 77-го года, при скопленіи радикальнаго народа, въ Одессѣ происходили уже серьезные дѣбаты на счетъ необходимости болѣе систематичнаго похода на правительство; при чемъ большинство признавало нужнымъ уничтожить, срубить раньше лѣса, какъ тогда выражались, а волки тогда, молъ, и сами погибнуть. Меньшинство же стояло за то, чтобы начать съ волковъ. Все это, правда, за недостаткомъ средствъ и хорошей организациіи, не имѣло практическаго осуществленія, если не считать мелочей, но за то вполнѣ подготовило мысль къ подобному способу. Поэтому, когда въ концѣ 77 года явился въ Одессу Валерьянъ Осинскій съ предложеніемъ объ освобожденіи Стефановича, Дейча, Бохановскаго, то здѣсь онъ сразу нашелъ подходящую почву, встрѣтивъ уже цѣлую кучу людей, согласныхъ не только на это освобожденіе, но и вообще на всякое дезорганизаторское дѣло. Взявъ изъ нихъ часть, Осинскій сначала двинулся въ Кіевъ, но, пробывъ тутъ недолго, направился въ Петербургъ. Здѣсь имѣлось тогда въ виду устроить демонстрацію при похоронахъ рабочихъ, погибшихъ отъ взрыва на пороховомъ, кажется, заводѣ. Демонстрація не вышла. Тогда было питерцами рѣшено использовать привезенныя силы противъ Трепова. На Гороховой ул., противъ Адмиралтейской части, Попко и еще одинъ южанинъ наняли квартирѣ, стали слѣдить за выходомъ Трепова. «Варваръ» (рысакъ) долженъ былъ имъ помогать.

Но одновременно, въ другой части города Вѣра Засуличъ, Чубаровъ и др. въ свою очередь задумали, независимо отъ этого, произвести наблюденія, тоже за Треповымъ. У нихъ подготовка кончилась скорѣе. Вѣра Засуличъ училась стрѣльбѣ еще на югѣ, когда была въ кружкѣ кіевскихъ бунтарей. Ей пришлось только провѣрить себя и рѣшиться на жертву. Узнавъ отъ южанина, жившаго съ Попко, что ихъ дѣло еще находится въ періодъ выслѣживанія и опредѣленія способа, что время дѣйствія не установлено, Вѣра не стала выжидать, а сочла за лучшее выступить самой, предупредивъ, такимъ образомъ, другихъ. Осинскій, Попко и др. двинулись тогда на югъ и тутъ открыли цѣлый рядъ террористическихъ дѣйствій. Гейкингъ, Котляревскій, освобожденіе Стефановича, Дейча и Бохановскаго, конституціонный клубъ и т. д., — все это указывало на переходъ къ новому способу борьбы. Тутъ же была сдѣлана и использована печать Исполнительнаго Комитета. Здѣсь же южане освоились съ мыслью о конституціи и не стали бояться ея. Отсюда, или лучше сказать, съ этого времени, какъ новый способъ борьбы, такъ и стремленіе къ политической свободѣ начинаетъ все больше и больше завоевывать право на существованіе и, переходя съ юга на сѣверъ, начинаетъ вызывать, конечно, споры, несогласія. Уже передъ Мезенцевскимъ дѣломъ, пріѣхавъ въ Москву, я былъ не мало удивленъ радости Адриана Михайлова, когда онъ узналъ, что я не особенно противъ деревенскихъ поселеній, что дѣятельность въ деревняхъ признаю одинаково важной, наряду съ дѣятельностью въ городахъ. Значить, на сѣверѣ уже тогда начался споръ ме-

жду членами «Земли и Воли», но онъ не имѣлъ тогда остраго характера. И тотъ же Адрианъ очень скоро принялъ самъ въ качествѣ кучера участіе въ дѣлѣ Мезенцова.

Кстати о дѣлѣ Мезенцова... Морозовъ пишетъ, что Мезенцовъ былъ убитъ за то, что настоялъ, будто, на исполненіи смертнаго приговора надъ Ковальскимъ. Ковальскій былъ казненъ за два дня до убійства Мезенцова. Дѣло же Мезенцова тянулось не менѣе мѣсяца и его смерть была рѣшена, значитъ, раньше этого. Насколько помню, его осудили за то, что онъ настаивалъ на болѣе строгомъ приговорѣ по Большому процессу, (193-хъ); а главнымъ образомъ за примѣненіе административной высылки противъ лицъ, оправданныхъ по этому процессу, и за то еще, что онъ былъ шефъ жандармовъ и начальникъ *ненавистнаго вѣствъ третьюю отдѣленія* ¹⁾.

Дѣло Мезенцова велось членами «Земли и Воли» и показывало, что землевольцы уже тоже начали переходить къ тому же способу дѣйствія, который практиковался и на югѣ. Незадолго передъ этимъ точно также они въ союзѣ съ южанами сдѣлали неудачное нападеніе на жандармовъ, которые везли Войнаральскаго въ централку Харьковской губерніи. Такимъ образомъ и сѣверяне, видимъ, наряду съ деревенской дѣятельностью, стали признавать нужнымъ и терроръ, но конечно, не всѣ одинаково и не безъ взаимныхъ пререканій. О томъ, что они были, свидѣтельствуетъ сказанное мной выше объ Адрианѣ Михайловѣ. Но на томъ же Михайловѣ видно, что такіе споры не имѣли вреднаго для дѣла значенія и люди, поспоривъ, въ концѣ приходили къ обоюдному соглашенію. Продлись такъ дальше,—и новый путь, завоевая мало-по-малу позицію, скоро перешелъ бы въ общую программу и новый способъ борьбы сталъ бы господствующимъ, какъ мнѣ кажется теперь и казалось тогда. Но за дѣломъ Мезенцова въ Питерѣ послѣдовалъ очень большой провалъ и большая часть видныхъ дѣятелей попала въ тюрьму. Тогда были арестованы Ольга Натансонъ—эта душа Питера,—Адрианъ Михайловъ, такъ называемый «Алешка» (Оболешевъ) и друг. Александру Михайлову удалось спастись. За нимъ уже гнался кто-то: или жандармъ, или шпіонъ,—навѣрно не помню. Но онъ опередилъ погоню и забѣжавъ за уголъ, быстро перескочилъ заборъ и тамъ спрятался.

Александру Михайлову съ уцѣлѣвшими пришлось тогда содавать все вновь. Вызвали они изъ деревни Квятковского, который съ М. Р. Поповымъ занимались развозной торговлей въ Воронежской губерніи, и сгруппировали вокругъ себя много новыхъ лицъ. Въ это время въ Питеръ понаѣхали бѣжавшіе изъ админи-

¹⁾ Фроленко совершенно правъ. Событіе 4-го августа, хотя и было рѣшено Кравчинскимъ еще весной 1878 года, но приведено имъ въ исполненіе непосредственно подъ впечатлѣніемъ факта разстрѣлянія Ковальскаго 2 августа 1878 года. Прямымъ доказательствомъ этому служитъ написанная самимъ Кравчинскимъ брошюра „Смерть за смерть“, посвященная памяти Ковальскаго.

Н. Морозовъ.

стративной ссылки, нѣкоторые изъ нихъ тоже пристали сюда. Въ Питерѣ, благодаря всему этому, сразу получился новый составъ и составъ довольно значительный, но изъ лицъ, мало проникнутыхъ программой «Земли и Воли». Все это былъ народъ, болѣе способный къ дѣятельности городской, всѣ они больше склонялись къ тому, чтобы на правительственные репрессалии отвѣчать дѣйствіями боевыми. Путь, намѣченный на югѣ, встрѣтилъ тутъ горячихъ послѣдователей. Старые землевольцы, какъ Алек. Михайловъ и Квятковскій, еще недавно мечтавшіе о возвращеніи въ деревню, сами прониклись необходимостью выступить на открытую борьбу съ правительствомъ, не рассчитывая на народъ, имѣя въ виду лишь свои силы. Такимъ образомъ тутъ, въ Питерѣ, почти всѣ сходились на переходѣ, или лучше сказать на отданіи преимущественнаго значенія боевымъ дѣйствіямъ передъ поселеніями, не отрицая, однако, и ихъ. Но то, что стояли за новый способъ борьбы люди новые, не связанные со старыми землевольцами ни дружбой, ни долгой совмѣстной работой, вело невольно къ обостренію отношеній при всякихъ несогласіяхъ и спорахъ между старыми и новыми землевольцами. Къ этому времени старые землевольцы-народники отнюдь еще не разочаровались въ своихъ поселеніяхъ, въ продуктивности и тамъ своей работы. Напротивъ, они полны были еще вѣры и потому то такъ горячо и возстали, когда зашла рѣчь о царубійствѣ, которое по ихъ мнѣнію могло убить ихъ работу въ деревнѣ или по меньшей мѣрѣ сильно затормозить. Это соображеніе надо замѣтить и оправдалось потомъ, когда заведены были урядники, въ деревняхъ стало труднѣе удержаться. Споры, противодѣйствія народниковъ поэтому были вполне понятны и естественны, раздѣлъ необходимъ. Честолюбіе отдѣльныхъ лицъ играло, по моему, совершенно второстепенное значеніе и не ему поэтому я приписываю главную причину раздѣла ¹⁾, а тому прежде всего, что въ составъ партіи «Земли и Воли» вошелъ новый элементъ изъ свѣжихъ лицъ, которыя не сами создавали программу «Земли и Воли», которыя не выносили ее въ своей головѣ, для которыхъ она была лишь чужое литературное произведеніе, съ которымъ они согласны еще въ цѣляхъ, но не въ средствахъ. Средства ихъ были совершенно разны и *при отсутствіи связующаго товарищескаго, дружескаго чувства* принципиальная рознь обязательно должна была привести къ раздѣлу не нынче, такъ завтра. Въ раздѣленіи землевольцевъ на «Черный Передѣлъ» и «Народную Волю», подчеркнутое обстоятельство и играло первенствующее значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что представлялъ Желябовъ, Якимовъ, Софья Иванова, Оловенникова, Ширяева, Исаевъ, Арончикъ, я и др. для народниковъ, которые ихъ знали однихъ лишь по фамиліи, а другихъ даже и такъ не знали. Никакая дружба, привязанность, близкое знаком-

¹⁾ Съ этимъ согласенъ и я. Главная основная причина раздѣла лежала несомнѣнно въ разногласіяхъ принципиальнаго характера.

Н. Морозовъ.

ство ихъ не соединяли и въ этомъ то и надо искать основной причины окончательнаго раздѣла, мнѣ кажется. На время, подъ давленіемъ обстоятельствъ, люди, конечно, могли пойти на уступку и пошли, но длиться долго такъ не могло, кончилось раздѣломъ, и должно было такъ кончиться, независимо отъ вліянія отдѣльныхъ лицъ. Для того, чтобы раздѣла не произошло, надо было, чтобы часть людей заживо обрекли себя на смерть, на полное бездѣйствіе или на принятіе чужой вѣры, въ которую они не вѣрили. Но, все таки, пока вопросъ не касался существеннаго, пока споръ шель о второстепенныхъ вещахъ, люди терпѣли, допуская дѣйствовать своихъ членовъ противъ разныхъ правительственныхъ чиновъ. Но вотъ является Соловьевъ и поднимается вопросъ, который идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ міровоззрѣніемъ человѣка. Тутъ соглашеніе трудно, но на первый разъ и на это пошли народники. На то, что Гольденбергу угрожали, надо смотрѣть не въ томъ смыслѣ, что это и въ самомъ дѣлѣ думали привести въ исполненіе. Ничего подобнаго, конечно, не случилось бы. И только, когда произошла Соловьевская неудача, когда начался бѣлый терроръ, когда положеніе въ деревнѣ стало хуже, труднѣе, тогда только народники и подняли вопросъ о необходимости съѣзда, о необходимости сообща рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли, или не слѣдуетъ продолжать дѣло Соловьева. Литературныя статьи, конечно, подливали масло въ огонь, но они однѣ ни къ чему особенному не привели бы, если бы споръ не возникъ заранѣе изъ-за практическихъ начинаній, изъ-за желанія довести дѣло Соловьева до конца. Прежде всего пугало это предпріятіе, а затѣмъ уже являлась боязнь увлеченія и перехода и въ дальнѣйшемъ къ подобнымъ дѣламъ, отвлекая всѣ силы и средства сюда, оставляя въ забросѣ деревню. Но, все же, хотя въ редакціяхъ споръ и былъ ожесточенъ, хотя нѣкоторые изъ народниковъ сильно возстали на статью Морозова, но большинство членовъ «Земли и Воли», какъ со стороны народниковъ, такъ и политиковъ не хотѣло раздѣла и на спорщиковъ смотрѣли, какъ на неуживчивыхъ людей. Въ чемъ, помню, особенно обвиняли Плеханова. О раздѣлѣ больше говорили тѣ, кому круто приходилось отъ частыхъ пререканій, но другіе не особенно этимъ спѣшили и Воронежскій съѣздъ показалъ, что люди объ этомъ еще не думали серьезно.

О Гольденбергѣ у Морозова сказано, что такъ какъ хотѣлось собрать на Липецкій съѣздъ побольше сторонниковъ, то пригласили туда *даже* и Гольденберга. Это *даже* мнѣ кажется, можно и должно выбросить. Гольденбергъ былъ не между прочимъ приглашенъ, а потому, что нельзя было его не пригласить. Разговоры о съѣздѣ начались при немъ. Питерцы относились сначала къ нему хорошо и у нихъ не было еще мотивовъ его не приглашать. Критику на Гольденберга внесли южане, которые знали его лучше, но южане явились позже, когда Гольденбергъ былъ уже приглашенъ.

Морозовъ говоритъ о чтеніи программы и устава, составлен-

ныхъ имъ ¹⁾. Я до сихъ поръ былъ того мнѣнія, что записка эта была составлена Михайловымъ съ Тихоміровымъ ²⁾, а затѣмъ, на сѣздѣ, при обсужденіи записки по пунктамъ, составлена и формулирована Желябовымъ уже та, которую выработалъ сѣздъ.

Объ агентахъ Исполнительнаго Комитета Морозовъ говоритъ, что, хотя большинство членовъ и согласились на это, но что оно не имѣло въ будущемъ много серьезнаго значенія, что этотъ параграфъ такъ мало примѣнялся, что онъ помнитъ одного лишь Клѣточникова въ качествѣ агента.

¹⁾ Въ составленіи проекта этой программы и устава участвовали въ Петербургѣ вмѣстѣ со мной Александръ Михайловъ и Квятковскій. Вполнѣ возможно, что кто-нибудь изъ нихъ предварительно совѣтовался по поводу ея и съ Тихоміровымъ. Этого я не знаю. Читали проектъ на сѣздѣ, насколько помню, сначала Квятковскій, а потомъ Михайловъ. Въ обсужденіи принимали участіе Желябовъ, Колоткевичъ и многіе другіе. Кѣмъ былъ переписанъ и прочтенъ этотъ документъ въ окончательномъ видѣ не помню.

Н. Морозовъ.

²⁾ Это представленіе Михаила Федоровича является прекрасной иллюстраціей существовавшей въ то время тенденціи приписывать Л. А. Тихомірову всѣ тѣ статьи и документы, авторы которыхъ, какъ это постоянно бываеетъ въ дѣятельности тайныхъ обществъ, оставались неизвѣстны. Михаилъ Федоровичъ совершенно не участвовалъ въ литературѣ „Народной Воли“, но онъ, насколько помню, присутствовалъ на томъ петербургскомъ засѣданіи „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“, гдѣ Тихоміровъ и Желябовъ были главными моими оппонентами, при моей попыткѣ отстоять программу Липецкаго сѣзда. Они ее критиковали настолько сильно, что значительное большинство присутствовавшихъ, въ противность форменному постановленію Липецкаго сѣзда, рѣшило напечатать вмѣсто нея новую программу, дѣйствительно написанную Тихоміровымъ и совершенно въ другомъ направленіи, чѣмъ декларация Липецкаго сѣзда. За мою программу подали голоса: Перовская, Грачевскій, Ольга Лубатовичъ, Софья Иванова и еще нѣсколько членовъ. За Тихоміровскую: Желябовъ, Фроленко, Александръ Михайловъ, Марья Ошанина и т. д. За кого подала Анна Павловна Корба, не помню, но кажется тоже за мою.

Въ послѣднее время моего пребыванія въ „Народной Волѣ“, передъ отъѣздомъ за границу послѣ крушенія ея типографіи, мнѣ часто случалось слышать въ посторонней публикѣ и даже отъ вновь принятыхъ членовъ (на Липецкомъ сѣздѣ и послѣ него) будто всѣ заявленія отъ „Исполнительнаго Комитета“ писаны были Л. А. Тихоміровымъ. Мнѣ всегда неловко было это опровергать, но въ дѣйствительности, вплоть до осени 1878 года, т. е. до указаннаго здѣсь засѣданія по поводу новой программы Тихомірова, всѣ эти заявленія поручали писать мнѣ. Послѣ же этого засѣданія и, можетъ быть, именно подъ впечатлѣніемъ новыхъ членовъ (которыхъ теперь оказалось большинство), предполагавшихъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Федоровичемъ, что это специальность Л. А. Тихомірова, ему стали поручать всѣ подобнаго рода бумаги. Вообще могу сказать, что престижъ Л. А. Тихомірова, какъ наилучшаго выразителя идей и дѣлей партіи Народной Воли начинается именно съ этого времени. На дѣлѣ же онъ никогда не былъ ихъ выразителемъ, уже по тому одному, что „Исполнительный Комитетъ Народной Воли“, къ которому мы, редакторы журналовъ и составители деклараций, обращались въ принципиальныхъ случаяхъ за разрѣшеніемъ нашихъ теоретическихъ разногласій, былъ не общество теоретиковъ, а боевая дружина. При приемѣ въ него новыхъ членовъ мы никогда не спрашивали ихъ: „како мыслиши о социалдемократіи, объ анархизмѣ, о конституціяхъ о республикахъ?“ Мы спрашивали ихъ только: „готовы ли ты сейчасъ же отдать свою жизнь и личную свободу и все что имѣешь за освобожденіе своей родины?“

Дѣйствительно, какъ и я въ своихъ воспоминаніяхъ писалъ, русскіе революціонеры съ большой неохотой и туго осваивались и мирились съ мыслью о подчиненіи. Но, всетаки, въ концѣ концовъ необходимость и болѣе серьезное отношеніе къ дѣлу заставило многихъ признать это важнѣе для дѣла и они смирились, сознавая, что большая боевая организація немислима на чисто товарищескихъ только отношеніяхъ. Противъ войска можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать лишь еще лучше организованное войско. Тѣмъ болѣе, что при расширеніи организаціи, при образованіи федеративныхъ группъ, товарищество уже становилось немислимо и на первый планъ выступали чисто дѣловыя отношенія, гдѣ связывало людей лишь уваженіе, признаніе за центромъ нѣкотораго авторитета, признаніе за нимъ правъ на руководство. И это, хоть медленно, но по немногу входило все больше и больше въ практику. Не одинъ Клѣтчиковъ былъ агентомъ; такихъ агентовъ было довольно. Я упомяну лишь объ извѣстныхъ: Геся Гельфманъ, Саблинъ, Лангансъ, который скоро былъ принятъ въ члены, Франжоли и др. Затѣмъ идутъ провинціальныя группы. Правда, на первыхъ порахъ приходилось охаживать многихъ людей, приходилось не ставить рѣзко, приводить постепенно къ такому признанію, но усилія не пропадали даромъ и въ концѣ обыкновенно люди сами сознавали, что иначе немислимо, что для дѣла такъ лучше.

И если на послѣдній вопросъ мы получали утвердительный отвѣтъ, и намъ казалось, что человѣкъ дѣйствительно способенъ все это сдѣлать, мы его тотчасъ принимали. Вотъ почему и программа Тихомірова, напечатанная въ № 3 „Народной Воли“ и его письмо отъ имени „Исполнительнаго Комитета“ къ Александру III (хотя они de facto и были простыми компиляціями собранныхъ имъ у различныхъ теоретиковъ мнѣній) никогда не выражали собою реального духа боевой организаціи Народной Воли, девизомъ которой можно было поставить только то, что я сказалъ выше: *готовность отдать и жизнь и личную свободу и все, что имѣешь за освобожденіе своей родины отъ гнета ея самовластногo правительства.*

Когда мнѣ приходилось въ подобныхъ случаяхъ спрашивать своихъ сочленовъ почему имъ понравилась болѣе та или другая программа или декларация, то часто получалъ отвѣтъ: „она болѣе трогательно написана, окончаніе ея совсѣмъ какъ стихи“, или что нибудь въ этомъ родѣ, совсѣмъ не по существу. Другіе же прямо отвѣчали, что не будучи ни ораторами, ни литераторами, они „не считаютъ себя компетентными по теоретическимъ вопросамъ и дали свое согласіе только потому, что не видятъ въ программѣ ничего вреднаго; при томъ же, въ случаѣ несогласія, авторъ можетъ обидѣться, вѣдь даромъ пропадетъ столько труда“. Вотъ почему обращаюсь къ вопросу, поднятому здѣсь Михаиломъ Федоровичемъ, о причинахъ предпочтенія, отданнаго на осеннемъ Петербургскомъ засѣданіи „Исполнительнаго Комитета“ въ 1879 году, Тихоміровской программѣ передъ моею Липецкой декларацией, я могу лишь присоединиться къ мнѣнію, высказанному въ своихъ воспоминаніяхъ Ольгой Спирidonовой Любатовичъ-Джабадаре, и добавить, что предпочтеніе было отдано отчасти и потому, что Тихоміровскій провѣтъ былъ много длиннѣе Липецкой декларации, а потому казался не-литературной публикѣ болѣе убѣдительнымъ. Однако, на второй же день послѣ этого засѣданія большинство присутствовавшихъ, я убѣжденъ, уже не были бы въ состояніи разсказать, что было въ программѣ Тихомірова, а черезъ нѣсколько недѣль де-факто почти всѣ кромѣ самого Тихомірова и меня забыли, что въ ней было написано: практическія дѣла отвлекали все ихъ вниманіе отъ теоретическихъ вопросовъ.

Н. Морозовъ.

Въ этомъ отношеніи особенно трудно было вести дѣло со старыми дѣятелями, которыхъ это коробило больше всего потому, что они видѣли въ этомъ какое-то обидное для нихъ недовѣріе. Чего, конечно, не было,—а только къ чему, напримѣръ, знать всѣмъ и каждому фамилии, адреса, частныхъ участниковъ разныхъ дѣлъ и т. д.? Помню, какъ на меня ужасно обидѣлись однажды чайковцы въ гор. Николаевѣ за то, что я имъ не сказалъ своей настоящей фамилии, а выдалъ себя за какого-то Петрова или Иванова и подъ этой фамиліей довольно долго велъ съ ними дѣла. Вдругъ, какъ-то пріѣзжаетъ туда Аксельродъ и обнаруживаетъ мою настоящую фамилію. Бѣда! Страшная обида! А между тѣмъ развѣ что измѣнилось, развѣ я сталъ другимъ отъ этого; развѣ тѣ рекомендаціи, что я привезъ раньше, говорили имъ меньше, чѣмъ моя фамилія, о которой они знали лишь кое-что понаслышкѣ. Ничего подобнаго! Мои рекомендаціи для нихъ должны бы были быть болѣе существенны и давали имъ большую увѣренность, что я свой человѣкъ, и это они отлично понимали, но недовѣріе—обида и они разсердились, оскорбились. Такія или въ этомъ родѣ происходили исторіи и позже; съ ними приходилось считаться, ихъ имѣли ввиду и потому старались не предъявлять сразу принципиальныхъ требованій о подчиненіи, а доводили до этого постепенно, вступая въ дѣловыя отношенія съ ними по частнымъ дѣламъ, предпріятіямъ, незатягивая иногда пріемъ въ члены, разъ убѣждались, что человѣкъ подходитъ къ организаціи.

Что касается параграфовъ устава приведенныхъ Морозовымъ, я ничего не могу сказать опредѣленнаго, такъ какъ забылъ точную редакцію ихъ и только долженъ замѣтить, что у Морозова, кажется, лучше сохранилось объ агентахъ, чѣмъ это я написалъ. Я совершенно упустилъ изъ виду, что мы должны были называться агентами 3-й степени.

При выборѣ въ Распорядительную Комиссію Морозовъ говоритъ, что, будто, сказалось очень сильно неудобство организовать тайное общество на централистическихъ началахъ. И этотъ выводъ онъ дѣлаетъ, какъ видно, изъ неудачнаго подбора въ комиссію, говоря, что еслибъ собраніе состояло только изъ Питерской группы, то, понятно, не было бы никакихъ недоразумѣній, и выбрали бы въ распорядительную комиссію наиболѣе осторожныхъ и практическихъ товарищей. Благодаря-же иногороднимъ составъ въ комиссіи оказался не совсѣмъ тотъ, какого ожидали...

Все это мѣсто для меня мало понятно.

Въ распорядительную комиссію попали Тихоміровъ, Александръ Михайловъ и я. Мы съ Михайловымъ были выбраны по общему желанію, какъ сказано у Морозова. Остается одинъ Тихоміровъ, котораго многіе считали вялымъ и непрактичнымъ. Положимъ и такъ, но причемъ же тутъ централизмъ? Южанъ было четверо всего. Изъ нихъ я и Гольденбергъ не знали, что Тихоміровъ южа-

нинъ родомъ. Желябовъ и Колодкевичъ можетъ и знали, но развѣ это достаточный поводъ къ выбору въ комиссію, особенно къ настоянію на выборѣ, разъ были несогласные, разъ несогласныхъ было много. Все это дѣло мнѣ представляется не такъ и я хочу сказать нѣсколько словъ объ Тихоміровѣ, какъ онъ представлялся мнѣ не въ качествѣ редактора, а въ качествѣ члена организаціи.

Дѣйствительно, Тихомірова не только питерцы, но и южане считали мало практичнымъ, неловкимъ въ обыденной жизни. Его боязнь шпионовъ не разъ давала пищу шуткамъ. Но это не имѣло никакого значенія. На практическія дѣла никто его и не думалъ посылать, для этого были другіе люди; что онъ опасался шпионовъ, было даже хорошо. Онъ лучше, долѣе самъ сохранялся и не водилъ за собой, такъ называемыхъ, хвостовъ (шпионовъ). Но дѣло, конечно, не въ этомъ и не за это его выбирали, а за то значеніе, за ту роль, какую онъ игралъ на первыхъ порахъ, какъ при созданіи новой организаціи, такъ и при ея дѣйствіяхъ, въ дальнѣйшемъ. Его роль и значеніе главнымъ образомъ вытекали изъ того, что это былъ человѣкъ начитанный, умный, съ литературнымъ талантомъ, умѣющій хорошо, логически излагать и доказывать свои мысли, умѣющій соглашать и другихъ на свои доводы.—Его легко можно было бы назвать головой организаціи, но только не въ смыслѣ руководства, а въ смыслѣ способности къ теоретическимъ обоснованіямъ, какъ практическихъ начинаній, такъ и принципальныхъ положеній. Къ этому необходимо только добавить, что въ такихъ случаяхъ Тихомірова всегда надо рисовать рядомъ съ Александромъ Михайловымъ. Въ первое время они составляли настолько одно цѣлое, что, для незнающаго ихъ хорошо человѣка, трудно было даже разобратъся, гдѣ начинался одинъ и кончался другой,—такъ дружно и согласно они проводили свои предложенія, свои начинанія, такъ хорошо спѣвались заранѣе. Обыкновенно Александръ Михайловъ, какъ знающій хорошо положеніе вещей и обладающій недюжиннымъ практическимъ умомъ, являлся съ тѣмъ или другимъ предложеніемъ. Тихоміровъ, заранѣе обсудивъ это дѣло съ Ал. Михайловымъ, явно выступалъ тогда на собраніяхъ, при обсужденіяхъ, теоретическимъ истолкователемъ этихъ предложеній и своей логикой способствовалъ не разъ, а почти всегда тому, что предложеніе проходило. Такимъ образомъ, не участвуя въ практическихъ дѣлахъ, Тихоміровъ тѣмъ не менѣе имѣлъ большое значеніе при обсужденіяхъ этихъ дѣлъ и тутъ онъ не былъ вялъ, напротивъ, всегда принималъ горячее участіе. Его выслушивали, съ нимъ спорили, но чаще соглашались. И тамъ, гдѣ надо было умѣть говорить, Тихомірова посылали на переговоры и съ посторонними. Такъ онъ ѣздилъ въ Кіевъ и къ нему пріѣзжали оттуда для переговоровъ. Немало ему пришлось повозиться и съ Стефановичемъ. Словомъ, на Тихомірова смотрѣли, какъ на большую мыслящую, литературную силу и вотъ въ этомъ то и надо, по моему, искать разгадку и того, почему выбрали Тихомірова въ

комиссію и почему потомъ проходили его проекты и программы предпочтительно предъ программами и проектами другихъ. Кромѣ того Тихоміровъ ¹⁾, бывая чаще на людяхъ, чаще обмѣниваясь съ ними мыслями, лучше зная ихъ, лучше, полнѣе усваивалъ и ихъ мысли. Поэтому, когда являлась необходимость выразить это въ видѣ ли программы, въ видѣ ли манифеста, онъ оказывался болѣе точнымъ и болѣе полнымъ выразителемъ общаго мнѣнія и настроенія и потому ему и отдавали предпочтеніе. Зная же это, мнѣ кажется и все относительно значенія Тихомірова будетъ понятно и не потребуетъ прибѣгать къ такимъ объясненіямъ, какъ я встрѣтилъ въ «Быломъ», что новая программа Тихомірова (осенью 79 года) потому прошла, что онъ забѣжалъ напередъ къ нѣкоторымъ заранѣе. Этому ему незачѣмъ было дѣлать, такъ какъ онъ всегда былъ на народѣ и могъ со всѣми говорить, обсуждать всѣ вопросы заранѣе. Писанная бумага являлась результатомъ этихъ разсужденій, въ ней лишь формулировалось все въ болѣе краткой только формѣ, и только отсюда то вытекаетъ и общее согласіе. Въ этомъ то умѣнии литературно выразить общую мысль и заключалось главное значеніе и роль Тихомірова. За это я и называлъ его *Головой* организациі, и это значеніе Тихоміровъ удерживалъ почти до конца, что и выразилось въ отданіи предпочтенія его письму къ Александру III, передъ написаннымъ Грачевскимъ, которое было тоже хорошо, но длинно. Но, понятно, что съ появленіемъ въ Питерѣ такихъ лицъ, какъ Желябовъ, Перовская, В. Н. Фигнеръ, Тихомірову пришлось свое значеніе дѣлать и съ ними, однако, это, все-таки, не даетъ права умалять и его значенія, и я, не касаясь другихъ, хотѣлъ только выяснитъ свой взглядъ на него лично одного. Мнѣ кажется, что для исторической оцѣнки личности, въ данный моментъ необходимо было выяснитъ его дѣйствительную роль, которую онъ игралъ въ большей или меньшей степени въ извѣстное время, не касаясь того, что стало съ человѣкомъ послѣ. Въ свое время Тихоміровъ пользовался большимъ значеніемъ, на это я и хотѣлъ обратить вниманіе и этого, мнѣ кажется, не слѣдуетъ упускать изъ виду ²⁾.

Примѣчанія:

1. Съѣздомъ въ Липецкѣ я считаю лишь тотъ день, въ который одобрили программу и было принять уставъ и сдѣланъ выборъ комис-

¹⁾ Тихоміровъ, какъ членъ комиссіи, бывалъ на всѣхъ, конечно, засѣданіяхъ, собраніяхъ и комиссіяхъ общихъ и частныхъ.

²⁾ Вся характеристика Л. А. Тихомірова, находящаяся въ концѣ этой замѣтки Фроленко, само собою понятно, выражаетъ лишь его личное мнѣніе и болѣе характеризуетъ Михаила Федоровича, чѣмъ Л. А. Тихомірова. Еще не наступило время для выясненія роли послѣдняго въ „Народной Волѣ“ и почему онъ перешелъ затѣмъ въ *помощники редактора „Московскихъ Вѣдомостей“*, но уже изъ этого самаго факта ясно, что у него никогда не было прочныхъ убѣжденій въ необходимости измѣненія самодержавнаго образа правленія. Тѣмъ благоговѣйнымъ отноше-

си, назначены редакторы. Это было въ лѣсу, гдѣ я описывалъ. Я помню лишь этотъ день, а дальше я, вѣрно, уѣхалъ. Мнѣ почему то надо было ѣхать и кого то встрѣчать въ Козловѣ, если не путаю, прежде, чѣмъ ѣхать въ Воронежъ.

2. Вопросъ объ Александрѣ II-мъ былъ рѣшенъ въ Питерѣ до Липецкаго съѣзда и на это дѣло мнѣ было поручено пригласить Желябова, Колодкевича, Баранникова. Правда, предварительно имѣлось въ виду раньше уничтожить Тотлебена и кievскаго генераль-губернатора, но потомъ отмѣнили, предоставивъ это дѣло внѣ партійнымъ людямъ. Послѣ Липецкаго совѣщанія о программѣ и уставѣ по поводу Александра II могли лишь говорить о практическихъ уже способахъ, какъ, гдѣ, какимъ образомъ это выполнить. Такъ, напримеръ, Баранниковъ предлагалъ, между прочимъ, еще, занять позицію на З. Двинѣ подъ Динабургомъ, гдѣ есть высокій мостъ, и тогда всѣ пути, по которымъ происходитъ возвращеніе изъ Крыма въ Питеръ, были бы минированы.

3. Воронежскій съездъ, какъ рѣшеніе, а не простое обсужденіе вопросовъ, происходилъ за городомъ въ лѣсу за вновь устраиваемымъ городскимъ садомъ въ началѣ того же лѣса.

На рѣлкѣ, при катаньи на лодкахъ происходили частныя совѣщанія, споры, простыя прогулки и только приѣмъ новыхъ членовъ происходилъ тутъ до съѣзда. У Морозова въ числѣ принятыхъ былъ, будто, и я, но это, кажись, ошибка. Съ «Троглодитами» я началъ знакомиться и принимать участіе въ ихъ дѣлахъ, можно ска-

нїемъ, отголосокъ котораго еще чувствуется въ замѣткѣ Фроленко, и легендами о его необъикновенномъ умѣнїи выражать общественныя настроенія многіе практическіе дѣатели Народной Воли гипнотизировали сами себя, а вмѣстѣ съ собою и публику. Они какъ бы поставили Л. А. Тихомірова насильно на ходули, а потому нельзя удивляться и тому, что онъ наконецъ съ нихъ соскочилъ и пошелъ своей настоящей дорогой. Нельзя безъ прочныхъ убѣжденій вести жизнь безконечныхъ лишеній, безковечнаго самоотверженія и самопожертвованія, а этого загипнотизировавшая себя публика требовала отъ Л. А. Тихомірова. Почему же произошелъ этотъ гипнозъ? — Потому что статьи въ „Земля и Воля“ всѣ были анонимны, и все выдающееся публика стала приписывать ему, а онъ этого никогда не отвергалъ и этимъ только увеличивалъ гипнозъ публики. Затѣмъ послѣ гибели всѣхъ выдающихся членовъ Народной Воли въ 1881—1883 гг. онъ оказался единственнымъ наслѣдникомъ ихъ дѣятельности и это временно окружило его ореоломъ, а затѣмъ à posteriori это было распространено и на его прошлый обликъ.

Замѣчу еще, что воспоминанія М. Ф. Фроленко относительно особенной близости Александра Михайлова съ Л. А. Тихоміровымъ не сходятся съ моими. Александръ Михайловъ не разъ говорилъ мнѣ, что Л. А. Тихоміровъ былъ въ практическихъ дѣлахъ, не имѣетъ опредѣленнаго облика какъ теоретикъ, но что онъ умѣетъ вести себя въ постороннемъ обществѣ такъ, что о чемъ бы тамъ ни говорили, у всѣхъ является представленіе какъ будто предметъ ему хорошо знакомъ. Я самъ это хорошо замѣчалъ.

Я лично никогда не былъ особенно близокъ съ Тихоміровымъ и не переоцѣнивалъ его значенія. Но я его любилъ, какъ спутника лучшихъ дней своей жизни, и когда узналъ о его измѣнѣ, во время заключенія въ Шанссельбургской крѣпости отъ товарища на прогулкѣ, я тотчасъ же убѣжалъ къ себѣ въ камеру, и у меня брызнули слезы.

Н. Морозовъ.

зять, съ конца 77-го года, т. е. съ приѣзда Осинскаго въ Одессу. Въ 78-мъ году осенью я былъ въ Питерѣ и принимался ими уже, какъ свой человѣкъ, т. е. мнѣ извѣстны были мѣста типографіи, конспиративныя квартиры и весь питерскій составъ. Тогда же меня посылали и въ Саратовъ предупреждать деревенскихъ дѣятелей о погромѣ въ Саратовѣ. Тамъ была взята квартира, куда являлись изъ деревень, и объ этомъ то всѣхъ и надо было предупредить. Изъ всего этого я заключаю, что членомъ «Земли и Воли» я сталъ раньше и просто въ силу того, что я былъ чайковецъ, меня приняли безъ всякихъ, вѣрно, церемоній, т. е. баллотировокъ.

М. Фроленко.

10-го октября 1906 г.

Уставъ мѣстной центральной группы партіи „Народной Воли“.

1. Центральная Группа составляется первоначально изъ лицъ, извѣстныхъ Исполнительному Комитету, который и утверждаетъ ихъ въ званіи членовъ Ц. Г.

2. Число членовъ Ц. Г. не должно превышать¹⁾ человекъ. Имена вновь принятыхъ членовъ сообщаются Исполнительному Комитету.

3. Пополненіе Ц. Г. совершается посредствомъ баллотировки, причѣмъ одинъ отрицательный голосъ считается за два положительныхъ.

4. При соблюденіи вышеприведеннаго условія кандидатъ долженъ получить не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ въ пользу принятія.

5. Кандидатъ въ члены Ц. Г. долженъ удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

a) всецѣло признавать программу Исполн. Комит. партіи „Народной Воли“.

b) представить 3 поручителей изъ числа членовъ организаціи.

c) дать обязательство строго хранить тайны организаціи.

d) обладать достаточнымъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ.

e) преданность дѣлу организаціи, доходящая до самопожертвованія.

f) имѣть уже революціонное прошлое.

g) быть человекомъ уже доказавшимъ свою способность вести революціонную работу.

h) какъ членъ организаціи партіи „Народной Воли“ и Ц. Г., не имѣть права обладать частной собственностью (все имущество члена организаціи принадлежитъ партіи).

6. Ц. Г. находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Исп. Комит. и въ прямомъ подчиненіи сему послѣднему.

7. Ц. Г. обязана отдавать Исп. Комит. отчетъ въ своей дѣятельности и, по требованію Комитета, предоставить въ его распоряженіе всѣ свои нравственныя и матеріальныя силы.

8. Исполнит. Комитетъ можетъ отозвать для своихъ дѣлъ каждаго члена Ц. Г.

¹⁾ Пропускъ въ доставленной намъ рукописи. *Ред.*

9. Члены Ц. Г. могут быть приглашаемы Исп. Ком. на съезды, но въ вопросахъ партійной политики пользуются только правомъ совѣщательнаго голоса.

10. Ц. Г. не имѣеть права поднимать возстанія безъ разрѣшенія Исп. Комитета.

11. Ц. Г. не имѣеть права издавать партіоннаго журнала или газеты.

12. Ц. Г. не имѣеть права входить въ соглашенія, налагающія на организацію извѣстныя обязательства, съ лицами и кружками какой либо иной организаціи ¹⁾).

13. Ц. Г. имѣеть право приговаривать къ смертной казни всѣхъ частныхъ лицъ, своего шпіона, и должностныхъ—рангомъ до губернатора, на уничтоженіе котораго нужно испросить разрѣшеніе Исп. Комит. Впрочемъ, разрѣшается убить губернатора на мѣстѣ преступленія ²⁾).

14. Въ денежныхъ дѣлахъ Ц. Г. автономна.

15. Ц. Г. принадлежитъ завѣдываніе всѣми мѣстными дѣлами и всѣ мѣстныя группы находятся въ такомъ же отношеніи къ Ц. Г., какъ эта послѣдняя къ Исп. Ком.

16. Всѣ вопросы, кромѣ принятія новыхъ членовъ, рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. Подчиненіе рѣшенію Общаго Собранія обязательно для каждаго члена группы.

17. Ц. Г. вмѣняется въ обязанность образовать мѣстныя группы: 1) общественную, 2) учащейся молодежи, 3) рабочую, 4) боевую ³⁾).

18. Мѣстныя Группы обязаны подчиняться Ц. Г., давать ей отчетъ въ своей дѣятельности и предоставлять въ ея распоряженіе всѣ свои силы.

19. Выходъ изъ членовъ Ц. Г. не допускается ⁴⁾).

Отъ редакціи: Происхожденіе помѣщаемаго здѣсь „устава“ таково: послѣ своего освобожденія изъ Шлиссельбургской крѣпости П. С. Поливановъ былъ поселенъ въ Атбасарахъ, въ Акмолинской области. Тамъ во время своего короткаго пребыванія—онъ бѣжалъ изъ ссылки очень скоро—совершенно больной, въ теченіе какого нибудь мѣсяца онъ успѣлъ записать очень много изъ своихъ воспоминаній. Онъ въ то время выполнилъ громадную работу, по поводу которой самъ говорилъ, что считаетъ ее сво-

¹⁾ Всѣ договоры должны утверждаться Исп. К-томъ.

²⁾ Напр.,—въ ту минуту, когда губернаторъ отдаетъ приказаніе стрѣлять въ народъ.

³⁾ Члены „Боевой Группы“ брали на себя обязательство быть исполнителями террористической борьбы. Въ документѣ „Общіе принципы организаціи“, гдѣ были помѣщены и образцы уставовъ, была еще „военная группа“, но впоследствии, какъ и слѣдовало, была учреждена отдѣльная „военная организація“, находившаяся въ непосредственномъ вѣдѣніи Исп. К-та. Въ каждую мѣстную группу входитъ одинъ изъ членовъ Ц. Г., черезъ котораго и ведутся сношенія.

⁴⁾ Въ „Общихъ принципахъ“, по настоянію Александра Михайлова, послѣдній § устава гласилъ: „Договоръ сей дѣйствителенъ впредь до совершенія государственнаго переворота“.

Примѣчаніе редакціи. Подъ „Общими принципами“ организаціи разумѣется, очевидно, „Подготовительная работа партіи“, опубликованная впервые въ 1883 г.

имъ *домомъ*, и приходилъ въ отчаяніе отъ мысли, что что-нибудь могло ему помѣшать довести ее до конца. Тамъ Поливановъ воспроизвелъ на память и свои воспоминанія объ Алексѣевскомъ равелинѣ и свой разсказъ „Кончился“—то и другое въ первый разъ были написаны имъ въ Шлиссельбургской крѣпости и оставлены тамъ его товарищамъ для того, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ рукописи были вывезены изъ крѣпости и пересланы за границу. Въ настоящее время мы имѣемъ воспоминанія Поливанова и его разсказъ „Кончился“ въ двухъ спискахъ и въ томъ, который имъ былъ написанъ въ Шлиссельбургской крѣпости и въ томъ, который онъ написалъ въ Атбасарахъ. Благодаря феноменальной своей памяти П. С. Поливановъ необыкновенно точно воспроизвелъ объ эти рукописи,—конечно, съ такой же точностью воспроизведенъ имъ по памяти и печатающійся у насъ „Уставъ“. Посылая воспроизведенный имъ „Уставъ“, Поливановъ писалъ одному изъ близкихъ къ нему лицъ:

...„Я приложилъ одинъ изъ уставовъ, т. к. всѣ очень интересовались вопросомъ объ организаціи „Народной Воли“. Мнѣ слѣдовало бы еще передать содержаніе документа, озаглавленнаго „Общіе Принципы Организаціи“ Партіи „Народной Воли“, гдѣ изложенъ общій планъ организаціи, ея цѣли и средства (этотъ пунктъ не подлежалъ огласкѣ, и читать его могли только члены организаціи) и еще—печатную программу Исполнительнаго Комитета партіи „Народной Воли“. Обѣ эти вещи, особенно первая, требуютъ обстоятельнаго изложенія; а изложить ихъ какъ слѣдуетъ, теперь мнѣ нѣтъ времени. Относительно перваго, скажу, что организація была основана на централистическихъ началахъ и подраздѣлялась на центральную (органъ Исполн. Комитета) и подчиненную ей мѣстную. Во главѣ послѣдней стояли Мѣстныя Центральныя Группы.“

Вышепомѣщенный уставъ вмѣстѣ съ выдержкой изъ письма П. С. Поливанова—переданъ намъ однимъ близкимъ покойному Поливанову лицомъ, которому и приносимъ искреннюю благодарность.

Изъ литературныхъ воспоминаній.

«Литература—зеркало общества»: никогда еще эта битая-перебитая мысль не была, кажется, такъ вѣрна для русской жизни, какъ въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Ожиилось общество, встряхнутое борьбой революціонеровъ съ правительствомъ, и оживилась литература. Пусть только припомнятъ, чему были посвящены тогда статьи, производившія впечатлѣніе на читателей. Вопросамъ объ экономикѣ и политикѣ, о капитализмѣ и русской общинѣ, объ интеллигенціи и народѣ, о герояхъ и толпѣ. Ставились и разбирались эти вопросы, насколько возможно было по тогдашнимъ условіямъ печати. Ибо и во время пресловутой «диктатуры сердца» вырѣзывались статья за статьей, выкидывались по требованію цензуры неблагонамѣренныя середки и придѣлывались ликующіе концы. «У меня, батюшка, носъ отхватили отъ фельетона да приставили совсѣмъ въ неподходящее мѣсто... къ хвосту», жаловался одинъ изъ виртуозовъ по части «езопскаго языка». И все же, не смотря на всѣ эти злоключенія, жизненная струя проникала всю литературу. Писавшіе не кривлялись, не выдавали себя за первѣйшихъ поэтовъ и глубокомысленнѣйшихъ философовъ, не сочиняли такой прозы и стиховъ, что у читателя глаза на лобъ выскакивали,—какъ то зачастую бывало въ 90-хъ годахъ,—а серьезно учились сами и учили другихъ тому, что узнавали. То было время страстнаго желанія разобраться въ русской жизни и изъ теоретическихъ посылокъ сдѣлать практическіе выводы.

И всѣмъ-этимъ, скажу прямо, русская литература была обязана революціонерамъ. Позже, конечно, можно было съ болѣе или менѣе побѣдоноснымъ видомъ предсказывать заднимъ числомъ, объ какіе желѣзные законы естества должно было разбиться революціонное движеніе. Но кто жилъ въ то время, кто видѣлъ, какъ шатался подъ ударами народовольцевъ старый строй, кто зналъ, какъ роковое сомнѣніе о завтрашнемъ днѣ западало въ душу самихъ слугъ самодержавія, кто наблюдалъ, какъ вся Европа вглядывалась въ борьбу революціонной и официальной Россіи, для того само собою было понятно, какое громадное оживленіе революціонная партія внесла въ русское общество и въ литературу.

На литературу въ частности революціонеры вліяли двоякимъ пу-

темъ. Во-первыхъ, косвенно,—пробуждая общество и заставляя такимъ образомъ, протирать глаза и задумавшей было вздремнуть послѣ шестидесятихъ годовъ литературѣ. Во-вторыхъ, прямо,—вращаясь среди записныхъ литераторовъ, поднимая ихъ настроеніе, приглашая ихъ для сотрудничества въ подпольной печати и порою сами принимаясь за перо для печати надпольной. Между лучшей частью литературы и революціонными писателями былъ обмѣнъ услугъ, взаимное проникновеніе, какъ бы идейный эндосмосъ. Иныя статьи въ «Землѣ и Волгѣ», въ «Народной Волгѣ» были написаны выдающимися легальными литераторами. Съ другой стороны, умѣвшіе писать революціонеры фигурировали подъ разными псевдонимами въ цензурныхъ журналахъ и газетахъ. Упомяну кстати объ одномъ интересномъ фактѣ. Революціонеры очень быстро принаровлялись къ условіямъ легальной печати, и послѣ одной—двухъ неудачныхъ «пробъ пера» ихъ статьи были рѣшительно лучше статей среднихъ записныхъ литераторовъ. Онѣ были кратче, яснѣе; въ нихъ было меньше нѣтовыхъ цвѣтовъ по пустому полю. Подпольная печать была очень хорошей школой: расписываться подъ веревкой и у двери Петропавловской крѣпости было некогда и не зачѣмъ. Не то замѣчалось среди легальныхъ литераторовъ, помогавшихъ перомъ подпольной прессѣ. Помѣхой была, съ одной стороны, рутина, присущая всякой профессіи, съ другой—проклятая привычка писать «езопскимъ языкомъ». У нихъ были неизмѣнно двѣ крайности. Либо напишутъ статью бойко и кратко, но съ такими ругательствами и такъ мальчишески бездоказательно, что просто стыдно было помѣщать въ серьезное революціонное изданіе: видно было, что человекъ выскочилъ изъ цензурныхъ оглобелъ и, что называется, съ непривычки «выигралъ». Или же начнутъ разводиться разводы, закидывать основную идею цвѣтами краснорѣчія, съ таинственнымъ видомъ проносить «сеничкинъ ядъ» между строками.

Во всякомъ случаѣ, обмѣнъ мыслей между двумя отдѣлами печати, между надпольемъ и подпольемъ, былъ постоянный. На революціонныхъ сходкахъ, не имѣвшихъ конспиративнаго характера, бывали писатели легальные. И того чаще на литературные вечера, порою даже на редакціонныя собранія приходили «радикалы». Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, крайнее направленіе брало верхъ, и люди очень мирные подымали ноту и въ рѣчахъ своихъ и въ статьяхъ, чтобы попасть въ тонъ революціонерамъ. Одинъ изъ крупныхъ радикаловъ, который частенько бывалъ въ редакціи одной очень умѣренной газеты, комично передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія въ этой средѣ: «слушаешь, бывало, какъ одинъ сотрудникъ нададетъ либеральнаго жару наперерывъ передъ другимъ и по сподутности даже упрекнетъ тебя въ пессимизмъ и умѣренности ожиданій, и думаешь: ахъ, вы, сельскіе дьячки, срѣтающіе его пресвященство—«правовой порядокъ!» А что, еслибъ вдругъ нашъ братъ радикаль рявкнулъ здѣсь, словно архіерейскій протодьяконъ, «многая лѣта революціи»?.. Какъ бы то ни было, лучшими своими

статьями легальные литераторы были обязаны тому бодрому и живому отношенію къ дѣйствительности, которымъ они заражались отъ революціонеровъ. Можно насчитать, по крайней мѣрѣ, десятокъ произведшихъ сильнѣйшую сенсацію статей, толчекъ къ которымъ былъ данъ какимъ-либо эпизодомъ политической дѣятельности революціонеровъ, или какимъ-либо пунктомъ ихъ программы.

На этомъ общемъ фонѣ оживленія литературы, отдѣльные типы литераторовъ проходятъ въ памяти особенно рельефно: когда жизнь била ключемъ, каждый предъявлялъ свою подлинную и, стало быть, индивидуальную физиономію... Вотъ возстаетъ предо мной величавая фигура Тургенева, какимъ я зналъ его въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, когда изъ мирныхъ литературно-художественныхъ круговъ Парижа онъ пріѣзжалъ въ Россію, потрясенную въ то время до основанія небывалымъ еще у насъ движеніемъ.

Тургеневъ любилъ маскироваться въ равнодушіе, когда молодая прогрессивная Россія съ болью и недоумѣніемъ отшатнулась отъ былого истолкователя ея думъ, но въ душѣ онъ былъ глубоко пораженъ этимъ разрывомъ. Если его Базаровъ былъ принятъ еще подъ защиту Писаревымъ за то, что этотъ «мыслящій реалистъ» рѣжетъ лягушекъ и отрицаетъ принципы, то тотъ же Базаровъ былъ встрѣченъ недружелюбно Антоновичемъ, который увидѣлъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ» лишь «повѣсть о томъ, какъ одинъ проходимецъ изъ разночинцевъ влюбился въ важную барыню, и что изъ этого воспослѣдовало». А «Искра», отвѣчая на тургеневскій, какъ ей казалось, шаржъ шаржемъ, помѣстила даже рисунокъ, изображавшій Базарова на балу у буфета съ до-нельзя декольтированной Одинцовой и съ такой подписью:

Она: Базаровъ, скупы вы на рѣчи:
Жуетъ весь вечеръ да молчить.

Онъ: (уплетая 99-ый бутербродъ и бросая хищный взглядъ на Анну Павловну):

У васъ такія, право, плечи,
Что возбуждаютъ аппетитъ.

Появленіе «Дыма» повергло читателей въ еще большее недоумѣніе. Въ этомъ романѣ отыскали презрѣніе стараго европейца къ молодой странѣ: пореформенная, только что начинавшая укладываться Россія напрягала всѣ усилія, чтобы выбраться на настоящую дорогу, и неужели всѣ эти старанія только «дымъ»? Далеко не исправила этого впечатлѣнія и «Новь». Дѣти 70-хъ годовъ, т. е. попросту революціонеры, не безъ основанія увидѣли въ Неждановѣ знакомый типъ «лишняго человѣка», «Гамлета Щигровскаго уѣзда», но только на сей разъ одѣвшася въ мужицкій зипунъ, а симпатичный автору Соломинъ поражалъ ихъ такой «умѣренностью и аккуратностью» въ своихъ реформаціонныхъ замыслахъ, что больно было за Маріанну, прельстившуюся этимъ кулакомъ отъ науки, эти новымъ воплощеніемъ Штольца изъ «Обломова».

Но дѣти, но революціонеры платили въ самой жизни за зло

добромъ изображавшему ихъ художнику. Именно потому, что въ ихъ средѣ большинство составляли не Неждановы, а люди сильнаго ума и удивительной энергіи, политическое движеніе въ Россіи приняло къ концу семидесятыхъ годовъ небывалые размѣры, и отраженной отъ него волной зарыбилъ, расшевелился и даже какъ будто куда-то потекъ нашъ «философствовавшій сквозь сонъ» либеральный міръ. Этотъ-то либеральный міръ, взбудораженный революціоннымъ движеніемъ, и чествовалъ Тургенева, явившагося въ Питеръ зимою 1878—79 г. Оваціи, обѣды по подпискѣ, рѣчи и объятія какъ бы указывали на примиреніе русскаго общества съ художникомъ. Но если припомнить, кто собственно былъ на обѣдѣ и какія рѣчи тамъ говорились, то становится ясно, что крайняя лѣвая воздержалась отъ празднества. Изъ «Отечественныхъ Записокъ», «Дѣла», «Слова» не было, если не ошибаюсь, ни одного сотрудника. За то было много либеральныхъ и умѣренно-либеральныхъ писателей; за этими инициаторами празднества шелъ длинный хвостъ довольно безличныхъ поклонниковъ чистаго искусства; было, наконецъ, такъ сказать, для галантира нѣсколько показныхъ, именныхъ генераловъ отъ литературы уже совсѣмъ безъ всякаго направленія... Виноватъ, была, впрочемъ, одна курсистка, которая провозгласила даже тостъ «отъ русскихъ женщинъ за автора Маріанны». Но за то послѣ рѣчи ее чуть со свѣту не сжили ея же подруги прозвищемъ «г-жа Соломина».

Отъ Тургенева не укрылось пробужденіе русскаго общества, сказавшееся, между прочимъ, въ либеральномъ колоритѣ, который инициаторы празднества старались придать ему. Но не укрылось и многозначительное отсутствіе на немъ наиболѣе передовой части печати. Новое поколѣніе отцовъ восторженно принимало гуманнаго европейца-художника; новое поколѣніе дѣтей своимъ воздержаніемъ какъ бы говорило ему, что съ романистомъ не сведены еще старыя счеты. Тургеневъ видѣлъ, что русское общество не одинъ «Дымъ». Но художественное чутье правды подсказывало ему, что и либеральные его поклонники не тотъ огонь, который проникалъ въ то время русскую жизнь, согрѣвая надеждой думы лучшихъ людей.

Слѣдующей зимою 1879—80 г. Тургеневъ явился въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ ближе познакомиться если не съ дѣйствующими революціонерами, то съ радикальной частью печати, и, главнымъ образомъ, съ «молодыми литераторами», узнать, что волнуетъ теперь этихъ людей. И это намѣреніе онъ привелъ въ исполненіе, очень мало заботясь о литературномъ мѣстничествѣ: гора не шла къ Магомету, ну чтожъ—Магометъ пойдетъ къ горѣ. Онъ сказалъ любимѣйшему въ то время «беллетристу-народнику», съ которымъ познакомился въ Парижѣ,—рѣчь идетъ о Глѣбѣ Успенскомъ,—что ему очень желалось бы встрѣтиться съ нѣкоторыми изъ его сотрудниковъ по журналу и вообще съ его пріятелями. А такъ какъ у Успенскаго «пріятелями» были по преимуществу люди радикальнаго образа мыслей, то устраиваемое свиданіе

ніе фактически должно было поставить Тургенева въ соприкосновеніе именно съ крайней и наиболѣе молодой группой тогдашнихъ литераторовъ. На предложеніе беллетриста откликнулись, впрочемъ, далеко не всѣ. Воздержались,—что, впрочемъ, и понятно было съ ихъ стороны—самые крупные представители тогдашней радикальной печати; да еще тѣ, кто не простилъ Тургеневу его Базарова. Но человекъ 10—15 желающихъ нашлось.

Объ этихъ свиданіяхъ въ публикѣ ходили довольно странные толки. Даже гуманный и деликатный Шелгуновъ, знавшій впрочемъ объ этой попыткѣ сближенія лишь по наслышкѣ, изображаетъ ее въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» нѣсколько въ комическомъ видѣ. Такъ онъ говоритъ о нѣкоемъ Р., «молодомъ, горячемъ и рѣчистомъ», который съ полчаса развивалъ Тургеневу свои соціальныя теоріи, а когда кончилъ, то заставилъ Тургенева только развести руками и воскликнуть: не понимаю! Послѣ, эта сцена была возстановлена довольно близко къ истинѣ въ воспоминаніяхъ С. Н. К. (Кривенко) о Тургеневѣ; отпечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» лѣтъ 15 тому назадъ. Но и въ нѣхъ авторъ не могъ сказать всего по цензурнымъ условіямъ. Да будетъ же позволено вашему покорному слугѣ, читатель, тому самому Р., о которомъ говоритъ Шелгуновъ, рассказать безъ прикрасть, но и безъ умолчаній, чѣмъ были эти свиданія съ Тургеньевымъ.

Мнѣ врѣзались два изъ нихъ. Одно, самое первое, было на квартирѣ Глѣба Успенскаго на окраинѣ Петербурга. Громадный домъ въ глухомъ, кажется, Синцевомъ переулкѣ, небольшая квартира въ четвертомъ этажѣ,—и мы, ожидавшіеся Тургенева и отъ времени до времени поглядывающіе черезъ залушенныя морозомъ окна на бѣлѣвшую снѣгомъ улицу... Мы, т. е. самъ хозяинъ, съ его крупными чисто русскими чертами, съ его вѣчно всматривающимся куда-то, какъ будто недоумѣвающимъ взглядомъ, словно хотѣлъ онъ проникнуть въ смыслъ русской жизни и тщетно искалъ обобщающаго отвѣта на сложныя конкретныя явленія,—съ вѣчной папирсой въ рукахъ, съ прерывистой удивительно образной рѣчью, которая порою вызывала въ собесѣдникахъ неуправимый смѣхъ, въ то время какъ самъ говорившій еле-еле улыбался и продолжалъ бросать недоумѣвающей взглядъ куда-то вдаль отъ себя, гдѣ, очевидно, проходила передъ нимъ; какъ на смотру, цѣлая вереница созданныхъ имъ-же самимъ художественныхъ образовъ, типовъ; картинъ, въ перемежку съ видѣннымъ и подмѣченнымъ; другой беллетристъ-народникъ, котораго любили противопоставлять первому, какъ создателя «положительныхъ» народныхъ типовъ,—наполовину мужицкое наполовину поповское, въ раннихъ морщинахъ лицо, лысина, длинныя косички на затылкѣ, растрепанная лопатой борода, которую онъ поминутно расправлялъ нервной рукой изъ-подъ шеи, витиеватая, горячая, то книжная, то престоноародная рѣчь; еще беллетристъ-народникъ, Наумовъ, художавшій, съ жидкой бородкой, съ маленькими безцвѣтными, но зоркими глазами инородца, усна-

шавшій свой разговоръ вѣчными эсъ-ерами, оставшимися ему въ наслѣдіе отъ чиновничьей жизни въ захолустѣ, но порою проникавшій какъ никто въ тайники кулацкой души или въ мірскія чувства крестьянина-ходока; публицистъ-обозрѣватель С. Н. Кривенко, красивый плотный брюнетъ съ исусистымъ лицомъ, умѣвшій сочетать мягкость и гуманность чувствъ съ искреннимъ служеніемъ демократическимъ идеямъ, плохо говорившій, но въ то горячее время мужественно и тепло писавшій, и, какъ не странно это, наиболѣе практичный среди всей этой радикальной пишущей братіи; другъ его дѣтства, нынѣ забытый, а нѣкогда талантливый изобрѣтатель, но совершенно неуравновѣшенная натура, считавшій себя тонкимъ знатокомъ людей и вещей и обманываемый на каждомъ шагу разными дѣльцами, нервный, маленькій, взъерошенный, въ блузѣ, залитой всевозможными кислотами, безпокойно бѣгающій по комнатѣ, словно звѣрь въ клѣткѣ, то высказывающій въ невозможной формѣ какую-нибудь очень интересную мысль, то раздражавшійся какой-нибудь неожиданной странностью; милый, задушевный Гаршинъ, но о немъ, впрочемъ, рѣчь будетъ ниже; и еще человѣкъ пять-шесть, черты которыхъ постепенно стерло у меня время.

Тургеневъ явился нѣсколько поздно; когда уже вся компанія сидѣла и занималась чаепитіемъ за большимъ круглымъ столомъ. Началось обычное шарканье ногами, двиганье стульями, обмѣнъ ничего не значащихъ фразъ. Разговоръ не вязался. Тургеневъ, какъ истый европеецъ, старался быть любезнымъ и сказать каждому изъ новыхъ знакомыхъ какую-нибудь пріятность, наприкладъ, дать понять автору, что онъ знакомъ съ его статьями. Но большинство изъ насъ туго поддавалось на эти деликатные авансы. Мы всѣ чувствовали, и, вѣроятно, это чувство раздѣлялъ и самъ Тургеневъ, что надо прежде всего отыскать какой-нибудь мостикъ между имъ и нами. Но этого-то и неудалось сразу найти, и скоро плавная рѣчь Тургенева стала короче, принужденныя реплики, которыя подавалъ ему то тотъ, то другой изъ насъ, незначительнѣе. Воцарилось неловкое молчаніе...

Тургеневъ сидѣлъ, какъ сейчасъ помню, нѣсколько наискосъ отъ меня, возлѣ стѣны, близь двери, весь залитый молочнымъ свѣтомъ лампы съ матовымъ шаромъ. Я жадно всматривался въ него. Меня поразили прежде всего громадность, мощь, пышность его фигуры. Это не былъ кающійся дворянинъ въ родѣ Некрасова, которому

И хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами,
Идетъ не въ прокъ.

Вольные хлѣба крѣпостного права, питавшіе Тургенева въ его молодости, пошли въ прокъ. Всѣ мы, по большей части разночинцы, перебивавшіеся съ грѣхомъ пополамъ, почти ребятами выброшенные на литературный заработокъ, казались возлѣ Тургенева какими-то гвоздями, сухопарями, испытими, что называется

безъ цвѣта и радости. Старшимъ изъ насъ не было въ то время и сорока лѣтъ, инымъ едва половина того, а борьба за существованіе провела уже по лицу у иныхъ преждевременныя складки. Но на громадномъ, благообразномъ, отчищенномъ лицѣ,—я чуть было не написалъ «ликъ»,—Тургенева 60 лѣтъ не оставили почти ни морщинки. Эффектно-сѣдые волосы, бѣлая борода, только еще больше оттѣняли поразительную молодость этого наполовину библейскаго, наполовину джентльменскаго лица, на которомъ и свѣтъ лампы лежалъ какъ-то особенно правильно и мягко. Онъ и сидя за чайнымъ столомъ былъ выше насъ цѣлой головой, и его рѣчь плавная, сытая, я бы сказалъ серебряная, какъ онъ самъ, лилась на насъ сверху. Онъ сопровождалъ ее такими же плавными, но громадными жестами, отъ которыхъ, казалось, должны были бы раздвинуться стѣны маленькой комнатки, и время отъ времени словно самъ убаюкивалъ себя звуками своего голоса, и его сѣрые глаза, будто прищуриваясь отъ свѣта лампы, полузакрывались... «Хорошо поютъ курскіе соловьи», звучала у меня въ такія минуты при взглядѣ на Тургенева его же фраза изъ «Записокъ Охотника»,—тѣ самые соловьи, знаете, читатель что зажмуривають глаза отъ собственного пѣнія...

Тургеневъ замолкъ. Наша братія стала тянуть другъ друга за рукавъ, тщетно стараясь найти смѣльчака, чтобы начать прервавшійся разговоръ. Зазвенѣли чайныя ложечки, слышались хлебки, попыхивали папиросы... Прошла минута, можетъ и другая... Молодой, горячій и рѣчистый Р., о которомъ говорилъ Шелгуновъ, не выдержалъ и сорвался съ мѣста. Но, увы, я былъ такъ настроенъ въ то время, что не могъ развивать какихъ-бы ни было социальныхъ теорій, а тѣмъ болѣе въ теченіе получаса. Дѣло было гораздо проще и гораздо стыднѣе для моей рѣчистости. Мнѣ было досадно, что время уходило, а мы еще не узнали отъ Тургенева, какъ онъ смотритъ «на злобу дня». Казалось, эпоха была интересная: во Францію впервые возвращались коммунары наканунѣ полной амнистіи; въ Россіи многіе не знали, гдѣ-же настоящее правительство, въ Зимнемъ-ли дворцѣ, или въ конспиративной квартирѣ Исполнительнаго Комитета. Но Тургеневъ все время разматывалъ передъ нами нить своихъ воспоминаній. 19-ти лѣтній мальчикъ,—я не понималъ еще въ то время невольной прелести, которой у всякаго пожившаго человѣка окружено прошлое.

Волнуясь, начавъ съ фразъ, гдѣ подлежащее играло въ невозможную чахарду со сказуемымъ, и постепенно смѣлѣя, и легче и легче формулируя свою мысль, я приблизительно говорилъ слѣдующее: «Вы, Иванъ Сергѣичъ, давно живете во Франціи и хорошо знаете и ея настоящее и прошлое; вы, конечно, знаете и Россію: каково-же ваше мнѣніе о теперешнемъ положеніи вещей у насъ, и не думаете-ли вы, что у насъ на носу революція? Развѣ нѣтъ большого сходства у теперешней Россіи и до революціонной Франціи? Тамъ былъ вѣчный дефицитъ въ бюджетѣ: онъ есть и у насъ; тамъ были голодные бунты: они и у насъ; тамъ раззорялись помѣ-

щики, уступая мѣсто интендантамъ, откупщикамъ и прочимъ капиталистамъ,—и у насъ Чумазый раззоряетъ «Дворянскія Гнѣзда» (Тургеневъ при этомъ улыбнулся); тамъ абсолютный король посылалъ за море войска, чтобы поддержать свободную Американскую республику, и въ то-же время бросалъ либеральныхъ писателей въ Бастилію: у насъ самодержавіе лѣзетъ за Балканы, чтобы насаждать конституцію въ Болгаріи, а у себя вѣшаетъ социалистовъ и т. д.».

Выложилъ я это въ нѣсколько минутъ и какъ попало. И Тургеневъ не развелъ руками, не сказалъ: «не понимаю», но очень заинтересовался если не убѣдительною, то убѣжденною оратора. Мягко и уклончиво началъ онъ возражать мнѣ на это, что онъ не пророкъ въ своемъ отечествѣ и не можетъ претендовать на предсказанія—«будущее на лонѣ у боговъ,—говоритъ Гомеръ», но что, по его мнѣнію, Россія далеко не такъ близка къ революціи, какъ Франція прошлаго вѣка. «Обратите вниманія, говорилъ Тургеневъ, на одно обстоятельство: въ то время во Франціи было могущественное оппозиціонное теченіе, и всѣ мыслящіе люди, несмотря на различіе мнѣній въ прочемъ, соглашались въ одномъ: старый строй долженъ быть замѣненъ новымъ. То ли же самое въ теперешней переформенной Россіи? Есть реакціонеры, есть либералы, есть революціонеры... крайніе прогрессисты, поправился онъ, окинувъ нашу комнату добродушнымъ взглядомъ, какъ-бы не желая обидѣть насъ: что между ними общаго, что они всѣ согласны уничтожить и что сохранить? А пока нѣтъ общаго могучаго теченія, въ которомъ сливались-бы отдѣльные оппозиціонные ручьи, о революціи, мнѣ кажется, рановато говорить»... И сейчасъ-же прибавилъ: «Впрочемъ, мнѣ кажется, что въ послѣдніе два года въ Россіи настроеніе бодрѣетъ какъ будто, увеличивается интересъ къ общественнымъ дѣламъ... Поживемъ—увидимъ» добродушно улыбнулся патриархъ-джентльменъ.

Я началъ было оспаривать этотъ пессимизмъ, указывать, что за настоящую силу въ Россіи только и можно считать, что «крайнихъ прогрессистовъ», а у нихъ у всѣхъ приблизительно взгляды не только общіе, но одни и тѣ же. Сталъ горячиться, разность, по обыкновенію, либераловъ за ихъ отсутствіе энергіи, трусость... Меня дернулъ за полу одинъ изъ пріятелей; вышло, дѣйствительно, какъ будто неловко. Но Тургеневъ продолжалъ улыбаться и очень искусно, какъ будто и не уклоняясь отъ предмета разговора, перевелъ его на менѣ щекотливую почву. «Да, я, между прочимъ, сказалъ о могуществѣ одного общаго оппозиціоннаго теченія... Увы, и у насъ въ Россіи было такое время, но прошло. Это было въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, когда мы всѣ, за исключеніемъ самыхъ ужасныхъ реакціонеровъ, знали что дѣлать и что свалить. Я говорю о крѣпостномъ правѣ. Всѣ были согласны въ этомъ, и публицисты, и романисты». И Тургеневъ припомнилъ, какой, по его мнѣнію, «преувеличенный успѣхъ палъ на долю «Записокъ Охотника» именно потому, что тамъ мужикъ былъ пред-

ставленъ такимъ же человѣкомъ, какъ герои и героини изъ благороднаго сословія, съ такими же радостями и горестями, муками несчастной любви и страданіями попираемаго достоинства, способностью восторгаться и пѣніемъ птицъ, и шелестомъ прохладной дубовой рощи, и журчаніемъ ручья, тамъ, въ степномъ оврагѣ, между кустами орѣшника...»—А изъ васъ, господа, никто не охотится?—неожиданно закончилъ свою рѣчь этимъ вопросомъ Тургеневъ.

Между нами оказалось цѣлыхъ четыре охотника, а одинъ даже и очень страстный. То былъ изобрѣтатель. Онъ выскочилъ изъ дальняго темнаго угла, гдѣ сидѣлъ все время, ожесточенно попирая папиромъ, подошелъ совсѣмъ близко къ Тургеневу и нѣсколько неожиданно началъ: «А я вотъ, Иванъ Сергѣевичъ, терпѣть не могу охоты за птицей... — то ли дѣло за кабанамъ, на Кавказѣ». И въ нескладной, но замѣчательно картинной рѣчи онъ развернулъ передъ нами яркую зоологическую драму, сцену борьбы, чуть не психологической діалогъ между двумя звѣрями, четвероногимъ съ клыками и двуногимъ съ винтовкой и ножомъ: и что сказалъ, или вѣрнѣе прорычалъ междометіемъ двуногій звѣрь, увидя четвероногаго, и что въ отвѣтъ прохрипѣлъ застигнутый врасплохъ четвероногій, и какъ онъ хотѣлъ сначала уйти благо-разумно, и какъ не могъ, и какъ рѣшился защищаться и дорого продать свою жизнь, и какимъ непреклоннымъ героизмомъ свѣтился взглядъ его маленькихъ свирѣпыхъ глазъ въ моментъ агоніи, когда охотничій ножъ вошелъ ему по рукоятку возлѣ лопатки... Мы всѣ затаили дыханіе, а охотничье и художническое сердце Тургенева видимо вдвойнѣ таяло отъ этого поразительно нескладнаго и въ то же время удивительно живого разсказа.

Тургеневъ остался очень заинтересованъ первымъ знакомствомъ съ нами, и слѣдующее свиданіе было назначено у одного милліонщика-мецената изъ купческаго сословія. Великолѣпный домъ, чуть не дворецъ, толстый сѣдовласый швейцаръ со страшной булавой у подъѣзда, мраморная лѣстница вся въ растеніяхъ, вся залита газомъ въ легкомъ синеватомъ дымѣ отъ громадныхъ курильницъ, длинная анфилада комнатъ, обширный кабинетъ мецената съ монументальными шкапами для книгъ, колыванскими вазами изъ порфира, дымчатой сибирской яшмы, разными бюстами и высокими пальмами... Мнѣ хорошо знакомы эти парадные покои купцовъ-милліонеровъ, въ которыхъ обыкновенно никто не живетъ, и которые растворяются только на экстренный случай, для приѣма важныхъ гостей... Домочадцы, какъ и полагается, сбились въ небольшой—судя по звуку голосовъ — комнаткѣ, выходящей маленькой дверью въ великолѣпную переднюю, съ противоположной стороны которой развертывался рядъ газовыхъ комнатъ, куда насъ попросили. Когда мы проходили мимо, дверь была слегка пріотворена; оттуда слышалось энергичное шлепанье картъ, звонъ монеты и возгласы: «стучу»... «три»... Очевидно, тамъ рѣзались въ стуколку.

На этотъ разъ Тургеневъ встрѣтился уже съ нами, какъ со

старыми друзьями. Онъ сидѣлъ возлѣ Гаршина, къ изящному таланту котораго чувствовалъ особое влеченіе. Гаршинъ чуть не съ самаго начала вечера и, по обыкновенію, вкладывая всю душу въ то, что говорилъ, обратился къ Тургеневу отъ своего лица и отъ лица «молодого поколѣнія» съ вопросомъ, который въ иныхъ устахъ могъ бы показаться совсѣмъ неумѣстнымъ. «Всѣмъ намъ крайне интересно знать, что нужно дѣлать теперь, по вашему мнѣнію, въ Россіи, Иванъ Сергѣевичъ? Вѣренъ ли путь политической борьбы, на который стали революціонеры? Или какъ прежде; идти въ народъ?» Въ эту минуту можно было, кажется, расцѣловать Гаршина: такъ просто, мило, и конфузясь, и какъ бы заранее извиняясь за свой очень щекотливый вопросъ, онъ обратился къ Тургеневу; но многимъ изъ насъ стало очень неловко.

Тургеневъ первую минуту дѣйствительно нѣсколько смутился, но потомъ улыбнулся и только развелъ руками, какъ бы говоря: «ну, что съ вами подѣлаешь, большой вы ребенокъ!» Я вижу, началъ онъ послѣ минутнаго молчанія, что молодые люди по прежнему заняты вопросомъ, что дѣлать.. Мнѣ кажется, имъ самимъ и надо рѣшить его... Стариковъ упрекаютъ порой, что они перестали понимать задачи молодого поколѣнія...» и свѣтлое лицо Тургенева какъ будто потускнѣло. «Да я и живу теперь въ Россіи только наѣздомъ и не берусь рѣшать сложные вопросы политики... Такъ ли надо вести дѣло, какъ оно ведется теперь,—не знаю. Но что хожденіе въ народъ не удалось. это, кажется, очевидно. Да и могла развѣ утаться пропаганда отвлеченностей социализма людямъ, вся жизнь которыхъ состоитъ изъ перехода отъ одной конкретной, осязательной вещи къ другой: отъ сохи къ боронѣ, отъ бороны къ цѣпу, а отъ цѣпа иной разъ и къ полштофу... особливо ежели дѣло о Покровѣ или о Рождествѣ. Если рѣчь, которую вы ведете къ мужику, не идетъ прямо навстрѣчу его конкретнымъ желаніямъ, онъ не станетъ васъ слушать... Вонъ правительство нѣсколько разъ принималось внушать мужику, чтобы онъ не думалъ того и того-то а думалъ то-то и то-то. А мужикъ все понималъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ ему хотѣлось понять... «Да, вотъ, кстати, я расскажу вамъ по этому поводу одинъ небезынтересный фактъ. Дѣло было такъ. На границѣ Орловской и Калужской губерній—не вдалькѣ отъ меня,—случился, не припомню точно когда, но вообще вскорѣ по отмѣнѣ крѣпостного права, бунтъ. Помѣщикъ надулъ уставной грамотой крестьянъ: отрѣзалъ у нихъ самый лучший участокъ, которымъ они пользовались крѣпостными. Тѣ упрашивать барина, жаловаться къ мировому посреднику. Послѣдній рѣшилъ не въ ихъ пользу. Мужики забунтовали, т. е., не взирая на отмежеваніе, отправились пахать подъ озими спорное поле. Власти переполошились и надѣлали такого шума, что объ этомъ дошла вѣсть до государя, который случайно охотился въ это время на лося по близости, въ дремучихъ калужскихъ лѣсахъ. Время было горячее, волненія изъ-за «настоящей воли» вспыхивали повсюду, и царь рѣшилъ явиться на мѣсто и самоличнымъ увѣщаніемъ подѣйствовать

на бунтовавшихъ, а черезъ нихъ, надѣясь на стоустую молву, и вообще на крестьянъ нашей полосы. Бунтовщиковъ съ ранняго утра собрали возлѣ церковной паперти: государь извѣстилъ черезъ начальство о скоромъ прибытіи. Цѣлый день прошелъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ»...

Тутъ Тургеневъ внезапно перемѣнилъ тонъ и съ неподражаемой интонаціей въ неподражаемо-народной формѣ повелѣть разсказъ отъ лица мужика-очевидца, который описалъ Тургеневу все царское посѣщеніе. «Ждемъ мы пождемъ, а царя все нѣтъ да нѣтъ. Ужъ солнышко закатываться за лѣсъ стало. Отошшали мы, инда тоска на насъ напала... Только глядь, по дорогѣ, прямо на насъ валить кто-то страшный, съ усами, на конѣ: какъ подлетѣлъ, какъ пужанетъ во все горло: «такіе изъ-этакіе, на колѣни! Государь ѣдетъ!» Такъ мы и пали ничкомъ, и лежимъ, словно на страшной недѣлѣ—Господи, Владыко живота моего — и головы поднять не смѣемъ. Много ли, мало ли мы такъ лежали, только какъ загогочетъ кто-то опять: государь ѣдетъ! Поднялъ я бочкомъ голову: вижу, не то казаки, не то егаря летятъ во всю мочь и гикаютъ, а по дорогѣ, братъ ты мой, этакъ въ шагахъ въ тридцати, жарить тройка лошадей, какихъ я отъ роду не видывалъ: копыта—во какія, дуга—во какая — и Тургеневъ широко разводилъ своими мощными руками, — кучеръ какъ чудо-юдо бородатое, а въ брычкѣ, значить, сидитъ самъ *емъ*, и того больше, шинель сѣрая, фуражка съ краснымъ околышемъ, а голова, ну вотъ умри я, что пивной котель, ровно у Лукопера богатыря. Прожегъ мимо насъ, какъ молонія какая, крикнулъ зычно таково: стой! и остановился шагахъ въ пяти отъ насъ, «Вставай, пгавасгавные!» а голосъ, какъ труба, только что съ картавинкой, какъ у нашей старшей барышни. Мы вскочили. Стоятъ царскія лошади, что вкопанныя, и ямшикъ, какъ астатуй какой, сидитъ, а царь, не слѣзая, приподнялся, повернулся, знычить, къ намъ съ брычки, черезъ верхъ спущенный, да и началъ говорить грозно такъ сначала, да слова все какія-то мудреныя, а потомъ словно бы смиловался, а подъ конецъ опять закричалъ: «повиноваться господамъ помѣщикамъ, повиноваться вамъ имъ!» Да какъ подыметъ руку, да какъ погрозитъ намъ ба-а алышущимъ пальцемъ, да какъ крикнетъ кучеру: айда! Лошади опять, какъ молонія, въ гору по дорогѣ, промежъ лѣску, а солнышко ужъ сѣло, и заря дуже погорѣла, а царь все держится за брычку, стоитъ къ намъ обернувши, да пальцемъ грозитъ, а палець-то евойный—во какой, что столбъ,—по небу-то по огневому качается»... Ну и что же, спрашиваю я мужика?—продолжаетъ Тургеневъ, убравши свой не меньше легендарнаго царскаго палець. «Ну, вѣстимое дѣло, и повиновались, только ужъ и драли насъ за это!»—Какъ, за что, за это?—недоумѣвалъ я. «Да мы, знычить, землю ту у помѣщика такъ и отпахали. — Какъ отпахали? А развѣ вы не слыхали, что вамъ царь-то говорилъ, чтобъ повиноваться помѣщикамъ?—«Эхъ, баринъ, мы люди темные, мы разсудили, что накричать-то онъ на насъ только для страха накричалъ, а что приказъ отъ яво былъ

помѣщикамъ, чтобъ, знычить, теперь-то ужъ ихъ благородіямъ да намъ сиволапымъ повиноваться: буде-ста имъ надъ нами мудровать»...—Такъ вотъ видите, какъ трудно мужику вбить въ голову то, что ему не по душѣ—и Иванъ Сергѣевичъ снова улыбнулся.

Я передаю лишь остовъ этого разсказа и, по возможности, слова, какія остались у меня въ памяти. Но какъ передать мастерской тонъ Тургенева, его жесты, мужицкое выраженіе его лица? На насъ этотъ разсказъ произвелъ глубокое впечатлѣніе.

Тургеневъ вскорѣ уѣхалъ изъ Питера въ свое орловское имѣніе, но не забылъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Если напечатаютъ когда-нибудь его письма изъ этого времени къ Успенскому, который насъ познакомилъ съ Тургеневымъ, то изъ нихъ читатель убѣдится, какъ Иванъ Сергѣевичъ слѣдилъ за литературной дѣятельностью нашей братіи, и не только за беллетристикой, но и за публицистикой, и не разъ встрѣтятся въ нихъ разсужденія, по поводу, напр., той или другой чисто-экономической статьи (между прочимъ, и моихъ «проявленій современнаго капитализма въ Россіи», напечатанныхъ въ началѣ 1880 г. въ «Русскомъ Богатствѣ»). Не забывали и мы его, и когда года два спустя въ редакцію артельного журнала, который издавался въ то время нѣкоторыми изъ насъ (прежняго «Русскаго Богатства» или «Устоевъ?») было прислано довольно ядовитое стихотвореніе на Тургенева, громадное большинство артельщиковъ рѣшило не печатать его.

Исторія вышла такая. Иванъ Сергѣевичъ написалъ въ это время свою надѣлавшую много шума «Пѣнь торжествующей любви». Нѣкоторые старались отыскать въ ней какую-то политическую аллегорію. Но многіе были прямо возмущены этой, какъ имъ казалось, отчужденностью Тургенева отъ русской жизни и ея вопросовъ, его «тупочувственностью», какъ говорилъ одинъ мой пріятель, умнѣйшій человекъ. И вотъ нѣкій адвокатъ-радикалъ, кажется тотъ самый, который, увлекшись героическими фигурами дѣвушекъ-пропагандистокъ процесса 50-ти, написалъ знаменитое въ свое время стихотвореніе:

Мой тяжкій грѣхъ, мой умыселъ злодѣйскій
Суди, судья, но проще, но скорѣй,—

этотъ адвокатъ не могъ простить Тургеневу его экскурсіи въ область «чистаго искусства» и сочинилъ довольно удачную пародію на тургеневскую фантазію. Изъ пародіи я помню только описаніе перваго визита таинственнаго музыканта къ прекрасной сеньорѣ

„Посмотри“, и вверхъ ногами
Предъ сеньорою сталъ гость,
Опираясь волосами
На бамбуковую трость...

да финаль, слѣдующій за паденіемъ загнипнотизированной сеньоры, когда она обращается къ мужу съ мольбой о помилованіи:

„Извини, прости мой милый...
Извини: вѣдь я—во снѣ...
Написалъ блондинъ картину
На брюнетовой спинѣ...

Каково бы ни было, впрочемъ, мнѣніе публики объ умѣстности «Пѣсни торжествующей любви», Тургеневъ искупилъ ее, написавши въ это же время такую поразительно-сильную и всю проникнутую сочувствіемъ къ революціонерамъ вещь, какъ его «На порогѣ», внушенную ему, какъ мнѣ говорили позже, удивительной личностью Софьи Перовской...

На ряду съ Тургеневымъ, вѣроятно по закону контраста, всплываетъ въ моей памяти то скорбное, то улыбающееся, но всегда симпатичное лицо Гаршина. То, поистинѣ, была противоположность Тургеневу. Этотъ—громадный, сѣдовласый, величавый и, насколько мнѣ казалось, наслаждавшійся дѣйствительностью, какъ матеріаломъ для художественнаго творчества, или, по крайней мѣрѣ для художественнаго наблюденія. Тотъ—небольшой, черный, волнующійся, нервный, страстный, любящій и ненавидящій дѣйствительность прежде всего ради ея самой, но вслѣдъ за тѣмъ отвѣчавшій на это первое впечатлѣніе художественнымъ изображеніемъ взволновавшаго его внѣшняго міра и художественнымъ возсозданіемъ своей собственной взволнованной души. Гаршинъ могъ по праву сказать о себѣ съ однимъ французскимъ поэтомъ:

Сердце мое, что воздушная лютня:
Тронешь его—и аккордъ зарыдалъ.

Какъ сейчасъ помню его красивое, нѣсколько смуглое лицо южанина, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ, съ длинными черными волосами и короткой бородкой; его каріе, искристые и вдумчивые глаза, которые оставались печальными даже въ то время, когда онъ смѣялся; его нервно подергивающіяся губы; его торопливые движенія; и его голосъ, западавшій глубоко вамъ въ сердце своей необычной интонаціей, своимъ пѣвучимъ переходомъ отъ высокихъ нотъ къ низкимъ, своей странной, я бы сказалъ, гармоничной надтреснутостью, которая порою производила впечатлѣніе рыданій. Познакомился я съ нимъ на редакціонномъ собраніи одного журнала. Когда я узналъ, что передо мной былъ авторъ «Трехъ дней» и «Одной изъ многихъ», я не могъ удержаться, чтобъ не сказать ему, какую глубокую симпатію я и мои товарищи питаемъ къ его гуманному, изящному таланту. Онъ восторженъ, но для него дѣло было, очевидно, гораздо менѣе въ похвалахъ, чѣмъ въ томъ, что онъ, художникъ-человѣкъ, производилъ впечатлѣніе на читателя-человѣка, что его творчество устанавливало словно электрической токъ симпатіи между людьми, которые раздѣляли его гуманную любовь къ человѣку вообще, и своей изящной формой затрагивало даже индифферентистовъ.

Когда мнѣ говорятъ о тенденціозныхъ писателяхъ и противо-

ставляютъ ихъ чистымъ художникамъ, мнѣ всегда припоминается Гаршинъ: ужъ кто, какъ не Гаршинъ обращалъ вниманіе на изящество формъ, кто какъ не онъ дорожилъ способомъ выраженія, стало быть чистымъ искусствомъ, и кто въ то же время, какъ не онъ, былъ болѣе тенденціозенъ въ томъ смыслѣ, что во всякой его вещицѣ была идея, глубокое чувство къ людямъ, отзывкъ на ихъ страданія? Но вся его тенденціозность заключалась въ его чуткой, туго-натянутой душѣ, звучащей, не скажу въ унисонъ, а въ сложный аккордъ съ явленіями жизни, аккордъ, не исключавшій порой мучительнаго диссонанса. Его волновали вопросы, которые волновали лучшихъ людей его времени, и, потрясенный ими, онъ не могъ не звучать въ отвѣтъ, и звучалъ, все звучалъ, пока не порвалась его тонкая организація... Борьба русскихъ социалистовъ съ правительствомъ производила на него страшное впечатлѣніе; прекрасныя и въ художественномъ смыслѣ фигуры революціонеровъ глубоко потрясли его, а безмысленная реакція, которая скосила цѣлое поколѣніе лучшихъ русскихъ людей, опрокинула и безъ того неустойчивое душевное равновѣсіе Гаршина. Съ этой стороны Гаршина мало знаютъ; я на это и обращаю какъ разъ вниманіе.

Покушеніе за покушеніемъ, исходившія отъ народовольческой организаціи, создали такую атмосферу, что люди, и не имѣвшіе никакого касательства къ партіи, били тоже въ эту точку. Такъ Млодецкій стрѣлялъ въ Лорисъ-Меликова. Вѣсть о покушеніи глубоко взволновала весь Петербургъ. За два дня до казни Млодецкаго мнѣ пришлось случайно ночевать у Гаршина. Онъ жилъ въ то время по Садовой, въ огромномъ домѣ Яковлева, нанимая меблированную комнату вмѣстѣ съ художникомъ Малышевымъ, тѣмъ самымъ, къ рисункамъ котораго «Табакъ» Гаршинъ сочинилъ текстъ въ стихахъ, начинавшійся такъ:

Злакъ благодатный
Дымъ ароматный
Ты намъ даешь...

Мы уже давно улеглись съ художникомъ, а Гаршинъ все еще былъ на ногахъ, нервно бѣгалъ по комнатѣ, что-то писалъ—и рвалъ и опять писалъ, пилъ воду стаканъ за стаканомъ, ломалъ въ отчаяніи руки, сдерживая рыданія, наконецъ наскоро накинулъ пальто и шапку и выбѣжалъ... Мы заснули... Часовъ въ 9 утра вбѣгаетъ къ намъ, какъ сумасшедшая, корридорная женщина и проситъ насъ встать, такъ какъ къ намъ идутъ частный приставъ съ околоточнымъ... Спросонья мы не могли ничего понять. «Здѣсь квартируетъ г. Гаршинъ-съ?» освѣдомился просунувшій свой носъ въ дверь приставъ.—Здѣсь... А что? «Я присланъ справиться, точно ли здѣсь квартира г-на подпоручика Гаршина и жилъ ли онъ здѣсь до послѣдняго времени?»—Не только жилъ, а живетъ и вышелъ нѣсколько часовъ тому назадъ, и можетъ быть сейчасъ же вернется». Намъ показалось, что на послѣднія наши

слова полицейской носъ улыбнулся, зная, очевидно, объ этомъ больше нашего. Дверь захлопнулась.

Безпокойство овладѣло нами. Мы вскочили, наскоро напились чаю и отправились по разнымъ знакомымъ разыскивать Гаршина. Его никто не видалъ. Такъ прошелъ мучительный день, наступилъ другой. Я сидѣлъ въ редакціи стараго «Русскаго Богатства». Вдругъ является туда Гаршинъ, нервный больше даже чѣмъ по обыкновенію и страшно сконфуженный. Онъ бросился, какъ малое дитя къ матери, къ своему близкому пріятелю С. Н. Кривенко и сейчасъ же потащилъ его въ отдѣльную комнату: «Мнѣ надо поговорить съ вами, голубчикъ, непременно надо», твердилъ онъ умоляющимъ голосомъ. Минуть 10 спустя, онъ выскочилъ въ редакціонную комнату, а оттуда въ переднюю и вдругъ, вернувшись на минуту, обнялъ своего собесѣдника и снова умоляющимъ голосомъ заговорилъ: «Вы не сердитесь, голубчикъ, на меня? Нѣтъ, не сердитесь? Скажите, что не сердитесь... Ахъ, мнѣ и безъ того тяжело...» Получивъ успокоительный отвѣтъ, Гаршинъ скрылся.

Вотъ что, оказалось, сдѣлалъ внезапно ушедшій отъ насъ ночью Гаршинъ. Когда онъ узналъ, что Млодецкій послѣзавтра долженъ быть повѣшенъ, онъ рѣшилъ сначала написать къ Лорисъ-Меликову письмо, прося въ немъ помиловать Млодецкаго. Но ему все казалось, что у него выходитъ недостаточно краснорѣчиво, и онъ рвалъ листъ за листомъ. Наконецъ, онъ предпочелъ пойти къ Лорису, чтобы при личномъ свиданіи объяснить тому всю необходимость простить стрѣлявшаго. Онъ, дѣйствительно, явился въ 6 часовъ утра и настойчиво просилъ дежурнаго офицера передать его, гаршинскую визитную карточку спавшему еще въ то время всемогущему диктатору. Лорисъ-Меликовъ, который любилъ прикидываться человѣкомъ образованнымъ и даже слѣдящимъ за отечественной литературой, вспомнилъ, что дѣйствительно есть такой себѣ на свѣтѣ писатель Гаршинъ, и припомнилъ, кромѣ того, что онъ зналъ этого Гаршина еще раньше, какъ добровольца во время русско-турецкой войны: Гаршинъ былъ даже раненъ тамъ и получилъ, кажется, чинъ подпоручика за храбрость. Лорисъ былъ заинтересованъ раннимъ посѣщеніемъ неожиданнаго просителя и принялъ его не въ урочный часъ.

Сначала Гаршинъ пытался горячо доказывать диктатору, какъ было бы гуманно, тактично и даже полезно въ общественномъ смыслѣ съ его стороны помиловать Млодецкаго, тѣмъ болѣе, что этотъ покушался именно на Лорисъ-Меликова, да и покушеніе не удалось. Но Лорисъ и тутъ показалъ себя тѣмъ, чѣмъ всегда былъ: дряннымъ честолюбцемъ и шкурнымъ человѣкомъ, разыгрывавшимъ роль самоотверженнаго государственнаго дѣятеля. Онъ сталъ прятаться за высшеіе принципы, за необходимость неукоснительнаго подавленія преступленій, говорилъ, что будто бы прошеніе Млодецкаго зависитъ не отъ него, а отъ государя. Взволнованный до глубины души Гаршинъ вздумалъ прибѣгнуть къ военной хитрости: «Графъ, крикнулъ онъ, а что вы скажете, если я брошусь

на васъ и оцарапаю: у меня подъ каждымъ ногтемъ' маленькій пузырекъ смертельнаго яда, малѣйшій уколъ—и вы мертвы». Конечно, графъ отлично видѣлъ своего страшнаго врага, этого симпатичнаго, еле державшагося на ногахъ отъ волненія юношу, и отлично понималъ наивность угрозы. Но все-таки не преминулъ разыграть великаго храбреца: «Гаршинъ, вы были солдатомъ, а я и теперь, по волѣ монарха, солдатъ на посту; какъ же вамъ пришло въ голову пугать меня смертью; сколько разъ мы смотрѣли ей съ вами въ глаза». Обезкураженный Гаршинъ и не замѣтилъ всего комизма этого актерства, былъ даже тронутъ отвѣтомъ Лориса и вдругъ, зарыдавъ, снова сталъ умолять азіата-царедворца помиловать Млодецкаго, дошелъ чуть не до обморока; наконецъ, добился отъ Меликова обѣщанія хоть на время отложить казнь и снова разсмотрѣтъ дѣло... Какъ и слѣдовало ожидать, обѣщаніе не было исполнено, и Млодецкаго вздернули въ заранѣе назначенный срокъ.

На Гаршина это подѣйствовало ужасно. Онъ теперь вѣчно все торопился куда-то, хваталъ себя за голову, словно стараясь вспомнить что-то, зачастую говорилъ съ какимъ-то воображаемымъ собесѣдникомъ. Весною 80 г. товарищи рѣшили отправить Гаршина куда-нибудь подальше изъ Питера, который въ то время развивалъ людей и съ болѣе крѣпкими нервами. Остановились на югѣ, на родныхъ. Путешествіе это, какъ оказалось, было дѣлой печальной одиссеей. Гаршинъ пріѣхалъ домой лишь черезъ два-три мѣсяца послѣ всевозможныхъ приключеній совершенно больнымъ душевно. Между прочимъ, онъ заѣхалъ по дорогѣ въ Ясную Поляну къ Льву Толстому, а отъ него пустился по окрестнымъ деревнямъ, купилъ верховую лошадь и евангеліе, надѣлъ крестьянскій полушубокъ и останавливался то тамъ, то здѣсь, читая мужикамъ евангеліе, толкуя больше на тему прощенія врагамъ: читатель пойметъ связь этого съ предыдущимъ. Начальство переполошилось, но дѣло скоро было выяснено, и Гаршина отправили къ матери, если не ошибаюсь, въ Харьковъ. Здѣсь его болѣзнь вылилась въ болѣе яркія и въ то же время очень типичныя формы. Толстой лишь нѣсколько лѣтъ спустя додумался до того, что въ деньгахъ все зло міра. Гаршинъ уже въ то время разсуждалъ гораздо радикальнѣе и логичнѣе. Сами деньги вырастаютъ лишь изъ обмѣна, а обмѣнъ изъ раздѣленія труда. Зло міра лежитъ, значить, въ раздѣленіи труда. Стоитъ каждому изъ насъ выучиться производить все для себя, не нуждаясь ни въ раздѣленіи труда, ни въ обмѣнѣ, и сама собою падетъ необходимость въ деньгахъ, и зло исчезнетъ съ лица земли. И вотъ Гаршинъ начинаетъ усердно заниматься дубленіемъ полушубковъ, шитьемъ сапогъ и дѣланіемъ посуды: въ его кабинетѣ стоитъ гончарный станокъ, валяются колodки, киснутъ кожи.

Къ лѣту 1880 г. его помѣшательство приняло острую форму. Мнѣ пришлось быть въ то время въ Орлѣ, куда пріѣхалъ поразвлечься и Гаршинъ со своимъ родственникомъ. Услыхавъ о моемъ

пребываніи тамъ, онъ рвался увидѣть меня, но не засталъ меня на квартирѣ, послѣ чего куда то исчезъ, страшно встревоживъ своего спутника. Тотъ принесъ мнѣ на слѣдующій день записку отъ Гаршина, и у меня и теперь еще стоитъ передъ глазами этотъ дрожащій, галопирующій на бумагѣ почеркъ, почеркъ челоѡвка, на котораго нахлынули событія и увлекають его, а онъ тщетно старается справиться съ этимъ быстрымъ потокомъ. Всеволодъ Михайловичъ поставлялъ меня въ извѣстность, что теперь онъ не видитъ иного исхода для Россіи, какъ въ кровавой революціи, что центромъ ея онъ избралъ Орель, что мѣстный генераль, кажется Дараганъ, на нашей сторонѣ, и что самъ онъ идетъ въ народъ готовить возстаніе...

Если не ошибаюсь, это душевное состояніе Гаршина въ 1880 г. было художественно-трагично передано имъ въ написанномъ года три спустя «Красномъ Цвѣткѣ». Къ этому времени пріятели его стали было надѣяться, что, заплативъ дань своей болѣзненной воспримчивости, Всеволодъ Михайловичъ дастъ, наконецъ, цѣлый рядъ высоко-художественныхъ произведеній, которыми могла бы гордиться русская литература: немногое, написанное имъ, было, казалось, порукой. Но судьба рѣшила иначе: всѣ знаютъ печальный конецъ Гаршина. И въ этомъ концѣ важная роль принадлежитъ тѣмъ по истинѣ ужаснымъ условіямъ, которыя пережила русская интеллигенція начала 80-хъ годовъ, раздавленная, растоптанная на корню дикимъ произволомъ,—это «поколѣнье проклятое богомъ», героизмъ, борьбу и страданія котораго воспѣвалъ принадлежавшій къ нему поэтъ-каторжникъ.

Всякій разъ, какъ мнѣ приходится думать о гармоничномъ соединеніи художника и челоѡвка, передъ моими глазами проносится скорбная тѣнь Гаршина. Кончаю эти воспоминанія надеждой, что скоро эта мученическая роль гуманныхъ писателей въ Россіи кончится, благодаря тѣсному союзу оппозиціонной мысли и жизни и торжеству революціи!

Н. С. Русановъ.

Николай I — въ заботахъ о декабристахъ.

I.

Въ 1850 году по III отдѣленію состоялся слѣдующій докладъ:

„Жена маіора корпуса внутренней стражи *Теплова*, которой отецъ *Анненковъ* въ 1826 году сосланъ въ Сибирь и нынѣ служить въ Tobольскомъ правленіи, въ чинѣ коллежскаго регистратора, просила дозволенія отпра-виться на короткое время въ Tobольскъ, для свиданія съ родителями и для полученія ихъ благословенія, такъ какъ она, оставшись въ 1825 году мало-лѣтней, на попеченіи бабки, не помнитъ ихъ и никогда не видала брать-евъ и сестеръ, родившихся въ Сибири“.

На этомъ докладѣ Николай I положилъ такую резолюцію:

„Дозволить ей ѣхать въ Tobольскъ, но съ тѣмъ чтобы тамошнее на-чальство имѣло за ней надзоръ, особенно чтобы не входила ни въ какую переписку, а возвратясь оттуда не брала ни отъ кого никакихъ писемъ,— за чѣмъ смотрѣть неусыпно“, 9 января 1850 года.

II.

Императоръ Николай I-ый былъ очень памятливъ, вѣрнѣе, злопамя-тенъ, въ особенности же относительно всего, что касалось декабристовъ. Не разъ отмѣчалось его нервно-приподнятое отношеніе къ сосланнымъ въ ка-торгу дѣятелямъ 14-го декабря. Приведемъ еще одинъ фактъ, доселе не-извѣстный.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1853 года шефъ жандармовъ и начальникъ III отдѣ-ленія вошелъ со слѣдующимъ докладомъ:

„Вдова дѣйств. ст. сов. Муханова всеподданнѣйше просила о возвраще-ніи сына ея, Петра, на родину въ Московскую губернію.

Штабсъ-капитанъ л.-гв. Измайловскаго полка *Петръ Мухановъ* принять былъ въ 1819 году въ Союзъ Благоденствія. Послѣ возмущенія 14-го де-кабря бывъ въ Москвѣ, онъ говорилъ Орлову (М. Ѳ.), что взятыхъ подъ арестъ ничто не спасетъ, кромѣ смерти Государя Императора, и что онъ знаетъ человѣка, готоваго убить Его Величество; но Орловъ показалъ, что не помнитъ этихъ послѣднихъ словъ; по изслѣдованію же обнаружи-лось, что это были одни дерзкія слова, а не замыселъ, и что Мухановъ въ

словахъ вообще *невоздерженъ*.¹⁾ Онъ осужденъ былъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ каторжную работу на 12 лѣтъ, а по Указу 22 августа на 8 лѣтъ, потомъ обращенъ на поселеніе. Указомъ 8 ноября 1832 г. освобожденъ отъ каторжной работы и водворенъ въ Братскомъ островѣ, Нижнеудинскаго Округа, Иркутской губерніи, а 20 ноября 1841 года переведенъ въ селеніе Усть-Кудинскъ.

Генераль-адъютантъ Графъ Орловъ, не находя препятствія къ исполненію просьбы Муханова, полагалъ предварительно спросить заключенія графа Закревскаго“.

Николай Павловичъ положилъ слѣдующую резолюцію:

„Согласенъ; но ежели Закревскій согласится, все-таки надо будетъ за нимъ *строжайше* смотрѣть; ибо я зналъ лично его скрытный характеръ, не заслуживающій никакого довѣрія, что и доказалъ“. 15-го іюля 1853 года.

Муханову въ это время шелъ 58-й годъ, а съ того времени, когда Николай лично зналъ его, прошло не менѣе двадцати семи съ половиною лѣтъ!

¹⁾ Мухановъ обвиненъ въ томъ, что „произносилъ дерзостныя слова въ частномъ разговорѣ, означающіе не умыселъ, а мгновенную мысль и позывъ на цареубійство.“
Ред.

Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу (193-хъ).

(Окончаніе ¹⁾).

XI.

Окончательная подготовка къ движенію въ народѣ.

Революціонная молодежь единогласно признала весну самымъ благопріятнымъ временемъ для начала революціонной пропаганды въ народѣ. По мѣрѣ приближенія весны 1874 года, все болѣе и болѣе чувствовалась необходимость собраться съ силами, чтобы на все лѣто двинуться въ народъ и приступить тамъ къ работѣ.

Къ началу этой третьей части подготовительнаго періода, къ описанію котораго я приступаю, еще не всѣ изъ многочисленныхъ петербургскихъ кружковъ получили окончательную организацію. Въ нихъ еще продолжали вращаться лица, не рѣшавшіяся теперь-же приступить къ практической дѣятельности. Такія лица стали постепенно отходить въ сторону, когда увидѣли, что болѣе рѣшительные члены начали уже складывать свои чемоданы. Лавровцы, еще продолжавшіе въ періодъ постоянныхъ сходовъ проявлять свое существованіе, точно также стали быстро стушевываться. Время споровъ по вопросамъ теоріи и практики прошло и потому имъ нечего было дѣлать среди готовящихся къ походу анархистовъ. Связи лавровцевъ съ анархистами настолько ослабѣли, что ни одинъ изъ первыхъ даже случайно не былъ привлеченъ къ процессу 193-хъ. Нѣкоторое число ихъ привлекалось къ дознанію, но какъ только выяснился характеръ движенія, были до суда освобождены изъ тюремъ или на всякій случай высланы административнымъ порядкомъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ разсматриваемаго періода было—опредѣлить окончательно отношенія революціонеровъ къ тѣмъ кружкамъ землячества и самообразованія, которые еще не приняли всецѣло ихъ программы. Поэтому на послѣднихъ собраніяхъ этихъ кружковъ агитаторы ставили вопросъ ребромъ и въ резуль-

¹⁾ См. Былое, октябрь и ноябрь.

татѣ происходило или присоединеніе колебавшихся къ дѣлу революціи, или окончательный разрывъ съ ними.

Далѣ однимъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ было привлеченіе въ среду активныхъ кружковъ сознательныхъ рабочихъ. Анархисты, какъ и Кропоткинъ, придавали больше значенія подготовленнымъ рабочимъ, не только во имя преклоненія передъ народомъ, но и какъ лучшимъ пропагандистамъ среди родственныхъ имъ по духу, а часто и по плоти крестьянъ.

Всѣ коренные анархисты и болѣе молодые изъ присоединившихся не успѣли по краткости времени приготовить необходимый имъ кадръ сознательныхъ рабочихъ, поэтому они должны были открыть свои объятія для тѣхъ изъ распропагандированныхъ другими рабочихъ, которые почему-либо не удовлетворялись своими развивателями. Наибольшій контингентъ такихъ рабочихъ далъ Низовкинъ. Ища болѣе крайняго направленія, нѣкоторые изъ нихъ охотно переходили къ чайковцамъ и къ кореннымъ анархистамъ. Изъ этихъ послѣднихъ только кружокъ Каблица не заполучилъ къ себѣ рабочихъ. Какъ ни сочувственно относились подготовленные рабочіе къ крайнимъ направленіямъ, но они менѣе охотно, чѣмъ интеллигенція, признавали анархическое движеніе. Это ученіе не признавало никакихъ программъ-минимумъ, рабочіе-же успѣли уже получить нѣкоторый интересъ къ умственной работѣ. Имъ поэтому хотѣлось сохранить за собою такое положеніе, которое позволяло-бы имъ въ часы досуга продолжать свое развитіе и удовлетворять своимъ умственнымъ запросамъ. Занятіе-же пропагандою въ деревнѣ анархій и революцій общало лишить ихъ всего этого. Указанное препятствіе не было впрочемъ существеннымъ—послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ бесѣдъ устанавливалось какое-нибудь соглашеніе. Гораздо большее значеніе для достиженія успѣховъ среди рабочихъ имѣла разница въ настроеніяхъ. Интеллигенція находилась въ стадіи сильнаго стихійнаго движенія, когда обыкновенный смертный можетъ совершать чудеса, рабочіе-же жили въ обыкновенныхъ условіяхъ, и повышеннаго настроенія среди нихъ не замѣчалось. При такомъ положеніи дѣла интеллигентъ, обладающій сердцемъ, преисполненнымъ самой сильной, религіозной вѣры въ высоту предстоящей ему миссіи, сравнительно легко бралъ верхъ надъ маловѣрнымъ рабочимъ, но союзъ ихъ былъ въ высшей степени непроченъ. Подъ вліяніемъ вѣры, интеллигентъ готовъ былъ совершать подвигъ за подвигомъ, а рабочій, если не проникался всецѣло такой-же вѣрой, скоро одумывался, особенно, если не получалъ новыхъ импульсовъ. Къ тому-же при спѣшности привлеченія рабочихъ, не всегда обращалось должное вниманіе на ихъ индивидуальныя качества. Всѣмъ этимъ объясняются случаи разочарованія со стороны революціонеровъ въ привлеченныхъ ими къ дѣлу рабочихъ. Не слѣдуетъ однако преувеличивать количества этихъ случаевъ—рядомъ съ ними были случаи продолжительной работы, вновь посвященныхъ совмѣстно съ революціонерами. Нѣкоторые изъ рабо-

чихъ заслужили почетное имя и вспоминаются послѣдующими поколѣніями, какъ герои. Но повѣствователь долженъ прежде всего быть правдивымъ, поэтому укажу нѣсколько случаевъ неудачнаго привлеченія рабочихъ къ дѣлу революціи, большая часть которыхъ взята изъ обвинительнаго акта.

Членъ кружка Ковалика, Артамоновъ въ перехваченной запискѣ писалъ о рабочемъ, для котораго онъ, въ цѣляхъ пропаганды, устроилъ кузницу: «кузнецъ Павелъ Григорьевъ совсѣмъ подлець, мы съ нимъ завели кузницу въ деревнѣ и тамъ уже работалъ одинъ изъ нашихъ. . . . Я съ Бачинимъ (тоже рабочимъ) кое о чемъ говорилъ въ присутствіи его (кузнеца) и общалъ дать книги этому подлецу кузнецу, а также разыскать и вывезти за границу рабочаго Ивана М. ибо онъ ужасный трусъ ¹⁾, и, если его арестуютъ, то онъ все расскажетъ, а знаетъ онъ многое; я ему помогалъ бѣжать изъ Питера и познакомилъ съ другими (повидимому Коваликомъ и Войнаральскимъ), которые теперь считаются (прокуратурою и жандармами, производящими дознаніе) вожаками всего, а для меня только недоставало, чтобы раскрыть связи съ ними». Кіевскіе анархисты имѣли въ своей средѣ рабочаго, отъ котораго они не знали, какъ отдѣлаться, и должны были давать ему сравнительно крупныя средства для жизни. Прокуроръ въ обвинительномъ актѣ могъ указать только на «подлеца» и «труса», а между тѣмъ въ числѣ рабочихъ, съ которыми занимались Чайковцы и другіе кружки, было много такихъ, которые ничѣмъ не отличались отъ лучшихъ интеллигентовъ. Не говоря уже о позднѣйшихъ дѣятеляхъ, изъ среды рабочихъ приведу имена Обнорскаго и Орлова, близкихъ къ Чайковцамъ.

Въ первыя фазы движенія петербургскіе кружки и отдѣльные дѣятели не отказывались отъ представлявшихся имъ случаевъ оказать то или другое вліяніе на провинціальныя кружки. Впрочемъ очень часто это вліяніе передавалось какъ-бы само собою, безъ всякаго активнаго участія виновниковъ его. Студенческіе землячества доставляли даровыхъ и самыхъ добросовѣстныхъ почтальоновъ, разносившихъ вѣсти изъ столицы въ свои родные города, гдѣ у нихъ оставались связи въ средѣ учащихся. Это обезпечивало въ извѣстной мѣрѣ однообразный ходъ движенія повсемѣстно. Но теперь оказывалось этихъ средствъ недостаточно и наиболѣе дѣятельныя кружки старались заводить постоянныя отношенія съ провинціальными кружками. Эту сторону дѣятельности трудно приурочить къ какому-нибудь одному періоду, на которые мною раздѣлена исторія движенія, и если я упоминаю о ней въ настоящей главѣ, то только потому, что теперь заботы объ единеніи усилились. Обращаясь къ даннымъ обвинительнаго акта, можно убѣдиться, что многіе изъ анархистовъ совершали иногда отдален-

¹⁾ Артамоновъ ошибся, называя одного подлецомъ, другого трусомъ. Оба они ничего не выдали, но, можетъ быть, имѣли нѣкоторые недостатки, позволившіе автору письма дать о нихъ такіе рѣзкіе отзывы.

ные даже поѣздки. Такъ Рабиновичъ . перебивала во многихъ городахъ Россійской имперіи, Войнаральскій былъ въ постоянныхъ путешествіяхъ изъ Москвы на родину и въ восточныя губерніи и обратно. Но болѣе всего объѣхалъ разныхъ городовъ, кажется, Коваликъ. Ими въ разное время посѣщены Москва, Кіевъ, Одесса, Ярославль, Кострома, Нижній, Казань, Самара, Саратовъ и Харьковъ. Чайковцы также посылали въ разныя мѣста своихъ агентовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ должно было замѣчаться болѣе или менѣе полное сходство въ развитіи движенія повсемѣстно въ Россіи. Затѣмъ необходимо было приискать матеріальныя средства, заготовить народную одежду, фальшивые паспорта и книги для раздачи въ народѣ, а по пути и въ интеллигенціи. Вопросъ объ одеждѣ разрѣшался легко при имѣніи денегъ. Для фабрикаціи паспортовъ на скорую руку составилось небольшое бюро при кружкахъ, но этимъ дѣломъ занимались и отдѣльныя лица. Чтобы имѣть возможность изготовить неограниченное количество паспортовъ, необходимо было достать бланковъ крестьянскихъ паспортовъ и вырѣзать печати по образцамъ, имѣвшимся на настоящихъ паспортахъ. Нѣкоторые доходили впрочемъ до болѣе простыхъ средствъ. Получивъ оттискъ на массѣ изъ гипса какой-нибудь сюржучной печати, коптили его на свѣчкѣ и прикладывали, куда слѣдуетъ.

Самымъ труднымъ вопросомъ было отыскать денежныя средства, необходимыя для снаряженія въ народѣ. Средства, находившихся въ распоряженіи Войнаральскаго, было, конечно, недостаточно даже для снабженія самымъ необходимымъ всей массы лицъ, выразившихъ желаніе идти въ народъ; только близкія лица могли черпать изъ этого источника. Поэтому каждый кружокъ старался самостоятельно рѣшить для себя денежный вопросъ.

Для приобрѣтенія средствъ пользовались, хотя и въ слабой еще степени, студенческими вечерами и другими увеселеніями, устраиваемыми нарочито для этой цѣли. Члены кружковъ получавшіе отъ своихъ болѣе или менѣе состоятельныхъ родителей деньги на необходимые жизненные расходы, охотно обращали ихъ въ общую собственность. Иначе и не могло быть при существовавшемъ тогда взглядѣ революціонеровъ на этотъ источникъ средствъ. Одинъ изъ лучшихъ среди чайковцевъ пропагандистовъ, Синегубъ, по удостоенію обвинительнаго акта, предлагая деньги рабочимъ, съ которыми онъ занимался, говорилъ, что эти деньги тоже крестьянскія, такъ какъ онъ получаетъ ихъ отъ своего отца, такого же міроѣда, какъ и другіе. Болѣе крупныя суммы поступали въ рѣдкихъ, конечно, случаяхъ отъ состоятельныхъ членовъ кружка или лицъ сочувствовавшихъ. Обвинительный актъ констатируетъ, что нѣкто Любавскій общалъ внести въ кассу чайковцевъ часть своего состоянія. У Гауэнштейна, члена кружка чайковцевъ, при арестѣ отобрали деньги въ суммѣ свыше тысячи рублей. Сестры Щукины, входившія въ составъ кружка Каблица, вышли фиктивно замужъ за двухъ членовъ кружка (Каблица и Стронскаго), чтобы получить

отъ родителей приданое, которое цѣликомъ и внесли въ кассу, всего кажется 5—6 тысячъ рублей.

Кружокъ, располагавшій такими средствами, считался уже богатымъ, большинство-же кружковъ имѣло въ своемъ распоряженіи ничтожныя суммы, напр. харьковскій кружокъ—всего 170 рублей.

Комплектъ нелегальныхъ изданій, предназначенныхъ для распространенія въ народѣ и въ интеллигентной средѣ, былъ въ 70-хъ годахъ сравнительно очень ограниченъ. Болѣе другихъ содѣйствовали изданію книгъ чайковцы, а впоследствии и типографія Мышкина. Большая часть книгъ и брошюръ печатались за границей и перевозились въ Россію разными путями. Чайковцы имѣли свой налаженный путь, Лермонтовъ для устройства пути посылалъ за границу Рабиновича, который при помощи эмигранта Сажина (показаніе Рабиновича) уговорился съ контрабандистами, обѣщавшими всѣ книги, получаемыя отъ того-же Сажина, переносить чрезъ границу. Братья Павловскіе и Лурье, членъ кievскаго кружка, занимались также доставкой книгъ изъ заграницы.

Кромѣ весьма популярной книги «Государственность и анархія» въ описываемое время были распространяемы слѣдующія изданія:

«Исторія одного французскаго крестьянина» (передѣлка Шатриана), «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Хитрая механика», «Стенька Разинъ», «Емелька Пугачевъ», «Дѣдушка Егоръ», «Митюха», «О мученикѣ Николаѣ», «Вольный атаманъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ», «Сила солому ломить», «Чтой-то братцы» (прокламація), «Отщепенцы» Соколова, «Гражданская война во Франціи»—Маркса, «Программа рабочихъ Лассаля», «Пѣсенникъ».

Изъ перечисленныхъ книгъ наибольшимъ успѣхомъ въ народѣ пользовались «Хитрая механика» и «Сказка о четырехъ братьяхъ». Пѣсни, въ родѣ «Барка», въ крестьянствѣ не получили почти совсѣмъ распространенія.

Каждый кружокъ по своему усмотрѣнію выбиралъ книги для распространенія въ народѣ. Одни издѣятелей, придававшіе наибольшее значеніе устной пропагандѣ, набирали мало книгъ, другіе наоборотъ запасали ихъ въ большомъ количествѣ. Кромѣ того, независимо отъ субъективнаго отношенія къ книжной пропагандѣ, революціонеры всѣхъ оттѣнковъ старались снабжать изобильно книгами такія мѣста, которыя должны были служить центрами пропаганды.

Всѣ эти практическія дѣла не оставляли свободнаго времени для окончательнаго выясненія оставшихся небольшихъ разногласій между кружками. Споры, если и случались, стали терять остроту, и открывалась возможность компромиссовъ. Крайніе и болѣе умѣренные анархисты мирно бесѣдовали о формахъ практической дѣятельности. Первые готовы были признать пригодными для революціонной работы самыя аристократическія профессіи, врача, учителя и пр., вторые—санкціонировать летучую пропаганду и агитацію вплоть до участія въ мелкихъ бунтахъ. Поэтому рѣшеніе Евгеніи Судзиловской (изъ кружка Лермонтова) открыть по приглашенію Вой-

наральскаго лавочку въ с. Степановкѣ, Пензенской губ., не встрѣтило уже ни съ чьей стороны оппозиціи.

Выше было упомянуто, что молодежь проявляла мало склонности къ солиднымъ формамъ организаціи, требующимъ строгой дисциплины. Тѣмъ не менѣе мысль о необходимости организаціи не чужда была даже самымъ юнымъ революціонерамъ. Лидеры движенія хорошо поняли это и сдѣлали попытку къ нѣкоторой зачаточной организаціи, которая могла бы обнять всѣ дѣйствовавшія силы. Кружокъ признавался ячейкою возможной на первое время организаціи. Поэтому лидеры прежде всего старались связать крѣпкими узами дружбы и единомыслія членовъ своихъ собственныхъ кружковъ и тѣмъ придать имъ видъ организованныхъ группъ. Каждый изъ болѣе значительныхъ кружковъ, подобно первостепеннымъ державамъ, имѣлъ въ Петербургѣ своего представителя, который долженъ былъ оставаться въ столицѣ даже и тогда, когда остальные члены уйдутъ на работу въ народъ. Болѣе мелкіе кружки, какъ второстепенные державы, поручали прѣдставительство своихъ интересовъ главнымъ кружкамъ. Такъ артиллеристы избрали своей прѣдставительницей Ободовскую (изъ кружка чайковцевъ), а харьковскій кружокъ поручилъ свой голосъ кружку Ковалика. Представитель принужденъ былъ отказаться отъ главнаго дѣла, къ которому стремились революціонеры,—пропаганды и агитаціи въ народѣ, и зарыться во второстепенныя, какъ казалось многимъ, мелочи. Поэтому прѣдставительство являлось своего рода жертвой, которую приносилъ своему кружку единичный его членъ. Съ другой стороны кружки избѣгали выбирать въ прѣдставители своихъ лидеров, считая ихъ болѣе полезными на главномъ посту—въ народѣ. Чтобы согласить противоположные интересы, кружокъ иногда назначалъ своимъ прѣдставителемъ чело-вѣка, не примкнувшаго къ нему окончательно, но связаннаго съ членами его личными отношеніями и единствомъ міросозерцанія.

Обязанности прѣдставителя состояли въ поддержаніи сношеній съ имѣвшими разѣхаться членами кружка, доставленіи имъ необходимыхъ средствъ и къ прѣдставительству интересовъ кружка передъ другими революціонными кружками. Часто прѣдставитель оставался безъ гроша денегъ и это нисколько не обезкураживало членовъ кружка, вѣрившихъ въ свои силы.

Но одного института прѣдставительства, безъ какого-нибудь союза, хотя бы только оборонительнаго, державъ, оставившихъ въ столицѣ и крупнѣйшихъ городахъ своихъ уполномоченныхъ, казалось мало. Мысль о союзѣ созрѣла не задолго до весны—времени отправленія въ народъ. Изъ всѣхъ формъ возможнаго союза остановились на самой безразличной, не могшей внести раздора между союзниками,—общей кассѣ. Созваны были прѣдставители всѣхъ петербургскихъ кружковъ для обсужденія этого вопроса. Почти единогласно рѣшено было организовать общую кассу, имѣющую цѣлью помогать всѣмъ, работающимъ въ народѣ, безъ всякаго различія направленій и организаціи, къ которымъ они принадлежатъ. Одинаковая помощь должна была оказываться и

одиночкамъ, ведущимъ въ народѣ пропаганду. Средства кассы должны были составляться изъ взносовъ кружковъ, въ размѣрѣ 10% собственныхъ ихъ капиталовъ, и другихъ случайныхъ поступлений. Касса управлялась тремя выборными, которыми на первый разъ, кажется, были: Ободовская (чайковцы), Паевскій (кружокъ Ковалика) и Рабиновичъ (кружокъ Лермонтова).

Касса представляла собою первый зачатокъ общей организациі революціонеровъ. Въ своемъ первоначальномъ видѣ она не могла-бы долго существовать, и должна была-бы принять или болѣе совершенную форму, тѣснѣе объединяющую революціонеровъ, или распасться. Во что именно должна была обратиться касса, это осталось навсегда въ области предположеній, такъ какъ начавшіеся лѣтомъ аресты разрушили не только кассу, но и кружки, которые желали въ ней объединиться.

Одновременно съ учрежденіемъ кассы было рѣшено всѣмъ, работавшимъ въ народѣ, съѣхаться въ началѣ октября въ Петербургъ. Цѣлью съѣзда намѣчались обмѣнъ впечатлѣніями и выработка, по возможности, общаго плана дальнѣйшей революціонной дѣятельности. Съѣздъ долженъ былъ бы имѣть крупное значеніе въ дѣлѣ дальнѣйшей организациі начинавшей свое существованіе революціонной партіи. Значеніе его чувствовалось молодежью, это видно изъ того, что во всѣхъ кружкахъ, даже наиболѣе далекихъ отъ Петербургскихъ дѣятелей, идея съѣзда была весьма популярна, и объ немъ много толковали. Слѣды этой популярности съѣзда сохранились и въ обвинительномъ актѣ.

Въ описываемое время движеніе получило полное развитіе и приняло вполнѣ опредѣленныя формы. Дальнѣйшая дѣятельность въ народѣ не могла измѣнить характера движенія. Поэтому теперь своевременно опредѣлить цѣль движенія и мѣсто, которое оно заняло въ развитіи революціонныхъ партій. Я не буду говорить, какъ именно понимали сами участники движенія цѣли, къ которымъ оно должно было вести. Самая точная анкета посредствомъ опроса всѣхъ современниковъ движенія ничего не дала бы, кромѣ путаницы отдѣльныхъ мнѣній. Только изучивъ безпристрастно важнѣйшія стороны движенія, можно составить себѣ ясное понятіе о томъ, чего оно достигло. Это и будетъ конкретная цѣль движенія.

Наиболѣе объективными наблюдателями обыкновенно считаются люди, стоящіе въ сторонѣ отъ переживаемыхъ событій. Вѣрно это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что на лицо не было и не могло быть стороннихъ наблюдателей движенія 70-хъ годовъ. Оно проходило въ замкнутой средѣ молодежи, страстно откликавшейся на смѣняющіеся лозунги движенія, и потому ни въ какомъ случаѣ не могущей дать показаній въ качествѣ посторонняго свидѣтеля. Но объективность можетъ быть присуща и участнику движенія, если онъ, оглянувшись назадъ на давно пережитое, сумѣетъ отличить главное отъ второстепеннаго, содержаніе отъ формы и т. п.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тенденція движенія

расти неограниченно въ ширь. Глубина движенія опредѣлилась съ самаго начала и оставалась все время, какъ постоянная черта его. Отдѣльные дѣятели могли съ большою осторожностью подходить къ людямъ, еще не затронутымъ движеніемъ, дѣлать самый строгій выборъ между ними, но волна движенія опрокидывала всѣ искусственныя сооруженія и оно съ неудержимою быстротою росло въ ширь. Изъ разсмотрѣнныхъ кружковъ одесскій сдѣлалъ несравненно больше, чѣмъ харьковскій, но послѣдній типичнѣе для движенія, чѣмъ первый. Передъ этимъ стихійнымъ стремленіемъ къ широтѣ отодвигаются на второй планъ даже практическія задачи движенія въ народѣ. Революціонизировало ли движеніе одного или тысячи крестьянъ, это не имѣетъ существеннаго значенія для главной его особенности.

Далѣе движеніе, начавшееся страстною борьбою направленій, съ теченіемъ времени дѣлается все болѣе и болѣе цѣльнымъ. Мало-по-малу создается такая общность стремленій и интересовъ, что участники движенія связываются узами, болѣе крѣпкими, чѣмъ налагаемая семьею, родствомъ и пр. Содѣйствіе и помощь были обезпечены всякому, кто докажетъ, что онъ членъ одного изъ революціонныхъ кружковъ. Революціонная молодежь, ожесточенно ломавшая копья изъ-за незначительныхъ отбѣнокъ направленія, если не сознательно, то инстинктивно признавала, что она составляетъ нѣчто единое, цѣльное. Это между прочимъ видно изъ отношеній ея къ идеямъ, не входящимъ необходимо въ кругъ ея революціоннаго міросозерцанія. вмѣсто прежняго принципиальнаго ихъ отрицанія все болѣе и болѣе появляется тактическая ихъ оцѣнка, т. е. выгода или невыгода для того цѣлага, къ которому считаетъ себя принадлежащимъ каждый молодой революціонеръ. Мы уже видѣли, что при оцѣнкѣ царевубійства на первый планъ было выдвинуто несоотвѣтствіе этого акта съ интересами движенія, какъ чего-то цѣльнаго. Точно также перемѣнилось отношеніе революціонеровъ и къ конституціонной формѣ государственнаго быта. Прежде конституція отрицалась принципиально, теперь-же преобладала тактическая точка зрѣнія. Говорилось, что конституція, обнародованная въ настоящее время, могла-бы отвлечь отъ начинающаго сплачиваться движенія много еще недостаточно окрѣпшихъ силъ, которыя, увлекаясь перспективой открытой, легальной дѣятельности, отказались-бы отъ крайнихъ взглядовъ въ пользу болѣе умѣренныхъ.

Это начинавшее себя сознавать цѣлое противопоставлялось правительству. Слухи о произведенныхъ отдѣльныхъ арестахъ все чаще и чаще вызвали со стороны революціонеровъ реплики, что необходимо дать отпоръ правительству. Въ чемъ именно долженъ былъ состоять отпоръ, это еще не было ясно большинству, но очевидно, что подразумевались протестъ, мессъ и т. п. Еще не настало время для террора, какъ системы—прежде необходимо было испытать свои силы въ народѣ. Послѣ-же арестнаго погрома, коснушагося тысячъ молодежи, скоро возникъ вопросъ и о послѣдовательной террористической дѣятельности.

Если ко всему сказанному прибавить, что движеніе, съ учрежденіемъ кассы, сдѣлало первый опытъ организациі всей революціонной молодежи, то не трудно найти имя тому единому или цѣлому, принадлежность къ которому чувствовалась всѣми.—Это не что иное, какъ партія.

Первымъ во всеуслышаніе произнесъ слово «партія» Мышкинъ въ знаменитой своей рѣчи, произнесенной на судѣ. Онъ доказалъ, что «кучка» людей, стремившихся разрушить существующій строй, составляетъ соціально-революціонную партію. Движеніе именно и создало эту партію, хотя еще и не организованную, но имѣющую всѣ признаки таковой.

Мышкинъ имѣлъ предусмотрительность назвать партію не анархической, какъ казалось-бы слѣдовало, а соціально-революціонной. Очевидно онъ допускалъ или даже можетъ быть предвидѣлъ, что программа партіи должна время отъ времени въ извѣстныхъ предѣлахъ измѣняться, но главный ея признакъ—соціально-революціонный характеръ останется неизмѣннымъ. Другими словами, Мышкинъ сказалъ, что крайнія русскія партіи должны быть въ одно и тоже время и соціалистическими и революціонными, и стремиться не къ политической только, а къ соціальной революціи. Подъ понятіе, которое онъ соединялъ со словами «соціально-революціонная», одинаково подходятъ всѣ послѣдующія революціонныя партіи въ Россіи: «Земля и Воля», «Народная Воля», «Народное Право» и современныя партіи «Соціалъ-демократовъ» и «Соціалистовъ-революціонеровъ». Начатки всѣхъ этихъ партій можно, при внимательномъ анализѣ, найти въ движеніи 70-хъ годовъ. Время этого движенія было какъ-бы апостольскимъ періодомъ русской революціи. Всѣ послѣдующія партіи охотно выводили свое происхожденіе отъ первыхъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, считая только своихъ adeptовъ истинными ихъ послѣдователями и истолкователями.

Близорукія власти, а вслѣдъ за ними столь-же близорукіе обыватели, не понимая историческаго значенія движенія семидесятыхъ годовъ, думали, что посредствомъ многочисленныхъ арестовъ 1874 г., носившихъ характеръ погрома, они выловили всѣхъ революціонеровъ и убили одухотворявшую ихъ идею, но самое большее, что они могли сдѣлать—это потушить яркое пламя, пепель-же продолжалъ тлѣть, и изъ него скоро съ такою-же, если не большею силою разгорѣлось въ 1876 г. новое движеніе, не прекращавшееся вплоть до 80-хъ годовъ.

Еще въ началѣ движенія неучаствовавшей въ немъ по независимымъ причинамъ Натансонъ въ одномъ изъ перехваченныхъ писемъ выразилъ такія пожеланія.

«Самая ссылка вообще мнѣ нисколько какъ-то не занимаетъ, я все думаю о той подготовкѣ, которую я долженъ дать себѣ въ ссылкѣ, подготовку такую, чтобы, куда-бы ни забросила меня судьба, я могъ-бы высоко держать знамя народнаго дѣла. Я убѣждаюсь..... что всего страшнѣе, что полной системы или катехизиса совершенно пока еще нѣтъ у народной партіи, что о народѣ мож-

но пока сказать только—напрасно пророка о тѣни онъ просить. И такъ задача подготовки выясняется: собрать всѣ отдѣльныя защиты народнаго дѣла, всѣ отрывки, и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, въ нѣчто такое, что дало-бы партіи отвѣтъ на всѣ вопросы, возникающіе у личности.... Просьба: всѣми силами старайся, чтобы друзья (чайковцы) не разбрелись».

Въ этомъ письмѣ виденъ еще ссыльный теоретикъ, силою обстоятельствъ вынуждаемый думать о подготовкѣ личности, но тѣмъ не менѣе, даже оставаясь на этой «ссылной» точкѣ зрѣнія, Натансонъ согласился бы вскорѣ потомъ, напр. къ веснѣ 1874 г., что партія имѣетъ «полную систему», и что всѣ отдѣльныя защиты народнаго дѣла и т. д. не только собраны, но и положены въ основу революціонной программы партіи. Приведенное письмо Натансона, если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя преувеличенія, неизбѣжныя въ ссылкѣ, даетъ возможность, при сопоставленіи его съ послѣдующею дѣйствительностью, составить ясное понятіе о крупныхъ успѣхахъ движенія за очень короткое время.

XII.

Дѣятельность въ народѣ и ея результаты.

Весною 1874 г. молодежь, принявшая программу движенія, отправлялась по желѣзнымъ дорогамъ изъ центровъ въ провинцію. У каждаго молодого человѣка можно было найти въ карманѣ или за голенищемъ фальшивый паспортъ на имя какого нибудь крестьянина или мѣщанина, а въ узелкѣ—поддевку и вообще крестьянскую одежду, если она уже не была на плечахъ пассажира, и нѣсколько революціонныхъ книгъ и брошюръ.

Изъ Петербурга революціонеры двинулись одни на родину или мѣста, гдѣ у нихъ имѣлись какія нибудь случайныя связи, другіе—большинство—на Волгу, гдѣ они ожидали найти наиболѣе благоприятную почву для революціонной дѣятельности, третьи—меньшая часть—направились на югъ, преимущественно въ Кіевъ, четвертые, наконецъ, считали нужнымъ предварительно заѣхать въ разные губернскіе города, гдѣ имѣлись революціонные кружки, съ которыми предполагалось установить связи, или представлялся какой нибудь случай для пропаганды. Чайковцы въ большинствѣ избрали первый путь, кружки Ковалика и частью Лермонтова отправились въ Поволжье, причѣмъ часть членовъ заѣзжали въ Пензу, кружокъ Каблица направился въ Кіевъ и т. д. Нѣсколько пропагандистовъ поѣхали въ отдаленный Оренбургскій Край (Голоушевцы) на мѣсто своей родины. Изъ Кіева и Одессы пропагандисты разбрелись по югу Россіи преимущественно по губерніямъ: Кіевской, Подольской и Екатеринославской и доходили даже до Крыма. Нѣкоторые направились въ Полтавскую и Черниговскую губернію, гдѣ въ Конопскомъ уѣздѣ основались братья Жебуневы. Муравскій звалъ

Голоушевцевъ даже въ Сибирь, предвѣщая имъ тамъ полный успѣхъ, но они не рѣшились забираться такъ далеко. На этотъ разъ, т. е. въ 1874 г. Сибирь осталась внѣ вліянія пропагандистовъ. Этотъ пробѣлъ былъ пополненъ уже тогда, когда она была наводнена ссыльными. Не даромъ Веревокина, отказавшись наотрѣзъ отъ предложенія Муравскаго, писала: «здѣсь мы нужнѣе, а тамъ мы еще будемъ». Точно также никто кромѣ Данилова, дѣйствовавшего особнякомъ, не отправился къ сектантамъ. Вопросъ о значеніи сектъ не разъ возбуждался на собраніяхъ, но не получилъ опредѣленнаго рѣшенія. Сторонники дѣятельности въ средѣ сектантовъ встрѣтили противодѣйствіе въ естественномъ предпочтеніи, оказываемомъ революціонерами широкой работѣ въ средѣ крестьянства вообще передъ узкой и односторонней пропагандой сектантамъ. Также не имѣли успѣха сторонники дѣятельности среди военныхъ; революціонеры считали болѣе цѣлесообразнымъ дѣйствовать на массы, полагая, что когда возстанетъ весь народъ, то и войска пойдутъ за нимъ.

Такимъ образомъ лѣтомъ 1874 года революціонеры разсыпались по всему обширному пространству Европейской Россіи, за исключеніемъ Кавказа и самыхъ сѣверныхъ губерній. Работа въ народъ, какъ и самое начало движенія, оставалась неизвѣстной обществу до времени крупныхъ арестовъ. Посторонній глазъ не замѣчалъ революціонеровъ въ селахъ такъ-же, какъ мы не замѣчаемъ отдѣльныхъ муравьевъ, снующихъ по разнымъ направленіямъ въ лѣсу, пока не наткнемся на муравейникъ.

Первою заботою революціонеровъ, двинувшихся въ народъ, было пріисканіе такихъ пунктовъ въ районѣ будущей ихъ дѣятельности, въ которыхъ можно было бы поселиться (осѣдлые пропагандисты) или изъ которыхъ можно было совершать экскурсіи въ народъ (летучіе пропагандисты). Многіе сравнительно легко находили такіе пункты въ домахъ родныхъ или знакомыхъ, чаще всего въ помѣщичьихъ усадьбахъ, квартирахъ учителей и медицинскаго персонала и т. п. Кто не могъ устроиться самъ, тому помогали другіе посредствомъ рекомендательныхъ писемъ и всякими вообще способами. Кружки устраивали съ этой цѣлью кузницы и другія мастерскія, или же пользовались квартирами распропагандированныхъ рабочихъ, переселившихся въ свои деревни для пропаганды. Такъ напр. двое рабочихъ отправились, по настоянію Жебуневыхъ, на свою родину въ Курскую губернію, одинъ рабочій, подъ вліяніемъ кружка Ковалика въ Ярославскую губернію и т. д. Практической умъ Войнаральскаго подсказалъ ему, что «пункты» имѣютъ большое значеніе для развитія въ народѣ революціонной дѣятельности. Онъ увлекался планомъ устройства такихъ пунктовъ по извѣстной системѣ на всемъ обширномъ пространствѣ Россіи и приступилъ къ практическому осуществленію этого плана въ районѣ Поволжья. Владѣя сѣтью пунктовъ, революціонеры, по мнѣнію Войнаральскаго, имѣли-бы возможность приступить къ устройству областной организаціи крестьянъ.

Главнымъ пунктомъ въ Поволжѣ Войнаральскій избралъ Саватовъ, гдѣ на его средства открыта была сапожная мастерская съ настоящимъ сапожникомъ (Пельконеномъ) во главѣ. Въ этой мастерской находился между прочимъ складъ изданій типографіи Мышкина и собраніе фальшивыхъ печатей и паспортовъ. Въ предполагаемую сѣть пунктовъ Войнаральскому удалось ввести нѣсколько постоянныхъ дворовъ и частныхъ домовъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Особенно удачна была въ этомъ отношеніи дѣятельность Войнаральскаго въ Самарской губерніи. На первое время пункты, устроенные Войнаральскимъ и другими дѣятелями, имѣли значеніе въ смыслѣ притоновъ, въ которыхъ могъ останавливаться каждый революціонеръ по пути въ народъ. Въ то же время они облегчали переписку и всякія вообще сношенія между революціонерами. Повышенное настроеніе, въ которомъ главнымъ образомъ черпали свои силы пионеры русской революціи, требовало общенія ихъ между собою и могло поддерживаться только общеніемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда пропагандисты забирались въ глушь и временно были отрѣзаны отъ остального міра, дѣятельность ихъ замѣтно ослабѣвала и оживлялась послѣ свиданія съ лицами, вновь прибывшими изъ центровъ. Такъ было между прочимъ съ людьми, ужъ не юными, поселившимися въ Николаевскѣ Самарской губерніи. Послѣ пріѣзда къ нимъ свѣжихъ людей началась усиленная съ ихъ стороны дѣятельность по пропагандѣ среди уголовныхъ арестантовъ¹⁾ и пр., какъ это видно изъ обвинительнаго акта. Отсюда слѣдуетъ заключить, что «пункты» имѣли въ первое время работы въ народѣ немаловажное значеніе для революціонеровъ. Впослѣдствіи пункты облегчили поимку революціонеровъ, но эта вредная для нихъ сторона пунктовъ была сравнительно менѣе важна и нисколько не опровергаетъ сказаннаго выше.

Какъ бы кто изъ революціонеровъ не смотрѣлъ на значеніе пропаганды, всѣ они въ большей или меньшей степени ею занимались. Одни изъ пропагандистовъ предпочитали проходить изъ села въ село по избранному ими болѣе или менѣе обширному району, другіе дѣйствовали набѣгами изъ занятыхъ ими позицій, третьи старались занять какое-либо опредѣленное положеніе въ деревнѣ, или проживали у лицъ, занимающихъ такое положеніе и кругъ своей дѣятельности ограничивали сравнительно небольшими предѣлами.

Первые два способа пропаганды по существу мало отличались другъ отъ друга—это такъ называемая летучая пропаганда. Этотъ

¹⁾ Въ подготовительномъ періодѣ на сходкахъ не поднималось вопросовъ о пропагандѣ между уголовными, но потомъ во время практической своей работы революціонеры въ отдѣльныхъ случаяхъ заводили сношенія съ уголовными, тоже съ своей точки зрѣнія отрицавшими существующій строй. Сношенія эти имѣли временный успѣхъ, уголовные какъ будто перерождались для новой жизни, но не надолго. Впослѣдствіи продолжительное сидѣнье въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ уголовными разочаровало оочнчательно политическихъ.

видъ пропаганды особенно привлекалъ молодежь своею относительною трудностью. Пропагандистъ все время находился въ напряженномъ состояніи: съ одной стороны онъ все время, проводимое среди незнакомыхъ крестьянъ, долженъ былъ настолько хорошо разыгрывать свою роль, чтобъ въ немъ не заподозрѣли переодѣтаго барина, съ другой ему приходилось проявлять большую находчивость, чтобы во всякомъ пустомъ разговорѣ найти подходящую почву для пропаганды. Для преодоленія всѣхъ этихъ трудностей необходимо было, независимо отъ большой увѣренности въ своихъ силахъ и способностяхъ, имѣть предварительное знакомство съ характеромъ и бытомъ народа. Этотъ способъ успѣшно практиковали Рогачевъ, Кравчинскій и Клеменсъ. Всѣ они, особенно Клеменсъ и Рогачевъ, проведенный въ народѣ около двухъ лѣтъ, считались знатоками народа. Къ этому же способу прибѣгали Войнаральскій, Брешковская, Стефановичъ, Коваликъ, Мокрѣвичъ и др.

Летучая пропаганда, по самому существу своему, не могла имѣть задачей не только послѣдовательнаго просвѣщенія народа, но и систематическаго его революціонизированія—она стремилась внести революціонное броженіе въ широкіе слои населенія. Пропагандистъ не считалъ потеряннымъ времени, если ему удавалось возбудить въ своихъ случайныхъ собесѣдникахъ—крестьянахъ или рабочихъ, какую нибудь отдѣльную революціонную мысль или даже только усилить существующее у нихъ недовольство своимъ положеніемъ. Съ этого положенія обыкновенно и начинались разговоры; отсюда легко было перейти къ эксплуатаціи крестьянъ помѣщиками, къ притѣсненіямъ купцовъ, къ злоупотребленіямъ чиновниковъ. Если всѣ эти стадіи бесѣды проходили удачно, то пропагандистъ переходилъ къ оцѣнкѣ верховной власти и доказывалъ, что она, въ лицѣ царя, является покровителемъ всѣхъ тѣхъ, кто угнетаетъ народъ. Въ результатѣ собесѣдники призывались къ самодѣятельности, къ борьбѣ всѣмъ міромъ съ кулаками, помѣщиками и чиновниками. Активные крестьяне, готовые стать въ ряды борцовъ, встрѣчались очень рѣдко. Чаше лица, съ которыми бесѣдовали пропагандисты, выражали свои пожеланія, болѣе или менѣе отвѣчавшія тому, что проповѣдывали пропагандисты, но на призывъ къ активной борьбѣ подавали реплики, свидѣтельствующія, что они лишь поддержать тѣхъ, кто начнетъ борьбу, причемъ одни ожидали начала отъ царя, другіе отъ революціонеровъ. Пропагандистъ считалъ себя вполне удовлетвореннымъ, если ему говорили: „начинайте, мы поддержимъ.“

Осѣдлая пропаганда велась также въ большинствѣ случаевъ лицами, не имѣющими опредѣленныхъ занятій. Пропагандистъ поселялся обыкновенно въ домѣ своихъ родныхъ или сочувствующихъ ему знакомыхъ. Сравнительно немногіе изъ осѣдлыхъ пропагандистовъ имѣли опредѣленную профессію, занимая должности учителей и фельдшеровъ. Къ осѣдлымъ пропагандистамъ слѣдуетъ присоединить также небольшое число учителей, не вошедшихъ окончательно въ революціонную партію, но сочувствовавшихъ ей и распространявшихъ между крестьянами революціонныя книги.

Осѣдлая пропаганда по существу своему должна была вестись болѣе осторожно и медленно, чѣмъ летучая. Пропагандистъ заводилъ знакомство среди ближайшихъ крестьянъ или рабочихъ, сперва какъ будто безъ опредѣленной цѣли, затѣмъ мало-по-малу начиналъ бесѣдовать съ ними на революціонныя темы и давать имъ для прочтенія или въ собственность разныя революціонныя книги. Эти послѣднія въ осѣдлой пропагандѣ играли гораздо большую роль, чѣмъ въ летучей. Кромѣ того осѣдлые пропагандисты не отказывались также отъ пропаганды среди лицъ, принадлежавшихъ къ сельской интеллигенціи.

Осѣдлые пропагандисты встрѣчались почти во всѣхъ кружкахъ. Особенно много встрѣчалось ихъ среди Чайковцевъ, Одесситовъ, въ Московскихъ кружкахъ, въ Пензенскомъ, Самарскомъ (мѣстномъ) и Оренбургскомъ. Общее число ихъ по всей вѣроятности было не меньше, чѣмъ летучихъ пропагандистовъ.

Между пропагандистами осѣдлыми и летучими существовала взаимная связь, такъ что одни до нѣкоторой степени дополняли другихъ. Мѣста осѣдлости перваго рода пропагандистовъ служили иногда «пунктами» для летучихъ пропагандистовъ. Отъ осѣдлыхъ эти послѣдніе нерѣдко получали свѣдѣнія о болѣе интересныхъ для нихъ селеніяхъ и отдѣльныхъ крестьянахъ.

На основаніи фактическихъ данныхъ невозможно опредѣлить относительное значеніе разсмотрѣнныхъ двухъ родовъ пропаганды. Но можно найти нѣкоторыя указанія на то, что первостепенное значеніе принадлежало летучей пропагандѣ. Въ обвинительномъ актѣ встрѣчаются часто факты изъ дѣятельности летучихъ пропагандистовъ. Этого нельзя объяснить только тѣмъ, что осѣдлая пропаганда, будучи по необходимости болѣе осторожной, оставила въ рукахъ жандармовъ менѣе слѣдовъ. Вслѣдствіе особенныхъ условій, въ которыхъ производилось дознаніе, оно напрягало всѣ усилія лишь къ тому, чтобы по найденнымъ ниткамъ размотать весь клубокъ, что въ большинствѣ случаевъ и удавалось. При взаимно перепутанныхъ отношеніяхъ летучихъ и осѣдлыхъ, одинаково легко раскрывалась дѣятельность тѣхъ и другихъ. Поэтому большее вниманіе со стороны слѣдственныхъ властей къ дѣятельности летучихъ пропагандистовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что они и на самомъ дѣлѣ совершили болѣе преступныхъ фактовъ, чѣмъ осѣдлые пропагандисты. Независимо отъ этихъ указаній полу-фактическаго характера, какъ самый подборъ дѣятелей, такъ и большая смѣлость, съ которой они, по обстоятельствамъ своего положенія, могли высказываться, должны были придать летучимъ пропагандистамъ болѣе важное значеніе, чѣмъ осѣдлымъ. Во всякомъ случаѣ именно они задавали тонъ движенія и дѣйствовали въ направленіи широты распространенія революціонныхъ идей—а эта широта и составляла главную отличительную черту движенія.

Еще труднѣе произвести общую оцѣнку результатовъ, достигнутыхъ пропагандистами въ народѣ. Безслѣдно пропаганда, конечно, не могла пройти, а между тѣмъ не существуетъ никакихъ

видимыхъ или матеріальныхъ слѣдовъ воздѣйствія ея на народъ. Сами участники пропаганды различно рѣшали этотъ вопросъ. Одни давали самый восторженный отзывъ объ успѣхахъ своей дѣятельности въ народѣ, другіе же видѣли въ ней сплошную неудачу. Это отразилось и въ перепискѣ, перехваченной жандармами и попавшей въ обвинительный актъ.

Веровочкина, членъ Оренбургскаго кружка, въ одномъ изъ своихъ писемъ сообщаетъ, что въ одно село она ходила «какъ бы за ягодами» и осталась, какъ отъ этого, такъ и отъ другого своего путешествія въ восторгѣ. «Книгъ мнѣ не надо, что касается ихъ чтенія, то онѣ расходятся крайне медленно, нѣтъ здѣсь не книги нужны! Людей-то больно мало, а то могло бы быть важное дѣло. Эхъ, кабы народу побольше!» Въ другомъ письмѣ Веровочкина рассказываетъ, что въ одномъ селѣ, принявшемъ ее сначала хорошо, потомъ распространился слухъ, что она колдунья— и называетъ это обстоятельство своей «неудачей».

Нужно замѣтить, что пропагаторская дѣятельность въ народѣ женщины, особенно молодой, представляла такія затрудненія, которыхъ не зналъ мужчина. Еще на сходкахъ нерѣдко поднимался этотъ вопросъ, но опредѣленнаго рѣшенія не было постановлено, большинство же, въ томъ числѣ и сами женщины склонялись къ тому мнѣнію, что и въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ нарушать равноправія—пусть тѣ изъ женщинъ, кто можетъ, идутъ въ народъ, какъ и мужчины, въ крестьянской одеждѣ и сами, какъ знаютъ, избѣгаютъ непріятностей, связанныхъ съ принадлежностью ихъ къ прекрасному полу. Въ виду этихъ особенныхъ трудностей для женщинъ, показанія ихъ въ смыслѣ благопріятномъ для ихъ дѣятельности имѣютъ особенное значеніе.

Брешковская вообще производила обаятельное впечатлѣніе на людей, съ которыми она встрѣчалась, и потому неудивительно, что крестьяне хорошо ее принимали. Путешествія свои она совершала съ Колѣнкиною и Стефановичемъ, котораго называла «сыномъ». По ея рассказамъ она была довольна результатами своихъ странствованій, продолжавшихся сравнительно долго—она успѣла побывать въ Бѣлозерѣ, Смѣлѣ и была затѣмъ арестована въ Тульчинѣ, гдѣ продолжала пропагандировать приставленнымъ къ ней стражникамъ изъ крестьянъ. Одною изъ нихъ она сумѣла убѣдить отправить въ Кіевъ «сыну» предупредительную телеграмму. Вѣра Рогачева также говорила о своей успѣшной дѣятельности въ народѣ. Въ дѣлѣ сохранился, наряду съ вышеприведенными, отзывъ женщины не только пессимистическаго характера, но прямо отрицательный. Это письмо Ободовской, въ которомъ она, не участвуя сама въ хожденіи въ народъ, указываетъ слабыя стороны движенія 70 годовъ. Содержаніе письма будетъ приведено ниже.

Никто изъ революціонеровъ не велъ такой обширной переписки, какъ Голоушевы, поэтому я снова воспользуюсь выдержками изъ ихъ перехваченныхъ писемъ.

Федоровичъ писалъ восторженно Веровочкиной, что сестры его,

которымъ онъ раньше послалъ книги и прокламаціи, превзошли его ожиданія и обѣщали ему помогать во всемъ. Такъ какъ письмо совпало съ временемъ хожденія его въ народъ, то, очевидно, онъ остался доволенъ результатами своихъ бесѣдъ съ крестьянами, оставшимися не безъ вліянія на тонъ письма.

Другой членъ того-же кружка Аронзонъ, болѣе пессимистически настроенный, видитъ всю неудачу пропаганды въ томъ, что крестьяне слушаютъ, но сами не пропагандируютъ слышаннаго. Совѣтуя Голоушеву бросить мысль о поступленіи на мѣсто учителя и, слѣдовательно, повидимому предпочитая летучую пропаганду, онъ пишетъ: «Ты самъ, какъ видно изъ твоего письма къ Орлову, жалуешься на неплодотворность твоей дѣятельности. Я могу тебѣ сказать, что всѣ жалуются на это. Бяха или Яй-Богу (Клеменсъ), съ которымъ я видѣлся на пароходѣ и съ которымъ долго бесѣдовалъ, тоже жалуется на это самое. Онъ говорилъ, что слушаютъ-то слушаютъ, но сами слышанное не распространяютъ, разговоры остаются разговорами. Глубоко въ грудь они не западаютъ, въ одно ухо вошло, въ другое вышло. Главная причина неплодотворности нашего дѣла заключается въ отсутствіи развитія со стороны угнетенныхъ и въ нашемъ общественномъ шалопайствѣ. Для того, чтобы дѣятельность наша была плодотворна, нужно развивать отдѣльныхъ личностей и бросить шалопайство. Этого достигнемъ помощью извѣстнаго тебѣ плана—поселиться въ деревнѣ и устроить прочную организацію. Этотъ планъ обѣщаетъ намъ, что не сгинемъ даромъ и бесполезно, личную безопасность и возможность во всю нашу жизнь дѣйствовать (конечно, если не торопиться и не вести дѣло сбухту барахту, а разумно)», замѣчаетъ Аронзонъ! Далѣе авторъ, понимая, что прочное поселеніе требуетъ средствъ, проектируетъ, по окончаніи курса въ академіи, поступить на мѣсто, скопить 3000 р. и тогда за дѣло!... Голоушеву-же онъ совѣтуетъ оставить на время дѣятельность, такъ какъ «за нами слѣдятъ».

Совѣтъ этотъ данъ слишкомъ поздно—въ рукахъ жандармеріи была ужъ нить клубка, которая скоро довела ее и до Оренбурга. Происхожденіе письма вѣроятно всего объяснить тѣмъ, что Клеменсъ, встрѣтивъ восторженнаго юношу, Аронзона, пытался его нѣсколько охладить и тотъ, серьезно задумавшись объ организаціи революціонеровъ, все, что слышалъ отъ Клеменса, собралъ какъ неоспоримое доказательство въ пользу переменъ плана дѣятельности. Отсюда и пессимизмъ автора, не мѣшавшій ему продолжать начатое дѣло распространенія движенія въ ширь. Въ дальнѣйшей эволюціи революціоннаго движенія оно, во время процвѣтанья «Земли и Воли» останавливалось на планѣ болѣе солиднаго поселенія въ народѣ, но думать объ этомъ въ 1874 г. было еще рано.

Приведу еще письмо извѣстнаго потомъ Данилова, который не вполне шелъ въ униссонъ съ движеніемъ и дѣйствовалъ независимо отъ какого-бы то ни было кружка.

«Въ этой-же (молоканской) деревнѣ (Воронцовкѣ) проживала одна барынька, ¹⁾ революционерка изрядная, я знавалъ ее еще въ Тифлисъ... Ну, разумѣется, когда я приѣхалъ, то первоначально разыскалъ барыньку, барынька моя довольна и въ восхищеніи отъ молоканъ. Народъ, дѣйствительно, порядочный, совершенно критически относится къ царю и правительству, а самое главное, что безъ вида безъ всякаго, только зарекомендовавъ себя въ ихъ пользу, или вѣрнѣе въ пользу вообще русскаго народа, можетъ и прожить и пропагандировать, что твоей душѣ угодно... Такимъ образомъ работалъ я по цѣлымъ недѣлямъ и въ воскресенье устраивалъ чтеніе революціонныхъ запрещенныхъ рассказовъ, хотя нужно отдать справедливость русской социальнo-революціонной партіи, книгъ подходящаго содержанія очень мало.... Народу собиравось душъ до 15—10, послѣ каждаго и во время чтенія поднимались разговоры, которые почти всегда поднималъ одинъ рыжій малый лѣтъ 40 фразою: «ну какъ-же мы все это устроимъ». Подъ этимъ «все» подразумѣвалось раздѣленіе земли и изгнаніе поповъ съ чинами и царемъ; и оканчивались подобные разговоры фразою кого нибудь изъ ребятъ: «это все такъ, да какъ его начинать, пусть молъ въ Россіи начнутъ, а мы ужъ поддержимъ»... Были и такіе, которые не находили возможнымъ обходиться безъ царя, и поднимались споры».

Письмо Данилова, хотя касается только сектанства, имѣетъ и общее значеніе. Особенно характерны слова, которыя приходилось слышать и многимъ другимъ пропагандистамъ: «пусть начнутъ, а мы поддержимъ».

Точно также дышать увѣренностью въ успѣхѣхъ отзывы лицъ, пытавшихся, послѣ первыхъ арестовъ, возстановить порванныя связи. Отзывы эти приведены будутъ ниже.

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше мнѣній самихъ дѣятелей о ходѣ ихъ работы въ народѣ, видно, что въ большинствѣ случаевъ они увѣрены въ успѣшности ея. Обвинитель, несмотря на видимое его желаніе остановиться на пессимистическихъ отзывахъ, не могъ собрать ихъ въ сколько нибудь значительномъ количествѣ.

Двойственность мнѣній происходитъ главнымъ образомъ потому, что оцѣнка производится съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Одни ищутъ матеріальныхъ слѣдовъ работы,—какъ то организаціи крестьянскихъ группъ, бунтовъ и другихъ проявленій недовольства и т. п. И не находятъ ихъ. Поэтому они склонны думать, что движеніе 70 годовъ было безрезультатно. Другіе смыслъ движенія видятъ въ броженіи, которое оно вноситъ всюду, куда проникаетъ. Съ ихъ точки зрѣнія интеллигенція это ферментъ, вызывающій извѣстный процессъ не только въ средѣ интеллигентной молодежи, но и въ народѣ. Ферментъ, казалось этой части дѣятелей

¹⁾ Марья Александровна Шавердова, бывшая учительница женскаго института въ Тифлисъ. Она была уволена за „дурную репутацію“ въ нравственномъ отношеніи, выразившуюся главнымъ образомъ въ томъ, что она внушала воспитанницамъ мысль ѣхать для дальнѣйшаго образованія въ Цюрихъ, что нѣкоторые и исполнили.

лей, произвелъ свое дѣйствіе, процессъ броженія въ народѣ чувствовался ими, и потому они находили, что не даромъ потеряли свое время.

Каждый по своему оцѣниваетъ, полезно или вредно данное явленіе. Только въ рѣдкихъ случаяхъ оно оцѣнивается одинаково всѣми мыслящими людьми. Еще меньше объективности допускаетъ сужденіе о томъ, соотвѣтствуютъ ли принесенныя жертвы достигнутымъ результатамъ. Самая частая ошибка, въ которую впадаютъ люди при оцѣнкѣ какого-нибудь крупнаго современнаго имъ явленія, состоитъ въ томъ, что они разсѣкаютъ исторію въ произвольномъ мѣстѣ и по одной части явленія (въ мѣстѣ сѣченія) судятъ о цѣломъ. Сила, торжествующая въ моментъ, на которомъ произведено сѣченіе, обыкновенно при этомъ преувеличивается, а сила, временно ослабѣвшая, умалется. Такъ, если разсѣчь движеніе 70 годовъ въ моментъ, когда революціонеры потерпѣли поражение и были почти всѣ засажены въ тюрьмы, то легко прійти къ заключенію о его ничтожествѣ. Наоборотъ тѣ, которые захотятъ разсѣчь его въ моментъ новаго оживленія, напр. въ 1876 г., склонны будутъ признать ничтожными аресты, а не самое движеніе. Однажды, когда участники процесса 193 сидѣли въ Домѣ предварительнаго заключенія, ими получены были съ воли одновременно двѣ записки. одна отъ человѣка, принимавшаго участіе въ движеніи 73—4 годовъ и потомъ отставшаго, другая отъ Мачтета, стоявшаго близко къ возродившимся дѣятелямъ революціи въ 1876 году. Авторъ первой записки, знаяшій только провалъ революціонеровъ въ 1874 г., пѣлъ отходную движенію; наоборотъ авторъ второй записки, наблюдавшій исторію революціонной дѣятельности въ моментъ наибольшаго подъема волны 1876 года, въ самыхъ восторженныхъ словахъ говорилъ объ успѣхахъ всего движенія вообще и современнаго ему въ особенности.

Ободовская, очевидно, наблюдала исторію въ моментъ ослабленія движенія. Въ одномъ изъ перехваченныхъ писемъ она разсуждаетъ такимъ образомъ:

«Тяжело то другъ, что большинство личностей, несмотря на единичные и серіозные ошибки и провалы, несмотря на множество поучительныхъ для себя фактовъ, не становятся искренними, прямыми, безпристрастными аналитиками всего происшедшаго въ этотъ годъ; никто почти не сводитъ серьезно счетовъ съ собою и съ тѣмъ общимъ цѣлымъ въ его содержаніи и формахъ, которое успѣло достаточно выразиться и характеризоваться крайне грустно, даже мрачно... Не принимая сама непосредственнаго участія въ попыточной практикѣ, я тѣмъ не менѣе наблюдала и переживала цѣлое въ его частностяхъ, простыхъ и болѣе сложныхъ, которыми оно разрѣшалось отъ поры до времени; изъ нихъ я составила понятіе о тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ теперь народное дѣло и вижу я—живого намъ дѣла теперь нѣтъ даже въ живомъ зародышѣ.... Наши пропагандисты пропорхнули по Руси и нигдѣ не пристроились, потому вишь, что все имъ мѣ-

етности попадались неблагодарныя; имъ приходилось отказаться отъ прежней сладкой надежды, что ничего не дѣлая, живя на чужой счетъ, ведя праздную жизнь въ средѣ рабочаго люда, они могутъ дѣлать что либо нужное... Вотъ и не выходили они себѣ ничего со своими особыми, несвоевременными требованіями.... Тысячи истратили они на свои демократо-туристскія странствованія, анархисты-же главнымъ образомъ занялись организаціей провинціального юношества для немедленнаго поднятія революціи... Теперь-же народъ не знаютъ и а priori рѣшаютъ: писать книжки нужно, а о чемъ не знаютъ... они думаютъ отдуваться книжками ¹⁾, сочиняемыми ими, которые болѣе мечтаютъ о народѣ, чѣмъ знаютъ его. Запасшись ими, набаловавшись мастерскими одинъ, два мѣсяца, они отправятся на дѣло. Опять начинается старая пѣсня. Всѣ страшные провалы, кои были до сихъ поръ, не научили, какъ видно, ничему товарищей нашихъ. Провалъ прокламаціониствъ, провалъ съ рабочими фабричными и заводскими, провалъ съ крестьянами въ Ярославской губерніи—ничего не указали... Московскій погромъ: Войнаральскій нашель типографію, которая взялась печатать нецензурныя вещи (типографія Мышкина), тюки съ книгами пересылались въ Саратовъ, одинъ попался, съ этого началось дѣло... въ Москвѣ арестованы двѣ Лебедевы, Дубенскіе братья и сестра, пять наборщицъ... (какъ гласятъ слухи, еще арестованъ Войнар. бар. и Варя, давно уже (собственно почти одновременно съ Войнаральскимъ) взятъ Коваликъ въ Самарѣ... въ Питерѣ пока тихо—ждемъ)».

Ободовская совершенно не представляетъ себѣ, что движеніе, будучи по природѣ стихійнымъ, могло быть только убито, если бы главнѣйшіе дѣятели его стали аналитиками. Нужно замѣтить, что во время написанія приведеннаго письма, Ободовская ²⁾ стала уже отходить отъ движенія, пессимистическій же ея тонъ по всей вѣроятности объясняется тѣмъ, что она готовилась быть матерью.

Продолжая разсужденіе начатое выше, считаю нужнымъ замѣтить, что я совершенно отказываюсь отъ оцѣнки движенія съ точки зрѣнія его полезности или вредности. Для моей цѣли совершенно достаточно, разсмотрѣвъ все движеніе въ совокупности, безъ произвольнаго расцѣненія его въ томъ или другомъ мѣстѣ, показать связь его съ послѣдующими движеніями и произвести качественную его оцѣнку, что уже отчасти и сдѣлано въ предъидущихъ главахъ. Въ нихъ было выяснено, что движеніе создало партію, продолжающую, подъ разными наименованіями, существо-

¹⁾ Такого теченія рѣшительно не было: напротивъ все время чувствовался недостатокъ въ книгахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и Даниловъ.

²⁾ Даже Ободовская, доходившая до полнаго отрицанія движенія въ народъ, не упоминаетъ о случаяхъ поимки крестьянами пропагандистовъ и выдачи ихъ властямъ. Очевидно такіе случаи, если и имѣли мѣсто, были очень рѣдки. Между тѣмъ прокуратура и жандармы, производившіе дознанія по политическимъ дѣламъ, создали легенду, что крестьяне сами переловили чуть не всѣхъ революціонеровъ.

вать и доннѣ. Партія стремится все время связать свою судьбу съ судьбою народа вообще и рабочихъ въ частности, но первую брешь въ стѣнѣ, раздѣлявшей народъ отъ интеллигенціи пробило несомнѣнно стремительное движеніе молодежи въ 1874 году въ народъ. До этого времени казалось невозможнымъ найти точки соприкосновения между двумя столь различными средами. Молодежь сдѣлала отчаянное усиліе, перерядившись въ народные костюмы, сблизиться, чего-бы это ей ни стоило, съ народомъ. Въ результатѣ ничего эффектнаго не произошло, но первая тропинка была положена, по временамъ она могла болѣе или менѣе заростать, но не окончательно заглухнуть. Подъ вліяніемъ броженія, сѣмя котораго было брошено въ народъ въ 1874 г., въ средѣ не только рабочихъ, но и крестьянства стали все чаще и чаще появляться лица, искавшія помощи интеллигенціи въ разрѣшеніи разныхъ вопросовъ, касающихся изъ жизни. Поэтому интеллигенту все рѣже и рѣже приходилось прибѣгать къ передѣванію и наконецъ онъ сталъ появляться въ народѣ въ европейскомъ костюмѣ. Въ этомъ направленіи, собственно говоря, дѣйствовали всѣ историческія условія жизни русскаго народа, но далеко не послѣднюю роль играло и самоотверженное, граничащее съ подвигомъ, вторженіе въ народную среду интеллигентной молодежи въ 1874 году. Силу и значенія движенія нельзя измѣрять числомъ сознательныхъ рабочихъ и крестьянъ, воспитанныхъ имъ. Это число, ничтожное вначалѣ, растеть чрезвычайно медленно и только чрезъ значительный промежутокъ времени достигаетъ такого размѣра, что удивленные современники задаютъ вопросъ, откуда взялись сознательные элементы? Многіе просмотрѣли такимъ образомъ ростъ сознанія въ рабочей средѣ и готовы просмотрѣть тоже по отношенію къ крестьянамъ. Между тѣмъ современное освободительное движеніе выдвинуло значительный контингентъ сознательныхъ крестьянъ. Откуда они взялись? Не слѣдуетъ-ли въ этомъ признать виновнымъ, хотя отчасти, движеніе 70-хъ годовъ? Гдѣ нужно искать объясненія сильнаго аграрнаго движенія въ Саратовской и другихъ приволжскихъ губерніяхъ, въ традиціяхъ-ли только Стеньки Разина, или хотя немножко и въ томъ обстоятельстве, что агитаторы въ 1874 году прежде всего бросились туда? Поставить означенные вопросы значитъ разрѣшить ихъ. Заслуживаетъ-ли движеніе 70-хъ годовъ одобренія или проклятія, во всякомъ случаѣ оно оказало извѣстное и при томъ не малое вліяніе на современное положеніе дѣлъ въ крестьянствѣ и рабочей средѣ. Пусть кинематографъ жизни не записалъ результатовъ этого вліянія въ видѣ какихъ-нибудь выпуклыхъ явленій или крупныхъ фактовъ—онъ и не могъ этого сдѣлать, потому что внѣшнія формы, въ которыхъ складывается жизнь народа, не измѣнились по существу—перемѣна произошла только въ способахъ воздѣйствія на народъ и въ степени сознательности лучшихъ его представителей.

XIII.

Арестъ революціонеровъ и попытка ихъ возобновить прерванную дѣятельность.

Аресты лицъ, принимавшихъ участіе въ движеніи, начались очень рано. Еще въ ноябрѣ 1873 г. былъ арестованъ въ Петербургѣ Синегубъ и затѣмъ Тихомировъ, Стаховскій и др. Первоначальные аресты не дали властямъ матеріала для раскрытія всего хода движенія. Началомъ настоящаго погрома слѣдуетъ признать арестъ обитателей Саратовской сапожной мастерской. Здѣсь кромѣ главнаго мастера Пельконена были арестованы сестры Прушакевичъ, Юлія и Елена, Бладзевичи, братъ и сестра, Лемени—Македонъ и Андрей Кулябко, остальные скрылись. Въ мастерской найденъ складъ изданій Мышкина, которыя здѣсь брошюровались, и фальшивые паспорта—это былъ уже настоящій трофей. Здѣсь власти нашли нить, по которой постепенно добрались и до многихъ другихъ дѣятелей, замѣшанныхъ въ революціонной пропагандѣ.

Отобранные во время обысковъ записки и адреса, перехваченныя на почтѣ письма и откровенныя показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей, а частью и самихъ обвиняемыхъ, дали возможность властямъ въ сравнительно короткое время раскрыть всѣ главнѣйшіе кружки—оставалось только перехватать членовъ ихъ, разсыпавшихся по широкому пространству Европейской Россіи. Сообразивъ, что въ пропагандѣ замѣшано много лицъ, связанныхъ чѣмъ-то другъ съ другомъ, правительство въ самомъ началѣ сосредоточило все дознаніе о преступной дѣятельности революціонеровъ въ рукахъ начальника Московскаго жандармскаго управленія генерала Слезкина и прокурора Саратовской судебной палаты Жихарева. Въ ихъ распоряженіи не было Лекоковъ, но халатность и отсутствіе конспиративности у молодыхъ революціонеровъ вполне соотвѣтствовали патріархальному состоянію сыска того времени, и давали возможность производителямъ дознанія,—разъ уже дѣло началось,—раскрыть очень много изъ революціонной дѣятельности. Большую помощь въ этомъ отношеніи оказали первобытные шифры, которыми малоопытные люди записывали въ свои памятные книжки адреса и вообще вели всякую переписку. Ключомъ къ шифру большею частью служилъ подборъ нѣсколько такихъ словъ (иногда краткихъ стихотвореній), въ которыхъ заключались всѣ буквы алфавита. Каждая буква письма изображалась двумя цифрами, первая показывала номеръ по порядку слова въ ключѣ, вторая—мѣсто данной буквы въ словѣ. Вслѣдствіе короткости ключа, буквы изображались почти всегда одною и тою-же парюю цифръ, что облегчало разборъ шифра даже въ случаѣ незнанія ключа. Такъ называемый Гамбетовскій буквенный шифръ, нѣсколько болѣе-обезпечивающій тайну переписки, еще не былъ тогда въ употребленіи. Но и несовершенный цифровой шифръ примѣнялся часто

крайне неумѣло: то зашифровывались только отдѣльныя слова, то въ сплошь зашифрованномъ письмѣ разставлялись, по всѣмъ требованіямъ грамматики, знаки препинанія. Поэтому стоило только угадать одно слово, и весь шифръ легко разбирался. Узнавъ такимъ образомъ ключъ, можно было свободно прочитывать всѣ перехваченныя потомъ письма, писанныя этимъ ключомъ. Изъ лицъ, производившихъ дознаніе, прославился, или, можетъ быть, вѣрнѣе, прославилъ себя умѣніемъ разбирать шифры одинъ изъ товарищей прокурора, хотя каждый волостной писарь сумѣлъ бы сдѣлать то-же самое.

Въ самый разгаръ арестовъ уцѣлѣвшіе—«здоровые» какъ иногда называли ихъ въ отличіе отъ «больныхъ», т. е. арестованныхъ—агитаторы, преслѣдуемые по пятамъ, пытались возстановить разрушенныя организациі, что имъ часто и удавалось на время. Въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе свирѣпствовали аресты—въ Саратовѣ и Самарѣ появлялись Войнаральскій, Рогачевъ, Коваликъ и Паевскій и пытались связать уцѣлѣвшихъ въ новыя организациі. Обвинительный актъ даетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторый матеріалъ. Такъ вскорѣ послѣ Саратовскаго погрома Паевскій писалъ Ковалику: «Лукашевичъ (нелегальная фамилія, которую носилъ Коваликъ)! Дѣла въ Саратовѣ очень хороши. Мѣстныя туземныя силы соединяются въ организацию. Семинаристы (признаться народъ не больно серьезный), сельскіе учителя и гимназисты вошли въ одинъ кружокъ (разъѣхались) и оставили при агентурѣ своего представителя. Есть нѣсколько ночлеговъ и одинъ притонъ въ горахъ; на Большегорской улицѣ—далѣе сообщался адресъ.—Организациія страдаетъ недостаткомъ денегъ и не имѣетъ вовсе сношеній съ рабочими». Рогачевъ писалъ о томъ-же Войнаральскому, удостовѣряя и съ своей стороны, что дѣла идутъ хорошо, но при этомъ прибавлялъ, что заведены сношенія съ рабочими.

Въ другихъ центрахъ, Самарѣ, Кіевѣ и пр. дѣлалось то же самое. Уцѣлѣвшій изъ Самарскаго кружка Остеликинъ, при участіи Войнаральскаго и Ковалика, пытался возобновить дѣло, но скоро, должно быть въ началѣ іюля, былъ арестованъ вмѣстѣ съ Коваликомъ. Войнаральскій не задолго до своего ареста, въ іюлѣ, писалъ изъ Самары: «обыски прошли благополучно, паники нѣтъ, дѣла идутъ хорошо (въ другомъ письмѣ «великолѣпно»), недостатокъ лишь въ деньгахъ, въ Сызранскомъ и Корсунскомъ уѣздахъ (куда Войнаральскій ходилъ по указанію плотниковъ, которымъ ранѣе пропагандировалъ) я ходилъ, настроеніе отличное, завелъ у крестьянъ два нашихъ пункта... Въ книгахъ страшный недостатокъ и отъ крестьянъ большой на нихъ спросъ». Во время своего путешествія вмѣстѣ съ Надеждою Юргенсонъ по Ставропольскому уѣзду, Войнаральскій между прочимъ на одной городской квартирѣ велъ революціонныя бесѣды съ приходившими къ нему крестьянами. Узнавъ объ этомъ отъ крестьянъ, сельскій староста деревни Грязнухи заарестовалъ потомъ Войнаральскаго и Юргенсонъ, но приставленная стража бросила ихъ на произволь судьбы

и они свободно ушли. Потомъ при арестѣ Войнаральскаго, вскорѣ послѣ этого событія, у него найдена была записка, которую онъ приготовилъ было для отсылки во время своего ареста въ селѣ. Въ ней Войнаральскій писалъ: «Деревня Грязнуха, Ставропольскаго уѣзда. Сейчасъ меня арестовали: убѣдительно прошу Каменскаго (въ Пензѣ) и другихъ, всѣ мои деньги употребить на народное дѣло и выдавать тому, кто предъявитъ этотъ шифръ. Это мое послѣднее завѣщаніе. Работайте-же энергичнѣе по нашему дѣлу! Другъ Порфирій 21 іюля 1874 г.»

Понятно, что при такой энергіи и самоотверженности, которыя проявляли травимые агитаторы, имъ удавалось заваривать новую кашу, привлекая къ революціонной работѣ не только уцѣлѣвшихъ революціонеровъ, но и новыхъ людей, которые до того не успѣли еще опредѣлить своего отношенія къ движенію.

Само собою разумѣется, что новыя организациі проваливались еще скорѣе, чѣмъ старыя. Жандармерія уже имѣла въ своихъ рукахъ ключи къ шифрамъ, которыми продолжали переписываться революціонеры. Кромѣ того, нѣкоторые изъ лицъ, вошедшихъ въ новую организацию, были уже отмѣчены, какъ неблагонадежные. Очевидно, этотъ второй, меньшій клубокъ распутать было еще легче, чѣмъ первый. Правда, конспиративность въ этотъ арестный періодъ революціонной дѣятельности нѣсколько увеличилась, но уже не могла спасти новыя организациі, скомпрометированныя раньше, чѣмъ онѣ выступили на сцену. Кромѣ того сыскъ началъ также совершенствоваться—стали появляться «сознательные», если можно такъ выразиться, предатели. Саратовскую организацию предалъ рабочій Меркуловъ, кievскую—нѣкій Курицынъ. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но чаще всего спасала революціонеровъ не конспиративность и осторожность, а напротивъ, подвижность и смѣлость, доходившая иногда до дерзости. Между прочимъ, благодаря этимъ послѣднимъ качествамъ, малоконспиративный кievскій кружокъ сохранился дольше, чѣмъ организованный по всѣмъ правиламъ искусства одесскій кружокъ.

Если сопоставить все, что намъ извѣстно о дѣятельности революціонеровъ 70-хъ годовъ, то получится своеобразная система, болѣе или менѣе согласованная въ частяхъ, и вполне цѣлесообразная и отвѣчающая условіямъ дѣйствительности. Выхватывая какую нибудь часть изъ этой системы, легко подвергнуть ее критикѣ и осудить. Такую частичную критику можно нерѣдко услышать не только отъ людей постороннихъ движенію, но и отъ нѣкоторыхъ участниковъ, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Ободовской. Съ перваго взгляда кажется неоспоримымъ, что несовершенная организациі кружковъ не могла обезпечить сколько нибудь продолжительнаго ихъ существованія, что пойти на каторгу за нѣсколько книжекъ или словъ, сказанныхъ крестьянамъ—слишкомъ большая жертва, не окупающаяся достигнутыми результатами, и т. п., но все это будетъ частичная критика, производимая безотносительно къ условіямъ времени и мѣста. Взятая въ совокуп-

ности система семидесятниковъ такъ же хорошо отвѣчала условіямъ времени, какъ и всѣ послѣдующія организаціи, начиная отъ строго централистической Народной Воли и кончая современными социалистами-революціонерами и социаль-демократами. Недостатки организаціи вполнѣ соотвѣтствовали несовершенствамъ сыска, а страстность и доходящая до подвиговъ самоотверженности, съ которыми интеллигенція бросилась въ народъ, представлялась единственнымъ и вполнѣ цѣлесообразнымъ средствомъ для того, чтобы пробить брешь въ китайской стѣнѣ, отграничивавшей народъ отъ культурныхъ слоевъ.

Починка сѣти революціонной организаціи продолжалась до осени 1874 года. Къ этому приблизительно времени были переловлены не только большинство революціонеровъ перваго періода (1873—1874 г.), но и ихъ родственники и знакомые. Правительство торжествовало побѣду, хотя, впрочемъ, и не на долго. Вскорѣ пришлось ловить новыхъ дѣятелей, вошедшихъ въ составъ такъ называемаго процесса пятидесяти ¹⁾ а тамъ новый подъемъ настроенія въ 1876 году и т. д. вплоть до 80-хъ годовъ.

Число арестованныхъ въ 1873 и 1874 годахъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ. Правительство допустило съ своей точки зрѣнія крупную ошибку, соединивъ всю преступную дѣятельность арестованныхъ въ одно дѣло. Комиссія, производившая дознаніе, повидимому, поняла нелѣпость слѣдствія и суда надъ тысячами людей и волей неволей должна была большую часть ихъ освободить или выслать административнымъ порядкомъ на сѣверъ. Къ слѣдствію, производившемуся особо назначеннымъ сенаторомъ, оставлено было двѣсти съ лишнимъ человекъ, а суду предано 197 человекъ, изъ которыхъ четыре умерло до начала суда; осталось 193 человекъ. Изъ числа преданныхъ суду 179 человекъ обвинялись въ томъ, что составили и принимали участіе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью въ болѣе или мевѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе государственнаго порядка (2-я часть 250 ст. улож. о наказ.). Большая часть этой категоріи и особо 12 человекъ обвинялись въ распространеніи сочиненій, имѣвшихъ цѣлью возбудить къ бунту и неповиновенію верховной власти. (251 ст.). Остальные, со включеніемъ и нѣкоторыхъ изъ предъидущихъ категорій, обвинялись въ разныхъ отдѣльныхъ преступленіяхъ, между ними Мышкинъ—въ покушеніи лишить жизни Виллюйскихъ казаковъ, арестовавшихъ его при попыткѣ освободить Чернышевскаго, и Эндауровъ въ помощи изъ личныхъ видовъ Войнаральскому. (Эндауровъ, между прочимъ, распорядился деньгами Войнаральскаго).

¹⁾ Въ настоящихъ запискахъ я не касаюсь дѣятельности лицъ, вошедшихъ въ составъ этого процесса. Они нѣсколько усовершенствовали приемы практической дѣятельности и способъ организаціи революціонныхъ кружковъ, но по существу ничѣмъ не отличались отъ дѣятелей процесса 193-хъ.

XIV.

Чигиринское дѣло.

Въ предъидущихъ главахъ я не описывалъ знаменитаго Чигиринскаго дѣла потому, что во 1-хъ, оно не вошло въ Большой процессъ и во 2-хъ, представляетъ такія особенности, которыя съ трудомъ укладываются въ рамки общаго революціоннаго движенія. Оно составляло какъ-бы боковую вѣтвь движенія, питавшагося не изъ главнаго корня, и потому не оставило никакихъ слѣдовъ въ дальнѣйшей эволюціи революціоннаго движенія—вѣтвь была срѣзана и окончательно засохла. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать крупнаго значенія за Чигиринскимъ дѣломъ, созданнымъ, собственно, тремя лицами: Стефановичемъ, Дейчемъ и Бохановскимъ. Какъ всѣ дороги нѣкогда вели въ Римъ, такъ въ послѣднее время въ Россіи всѣ дороги, которыми шла радикальная и революціонная молодежь, сходились въ одномъ пунктѣ—въ подъемѣ самосознанія крестьянъ. Поэтому а priori можно сказать, что «дѣло» имѣло свою долю вліянія на крестьянъ Чигиринскаго уѣзда. Но быть можетъ оно имѣло еще болѣе значенія для развитія революціоннаго міросозерцанія семидесятниковъ—это міросозерцаніе нужно было очистить отъ примѣси началъ, не имѣющихъ съ ними ничего общаго. Для этого понадобился крупный провалъ крупнаго дѣла.

Выше было показано, что, собственно, революціонному періоду предшествовалъ народническій періодъ движенія. Пережитки его сохранились въ отдѣльныхъ умахъ вплоть до возникновенія партіи «Народной Воли». Амальгама этихъ двухъ крупныхъ теченій создавала иногда, хотя и ложныя, но сильно дѣйствовавшія на умы извѣстной части молодежи, идеи. Во время движенія, особенно въ началѣ его, бывшіе народники, увлекаемые страстною любовью къ народу и желаніемъ какъ можно скорѣе прійти къ нему на помощь, часто останавливались на такихъ средствахъ, которыя, хотя имѣли и мало общаго съ революціонною дѣятельностью, но, казалось, могли дать непосредственный и скорый результатъ. Такъ, нѣкоторая часть молодежи увлеклась идеей самозванства и думала, что если бы явился новый Пугачевъ въ качествѣ самозваннаго царя, то социальный строй Россіи можно было бы измѣнить нѣсколькими указами. Другіе мечтали о томъ, что было бы недурно использовать съ цѣлью революціонной пропаганды слухи, которыми, за отсутствіемъ достовѣрныхъ свѣдѣній, питаются неграмотные люди. Говорилось, что умѣлымъ распространеніемъ тенденціозныхъ слуховъ можно было бы повліять въ желательномъ направленіи на міросозерцаніе народа.

Впрочемъ, всѣ эти разговоры были обмѣномъ мечтаній и не имѣли практическаго значенія. Тѣмъ не менѣе они свидѣтельствовали, что въ міросозерцаніи извѣстной части молодежи существуютъ нѣкоторыя положенія, усвоенныя безъ критики и не ми-

рящаяся съ общимъ складомъ этого міросозерцанія. Мечтанія принимали иногда видъ практическихъ плановъ, такъ, въ одномъ кружкѣ намѣчали даже личность, которая могла бы разыграть роль самозванца—Дмитрія Рогачева, который, разумѣется, ничего не зналъ о томъ, что высказывалось между дѣломъ неизвѣстными ему людьми.

Какъ ни безплодны были всѣ подобныя мечтанія и разговоры, но они показывали, что ловкій и имѣющій популярность въ рядахъ молодежи организаторъ какого-нибудь въ этомъ родѣ фантастическаго предпріятія, могъ бы рассчитывать на извѣстный кругъ послѣдователей и исполнителей. Такой организаторъ и нашелся въ лицѣ Стефановича, задумавшаго воспользоваться царскимъ именемъ для поднятія крестьянскаго возстанія. За сотрудниками у него дѣло не стало.

Заслуживъ предварительно довѣріе крестьянъ, избравшихъ его ходокомъ, онъ черезъ полгода, въ ноябрѣ 1876 г. явился въ ихъ среду уже въ качествѣ довѣреннаго отъ царя и принесъ подложную царскую грамоту, приказывавшую крестьянамъ соединиться въ тайныя общества ¹⁾. Самъ онъ рѣдко показывался крестьянамъ, но дѣйствовалъ какъ опытный организаторъ и въ короткое время успѣлъ создать большую боевую крестьянскую дружину. Я не буду распространяться, впрочемъ, о Чигиринскомъ дѣлѣ, такъ какъ оно уже неоднократно было описано, и, между прочимъ, Туномъ. Скажу только нѣсколько словъ о разгромѣ дружины.

Во второй половинѣ 1877 года арестовано было безъ малаго 100 человекъ Чигиринскихъ крестьянъ, принадлежавшихъ къ союзу, а вскорѣ затѣмъ и Стефановичъ съ Дейчемъ и Бохановскимъ, но имъ удалось бѣжать изъ Кіевской тюрьмы. Аресты членовъ союза вызвали, конечно, плачь женъ и дѣтей, но не сразу убѣдили крестьянъ, что грамота подложная. Сидя подъ арестомъ иные продолжали вѣрить, что Стефановичъ дѣйствительно царскій посланникъ.

Послѣ нѣсколькихъ мучительныхъ мѣсяцевъ содержанія подъ стражею, сопряженнаго съ большими лишеніями, большая часть арестованныхъ была освобождена, часть выслана и немногіе приговорены судомъ къ лишенію правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь.

Старикъ.

¹⁾ Текстъ этой „грамоты“ см. ниже, въ замѣткѣ „Документы по Чигиринскому дѣлу“.

Ред.

Изъ тюремной статистики.

Нѣсколько старыхъ клеенчатыхъ тетрадей, исписанныхъ разными почерками. Эти тетради пять мѣсяцевъ подрядъ, иногда съ большими трудностями, передавались по бичевкамъ („телефонамъ“) изъ окна въ окно, изъ камеры въ камеру. Каждый заключенный писалъ въ нихъ свои отвѣты на рядъ вопросовъ, составленныхъ, помнится, при участіи редакціи „Искры“ и нѣсколько видоизмѣненныхъ сидѣвшими. Такъ образовался статистическій матеріалъ, которому мы даемъ сейчасъ нѣкоторую сводку.

Статистика собиралась съ августа 1903 г. по январь 1904 г. въ Московской губернской тюрьмѣ (извѣстной подъ именемъ „Таганки“ или „Каменьщиковъ“) и касается 133 лицъ, арестованныхъ главнымъ образомъ въ Москвѣ въ теченіе 1903 года (25 чел. арестовано въ 1902 г.; 3—въ 1901 г.).

Национальность.

Почти $\frac{3}{4}$ арестованныхъ—русскіе: 97 чел. (въ томъ числѣ 2 малоросса)—73%. Другихъ національностей 27%—36 чел. (именно 31 еврей, 3 поляка, 1 армянинъ, 1 нѣмецъ). Приблизительно такъ же распредѣляются и вѣроисповѣданія, такъ какъ почти всѣ русскіе—православные, евреи—иудейскаго вѣроисп., поляки—католики и пр.

Возрастъ.

Большая часть арестованныхъ $\frac{9}{10}$ —имѣютъ до 30 лѣтъ, почти $\frac{2}{3}$ —до 25 лѣтъ.

18—24 л. имѣютъ 84 чел.—63,9% (именно 3 по 18 л., 7 по 19, 10 по 20, 14 по 21, 23 по 22, 13 по 23, 15 по 24).

25—30 л. имѣютъ 35 чел.—26,3% (14 по 25, 4 по 26, 6 по 27, 5 по 28, 3 по 29, 3 по 30).

31—40 л. имѣютъ 10 чел.—7,5% (4 по 31, 1—32, 1—34, 2 по 35, 1—38, 1—40).

Свыше 40 имѣютъ 3 чел.—2,3% (1—42, 1—50, 1—68).

Поль. Семейное положеніе.

Около $\frac{1}{5}$ всѣхъ арестованныхъ приходится на долю женщинъ—26 чел. (19,5%). Мужчинъ 107 (80,5%). Изъ мужчинъ женатыхъ 23 (21,5%), холостыхъ—84 (78,5%). Изъ женщинъ замужнихъ 5 (19,2%), дѣвицъ—21 (80,8%). Изъ семейныхъ у 18 дѣти.

Сословіе.

Число интеллигентовъ превышаетъ число рабочихъ. Первыхъ 78 (58,6%), вторыхъ 55 (41,4%). Сословіе неизвѣстно у 24. Изъ остальныхъ 109 болѣе всего крестьянъ (37 чел.—33,9%) и мѣщанъ (35 чел.—32,1%). Такимъ образомъ какъ разъ $\frac{2}{3}$ приходится на долю низшихъ сословій. Затѣмъ уже идутъ дворяне (14 чел.—12,9%), лица купеч. званія (5 чел.). духовнаго (3 чел.), личн. и потом. граждане (3—4) и т. д.

Образованіе.

Уровень образованія въ общемъ довольно высокъ, Половина окончила среднюю школу. Почти $\frac{1}{2}$ обучалась въ высшихъ учебн. заведеніяхъ. Цифры таковы: 20 чел.—15% безъ всякаго образованія и самоучки (% неграмотныхъ неизвѣстны); съ низшимъ образованіемъ 46 чел.—34,6%; со среднимъ 60 чел.—45,1% (изъ нихъ 34 обучавшихся въ высш. учебн. заведеніяхъ); 7 чел.—5,3% съ высшимъ образованіемъ.

Родъ занятій.

Рабочихъ разныхъ спеціальностей (гл. обр. механическихъ заводовъ) 49 чел., приказчиковъ и конторщикоръ—6, учащихся въ ср. и высш. уч. завед. 29 чел. (21,8%), лицъ занимающихся педагогической дѣятельностью 20 чел. 15%—(въ томъ числѣ 4 учителя сред. уч. зав., 4—сельскихъ, 12 домашнихъ), другихъ отраслей дѣятельности 18 (именно—7 статистиковъ, 1 от. капитанъ, 1 врачъ, 1 инженеръ, 1 землемѣръ, 1 завѣд. кн. магазиномъ, 1 земск. дѣятель, 1 чиновникъ, 1 художникъ, 3 фельдш.). Безъ опред. занятій 4, занятіе неизвѣстно у 7 чел.

Заработокъ.

Безъ заработка 7, заработокъ неизвѣстенъ у 21. Если исключить лицъ съ крупнымъ заработкомъ (1—200 р., 1—250, 1—400 р. въ мѣсяцъ), то средній мѣсячный заработокъ у *интеллигентовъ* (49 лицъ) выразится суммой 39 р.

Средній мѣсячный заработокъ рабочихъ (данныя о 53 лицахъ) равенъ 27,3 р.

Что найдено при обыскѣ.

Ничего не найдено у 41 (30,8%), найдена литература у 71 (53,4%).—въ томъ числѣ литературы с.-д. у 35, с.-р. у 12, смѣшанная у 7, неизв. направленія у 17; найдено что либо иное (компром. письма, черновики прокламцій и пр.) у 21 (15,8%).

Кромѣ того, принадлежности для печатанія найдены у 13 лицъ: главнымъ образомъ гектографы и принадлежности къ нему; въ 2 случаяхъ мимеографы и принад. и только въ одномъ типографскій шрифтъ. Оружіе (револьверъ) найденъ у одного.

Показанія.

Не давали никакихъ показаній 21 чел. (15,8%), давали, но потомъ отказались давать 13 (9,8%), давали (хотя бы и не на всѣ вопросы) 99 чел. (74,4%).

Не давали вовсе біографическихъ свѣдѣній только 10 чел. (7,5%).— Жандармское слѣдствіе въ среднемъ (51 случай) длится 5,6 мѣсяца.

Рецидивисты.

Рецидивистовъ довольно много—39 (29,3%). Изъ нихъ привлекаются 2-ой разъ—24 чел., 3-й—13 и 4-ый—2 ч. Нелегальныхъ 8, т. е. 6%.

Итоги.

Эти цифры характеризуютъ движеніе, еще не принявшее широкихъ размѣровъ двухъ послѣднихъ лѣтъ. Интеллигенція преобладаетъ, много учащихся, рабочіе преимущественно механическаго производства т. е. высокаго уровня развитія; земледѣльческое крестьянство еще мало затронуто, „аграрниковъ“ нѣтъ вовсе. Средній уровень революціонера, судя по образованію, отказу отъ показаній и пр., довольно высокъ—это зависитъ отчасти отъ того, что затронуты главнымъ образомъ „верхи“ рабочихъ. Рецидивизмъ доказываетъ народженіе революціонера-профессіонала. Движеніе почти исключительно городское—отсюда перевѣсъ социаль-демократовъ. Если судить по взятой литературѣ, ихъ въ 3 раза больше с.-р-овъ.

Идетъ подготовка борьбы. Распространяются прокламаціи, литература. Техника печатанія стоитъ не высоко—пользуются главнымъ образомъ гектографомъ и мимеографомъ. Моментъ непосредственной борьбы еще не наступилъ. Оружіе, которое стало зауряднымъ теперь, находятъ, какъ рѣдкость.

Такіе выводы намѣчаются немногими цифрами, приведенными выше. Очень интересно было бы видѣть другія статистическія данныя, которыя собирались и собираются въ разное время по тюрьмамъ. Тюремная статистика можетъ дать любопытный матеріалъ для исторіи революціоннаго движенія.

П. Л.

Л. Ө. Яновичъ въ ссылкѣ.

Я познакомился съ Людвигомъ Өмичемъ Яновичемъ уже послѣ того, какъ онъ отбылъ свой ужасный срокъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Я прожилъ съ нимъ около 5 лѣтъ въ тяжелой ссылкѣ за полярнымъ кругомъ и имѣлъ, такимъ образомъ, возможность постоянно сравнивать этого закаленного тѣрпѣнемъ и страданьемъ человѣка съ цѣлыми поколѣніями молодыхъ, энергичныхъ товарищей. Среди нихъ было много людей во всякомъ случаѣ незаурядныхъ, и всетаки Яновичъ производилъ впечатлѣніе человѣка, стоящаго выше колоніи ссыльныхъ. Это бросалось въ глаза не только мнѣ одному. Большинство ссыльныхъ, если не всѣ, смотрѣли на него, какъ на натуру исключительную, и это чувствовалось на каждомъ шагу въ отношеніяхъ колоніи къ товарищу изъ Шлиссельбурга.

Помню: былъ чудный апрѣльскій день, когда Яновичъ и Суровцевъ пріѣхали къ намъ въ Колымскъ, измученные тяжелой дорогой. Солнце почти не закатывалось и беспощадно сгоняло снѣгъ. Огромные сугробы дѣлались подъ его лучами ажурными, легкими, насыщенными водой. Повсюду струились вешнія воды, воздухъ дышалъ тепломъ; чувствовалось, что безконечная зима, убивавшая насъ своимъ холодомъ, а еще больше утомительнымъ однообразіемъ, побѣждена весною. Я жилъ тогда въ просторной, мрачной юртѣ. Въ ней было только три небольшихъ окна, затянутыхъ полотномъ. Стеколъ у меня не было, а толстыя льдины, замѣнявшія зимою стекла, теперь слишкомъ быстро таяли. «Полотняныя стекла» задерживали свѣтъ, въ юртѣ было темно и неудобно, но я почти и не жилъ въ ней, проводя весь день на дворѣ. Работы было много: нужно было пилить и колоть дрова, таскать воду, чистить дворъ, проводить канавы для отвода цѣлыхъ потоковъ воды. Послѣ зимняго бездѣлья пріятно было повозиться на дворѣ, и я съ удовольствіемъ занимался въ этотъ день устройствомъ «канализаціонной системы». Я былъ цѣликомъ поглощенъ этимъ занятіемъ, когда ко мнѣ подошелъ какой-то якутъ съ пріятнымъ извѣстіемъ: «государственные ѣдутъ!»

Нужно пожить въ такихъ мѣстахъ, какъ Колымскъ или Верхоянскъ, чтобы понять, что означали для насъ эти слова. «Государ-

ственные ѣдутъ» — это ѣдутъ люди, которые помогутъ вамъ хоть на время завязать одну, другую нить съ вѣшнимъ міромъ, — сообщать вамъ подробно, что дѣлается, т. е. что дѣлалось 2—3 мѣсяца назадъ на бѣломъ свѣтѣ; наконецъ, внесутъ хоть на время нѣкоторое оживленіе въ вашу среду, достаточно утомленную встрѣчами, разговорами, столкновениями съ одними и тѣми же, вѣчно одними и тѣми же людьми. Правда, жизнь въ Колымскѣ значительно облегчалась тѣмъ обстоятельствомъ, что въ силу чисто случайныхъ условій въ колоніи ссыльныхъ почти никогда не возникало серьезныхъ столкновений, которыя могли бы заставить насъ раздѣлиться на два лагеря. Въ этомъ отношеніи колымчанамъ очень повезло. И всетаки постоянное общеніе съ незначительнымъ числомъ товарищей утомляло всѣхъ. Каждый изъ насъ быстро знакомился съ привычками, взглядами, приемами въ спорахъ, вообще съ индивидуальными особенностями колонистовъ, и тогда само общеніе въ значительной степени утрачивало интересъ, а иногда и попросту раздражало.

Въ такихъ случаяхъ прибытіе новаго члена вносило сильное оживленіе въ нашу среду, особенно, если новичекъ оказывался «интереснымъ» человѣкомъ. Именно къ такой категоріи принадлежалъ и Яновичъ, сразу занявшій въ колоніи видное мѣсто. Правда, онъ пріѣхалъ не съ воли и могъ сообщить лишь то, что самъ урывками слышалъ въ пути отъ другихъ товарищей. Но этотъ недостатокъ въ значительной степени искупался тѣмъ обстоятельствомъ, что Яновичъ вмѣстѣ съ Суровцевымъ пріѣхали изъ того таинственнаго мѣста, относительно котораго ходила масса всевозможныхъ слуховъ, иногда невѣрныхъ, но всегда полныхъ трагическихкихъ подробностей.

Колонія собралась у меня въ юртѣ. Я наскоро затопилъ камелекъ, поставилъ чайники, приготовилъ рыбу. Это было все, чѣмъ мы могли встрѣтить гостей.

Разговоры не клеились: ждали людей съ другого свѣта, ждали вѣстей отъ родныхъ и друзей, такъ какъ товарищи обыкновенно привозили съ собою письма изъ Якутска. Всѣ волновались, было не до разговоровъ.

Наконецъ, къ юртѣ подѣхали двѣ-три нарты. Яновичъ и Суровцевъ быстро слѣзли съ нихъ. Начались знакомства.

Помню — меня сразу поразила рѣзкая разница между обоими «новичками». Яновичъ, выше средняго роста, худой съ измученнымъ лицомъ и впалой грудью производилъ впечатлѣніе человѣка, только что перенесшаго тяжелую болѣзнь. Онъ былъ блѣденъ, казался очень утомленнымъ, глаза смотрѣли сквозь очки какъ-то грустно и устало. Суровцевъ поразилъ всѣхъ своею бодростью, свѣжестью, юношескими движеніями своего громаднаго тѣла.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь! Я все самъ сдѣлаю! — проговорилъ онъ, еще не успѣвъ раздѣться.

Съ этими словами онъ вытащилъ изъ походной сумки котелокъ, налилъ въ него воды и бросилъ горсть рису.

— Я, видите-ли, не люблю, чтобы на меня работали.

И дѣйствительно, для этого человѣка, какъ оказалось впоследствии, физическій трудъ являлся цѣлью жизни ¹⁾.

Яновичъ наскоро закусилъ и сейчасъ же подѣлъ къ столику, гдѣ лежали мои книги и тетради.

— Вы занимаетесь, — проговорилъ онъ, просматривая мои замѣтки,—это хорошо. Я тоже намѣренъ серьезно здѣсь поработать.

— Вотъ посмотрите,—продолжалъ онъ, вытаскивая изъ чемодана цѣлую груду тетрадей изъ сѣрой, плохой бумаги,—это я приготовилъ себѣ для записыванія цифръ и фактовъ. Безъ этого буквально нельзя обойтись. А вотъ это мои шлиссельбургскія замѣтки.

Я сталъ перелистывать толстыя тетради, сплошь исписанныя мелкимъ убористымъ почеркомъ Людвигъ Ѳомича, и убѣдился сразу, что имѣю дѣло съ человѣкомъ, серьезно интересующимся наукой и при томъ всесторонне образованнымъ. Тутъ были безконечные столбцы цифръ, громадныя выписки изъ всевозможныхъ книгъ и учебниковъ по химіи, физикѣ, минералогіи, исторіи, рабочему вопросу etc.

Мы разговорились. Слабымъ голосомъ, не всегда находя сразу нужное слово и слегка заикаясь, Яновичъ рассказалъ мнѣ, какъ еще въ дѣтствѣ его вниманіе всегда привлекала географія и исторія, какъ онъ любитъ эти науки и какое значеніе имъ придаетъ. Но самой любимой отраслью знанія была для него статистика. О ней онъ говорилъ съ какою-то любовью въ голосѣ и отдавалъ ей большую часть рабочаго времени. Я думаю, что у Людвигъ Ѳомича были истинныя задатки статистика-публициста, умѣющаго облекать сухой скелетъ статистическихъ таблицъ живою тканью и нервами жизни.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже въ сосѣднемъ домѣ, гдѣ помѣщалась колымская «государственная» бібліотека.

На исторіи этой бібліотеки стоить остановиться. Она составила изъ книгъ, которыя привозили съ собою и получали съ воли колымчане. Никто изъ уѣзжавшихъ на родину книгъ обыкновенно не бралъ, и это превратилось въ своего рода традицію, которая нарушалась лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ къ 1896 году, когда я пріѣхалъ въ Колымскъ, колонія располагала солидной бібліотекой въ 2,000 томовъ или около этого.

Въ 1895 г. старыхъ ссыльныхъ было въ Колымскѣ немного, да и тѣмъ предстоялъ въ недалекомъ будущемъ выѣздъ. О новыхъ товарищахъ не было ни слуху, ни духу. И вотъ, опасаясь за участь книгъ, которыя были бы безусловно расхищены и истреблены мѣст-

¹⁾ Въ настоящій моментъ Д. Я. Суровцевъ живетъ въ Верхне-Колымскѣ. Тамъ онъ завелъ небольшое хозяйство, огородъ и пашню. Онъ рѣшилъ посвятить пять лѣтъ своей жизни оригинальной задачѣ. По его мнѣнію втеченіи этихъ пяти лѣтъ ему удастся убѣдить амутовъ въ возможности и необходимости заниматься земледѣіемъ. Не выйдеть изъ этого, конечно, ничего, но и Суровцевъ не такъ-то скоро откажется отъ того, что поставилъ себѣ цѣль.

ными обывателями, если бы библиотека осталась безъ присмотра, ссыльные рѣшили заколотить книги въ ящики и отправить ихъ въ Якутскъ въ публичную библиотеку. Но правительство вовсе и не думало отмѣнять ссылки въ «мѣста для жительства неудобныя». Весною 1896 г. начали прибывать новые члены колоніи, и библиотеку рѣшено было оставить. Ее извлекли изъ амбара и снова размѣстили по полкамъ. Порядка, впрочемъ, установить намъ сразу не удалось. Всѣ мы охотно занимались чтеніемъ, но свободное время отдавали физическому труду или хожденію въ гости другъ къ другу. Охотниковъ заняться библиотекой и поставить ее, какъ слѣдуетъ, не было. Яновичъ взялся за это дѣло съ большою готовностью и вскорѣ привелъ библиотеку въ порядокъ. Затѣмъ онъ приобрѣлъ за 50 р. домъ, состоявшій изъ двухъ просторныхъ, по колымскому масштабу, комнатъ съ печью и камелькомъ. Этотъ домъ былъ подаренъ Яновичемъ колоніи специально подъ библиотеку. По уставу въ немъ жилъ библиотечарь, ежегодно избиравшійся изъ среды ссыльныхъ путемъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Библиотека скоро стала центромъ колоніи. Здѣсь собиралась публика, когда приходила почта; здѣсь же устраивались собранія, вечеринки и пр.

Первымъ библиотечаремъ единогласно былъ избранъ Яновичъ. При устройствѣ библиотеки онъ попробовалъ примѣнить шлиссельбургскую систему и привлечь къ работѣ всѣхъ товарищей.

— У насъ въ Шлиссельбургѣ,—говорилъ онъ,—дѣло было поставлено такъ. Каждый долженъ былъ переплести или сшить опредѣленное количество книгъ. Только благодаря такому правилу библиотека и сохранилась въ порядкѣ.

Попробовали примѣнить эту систему и мы, но толку вышло мало. Два, три любителя поработали надъ библиотекой основательно, а остальные уклонились отъ работъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ. И это понятно. Въ Шлиссельбургѣ люди судорожно хватались за каждый поводъ къ труду, лишь бы онъ носилъ хоть какую-нибудь тѣнь цѣлесообразности. Въ трудѣ искали забвенія. Въ Колымскѣ дѣло обстояло иначе. Работы необходимой, неотложной всегда было достаточно и придумывать ее не приходилось.

Устроивъ библиотеку, Яновичъ немедленно принялся за свои научныя работы. Тутъ онъ съ первыхъ же дней почувствовалъ, что Колымскъ въ этомъ отношеніи очень напоминаетъ Шлиссельбургъ. Ни первоисточниковъ, ни необходимыхъ пособій по специальнымъ вопросамъ подъ рукой не было. Можно было, правда, ихъ выписывать, но это требовало большихъ средствъ и долгихъ мѣсяцевъ ожиданія, покуда книги по выпискѣ приходили. Приходилось волею-неволею пользоваться фактами и цифрами изъ вторыхъ рукъ, и это доставляло Яновичу массу огорченій. Глубоко правдивый и искренній по натурѣ, онъ никакъ не могъ примириться съ тѣми пропусками и передѣлками въ цитатахъ, которые такъ часто попадаютъ въ нашей литературѣ. И нужно было видѣть, съ какою беспощадностью онъ относился къ авторамъ, допускавшимъ такія

неточности. Однажды, просматривая статью Діонео, помѣщенную въ «Русскомъ Богатствѣ», Яновичъ нашель серьезныя ошибки въ цифрахъ ввоза и вывоза товаровъ изъ Канады. Съ тѣхъ поръ онъ отказался цитировать Діонео.—«Я не могу довѣрить автору, который относится съ такимъ неуваженіемъ къ читателю и разсчитываетъ на его легкомысліе».

И все-таки путемъ долгой и упорной работы Яновичу удалось собрать матеріалъ и написать статью, помѣщенную подъ псевдонимомъ Л. Иллиничъ въ «Научномъ Обзорѣніи». Статья эта, носящая названіе: «Очеркъ промышленнаго развитія Польши» и направленная противъ книги Розы Люксембургъ, отличается несомнѣнными научными достоинствами. Въ слѣдующихъ книжкахъ «Научнаго Обзорѣнія» имя Иллинича уже было помѣщено въ списокѣ постоянныхъ сотрудниковъ журнала. Въ Колымскѣ же Яновичъ написалъ свои воспоминанія о Шлиссельбургѣ, помѣщенные въ польскомъ соціалистическомъ журналѣ: «Przedswit». Эти воспоминанія переводятся въ настоящее время на русскій языкъ. Читатель найдетъ въ нихъ цѣлый рядъ художественныхъ образовъ и характеристикъ, написанныхъ съ большою любовью къ людямъ и обнаруживающихъ глубокую правдивость и чуткость автора.

Мнѣ часто приходилось заходить къ Яновичу, и я почти всегда заставлялъ его за какими-нибудь вычисленіями, составленіемъ различныхъ картограммъ или чтеніемъ. Трудоспособность его была просто удивительна при томъ слабомъ надорванномъ здоровьи, съ которымъ онъ вышелъ изъ Шлиссельбурга.

Учащихся и занимающихся товарищей въ Колымскѣ всегда было много, но такихъ серьезныхъ ученыхъ, какимъ былъ Яновичъ, я тамъ почти не встрѣчалъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, онъ рѣзко выдѣлялся среди товарищей, и всѣ это признавали. Въ теченіи короткаго времени Яновичъ сдѣлался для колоніи справочною статистическою энциклопедіей.

Какъ то разъ понадобились мнѣ статистическія данныя о Галиціи. Черезъ нѣсколько дней Л. О. представилъ мнѣ тетрадку, полную всевозможныхъ таблицъ и выкладокъ по различнымъ вопросамъ статистики этой страны. Или, на примѣръ, завяжется разговоръ о русскихъ финансахъ.

— Русское правительство наканунѣ банкротства—заявляетъ X, приводя общеизвѣстные факты изъ области финансоваго истощенія Россіи.

Для Яновича такое заявленіе было равносильно вызову. На слѣдующій день X получаетъ тетрадь страницъ въ 15—20, въ которой на основаніи самыхъ детальныхъ данныхъ доказывается, что положеніе русскаго правительства далеко не такъ плохо, какъ это принято думать. Въ предисловіи развивается мысль такого рода: «У насъ почему-то считаютъ необходимымъ недоцѣнивать силы правительства. вмѣсто того, чтобы считаться съ нимъ, какъ съ серьезной силой, способною выдержать не одну бѣшенную атаку,

мы приучаемъ себя и общество къ той мысли, что это колоссъ на глиняныхъ ногахъ, готовый рухнуть отъ легкаго толчка. Въ результатѣ слишкомъ повышенныя ожиданія, несбывшіяся надежды, быстрые переходы отъ самаго розоваго оптимизма къ апатіи и пессимизму. *Успѣшная борьба возможна лишь въ томъ случаѣ, если силы противника стрѣю взвѣшены; а для этого нужно постоянно анализировать ихъ, а не утѣшать себя тѣмъ, что все равно молъ финансы нашею противника истощены, и самъ онъ на краю банкротства.*

Я нарочно привелъ эту выдержку изъ рукописи Яновича, чтобы показать, какъ сильна была въ немъ потребность брать дѣйствительность такою, какъ она есть. А между тѣмъ это трезвое научное отношеніе къ самымъ жгучимъ вопросамъ общественной жизни не только не расхолаживало его, но наоборотъ придавало его постоянному революціонному настроенію особую прочность и цѣльность.

По своимъ взглядамъ Л. Э. примыкалъ къ Польской Соціалистической Партіи. (P. P. S.). Онъ говорилъ мнѣ, что въ молодости національный вопросъ сравнительно мало привлекалъ его вниманіе. Однако индифферентное отношеніе русскаго общества къ полякамъ и другимъ угнетеннымъ націямъ заставило его сильно задуматься еще въ Шлиссельбургѣ надъ тѣми требованіями, которыя выдвигаетъ P. P. S. по вопросамъ объ автономіи, правѣ на самоопредѣленіе и пр. Такимъ образомъ, онъ принялъ эту часть программы P. P. S. не подъ чьимъ либо давленіемъ, а пришелъ къ ней совершенно самостоятельно.

При выработкѣ того или иного взгляда на дѣйствительность, Яновичъ иногда впадалъ въ ошибки, какъ и прочіе товарищи; сидя въ Колымскѣ, не такъ легко ориентироваться въ томъ, что происходитъ за тридевять земель. Впрочемъ, у Яновича, по крайней мѣрѣ сначала, эти ошибки были слѣдствіемъ долготѣняго тюремнаго заключенія. Его несомнѣнно преслѣдовало то самое «разстройство координаціи», о которомъ говоритъ М. Ашенбреннеръ въ своихъ воспоминаніяхъ о Шлиссельбургской крѣпости.¹⁾ Такъ напр., новѣйшія данныя о ростѣ кооперативнаго движенія на Западѣ такъ поразили Яновича, что онъ лишь послѣ долгихъ и страстныхъ споровъ отказался отъ слишкомъ преувеличенной оцѣнки этого теченія.

Занявъ опредѣленную позицію, Яновичъ сдавалъ ее лишь послѣ долгаго, упорнаго боя. Въ этомъ отношеніи онъ былъ очень цѣннымъ и добросовѣстнымъ противникомъ. Среди насъ было не мало любителей поспорить, но далеко не всегда эти любители обладали такими знаніями, которыхъ было бы достаточно для поединка съ Яновичемъ.

Для Л. Э. наука не была способомъ коротать время. Большинство изъ насъ читало и занималось лишь въ первые годы ссылки; за-

¹⁾ „Былое“, I, стр. 98.

тѣмъ этотъ интересъ къ знанію какъ-то незамѣтно исчезалъ, толстыя книги и учебники оставались неразрѣзанными, читались только газеты и журналы, да и то не всѣ. Въ теоретическомъ отношеніи люди отставали, старое забывалось и споры превращались въ простое противопоставленіе старыхъ, излюбленныхъ точекъ зрѣнія. Яновича этотъ процессъ замиранія мысли не коснулся. Онъ любилъ науку, какъ художникъ любитъ кисть и краски. Любя ее за то, что она даетъ высокое наслажденіе въ самомъ процессѣ мышленія, онъ цѣнилъ ее въ то же время, какъ одну изъ великихъ положительныхъ сторонъ жизни и какъ основу для плодотворной революціонной дѣятельности. Какъ истинный революціонеръ, онъ хорошо понималъ необходимость постоянного, точнаго наблюденія надъ жизнью. Колымская обстановка сильно стѣсняла его въ этомъ отношеніи.

— Если бы мнѣ удалось бѣжать за-границу,—сказалъ онъ мнѣ однажды послѣ долгаго разговора о значеніи статистики въ настоящемъ и будущемъ,—я устроилъ бы въ Парижѣ или Лондонѣ Революціонное Центральное статистическое бюро. Сюда стекались бы всѣ данныя о рабочемъ движеніи всего міра; каждый участникъ социалистическаго движенія зналъ бы, что дѣлаютъ его братья во всѣхъ странахъ, и это дало бы сильный толчекъ развитію солидарности въ рядахъ рабочей партіи.

Мысль о томъ, что время и силы пропадаютъ въ Колымскѣ бесплодно для революціоннаго дѣла, очень тяготила Яновича. Впрочемъ, это сознаніе тяготило не только одного его. У нѣкоторыхъ изъ насъ съ самаго начала ссылки зародилась идея побѣга. Единственный способъ, дававшій хотя и слабыя надежды, но все-таки надежды,—это былъ побѣгъ моремъ въ лодкѣ. Начали готовиться. Яновичъ принялъ дѣятельное участіе въ подготовительныхъ работахъ, хотя самъ лично бѣжать съ нами не думалъ. Онъ не рассчитывалъ на свои силы и боялся, заболѣвъ въ пути, помѣшать другимъ. Впослѣдствіи, когда это дѣло разстроилось, мы взяли за сплавъ казеннаго паузка съ грузомъ изъ Средняго въ Нижній Колымскъ. Это давало намъ возможность заработать по нѣскольку десятковъ рублей на человѣка и въ то же время поразмяться послѣ безконечной зимней спячки. Яновичъ тоже вступилъ въ артель.

— Для меня это будетъ хорошей пробой,—говорилъ онъ:—если я вынесу эту работу, значитъ я смогу принять участіе въ побѣгѣ, если представится случай.

Однако, эта проба оказалась далеко на изъ удачныхъ. Яновичъ работалъ изо всѣхъ силъ, но организмъ его былъ подорванъ каторжнымъ шлиссельбургскимъ режимомъ. Тяжелый физическій трудъ былъ Яновичу не подъ силу, и тамъ, гдѣ мы отдѣльвались сравнительно легко, Яновичъ надрывался. Сплавъ паузка въ Нижній Колымскъ съ обратной дорогой продолжался цѣлый мѣсяць. Все время приходилось грести, идти бечевою, ночевать въ палаткѣ часто на сырыхъ мѣстахъ, питаться почти исключительно рыбой и сухарями.

Молодежь послѣ такой «прогулки» чувствовала себя превосходно, Яновичъ возвратился послѣ перваго сплава измученнымъ, усталымъ и сильно простуженнымъ. Весьма вѣроятно, что работа при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ ускорила процессъ туберкулеза легкихъ, начавшійся у Л. Ѳ. безъ сомнѣнія еще въ тюрьмѣ. Яновичъ не обманывалъ себя насчетъ состоянія своего здоровья.

— Посмотрите, сказалъ онъ мнѣ однажды, показывая порѣзъ на пальцѣ,—у васъ эта царапинка заживетъ черезъ два, три дня, а у меня это цѣлая исторія. Вѣдь мой организмъ истощенъ до крайности и не можетъ энергично бороться за существованіе.

Въ 1899 году весною застрѣлился въ Колымскѣ одинъ изъ ссыльныхъ, Григорій Гуковскій, человѣкъ съ громаднымъ характеромъ и несомнѣнно талантливый. Онъ былъ арестованъ въ Германіи (въ Аахенѣ) и выданъ русскому правительству. Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ «Крестахъ», Гуковскій былъ посланъ въ Колымскъ подъ надзоръ полиціи на 5 лѣтъ за отказъ отъ присяги. Бѣднягѣ оставалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ до конца срока. Смерть товарища произвела на всѣхъ ужасное впечатлѣніе. Это была первая смерть среди колымскихъ ссыльныхъ. Естественно, поднятъ былъ вопросъ объ устройствѣ кладбища для ссыльныхъ. Яновичъ настаивалъ на томъ, чтобы ограда была сдѣлана попросторнѣе.

— Кто знаетъ,—говорилъ онъ загадочно,—ограничится ли дѣло однимъ Гуковскимъ!

На меня лично эти слова сильно подѣйствовали. Казалось, Яновичъ предрѣшалъ ими свою судьбу. Случай далъ возможность ему выѣхать изъ Колымска раньше срока. На мой взглядъ только благодаря этому случаю Яновичъ похороненъ въ Якутскѣ, а не въ Колымскѣ.

Когда мы устраивали кладбище, Л. Ѳ. работалъ очень усердно. Во время работы онъ много рассказывалъ намъ о жертвахъ Шлисельбурга. Тяжелыя это были минуты.

Всякій, кто пробылъ въ ссылкѣ долгое время, хорошо знаетъ, какъ трудно бороться съ ужасными, *засасывающими* условіями поднадзорнаго бытія. Недаромъ въ правительственныхъ циркулярахъ такія гиблыя мѣста, какъ Верхоянскъ и Колымскъ, называются «мѣстами для жительства неудобными», а административный персоналъ (исправникъ и помощникъ его) смѣняется каждые три года ¹⁾.

Сначала ссыльные стараются такъ или иначе предохранить себя отъ вынужденнаго бездѣлья, но рано или поздно всѣ эти попытки, обыкновенно, кончаются неудачей, и апатія вступаетъ въ свои права. Книги забрасываются, физическій трудъ утрачиваетъ свою превлекательность, перестаешь реагировать на многія нелѣпыя стороны ссыльной жизни. Мысль работаетъ въ одномъ

¹⁾ Интересно, что несмотря на это льготное условіе и очень высокое жалованье, большинство изъ нихъ все-таки кончаетъ запоемъ, самоубійствомъ и пр.

направленіи: какъ бы убить время, какъ бы дотянуть до конца! Особенно тяжело себя чувствуешь зимою. Тянется она безконечно, и буквально не знаешь, куда дѣвать эту безконечную уйму свободного времени. И вотъ начинается хожденіе въ гости изъ дому въ домъ и исключительно къ ссыльнымъ. Втеченіи вечера перебиваешь у всѣхъ, переговоришь обо всемъ, и все-таки чувствуешь въ себѣ какую-то странную пустоту, словно кто-то высосалъ изъ тебя всѣ жизненные силы и оставилъ лишь дряблую, никому ненужную оболочку. Много ненормальностей развивалось среди ссыльныхъ на почвѣ этого морального недомоганья, много портилось недостаточно крѣпкихъ и цѣльныхъ натуръ.

Яновичъ, закаленный долготѣннимъ пребываніемъ въ Шлиссельбургъ, не поддавался и въ ссылкѣ. Упорному труду онъ посвящалъ все свое время; и часто, совершая обычный ежедневный обходъ товарищей, нѣкоторые изъ насъ нарочно не заходили къ Л. Ѳ., чтобы не помѣшать ему. Эта удивительная для ссыльнаго трудоспособность безусловно помогала ему бороться съ тѣмъ гнетущимъ чувствомъ тоски и сознанія своей ненужности, которымъ такъ сильно страдала и мучилась значительная часть ссыльныхъ. Но даже и въ томъ случаѣ, когда это чувство охватывало Л. Ѳ., это трудно было замѣтить: выдавало его лишь особое, не поддающееся описанію, выраженіе лица.

Одно изъ самыхъ дорогихъ качествъ, которое особенно цѣнится въ тюрьмѣ и ссылкѣ, — это чувство «товарищества». Много насъ было, и у cadaго изъ насъ это чувство было развито въ большей или меньшей степени. Иногда просто инстинктъ самосохраненія изощрялъ въ насъ эту черту. Яновичъ и въ этомъ отношеніи стоялъ выше средняго уровня ссыльныхъ.

Въ средствахъ Л. Ѳ., въ общемъ, не нуждался. Родные снабжали его платьемъ, книгами, деньгами. И все-таки хуже всѣхъ жилъ именно онъ. О томъ, куда уходили его средства, я узнавалъ лишь случайно отъ тѣхъ товарищей, которымъ Л. Ѳ. помогалъ. Какъ можно меньше для себя, какъ можно больше для другихъ—было его постояннымъ правиломъ. Впрочемъ, онъ вообще мало заботился о себѣ. Объ этомъ я могъ бы рассказать цѣлый рядъ иногда просто забавныхъ фактовъ; ограничусь первымъ, пришедшимъ въ голову.

Жили мы вмѣстѣ съ Яновичемъ въ библиотекѣ. Былъ зимній, долгій, утомительно долгій вечеръ. Л. Ѳ. лежалъ на кровати, я сидѣлъ рядомъ за столикомъ. Оба углубились въ чтеніе. Вдругъ у Яновича вырывается изумленное восклицанье.—Ну, думаю, нашелъ какой-нибудь пикантный фактъ или изобличилъ статистика въ лжи.

— Въ чемъ дѣло, Людвигъ Ѳомичъ?

— А понимаете, я уже второй день чувствую, что у меня одна нога теплая, а другая словно безъ обуви. И знаете, чѣмъ это объясняется?—Яновичъ улыбнулся своей милой улыбкой и загадочно замолчалъ.—Это объясняется очень просто, пояснилъ онъ,

подымая одну ногу: на этомъ катанкѣ нѣтъ совсѣмъ подошвы, и я совершенно не понимаю, какъ я до сихъ поръ этого не замѣтилъ!

Первое время Яновичъ хоть немного слѣдилъ за собою, поддерживалъ въ комнатѣ порядокъ, но потомъ это, очевидно, ему надобно. Остальные члены колоніи все-таки старались обставить свою жизнь покомфортабельнѣе. Эта потребность въ «комфортѣ» была вполнѣ понятна и въ значительной степени подсказывалась инстинктомъ самосохраненія: надо было тренировать себя, нельзя было опускаться. Яновичъ не считался съ этимъ очень важнымъ обстоятельствомъ, и можно съ увѣренностью сказать, что здоровье его отъ того образа жизни, который онъ велъ, далеко не выигрывало.

Я не могу, къ сожалѣнію, по причинамъ отъ меня независящимъ, остановиться на рядѣ фактовъ, въ которыхъ товарищескіе инстинкты Яновича проявились въ самой возвышенной формѣ. Приходилось намъ переживать въ Колымскѣ тяжелыя минуты, когда жизнь товарищей ставилась на карту. Въ такихъ случаяхъ Яновичъ всегда проявлялъ ту повышенную готовность жертвовать собою, которая характеризуетъ самыя благородныя революціонныя натуры.

Л. Э. всегда относился съ уваженіемъ къ чужому мнѣнію, что не мѣшало ему быть самостоятельнымъ въ своихъ личныхъ взглядахъ. Онъ очень часто выступалъ защитникомъ товарищей, на которыхъ нападали за тотъ или иной проступокъ. Если былъ хоть какой-нибудь поводъ оправдать обвиняемаго или смягчить его вину, Яновичъ рѣшительно возставалъ противъ огульнаго и категорическаго обвиненія. Въ ссылкѣ люди вообще очень склонны контролировать другъ друга. Этотъ контроль въ значительной степени объясняется искусственной скученностью поднадзорныхъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Поведеніе товарищей слишкомъ на виду у всѣхъ, чтобы можно было воздержаться отъ его оцѣнки. Съ другой стороны у колоніи создаются свои корпоративные интересы, соблюденіе которыхъ только и можетъ обезпечить всѣмъ сравнительно сносное существованіе. Конечно, отсюда вовсе не слѣдуетъ, что при оцѣнкѣ поступковъ того или иного товарища, колонія всегда бывала достаточно объективна. Оторванные отъ родины, лишеныя возможности утилизировать свою энергію на полѣ широкой общественной дѣятельности, ссыльные поневолѣ отдаютъ слишкомъ много силъ и времени мелочамъ колониальной жизни, придають послѣднимъ слишкомъ много значенія. Иногда разногласія, возникающія по самымъ незначительнымъ поводамъ и въ нормальной жизни совершенно невозможныя, разрастаются въ серьезные конфликты, которые приводятъ къ раздѣленію колоніи на лагеря, «неговореніямъ» и пр. Соблюсти нейтралитетъ въ такихъ случаяхъ чрезвычайно трудно, и взаимный контроль изъ средства самосохраненія превращается въ одинъ изъ сильнѣйшихъ факторовъ разложенія колоніи. Поведеніе Яновича въ

такихъ случаяхъ поражало не только меня одного. Онъ всегда старался прежде всего сохранить полнѣйшую безпристрастность по отношенію къ провинившемуся товарищу, и если вина оказывалась, по его мнѣнію, преувеличенной, онъ рѣшительно отказывался слѣдовать за общимъ настроеніемъ. Бывали случаи, когда при этомъ онъ самъ впадалъ въ ошибки, но я не помню ни одного случая, когда рано или поздно онъ самъ не признавался въ этомъ.

Не только въ Колымскѣ, но и въ другихъ колоніяхъ къ Яновичу относились всегда съ глубокимъ уваженіемъ. И это чувство вызывалось не только тѣмъ, что Яновичъ былъ мученикомъ революціи; въ гораздо большей степени оно просто отвѣчало тѣмъ высокимъ душевнымъ его качествамъ, о которыхъ я только что упомянулъ.

Колымчанъ постоянно беспокоило, что Яновичу придется слишкомъ долго пробыть въ Колымскѣ. Здоровье его таяло съ каждымъ днемъ, силы убывали. Собственно говоря, у Яновича было много серьезныхъ поводовъ для переѣзда въ Якутскъ; но въ Колымскѣ вообще «просить» о переводѣ было не принято, да Л. Ѳ. никогда не согласился бы на смягченіе своей участи, если бы такой традиціи въ Колымскѣ и не существовало. Уѣхалъ Яновичъ изъ Колымска совершенно случайно. Его вызвали свидѣтелемъ по дѣлу товарища Ал. Ергина, котораго судили (въ 1902 г.) въ Якутскѣ за то, что онъ застрѣлил колымскаго засѣдателя Иванова. Дѣло это въ свое время надѣлало въ ссылкѣ много шума. Ергинъ отомстилъ за товарища Калашникова, жестоко избитаго казаками и поселенцами по приказанію засѣдателя Иванова и при его дѣятельномъ участіи. Калашниковъ застрѣлился.

На судѣ Яновичъ выступилъ съ рѣчью, въ которой пытался нарисовать тяжелыя условія колымской ссылки и выяснить обстоятельства, при которыхъ произошла эта драма. Но говорить онъ не могъ, такъ какъ рыданья сдавили его горло. По словамъ одного изъ близкихъ Яновичу людей «слезы этого сильнаго волей, закаленнаго несчастьями человѣка, всегда такъ владѣвшаго собой, потрясли и глубоко взволновали всѣхъ присутствовавшихъ въ залѣ. Эти святыя слезы сдѣлали для подсудимаго больше, чѣмъ всѣ рѣчи и показанія другихъ свидѣтелей».

Здоровье Л. Ѳ. продолжало ухудшаться. Ему нуженъ былъ отдыхъ, спокойная ровная жизнь, словомъ—все, чего нельзя было найти какъ разъ въ «мѣстахъ, для жительства неудобныхъ». А между тѣмъ власти начали настаивать на томъ, чтобы Яновичъ отправился обратно въ Колымскъ. Послѣ долгихъ настояній со стороны друзей Яновичъ отправился къ врачебному инспектору г-ну Вангородскому для освидѣтельствованія. Послѣ осмотра «врачъ» заявилъ, что Яновичъ можетъ ѣхать. Этотъ же «врачъ» потомъ сообщилъ своимъ знакомымъ чиновникамъ, что «Яновичъ долго не протянетъ».

Къ этому времени наладился побѣгъ. Яновичъ сначала согла-

сился бѣжать, но потомъ, очевидно, передумалъ. Онъ плохо вѣрилъ въ свои силы и не хотѣлъ связывать своего спутника. Рядъ внутреннихъ осложненій, захватившихъ какъ разъ въ это время Якутскую колонію и глубоко потрясшихъ Яновича, переполнилъ чашу. Яновичъ застрѣлился возлѣ ограды Никольскаго кладбища.

Людвигъ Фомичъ
Яновичъ.

Смерть Л. Ө. Яновича.

Предстоялъ судъ надъ А. А. Ергинимъ, обвинявшимся въ убійствѣ засѣдателя Иванова. Яновичъ вызывался въ качествѣ свидѣтеля. По послѣдному зимнему пути, въ срединѣ апрѣля, прибылъ онъ изъ Средне-Колымска въ Якутскъ. Весело играло весеннее солнце надъ обреченной смерти снѣговой пустыней, веселье и жизнерадостень былъ и Яновичъ, вырвавшійся наконецъ въ сравнительно большой городъ изъ колымскихъ болотъ. Новыя знакомства, встрѣчи, бодрящія новости изъ Россіи. Помню, шли мы съ нимъ отъ Ергинной, говорили о послѣднихъ новостяхъ.

— Неужели Сипягинъ не послѣдуетъ за Боголѣповымъ?—высказалъ мысль Яновичъ. Не прошли и двухъ кварталовъ, какъ навстрѣчу попадается, кажется, Пекарскій.

— Слышали?—сообщаетъ онъ:—только что получена агентская телеграмма о покушеніи на Сипягина...

Яновичъ рассказывалъ о своихъ литературныхъ работахъ, дѣлился литературными планами. Но не въ этихъ планахъ былъ центръ его интересовъ. Его неудержимо тянуло къ себѣ просторъ широкой политической борьбы. Достаточно было немного узнать этого, на видъ такого скромнаго, шлиссельбургскаго мученика, достаточно было вспомнить его прошлое, чтобы понять, что онъ сѣмѣетъ безъ колебаній идти прямо къ цѣли. Мысль о побѣгѣ самъ собою являлось у всѣхъ товарищей.

Въ это же время прибылъ въ Якутскъ Николай Николаевичъ Кудринъ, когда то служившій на уральскихъ золотыхъ приискахъ. Тайга и степь—его родная стихія; предпримчивость степного волка; монета гнулась между его пальцами, точно кружокъ жести. Кудринъ бѣжалъ изъ Балаганска самъ, затѣмъ вывезъ изъ Олекминска Марію Моисеевну Розенбергъ, а теперь прискакалъ за 2700 верстъ изъ Иркутска, чтобы устроить побѣгъ Ергина.

Ергинъ отказался, и самъ собою устраивался побѣгъ Яновича.

Кудринъ заручился официальнымъ правомъ производить развѣдки золота въ Якутской области. За Ленной, въ селѣ Павловскомъ, онъ началъ дѣлать приготовленія къ устройству экспедиціи: заготовлялъ инструменты, палатки, сѣстные припасы, приторговывалъ

вьючныхъ лошадей. Предполагалось, что Яновичъ отправится въ экспедицію подъ видомъ рабочаго-пріискателя. Ждали только окончанія суда надъ Ергинимъ и вскрытія Лены.

Насталъ день суда. Въ свидѣтельской комнатѣ ждали очереди Л. В. Ергина, Яновичъ, Станиславъ Палинскій (изъ Колымска), Александровъ и Браудо изъ Олекминска, и нѣсколько полицейскихъ. Сперва вызывали свидѣтелей обвиненія,—исправника и казаковъ. Ожиданіе волновало, утомляло, но Яновичъ ничѣмъ не обнаруживалъ своего возбужденія. Наконецъ, его вызвали. Не прошло, кажется, минуты, какъ въ коридорѣ началась суматоха, и затѣмъ въ свидѣтельную, почти неся на рукахъ, ввели рыдающаго Яновича. Оказалось, что по входѣ въ залъ засѣданія съ нимъ случился истерическій припадокъ. Помнится, онъ объяснялъ, что картина суда слишкомъ ярко напомнила ему другой судъ,—знаменитый процессъ Пролетаріата въ Варшавѣ, принесшій смертную казнь для четырехъ товарищей Яновича и Шлиссельбургъ для него самого.

Припадокъ въ сильнѣйшей мѣрѣ отразился на дальнѣйшемъ настроеніи Яновича. Защищавшій Ергина прис. повѣр. П. Н. Перверзевъ рассказывалъ, что Яновичъ послѣ суда говорилъ рыдая у него на квартирѣ:

— Я теперъ никуда не годенъ: тряпка какая то!

Онъ сталъ мраченъ, задумчивъ. Кажется, всѣ замѣтили перемѣну.

Пріѣхалъ въ Якутскъ Михалевичъ, бывшій политической ссыльный. Онъ исколесилъ всю область и могъ считаться авторитетомъ. Планъ пройти тайгой до Олекминско-Витимской золотопромышленной системы или даже прямо въ Забайкалье Михалевичъ нашелъ совершенно неосуществимымъ по географическимъ и топографическимъ условіямъ. Не помню, былъ ли ознакомленъ Михалевичъ, о чемъ побѣгъ шла рѣчь. Во всякомъ случаѣ отзывъ такого бывалаго человѣка не могъ не повліять на вѣру въ успѣхъ предпріятія.

Наконецъ, въ самомъ Якутскѣ разразилась одна изъ тѣхъ ужасныхъ ссылочныхъ исторій, которыми такъ богато прошлое нашей политической ссылки. Эта исторія тоже не могла не отразиться на нервахъ всѣхъ товарищей.

Какъ видитъ читатель, получился рядъ обстоятельствъ угнетавшихъ Яновича. Въ виду припадка, бывшаго на судѣ, и замѣченной съ тѣхъ поръ перемѣны въ настроеніи Яновича, стали высказываться опасенія, но, къ сожалѣнію, безъ серьезной вѣры въ ихъ основательность... Между тѣмъ развязка приближалась. Со дня на день ждали пріѣзда Кудрина изъ-за Лены.

Наканунѣ смерти Яновичъ зашелъ ко мнѣ. У насъ были какіе то копеечные счета,—меня удивило, что онъ побезпокоился до-стать портмоне и расплатиться. Онъ любовался только что купленнымъ браунингомъ, объяснялъ его устройство,—объ этой покупке, въ виду побѣга, давно состоялось рѣшеніе.

Утромъ въ день смерти Яновичъ обошелъ ближайшихъ друзей,—

Ергину, г-жу Абрамовичъ и другихъ, но ничѣмъ не выдалъ себя. По его уходѣ Ергина нашла у себя, кажется на окнѣ, портмоне Яновича съ деньгами, но объяснила дѣло простой разсѣянностью. Въ три часа дня Яновичъ долженъ былъ зайти къ г-жѣ Абрамовичъ, въ пять часовъ—прийти на одно собраніе. Пунктуальность Яновича была извѣстна. Его отсутствіе стало возбуждать большое безпокойство. Начались разспросы. Оказалось, что наканунѣ Яновичъ далъ Теслеру запечатанный конвертъ со словами:

— У васъ его спросятъ,—тогда отдадите.

Мы не рѣшились вскрыть конверта и продолжали поиски. Вдруг мною овладѣла какая то страшная увѣренность. Я бросился къ Теслеру. Въ его квартирѣ было собраніе почти всей колоніи.

— Давайте пакетъ Яновича. Я беру вскрытіе его на свою отвѣтственность.

Первое, что бросилось въ глаза, было слова: «Копія. Въ Якутскую Городскую Полицію»... Не помню, какъ дочиталъ записку до конца, не помню впечатлѣнія на товарищѣ. Сейчасъ же организовались розыски: товарищи бросились въ окрестности города по всѣмъ направленіямъ. Осматривали каждый кустъ, всякую ложбину. Отъ охотниковъ узнали, что еще днемъ полиція нашла возлѣ кладбища трупъ неизвѣстнаго. Въ тотъ же вечеръ трупъ былъ перевезенъ въ домъ, гдѣ вмѣстѣ съ Яновичемъ жили Палинскій, Пріютовъ, Виленкинъ и Теслеръ...

На одномъ изъ кладбищъ города Якутска имѣется длинный рядъ крестовъ съ именами покойниковъ. Кресты ничѣмъ не выдѣляются. Только вмѣсто слова «скончался» вы неизмѣнно читаете сообщеніе о преждевременной смерти: застрѣлился, убитъ, утонулъ. Это—все могилы политическихъ ссыльныхъ, жертвъ безотраднато прозябанія въ нечеловѣческихъ условіяхъ жизни и отчасти—жертвъ перваго Якутскаго протеста (1889 года). Въ другомъ мѣстѣ, на еврейскомъ кладбищѣ, также цѣлая колонія бывшихъ ссыльныхъ. Что касается перваго кладбища, то нужно прибавить, что со времени смерти Яновича рядъ крестовъ непрерывно удлинялся, скоро пришлось начать второй рядъ¹⁾.

Яновичъ застрѣлился изъ браунинга за оградой кладбища, какъ разъ по первой линіи крестовъ, съ городской стороны. Тамъ есть небольшая лощина, въ которой еще на другой день можно было видѣть много крови, спекшейся подъ лучами майскаго солнца. Высказывалось предположеніе, что Яновичъ, какъ католикъ и какъ самоубійца, не надѣялся быть похороненнымъ внутри кладбища, что мѣсто самоубійства было выбрано имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ мѣсто могилы,—хотя и отдѣльно отъ товарищѣй, но на одной линіи съ ними, въ общемъ ряду.

¹⁾ Было бы желательно получить изъ Якутска самое подробное описаніе обоихъ кладбищъ съ полнымъ изложеніемъ надписей, фотографическіе снимки и описаніе нынѣшняго состоянія памятниковъ. Дѣло въ томъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ чьи то невидимыя руки систематически ломали кресты, разбивали плиты, стирали надписи, дѣлали взаимнѣ другія надписи, съ цѣлью оскорбить память покойниковъ.

Нечего говорить о томъ, какое потрясающее впечатлѣніе на всю колонию произвела смерть наиболѣе уважаемаго товарища. Стоитъ только отмѣтить неутѣшное горе Теслера, который не могъ простить себѣ, что не вскрылъ пакета тотчасъ по его полученіи.

Въ пакетѣ оказалось три письма. Первое—копія официальнаго письма въ полицію, второе—къ товарищамъ, третье—къ Ергинимъ. Последнее—самое длинное и наиболѣе цѣнное для характеристики Яновича вообще и его предсмертнаго настроенія въ частности; говорить о содержаніи этого письма я не считаю себя въ правѣ.

Въ заключеніе можетъ быть читателю не безынтересно будетъ узнать, чѣмъ окончились походы Кудрина. Приготовленіями къ побѣгу воспользовался Палинскій. вмѣстѣ съ Кудринымъ онъ въ концѣ мая углубился въ тайгу. Хотя первоначальный планъ не былъ въ точности приведенъ въ исполненіе, однако оба «прискателя» благополучно выбрались къ жilyмъ мѣстамъ, и затѣмъ прослѣдовали за границу. Впослѣдствіи Кудринъ былъ арестованъ въ Россіи и сосланъ какъ разъ въ Якутскую область. За участіе въ романовскомъ протестѣ онъ получилъ двѣнадцать лѣтъ каторги. Затѣмъ имя его мелькнуло въ газетахъ въ связи съ извѣстіями о забайкальскихъ событіяхъ въ декабрѣ 1905 г. Живъ ли онъ теперь и гдѣ находится,—не знаю.

М. Ольминскій.

Изъ лѣтописей Шлиссельбургской крѣпости.

(1835 г.).

Въ началѣ января 1836 года императору Николаю Первому былъ доложенъ слѣдующій рапортъ:

«О содержащихся во ввѣренной мнѣ Шлиссельбургской крѣпости секретныхъ арестантахъ имянной списокъ прошлаго 1835 года за декабрь мѣсяцъ, всеподданнѣйше при семъ Вашему Императорскому Величеству представляю 2 января 1836 года Комендантъ Шлиссельбургской крѣпости генераль-маіоръ Колотинскій І».

При рапортѣ былъ представленъ слѣдующій, написанный собственноручно самимъ комендантомъ, списокъ:

СПИСОКЪ

содержащихся по Высочайшей волѣ въ Шлиссельбургской крѣпости секретнымъ арестантамъ.

Генваря 2-го дня 1836 года.

Съ котораго времени содержатся.			
Годъ.	Мѣсяцъ и число.		
1820	Марта 3	По Высочайшему повелѣнію отъ Комитета учрежденнаго Указомъ 13-го генваря 1807 года.	Называющійся ротмистромъ польской службы Игнатій Мощинскій.
1827	Декабря 24	По Высочайшему повелѣнію при предписаніи бывшаго начальникомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества Господина Генераль-адъютанта графа Дибича Забалканскаго изблнченннй въ соучастіи въ злоумышленномъ обществѣ.	Кремлевской экспедиціи канцеляристъ Данила Тюринь.

Съ котораго времени содержатся.			
Годъ.	Мѣсяць и число.		
1829	Августа 19	По Высочайшему повелѣнiю при предписанiи Санктпетербургскаго Военнаго Генераль-Губернатора Господина Генераль-отъ-инфантерiи Кутузова отъ 18-го августа за № 127.	Еврей Гарристъ Стейнгагдъ.
1830	Декабря 24	По Высочайшему повелѣнiю при предписанiи бывшаго управляющимъ Главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества Господина Генераль-адъютанта графа Чернышева отъ 31 декабря за № 761 Государственный преступникъ.	Царства Польскаго Лукасинскiй.
1831	Генваря 20	По Высочайшему повелѣнiю вслѣдствiе предписанiя бывшаго управляющимъ Главнымъ Штабомъ Его Императорскаго Величества Господина Генераль-Адъютанта Графа Чернышева отъ 9 генваря за № 20 Государственный преступникъ.	Виленскiй уроженецъ Жубоа.
1833	Октября 1	По Высочайшему повелѣнiю при предписанiи господина Военнаго Министра Генераль-Адъютанта графа Чернышева отъ 23-го сентября за № 104 впредь до повеленiя.	
1833	Октября 23	На основанiи Высочайшаго повелѣнiя объявленнаго предписанiемъ Господина Генераль-Адъютанта графа Бенкендорфа отъ 4-го октября за № 4519-ый доставленъ отъ Владимирскаго гражданскаго губернатора.	Отставной поручикъ Михайловъ.
1834	Августа 4	По Высочайшему повелѣнiю при предписанiи Господина Военнаго Министра Генераль-Адъютанта Графа Чернышева отъ 3-го августа за № 203.	Разжалованный въ рядовые Романъ Медоксъ.

Съ котораго времени содержатся.			
Годъ.	Мѣсяць и число.		
1835	Апрѣля 12	По Высочайшему повелѣнiю при предписанiи Московскаго Генераль-Губернатора Генераль отъ-кавалерiи Князя Голицина отъ 3 апрѣля за № 265 доставлены изъ Москвы.	Коллежскiй регистраторъ Уткинъ, титулярный совѣтникъ Соколовскiй, отставной подпоручикъ Ибаевъ.
1835	Августа 4	По Высочайшему повелѣнiю при отношенiи Московскаго оберъ-полицеймейстера Господина Генераль-Маiора Цынскаго отъ 31 iюля за № 426 на 6 мѣсяцевъ.	Чиновникъ 9 класса Александръ Токаревъ.
1839	Генваря 1	По Высочайшему повелѣнiю при отношенiи исправляющаго должность кievскаго губернатора Господина Вице-губернатора Пенкина отъ 18 декабря 1835 года за № 1814 на 4 мѣсяца.	Подольской губернии помѣщикъ сынъ Ярошинскiй.

Генераль-маiоръ Колотинскiй I.

Любопытно, что въ графѣ, оставленной для внесенiя фамилiи заключеннаго 1 октября 1833 года, оказалось пустое мѣсто.

Николай Павловичъ, просматривая списокъ, подчеркнулъ фамилiи Мошинскаго, Стейнгарда и Михайлова, а въ пустомъ мѣстѣ, оставленномъ для фамилiи, написалъ: «кто? не показано». Трудно, конечно, догадаться, по какимъ соображенiямъ Николай остановился именно на этихъ четырехъ лицахъ, но онъ приказалъ «пересмотрѣть дѣла всѣхъ подчеркнутыхъ, дабы видѣть, не пора ли облегчить участь или вовсе простить».

III Отдѣленiе въ отвѣтъ на резолюцiю государя собрало свѣдѣнiя и представило слѣдующiй докладъ:

«1. Мошинскiй, бывшiй ротмистръ польской службы, по случаю найденныхъ въ Петропавловской крѣпости пасквилей на императора Александра Павловича, писанныхъ имъ, Мошинскимъ, въ 1820 г. по Высочайшему повелѣнiю, какъ человекъ безнравственный, буйный и безнадежный къ исправленiю, навсегда отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

По имѣющимъ отъ Шлиссельбургскаго коменданта свѣдѣнiямъ,

сей Мошинскій дѣйствительно и понынѣ не только не и но нисколько даже и не укротился.

2. Еврей Гаррисъ Стейнгардъ, подозрѣваемый въ промыслѣ фальшивыми ассигнаціями, учинилъ въ 1829 году, во время нахожденія его въ здѣшнемъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, буйный поступокъ, и какъ до того еще онъ признался въ покражѣ на Псковской ярмаркѣ полотна и мѣховъ, и сверхъ того доказано, что онъ уѣзжалъ за границу безъ паспорта, то Министръ Финансовъ представлялъ объ отправленіи его на жительство въ отдаленный Сибирскій городъ, но на сіе послѣдовала слѣдующая Высочайшая резолюція: «лучше оставить его въ Шлиссельбургѣ, гдѣ легче будетъ, въ случаѣ своего открытія, изслѣдовать то, что понынѣ нельзя было узнать».

3. Арестантъ, коего имя по ошибкѣ не означено, есть шляхтичъ Виленской губерніи Монстовичъ.

4. Отставной подпоручикъ Михайловъ впалъ отъ чтенія книгъ священнаго писанія въ нѣкоторое заблужденіе, былъ по Высочайшему повелѣнію заключенъ въ 1827 году въ Суздальскій Спасо-Ефиміевъ монастырь, для наставленія его и увѣщанія къ раскаянію въ заблужденіи. Въ 1829 г. Михайловъ бѣжалъ изъ монастыря; черезъ годъ послѣ того отысканъ былъ на Дону и опять возвращенъ въ монастырь. Въ 1833 году по донесенію архимандрита Паренія о дурномъ поведеніи Михайлова и вредномъ его вліяніи на прочихъ арестантовъ, «послѣдовало Высочайшее повелѣніе перевести его въ Шлиссельбургскую крѣпость».

«Милосердіе» Николая Павловича простерлось только на «еврея» Гарриса Стейнгарда. На докладѣ, противъ его фамиліи, царь написалъ: «Сослать въ Сибирь». Остальные же ни смягченія участи, ни прощенія не получили и остались въ Шлиссельбургскомъ заключеніи. Противъ же фамиліи Монстовича, вина котораго не была указана III Отдѣленіемъ, царь приписалъ: «за что?»

П. Щ.

Страницка

изъ исторіи рабочаго движенія.

(Памяти Н. В. Шелгунова).

Вторая половина восьмидесятыхъ годовъ по справедливости считается самымъ глухимъ временемъ въ исторіи нашего общественно-политическаго движенія. Но въ 1889, 1890, а въ особенности въ 1891-мъ годахъ можно было замѣтить уже и нѣчто свѣжее, хотя еще и слабое, но уже начинавшее брать верхъ надъ пассивнымъ настроеніемъ. Хорошо помню, какъ въ 1888, особенно же въ 1889 годахъ, рѣшительно велась въ средѣ студенческой молодежи энергичная борьба противъ толстовщины. На собесѣдованіяхъ съ толстовцами, изъ которыхъ особенно часто выступалъ П. Бирюковъ, студенты одерживали блестящія словесныя побѣды. Тѣмъ не менѣе гектографированныя «Исповѣдь», «Въ чемъ моя вѣра», «О днягахъ» распространялись и читались все еще весьма охотно. Въ многочисленныхъ тогда кружкахъ самообразованія на ряду съ политической экономіей, Марксомъ, Михайловскимъ и Лавровымъ все еще большое вниманіе отводилось и вопросамъ нравственности, напр. «Задачамъ этики» Кавелина. Рядомъ съ революціонными кружками, съ кружками самообразованія дѣйствовали и кружки, подготовлявшіеся къ работѣ въ области «малыхъ дѣлъ». Вся эта борьба пассивности съ активностью превосходно уловлена и съ замѣчательной глубиной разработана у Шелгунова въ его «Очеркахъ русской жизни», которые читались тогда едва ли не больше, чѣмъ что-либо другое. Борьба эта велась однако больше «внутри», не выходя на поверхность, но велась напряженно до болѣзненности.

Шелгуновъ писалъ, между прочимъ: «теперь напряженъ каждый; каждый пытается найти какой-нибудь точный, руководящій выходъ для своей мысли». «Теперешній нашъ умственный моментъ—великій историческій моментъ. Въ немъ какъ бы повторяются сороковые годы, когда въ окружающемъ затишьи работало наболѣвшее чувство и зрѣла широкая общественная мысль»¹⁾.

¹⁾ „Очерки русск. жизни“, стр. 697 изд. 1895 г.

Переходный періодъ конца восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ, такъ вѣрно понятый Шелгуновымъ, выражался въ двухъ вопросахъ: что *читать* и что *дѣлать*? Шелгуновъ отвѣчалъ на эти волнующіе вопросы въ полномъ соотвѣтствіи со старыми традиціями общественности шестидесятниковъ и семидесятниковъ и съ замѣчательной чуткостью отмѣчалъ возрождавшіяся и начинавшія преобладать среди молодежи теченія широкой общественной и политической борьбы.

Вопросы о томъ, что читать и что дѣлать, ставились въ то время не только относительно интеллигенціи, но и относительно народа.

Просвѣтительная работа въ народѣ и вообще стремленіе къ народу были въ то время уже довольно сильны: начиналась усиленная работа въ вечернихъ классахъ, въ народныхъ школахъ и т. д. Но, какъ и все общественное, эти стремленія и эта работа находились тогда въ періодѣ смутныхъ исканій и въ области все тѣхъ же вопросовъ, что читать и что дѣлать. Между прочимъ Шелгуновъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ «очерковъ» съ особенной страстностью напалъ на стремленія интеллигенціи опекать народъ. Разбирая извѣстный коллективный трудъ харьковскихъ воскресныхъ учительницъ «Что читать народу», Шелгуновъ отвѣчалъ рѣшительно и опредѣленно, что читать народъ долженъ все. Но онъ ставилъ другой вопросъ, какъ писать для народа, «удовлетворяя его нравственной правдѣ и относясь къ нему съ тѣмъ уваженіемъ, какого требуемъ для себя мы, интеллигенты и народные проповѣдники». Этотъ вопросъ Шелгуновъ переводилъ на болѣе широкую постановку о томъ, какъ «создать живую и нравственную связь съ народомъ, какъ установить непосредственныя отношенія съ нимъ»¹⁾. Отсюда вытекалъ и отвѣтъ на вопросъ что дѣлать. Конкретно рѣшался этотъ вопросъ въ различныхъ формахъ: все еще частью въ видѣ толстовскихъ колоній и культурныхъ скитовъ, частью въ формѣ чисто культурной просвѣтительной дѣятельности. Наконецъ часть интеллигенціи конкретно рѣшала его въ смыслѣ пропаганды въ рабочей средѣ социализма и организациіи рабочихъ массъ для борьбы за улучшеніе ея положенія и для завоеванія политической свободы. Вотъ объ этой то послѣдней формѣ дѣятельности интеллигенціи въ народѣ въ самый глухой, хотя и переходный періодъ нашего общественно-политическаго движенія (1889, 90 и 91 г.г.) я и позволяю себѣ подѣлиться съ читателями своими воспоминаніями, рѣшаясь посвятить ихъ памяти покойнаго Н. В. Шелгунова.

12 апрѣля текущаго (1906) года исполнилось 15 лѣтъ со дня смерти покойнаго писателя. Съ этимъ днемъ, между прочимъ, связанъ какъ бы конецъ глухой, совершенно незамѣтной снаружи работы среди рабочей массы, и едва ли не первое, хотя и робкое, но открытое проявленіе того могучаго движенія російскаго пролетаріата, которое имѣло столь громадное значеніе въ побѣдѣ народа надъ старымъ режимомъ въ прошломъ 1905 году. Мнѣ при-

¹⁾ „Очерки р. ж.“ стр. 1036.

помнилось участие на похоронахъ Н. В. Шелгунова петербургскихъ рабочихъ, возложившихъ на его могилу вѣнокъ съ красными лентами и надписью: «Указателю пути къ свободѣ и братству отъ петербургскихъ рабочихъ».

Со времени этого выступления въ средѣ петербургскихъ рабочихъ началась несравненно болѣе интенсивная работа, чѣмъ то было раньше, а съ 1895 года рабочее социалистическое движеніе начинаетъ приобретать уже весьма широкіе размѣры и окрашивается собой, можно сказать, все тогдашнее революціонное движеніе. Періодъ же конца восьмидесятыхъ годовъ, 1890-й и 1891-й годъ, о которомъ мнѣ хотѣлось бы припомнить, является, такъ сказать, слабымъ началомъ подготовительнаго періода рабочаго движенія. Къ тому же о немъ меньше всего извѣстно и по литературѣ, и по воспоминаніямъ, а между тѣмъ и въ немъ имѣется нѣсколько небезъинтересныхъ и характерныхъ черточекъ, безполезныхъ для будущаго историка. Въ этотъ періодъ и въ рабочемъ движеніи было то, на что по отношенію къ молодежи указывалъ, между прочимъ, покойный Шелгуновъ, на послѣднихъ страницахъ своихъ «Очерковъ русской жизни», какъ на дѣйствительно отрадное явленіе. На этихъ страницахъ Шелгуновъ пѣлъ отходную «восьмидесятикамъ» и привѣтствовалъ «девяностниковъ» съ ихъ стремленіемъ къ широкому и серьезному научному изученію общественныхъ вопросовъ и къ широкой общественной дѣятельности. То же движеніе намѣчалось и среди рабочей массы.

I.

Лично мнѣ пришлось впервые услышать о революціонной пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ въ 1887 году отъ одного изъ пропагандистовъ, студента горнаго института Егора Николаевича Лаврова, сосланнаго въ 1888 году административно на 5 лѣтъ въ Киренскій округъ Иркутской губерніи. Изъ того кружка, въ которомъ участвовалъ и Лавровъ, было арестовано еще нѣсколько человекъ, между прочимъ, студентъ-технологъ Герасимовъ, тоже сосланный въ Сибирь; затѣмъ технологъ Петровскій, покончившій самоубійствомъ въ домѣ предварительнаго заключенія. Надо замѣтить, что преобладающая по пропагандѣ среди рабочихъ сохранялась главнымъ образомъ среди студентовъ Технологическаго и Горнаго институтовъ. Остальныя учебныя заведенія имѣли сравнительно мало отношеній къ рабочимъ. Какъ велась пропаганда этимъ кружкомъ, въ какомъ направленіи—точно я незнаю. Знаю только одно, что воззрѣнія этого кружка были близки къ социал-демократическому направленію. У Е. Н. Лаврова я видѣлъ множество записокъ—популярныхъ бесѣдъ по политической экономіи и рабочему вопросу, составленныхъ преимущественно по I-му тому «Капитала», списки книгъ и журнальныхъ статей, предназначавшихся для чтенія самимъ рабочимъ, и пр.

Отъ пропагандиста непрѣмѣнно требовалось знакомство съ Марксомъ, знаніе рабочаго вопроса и исторіи европейскихъ революцій. Трбовалось немало и чисто личныхъ качествъ. Надо было быть «подходящимъ человѣкомъ» какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны. «Подходящимъ» считался человѣкъ простой, умѣвшій отнестись къ рабочимъ душевно, внимательно, такъ какъ во главу пропаганды ставилось сближеніе съ рабочими, а не агитация. Надо было и съ внѣшней стороны хоть немного походить на рабочаго, что представлялось важнымъ и съ точки зрѣнія знакомства съ нераспропагандированными рабочими, и съ точки зрѣнія чисто полицейскихъ условій. Наконецъ, какъ это ни странно съ точки зрѣнія современности, но тогда приходилось считаться и съ вопросомъ національнымъ, и принимать во вниманіе націоналистическіе предрасудки мало развитыхъ рабочихъ.

Въ 1888 году, несмотря на арестъ упомянутыхъ лицъ, пропаганда среди рабочихъ не прерывалась. Кружокъ интеллигенціи изъ технологовъ и горняковъ продолжалъ дѣйствовать, при чемъ видную роль игралъ тогда бывшій студентъ-медикъ Р. и его супруга; но были и немногіе, впрочемъ, одиночки пропагандисты, имѣвшіе случайныя «связи» съ рабочими или остатки связей отъ прежнихъ кружковъ.

Мнѣ пришлось познакомиться съ рабочими черезъ одного изъ такихъ одиночекъ въ началѣ 1889 года, при чемъ однимъ изъ первыхъ знакомыхъ рабочихъ былъ рабочій Балтійскаго завода старикъ Крутовъ, около котораго группировалось нѣсколько молодыхъ рабочихъ съ того же Балтійскаго завода. Старика Крутова стоитъ вспомнить. Онъ умѣлъ привлекать молодежь своей веселостью, балагурствомъ и былъ преданъ «рабочему дѣлу» всей душой.

Первыя впечатлѣнія знакомства съ рабочими были таковы, что чувствовалось, какъ будто я взялъ на себя съ одной стороны необычайно тяжелую отвѣтственность, съ другой—увлекательное дѣло. Приходилось подготавливаться къ занятіямъ съ ними не по какой либо выработанной программѣ, а самостоятельно придумывая ее. Вопросъ о программѣ занятій съ рабочими составлялъ большую трудность не только для одиночки-новичка въ дѣлѣ пропаганды среди рабочихъ, а и для организованнаго кружка, специально работавшаго надъ этимъ дѣломъ. И вотъ я бросался отъ статьи о Робертѣ Овенѣ Добролюбова къ Дикштейну «Кто чѣмъ живетъ», а то и къ какой либо книжкѣ по естествознанію. Потребности рабочихъ были неясны: имъ какъ будто и ничего не нужно было, и какъ будто все, начиная съ объясненія явленій природы и кончая социализмомъ. Часто послѣ чтенія или безъ чтенія мы просто бесѣдовали на разныя житейскія и политическія темы.

Такъ я работалъ мѣсяца два въ этомъ рабочемъ кружкѣ, какъ одиночка, не входя еще въ кружокъ интеллигенціи, а только зная о его существованіи изъ намековъ того же старика Крутова. Вскорѣ, однако, пришлось познакомиться и съ интеллигентскимъ кружкомъ. На этотъ счетъ была большая конспирація. Сначала познакомиться пришлось только съ однимъ изъ членовъ кружка, и только впо-

слѣдствіи со всѣмъ кружкомъ. Такой порядокъ пріема въ члены интеллигентскаго кружка и вообще практиковался въ тѣ времена.

Припоминаю изъ времени первой же половины 1889 года слѣдующій небезъинтересный эпизодъ, ярко характеризующій младенческой періодъ тогдашняго движенія среди рабочихъ.

Весной 1889 года стало извѣстно, что въ Парижѣ на международной выставкѣ соберется цѣлый рядъ конгрессовъ и въ частности международный социалистическій конгрессъ. Я зналъ, что въ Парижъ на этотъ конгрессъ ѣдетъ одна старая русская социалистка, писательница Е. Гр. Б—ва. Въ разговорѣ съ нею по поводу этого конгресса явилась у насъ мысль послать конгрессу привѣтствіе и отъ русскихъ рабочихъ. Я сообщилъ объ этомъ своимъ знакомымъ рабочимъ, которые встрѣтили эту мысль съ большимъ сочувствіемъ. Но послать привѣтствіе нужно было съ какими нибудь доказательствами, что оно идетъ дѣйствительно отъ рабочихъ, а не отъ интеллигенціи. Представителей русской социалистической интеллигенціи можно было найти много. Намъ казалось чрезвычайно важнымъ, чтобы на этомъ конгрессѣ было представительство доподлинныхъ рабочихъ. Но какъ это сдѣлать. Это затрудненіе съ точки зрѣнія нынѣшняго положенія вещей покажется страннымъ и можетъ быть смѣшнымъ. Но тогда время было другое. На отправку делегата отъ рабочихъ нужны были большія деньги, которыхъ у насъ не было, да и опасно, потому что вернуться ему назадъ въ Россію казалось невозможнымъ. Опаснымъ представлялась и посылка привѣтствія съ подписями рабочихъ—вдругъ да узнаютъ и засадятъ. Готовы были послать письменное привѣтствіе даже съ крестами по русскому неграмотному обычаю вмѣсто подписей. Дѣло это однако въ Петербургѣ не выгорѣло. Интеллигентскій кружокъ, узнавъ о такой затѣѣ, да еще въ такомъ исполненіи, отнесся къ ней весьма скептически и рѣшилъ, что это дѣло не представляетъ значенія и можетъ только повредить рабочимъ. Но, какъ я узналъ впоследствии, посылка привѣтственного адреса съ «крестами» вмѣсто подписей состоялась отъ харьковскихъ рабочихъ. Европейцы, собравшіеся на конгрессѣ, какъ мнѣ передавали, были весьма тронуты привѣтствіемъ и искренно радовались, что въ Россіи есть доподлинные рабочіе социалисты, а не только социалистическая интеллигенція.

Младенческой періодъ движенія сказывался и во многихъ другихъ случаяхъ. Расскажу попутно еще о двухъ маленькихъ эпизодахъ.

Рабочіе кружки были замкнуты въ самихъ себѣ, а при полной тишинѣ въ то время самостоятельнаго рабочаго движенія (не было ни стачекъ, ни протестовъ), а также и обще-политическаго движенія, это создавало какую то мертвящую атмосферу. При такихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ мнѣ казалось, что нужно пользоваться каждымъ малѣйшимъ поводомъ для оживленія рабочихъ.

Весной 1889 года умеръ Салтыковъ. Студенчество, интеллигенція и литераторы устроили торжественныя похороны. Мнѣ ка-

залось, что за гробомъ великаго сатирика должны идти и рабочіе. Не имѣя еще въ то время связей съ кружкомъ интеллигенціи, а слѣдовательно и съ другими рабочими кружками, я могъ сообщить свою мысль только своему василеостровскому кружку. Рабочіе отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ и дѣйствительно были на похоронахъ М. Е. Салтыкова. Но ихъ было только 6—7 человѣкъ и, какъ сейчасъ помню, они шли за гробомъ въ ряду студентовъ и пѣли вмѣстѣ съ ними вѣчную память. Кстати упомяну здѣсь и о другомъ подобномъ же фактѣ—о панихидѣ по Чернышевскомъ въ октябрѣ того же 1889 года. Въ то время я уже имѣлъ связи не только съ Балтійскимъ заводомъ, но и съ нѣкоторыми рабочими за Невской заставой.

Панихиду по Чернышевскомъ устраивали студенты разныхъ учебныхъ заведеній. Время, однако, было настолько глухое, что руководители студенческихъ кружковъ сомнѣвались: соберется ли достаточно студентовъ на эту панихиду. Увѣренность была только за военно медицинскую академію, въ которой всѣ старосты (институтъ старость былъ только въ академіи) оповѣстили о панихидѣ по своимъ курсамъ и поручились, что придетъ во Владимірскій соборъ, гдѣ устраивалась панихида, вся академія. Медики дѣйствительно оправдали свое обѣщаніе. Поднять былъ вопросъ и объ участіи на панихидѣ рабочихъ. Но изъ опасенія повредить рабочимъ на этотъ счетъ рѣшеніе было уклончивое и скорѣе отрицательное. Мнѣ, однако, казалось, что рабочихъ постепенно нужно приобщать къ общему движенію. Поэтому я и на этотъ разъ сообщилъ своимъ знакомымъ рабочимъ о панихидѣ по Чернышевскомъ. Панихида состоялась, какъ я сказалъ, во Владимірскомъ соборѣ, но вышла она уже черезъ — чуръ скромна, безъ всякой демонстраціи: не было ни рѣчей, ни шествія, ни вѣнковъ — ничего. Церковь была переполнена студентами въ формѣ. Священникъ долго колебался, да такъ и не рѣшился отслужить панихиду. Студенты постояли, постояли и затѣмъ съ пѣніемъ «Святый Боже» и «Вѣчная память» въ самой церкви стали выходить на паперть и на площадь. На площади, кромѣ одного околоточнаго, полиціи совсѣмъ не было. Она была спрятана. Студенты, потолкавшись на площади, постепенно разошлись по домамъ.

Да, читатель, блѣдное, сѣрое, глухое было время... Между прочимъ среди студентовъ въ церкви было нѣсколько и моихъ знакомыхъ рабочихъ. Они были одѣты въ обычный штатскій костюмъ, что среди массы форменнаго студенчества обращало на себя невольное вниманіе. И вотъ молодежь приняла ихъ за сыщиковъ, а по адресу одного изъ рабочихъ былъ даже пущенъ эпитетъ «гороховое пальто». Объ этомъ съ чувствомъ обиды рабочіе мнѣ сами потомъ рассказывали. Настолько въ то время было необычно участіе рабочихъ въ демонстраціяхъ вмѣстѣ съ учащейся молодежью, что послѣдняя какъ то не могла себѣ даже представить, чтобы на панихидѣ по Чернышевскомъ люди по лицамъ и одеждѣ похожіе на рабочихъ были дѣйствительно рабочіе.

II.

Съ кружкомъ интеллигенціи, состоявшимъ по преимуществу изъ технологовъ, я близко сошелся и вошелъ въ него только въ концѣ 1889 и началѣ 1890 года. Была ли у насъ какая либо программа, были ли руководящія тенденціи въ дѣятельности среди рабочихъ? Въ сущности мы не имѣли строго опредѣленной программы и съ современной точки зрѣнія не выражали какихъ либо строго партійныхъ взглядовъ. Но насъ называли социаль-демократами въ отличіе отъ народovolьцевъ. И это названіе въ значительной мѣрѣ было правильно. Мы не были народovolьцами, потому что отрицали терроръ; потому что считали необходимымъ образование самостоятельной рабочей партіи; потому что теоретически мы близки были къ марксизму. Но въ то же время мы не были и социаль-демократами въ собственномъ смыслѣ этого слова. Относительно самостоятельности рабочаго движенія нужно замѣтить, что оно было какъ бы нашимъ символомъ вѣры. Свою роль, какъ интеллигенціи, мы понимали какъ служебную и только временно руководящую. Это выражалось и въ организациі рабочихъ и въ бытовой помощи, въ различныхъ ихъ нуждахъ, и даже въ характерѣ пропаганды, и наконецъ въ попыткахъ привлеченія рабочихъ къ участию въ періодическомъ изданіи, которое мы затѣяли, и о которомъ я скажу нѣсколько словъ ниже.

Теоретическихъ разговоровъ, особенно на програмныя темы, у насъ бывало очень мало. Всѣ какъ то сходились на указанныхъ выше положеніяхъ и на нашихъ общихъ собраніяхъ больше вели разговоры о практическихъ вопросахъ: о распредѣленіи рабочихъ кружковъ, о сборѣ денегъ, о программѣ чтеній и, наконецъ, объ организациі рабочихъ.

Мы были практики и даже сознательно уклонялись отъ обсужденія програмныхъ и теоретическихъ вопросовъ, не видя возможности рѣшить такіе напр. изъ нихъ, какъ вопросъ объ общинѣ, о судьбахъ капитализма, объ отношеніи къ крестьянству и т. п. Когда мы, напр., рѣшили издать на русскомъ языкѣ протоколы парижскаго международнаго социалистическаго конгресса 1889 года, то при обсужденіи предисловія къ этому изданію мы старательно подчеркивали свою теоретическую неопредѣленность и чисто практическія наши цѣли объединенія рабочихъ и развитія въ нихъ самостоятельности. Мы тѣмъ болѣе не рѣшались причислять себя къ какой-либо партіи. Это было еще слишкомъ рано. До «партій» было еще далеко. «Народная Воля» окончательно разлагалась, а съ существовавшими тогда народovolьческими кружками (напр. съ кружкомъ Качаровскаго, Бѣляева, Истоминой) мы даже вели борьбу, стараясь отвлечь отъ нихъ и тѣхъ немногихъ рабочихъ, которые у нихъ были. Социаль-демократія только-только еще намѣчалась. О группѣ же «Освобожденія Труда» какъ то позабыли. Изъ новыхъ, заграничныхъ органовъ послѣ «Самоуправленія», въ которомъ

была какая-то смѣсь стараго народовольчества съ либерализмомъ началъ было выходить въ 1890 году въ Швейцаріи «Соціалистъ», но и онъ въ сущности ничего опредѣленнаго не давалъ, и кажется на первомъ № прекратился. А намъ какъ-то было *некогда* разбираться во всѣхъ этихъ вопросахъ.

Надо сознаться, что и здѣсь, даже въ такомъ дѣлѣ, какъ пропаганда среди рабочихъ, насъ охватывала атмосфера тѣхъ «маленькихъ дѣлъ», которая увлекали многихъ интеллигентовъ, даже занимавшихся революціонной дѣятельностью. Да, такое настроеніе было. Въ стремленіи дѣлать практическое дѣло мы доходили въ отрицаніи партійныхъ программъ до крайности и теряли общія политическія перспективы. Политическая и соціалистическая пропаганда перемѣшивалась съ чисто культурной. Помню, напр., какъ я водилъ нѣсколькихъ рабочихъ ткачей изъ за Невской заставы въ Александринскій театръ въ цѣляхъ пріобщенія ихъ къ общей культурѣ.

Не малую роль въ нашей работѣ играла и та бытовая помощь рабочимъ, о которой я упомянулъ выше. Эта «бытовая» помощь состояла въ томъ, что мы старались оказывать всякаго рода содѣйствіе рабочимъ въ ихъ борьбѣ съ хозяевами и даже въ ихъ личной жизни. У насъ были знакомые юристы, которые вели дѣла рабочихъ по искамъ ихъ съ хозяевъ, мы составляли заявленія и жалобы рабочимъ къ фабричнымъ инспекторамъ на разныя фабричныя притѣсненія и непорядки. Но, конечно, все это было въ ограниченныхъ размѣрахъ, какъ и вся тогдашняя дѣятельность среди рабочихъ. Я указываю на эту тенденцію, отчасти какъ на зародышъ того, что потомъ выразилось въ такъ называемомъ экономизмѣ.

Главной нашей работой была все таки пропаганда, основной задачей которой было выясненіе рабочимъ ихъ положенія, какъ рабочей силы, которая создаетъ прибавочную стоимость. Отсюда переходили къ выясненію капиталистическихъ отношеній, а затѣмъ къ понятію о социализмѣ. Въ качествѣ примѣра самодѣятельности рабочаго класса приводилась борьба рабочихъ на Западѣ. Однако подходящей литературы, особенно для чтенія самимъ рабочимъ, было очень мало, тѣмъ болѣе, что народовольческой литературой прежнихъ временъ пользовались мы крайне неохотно, своя же соціаль-демократическая еще не народилась. Потребность въ чтеніи и въ знаніяхъ среди рабочихъ была уже однако довольно развита, чему не мало содѣйствовали начинавшіеся въ то время вечерніе классы для рабочихъ, въ особенности за Невской заставой. Въ виду этого намъ приходилось давать для чтенія рабочимъ даже популярную литературу по естественнымъ наукамъ и астрономіи. Одно время была предпринята попытка объединенія нашего пропагандистскаго кружка съ кружкомъ учителей воскресныхъ школъ за Невской заставой для совмѣстныхъ дѣйствій среди рабочихъ на почвѣ ихъ умственнаго и политическаго развитія.

Немалую роль въ нашей пропагандѣ играла и легальная періодическая печать, въ то время проявлявшая себя въ либеральномъ на-

Н. В. ШЕЛГУНОВЪ и Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ.

правленіи едва ли только не въ однихъ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Нѣкоторые изъ насъ аккуратно читали рабочимъ кое-какія статьи изъ «Русскихъ Вѣдомостей», а въ особенности иностранныя корреспонденціи. Особенно читались, напр., корреспонденціи о международномъ социалистическомъ конгрессѣ въ Парижѣ и о другихъ происходившихъ тамъ конгрессахъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ рабочему вопросу. Въ нѣкоторые рабочіе кружки мы прямо выписывали газеты на наши общія средства и... опять таки все тѣ же «Русскія Вѣдомости».

Чтенія съ рабочими происходили преимущественно на ихъ квартирахъ, маленькими кружками, въ 5—6 человекъ, а лѣтомъ, гдѣ можно, на окраинахъ въ лѣсу или на полянкахъ. Такъ бывало напр. за Невской заставой.

Что касается организациіи рабочихъ, то разговоры о ней начались у насъ весной 1890 года, когда рабочихъ кружковъ было уже довольно много, много, конечно, по тогдашнимъ временамъ, а именно около 20-ти, считая въ каждомъ 6—7 человекъ. Въ каждомъ кружкѣ участвовалъ одинъ интеллигентъ, и насъ было въ это время тоже человекъ 20. Рабочіе кружки были уже почти во всѣхъ районахъ—на Путиловскомъ заводѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ Галерной гавани, за Невской заставой, на Выборгской сторонѣ, на Петербургкой и т. д.

Необходимость въ организациіи чувствовалась въ силу самыхъ различныхъ причинъ: и необходимости имѣть общую кассу на случай высылки рабочихъ, и для пріобрѣтенія литературы, и для поддержки стачекъ и протестовъ и т. д. Но какъ, въ какой формѣ устроить организацию? Нашъ интеллигентскій кружокъ, придерживаясь основной нашей задачи—исходить изъ самостоятельности рабочихъ, предложилъ обсудить планъ организациіи на общихъ собраніяхъ самихъ рабочихъ и тутъ же перезнакомить между собой наиболѣе развитыхъ рабочихъ изъ разныхъ районовъ. Такихъ собраній было два—за Нарвской заставой и на Васильевскомъ островѣ. Мнѣнія рабочихъ сводились къ тому, чтобы принципъ организациіи былъ чисто демократическій: кружки каждого района выбираютъ представителей въ районныя центральныя кружки, а эти послѣдніе—въ главный, общій центральный кружокъ, въ который долженъ входить и одинъ представитель отъ кружка интеллигенціи.

Однако этотъ планъ не осуществился. Весной 1890 г. за Невской заставой было сразу арестовано человекъ 15 рабочихъ и высланы на родину. Среди нихъ былъ высланъ и рабочій Николай К-нъ, ткачъ, игравшій за Невской заставой весьма видную роль въ рабочихъ кружкахъ. Странно было то, что у всѣхъ этихъ рабочихъ не было даже обысковъ. Вскорѣ же было арестовано и выслано нѣсколько рабочихъ съ Путиловскаго завода. Между прочимъ нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ Василій Б-новъ, игравшій въ то время видную роль среди путиловскихъ рабочихъ, поселились въ Тулѣ, поступили на патронный заводъ, а впоследствии завели тамъ кружки и вступили въ сноше-

нія съ нашими петербургскими рабочими. Кстати ужъ разскажу въ нѣсколькихъ словахъ о томъ, какъ это произошло. Зимой 1890 года одинъ изъ нашихъ петербургскихъ товарищей рабочихъ получилъ отъ товарищей, высланныхъ въ Тулу, письмо, съ просьбой прислать къ нимъ кого-либо изъ интеллигенціи, чтобы наладить у нихъ въ Тулѣ организацію рабочихъ кружковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ привезти и литературы. Изъ интеллигенціи поѣхать никому не пришлось, и мы, въ центральномъ рабочемъ кружкѣ, рѣшили отправить одного изъ путиловскихъ рабочихъ, стараго знакомаго нашихъ туляковъ, при чемъ снабдили его письмомъ и инструкціей. Письмо было написано въ теплыхъ ободряющихъ выраженіяхъ по адресу высланныхъ товарищей; въ немъ говорилось о томъ, что ихъ высылка не пройдетъ безплодно для рабочаго движенія, такъ какъ они будутъ продолжать тамъ прежнее дѣло и, по примѣру германскихъ социаль-демократовъ, которыхъ, при исключительномъ законѣ, разсылали по всей Германіи, распространять идеи социализма и покроятъ рабочими организаціями всю нашу страну. Письмо это очень тронуло рабочихъ и здѣсь, а въ особенности тамъ, въ Тулѣ, нашихъ изгнанниковъ, о чемъ съ умиленіемъ рассказывалъ намъ вернувшійся назадъ нашъ посланецъ. Между прочимъ, но уже въ 91 году, эта связь съ Тулой подала мысль связать петербургскую рабочую организацію съ организаціями другихъ городовъ. Отчасти это было исполнено.

Возвращусь однако къ Петербургу. Весна и лѣто 1890 года были чрезвычайно тяжелымъ временемъ для насъ. Изъ нашего кружка были арестованы технологъ Бурачевскій, горнякъ П. А. Г—ъ и др. Объ арестахъ среди рабочихъ я уже упоминалъ. Но особенно сильные аресты среди интеллигенціи произведены были въ связи съ проваломъ народовольцевъ—кружка Бѣляева, Качоровскаго, Фойницкаго и другихъ. Стало извѣстно, что выдаетъ И—а. Благодаря этимъ выдачамъ было арестовано еще нѣсколько человекъ изъ нашей компаніи, такъ какъ связи съ народовольцами у насъ все же были, хотя мы и рѣзко расходились съ ними и даже на собраніяхъ рабочихъ вели противъ народовольческой дѣятельности рѣшительную полемику.

Всѣ эти провалы, а затѣмъ и лѣтнее время, когда кое-кто изъ студентовъ-пропагандистовъ поразѣхался на каникулы, привели къ тому, что нашъ кружокъ совсѣмъ какъ-то развалился, а оставшіеся члены кружка растеряли связи съ рабочими.

Къ началу осени дѣло, однако, опять наладилось.

III.

Небольшой кружокъ рабочихъ, въ которомъ, между прочимъ, были Н. Богдановъ, Ѳедоръ Афонасевъ, Егоръ Афонасевъ, Гавриилъ Мееодьевъ, Петръ Евграфовъ и еще кое-кто, продолжалъ сходитья и поддерживать кое-какіе изъ прежнихъ рабочихъ кружковъ. Но въ ихъ средѣ не было интеллигенціи. Изъ интеллигент-

скаго кружка 1889 и 90 года оставалось къ осени всего 3—4 человекъ, при чемъ и они потеряли связи съ рабочими. Эту связь удалось возстановить черезъ посредство одного молодого рабочаго Яковлева, служившаго въ то время въ качествѣ приказчика въ книжномъ магазинѣ «Посредникъ» (толстовскій магазинъ). Этотъ молодой рабочій Яковлевъ былъ потомъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ на похоронахъ Шелгунова. Какъ послѣ я узналъ—онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ, не знаю точно по какимъ только причинамъ. Услуги движенію онъ оказывалъ для того времени большія.

Возстановивъ связь съ старыми кружковыми рабочими, наша небольшая интеллигентская компанія должна была пополнить и себя. Привлекли кое-кого изъ студентовъ технологовъ и изъ студентовъ университета, а затѣмъ неожиданное пополненіе явилось изъ среды студентовъ духовной академіи. Тамъ оказался кружокъ изъ десяти человекъ, уже давно теоретически подготовлявшихся для дѣятельности среди рабочихъ. Съ этими академиками насъ свелъ опять таки тотъ же молодой рабочій изъ магазина «Посредникъ», куда частенько они заходили за книжками и свели тамъ съ этимъ рабочимъ знакомство. Для болѣе близкаго знакомства съ ними, а также для обсуждения разныхъ нашихъ вопросовъ, мы собирались неоднократно въ помѣщеніи духовной академіи. Академики оказались хорошимъ народомъ, всѣ склонные къ социаль-демократіи, и большинство изъ нихъ тогда же взяли на себя веденіе рабочихъ кружковъ. Дѣло пошло довольно успѣшно. Къ началу 1891 г. у насъ снова было уже около 20-ти рабочихъ кружковъ. Направленіе пропаганды въ кружкахъ оставалось въ сущности прежнее. Новымъ въ устреніяхъ съ рабочими было—ознакомленіе ихъ съ политическимъ устрійствомъ европейскихъ государствъ, а не только одна политическая экономія и рабочій вопросъ, какъ въ предыдущіе годы. Кромѣ того, намѣчено было также двѣ программы занятій— одна агитаціоннаго характера для малоподготовленныхъ рабочихъ, другая— для болѣе подготовленныхъ, рассчитанная на болѣе продолжительное время, включавшая въ себя и естествознаніе, и исторію культуры. Въ дѣйствительности, конечно, выполнялась только первая, такъ какъ продолжительность существованія кружковъ была очень невелика. Къ тому же нѣкоторые изъ интеллигентовъ относились къ большой программѣ довольно скептически. Она была скучна и содѣйствовала образованію изъ рабочихъ «заученныхъ» и въ то же время пассивныхъ людей. Былъ въ то время, да и послѣ еще, такой типъ рабочихъ, которые много читали, много перевидали пропагандистовъ, перебивали въ нѣсколькихъ кружкахъ и въ концѣ концовъ становились большими скептиками по отношенію къ рабочему движенію, а главное почти ничего не дѣлали практически. Къ такому типу мы относились отрицательно и старались поставить дѣло такимъ образомъ, чтобы отнюдь не содѣйствовать выработкѣ подобныхъ пассивныхъ типовъ.

Развитіе самостоятельности въ рабочемъ движеніи поставлено было еще сильнѣе на первый планъ, чѣмъ прежде, а для этого

намъ снова пришлось взяться за организацію рабочихъ, имѣя въ виду побольше обратить вниманія на чисто экономическую борьбу рабочихъ. Организацію, однако, начали, такъ сказать, изъ центра, каковымъ явился именно тотъ самый рабочій Кружокъ, возобновившій съ осени 1890 года наши связи съ рабочими, о которомъ я упомянулъ выше. Въ него входило, насколько помнится, 6 чело-вѣкъ рабочихъ, являвшихся естественнымъ путемъ представителями отъ различныхъ районовъ, и одинъ представитель отъ кружка интеллигенціи, каковымъ съ конца 1890 года и вплоть почти до Шелгуновскихъ похоронъ былъ нѣкто бывший студентъ универси-тета, называвшійся Семеномъ Петровичемъ, а послѣ него М. И. Б....въ, о которомъ упоминаетъ въ своей статьѣ М. Александровъ (въ № 11 «Былого»). На одномъ изъ первыхъ собраній этого само-чиннаго центрального кружка рабочіе поставили С. Петровичу пря-мой вопросъ: что дѣлать, къ чему готовить рабочихъ. Настроение у нихъ было боевое, высказывались рѣшительныя требованія не только по части организаціи кружковъ, пропаганды и устройства кассы, но и активныхъ дѣйствій противъ фабричной администраціи и противъ властей. Эти порывы были довольно характерны для настроенія рабочихъ. Но интеллигентскій кружокъ относился къ этому настроенію скептически и упавшій духъ народолюбчества не собирався возобновлять. Наше соціалъ демократическое направ-леніе того періода усматривало ближайшую цѣль пока только въ организаціи и пропагандѣ. Поэтому представитель интеллигенціи рѣшительно воспротивился боевому настроенію рабочихъ и тѣ въ концѣ концовъ признали его правымъ. Но сначала, казалось, что центральному кружку какъ будто нечего будетъ дѣлать. Дѣла од-нако нашлось сколько угодно.

Вскорѣ же ему пришлось выступить на одномъ практи-ческомъ дѣлѣ, о которомъ стоитъ упомянуть для характеристики рабочаго движенія въ тотъ младенческой періодъ.

Въ концѣ января 1891 года въ Новомъ Адмиралтействѣ на постройкѣ судовъ возникла стачка, насколько помню, изъ за пониженія рабочей платы и изъ за частыхъ штрафовъ и взысканій. Управляющимъ завода былъ тогда адмиралъ Верховскій (кажется строившій тотъ самый броненосецъ Гангутъ, который впослѣдствіи утонулъ въ Балтійскомъ морѣ), упорно нежелавшій дѣлать ника-кихъ уступокъ рабочимъ. Это была едва ли не первая крупная стачка за тѣ годы въ Петербургѣ. Наше отношеніе къ стачкамъ было таково, что вызывать ихъ мы не считали возможнымъ, имѣя въ виду большую отвѣтственность за послѣдствія для рабочихъ, какъ матеріальныя, такъ и уголовныя. Но если стачка возникала помимо нашего вліянія, то мы считали необходимымъ вмѣшаться въ нее съ тѣмъ, чтобы выяснить рабочимъ общее значеніе стачекъ, а также и помочь въ успѣшномъ проведеніи ея. Стачка въ Новомъ Адмиралтействѣ возникла безъ всякаго съ нашей стороны вліянія. Тамъ, на заводѣ, не было у насъ даже никакихъ знакомствъ. И вотъ, чтобы не упустить случая, мы рѣшили принять въ ней участіе.

Съ этой цѣлью одному изъ рабочихъ центрального кружка удалось поступить на этотъ заводъ въ одну изъ мастерскихъ, не принимавшихъ участія въ стачкѣ. Затѣмъ мы рѣшили помочь стачечникамъ деньгами. Сборы шли и среди интеллигенціи и среди рабочихъ различныхъ фабрикъ и заводовъ по особымъ листкамъ со скромнымъ штемпелемъ: «временный рабочій комитетъ». Порядочная сумма была собрана также на студенческомъ вечерѣ въ день 8 февраля. Было, между прочимъ, прислано на стачку 10 р. изъ Казани отъ студентовъ съ выраженіемъ сочувствія «временному рабочему комитету». Теперь все это покажется чѣмъ-то черезчуръ мизернымъ. А тогда это трогало и вселяло надежды. Всего, однако, собрано было не больше 500—600 рублей. Но по тогдашнимъ временамъ эта сумма казалась очень крупной. Сборы на фабрикахъ и заводахъ сопровождались открытымъ чтеніемъ особой прокламаціи, въ которой разъяснялось значеніе стачекъ вообще и необходимости солидарности рабочихъ. И это въ тѣ глухія времена казалось новымъ и незауряднымъ явленіемъ. Разбросаны были прокламаціи и въ томъ самомъ Новомъ Адмиралтействѣ, гдѣ происходила стачка. Словомъ, насчетъ разъясненія смысла стачекъ, какъ средства борьбы рабочихъ съ капиталомъ и съ правительствомъ (разъясненіе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ было удобно потому, что заводъ-то былъ казенный), а также и насчетъ сбора денегъ все было обставлено сравнительно удачно. Но вотъ въ чемъ оказалось неожиданное затрудненіе. Предстояло раздать собранныя деньги стачечникамъ, въ то время уже сильно нуждавшимся, такъ какъ стачка тянулась уже недѣли двѣ. Но какъ раздать? Вотъ какой поистинѣ странный вопросъ стоялъ передъ центральнымъ рабочимъ кружкомъ. На самомъ заводѣ сначала оказалось это невозможнымъ. Разузнали, что на Васильевскомъ островѣ, въ одномъ изъ домовъ, гдѣ жилъ нашъ знакомый рабочій, помѣщается артель рабочихъ (низшихъ), работавшихъ въ Новомъ Адмиралтействѣ и участвовавшихъ въ стачкѣ. Попробовали двое изъ центрального рабочаго кружка пойти въ эту артель и поговорить со стачечниками, а также предложить и помощь деньгами. Тѣ отнесли крайне недовѣрчиво къ нашимъ посланцамъ, а потомъ говорили, что ихъ приходили подкупать отъ адмирала Верховскаго.

Кое-какъ все же удалось уладить дѣло. На заводѣ, черезъ того рабочаго изъ центрального кружка, который поступилъ туда на работу, разузнали адреса квартиръ семейныхъ забастовщиковъ и отнесли имъ деньги на домъ. Помощь принималась съ большою благодарностью. Наши рабочіе рассказывали, что особенно нуждавшіеся забастовщики благодарили за помощь въ 5—10 рублей чуть не на колѣняхъ.

По истинѣ были времена младенчества рабочаго движенія.

Къ такимъ же проявленіямъ первобытности относится напимѣръ изданіе рукописной (даже не гектографированной—техника вообще была у насъ большимъ мѣстомъ) рабочей газетки, которая имѣла цѣлью не столько руководство рабочимъ движеніемъ и тѣмъ болѣе

не принципиальную разработку программных вопросов, сколько главным образом освещеніе нужд самих рабочих. Наибольше цѣннымъ въ ней были помѣщавшіяся на ея страницахъ сообщенія самихъ рабочихъ, особенно о стачкахъ и столкновенияхъ рабочихъ съ мастерами. Газетка эта однако вышла, насколько помнится, не больше какъ въ двухъ №№.

Но возвращусь однако къ центральному кружку. Упомянутая стачка внесла все же большое оживленіе въ нашу работу. О рабочихъ заговорили и среди интеллигенціи, преимущественно, конечно, среди студенчества. Желающихъ работать среди рабочихъ изъ студенческой молодежи было много. Такъ, между прочимъ, нѣсколько студентовъ, и въ томъ числѣ извѣстный впоследствии марксистъ, авторъ первой марксистской книги, а затѣмъ лидеръ освободженцевъ, просили насъ познакомить ихъ съ рабочими. Кое съ кѣмъ изъ развитыхъ рабочихъ (не состоявшихъ впрочемъ въ центральномъ кружкѣ) мы дѣйствительно ихъ познакомили, а главное просили этого кружокъ помогать намъ литературной работой, переводами изъ нѣмецкой соц.-дем. литературы и пр., такъ какъ эти студенты, а въ особенности упомянутый освободженецъ выдѣлялись своими теоретическими знаніями, а намъ наукой и литературными работами заниматься было некогда. Но въ «организацию» новыхъ людей мы принимали съ большою осторожностью. Кое гдѣ возникали независимо отъ нашей организациіи отдѣльные рабочіе кружки съ участіемъ интеллигентовъ. Въ такихъ случаяхъ центральному рабочему кружку поручалось производить разслѣдованіе. И вотъ интеллигентъ Семень Петровичъ подъ видомъ рабочаго отправлялся въ такой, такъ сказать, самовольный кружокъ и старался разузнать, кто это былъ за интеллигентъ, откуда онъ явился и зачѣмъ. Разъ на этихъ разслѣдованіяхъ произошла такая сценка. Подъ видомъ рабочаго Семень Петровичъ явился въ кружокъ рабочаго Г. А. М-ва, куда долженъ былъ придти прежній его знакомый интеллигентъ, М. С. А-въ, недавно вернувшійся изъ ссылки. Рабочіе посидѣли, посидѣли и нарочно ушли, чтобы оставить Семена Петровича съ глазу на глазъ съ А-вымъ. Послѣдній, конечно, скоро разобралъ, кто такой якобы рабочій С. Петровичъ и разговоръ пошелъ уже на интеллигентскомъ языкѣ. Между прочимъ А-въ, человекъ далеко стоявшій отъ организациіи, однако, какъ оказалось, хорошо зналъ фамиліи многихъ изъ интеллигентскаго кружка. Значитъ, какъ говорится, «болтали» о насъ и тамъ, гдѣ не нужно было. Помню, напр., какъ одинъ изъ студенческихъ кружковъ проэктировалъ устроить широкое празднованіе рабочими 19 февраля, а именно объявить на этотъ день какъ бы однодневную забастовку. Но хорошо сознавая слабость рабочей организациіи, мы старательно отклоняли подобные широкіе планы. Однако стремленіе къ чему то болѣе широкому становилось все сильнѣе и сильнѣе. Заботы объ оживленіи рабочихъ кружковъ стали занимать насъ въ то время больше всего; ради этого оживленія на пасхѣ предпола-

галось устроить сравнительно большое собраніе рабочихъ съ участіемъ нѣсколькихъ лицъ и изъ интеллигенціи. Предполагалась вечеринка съ рѣчами и разговорами. Но она не осуществилась. Какъ разъ въ это время въ центральномъ рабочемъ кружкѣ по инициативѣ упомянутаго Семена Петровича, возникла другая мысль—почтить больного Н. В. Шелгунова.

Покойный писатель въ февралѣ и мартѣ 1891 года сильно заболѣлъ и не вставалъ съ постели. Къ нему ходили выражать соболѣзнованіе депутаціи отъ студентовъ, отъ литераторовъ, вообще отъ интеллигенціи. Черезъ Семена Петровича мы обратились къ знакомой намъ писательницѣ Е. Т. Б-вой, хорошо знавшей и семью Шелгуновыхъ, съ просьбой, чтобы она узнала: согласится ли Шелгуновъ принять депутацію отъ рабочихъ съ выраженіемъ ему соболѣзнованія. Шелгуновъ, какъ передавала г-жа Б-ва, былъ необычайно тронутъ такимъ сообщеніемъ и былъ нѣсколько удивленъ тѣмъ, что его знаютъ рабочіе. А рабочіе его дѣйствительно знали по нѣкоторымъ его статьямъ и главнымъ образомъ по статьямъ его «Пролетаріатъ во Франціи и въ Англии».

Заручившись согласіемъ на приемъ депутаціи, въ центральномъ рабочемъ кружкѣ сталъ обсуждаться вопросъ объ адресѣ и о составѣ депутаціи. Было рѣшено, что адресъ напишутъ сами рабочіе, а депутатовъ пойдетъ двое, при чемъ однимъ изъ нихъ долженъ былъ быть непременно Федоръ Афанасьевъ, пожилой рабочій ткачъ ¹⁾. Его мы намѣчали и за то, что онъ былъ умный,—весьма уважаемый товарищами и горячо преданный дѣлу рабочій, и за то, что онъ имѣлъ весьма почтенный видъ, казался даже старикомъ, несмотря на то, что ему въ то время было не больше 40 лѣтъ. Въ такомъ зрѣломъ возрастѣ рабочихъ социалистовъ было, конечно, очень мало. Вотъ почему такъ цѣнился нами и возрастъ и почтенность вида.

На этомъ, однако, мои личные воспоминанія и кончаются. Ни во время отправки депутаціи, ни на похоронахъ покойнаго Шелгунова мнѣ уже не пришлось быть...

Лѣтомъ 1891 года, на одномъ изъ сибирскихъ этаповъ передъ Красноярскомъ случайно попался мнѣ апрѣльской № «Русскихъ Вѣдомостей», и въ немъ я прочиталъ маленькое сообщеніе изъ Петербурга о похоронахъ Шелгунова. Въ этомъ сообщеніи упоминалось и о вѣнкѣ петербургскихъ рабочихъ... Къ сожалѣнію о смерти хорошаго, честнаго писателя, прибавилось ободряющее чувство... и даже нѣкоторое удовлетвореніе. Да, это не было уже случайное участіе маленькой, маленькой кучки рабочихъ, скромно скрывавшейся въ толпѣ студентовъ, какъ то было на похоронахъ Салтыкова или на панихидѣ по Чернышевскомъ, это была хотя и тоже небольшая кучка, но уже открыто заявлявшая о себѣ...

Описаніе похоронъ Шелгунова и участія въ нихъ рабочихъ

¹⁾ Онъ былъ убитъ черносотенцами въ Ивановѣ-Вознесенскѣ въ 1905 году, о чемъ упоминаетъ и М. Александровъ въ своей статьѣ въ № 11 „Былого“.

читатель найдетъ въ упоминавшейся уже мною статьѣ М. С. Александрава. Можетъ быть это описаніе, а также и самое приготовленіе къ шелгуновскимъ похоронамъ въ средѣ рабочихъ дополнить еще кто-либо изъ тогдашнихъ участниковъ движенія. Думается мнѣ, что это будетъ не лишнимъ и для памяти Шелгунова и для исторіи рабочаго движенія въ его младенческомъ періодѣ.

Глухое, сѣрое время восьмидесятихъ годовъ кончалось,—начиналось новое подготовительное десятилѣтіе къ зрѣлому десятилѣтію перваго десятка девятисотыхъ годовъ...

Въ заключеніе своихъ краткихъ воспоминаній привожу адресъ рабочихъ, поднесенный Шелгунову незадолго до его смерти.

Адресъ Петербургскихъ рабочихъ

Н. В. Шелгунову.

Дорогой учитель Николай Васильевичъ!

Читая Ваши сочиненія, научаешься любить и цѣнить людей подобныхъ Вамъ. Вы первый признали жалкое положеніе рабочаго класса въ Россіи. Вы всегда старались и стараетесь до сихъ поръ объяснить намъ причины, которыя отодвигаютъ насъ назадъ и держатъ насъ въ томъ угнетенномъ состояніи, въ которомъ мы закованы, словно въ желѣзныя цѣпи, нашими правителями и капиталистами.

Вы познакомили насъ съ положеніемъ братьевъ-рабочихъ въ другихъ странахъ, гдѣ ихъ тоже эксплуатируютъ и давятъ. Картина, которую Вы нарисовали, пробудила интересъ сначала не въ рабочихъ, а въ другихъ классахъ; да не для рабочихъ Вы и писали. Русскіе рабочіе принуждены такъ много и такъ постоянно работать, чтобы только жить, что имъ некогда читать. Да большая часть и не умѣетъ читать, а если кто изъ нихъ и умѣетъ,—что онъ найдетъ въ книгахъ, написанныхъ для рабочихъ? Никто не учитъ насъ, какъ выбираться изъ жалкаго положенія, въ которомъ мы теперь находимся. Намъ твердятъ о терпѣннѣи, о молчаніи, о томъ, чтобы мы не давали воли выраженію нашихъ страданій, и за это обѣщаютъ награду въ будущемъ. Только благодаря людямъ, которые, по Вашимъ собственнымъ словамъ, имѣютъ несчастье смотрѣть выше общаго уровня или выше классовыхъ интересовъ, научились мы понимать Ваши сочиненія и узнали, какъ наши товарищи - рабочіе въ Западной Европѣ добились правъ, борясь за нихъ и соединяясь вмѣстѣ. Мы поняли, что намъ, русскимъ рабочимъ, подобно рабочимъ Западной Европы, нечего разсчитывать на какую нибудь внѣшнюю помощь, помимо самихъ себя, чтобы улучшить свое положеніе и достигнуть свободы.

Тѣ рабочіе, которые поняли это, будутъ бороться безъ устали за лучшія условія. Вы выполнили Вашу задачу,—Вы показали намъ, какъ вести борьбу.

Можетъ быть ни Вы, ни мы не доживемъ до того, чтобы увидѣть будущее, къ которому стремимся и о которомъ мечтаемъ. Можетъ быть не одинъ изъ насъ падеть жертвою борьбы. Но это не удержитъ насъ отъ стараній достигнуть нашей цѣли.

Этотъ адресъ былъ напечатанъ въ 6-мъ выпускѣ «Рабочей Библиотеки» въ женеvскомъ изданіи 1892 года.

Вас. Голубевъ.

Рапортъ агента о похоронахъ Салтыкова.

Состоявшіеся 2-го мая похороны писателя М. Е. Салтыкова (Щедрина), несмотря на громадное стеченіе участвовавшихъ въ печальномъ шествіи, преимущественно изъ учащейся молодежи, прошли совершенно спокойно и порядокъ ни въ чемъ нарушенъ не былъ.

По окончаніи заупокойной литургіи и отпѣванія на Волковомъ кладбищѣ, гробъ, покрытый вѣнками,—изъ которыхъ на одномъ, отъ „технологовъ“, имѣлась надпись: „борцу за правду“,—отнесенъ до могилы студентами разныхъ учебныхъ заведеній. Здѣсь начались рѣчи, говорили въ числѣ другихъ: *Арсеневъ*, *Абрамовичъ*, Орестъ *Миллеръ*, *Тимирязевъ* и два студента: Петербургскаго Университета *Захарьинъ* и Военно-Медицинской Академіи *Ивановъ*. Рѣчи касались дѣятельности покойнаго какъ „обличителя неправды“. При этомъ, однакоже, рѣчи Ореста Миллера и Тимирязева отличались нѣкоторою тенденціозностью. Кандидатъ правъ, еврей Абрамовичъ, въ своей рѣчи указывалъ, что въ то время, какъ высшія власти поощряли погромы евреевъ, одинъ только Салтыковъ рѣшился поднять голосъ въ защиту еврейства. Студентъ Захарьинъ въ прочитанномъ стихотвореніи старался доказать, что Салтыковъ умѣлъ „будить уснувшія рабскія силы“ и, что со смертью его гибнетъ надежда на то, чтобы „угнетенные“ услышали слово, ободряющее ихъ.

3 мая 1889 г.

Николай Павлович Щедринъ.

О Н. П. Щедринѣ до сихъ поръ въ журналѣ «Былое» упоминалось очень мало, а между тѣмъ Н. П. въ революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ представлялъ довольно видную фигуру. Скажу то, что мнѣ извѣстно о немъ.

Н. П. родился въ городѣ Петропавловскѣ, Акмолинской области, гдѣ его отецъ былъ какимъ-то казеннымъ инженеромъ. Учился Н. П. въ Омской гимназіи, откуда, за непочтительное отношеніе къ какому-то изъ педагоговъ, былъ выключенъ. Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ въ 75 году съ цѣлью поступить въ университетъ. Въ 76 году онъ поступилъ въ университетскій кружокъ, во главѣ котораго были Георгій Преображенскій и Леонидъ Булановъ. Кружокъ этотъ раздѣлялъ программу «Земли и Воли» и скоро Н. П., въ качествѣ принадлежащаго къ «З. и В.», отправился въ Саратовъ, гдѣ организація «З. и В.» устраивала поселенія. Н. П. поступилъ въ Аткарскѣ на службу въ уѣздную земскую управу, кажется, секретаремъ управы, имѣя въ виду поселенческіе планы организаціи. Было это, кажется, весною 77 года. Въ 79 году, когда я былъ въ Саратовѣ съ предложеніемъ отъ основного кружка организаціи собраться на съѣздъ въ Воронежѣ, я видѣлъ Н. П. въ Саратовѣ.

Послѣ Воронежскаго съѣзда онъ прибылъ въ Петербургъ и послѣ раздѣла «Земли и Воли» на партію «Народной Воли» и «Чернаго Передѣла», присоединился къ послѣдней. Послѣ ареста нашей организаціи въ Кіевѣ, онъ явился въ Кіевъ и былъ тамъ въ числѣ главныхъ организаторовъ уже задуманнаго нами Южно-Русскаго рабочаго союза. Въ 80 году онъ былъ арестованъ и вмѣстѣ съ Павломъ Ивановымъ, Кашинцевымъ, Софьей Богомолецъ, Елизаветой Ковальской и др. былъ преданъ военному суду. Во время предварительнаго заключенія въ мартѣ мѣсяцѣ, когда вступилъ на престолъ Александръ III-й, Н. П. предложили присягнуть на вѣрность вступившему государю, но Н. П. отказался дать такуюю присягу. Въ судѣ Н. П. отказался принимать участіе,—(не помню было ли это общее рѣшеніе всѣхъ изъ его процесса, или только онъ одинъ такъ поступилъ), былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, которая была замѣнена безсрочной каторгой.

По пути на Кару во время продолжительной остановки въ

Иркутскѣ, кажется, въ ожиданіи пока станеть Байкаль, Богомолецъ и Ковальская, подъ видомъ надзирательницъ, бѣжали изъ тюремной больницы, но спустя нѣсколько дней послѣ побѣга, въ продолженіи которыхъ онѣ скрывались въ одномъ домѣ, ихъ пребываніе въ этомъ домѣ было открыто, и онѣ были вновь водворены въ тюрьму. При ихъ водвореніи въ тюрьму послѣ побѣга присутствовалъ тюремный инспекторъ полковникъ Соловьевъ, позволившій себѣ грубое обращеніе съ Ковальской и Богомолецъ. Онъ грубо кричалъ на нихъ, грозилъ заковать ихъ въ ручные и ножные кандалы и пр. въ этомъ родѣ, что и по сіе время позволяютъ себѣ наши тюремщики по старой привычкѣ.

Всю эту удалъ тюремщика надъ беззащитными женщинами Н. П. слышалъ въ своей камерѣ и попросилъ чрезъ надзирателя этого самаго Соловьева зайти къ нему. Бравый полковникъ, покочивъ съ дикими сценами въ камерѣ Богомолецъ и Ковальской, вошелъ въ камеру Щедрина. Н. П., зажавъ въ кулакѣ нѣсколько мѣди, только что полученной сдачи отъ надзирателя, далъ по фізіономіи Соловьеву съ такой силой, что полковникъ свалился съ ногъ. По словамъ Н. П. его чуть было солдаты не закололи штыками, ибо полковникъ, получившій плюху, въ это время вѣроятно вспомнилъ, что онъ дворянинъ, и въ ярости кричалъ солдатамъ: «Заколите его—я отвѣчаю!» Но смотритель тюрьмы упротилъ полковника, поздно вспомнишаго о своемъ дворянствѣ, уйти.

Если и на этотъ разъ Н. П. избѣжалъ казни, то это нужно приписать чести иркутскихъ дамъ, которыя приняли горячее участіе въ немъ, участіе, до того времени не проявленное нигдѣ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Случай, имѣвшій мѣсто въ тюрьмѣ съ полковникомъ Соловьевымъ, сталъ скоро извѣстенъ въ городѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ рассказывалось и о томъ, за что Н. П. проучилъ не въ мѣру ретиваго полковника. Дамы Иркутской аристократіи говорили о Н. П. въ своихъ салонахъ, какъ о рыцарѣ, защитникѣ слабыхъ женщинъ отъ грубостей необузданнаго полковника. Въ тотъ же вечеръ отъ дамъ Иркутска смотритель передалъ Н. П. цвѣты и отъ жены губернатора, Педашенко—бутылку портвейна и сочувствіе его поступку. Словомъ, случилось то, что, вообще, рѣдко встрѣчается,—неожиданно проснулось гражданское чувство и заговорило о своихъ правахъ. Далѣе отправились къ генералъ-губернатору просить его принять во вниманіе при сужденіи о поступкѣ Щедрина съ полковникомъ Соловьевымъ тѣ обстоятельства, которыя предшествовали этому, т. е. грубое обращеніе Соловьева съ женщинами, и не предавать его военному суду. Генералъ-губернаторъ, тотъ самый генералъ-губернаторъ Анучинъ, которому въ 1882 году учитель иркутской гимназіи Неустроевъ далъ пощечину и который поставилъ условіемъ остаться на своемъ посту, если Неустроевъ будетъ преданъ военному суду, отказалъ дамамъ въ ходатайствѣ за Щедрина. Н. П. вновь былъ преданъ военному суду и во второй разъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, но по конфірмаціи генералъ-гу-

бернатора, казнь была замѣнена прикованіемъ къ тачкѣ, говорили, благодаря неотступнымъ просьбамъ дамъ г. Иркутска. Такимъ образомъ мнѣ судила судьба еще разъ увидѣть Н. П. на каторгѣ, куда онъ пріѣхалъ въ апрѣлѣ 82 г.

По пріѣздѣ Н. П. на Кару для него сдѣлана была тачка, къ которой его и приковывали во время сдѣщенія Кары высшими властями, напр. когда былъ тамъ проѣздомъ на Сахалинъ главный начальникъ тюремнаго комитета Галкинъ-Врасскій. Прикованіе къ тачкѣ состояло въ слѣдующемъ: одноколесная тачка, такая, какія обыкновенно употребляются въ Россіи при нагрузкахъ на набережныхъ. Отъ нея идетъ длинная цѣпь, которая соединена съ кольцомъ ножныхъ кандаловъ, назначеніе котораго—подвязка кандаловъ къ поясу.

На Карѣ Н. П. пробылъ не долго. Пріѣхалъ онъ туда, какъ уже было сказано, въ апрѣлѣ 82 года. Въ маѣ мѣсяцѣ былъ обнаруженъ побѣгъ изъ тюрьмы Мышкина, Хрущова и другихъ, бѣжавшихъ спустя 2 недѣли послѣ побѣга первыхъ двухъ. Въ маѣ же, помнится, 11 числа 17 человекъ, въ числѣ которыхъ былъ и Н. П., перевели изъ политической тюрьмы въ Нижне-Карійскую тюрьму, верстъ за 15 отъ политической тюрьмы, гдѣ въ одиночныхъ камерахъ безъ печей, съ окнами вверху, какія дѣлаются въ конюшняхъ, камерахъ, до того времени занятыхъ сектантами, извѣстными на Карѣ подъ именемъ «не нашихъ», разсадили насъ 17 человекъ. Напр., я, Коваликъ и Студзинскій были помѣщены въ одной камерѣ безъ всякой мебели, до того тѣсной, что мы могли въ ней только лежать и когда приходилось кому либо пройти къ такъ называемой парашкѣ, то другіе 2 должны были подбирать подъ себя ноги. Мы просидѣли здѣсь до 15 іюля въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ. Насколько гигиеническія условія были невозможны, можно судить по тому, что 15 іюля, когда насъ, 8 человекъ, увозили изъ Кары въ Петербургъ, то мы были въ такой мѣрѣ малокровны, что, напр., я при искусственномъ освѣщеніи не могъ ходить, ибо ничего не видѣлъ, и меня водилъ подъ руку Буцынскій. Отправили насъ 8 человекъ: меня, Буцынскаго, Кобылянскаго, Щедрина, Геллиса, Игнатія Иванова, Орлова и Волошенко. Всѣ мы ѣхали по два въ почтовой сибирской телѣгѣ. Къ телѣгѣ, въ которой ѣхалъ Н. П., къ задку ея привязывалась тачка. Удивительное остроуміе,—везти тачку изъ Кары въ Петербургъ. Добро бы Щедринъ былъ въ пути прикованъ къ ней, ну, куда ни шло, можно было бы объяснить тѣмъ, что наказаніе неукоснительно приводится въ исполненіе. Но везти тачку за 10.000 почти верстъ, воля ваша,—такая идея можетъ придти только въ голову русскому начальству. Помню, какъ часто на почтовыхъ станціяхъ шли препирательства между ямщиками и жандармами по поводу этой злощастной тачки.

«— Вотъ, право, зря только привязывай, да отвязывай ее! Подумаешь невидаль такая, что въ Петербургѣ сдѣлать не сьумѣютъ!»—ворчали ямщики.

«— Ну, возражали ямщикамъ жандармы,—привязывай тамъ, что

разговаривать! сами знаемъ, что одна это глупость везти тачку за столько верстъ, и надѣла она намъ горше рѣдки, да что подѣлаешь, если въ бумагѣ сказано: 8 арестантовъ и одна тачка».

Съ такимъ товарищемъ Н. П. явился въ Петербургъ и поступилъ въ распоряженіе Ирода въ Алексѣевскій рavelинъ. Здѣсь онъ просидѣлъ 2 мѣсяца, прикованный къ тачкѣ, также какъ я и Игнатій Ивановъ въ кандалахъ. Потомъ явился Иродъ и заявилъ ему, что онъ освобождаетъ его отъ тачки за хорошее поведеніе, которое, вѣроятно, выразилось въ томъ, что онъ въ продолженіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, также какъ я и Ивановъ, не выходили изъ камеры даже на $\frac{1}{4}$ часа на воздухъ, чѣмъ пользовались поступившіе раньше насъ въ рavelинъ. Впрочемъ и имъ эта милость была оказана черезъ 6-ть только мѣсяцевъ. Щедринъ былъ совершенно отдѣленъ отъ насъ и сидѣлъ рядомъ съ кабинетомъ Ирода. Рavelинъ, какъ извѣстно, представляетъ изъ себя треугольникъ, по одной сторонѣ котораго, сидѣли: Тетерка, Арончикъ, Колодкевичъ, Поливановъ, Игнатій Ивановъ и Баранниковъ,—по другой: Фроленко, Морозовъ, Тригопи, Исаевъ, Лангансъ и Клѣточниковъ. Основаніе треугольника было раздѣлено на двѣ части дверью, ведущей во дворикъ для гулянья, находящейся внутри треугольника. За этой дверью и сидѣлъ Щедринъ и, вѣроятно, отгороженный отъ него кабинетомъ Ирода, Александръ Дмитріевичъ Михайловъ.

Какъ жилось Н. П. въ рavelинѣ, по крайней мѣрѣ, до того времени, какъ онъ, послѣ смерти Клѣточникова, былъ переведенъ въ камеру послѣдняго, трудно сказать. Когда онъ былъ переведенъ въ камеру Клѣточникова, о немъ только и извѣстно было мнѣ, что онъ сидитъ въ камерѣ Клѣточникова. То, что Н. П. мало стучалъ съ сосѣдями, это было совершенно непонятно, принимая во вниманіе общительность Н. П. и его живой характеръ. Очевидно, уже въ это время онъ былъ психически боленъ. Но въ этотъ моментъ пребыванія Н. П. въ Алексѣевскомъ рavelинѣ можно сказать, по крайней мѣрѣ, что онъ также жилъ, какъ жили и остальные, т. е. не имѣлъ ни книгъ, ни другихъ какихъ либо занятій. Получалъ утромъ кусокъ плохого чернаго хлѣба и кружку воды, въ обѣдъ щи самаго плохого достоинства съ кусочками мяса въ количествѣ 25 золотниковъ и кашу размазную и вечеромъ оставшіеся отъ обѣда щи. Кратко говоря, голодалъ, какъ голодали и всѣ, особенно въ постные дни, когда попечительное начальство для спасенія нашихъ душъ преподносило намъ щи со снятками далеко не первой свѣжести и ту же размазную съ постнымъ масломъ. Болѣлъ, какъ и всѣ цынгой и пр.

Сказать что либо больше о Щедринѣ за время его пребыванія въ рavelинѣ, о его психическомъ настроеніи, отъхъ думахъ, которыя посѣщали его въ его уединеніи,—я не могу. Увидѣлся я съ нимъ уже въ Шлиссельбургѣ, когда его выдающійся умъ уже погасъ.

Въ Шлиссельбургѣ на первыхъ порахъ мы могли судить о

томъ, что дѣлается съ Н. П., по тѣмъ крикамъ, которые раздавались изъ его камеры, и вознѣ съ нимъ въ корридорѣ, которыми всегда сопровождался насильственный переносъ Н. П. изъ новой тюрьмы въ старую. Пронесется по корридору тюрьмы болѣзненный, нервный крикъ, затѣмъ какой то продолжительный стонъ, который издаетъ обыкновенно человѣкъ съ зажатымъ ртомъ, сисящійся что-то сказать, и затѣмъ все стихнетъ. Эта душу надрывающая тишина говорила намъ сидящимъ, что Н. П. унесли въ старую тюрьму. Постучишь въ дверь, спросишь Ирода въ чемъ дѣло и въ отвѣтъ получишь:

—«Что тебѣ еще нужно?—«сумасшедшій человѣкъ», ну и кричить. Перевели въ ту тюрьму»...

На этихъ словахъ онъ обрывалъ разговоръ съ ехидной улыбкой на плотоядномъ ртѣ и хлопалъ форткой. Ровно этому звѣрю въ образѣ человѣка было недостаточно, что души уже и безъ того надорваны истерическими криками, которые только что замерли въ корридорѣ, и вотъ онъ этой своей улыбкой даетъ вамъ понять, что дальнѣйшія сцены перенесены въ другое мѣсто, въ старую тюрьму, гдѣ на просторѣ,—говорила все та же его не двусмысленная улыбка,—мы заставимъ его молчать. Что тамъ дѣлалось съ больнымъ Н. П., объ этомъ краснорѣчиво говоритъ самоубійство Софьи Гинсбургъ, которая, какъ то стало потомъ извѣстно, и рѣшилась на самоубійство только потому, что у ней не хватало душевныхъ силъ переносить расправу съ Н. П. въ старой тюрьмѣ. Предъ самоубійствомъ Гинсбургъ нѣсколько разъ, какъ говорили потомъ унтера, стучала въ дверь и спрашивала: что вы съ нимъ дѣлаете, за что вы его мучаете? Но не получивъ отвѣта на вопросъ души, она рѣшилась, чтобъ не слышать больше этихъ невыносимыхъ криковъ и стоновъ Н. П., покончить съ собой.

Самъ Н. П. въ свѣтлыя минуты своей жизни говорилъ мнѣ о томъ, какъ его въ старой тюрьмѣ жестоко избивали. Прдержавъ Н. П. недѣли двѣ—мѣсяцъ и полгода, и находя, что тѣ мѣры, которыя были пущены въ ходъ, въ достаточной мѣрѣ исправили Щедрина, Н. П. вновь переводили въ новую тюрьму. Черезъ нѣкоторое время вновь повторялось тоже самое и Н. П., при тѣхъ же надрывающихъ душу крикахъ и стонахъ, вновь переносился въ старую тюрьму...

Н. П. не гулялъ,—это мы знали,—но почему не гулялъ,—это оставалось неизвѣстнымъ, пока наконецъ при комендантѣ Гангартѣ докторъ Ремезовъ, человѣкъ гуманный, однажды не сказалъ мнѣ, что меня часто проситъ къ себѣ № 3-й, т. е. Н. П. и что и сегодня онъ подалъ жандармамъ записку на мое имя. Докторъ далъ мнѣ записку и въ ней я прочиталъ: «М. Р.! сколько ужъ разъ я просилъ васъ придти ко мнѣ въ гости, но отъ васъ ни отвѣта ни привѣта. Прошу еще разъ во имя старой дружбы придти сегодня ко мнѣ на чай. Я ужасно скучаю. Н. Щедринъ». Я заговорилъ съ докторомъ о болѣзни Н. П. и спросилъ у него, разрѣшитъ ли тюремная администрація исполнить его просьбу? Докторъ сказалъ мнѣ, что онъ говорилъ объ этомъ съ комендантомъ. Онъ прика-

заль, чтобъ смотритель передалъ вамъ его распоряженіе. Смотритель Федоровъ или, какъ мы называли его, Фекла, началъ мнѣ говорить о томъ, что онъ буйный и что, если я не боюсь, можно сдѣлать опытъ.

— Я распоряжусь,—сказалъ онъ,—чтобы дверь камеры 3-ей была только прихлопнута, но не заперта на замокъ. Какъ только вамъ будетъ угрожать опасность, жандармъ, стоящій у дверей камеры, откроетъ вамъ дверь и вы пожалуйте уходите сейчасъ же.

Я отправился къ Н. П. и, увидѣвъ его, былъ пораженъ изможденностью и блѣдностью его лица, которое можно только развѣ сравнить съ оберточной сѣрой бумагой. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, что предо мной стоитъ Н. П., который сохранился въ моей памяти съ волосами огненнаго цвѣта, прекрасными голубыми глазами и съ румянцемъ во всю щеку. Теперь предо мной стоялъ только такой-же высокой, стройный человекъ, какимъ былъ Н. П.: отъ всего же остального не осталось и слѣдовъ. Когда то свѣтлые глаза помутились и только блестѣли расширенные зрачки глазъ. Мы обнялись. Н. П. спросилъ меня,—почему я такъ долго не приходилъ къ нему, несмотря на неоднократное его приглашеніе.

— Скоро ты забываешь друзей,—сказалъ онъ съ грустью въ голосъ,—да и всѣ вы меня забыли!

Я старался кое какъ успокоить его, ибо докторъ предупредилъ, что онъ страдаетъ маніей величія. Мы сѣли и въ этотъ разъ Н. П. немолчно говорилъ о прошломъ. Я рѣшительно не замѣчалъ ничего, что бы говорило о томъ, что онъ психически больной человекъ. Замѣтна была сильно выраженная нервность и особенно нервное подергиваніе личныхъ мускуловъ. Я спросилъ у него,—почему онъ не выходитъ гулять, на что онъ отвѣтилъ: «не хочется». Я рѣшилъ убѣдить его выходить гулять, говорилъ ему о томъ, какъ мы огородничаемъ, какіе у насъ цвѣты, розы и пр. растутъ. Н. П. согласился все это посмотреть.

На другой день я пригласилъ доктора и заявилъ ему о моемъ намѣреніи гулять съ Щедринымъ. И тутъ только узналъ, что Н. П. не гуляетъ не по собственной волѣ, и что это только въ его больномъ мозгу преломилось такъ, будто онъ не выходилъ гулять по доброй своей волѣ. На мое заявленіе доктору о намѣреніи гулять со Щедринымъ, докторъ нѣсколько замаялся и хотя согласился со мной, что это подѣйствовало бы благотворно на здоровье Н. П., но въ то же время сказалъ мнѣ, что имѣются къ тому препятствія со стороны тюремной администраціи. Это меня удивило, хотя, казалось, я долженъ былъ бы привыкнуть ничему не удивляться по части жестокостей въ Шлиссельбургскомъ застѣнкѣ. Обращаюсь къ смотрителю.

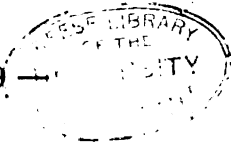
— «Неужели,—спрашиваю я смотрителя,—имѣются какія нибудь причины, которыми оправдывалось бы лишеніе прогулки Щедрина, психически больного, по свидѣтельству доктора?»

Смотритель кратко отвѣтилъ:

Николай Павлович
ЩЕДРИНЪ.

— Имѣются.

— Какія же такія,—спрашиваю,—причины? Вѣдь не налагаете же вы административныхъ взысканій по отношенію къ нему?

Смотритель отвѣтилъ, что больше онъ ничего не прибавитъ къ тому, что онъ уже сказалъ, но что, если я желаю, онъ пригласитъ ко мнѣ коменданта и, быть можетъ, онъ найдетъ возможнымъ сказать о причинахъ, по которымъ Щедринъ не можетъ пользоваться наравнѣ съ нами прогулкой. Я попросилъ пригласить ко мнѣ коменданта. На другой день ко мнѣ пришли: комендантъ, докторъ и смотритель. И вотъ тутъ-то я и услышалъ отъ коменданта, что и меня, привыкшаго ко всему возможному въ Шлиссельбургѣ, поставило въ тупикъ. На мой вопросъ, почему Щедринъ лишень прогулки и неужели онъ, психически больной, подвергается дисциплинарнымъ взысканіямъ за неисполненіе тюремныхъ правилъ,—комендантъ отвѣтилъ:

— Административнымъ взысканіямъ не подвергаютъ, но я не могу выводить его на прогулку, ибо онъ часто говоритъ непочтительно объ особѣ Государя Императора. Дѣйствительно, прежде его за это наказывали, но послѣ того, какъ докторъ призналъ его душевно больнымъ человѣкомъ, мы на него никакихъ взысканій не налагаемъ, но не могу же я его выводить на гулянье, гдѣ стоитъ карауль, а вверху по стѣнамъ ходятъ простые рядовые, которые будутъ слышать его непочтительные отзывы объ особѣ Государя. Вы только вчера одинъ разъ видѣли его и потому не можете составить себѣ понятія о немъ. Ему вотъ взбрело въ голову, что онъ потомокъ рюриковичей, и вотъ вы бы и послушали, что онъ говоритъ тогда. Вотъ спросите у смотрителя,—какъ онъ насъ всѣхъ честитъ.

Смотритель, улыбаясь, говоритъ:

— Сегодня только что во время раздачи вечерняго чая кричалъ: «Эй вы, . . . ! чтобъ у меня было все въ исправности» и пошелъ плестъ, какъ обыкновенно—закончилъ смотритель.

— Вотъ видите!—сказалъ многозначительно комендантъ:—Выведи его на прогулку, онъ и начнетъ къ соблазну рядовыхъ говорить всякія пошлости. Нѣтъ, этого я допустить не могу,—сказалъ рѣшительно комендантъ.—Вы теперь знаете, что его теперь за это не наказываютъ,—пусть себѣ въ камерѣ говоритъ, что ему угодно. Богъ съ нимъ, если Господь наказалъ его такой болѣзью, но я не могу допустить, чтобы онъ говорилъ такія слова громогласно, въ присутствіи рядовыхъ.

Я сталъ ему говорить, что это же неслышанная жестокость по отношенію къ больному и, наконецъ, вѣроятно, и докторъ согласится съ моимъ предположеніемъ, что на прогулкѣ умъ его въ этомъ болѣзненномъ направленіи меньше будетъ работать, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, такъ какъ при всей бѣдности разнообразія, которое можетъ дать наша прогулка, все же прогулка дастъ такого разнообразія больше,—дастъ болѣе впечатлѣній его уму, чѣмъ камера,

и что поэтому его умъ меньше будетъ имѣть шансовъ сбиваться въ эту сторону. Докторъ поддержалъ меня и предложилъ коменданту сдѣлать опытъ. Наконецъ, комендантъ согласился попробовать вывести Щедрина на прогулку. Теперь и читателю станутъ понятными тѣ крики, зажиманіе рта и переводъ Щедрина въ старую тюрьму. Все это вызывало непочтительное отношеніе Щедрина къ особѣ Государя Императора, когда, вѣроятно, отъ соблазна приходилось предохранять и насъ, какъ предохранялись до моего разговора съ комендантомъ рядовые. И такъ Н. П., если допустить даже, что болѣзнь его началась уже въ Шлиссельбургѣ,—хотя есть основаніе думать, что онъ былъ боленъ уже въ равелинѣ,—просидѣлъ психически больнымъ въ Шлиссельбургскомъ застѣнкѣ свыше 10-ти лѣтъ, ибо только въ 95 году онъ былъ вмѣстѣ съ Конашевичемъ увезенъ изъ Шлиссельбурга.

Послѣ этого разговора съ комендантомъ, я часто бывалъ и въ камерѣ Н. П., и гулялъ съ нимъ. Въ свѣтлые промежутки своей болѣзни Н. П. былъ столь же умнымъ и подчасъ остроумнымъ собесѣдникомъ, какимъ я его зналъ и на волѣ. Но приступы его болѣзни наступали мгновенно. Часто это бывало и въ моемъ присутствіи. Достаточно иногда было того, что онъ замѣчалъ во время разговора, что въ глазокъ смотритъ жандармъ, онъ вскакивалъ съ мѣста, бросался къ двери и начиналъ громкую брань по адресу виновника, и затѣмъ его умъ начиналъ работать въ болѣзненномъ направленіи. Онъ требовалъ къ себѣ американскаго консула, чтобъ чрезъ его посредство заявить цивилизованному міру о томъ, кто онъ такой по крови, и требовать вмѣшательства международной дипломатіи, чтобы вырвать его изъ рукъ тираніи. Въ такія минуты я съ грустью оставлялъ его и уходилъ въ свою камеру.

Ко всему сказанному я могу еще прибавить, что намъ удалось узнать отъ доктора Безроднаго о судьбѣ Щедрина, послѣ увоза его изъ Шлиссельбурга. Н. П. былъ отправленъ въ Казань. Тамъ онъ находится и по сей день ¹⁾.

М. Поповъ.

¹⁾ Не можетъ ли кто нибудь доставить намъ свѣдѣнія о родныхъ Н. П. Щедрина? Это нужно для сообщенія имъ нѣмущихся въ Шлиссельбургскомъ комитетѣ свѣдѣній о положеніи больного.

Ред.

Первое мая въ Россіи.

(Окончаніе ¹).

Въ 1904 году еще явственнѣе сказалось обособленіе социал-демократическихъ организацій отъ массы въ вопросѣ о празднованіи Перваго Мая. „Неудача“ майскаго праздника, неудача съ точки зрѣнія вышеизложеннаго взгляда, уже заранѣе угадывалась наиболѣе освѣдомленными товарищами и нашла себѣ объясненіе въ статьѣ „Искры“ о Періодѣ Мая. Это была длинная передовая статья въ № 64, вышедшемъ 18 апрѣля. Она широко ставила вопросъ, дѣлала бѣглый обзоръ первомайскаго движенія во всемъ мірѣ и констатировала, что „политическое значеніе майскаго праздника ослабло“ и только на окраинахъ всемірной имперіи капитала, во вновь пробуждающихся къ современной классовой борьбѣ странахъ майскій праздникъ, какъ и 15 лѣтъ назадъ въ западной Европѣ, становится днемъ, когда силы стараго и новаго міра мѣряются другъ съ другомъ. Это уже позволяло предсказать „ослабленіе значенія Перваго Мая“ и на „окраинахъ“, по мѣрѣ развитія въ нихъ власти капитала. Однако же „Искра“ высказала надежду, что прежнее значеніе Перваго Мая будетъ восстановлено русской революціей и въ первомайской статьѣ слѣдующаго года выразила увѣренность, что ее предсказаніе начинаетъ сбываться. Здѣсь боролись объективность наблюдателя и привязанность его къ старому взгляду. Въ результатѣ этой борьбы долженъ появиться новый взглядъ на задачи Перваго Мая.

Въ статьѣ „Искры“ очень цѣнно признаніе факта, что международное празднованіе Перваго Мая не удовлетворяетъ насъ, но попытка объяснить этотъ фактъ, кажется мнѣ, неудовлетворительной; объясненіе заключается въ слѣдующемъ: „Политическая борьба организованнаго пролетаріата такъ усложнилась, что терявшая агитаціонную свѣжесть новизны ежегодная демонстрація стала занимать во всей борьбѣ относительно все болѣе скромную роль. Планомѣрная политика социалдемократіи извле-

¹) См. „Былое“, октябрь и ноябрь.

каетъ изъ майской демонстраціи все то, что можно изъ нея извлечь безъ излишняго напряженія революціонныхъ силъ, но въ общей суммѣ работы майская агитація продолжаетъ давать незамѣнимые плоды воспитанія сознанія международной солидарности“.

Я не согласенъ съ тѣмъ, что наши западноевропейскіе товарищи извлекаютъ изъ первомайской демонстраціи все то, что можно изъ нея извлечь; не согласенъ также съ тѣмъ, что она продолжаетъ давать плоды, о которыхъ говоритъ цитата; но не выходя за предѣлы задачъ этой статьи, я не могу вдаваться въ объясненіе указанныхъ здѣсь обстоятельствъ ¹⁾ и лишь отмѣчаю, что русскимъ социалдемократамъ, видѣвшимъ въ демонстраціи Перваго Мая день битвы, приходилось относить битву до другого дня; но тогда Первое Мая превращалось въ „порожній день“, какъ и всѣ праздники, которые чтитъ нашъ официально-христіанскій міръ. Поэтому, въ сущности, статья „Искры“ является надгробнымъ словомъ великой идеѣ Перваго Мая для товарищей, на мой взглядъ ошибочно понимавшихъ значеніе этого дня.

Одновременно съ этой статьей появилось другое литературное произведеніе, блестяще выразившее инныя тенденціи. Оно, наоборотъ, полно жизни и страсти, въ немъ нѣтъ и тѣни упадка значенія этого дня. Я имѣю въ виду майскую прокламацію Центрального комитета Партіи. Мнѣ представляется, что впервые за 12 лѣтъ послѣ замѣчательной прокламаціи Группы Народовольцевъ 1892 г., эта прокламація явилась историческимъ документомъ, выразившимъ цѣлое міросозерцаніе. Всѣ тѣ тысячи прокламацій социалдемократовъ и социалистовъ-революционеровъ, которыя вышли въ Россіи въ миллионахъ экземпляровъ между этими двумя прокламаціями, кажутся только безконечно разнообразными переходными формами въ общемъ развитіи идей отъ первой ко второй. И насколько эта вторая стоитъ выше первой! Я привожу ниже цѣликомъ эту прокламацію нашего Центрального Комитета, выпущенную наканунѣ событийъ въ Россіи, полныхъ всемірно-историческаго значенія. Бросаются въ глаза стилистическіе недостатки этого произведенія и чудится, что авторъ въ экстазѣ спѣшилъ набро-

¹⁾ Первоначально я предполагалъ провести въ этой статьѣ параллель между празднованіемъ Перваго Мая за границей и въ Россіи, но избытокъ матеріала заставилъ меня ограничиться Россіей. Мнѣ приходилось присутствовать на праздникѣ Перваго Мая во Франціи, Швейцаріи, Бельгіи, Германіи и Швеціи, но повсюду онъ вызвалъ во мнѣ чувство неудовлетворенія. Будучи членомъ комиссіи по вопросу о Первомъ Мая отъ русской делегаціи на Парижскомъ Международномъ Соціалистическомъ Конгрессѣ, я пытался внести въ проектъ резолюціи тѣ тенденціи, которыя я защищаю въ этой статьѣ, но это мнѣ не удалось. На Амстердамскомъ конгрессѣ мнѣ снова казалось, что съѣздъ невнимательно относится къ вопросу о Первомъ Мая; резолюціи нашихъ международныхъ конгрессовъ шаблонно призываютъ „еще съ большей энергіей“ поддерживать то, значеніе чего „ослабѣваетъ“ видимымъ для всѣхъ образомъ.

сать на бумагу свои мысли, какъ художникъ импрессионистъ, мало заботясь о формахъ, а издатели не рѣшились внести даже и поверхностныя редакціонныя поправки. Вотъ эта прокламація:

„Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Первое мая.

Привѣтъ вамъ, товарищи! Всему россійскому пролетаріату, всѣмъ борцамъ за наше великое соціалдемократическое дѣло— привѣтъ и поздравленіе съ наступленіемъ нашего свѣтлаго, нашего всемірнаго, нашего рабочаго праздника.

Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ
Да чтится свято праздникъ майскій!
То праздникъ братства и любви,
Свободы радостной и свѣта
Весны грядущей вѣстникъ чудный!

Хмурится старая Европа, гремятъ орудія на Дальнемъ Востока, щедро расточается кровь россійскаго и японскаго пролетаріата, буржуазные дипломаты всего міра стараются превзойти другъ друга въ козняхъ, лжи, лицемѣріи и интриганствѣ.

Вооружаются безчисленныя арміи, строятся чудовищныя броненосцы, возводятся несокрушимыя крѣпости, цѣлые миллиарды народныхъ средствъ идутъ на то, чтобы отгородить одинъ народъ отъ другого, чтобы воспользоваться минутой и придушить слабого...

Тризну, кровавую тризну справляютъ старые боги одряхлѣвшаго буржуазнаго міра! Тризну, погребальную тризну надъ своимъ собственнымъ дѣломъ, дѣломъ вражды, крови, угнетенія, челоуѣконенавистничества, мрака и позора!

Взгляните: вотъ они, чудные символы новаго вѣка, новое знамя на небѣ:— „симъ побѣдиши!“

Надъ этой обездоленной страной, въ эту тяжелую годину народныхъ бѣдъ, мы по прежнему гордо и смѣло поднимаемъ наши свѣтлыя и чистыя, наши майскія знамена! Какъ свѣтозарно вѣютъ они рядомъ съ такими же знаменами нашихъ нѣмецкихъ и французскихъ, англійскихъ и голландскихъ, американскихъ и испанскихъ, австрійскихъ и итальянскихъ, нашихъ японскихъ и другихъ товарищей-пролетаріевъ почти всѣхъ странъ міра!..

Какъ все просто и ясно, честно и правдиво на нашемъ дружномъ, братскомъ, рабочемъ праздникѣ. Не нужно намъ ни лживыхъ нотъ, ни ловкихъ дипломатовъ! Достаточно нѣсколькихъ лучей животворящаго весенняго солнышка, чтобы весь міръ прочелъ на нашихъ знаменахъ нашъ первый, всемірный, пролетарскій, майскій девизъ: *пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!* Такъ рѣшаемъ мы вопросъ о границахъ, такъ отвѣчаемъ мы старому міру на его злобную травлю народа на народъ...

Выше знамена, товарищи! Тѣсно сплетайте ихъ — русское

съ японскимъ, нѣмецкое съ французскимъ, Петербурга и Гельсингфорса, Москвы и Варшавы!..

Намъ не нужны многотомные трактаты международнаго, гражданскаго, уголовнаго, полицейскаго и всякаго другого буржуазнаго права, чтобы весь мѣръ уразумѣлъ глубокой и простой смыслъ втораго нашего всемирнаго пролетарскаго первомайскаго требованія: *восьмичасоваго рабочаго дня!*

Мы не скотъ подъяремный, мы люди! намъ нуженъ досугъ для свободнаго развитія своей человѣческой личности, для удовлетворенія своихъ духовныхъ запросовъ, для отправленія нашихъ семейныхъ, нашихъ гражданскихъ обязанностей. Да, и нашихъ гражданскихъ обязанностей! Ибо во всемъ мѣрѣ наиболѣе стойкими гражданами, наиболѣе передовыми борцами за дѣло гражданской свободы, наиболѣе вѣрными слугами всего человѣчества оказались мы, пролетаріи міра! И здѣсь, въ этой странѣ насилія и гнета, своею кровью доказали мы нашу гражданскую зрѣлость. Вотъ почему мы, пролетаріи, въ день Перваго Мая развѣтываемъ наше гордое, наше боевое, красное знамя! Оно горитъ и ярко рдѣветъ—то кровь работниковъ на немъ!

То честная кровь нашихъ товарищей, павшихъ въ борьбѣ за лучшую долю рабочихъ, за свободу, за счастье нашей родины. Каждая капля этой благородной крови предотвращаетъ цѣлые потоки крови, которую бы пролилъ россійскій народъ, не будь у него мужественнаго защитника, пролетарія-гражданина.

Отъ имени всего россійскаго пролетаріата въ этотъ великій день нашего рабочаго праздника—вѣчная слава и память намъ, благороднымъ мученикамъ доблестнаго дѣла! Вотъ пароль славнаго пути нашихъ павшихъ борцовъ, нашей вѣрной дороги.

Взгляните, какимъ трепетомъ, какою тревогою охваченъ весь вражескій станъ въ день нашего рабочаго праздника. Сколько штыковъ держать они на готовѣ, сколько казацкихъ нагаекъ висятъ уже въ воздухѣ, какъ мечутся и снуютъ ихъ шпионы и полицейскіе! Они, вооруженные съ ногъ до головы, трепещутъ насъ, безоружныхъ... Они, со всѣми своими тысячами поповъ, чиновниковъ, продажныхъ писаекъ, лакеевъ профессоровъ, со всѣмъ тѣмъ дурманомъ, которымъ они уже столько вѣковъ опаивали трудящіяся народныя массы—трепещутъ нашего простаго безхитростнаго слова, нашихъ ясныхъ, какъ майскій день, требованій.

Они знаютъ, что наше слово есть истина, а съ истиной нельзя бороться ни ложью, ни штыками. Для истины изъ человѣческаго сознанья есть только одна дорога—въ жизнь. Они знаютъ, что наши требованія такъ просты и ясны, такъ напоминаютъ точно выраженный великій въ своей простотѣ законъ природы только потому, что они представляютъ точно выраженный законъ исторіи.

За вѣкомъ королей, фабрикантовъ, чиновниковъ, поповъ и жандармовъ наступаетъ вѣкъ свободныхъ, равноправ-

ныхъ людей—работниковъ, гражданъ. За вѣкомъ гнета, насилія, лжи, нищеты, муки и слезъ—свѣтлое царство свободы, науки и счастья, пролетарскій социализмъ!

Гдѣ же сила, которая бы могла задержать зиму, предотвратить весну, снова заморозить земной шаръ! гдѣ та сила, гдѣ то правительство, которое могло бы устоять передъ солидарностью пролетаріевъ всего міра, этимъ вѣстникомъ весны всего человѣчества, торжественно чествуемой нами въ день Перваго Мая?!

И гдѣ тотъ новый пророкъ, который бы смогъ наслатъ „египетскую тьму“ на наши прозрѣвшія очи? развѣ не видѣли мы отсюда, изъ нашего родного несчастнаго края долготерпѣнія, какъ справляютъ этотъ веселый праздникъ мая наши болѣе счастливые товарищи, граждане политически свободныхъ странъ. Свободно собираются они на многолюдныхъ собраніяхъ, гдѣ смѣло говорятъ имъ объ ихъ жизни, о путяхъ къ лучшей долѣ ихъ любимые вожди и ораторы. Правдивое слово пролетарской прессы свободно заливаешь свѣтомъ всю страну. Величественными процессіями, съ развѣвающимися знаменами, въ своихъ лучшихъ одеждахъ, въ сопровожденіи своихъ женъ и дѣтей, гордо и торжественно пойдутъ они по шумнымъ городамъ и ни войска, ни полиція не посмѣютъ коснуться ихъ. Они еще разъ открыто и мощно заявятъ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ и потребуютъ у правителей отчета въ каждомъ истраченномъ народномъ рублѣ, въ каждомъ призванномъ солдатѣ. И правители должны будутъ отвѣчать въ парламентахъ представителямъ рабочихъ, должны будутъ считаться съ пролетарскою волею.

Прозрѣли мы и не хотимъ, не можемъ, не должны быть слѣпыми! Намъ ненужно вести, мы сами найдемъ дорогу! Наши правители должны быть выбраны нами, должны быть на отчетѣ у насъ! Мы должны знать на что идетъ нашъ кровный трудъ, на что тратятся наши жизни! Мы хотимъ свободной печати, свободнаго слова! Мы хотимъ свободы собраній, союзовъ и сходовъ! Мы требуемъ политической свободы, республиканскаго правительства, правительства на отчетѣ у народа!

Отъ имени всего російскаго пролетаріата—долой самодержавіе! долой долой самовластныхъ министровъ, истерзавшихъ грудь російскаго народа своими поборами, своими тюрьмами, штыками, нагайками!..

Греческій мудрецъ, Архимедъ, сказалъ: дайте мнѣ точку опоры и я переверну весь земной шаръ. Мы, пролетаріи, говоримъ вамъ: дайте намъ политическую свободу, дайте намъ восьмичасовой рабочій день, и мы покажемъ какъ можетъ быть счастлива жизнь на землѣ!

Привѣтъ вамъ, товарищи! Да свѣтитъ вамъ ясно майское солнце! Да здравствуетъ російская, да здравствуетъ международная социалдемократія!

Центральный Комитетъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.“

Повторяю: въ этихъ двухъ документахъ: въ редакціонной статьѣ „Искры“, центрального органа партіи, и въ прокламаціи Центрального Комитета, сказались два совершенно различныхъ взгляда на значеніе Перваго Мая. Въ прокламаціи нѣтъ призыва къ возстанію, не назначены часъ и мѣсто битвы; но значеніе праздника, понятое такъ, какъ его понялъ авторъ прокламаціи, не можетъ ослабѣть; наоборотъ, съ точки зрѣнія авторовъ статьи праздникъ нашъ въ этомъ году представлялся неудачнымъ, значеніе его „ослабѣвало“ уже и у насъ „на окраинахъ всемірной имперіи капитала“. На этой послѣдней точкѣ зрѣнія стояли редакціи всѣхъ русскихъ нелегальныхъ газетъ и поэтому имъ казались — за исключеніемъ органа Бунда, о которомъ я буду говорить ниже — маловажными первомайскія событія этого года, и въ нашу прессу попало сравнительно мало сообщений о маевкахъ. Въ „Искрѣ“ я нашелъ указанія (кромѣ района дѣятельности Бунда) всего лишь о 19 городахъ; въ „Революціонной Россіи“ даже только о 10: „Освобожденіе“ совсѣмъ не упоминаетъ въ этомъ году о маевкахъ; съ точки зрѣнія „Освобожденія“ въ этотъ день не случилось ничего заслуживающаго упоминанія. Удачныя демонстраціи произошли въ этомъ году только въ Варшавѣ, Ригѣ, Митавѣ и Гомелѣ.

Въ Варшавѣ „полиція очевидно получила приказъ, во что бы то ни стало не допустить демонстраціи; это ей не удалось“, пишутъ въ „Искрѣ“. „Цѣлый мѣсяцъ велась усиленная майская агитація; устраивались майскія собранія, на которыхъ перебывало до 800 человекъ; въ тысячахъ экземпляровъ распространялись прокламаціи“. Корреспондентъ „Искры“ высказываетъ взглядъ, что праздникъ Перваго Мая — „это день кровавой борьбы“.

Такъ какъ партіи не смогли прійти къ соглашенію, то было устроено въ одно и то же время двѣ демонстраціи, въ Уздовскихъ аллеяхъ (Р. Р. S.) и на Маршалковской (Бундъ, „Пролетаріатъ“ и Польская Соціалдемократическая Партія). Здѣсь собралось много народа, болѣе 10 тысячъ. „Предстояла дилемма—пишутъ Послѣднія Извѣстія Бунда—либо устроить геройскую, но обреченную на неудачу попытку развернуть знамя на Маршалковской при громадномъ стеченіи народа, или устроить удачную но малочисленную демонстрацію на менѣ людной улицѣ. Руководитель выбралъ послѣднее“. Дали знать, что демонстрація переносится на Электоральную улицу. Двинулись туда и въ 6 часовъ подняли три красныхъ знамени тѣхъ организацій, которыя устроили демонстрацію. 300 или 400 рабочихъ составили ядро вокругъ знамени. Процессія двигалась въ теченіе 30 минутъ и разошлась прежде, чѣмъ явились казаки.

Такой же характеръ носила демонстрація въ Ригѣ. „Невиданную еще картину представляли улицы, прилегающія къ пло-

щади Св. Павла, пишутъ Бунду. Въ воскресенье 24-го апрѣля къ 10 ч. утра народу собралось отъ 7 до 10 тысячъ. Такъ какъ мы заранѣе ждали нападенія полиціи, то организовали боевую дружину въ 300 человекъ, которая была разбита на отряды, вооруженные кинжалами, ножами, палками, камнями“. Столкновение дѣйствительно произошло, при чемъ полиціи пришлось нѣскольکو разъ отступить.

Изъ Митавы пишутъ въ „Искру“: Демонстрація была назначена на воскресенье, въ 12 ч. дня. 70 человекъ были вооружены палками и пескомъ. Раздались звуки марсельезы и было поднято красное знамя; изъ воротъ выскочили городовые съ обнаженными шапками; „рабочіе дружно встрѣтили ихъ, сбивъ съ ногъ первые ряды. Настроеніе рабочихъ хорошее и можно сказать, что демонстрація достигла цѣли“.

Въ Гомелѣ для подготовки демонстраціи еще 10-го апрѣля состоялось огромное собраніе въ 900 человекъ за городомъ. „Громадная лощина была усыяна народомъ сидѣвшимъ на землѣ, сообщаютъ Послѣднія Извѣстія; съ возвышенія было видно только море головъ. Собраніе длилось съ 4 до 6¹/₂ часовъ вечера и послѣ этого всѣ толпою двинулись въ городъ съ революціонными пѣснями. Послѣ этого было еще нѣсколько подготовительныхъ собраній и на Первое Мая объявлена всеобщая забастовка“. Демонстрація была назначена на субботу 8-го мая и была прекрасно организована. Явилось 700 человекъ, развернули красное знамя и прошли по улицамъ съ пѣніемъ пѣсенъ и революціонными возгласами.

Такимъ образомъ внѣшняя сила, правительство, не могло и въ этомъ году предотвратить демонстраціи; если они не произошли въ другихъ центрахъ, то очевидно на это были другія, внутреннія причины.

Въ Петербургѣ маевку отпраздновали на собраніяхъ: „человекъ около 100 одного района, пишетъ „Искра“, отправились за городъ, въ лѣсъ, гдѣ надъ ними развѣвалось красное знамя и нѣсколько ораторовъ произнесли рѣчи. Майскія прокламаціи Центральнаго Комитета пришли благополучно и также благополучно разошлись. Въ другихъ районахъ также состоялись собранія человекъ по 30 и болѣе, до 100“. Мѣстные майскія прокламаціи были арестованы въ большомъ количествѣ.

Есть извѣстія о маевкахъ въ Москвѣ, Ивано-Везнесенскѣ, Одессѣ, Севастополѣ, Екатеринославѣ, Елизаветградѣ, Перми, Томскѣ, Иркутскѣ, Верхнеудинскѣ, Читѣ, Ростовѣ, Гуріи, Черниговѣ, Либавѣ, Житомирѣ, Астрахани и еще нѣсколькихъ болѣе мелкихъ пунктахъ. Сообщенія краткіе и однообразны: выпущены прокламаціи, было нѣсколько собраній, произнесены рѣчи. Изъ многихъ центровъ нашего движенія, даже такихъ какъ города Закавказья, Поволжья, товарищи не нашли нужнымъ сообщать что бы то ни было о Первомъ Мая; очевидно

намъ самимъ казалось, что не случилось ничего достопримѣчательнаго въ этотъ день.

Но если предположить, что характеръ маевки—хотя и не раамѣры движенія, въ этомъ году были приблизительно однородны на всемъ пространствѣ Россіи, какъ уже сдѣлалось къ этому времени приблизительно однороднымъ все социалдемократическое рабочее движеніе въ нашей странѣ, то можетъ быть картина маевки въ районѣ дѣятельности Бунда сможетъ объяснить намъ кажущееся затишье 1904 года.

Въ противоположность русскимъ газетамъ мы находимъ въ органѣ Всеобщаго Еврейскаго Союза, въ Послѣднихъ Извѣстіяхъ Бунда, массу свѣдѣній объ этомъ днѣ. Имѣются сообщенія изъ шестидесяти городовъ и мѣстечекъ. Центральный Комитетъ Бунда выпустилъ 100 тысячъ прокламацій, кромѣ того Комитетомъ Бунда издано 27 тысячъ. Предмайская агитация вездѣ началась за нѣсколько дней до этого дня: были собраны многочисленныя сходки, то огромныя, во много сотенъ человѣкъ, то мелкія—въ 90 человѣкъ, въ 50 человѣкъ въ 40 человѣкъ—каждая изъ нихъ отмѣчена въ корреспонденціяхъ: очевидно нашими еврейскими товарищами сознавалась вся важность этихъ фактовъ, на первый взглядъ столь мелочныхъ. Въ Вишгинцахъ не работало 60 человѣкъ. Значеніе этого факта станетъ понятно, если вспомнить, что это—все рабочее население мѣстечка! Кто слышалъ о Слонимѣ, Яновѣ, Руксанахъ, Городнѣ, Борисовѣ, Маріамполѣ? А тамъ были тайныя собранія, тамъ мужественно, открыто объявляли себя адептами международнаго движенія, не являясь на работу въ этотъ красный день! Кто оцѣнить, съ какими тягостями связанъ этотъ поступокъ для рабочаго въ маленькомъ мѣстечкѣ, гдѣ каждый житель на виду? Опасность ареста, избиенія со стороны полиціи, ужасъ погромовъ со стороны „гоевъ“, озлобленіе и проклятье со стороны хранителей еврейскихъ національныхъ традицій терпѣнья и покорности—вотъ что говорятъ эти маленькія цифры числа маевщиковъ и имена маленькыхъ городовъ и мѣстечекъ. Рабочій классъ народа, въ вѣковѣчныхъ страданіяхъ создавшаго удивительное сочетаніе упорства, дѣловитости, практичности съ рѣдкимъ идеализмомъ—умѣлъ „извлечь изъ празднованія Перваго Мая все то, что можно изъ него извлечь“. Поистинѣ день этотъ „уподобился тѣмъ праздникамъ, которые праздновались первыми христіанами въ римскихъ катакомбахъ, когда въ сырыхъ подземельяхъ, при слабомъ мерцаніи огоньковъ собирались они“...

Это настроеніе, прежде чѣмъ проявилось оно въ празднованіи Перваго Мая этого года, уже отразилось въ прокламаціи Центрального Комитета Бунда, хотя въ ней сквозятъ также и пережитки прежняго взгляда. Вотъ нѣсколько строкъ оттуда.

„День всеобщаго единенія, день мирнаго взаимнаго привѣта во всей пролетарской семьѣ всего міра—это день Перваго

Мая, праздникъ социализма“. „Наше современное общество не что иное, какъ необъятное поле битвы, на которомъ два громадныхъ полчища стоятъ другъ противъ друга, готовые къ упорному бою. Съ одной стороны угнетатели, въ чьихъ рукахъ богатство обращается въ орудіе для высасыванія изъ рабочихъ всѣхъ жизненныхъ соковъ, съ другой поработенные, потомъ и слезами создающіе блага для своихъ враговъ. Но какая огромная разница между обѣими сторонами! Нѣтъ согласія въ станѣ угнетателей; словно голодные волки стоятъ они другъ противъ друга, готовые задушить своими руками своихъ же товарищей. Лицемеріе, коварство, подлизываніе и зависть—вотъ узы, которыя ихъ связываютъ! И въ то же время какое братское единеніе, какая солидарность въ рядахъ другой арміи, арміи труда! Ибо нѣтъ у пролетаріевъ противорѣчивыхъ стремленій; у нихъ одинъ только общій врагъ—капитализмъ и одна общая цѣль—царство социализма, гдѣ будетъ вѣчнымъ свѣтомъ сіять солнце любви и согласія“.

...Въ этотъ день, для котораго была написана прокламація, точно подтверждая сказанное въ ней, императорская японская армія перешла Ялу и разбила императорскую русскую армію. Культурное, прогрессивное правительство молодой капиталистической страны одолѣло реакціонное самодержавіе другой, пытавшееся при феодальномъ государственномъ строѣ совершить блестящую авантюру капитализма. Манджурія, незамерзающій Портъ-Артуръ, владычество надъ западнымъ побережьемъ Великаго Океана—этотъ волшебный сонъ всероссійской буржуазіи разсѣянъ буржуазіей японской, умѣвшей старый государственный строй своевременно измѣнить и приспособить къ потребностямъ капиталистической страны...

Это пораженіе правительства, сохранившагося какъ послѣдній пережитокъ докапиталистическаго строя Россіи, совпало съ днемъ праздника пролетаріата, съ проблесками первыхъ лучей зари, которая смѣнитъ эпоху капитализма.

* * *

Наступилъ годъ великой русской революціи. Всѣ мы были свидѣтелями и участниками того, что переживала страна. Каждый день, каждый часъ можно было ждать новыхъ и новыхъ боевыхъ схватокъ и день Перваго Мая естественно намѣчался, какъ исторически предназначавшійся быть днемъ битвы. Тѣ, кто столько лѣтъ провозглашались, что Первое Мая есть „праздникъ борьбы“, кто ждалъ, что наступитъ „наше Первое Мая“, иное чѣмъ ежегодное 1-ое мая, бывшее „пока еще днемъ одно-сторонняго избіенія“, должны были признать, что теперь или никогда день этотъ не будетъ днемъ битвы.

Но дѣйствительность слишкомъ ясно говорила о невозможности, о „безуміи“, какъ выразилась одна прокламація, вызывать бой въ этотъ день. Идеальное представленіе о Первомъ

Мая, какъ о послѣднемъ и рѣшительномъ боѣ, приходило въ непримиримое противорѣчіе съ реальною дѣйствительностью. А иного идеальнаго значенія этого праздника, кромѣ боевого, большинство товарищей не видѣло и какъ только обнаружилось, что Первое Мая непригодно для возстанія, за нимъ оставалось лишь значеніе смотра нашей арміи; но на опасный плацъ-парадъ было трудно созвать нашу вольницу.

А между тѣмъ стремленіе праздновать Первое Мая все расширялось. Начиная съ 1900 года мнѣ пришлось отказаться отъ систематической хроники первомайскихъ событій, такъ какъ она стала слишкомъ сложна. Теперь я долженъ отказаться даже отъ самаго перечня мѣстъ, гдѣ произошло празднованіе. Составленная мною хроника 1905 года охватываетъ сто двадцать шесть пунктовъ. Я постараюсь поэтому только охарактеризовать маевку этого года, основываясь на болѣе знаменательныхъ событіяхъ.

Центральный Комитетъ Бунда, по обыкновенію, обратился къ товарищамъ съ прокламаціей Перваго Мая, напечатанной въ 130 тысячахъ экземпляровъ.

„Наступаетъ Первое Мая — такъ начинается эта прокламація — великій, прекрасный, свѣтлый пролетарскій праздникъ, праздникъ мира, единенія, свободы — праздникъ социализма“. Если эти слова не были пустою риторикой, то они выражали взглядъ на Первое Мая, противоположный призыву превратить этотъ день въ „день смѣлаго и рѣшительнаго нападенія“ на врага.

„Мы оставимъ всѣ фабрики, всѣ заводы, мастерскія и магазины — продолжала прокламація, — мы устроимъ грандіозную стачку. Мы всѣ выйдемъ на улицу подъ нашими красными пролетарскими знаменами“. Таковъ былъ лозунгъ руководителей Бунда; но далѣе добавлено нѣсколько словъ, на первый взглядъ банальныхъ, но вскрывающихъ настроеніе товарищей изъ Бунда. „Нашъ рабочій праздникъ будетъ праздникомъ борьбы, сказано тамъ; мужественной борьбы со всѣми темными силами, которыя не даютъ намъ идти къ нашей цѣли“.

Товарищи изъ Бунда хотѣли, чтобы этотъ праздникъ былъ днемъ битвы; это ясно видно изъ тѣхъ многочисленныхъ сообщеній, которыя напечатаны въ „Послѣднихъ Извѣстіяхъ“ о Первомъ Мая съ мѣстъ дѣйствія; но обстоятельства — настроеніе массъ и опасность погромовъ — заставили ихъ отказаться отъ этого желанія. Чутко прислушиваясь къ настроенію широкихъ круговъ еврейскаго пролетариата, организациі Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза, вопреки желаніямъ своихъ передовыхъ борцовъ, вступили на иной путь празднованія Перваго Мая и этотъ путь мнѣ представляется совершенно правильнымъ, по крайней мѣрѣ въ 1905 году онъ привелъ къ блестящимъ результатамъ. Я приведу здѣсь краткія выписки изъ корреспонденцій, которыя показываютъ и величественное мирное высту-

пление пролетариата и боевое настроение вожаковъ, смотрѣвшихъ на это празднество, какъ на вынужденный компромисъ и даже не всегда рѣшавшихся прямо высказать причину своего отказа отъ демонстраціи.

Рига (Изъ прокламаціи). „Товарищи! скрѣпя сердце мы отказались въ этомъ году отъ первомайской демонстраціи. Борьба будетъ только тогда побѣдоносной, когда мы сумѣемъ съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить солдатъ и мы готовимся и зовемъ къ этому нашихъ товарищей“.

Гродно. „Организовано было массовое собранье въ 1.000 человекъ и цѣлый рядъ небольшихъ. Организация готовилась къ самооборонѣ и приобрѣла въ большомъ количествѣ оружіе; но открытое выступленіе Перваго Мая организация отклонила. Забастовка вышла дѣйствительно всеобщей и весьма удачной. Все рѣшительно приостановилось; огромными толпами разгуливали цѣлый день рабочіе; вечеромъ были пущены ракеты, раздавались возгласы, покрываемые громкими ура“.

Гомель. Никакихъ собраній, никакой демонстраціи рѣшено было въ этотъ день не устраивать... Улица была запружена народомъ, празднично одѣтыми рабочими и работницами съ красными ленточками въ петличкахъ и на разноцвѣтныхъ кофточкахъ. Вскорѣ послѣ 18 апрѣля была назначена демонстрація, но, по независящимъ отъ организациі причинамъ, должна была быть отложена.

Бобруйскъ. На многихъ улицахъ и на перекресткахъ разставлены были солдаты въ полномъ вооруженіи. Среди обывателей циркулировали слухи, что произойдетъ рѣзня; одни лишь рабочіе смѣло явились на улицу. Бастовали всѣ еврейскіе рабочіе; группы рабочихъ толпились по улицамъ, многіе носили на груди красные бантики.

Кіевъ. Въ началѣ апрѣля была созвана конференція организаций одиннадцати окружающихъ Кіевъ уѣздныхъ городовъ для объединенія первомайской кампаніи. Рѣшено 18 апрѣля устроить массовую забастовку, собранія и праздники; что же касается открытаго выступленія, то формы и способы выступленія были выработаны для каждаго города отдѣльно. Однако по разнымъ соображеніямъ всюду ограничились только политической забастовкой.

Бердичевъ. Мы считали нужнымъ воздержаться отъ всякихъ манифестацій въ этотъ день при такой мобилизаціи вражескихъ силъ.

Пинскъ. Всеобщая забастовка удалась, какъ нельзя лучше. Работу бросили положительно всѣ: рабочіе, прикащики, ломовые извозчики, даже водовозы; рабочіе съ красными бантиками въ петличкахъ гуляли по улицамъ. Организация рѣшила демонстраціи не устраивать, но день закончился блестящей импровизированной манифестаціей: рабочіе пускали ракеты и фейерверки на главной улицѣ.

Сѣдлецъ. Листки призывали къ всеобщей забастовкѣ. Перваго Мая съ самага утра улицы были полны народомъ, одѣтымъ по праздничному; вечеромъ по тротуарамъ трудно было двигаться. Два раза толпа сходила на улицу съ тротуара и слушала 5—10 минутъ оратора, но тутъ начиналось нѣчто невообразимое: солдаты накидывались на толпу и немилосердно, звѣрски избивали ее.

Двинскъ. Мы приглашали всѣхъ рабочихъ устроить въ день Перваго Мая однодневную забастовку. Забастовка была всеобщей въ полномъ смыслѣ слова. Тысячи бастующихъ рабочихъ гуляли по улицамъ.

Лида. Мы рѣшили ограничиться только всеобщей забастовкой. Замѣчательно, что всѣ откликнулись на нашъ призывъ.

Люцинъ. Перваго Мая наши обыватели ждали революціи и трепетали... Никто въ тотъ день не работалъ.

Брестъ-Литовскъ. Наша организація не готовилась къ открытому уличному протесту. Мы отпраздновали Первое Мая общей забастовкой. Никто не работалъ.

Слонимъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ организація не призывала къ демонстраціи, но призывала къ всеобщей забастовкѣ. Призывъ нашелъ откликъ въ рабочей массѣ; Перваго Мая бастовали всѣ рабочіе, приказчики, водовозы, бухгалтеры, аптекари.

Креславка. Забастовка была у насъ безусловно всеобщей.

Плоцкъ. Стачка была поистинѣ всеобщей. Движеніе въ городѣ было необычайное. Рабочіе расхаживали въ красныхъ галстукахъ. Днемъ произошла импровизированная демонстрація; вечеромъ организованная, но безъ знамени и пѣсенъ.

Ковна. Организація рѣшила вести широкую агитацію за всеобщую забастовку и готовиться къ вооруженной демонстраціи; но организація оставила за собою право въ самый день 18-го апрѣля рѣшить, должна ли состояться демонстрація или отложить ее. 18 апрѣля бастовало около 2.000 еврейскихъ рабочихъ; съ самага утра по улицамъ разгуливало очень много еврейскихъ рабочихъ. Въ 1 час. дня организація, считаясь съ неизбежнымъ въ случаѣ активнаго выступленія кровопролитіемъ, отложила демонстрацію и рѣшила устроить мирную манифестацію: компактная масса въ нѣсколько сотъ человѣкъ медленно двигалась по проспекту.

Лодзь. Первомайскія событія въ Лодзи вышли грандіозными, не въ смыслѣ своей внѣшней импонирующей обстановки, а въ смыслѣ яркаго проявленія того революціоннаго духа, той сознательности, активности, готовности къ борьбѣ, которая накопилась въ массахъ. Вся жизнь была остановлена: трамвай, фабрики, лавки, конторы—все прекратило свою обычную жизнь, и толпы рабочихъ наполнили улицы. Въ виду того, что въ городѣ была масса войскъ всѣхъ родовъ оружія, а полиція тщательно обработала свой стратегическій планъ—сконцентри-

ровать массу въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ означало бы устройство побоища; городъ представлялъ изъ себя кипящій котель; масса бурно проявляла свою активность.

Мы подошли къ району дѣятельности польскихъ социалистовъ. Къ несчастью въ этомъ полномъ единства движеніи пролетаріата, его теоретики-социалисты одни лишь вносили разладъ. Это было въ Ригѣ, гдѣ группа нашей партіи вносила дисгармонію, это особенно ярко проявилось въ Варшавѣ, гдѣ организациі не могли сговориться, какъ и въ предыдущемъ году, даже относительно мѣста и времени однородныхъ дѣйствій и все же движеніе проявилось внушительно.

„Что тутъ дѣлалось — пишутъ „Послѣднія Извѣстія“ — не поддается описанію: не было буквально ни одного работающаго человѣка, не было ни трамваевъ, ни извозчиковъ, даже носильщиковъ, мелкіе разносчики отдыхали, дворники сняли свои бляхи... На улицахъ чувствовалось, что это былъ нашъ праздникъ, праздникъ пролетаріата. Устроить демонстрацію, значило рѣшиться на кровавую баню; рѣшили поэтому отпраздновать генеральною стачкою. Но Польская Соціалистическая Партія, не предупредивъ другихъ, устроила шествіе. Днемъ десятокъ тысячъ людей съ пѣніемъ и знаменами прошли по Уяздовской Аллеѣ; выскочили казаки и безъ предупрежденія дали рядъ залповъ. Убито 30 человѣкъ, ранено 100...“

Изъ 83 городовъ, городковъ и мѣстечекъ западнаго края имѣются сообщенія о маевкѣ, носившей повсюду тотъ же характеръ, что и въ приведенныхъ случаяхъ. Польская Соціалистическая Партія дѣйствовала совершенно независимо; Польская Соціалдемократія въ принципѣ была за соглашеніе, но фактически часто выступала самостоительно; Латышская социалдемократическая Партія вела майскую кампанію рука объ руку съ Бундомъ; Группы нашей Партіи, слабыя на западѣ, держались въ сторонѣ.

Выступленіе пролетаріата Перваго Мая въ западномъ и сѣверо-западномъ краѣ получилось импонирующее; оно безусловно свидѣтельствовало объ усиленіи движенія по сравненію съ предыдущими годами. Никакія шествія, флаги, пѣсни и рѣчи ораторовъ не могли бы ознаменовать этотъ день такъ достойно, какъ эти десятки и десятки тысячъ рабочихъ, которые повсемѣстно въ краѣ мирно, но непоколебимо выражали свое настроеніе.

Не такъ обстояло дѣло въ остальной Россіи. Прежде всего приходится отмѣтить скудость сообщеній корреспондентовъ русскихъ заграничныхъ газетъ. Въ „Революціонной Россіи“ я нашелъ свѣдѣнія изъ 23 мѣстъ, въ „Пролетаріи“ изъ 24, въ „Искрѣ“ изъ 32. Сообщенія преимущественно имѣются изъ крупныхъ центровъ. Отчасти это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что товарищи изъ нашей Партіи не сочли заслуживающими скрижалей исторіи тѣ мелкіе факты, которые въ своей

массѣ придали грандіозный характеръ движенію польскихъ, литовскихъ, еврейскихъ и латышскихъ рабочихъ. Но главная причина лежитъ несомнѣнно въ томъ, что наши организаціи, считая себя не въ силахъ въ этомъ году устроить демонстраціи вслѣдствіе колоссальныхъ оборонительныхъ приготовленій нашего врага, не нашли тѣхъ формъ, въ которыя могло бы вылиться революціонное настроеніе пролетаріата.

Фракція „большинства“ въ своихъ взглядахъ на задачи первомайской кампаніи дѣлала ту же ошибку, что и вожаки Бунда и, точно также какъ они, лишь въ силу обстоятельствъ отказывалась отъ вооруженныхъ демонстрацій въ этотъ день. Но въ то время, какъ Бундъ, воздержавшись по необходимости отъ старыхъ формъ празднованія Перваго Мая, отъ демонстрацій, вступилъ подъ давленіемъ рабочихъ массъ, выразителемъ которыхъ онъ является, на новый побѣдоносный путь, — фракція „большинства“, оторванная отъ массы, лишившись возможности демонстрировать обычнымъ путемъ, была бессильна руководить какимъ бы то ни было выступленіемъ пролетаріата въ этотъ день. Правда, „Бюро комитетовъ большинства“ рекомендовало забастовку на Первое Мая, но въ такое празднество „большевики“ не могли внести энтузіазма. Даже сознавая и заявляя о невозможности вызвать возстаніе Перваго Мая, они писали въ майскихъ прокламаціяхъ апологію возстанія; даже указывая на невозможность первомайской демонстраціи въ этомъ году, они лишь какъ на жалкій палліативъ указывали на забастовку и тутъ же добавляли о возстаніи: могій вмѣстити, да вмѣстити!

„Бюро комитетовъ большинства“ писало въ своей прокламаціи „ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Россіи“: „Противъ вооруженной силы можно выступить только съ оружіемъ въ рукахъ; мы двинемся стройными рядами, съ ружьями на плечахъ, съ боевыми патронами, съ разрывными бомбами. Но Первое Мая не можетъ быть, конечно, днемъ всеобщаго вооруженнаго возстанія. Вооруженное возстаніе нельзя заранѣе назначить. Пойти Перваго Мая на улицу было бы безумно: довольно уже полосовали наши спины нагайками и пашками; выйти же вооруженными—преждевременно. Но у васъ есть способъ ознаменовать международный праздникъ пролетаріата: объявить Перваго Мая всеобщую забастовку“.

Таковъ былъ лозунгъ „большинства“. Но фракція не смогла удержаться на этой позиціи. Слѣдующая прокламація Бюро была еще болѣе боевою и, если не словами, то всѣмъ своимъ настроеніемъ вызывала именно на Первое Мая грезы о „движеніи стройными рядами, съ ружьями на плечахъ, съ боевыми патронами, съ разрывными бомбами“. Прокламація гласила такъ:

„Пусть Первое Мая этого года будетъ для насъ праздникомъ народнаго возстанія; давайте готовиться къ нему, ждать сигнала къ рѣшительному нападенію на Мы свергнемъ

... и назначимъ временное революціонное правительство; готовьтесь же къ великому бою; товарищи—рабочіе, останавливайте фабрики и заводы Перваго Мая или беритесь за оружіе сообразно съ совѣтомъ Комитетовъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Часъ возстанія еще не пробилъ, но онъ уже недалекъ!“

Бакинскій комитетъ писалъ въ своей прокламаціи: „Первое Мая — праздникъ борьбы. Пролетаріи свободныхъ странъ борются мирно; не такова еще борьба російскихъ пролетаріевъ. Это поняли рабочіе и крестьяне и руки ихъ ищутъ оружія. День возстанія недалекъ, но и онъ еще не насталъ. Мы призываемъ васъ ко всеобщей стачкѣ Перваго Мая... Гдѣ оружія у васъ довольно, гдѣ есть у васъ сила для отпора врагу, тамъ призываемъ мы васъ на улицу, на открытыя собранія и шествія подъ красными знаменами“.

Такъ „удерживали“ товарищи изъ „Большинства“ пролетаріатъ Россіи отъ вооруженнаго возстанія Перваго Мая, и они были увѣрены, или, по крайней мѣрѣ, говорили, что имъ удалось удержать. Бакинскіе товарищи въ своемъ листкѣ № 64 писали: „Рабочей Партіи удалось удержать пролетаріатъ отъ кровавыхъ столкновеній съ опричниками, чтобы съэкономить свои силы для приближающагося рѣшительнаго натиска на самодержавіе“. Этакъ и Мефистофель удерживалъ Фауста отъ рокового поцѣлуя Маргариты; но мефистофелева тактика не удалась большевикамъ.

Николаевскій Комитетъ Большинства справедливо рѣшилъ, что такъ лучше не удерживать. Онъ писалъ въ своей прокламаціи: „Можемъ ли мы мирно и спокойно провести великій праздникъ труда, день Перваго Мая? Нѣтъ! Полиція и царскіе войска выступаютъ противъ насъ, они зарядятъ свои пушки и ружья, они приготовятъ свои силы. Такъ будемъ же и мы готовить свои. Мы не только смотрѣмъ нашей арміи дѣлаемъ, мы боремся за политическую свободу. Товарищи, наступаетъ Первое Мая! Выйдемъ стройными рядами на улицу и грозно и мощно заявимъ свои требованія подъ краснымъ знаменемъ соціалдемократіи, съ оружіемъ въ рукахъ“.

Въ томъ же духѣ писалъ и Центральный Комитетъ, выбранный на мѣсто Бюро Комитетовъ Большинства на Лондонскомъ съѣздѣ большевиковъ. Въ своей прокламаціи, озаглавленной „Первое Мая“, онъ писалъ: „Самодержавію жить осталось не дни и мѣсяцы, а часы и минуты. Нужно за горло его схватить и сейчасъ же, въ эту минуту... Близокъ день Перваго Мая, нашъ рабочій праздникъ! Вооружайтесь кто чѣмъ можетъ! Готовьтесь по первому призыву стать подъ красныя знамена Россійской Соціалдемократической Партіи! Готовьтесь къ послѣднему натиску на самодержавіе“.

Но этимъ не исчерпывались въ глазахъ Центральнаго Комитета Большинства задачи первомайской компаніи этого года.

Въ слѣдующей прокламаціи, тоже названной „Первое Мая“, (къ сожалѣнію дать на обѣихъ нѣтъ) Центральнѣйшій Комитетъ надѣется, что первомайскій бой русскаго пролетаріата будетъ имѣть значеніе начала всемірной социалистической революціи: „Первое Мая—говоритъ прокламація—это суровый праздникъ борьбы пролетаріата; впередъ на послѣдній бой и крикнувъ изъ глубины нашей рабской родины пролетаріамъ всѣхъ странъ: готовьтесь, братья, продолжить наше дѣло, пусть гибель послужитъ для васъ сигналомъ къ рѣшительной революціонной атакѣ на буржуазію!“.

Таковы были ожиданія „большевиковъ“. Товарищи фракціи „меньшинства“, какъ казалось имъ самимъ и ихъ противникамъ, относились иначе къ задачамъ этого дня; мы увидимъ однако, что фактически ихъ тактика была такою же, какъ и „большевиковъ“.

Въ сотомъ номерѣ „Искры“ отъ 15 мая мы находимъ длинную передовую статью о Первомъ Мая. „Наше организаціонное вліяніе на массы, говорится тамъ, безконечно отстало отъ нашего идейнаго вліянія на нихъ“. „Надо добиваться, чтобы масса не только сочувствовала нашей революціонной борьбѣ, но и участвовала въ ней“. По этимъ соображеніямъ „Искра“ одобряла планъ Петербургской Группы Меньшинства, которая писала: „Мы не стремимся къ демонстраціи во что бы то ни стало въ ея чистомъ видѣ; мы призываемъ пролетаріатъ къ открытому уличному празднованію Перваго Мая вообще, не предрѣшая въ какія формы оно выльется“.

На мой взглядъ—это была совершенно правильная постановка задачи. Но и меньшевики, также точно какъ большевики, не смогли удержаться на своей позиціи. Съ противоположныхъ сторонъ обѣ фракціи пришли къ одному и тому же рѣшенію вопроса о маевкѣ.

„Мы не беремъ на себя невыполнимыхъ организаціонныхъ обязательствъ устроить вооруженную демонстрацію — писали большевики, ¹⁾ но мы имѣемъ по нашему плану въ возможности и демонстрацію и даже возстаніе“.

„Мы не предрѣшаемъ—писали въ свою очередь меньшевики—въ какія формы выльется празднованіе“. „Но лучшимъ видомъ майскаго выступленія мы считаемъ у насъ демонстрацію съ вооруженнымъ отпоромъ въ виду русскихъ условій“ ²⁾.

Но такъ какъ „не предрѣшать“, „не брать на себя обязательствъ“ не можетъ политическая партія, претендующая на руководство дѣйствіями широкихъ народныхъ массъ, то фактически и большевики и меньшевики готовились къ вооруженной демонстраціи и смотрѣли на нее какъ на рекогносцировку, могущую превратиться въ возстаніе.

¹⁾ Круговое письмо организаціямъ отъ Бюро Комитетовъ Большинства.

²⁾ Обѣ цитаты взяты изъ „Искры“ № 100; первая часть второй цитаты принадлежитъ Петербургской Группѣ Меньшинства, а вторая часть редакціи „Искры“.

Уже 23 апрѣля „Искра“ (№ 98), отмѣчая „первую кровь въ майскіе дни“, пролитую на Варшавской демонстраціи, называетъ польскихъ товарищей „застрѣльщиками майской кампаніи“. „Стоило только наступить майскому дню, написать она, чтобы улицы польскихъ городовъ украсились красными знаменами, наполнились тысячными толпами демонстрантовъ; и стоило только раадаться первымъ выстрѣламъ солдатъ, чтобы могучій левъ—польскій пролетарій—снова воспрянулъ, готовый снова пролить свою кровь“. „Искра“ призываетъ „всю пролетарскую Россію огозваться на примѣръ данный польскими рабочими и повсюду организовать въ майскіе дни ту или иную революціонную демонстрацію“.

Въ своемъ „Отвѣтѣ Генераль-Губернатору“ Петербургская Группа Меншевикова писала: „Генераль Треповъ грозитъ въ своемъ объявленіи рѣшительно подавить всякій беспорядокъ, понимая подъ беспорядкомъ рабочій праздникъ Перваго Мая. Что мы отвѣтимъ? Всѣ на улицу Перваго Мая! Громко заявимъ свой протестъ: долой... да здравствуетъ республика, да здравствуетъ социализмъ! Всѣ на улицу Перваго Мая!“

Въ другой своей прокламаціи Группа писала: „Выйдемъ ~~все~~ ~~на~~ ~~улицу~~ Перваго Мая и заявимъ свои требованія. Но помните, товарищи: мы не должны дать помѣшать нашему празднику! Выйдемъ на улицы съ оружіемъ въ рукахъ! Пусть всякій вооружается чѣмъ можетъ!“

Группа выпустила также рядъ прокламацій по районамъ. Вотъ что говорилось въ Василеостровскомъ районѣ: „На улицу, рабочіе Петербурга! На улицу, рабочіе Васильевского Острова! Выходите Перваго Мая къ 12 часамъ на Большой Проспектъ. Возьмемъ, что возможно съ собою для обороны отъ насилія властей. Пусть ни одинъ рабочій не сидитъ дома!.. Да здравствуетъ демократическая республика!..“¹⁾

Вся Россія бурлила! Давно накопилась въ ней страстная жажда борьбы за свободу и все, казалось, предвѣщало на Первое Мая грозу. Всѣ ждали ее, всѣ! Но она не пришла... „Почти вездѣ, гдѣ были устроены манифестаціи: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ, Кіевѣ—на сборные пункты явились почти только организованные рабочіе“, писала „Искра“ (№ 100) и она констатировала „фактъ на лицо: социалдемократія въ Петербургѣ терпитъ неудачу и до 9 января и послѣ 9 января, когда самостоятельно призываетъ пролетаріатъ къ активнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ“.

Я самъ провелъ этотъ день въ Москвѣ и черезъ нѣсколько дней былъ въ Петербургѣ. Тяжело было мое непосредственное впечатлѣніе отъ противорѣчія между надеждами и дѣйствитель-

¹⁾ Мнѣ жаль, что я не могъ найти прокламацій Соціалистовъ-Революціонеровъ. Судя по корреспонденціямъ въ „Революціонной Россіи“ ихъ взгляды приближались ко взглядамъ большевиковъ или наоборотъ.

ностью, отъ обнаруженнаго безсилія нашей партіи. „Въ Петербургѣ было назначено семь митинговъ—писалъ я тогда въ *Послѣднія Извѣстія* (№ 235)—рождено оружіе, распространено 8 прокламацій въ количествѣ около 100 тысячъ, въ легальныхъ газетахъ помѣщенъ рядъ статей омогущемъ быть избіеніи манифестантовъ: интеллигенція призывалась оказать содѣйствіе пострадавшимъ, организовать медицинскую помощь, предавать гласности акты насилія... Первое Мая принесло страшное разочарованіе! На улицу вышли только организованные рабочіе; ихъ въ Петербургѣ около 3 тысячъ, но раздѣленные на 7 митинговъ, они не произвели никакого впечатлѣнія и создали *демонстрацію безсилія*“.

„Грустно, тяжело вспомнить о маевкѣ въ Москвѣ, писала „Революціонная Россія“. Долго и упорно во всѣхъ углахъ Москвы говорилось о грандіозномъ и сознательномъ празднованіи пролетаріатомъ своего классового праздника. Утро Перваго Мая обѣщало чудную погоду (это было воскресенье) и народъ тысячами валилъ за городъ, но на мѣстѣ назначенномъ (соціалистами-революціонерами) для массовки собралось *человѣкъ 45-46 рабочихъ да 6-8 интеллигентовъ*. На массовкѣ социалдемократовъ было *человѣкъ 50-60 рабочихъ и 10-12 интеллигентовъ*. Обѣ массовки соединились и долго ждали, но больше 150—175 человекъ такъ и не собралось“.

Въ довершеніе всего, на этомъ праздникѣ мира и братства социалдемократы сочли нужнымъ помѣшать социалисту-революціонеру произнести рѣчь и тѣмъ вызвали раздоръ и вражду въ маленькой группѣ собравшихся...

„Въ Екатеринославѣ всюду говорили, что въ этотъ день будутъ происходить митинги, демонстраціи... день Перваго Мая пройдетъ спокойно“ (Посл. Извѣстія).

Въ Киевѣ охранители готовились, стягивали войска; арестованными наполнили всѣ участки. Сильное возбужденіе. Всѣ улицы наполнены патрулями. Отряды казаковъ снуютъ взадъ и впередъ. Отряды полиціи движутся по главнымъ улицамъ. Соломенка—въ родѣ страны занятой непріятелями... День Перваго Мая прошелъ у насъ поразительно тихо—никакихъ манифестацій, никакихъ стачекъ“ (Освобожденіе).

„Въ Одессѣ отказались отъ открытаго выступленія въ силу полицейскихъ условій и рѣшили вызвать забастовку... Первое Мая прошло у насъ незамѣтно“ (Послѣднія Извѣстія).

„Въ Николаевѣ Первое Мая предполагалось отпраздновать вооруженною демонстраціей, но такъ какъ собрались только организованные рабочіе, то организаторъ распустилъ собраніе“ (Пролетарій).

Итакъ, явленіе было *повсемѣстнымъ и очевидно импло не случайная причина*. Массовое русское рабочее движеніе еще не нашло формъ, въ которыя могло бы вылиться первомайское празднество, какъ нашло ихъ массовое еврейское рабочее дви-

женіе, которому служилъ, которому шель на встрѣчу, даже вступаясь планами своихъ собственныхъ вожаковъ, Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ. *Классовой организаціи русскаго пролетаріата у насъ нѣтъ*, а организаціи, желавшія руководить движеніями рабочаго класса всей Россіи, въ силу своихъ принципиальныхъ воззрѣній, были очень далеки отъ этихъ новыхъ формъ движенія. Они звали пролетаріатъ на опасный путь. *Пролетаріатъ еще не сталъ на собственную дорогу, но онъ инстинктивно уже не хотѣлъ идти по дорогѣ, ему ошибочно указанной.*

* * *

Мы приблизились къ концу нашего обзора, къ текущему году. Свѣдѣнія о томъ, какъ прошелъ этотъ день, были напечатаны въ легальныхъ газетахъ, и мнѣ нѣтъ надобности ихъ подробно описывать. Заимствую изъ сборника фракціи Меньшинства „Вопросы Моента“ сводку данныхъ объ этомъ днѣ. Статья принадлежитъ т. Гейликманъ.

„Всеобщая стачка была въ Варшавѣ, Лодзи и другихъ городахъ фабричнаго района Польши“.

„Въ районѣ дѣятельности Бунда маевка была отпразднована достойнымъ образомъ. Въ Ковнѣ забастовали всѣ фабрики, заводы, мастерскія и типографіи; удачно прошла забастовка въ Двинскѣ, Вильнѣ, Бѣлостокѣ, Сморгони, Гомелѣ. Въ Минскѣ же большинство работало“.

„Въ Ригѣ, гдѣ существуетъ федеративный комитетъ латышской и еврейской социалдемократіи, прошла забастовка на всѣхъ крупныхъ фабрикахъ кромѣ Кузнецова“.

„Почти полная забастовка прошла въ Рязани, Киевѣ, Сумахъ, Владакавказѣ, Брянскѣ, Полтавѣ, Пензѣ, Екатеринославѣ, Елизаветградѣ, Ростовѣ, Костромѣ. Въ Казани не работали типографіи; въ Тулѣ—патронный заводъ и половина оружейнаго; въ Одессѣ изъ 370 заводовъ и фабрикъ бастовало 140; въ Севастополѣ 4.000 портовыхъ рабочихъ и каменщиковъ бастовали; 735 солдатъ и матросовъ Севастополя послали по поводу Перваго Мая привѣтъ Международному Соціалистическому Бюро“.

„Менѣ удачно прошла забастовка въ Тифлисѣ, Сызрани, Тихорѣцкѣ, Твери, Рыбинскѣ, Орлѣ, Ивановѣ. Причины и неудачи—правительственный терроръ и черносотенная агитація.“

„Въ Симбирскѣ, Астрахани, Луганскѣ, Бердянскѣ, Новоросійскѣ—магазины были закрыты. Въ Плоцкѣ, Пензѣ, Волковишкахъ, Оренбургѣ—отозвалось и крестьянство“.

„Въ Саратовѣ была демонстрація на лодкахъ. Въ Вологдѣ, Муромѣ и Царицынѣ произошли Перваго Мая черносотенные погромы“.

Но, само собою разумѣется, особенно удачно прошло празднованіе въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ.

Въ Петербургѣ работавшіе заводы представляли единичныя

исключенія. Въ большинствѣ фабрикъ и заводовъ работа прекратилась. Общее число предприятий праздновавшихъ Первое Мая въ Петербургѣ превышало 500 со 100 тысячами рабочихъ; въ большинствѣ случаевъ происходили митинги. Произошло также нѣсколько демонстрацій. Въ Московскомъ районѣ около дома населеннаго рабочими, извѣстнаго подъ именемъ Портъ-Артуръ, собралось около 200 человекъ, раздались мощные звуки интернаціонала, выкинувъ красныя знамена, рабочіе пошли по улицамъ. Въ Выборскомъ районѣ по окончаніи собраній двинулись на Охту съ пѣніемъ и знаменами. На Литейномъ проспектѣ толпа вышла съ гильзоваго завода и направилась съ пѣніемъ и флагами, съ надписями „амнистія“ къ дому предварительнаго заключенія. Въ Василеостровскомъ районѣ почти на всѣхъ заводахъ рабочіе приходили къ воротамъ (заводовъ), а оттуда съ пѣніемъ и флагами шествовали по улицамъ. На 4-ой Рождественской образовалась толпа демонстрантовъ*.

Въ Москвѣ забастовочное движеніе менѣе дружно прошло, чѣмъ въ Петербургѣ; въ цѣляхъ предупрежденія демонстрацій генералъ-губернаторъ отдалъ приказъ, чтобы наканунѣ вечеромъ вся столица была оцѣплена концентрическими кругами войскъ всѣхъ родовъ оружія. Стрѣлять приказано боевыми патронами при малѣйшемъ намекѣ на безпорядокъ или демонстрацію. Несмотря на всѣ эти грозныя предостереженія все-же число забастовавшихъ было велико; бастовали металлургическіе заводы, въ которыхъ насчитывается до 58 тысячъ рабочихъ, бастовали всѣ типографіи; на окраинахъ происходили митинги; маевки происходили по селамъ, въ Богородскомъ, за Преображенской Заставой, на Лосево-погонномъ Островѣ, на Воробьевыхъ горахъ и другихъ окрестностяхъ Москвы*.

„Каковы же итоги первомайской кампаніи?“ спрашиваетъ въ заключеніе обзора авторъ цитируемой статьи. Онъ отвѣчаетъ: „Симптомъ первомайскаго пробужденія есть глубокій показатель, полный историческаго смысла. Революціонная волна снова поднимается. Пролетаріатъ снова становится реальною общественною силою, опредѣляющей дальнѣйшій ходъ событій“.

Мнѣ кажется этотъ выводъ крайне поверхностнымъ. Онъ не заглядываетъ въ глубь времени больше, чѣмъ на два мѣсяца и черезъ два мѣсяца послѣ потеряныи все его значеніе. Семнадцать лѣтъ мы пытались осуществить идею нашего праздника, мы—отвергавшіе всѣ праздники. Что же далъ намъ опытъ нынѣшняго года? Этому вопроса не касается авторъ статьи меньшевистскаго сборника въ своихъ выводахъ. Но еще важнѣе отмѣтить, что на этой статьѣ особенно ярко сказалось то обстоятельство, что у теперешнихъ идеологовъ пролетаріата и его „профессиональных“ руководителей сохранилось еще очень много буржуазнаго въ ихъ взглядахъ. Въ самомъ дѣлѣ, тов. Гейликманъ рассматриваетъ событія Перваго Мая исключительно въ томъ отношеніи, какое впечатлѣніе произведетъ

наше празднество на буржуазию; иначе говоря, онъ смотритъ на него съ точки зрѣнія буржуазіи.

„Всякое ослабленіе активности пролетаріата — пишетъ тов. Гейликманъ—реагируетъ на либеральную буржуазию непосредственнымъ равеніемъ вправо. Вотъ почему первомайскій смотръ является крупнымъ факторомъ въ ходѣ революціи. Прошлогодній первомайскій праздникъ прошелъ „тихо“, и это сразу разочаровало либеральную буржуазию. Первомайское празднованіе дѣйствительно не оправдало надеждъ. Этотъ день не былъ днемъ великой битвы между правительствомъ и народомъ“. „Буржуазная демократія учла это временное ослабленіе активности пролетаріата и умѣрила свои политическія требованія“. „Первомайское движеніе нынѣшняго года безъ сомнѣнья открываетъ новую фазу въ развитіи революціоннаго движенія“; „то единодушіе, то оживленіе, та стойкость, какую обнаружили рабочіе въ своей всероссійской манифестаціи, ясно показали, что наступаетъ конецъ невольному перерыву политической борьбы пролетаріата“. „Дни политическаго затворничества кончились, пролетаріатъ снова выходитъ изъ подполья, куда загнали его правительственныя репрессіи; онъ снова становится реальной общественной силой, опредѣляющей дальнѣйшій ходъ событий“. „Сила политическаго гнета еще слишкомъ велика, предыдущія потери еще слишкомъ глубоки, чтобы рабочій классъ могъ обратитъ свою первомайскую демонстрацію во всеобщее выступленіе“. „Но только активное выступленіе съ непосредственнымъ эффектомъ является той наличной звонкой монетой, которая имѣетъ вѣсъ и значеніе въ глазахъ либеральной буржуазіи“. И вотъ Первое Мая показало, что „революціонная волна снова поднимается“ и въ этомъ „историческій смыслъ первомайскаго пробужденія“.

Мнѣ кажется, что для насъ, социалдемократовъ, „въ этомъ“ не можетъ быть смысла событій Перваго Мая. Это событіе мы не можемъ разсматривать, какъ пробужденіе, ибо мы знаемъ, что пролетаріатъ передъ ними не спалъ; для насъ онъ оставался реальною силою и безъ эффекта выступленій; „звонкая монета“ для насъ не можетъ имѣть ту же цѣну, что и для „либеральной буржуазіи“. Что же для насъ, социалдемократовъ, было особеннаго и знаменательнаго въ этихъ событіяхъ?

Во-первыхъ то, что въ этомъ году первомайское празднество впервые во всей Россіи уже приняло массовый характеръ; во-вторыхъ то, что празднество это въ Россіи еще сохранило глубоко индивидуалистическія черты. Въ этомъ вижу я значеніе этого дня, выходящее за предѣлы времени—нынѣшняго года, и мѣста—нашей страны. Я сейчасъ поясню эту мысль.

Семнадцать лѣтъ мы выставаемъ наши лозунги Перваго Мая! Полвѣка социалисты въ Россіи стремились понести свои лозунги народу! И вотъ день назначенный нами, день предначиненный международнымъ социалистическимъ конгрессомъ—

стать праздникомъ рабочаго народа! Въ прошлые годы откли-
кались отдѣльные заводы, отдѣльныя группы, теперь движеніе
стало сплошнымъ и неудача маевки предыдущаго года тѣмъ
рѣзче отдѣляетъ нынѣшній годъ отъ прошлыхъ лѣтъ.

Этотъ *народный* характеръ пролетарскаго праздника быть,
конечно, ярче всего выраженъ въ западномъ краѣ и отмѣченъ
въ органѣ Бунда: „Никогда еще Варшава не переживала такъ
Первое Мая, какъ въ нынѣшнемъ году!..“ говоритъ „*Volkzeitung*“
(№ 46). Никогда еще! Прежде даже Варшава не пережи-
вала *такъ* Первое Мая! Органъ самаго передоваго социалдемо-
кратическаго союза долженъ быть признать, что нѣтъ новое
принесъ намъ нашъ праздникъ нынѣшняго года. Газета указы-
ваетъ, что именно было въ немъ новаго: „Это была громадная
манifestація, въ которой принималъ участіе весь городъ. Еще
разъ варшавскій пролетаріатъ показалъ всю глубину своей ре-
волюціонной энергіи, еще разъ онъ сталъ силою, которая по-
корила весь городъ. И это произошло всего нѣсколько дней
послѣ того, какъ раздавались кровожадные призывы „народовой
демократіи“ къ погрому, послѣ того какъ польская буржуазія
подала свои голоса за контръ-революцію! Значеніе этой рево-
люціонной манифестаціи не можетъ быть переоцѣнено. Съ
самаго утра городъ какъ будто умеръ: фабрики были закрыты;
ни одинаго извозчика, ни одного трамвая; тишина царила всюду,
даже аптеки были закрыты; только оклики патрульныхъ и
шумъ движущейся кавалеріи и пѣхоты слышались на улицѣ;
желѣзнодорожныя мастерскія были закрыты; ни одинъ тюкъ
товара не былъ отправленъ или выданъ въ этотъ день; пріѣхав-
шіе въ этотъ день пассажиры должны были идти съ вокзала
пѣшкомъ, таща свои вещи; за этотъ день никто не выѣзжалъ
изъ города, вокзалы были пусты; въ рабочихъ кварталахъ на
телеграфныхъ проволокахъ были повѣшены красные флаги и
пожарные занимались сниманіемъ ихъ. У заставъ стояли патрули,
не пропуская рабочихъ изъ предмѣстій; къ полудню полиція
остановила всякое движеніе на главныхъ улицахъ“.

Именно такой массовый, народный характеръ приняло перво-
майское движеніе во всей Россіи. Товарищи, видящіе значеніе
Перваго Мая совершенно въ другомъ, не дали намъ достаточно
полнаго описанія движенія именно съ этой его стороны; но
все же вездѣ, гдѣ сообщались подробно событія дня, они гово-
рили объ этомъ новомъ пути, на который направилось перво-
майское движеніе. „*Невская Газета*“—органъ „меньшинства“—
приводитъ въ № 1 и 2 рядъ свѣдѣній, между которыми многіе
отмѣчаютъ акты, совершенные толпою самопроизвольно, не по
призыву, не по указанію прокламацій; коллективное чувство
рвалось наружу и для своего проявленія находило множество
разнообразнѣйшихъ формъ.

Къ тѣмъ фактамъ, которые я уже цитировалъ изъ статьи
тов. Гейликмана, можно бы было прибавить много другихъ.

„Первое Мая было отпраздновано петербургскимъ пролетариатомъ съ поразительнымъ единодушіемъ, пишетъ „Невская Газета“; и не только въ Петербургѣ: телеграфъ приноситъ намъ одно за другимъ извѣстія, что и въ остальной Россіи майскій праздникъ прошелъ такъ же дружно. Первое Мая петербургскій пролетариатъ провелъ дѣйствительно по праздничному. Праздникъ чувствовался, носился въ воздухѣ—пишутъ изъ районовъ. Огромные корпуса фабрикъ стояли пустыми; рабочіе стекались на митинги и тамъ раздавались горячія рѣчи. „На братской могилѣ жертвъ 9 января на Преображенскомъ кладбищѣ перебивала масса рабочихъ“. „Булочники собрались въ Казанскій соборъ, гдѣ была отслужена панихида по павшимъ борцамъ за свободу“. „У рабочихъ настроеніе приподнято“. „На Невскомъ въ 8 час. вечера собралась толпа рабочихъ, человекъ въ 1.500, съ красными бантиками въ петличкахъ; сплоченной толпой они разгуливали противъ гостиннаго двора; на противоположномъ бульварѣ собралась большая толпа любопытныхъ; выскочили отрядъ городовыхъ и бросился бить толпу; небооруженные рабочіе стали разбѣгаться, но затѣмъ снова собираться“... „Наборщики устроили прогулку на Лахту; подъ краснымъ знаменемъ пѣли революціонныя пѣсни“... „Насъ было немного, человекъ 10; мы стояли у „Крестовъ“ и махали платками политическимъ“...

Эти немногія выписки о Варшавѣ и Петербургѣ и привелъ для того, чтобы иллюстрировать мысль, что массовый характеръ маевки нынѣшняго года былъ новымъ путемъ для движенія по сравненію съ прошлыми годами. Индивидуалистическія же черты этого праздника сказались въ томъ, что каждый участникъ его, каждый, кто бросилъ работу въ этотъ день, кто надѣлъ красный бантикъ, кто пѣлъ пѣсни, кто хотя бы только вышелъ на улицу въ этотъ день—каждый чувствовалъ, что онъ, какъ личность, какъ индивидуальность, долженъ сдѣлать это во имя чего то высшаго, чѣмъ его собственные непосредственные интересы. Ибо никто не могъ надѣяться извлечь выгоду изъ этого поступка и каждый, наоборотъ, чѣмъ-нибудь рисковалъ при этомъ. Это было наследіемъ прошлыхъ лѣтъ.

Въ первый разъ это празднество стало у насъ народнымъ; въ послѣдній разъ оно еще оставалось—независимо отъ нашихъ желаній и сознанія, въ силу внѣшнихъ условій—индивидуалистическимъ. Въ этомъ историческое значеніе этого дня.

И это тотчасъ же отразилось на нашихъ прокламаціяхъ. Исчезли всѣ фантастическія мечтанья о хожденіи „въ стройныхъ рядахъ, съ ружьями на плечахъ, съ разрывными бомбами“. Даже „Волна“, органъ большевиковъ, заявляла, что Первое Мая—это мирная, но грозная въ своемъ спокойномъ величій демонстрація противъ отжившаго порядка и вмѣстѣ съ тѣмъ радостный предвѣстникъ будущей свободной Россіи“. Прокламація Центральнаго Комитета, не только по своимъ лозунгамъ,

но и по своему настроенію вполне соответствовала прошлогодней прокламаціи Центрального Комитета Бунда: въ ней еще остались туманные намеки на предстоящую „битву“, но уже нѣтъ призывовъ на улицу, съ оружіемъ въ рукахъ. Прокламація призываетъ сдѣлать легко выполнимое: „Во имя нашихъ требованій празднуйте Первое Мая, говоритъ она; покажите всему міру, что васъ не утомила долгая борьба, что вы готовы довести ее до побѣды! Не работайте въ день Перваго Мая! Да здравствуетъ однодневная пролетарская забастовка!“.

Взгляды товарищей на Первое Мая не измѣнились; меньшевистскій сборникъ заявляетъ, что прошлогодній „майскій праздникъ не оправдалъ надеждъ: онъ не былъ днемъ великой битвы“. Такимъ образомъ даже послѣ Перваго Мая нынѣшняго года, и даже меньшевики возлагали на этотъ день „надежды великой битвы“, но подчиняясь обстоятельствамъ призывали „къ однодневной забастовкѣ“; а большевики, вмѣсто „разрывныхъ бомбъ“, говорили о „грозной въ своемъ спокойномъ величіи демонстраціи“. Слѣдовательно, тактика партіи была чисто оппортунистической: обѣ фракціи отказались на практикѣ отъ своихъ лозунговъ, хотя въ принципѣ все еще ихъ придерживались. Партію, которая хотѣла — по выраженію Ленина — „совлечь рабочій классъ съ его пути“, пролетаріатъ совлекъ на свой путь ¹⁾!

Прокламація Центрального Комитета Бунда, напечатанная на еврейскомъ, русскомъ и польскомъ языкахъ въ количествѣ 190 тысячъ, называетъ Первое Мая „днемъ, въ который рабочая армія всѣхъ странъ демонстрируетъ передъ буржуазіей свою мощь, свое единеніе и свою сознательность“. Далѣе прокламація дѣлаетъ обзоръ „событіямъ года, который мы только что пережили“: „мы боролись со сверхчеловѣческой энергіей — говоритъ она; и побѣды наши и пораженія полны небывалаго величья и неслыханнаго героизма; цѣлый міръ слѣдилъ затѣивъ

¹⁾ Вся тактика нашей партіи послѣднихъ лѣтъ была чисто оппортунистической: въ организаціонномъ вопросѣ, въ вопросѣ объ участіи въ выборахъ въ Думу, въ вопросѣ о вооруженномъ возстаніи, о террорѣ, въ аграрномъ вопросѣ и проч.: ея позиція въ майской кампаніи нынѣшняго года является лишнимъ тому подтвержденіемъ. Вожаки движенія это хорошо понимали и тѣмъ съ большимъ усердіемъ клеймили именовъ оппортунизма взгляды людей не мирившихся съ ихъ собственнымъ оппортунизмомъ: „мы предпочитаемъ защищаться, нападая“. На безпринципность нашихъ теперешнихъ лидеров я много разъ указывалъ въ печати, но они предпочитаютъ не замѣчать этого. Да иною и не могла быть тактика людей, въ одно и то же время руководящихъ борьбою пролетаріата и руководящихся антипролетарскими принципами; при такихъ условіяхъ могло случиться одно изъ двухъ: или партія должна была потерять всякое вліяніе на пролетаріатъ, или ея вожакамъ приходилось поступаться своими принципами. Они выбрали послѣднее.

Эти же обстоятельства, однако, съ другой стороны, подтверждаютъ, что партія наша хотя и цѣною компромиссовъ — всегда оставалась подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ пролетарскаго движенія, и потому совершенно ошибочно отрицать за нею ея органическія связи съ рабочимъ классомъ и разсматривать ея исторію, какъ исторію борьбы маленькихъ группокъ профессиональныхъ революціонеровъ. Эту ошибку дѣлаетъ также рецензентъ моей вѣтки въ „Визомъ“ Е. Д. Кускова.

дыханье за эпической борьбой новых, молодых силъ Россіи съ адскими силами прошлаго, и рабочіе всѣхъ странъ съ пламеннымъ сочувствіемъ читали бюллетени о нашихъ дѣяніяхъ, о нашихъ мукахъ и жертвахъ“. Прокламація призывала ко всеобщей забастовкѣ Перваго Мая: „пусть въ этотъ день ярко выступитъ наружу солидарность рабочихъ всего міра, пусть ни одинъ наемный рабочій не работаетъ въ этотъ день! Пусть умолкнутъ станки, утихнутъ колеса, прекратится движеніе на фабрикахъ и заводахъ, въ мастерскихъ и магазинахъ!“.

Прокламація, такимъ образомъ, только формулировала тактику, выработанную еврейскимъ пролетаріатомъ въ предыдущіе годы, какъ мы видимъ въ значительной степени вопреки планамъ вожаковъ, и въ нынѣшнемъ году ставшую общою для всей Россіи. Но въ первомайскихъ статьяхъ въ „Volkszeitung“ мы находимъ рядъ статей, которыя очень непохожи на статьи русскихъ партійныхъ газетъ.

„Туда въ высь!“.. гласитъ одна статья. „Мы родились въ густой тьмѣ, въ бѣдѣ и нищетѣ. Грустныя пѣсни убавкивали насъ въ нашей колыбели. Кругомъ царитъ холодь; мрачныя, темныя небеса были надъ нами, а подъ нами пропитанная потомъ и слезами земля. Насъ заковали въ двойныя цѣпи: тѣло въ грязныхъ мастерскихъ и тюрьмахъ, а духъ — въ сѣти священнаго трепета передъ всемогущимъ Богомъ мести. Проходили мѣсяцы и годы, стучалъ молотъ, шумѣли машины, брызгали искры кругомъ. Прикованные нуждою къ станку въ огнѣ и дыму на землѣ и подъ землею сидѣли мы и, не думая, усердно работали на нашихъ враговъ. Пролетали годы за годами — мы сами звонили въ колокола, когда попы читали молитвы!.. Возстаньте тѣ, кто томится во тьмѣ, ибо наступаетъ день! Звенятъ еще цѣпи и хлещутъ бичи; но уже сила созиданія новаго видна въ грязяхъ трудящихся. Перваго Мая умолкаютъ молоты, мы оставляемъ темныя шахты, адскимъ огнемъ горящія домны и грязныя мастерскія — сегодня нашъ день! Привѣтствую васъ, братья, мужественные и сильные надеждою сверкающей въ глазахъ! Привѣтствую тебя градущаго свѣтлаго будущаго!“.

„Думаете ли вы, что рабочіе отдыхаютъ въ этотъ день? Нѣтъ, они и теперь создаютъ; но въ этотъ день они создаютъ для себя самихъ. Они и теперь раздуваютъ огонь и куютъ блестящее серебро и благородное золото—но это огонь своего духа они раздуваютъ, жаждущаго разорвать цѣпи, къ свободѣ рвущагося духа! Они раздуваютъ горячее пламя мести къ своимъ врагамъ и притѣснителямъ! Изъ глубины ихъ измученныхъ душъ они извлекаютъ блестящее серебро своего чистаго идеала человѣческой свободы! Изъ сѣраго песка повседневныхъ заботъ, желаній и обыденныхъ стремленій они извлекаютъ золотыя надежды свѣтлыхъ, яркихъ грезъ! Они создаютъ это не для своихъ враговъ: эти блага они создаютъ для себя, для

своихъ дѣтей, для будущихъ поколѣній... Разъ въ году цѣлый день они создаютъ это!“.

Не есть ли это проблески новаго идеологическаго обоснованія нашего ежегоднаго праздника, идущаго на смѣну старому, на мой взглядъ, буржуазному взгляду на значеніе этого дня? Мы видѣли, что противорѣчіе этого „физическаго“ пониманія нашей борьбы съ инстинктивнымъ, стихійнымъ стремленіемъ пролетариата превратить этотъ день въ „мирную, но грозную въ своемъ спокойномъ величій демонстрацію“ создавалось и увеличивалось уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и въ 1905 г. достигло своего крайняго проявленія. Одновременно съ этимъ развивался въ нашей идеологіи взглядъ на нашъ праздникъ, высказанный уже на первыхъ маевкахъ: этотъ праздникъ есть „день недѣланія“, день самопознанья, проникновеннаго созерцанія нашего великаго дѣла. То чувство человѣческой души, которое въ религіи удовлетворялось мистикой, должно было найти себѣ отвѣтъ въ этомъ проникновеніи; та потребность, которая у вѣрующаго выливалась въ молитвѣ, должна проявиться въ нашемъ праздникѣ. Отвергая мистику и обрядъ, развѣ мы, социалисты, перестали обладать тѣми высшими духовными запросами человѣка, которымъ удовлетворяла религія въ теченіе столькихъ вѣковъ? Наоборотъ, мы стремимся развить ихъ въ себѣ еще выше, еще сильнѣе и часто вопреки нашимъ теоріямъ въ нашихъ призывахъ и дѣйствіяхъ проявлялось много чисто религіозныхъ стимуловъ.

Когда я началъ эту статью, я самъ не думалъ, что она такъ затянется. Черноработчій участникъ нашего кропотливаго труда, я самъ не представлялъ себѣ, какую огромную работу мы выполнили общими силами: краткое описаніе нашего „новаго года“, однихъ только праздниковъ нашихъ — а какъ мало ихъ было по сравненію съ сѣрыми днями черной работы! — требуетъ столько мѣста.

Когда я началъ эту статью для „Былого“, я говорилъ себѣ, что мои строки неизбежно будутъ блѣдными среди тѣхъ блестящихъ страницъ, которыя вписали уже въ исторію освободительнаго движенія предшественники социалдемократіи. Но наши старые товарищи по дѣлу борьбы за социализмъ и свободу и наши предшественники пусть признаютъ, что и наше поколѣніе должно было обладать не меньшимъ энтузіазмомъ, чтобы съ безпредѣльнымъ упорствомъ вести долгіе годы эту героически-монотонную работу и пядь за пядью отвоевывать почву у мрака и насилія!

Но мы всегда должны идти впередъ; и всегда то новое, что мы въ нашемъ движеніи создаемъ, отражается на нашемъ празднествѣ. Въ этотъ годъ долженъ совершиться переломъ въ нашемъ отношеніи къ Первому Мая: то что признавалось въ немъ существеннымъ — актъ непосредственной борьбы, смотръ нашихъ силъ — должно стать второстепеннымъ; то что едва при-

мѣчалось, то что терѣлось въ прокламаціяхъ и рѣчахъ, какъ риторическій приѣмъ, какъ поэтическія вольности, почти какъ виньетки — самопознанье, возрожденье, созданіе новыхъ духовныхъ цѣнностей, отрѣченье отъ стараго міра — должно получить признаніе, какъ существенное.

Какъ первосвященники однажды въ годъ входили въ древнюю скинію, въ этотъ день мы должны быть въ нашей святой святыхъ, отрѣшившись отъ повседневныхъ работъ, заботъ и даже отъ самой борьбы. Тогда только „чудные символы новаго вѣка“ стануть „новымъ знаменіемъ на небѣ — симъ побѣдиши!“.

Иначе отнынѣ нашъ праздникъ станеть такимъ же пережившимъ себя обрядомъ, какъ праздники такъ называемыхъ христіанъ, что уже и случилось съ нимъ въ Западной Европѣ. И мы, искатели земли обѣтованной, поклоняющіеся въ нашей обыденной жизни тому самому тельцу, котораго проклинаемъ въ нашихъ пѣсняхъ, осуждены будемъ на долгіе годы скитаній въ пустыняхъ буржуазнаго міра, пока не погибнетъ въ борьбѣ за жизнь и свободу послѣдній изъ насъ, пока не прійдетъ намъ на смѣну новое поколѣніе борцовъ духомъ.

Вл. Махновець-Анимовъ.

Павелъ I въ его приказахъ по арміи.

(Къ характеристикѣ императора).

Въ самое послѣднее время въ нашей исторической прессѣ стала появляться впервые правда объ императорѣ Павлѣ I-мъ. Давно пора выйти ей на свѣтъ Божій. То, о чемъ не могли говорить въ избранномъ кружкѣ читателей Д. Ѳ. Кобеко („Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. 1754—1796“. СПБ. 1882) и Е. С. Шумигорскій („Павель I“ въ Рус. биограф. слов., изд. И. Р. И. О., т. V. СПБ. 1902),—въ настоящее время—время освободительнаго движенія—дѣлается достоинствомъ обширной читающей аудиторіи. Сочувствуя стремленію въ этомъ отношеніи редакціи, я представляю выписки изъ приказовъ, отданныхъ по арміи со дня вступленія на престолъ императора Павла до 31 Декабря 1800 года. Я выбралъ изъ нихъ тѣ, которые съ особой яркостью отпечатались на себѣ личность императора.

- 1796 г. 7 ноября. Камеръ пажъ Нелидовъ производится въ маіоры.
" 9 " Въ подполковники.
1798 г. 1 января. Въ полковники.
" 21 " Въ генераль-адъютанты.
" 3 мая. Въ тайные совѣтники.
1797 г. 12 января. Спросить штабъ-ротмистра Шувалова желаетъ ли онъ служить, ибо е. и. величество можетъ обойтись и безъ него.
1797 г. 30 января. Находившихся при Суворовѣ адъютантовъ Тименкова и Мандрина взять прочь.
1797 г. 1 февраля. Маіоръ Лисаневичъ выключается изъ службы за ретираду. (Трудно понять за что, такъ какъ тогда Россія не вела войны ни съ одною державою).
1797 г. 5 февраля. Выключаются изъ службы 5 генераловъ, 13 бригадировъ, 29 полковниковъ, 20 подполковниковъ и 5 маіоровъ. (За что—не сказано).
1797 г. 26 февраля. Ген.-лейт. фонъ-дерь-Паленъ за почести и встрѣчи, отданныя Зубову при проѣздѣ его черезъ Ригу, исключенъ изъ службы.
1797 г. 1 марта. Исключены изъ службы ген.-маіоры: Ермоловъ, Багговутъ, Дохтуровъ, Коновницинъ, Ламбертъ, Сакенъ, Тормасовъ, Бенигсенъ и др., за незнаніе службы.
1797 г. 9 сентября. Уволены въ одинъ день: 3 полныхъ генерала, 3 ген.-лейтенанта, 9 ген.-маіоровъ, 68 оберъ-офицеровъ гвардейскихъ полковъ,

90 унт.-офицеровъ и Преображенскаго полка 120 чел. (За что—не сказано)
1799 г. 3 февраля. Выговоръ Кутузову и фельдмаршалу гр. Салтыкову
за незнаніе службы.

1799 г. 15 февраля. Штабъ-ротмистръ Бороздинъ сажается въ крѣпость,
на хлѣбъ и на воду, на 6 недѣль, за хвастовство, что онъ будетъ флигель-
адъютантомъ.

1799 г. 24 апрѣля. Е. И. В-во въ благодарность подвиговъ князя Суво-
рова, повелѣваетъ гвардіи и всѣмъ войскамъ отдавать всѣ почести подобно
особѣ царской.

1799 г. 25 апрѣля. Большой полковникъ Чоглоковъ исключается изъ
списковъ, какъ умершій. (???)

1799 г. 27 сентября. Выключаются изъ службы всѣ въ плѣнъ взятые и
раненные.

1799 г. 2 мая. Штабсъ-капитанъ Кирпичниковъ разжаловается въ солдаты
съ прогнаніемъ сквозь строй черезъ 100 человекъ.

1800 г. 8 февраля. Умершему генералу Врангелю въ примѣръ другимъ
строжайшій выговоръ.

1800 г. 10 сентября. Мичманъ Фейшъ, просящійся въ отпускъ въ Англію,
отставленъ отъ службы.

1800 г. 26 декабря. Полковникъ Тинковъ выключается изъ службы
вслѣдствіе рапорта его о неотысканіи имъ гарнизоннаго баталіона, коего
онъ былъ назначенъ командиромъ.

„Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“.

(Окончаніе ¹⁾).

Прошеніе Серно-Соловьевича.

11-го декабря Николай Серно-Соловьевичъ приступилъ къ чтенію всего производства по своему дѣлу, уже прошедшаго передъ читателемъ. Ветошниковъ этого почему то не сдѣлалъ.

Серно-Соловьевичу стало ясно, что многое скрывать уже совершенно бесполезно, что это только усилить тяжесть наказанія, и потому 18-го онъ просилъ сенатъ допустить его къ дачѣ словеснаго показанія.

Когда онъ пришелъ въ присутствіе, то объяснилъ, что «данныя имъ во время слѣдствія показанія въ нѣкоторыхъ частяхъ невѣрны и неточны отъ того исключительнаго положенія, въ которое онъ поставленъ былъ предшествовавшими аресту его и послѣдовавшими обстоятельствами». Затѣмъ онъ объяснилъ очень многое и просилъ разрѣшить изложить все это еще подробнѣе письменно. Сенатъ не препятствовалъ ему въ этомъ несомнѣнномъ правѣ.

16-го января кн. Суворовъ препроводилъ въ сенатъ это пространное показаніе, имѣвшее, на основаніи закона, форму всеподданнѣйшаго прошенія.

Въ виду громаднaго интереса этого документа, я привожу его съ незначительными сокращеніями.

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій
Великій Государь Императоръ
Александръ Николаевичъ,
Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемиловитѣйшій!
Просить отставной надворный со-
вѣтникъ Николай Александровичъ
сынъ Серно-Соловьевичъ, а о чемъ
прошеніе мое, тому слѣдуютъ
пункты:

1.

При слѣдствіи по обвиненію меня въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами, я, вслѣдствіе совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, объясненныхъ ниже, не могъ дать по нѣкоторымъ вопросамъ

¹⁾ См. „Былое“ сентябрь, октябрь и ноябрь

точныхъ показаній. Подтверждая въ Пр. Сенатѣ свои отвѣты на вопросы слѣдственной комиссіи, я объяснилъ, что долженъ дополнить ихъ и просилъ рукоприкладства, имѣя въ виду дополнить письменно свои показанія, такъ какъ ст. 445 кн. 2-й т. XV св. з. называетъ рукоприкладство послѣднимъ способомъ къ защитѣ и охраненію невинности. Но приступивъ къ чтенію записки изъ дѣла, я узналъ, что неправильно понималъ значеніе рукоприкладства, ограниченнаго содержаніемъ записки ¹⁾, и потому просилъ Пр. С. выслушать мои словесныя показанія. Пр. Сенатъ, выслушавъ ихъ, разрѣшилъ мнѣ изложить ихъ въ письменномъ прошеніи, объявивъ при томъ, что желаетъ доставить мнѣ всѣ способы къ оправданію. Во исполненіе сего я написалъ сіе прошеніе, изложивъ въ немъ все необходимое для своего оправданія.

2.

Помянутыя въ пунктѣ 1 обстоятельства объясняются всѣмъ моимъ прошедшимъ и тѣмъ нравственнымъ состояніемъ, въ которомъ я находился за все продолженіе слѣдствія.

3.

Въ мою недолгую, но не бѣдную дѣятельностью жизнь руководящими началами всѣхъ моихъ дѣйствій были: любовь къ отечеству и прочныя нравственныя правила. Это часто вовлекало меня въ борьбу съ различными неправдами, такъ какъ я былъ еще молодъ. Этимъ я приобрѣлъ много враговъ въ людяхъ, вовсе не знавшихъ меня лично, но враждебныхъ началамъ, на основаніи которыхъ я поступалъ. Такая вражда опасна въ странѣ, гдѣ нѣтъ гражданской свободы и мало развита публичность. Она всегда успѣваетъ создать предубѣжденіе противъ лица, и затѣмъ всѣ его дѣйствія судятся извѣстными кругами общества въ силу этого чувства. Мнѣ довелось испытать это.

4.

Окончивъ въ 1853 г. курсъ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, гдѣ былъ награжденъ серебряною медалью, я поступилъ на службу въ Государственную канцелярію, и въ 1857 г. былъ пожалованъ въ надворные совѣтники, имѣя 23 года отъ роду. Въ 1858 г. я имѣлъ счастье представить всеподданнѣйшую записку Вашему И. В. Ея подлинное содержаніе мало кто зналъ, но о направленіи ходили слухи. Тѣ, кому она не нравилась, не взлюбили меня. Въ 1859 г. я участвовалъ въ занятіяхъ калужскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу. Его занятія обратили на себя вниманіе. Онъ первый просилъ и получилъ разрѣшеніе соста-

¹⁾ Т. е. дѣлопроизводствомъ.

вить проектъ Выкупного Положенія, за что ему было объявлено удовольствіе Вашего И. В. Все это не нравилось людямъ, не сочувствовавшимъ реформѣ. Я былъ въ комитетѣ не болѣе, какъ дѣлопроизводитель, но какъ мое имя было уже связано съ крестьянскимъ вопросомъ, то неудовольствіе падало на меня. Затѣмъ я обратилъ общественное вниманіе на злоупотребленія въ акціонерныхъ компаніяхъ. Люди, злоупотреблявшіе властью, объявили меня революціонеромъ. Название было подхвачено недовольными моими дѣйствіями по крестьянскому дѣлу и съ тѣхъ поръ пошло въ ходъ. Мнѣ надо было отдохнуть и физически и нравственно, и потому я, выйдя въ отставку, уѣхалъ за границу. Главною моею цѣлью было воспользоваться промежуткомъ, остававшимся до рѣшенія крестьянскаго вопроса, чтобы образовать себя для будущей государственной дѣятельности; я думалъ, что она вскорѣ приметъ у насъ общеевропейскій характеръ. Путешествуя и занимаясь, я постоянно слѣдилъ за нашими реформами; писалъ о нихъ, когда умѣлъ, и посылалъ печатать въ Россію.

5.

Возвратясь въ Россію осенью 1861 г., я не рѣшился по тогдашнимъ обстоятельствамъ поступить на службу. По своимъ правиламъ я былъ неспособенъ заняться ею мимоходомъ. Служа, я отдался бы весь своимъ занятіямъ, какъ въ калужскомъ комитетѣ, гдѣ 7 мѣсяцевъ работалъ изо дня въ день 14 часовъ въ сутки. Но я не имѣлъ довѣрія къ канцелярскому порядку. Служивъ подъ непосредственнымъ начальствомъ способнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, я личнымъ опытомъ убѣдился, что наша служба суживаетъ взгляды и дѣлаетъ невозможною широкую самостоятельную дѣятельность. Проживъ 1½ года въ Англии, Бельгii, Германii, Швейцарii, Италii и Францii, я понималъ, что канцелярскимъ формамъ нѣтъ никакой возможности совладать съ текущими дѣлами и громадными преобразованіями, одновременно лежащими на нихъ у насъ, въ настоящее время. Потому я счелъ полезнѣе заняться частною дѣятельностью. Я имѣлъ въ виду, что на всякое служебное мѣсто, которое я могъ-бы занять, правительство имѣетъ въ своемъ распоряженіи сотни людей, тогда какъ оно можетъ рассчитывать на весьма небольшое число дѣятелей, которые трудились бы для отечества, не прося себя ничего, кромѣ права трудиться. На книжной торговлѣ я остановился потому, что послѣ отмѣны крѣпостнаго права считалъ самымъ капитальнымъ вопросомъ для Россii дѣло народнаго образованія. Книжная торговля давала мнѣ возможность, ведя семейныя дѣла, трудиться для этого дѣла и при томъ имѣть подъ рукою всѣ пособія для своихъ литературныхъ и ученыхъ занятій. Сверхъ того, я понималъ, что въ переживаемую нами переходную эпоху, мыслящему человѣку, стоящему внѣ служебнаго круга, трудно уберечься отъ раздраженія и увлеченій. Мнѣ хотѣлось сберечь себя и я считалъ практическую торговую дѣятельность весьма надежнымъ предохранительнымъ средствомъ.

Я лично велъ значительное торговое заведеніе и долженъ былъ быть тѣмъ внимательнѣе къ дѣлу, совершенно для меня новому, что имъ было заинтересовано все мое семейство. А какъ сверхъ магазина съ библіотекой и книжной лавки съ читальной ¹⁾ у меня были на рукахъ дѣла моей матери и различныя литературныя и общественныя занятія, то все мое время безъ остатка поглощалось усиленною работою.

6.

Но и на этомъ, рѣшительно никого не затрагивающемъ поприщѣ меня встрѣтило старинное недоброжелательство. Тѣло теперь это была не личная неприязнь, а слѣдствіе общаго хода дѣлъ, неприязнь людей отживающаго порядка къ людямъ возникающаго. Это чувство вполне объясняется нашимъ настоящимъ. Люди двухъ различныхъ эпохъ необходимо должны расходиться между собою во мнѣніяхъ. Въ переживаемое нами переходное время государству необходимо, чѣмъ когда либо, имѣть поле, гдѣ различныя мнѣнія могли бы открыто и спокойно сталкиваться. Не можетъ быть сомнѣнія, что лучшіе люди обоихъ поколѣній имѣютъ общее чувство—любовь къ отечеству; не можетъ быть сомнѣнія, что каждое изъ мнѣній имѣетъ въ себѣ много вѣрнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по несовершенству человѣческой природы, и много недостаточнаго. Спокойнымъ, законнымъ столкновеніемъ они дополнили бы другъ друга, и преобразованія приняли бы практическіе вѣрные направленіе, на которомъ мирились бы всѣ добросовѣстные люди. Наше государственное устройство не представляетъ такого поля. Потому весь ходъ дѣла представляетъ не общее обсужденіе, какъ лучше устроить отечество, а борьбу между двумя порядками, борьбу, со всѣми ея несчастными слѣдствіями. Главное оружіе въ ней—взаимныя обвиненія и клеветы, которыхъ некому провѣрять среди всеобщаго раздраженія. А такъ какъ эта, какъ и всякая борьба, ведется съ переменнымъ счастьемъ, то ея жертвами непременно становятся самыя выдающіяся личности съ той и другой стороны. Они страдаютъ и гибнутъ безъ всякой пользы для кого бы то ни было, тогда какъ при другихъ условіяхъ, страданій этихъ не могло бы быть вовсе, а люди, хотя бы и стояли въ разныхъ лагеряхъ, трудились бы совмѣстно для пользы отечества.

7.

Едва я открылъ торговлю, обо мнѣ стали распространять самыя оскорбительныя слухи. Въ мою читальню такъ нагло являлись подстрекатели, что я лично довелъ объ этомъ до свѣдѣнія г. оберъ-голицеймейстера. Когда начались пожары, меня называли поджигателемъ. Вслѣдъ за тѣмъ моя библіотека, книжная лавка, читальня были внезапно запечатаны. Я письменно просилъ слѣдствія надъ собою. Дѣло кончилось лишеніемъ библіотеки права чтенія въ ея

¹⁾ Открытой съ А. А. Слѣпцовимъ.

помѣщеніи и упраздненіемъ читальни, вслѣдствіе чего я былъ вынужденъ закрыть и книжную лавку. Все это нанесло непоправимый вредъ моей торговлѣ, а я не получилъ даже объясненія о причинѣ этихъ мѣръ.

8.

Все это можетъ объяснить, въ какомъ настроеніи я долженъ былъ находиться, когда меня арестовали и заключили въ крѣпость. 100 дней, съ 7 іюля по 16 октября, я пробылъ въ неизвѣстности за что, для чего, по чьему распоряженію я заключенъ. Послѣдніяго я не зналъ до чтенія записки изъ дѣла въ Пр. Сенатѣ. Когда началось слѣдствіе, я не зналъ ни состава слѣдственной комиссіи, ни на какомъ основаніи она дѣйствуетъ. Я не зналъ, на законномъ или внѣзаконномъ основаніи со мной поступаютъ. Черезъ 100 дней послѣ ареста мнѣ было предъявлено въ неопредѣленныхъ и неимѣвшихъ строгаго законнаго характера выраженія обвиненіе въ преступленіяхъ, въ которыхъ я былъ невиненъ. Затѣмъ я былъ опять 50 дней въ положеніи худшемъ, чѣмъ даже прежняя неизвѣстность. Ежедневные допросы начались черезъ пять мѣсяцевъ послѣ заключенія. Ходъ его былъ донельзя способенъ питать мои подозрѣнія и опасенія. Десятки вопросовъ касались моихъ бумагъ или отдѣльныхъ фразъ изъ нихъ, которыя и цензура пропустила бы въ хорошее время безъ затрудненія. Отъ меня требовали объясненій по письму, адресованному къ мнѣ то изъ Туна въ Берлинъ на имя моего брата, бывшаго за границей, письму, попавшему изъ берлинскаго почтамта въ руки слѣдственной комиссіи. Мнѣ предъявляли объявленія объ изданіи листка Долгорукаго, присланная неизвѣстно къ мнѣ на мое имя, изъ Спа, послѣ моего заключенія, по почтѣ. Мнѣ дѣлали вопросъ о полученныхъ будто бы мною, черезъ Тургенева, письмѣ отъ Герцена и объявленія о сборѣ денегъ, не предъявляя ни этихъ документовъ, ни извѣтчика. Наконецъ, мнѣ предъявили одно за другимъ письма Герцена и Кельсіева, что ихъ привезло 5¹/₂ мѣсяцевъ назадъ лицо, фамилію котораго я въ первый разъ слышалъ. Изъ нихъ одно письмо Герцена говорило исключительно объ обстоятельстве, о которомъ я незадолго до ареста входилъ съ прошеніемъ въ цензурный комитетъ; другое, ясно писанное двумя лицами, приписывалось одному и по содержанію вопроса, очевидно, перетолковано; письмо же Кельсіева, почерка котораго я не знаю, не имѣло ни подписи, ни моего адреса и было такого содержанія, что я не могъ отнести его къ себѣ. Лица, привезшаго письма, мнѣ вовсе не предъявляли, хотя я самъ просилъ очной ставки съ нимъ, а по закону, мнѣ дать ее даже слѣдовало. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ и многихъ другихъ неважныхъ самихъ по себѣ, но все же вліявшихъ на меня въ одномъ направленіи; сознаніе, что меня преслѣдуютъ несправедливо и что вмѣстѣ съ моими страданіями разоряется все мое семейство, дѣлъ котораго некому было вести, привели меня въ странное нравственное состояніе. Я былъ раздраженъ, озлобленъ, всего опасался и ничему не довѣрялъ.

9.

При другихъ условіяхъ мнѣ могли бы внушить довѣріе уже тѣ члены слѣдственной комиссіи, которые допрашивали меня. Впрочемъ, я не сомнѣвался въ чистотѣ ея дѣйствій, хотя повидимому, она была предубѣждена противъ меня; я безъ затрудненія далъ въ Пр. Сенатѣ подписку, что мнѣ не дѣлали пристрастныхъ допросовъ, и далъ ее тогда, когда еще сущность дѣла была для меня темна и непонятна. Но я не зналъ, въ какомъ видѣ получила это дѣло слѣдственная комиссія. Я видѣлъ положительный фактъ перехвата писемъ изъ заграничнаго почтамта и, понимая, что въ дѣлѣ такого свойства не могли участвовать правительственныя лица, имѣлъ право предполагать, что въ дѣлѣ замѣшаны грязныя руки. Наконецъ, я не зналъ, будетъ ли слѣдствіе разсмотрѣно законнымъ или внѣзаконнымъ порядкомъ. Все это заставило меня отрицать даже знакомство съ Герценомъ и Кельсиевымъ, не имѣвшее не только преступнаго, но и предосудительнаго характера, но одинъ фактъ котораго могъ послужить къ тому, чтобы погубить меня, еслибы сужденіе о дѣлѣ было предоставлено внѣзаконной или спеціальной инстанціи.

10.

Опасенія мои разсѣялись преданіемъ меня суду Пр. Сената и общимъ впечатлѣніемъ перваго призыва меня въ Пр. Сенатъ. Я подтвердилъ свои отвѣты, данные при слѣдствіи, такъ какъ сущность ихъ не могла измѣниться: преступленія, въ которомъ меня обвиняють, я не совершилъ. Но при томъ, какъ объяснено въ пунктѣ I, объявилъ, что имѣю сдѣлать къ нимъ дополненіе. Дополнить свои показанія я считалъ нужнымъ разъясненіемъ обстоятельствъ своего знакомства съ Герценомъ, Огаревымъ и Кельсиевымъ и точнаго характера и значенія ихъ писемъ, буде они дѣйствительно писаны или адресованы ко мнѣ ¹⁾

11

Съ Герценомъ и Огаревымъ я познакомился въ Лондонѣ. Къ этому знакомству меня привело желаніе лично оцѣнить эти личности, о которыхъ слышалъ самые различные отзывы, а самъ заглазно не могъ составить опредѣленнаго мнѣнія. Въ Россіи, зная о нихъ больше по слухамъ, я былъ предубѣжденъ противъ нихъ. За границей читая ихъ серьезныя сочиненія, часто находилъ тамъ необыкновенную глубину мысли. Кромѣ того, увидя въ Европѣ на практикѣ результаты свободы печати, долженъ былъ сознаться, что различіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ недостаточная причина къ обвиненіямъ. Личное знакомство представило мнѣ Герцена и

¹⁾ Читатель увидитъ и дальше, что Серно-Соловьевичъ все время стоялъ на формальной точкѣ зрѣнія и нигдѣ не призналъ совершенно доказаннымъ, что письмо Герцена и Огарева было адресовано къ нему; въ немъ не было обращенія, а конвертъ, въ которомъ оно лежало, былъ въ дѣлѣ, конечно, распечатанъ.

Огарева въ новомъ свѣтѣ. Я увидѣлъ, что это не увлекающіеся люди и не фанатики. Ихъ мнѣнія выработаны размышленіемъ, изученіемъ и жизнью; такого рода мнѣнія всегда добросовѣстны и измѣняются, какъ скоро имъ доказана ихъ ошибочность. Все несчастіе этихъ людей въ томъ, что они должны писать за границей. Самое задушевное желаніе ихъ вернуться въ Россію, но только отнюдь не такъ, какъ утверждаетъ г. Шедо-Ферроти, потому что такое утверженіе—или грубое заблужденіе, или неудачная выдумка. Вернуться въ отечество имъ хочется, чтобы заниматься тамъ единственными дѣломъ, на которое они дѣйствительно способны: быть публицистами. Чѣмъ меньше надеждъ на это, по общему ходу дѣлъ, тѣмъ сильнѣе становится ихъ раздраженіе и какъ патріотовъ, и какъ людей. Съ другой стороны, не имѣя возможности вести правильной полемики, они не могутъ провѣрять правильности своихъ взглядовъ и это они вполне сознаютъ. Потому сама сила обстоятельствъ заставляетъ ихъ писать за границей многое, чего никогда не написали бы и не напечатали бы въ Россіи. Узнавъ ихъ лично, трудно не отдать справедливости ихъ серьезному уму и безкорыстной любви къ Россіи, хотя бы и не раздѣляя ихъ мнѣній ¹⁾.

12.

Тѣмъ, что теперь называютъ пропагандистами, они въ то время не были, и мнѣ трудно повѣрить, чтобы сдѣлались потомъ. Вести пропаганду, т. е. распространять тайно свои сочиненія въ Россіи, имъ мѣшали слѣдующія, почти неустранимая обстоятельство: а) зависимость отъ Трюбнера, которому принадлежать всѣ ихъ изданія; онъ человѣкъ коммерческой, не рискующей безразсудно капиталомъ и потому не ведущій дѣлъ въ такихъ странахъ, гдѣ товаръ можетъ быть конфискованъ, б) невозможность сбыта; о провозѣ одной партіи не стоило бы и хлопотать, такъ какъ это не имѣло бы никакой цѣли, ни значенія. Устроить же постоянный сбытъ въ Россіи положительно невозможно при бдительности правительства; в) личный взглядъ Герцена, что если въ Россіи будетъ потребность въ его сочиненіяхъ, то они попадутъ туда безъ его хлопотъ, если же въ нихъ нѣтъ надобности, то и ввозимыя они не имѣли бы значенія. Потому никакой пропаганды не было въ теченіе пятилѣтняго существованія въ Лондонѣ русскаго печатанія. Изданія печатались въ небольшомъ сравнительно числѣ экземпляровъ и расходились исключительно за границей. Если бы для существованія «Колокола» необходимы были постоянные корреспонденты, онъ не могъ бы издаваться, потому что, сколько мнѣ извѣстно, Герценъ никогда не могъ убѣдить ни одного человѣка

¹⁾ Давать такую оцѣнку людей, при одномъ имени которыхъ перекашивались физиономія правительственныхъ кормчихъ шестидесятыхъ годовъ, было большимъ мужествомъ и вмѣстѣ вѣрною гибелью. Серно-Соловьевичъ понималъ это ясно, но не считалъ честнымъ поступить иначе тамъ, гдѣ рѣчь шла о людяхъ, закупаемыхъ всею рентиальною прессой.

взять на себя трудъ постоянного сообщенія извѣстій. Но свободная печать, сила, сама притягивающая материалъ. Почти съ каждою почтою Герценъ получаетъ письма и статьи и изъ всевозможныхъ мѣстъ, преимущественно за границую, и обыкновенно анонимныя. По его словамъ, ихъ содержаніе и тонъ—его единственный барометръ для оцѣнки положенія дѣлъ въ Россіи. Чѣмъ дѣла идутъ хуже, чѣмъ круче дѣйствуетъ правительство, тѣмъ рѣзче тонъ сообщеній; чѣмъ либеральнѣе поступаетъ правительство, тѣмъ умѣреннѣе сообщенія и тѣмъ меньше ихъ. Этимъ объясняются колебанія въ направленіи «Колокола»¹⁾.

13.

Однородныя занятія экономическими вопросами сблизили меня съ Огаревымъ. Я нашелъ въ немъ неутомимаго труженика и одного изъ глубочайшихъ знатоковъ нашего экономического положенія. Мы много говорили о Россіи. Я доказывалъ, что ихъ надежды на народъ неосновательны; что реформы снизу были бы еще неудачнѣе реформъ сверху; что вообще, по моему, реформы только тогда могутъ быть дѣйствительны, если вмѣстѣ съ ними расширяется и возвышается нравственный и умственный уровень народа и если при нихъ не нарушаютъ ничьихъ интересовъ, потому что государственная жизнь слагается изъ совокупности всѣхъ существующихъ интересовъ и ни одного изъ нихъ нельзя нарушить безъ того, чтобъ это не отозвалось, такъ или иначе, на всѣхъ, что единственное начало, въ которомъ я вижу органически созидающую силу—это начало свободы; всякое же насильственное измѣненіе порядка—смѣна господства однихъ началъ деспотизмомъ другихъ. Потому единственный путь, отъ котораго я жду для Россіи добра: соединеніе всѣхъ частей націи для общихъ трудовъ. А для этого необходимо, чтобы въ массѣ народа развивались образованіе и самодѣятельность, чтобы образованные классы изучали страну и народъ, которыхъ мы положительно не знаемъ, а Государь узнавалъ бы о нуждахъ и потребностяхъ, а также и средствахъ народа отъ тѣхъ, до кого непосредственно касаются правительственныя распоряженія. Таковы были тогда, такими остаются до сихъ поръ мои практическіе политическіе взгляды. Я высказывалъ ихъ во всѣхъ своихъ статьяхъ. На нихъ же основаны и моя брошюра «Проектъ окончательнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса», и особенно найденный въ моихъ бумагахъ «Проектъ уложенія Императора Александра II». Огаревъ относился къ нимъ съ большимъ сочувствіемъ, а Герценъ никогда не пытался склонить меня къ болѣе крайнимъ. О какихъ либо политическихъ замыслахъ не было и рѣчи, и я убѣжденъ, что никакихъ не суще-

¹⁾ Разумѣется, все сказанное въ п. 12 не соответствуетъ истиннымъ обстоятельствамъ. Серно-Соловьевичу надо было доказать, что онъ не участвовалъ въ пропагандѣ, и для этого онъ исходилъ изъ желанія доказать, что пропаганды никакой и быть не могло.

ствовало. Напротивъ, Огаревъ убѣждалъ меня всячески остерегаться увлеченій переходнаго времени и беречь себя для государственной дѣятельности. Мы разстались въ отношеніяхъ чисто пріятельскихъ. Когда я возвращался въ Россію, Герценъ письменно просилъ меня похлопотать, нельзя ли будетъ его сыну вернуться въ Россію и не возвратятъ ли его старшей дочери секвестрованнаго имѣнія, если бы и она пріѣхала. Наши послѣдующія отношенія ограничивались рѣдкими письмами или, вѣрнѣе, записками пріятельскаго содержанія. Со времени возвращенія въ Россію, мнѣ удалось имъ писать не болѣе двухъ или трехъ разъ, такъ какъ всѣ мои дѣла отвлекали меня отъ всякой недѣловой переписки.

14.

Кельсіевъ не былъ близокъ съ ними. Я его видѣлъ тамъ всего одинъ разъ. Но и съ одного раза можно было понять, что это не политической дѣятель. Онъ человекъ, повидимому, съ добрымъ сердцемъ, но болѣзненный, нервный, впечатлительный. Сверхъ того занятія богословскими вопросами положили на него весьма странный отпечатокъ. Онъ легко возбудитъ участіе лично къ себѣ, но всегда поселитъ недовѣріе къ дѣлу, за которое берется. Бакунинъ былъ еще въ Сибири: его я вовсе не знаю.

15.

Въ 1862 г. когда я былъ уже въ Петербургѣ, однажды вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ Кельсіевъ. Было это черезъ нѣсколько времени послѣ высылки профессора Павлова. Это посѣщеніе, сколько помню, сопровождалось слѣдующими обстоятельствами: былъ тутъ Ничипоренко, и чуть ли они не вмѣстѣ пріѣхали. Я не сразу узналъ Кельсіева, видѣвъ его года за полтора. Ничипоренко зналъ, но не коротко. Онъ оставался недолго. Братъ мой, Александръ, вышелъ къ чаю, и, посидѣвъ немного, ушелъ. Онъ былъ занятъ переводомъ «Всемирной исторіи» Шлоссера. Затѣмъ мы остались вдвоемъ съ Кельсіевымъ. Онъ сказалъ, что ѣдетъ въ Москву по семейнымъ дѣламъ. Потомъ разговоръ шелъ о разныхъ неважныхъ предметахъ. Я говорилъ объ изданіи братомъ Шлоссера и вообще о моихъ дружескихъ отношеніяхъ къ брату. Кельсіевъ спрашивалъ о моей торговлѣ, жаловался на свои стѣсненные обстоятельства и тутъ, между прочимъ, сказалъ, что досадило всего, что при этомъ у него подъ руками золотыя горы—переводъ Библии и «Сборникъ»; но книги не имѣютъ доступа въ Россію и что ему хотѣлось бы потолковать съ кѣмъ нибудь изъ книгопродавцевъ. Я сказалъ, что если книги недозволены, то ни одинъ солидный книгопродавецъ не возьмется сбывать ихъ; сбытъ недозволенныхъ книгъ цѣлыми партиями у насъ рѣшительно невозможенъ, да и прибыль была бы слишкомъ непропорціональна риску потерять заведеніе. Тутъ же я говорилъ, что по нынѣшнему времени можетъ

представиться благоприятная минута для получения разрѣшенія на ввозъ, что носятя слухи о пересмотрѣ закона о раскольникахъ и что надо стараться ничѣмъ не вредить этому дѣлу, что если оно пойдетъ въ ходъ, ему, какъ специалисту, можетъ открыться видная законная дѣятельность. Это ему понравилось, и конецъ вечера онъ провелъ въ развитіи разныхъ плановъ о соединеніи церквей.

16.

О Герценѣ и Огаревѣ онъ говорилъ неохотно и уклончиво, изъ чего я заключилъ, что они по прежнему не въ ладу. Онъ даже не привезъ мнѣ письма.

17.

Помню, что было довольно поздно, когда онъ сталъ собираться уходить и прощаясь, видимо затруднялся незнаніемъ мѣстности и неимѣніемъ извозчика, а я, зная, что наши мѣста (Нарвская часть) дѣйствительно безлюдны въ позднюю пору, предложилъ ему переночевать, что онъ и принялъ безъ отговорокъ. Я не разспрашивалъ, гдѣ онъ остановился, но мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ онъ могъ пріѣхать съ чужимъ паспортомъ, тѣмъ болѣе, что онъ назывался своимъ настоящимъ именемъ. Обстоятельство его прежней жизни я не зналъ, а издание «Сборника», не читавъ его, не считалъ препятствіемъ къ возвращенію въ Россію, такъ какъ я самъ, напечатавъ въ Берлинѣ брошюру о крестьянскомъ вопросѣ, вернулся и не былъ тревожимъ за нее. На слѣдующее утро я, по обыкновенію, отправился въ магазинъ, гдѣ всегда оставался до вечера, и затѣмъ не видалъ Кельсіева до его возвращенія изъ Москвы. ¹⁾

¹⁾ Здѣсь я считаю умѣстнымъ привести разсказъ Н. В. Шелгунова, разумеется совершенно иначе обрисовывающій посѣщеніе Кельсіевымъ Серно-Соловьевича. Заимствую его изъ сожженаго комитетомъ министровъ изданія „Сочиненій“ Шелгунова, сдѣланнаго Павленковымъ въ 1891 г.

„Я жилъ въ то время на Царскосельскомъ проспектѣ (Михайловъ былъ уже увезенъ въ Сибирь), въ домѣ Серно Соловьевичей, дверь противъ двери съ ихъ квартирой. Разъ приходитъ ко мнѣ младшій Серно-Соловьевичъ (Александръ) и таинственно предупреждаетъ, что въ теченіе трехъ-четырехъ дней къ нимъ будетъ заходить неудобно. Это предупрежденіе Серно-Соловьевичъ сдѣлалъ изъ предосторожности. Теперь кажде шагъ по дѣйствицѣ имѣли для меня что-то таинственное. Вотъ кто-то поднимается, останавливается на нашей площадкѣ, и я притаиваю дыханіе, прислушиваюсь, жду, что будетъ дальше; дверь отворяется, сейчасъ же затворяется, таинственный посѣтитель исчезаетъ, и опять водворяется гробовая тишина, еще болѣе настраивающая меня въ чувствѣ тревожнаго ожиданія. Не скажу, чтобы это чувство было пріятное. Шаги таинственныхъ посѣтителей слышались и днемъ, и вечеромъ, и ночью, и тѣмъ они слышались позже, тѣмъ больше ихъ таинственная загадочность возбуждала во мнѣ тревогу, хотя и я нисколько не боялся ни за Серно-Соловьевичей, ни за себя. Тогда въ Петербургѣ жилось еще патриархально и все дѣлалось довольно открыто.....Когда Серно-Соловьевичъ снялъ съ меня запрещеніе, все получило свой обыкновенный видъ, и жизнь потекла по прежнему. Кельсіевъ вернулся благополучно въ Лондонъ. Серно-Соловьевичи были спокойны“.

18.

Что онъ дѣлалъ въ Москвѣ, гдѣ останавливался, съ кѣмъ видѣлся, не знаю. Помню только, что разъ утромъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ, говоря, что только что изъ Москвы, и заѣхалъ по пути проститься, отправляясь въ то же утро за границу. Тутъ я пробылъ съ нимъ недолго, спѣша въ магазинъ. Онъ сказалъ, что недоволенъ Москвой, и опять упомянулъ о „Сборникѣ“, прося хоть похлопотать о немъ въ цензурѣ. Еще просилъ собрать и прислать ему все, что здѣсь печаталось съ дозволенія цензуры о расколѣ. Я обѣщалъ, но не могъ исполнить, такъ какъ онъ не оставилъ мнѣ адреса, да и не выслалъ денегъ. Съ тѣхъ поръ я не слышалъ о немъ до вопросовъ слѣдственной комиссіи.

19.

Ничипоренко показалъ, что я заѣзжалъ къ нему въ день отъѣзда Кельсіева за границу и взялъ для него деньги. Этого я не помню. Но наѣрное помню, что видѣлся съ Кельсіевымъ въ этотъ день только одинъ разъ. Могло быть, что онъ, чтобъ не опоздать на машину, просилъ меня съѣздить къ Ничипоренко за деньгами, а я, давъ ему изъ своихъ, тотчасъ заѣхалъ къ Ничипоренко. Впрочемъ, Ничипоренко сперва показалъ, что лично далъ деньги Кельсіеву, а потомъ измѣнилъ показаніе. Я же совершенно не помню этого обстоятельства.

20.

(Здѣсь Серно-Соловьевичъ доказываетъ якобы неправдоподобность показаній Ничипоренка и Леоновой объ остановкѣ у него Кельсіева).

21.

Мысль о ввозѣ «Сборника» я отнюдь не считалъ цѣлью поѣздки Кельсіева. Я въ ней видѣлъ мимолетную фразу, высказанную въ пылу разговора и забытую вслѣдствіе моихъ доводовъ. Еслибъ я придавалъ ей значеніе или подозрѣвалъ, что она возродилась въ Москвѣ, я убѣдилъ бы его по возвращеніи въ невозможности и безцѣльности ввоза раскольничьихъ книгъ. Но я до сихъ поръ полагаю, что онъ уѣхалъ безъ всякихъ составленныхъ плановъ, а тѣмъ менѣе безъ подготовленныхъ средствъ къ осуществленію ихъ. Я взялся бы отговорить его чисто по своимъ личнымъ убѣжденіямъ. Безъ сомнѣнія, я не считаю полезными наши законы о раскольникахъ. Кто имѣетъ принципомъ свободу, тотъ желаетъ ее для всѣхъ, понимая, что такая свобода—лучшая гарантія общественнаго благосостоянія и спокойствія и лучшая система воспитанія народа. Но здѣсь и кончается мое сочувствіе къ раскольникамъ. Между другомъ свободы и слѣпымъ приверженцемъ старины не

можетъ быть симпатіи. Тѣмъ менѣе она возможна между чело-
вѣкомъ, осмысливающимъ свою религію, и людьми, для которыхъ
она заключается въ однихъ обрядахъ. Отсюда логическій выводъ,
что я могу желать имъ свободы *данной*, но отнюдь не взятой,
такъ какъ, по общимъ историческимъ законамъ, торжество рас-
кола, достигнутое насиліемъ, было бы эпохой гибели людей, раз-
витіе которыхъ внушаетъ имъ религіозныя чувства слишкомъ вы-
сокія для того, чтобъ ихъ могла понять невѣжественная масса.
Думать же воспользоваться раскольниками, какъ орудіями для
какихъ либо политическихъ цѣлей, значить не знать ни этихъ
людей, ни людей вообще и не имѣть политическаго смысла. Выс-
шія политическія, какъ и высшія религіозныя понятія,—результаты
высокаго развитія и образованія. Они доступны не каждому. Людей
же, стоящихъ на уровнѣ раскольниковъ, можно направить на поли-
тическія цѣли только воспламенивъ до изувѣрства ихъ фанатизмъ.
А въ такомъ состояніи съ нимъ не управится никакая политиче-
ская партія. Все это начальныя правила для людей, занимающихся
политическими вопросами. Я, конечно, желалъ бы, чтобъ расколь-
ники пробудились отъ своей неподвижности, такъ какъ въ нихъ
много крѣпкихъ силъ, необходимыхъ для обновленія Россіи. Но
именно потому я и не желалъ бы, чтобъ они читали книги, могу-
щія укоренять ихъ предрасудки. Имъ нужны, какъ и всему на-
шему народу, хорошія, толковыя, народныя книги, которыми мы такъ
бѣдны.

22.

(Здѣсь Серно-Соловьевичъ, пользуясь нѣкоторыми формальными
уловками, старается доказать, что нѣтъ никакихъ твердыхъ осно-
ваній считать письма Герцена, Огарева и Кельсіева адресованными
къ нему).

23.

Если принять во вниманіе личный характеръ Кельсіева и обстоя-
тельства, подъ влияніемъ которыхъ онъ дѣйствуетъ, если взглянуть
на его положеніе сколько нибудь человѣчески и затѣмъ перечестъ
всѣ его письма вмѣстѣ и въ хронологическомъ порядкѣ, то, ка-
жется, истинное значеніе и ихъ и всего настоящаго дѣла предста-
вляется въ довольно вѣрномъ свѣтѣ ¹⁾).

24.

Даже не зная его лично, можно оцѣнить его характеръ по
обстоятельствамъ дѣла и письмамъ. Онъ, повидимому, пріѣзжаетъ
въ Россію съ чужимъ паспортомъ и выбираетъ турецкій, т.-е.
страны, языка которой, по всей вѣроятности, не знаетъ. Принимая
чужую фамилію, сохраняетъ свое настоящее имя. Выдавая себя за
иностранца, говоритъ такъ чисто по-русски, что возбуждаетъ

¹⁾ Пункты 24 и 25 я считаю очень любопытными: въ нихъ сдѣланы прекрас-
ный и вполне вѣрный анализъ дѣятельности Кельсіева вообще и во время пріѣзда
въ Россію въ частности.

удивленіе въ гостиницѣ. Живетъ нѣсколько времени въ Москвѣ и не заботится взять видъ на выѣздъ изъ Россіи. Принужденъ перейти границу пѣшкомъ и попадаетъ въ руки прусской полиціи. Проситъ, чтобъ ему писали условно, и теряетъ ключъ къ условнымъ выраженіямъ. Пишетъ, что высылаетъ условную азбуку, и тутъ же пишетъ, что не высылаетъ. Заказываетъ книги и не можетъ взять ихъ изъ типографіи за недостаткомъ денегъ. Не имѣетъ денегъ даже, чтобъ завести шрифтъ, и проектируетъ распространеніе сочиненій, на которыя надо употребить нѣсколько тысячъ. Вычисляетъ прибыль въ 100% и въ слѣдующемъ письмѣ уже возводитъ ее въ 500%. При такомъ характерѣ онъ попадаетъ подъ гнетъ страшно тяжелыхъ обстоятельствъ. Человѣкъ самага обыкновеннаго образа мыслей, онъ, вѣроятно, по необдуманности заградилъ себѣ возвратъ въ отечество. Средствъ къ жизни никакихъ, а на рукахъ семья. Нравственныя страданія и физическія лишенія совершенно изнурили его. Кругомъ холодный народъ, отъ котораго иностранцу, особенно русскому, нечего ждать даже добраго слова. Единственный ресурсъ существованія—изданіе книгъ издается.

Трибнеръ неохотно печатаетъ. Тогда онъ рѣшается ѣхать въ Россію. Если поѣздка имѣла другую цѣль, кромѣ семейныхъ дѣлъ, она, очевидно, была безуспѣшна. Вѣроятно, всѣ, къ кому онъ обращался, отвѣчали: «посмотримъ, надо подумать»—словами, которыми обыкновенно отказываютъ дѣловые люди. Сознавая неудачу, онъ, вѣроятно, пришель къ мысли, что дѣло пойдетъ успѣшнѣе, если въ немъ примутъ участіе Герценъ и Огаревъ, и сталъ сблизжаться съ ними. Это не могло сладиться скоро, такъ какъ общаго у нихъ мало. Изъ писемъ видно, что переговоры тянулись съ самага возвращенія Кельсіева и понятно, что ни къ чему положительному не привели. Наконецъ, Герценъ, или въ видѣ опыта или подъ вліяніемъ обстоятельствъ, согласился издавать вмѣстѣ листокъ, отдѣльный отъ «Колокола». Кельсіевъ вообразилъ себя политическимъ человѣкомъ. Между тѣмъ, подошло время выставки, вдвойнѣ возбуждавшее его. Во-первыхъ, возрастаетъ дороговизна: его съ семьей чуть не гонятъ на улицу. Во-вторыхъ, стекаются массы русскихъ, идутъ рассказы, разговоры, конечно нецензурованные. Все это до нельзя возбуждаетъ человѣка впечатлительнаго и нервнаго. Представляется случай писать въ Россію, Писать въ его положеніи чуть не единственное удовольствіе, потому что ничего не стоитъ. Онъ припоминаетъ всѣхъ, кому имѣетъ малѣйшую возможность писать, и пишетъ нѣсколько дней. Письма окончательно увлекаютъ его. Онъ забываетъ недавнюю неудачу и отсутствіе средствъ не только пропагандировать, но и печатать и принимаетъ надежды за дѣйствительность, просьбы за обѣщанія, свои предположенія за исполненное уже другими. Такимъ образомъ является множество безсвязныхъ предположеній о пропагандѣ, которая и по своей цѣли и по имѣющимся у него средствамъ для осуществленія ея—воздушный замокъ.

25.

Если Кельсіевъ имѣлъ въ виду устроить свою поѣздкою ввозъ книгъ, онъ потерпѣлъ полную и окончательную неудачу. Практической торговый человѣкъ пойметъ это съ перваго взгляда на его письма, какъ они ни маскируютъ настоящаго положенія дѣла. Ввозъ товара, все равно—дозволеннаго или недозволеннаго, совершается тѣмъ же порядкомъ.

Нужны: отправщикъ, провозчикъ, получатель; нужна переписка между отправщикомъ и получателемъ. Сбытъ дѣло получателя. Кельсіевъ отправщикъ. Провозъ, какъ онъ пишетъ, въ его рукахъ, и это возможно, такъ какъ онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ дѣла по изданію «Сборника» съ австрійскими или другими заграничными раскольниками, а тѣ, въ свою очередь, могутъ имѣть знакомыхъ контрабандистовъ. Значитъ, Кельсіеву нуженъ получатель. Получатель нуженъ всего одинъ: онъ самъ отыщетъ комиссіонеровъ, съ которыми желаетъ вести дѣло. Если получателя нѣтъ, ввозъ невозможенъ. Но если бы ввозъ былъ возможенъ, то Кельсіеву незачѣмъ было бы и ѣздить, потому что, конечно, австрійскіе раскольники устроили бы его. Если же Кельсіевъ пріѣзжалъ искать получателя и нашелъ бы такого человѣка, тотъ сказалъ бы ему: «вотъ имя для присылки товара и писемъ; дайте имя, на которое мнѣ писать вамъ»—и дѣло было бы кончено. Если же послѣдовали уклончивые и неопредѣленные отвѣты, значитъ, дѣло не состоялось, и послѣ этого всякія письменныя сношенія бесполезны. Всѣ настоящія письма Кельсіева, если отбросить все, неудачное къ дѣлу,—просьбы принимать его книги, сообщать ему имена, указанія, какъ переписываться. Эти просьбы обращаются къ нѣсколькимъ лицамъ. Онѣ пишутся черезъ три мѣсяца послѣ его поѣздки.

Все это слишкомъ очевидные признаки его неудачи, если только онъ говорилъ съ кѣмънибудь серьезно. Наконецъ, въ ней онъ самъ сознается. Въ одномъ письмѣ пишетъ: «моя поѣздка была не бесполезна, я сдѣлалъ множество новыхъ знакомствъ». Но объ устройствѣ провоза ни слова. Въ другомъ же, къ Владимірову, котораго проситъ быть получателемъ: «безъ вашей помощи вся наша пропаганда вянетъ за границей». Въ этомъ же письмѣ говорится, что онъ пробилъ широкіе пути книгамъ до Петербурга, что книги должны отправляться на ярмарку и что онъ проситъ поддержать ихъ въ Москвѣ день или два. Тутъ явныя противорѣчія. Если книгамъ пробиты пути до Петербурга, значитъ пропаганда не вянетъ за границей. Если есть получатель въ Петербургѣ, незачѣмъ Кельсіеву хлопотать о получателѣ въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что изъ Петербурга можно прямо отправить въ Нижній. А въ то же время, какъ это пишется Владимірову, въ письмѣ на мою фамилію сказано: «развяжите намъ руки, пришлите имя», и тутъ же сожалѣніе, что ему отсовѣтывали войти въ сношеніе по провозу съ Кожанчиковымъ. Изъ письма же къ Владимірову ясно, что тотъ и не думалъ брать на себя порученіе, такъ какъ тамъ говорится:

«мы, забытые вами». Изъ всего этого очевидно, что онъ ничего не устроилъ, и тѣмъ меньше могъ устроить письмомъ. Вѣроятно, люди, отказавшіе ему, понимали, что ввозъ и бесполезенъ и невозможенъ. Трудно допустить, чтобъ на нихъ могли подѣйствовать письма, гдѣ вдобавокъ Кельсіевъ сознается, что у него никакихъ средствъ нѣтъ къ печатанію. Кромѣ того, изъ писемъ видно, что люди, на содѣйствіе которыхъ онъ повидимому рассчитывалъ, заболѣваютъ, не даютъ денегъ и, по его собственному выраженію «знать ничего не знаютъ».

26.

(Здѣсь идетъ детальное развитіе предшествующаго пункта).

27.

(Въ этомъ пунктѣ Серно-Соловьевичъ указываетъ на противорѣчіе писемъ Кельсіева и Огарева, изъ которыхъ одно, да и то лишь въ концѣ, призываетъ его къ пропагандѣ, а второе—воздерживаетъ отъ нея).

28.

(Нѣсколько мелкихъ указаній, для читателя не имѣющихъ значенія).

29 и 30.

(Опускаю въ виду тѣхъ же соображеній).

31.

(Здѣсь Серно-Соловьевичъ указывалъ на ошибочность чтенія въ письмѣ къ нему Огарева словъ «обнимаю ваше общество» вмѣсто «обнимаю васъ обоихъ», съ чѣмъ сенатъ потомъ и согласился).

32—34.

(Эти пункты несущественны).

35.

Мои убѣжденія прочны, самостоятельны и, я думаю, практичны. Я не сторонникъ бюрократическаго порядка, потому что онъ несвоевремененъ и по своему существу неудобенъ для преобразований. Я искренно желаю, чтобы преобразования были бы не только хороши по мысли, но и практичны по выполненію, чтобы они вполнѣ соответствовали потребностямъ и средствамъ русскаго народа, денежнымъ и личнымъ. Потому я желаю, чтобы правительство, преобразовывая старый порядокъ, очевидно несостоятельный, дало возможность самому себѣ и всей Россіи услышать, въ чемъ нуждаются, что могутъ сдѣлать, чѣмъ могутъ взаимно помочь другъ другу различные слои общества, различныя мѣстности, различные народы, составляющіе наше громадное государство. Эти убѣжденія я старался высказывать, но всегда открытыми путями. Въ силу этихъ убѣжденій я былъ знакомъ и друженъ съ людьми самыхъ различныхъ мнѣній, въ которыхъ находилъ умъ, способности, познанія и

любовь къ отечеству. Я искалъ такихъ знакомствъ, потому что только слыша различныя сужденія и взвѣсивая ихъ вмѣстѣ, можно приблизиться къ истинѣ. Но быть знакомымъ съ людьми, умѣть цѣнить ихъ и содѣйствовать невозможнымъ планамъ—вещи совершенно различныя. Въ моихъ цѣляхъ и моихъ путяхъ трудно ошибаться, если безпристрастно судить о нихъ. Моимъ первымъ политическимъ шагомъ была вышеуказанная всеподданнѣйшая записка 1858 г. Въ самую эпоху своего ареста я работалъ надъ проектомъ Уложенія Императора Александра II и, кажется, довольно прочитать въ немъ статью объ основныхъ началахъ, которыя мнѣ хотѣлось видѣть въ нашей государственной жизни, чтобы оцѣнить мои стремленія. Въ крѣпости я составилъ обширный планъ общей финансовой и экономической реформы, мысли котораго когда нибудь принесутъ плодъ¹⁾. Потомъ, узнавъ о внѣшнихъ опасностяхъ, грозившихъ Россіи, составилъ записку, чтобы дать правительству возможность имѣть въ виду, при его соображеніяхъ, и взгляды на положеніе дѣлъ людей неофициальнаго образа мыслей²⁾. Наконецъ, въ минувшемъ декабрѣ я опять представилъ всеподданнѣйшее прошеніе на имя Вашего И. В., заключающее въ себѣ взгляды на нынѣшнее положеніе дѣлъ, основанные на тѣхъ же широкихъ примирительныхъ началахъ³⁾. Вотъ документы, обнимавшіе всю мою карьеру. Еслибы сличить съ ними все печатанное мною, всюду оказались бы тѣ же мысли, вѣрность которыхъ далеко не опровергается общимъ положеніемъ дѣлъ въ нашемъ отечествѣ⁴⁾.

36—51.

(Въ этихъ пунктахъ Серно-Соловьевичъ доказываетъ свою невиновность въ падавшихъ на него обвиненіяхъ, но новаго ничего не сообщаетъ).

52.

Чтобъ меня стали преслѣдовать за свой образъ мыслей, я не вѣрю. Въ царствованіе Государя, освободившаго крѣпостныхъ и заявившаго всему міру, чрезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, свое сочувствіе къ свободѣ, такія преслѣдованія возможны только, какъ несчастныя недоразумѣнія. Они невозможны, какъ система. Если же скажутъ, что правительство преслѣдуетъ не свободный, а революціонный образъ мыслей, я отвѣчу: я высказалъ свои принципы, я желаю, чтобы начала, практически доказавшія свое превосходство въ цѣлой Европѣ, получили дѣйствіе у насъ, съ тѣмъ, чтобы при этомъ были приняты въ соображеніе всѣ особенности

¹⁾ Этого документа нѣтъ въ сенатскомъ архивѣ.

²⁾ Тоже.

³⁾ Тоже.

⁴⁾ Замѣчательна настойчивость Серно-Соловьевича, съ которою онъ даже шесть обращался къ правительству съ изложеніемъ своихъ плановъ по упорядоченію государственнаго управленія. Въ этомъ прошеніи, ниже, тоже будутъ очень примѣнительныя цѣльныя страницы.

русской жизни; желаю этого потому, что при такой системѣ Россія будетъ черезъ 25 лѣтъ первую европейскою страню по своему экономическому, стало быть и политическому положенію, тогда какъ при нынѣшнемъ ходѣ дѣлъ надъ нею будетъ годъ отъ года, сильнѣе и сильнѣе тяготѣть умственное, нравственное, финансовое, торговое и промышленное превосходство Европы. Успокаивать себя тѣмъ, что мы дѣлаемъ успѣхи, значитъ имѣть односторонній взглядъ на общее положеніе дѣлъ. Какъ бы ни гнали, мы все таки ѣдемъ въ старомъ тарантасѣ, а Европа въ вагонахъ. Если смотрѣть не на внѣшность, а на дѣйствительныя нравственныя и экономическія силы—разстояніе между нами и Европой не уменьшается. Чтобы догнать ее, намъ надо пустить въ ходъ всѣ наши громадныя, но покуда еще мертвыя ресурсы. И мы могли бы это сдѣлать. Если понимать это и желать этого, если любить отечество всѣмъ своимъ существомъ и желать видѣть его счастливымъ—преступленіе, я преступникъ. Иначе я могу быть только жертвой тяжелой эпохи и несчастныхъ обстоятельствъ.

53.

Если скажутъ: намѣренія могутъ быть хороши, но средства дурны,— я отвѣчу фактическими доводами, которые мнѣ больно приводить, потому что, если мои принципы и расходятся съ принципами правительства, это не мѣшаетъ мнѣ цѣнить его дѣятельность и его стремленія. Въ дѣлѣ есть письмо генерала Дренякина къ генералу Поталову, въ которомъ буквально высказано: *цѣль освящаетъ средства*. Я не стану вспоминать, какимъ образомъ было примѣнено это начало въ этомъ случаѣ. Но оно высказано оффиціальнымъ лицомъ, членомъ слѣдственной комиссіи, и не только высказано, но приведено въ исполненіе, при чемъ слѣдователь прямо называетъ лица, подлежащихъ слѣдствію, *врагами*. Примѣненіе этого начала не ограничилось однимъ случаемъ. Оно коснулось меня. Ему далъ широкое примѣненіе полковникъ корпуса жандармовъ Дурново, имѣвшій порученіе собрать свѣдѣнія о пребываніи въ Петербургѣ Кельсіева. Нѣкоторыя изъ употребленныхъ имъ средствъ изложены въ его рапортѣ. О Кельсіевѣ онъ не собралъ никакихъ свѣдѣній. Но вмѣсто нихъ онъ представилъ обо мнѣ рядъ свѣдѣній положительно невѣрныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть приписаны путямъ, которыми онъ собиралъ ихъ; источникъ другихъ, очевидно, онъ самъ... Еслибы я дѣйствительно имѣлъ въ виду дурныя средства, все изложенное мною въ этомъ пунктѣ давало бы мнѣ полное основаніе сказать: почему же меня преслѣдуютъ за тотъ самый принципъ, который не только высказываютъ, но и приводятъ въ дѣйствіе оффиціальныя лица, производящія надо мною слѣдствіе? Если принципъ у насъ одинъ, надо обсудить, чьи цѣли лучше: высказываемыя мною или достигаемыя средствами, употребляемыми противъ меня. Но мнѣ не нуженъ этотъ доводъ, такъ какъ въ настоящемъ прошеніи я изложилъ свои цѣли и пути, которыми дѣйствовалъ всю жизнь. И я смѣю думать, что для истин-

ныхъ интересовъ и Россіи и правительства они были бы гораздо полезнѣе тѣхъ средствъ, о которыхъ здѣсь шла рѣчь, и тѣхъ результатовъ, къ которымъ приводятъ подобныя средства.

54.

Единственный результатъ этихъ средствъ—возбужденіе дѣлъ подобныхъ настоящему, а такія дѣла—самый несчастный анахронизмъ въ нынѣшнее царствованіе. Еслибы у насъ была свобода мнѣній, существующая въ тѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ правительство считаетъ надежнѣйшею опорою тѣсный, сердечный союзъ съ народомъ,—переписка, возбудившая настоящее дѣло, не могла бы возникнуть. Еслибы въ настоящемъ случаѣ эти письма достигли назначенія, то ихъ единственнымъ результатомъ, по всей вѣроятности, было бы сожженіе ихъ.

Люди, живущіе въ Россіи и наблюдающіе за ходомъ дѣлъ, очень хорошо знаютъ силы, которыми располагаетъ правительство, и тѣ, которыя могли бы высказать сочувствіе химерамъ. Но попадая въ руки правительства, такія письма приводятъ его къ преслѣдованіямъ. А правительство преобразовывающее и правительство преслѣдующее за мнѣніе—понятія несовмѣстимыя. Зло, приносимое Россіи такими преслѣдованіями и въ настоящемъ и особенно въ будущемъ, неизмѣримо. Остановить распространеніе неблагопріятныхъ идей правительство могло бы гораздо дѣйствительными и выгоднѣйшими для Россіи мѣрами. Преслѣдовать въ Россіи революціонныя мысли значитъ создавать ихъ. Года три назадъ у насъ не было положительно ни одного человѣка, безусловно враждебнаго монархическому началу. И еслибы правительство тогда же прислушалось къ общественному голосу, оно упрочило бы за собою, по крайней мѣрѣ на 50 лѣтъ, положеніе самаго популярнаго правительства въ мірѣ. Если умы молодежи были возбуждены, и она горячилась, это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ эпохи, влиянію которой всякій болѣе или менѣе подчиняется. Если бы само правительство было вполнѣ свободно отъ него, оно взглянуло бы на это явленіе, совершенно съ другой точки зрѣнія и никогда не увлеклось бы въ рядъ карательныхъ и репрессивныхъ мѣръ, нисколько не соотвѣтствующихъ характеру нынѣшняго правительства и ведущихъ къ самымъ прискорбнымъ результатамъ. Взвѣсивъ общее положеніе дѣлъ, правительство увидѣло бы, что это возбужденіе—счастье для него. Ему представлялась возможность, давъ волю общественной дѣятельности и слову, сложить съ себя безъ всякихъ хлопотъ значительную часть своего громаднаго груза. Къ несчастію, оно не имѣетъ довольно довѣрія къ самому себѣ, къ незыблемой прочности своего положенія. Оно сочло нужнымъ обороняться отъ людей, которые были бы не въ силахъ пошевелить его мизинца и которые, отрезвившись практическою дѣятельностью, были бы надежнѣйшими ратниками. Этимъ оно само усиливало зло, которое думало остановить. Преслѣдованіемъ можно только погубить нѣсколько личностей, и заставить идеи на время

притаиться. Но это ожесточаетъ ихъ и усиливаетъ ихъ распространение незамѣтными, но самыми дѣйствительными путями: размышленіемъ и разговорами. Неблагопріятныя правительству идеи, какъ все, имѣютъ свою причину. Эта причина заключается, главнымъ образомъ въ неудовлетворительномъ положеніи дѣлъ, и въ томъ, что размѣры гражданской свободы не соотвѣтствуютъ умственному развитію общества.

Преслѣдованіе за мнѣнія не ослабляетъ, а усиливаетъ эту причину. Сверхъ того, оно гибельно тѣмъ, что вступивъ на путь политическихъ преслѣдованій, почти нельзя остановиться, если не указатьсь вовсе отъ нихъ: тутъ одинъ шагъ ведетъ за собой десять другихъ. Между мнѣніями нельзя провести рѣзкихъ границъ, особенно въ переходное время, когда самый ходъ законодательства заставляетъ общество безпрестанно мѣнять точки зрѣнія на важнѣйшія общественныя отношенія. Потому никакое правительство, начавшее въ такую эпоху преслѣдованіе за мнѣнія, не въ состояніи опредѣлить пункта, на которомъ остановится. Наше же правительство тѣмъ менѣе въ состояніи сдѣлать это, что у него нѣтъ подъ рукою никакого политическаго барометра для опредѣленія быстро измѣняющагося средняго уровня мнѣній въ странѣ. Разъ начались преслѣдованія, нѣтъ ни одного мнѣнія, ни одного человѣка, которые могли бы считать себя безопасными отъ нихъ. Настоящее дѣло вполнѣ подтверждаетъ это. Если вообще можно понять обвиненія въ сношеніяхъ съ пропагандистами, то первымъ необходимѣйшимъ условіемъ должна быть однородность мнѣній обвиняемыхъ. По настоящему дѣлу преданы суду болѣе тридцати человѣкъ. Между ними встрѣчаются: имя Тургенева, имена Максимова, Касаткина, Афанасьева, специалистовъ, почтенная дѣятельность которыхъ извѣстна всѣмъ, слѣдящимъ за русскою литературою, наконецъ, имена постоянныхъ сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы» и «Отечественныхъ Записокъ». Если сообразить, что тутъ же находятся имена двухъ титулованныхъ лицъ, двухъ купцовъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, человѣка шестидесяти лѣтъ и дѣвицы, то ясно, что мнѣнія и интересы прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ составляютъ кругъ, могущій обнять все русское образованное и полуобразованное русское общество.

И дѣйствительно, еслибы правительство захотѣло быть послѣдовательнымъ, и вести до конца систему арестовъ, обысковъ, перекрестовъ писемъ, допросовъ, то къ настоящему дѣлу можно бы привлечь безчисленное множество людей. Число русскихъ, ѣздившихъ въ Европу, какъ видно изъ официальныхъ свѣдѣній, доходило въ послѣднее время до 90 тысячъ въ годъ. Еслибъ тщательно развѣдать, оказалось бы, что весьма значительная часть изъ нихъ имѣла въ своихъ рукахъ лондонскія русскія изданія, давала ихъ читать знакомымъ, разговаривала о нихъ или посѣщала Герцена, т. е. вела пропаганду въ такой же или еще сильнѣйшей степени, какъ подсудимые по этому дѣлу. А если бы собрать имена всѣхъ, жаловавшихся словесно или письменно на существующій порядокъ

вещей, и слѣдовательно такъ или иначе пропагандировавшихъ противъ него, то трудно будетъ найти людей, не попавшихъ въ этотъ списокъ. Чѣмъ же виновнѣе всѣхъ этихъ несчастныхъ сотенъ тысячъ людей тѣ, которымъ были писаны неполученныя ими письма о пропагандѣ? Если скажутъ, что эти утвержденія бездоказательны, то можно отвѣтить, что они до такой степени общеизвѣстны, что добросовѣстно ихъ нельзя опровергнуть. Возраженіе о доказательствахъ было бы умѣстно, если бы правительство начинало подобныя дѣла только для того, чтобы имѣть удовольствіе осудить нѣсколькихъ лицъ. Если же они имѣютъ государственную цѣль: противодѣйствіе распространенію неблагопріятныхъ мнѣній, то надо и смობрѣть на дѣло съ государственной точки зрѣнія. Думать, чтобы правительство взяло на себя роль политическаго преслѣдователя изъ удовольствія или *ex officio*, значило бы въ первомъ случаѣ не уважать его, во второмъ — отрицать въ немъ всякія политическія способности. Очевидно, оно считаетъ неблагопріятныя себѣ мнѣнія зломъ и старается пресѣчь его. Вотъ единственная серьезная точка зрѣнія на дѣло.

Но преслѣдовать пять или десять человѣкъ за то же, что дѣлаютъ всѣ, на томъ основаніи, что у этихъ пятерыхъ оказалась какая-нибудь бумажка, значитъ вводить высшее правительство въ заблужденіе объ общемъ положеніи дѣла и готовить ему въ будущемъ безконечныя затрудненія. Разъ правительство начало оттаивать свои мнѣнія уголовными мѣрами, и имѣетъ при этомъ государственныя соображенія, ему только и можно дѣлить мнѣнія на двѣ категоріи: благопріятныя существующему порядку, *status quo*, и неблагопріятныя. Послѣднія наше правительство не имѣетъ возможности подраздѣлять на категоріи, такъ какъ у насъ нѣтъ признанныхъ политическихъ партій. Но общественное мнѣніе видимо теряетъ довѣріе къ старому порядку. Въ полутороговой промежутокъ были подвергнуты запрещеніямъ «Современникъ», «Русское Слово», «Время», «Современное Слово», «День». Значитъ правительство объявило неблагопріятными себѣ мнѣнія всей массы интеллигентныхъ подписчиковъ этихъ органовъ. Теперь оно предало суду, въ числѣ другихъ, сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника», «Отечественныхъ Записокъ», «Сѣверной Пчелы». Такимъ образомъ, въ короткій промежутокъ времени оно выразило, прямо или косвенно, свое неодобреніе почти всѣмъ важнѣйшимъ отгѣнкамъ общественнаго мнѣнія. Пять лѣтъ назадъ оно встрѣчало въ литературѣ только самое горячее сочувствіе. Такая перемѣна отношеній правительства къ умственнымъ силамъ страны должна бы, кажется, убѣдить опытныхъ государственныхъ людей, что положеніе государства требуетъ не преслѣдованія за мнѣнія, а совсѣмъ другихъ мѣръ.

Русскій народъ слишкомъ практиченъ и хладнокровенъ, чтобы увлечься словами или теоріями. Главная масса его обезпечена землею. Потому пропаганда революціонеровъ всего міра заставила бы его только ухмыляться, еслибы дѣла шли хорошо. Въ образованномъ же обществѣ ее встрѣтило бы только негодованіе. Но, нао-

бороть, если дѣла идутъ неудовлетворительно, никто не повѣритъ у насъ, что они идутъ хорошо, хотя бы въ печати появлялись однѣ хвалы. Въ этомъ отношеніи наша публика обладаетъ большимъ тактомъ. Съ самаго начала нынѣшняго царствованія всѣ стали говорить, что «новое вино не лютъ въ старыя мѣха». Въ то время это относили преимущественно къ людямъ стараго времени. Люди мало-по-малу смѣнялись, въ составъ правительства входили способнѣйшія и дѣятельнѣйшія изъ служащихъ лицъ, но общее положеніе дѣлъ, всетаки, не улучшалось. А въ этотъ промежутокъ общество сдѣлало громадныя успѣхи въ умственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Оно поняло, что подъ мѣхами надо понимать главнымъ образомъ руководящія начала и механизмъ правительственной системы и что, если даже самыя начала вѣрны, то для практическаго примѣненія ихъ безусловно необходимы соотвѣтственныя имъ формы.

Ближайшее знакомство съ европейскими государственными учрежденіями и изученіе отечественной исторіи внѣдрило въ умы убѣжденіе, что намъ нѣтъ иного пути выбиться изъ настоящихъ затрудненій, какъ при помощи мѣры, искони спасавшей Россію въ трудныя минуты. Русская земля увидѣла себя въ новомъ, необычайномъ положеніи, и нашъ природный мірской инстинктъ заговорилъ въ цѣлой массѣ образованнаго общества. Оно почувствовало неодолимое желаніе уяснить себѣ это положеніе, обсудивъ его міромъ, собраніе. Если вслушаться въ общественный голосъ, оказалось-бы, что почти всѣ многообразныя его оттѣнки сходятся и мирятся на этой спасительной мѣрѣ, а что всякія предложенія, идущія далѣе, возбуждаютъ въ обществѣ негодованіе. Таково было состояніе общественнаго мнѣнія за полтора года. Общее положеніе дѣлъ въ государствѣ извѣстно, болѣе или менѣе, всякому. Послѣ восьми лѣтъ непрерывной и самой добросовѣстной дѣятельности правительства ¹⁾, нельзя назвать ни одной части, окончательно устроенной; финансы, и государственныя и частныя, въ положеніи, которое трудно назвать удовлетворительнымъ; бремя государственнаго долга увеличивается съ быстротою, едвали бывалою въ нашей исторіи до крымской войны; въ внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ открылись старыя раны; отношенія къ Европѣ ухудшаются; конца тяжелаго переходнаго времени не видать и вдали, а трудности положенія скорѣе возрастаютъ, чѣмъ уменьшаются. Въ это самое время въ подвластной Россіи странъ ¹⁾ правительство при-

¹⁾ Любопытно, что Серно-Соловьевичъ не включаетъ въ время „самой добросовѣстной дѣятельности правительства“ 1863 годъ (1855 — 1862 гг. будетъ ровно восемь), годъ, когда правительству поневолѣ пришлось снять маску реформатора и откровенно вступить на искони излюбленный путь реакціи. Впрочемъ, на раду со всѣмъ тѣмъ, что говорилъ въ этомъ прошеніи петропавловскій узникъ, эта его откровенность была менѣе неприятна.

²⁾ Финляндія. Въ сентябрѣ 1863 г. Александръ II, открывая сеймъ, обѣщалъ даровать „либеральныя учрежденія“, и скорѣе кое-что было дѣйствительно дано. Фактъ указанія на это Серно-Соловьевичемъ доказываетъ, что, сидя въ крѣпости, онъ имѣлъ обо всемъ происходящемъ въ Россіи точныя свѣдѣнія.

нимаеѣ мѣру однородную съ той, которая составляетъ предметъ желаній большинства нашего образованнаго общества, но которой мы не можемъ открыто просить подѣ страхомъ обвиненія въ государственномъ преступленіи.

Вотъ сущность общаго положенія дѣлъ, до того труднаго и необычайнаго, что, вѣроятно, подобнаго не запомнятъ и самыя старыя изъ живущихъ людей. Преслѣдуя въ такую пору за мнѣнія, правительство добровольно создаетъ себѣ новыя затрудненія или ненужныя, или опасныя. Преслѣдовать людей, не уяснившихъ самимъ себѣ, чего хотять, и предлагающихъ химеры, бесполезно, потому что съ ними безъ труда управится общественное мнѣніе. Преслѣдовать же людей выражающихъ разумныя желанія, желанія значительной части общественнаго мнѣнія, значитъ вступать на путь, ведущій въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ къ борьбѣ съ общественнымъ мнѣніемъ. Этого, очевидно, не можетъ желать правительство.

Итакъ, прежде чѣмъ рѣшиться продолжать такое преслѣдованіе, правительству въ виду всѣхъ настоящихъ трудностей предстоять рѣшить два капитальныхъ вопроса: надѣется-ли оно въ непродолжительномъ времени вывести Россію изъ затруднительнаго положенія безъ помощи мѣры, указываемой общественнымъ голосомъ? и надѣется-ли оно уничтожить въ умахъ убѣжденія, что такая мѣра полезна и необходима? Если правительственныя лица рѣшятся сказать Государю и Россіи *да*, то благоразуміе требовало бы объяснить всей Россіи, какимъ образомъ надѣются этого достигнуть, и не преслѣдовать людей, имѣющихъ сдѣлать возраженія противъ такого утвержденія, а дать имъ возможность высказать свои доводы. Такимъ путемъ добросовѣстныя недоразумѣнія разъяснились бы со всѣхъ сторонъ легко и просто. Если же государственная опытность удержала бы правительственныхъ лицъ отъ такого положительнаго утвержденія и заставила бы ихъ задуматься надъ вопросами, они не могли бы не вспомнить общеисторическаго закона: «чѣмъ раньше и полнѣе принимаетъ правительство мѣру, необходимость которой начинаетъ сознавать общество, тѣмъ дешевле она достается и тѣмъ лучше приноситъ результаты». Это исторически доказанная истина. То, что однимъ поколѣніемъ принимается, какъ даръ, требуется слѣдующимъ, какъ право. А если это вѣрно, то преслѣдовать людей, призывающихъ на это вниманіе правительства, значитъ дѣйствовать въ ущербъ ему и къ явной невыгодѣ Россіи. Итакъ, съ какой стороны ни подходить къ вопросу, преслѣдованіе за мнѣнія не можетъ принести ничего, кромѣ вреда.

55.

Я старался изложить въ настоящемъ прошеніи не только относящіяся къ дѣлу факты, но и сущность своихъ убѣжденій, считая это необходимымъ для своего оправданія по существу обвиненія. Меня обвиняютъ въ сношеніяхъ съ пропагандистами. Я объяснилъ, что эти сношенія имѣли характеръ личнаго знакомства. Я выска-

заль свои мнѣнія. Они могутъ быть ошибочны, но они добросовѣстны и самостоятельны и потому для меня невозможна пропаганда чужихъ мнѣній. Я не сторонникъ никакой отвлеченной теоріи, потому что послѣдовательно знакомился со всѣми и нашелъ въ каждой столько же свѣтлыхъ мыслей, сколько нелѣпостей. Это привело меня къ тому, что я ищу одного: счастья отечества, т. е. всѣхъ безъ исключенія имѣющихъ долю въ немъ, счастья не на словахъ, а на дѣлѣ. По моему скорѣе и дешевле всего привела бы къ этому свобода и опять таки не химерическая свобода, а практическая, при разумномъ согласованіи и прочномъ обезпеченіи всѣхъ существующихъ въ государствѣ интересовъ. Если мои мнѣнія ошибочны, то первый человѣкъ, который доказалъ бы мнѣ это путемъ фактовъ, заставилъ бы меня перемѣнить образъ мыслей. Но преслѣдованія и наказанія не считаю убѣдительными доводами, зная, что правильныя мнѣнія къ нимъ не прибѣгаютъ. Еслибы мои страданія приносили какую-нибудь пользу отечеству, я охотно бы несъ свой крестъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы мое полугодовое заключеніе улучшило хотя на одну линію общее положеніе дѣлъ въ государствѣ. А между тѣмъ оно разорило цѣлое семейство, причинило много огорченій и нравственныхъ страданій, лишило общество дѣятельности человѣка, каждый день старавшагося сдѣлать что-нибудь полезное. Трудно говорить, чтобы правительство или отечество что-нибудь выиграли этимъ. Какая-бы участь ни ждала меня въ будущемъ, я встрѣчу ее съ твердостью. Но, зная, что вся моя вина—убѣжденія, а они враждебны только тѣмъ, кто не дорожитъ благомъ отечества, я полагаюсь на справедливость судебъ, благо-разуміе государственныхъ людей и любовь къ Россіи нашего августѣйшаго монарха.

И посему всеподданнѣйше прошу:

Дабы повелѣно было: 1) правительствующему сенату принять во вниманіе содержаніе сего прошенія при слушаніи дѣла объ обвиненіи меня въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами и 2) правительствующему сенату, по выслушаніи сего прошенія, приказать освободить меня изъ заключенія, отдавъ на поруки, впредь до рѣшенія дѣла обо мнѣ, подъ надежное поручительство. С.-Петербургъ. Января 12 дня 1864 г. Къ подаванію надлежитъ въ первое отдѣленіе пятаго департамента Правительствующаго сената. Прошеніе сіе сочинялъ и набѣло переписывалъ самъ проситель отставной надворный совѣтникъ *Николай Александровъ сынъ Серно-Соловьевичъ*.

«Содержусь въ С.-Петербургской крѣпости».

Другое прошеніе Серно - Соловьевича.

Въ засѣданіи 27 января сенатъ опредѣлилъ: на поруки Серно-Соловьевича не отдавать, а по содержанію прошенія изготovitъ вопросные пункты.

На другой день товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ вторично

сообщилъ, что до сихъ поръ не могутъ обнаружить мѣстопробываніе Александра Серно-Соловьевича и Черкесова.

10-го февраля Серно-Соловьевичъ былъ вызванъ для допроса по содержанію своего прошенія. На вопросъ, почему онъ не донесъ правительству о желаніи Кельсиева распространить свои изданія въ Россіи, Николай Александровичъ отвѣчалъ между прочимъ: «Мои обязанности вѣрноподданнаго опредѣляются положительнымъ закономъ и совѣстью. Тамъ, гдѣ ихъ требованія расходятся, гдѣ приходится поступаться или противъ закона или противъ совѣсти, я всегда дѣйствую по внутреннему убѣжденію. Извѣщать правительство о мысляхъ, высказываемыхъ у меня въ домѣ моимъ гостемъ, я считаю противнымъ своей совѣсти. По моимъ понятіямъ, въ государствѣ, гдѣ правительство имѣетъ спеціальныя учрежденія для наблюденія за политическимъ направленіемъ и мнѣніями подданныхъ, обязанность частнаго человѣка извѣщать правительство можетъ относиться только къ дѣйствительнымъ и серьезнымъ опасностямъ, грозящимъ особѣ Его Императорскаго Величества или государству. Извѣщеніе же о мысляхъ, высказываемыхъ въ разговорѣ, и притомъ такъ неопредѣленно, какъ эта мысль была высказана мнѣ, по моему мнѣнію, повело бы только къ развращенію общественной нравственности и, слѣдовательно, было бы прямо противно истиннымъ интересамъ Его Императорскаго Величества и государства, значить, въ моихъ глазахъ такое извѣщеніе было бы съ моей стороны, нарушеніемъ моихъ истинныхъ обязанностей».

На другой вопросъ онъ между прочимъ написалъ:

«Дѣятельность тѣхъ, которые поступаютъ сколько-нибудь самостоятельно, я дѣлю на три категоріи: 1) *преступную*—по моему дѣятельность тѣхъ, которые изъ личныхъ цѣлей или нечестныхъ побужденій старались бы удержать порядокъ вредный для общества или водворить невозможный, 2) *несчастную*—дѣятельность тѣхъ, которые стали бы дѣйствовать въ томъ же смыслѣ по непониманію, увлеченію или убѣжденію, 3) *разумную*—дѣятельность тѣхъ, которые, понимая, чего требуютъ время и обстоятельства, старались бы достигнуть своихъ цѣлей разумными путями».

Въ протоколѣ засѣданія сказано, что «по выслушаніи всѣхъ предложенныхъ ему десяти вопросовъ, Серно-Соловьевичъ сказалъ, что находится въ затрудненіи, по силѣ того самаго прошенія, отвѣчать на оныя. За симъ, когда объяснено ему было, что затрудненіе быть не должно, ибо въ отвѣтахъ своихъ онъ можетъ писать то, что признаетъ нужнымъ, и при этомъ нѣтъ ему никакого насилія, онъ сказалъ: «физическаго—да, но моральное—огромное». Положено записать о семъ въ журналъ и принять отъ него отвѣты въ томъ видѣ, въ какомъ даны имъ будутъ, не требуя дальнѣйшихъ отъ него разъясненій по сему прошенію».

11 февраля кн. Суворовъ прислалъ въ сенатъ второе всеподданнѣйшее (опять таки по формѣ, а не по существу) прошеніе Серно-Соловьевича, писанное имъ 26 января.

Приведу и его съ нѣкоторыми сокращеніями.

Послѣ обычнаго начала слѣдовали «пункты».

1.

«Въ дополненіе къ моему прошенію отъ 12 сего января считаю необходимымъ объяснить нижеслѣдующее.

2.

Главною побудительною причиною къ подачѣ того прошенія было не желаніе облегчить свою участь. Для людей сильныхъ убѣжденій вызываемая ими наказанія имѣютъ значеніе мученичества или страданій, дѣлающихъ для распространенія этихъ убѣжденій несравненно больше самой усиленной личной дѣятельности. Кромѣ того, всякій, знакомый съ настоящимъ дѣломъ и нашимъ уголовнымъ законодательствомъ, долженъ согласиться, что мнѣ было бы гораздо выгоднѣе оставить дѣло въ томъ неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ оно находилось до моего прошенія. Слѣдственная комиссія не представила противъ меня ни одного юридическаго доказательства. Предъявленныя мнѣ письма были въ открытыхъ конвертахъ, безъ печатей, безъ адресовъ, безъ подписей. Не было выяснено, можетъ ли Ветошниковъ доказать, что это дѣйствительно тѣ письма, которыя онъ получилъ отъ названныхъ имъ лицъ, что эти лица дѣйствительно дали ему письма и что слѣдуютъ мнѣ. Значитъ, передъ судомъ они не имѣли никакой силы. Знакомство мое съ Герценомъ и Кельсіевымъ было доказано. Такимъ образомъ если бы я имѣлъ цѣлью только избѣжать наказанія, я основалъ бы свою защиту исключительно на томъ, что противъ меня нѣтъ никакихъ формальныхъ доказательствъ. Вмѣсто того я самъ подробно объяснилъ обстоятельства моего знакомства съ Герценомъ, Огаревымъ и Кельсіевымъ, объяснилъ, что письмо приписываемое Герцену, но, очевидно, писанное двумя почерками, писано не только Герценомъ, но и Огаревымъ, о которомъ вовсе не упоминалось при слѣдствіи; наконецъ, объяснилъ происхожденіе и значеніе всѣхъ этихъ писемъ.

3.

Я сдѣлалъ все, что могъ для разъясненія этого дѣла главнымъ образомъ вслѣдствіе происшедшей во мнѣ самой перемѣны. Размышленія и серьезныя занятія значительно измѣнили мой образъ мыслей. Я свято сохранилъ свои основныя убѣжденія и пересталъ бы уважать себя, еслибы измѣнилъ имъ. Но перемѣнились мои взгляды на положеніе нашего отечества и вообще на людей. Чтобъ вполне уяснить эту перемѣну, пришлось бы написать цѣлый томъ, такъ какъ она совершилась не внезапно, а началась еще до моего ареста и шла постепенно по мѣрѣ того, какъ я анализировалъ и уяснялъ себѣ закоулки человѣческаго сердца и различныя части сложнаго и запутаннаго положенія дѣлъ въ нашемъ отечествѣ. Я мало-по-малу дошелъ до сознанія, что высокіе идеалы доступны только для отдѣльныхъ личностей, но недостижимы для цѣлыхъ

массъ, что тѣ или другія условія общественной и государственной жизни зависятъ отъ степени развитія общества или народа и не могутъ быть привиты ему никакими искусственными средствами, что потому человѣкъ, сознательно и сильно желающій общественнаго блага, долженъ приспособлять свои личныя мнѣнія къ практикѣ и, не стремясь къ невозможному, всѣми силами содѣйствовать тому, что возможно и полезно. Конечнымъ результатомъ этихъ долговременныхъ думъ было мое всеподданнѣйшее прошеніе изъ крѣпости Вашему И. В., гдѣ былъ изложенъ краткій взглядъ на нынѣшнее состояніе умовъ ¹⁾. Подъ вліяніемъ тѣхъ же мыслей я писалъ и прошеніе по моему дѣлу.

4.

Сущность этихъ мыслей сводится на то, что въ настоящее время всякій способный человѣкъ, серьезно желающій пользы отечеству, долженъ не отдѣляться отъ правительства, а тѣсно примыкать къ нему. Еслибы я могъ въ своемъ положеніи предлагать правительственнымъ лицамъ условія своего содѣйствія, я прямо сказалъ бы: еслибы я былъ теперь на свободѣ, всѣ мои способности направлены были бы къ тому, чтобы распространять эту мысль въ молодомъ поколѣніи. Не имѣя права сдѣлать этого, въ своемъ прошеніи просто высказалъ вмѣстѣ съ фактами, относящимися къ дѣлу, исповѣдь своихъ убѣжденій. По моему настоящему образу мыслей, я думалъ, что если правительство смотритъ на всѣ уголовно-политическія дѣла съ широкой государственной точки зрѣнія, то для него главный вопросъ долженъ быть въ томъ, чтобы пріостановить напоръ неблагоприятныхъ мыслей и мнѣній. Своимъ прошеніемъ я хотѣлъ доставить ему полную возможность судить меня по моимъ мнѣніямъ и вмѣстѣ дать самое положительное доказательство, что мои мнѣнія не враждебны правительству, заботящемуся о народномъ благѣ и способному сдѣлать государство счастливымъ.

5.

Продолжая знакомиться съ дѣломъ подачи своего прошенія, я узналъ, что въ минувшемъ ноябрѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе Вашего И. В. о томъ, чтобы Пр. Сенатъ освобождалъ изъ заключенія подсудимыхъ по политическимъ дѣламъ, которые покажутъ раскаяніе и будутъ содѣйствовать обнаруженію злоумышленій указаніемъ своихъ сообщниковъ, и доводилъ бы о нихъ до свѣдѣнія Вашего И. В. Мнѣ было неизвѣстно объ этой высочайшей волѣ, когда я писалъ свое прошеніе. Узнавъ о ней, я считаю не только своимъ правомъ, но своею обязанностью просить, чтобы на меня распространили дѣйствіе этого высочайшаго повелѣнія, вслѣдствіе моего перваго прошенія и дополнительныхъ объясненій, изложенныхъ здѣсь.

¹⁾ Я уже говорилъ, что этого прошенія въ дѣлѣ нѣтъ.

6.

Мнѣ кажется, что я могу подойти подъ него, если слѣдовать не одной буквѣ, а духу его. Я думаю, что не превратно истолкую высочайшую волю, говоря, что вижу въ ней не желаніе прельстить подсудимаго или наградить его за отступничество, а благія, милосердныя и глубоко государственныя мысли: подавить непріязненные правительству мнѣнія великодушіемъ и милосердіемъ, самыми дѣйствительными орудіями противъ политическихъ подсудимыхъ, и пригласить ихъ откровенно сообщать правительству причины ихъ вражды, чтобы дать ему возможность уничтожить ее. Кажется, такого объясненія нельзя отвергнуть. Отвергая его, придется или вовсе не примѣнять высочайшаго повелѣнія или сдѣлать его источникомъ большихъ затрудненій для правительства. Примѣняя его только по буквѣ, придется большею частью облегчать участь людей, совершенно недостойныхъ и до безконечности усиливать всеобщее раздраженіе въ общественномъ мнѣніи. Тотъ, кто предаетъ своихъ друзей, чтобы облегчить свою участь, не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ. А еслибы стали примѣнять это высочайшее повелѣніе не по духу, а по буквѣ, имъ неперемѣнно воспользуется всякій подсудимый, не имѣющій прочныхъ нравственныхъ началъ и готовый торговать своими мнѣніями. Онъ неперемѣнно назоветъ нѣсколькихъ лицъ, съ которыми имѣлъ какія нибудь сношенія, и выразитъ раскаяніе. Человѣкъ лукавый сумѣетъ сдѣлать это такъ ловко, что всегда подойдетъ подъ букву высочайшаго повелѣнія. Часто черезъ это придется страдать или, по крайней мѣрѣ тревожиться, людямъ совершенно невиннымъ, но которымъ по стеченію обстоятельствъ трудно будетъ положительно отвергнуть обвиненіе, тѣмъ болѣе, что почти никогда нельзя положительно доказать, что оговоръ вымышленъ. Если принять во вниманіе неумолимую суровость нашихъ уголовныхъ законовъ и благородныя понятія нашей публики о требованіяхъ политической чести, то не трудно понять, что все это производило бы самое неблагоприятное для правительства впечатлѣніе въ публикѣ и окончательно ожесточило бы людей, не расположенныхъ къ правительству. Отсюда, кажется, ясно, что высочайшее повелѣніе дано не въ узкомъ, буквальномъ, а въ широкомъ государственномъ смыслѣ, обнимающемъ всѣхъ, которые окажутся не безусловными противниками правительства. Тогда оно истинно благотворная мѣра, показывающая глубокое знаніе человѣческой природы, такъ какъ тогда въ основаніи его ляжетъ несомнѣнно совершенно вѣрная мысль, что уединенное размышленіе можетъ дать мыслямъ зрѣлость, а люди убѣжденные, сдѣлавшись зрѣлѣе, неперемѣнно будутъ полезными людьми.

Но въ этомъ смыслѣ я прямо подходилъ бы подъ Высочайшее повелѣніе. Я не отрекаюсь отъ своихъ убѣжденій, не поношу ни ихъ, ни людей непріятныхъ правительству, не прибѣгаю ни къ какимъ фокусамъ. Но я говорю, что мои убѣжденія были и оста-

лись чисты и честны; сознаюсь, что они не правительственного оттенка, и неблагоприятны канцелярскому порядку, которому я и противодѣйствовалъ словомъ и перомъ, но говорю, что они добросовѣстны и что я всегда имѣлъ въ виду исключительно общую пользу и счастье отечества, а не какія-нибудь другія побужденія; я могъ ошибаться въ практическомъ примѣненіи своихъ взглядовъ, но опытъ, время, размышленія постоянно дѣлаютъ ихъ правильными и практическими. Я не называю сообщниковъ, потому что заранѣе обдуманной пропаганды я не велъ, но мнѣ пришлось бы называть безъ конца людей, у которыхъ я видалъ запрещенныя изданія, о которыхъ знаю, что они писали или говорили противъ существующаго порядка, значить, такъ или иначе пропагандировали противъ него. Сверхъ того, по своимъ понятіямъ о чести я скорѣе бы пошелъ на казнь, чѣмъ сдѣлаться лудой, а по своимъ свѣдѣніямъ о положеніи дѣлъ знаю, что мое чистосердечное раскаяніе и обнаруженіе злоумышленниковъ было бы только цѣлымъ рядомъ совершенно бесполезныхъ для государства сплетней, которыя обратили бы настоящее дѣло о пропагандѣ въ громаднѣйшій скандалъ. Въ какое положеніе было бы поставлено само правительство, если бы я думалъ представлять безконечный списокъ знакомыхъ и полузнакомыхъ мнѣ лицъ, порицавшихъ его дѣйствія или недовольныхъ существующимъ порядкомъ? А вѣдь это корень всякой пропаганды. Потому я и говорю правительству:

«Зло не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а во времени и обстоятельствахъ. Мы болны радикально и потому леченіе должно быть радикальное и серьезное. Отыскивать въ такое время такъ называемыхъ злоумышленниковъ, чтобы истреблять ихъ, то же, что стараться избавиться отъ какой-нибудь сыпи или оспы, срывая ее. Не пропаганда вызываетъ раздраженіе, а раздраженіе—пропаганду, а причина раздраженія—общее положеніе дѣлъ. И лондонскіе и всякіе другіе пропагандисты продуктъ времени. Уничтожьте этихъ людей, ихъ мѣста займутся другими, еще опаснѣйшими, если не измѣнятся обстоятельства. Истинная государственная мудрость въ томъ, чтобы понять, что всѣ эти люди не злоумышленники, а люди сильныхъ убѣжденій и что изъ ихъ способностей искусное правительство сумѣетъ извлечь огромную пользу для государства. Правильность этихъ взглядовъ я могъ бы доказать положительными данными и фактами, и, если правительство пожелаетъ,—всѣ мои способности и знанія къ услугамъ отечества».

Если одиночное размышленіе дало моимъ мыслямъ правильное направленіе, если я теперь лучше понимаю наше положеніе и характеръ дѣятельности правительства, оно не можетъ не понять, что человѣкъ моего закала говорящій такимъ образомъ стоитъ человѣка, раскаявшагося и назвавшаго сообщниковъ.

8.

(Въ этомъ пунктѣ Серно-Соловьевичъ снова доказываетъ старыми аргументами отсутствіе организованной лондонской пропаганды).

9.

(Здѣсь заключаются указанія не интересныя для читателя).

10.

По своей сущности это дѣло не имѣетъ почти никакого значенія. Его основаніе: приглашеніе содѣйствовать предполагаемой пропагандѣ, приглашеніе, недошедшее до тѣхъ, кому адресовано. Въ странѣ со свободой печати подобнаго дѣла не могло бы и возникнуть. Но оно чрезвычайно важно, какъ одинъ изъ симптомовъ времени и обстоятельствъ. Вотъ почему пунктъ 54-й моего прошенія важнѣе для правительства ста раскаяній, если только оно пожелаетъ извлечь изъ него пользу. Въ этомъ пунктѣ нѣтъ ни одного слова, сказаннаго на вѣтеръ, каждая фраза имѣетъ государственныи смыслъ, подробное разъясненіе котораго со всѣми фактическими и историческими доводами потребовало бы цѣлой книги. Во власти правительства воспользоваться имъ или нѣтъ. Но я скажу, что могу документально, печатными статьями доказать, что во множествѣ государственныхъ и экономическихъ вопросовъ сбывались мои предсказанія, дѣлаемая задолго до событій. Это я говорю не изъ самохвальства, а изъ сердечнаго желанія пользы отечеству. Причина этого весьма проста. Событіями управляютъ неизмѣнные законы. Кто вникаетъ въ нихъ и изучилъ характеръ времени, тотъ всегда можетъ довольно вѣрно предсказать ходъ событій, основательно ознакомясь съ предметомъ. Въ этомъ всегда и заключается главная сила искреннихъ государственныхъ людей. Вотъ почему я настойчиво говорю изъ глубины своей тюрьмы:

«Времена переворота прошли. Старый государственный порядокъ кончилъ свое существованіе въ исторіи. Теперь еще во власти правительства совершить переворотъ мирнымъ путемъ и сдѣлать Россію счастливѣйшею страной. Но уже времени упущено не мало и его немного впереди. Каждый пропускаемый годъ долженъ нести въ настоящемъ и готовить въ будущемъ несчастныя бѣдствія и приближать насъ къ страшнымъ потрясеніямъ. Я умоляю Ваше Императорское Величество именемъ всего для Васъ священнаго и дорогаго обратить вниманіе на мои слова, потому что я говорю ихъ сознательно и берусь подтвердить поразительными историческими сопоставленіями».

11.

Переворотъ въ государствѣ неизбѣженъ потому, что совершается переворотъ въ понятіяхъ. Всѣ дѣйствія Вашего Величества съ первой минуты вступленія на престолъ доказываютъ пониманіе этого. Ваше Величество дѣлали и дѣлаете все, что возможно сдѣлать государю лично для мирнаго исхода. Но старыя государственныя формы, приспособленныя не для движенія, а для застоя, парализуютъ всѣ благія желанія Вашего Величества и способнѣйшихъ правительственныхъ лицъ. Этого противодѣйствія не осилить ника-

кой гений, потому что реформы не могут поспѣвать за развитіемъ понятій. Вотъ почему всѣ лучшія мѣры нынѣшняго царствованія при первомъ извѣщеніи о нихъ встрѣчались съ восторгомъ, а при исполненіи съ холодностью, а иногда неудовольствіемъ. Теперь наиболѣе образованная часть націи видимо опередила въ своихъ стремленіяхъ правительство. Если правительство не займетъ своего природнаго мѣста, т.-е. не встанетъ во главѣ всего умственнаго движенія государства, насильственный переворотъ неизбеженъ, потому что всѣ правительственныя мѣры, и либеральныя и крутыя, будутъ обращаться во вредъ ему и помочь этому невозможно. Правительству, не стоящему въ такую пору во главѣ умственнаго движенія, нѣтъ иного пути, какъ путь уступокъ. А при неограниченномъ правительствѣ система уступокъ обнаруживаетъ, что у правительства и народа различные интересы и что правительство начинаетъ чувствовать затрудненія. Потому всякая его уступка вызываетъ со стороны народа новыя требованія, а каждое требованіе естественно рождаетъ въ правительствѣ желаніе ограничить или обуздать его. Отсюда рядъ непрерывныхъ колебаній и полумѣрь со стороны правительства и быстро усиливающееся раздраженіе въ публикѣ. Доказательства на лицо: отмѣна крѣпостного права, событіе, которое должно было вызвать въ цѣломъ мірѣ безконечный крикъ восторга—привела къ экзекуціямъ, развитіе грамотности—къ закрытію воскресныхъ школъ, временныя цензурныя облегченія—къ небывалымъ карательнымъ мѣрамъ противъ литературы, множество финансовъ мѣръ—къ возрастающему разстройству финансовъ и кредита, отмѣна откуповъ—это можно смѣло предсказывать—къ небывалому пьянству, а оно, въ свою очередь, приведетъ къ ограниченіямъ торговли водкой. Отсюда очевидно, что даже безусловно полезныя и необходимыя начинанія должны были рождать въ конечномъ результатѣ неудовольствіе. Что же сказать о вліяніи слѣдовавшихъ за ними стѣсненій или карательныхъ мѣръ? Знающій исторію, знаетъ, что вина всего этого не въ людяхъ, а въ учрежденіяхъ, несоотвѣтствующихъ времени. Но все это ведетъ къ страшнымъ результатамъ. Слѣдственная комиссія, однажды учрежденная, можетъ сдѣлаться постояннымъ учрежденіемъ и потому обратиться въ дѣйствительный революціонный комитетъ. Это очевидно, такъ какъ ея задача отыскивать злоумышленниковъ, а каждый ея шагъ долженъ создавать ихъ сотнями. Этого нельзя не предвидѣть, понимая характеръ времени. Не знаю, разъяснила ли слѣдственная комиссія правительству исторію распространенія воззваній. Но если въ ней есть свѣдущіе и способные государственные люди, ей слѣдовало сдѣлать это при самомъ учрежденіи. Кто слѣдилъ за событіями и знаетъ общіе историческіе законы, тотъ не можетъ сомнѣваться, что дѣло шло, идетъ и, вѣрно, будетъ итти обычнымъ путемъ, потому что тѣ же причины всегда рождаютъ тѣ же слѣдствія. Правительство разбудило своими мѣрами общество, но не дало ему свободы высказываться. А высказываться такая же потребность развивающагося общества, какъ болтать развивающа

гося ребенка, потому обществу ничего не оставалось, какъ высказываться помимо дозволенія. Вся литература годъ твердила объ этомъ. Потаенныя рукописи появлялись съ незапамятныхъ временъ. Прошло ихъ время, появилась свободная печать за границей. По времени и она сдѣлалась недостаточной и тогда неизбежно должна была появиться тайная печать въ Россіи. Такъ и случилось. Еслибы государственные люди смотрѣли на событія и управленіе государствомъ со всемірно-исторической, а не канцелярской точки зрѣнія, ихъ первѣйшею обязанностью было бы представить Вашему В., что пришло время дать свободу слову. Еслибы это было сдѣлано, противъ каждаго человѣка, который отважился бы напечатать статью, похожую на воззваніе, нашлись бы десятки оппонентовъ, и на этомъ пунктѣ завязалась бы такая же журнальная полемика, какая ведется на всѣхъ другихъ, и которую опытнѣйшія европейскія правительства считаютъ важнѣйшимъ пособіемъ въ управленіи государствомъ. Къ несчастью, правительство прибѣгло къ карательнымъ мѣрамъ. Это былъ капитальный государственный промахъ. Имя наказаннаго человѣка сдѣлалось чуть не самымъ популярнымъ именемъ. Содержаніе воззванія, конечно, было черезъ мѣсяць забыто тремя четвертями читавшихъ. Но для публики наказанный сдѣлался страдальцемъ за принципъ свободы печати. Съ этой минуты борьба была неизбежна, и она началась. Со стороны публики ее вела не шайка, а громадная масса. Каждый напечатавшій воззваніе, могъ быть увѣренъ, что оно разойдется, потому что всѣ будутъ участниками въ распространеніи, а люди особенно пылкіе будутъ даже переписывать и перепечатывать. Доискиваться какого нибудь центра распространителей было бесполезно, потому что его, очевидно, не было. Если бы были люди, управлявшіе дѣломъ, всѣ воззванія имѣли бы одно направленіе и составлялись бы, конечно, гораздо умнѣе. Такая нелѣпая бравада, какъ «Молодая Россія», никогда не могла бы появиться, потому что ею доставленъ былъ правительству незамѣнимый случай убить на нѣсколько лѣтъ тайную печать, возстановивъ противъ нея всю массу публики, безъ содѣйствія которой распространеніе немислимо; этого бы никакъ не могли упустить изъ вида руководители дѣла. Ихъ, очевидно, не было, и потому правительство, учредивъ слѣдственную комиссію, потеряло все, что выиграло «Молодой Россіей». Еслибы каждый арестованный выдавалъ всѣхъ, кого могъ, цифры вышли бы баснословны, потому что каждый могъ бы выдать нѣсколькихъ знакомыхъ, тѣ своихъ знакомыхъ и такъ до безконечности. Все это были бы распространители, а составители или печатники, по всей вѣроятности никому неизвѣстныя личности, изъ коихъ, можетъ быть, одни это дѣлаютъ по убѣжденію, другіе по злобѣ, третьи для препровожденія времени. Еслибы между ними была связь, дѣло, конечно, велось бы серьезнѣе. Потому, что въ дѣлѣ участвуетъ публика, каждый арестъ, каждая ссылка должны волновать массу людей и ожесточать огромную часть молодежи. Все это неизбежно приведетъ къ тому, что, вѣроятно, вся эта

шальная пропаганда на время прекратится для того, чтобы обратиться въ серьезную, организованную. Дѣло въ томъ, что преслѣдованія въ связи съ общимъ ходомъ дѣлъ необходимо должны выработать большое количество личностей, страшныхъ энергіею и непримиримостью убѣждений. О такихъ личностяхъ мы не имѣли понятія лѣтъ пять назадъ. Но уже въ послѣдніе два-три года между самою юною молодежью стали проявляться характеры, предъ силою которыхъ самыя крайніе люди поколѣній, воспитанныхъ въ прошлое царствованіе, оказывались почти дѣтьми. Это характеристическій признакъ приближенія грозы. Истребить этихъ людей нельзя, такъ какъ каждый десятокъ ихъ обращается на слѣдующій годъ въ сотню, потому что въ переходное время передовыя личности каждаго новаго поколѣнія становятся сильнѣе и сильнѣе. Въ настоящее время для правительства нѣтъ важнѣе вопроса, какъ тотъ: какъ привлечь къ себѣ эти силы и направить ихъ на практическую дѣятельность? Если оно не достигнетъ этого, ему придется начать съ ними борьбу на смерть, результаты которой будутъ страшны, а исходъ во всякомъ случаѣ тяжелъ для правительства, потому что ему будетъ приходиться все терять и ничего не выигрывать, а его противники—люди, которые будутъ по убѣжденію напрашиваться на страданія. Также постепенно выработывались временемъ и французскіе террористы. Но во Франціи переворотъ длился почти столѣтіе, катастрофа послѣдовала черезъ 30 лѣтъ послѣ смерти Людовика XIV, съ которымъ умерла тамъ старая система. У насъ событія должны итти гораздо быстрѣе, такъ какъ общая атмосфера въ Европѣ теперь совсѣмъ другая; это видно, сличая явленія, повторяющіяся въ общихъ чертахъ, съ поразительнымъ сходствомъ.

Я считаю своею священнѣйшею обязанностью говорить все это, зная по собственному опыту, что въ пылу дѣятельной жизни почти невозможно уяснить себѣ положеніе и замѣтить, съ какою быстротою зрѣютъ обстоятельства. Въ такія критическія эпохи единственное спасеніе правительства—какъ можно скорѣе и полнѣе слить свои интересы съ народными. Восемь лѣтъ назадъ можно было пальцемъ перечестъ людей, помышлявшихъ о какихъ либо представительныхъ учрежденіяхъ; года три назадъ уже были люди, не сочувствующіе монархическимъ началамъ, но самыя крайніе изъ нихъ съ ужасомъ бы отступили отъ роли террористовъ, а теперь, по всей вѣроятности, время уже вырабатываетъ такихъ людей, а сохраненіе старыхъ формъ будетъ быстро размножать ихъ. Потому я и говорю: теперь въ рукахъ правительства спасти себя и Россію отъ страшныхъ бѣдъ, но это время можетъ быстро пройти. Мѣры, спасительныя теперь, могутъ сдѣлаться чрезъ нѣсколько лѣтъ вынужденными и потому безсильными. О возстановленіи стараго порядка не можетъ быть и рѣчи: онъ исторически отжилъ. Вопросъ стоитъ между широкой свободой и рядомъ потрясеній, исходъ которыхъ неизвѣстенъ. Громадная масса энергическихъ силъ теперь еще сторонники свободы. Но недостатокъ ея

начинаетъ выработать революціонеровъ. Потому я и говорю, что преслѣдовать теперь революціонныя мнѣнія значитъ создавать ихъ.

Правительство обладаетъ еще громадною силою; никакая пропаганда сама по себѣ неопасна ему; но собственныя ошибки могутъ быстро уничтожить эту силу, такъ какъ она болѣе физическая, чѣмъ нравственная. Войско состоитъ изъ людей, потому въ переходное время его духъ мѣняется также быстро, какъ понятія въ обществѣ.

Я не знаю о состояніи умовъ въ войскѣ, но если вѣрно понимаю общее положеніе, въ дисциплинѣ должна происходить перемѣна. А разъ она началась въ такое время, это явленіе могутъ остановить не отдѣльныя мѣры, а только устраненіе общихъ условий, вызвавшихъ его, другими словами общее успокоеніе умовъ. Такимъ образомъ общее положеніе дѣлъ сводится къ слѣдующему: возвратъ къ тому, что было за 10 лѣтъ, невозможенъ. Затѣмъ остается выборъ между двумя системами: нынѣшнюю, т. е. систему уступокъ пополамъ съ крутыми мѣрами—при ней правительство сохраняетъ свой авторитетъ по виду, но подкапываетъ его въ основаніи и потому готовить въ будущемъ рядъ печальныхъ событій: это будущее можетъ отсрочиться или приблизиться на нѣсколько пятилѣтій, но оно неизбѣжно при этой системѣ.

Другая система: свобода. Тутъ правительство, устраняя старья, мѣшающія ему формы, сливаетъ свои интересы съ народными и, опираясь на лучшія силы страны, съ полнымъ достоинствомъ и энергіей ведетъ ее къ славѣ и счастью. Тутъ объ уступкахъ не можетъ быть и рѣчи, потому что каждая льгота является общеювыгодою и потому преобразованія всегда полны и своевременны.

12.

Объяснивъ все это, я исполнилъ долгъ совѣсти. Быть можетъ, мои взгляды ошибочны, но мнѣ кажется, что событія подтверждаютъ ихъ. Положеніе страшно усложнено и потому надъ нимъ надо думать и думать, и, всетаки, можно ошибаться. Во всякомъ случаѣ все, что я имѣю, предлагаю на алтарь отечества. Это непоколебимыя правила, личная энергія, безграничная любовь къ отечеству и, я думаю, пониманіе времени. Дѣлаю я это единственно по внутреннему убѣжденію. Взять или отвергнуть приношеніе зависитъ отъ усмотрѣнія правительства. Стрданій я не боюсь, потому что по своимъ свойствамъ принадлежу къ свободному поколѣнію, но если правительству небезполезны такіе люди, оно не станетъ ихъ преслѣдовать. Я считаю, что какова бы ни была буква высочайшаго повелѣнія, его духъ, безъ сомнѣнія, новъ.

И посему всеподданнѣйше прошу:

Дабы повелѣно было Правительствующему Сенату распространить на меня силу помянутаго высочайшаго повелѣнія, а буде Пр. Сенатъ усмотритъ неполноту въ моихъ объясненіяхъ, потребовать отъ меня дополнительныхъ объясненій по тѣмъ обстоятель-

ствамъ дѣла, которыя найдетъ недостаточно разъясненными моими прошеніями. Января 26 дня 1864 г.» (конецъ, какъ и въ предыдущемъ прошеніи).

Но сенатъ отказалъ и на этотъ разъ въ освобожденіи Серно-Соловьевича на поруки. Тогда же было отказано Петровскому въ просьбѣ разрѣшить ему рукоприкладство, въ виду его жителяства въ Москвѣ.

Правительство не прочло даже прошеній Серно-Соловьевича, въ которыхъ замѣчался такой прекрасный анализъ тогдашняго положенія дѣлъ, такія умные совѣты для его измѣненія къ обоюдной выгодѣ и столько мужества человѣка, сознательно готовившаго себѣ все болѣе и болѣе отдаленную Сибирь... Кромѣ нѣсколькихъ безгласныхъ сенаторовъ, прошенія эти никѣмъ не прочлись. Ни одинъ министръ или дворцовый интриганъ не поинтересовался голосомъ человѣка, такъ ясно предвидѣвшаго всю послѣдующую русскую исторію.

Читатель, вѣроятно, не очень поразился переменѣй, происшедшей во взглядахъ Серно-Соловьевича на роль революціонной массы: человѣку, просидѣвшему почти два года въ одиночкѣ, ошибившемуся въ расчетѣ на широкое народное движеніе и ясно видѣвшему перекинувшееся въ реакцію широкое общество—вполнѣ естественно было принять именно этотъ образъ мыслей.

И, несмотря на это, оба прошенія производятъ сильное впечатлѣніе... «Я умоляю ваше императорское величество именемъ всего для васъ священнаго и дорогого обратить вниманіе на мои слова»... Развѣ это не тоже, что слова маркиза Позы:—«Посвятите счастью народовъ силу и власть правителя, которыя служили до сихъ поръ только величію престола. Возстановите утраченное благородство человѣка»....

Третье прошеніе Серно-Соловьевича и сенатское опредѣленіе.

2 марта Серно-Соловьевичу были объявлены опредѣленія сената по обоимъ его прошеніямъ, и 5-го онъ пишетъ третье:

1.

Въ объявленномъ мнѣ заключеніи Пр. Сената, состоявшемся 10 прошлаго февраля по дѣлу моему, сказано, что, выслушавъ предложенные мнѣ десять вопросовъ, я сказалъ, что нахожусь въ затрудненіи отвѣчать на нихъ, и вижу въ томъ страшное нравственное насиліе. Смыслъ моихъ словъ былъ не совсѣмъ таковъ, какъ значится въ томъ заключеніи, и потому я считаю необходимымъ объяснить его.

2.

Я не находилъ затрудненія отвѣчать на предложенные мнѣ вопросы и тѣмъ не менѣе могъ считать предложеніе ихъ нравственнымъ насиліемъ, зная, что всякое судебное мѣсто не только

имѣть право, но обязано требовать отъ подсудимаго разъясненія обстоятельствъ дѣла. Я не могъ находить никакого затрудненія отвѣчать на вопросы, потому что, какъ видно изъ моихъ отвѣтовъ, мнѣ приходилось только развивать и объяснять мысли и обстоятельства, изложенныя въ прошеніи. Все, высказанное мною, относилось не къ тому, что Пр. Сенатъ предложилъ мнѣ вопросы, и не ко всѣмъ предложеннымъ вопросамъ, а только къ тому, что, когда я далъ словесный отвѣтъ на первый вопросъ, мнѣ было объяснено, что Пр. Сенатъ не удовлетворяется имъ и требуетъ категорическаго объясненія, къмъ и кому писаны письма. Тогда я и сказалъ, что нахожусь въ затрудненіи, потому что другого отвѣта дать не могу, и когда мнѣ затѣмъ было сказано, что могу писать въ отвѣтъ, что признаю нужнымъ, и что мнѣ не дѣлають насилія, я отвѣтилъ словами, записанными въ журналъ.

3.

Впрочемъ, я уже словесно объяснялъ Пр. Сенату, что и въ этомъ смыслѣ я сказалъ тѣ слова единственно потому, что полтора года, проведенные мною въ одиночномъ заключеніи, привели мои нервы въ такое состояніе, что малѣйшее напряженіе совершенно разстраиваетъ ихъ, а отвыкнувъ говорить, я такъ волнуюсь самымъ процессомъ рѣчи, что не всегда въ состояніи управлять словами; что во всякомъ случаѣ я искренно сожалею объ этихъ словахъ, которыхъ никогда не произнесъ бы въ совершенно здоровомъ состояніи, такъ какъ въ дѣйствіяхъ Пр. Сената относительно меня никогда не было ничего похожего на какое либо нравственное насиліе».

23 марта сенатъ приступилъ къ слушанію записки, которое кончилось только 1 июня.

7 апрѣля министръ иностранныхъ дѣлъ снова довелъ до свѣдѣнія сената, что Кельсievъ, Касаткинъ, Александръ Серно-Соловьевичъ и Черкесовъ не разысканы въ Европѣ, несмотря на публикаціи.

Въ маѣ Лялинъ и Шибаетъ были освобождены на поруки.

2 апрѣля было третье освидѣтельствованіе умственныхъ способностей маркиза Траверсе, которое закончилось объявленіемъ его совершенно здоровымъ. 9 июня его призвали въ сенатъ, нашли явно сумасшедшимъ и отправили снова въ больницу для окончательнаго удостовѣренія. 27 августа онъ былъ перевезенъ на квартиру жены съ учрежденіемъ тамъ полицейскаго караула. А 5 сентября маркизъ умеръ...

15 июня завѣдывавшему магазиномъ Серно-Соловьевича, А. А. Рихтеру, человѣку довольно тогда выдающемуся, было разрѣшено свиданіе съ Николаемъ Александровичемъ для выясненія матеріальнаго положенія его и семейства.

10 марта Серно-Соловьевичъ отказался присутствовать на слушаніи дѣла.

10 декабря (1864 г.) была готова сенатская записка по дѣлу

и опредѣленіе. За недостаткомъ мѣста я не могу привести послѣднее полностью, да въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ оно и неинтересно, потому что часто повторяетъ хорошо уже извѣстное читателю, и потому ограничусь исключительно резолютивной частью опредѣленія. Вотъ она:

«По всѣмъ симъ соображеніямъ и на основаніи вышеприведенныхъ узаконеній Правительствующій сенатъ полагаетъ:

1. Отставного надв. совѣтника Николая Серно-Соловьевича, 29 лѣтъ, за участіе въ злоумышленіи съ лондонскими пропагандистами противъ русскаго правительства, за распространеніе заграничныхъ сочиненій ихъ преступнаго содержанія, за дачу у себя убѣжища неосужденному государственному преступнику (sic!) Кельсіеву съ знаніемъ преступныхъ его замысловъ и за дерзостное порицаніе дѣйствій правительства и самаго образа правленія ¹⁾,— лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда;

2. Отставного кол. секретаря Павла Ветошникова, 33 лѣтъ, и 3. Почет. гражданина Николая Владимірова, 26 лѣтъ,—за пособничество пропагандистамъ въ сношеніяхъ съ злоумышленниками и за пособничество въ распространеніи преступныхъ ихъ сочиненій— лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на восемь лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда; но, принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи имъ сего наказанія тѣмъ, чтобы, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать ихъ въ Сибирь на поселеніе навсегда. Изъ нихъ кол. секр. Ветошникова по предмету участія въ самомъ злоумышленіи лондонскихъ пропагандистовъ противъ русскаго правительства признать неизобличеннымъ;

4. Отстав. штабсъ-капитана Николая Петровскаго за недонесеніе о пребываніи въ Москвѣ неосужденнаго государственнаго преступника Кельсіева подъ именемъ турецкаго подданнаго Яни съ знаніемъ о преступныхъ его замыслахъ—признать подлежащимъ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ;

5. Купца Ивана Шибаева за недонесеніе о предложеніи сдѣланномъ ему Кельсіевымъ напечатать въ Лондонѣ старовѣрческія книги ихъ, коихъ нельзя напечатать въ Россіи, и, сверхъ того, за имѣніе у себя сочиненія противоправительственнаго содержанія—признать подлежащимъ аресту на три мѣсяца; но, принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, Петровскаго и Шибаева, ходатайствовать предъ Г. И. объ отми́ннѣ сего наказанія и вмѣненіи имъ въ таковое содержаніе ихъ въ крѣпости во время производства настоящаго дѣла, съ отдачею, впрочемъ, Шибаева, подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по предмету недонесенія правительству о прибытіи преступника Кельсіева въ Россію Шибаева отъ суда освободить;

¹⁾ Это оцѣнка его прошеній.

5. Отстав. кол. регистратора Пимена Лялина, 66 лѣтъ, за имѣніе у себя разныхъ воззваній и сочиненій противоправительственнаго содержанія—признать подлежащимъ выдержанію подѣ арестомъ два съ половиною мѣсяца и потомъ отдачѣ подѣ надзоръ полиціи на два съ половиною года; но, принимая во вниманіе продолжительное содержаніе его въ крѣпости во время первоначальнаго производства дѣла, вмѣнить ему содержаніе это въ наказаніе и отдать его подѣ надзоръ полиціи на два съ половиною года, на что испросить высочайшее соизволеніе, по предмету же злоумышленнаго распространенія возмутительныхъ воззваній и сочиненій посредствомъ передачи оныхъ для чтенія другимъ лицамъ и въ противозаконной перепискѣ съ изгнанникомъ Бакунинымъ оставить въ сильномъ подозрѣніи;

7, 8, 9, преданныхъ по высочайшему повелѣнію суду пр. сената находящихся за границею Александра Серно-Соловьевича, литератора Касаткина и Василя Кельсіева, за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ ихъ въ Россію, несмотря на дѣлаемые имъ вызовы,—лишить всѣхъ правъ состоянія и считать ихъ изгнанными навсегда изъ предѣловъ государства съ тѣмъ, 1) чтобы съ имѣніемъ сихъ лицъ было поступлено на точномъ основаніи 2 ч. 368 ст. улож. и 2) что это опредѣленіе не освобождаетъ сихъ лицъ отъ осужденія на законномъ основаніи въ случаѣ возвращенія ихъ въ Россію или выдачи правительству по обвиненіямъ, упадающимъ на нихъ по настоящему дѣлу;

10. великобританскаго подданнаго Артура Бени за недоведеніе до свѣдѣнія правительства о прибытіи въ С.-Петербургъ русскаго подданнаго Василя Кельсіева по паспорту турецкаго подданнаго Василя Яни—выдержать въ тюрьмѣ три мѣсяца, а по обвиненію въ недоведеніи до свѣдѣнія правительства о прибытіи означеннаго Василя Кельсіева въ Россію съ знаніемъ, что Василій Кельсіевъ неосужденный государственный преступникъ—оставить въ сильномъ подозрѣніи и затѣмъ выслать за границу, воспретивъ навсегда въѣздъ въ Россію подѣ опасеніемъ поступить съ нимъ по 354 ст. улож.;

11. почетнаго гражданина Михаила Журавлева;

12. чиновника X класса Павла Аркадьева за имѣніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію верховной власти, а Аркадьева и за недонесеніе о злоумышленномъ распространеніи воззванія «Земская Дума»—выдержать подѣ арестомъ: Журавлева десять дней, а Аркадьева три мѣсяца, отдавъ послѣ сего обоихъ подѣ надзоръ полиціи на одинъ годъ;

13. дочь маіора дѣвицу Марію Челищеву за имѣніе у себя воспрещенныхъ закономъ сочиненій и изображеній—выдержать подѣ арестомъ десять дней и отдать подѣ надзоръ полиціи на одинъ годъ ¹⁾.

«Рѣшеніе сіе, на основаніи 452 и 617 ст. кн. 2 т. XV св. зак.

¹⁾ По цензурнымъ соображеніямъ я не привелъ нигдѣ стихотворенія „На смерть Николая I“.

уголов., представить на высочайшее Е. И. В. усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

«Затѣмъ сенатъ опредѣляетъ: 1) кандидата С.-Петербургскаго университета Михаила Налбандова въ знаніи о преступныхъ замыслахъ лондонскихъ пропагандистовъ, въ содѣйствіи имъ къ распространенію въ Россіи запрещенныхъ ихъ лондонскихъ изданій, въ стремленіи распространить на югѣ Россіи, между армянами, противоправительственное движеніе—оставить въ сильномъ подозрѣніи и затѣмъ, какъ личность неблагонадежную, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ выслать въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Россіи подъ строгій надзоръ полиціи;

2 и 3) Сужденіе объ отставныхъ надворномъ совѣтникѣ маркизѣ Николаѣ де-Траверсе и кол. регистраторѣ Ничипоренко, за смертью ихъ, прекратить;

4) отставного поручика кн. Павла Трубецкого, братьевъ: 5) отстав. поручика Александра и 6) кол. рег. Алексѣя Орфано; 7) надв. сов. Александра Афанасьева; 8) кандидата московскаго университета Алексѣя Козлова; 9) купца Дмитрія Кожанчикова; 10) литератора Максимова; 11) отстав. штабсъ-капитана Бѣлозерскаго; 12) отстав. штабсъ-капитана Любенкова; 13) отстав. кол. ассесора Воронова; 14) дѣйст. студента Николая Потѣхина; 15) дѣйст. стат. сов. Гаевского; 16) отстав. кол. ассесора Каншина; 17) отстав. кол. ассесора Альбертини и 18) кол. секр. Ивана Тургенева—по настоящему дѣлу освободить отъ суда. А дѣвицѣ Фериклундъ, на просьбу ея о дозволеніи ѣхать ей за однимъ изъ подсудимыхъ, Ветошниковымъ, въ ссылку обвѣнчанною его женою, объявить, что предметъ этотъ до разрѣшенія Сената не относится и что она съ просьбою своею о семъ должна была своевременно обратиться къ с.-петербургскому генераль-губернатору, коему предпишется объ исполненіи имѣющаго состояться о Ветошниковѣ и прочихъ рѣшенія».

Читатель, вѣроятно, обратилъ вниманіе на самое замѣчательное въ этомъ приговорѣ, подъ которымъ такъ и ищется тавро Алариха, а именно на то необыкновенное званіе, которое придано Кельсіеву—«неосужденный государственный преступникъ»... Разумѣется, это нужно было для обоснованія всего только что изложеннаго и сенатъ вышелъ изъ своего затрудненія...

Опредѣленіе пошло, какъ и всегда, въ государственный совѣтъ, откуда было возвращено 9 апрѣля 1865 года. Государственный совѣтъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ сената, «призналъ, однакоже возможнымъ во вниманіе къ просьбѣ матери Серно-Соловьевича и особымъ обстоятельствамъ этого дѣла, всеподданнѣйше ходатайствовать о смягченіи участи этого подсудимаго», и потому мнѣніемъ положилъ: «1) участь отстав. надв. сов. Николая Серно-Соловьевича и кол. секр. Ветошникова повергнуть монаршему милосердію съ представленіемъ, не благоугодно ли будетъ Е. И. В. высочайше повелѣть подсудимыхъ сихъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, не ссылая въ каторжную работу, поселить въ Сибири

навсегда; 2) отставного тит. сов. Александра Серно-Соловьевича, чиновника 14 класса Василия Кельсиева и литератора Виктора Касаткина, лишивъ, согласно съ заключеніемъ Правительствующаго Сената, всѣхъ правъ состоянія, считать изгнанными навсегда изъ предѣловъ государства; 3) въ прочемъ утвердить заключеніе сената.

30 марта государь согласился съ этимъ мнѣніемъ.

27 апрѣля приговоръ былъ объявленъ въ собраніи сената при открытыхъ дверяхъ.

Приговоръ А. А. Черкесову.

Читатель, вѣроятно, обратилъ вниманіе на то, что въ сенатскомъ опредѣленіи не упоминается имя одного обвиняемаго, котораго разыскивали наравнѣ съ Касаткинымъ, Кельсиевымъ и Александромъ Серно-Соловьевичемъ — Александромъ Александровичемъ Черкесовымъ ¹⁾.

Произошло это вовсе не случайно. Черкесовъ еще занималъ вниманіе сената, но уже тогда, когда «дѣло о лицахъ, обвинявшихся въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами» было сдано въ архивъ. Только въ августѣ 1865 г. онъ возвратился въ Россію и тогда же былъ заключенъ въ казематъ при III отдѣленіи, хотя въ бумагахъ его ровно ничего подозрительнаго не нашли.

27 августа и 1 сентября Черкесову были сдѣланы допросы. Онъ показалъ, что, уѣхавъ за границу въ іюнѣ 1862 г., жилъ тамъ непрерывно и все время лѣчился. Съ братьями Серно-Соловьевичами жилъ на одной квартирѣ, учась въ лицей. За границей поддерживалъ отношенія съ большимъ Александромъ Серно-Соловьевичемъ и былъ единственнымъ къ нему близкимъ человѣкомъ. Ни о какой пропагандѣ не имѣетъ понятія, съ лондонскими эмигрантами незнакомъ.

21 сентября Черкесовъ былъ привезенъ въ сенатъ и съ него взята подписка въ неимѣніи подозрѣній противъ состава сенаторовъ пятого департамента. При уходѣ его изъ засѣданія сената первоприсутствовавшій тамъ сенаторъ Карніолинъ-Пинскій закричалъ такъ на него, что Черкесовъ, видя въ этомъ открытое враждебное къ себѣ отношеніе, невольно отвѣтилъ тоже дерзостью и крикомъ. А вернувшись въ казематъ, изложилъ это обстоятельство и просилъ считать только что данную подписку недѣйствительной.

¹⁾ Вотъ нѣкоторыя данныя изъ его аттестата отъ 9 января 1861 г. Родился въ 1839 г., изъ дворянъ, у родителей были имѣнія въ Рязанской губерніи, Михайловскаго уѣзда 352 души, Владимирской губерніи Покровскаго у. 278 д. и Новгородской губ. Череповецкаго у. 308 душъ при 14.412 дес. земли, а въ Москвѣ каменный домъ. Кончилъ курсъ въ Александровскомъ лицей, въ декабрѣ 1857 г. опредѣленъ въ государственную канцелярію чиновъ губернскаго секретаря, въ іюнѣ 1859 г. переведенъ въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, въ январѣ 1860 г. — въ ярославскую казенную палату, въ сентябрѣ того же года уволенъ отъ службы по болѣзни.

Изъ журнала собранія сената 23 сентября, слушавшаго эту записку Черкесова, видно, что первоприсутствовавшій потому повысилъ голосъ, что Черкесовъ вошелъ въ залъ, держа руки въ карманахъ сюртука и не поклонился собранію ни при входѣ, ни при удаленіи.

6 октября на третьемъ допросѣ, Черкесовъ показалъ, что ни въ мартѣ, ни въ апрѣлѣ 1862 г., онъ не жилъ у Серно-Соловьевичей, бывъ все это время въ деревнѣ и Москвѣ. О пріѣздѣ Кельсиева въ Россіи ничего не знаетъ. Сенатъ нашелъ возможнымъ освободить Черкесова на поруки его знакомаго Трегубова, а 16 марта 1866 года приказалъ освободить его отъ всякой отвѣтственности.

Дальнѣйшая судьба подсудимыхъ.

Теперь я считаю небезынтереснымъ вкратцѣ ознакомить читателей съ дальнѣйшею судьбою нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ по изученному нами дѣлу. На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, Николай Серно-Соловьевичъ.

Сдѣлать это я имѣю возможность, благодаря дружескому содѣйствию М. А. Слѣпцовой, вдовы недавно умершаго А. А. Слѣпцова, передавшей мнѣ довольно много весьма интересныхъ матеріаловъ, оставшихся послѣ смерти ея мужа, — друга Н. Серно-Соловьевича.

Приведу письмо послѣдняго къ В. В. Ивашевой, потомъ Черкесовой.

3-е ноября 1865 г.

«Вѣра Васильевна, посылаю Вамъ оконченный переводъ данной мнѣ четвертой части исторіи работничьихъ ассоціацій Энглендера. Потрудитесь передать его Влад. Онуфр. и похлопотать, чтобъ этотъ трудъ не остался безъ вознагражденія. При томъ пришлите точный расчетъ, сколько получится за него, такъ какъ я самъ работалъ ассоціаціоннымъ способомъ, диктуя товарищу, съ которымъ я долженъ подѣлиться возмездіемъ. Мой переводъ сдѣланъ такъ добросовѣстно, какъ только я умѣлъ, хотя много страницъ переведено мною ночами у изголовья больной женщины, одной изъ многихъ пошедшихъ за мужьями въ ссылку. По поправкамъ можно видѣть, что переводъ тщательно пересмотрѣнъ.

«Если Вы получили письмо, посланное изъ Красноярска съ портретами, Вы знаете, что я отправился въ Иркутскъ. Пріѣхавъ, стараюсь увѣдомить о своей дальнѣйшей судьбѣ, если только слухъ о ней не дойдетъ до Васъ ранѣе какимъ нибудь инымъ путемъ.

«Легкое нездоровье или, вѣрнѣе, непривычка къ западу побудили меня приостановиться на дорогѣ и ввели въ непредвидѣнные расходы. Хотя у меня и есть еще деньги, но я счелъ благоразумнѣе сдѣлать заемъ. Если получу просимыя деньги, отъ 100 до 200 руб.—уплатите за меня ихъ, адресовавъ Петру Ивановичу Куз-

нецову, въ Красноярскѣ, и сдѣлайте это какъ можно скорѣе, не ожидая дальнѣйшаго увѣдомленія отъ меня. Сумма долга будетъ стоять на полѣ первой страницы перевода, подъ заглавіемъ, такъ какъ въ настоящую минуту еще не знаю, сколько получу. При посылкѣ денегъ объясните, за кого уплачиваете, и просите увѣдомить меня или Васъ.

«Не извиняюсь, что дѣлаю Вамъ столько хлопотъ, ни даже, что требую денегъ, не освѣдомляясь, есть ли онѣ у Васъ. Мнѣ деньги очень нужны, очень—а Вы знаете, что я не мотъ. Вы не сочтете меня также сибаритомъ, не умѣющимъ переносить съ достаточною твердостью лишеній. Если бы даже такая мысль на мгновение пришла Вамъ, обстоятельства скоро разувѣрятъ Васъ. По крайней мѣрѣ, пишу съ увѣренностью, что больше не придется Васъ тревожить своими просьбами. Еслибы такъ случилось, не поминайте ихъ и меня лихомъ. Вообще, что бы ни случилось, сохраните мнѣ свою дружбу. Для меня воспоминаніе о Васъ всегда дорого. Помните, разставаясь, мы оба недоумѣвали, откуда Вы получите вѣсти, съ Востока или Запада. Теперь вопросъ давно рѣшенъ окончательно и безвозвратно и конечно: «онъ ненапрасно подчинился самой страшной судьбѣ, какая только можетъ постигнуть человека». Помните эти слова и носите ихъ въ себѣ.

«Всѣмъ стоящимъ того передайте мой сердечный привѣтъ,—кому въ особенности—мнѣ нечего Вамъ говорить. Я постояненъ и въ привязанностяхъ и въ ненавистяхъ. Живите жизнью настоящею, живою, а не дремотнымъ прозябаніемъ. Старайтесь помнить притчу о женихѣ и дѣвахъ.

«Прощайте. Я знаю, что Вы не забудете своего друга.

«Вотъ вамъ мои послѣдніе стихи,—писанные еще на Оби:

Пусть другіе здѣсь пишутъ стихи
Я не буду—лишь эти строки.
Не даетъ мнѣ плѣнительныхъ думъ
Отягченный нелѣпницей умъ.
Нѣтъ, друзья, не меня вдохновить
Край оковъ, гдѣ все сердце томить,
Гдѣ безмѣрность лѣсовъ и степей
Населяютъ при звукахъ цѣпей;
Гдѣ столѣтія изъ рода въ родъ
Изнываетъ несчастный народъ;
Гдѣ нельзя намъ ни мыслить, ни жить;
Гдѣ должны мы въ лишеніяхъ гнить.
Я не созданъ невольникомъ пѣты!
Я тогда воспую этотъ край,
Когда воля посѣтетъ въ немъ рай
И проснувшійся разумъ сотретъ
Человѣка осилившій гнетъ.

Н. С.—С.

Это единственное письмо Серно-Соловьевича изъ Сибири показываетъ, какъ бодрился онъ въ тяжкихъ условіяхъ ссылки. Оно же содержитъ въ себѣ указаніе на мысль о побѣгѣ...

9 или 10 февраля 1866 года Серно-Соловьевича не стало.

Обстоятельства его смерти изложены въ двухъ письмахъ неизвѣстныхъ корреспондентовъ неизвѣстно же кому адресованныхъ. Они получены мною тоже отъ М. А. Слѣпцовой.

Первое.

«Случай завелъ меня недавно въ анатомическій театръ. Я съ любопытствомъ разсматривалъ трупы убитыхъ и обгорѣлыхъ, о которыхъ такъ много говорили въ городѣ. Сторожъ въ двухъ-трехъ словахъ разсказалъ мнѣ исторію каждаго. Но болѣе всѣхъ привлекъ мое вниманіе молодой мужчина, худой, съ впалыми, почернѣвшими глазами и съ открытымъ ртомъ и вздувшейся губой. На подбородкѣ рѣдкая черноватая бородка. «Это кто?» спросилъ я сторожа.—«Серно-Соловьевичъ»—отвѣчалъ безучастно солдатъ. «Зачѣмъ же его рѣзали?».—«Ну, какъ политическій преступникъ, извѣстный писатель и какъ человѣкъ замѣчательнаго ума»—не безъ нѣкоторой гордости добавилъ сторожъ. «Такъ зачѣмъ же его рѣзали?».—«Для телеграфа, чтобы знать, отъ чего померъ, чтобы въ Петербургъ донести».—«Ну и что же нашли?».—«А нашли, что тифомъ былъ боленъ».—«Ну, а прежде что думали?».—«Да и прежде то же думали».—«Зачѣмъ же лобъ такъ искривленъ?».—«А это мозгъ смотрѣли».—«А гдѣ же онъ?».—«Да опять положили въ черепъ. Да черепъ то только неладно прикрыли».—«А что ничего отъ трупа не взяли?».—«Его вѣдь самъ инспекторъ врачебной управы анатомировалъ. Такъ онъ всѣ внутренности разсматривалъ, такъ назадъ и положилъ, а взялъ только мочевою пузырь, положилъ въ банку и увезъ его съ собою».

«Невыразимо грустно мнѣ стало слушая сторожа, я вышелъ. Я еще такъ недавно читалъ въ «Современникѣ» старыхъ годовъ его статьи и въ «Русскомъ Словѣ» 1865 г. послѣднее сочиненіе. И вотъ человѣкъ, честности, благородству и уму котораго всѣ отдавали справедливость, въ трупарнѣ.

«Мнѣ очень хотѣлось узнать о немъ болѣе. На одномъ дворѣ съ трупарней находится зданіе, гдѣ помѣщаются поляки. На дворѣ же я встрѣтилъ одного изъ нихъ. Я сталъ разспрашивать. Одинъ полякъ мнѣ сказалъ, что онъ тифомъ былъ боленъ и умеръ. Другой сказалъ, что онъ въ партіи съ нимъ изъ Красноярска пріѣхалъ.—«Мы ѣхали по двое на подводѣ»—сказалъ тотъ. «Подъѣзжая къ Мальтѣ, мы стали спускаться съ горы. Заднія лошади наскочили на подводу, гдѣ сидѣлъ Николай, подмяли его подъ себя, и сани съ двумя сѣдоками и ямщикомъ проѣхали по немъ. Онъ боли не чувствовалъ. Все время былъ веселъ и пѣлъ пѣсни. Пріѣхали на этапъ. Мы натерли его водкой съ мыломъ. Все было ничего. Онъ совсѣмъ чувствовалъ себя хорошо. Пріѣхали въ Иркутскъ; насъ заперли въ острогъ. А на другой день С.—С. пошелъ въ больницу и 9 или 10 февраля Богу духъ отдалъ».—«Чтожъ за нимъ никто не ходилъ?».—«Какже, наши сидѣли у него постоянно».—«А гдѣ же его товарищи?».—«Русскіе купцы?».—«Да».—«Ихъ 26 января выслали въ волости: одного въ Идинскую,

а другого въ Оёкъ». — «Что же они не знаютъ объ этомъ?» — «Нѣтъ. Гдѣ же знать; они сюда не ѣздятъ».

«Да, подумалъ я, тяжело умирать одному среди чужихъ.

«Чтожъ онъ вспоминаль о нихъ?» — «Да, одному поручилъ все свое имѣніе, да какъ мы ему перешлемъ». — «Какъ же онъ умеръ?» — «Тихо, какъ заснулъ».

«Спи же мирно, землякъ. Ты свое сдѣлалъ; честно служилъ тому, что считалъ правдой. Ни словомъ, ни дѣломъ ты не измѣнилъ себѣ. Умеръ композиторъ, но звуки его станутъ жить вѣчно и вѣчно станутъ пробуждать спящихъ и вызывать ихъ къ жизни.

«Гибнуть русскіе ссыльные, а много ли ихъ? И тѣмъ мы не хотимъ облегчить ихъ тяжелой участи. Ни участія, ни руки помощи. Мартыановъ тоже умеръ въ иркутскомъ острогѣ. Ждали ли Вы такой вѣсти? Меня, какъ громомъ, поразило. Перешлите немедленно этотъ листокъ въ Петербургъ (дальше нѣсколько словъ выскоблено—*М. Л.*).

«Вотъ вамъ русскіе ссыльные: Заичневскій въ Витимской волости на Ленѣ, въ Кир. округѣ; Григорьевъ въ Якутской обл.; Обручевъ въ Уракъ, 23 версты отъ Иркутска; Владиміровъ въ Оёкъ, 35 верстъ отъ города, Ветошниковъ въ Идинской волости. Насколько эти свѣдѣнія вѣрны, не знаю; мнѣ поляки ихъ сказали».

Второе.

Иркутскъ 10 марта 1866 г.

«До Васъ, вѣроятно, уже дошло печальное извѣстіе о кончинѣ нашего добраго товарища. Все, что Вамъ сообщили объ обстоятельствахъ его смерти, все было такъ. На дорогѣ онъ упалъ, а приѣхавъ сюда, слегъ и захворалъ тифомъ. Надо только добавить—кромя паденія, на боль въ боку имѣлъ уже вліяніе ударъ въ бокъ ружьемъ. Онъ, видите ли, заступился за своихъ спутниковъ, и защитникъ отечества хватилъ его въ бокъ. Онъ былъ боленъ 11 дней, умеръ въ памяти. Изъ ѣхавшихъ съ нимъ изъ Россіи товарищей при немъ никого не было, они даже не знали о его болѣзни. Едва успѣли одному изъ нихъ¹⁾ сообщить, что онъ захворалъ, какъ тотъ тотчасъ приѣхалъ сюда. Но засталъ его уже на столѣ.

«Мнѣ извѣстно только, что приѣхавшему передали слова умершаго, которые касались распоряженія его вещами. Послѣ него осталось 273 р. 10 коп., часть платья и книги. Все это онъ велѣлъ передать въ распоряженіе товарища младшаго по лѣтамъ¹⁾. Онъ ждетъ, одобрите Вы его распоряженія или нѣтъ. Надо Вамъ сказать, что дорогою они вели расходы вмѣстѣ, не считая, за какую вещь изъ чьего кошелька заплачено. Вамъ извѣстно, что у товарища умершаго не было денегъ собственнымъ трудомъ

¹⁾ Ветошникову.

²⁾ Владимірова.

заработанныхъ. Всѣ его деньги были собраны ему его пріятелями, какъ равно и деньги умершаго. Потому мы сочли за лучшее предложить ихъ этому товарищу съ условіемъ, чтобы онъ выплатилъ ихъ тѣмъ, кто будетъ въ нихъ нуждаться изъ такихъ людей, которые стануть учить дѣтей грамотѣ. Отдавъ эти деньги ему, мы слышали, что часть этихъ денегъ онъ уже отдалъ въ ссуду одному семейству, которое покойный очень любилъ, немного послалъ третьему своему товарищу, который сидитъ безъ денегъ. Вамъ ближе, быть можетъ, извѣстны отношенія умершаго къ его товарищамъ, и потому вы увѣдомьте, согласно ли желаніямъ покойнаго поступили. Найдите случай увѣдомить этого самаго товарища. Намъ такъ передали слова умершаго; вотъ послѣднія слова: «мои вещи, книги и деньги отдайте (онъ назвалъ имя)». Мы такъ и сдѣлали, тѣмъ болѣе, что положеніе этого товарища незавидное. Золотые часы у него. Что съ ними дѣлать? Платья, вѣроятно, не стоитъ пересылать; мы думаемъ посовѣтовать товарищу распорядиться имъ, какъ сочтетъ за лучшее—если ему нужно, пусть оставитъ себѣ, если имѣеть платья достаточно, пусть отдастъ кому ходить не въ чемъ».

Только Герценъ могъ бросить русскому правительству нѣсколько гнѣвныхъ словъ... 1 мая 1866 г. въ № 219 «Колокола» онъ писалъ между прочимъ:

«Благороднѣйшій, чистѣйшій, честнѣйшій Серно-Соловьевичъ—и его убили...

«Укоряющая тѣнь Серно-Соловьевича прошла мимо насъ печальнымъ протестомъ, такимъ-же напоминовеніемъ, какъ вѣсть о варшавскихъ убійствахъ 10 Апрѣля 1861 г. пронеслась грознымъ *emento* и покрыла трауромъ нашъ праздникъ освобожденія крестьянъ.

«Послѣдній маркизъ Поза, онъ вѣрилъ своимъ юнымъ, дѣвственнымъ сердцемъ, что *ихъ* можно вразумить, онъ человѣческимъ языкомъ говорилъ съ государемъ, онъ его тронулъ—и умеръ въ Иркутскѣ, изнеможенный истязаніемъ трехлѣтнихъ казематъ. За что? Прочтите сенатскую записку и всплесните руками.

«Враги, заклятѣйшіе консерваторы по положенію, члены государственнаго совѣта были поражены доблестью, простотой, героизмомъ Серно-Соловьевича. Человѣкъ этотъ былъ до того чистъ, что «Московскія Вѣдомости» не обругали его, не донесли на него во время слѣдствія, не сдѣлали намека, что онъ поджигатель или воръ... Это былъ одинъ изъ лучшихъ *весеннихъ* провозвѣстниковъ новаго времени въ Россіи... И онъ убитъ... «Да они не хотѣли его смерти». Что за вздоръ, Михайловъ умеръ, Серно-Соловьевичъ умеръ, Чернышевскій боленъ»...

Кельсievъ въ маѣ 1867 добровольно явился въ Скулянскую таможню и отдался въ руки мѣстныхъ властей, а оттуда арестованный былъ доставленъ въ III Отдѣленіе и подвергнутъ допросу въ

высочайше учрежденной комисіи подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Ланского. Потомъ дѣло его было доложено государю и 3 сентября Кельсіевъ получилъ полное прощеніе...

Налбандянъ послѣ приговора былъ отправленъ въ Саратовскую губернію и умеръ тамъ 31 марта 1866 года...

Касаткинъ умеръ въ Женевѣ 28 декабря 1867 г...

Мих. Лемне.

Въ Шлиссельбургской крѣпости.

(Окончаніе ¹).

ЧѢМЪ ЖИЛИ МЫ?

Счастьливъ, кто спитъ, кому въ осень
холодную

Грезятся ласки весны:

Счастьливъ, кто спитъ, кто про долю
свободную

Въ тѣсной тюрьмѣ видитъ сны.

Минскій.

I.

Послѣ болѣе или менѣе длинныхъ описаній того, какъ внѣшне слагалась наша жизнь, чѣмъ она наполнялась и что составляло ея матеріальное содержаніе, я чувствую необходимость въ интересахъ полноты своихъ записокъ, поставить такой вопросъ, которымъ я озаглавилъ этотъ очеркъ.

Читатель вправѣ спросить меня: Неужели ваши парники и огороды, верстаки и станки удовлетворяли васъ? Неужели вы похоронили въ себѣ живого человѣка и превратились въ рабочую машину, годную только для производства овощей и шкафовъ хотя бы и усовершенствованныхъ? Или вы сдѣлались читающимъ аппаратомъ, фонографомъ, что-ли, который считываетъ одинаково равнодушно и безжизненно всякую рѣчь или піесу, которую на него ни положить? Не оступѣли-ли вы безнадежно отъ многотенія безсистемнаго, беспочвеннаго и безжизненнаго? Былъ ли у васъ хоть какой-нибудь жизненный пульсъ, который согрѣвалъ вашу душу и охранялъ отъ опасности превратиться въ слабоумное животное, тянущее жизнь чисто растительную по рутинѣ и по инерціи?

II.

Бываютъ и теперь анахореты по призванію, которые отрекаются отъ міра и всѣхъ прелестей его и проводятъ жизнь въ молит-

¹) См. Вылое, 4, 6, 7, 8, 9, 10 и 11.

вѣ и созерцаніи. Это—люди особаго душевнаго склада, у которыхъ всякое зло вызываетъ не двигательный актъ, моментально его уничтожающій или ставящій ему серьезныя преграды, а мозговую рефлексію, быть можетъ также сердечное сокрушеніе слабого напряженія, словомъ—легкую внутреннюю зыбь, тихо волнующую и легко замирающую въ душѣ, неспособной быстро воспламеняться, негодовать и бороться.

Люди такого склада могли бы легко прожить въ нашей тюрьмѣ, предаваясь мечтаніямъ, самоуглубленію и поочередно—то самобичеванію, то самоуслажденію, отъ сознанія достигнутыхъ успѣховъ въ укрощеніи своихъ зловредныхъ помысловъ. Вѣдь гдѣ абсолютно нѣтъ никакихъ новыхъ соблазновъ, а старые отодвигаются съ каждымъ часомъ все дальше и дальше въ область забвенія, тамъ помыслы легко замираютъ сами собой, и война съ ними становится очень легкой и, конечно, побѣдоносной.

Не такова натура была у громаднаго большинства изъ насъ. Мы не только не могли и не хотѣли уходить куда бы то ни было и отъ житейскихъ золъ, и отъ земныхъ соблазновъ, а совершенно сознательно приступили къ изученію ихъ природныхъ причинъ съ тѣмъ, чтобы отыскать путь къ ихъ устраненію. И не только отыскать и указать эти пути всякому вопрошающему, но и самимъ проложить ихъ, сдѣлавши первые шаги, всегда трудные, и не всегда вѣрные и правильные.

Для людей такой категоріи, дѣятельныхъ, рвущихся, энергичныхъ по природѣ, не могли выдумать сильнѣе и жесточе наказанія, какъ обречь ихъ на пожизненное бездѣйствіе и не дать имъ даже суррогата живого общественнаго дѣла.

Такое дѣло, конечно, нашлось бы, безъ всякаго ущерба для тюремнаго режима въ странѣ, необыкновенно бѣдной интеллектуальными силами и еще болѣе бѣдной духомъ инициативы и предприимчивости. Начиная отъ простыхъ цифровыхъ работъ надъ сводкой статистическаго матеріала, и кончая постановкой какихъ нибудь микроскопическихъ, фізіологическихъ, даже хозяйственныхъ опытовъ, нашлось-бы широкое и разностороннее поле для приложенія богатыхъ духовныхъ способностей, которыя заключены были пожизненно въ Шлиссельбургъ и обречены на вымираніе съ чисто дьявольскимъ челоуѣконенавистничествомъ и зложелательствомъ.

Наши враги окрестили насъ врагами народа и, конечно, не могли допустить, чтобы мы сдѣлали что-нибудь полезное для своей родины и тѣмъ огласили, что сердце наше бьется любовью къ ней, и что мы горимъ постояннымъ желаніемъ быть для нея полезными хоть какъ нибудь, и хоть въ чемъ нибудь. Притомъ же умы, привыкшіе ходить только по рутинѣ, неспособны были допустить, чтобы тюрьма была чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ фабрики терпѣнія, и чтобы въ ней процвѣтало что-нибудь другое, кромѣ сплошнаго страданія и торжества Немезиды, карающей слѣпо и безъ милосердія.

III.

И намъ оставалось страдать и *въ самомъ страданіи находить источникъ силъ*, необходимыхъ для долготѣшняго существованія.

Всякое страданіе, какъ бы велико оно ни было, имѣетъ одинъ постоянный недостатокъ: ему свойственно притупляться и, значитъ, исчезать. Какъ бы сознавая эту истину, наши власти дѣлали его прерывистымъ. Говорятъ, что такъ дѣлали и истинные инквизиторы: пытаются, а затѣмъ дадутъ отдохнуть измученному пыткой, или даже залечать его раны, съ тѣмъ, чтобы опять примѣнить ту же самую, или новаго рода пытку. Точно также и у насъ: не было, кажется, ни одной «льготы», которая давалась бы намъ навсегда и не подвергалась затѣмъ временному упраздненію. Если ее не упраздняли совсѣмъ, то многократно угрожали упразднить и, значитъ, держали насъ подъ постояннымъ страхомъ— лишиться того, что стало уже привычнымъ и необходимымъ, и начать снова пріучаться къ терпѣнію.

Какъ ни малы были сами по себѣ эти «льготы», онѣ представляли собой тотъ *minimum* житейскихъ благъ, на которомъ мы могли еще помириться и ниже, котораго жизнь была бы не въ моготу и началось бы сплошное вымираніе. А потому для насъ онѣ не только не были ничтожны сами по себѣ, а напротивъ представляли высокую цѣнность: отстаивая ихъ, мы также имѣли дѣло съ вопросомъ жизни и смерти, какъ и рабочіе, рѣшающіеся на всѣ опасности забастовки ради прибавки какихъ нибудь 5 коп. заработной платы въ день. Словомъ, у насъ была въ своемъ родѣ та же борьба за существованіе, хотъ и размѣненная на мѣдную монету. Эта борьба за *modus vivendi*, за право стучать, гулять, писать, читать и говорить была та же самая борьба за свободы, хотъ и въ страшно миньютюрномъ видѣ.

Вспоминая о всѣхъ лишеніяхъ, съ какихъ началась наша тюремная жизнь, я не могу достаточно удивиться той колоссальной силѣ сопротивляемости, которой одаренъ каждый организмъ противъ разрушительныхъ вліяній. Сдѣлано было, кажется, все, чтобы разрушить его поскорѣе: ни воздуху, ни свѣту, ни пищи, ни дѣятельности,—ни умственной, ни физической. И все-таки, кто не заболѣвалъ тотчасъ же тяжелой формой цынги, тотъ ухитрялся какъ то приспособляться ко всѣмъ этимъ невозможнымъ условіямъ. И только судорожные порывы и вспышки противъ того или другаго наиболѣе губительнаго лишенія говорили и о размѣрахъ страданія, и о чисто рефлективныхъ попыткахъ освободиться отъ него.

На волѣ, слушая мои рассказы, нѣкоторые откровенно заявляли: «я бы не вынесъ этого»... Не знаю, былъ ли это комплиментъ по адресу нашей стойкости, или недостаточное знакомство съ собственными силами. Думаю, что иногда и невѣроятное становится возможнымъ: у насъ тоже сомнѣвались въ своихъ силахъ и, можетъ быть, всѣ задаютъ теперь сами себѣ тотъ же недоумѣнный вопросъ:

— Неужели я могъ все это вынести?

IV.

Ниже я еще буду говорить объ этой своеобразной *политической* борьбѣ въ тюрьмѣ. Теперь же я напому еще, что вѣдь и ближайшіе враги, непосредственные объекты для борьбы, у насъ были тѣ же, что и на волѣ.

Точно нарочно, для двухъ политическихъ тюремъ въ Россіи, у насъ и на Карѣ, почему то учредили стражу исключительно изъ жандармовъ. Точно разчетъ былъ на то, чтобъ самый видъ ихъ ежедневно напоминалъ намъ, въ чьихъ рукахъ мы находимся и кому обязаны высокою честью страдать за свободу родины.

Вѣдь могло же правительство за такія деньги найти достаточное число людей любой категоріи, которые «вѣрой и правдой» служили-бы ему, какъ служатъ напр. теперь въ Крестахъ! Вѣдь служили же вѣрой и правдой Людовику XVI-му наемные швейцарцы; и даже душу свою положили въ защиту его абсолютной власти противъ его народа, который выросъ изъ пеленокъ и пожелалъ ходить безъ нянекъ. Со временъ Ирода, царя іудейскаго, бывало великое множество людей, которые, давши присягу снести съ плечъ чужую голову, считаютъ своимъ священнымъ долгомъ *такую* клятву исполнять буквально и безъ малѣйшаго колебанія!

Нѣтъ, насъ не довѣрили никому другому, и мы по прежнему были въ рукахъ Жандармскаго Корпуса. Чины его охотились за нами на волѣ и успѣшно поймали, обнаруживши при этомъ всѣ типичнѣйшіе приемы и духовныя черты охотника за цѣнной дичью. Чины его затѣмъ вели все слѣдствіе и старались доказать, что первые чины, арестовавшіе насъ, дѣйствительно взяли опаснѣйшихъ людей и за это заслуживаютъ награды. Чины его, далѣе, предрѣшали судебный вердиктъ и тѣмъ доказывали, что слѣдователи отнюдь не ошибались, направляя дѣло къ жестокому возмездію. Чины его содѣйствовали затѣмъ заключенію насъ въ Шлиссельбургъ, удостовѣряя тѣмъ, что мы дѣйствительно такіе ужасные и опасные люди, за которыхъ признали насъ прежніе чины. И, наконецъ, чины же его берегли насъ въ тюрьмѣ, ежемѣсячно подтверждая въ своихъ отчетахъ, что всѣ имѣющіе съ нами дѣло чины не только не ошиблись, но и безусловно достойны всякаго одобренія за свою проницательность, усердіе и ревность въ дѣлѣ искорененія крамолы и поддержанія тишины и спокойствія.

И если-бы кто могъ сосчитать, сколько лицъ этого Корпуса, благодаря такому своеобразному круговому ручательству, погрѣло возлѣ насъ руки! И если-бы какой историкъ могъ теперь же изобразить, сколько Государственныхъ мужей выковало свою «блестящую» политическую карьеру исключительно на нашихъ спинахъ!

Понятно, было-бы очень рискованно передать насъ въ руки какого нибудь другого вѣдомства, которое могло-бы, чего доб-

раго, не только свести на смарку всю предыдущую работу, но и доказать, что все, что прежде считалось проникательностью и усердіемъ, было сплошной ошибкой или искуснымъ гешефтомъ опытныхъ дѣльцовъ, набившихъ себѣ руку въ снисканіи земныхъ благъ путемъ благовиднаго и болѣе или менѣе сокровеннаго истребленія своихъ ближнихъ.

V.

Въ свою очередь мы, оставаясь въ той же самой жандармской атмосферѣ, совершенно не замѣчали, что наша революціонная жизнь давно и безповоротно кончилась, что мы не только обезоружены и выбиты изъ колеи, но связаны и обречены на одно безмолвное вымираніе. Мы не замѣчали этого, или забывали про это, потому что видѣли надъ собой ту же властную жандармскую десницу, которая и прежде вездѣ хватала направо и налево, слышали ежечасно тотъ же незабываемый во вѣки звонъ шпоръ, который для каждаго гражданина издавна служитъ глашатаемъ безправія и спутникомъ всякаго акта, въ которомъ нужно учинить явное беззаконіе.

Съ формальной стороны, мы были осуждены судомъ. Надъ нами была продѣлана нѣкая юридическая манипуляція, которая, будь она образцомъ законности и правового сознанія націи, могла бы дѣйствовать убійственно на насъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Всякій изъ насъ чувствовалъ себя и до суда и послѣ суда во власти одного грубаго произвола, который для приличія прикрывается фиговымъ листкомъ писанныхъ законовъ, но которому совершенно чужды жизненный смыслъ всякихъ писанныхъ законовъ, именно *внутренняя* правда.

VI.

Бороться съ правительствомъ, которое¹ стоитъ на стражѣ закона, и которое своимъ уваженіемъ къ закону и подчиненіемъ ему первое даетъ образецъ для дѣятельности и подчиненныхъ органовъ, и всѣхъ подданныхъ,—бороться съ такимъ правительствомъ едвали возможно путемъ насилія. Въ сознаніи всякой революціонной группы оно стоитъ неузавимо, потому что оно дѣйствуетъ только какъ слуга закона и, въ силу этого, за свои дѣйствія совершенно неотвѣтственно. Даже болѣе, за свои дѣйствія по службѣ, злоупотребленія, опущенія и превышенія власти оно отвѣтственно передъ закономъ.

Совершенно другого рода психика складывается въ странѣ, гдѣ правительство поставило само себя на мѣсто закона и орудуетъ вездѣ и во всемъ руководясь однимъ усмотрѣніемъ. Та критика и тѣ чувства, которыя въ первомъ случаѣ были-бы направлены противъ безличнаго закона и въ концѣ концовъ, вели бы только къ измѣненію или замѣнѣ его, здѣсь всецѣло направлены про-

тивъ правящихъ лицъ. Онѣ становятся отвѣтственны за все и передъ всѣми, потому что сами себѣ узурпировали автократической образъ дѣйствій, сами себя поставили на мѣсто закона и даже выше закона.

Въ свою очередь тѣ, кто вооружается на нихъ, не можетъ чувствовать за собой отвѣтственности. Чувства отвѣтственности передъ закономъ въ немъ не воспитала вся російская дѣйствительность, руководимая народной мудростью: законъ, что 'дышло: куда повернулъ, туда и вышло». Какъ я буду отвѣчать передъ закономъ, когда передъ нимъ не отвѣчаютъ ни сами творцы закона, ни исполнители его!

Чувства же отвѣтственности передъ лицами, держащими въ рукахъ безотвѣтственную власть, не можетъ быть по самому существу дѣла. Чувство отвѣтственности можетъ относиться къ какому-нибудь верховному авторитету, воля котораго стоитъ выше индивидуальной воли, и правда котораго безупречна и неизблема. Тѣ же лица, которыя прежде чѣмъ вызвали противъ себя революціонную войну, вооружили предварительно противъ себя значительную часть общества негодованіемъ и возмущеніемъ, тѣ лица не могутъ претендовать ни на какой авторитетъ, ни на какое уважительное отношеніе.

VII.

А потому судебная процедура, въ сознаніи всѣхъ насъ, независимо отъ фактическаго участія или неучастія въ дѣлѣ, была одной пустой комедіей, которую нужно было зачѣмъ-то продѣлать для видимости. Сами устроители ея забывали про нее тотчасъ же, какъ только она оканчивалась. Они тотчасъ же начинали дѣйствовать по усмотрѣнію, независимо отъ судебного рѣшенія, отправляя одного изъ «каторжниковъ» въ Сибирь, а другого въ Шлиссельбургъ, гдѣ условія отбыванія сроковъ совершенно различны, а значить, различно и самое возмездіе. Въ ушахъ еще звучало: «каторжнныя работы безъ срока», и притомъ «въ рудникахъ», какъ добавлялъ отъ себя читавшій официальную бумагу, а ужъ другой приговоръ, совершенно независимый отъ суда, и совершенно вопреки ему, заготовлялъ пароходъ и направлялъ осужденныхъ въ вѣчное заточеніе, о которомъ въ законахъ нигдѣ ни слова не сказано.

Переживши такую судебную процедуру съ административнымъ этапомъ, всякій изъ насъ оставался на всю жизнь съ прочно установившимся самочувствіемъ, что гнететь тебя сила произвола правда совершенно непреодолимая, но все-таки одна грубая сила, безъ малѣйшей нравственной или строго юридической санкціи.

VIII.

Таково было самочувствіе, съ которымъ очутились мы въ безвыходномъ положеніи на всю жизнь. Мы были очень молоды, и

вся жизнь была впереди. Терминъ «безсрочная» каторга въ приложеніи къ этой молодой жизни звучалъ какъ то особенно внушительно, потому что общалъ при «благопріятныхъ обстоятельствахъ» заключеніе лѣтъ на 50. И я помню, съ какимъ особеннымъ интересомъ я остановилъ вниманіе у Соловьева на какомъ-то князѣ Рюриковичѣ, который просидѣлъ будто бы въ Кіевѣ въ заключеніи ровно 50 лѣтъ.

Не надо было ходить такъ далеко. Но тогда я еще не зналъ, что въ той же самой Шлисельбургской крѣпости, всего за 20 лѣтъ до моего вступленія въ нее, умеръ человекъ, прожившій въ ней 38 лѣтъ, котораго не коснулись ни «милости», ни «свободы» либерализма 60-хъ гг.

И хорошо, что не зналъ этого, потому что такой «прецедентъ» пришлось бы долго переваривать.

Ни милости, ни свободы Шлисельбурга не касаются. Впослѣдствіи мы убѣдились, что въ отношеніи насъ продолжается здѣсь та же традиціонная политика.

«Никакихъ снисхожденій своимъ врагамъ» — этотъ девизъ абсолютизма остается на вѣки неизмѣннымъ. — Ни время, ни пространство, ни национальность не дѣйствуютъ на него. Бастиліи и Шпильбергъ, крѣпость св. Ангела (въ Римѣ) и Неаполитанскія тюрьмы — все это одинаково безчеловѣчно, одинаково свирѣпо и одинаково проникнуто духомъ непримиримой ненависти къ личнымъ врагамъ, дерзнувшимъ усумниться въ святости грубаго произвола и безконтрольнаго грабежа и растраты народнаго достоянія. Всюду одинаково царилъ воля одного, и всюду одинаково эта воля была непреклонна и вѣрна одному и тому же принципу: никогда не прощать своимъ врагамъ.

Въ общемъ такія свойства этой воли были извѣстны намъ давно и не составляли секрета съ первыхъ-же дней, какъ мы попали въ ея полное распоряженіе. Детали мы потомъ узнавали изъ исторіи. И если читали, что такой-то нѣмецкій герцогъ еще 60 лѣтъ назадъ въ центрѣ Западной Европы и въ прославленной своимъ просвѣщеніемъ Германіи заставлялъ своихъ политическихъ враговъ, ввергнутыхъ имъ въ узилище, падать ницъ передъ своимъ портретомъ, который специально для этого приносили въ камеру, то мы испытывали нѣкоторое чувство удовлетворенія при мысли о томъ, что даже въ герцогскія души прогрессъ можетъ проникнуть и черезъ 60 лѣтъ сдѣлать невозможнымъ кое что изъ арсенала ихъ политической мудрости, практиковавшагося незаконно и, конечно, съ одобренія ближайшихъ совѣтниковъ.

IX.

Такимъ образомъ, не только ясное сознаніе произвола, вынесенное изъ всей процедуры, предшествовавшей поселенію въ эту тюрьму, но и явственное предчувствіе господства этого произвола въ нашей дальнѣйшей жизни составляло, такъ сказать, тѣ сердеч-

ные тоны, которые сопровождали біеніе пульса нашей жизни, ни на минуту не покидая его. Если къ этому прибавить еще, что прїѣзжающіе чины, время отъ времени, напоминали намъ русскимъ языкомъ, что здѣсь—могила; что многіе чины, особенно мѣстной администраціи, многократно подчеркивали, что выходъ отсюда находится въ нашихъ собственныхъ рукахъ, и что двери тюрьмы могутъ открываться передъ нами только при условіи, если умѣючи да умненько взяться за дѣло; то этимъ точно будетъ обрисована та атмосфера, въ которой суждено было произростать нашимъ надеждамъ на счастливое будущее и перемѣны въ личной судьбѣ.

X.

Что эта надежда была и никогда не умирала, объ этомъ я упоминалъ уже. Состояніе безнадежности, какъ общее и постоянное явленіе, невозможно для человѣка. Оно можетъ „находить“ и длиться часами, можетъ продолжаться нѣсколько дней подрядъ. Но не можетъ сдѣлаться непрерывнымъ. Это не въ природѣ человѣка, также какъ не въ природѣ человѣка—думать постоянно о своей смерти.

„Живой живое и думаетъ“. И весь мозговой аппаратъ человѣка служилъ искони и служитъ теперь только для того, чтобы ориентироваться *въ жизни*, поддерживать и расширять жизнь, а отнюдь не уничтожать. Минуты приготовленія къ смерти, которыя переживаетъ каждый человѣкъ, можетъ быть, не одинъ разъ въ жизни, суть только минуты и доступны только или тому, кому угрожаетъ внезапно непредвидѣнная смерть, или же тому, кто стоитъ у грани жизни, на краю естественной могилы.

Точно также у насъ не могло быть постояннымъ и сознаніе безнадежности, и состояніе отчаянія, потому что оно отрицаетъ жизнь, пресѣкаетъ ее, и притомъ не въ преддверіи гроба, а при полномъ расцвѣтѣ юношескихъ силъ, живой напоръ которыхъ повелительно внушалъ мысль о продолжительной жизни, о торжествѣ ея, о побѣдѣ, о счастьи и волѣ, о всемъ томъ, что теперь недоступно, что заповѣдано и заказано и семью печатями запечатано.

Надежда была смутная, неувѣренная, непостоянная и колеблющаяся, но она была и не могло не быть ея, потому что состояніе непрерывной безнадежности не свойственно здоровой человѣческой организаціи. Соотвѣтственно этому двойному вліянію, т. е. субъективному протесту прогивъ безнадежности и объективному отрицанію всякихъ надеждъ, колебалось и наше внутреннее настроеніе. И несмотря на преобладающій повышенный и оптимистическій тонъ, въ него повелительно вторгались диссонансомъ нерѣдкія ноты грусти, унынія и общей подавленности, при которой все представлялось въ мрачномъ и безугѣшномъ видѣ. Но „полоса“ эта, какъ туча, проходила, и вновь на душѣ свѣтилось солнце, вновь торжествовали живыя силы организма, и вновь мерцали надежды...

XI.

Если бы дѣло шло только о надеждахъ, при полномъ отсутствіи объективныхъ данныхъ въ пользу или противъ этихъ надеждъ, то вышеприведенной ссылкой на природу человѣка можно бы и закончить. Но мы какъ разъ напротивъ были обставлены намѣренно такими жизненными условіями, которыя должны были погасить насильственно всѣ надежды, за отсутствіемъ для нихъ какихъ бы то ни было реальныхъ или видимыхъ основаній. Питать надежды, находясь въ рукахъ, неспособныхъ на великодушіе, питать надежды вопреки яснымъ заявленіямъ авторитетныхъ властей, всецѣло располагающихъ нашей судьбой, можно было людямъ или неискоренимаго оптимизма, или фанатическаго самообольщенія. Сторонній человѣкъ, можетъ быть, сказалъ бы, что для этого нужно было имѣть недюжинную натуру, неизсякаемый запасъ духовной мощи, болѣе чѣмъ незаурядный умъ и непоколебимую убѣжденность въ правильности соціального діагноза и вѣрности избраннаго пути, того пути, который одни называютъ преступнымъ, а другіе героическимъ.

Не легко было хранить этотъ спеціальнй огонь безъ потуханія, когда всякій горючій матеріалъ для него тщательно и сознательно къ намъ не допускался. Понимали вѣдь наши враги, что всякое свѣдѣніе, о новыхъ ли дефектахъ правительственной системы, которые наши властители ухитрялись скрывать отъ болышой публики вплоть до Цусимы, о взрывѣ ли гдѣнибудь наболѣвшихъ чувствъ противъ возмутительныхъ репрессій,—что всѣ эти свѣдѣнія подливаютъ масла въ нашъ немеркнувшій огонь. Нужно было напр. видѣть наши лица при вѣсти объ убійствѣ Плеве, творца и зиждителя всего нашего застѣнка.

Да, нелегко было при этихъ условіяхъ бодрствовать непрерывно со свѣтильникомъ въ рукахъ, не давать ему потухнуть и ждать прихода жениха, который всегда является „яко тать въ нощи“ и часто, очень часто, сильно запаздываетъ.

XII.

И не было у насъ примѣра, чтобы у кого нибудь этотъ свѣтильничекъ окончательно погасъ. Напротивъ, были примѣры, когда потухалъ самый разумъ, а свѣтильничекъ все таки горѣлъ... Не было примѣра, чтобы кто нибудь извѣрился окончательно, истощенный бесплоднымъ и безконечнымъ ожиданіемъ, и сказалъ бы себѣ откровенно и рѣшительно: „нѣтъ, я не вѣрю въ наступленіе переворота! Нѣтъ, я не вѣрю въ близость революціи на Руси, не вѣрю, что когда нибудь еще при моей жизни

„Взойдетъ она
Заря плѣнительнаго счастья...“

Не было примѣра, чтобы ктонибудь поставилъ крестъ надъ увлеченіями своей молодости и обратился къ своимъ врагамъ съ робкимъ просительнымъ или смѣлымъ и беззащѣннымъ заявленіемъ: «Да, я ошибался, и вполне сожалѣю объ этомъ.»

XIII.

Зато, съ какою затаенною страстью предавались мы изученію историческихъ сочиненій! Съ какимъ жгучимъ чувствомъ не просто научной любознательности, а чувствомъ почти религіознаго вѣрованія, отыскивали мы въ книгѣ все, что могло служить хоть косвеннымъ, хоть отдаленнымъ аргументомъ въ пользу того, что все таки земля вертится, что все таки прогрессъ идетъ впередъ, съ неодолимой настойчивостью разрушая всѣ преграды, и что все таки всѣ народы всегда въ концѣ концовъ завоевываютъ себѣ свободу и перестаютъ считать преступнымъ стремленіе къ ней и борьбу за нее.

А когда же получили, наконецъ, журналы, хотя бы и убогіе, — съ какой пытливостью набрасывались въ нихъ на внутреннюю политическую хронику съ затаенной надеждой отыскать тамъ хоть какойнибудь намекъ, хоть отдаленное напоминаніе о томъ, что русская нація не задушена въ тискахъ политическаго рабства, что русскій геній не забить наглухо въ колодки, что все идетъ къ тому же концу и что конецъ этотъ одинъ — народная воля!

Въ этомъ отношеніи всѣ ухищренія властей — оградить насъ отъ глетворныхъ вѣяній зловредныхъ книгъ, не только разбивались прахомъ, — какъ разбивались они повсюду въ Россіи, — но играли какъ разъ обратную роль. Чѣмъ меньше было книгъ, тѣмъ тщательнѣе мы ихъ изучали. Чѣмъ тщательнѣе изучали, тѣмъ больше размышляли и фантазировали.

Въ книгахъ мы видѣли не только то, что тамъ было написано, но и то, чего тамъ не было написано, и что мы отыскивали, руководясь намеками и недомолвками. Мы не только читали автора, но разбирали его по косточкамъ и дополняли на основаніи тѣхъ крупицъ, которыя тщательно извлекали изъ другихъ авторовъ и старательно выписывали себѣ въ тетрадь для памяти. Эти выписки, собранныя по микроскопическимъ крохамъ, дѣйствовали тѣмъ внушительнѣе на убѣжденіе, что онѣ собраны были съ затратой большаго труда. Тяжесть аргументовъ субъективно чувствовалась увѣсистиѣ въ зависимости отъ величины усилій, потраченныхъ на ихъ собраніе.

Когда, напр., человѣку въ нормальныхъ условіяхъ нужна бываетъ цифра желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, онъ беретъ какойнибудь справочникъ и находитъ ее тамъ. А когда она понадобилась мнѣ, я бралъ карту Россіи, бумажку и карандашъ и аккуратно вымѣривалъ длину всѣхъ линій масштабомъ карты, дѣлалъ соответственное умноженіе и получалъ общую величину всей сѣти въ тысячахъ верстъ. Такъ добытая цифра тверже помнилась и гораздо больше импонировала.

Не приводили къ цѣли и планомѣрныя усилія нашихъ враговъ— изгонять отъ насъ всякую книгу, въ которой встрѣчались слова: свобода, конституція, революція, социализмъ и социологія. Кстати сказать, два послѣднихъ слова они, очевидно, смѣшивали и совершенно не умѣли различать термины «соціальный и социалстическій». Чѣмъ рѣже попадались эти слова, тѣмъ заманчивѣе становились соединенныя съ ними понятія. Самый же фактъ недопущенія къ намъ литературы по соціальнымъ вопросамъ дѣйствовалъ на насъ гораздо убѣдительнѣе многихъ трактатовъ, ибо для насъ было давно, а теперь и для младенца стало ясно, что на Руси запрещаютъ только ту литературу, противъ которой литературныхъ аргументовъ не находится.

XIV.

Если авторъ былъ отрицательнаго направленія, боролся со всѣми преступными «измами», начиная съ либерализма, онъ шилъ свой трактатъ, какъ водится, бѣлыми нитками и давалъ намъ поэтому неистощимый запасъ аргументовъ противъ самого себя, и тѣмъ самымъ еще больше укрѣплялъ наши позиціи и поддерживалъ насъ въ увѣренности, что основы нашихъ воззрѣній правильны и что будущее принадлежитъ намъ и нашимъ идеямъ.

И напр. самый ярый защитникъ невѣрія не могъ ничего лучшаго придумать для насажденія его, какъ людямъ, извѣдавшимъ всѣ тайны мірозданья, доступныя современному уму, дать Четыи-Мишеи со всѣми ихъ скандалезными баснями и духовные журналы 40-хъ гг., гдѣ легковѣріе и суевѣріе ставилось во главу угла и гдѣ преподносились читателю съ видомъ глубокаго убѣжденія въ истинности разныя сказки и небылицы, рассказчику которыхъ никогда не было вѣдомо, что такое критическое мышленіе и въ чемъ состоитъ научная дисциплина, именуемая исторической критикой.

А это-то чтеніе именно и поощрялось у насъ въ первые годы, какъ «духовнонравственное» и назидательное. И такъ какъ ничего другого, кромѣ него, не давалось, и мысль не была занята ничѣмъ серьезнымъ, то мы со всею тяжестью развитого, изстрадавшагося отъ голода мозга и обрушивались на дѣтскія сказанія этихъ писаний, которая, несмотря на ихъ наивность, предназначались отнюдь не для младенцевъ, а для убѣжденія заблуждающихся и инакомыслящихъ.

Понятно, въ этихъ писаніяхъ не только не оставалось камня на камнѣ отъ разрушительной дѣятельности критически настроеннаго чловѣка, запертаго въ стѣнахъ и лишеннаго всѣхъ другихъ вліяній, но они давали еще обильный источникъ самыхъ забавныхъ и пикантныхъ курьезовъ, благодаря которымъ все «духовное», какъ нѣчто спецефически затхлое, подвергалось самому веселому вышучиванью.

XV.

Даже *библія* давала челоѣку, чувствующему на себѣ ежеминутно грубую силу идейнаго и тѣлеснаго плѣненія, не то, что вычитываютъ въ ней благодущные мирные обыватели, жизнь которыхъ хорошо смазана житейскими благами и течеть гладко и елеино.

Въ ней наши читатели искали и въ изобиліи находили всякаго рода борьбу,—борьбу съ беззаконіемъ и неправдой, съ угнетателями и насильниками, борьбу за поправныя права, борьбу кровавую и безпощадную съ истребленіемъ всякаго противника національных интересовъ и нормальнаго развитія народа, борьбу насильственную съ одной стороны и идейную съ другой,—величественную борьбу еврейскихъ пророковъ, этихъ «самозванныхъ» энтузіастовъ, «самочинныхъ» выходцевъ изъ нѣдръ народа, въ рубищахъ и вретисахъ, презираемыхъ и избиваемыхъ своими же царями и, несмотря на преслѣдованія, съ еще большимъ дерзновеніемъ возвышающихъ своѣй голось, полный огня и грома, обличенія и негодованія, угрозы и укоризны. Наконецъ, находили тамъ борьбу всего народа за свое національное самоопредѣленіе, за свою свободу и независимость, за свои права и привилегіи, не считаясь ни съ силой иноплеменныхъ завоевателей, ни съ продолжительностью узаконеннаго ими господства, ни съ доктриной, правда тогда еще не существовавшей, будто «нѣсть власть, аще не отъ Бога».

Словомъ, вездѣ борьба и борьба, вездѣ дерзновеніе во имя священныхъ и возвышенныхъ интересовъ народа, вездѣ вражда противъ всего, что сковываетъ и уродуетъ правильную и закономѣрную жизнь родной страны, и всюду мученичество и страданіе за идею и страстное алканіе поправной и униженной правды.

Такимъ образомъ, *библія* давала несомнѣнное утѣшеніе въ мысли, что судьба дерзкихъ агитаторовъ, неумѣющихъ ходить избитыми, широкими и гладкими путями, споконъ вѣку всюду одна и та же. Поэтому она не только не доводила до «раскаянія», до смиренія и покорности, а напротивъ, какъ и всякая свѣтская литература, лишь укрѣпляла мысль въ томъ же направленіи. И наши читатели послѣ нея оставались въ прочномъ убѣжденіи, что даже еслибы очи наши и не удостоились узрѣть исполненія нашихъ завѣтныхъ желаній, дерзновенное стремленіе къ осуществленію ихъ есть, дѣйствительно, священный долгъ всякаго, кто почувствовалъ внутри голось своего Бога, зовущаго его на этотъ крестный путь.

XVI.

И такъ наша мысль неизмѣнно продолжала работать въ разъ принятомъ направленіи, читали ли мы зажигающую исторію Европы Шлоссера, который чуть не всѣхъ королей пригвождалъ

къ позорному столбу за «неслыханную» жестокость, «безумное» мотовство и «безсмысленный» развратъ; или, за отсутствіемъ романовъ, просматривали Четыи Миинеи, гдѣ чуть не всякое описаніе мученическихъ подвиговъ проповѣдывало неуваженіе къ властямъ, такъ какъ тамъ ставилась мученику въ особую доблесть, если онъ «плюну въ лицо игемона съ дерзновеніемъ»; или, наконецъ, поучались въ чтеніи свящ. Писанія, гдѣ рассказывалось, что и съ фараонами, и съ израильскими царями и царицами, въ случаѣ надобности, практиковалась очень крутая расправа.

Всюду мы находили, что дѣло дерзающихъ во имя блага родины, хотя бы и попадающихъ потомъ въ плѣнъ, вовсе не такъ плохо, какъ стараются показать заинтересованныя въ своей позиціи торжествующія власти. Въ оправданіи или самооправданіи мы не нуждались. Не получали, поэтому, ни умягченія сердецъ, ни признанія сугубой грѣховности, ни чувства самоугрызенія. Поддержанію же душевной бодрости въ минуты раздумья, тревоги и припадка меланхоліи содѣйствовало рѣшительно все, что мы ни читали.

Вѣдь всякій всегда отыскиваетъ въ книгахъ то, что ближе всего задѣваетъ его, или что составляетъ преобладающій интересъ его жизни. И всякая мелочь, которая для обыкновеннаго читателя кажется нестоющей вниманія, здѣсь выростала въ глазахъ отрѣшенныхъ отъ всего живого до серьезныхъ размѣровъ, лишь бы она льстила за-таенному желанію и удовлетворяла непреодолимой потребности вѣрить въ то, что все идетъ къ лучшему въ этомъ наихудшемъ мірѣ.

Въ свою очередь факты и аргументы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что зло иногда торжествуетъ, что безкорыстныя и самоотверженныя усилія часто не увѣнчиваются успѣхомъ, что бывало на свѣтѣ много пылкихъ и горячихъ вѣрованій, совершенно разбитыхъ жизнію и насиліемъ,—всѣ такія и подобныя вещи скользили по сознанію поверхностно, отнюдь не задѣвая его.

Вѣра всегда есть вѣра, и психологія ея одна и та же, касается ли она догматовъ о небесномъ Владыкѣ, или политическихъ доктринъ, говорящихъ и происхожденіи и судьбахъ земныхъ властителей. Все, что оправдываетъ вѣру, тщательно замѣчается, нанизывается въ одну ассоціацію и запоминается. Все, что противорѣчитъ ей, столь же тщательно игнорируется, отбрасывается и забывается. И вѣрующій искренно убѣждается, что онъ вѣритъ главнымъ образомъ потому, что въ пользу его вѣрованной слишкомъ много накопилось убѣдительныхъ доказательствъ.

Вотъ почему заявленія властей о томъ, что «отсюда не выходятъ, а выносятся» дѣйствовали на насъ такъ же, какъ увѣреніе, съ которымъ обращаются къ вѣрующему въ загробную жизнь, что съ концомъ этой жизни для него кончается все.

XVII.

Но было бы большою неправдой, если читатель останется въ убѣжденіи, что мы были слѣпые фанатики, коимъ чужды объек-

тивные доводы холодного разсудка и которые размышляют и разсуждаютъ по своимъ особымъ логическимъ законамъ, составляющимъ свойства только нездоровыхъ умовъ, отъ природы неспособныхъ на кропотливое и хлопотливое изысканіе истины.

Совершенно напротивъ. Времени для того, чтобы остыть юношескій фанатизмъ, у насъ было болѣе, чѣмъ достаточно. Къ тому же и температура для такого охлажденія была чересчуръ низкая. Вполнѣ достаточно было времени и для того, чтобы произвести переоцѣнку всѣхъ цѣнностей. Мысль, работавшая критически съ молодыхъ лѣтъ, не могла направлять свою критику только въ одну сторону и оставлять неприкосновенной другую. Критическій умъ отъ природы одаренъ большимъ запасомъ скепсиса, и этотъ скепсисъ умѣлъ разлагать и развѣнчивать всѣ авторитеты, какъ бы ни была сѣда древность, завѣщавшая намъ ихъ.

Совершенно невѣроятно поэтому, чтобы умъ такого закала былъ безусловно слѣпъ къ одному роду авторитетовъ,—именно къ тѣмъ, которые учатъ, что зло политическое и зло экономическое—не только временное и преходящее, но и вполнѣ устранимое обыкновенными земными средствами. И что ни въ природѣ человѣка, ни въ характерѣ экономическихъ и политическихъ отношеній, нѣтъ никакихъ незыблемыхъ основъ, на которыхъ на вѣки вѣчные были бы нерушимо установлены безправіе и самовластіе, нищета и роскошь.

XVIII.

И ни въ социальныхъ, ни въ общихъ воззрѣніяхъ мы вовсе не стояли на одномъ мѣстѣ въ какомъ то умственномъ гипнозѣ или оцѣпенѣніи. Напротивъ, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, несмотря на всѣ, явно выдвигаемыя преграды къ нашему дальнѣйшему самообразованію и развитію, мы помаленьку шли впередъ и впередъ, захватывали въ своемъ интересѣ новыя и новыя области знанія и углубляли и расширяли знанія, уже имѣвшіяся. Правда, эти завоеванія дѣлались съ необыкновенной медленностью, но они все таки дѣлались, не столько въ прямомъ расчетѣ воспользоваться пріобрѣтенными свѣдѣніями тогда, когда откроютъ двери тюрьмы, сколько изъ ненасытной потребности ума—ставить себѣ новыя вопросы и новыя задачи и посильно рѣшать ихъ.

Здѣсь начальство сыграло съ нами самую скверную штуку. Когда умственные силы были еще свѣжи, когда запросы ума были сильны, и способность къ усвоенію новыхъ свѣдѣній пластична и энергична, тогда намъ почти не давали матеріаловъ для умственной дѣятельности и научной работы, или же давали ихъ въ крайне ограниченномъ размѣрахъ. А когда этотъ матеріалъ накопился въ достаточномъ количествѣ и сталъ расширяться быстро и почти безгранично,—особенно съ появленіемъ у насъ книгъ, присылавшихся изъ музея,—тогда, увы, силы наши были уже ослаблены и возрастомъ и бездѣятельностью, и, можетъ быть, плохимъ пита-

ніемъ, и мы не могли уже использовать всего научнаго богатства въ желательной мѣрѣ и съ желаемою пользою.

Не всѣ одинаково ревностно занимались. Не всѣ были одинаково разносторонни. И не мнѣ описывать поименно, кто, въ какой области и въ какой мѣрѣ обогатилъ себя, а, главное, кому и какое удовлѣтвореніе доставлялъ интеллектуальный трудъ, вѣчно свѣжій и всегда привлекательный.

Этотъ трудъ, какъ бы мало онъ ни былъ продуктивенъ и жизнедѣятеленъ, былъ во всякомъ случаѣ для большинства главнымъ содержаніемъ нашей безсодержательной жизни. И можно безъ преувеличенія сказать, что мы за это двадцатилѣтіе просидѣли за книгами столько времени, сколько рѣдкіе изъ нашихъ сверстниковъ на волѣ. И прочли за это время, навѣрное, большее количество книгъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было на свободѣ, хотя, увѣ, не всегда цѣнныхъ и не всегда стоящихъ того, чтобы на нихъ тратить силы и вниманіе. Стоитъ ли прибавлять, что и продумано, и прочувствовано было по поводу этихъ книгъ такъ много, какъ много можно продумать и прочувствовать только будучи наединѣ съ книгами, внѣ всякихъ «отрезвляющихъ» и отвлекающихъ житейскихъ впечатлѣній.

XIX.

Особыми симпатіями, конечно, пользовалась *беллетристика*, вначалѣ долго и настойчиво изгоняемая изъ нашего обихода.

Въ запрещеніи намъ изящной литературы сказалась та же опытная рука тюремщика, которая ограждала насъ рѣшительно отъ всего, что могло если не скрасить нашу мрачную жизнь, то по крайней мѣрѣ внести въ нее частицу поэзіи и очарованія. Намъ нечѣмъ было заглушить гнетущее чувство боли, разъ оно возникало. Намъ не надъ чѣмъ было забытья и отвлечься отъ созерцанія и ощущенія тюрьмы. Намъ негдѣ было найти того сказочнаго Пегаса, который на крыльяхъ воображенія унесъ бы насъ изъ подъ душныхъ давящихъ сводовъ на просторъ широкаго и свободнаго міра.

Фантазія, правда, у насъ была своя, но не у всякаго она была жива и продуктивна. Поощрять же и развивать пустое фантазированіе было чрезвычайно опасно—съ точки зрѣнія душевнаго равновѣсія, потому что дѣло легко могло дойти до галлюцинацій, ясновидѣній, болѣзненнаго бреда и, наконецъ, явнаго сумасшествія, когда человѣкъ уже теряетъ власть надъ непокорными и слишкомъ живыми умственными образами. Здоровой же пищи для воображенія насъ намѣренно лишали.

И да будетъ позорна память того благодѣтеля челоуѣчества, который, избрѣвши одиночныя тюрьмы, додумался лишить заключенныхъ тамъ и возвышающихъ художественныхъ произведеній!

Я не въ силахъ описать или сосчитать, сколько часовъ, а можетъ быть и дней подрядъ проводилось среди фантастическихъ

видѣній, навѣянныхъ романомъ. Когда запрещеніе съ нихъ было снято, къ намъ поплыли и въ бібліотеку, и въ переплетную—для чтенія всевозможныхъ творенія этого рода, просто изящныя и изящныя во всѣхъ отношеніяхъ, и вовсе не изящныя. Много было корифеевъ всемірной литературы, старыхъ, старинныхъ, и новыхъ, и новѣйшихъ. Были, съ позволенія сказать—беллетристы, вродѣ знаменитаго при «Свѣтѣ» Гейнце. Когда отношенія съ жандармами шли ровнымъ и мирнымъ ходомъ, они присылали намъ переплетать и читать всякую дребедень. Серьезнаго у нихъ почти не было, романовъ же—хоть прудъ пруди! Почти вся бібліотека при ихъ канцелярії состояла, главнымъ образомъ, изъ романовъ, и множество изъ нихъ было переплетено и прочитано нами.

Это было, конечно, развлеченіемъ, которому отдавались только временами и, между прочимъ, особенно же лѣтомъ на дворѣ, и часто въ компаніи, гдѣ при этомъ желающіе занимались кой-какимъ рукодѣльемъ.

XX.

Серьезными же вещами мы занимались, большею частію въ одиночку и въ первые годы могли обсуждать ихъ только одинъ на одинъ со своимъ товарищемъ по прогулкѣ. Это касалось какъ разнородныхъ научныхъ вопросовъ, такъ въ частности экономическихъ и политическихъ. Благодаря этому мы долго не могли подмѣтить разногласій, незамѣтно и постепенно назрѣвавшихъ въ нашей средѣ.

Всѣ мы, за исключеніемъ Яновича и Варынского, были приговорены судомъ какъ члены партіи Народной Воли, и потому въ политическихъ и экономическихъ воззрѣніяхъ, какъ думалось, были солидарны. На самомъ же дѣлѣ, первые годы уединенныхъ размышлений не прошли даромъ.

Позднѣйшихъ марксистовъ обыкновенно упрекали за ихъ догматичность, слѣпое довѣріе къ авторитету и нежеланье критически относиться къ истинамъ, которыя, можетъ быть, и вѣрны, но не безспорны, какъ безспорны напр. математическія аксіомы. Мнѣ сдается, что старые народовольцы грѣшили этимъ въ меньшей степени.

Да иначе и быть не можетъ. Всякая партія, вынужденная скрываться въ подпольи и лишенная возможности открыто обсуждать свои принципы и программные вопросы, слишкомъ многое беретъ на вѣру, и потому бываетъ слишкомъ строга къ правовѣрью своихъ adeptовъ, незамѣтное уклоненіе которыхъ въ иномысліе можетъ угрожать самому существованію партіи.

По крайней мѣрѣ у насъ, когда обнаружилось при самомъ началѣ общественныхъ сношеній, что нѣкоторые болѣе или менѣе давно таили въ себѣ упорную склонность къ социаль-демократіи, изъ стариковъ многіе отнеслись къ ней очень и очень сурово и, какъ водится, свысока. Пробнымъ камнемъ у насъ, какъ всюду,

былъ вопросъ объ общинѣ, этотъ догматъ своего рода старыхъ народниковъ. И дебаты о ней у насъ, какъ и вездѣ, были столь же горячи, страстны и ожесточенны, какъ и всюду на Руси. Когда открылось, что изъ насъ нѣсколько человѣкъ (Яновичъ, Лукашевичъ, Шебалинъ, Морозовъ и я) не только не поклонники общиннаго быта, но не прочь и совсѣмъ разрушить его, насъ готовы были обвинить въ настоящей измѣнѣ не только святымъ завѣтамъ всей передовой русской литературы, изъ которой партія Н. В. почерпала матеріалы для своей экономической программы, но и „святому дѣлу служенія народу“ вообще.

Но какъ ни остры и ожесточенны были пренія, особенно на первыхъ порахъ, отпавшихъ еретиковъ нельзя было переубѣдить, и волей неволей наша единая партійная семья раскололась. Мы устремили все свое вниманіе въ городъ и на фабрики. А тѣ, главнымъ образомъ, въ деревню и на интересы земледѣлія. Мы привѣтствовали капитализмъ какъ силу, не только организующую рабочихъ и составляющую революціонные кадры, но и созидующую промышленное богатство *страны*. Они же предавали его проклятію, какъ причину обезземеленія и обѣдненія *народа*.

XXI.

А затѣмъ все остальное шло какъ по маслу, до буквальности сходно съ тѣмъ, что дѣлалось вездѣ, какъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, такъ и въ Средне-Колымскѣ. По крайней мѣрѣ въ одномъ очеркѣ Тана изъ жизни города Пропадинска я помню картинку преній на экономическія темы — такого рода, что если подѣй ней подписать: пренія въ Шлиссельбургѣ въ 96 — 98 гг., то ошибки большой не будетъ.

Пренія, особенно горячія и громкія, конечно, изошряли умы, полировали кровь, укрѣпляли легкія и даже усиливали аппетитъ, что при сидячей жизни было далеко не лишнее. И несомнѣнно, помогали укрѣплять позиціи другъ друга.

Объективно говоря, эти разногласія внесли больше разнообразія и оживленія въ нашъ умственный міръ, чѣмъ было бы въ томъ случаѣ, если бы мы были въ общемъ всѣ болѣе или менѣе согласны. Умственный застой и китаизмъ наступаетъ какъ разъ тогда, когда изъ общества изгнано все, что можетъ противорѣчить разѣ установленнымъ принципамъ и обычаямъ. Даже и теперь, несмотря на разность воззрѣній, при ежедневныхъ встрѣчахъ и частыхъ спорахъ мы до такой степени изучили другъ друга, что заранѣе могли угадать, что скажетъ тотъ или другой изъ насъ по тому или другому поводу. Что же было бы, если бы этой разности во взглядахъ не существовало, и если бы каждый видѣлъ въ своемъ сосѣдѣ свое другое интеллектуальное я?

Не было у насъ примѣра съ тѣхъ поръ, какъ мы раскололись, чтобъ кто-нибудь, убѣдившись доводами противной стороны, перешелъ въ другой лагерь. Очевидно, что-то лежало въ природѣ че-

ловѣка, по крайней мѣрѣ въ природѣ его познавательной способности, въ силу чего одинъ примыкалъ болѣе къ марксизму, другой къ народничеству, какъ говорили тогда, къ с. д. и с. р., какъ сказали бы теперь.

И какъ ни жестоки были наши пренія, у насъ не было также примѣра, чтобъ они перешли во вражду исключительно на принципиальной почвѣ, и чтобы теоретическіе контры отразились на обостреніи или измѣненіи нашихъ взаимныхъ чувствъ и отношеній. Между тѣмъ какъ на волѣ я слыхалъ, что расторгались даже супружескія пары единственно по той причинѣ, что мужъ с. д., а жена с. р. или наоборотъ.

Очевидно, несмотря на всю страстность, наши споры все же были слишкомъ далеки отъ жизни.

XXII.

Впрочемъ, о превращеніи нѣкоторой части народниковъ въ эсеровъ мы ровно ничего не знали до іюня 1905 г., когда къ намъ привели изъ старой тюрьмы М. М. Мельникова, который сообщилъ кое-что. Болѣе подробно посвятилъ насъ въ новый кругъ идей Г. А. Гершуни, всего за мѣсяць до выхода. Развитіе же и аргументацію этихъ идей мы встрѣтили въ печати только по выходѣ на свѣтъ Божій.

И здѣсь ничто такъ не опечалило насъ, какъ антагонизмъ двухъ направленій русской экономической мысли и экономической политики, какъ разъ въ тѣ дни, когда необходимо было говорить только о солидарности да единеніи на почвѣ завоеванія новыхъ конституціонныхъ свободъ, не вышедшихъ еще изъ фазы пустыхъ обѣщаній. Намъ казалось, что если еще можно раздуть антагонизмъ, взаимно пикируясь упреками въ невѣжествѣ и непониманіи социальной азбуки, и заниматься выясненіемъ своихъ разногласій въ минуты досуга, политическаго затишья или полнаго торжества, то дѣлать это подъ Дамокловымъ мечемъ можно было только подъ вліяніемъ либо крайняго легкомыслія, либо партійной ослѣпленности. Такое же, какъ мнѣ казалось, легкомысліе сказалось потомъ и въ рѣшеніи бойкотировать Думу.

Но здѣсь я уже выхожу изъ предѣловъ идейныхъ распрей въ нашемъ собственномъ застѣнкѣ. И чтобы войти опять въ него, я напому, что какъ было у насъ, такъ остается и доселѣ, т.-е.: тюрьма неизбежно ровняетъ всѣхъ, и вчерашніе ярые противники на митингѣ, сегодня могутъ встрѣтиться рядомъ въ однихъ и тѣхъ же узлахъ, гдѣ они должны дружески совмѣстно влачить унылое существованіе и помышлять лишь о томъ, чтобы какъ можно меньше досаждать и огорчать другъ друга.

XXIII.

Такимъ образомъ, со стороны интеллектуальной нашу жизнь нельзя назвать ни совершенно безсодержательной, ни совершенно

безплодной. Идеинный интересъ у насъ всегда стоялъ очень высоко, и мы старались какъ-нибудь удовлетворить его всѣми тѣми источниками, какіе только находились въ нашемъ распоряженіи. Въ основныхъ соціально-политическихъ взглядахъ мы такъ или иначе плелись за своимъ вѣкомъ и теперь не кажемся отсталыми.

Но нужно сознаться, что собственно въ политическомъ прогнозѣ, и въ частности въ вопросѣ о близости переворота наши теоретическіе взгляды не оказали намъ существенной услуги. Нужно сказать болѣе. Поддерживая въ насъ душевную бодрость и оживляя надежды на возможность политическаго краха въ болѣе или менѣе неопредѣленномъ будущемъ, они не могли хоть приблизительно намѣтить намъ срока для этого вождельннаго конца. Въ этихъ вещахъ даже глубокіе и притомъ вполне освѣдомленные умы не могли опередить своего времени и дать точныя предсказанія.

А когда началась война съ Японіей, и большинство изъ насъ тотчасъ порѣшило на основаніи своихъ общихъ историческихъ и соціальныхъ знаній, что страна съ такимъ политическимъ режимомъ, какъ Россія, не можетъ вести побѣдоносной войны, нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, несмотря на свою теоретическую освѣдомленность, были ослѣплены чувствомъ патріотизма и судили совершенно иначе. Когда они желали побѣды Россіи, то свое желаніе аргументировали не идейными доводами, — доводъ о необходимости для насъ внѣшнихъ рынковъ былъ слабъ, да и взять онъ съ чужого плеча, — а, такъ сказать, эмоціональными: «стыдно де быть побитыми» и «нельзя желать сознательно родинѣ такого позора».

Но я уже замѣтилъ выше, что наши интеллектуальные интересы и увлеченія были все таки болѣе или менѣе безжизненны. Можно было построить какую угодно гениальную систему; можно было сдѣлать выдающееся открытіе; можно было обогатить себя самыми разносторонними и полезными свѣдѣніями. И все это, какъ бы оно ни было важно для твоей полуграмотной и некультурной родины, все это останется здѣсь при тебѣ, въ цѣпкихъ рукахъ сознательныхъ гасителей всякаго умственного движенія и никогда не увидить свѣта. Быть можетъ, случится это; быть можетъ, нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, это еще подъ большимъ сомнѣніемъ. И потому такая перспектива не могла оказать ни малѣйшаго содѣйствія твоей работоспособности.

И надо было имѣть по истинѣ необыкновенную голову, чтобъ она, не взирая на полную неопредѣленность благоприятнаго исхода, неустанно работала, работала безцѣльно, совершенно независимо отъ практическаго приложенія своихъ трудовъ къ живому міру...

И я до сихъ поръ не могу сдѣлать рѣшительнаго приговора, вытекала-ли эта интеллектуальная работоспособность просто изъ свойствъ здороваго мозга, требующаго дѣятельности, несмотря ни на что, и проявляющаго ее, какъ проявляетъ птица въ клѣткѣ инстинктъ строенія гнѣздъ безъ всякой надобности въ этомъ;—или же наша вѣра въ скорое торжество дѣла, которому мы отдали всю

жизнь, была безъ вѣдома насъ самихъ такъ глубоко и прочно заложена въ нѣдрахъ бессознательнаго, что оказывала вліяніе и на наше настроеніе, и на проявленіе и направленіе умственной жизни совершенно независимо отъ нашего сознанія. Вѣрнѣе всего было и то, и другое, и въ разныхъ лицахъ, и даже въ однихъ и тѣхъ же лицахъ въ разныя времена сказывалось преобладаніе въ нашей внутренней жизни то одного фактора, то другого.

XXIV.

Но умственная жизнь, будь она даже въ 20 разъ глубже и интенсивнѣй, чѣмъ была у насъ, сама по себѣ едва-ли могла напомнить все наше существованіе и дать ему тотъ внутренній смыслъ, безъ котораго не стоило бы и тянуть его. Такія натуры, которыя живутъ исключительно головой, вообще крайне рѣдки. Мы же были почти исключительно всѣ не изъ ихъ числа. Иначе бы мы не попали туда, куда попали.

Нѣтъ, кромѣ тихихъ и безмятежныхъ интеллектуальныхъ радостей, кромѣ еще болѣе тихаго мерцанія чарующихъ надеждъ и упованій, задававшихъ тонъ и поддерживавшихъ нашу мечтательность, у насъ была, какъ я уже упомянулъ въ началѣ, и своя *реальная жизнь*. Когда нѣтъ настоящаго дѣла, суррогатъ его все-же можетъ отчасти успокоить непреодолимую жажду дѣятельности, тотъ своеобразный мускульный зудъ, который знакомъ всякому здоровому человѣку въ минуты вынужденнаго бездѣлья. Этой потребности въ нѣкоторой степени удовлетворяли наши техническія и проч. работы, дававшія кой-какой исходъ творчеству дѣятельной натуры, которая могла не только строить замыслы, но и наслаждаться осуществленіемъ ихъ.

Природа человѣка слишкомъ универсальна. Когда ей не даютъ возможности проявляться нормально въ излюбленномъ ею направленіи, она всѣ свои таланты посвящаетъ на что нибудь другое, временно представляющее интересъ.—Если бы можно было въ настоящую минуту учесть хоть приблизительно то количество чисто гениальныхъ усилій ума и воли, которыя потрачены въ Россіи на то, чтобы обмануто стражу и уйти изъ тюрьмы! Сколько блага было бы принесено родинѣ, если бы эти даровитыя натуры имѣли возможность тратить всѣ свои способности на мирную и продуктивную работу! И сколько трагизма и неизмѣримаго зла скрыто въ такомъ положеніи, когда даровитые люди или гибнутъ подъ гнетомъ, или растрачиваются на борьбу съ нимъ, въ то время, какъ бездарная и грубая, но организованная физическая сила топчетъ и сокрушаетъ все, что стремится на широкой путь прогресса! И какъ ни занимательно подчасъ казалось кому нибудь изъ насъ столярное, токарное или другое подобное «искусство», всегда грустно было видѣть со стороны, какъ человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, съ широкимъ умственнымъ размахомъ, стоитъ у верстака, точно простой мастеровой и разсуждаетъ, а то и горячо спорить о рациональномъ способѣ устройства шиповъ или покрытія лакомъ.

XXV.

Я случайно только что упомянулъ о побѣгахъ.

Ни о чемъ такъ долго, упорно и мучительно не мечталось, какъ именно о побѣгѣ. И это несмотря на то, что трезвое сознание ясно говорило о полной его невозможности. Это «мечтаніе» находило какъ-то само собой, вдругъ и безъ всякихъ причинъ, изрѣдка лишь по поводу какого-нибудь недосмотра дежурнаго натолкнувшаго на вопросъ: «а что, если бы я воспользовался сейчасъ этимъ?»

Мечтали объ этомъ и въ бессонную ночь, мечтали и днемъ, мечтали и въ зимнюю вьюгу, которая слѣпитъ глаза часовому, и въ яркій лѣтній полдень, который такъ заманчиво манитъ на просторъ полей и на свободное лоно природы. Мечтали объ этомъ тайно наединѣ съ самимъ собой, мечтали и вслухъ, попарно и скопомъ. Но больше всего, кажется, мечтали объ этомъ въ Христову ночь, тогда, казалось, всѣ до такой степени проникнуты мыслью о возстаніи изъ гробовъ и о торжествѣ жизни надъ тлѣніемъ и свободы надъ плѣномъ, что могутъ только привѣтствовать мое освобожденіе и братски обнять всякаго, расторгшаго узы во имя служенія своимъ ближнимъ.

Строились самые правдоподобные и осуществимые проэкта: и какъ выйти изъ зданія, и какъ влѣзть на стѣну, и какъ обойти стоявшаго тамъ часового, спуститься со стѣны и нырнуть затѣмъ въ быстрыя воды Невы, или пуститься зимой по ненадежному и необозримому ледяному полю, и какъ, въ концѣ концовъ, очутиться гдѣ нибудь въ Петербургѣ и отыскать тамъ скорое и вѣрное убѣжище.

И эти мечты съ одинаковымъ упорствомъ лѣзли въ голову какъ тогда, когда у насъ не было еще инструментовъ и мы не имѣли ни малѣйшей возможности выбраться изъ камеры, такъ и тогда, когда перепилить рѣшетку уже не представляло никакого труда, но уйти было столь же невозможно, потому что электрическіе фонари на дворѣ дѣлали для часового замѣтной всякую фигуру во всякую бурную, темную или снѣжную ночь.

Мечты эти, безнадежныя и фантастичныя, были положительно очаровательны и тѣшили своими волнующими перипетіями и воображаемой осуществимостью самыхъ завѣтныхъ и незаглушаемыхъ желаній. Такъ мечтаетъ подчасъ влюбленный юноша о недоступной красавицѣ, которая по общественному положенію ему совсѣмъ не пара, и которая не подавала ему рѣшительно никакихъ надеждъ.

Эти мечты были такъ соблазнительны, навязчивы и вытекали такъ неизбежно изъ природы вещей, что для своего возникновенія или обострѣнія не нуждались ни въ какомъ постороннемъ напоминаніи. Поэтому насъ не мало позабавило, когда однажды Гудзь выдалъ намъ очередной № газеты «С.-Петербургъ», въ которомъ нѣсколько строкъ было замазано чернилами. Когда ихъ смыли, оказалось, что тамъ говорится о побѣгѣ одного или нѣсколькихъ

уголовныхъ изъ какой-то провинціальной тюрьмы. Бѣдный смотритель хотѣлъ этимъ способомъ предохранить насъ отъ опасной идеи и отъ тлетворнаго вліянія періодической печати!

Въ послѣдніе годы, когда дошли до насъ свѣдѣнія о подводныхъ лодкахъ, я не мало мечталъ о примѣненіи ихъ для устройства подкопа подъ крѣпостную стѣну прямо въ одинъ изъ нашихъ огородовъ, примыкавшихъ къ этой стѣнѣ. Разумѣется, воображались доброжелатели, которые могли-бы не только взяться за это, но и имѣть средства на приобрѣтеніе лодки небольшого калибра. Предполагалось, она причалитъ подъ водой къ крутому берегу, и ея обитатели въ водолазныхъ костюмахъ начнутъ подкопъ въ берегъ подъ водой и затѣмъ выведутъ его въ надводную часть берега, гдѣ устроятъ пещеру, съ тайнымъ отверстіемъ для воздуха какъ базу для всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Мнѣ часто представлялось, какъ это легко было бы осуществить, и какъ мы всѣ, по данному сигналу, сбѣжали-бы среди бѣла дня въ огородъ, куда выходитъ подкопъ, и нырнули-бы одинъ за другимъ на глазахъ дежурныхъ въ открытое отверстіе, чтобы тоннелемъ добѣжать до подводной лодки, даже сквозь слой воды, заливавшей начало подкопа отъ лодки. Очевидно, фантазіи Жюль Верна, знакомя съ дѣтства, нашли здѣсь неожиданное практическое и крайне заманчивое приложеніе.

XXVI.

Но возвращаюсь къ реальной жизни.

Самымъ жизненнымъ нервомъ, который бился постоянно и непрерывно, независимо ни отъ какихъ случайностей, была борьба за «льготы», съ которой, собственно, я и началъ этотъ очеркъ. Это и была наша реальная жизнь, совершенно чуждая мечтаній и фантазій, научныхъ, поэтическихъ или освободительныхъ.

Борьба эта шла или открытая и вполне предусмотрѣнная, или тайная и закулисная, хоть и столь же дѣятельная, или же пассивная, которая сознавалась, какъ отвращеніе отъ своихъ тюремщиковъ, какъ нежеланіе осуществлять какія бы то ни было ихъ распоряженія, какъ постоянный и неослабный антагонизмъ, стремленіе уйти въ себя и всячески оградить себя отъ внезапныхъ и всегда ожидаемыхъ оскорбленій и посягательствъ на свою личность и на свое достоинство.

Эта борьба, въ чемъ бы она ни выражалась, какія бы формы ни принимала, даже въ самые мирные и либеральные дни нашей жизни держала насъ въ состояніи хроническаго раздраженія. Такое раздраженіе, исхода которому почти не было въ активной и разносторонней дѣятельности, отражалось крайне губительно на нервной системѣ. Но въ то же время оно замѣняло до нѣкоторой степени живыя впечатлѣнія, и дѣйствовало на нашу духовную организацію въ такомъ же родѣ, какъ температура дѣйствуетъ на организацію физическую: въ извѣстныхъ предѣлахъ она поддерживаетъ жизнь и составляетъ необходимое условіе для нормальнаго обмѣна ве-

шествъ. За границами-же этихъ предѣловъ дѣйствуетъ болѣзненно или совсѣмъ разрушительно.

Я уже сказалъ ранѣе, что какъ ни ничтожны были объекты тѣхъ благъ, которыя намъ нужно было завоевать, они для насъ были необходимы, какъ *minimum*, при которомъ мы могли согласиться жить, переносить всѣ прочія лишенія и терпѣливо ждать лучшихъ времянь. Насъ посадили, можно сказать, прямо на голодную смерть, физическую и духовную. У насъ хотѣли отнять сначала самое цѣнное, что было для насъ дороже жизни, и чѣмъ особенно мы были ненавистны нашимъ врагамъ,—нашу духовную личность, и доведя насъ до послѣдней степени отупѣнія и обезволенія, заморить окончательно медленною и благовидною смертью.

Перспектива была настолько угрожающая, что она чуть не въ первые же дни вызвала самыя рѣшительныя дѣйствія со стороны Мышкина и Минакова. Затѣмъ цѣлый рядъ мелкихъ стычекъ, главнымъ образомъ за право перестукиваться и гулять вдвоемъ, закончился необыкновенно трагическимъ самоубійствомъ Грачевскаго.

Я пріѣхалъ въ тюрьму тогда, когда наиболѣе острый, такъ сказать террористическій періодъ борьбы уже закончился и перешелъ въ болѣе мирный, о которомъ только я и могу теперь говорить.

XXVII.

Борьба эта велась уже болѣе или менѣе парламентарнымъ способомъ, и, какъ водится въ тюрьмахъ, до нѣкоторой степени своимъ бокомъ. Я уже говорилъ кое-что объ этомъ, когда рѣчь была о нашей голодовкѣ. Въ парламентскихъ-же дебатахъ съ начальствомъ принимали участіе или охотники, иногда самыя зубастые, или депутаты, т. е. лица, завѣдующіе тѣми или другими интересами нашей жизни, съ тѣхъ поръ какъ у насъ установилось самоуправленіе, или просто случайные индивиды, достигнутые такъ или иначе на какомъ нибудь «правонарушеніи», и въ своемъ самооправданіи старавшіеся доказать полную несостоятельность и даже безнравственность либо безчеловѣчность самого «закона».

Парламентскія и дипломатическія рѣчи, образцы которыхъ уже приводились въ прежнихъ очеркахъ, велись или ровно, спокойно, покладливо, или бурно и рѣзко, смотря по существу дѣла и настроенію заинтересованныхъ сторонъ. Иногда, заявленіе, подробно мотивированное, препровождалось начальнику управленія на бумагѣ. Бывало, что этотъ способъ даже поощрялся, особенно при Гулазѣ, который, можетъ быть, хотѣлъ снять съ себя всякую обузу въ дѣлѣ передачи нашихъ ходатайствъ по командѣ.

Когда простая ораторская рѣчь или спокойные доводы разсудка не дѣйствовали, тогда пускались въ ходъ, какъ и въ парламентахъ, угрозы съ болѣе или менѣе прозрачными намеками на вооруженную борьбу, или вмѣшательство всей націи *in corpore*, или на какія нибудь опредѣленныя дѣянія мятежнаго характера, нарушающія стройное теченіе жизни и сулящія администраціи запросы и разные реприманды изъ Петербурга.

Но какъ бы не велась эта борьба, какъ бы ни были рѣдки серьезныя активныя мѣропріятія рѣшительнаго характера, вся жизнь человѣка безправнаго, стоящаго внѣ закона, въ рукахъ грубыхъ тюремщиковъ, неувѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ, держала насъ въ состояніи какого-то непрерывнаго воинственнаго напряженія, и въ ежедневномъ ожиданіи какихъ нибудь неожиданныхъ случайностей. Въ такомъ состояніи, какъ кажется, находятся въ настоящую минуту цѣлыя мѣстности, «сильно и чрезвычайно охраняемая». Конечно, и наша стража, хотя она и не носила при себѣ оружія, чувствовала себя постоянно на военномъ положеніи.

XXVIII.

Никакихъ правилъ, установленныхъ для насъ заботливой администраціей, мы не признавали. Никакія ихъ распоряженія не считали для себя обязательными. Никакіе аргументы не могли насъ убѣдить ни въ святости, ни въ справедливости, ни въ необходимости этихъ правилъ. Соблюдали мы ихъ только подчиняясь неопреодолимой силѣ, и до тѣхъ поръ, пока эту силу можно было или взять хитростью, или устранить какъ нибудь иначе. Поэтому ни одного дня никто изъ насъ не былъ увѣренъ, что онъ соблюдъ всѣ «заповѣди» и что къ нему не зайдетъ вечеромъ смотритель учинить какое нибудь мздовоздаяніе.

Одинъ видъ этого неожиданнаго и незваннаго посѣтителя, являющагося безъ доклада и безъ церемоніи, со спеціальной охраной изъ одного или двухъ унтеровъ, способенъ былъ всякаго вывести изъ равновѣсія, а болѣе нервнаго уколоть до боли, или воспламенить какъ порохъ. Нужно было много самообладанія и весьма продолжительную привычку, чтобъ относиться спокойно и отвѣчать безъ дерзостей офицеру, который самое вступленіе въ ваше жилище начинаетъ съ того, что беретъ васъ подъ арестъ, т. е. ставитъ возлѣ васъ стражу и тѣмъ напоминаетъ вамъ, что вы можете сдѣлать ему, и чего онъ ждетъ отъ васъ.

Но и независимо отъ этого, даже мягкое и елико возможно деликатно сдѣланное замѣчаніе способно было привести нѣкоторыхъ въ негодованіе, особенно со стороны Гудзя, потому что дѣло возникало изъ за какаго нибудь мелочнаго вздора, давать выговоры за который полагается малолѣтнему школяру, а отнюдь не 40-лѣтнему мужу. Для него самое слово «инструкція» ненавистно, какъ напоминаніе и символъ произвола и беззаконія.

Нашимъ товарищамъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ читали инструкцію, въ которой угрожали ни болѣе ни менѣе, какъ 4000 шпицрутеневъ. У насъ же инструкцію, составленную якобы для каторжниковъ, предъявляли Лаговскому, который даже не былъ лишень правъ; а инструкцію предназначенную для мужчинъ, вручали женщинамъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, послѣ того, какъ вышелъ законъ, отмѣнившій тѣлесныя наказанія для ссыльныхъ женщинъ, инструкція съ упоминаніемъ о 50 розгахъ все еще

вывѣшивалась въ камерахъ нашихъ дамъ. Когда я указаль «либеральному» Гангардту на эту несообразность,—чтобъ не говорить о беззаконіи,—онъ ничего не могъ возразить кромѣ того, что они вывѣшиваютъ инструкцію въ камерѣ, а кто въ ней сидитъ, это ихъ не касается. Трудно было ладить съ такой инструкціей, о которой сами составители говорятъ, что они не разбираютъ, для кого, собственно, она предназначена, а для кого нѣтъ.

XXIX.

Мнѣ пришлось бы писать и долго, и, можетъ быть, не совсѣмъ правдиво, если бы я сталъ рассказывать разные случаи изъ нашей воинственной практики. Къ тому же таланты военного хроникера мнѣ совсѣмъ не свойственны. Да и всѣ эти случаи были столь же мелочны, какъ мелочна была отдѣльная цѣль, къ достиженію которой стремились воюющіе, и могли сойти за «событіе» только лишь въ тюрьмѣ.

Тѣ кто имѣлъ дѣла съ жандармами, особенно если хлопоталь передъ ними за близкихъ лицъ, находящихся въ ихъ власти, отлично знаютъ, какъ успѣшно дѣйствуетъ на нихъ властный или грубый тонъ, окрикъ, рѣзкія и даже бранныя выраженія, откровенныя угрозы, и вообще такое обращеніе, которое кратко и точно опредѣляютъ, когда говорятъ, что человѣкъ дѣйствуетъ нахрапомъ.

Съ мелкими душонками, продажными, лакействующими всю свою жизнь и трусливыми такой способъ обращенія, говорятъ, всюду даетъ наилучшіе результаты. Онѣ слишкомъ приучены къ такому тону своимъ начальствомъ. Не даромъ же англійскіе корреспонденты, знатоки нашихъ бюрократическихъ сферъ, не могутъ достаточно удивиться ихъ грубости, невоспитанности и настоящему хамству, которыя бросаются всякому въ глаза въ этихъ сферахъ, и которыя составляютъ полную противоположность англійскому джентльменству.

Вести дѣло съ такими господами, да еще низшаго калибра, джентльменскимъ образомъ—значило неминуемо проиграть его. Деликатное обращеніе къ нимъ въ ихъ глазахъ кажется слабостью, робостью, вообще ничтожествомъ. А они уступаютъ только тогда, когда чего-нибудь опасаются. Просителямъ, какъ общее правило, у насъ даютъ только голыя обѣщанія, особенно, если они являются съ пустыми руками. Если хочешь чего-нибудь добиться, требуй настойчиво, и твои требованія, хотя бы они имѣли только видимость вѣса, скорѣй достигнуть цѣли.

Кто всю свою жизнь только и дѣлаетъ, что исполняетъ чужія приказанія не разсуждая, у того въ природѣ заложена и практикой развита большая склонность впадать въ растерянность и уступать при всякомъ *властномъ* окрикѣ. Все грубое и рѣзкое импонируетъ ихъ грубому уму какъ сила, и они невольно уступаютъ ей, даже не отдавая себѣ отчета.

Всѣ эти истины были даже не очевидны для насъ въ началѣ нашей жизни и выведены были потомъ, болѣе или менѣе невольно, какъ резюме изъ нашихъ сношеній съ жандармами. Въ концѣ концовъ сложилось убѣжденіе, котораго мы не скрывали и отъ нихъ самихъ: если хочешь чегонибудь добиться отъ нихъ, выругай ихъ хорошенько или учини какуюнибудь другую грубую неприятность, которую они *почувствовали* бы, потому что *понимать* доводы не всякій изъ нихъ былъ въ состояніи.

Благодаря этому тотъ изъ насъ, кто чувствовалъ себя въ силахъ стать съ ними на одинъ уровень и, во имя правила: «на войнѣ какъ на войнѣ», не церемонился съ ними, скорѣе достигалъ желательныхъ результатовъ. Напр. мы всю жизнь тщетно добивались, чтобъ намъ давали къ чаю настоящей, а не остуженный кипятокъ. И все было напрасно. Въ послѣдній годъ Г. А. Лопатинъ сдѣлалъ письменное обращеніе по этому поводу къ Яковлеву съ выраженіями не вполне удачными для печати, но чрезвычайно энергичными и краснорѣчивыми. Посланіе подѣйствовало, и послѣ этого ему отдѣльно стали нагрѣвать маленькій самоваръ и приносить его въ камеру въ тотъ часъ, когда остальнымъ раздавали обычный кипятокъ.

Вотъ еще почему я не вхожу въ подробности, говоря о способахъ борьбы. Многіе изъ нихъ были не вполне естественны и, можетъ быть, это, какъ разъ, тѣ, которые оказались наиболѣе успѣшными. Однажды напр. К. Ф. Мартыновъ, выведенный изъ себя смотрителемъ Федоровымъ, который запрещалъ ему лазить на окно, просто на просто плюнулъ ему въ фізіономію чрезъ открытую форточку въ двери. За это онъ былъ закованъ въ кандалы и затѣмъ высидѣлъ съ полгода въ строгомъ карцерѣ въ старой тюрьмѣ. Потомъ Федоровъ съ нимъ помирился, а лазанье на окно перестало быть преступнымъ.

XXX.

Самое «буйное» и всеобщее выступленіе у насъ было одно, это 2 марта 1902 г. Я уже не разъ упоминалъ объ этомъ вскользь. Когда перехвачено было у солдата письмо Попова къ матери, у насъ тотчасъ же отняли многія изъ прежнихъ льготъ. Въ тотъ же день вечеромъ, когда всѣ мы, не зная причины, были крайне огорошены и возбуждены, у С. Иванова вышло обычное «столкновеніе» со смотрителемъ. С. Ивановъ закрылъ глазокъ въ двери и не хотѣлъ «подчиниться» требованію смотрителя, мотивируя это тѣмъ, что дежурный раздражаетъ его, когда заглядываетъ.

Тогда Гудзь, во исполненіе приказа полковника Обуха, распорядился связать непослушнаго и перенести въ карцеръ, такъ какъ добровольно онъ отказался идти. Сидѣлъ С. Ивановъ рядомъ со мной справа, а пустая камера, въ которую должны были перенести его, была рядомъ со мной слѣва. Я слышалъ, какъ заходили къ нему зачѣмъ-то раза два и вели какіе-то переговоры, и чуть-

емъ догадался, что происходитъ что-то неладное. Поэтому я сталъ внимательно прислушиваться, и когда къ нему вошли въ камеру еще разъ, я услыхалъ легкую возню и полусдавленный слабый крикъ:

— «Доктора зовите, доктора!»

Моментально, не помня себя, я схватилъ швабру и ея палкой сталъ со всей силы барабанить въ дверь. Точно по сигналу, началось тоже самое во всѣхъ другихъ камерахъ: всякій, очевидно, орудовалъ тѣмъ, что было подъ руками. Вышелъ концертъ, подобнаго которому не слыхала наша тюрьма съ начала своихъ дней.

Недавно мнѣ пришлось слышать, что такой же концертъ, но разъ въ 20 болѣе сильный, происходилъ въ Бутыркахъ въ ноябрѣ 1905 г. А теперь, навѣрное, гдѣ только онъ не происходитъ!

Стуки, крики: «палачи, изверги, кровопійцы» и проч. и какое то громоподобное уханье, точно вышибалъ кто то свою дверь тараномъ, продолжались съ полчаса, поочередно то замирая, то вновь поднимаясь. Кто кричалъ: «смотрителя сюда!» кто: «полковника!» кто: «доктора!» Полковникъ быстро явился и снизу корридора подавалъ успокоительное заявленіе въ такомъ родѣ, что ничего, молъ, особаго не происходитъ, связали только человѣка, который не хочетъ идти въ карцеръ.

Тѣмъ временемъ С. Иванова, который тотчасъ же лишился сознания, перенесли мимо моей двери въ пустую камеру, а Поповъ, сидѣвшій съ другой стороны отъ него, потребовалъ, чтобы его пустили посмотреть, въ какомъ состояніи находится нашъ товарищъ. Смотритель выпустилъ было его, но онъ не успѣлъ дойти, какъ снизу послышался приказъ полковника: «не надо!» Его повлекли насильно обратно, онъ что то кричалъ, а мы всѣ снова усиленно колотили въ двери. Словомъ, точно по волшебству, всегда мертво тихоя тюрьма превратилась въ буйное отдѣленіе сумасшедшаго дома.

Доктора все таки пришлось позвать. Онъ привелъ въ чувство С. Иванова и просидѣлъ у него съ $\frac{1}{2}$ часа. Съ его появленіемъ въ тюрьмѣ все тотчасъ успокоилось. Больной пролежалъ еще дня 2—3 въ пустой камерѣ. На желѣзной обшивкѣ дверей остались знаки этой вспышки, незадѣланные до сихъ поръ. А въ нервахъ, по крайней мѣрѣ у меня, долго чувствовалась такая встряска и боль, подобной которой я еще ни разу не испытывалъ.

Черезъ день послѣ этого, Вѣра Николаевна сорвала погону съ Гудзя въ видѣ протеста за учиненное насилие и съ цѣлью довести его до свѣдѣнія высшихъ властей, такъ какъ письмо къ ея матери, въ которомъ былъ намекъ на это, Гудзь отказался переслать.

Болѣе мелкія и одиночныя выступленія подобнаго сорта производились еще не разъ. Но любопытно, что у насъ ни разу не были выбиты стекла въ окнахъ, что такъ нерѣдко случается въ нашихъ политическихъ узилищахъ въ видѣ протеста противъ того или другою незаконнаго лишенія.

XXXI.

Немыслимо, конечно, перечислить хоть съ нѣкоторой полнотой всѣ *права*, которыя были въ концѣ концовъ добыты этой мелочной, повседневной и раздражающей борьбой. Назову только для курьеза нѣкоторыя изъ нихъ, потому что въ приложеніи къ такимъ житейскимъ актамъ терминъ «право» можно употребить только въ видѣ шутки. Право стучать, шумѣть, свистать и пѣть, право лазить на окно или заборъ (чтобы укрѣпить вьющееся растеніе, или придѣлать навѣсъ), право подкапывать заборъ, имѣть желѣзную лопату, передавать въ огородѣ записки другъ другу, останавливаться другъ съ другомъ при встрѣчѣ, особенно же съ дамой, или на корридорѣ у двери камеры, заходить въ пустую чужую камеру, тушить огонь, завѣшивать окно отъ солнца или холода, стричься подъ гребенку, мыться наединѣ и еженедѣльно, имѣть при себѣ разомъ нѣсколько книгъ, бумагу и чернила, держать на окнахъ цвѣты, дѣлать для самого себя мебель или принадлежности костюма, имѣть вилку и ножъ, чайную ложку, бѣлье, хлѣбъ, кофе, ягоды, фрукты и разныя другія «самовольныя» снѣди и проч. и пр.

Предѣлы ограниченій и запрещеній были столь же неограничены, какъ неисчерпаемы предѣлы человѣческой жестокости и самодурства.

Въ безправномъ государствѣ общество добивается «пяти свободъ», необходимыхъ ему для его нормальной жизни. Какъ ни важны эти «свободы», ихъ сравнительно очень немного. Всѣми остальными правами всякій обыватель пользуется, болѣе или менѣе, невозбранно. И уже давно прошли времена, когда запрещалось напр. носить одежды пурпурнаго цвѣта, или когда Фридрихъ Великій ходилъ по улицамъ своей столицы и самолично слѣдилъ своимъ королевскимъ носомъ, не пахнетъ ли откуда жаренымъ кофе.

Мы же всѣ были обращены именно въ то первобытное состояніе, при которомъ рабу не разрѣшалось ничего, на что не соизволить воля господина. И потому, намъ шагу нельзя было ступить безъ того, чтобы не натолкнуться на преграду и не войти въ столкновение съ унтерами, которые нарочно поставлены охранять ее, и съ властями, которыя ежедневно являлись провѣрять строгость надзора. Не было ни малѣйшей возможности уйти отъ охранителей, чѣмъ такъ широко пользовался русскій обыватель до послѣдняго времени.

На психику же нашу всѣ перипетіи борьбы дѣйствовали почти столь же рѣшительно, какъ и перипетіи настоящей борьбы. Удачи и неудачи, побѣды и пораженія, наступленія и отступленія, разрывъ сношенія съ тюремщиками и временное замиреніе, а надъ всѣмъ этимъ ежедневное ожиданіе новыхъ насилій, либо возврата къ старымъ лишеніямъ,—все это по прежнему оставляло насъ въ почти

непрерывномъ и безнадежномъ революціонномъ напряженіи. Оно давало иллюзію жизненности и нѣкоторой осмысленности нашему прозябанію въ царствѣ полнаго застоя и разрушенія. Не давало оно только одного: сознанія важности и величія этой борьбы да чувства нравственнаго удовлетворенія.

У меня, по крайней мѣрѣ, всегда копошился гдѣ-то въ тайникахъ предательскій вопросъ: да стоитъ ли хлопотать о поддержаніи и разнообразіи жизни безъ полной увѣренности на освобожденіе отсюда? Не унижается ли въ ней человекъ, когда онъ практикуетъ и культивируетъ въ себѣ неслыханное, но чисто волюе терпѣнье? И не лучше ли было бы, не входя въ компромиссы, доставить нашимъ врагамъ удовольствіе—заморить насъ поскорѣе, и настоящимъ образомъ? Быть можетъ, тѣ, кто не вынесъ такого режима, обладали наиболѣе высокой и утонченной организаціей, подобно тѣмъ высокопарящимъ свободнымъ птицамъ, которыя не выдерживаютъ заключенія въ клѣткѣ и гибнутъ въ тоскѣ по синему небу и необъятному воздушному простору...

И только мысль о томъ впечатлѣніи, которое производитъ на самые благонамѣренные умы длительное истязаніе людей, провинившихся только тѣмъ, что они слишкомъ рано и слишкомъ горячо стремились къ обновленію своей родины, эта мысль отчасти примиряла съ практикой безконечнаго терпѣнья. И, можетъ быть, правы эти благонамѣренные умы, негодуя противъ безсрочнаго заключенія сильнѣе, чѣмъ противъ быстрого умерщвленія, ибо даже нѣкоторые изъ насъ, у кого терпѣніе успѣло истощиться, считали смертную казнь болѣе легкимъ наказаніемъ...

XXXII.

Для насъ не было секретомъ, что всѣ физическія и проч. лишенія наложены были на насъ планомѣрно для того, чтобы «сломить волю заключенныхъ». Власти, насаждавшія всюду безволіе и покорность, не могли мириться съ мыслью, что есть люди готовые проявить необычайный запасъ своей энергіи въ направленіи совершенно для нихъ невыгодномъ, которое они такъ-таки откровенно и называли направленіемъ «вреднымъ». Но они были все же недостаточно дальновидны. Уступая понемногу, въ силу необходимости, они тѣмъ самымъ доставляли намъ практику борьбы, которая, какъ извѣстно, закаляетъ духъ, а вовсе не расслабляетъ.

И я нерѣдко думалъ, что было бы съ нами, еслибы съ первыхъ же дней насъ посадили въ условія полнаго довольства, еслибы намъ доставлялось все, чего бы мы ни пожелали, кромѣ самой свободы и возможныхъ безконтрольныхъ сношеній съ волей? Сытое, бездѣльное и спокойное существованіе не сломило ли бы душевной энергіи у большинства изъ насъ гораздо скорѣе и гораздо вѣрнѣе, чѣмъ жизнь полная лишеній и борьбы противъ нихъ?

По крайней мѣрѣ, житейская практика превращенія бунтующихъ студентовъ въ мирныхъ и сытыхъ буржуа говоритъ за это. Не

даромъ же такой опытный авантюристъ, какъ Наполеонъ III, говариваль, что онъ боится голодныхъ и тощихъ, и совсѣмъ не боится сытыхъ и толстыхъ. Раздражаніе противъ властей всегда и всюду прямо пропорціонально тому гнету, которымъ онъ награждають подданныхъ. Послѣдній годъ сдѣлалъ эту истину почти очевидной для всѣхъ. И кому суждено будетъ дожить до настоящаго и подлиннаго «замирения», т. е. уничтоженія произвольныхъ гоненій и лишеній за то, что нигдѣ въ Европѣ не составляетъ преступленія, тотъ увидить подтвержденіе этой истины и съ обратной стороны, т. е. какъ легко примиряются съ правительствомъ даже непримиримые, лишь только они добизаются отъ него всего, что необходимо для правильной политической жизни.

А потому, теперь, когда миновала насъ эта горькая и жгучая чаша шлиссельбургскихъ страданій, я могу, по крайней мѣрѣ за себя, выразить нѣкоторое чувство удовлетворенія за то, что въ горнилѣ лишеній прочно выковали во мнѣ чувство непреодолимаго отвращенія къ насилію всякаго рода и способность къ глубокому негодованію на все, что носитъ на себѣ хоть тѣнь произвола и самовластія, тормозящаго свободное и всестороннее развитіе всякой человѣческой личности.

И можно быть увѣреннымъ, что практика массовыхъ ссылокъ, которая теперь развертывается безъ удержу, есть наилучшая практика для вкорененія и закрѣпленія въ широкихъ кругахъ народа самыхъ интенсивныхъ и навѣки неослабныхъ гражданскихъ чувствъ, наличность которыхъ составляетъ необходимый базисъ для установки прочнаго, свободнаго и законмѣрнаго государственнаго порядка.

М. Новорусскій.

Выборгъ
29 августа.

Письмо Пушкина къ П. А. Осиповой.

Vous ne cessez de m'accabler de vos bontés; je suis à vos pieds tout confus et tout reconnaissant. Je viens d'écrire à Pouschtchine concernant son affaire, demain j'espère avoir la réponse. Sans adieu, Madame, j'espère aujourd'hui être plus heureux qu'hier.

Votre tout dévoué

Pouchkine.

Переводъ. Вы прямо подавляете меня своей добротой; я у вашихъ ногъ, совершенно сконфуженный и благодарный. Только что написалъ Пушину насчетъ его дѣла, завтра надѣюсь имѣть отвѣтъ. Не прощаюсь, надѣюсь сегодня быть счастливѣе, чѣмъ вчера.

Преданный Вамъ

Пушкино.

Это письмо Пушкина печатается впервые. Отъ вниманія послѣднихъ издателей Пушкина, гг. Ефремова и Морозова, оно ускользнуло, несмотря на то, что о немъ говорится въ „Отчетъ Имп. Публичной Библиотеки за 1899 г.“ (СПБ., 1903 г., стр. 152). Въ библиотеку оно пожертвовано внучкой П. А. Осиповой, М. Б. Карповой. Письмо набросано на нижней половинѣ согнутой вдвое четвертушки простой, тонкой бумаги, безъ всякихъ знаковъ; чернила изрядно выцвѣли.

Судя по почерку, оно относится къ началу тридцатыхъ годовъ. Близкій ко двору и высшимъ сферамъ Пушкинъ иногда бралъ на себя хлопоты по дѣламъ своихъ друзей и знакомыхъ. Какъ любезно сообщилъ мнѣ Б. Л. Модзалевскій, изъ имѣющихся въ его распоряженіи и еще не опубликованныхъ данныхъ видно, что П. А. Осипова вела длинное тягѣсное дѣло съ своимъ сосѣдомъ по имѣнію, Серг. Ив. Пушинымъ, по смерти котораго судилась съ его сыномъ, генераль-маіоромъ Павломъ Сергѣевичемъ Пушинымъ. О немъ-то и упоминаетъ въ настоящемъ письмѣ Пушкинъ. Письмо Пушкина къ нему, о которомъ говоритъ поэтъ, не дошло до насъ.

Н. Лернеръ.

Рѣчи подеудимыхъ въ процессѣ 17.

Печатавъ въ настоящей книжкѣ «Былого» рѣчи нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ по процессу 17-ти народовольцевъ и замѣтку по поводу этого процесса А. П. Прибылевой-Корба, напоминаемъ нашимъ читателямъ, что въ 10 № «Былого» мы дали обвинительный актъ по этому дѣлу, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ напечатанъ въ 1 № «Вѣстника Народной Воли» и только добавили недостававшую тамъ по случайной причинѣ главу о событіи 1-го марта 1881 г.

Въ 11 № мы напечатали воспоминанія участника процесса А. В. Прибылева. Но и этимъ мы не думаемъ ограничиться и надѣемся еще не разъ вернуться къ печатанію матеріаловъ по процессу 17-ти,—ибо придаемъ ему, какъ и другимъ крупнымъ народовольческимъ процессамъ, огромное значеніе. Мы должны, однако, обратить вниманіе своихъ друзей-читателей на крайнюю трудность собиранія и провѣрки матеріаловъ по политическимъ дѣламъ,—теперь—спустя 20—25 лѣтъ—, когда многіе изъ главныхъ ихъ участниковъ уже сошли со сцены и когда потеряны навсегда многіе изъ драгоценныхъ документовъ. Это то обстоятельство и заставляетъ насъ спѣшить съ опубликованіемъ имѣющихся у насъ документовъ и поэтому-то мы обращаемъ особое вниманіе нашихъ читателей-друзей на возможно болѣе детальное изученіе всего касающагося главныхъ народовольческихъ процессовъ: Квятковскаго, Желябова, Михайлова, Грачевскаго, Фигнеръ, Лопатина и Ульянова.

Ниже мы помѣщаемъ статью А. П. Корба, которая, надѣемся, послужитъ къ дальнѣйшему изученію вопроса и устраненію одной изъ связанныхъ съ процессомъ 17-ти ошибокъ, невольно допущенныхъ въ заграничной прессѣ. Нѣкоторыми изъ извѣстныхъ участниковъ революціоннаго движенія намъ обѣщаны статьи о предательской дѣятельности Дегаева въ 1883 г., которая много выясняетъ изъ того, о чемъ говоритъ А. П. Корба. По свѣдѣніямъ этихъ лицъ, статья о процессѣ 17-ти въ 1 № «Листка Народной Воли», дѣйствительно, была доставлена Дегаевымъ и составлена подъ вліяніемъ Судейкина. Въ іюлѣ и августѣ 1883 г. Дегаевъ ѣздилъ за границу и тамъ далъ для редакціи «Вѣстника Народной Воли», конечно, опять-таки съ согласія Судейкина, ложныя свѣдѣнія объ участникахъ процесса 17-ти. Редакторы и издатели «Вѣст-

ника Народной Воли» не знали истинной роли Дегаева и не могли разобраться въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя онъ доставилъ. Нельзя не пожалѣть, что провѣрка свѣдѣній стала производиться такъ поздно,—но лучше это сдѣлать поздно, чѣмъ оставлять въ литературѣ ложныя свѣдѣнія безъ ихъ опроверженія.

Мы печатаемъ рѣчи нѣкоторыхъ подсудимыхъ процесса 17-ти съ очень рѣдкаго гектографированнаго изданія 1883 года, но должны оговориться, что мы не имѣемъ возможности провѣрить, насколько въ деталяхъ вѣрно они передаютъ то, что было подсудимыми сказано на судѣ, но мы думаемъ, что, печатая ихъ, мы даемъ возможность провѣрить ихъ, пока еще не поздно, свѣдѣніями оставшихся еще въ живыхъ участниковъ этого процесса.

Обвинительный актъ мы напечатали, какъ это сдѣлали раньше съ обвинительнымъ актомъ по процессу 20-ти, и какъ сдѣлаемъ съ другими обвинительными актами, въ томъ видѣ, какъ они вышли изъ-подъ пера Желиховскихъ и К^о, но само собою разумѣется, что изложенныя въ такого рода произведеніяхъ жандармско-прокурорскаго усердія свѣдѣнія о показаніяхъ упоминаемыхъ въ обвинительныхъ актахъ лицъ читатели ни въ какомъ случаѣ не должны принимать на вѣру. Въ нихъ всегда не мало передержекъ, искаженія истины, а то и просто фантазіи. Наша точка зрѣнія на этотъ предметъ является, повторяемъ, *сама собою разумѣющейся*, но во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, мы дѣлаемъ эту оговорку *разъ навсегда*.

Ред.

I.

Рѣчь М. Ѳ. Грачевскаго.

По просьбѣ защитника Первоприсутствующій разрѣшилъ мнѣ говорить. Я хотѣлъ бы дать нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о своей личности. Какъ извѣстно Особому Присутствію, мнѣ 33 года. 18-ти лѣтъ я вышелъ изъ учебнаго заведенія и поступилъ народнымъ учителемъ въ сельскую школу, гдѣ пробылъ одинъ годъ; это было вскорѣ послѣ земскихъ и судебныхъ реформъ; я горѣлъ желаніемъ принести пользу крестьянамъ. Послѣ того, по приглашенію общества нѣмецкихъ колонистовъ города Камышина, я устроилъ имъ нѣмецко-русскую трехклассную школу, гдѣ самъ былъ учителемъ русскаго языка, ариѳметики, географіи и краткой русскаго исторіи. Въ 1871 г. поступилъ на желѣзную дорогу, гдѣ проработалъ, въ качествѣ слесаря и машиниста 3½ года. Каковы были мои идеалы, стремленія, чѣмъ вызывалось горячее желаніе служить, помочь народу, приносить ему не выдуманную, мнимую, а непосредственную и дѣйствительную пользу;—объ этомъ я не буду говорить, такъ какъ это объяснено моимъ товарищемъ Богдановичемъ. Въ 1873 году я былъ арестованъ. Поводомъ къ аресту была присылка тюка цензурныхъ книгъ изъ Петербурга, адресованнаго мнѣ и перехваченнаго жандармами. Между цензурными книгами были вложены

двѣ прокламаціи, которыя мнѣ даже не были показаны при допросѣ производившимъ дознание жандармскимъ маіоромъ, присланнымъ спеціально для этой цѣли изъ Петербурга. Подъ арестомъ я былъ недолго и арестъ не имѣлъ для меня значительно дурныхъ послѣдствій, тогда какъ студентъ-технологъ Чиковъ, приславшій мнѣ книги, получилъ въ тюрьмѣ чахотку и въ ней же померъ. Но этотъ арестъ далъ мнѣ сильный нравственный толчекъ; продуктомъ его явилось желаніе поѣхать въ Петербургъ, поступить въ Технологическій Институтъ, закончить теоретическое образование своей спеціальности, что я и сдѣлалъ.

При расчетѣ съ управленіемъ желѣзной дороги, въ награду за почти четырехлѣтнюю службу, я получилъ двухмѣсячный окладъ жалованья сверхъ причитавшихся. Этимъ я хочу сказать Особому Присутствію, что желѣзнодорожная администрація ни до, ни послѣ моего ареста не замѣчала за мной ничего предосудительнаго. Отправляясь въ Петербургъ въ 1874 году, я имѣлъ кромѣ спеціально-образовательной цѣли и другія подобныя: ознакомиться возможно созвательно съ социальнo-экономическими вопросами, научить молодую интеллигенцію того времени, такъ называемое, движеніе ея въ народъ, бывшее уже въ разгарѣ. Это мнѣ легко удалось сдѣлать, имѣя въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ своихъ прежнихъ школьныхъ товарищей. Въ то время я имѣлъ около 25 лѣтъ. Не выходя изъ Технологическаго Института, по рѣшенію и просьбѣ моихъ новыхъ молодыхъ друзей и товарищей, я поступилъ на одинъ изъ механическихъ заводовъ Петербурга слесаремъ съ цѣлью возстановить значительно порванные связи интеллигенціи съ рабочими заводовъ и фабрикъ, что мною и было сдѣлано. Черезъ два съ половиною мѣсяца по рѣшенію тѣхъ же кружковъ молодой интеллигенціи, а также организовавшихся уже въ то время кружковъ рабочихъ, я отправился съ той же цѣлью въ Москву, гдѣ и былъ черезъ 2 мѣсяца арестованъ, вслѣдствіе излишней, печальной, хотя и понятной и естественной горячности и непрактичности моихъ молодыхъ московскихъ товарищей, порывы которыхъ сдержать въ должныхъ границахъ для поставленныхъ нами цѣлей, я былъ не въ силахъ. Причина этого ареста была столь же пустая, какъ и первая: у меня въ карманѣ было двѣ популярныя брошюры заграничнаго изданія, предназначавшихся для чтенія со своими комментаріями на рабочихъ собраніяхъ—брошюрки на мой взглядъ совершенно невиннаго содержанія.

Чтобъ не повторяться и не злоупотреблять вниманіемъ Особаго Присутствія, я не скажу ни слова о цѣляхъ, стремленіяхъ того времени (практическихъ задачъ еще не ставили себѣ никакихъ)—я опять соглашаюсь со всѣмъ, что сказано по этому предмету моимъ товарищемъ Богдановичемъ, такъ какъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, охваченныхъ этимъ движеніемъ, была только детальная разница. На этотъ разъ я пробылъ въ одиночномъ заключеніи въ разныхъ тюрьмахъ Москвы и потомъ Петербурга три съ половиною года, судился въ процессѣ 193-хъ лицъ, приговоренъ былъ судомъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сѣната къ мѣсячному аресту съ ходатайствомъ вѣннить мнѣ въ наказаніе предварительный арестъ. По выходѣ изъ тюрьмы я былъ такъ слабъ, что чувствовалъ настоятельную необходимость поправить свое здоровье, но въ то же время, не имѣя средствъ, я долженъ былъ приняться за работу. Около мѣсяца я

проработалъ здѣсь въ Петербургѣ на заводѣ, но такъ какъ намъ послѣдовало запрещеніе житья и даже въѣзда въ столицу, я долженъ былъ отправиться въ провинцію. Въ видахъ возстановленія упавшихъ силъ я отправился въ Одессу; поступилъ на желѣзную дорогу помощникомъ машиниста перваго класса, такъ какъ полезное значеніе физическаго труда для организма мнѣ было по опыту хорошо извѣстно. Кромѣ того я могъ въ свободное отъ работы время пользоваться морскими купаньями. Черезъ 2 мѣсяца мое здоровье значительно поправилось. Никакими другими цѣлями, кромѣ поправленія здоровья и пріобрѣтенія средствъ къ жизни, я въ то время не задавался. Несмотря на то въ половинѣ августа 78 г. я былъ снова арестованъ безъ малѣйшаго къ тому повода. На мои неоднократные вопросы о причинѣ ареста представитель мѣстной администраціи и полиція, подъ явнымъ надзоромъ которой я тамъ находился, долго совсѣмъ ничего не могли мнѣ отвѣтить и только черезъ мѣсяць я, наконецъ, узналъ, что мой арестъ былъ сдѣланъ по предписанію III Огдѣленія Канцеляріи Его Императорскаго Величества, присланному изъ Петербурга, что они очень жалѣютъ меня и съ своей стороны не видѣли въ моей жизни и дѣятельности ровню ничего предосудительнаго, а имъ былъ извѣстенъ каждый мой шагъ. Черезъ полтора мѣсяца одиночнаго заключенія я былъ отправленъ этапнымъ порядкомъ изъ Одессы въ Архангельскъ въ ссылку безъ опредѣленія срока. Путешествіе продолжалось четыре мѣсяца. Дорогой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ меня заковывали въ ручныя кандалы, тогда какъ я по праву почтеннаго гражданства существующимъ закономъ освобожденъ отъ этой чести. Нѣсколько словъ, сказанныхъ моимъ товарищемъ Богдановичемъ, объ участи ссыльныхъ въ Сибири и то краткое объясненіе, которое я могу дать, не утомля вниманія Особаго Присутствія о матеріальномъ и въ особенномъ нравственномъ состояніи ссыльныхъ, есть только одинъ слабый штрихъ той ужасной картины жизни нѣсколькихъ сотъ лицъ, неповинно разбросанныхъ по всей Сибири и сѣвернымъ городамъ Европейской Россіи. Матеріальное положеніе ссыльныхъ характеризуется отсутствіемъ возможности труда на мѣстѣ ссылки вслѣдствіе слишкомъ большого наплыва ссыльныхъ, рѣдкости населенія, невозможности передвиженія даже за черту города, хотя бы съ цѣлью собранія ягодъ и грибовъ для пропитанія, въ близкодлежащихъ лѣсахъ. Такія покушенія со стороны ссыльныхъ оканчиваются избиеніемъ послѣднихъ полиціей и въ добавокъ къ этому ихъ же арестомъ. Врачи, фельдшера, фельдшерницы и акушерки не имѣютъ права практиковать не только въ окрестностяхъ, но и въ самомъ городѣ, несмотря на отсутствіе другого медицинскаго персонала и просьбы мѣстныхъ жителей, почему жители принуждены контрабанднымъ путемъ пробираться къ ссыльнымъ врачамъ. Школьныя занятія безусловно воспрещены. А именно на перечисленные виды труда имѣется въ мѣстахъ ссылки по окраинамъ Россіи очень большой спросъ. Нравственное состояніе ссыльныхъ вслѣдствіе ихъ вынужденной бездѣятельности, при отсутствіи возможности употребить незанятое ничѣмъ время на научныя занятія по немнѣишю книгѣ, — если не хуже состоянія заключенныхъ въ тюрьмахъ, то равносильно ему. Это подтверждаютъ самоубійства и душевныя болѣзни ссыльныхъ, послѣднія въ особеннсти нервѣдки, и довольно частыя попытки или попытки къ побѣгамъ (въ Холмогорахъ одинъ изъ ссыльныхъ зарѣзался сапожнымъ

ножомъ; въ Шенкурскѣ одинъ утопился, кажется Нагель). Запроса на трудъ моей специальности въ такихъ маленькихъ городахъ совсѣмъ нѣтъ. Исправникъ города Холмогоръ, знакомый хорошо съ мѣстными условіями, считалъ меня съ самаго начала первымъ кандидатомъ къ побѣгу и потому-то. несмотря на то, что со мной былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, установилъ за мной самый строгій надзоръ. И, наконецъ, изъ желанія извѣстнаго себя отъ постоянныхъ опасеній отвѣтственности въ случаѣ моего побѣга, воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы спровадить меня со своихъ рукъ въ Пинегу, откуда я и ушелъ. Остальная моя жизнь и общественно-революціонная дѣятельность Особому Присутствію извѣстны изъ данныхъ настоящаго дѣла.

Въ заключеніе по вопросу о моей виновности въ революціонной дѣятельности, проявленной мною въ фактахъ, только что обследованныхъ особымъ Присутствіемъ, я долженъ объяснить Особому Присутствію, что этотъ вопросъ неоднократно мною обсуждался втеченіе моего послѣдняго девятимѣсячнаго заключенія и съ точки зрѣнія высшей справедливости и гуманности и, несмотря на всѣ ухищренія моего разума въ роли обвинителя совѣсти, послѣдняя давала всегда всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: нѣтъ. я не могу признать себя виновнымъ при настоящемъ отношеніи государственной власти къ народу и обществу, при которомъ ни семейный очагъ, ни личность гражданъ ничѣмъ не гарантированы отъ произвола правительственныхъ тайныхъ и явныхъ агентовъ, когда по одному простому подозрѣнію въ такъ наз. политической неблагонадежности сотни лицъ бросаютъ въ тюрьмы, подвергаютъ всѣмъ ужасамъ одиночнаго заключенія, доводящаго до быстрой смерти или сумасшествія, когда другія сотни лицъ безъ постановленія суда по такимъ же точно подозрѣніямъ въ политической неблагонадежности могутъ быть схвачены, оторваны отъ труда и семейства и отправлены, такъ называемымъ, административнымъ порядкомъ за тысячи верстъ на сѣверъ и востокъ Сибири.

При означенныхъ условіяхъ я не только считаю себя вправѣ защищаться съ оружіемъ въ рукахъ при нападеніяхъ на меня правительственныхъ агентовъ, я считаю даже нравственно обязательнымъ для себя защищать точно также и другихъ отъ ихъ произвола. Всякое вооруженное дѣйствіе противъ правительства и его агентовъ я считалъ бы для себя безусловно преступнымъ при условіи существованія въ Россіи свободно избраннаго законодательства представительнаго дѣйствительной, а не фиктивной гласности, независимости суда, свободы слова, вѣротерпимости и личной неприкосновенности гражданъ безъ постановленія на то суда. Я бы отказался отъ своего послѣдняго слова по примѣру моего товарища по ожидаемой участи, Богдановича, если-бъ я не находился въ нѣсколько иномъ чѣмъ онъ, даже можно сказать, исключительномъ положеніи. Поэтому я желаю бы, чтобы мнѣ позволено было сказать нѣсколько словъ (не о себѣ, а объ участи связанныхъ со мною), касающихся обвиненія въ устройствѣ лабораторіи взрывчатыхъ веществъ. Прямыхъ и несомнѣнныхъ фактическихъ доказательствъ, которыя бы безусловно подтверждали мое объясненіе, данное суду Особого Присутствія, о значеніи этой лабораторіи, какъ исключительно учебной, въ дѣлѣ нѣтъ. Но такихъ безусловныхъ доказательствъ и не могло быть—это естественно. Научиться приготовленію взрыв-

чатыхъ веществъ при обыкновенныхъ легальныхъ условіяхъ въ лабораторіи, гдѣ имѣются всѣ къ тому приспособленія, съ дѣльно примѣнить потому эти знанія на заводѣ, специально для этого устроенномъ, при открытыхъ свободныхъ дѣйствіяхъ, при значительной увѣренности въ безопасности случайнаго взрыва,—такія знанія приобрести легко и удобно при опытахъ надъ миниатюрными количествами, такъ какъ со способами приготовления этихъ веществъ въ большихъ количествахъ можно прекрасно ознакомиться при осмотрѣ дѣствующаго завода одного или даже нѣсколькихъ. Прошу припомнить Особое Присутствіе, что, несмотря на нѣсколько открытыхъ сыскомъ квартиръ, гдѣ хранились метательные снаряды и динамитъ, нигдѣ не было найдено даже слѣдовъ какого-нибудь миниатюрнаго опытнаго снаряда—ихъ не нашлось потому, что ихъ не было; опыты производились всегда надъ большими снарядами. Какое значеніе имѣеть экспертиза въ этомъ дѣлѣ? Какой бы эрудиціей ни обладалъ экспертъ, какъ бы ни былъ онъ опытенъ, но незнакомый со сказанными мною условіями приготовления взрывчатыхъ веществъ, онъ не можетъ вѣрно опредѣлить дѣйствительнаго значенія изслѣдуемой имъ лабораторіи и снарядовъ при самомъ тщательномъ и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу. Къ тому же экспертъ не обладаетъ ни чувствомъ сыщика и не рассматриваетъ предмета съ точки зрѣнія юриста. Заинтересованная же сторона въ томъ дѣлѣ, вполнѣ хорошо съ нимъ знакомая, при изслѣдованіи экспертами лабораторіи, отсутствуя, тогда какъ она несомнѣнно могла обратить вниманіе экспертовъ на разныя мелочи весьма существеннаго значенія, которыя теперь ими вольно упущены изъ виду. Если-бы сказанное обвиненіе касалось меня одного или, по крайней мѣрѣ, лицъ подобныхъ мнѣ, я бы не сталъ съ такой настойчивостію отыскивать доказательствъ значенія, даннаго мною лабораторіи, какъ это я дѣлалъ на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи. Я ограничился бы простымъ, короткимъ заявленіемъ. Но не то теперь. Со мною связаны четыре лица: г.г. Прибылевы, Юшкова и Клименко, явившіеся на скамью подсудимыхъ по этому обвиненію, единственно по моей винѣ и, не скрою отъ суда, по моей личной оплошности. Я прошу Особое Присутствіе смыть съ моей души хоть часть той нравственной муки, которую я испытываю втеченіи десяти мѣсяцевъ моего заключенія и предъ которою ступеневывается всякая физическая казнь, какую только можетъ придумать человеческое воображеніе. Никто изъ названныхъ мною лицъ не причастенъ къ дѣлу объ устройствѣ лабораторіи; я дѣйствительный и единственный виновникъ онаго и потому прошу Особое Присутствіе обратить всю тяжесть кары закона на меня одного.

Послѣ сказаннаго можетъ явиться вопросъ у Особого Присутствія: какой смыслъ имѣеть моя довольно энергичная защита по другимъ обвиненіямъ? отвѣтъ: желаніе удержать обвиненіе въ границахъ истины, въ строгихъ границахъ дѣйствительности.

II.

Рѣчь П. А. Теллалова.

Я такъ дорожу остающею еще возможностью высказаться по поводу обвиненія, предъявляемаго противъ всѣхъ насъ подсудимыхъ, что лишь вскользь охарактеризую тѣ поступки, въ которыхъ обвиняюсь отдѣльно отъ моихъ товарищей. Напередъ обѣщаю быть краткимъ и, по всей вѣроятности, не утомлю вашего вниманья. Но чтобы въ концѣ рѣчи не возвращаться къ ея началу, то я и позволю себѣ начать съ тѣхъ немногихъ біографическихкихъ данныхъ, которыя приведены также и въ обвинительномъ актѣ.

Въ 1874 г. я былъ въ числѣ студентовъ Горнаго Института. Быть можетъ, гг. судьи, вы помните, что въ концѣ этого года въ С.-Петербургѣ произошли студенческіе безпорядки, которые охватили почти всѣ высшія учебныя заведенія. Какъ участникъ этихъ безпорядковъ я былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Костромскую губ., хотя обстоятельства, вызвавшія и сопровождавшія мою высылку, очень характерны, но я помню данное вамъ обѣщаніе быть краткимъ и потому обойду ихъ. Въ началѣ 1876 г. вслѣдствіе своей болѣзни я былъ переведенъ административнымъ же порядкомъ на родину, въ Крымъ, въ г. Симферополь, въ которомъ и прожилъ до конца 1879 г., занимая послѣдовательно мѣста бібліотекаря частной бібліотеки и помощника бухгалтера въ Правленіи Об-ва В-го К-та. Живя въ городахъ, находящихся на окраинахъ Россіи, я за все это время не только не принималъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ революціонной партіи, но у меня едва ли была возможность слѣдить за всѣми перипетіями, которыя партія переживала за этотъ періодъ, да къ тому же и въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній на этотъ счетъ. Но отъ васъ, гг. судьи, я не скрою, что и въ то время я уже сочувствовалъ тому революціонному движенію, которое охватило всю русскую молодежь. Вотъ это-то сочувствіе и побудило меня, какъ только снятъ было съ меня надзоръ, оставить семью и болѣе или менѣе обезпеченное положеніе и выѣхать изъ Симферополя. Какихъ либо опредѣленныхъ плановъ у меня тогда не было, но если вы спросите меня, какъ я устроился бы, слѣдуя исключительно своему влеченію, то я скажу, что я, вѣроятно, прискавъ себѣ какое-либо занятіе, поселился бы въ селѣ или деревнѣ, для того чтобы быть въ непосредственной близости къ народу и для дѣятельности, которая уже охарактеризована моимъ товарищемъ Богдановичемъ, она также соотвѣтствовала и моему душевному настроенію.

Въ началѣ августа 78 г. я прибылъ въ ближайшій университетскій городъ Харьковъ. Въ первые два мѣсяца пребыванія въ немъ я ознакомился съ кружкомъ учащейся молодежи, которая въ слѣдствіи привлекалась къ суду по дѣлу о Сыцянку. Приговоромъ Харьковскаго Воен. Окружнаго Суда всѣ лица, за исключеніемъ Сыцянка, были оправданы. Люди, съ которыми я познакомился, не только не были въ какой либо организаціи партіи, но по отношенію къ ней они были чуть ли не въ худшемъ положеніи, чѣмъ я, и потому никакихъ указаній на интересующіе меня воп-

росы дать не могли. Соскучившись совершенно праздною жизнью, я готовился уже осуществить свое желание и даже прискаль мѣсто домашняго учителя въ селѣ, какъ въ началѣ октября въ Харьковѣ прибыли одинъ за другимъ Гольденбергъ, Желябовъ, Колоткевичъ и другіе участниками Липецкаго съѣзда, на которомъ и было впервые положено основаніе партіи Народной Воли и на которомъ также рѣшены и проэктированы всѣ планы предстоящихъ попытокъ царевубійства. Съ этого-то момента и начинается та дальнѣйшая моя дѣятельность, которая служить отчасти содержаніемъ обвинительнаго акта и предметомъ обсуждения вашего суда. Потому я оставлю хронологическій способъ изложенія и перейду просто къ разсмотрѣнію этихъ обособленныхъ обвиненій.

Въ обвинительномъ актѣ и въ обвинительной рѣчи обстоятельства, поддерживающія эти обвиненія, изложены болѣе или менѣе согласно моимъ показаніямъ, даннымъ на предварительномъ дознаніи и подтвержденнымъ здѣсь. На судебномъ слѣдствіи я уже обратилъ ваше вниманіе на то, что показанія мои по своей полнотѣ и опредѣленности оставляютъ далеко за собой оговоры тѣхъ лицъ, на которые ссылается обвинительный актъ, что не будь этихъ показаній, представителю обвиненія, вынужденному держаться противорѣчивыхъ и часто ложныхъ показаній свидѣтелей, не легко бы было установить эти обвиненія, а теперь онъ ограничивается лишь только простымъ перечисленіемъ ихъ. Не въ заслугу себѣ, конечно, ставлю это, но указываю на это, какъ бы въ подтвержденіе того, что говорили другіе подсудимые, т. е., что въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ, какъ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, всякое укрывательство мы считаемъ по меньшей мѣрѣ предосудительнымъ. (Пропускаю разсмотрѣніе отдѣльныхъ обвиненій). Охарактеризовавъ поступки, въ которыхъ обвиняюсь отдѣльно отъ моихъ товарищей, я перейду теперь къ разсмотрѣнію того обвиненія, которое предъявляется противъ всѣхъ насъ подсудимыхъ, какъ лицъ вступившихъ въ тайное противузаконное сообщество, имѣющее цѣлью путемъ насильственнаго переворота измѣнить въ Имперіи государственный и экономическій строй. Вы слышали, гг. судьи, здѣсь обстоятельныя объясненія Богдановича, Стефановича, Златопольскаго и др. подсудимыхъ, что обвиненіе въ этомъ видѣ не вѣрно выражаетъ сущность стремленій партіи Народной Воли, и что въ особенности оно непримѣнимо къ ней послѣ событія 1 марта. Къ этимъ объясненіямъ мнѣ остается добавить весьма немногое и потому я буду также кратокъ и въ этой части своей рѣчи. Прежде всего я не могу не обратить вашего вниманія на то, что я нахожусь въ нѣсколько иномъ положеніи, чѣмъ большинство моихъ товарищей: я арестованъ раньше ихъ, еще въ концѣ 81 г. и потому, конечно, не могу говорить ни объ убійствѣ ген.-маіора Стрѣльникова, ни о конспиративной квартирѣ гг. Прибылевыхъ. Но я беру на себя смѣлость утверждать, что эта формула обвиненія не имѣетъ мѣста и по отношенію къ тому раннему періоду существованія партіи, который слѣдовалъ непосредственно послѣ Липецкаго съѣзда. Не разсужденіями, а фактически постараюсь доказать это. Необходимо лишь мнѣ возвратиться къ тѣмъ фактамъ, которые я установилъ при обзорѣ обособленныхъ обвиненій. Вы видѣли, что въ концѣ 79 г. я былъ членомъ Харьковской организаціи и въ то же время посредникомъ въ сношеніяхъ между этой организаціей и революціонными дѣятелями, прибывшими

въ то время въ Харьковѣ, что кружокъ въ своемъ цѣломъ не применилъ ни къ одной изъ образовавшихся уже тогда фракцій и что съ такимъ неопредѣленнымъ направлениемъ онъ оставался до дня паденія своего. Обстоятельства эти подтверждаются какъ оговоромъ Гольденберга, такъ и показаніями всѣхъ тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ ссылается обвинительный актъ. Но если это такъ, если я, не будучи членомъ партіи Народной Воли тѣмъ не менѣе нашелъ возможнымъ принять самое дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ покушенію на цареубійство подъ г. Александровскомъ, то не ясно ли, что цареубійство не составляетъ существеннаго признака въ дѣятельности партіи Народной Воли и что въ самомъ міросозерцаніи партіи было нѣчто болѣе важное, что мѣшало тогда вступить въ ея ряды и съ тѣмъ я могъ согласиться лишь впоследствии. Представитель обвинительной власти, какъ бы въ подтвержденіе этого общаго обвиненія въ своихъ доказательствахъ ссылается на тотъ двойной рядъ фактовъ, въ которыхъ, по его словамъ, онъ видитъ и самую цѣль партіи и средства достиженія цѣли. Онъ обвиняетъ насъ, какъ членовъ партіи, во 1-хъ въ такъ называемыхъ террористическихъ дѣяніяхъ, т. е. въ цѣломъ рядѣ убійствъ должностныхъ лицъ и во 2-хъ въ организаціи систематическихъ покушеній на цареубійство, начавшихся осенью 79 г. и завершившихся событіемъ 1 марта. Затѣмъ, въ заключеніи своей рѣчи, ссылаясь объяснить, что привело насъ на скамью подсудимыхъ, онъ не только отказываетъ намъ въ чувствѣ человѣчности, но въ дѣлахъ нашихъ онъ видитъ одну лишь уголовщину, а въ насъ самихъ воплощеніе злой воли и законсѣдность въ преступленіяхъ. На послѣднее ему я и не возражу, такъ какъ это не обвиненіе по существу, это оскорбленіе, это простая брань, а я дорожу своимъ временемъ (первоприсутствующій прерываетъ Теллалова).

Разсматривая первый рядъ фактовъ т. е. террористическія дѣянія, совершенныя будто бы партией, я долженъ сказать, что это обвиненіе не можетъ быть предъявлено ей, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, простой пересмотръ фактовъ этого ряда покажетъ намъ, что наиболѣе выдающіеся изъ нихъ, какъ убійство Крапоткина, Мезенцева, покушенія на жизнь Дрентельна, Лорисъ-Меликова, Трепова и Черевина, совершены или до возникновенія партіи Народной Воли или же такими лицами, которыя никогда не были членами ея. Спрашивается, что же остается на долю самой партіи? Да, она убила шпіона Жаркова и, быть можетъ, еще 2-хъ, 3-хъ лицъ того же разряда, т. е. убивала людей, отъ устраненія которыхъ зависѣла участь ея членовъ, отдѣльныхъ организацій и даже, быть можетъ, всей партіи. Но это вы ей, г. г. судьи, не поставите въ особенную вину. Вы вспомните библейскій рассказъ, въ которомъ говорится, что даже и самимъ Богомъ избранному народу нуженъ былъ тотъ мѣдный змій, при взглядѣ на котораго онъ могъ забывать свои раны, свои страданія. Въ наше время этотъ змій дѣлается изъ стали.

Перехожу къ другому ряду и болѣе тяжкихъ обвиненій. Не скрою, что мнѣ, какъ подсудимому со скамьи подсудимыхъ тяжело говорить объ этомъ. Да, я признаю, что партія Народной Воли, дѣйствительно, систематически преслѣдовала Государя и завершила преслѣдованія эти событіемъ 1-го марта. Но я напомнимъ лишь вамъ, что и до покушеній и послѣ нихъ мы

всегда обращались и къ правительству и къ обществу съ заявленіями того, чего мы желаемъ, къ чему стремимся. Красной нитью черезъ всё эти наши изданія, прокламаціи и манифесты можно провести нашу настойчивую просьбу, чтобы насъ выслушали, чтобы, наконецъ, насъ поняли. Но напрасно, изданія наши преслѣдовали, намъ самимъ не давали говорить на судъ, насъ ссылали, насъ казнили. Вотъ это-то упорное нежеланіе понять насъ и было однимъ изъ существенныхъ условийъ въ ряду тѣхъ, которыя давали мѣсто всѣмъ этимъ событіямъ и на которыя ссылалась уже защита остальныхъ подсудимыхъ.

Осталось, подавивъ въ себѣ чувство человѣколюбія и, скажу прямо, съ болью въ сердцѣ, продолжать нашу дѣятельность въ томъ же направленіи. Но въ чемъ же выражается сущность нашихъ стремленій? Въ письмѣ, съ которымъ Исполнительный Комитетъ обращается къ Императору Александру III, прямо говорится: „Мы не ставимъ Вамъ никакихъ условий, пусть наши требованія не шокируютъ Васъ; исторіей давно ужъ намѣчено то что такъ необходимо нашей родинѣ.“ Не разрушенія государства, и тѣмъ болѣе экономическаго строя желаемъ мы, а лишь осуществленія совокупности всѣхъ тѣхъ политическихъ условий, при которыхъ свободно можетъ быть выражена воля нашего народа. Путемъ ли Земскаго Собора или Учредительнаго Собранія пусть будетъ созванъ народъ, пусть свободно выскажетъ свои желанія и да будетъ воля вольнаго народа! Отдавая страдальцу народу весь нашъ трудъ и самую жизнь нашу, мы мысленно, правда, дорожимъ и оставляемъ за собой право пропаганды социалистическихъ и даже, быть можетъ, анархическихъ идей, но впередъ отказываемся ¹⁾ отъ всякаго насилія, отъ организаціи какихъ-либо народныхъ бунтовъ и обратимся къ тѣмъ законнымъ средствамъ, которыя доступны всякому русскому гражданину.

III.

Рѣчь Х. Г. Гринбергъ.

Я желаю объяснить какимъ образомъ я сдѣлалась членомъ партіи Народной Воли. Вначалѣ у меня были самые мирные планы: я хотѣла пойти въ народъ, не для того, чтобы учить его, на это я считала слишкомъ неспособной, а просто, чтобы посмотреть, дѣйствительно ли его положеніе таково, какимъ я знала его изъ книгъ и изъ рассказовъ другихъ. Съ этой цѣлью я стала изучать сапожное ремесло, но занимаясь только изученіемъ, еще ничего другого не предпринимая, я уже подверглась гоненію полиціи только потому, что я не принадлежу къ тому классу, которому собственно необходимо заниматься подобнымъ ремесломъ. И вотъ ко мнѣ стала являться полиція и справляться у дворниковъ, кто ко мнѣ ходитъ, когда я прихожу? И въ одинъ прекрасный день сдѣлали у меня обыскъ. И хотя ничего при этомъ не нашли, тѣмъ не менѣе меня хотѣли арестовать, но не сдѣлали этого потому, что я въ это время лежала больна, такъ что забрали только

¹⁾ По словамъ А. П. Корба здѣсь пропущены слова „при измѣнившихся условіяхъ политической жизни страны.“

мои документы и просили по выздоровленію явиться въ участокъ для объясненій. За мной тогда ничего не было, такъ сказать, преступаго, но такъ какъ въ Одессѣ было тогда такое время, когда люди высылались десятками, сами не зная за что, такъ какъ тогда было, такъ называемое, тотлебенское время... (Первоприсутствующій останавливаетъ) я хочу только сказать, что хотя за мной ничего не числилось, но я все-таки не могла быть увѣренной, что меня не выпшлютъ, а потому я въ участокъ не пошла, а поселилась подь чужимъ документомъ, уже извѣстной вамъ фамиліи Спекторовой; этотъ документъ былъ настоящій и я думала переждать нѣкоторое время, а потомъ перейти на легальное положеніе, потому что, повторяю, за мной тогда рѣшительно ничего не было. Но тутъ по доносу квартирной хозяйки, что я будто плакала, когда не удалось покушеніе на графа Л.-Меликова, я была арестована. Я теперь не помню, можетъ быть, я въ этотъ день и плакала, но во всякомъ случаѣ, это не относилось къ покушенію на Лорисъ-Меликова, потому что онъ тогда еще ничѣмъ такимъ себя не зарекомендовалъ и, отъ него, напротивъ, ждали либеральныхъ мѣръ. На допросѣ тогда я конечно, не сказала, что живу подь чужимъ документомъ, а заявила, что я бывшая Гринбергъ и вышла замужъ за Спекторова; меня выпустили, но я, конечно, понимала, что эта ошибка можетъ разъясниться и потому я перешла окончательно на нелегальное положеніе. Живя въ Одессѣ и познакомившись съ программой, возникшей тогда партіи Народной Воли, совершенно согласилась, что, дѣйствительно, прежде всего нужно добиться политической свободы, чтобы можно было проводить свои идеи въ народѣ или гдѣ бы то ни было. И вслѣдствіе этого я пристала къ партіи Народной Воли. Я сказала здѣсь, что я принадлежу къ партіи Нар. Воли, но не къ организаціи; этимъ я вовсе не хотѣла сказать, что я только сочувствовала партіи, какъ это сказалъ г-нъ прокуроръ. Нѣтъ, я принимала и участіе въ дѣлахъ партіи. Правда въ террористическихъ фактахъ я участія не принимала, но я занималась другими дѣлами, тоже по программѣ Народной Воли.

IV.

Рѣчь А. П. Корба.

Виновой себя не признаю; но признаю принадлежность къ партіи и полную солидарность съ ея принципами, цѣлями и взглядами. Но партіи, излюбленный путь которой есть кровавый путь, такой партіи я не знаю и врядъ ли она существуетъ, иначе мы слышали бы о ней. Можетъ быть такая партія и возникнетъ со временемъ, если революція суждено разлиться широкимъ потокомъ по Россіи. Но если я буду жива къ тому времени, я не примкну къ такой партіи.

Что же касается партіи Народной Воли, то она придерживается террора не потому, что это излюбленный ея путь, не потому, что это удобнѣйшій или кратчайшій путь для достиженія цѣлей, поставленныхъ ей историческими условіями Россіи, а потому, что это единственный путь. Горестныя роковыя слова, носящія въ себѣ залогъ величайшихъ несчастій!

Г.г. сенаторы! Вамъ хорошо извѣстны основные законы Россійской

Имперіи: никто въ Россіи не имѣеть права высказываться за измѣненіе государственнаго строя; никто не можетъ даже помышлять объ этомъ; въ Россіи запрещены даже коллективныя петиціи! Но страна растетъ и развивается; условія общественной жизни усложняются съ каждымъ годомъ; наступаетъ моментъ— страна задыхается въ узкихъ рамкахъ, изъ которыхъ нѣтъ выхода...

Предсѣдатель. Это ваше личное мнѣніе.

Корба (продолжаетъ). Я перейду теперь къ дѣламъ партіи Народной Воли. Историческая задача партіи Народной Воли заключается въ томъ, чтобы расширить эти рамки, добыть для народа самостоятельность и свободу. А средства ея находятся въ непосредственной зависимости отъ правительства. Партія не стоитъ непреборимо упорно за терроръ; рука, поднятая для нанесенія удара, опустится немедленно, какъ только правительство заявитъ намѣреніе измѣнить политическія условія жизни. У партіи достанетъ патріотическаго самопожертванія, чтобы отказаться отъ мести за кровавыя раны, нанесенныя ей лично. Но отъ чего она не можетъ отказаться, не совершивъ предательства, измѣны противъ народа— это отъ завоеванія для него свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ благосостоянія. Въ подтвержденіе того, что дѣли партіи совершенно миролюбивыя, я прошу прочесть письмо къ Императору Александру III-му отъ Исполнительнаго Комитета, написанное вскорѣ послѣ 1-го марта. Изъ него вы увидите, что партія желаетъ реформъ сверху, но реформъ искреннихъ, полныхъ, жизненныхъ!

V.

Рѣчь С. С. Златопольскаго.

Я признаю свою принадлежность къ организаціи тайнаго общества „Народной Воли“; я признаю, что дѣятельность общества, дѣйствительно, проявилась, между прочимъ, въ неоднократныхъ покушеніяхъ на жизнь Государя, закончившихся цареубійствомъ 1-го марта. Я не признаю лишь той формулировки обвиненія, которая говоритъ, будто партія мечтаетъ разрушить своей дѣятельностью существующій общественный строй: это задача отдаленнаго будущаго, о которомъ мы не загадываемъ. Дѣятельность нашей организаціи исходитъ, главнымъ образомъ, изъ признанія отвѣтственности существующаго правительства за судьбу народа; вся террористическая дѣятельность „Народной Воли“ есть лишь проявленіе этого убѣжденія. Мы исходимъ изъ существующаго и желаемъ создать въ ближайшемъ будущемъ, въ возможно ближайшемъ будущемъ такой политической строй, который, представляя почву для идейной, культурной борьбы, не былъ бы въ то же время враждебенъ интересамъ массъ, интересамъ большинства. Мы желаемъ не парламентаризма, какъ обязательства верховной власти съ одной стороны и какъ созданія владѣтельнаго класса въ Россіи съ другой. Мы желаемъ замѣны государства чиновниковъ свободно выраженнымъ представительствомъ народа, но не классовъ и сословій; мы желаемъ, чтобы выразителемъ нуждъ и потребностей русской земли была Воля Народа, въ лицѣ живого учрежденія, будь то

Земскій Соборъ или Всероссийская Дума, съ правомъ высшей законодательной власти. Мы не утописты...

Первоприсутствующій сенаторъ прерываетъ и подсудимый садится сильно взволнованный.

.....

.....

.....

Калюжный и *Смирницкая* признали свою принадлежность къ партіи, при этомъ *Калюжный* просилъ, чтобы вся отвѣтственность за устройство паспортнаго бюро была отнесена къ нему, а не къ *Смирницкой*, которая играла только роль хозяйки.

Лисовская, признавая свою солидарность съ Народной Волей, указала, что обвинительная власть не вѣрно охарактеризовала партію, придавая ей исключительно окраску террористическую. Партія хотя и ставитъ своей задачей разрушеніе существующаго строя и созданіе новыхъ общественныхъ формъ, болѣе соответствующихъ волѣ народа, но вовсе не стремится осуществить это насильственнымъ путемъ, и партія всегда готова первая отказаться отъ насилія, какъ только представится къ тому возможность.

По поводу процесса 17-ти.

Еще въ то время, когда мы, осужденные по процессу 17-ти, находились въ Сибири, до насъ доходили отрывочныя и неясныя свѣдѣнія о томъ, что о нашемъ процессѣ циркулировали въ 80-хъ годахъ неблагопріятныя слухи, которые проникли даже въ годъ нашего осужденія въ народовольческую печать.

Писать въ Сибири по поводу нашего процесса, опровергать мнѣнія, обидныя для насъ, но въ то же время въ нашихъ глазахъ явно ошибочныя, было невозможно по двумъ причинамъ. Во первыхъ, въ Сибири мы никогда не имѣли увѣренности, что написанное и отправленное дойдетъ по назначенію. Письма, или терялись гдѣ-нибудь на далекомъ пути, или, по крайней мѣрѣ, мы не получали отвѣтныхъ извѣщеній о томъ, что посланное получено. Во-вторыхъ, опровергать то, чего не знаешь въ точности, не читая своими глазами, очень трудно, если не невозможно.

Въ настоящее время обстоятельства совершенно иныя. Передо мной лежатъ подлинныя страницы нелегальныхъ изданій, въ которыхъ помѣщены упомянутые мною упреки по адресу судившихся въ 1883 году; а также копія съ гектографированнаго изданія рѣчей подсудимыхъ.

Перечитывая эти копія, я признаю ихъ, насколько я помню сказанное нами на судѣ, довольно достоверными, хотя и это я могу сказать только при оговоркахъ самаго серьезнаго свойства, которыя я приведу поздне.

Въ № 1 „Листка Народной Воли“, помѣченномъ 20 іюля 1883 г. и изданномъ въ Петербургѣ, напечатано слѣдующее:

„Широковѣщательныя обѣщанія, которыя расточались направо и налѣво нечестивыми устами придворныхъ старателей и полиціей (въ видахъ предотвращения не предполагавашагося даже покушенія), могли вводить въ заблужденіе разнѣ только

очень наивныхъ людей да лишенныхъ возможности ориентироваться въ дѣйствительности нашихъ заключенныхъ товарищей, *которыхъ просили, даже умоляли, убѣдить насъ, ничего не предпринимать по случаю коронаціи*, которымъ давали обѣщаніе относительно всеобщей политической амнистіи и перемѣны политики въ смыслѣ простора для мирной социалистической дѣятельности.

Когда они намъ писали объ этомъ, мы отвѣчали имъ, что покушеніе все равно не предпринимается, но что ихъ тѣмъ не менѣе безсовѣстно обманываютъ, что падающій порядокъ до того распатанъ, что прибѣгаетъ ко лжи что въ дѣйствительности можно ожидать отъ правительства только того, что мы высказали въ брошюрѣ, выпущенной по случаю коронаціи, то есть ничего для мысли, свободы и чести и очень много для всего имъ противоположнаго. Такъ все это и случилось, конечно: чиновники получили много чиновъ, орденовъ и наградъ; купечество—льготы и привилегіи¹⁾. Далѣе приводится рядъ правительственныхъ дѣйствій, сопровождавшихъ коронацію, и этимъ кончается статья.

Обращаю особенное вниманіе читателей на подчеркнутыя строки и вообще на всю приведенную выписку. Она является однимъ изъ источниковъ обвиненій противъ насъ, и при томъ первоначальнымъ источникомъ¹⁾.

Мнѣ придется сейчасъ сдѣлать еще одну очень длинную выписку, но сократить ее невозможно, такъ какъ она содержитъ тѣ обвиненія, противъ которыхъ мнѣ приходится писать.

Въ № 1 „Вѣстника Народной Воли“ (онъ изданъ былъ въ Женевѣ въ августѣ 1883 года) читаемъ:

„Рѣчи нѣкоторыхъ подсудимыхъ произвели на революціонную среду тягостное впечатлѣніе какого-то крайняго компромисса съ существующимъ строемъ и даже съ самодержавной монархіей. Многіе невольно задаютъ себѣ вопросъ: Неужели это дѣйствительно взгляды партіи? И если нѣтъ, то какимъ образомъ подсудимые, со столь громкими именами, могли высказываться въ такомъ смыслѣ публично? Мы считаемъ совершенно излишнимъ напоминать читателямъ, что народовольчество рѣзче, чѣмъ кто бы то ни было, отрицало способность русской монархіи вести социальное возрожденіе русскаго народа. Но нелишне будетъ сказать, что едва-ли и въ средѣ подсудимыхъ процесса 17 могли существовать искреннія мнѣнія противоположнаго характера. Мы не хотимъ оправдывать нашихъ судившихся товарищей и не думаемъ, чтобы они по сво-

¹⁾ Намъ кажется, что источникомъ для замѣтокъ въ „Листкѣ Н. В.“ и „Вѣстникѣ Н. В.“ былъ одинъ и тотъ же Дегаевъ. Въ томъ же другомъ случаѣ имѣются въ виду несомнѣнно участники процесса 17-ти. „Листокъ Н. В.“ печатался въ типографіи Шебагина, а рукописи туда доставлялись Дегаевымъ; онъ же тогда ѣздилъ за границу и сообщалъ въ редакцію свѣдѣнія въ томъ освѣщеніи, дать которое желательно было его патрону Судейкину. Ред.

имъ соображеніямъ о требованіяхъ минуты имѣли какое-нибудь право высказывать мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ мнѣніями партіи. Но мы хотимъ только сказать, что по нашему убѣжденію они дѣйствовали именно неискренно, „политиканствовали“. Смѣшно и преступно было бы допускать хоть малѣйшую мысль, что подсудимые могли въ этомъ политиканствѣ руководиться какими-нибудь личными мотивами. Дѣло, разумѣется, не въ этомъ. Подсудимые полагали, что они дѣйствуютъ въ интересахъ общественной пользы. Іюльскій (1883 г.) „Листокъ Народной Воли“ говоритъ о „широковѣщательныхъ общаніяхъ“, которыя ввели въ обманъ „лишенныхъ возможности ориентироваться въ дѣйствительной жизни заключенныхъ“. Имъ обѣщали во время коронаціи „всеобщую амністію политическихъ преступленій и перемѣну политики въ смыслѣ простора для широкой социалистической дѣятельности, все это въ случаѣ, если не будетъ покушеній на жизнь царя. И заключенные дѣйствительно „просили, даже умоляли ничего не предпринимать по случаю коронаціи“. Не трудно догадаться, полагаемъ мы, что и поведеніе заключенныхъ на судѣ опредѣлялось тѣми же обстоятельствами: подсудимые, очевидно, старались устроить для правительства золотой мостъ. Мы не говоримъ, что это хорошо. Напротивъ, самыя элементарныя правила партіонной организаціи не допускаютъ со стороны нѣсколькихъ лицъ такого распорядженія партіонными принципами, и въ данномъ случаѣ подсудимые имѣютъ противъ себя еще то отягчающее вину обстоятельство, что, по словамъ „Листка“, вольные товарищи предупреждали ихъ, что ихъ, заключенныхъ, „безсовѣстно обманываютъ“, что „въ дѣйствительности отъ правительства можно ожидать только того, что высказано въ брошюрѣ, выпущенной по случаю коронаціи, т. е. ничего для мысли, свободы и чести и очень много для всего, имъ противоположнаго“. Такъ говорили заключеннымъ вольные товарищи ихъ.

„Тяжело дѣлать упреки людямъ, которые томятся въ парскихъ казематахъ и на каторгѣ, но, задаваяя цѣлью способствовать объединенію русскихъ социально-революціонныхъ силъ въ одну могучую партію, мы не имѣемъ права оставить со своей стороны безъ возраженія крупную ошибку, совершенную, по нашему мнѣнію, подсудимыми процесса 17-ти. Для того, чтобы создать партіонную силу—нужно выше всего, выше всѣхъ расчетовъ минуты, держать святыню своихъ принциповъ и въ такой же мѣрѣ необходимо дѣйствовать не по личному усмотрѣнію одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, а по согласованію общепартіонному“.

Если читатель прочелъ эту длинную выписку и подчеркнутыя въ ней слова, то онъ долженъ былъ замѣтить, что она сильно отличается отъ статьи въ „Листкѣ Н. В.“. Въ „Листкѣ Н. В.“ не говорится, что „лишенные возможности ориентироваться заключенные товарищи“ и есть судившіеся по процессу

17-ти; тогда какъ „Вѣстникъ Нар. Воли“ считаетъ вопросъ о томъ, кто эти „заключенные товарищи“, не подлежащимъ оспариванію и прямо относить свои упреки къ „осужденнымъ по процессу 17-ти“. Въ дѣйствительности же въ 1882 и 1883 годахъ до суда надъ нами и во время его, въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, кромѣ насъ, было очень много политическихъ заключенныхъ, а поэтому съ достовѣрностью нельзя сказать о какихъ „заключенныхъ товарищахъ“ говорить „Листокъ“.

Далѣе, въ „Листкѣ“ говорится лишь о подсудимыхъ, *„которые просили, даже умоляли, убедить насъ, ничего не предпринимать по случаю коронаціи“*, а въ „Вѣстникѣ Н. В.“ заявляется уже категорически, что *„заключенные дѣйствительно просили, даже умоляли, ничего не предпринимать по случаю коронаціи“*.

По словамъ „Листка“ „заключенные“ писали товарищамъ, находящимся на волѣ, о предложеніяхъ правительства, и въ отвѣтъ на это ихъ извѣстили, что „правительство ихъ бесовѣстно обманываетъ“. Если даже признать, что „заключенные товарищи“, это—мы, судившіеся по процессу 17-ти, то и тогда „Листокъ“ собственно ни въ чемъ насъ не обвиняетъ, — за то „Вѣстникъ Н. В.“ идетъ гораздо далѣе. По его словамъ „заключенные“ „политиканствовали“, „старались устроить для правительства золотой мостъ“, и „имѣютъ противъ себя еще то отягчающее вину обстоятельство, что вольные товарищи ихъ предупреждали о томъ, что ихъ безсовѣстно обманываютъ“. И всѣ эти *обвиненія* выводятся яко-бы изъ подлинныхъ словъ „Листка“, который никакихъ обвиненій „заключеннымъ“ не предъявляетъ.

Въ настоящее время трудно доискаться, какимъ образомъ произошла фальсификація отзыва объ участникахъ процесса 17-ти, и кто истинный ея авторъ. Я допускаю, однако, возможность, что это былъ никто иной, какъ Дегаевъ, уже состоявшій въ августѣ 1883 г., когда появился за границей „Вѣстникъ Н. В.“, агентомъ охраннаго отдѣленія и находился въ это время въ Петербургѣ. Меня побуждаютъ такъ думать слѣдующія соображенія. Весь этотъ инцидентъ съ обвиненіемъ насъ является чѣмъ-то неслыханнымъ въ революціонной средѣ. Небывалая вещь, чтобы на основаніи ложныхъ, неprovѣренныхъ данныхъ, революціонеры предали публичному осужденію своихъ товарищей, только что приговоренныхъ къ смерти, замурованныхъ навсегда въ крѣпости, или отправленныхъ на каторгу! Подобное явленіе вовсе не вяжется съ нравами русскихъ революціонеровъ. Тѣмъ болѣе оно непоятно, что въ революціонной средѣ у насъ, осужденныхъ по процессу 17-ти, не было личныхъ враговъ; напротивъ того, заграничные наши товарищи, народо-вольцы, эмигранты, были для большинства изъ насъ личными друзьями, связанными съ нами узами уваженія и симпатіи. Если они рѣшились напечатать о насъ отзывъ, заключавшій по

нашему адресу тяжкія обвиненія, то это значить, что въ ихъ рукахъ были „доказательства“ нашей мнимой виновности, въ которыя они безусловно вѣрили. Возможно, что вся статья въ „Вѣстникѣ“ написана со словъ самого Дегаева, уже бывшаго въ то время предателемъ и тайнымъ полицейскимъ агентомъ. Легко понять, какая громадная услуга была оказана правительству статьею въ „Вѣстникѣ Н. Воли“! Оно только что проглотило живьемъ болѣе десятка людей и готовилось ихъ переварить на досугѣ. Но для него важно было, чтобы смерть ихъ прошла безслѣдно для Россіи, чтобы имена этихъ людей забылись, или было бы еще лучше, еслибъ имена ихъ стали приноситься съ неуваженіемъ и порицаніемъ.

Могу съ своей стороны категорически заявить, что никакихъ переговоровъ съ судившимися по процессу 17-ти правительство не вело и не могло вести, потому что никто изъ насъ не сталъ бы выслушивать его агентовъ, еслибы они явились въ тюрьму съ предложеніями о компромиссахъ.

Перехожу теперь къ рѣчамъ, сказаннымъ подсудимыми по процессу 17-ти.

Изъ обвиненій „Вѣст. Н. В.“, специально касающихся рѣчей подсудимыхъ, самое важное, конечно, состоитъ въ томъ, что мы говорили не только несогласно съ программой „Народной Воли“, но высказывали положенія прямо противоположныя ей.

„Мы считаемъ совершенно излишнимъ напоминать читателямъ“,—говорится въ статьѣ „Вѣст. Н. В.“,—„что народовольчество рѣзче, чѣмъ кто бы то ни было, отрицало способность русской монархіи вести социальное возрожденіе русскаго народа“.

Выраженіе „социальное возрожденіе“—на столько широкое понятіе, что, конечно, содержитъ въ себѣ также идею политическаго возрожденія. Въ программѣ Н. В., разумѣется, нѣтъ мѣста для самопроизвольной преобразовательной дѣятельности и инициативы русской монархіи. Но и программа допускаетъ возможность, что „правительство можетъ идти на уступки и дать свободы, при которыхъ возможно направить силы партіи на дѣятельность въ народныхъ массахъ“. Это сказано въ документѣ, носящемъ названіе „Подготовительная работа Партіи“.

На 1-е марта 1881 г. Исп. Ком. Партіи Народ. Воли посмотрѣлъ какъ на поворотный пунктъ, когда могла наступить перемѣна въ политикѣ правительства. Особенной увѣренности, что правительство захочетъ измѣнить курсъ внутренней политики, у Комитета не могло быть. Тѣмъ не менѣе, предложенія въ этомъ смыслѣ были сдѣланы съ его стороны въ „Письмѣ къ императору Александру III“. Они дѣлались искренно, съ твердымъ намѣреніемъ выполнить условія, изложенныя въ „Письмѣ“.

Въ немъ говорится: „Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ. Этихъ условій, по нашему мнѣнію, два: 1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени... 2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями“.

Я привела эти отрывки изъ партійныхъ документовъ, чтобы доказать, что и партія, и ея Исп. Комитетъ признавали возможность наступленія такого историческаго момента, когда правительство, подъ давленіемъ революціоннаго движенія въ Россіи, приступитъ къ преобразованію государственнаго устройства въ Россіи, и что такое преобразованіе повлекло бы неминуемо за собой глубокія соціальныя измѣненія въ странѣ.

Теперь, для того, чтобы сами читатели могли судить о томъ, были-ли принципы „Н. Воли“ дѣйствительно искажены въ рѣчахъ подсудимыхъ по процессу 17-ти, я приведу изъ этихъ рѣчей тѣ мѣста, которыя имѣютъ програмное значеніе и такъ или иначе затрагиваютъ принципы и стремленія партіи „Народной Воли“ ¹⁾.

Замѣчу еще, что говоря о рѣчахъ подсудимыхъ процесса 17-ти, я не имѣю въ виду рѣчей Стефановича и его защитника. Стефановичъ всего за нѣсколько мѣсяцевъ до своего ареста вступилъ въ партію „Народной Воли“. Онъ не слился съ нею всѣми силами ума и сердца, какъ большинство изъ насъ, въ его глазахъ дѣятельность, значеніе, самые принципы партіи не имѣли той громадной цѣны, которую мы имъ придавали. Эти обстоятельства несомнѣнно отразились на рѣчахъ Стефановича и его защитника. Выясненіе всего этого потребовало бы слишкомъ много времени и мѣста, и потому я не имѣю возможности заняться разборомъ обѣихъ рѣчей въ предлагаемой читателямъ замѣткѣ.

Но текстъ немногихъ словъ, сказанныхъ мною лично на судѣ, требуетъ разъясненія.

Въ прежнемъ, заграничномъ изданіи „Былого“ моя заключительная фраза была напечатана въ такомъ видѣ: „Въ подтвержденіи того, что цѣли партіи совершенно миролюбивыя, я прошу прочесть письмо къ императору Александру III отъ Исполнит. Комитета, напечатанное вскорѣ послѣ 1 марта. Изъ него вы увидите, что партія желаетъ реформъ *сверху*, но реформъ искреннихъ, полныхъ, жизненныхъ“.

Въ такомъ видѣ фраза эта попала въ предисловіе г. Пле-

¹⁾ Мы выпускаемъ выдержки изъ рѣчей Златопольскаго, Грачевскаго, Теллова, такъ какъ выше дали эти рѣчи цѣликомъ.
Ред.

ханова къ книгѣ профессора Туна—„Исторія революціоннаго движенія въ Россіи“.

Разумѣется, такой фразы я не могла сказать, потому что принципы „Народной Воли“ были моими собственными принципами, воодушевляли меня и были мнѣ безконечно дороги, а эти принципы, конечно, не укладывались въ формулу „реформы сверху“.

Доказательство того, что я, дѣйствительно, не произнесла этой фразы, состоитъ въ слѣдующемъ. Когда Кеннанъ находился въ Сибири, онъ видѣлся съ очень близкими моими друзьями, которые передали ему текстъ того, что было мною сказано на судѣ, и записано моей рукой. Г-нъ Кеннанъ помѣстилъ мои слова въ своей книгѣ, чѣмъ оказалъ мнѣ, какъ увидить сейчасъ читатель, большую услугу. Въ его книгѣ фраза, о которой идетъ рѣчь, напечатана такъ: „Въ доказательство нашихъ мирныхъ стремленій я прошу прочесть письмо, отправленное нашей партией императору Александру III послѣ 1 марта. Изъ этого письма вы увидите, что мы стремимся только къ реформамъ, но къ реформамъ искреннимъ, полнымъ и жизненнымъ“.

Итакъ въ текстѣ моей рѣчи у Кеннана нѣтъ слова „сверху“, поставленнаго рядомъ съ „реформами“.

Мои слова были перепечатаны Владиміромъ Львовичемъ Бурцевымъ въ прежнемъ заграничномъ изданіи „Былого“ съ гектографированнаго экземпляра рѣчей въ томъ видѣ, какъ послѣдніе ходили по рукамъ. Слѣдовательно, маленькое, но коварное слово „сверху“ было вставлено ранѣе, чѣмъ наши рѣчи попали въ публику. Чья-то услужливая рука сдѣлала *маленькій подлогъ* въ надеждѣ, что онъ свое дѣло сдѣлаетъ рядомъ съ большимъ подлогомъ въ статьѣ „Вѣстника Народной Воли“, и поможетъ скомпрометировать судившихся по процессу 17-ти еще болѣе въ глазахъ революціонной Россіи.

Невольно приходится думать, что и въ рѣчи Телшалова нѣкоторые пропуски сдѣланы не случайно. Въ самомъ дѣлѣ. вмѣсто вполне разумной фразы: „Мы впередъ отказываемся, при измѣнившихся условіяхъ политической жизни страны, отъ какихъ-либо бунтовъ, и обратимся къ тѣмъ законнымъ средствамъ, которыя будутъ доступны всякому русскому гражданину“, осталось: „Мы впередъ отказываемся отъ организациіи какихъ-либо бунтовъ и обратимся къ тѣмъ законнымъ средствамъ, которыя доступны всякому русскому гражданину“. Это въ 1883 году-то! законныя средства, доступныя всякому гражданину! Во всякомъ случаѣ, такой фразы Телшаловъ на судѣ не говорилъ,—это могутъ подтвердить оставшіеся еще въ живыхъ наши сопроцесники.

Благодаря „закрытымъ дверямъ“ суда, агентамъ русскаго правительства легко было дѣлать подлоги въ матеріалахъ, отнесенныхъ къ нашему процессу. Матеріалы эти пускались въ

обращеніе нашими товарищами безъ провѣрки, такъ какъ они лѣтомъ 1883 года еще не подозрѣвали измѣны Дегаева, а впоследствии матеріалы эти никѣмъ не были пересмотрѣны.

Стоитъ-ли послѣ всего сказаннаго, серьезно заниматься защитой рѣчей нашихъ погибшихъ товарищей отъ извѣтовъ въ измѣнѣ партійнымъ принципамъ? Савелій Златопольскій, Теллаловъ, Богдановичъ, Грачевскій, они всѣ погибли славною смертью героевъ; погибли, оставаясь до конца представителями и выразителями принциповъ „Народной Воли“, т. е. борцами за свободу и политическія права народа.

Если въ ихъ рѣчахъ встрѣчаются недостатки или недомолвки, то это надо приписать главнымъ образомъ тому, что произнесшіе ихъ были прежде всего, и гораздо болѣе, людьми дѣйствія, нежели слова. Дialeктика была имъ чужда, и это отчасти отразилось на ихъ рѣчахъ, къ невыгодѣ послѣднихъ. Съ другой стороны, время нашего суда было не боевое. Всѣ члены партіи сходились на томъ, что слѣдуетъ выждать дѣйствій новаго правительства прежде, чѣмъ опредѣлять дальнѣйшую тактику партіи. Слѣдовательно, по условіямъ момента, рѣчи не могли носить наступательнаго характера, тѣмъ болѣе, что въ 1881 и 1882 годахъ были пережиты непоправимыя потери, и партіи уже были нанесены смертельныя раны.

А. Прибылева (Норба).

Документы къ Чигиринскому дѣлу¹⁾.

Печатныя брошюры, озаглавленныя каждая „Уставъ крестьянскаго общества Тайная Дружина Высочайше утвержденный Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ“, имѣють на второй страницѣ вверху оттискъ орла и текстъ слѣдующаго содержания:

Высочайшая Тайная Грамота.

Вѣрные наши крестьяне! Со всѣхъ концовъ Государства нашего слышимъ мы жалобы дорогого намъ крестьянства на тяжкія угнетенія искони враждебныхъ ему дворянъ. Между тѣмъ мы съ самаго вступленія нашего на Престолъ Имперіи Россійской старались улучшить положеніе Ваше. Вопреки желанію всего дворянства, Высочайшимъ Манифестомъ 19 февраля 1861 г. мы освободили васъ отъ крѣпостной зависимости и даровали вамъ всю землю безъ всякаго за нее платежа, а также лѣса и сѣнокосы, несправедливо до того принадлежавшіе однимъ дворянамъ.

Сю волю нашу простерли Мы, какъ на бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и на государственныхъ крестьянъ, изъ коихъ послѣднимъ должны были отойти всѣ казенныя земли и лѣса; всѣхъ мѣщанъ, отставныхъ солдатъ и весь безземельный людъ, безъ различія вѣроисповѣданія, повелѣли мы также надѣлать землю, ибо симъ даромъ Господь предоставилъ право всякому человѣку пользоваться въ равной мѣрѣ. При этомъ мы облегчили рекрутскую повинность; даровали всякому право свободного и безопштиннаго занятія всякими ремеслами и промыслами: рыбными, соляными и всѣми другими.

Мы повелѣли оставить помѣщикамъ только усадьбы и такое-же количество земли и лѣса, какое придется и всякому бывшему ихъ крѣпостному по равному подушному раздѣлу. Такова была воля наша, обнародованная въ манифестѣ 19 февраля 1861 г. Но къ величайшему огорченію Нашему,

¹⁾ Хотя авторъ „Тайной Грамоты“ Я. В. Стефановичъ судился по процессу 17-ти, но среди другихъ обвиняемыхъ онъ занималъ особое мѣсто. Онъ одинъ среди нихъ обвинялся по извѣстному „Чигиринскому дѣлу“, къ употребленнымъ въ которомъ Стефановичемъ и другими приемамъ многіе революціонеры отнеслись тогда же безусловно отрицательно. Мы помѣщаемъ текстъ тѣхъ документовъ, которые пустили въ ходъ г. Стефановичъ для организаціи среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда „Тайныхъ Дружинъ“. Во всей исторіи русскаго революціоннаго движенія случаи употребленія подобныхъ приемовъ можно насчитать очень немногіе.

дворяне воспрепятствовали исполненію повелѣній Нашихъ. Они хитростью и обманомъ удержали за собою большую и лучшую часть земли, всё дѣса и сѣнокосы и только самую худшую и ничтожную часть отвели Вамъ, притомъ еще наложили за оную чрезмѣрные выкупные и оброчные платежи; многимъ изъ васъ они не дали никакого надѣла, всё промыслы обложили налогами, выдумали земскія и другія повинности, кромѣ того недостойный наслѣдникъ Нашъ, несмотря на противодѣйствіе Наше, въ угоду дворянамъ, обременилъ Васъ тяжелою рекрутчиною, дабы вмѣстѣ съ ними имѣть противъ васъ силу и тѣмъ держать васъ, какъ скотовъ, въ темнотѣ и нищетѣ.

Вотъ что хотѣли Мы сдѣлать для Васъ но, къ сожалѣнію, воля Наша приведена въ исполненіе не была.

Непрестанная 20-ти лѣтняя борьба Наша за васъ съ дворянствомъ убѣдила васъ наконецъ, что Мы единолично не въ силахъ помочь вашему горю, и что только вы сами можете свергнуть съ себя дворянское иго и освободиться отъ тяжелыхъ угнетеній и непосильныхъ поборовъ, если единодушно съ оружіемъ въ рукахъ возстанете противъ ненавистныхъ вамъ враговъ и завладѣете всею землею. Руководясь симъ убѣжденіемъ, всѣмъ Вамъ крестьянамъ, а также и мѣщанамъ, вѣрнымъ намъ, а не недостойному наслѣднику Нашему Александру Александровичу съ его союзниками дворянами и Великими князьями, повелѣваемъ: Соединитесь въ тайныя общества, именуемая „Тайныя Дружины“, съ тѣмъ, чтобы подготовиться къ возстанію противъ дворянъ, чиновниковъ и всѣхъ высшихъ сословій. Всякій, кто готовъ положить жизнь свою за великое дѣло, обязанъ дать присягу на вѣрность обществу Тайной Дружины. Сія общества должны держать себя въ самой строгой тайнѣ отъ дворянскаго начальства и поповъ, этихъ, по большей части, шпионовъ панскихъ, а не достойныхъ пастырей стада Божія. Измѣнниковъ не должно падить, и всякій кто умертвить предателя, совершить доброе и благородное дѣло.

Повелѣваемъ Тайнымъ Дружинамъ исполнять Наши утвержденные уставы; сохранять твердость и единодушіе въ своемъ дѣлѣ и не вѣрять ни попамъ, ни дворянамъ, которые лживыми обѣщаніями и всякими другими способами будутъ стараться внести между вами раздоръ и тѣмъ ослабить Ваши силы. Въ случаѣ же смерти Нашей или другого могущаго произойти несчастія, завѣщаемъ Тайнымъ Дружинамъ не покидать своего великаго дѣла и непрестанно съ мечемъ въ рукѣ бороться съ вѣчнымъ врагомъ свободы и благоденствія вашего, пока язва сія съ корнемъ не исчезнетъ съ земли Русской.

Когда же священная борьба ваша съ дворянами, этимъ хитрымъ, но слабымъ врагомъ вашимъ,—съ Божіей помощью увѣнчается для васъ побѣдой,—тогда вся земля, съ лѣсами и сѣнокосами, станетъ такимъ-же бесплатнымъ достояніемъ вашимъ, какъ вода, свѣтъ солнечный и всякій другой даръ Божій, созданный для человѣка; не будетъ ненавистнаго вамъ дворянскаго начальства, незнающаго состраданія къ вамъ, и воцарится тогда свобода и благоденствіе на землѣ Русской.

Итакъ, сѣдни себя крестнымъ знаменемъ, православный народъ, и призви благоденствіе Божіе на святое дѣло твое. Помни, како заповѣдь, сія слова, сказанныя тебѣ Царемъ—доброжелателемъ твоимъ! На подлинномъ

собственная Его Императорскаго Величества печать и подпись „Александръ II“. С.-Петербургъ 1875 года февраля 19 дня.

Далѣе изложено нижеслѣдующее содержаніе самаго устава:

Назначеніе общества Тайная Дружина:

I. Тайныя крестьянскія общества, именуемыя Дружинами, имѣютъ своимъ назначеніемъ подготовиться къ востанію противъ дворянъ и другихъ высшихъ сословій съ тѣмъ, чтобы силою возвратить себѣ захваченную ими землю, уничтожить повинности и налоги, введенныя дворянскимъ начальствомъ и возстановить полную „Волю“, какъ даровалъ ее Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

Дружина состоитъ подъ покровительствомъ самого Государя Императора Александра Николаевича и пользуется отъ Его Величества поддержкою.

II. Всею Дружиною заправляетъ Совѣтъ Коммисаровъ, который состоитъ изъ лицъ, облеченныхъ въ званіе коммисара особенною грамотою, выданною изъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи за печатью Самаго Государя Императора Александра Николаевича.

III. 1) Коммисаръ избираетъ изъ извѣстныхъ ему крестьянъ наиболѣе честныхъ, твердыхъ, трезвыхъ, преданныхъ Государю Императору Александру Николаевичу и враждебныхъ дворянству, объявляетъ имъ волю Государя Императора и, если они заявятъ готовность служить святому народному дѣлу, хотя бы пришлось умереть за него, тогда приводитъ ихъ къ присягѣ на вѣрность дѣлу. Послѣ сего первые дружинники немедленно приступаютъ къ вербовкѣ новыхъ членовъ.

2) Коммисаръ доноситъ Его Величеству о ходѣ дѣлъ Дружины.

3) Коммисаръ, какъ лицо, уполномоченное самимъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ, издаетъ дополнительные уставы, и таковыя, утвержденныя Совѣтомъ Коммисаровъ, за печатью онаго, обязательны для состоящей подъ его вѣдомствомъ Дружины.

4) Коммисаръ вноситъ предложеніе о смертной казни невѣрныхъ дружинниковъ; а въ случаяхъ могущей немедленно произойти опасности отъ измѣны или неосторожности члена, произноситъ такому смертный приговоръ самъ.

IV. 25 дружинниковъ составляютъ старство. Старство избираетъ старосту большинствомъ голосовъ не менѣе 15 дружинниковъ. Старосты вмѣстѣ составляютъ старостскую раду; они имѣютъ между собою общій пароль, который ими измѣняется на каждомъ сходѣ Старостской рады. Старостская рада избираетъ изъ себя Атамана.

Обязанности cadaго члена дружины:

1) Каждый крестьянинъ тогда только считается настоящимъ дружинникомъ, когда онъ принесетъ присягу на вѣрность дѣлу всей дружины. Къ присягѣ же приводится въ томъ случаѣ, когда не менѣе двухъ знающихъ его дружинниковъ поручатся за его благонадежность.

2) Каждый дружинникъ обязанъ непременно вербовать новыхъ членовъ въ дружину, дѣлая сіе осторожно и совѣтуясь съ другими дружинниками.

3) Дружинники должны жить въ мирѣ и согласіи и всегда помогать другъ другу въ нуждахъ.

4) Каждый дружинникъ обязанъ сдѣлать для себя пику или ратище и сохранять его втайнѣ до времени востанія.

5) Каждый дружинникъ вноситъ ежемѣсячно не менѣе 5 коп. въ кассу дружины.

6) Черезъ каждыя двѣ недѣли дружинникъ отдаетъ отчетъ своему старостѣ о томъ, что онъ сдѣлалъ на пользу дружины.

7) Дружинникъ, замѣтившій невѣрность другого, тотчасъ доносить объ этомъ старостѣ.

8) Дружинникъ обязанъ исполнять приказаніе своего старосты.

Обязанности старосты:

1) Староста наблюдаетъ, чтобы дружинники его Староства точно знали уставъ и строго соблюдали свои обязанности.

2) Еженедѣльно узнаетъ о числѣ новыхъ членовъ, и самъ лично при двухъ свидѣтеляхъ приводитъ каждого къ присягѣ, которой новый членъ заранее выучивается отъ своихъ поручителей.

3) Если число новыхъ дружинниковъ достигло двадцати пяти, и если по мѣсту жительства они близки другъ къ другу, староста соединяетъ ихъ въ новое староство и выбраннаго ими своего старосту вводитъ въ старостскую раду.

4) Староста ежемѣсячно собираетъ съ своего староства денежные взносы и доставляетъ ихъ въ старостскую раду.

5) Въ случаѣ наемны или другой опасности староста немедленно даетъ знать объ этомъ Атаману.

6) Онъ можетъ въ семь случаѣ распорядиться самъ, если время не терпитъ, но тогда онъ отвѣчаетъ за несправедливое распоряженіе.

7) Староста избирается на 3 мѣсяца, онъ можетъ быть смѣненъ раньше, если того пожелаетъ большинство 20 дружинниковъ; назначенный отъ Коммисара не можетъ быть смѣненъ дружинниками.

8) Староста, оставляющій свое званіе, сдаетъ свое староство другому, избранному на его мѣсто.

V. Старостская рада обсуждаетъ, какъ привести въ исполненіе комиссарскіе приказы, чтобы сіе осталось незамѣченнымъ дворянскимъ начальствомъ и посторонними крестьянами, а также мѣры огражденія отъ опасности, выдаетъ старостамъ деньги на нужды ихъ староствъ; назначаетъ черезъ каждые 3 мѣсяца двухъ изъ старостъ для провѣрки кассы и выбираетъ казначея и Атамана.

Обязанности Атамана:

1) Атаманъ избирается изъ старостъ на 3 мѣсяца, но назначенный самимъ, Коммисаромъ не можетъ быть смѣненъ старостскою радою. Если онъ не грамотенъ, то назначаетъ себѣ писаря.

2) Черезъ Атамана дружина сносится съ Коммисаромъ, а черезъ послѣдняго и съ самимъ Его Императорскимъ Величествомъ, посему Атаманъ избирается изъ самыхъ лучшихъ дружинниковъ.

3) Атаманъ лично получаетъ приказы отъ Коммисара.

4) Онъ доноситъ Коммисару о дѣлахъ Дружины, имена ненадежныхъ членовъ, а также имена особенно старательныхъ для дѣла.

5) Атаманъ, какъ въ то же время и староста своего староства, назначаетъ себѣ помощника; оставляя свое званіе, онъ сдаетъ дѣла другому, избранному на его мѣсто.

Обязанности казначея:

1) Казначей забирается старостскою радю изъ старость, а назначенный Коммисаромъ не можетъ быть ею смѣненъ.

2) Онъ хранить кассу Дружины и подъ страхомъ отвѣтственности не долженъ самъ тратить ея. Онъ выдаетъ деньги только старостамъ и Атаману по опредѣленію старостской рады.

VI. Староство именуется: первымъ (1), вторымъ (2) и т. д., по времени своего происхожденія. Всякій приказъ отъ Коммисара за печатью Совѣта Коммисаровъ Дружина должна исполнять, какъ повелѣнія самого Государя. Коммисаръ доставляетъ дружинѣ денежныя пособія.

Обрядъ святой присяги:

Къ святой присягѣ желающій быть членомъ Дружины приводится послѣ поручительства двухъ знающихъ его дружинниковъ. Только Коммисаръ имѣетъ право приводить къ Св. присягѣ безъ поручительства. Обрядъ святой присяги совершается такъ: Предъ иконою Спасителя, св. Крестомъ, св. Евангеліемъ, передъ двумя накрестъ воткнутыми пиками или ножами, зажигается восковая свѣчка. Приводимый къ Св. присягѣ становится на колѣни, поднимаетъ второй и третій персты правой руки вверхъ, а лѣвую полагаетъ на грудь и повторяетъ слова Св. присяги, читаемая старостою или грамотнымъ свидѣтелемъ такъ:

— Я (имя, отчество, фамилія) передъ ликомъ Спасителя, Святымъ Евангеліемъ, Святымъ Крестомъ, клянусь всю мою жизнь пожертвовать Св. народному дѣлу Дружины. Клянусь по приказу Государя Александра Николаевича бороться съ оружіемъ въ рукахъ съ помѣщиками, чиновниками и всякими моихъ собратій и моего Государя Александра Николаевича врагами, погубившими нашу волю и отнявшими отъ насъ землю, врученную намъ самимъ Богомъ и Государемъ Александромъ Николаевичемъ въ вѣчное бесплатное пользованіе. Клянусь всѣми моими силами стараться непрестанно вербовать членовъ въ Тайную Дружину. Клянусь жить со всѣми дружинниками въ мирѣ и согласіи и, какъ братьямъ, помогать имъ въ нуждахъ. Клянусь сохранять въ строгой тайнѣ наше общее дѣло даже на исповѣди и никого изъ товарищей дружинниковъ не выдавать врагамъ и если замѣчу въ другомъ таковое намѣреніе,—донести своему старостѣ. Клянусь безпрекословно исполнять уставы Дружины, исходящіе черезъ Коммисаровъ за печатью Совѣта Коммисаровъ отъ Самого Государя Императора Александра Николаевича. Если нарушу сію мою клятву, то призываю гнѣвъ Господа Бога и всѣхъ святыхъ его на меня и на все мое потомство, и да поразятъ меня всякія бѣды и несчастья, и да не щадитъ меня рука брата—дружинника. Аминь.

Послѣ произнесенія сихъ словъ присягнувшій цѣлуетъ икону, крестъ и Евангеліе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему“. Александръ II. С.-Петербургъ. 1875 г. Февраля 19 дня.

Въ концѣ означенной присяги приложена золотого цвѣта круглая печать, среди которой изображены на крестъ пика и топоръ, а кругомъ значится: „печать совѣта Коммисаровъ“.

Изъ исторіи „конституціонныхъ“ вѣяній въ 1879—1881 гг.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду, на основаніи нѣкоторыхъ новыхъ, неизданныхъ или малоизвѣстныхъ, матеріаловъ, коснуться исторіи «конституціонныхъ» идей въ 1879—1881 годахъ. Кавычки при словѣ конституціонный означаютъ лишь то, что мы будемъ говорить исключительно объ отношеніяхъ сферъ, высоко-бюрократическихъ и придворныхъ, къ идеѣ представительства. Дѣло въ томъ, что въ этихъ кругахъ значеніе народнаго представительства для Россіи всегда—теперь и раньше—или вовсе отрицалось, или, если и признавалось, какъ необходимый выходъ изъ даннаго момента, то принципиально оно считалось отнюдь не противорѣчающимъ идеѣ самодержавія. Поэтому въ бюрократическихъ попыткахъ создать специфически русскую форму участія народа въ управленіи страной, естественно, не было и тѣни конституціонныхъ началъ. Самое крупное выраженіе конституціонныхъ потугъ высшаго правительства въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ мы видимъ въ проектахъ Валуева, вел. кн. Константина Николаевича и гр. Лорисъ-Меликова. Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что возникновеніе первыхъ двухъ проектовъ относится къ срединѣ 60-хъ годовъ (1863 и 1866 гг.), но въ концѣ 70-хъ годовъ они были вновь выдвинуты и подверглись обсужденію. Но и эти два, и пресловутый лорисъ-меликовскій никоимъ образомъ не могутъ быть причислены къ конституціоннымъ ¹⁾.

I.

Записка Валуева была составлена имъ въ эпоху польскаго возстанія и представлена государю 13 апрѣля 1863 года. Отсылая читателей, желающихъ детально ознакомиться съ его запиской, къ текстамъ, напечатаннымъ въ указанныхъ въ примѣчаніи работахъ, ограничимся лишь краткимъ изложеніемъ основныхъ мыслей Валуева и исторіи вопроса, какъ это сдѣлано въ официальномъ изданіи.

¹⁾ Записки Валуева и гр. Лорисъ-Меликова напечатаны въ конфиденціальномъ правительственномъ изданіи „Предположенія высшаго правительства о привлеченіи избранныхъ отъ населенія лицъ къ законосовѣщательной дѣятельности“. Отсюда эти записки, а также и историческій комментарий перепечаталъ г. Берманскій въ ноябрьской книгѣ „Вѣстника Права“ за 1905 годъ.

Основанія, на которыхъ статсъ-секретарь Валуевъ строилъ свои предположенія, могутъ быть сведены къ слѣдующему: 1) представители населенія, избираемые земскими собраніями не болѣе какъ по 2—4 на губернію, причемъ только наиболѣе крупные города имѣютъ отдѣльныхъ представителей, вводятся въ государственный совѣтъ; 2) представителей избираютъ всѣ части Имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго; 3) представители участвуютъ въ обсужденіи только нѣкоторыхъ дѣлъ, поручаемыхъ государственному совѣту; 4) сверхъ представителей отъ земствъ въ государственный совѣтъ приглашаются, по непосредственному Высочайшему избранію, и нѣкоторые члены высшаго духовенства.

По мысли статсъ-секретаря Валуева, основныя положенія эти, по на первое время лишь въ общихъ выраженіяхъ, должны были быть опубликованы 17 апрѣля въ формѣ указа на имя Предсѣдателя государственнаго совѣта или Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

14 апрѣля записка была возвращена Валуеву съ слѣдующей собственноручной Его Величества резолюціей: *„Предположенія эти такъ важны и требуютъ столь зрѣлаго обсужденія, что я сомнѣваюсь, чтобы мы успѣли притти къ какому-либо заключенію въ одно сознаніе¹⁾. Я, однако, васъ соберу завтра въ 11 ч. Всѣмъ прочимъ дамъ знать отъ Себя“.*

15 апрѣля въ Высочайшемъ присутствіи состоялось первое засѣданіе по вопросамъ, затронутымъ въ запискѣ статсъ-секретаря Валуева. Слѣдуетъ думать, что оно не было послѣднимъ, такъ какъ разработанный проектъ объ участіи земскихъ представителей въ занятіяхъ государственнаго совѣта былъ представленъ статсъ-секретаремъ Валуевымъ только 18 ноября 1863 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно думать, что первоначальныя предположенія статсъ-секретаря Валуева не вызвали особыхъ возраженій, такъ какъ разработанный имъ проектъ, въ существѣ, ни въ чемъ не отступаетъ отъ означенныхъ предположеній.

Въ 1867 г. вновь былъ возбужденъ вопросъ о привлеченіи выборныхъ отъ населенія къ участію въ законодательныхъ работахъ. Основаніемъ послужила записка, представленная государю великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ еще въ 1866 году.

Къ сожалѣнію, эта записка намъ неизвѣстна. Изъ переписки Валуева и кн. С. Н. Урусова, излагавшаго мысли великаго князя (переписки хранящейся нынѣ въ Арх. Мин. Вн. Дѣлъ) видно, что записка великаго князя тѣсно примыкаетъ ко взглядамъ Валуева и составлена не безъ участія послѣдняго...

Такимъ образомъ ни въ проектѣ Валуева, ни, конечно, въ проектѣ великаго князя нѣтъ совершенно рѣчи объ участіи народа въ законодательной работѣ.

II.

Въ 1879 году, подъ вліяніемъ все возростающаго революціоннаго движенія, мысли высшаго правительства вновь обращаются къ

¹⁾ Подлинникъ хранится въ Арх. Мин. Вн. Дѣлъ.

«конституціи». Приходится констатировать, что лишь весьма немногіе бюрократы рѣшались выступать съ этой мыслью; если нѣкоторые сознавали всю неизбѣжность для родины этого выхода, то соображенія о карьерѣ, конечно, брали верхъ и налагали на ихъ уста печать молчанія. Въ дневникѣ П. А. Валуева, бывшаго въ то время министромъ государственныхъ имуществъ, находимъ не мало любопытнѣйшихъ замѣчаній и признаній¹⁾.

Первое замѣчаніе о возобновеніи конституціонныхъ разговоровъ мы находимъ подъ 27 апрѣля 1879 года. «Вчера—пишетъ Валуевъ—былъ у меня А. (конечно, Абаза, тогдашній министръ финансовъ). Долгій разговоръ. Онъ бьетъ на представительный элементъ, примѣняясь къ моимъ предположеніямъ 1863 года. Конечно, онъ при этомъ думаетъ и о своей роли,—но все-таки онъ говоритъ и по убѣжденію, что далѣе просто по старому, безъ нѣкоторыхъ перемѣнъ, дѣло итти не можетъ. Онъ сказалъ мнѣ, что если такихъ перемѣнъ не сбудется, онъ уѣдетъ въ отпускъ безъ шума, но не вернется. Ясной мысли въ немъ нѣтъ. Онъ слишкомъ много толкуетъ и слишкомъ неумѣло взялся за дѣло». Конечно, авторъ «предположеній 1863 года» съ высоты смотрѣлъ на Абазу, еще ничѣмъ не проявившаго себя по этой части. Валуевъ далъ Абазѣ просмотрѣть свои работы и черезъ нѣсколько дней записалъ. «А. возвратилъ бумаги. Я, при этомъ случаѣ, кажется ближе въ него смотрѣлся. Способности есть; но порывистости нѣтъ. Душа мелкая».

По поводу положенія высшаго правительства въ то время Валуевъ писалъ: «Изъ Ливадіи (гдѣ въ это время былъ государь) ничего. Высшая власть будто на время улетучилось. Здѣсь ихъ три, по политической части, не считая судебной, которая ведетъ процессы. *Trait d'union* нѣтъ. Есть отрывки правительства. Цѣлага нѣтъ».

Графъ П. А. Валуевъ, несомнѣнно одинъ изъ умнѣйшихъ бюрократовъ Россіи, тонкій наблюдатель современныхъ событій, правильно оцѣнивалъ значеніе и ростъ революціоннаго движенія. Онъ оцѣнивалъ правильно, если не въ рѣчахъ и официальныхъ переговорахъ, то во всякомъ случаѣ на страницахъ своего дневника. По поводу суда надъ Соловьевымъ, 26-го мая 1879 года, онъ писалъ:

«Судъ надъ Соловьевымъ состоялся вчера... Достойна замѣчанія аффектація безвѣрія во всѣхъ этихъ подсудимыхъ. Съ перваго слова, на судѣ, Соловьевъ заявилъ, что не признаетъ никакой религіи... Для меня все это какъ будто второстепенно,—т. е. не характеръ безвѣрія въ выхолненныхъ нами самими заговорщикахъ и убійцахъ,—а всѣ теперешніе суды и пр. Не вижу правительственнаго сознанія, хотя и вижу правительствованіе. Мнѣ кажется,

¹⁾ Мы пользовались современной копіей этого дневника. По смерти Валуева, его дневники перешли, если не ошибаемся, въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

что все-таки по частямъ все крушится и рушится—и я безсиленъ крушенію и обрушенію ставить преграды. Все одно и то же чувство.—Вижу, чего другіе какъ будто не видятъ, и ожидаю того, чего они ждуть».

Чтобы оцѣнить все значеніе этого признанія, нужно вспомнить, что какъ разъ въ это время подъ предсѣдательствомъ П. А. Валуева, происходили засѣданія особаго совѣщанія изъ министровъ: военнаго, финансовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, главноуправляющаго II отдѣленія и шефа жандармовъ. Этому совѣщанію императоръ Александръ II, уѣзжая послѣ покушенія Соловьева въ Крыму, поручилъ выяснить «причины быстрого распространія въ средѣ молодого поколѣнія разрушительныхъ ученій и изыскать дѣйствительныя практическія мѣры для ихъ устраненія». Само собой разумѣется, что въ особомъ совѣщаніи, которое по приказанію свше, *должно было* изыскать мѣры для устраненія „крамолы“, предсѣдатель не высказывалъ своихъ взглядовъ, оставляя ихъ изложеніе на страницахъ дневника.

Еще разительнѣе слѣдующія признанія. 1 іюня возвратились въ Петербургъ государь и государыня, 3-ьяго Валуевъ былъ въ Царскомъ селѣ и видѣлъ ихъ. „Вокругъ ихъ—писалъ онъ въ дневникѣ—все по прежнему; но они не прежніе.—Оба оставили во мнѣ тяжелое впечатлѣніе. Государь имѣетъ видъ усталый и самъ говорилъ о нервномъ раздраженіи, которое онъ усиливается скрывать. Въ эпоху, гдѣ нужна въ немъ сила,—очевидно нельзя на нее рассчитывать. Коронованная Императрица—живое противорѣчіе. Приемы прежніе, вся наружность другая; какъ будто кто-то играетъ чужую роль. Она, въ данный срокъ времени, постарѣла болѣе его.—Во дворцѣ—тѣ же Гротъ и Голицынъ, та же фрейлина Пилларъ, тѣ же метръ-д'отель и пр.—Вокругъ дворца на каждомъ шагу полицейскія предосторожности; конвойные казаки ѣдутъ рядомъ съ приготовленнымъ для Государя традиціоннымъ въ такіе дни шарабаномъ. Чувствуется, что почва зыблется, зданію угрожаетъ паденіе, нѣ обыватели какъ будто не замѣчаютъ этого,—а хозяева смутно чувуютъ недоброе, но скрываютъ внутреннюю тревогу»...

При такихъ зловѣщихъ предчувствіяхъ Валуевъ нашелъ возможнымъ заговорить съ государемъ о конституціи и о своихъ планахъ и проэктахъ, разработанныхъ имъ въ 1863 году. Намъ, конечно, трудно теперь судить, въ какой мѣрѣ были искренни намѣренія графа Валуева и какъ онъ рассчитывалъ свои личныя выгоды въ случаѣ, если бы государь согласился съ нимъ и вступилъ на новый путь дѣйствій. 4 іюня Валуевъ былъ съ докладомъ въ Царскомъ селѣ. „Впечатлѣніе довольно благопріятное. Государь повидимому сознаетъ, что нельзя ничего не дѣлать для будущаго, и, кажется, мнѣ довѣряетъ. Онъ опять самъ заговорилъ о конституціонныхъ толкахъ. Я воспользовался случаемъ, чтобы обрисовать въ должномъ свѣтѣ и видѣ нынѣшній Государственный Совѣтъ, и забросилъ два слова о моихъ предположеніяхъ 1863

года. Государь ничего не сказалъ, но въ тотъ же вечеръ прислалъ мнѣ, для прочтенія и доклада, полученное имъ отъ кн. Горчакова открытое письмо неизвѣстнаго, въ которомъ проводится мысль о необходимости и неизбѣжности конституціи... Авторъ, очевидно, полякъ, мало знающій Россію.“¹⁾

Послѣ этого робкаго начала разговоры о конституціи прекратились надолго. Государь безмолвствовалъ по вопросу, поднятому Валуевымъ. И только 10 декабря при докладѣ Валуевъ вновь высказалъ все, что могъ сказать по поводу положенія дѣлъ, высказалъ, по его словамъ, «съ жаромъ и рѣзко». Выслушавъ Валуева, государь разрѣшилъ ему вновь представить записку 13 апрѣля 1863 года. При разговорѣ присутствовалъ будущій императоръ Александръ III. Онъ слушалъ молча и Валуевъ не могъ прочесть впечатлѣній на его лицѣ, такъ какъ онъ сидѣлъ въ сторонѣ, а Валуевъ, обращаясь къ государю, почти не могъ его видѣть. 17 декабря Валуевъ передалъ Александру II свои записки и проэкты.

Прошло еще довольно времени, пока Государь вновь заговорилъ о запискѣ Валуева. Тревожное настроеніе, поддерживаемое слухами о возможности революціонныхъ настроеній, не умирало, наоборотъ, усиливалось. 6 января 1880 года не состоялся даже обычный выходъ. По этому поводу Валуевъ записалъ: „съ разныхъ сторонъ въ послѣднее время получались свѣдѣнія, будто бы на этотъ день готовилось новое покушеніе противъ жизни Государя. Вспомнили, что на планѣ Зимняго дворца, найденномъ у одного изъ здѣсь арестованныхъ лицъ, былъ между прочимъ особый знакъ на мѣстѣ, обозначающемъ Иорданскій подѣздъ. Ничего положительнаго, впрочемъ, не открыто»...

7 января государь приказалъ Валуеву быть у него въ среду 9-го. «Зачѣмъ? Не моя записка ли, 1863 года, получаетъ ходъ?»—спрашиваетъ Валуевъ въ своемъ дневникѣ. Дѣйствительно, 9 января, рѣчь зашла о пресловутой запискѣ.

«При этомъ случаѣ Государь прочиталъ мнѣ *исчезнувшую* съ 1866 г. записку вел. кн. Ген.-Адмирала (т. е. Константина Николаевича) приблизительно по тому же предмету. Его предположенія уже, и явно, что узость ихъ, въ глазахъ государя составляетъ достоинство. Разрѣшено переговорить съ кн. Урусовымъ. Государь притомъ отозвался, что соберетъ насъ послѣ для совѣщанія, конечно при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, Шефѣ Жандармовъ и проч. Присутствовавшій Цесаревичъ явно недоброжелателенъ всякому органическому измѣненію status quo и всякій «конституціонализмъ» считаетъ гибельнымъ. Явно, также, что онъ весьма невѣрно освѣдомленъ о настроеніи въ имперіи, считая конституціонныя стремленія исключительно *столичными бреднями*, и притомъ не имѣлъ яснаго понятія о моихъ предположеніяхъ и не зналъ, что я еще въ прошломъ году высказалъ во всеподданнѣйшей запискѣ, que le mot

¹⁾ Это письмо намъ неизвѣстно.

«constitution» ne devait même pas être prononcé. Государь передалъ Цесаревичу, отчасти по моему предложенію, отчасти proprio motu, les pièces du procès. Въ виду настроенія, я не входилъ ни въ какія подробности. Все таки дѣло пошевелинулось. Увидимъ, что будетъ далѣе.»

10 января Валуевъ отослалъ государю часть своей переписки съ кн. Урусовымъ въ 1866 году. Предварительно онъ объяснился съ Урусовымъ и спросилъ его согласія. «Урусовъ—записываетъ Валуевъ—колеблется, несмотря на то, что самъ мнѣ сказалъ за обѣдомъ у государя, 16 декабря, въ тотъ самый день, когда я напомнилъ Его Величеству о моей запискѣ 1863 г., «qu'il ruminait sans cesse mes idées d'alors» (что онъ пережевываетъ безпрестанно мои тогдашнія идеи).

Между тѣмъ слухи о грядущей конституціи побѣжали по придворнымъ сферамъ. Другой завѣдомый «конституціоналистъ» той эпохи вел. кн. Константинъ Николаевичъ тоже заволновался. 11 января онъ приглашалъ къ себѣ Валуева, но тотъ былъ боленъ и написалъ, что не можетъ быть. Тогда великій князь просилъ его прислать переданную государемъ его записку 1866 года. «Слѣдовательно—заключаетъ Валуевъ—государь говорилъ съ нимъ». 15 января къ Валуеву заѣзжалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ и сообщилъ ему, что великій князь заспорилъ съ нимъ наканунѣ о той же запискѣ. «Государь—пишетъ Валуевъ подъ 15 января—имѣетъ въ виду нѣчто къ 19-му февраля и намекнулъ объ этомъ и Дрентельну, который довольно наивно предложилъ даровать какія то облегченія полицейскимъ поднадзорнымъ. Государь отозвался, что «пожалуй, но это особо, а дѣло въ другомъ, и онъ насъ соберетъ для совѣщанія».

15 же января Валуевъ былъ званъ во Дворецъ къ обѣду, но вынужденъ былъ извиниться.

«Кое что непременно сбудется, если рѣчь о 19-мъ февраля, и я не безъ основанія на то рассчитывалъ 10-го декабря. Но что именно? Знаю, что со всѣхъ сторонъ будутъ стараться урѣзывать. Кн. Урусовъ мнѣ писалъ, qu'il est effrayé de mon courage, etc. Отвѣчалъ, que si courage il y avait, c'était dans mes écrits de 1863 et 17 années de silence, mais que pour le moment j'étais simplement at bay».

17 апрѣля Валуевъ былъ у великаго князя Константина Николаевича. «Разговоръ о моей запискѣ 1863-го и его 1866-го годовъ. Онъ выпытывалъ, съ чего теперь началось движеніе. Убѣдившись, что отчасти толчекъ данъ былъ мною, онъ очевидно желалъ заключить союзъ на дальнѣйшее дѣйствіе. Я уклонился, говоря, что прежде всего нужно выждать указаній Государя и предстоящаго у него совѣщанія. Я только заявилъ, что для меня существенно важны слѣдующія три условія: чтобы дѣло было не мелкое; чтобы *совѣщательное* участіе въ законодательствѣ было предоставлено лицамъ, выбраннымъ для того изъ губерній; и чтобы не было племенныхъ исключеній или ограниченій. Я выразился такъ: не гостинодворскія начала, а начала Всероссійской Имперіи».

18-го января Валуевъ обѣдалъ у Государя вмѣстѣ съ генералами Гурко, Дрентельномъ, Зуровымъ, гр. Павловымъ, Шуваловымъ и Маковымъ. Государь передалъ Валуеву мнѣніе по вопросу князя Урусова. Урусовъ совѣтовалъ Государю ничего не дѣлать: по его мнѣнію, многого нельзя; малое не удовлетворитъ. Валуевъ отвѣтилъ на это, что дѣло такъ важно, что все - таки желательно, чтобы оно было обсуждено въ присутствіи Государя. Александръ II согласился съ этимъ предложеніемъ. Тутъ же Валуевъ передалъ Государю о приглашеніи великаго князя, просилъ и получилъ дозволеніе сообщить великому князю свои записки.

«Кризисъ—пишетъ Валуевъ подъ 18 января—по этому радикальному вопросу наступаетъ». Наконецъ, 19 января, Государь, возвращая нѣкоторыя бумаги, приписалъ, что проситъ къ себѣ въ понедѣльникъ, т. е. 21 января. «Кризисъ у порога»... пишетъ Валуевъ.

III.

Обсужденію конституціонныхъ записокъ было посвящено четыре засѣданія. На первомъ—21 января—Государь только поставилъ вопросъ и предложилъ обсудить его между сановниками, въ комиссіи изъ двухъ великихъ князей (Константина Николаевича и наслѣдника Александра Александровича), Валуева, кн. Урусова, шефа жандармовъ Дрентельна и Макова. Въ этомъ составѣ комиссія обсуждала предложеніе Валуева 23 и 25 января. Послѣднее засѣданіе въ присутствіи Государя было 30 января. До сихъ поръ всѣ наши свѣдѣнія объ этихъ засѣданіяхъ ограничивались всего на *всею десяткомъ* строкъ въ книгѣ С. С. Татищева ¹⁾ Да и эти строки были взяты изъ дневника Валуева. Мы имѣемъ возможность сообщить полностью всѣ записки Валуева.

О первомъ засѣданіи 22 января Валуевъ на слѣдующій день записалъ слѣдующее:

«Вчера совѣщаніе у Государя. Для лучшаго охраненія тайны всѣ введены первыми коридорными дверьми въ библіотеку. На лицо были: два вел. князя, кн. Урусовъ, Дрентельнъ, Маковъ и я. Государь предложилъ общій вопросъ къ обсужденію. Вел. кн. Ген.-Адмиралъ прочиталъ свою записку, дополняя изустно разными оговорками, и потомъ высказался вообще въ пользу дѣла; но то и другое въ обычномъ полуарлекинномъ тонѣ. Была рѣчь и о безсословности, и о реформахъ, и о чисто русскихъ, а не заграничныхъ началахъ, и объ англійской конституціи, и о земствѣ, и конечно о будто бы въ прежнее время раздражившемъ дворянство крестьянскомъ освобожденіи, и проч. и проч. Кн. Урусовъ, Дрентельнъ и Маковъ въ краткихъ выраженіяхъ обнаружили несочувствіе. Подробнаго обсужденія не было, потому что Государь съ

¹⁾ С. С. Татищевъ. Имп. Александръ II, его жизнь и царствованіе. Спб. 1903. т. II, стр. 623.

самаго начала сказалъ, что онъ только ставитъ вопросъ и представляетъ его обсудить предварительно между нами. Я высказался, въ свою очередь, преимущественно съ точки зрѣнія необходимости, въ виду нынѣшняго положенія дѣлъ, положить предѣлъ пассивности добронамѣреннаго большинства, а самому правительству дать возможность высказываться и вести рѣчь противъ ежедневно и вездѣ проповѣдуемыхъ революціонныхъ началъ. Цесаревичъ сказалъ, что ничего дѣлать не слѣдуетъ, потому что призванные представители сословій будутъ неудобные крикуны, адвокаты и т. п. Оппозиція цесаревича имѣла видимое вліяніе на кн. Урусова и Макова. На этомъ совѣщаніе прекратилось. Положено вновь быть у государя въ будущей вторникъ, 29-го, въ 11 ч., а между тѣмъ намъ собраться у вел. кн. Ген.-Адмирала завтра, 23-го. Возвратясь домой, я тотчасъ написалъ Макову и кн. Урусову, что считаю дѣло проиграннымъ, во 1-хъ потому, что между нами нѣтъ необходимаго единодушія, во 2-хъ потому, что оно попало въ руки Ген.-Амирала. Мнѣ выгоднѣе, для будущаго, отступить, чѣмъ быть отбитому.

Общее впечатлѣніе тягостное, даже для меня, хотя я давно знаю моихъ собесѣдниковъ.

Они оказались еще гораздо ниже обычнаго уровня, кромѣ Дрентельна, который въ такихъ дѣлахъ новъ и отъ котораго я ничего кромѣ инстинктивной радости ожидать не могъ. Въ кн. Урусовѣ особенно беззащитно обнаружился лакеизмъ, а въ Маковѣ необтесанная ограниченность взгляда. Дивлюсь тому, какъ никто не замѣчаетъ опасности слишкомъ явнаго признанія въ правительственномъ эгоизмѣ.

Быть можетъ это къ лучшему. При такихъ элементахъ и направленіи дѣла вел. кн. Ген.-Адмираломъ, успѣхъ вообще становится невозможнымъ. Судьбы сбываются. Быть можетъ, для перехода къ другому порядку мыслей и дѣлъ нужно, чтобы подъ нами почва еще болѣе заколебалась».

Очевидно, Валуевъ, опытный бюрократъ и царедворецъ, сразу замѣтилъ, что для его соображеній нѣтъ почвы. О слѣдующихъ засѣданіяхъ онъ пишетъ уже въ тонѣ, вполнѣ безнадежномъ.

«23-го января — сообщаетъ Валуевъ о второмъ засѣданіи — утромъ въ Мраморномъ дворцѣ. Я заявилъ вел. кн., что въ виду отсутствія необходимаго въ такихъ дѣлахъ единомыслія, я считаю мои предположенія неосуществимыми въ настоящее время и потому отъ дальнѣйшаго настоянія или даже обсуждения отказываюсь. При этомъ случаѣ я однако же напомнилъ ему, à propos его руссизмовъ, о вѣчахъ, о соборахъ, о боярской думѣ, и сказалъ, что нельзя изъ цѣлаго брать одну десятичную дробь, считая русскія начала только съ временъ Екатерины или кодификаціи гр. Сперанскаго, и что въ дѣлахъ государственныхъ есть общія европейскія и общечеловѣческія начала. (Это относилось къ тому, что онъ русскую Америку открывалъ въ нѣкоторыхъ, никогда не примѣнявшихся статьяхъ Свода законовъ о выборѣ депутатовъ на случай

и проч.) Маковъ, Дрентельнъ и кн. Урусовъ, каждый на свой ладъ, также выразили отрицательное по главному вопросу, мнѣніе. Тогда *monseigneur s'est rabattu*,—опять со всевозможными ему свойственными ужимками и нескладными оборотами рѣчи,—на простое распространѣніе вышеупомянутыхъ статей Свода законовъ на земство и главные города. Я замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ дѣла нельзя приурочивать къ 19-му февраля, а слѣдуетъ дать ему общій рутинный ходъ въ законодательномъ порядкѣ. Вел. князь заявилъ, что онъ именно того и желалъ?! Положено возвратиться ко всему этому послѣ завтра, въ присутствіи цесаревича, который сегодня быть не могъ».

25 января засѣданіе происходило опять въ Мраморномъ Дворцѣ съ 1 часу до 3. Проектъ Валуева былъ проваленъ окончательно. Мы не знаемъ, какими причинами было вызвано непріязненное отношеніе Валуева къ великому князю Константину Николаевичу и насколько оно оправдывалось дѣйствительностью. Валуевъ въ своемъ дневникѣ приписываетъ великому князю устраненіе своего проекта. Устраняя Валуевскій проектъ, Константинъ Николаевичъ попробовалъ выдвинуть свой, но не успѣлъ въ этомъ, ибо встрѣтилъ рѣшительное противодѣйствіе Валуева. Засѣданіе оставило тягостное впечатлѣніе въ Валуевѣ «Засѣданіе—писалъ онъ—у вел. кн. Ген.-адмирала, привело, но не безъ труда, къ простому отрицательному заключенію. Онъ усиленно пытался провести свою мысль и чуть-чуть не эскамотировалъ на то согласіе Цесаревича, на этотъ разъ присутствовавшего, и промолчаніе другихъ членовъ совѣщанія. Но я уперся и не далъ совершиться его *tour de prestidigitation*. Онъ мнѣ вообще невыносимъ. Кн. Урусовъ, Маковъ и Дрентельнъ были въ обычныхъ роляхъ. Подробностей не отмѣчаю. Забыть главнаго нельзя. *Satis*» Несмотря на запретъ, положенный этимъ «*satis*», мысль Валуева не можетъ не возвращаться къ результатамъ совѣщанія. Черезъ два дня онъ записываетъ: «не могу, *pro pudore*, отмѣтить одного *dictum* цесаревича. Онъ самъ вѣроятно нежелалъ кого бы то ни было обидѣть, но слова, имъ произнесенныя, тѣмъ не менѣе были обидны. А генералъ адмиралъ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ объяснялъ нынѣшнее исключительно положеніе дѣлъ въ ген.-губернаторствахъ, отозвался только, «конечно при такой *дичи* все невозможно». Но эта «дичь»—мѣры, принятія по высочайшему повелѣнію его державнаго брата»

30 января состоялось послѣднее совѣщаніе по вопросу о конституціонныхъ проектахъ, во дворцѣ у государя. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ лицъ присутствовалъ министръ двора. «Вчера—писалъ на другой день Валуевъ—похоронена вновь— на долго ли, не угадываю,—мысль 1863 года. На совѣщаніи у государя ей прочитаны краткія отходныя, съ тѣми же отгѣнками, которые обнаруживались при предшедшихъ совѣщаніяхъ.»

Толки о засѣданіяхъ, на которыхъ въ тиши дворцовъ толковали о конституціи, проникали не только въ русское общество, но и въ заграничное. Съ этими толками связывали имя Валуева.

Такъ Блейхредеръ писалъ Валуеву, что въ Германіи ждуть на 19 февраля учрежденія «eines erweiterten Reichsraths mit Repräsentativ-system».

IV.

Кромѣ записей Валуева, у насъ есть еще одинъ источникъ для выясненія содержанія и характера преній на январскихъ засѣданіяхъ. Это—записка, написанная великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ вскорѣ послѣ этихъ засѣданій и имѣющая своей цѣлью развить собственный взглядъ князя и опровергнуть выслушанныя имъ возраженія. Съ этой точки зрѣнія она приобретаетъ особый интересъ.

Въ своемъ проэктѣ великій князь исходилъ изъ необходимости обезпечить «дохожденіе всей правды до государя, но безъ малѣйшаго прикосновенія къ священнымъ правамъ Самодержавія». Съ этой цѣлью Великій князь предлагалъ оживить и развить три начала, принятія нашимъ законодательствомъ: 1) право заявленія своихъ нуждъ, предоставленное дворянству (ст. 142 т. IX, зак. о сосл.) земскимъ собраніямъ (т. II общ. учр. губ. ст. 1818 п. 12) и городскимъ думамъ (тамъ же, ст. 1949); 2) признанье за дворянствомъ права выбирать депутатовъ для объясненія ходатайства дворянства, 3) предоставленное департаментамъ Государственнаго Совѣта право приглашать къ совѣщанью свѣдущихъ постороннихъ дѣлъ. Великій князь предлагалъ воспользоваться указанными началами «для созыва, по мѣрѣ надобности, при Государственномъ Совѣтѣ, совѣщательнаго собранія изъ экспертовъ или гласныхъ, особо избираемыхъ для сего губернскими земскими собраніями и городскими думами наиболѣе значительныхъ городовъ.»

Великій князь останавливается подробно на слѣдующихъ мнѣніяхъ, высказанныхъ въ январскихъ совѣщаніяхъ. Эти мнѣнія наглядно иллюстрируютъ дѣтски-наивное отношеніе къ идеѣ народнаго представительства, существовавшее въ высшемъ правительствѣ.

Позволяемъ себѣ привести подробныя выдержки изъ записки великаго князя.

Въ отношеніи къ этому вопросу и вообще по существу проектированныхъ мѣръ, въ Особомъ Совѣщаніи было высказано, между прочимъ, слѣдующее:

1) что изданіе предполагаемаго мною узаконенія въ торжественный день 25-ти-лѣтія благополучнаго Царствованія Государя Императора придало бы ему значеніе несравненно большее, чѣмъ оно имѣетъ въ дѣйствительности. Общество приняло бы его за даръ или за уступку со стороны Верховной Власти и было бы впослѣдствіи разочаровано, когда убѣдилось бы, что изданный Манифестъ или указъ не имѣетъ значенія конституціоннаго;

2) что если разсматривать проектированныя мною мѣры не въ смыслѣ дара или уступки, а въ видѣ мѣропріятія вообще полезнаго и имѣющаго

способствовать болѣе правильному и успѣшному обсужденію законодательныхъ предположеній,—то и эта цѣль едва ли будетъ достигнута. Весьма вѣроятно, что избранія въ гласные будутъ домогаться и въ дѣйствительности нерѣдко достигать—не одни люди серьезные, знающіе потребности своей мѣстности, а наряду съ ними и пустые болтуны, преимущественно адвокаты, которые будутъ заботиться не столько о пользѣ общей, сколько о приобрѣтеніи себѣ популярности, возвышенія или иной выгоды;

3) что созывъ многочисленнаго собранія гласныхъ, которые легко поддадутся влиянію печати, можетъ создать для Правительства большія затрудненія искусственнымъ составленіемъ опасной оппозиціи;

Наковецъ 4) что у насъ Правительство стоитъ неизмѣримо выше какихъ бы то ни было мѣстныхъ представителей. Вслѣдствіе того, оно не нуждается въ провѣркѣ своихъ предположеній и взглядовъ возарвніями людей, живущихъ въ малыхъ городахъ или уѣздахъ, а потому несравненно менѣе образованныхъ и развитыхъ. Если же, по какимъ либо другимъ, болѣе важнымъ соображеніямъ, Верховною Властью признано будетъ умѣстнымъ и нужнымъ призвать представителей общества къ участию въ обсужденіи законодательныхъ дѣлъ, къ важной этой мѣрѣ слѣдуетъ приступить не путемъ нѣкотораго лишь развитія и обобщенія началъ, существующихъ въ нашемъ собственно законодательствѣ, но путемъ усвоенія нами, хотя быть можетъ и не вдругъ, а постепенно, общихъ конституціонныхъ порядковъ, составляющихъ достояніе всего образованнаго міра.

Приведенныя соображенія требуютъ нѣкоторыхъ, съ моей стороны, объясненій.

1) Что касается неудобства издать проектированныя мною мѣры въ горжественный для Россіи день 19 февраля 1880 г. (чего, впрочемъ, мною и не было предлагаемо), то я вполне согласился въ засѣданіи съ правильностью высказанныхъ по этому вопросу соображеній. Считаю свой проектъ не такимъ актомъ внутренней политики Государства, который предназначенъ былъ бы произвести впечатлѣніе на умы въ томъ или въ другомъ смыслѣ, а дѣломъ несравненно болѣе скромнымъ, полезнымъ собственно въ практическомъ отношеніи, я не встрѣтилъ препятствія отложить дальнѣйшее движеніе проекта, сохранивъ за собою право представить его вновь на Высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора, когда это окажется своевременнымъ.

2) Переходя къ другимъ замѣчаніямъ, заявленнымъ въ Особомъ Совѣщаніи, и оставаясь по существу предмета при прежнихъ моихъ убѣжденіяхъ, я не могу тѣмъ не менѣе не признать, что опасеніе на счетъ возможности выбора въ гласные адвокатовъ имѣеть дѣйствительное основаніе. Между тѣмъ, избраніе такихъ лицъ было бы и по моему мнѣнію, нежелательно. Посему, вполне присоединяясь къ основной мысли сдѣланнаго въ этомъ отношеніи заявленія, я призналъ необходимымъ дополнить первоначальный мой проектъ правиломъ о томъ, что въ гласные не могутъ быть избираемы присяжные повѣренные, ихъ помощники и ходатаи по судебнымъ дѣламъ.

Устраненію праздно болтовни будетъ отчасти способствовать и другое предлагаемое мною нынѣ постановленіе, по которому журналы совѣщательнаго собранія должны быть составляемы не Государственною Канце-

лярію, а самими гласными, избираемыми для сего собраніемъ. При возлагаемой на нихъ такимъ образомъ обязанности изложить на письмѣ всѣ заявленныя въ собраніи соображенія, гласные единственно будутъ заниматься по преимуществу самымъ дѣломъ, воздерживаясь отъ сужденій прямо къ нему не идущихъ.

Независимо отъ упомянутого выше недоущенія въ составъ совѣщательнаго собранія адвокатовъ, я нахожу нужнымъ воспретить избраніе въ гласные также и лицъ, состоящихъ на государственной службѣ по опредѣленію отъ правительства. Къ этому побуждаетъ меня слѣдующее соображеніе. Въ составъ совѣщательнаго собранія желательно привлекать людей, дѣйствительно знакомыхъ на практикѣ съ мѣстными потребностями различныхъ частей государства, а отнюдь не чиновниковъ, отзывы которыхъ, въ случаѣ надобности, всегда могутъ быть истребованы ихъ начальствомъ. Къ тому же неудобно было бы, чтобы проекты, внесенные въ Государственный Совѣтъ Министрами и Главноуправляющими, разбирались, хотя и предварительно, лицами, прямо имъ подчиненными.

3) Засимъ, я, съ моей стороны, вовсе не раздѣляю другого заявленнаго въ Особомъ Совѣщаніи опасенія, заключающагося въ томъ, что созывъ совѣщательнаго собранія гласныхъ можетъ создать для правительства большія затрудненія.

Опасность подобнаго рода была бы, по моему мнѣнію, возможна въ томъ только случаѣ, если бы собраніе было весьма многочисленное, если бы въ гласные допускались всѣ безъ разбора, если бы засѣданія собранія были постоянныя и притомъ публичныя, наконецъ, если бы собраніе было предоставлено самому себѣ, безъ всякаго надзора со стороны Правительства.

Ничего подобнаго въ проектируемыхъ мною правилахъ не предполагается.

Относительно численнаго состава совѣщательнаго собранія, необходимо имѣть въ виду, что мною предположено избирать только по одному гласному отъ каждой губерніи, гдѣ введены земскія учрежденія (35 губ.), и по одному же гласному отъ одиннадцати наиболѣе значительныхъ городовъ; засимъ, хотя въ проектѣ упоминается также объ избраніи гласныхъ отъ губерній, въ коихъ не введены еще земскія учрежденія, но это сдѣлано главнымъ образомъ для того, чтобы закономъ признано было въ принципѣ право представительства за всѣми, безъ изъятія, частями Имперіи, самый же вызовъ гласныхъ отъ губерній не представляется безусловно необходимымъ на первое по крайней мѣрѣ время. По сему порядку избранія ихъ, нынѣ даже не предначертанный, предполагается опредѣлить впоследствии.

Такимъ образомъ, въ первые годы дѣйствія проектированныхъ мною мѣръ полный составъ совѣщательнаго собранія ни въ какомъ случаѣ не превышалъ бы 46 гласныхъ (35 гласныхъ отъ земскихъ собраній и 11 гласныхъ отъ городовъ). Но онъ можетъ быть и менше. Изъ осторожности, особенно необходимой на первыхъ порахъ, мною предполагается постановить, что гласные могутъ быть созываемы и не въ полномъ составѣ, а отъ тѣхъ только губерній и городовъ, которые будутъ означены въ Высочайшемъ указѣ о составѣ совѣщательнаго собранія. Вслѣдствіе сего, Правительство будетъ имѣть возможность призывать, за одинъ разъ, не болѣе

напримѣръ 30-ти или даже и менѣе гласныхъ. Кромѣ того, я признаю возможнымъ, въ случаѣ оказавшейся на опытѣ особой необходимостію, подраздѣлять собраніе на отдѣленія, поручивъ каждому соображеніе различныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, возникающая оппозиція могла бы быть тотчасъ же разъединена и обезсилена. Благодаря всѣмъ этимъ предохранительнымъ мѣрамъ, численный составъ гласныхъ, обсуждающихъ тотъ или другой проектъ или же то или другое ходатайство, можетъ быть низведенъ до самыхъ незначительныхъ размѣровъ.

Съ другой стороны, собранія не будутъ постоянныя и не для разсмотрѣнія всѣхъ вообще дѣлъ, а временныя, на срокъ точно опредѣленный Правительствомъ, съ указаніемъ и самыхъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію собранія. Возбуждать вопросы новые или вообще выходить изъ предѣловъ предположенныхъ вопросовъ—гласные не должны имѣть права. Предсѣдательство въ совѣщательномъ собраніи возлагается на Членовъ Государственнаго Совѣта Высочайшею волею къ сему призванныхъ. Въ засѣданіяхъ собранія участвуютъ Министры и Главноуправляющіе. Наконецъ, засѣданія предполагаются непубличныя, причемъ доступъ въ оныя разрѣшается только Членамъ Государственнаго Совѣта и весьма немногимъ изъ чиновъ Государственной Канцеляріи.

Съ принятіемъ всѣхъ этихъ мѣръ предосторожности, совѣщательное собраніе гласныхъ очевидно не можетъ представить ни малѣйшей опасности для правительства. Въ связи съ изложеннымъ, считаю нужнымъ остановиться еще на одномъ обстоятельстве, имѣющемъ, по моему мнѣнію, нѣкоторую важность. Въ виду недопущенія въ число гласныхъ адвокатовъ и лицъ, состоящихъ на службѣ по опредѣленію отъ правительства, собраніе будетъ состоять, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, изъ лицъ, дѣйствительно представляющихъ мѣстные интересы уѣздовъ и городовъ. Трудно предполагать, чтобы такія люди легко поддавались вліянію неблагонамѣренныхъ органовъ печати. Но если бы это иногда и случилось, то съ другой стороны, вызванные въ столицу гласные, безъ сомнѣнія, будутъ весьма нерѣдко приходить въ соприкосновеніе съ лицами правительственными, будутъ объясняться съ ними по дѣламъ своей мѣстности, будутъ также бесѣдовать съ ними въ частныхъ собраніяхъ. Такимъ образомъ, они близко ознакомятся съ правительственными дѣятелями, оцѣнятъ ихъ и усвоятъ себѣ многое, до того времени имъ неизвѣстное или непонятное. Такое сближеніе и обмѣнъ мыслей будутъ во всѣхъ отношеніяхъ благотѣльны, такъ какъ и дѣятели правительственные, въ свою очередь, узнаютъ объ уѣздной жизни многое, чего не могутъ они знать изъ дѣловыхъ бумагъ и официальныхъ сношеній.

Приведенныя выдержки достаточно характеризуютъ отношеніе Константина Николаевича къ конституціонному вопросу. На его возраженія по 4-му пункту мы не будемъ останавливаться.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшей исторіи конституціонныхъ толковъ, отмѣтимъ еще одинъ проектъ, насколько намъ извѣстно, *совершенно неизвѣстный изслѣдователямъ*. Въ немъ мы имѣемъ дѣло опять таки съ такимъ преобразованиемъ государственнаго совѣта, которое допускало бы участіе выборныхъ. Мы говоримъ о брошюрѣ, отпечатанной на русскомъ языкѣ въ Парижѣ

въ типографіи Goupy et Jurdan (in 8°, стр. 8) подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Преобразование государственнаго совѣта. Записка первая (***) Февраль 1879». Авторъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свои мысли:

1. Самодержавная власть и всѣ законы, ее опредѣляющіе, должны остаться неприкосновенными какъ нынѣ.

2. Предметы вѣдомства государственнаго совѣта должны быть тѣ же, что и теперь.

3. Въ государственный совѣтъ должны быть призваны выборные члены, по два члена отъ каждой изъ губерній, гдѣ введено земское положеніе.

4. Выборные члены государственнаго совѣта избираются земскими губернскими собраниями съ присоединеніемъ предводителей дворянства и дворянскаго депутатскаго собранія de jure ¹⁾ Мы можемъ теперь присоединить рассказъ Валуева.

V.

Послѣ совѣщанія 30 января 1880 года толки о привлеченіи выборныхъ къ совѣщательному участию въ государственномъ совѣтѣ замолкаютъ. Имъ было суждено возобновиться въ 1881 году, по почину графа Лорисъ-Меликова ²⁾. 28 января имъ была представлена всеподданнѣйшая записка объ образованіи, по примѣру редакционныхъ комиссій, особыхъ подготовительныхъ комиссій, составленныхъ изъ представителей вѣдомствъ и выборныхъ отъ земства и городовъ. Комиссіямъ Лорисъ-Меликовъ приписывалъ только совѣщательное значеніе и устанавливалъ на первое время двѣ такихъ комиссіи: финансовую и административно хозяйственную. Задача комиссіи—составленіе законопроектовъ въ опредѣленныхъ заранѣе предѣлахъ. Эти законопроекты, по мысли Лорисъ-Меликова, должны были разсматриваться въ общей комиссіи, составленной изъ предсѣдателей подготовительныхъ комиссій и выборныхъ отъ земствъ и городовъ, по два отъ губерніи и города, а отсюда переходить

¹⁾ Дальнѣйшія соображенія авторъ развилъ въ 4 брошюрахъ того же формата и печати подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Преобразование государственнаго совѣта. Записка вторая. Мартъ 1881. Стр. 6 вен. + 22.

Преобразование государственнаго совѣта. Записка третья. Апрель 1881. Стр. 4 вен. + 28.

Замѣтки къ запискѣ третьей о преобразованіи государственнаго совѣта. Іюнь 1881. Стр. 7 вен. + 17.

Замѣтки къ запискѣ третьей о преобразованіи государственнаго совѣта и при-
бавленіе. Іюль 1881. Стр. 6 вен. + 46.

На экземплярѣ, находящемся у насъ, помѣта: печатано въ количествѣ 25 экземпляровъ.

²⁾ Записка гр. Лорисъ-Меликова помѣщена въ указанныхъ нами: официальномъ изданіи и статьѣ „Вѣстника Права“. Подробности нужно смотрѣть въ изданной Н. А. Бѣлоголовымъ за границей безъ имени и перепечатанной съ нарушеніемъ всѣхъ авторскихъ правъ нынѣ въ Россіи брошюрь „Конституція гр. Лорисъ-Меликова“.

въ государственный совѣтъ. Такова сущность лорисъ-меликовской конституціи.

Валуевъ узналъ о запискѣ Лорисъ-Меликова 1 февраля отъ самого автора. «Третьяго дня—записаль Валуевъ подь 3 февраля—заѣзжалъ ко мнѣ Michel 1-ег. Особенно любезень... Должно быть что-нибудь значить. И точно, оказывается, что государю угодно, чтобы я участвовалъ въ совѣщаніи, которое должно состояться у Его Величества относительно представленной гр. Лорисъ-Меликовымъ записки. Ближній бояринъ (такъ зоветъ Лорисъ-Меликова Валуевъ) мнѣ ее вчера прислалъ. Монументъ посредственности умственной и нравственной. При наивно-циничномъ самовосхваленіи, при грубомъ кажденіи государю и грубомъ изложеніи разной лжи,—прежняя мысль о какихъ-то редакціонныхъ комиссіяхъ изъ призывныхъ экспертовъ». Бросается въ глаза рѣзкость отзыва Валуева: несомнѣнно, его записка—если не большей, то во всякомъ случаѣ такой же посредственности.

4 февраля состоялось совѣщаніе у государя. На другой день Валуевъ записаль:

Вчера совѣщаніе у государя. — Цесаревичъ, генераль-адмираль, гр. Адлербергъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, кн. Урусовъ, Абаза, Набоковъ и я.—Читалась, самимъ гр. Лорисъ-Меликовымъ его записка.—Затѣмъ обсуждалась.—Нельзя было вчера ставить себѣ вопросъ: *qui dicit trompe-t-on ici?* Отвѣтъ давался заранѣе.—Нельзя было также не замѣтить, до какой степени *descri placet*.

Дѣло кончилось всеобщимъ одобреніемъ предположеній министра внутреннихъ дѣлъ, съ обычными неопредѣленными оговорками насчетъ «предосторожностей», «деталей», и пр.,—и порученіемъ рассмотреть эти детали и установить эти предосторожности въ совѣщаніи изъ тѣхъ же лицъ, кромѣ государя, подь моимъ предсѣдательствомъ. Michel 1-ег спросилъ меня, въ полголоса, нельзя ли прибавить Сольскаго, какъ редактора, чему я весьма обрадовался, потому что мой трудъ сократится.—Такъ и состоялось.

Во время нашего сеанса ген.-адмираль и Абаза до неприличія льстили гр. Лорисъ-Меликову, что привело, конечно, къ комплиментарно благодарной фразѣ государя, а затѣмъ и къ облобызанію руки Его Величества графомъ-умиротворителемъ... Съ моей стороны, весьма кратко упомянувъ о сходствѣ предположеній 1863 и 1879 годовъ съ нынѣшними, я только оговорился насчетъ различія между двумя видами ожидавшихся результатовъ... не признавая важности pseudo-мѣстныхъ свѣдѣній и будто бы практическаго свѣта, который будетъ пролить на дѣла...

9 февраля. Вчера и третьяго дня пріѣзжалъ гр. Лорисъ-Меликовъ.—Весьма трудно разобрать, насколько въ его рѣчахъ незначія,—или неправды...

Былъ кн. Мирскій, приготовляющійся воеводствовать въ Харьковѣ.—Изъ его рѣчей видно, что гр. Лорисъ-Меликовъ ожидалъ другого исхода своимъ предположеніямъ,—т. е. полагалъ приурочить эффектъ къ 19 февраля.

9 февраля. У наследника было новое совѣщаніе о лорисъ-меликовскихъ комиссіяхъ.

«Вечеромъ, вчера, указанное Высочайшею волею совѣщаніе у цесаревича. Прежніе—Сольскій. Нельзя найти достаточно сильныхъ выражений, чтобы охарактеризовать низость великаго князя ген. адмирала передъ ближнимъ бояриномъ. Вчера в. кн. Константинъ дошелъ до того, что онъ спросилъ боярина, кто будетъ указывать министрамъ предметы «законопроектовъ» и пр., потомъ припомнилъ «верховную комиссію», выждалъ покачанія головы боярина, и тогда досказалъ: «Правда,—Михаилъ Таріеловичъ самъ себя разжаловалъ (sic) въ министры внутреннихъ дѣлъ».

Въ остальномъ совѣщаніе было жалко, но безобидно. Всякое разумное сужденіе было невозможно. Рамки, понятія, формулы,— все условно. Истины ни на алтынъ. Пониманіе ограниченное. Сольскій, при своемъ умѣ, прежде всего канцеляристъ. Дѣло на заднемъ планѣ; на первомъ—какъ бы редактировать, что бы то ни было постановлено. Кн. Урусовъ думаетъ только о томъ, какъ бы что уторговать или отторговать. Набоковъ блѣденъ, но разсудителенъ въ общемъ итогѣ. Гр. Адлербергъ блѣднѣ всякой блѣдности. Для него совѣщаніе въ родѣ барщины, подлежащей отсидѣнію. Онъ и отсидѣлъ.—И мы правительство!

14 февраля новое засѣданіе, послѣднее.

«Вечеромъ заключительное совѣщаніе у цесаревича. Пришелъ журналъ, редактированный Сольскимъ и въ которомъ *mirabile dictu*,—въ началѣ повторяется все самовосхваленіе ближняго боярина,—даже фраза о молодежи,—въ виду университетскихъ беспорядковъ. Ушко боярина высовывается на каждомъ шагу... Все, имъ предпринятое, предпринято для оглашенія подъ своею фирмою,—и вчера онъ поэтому особенно настаивалъ на оглашеніи. Наивно неглупый Сольскій добродушно возражалъ, не замѣчая тщеты всѣхъ своихъ соображеній. Кн. Урусовъ и гр. Адлербергъ попытались кое-гдѣ пощипать; но и это, конечно, оказалось напраснымъ; они ничего не отщипали...

16 февраля журналъ особаго совѣщанія былъ подписанъ.

17 февраля государь возвратилъ журналъ съ отмѣткой «Исполнить». Журналъ этотъ намъ неизвѣстенъ, но о точномъ содержаніи его мы можемъ судить по всеподданнѣйшему докладу графа Лорисъ-Меликова отъ 6 марта 1881 г. ¹⁾ Графъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ ходъ работъ по вопросу о привлеченіи представительнаго элемента къ законосовѣщательному участию въ государственной работѣ.

Въ Богъ почившій Государь Императоръ, слѣдуя влеченіямъ своего любвеобильнаго сердца и желая явить новый знакъ монаршаго довѣрія къ своимъ вѣрноподаннымъ, по разсмотрѣніи соображенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ двухъ бывшихъ засѣданіяхъ изъ Высочайше назначенныхъ къ тому лицъ, всемилостивѣйше соизволилъ одобрить основную мысль отно-

¹⁾ Этотъ докладъ напечатанъ въ брошюрѣ „Конституція гр. Лорисъ-Меликова“.

сительно пользы и своевременности привлеченія мѣстныхъ дѣятелей къ совѣщательному участию въ изготовленіи центральными учрежденіями законопроектовъ по тѣмъ вопросамъ, которые признаны будутъ Высочайшею волею подлежащими нынѣ разрѣшенію, въ видахъ развитія и усовершенствованія Высочайшею предначертанныхъ преобразованій. Для практическаго осуществленія всемілостивѣйшей воли, относительно скрѣпленія указаннымъ путемъ плодотворной связи между правительствомъ и лучшими силами общественными, въ Божѣ почившій Императоръ изволилъ избрать порядокъ, испытанный уже по Высочайшимъ указаніямъ, при разработкѣ крестьянской реформы, съ примѣненіемъ онаго къ потребностямъ и задачамъ настоящаго времени. Пріемля во вниманіе, что на мѣстахъ уже имѣются нынѣ постоянныя и при томъ всеобщія учрежденія, способныя представлять свѣдѣнія и заключенія высшаго правительства, въ Божѣ почившій Императоръ соизволилъ остановиться на учрежденіи въ С.-Петербургѣ временныхъ подготовительныхъ комиссій съ тѣмъ чтобы работы этихъ комиссій предварительно внесенія ихъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта въ установленномъ законномъ порядкѣ, были подвергаемы совѣщательному разсмотрѣнію въ общей комиссіи съ участіемъ представителей отъ земства и нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ. Въ видахъ установленія главнѣйшихъ положеній по сему дѣлу, въ Божѣ почившему Императору благоудно было въ 17 день минувшаго февраля, Высочайше повелѣть: 1) Сдѣлать нынѣ же распоряженіе, чтобы находящіяся въ разныхъ министерствахъ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы, имѣющіе отношеніе къ перечисленнымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ вопросамъ были собраны, сгруппированы по однороднымъ предметамъ и приведены въ такой порядокъ, въ какомъ могли бы съ удобствомъ быть подвергнуты соображенію подготовительныхъ комиссій. 2) На окончаніе этихъ (п. 1) работъ назначить срокъ, совпадающій съ окончаніемъ сенаторскихъ ревизій. По представленіи же сенаторами добытыхъ изъ ревизіи данныхъ, дополнить ими собранные въ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы, и установить тѣ вопросы и предложенія, которые въ теченіе осени могли быть внесены въ подготовительныя комиссіи: 1) Подготовительныя комиссіи учредить изъ членовъ правительственныхъ вѣдомствъ и приглашенныхъ, съ Высочайшаго соизволенія, свѣдущихъ и неслужащихъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія или народной жизни. На обязанность этихъ комиссій возложить составленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ указаны Высочайшею волею. 4) Составленные подготовительными комиссіями законопроекты, предварительно внесенія установленнымъ порядкомъ въ Государственный Совѣтъ, передавать, по Высочайшему повелѣнію, на обсужденіе общей комиссіи, учреждаемой на нижеслѣдующихъ основаніяхъ. Общая комиссія, подъ предсѣдательствомъ лица, непосредственно избраннаго Высочайшею Властью, составляется: а) изъ назначенныхъ, по Высочайшему повелѣнію, къ постоянному присутствованію въ оной лицъ, принимавшихъ участіе въ работахъ подготовительныхъ комиссій; б) изъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, и отъ нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ, и в) изъ назначенныхъ особымъ

порядковъ членовъ отъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ. 6) Отъ губерній въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, избирается въ составъ общей комиссіи по одному или по два члена, соображаясь съ населеніемъ губерніи. Набрание предоставляется губернскимъ земскимъ собраніямъ. 7) Члены отъ значительнѣйшихъ городовъ избираются городскими думами, въ столицахъ— по два, въ прочихъ городахъ— по одному. 8) Губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думами предоставляется избрать членовъ общей комиссіи, какъ изъ среды гласныхъ, такъ и изъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи или города. 9) Порядокъ и условія назначенія въ общую комиссію представителей отъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ, имѣютъ быть опредѣлены особо. 10) Члены подготовительныхъ комиссій, не назначенные къ постоянному участию въ занятіяхъ общей комиссіи, при обсужденіи тѣхъ законопроектвъ, въ составленіи которыхъ они участвовали. 11) Для занятій общей комиссіи назначается опредѣленный срокъ. 12) Работы общей комиссіи имѣютъ значеніе совѣщательное. Учрежденіемъ ея не измѣняется существующій нынѣ порядокъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ и окончательнаго ихъ обсужденія. Рассмотрѣнные общею комиссіею законопроекты вносятся законнымъ порядкомъ въ Государственный Совѣтъ подлежащими министрами, съ изложеніемъ и собственнаго заключенія министра. За установленіемъ сихъ главныхъ положеній предстояло, согласно Высочайшимъ указаніямъ, опредѣлить въ ближайшемъ будущемъ требуемыя означеннымъ повелѣніемъ подробности касательно состава, созыва и порядка дѣйствія предположенныхъ комиссій; а между тѣмъ центральныя учрежденія обязывались немедленно приступить къ собранію и разработкѣ матеріаловъ по вопросамъ, кои будутъ подлежать обсужденію въ подготовительныхъ комиссіяхъ.

Въ тотъ-же 17-ый день февраля въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ изготавить въ видѣ правительственнаго сообщенія, для напечатанія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, оповѣщеніе во всеобщее свѣдѣніе о принятомъ всемилостивѣйше рѣшеніи.

Проектъ извѣщенія былъ составленъ 1 марта—записываетъ Валуевъ.—Утромъ государь прислалъ за мной, чтобы передать проектъ объявленія, составленный въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, съ порученіемъ сказать о немъ мое мнѣніе,—и если я не буду имѣть возраженій,—созвать Совѣтъ Министровъ на среду 4-го числа.—Я давно, очень давно видѣлъ Государя въ такомъ добромъ духѣ, и даже на видѣ такъ здоровымъ и добрымъ. Въ 3-мъ часу я былъ у Гр. Лорисъ-Меликова (чтобы его предупредить, что я возвратилъ проектъ Государю безъ замѣчаній)—когда раздалась роковые взрывы.—Я сказалъ: attentat possible. Невозможно,—сказалъ гр. Лорисъ-Меликовъ.—Черезъ пять минутъ всѣ сомнѣнья были устранены.—Гр. Лорисъ-Меликовъ уѣхалъ во Дворецъ въ саняхъ Градоначальника.—Я поѣхалъ туда же, по Милліонной. Тамъ тотчасъ узналъ, что надежды уже не было. Государь истекалъ кровью и былъ безъ сознания.—Члены его семейства прибывали

за другими.—Корридоръ наполнился разнымъ людомъ,—генералы, министры, офицеры, дамы. Смятеніе и горе общіе. Но ясли мысли и соотвѣтствующей обстоятельству воли я ни въ комъ не видалъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ не растерялся наружно, но оказался безсодержательнымъ внутренно. Онъ долженъ былъ распоряжаться; но распорядился какъ будто апатично, нерѣшительно, даже совѣтуясь со мною, или поддаваясь моимъ намекамъ.—Въ первую минуту можно было ожидать уличныхъ волненій; нужно было опереться на войско для охраненія порядка.—Я на томъ настаивалъ; но какъ будто не было командующихъ и штабовъ...—Къ счастью все обошлось благополучно въ этомъ отношеніи. Улицы были полны народа до 10 час. вечера; но потомъ опустѣло.—Когда я поѣхалъ въ Аничковскій дворецъ въ 11-мъ часу, съ Проектомъ Манифеста, Невскій былъ похожъ на обыкновенный Невскій въ эти часы.—Мнѣ было поручено написать манифестъ. Исполнилъ это при сотрудничествѣ Набокова, кн. Урусова и Сольскаго. Переписалъ Набоковъ, онъ же, по званію Министра Юстиціи, поѣхалъ со мною въ Аничковъ, и послѣ подписанія Манифеста взялъ его съ собою для дальнѣйшихъ распоряженій.—Государь и Императрица (еще непривычно ихъ такъ называть),—были вдвоемъ.—

Сегодня выходъ воцаренія.—Весь городъ.—Государь и Императрица въ слезахъ.—Въ николаевской залѣ онъ сказалъ нѣсколько словъ генераламъ и офицерамъ.—Въ отвѣтъ прекрасно, дружно, долго неумолкавшее и затѣмъ чрезъ всѣ залы Государя провожавшее ура!!! Я видѣлъ слезы почти на всѣхъ глазахъ.—Войско у насъ еще здорово. Все прочее, увы!—гниль!—Однако слезы были и не на военныхъ лицахъ, въ томъ числѣ на дамскихъ.—Но слезы чувство,—а не сила.—Добрыя силы только въ войскѣ.

Жалки наши Государственные фарисеи,—даже и болѣе умные, какъ Абаза и Сольскій. Впрочемъ имъ не подѣе стать событіе 1 марта. (Мартовскіе иды!) Оно въ разрѣзъ всей лживой теоріи успокоенія, задабриванія, прихорашиванія, и даже прямого лганья! Не хорошо, думаю, я,—спалось ближнему Боярину! Послѣ хвастливой фразеологіи его доклада о комиссіяхъ,—какое громовое опроверженіе.—По настоящему всѣ Г. Г. полуучастники Цареубійства.

Не могу забыть лица Графини Лорисъ-Меликовой,—когда ея мужъ уѣзжалъ во дворецъ.—Она стояла на лѣстницѣ, какъ статуя, какъ жена Лотова, безъ краски, безъ движенія, безъ голоса, даже безъ подвижности въ устахъ и взглядѣ. Она чувствовала и сознавала,—смутно,—но болѣе, чѣмъ онъ.

Какая судьба покойныхъ Государя и Императрицы. Оба скончались, какъ бы внезапно, и какъ бы одиноко. Она буквально такъ; онъ почти такъ, потому что смертельно раненый, онъ былъ безъ рѣчи и полнаго сознанія!

«Ultares. Въ свой часъ они явились!»...

VI.

6 марта Лорисъ-Меликовъ представилъ докладъ, изъ котораго мы выше привели выдержку. Изложивъ ходъ вопроса при покойномъ государѣ, авторъ доклада заканчивалъ его такъ:

Вступивъ на прародительскій престолъ, преемникъ державнаго мученика, Императоръ Александръ III, обрѣлъ въ завѣщанной ему предками любви къ народному благу великую рѣшимость твердо слѣдовать по пути, предуказанному въ Божѣ почившимъ незабвеннымъ родителемъ.

Усматривая въ велицемерныхъ проявленіяхъ всенародной скорби явщее доказательство неразрывной сердечной связи, всегда, по волѣ Предвѣчнаго, соединявшей въ Россіи государя съ его подданными и всегда появлявшейся съ особою силою въ тяжкія години испытаній, Государь Императоръ Александръ III, при указаніи на необходимость неуклоннаго преслѣдованія дерзкихъ покусителей на государственный порядокъ и общественное спокойствіе, всемилоостивѣйше соизволилъ выразить, что гнусныя злодѣянія преступной горсти безумныхъ отверженцевъ русской земли не въ силахъ побороть въ его сердцѣ рѣшимости исполнить въ точности родительскій завѣтъ любви на благо вѣрренной ему Богомъ имперіи. Руководясь такимъ рѣшеніемъ, Его Императорское величество Высочайше соизволилъ повелѣть принять къ точному исполненію изложенную выше священную волю своего державнаго родителя, какъ достойное всей его жизни прощаніе его со своимъ народомъ. При этомъ Его Величеству благоугодно было указать Министру Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы самый порядокъ опубликованія во всеобщее свѣдѣніе Высочайшаго по сему предмету повелѣнія былъ тотъ же, какой предуказанъ въ Божѣ почившимъ Императоромъ Александромъ II.

На этомъ проэктѣ Лорисъ-Меликова новый Государь подписалъ: «Онъ составленъ весьма хорошо».

На самомъ дѣлѣ настроеніе Александра III вовсе не было такимъ, какимъ представлялъ его себѣ гр. Лорисъ-Меликовъ.

7 марта Валуевъ, бывший въ это время предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, получилъ приказаніе созвать Совѣтъ на 8 марта.

Свѣдѣнія объ этомъ историческомъ засѣданіи даны въ 1-ой книгѣ «Былого» за этотъ годъ по дневнику одного государственнаго дѣятеля. Въ этомъ сообщеніи это засѣданіе ошибочно названо засѣданіемъ Государственнаго Совѣта ¹⁾. Къ этому сообщенію мы можемъ теперь присоединить рассказъ Валуева, вполне совпадающій съ первымъ.

«О засѣданіи Совѣта можно было бы написать цѣлую книгу.

¹⁾ Въ 7-й книгѣ „Русскаго Архива“ за 1906 годъ напечатана „современная записка со словъ одного изъ участвовавшихъ въ этомъ засѣданіи, доставленная въ „Русской Архивъ“. Издатель „Русскаго Архива“ впалъ въ ошибку: ему доставили всего на всего списокъ съ корреспонденціи (конечно, далеко не изъ первыхъ рукъ, неточной и плохо освѣдомленной), помѣщенной въ 1881 году въ заграничномъ журналѣ „Общее дѣло“.

Но досуга нѣтъ. Дѣло шло, конечно, о тѣхъ комиссіяхъ, которыя были изобрѣтены Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ для вѣнчанія своего зданія. Событіе 1-го марта стало поперекъ журналу «Особаго Совѣщанія» и тексту проектированной публикаціи. Этотъ текстъ былъ измѣненъ для приуроченія къ событію. Но Министръ Внутреннихъ Дѣлъ повидимому настаивалъ на движеніи дѣла, потому что безъ этого не было бы назначено на воскресенье,—и до погребенія почившаго Государя,—засѣданіе Совѣта.

Засѣданіе началось съ чтенія журнала «Особаго Совѣщанія» и проекта публикаціи. Непостижимо для меня, и для оцѣнки государственныхъ способностей графа Лорисъ-Меликова достаточно, что онъ допустилъ чтеніе журнала и даже самъ читалъ его. Тѣ первыя страницы самовосхваленія, о которыхъ, кажется, я уже упоминалъ, звучали убійственно въ нашемъ между-панихидномъ засѣданіи. Къ нему были приглашены, по особому приказанію Государя: графъ С. Г. Строгановъ и Побѣдоносцевъ. Изъ великихъ князей были генераль-адмиралъ, Владиміръ и Михаилъ.

Государь просилъ всѣхъ присутствовавшихъ высказаться вполнѣ «правдиво», ничѣмъ не стѣсняясь, и даже не считая дѣла по *существу* предрѣшеннымъ.

Графъ Строгановъ первый высказался противъ предложенной мѣры, говоря, что она не соотвѣтствуетъ самодержавному принципу, не будетъ понята народомъ, и превратно истолкована тѣми, кто ее поймутъ. При этомъ гр. Строгановъ упоминаетъ о призваніи редакторовъ русскихъ газетъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и о данномъ имъ указаніи на нѣкоторое время помолчать объ органическихъ преобразованіяхъ. Неловко стало гр. Лорисъ-Меликову. Онъ замѣтилъ, что никого не призываетъ,—это было правдой,—но что призываетъ начальникъ управленія печати, чтобы объяснить, что въ случаѣ неумѣстныхъ сужденій газеты будутъ прекращены;—что было неправдой. Затѣмъ государь обратился ко мнѣ. Я изложилъ мое отношеніе къ дѣлу довольно подробно, въ неразрывной связи 1881 года съ 1880, 1879 и 1863-ми и, по существу оставаясь при моемъ взглядѣ, сказалъ, что относительно современности публикаціи,—если она должна будетъ состояться,—рѣшеніе вопроса могло зависѣть исключительно отъ усмотрѣнія государя. Мнѣ было весьма неприятно высказываться въ данный моментъ, подробно и категорично; но мнѣ казалось, что я былъ и обязанъ прямо говорить мою личную правду, и даже болѣе обезпеченъ ею, чѣмъ всякою попыткою уклониться на этотъ разъ, отъ категоричнаго *profession de foi*. Въ смыслѣ предположеній министра внутреннихъ дѣлъ по существу, — (потому что вопросъ о современности, ввиду явнаго колебанія государя по этому существу, немедленно улетучился), — высказались министръ финансовъ, министръ юстиціи военный министръ и генераль-адмиралъ. Министръ почтъ, напротивъ того, прямо назвалъ проектированную мѣру ограниченіемъ самодержавія и рѣзко замѣтилъ, что первоначальный мотивъ,—продолженіе системы умиротворенія,—рухнулъ

и рухнулъ безвозвратно. Оберъ-прокуроръ синода сказалъ невозможную рѣчь, въ которой назвалъ все предложенное и все Европейское (sic) — величайшею фальшью, нанизалъ обычныя фразы о народѣ, о связи съ народомъ, о единеніи царя съ народомъ (подразумѣвая всегда т. н. черный), и весьма категорично кончилъ заявленіемъ, что 1 марта для насъ всѣхъ—позоръ и упрекъ. Государь при этомъ замѣтилъ, весьма естественно будучи тронутъ, что мы всѣ въ извѣстной долѣ виноваты (?).—Абаза, какъ ножемъ въ сердце пораженный рѣчами Макова и Побѣдоносцева, не безъ горячности старался оправдать взглядъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ; но самъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ,—*incrédible dictu*,—не нашелъ у себя въ запасѣ ни одного довода въ пользу своихъ предположеній, ни одного аргумента противъ своихъ оппонентовъ, но ограничился нѣсколькими общими мѣстами о своихъ убѣжденіяхъ и оговоркой что „черезъ три мѣсяца будетъ можетъ быть поздно сдѣлать“ и то что, имъ теперь предлагалось!!! Какую уничтожающую реплику ему можно было дать! Но я смолчалъ: ея нельзя было дать безъ прямого нападенія,—и кромѣ того безъ нападенія на весь послѣдній годъ царствованія Того, кто во время нашего засѣданія еще покоился на катафалкѣ противъ оконъ дворца, гдѣ мы засѣдали.

Кн. Урусовъ предложилъ возвратитъ дѣло для новаго обсуждения въ Комитетъ Министровъ. Самъ Государь замѣтилъ, что можно его вновь обсудитъ и въ какомъ нибудь спеціальному совѣщаніи. Эту мысль поддерживалъ Сольскій. Государь спросилъ гр. Строганова, приметъ ли онъ на себя предсѣдательство въ такомъ совѣщаніи. Гр. Строгановъ уклонился отъ предсѣдательства, но предложилъ быть членомъ. Окончательнаго повелѣнія о совѣщаніи и его составѣ,—не состоялось,—и засѣданіе кончилось, слѣдовательно, *pas même en queue de poisson*.

Такой полный *fiasco* Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ такомъ дѣлѣ и при всѣхъ усиливающихъ значеніе *fiasco* обстоятельствахъ, рѣшаетъ совершенно, на мой взглядъ, вопросъ о его дальнѣйшемъ значеніи и вліяніи. Но другія обстоятельства, о которыхъ пока умалчиваю, приводятъ меня въ большое и тяжкое недоумѣніе насчетъ нашей ближайшей будущности. Относительно прочихъ участниковъ совѣщанія ограничиваюсь краткими отмѣтками. Великій князь генералъ-адмиралъ былъ себѣ вѣренъ,—т. е. и думалъ, и говорилъ полуправду или неправду. Посѣтъ былъ противъ предложенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ; Сабуровъ произнесъ полуидіотическую рѣчь за это предложеніе, и даже глядѣлъ полуидіотомъ во все время засѣданія, онъ какъ-то совершенно невозможно отозвался о событіи 1 марта, *aura désinvolture*. В. довольно складно и съ пріятнымъ выраженіемъ лица сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что онъ не имѣетъ установившагося мнѣнія о разныхъ частностяхъ совершенно новаго для него вопроса; но что во всякомъ случаѣ мы не можемъ далѣе управлять, какъ доселѣ управляли. Великій князь Михаилъ къ нему присоединился. Принцъ Ольденбургскій произнесъ нѣсколько привычныхъ словъ о мирѣ, сокращеніи ра-

сходовъ, и т. п. Наконецъ, князь Ливень попытался развить мнѣніе *Sui generis* о лучшемъ устройствѣ «мѣстныхъ управленій». Гр. Барановъ и гр. Адлербергъ молчали.

Впослѣдствіи Валуевъ приписалъ къ этому мѣсту дневника: «Хотя Государь и предоставилъ всѣмъ высказаться, самъ не высказываясь, но явно было, что его личное мнѣніе уже установилось на точкѣ зрѣнія Побѣдоносцева, заранѣе объяснивагося и согласившагося съ гр. Строгановымъ. Если и въ отношеніи къ хромымъ предположеніямъ Аничковскаго Совѣщанія Государь былъ такъ настроенъ, то онъ еще менѣе могъ сочувствовать моимъ, гораздо болѣе опредѣлительнымъ и полнымъ предположеніямъ 1863 г., недавно вновь бывшимъ предметомъ обсужденія подъ предсѣдательствомъ Генераль-Адмирала. Но я не могъ не упомянуть о нихъ и на нихъ не сослаться, потому что долженъ былъ остаться самому себѣ вѣрнымъ и стоять отдѣльно отъ клики Лорисъ-Меликова».

П. Щеголевъ.

По поводу ст. П. Надина „Стрѣльниковскій процессъ 1883 года въ Одессѣ“.

(Письмо въ редакцію).

Въ „отрывкѣ изъ воспоминаній государственнаго преступника“ подѣ вышеприведеннымъ заглавіемъ П. Надинъ (псевдонимъ) удѣляетъ, между прочимъ, мнѣ, какъ судившемуся въ числѣ 23 лицъ (а не 20, какъ у Надина) въ Одессѣ въ 1883 г., почти 4 страницы (95—98), состоящія сплошь, выражаясь мягко, изъ „красныхъ вымысловъ.“ Вѣрно, что на процессѣ я явился „совершенно незнакомымъ господиномъ“ для другихъ подсудимыхъ (кромѣ, впрочемъ, г. Куртѣва) и что, просидѣвъ 1 годъ 4 мѣсяца въ одиночномъ заключеніи, я „не имѣлъ никакого общенія“ съ судившимися союзниками. Засимъ г. Надинъ сообщаетъ, какъ *узманнов* обо мнѣ изъ обвинительной рѣчи товарища прокурора, слѣдующее: будто-бы я, проживъ болѣе 10 лѣтъ за границей (въ Цюрихѣ), въ самое горячее время поселился въ О. (Одессѣ) съ цѣлью „пополнить порѣдѣвшіе кадры мѣстныхъ революціонеровъ“, что когда нагрянули ко мнѣ съ обыскомъ, то нашли „заряженный револьверъ на столѣ, клочки нарванной бумаги, два плана земельныхъ участковъ и книгу, отпечатанную въ заграничной типографіи, подѣ заглавіемъ; „*Исторія революціоннаго движенія въ Россіи*“, неизвѣстнаго автора.“ Но въ обвинительномъ актѣ по „Стрѣльниковскому процессу“ (дознанію?) на стр. 149—152 приведены кондуиты судившихся въ 1883 г. въ Одессѣ, въ томъ числѣ и мой, составленные „на основаніи приложенныхъ къ дѣлу документовъ и отчасти изъ показаній самихъ подсудимыхъ“, гдѣ время моего пребыванія въ Швейцаріи обозначено съ ноября 1873 по іюнь 1874 г. и затѣмъ сказано о моей педагогической дѣятельности въ Россіи, въ двухъ земскихъ учительскихъ семинаріяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ до опредѣленія моего въ составъ членовъ статистическаго бюро при Полтавской губернской земской управѣ въ 1881 г., когда въ Декабрѣ мѣсяцѣ я былъ арестованъ по предписанію изъ Одессы и привлеченъ къ дознанію о государственныхъ преступленіяхъ, производившемуся по высочайшему повелѣнію генералъ-майоромъ Стрѣльниковымъ въ юго-западныхъ губерніяхъ. При арестованіи меня въ Полтавѣ былъ произведенъ рядъ обысковъ у меня, какъ „увезшаго, по сообщенію Одесскаго жандармскаго управленія, изъ Одессы 14 ящиковъ книгъ“

и бумагъ“, въ которыхъ, однако-жъ, не было найдено ничего, изобличающаго меня въ государственномъ преступленіи, о чемъ и составлены были протоколы. Лишь спустя годъ слишкомъ по взятіи меня въ плѣнъ, въ Мартѣ 1882 г., былъ произведенъ вторичный обыскъ въ моихъ вещахъ, находившихся въ Полтавѣ, и въ числѣ моихъ бумагъ, представленныхъ въ Одессу, находилась книга, безъ заглавнаго листа, о которой потомъ сказано въ обвинительномъ актѣ, что она „явно противоправительственнаго содержанія“ и начинается словами: „событія не ждутъ“ (стр. 132—обвинит. акта). Г. Надинъ, какъ судившійся одновременно со мною, имѣлъ обвинительный актъ, а потому на стр. 132 его читаль и мое объясненіе, данное на дознаніи, что книга безъ заглавія—это „изданное въ Берлинѣ или Лейпцигѣ *открытое письмо о нынѣшнемъ положеніи Россіи. Соч. Де Воллана*“. Давая показаніе слѣдователю, я по памяти неточно обозначилъ названіе инкриминируемой книги; теперь же, по справкѣ въ *алфавитномъ каталогѣ* изданіямъ на русскомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перепечаткѣ въ Россіи (СПБ. 1888 г.), подъ № 258, возстановлю точное ея заглавіе: *Свободное слово о современномъ положеніи Россіи. Григорій Де-Воллана. Berlin, 1881 г.* 174 стр. Останавливаюсь на этомъ обстоятельстве потому, что г. Надинъ, передавъ, что „защита сообщила суду обо мнѣ“ (стр. 97—98), говорить, что присяжный повѣренный „просилъ судъ посмотреть книгу, отобранную при арестѣ у моего кліента и прочитатъ изъ нея хотя бы одну страницу. Она издана за границей и автора ея мнѣ разрѣшено назватъ. Авторъ этой книги—самъ подсудимый. Секретарь началъ читать предисловіе, и судъ услышалъ слѣдующее: книга написана спеціально для русскаго юношества, съ цѣлью предостеречь это юношество отъ того пагубнаго вліянія, какое въ послѣдніе годы оказывали на него русскіе революціонеры. Авторъ задался цѣлью подробно выяснитъ всю ложь, все заблужденіе революціонеровъ и указатъ, въ какую пропасть можетъ низринуться цвѣтъ и краса русскаго народа“.

Положительно утверждаю, что ничего подобнаго на судѣ не происходило, и какъ могъ „вспоминать“ г. Надинъ о томъ, чего въ дѣйствительности не было, меня поражаетъ... Не буду касаться содержанія рѣчи въ передачѣ г. Надина, якобы сказанной на судѣ присяжнымъ повѣреннымъ (г. Беромъ) по моему дѣлу, но не могу не отмѣтитъ еще одну Dichtung г. Надина, удивто-бы прис. повѣр. Беръ въ рѣчи сообщилъ суду, что я по окончаніи университета за границей (въ Цюрихѣ, по Надину) „поступилъ воспитателемъ въ какой-то русскій великосвѣтскій пансіонъ, гдѣ дѣти и юноши знатныхъ россіянъ воспитывались въ духѣ самодержавія, православія и народности“. На самомъ же дѣлѣ, противъ злопыхательной фантазіи обвинителя, облыжно утверждавшаго, что я пребывалъ въ Швейцаріи для революціоннаго крещенія, защитникъ указалъ на фактъ моего учительства въ пансіонѣ Далматова, гдѣ воспитывались молодые люди, плохо развивавшіеся въ физическомъ отношеніи и отсталые въ умственномъ развитіи. Этотъ, Pensionat jeunes gents* въ Кларанѣ, Ваадтскаго кантона, былъ извѣстенъ въ тѣхъ годахъ какъ лѣчебно-воспитательное заведеніе одного характера съ возникшимъ позже въ С.-Петербургѣ врачебно-воспитательнымъ заведеніемъ доктора Маляревскаго.

Не давая ничего существеннаго для характеристики процесса, длившагося съ 26 марта 1883 г. по 3 апрѣля съ участіемъ 23 подсудимыхъ, изъ

которых нѣкоторые проявились на судѣ въ неудобозабываемыхъ эпизодахъ, г. Надинъ, однакожъ, не вспоминаетъ самаго яркаго и дѣйствительно интереснаго изъ хода процесса, а занявшись изображеніемъ скандала, какаго, по его словамъ, „ни раньше, ни позже не было въ русскихъ судахъ“ (стр. 95), выдумалъ пассажъ съ моимъ авторствомъ несуществующей книги...

По другому поводу я буду имѣть возможность сообщить многое изъ одесскаго процесса 23-хъ, характеризующее время и людей, а обвинительный актъ по этому процессу, приготовленный мною къ печати, познакомить общество и съ мастерами сихъ дѣлъ Стрѣльниковымъ и К^о.

Алексѣй Попельницкій.

Октябрь 1906.

Библіографія.

А. А. Титовъ. *Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи 1901 г. (Москва)*. Изд. В. М. Саблина. Москва, 1907; с. 70, цѣна 30 к.

Воспоминанія г. Титова, изданныя Саблинымъ чисто и хорошо, касаются студенческихъ безпорядковъ 1901 г. въ Московскомъ университетѣ. Это, по словамъ автора, „просто рядъ воспоминаній одного изъ рядовыхъ участниковъ“, не претендующихъ „ни на полноту фактовъ, ни на идеологическое освѣщеніе“. И, дѣйствительно, г. Титовъ ограничился описаніемъ лишь схода 23-го февраля, послѣ которой студенты были арестованы и посажены въ манежъ, такъ кстаті выстроенный противъ университета. Г. Титовъ описываетъ извѣстное въ дѣтописяхъ московскаго студенчества „сидѣніе“ въ манежѣ, переводъ въ Бутырки и пребываніе студентовъ въ этой тюрьмѣ, трогательное единеніе университетской администраціи съ жандармеріей и дѣйствія профессуры. Воспоминанія написаны довольно живо и интересно. Можно только пожалѣть, что авторъ не разыскалъ и не использовалъ студенческія прокламаціи того времени, значительно способствующія разъясненію смысла движенія, а также газеты, издававшіяся въ тюрьмѣ („Бутырскій Вѣстникъ“, „Бутырскій Курьеръ“ и т. п.). Изъ документовъ напечатаны г. Титовымъ только: 1) „сообщеніе“ московскаго исполнительнаго комитета объединенныхъ землячествъ и организаціи о письмѣ „къ родителямъ“ инспектора моск. унив. (приводится и текстъ письма, крайне характернаго); 2) перепечатанное изъ № 56 газ. „Русск. Вѣдом.“ отъ 28 февр. 1901 г. печальной памяти воззваніе 70-ти профессоровъ; и наконецъ, 3) отвѣтъ на это воззваніе „группы старыхъ студентовъ“. Отсутствіе документовъ лишаетъ воспоминанія г. Титова историческаго интереса. Тѣмъ не менѣе, книга съ интересомъ будетъ прочтена каждымъ, кто пожелаетъ ознакомиться съ февральскимъ эпизодомъ 1901 г. въ московскомъ студенческомъ движеніи. Въ книгѣ воспроизведены четыре фотографическихкія снимка съ „Бутырокъ“ въ 1901 г. Цѣна 30 коп. за 70 стр. должна быть признана несоответственно высокой.

Сергій Св.

Докладъ П. С. Ванновскаго о студенческихъ безпорядкахъ 1899-го года. Изданіе журнала „Сѣверная Пальмира“ (В. С. Тумавина). СПб. 1906, 68 стр., ц. 15 коп.

Докладъ, изданный „Сѣв. Пальмирой“, появляется впервые въ русскомъ

незаконномъ изданіи. До сихъ поръ онъ издавъ былъ нелегально нѣсколько разъ. Намъ извѣстны изданія „Рабочаго Знамени“ 1900 года (кажется, въ петербургской тайной типографіи), а также изданіе группы студентовъ СПб. университета (in folio), отпечатанное при помощи мимеографа. Нахожденіе при обыскѣ доклада Ванновскаго влекло за собой тюремное заключеніе, а иногда и ссылку. Такъ, напр., осенью 1901 г. былъ арестованъ и затѣмъ административно сосланъ въ Архангельскую губернію на 3 года студ. СПб. ун-в. В. П. Литовъ, у котораго найдено было нѣсколько экземпляровъ „Доклада“, отпечатаннаго на мимеографѣ. Такимъ образомъ, правительство преслѣдовало распространеніе этого документа, а революционеры его печатали. Между тѣмъ, этотъ документъ—правительственный, а именно всеподданнѣйшій докладъ генерала Ванновскаго, которому было поручено царемъ разслѣдовать, при помощи особой комиссіи, причины великихъ студенческихъ безпорядковъ 1899 г. Въ докладѣ своемъ, Ванновскій, со всѣмъ безпристрастіемъ, на которое онъ былъ способенъ, излагаетъ результаты своихъ разслѣдованій. Въ его изложеніи смѣшаны показанія избитыхъ 8 февраля студентовъ съ показаніями начальника охраннаго отдѣленія Пирамидова, агентурныя свѣдѣнія о вечеринкѣ 8 февр.—съ уложеніемъ о наказаніяхъ сочиненія ректора Сергѣевича, исторія кассы взаимопомощи студентовъ СПб. ун-в.—съ описаніемъ пьяной выходки кучки студентовъ 8 февр. 1899 г. Составленный изъ самыхъ разнородныхъ данныхъ докладъ, тѣмъ не менѣе, очень интересенъ. Онъ выясняетъ (до нѣкоторой степени) общія причины студенческихъ безпорядковъ, не касаясь, конечно, самой главной—самодержавнаго режима, даетъ рядъ свѣдѣній объ избіеніи 8-го февраля, *подготовленіи* этого избіенія *охраннымъ отдѣленіемъ*, о ходѣ студенческихъ безпорядковъ и о главныхъ участникахъ движенія. Небезполезно отмѣтить, что предсѣдатель Спѣ. Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Носаръ (Хрусталева) былъ уже въ 1899 г. дѣятельнымъ членомъ организаціоннаго комитета студентовъ СПб. университета. Нечего и говорить, что Ванновскій совершенно не разъясняетъ вопроса о роли охраннаго отдѣленія въ дѣлѣ 8 февр. 1899 г.; онъ только, мимоходомъ, коснулся его. А между тѣмъ, въ обществѣ упорно говорили, что избіеніе 8 февр. было заранѣе обдуманной провокаціей, со стороны охраннаго отдѣленія, студентовъ на безпорядки, такъ какъ необходимо было подыскать доводы противъ снятія съ Петербурга усиленной охраны, о чемъ, будто бы, говорили тогда „въ сферахъ“. Приведенныя Ванновскимъ свѣдѣнія обесѣдаютъ разныхъ чиновъ сыщиковъ по поводу университетскаго акта, о роли Пирамидова и о дѣйствіяхъ его подручныхъ подтверждаютъ эти предположенія. Тѣмъ не менѣе, выводы, сдѣланные Ванновскимъ, далеко не соответствовали даже даннымъ, имъ самимъ собраннымъ. Въ безпорядкахъ было виновно, по его мнѣнію, „учебное начальство, не проявившее должной энергіи... въ надзорѣ за студентами, не обнаружившее тотчасъ-же виновныхъ лицъ, составившее списки подлежащихъ административной высылкѣ студентовъ безъ должной осмотрительности и недостаточно обдуманно“; виновны были „профессора, не сумѣвшіе заслужить довѣріе молодежи“ и произносившіе на вечеринкахъ неумѣстныя рѣчи „на *защительныя* темы: марксизмъ, народничество и т. п.“; виновны были студенты, „*нервны*е подавленіе поводомъ къ столкновенію съ полиціей“, а затѣмъ противоза-

конно протестовавшіе въ видѣ сходокъ, забастовки и т. п. Полиція же, въ лицѣ Клейгельса, Пирамидова, Нолькена, Владимірова и т. под. лицъ, была, по мнѣнію Ванновскаго, виновна лишь въ нераспорядительности и необдуманности дѣйствій. Оказывалось, что нижніе чины, которыхъ Владиміровъ „не сумѣлъ сдержать“, „самовольно употребили нагайки“. Такъ какъ студенты оказались болѣе всѣхъ виноваты, то и были наказаны. Полиціи же только „поставили на видъ“ ея дѣйствія.

Выводы Ванновскаго и мѣры, имъ рекомендуемыя, носили достаточно реакціонный характеръ. Во избѣжаніе впредь безпорядковъ онъ рекомендовалъ: 1) ограниченіе числа студентовъ, 2) установленіе контроля за занятіями студентовъ, 3) измѣненіе говорарной системы профессоровъ, 4) усиленіе и преобразование инспекціи. Эти мѣры были проведены въ жизнь Боголѣповымъ. Но другія двѣ указанныя Ванновскимъ мѣры, придавшія докладу его большой общественный интересъ, не были приведены въ исполненіе. Онъ совѣтовалъ: 1) отмѣнить правило, что студенты — отдѣльные посѣтители университета, и 2) „звести съ должной осторожностью постепенно и въ предѣлахъ возможности начало корпоративнаго устройства студентовъ“ (въ видѣ курсовъ старостъ и курсовыхъ сходокъ, библиотекъ и кассъ взаимопомощи подъ надзоромъ начальства). Въмѣсто этого, правительство издало извѣстныя „временныя правила“ о слатѣ въ солдаты за студенческіе безпорядки. Вполнѣ понятно, почему докладъ Ванновскаго, помимо соображеній о канцелярско-бюрократической тайнѣ, сталъ „преступнымъ“, а распространеніе его преступленіемъ. Всего около семи лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ безпорядковъ 1899 г., а уже набліеніе 8-го февраля кажется намъ дѣтской шуткой сравнительно съ пережитыми и переживаемыми ужасами. И, тѣмъ не менѣе, докладъ Ванновскаго сохранилъ до сихъ поръ свой интересъ, какъ историческій документъ, говорящій намъ о массовомъ протестѣ учащейся молодежи во имя защиты личной неприкосновенности. Съ внѣшней стороны, докладъ изданъ хорошо, но не снабженъ предисловіемъ. Цѣна могла бы быть и дешевле.

Сергій Св.

Ю. Степановъ. *Историческое подготовленіе русской социал-демократіи.* Книгоиздательство „Свободный Трудъ“. СПб. 1906. Ц. 25 к.

Элементы новаго общества,—говоритъ авторъ,—начинають зарождаться въ нѣдрахъ стараго строя почти одновременно. Такъ, въ нѣдрахъ крѣпостнаго строя Россіи конца XVIII и начала XIX вѣка начали складываться

и зачатки новой формации землевладельцев, оперирующих наемным трудом, и торгово-промышленная буржуазия с сопутствующей ей интеллигенцией, и „первыя ласточки“ пролетариата. Идеология этих различных классов еще не расчленилась на соответственные части до половины XIX вѣка. Затѣм... затѣм, казалось бы, должны были найти своих идеологов не только верхніе классы, но и пролетариатъ. Но скоро сказка сказывается, да не такъ скоро дѣлается. И русская социалистическая мысль долго бьется въ тенегахъ мелкобуржуазной идеологии.

Откуда же, однако, взялись въ Россіи носители социалистической мысли? Послѣ крымской войны отъ либеральной партіи отдѣляется демократическое теченіе, все болѣе и болѣе укрѣпляющееся и наконецъ остающееся единственнымъ активнымъ борцомъ противъ деспотизма, единственнымъ представителемъ и защитникомъ народныхъ интересовъ. „Эта демократія быстро группируетъ вокругъ своего знамени огромное большинство революціонной интеллигенціи... Банкротство либерализма... толкаетъ революціонную интеллигенцію на сближеніе съ народомъ, съ народными массами. А въ такомъ случаѣ либеральная программа оказывалась недостаточной и приходило стирать другую“ (стр. 10—11). Я подчеркнуть два раза слово „революціонную“ въ связи со словомъ „интеллигенцію“. Авторъ оперируетъ съ понятіемъ революціонной интеллигенціи (очевидно, въ отличіе отъ другой интеллигенціи, не революціонной), какъ съ явленіемъ, не нуждающимся въ объясненіи. И въ этомъ—одинъ изъ недостатковъ изслѣдованія объ историческомъ подготовленіи русской социаль-демократіи. Вторымъ,—еще болѣе существеннымъ,—недостаткомъ является отсутствіе въ данномъ историческомъ очеркѣ пролетариата, какъ активнаго дѣятеля. Рабочій фигурируетъ гдѣ-то за сценой: сообщается, что „революціонная интеллигенція“ была довольна результатами своей дѣятельности среди крестьянъ и, напротивъ, съ полнымъ удовлетвореніемъ констатировала успѣхъ социалистической пропаганды среди рабочихъ. Успѣхъ въ одной средѣ и неуспѣхъ въ другой не могли, конечно, остаться безъ вліянія на развитіе мысли „революціонной интеллигенціи“,—только объ этомъ и говоритъ авторъ. А между тѣмъ въ XIX вѣкѣ, и до реформы, и послѣ нея,—задолго до появленія Группы Освобожденія Труда, существовало уже рабочее движеніе.

Болѣе того: рабочее движеніе, между прочимъ, въ видѣ забастовокъ, существовало уже во второй половинѣ XVIII вѣка среди помещичьихъ крестьянъ, и мануфактурь-коллегія указывала на „склонность къ анархіи“, какъ на извѣстную характерную черту для помещичьихъ крестьянъ.¹⁾ Въ теченіе первой половины XIX в. даже въ такомъ производствѣ, какъ работы на золотыхъ приискахъ, гдѣ-то за предѣлами цивилизаціи, въ сибирской тайгѣ, можно было наблюдать нерѣдкіе случаи проявленія солидарности и коллективной дѣятельности рабочихъ. Конечно, это еще не было социалистическое движеніе, но нельзя игнорировать его, когда рѣчь идетъ объ историческомъ подготовленіи социалдемократіи.

Тѣмъ болѣе странно, что авторъ вовсе игнорируетъ уже неизмѣримо болѣе сознательное движеніе 70-хъ годовъ, въ томъ числѣ Северный Союзъ

¹⁾ См. Шульце-Геверницъ. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политикѣ Россіи. Изд. Глаголева 1901 г. стр. 33.

Русскихъ Рабочихъ. Стачечное движеніе 70-хъ годовъ въ Петербургѣ интересуеъ Ю. Стеклова лишь постольку, поскольку оно отразилось на умахъ „революционной интеллигенціи:“ онъ не ставитъ даже вопроса о томъ, какъ могло и должно было отразиться это движеніе на коллективной психологій рабочей массы.

Послѣ 9 января 1905 было бы желѣпостью, говоря о развитіи русской революціи, умолчать о вліяніи 9 января на сознаніе рабочихъ. Будьте же послѣдовательны! Анализируйте возможное и необходимое вліяніе не только событія 9 января, но и предшествующихъ, менѣ крупныхъ, проявленій рабочаго движенія! Иначе, говоря о подготовкѣ революціи, вы собьетесь на исторію смѣны настроеній въ интеллигентскихъ группкахъ, а вмѣсто того, чтобы говорить о подготовленіи социалъдемократіи (т. е. с.-д. рабочей партіи) будете трактовать о происхожденіи эмигрантскихъ кружковъ.

Мы скажутъ, что я ставлю Ю. Стеклову задачу, непосильную для одного человѣка: вѣдь до сихъ поръ русская социалъдемократія относилась съ поразительнымъ легкомысліемъ къ своему прошлому,—и нѣтъ печатнаго матеріала, изъ котораго изслѣдователь могъ бы почерпнуть необходимые данныя. Совершенно вѣрно. И не въ упрекъ лично Ю. Стеклову я говорю о той идеалистической тонкѣ зрѣнія, которая еще всецѣло царитъ въ нашихъ умахъ. Собираясь писать исторію партіи, мы готовы ограничить свою задачу изложеніемъ полемики между партійными литераторами. Когда же заходитъ рѣчь о необходимости знать собственное прошлое, встрѣчаешь поразительный для марксиста отвѣтъ: „наши задачи не въ прошломъ, а въ будущемъ“. Иначе сказать: „что захочу (или что захочетъ моя интеллигентская, критически мыслящая личность) то и сдѣлаю“. Изученіе формъ, темпа, взаимодѣйствія общественныхъ силъ, причины успѣха и неудачи,— все это будто бы дѣло прошлаго, а мы, критически-мыслящія личности, строимъ будущее изъ выводовъ чистаго разума!

Ю. Стеклову дѣлаетъ честь, что онъ счелъ нужнымъ взглянуть на прошлое, прослѣдить развитіе взглядовъ революціонной интеллигенціи, указать, что образованіе интеллигентской Группы Освобожденія Труда было не разрывомъ съ прошлымъ, а естественнымъ и необходимымъ для интеллигенціи синтезомъ горькаго опыта. Въ *этихъ* предѣлахъ (но отнюдь не въ предѣлахъ задачи, поставленной въ заголовкѣ брошюры) работа Ю. Стеклова заслуживаетъ полнаго вниманія и одобренія. И намъ остается только пожелать возможно болѣе широкаго распространенія брошюры.

М. Ольминскій.

Н. Батуричь. *Очеркъ исторіи социалъдемократіи въ Россіи.* (Лекціи и рефераты по вопросамъ программы и тактики с.-д. вып. VI). М. 1906 г. Ц. 20 к.

Съ нѣкоторыми оговорками можно разсматривать книжку Батурина, какъ продолженіе и пополненіе работы Ю. Стеклова о подготовленіи социалъдемократіи въ Россіи. Батуричь пополняетъ пробѣлу, отмѣченный нами въ книжкѣ Стеклова: онъ посвящаетъ особую главу (II) рабочему движенію 70-хъ и 80-хъ годовъ; онъ отмѣчаетъ, что во время забастовокъ рабочіе первоначально обращались къ администраціи съ жалобами на хозяевъ. „Практика пролетарской борьбы скоро должна была вытравить

эту вѣру (т. е. вѣру въ администрацію). Когда въ слѣдующемъ же (1879) году повторилась стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, то рабочіе только смѣялись, вспоминая о своихъ ходатайствахъ. Умудренные горькимъ опытомъ, они пишутъ уже не прошеніе къ начальству, а воззваніе ко всемъ петербургскимъ рабочимъ”...

Далѣе авторъ отмѣчаетъ, что народническая пропаганда принесла не малую пользу рабочему движенію: сближеніе съ интеллигентскими революціонными организаціями помогло организовать самимъ рабочимъ. Созданные народниками рабочіе кружки скоро пришли къ мысли о самостоятельной рабочей организаціи (стр. 41). Затѣмъ Батуринъ рассказываетъ о Южнорусскомъ Рабочемъ Союзѣ и о Сѣверномъ Союзѣ Русскихъ Рабочихъ.

Что касается теченій интеллигентско-революціонной мысли въ 70-хъ годахъ, то о нихъ авторъ говоритъ мало, предпочитая болѣе подробное изложеніе принциповъ Группы Освобожденія Труда. Онъ прослѣживаетъ идейныя теченія въ социалдемократіи вплоть до нынѣшняго (1906) года. Принадлежа по своимъ симпатіямъ въ фракціи, которая ведетъ свою исторію съ образованія старой „Искры“ и теперь именуется обыкновенно большевистской, Батуринъ съ возможнымъ для заинтересованной стороны безпристрастіемъ прослѣживаетъ ходъ фракціонной борьбы. Онъ признаетъ, что эта борьба „далеко не соотвѣтствовала серьезности разногласій“ и „нерѣдко такъ обострялась, принимала такія формы, что порою тормазила всякую партійную работу“ (стр. 113). „Только такими неестественными, уродливыми формами идейной борьбы можно объяснить полный организаціонный расколъ ко времени III съѣзда, когда политическія условія требовали самаго тѣснаго объединенія работы всей партіи“ (стр. 114). Батуринъ приводит выдержки изъ письма рабочаго, негодующаго по поводу раскола, но, къ сожалѣнію, не обобщаетъ этого факта,—не подчеркиваетъ того вліянія, которое оказала рабочая масса, заставившая фракціи вновь слиться въ одну партію.

Батуринъ пишетъ сжато, бойко, интересно. Вѣроятно, рано или поздно, понадобятся новыя изданія его книги. Поэтому я считаю нужнымъ подробно отмѣтить тѣ ошибки, которыя были мною замѣчены въ его изложеніи.

Реакціонную политику русскаго правительства 80-хъ годовъ авторъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство убѣдилось въ отсутствіи серьезной силы, которая стояла бы за Исполнительнымъ Комитетомъ партіи Народной Воли (стр. 17). Это слишкомъ упрощенное объясненіе. Реакція началась много раньше,—еще въ 60-хъ годахъ. И объясненія ея нужно искать не въ личныхъ качествахъ правителей, а тѣмъ болѣе—не въ случайныхъ, побочныхъ явленіяхъ, въ родѣ польскаго возстанія 1863 года. Реформы 60-хъ годовъ носили на себѣ слишкомъ сильную печать западныхъ вліяній,—вліянія общества съ развитымъ капиталистическимъ накопленіемъ. Въ Россіи же не былъ еще завершенъ періодъ первоначальнаго накопленія,—періодъ грубо-хищнической. Для расхищенія казенныхъ земель, для успѣха ростовничества, для экспроприаціи путемъ бюджетнымъ, рамки легальной эксплуатаціи, практикуемой въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ, оказывались слишкомъ узкими,—и началась ломка „реформъ“.

Только въ наши дни пришло время для установленія твердыхъ нормъ капиталистической эксплуатаціи,—отсюда тотъ политическій кризисъ, который переживаетъ Россія.

О раздвоеніи среди легальныхъ марксистовъ Батуричь рассказываетъ: „По мѣрѣ того какъ даже сквозь цѣнаурныя перегородки все яснѣе выступало революціонное содержаніе марксизма, какъ теоретическаго обоснованія современной социальдемократіи, многіе изъ прежнихъ его сторонниковъ стали одинъ за другимъ перебѣгать въ лагерь либеральной буржуазіи. Это случилось прежде всего съ тремя наиболее популярными изъ „легалныхъ“ марксистовъ: Струве, Туганъ-Барановскимъ и Бунгаковымъ, выступившими съ критикой ортодоксальнаго, т. е. революціоннаго марксизма. Въ этомъ и заключается пресловутый кризисъ марксизма“.. (стр. 54). Опять чересчуръ упрощенное объясненіе! Батуричь забылъ и о Бернштейнѣ, и о Миллерайнѣ, появленіе которыхъ въ свою очередь имѣло социологическія, а не лично-психологическія, основанія. Струве,—увѣряетъ Батуричь,—переходилъ къ либераламъ благодаря тому, что „все яснѣе выступало революціонное содержаніе марксизма“. Однако, раньше тѣмъ „переходилъ“, Струве не боялся принимать личное участіе въ дѣлахъ социальдемократическихъ организацій, какъ повѣствуетъ самъ же Батуричь на стр. 70. Слишкомъ упрощенное объясненіе исторіи легальнаго марксизма повело къ тому, что Батуричь умалилъ заслуги чтимой имъ самимъ группы Искры и Зари,—онъ ни словомъ не обмолвился о роли этой группы въ борьбѣ противъ международнаго оппортунизма въ социальдемократіи.

Далѣе (на стр. 46) авторъ нѣсколько преувеличиваетъ вліяніе реакціи начала 80-хъ годовъ на рабочее движеніе. Прежнія организаціи, правда, были разгромлены, притокъ интеллигентскихъ силъ сократился до послѣдняго минимума, но рабочее движеніе продолжало развиваться и сознательность среди рабочихъ росла. Сознательность, которую проявили рабочие во время знаменитой Морозовской стачки, далеко опередила уровень сознательности петербургскихъ рабочихъ въ концѣ 70-хъ годовъ. Подобнымъ же образомъ протекали стачки и въ другихъ мѣстахъ,—напримѣръ на фабрикѣ Кузнецова въ Твери. Широкій для того времени размахъ движенія и выдержанность рабочихъ повели къ созданію фабричнаго законодательства. Нѣкоторыя статьи закона прямо были списаны съ требованій морозовскихъ рабочихъ,—это въ свое время не прошло незамѣченнымъ и въ рабочей средѣ. Батуричь и въ этомъ случаѣ, и позже игнорируетъ вліяніе, которое оказывало на подъемъ рабочихъ массъ такое,—отвѣтное на требованія рабочихъ,—законодательство, какія перспективы открывало оно для дальнѣйшей борьбы. Между тѣмъ Батуричу достаточно было взглянуть въ приложенный къ его книгѣ манифестъ Р. С. Д. Р. II. 1898 года. Тамъ, съ чувствомъ гордости удовлетворенія, указывается, что законъ 2 іюля 1897 года о продолжительности рабочаго дня „останется навсегда достопамятнымъ доказательствомъ того могущественнаго давленія, которое оказываютъ на законодательную и иную дѣятельность правительства соединенныя усилія рабочихъ“.

Перехожу къ болѣе частнымъ ошибкамъ. „Аресты 1892 года прекратили ея существованіе“,—существованіе петербургской организаціи (стр. 49). Это неавѣрно. Организація послѣ арестовъ 1892 года продолжала разви-

ваться. Также невѣрно указаніе на стр. 52, что въ Петербургѣ въ 1893 году происходили рабочія забастовки и волненія.

Статистика арестовъ и ссылки на стр. 93 вызываетъ недоумѣніе: за 1893—1900 годы арестовано 385 человекъ, а сослано 454; за 1901—4 г. г. арестовано 1203, сослано 1783. Какимъ образомъ, могло случиться, что число сосланныхъ превышаетъ количество арестованныхъ?

Изложеніе фракціонныхъ разногласій изъ-за „плана земской кампаніи“ неудовлетворительно (см. стр. 105).

Трудно согласиться съ мыслью автора, будто источниками для ознакомленія съ исторіей русской социальдемократіи до сихъ поръ „могутъ служить лишь старья, главнымъ образомъ заграничныя, социальдемократическія изданія“. (стр. 125). Съуживать такимъ образомъ кругъ источниковъ значитъ выбрасывать за бортъ и исторію легальнаго марксизма, и исторію промышленности, и фабричнаго законодательства, и изученіе положенія рабочаго класса, и многое другое. Самъ авторъ не выдерживаетъ такого ограниченія и въ числѣ пособій съ полнымъ основаніемъ указываетъ напримѣръ на книгу Туганъ-Барановскаго „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ“, на книги Прокоповича и Пажитнова.

М. Ольминскій.

Маньковский. „У подножья висѣлицы“ (отрывокъ изъ тюремныхъ воспоминаній). Изданіе „Къ свѣту“. Цѣна 6 к. 40 стр.

Брошюра М. Маньковскаго „У подножья висѣлицы“ подъ такимъ же заглавіемъ была года два тому назадъ издана по-польски за границей и тогда же была переведена на русскій языкъ, кажется, подъ редакціей самого автора, въ Женевѣ,—она была озаглавлена „Сорокъ дней передъ казнью“.

Маньковский—одинъ изъ видныхъ дѣятелей польской партіи „Пролетаріатъ“, дѣйствовавшей въ Польшѣ главнымъ образомъ въ 1882—85 г.г. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ выдающимися дѣятелями этой партіи и вмѣстѣ съ ними принималъ участіе въ 1885—86 г.г. въ извѣстномъ варшавскомъ процессѣ 29-ти пролетаріатцевъ. По этому процессу 4 человекъ было казнено, — а именно Куницкій, Бардовскій, Петрусинскій, Оссовскій. Автору брошюры „У подножья висѣлицы“ пришлось провести послѣ суда 40 дней вмѣстѣ съ осужденными на казнь,—описанію этихъ послѣднихъ дней и часовъ и посвящена его брошюра. Она написана съ захватывающимъ интересомъ и даетъ обстоятельное описаніе всего, что было пережито за эти дни и приговоренными къ казни, и ихъ товарищами.

Описанію тѣхъ же дней передъ казнью этихъ четырехъ польскихъ революціонеровъ была посвящена въ № 3 „Вылого“ статья Ф. Я. Кона подъ тѣмъ же заглавіемъ „У подножья висѣлицы“, и она является дополненіемъ къ раньше появившемуся разсказу М. Маньковскаго.

В. Б.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

- И. Черновъ. Луи Бланъ перев. съ франц. Ц. 15 к.
Дневникъ № 7 Г. В. Плеханова августъ 1906 г.
Н. Рязановъ. Къ критикѣ программы россійской социалдемократіи изд. 2-ое. Кн-во „Мысль“. Ц. 1 р.
К-во „Библиотека марксизма“:
Н. Рязановъ. Обуховское дѣло. Ц. 10 к.
Н. Рязановъ. Двѣ правды. Народничество и марксизмъ. Очерки изъ исторіи русской интеллигенціи. Ц. 20 к.
К-во „Новый Миръ“:
Н. Рязановъ. Группа „Освобожденія Труда“. Ц. 5 к.
В. Веселовскій. Какое мѣстное самоуправленіе нужно народу? Ц. 7 к.
Ст. Деревенскій. Что говорятъ про землю соц.-революціонеры и социалдемократы? Ц. 6 к.
Романъ Ролькъ. 14 июля. Драма въ 3-хъ дѣйств. Ц. 40 к.
Юрій Ларинъ. Широкая рабочая партія и рабочій съѣздъ. Ц. 20 к.
Складъ при к-вѣ „Новый Миръ“.
Г. Энгель и В. Гороховъ. Изъ исторіи студенческаго движенія 1899—1906 г. Изд. В. К. Сердаковскаго. Ц. 50 к.
Въ борьбѣ. Сборникъ III. К-во „Борьба“. Ц. 50 к.
Русское Свободное Слово. Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой, Л. Н. Толстого т. IV окт. 1906 г.
Сознательная Россія выпуски I, II, III и IV 1906 г.
К-во Донская Рѣчь и Новая библиотека:
Л. Загаровъ. Партія правового порядка. Ц. 7 к.
Н. Рубакинъ. Исторія русской земли кн. II. Люди въ незапамятную старину.
Н. Бухъ-Полтевъ. Закономѣрность развитія и будущность человѣчества Механико-эконом. параллель. Ц. 30 к.
Из-во О. Н. Поповой:
М. Днѣпровъ. Начало и конецъ абсолютизма во Франціи. Ц. 5.
Темы жизни № 16. П. А. Берлинъ. Политическая борьба въ парламентѣ и внѣ его. Ц. 10 к.
Темы жизни № 17. X. Л. Рапопортъ, Жюль Гэдъ и французская рабочая партія. Ц. 15 к.
Гаральдъ Гефдингъ. Современные философы. Ц. 50 к.
К-во Н. Глаголева:
П. Троцкій. Наша революція. Ц. 1 р.
Исторія Совѣта депутатовъ. Ц. 1 р.
В. Кожевниковъ. Великая Крестьянская война въ Германіи 1524—1525 г. Ц. 60 к.
Л. Мартовъ. Пролетарская борьба въ Россіи. Пред. П. Аксельрода. Ц. 30 к.
Основные вопросы программы и тактики на съѣздахъ германской социалдемократіи вып. I. Программа партіи. Подъ ред. Волгина. Из-во „Движеніе“. Ц. 35 к.
Ольговичъ. Какъ и кого выбирать во вторую Государственную Думу К-во „Товарищество“. Ц. 2 к.
Коншtedтъ. Аграрный вопросъ въ германской социалдемократіи. Библиотека „Общественной Пользы“. Ц. 75 к.

- Чернышевский. Полное собрание сочинений. Прологъ, т. X ч. I и ч. II т. V. Издание Е. Д. Мягкова „Колоколь“:
Ф. Мерингъ История германской социальдемократіи т. I до рев. 1848 г.
Ц. 1 р. 25 к.
Іеккъ. Образование интернаціонала пер. Бронштейна и Гродненскаго.
Ц. 80 к.
Э. Вандервельде и Ж. Дестре. Соціализмъ въ Бельгіи. Пер. Соболевскаго
2-ое изд. Ц. 80 к.
В. Либкнехтъ. Знаніе есть сила, сила есть знаніе. Пер. Л. Мандельштамъ.
Ц. 15 к.
Лассаль. Косвенные налоги. Ц. 25 к.
Эрнестъ. Парижская коммуна пер. Н. Кержнера. Ц. 10 к.
К. Каутскій. Соціализмъ и сельское хозяйство. Перев. И. Наумова. Ц. 20 к.
Фроме. Монархія или республика? вып. II. Ц. 60 к.
К. Каутскій. Американскій и русскій рабочій пер. М. Батырева. Ц. 15 к.
К-во Е. Д. Мягкова „Народная Мысль“.
К. Диль. О социализмѣ, коммунизмѣ и анархизмѣ. 12 лекцій. Пер. В. Невѣжиной. Ц. 60 к.
Эдуардъ Доллеансъ. Робертъ Оуэнъ пер. Л. Никифорова. Ц. 30 к.
Отчетъ симбирскихъ городскихъ библиотекъ публич. платной и бесплатной народной имени И. А. Гончарова за 1905 г.
М. Б. Очеркъ изъ исторіи желѣзнодорожныхъ забастовокъ въ Россіи
Ц. 10 к.
К-во „Новое Товарищество“:
Л. Шишко. Очерки по вопросамъ экономики и исторіи. Ц. 60 к.
Гатти. Соціализмъ и аграрный вопросъ. Ц. 50 к.
В. Черновъ. Пролетаріатъ и трудовое крестьянство. Ц. 20 к.
В. Черновъ. Монистическая точка зрѣнія въ психологін и соціологін.
Ц. 12 к.
Ф. А. Бейерлейнъ. Вечерняя зоря. Ц. 35 к.
Х. Житловскій. Матеріализмъ и діалектическая логика. Ц. 20 к.
С. С. Закъ. Демократизація земства. Ц. 25 к.
С. С. Закъ. Крестьянство и социализація земли. Ц. 15 к.
Берецкій Бергфельдъ. Борьба Венгрии за независимость. Ц. 22 к.
А. Оларъ. Отъ монархіи къ республикѣ. Ц. 10 к.
I Бельфордъ Баксъ и Г. Квельгъ. Соціалистическій катехизисъ. П. Е. Лазаревъ. Аграрный катехизисъ. Ц. 25 к.
В. В. Соціальное преобразование Россіи. Ц. 18 к.
В. Черновъ. Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. Истор. крит. очерки.
Ц. 25 к.
С.-Ан-скій Крестьянскій вопросъ во Франціи 2-ое изд. ц. 7 к.
А. Рудинъ. Что говорятъ русскіе социаль-демократы деревенской бѣднотѣ ц. 10 к.
Популярная библиотечка К-во „Новое Товарищество“.
№ 1. Ф. Гординъ. Почему я социалистъ ц. 4 к.
№ 2. Е. Лазаревъ. Какъ крестьянамъ дали волю ц. 4 к.
№ 3. Жоржъ Ренаръ. Во французской деревнѣ пер. Швеловой ц. 3 к.
№ 4. Шарль Ристъ. Профессіональные союзы въ Англіи пер. Швеловой ц. 1 к.
№ 5. Раастрига ц. 3 к.
№ 6. Порфирьевъ. „Жить стыдно“ ц. 2 к.
№ 7. Агановскій. Освобожденіе земли (чего надо добиваться крестьянамъ) ц. 6 к.
№ 8. Абрамова. Крестьянамъ и рабочимъ ц. 2 к.
№ 10. Смолова. Король и народъ ц. 2 к.
№ 11. Н. Сибирякъ. Гдѣ лучше? ц. 10 к.
№ 13. А. Чернова. Какъ венгерцы борются за свои права ц. 4 к.
№ 14 А. Матъе. Соціальный вопросъ во время французской революціи 1789 г. ц. 5 к.
№ 15. Н. Николаевъ. Невидимыя подати ц. 4 к.

- № 16. А. Будэ. Командить и его общественная роль ц. 5 к.
№ 17. П. Вихляевъ. Какъ уравниять пользование землей ц. 6 к.
№ 18. Е. Звягинцевъ. Земельное переустройство въ городахъ ц. 4 к.
№ 19. Н. Очаповскій. Крестьянская община и социализмъ ц. 8 к.
№ 20. Г. Новоторжскій. Национальный вопросъ, автономія и федерація ц. 6 к.
№ 21. Г. Новоторжскій. Земельный вопросъ въ Россіи ц. 10 к.
Гартъ. Революція и наши партіи. М. Складъ въ маг. Карбасникова ц. 25 к.
Н. Д. Кузьминъ-Караваевъ. „Революціонное выступленіе“. Дума и аграрный вопросъ ц. 25 к.
Его же. Изъ эпохи освободительнаго движенія до 17 окт. 1905 г. ц. 1 р.
Изданія Скимунта:
Джонъ Митчель. Рабочіе союзы въ Америкѣ ц. 50 к.
Макс. Бахъ. Австрія въ первую половину XIX в. пер. подъ ред. Базарова и Степанова ц. 2 р.
Н. Виноградовъ. „Свиданіе двухъ тѣней“ Полит. сатира начала XIX ст. Изданія Артемьева:
Эрвинъ Бяльць. О воинственномъ духѣ японцевъ и ихъ презрѣніе къ смерти пер. съ нѣм. П. Ларенко ц. 50 к.
П. Россовъ. Национальное самосознаніе корейцевъ ц. 30 к.
Собраніе стихотвореній декабристовъ т. II изд. И. И. Фомина ц. 1 р. 50 к.
В. Д. Козловъ. Очерки и рассказы изъ минувшей войны ц. 1 р.
Эрнстъ Геккель. „Мировыя загадки“ Общедоступные этюды по монистической философіи Кн-во И. Д. Иванова ц. 80 к.
Трудъ. Рабочая газета № 5. Органъ СПБ. Ком. и Сов. Раб. Союза пар. с.-р. Ноябрь 1906 г.
Солдатская доля № 9. 15 мая 1906 г. Изд. Ком. Рев. Орг. Варш. Воен. Окр.
" " № 10 7 июня " "
" " № 12 16 " " "
" " № 14 15 июля " "
Солдатъ № 1 Изд. Област. Ком. Закавказ. Союз. пар. с.-р. авг. 1906 г. Robotnik. № 198 и 200 Organ P. P. C.
Листокъ Рабочей Газеты № 9 янв. 1906 г.
Воля. Полит., общест. и литер. газета изд. с.-р. окт. 1906 г. Нагасаки.
Голось солдата № 21 Органъ Рижс. С.-Д. Воен. Орг. 14 нояб. 1906 г. С.-Д. Р. П.
Военный Листокъ № 7 15 нояб. 1906 г. Изд. Тавр. союза пар. с.-р.
Рядовой № 2 Органъ Бакин. Вост. Орг. Р. С.-Д. Р. П.
Нижегородскій солдатскій листокъ № 4 сен. 1906 г. Ниж. Ком. п. с.-р.
Наканунѣ. Соціально-революц. обзоръ годъ I № 8 авг. № 19 годъ II 19 июля 1900 г. London.
Рядъ листковъ и воззваній Москов. соц. дем. союза типо-литогр. рабочихъ и друг. Москов. организацій осень 1905 г. янв. 1906 г.
Товарищи солдаты! Воен. Орг. при Батум. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Бойкотируйте солдатчину! Ко всему населенію городовъ и деревень Бат. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
2 листка москов. студ. фрак. с.-р.
Ко всемъ социалдемократамъ г. Москвы Моск. гр. Р. С.-Д. Р. П.
Отчетъ прихода—расхода Област. Ком. Закавказ. союзъ п. с.-р. съ 15 ав.—15 окт. 1906 г.
Товарищи! Област. Ком. Закавказ. союза пар. с.-р. окт. 1906 г.
14 окт. Кронштадт. военно-полев. судъ.... Раб. Ком. Петерб. района п. с.-р.
Граждане! Колом. Участ. Р. С.-Д. Р. П.
Листокъ Нижегород. Губ. Ком. пар. с.-р. 1 нояб. 1906 г.
Уставъ Московской Организ., выработ. Исполн. Комиссіей усил. сост. комит. п. с.-р.
Письмо новобранца къ новобранцамъ изд. Воен. Орг. при Пет. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Протоколь Нижегородскаго губернскаго съѣзда организаціи п. с.-р.

- Различные листки и издания Екатеринос. Ком. Р. С.-Д. Р. П. др. группы г. Екатеринослава.
- Письмо отъ русскихъ крестьянъ царю Николаю Второму окт. 1906 г. Резолюція партіи С.-Р.
- Волки въ овечьей шкурѣ. Старога служиваго. 14 листковъ и воззваній Изд. Воен. Рев. Орг. Варш. Воен. Окр.
- Къ обществу Москов. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
- Военно-полевая юстиція М. К. Р. С.-Д. Р. П.
- Ко всѣмъ рабочимъ М. К. Р. С.-Д. Р. П.
- Извѣщеніе о VII съѣздѣ Бунда. Женева
- Павель Гольманъ. (Некрологъ) окт. 1906 г. Екатерин. Гр. Рабочихъ анархистовъ-коммунистовъ.
- 9 листковъ Москов. Ком. п. с.-р.
- Солдаты! Къ саратовскимъ войскамъ. Саратов. Ком. п. с.-р.
- Извѣстія Област. Ком. Центр. Обл. 6 нояб. 1906 г. Обл. Ком. Ц. Об. п. с.-р.
- Бюллетень Област. Ком. Центр. Обл. п. с.-р. 15 окт. 1906 г.
- Листокъ № 3. Общность интересовъ городскихъ рабочихъ съ трудовымъ крестьянствомъ. Саратов. Горн. раб. районъ п. с.-р.
- Воззваніе, уставъ и отчетъ Об-ва помощи пострадавшимъ въ освобод. движеніи и ихъ семьямъ въ г. Костромѣ.
- Отъ Южно-Русскаго Област. Ком. къ мѣст. организациямъ. Одесса ноябрь 1906 г.
- Резолюція областного съѣзда поволжскаго союза п. с.-р.
- Еще о „конституціонныхъ“ погромщикахъ. Оттискъ изъ № 7 „Соціал-демократъ“.
- Мих. Раф. Гоць (некрологъ). Изд. Нижег. Ком. С.-Р.
- Извѣстія Нижегород. Губерн. Ком. пар. с.-р. № 1.
- Граждане! Батум. Ком. п. с.-р.
- Солдатская марсельеза. Сов. Бат. Горн. Тип. Бат. Ком. п. с.-р.
- Отчетъ за сентябрь 1906 г. пар. с.-р. Бат. Ком. Закавказ. союзъ п. с.-р.
- О партійной работѣ. Прилож. къ № 1 Извѣст. Нижег. Губ. Ком. пар. с.-р.
- Примѣрный уставъ боевой дружины п. с.-р. Тип. Тиф. Ком. п. с.-р.
- Towarzysze! Towarzyszki! Cent. Kom. Rob. P. P. S. Warsz. W grudniu 1906 г.
- Партійныя извѣстія № 2 25 нояб. 1906 г. Изд. Центр. Ком. п. с.-р.
- Инструкція по выборамъ парт. с.-р.
- Военный Союзъ Органъ сѣвернаго Организац. Комитета офицерскаго союза № 1 ноябрь 1906 г.
- Приложеніе къ № 1 Военнаго Союза. Докладъ ген. Меллера Закомельскаго Имп. Николаю Второму.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ получено:

- Собранные черезъ В. М. П. 52 р. 50 к., черезъ М. С. П.—36 р., черезъ М. А. П.—18 р., черезъ Ф. И. Б.—26 р., черезъ О. Ю. Л.—10 р., черезъ А. М. Д. 14 руб., черезъ Б. Г. М.—38 р., черезъ С. Н. Г.—22 р.—всего 216 р. 50 к. для ссыльныхъ Нарымскаго и Туруханскаго края.
- Отъ О. Н. Васильевой изъ Анапы Куб. Обл.—3 р. въ „Общество помощи полит. ссыльн. и заключеннымъ“.
- Отъ В. С. для политическихъ ссыльныхъ, находящихся въ Сибири—500 руб.
- Изъ Сухума—121 р. 10 к.
- Деньги переданы по назначенію.
- Для передачи въ Шлиссельбургскій Комитетъ—Отъ друзей и товарищей А. А. Спандони, вѣсто вѣнковъ, которые не могли быть возложены на его безвременную могилу—70 р.
- Деньги переданы по назначенію.

Современная лѣтопись.

Въ теченіе ноября зарегистрированы нижеслѣдующіе смертныя приговоры и смертныя казни.

1) Въ Митавѣ, 31 октября. Въ послѣднемъ засѣданіи военнаго суда приговорены къ смертной казни Крингель, Липе и Врикманъ, вожаки нападенія на драгунъ въ Туккумѣ въ декабрь 1905 года.

2) Въ Иркутскѣ. По приговору военно-полевого суда 31 октября былъ казненъ Николай Коршуновъ покушавшійся на жизнь Рейненкампа.

3) Въ Сѣдлецѣ, 1 ноября. По приговору военно-полевого суда разстрѣлянъ житель соколовскаго уѣзда Лещинскій за вооруженное нападеніе на конвой, сопровождавшій арестантовъ.

4) Въ Москвѣ, 1 ноября. Военно-полевой судъ приговорилъ неизвѣстнаго преступника, покушавшагося на жизнь градоначальника генераль-майора Рейнбота, къ смертной казни черезъ повѣшеніе. 2-го ноября приговоръ приведенъ въ исполненіе.

5) Въ Одессѣ, 1 ноября. Военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло о варывѣ бомбъ, брошенныхъ въ декабрь 1905 г. въ кондитерскую Либмана, приговорилъ троихъ обвиняемыхъ къ смертной казни, двухъ къ каторжнымъ работамъ на 17 лѣтъ.

6) Въ Екатеринославѣ, 2 ноября. Осужденный военно-полевымъ судомъ Вальтрунаисъ, за нападеніе на городского Корнѣва, сегодня разстрѣлянъ.

7) Въ Ригѣ, 2 ноября. Крестьяне Кальнинъ, Преде и Паегле приговорены военно-полевымъ судомъ за вооруженный грабежъ и разбой къ смертной казни; приговоръ приведенъ въ исполненіе.

8) Въ Митавѣ, 2 ноября. Приговоръ военнаго суда по Тальсенскому дѣлу, по которому 8 человекъ приговорены къ смертной казни, смягченъ генераль-губернаторомъ для трехъ изъ нихъ безсрочной каторгой. Остальные будутъ казнены въ тальсенскомъ уѣздѣ, на мѣстѣ учиненія преступныхъ дѣяній.

9) Въ Варшавѣ, 2 ноября. По приговору военно-полевого суда повѣшены Людвикъ Мотычинскій и Георгій Поминскій, которые на полустанкѣ „Древница“ напали на кассира кирпичнаго завода Евіоранскаго и, ранивъ его, отняли 2.000 руб., но были задержаны въ лѣсу рабочимъ завода.

10) Въ Варшавѣ, 2 ноября. Вчера военнымъ судомъ приговорены

къ смертной казни через повѣшеніе слесарь Ендржевскій — за разбой и вооруженное сопротивление, Рачикъ и Ксіонжакъ — за вооруженное нападеніе на земскихъ стражниковъ и Згодовскій — за ограбленіе казенной винной лавки. 8 ноября приговоры приведены въ исполненіе.

11) Тамъ же Военно-полевой судъ приговорилъ къ смертной казни крестьянъ Грентца, Сиварскаго и Романовскаго за вооруженное сопротивление при задержаніи ихъ земскимъ стражникомъ. Приговоръ приведенъ въ исполненіе 1 ноября въ Сохачевѣ.

12) Въ Домбровѣ по приговору военно-полевого суда разстрѣлянъ грабитель Болеславъ Урысь.

13) Въ Либавѣ, 3 ноября. Казнены полевымъ судомъ два грабителя.

14) Въ Квирилахъ 3 ноября казненъ Тронидзе, обвинявшійся въ убійствѣ священника.

15) Въ Ригѣ, 3 ноября. Военно-полевой судъ приговорилъ къ смертной казни крестьянина Яна Энке и Фрейта, перваго за вооруженное сопротивление и покушеніе на убійство нижняго чина, второго за вооруженное нападеніе и навесеніе тяжкихъ пораненій крестьянкѣ Шпшманъ. Утромъ 4-го приговоръ приведенъ въ исполненіе.

16) Въ Гори, по приговору полевого суда повѣшенъ Котаньянцъ за убійство сторожа на станціи Боржомъ.

17) Въ Вобруйскѣ, 1 ноября. Состоялось засѣданіе военно-окружнаго суда по дѣлу объ ограбленіи почты между Гомелемъ и Вѣткой, сопровождавшемся убійствомъ. 3 обвиняемыхъ, Малъевъ, Фейгинъ и Одноглазовъ, приговорены къ смертной казни через повѣшеніе.

18) Въ Петербургѣ, 4 ноября въ закрытомъ засѣданіи военно-окружнаго суда слушалось дѣло о рабочемъ Лукѣ Ивановѣ, преданномъ военному суду на основаніи 2 ч. 1483 ст. угол. ул. на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ. Лука Ивановъ обвинялся въ томъ, что 22 августа с. г. по Рѣзвой ул. нанесъ въ запальчивости постовому городовому Мурашицову во время исполненія имъ своихъ обязанностей нѣсколько ударовъ, и затѣмъ выхватилъ у него обнаженную пашку и причинилъ 3 раны признанныя врачомъ — экспертомъ легкими.

Судъ призналъ подсудимаго виновнымъ и приговорилъ къ смертной казни через повѣшеніе, но постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ этого отдачи въ исправительное арестантское отдѣленіе на 8 года; ходатайство это уважено.

19) Въ Москвѣ, 6 ноября. Сегодня военно-полевой судъ приговорилъ Мишке за убійство жандарма на курской дорогѣ, близъ станціи Царциро, къ смертной казни через повѣшеніе, 7 ноября смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе.

20) Въ Митавѣ, 6 ноября. Сегодня здѣсь приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ тремя главарями тукумскаго мятежа — Крингелемъ, Лепой и Бринкманомъ и надъ виндавскимъ мятежникомъ — Крузинимъ.

21) Въ Екатеринославѣ, 6 ноября. По дѣлу о вооруженномъ захватѣ, въ декабрѣ 1905 г., станціи Синельниково судъ приговорилъ трехъ чловѣкъ къ смертной казни, постановивъ ходатайствовать о замѣнѣ одному изъ нихъ казни каторгой. Пятеро другихъ приговорены къ каторгѣ до 4 лѣтъ, пятеро — къ ссылкѣ, семеро — оправданы.

22) Въ Елисаветпольѣ, 6 ноября. Обвиняемый по дѣлу объ убійствѣ джеванширскаго уѣзднаго начальника, Флегинскаго, бывшій разсмыслный, содержавшійся въ тюрьмѣ, Нуриманбекъ, военно-окружнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Судъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи участи.

23) Въ Елисаветградѣ, 7 ноября. Военно-полевой судъ въ Александріи приговорилъ Мельникова и Погулаева за совершенное 5 ноября ограбленіе вдовы Матусевичъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, постановивъ ходатайствовать о замѣнѣ казни безсрочной каторгой.

24) Въ Ригѣ, 7 ноября. Военно-полевой судъ приговорилъ грабителей Югансова и Захарина къ смертной казни черезъ разстрѣляніе; приговоръ приведенъ въ исполненіе въ 3 часа ночи.

25) Въ Митавѣ, 7 ноября. Приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни Клиппманъ, Сеглинъ, два брата Тиме и Штейнбокъ и увезены для разстрѣлянія ихъ на мѣстѣ учиненныхъ ими преступныхъ дѣяній въ Тальсенѣ. Клиппманъ обвиненъ въ разграбленіи цейхауза съ цѣлью вооруженіи мятежниковъ; остальные разбойничали въ имѣніяхъ и участвовали въ нападеніи на войска.

26) Въ Ригѣ, 7 ноября. Изъ феллинскаго уѣзда сообщаютъ о разстрѣляніи по приговору военно-полевого суда за ограбленіе корчмы крестьянъ: Равусъ, Аспе, Саранъ, Кооли и Эунапо.

27) Смертный приговоръ, вынесенный виленскимъ военно-окружнымъ судомъ Шухатовичу, Осаковскому и Шварцу и утвержденный главнымъ военнымъ судомъ по обвиненію ихъ въ убійствѣ въ г. Слонимѣ стражника Болвана, не подтвержденъ главнокомандующимъ. Наказаніе имъ замѣнено 20-лѣтней каторгой.

28) Въ Варшавѣ, 7 ноября. Вчера въ военномъ судѣ разбиралось дѣло о мѣщанахъ Мыслинскомъ, Судовичерѣ, Шлемѣ Беккерѣ, Гиршѣ и Даниилѣ Беккерѣ, обвиняемыхъ въ разбойничьемъ ограбленіи 7 августа на шоссе около Вѣлостока подрядчика. Судъ приговорилъ двухъ первыхъ къ смертной казни, третьяго къ безсрочной каторгѣ и двухъ послѣднихъ къ каторгѣ на 20 лѣтъ.

29) Въ Митавѣ, 8 ноября. Сегодня, по приговору военного суда, разстрѣляны крестьянинъ Адамовичъ и ученикъ реального училища 17 л. Грингофъ, уличенные въ убійствѣ волостного старшины.

30) Въ Варшавѣ, 8 ноября смертный приговоръ военно-окружного суда надъ Яномъ Грацковскимъ приведенъ въ исполненіе.

31) Въ Кіевѣ, 8 ноября. Военно-окружной судъ, изъ шести человекъ, обвинявшихся въ убійствѣ Солодовича и двухъ вооруженныхъ нападеніяхъ въ житомирскомъ уѣздѣ, съ цѣлью грабежа приговорилъ Ефима и Нестора Биленькихъ и Андрея Маринича къ повѣшенію, остальныхъ—къ безсрочной каторгѣ. Ефимъ Биленькій и Мариничъ 2 ноября были уже приговорены къ казни за вооруженную кражу лошадей.

32) Въ Варшавѣ, 9 ноября. Вчера военный судъ приговорилъ къ смертной казни Гавриила Шмигельскаго за убійство земскаго стражника.

33) Въ Петербургѣ, 9 ноября. Въ главномъ военномъ судѣ ошудалось дѣло по кассационной жалобѣ Ш. Шпитальника, Я. Познера, А. Стахова и С. Банковского, приговоренныхъ варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ

къ смертной казни за участіе въ убійствѣ пристава Ковальскаго въ г. Варшавѣ. Главный военный судъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій.

17 ноября приговоръ приведенъ въ исполненіе. Участіе казненныхъ въ убійствѣ не доказано.

34) Въ Варшавѣ, 11 ноября. 9 ноября въ Вышковѣ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ военно-полевого суда пултускаго гарнизона надъ Чеховскимъ, Листовичемъ и Зюлковскимъ, осужденными за разбойничье нападеніе 16 октября на заводъ Якубовскаго и убійство владѣльца завода.

35) Въ Александровскѣ, 10 ноября. Сегодня утромъ по приговору военно-полевого суда разстрѣляны четыре крестьянина села Ивановки, александровскаго уѣзда, Мединскій, Зеркулъ, Давиленко и Чебанъ, ограбившіе кассу Ивановскаго волостного правленія. Два участника, скрывшіеся съ 10,000 р. ограбленныхъ денегъ, пока не пойманы.

— Въ Тифлисъ, 10 ноября разстрѣляны по приговору военно-полевого суда Созіевъ по обвиненію въ убійствѣ Коладае.

36) Въ Екатеринославѣ, 11 ноября. Въ семь час. утра разстрѣляны по приговору военно-полевого суда шесть человекъ, трое за террористическіе акты противъ полиціи, за убійство околоточнаго надзирателя Врайкевича, городского Дзюбаненко въ посадѣ Амуръ, остальные за нападеніе, съ цѣлью экспроприаціи, на купца Волошина и сопротивленіе полиціи, во время котораго убиты Волошинъ и одинъ экспроприаторъ.

37) Въ Ригѣ, 11 ноября. Ночью военно-полевой судъ приговорилъ Петра Брувера за убійство своей любовницы къ смертной казни; приговоръ исполненъ въ 4 часа утра.

38) Въ Одессѣ, 11 ноября, Военно-полевымъ судомъ приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе крестьянинъ Карниченко за ограбленія артельщика Россійскаго Общества пароходства и торговли; и крестьянинъ Пустовойтовъ за вооруженное нападеніе на квартиру Царенко. Оба приговора сегодня утромъ приведены въ исполненіе въ Александровскомъ паркѣ.

39) Въ Екатеринославѣ, 11 ноября. Военно-окружный судъ приговорилъ троихъ, обвинявшихся въ нападеніи на почтовое отдѣленіе на Александровской улицѣ и убійствѣ почтоваго чиновника Гусева, къ смертной казни.

40) Въ Тифлисъ, 11 ноября. Разстрѣляны въ мѣстечкѣ Квирилахъ Самхарадзе и Гвелесиани обвинявшіеся въ разбойничьемъ нападеніи.

41) Въ Елизаветполѣ, 11 ноября. Объявленъ приговоръ военно-окружного суда, конемъ изъ 10 обвиняемыхъ въ разбой и вооруженномъ сопротивленіи властямъ, пятеро оправданы; двое приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, трое другихъ также приговорены къ смертной казни, но постановлено возбудить ходатайство предъ главнокомандующимъ о смягченіи участи послѣднихъ.

— Въ Сочи, 12 ноября. Военно-полевымъ судомъ приговорены Александръ Гагулія, Дмитрій Угренидзе и Георгій Врквація къ смертной казни черезъ разстрѣляніе и Дмитрій Тавадзе—къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ. Приговоръ надъ первыми тремя приведенъ въ исполненіе. Всѣ обвинялись въ вооруженномъ грабежѣ.

42) Въ Варшавѣ, 12 ноября Вчера военный судъ разсматривалъ дѣло

о мѣщанинѣ Миттельштейнѣ, обвиняемомъ въ разбойничьемъ нападеніи на винную лавку близъ города Лодзи и приговорилъ его къ смертной казни.

43) Въ Кронштадтѣ, 13 ноября. Ночью на фортѣ преданъ смертной казни черезъ повѣшеніе еще одинъ изъ участниковъ вооруженнаго ограбленія кареты портовой таможи.

44) Въ Блисаветградѣ, 13 ноября. Разстрѣляны, по приговору военно-полевого суда, Шполянскій и Тарнадкій, обвинявшіеся въ вооруженномъ ограбленіи пассажировъ, уѣзжавшихъ ночью съ вокзала.

45) Въ Варшавѣ, 13 ноября. Исполненъ приговоръ военно-окружнаго суда о повѣшеніи Цалека, Судоровичера и Юзефа Мыслинскаго, ограбившихъ и ранившихъ проѣзжаго на шоссе близъ Бѣлостока.

46) Въ Екатеринославѣ, 13 ноября. На разсвѣтѣ разстрѣляны 4 рабочихъ, приговоренныхъ военно-полевымъ судомъ къ смертной казни за нападенія на торговые помѣщенія въ селѣ Каменскомъ.

47) Въ Петербургѣ у мѣщ. Тимофея Иванова Стольфота были обнаружены пять заряженныхъ бомбъ, хранимыхъ имъ съ преступною цѣлью. Стольфотъ приговоромъ военно-полевого суда присужденъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, каковой приговоръ 13-го ноября приведенъ въ исполненіе.

48) Въ Севастополѣ, 13 ноября. Сегодня объявленъ приговоръ по дѣлу о возстаніи. Приговорены—провизоръ Канторовичъ къ повѣшенію, рядовые—Ціома и Барышевъ къ разстрѣлянію, сынъ подполковника Вороницынъ и двое рядовыхъ къ безсрочной каторгѣ, репортеръ мѣстной газеты Френкель—къ лишенію правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе. Многіе приговорены къ каторгѣ на разные сроки, къ заключенію въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, въ дисциплинарный батальонъ и въ тюрьму. Изъ 270 подсудимыхъ, 38 оправданы.

Приговоръ относительно присужденныхъ къ смертной казни будетъ представленъ главному командиру адмиралу Скрыдлову на конфирмацію. Смертная казнь 30 ноября для всѣхъ троихъ замѣнена безсрочной каторгой.

49) Въ Очаковѣ, 14 ноября. По приговору военно-полевого суда разстрѣлянъ ефрейторъ минной роты Самохваловъ за нанесеніе пораненія офицеру.

50) Въ Тифлисѣ, 14 ноября. Обвиняющагося въ нападеніи на духанъ Давидова Хатанашвили военно-полевой судъ приговорилъ къ разстрѣлянію. 15-го смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе.

51) Въ Таганрогѣ, 14 ноября. Крестьяне Воротченко, Боженко, Шклярова и Тарасенко за убійство камнями казака, по приговору полевого суда, разстрѣляны.

52) Въ Хабаровскѣ, 15 ноября. Сегодня, на разсвѣтѣ, у ограды мѣстной тюрьмы повѣшены восемь китайцевъ, признанныхъ военнымъ судомъ виновными въ разбойномъ нападеніи на корейскую семью въ деревнѣ Оси повкѣ, вблизи Хабаровска. При нападеніи вся семья была перебита и фанза зажжена. Послѣ пожара въ фанзѣ было найдено восемь обуглившихся труповъ.

53) Въ Бѣлостокѣ, 15 ноября. Еврей, покушавшійся на убійство около-

точного надзирателя, военно-полевымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни. Приговоръ приведенъ въ исполненіе сегодня на разсвѣтѣ. Преступникъ отказался обнаружить свое званіе.

54) Въ Θεодосіи, 15 ноября. Совершившій покушеніе на жизнь генерала Давыдова, военно-полевымъ судомъ приговоренъ къ повѣшенію. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

55) Въ Тифлисъ, 15 ноября. Военно-полевой судъ проговорилъ Сихарулидзе къ смертной казни за убійство инженера Веряедта.

— Смертная казнь именуемому себя Александромъ Казакевичемъ замѣнена каторжными работами безъ срока.

56) Въ Петербургѣ 15 ноября въ закрытомъ засѣданіи военно-окружного суда слушалось дѣло о бывш. рабочемъ путиловскаго завода Егорѣ Митинѣ, обвинявшимся въ участіи въ вооруженномъ нападеніи на 31 отделение сберегательной кассы государственнаго банка.

Судъ призналъ его виновнымъ и приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Смертная казнь Митину замѣнена двадцатилѣтней каторгой.

15 ноября въ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію рабочаго Алексѣя Горшкова въ нанесеніи легкихъ ранъ городовому Ромашкевичу.

Горшковъ признавъ виновнымъ въ предъявленномъ къ нему обвиненіи и приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, причемъ военно-окружный судъ постановилъ возбудить ходатайство о смягченіи наложеннаго на Горшкова наказанія.

57) Въ Кіевѣ, 16 ноября. Военно-окружной судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе казака Голобородько, обвинявшагося въ убійствѣ одного стражника и покушеніи на убійство другого въ селѣ Хорошахъ, дубенскаго уѣзда.

58) Въ Тифлисъ, 16 ноября. Приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе крестьянинъ кутаисской губ. Кахадае по обвиненію въ соучастіи въ убійствѣ Косадае. Приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе въ Тифлисъ.

59) Одесса, 16 ноября. По приговору военно-окружного суда утромъ казнены черезъ повѣшеніе анархисты Моисей Метцъ, Юсифъ Брунштейнъ и Бейла Шерешевская, бросившіе осенью прошлаго года бомбу въ кофейную Либмана.

60) Въ Екатеринославѣ, 16 ноября. За нападеніе на помѣщика Осетрова двое приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

61) Въ Москвѣ, 16 ноября. Сегодня приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ Романченко, равнившимъ ночного сторожа на Патріаршихъ прудахъ.

62) Въ Петербургѣ, въ Главномъ Военномъ судѣ 16 нояб. слушалось дѣло по кассационной жалобѣ на приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Полтавѣ объ Ильѣ Фоменко. Судъ призналъ Фоменко виновнымъ въ покушеніи на убійство должностнаго лица вслѣдствіе исполненія имъ служебныхъ обязанностей и на основаніи 115 и 1454 ст. ул. о наказ. и 279 ст. 22 кн. св. приговарялъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Кассационная жалоба оставлена главнымъ военнымъ судомъ безъ уваженія.

63) Въ Ригѣ, 17 ноября. Изъ мѣстечка Даленъ сообщаютъ о разстрѣляніи по приговору военно-полевого суда грабителей Гульбисъ и Лалсенъ.

64) Въ Варшавѣ, 16 ноября. Военный судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе мѣщанина Станкевича и крестьянъ Реведу и Наджедневича, за вооруженное нападеніе на квартиру ксендза, а крестьянина Яварчика, обвинявшагося въ нападеніи на цвѣточную фабрику, оправдалъ.

65) Въ Кутаисѣ, 17 ноября. Обвинявшійся въ разбойничьемъ нападеніи на поѣздъ и ограбленіи пассажировъ Болквадзе, по приговору военно-полевого суда, разстрѣлянъ.

66) Въ Твери, 18 ноября. Московскій военно-окружный судъ въ выѣздной сессіи разсмотрѣвъ дѣло о неизвѣстномъ, обвинявшемся въ убійствѣ 25-го марта губернатора Слѣпцова, призналъ его виновнымъ и приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

67) Въ Елисаветполѣ, 18 ноября. Армянинъ Тюніевъ, ранявшій въ Шустѣ мусульманина Шекинскаго, умершаго отъ раны, преданъ былъ полковому суду, который приговорилъ его къ смертной казни. Дорогой изъ суда въ тюрьму онъ пытался бѣжать, но былъ смертельно раненъ сопровождавшими его казаками.

68) Въ Дубно. 18 ноября. Приговоренный къ смертной казни. Денчукъ сегодня въ 7 ч. утра разстрѣлянъ.

69) Въ Томашевѣ, 18 ноября. Военно-полевымъ судомъ приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе Кушаба и Паныла, ограбившіе солтыса колоніи Телятинъ. Сегодня въ 8 час. утра приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Въ Ригѣ, 18-го ноября. По приговору военно-полевого суда, утромъ разстрѣяны Блемъ, Шустъ и два брата Колевичъ за ограбленіе конторы Яникуна.

71) Въ Митавѣ, 18 ноября убійца машиниста акціонерной фабрики Оволинъ, оказавшійся писцомъ Дундуромъ, латышомъ, былъ преданъ военному суду и приговоренъ къ смертной казни.

72) Въ Варшавѣ, 20 ноября. По приговору военно-полевого суда повѣшены Давидъ Барщевскій и Юсіфъ Гавронскій, обвиненные въ убійствѣ 10 ноября околоточнаго надзирателя Никольскаго.

73) Въ Севастополѣ, 19 ноября. Ночью на тюремномъ дворѣ разстрѣлянъ крестьянинъ Приходовъ, приговоренный военно-морскимъ полевымъ судомъ къ смертной казни за ограбленіе Шатрова.

74) Въ Варшавѣ, 20 ноября. Военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло о шайкѣ десяти грабителей, обвиненныхъ въ совершеніи въ мартѣ и апрѣлѣ сего года тринадцати разбойничьихъ нападеній въ Варшавѣ и окрестностяхъ, приговорилъ восьмерыхъ, въ томъ числѣ семнадцатилѣтнюю дѣвушку, къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

75) Въ Одессѣ, 19 ноября. Главнымъ военнымъ судомъ оставлены безъ послѣдствій жалобы Котлубовскаго, Грума, Слудскаго, Бродскаго, Савочкина и Потемкина, приговоренныхъ одесскимъ судомъ къ смертной казни.

76) Въ С.-Петербургѣ у финляндскаго уроженца Отто Корхонена было обнаружено восемь заряженных бомбъ и у крестьянъ—Андрея Иванова Семгина и Якова Тимофеева Долгихъ одна заряженная бомба и мастерская изготовленія бомбъ; бомбы хранились съ преступною цѣлью для боевыхъ организацій.—Корхоненъ, Семгинъ и Долгихъ приговорами военно-полевого суда присуждены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, каковыя приговоры 20 сего ноября приведены въ исполненіе.

77) Въ Митавѣ, 21 ноября.—Во вчерашнемъ засѣданіи военнаго суда присужденъ къ смертной казни латышъ Бераннъ, уличенный въ томъ, что 15 мая, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Митавы, по соглашенію съ уже казненнымъ Пурикомъ, стрѣлялъ въ проходившихъ по лѣсу четырехъ крестьянъ, но промахнулся.

78) Въ Москвѣ, 21 ноября. Вчера московскій военно-окружной судъ разбиралъ дѣло Кузнецова, обвинявшагося въ вооруженномъ ограбленіи и убійствѣ городского. Судъ приговорилъ Кузнецова къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

79) Полевой судъ въ Грозномъ 23 ноября приговорилъ мѣщанина Куріева за ограбленіе женщины къ смертной казни.

80) Калишъ, 23 ноября. Въ сораздковъ тюрьмѣ по приговору военно-полевого суда разстрѣляны трое грабителей, въ томъ числѣ одинъ освобожденный во время войны каторжникъ съ Сахалина.

81) Въ Иркутскѣ, 23 ноября. Разстрѣлянь саперъ, участникъ майскихъ беспорядковъ.

82) Въ Благовѣщенскѣ, 23 ноября. 21 ноября военно-полевой судъ приговорилъ китайца, убившаго японца и нанесшаго тяжкія раны членамъ семьи послѣдняго, къ смертной казни. 22 ноября приговоръ приведенъ въ исполненіе.

83) Въ Петербургѣ. 23 ноября главный военный судъ разсматривалъ жалобу Хартіева, Легвинскаго и Разореннаго, приговоренныхъ 12 марта, с. г. временнымъ военнымъ судомъ въ Екатеринославѣ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за открытое похищеніе 10 руб. съ оружіемъ въ рукахъ. Жалоба оставлена безъ послѣдствій. Въ томъ же засѣданіи слушалось дѣло о нижнихъ чинахъ бобруйскаго дисциплинарнаго баталіона Якушева и Волкова, приговоренныхъ временнымъ военнымъ судомъ въ Вобруйскѣ за подстрекательство и участіе въ бунтѣ. Первый—къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, а второй—къ 15 годамъ, 1 недѣли и 1-му дню каторжныхъ работъ. На приговоръ этотъ поступили протестъ прокурора и жалоба осужденныхъ. И тотъ и другой оставлены безъ уваженія.

84) Въ Одессѣ, 24 ноября. Командующій войсками утвердилъ смертный приговоръ военнаго суда по дѣлу казака Василя Донцова, бросившаго бомбу въ квартиру становаго пристава.

85) Тифлисъ, 24 ноября. Обвиняемые въ нападеніи на домъ князя Авазова и въ изнасилованіи княгини Авазовой крестьяне Джанаишвили и Тедіашвили по приговору военно-полевого суда разстрѣляны; крестьянинъ Питаридае приговоренъ къ безсрочной каторгѣ.

85¹) Въ Москвѣ, военно-полевой судъ приговорилъ обвиняемыхъ въ ограбленіи завода Вонакера—Гавшина къ смертной казни черезъ повѣшеніе, Дрожжина къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ.

86) Въ Ригѣ, 25 ноября. Вчера въ Венденѣ военно-полевымъ судомъ приговорены къ смертной казни крестьяне Паеглитъ, Заррингъ и Паурисъ; первые два за вооруженный грабежъ, послѣдній за убійство дростенгофскаго урядника.

87) Въ Митавѣ, 25 ноября. Полиція узнала, что какіе-то молодые люди упражняются въ стрѣльбѣ на уединенномъ островѣ. У одного изъ нихъ—Элерта оказалось похищенное у лѣсничаго ружье, а послѣ обыска въ квартирѣ послѣдняго найдены спрятанными подъ матрацомъ пиджакъ и шляпа, надѣтые на лѣсничемъ во время ограбленія. По приговору суда Элертъ разстрѣлять, а другіе сосланы на поселеніе.

88) Въ Благовѣщенскѣ, 26 ноября. По дѣлу о столкновеніи съ патрулемъ трое обвиняемыхъ были приговорены полевымъ судомъ къ смертной казни. Приговоръ кассированъ генераль-губернаторомъ и дѣло передано судебному слѣдователю.

89) Въ Варшавѣ, 27 ноября. По приговору военно-полевого суда, повѣшены Явѣ Колодзеякъ и Станиславъ Вейдеховскій, обвиненные въ разбойномъ нападеніи на крестьянина дер. Таргувекъ, подъ Варшавой.

90) Военно-полевой судъ въ Цучинѣ приговорилъ мѣстнаго жителя Владислава Понятовскаго къ разстрѣлянью за убійство казеннаго лѣсника. 26 ноября приговоръ приведенъ въ исполненіе.

91) Въ Варшавѣ, 28 ноября. По приговору военно-полевого суда повѣшены крестьяне—Иванъ Абель, Антонъ Кабошъ, Станиславъ Засиень, признанные виновными въ рядѣ разбойничьихъ нападеній и въ убійствѣ.

92) Въ Митавѣ, 28 ноября. Военнымъ судомъ присуждены Астанковичъ 22 лѣтъ и Фрейбергъ 24 лѣтъ, за нѣсколько вооруженныхъ разбоевъ, къ смертной казни. Они уже раньше нѣсколько разъ осуждались за кражи.

93) Въ Одессѣ, 28 ноября. Командующій войсками утвердилъ смертный приговоръ Андрею Горбунову, ограбившему артельщика екатерининской желѣзной дороги.

94) Въ Москвѣ 28 ноября. Въ 1 часъ ночи военно-полевой судъ вынесъ резолюцію, которой два брата Тараканниковы и два брата Котловы, обвиняемые въ убійствѣ городского Стропилова въ Павловскомъ посадѣ, приговорены къ безсрочной каторгѣ.

— Въ виду процессуальныхъ неправильностей въ приговорѣ военно-полевого суда по дѣлу двухъ братьевъ Тараканниковыхъ и двухъ братьевъ Котловыхъ, дѣло было передано на разсмотрѣніе новаго военно-полевого суда, которому сообщено, что городской, раненый подсудимымъ, скончался. Судъ приговорилъ всѣхъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ въ 1 ч. ночи приведенъ въ исполненіе.

95) Въ Павлоградѣ, 29 ноября. Военно-полевымъ судомъ приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣлянне четыре преступника, отказавшихся назвать свои фамилии, убившихъ съ цѣлью грабежа семью землевладѣльца Шматкова, около станціи Лозовой. Приговоръ на разсѣтъ приведенъ въ исполненіе.

96) Въ Варшавѣ, 29 ноября. Вчера военный судъ приговорилъ къ смертной казни жителя города Парчева, Иполита Кописа, по обвиненію въ принадлежности къ террористической партіи и троекратномъ убійствѣ.

97) Въ Екатеринбургѣ, 29 ноября. По дѣлу о вооруженномъ захватѣ

станціи Александровскъ, 19 оправданы, 8 приговорены къ смертной казни, одинъ къ безсрочной и остальные къ 4-лѣтней каторгѣ.

98) Въ Вильнѣ, 30 ноября. Вчера военно-окружный судъ приговорилъ Тайхеля Глейзера, обвинявшагося въ покушеніи на убійство городского въ Вильнѣ, къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

99) Въ Митавѣ, 30 ноября. Латыши Спроче, Озолъ, Домбровскій, Зиле и Шважевичъ, всѣ въ возрастѣ отъ 18 до 32 лѣтъ, изобличенные въ совершеніи разбоевъ въ окрестныхъ уѣздахъ, приговорены военно-полевымъ судомъ къ смертной казни.

100) Въ Одессѣ, 30 ноября. Военный судъ приговорилъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе мѣщанина Патлажана за покушеніе на ограбленіе, сопровождавшееся покушеніемъ на убійство владѣльца магазина и городского.

101) Въ Томскѣ, 30 ноября. Военный судъ за убійство семейства Лесиныхъ приговорилъ трехъ обвиняемыхъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

О разстрѣлахъ въ Прибалтійскомъ краѣ были въ газетахъ нижеслѣдующія сообщенія:

102) Около Риги близъ имѣнія Петергофъ 4 ноября разстрѣляны крестьянинъ Фрейманъ, у котораго обнаружены лошадь и вещи, похищенные у проѣзжавшихъ по Митавскому шоссе.

103) За 11 и 12 ноября въ Курляндіи разстрѣляны: задержанный на сходкѣ террористовъ Гутманъ, обвинявшій въ убійствѣ волостного старшины и комиссара по крестьянскимъ дѣламъ фонъ-Бреверка, а также въ участіи въ ограбленіи поѣзда либаво-роменской желѣзной дороги и другихъ преступленіяхъ. Лапингъ—обвинявшійся въ одномъ убійствѣ и нападеніи на войска, Андерсонъ и Прейсъ, обвинявшіеся въ разбояхъ.

104) 13 ноября.—Въ Туккумѣ разстрѣляны драгунскимъ карательнымъ отрядомъ два грабителя. Въ Гальсенѣ разстрѣляны садовникъ Грюнбергъ за сожженіе Дондангенскаго замка.

105) Въ мѣстечкѣ Нерфта разстрѣляны крестьянинъ Адбергъ за нападеніе на мельника.

106) Въ тальсенскомъ уѣздѣ, по подозрѣнію въ грабежахъ, былъ арестованъ нѣкій Бутте. Онъ выдалъ своихъ сообщниковъ усадебовладѣльцевъ Кальнъ-Инке и Калейкальна. Оба они и два сына послѣдняго 4 ноября разстрѣляны. Черезъ нѣсколько дней въ полверстѣ отъ Ново-Сатена разстрѣляны и само Бутте.

Итоги усмиренія въ Лифляндской губ. съ 6 октября по 6 ноября выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: по приговору военно-полевого суда разстрѣляно или повѣшено—49 чел.; убитыхъ: во время попытокъ бѣжать—17 чел., во время сопротивленія—4 чел., безъ указанія причинъ—40 чел., нечаянно убитыхъ—2 чел. Итого 112 чел.

107) Туккумъ, на Бл. Конной улицѣ былъ арестованъ какой-то молодой человекъ. Его разстрѣляли въ 5 верстахъ отъ города.

108) Въ Курляндіи разстрѣляны латыши: Талутъ, обвинявшійся въ грабежахъ и поджогахъ трехъ имѣній, Квутингъ—участникъ убійства, и Русенъ съ двумя сыновьями, у которыхъ найдено много ружей, патроновъ, части казенныхъ винтовокъ бездымный порохъ и кинжалъ.

Въ теченіе ноября печать подвергалась нижеслѣдующимъ преслѣдованіямъ:

1) Въ Петербургѣ, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, закрыта 1-го ноября газета „Русь“, клише газеты опечатаны, свидѣтельство на право изданія отобрано. Причиной послужило, какъ говорятъ сообщеніе газеты, сдѣланное въ статьѣ „Успокоеніе“ (г. Кузьмина-Караева), и опровергаемое освѣднительнымъ бюро о томъ, что въ Кронштатѣ подвергнута смертной казни беременная Венедиктова.

2) Въ Тифлисѣ по распоряженію генераль-губернатора закрыта газета „Отголоски“. Редактору предложено въ 3-хъ дневный срокъ выѣхать изъ предѣловъ генераль-губернаторства.

3) Въ Петербургѣ. Департаментъ полиціи сообщилъ прокурорскому надзору о привлеченіи къ отвѣтственности редактора газеты „Око“ по п. 2 ч. 1038 ст. улож. о нак. за напечатаніе въ номерѣ газеты отъ 18 октября статьи „Экспроприація 363 тысячъ. Судь“.

4) Въ Вильнѣ, 2 ноября. Конфискованы сегодняшніе номера газетъ „Свободное Слово“ и „Сѣверо-западный Голос“.

5) Въ Смоленскѣ, 2 ноября. Въ книжномъ магазинѣ „Сѣверъ“, при обыскѣ жандармской полиціей, конфискованъ рядъ запрещенныхъ изданій „Донской Рѣчи“ и другихъ издательскихъ фирмъ.

6) Въ Владимірѣ-губ., 2 ноября. Три номера „Владимірца“ сряду конфисковались.

7) Въ Ярославлѣ, 2 ноября. Конфискованъ 6-й подъ рядъ номеръ „Сѣверной Рѣчи“. За нѣсколько мѣсяцевъ существованія газеты, редактору предъявлено около сорока обвиненій, изъ которыхъ судомъ рассмотрѣно пока только нѣсколько.

8) Въ Саратовѣ, 3 ноября. Сегодня конфискованъ очередной № „Приволжскаго Края“.

9) Въ Харьковѣ, 3 ноября. Газета „Южная Жизнь“ закрыта генераль-губернаторомъ за вредное направленіе.

10) Въ Москвѣ, 3 ноября. Комитетъ по дѣламъ печати привлекъ „Русскія Вѣдомости“ по 128 ст. за дерзостное порицаніе Верховной власти, „Новый Путь“—за распространеніе слуховъ, возбуждающихъ противъ правительства, „Студенческую газету“ по 133 ст. за восхваленіе преступленій „Народный Путь“—за распространеніе ложныхъ слуховъ враждебныхъ правительству, журналы „Наше Дѣло“, „Печатное Дѣло“ и „Рабочее Слово“—по 129 ст.

3 ноября московскій градоначальникъ, генераль-майоръ Рейнбогъ, вызвалъ редактора газеты „Новый Путь“ и объявилъ ему, что въ послѣднее время газета приобрѣла слишкомъ рѣзкій, почти революціонный характеръ, поэтому на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ онъ на все время ея дѣйствія прекращаетъ изданіе газеты.

Въ Ригѣ, 3 ноября. По распоряженію губернатора закрыта типографія Розенталя за напечатаніе дѣлаго ряда противоправительственныхъ изданій. Приостановлена латышская газета „Дюна“ на время военнаго положенія за распространеніе ложныхъ слуховъ и за вредное направленіе.

13) Въ Петербургѣ. Опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся

3 ноября, утверждены аресты на вышедшіе съ начала текущаго года №№ 1—6 и 12 „Журнала для всѣхъ“. Редакторы Энгельгардъ и Миролюбовъ привлекаются къ отвѣтственности за напечатаніе въ этихъ номерахъ статей преступнаго содержания. Инспекціей типографій привлекаются къ отвѣтственности также виновные въ несвоевременномъ представленіи этихъ номеровъ журнала въ комитетъ по дѣламъ печати.

14) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 3 ноября. Редакторъ-издатель газеты „Судоходецъ“ Хитровскій судебной палатой приговоренъ на двѣ недѣли въ крѣпость по 132 ст. за статьи, помѣщенныя въ первомъ номерѣ и возбуждающія судорабочихъ противъ судохозяевъ.

15) Въ Петербургѣ. Комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра „Сознательная Россія“. Сборникъ на своевременныя темы. Выпускъ 4-й.

16) Въ Петербургѣ. Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлекается къ отвѣтственности по п. 129 ст. угол. редакторъ газеты „Виржевыя Вѣдомости“, г. Васильевъ, за напечатаніе въ № 9584 статьи „Проекты платформы трудовой группы“. Номеръ газеты конфискованъ.

17) Во Владимірѣ, 5 ноября. По распоряженію московскаго комитета печати конфисковано въ типографіи Андреева воззваніе партіи народной свободы. Въ редакціи газеты „Владимірецъ“ произведенъ обыскъ.

18) Въ Севастополѣ, 6 ноября. За статью въ воскресномъ номерѣ „Крымскаго Вѣстника“ редакторъ Спиро оштрафованъ генераль-губернаторомъ на тысячу рублей, съ замѣною мѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Номеръ конфискованъ. Редакторъ арестованъ въ виду неваноса штрафа.

19) Въ Харьковѣ, 6 ноября. Газета „Харьковская Жизнь“ закрыта генераль-губернаторомъ. Послѣ полугодовой пріостановки выпущенъ одинъ только номеръ.

20) Въ Елисаветполѣ, 5 ноября. Въ типографіи Саакянца ночью полиціей арестовано 5.000 экземпляровъ № журнала „Встань Спящій“. Шрифтъ литой, очевидно, привозной. Содержатель типографіи, въ квартирѣ котораго шрифтъ обнаруженъ, арестованъ, а типографія закрыта.

21) Въ Кіевѣ, 5 ноября. Генераль-губернаторомъ закрытъ на время военнаго положенія выходившій подъ редакціей священника Кмита духовно-прогрессивный журналъ „Пробужденіе“.

22) Въ Симферополѣ, 6 ноября. Редакторъ-издательница прекратившейся „Южной Народной Газеты“ Жукова высылается въ Тобольскую губернію.

23) Въ Кіевѣ, 7 ноября. „Кіевская Торговая Газета“ за напечатаніе поддержки изъ нелегальнаго изданія оштрафована на 250 рублей.

24) Въ Харьковѣ, 8 ноября. Редакторъ газеты „Миръ“ Тихоновичъ, по п.п. 1 и 3 статьи 129, харьковской судебной палатой оштрафованъ на 250 рублей.

25) Въ Вильно, 9 ноября. Противъ четырехъ редакторовъ издающихся здѣсь газетъ возбуждено уголовное преслѣдованіе по 129 статьѣ. Въ редакціи „Фолксдайтунгъ“ сегодня днемъ произведенъ обыскъ, ничего противозаконнаго не обнаружено, конфисковано 248 легальныхъ брошюръ.

26) Въ Москвѣ, 9 ноября. Въ московской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей разсматривалось дѣло бывшаго редактора закрытой социаль-демократической газеты „Борьба“ Сергѣя Апполоновича Скирмунта, по обвиненію въ напечатаніи ряда статей, возбуждающихъ къ

учиненію бунтовщическаго дѣянія и къ испроверженію существующаго государственнаго и общественнаго строя. Палата приговорила Скирмунта къ заключенію въ крѣпости на 3 года, оставивъ его на свободѣ до вступленія приговора въ законную силу, съ сохраненіемъ прежней мѣры пресѣченія.

28) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 9 ноября. Редакторъ издатель „Вѣстника Приказчика“ оштрафованъ губернаторомъ на 300 рублей съ замѣной арестомъ на 2 мѣсяца за помѣщеніе въ № 6 статьи „Лишеніе правъ“.

29) Въ Петербургѣ. Редакторъ газеты „Товарищъ“ В. В. Португаловъ привлекается къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 107 передовой статьи „Петербургъ, 7 ноября“ и „Проекта платформы трудовой группы“.

30) Тамъ же 9 января въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію редактора финляндской газеты „Unsi Jncelt“ г. Тюни по 1 и 2 п.п. 129 ст. Поводомъ къ обвиненію послужилъ извѣстный „манифестъ“ совѣта рабочихъ депутатовъ, напечатанный въ № 1 газеты съ примѣчаніемъ, что печатается исключительно по настоянію наборщиковъ, и статья въ 2-мъ номерѣ: „Чего хотятъ люди, которые ходятъ съ красными флагами“. Палата признала Тюни виновнымъ въ помѣщеніи статей преступнаго содержания по неосмотрительности и приговорила къ штрафу въ 100 руб. Газета закрыта.

31) Тамъ же. Конфискованъ утренній 8 ноября выпускъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

32) Въ Кишиневѣ, 10 ноября. Чиновникомъ особыхъ порученій Трапани при помощи полиціи произведенъ обыскъ въ книжномъ магазинѣ „Мысль“. Захвачено не мало книгъ и брошюръ.

33) Комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на брошюры: М. А. Бакуини. „Народное дѣло со статьей А. И. Герцена“. „Народный трудъ“. „Народно-соціалистическое обозрѣніе. Вып. II“ и на № 11 журнала „Голосъ Печатника“, за напечатаніе статьи „Вакинскіе рабочіе на нефтяномъ съѣздѣ“.

6-го ноября вышла книга „Исторія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“ (статьи Н. Троцкаго, Г. Хрусталева и др. участниковъ совѣта). Въ тотъ же день полиція явилась въ книгоиздательство Н. Глаголева (Невскій пр., 92) для наложенія ареста на эту книгу. Конфисковано 65 экз.

34) Въ Омскѣ почти одновременно произошло закрытіе газетъ „Степной Пionеръ“, „Сибирскій Приказчикъ“, журналовъ „Да будетъ свѣтъ“ „Сибирская язва“, и наконецъ—закрытіе „Степной Газеты“.

Редакторъ-издатель „Степной Газеты“, инженеръ Корнѣевъ и сотрудники по редакціи высылаются въ трехдневный срокъ не ближе Уфимской губерніи; въ случаѣ неисполненія грозитъ высылка этапомъ въ Архангельскую губернію.

35) Въ Вильнѣ, 1) Редакторъ „Нашего Дѣла“ за напечатаніе статей: „Что будетъ“, „Старое лѣкарство“, и др. обвиняется по ст. 129 и 73 ценз. уст. 2) Редакторъ „Эхо“ за приведеніе нѣкоторыхъ цифръ въ статьѣ „Доходы царской фамиліи“ и за статью „Что нужно читать и чего нѣтъ“ обвиняется по 129, 128 и 73 ценз. уст. 3) Редакторъ латышской газеты „Новыя Времена“ привлекается по статьямъ 129 и 73. 4) Редакторъ еврейской газеты „Новый Путь“ за статью „Военные погромы“—по 129.

36) Въ Казани весь составъ редакціи и конторы „Волжскаго Вѣстника“ арестованъ; на свободѣ остался только одинъ конторщикъ.

37) Въ Лодзи, 18 ноября. Бывшій отвѣтственный редакторъ „Kurjer Lodzki“ Желтовскій приговоренъ окружнымъ судомъ, за напечатаніе статьи оскорбительной для войска, къ заключенію въ тюрьмѣ на 2 мѣсяца.

38) Въ Петербургѣ. Редакторъ журнала „Образованіе“ Молчановъ привлекается къ отвѣтственности главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати по 6 ст. VIII отд. закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 10 статей: „Октябрьская травматическая эпидемія“ и „Журнальныя замѣтки“.

39) Тамъ же № 2 газеты „Текущіе дни“, вышедшій 13 ноября конфискованъ.

40) Тамъ же 13 ноября въ петербургской судебной палатѣ слушалось дѣло редактора газеты „Молодая Россія“, студента петербургскаго университета Лисневскаго и студента горнаго института Гапѣва. Палата приговорила: Лисневскаго къ 6 мѣсяцамъ тюрьмы съ зачетомъ предварительнаго заключенія (5 м.), а Гапѣва на 2 мѣсяца.

41) Въ Петербургѣ, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ приостановлено изданія „Рабочей газеты“.

42) Въ Ревель, 14 ноября. Приговоромъ особаго присутствія судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей редакторъ приостановленной эстонской газеты „Лусъ“ Нейманъ признанъ виновнымъ по 129 ст. угод. улож. и приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на полтора года. Изданіе прекращено навсегда.

43) Въ Омскѣ, 14 ноября. Генераль-губернаторъ приостановилъ газету „Иргышъ“, а редактора Поваренныхъ выслалъ этапнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію.

44) Въ Екатеринославѣ, 15 ноября. По распоряженію генераль-губернатора, закрыта на время военнаго положенія газета „Южная Заря“.

45) Определеніемъ судебной палаты, состоявшимся 16 ноября, приостановлено изданіе латышской газеты „Zihna“ („Борьба“). Редакторъ г. Шилевскій привлекается къ отвѣтственности по 1 и 4 пп. 129 ст. уг. ул.

46) Въ Ярославлѣ, 16 ноября. Редакторъ-издатель „Сѣверной Рѣчи“ Ливановъ за нарушеніе временныхъ правилъ о печати приговоренъ окружнымъ судомъ къ заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца съ приостановленіемъ изданія на одинъ годъ.

47) Въ Петербургѣ, комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на брошюру: „Кириллъ. Одиннадцать дней на „Потемкинѣ“. Типографія „Слово“.

48) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности по п. „в“ ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г. редакторъ газ. „Страна“ за напечатаніе въ № 190 газеты замѣтки о военно-полевыхъ судахъ, а редактора газеты „Виржевыя Вѣдомости“ за перепечатаніе этой замѣтки въ № 9551 редактируемой имъ газеты, подъ заглавіемъ „Во избѣжаніе снисходительности военно-полевыхъ судовъ“.

49) Конфискованъ № 1 газеты „Студенческая Жизнь“.

50) Въ ночь съ 18 на 19 декабря въ типографіи, гдѣ печатается газета „Текущіе Дни“ полиція произвела тщательный обыскъ и взяла часть матеріала, назначеннаго для ближайшаго номера. Вслѣдствіе этого вчера газета не вышла.

51) Комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра: „Георгиевскій кавалеръ“ разсказъ книгоиздательство „Пахарь“.

52) Въ Москвѣ, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ московскимъ градоначальникомъ приостановлено изданіе газеты „Новости дня и утра“.

53) Въ Батумѣ, 19 ноября. По распоряженію генераль-губернатора, закрыта газета „Черноморскія Новости“.

54) Въ Саратовѣ, 19 ноября. Сегодня конфискованъ очередной номеръ „Приволжскаго Края“. Вчера въ помѣщеніи редакціи „Народной Свободы“ произведенъ обыскъ.

55) Въ Екатеринославѣ, 19 ноября. Въ опубликованномъ приказѣ генераль-губернатора объявляется о закрытіи газеты „Южная Заря“ на время военнаго положенія, о первомъ предостереженіи газетъ „Придѣпровскій Край“ и о томъ, что Шморгонеръ, авторъ статьи „Камо Грядеши“ въ „Южной Зарѣ“ подвергается аресту на 1 мѣсяць при полиціи.

56) Въ Уфѣ, 19 ноября. За привлеченіемъ редактора къ отвѣтственности по 129 ст. улож. „Уфимскій Вѣстникъ“ распоряженіемъ губернатора приостановленъ.

57) Въ Ярославлѣ, 19 ноября. Конфискованъ очередной номеръ „Съверной Рѣчи“.

58) — Историкъ Шишко привлеченъ къ судебной отвѣтственности за третью часть „Очерковъ русской исторіи“, въ которой цензурное вѣдомство усмотрѣло оскорбленіе предковъ царствующаго императора.

59) — Комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на брошюру „Программа рабочей партіи, ея основанія и комментаріи къ ней“.

60) Въ Москвѣ. Редакторъ газеты „Студенческая Жизнь“ г. Маковскій привлекается къ отвѣтственности.

61) — Московскою администраціей наложены аресты: на брошюру кн. Кропоткина „Хлѣбъ и воля“, брошюру „Пролетаріатъ и конечная цѣль русской революціи“ и на всѣ сочиненія Бакунина.

62) Въ Москвѣ, 20 ноября. Комитетъ по дѣламъ печати привлекъ къ отвѣтственности по 129 ст. періодическія изданія: „Наше дѣло“, „Студенческая газета“, „Вопросы дня“, „Рабочій союзъ“, „Листокъ за листкомъ“ и „Ока“.

63) Въ Москвѣ. На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, сегодня, 21 ноября, градоначальникомъ приостановлена газета „Народный Путь“, выходящая подъ главнымъ редакторствомъ г. Комиссарова, одного изъ видныхъ дѣятелей партіи народной свободы.

64) Въ Харьковѣ, 21 ноября. Вышедшая вчера еженедѣльная газета „Трудъ“—органъ профессиональныхъ союзовъ—конфискована, а изданіе приостановлено до особаго распоряженія.

65) Въ Петербургѣ, 24 ноября. Въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось подъ председательствомъ д. с. с. Гредингера дѣло по обвиненію книгоиздателя Г. С. Цукермана по 2 п. 129 ст. уг. ул.

Г. Цукерманъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на полтора года, причѣмъ палата постановила тутъ же заключить г. Цукермана подъ стражу впредь до представленія имъ залога въ 1,500 р.

66) Въ Петербургѣ. Опреѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 20 ноября, приостановлены изданія: сборника „Сознательная Россія“ и журнала „Петербургскій Сапожник“.

67) Въ Петербургѣ, 24 ноября. Въ 9 час. утра, въ контору „Новой Газеты“ явилась полиція и конфисковала 2,000 экз. послѣдняго номера газеты.

Редакторъ „Новой газеты“ г. Погожевъ привлекается къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. уг. ул.

68) Въ Петербургѣ, 29 ноября полиціей конфискованъ № 126 „Товарища“.

69) — Департаментъ полиціи сообщилъ прокурорскому надзору о привлеченіи къ отвѣтственности по 2 ч. 1038-ст. ул. о нак., редакторовъ газеты „Страна“ за напечатаніе въ номерѣ отъ 14 ноября замѣтки объ обстоятельствахъ, совершеннаго 14 октября нападенія на кассира Германа.

70) Въ Симферополѣ, 26 ноября. Судебная палата приостановила изданіе газеты „Жизнь Крыма“ к.-д. Взамѣнъ ея вышли „Южныя Вѣдомости“.

71) — Комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на брошюру: „Берка-усмиритель“. Очеркъ Р. Волгина.

72) — 27 ноября въ с.-петербургской судебной палатѣ съ участіемъ словесныхъ представителей слушалось дѣло бывш. редактора „Русской Газеты“ М. Р. Кугеля, привлеченнаго къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. угол. улож. и 5 п. VIII отд. врем. правилъ о печати. Приговоромъ палаты г. Кугель присужденъ къ заключенію въ тюрьму на 1 годъ.

Въ Симферополѣ, 27 ноября. Сегодня выѣздной сессіей одесской судебной палаты приговорены: редакторъ „Крыма“ Бидлинъ по 129 статьѣ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ, редакторъ „Откликовъ Крыма“ Гуровичъ также на годъ крѣпости. Обѣ газеты закрыты навсегда.

74) Въ Иркутскѣ, 27 ноября. Приостановлена издающаяся въ Красноярскѣ газета „Енисейское Слово“. Типографія „Сибирь“ закрыта.

75) Въ Москвѣ. Конфискованъ послѣдній номеръ журнала „Наше Дѣло“; редакторъ его привлеченъ къ судебной отвѣтственности по 129 ст.

76) Въ Петербургѣ, 28 ноября. Въ судебной палатѣ съ участіемъ словесныхъ представителей слушалось дѣло редактора газетъ „Обрывъ“ и „Призывъ“ Ф. Азнаурова, обвинявшагося по 1 и 5 п. 129 ст. уг. улож. и п. 6. ст. 5 разд. VIII временныхъ правилъ о печати за помѣщеніе въ разныхъ номерахъ названныхъ газетъ ряда статей, возбуждающихъ къ учиненію бунтовщическаго дѣянія, оскорбляющихъ честь и достоинство отдѣльных частей русской арміи и распространяющихъ завѣдомо ложные слухи о дѣятельности должностныхъ лицъ, возбуждающіе въ населеніи вражду къ нимъ. Судебная палата приговорила Азнаурова къ заключенію въ крѣпости на 2 года и постановила изданіе газетъ „Обрывъ“ и „Призывъ“ прекратить навсегда.

77) Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на нижеслѣдующія произведенія печати: 1) Ж. Гедъ. П. Лафаргъ. Программы рабочей партіи, ея основанія и коментаріи къ ней, съ франц. пер. Величковой, 2) книго-во „Рабочій Народъ“ Два закона, 3) „Народный Трудъ“ Народ. соц. обозрѣніе вып. I.

Петербург. палатой утверждены аресты на: 1) открытыя письма съ эмблемами польскаго мятежа 1863 г. 2) В. Владиміровъ очерки современныхъ казней. 3) „Тактическіе вопросы“ вып. II. „Всеобщая забастовка“ К. И-нъ.

78) Въ Петербургѣ. Распоряженіемъ инспектора типографій вчера, 30 ноября, конфискованъ № 7 „Газеты Шебуева“.

Книгоиздательство Н. Е. Парамонова

„Донская Жить“.

№	Беллетристика.	цѣна.	№	цѣна.
			39 ² Мать (съ армявскаго)	1 1/2
			40 Остон—Поденшикъ	2
1	Короленко—Пріемышь	2	41 Некрасовъ и Никитинъ	4
2	Дмитріева—Майна-вира	3	42 Бунинъ—Байбаки	3
3	Чиривовъ—Маленьк. грѣшникъ.	1	43 Петровскій—Не дался	1
4	Андреевъ—Баргам. и Гараська. 1 1/2		44 Дмитріева—Бѣлыя крылья	2
5	Кретперъ—Истор. чер. сюртука.	1	45 Серафимовичъ—Въ бурю	3
6	Крандіевская—Для души	2	46 Яблоновскій—Конокрадъ	3
7	Чиривовъ—Свинья.	2	47 Франко—На днѣ	9
8 ²	Н.-Данченко—Старый замокъ.	3	49 Н.-Данченко—Воскрес. пѣснь	5
9	Свирскій—Забравованный	2	50 Вересаевъ—Повѣтріе	4
10 ²	Бостинъ—Ошибка	3	51 Вѣлоконскій—Деревня Печаль.	3
11	Дмитріева—Ее всѣ знаютъ	3	52 Дмитріева—Волки	2
12	Станюковичъ—За „Щупленьк.“	2	53 ³ Мирбо—Война	3
13	Митропольскій—Вода.	2	55 Короленко—Черкезь	1
14	Серафимовичъ—Месть	3	56 Вересаевъ—Звѣзда (вост. сказ.) 1 1/2	
14 ³	Курочкинъ—Принцъ Лутова	6	57 Телешевъ—Противъ обычая	2
15	Мельшинъ—Искорка	3	58 Яблоновскій—Въ консультаціи	3
16	Мельшинъ—Чортовъ Яръ	4	59 Пѣсни труда	8
17	Андреевъ—Гостинець.	2	60 Темный—Сироткинъ	3
18	Андреевъ—Петька на дачѣ	2	61 Кранд.—Только часть и др. разск.	10
19	Дмитріева—Мама на войнѣ	3	61 ² Сазановъ—Въ пути	3
20	Андреевъ—Въ Сабуровѣ	2	62 Бунинъ—Надъ городомъ	1
21	Вѣлоконскій—Страховка	2	63 Измайловъ—Мать	3
22	Ивашева—Мой день	2	64 Станюковичъ—Эмигрантъ	3
23	Короленко—Ночью.	5	65 Избр. стихотв. Надсона	3
24	Тимковскій—Среди людей	5	66 Андреевъ—Ангелочекъ	3
25	Русова—Біографія Гарibaldi	4	67 Андреевъ—Жили-были	3
26	Отч. Пар. не выуч. грам.	3	69 Серафимовичъ—Въ камышахъ.	2
27	Златовратскій—Мечтатели	4	70 ² Вѣлоконскій—За что и почему.	3
28 ²	Н.-Данченко—Махмудкины дѣти	3	71 Яблоновскій—Завѣтная мечта.	3
29	Ожешко—Гedaли	3	72 Присяжн. засѣдателемъ	2
30	Юшкевичъ—Ханька и Юська.	2	73 Вересаевъ—Къ слѣху.	1
31	Вересаевъ—Въ пути	1	74 Серафимовичъ. На лдинѣ	3
32	Франко—Самъ виноватъ	1 1/2	75 Мельшинъ—Маленькіе люди	4
33	Алексѣевъ.—Изъ-за хлѣб. насущ. 1 1/2		76 ² Франко—Лѣса и пастбища	2
34	Серафимовичъ—Стрѣлочникъ	3	77 ² Яковлева—Свидѣтель	8
35	Вересаевъ—Въ сухомъ туманѣ	2	243 Шатріанъ—Исторія крестьянина	20
36	Митропольскій—Отсрочка	1	276 Мирбо.—Дурные пастыри	10
37	Яблоновскій—Удружилъ.	1	278 Вересаевъ—Честнымъ путемъ.	7
38	Франко—Хорошій заработокъ	1		

№	цѣна.	№	цѣна.		
304	Ярошъ—Послѣдній король	20	130	Пругавинъ—Миллионъ.	6
253	Гра—Марсельцы	25	131 ²	Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь.	2
325	Морозовъ—Стихотворенія	25	132	Гези—Благотворительность.	2
292	„Впередъ“ Сборникъ стихотвор.	20	135	Короленко—Чудная	3
80	Короленко—Соколинецъ	7	137	Разрушенный моль	1
82	Елевскій—Огорченіе	3	138	Успенскій—Неизлѣчимый	5
83	Русова—Братья Гракхи	3	139	Погорѣловъ—Въ глуши	2
84	Телешовъ—Нужда.	1 ^{1/2}	139 ²	Бунинъ—Черноземъ	2
84 ²	В. Гюго—Клодь Ге.	3	140	Л. Андреевъ—Предст. кража.	1 ^{1/2}
86 ²	Молодая жизнь	7	141	Копоницкая—Дымъ	1 ^{1/2}
87	Золя—Кровь.	3	143	Амичисъ—Красная гвоздика	2
88 ²	Бѣлоконскій—Фейга	3	147	Вирскій—Безъ исхода	3
89	Успенскій—Будка	3	149	Сонъ подъ 1-е мая	3
90	Короленко—Мгнов. и огоньки.	2	199	Мельшинъ—Школа въ каторгѣ	7
91	Пѣсни мира. Сборн. стих.	2	200	Короленко—Сонъ Макара	6
92 ²	Бѣлоконскій—Дерев. консп.	2	200 ²	Наши братья	5
93	Бѣлоконскій—Страшное мѣсто.	1 ^{1/2}	401	Радловъ—Пошумѣли	8
94	Мирбо—Бродяга	1	402	Русова—Луиза Мишель	4
95 ²	Гези—Ант. Матѣ (жизнь руд.)	3	403	Рыбацкій—Шестипалый	5
96	Тимковскій—Травля	5	404	Питомецъ воспитательн. дома	1
97	Наживинъ—Волось Мадонны	1	405	Ямакинъ—Поручикъ Эрве	12
98	Франко—Къ свѣту	3	406	Юшкевичъ—Ита Гайне	1
99	Чариковъ—Въ отставку.	7	407	Какъ муж. наш. то, что нужно	2
100	Зарницы—Сборникъ стихотвор.	5	408	Брусняннъ—Заразные люди	1
101	Андреевъ—На станціи	1	409	Ежъ—На разсвѣтѣ	2
102 ²	Бѣлоконскій—На высотѣ своего призванія	3	153 ²	Джаво (перев. съ армянск.)	1 ^{1/2}
103	Рубакинъ—Искорки	5	157	Свѣтъ... Свѣтъ... Свѣтъ...	3
104	Ханкъ Гершковичъ	5	160	Л. Толстой—О смертной казни	4
105	П. Я. (Мельшинъ)—Избр. стих.	5	163	Радловъ—Котличистъ Валя	3
106	Мирбо—Крест. и Пропов.	1 ^{1/2}	165	Журавлевъ—Убійство	3
107	Андреевъ—Валя	2	166	Юшкевичъ—Левко Гемъ	8
109	Короленко—Послѣдній лучъ	3	167	Пѣсни борцовъ—Сборн. стих.	1 ^{1/2}
110	Короленко—Морозъ	4	168	Копоницкая—Юзефово	1
111 ²	Малатеста—Въ кофейнѣ	7	170	Дѣти рабочихъ	3
112	М. Сибирякъ—Въ худыхъ душ.	4	171	Серафимовичъ—Подъ землей	1 ^{1/2}
113	Чариковъ—Танино счастье.	7	172	О. Зновицкій—Въ чертѣ осѣдл.	2
114	Рубакинъ—Кингоноша	20	173	Ив. Наживинъ—Братья	2
115	В. Короленко—Сказаніе о Флорѣ	3	174	Ивановичъ—Не поправилось	2
116	Андреевъ—Весеннія обѣщанія	3	178	Костинъ—Одинъ	2
117	Наживинъ—Ложь	1 ^{1/2}	179	Шевченко—Избранныя стихотвор. (малор.)	5
118	Суздальц.—Ричардъ Осл.	3	180	Поливановъ—Кончился	9
119	Крюковъ—Въ родн. мѣстахъ.	5	181	Какъ мужикъ въ долгу остался	3
120	Короленко—Госуд. Ямщики.	7	182	Не въ ногу	3
121	М. Копоницкая—Яктонъ	1 ^{1/2}	183	Почему бѣдна Россія	2
122	А. Яблоновскій—Нужимъ	3	184	Пѣсни рабочихъ	2
123	П. Бутошинъ—Случай № 212	1	185	Иваньесъ—Должностное лицо (палачъ)	5
125	В. Короленко—На затменіи	3	187 ²	Радловъ—Семень	1 ^{1/2}
126	Сказка о 4 братьяхъ	4	192	Какъ господа 1-ое мая празд.	2
127	Юшкевичъ—Кабатч. Гейманъ.	4	193	Что видно въ подозрную трубу	3
128	Наживинъ—Въ степи	1 ^{1/2}	196	За свободу—Сборн. стихотвор.	
129	Копоницкая—Менд. Гданскій.	3			

№	цѣна.
215 Гауптманъ—Ткачи	12
230 Лангманъ—Бартель Туразерь .	15

Историческая беллетристика и публицистика.

48 ² Какъ сицил. крест. боролись . .	6
48 Слово вѣрующаго	
78 Катехизисъ рабочаго	3
79 ² Русова—На счастлив. остров.	6
85 ² Народоходецъ—Почему крест. требуютъ земли и воли	3
54 ² Звяг. До чего нужд. дов. крест.	6
124 Русова—Какъ болгары добыли себѣ свободу	3
125 Какъ иѣвицы добыли себѣ свободу	3
133 Дикштейнъ.—Кто чѣмъ живетъ.	3
108 Ирланд. Джонъ и голод. муж. . .	1 1/2
214 ² Г. К-ша—Национальныя имстерскія во Франціи 1848 г.	3
142 Национальное собраніе	1 1/2
301 Толстой—Исповѣдь	15
347 Послѣдній день Калыева	3
150 ² Кабановъ—Какъ улучшить крестьянское хозяйство	4
151 ² Ключковъ—Крестьянство и воля	6
152 ² Бѣгство короля	3
156 ² Взятіе Бастиліи	1 1/2
158 Какъ франц. добыли себѣ свобод.	4
159 Л. Толст.—Неуж. это такъ надо?	3
161 Новиковъ—Женщ.—тов. мужч.	4
164 Проектъ основ. закона о землѣ	6
175 Русова—Свобод. респ. Швейц.	5
177 Новиковъ—Враги народа	15
178 Г. Джорджъ, его жизнь и ученіе	4
187 Народный трибунъ—Бабефъ	1
189 Обѣщанія правительств. о землѣ	4
189 Почему треб. свободы личности	1
190 Для чего требуютъ свободу сходокъ	1
191 Англійскіе раб. прежде и теп.	4
297 Васильевъ—Что такое отечест.	8
145 Права человѣка и гражданина . .	1 1/2
205 Процессъ Жирондистовъ	8
207 Булгакова—Японія и японцы	20
233 Пругавинъ—Прошлое Шлиссел. крѣпости	5
317 Роль—Какъ происх. рев. на Зап.	35
303 Кропоткинъ—Къ молодежи	4
334 Реклю—Анархія	3
340 Малатеста—Немного теоріи	2
345 Министры—слуги народа	3
331 Каутскій—Памяти Маркса	

№	цѣна.
---	-------

Вопросы избирательной компани и первая Государственная Дума.

136 Какъ выбирать нар. представ.	1
162 Что такое тайная под. голосовъ	1
169 Танъ—Истин. народн. предст.	4
211 Водозововъ—Всеобщ. избир. право на Западѣ	5
268 Пр. изб. закон. въ Учред. соб.	3
312 Петровскій—Изб. кам. въ св. гос.	4
176 Парти и крест. въ Госуд. Думѣ	15
194 Что сказали наши пред. Парю	4
195 Что министры сказали народн. представителямъ	2
241 Созывъ народныхъ представ.	10
266 Якушкинъ—Государствен. Дума	3

Государственныя устройства и политическія права гражданъ.

213 Горбуновъ—Гарантіи личн. своб.	10
202 ² Новиковъ—Какъ долж. пис. зак.	5
306 Иеллинекъ—Бюджетное право . .	6
145 Права человѣка и гражданина . .	1 1/2
153 Что такое государств. росписъ . .	3
154 Областное народоправіе	1
189 Почему треб. свободы личности	1
190 Для чего треб. своб. сходокъ	1
197 Женщина избирательница	1
299 В. Алексѣевъ—Отвѣтственность министровъ	4
239. Лассаль—Сущность констит.	8
254 Котляревскій—Совѣщ. представ.	4
263 Дживелеговъ—Отвѣст. министр.	3
282 Госуд. устр. въ зап.-евр. стран.	6
294 Права и обязан. англійск. гражд.	10
283 Митинги въ Англіи	10

Зая. европейская исторія.

209 А. Ѳ. Быкова—Англія и англійч.	15
210 В. В.—Великая франц. револ.	15
216 Дубровскій—Іюль 1830 г. во Фр.	7
217 Живаго—Освобожд. Швейцаріи	6
219 К. Каутскій—Ирландія	7
232 Петрушевскій—Вел. харт. вольн.	15
247 Каръевъ—Франц. писат. XVIII в.	10
265 Общественное движ. въ Японіи . .	6
274 48-й годъ въ Германіи	12
285 Парижск. ком. 1870—1871 гг.	10
287 Волкенштейнъ—Борьба за нар. предст. въ Англіи	15

№	цѣна.
288	Революція въ Вѣнѣ 3
302	Сатуринъ—Ирландія 15
314	Быкова—Гос. уст. С.-А. Штат. 20
328	Сатуринъ—Индія и ея горе . 15
342	Сатуринъ—Герм. Имп. и народъ 3
348	Дубровскій—Бур. и пролет. въ юльск. дни во Франціи . . . 8
257	Марксъ—Гражданская война . 18

Политич. экономія и рабочій вопросъ.

220	Каутскій—Прот. клас. интерес. 15
221	Каутскій—Разв. формъ государ. 7
277	Н. Карышевъ—Эконом. бесѣды 15
234	Прокоповичъ—Длина рабоч. дня 5
237	В. С. Трудъ и Капиталь . . . 6
242	Лассаль—Программа работник. 8
248	Бebelъ—Государство будущаго. 10
249	К. Каутскій—Соціальн. реформа 25
250	Жилищный вопросъ 10
251	Зомбартъ—Соціализмъ въ XIX в. 15
252	Зомбартъ—Раб. движ. въ XIX в. 20
255	Гэдъ—Коллективизмъ 4
258	Либкнехтъ—Отъ обор. къ напад. 10
259	Шиппель—Профес. рабоч. союзы 10
264	Амичисъ—Студенты и соц. вопр. 5
273	Бахъ—Экономическіе очерки . 10
275	Экон. положеніе еврейск. прол. въ Россіи. 4
279	Либкнехтъ—Рѣчь о налогахъ. 4
280	Книга русскаго рабочаго . . . 12
284	Страхованіе рабочихъ 15
295	Бернштейнъ—Формы хоз. жизни. 8
296	Приказчицй вопросъ въ Рос. 4
309	Кабановъ—О налогахъ 2
311	Каутскій—Всеобщ. стач. 4
313	Эритель—Револ. студ. во Фран. 4
319	Организованный трудъ 8
327	Жоресъ—Всеобщ. стачка 3
338	Лафаргъ—Всеобщая стачка . . . 3

Русская исторія и вопросы русской общественной жизни.

201 ²	Вѣлюковскій—Голодъ, вымирание и невѣжество рус. нар., какъ слѣдствіе полицейскаго строя. 3
203	В. Алексѣевъ—Народовластіе. 15
204	В. Алексѣевъ—Земскіе соборы. 10
206	Вѣлюковскій—Самоупр. и земство 5
208	Алексѣевъ—Изъ ист. верх. власти 15
214	И. Дитятинъ.—Ектерин. Комис. 15

№	цѣна.
215	И. Дитятинъ.—Роль челобитій. 15
218	Звягинцевъ—Общ. движ. въ Рос. 15
222	Павловъ—Фабричное законодат. и его развитіе въ Россіи. . . . 5
223	Кизеветтеръ—Русское общество въ XVIII столѣтіи 15
224	Кизеветтеръ—XIX в. въ ист. Рос. 10
225	Кизеветтеръ—Протоп. Аввакумъ 8
226	Кизеветтеръ—Кузнецъ-Гражд. 10
226 ³	Религія и социализмъ 5
235	Строевъ—Моск. гос. передъ реф. 10
236	Семевскій—Изъ исторіи общест. теч. въ 40 г. 15
238 ²	Князьковъ—Какъ начался раск. русской церкви 25
240 ²	Федоровъ—Къ вопр. о воинской повинности въ Россіи 8
244	Рожковъ—Ист. крѣп. пр. въ Рос. 10
245	Прокоповичъ—Аграрное движ. 5
246	Милюковъ—Верховн. и шляхет. 15
260	Голубевъ—Роль земства 12
261	Н. Щенкинъ—Земская и город. Россія о народномъ представит. 10
262	Милюковъ—Исконныя начала . 5
269	Жбанковъ—Когда въ Рос. окон. тѣлесныя наказанія 3
270	Семевскій—Кр. пр. въ пр. Щедр. 20
271	Русская исторія ч. I 10
272	" " " " II 12
289	Каутскій—Аграр. вопр. въ Рос. 3
290	Рубакинъ—Русск. исторія ч. I. 15
291	" " " " ч. II. 18
291 ²	" " " " III. 20
293	Туровъ—Восьмич. раб. день . . 3
310	Князьковъ—Освобожд. крест. . 15
315	Отъ деревни до парламента . . 6
316	Дитятинъ—Ког. воз. рознь въ Рос. 20
320 ²	М. Р. Поповъ—Биогр. Мышкина. 5
323	Смер. Имп. Павла I (ред. Щегол.)
324	Процессъ 16-ти (ред. Бурцева) 60
329	Кавелинъ—Изъ ист. земель. соб. 4
332	Бернштамъ—Якутскій процессъ 15
336	Алексѣевъ—Самодержавіе . . . 4
343	Волкенштейнъ—Вопр. о всеоб. заб. 1 ¹ / ₂
346	Пѣшехоновъ—Осн. зад. агр. реф. 3
349	Пругавинъ—Петронав. крѣп. . . 5
350	Кайдановъ—Декабристы 10

Новая библиотена.

299	Мартовъ—Пролетар. праздн. . . 4
298	Мазовецкій—Процессъ пролет. 6

№		цѣна.
330	К. Шмидтъ—Общая безработица и борьба съ ней.	10
228	Струмилинъ долой забастовщик.	10
321	Ляся. Существуетъ ли барщина	5
335	Горровъ—Судн. день капитализ.	6
240	Федоровъ. Воин. пов. въ Росіи	8
81 ²	Маньковск.—У поднож. вистѣл.	6
300	Жоресъ и Гэдъ—Так. с.-демокр.	6
318	Петровъ—Прогрес.-эконом. пар.	8
322	Данъ—Исторія раб. дѣ. въ Рос.	15
186	Товарищъ, не измѣняй	2
305	Мазовецкій—Полит. пар. въ Пол. Загаровъ—Партія прав. поряд.	12 7

Въ помощь читателю:

198 ¹	Обзоръ литературы по	{	Аграрн. вопросу в. I.	5
198 ²			Рабочій вопросу	5
198 ³			Избирател. праву	5
198 ⁴			Историческихъ книгъ	5
198 ⁶			Беллетристикѣ	5
198 ⁷			Практич. политикѣ	5
198 ⁹			Аграр. вопросу в. II.	5
198 ¹⁰			" " в. III.	5
198 ¹¹			Крестьянск. вопросу	5

Русская историческая библиотек.

307	Государственный преступ. т. I.	1 р. 50
308	Матеріалы револ. движенія.	75

№		цѣна.
324	Процессъ 16-ти террористовъ	60
	Былое (издав. загр.) вып. 1	50
 вып. 2	50

Отклики современности.

Статьи Мартова, Потресова, Дана, Кольцова и др.	{	кв. I	20
		II	35
		III	25
		IV	30
		V	25

Народный Вѣстникъ.

Статьи Кудрина, Максимова, Шишко, Чернова, Швецова, Тана и др.	{	кв. I	10
		II	10
		III-IV	15
		V	10
		VI	10
		VII	10

Народная Жизнь.

Статьи Кудрина, Максимова, Шишко, Чернова, Швецова, Тана и др.	{	кв. I	6
		II	6
		III	6
		IV	6
		V	6

Главный складъ: Ростовъ н-Д. Казанская, 42.

О Т Д ъ Л Е Н І Я:

С.-Петербургъ, Лиговская, 44, кв. 22. Москва, Стрѣтенка, Ашеуловъ пер., д. 13.
 Кіевъ, Крещатикъ, д. 27, кв. 13. Одесса, Колодезный пер., д. 4, кв. 29.
 Ница. Nice. Avenue de la gare 62. Agence Générale pour la Riviera. De la preseee Russe. M. Hirschman.

Книжные склады и магазины пользуются 30% скидка.

Пересылка за счетъ издательства при заказахъ на 75 р. послѣ скидки.

Лица, выписывающія на 3 руб., за пересылку въ Европейской Россіи не платятъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я :

„БЫЛОЕ“

ЖУРНАЛЬ

издававшийся за границею под редакціей

Вл. Льв. Бурцева.

СОДЕРЖАНІЕ перваго выпуска.

1. Отрывокъ изъ завѣщанія Гриневицкаго; 2. Памяти Гриневицкаго; 3. Три письма Исполнительнаго Комитета „Народной Воли“ къ Рошфору, Гартману и К. Марксу; 4. Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, П. Кропоткина; 5. Революціонный Петербургъ; 6. Статьи изъ „Народной Воли“ и „Рабочей Газеты“; 7. Процессъ 20-ти В. Бурцева; 8. Завѣщаніе А. И. Баранникова; 9. Завѣщаніе А. Д. Михайлова; 10. Казнь П. Е. Суханова; 11. Письмо П. В. Карповича; 12. Изъ воспоминаній Л. Гартмана; 13. Программа рабочихъ—членовъ партіи „Народной Воли“; 14. О сѣверно-русскомъ рабочемъ союзѣ и пр.

СОДЕРЖАНІЕ втораго выпуска.

1. Изъ жизни саратовскихъ кружковъ Н. Волкова; 2. Два письма С. Г. Ширяева; 3. Воспоминанія о С. М. Кравчинскомъ, Рабочаго; 4. „Воспоминанія пропагандистки“ Е. Брешковской; 5. Пропаганда среди рабочихъ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1882-84 г.г.; 6. Памяти Каховскаго; 7. Международный конгрессъ въ Хурѣ; 8. „М. Л. Михайлову“ стих. Н. Огарева; 9. „Узнику“ стих. Н. Утина; 10. Прокламаціи 60-хъ г.г.; 11. Дѣло С. Г. Нечаева; 12. „Южно-Русскій Рабочій Союзъ въ 1880-81 г.г.“ Ел. Ковальской; 13. „Взрывъ царскаго поѣзда въ 1879 г.“ князя Д. Л. Оболенскаго; 14. „Завѣщаніе Юрія Богдановича“ (стих.).

Цѣна за каждый выпускъ 50 коп.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.
РУССКАЯ ПРАВДА
Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева.
XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія — книжный магазинъ „ПРОМЕТЕЙ“, С.-Петербургъ,
Загородный, 28.

А. Н. Радищевъ.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

Редакція Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева.

Точное воспроизведеніе перваго изданія 1790 года, свѣренное съ рукописью, представленною Радищевымъ въ Управу благоточія. Портретъ Радищева, сдѣланный геліографіею съ оригинала. Факсимиле заглавной и первыхъ четырехъ страницъ перваго изданія. Вступительныя статьи Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. Приложенія съ приложеніемъ нѣкоторыхъ неизданныхъ матеріаловъ.

LXXX + 4 нн. + 296. * Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія въ т-вѣ „Общественная Польза“ (Б. Подъячская, д. 39).

П. Е. Щеголевъ.

Первый декабристъ Владимиръ Раевскій.

Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка.

2-ое изданіе т-ва „Общественная Польза“ (Сиб., Б. Подъячская, 39).

80 стр. Цѣна 30 коп.

П. Е. Щеголевъ.

А. С. Грибоѣдовъ и декабристы.

Исслѣдованіе (по архивнымъ матеріаламъ).

Съ приложеніемъ факсимиле подлиннаго дѣла о Грибоѣдовѣ производившагося въ Слѣдственномъ Комитетѣ 1825—1826 г.г. и хранящагося въ Государственномъ Архивѣ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (Сиб., Невскій, 40).

Цѣна 10 рублей.

Николай Морозовъ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЯ и ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены:

Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина;
Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я. А. Чахрова, и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Пармонова. Складъ—Лиговская ул., д. № 44.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОРТРЕТОВЪ И КАРТИНЪ

В. П. ВОДОВОЗОВОЙ.

Спб., Вас. Остр., Тучкова набережная, д. 2, кв. 12.

Поступили въ продажу:

- 1) Альбомъ «Шлиссельбургская крѣпость». 8 рис. Ц. 75 к.
- 2) Портреты бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ: Валмашева, Волкенштейнъ, Гершуни, Карповича, Новорусскаго, Сазонова и Фигнеръ, всѣ въ двухъ видахъ.
Ашенбреннера, Антонова, Иванова, Каляева, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Мышкина, Поливанова, Попова, Стародворскаго, Тригопи, Фроленка.
Ц. cadaго портрета—35 к.

Доходъ отъ изданія поступитъ въ Шлиссельбургскій Комитетъ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ПОРТРЕТЪ МИХАИЛА БАКУНИНА.

Цѣна 35 коп.

— ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО. —

НОВЫЯ КНИГИ:

Изданія Е. и И. Леонтьевыхъ

П.-Ж. ПРУДОНЪ. *Что такое Собственность.* Полный переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 75 к.

А. НЪМОЕВСКІЙ. *Заглавіе конфисковано.* Переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 1 руб.

ПРЕДШЕСТВЕПНИКИ НОВЪЙШАГО СОЦІАЛІЗМА

К. Наутнаго, П. Лафарга, К. Гузо, Э. Бернштейна

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Переводъ Е. и И. ЛЕОНТЬЕВЫХЪ.

Спб., 1907. Цѣна 1 руб. 50 коп. за томъ.

Складъ изданій при типографіи **М. М. Стасюлевича:** Спб. Вас. Остр. 5 лин., д. 28., продажа повсемѣстно въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Скидка книгопродавцамъ—25%.

„Библіотека Освободительной Борьбы“.

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (л. мельшннъ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ отъ изданія поступитъ въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

№ 3.

Вѣра Фигнеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Цѣна 20 коп.

Складъ изданій: 1) въ редакціи журнала «Былое», Знаменская, 19 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Лиговская ул., д. № 44. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Г. Чернышевскаго

въ 10 томахъ, большого формата, съ 4 портретами
(460 печ. листовъ, т. X въ 2 книгахъ).

Издание М. Н. Чернышевскаго.

Цѣна 18 руб. безъ пересылки.

СОДЕРЖАНІЕ: Критика и библиографія.—Очерки Гоголев. періода русской литературы.—Статьи по крестьянскому вопросу.—Статьи экономическія.—Политика.—Лессингъ.—Милль, переводъ и примѣчанія.—Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности.—Романы «Что дѣлать?» и «Прологъ».—Письма безъ адреса.—Произведенія, написанныя въ Сибири.—Драмы и повѣсти.—Дневникъ.—Библиографическій указатель.—4 портрета: 1853, 1859, 1864 и 1888 г.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
Петербургъ—Литейный просп. 46; Москва—Моховая ул., д. Баженова; Варшава—Новый Свѣтъ, 69; Вильна—Большая ул., д. Гордона.

При покупкѣ изъ склада допускается разсрочка платы не менѣе 2 р. въ мѣсяцъ, причемъ каждые 2 р. даютъ право на полученіи одной книги, начиная по порядку съ т. I.

Отдѣльное изданіе романа **Н. Г. Чернышевскаго:**

ПРОЛОГЪ.

Съ портретомъ автора 1864 г. цѣна 1 р. безъ перес.

НОВАЯ КНИГА

Баронъ А. Е. Розенъ.

Записки декабриста.

Первое полное (появляющееся въ Россіи) изданіе съ портретомъ, приложениями и изложеніемъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла о Розенѣ, подъ редакціей П. Е. Щеголева.

XVI + 464 стр. большого формата. * Цѣна ТРИ рубля.

Изданіе т-ва „Общественная Польза“ (Спб., Б. Подъячская, 39).

НИВА ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1907 г.**
Кромѣ 52 №№ самаго журнала и др къ нему приложеній,
ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

10 КНИ-
ГАНЪ **гр. АЛЕКСѢЯ ТОЛСТОГО**
значительно довершенное произведеніи, не вошедшии въ предыдущія изданія и издаванныи за границей. Съ критико-біографическ. очеркомъ С. А. Венгерова.
(Цѣна существ. непопулярнаго изданія, безъ пересылки, 8 р. 50 к.).

ОСТАЛЬНЫЯ **ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ**
30 КНИГЪ **К. М. СТАНЮКОВИЧА**
значительно дополненное произведеніи, не вошедшии въ предыдущія изданія.
Съ критико-біографическимъ очеркомъ П. В. Быкова.
(Цѣна существ. непопулярнаго изданія, съ пересылкой, 21 руб.).

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, **== ВСЕГО ==**
52 КНИГИ, т.-е., независимо отъ другихъ приложеній,
ПО ОДНОЙ КНИГѢ ПРИ КАЖДОМЪ № „НИВЫ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всеми приложеніями на годъ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: съ пересылкою **8** р. Разорочка
безъ доставки—6 р. 50 к. **ВСѢ МѢСТА РОССИИ** въ 2, 3 и 4
съ доставкой—7 р. 50 к. За границу—12 р. **р.** **арока.**

Гг. новые подписчики на 1907 г. могутъ получить, кромѣ „Нивы“ 1907 г., еще **ПЕРВЫЯ 10** книгъ **К. М. СТАНЮКОВИЧА** за 1906 г. за единовременную доплату: безъ доставки 1 р. 50 к., съ дост. и перес. 2 р.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Тогола, № 22.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
ВЪ 1907 ГОДУ

(ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1907 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать семь лѣтъ (1880—1906).

Свобода печати снимаетъ запретъ со многихъ событій отечественной исторіи и даетъ намъ возможность разрабатывать и освѣщать ихъ съ правдивой стороны. Поэтому, въ теченіе 1907 года, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ будутъ напечатаны статьи и воспоминанія, касающіяся не только прошлой, но и современной исторіи, которыя, по существовавшимъ цензурнымъ условіямъ, не могли до сихъ поръ появиться на страницахъ нашего журнала.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“, и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕДОСТУПНУЮ ГАЗЕТУ

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“

ИЗДАВАЕМУЮ въ г. ТОМСКЪ.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

„Сибирская Жизнь“ отстаиваетъ и защищаетъ начала конституціоннаго государства, полную гражданскую и политическую свободу, народное представительство на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, широкое самоуправленіе земствъ и городовъ. Въ экономической области газета защищаетъ интересы трудящихся классовъ народа — крестьянъ, рабочихъ и вообще всѣхъ живущихъ личнымъ трудомъ, и съ этой точки зрѣнія даетъ разрѣшеніе вопросамъ земельного устройства, рабочаго законодательства, обложенія налогами и проч.

Съ особой тщательностью редакция будетъ знакомить читателей съ нуждами и интересами Сибири, сообщая факты ея повседневной жизни и давая имъ посильное освѣщеніе.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. В. Адриановъ, С. И. Акербломи, Д. В. Алексѣевъ, Г. Б. Баитовъ, М. Р. Бейлинъ, прив.-доц. М. И. Боголѣповъ, прив.-доц. П. В. Бутягинъ, М. Г. Васильева, Г. А. Вяткинъ, Ю. О. Горбатовскій, А. Д. Журавлева, проф. Е. Л. Зубашевъ, М. С. Кларинъ (псевдонимъ), А. Б. Клюге, А. И. Макушинъ, проф. І. А. Малиновскій, проф. І. В. Михайловскій, прив.-доц. Н. Я. Новомбергскій, проф. В. А. Обручевъ, Николай Степнякъ (псевод.), Г. Н. Потанинъ, проф. Н. Н. Розинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, проф. М. Н. Соболевъ, проф. В. А. Уляницкій, С. Д. Чадовъ, В. К. Штильке, и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 9 м.	На 6 м.	На 3 м.	На 1 м.
Съ доставкой въ Томскъ или пересылкой въ гор. Россіи	5 р.	4 р.	3 р.	1 р. 50 к.	50 к.
За границу	9 р.	7 р.	5 р.	3 р. — к.	1 р. — к.

Новые годовые подписчики, подписавшіеся въ конторѣ газеты до 1 декабря, получаютъ газету до конца года **безплатно**.

За печатаніе въ „Сибирской жизни“ объявленій взимается плата: впереди текста за строку петита — 20 к., позади такста — 10 коп. За разсылку объявленій при газетѣ вѣсомъ не болѣе лота 7 р. за 1000 экземпляровъ.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ газеты (уголь Дворянской улицы и Ямского пер., собств. домъ) и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина въ Томскѣ.

Иногородніе адресуютъ свои требованія въ г. Томскъ, въ контору газеты „Сибирская Жизнь“.

Редакторы-Издатели: { **І. Малиновскій.**
М. Соболевъ.

Открыта подписка на 1907 годъ
на иллюстрированный еженедѣльный журналъ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

50 №№ художественно-литературнаго журнала.

Путешествія.— Этнографія.— Романы и повѣсти, изображающія разныя приключенія на сушѣ и на морѣ.— Очерки и рассказы современныхъ иностранныхъ балетристовъ.— Стихотворенія.— Научно-популярныя статьи о новѣйшихъ открытияхъ и изобрѣтеніяхъ.— Биографія научныхъ дѣятелей.— Обзоръ событій текущей иностранной жизни.— Библиографія.— Вопросы и отвѣты.— Спортъ.— Картины.— Иллюстраціи.— Портреты. 1.200 столбцовъ текста.

ВЪ КАЧЕСТВѢ ПРЕМИИ ПОДПИСЧИНАМЪ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ БУДЕТЪ ДАНО

РѢДКОЕ ПО БОГАТСТВУ И РАЗНООБРАЗІЮ

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

12 **КНИГЪ** иллюстрированное СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
(до 2.500 стран.) извѣстнаго американскаго писателя-юмориста, блестящаго рассказчика, тонкаго наблюдателя человѣческой природы

МАРКА ТВЭНА,

произведеніями котораго ЗАЧИТЫВАЮТСЯ юноши и взрослые Старога и Новаго свѣта. „Принцъ и нищій“. „Приключеніе Тома Сойлера“. „Приключенія Хэккльберри Финна“. „Американскій истецъ“. „Наши простаки дома“. „Наши простаки за границей“. „Жизнь на рѣкѣ Миссисипи“. „Искры американскаго юмора“, очерки и рассказы.

Въ отдѣльной продажѣ названныя книги стоятъ 9 руб.

12 **выпусковъ** **ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.**
Полная иллюстрированная энциклопедія реальныхъ знаній. НЕОБХОДИМАЯ НАСТОЛЬНАЯ КНИГА для всѣхъ и каждаго, дающая разъясненія непонятныхъ словъ и выраженій, встречающихся при чтеніи газетъ, журналовъ и книгъ по всѣмъ отдѣламъ научнаго знанія, общественной жизни и домашняго быта.

Кромѣ того, съ прищлатою **ОДНОГО РУБЛЯ** подписки получаютъ полное **ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ** изданіе хорошо извѣстнаго русскаго читающей публики **ПРОИЗВЕДЕНІЯ В. М. ДОРОШЕВИЧА**

САХАЛИНЪ,

стоящаго въ отдѣльной продажѣ **3 р. 50 к.**

„Сахалинъ“ будетъ данъ подписчикамъ въ теченіе перваго полугодія 6-ю выпусками.

4 **ЦѢНА НА ГОДЪ**
безъ книгъ
В. М. Дорошевича
„САХАЛИНЪ“
съ перес.
и доставкой.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:
при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля
2 р., къ 1 іюля 1 р.
Адресъ: Москва, Петровка, д.
Матвѣевой. Редакція журнала
„Вокругъ Свѣта“.
Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

5 **ЦѢНА НА ГОДЪ**
съ книгою
В. М. Дорошевича
„САХАЛИНЪ“
съ перес.
и доставкой.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный критико-библиографическій журналъ

„КНИГА“

подъ редак. Мих. К. Лемке,

издаваемый книжнымъ складомъ „ЗЕМЛЯ“

при участіи слѣдующихъ лицъ:

М. А. Антоновичъ, С. Ашевскій, Н. А. Бердяевъ, Н. И. Березинъ, И. А. Бодуэнъ-де-Куртене, А. И. Богдановичъ, Т. А. Богдановичъ, В. Богучарскій, Н. Борепкій, В. В. Брусянинъ, С. Н. Булгаковъ, В. Л. Бурцевъ, Н. Валентиновъ, П. И. Вейнбергъ, Е. Л. Вейдемиллеръ, С. А. Венгеровъ, М. О. Гершензонъ, В. Г. Громанъ, А. И. Даринскій, Н. А. Дубровский, Д. Е. Жуковский, Ф. Ф. Зѣлинскій, Ивановъ-Разумникъ, Н. И. Иорданскій, Н. И. Карвевъ, А. А. Кауфманъ, Л. Н. Клейнборгъ, Н. П. Коломійцевъ, П. А. Ковскій, К. Р. Кочаровскій, В. Д. Кузьминъ-Караваяевъ, I. Ларскій, М. К. Лемке, Е. К. Леонтьева, И. Н. Леонтьевъ, Н. М. Лисовскій, Н. П. Ложкинъ, Н. О. Лосскій, Г. А. Лучинскій, Е. А. Ляцкій, Н. В. Марковский, И. Ю. Марковъ, П. Ш. Масловъ, Д. С. Мережковский, А. В. Меркуловъ, А. П. Налямовъ, П. И. Новгородцевъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, В. А. Поссе, А. С. Пругавинъ, А. Н. Римскій-Корсаковъ, М. А. Ростовцевъ, Н. А. Рубавинъ, П. П. Румянцевъ, С. Ф. Русова, А. А. Русовъ, П. П. Семеновъ, М. Н. Слѣпцова, В. Ф. Соловьевъ, П. В. Струве, Е. В. Тарде, А. С. Токаревъ, В. Ф. Тотоміанецъ, М. Н. Туганъ-Барановскій, В. Н. Тукалевскій, А. Ю. Фшнъ, В. И. Чарнолуескій, П. Е. Щеголевъ и др.

Журналъ „Книга“ ставитъ своей задачей дать возможность читателю, интересующемуся текущей литературой, а также библиотекамъ, учебнымъ заведениямъ, книжнымъ складамъ и магазинамъ, ориентироваться въ той массѣ литературы, которая въ послѣднее время поступила и поступаетъ на книжный рынокъ.

Являясь внѣпартийнымъ органомъ, „Книга“ будетъ давать читателямъ сводные критико-библиографическіе обзоры и отдѣльныя рецензіи книгъ, по социальнымъ наукамъ, вопросамъ общественной жизни и народнаго образования, философіи, психологіи, исторіи, исторіи литературы, беллетристики и искусства.

Литература социалистическихъ партій будетъ рецензироваться соответствующими специалистами. Въ тѣхъ случаяхъ, если представителемъ одной изъ этихъ партій будетъ написанъ обзоръ литературы по какому-либо вопросу текущего момента, то въ слѣдующемъ же номерѣ будетъ данъ обзоръ той же литературы, написанный представителемъ другой партіи.

Считая одной изъ главныхъ своихъ задачъ широкое удовлетвореніе читателей, ищущихъ систематическаго самообразования, редакція „Книги“ обратитъ особенное вниманіе на отдѣлъ отвѣтовъ на вопросы по организациіи самообразования, чтенія вообще, а также книжнаго дѣла. Кромѣ того въ журналѣ будутъ помѣщаться хроника литературной жизни и книгоиздательскаго дѣла. Всѣ книги, присланныя въ редакцію для рецензій, будутъ регистрироваться въ особомъ отдѣлѣ.

Журналъ выходитъ еженедѣльно по четвергамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой 2 р. 50 к. на полгода 1 р. 50 к., на 3 мѣс. 85 к. и на 2 мѣс. 60 к. (мѣсячая подписка не принимается).

Адресъ редакціи и конторы журнала «Книга» — книжный складъ «ЗЕМЛЯ» Спб. Владимірскій пр., д. № 7. Телеф. 51 — 01.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 годъ.

„НАРОДНЫЙ ПУТЬ“

общедоступная, политическая, литературная, экономическая и общественная газета, издаваемая М. Г. Коммиссаровымъ, подъ редакціей В. Е. Якушкина, при ближайшемъ участіи А. А. Мануилова и В. А. Розенберга, выходитъ въ Москвѣ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣ-праздничныхъ.

Особенное вниманіе удѣляется выясненію очередныхъ задачъ государственнаго переустройства Россіи на началахъ политической свободы и народнаго представительства, а также вопросамъ: земельному, рабочему, мѣстнаго самоуправленія и народнаго просвѣщенія. Редакція ставитъ себѣ задачей, освѣщая событія съ своей опредѣленной точки зрѣнія, давать читателю въ общедоступномъ изложеніи возможно полныя и разнообразныя фактическія свѣдѣнія. Собственные корреспонденты имѣются въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Свой корреспондентъ въ Государственной Думѣ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. Д. Алферовъ, А. Ф. Бикова, Г. Ф. Блиновъ, А. Бѣлинъ, И. П. Бѣлоконскій, П. П. Булыгинъ, А. А. Волговскій, М. Н. Вонзблейнъ, А. Е. Грузинскій, А. П. Грессеръ, Н. П. Губскій, В. Ф. Дерюжинскій, Н. П. Дружининъ, К. В. Добреновичъ, кн. Петръ Д. Долгоруковъ, А. В. Заремба, И. Н. Игнатовъ, С. Н. Иконниковъ, Н. М. Юрданскій, Н. И. Карѣевъ, А. А. Кизеветтеръ, М. Г. Коммиссаровъ, П. П. Копьевъ, И. О. Левинъ, В. Н. Линдъ, В. Г. Луи, Т. Н. Львовъ, С. П. Мельгуновъ, Г. Г. Оверовъ, А. С. Посниковъ, А. Н. фонъ-Рутценъ, Л. Н. фонъ-Рутценъ, М. В. Сабашниковъ, К. В. Сивковъ, П. А. Садыринъ, А. В. Смирновъ, К. К. Суздальцевъ, А. А. Титовъ, А. Н. Чеботаревская, Н. В. Чеховъ, кн. Д. И. Шаховской, П. М. Шестаковъ, Н. В. Ширковъ, Н. Н. Щенкинъ, Л. Н. Юровскій, И. В. Якушкинъ, Н. В. Якушкинъ.

ЗА ГОДЪ 4 РУБЛЯ.

Годовымъ подписчикамъ на 1907 годъ, подписавшимся заблаговременно, газета будетъ высылаться бесплатно въ теченіе ноября и декабря, начиная со дня полученія конторою подписки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкой и пересылкой на 1 годъ—4 руб., на полгода—2 руб. 10 к., на 3 мѣсяца—1 руб. 10 коп., на 2 мѣсяца—80 коп., на 1 мѣсяцъ—45 коп.

Подписная плата почтовыми марками не принимается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ „Народнаго Пути“: Москва, Никитскій буль., д. Вальдгардъ, № 75. Телефонъ № 122-77.

1907

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на выходящую въ гор. Ковнѣ**

1907

единственную въ Ковенской губерніи ежедневную политическую, общественную и литературную газету

„КОВЕНСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

(III-й годъ изданія).

Редакція и контора газеты: Ковна, Николаевскій проспектъ, домъ Рабиновича.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой: на 1 г.—5 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 50 к., 2 м.—1 р., 1 м. 50 к.

съ пересылкой: на 1 г.—6 р., 6 м.—3 р., 3 м.—1 р. 80 к., 2 м.—1 р. 20 к., 1 м. 60 к.

Плата за объявленія: за строку пята или занимаемое ею мѣсто: на первой страницѣ—25 коп., на послѣдней—15 коп.

При повторныхъ объявленіяхъ значительная скидка.

Подписка и объявленія принимаются въ гор. Ковнѣ, въ конторѣ „Ковенскаго Телеграфа“, въ конторахъ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о. (С.-Петербургъ—Морская, № 11; Москва—Мясницкая, д. Сытова и Варшава—Краковское предмѣстье, № 53).

XIII г. изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ XIII г. изданія.
на большую политическую, обществен., эконом. и литературную газету

РУССКОЕ СЛОВО

Газета прогрессивная, безпартійная, независимая.

Предметомъ особаго вниманія „Русскаго Слова“ будетъ, конечно, Государственная Дума. Ей будетъ отведено первое мѣсто въ газетѣ. Немедленная по телефону передача подробнѣйшихъ отчетовъ о засѣданіяхъ Государственной Думы. Стенографическіе отчеты рѣчей и преній въ Государственной Думѣ. Разборъ и освѣщеніе вопросовъ, поднятыхъ въ Государственной Думѣ. Критика дѣятельности Государственной Думы. Тоже относится и къ засѣданіямъ Государственнаго Совѣта.

САМАЯ ШИРОКАЯ ОСВѢДОМЛЕННОСТЬ

Ежедневно въ „Русскомъ Словѣ“ печатается масса,—какъ ни въ одной газетѣ,—телеграммъ отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Ежедневныя свѣдѣнія изъ Петербурга. (По телефону и телеграфу). Новости придворныя, административныя, судебныя, дѣятельность политическихъ партій, министерствъ, департаментовъ, вліятельныхъ лицъ, биржевыхъ круговъ.

Ежедневныя телеграммы изъ за границы. „Русское Слово“ имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Нью-Йоркѣ, Константинополѣ, Брюсселѣ, Римѣ, Будапештѣ, Мадридѣ, Христианіи, Афинахъ, на Дальнемъ Востокѣ, въ Токио, Шанхаѣ, Гонконгѣ, Коломбо, Сингапурѣ и славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова

Всѣ приготовленія къ займамъ, международныя комбинаціи, слухи, касающіеся Россіи, мнѣнія и отзывы другихъ народовъ о нашей борьбѣ за обновленіе и возрожденіе родины,— за всѣмъ этимъ будутъ съ особымъ вниманіемъ слѣдить наши заграничныя корреспонденты и обо всемъ новомъ въ этой области немедленно увѣдомлять подробными телеграммами.

Ежедневныя телеграммы со всей Россіи. „Русское Слово“ имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ городахъ Россіи и обо всякомъ фактѣ, имѣющемъ общественное значеніе, сообщаетъ собственными подробными телеграммами.

Кромѣ того, всюду, гдѣ происходятъ особо важныя событія, редакція немедленно командировать специальныхъ корреспондентовъ, которые сообщаютъ всѣ подробности телеграммами.

Ежедневно передовыя статьи по всѣмъ вопросамъ государствен. и общественной жизни.

Общественныя фельетоны.

Среди нихъ въ 1907 году будутъ печататься политическіе памфлеты В. М. ДОРОШЕВИЧА. Рядъ сатирическихъ очерковъ по поводу текущихъ событій политической жизни.

При газетѣ „Русское Слово“ издается еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„ИСКРЫ“.

Въ 1907 г. форматъ журнала „Искры“ будетъ увеличенъ, и журналъ будетъ выходить въ форматъ большихъ Европейскихъ иллюстрацій.

Журналъ „Искры“ представляетъ собою фотографіи современной жизни. (Портреты выдающихся дѣятелей.—Фотографическія иллюстраціи событій). Собственные корреспонденты-фотографы. Политическія карикатуры.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на газету „РУССКОЕ СЛОВО“, съ пересылкой городскимъ и иногороднимъ: на годъ 7 руб., на 6 мѣс. 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб. 25 коп., на 1 мѣс. 80 коп. Газ. „РУССКОЕ СЛОВО“ съ журн. „ИСКРЫ“ (при совмѣстн. подп.) съ перес. город. и иногор.: на годъ 9 руб., на 6 мѣс. 5 руб., на 3 мѣс. 3 руб., на 1 мѣс. 1 руб. 10 коп.

ЗА ГРАНИЦУ ВДВОЕ.

Для гг. ГОДОВЫХЪ подписчиковъ допускается расценка: при подпискѣ 3 р. къ 1-му апрѣля 2 р. и къ 1-му іюля 2 р. Подпис. на газету „Русское Слово“ съ журн. „Искры“ вносятъ при подпискѣ 4 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 2 р. Служащимъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ при подпискѣ на годъ, за поручительствомъ казначеевъ, допускается взносъ подписной платы ежемѣсячно, но не менѣе 1 р. въ мѣсяцъ.

ПРИ ПОДПИСКѢ МЕНѢЕ ГОДА РАЗСРОЧКА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Издатель Т-во И. Д. СЫТИНА. Адресъ конторы: Москва, Петрова, д. Матвѣевой. Редакторъ Э. И. БЛАГОВЪ.

Открыта подписка на 1907 г.
НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ, И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МІРЪ БОЖІЙ“.

(ШЕСТНАДЦАТЫЙ—XVI—ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Выходитъ въ размѣрѣ не менѣе 25 листовъ.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ: О. Батюшковъ, А. Богдановичъ, Н. Jordanскій, А. Купринъ, Вл. Кранихфельдъ, М. Невѣдомскій и Е. Тарле.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Цѣна журнала—съ доставкой и пересылкой во всѣ города имперіи на годъ 8 р., на полгода 4 р., на мѣсяць 80 к. За границу 10 р. Допускается разсрочка по третямъ года: 3 р. при подпискѣ, 3 р. въ апрѣлѣ, 2 р. въ августѣ.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ—7 р. Учащіеся могутъ выплачивать по 1 р. въ каждый мѣсяць.

Подписка принимается, кромѣ главной конторы, въ С.-Петербургѣ (Разъѣзжая 7), во всѣхъ магазинахъ. Магазины пользуются 5% скидкой съ годовой и полугодовой подписки. Разсрочка черезъ магазины не принимается.

Издательница *М. К. Куприна-Давыдова.*

Редакторъ *О. Д. Батюшковъ*

По состоявшемуся соглашенію между издателями журналовъ

„СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ“

и „Міръ Божій“, всѣмъ подписчикамъ журнала „Міръ Божій“ будутъ высылаться книжки „Современнаго Міра“ до конца года или на все время пріостановки журнала „Міръ Божій“.

Издательница *Л. Э. Ватсонъ.*

Редакторъ *А. И. Богдановичъ*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 г.

на ежедневную общественно-литературную газету

„ВЯТСКІЙ КРАЙ“.

Газета выходитъ въ Вяткѣ, по программѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна:

На годъ 6 руб. на 6 мѣсяцевъ 3 р. 50 к.; на 3 мѣсяца
• 1 р. 75 к.; 1 мѣсяць—65 коп.

Контора газеты: Вятка, уголъ Николаевской и Пятницкой,
д. Либерманъ.

Редакторъ *Г. И. Яринскій.*

Издательница *А. Н. Праздникова.*

Принимается подписка на 1907 г.

НА ЖУРНАЛЪ

МОСКОВСКІЙ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ

Подъ редакціей кн. Е. Н. Трубецкого.

Выходитъ книжками въ 4 листа еженедѣльно

ПО РАСШИРЕННОЙ ПРОГРАММѢ

Держась строго демократическаго направленія, журналъ не будетъ органомъ какой-либо изъ существующихъ въ Россіи политическихъ партій: исходя изъ признанія неизбѣжныхъ правъ человѣческой личности, редакція будетъ стоять на стражѣ конституціонныхъ началъ, избоблячая всякія посягательства на свободу, откуда бы они ни исходили. Главную задачу народнаго представительства журналъ видитъ въ проведеніи широкихъ социальныхъ преобразованій и выдвинетъ на первый планъ аграрную реформу, переустройство быта крестьянъ и рабоче законодательство; вопросамъ мѣстнаго самоуправленія, въ связи съ національными, и вопросу церковному будетъ также удѣлено особое вниманіе.

Кромѣ статей по общественно-политическимъ и экономическимъ вопросамъ „Московскій Еженедѣльникъ“ будетъ удѣлять мѣсто и статьямъ по вопросамъ литературы, искусства и общественной жизни и произведеніямъ биллетристичекаго характера.

Въ теченіе года подписчики получаютъ 52 книжки журнала.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Н. Н. Авиновъ, священникъ К. М. Агеєвъ, профессоръ А. С. Алексѣевъ, В. П. Алексѣевъ, Мих. Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, Н. Н. Баженовъ, П. В. Безобразовъ, Н. А. Бердаевъ, М. И. Брунъ, О. Е. Бужанскій, проф. С. Н. Булгаковъ, приватъ-доцентъ Д. В. Викторовъ, профессоръ П. Г. Впюградовъ, М. О. Гершензонъ, В. А. Гольцевъ, проф. И. М. Громогласовъ, проф. А. Г. Гусакъ, прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, Н. П. Добронравовъ, проф. В. Э. Денъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. М. Э. Здѣховскій, М. А. Ивановъ, проф. И. И. Ивановъ, Г. Б. Юлосъ, проф. А. В. Карташевъ, А. А. Кауфманъ, прив.-доц. И. А. Кисляковскій, проф. М. М. Ковалевскій, прив.-доц. С. А. Котларевскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Караевъ, проф. В. Ф. Левицкій, А. Р. Ледницкій, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. И. В. Лучицкій, Н. Н. Львовъ, В. А. Маклаковъ, А. Н. Максимовъ, М. М. Марголинъ, В. М. Маркельсъ, В. Г. Михайловъ, проф. В. М. Млодзѣвскій, проф. П. И. Новгородцевъ, П. Д. Новикъ, Ю. А. Новосильцовъ, проф. Л. И. Петражицкій, прив.-доц. А. И. Покровский, Т. И. Полверъ, проф. А. С. Посниковъ, прив.-доц. Г. К. Рахмановъ, Ф. И. Родичевъ, Сергѣй Глаголъ, В. Ю. Скалонъ, Л. З. Слонимскій, П. В. Струве, (б. редакторъ „Освобожденія“), проф. С. С. Салазкинъ, кн. Е. Н. Трубецкой, проф. Н. А. Умовъ, проф. С. Ф. Фортунатовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. В. М. Хвостовъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. фонъ-Шульце-Геверницъ, (Фрейбургъ въ Брестау), М. П. Щелкинъ, прив.-доц. Л. Н. Ясноповскій и другіе.

Условія подписки на 1907 г.:

За годъ 5 р., за 6 мѣсяцевъ 2 р. 75 к., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к.

ЗА ГРАНИЦУ ВДВОМ.

Разсрочка допускается только годовымъ подписчик. на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 2 р., 1 апрѣля—2 р., 1 августа—1 р., или при подпискѣ 2 р., 1 апрѣля—1 р., 1 июня—1 р. и 1 августа—1 р.

Подписавшіеся на весь 1907 г. въ текущемъ году будутъ получать журналъ съ момента подписки до 1 янв. 1907 г. БЕЗПЛАТНО. Книгопр. удерживаютъ съ подписной цѣны 10%: коммиссіонеры розничной продажи пользуются обычной уступкой. Подписка приним. въ конторѣ редакціи, у Н. Печовской и во всѣхъ книжн. магаз.

Адр. ред. и конт.: Москва, Пречистемскій Бульв. уг. Гагаринскаго пер., д. Гиршъ.

Телефонъ № 127—18.

Редакторъ-издатель проф. кн. Е. Н. Трубецкой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 г.

(XV ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Вл. Г. КОРОЛЕНКО

и при ближайшемъ участіи Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокиевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 руб.; на 6 мѣс.—4 руб. 50 коп.; на 4 мѣс.—3 руб.; на 1 мѣс.—80 коп.

Безъ доставки: на годъ—8 руб.; на 6 мѣс.—4 руб.

Съ наложеннымъ платежемъ отдѣльная книжка 1 руб. 10 коп.

За границу: на годъ—12 руб.; на 6 мѣс.—6 руб.; на 1 мѣс.—1 руб.

Адресъ Конторы журн.: С.-Петербургъ, *Баскова, 9*; въ Москвѣ—Отдѣленіе Конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина*.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки (за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ) допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяць, съ платежомъ впередъ: въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Доставляющіе подписку книжные магазины, земскіе склады и управы, частныя и общественныя библиотеки, потребительныя общества, газетныя бюро, комитеты или агенты по приему подписки въ разныхъ учрежденіяхъ могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ cadaго экземпляра, т. е. присылать вмѣсто 9 руб., 8 руб. 60 коп., только при передачѣ сразу полной годовой платы.

Подписка въ разсрочку или не вполне оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ не принимается до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

LIBRARY

DATE

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C031791714

